

Изданіе А. Ф. Маркса, въ СПБ. Большая Морская, № 9.

ОГЛАВЛЕНІЕ „НИВЫ“ ЗА 1880 ГОДЪ.

СТРАН.

I. Романы, повѣсти, разсказы и стихи.

II. Біографіи и характеристики.

III. Этнографическія картины и культурно-историческіе очерки.

IV. Историко-археологическіе очерки.

V. Естествознаніе

VI. Наука, новыя изобрѣтенія и технологія.

VII. Современность

VIII. Архитектура и скульптура.

IX. Живопись.

X. Популярно-медицинскіе очерки.

XI. Парижскія Моды.

Январь	30	рис. модн.	24	выкр.	34	рук. раб.
Февраль	23	„	23	„	40	„
Мартъ	26	„	24	„	23	„
Апрѣль	24	„	21	„	28	„
Май	30	„	25	„	33	„
Іюнь	29	„	22	„	41	„
Іюль	24	„	22	„	35	„
Августъ	29	„	22	„	24	„
Сентябрь	23	„	23	„	23	„
Октябрь	22	„	27	„	25	„
Ноябрь	35	„	24	„	27	„
Декабрь	35	„	25	„	37	„

XII. Тиражъ выигрыш. Государ. Банка

XIII. Смѣсь.

Рисунки и портреты.

Дозволено цензурою 20 декабря 1880 г. Типографія Веллинга, Англійскій пр., № 10.

XI годъ | № 1 — годъ XI | 1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 20 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод работъ (отъ 20 до 40).

Выданъ 5 Января 1880 г. — Цѣна этого № „Нивы“ 20 к. съ перес. 25 к.

При этомъ № прилагаются ПАРИЖСКІЯ МОДЫ за ЯНВАРЬ 1880 г. съ 30 рисунками и отдѣльный листъ съ 24 чертеж. выкроекъ въ натуральн. величину и съ 34 рисунками рукодѣльныхъ работъ.

При этомъ № прилагается Стѣнной Календарь на 1880 годъ.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ ВЪ Д. 9.

На Новый Годъ. Гаданье. Ориг. рисун. для „Нивы“ проф. К. Е. Маковскаго, грав. М. Рашевскій.

Гаданье.

(Къ рисунку К. Е. Маковскаго).

„Видишь, Леля, вышло: точно какъ лошадка —
Дальняя дорога, поздній интересъ...
Давеча же, молвитъ крошка пресерьезно,
Деревца все вышли... словно темный лѣсъ“...

* * *

Леля, какъ большая, головой качаетъ:
„У меня лѣсъ этотъ изъ ума нейдетъ!
Давеча, вонъ, няня—лѣсъ, сказала, къ горю!
Что то намъ съ тобою будетъ въ Новый годъ?“

* * *

Но приходитъ няня, спать ихъ посылаетъ:
„Что, молъ, это, право! Срамъ! До этихъ поръ!“
И забывъ гаданья, дѣтки спятъ. И ходитъ
По стѣнамъ лампадки голубой узоръ...

Въ темнотѣ молитву шепчетъ няня тихо.
„Спите, дѣтки, спите! Что еще гадать!
Не придетъ къ вамъ горе, не придетъ къ вамъ лихо,
Божій ангелъ посланъ васъ оберегать“.

* * *

„Придутъ бѣды, придутъ горе и заботы
И ночей безсонныхъ неключимый рядъ;
Ангельскіе глазки слезы затуманятъ,
Ангельскія думки въ небо улетятъ“.

* * *

„Трудныя-то будутъ дальнія дороги,
Жизнь-то, охъ страшна вѣдь—словно темный лѣсъ!
Только счастье, дѣтки, все ужь припоздаетъ,
Такъ ведется: вѣчно „поздній интересъ“.

Н. Боевъ.

Иванъ да Марья.

Повѣсть

А. А. Потѣхина.

I.

На фабрикѣ купца Полушубникова пошабашили накануне праздника: просвистѣли уже послѣдніе свистки, сказавшіе рабочимъ отдыхъ на цѣлыя сутки и паровикъ шумно выпускалъ изъ себя послѣднія струи пара, оказавшагося излишнимъ. По всѣмъ дорогамъ, идущимъ отъ фабрики къ сосѣднимъ деревнямъ, спѣшно шагали рабочіе, торопясь поскорѣе добраться до родной печки, до ближняго подорожнаго кабака, до горячаго варева, до своихъ родимыхъ, или до сударушки-разлапушки, съ которыми приходилось жить въ разлукѣ цѣлую недѣлю, ради фабричныхъ заработковъ. Рабочіе шли толпами, кучками и въ разсыпную по одиночкѣ: тутъ были и малыя дѣти и подростки, и молодые ребята, и дѣвки, и бабы, и старики съ сѣдыми бородами, но у всѣхъ блѣдныя, истощенныя лица, недовольный, или плутоватый, или нахальный взглядъ, размашистыя, ухарскія манеры и какая-то напускная удаль. Въ каждой кучкѣ подростковъ и молодыхъ ребятъ, а нерѣдко даже и немолодыхъ рабочихъ слышалась гармонія, подъ которую отъ времени до времени затягивалась забористая фабричная пѣсня. Пришелся день, въ который *выдавали* на фабрикѣ *дачку*, т. е. сдѣлали разсчетъ жалованья за мѣсяцъ, или за два, слѣдовательно всѣ были съ деньгами, всѣ несли домой заработокъ, хоть и солидно обрѣзанный вычетами и штрафами, но все таки дававшій возможность порасплатиться съ должишками, выпить на дорогу и придти домой не совсѣмъ съ пустыми руками. Поэтому всѣ были веселы, а большинство въ пол-пьяна; шумъ, говоръ, смѣхъ и ругательства, больше въ ласку и поощреніе, чѣмъ въ ссору и въ сдоръ,—такъ и неслись въ воздухѣ вслѣдъ за каждой группой путниковъ. Женщины, хотя и шли, какъ будто въ сторонѣ и отдѣльно отъ мущинъ, но не только не чуждались ихъ, а видимо и сердцемъ, и помыслами, были вмѣстѣ съ ними: переглядывались, пересмѣивались, перекидывались словами и прибаутками, а подчасъ, какъ бы невзначай, присоединялись къ группамъ мущинъ, которые тотчас же считали долгомъ обнять ихъ, толкнуть, ущипнуть, а то и вовсе повалить на землю, отчего женщины отмахивались, хохотали и пищали. Съ перваго взгляда можно было догадаться, что фабрика не разрознивала, а скорѣе сближала два пола, что они жили въ ладахъ и большомъ содружествѣ и что только старыя привычки и постылые нравы деревни, въ которую теперь возвращались, заставляли ихъ держаться какъ будто въ сторонѣ другъ отъ друга.

Особенно шумно и весело шла одна кучка рабочихъ по направленію къ деревнѣ Карцовой, находившейся верстъ за 15 отъ фабрики. Въ этой кучкѣ, какъ на подборъ собрался все народъ молодой, которому какъ видно хотѣлось и передъ самимъ собой и передъ посторонними порисоваться особенной удалью, молодечествомъ: на всѣхъ были надѣты жилеты сверхъ цвѣтныхъ рубашекъ, посадки на распашку, несмотря на порядочный холодъ, картузы на затылкахъ, у всѣхъ раскраснѣвшіяся лица и посоловѣлые глаза. Всѣ они видимо порядкомъ выпили и были навеселѣ, но хотѣли казаться болѣе пьяными и веселыми, чѣмъ были въ дѣйствительности. Пѣсни они пѣли, хоть и не особенно складно, за то черезъ чуръ шумно, съ присвистомъ, съ выкрикиваніемъ, вообще съ излишнимъ азартомъ и гамомъ, а проходя черезъ попутныя деревни, или около господской усадьбы, нарочно заводили такія скоромныя, отъ которыхъ деревенскіе мальчишки-подростки поджимали животы со смѣху, дѣвки втихомолку хихикали, поталкивая другъ друга подъ бока локтями, серьезные мужики хмурились и покачивали головами, а помѣщикъ собирался жаловаться становому.

— Слыхать, карцовскіе забіяки съ завода къ домамъ идутъ! говорили объ этихъ молодцахъ въ деревняхъ, чрезъ которыя они проходили.

Никого изъ встрѣчныхъ на дорогѣ проѣзжихъ не пропускали эти ребята безъ того, чтобы не осмѣять, не облаять, не проводить крѣпкимъ словомъ, или не выкинуть на ихъ счетъ какого нибудь колѣна къ общему своему удовольствію. Не останавливалъ ихъ въ этомъ отношеніи даже видъ помѣщичьяго тарантаса, запряженнаго тройкою и съ колокольчикомъ подъ дугой, напротивъ: онъ какъ будто особенно возбуждалъ ихъ и поощрялъ на разныя нахальныя выходки, особенно если въ этомъ тарантасѣ ѣхали одни барыни, безъ барина.

Вся эта кучка удальцовъ группировалась около одного, который былъ въ ней запѣвалой и коноводомъ: онъ выбиралъ и запѣвалъ пѣсни, его остроты и выходки производили наибольшій фуроръ и вызывали самый громкій смѣхъ, на него поглядывали и съ него видимо брали примѣръ всѣ остальные.

Это былъ высокій, кудрявый блондинъ, лѣтъ 25, широкоплечій, но съ нѣсколько завалившейся грудью, съ красивымъ, круглымъ, опушеннымъ небольшой бородкой

лицомъ, которое не смотря на молодость носило уже слѣды фабричнаго труда и разгульной жизни: оно было блѣдно, безцвѣтно и только блестящіе глаза да пунцовыя крупныя губы оживляли его. Прекрасные темносиніе впалые глаза были воспалены, вызывающе смотрѣли изъ подъ густыхъ темныхъ бровей и безпрестанно мѣняли выраженіе: то въ нихъ свѣтилась беззавѣтная веселость молодости, то они сверкали какимъ-то злобнымъ, раздражительнымъ недовольствомъ, то словно туманились тихой грустью, а потомъ вдругъ отражали въ себѣ одну наглую самоувѣренность, одно дерзкое нахальство.

Онъ несъ въ рукахъ большую гармонію и отъ времени до времени, подъ ея акомпаниментъ, напѣвалъ ту или другую пѣсню, къ которой тотчасъ же приставали товарищи. Вдругъ неожиданно оборвавши одну пѣсню, которую пѣлъ, на самой серединѣ, онъ съ сердцемъ бросилъ гармонію на земь и самъ сѣлъ тутъ же, гдѣ остановился.

— Ахъ что ты, Ванюха, экъ гармонь кидаешь... Долго ли испортить... Такихъ гармонь у насъ на всемъ заводѣ есть ли еще другая... пожалуй, нѣту... говорили его спутники, тоже останавливаясь и усаживаясь около Ивана, который въ это время началъ свертывать папироску.

— Я думаю: экая наша жисть треклятая... говорилъ между тѣмъ Иванъ, мрачно смотря на свою папироску и не обращая вниманія на слова товарищей.

— Что тебѣ вдругъ?.. Чѣмъ треклятая? Жисть самая веселая, коли есть на что выпить... Вотъ сегодня, слава Богу: и дачку получили, и въ полное свое удовольствіе выпили... заговорилъ было Яшутка, курносый парень, съ толстымъ, довольнымъ, глуповатымъ лицомъ.

— Да какъ не треклятая? перебилъ его Иванъ, не слушая, и какъ бы говоря самъ съ собою: работаешь, работаешь, ломишь, ломишь, а прибыли тебѣ нѣтъ... Вотъ я десять лѣтъ на заводѣ, а какіе себѣ барыши нажилъ?.. только домишко вовсе развалился, да гармонь завелъ—вотъ и всего...

— Да, братъ Ванюха, гармонь у тебя пречудесная: на первый сортъ!.. А ты ну-ка кинулъ ее какъ... опять заговорилъ было тотъ же Яковъ.

— Говорятъ, не пей, не гуляй, деньги копи, береги —и богатъ будешь... Да кто богатъ-то, кто богатъ сталъ отъ нашего дѣла, окромя купцовъ толстопузыхъ, да прикащиковъ ближнихъ... Ну-ка, который рядовой рабочій побогатѣлъ отъ завода?.. Всѣ одинъ по одному—голая выжига... Вотъ дачку-то получилъ, домой придешь: туда подай, да сюда подай, соли купи, дровишекъ промысли: старуху бы не заморозить... Смотришь: завтра къ вечеру-то и гроша мѣднаго у тебя нѣтъ въ запасѣ...

— Такъ что, Ванюха?.. да что и въ самъ дѣлѣ, горевать что-ли?.. замѣтилъ одинъ изъ рабочихъ, по лицу, лѣтъ уже за 30, въ сѣромъ зипунѣ. Знамо, нашъ предѣлъ такой, да наплевать: проживемъ какъ ни на есть... Заводи-ка пѣсню, полно, да тронемся, пойдемъ... Что ты пріунылъ и взаправду?.. Вотъ у меня и жена, и дѣтки, и нужда-то почище твоей, да не горюю... А наплевать, проживемъ, я говорю, какъ ни на есть... Много нашего брата такихъ-то: не мы одни... Ну-ка запѣвай, Ванюха... Трогай... Не рано...

— Нѣтъ, я коли женюсь, я на заводъ не стану ходить... раздумчиво проговорилъ Иванъ, приподнимаясь съ мѣста и закидывая въ сторону окурокъ папиросы.

— А какъ же ты?.. Что же будешь?..

— Да ужъ не знаю какъ... а только что нѣтъ... съ завода не разживешься... Да и окромѣ того на фабрику бабу свою не поведу, потому порядки заводскіе довольно знаю... на счетъ бабъ молодыхъ...

Ребята перехватили его рѣчь смѣхомъ.

— Вишь ты, шельма, гогатали они. По себѣ знаетъ: самъ все коло дѣвокъ да бабъ, а къ своей припускать не хочешь...

— Такъ извѣстно... неужто же... продолжалъ Иванъ серьезно... А если опять бабу дома оставить, а одному идти, тоже не рука... Это что я около бабъ теперича—это ничего, потому не женатъ... Съ холостаго не спросится... А женюсь, такъ завсегда коло жены буду, потому я скучливъ: мнѣ, чтобы завсегда баба на виду у меня была...

— А что ты вправду, Ванюха, замотался, что не женишься до которыхъ годовъ?.. спросилъ тотъ же мужикъ въ сѣромъ зипунѣ.

— И радъ бы женился, да... заговорилъ было Иванъ съ порывомъ откровенности, но вдругъ остановился.

— Не подходится еще... проговорилъ онъ какъ-то неопредѣленно, и по лицу его пробѣжала тѣнь не то грусти, не то досады. Ну, ребята, приставай, сказалъ онъ вдругъ съ улыбкою, тряхнувши молодецки головой: вотъ какую запоемъ, хорошую, старинную...

Иванъ запѣлъ:

Ходитъ Ваня по лужку,
Повѣся головушку
На праву сторонушку.
Увидала матушка
Изъ красна окошечка.
Что ты Ванюшка не веселъ.
Что головушку повѣсилъ?
Родимая матушка,
Чему веселитися:
Всѣ люди женилися.
Одинъ я у матушки
Хожу холостъ, не женатъ.
Крушитъ, сушитъ молодца
Чужая сторонушка.
За рѣчкой слободушка...
На заулкѣ, на проулкѣ
Тамо вдовушка живетъ.
У вдовушки доченька
Зовутъ ее Машенька,
Маша черноброва,
Шапочка боброва.
Говорила дѣвкѣ мать:
Полно Машенька гулять,
Съ костромскими не водись.
Костромскіе, удалые,
Наведутъ славы худыя.
Худой славушки достану,
Съ костромскими гулять стану.

Пѣсня эта изъ числа „протяжныхъ“, но Иванъ въ концѣ ускорилъ темпъ и придалъ ей почти плясовой характеръ. Товарищи подтягивали ему какъ запѣвалѣ, но замѣтили этотъ переходъ.

— А вѣдь ты, клятая твоя душа, Ванюшка... это ты про себя пѣлъ... замѣтилъ одинъ изъ рабочихъ, молодой парень, особенно старавшійся показать себя фабричнымъ ухаремъ. Вѣдь, въ пѣснѣ-то, ребя, поется Катенька: „у вдовушки Катенька“... А онъ, вишь ты, сложилъ: Машенька... Стало быть, ты съ какой Машуткой гуляешь?..

— Ну вотъ еще: развѣ не все равно пѣть-то, что Катя, что Маша?.. возражалъ Иванъ, но на губахъ его играла невольная улыбка.

— Врешь, врешь... сказывай: которая?..

— Да никакой нѣтъ... Отстань... Мало ли на заводѣ дѣвокъ... Иную и по имени-то не спросишь а можетъ она и Машка...

— Нѣтъ, постой, ты зубы не заговаривай... Мы сичасъ доберемся: ребята, какія у насъ на деревнѣ Машутки, давай перебирать... Машка Коробихина?.. Ну, нѣтъ, на эту не польстится: рябая, да и лѣтная дѣвка, старка... Машутка Зайцевыхъ, да та съ Федюшкой... зазнамо... Нѣтъ не она!.. Постой, у Горѣловыхъ Марья... Только, братъ, нѣтъ, тутъ не подойдетъ: ее берегутъ... да и не такая семья, и она не такая дѣвка... Да и не видно васъ вмѣстѣ-то...

— Да нѣтъ, Горѣлова, нѣтъ... Ее, чу, просватали въ Романово... Ужъ и пропой былъ, сказываютъ...

— Да полно вамъ... Ровно бабы... Говорятъ, нѣтъ никого... Такъ спѣлося, безо всякаго...

Въ это время вдали показалась деревня.

— Вотъ и наше Карцово видать... продолжалъ Иванъ. Вотъ сейчасъ счеты да разсчеты пойдутъ: къ отчету нашего брата потянутъ, потому ждутъ, знаютъ, что сегодня съ дачкой домой идемъ... У меня хоть и одна старуха, мной живетъ. самъ я въ дому большой, а тоже кажинный разъ пристаетъ: сколь принесъ, да много ли извелъ... А вотъ у васъ, ребята, у кого отцы—то-то чай, конца-краю нѣтъ допросамъ да и ругани: сколь ни принеси, все мало. все много проѣлъ-пропилъ...

— Вѣрно такъ!.. отозвалось большинство рабочихъ, кто съ озлобленіемъ, кто со смѣхомъ.

Вечеръ въ Венеціи. Оригин. рисунокъ К. Неймана, грав. Гендрихсенъ.

— У меня еще батька не такъ: мужикъ, понимаетъ, самъ знаетъ скусъ въ кабакѣ... когда и вмѣстѣ зайдемъ... сказалъ долговязый, худой, лупоглазый парень, Петруха. За то ужъ матка!..

— Тетка-то Дарья, со смѣхомъ подсказалъ кто-то изъ толпы... Кто не знаетъ, паря, твоей матки: всякой у нея на зубахъ побывалъ...

— Аи, злюща!.. потвердилъ Петруха. Примется точить, такъ точитъ, братцы, точитъ, ровно ржа желѣзо ѣстъ, инда одурь возьметъ.... И, вѣдь, ничѣмъ ее не возьмешь: молчишь,—на что молчишь?.. а огрызнешься, молвить что—еще того хуже, хоть святыхъ вонъ понеси... И то, братцы, чудно: ну, ударила бы, взяла бы хошь полѣно, али палку: легче бы, кажись было, такъ нѣтъ, а вотъ языкомъ точитъ, да и шабашъ...

— Да за что же больше?

— Да за все... а особливо вотъ дачку не всю сполна принесешь, или покажется проѣлъ много... А не знаетъ того, что нельзя нашему брату на одномъ хлѣбѣ сидѣть и того не взираетъ что за всяку малость штрафъ съ насъ высчитываютъ... И такъ, ребята, надсадитъ, такъ душу натошнитъ, что жрать-то сядешь—не жрется, кусъ въ глотку не идетъ...

— А ты бы ей въ оборотъ: она слово, а ты десять... Она свое, а ты свое... Може унялась бы...

— Отстань-ка: развѣ съ ней сговоришь... Одно, что николи теперь всѣхъ денегъ не отдаю... А слушаю—слушаю, да и завалюсь въ кабакъ; приду пьяный, сичасъ спать: скачи тутъ надо мной хмѣльнымъ-то... Такъ что, вѣдь, выдумала о прошломъ году: сама за дачкой-то стала ходить на заводъ...

— А ты бы вотъ какъ... какъ я... сказалъ Яшутка. У меня тоже семейные выдумали было сами разсчетъ на заводѣ получать: я смотрѣлъ, смотрѣлъ, дѣло дрянь, животы подвело... Я и началъ въ лавочкѣ забирать, да нарокомъ подъ штрафы себя подводить: пришли раза два, а въ конторѣ то нѣтъ ничего, никакой получки, все заворочено... Ну, извѣстно, на меня—бить... Я говорю: бейте, а что коли я на заводѣ, рабочій, такъ не замай я самъ буду получать, самъ и приносить, либо съ фабрики меня снимай... А такъ мнѣ жить невозможно, что мнѣ, ровно малому, вѣры нѣтъ: за меня деньги мои получать!.. Побились, побились, братцы, бросили, отступились... Теперь опять самъ получаю... Ну, ужь и принялъ же я въ спину въ тѣ поры, нечего сказать, а только что мой верхъ взялъ... Вотъ бы и ты этакъ же...

— У насъ, братъ, этакъ нельзя, возразилъ Петръ: у насъ и то въ дому нужды-то больно много... Вѣдь и ту правду нужно сказать, что словоязычна мать, докучница, а вѣдь ужь и ломитъ: кажись на ней одной и домъ-отъ держится... И батька работникъ, ничего къ часу, а ужъ загуляетъ, такъ вѣдь до останной рубахи... кабы не мать—то, такъ чтобы... пропали бы... Ну, и терпишь, и совѣсть когда возьметъ.., знаешь, что за дѣло точитъ: за слабость нашу...

— Родителевъ почитать нужно: мало-ли каки родители бываютъ... Не съ тебя спросится... Ты знай, свое дѣло правь... внушительно проговорилъ Егорка, мужикъ въ сѣромъ зипунѣ.

Иванъ захохоталъ.

— Тебѣ какъ, дядя Егоръ, не хлопотать объ этомъ, чтобы родителей почитали, сказалъ онъ со смѣхомъ: ты самъ пятерыхъ, небось, ростишь... А тоже не безъ грѣха живешь: всяко, чай, бываетъ... коли и выпьешь, хошь непарокомъ...

Раздался общій хохотъ: всѣ знали дядю Егора за горькаго пьяницу, приносившаго домой съ фабрики только гроши изъ своего заработка, и заставлявшаго семью кормиться чуть ли не мірскимъ подаяніемъ.

— Да, тебя какъ дѣткамъ не почитать: экаго объ домѣ радѣльщика!.. продолжалъ Иванъ, польщенный возбужденнымъ имъ смѣхомъ.

Дядя Егоръ сначала было засмѣялся вмѣстѣ съ другими, а потомъ вдругъ обидѣлся и началъ ругаться, да такъ азартно, что вся компанія даже пріостановилась, ожидая не выйдетъ ли драки: всѣ знали задорный, дурашливо-вспыльчивый характеръ Егорки, въ сущности добродушнаго и беззаботнаго; знали раздражительность и неуступчивость Ивана. Къ общему удивленію Иванъ не отвѣтилъ на ругательства ругательствами и на задорный вызовъ Егора, лѣзшаго уже съ кулаками, сталъ его успокоивать.

— Что ты, дядя Егоръ, что ты сбѣленился?.. Нечто я на-смѣхъ молвилъ?.. Я вправду говорю... Что они зубы-то скалятъ, такъ они съ дуру, а ты извѣстно мужикъ добрѣющій и своей семьѣ не ворогъ... А что бѣдность-то твоя, такъ всѣ мы богачи-то ровные: развѣ отъ купцовъ разживешься въ рядовыхъ рабочихъ?.. Али что выпить-то охочь, такъ мы что ли не любимъ: небось, коли бы воля своя была, такъ завсегда бы въ туманѣ ходили, безъ просыпу бы... А ты что, чудакъ?

— Чудакъ!.. Не чудакъ я, а нечего надо мной зубы скалить... заговорилъ успокоившійся Егорка. Не радѣльщикъ я своимъ дѣткамъ?.. Нѣтъ, ужь врешь: радѣльщикъ и есть... На-ка, вотъ посмотри...

Егоръ вытащилъ изъ кармана связку кренделей.

— Вотъ, николи безъ гостинца домой не прихаживалъ... Не любятъ, думаешь, меня ребятишки?.. Врешь: еще вотъ какъ... Приду, всѣ бѣгутъ ко мнѣ: тятька, чу, тятька пришелъ... Гостинцу давай... Вотъ какъ!..

— Такъ я-то про что же, дядя Егоръ?.. Про то и посмѣялся только, что къ ребятишкамъ ты своимъ жалливъ больно... Не боятся они тебя совсѣмъ... Не шугаешь ихъ...

— Почто бояться... Пущай любятъ... Сами мы грѣшники противъ своихъ дѣтокъ... Э, да ну!.. Чтобы тебя! на тоску навели!.. Запѣвай-ка что ли веселую...

Съ пѣснею вошли рабочіе въ свою деревню и на улицѣ начали расходиться въ разныя стороны. Егоркѣ пришлось идти съ Иваномъ вдвоемъ; прочіе отъ нихъ отстали.

— Слушай, дядя Егоръ, сказалъ Иванъ: пойдемъ завтра въ Савинско гулять...

— А что?...

— Да что сидѣть-то: я тебя угощу, поднесу... Вотъ ты даве осерчалъ, а ты у меня одинъ родной-то... Еще дядя Володимеръ да ты — вотъ только и родни-то у насъ... Пра, пойдемъ утре...

— Да ладно, можно... Почто же въ Савинское-то?..

— А тамъ въ трактирѣ посидимъ, погуляемъ, чайку попьемъ... Однако село, все-таки... что здѣсь у насъ-то?..

— Ладно, заходи... Пойдемъ...

У воротъ Егоровой избы они разстались.

II.

Избушка Ивана стояла одною изъ послѣднихъ на краю деревни и отдѣльно отъ нея, въ числѣ прочихъ такъ называемыхъ сиротскихъ хатъ. Это былъ маленькій, низенькій трехъоконный срубъ изъ тонкаго лѣса, съ прикуткою вмѣсто двора. Въ этой прикуткѣ помѣщалось единственное богатство Ивана—коза, которую онъ купилъ годъ назадъ. Иванъ былъ сирота и жилъ съ одной старухой матерью. Много лѣтъ назадъ, когда еще онъ былъ ребенкомъ, умеръ его отецъ, и мать осталась безпомощной, одинокой вдовой съ троими маленькими дѣтьми на рукахъ. Сначала она хотѣла было поддержать мужичье хозяйство, оставила за собою полосу въ полѣ, разсчитывая обрабатывать ее мірской помочью на прокормленіе малолѣтковъ, но не выдержала: міръ не отказывался помогать, но требовалъ, чтобы она уплачивала всѣ повинности, приходившіяся по раскладкѣ на ея тягло, сталъ требовать, чтобы и на помочи она покупала водки: „хошь не какъ люди, по сиротству своему, а все на людей глядя—безъ этого нельзя: сухая ложка ротъ деретъ!.. Міръ

безпокоится, старается: надо и ему почтеніе сдѣлать... Хошь сколь—нисколько, а сдѣлай уваженіе міру...“ Съ перваго же года на Устиньѣ, Ивановой матери, оказалась большая недоимка, да и хлѣба со своей полосы не стало на прокормленіе, а заработать не на чемъ, да и нельзя: ребятишки отъ дома отойти не даютъ. Пришлось обратиться сначала къ займамъ, а вскорѣ и къ Христову имени. На другой же годъ вдовства, міръ сталъ совѣтовать Устиньѣ лучше вовсе отказаться отъ полосы, сдать ее въ міръ, себя избавить отъ заботы, и мірянъ отъ лишнихъ хлопотъ и недоимокъ, жить по сиротству: ничего не платить, ни о чемъ не думать, окромя что прокормить своихъ сиротъ, „такъ утромъ сбѣгала по окнамъ побраться, а тутъ цѣлый день и свободна: когда на поденщину сбѣгаешь, когда что... какъ никакъ подымешь робятъ-то... А тамъ подростутъ, помощники тебѣ будутъ и сами промышлять станутъ... Ты только ихъ подыми... абы на ноги-то стали...“

Устинья сама видѣла невозможность управляться съ полемъ безъ мужика и уступила совѣтамъ: сдала свою полосу въ міръ, надѣясь разумѣется, что когда старшій сынъ подростетъ, то она опять къ нему воротится. Но этого надобно было долго ждать, а между тѣмъ нужда и нищета не убывали, а росли съ каждымъ годомъ: надо было не только прокормить, но и одѣть себя и дѣтей, нужно было протопить зимою избу, поддержать ее саму: и крышу перекрыть, и свѣжее бревно подвести вмѣсто гнилаго, и печь переложить, и мало ли что еще, а руки однѣ, и тѣ бабьи, и тѣ связанныя ребятишками. Изба безъ надзора видимо стала валиться, дворъ уже стоялъ безъ крыши и пустой, безъ лошади, безъ коровы, безъ телѣги, безо всякой рабочей сбруи: все это распродавалось мало по малу и ушло на крайнюю нужду, которая являлась ото всюду чуть не каждый день. Пришло время, что самая родная изба стала Устиньѣ не подъ силу: больно велика, не натопишь никакъ, стужа и на печи даже ребятъ хватаетъ. По сиротству нужно и избушку маленькую, низенькую, абы тепла была. И міряне стали говорить: „что ты Устинья? Гдѣ тебѣ съ экой большой стаей сладить, изба хорошая — гноишь только даромъ: продала бы, а сама купила себѣ срубцы легонькіе, сиротскіе. И усадъ ты занимаешь большой, а даромъ: огородъ пустѣетъ, безъ забора стоитъ: что и посадишь, такъ куры да телята вытаскаютъ; гумно тоже за пустое дѣло сусѣду сдаешь... А ты бы продала, право, избу-то, да и усадъ-то бы весь сдала міру: міръ тебя не обидитъ, а дѣтки подростутъ опять ваше будетъ... А теперь бы выпросила у міра на краю гдѣ мѣстечко, да и построилабы хибарку: много бы тебѣ согласнѣе, и легче было.... Жила бы да жила въ спокоѣ да ребятишекъ ростила.... Ни ты никого не трогаешь, ни до тебя нѣтъ никому дѣла...“ Устинья еще тѣмъ болѣе рѣшилась *развязаться* съ домомъ, что изъ троихъ дѣтей у нея остался только одинъ, а другіе двое извелися отъ голодухи, отъ лишеній, отъ простуды и Богъ ихъ знаетъ отчего. Иванъ былъ покрѣпче что ли другихъ, или такъ ему Богъ судилъ, только онъ уцѣлѣлъ, остался живъ. При одномъ ребенкѣ Устинья увидѣла возможность уйти на сторону и искать работы въ чужихъ людяхъ; изба же между тѣмъ дѣйствительно годъ отъ года больше опускалась, гнила и теряла въ цѣнѣ: добрые люди начали стращать, что скоро ее не купятъ и на обжигъ кирпича.

Продавши избу, выстроивши на полученныя деньги сиротскую хижинку, Устинья отдала восмилѣтняго Ванюшку въ подпаски, а сама пошла въ работницы на лѣто. На заработанныя общими силами деньги, съ грѣхомъ пополамъ они протащились и зиму. На слѣдующіе годы повторялась таже исторія: Ванюшка былъ гдѣ нибудь въ сосѣдней деревнѣ подпаскомъ, а Устинья или нанималась въ лѣтнія работницы, или ходила на поденщину: полоть въ огородахъ гряды, грести сѣно, жать, молотить. Ванюшкѣ было уже 14 лѣтъ, когда Устинью надоумили отдать его на фабрику. Мальчишку приняли сначала на грошевое жалованье, но потомъ съ каждымъ годомъ прибавляли, такъ что 16—17 лѣтъ онъ уже зарабатывалъ рублей по 5 въ мѣсяцъ за всѣми расходами. Деньги эти въ глазахъ Устиньи были очень большими: она стала оживать, поправляться, сшила себѣ новый полушубокъ вмѣсто прежняго, въ которомъ заплатъ было больше чѣмъ цѣлаго мѣста, подъ окна съ Христовымъ именемъ перестала вовсе ходить, въ работницы не нанималась и на поденщину шла только въ самое горячее время на хорошую цѣну, а то и дома теперь находилось дѣло: надо было *свои* хлѣбы творить (уже не на кусочкахъ живетъ) и варевцо сварить, надо и себя и сына одѣть: и напрясть, и наткать, и сшить, и старое починить; можно и отдыхъ себѣ дать когда, и полѣниться, на печкѣ полежать, или съ сосѣдкой на улицѣ постоять. Устинья забывъ всѣ прежнія горе, нужду и невзгоды уже благоговѣйно, со вздохомъ умиленія крестилась и клала поклоны передъ своими иконами, считала себя матерью счастливою и позволяла уже себѣ мечтать объ еще лучшемъ будущемъ, когда Ванюшка совсѣмъ свершится, соберется какъ есть парень, женится, своимъ хозяйствомъ жить будетъ, али, можетъ, еще того лучше, въ прикащики попадетъ, въ купцы, али хоть въ мѣщане, выпишется.... Этого хоть еще и не скоро дождешься, да и въ то время, когда Ванюшкѣ было 16—17 лѣтъ онъ на глаза матери казался такимъ парнемъ для котораго всякое счастье на свѣтѣ открыто и не заказано. Да правду сказать, и не только въ глазахъ матери Иванъ былъ парень желанный: красивый, веселый, бойкій, къ матери ласковый, обходительный, одѣвался всегда чистенько, щеголевато, хоть и испивалъ, да изрѣдка, въ большіе праздники, никогда почти не попадалъ на фабрикѣ подъ штрафы, и заработанныя деньги всегда, и всѣ сполна, приносилъ матери. Проявлялась, правда, и въ то время нѣкоторая неровность въ его характерѣ, но какъ случайность скоро преходящая и не оставлявшая за собою слѣда: бывало ни съ того, ни съ сего затуманится, заскучаетъ, раскапризничается надъ матерью, обидитъ ее, начнетъ попрекать чѣмъ нибудь, а потомъ вдругъ точно самъ раскается, начнетъ къ ней ластиться, ласково заговаривать свою вину, и повеселѣетъ; а то среди дружеской гульбы, веселья, вдругъ накинется на кого нибудь изъ своихъ друзей-пріятелей, начнетъ его подразнивать, подниметъ на смѣхъ, и доведетъ дѣло до ругательства, до ссоры, а иногда и до драки, но всегда выходило какъ-то такъ, что большинство оставалось на сторонѣ Ванюхи и онъ выходилъ изо всякой ссоры побѣдителемъ и правымъ; за то онъ тотчасъ же начиналъ ухаживать за побитымъ или обиженнымъ, умѣлъ скоро его успокоить: и дружба, и веселье опять возстановлялись. Вообще же Ванюшка былъ общимъ любимцомъ, какъ парень веселый, балагуръ и пѣсенникъ, добрый пріятель и услуга-парень. Память у него была необыкновенная и запасъ пѣсенъ, разсказовъ, прибаутокъ неистощимый. Граматѣ его мать не могла выучить: не на что было отдать въ ученье, да по крайней нуждѣ и бѣдности, въ которой они сначала жили, Устиньѣ это и въ голову даже не приходило. Каково же было ея изумленіе, когда Ванюшка принесъ разъ съ фабрики книжку и началъ изъ нея читать матери, хоть и не очень бойко, но толково, такъ, что она все поняла. Оказалось, что Ванюшка въ часы отдыха научился читать отъ одного изъ рабочихъ: большіе способности и особенная смысленность, которыми онъ отличался, помогли ему очень скоро усвоить азбуку и понять процессъ чтенія. Сначала очень его это заняло: въ праздничные дни, приходя домой, онъ, по разсказамъ матери, просто лежалъ на книжкѣ; даже на гулянкахъ вмѣсто пѣнія, балагурства и заигрыванія съ дѣвками, онъ собиралъ около себя слушателей и читалъ вслухъ какого нибудь Бову королевича, Францеля Венеціана или прекрасную Магометанку. Но скоро это и надоѣло Ванюшкѣ и самъ онъ видимо

измѣнился: сталъ часто загуливать; не только въ праздники, но и въ простые дни, начали видать его пьянымъ въ буйной и шумной компаніи. гдѣ онъ глядѣлъ главнымъ хороводникомъ: сдѣлался онъ великимъ дѣвочникомъ и прославился ходокомъ на счетъ бабъ и дѣвокъ на деревнѣ, и на фабрикѣ; въ нарядѣ его появилась фабричная изысканность: понадобилась шолковая жилетка, шерстяная рубаха, пуховая шляпа, смазные сапоги съ бураками, а что хуже всего началъ меньше приносить денегъ домой; въ немъ увеличивалась неровность характера, развивалось недовольство своимъ положеніемъ, своей судьбой. Мать онъ не обижалъ и не оскорблялъ, не грубилъ, не ругался съ нею, какъ бываетъ сплошь и рядомъ съ крестьянами, находящимися въ такихъ же семейныхъ условіяхъ, въ какихъ онъ былъ, но онъ не стѣснялся не разъ высказывать матери, что считаетъ себя вправѣ тратить свои собственныя заработанныя деньги туда, куда самъ знаетъ и хочетъ, а что прокормить онъ ее прокормитъ, и съ голоду или холоду умереть не дастъ. О домѣ, о своемъ маленькомъ хозяйствѣ, онъ видимо совсѣмъ перестал и думать, и заботиться: когда мать начинала очень ныть и приставать съ какою нибудь нуждою онъ приносилъ ей иногда лишній рубль, два. Между тѣмъ на фабрикѣ онъ былъ поставленъ уже въ число старшихъ рабочихъ, а не мальчишекъ, и получалъ почти самое высшее жалованье, какое платилось опытнымъ и привычнымъ рабочимъ такъ, что судя по прежнему Устинья могла бы разсчитывать получать отъ сына пожалуй и всѣ десять рублей въ мѣсяцъ; но теперь напротивъ ей не приходилось иногда даже и того, что прежде приносилъ сынъ, бывши мальчишкой. Устинья была женщина, не особенно умная, но хитрая и сдержанная, пріученная нуждою и горемъ къ лишеніямъ, и терпѣнію: она не надоѣдала сыну упреками, или жалобами и требованіями, но въ душѣ страдала, сознавая, что ея надежды на счастливое, покойное, и богатое существованіе въ будущемъ не осуществляются; она думала и изыскивала средства какъ бы исправить сына, воротить на старую стезю, сдѣлать домовитымъ. о своемъ домѣ заботливымъ: и остановилась на мысли, что нужно непремѣнно сына женить, уговорить его взять назадъ изъ міра отцовскую полосу и приняться за хлѣбопашество. Съ этою мыслію она начала присматривать сыну невѣсту, разумѣется соображаясь не съ его вкусомъ, а со своимъ горькимъ, сиротскимъ положеніемъ, со своею бѣдностью: хоть и красивъ, и удалъ, и уменъ, да кто хорошенькій да богатенькій отдастъ за него дочку въ нашу избенку, на нашу бѣдность и недостатки. Отдать же сына въ чужой домъ, разлучиться съ нимъ, потерять кормильца-поильца, и самой остаться въ своей хаткѣ, ужъ совсѣмъ одинокой, безпомощной, или идти на чужіе хлѣба,—она разумѣется не хотѣла, боялась даже какъ бы сыну не пришла такая мысль, и не палъ его выборъ на такую невѣсту.

— Не пора ли тебѣ, Ванюшка, о законѣ подумать? заговорила она съ нимъ въ первый разъ, выбравши по ея мнѣнію благопріятную минуту. когда сынъ былъ веселъ и ласковъ съ нею.

— Не рано ли, матушка, отвѣчалъ Иванъ въ шутливомъ духѣ: ровно какъ еще молодъ я? какой еще я мужъ? Въ головѣ-то еще у меня не то...

— Какое рано, Ванюшка?.. Мало ли въ твои года ребята женятся?.. Самое время... Не то, что, а бываетъ невѣста хорошая подойдетъ, такъ хлопочутъ: до срока разрѣшенія просятъ, къ владыкѣ ходятъ.... А тебѣ, вѣдь, вотъ о постномъ Иванѣ. Богъ дастъ, 20 годковъ свершится... Чѣмъ ты не женихъ...

— Да что, развѣ невѣста напрашивается?

— Гдѣ напрашивается?.. А поискать, такъ долго-ли найти... Найдемъ... Вотъ хоть бы...

— Нѣтъ, матушка, напрасно... Не желаю еще я... Погулять хочется... Куда еще мнѣ въ этотъ хомутъ шею вдѣвать... Подожду...

Не разъ и послѣ того начинала Устинья рѣчь съ сыномъ о вопросѣ, сдѣлавшемся для нея самымъ болѣзненнымъ,—и всегда безуспѣшно; пробовала она предлагать ему готовыхъ уже невѣстъ, о которыхъ между матерями было наполовину столковано и слажено, но ни одною не могла угодить женскому баловню: то стара, то рожа корявая, то бѣдная: „къ нищему да еще нищую!“

Устинья совершенно упала духомъ и съ грустью въ душѣ рѣшила, что сынокъ ея видно такъ и замотается, закружитъ свою удалую буйную головушку безъ узды, безъ закона.

Точно также неудачны были замыслы Устиньи обуздать сына мужицкой деревенской работой, сохой да бороной.

— Пораньше бы, матушка, думала: малолѣткомъ бы къ косулѣ-то пріучала, а теперь какой я мужикъ: за косу, и за ту, взяться путемъ не умѣю... Да и на какія такія деньги лошадь, телѣгу купимъ, всякое заведеніе заведемъ?.. Нѣтъ ужъ видно коротать вѣкъ рабочимъ на фабрикѣ...

— Къ полевой работѣ привыкнешь: долго ли тебѣ понять ее съ твоимъ разумомъ... Ну, перво, по немножку, помочи будемъ дѣлать... Гдѣ лошадью, такъ наймовать станемъ, покаль сами купить не собьемся... А что ручное-то, такъ я подѣлаю: и покосить, и пожать, и что другое прочее... Покрайности, хлѣбушка-то былъ бы у насъ свой, не покупной: не все съ рубля, да съ копѣечки... И какъ бы хорошо-то было: сѣнокосъ да сколь нужно лѣтомъ ты бы дома жилъ, а на зиму бы съ осени на заводъ уходилъ... Вотъ бы у насъ вдвое дѣло-то и шло-бы... Скорѣе бы поправились, чѣмъ на одномъ-то заводѣ... И самъ же ты этотъ заводъ ругаешь, на жизнь свою, на заводскую, жалуешься...

— Мало ли что... А ужъ коли приставленъ къ какому дѣлу, за него и держись... Знаемъ мы тоже эту съ землей-то возню: у насъ не какъ въ другихъ мѣстахъ, земля грубая, неродимая, надъ ней сколь нужно ломаться, да какъ сдобить-то... А тутъ смотришь то вызябло, то вымокло, то засуха взяла, либо градомъ выбило: вотъ тебѣ и корысть вся, и хлѣбецъ свой, не покупной... А оброкъ-то за нее все равно подай... Я теперь покрайности покоенъ хоть въ этомъ: ровно бобыль, али мѣщанинъ живу. Никакихъ оброковъ, никакихъ другихъ податей не знаю: заплатилъ подушны да и правъ...

— Кабы, батюшка, не сходна земля была, такъ не стали бы держать въ міру, давно бы навалили на тебя... А значитъ есть съ нея прибыль, что держатся и не поминаютъ, и оброкъ за насъ платятъ...

— Ну, ужъ кто въ это дѣло ввязался, тому къ рукѣ; да онъ и самъ не знаетъ въ выгоду ли ему то, или въ убытокъ, а считаетъ, что однако лишнюю четвертку хлѣба сниметъ, лишній возъ сѣна въ сарай привезетъ... Да у него все и заведено изстари: и сбруя всякая, и лошадь, и сани есть, какія требуется: и амбаръ, и сарай, и овинъ... А мы, поди-ка заведи все это... Да въ десять лѣтъ не собьешься!.. Нѣтъ, матушка, полно: не на дѣло ты меня подбиваешь... Не согласенъ я, не желаю... Вотъ еще, коли женюсь. да жена съ достатками будетъ, ну тогда подумаемъ, може...

— Что, али есть, на примѣтѣ?.. встрепенулась Устинья. Дай-ка, Господи!..

— Мало ли богатыхъ невѣстъ, да за насъ-то не просятся... со злобной усмѣшкой расхолаживалъ Иванъ увлеченіе матери. Найди богатую, да чтобы мнѣ по мысли пришлась, да и отдали бы съ награжденіемъ, такъ возьму, женюсь...

— Иванушка, а ты очень-то не забирайся: по одежкѣ протягай ножки.... Гдѣ же намъ, по сиротству нашему о богатой невѣстѣ думать...

Утро. Картина К. Беккера, грав. Паннемакеръ сынъ.

— Ну, такъ то-то и есть... А на корявой, али на нищей я самъ не женюсь...

— Зачѣмъ корявую, али нищую, а хошь бы середненькую-то, Богъ далъ, только бы съ разумомъ, да смирную, работящую: вотъ бы и слава Богу...

— И за середнюю-то, скажутъ: на столъ рублей 100 положи, да домъ покажи, къ чему жену-то берешь... А мы что покажемъ?.. Гдѣ выкупъ-то возмемъ?.. Эхъ, матушка, отстань, не надсажай ты меня даромъ...

Устинья собиралась было возражать, но сынъ обыкновенно прерывалъ ее словами:

— Не родилась, видно, еще моя невѣста... Да и не хочу я, и не думаю... Гулять еще хочу...

И съ такими словами онъ уходилъ вонъ изъ дома, оставляя совсѣмъ разстроенную мать.

Въ послѣднее время Устинья даже отчаялась увидѣть когда нибудь своего сына женатымъ, а тѣмъ болѣе крестьяниномъ, землепашцемъ: начинала терять надежду и на то, что сынъ добьется чего нибудь особеннаго, хорошенькаго на фабрикѣ и выйдетъ изъ положенія заурядпаго работника; къ прежнимъ мечтамъ своимъ о будущемъ благополучіи, о жизни въ довольствѣ и покоѣ, около добраго, почтительнаго и богатаго сына,—она не смѣла уже и возвращаться. Напротивъ, въ душѣ ея все больше и больше накипало неудовольствіе, чувство обиды противъ сына; каждую минуту на сердцѣ и въ головѣ ея былъ упрекъ и жалоба на него: хотя она и не рѣшалась еще высказывать ихъ прямо сыну, но отъ сердобольныхъ сосѣдокъ уже не скрывалась, и на ихъ намеки и сочувственныя рѣчи о маломъ радѣньи сына отвѣчала вздохами, печальной миной и грустнымъ покачиваніемъ головы. Вслѣдствіе обманутыхъ надеждъ, недовольства судьбою и печальныхъ думъ даже лицо Устиньи получило постоянно скорбное, плаксивое выраженіе, котораго не имѣло даже тогда, когда она жила въ большей сравнительно нуждѣ и бѣдности.

Крестьяне и особенно матери, помимо естественной родительской любви, видятъ въ дѣтяхъ живущихъ съ ними и при нихъ, прежде всего своихъ помощниковъ, ту рабочую силу, которая обязана работать не на себя, а на домъ, на семью, которая сбережена, выхолена и приготовлена не сама для себя, а прежде всего на помощь и въ пользу родителямъ: сынъ въ понятіяхъ матери первый ея *промышленникъ*, первый и обязательный кормилецъ и поилецъ. Поэтому въ крестьянской семьѣ, на заработокъ даже взрослаго, но не отдѣленнаго, сына смотрятъ какъ на собственность семьи, дома: сынъ не можетъ распоряжаться своимъ трудомъ и заработанными деньгами, а долженъ довольствоваться только тѣмъ, что дастъ ему глава семьи—большакъ, или большуха: поэтому для вдовы-матери, живущей съ сыномъ, еще не женатымъ и неимѣющимъ своихъ дѣтей, нѣтъ большей обиды и оскорбленія, какъ если сынъ не покоряется, а показываетъ независимость въ распоряженіи собою и своимъ трудомъ, когда онъ ставитъ мать не въ положеніе хозяйки, а въ положеніе неимущей, содержимой сыномъ, живущей на его хлѣбахъ не по праву, а какъ бы изъ милости: ровно въ чужомъ дому, у чужаго человѣка. Мать легче перенесетъ и скорѣе проститъ и забудетъ всякую грубость, ругательства, всякое буйство и обиду, чѣмъ такое къ себѣ отношеніе. Для строптивыхъ и энергическихъ матерей эта независимость сына выражается прежде всего тѣмъ, что онъ перестаетъ даваться бить себя матери. „Мать учитъ сына любя, мать кости своему дитѣ не перешибетъ, а и перешибетъ, такъ стало того стоитъ!“ И если сынъ не подчиняется этой выработанной вѣками формулѣ, значитъ онъ хочетъ выдти изъ родительской власти, не признаетъ себя сыномъ, хочетъ своей волей, своимъ умомъ жить: этотъ ужъ не радѣльникъ своему дому, своему отцу-матери. Такъ бывало прежде, такъ идетъ и до сихъ поръ съ той только разницей, что нынче, особенно по сосѣдству съ фабриками, стало меньше матерей, прибѣгающихъ къ палкѣ и больше сыновей, заявляющихъ свою независимость въ денежномъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ: но горе и обиду свою матери чувствуютъ по прежнему и врядъ ли есть еще такія, которыя смотрѣли бы на взрослаго сына, какъ на вполнѣ самостоятельную личность, а не какъ на обязательнаго роднаго работничка. Лучше ли стали оттого семейныя отношенія—это другой вопросъ, но формы народной жизни крѣпки и долго еще крестьянскія матери будутъ тужить и плакаться, что сыновья ихъ перестаютъ быть настоящими прежними кормильцами-поильцами.

(Продолженіе будетъ).

Губернская Перикола.

Разсказъ.

В. Г. Авсѣенко.

I.

Нынѣшнимъ лѣтомъ мнѣ привелось прожить двѣ недѣли въ губернскомъ городѣ, гдѣ у меня не было ни одной души знакомой. Впрочемъ городъ былъ южный, слѣдовательно мнѣ предоставлялось наслаждаться природой; кромѣ того въ немъ оказались очень порядочныя гостинницы, приличный театръ и хорошіе извощики— удобства, способныя совсѣмъ очаровать неприхотливаго русскаго путешественника.

Поѣздъ пришелъ къ вечеру. Разобравъ чемоданъ и напившись чаю, я почувствовалъ себя охваченнымъ тѣмъ слегка возбуждающимъ и вмѣстѣ какъ бы грустнымъ чувствомъ, которое овладѣваетъ въ первыя минуты въ незнакомомъ мѣстѣ, передъ неизвѣстностью ожидающихъ васъ встрѣчъ, удачъ или разочарованій, передъ неизвѣстностью самаго города. Я позаботился получить отъ прислуживавшаго мнѣ номернаго кое-какія свѣдѣнія о мѣстномъ обществѣ и о томъ гдѣ можно провести здѣсь незанятое время. Но въ провинціи, и особенно на югѣ, лакеи отличаются угрюмостью. На мои вопросы номерной отвѣчалъ съ такимъ видомъ, который явно показывалъ, что онъ совсѣмъ не сочувствуетъ никакимъ общественнымъ увеселеніямъ.

— Больше все въ „Шато“ господа гуляютъ, объяснилъ онъ кратко.

Я пытался узнать что это за „Шато“ и что тамъ дѣлаютъ, но номерной отозвался только: „А кто его знаетъ, я тамъ не былъ. Представляютъ должно что нибудь“. Я оставилъ его въ покоѣ и вышелъ на улицу, предпочитая лично ознакомиться съ городомъ и съ его лѣтнею жизнью.

„Шато“, или точнѣе „Шато-де-Флеръ“, оказался въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моей гостинницы. Онъ занималъ часть городскаго сада, красиво разбитаго на крутомъ берегу большой южно-русской рѣки. Огромная афиша, налѣпленная на воротахъ, извѣщала объ увеселительномъ вечерѣ съ фейерверкомъ и инструментально-вокальнымъ концертомъ, въ коемъ примутъ участіе въ первый разъ извѣстная „исполнительница“ г-жа Славская и г. Громовъ. Объ извѣстности послѣдняго афиша умалчивала, но вершковыя буквы, какими было напечатано это звучное имя, свидѣтельствовали сами по себѣ, что въ лицѣ дебютанта предстояло имѣть дѣло съ знаменитостью.

Я вошелъ въ садъ. Публики было очень много — той скромной, нѣсколько какъ бы запыленной и обязательно чѣмъ-то недовольной публики, какую обыкновенно встрѣ-

чаешь на провинціальныхъ общественныхъ гуляньяхъ. На скромно-освѣщенной террассѣ, за маленькими столиками, пили чай и ужинали. Передъ эстрадой толпились мѣстные диллетанты, наслаждаясь увертюрой изъ „Цампы", вяло исполняемой подъ командою мрачнаго и тоже какъ будто запыленнаго капельмейстера. Жиденькіе звуки оркестра казались еще жиже, задыхаясь въ могучей зелени вязовъ и тополей, обступавшихъ садикъ. Доигравъ „Цампу", музыканты скромно понурились надъ своими пюпитрами, а впереди эстрады появился какой-то толстоватый господинъ во фракѣ и бѣлыхъ перчаткахъ, и прочиталъ, покачиваясь и какъ-то неестественно выпячивая одно плечо, „Убогую и Нарядную". Ему немножко похлопали. Затѣмъ появились возвѣщенные афишой дебютанты и спѣли извѣстный „испанскій" дуэтъ изъ „Периколы". Исполненіе этого дуэта не въ костюмахъ вызвало въ началѣ на многихъ лицахъ улыбку недоумѣнія, но Пикилло во фракѣ съ первыхъ нотъ обнаружилъ очень порядочный голосъ, и по окончаніи куплета раздались оживленные аплодисменты и „браво". Толпа передъ эстрадой росла. Перикола сдѣлала шагъ впередъ, повела своими худенькими плечиками и запѣла. Я съ любопытствомъ глядѣлъ на нее. Тонкое, интересное личико ея выражало странную смѣсь плутовства и наивности. Можно было недовѣрять ея улыбкѣ, ея подвижнымъ, выразительнымъ бровкамъ, подымавшимся съ видомъ недоумѣнія на красиво-вкрадчивыхъ нотахъ голоса—но большіе, сѣрые хрустальные глаза внушали довѣріе. Казалось что это поетъ ребенокъ, случайно потерявшій невѣдѣніе зла и оставшійся въ недоумѣніи передъ этой случайностью...

Толпа все больше тѣснилась передъ эстрадою, хлопала, заставила повторить. Перикола, улыбаясь и какъ-то радостно обжимая складки своего нарядпаго, но уже не совсѣмъ свѣжаго платья, опять пробѣжала между музыкантами, повела блистающими глазами и запѣла:

Какой обѣдъ мнѣ подавали!
Какимъ виномъ тамъ угощали!

Что-то лукаво-вакхическое звучало въ ея голосѣ, чувствовалось въ лѣнивомъ колебаніи ея стройнаго стана. Я оглянулся: всѣ лица осклабились одною и тою же противною улыбкою, всѣ глаза говорили одно и то же. Мнѣ почему-то сдѣлалось обидно и досадно за мою Периколу. А она съ непередаваемымъ выраженіемъ запрокинула свою маленькую, изящную головку, и чуть чуть пошатываясь всѣмъ станомъ, доканчивала гривуазный куплетъ подъ взрывъ рукоплесканій.

Молодой офицеръ въ гвардейской формѣ, слѣдившій за ней задумчивымъ и пристальнымъ взглядомъ, протянулъ обѣ руки и въ тактъ, медленно и звонко, ударилъ ладошами. Въ толпѣ громко кричали имя дебютантки, радостный гулъ какъ будто стоялъ надъ цѣлымъ садомъ. Я отошелъ отъ эстрады, но оглянувшись опять увидѣлъ медленный взмахъ бѣлыхъ перчатокъ, ударявшихъ одна о другую.

II.

Поутру я былъ разбуженъ разговоромъ, слышавшимся изъ сосѣдней комнаты, какъ разъ за моей кроватью.

— Олеся, машь пенцьдзесенць копѣекъ, повѣдьзь чи пани менжатка, чи нѣ? [1])—говорилъ совершенно незнакомый мнѣ мужской голосъ.

— Нѣвѣмъ, панъ грабе, прбшу мнѣ заставиць! [2]) отвѣчалъ другой голосъ, по которому я узналъ хорошенькую коррндорную горничную, научившуюся по-польски вѣроятно отъ наѣзжавшихъ въ городъ помѣщиковъ „забранего краю".

— Олеся, машь пенць злотыхъ! спокойно продолжалъ первый голосъ,—повѣдьзь чи то менжъ, чи нѣ? [3]).

[1]) Вотъ тебѣ 50 копѣекъ, скажи: она замужняя, или нѣтъ.
[2]) Не знаю, графъ, оставьте меня пожалуйста.
[3]) Вотъ тебѣ 75 копѣекъ, скажи—онъ мужъ или нѣтъ?

— Але нихъ панъ дасть мнѣ покуй! возразила уже съ нетерпѣніемъ Олеся, и добавила со смѣхомъ:—на шлюбу не быламъ! [1])

Тотъ кого называли графомъ, продолжалъ расспрашивать и по нѣкоторымъ его вопросамъ я догадался, что дѣло идетъ о вчерашней дебютанткѣ и что она живетъ въ этой же самой гостинницѣ, какъ разъ противъ моего номера. Потомъ онъ сталъ уговаривать Олесю, чтобъ она поскорѣй несла „бутики" и очень безпокоился готовъ ли самоваръ, потому что пани спроситъ „гербаты" [2]). Когда Олеся наконецъ ушла, онъ все таки не успокоился, и какъ только раздастся звонокъ, выбѣгалъ въ корридоръ и кричалъ съ забавной озабоченностью:

— Олеся! Олеся! идзь прендзе до пани! [3])

Скоро однако въ сосѣднемъ номерѣ все замолкло—должно быть мой графъ ушелъ. Но за то едва только я напился чаю и присѣлъ къ столу чтобъ написать коекакія дѣловыя бумаги, которыя надо было въ тотъ же день подать въ присутственныя мѣста, какъ въ другомъ номерѣ раздалось громкое пѣнье подъ акомпаниманъ совершенно разбитаго піанино. Это моя Перикола повторяла къ вечеру шансонетки. Затѣмъ мужской голосъ запѣлъ „Фонарики".

„Это однако чортъ знаетъ что такое!" подумалъ я съ досадой, чувствуя что всѣ дѣловыя соображенія мои какъ-то странно путаются и точно стараются улечься подъ музыку. Вдругъ дверь въ мою комнату тихонько растворилась, и на порогѣ появилась вчерашняя Перикола. На ней была накинута красная блуза съ кружевами; волосы, связанные узенькой бархаткой и переброшенные черезъ плечо, доходили до пояса.

— Pardon, я хочу васъ спросить—мы не мѣшаемъ вамъ? бросила она мнѣ съ порога тономъ вызывающей фамильярности.

— Вѣдь я не могу запретить вамъ пѣть! отвѣтилъ я совсѣмъ не любезно.

Она, улыбаясь, прищурила на меня свои хрустальные глаза.

— Такъ мы будемъ пѣть когда вы уйдете, сказала она.

Я молча поклонился. Она помедлила на порогѣ, какъ будто ожидая не скажу ли я чего нибудь, чтобъ загладить свой нелюбезный отвѣтъ, и наконецъ затворила дверь. Мнѣ показалось что она сконфузилась.

Пѣніе тотчасъ прекратилось, но черезъ нѣсколько минутъ вниманіе мое было снова развлечено негромкимъ разговоромъ въ корридорѣ. Незнакомый молодой голосъ спрашивалъ гдѣ живетъ Славская, и затѣмъ полюбопытствовалъ узнать кто живетъ въ сосѣднихъ номерахъ. Олеся назвала графа Хлапскаго и меня.

— И долго они будутъ тутъ стоять? спросилъ съ лѣнивой оттяжкой все тотъ же неизвѣстный голосъ.

— А не знаю-жь, отвѣтила Олеся:—впрочемъ графъ кажется завтра съѣдетъ.

— Такъ я беру его комнату.

Мнѣ захотѣлось узнать кто будетъ моимъ ближайшимъ сосѣдомъ, и выйдя въ корридоръ я увидѣлъ того самаго петербургскаго офицера, который вчера съ такимъ задумчивымъ видомъ хлопалъ Периколѣ, взмахивая въ тактъ руками въ бѣлоснѣжныхъ перчаткахъ. Онъ уже уходилъ и я замѣтилъ только лѣнивую, какъ бы избалованную походку, какъ нельзя болѣе отвѣчавшую его голосу. Олеся шла за нимъ и за что-то благодарила его—вѣроятно за перешедшую въ ея руки ассигнацію.

III.

Въ тотъ же день, за обѣдомъ въ общемъ залѣ, мнѣ привелось опять встрѣтиться съ моими сосѣдями. Когда я пришелъ, Перикола и Пикило уже сидѣли за столикомъ, и около нихъ, со своею всегдашней забавной оза-

[1]) Оставь теменя пожалуста въ покоѣ, я на свадьбѣ не была.
[2]) Чай.
[3]) Иди скорѣй къ барынѣ!

Инкерманъ, близъ Севастополя. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Ханскій дворецъ въ Бахчисараѣ и окрестности города. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

боченностью. увивался графъ Хлапскій. Онъ ужасно хлопоталъ, кричалъ на прислугу, рекомендовалъ то или другое блюдо, упрашивалъ взять еще — совершенно какъ будто угощалъ у себя въ домѣ.

— Але прошу рыбы! досконале! От-то слична палендвица! Гей, малецъ, давай пани прендзе! [1]) суетился онъ, успѣвая впрочемъ и самъ ужасно много ѣсть.

Перикола, какъ только я вошелъ, что-то сказала смѣясь своему спутнику и кивнула мнѣ головой.

— Сосѣдъ, садитесь къ намъ, пригласила она просто.

Никило, онъ же Громовъ, былъ еще очень молодой человѣкъ, съ маленькой русой бородкой, неглупыми сѣрыми глазами и какой-то блуждающей улыбкой на красивыхъ губахъ—улыбкой, которая бываетъ или у очень счастливыхъ, или у очень плутоватыхъ молодыхъ людей. Вообще наружность изъ тѣхъ какія нравятся женщинамъ. Одно только было дурно—огромныя, совсѣмъ мужицкія руки, съ короткими и толстыми ногтями.

Разговоръ зашелъ о городѣ, о мѣстномъ обществѣ и о вчерашнемъ вечерѣ въ „Шато". Графъ, бывавшій здѣсь раньше, тотчасъ заговорилъ о своихъ знакомствахъ и засыпалъ насъ именами. Славская вспомнила Одессу, откуда она только что пріѣхала и гдѣ ей больше нравилось.

— Еслибъ не онъ (она указала на Громова), я бы не выѣхала оттуда. Тамъ насъ очень любили. Но онъ выстрѣлилъ изъ ружья въ саду, и ему запретили пѣть.

Я съ удивленіемъ взглянулъ на Громова. Онъ улыбнулся своей блуждающей улыбкой и произнесъ какъ-бы въ поясненіе:

— Пьянъ очень былъ—и провелъ по лицу огромной рукой.

Графъ между тѣмъ продолжалъ хлопотать и угощать, и окончательно присталъ съ пирожнымъ.

— Але прошу! досконале! Дзисей таки цястечки, же нигды не были! [2]) убѣждалъ онъ.

Славская поднялась, чтобъ вернуться въ номеръ и взглянула на Громова.

— Я посижу еще съ графомъ, отвѣтилъ онъ.

— А мнѣ надо приготовиться. Пойдемте, сосѣдъ, обратилась она ко мнѣ, какъ будто мы были уже сто лѣтъ знакомы.

— Да вы зайдите, пригласила она, когда я остановился передъ ея дверью.

Я зашелъ. Номеръ состоялъ изъ двухъ комнатъ. Въ первой еще сохранялся нѣкоторый порядокъ, если не считать разбросанныхъ повсюду нотъ и газетныхъ листовъ; но черезъ непритворенную дверь въ другую комнату можно было видѣть груду всевозможнаго платья, наваленнаго на кроватяхъ, разрозненныя принадлежности туалетнаго столика, картонки отъ шляпокъ, чемоданы съ оторванными крышками. Кувшинъ отъ умывальника стоялъ на полу какъ разъ посреди комнаты.

— Вы извините, если вамъ иногда придется услышать какъ мы разучиваемъ: но мы постараемся когда васъ не бываетъ дома, сказала Славская, садясь и указывая мнѣ мѣсто подлѣ себя.

Я постарался увѣрить, что занятій у меня не много, что я большею частью не бываю дома. Мнѣ было совѣстно стѣснить ихъ въ томъ, что очевидно было для нихъ дѣломъ насущнаго хлѣба.

— Если вамъ и теперь нужно что нибудь прорепетировать, то пожалуйста не обращайте на меня вниманія, прибавилъ я.

— Нѣтъ, мнѣ теперь некогда, я должна вотъ это привести въ порядокъ, возразила Славская, и быстро сбросивъ съ ноги голубую атласную туфельку, показала мнѣ распоротый шовъ.

— Надо заштопать! объяснила она съ своей дѣтской улыбкой.

На столѣ, въ растрепанной корзинкѣ, стояли принадлежности шитья. Славская схватила голубую катушку, вдѣла нитку, откусила и принялась старательно затачивать лопнувшій шовъ. Наклоненное лицо ея при этомъ сдѣлалось совершенно серьезно, какъ будто она не руками только, а всѣмъ существомъ своимъ участвовала въ этой работѣ.

— Ничего, что я такъ безъ церемоніи? Нельзя, публика тѣснится къ самой эстрадѣ, замѣтятъ—извинялась она, продолжая быстро и ловко дѣйствовать иголкой, и не глядя на меня, бросать вопросы и разсказывать про свою артистическую карьеру, про какого-то грека, у котораго она воспитывалась, про Одесскій бульваръ и про лѣтніе праздники на ланжероновой дачѣ. Этотъ скользящій, разсыпающійся разговоръ производилъ такое же странное впечатлѣніе какъ и она сама—впечатлѣніе очаровательной наивности и вмѣстѣ преждевременнаго знакомства съ самыми острыми сторонами жизни—и какого-то почти циническаго равнодушія къ нимъ, которое ставило втупикъ.

Когда туфелька была заштопана, Перикола спокойно сунула въ нее маленькую, узкую, обутую въ прозрачный чулокъ ножку, потомъ приподняла другую и осмотрѣла ее со всѣхъ сторонъ. Громовъ появился наконецъ изъ обѣденной залы и объявилъ что пора переодѣваться. Перикола потянула его за обѣ руки, посмотрѣла ему въ глаза, и убѣдившись что онъ не пьянъ, ущипнула его за ухо, поцѣловала въ самыя губы, и захватила всѣми десятью пальцами его длинные волосы, съ хохотомъ заволокла ими его лицо, какъ будто хотѣла закрыть слѣды только-что сорваннаго поцѣлуя.

(Окончаніе въ слѣд. №)

[1]) Не угодно-ли рыбы? превосходная! А вотъ отличное филе. Эй, человѣкъ, подавай скорѣй барынѣ.

[2]) Пожалуйста! превосходно! Сегодня такое пирожное какъ никогда!

Очерки Крыма.*)

По поводу исполняющагося столѣтія присоединенія Крыма

Изъ путевыхъ замѣтокъ

П. П. Гнѣдича

Слуху милыя названья,
Зрѣнью милыя мѣста,
Свѣтлой цѣпью обаянья
Къ вамъ прикована мечта..
Кн. П. Вяземскій.

I.

Въ настоящее время исполняется столѣтіе завоеванія Крыма. Въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, нѣсколько походовъ, предпринятыхъ подъ начальствомъ кн. Долгорукова и другихъ, кончились, какъ извѣстно, присоединеніемъ Таврическаго полуострова къ Россіи.

Крымъ всегда былъ самымъ желательнымъ пріобрѣтеніемъ изъ всего Черноморскаго побережья. Въ глубокой древности здѣсь процвѣтали эллинскія колоніи: потомъ, съ паденіемъ Эллады, и съ появленіемъ на ея развалинахъ Византіи, греко-византійскія колоніи смѣнили древне-греческія. Затѣмъ стали появляться и исчезать разныя народности: половцы, казары, караимы, генуэзцы. Наконецъ, въ XIII вѣкѣ татарская орда укрѣпилась внутри полуострова, и въ XV вѣкѣ распространила свое владычество и на береговую полосу. До сихъ поръ мы видимъ разбросанные по всей Тавридѣ памятники минувшихъ эпохъ, отчасти бережно поддерживаемые, отчасти безжалостно истребляемые...

Южный берегъ Крыма—одна изъ самыхъ роскошныхъ провинцій Россіи. Выгодное положеніе у открытаго моря, превосходныя гавани, благословенный климатъ, наконецъ краса побережья,—все говоритъ въ его пользу. Тысячи больныхъ направляются сюда для морскихъ купаній и винограднаго лѣченія. Сжатый, плотный морской воздухъ, обильно насыщенный кислородомъ, чистый, безъ тѣхъ примѣсей, которыя неизбѣжны въ континентальномъ климатѣ, и которыя такъ вредно дѣйствуютъ на легкія,—этотъ воздухъ представляетъ неизсякаемое цѣ-

*) Къ рисункамъ на стр. 12 и 13.

лебное лекарство отъ всевозможныхъ болѣзней, и во всякомъ случаѣ дѣйствуетъ радикальнѣе многихъ пресловутыхъ заграничныхъ водъ. Докторъ Боткинъ, объѣхавшій южное побережье, еще болѣе установилъ своими наблюденіями его репутацію, а удивительно благотворное вліяніе крымскаго климата на здоровье Государыни Императрицы подтвердили выводы почтеннаго профессора.

Но какъ же мы воспользовались этимъ благодатнымъ уголкомъ, что сдѣлали за это столѣтіе? Чѣмъ отличается въ настоящее время Крымъ отъ Крыма византійскаго, генуэзскаго и татарскаго? Какія удобства мы дали больнымъ для ихъ излеченія? Какова торговля и военное положеніе Крыма?..

II.

Въ Крымъ можно попасть двумя путями: моремъ, на одесскихъ пароходахъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли и—по желѣзной, такъ-называемой, Лозово-Севастопольской дорогѣ. И тотъ и другой путь приведетъ васъ въ одно и тоже мѣсто—великое, незабвенное въ исторіи Россіи мѣсто—въ Севастополь.

Если вы подъѣзжаете къ нему на пароходѣ, васъ поразитъ оголенность выжженныхъ солнцемъ скалъ, монотонными пластами разбросанныхъ по берегамъ. Если вы подъѣзжаете по желѣзной дорогѣ,—впечатлѣніе дается несравненно болѣе благопріятное,—городъ кажется красивъ и изященъ. Впрочемъ вы подготовлены къ этому впечатлѣнію грандіозностью пути: скалами, пропастями, туннелями, поминутно мелькающими передъ вами. Вы видите дрожащіе, словно построенные изъ лучинокъ мосты, ужасные уклоны и завороты, скалы, подпертые желѣзными болтами. Постоянные переходы отъ яркаго свѣта къ совершенной тьмѣ сообщаютъ вамъ какое-то нервное настроеніе. Но отъ окна оторваться не можешь: утомленный монотонностью предъидущаго пути, поражаешься новой, невиданной картиной...

Поѣздъ идетъ возмутительно тихо. Черезъ мосты онъ перебирается такъ, что калѣка на костыляхъ его перегонитъ. Порою часа два стоитъ онъ на полустанкѣ: гора „осѣла" и потому мостъ чинятъ. Черезъ злополучный мостъ перебираются конечно съ большой опаской; строительная коммиссія, производящая поправку, наивно *поздравляетъ* пассажировъ съ благополучнымъ переѣздомъ... Заключеніе изъ всего сказаннаго: дамы предпочитаютъ сдѣлать на лошадяхъ крюкъ въ сто слишкомъ верстъ на Алушту чрезъ Чатыръ-Дагъ, чѣмъ совершить этотъ „удобный" переѣздъ по желѣзной дорогѣ. Да и вдобавокъ далеко не всегда освѣщаютъ вагоны, а потому путешественницы питаютъ инстинктивный страхъ къ темнымъ туннелямъ: примѣры бывали маленькихъ непріятностей...

Верстъ 37 до Севастополя, полотно дороги идетъ по выемкѣ въ скалѣ въ шесть саженъ глубины, а затѣмъ переходя въ насыпь, идетъ въ трехъ саженяхъ отъ извѣстной *Инкерманской киновіи*, пріютившейся у подножія громадной скалы—знаменитаго Инкермана. Здѣсь, на самомъ верху скалы, вы замѣчаете остатки древней крѣпости. Когда Крымъ перешелъ въ подданство Россіи, путешественники находили здѣсь ясные слѣды крѣпостныхъ построекъ—башни, стѣны, рвы, мосты, мощеныя дороги и пр. Теперь—вслѣдствіе ли времени, или отъ другихъ причинъ, но на мѣстѣ укрѣпленій мы видимъ только безформенную груду камней.

На осмотръ Инкермана стоитъ пожертвовать нѣсколько часовъ. Дѣло въ томъ, что возлѣ киновіи, въ скалѣ находится *пещерный городокъ*,—масса пещеръ (криптъ) служившихъ помѣщеніемъ для крѣпостнаго гарнизона грековъ, называвшихъ это мѣсто не Инкерманъ *), а Каламита. Именемъ Каламитскаго залива назывался теперь Севастопольскій рейдъ. Затѣмъ нѣкоторыя изъ пещеръ были обращены въ церковь. Донынѣ хорошо сохранилась одна маленькая церковка съ воздушнымъ балкончикомъ, висящимъ надъ желѣзной дорогой, съ котораго открывается весьма эффектный видъ на рейдъ и высоты. Изъ церковки каменныя лѣстницы взбѣгаютъ наверхъ къ развалинамъ крѣпости. Конечно, церковь реставрирована. Возобновленіе ея было сдѣлано года за три до восточной войны, тогда же устроена была и Инкерманская киновія. Война много способствовала разрушенію Инкермана: ядра залетали въ крипты и церкви, иконостасъ пробитъ пулями. Вѣдь здѣсь 24-го октября 1854 года была знаменитая „битва на инкерманскихъ высотахъ".

Я уже сказалъ выше, что въ концѣ прошлаго столѣтія памятники Инкермана находились въ несравненно лучшемъ состояніи чѣмъ теперь. О поддержкѣ ихъ заботились мало. Война опередила время,—послѣдняя башня была разрушена ядрами „союзниковъ". Но съ этимъ еще можно бы примириться: война—неизбѣжное зло. Досадно то, что изъ драгоцѣннаго памятника старины устроили... каменоломни и чудеса строительнаго искусства безжалостно разсыпаются подъ вандальскимъ ломомъ... Послѣднее зло, кажется, устранимо...

*) Инкерманъ—названіе турецкое: инъ—пещера, керманъ -крѣпость.

III.

Прежде чѣмъ „окунуться" такъ сказать во всѣ красоты юга, съ его изумруднымъ моремъ, розовыми горами и фіолетовыми небесами, не мѣшаетъ осмотрѣть наиболѣе интересные памятники старины. Потомъ, когда вы узнаете вдоль и поперегъ Байдарскую долину, насмотритесь на поразительныя панорамы Чатыръ-Дага и Демерджи, погуляете въ садахъ Алупки и Ливадіи, когда и взоръ и воображеніе ваше будутъ пресыщены, утомлены,—„памятники" покажутся вамъ блѣдными, сухими, неинтересными...

Самымъ заманчивымъ памятникомъ Крыма, является, безъ сомнѣнія, Бахчисарай, бывшая столица хановъ, самовластно царившихъ три вѣка надъ Тавридой, и -заштатный городъ Симферопольскаго уѣзда. Съ именемъ Бахчисарая и его дворца связано неразрывно имя Пушкина, до того неразрывно, что съ этимъ далеко неблагозвучнымъ татарскимъ прозвищемъ соединилось навсегда понятіе о „грѣховномъ раѣ", „поэтическихъ грезахъ" и „фонтанѣ слезъ". Муравьевъ-Апостолъ называетъ его русской Альгамброй...

Бахчисарай, какъ извѣстно, „насыпанъ въ яму". Когда вы пріѣдете на Бахчисарайскую станцію Лозово-Севастопольской желѣзной дороги, города вы не увидите,—онъ помѣщается верстахъ въ двухъ отъ линіи за скатомъ холма, спускающагося къ рѣкѣ, носящей названіе „Гнилой воды". По самой отчаянной дорогѣ, вымощенной лѣтъ сто тому назадъ, грязной даже въ самые жгучіе жары, васъ дотащитъ извощикъ до города, чрезъ тріумфальную арку, всю заросшую мхомъ, построенную въ 1787 году для въѣзда въ Бахчисарай императрицы Екатерины. Острая игла минарета оповѣститъ вамъ приближеніе города, а за мечетью, по обѣ стороны дороги (лучшей улицы города) вы увидите массу лавченокъ, сплошной декораціей пестрѣющихъ на сколько хватаетъ глазъ. Если вы никогда не видали восточныхъ городовъ и ихъ уличной жизни, новая картина несомнѣнно поразитъ васъ. Вы видите, что вся мануфактурная производительность совершается тутъ же, на виду, на улицѣ: каждый магазинъ въ то же время и мастерская. Башмачники, выставившіе разноцвѣтные ряды туфель, тутъ же, пара за парой подбавляютъ къ своему товару продукты новаго производства. Булочники пекутъ кренделя и булки въ открытыхъ печахъ, кузнецы куютъ, цирульники брѣютъ. Народъ, кишащій на улицахъ, блистаетъ восточной роскошью цвѣтовъ на своихъ халатахъ, чалмахъ, шароварахъ. Женщины, кутающіяся въ свои бѣлоснѣжныя покрывала, стараются незамѣтно проскользнуть мимо, шлепая туфлями безъ задковъ по узенькимъ деревяннымъ тротуарамъ. Здѣсь вы видите, что народъ живетъ только уличною жизнью, что для него улица все,—и рынокъ, и биржа, и клубъ, и гостинница...

Но вотъ вы и у дворца. Каменный столбъ у въѣзда на ханскій дворъ, разсказываетъ вамъ на русскомъ и татарскомъ языкѣ, что въ такомъ-то году императрица Екатерина II и пр. Татаринъ, исправляющій должность чичероне, говорящій на ломанномъ русскомъ и французскомъ языкахъ, навяжетъ вамъ свои услуги, которыя ограничатся тѣмъ, что онъ позоветъ настоящихъ проводниковъ, такъ какъ самъ онъ не имѣетъ права водить по дворцу и кладбищу... Обширный дворъ, усаженный рядомъ колоссальныхъ тополей и каштановъ, сразу производитъ благопріятное впечатлѣніе своей европейской чистотой и опрятностью. Суровый мулла, въ широчайшемъ халатѣ, отомкнетъ калитку, ведущую на ханское кладбище,—на одно изъ живописнѣйшихъ кладбищъ міра. Оно запущено: дорожки поросли травой, мраморныя гробницы покосились. Орѣховыя, шелковичныя деревья густо разрослись, переплетаясь вѣтвями. Въ круглыхъ башняхъ купольной постройки покоится прахъ величайшихъ героевъ Крыма. Гробницы прикрыты старыми истлѣвающими коврами...

Что касается самаго дворца, то о немъ слишкомъ много писано было во всевозможныхъ статьяхъ о Крымѣ *), и я напомню только отрывокъ изъ Пушкина, который, характеризуетъ и дворецъ, и пресловутый *Фонтанъ слезъ*.

„... Я прежде слышалъ о странномъ памятникѣ влюбленнаго хана. К* поэтически описывалъ мнѣ его, называя *la fontaine des larmes*. Вошедъ во дворецъ, увидѣлъ я испорченный фонтанъ; изъ заржавой желѣзной трубки по каплямъ падала вода. Я обошелъ дворецъ съ большой досадой на небреженіе, въ которомъ онъ истлѣвалъ и на полуевропейскія передѣлки нѣкоторыхъ комнатъ. Пошелъ я по ветхой лѣстницѣ и въ развалины гарема и на ханское кладбище"...

Впрочемъ теперь „Фонтанъ слезъ" исправленъ, и вода сочится изъ него постоянно. Надо отдать справедливость: вкуснѣе бахчисарайской воды трудно сыскать и не даромъ Де-ла-Мотрай увѣрялъ, что бахчисарайская вода самая легкая во всей Татаріи и Турціи...

(Продолженіе будетъ)

*) См. № 38 „Нивы" 1878 года.

Дѣятели русской литературы.

Василій Андреевичъ Жуковскій.

Очеркъ **А. П. Милюкова.**

Не многимъ изъ русскихъ писателей выпала на долю такая тихая и плодотворная жизнь и такое уваженіе въ обществѣ, какими пользовался Жуковскій. Любимый современниками, какъ прекрасная личность и даровитый поэтъ, онъ останется еще въ памяти потомства, какъ человѣкъ, которому судьба дала высокое назначеніе быть руководителемъ юношескихъ лѣтъ нынѣ царствующаго Государя. Еслибы произведенія поэта когда-нибудь и поблекли, то имя его никогда не умретъ въ исторіи настоящаго царствованія.

Василій Андреевичъ Жуковскій родился въ 1783 г., въ имѣніи своего отца, богатаго помѣщика Тульской губерніи. Дѣтскіе годы будущаго поэта прошли безмятежно въ родномъ домѣ, и подъ впечатлѣніемъ сельской природы, въ кружкѣ молоденькихъ дѣвушекъ-родственницъ, развилась въ немъ та кротость и женственность, которая осталась навсегда отличительной чертою его характера. Здѣсь же, въ дѣтскихъ стихотворныхъ опытахъ, начала проявляться въ немъ и любовь къ поэзіи. Послѣ недолгаго ученія въ частномъ пансіонѣ въ Тулѣ, Жуковскій поступилъ въ Московскій Университетскій Пансіонъ, и тутъ его классные переводы и сочиненія обратили на него вниманіе и даже печатались въ журналахъ. По окончаніи курса онъ возвратился въ деревню и вполнѣ посвятилъ себя литературѣ.

Съ появленіемъ элегіи „Сельское кладбище" имя Жуковскаго сдѣлалось извѣстно во всемъ образованномъ обществѣ. Въ 1812 году, подъ вліяніемъ общаго патріотическаго увлеченія, онъ поступилъ въ ряды ратниковъ и во время похода написалъ поэму „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ". Это стихотвореніе быстро распространилось въ тысячахъ списковъ и доставило поэту громкую извѣстность во всей Россіи. Жуковскій вскорѣ былъ приглашенъ ко двору, получилъ мѣсто чтеца при императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ, а съ восшествіемъ на престолъ Николая I, ему поручено было воспитаніе Наслѣдника престола. Это назначеніе отвлекло его на нѣкоторое время отъ литературы; но съ окончаніемъ своей высокой обязанности онъ снова обратился къ поэзіи. Эта послѣдняя эпоха дѣятельности его была однакожъ не продолжительна: въ 1852 году онъ скончался въ Баденъ-Баденѣ.

Время, когда началъ развертываться талантъ Жуковскаго, вполнѣ соотвѣтствовало его мечтательному характеру и меланхолическому настроенію, развитому идеальной любовью къ одной изъ его родственницъ. Искусственно-классическая теорія поэзіи, съ громкими одами и напыщеннымъ восторгомъ, смѣнилась тогда сантиментальнымъ взглядомъ на природу и жизнь, возникшимъ подъ вліяніемъ романовъ Ричардсона, и вмѣсто хвалебной лиры явилась унылая свирѣль. Это отразилось на Жуковскомъ, съ тою разницею, что поэтическая чувствительность была у него вполнѣ искреннею. Съ неподдѣльнымъ чувствомъ поэтъ относится къ природѣ, груститъ объ утраченныхъ земныхъ радостяхъ и стремится въ туманную даль, гдѣ мерцаетъ ему заря вѣчной любви. Съ тихимъ уныніемъ вспоминаетъ онъ о веснѣ юныхъ дней, съ ихъ блаженствомъ и страданіемъ, и вздыхаетъ при мысли, что скоро его другъ придетъ „въ часъ вечера мечтать надъ тихой юноши могилой". Мечта о *ней* и свиданіи *тамъ* не оставляетъ поэта. Въ посланіи „Къ Нинѣ" онъ трепещетъ, чтобы подъ сѣнью близкой могилы не погасла въ душѣ его земная любовь, съ утратой которой „и самое небо будетъ для него изгнаньемъ". Въ другой элегіи „Къ Филалету", тоскуя о минувшихъ радостяхъ жизни, поэтъ съ наслажденіемъ лелѣетъ мечту о близкой смерти. Онъ говоритъ другу:

Кончины сладкій часъ
Моей любимою мечтою становится:
Унылость тихая въ душѣ моей хранится,
Во всемъ внимаю я знакомый смерти гласъ.

Къ этому сантиментальному настроенію, полному трогательнаго чувства и обаятельной прелести, присоединяется у Жуковскаго еще другая поэтическая струя, еще болѣе сродная и симпатичная его мечтательной, идеальной натурѣ. Это былъ романтизмъ, возникшій въ нѣмецкой и англійской поэзіи. Средніе вѣка, съ ихъ утонченными понятіями о рыцарской доблести и чести, съ ихъ вѣрой во все таинственное и чудесное, создали волшебный міръ, населенный свѣтлыми призраками и мрачными привидѣніями. Этотъ-то фантастическій элементъ средневѣковаго романтизма перенесъ Жуковскій въ русскую литературу своими художественными переводами изъ Шиллера, Уланда, Вордсворта, Саути и другихъ нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ. И онъ бралъ у нихъ только то, что вполнѣ было родственно его мечтательной, идеальной природѣ, что въ его передѣлкахъ становилось его собственной плотью и кровью: изъ всѣхъ драмъ Шекспира перевелъ онъ „Орлеанскую Дѣву", у Байрона взялъ только „Шильонскаго узника", изъ Мура заимствовалъ одинъ эпизодъ о „Пери", тоскующей по утраченномъ раѣ. Передѣланная изъ Ламотта-Фуке повѣсть „Ундина" была лучшимъ выраженіемъ таланта Жуковскаго въ этомъ направленіи. Романтизмомъ проникнуты не только всѣ баллады его, но и переводы сочиненій классическихъ, къ которымъ онъ обратился въ послѣднее время, какъ напримѣръ „Одиссея" и „Наль и Дамаянти". Элементъ этотъ пробивается даже въ его оригинальныхъ произведеніяхъ: въ прелестной его балладѣ „Свѣтлана" святочныя гаданья русскихъ дѣвушекъ связаны съ романтической фабулой; въ „Пѣвцѣ въ станѣ русскихъ воиновъ" бардъ, поющій съ кубкомъ въ рукѣ, при свѣтѣ зажженныхъ дубовъ, переноситъ васъ въ тевтонскіе лѣса.

В. А. Жуковскій. Рис. Бокуръ, грав. Шапонъ.

(Продолженіе на стр. 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23 и 24).

Крокодилы. Ориг. рисун. Ф. Шпехта, грав. А. Клось.

Если въ поэзіи Жуковскаго нѣтъ національныхъ красокъ, то это вовсе не можетъ быть недостаткомъ въ поэтѣ, которому суждено было оживить нашу литературу романтическими идеалами. Онъ не былъ поэтомъ народнымъ, но вдохнулъ въ русскую поэзію то благотворное начало, которое пережила Европа въ средневѣковомъ романтизмѣ стремленіемъ ко всему прекрасному и возвышенному. Перенося насъ, по выраженію Гоголя, въ область безтѣлесныхъ видѣній и отрѣшая нашу поэзію отъ земли, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ вводитъ насъ въ прекрасный міръ очаровательныхъ образовъ и раскрываетъ внутреннюю, духовную сторону природы и жизни. Нѣжный, гармоническій стихъ поэта дышетъ такой увлекательной прелестью, что его справедливо сравниваютъ съ звуками Эоловой арфы.

Читая патріотическія строфы пѣвца къ русскимъ воинамъ, слѣдя за граціознымъ образомъ Ундины, прислушиваясь къ жалобамъ страдальца Шильонскаго подземелья, чувствуешь всю истину стиховъ Пушкина къ портрету Жуковскаго:

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковую завистливую даль,
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость.

Утро.

(Къ картинѣ Беккера).

Окно распахнулось, озарены только еще верхушки деревъ. Свѣжестью и благоуханіемъ цвѣтовъ дышетъ утро. Такою же свѣжестью дышетъ и личико красавицы, показавшейся въ окнѣ. Оно еще болѣе оживляетъ цвѣтущее утро. Есть наивная неаполитанская народная пѣсенка, переданная превосходно и граціозно нашимъ поэтомъ А. Майковымъ. Она невольно приходитъ на память при взглядѣ на картину Беккера.

Далеко на синемъ морѣ
Я построю домъ
Изъ цвѣтныхъ павлиньихъ перьевъ
Съ звѣздами кругомъ.

Вставлю въ нихъ кругомъ сапфиры,
Жемчугъ, бирюзу,
Жить съ собой туда навѣки
Нину увезу.

Раннимъ утромъ, лишь въ окошко
Нина поглядитъ —
„Солнце встало, солнце встало!“
Все заговоритъ!

Вечеръ въ Венеціи.

(Къ рисунку Неймана).

Не было когда-то столицы веселѣе Венеціи. И куда дѣвалась теперь ея веселость, ея блестящія церемоніи, частыя регаты, бѣги гондолъ, ночныя серенады. Подъ аркадами прокурацій бывало патриціи, окруженные толпой замаскированныхъ понтеровъ—мужчинъ и дамъ—метали банкъ... Звенѣли груды цехиновъ... Гдѣ ея карнавалъ? Уцѣлѣлъ только одинъ лѣтній и тотъ перестал давно кружить голову Европѣ своими обольстительными женщинами, весельемъ масокъ и чудными ночами, исполненными драмъ и тайнъ...

А вечера и ночи такія же чудныя и теперь... У неба не отнять прежняго блеска и серебряныхъ звѣздъ. Оно все также сверкаетъ. Но въ мраморныхъ дворцахъ музыка, на лагунахъ смѣхъ и пѣсни рѣже... Не надышешься воздухомъ лагунъ. Лодки безмолвно остановились, волны сверкаютъ кругомъ струйками. Издали долетаютъ тихіе звуки гитары и страстныя ноты... Но вѣрно это серенада за деньги, чтобы возстановить въ утомленномъ воображеніи какаго нибудь англичанина или нашего соотечественника образъ старой Венеціи... И мысль стремится къ минувшимъ вѣкамъ, когда въ тихіе часы ночи раздается мѣрный, торжественный ударъ съ тысячелѣтней башни св. Марка...

Крокодилы на прибрежьяхъ Нила.

(Къ рисунку Шпехта).

Великолѣпный рисунокъ Шпехта представляетъ намъ низменные, песчаные берега Нила — обычное убѣжище громадныхъ крокодиловъ. Еще во времена глубокой древности, чудовища водились въ огромномъ количествѣ въ этой рѣкѣ и даже пользовались въ Египтѣ особымъ, суевѣрнымъ культомъ. Многіе египтяне, говоритъ еще Геродотъ, видятъ въ крокодилахъ священныя существа; другія же—злѣйшихъ своихъ враговъ: первые живутъ вокругъ озера Мерида, вторые близь Элефантины. Первые любятъ крокодила и приручаютъ его въ такой степени, что онъ позволяетъ даже трогать себя руками. Его ласкаютъ, продѣваютъ ему въ уши золотыя кольца, украшаютъ его переднія лапы золотыми браслетами и кормятъ мучными блюдами и жертвеннымъ мясомъ. Послѣ смерти его бальзамируютъ и кладутъ въ особую, священную гробницу“. Подобныя кладбища во времена Геродота помѣщались въ подземныхъ покояхъ близь озера Мерида. Еще и теперь въ одной изъ пещеръ, а именно въ Маабде, расположенной на правомъ берегу Нила, можно найдти въ большомъ количествѣ мумій крокодиловъ, изъ которыхъ большіе тщательно завернуты въ полотно, пропитанное варомъ, а маленькіе уложены отъ 60 до 80 штукъ вмѣстѣ, въ большихъ, заостренныхъ на обоихъ концахъ корзинкахъ, сплетенныхъ изъ вѣтвей пальмы. Обожаніе крокодиловъ до сихъ поръ еще сохранилось въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ Индіи; въ Египтѣ же для крокодиловъ эти счастливыя времена давно миновали и штуцерная пуля истребляетъ ихъ все болѣе и болѣе. Туземецъ, вооруженный хорошимъ ружьемъ уже не боится страшнаго чудовища, столь образно описаннаго въ книгѣ Іова подъ именемъ Левіафана.

Около полудня крокодилы обыкновенно выходятъ изъ рѣки на берегъ погрѣться на солнышкѣ и подремать. Къ излюбленному мѣсту они крадутся тихо и осторожно и укладываясь на покой, падаютъ тяжело сразу на брюхо. Устроившись удобнѣе, крокодилъ открываетъ ноздри, фыркаетъ, зѣваетъ и наконецъ широко раскрываетъ свой зубастый ротъ. Сонъ крокодила чутокъ, но кромѣ того его оберегаетъ отъ опасности его постоянный сторожъ, маленькая птичка, постоянно порхающая вблизи своего чудовищнаго друга. Всякому путешественнику по Нилу знакома эта живая, ловкая, внимательная, миловидная птичка и ея пронзительный крикъ. Къ крокодилу эта птичка относится какъ самое близкое, дружественное къ нему существо; безъ малѣйшаго опасенія бѣгаетъ она по тѣлу чудовища, подбирая прилипшихъ къ нему насѣкомыхъ и піявокъ. Птичка чутка къ малѣйшему шороху и заслышавъ что нибудь подозрительное, она тотчасъ же вспорхнетъ съ громкимъ крикомъ и крокодилъ торопливо погружается въ воду.

Краткое обозрѣніе событій за 1879 годъ.

По общему смыслу событій, совершившихъ свой кругъ въ 1879 году,—годъ этотъ, во многомъ, походитъ на годъ предшествовавшій. Та-же неопредѣленность въ отношеніяхъ, та же неясность политическаго горизонта, тѣ же хлопоты съ берлинскимъ трактатомъ. Само собою понимается, что прибавилось нѣсколько фактовъ, имѣющихъ крупное значеніе и составляющихъ зародышъ новыхъ политическихъ комбинацій, еще, впрочемъ, не сказавшихъ своего опредѣленнаго слова.

Начнемъ, по обыкновенію, съ Балканскаго полуострова, что же видимъ мы тамъ? Почти то же, что видѣли и въ концѣ 1878 года, къ началу истекающаго. Турціи предстояло выполнить требованія трактата, состоявшагося въ Берлинѣ: заключить окончательный миръ съ нами, передать нѣсколько областей Черногоріи и войдти въ соглашеніе съ Греціей относительно исправленія границъ Эллинскаго королевства, съ уступкой ему нѣкоторыхъ мѣстностей. Ей предстояло улучшить финансовое положеніе свое. Миръ съ нами заключенъ, это правда. А остальное? Съ Черногоріей еще не окончено, съ Греціей и не начато, финансы—въ томъ же тяжеломъ состояніи, какъ и за годъ передъ симъ.

Послѣ продолжительныхъ оттяжекъ и переговоровъ, миръ Турціи съ Россіей былъ, наконецъ, подписанъ 27-го января (8-го февраля) нашимъ посланникомъ при Портѣ, княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ, съ одной стороны и Каратеодори и Али-пашами съ другой. Условія этого мира, сообщенныя нами въ подробности въ свое время, состояли, главнымъ образомъ, въ опредѣленіи контрибуціи, затѣмъ въ заявленіи о замѣнѣ нѣкоторыхъ (существенныхъ) пунктовъ Санъ-Стефанскаго договора тѣми, которые установлены Берлинскимъ соглашеніемъ, въ назначеніи времени выступленія нашихъ войскъ, перечисленіи территоріальныхъ уступокъ. Войска наши немедленно же приступили къ очищенію предѣловъ Турціи, которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, наканунѣ еще подписанія мира, сдала Черногоріи Подгорицу. Но, сдавъ Подгорицу (и, нѣсколько позднѣе, Жаблякъ) Порта на этомъ и остановилась. Съ самаго начала года тянутся безконечные споры у Черногорцевъ съ Албанцами, организовавшими цѣлое возстаніе, имѣющее цѣлію воспрепятствовать сдачѣ округовъ князю Николаю. Произошло уже нѣсколько стычекъ. Что касается греческаго вопроса, то тутъ, положимъ, мы не видимъ ни стычекъ, ни возстаній, за то не видимъ—ни одного шага къ разрѣшенію его. Буквально не сдѣлано ничего. Уполномоченные обѣихъ сторонъ съѣзжались, но—разъѣзжались и все снова вступало въ періодъ переговоровъ, продолжающихся и нынѣ. Столь же много успѣховъ достигнуто Портой и въ финансовыхъ дѣлахъ ея.

Турецкое правительство, подобно прежнему времени, обращалось, для поправленія средствъ своихъ, къ займамъ. Но и эта попытка, до сихъ поръ, не увѣнчалась успѣхомъ. Въ числѣ финансовыхъ проектовъ, казалось, одинъ имѣлъ значительныя данныя за себя. Мы говоримъ о предложеніи, сдѣланномъ компаніей французскихъ капиталистовъ, съ маркизомъ Токвилемъ во главѣ. Портѣ предлагался заемъ въ 150 мил. франковъ, съ условіемъ обезпеченія погашенія долга турецкаго таможенными сборами, причемъ таможни должны были бы состоять подъ управленіемъ европейцевъ, а пошлины увеличены на 2%; проектъ поддерживался французскимъ посланникомъ Журнье, но—Порта не согласилась отдать таможенную часть въ руки иностранцевъ и проектъ не былъ подписанъ. Точно такой же исходъ имѣлъ проектъ займа у англійскихъ банкировъ предполагавшійся при содѣйствіи англійскаго правительства. Внутри имперіи, также

и за этотъ годъ, вообще было мало спокойствія. Волненія въ Македоніи, въ Арменіи, Курдистанѣ, не говоря уже о томъ, что нынѣ происходитъ въ Албаніи,—вотъ обычныя явленія въ Турціи. Движеніе въ Македоніи началось еще въ августѣ 1878 года. Въ г. Софіи былъ организованъ центральный комитетъ, имѣвшій сношеніе съ различными мѣстными комитетами Болгаріи, Румеліи и Македоніи. Но между предводителями (въ числѣ которыхъ были люди, принадлежавшіе къ различнымъ славянскимъ народностямъ) было мало согласія и единства, отряды не имѣли удачи въ стычкахъ и движеніе пріостановилось, превратившись, по прежнему, въ сдержанное раздраженіе, выражающееся, тамъ и сямъ, въ отдѣльныхъ вспышкахъ.

Не смотря на все понятное нежеланіе Порты дать Австріи свое согласіе на занятіе новобазарскаго пашалыка—ей пришлось дать это вынужденное разрѣшеніе и—австрійцы уже тамъ. Вездѣ въ Македоніи и другихъ мѣстностяхъ на югъ отъ Балканъ, одно время, (вѣроятно и теперь) были разсѣяны многочисленные австрійскіе агенты, стремящіеся создать такое положеніе дѣлъ, которое повело бы къ австрійской окупаціи территоріи между Новымъ Базаромъ и Эгейскимъ моремъ. Это еще не удалось и будемъ надѣяться—не удастся.

Какъ ни старался между прочимъ Биконсфильдъ, ему не удалось, по крайней мѣрѣ формально, сосредоточить власть въ оттоманской имперіи въ рукахъ англійскихъ агентовъ, пользующихся, конечно, громаднымъ вліяніемъ въ Турціи. Султанъ всѣми мѣрами отстранялъ и отстраняетъ непосредственное участіе ихъ въ завѣдываніи дѣлами имперіи.

Въ виду этого, желая усилить авторитетъ этихъ агентствъ своихъ, лордъ Биконсфильдъ оказалъ давленіе на Порту и—Бэкеръ-паша получилъ свое непонятное назначеніе главнаго инспектора реформъ въ Малой Азіи. Англійскому премьеру, конечно, мало острова Кипра и онъ добивается новаго, какого либо пункта въ предѣлахъ Турціи. Указывали даже мѣстность близъ Батума....

Румелія, отторгнутая отъ Болгаріи, превращена въ автономную провинцію подъ управленіемъ генералъ-губернатора, при которомъ состоитъ временная международная комисія: комисія эта, въ одно и то же время, имѣетъ значеніе и совѣщательной и рѣшающей. Генералъ-губернаторъ, князь Вогоридесъ (по турецки Алеко-паша), при первыхъ же шагахъ своихъ, имѣлъ небольшое столкновеніе съ румеліотами изъ за того, что явился къ нимъ въ фескѣ. Онъ, однако, быстро перемѣнилъ ее на болгарскую шапку, и насколько могъ, съ своими сомнительно-болгарскими симпатіями,—сдѣлался, по крайней мѣрѣ, возможнымъ на своемъ постѣ. Само собою понятно, онъ самъ больше позаботился о томъ, чтобы больше сойдтись съ Портой. Недавно онъ ѣздилъ въ столицу Турціи, являлся султану, былъ обласканъ имъ и—уничтожилъ патріотическія гимнастическія общества въ Румеліи, организованныя нами...

Румелія обязана Россіи не только своей свободой, но и другимъ великимъ благомъ—наше правительство настояло на томъ, чтобы турецкія войска не были допущены въ горные проходы Балканскаго хребта.

Въ февралѣ бывшимъ императорскимъ русскимъ комисаромъ въ Болгаріи, княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ, открыто было въ Трновѣ первое собраніе представителей Болгарскаго княжества, созваннаго для разсмотрѣнія государственнаго устава. Проектъ (см. № 9) состоявшій изъ 22 главъ и опредѣлявшій порядокъ управленія княжествомъ, престолонаслѣдія и т. д., былъ утвержденъ почти безъ измѣненія. Затѣмъ, другимъ, важнѣйшимъ актомъ политической жизни новаго княжества было избраніе князя, послѣдовавшее чрезъ два мѣсяца, когда уже уставъ былъ утвержденъ собраніемъ и подписанъ членами. Кандидатами на престолъ княжества называли нѣсколько лицъ, между прочимъ, того же Алеко-пашу, принца Датскаго Вольдемара, но, единственнымъ серьезнымъ—явился принцъ Александръ Баттенбергскій, выбранный (единогласно, 17 апрѣля) и вступившій на престолъ подъ именемъ князя Александра I. Торжественно прибывшій, нѣсколько времени спустя, въ предѣлы своего государства и короновавшійся, молодой государь назначилъ министерство, затѣмъ объѣхалъ княжество, дабы ознакомиться съ нимъ, на первыхъ же порахъ. Первое болгарское министерство было сформировано подъ предсѣдательствомъ Балабанова, нѣсколько въ консервативномъ духѣ (портфель военнаго министерства врученъ генералъ-маіору русской службы Паренсову, человѣку, выказавшему свои замѣчательныя способности въ минувшую войну.) Къ сожалѣнію, либеральная партія, не понимая хорошо значенія настоящей минуты, переживаемой только что созданнымъ княжествомъ, увлекаясь мелкими и узкими интересами личными, нарушила правильное теченіе дѣлъ.

Въ Сербіи, въ нынѣшнемъ году, обозначилась довольно сильная оппозиція Ристичу, что же касается Румыніи, то, благодаря настояніямъ англійскаго премьера, она, до сихъ поръ, еще не была признана европейскими державами въ качествѣ самостоятельнаго княжества, такъ какъ не установила у себя равноправности евреевъ. Но, хотя Румынія и не подчинилась вполнѣ этому требованію,—она встрѣтила, наконецъ, сочувствіе въ Италіи, которая недавно признала его и прислала уже своего посланника. Слышно уже, что и другія державы склоняются къ тому же.

Наиболѣе выдающимся событіемъ въ Австро-Венгріи, конечно, является выходъ въ отставку графа Андраши, на мѣсто котораго назначенъ посланникъ австрійскій при итальянскомъ дворѣ, баронъ Геймерле. Удаленіе отъ дѣлъ бывшаго австро-венгерскаго канцлера объясняется несогласіемъ его съ большинствомъ въ вопросѣ объ занятіи Босніи и Герцеговины.

Въ Германіи, князь Бисмаркъ, сойдясь съ католическими клерикалами и съ консерваторами, провелъ таможенные законы, повысившіе тарифъ на предметы ввоза. Эльзасъ и Лотарингія соединены въ одну отдѣльную провинцію, намѣстникомъ которой назначенъ фельдмаршалъ Мантейфель.

Франція перемѣнила своего президента республики. Герцогъ Мадженскій, не согласившись уволить, по требованію республиканцевъ, нѣсколькихъ корпусныхъ командировъ, остававшихся въ должностяхъ своихъ болѣе допускаемаго нынѣшними законами времени,—обратился (18-го января 1879 г.) къ президентамъ палатъ съ письмомъ, въ которомъ отказался отъ своего поста. Собравшійся въ тотъ же день, конгресъ единогласно избралъ президентомъ республики Греви, а на его мѣсто—президентомъ палаты депутатовъ—Гамбетту. Министерство Дюфора (бывшее при маршалѣ) тоже подало въ отставку. Въ настоящую минуту, Франція переживаетъ новый министерскій кризисъ—министерство Ваддингтона обратилось съ подобной же просьбой къ Греви, который принялъ ее, поручилъ составленіе новаго кабинета Фрейсине и кабинетъ уже составленъ.

Едва ли можно назвать 1879 г.—удачнымъ для Англіи вообще, и для лорда Биконсфильда въ особенности. Его удачи въ Турціи не уравновѣшиваются неудовлетворительнымъ положеніемъ дѣлъ внутри соединненаго королевства и неудачами въ Африкѣ и Азіи. Къ тяжелому экономическому положенію, выразившемуся въ многочисленныхъ банкротствахъ и пріостановленіи фабрикъ, присоединилось волненіе въ Ирландіи, которое приняло небывалые размѣры.

Въ Африкѣ, если и окончилась борьба собственно съ Сетевайо, стоившая значительныхъ пораженій, въ родѣ Изэндуэльскаго, и украшенная безславнымъ для англійскаго оружія эпизодомъ гибели несчастнаго принца Луи-Бонапарте—за то усилилась вражда боэровъ, готовыхъ возстать для того, чтобы возвратить независимость свою. Къ тому же, англичане не совсѣмъ еще покорили и зулусовъ—одинъ изъ вождей ихъ, Секокени еще держится съ своимъ отрядомъ.

Въ Азіи же—неудача гораздо серьезнѣе, повторяется что-то въ родѣ 1842 г. Послѣ своихъ успѣховъ надъ эмиромъ Якубъ-Ханомъ, послѣдовавшимъ умершему Ширъ-Али, англичане посылаютъ спеціальное посольство. Посольство это истреблено и теперь положеніе дѣлъ тамъ неблестящее.

Новыя книги.

Записки охотника *И. С. Тургенева Спб. 1880 г.* Это первое стереотипное изданіе, которое нашъ маститый писатель выпустилъ совершенно отдѣльно и такимъ образомъ даетъ возможность желающимъ пріобрѣсти, помимо дорогаго полнаго изданія, ставшіе классическими „Записки охотника." Есть тутъ и біографическій очеркъ автора и его портретъ на обертке.

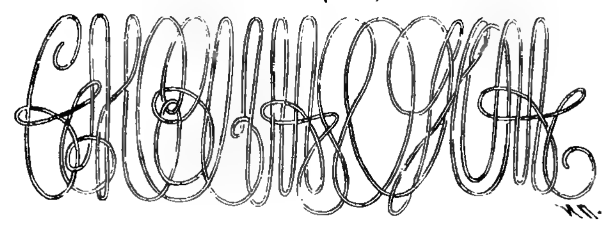
Книга былинъ, *составилъ В. П. Авенаріусъ, Спб. 1880 г.* Это новое изданіе книги о Кіевскихъ богатыряхъ, дополненое былинами Новгородскими, Московскими, Петровскими и безъимянными. До послѣдняго времени эти чисто-народныя произведенія были достояніемъ спеціальныхъ изданій и для общества оставались недоступными. Первое изданіе книги, г. Авенаріуса уже разошлось. Теперь, когда народная пѣсня все болѣе и болѣе замѣняется пошлымъ „романсомъ" и наглою фабричною „припѣвкою," особенное, утѣшительное значеніе имѣетъ такое вниманіе общества къ своей родной былинѣ и особенной благодарности заслуживаютъ почтенные собиратели „съ голоса" послѣднихъ пѣвцовъ, послѣднихъ отрывковъ русскаго народнаго эпоса, для современнаго, извращеннаго гривуазными пѣсенками уха, кажущихся скучными. Изданіе—одно изъ роскошнѣйшихъ въ этомъ году, снабжено прекрасными рисунками талантливаго Н. Каразина и А. Прохорова.

Четверть вѣка назадъ, *романъ въ 2-хъ ч. Б. М. Маркевича, 1880 г. Спб.* Романъ г. Маркевича, былъ уже въ свое время высоко оцѣненъ читателями Русскаго Вѣстника, гдѣ онъ печатался. Интереснѣйшій разсказъ, вѣрная жизненная картина общества того времени, еще не очень давняго, но уже, кажется, отошедшаго такъ далеко отъ насъ, всегда ровное, художественное изложеніе, все это—дорогія достоинства, далеко не часто встрѣчающіеся, особенно теперь. Мы позволимъ себѣ быть нескромными: недавно намъ случилось слышать первую часть новаго романа г. Маркевича „На переломѣ" и такаго полнаго, живаго художественнаго впечатлѣнія мы давно не выносили. Недостатки, встрѣчавшіеся въ первомъ романѣ — нѣкоторое обиліе подробностей, затягивающее ходъ дѣйствія, (особенно для современнаго торопливаго читателя) несоотвѣтствіе иныхъ частей экономіи цѣлаго—совершенно уже не встрѣчаются въ оживленныхъ, прекрасныхъ страницахъ новаго произведенія г. Маркевича, съ которымъ можно поздра-

вить журналъ, гдѣ онъ будетъ печататься.

Сочин. Г. П. Данилевскаго, *т. Г. Мировичъ. историч. романъ въ 3 ч. 1880 г. Спб.* Этотъ романъ, печатавшійся въ „Вѣстникѣ Европы“ вышелъ теперь отдѣльно. Въ этотъ же томъ вошли прекрасныя историческія же повѣсти „Потемкинъ на Дунаѣ“ и „Послѣдніе Запорожцы.“ Не мѣсто въ краткой замѣткѣ пускаться въ разсужденія о достоинствахъ и недостаткахъ произведенія, о которомъ столько говорилось. Здѣсь мы только скажемъ, что по нашему мнѣнію — по выбору потрясающаго, драматическаго сюжета и по блестящему, мѣстами, выполненію, романъ этотъ—удачнѣйшее произведеніе г. Данилевскаго и непремѣнно будетъ много читаться и имѣть успѣхъ. Стоитъ припомнить такія мѣста напр. какъ сцена покушенія въ ночь на 4 іюля или глава „Послѣдній день Петра III,“ чтобы признать справедливость такаго мнѣнія.

Задача монограма, № 1.

Шашечная задача № 2.

Гр . . . . . . а.

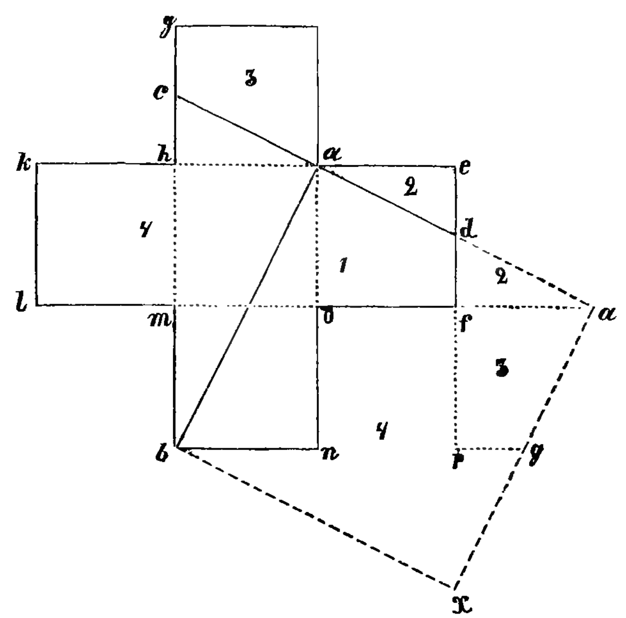
Черныя.

			30				32
25		26		27		28	
	21						24
		18		19		20	
	13						16
		10		11		12	
	5		6				8
				3		4	

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ одну черную дамку и двѣ простыя шашки.

Рѣшеніе геометрической задачи въ № 50 „Нивы“ 1879 г.

Искомыя линіи будутъ a b и c d, изъ нихъ c d проведена перпендикулярно къ a b черезъ точку *a*, причемъ c d придется въ серединѣ g h и e f, потому что трехъугольникъ a b c прямоугольный, a h перпендикулярно къ b c, слѣд. b h: a h = a h: h c, (или 2: 1 = c h) откуда c h = ½, a e d = ½ e f.

Линіями a b и c d площадь креста разбилась на 4 части, изъ которыхъ квадратъ составляется слѣдующимъ образомъ: линія ab, какъ гипотенуза прямоугольнаго треугольника a b h будетъ длиною равною $\sqrt{5}$ (принимая бокъ каждаго квадрата за 1), площадь креста равна 5-ти квадратнымъ единицамъ, слѣд: a b = $\sqrt{5}$ будетъ стороною квадрата равномѣрнаго съ площадью креста. Часть 2 прикладывается къ 1 стороною e d къ d f, 4-я часть ломаною линіею b m l k h c прикладывается къ b n o f p g и наконецъ 3-я часть займетъ мѣсто g p f a. Получили квадратъ a b à x.

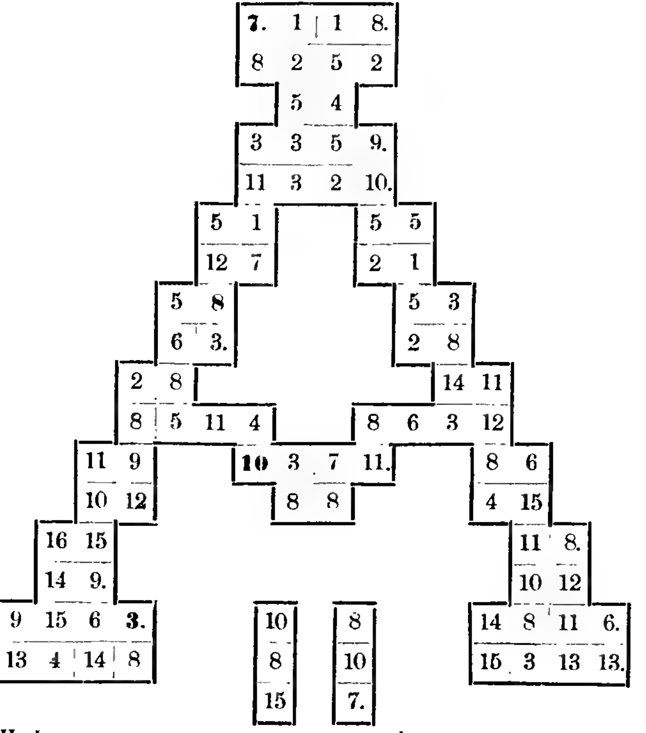
Вѣрныя рѣшенія этой задачи прислали: **Спб.** отъ гг.: Н. Нестеровъ, С. Н. К., М. И. В - г—нъ, Осипъ Радзиковскій, И. С. Елбсѣевъ; **Москва**, отъ гг.: Ѳ. М. Жильцова, Пупырникова; **Вильна**—гг. С. ф. Котена, Зѣвакина. **Мозырь**—г. Юл. Лапина. **Курскъ**—г. Крымова.

Задача буквъ № 3.

Изъ слѣдующихъ буквъ:
d, a, a, a, a, б, б. б, в, в, в, в, в, в, в, г, г. д, д, д, е. е. е. е. е. ж, ж, з, і, і. и, и, и, и. к. к, л, н, н, н, н, н, н, н, н. о, о, о. о, о, о, о, о, о, о, о, о. о, о, о. о, о, п, п, п, п, р. р, р, р. с, с. с, с, с, т, т, т. т. у. у, ч, щ, ъ, ь. ѣ. х, я,
составить 16 словъ:

1) весьма распространенный журналъ.
2) портовый городъ Россіи.
3) герой минувшей войны.
4) университетскій городъ Россіи.
5) житель города.
6) предводитель войскъ.
7) пѣвчая птица.
8) одно изъ пяти чувствъ.
9) кормъ домашняго скота.
10) игра въ карты.
11) сухопутный двигатель.
12) портовый городъ Россіи.
13) часть вѣка.
14) порода лошади.
15) лѣсная дорога.
16) личное мѣстоимѣніе.

и затѣмъ буквы найденныхъ словъ, разставить въ нижеслѣдующей фигурѣ на мѣстахъ цифръ, соотвѣтствующихъ словамъ въ вышеуказанномъ порядкѣ. т. е. буквы перваго слова—на мѣстѣ 1-й буквы втораго слова—на мѣстѣ 2, и т. д., но такъ, чтобы получилось названіе событія второй половины нынѣшняго столѣтія.

Цифры, напечатанныя жирнымъ шрифтомъ, означаютъ начало названія другаго событія.

Рѣшеніе шашечной задачи № 19.

Бѣлыя.	Черныя.
Съ № 14 на 19	Съ № 15 на 22
„ „ 7 „ 12	„ „ 8 „ 15
„ „ 23 „ 28	„ „ 32 „ 23
„ „ 21 „ 26	„ „ 30 „ 21
„ „ 25 „ 18	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи прислали: **С.-Петербургъ**, гг.: А. Шамшиновъ, Д. Ивановъ, З. Нѣмцовъ, Ф. Геннингъ, Ф. Кригининъ. Н. Тарасовъ, А. Мещерскій и С. Богдановъ; **Москва**, гг. А. Медвѣдевъ, Н. Самсоновъ; **Витебскъ**—г. Задунавскій, **Кузнецкъ** -г. Кочетовъ, **Пенза**—г. М. Магнитовъ, **Гжатскъ**—г. А. Каменская, **Валдай**—г. Е. Ахмаментовъ, **Кронштадтъ**—г. Даржанъ.

Рѣшеніе задачи буквъ въ № 50 „Нивы“ 1879 года.

1) борец
2) Данія
3) вол
4) вар
5) лѣто
6) Iя
7) пиво
8) Тит
9) Вася
10) дест
11) цаца
12) дитя

Д	В	А	Д	Ц	А	Т	И	П	Я	Т	И	Л	Ѣ	Т	I	Е
		Ц	А	Р	С	Т	В	О	В	А	Н	I	Я			
Ц	А	Р	Я	—	О	С	В	О	Б	О	Д	И	Т	Е	Л	Я

Вѣрныя рѣшенія этой задачи прислали: **С.-Петербургъ**, гг.: Н. Феклинъ, П. Руске, Посновы, А. Кетчеръ, В. Чилицкій, А. Левицкій, В. Журовскій, Н. Васенко, Ятсокъ, Ив. Кузнецовъ, А Ѳедоровъ, Іевлевъ, Ив. Ряаовъ, З. Вулихъ, А. Маковецкій, Грикуровъ, П. Тверская, Д. Глотовъ, Войяновскій, А. Дмитріевъ, Е. Г—вой; **Москва**, гг.: Т. Петрова, П. Ереминъ, Дихтъ, Н. Добровъ, В. Позneковъ, А. Дробишъ, Пупырниковъ, Ив. Трубецкой, В. Зѣвакунъ, А. Малявинъ, В. У—й; **п. Кольвино**—г. И. Денисовъ, **Нарва**—г А. Ефимовъ, **Славянка**—г. А. Фрейгангъ, **Ломжа**—г. М. С. Новинскій, **Ковель**—г Смольянинова и С. Вележевъ, **пос. Любанскій**—Анна Зилова, **ст. Вильковишки**—г. Андрониковъ, **Варшава**—Савченко, **Рига**—г. Костогорова, **Якобштадтъ**—г. І. Соколовскій, **Бобруйскъ**—г. А. И. Крицкій, **Череповецъ**—г. Е. Гусева, К. Соловьевъ, **Орелъ**—гг. А. Бойко и Дѣлоскинъ, **Гжатскъ**—г. А. Каменская, **Вильна**—Серафима фонъ-Котэнъ, **Ярославль**—И. Уткинъ, **Мозырь**—Юл. Ланичъ, **Кронштадтъ**—г. Даржанъ

КЪ НАШИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Объ изданіи журнала „Нива“ въ 1880 г.

„Нива“ будетъ издаваться въ нынѣшнемъ 1880 году по той же программѣ и той же цѣнѣ, какъ и въ прошедшіе годы и, какъ уже и было втеченіи 10 лѣтъ, издатель будетъ постоянно расширять программу и улучшать достоинство премій и вообще помѣщаемаго матеріала.

Наши постоянные читатели знакомы съ нашимъ журналомъ, и знаютъ какую массу чтенія даемъ мы, какъ художественно выполняются гравюры и какія цѣнныя преміи „Нива“ въ прошломъ наприм. году дала своимъ подписчикамъ; цѣна изданія при всѣхъ этихъ капитальныхъ улучшеніяхъ остается таже. Нашимъ постояннымъ читателямъ нечего повторять, что **„Нива“**—соображая массу даваемаго матеріала—**самый дешевый журналъ въ Россіи.**

Что касается матеріала вообще и произведеній, имѣющихся въ нашихъ рукахъ **для помѣщенія въ „Нивѣ“**, у насъ есть **кромѣ массы художественно выполненныхъ гравюръ**, цѣлый рядъ капитальныхъ **литературныхъ** произведеній какъ: **большой романъ** изъ современной жизни въ 2-хъ частяхъ: **Купленное счастье**“ **Н. Морскаго** (автора романа „Аристократія Гостиннаго двора“). — **„Лѣсникъ“**, большая повѣсть въ 2 частяхъ **Б. Маркевича.** — **Кара-Джигитъ** разсказъ **Н. Н. Каразина**, съ большими рисунками самаго автора; — **„Королевичъ Владиславъ“** и **„Зарница“** двѣ историческія повѣсти **В. Политковскаго**; — **„Ночь“** повѣсть **Н. Морскаго**; — четыре разсказа **Н. Боева**: **„Божья воля“**, **„Близь желѣзной дороги“**, **„Три тысячи“**, **„На крайнемъ востокѣ“**; — **„Призракъ“** Повѣсть **В. В. Крестовскаго**; — разсказы изъ исторіи русскаго искуства: **„Горькое горе“**, **„Лемтюжниковъ“**, и **„Гашишъ“ П. П. Гнѣдича**; — рядъ очерковъ изъ исторіи русской литературы **А. П. Милюкова, В. С. Соловьева.** Съ этаго перваго номера начавшаяся печатаніемъ большая повѣсть **А. А. Потѣхина**, **„Иванъ да Марья“**; — разсказъ **А. Авсѣенко**, **„Губернская Перикола“** и многія другія.

Какъ преміи на 1880 годъ мы дадимъ **двѣ превосходныя, исключительно для „Нивы“ исполненныя и составляющія нашу собственность, большія акварели знаменитаго М. Зичи**, придворнаго художника Е. И. Величества. Содержаніе картинъ взято изъ того же чуднаго, фантастическаго „Демона“ Лермонтова, къ которому уже не разъ обращалась мысль художника. Наши картины изображаютъ два момента поэмы: **1) Пляска Тамары и 2) Умершая Тамара въ цвѣтахъ, окруженная родными.** Достоинства блестящаго таланта **М. Зичи** слишкомъ извѣстны. **Прелесть лицъ, блескъ красокъ живописныхъ восточныхъ костюмовъ, переданы художникомъ съ его обычнымъ мастерствомъ.** Такимъ образомъ „Нива“ и въ 1880 г. будетъ стремиться дать своимъ подписчикамъ оригинальныя произведенія самыхъ талантливыхъ писателей и художниковъ.

Подробное объявленіе о подписныхъ цѣнахъ можно видѣть на 1-ой страницѣ этаго номера подъ титуломъ.

Желающихъ **подписаться** на 1880 г. „Нивы“ просятъ обращаться въ **Главную Контору редакціи журнала „Нива“, помѣщающуюся въ С.-Петербургѣ, Большая Морская ул., д. № 9.**

Издатель „Нивы“ А. Ф. Марксъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Пенза, М. И. И. Мы очень вамъ благодарны за выраженное вами лестное мнѣніе о нашемъ журналѣ, но исполнить просьбы вашей не можемъ.

Харьковъ, Д. М—у.

Я съ гитарой одинокой
Въ рощѣ тамъ сидѣлъ;
Струны жалобно звучали
Голосъ имъ *вторилъ*.

Меланхолическое положеніе. Но вторить—имѣетъ удареніе на первомъ слогѣ.

Спб. Студ. Проз ому. Это очень смѣшно, что вы говорите будто нужно *кумовство* какое-то, *протекція*, чуть не взятка, чтобы напечатать свои произведенія гдѣ нибудь. Могу васъ увѣрить, что ни одинъ издатель не возьметъ взятки, чтобы печатать плохіе стихи, если онъ ихъ такими находитъ. Нужно одно: талантъ. Стихотворнаго у васъ нѣтъ.

Тула, В. С -ву.

Бѣдные люди! Зачѣмъ вы живете?
Зачѣмъ *напрасно* вы небо коптите?

По вашему выходитъ есть такіе, что коптятъ небо *не напрасно*.

С. Гари, С. В—дову. Если вамъ нужно знать наше мнѣніе о вашей попыткѣ, то она неудачна.

Ташкентъ, О. К.

Бразды на чело наложили
Борьба и сомнѣнія ядъ....

Ядъ наложилъ *бразды* да еще на *чело*!!

Архангельскъ, У—скому. „Произведеніе вашей фантазіи" неудобно.

Новочеркаскъ, Н—у. Ваши, какъ вы говорите „двѣ рукописи въ стихахъ" согласно вашему желанію, уничтожены.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

№ 21. Вознесенскій проспектъ № 21.

СКЛАДЪ ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ ВСѢХЪ СИСТЕМЪ.

американскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ конструкцій

А. ШТЕЙНЪ, бывш. Г. Френкель.

ПРОДАЖА ОПТОМЪ И ВЪ РОЗНИЦУ.

Ручныя машины, 20 разныхъ констр., отъ **12** до **45 р.**
Ножныя » 40 » » » **35** » **350** »

Системы: Зингеръ отъ **40**, Виллеръ и Вильсонъ отъ **35**, Гау отъ **45**, Гроверъ и Беккеръ отъ **40** р.

СПЕЦІАЛЬНОСТЬ МАШИНЪ для выметыванія петель, вязанія плиссе, вышиванія, шитья перчатокъ и для шитья варной дратвой

ЦѢНЫ ФАБРИЧНЫЯ.

БЕЗПЛАТНО высылка подробнаго иллюстрированнаго прейсъ-куранта и пробныхъ работъ, въ видѣ обрѣзокъ спеціальныхъ машинъ.
№ 341 10—3

АМЕРИКАНСКІЯ КАПЛИ И ЭЛИКСИРЪ

противъ зубной боли.

ИППОЛИТА МАЕВСКАГО.

Главное депо у дрогистовъ

Рульковіусъ и Гольмъ.

Казанская, уголъ Демидова переулка, № 27.

а продажа у Штэль и Шмидта, Оскаръ Гертхенъ, Рузанова, Саблукова, Сафронова, Линде, въ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами и у всѣхъ аптекарей. Цѣны каплямъ, безъ запроса, напечатаны на каждомъ флаконѣ эликсира.
№ 385 5—4

Въ **1880** году.

„ВАРШАВСКІЙ ДНЕВНИКЪ"

въ формѣ ежедневной газеты, будетъ издаваться по новой, расширенной программѣ, съ изъятіемъ изъ подъ общей цензуры. Газета будетъ слѣдовать вообще такъ называемому **консервативному** направленію, столь необходимому въ настоящее время и будетъ стараться уяснять, въ смыслѣ объединительномъ, какъ русскіе, такъ и польскіе внутренніе вопросы. Всякое правдивое и сочувственное сообщеніе, всякая здравая мысль въ духѣ разума, миролюбія и трезваго пониманія современныхъ общественныхъ задачъ Россіи, какъ внутри ея, такъ и на окраинахъ, будутъ приняты Редакціею съ искреннею благодарностью.

Подписная цѣна остается прежняя, то-есть: на годъ, съ пересылкою—12 руб.; на шесть мѣсяцевъ—6 руб.; на три мѣсяца—3 руб. и на одинъ мѣяцъ - 1 руб.—Въ Варшавѣ, съ доставкою на домъ, на годъ 9 руб. 60 коп.; на полгода —4 руб. 80 коп.; на три мѣсяца—2 руб. 40 коп. и на одинъ мѣсяцъ - 80 к.

Адресъ: въ Варшаву, въ Редакцію „Варшавскаго Дневника."
№ 502 2—1 Редакторъ: **Князь Н. Н. Голицынъ.**

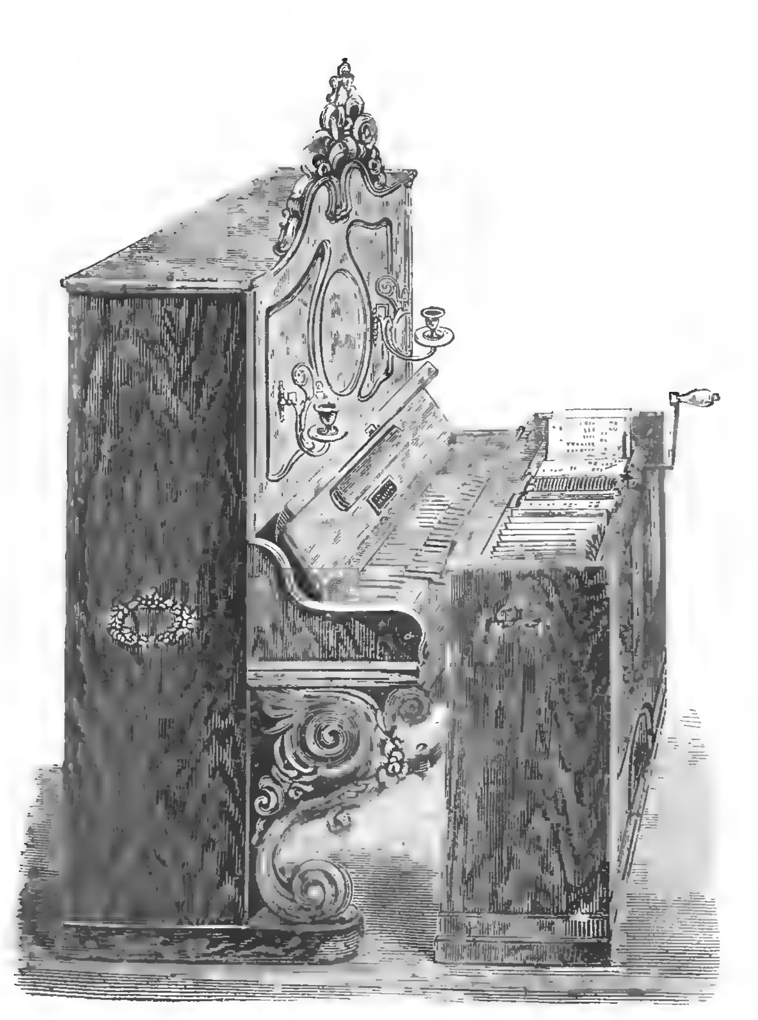
МАГАЗИНЪ

„A LA VILLE DE PARIS"

Въ С.-Петербургѣ, Невскій просп., № 15, у Полицейскаго моста.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ

МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

МЕХАНИЧЕСКІЙ ТАПЕРЪ.

ФИСГАРМОНИКИ,

Фабрики ДЕБЕНА И Комп. ВЪ ПАРИЖѢ.

въ 4 октавы	1 регистромъ		С. Р.	95
„ 5 „	1 „		„	120
„ 5 „	3 „		„	150
„ 5 „	5 „		„	175
„ 5 „	8 „		„	240
„ 5 „	10 „		„	300
„ 5 „	12 „		„	350
Гармонино на ножкѣ			„	90

Фабрики ШИДМЕЙЕРА въ Штутгартѣ.

въ 4 октавы	3 регистрами		С. Р.	165
„ 4½ „	3 „		„	175
„ 5 „	8 „		„	275
„ 5 „	10 „		„	300
„ 5 „	11 „		„	350
„ 5 „	12 „		„	400
„ 5 „	21 „	съ 2 клавіатурами, Percussion и 2 genouillières. . . .	„	850

ГАРМОНИФЛЕЙТЫ

фабрики **Бюссона** въ Парижѣ.

въ 3 октавы	1 регистромъ		С. Р.	45
„ 3½ „	1 „		„	65
„ 3½ „	2 „	съ сурдиною и тремоло	„	80
„ 4 „	1 „		„	85
„ 4 „	2 „	тоже	„	100
„ 4 „	2 „	тоже съ большой клавіатурой и 2 педалями	„	160
Педаль (подставка для Гармонифлейта			„	10

ГАРМОНИФЛЕЙТЪ-ОРГАНЫ

фабрики **Бюссона** въ Парижѣ.

въ 4 октавы, съ большой клавіатурой и 4 валами, играющіе 24 піесы		С. Р.	350
„ 3½ „ съ маленькой клавіатурой и 4 валами играющіе 24 піесы		„	250
Отдѣльный валъ въ 4 октавы		„	35
„ 3½ „		„	25

Звукъ этаго инструмента такой-же какъ обыкновеннаго гармонифлейта. Чтобы играть на органѣ надо вставить валъ и крутить ручкою. Кромѣ того можно играть и руками на къ нему приспособленной клавіатурѣ, какъ на обыкновенномъ гармонифлейтѣ.

МЕХАНИЧЕСКІЯ ПІАНИНО.

(Piano-mécanique)

фабрики **Дебена и Комп.** въ Парижѣ.

Наружный видъ этаго инструмента совершенно такой же какъ обыкновеннаго піанино, но въ немъ устроенъ механизмъ, который даетъ возможность исполнять самыя трудныя піесы посредствомъ вставленія маленькихъ досчечекъ (planchettes) и крученія ручкою. Кромѣ механизма этотъ инструментъ имѣетъ клавіатуру въ 7 октавъ для игры руками. Піанино трехструнное и новѣйшей конструкціи, и тонъ его не уступаетъ тону лучшихъ роялей.

Цѣна механическому піанино	С. Р.	900
Досчечки (planchettes) за 1 метръ	„	8

МЕХАНИЧЕСКІЙ ТАПЕРЪ.

Новый механизмъ, который приставляется къ любому роялю или піанино и виолнѣ замѣняющій игрока. Игра производится посредствомъ особенныхъ картонныхъ піесъ (нотъ) и съ помощью вращаемой ручки.

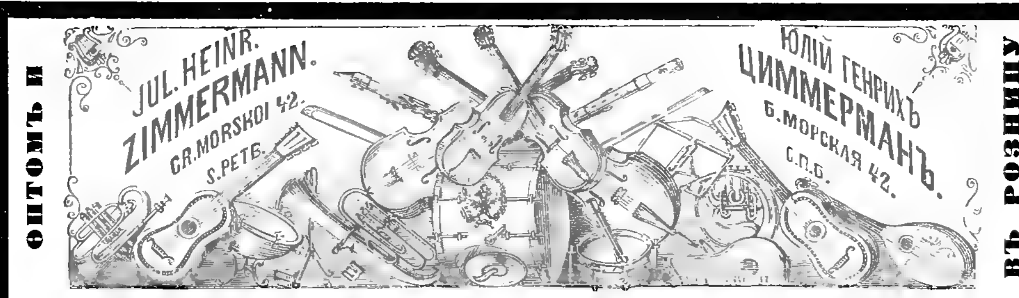
Цѣна механическому таперу	С. Р.	500 —
Піесы (ноты) за 1 метръ	„	1 75 к.

орнеты фабрики **Куртуа** въ Парижѣ . . . . отъ 90 р. до 175 „
„ „ **Готро** въ „ . . . . 35 „

Концертино фабрики **Лакеналь** въ Лондонѣ . . . отъ 40 р. до 100 р.
Музыкальные ящики лучш. швейцарскихъ фабрикъ отъ 2 р. 50 к. до 300 „

Гг. иногородныхъ желающихъ имѣть болѣе точныя свѣдѣнія просятъ обращатся письменно.

ОПТОМЪ И

ВЪ РОЗНИЦУ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

Юлія Генриха Циммермана. С.-Петербургъ. В. Морская, № 42.

рекомендуетъ для подарковъ къ Рождеству въ большомъ выборѣ по фабричнымъ цѣнамъ:

Скрипки по 2 р. 50 к., 5 р., 6 р., 8 р., 12 р., 20 р., 25 р., 35 р., 50 р., 100 р. и дороже.
Смычки по 50 к., 1 р. 25 к., 2 р., 3 р., 5 р., 8 р. и дороже.
Футляры для скрипокъ по 2 р. 50 к., 5 р. 50 к., 7 р., 10 р. и дор.
Школы для скрипки по 2 р., 3 р., 4 р., 5 р.
Цитры по 14 р., 16 р., 20 р., 35 р., 50 р. и дороже.
Школы для цитръ по 2 р. и 3 р. 50 к., ноты по 50 к. и 60 к.
Флейты по 3 р., 5 р., 7 р., 10 р., 12 р., 20 р., 35 р. и дор.
Школы для флейты по 1 р. 50 к. и 3 р.
Кларнеты по 6 р., 10., 15., 20 р., 30 р., 40 р. и дороже.
Школы для кларнетовъ 4 р.
Корнеты-а-пистонъ по 18 р., 25 р., 30 р., 40 р. 50 р. и дор.
Школы для корнета по 1 р. 50 к., 4 р., 5 р.
Гитары по 3 р. 50 к., 5 р., 8 р., 10 р., 15 р., 20 р., 30 р., 40 р., 50 р., 75 р. и дороже.
Школы для гитаръ по 1 р. 50 к., 2 р. и 3 р.
Нѣмецкія концертино по 2 р. 75 к., 4 р., 5 р., 6 р. 8 р. 10 р., 12 р., 16 р. и дороже.
Школа для оныхъ по 75 к., ноты по 40 к. и 1 р.
Англійскія концертино по 30 р., 38 р., 45 р., 55 р., 70 р., 105 р., 125 р. и дороже.
Школа для оныхъ по 3 р., ноты 75 к., 1 р. и 1 р. 50 к.
Гармонифлюты по 45 р., 50 р., 65 р., 80 р. и 100 р.
Школы 75 к. 1 р. и 2 р. 50 к.
Гармонифлюты съ органомъ по 175 р. и 225 р.
Фусгармоніи по 50 р., 125 е., 175 р. 250 р. и дороже.
Музыкальные ящики по 2 р., 4 р., 6 р., 10 р., 25 р., 30 р. 35 р., 55 р., 65 р., 90 р. и дороже.
Шарманки по 10 р., 14 р., 20 р., 30 р., 40 р. и дороже.
Заграничн. гармон. разн. сортэ по 3 р., 4 р. 50 к., 5 р. 50 к, 7 р. 50 к., 10 р., 15 р., 20 р. 24 р., 30 р. и дор.
Школы и разныя ноты для гармоній по 50 к., 75 к., 1 р. и 1 р. 50 к.

Струны. сурдинки, канифоль, камертоны, метрономы, пюпитры и всѣ принадлежности; также віолончели, контрабасы; альты, мандолины, тромбоны, альтгорны; барабаны, тарелки, треугольники, литавры, бубны, кастаньеты, металлофоны, флажолеты, чаканы; окарины, бандондіоны, органчики для канареекъ, губныя гармоніи и проч.

Заказы изъ провинціи исполняются немедленно по полученіи денегъ. За пересылку прошу присылать приблизительно. Подробный прейсъ-курантъ высылается безплатно. № 419 6 5

КРЫШКИ

для переплета „НИВЫ" 1879 и также 1880 гг. по вышепоказанному образцу 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ въ губернскомъ городѣ легко можетъ переплесть „Ниву" въ такую коленкоровую крышку.

ЛІОНСКІЙ МАГАЗИНЪ

22. Невскій проспектъ. 22.

Морисъ Гессе

СПЕЦІАЛЬНОСТЬ МАТЕРІЙ ДЛЯ МЕБЕЛИ,

КОВРОВЪ, ЗАНАВѢСЕЙ, ШТОРЪ И УКРАШЕНІЙ

Ліонскій магазинъ,

единственный, въ которомъ гг. покупатели могутъ получить матеріи самыхъ изящныхъ рисунковъ и цвѣтовъ по дешевымъ цѣнамъ. № 462 3—3

ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ НОВАЯ КНИГА:

БЕСѢДЫ О РУССКОМЪ ЛѢСѢ.

КРАСНОЛѢСЬѢ

(хвойный лѣсъ),

сост. **Д. Кайгородовъ,**

преподаватель С.Петерб. Лѣснаго Института (со многими рисунками).

Цѣна 1 руб.

Лѣсной вопросъ—вопросъ насущный. Для удовлетворительнаго рѣшенія этаго вопроса нужны друзья лѣса, въ которыхъ чувствуется очень большой недостатокъ.

Чтобы сдѣлаться истиннымъ другомъ лѣса, надо его узнать; не зная нельзя любить. Кто любитъ лѣсъ, тотъ будетъ его и охранять.

И такъ распространеніе знаній о лѣсѣ въ удобопонятномъ изложеніи и при посредствѣ этихъ знаній пріобрѣтеніе друзей и охранителей для нашего роднаго, русскаго лѣса—вотъ цѣль появленія въ свѣтъ этой книги.

Гг. иногородные, адресующіе свои требованія прямо къ книгопродавцу А. Ф. Девріену, въ С.-Петербургъ, Вас. Остр., Больш. Просп., за пересылку не платятъ. № 504 1

СКРИПКИ!

Спеціальность образцовыхъ инструментовъ по собственной системѣ.

Самыя дешевыя и лучшія скрипки нашего времени, отличнаго тона отъ 6 до 12 марокъ, по конструкціямъ Страдиваріуса, Гварнерія, Амата и проч. отъ 20 марокъ и дороже, концертныя скрипки отъ 30 марокъ.

Большой выборъ альтовъ, віолончелей и контръ-басовъ превосходной работы. Смычки отъ двухъ до 30 марокъ; футляровъ отъ 6—10 марокъ; всѣхъ инструментальныхъ принадлежностей, итальянскихъ струнъ, гитаръ и цитръ.

Принимаютъ всякаго рода починки инструментовъ и высылаютъ инструменты подъ гарантіи. Имѣютъ рекомендаціи знаменитыхъ скрипачей: Аполлинарій Контскій, и солистъ Двора Его Императорскаго Величества Ауеръ, профессоръ Вильгельмъ Саразате, Соретъ, Зингеръ, Жанъ Беккеръ, Сивори, Леонара и проч.

Изобрѣтатель патентованныхъ нѣмыхъ скрипокъ для экзерцицій.

Прейсъ-куранты безплатно и франкировано.

БРАТЬЯ ВОЛЬФЪ.

Струнно-инструментальная фабрика въ Крейцнахѣ (Рейнсков. пров. Пруссія).

№ 800 3—3

ПАТЕНТОВАННАЯ ШАРООБРАЗНАЯ ЖАРОВНЯ ДЛЯ КОФЕ.

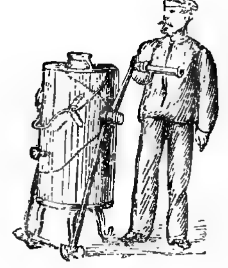
Желаемаго размѣра, новѣйшей конструкціи. Сниманіе шара съ огня а также выниманіе пробы не прерываютъ работу.

Въ Москвѣ и Лодзи мои жаровни уже давно въ употребленіи и пользуются большимъ успѣхомъ.

ЭММЕРИХСКАЯ МАШИННАЯ И ЛИТЕЙНАЯ ФАБРИКА.

№ 389

Въ Эммерихѣ на Рейнѣ (Германія).

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ

на 1880 годъ (21-й съ начала изданія) принимается въ Москвѣ у редактора протоіерея **В. Нечаева**, въ Толмачахъ. Цѣна за 12 книжекъ 3 р. 50 к., съ доставкой и пересылкой 4 руб. № 505 1—1

Вышелъ V-й т. соч. **Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО:** романъ: **„МИРОВИЧЪ"** въ 3-хъ частяхъ, повѣсти: **Потемкинъ, Послѣдніе Запорожцы,** примѣч. къ Мировичу (597 с.). Ц. 3 руб. Пересылка за 2 фун. Складъ: Спб., магазинъ Стасюлевича, Васильевскій Остр., 2-я линія, № 7. № 508 1

!!НОВОСТЬ!!

Визитныя карточки съ фотографическими медальйонами, снимаемыми съ натуры въ разныхъ позахъ, а также съ фот. портретовъ и карточекъ, присылаемыхъ по почтѣ. Шрифтъ по выбору заказчика. Цѣна визитныхъ карточекъ съ фот. медальйономъ и печатаніемъ имени, отчества, фамиліи и адреса 5 р. за сотню. Образчики даются и посылаются безплатно. Заказы принимаются въ фотографіи К. Андерсона: Невскій пр., д. № 76; Невскій пр., д. № 56, Англійскій пр. д. № 29; Офицерская ул., д. № 4; Гороховая ул. д. № 36. Фотогр. Андерсонъ.

№ 506 2—1

!! ОБЩЕДОСТУПНОЕ РОСКОШНОЕ ИЗДАНІЕ !!

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ РУССКИХЪ ЛИТЕРАТОРОВЪ, УЧЕНЫХЪ И АРТИСТОВЪ,

изданная **фотографомъ Шапиро** (Спб., Невскій, д. 30). Первый выпускъ „Галлереи" заключаетъ въ себѣ снятые съ натуры, въ размѣрѣ in-folio, портреты: **И. А. Гончарова, Ѳ. М. Достоевскаго, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова** и **И. С. Тургенева.** Каждый портретъ украшенъ орнаментомъ въ древне-русскомъ стилѣ и снабженъ біографіею на русскомъ и французскомъ языкахъ и снимкомъ съ почерка. Цѣна **за всѣ пять портретовъ съ біографіями** въ изящной обложкѣ **пять рублей,** въ роскошной папкѣ **6 рублей,** вѣс. 10 ф. Гг. торговцамъ обычная уступка. Продается въ **фотографіи Шапиро, СПбургъ, Невскій, д. № 30, у Казанскаго моста** и у **всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.** № 489 2 1

БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙБЕРГЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Переведена: Троицкій проспектъ близь Египетскаго моста собств. домъ № 13.

Билліоды и всѣ къ билліардной игрѣ принадлежности.

№ 497 9 2

При этомъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ три объявленія: 1) отъ редакціи газеты „Русскій Курьеръ", (2 листа) 2) отъ редакціи журнала „Свѣтъ и Тѣни" въ Москвѣ и 3) отъ книжнаго магазина Ф. А. Іогансона въ Кіевѣ.

Дозволено цензурою СПБ. 2-го января 1880 г. **Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.**

XI годъ | № 2 — ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — годъ XI | 1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 12 Января 1880 г. Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на 1880 годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургѣ	4 р.	Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ кн. маг. гг. Шапошникова, Соловьева и Лангъ	5 р.
Съ доставкою „	5 р.	Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи	6 р.

На полгода безъ доставки 2 руб., съ доставкою 2 руб. 50 коп., съ пересылкою иногороднымъ 3 руб.:—на четверть года безъ доставки 1 руб., съ доставкою 1 руб., 25 коп., съ пересылкою иногороднымъ 1 руб. 50 коп.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1880 г. номера.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ НА Б. МОРСКОЙ ВЪ Д. № 9.

Домикъ Лермонтова въ Пятигорскѣ. Съ фотогр. грав. Флюгель.

Домикъ въ которомъ жилъ М. Ю. Лермонтовъ въ Пятигорскѣ.

Еще въ 1871 году Высочайше была разрѣшена повсемѣстная подписка для сбора на сооруженіе въ Пятигорскѣ памятника М. Ю. Лермонтову. Въ 1875 году, по присоединеніи къ Терской области округа Кавказскихъ минеральныхъ водъ, въ Владикавказѣ даже былъ учрежденъ особый комитетъ по сооруженію памятника. Вскорѣ затѣмъ начались движенія среди Балканскихъ христіанъ, потомъ война съ Турціею—все это отвлекало пожертвованія въ другую сторону и комитетъ прекратилъ дѣйствія. Теперь дѣло это опять поднято. Посѣтители водъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ все полно еще воспоминаніями о поэтѣ, отнеслись къ этому дѣлу съ сочувствіемъ. Собрано всего 6977 р. Это и есть весь капиталъ, имѣющійся въ распоряженіи комитета, который приглашаетъ вновь желающихъ жертвовать на этотъ предметъ. Пожертвованія эти, между прочимъ, принимаются и въ конторѣ „Нивы“ (Большая Морская, д. № 9).

На нашемъ рисункѣ изображенъ скромный домикъ, гдѣ постоянно жилъ нашъ знаменитый поэтъ. Домикъ-мазанка съ облупившимися стѣнами, смотритъ тремя окнами и крыльцомъ во дворъ а двумя, скрытыми зеленью, въ поле; изъ этихъ окошекъ открывается прелестный видъ на „Бештау съ ея вассалами“, какъ называлъ поэтъ эти горы. Этотъ домикъ принадлежитъ теперь г. Чиляеву, стоитъ на окраинѣ Пятигорска и близокъ къ разрушенію, такъ какъ удаленъ отъ центра города и представляетъ мало удобствъ для квартирантовъ. Здѣсь писался „Герой нашего времени“. Казалось бы однаго этаго совершенно достаточно, чтобы пріобрѣсти въ общественную собственность этотъ домикъ, тѣмъ болѣе что въ настоящее время почти не осталось ничего напоминающаго о поэтѣ въ Пятигорскѣ, даже прославленный гротъ Лермонтова, въ которомъ происходилъ извѣстный эпизодъ романа—свиданіе Вѣры съ Печоринымъ—и тотъ запертъ.

Воспользуемся здѣсь случаемъ напомнить не всѣмъ извѣстные или полузабытые факты, касающіеся поэта. Онъ кончилъ жизнь на Кавказѣ, но похороненъ въ Пензенской губ. въ с. Тарханахъ, въ 10 верстахъ отъ города Чембара. Въ этой деревнѣ авторъ „Демона“ и „Героя нашего времени“ жилъ у своей бабушки Арсеньевой, здѣсь же нашелъ мѣсто вѣчнаго успокоенія.

Дворъ Тарханской усадьбы теперь весь заросъ густой травой. Небольшой барскій домъ окруженъ старымъ надворнымъ строеніемъ. Комната поэта была въ мезонинѣ, который теперь уже снятъ. Въ домѣ сохранилась его мебель—маленькій письменный столикъ и кресло. На дворѣ еще живетъ во флигелѣ слѣпецъ, бывшій слуга Лермонтова, Андрей Ивановичъ. Почтенный старикъ страстно привязанъ къ памяти своего знаменитаго господина и хранитъ какъ святыню портретъ его масляными красками. Домъ выходитъ въ садъ, теперь заросшій: темная аллея ведетъ подъ гору къ пруду. Но онъ самъ описалъ все это такими чудесными стихами!

Родныя все мѣста. Высокій барскій домъ
И садъ съ разрушенной теплицей,
Зеленой сѣтью травъ подернутъ спящій прудъ
А за прудомъ село дымится и встаютъ
Вдали туманы надъ полями.
Въ аллею темную вхожу я. Сквозь кусты
Глядитъ вечерній лучъ и желтые листы
Шумятъ подъ робкими шагами.

Съ плоскогорья видно село, церковь и каменная часовня. Въ часовнѣ покоятся и бабка поэта и самъ онъ. На черномъ мраморѣ памятника высѣчено золотыми буквами: „Родился въ 1814 г. 4-го октября“, а на право: скончался въ 1841 г. 24-го іюля“. На передней доскѣ просто: „Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ“ и двѣ переплетшіяся лавровыя вѣтки. На стѣнѣ противъ входа образъ и неугасимая лампада. Таково послѣднее жилище нашего незабвеннаго поэта.

Иванъ да Марья

Повѣсть

А. А. Потѣхина.

(Продолженіе).

III.

Иванъ воидя въ избу, кинулъ картузъ на лавку, проговорилъ: здорово, матушка! такимъ равнодушнымъ тономъ, точно часъ назадъ видѣлся съ ней а не уходилъ на цѣлую недѣлю, бережно уложилъ на полку свою гармонію и сѣлъ на лавку около стола.

— Поѣсть не хочешь-ли? лаконически спросила его Устинья, неизмѣняя своего скорбнаго выраженія и подходя къ печкѣ. Варево горячее берегла про тебя.

— Да, пожалуй, давай... Мы, правда, заходили съ ребятами въ трактиръ, да попромялся, видать: поѣмъ...

Устинья налила въ чашку постныхъ щей, забѣлила и поставила передъ сыномъ. Иванъ началъ лѣниво и молча хлебать, но скоро положилъ ложку и отодвинулъ отъ себя чашку.

— А окромя развѣ ничего нѣту? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, окромя больше ничего нѣту, Иванушка, отвѣчала Устинья. Да и съ чего быть-то? запасу у насъ своего нѣту никакого, безъ хозяйства живемъ, а купить бы чего: хоть бы мучки что-ли пшениченькой, али картошки, такъ купить-то не начто. Вотъ соль, и та подошла, и муки-то на хлѣбы уже займовала... до тебя...

Устинья говорила это какъ будто благодушно, безъ всякой задней мысли, даже старалась улыбнуться, но въ голосѣ ея слышался горькій упрекъ и сынъ его понялъ.

— На вотъ, матушка, возьми денегъ-то... проговорилъ Иванъ, вынимая изъ кармана штановъ кожаный портмоне. Онъ на половину открылъ его, порылся въ немъ не вынимая всѣхъ денегъ и видимо не желая показать матери что въ немъ содержится, досталъ пять рублей ассигнаціями и подалъ матери. Устинья какъ-то особенно ужавши губы, не безъ ехидства, низко поклонилась сыну и проговорила:

— Покорно благодарю, Иванушка, за неоставленье твое...

Иванъ вскинулъ на мать глаза.

— Что, матушка, пустое-то говоришь?.. Какое неоставленье?.. За что еще благодарить вздумала: кажись, однимъ домомъ, вмѣстѣ живемъ и самъ вотъ пью-ѣмъ...

— Какъ, батюшка, не благодарить мнѣ тебя?.. Твой хлѣбъ ѣмъ, на твоей шеѣ сижу... По твоей милости и тепла, и одѣта, и накормлена... А куда я тебѣ?.. На что гожусь?.. Безъ меня бы еще лучше прожилъ: всѣ бы денежки на одного себя изводилъ... Другой бы сынъ прогналъ вовсе экую мать-то...

— Ну, полно, матушка, опять не дѣло... Почто эти закомуры подводишь?.. перебилъ мать Иванъ, нахмурившись. Какой это сынъ мать прогонитъ, или безъ прокормленья оставитъ... Ты извѣстно и сама бы собой прожить могла, своими руками: ты не перестарокъ какой... Значитъ, тебѣ спасибо, что еще не покидаешь меня, живешь со мной, а какія тутъ благодарности!.. Извѣстно у меня еще деньги остались: не всѣ тебѣ отдалъ, а такъ полагаю, что тебѣ теперь до новой дачки пяти рублей будетъ, а мнѣ деньги самому нужны теперь... Эхъ, матушка, развѣ я не вижу, что ты на меня въ сердцахъ, что не всю дачку тебѣ ношу... Вижу, вѣдь, я... Да, вѣдь, какъ же, нельзя же и мнѣ безъ копѣйки оставаться, али не просить же мнѣ у тебя кажинный разъ, какъ понадобится... Нѣтъ, я на это не согласенъ... А больше взять мнѣ негдѣ... Вотъ, матушка, кабы высватала ты мнѣ невѣсту богатую, которую мнѣ нужно, да женился бы я на ней, вотъ бы тогда и ты жила по горлышко сыта и довольна: ни нужды бы никакой, ни горя не знала...

— Да развѣ бы я не рада, Иванушка, оживилась вдругъ Устинья: да кажется по мнѣ-то не то что на крестьянской дѣвкѣ, а я бы на первой купчихѣ, на королевнѣ бы женила тебя: по мнѣ, и той бы не въ зазоръ былъ экой женихъ по разуму твоему, по красотѣ, да досужеству... Да, вѣдь, пойдетъ ли, батюшка, вотъ, вѣдь, что... Пойти попытаться я куда хошь пойду попытаюсь: гдѣ хотя и въ шею выгонятъ, и тѣмъ не погребую, для тебя схожу... Присмотрѣлъ что ли какую?..

Ты скажи-ка мнѣ, да пошли меня: я пойду, попытаюсь...

Устинья съ оживленнымъ, сіяющимъ отъ удовольствія и любопытства лицомъ, подошла къ сыну, заглядывая ему въ глаза.

— Есть, присмотрѣлъ, али такъ ты только, къ примѣру, а ни про кого? доспрашивала она его.

— Есть-то, есть... И не то, что только присмотрѣлъ, а и знакомство съ ней заведено, и любовь промежь насъ... не то, что, ты не подумай... Она дѣвушка честная... ни Боже мой!.. И видаемся втихомолку, выйдетъ ко мнѣ, ничего, и сидимъ, разговариваемъ, а только не трожь ее: женись, говоритъ, тогда другое дѣло, а то мнѣ, говоритъ, своя голова дорога: вотъ какая!.. Посылай, говоритъ, сватовъ: коли высватаешь, не надо мнѣ лучше тебя... страсть любитъ! сама сказываетъ... А только какъ узнала, какъ разсказалъ я ей про свои достатки, про домъ и все прочее: ну, такъ, говоритъ, лучше и не ходите, не срамитесь, не отдадутъ ни за что... потому богатъ отецъ-то, а семья не большая, окромя большихъ сыновей всего двѣ дочки... ну, такъ и смѣкаетъ въ богатый домъ отдать, чтобы и самому пріѣздъ былъ и дочери чтобы какъ лучше, превосходнѣе...

— Такъ какъ же быть-то, Иванушка?.. А видно не здѣшніе?.. не изъ нашей деревни-то?..

— Нѣтъ, не здѣшніе...

— Кто же такіе? Скажи, батюшка, маткѣ-то: можетъ что материнскимъ-то сердцемъ и удумаю... Скажи...

— Сказать, отчего не сказать... Въ свое время все скажу тебѣ, только теперь еще опасно, какъ бы чего не вышло, не признали бы какъ, потому у меня такія мысли на счетъ ея... Такъ она противъ моего сердца, что ни быть, ни жить, а достать Машеньку...

— Такъ Машенькой зовутъ-то? подхватила мать.

— Марьей... это правда... Да это ничего: мало ли Машенекъ на свѣтѣ... Нѣтъ, ты погоди, матушка, не пытай ничего теперь... Дай срокъ, вотъ я съ ней еще повидаюсь, переговорю, да ужь коли положимъ на томъ, что думаю, тогда все тебѣ скажу... А теперь еще знаетъ ли, нѣтъ ли одна темная ночь про любовь про нашу, а больше, кажись, никто... Да вотъ еще что тебѣ скажу: грамотная, въ книжку читаетъ и писать умѣетъ.

— А, батюшки!.. Ужь не купецкая ли дочь какая?..

— Нѣтъ, крестьянка, простая, только что такъ подошлось, обучена...

— Батюшки, Господи, дай Богъ память: кто у насъ въ округѣ-то Марья грамотная?..

— Да не допытывайся, матушка... Все одно: потерпи... Ты лучше изъ головы совсѣмъ это выбрось, чтобы какъ мнѣ не помѣшать, а ужь сдѣлаю, нѣтъ ли, я самъ: по крайности и ты передо мной не виновата будешь, что ни въ чемъ не помѣшала... Погоди, дай срокъ... Ну, оставайся съ Богомъ, а я теперь пойду по своимъ дѣламъ... Приду, можетъ, къ утру...

— Ты что же хочешь дѣлать-то, Иванушка?.. Ты, мотри, о своей-то головѣ подумай...

— Ну ужъ что будетъ, тамъ видать... А ты только, матушка, помни: ни съ кѣмъ ни единаго слова, ни съ одной душой... Я только что такъ сказалъ тебѣ въ утѣшеніе твое, чтобы ты не больно на меня ѣлася... знала что вотъ я не одно, что пью да гуляю... А ты, смотри же, нишкни.

— Ну вотъ, такъ неужто ужъ... А ты бы сказалъ мнѣ Иванушка кто такая: ты бы пошелъ, а я бы молиться стала, чтобы тебѣ Богъ счастья далъ, удачи въ дѣлахъ...

— Ну, такъ вотъ и молись, матушка: поминай Ивана да Марью... весело отвѣтилъ Иванъ и надѣвши шапку, захвативъ съ собою гармонію, хотѣлъ уходить, но въ эту минуту дверь съ шумомъ отворилась и въ избу ввалился неожиданный гость. Это былъ старикъ, но еще бодрый и коренастый, въ рваномъ, сѣромъ, коротенькомъ кафтанишкѣ, подпоясанномъ веревкой, въ дырявыхъ штанишкахъ, черезъ которые виднѣлось на колѣняхъ тѣло и въ опоркахъ на босую ногу. На затылкѣ у него былъ какой-то черный, сальный блинъ, замѣнявшій собою фуражку. Густая, съ сильной просѣдью русая борода была всклочена и торчала впередъ. Волосы съ головы спустились на лобъ и на лицо, но изъ-за нихъ смотрѣли маленькіе смѣющіеся глазки и все широкое лицо старика какъ будто сіяло радостью и улыбкой.

— Вотъ я!.. сказалъ онъ со смѣхомъ, входя въ избу широкими неровными шагами и остановился покачиваясь.

— А, дядя Владиміръ!.. радостно привѣтствовалъ его Иванъ, за то на лицѣ Устиньи выразилось неудовольствіе.

— Онъ самый... Ждали ли гостя?.. отвѣчалъ дядя Владиміръ нетвердымъ голосомъ и пошатываясь. Здорово, Ванюшка... Видать, что радъ мнѣ... Ну, а ты что? обратился онъ къ Устиньѣ: что рыло-то воротишь?.. Чести что ли меня, привѣчай, а то вѣдь мнѣ наплевать: я и уйду... У меня много вашего брата... Пра, что много... Меня вездѣ привѣчаютъ... А еще сестра прозываешься, сродственница... Э-э, дура!.. Ванюшка вонъ радъ, а ты... ровно...

— Да ну, здравствуй, здравствуй... Что еще... проговорила Устинья полуотворотясь.

— Сядись, дядинька, садись... Милости просимъ...

— Знамо, сяду... Что я самъ дѣлѣ стоять что ли къ вамъ пришелъ...

Дядя Владиміръ грузно опустился на лавку.

— Ну подчивай, что-ли, хозяйка! вскричалъ онъ повелительно.

— Ужь, кажись, наподчивался довольно... Откуда Богъ принесъ?..

— А кто его знаетъ: откуда... Вижу: Карцево... Ну, стало къ Устюшкѣ въ гости... Мимо штоли мнѣ проходить родню-то?.. Да и не къ тебѣ, полно... Наплевать тебѣ и съ родней-то... Я вотъ къ кому, къ Ванюшкѣ.

— Все одно, дядя Владиміръ, что къ матушкѣ, что ко мнѣ... Завсегда тебѣ рады...

— Гм... усмѣхнулся Владиміръ. То-то!.. Мнѣ вездѣ рады... Такъ посылай матку-то что-ли... Чай дома-то нѣтъ... Али есть?..

— Сейчасъ, сейчасъ, это мы спранимъ живой рукой... отвѣчалъ Иванъ, доставая портмоне.

— Да, поднеси, братъ... Иззябъ... Холодно, что-то... Ничто зябнуть сталъ...

— Какъ не зябнуть: смотри-ка по этакому времени въ какомъ уборѣ ходишь... замѣтила Устинья.

— А что?..

— Чего: что?.. Почитай вовсе голой... Нечто это одежа?.. Вонъ колѣна-то свѣтятся... Да и ноги-то босы... И душа-то еле припрятана кафтанишкомъ-то... Эхъ, ты, Володя, Володя!..

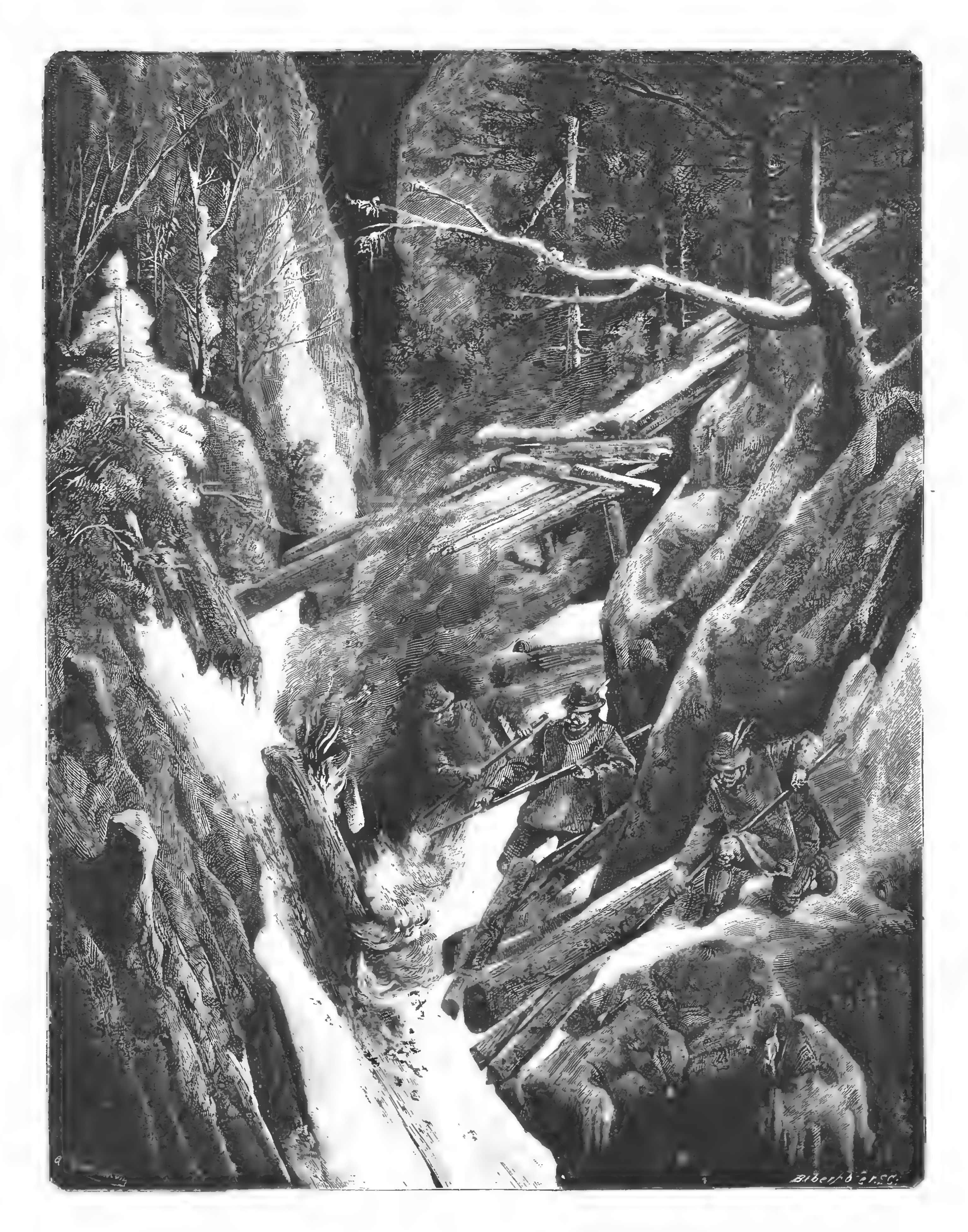
— Эхъ ты Володя, передразнилъ ее старикъ съ забавной гримасой и стараясь поддѣлаться подъ ея голосъ. Что ты думаешь: одежи что ли у меня нѣтъ?.. Смотри-ка какой полушубище дома виситъ, а сапоговъ-то три пары... новенькихъ... Всѣ дома по стѣнкѣ стоятъ... взади!.. мазаные, блестятъ... ахи, любо посмотрѣть!.. Только что не надѣлъ, жалѣю... Пускай дома стоятъ...

— Дома! усмѣхнулась Устинья. Гдѣ у тя домъ-отъ?..

— Какъ, гдѣ? Извѣстно, гдѣ: въ Романовѣ... Какъ стоялъ, такъ и стоитъ, ни въ чемъ не вредимо...

— Да, стоитъ, да только не твой: давно Игнашкѣ пропилъ...

— Вотъ и дура... Пра, что дура... прямая баба!.. Анъ врешь: я его только пожить пустилъ... потому парень семейный, а я одинъ... Что мнѣ, пускай живетъ... А онъ меня за то почитаетъ: приду—посадить не знаетъ куда... Небось, не по твоему: пей, кушай что угодно... потому знаетъ: не уважитъ, такъ сейчасъ выгоню... Вотъ что!.. Да ты чтожъ ее, Ванюшка, не посылаешь?.. Ждать мнѣ что-ли?.. Али ругаться сняться съ ней: что она ко мнѣ пристала?..

Зима на Гохвальдѣ (въ Швейцаріи). Рис. Обермюллеръ, грав. Бибергофъ.

Водопадъ въ Пиринеяхъ. Съ картины А. Ригера грав. Веберъ.

— Поди же, матушка, сходи, возьми полштофа, да закуски какой ни на есть... Я дядѣ Владиміру радъ, въ кои-то вѣки зашелъ... Когда-то еще опять его залучишь...

— Да вотъ... слышишь?.. Ай да Ванюшка!.. Ступай, ступай... У меня чтобы живо, мотри... говорилъ Владиміръ вслѣдъ Устиньѣ, которая уходя бормотала:

— Да, не залучишь!.. Нѣтъ, онъ по духу знаетъ гдѣ деньги-то есть... Въ пустое время не придетъ, а какъ дачку получишь, такъ ровно кто ему дохнетъ или вѣсть дастъ: ровно изъ земли выростетъ... тутъ какъ тутъ!..

— Ты, дядя Владиміръ, у насъ и заночуй, и завтра день-отъ перебудь... ласково говорилъ Иванъ.

— Знамо, заночую... Что мнѣ?.. Куда торопиться-то... А то она про Игнашку... такъ что мнѣ: пускай въ моемъ дому живетъ. Мнѣ когда дома-то бывать... Уйду, закачусь на охоту-то, такъ... у-у... и невѣдомо куда зайду... А у меня вездѣ домъ, вездѣ дружки-пріятели, всѣ зовутъ...

— Да... А гдѣ же у тебя ружье-то, дядя Владиміръ?.. Ты ровно безъ ружья пришелъ?..

— Ружье-то?.. Въ починкѣ... Въ починку отдалъ: пружина ослабла... у собачки... знаешь?.. Ну и дуло исправить надо: раковина показалась... А ты, Ванюшка, вотъ что... вижу я ты дядю почитаешь, меня... ты дай мнѣ взаемъ рубь это самое ружье выкупить... Потому мнѣ безъ ружья никакъ не способно: все равно что безъ руки... А я тебѣ отдамъ, дурашка, ты не думай... Мнѣ, вѣдь, всѣ кругомъ должны: вотъ до барина только до хлябовскаго дойти: вотъ три рубля за ними... за дичь, значитъ... Отдамъ, не сумлѣвайся!.. Ружье-то здѣсь по сусѣдству въ Камышевѣ: вотъ бы я и выкупилъ теперь къ-статѣ, не ходить бы опять...

— Да гдѣ же въ Камышевѣ?.. кому же оно тамъ у тебя отдано въ починку-то? тамъ ни кузницы, ни слесаря нѣтъ...

— Есть...

— Да кто же, дядя? Я, кажись, всѣхъ знаю...

— Ну коли я тебѣ сказываю, что есть человѣкъ такой... Врать что ли я тебѣ буду?..

— Развѣ что кабатчикъ?.. Онъ не слесарничаетъ ли развѣ?.. Онъ парень-то на всѣ руки... съ лукавой усмѣшкой спросилъ Иванъ.

Владиміръ весело и со смѣхомъ взглянулъ на него.

— Плутъ ты, Ванюшка.. Ну такъ что?.. Ну, заложилъ... прямо, что у кабатчика заложилъ... Выпить—никакъ невозможно, ну, подошло... надо!.. А денегъ нѣтъ... Другіе меня, вѣдь, всѣ знаютъ, вѣрятъ, а этотъ, вотъ, въ Камышовѣ, жидоморъ-дьяволъ, ни съ чѣмъ не даетъ безъ денегъ, хоть ты что хошь... Ну и пришлось: на, окаянный, подавись ружьемъ-то... Вотъ два дня у него водился... Запилъ за весь рубь... Дичь была набита, и ту всю съѣли, съ нимъ же, съ дьяволомъ... А ты мнѣ дай рубликъ-то, Ванюша, подружи... Отдамъ, издохнуть —отдамъ... Я съ тѣмъ и шелъ, на тебя надѣялся... Зайчика хотѣлось было больно тебѣ принести... да вотъ не вышло: трехъ зайцевъ да тетерьку у него оставилъ... Дай...

— Вотъ что, дядя... Ты ночуй, да завтра денекъ у меня поводись... Можетъ меня дома не будетъ: подожди меня... У меня, можетъ, до тебя дѣло будетъ... Я, вѣдь, хотѣлъ тебя розыскивать даже... Сегодня ты хмѣленъ, а завтра мнѣ съ тобой посовѣтовать нужно объ дѣлѣ... А поможешь ты мнѣ, такъ не то что ружье выкуплю, а еще старые сапоги свои и полушубокъ свой старый тебѣ поносить, а, можетъ, и ввѣчно отдамъ...

— Да въ чемъ тебѣ пособить-то? ты сказывай... Я, вѣдь хоть и хмѣленъ да не больно: все разберу... Я, вѣдь, все могу сдѣлать: на разбой развѣ только не пойду!.. И замковъ подламывать тоже не сманивай—не стану... А то, что другое прочее, что угодно... Вѣдь, у тебя, чай, поди... такой-сякой!.. насчетъ дѣвокъ что нибудь?.. Это что угодно: давай... Выманить что ли куда, али можетъ ребенка подкинуть?.. давай сдѣлаемъ... чисто будетъ, никому и не въ домекъ: такъ сдѣлаю...

— Ну, шишкни... Теперь ничего не скажу... Сейчасъ матушка придетъ, а этаго дѣла она не знаетъ... А ты мнѣ покамѣ вотъ что скажи: знаешь ли ты Ильинскаго попа?..

— Павлушку-то? Кого я не знаю, ты скажи... Ну какъ мнѣ Павлушку не знать... Довольно хорошо знаю: сколь разъ гуляли вмѣстѣ... Ну, такъ что?

— Каковъ этотъ попъ? ты мнѣ скажи...

— Павлуха-то?.. Душевный человѣкъ, я тебѣ скажу: вотъ что!.. Онъ хоть и испиваетъ, а душа, братъ, въ немъ, вотъ какая: наша душа, русская... Не здоимецъ, безсребренникъ-попъ, не какъ другіе: и все для тебя сдѣлаетъ... Коли что до него, такъ ты мнѣ только скажи: все обдѣлаемъ...

— О?

— Ужь я тебѣ вѣрно говорю...

— Ну, вотъ я такъ и слышалъ, что очень его одобряютъ...

— Его?.. Да вотъ я тебѣ какъ скажу: коли въ добродѣтель что сдѣлать, такъ онъ на это... ни на что не взираетъ... Попроси его, да угости хорошенько, онъ тебѣ что угодно сдѣлаетъ... въ твое удовольствіе...

— Ну, такъ ладно, ты помолчи поколя... Сейчасъ мать придетъ: не хочу я теперь говорить при ней объ этомъ... А мы вотъ съ тобой выпьемъ, дядя Володимеръ, я—маленько, потому я гулять собрался можетъ на всю ночь, а ты допивай хоть весь полштофъ одинъ, да и ложись спать... А завтра все видно будетъ, обо всемъ перетолкуемъ... Можетъ, все тебѣ скажу, всю душу открою... И ружье выкуплю, можетъ статься и прочее, что говорилъ... Ладно?.. Согласенъ?.. Не оставишь ты меня, дядюшка, о чемъ попрошу? а?..

— Да ужь сказано: не то не оставлю, а еще и научу. А на счетъ полуштофа я согласенъ: хоть и не больно люблю одинъ, безъ товарищей... да по нуждѣ ужь куда ни шло: изволь, и одинъ выдушу, и спать лягу... Только ты смотри, скажи твоей старухѣ, чтобы она меня угощала, подчивала, а то я, пожалуй, разсержусь, уйду... Наплевать мнѣ и на водку твою...

— Да ужь разумѣется, дядя Володимеръ, безъ этаго нельзя... Само собой... Ты у насъ гость дорогой: кого же намъ съ матушкой и честить, коли не тебя...

Въ это время въ избу вошла Устинья и съ видимымъ неудовольствіемъ поставила на столъ полштофа водки и бросила связку сухихъ кренделей.

— А-а... Вотъ она, хозяйка-то наша... говорилъ Владиміръ обращая жадные глаза на водку. Жить безъ нея никакъ невозможно... Давай, давай, Устюха, скорѣи стаканчикъ-то...

— Погоди, поспѣешь еще нализаться-то ее... бормотала Устинья... Экъ тебѣ не терпится... Спѣхи-то больно велики, подумаешь...

— А ты какъ полагаешь?.. Некогда намъ и есть... Смотрѣть что-ли на нее, да ждать... Вишь ты какъ она глядитъ: сама просится... А ты слушай, Устюха, ты уважай меня... потому вотъ и Ванюшка тебѣ велитъ, а то, вѣдь, вы, бабы, дуры длинноволосыя, ничего не понимаете... На-смерть я съ вами возжаться не люблю, а меня вотъ Ванюшка погостить, ночевать проситъ остаться...

— Какъ тебя еще уважать?.. На вотъ, пей, кушай... на доброе здоровье... отвѣчала Устинья съ прежнимъ, недовольнымъ видомъ, подавая стаканъ и въ угожденіе сыну стараясь быть привѣтливою.

IV.

Устинья не любила и даже презирала Владиміра, считала его бездомнымъ, пьяницей, человѣкомъ окончательно потеряннымъ, какимъ онъ и былъ въ дѣйствительности. Нѣкогда Владиміръ былъ мужикомъ, если не зажиточнымъ, то и не бѣднымъ, жилъ безъ нужды и безъ

недоимокъ, занимался хлѣбопашествомъ, водилъ пчелъ, имѣлъ единственный, на всю деревню садъ, въ которомъ было до трехъ десятковъ яблонь, приносившихъ плоды: но главной страстью его была охота за рыбой и за дичью. До водки онъ всегда былъ охотникъ, но пьяницей не слылъ. Жилъ онъ такимъ образомъ лѣтъ до 45, вдвоемъ съ женою; дѣтей у нихъ не было, брали было пріемыша, но и тотъ умеръ. Жену онъ хотя никогда особенно не любилъ, но жилъ съ ней, какъ мужики говорятъ, ладно, т. е. не билъ ее трезвый и безъ всякаго повода и причины, не ругалъ походя, не выносилъ домашнихъ ссоръ и стычекъ на улицу, не доводилъ жену до жалобъ міру, или сходу. Человѣкъ онъ былъ, правда, всегда характера вздорнаго, что называется сбреха, но легкаго, отходчиваго и веселаго: пашумитъ, накричитъ безъ толку и безъ причины, изругаетъ человѣка невѣдомо за что, а потомъ сейчасъ и говоритъ съ нимъ, какъ ни въ чемъ не бывало, и всякую услугу окажетъ. При этомъ онъ былъ очень добръ въ томъ смыслѣ, что никогда не жадничалъ надъ деньгами и ни въ чемъ не отказывалъ, если умѣли подойти и попросить. Хвастунъ и всезнайка онъ былъ образцовый, но въ деревнѣ рѣдко когда поднимали его за это на смѣхъ, а въ большинствѣ напротивъ, уважали его и слушали съ довѣріемъ, какъ потому, что онъ умѣлъ отругаться и не ходилъ за словомъ въ карманъ, такъ и потому, что дѣйствительно былъ очень на все способенъ и никакое дѣло, за которое брался, не валилось у него изъ рукъ. Горе его было только въ томъ, что никакимъ однимъ и тѣмъ же дѣломъ, кромѣ охоты, не могъ онъ заниматься долго и упорно то бросится на пашню и такъ полосу обработаетъ, что у него хлѣбъ родится лучше всѣхъ въ деревнѣ, а то забросить и поле, забудетъ и сѣнокосъ, увлекшись пчелами, около которыхъ проводитъ цѣлые дни и недѣли, лежа подъ колодами и любуясь на пчелку, а бывало, что изъ-за рыбной ловли, или охоты, послѣдній убирается съ поля, совсѣмъ забываетъ и о своемъ пчельникѣ. Но все это не мѣшало Владиміру быть мужикомъ справнымъ, не хуже, а даже лучше другихъ. Такъ бы можетъ быть, они и вѣкъ свой дожили; но на бѣду его вздумалось сосѣднему мелкопомѣстному барину, тоже охотнику, къ которому онъ носилъ дичь, иногда и охотился вмѣстѣ, пригласить его къ себѣ въ прикащики.

— А какъ-же домъ-отъ? спросилъ Володя, прельщенный впрочемъ предложеніемъ барина. У меня, вѣдь, тоже дома полное хозяйство, и садъ, и пчелы...

— Такъ что же: тамъ жена присмотритъ, работника наймешь, самъ будешь навѣдываться изрѣдка, а я тебѣ полтораста рублей въ годъ дамъ: деньги, братъ, хорошія, дома-то, пожалуй, не заработаешь...

— Ну это какъ не заработать: велики ли эти деньги? возразилъ Володя: я на однихъ лисахъ да зайцахъ зимнимъ временемъ сто-то рублей выручу... Да не въ деньгахъ сила, а вотъ послужить вашей милости, вы баринъ хорошій, всякія дѣла по усадебкѣ пристроить, чтобы все въ порядокъ произвести... какъ самъ знаю... для твоей милости!.. Вотъ изъ-за чего, пожалуй, пойду... И то сказать: дома у меня налажено: пускай жена канителится, какъ знаетъ... А я ужь сытехонекъ, спину-то ломать: дай-ка надъ людьми покомандую да поучу какъ и что... У меня не дѣти, а по крайности знаю, что хорошему барину подружу...

Это новое положеніе совершенно погубило Владиміра: распорядителемъ онъ былъ плохимъ: шуму, взыску, важности было много, а дѣла выходило мало, такъ что баринъ сначала хмурился, потомъ началъ сердиться и выговаривать, а года черезъ полтора совсѣмъ поссорился и отказалъ Владиміру отъ мѣста. Воротился Владиміръ домой совсѣмъ другимъ человѣкомъ: за два года прикащичанья онъ совсѣмъ облѣнился, сталъ равнодушенъ къ своему дому, не въ мѣру придирчивъ и взыскателенъ къ женѣ, началъ больше и чаще пить; хозяйствомъ своимъ не хотѣлъ заниматься, а началъ искать новаго и лучшаго мѣста управляющаго, вѣруя въ свои способности къ этому дѣлу, негодуя на барина, что онъ не умѣлъ оцѣнить его и похваляясь, что на новомъ, будущемъ мѣстѣ, онъ покажетъ себя, заставитъ глупаго барина чесать съ досады затылокъ, да уже будетъ поздно. Но мѣста не попадалось, въ ожиданіи его Владиміръ только и дѣлалъ, что ходилъ на охоту, пропивалъ выручку съ нея, а когда не ставало ея, а потребность быть всегда навеселѣ возрастала, онъ началъ разматывать свое хозяйство: то колоду пчелъ сбудетъ, то овса отнесетъ въ кабакъ вмѣсто денегъ, то хлѣба продастъ не въ пору и за безцѣнокъ. Жена, которая прежде была тиха и уступчива, не могла перенести такаго раззоренія своего гнѣзда, начала ворчать, браниться съ мужемъ, а затѣмъ пошли ссоры и драки ужь въ настоящую до жалобъ и разбирательствъ на сходѣ. Разбирательства эти кончались обыкновенно тѣмъ, что сходъ усовѣщевалъ Владиміра, уговаривалъ его жить по-божески, во всякомъ согласіи, безо всякаго грѣха, а за безпокойство штрафовалъ четвертью или полуведромъ. Владиміръ увѣщанія выслушивалъ съ усмѣшкой, отвѣчалъ на нихъ иногда шуткой, иногда ругательствами, но водку ставилъ міру охотно и вмѣстѣ съ нимъ распивалъ ее. Прошло нѣсколько лѣтъ такой жизни: пчельникъ Владиміра исчезъ безслѣдно, яблони кои посохли, кои померзли, кои такъ извелись Богъ ихъ вѣдаетъ отчего, скотины оставалась одна корова, да и держать больше стало не зачѣмъ: Владиміръ съ каждымъ годомъ уменьшалъ посѣвъ, а наконецъ вовсе сдалъ свою полосу въ міръ, а самъ выпросился въ бобыли. За то онъ прославился къ тому времени, на всю окрестность, какъ первый рыболовъ и ружейный охотникъ: и дѣйствительно кругомъ на тридцать верстъ онъ зналъ, какъ свои пять пальцевъ всѣ лѣса и болота, со всѣмъ ихъ пернатымъ и четырехъ-ногимъ населеніемъ, зналъ гдѣ и въ какой рѣчкѣ, какая рыба водится и какъ и въ какое время взять ее. Охота, связанная съ нею бродячая жизнь, а равно веселость права и услужливость Володи сдѣлали ему разнообразныя знакомства и связи: его знали всѣ окружные помѣщики, попы и торговцы въ селахъ, кабатчики и веселые ихъ посѣтители. Владиміръ очень гордился этою своею извѣстностью и знакомствомъ и не замѣчалъ или не хотѣлъ замѣчать, что всѣ эти знакомцы смотрятъ на него съ высока, точно на малаго ребенка, или на человѣка не въ полномъ разумѣ, и что, подъ старость лѣтъ, изъ Владиміра онъ превратился въ Володю: такъ его звали въ послѣднее время вездѣ и дядей Владиміромъ величали развѣ одни только очень молодые ребята, и то когда просили его о чемъ нибудь. Володѣ напротивъ казалось, что вездѣ имъ дорожатъ, вездѣ почитаютъ и уважаютъ и особенно тамъ, гдѣ подносили водку. Лѣтъ пять назадъ до настоящаго разсказа жена его умерла: совсѣмъ закинутая мужемъ, безъ всякой заботы съ его стороны, она жила послѣдніе годы въ страшной бѣдности и лишеніяхъ тѣмъ болѣе, что Владиміръ не позволялъ ей не только сбирать, но и обращаться къ кому нибудь постороннему за помощью.

— Моя-то жена да чтобы подъ окнами съ Христовымъ именемъ ходила!.. воевалъ иной разъ надъ нею Владиміръ. Да ты и думать этого не моги: убью!... Да я не то, что тебя, стараго чорта, я десять этакихъ прокормлю...

— Куда ужъ десять: ты хоть бы меня-то одну прокормилъ, безсовѣстная твоя душа, возражала жена, а то бахвальства-то у тебя много, а мнѣ, вѣдь, перекусить нечего, съ голоду пропадаю... Безпутный!.. Вѣдь, уморилъ ты меня вовсе: безъ смерти смерть вижу... Вовсе, вѣдь, ты меня не кормишь...

— Какъ уморилъ?!.. Какъ перекусить нечего?.. А помнишь двухъ зайцевъ принесъ, а рыбы-то: окуневъ-то да головлей... Не съ тобой развѣ вмѣстѣ уху-то хлебали?...

Одинъ что-ли я ее тогда съѣлъ?.. Хлебали-хлебали тогда, да еще дня на три осталось... Я ее не кормлю!.. Видишь ты: кто же?.. Не сама ли ты пуще промыслишь про себя?..

— Смотри-ка ты, парой зайцевъ да ухой попрекаешь!.. Безстыжіе твои глаза!.. Хоть бы ужъ не говорилъ... Да когда ты зайцовъ-то приносилъ? вспомни-ка.... Не въ томъ ли еще мясоѣдѣ?.. А, вѣдь, пить-ѣсть ежедень требуется... Да и что мнѣ въ твоихъ зайцахъ, да въ рыбѣ безъ хлѣба-то?.. Былъ бы у меня кусокъ хлѣба съ водой, да свой, да каждый день, наплевала бы я тебѣ и на зайцевъ-то на твоихъ... А промыслить, извѣстно, промыслила бы и безъ тебя, да и жить бы не стала съ тобой, въ чужіе люди, въ работницы бы ушла, кабы не наказалъ меня Богъ: кабы не рученьки мои да не ноженьки...

У нея подъ старость появились катія-то язвы на рукахъ и ногахъ, такъ что она почти ничего не могла работать.

— Сдѣлай ты мнѣ положенье, кончала обыкновенно такой разговоръ бѣдная женщина: положи ты мнѣ хоть пудъ муки да фунтъ соли на четыре недѣли... Больше мнѣ не надо: прокормлюсь я этимъ какъ нибудь... А безъ этого нельзя, чтобы съ плетюшкой не ходить подъ окна... Какъ хочешь!..

— Не смѣй, тебѣ говорятъ... Не приказываю... Не потерплю я экого срама, чтобы моя жена побиралась... Какова ты не есть оляжье, а все законная считаешься... А меня вся округа знаетъ и почитаетъ... Велика штука ей пудъ муки на четыре недѣли... Да я не то, что... Теперь вотъ не съ чего взять, а вотъ погоди капканы буду ставить, лисы попадаться станутъ, али вотъ язы поставлю рыба въ ворота пойдетъ, такъ тутъ не то пудъ муки, а выдамъ тебѣ четвертную на весь годъ: кормись сама, какъ знаешь, только мнѣ не докучай... Вотъ я какъ, а не то, что голодомъ тебя морить...

Но обыкновенно всѣ эти обѣщанія только обѣщаніями и оставались. Владиміръ, оставляя иногда совсѣмъ пустой домъ, съ больной и безпомощной женой, не только не думалъ о томъ, что она будетъ ѣсть на слѣдующій день, но совсѣмъ забывалъ о ней и пропадалъ, не показываясь по недѣлѣ и по двѣ.

Бѣдная женщина наконецъ, какъ говорили крестьяне, вовсе извелась и оставила Владиміра одинокимъ вдовцомъ. Онъ тогда уже совсѣмъ закинулъ свой домъ и наконецъ даже продалъ его сосѣду мужику на очень оригинальныхъ условіяхъ: денегъ онъ за него не взялъ, но выговорилъ, чтобы новый владѣлецъ въ теченіи мѣсяца каждый день выставлялъ ему по полу-штофу съ закуской и съ тѣмъ, что если онъ который день пропуститъ, то это бы не пропадало, а считалось за нимъ на будущее время, и сверхъ того, чтобы до конца своей жизни Владиміръ, когда ему понадобится, имѣлъ право приходить въ проданный домъ, какъ въ свой собственный и чтобы новый хозяинъ всегда подносилъ ему водки и кормилъ его. Всѣ эти условія были заявлены и засвидѣтельствованы на-міру, при чемъ покупатель для крѣпости и для намяти долженъ былъ выставить міру ведро водки. Этимъ оригинальнымъ актомъ купли-продажи Володя очень гордился, какъ своимъ изобрѣтеніемъ, считалъ сдѣлку очень для себя выгодною, говорилъ разсказывая о немъ: поди, выдумай другой! и втихомолку подсмѣивался надъ простотой и неразсчетливостью покупателя.

— Теперь у меня домъ-отъ, ровно въ сказкѣ: и съ водкой, и съ закуской... Ровно скатерть самобранную завели... Не хлопочи, не думай, никакой заботы, а сдумалось, принесли! Разъ, два... пожалуйте: и тепло, и свѣтъ, и водка, и закусь... безъ перевода... когда угодно...

И Владиміръ былъ глубоко убѣжденъ, что новый владѣлецъ его дома не посмѣетъ нарушить условія и что въ противномъ случаѣ онъ во всякое время можетъ его выгнать изъ дома, не смотря даже на то, что тотъ и поправилъ и перекрылъ его.

Покойная жена Владиміра была сестрою Устиньи: послѣдняя знала всѣ подробности ея несчастной жизни, и потому особенно не любила Владиміра, а его бездомство и пьянство заставляло смотрѣть на него какъ на самаго послѣдняго, презрѣннаго человѣка и она очень была недовольна, что Иванъ напротивъ любилъ дядю, какъ любили Володю и всѣ веселые разгульные ребята. Устинья пожалуй бы пустила его къ себѣ ночевать, такъ какъ по родству нельзя отказать, каковъ бы ни былъ роденька, но угощать водкой и привѣчать его не стала бы ни въ какомъ случаѣ, еслибы не потребовалъ этого молодой хозяинъ-сынокъ, забравшій въ свои руки команду въ домѣ. Когда, выпивши стаканъ водки, Иванъ ушелъ изъ дома неизвѣстно куда, а все остальное въ полу-штофѣ оставилъ въ распоряженіе гостя, уже и безъ того пьянаго, Устинья съ глубокимъ вздохомъ усѣлась въ темный уголъ избы и молча отворотилась отъ гостя. Ей было особенно горько и обидно, что сынокъ вмѣсто того, чтобы дать лишній рубль матери на нужду изводитъ деньги на угощеніе этакого пьяницы. А Владиміръ, между тѣмъ успѣвшій осушить одинъ за другимъ три стакана, качался, сидя на мѣстѣ и едва смотрѣлъ слипавшимися глазами.

— Сваха Устинья... окликнулъ онъ ее съ усиліемъ произнося слова. Я Ванюшку облагодѣтельствую... Я для него... выдь душа... все сдѣлаю...

— Ты сдѣлаешь!... со злобной насмѣшкой отвѣчала Устинья. Что ты сдѣлаешь-то?

— А то сдѣлаю... Мы такую съ нимъ штуку удумали...

— Что еще выдумали?.. Скажи-ка...

— Нѣтъ сказать нельзя... потому... тайность эта... секретная... Погоди вотъ что будетъ...

Володѣ спьяна казалось, что онъ что-то уже знаетъ, хотя Иванъ пока и ничего ему не сказалъ.

— Видно дѣльце, коли отъ матери таитесь...

— А потому нельзя... Вы, бабы, на языкъ не... не согласны... А вотъ поди поднесу: выпей со мной...

— Не пью я... Чужимъ-то подноситъ... Ложился бы и ты что ли уже скорѣй... Смотри-ка, чуть сидишь... Водку-то оставь до завтра: опохмѣлиться захошь, а у меня вѣдь, не на что покупать-то еще... Дай-ка я приберу посудину-то, а ты ложись...

— Нѣтъ, нѣтъ... Погоди... Это не... не въ правилѣ...

Владиміръ схватилъ штофъ, сжавъ его въ своихъ рукахъ, но голова его невольно опустилась на столъ и онъ мгновенно уснулъ. Устинья хотѣла было вынуть изъ рукъ Володи посуду, но онъ держалъ ее крѣпко и мычалъ каждый разъ, какъ она до нея дотрогивалась. Устинья съ сердцемъ плюнула и ограничилась тѣмъ, что сняла со стола баранки, взяла ихъ нѣсколько себѣ на ужинъ, а остальныя спрятала. Съ горькими слезами досады жевала Устинья эти баранки своими старыми зубами. Потомъ заперла дверь и съ сердцемъ потушила огонь въ избѣ. Съ невеселыми думами засыпала она на печкѣ, прислушиваясь къ пьяному храпу и мычанью Володи.

— Вотъ дождалась сынка: и уменъ, и досужъ, и грамотенъ... А что матери, какая отъ того корысть: пьетъ да гуляетъ... пьяницъ почтитъ да привѣчаетъ... Вотъ цѣлую недѣлю дома не бывалъ: чѣмъ бы порядкомъ придти, денежки матери отдать, посидѣть, обо всемъ переговорить, а онъ... выкинулъ подачку, а самъ и былъ таковъ... И гдѣ теперь, куда закатился?.. Всѣ денежки прогуляетъ безъ пути, безъ пользы, а нужды-то, нужды въ дому, куда ни повернись... Ни до чего-то горюшки, ни до чего ему заботушки... Да еще съ этакими вотъ поведется и совсѣмъ пропадетъ.... Чего пути ждать: съ Володей вяжется... И что они съ нимъ халатриваются?.. А—ахъ, горькая я, горемычная, на свѣтъ родилась...

(Продолженіе будетъ).

Смерть Брунегильды. Картина Ф. Келлера, грав. А. Клосъ.

Въ лабораторіи

Нѣтъ, нѣтъ! изъ тьмы угловъ ея молчащихъ,
Изъ машинъ и приборовъ видныхъ въ ней,
Изъ аппаратовъ, вдоль шкаповъ стоящихъ,
Изъ полокъ съ книгами, не вызвать въ жизнь тѣней!

* * *

Сквозь рядъ ретортъ, вдоль проволокъ привода
Духовный міръ являться не начнетъ,
И сильфъ, застигнутый струею кислорода
Въ соединеньи новомъ пропадетъ!

* * *

Здѣсь царство мысли! мѣста нѣтъ для страха
Но умъ натруженный измаяться готовъ...
Наука—тоже шапка Мономаха,
Наслѣдье тяжкое послѣднихъ трехъ вѣковъ.

О! сколько правды въ мертвенности этой!
Но главный выводъ беззавѣтно скрыть..
И, радъ-бы, кажется, бредъ мысли подогрѣтой
Принять за правду! что-жъ она молчитъ?

* * *

Зачѣмъ не лжеть, подъ видомъ убѣжденья
Не все въ природѣ цифры и нан?
Міръ чувствъ не признастъ законовъ тяготѣнья
И у фантазіи законы есть свои..

* * *

Отъ насъ зависитъ то, чтобъ свѣжестью пахнуло
Чтобъ въ этомъ мертвенномъ, тяжеломъ забытьи,
Тепло мечтанья затхлость шевельнуло,
И подняло на верхъ легчайшіе слои..

К. Случевскій

Губернская Перикола

Разсказъ

В. Г. Авсѣенко

(Окончаніе).

IV.

На другое утро графъ Хланскій выѣхалъ изъ города, оставивъ меня въ недоумѣніи—изъ-за чего же собственно онъ такъ хлопоталъ?—а въ номерѣ его тотчасъ поселился уже извѣстный читателю гвардейскій офицеръ. Изъ разговора съ Олесей оказалось, что его уже знаютъ въ отелѣ, что фамилія его Сохотовъ, что въ губерніи у него есть большое имѣніе, что вообще онъ очень богатъ и держитъ себя въ мѣстномъ обществѣ очень гордо, такъ что даже на губернаторскомъ жур-фиксѣ показался только на полчаса. Не знаю насколько все это было справедливо, только въ тотъ же день я съ нимъ встрѣтился за завтракомъ въ общей залѣ, и онъ произвелъ на меня впечатлѣніе совсѣмъ милаго и общительнаго человѣка. Узнавъ во мнѣ сосѣда, онъ тотчасъ разговорился, сообщилъ что скучаетъ, такъ какъ дѣлать ему рѣшительно нечего, а между тѣмъ надо подождать еще съ недѣлю какого-то судебнаго рѣшенія—и къ величайшему моему удивленію тутъ же за завтракомъ объяснилъ, что очень заинтересовался Периколой и нарочно взялъ номеръ подлѣ нея.

— Нравится она мнѣ ужасно! добавилъ онъ, глядя мнѣ прямо въ глаза своими голубыми, спокойно блистающими зрачками.—Дохленькая она такая, и глаза ядовитые!

Бываетъ, что иногда слово получаетъ совсѣмъ не тотъ колоритъ, какой мы въ немъ чувствуемъ обыкновенно. Такъ и въ настоящемъ случаѣ слово „дохленькая" удивительно пришлось къ своеобразной, недоразвившейся и уже чуть-чуть привявшей красотѣ Периколы.

— А Николо васъ не обезкураживаетъ? спросилъ я смѣясь.

Сохотовъ молча вытеръ усы. Блескъ его глазъ мгновенно сдѣлался какъ бы стеклляннымъ, и въ губахъ выразилось что-то надменное и натянутое. Онъ точно обидѣлся за мой вопросъ, за это сопоставленіе его, Сохотова, съ какимъ-то провинціальнымъ пѣвцомъ — и въ ту минуту показался мнѣ именно такимъ, какъ описывала его Олеся. Но онъ тотчасъ перемѣнилъ разговоръ и опять сталъ милъ и любезенъ по прежнему.

Вечеромъ, когда я зашелъ въ „Шато", концертъ уже кончился и въ саду оставались только ужинавшіе. Ни Периколы съ ея спутникомъ, ни Сохотова я не повстрѣчалъ, но вернувшись въ отель узналъ, что еще никого изъ нихъ нѣтъ дома. Уже засыпая, я услышалъ шаги по корридору, звяканье сабли и шпоръ, и какъ будто пьяненькій голосъ, напѣвавшій:

Я просто готова! готова!
Но тсс!
Объ этомъ ни слова!

Я догадался что они ужинали вмѣстѣ, и подивился быстрымъ успѣхамъ моего новаго сосѣда. Признаюсь, эти успѣхи меня совсѣмъ не обрадовали, потому что въ обстановкѣ моихъ „птичекъ пѣвчихъ" была какая-то своеобразная идиллія, что-то даже любопытно-нелѣпое, тогда какъ ухаживанья заѣзжаго гвардейскаго офицера не представляли уже ровно никакого интереса.

Мнѣ даже хотѣлось предостеречь Периколу, заставить ее съ самаго начала взглянуть въ глаза опасности. Дня черезъ два, когда мнѣ привелось быть съ ней вдвоемъ, я нарочно завелъ разговоръ о Сохотовѣ. Мнѣ было любопытно узнать, встрѣчала ли она раньше такихъ какъ онъ, догадывается ли она о характерѣ его ухаживаній. Но она почти при первыхъ моихъ словахъ закинула голову и взглянула на меня изумленными, встревоженными глазами.

— Что вы! что вы такое говорите! воскликнула она съ разлившейся по лицу краской.—Сохотовъ? да это такой человѣкъ какого я думаю еще и не было никогда! Это-жъ прелесть что такое! Это—богъ!

Я въ свою очередь съ изумленіемъ взглянулъ на нее.

— Когда-жъ это онъ успѣлъ такъ очаровать васъ? спросилъ я.

— Ахъ, да съ первои же минуты, отвѣтила Перикола и сложила руки. Что-то задумчиво-страстное заволокло ея хрустальные глаза и покривило уголки губъ. Мнѣ показалось даже, что тонкое личико ея какъ будто похудѣло за эти два дня.

— Да вы влюблены въ него! сказалъ я съ невольнымъ ощущеніемъ не то горечи, не то страха.

Она посмотрѣла на меня, сблизивъ свои выразительныя бровки—и улыбнулась. Столько страданія и какого-то ядовитаго счастья выразилось въ этой улыбкѣ, что мнѣ совѣстно стало моего разговора.

V.

Изъ разговора этаго впрочемъ произошло то удобство, что я совершенно успокоился и предоставилъ дѣлу идти своимъ обыкновеннымъ порядкомъ. Я даже пересталъ заходить къ моимъ сосѣдямъ, но отдѣлявшій насъ корридоръ былъ такой узенькій, и двери такъ плохо притворялись, что я почти всегда зналъ что тамъ дѣлается. Такимъ образомъ привелось мнѣ между прочимъ узнать, что хозяинъ гостинницы требовалъ отъ „птичекъ пѣвчихъ" по счету, а заплатить имъ было нечѣмъ, потому что изъ Одессы они пріѣхали на-легкѣ, не захвативъ ничего съ собою и даже оставивъ тамъ долги. Перикола хотѣла достать впередъ у содержателя „Шато", но тотъ высчиталъ что они должны у него въ ресторанѣ за нѣсколько ужиновъ, и предложилъ только десять рублей.

Съ этими десятью рублями Громовъ куда-то ушелъ, и вернулся съ конфектами, сладкимъ пирогомъ и бутылкою какой-то рѣдкостной мальвазіи. Оказалось что онъ ужасный лакомка и можетъ съѣсть даже натощакъ столько сладостей, какъ ни одна женщина. Въ довершеніе всего въ это самое утро пріѣхалъ изъ Одессы какой-то жидокъ, съ спеціальною цѣлью получить отъ нихъ долгъ. Артисты принялись вмѣстѣ съ нимъ пересматривать свой инвентарь, но этотъ инвентарь такъ уже былъ сокращенъ предшествовавшими ревизіями, что найти въ немъ предметы роскоши и излишества оказалось чрезвычайно трудно. У Громова кромѣ пиджака и фрачной пары, да еще какой-то шерстяной пакидочки, совсѣмъ ничего не было.

— Гдѣ-жъ твои пальто? слышалъ я какъ удивилась Славская.

— Ну вотъ! отозвался только Громовъ, и въ тонѣ его голоса ясно выражалась мысль, что кто же станетъ держать пальто въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ южномъ климатѣ?

Перикола вытащила на средину комнаты чемоданъ и быстро выбросила изъ него нѣсколько платьевъ. Жидъ хотя и отозвался о нихъ критически, но взялъ съ собою, сказавъ что переговоритъ съ антрепренеромъ. Перикола по уходѣ его радостно захлопнула чемоданъ, бросила на столъ принесенный Громовымъ пирогъ и постучала ко мнѣ и къ Сохотову. Послѣдняго не было въ номерѣ.

— Ну идите вы, у насъ конфекты и пирогъ, и еще бутылка мальвазіи, позвала она меня.

— Помилуйте, я еще не обѣдалъ, удивился я.

— Какъ будто непремѣнно надо каждый день обѣдать! возразила Перикола, и разрѣзавъ пирогъ на большіе куски, принялась съ наслажденіемъ ѣсть. Громовъ тоже присѣлъ, и очень скоро они вдвоемъ покончили не только съ пирогомъ, но и съ мальвазіей.

„Идиллія!“ подумалъ я.

— Ну, вотъ теперь дѣйствительно можно и обѣдать, сказалъ Пиколо, вытирая прямо рукой обсахаренныя губы.

— Разумѣется, лучше я скажу Сохотову, чтобъ онъ послѣ „Шато“ опять задалъ намъ ужинъ, докончила Перикола.

А-ахъ, какъ я люблю военныхъ..

запѣла она, откинувъ на спинку стула свою хорошенькую головку и странно жмуря глаза. Но на первомъ стихѣ она вдругъ оборвала, выпрямилась и съ сердитымъ видомъ отвернулась отъ меня. Громовъ посмотрѣлъ на нее и на меня, пожалъ плечами, ушелъ въ спальную и захлопнулъ за собою дверь.

— Послушайте, въ Петербургѣ весело? веселѣе чѣмъ здѣсь? бросила мнѣ Перикола, не оборачивая лица.

— Не знаю. По моему здѣсь лучше, сказалъ я.

— Зачѣмъ вы всегда вотъ такъ отвѣчаете? вамъ нарочно хочется подразнить меня? проговорила Перикола и вдругъ встала, подошла къ окну и подпершись обѣими руками à la Шнейдеръ, принялась напѣвать вполголоса:

Мы всѣ невинны отъ рожденья..

— До свиданья, сказалъ я съ другаго конца комнаты.

Прощайте, отвѣтила она не оглянувшись.

VI.

Толкнувшись вечеромъ въ „Шато,“ я встрѣтилъ тамъ Сохотова, который тотчасъ сталъ убѣдительно звать меня ужинать вмѣстѣ съ нимъ и съ „птичками пѣвчими“ тутъ же въ отдѣльномъ кабинетѣ.

— Право, будетъ превесело, убѣждалъ онъ, какъ-то радостно мигая глазами.

Я согласился. Сохотовъ пошелъ въ буфетъ, отыскалъ хозяина, велѣлъ приготовить самую лучшую комнату и затѣмъ приступилъ къ весьма сложнымъ распоряженіямъ насчетъ яствъ и питей. Онъ это дѣлалъ съ такимъ радостнымъ и лакомымъ видомъ, и обнаруживалъ столько тонкаго пониманія вещей, что слушая его ужасно хотѣлось ѣсть.

Какъ только прошумѣла послѣдняя фейерверочная ракета, мы забрались вчетверомъ въ крошечный кабинетикъ на верху террасы. Въ саду гасли огни, въ открытое окно неслось теплое благоуханіе южной ночи, смѣшанное съ запахомъ еще не разошедшагося пороховаго дыма. Громовъ, успѣвшій еще раньше сходить нѣсколько разъ въ буфетъ, чувствовалъ себя очень весело, пѣлъ и поминутно вскакивалъ съ дивана, угрожая безопасности стола и всего на немъ разставленнаго. Перикола, съ легкими слѣдами румянъ и чуть подведенными рѣсницами—ей негдѣ было сдѣлать послѣ-спектакльный туалетъ—была напротивъ очень молчалива, и мнѣ показалось что подъ театральными румянами похудѣвшее личико ея было блѣднѣе обыкновеннаго. Я очень удивился когда она, меньше насъ всѣхъ обнаруживавшая въ этотъ вечеръ веселости, толкнула меня подъ столомъ ножкой и сказала тономъ упрека:

— Зачѣмъ вы такой серьезный? это глупо.

Я нисколько не серьознѣе другихъ, возразилъ я.

— Нѣтъ, я знаю, что вы обо всемъ такомъ очень дурно думаете, и это глупо, глупо, повторила она, и наморщивъ бровки, какъ-то загадочно постучала косточками пальцевъ по столу.

Сохотовъ то и дѣло подливалъ всѣмъ вина, и въ особенности Громову, который очень скоро совсѣмъ напился, и отыскивая себѣ болѣе спокойное положеніе, сперва вытянулъ на диванѣ одну ногу, потомъ и другую. Перикола встала, и облокотившись грудью на окно, нѣсколько минутъ молча глядѣла въ темную глубину сада, гдѣ замиралъ послѣдній говоръ разбредающейся толпы. Съ улицы, изъ-за ряда высокихъ и тощихъ тополей, доносился отдаленный грохотъ колесъ, а вверху, въ безлунномъ небѣ, трепетали и разсыпались золотыя блестки падающихъ звѣздъ.

Свѣтило солнце средь небесъ,
Прекрасный путникъ шелъ чрезъ лѣсъ.
Прекрасный путникъ... Средь небесъ...

бормоталъ заплетающимся языкомъ Пикило-Парисъ, силясь взять какую-то ноту сквозь одолѣвавшій его сонъ. Но вмѣсто ноты раздался стукъ упавшей на полъ бутылки, и голова самого Париса упала на засаленный валекъ дивана.

— Что теперь съ нимъ дѣлать! сказала Перикола.

Сохотовъ вышелъ изъ комнаты. Я подошелъ къ Громову, потолкалъ его, но безъ всякаго успѣха. Онъ только сталъ свистѣть носомъ.

— Куда еще этотъ Сохотовъ дѣвался! сказала Перикола, и тоже вышла изъ комнаты.

Я остался вдвоемъ съ замертво-пьянымъ артистомъ. Прошло нѣсколько минутъ—ни Перикола, ни Сохотовъ не появлялись. Въ маленькой комнатѣ слышно было только сопѣнье Громова, и въ раскрытое окно по прежнему плылъ влажный, теплый воздухъ, наполненный запахомъ только-что зацвѣтавшихъ липъ. Мнѣ сдѣлалось очень скучно ждать. Наконецъ вошелъ прислуживавшій намъ лакей и остановился у двери.

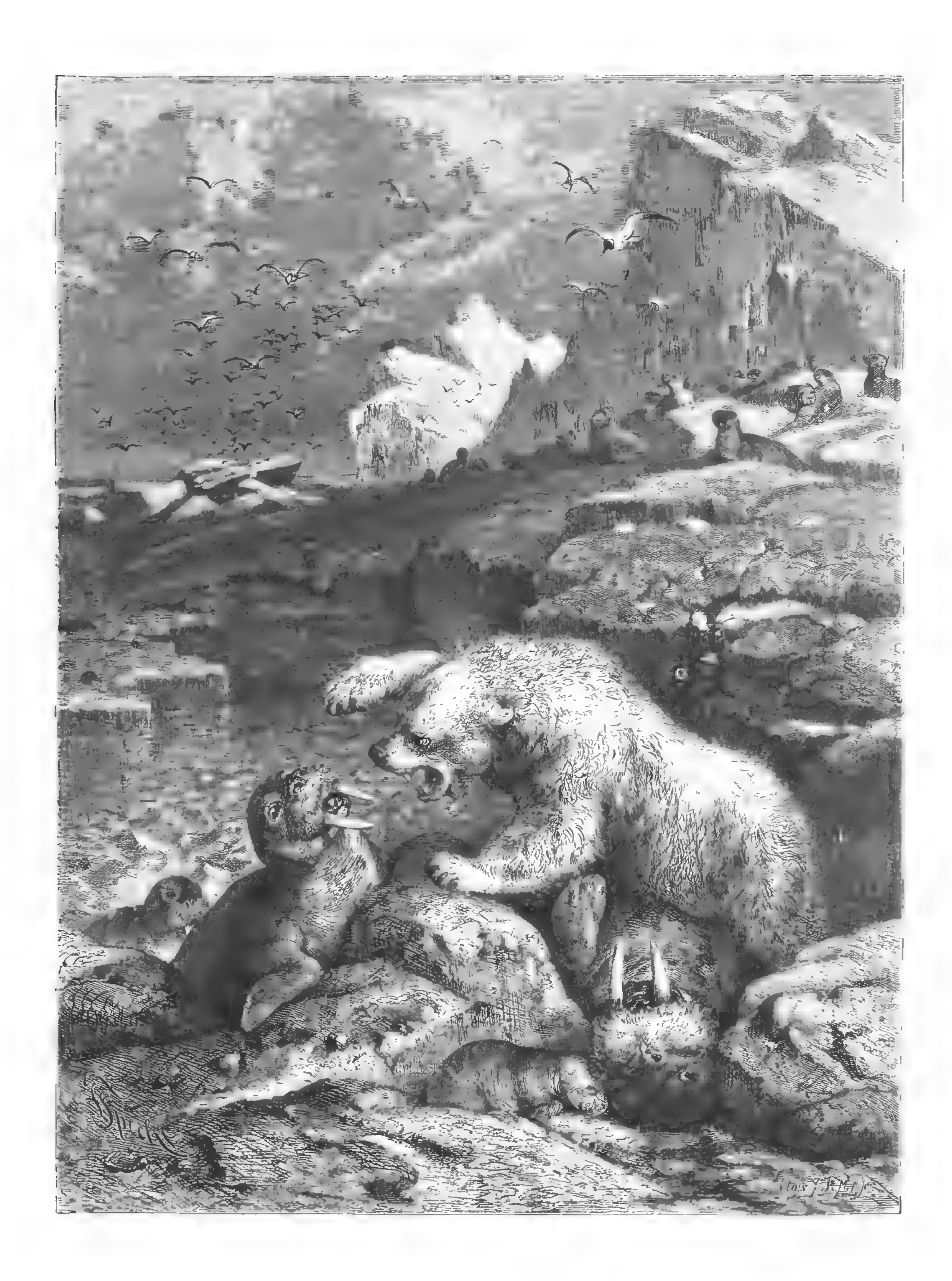
— А гдѣ же другіе, что здѣсь ужинали? спросилъ я.

— Да они уѣхали, отвѣтилъ лакей.

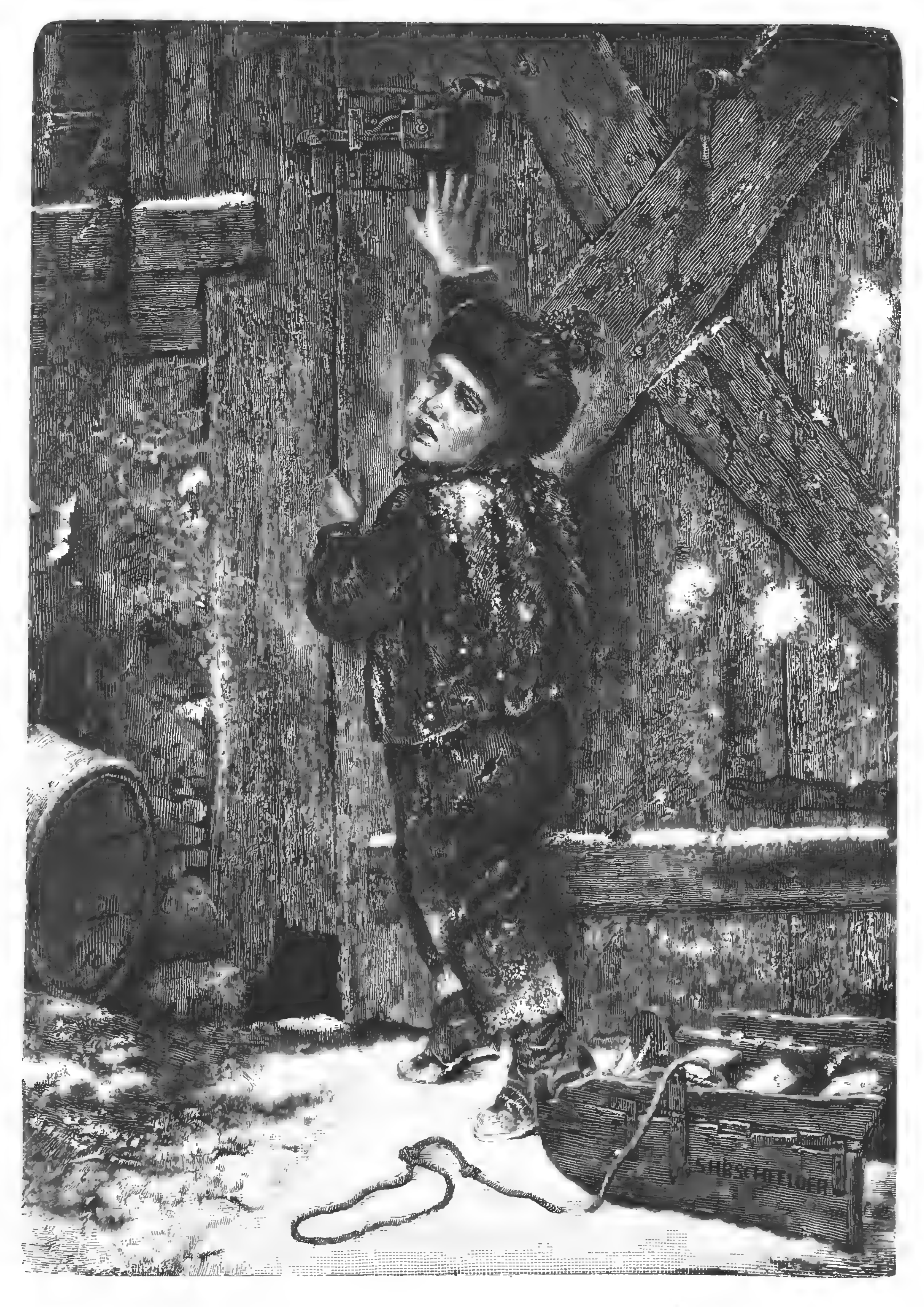
„Вотъ это прекрасно!“ подумалъ я въ непріятномъ сознаніи своего глупаго положенія. Лакей, вѣроятно понявшій это положеніе по-своему, поспѣшилъ заявить что господинъ Сохотовъ заплатилъ все по счету.

Я тѣмъ не менѣе не зналъ что сдѣлать: оставить Громова одного въ такомъ положеніи было неловко, а возиться съ нимъ—съ какой радости?

— Да вы о нихъ не безпокойтесь, ужъ мы присмотримъ, продолжалъ лакей.—Везти ихъ въ такомъ видѣ

На крайнемъ сѣверѣ. Бой бѣлаго медвѣдя съ моржемъ. Ориг. рис. Ф. Шпехта, грав. А. Клосъ.

Слишкомъ малъ! Ориг. рис. Гиршфельда, грав. Цамарскiи.

никакъ не возможно, и господинъ Сохотовъ обо всемъ распорядились.

Ну, если господинъ Сохотовъ обо всемъ распорядился, то мнѣ тутъ ничего не оставалось дѣлать, и я очень радъ былъ поскорѣе уѣхать.

VII.

Въ отелѣ на нашей половинѣ было совершенно тихо, когда я пробирался по корридору въ свой номеръ. Ни Славская, ни Сохотовъ не возвращались. Завернувшись въ одѣяло, я еще долго прислушивался къ малѣйшему звуку и шороху, словно ожидая чего-то—и ничего не дождавшись наконецъ заснулъ и проспалъ очень долго.

Поутру—или лучше сказать днемъ, потому что это было уже около полудня—меня разбудилъ сильный стукъ въ дверь. Я поднялся съ постели и повернулъ ключъ въ замкѣ. Ко мнѣ вошелъ Громовъ. Онъ былъ во фракѣ, очевидно не переодѣвшись со вчерашняго вечера, и имѣлъ очень растерянный видъ.

— Вѣдь ихъ нѣту, заявилъ онъ еще на порогѣ.

Я только пожалъ плечами. Громовъ прошелся по комнатѣ и сѣлъ въ кресло.

— Это свинство, сказалъ онъ.—Она должна была оставить мнѣ денегъ.

Слово „деньги" тотчасъ меня успокоило. Я догадался что въ событіяхъ, которыя мнѣ привелось наблюдать, не было матеріяла для трагедіи или даже для драмы.

— Еслибъ я не проспалъ чортъ знаетъ до котораго часу, я бы ихъ засталъ еще здѣсь, и ужъ тогда была бы игра! продолжалъ Громовъ, какъ-то странно двигая своими огромными ручищами.

— Но у васъ остались ея вещи, напомнилъ я чтобъ его утѣшить.

— Тряпье! отозвался онъ.—Впрочемъ ихъ надо сейчасъ же снести, а то этотъ проклятый жидъ заберетъ къ себѣ, догадался Громовъ.

Только что онъ вышелъ изъ моей комнаты, кондукторъ съ желѣзной дороги принесъ мнѣ записку отъ Сохотова. Мой бывшій сосѣдъ извинялся, что обстоятельства заставили его уѣхать не простившись со мной, и просилъ не сердиться за неожиданную развязку вчерашняго ужина. Перикола мнѣ кланялась и жала руку—до встрѣчи въ Петербургѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ я видѣлъ какъ Громовъ съ порядочнымъ узломъ шмыгнулъ по корридору.

„Идиллія" больше не существовала.

Къ рисункамъ.

Лѣсовщики на Гохвальдѣ.

(Рис. Обермюллера.)

Идутъ лѣсовщики. Остановился одинъ на минуту, вытряхнулъ пепелъ изъ своей обкуренной трубочки, закурилъ ее снова и вглядываясь въ небо проговорилъ, обращаясь къ спутникамъ, съ трудомъ тащившимся по снѣгу: „Завтра кажется можно будетъ приступить и къ работѣ." „Кажется, что можно," отвѣчаетъ одинъ изъ спутниковъ. Затѣмъ всѣ молча направляются къ хижинѣ на опушкѣ лѣса.

Суровая зима. Горы Гохвальда покрыты глубокимъ снѣгомъ. И на крутыхъ и нависшихъ выступахъ скалъ лежатъ пушистыя хлопья. Съ вѣтвей деревьевъ спускаются замерзшія льдинки.

Въ этой снѣжной горной пустынѣ живутъ закаленные въ невзгодахъ жизни лѣсопромышленники, оглашая по временамъ окрестности могучими ударами своихъ топоровъ. Занятіе горнаго дровосѣка очень тяжело и нужно много физической силы и душевной бодрости, чтобы вести жизнь полную такаго труда и опасности.

Вотъ начинается и работа. Громадныя колоды спускаютъ дровосѣки по наклоннымъ желобамъ внизъ въ долину. Вотъ, одну изъ колодъ особенно кажется трудно столкнуть и одинъ изъ работающихъ, усѣвшись на нее верхомъ, старается столкнуть ее внизъ. Хотя это и рискованно, но многимъ удается проѣхаться такъ и спрыгнуть во время, передъ тѣмъ какъ оканчивался желобъ. Другой рѣшается двинуть внизъ колоду. И упираясь багромъ въ землю, ѣдетъ рабочій верхомъ на колодѣ по крутому желобу сначала тихо, а потомъ все быстрѣе и быстрѣе съ трескомъ и свистомъ, внизъ. Стоящіе по сторонамъ остерегаютъ ѣдущаго, чтобъ онъ былъ осторожнѣе: „берегись, держись крѣпче, не зѣвай гдѣ спрыгнуть!"

Внизу въ долинѣ стоятъ собственникъ лѣса и лѣсоторговецъ. Съ огромной вышины колоды кучами съѣзжаютъ внизъ и тамъ рабочій ловко соскакиваетъ у самаго мѣста, иначе можетъ разбиться на смерть. Стоящій посреди желоба въ снѣгу пень, отъ сильнаго объ него тренія спускаемыхъ колодъ загорается и скоро охваченъ яркимъ пламенемъ. Его забрасываютъ снѣгомъ и черный дымъ стелется по лѣсу...

Водопадъ въ Пиринеяхъ.

(Картина А. Ригера).

Знатоки живописи въ столицѣ Соединенной Имперіи—Вѣнѣ—съ давнихъ поръ цѣнятъ въ пейзажахъ свѣжій здоровый реализмъ, который не исключаетъ нѣкоторой идеализаціи, но составляетъ главную задачу художника при изображеніи природы. Вліяніе прежнихъ вѣнскихъ извѣстностей Штейнфельда и Эндера, неподражаемыхъ „портретистовъ" тропической природы, отразилось и на произведеніяхъ ихъ учениковъ Ганша, Селени, Галауска и др. Довольно уже давно въ Вѣнѣ образовалось общество поощренія художниковъ, чрезвычайно много способствовавшее развитію ландшафтной живописи.

Къ вѣнскимъ пейзажистамъ, съ болѣе идеальнымъ направленіемъ принадлежитъ молодой художникъ Альбертъ Ригеръ, о которомъ мы уже говорили въ № 51 „Нивы". Его произведенія въ послѣднее время, какъ мы уже указывали, стали обращать на себя общее вниманіе. Ландшафты его отличаются богатствомъ содержанія, строгой выдержкой и блестящимъ освѣщеніемъ. Его перспектива воздушна, необыкновенно вѣрна, вода блестяща и прозрачна и подробности мѣтко схвачены.

Нѣкоторыя произведенія Ригера, находятся у частныхъ лицъ въ Дрезденѣ, другія, какъ напримѣръ „Закатъ солнца на берегахъ Нила"—въ частной галлереѣ въ Гамбургѣ. Пейзажъ „Водопадъ въ Пиринеяхъ," рисунокъ котораго мы помѣщаемъ, былъ на послѣдней выставкѣ въ Вѣнѣ.

Смерть Брунегильды.

(Картина Келлера).

Исторія среднихъ вѣковъ отличается своимъ мрачнымъ колоритомъ—человѣческая кровь и жизнь вообще мало цѣнились. Но царствованіе Меровинговъ, управлявшихъ Франками съ 511 по 752 годъ, т. е. до восшествія на престолъ карловингской династіи, представляетъ по преимуществу самыя грозныя, самыя кровавыя картины этой эпохи. Вся эта династія, какъ на подборъ, состояла изъ людей малохарактерныхъ, не блестящихъ, бездѣятельныхъ и извѣстныхъ впослѣдствіи подъ общимъ прозвищемъ „лѣнивыхъ" королей (rois fainèants). Среди дикихъ страстей и развращенныхъ нравовъ этой эпохи—измѣны, убійства и заговоры были довольно обыкновенными явленіями. Такъ восемь королей изъ династіи Меровинговъ умерли насильственною смертью; преступленія предшествовали каждому новому царствованію, по особенною жестокостью и кровопролитіями ознаменовалась борьба двухъ знаменитыхъ женщинъ того времени: Брунегильды и Фредегунды.

Брунегильда дочь визиготскаго короля Атонагильда и младшая сестра Гальевиты, жены Хильперика, вышла замужъ за Сигберта, короля Австразіи. Но вскорѣ несчастная сестра ея была найдена задушенной въ постели, а Хильперикъ тотчасъ же женился на красавицѣ Фредегундѣ, женщинѣ самаго низкаго происхожденія, жестокой, вѣроломной, не пренебрегавшей никакими средствами для достиженія разъ задуманной цѣли. Безпощадная ненависть возникла тогда же между Фредегундой и Брунегильдой и повлекла за собою кровавыя распри между ихъ супругами—королями Австразіи и Нейстріи. Сигбертъ разбилъ Хильперика, но вскорѣ самъ палъ подъ ударами убійцъ, подосланныхъ Фредегундой; войска его разсѣялись и Брунегильда попала въ плѣнъ въ руки враговъ. Воспользовавшись правомъ убѣжища въ Парижскомъ соборѣ, она спасла такимъ образомъ свою жизнь и была отослана въ Руанъ. Тамъ въ то время находился Меровей, сынъ Хильберика. Брунегильда обворожила Меровея своею красотою и тронула своими несчастіями и онъ тайно обвѣнчался съ нею. Узнавъ объ этомъ, Фредегунда снова возобновила преслѣдованіе своей соперницы, и рѣшилась погубить во чтобы то ни стало ея мужа—законнаго наслѣдника престола. Брунегильда нашла убѣжище въ Австразіи, гдѣ народъ призналъ ее правительницей во время малолѣтства Хильдеберта, ея сына; Меровей же, всюду преслѣдуемый Фредегундой, кончилъ жизнь самоубійствомъ. Брунегильда, переселившись въ Австразію и принявъ бразды правленія, выказала много ума и характера; она обращала, напримѣръ, серьезное вниманіе на разныя общественныя постройки, воздвигала по образцу римскихъ сооруженій мосты, памятники, проводила дороги: послѣднія долго назывались въ Австразіи

ея именемъ; въ лѣсу близь Бурга былъ замокъ Брунегильды, въ Эстампѣ—башня, а въ Кагорѣ выстроенное ею укрѣпленіе. Она была извѣстна своею благотворительностью и особенно покровительствовала ученымъ, столь рѣдкимъ въ эту грубую, невѣжественную эпоху. Знаменитый Фортунатъ, епископъ въ Пуатье, посвятилъ тогда Брунегильдѣ свои стихотворныя произведенія, въ которыхъ прославлялъ ея добродѣтели и заслуги. Но напыщенныя похвалы ученыхъ мало приносили пользы Брунегильдѣ въ отношеніяхъ ея къ самовольнымъ и гордымъ вассаламъ Австразіи, съ которыми она принуждена была вести постоянную упорную борьбу, мужественно отстаивая свои права. Наконецъ въ 614 году у измученной нравственно Брунегильды не хватило больше силъ бороться долѣе какъ съ внѣшними такъ и внутренними врагами и она попала въ руки злѣйшаго своего врага—Клотаря II, сына Фредегунды, сдѣлавшагося единовластнымъ королемъ Франковъ. Мстительный и жестокій Клотарь, подвергнувъ ея самымъ грубымъ оскорбленіямъ, предалъ ее наконецъ лютой казни. По преданію, Брунегильду привязали за волосы, за руки и за ноги къ хвосту дикой, бѣшеной лошади, которая разметала ея тѣло по полю на глазахъ ея жестокихъ мучителей, что и изобразилъ въ своей эффектной картинѣ талантливый Келлеръ.

Бой бѣлаго медвѣдя съ моржемъ.

(Рисунокъ Шпехта.)

На самыхъ крайнихъ предѣлахъ сѣвера, въ мѣстностяхъ повидимому враждебныхъ всякому проявленію жизни, гдѣ льды стоятъ сплошными стѣнами а невыносимый холодъ, снѣжныя мятели и бури дѣлаютъ невозможнымъ пребываніе человѣка, тамъ бѣлый медвѣдь чувствуетъ себя полнымъ, самовластнымъ хозяиномъ. Свободно, съ увѣренностью въ своей силѣ и безопасности, бродитъ онъ съ льдины на льдину и взобравшись на какую нибудь громадную глыбу льда, высматриваетъ оттуда себѣ добычу. И такую добычу ему усмотрѣть не трудно: въ пищу ему идетъ всякое животное, находимое имъ или въ волнахъ, или на льдахъ, или на пустынныхъ, безлюдныхъ берегахъ крайняго, сѣвернаго материка. Превосходно плавая и ныряя, онъ временами исключительно кормится рыбой, но иногда не прочь поохотиться и за тюленями и моржами, хотя подобная охота и требуетъ съ его стороны большой смѣтливости и непривычнаго для него проворства; но мучимый голодомъ бѣлый медвѣдь не принимаетъ въ разсчетъ трудностей борьбы и бросается на каждое попавшееся ему на встрѣчу животное. На картинкѣ Шпехта въ этомъ № „Нивы" изображена такая отчаянная схватка бѣлаго медвѣдя съ моржемъ, на котораго впрочемъ онъ нападаетъ сравнительно рѣдко: это опасный противникъ. Дѣло въ томъ, что моржъ далеко не трусливое животное и отличается часто замѣчательными размѣрами и силой; моржъ крайне лѣнивъ и спокоенъ когда его не трогаютъ, но взбѣшенный онъ становится опаснымъ даже человѣку и иногда стада этихъ животныхъ, увидѣвъ убитымъ своего товарища, безстрашно бросаются на лодку охотниковъ и цѣпляясь ластами за ея края, стараются ее потопить. Конечно въ борьбѣ моржа съ бѣлымъ медвѣдемъ перевѣсъ силы всегда на сторонѣ послѣдняго, но моржъ умѣетъ защищаться храбро и отчаянно и мохнатому хищнику побѣда достается не дешево.

Слишкомъ малъ!

(Рис. Гиршфельда).

Онъ еще такой маленькій—до школы ходить довольно далеко и свои книжки зимой онъ еще возитъ на салазкахъ. И его бѣдненькаго очень обижаютъ старшіе мальчики—такіе бѣдовые! У нихъ нѣтъ никакого сожалѣнія къ нему, они не трогаются его жалобно и испуганно устремленными на нихъ глазками и кидаютъ въ него комья снѣгу. Онъ бѣжитъ отъ нихъ какъ только можетъ быстрѣе и вотъ уже добрался до дому, и вотъ бы кажется ужъ ему быть и въ своей комнаткѣ—да нѣтъ—новая бѣда! Онъ *слишкомъ малъ* и не можетъ рученкой дотянуться до замка двери а безжалостные „снѣжки" все летятъ въ него да летятъ и залѣпляютъ мокрые глазки и попадаютъ въ щеки, которыя дѣлаются еще краснѣе.

Айны на островѣ Сахалинѣ.

Важное значеніе острова Сахалина давно сознавалось нашимъ правительствомъ, но только въ недавнее время удалось привлечь туда русское населеніе и водворивъ тамъ ссыльно-каторжныхъ начать съ ихъ помощью болѣе правильную и успѣшную разработку громадныхъ залежей каменнаго угля и желѣза. Нынѣ интересъ къ этой обширной, но еще очень мало извѣстной нашей территоріи постоянно возрастаетъ.

До начала настоящаго столѣтія объ островѣ Сахалинѣ имѣлись у насъ самыя смутныя извѣстія. Не лучше знали его и владѣвшіе имъ тогда японцы, называвшіе его „Сахаланъ анга хада" т. е. утесъ на устьѣ Амура и державшіеся того же мнѣнія какъ и европейцы, что Сахалинъ связанъ съ материкомъ узкою, низменною полосою земли и слѣдовательно составляетъ не островъ, а полуостровъ. Лишь въ 1807 году японскій путешественникъ Mamio Ринзо первый поднялся до самой южной оконечности Сахалина вдоль западнаго его берега и миновавъ проливъ достигъ до устьевъ Амура и вошелъ въ него. По договору заключенному съ Японіей въ 1875 году, Россія осталась полной, нераздѣльной обладательницей Сахалина, уступивъ въ замѣнъ его Японіи острова Курильскаго архипелага. Болѣе подробно и тщательно изслѣдована до сихъ поръ южная часть острова, обладающая менѣе суровымъ климатомъ и болѣе разнообразной растительностью. Въ этой части Сахалинъ гористъ и покрытъ лѣсами, хотя хорошаго лѣса для построекъ и особенно корабельнаго почти нѣтъ. Луговыхъ пространствъ мало и при посѣвѣ хлѣба трудно обойдтись безъ расчистки. Почва по долинамъ рѣкъ большею частью болотиста, а склоны и преимущественно вершины горъ покрыты бамбуковымъ тростникомъ, не представляющимъ большаго препятствія при переходѣ черезъ хребты.

Коренное населеніе острова составляютъ айны, которыхъ въ одной южной части его насчитываютъ болѣе двухъ тысячъ. Замѣчательно, что по типу лица племя это болѣе подходитъ къ японцамъ, нежели къ гилякамъ и другимъ представителямъ тунгузскаго племени, населяющимъ амурскій край; селенія айновъ встрѣчаются преимущественно около морскаго берега, такъ какъ море доставляетъ имъ главный предметъ ихъ продовольствія—рыбу. Кромѣ рыбы, какъ сырой, такъ и сушеной (юколы), айны еще питаются низкихъ сортовъ рисомъ, мясомъ разныхъ звѣрей, кореньями и ягодами. Жилище ихъ состоитъ изъ легкихъ юртъ, выстроенныхъ изъ жердей и бересты, мало предохраняющихъ зимою отъ холода и очень неопрятныхъ внутри, такъ какъ айны по своей нечистоплотности и грязи ничѣмъ не отличаются отъ другихъ амурскихъ инородцевъ. По свидѣтельству людей, жившихъ долго на Сахалинѣ, айны вообще весьма кроткаго нрава, въ средѣ ихъ никогда не слыхать ни о дракахъ, ни объ убійствахъ и даже въ пьяномъ видѣ они не болѣе какъ ворчливы; они честны, трудолюбивы и выносливы въ высшей степени. Дѣтски-наивные, они имѣютъ самыя первобытныя понятія о божествѣ и вся ихъ религія заключается въ обожаніи различныхъ явленій природы, солнца, моря и горъ; идоловъ у нихъ нѣтъ, но въ знакъ поклоненія и молитвы они лишь ставятъ жерди, украшенныя кудрявыми стружками. Языкъ ихъ очень несложенъ и простъ, по бѣдности выражаемыхъ имъ понятій и по отсутствію въ немъ какихъ бы то ни было грамматическихъ формъ. Лѣтняя одежда айновъ, въ родѣ азяма, соткана изъ волоконъ луба какого нибудь мѣстнаго дерева; зимою же они одѣваются въ шубы, сшитыя изъ нерпячьихъ и собачьихъ шкуръ, шерстью вверхъ. Такая мохнатая одежда смѣшиваясь съ волосами, которыми обильно покрыты ихъ головы, служитъ какъ бы дополненіемъ ихъ оригинальнаго типа и вполнѣ оправдываетъ ихъ мѣстное названіе — мохнатыхъ Курильцевъ.

Политическое обозрѣние.

Новое столкновеніе между Портой и Англіей.—Торжество англичанъ въ Кабулѣ и въ Южной Африкѣ.—Фрейсине и его грандіозный проэктъ.—Покушеніе на жизнь короля Испаніи.—Кандидатура Гранта.

Новый годъ едва не былъ ознаменованъ новымъ столкновеніемъ между Турціей и Англіей, столкновеніемъ, которое хотя и имѣетъ частный характеръ, но которое, при существующихъ обстоятельствахъ, могло бы, весьма вѣроятно, повести къ серьезнымъ послѣдствіямъ. Дѣло произошло слѣдующимъ образомъ: Турецкое правительство предало суду однаго муллу, Ахмета-Тевфика, за то, что онъ перевелъ библію на турецкій языкъ; съ нимъ вмѣстѣ былъ схваченъ и англійскій миссіонеръ Киль. Прошелъ слухъ о томъ, что Ахметъ-Тевфикъ приговоренъ къ смерти. Лейардъ немедленно обратился къ Портѣ съ нотой, въ которой потребовалъ возвращенія брошюръ религіознаго содержанія, конфискованныхъ у миссіонера, освобожденія арестованныхъ Тевфика и Киля и смѣщенія полицейскихъ чиновъ, распорядившихся конфискаціей. Посланникъ грозилъ, въ случаѣ невыполненія требованій этихъ въ теченіи трехъ дней, оставить Константинополь. Порта на дняхъ разослала къ своимъ посланникамъ при державахъ циркуляръ, объясняющій свой образъ дѣйствій въ настоящемъ случаѣ и сообщающій, что Ахметъ-Тевфикъ не приговоренъ къ смерти. Повидимому недоразумѣніе это улаживается.

Счастіе, на нѣкоторое время, снова, какъ будто, повернуло свое лицо англичанамъ. Въ Кабулѣ дѣла ихъ исправились. Напомнимъ, здѣсь, читателямъ ходъ событій. Главная роль въ возстаніи, вспыхнувшемъ недавно тамъ противъ англичанъ, играло племя гильзаевъ. Извѣстно, что войдя въ Кабулъ, генералъ Робертсъ повѣсилъ многихъ захваченныхъ въ плѣнъ афганцевъ. Эта мѣра возбудила жажду мщенія у гильзаевъ, которые поднявъ нѣсколько другихъ племенъ, возобновили военныя дѣйствія противъ пришельцевъ. Но—возстаніе не имѣло успѣха

вслѣдствіе отсутствія солидарности между афганскими народностями: такъ, африди, шинваріи, моклунды не приняли никакого участія въ движеніи. Рѣшительное сраженіе произошло близъ Кабула, оставленнаго англичанами, которые укрѣпились въ лагерѣ при Шерпурѣ. 23-го декабря н. с., въ 6 часовъ утра, афганцы начали аттаку съ трехъ сторонъ, но генералъ Робертсъ произвелъ встрѣчное нападеніе во флангъ непріятеля; афганцы не выдержали и, разсѣявшись, бѣжали къ Кабулу и далѣе. Афганская столица снова уже въ рукахъ англичанъ. На долго ли все это?

На югѣ Африки генералу Уэльслею удалось овладѣть послѣднимъ оплотомъ свободы зулусовъ—краалемъ единственнаго еще вождя ихъ, державшагося противъ врага,—Секокени. Самъ онъ взятъ въ плѣнъ. Что касается боэровъ, то они успокоились, повидимому, и выражають только одно пассивное неудовольствіе. Утверждають, что англійское правительство намѣрено предоставить Трансваальской колоніи своей большую свободу въ сферахъ внутренняго управленія, конечно подъ условіемъ экономическаго рабства.

Новое французское министерство, образованное подъ предсѣдательствомъ Фрейсине (президентъ совѣта, министръ иностранныхъ дѣлъ), изъ министра внутреннихъ дѣлъ Лепэра, министра юстиціи Казо, министра финансовъ Маньяна, военнаго министра генерала Фарра, морскаго Жорегиберри, общественныхъ работъ Варруа, народнаго просвѣщенія Жерри, торговли—Тирара и министра почтъ Котри. Вѣроятно, подобно своему предшественнику, Ваддингтону, Фрейсине будетъ держаться мирной политики, напрягая всѣ усилія свои на скорѣйшее по возможности, осуществленіе грандіознаго проэкта своего, расширенія сѣти французскихъ дорогъ и каналовъ, устройство приморскихъ фортовъ, обширной ирригаціонной системы и т. д. Проектъ этотъ уже выполняется. Такъ, въ 1878 году было затрачено 60 милліоновъ франковъ, въ 1879—130 милліоновъ, а по смѣтѣ 1880 г. назначено 200 милліоновъ: а съ 1881 года, по окончанія предположенныхъ работъ, т. е. въ продолженіи семи лѣтъ французское правительство разсчитываетъ расходовать на этотъ предметъ по 500 милліоновъ франковъ ежегодно.

Въ Испаніи конецъ года былъ отмѣченъ печальнымъ событіемъ—новымъ покушеніемъ на жизнь короля. 29 декабря н. с. когда юный король возвращался съ супругой своей во дворецъ, послѣ прогулки въ Буэнъ-Ретиро и экипажъ уже въѣзжалъ въ малыя ворота дворца—со стороны площади Оріенте, молодой человѣкъ, стоявшій возлѣ самаго часового, сдѣлалъ два выстрѣла изъ двухствольнаго пистолета Лефоше. Часовой и полиція тотчасъ же схватили негодяя. Это—нѣкто Отехо, 19 лѣтъ, отъ роду, уроженецъ Астуріи, проживавшій нѣкоторое время въ Мадридѣ. На первомъ допросѣ преступникъ показалъ, что, не имѣя средствъ къ жизни, онъ рѣшился покончить съ собой самоубійствомъ, но одинъ изъ знакомыхъ его посовѣтовалъ ему произвесть покушеніе. Согласно показаніямъ его, тотчасъ же было схвачено нѣсколько лицъ, которыя, однако, вскорѣ же были освобождены (въ томъ числѣ и братъ его). Народъ не расходился до глубокой ночи, выражая свое сочувствіе королю и королевѣ. Вопросъ о Кубѣ остановился теперь на томъ, что рѣшено ввести постепенное освобожденіе невольниковъ, согласно проекту Кановаса-дель-Кастильо и вопреки предложенію Мартинеца-Кампоса, требовавшаго немедленнаго примѣненія мѣры этой.

Въ Соединенныхъ Штатахъ республиканцы, какъ слышно, выставляютъ кандидатомъ въ президенты вновь генерала Гранта. До настоящаго времени выяснилось уже, что генералъ можетъ разсчитывать на поддержку всѣхъ правительственныхъ чиновниковъ. Избирательной кампаніей будетъ руководить извѣстный сторонникъ Гранта, сенаторъ Камеронъ, установившій и самый планъ, и избирательныя конвенціи штатовъ Нью-Іоркскаго, Пенсильванскаго и Огайо, которыя соберутся въ теченіи первыхъ четырехъ мѣсяцевъ 1880 года, обязали своихъ делегатовъ подавать голоса въ пользу Гранта. Республиканскій конвентъ для избранія кандидата соберется въ іюнѣ будущаго года, когда возвратится и генералъ Грантъ, намѣревающійся отправиться до того времени въ путешествіе.

Новыя книги.

Исторія С. М. Соловьева, т. XXIX-й. Спѣшимъ сообщить важную новость. Въ Москвѣ вышелъ и продается уже во всѣхъ книжныхъ магазинахъ посмертный 29-й томъ исторіи нашего знаменитаго, недавно скончавшагося ученаго. На стр. 189 есть примѣчаніе, что послѣднія строки писаны ослабѣвшей отъ предсмертной болѣзни рукою автора. Покойный хотѣлъ закончить томъ казнью Пугачева, но смерть послѣдовала 4-го октября въ 7 час. вечера, прервавъ многолѣтній, огромный трудъ нашего историка, думавшаго о немъ въ послѣднія минуты своей дѣятельной жизни. Содержаніе тома: продолженіе царствованія Имп. Екатерины II, 1773 и 1774 гг. Внутреннее состояніе Россіи за время первой турецкой войны. Московская чума. Событія до Пугачевскаго бунта. Обзоръ дипломатическихъ сношеній русскаго Двора отъ Кучукъ-Кайнаджирскаго мира по 1780 годъ.

Дифтеритъ. А. А. Липскаго (общедоступное изложеніе), Спб. 1880 г. Эта брошюра, снабженная предисловіемъ доктора Ю. Т. Чудновскаго, подъ редакціей котораго она издана—брошюра чрезвычайно полезная, указывающая наиболѣе доступныя средства борьбы съ самою ужасною изъ современныхъ эпидемій—злокачественнымъ дифтеритомъ. Эпидемія эта уже унесла болѣе жизней, чѣмъ всѣ моры, чумы и холеры и угрожаетъ еще большимъ развитіемъ. Чрезвычайно важно, чтобы всѣмъ были извѣстны предохранительныя и лѣчебныя средства, а также и свойства самой болѣзни, чтобы сами люди, по незнанію не помогали ея распространенію.

Отголоски Новаго Свѣта, *очерки и разсказы изъ американской жизни А. Л. Гиллина, 1880 г. Спб.* Г. Гиллинъ американецъ, живущій постоянно въ Россіи и выучившійся русскому языку, и теперь даже пишущій и издающій русскія книги. Имя его встрѣчается отъ времени до времени и подъ газетными статьями. Разсказы настоящаго сборника обличаютъ дарованіе въ авторѣ. Лучшіе разсказы въ книгѣ: „Джентльменъ изъ Техаса“ и „Среди братьевъ Христа.“ Въ послѣднемъ рисуется грандіозная и поражающая картина митинга методистовъ на р. Гудзонѣ, на который собирается до 50,000 „вѣрующихъ;“ разсказ этотъ можно бы очень рекомендовать прочесть восторженнымъ почитателямъ прелестей жизни великой Заатлантической республики.

Древне-греческая жизнь, *соч. Магаффи, перев. М. Стратилатова, 1880 г. Спб.* Переводъ сочиненія Магаффи, въ которомъ сообщается столько любопытнѣйшихъ подробностей объ этой сильной, свѣжей, юной жизни великаго народа, выполненъ весьма добросовѣстно, хотя довольно тяжело. Книжка издана очень опрятно и красиво и снабжена нѣсколькими недурными рисунками.

Игра въ загадки. Спб. 1880 г. Не можемъ не указать, какъ на изящный и полезный подарокъ для дѣтей къ праздникамъ, эту игру, изданную „Спб. Мастерской учебныхъ пособій и игръ.“ Подробное объясненіе самой игры и ея значенія изложено въ особой брошюрѣ. Говорится о пользѣ изученія народныхъ загадокъ и пословицъ, этихъ живыхъ выразителей духа самаго народа и его языка. Рисунки прекрасно исполнены В. С. Шпакомъ.

Разныя извѣстія.

Современное воспитаніе и анархія. Въ одной недавно вышедшей въ Германіи книгѣ, „Unsere moderne Bildung und anarchie“ (Наше современное воспитаніе и анархія) затрогивается между прочимъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ современности. Авторъ разсуждаетъ о причинахъ разнузданности современной молодежи и замѣтнаго отклоненія отъ строгаго порядка, строгой цѣли въ жизни. Причины этаго онъ находитъ конечно въ семьѣ. „Каждая дѣтская дастъ намъ отвѣтъ на это“, говоритъ авторъ. Возьмемъ домъ, пользующійся достаткомъ. Дѣти одѣты изящно, большею частью какъ куколки, молодыя матери часто въ любви своей смотрятъ на нихъ скорѣе какъ на забаву, чѣмъ думаютъ о воспитаніи. Дѣти окружены всевозможными, часто преувеличенными попеченіями, дорогими игрушками и вспомогательными средствами. Отецъ и мать только тѣмъ и озабочены, чтобы предупредить всякое желаніе дѣтей, чтобы за ихъ проступки и непослушаніе не было наложено наказаніе, которое бы ихъ слишкомъ огорчило. Учителя хлопочутъ, чтобы не обременять головки милыхъ малютокъ занятіями, чтобы не насиловать ихъ вниманія, терпѣнія; отучаютъ ихъ отъ всякаго понятія объ „обязанностяхъ“, стараясь чтобы самое ученіе было по возможности удовольствіемъ, стараясь дѣйствовать болѣе ласкою и похвалами, чѣмъ разумною строгостью и серьезностью. *Платятъ* наконецъ ребенку удовольствіями и подарками, за то что онъ бываетъ послушенъ. Прислуга дома бѣгаетъ по приказаніямъ дѣтей и т д. И милыя малютки безвременно пресыщенные этою угодливостью, распускаются, капризничаютъ, не удовлетворяются ничѣмъ, скучаютъ, смотрятъ съ завистью на то что другіе имѣютъ и если имъ этаго сейчасъ же не даютъ, они становятся недовольны родителями; затѣмъ привыкаютъ относиться *къ работѣ* какъ къ *игрѣ* и чѣмъ больше ростутъ тѣмъ недовольнѣе и неудовлетвореннѣе становятся, ища успокоенія раздразненному но неудовлетворенному чувству внѣ дома. Тутъ есть всѣ зачатки будущаго нерасположенія ни къ какому труду человѣка, распущеннаго лѣнтяя и недовольнаго анархиста.

Замѣчательный случай. Въ необычайно холодную зиму минув-

(Продолженіе на стр. 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47 и 48).

шаго года, въ Познанскомъ городскомъ госпиталѣ былъ весьма замѣчательный случай. Нѣсколько оспенныхъ больныхъ впали, какъ это часто бываетъ, въ горячечный бредъ. То были все оспенные въ самой сильной степени болѣзни, тѣло ихъ было все покрыто язвами, жаръ до 41 градуса. Одинъ изъ нихъ въ одной рубашкѣ выскочилъ изъ перваго этажа въ окно на дворъ. Было 10 градусовъ морозу и онъ почти до утра бродилъ кругомъ по снѣгу и упалъ безъ чувствъ на холодную землю. Когда его опять уложили въ постель, то горячечное состояніе утихло, а язвы на всемъ тѣлѣ начали заживать. Двѣ оспенныя женщины, также въ бреду, выскочили въ совершенно холодный корридоръ, гдѣ и проводили ночью долго. Утромъ врачъ замѣтилъ у нихъ признаки выздоровленія. Послѣ этихъ случаевъ, начали дѣлать соотвѣтствующіе опыты. Нѣсколькихъ оспенныхъ больныхъ помѣстили въ нетопленной палатѣ, въ которой кромѣ того постоянно открывали окна; черезъ нѣсколько дней горячка утихала и язвы закрывались и на восьмой день наступало выздоровленіе.

Объ англійскомъ мореходствѣ. Извѣстный корветъ „Ирисъ“ предпринялъ свое первое путешествіе. Подобно недавно отстроеннымъ корветамъ „Комусъ“ и „Альбатросъ“ онъ составилъ подкрѣпленіе англійской эскадрѣ въ водахъ восточной Азіи. „Ирисъ“ принадлежитъ къ стальнымъ корветамъ новой конструкціи, постройкой котораго англичане окончательно устранили панцырную систему. Отъ прочихъ корветовъ той же конструкціи отличается „Ирисъ“ только своими размѣрами. Въ длину онъ имѣетъ 32 сажени и въ ширину 5 саж. Водоизмѣщеніе составляетъ 3735 тоннъ. Наибольшая скорость „Ириса“ 21 миля въ часъ. Среднимъ числомъ предполагается дѣлать по 18 миль въ часъ. „Ирисъ“ считается самымъ быстрымъ кораблемъ въ англійскомъ флотѣ. Оружіе на „Ирисѣ“ очень легкаго калибра. Оборонительныя орудія состоятъ изъ приспособленій для закладыванія торпедъ; преимущество приспособленій заключается въ возможности закладыванія торпеды по всѣмъ направленіямъ, не маневрируя кораблемъ. Въ случаѣ нападенія, аппараты эти могутъ быть выставляемы и убираемы по желанію, не замедляя въ то же время хода корвета. Цѣль корвета заключается въ сообщеніи между флотами и твердой землею и въ случаѣ войны—въ помѣхѣ почтовымъ кораблямъ. Вслѣдствіи своей неномѣрной быстроты, онъ всегда во время успѣетъ уйти отъ панцырнаго судна и отъ корабля съ тяжелымъ вооруженіемъ.

Народы Россіи: Айны на Островѣ Сахалинѣ. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Итальянскому ювелиру Труве, пришла оригинальная мысль изготовлять золотыя украшенія, на которыхъ отдѣльныя части приводятся въ движеніе электричествомъ. Онъ сдѣлалъ напр. булавку, представляющую мертвую голову, которая по желанію носящаго можетъ стучать зубами и водить глазами. Другая такая булавка, украшенная драгоцѣнными камнями, представляетъ мотылька, двигающаго крыльями и усиками. Булавка эта пріобрѣтена графиней Меттернихъ.

Такія украшенія сообщаются съ маленькой батареей, которую носятъ въ карманѣ. Батарея состоитъ изъ элемента угля и цинка, герметически закрытаго въ коробкѣ, величиною около 3—4 вершковъ. Электроды въ половину длины коробки, въ остальномъ пространствѣ находится столько разжиженной кислоты, чтобы уголь и цинкъ не соприкасались съ нею въ то время, когда коробка стоитъ перпендикулярно. Если нужно заставить вещь двигаться, приводятъ коробку въ горизонтальное положеніе, токъ тогда возстановится. Электричество дѣйствуетъ на предметъ черезъ тонкія серебряныя нити, проведенныя незамѣтно отъ батареи къ предмету.

Находка древней лодки. Г. Мюрель Фаги, производившій изслѣдованія свайныхъ построекъ въ Женевскомъ озерѣ, открылъ древнюю большую лодку, за исключеніемъ нѣкоторыхъ незначительныхъ поврежденій, вполнѣ сохранившуюся. Лодка эта цѣликомъ сдѣлана изъ большаго еловаго дерева, имѣетъ 32 фута длиною и 2¾ ф. шириною. Передняя часть украшена рѣзьбою. Этотъ предметъ доисторическаго періода предназначенъ для музея въ Люцернѣ.

Еще о сохраненіи труповъ. Мы уже говорили въ № 46 „Нивы“ (1879 г.) о замѣчательномъ способѣ доктора Викерсгеймера консервировать трупы. Секретъ консервированія, какъ мы говорили, пріобрѣтенъ у доктора Германскимъ правительствомъ, которое и обнародовало во всеобщее свѣдѣніе составныя части жидкости для консервированія. Теперь въ нѣмецкихъ газетахъ появилось офиціальное сообщеніе, которымъ исправляется ошибка перваго сообщенія. Именно, арсениковая кислота должна входить въ консервирующую трупы жидкость въ количествѣ не *10* граммъ, какъ было заявлено, но *20* граммъ (двадцать граммъ).

Электричество въ примѣненіи къ охотѣ и хозяйству. Въ окрестностяхъ Марселя электрическій аппаратъ Румкорфа впервые еще употребленъ былъ для особеннаго рода охоты. Давно было замѣчено, что многія перелетныя птицы садятся цѣлыми стадами на деревья, на которыхъ, для приманки, помѣщено чучело

этихъ же птицъ. Выбравъ же подходящее для этого дерево, ставятъ подлѣ жердь; на ней, какъ на оси, укрѣплено колесо изъ тонкой мѣдной проволоки. Чучело дрозда на верхушкѣ жерди служитъ приманкой. Стадо дроздовъ, завидя чучело, садится на проволоку, соединенную съ электрической батареей, ударъ которой мгновенно убиваетъ всѣхъ сидящихъ на проволокѣ птицъ, которыя, какъ извѣстно, чрезвычайно чувствительны къ дѣйствію электричества.

Эта забава подала мысль винодѣлу Дальмасу употребить тотъже способъ для истребленія Филоксеръ,—бича виноградниковъ. Обвивая кусты винограда проволокой и пропуская сильный электрическій токъ Дальмасъ убивалъ мгновенно не только насѣкомыхъ, но и ихъ зародыши, чѣмъ спасъ свои виноградники и, по всему вѣроятію получитъ сто тысячъ франковъ, назначенныхъ изобрѣтателю вѣрнаго отъ Филоксеръ средства.

Дифтеритъ. Въ виду сообщеннаго американскими газетами извѣстія, что въ Россіи свирѣпствуетъ дифтеритъ, г-жа Елисавета Томсонъ, живущая въ Нью-Іоркѣ и весьма извѣстная своею безкорыстною дѣятельностью во главѣ филантропическихъ предпріятій, желаетъ сообщить русскимъ, страдающимъ отъ дифтерита, простое средство противъ этой болѣзни, оказывающееся, по опытамъ г-жи Томсонъ, почти безусловно вѣрнымъ и непремѣнно вылечивающимъ почти всѣхъ больныхъ. Средство это—тинктура геранія (teinture de geranium); тинктурой этой слѣдуетъ смазывать черезъ часъ, при помощи кисточки, дифтерическія пятна.

Маленькое общество. Въ Демминѣ, померанскомъ городѣ, докт. Шуминъ, ректоръ, основалъ среди дѣтей „общество покровительства птичекъ,“ которое уже насчитываетъ 100 членовъ. Уставъ общества слѣдующій: членомъ его можетъ быть каждый ребенокъ, имѣющій не менѣе 10 лѣтъ и относительно котораго есть данныя, что онъ спасъ нѣсколько птичекъ или принималъ мѣры къ ихъ защитѣ. Члены общества обязываются: 1) не разорять гнѣздъ пѣвчихъ птичекъ. 2) Не вынимать таковыхъ гнѣздъ изъ кустовъ. 3) Воспрещать это другимъ. 4) Приглядывать за осиротѣвшими брошенными птичками и кормить ихъ. 5) Зимой стараться пріучать птицъ летать къ извѣстному мѣсту и кормить ихъ. 6) Если сами дѣти не могутъ чего нибудь этаго сдѣлать, то должны обращаться къ ректору, чтобы онъ могъ принять свои мѣры. Члены маленькаго общества отъ времени до времени получаютъ назначенные имъ подарки.

Какъ давно вошло въ употребленіе стекло. Древнѣйшая вещь изъ чистаго стекла, годъ которой можно опредѣлить—это небольшая львиная головка, найденная въ Египтѣ, на которой изображено имя одного Фараона 11 династіи. Она хранится въ Британскомъ музеумѣ. Отсюда слѣдуетъ, что еще за 2,000 лѣтъ до Р. Х. не только дѣлали стекло, но и вырабатывали изъ него предметы роскоши, что показываетъ, что это производство было уже въ значительномъ развитіи. Искуство же глазировать сосуды относится къ такой глубокой древности, что изъ обломковъ глазированныхъ предметовъ, находимыхъ при раскопкѣ, были относящіяся по временамъ первыхъ Фараоновъ. Изъ позднѣйшихъ предметовъ было напр. толстое стекло, найденное въ Ѳивахъ, на которомъ было изображено имя царицы Гатазоо или Газебъ 18 династіи. Къ этому же періоду относятся вазы, кружки и разные другіе предметы. Нѣтъ никакаго сомнѣнія, хотя Плиній и приписываетъ изобрѣтеніе стекла Финикіянамъ, эти предпріимчивые купцы только скупали его въ Египтѣ и затѣмъ развозили по всему свѣту. Докт. Шлиманъ находилъ много предметовъ изъ стекла при отрытіи Микенъ, хотя у Гомера не встрѣчается намековъ, по которымъ можно бы было видѣть что онъ разумѣетъ стекло или вещи изъ стекла. Украшенія изъ стекла найдены на стѣнахъ склепа гробницы Фараона 5 династіи, т. е. такаго времени, опредѣленіемъ котораго могутъ затрудниться самые извѣстные изслѣдователи-египтологи.

Болотная лихорадка (Malaria). Профессоръ патологической анатоміи въ Римѣ—докт. Томази и Пражскій проф. Клебсъ занимались минувшимъ лѣтомъ изслѣдованіемъ причинъ перемежающейся лихорадки. Изъ отчета проф. Томази видно, что изслѣдованія эти увѣнчались полнымъ успѣхомъ.

Оба ученые провели нѣсколько недѣль близъ Рима, въ окрестностяхъ, гдѣ болотныя лихорадки свирѣпствуютъ безпрерывно. Они изслѣдовали нижніе слои воздуха, грунтъ и стоячія воды. Въ воздухѣ и грунтѣ они нашли микроскопическій грибокъ, состоящій изъ множества подвижныхъ бактерій, блестящихъ, овальной формы, имѣющихъ въ длину до 9 микромиллиметровъ. Грибокъ этотъ можетъ развиваться въ различныхъ почвахъ.

Осадокъ, остающійся отъ фильтрированія почвенной и подпочвенной воды, промытый много разъ, вводимый помощью впрыскиванія подъ кожу собакъ, производилъ у этихъ послѣднихъ совершенно правильные приступы перемежающейся лихорадки. У нѣкоторыхъ собакъ перемежки между приступами доходили до 60 часовъ. Во время приступовъ температура тѣла, отъ 38° нормальныхъ, подымалась до 42° Цельсія. Профильтрированная вода вызывала въ тѣлѣ легкія колебанія температуры, но безъ перемежающагося характера.

Кромѣ лихорадочныхъ явленій, совершенно тождественныхъ съ наблюдаемыми у человѣка, страдающаго болотной лихорадкой, селезенка собакъ значительно увеличивалась, а микроскопъ открывалъ въ этой селезенкѣ несмѣтныя количества специфическаго грибка. Лимфатическіе сосуды содержали его тоже. Такъ какъ грибокъ этотъ разрастается въ формѣ нитей, то Томази и Клебсъ назвали его „Bacillus malariae“. (Лихорадочныя нити).

Строго научный методъ, котораго придерживались изслѣдователи, указываетъ, съ большою вѣроятностью на открытіе настоящей причины перемежающейся лихорадки.

Сколько людей на землѣ. Вообще считается 1.421,000,000 душъ изъ нихъ 309,000,000 приходится на Европу, 824,000,000 на Азію, 199,000,000 на Африку, 4,000,000 на Австралію и 85,000,000 на Америку. По таблицамъ смертности, можно видѣть что среднее число ежегодныхъ смертей на всемъ земномъ шарѣ—35,693,350; ежедневно—97,790. Что касается прироста населенія, то количество рожденій въ одинъ день доходитъ вообще до 104.800. Въ каждую минуту 24 часоваго дня рождается на свѣтъ до 70 дѣтей.

Телескопъ,

заказанный въ Америкѣ нашимъ правительствомъ для Пулковской обсерваторіи.

Оптика сдѣлала за послѣднее двадцатилѣтіе такіе громадные успѣхи, какихъ въ прежнее время невозможно было и предвидѣть, особенно по отношенію къ большимъ телескопамъ, въ устройствѣ коихъ достигнуты такія усовершенствованія и самые телескопы доводятъ до такихъ размѣровъ, что эти увеличительные аппараты походятъ скорѣе на колосальныя машины, чѣмъ на обыкновенные научные инструменты. Недавно такой телескопъ-великанъ заказанъ нашимъ правительствомъ для Пулковской обсерваторіи. Телескопъ этотъ будетъ имѣть 40 футъ длины, при линзѣ *) тридцати-дюймоваго діаметра, — это самый сильный изъ всѣхъ до нынѣ существовавшихъ телескоповъ.

Панцырныя суда, морскіе маяки, альпійскій тоннель и другія чудеса современной техники доступны взорамъ массы; рѣдкіе экземпляры гориллы, неподкрашенные кафры и тому подобныя достопримѣчательности видитъ масса публики. Но изъ ста тысячъ людей едва одинъ имѣлъ, обыкновенно, случай взглянуть хоть разъ въ жизни въ телескопъ съ линзой 8—9 дюймоваго діаметра; а наблюдать движеніе небесныхъ тѣлъ въ перворазрядный телескопъ — доведется конечно лишь одному изъ милліона. — Причина понятна: инструменты эти, необходимые для ученыхъ изслѣдованій, весьма дороги, рѣдки и малодоступны. На всемъ земномъ шарѣ только 40 телескоповъ съ линзами объективовъ въ 10 дюймовъ въ поперечникѣ; 12—съ 14 дюймовой и лишь 6 — съ 18 дюймовой линзой. Понятно, что лишь близко къ дѣлу стоящія лица имѣютъ возможность ознакомиться съ такими инструментами; въ массѣ-же публики господствуютъ самыя невѣрныя объ этомъ предметѣ понятія. Почему не сдѣлать эту „линзу“ хоть 4—5 футовъ въ діаметрѣ? спрашиваютъ иногда лица, незнакомыя съ дѣломъ, когда рѣчь заходитъ о телескопахъ. — Очень просто: это неисполнимо. Но зеркальныя стекла дѣлаютъ же въ сажень, двѣ, три и болѣе?! Есть громадная разница въ отдѣлкѣ простыхъ и оптическихъ стеколъ. Не замѣтныя простому глазу въ зеркальномъ стеклѣ неровности, если случатся въ линзѣ телескопа—дѣлаютъ ее совершенно негодной. Въ этомъ отношеніи, требованія стекла называемаго „Флинтгласъ“ *) безпощадно строги. Полная однородность сплава, отсутствіе малѣйшей полоски или черточки,—вотъ существенныя и крайне трудно достижимыя условія Флинтгласа, нужнаго для телескопа.—Лондонская и Парижская Академіи за выполненіе такихъ стеколъ назначили весьма большія преміи; въ состязаніи на полученіе этихъ премій участвовалъ и безуспѣшно даже такой ученый и глубокій знатокъ дѣла, какъ знаменитый Фарадей.

И такъ ближайшее условіе хорошаго телескопа — вполнѣ однородный, свободный отъ полосокъ Флинтгласъ.

Первые, въ этомъ отношеніи, успѣхи сдѣлалъ нѣкто Гинанъ, швейцарскій крестьянинъ, родившійся въ Невшательскомъ кантонѣ въ 1748 году. — Главный начальникъ горныхъ заводовъ

*) Увеличительное стекло чечевицеобразной формы.

*) „Флинтгласъ“—хрусталь—составляется изъ кремнево-кислаго чорнозема, поташа, и окиси свинца; образуетъ весьма плотное, свѣтлое стекло, почему служитъ для увеличительныхъ и приближающихъ предметъ—стеколъ и въ связи съ Кронгласомъ даетъ безцвѣтныя изображенія предметовъ. „Кронгласъ“ весьма тонкое зеркальное стекло, которое въ ахроматическихъ телескопахъ употребляется для окуляра-стекла ближайшаго къ глазу; его луче-преломленіе усиливаетъ впечатлѣніе, полученное помощью Флинтгласа въ линзѣ объектива.

Грунеръ выдвинулъ этаго человѣка. Онъ его познакомилъ съ Утцшнейдеромъ, Рейхенбахомъ и Либгеромъ, которые основали механическо-оптическое заведеніе въ Мюнхенѣ. Гинанъ прибылъ (1807 г.) въ Мюнхенъ и принялъ на себя веденіе дѣла выдѣлки хрусталя (Флинтгласъ) и обязался открыть свой способъ одному лишь лицу, состоявшему при Утцшнейдерѣ, — это былъ двадцатилѣтній юноша Іосифъ Фраунгоферъ, который, какъ гласитъ надпись на его надгробномъ памятникѣ, „приблизилъ къ намъ звѣзды.“ Съ нимъ начинается эпоха телескоповъ съ чечевицеобразными стеклами (линза), называемыми рефракторами. Фраунгоферъ усовершенствовалъ способъ выдѣлки оптически чистаго хрусталя, изобрѣлъ новый точный способъ его испытанія и открылъ устройство объективныхъ стеколъ.

Такимъ образомъ телескопы Фраунгофера, которые удобно можно бы было установить на подоконникѣ—по силѣ и отчетливости своей превзошли десяти и тридцатифутовые зеркальные телескопы Гершеля и Шретера. Въ настоящее время есть еще образцовые телескопы, вышедшіе изъ рукъ Фраунгофера лѣтъ 50 тому назадъ и могущіе поспорить не съ однимъ произведеніемъ этого рода въ настоящее время. И какъ по достигаемымъ результатамъ такъ и по совершенству отдѣлки, все же самый большой телескопъ, вышедшій изъ рукъ Фраунгофера, имѣетъ объективное стекло только въ 9 парижскихъ дюймовъ діаметра. Длина инструмента равняется 14 футамъ; даже при силѣ увеличенія въ 1000 разъ даетъ изображенія безукоризненныя. Телескопъ этотъ находится въ Россіи, въ Дерптской обсерваторіи и не смотря на многолѣтнее употребленіе, ничуть не потерялъ силы. Впрочемъ не задолго до своей смерти Фраунгоферъ заявилъ, что онъ можетъ поставлять стекла въ 18 дюймовъ въ діаметрѣ.

Наслѣдники его заведенія со славой шли по открытому имъ пути и вскорѣ снабдили большими инструментами почти всѣ обсерваторіи образованнаго міра. Гораздо позднѣе въ Парижѣ былъ приготовленъ великолѣпный оптическій хрусталь (Флинтгласъ) но примѣнялся онъ лишь на телескопахъ устроенныхъ въ Германіи. Французскіе же и по нынѣ извѣстны какъ весьма посредственные.

Какъ выше сказано, наслѣдники Фраунгофера Мерцъ и Малеръ со славою слѣдовали по его пути и доставили много стеколъ самой чистой отдѣлки 14-ти дюймоваго діаметра, составлявшихъ предметъ удивленія ученыхъ и знатоковъ того времени. Ни одно заведеніе въ этомъ родѣ не могло конкурировать съ мюнхенскимъ. Наконецъ фирма Шансъ въ Бирмингамѣ дошла до умѣнья изготовить хорошій хрусталь въ большихъ кускахъ, а вслѣдъ затѣмъ появилось извѣстіе, что два американца: Генрихъ Фицъ въ Нью-Іоркѣ и Альванъ Кларкъ въ Бостонѣ, дѣлаютъ большіе телескопы, которые не только могутъ поспорить съ мюнхенскими, но и лучше ихъ — извѣстія эти, взятыя большею частью конечно изъ американскихъ газетъ, не внушали довѣрія, пока профессоръ Вейсъ не былъ отправленъ австрійскимъ правительствомъ въ Сѣверную Америку спеціально для провѣрки на мѣстѣ и для тщательнаго осмотра инструментовъ въ этихъ заведеніяхъ. Знаменитый ученый нашелъ дѣйствительно справедливымъ то, что сообщали газеты и убѣдился, что въ устройствѣ большихъ телескоповъ Америка далеко превзошла Европу. Въ это время Альваномъ Кларкомъ поставленъ былъ въ Вашингтонѣ величайшій телескопъ, объективъ котораго имѣетъ 26 англійскихъ дюймовъ въ діаметрѣ. Телескопъ этотъ прославился тѣмъ, что посредствомъ его были открыты двѣ луны—спутники Марса. По величинѣ телескопъ Кларка значительно превосходитъ европейскіе, но по точности все таки имъ уступаетъ. Въ особенности телескопъ Пулковской обсерваторіи, устроенный Мерцомъ и имѣющій 14-дюймовую линзу, совершенно справедливо признается сильнѣйшимъ и лучшимъ въ Европѣ.—Однако въ 1873 году оказалось, что онъ во многомъ уступаетъ рефрактору Кларка въ Вашингтонѣ. Такъ напримѣръ директоръ Пулковской обсерваторіи Струве утверждалъ, что близь яркой звѣзды „Проціонъ“ находится тусклая звѣздочка, которой открытіе было бы весьма важно. Въ слѣдующемъ 1874 году Струве и другой наблюдатель снова увидали ту же звѣздочку и открытіе казалось несомнѣннымъ. Между тѣмъ американцы со своимъ 26-дюймовымъ рефракторомъ доказали, что въ Пулковѣ ошиблись, принявъ за звѣздочку отраженіе яркаго Проціона на поверхности рефрактора. Вашингтонскій инструментъ не показывалъ ни малѣйшаго слѣда звѣзды найденной Струве, но открывалъ при этомъ три другія весьма слабыя звѣзды, которыя хотя гораздо ближе Проціона, но въ Пулковѣ однакоже замѣчены не были. Впослѣдствіи Струве нашелъ близь другихъ звѣздъ и въ такомъ же разстояніи, подобныя пятна. Это привело его къ убѣжденію, что въ обоихъ случаяхъ пулковскій телескопъ показываетъ лишь отраженія и что для далекихъ разстояній онъ не можетъ сравниться съ Вашингтонскимъ телескопомъ.

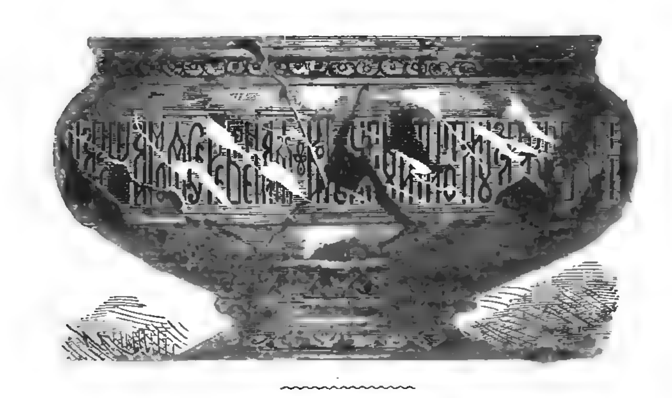
Наша великолѣпная Пулковская обсерваторія, какъ извѣстно, не только главная въ Россіи, но одно изъ лучшихъ астрономическихъ учрежденій въ мірѣ. Само собою разумѣется, наше правительство стремится, чтобы въ оптическомъ отношеніи это научное учрежденіе всегда было на уровнѣ современныхъ усовершенствованій. Въ этихъ видахъ поручено было Струве вступить въ переговоры и заключить условіе для пріобрѣтенія болѣе могущественнаго телескопа. Онъ обратился въ Вашингтонъ, лично убѣдился въ высокихъ достоинствахъ сильнаго 26-дюймоваго рефрактора и заключилъ условіе съ Кларкомъ на изготовленіе еще болѣе сильнаго инструмента. Кларкъ могъ обязаться доставить телескопъ съ объективнымъ стекломъ только въ 30 дюймовъ въ діаметрѣ, хотя г. Струве желалъ большаго размѣра. На основаніи договора, Кларкъ 18 мѣсяцевъ спустя послѣ полученія хрустальныхъ болвановъ (глыбъ) обязанъ изготовить требуемое стекло за 32.000 долларовъ. Но такъ какъ глыбы *могутъ быть обдѣланы только черезъ два года*, то Пулково увидитъ новый телескопъ лишь черезъ три съ половиной года. Трубы и прочія принадлежности заказаны въ Европѣ и съ установкой телескопа обойдутся еще дороже стеколъ.

Самый большой телескопъ, вышедшій изъ мастерскихъ Мерца въ Мюнхенѣ, будетъ установленъ на Стразбургской астрономической обсерваторіи. Онъ имѣетъ 18-ти дюймовый объективъ и длина его равняется 22 футамъ. Инструментъ этотъ увеличиваетъ предметы въ 2,000 разъ. По позднѣйшему прейсъ-куранту телескопъ такой величины, совершенно установленный, стоитъ 105,000 марокъ, т. е. около 50,000 рублей.

Заведеніе Альвана Кларка занимаетъ теперь первое мѣсто, такъ какъ телескопы другихъ извѣстныхъ оптиковъ не достигли такихъ размѣровъ. Но, надо думать, Мерцъ и Малеръ, въ случаѣ надобности, могутъ достигнуть тѣхъ же результатовъ. Нынѣ существующее въ Гамбургѣ оптическое заведеніе—„Учрежденіе доктора Гуго Шредера“, выпустило нѣсколько инструментовъ, которые считаются совершеннѣйшими. Такъ, телескопы обсерваторіи въ Ботковнѣ, равно какъ телескопъ въ Сиднеѣ, въ Австраліи, представляютъ настоящія художественныя произведенія. Докторъ Шредеръ берется изготовить телескопъ съ объективомъ въ 40 парижскихъ дюймовъ въ діаметрѣ, при длинѣ въ 50 футовъ; инструментъ этотъ долженъ увеличивать предметы въ 5,000 разъ и цѣна его достигнетъ 400,000 марокъ. Что откроетъ намъ еще такой необычайной силы инструментъ и предвидѣть невозможно. Подобные рефракторы объяснятъ намъ, конечно, лучше Гершелевскихъ и другихъ, значеніе туманныхъ пространствъ, пятенъ и звѣздныхъ путей. Что касается нашей сосѣдки—луны—мы вправѣ вскорѣ ожидать весьма короткаго знакомства съ предполагаемою на ней, неизвѣстною для насъ, жизнью.

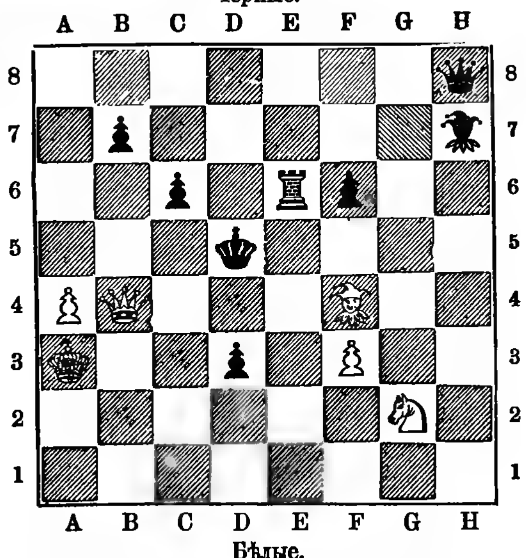
Задача № 4.

На этомъ рисункѣ, изображающемъ старую, растрескавшуюся вазу, требуется разобрать надпись.

Шахматная задача № 5.

Черные.

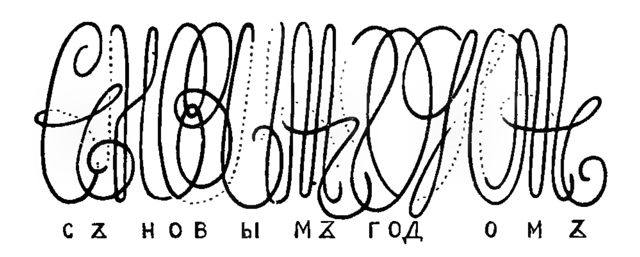

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ въ 3 хода.

Рѣшеніе задачи монограмма № 1.

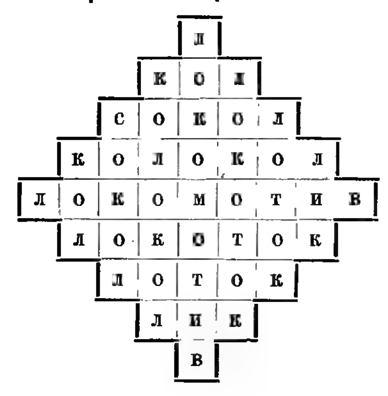
СЪ НОВЫМЪ ГОДОМЪ

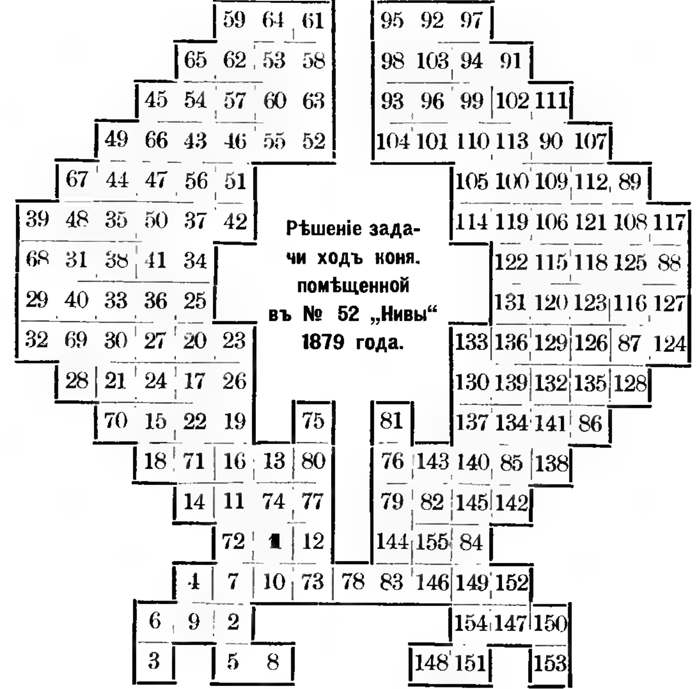
Рѣшеніе магическихъ квадратовъ, помѣщенныхъ въ № 52 „Нивы" 1879 года.

б	о	т	и	к
о	с	о	к	а
т	о	п	о	р
и	к	о	н	а
к	а	р	а	х

р	а	в	и	н
а	в	и	з	о
в	и	т	и	м
и	з	и	д	а
н	о	м	а	д

Рѣшеніе магическаго креста помѣщеннаго въ № 52 „Нивы" 1879 г.

Рѣшеніе задачи ходъ коня. помѣщенной въ № 52 „Нивы" 1879 года.

Родина мать! по равнинамъ твоимъ
Я не ѣзжалъ еще съ чувствомъ такимъ;
Вижу дитя на рукахъ у родимой,
Сердце волнуется думой любимой
Въ добрую пору дитя родилось:
Милостивъ Богъ, не узнаешь ты слезъ.
Съ дѣтства никѣмъ не запуганъ, свободенъ,
Выберешь дѣло, къ которому годенъ,
Хочешь—останешься вѣкъ мужикомъ,
Сможешь—подъ небо взовьешься орломъ.
Въ этихъ фантазіяхъ много ошибокъ,
Умъ человѣческій тонокъ и гибокъ.
Знаю, на мѣсто сѣтей крѣпостныхъ,
Люди придумали много иныхъ;
Такъ, но распутать ихъ легче народу!
Муза съ надеждой привѣтствуй свободу.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: Москва отъ В. Поздиякова; **Пенза** отъ г. Орлова; **Мозырь** отъ г. Юл. Лапича и г. Штромберга; **Кронштадтъ** отъ г. К. Даржана.

1-й заемъ 1864 года. 30-й тиражъ 2-го января 1880 г.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА.

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
106	39	500	2530	32	500	5225	26	500	7265	13	500	10124	48	500	12344	44	500	14861	35	500	17368	38	500
235	1	500	2583	46	500	5229	7	500	7300	4	500	10162	2	500	12344	15	500	14881	19	8000	17408	35	500
324	37	500	2622	49	500	5302	9	500	7403	48	500	10173	34	500	12390	3	500	14888	44	500	17475	45	1000
459	44	75000	2643	35	1000	5149	28	500	7466	17	1000	10235	37	500	12905	8	25000	15084	49	500	17671	39	8000
471	39	500	2667	25	500	5502	14	500	7520	50	500	10302	44	500	12984	7	8000	15091	42	500	17686	10	500
687	29	500	2733	12	500	5615	2	500	7543	16	500	10369	28	1000	13005	22	500	15194	4	500	17702	50	500
806	36	500	3056	15	500	5637	20	500	7654	35	500	10443	49	1000	13080	39	500	15204	32	500	17719	7	5000
809	18	40000	3058	48	500	5644	44	500	7744	45	500	10458	44	500	13133	42	500	15289	41	500	17827	28	500
1039	8	500	3214	48	500	5684	33	500	8070	20	500	10517	23	500	13390	9	10000	15362	1	500	17896	30	500
1060	37	500	3299	7	500	5812	22	500	8122	1	500	10521	36	500	13667	33	500	15414	43	500	17960	45	500
1078	14	500	3333	11	1000	5907	47	500	8155	37	500	10615	16	500	13696	47	500	15454	2	1000	18210	23	500
1227	44	500	3352	28	500	5922	27	8000	8171	34	500	10759	16	500	13733	43	500	15489	29	500	18220	6	500
1326	36	500	3405	44	500	5996	13	500	8389	39	500	10793	5	500	13795	42	5000	15561	44	500	18223	24	1000
1340	9	10000	3428	50	500	5997	24	500	8468	45	500	10811	47	500	13889	30	500	15719	39	500	18413	31	500
1119	23	500	3499	29	5000	6004	9	500	8647	25	500	10821	42	500	13896	44	500	15756	37	500	18547	34	500
1483	21	500	3654	49	500	6078	1	1000	8651	30	500	10901	31	1000	13912	44	500	15790	18	500	18590	9	500
1495	32	500	3789	6	500	6126	17	500	8682	10	500	11011	42	1000	13961	13	500	15816	46	500	18592	26	500
1530	16	500	3817	25	500	6187	43	500	8922	35	500	11038	30	500	13974	14	500	15859	46	500	18607	25	500
1561	47	500	3868	42	500	6199	22	500	9026	32	500	11093	15	500	14042	33	1000	15862	7	500	18607	42	500
1599	46	500	3898	45	500	6257	26	500	9065	16	500	11162	16	200000	14073	12	500	16002	49	500	18680	24	500
1921	22	500	3899	24	500	6303	25	500	9074	6	500	11264	20	1000	14112	2	500	16036	31	500	18684	19	500
1922	19	500	3934	38	500	6313	20	500	9182	26	500	11330	1	500	14181	20	500	16072	38	500	18742	26	500
1925	7	500	3974	23	500	6347	30	500	9255	33	500	11444	21	500	14217	36	500	16151	36	500	18850	48	500
1932	50	500	3993	22	500	6428	38	500	9382	20	10000	11603	10	500	14251	39	500	16214	48	500	18857	36	500
1965	35	500	4082	7	500	6455	39	500	9400	31	500	11614	17	500	14269	21	500	16238	7	500	18872	31	500
1971	30	500	4123	11	500	6520	46	500	9417	45	500	11663	15	500	14276	39	500	16246	37	500	18878	6	500
1975	14	500	4127	8	500	6528	44	500	9616	5	500	11692	30	500	14309	8	500	16529	35	500	18903	7	500
2047	24	500	4247	48	500	6609	16	1000	9685	41	500	11698	2	500	14347	48	500	16645	8	500	18916	10	500
2104	46	500	4386	12	500	6676	46	500	9787	15	5000	11729	23	500	14365	47	500	16917	42	5000	18918	21	500
2138	6	500	4573	15	1000	6822	13	500	9805	50	500	11950	18	500	14370	33	500	16941	35	500	18923	6	500
2235	48	500	4595	40	500	6852	22	500	9853	11	500	12048	28	500	14465	47	500	16964	29	1000	19231	6	500
2268	28	500	4631	19	500	6886	30	500	9918	1	500	12065	29	500	14485	39	500	17138	46	500	19277	48	1000
2301	30	500	4657	7	500	6930	5	500	9932	11	500	12070	20	500	14518	22	1000	17235	36	500	19354	26	500
2353	30	1000	4748	48	500	7026	6	500	9942	1	500	12116	26	500	14546	31	500	17339	49	5000	19390	49	500
2387	33	500	5019	4	500	7029	36	500	9974	18	500	12127	48	500	14574	35	500	17340	20	500	19452	35	5000
2390	15	5000	5027	28	500	7029	30	500	9986	7	500	12137	46	500	14663	20	500	17366	46	500	19500	26	1000
2457	20	500	5029	49	500	7091	39	500	10002	27	500	12335	8	500	14696	18	500	17368	6	8000	19774	45	500
2504	37	500	5049	1	500	7205	16	500	10064	35	500												

№№ серій, вышедшихъ въ тиражъ погашенія.

552, 1106, 1341, 1385, 1999, 2256 3034. 3320, 3446, 3479, 3959, 4357, 4429, 4672, 5159, 5194, 5353, 5517, 5738, 6112, 6444, 6560, 6585, 6729, 7302, 7996, 8184, 8304, 8977, 8985, 9489, 9719, 9884, 10144, 10559, 10708, 10722, 10863, 11134, 11329, 11466, 11680, 11980, 12584, 12734, 13506, 13898, 13932, 14193, 14449, 14453, 14546, 15061, 15696, 16600, 16882, 17040, 17146, 17172, 17794, 17926, 18407, 18983, 19706.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Калуга, В. Ал—ву. Вопросъ разработываемый вами въ стих. „Воля“ о распущенности крестьянскаго населенія и дурномъ занятіи землею очень важенъ, конечно и совершенно справедливо, что этимъ объясняются вѣчные хлѣбные недороды — но самое стихотвореніе не подходящее.

Н. Новгородъ, В—ву. Ваше стих. „Бумажка“ можетъ быть и было бы умѣстно въ юмористическомъ журналѣ, но не у насъ.

Динабургъ. Н. Ба—ну.

Бутоны *дитяти Кавкази*
Богаты весьма *лепестками*...

Какъ вамъ объяснить что это невозможно, эти лепестки?

Ярославль. А. Я—ву.

Лишь полюбила бъ меня — —*ши*
До остальнаго мнѣ дѣла нѣтъ(!)

Бѣлградъ. С. Ч—ну. Можетъ вы и *свободно* переводите стихи съ сербскаго, но не хорошо, судя по присланному. Стихотвореніе „Розочка“ неудачно и самое слово имѣетъ у насъ другое, менѣе поэтическое, значеніе. Лучше пришлите какой нибудь переводный разсказецъ. Очень будемъ благодарны и просимъ васъ объ этомъ.

Саратовъ, Л. По—вой. Ваше стихотвореніе „въ похвалу конторѣ Н. рекомендующей прислугу“ не увидитъ свѣтъ.

Опечатка: въ статьѣ о Жуковскомъ на стр. 16 во 2-мъ столбцѣ строка 16-я снизу, вмѣсто „Шекспира“ слѣдуетъ читать „Шиллера“.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

КЪ НАШИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Объ изданіи журнала „Нива“ въ 1880 г.

„Нива“ будетъ издаваться въ нынѣшнемъ 1880 году по той же программѣ и той же цѣнѣ, какъ и въ прошедшіе годы и, какъ уже и было втеченіи 10 лѣтъ, издатель будетъ постоянно расширять программу и улучшать достоинство премій и вообще помѣщаемаго матеріала.

Наши постоянные читатели знакомы съ нашимъ журналомъ, и знаютъ какую массу чтенія даемъ мы, какъ художественно выполняются гравюры и какія цѣнныя преміи „Нива“ въ прошломъ наприм. году дала своимъ подписчикамъ; цѣна изданія при всѣхъ этихъ капитальныхъ улучшеніяхъ остается таже. Нашимъ постояннымъ читателямъ нечего повторять, что **„Нива“**—соображая массу даваемаго матеріала—**самый дешевый журналъ въ Россіи.**

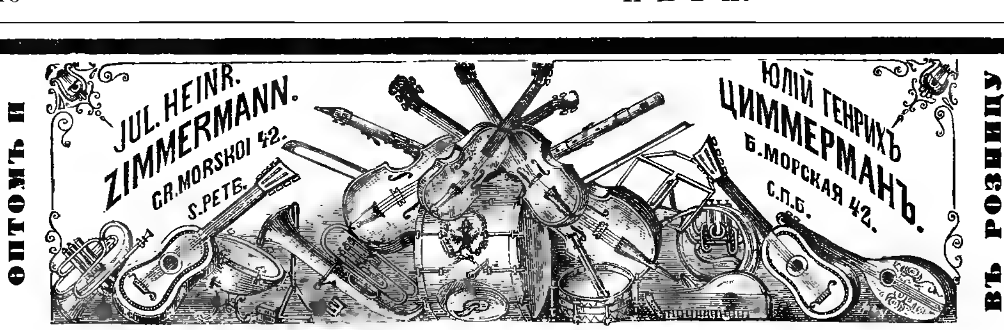
Что касается матеріала вообще и произведеній, имѣющихся въ нашихъ рукахъ **для помѣщенія въ „Нивѣ“**, у насъ есть **кромѣ массы художественно выполненныхъ гравюръ**, цѣлый рядъ капитальныхъ **литературныхъ** произведеній какъ: **большой романъ** изъ современной жизни въ 2-хъ частяхъ: **Купленное счастье“ Н. Морскаго** (автора романа „Аристократія Гостиннаго двора“).—**„Лѣсникъ“**, большая повѣсть въ 2 частяхъ **Б. Маркевича.**—**Кара-Джигитъ** разсказъ **Н. Н. Каразина,** съ большими рисунками самаго автора;—**„Королевичъ Владиславъ“** и **„Зарница“** двѣ историческія повѣсти **В. Политковскаго;**—**„Ночь“** повѣсть **Н. Морскаго;**—четыре разсказа **Н. Боева: „Божья воля“, „Близь желѣзной дороги“, „Три тысячи“, „На крайнемъ востокѣ“;**—**„Призракъ“** Повѣсть **В. В. Крестовскаго;**—разсказы изъ исторіи русскаго искуства: **„Горькое горе“, „Лемтюжниковъ“,** и **„Гашишъ“ П. П. Гнѣдича;**—рядъ очерковъ изъ исторіи русской литературы **А. П. Милюкова, В. С. Соловьева;**—съ перваго номера сего года начавшаяся печатаніемъ, большая повѣсть **А. А. Потѣхина, „Иванъ да Марья“** и многія другія.

Какъ преміи на 1880 годъ мы дадимъ **двѣ превосходныя, исключительно для „Нивы“ исполненныя и составляющія нашу собственность, большія акварели знаменитаго М. Зичи,** придворнаго художника Е. И. Величества. Содержаніе картинъ взято изъ того же чуднаго, фантастическаго „Демона“ Лермонтова, къ которому уже не разъ обращалась мысль художника. Наши картины изображаютъ два момента поэмы: **1) Пляска Тамары и 2) Умершая Тамара въ цвѣтахъ, окруженная родными.** Достоинства блестящаго таланта **М. Зичи** слишкомъ извѣстны. **Прелесть лицъ, блескъ красокъ живописныхъ восточныхъ костюмовъ, переданы художникомъ съ его обычнымъ мастерствомъ.** Такимъ образомъ „Нива“ и въ 1880 г. будетъ стремиться дать своимъ подписчикамъ оригинальныя произведенія самыхъ талантливыхъ писателей и художниковъ.

Подробное объявленіе о подписныхъ цѣнахъ можно видѣть на 1-ой страницѣ этаго номера подъ титуломъ.

Желающихъ **подписаться** на 1880 г. „Нивы“ просятъ обращаться въ **Главную Контору редакціи журнала „Нива“, помѣщающуюся въ С.-Петербургѣ, Большая Морская ул., д. № 9.**

Издатель „Нивы“ А. Ф. Марксъ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

Юлія Генриха Циммермана. С.-Петербургъ, Б. Морская, № 42.

рекомендуетъ въ большомъ выборѣ по фабричнымъ цѣнамъ:

Скрипки по 2 р. 50 к., 5 р., 6 р., 8 р., 12 р., 20 р., 25 р., 35 р., 50 р., 100 р. и дороже.
Смычки по 50 к., 1 р. 25 к., 2 р., 3 р., 5 р., 8 р. и дороже.
Футляры для скрипокъ по 2 р. 50 к., 5 р. 50 к., 7 р., 10 р. и дор.
Школы для скрипки по 2 р., 3 р., 4 р., 5 р.
Цитры по 14 р., 16 р., 20 р., 35 р., 50 р. и дороже.
Школы для цитръ по 2 р. и 3 р. 50 к., ноты по 50 к. и 60 к.
Флейты по 3 р., 5 р., 7 р., 10 р., 12 р., 20 р., 35 р. и дор.
Школы для флейты по 1 р. 50 к. и 3 р.
Кларнеты по 6 р., 10., 15., 20 р., 30 р., 40 р. и дороже.
Школы для кларнетовъ 4 р.
Корнеты-а-пистонъ по 18 р., 25 р., 80 р., 40 р. 50 р. и дор.
Школы для корнета по 1 р. 50 к., 4 р., 5 р.
Гитары по 3 р. 50 к., 5 р., 8 р., 10 р., 15 р., 20 р., 30 р., 40 р., 50 р., 75 р. и дороже.
Школы для гитаръ по 1 р. 50 к, 2 р. и 3 р.

Нѣмецкія концертино по 2 р. 75 к., 4 р., 5 р., 6 р., 8 р. 10 р., 12 р., 16 р. и дороже.
Школа для оныхъ по 75 к., ноты по 40 к. и 1 р.
Англійскія концертино по 30 р., 38 р., 45 р., 55 р., 70 р., 105 р., 125 р. и дороже.
Школа для оныхъ по 3 р., ноты 75 к., 1 р. и 1 р. 50 к.
Гармонифлюты по 45 р., 50 р., 65 р., 80 р. и 100 р.
Школы 75 к. 1 р. и 2 р. 50 к.
Гармонифлюты съ органомъ по 175 р. и 225 р.
Фусгармоніи по 50 р., 125 е., 175 р. 250 р. и дороже.
Музыкальные ящики по 2 р., 4 р., 6 р.. 10 р., 25 р., 30 р. 35 р., 55 р., 65 р., 90 р. и дороже.
Шарманки по 10 р., 14 р., 20 р., 30 р., 40 р. и дороже.
Загранични. гармон. разн. сорта по 3 р., 4 р. 50 к., 5 р. 50 к, 7 р. 50 к., 10 р., 15 р, 20 р. 24 р.. 30 р. и дор.
Школы и разныя ноты для гармоній по 50 к., 75 к., 1 р. и 1 р. 50 к.

Струны, сурдинки, канифоль, каммертоны, метрономы, пюпитры и всѣ принадлежности; также віолончели, контрабасы; альты, мандолины, тромбоны, альтгорны; барабаны, тарелки, треугольники, литавры, бубны, кастаньеты, металлофоны, флажолеты, чаканы; окарины, бандоніоны, органчики для канареекъ, губныя гармоніи и проч.

Заказы изъ провинціи исполняются немедленно по полученіи денегъ. За пересылку прошу присылать приблизительно. Подробный прейсъ-курантъ высылается безплатно.
№ 419 6 6

Произведенія разсмотрѣны и разрѣшены Спб. Врачебнымъ Управленіемъ.

КРАСОТА И СОХРАНЕНІЕ КОЖИ.

Вода де Лисъ де Нинонъ придаетъ кожѣ бѣлизну и прозрачность, предохраняетъ ее отъ загара, красноты, прыщей и проч. Необходима зимою противъ накожныхъ трещинъ и для освѣженія кожи разгоряченной газомъ и дурнымъ воздухомъ, лѣтомъ оне лучшее средство отъ загара и воспаленія вызваннаго пылью и солнцемъ. Цѣна больш. флак. 1 р. 50 к. съ пересылкою 2 р.

Кремъ де Лисъ де Нинонъ имѣетъ тѣ же свойства какъ вода де Нинонъ и рекомендуется преимущественно лицамъ употребляющимъ Кольдъ-Кремъ, котораго онъ превышаетъ качествомъ. Цѣна за банку 1 руб. съ пересылкою 1 р. 50 к.

Пудра де Нинонъ. Необходимое дополненіе въ Водѣ или Кремъ де Лисъ де Нинонъ и замѣняющая всѣ другія пудры.

Цѣна за коробку 75 коп. съ пересылкою 1 руб.

Цѣна за коробку съ пуховкою 1 р., съ пересылкою 1 р. 25 к.

ВЪ ПРОДАЖѢ:

На Невскомъ просп., въ Депо С.-Петербургской Химической Лабораторіи, домъ Католической церкви, № 32, магаз. № 3 и у *Аничкова моста*, домъ № 66.

На Вознесенскомъ проспектѣ, уголъ Казанской ул., № 54—18, домъ Шредера.

Оптовая продажа и отправка почтовая въ Конторѣ С.-Петерб. Химической Лабораторіи, по *Екатерининскому каналу, у Вознесенскаго моста*, № 80.—Описаніе и способъ употребленія высылаются по желанію безплатно
№ 313 3—3

!!НОВОСТЬ!!

Визитныя карточки съ фотографическими медальйонами, снимаемыми съ натуры въ разныхъ позахъ, а также **съ фот.** портретовъ и карточекъ, присылаемыхъ по почтѣ. Шрифтъ по выбору заказчика. Цѣна визитныхъ карточекъ съ фот. медальйономъ и печатаніемъ имени, отчества, фамиліи и адреса 5 р. за сотню. Образчики даются и посылаются безплатно. Заказы принимаются въ фотографіи **К. Андерсона:** Невскій пр., д. № 76; Невскій пр., д. № 56, Англійскій пр. д. № 29; Офицерская ул., д. № 4; Гороховая ул. д. № 36. Фотогр. Андерсонъ.
№ 506 2—2

ГЛАВНАЯ ПРОДАЖА ПЕРВАГО СОРТА РЕЗИНОВЫХЪ КАЛОШЪ И САПОГОВЪ.

удостоенныя на Парижской выставкѣ

ЗОЛОТОЙ МЕДАЛИ

(высшая награда для резиновыхъ фабрикат.)

Продаются по фабричнымъ цѣнамъ

ВЪ СКЛАДѢ ТОВАРИЩЕСТВА

Русско-Американской резиновой мануфактуры.

КОНСТАНТИНА МАЛЬМЪ

Большая Морская д. № 36, рядомъ съ магазиномъ Штанге. Постоянный выборъ новѣйшихъ резиновыхъ товаровъ, продаются по рѣшительнымъ цѣнамъ безъ запроса.

По Воскресеньямъ складъ закрытъ.
№ 325 10—9

ОБЩАЯ ПОЛЬЗА.

ПРОДАЖА имѣній, домовъ, дачь и проч.

ПОКУПАЕТЪ и ПРОДАЕТЪ разн. вещи, золото, серебро, бронзу, картины, платье, мебель и прочее п

ПРИНИМАЕТЪ на продажу на выгодныхъ условіяхъ.

Для отвѣтовъ прошу прилагать по 2 марки по мѣстности.

Тутъ же имѣются меблированныя комнаты отъ 75 к до 2 р. за сутки и отъ 20 р въ мѣсяцъ, могутъ имѣть съ домашн столомъ.

Дворянинъ Спб. купецъ Влад. Ив. де МАКЕ.

Невскій, противъ памятника Екатерины, д. № 56, кв. 15, входъ съ улицы гдѣ въ частный ломбардъ въ бель-этажѣ.
№ 519 1

КРЫШКИ

для переплета „Нивы“ 1879 и также 1880 гг. по вышепоказанному образцу 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ въ губернскомъ городѣ можетъ переплесть „Ниву“ въ такую коленкоровую крышку.

НОВОСТЬ!

МЕТАЛИЧЕСКІЯ ЩЕТКИ

Самыя практичныя и полезныя.

Щетки эти превосходятъ обыкновенныя тѣмъ, что касаясь, непосредственно, головной кожи, очищаютъ отлично отъ перхоти и, раздражая таковую благопріятствуютъ росту волосъ.

Цѣна **2** р. и **2** р. **50** коп. Пересылка **50** коп. со штуки.

ГЛАВНОЕ ДЕПО

въ магазинахъ резиновыхъ издѣлій

Л. Ціолковскаго и К°.

Невскій просп., № 54, противъ библіотеки и Адмиралтейская площадь. № 10.

БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙБЕРГЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Переведена: Троицкій проспектъ близь Египетскаго моста собств. домъ № 13.

Билліоды и всѣ къ билліардной игрѣ принадлежности.
№ 497 9—3

„РОДНАЯ СТАРИНА“.

Отечественная исторія въ разсказахъ и картинахъ. Сост. В. Сиповскій. Изящн. книга въ 235 стр. больш. формата, 53 политипажа (древн. зданія, одежды, оружіе и пр.) и 2 рисунка В. Васнецова (Крещеніе кіевлянъ и Куликовская битва). Книга предназначена для дѣтей 13—15 лѣтъ. Подписчикамъ „Женскаго образованія“ была разослана какъ приложеніе.

Цѣна 1 руб. 50 коп., въ изящн. переплетѣ 2 р. Продается во всѣхъ извѣстн. книжн. магазинахъ. Складъ изданія у автора: Спб., Васильевск. островъ, 11 линія, д. 24, кв. 12.
№ 510 2—2

МЕДИЦИНСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Спримона.

Годовая цѣна десять, полугодовая шесть рублей, съ доставкою или пересылкою. Адресъ редакціи: Москва, Тверской бульваръ, домъ Куренкова.

Редакторъ издатель **Спримонъ**.
№ 515 1—5

Поступила въ продажу новая книга во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга, Москвы, Варшавы, Харькова. Казани, Кіева и Одессы:

ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ПЛУТОВКА НАДЯ,

въ стихахъ и 168 рисункахъ. Цѣна 1 р. безъ пересылки, и 1 р. 20 коп. съ пересылкой. Складъ и продажа въ Москвѣ, Тверской бульваръ, въ Зытинскомъ переулкѣ, въ д. Мальдзиневича, у Конденъ. Книжные магазины пользуются уступкой.
№ 520 2—1

Изданіе А. Ф. Маркса въ С.П.Бургѣ: Б. Морская, д. № 9.

МИЛЬТОНЪ

ПОТЕРЯННЫЙ и ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ.

Съ картинами **ГУСТАВА ДОРЭ.**

Переводъ **А. Шульговской**
Изданіе IN FOLIO.
Съ подстрочнымъ Англійск. текстомъ.

ЦѢНА:
въ прост. коленкор. перепл. 25 р.
съ перес. въ ящикѣ . . 30 р.
въ красивомъ полшагр. п. съ зол. обр. въ футлярѣ 30 р.
съ перес. въ ящикѣ . . 35 р.

Изданіе *классическихъ авторовъ* въ роскошномъ видѣ есть дань уваженія къ ихъ безсмертнымъ именамъ. Такая роскошно изданная книга, служа украшеніемъ салона, постоянно возобновляетъ въ памяти прекрасныя, не утратившія своей прелести въ теченіи вѣковъ, страницы.

Предпринимая это изданіе, Издатель не жалѣлъ ни труда ни времени, чтобы придать знаменитому творенію *Мильтона*, соединенному съ превосходными рисунками Густава Дорэ, то изящество и роскошь, какую имѣютъ подобныя изданія за границей.

Цѣна этого изданія, по сравненію съ подобными роскошными, заграничными изданіями, очень дешева.

Для **подарковъ** это изданіе, по своему *красивому* и очень *богатому переплету*, исполненному по рис. *И. Панова*, будетъ весьма *удобно*.

ВЫШЛА ЯНВАРСКАЯ КНИЖКА

„СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ.“

Сломанный вѣеръ, **Арсена Гуссе**. Намѣренія мистера Стюарта, **Робинсона**. Гаданіе, **Элизы Ивгардъ**. Путешествіе Дженни Морисъ.

Къ печати приготовлено: **ПАРОВОЙ ДОМЪ**, Жюля Верна. **ДѢТИ ГЕРЦОГА**, Энтони Троллопа. **СПРЯТАККОЕ ЗОЛОТО**, Френка Баррета. **ВОЛКАНЪ ВО ЛЬДУ**, Жюля Гро.

Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 12 книгъ **большаго формата**, выходящихъ всегда въ началѣ и составляющихъ въ годъ около **пяти тысячъ** страницъ. **десять руб. пятьдесятъ коп.**, съ доставкою въ С.-Петербургѣ—**одиннадцать**, для иногородныхъ подписчиковъ—**двѣнадцать**. Подписка принимается **исключительно** на имя издательницы **Екисаветы Николаевны Ахматовой**, въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ.

ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

При редакціи открыта книжная торговля. **Каталогъ высылается безплатно.** 1—1

«РУССКІЙ МІРЪ»

НА

1880 годъ.

Принимаются подписиа и заказы на объявленія въ конторѣ редакціи:
Больш. Подъяческая, домъ Товарищ. „Общественной пользы“, № 39.

Цѣна газеты съ пересылкою и доставкою въ Россіи:

На годъ	14 руб.		На полгода	8 руб.	— коп.
» 11 мѣсяцевъ	13 »		» 5 мѣсяцевъ	7 »	— »
» 10 »	12 »		» 4 »	5 »	50 »
» 9 »	11 »		» 3 »	4 »	50 »
» 8 »	10 »		» 2 »	3 »	25 »
» 7 »	9 »		» 1 »	1 »	75 »

Въ **десатый годъ** своего существованія газета „Русскій Міръ“ будетъ издаваться въ томъ же объемѣ и будетъ по преимуществу преслѣдовать интересы **земскіе и мѣстные.**

По случаю пріостановки газеты недополученное число номеровъ изданія за 1879 годъ, старые подписчики получатъ по разсчету номера изданія 1880 года, безъ взноса подписной суммы. № 493 3—3

Д-ра КЛЕСА ЛЕЧЕБНИЦА ЖЕЛУДОЧНЫХЪ БОЛѢЗНЕЙ,

DRESDEN, Antonstadt Bachstrasse.

Постедствомъ назначенія особыхъ родовъ пищи.

Пріемъ больныхъ зимой и лѣтомъ. Вѣрнѣйшее излеченіе, всѣхъ хроническихъ болѣзней, всѣхъ страданій нервовъ, кишечнаго канала, желудка и т. п.

Нуждающіеся въ врачебномъ пособіи, могутъ обращаться ко мнѣ письменно. Цѣны умѣренныя. — Объявленія высылаются безплатно. Новое изданіе Д-ра Клеса: Diät-Kuren, Schroth'sche Kur etc. Цѣна 2 марки. № 391 15—5

Принимается подписка на ежемѣсячный мужской модный журналъ, на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ:

„МУЖСКІЯ МОДЫ“ 1880 Г.

Большое изданіе: въ 6-ю приложеніями на годъ **12** руб., на полгода **6** руб. **25** коп.

Малое изданіе: съ 2-мя приложеніями на годъ **7** р. **50** к., на полгода **4** рубля.

Редакція помѣщается по Столярному пер., № 16.
№ 518 1 Редакторъ-издатель **Б. Рейхель.**

1880 г. **Х-й г. изданія.**

I) **Полное изданіе,** сост. изъ **22** книгъ и **40** №№ „Педагог. Хроники“. Подписная цѣна съ перес. **12** руб. **Отдѣльно:**

II) **Семейное чтеніе въ Семьѣ и Школѣ** (отдѣлъ для дѣтскаго чтенія. **12** книгъ въ годъ. Подписная цѣна съ перес. **10** руб.

III) **Воспитаніе и обученіе въ Семьѣ и Школѣ съ педагог. хрон. 10** книгъ и 40 №№ педаг. хрон. въ годъ. Подписная цѣна съ перес. **5** руб.

Подписка адресуется: въ Спб., въ редакцію журнала **„Семья и Школа“** (Васильевскій Остров, 15 лин. № 8). № 348 10—9

АМЕРИКАНСКІЯ КАПЛИ И ЭЛИКСИРЪ

противъ зубной боли.

ИППОЛИТА МАЕВСКАГО.

Главное депо у дрогистовъ

Рульковіусъ и Гольмъ.

Казанская, уголъ Демидова переулка, № 27.

и продажа у Штэль и Шмидта, Оскаръ Гертхенъ, Рузанова, Саблукова, Сафронова, Линце, въ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами и у всѣхъ аптекарей. Цѣны каплямъ, безъ запроса, напечатаны на каждомъ флаконѣ эликсира.
№ 385 5—5

Годъ II. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1880 ГОДЪ. Годъ II.

С.-Петерб. Невск. и Никол. ул., № 1.

Цѣна за полгода: дост. и пер. 4 р. безъ дост. 3 р.

„ШУТЪ“.

Цѣна на годъ: дост. и пер. 8 р. безъ дост. 5 р.

Еженедѣльный Художественный и Юмористическій Журналъ Каррикатуръ, печатаемыхъ красками въ нѣсколько тоновъ (хромолитографія).

Въ годъ 52 нумера большаго формата in quarto, **которые содержатъ 156 большихъ рисунковъ, въ четыре краски, болѣе 350 рисунковъ въ одну краску, 260 стр.** текста. Стихотворнія, повѣсти, разсказы, очерки, сцены, анекдоты, шарады, загадки, и т. д. отдѣлы: театральный, библіографическій и художественный. **Время отъ времени на страницахъ журнала помѣщаются также ноты для пѣнія съ аккомпанементомъ.** № 471 2—1

Вышла и поступила въ продажу новая книга:

„ТВЕРДОСТЬ ХАРАКТЕРА“.

Романъ изъ современной жизни, съ событіями послѣдней войны 1876—1877 гг.

В. Марьина. Цѣна 2 руб., съ пересылкою 2 руб. 25 коп. Книгопродавцамъ обычная уступка.

Складъ изданія въ книжной торговлѣ при редакціи „Собранія Романовъ“, въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ. № 504 3—1

Въ **1880** году.

„ВАРШАВСКІЙ ДНЕВНИКЪ“

въ формѣ ежедневной газеты, будетъ издаваться по новой, расширенной программѣ, съ изъятіемъ изъ подъ общей цензуры. Газета будетъ слѣдовать вообще такъ называемому **консервативному** направленію, столь необходимому въ настоящее время и будетъ стараться уяснять, въ смыслѣ объединительномъ, какъ русскіе, такъ и польскіе внутренніе вопросы. Всякое правдивое и сочувственное сообщеніе, всякая здравая мысль въ духѣ разума, миролюбія и трезваго пониманія современныхъ общественныхъ задачъ Россіи, какъ внутри ея, такъ и на окраинахъ, будутъ приняты Редакціею съ искреннею благодарностью.

Подписная цѣна остается прежняя, то-есть: на годъ, съ пересылкою—12 руб.; на шесть мѣсяцевъ—6 руб.; на три мѣсяца—3 руб. и на одинъ мѣяцъ -1 руб.—Въ Варшавѣ, съ доставкою на домъ, на годъ 9 руб. 60 коп.; на полгода—4 руб. 80 коп.; на три мѣсяца—2 руб. 40 коп. и на одинъ мѣсяцъ—80 к.

Адресъ: въ Варшаву, въ Редакцію „Варшавскаго Дневника.“
№ 502 2—2 Редакторъ: **Князь Н. Н. Голицынъ.**

СЪ 1-го ЯНВАРЯ 1880 ГОДА БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ВЪ МОСКВѢ, БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ, КНИГАМИ ОТЪ 20 ДО 30 ЛИСТОВЪ ЕЖЕМѢСЯЧНО

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

Содержаніе первой книги, имѣющей выйти въ началѣ Января: **Маргеръ**, поэма **Сырокомли**, переводъ **А. Пальмина.—Ничьи деньги**, повѣсть **Н. Ремизова.—Великій расколъ**, историческая повѣсть **Д. Мордовцева.—Сфинксъ**, стихотв. **Я. Полочскаго.—Фейдинидъ**, стихотвор. **А. Аксакова.—Звѣзды**, стихотвор. **А. Пальмина.—Думы**, стихотвор. **Н. Чаева.—Боярская Дума**, историческое изслѣдованіе **В. Ключевскаго.—История Козачества въ памятникахъ южно-русскаго пѣсеннаго творчества, Н. Костомарова.—Основы ученія первоначальныхъ славянофиловъ, О. Миллера.—Голосъ къ Земству, Н. Капустина.—Очерки Черногорья, П. Ровинскаго.—Андреевская скупщина, М. Протича.—Народное образованіе въ Америкѣ, В. Миропольскаго.—Этюдъ о сочиненіи Николая Аксакова.—Новое Славянское изданіе, W. S.—Политическое Обозрѣніе.—Внутреннее Обозрѣніе.**

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ книжныхъ магазинахъ: Мамонтова и Ланге, на Кузнецквмъ мосту. Соловьева и Васильева, на Страстномъ бульварѣ, журнала „Свѣтъ и Тѣни,“ въ Петровской линіи, Улитиныхъ на Неглинномъ проѣздѣ „Новаго Времени“ на Никольской, въ типографіи Погодиной, близъ Большаго Каменнаго моста въ домѣ Котельниковой и въ конторѣ Редакціи: на Малой Дмитровкѣ, въ домѣ Ролердъ; для иногородныхъ исключительно въ Конторѣ Редакціи; въ Петербургѣ, въ книжныхъ магазинахъ Исакова, „Для Иногородныхъ,“ Мамонтова, въ географическомъ магазинѣ Ильина и „Новаго Времени“.—Плата за годъ съ 1-го Января 1880 года по 1-е Января 1881 года безъ доставки—15 р., съ доставкою—16 р., съ пересылкою—17 р. и за границу—19 р. Разсрочка допускается на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ уплачивается 7 р., 6 р. и 5 р. сообразно съ разницею платы съ пересылкою, доставкою или безъ доставки; къ 1-му Марта 5 р. и 5 р. къ 1-му Іюля. Книжные магазины пользуются обычной уступкой.

Редакторъ **С. А. ЮРЬЕВЪ.** Издатель **В. М. ЛАВРОВЪ.**
№ 516 1—1

XI годъ | № 3 — годъ XI | 1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 19 Января 1880 г. Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Финляндія. Паркъ Монрепо подъ Выборгомъ. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Садъ Монрепо подъ Выборгомъ.

Есть сады, особенно замѣчательные тѣмъ, что живо напоминаютъ намъ какую-нибудь историческую эпоху. Такъ Царскосельскій паркъ невольно переноситъ насъ въ славный вѣкъ Екатерины Великой; гуляя въ подмосковномъ Останкинѣ, представляешь себѣ роскошный бытъ вельможи прошлаго столѣтія. Но не меньше любопытны и тѣ сады, которые служатъ выраженіемъ какой-нибудь страны и на небольшомъ пространствѣ знакомятъ съ характерными чертами ея природы. Кто бывалъ, напримѣръ, въ Фалкѣ, знаменитомъ помѣстьѣ за Ревелемъ, тотъ можетъ составить ясное понятіе объ Остзейскомъ краѣ, а кто хочетъ познакомиться съ Финляндіей, тому слѣдуетъ посмотрѣть выборгскій Монрепо.

Петербургскому жителю довольно одного дня, чтобы съѣздить въ Выборгъ и погулять въ этомъ замѣчательномъ саду. Вы садитесь въ 9 часовъ утра въ вагонъ Финляндской желѣзной дороги и въ 1 часу дня подъѣзжаете къ Выборгу. Послѣ завтрака въ самомъ вокзалѣ, вы берете извощика и ѣдете въ Монрепо, минуя громадную руину древняго шведскаго замка и живописныя скалы съ такъ-называемымъ Променадомъ. Отъ старыхъ крѣпостныхъ валовъ, черезъ небольшое поле и сосновый лѣсъ, усѣянный валунами, вы пріѣзжаете къ воротамъ сада. На прогулку можно употребить часа три, а затѣмъ вы ѣдете въ Бельведеръ, прекрасную гостинницу на городской Эспланадѣ, и съ вечернимъ поѣздомъ въ 11 часовъ возвращаетесь въ Петербургъ. И эта небольшая и недорогая поѣздка знакомитъ васъ съ краемъ, чрезвычайно интереснымъ по его оригинальности.

Монрепо смѣло можно назвать миніатюрнымъ изображеніемъ Финляндіи, со всѣми ея своеобразными красотами. Онъ дикъ и живописенъ, какъ природа этой характерной страны, оригиналенъ какъ ея народная поэзія.

Представьте себѣ обширный заливъ, съ подымающимися изъ водъ его островами и массивными камнями, а на берегу его цѣлый лабиринтъ гранитныхъ скалъ, то поднятыхъ подобно колоссальной стѣнѣ, то разбросанныхъ въ видѣ отдѣльныхъ утесовъ, либо обнаженныхъ какъ черепъ, либо покрытыхъ мохомъ и густо поросшихъ деревьями. По этимъ-то массамъ сѣрыхъ и красныхъ гранитовъ и залегающихъ между ними овраговъ и луговинъ раскинутъ Монрепо. Финская природа на каждомъ шагу открываетъ передъ вами свои красоты, поразительныя живописнымъ контрастомъ. Суровые и мрачные ландшафты смѣняются картинами граціозными, и трудно сказать, которыя живописнѣе. Вотъ лѣсъ, гдѣ стволы сосенъ покрыты лишаями, и въ густой заросли виднѣются лысины дикихъ гранитныхъ камней, а за ними открывается луговина, блестящая веселой зеленью и цвѣтами; дальше тянется громадная стѣна скалъ, одѣтыхъ мохомъ и исчерченныхъ промоинами, а затѣмъ обросшій деревьями утесъ склонился надъ усѣяннымъ валунами моремъ.

Искусство не украсило, а только оживило этотъ живописный хаосъ. Перекинутые черезъ овраги мостики, взбѣгающія на скалы дорожки, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ бесѣдки не нарушаютъ общей гармоніи сада. Вы полюбуетесь и оригинальнымъ колодцемъ съ скульптурными украшеніями, и мраморнымъ обелискомъ на вершинѣ гранитной скалы, и изящной колонной, поставленной въ память императора Александра I.

Но всего замѣчательнѣе въ саду—замокъ на прибрежномъ гранитномъ островѣ и скалистая мѣстность со статуей языческаго Вейнемейнена.

Видъ на замокъ очень живописенъ. Саженяхъ въ двадцати отъ берега поднимается на заливѣ высокій гранитный островъ. Крутые бока его мѣстами поросли деревьями, мѣстами выказываютъ обнаженный каменный черепъ, а на вершинѣ стоитъ небольшой четырехъ-сторонній замокъ съ зубчатыми башнями по угламъ. Къ нему ведутъ дорожки, пробитыя зигзагомъ по откосамъ скалы. Въ разныхъ мѣстахъ виднѣются памятники, съ которыми связаны какія-нибудь семейныя воспоминанія владѣльцевъ Монрепо. На островъ посѣтители допускаются только съ особаго разрѣшенія.

Но еще любопытнѣе то мѣсто въ концѣ сада, гдѣ на берегу моря, въ мрачномъ ущельѣ стѣснившихся скалъ, поставлена статуя финскаго миѳическаго бога поэзіи Вейнемейнена. Вы идете по дорожкѣ, проложенной между нагроможденными въ дикомъ безпорядкѣ гранитами, и передъ вами вдругъ открывается узенькій проходъ подъ утесомъ, который когда-то упалъ съ сосѣдней горы и повисъ, опираясь краями на двѣ другія скалы. Кажется, онъ сейчасъ рухнетъ и задавитъ васъ, но не бойтесь—онъ лежитъ такъ съ незапамятныхъ временъ и пролежитъ еще много вѣковъ. Пройдя подъ этимъ утесомъ, вы выходите на небольшую площадку, примыкающую къ заливу и замкнутую съ другой стороны выгнутою въ видѣ подковы высокой стѣною гранитныхъ скалъ, а посреди этой площадки бѣлѣетъ статуя Вейнемейнена. Какое дикое и живописное мѣсто! Передъ вами съ одной стороны поднимаются мрачные утесы, татуированные сѣрымъ, краснымъ и зеленымъ мохомъ; въ ребрахъ ихъ лѣпятся папоротники и кусты дикой малины; наверху сосны и ели, цѣпляясь корнями въ трещинахъ, густо сплетаются вѣтвями; а съ другой стороны внизу разстилается море, усѣянное валунами, у которыхъ качается бѣлая пѣна, при шумѣ несмолкающаго прибоя.

А. Милюковъ.

Иванъ да Марья.

Повѣсть

А. А. Потѣхина.

(Продолженіе).

V.

Иванъ въ это время шелъ спѣшнымъ и увѣреннымъ шагомъ по проселочной, какъ видно, знакомой дорогѣ. Наступила уже совсѣмъ темная осенняя ночь, но въ деревняхъ кое-гдѣ мелькали еще огоньки. Онъ направлялся въ извѣстную въ окрестностяхъ, старинную, необитаемую и запущенную усадьбу Мамаиху, которая находилась верстъ за пять отъ его деревни и въ другомъ приходѣ. Особнякомъ стояла она, среди окружающихъ рощъ, и бѣлѣлась, на ихъ фонѣ, своимъ большимъ господскимъ домомъ и надворными постройками сплошь каменными и также сплошь выбѣленными известкой и мѣломъ. Всѣ эти постройки были обращены фасадомъ къ широкимъ и глубокимъ прудамъ, выкопаннымъ въ маленькой рѣчкѣ и сдерживаемымъ плотинами и шлюзами. Мимо усадьбы по берегу пруда шла проѣзжая дорога и заворачивалась черезъ мостъ на другую сторону прудовъ, гдѣ тянулась деревня одной длинной улицей. Половина крестьянскихъ домовъ въ деревнѣ Мамаихѣ, въ той ея части, которая лежала противъ усадьбы, были каменные, однообразной архитектуры, въ три и въ шесть оконъ. Всѣ они также были выбѣлены. Усадьба эта принадлежала нѣкогда царедворцу-временщику, который, оставшись не у дѣлъ, перенесъ на свое имѣніе заботу о благоустройствѣ, порядкѣ, строгой во всемъ регламентаціи, и въ то же время задался задачей улучшить бытъ и облагодѣтельствовать своихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Цѣлые полки солдатъ пригонялись, чтобы вырыть знаменитые пруды, способствовать скорѣйшей постройкѣ усадебныхъ зданій и засадить садъ. Для крестьянъ приказано было выстроить однообразныя каменныя избы для одной и для двухъ семей: первыя въ три, вторыя въ шесть оконъ. Послѣднія раздѣлялись по срединѣ сплошной каменной стѣной, имѣли два отдѣльныхъ входа; примыкавшій къ нимъ дворъ, хотя имѣлъ одну кровлю, но также разгораживался на двѣ совершенно одинаковыя половины, каждая съ отдѣльными воротами. Объемъ и расположеніе избъ и дворовъ были впередъ строго разсчитаны и опредѣлены самимъ помѣщикомъ, на основаніи самыхъ гуманныхъ соображеній о потребностяхъ крестьянской семьи и крестьянскаго хозяйства. Крестьяне были непріятно изумлены приказаніемъ перебираться изъ своихъ деревянныхъ курныхъ избенокъ въ новенькіе чистенькіе каменные домики и, по свойственному имъ невѣжеству, съ большимъ горемъ и неудовольствіемъ оставляли старыя и переходили въ новыя жилища. Ихъ не утѣшало и не успокоивало даже и то, что всѣ эти дома были выстроены на счетъ помѣщика и отдавались имъ, такъ сказать, въ кредитъ съ продолжительной разсрочкой платежа: они въ силахъ были понять только одно, что эти новыя, по мнѣнію помѣщика, очень удобныя жилища, увеличивали ихъ оброкъ, ибо никакъ не могли усвоить себѣ идеи о разсрочкѣ платежа за получаемую въ кредитъ цѣнность. Но не смотря на то, когда усадьба была устроена, пру-

ды наполнены водой и крестьяне переселены въ новенькіе бѣленькіе домики, и когда вельможа пріѣхалъ самъ, чтобы взглянуть на осуществленіе своего замысла. тѣ же мужики, предводимые бурмистромъ, огромной толпой явились къ барину, принесли на поклонъ хлѣбъ-соль на деревянномъ рѣзномъ блюдѣ, приволокли за рога, на поклонъ же, кормнаго барана и, кланяясь своему благодѣтелю въ землю, благодарили его устами бурмистра за всѣ, оказанныя имъ милости. Баринъ спросилъ хороши ли и по мысли ли имъ новые дома и всѣ, какъ одинъ человѣкъ, въ одинъ голосъ отвѣчали, что уже на что хорошо, что ужъ этакого хорошства, да приволья и не привидано! и снова съ бурмистромъ во главѣ бросились барину въ ноги. Вельможа уѣхалъ вполнѣ довольный и счастливый чужимъ счастіемъ, котораго онъ былъ источникомъ, и съ тѣхъ поръ не бывалъ въ своемъ имѣніи. Затѣмъ въ теченіи многихъ лѣтъ оно переходило изъ рукъ въ руки, отъ одного владѣльца къ другому, поступало по наслѣдству, и въ приданое, продавалось, по купчимъ крѣпостямъ и съ аукціона, даже проигрывалось въ карты, но такова была судьба этого имѣнія, что ни одинъ владѣлецъ не прожилъ въ немъ и году, а иные и въ глаза его не видали, управляя и собирая оброки и иные доходы чрезъ управляющихъ, бурмистровъ, прикащиковъ. Но тѣмъ не менѣе владѣльцы этого имѣнія всегда пользовались заочнымъ уваженіемъ мѣстныхъ властей и считались представителями уѣзда, въ которомъ Мамаиха находилась, такъ какъ это было самое крупное имѣніе во всемъ уѣздѣ и владѣть имъ могли только люди или очень богатые, или очень знатные и сильные. По отраженію, пользовались почетомъ, уваженіемъ и всякаго рода снисхожденіемъ и лица, управлявшія имѣніемъ по довѣрію, да и не могло быть иначе, такъ какъ бывали и помнились случаи, что исправники и становые, даже мѣстные сельскіе попы, дерзавшіе неблагосклонно, или притязательно относиться къ управителямъ, теряли свои мѣста, переводились въ другіе уѣзды и приходы, или даже вовсе увольнялись. Вслѣдствіе этого и такъ какъ настоящіе владѣльцы были только такъ сказать отвлеченнымъ понятіемъ, какимъ-то миѳомъ, котораго въ дѣйствительности никто не видалъ, всѣ управляющіе имѣніемъ считались полными хозяевами и какъ бы собственниками его, а простой народъ, не знавшій даже фамиліи барина, при вопросѣ: чья это дача? чей лѣсъ? чьего владѣнія они сами? всегда называли имя послѣдняго управляющаго. Даже въ послѣднее время, когда крестьяне были освобождены и отданы на выкупъ, и оставшіеся за надѣломъ лѣса на половину вырублены и распроданы, Мамаиха представляла еще самую крупную въ уѣздѣ земельную единицу и управляющій ею имѣлъ значеніе въ глазахъ мѣстной администраціи, а тѣмъ болѣе мѣстнаго населенія, не смотря даже на то, что послѣдній владѣлецъ былъ хотя и богатъ, но далеко не знатенъ, а управляющимъ состоялъ бывшій дворовый человѣкъ его, прежде Яшка, нынѣ Яковъ Захарычъ. Сидѣлъ онъ управляющимъ много лѣтъ сряду, пріобрѣлъ отъ помѣщика полную довѣренность, при освобожденіи крестьянъ самъ писалъ уставныя грамоты, самъ давалъ надѣлъ и заключалъ съ крестьянами сдѣлки на новыхъ поземельныхъ отношеніяхъ; послѣ освобожденія онъ же продавалъ и рубилъ на продажу лѣса и сдавалъ въ аренду земли. Помѣщикъ любилъ и вѣрилъ Захарову безусловно, тѣмъ болѣе, что доходъ съ имѣнія при его управленіи никогда не уменьшался, не уменьшился даже и тогда, когда всѣ крестьяне сдѣлались собственниками, а помѣщикъ получилъ въ карманъ значительную сумму выкупныхъ денегъ. Захаровъ умѣлъ такъ предусмотрительно стѣснить крестьянъ при надѣлѣ, что волей-неволей они должны были брать у него въ аренду по высокой цѣнѣ за деньги, или за работу, окружающую ихъ надѣлы, какъ кольцомъ, господскую землю, а недоборы противъ прежнихъ оброковъ дополнялъ продажею лѣсовъ на срубъ. Счастливый и довольный, помѣщикъ въ глубинѣ души даже удивлялся, что страшная эмансипація не только не уменьшила, но еще увеличила его доходы, но, хвалясь увеличеніемъ доходовъ, былъ справедливъ и никогда не забывалъ похвалить и своего управляющаго.

— Кому какъ, говаривалъ онъ въ такихъ случаяхъ: въ моихъ глазахъ эмансипація всегда была необходима и не застала меня врасплохъ: я все предвидѣлъ и, улучшая бытъ крестьянъ, устроилъ такъ, что и они, крестьяне, замѣтно поправляются, и я получаю дохода больше прежняго... Правда, что у меня и сидитъ тамъ ловкая бестія... не нѣмецъ, не думайте, нѣтъ! и не ученый спеціалистъ, нѣтъ! мой бывшій камердинеръ, попросту сказать, лакей, правда грамотный и толковый, знающій бытъ крестьянъ, сжившійся съ ними, понимающій ихъ нужды... ну, и конечно строгій исполнитель моихъ приказаній....

А крестьяне Мамаихи съ селами и деревнями понять никакъ не могли, что это такое случилось, что много имъ лучше и легче супротивъ прежняго, потому воля и барщины нѣтъ, а платить приходится чуть не вдвое противъ прежняго...

Захаровъ былъ дѣйствительно управляющій самый подходящій интересамъ помѣщика: крикливостью, взыскательностью, особенно относительно недоимочнаго рубля, онъ умѣлъ нагнать на крестьянъ страхъ еще при крѣпостномъ правѣ и сохранилъ свое обаяніе даже въ то время, когда мужики освободились отъ помѣщичьей власти. Онъ зналъ и крѣпко держался пословицы: „не бей дубьемъ, а бей рублемъ,“ примѣняя ее при всякомъ удобномъ случаѣ. Съ земской полиціей не только никогда не ссорился, но напротивъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, отчего и получалъ во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ надлежащую помощь; а когда часть власти перешла въ руки волостнаго правленія, то такими же присными и близкими друзьями, какъ и чины полиціи, стали для него волостные старшина и писарь. Чины полиціи охотно заѣзжали къ нему, пользовались его гостепріимствомъ и не гнушались бесѣдой съ управляющимъ, забывая о прежнемъ его лакейскомъ званіи; они крѣпко жали смѣло протянутую имъ руку, панибратствовали съ нимъ, говорили дружески: *ты*, и звали къ себѣ въ гости, и Захаровъ, бывая въ городѣ, заходилъ къ властямъ какъ равный къ равнымъ. Понятно, что послѣ этого старшина и писарь считали даже за особенную честь вести знакомство и быть въ содружествѣ съ такимъ человѣкомъ и по мѣрѣ возможности услуживать ему; а мужики тѣмъ болѣе понимали, что Захаровъ—сила, съ которой тягаться не приходится: они и не думали съ нимъ связываться, а кланялись и стояли передъ нимъ безъ шапки по прежнему, а онъ кричалъ, ругался и важничалъ надъ ними тоже по прежнему.

Яковъ Захаровъ, водясь постоянно въ господской и поповской компаніи, и чуждаясь мужиковъ, пріобрѣлъ нѣкоторый апломбъ въ манерахъ, говорилъ языкомъ не мужицкимъ, но семинарски-чиновничьимъ, читалъ газеты, слѣдилъ за политикой, считалъ себя человѣкомъ не только образованнымъ и облагороженнымъ, но и совсѣмъ благороднымъ; онъ вовсе забывалъ даже о своемъ лакейскомъ происхожденіи, думалъ, что и другіе не помнятъ этого: не разъ, горячась на иного недогадливаго мужика, кричалъ на него: коли съ тобой, ракалія, господинъ говоритъ, такъ ты не смѣй отвѣчать, а молчи да слушай!..

Мужикъ обыкновенно выслушивалъ этотъ окрикъ молча, понуря голову, хоть самъ и думалъ въ это время:

— Знаемъ мы тебя, господина... Вѣстимо, ты сталъ теперь господинъ, по господской милости, а прежде что былъ? тарелки лизалъ да кострюльки у господъ выносилъ...

Внѣшнимъ своимъ видомъ впрочемъ Яковъ Захаровъ до-

Въѣздъ султана Магомета II въ Константинополь. Ориг. рис. Мерта, грав. Шпехтъ.

Индіецъ-воинъ на сторожевомъ посту. Рис. П. Кремеръ, грав. Биркнеръ.

сихъ поръ напоминалъ ожирѣвшаго дворецкаго изъ богатаго барскаго дома, не смотря на крикливую рѣчь и размашистыя манеры: по старой привычкѣ онъ тщательно пробривалъ подбородокъ, не носилъ усовъ, но имѣлъ роскошные бакенбарды, обрамливавшие его широкое круглое лицо; носилъ солидно-длинные и широкіе сертуки, которые никогда не застегивалъ, а прислушиваясь къ рѣчамъ какого нибудь нужнаго и вліятельнаго человѣка вытягивалъ впередъ и склонялъ нѣсколько на бокъ свою голову, при чемъ приподнималъ многозначительно густыя брови.

Якова Захарыча считали человѣкомъ не только преданнымъ интересамъ своего довѣрителя, но и вполнѣ честнымъ, хотя никто не сомнѣвался, что онъ умѣлъ скопить изъ крохъ, падающихъ отъ трапезы господина своего, порядочный капиталецъ: всякій понималъ, что такъ и быть должно, что иначе и быть не можетъ, что не дуракъ же онъ, чтобъ не обезпечить себя на черный день. Вопросъ былъ только въ томъ: какою суммою опредѣлить его состояніе; до освобожденія крестьянъ считали его въ тысячахъ, а послѣ освобожденія, когда началась сдача земель въ аренду, продажа отрѣзковъ и рубка лѣса, говорили уже о десяткахъ тысячъ...

И вотъ за дочерью такого-то человѣка осмѣлился ухаживать Иванъ: Машенька, о которой онъ пѣлъ, про которую говорилъ матери, была дочь Якова Захарова. Семейство его состояло, кромѣ жены, изъ двухъ сыновей и двухъ дочерей. Марья была старшая и вполнѣ уже невѣста, другая еще подростокъ. Старшій сынъ, Константинъ, былъ уже женатъ и съ помощью отца открылъ и содержалъ трактиръ въ сосѣднемъ фабричномъ селѣ; второй сынъ не удался, спился, загулялъ и жилъ при отцѣ, безъ всякаго дѣла и въ большомъ загонѣ отъ родителей. Этотъ сынъ былъ больное мѣсто Якова Захарова: онъ стыдился его, не любилъ даже когда о немъ поминали. Какихъ мѣръ не употреблялъ онъ, чтобы образумить своего заблудшаго Виктора: и билъ его, и запиралъ, и отдавалъ къ знакомымъ купцамъ, въ качествѣ молодца—ничто не помогало: онъ ничего не хотѣлъ дѣлать, отовсюду убѣгалъ и возвращался къ отцу. Наконецъ на него махнули рукой, какъ на неизбѣжное зло, хотя почти не пускали въ семью, и онъ почти постоянно проводилъ время съ рабочими.

Марья была любимицей у родителей и считалась красавицей. Яковъ Захарычъ, умѣвшій поставить себя лично почти на равную ногу съ уѣздной чиновничьей средой, не могъ сдѣлать того же со своей семьей, да правда мало объ этомъ и заботился. Жена его зналась только съ попадьями и осталась на всю жизнь *дворовой* женщиной, не смотря на то, что въ праздники въ церковь надѣвала шали, шелковыя мантильи и шляпки съ цвѣтами и даже съ перьями. Она была женщина не дальняго ума, но добрая и безъ претензій, имѣла большую наклонность къ скотоводству и почти все время проводила на скотномъ дворѣ. Вся поглощенная домашнимъ хозяйствомъ, съ дѣтьми она возилась только, пока онѣ были маленькими, а какъ только вставали на ноги, она ограничивалась только одной заботой, чтобы были сыты и одѣты, о воспитаніи же ихъ нисколько не заботилась, да и не сумѣла бы, еслибъ захотѣла. Якову Захарычу тоже некогда была думать объ этомъ, да правду сказать и въ голову не приходило, впрочемъ по его настоянію всѣ дѣти были обучены грамотѣ. Затѣмъ онѣ росли безъ всякаго надзора и руководства почти также, какъ крестьянскія дѣти, съ той только разницей, что не знали никакого труда и жили въ полной праздности: каждый складывался и развивался согласно своей личной природы и подъ вліяніемъ случайныхъ обстоятельствъ. Впрочемъ, когда Марья стала подростать, мать ея сочла долгомъ часто внушать и напоминать ей единственный нравственный догматъ, который знала, чтобы дѣвка какъ можно берегла для мужа свою честь, потому безъ этого и замужъ не возьметъ хорошій человѣкъ, а если и выйдешь обманомъ, такъ послѣ отъ мужа наплачешься.

VI.

Съ дѣтства Маша, также, какъ и прочія дѣти Захарова, росла безъ всякаго надзора и на полной свободѣ; но когда она стала невѣстой, отцу пришла мысль, что хорошо бы черезъ нее породниться съ какимъ нибудь благороднымъ человѣкомъ или купцомъ. Но какъ это сдѣлать? Дочь смотрѣла совсѣмъ крестьянской дѣвкой, не имѣла ни манеръ приличныхъ, не знала никакого хорошаго разговора, была бойка, размашиста, смѣла, но, при чужихъ и особенно благородныхъ людяхъ, дика и глядѣла изъ подлобья; даже хорошее платье носить она не умѣла такъ, какъ видалъ онъ, носятъ въ городѣ даже жены бѣдненькихъ чиновниковъ: не было въ ней никакой благородной повадки. Какъ же быть и какъ все это исправить? Вздумалъ было Яковъ Захарычъ поговорить объ этомъ, посовѣтоваться съ женой, но та даже не поняла его хорошенько, а только перепугалась.

— Али примѣтилъ что?.. спрашивала она мужа торопливо и заботливо. Неужто ужъ вѣшаться стала?.. Вотъ не примѣчала, ей же Богъ, не примѣчала: думала у дѣвки и въ головѣ-то еще этого нѣтъ... Правда, что у другихъ это рано приходитъ... А только что я говорила, Яковъ Захарычъ, предостерегала... А теперь ужъ смотрѣть буду, изъ глазъ не выпущу!.. Извѣстно, кабы замужъ выдать поскорѣе, до грѣха, да за хорошенькаго человѣка, на что бы лучше... Поищи, постарайся, Яковъ Захарычъ... А я присматривать буду за ней, буду... только ты скажи мнѣ съ кѣмъ ты ее примѣтилъ...

— Эхъ да не то... прикрикнулъ на жену Яковъ Захарычъ. Ничего я не замѣчалъ за ней нехорошаго и присматривать насчетъ этого нечего... А говорятъ тебѣ, что какъ есть ты необразованная женщина, такъ и дочь выростила безо всякаго образованія: ни войти, ни поклониться, ни слова сказать не умѣетъ, какъ благородная дѣвица... Вонъ у исправника дочери—поглядѣла бы ты!.. Да не то у исправника, даже у становаго дѣвицы какъ держатъ себя?.. превосходно смотрѣть, а физіономіями, пожалуй, много хуже нашей... Да чего говорить про благородныхъ, вонъ поповны такъ и тѣ больше благороднаго вида и поведенія имѣютъ противъ нашей...

— Свѣту, Яковъ Захарычъ, не видитъ: деревенская... Перенять, заняться не отъ кого... оттого...

— Вотъ то-то и есть: про то и говорю... Такъ ты води-ка ее почаще къ попадьямъ: пускай она тамъ съ поповнами побольше водится и перенимаетъ... И погостить, коли будутъ просить, оставляй и къ себѣ гостить ихъ зови... А между прочимъ при всякомъ случаѣ я въ городъ ее буду брать съ собой, для наблюдательности ея: какія деликатныя, хорошія барышни бываютъ... По бульвару походитъ да посмотритъ, такъ ужъ и тутъ разницу свою увидитъ...

— Да ужъ конечно... Какъ же можно!.. согласилась Аграѳена Емельяновна. Посмотритъ—и перенимать будетъ...

Сообразно этой программѣ и началось образованіе Марьи: ей нашили хорошихъ платьевъ, стали возить на ярмарки въ городъ и въ сосѣднія села, гдѣ приказывали перенимать манеры съ барышенъ, попробовали было ввести ея въ господскіе дома, начавши со знакомства съ дочерьми становаго, но проба не удалась: барышни отнеслись къ неловкой и невоспитанной управительской дочери свысока и съ едва скрытой насмѣшкой такъ, что никакія убѣжденія и приказанія не могли принудить упрямую дѣвушку ѣхать къ нимъ въ другой разъ, или искать знакомства въ другихъ господскихъ домахъ. За то она очень подружилась съ дочерью сельскаго попа, дѣвицей, нѣсколько вкусившей отъ столичнаго просвѣщенія, такъ какъ больше года пробыла въ одномъ изъ петербургскихъ закрытыхъ учебныхъ заведеній, куда была

помѣщена по протекціи и насчетъ прихожанина-помѣщика, петербургскаго жителя, и откуда, стосковавшись по родительскому дому до болѣзни, она была взята обратно сердобольной и тоже стосковавшейся по дочкѣ мамашей.

Это происходило два года тому назадъ; но и въ то время вліяніе поповны на Машу, не замѣчаемое ею самою, было замѣчено и съ признательностію одобрено ея родителями: она стала гораздо скромнѣе, степеннѣе, больше стала собой заниматься, тщательнѣе причесываться и помадиться, полюбила наряды, выучилась жеманиться, стала втихомолку приглядываться къ мущинамъ и съ разборомъ, а, не попрежнему, безразлично относиться къ нимъ, даже разговоръ у нея сталъ другой, особенно съ мущинами. Это видѣли родители и радовались, а Яковъ Захарычъ все больше утверждался въ надеждѣ породниться черезъ дочь съ настоящимъ благороднымъ человѣкомъ и старался выводить ее на показъ при каждомъ удобномъ случаѣ, но на бѣду не выискивался такой подходящій женихъ, всѣ же господа чиновники, которые заѣзжали къ управляющему, были люди женатые. Правда, бывалъ иногда мировый посредникъ, холостой, но онъ держалъ себя такъ важно, что насчетъ его Яковъ Захарычъ и думать не смѣлъ; пріѣзжалъ одинъ разъ землемѣръ, а другой разъ судебный приставъ, но первый былъ пьяница горькій и женской красотой интересовался меньше, чѣмъ водкой, а другой сразу растаялъ передъ Машей и сталъ расточать любезности и вздыхать съ первой же встрѣчи; но по наведеннымъ справкамъ оказался человѣкомъ мало благонадежнымъ въ служебномъ, да и во всякомъ другомъ отношеніи, любилъ играть въ картишки, засиживался въ трактирахъ, манкировалъ дѣлами и вскорѣ былъ лишенъ мѣста. Изъ сосѣднихъ помѣщиковъ навертывался было одинъ женишокъ, которому очень обрадовалась Аграфена Емельяновна и соблазнился было Яковъ Захарычъ, а Маша такъ совсѣмъ было ужъ влюбилась. Это былъ помѣщичій сынокъ изъ хорошей, почтенной семьи, и изъ очень даже небѣдныхъ, молодой, веселый, красивый, мало ученый, правда и совсѣмъ безъ чина, но за то весьма обходительный и простой, безъ всякой важности и зазнайства. Молодой баричъ повадился очень часто ѣздить къ Захарову и пользуясь тѣмъ, что его принимали всегда съ радушіемъ и предупредительностью, нисколько не скрываясь, ухаживалъ за Машей. Родители со дня на день ждали формальнаго предложенія, а между тѣмъ собирали о женихѣ справки. Они узнали, что это былъ порядочный шалопай, кутила и мотушка, но молодость, добродушіе, открытая душа юноши обѣщали, что женившись и попавши въ хорошія руки жены и ея родителей, онъ можетъ остепениться и сдѣлаться основательнымъ помѣщикомъ съ 125 душевыми надѣлами, еще не представленными на выкупъ и съ хорошо устроенной усадьбой. Послѣднія два обстоятельства очень много говорили въ пользу жениха и за нихъ можно было бы даже простить, еслибы онъ и сдѣлавшись мужемъ, не сразу исправился, а продолжалъ бы кутить и шалопайничать; во всякомъ случаѣ Маша сдѣлалась бы настоящей помѣщицей, а Яковъ Захарычъ пріобрѣлъ бы почтенное, благородное родство. Молодой человѣкъ, смекнувшій чего отъ него ждутъ, дѣлалъ тонкіе и не вполнѣ опредѣленные, но для родителей понятные, намеки о своихъ чувствахъ и намѣреніяхъ, возилъ Машѣ недорогіе подарки, любезничалъ съ родителями и даже успѣлъ очень ловко занять у Якова Захарыча сто рублей на самый короткій срокъ; родители, почти увѣренные, что желаемый союзъ совершится, не только не мѣшали, но даже способствовали сближенію молодыхъ людей, оставляли ихъ однихъ вдвоемъ и показывали видъ, что не замѣчали рукопожатій и даже поцѣлуевъ. Маша не то, чтобы влюбилась въ молодаго барина, но съ большимъ удовольствіемъ играла въ любовь съ нимъ и съ любопытствомъ и сердечнымъ трепетомъ принимала его ласки. Все шло къ общему удовольствію, но вдругъ совершенно неожиданный пассажъ разстроилъ все дѣло. Послѣ одного зимняго вечера, очень интимно проведеннаго съ Машей, большею частью наединѣ, женихъ остался ночевать у Якова Захарыча. За ужиномъ онъ порядочно выпилъ и подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, обуреваемый страстью, пробрался ночью въ комнату Маши. Въ той же комнатѣ спала младшая сестра Маши. Она начала кричать во все горло, разбудила весь домъ. Выскочившія въ однихъ рубашкахъ, со свѣчами въ рукахъ родители, встрѣтили въ корридорѣ, недалеко отъ дверей Машиной комнаты, жениха, который сконфуженно ретировался оттуда. Родители остолбенѣли, женихъ пробормоталъ какое-то бестолковое и несвязное объясненіе происшедшаго и спѣшилъ уйти въ свою комнату, а на другой день еще до свѣта велѣлъ закладывать лошадей и хотѣлъ уѣхать, не простясь съ хозяевами. Яковъ Захарычъ, впрочемъ, предупредилъ его и засталъ въ ту минуту, когда онъ надѣвалъ шубу въ прихожей.

— Куда это вы такъ рано?.. и не простившись?.. съ упрекомъ и даже съ нѣкоторою строгостью, спросилъ его Яковъ Захарычъ.

— Ахъ, извините... Прощайте... Не могу никакъ... Очень нужно... Тороплюсь... отвѣчалъ молодой человѣкъ, не смотря на хозяина и торопясь уйти.

— Но однако, надѣюсь, вы скоро къ намъ опять?..

— При первой возможности... Постараюсь... Прощайте... Женихъ отворялъ дверь въ сѣни.

— Но однако позвольте... останавливалъ, слѣдуя за нимъ, Яковъ Захарычъ. Этотъ случай... Такъ же нельзя...

— Какой случай?..

— А вчерашній... Мы довѣряли вамъ, какъ благородному человѣку... Такъ конфузить дѣвушку нельзя...

— Ахъ это-то... Ну что же дѣлать, ошибся дверью, шелъ совсѣмъ не туда, и попалъ... Это ошибка—больше ничего...

Молодой человѣкъ заносилъ ногу въ сани.

— Но позвольте, милостивый государь... уже начиная горячиться, говорилъ Яковъ Захарычъ: вы держали себя такъ, какъ женихъ... Оттого мы и допускали...

— Какой женихъ? что такое?.. Конечно, покамъ не женюсь, все женихъ буду... Прощайте... Трогай...

Молодой человѣкъ совсѣмъ уже сидѣлъ въ саняхъ. Кучеръ сталъ было выправлять вожжи, но Яковъ Захарычъ ухватился за рукавъ шубы гостя.

— Нѣтъ, постой, погоди... вскричалъ онъ кучеру. Нѣтъ, вы обязаны, если вы благородный человѣкъ... Такъ нельзя... Вы сами говорили, что имѣли намѣреніе сдѣлать предложеніе... Вы должны...

— Пошелъ же, тебѣ говорятъ... Дуракъ!.. вскричалъ женихъ на кучера и когда лошади тронулись, онъ вырвалъ свой рукавъ изъ рукъ Якова Захарыча.

— Никогда я ничего не говорилъ... и никакаго намѣренія не имѣлъ!.. отвѣтилъ онъ уѣзжая—что еще выдумалъ!..

— Но я заставлю тебя... Прошеніе подамъ... кричалъ вслѣдъ ему, вышедшій изъ себя, Яковъ Захарычъ.

— Подавай... Срамись... Росписку что ли я тебѣ далъ?.. Дуракъ, чортъ... Лакутка!..

Это было послѣднее слово, которое услышалъ Яковъ Захарычъ отъ желаннаго, избраннаго жениха. Онъ воротился домой, какъ ошпаренный. Долго потомъ злился и на себя, и на жену, и на дочь, но успокоившись, разсудилъ, что еще дешево и благополучно отдѣлался и рѣшился не искать болѣе жениховъ для своей дочери изъ благородныхъ людей. Представлялось гораздо болѣе благонадежнымъ поискать счастія дочери въ купеческомъ сословіи. Съ этимъ разсчетомъ Машу отпустили погостить съ старшему брату—трактирщику, который, предполагалось, водилъ знакомство со всѣмъ купечествомъ, посѣщавшимъ его трактиръ. Трактиръ этотъ находился

въ торговомъ селѣ, куда въ базарные дни съѣзжались всѣ окрестные фабриканты и ихъ прикащики, да и въ самомъ селѣ была фабрика. Все купечество въ эти дни считало долгомъ зайти въ одинъ изъ многихъ сельскихъ трактировъ хоть для того, чтобы выпить лянсинчику, или мадерки, а иногда и холодненькаго. Не брезговали заходить въ нихъ даже мѣстные коммерческіе тузы-милліонеры, для пріѣзда которыхъ при каждомъ трактирѣ была особенная, такъ называемая *благородная*, комната. Здѣсь, въ случаѣ посѣщенія дорогихъ гостей, прислуживалъ нерѣдко самъ хозяинъ и даже хозяйка.

Жена старшаго сына Якова Захарыча была женщина молодая, бойкая и веселая, выучившаяся на трактирномъ дѣлѣ обращаться съ людьми. Жили они въ самомъ трактирѣ въ отдѣльныхъ комнатахъ, но въ непосредственной связи съ заведеніемъ, такъ что въ случаѣ наплыва посѣтителей иногда уступали для нихъ одну изъ своихъ жилыхъ комнатъ. При такой обстановкѣ, казалось, было много шансовъ, что Маша найдетъ здѣсь свою судьбу, достойную ея самой, ея приданаго и ея родителей. Но желаемыхъ солидныхъ жениховъ что-то давно не являлось: если и были, то не подходящіе; за то здѣсь Маша встрѣтила и полюбила Ивана.

(Продолженіе будетъ).

Пророчица.

Повѣсть

Захеръ Мазоха.

Извѣстно, что вслѣдствіе гоненій на родинѣ, наши старообрядцы самыхъ различныхъ толковъ часто выселялись за границу и между прочимъ уже давно утвердились и среди галиційскихъ русинъ. Наши русскіе старообрядцы постоянно имѣли сношенія съ своими заграничными собратіями. Война 1828 года еще болѣе сблизила ихъ, устранивъ затрудненія перехода границы, такъ строго дотолѣ оберегаемой. Наконецъ произошло въ той же мѣстности важнѣйшее событіе въ исторіи старообрядчества—установленіе епископской кафедры въ знаменитомъ старообрядскомъ монастырѣ Бѣлой Криницѣ. Въ 1848 году Бѣлокриницкій монастырь былъ открытъ съ разрѣшенія австрійскаго правительства и наша поповщина, несмотря на каноническое осуждающее посланіе патріарха, получила свое посвященное священство и епископство. Много есть тамъ различныхъ сектантовъ. Дѣло здѣсь повидимому происходитъ въ средѣ однаго изъ хлыстовскихъ „кораблей"; извѣстно что хлысты признаютъ многократное Воплощеніе, имѣютъ своихъ пророчицъ и пророковъ, пользующихся большою властью, отвергаютъ священство, бракъ и всѣ таинства. Талантливый разсказчикъ, самъ живущій въ той же мѣстности, беретъ эпизодъ изъ быта этаго смѣшаннаго населенія. Главное лицо разсказа католикъ; героиня драмы—такъ называемая раскольничья „пророчица". Нѣкоторыя незначительныя измѣненія, которыя мы дозволили себѣ сдѣлать въ этомъ разсказѣ, вызваны условіями необходимости. Авторъ повѣсти отмѣчаетъ степенность и зажиточность старообрядцевъ и очень хвалитъ ихъ честность, трудолюбіе. Хотя наши крестьяне выселенцы всегда замѣчательно сохраняютъ вездѣ свою національную физіогномію, но несомнѣнно, что мѣстныя особенности и нравы не могли, хотя отчасти, не оказать на нихъ своего вліянія.

I.

Въ лѣсу.

Раннимъ праздничнымъ утромъ изъ села Солыски шелъ молодой крестьянинъ, направляясь къ лѣсу. Онъ былъ одѣтъ хорошо, по праздничному. Его франтовскіе высокіе сапоги блестѣли на яркихъ лучахъ утренняго солнца; на нихъ спускались широкими складками шаровары темносиняго сукна, короткій кафтанчикъ такого же сукна плотно обтягивалъ его стройную талію: черный кожанный поясъ служилъ ему отчасти табачницей, отчасти кошелькомъ; у пояса висѣли ножъ, огниво и оправленная въ серебро трубочка. Въ высокую бѣлую барашковую шапку были воткнуты два павлиныхъ пера.

Выйдя за околицу юноша остановился, оглянулся, прислушался и пошелъ полями. Рожь и пшеница были уже сняты, маисъ еще былъ на корню и его длинноволосые желтоватые большіе колосья покачивались, словно бѣлокурыя головки деревенскихъ ребятишекъ; гречиха уже начинала принимать коричневый оттѣнокъ, картофель наливался въ землѣ подъ своими поблекшими листьями, а кругомъ, повсюду рѣяли ласточки, стрѣлой носясь надъ полями и жатвами, и съ веселымъ чиликаньемъ подымаясь въ высь поднебесную.

Юноша мечтательно слѣдилъ за ихъ полетомъ, но скоро пришлось ему опустить глаза внизъ: небо было такъ сине и ярко, что глазу человѣческому трудно стало смотрѣть на него. Въ ясно-голубомъ просторѣ неслось, одно-одинешенько, легкое бѣлое облачно—словно маленькій барашекъ, отставшій отъ стада, испуганный и растерянно остановившійся въ полѣ. Воздухъ словно раскаленный; тихо, ни звука, ни вѣтерка. Солнце залило все своими золотыми лучами.

У юнаго Венцеслава, сына богатаго дома, непридавленнаго трудомъ, какъ другіе, выработалась какая-то мечтательная натура. Онъ былъ одинъ сынъ у отца и не зналъ товарищей. Издавна, съ ребяческихъ еще лѣтъ, вѣчно любилъ онъ бродить по лѣсу, ловить птицъ и слушать ихъ пѣніе, торжественный шумъ лѣса и шелестъ листьевъ. Онъ ставилъ по лѣсу ловушки и силки. Наловитъ птицъ и нанесетъ ихъ домой. И отъ утра до вечера не прекращалось бывало въ дому птичье щебетанье. Ничего бывало и не разслышать иногда изъ-за ихъ голосковъ. Однако въ судьбѣ маленькихъ воздушныхъ пѣвцовъ приняла участіе государственная власть. Самъ серьезный велемудрый ландтагъ вотировалъ законъ—и милостивый Императоръ его утвердилъ—законъ, которымъ воспрещалось ловить пѣвчихъ птицъ—и вотъ мальчикъ уже пересталъ ставить силки а ходилъ далеко, далеко чтобы послушать хоть ихъ. И въ будни, какъ только не занятъ, идетъ онъ, и въ праздники тоже и пропадаетъ на цѣлые часы въ лѣсу, что широко раскинулся между Салысковымъ, Бребакой и Тарговицей.

Не мало дивились всѣ, какъ молодой такой парень, въ праздники, не сидитъ ни въ шинкѣ, ни на улицѣ съ мѣстными дѣвушками красными. А тому все равно было, что бы о немъ ни говорили. Онъ и вниманія на это не обращалъ. Правду сказать, онъ и самъ иногда дивился какъ мало тянетъ его ко всему, что привлекаетъ другихъ парней и какъ любитъ онъ созерцаніе и уединеніе.

Изъ лѣсу, шипя и пѣнясь, катился по долинѣ быстрый потокъ; вдали у дубовъ, стояла маленькая мельница; въ это утро она не работала и колесо неподвижно обсыхало, блестя на солнцѣ. Венцеславъ шелъ дальше, въ тѣнистую, темную прохладу дубравы. Онъ проходилъ между рядами березъ, стволы которыхъ казались обернутыми въ бѣлый атласъ, проходилъ подъ развѣсистыми дубами, неслышно ступая по бархатной муравѣ, испещренной свѣтлыми пятнами солнечнаго свѣта, пробивавшагося сквозь листву. Онъ очутился на берегу потока. Тутъ былъ не одинъ, а два и даже три потока, такихъ же шумливыхъ и пѣнистыхъ. Деревья раздвинулись, предъ глазами юноши раскинулась небольшая долинка, благоухающая и словно покрытая снѣгомъ. Даже привыкшій къ лѣсу и природѣ Венцеславъ не сразу разглядѣлъ что это такое. Подойдя ближе онъ увидѣлъ, что вся лужайка сплошь была усѣяна бѣлыми нарциссами. Въ воздухѣ слышалось какое-то непрерывное и таинственное жужжаніе. Венцеславъ отрѣзалъ себѣ вѣтку, улегся подъ кустъ дикой розы и началъ ножомъ вырѣзывать свирѣль. Пока онъ провертывалъ отверстія—вокругъ пѣли, щебетали птицы, словно только и ждали его прихода,—чижики, щеглята, зяблики дрозды, а дятелъ—стучалъ и точно держалъ темпъ всему оркестру.

Готова и дудка, настоящая галицiйская пастушья дудка. Венцеславъ началъ на ней наигрывать меланхолическую мелодію одной изъ думокъ своей родной стороны, думку грустную, изливавшуюся въ протяжныхъ, дрожащихъ аккордахъ.

Красивое, дышавшее свѣжестью молодости, лице Венцеслава освѣтилось дѣтски-счастливой улыбкой, слишкомъ дѣтской для юноши даже его лѣтъ. Чистота и неиспорченность такъ и свѣтились въ его карихъ глазахъ. Впродолженіи нѣсколькихъ минутъ царила тишина, среди которой лишь ясно раздавался стукъ дятла; но вотъ, откуда-то, издали, вдругъ донесся рѣзкій, странный окрикъ. Онъ вскочилъ съ мѣста—что это? Зовутъ на помощь? Или нѣтъ—это кричитъ какая нибудь рѣчная птица, ихъ вѣдь много въ камышахъ у пруда. И все таки, какъ-то невольно онъ все же пошелъ по направленію, откуда послышался окрикъ. Онъ вышелъ къ ровно и спокойно раскинувшемуся свѣтлому прозрачному лѣсному озерку; вода недвижна, недвижны и густые прибережные камыши, надъ которыми, тамъ и сямъ, качались бархатныя стройныя темно-коричневыя маковки на тонкихъ, длинныхъ стебляхъ. На поверхности пруда водяныя лиліи и розы, переплетаясь съ листьями, образовали точно цѣлый цвѣтникъ, который устроили лѣсныя русалки, что ухаживаютъ за этими цвѣтами при лунѣ; а кругомъ, по берегу глядѣлись въ воду и благоухали бѣлые нарциссы. Венцеславъ легъ на мураву цвѣтущаго берега и сталъ смотрѣться въ воду. Долго смотрѣлъ онъ мечтая и вотъ вдругъ ему кажется, что вода подымается къ нему ближе и ближе, что какія-то бѣлыя руки охватываютъ его, и что изъ омута выплываетъ чудная

Единственные друзья. Съ картины Е. Блаза, рис. Е. Герперъ, грав. Гофманъ.

русалка-красавица съ бѣлокурыми косами. Вдругъ снова недалеко раздался тотъ же окрикъ. Онъ вскочилъ на ноги, перекрестился. Съ нами крестная сила! Около него стояла молодая дѣвушка стройная, полная и высокая, даже, какъ ему почудилось, много выше обыкновеннаго женскаго роста.

Прекрасное, свѣжее круглое лице ея, необыкновенная, прозрачная бѣлизна котораго подернута была на щекахъ нѣжнымъ румянцемъ, было словно оттянуто назадъ великолѣпной густой, темной косой. На ней была пышная бѣлоснѣжная рубаха, пестрая, славянская юбка и на маленькихъ ногахъ высокіе сафьянные сапожки. Прелестная шея была украшена ожерельемъ въ нѣсколько рядовъ. Она глядѣла прямо въ открытое и удивленное лицо юноши своими большими, спокойными голубыми глазами. Онъ никогда прежде не видалъ и не встрѣчалъ ея. Она вдругъ, сразу полонила его юное сердце и оно сильно забилось. Отъ волненія его бросило въ жаръ и зазвенѣло въ ушахъ, онъ снялъ шапочку и вытеръ рукавомъ рубахи лобъ.

Дѣвушка вдругъ сильно покраснѣла, потупилась и слегка отступила; потомъ нагнулась, какъ бы желая скрыть свое смущеніе и сорвала нарциссъ и оправясь черезъ секунду—стояла уже прямо, серьезная и горделивая. И тутъ почудилось ему въ ней что-то недоступное, не отъ міра сего, не похожее на другихъ людей.

— Что вы тутъ?.. промолвилъ наконецъ Венцеславъ, разглядывая ее своими честными, добрыми темно-карими глазами.

Не отвѣчая на вопросъ, красавица окинула внимательнымъ ласковымъ взглядомъ красавца-юношу и мягкимъ, мелодическимъ голосомъ спросила: „Кто ты?"

— Спрашиваешь, точно принцесса какая, улыбаясь замѣтилъ юноша.

— Принцесса! слегка улыбаясь также, замѣтила она. Какъ зовутъ тебя.

— Венцеславъ.

— А откуда?

— Изъ Солыскова.

— Крестьянинъ.

— Да.

— Ты хорошо одѣтъ. Значитъ—богатъ?

— Достаткомъ не обижены.

Красавица смолкла, наклонила голову и тихо, вдоль берега пруда, по благоухающему ковру изъ нарциссовъ, пошла къ лѣсу.

— Ну, а, а—ты кто же? спросилъ дрожащимъ голосомъ юноша. Онъ пошелъ съ ней рядомъ.

Отвѣта не послѣдовало.

— Ты слышишь что ли? Можетъ, не хочешь отвѣчать.

Новое молчаніе.

— Случилась бѣда съ тобой—горе какое, что ли?

— Что такая печальная? И одна въ лѣсу ходишь?

— Отъ людскаго гомону, отъ грѣховнаго шума подальше, тихо отвѣчала дѣвушка. Когда человѣкъ одинъ—душа его молится, онъ ближе къ Богу.

Глаза ея загорѣлись какимъ-то страннымъ огнемъ.

— Ахъ да правда, правда, съ искреннымъ сочувствіемъ подхватилъ юноша. Въ лѣсу хорошо молиться. Тутъ тебѣ и пташка щебечетъ и цвѣтикъ всякой ровно молится и Божье солнышко.

— Да, да, хорошо говоришь, хорошо! отвѣтила красавица, снова оживляясь и опять внимательно взглядывая на него.

— Чудная—ты какая-то! произнесъ помолчавъ юноша, поглядывая на нее. Не такъ ты какъ другія дѣвушки—думается тебѣ и плясать не подходитъ, ни хороводы водить... Ты особенная какая то. А поди вонъ какъ разодѣта! И красавица же ты! И вдругъ невольнымъ порывомъ, какъ бы осмѣленный ея взглядами, юноша, охватилъ ея талію.

Дѣвушка, легко и безъ усилія, высвободилась. Лицо ея приняло, опять, прежнее странное важное, безстрастное выраженіе, вдругъ охладившее порывъ Венцеслава. Онъ спокойнѣе опять пошелъ рядомъ съ нею.

— Ты замужняя? спросилъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія.

Она отрицательно покачала головой; незамѣтная улыбка скользнула по ея полнымъ свѣжимъ губамъ. Долго шли они молча. Онъ не могъ оторваться отъ ея прелестнаго лица. Что это за дѣвушка! Эка красавица!

Но не одна красота ея производила впечатлѣніе на Венцеслава; на него дѣйствовала какая-то непостижимая, природная ея величавость, внушавшая къ ней невольное уваженіе, не смотря на ея скорѣе скромный и смиренный, чѣмъ надменный видъ. Ему подумалось, что это вѣрно не крестьянка. Онъ почувствовалъ вдругъ какую-то робость, хотя былъ не изъ трусливыхъ.

— Знаешь—ты и на крестьянку не похожа, началъ онъ снова.

— Можетъ быть; ты сказалъ: принцесса... спокойно усмѣхаясь, произнесла она.

— Нѣтъ, не то—ты, будто, праведница какая...

Она ничего не отвѣтила, только на губахъ ея мелькнула прежняя загадочная улыбка.

— Цвѣтики, вы Божіи цвѣтики, заговорила она вдругъ,—словно Господу молитесь вы—хорошо ты это сказалъ!—Она бросила на него свой тихій взглядъ—и Венцеславъ вдругъ наклонился и сталъ рвать ей цвѣты.

Передавъ ей наскоро собранный букетъ, онъ замѣтилъ, что руки ея бѣлы и нѣжны и не носятъ слѣдовъ крестьянской работы.

— Хороши вы, красивы цвѣтики—а и вредъ отъ васъ можетъ быть великій. Таково-ли сладко пахнутъ! А поставь ихъ на ночь у кровати и отъ нихъ заболѣть можно, пожалуй и совсѣмъ умереть—они словно ядъ сладкій. И люди всѣ такъ... Они только объ платьи цвѣтномъ да жизни спокойной думаютъ, а какъ спастись, какъ Господу послужить своему—этаго нѣтъ. И ты, мальчикъ, такая же заблудшая овца, какъ и всѣ, и не думаешь и не печешься ты о спасеніи своемъ. Грѣхъ любъ тебѣ, душу твою влечетъ онъ къ погибели.

Чудесные голубые глаза ея смотрѣли теперь на него съ какимъ-то глубокимъ, вдохновеннымъ выраженіемъ.

Все это болѣе и болѣе удивляло юношу.

— Да ты не поповна ли? спросилъ онъ съ нѣсколько насмѣшливой улыбкой.

Дѣвушка опять отрицательно покачала головой и грустно вздохнула. Они подошли къ мѣсту, гдѣ выступившая отъ недавнихъ дождей вода залила дорогу. Дѣвушка оглянулась.

— Что ты? спросилъ быстро ея спутникъ.

— Мостки бы перекинуть.

Спокойно сказано, словно отдано приказаніе — и оно было мигомъ исполнено Венцеславомъ. Дѣвушка изрѣдка взглядывала на него съ нѣкоторымъ любопытствомъ. Все въ этомъ красавцѣ-мальчикѣ говорило о силѣ и здоровьи—и эти стальные мускулы, и низкій лобъ, на который падали густые вьющіеся каштановые волосы, и небольшой, вздернутый носъ, и крѣпкія кости скулъ, твердо очерченный, чуть пушистый и круглый подбородокъ и смуглый, загорѣлый цвѣтъ румянаго лица. Когда все было готово, бросивъ доски, онъ сначала попробовалъ крѣпость ихъ своей ногой и, затѣмъ, обернувшись къ ней, взялъ ее за руку и бережно перевелъ на ту сторону.

Она даже не поблагодарила его. Между ними, какъ будто само собою установилось, что она приказала, а онъ, просто, выполнилъ волю ея. Она какъ будто привыкла приказывать, привыкла чтобы ея слушались.

— Какія у тебя бѣлыя плечи? заговорилъ опять страстно юноша, шедшій за нею. Сейчасъ видно, что не ходишь на жнитво.

Онъ хотѣлъ опять обнять ее, но она, на этотъ разъ рѣзче отклонилась. Отъ быстраго движенія, шнуръ ожерелья порвался и кораллы посыпались въ траву.

— Ну—ты виноватъ и собирай ихъ теперь! произнесла она спокойно, но почти просительнымъ тономъ.

Юноша опустился на колѣни и сталъ въ травѣ искать кораллы. Она стояла передъ нимъ, отъ времени до времени протягивая свои бѣлыя руки и принимая яркія красныя зерна. Когда все было собрано, онъ опять пошелъ вслѣдъ за ней. Дорогой онъ—то бросался отогнуть отъ ея головы какую нибудь густую длинную вѣтвь, то рвалъ и подносилъ ей ягоды.

Венцеславъ такой гордый, самолюбивый мальчикъ самъ, дивился себѣ—онъ бѣжалъ по ея мановенью, подавалъ, не разсуждая, но чувствуя, что ему сладко и надо подчиниться ей. Онъ дивился на нее. Другія дѣвушки такъ смѣются, такъ болтаютъ зря, когда встрѣтятся съ молодыми парнями, такъ хихикаютъ, прячутъ лицо,—не хорошо!—а у этой ничего такаго. Такая то ли тихая да спокойная, такая то ли особенная.

И вотъ подошли они къ большому дубу, у котораго былъ врытъ грубо сдѣланный крестъ. Дѣвушка остановилась.

— Съ Богомъ! произнесла она, намъ теперь разные пути...

— Я... съ тобой? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!

— Ну, скажи, гдѣ живешь...

Она молчала, но грудь ея высоко подымалась.

— Въ Бребакахъ, что ли?

Она оставалась неподвижна и безмолвна по прежнему, какъ бы въ раздумьи и колебаніи.

— Свидимся ли?

— Свидимся. Такъ угодно Господу, произнесла она наконецъ тихо.

— Гдѣ же?

— Я не буду искать тебя...

— Да я то буду.

— Не ищи, не ищи ты меня... оставь! Тебѣ же добра хочу... тревожно и мягко сказала она, погибель твоя тутъ будетъ...

— Ты думаешь—я боюсь чего нибудь? съ юношеской хвастливостью сказалъ онъ, ничего я не боюсь.

— Ты говоришь—не знаешь, кто я, задумчиво глядя на него отвѣчала она,—зналъ бы, такъ самъ бы ушелъ.

— И бояться сталъ бы тебя, думаешь,—нѣтъ, голубка, любить бы, холить сталъ...

— Не знаешь ты, кто я!

— Знаю! Ты дѣвушка-красотка, только сердитая, отвѣчалъ Венцеславъ. Онъ подступилъ ближе и схватилъ ее за руки. Она не оттолкнула его на этотъ разъ, во взглядѣ ея, обращенномъ на него, мелькнуло даже какое-то живое чувство, словно страсть.

Полныя, свѣжія губы словно искали поцѣлуя, но въ изгибѣ темныхъ бровей было что-то суровое.

— Не тронь, не тронь! проговорила она тихимъ голосомъ,— великій грѣхъ, великій творишь...

— Э, Богъ проститъ! воскликнулъ Венцеславъ и вдругъ быстро и страстно обнялъ и поцѣловалъ ее.

Дѣвушка вырвалась изъ его рукъ. Она не сказала ни слова. Лицо ея разгорѣлось отъ негодованія, но въ глазахъ сказалось какъ будто иное: они съ минуту остановились съ какимъ-то млѣющимъ выраженіемъ.

У юноши голова закружилась отъ волненія, въ глазахъ пошли темные круги и прежде. чѣмъ успѣлъ очнуться, красавица уже исчезла, также быстро и неожиданно, какъ и появилась.

Странное чувство оставила въ Венцеславѣ эта встрѣча. Въ чувствѣ этомъ не было ничего пріятнаго, радостнаго, ласкающаго или веселящаго сердце. оно скорѣе было похоже на какое-то страстное страданіе. Онъ вернулся домой совсѣмъ отуманенный. Онъ не могъ ни ѣсть, ли спать. Работа стала ему въ тягость. Ни семья, ни домъ, ни птицы не занимали больше его и если онъ ходилъ еще въ лѣсъ. то только съ страстною надеждою встрѣтить опять красавицу. И нигдѣ не могъ объ ней ничего узнать, нигдѣ не встрѣчалъ. Она какъ въ воду канула.

Съ каждымъ днемъ онъ все дальше и дальше ходилъ по лѣсу и по окрестностямъ. Однажды онъ увидѣлъ вдали. за зеленью старыхъ липъ — красные купола Таргоницкой русской церкви. Онъ подошелъ ближе. Въ сторонѣ отъ деревни, ближе къ лѣсу, стояли обширные амбары и надворныя строенія богатаго крестьянскаго дома съ расписными ставнями. Вокругъ шелъ высокій заборъ. Но съ холма, на которомъ стоялъ Венцеславъ, можно было видѣть, что происходило во дворѣ. Прямо, фасадомъ къ нему, былъ хорошій. больше похожій на городской. домъ, строенный изъ крупнаго лѣса. Между дверями вдоль дома шла длинная галлерея. крытая, на рѣзныхъ расписанныхъ столбикахъ, обвитыхъ вьющимися растеніями. Здѣсь жила та. по комъ онъ тосковалъ, которую искалъ. Никто этаго ему не говорилъ, но онъ угадалъ это, и сердце его сильно забилось. Онъ прилегъ на траву, подъ густымъ развѣсистымъ орѣшникомъ, устремилъ лихорадочный взоръ на столбики галлереи, обвитые зеленью. и жадно ждалъ появленія красавицы. Прошелъ часъ, прошелъ другой—время летѣло. Она не показывалась. Но вотъ и солнце начало спускаться; вечерніе лучи позолотили края бѣлыхъ, перистыхъ облачковъ, деревенскій вечеръ пришелъ съ блеяніемъ и звонками стадъ, скрипомъ воротъ. Съ улицы, во дворъ, въѣхала маленькая таратайка, запряженная небольшою, откормленною лошадью, которою правила *она*.

На встрѣчу съ галлереи выбѣжали два огромныхъ волкодава, громко и весело залаявшихъ на лошадь, а лошадь, опустивъ шею, дружески покачивала имъ головою. Таратайка быстро подкатила къ крыльцу. Изъ двери торопливо выбѣжалъ молодой работникъ, принявшій лошадь. Дѣвушка сошла съ таратайки, спросила о чемъ-то работника и легко поднявшись по крутымъ ступенямъ. скрылась въ дверяхъ. Собаки побѣжали за ней.

Венцеславъ поднялся съ мѣста и пошелъ по направленію къ дому. Въ кустахъ онъ неожиданно наткнулся на маленькую, босоногую дѣвочку.

— Слышь, дѣвочка, скажи—чей это домъ? кликнулъ онъ ей. Дѣвочка стояла испуганная и нѣсколько секундъ смотрѣла на него въ недоумѣніи. съ видомъ звѣрька, который въ первую минуту не знаетъ что ему дѣлать: приласкаться или укусить.

— Кто живетъ тамъ, внизу? Ну, чего же ты молчишь, не понимаешь, что-ль?

— Пророчица, робко отвѣтила дѣвочка.

— Пророчица? Ахъ, глупенькая ты дѣвочка!

Онъ засмѣялся.

— Нѣтъ, не то—какъ зовутъ мужика, чей домъ-то?—Онъ указалъ пальцемъ на домъ своей красавицы.

— Осиповичемъ зовутъ, отвѣчала дѣвочка и поспѣшила отойти отъ него въ испугѣ.

Венцеславъ пошелъ дальше и дойдя до кустовъ передъ домами деревни, спрятался въ этихъ кустахъ. Сумерки быстро набѣгали и скоро наступила ночь. Все стало тихо. Лишь изрѣдка слышался тихій свистъ летучихъ мышей. проносившихся какъ тѣни по воздуху.

Въ темномъ, глубокомъ небѣ ярко загорѣлась сначала одна большая звѣзда, а тамъ высыпали и замигали другія. Въ пропитанномъ благоуханіемъ лѣса и цвѣтовъ ночномъ воздухѣ было тихо и безмолвно. Минутами трепетъ какой-то проходилъ по листвѣ деревьевъ и кустовъ. Вотъ темноту прорѣзали освѣтившіяся окна высокихъ избъ. Защелкали вечерніе соловьи... А Венцеславъ словно замеръ на своемъ мѣстѣ—не шелохнулся. Вотъ и огни въ домахъ погасли и соловьи смолкли. Все засиуло. Ночь была душна—опьяняющій запахъ цвѣтовъ и сосны вливался въ грудь. Среди тишины иногда слышался лѣнивый лай собакъ; неподалеку, въ лѣсу, среди бѣлыхъ стволовъ березъ показались двѣ какія-то свѣтящіяся точки: то были ли глаза лисицы, или дикой кошки? Сердце бьется и страстно жаждетъ и ждетъ чего-то.

Венцеславъ положилъ голову на обросшій мягкимъ мохомъ камень и сталъ мало по малу забываться, дремать. Откуда-то доносился слабый звонъ бубенчиковъ коней, пасшихся въ ночномъ, на лугу... Онъ заснулъ наконецъ...

Проснулся онъ рано, съ ощущеніемъ холода во всѣхъ членахъ. Его трясло какъ въ лихорадкѣ. Онъ всталъ, закинулъ движеніемъ головы сбившіеся на лобъ волосы и оглянулся вокругъ. Солнце еще не взошло. Все еще лежало въ томъ безжизненномъ, сѣромъ свѣтѣ, какимъ отличаются ранніе утренники; на небѣ виднѣлись еще блѣднѣющія звѣзды. Холодный вѣтеръ сильными порывами шумѣлъ и гнулъ деревья.

Но вотъ блѣдныя полосы на востокѣ все ярче. сверкнулъ ослѣпительно красноватый лучъ и наступила минута общаго пробужденія—въ лѣсу. на ближнихъ поляхъ, въ деревнѣ.

Въ домѣ, съ котораго глазъ не сводилъ Венцеславъ, задвигались люди; вскорѣ отворилась дверь на галлереѣ и на дворѣ показались двѣ дѣвушки въ сопровожденіи пожилой женщины. Онѣ остановились съ минуту подышать свѣжимъ утреннимъ воздухомъ. А затѣмъ на порогѣ появилась и та, которую онъ встрѣтилъ въ лѣсу. Онъ привсталъ въ глубокомъ волненіи. Она стояла такая же тихая и спокойная, между обвитыхъ зеленью расписныхъ колонокъ галлереи, въ длинной, наброшенной на плечи мѣховой шубкѣ, съ бѣлымъ платкомъ на головѣ. Красавица показалась ему еще какъ будто выше и величавѣе. Она сѣла на деревянную лавку и оглянулась кругомъ. Солнце озарило косымъ лучемъ ея свѣжія щеки. Въ домѣ началось утреннее движеніе и уборка. Гремѣли ключами, хлопали дверьми амбарушекъ, скрипѣли воротами клѣтей.

Одна изъ дѣвушекъ бывшихъ на дворѣ, высокая и полная. сошла внизъ, неся на коромыслѣ два ведра, подошла къ колодцу и наполняя ведра водою, стала выливать воду въ большую кадку. Другая дѣвушка и пожилая женщина хлопотали, ходили взадъ и впередъ. Иногда сами онѣ подходили къ сидѣвшей на лавкѣ красавицѣ за приказаніями, иногда она ихъ къ себѣ подзывала и онѣ выслушивали ее стоя и почтительно, какъ госпожу.

Кровь загорѣлась въ молодцѣ—онъ рѣшился. Выйдя изъ кустовъ онъ неслышно подошелъ къ забору, осторожно перелѣзъ чрезъ него и пройдя по галлереѣ, неожиданно остановился передъ дѣвушкой. Собаки бѣшено рванулись было къ нему, но тотчасъ спокойное движеніе бѣлой, выглянувшей изъ мягкаго мѣха шубки, руки, остановило ихъ и онѣ, злобно рыча, убрались подъ лавки.

— Какъ ты здѣсь? спросила она, съ едва дрогнувшими губами, но не трогаясь съ мѣста и поднявъ съ строгимъ выраженіемъ на него свои чудные, голубые глаза.

— Тебя... хотѣлъ видѣть...

— Меня? Чего же тебѣ надо?

— Господь знаетъ... я самъ не вѣдаю... какъ пришелъ... Венцеславъ пожиралъ ее глазами. Она казалось была совершенно спокойна, бѣлыя руки были сложены на груди, глаза поднялись къ небу и губы словно шептали молитву.

Все ярче и ярче разгоралось небо на востокѣ, становилось свѣтлѣе и жарче.

— А ты—какъ ты здѣсь, такъ рано? спросила она.

— Я всю ночь вонъ тамъ въ тѣхъ кустахъ... былъ, смущаясь сказалъ онъ.

— Зачѣмъ это?

— Все думалъ не увижу ли тебя, отвѣчалъ онъ опять тихимъ и сконфуженнымъ голосомъ. Искалъ я тебя денно и нощно и какъ нашелъ, такъ и остался здѣсь съ заката до самаго утра и не знаю сколько бы еще остался...

Она опустила глаза и, на минуту, задумалась.

— Такъ теперь ты знаешь—кто я? спросила она. пристально взглянувъ на него.

— Мнѣ сказывали домъ этотъ Осиповича. это отецъ твой?

— Нилъ Осиповичъ... отецъ мнѣ...

Въ эту минуту проходила мимо нихъ высокая дѣвушка съ коромысломъ.

— Ходила ты? обратилась къ ней красавица.

— Ходила, Марьяна.

— Тебя зовутъ Марьяной?

— Слышалъ, чего спрашиваешь? Аннушка, поди опять—нужно скорѣе, приказала она.

— Сестра это твоя, что ли?

— Сестра.

Аннушка, дѣйствительно, нѣсколько походила на Марьяну хотя въ лицѣ не было того выраженія сдержанной силы и той величавости, и волоса ея были еще свѣтлѣе. Приподнятые брови и широко раскрытые кроткіе глаза ея придавали ей какой-то удивленный видъ. Она ушла и вслѣдъ за ней подошла къ Марьянѣ маленькая и сгорбленная старушка.

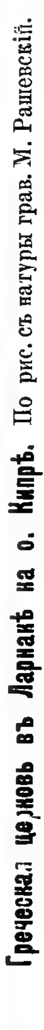
— Иди, иди матушка, иди дѣлай свое дѣло, я сейчасъ буду. Ну, Венцеславъ, снова обратилась къ нему красавица голосомъ, который звучалъ болѣе дружественно—говори теперь, что же бы это ты хотѣлъ мнѣ сказать.

— Не знаю... словъ у меня нѣтъ никакихъ...

— Стало быть, мнѣ за тебя говорить надо?

— Говори... ты душу мою видишь, тихо сказалъ онъ, опуская глаза.

— Ты значитъ полюбилъ меня, что ли?

Греческая церковь въ Ларнакѣ на о. Кипрѣ. По рис. съ натуры грав. М. Рашевскій.

Разрушенный мостъ на р. Тей (Шотландія) черезъ полчаса послѣ катастрофы. Съ рис. очевидца, грав. М. Рашевскій.

— Да, такъ-то люблю! съ силой сказалъ онъ. Сердце его страшно забилось въ груди, его добрые глаза глядѣли на нее съ тихой, нѣмой мольбой.
— Что-жъ мнѣ то тутъ дѣлать?
— Ты не осердилась на меня?
— Нѣтъ, зачѣмъ сердиться... Сердиться—великъ грѣхъ передъ Господомъ.
— Ты, ужъ чую я, никогда не полюбишь меня! Онъ сдѣлалъ движеніе и ей показалось, что онъ хочетъ обнять ее.
Быстро поднялась она, строгая, вспыхнувшая, вытянувъ впередъ свою бѣлую красивую руку.
— Не смѣй, вскрикнула она, не смѣй, коли Бога боишься, коли думаешь о душѣ своей. Ты уже и то согрѣшилъ—помыслы, желанія твои грѣховныя...
Она встала и собралась уходить. Онъ съ испугомъ рванулся къ ней.
— Уходишь? Можно ли мнѣ приходить сюда?

Она пріостановилась, задумалась и тревога выразилась на ея прелестномъ лицѣ. Она смотрѣла вдаль на небо и на туманъ, носившійся еще надъ полями и мечтательно и тихо вздохнула.
— Что же приходи, пожалуй! отвѣчала тихо Марьяна, а глаза ея, эти чудные голубые глаза, ему показалось, сказали больше... Онъ зашатался и рванулся къ ней.
— Стой, вдругъ холодно остановила она его порывъ,—ты раздумаешь—не придешь, гдѣ тебѣ? побоишься. Отговорятъ тебя... Мальчишка ты еще...
— Побоюсь? чего?
— Какъ меня узнаешь.
— Не поймешь тебя...
Она окончательно пошла къ двери. Въ дверяхъ она чуть пріостановилась и, повернувъ къ нему голову, бросила на него взглядъ, полный нѣжности.—Да, ты придешь, какъ бы невольно проговорила она, придешь—я хочу, чтобы ты пришелъ....
И дверь захлопнулась.

(Продолженіе будетъ.)

Къ рисункамъ.

Въѣздъ Магомета II въ Константинополь.

(Картина Мерта).

Византійская имперія пала и порабощена турками. Разложеніе давно чувствовалось во всемъ ея организмѣ. За три года до осады, собственно Имперія прекратила свое существованіе. На мѣстѣ ея образовалось три господарства: одно византійское и два Пелопонезскихъ. Владѣнія же Константина XI, т. е. византійское господарство, заключало въ себѣ лишь небольшой полуостровъ между Чернымъ и Мраморнымъ морями. Этотъ-то небольшой клочекъ земли и носилъ въ послѣднее время пышное названіе Византійской имперіи и стѣны ея столицы были буквально ея границами. Но и на этой тѣсной, ничтожной территоріи никогда не стихали религіозныя и политическія распри и не прекращалась вѣковая вражда между греками и латинцами. И тогдашній повелитель Османовъ, хитрый и талантливый Магометъ II рѣшился наконецъ привести въ исполненіе свой давнишній планъ. Онъ началъ дѣлать громадныя приготовленія—въ началѣ марта 1453 года разослалъ указы по всѣмъ своимъ владѣніямъ о наборѣ и образовалъ почти 300,000 армію. Кромѣ того образовалъ флотъ въ 430 кораблей, артиллерію съ орудіями громаднаго размѣра, таранами и разными камнеметательными машинами. Вся эта грозная, военная сила медленно надвигалась изъ Адріанополя, тогдашней столицы султановъ, къ Константинополю, облагая его съ суши и съ моря. Одинъ восточный писатель описываетъ это шествіе грозной арміи Османовъ: „Земля покрылась, говоритъ онъ, коврами зелени и, казалось, ждала легіоновъ правовѣрнаго Магомета; холмы и долины гордились, неся на себѣ полки вѣрныхъ. Улемы, шейхи и потомки пророка слѣдовали за побѣдоноснымъ султаномъ, прося у Аллаха побѣды“. Рано утромъ 28-го мая армія подошла къ городу и окружила его подобно безграничному морю. Но какія же силы могъ противупоставить этимъ грознымъ полчищамъ осажденный городъ? Самыя жалкія; во всей Византіи набралось не болѣе 7,000 защитниковъ и этой-то горсти людей приходилось отстаивать городъ противъ трехсотъ-тысячной арміи Магомета. Положеніе было отчаянное; надежды на чужую помощь никакой, но греки не унывали и цѣлыхъ два мѣсяца выказывали при защитѣ роднаго города чудеса храбрости и самоотверженія; бывали моменты, что самъ Магометъ приходилъ въ отчаяніе отъ неудачъ и рѣшился общимъ штурмомъ взять городъ. Самъ императоръ въ день приступа, отправился въ храмъ св. Софіи и послѣ усердной молитвы пріобщился св. Таинъ; его примѣру послѣдовали прочіе. Это продолжалось всю ночь. На разсвѣтѣ 29-го мая турки неожиданно бросились ко рву, полѣзли на стѣны и для Византіи настала послѣдняя минута. Въ пылу битвы Венеціанцы оставили свой постъ и дали возможность туркамъ прорваться въ городъ; Константинъ XI сражался отчаянно и, потерявъ всякую надежду, искалъ только смерти; трупъ его былъ найденъ послѣ штурма въ общей грудѣ тѣлъ и узнанъ по его сапогамъ съ вышитымъ на нихъ двуглавымъ орломъ Византіи. Голову Константина XI поставили на показъ на высокомъ столбѣ, до вечера.

Такимъ образомъ 29-го мая (во вторникъ) 1453 года турки овладѣли Византіей; начались ужасныя сцены кровопролитія и грабежа. Шесть часовъ сряду, до самаго полудня, шла ожесточенная рѣзня на улицахъ и три дня сряду турки, съ дозволенія султана, предавались грабежу и неистовствамъ. Одинъ очевидецъ описываетъ эти ужасы яркими красками. Во многихъ мѣстахъ не видно было земли подъ множествомъ труповъ, повсюду слышались вопли женщинъ и дѣвушекъ, которыхъ турки тащили силою изъ домовъ и храмовъ. Крикъ и плачъ дѣтей, оскорбленіе святыни, стоны и страданія, въ домахъ слезы, въ храмахъ вопли мужей, рыданія женщинъ, оскорбленія: не было угла, который бы не былъ ограбленъ. Но вотъ въ полдень прекратились убійства и Магометъ II, окруженный свитой и тѣлохранителями, въѣхалъ въ разграбленный и опустошенный городъ и направился къ собору Св. Софіи среди безмолвныхъ, обезумѣвшихъ отъ горя и ужаса византійцевъ. Эта грандіозная сцена и представлена на прилагаемой въ этомъ № картинѣ.

Индіецъ-воинъ на сторожевомъ посту.

Большая желѣзная дорога „Pacific,“ которая перерѣзаетъ сѣверную Америку отъ одного океана до другаго, открыла уже полный доступъ такъ называемой „цивилизаціи“ въ земли индійцевъ. Бѣдные краснокожіе оттѣсняются все далѣе въ горы и въ пустыни. Огнемъ и мечемъ истребляетъ и гонитъ ихъ, неразборчивый на средства, бѣлый изъ родныхъ луговъ, руководствуясь только своими выгодами, правами сильнаго и жадностью къ наживѣ. Но таковъ ходъ исторіи... Скоро въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояли вигвамы индійцевъ и проносились дикіе, гордые всадники-воины, закипитъ всепобѣждающая, алчная торговля и промышленность.

И вотъ ведется постоянная, неустанная борьба бѣлыхъ съ краснокожими и на сѣверѣ и на югѣ. Индіецъ вообще гордъ и воинственъ, возмущается этимъ грубымъ, наглымъ захватомъ и борется до послѣднихъ силъ. Но что можетъ онъ сдѣлать съ своими копьями и стрѣлами, даже штуцерами, которыми нѣкоторые изъ нихъ уже запаслись—противъ усовершенствованныхъ цивилизаціей орудій убійства. Нѣкоторыя отдѣльныя племена въ сѣверныхъ штатахъ, перешли въ христіанство. Но это не къ лучшему. Они заимствовали тотчасъ всѣ пороки бѣлыхъ, не усвоивъ ни одного почти хорошаго ихъ качества.

Много племенъ ведутъ жизнь кочующую и постоянно враждуютъ даже между собою. Съ бѣлыми они находятся всѣ въ непримиримой враждѣ и стараются по возможности имъ вредить.

Много было писано о нападеніяхъ индійцевъ на поѣзда, о порчѣ ими полотна дорогъ. Нерѣдко они снимаютъ рельсы, или устраиваютъ цѣлыя загражденія на пути и затѣмъ, во время задержки поѣзда, нападаютъ на него, грабятъ, убиваютъ пассажировъ.

Не смотря на постоянныя стычки и битвы съ бѣлыми, военное искуство индійцевъ находится въ первобытномъ состояніи. Индіецъ придерживается строго обычаевъ своихъ отцовъ. Какъ и прежде, краснокожій украшаетъ себя большимъ султаномъ изъ перьевъ, на рукахъ носитъ браслеты и серьги въ ушахъ; пестрая барсовая шкура замѣняетъ ему одежду; оружіе его составляетъ томагаукъ, буйволовый круглый щитъ и длинная пика, украшенная чернымъ конскимъ хвостомъ. Нѣкоторые, какъ мы сказали, имѣютъ хорошія ружья и очень ловко съ ними управляются. Краснокожій старается постоянно перехитрить своего преслѣдователя и напасть на него врасплохъ. Онъ инстинктивно, чуткій какъ олень, чуетъ близость врага, выслѣживаетъ его, прислушиваясь къ лошадиному топоту, прикладывая ухо къ землѣ, или замѣчая слѣдъ по примятой травѣ или обломаннымъ вѣткамъ кустовъ и деревьевъ. Во время выслѣживанія онъ изумительно неутомимъ и терпѣливъ. Впродолженіи цѣлыхъ часовъ, а иногда и сутокъ, безъ сна—онъ спрятавшись за кустъ, все слѣдитъ за добычей, на которую вдругъ бросается въ удобный моментъ съ дикимъ крикомъ. Такъ защищаетъ онъ посильно свою любимую родину отъ бѣлыхъ, этотъ гордый воинъ-индіецъ, пока не положитъ его на мѣстѣ мѣткая пуля или ножъ бѣлаго. Такимъ образомъ, нѣкогда значительное племя индійцевъ съ каждымъ годомъ все уменьшается.

Единственные друзья.

(Картина Е. Блаза).

Она давно потеряна для жизни и свѣта. Семейное горе ея было такъ велико! Сердце ея такъ изстрадалось! Она рѣшилась себя похоронить давно въ стѣнахъ монастыря. Такъ величаво возвышался этотъ католическій монастырь; его толстыя каменныя стѣны и старыя мшистыя башни казалось такъ хорошо укроютъ ее отъ мірскихъ мучительныхъ треволненій, отъ надоѣдающаго грѣховнаго шума и съ дѣтства еще думала мечтательная дѣвочка уйти подъ надежную сѣнь святой обители.

И вотъ она монахиня. И вотъ она одна, совсѣмъ одна, на Божьемъ свѣтѣ и отдѣлена совсѣмъ отъ тревожной людской жизни; сердце ея умерло для житейскихъ тревогъ, радостей и горя. Иногда мелькаютъ воспоминанія прошлаго, даже сожалѣнія.... Но—слишкомъ поздно!

И у нея нѣтъ никакихъ, никакихъ друзей на свѣтѣ. Какъ тѣнь бродитъ она по длиннымъ переходамъ и корридорамъ, среди колоннъ, застывшихъ въ своемъ нѣмомъ каменномъ величіи и высоко взбирается по крутой, узкой каменной лѣстницѣ на высокую башню колокольни и оттуда весь міръ, всѣ дома, люди—представляются такими маленькими, такими ничтожными! А все же сердцу холодно и одиноко. Но вотъ собираются они—ея единственные друзья, голуби, которыхъ она такъ приручила, что въ извѣстный часъ они, хлопая крыльями, слетаются около привычнаго окна башни и такъ любовно и тихо воркуютъ, такъ довѣрчиво садятся ей на плечи и на руки, что это ей приноситъ какую то тихую отраду. Вотъ они, думаетъ она, Божьи голуби, мои единственные друзья!

Греческая церковь въ монастырѣ св. Лазаря въ Ларнакѣ, на о. Кипрѣ.

Въ числѣ древнихъ зданій острова Кипра, особаго вниманія заслуживаетъ, между прочимъ, греческая церковь монастыря св. Лазаря въ городѣ Ларнакѣ. Самый монастырь, одной стороной, примыкаетъ къ старинному кладбищу, въ трехъ остальныхъ частяхъ его расположены кельи, гдѣ нѣкогда жили монахи, и которыя теперь—ничто иное какъ квартиры, нынѣ отдаваемыя въ наемъ.

Согласно мѣстному преданію, въ церкви находится гробница Лазаря, воскрешеннаго Спасителемъ въ Виѳаніи и оттуда удалившагося на о. Кипръ. Здѣсь, какъ гласитъ легенда, Лазарь прожилъ еще много лѣтъ. Читатели могутъ видѣть, на прилагаемомъ рисункѣ, внутренность храма. За олтаремъ спускается внизъ небольшая лѣсенка, ведущая въ маленькую пещеру. При слабомъ освѣщеніи пука свечей, въ этой пещерѣ можно разглядѣть гранитную плиту; изъ подъ нея струится источникъ, сбѣгающій въ устроенный тутъ-же каменный бассейнъ. Водѣ этаго источника приписывается цѣлебная сила: къ язвамъ прикладываютъ намоченный въ источникѣ этомъ платокъ, или вообще полотно.

Крушеніе моста на р. Тей.

Вначалѣ прошлаго года въ № 9 „Нивы" мы дали рисунокъ длиннѣйшаго моста въ свѣтѣ, моста черезъ р. Тей, около Дунди; мостъ собственно черезъ заливъ Тей, разъединяющій южную Шотландію съ Сѣверной, ширина котораго доходитъ здѣсь болѣе 2-хъ верстъ. На этомъ изящномъ, легкомъ и грандіозномъ мосту 17 (29) декабря произошла страшная катастрофа.

Было около семи съ половиной часовъ вечера. Среди мрака, воя бури, рева волнъ, по этому длинному мосту, на высотѣ 90 ф. надъ водою, на всѣхъ парахъ несся въ Дунди поѣздъ, на которомъ было до 300 пассажировъ въ этомъ числѣ 6 высокопоставленныхъ лицъ. Телеграмма о приходѣ поѣзда уже была получена въ Дунди, но поѣздъ не появлялся, когда вдругъ рыбаки, бывшіе на берегу Тея, сообщили начальнику станціи, что на мосту слышенъ былъ взрывъ и виденъ былъ большой столбъ пламени. Начальникъ станціи вмѣстѣ съ машинистомъ пошелъ на мостъ и при свѣтѣ луны они увидѣли, что часть моста обрушилась. Изъ Дунди между тѣмъ отправился на мѣсто происшествія, казенный пароходъ, который вскорѣ и прибылъ къ мосту, (что и изображено на нашемъ рисункѣ). Оказалось, что вся средняя часть моста на протяженіи 3000 ф. исчезла безслѣдно вмѣстѣ съ желѣзными столбами. Только рядъ водоворотовъ указывалъ мѣсто гдѣ пошла ко дну грандіозная желѣзная постройка и весь поѣздъ. На станцію въ Дунди, гдѣ собрались родственники и знакомые безслѣдно погибшихъ несчастныхъ, водолазы сносили пледы, мѣшки, муфты. Рыданія, плачь во всѣхъ углахъ станціи производили потрясающее впечатлѣніе.

Постройка моста окончена была въ февралѣ 1878 года и вскорѣ же на немъ началось движеніе. Онъ состоялъ изъ 85 пролетовъ и возвышался надъ водою почти на 90 футовъ. Теченіе здѣсь очень быстрое и мѣсто открытое. Сооруженіе это считалось торжествомъ инженернаго искусства, по окончаніи работъ королева сама проѣхала по немъ—всѣ восхищались смѣлостью, легкостью и красотою постройки. Тогда еще впрочемъ опытные инженеры говорили, что фундаментъ слишкомъ узокъ (мостъ былъ въ одинъ путь) 17 (29) дек. онъ подвергся сильнѣйшему боковому давленію, ибо буря была такова, что на мостъ ползли на четвереньках и песокъ, и мелкие камни неслись тучами, какъ несется снѣгъ въ мятель. Фирма строителей моста обанкрутилась и теперь обществу не съ кого даже искать убытки, на основаніи гарантій на извѣстный срокъ.

Е. А. Лавровская.

Въ жизни истинныхъ художниковъ, обыкновенные біографическіе пріемы почти не имѣютъ значенія—біографія истиннаго артиста заключается въ томъ вліяніи, которое онъ имѣетъ на развитіе искусства, въ той долѣ творчества, которую онъ вноситъ въ свои созданія.

Къ выдающимся артистическимъ натурамъ вообще и въ особенности по отношенію къ русскому искусству, безспорно, принадлежитъ Елисавета Андреевна Лавровская.

Первоначальное музыкальное образованіе Е. А. получила въ Москвѣ. Съ юнаго возраста замѣчательный, исключительный ея голосъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе—она начала дѣлать быстрые успѣхи; съ весьма хорошею подготовкою для окончанія своего вокальнаго образованія, поступила она въ С.-Петербургскую консерваторію—въ классъ покойной Ниссенъ-Саломанъ. Въ то время уже какъ ея голосъ, такъ и проявленія ея таланта стали обращать на себя вниманіе знатоковъ, посѣщавшихъ ученическіе вечера и экзамены консерваторіи. По обширности діапазона, ровности, по удивительно симпатичному тембру, голосъ Лавровской, можно причислить къ рѣдкимъ, исключительнымъ явленіямъ; при ровности всѣхъ регистровъ, особенно отличались низкія ноты, замѣчательныя своею полнотою и силою.

Будучи еще ученицей консерваторіи, Е. А. Лавровская дебютировала съ громаднымъ успѣхомъ въ „Жизни за Царя" въ роли Вани. Это было событіе въ музыкальномъ мірѣ. Въ отношеніи голосовыхъ средствъ, она сразу стала выше всѣхъ своихъ предшественницъ. Кончивъ курсъ съ большой серебряной медалью, она выступила на сцену. Особенно удалась ей извѣстная партія Ратмира въ „Русланѣ и Людмилѣ" Глинки, гдѣ въ финалѣ 1-го акта ея чудныя, низкія ноты производили потрясающее впечатлѣніе. Арію „Чудный сонъ", она исполняла съ такимъ пламеннымъ увлеченіемъ, съ такою вѣрною, тонкою передачею колорита, что вызывала общій восторгъ и имя Лавровской прославилось достойно и эту славу впослѣдствіи она сьумѣла достойно поддержать въ Европѣ.

Она явилась съ такимъ же успѣхомъ и въ другихъ операхъ и сила ея таланта особенно выразилась въ исполненіи роли Фидесъ въ „Пророкѣ". Тутъ она въ полномъ блескѣ выказала и свои сценическія способности.

Въ полномъ развитіи своего замѣчательнаго голоса и драматическаго таланта она должна была однако оставить сцену—вслѣдствіе какихъ-то недоразумѣній съ театральной дирекціей. Вскорѣ вышла она замужъ за князя Церетелева и петербургская публика могла наслаждаться пѣніемъ знаменитой русской артистки только въ концертахъ. Въ передачѣ произведеній всевозможныхъ стилей, она явилась уже въ полномъ смыслѣ слова артисткой, отличающейся не только голосомъ, но и пониманіемъ и глубокимъ чувствомъ.

Такою артисткою она явилась опять на сценѣ Маріинскаго театра, въ концѣ истекшаго года и въ началѣ нынѣшняго, ангажированная наконецъ на гастроли дирекціею. Сценическій свой талантъ она развила до высокой степени художественности и, смѣло можно сказать, что въ олицетвореніи ею Вани, Ратмира—она создала типы—до сихъ поръ намъ неизвѣстные; а неблагодарную роль княгини въ „Русалкѣ" выдвинула на первый планъ. Голосъ ея по прежнему чистъ и прекрасенъ, хотя и потерялъ нѣсколько въ отношеніи силы нижняго регистра.

Публика наполняетъ театръ биткомъ при каждомъ появленіи Лавровской, положительно—славы русской оперы.

Пароходъ „Норденшильдъ."

Извѣстно, что посланный на розыски шведской экспедиціи Норденшильда, 13 мая нынѣшняго года изъ Мальма, пароходъ г. Сибирякова „Норденшильдъ" сѣлъ на мель близь Іеддо, около 5 Августа. Въ концѣ Августа пришли объ этомъ телеграммы, затѣмъ письма съ разными подробностями, сообщенныя въ Европу ученымъ участникомъ экспедиціи докторомъ Динкельманомъ, которыя давали поводъ опасаться за участь парохода. Но послѣднія извѣстія, полученныя изъ Японіи, даютъ надежду на благополучное возвращеніе его. Русскій консулъ въ Іокагамѣ извѣщаетъ, что пароходъ, въ большую воду сошелъ съ несчастной для него песчаной отмели и отнесенъ теченіемъ за 30 миль выше, гдѣ онъ пока и остается, застигнутый зимою, отличающеюся нынѣ сильными мятелями и волненіями. Экипажъ, который пойдетъ въ Европу, весь въ сборѣ и люди переѣхали изъ Іокагамы на о. Іеддо и расположены вблизи парохода, въ ожиданіи времени, благопріятнаго для плаванія. Г. Сибиряковъ назначаетъ новаго капитана на свой пароходъ, чтобы вывести его опять къ Японіи въ портъ Іокагамы для нѣкоторыхъ исправленій. Какъ только всѣ эти исправленія будутъ окончены, пароходъ съ весной тронется опять въ путь черезъ Берингову проливъ и Ледовитый океанъ, мимо мыса Челюскина, къ Швеціи. Пароходъ „Норденшильдъ" съ весной, когда ледъ разойдется, значитъ, сдѣлаетъ тотъ же путь что и „Вега" только обратно съ востока на западъ. И доказательство возможности сѣвернаго пути, совершеннаго Норденшильдомъ, подтвердится новымъ рейсомъ парохода, названнаго въ честь знаменитаго ученаго его именемъ.

По послѣднимъ извѣстіямъ о профессорѣ Норденшильдѣ онъ на пароходѣ „Вега" уже прибылъ въ Неаполь. Въ опроверженіе всѣхъ слуховъ объ обратномъ путешествіи и отыскиваніи профессора, командиръ „Веги" лейтенантъ Паландеръ въ Сток-

гольмѣ напечаталъ въ норвежской офиціозной газетѣ слѣдующее: „Его Величество король Оскаръ опредѣлилъ, чтобы съ прибытія парохода въ Неаполь, обратный путь профессоръ сдѣлалъ бы по желѣзной дорогѣ и принялъ бы приглашенія, сдѣланныя ему отъ разныхъ географическихъ обществъ (въ Римѣ, Парижѣ, Лондонѣ, Копенгагенѣ). Въ Копенгагенѣ онъ долженъ опять сѣсть на „Вегу“ и ѣхать уже прямо въ Стокгольмъ, гдѣ его ожидаетъ торжественная встрѣча.“

Политическое обозрѣніе.

Порта и Англія.—Болгарія.—Князь Александръ.—Планы Биконсфильда и подготовляемый имъ сюрпризъ.—Его виды на Среднюю Азію.—Франція и Германія.—Гамбетта и радикалы.

Столкновеніе между Англіей и Портой изъ-за миссіонера Келлера и турецкаго муллы Ахмеда-Тевфика, въ настоящее время, уже совершенно улажено. Сэръ Генри Лэйардъ возобновилъ оффиціальныя отношенія съ Портой. Англійскій посланникъ требуетъ, чтобы Ахмедъ-Тевфикъ былъ сосланъ на островъ, населенный исключительно христіанами и чтобы приговоръ надъ нимъ былъ отмѣненъ. Выражая полную готовность удовлетворить требованія Лэйарда, Порта, однако, отвѣчала, что религіозная фетва, которою высказывалось осужденіе муллѣ, не составляетъ судебнаго приговора, а потому и нѣтъ надобности отмѣнять ея.

Въ то же время султанъ сообщилъ англійскому посланнику о своемъ намѣреніи помочь семейству Ахмеда.

Греко-турецкій вопросъ продолжаетъ стоять на точкѣ замерзанія. Посланники убѣждаютъ греческихъ уполномоченныхъ, находящихся теперь въ Константинополѣ, не уѣзжать обратно, но—державы не пришли еще, по этому вопросу, ни къ какому соглашенію между собою. Однимъ изъ главнѣйшихъ заступниковъ Греціи продолжаетъ быть Франція, не смотря на перемѣну министерства. Впрочемъ, за послѣднее время и французское посольство не совсѣмъ въ ладахъ съ Портой. Причиной натянутыхъ отношеній считаютъ какъ вопросъ о назначеніи принца Бидеба губернаторомъ мирдитовъ, но, главнымъ образомъ, вопросомъ о концессіи Мишеля на сооруженіе верфей: текстъ контракта, заключеннаго съ Мишелемъ, не согласенъ съ султанскимъ фирманомъ по этому предмету.

Черногорскій вопросъ, подобно греческому, далеко не улаженъ. Между черногорцами и албанцами происходятъ постоянныя стычки, принимающія иногда размѣры кровопролитныхъ сраженій. По поводу Албаніи мы занесемъ, на этотъ разъ, весьма интересный слухъ, подтверждающій вновь тѣ свѣдѣнія, которыя мы уже сообщали и въ прежнее время—именно, нынѣ опять утверждаютъ, *что отношенія Албаніи къ Италіи болѣе близки, чѣмъ къ какой бы то ни было другой державѣ*. Къ этому также прибавляютъ и слухъ *о вѣроятности соглашенія Италіи съ Россіей относительно будущности Албаніи*. Пока же всѣ эти неурядицы отзываются на положеніи нынѣшняго турецкаго министерства: греко-турецкій и черногорскій вопросы пошатнули положеніе Саида- и Савфета-Пашей. Султанъ опять часто видается съ Хейреддиномъ-Пашей.

Новые выборы въ болгарское національное собраніе назначены на 13-е января, если же они не окончатся въ одинъ день, то будутъ продолжаться до 20-го. Такъ какъ ожидается, въ нынѣшнихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, поѣздка князя Александра въ Петербургъ, то открытіе собранія послѣдуетъ не ранѣе какъ по возвращеніи князя. Ходятъ слухи, что если и на этотъ разъ выборы окончатся торжествомъ либераловъ, то князь самъ отречется отъ престола или предложитъ измѣненіе нѣкоторыхъ статей конституціи. Чего хотятъ, къ чему, въ виду такой случайности, стремятся болгарскіе либералы—трудно понять, какъ трудно понять—въ чью руку они играютъ?!.. Дѣло въ томъ, что они дѣятельно продолжаютъ избирательную агитацію; Каравеловъ предпринялъ, съ этою цѣлью, поѣздку и изберетъ центромъ своей дѣятельности Рущукъ. Относясь къ такимъ поступкамъ либераловъ съ политической точки зрѣнія, мы можемъ сказать только, что въ Лондонѣ, конечно, весьма довольны подобнымъ оборотомъ дѣлъ въ Болгаріи.

Лордъ Биконсфильдъ готовитъ, по своему обыкновенію, эффектный сюрпризъ для слѣдующей сессіи парламента. Объ этомъ пишутъ теперь изъ Лондона. Каковъ можетъ быть сюрпризъ этотъ, въ чемъ можетъ заключаться... По слухамъ—онъ относится къ „матеріальнымъ гарантіямъ турецкихъ реформъ“, которыхъ британскій премьеръ твердо рѣшился добиться отъ султана. Чего же еще потребуетъ „Диззи“ отъ султана, что еще онъ сдѣлаетъ, чтобы доказать Турціи, насколько его политика, его „дружба“ опаснѣе для нея политики Россіи! Мы уже не разъ указывали читателямъ то, что ясно можно видѣть изъ самыхъ биконсфильдовскихъ пріемовъ, не разъ уже говорили, что онъ прямо стремится къ завладѣнію. Иностранная пресса весьма богата, въ настоящую минуту, указаніями, въ родѣ того, что Англія раздѣлитъ Турцію между собою съ Австріей; этой послѣдней она предоставитъ европейскую часть, къ чему уже положено весьма основательное, солидное начало, а азіятскія провинціи „приметъ подъ свое покровительство,“ такъ какъ по словамъ людей, близко знающихъ Биконсфильда, *онъ поставилъ себѣ цѣлью утвердить англійское вліяніе въ Средней Азіи*, кратчайшемъ пути въ Индію.

Иначе говоря—предпріимчивый министръ королевы-императрицы Викторіи рѣшилъ игнорировать насъ и интересы наши тамъ именно, гдѣ они коренятся глубже, чѣмъ гдѣ либо...

За Афганистанъ англичане держатся крѣпко, не смотря на всю трудность положенія своего тамъ. Предполагается, или лучше сказать, предпринимается экспедиція на Гератъ, которою будетъ руководить генералъ Робертсъ. На мѣсто его назначается генералъ Уэльслей, доблестно закончившій дѣло порабощенія зулусовъ, но не сломившій совершенно боэровъ. Эти, обдѣланные въ англійскую оправу, голландцы не унимаются до сихъ поръ, оказывая, то въ томъ то въ другомъ, пассивное сопротивленіе навязанной имъ зависимости. Уэльслей арестовалъ бывшаго президента Трансваальской республики Преторіуса, что возбудило большое волненіе между боэрами.

Отношенія между Франціей и Германіей продолжаютъ быть вполнѣ мирными. На пріемѣ въ первый день новаго года, императоръ Вильгельмъ произнесъ небольшую рѣчь, истолкованную вообще въ мирномъ смыслѣ. Кромѣ того, французское правительство, зная, насколько нынѣшній французскій посланникъ при германскомъ правительствѣ, графъ де С. Валлье, пріятенъ императору и популяренъ въ Берлинѣ, старается удержать его на занимаемомъ имъ посту. Извѣстно, что С. Валлье, съ перемѣной министерства, подалъ въ отставку.

Французскіе радикалы обнаруживаютъ открытое недовольство Гамбеттой, вожаки партіи прямо уговариваютъ избирателей этого оттѣнка не подавать голосовъ своихъ за него.

Разныя извѣстія.

Электрическая лампа Эдиссона. Одинъ знакомый знаменитаго Эдиссона пишетъ въ Нью-Іоркской газетѣ: „Не такъ давно я по обыкновенію посѣтилъ изобрѣтателя, который показалъ мнѣ патенты, только что имъ полученные изъ Вашингтона. Это первое важное пріобрѣтеніе, которымъ можетъ гордиться Эдиссонъ. Оба новые патента на возстановленіе электрическаго освѣщенія и на регулированіе электрическаго тока при входѣ его въ свѣтильникъ уничтожаютъ существенныя затрудненія, встрѣчавшіяся до сихъ поръ при усовершенствованіи этаго освѣщенія. Учеными было признано невозможнымъ распредѣленіе по многимъ направленіямъ электрическаго тока, добываемаго изъ одной центральной машины, такъ какъ перерывами ослаблялась бы значительная сила тока, долженствующая накалить проволоку до бѣла. Этотъ недостатокъ ясно обнаруживается при англійскихъ лампахъ съ углями, но при „платиновой лампѣ“ Эдиссона онъ совершенно устраняется. Въ лампѣ Эдиссона важенъ такъ называемый „термостатическій регуляторъ“, который увеличеніемъ или уменьшеніемъ тока черезъ проволоку или платиновую пластинку, контролируетъ источникъ свѣта. Лампа Эдиссона устроена для силы обыкновеннаго тока, но какъ только токъ увеличивается и проволока значительно согрѣвается, вслѣдствіе чего и начинаетъ удлинняться и двигать плотно къ ней прилегающій рычагъ, который совсѣмъ или частью разъединяетъ накаленную проволоку съ токомъ и черезъ это самобытное регулированіе препятствуетъ сильному нагрѣванію или прекращенію тока. Главная сила изобрѣтенія заключается въ непрерывномъ накаливаніи. Второй патентъ относится до вышеупомянутаго распредѣленія тока по различнымъ лампамъ, что производится помощью регулятора. Какъ выше сказано, масса тока отъ удлинненія проволоки пресѣкается, и при помощи извѣстнаго приспособленія направляется по другому пути и доставляетъ слѣдующей лампѣ количество тока, достаточное для накаливанія проволоки; такимъ же способомъ токъ проникаетъ далѣе, пока сила его не истощится зажиганіемъ извѣстнаго количества лампъ. Остается Эдиссону замѣнить теперь имъ употребляемую машину болѣе дешевымъ аппаратомъ, выдѣляющемъ электричество. А затѣмъ, при достигнутыхъ уже результатахъ распредѣленія и непрерывности тока, вся задача будетъ разрѣшена. Дальнѣйшій обзоръ лабораторіи и машинъ ознакомилъ меня ближе съ успѣхами, достигнутыми Эдиссономъ. Новѣйшая форма лампъ Эдиссона ничѣмъ въ сущности не отличается отъ обыкновенныхъ газовыхъ лампъ, съ половиннымъ колпакомъ. Проволока, доставляющая электричество, можетъ быть пропущена въ трубы, ведущія газъ въ дома. На нижнемъ концѣ лампы находится въ горизонтальномъ положеніи колесо. Если его повернуть направо, то появляется прекрасное бѣлое пламя, если же отвернуть колесо совершенно, то свѣтъ будетъ въ 25 разъ сильнѣе газа. Въ противоположность свѣту, добываемому черезъ уголь, свѣтъ отъ воспламеняющейся проволоки бываетъ постоянно чистъ. Эдис-

(Продолженіе на стр. 65, 66, 67 и 68).

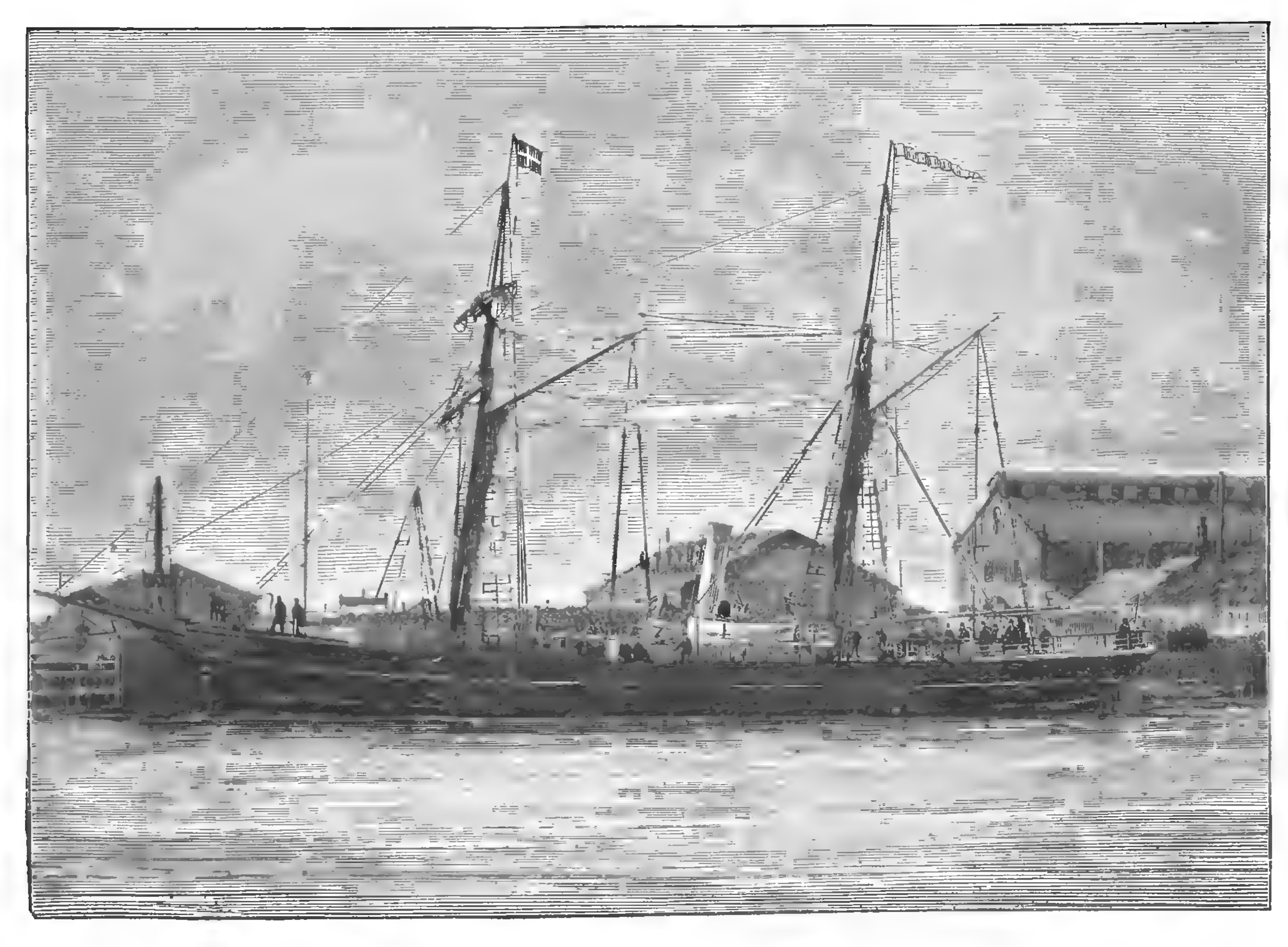
сонъ надѣется добывать 95% свѣта и только 5% теплоты, что было бы величайшимъ удобствомъ во время лѣта. Пламя или вѣрнѣе сказать сіяніе, можетъ быть увеличено и уменьшено по произволу. Машина, употребляемая теперь Эдиссономъ, въ 3 лошадиныхъ силы, доставляетъ токъ 18 лампамъ. развѣшаннымъ по стѣнѣ, на бронзовыхъ ручкахъ. Около каждой лампы, подъ стеклянной пластинкой, прикрѣпленъ вышеописанный регуляторъ теплоты. Обыкновенная мѣдная проволока служитъ проводникомъ тока. Каждая лампа можетъ быть зажжена и потушена независимо отъ прочихъ. Что же касается до установки электрическихъ машинъ въ центральномъ пунктѣ, то дальнѣйшій опытъ укажетъ, удобнѣе ли будетъ употребленіе большихъ машинъ, или по нѣскольку малыхъ. По всей вѣроятности предпочтутъ устанавливать небольшія машины, группами отъ 8 до 10-ти на каждомъ изъ центральныхъ пунктовъ.

Необыкновенное явленіе. Нерѣдко въ животномъ царствѣ встрѣчаются тѣлесныя ненормальности, представляющія непонятный капризъ природы, и возбуждающія общее удивленіе, какъ напр. извѣстный двуголовый теленокъ, Сіамскіе близнецы и т. п. Точно также бываютъ умственныя ненормальности, поистинѣ чудесныя, неподдающіяся научнымъ изслѣдованіямъ. Къ такимъ ненормальностямъ пожалуй можно отнести всѣхъ геніальныхъ людей. Въ настоящее время къ такимъ исключительнымъ феноменамъ причислить слѣдуетъ нѣкоего Морица Франкля, маленькаго пятилѣтняго счетчика, одареннаго необычайными математическими способностями. Не отличающійся ничѣмъ отъ обыкновеннаго ребенка, кромѣ большей живости и понятливости, Морицъ Франкль, на почвѣ цифръ представляетъ нѣчто по-истинѣ удивительное.

Маленькій Франкль самыя даже цифры знаетъ еще не совсѣмъ удовлетворительно. Онъ не обладаетъ и хорошей памятью на цифры, но онъ можетъ считать и считать именно только въ умѣ, не на бумагѣ, какъ-то инстинктивно находя съ поразительною скоростью вѣрныя рѣшенія. Морицъ Франкль не умѣетъ ни читать ни писать. По предписанію докторовъ онъ пока ничему не учится, кромѣ нѣкоторыхъ пріемовъ счета; пониманіе которыхъ такимъ мало развитымъ ребенкомъ уже само по себѣ поразительно. Задачи, которыя онъ разрѣшаетъ не задумываясь въ четыре, пять или шесть секундъ, напр. слѣдующія: 17.983,698×87? Сколько дней, часовъ, минутъ и секундъ въ 43, 47, 51 и 66 годахъ? Какъ относится 2 къ 20. Какой кубическій корень 260.917,119? Если выстрѣлить изъ орудія 23 марта

Е. А. Лавровская (Въ роли княгини, въ оперѣ „Русалка“). Съ фотогр. грав. Ригульскій.

Пароходъ г. Сибирякова, „Норденшильдъ.“ Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

въ 12 часовъ дня, то снарядъ, пролетая по 7 миль въ часъ, сколько сдѣлаетъ миль къ 18-му декабря къ 12 часамъ дня? Всѣ эти и подобныя имъ задачи разрѣшались малюткой сразу безъ малѣйшаго затрудненія.

Морицъ Франкль родился въ Фюнфкирхенѣ, въ Венгріи, отъ бѣднаго портнаго. Никто раньше его въ семьѣ не отличался особенными умственными качествами и родители о его способностяхъ узнали случайно. Получивъ деньги, маленькій Франкль отправился однажды въ лавку купить что-то, но засталъ лавочника занимающагося вписываніемъ годоваго своего оборота. Не обращая вниманія на маленькаго покупщика, торговецъ продолжалъ диктовать своему помощнику цифры и кончивши, былъ пораженъ замѣчаніемъ ребенка: „это составитъ 7,349 гульденовъ 85 крейцеровъ.“ Въ недоумѣніи смотрѣлъ торговецъ на мальчика; дѣйствительно эта сумма должна была стоять въ итогѣ. На вопросъ откуда онъ это знаетъ, отвѣтилъ,—„я сосчиталъ.“ Такъ скоро? Да, такъ скоро, это очень легко. Торговецъ не вѣря своимъ ушамъ, сдѣлалъ еще нѣсколько вопросовъ и убѣдившись, что передъ нимъ какой-то необыкновенный ребенокъ разсказалъ объ этомъ родителямъ маленькаго Франкля. Вскорѣ черезъ Фюнфкирхенъ проѣзжалъ математикъ докторъ Гонигъ изъ Вѣны. Ему указали на мальчика, онъ началъ его испытывать, заинтересовался имъ и съ этихъ поръ началось тріумфальное шествіе маленькаго феномена по большимъ городамъ Австріи и Венгріи, откуда будетъ затѣмъ предпринято путешествіе въ Англію и Америку.

Эта поразительная способность ребенка, это исключительное, единичное явленіе, эта игра природы представляетъ богатый матеріалъ и задачу для философовъ, психологовъ и медиковъ.

Память. Извѣстный ученый Делано собралъ интересныя данныя о памяти. Низшія расы, негры, китайцы и др. пользуются лучшей памятью, чѣмъ народы стоящіе на высшей ступени цивилизаціи. Первобытные народы, которымъ письменность не была извѣстна, обладали неимовѣрной памятью; преданія, пѣсни и гимны,—обширные какъ библія, передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Учителямъ и суфлерамъ извѣстно, что женщины обладаютъ лучшей памятью нежели мужчины. Въ молодости память живѣе нежели въ зрѣломъ возрастѣ. На 14—15 году жизни она достигаетъ своего максимума; далѣе начинаетъ ослабѣвать. У слабыхъ лимфатическихъ субъектовъ она сильнѣе чѣмъ у крѣпкихъ. Ученики, отличающіеся хорошей памятью, принадлежатъ главнымъ образомъ къ первой категоріи. Ученики-парижане отличаются болѣе слабой памятью, чѣмъ прибывшіе изъ провинціи. Въ Нормальной школѣ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Парижа воспитанники отличающіеся хорошей памятью не принадлежатъ къ способнѣйшимъ. У крестьянъ память лучше чѣмъ у горожанъ. У священниковъ лучше—чѣмъ у міранъ. При страданіяхъ лѣваго полушарія мозга память не измѣняется, но значительно понижается при болѣзни праваго полушарія.

Съ физіологической точки зрѣнія—память ослабѣваетъ отъ неумѣренной пищи, физическихъ упражненій и обученія грамотѣ—у неграмотныхъ память свѣжѣе и сильнѣе. У всѣхъ людей память болѣе дѣйствуетъ утромъ, нежели вечеромъ, лѣтомъ болѣе, нежели зимою, въ тепломъ лучше—нежели въ холодномъ климатѣ.

Вредныя свойства кислорода. Что кислородъ необходимъ для жизни—это знаетъ каждый, это истина, доказанная давно. Мы очищаемъ комнатный воздухъ, испортившійся вслѣдствіе поглощенія изъ него кислорода легкими и большаго содержанія углекислоты, безусловно вредной для дыханія. Мы остаемся очень благодарны деревьямъ, поглощающимъ, при дѣйствіи солнечнаго свѣта, углекислоту и разлагающимъ ее на составныя части, кислородъ и углеродъ, съ выдѣленіемъ перваго, необходимаго для насъ газа. Казалось бы, что чѣмъ больше кислорода въ окружающей атмосферѣ, тѣмъ лучше.

Но такое заключеніе слишкомъ поспѣшно: этотъ газъ, достигнувъ извѣстнаго давленія, начинаетъ уже не благопріятствовать развитію жизни, а вредить ей, разстраивать и даже прекращать совсѣмъ; при этихъ условіяхъ онъ убиваетъ живыя существа и растенія.

Поль Бертъ, французскій ученый, замѣтилъ это, занимаясь изслѣдованіями барометрическаго давленія въ связи съ существованіемъ живыхъ существъ и опредѣлилъ тѣ давленія, подъ которыми кислородъ дѣйствуетъ отрицательно, не поддерживая, а разрушая жизнь. Онъ опредѣлилъ, когда кислородъ начинаетъ вредить прозябанію растеній, уменьшать количество выдыхаемой углекислоты въ данное время животными или ихъ тканями, отдѣленными отъ тѣла. Именно, растительность прекращается подъ давленіемъ трехъ атмосферъ; разстройства въ животныхъ организмахъ начинаются, по его изслѣдованіямъ, при шести атмосферахъ.

Недавно представлена была во французскую академію наукъ записка. Вотъ въ краткихъ словахъ сущность ея содержанія.

Какъ извѣстно, въ нашей крови, какъ и въ крови прочихъ животныхъ, плаваетъ безчисленное множество красныхъ и безцвѣтныхъ кровяныхъ шариковъ. Первые обязаны своей окраской особому веществу, въ нихъ заключающемуся, именно „гемоглобину“. Это соединеніе отличается большимъ химическимъ сродствомъ съ кислородомъ и, соединяясь съ нимъ, дѣлается ярко-краснымъ, пропорціонально количеству поглощеннаго такимъ образомъ газа. Его можно назвать поэтому кислородо-гемоглобиннымъ соединеніемъ.

Анатомическіе элементы, нуждающіеся въ кислородѣ, разлагаютъ его соединенія.

При условіяхъ обыкновеннаго давленія—въ крови нѣтъ свободнаго раствореннаго кислорода, а есть только кислородъ, соединенный съ гемоглобиномъ. Но если какое-либо живое существо дышетъ въ сжатомъ воздухѣ или въ атмосферѣ, болѣе богатой кислородомъ, чѣмъ обыкновенная,—то гемоглобинъ все болѣе и болѣе начинаетъ приближаться къ предѣлу своего насыщенія кислородомъ, достигаетъ его, наконецъ, и даже превосходитъ. Въ послѣднемъ случаѣ, въ крови сказывается уже свободный растворенный кислородъ.

Съ этого момента начинаются болѣзненные припадки, усиливающіеся по мѣрѣ увеличенія давленія или количества кислорода.

Такимъ образомъ, растворенный кислородъ гибеленъ для анатомическихъ элементовъ; они живутъ только на счетъ кислорода, уже представляющаго соединеніе, живутъ, возстановляя сильно окисленное вещество. Поэтому для всѣхъ живыхъ существъ и анатомическихъ тканей можетъ быть установлено общее правило: *газообразный и растворенный кислородъ не можетъ поддерживать жизни.*

Для того, чтобы вполнѣ исчерпать разбираемое явленіе—остается рѣшить вопросъ, какимъ химическимъ процессомъ обусловливается смерть отъ кислорода. Но при настоящемъ развитіи химіи, хотя и значительномъ, трудно, если не невозможно, отвѣтить на него.

Телеграфная проволока изъ аллюминія. Металлъ, извѣстный подъ названіемъ аллюминія, вдвое лучшій проводникъ электричества чѣмъ желѣзо и вслѣдствіе его значительной растяжимости, изъ него можетъ быть вытянуто гораздо болѣе проволоки, чѣмъ изъ желѣза того же вѣсу и проволоки болѣе тонкой. Противъ употребленія аллюминія для телеграфовъ есть одно только обстоятельство—его дороговизна; но теперь уже найдено болѣе дешевое соединеніе изъ желѣза и аллюминія, которое можетъ быть растянуто въ болѣе тонкія нити чѣмъ одно желѣзо. Для военныхъ переносныхъ телеграфовъ, какъ лучшій проводникъ и вслѣдствіе меньшаго вѣса при перевозкѣ, такая проволока должна пріобрѣсть большое значеніе.

Воздушная экспедиція къ сѣверному полюсу. Лондонскій лордъ-мэръ принималъ 7 января депутацію отъ Лондонскаго центральнаго сѣвернаго комитета по предмету предстоящей экспедиціи къ сѣверному полюсу. Капитанъ Егене заявилъ, что экспедиція со всѣми приспособленіями, паровыми машинами, санями и аэростатами можетъ обойдтись около 30 тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Нѣкоторые члены парламента говорили по поводу этаго предпріятія. М-ръ Коквель говорилъ, какимъ образомъ предназначаемыми для путешествія аэростатами управлять. Лордъ-мэръ предложилъ помѣщеніе, для обсужденія предстоящей экспедиціи на публичномъ митингѣ, и замѣтилъ, что англичане конечно съ удовольствіемъ увидятъ свой флагъ первымъ, развѣвающимся на сѣверномъ полюсѣ.

Магическіе квадраты.

Задача № 8.

а	а	а	а
е	к	к	к
к	м	о	р
р	р	я	я

Задача № 10.

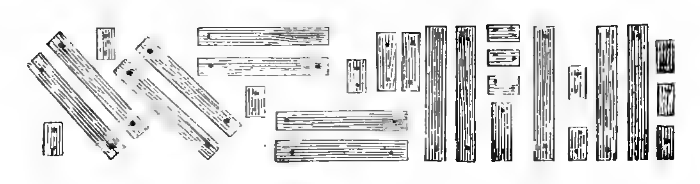
а	а	а	а	а
а	а	а	а	а
б	д	е	е	к
к	н	н	н	н
п	р	р	р	т

Задача № 9.

а	а	а	г
г	п	р	р
р	р	т	т
у	у	у	у

Задача № 7.

Изъ этихъ обрѣзковъ требуется составить два слова.

Ходъ короля. Задача № 11.

				умъ	силы	ло-	че-				
			лѣни-	кровь	вѣ-	ются	ки-	я			
			хо-	вѣс	ша	чес-	пѣкь-	но			
		дой-	ка	лод-	кой	мень	слыш	подъ	кесъ		
	ду	мо-	чиз-	нѣй	у	кро-	не	ко	слу-	до-	
	ги-	до	мать	от-	ви	годъ	то-	рымъ	ха	до	
	лы	не	дож-	шксь	пи	и	я	е-	ди	ный	
	ды	бо-	сво-	дав-	слезъ	что	звукъ	лень-	се-	го	
	ей	тво-	сто-	ишь	ты	я	ви-	дить	на-	род-	
лалъ	же-	ко	что	на	что	харь	ва-	вед	теръ	вѣ-	бы
бы	у	я	вѣр-	ти	па-	твой	по-	сѣ-	рен-	впе-	что
и	знать	ми-	ра-	номъ	пу-	ля	за-	ный	день	ре-	ди

Шашечная задача № 6.

П. Г.

Черныя.

			30		31		32
		26		27			
	21		22		23		
		18		19		20	
					15		
9		10		11		12	
					7		
1		2		3		4	

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и выигрываютъ—какими ходами?

Издатель **А. Ф. Мврксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.

„НИВА"

1878 года. И **1879** года.

Каждый томъ заключаетъ въ себѣ 30—40 повѣстей и разсказовъ, большіе романы—историческіе и изъ современной жизни—отъ 700—2000 рисунковъ, гравюръ и чертежей и приложеніе „Парижскія моды" съ выкройками. Помѣщенные въ каждомъ томѣ повѣсти, романы и разсказы въ отдѣльной продажѣ стоили бы болѣе 20 рублей, не считая еще массы статей и очерковъ по всѣмъ отраслямъ наукъ, искуствъ и современной жизни и проч. Каждый покупатель тома „Нивы" имѣетъ право на полученіе всѣхъ приложенныхъ къ нему безплатныхъ премій. Приложенія къ „Нивѣ" 1878 года **„Бояринъ Борисъ Годуновъ и кудесники, предсказывающіе ему царствованіе"** и **„Царь Борисъ Годуновъ и его дѣти"**, двѣ, прекрасно отпечатанныя красками, картины А. Кившенко. Премія „Нивы" 1879 года—двѣ большія, великолѣпныя, печатанныя красками въ 20 тонахъ, картины съ акварелей профессора К. Е. Маковскаго: **„Мининъ въ Нижнемъ, призывающій народъ къ пожертвованіямъ"** и **„Воскресный вечеръ въ Малороссійской деревнѣ".**

ЦѢНА КАЖДОМУ ТОМУ Т. Е. ГОДОВОМУ ИЗДАНІЮ СЪ ПРЕМІЯМИ.

Брошюрованному:	Въ простомъ перепл.	Въ каленкор. перепл.
Безъ перес. **4** р. — к.	Безъ перес. **4** р. **75** к.	Безъ перес. **5** р. **50** к.
Съ перес. **5** „ **50** „	Съ перес. **6** „ **25** „	Съ перес. **7** „ – „

Пріобрѣтающіе оба тома разомъ получаютъ 25% уступки, (но только съ книги, а не съ переплета или пересылки).

Дозволено цензурою СПБ. 18-го января 1880 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. Веллинга, Англ. пр. № 10.

XI годъ — № 4 — годъ XI — 1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6–10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 модн рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 26 Января 1880 г.

Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Князь В. А. Долгоруковъ.

Князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ принадлежитъ къ одной изъ древнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ русскихъ фамилій, насчитывающей въ числѣ своихъ предковъ много доблестныхъ и послужившихъ отечеству гражданъ.

Воспитаніе свое В. А. Долгоруковъ получилъ въ Школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ и произведенъ въ корнеты 14 апрѣля 1829 г., поступивъ въ Л.-гв. конный полкъ; черезъ два года, именно въ 1831 году, князь уже принималъ участіе въ походахъ противъ польскихъ мятежниковъ, и по окончаніи компаніи съ 1833 года назначенъ адъютантомъ къ тогдашнему военному министру, генералъ-адъютанту князю Чернышеву и въ томъ же году 28 января произведенъ въ поручики. Послѣ нѣкотораго промежутка, во время котораго князь былъ занятъ исполненіемъ разныхъ командировокъ и порученій и удостоился, кромѣ полученія знаковъ отличія, и Высочайшаго благоволенія, В. А. снова

Московскій генер. губерн. Князь В. А. Долгоруковъ. Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

началъ чисто-военную, боевую жизнь на Кавказѣ; съ 1836 по 1838 годъ принималъ участіе въ походахъ противъ горцевъ; за военныя отличія былъ въ 1837 году произведенъ въ штабъ-ротмистры. Командированный по Высочайшему повелѣнію въ Мюнхенъ для представленія Его Величеству королю Баварскому образцовъ употребляемаго въ нашихъ войскахъ огнестрѣльнаго и холоднаго оружія и нѣкоторыхъ комиссаріатскихъ вещей, онъ пожалованъ былъ Его королевскимъ Величествомъ орденомъ Баварской короны: 26 марта 1839 г. Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ Станислава 2-ой степени а 30 марта 1841 г. произведенъ на ваканцію ротмистромъ. Въ 1844 году князь В. А. произведенъ въ полковники и назначенъ для особыхъ порученій къ военному Министру. Назначенный въ 1847 году вицедиректоромъ провіантскаго Департамента, онъ 30 апрѣля того же года получилъ званіе флигель-адъютанта. Въ 1848 г. назначенъ генералъ-прові-

антмейстеромъ Военнаго Министерства, съ производствомъ въ генералъ-маіоры и съ назначеніемъ въ свиту Его Величества. Въ 1851 году пожалованъ орденомъ Св. Станислава 1-ой степени, а 22 августа того же года орденомъ Св. Анны 1-ой степени, затѣмъ въ 1854 году орденомъ Св. Владиміра 2-ой степени, онъ 19 апрѣля 1855 года назначенъ генералъ-адъютантомъ, получивъ 22 августа знакъ XXV-тилѣтней безпорочной службы. Въ 1857 году 30 августа, князь В. А. сдѣланъ генералъ-лейтенантомъ: въ 1864 году Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ Св. Александра Невскаго а въ слѣдующемъ году 30 августа, назначенъ уже Московскимъ генералъ-губернаторомъ.

14 апрѣля истекшаго года князь Владиміръ Андреевичъ праздновалъ 50-тилѣтній юбилей своего служенія въ офицерскихъ чинахъ.

Въ продолженіи этаго, столь долгаго періода, В. А. постоянно твердо и неотступно шелъ впередъ, причемъ каждый успѣхъ по службѣ покупался имъ цѣною строгаго, точнаго и добросовѣстнаго исполненія возлагавшихся на него обязанностей и порученій.

Главная его дѣятельность принадлежитъ Москвѣ. Здѣсь достигаетъ онъ высшихъ почестей и оказываетъ заслуги, которыя и были вполнѣ оцѣнены москвичами, 5 лѣтъ тому назадъ всѣми сословіями, учрежденіями, когда праздновался 10-тилѣтній юбилей генералъ-губернаторства князя Владиміра Андреевича въ Москвѣ. Онъ пріобрѣлъ глубокія, искреннія чувства любви и симпатіи всѣхъ сословій первопрестольной столицы. Его доступность, его всегдашняя готовность оказать помощь и покровительство каждому полезному начинанію, каждому благому дѣлу, извѣстны всѣмъ. Всегда спокойно, но твердо, всегда слѣдуя неуклонно долгу своей службы, онъ умѣлъ все устранять и держать вмѣстѣ съ тѣмъ въ строгомъ порядкѣ.

Иванъ да Марья.

Повѣсть

А. А. Потѣхина.

(Продолженіе).

VII.

Братъ Маши, Константинъ Яковлевичъ, не имѣлъ прикащика и самъ стоялъ за буфетомъ, а когда другія дѣла отвлекали его изъ трактира, мѣсто его занимала супруга, Меланья Федоровна. Она была опытна въ дѣлѣ буфета, потому что, послѣ перваго мужа, вплоть до втораго замужества, самолично завѣдывала трактиромъ и вела торговлю. Меланья Федоровна, стоя за буфетомъ, еще лучше мужа распоряжалась дѣломъ: была привѣтливѣе, веселѣе и строже его, что посѣтителямъ очень нравилось. Не стѣсняясь слушала она ругательства, крикъ, гамъ и ухарскія пѣсни фабричныхъ, но во время, строго и рѣшительно умѣла прекращать ссоры и драки. Машу, послѣ деревенской тишины и уединенія, очень интересовала шумная, многолюдная и подвижная трактирная жизнь, и каждый разъ какъ Меланья Федоровна становилась за буфетъ, она являлась туда же съ предложеніемъ помочь сестрицѣ. Константинъ Яковлевичъ, узнавши объ этомъ, сначала было усумнился, будетъ ли прилично стоять за буфетомъ его сестрѣ, дочери Якова Захарыча, имѣвшей претензіи выдти за благороднаго человѣка и высказалъ это сомнѣніе супругѣ, но Маланья Федоровна обидѣлась и задала супругу окрикъ: „что, она-то, сама, хуже что ли ея? и развѣ что пристанетъ къ ней? Опять же она сама, Маланья Федоровна, тутъ: не одну дѣвушку поставили; и если бы что случилось для дѣвицы очень безобразное, такъ, вѣдь, она и вышлетъ ее. Наконецъ какъ же и жениха ей найти, коли прятать ее и держать безвыходно взаперти въ своихъ комнатахъ“. Константинъ Яковлевичъ тотчасъ же уступилъ, и дѣло обошлось такъ, что Меланья Федоровна, замѣтивши сноровку, ловкость и расторопность Маши, частенько стала оставлять ее за буфетомъ одну.

Не разъ, стоя за прилавкомъ, Маша замѣчала молодаго, красиваго парня, который являлся въ трактиръ всегда съ гармоніей въ рукахъ, и въ сопровожденіи толпы рабочихъ, на которыхъ имѣлъ видимое вліяніе. Рабочіе садились туда, куда онъ указывалъ, смотрѣли ему въ глаза, слушали когда онъ говорилъ, съ увлеченіемъ хохотали, когда онъ разсказывалъ что нибудь смѣшное; онъ всегда начиналъ и запѣвалъ пѣсни. Это былъ Иванъ. Нерѣдко заходили въ трактиръ фабричныя женщины, и тутъ Маша замѣтила, что всѣ онѣ больше или меньше интересовались молодымъ парнемъ и старались обратить на себя его вниманіе, но что онъ самъ ко всѣмъ относился, если не презрительно, то свысока и равнодушно. Маша догадывалась, что это былъ баловень и любимецъ женщинъ, одинъ изъ тѣхъ гордыхъ, балованныхъ красавцевъ, о которыхъ бывало мечтала поповна—только не въ видѣ петербургскаго франта, а въ образѣ простаго фабричнаго работника. Какъ-то случалось, безъ умысла, а можетъ быть и не безъ намѣренія, что Иванъ садился всегда на виду у Маши и она вскорѣ замѣтила, что онъ на нее пристально посматриваетъ: ясно, что и онъ обратилъ на нее вниманіе. Иногда, какъ бы случайно, оборотясь лицомъ въ ту сторону, гдѣ была Маша, и тихо наигрывая на гармоніи, онъ пѣлъ въ полголоса заунывную пѣсню, и Маша охотно къ ней прислушивалась. Взгляды ихъ все чаще и чаще стали встрѣчаться и каждый разъ при этомъ Маша чувствовала, что краснѣетъ и опускаетъ глаза. Наконецъ однажды Иванъ, оставивши веселую кампанію, съ которою пилъ чай, быстро всталъ съ мѣста и совершенно неожиданно подошелъ къ буфету, за которымъ въ эту минуту Маша стояла одна.

— Дозвольте стаканчикъ водочки... сказалъ Иванъ, пристально взглядывая на буфетчицу.

Маша закраснѣлась, торопливо схватила графинъ съ водкой и несовсѣмъ твердой рукой налила стаканъ.

Иванъ выпивалъ водку медленно, не спуская глазъ съ Маши. Она напротивъ смотрѣла въ сторону, хмурилась и старалась придать своему лицу строгое, даже гордое выраженіе.

— Экая водка сегодня у васъ чудесная! проговорилъ Иванъ, держа стаканъ въ рукахъ и ожидая, чтобы Маша приняла его.

Марья ничего не отвѣчала и не брала стакана.

— Извольте получить... стаканчикъ... настаивалъ Иванъ, протягивая руку.

— Поставь... Съ чего еще это... сердито отвѣтила Марья.

— Я говорю, отчего-йто это сегодня водка какая скусная?.. ровно отмѣнная какая?..

— Ничего отмѣннаго нѣтъ... завсегда одна... отвѣчала Марья, все также строго и сухо.

— Ну, это, значитъ, отъ подносильщицы... отъ легкаго сердца, видно, подносите...

Маша невольно слегка улыбнулась.

— Это бываетъ... Что вы думаете?.. У инаго легкая рука и что ни сдѣлаетъ, чего ни подастъ—все въ удовольствіе другому бываетъ, а иной ровно все на зло, на погибель, али въ непріятность человѣку... Нѣтъ, это видать сейчасъ, что душа у васъ самая добрая и рука легкая... И взглядъ у васъ такой... жалостливый... даже до самаго до сердца доходитъ... Такъ бы все и смотрѣлъ на васъ...

— Ну-ка, что еще за разговоры завелъ... строго сказала Маша, хмуря брови, но вся красная отъ внутренняго волненія. Заплати деньги да и ступай въ свое мѣсто... въ свою кампанію...

— Эхъ, знаю я, что гнушаетесь вы моими рѣчами и въ свою кампанію не примете... да рѣчи-то мои отъ самаго отъ сердца... Говорилъ бы съ вами, сытъ не наговорился.. И то ужъ больше мѣсяца, поди, хожу сюда ежедень, послѣднія деньги извожу, только бы посмотрѣть на васъ... Войдешь, да за стойкой-то васъ увидишь,

точно Христовъ праздникъ встрѣтишь. даже все сердце такъ и встрепехнется, ровно птичка передъ солнышкомъ...

Иванъ говорилъ эти слова вполголоса, сопровождая ихъ глубокими вздохами, и роясь въ кошелькѣ, какъ будто искалъ въ немъ деньги. Маша ничего не отвѣчала и показывала видъ, какъ будто не слушаетъ его, хотя слышала все, до послѣдняго слова. Ей было и странно, и досадно, и даже обидно слушать такія рѣчи отъ простаго фабричнаго рабочаго, и въ то же время она чувствовала, что онѣ радуютъ, пріятно волнуютъ ее. Она теряла уже власть надъ собой: не могла заставить себя притворяться серьезной, сердитой и обиженной; старалась уже только о томъ, чтобы не выдать своего смущенія, показать, что она не слышитъ, что онъ говоритъ ей. Но Иванъ былъ человѣкъ опытный въ обращеніи съ женщинами, хоть не съ такими, правда, попроще, но основательно думалъ, что всѣ онѣ на одинъ покрой, имѣй только снаровку къ которой какъ подойти. Съ одной—чѣмъ грубѣе, тѣмъ она ласковѣе, чѣмъ больше отъ нея отворачиваешься, тѣмъ крѣпче она липнетъ; передъ другой нужно прикинуться ягненочкомъ, ласковыя да жалостныя слова ей говорить, походить да и походить за ней: не гляди, что будто она сердитая, да отворачивается.

— Извольте получить денежки, Марья Яковлевна, сказалъ онъ, нарочно подавая рублевую бумажку, чтобы получить сдачу и подъ этимъ предлогомъ еще постоять у буфета. Вѣдь, вы сестрица приходитесь Константину-то Яковлевичу?..

— Извѣстно, сестра... Что же?.. проговорила Маша, высчитывая Ивану сдачу.

— Значитъ, Якова Захарыча дочка... И родителя вашего довольно знаемъ: хоть мы и не вашей вотчины были, чужой, а сусѣди: всего верстахъ въ 5 отъ усадьбы-то вашей наша деревня... Тоже въ Мамаиху когда и гулять ходимъ... Видалъ я васъ тамъ и запрежъ того... Извѣстно, вы все равно, что на господскомъ положеніи живете, нашему брату къ вамъ подойти не придется... А все, хоть издальки да посмотришь: нарокомъ, бывало, ходили по праздникамъ, посмотрѣть-то на васъ... Вамъ, извѣстно, и не въ примѣту...

— Вотъ твоя сдача: получи... Вотъ и Маланья Федоровна идетъ, сестрица...

Иванъ взялъ сдачу и не поднимая глазъ, не взглянувши на Машу, отошелъ отъ буфета. Онъ понялъ, что Маша предупреждаетъ о приходѣ невѣстки не безъ умысла и очевидно для того, чтобы устранить всякое подозрѣніе, и былъ очень этимъ доволенъ.

— Значитъ, желаетъ! подумалъ онъ: подходи, да только во время и чтобы никому не въ догадку... Это мы довольно понимаемъ!.. Знамо, опасится: наши фабричныя дѣвки, тѣ ничего, коли парни пристаютъ, не стыдятся, а еще въ похвалу себѣ ставятъ..: Ну, а эта, извѣстно, въ родѣ какъ барышня себя почитаетъ, опасится... А ничего, можно!.. Вовсе не гнушается, а даже вонъ какъ: загорѣлась : ся... Вотъ бы!..

Тутъ въ первый разъ мелькнула у Ивана мысль, что хорошо бы жениться на Машѣ: и красавица, и денегъ у отца куча... Но онъ тотчасъ же и отказался отъ этой мысли, какъ невозможной.

Съ тѣхъ поръ онъ началъ ухаживать за Машей, какъ за красивой дѣвушкой, но безъ всякой надежды жениться на ней, и сначала почти безъ любви къ ней, а изъ простаго молодечества и самолюбія, что вотъ, дескать, управителева дочка и та у насъ не отбилась. Но Ивану пришлось скоро разочароваться въ легкости побѣды надъ нею: какъ ни нравился онъ Машѣ, но она долго не поддавалась его ухаживаніямъ, преимущественно вслѣдствіе того, что ей казалось унизительнымъ и невозможнымъ сблизиться съ простымъ рабочимъ, да притомъ, она уже освоилась съ мыслью, что должна выдти замужъ или за благороднаго, или за купца. Нѣсколько разъ послѣ описаннаго перваго разговора, Иванъ неудачно пробовалъ возобновить его: Маша была на сторожѣ, и очень спокойно и ловко успѣвала отдѣлаться отъ него; иногда Иванъ отходилъ даже осмѣянный и совсѣмъ обезкураженный равнодушіемъ и даже какъ будто пренебреженіемъ. Маша теперь даже никогда не смотрѣла на него и глаза ихъ больше не встрѣчались.

Это неожиданное сопротивленіе не охладило, но напротивъ раздражало Ивана, заставляло его постоянно думать о Машѣ, безпокоиться, волноваться, даже тосковать. Онъ присмирѣлъ, изъ осмѣлаго, самоувѣреннаго любезника сдѣлался робкимъ вздыхателемъ, боялся прямо взглянуть на нее, смущался когда подходилъ къ ней и говорилъ о чемъ нибудь самомъ обыкновенномъ, радовался, какъ безумный, когда ему казалось, что она мелькомъ и ласково взглядывала на него. И въ то же время, въ глубинѣ души, онъ страшно злился и на Машу, и на себя: набалованное самолюбіе его сильно страдало. Онъ даже похудѣлъ и осунулся. Маша все это замѣчала, внутренно торжествовала и влюблялась въ Ивана съ каждымъ днемъ болѣе, такъ что и мысль о неравенствѣ положеній все рѣже и рѣже стала посѣщать ее. Ей было лестно убѣдиться, что она могла пріобрѣсти такую власть надъ лихимъ и бойкимъ красавцемъ, что она такъ скоро успѣла покорить его и что онъ тоскуетъ и страдаетъ по ней; она представляла себѣ ту радость и восторгъ какіе онъ почувствовалъ бы, еслибъ она сказала, что любитъ и жалѣетъ его, какъ бы онъ сталъ выражать ихъ и какъ бы она опять, однимъ словомъ или движеніемъ заставила его страдать и мучиться... И какое множество разныхъ любовныхъ картинъ рисовало ей ея возбужденное воображеніе, и какъ она жалѣла, что нѣтъ около нея поповны, которой бы она въ свою очередь могла, подъ страшнымъ секретомъ, довѣрить свою тайну.

Между тѣмъ время шло, а цѣль, для которой Маша гостила у брата, не достигалась: богатые купцы не сватались къ сестрѣ трактирщика и если обращали на нее вниманіе, то все оно ограничивалось хватаньемъ за подбородокъ, или за щеку, щипаньемъ и разными сальными предложеніями, для благовоспитанной дѣвицы весьма обидными; а формальное и честное предложеніе о законномъ бракѣ сдѣлалъ только одинъ прикащикъ, и то вдовецъ, съ кучей дѣтей, старый, рябой и плѣшивый. Разумѣется, Маша отказала ему на отрѣзъ и даже начинала чувствовать отвращеніе ко всему купеческому сословію. Это еще болѣе усиливало ея вниманіе къ Ивану. Она наконецъ не выдержала роли недоступной красавицы: ей стало жаль страдающаго поклонника и страшно захотѣлось хоть на время оживить и утѣшить его. Она начала опять съ нечаянной встрѣчи взглядовъ, съ ласковыхъ улыбокъ, съ осторожныхъ разговоровъ. Иванъ дѣйствительно тотчасъ же ожилъ и повеселѣлъ, сдѣлался опять прежнимъ самоувѣреннымъ лихачемъ-кудрявичемъ и уже началъ настаивать, чтобы Маша гдѣ нибудь наединѣ повидалась съ нимъ, чтобы поговорить по душѣ.

— Да на что же это?.. Совсѣмъ лишнее... съ лукавой улыбкой повторяла Маша. Какіе такіе у насъ могутъ быть разговоры?..

— Какъ какіе, Марья Яковлевна!.. Кабы я не любилъ васъ!.. Хоть бы разсказалъ вамъ не на людяхъ что на сердцѣ-то у меня... Про тоску бы свою, про муку, что несчастный какой я передъ вами человѣкъ, про любовь бы свою—все бы разсказалъ... Здѣся развѣ скажешь что урывками, да по сторонамъ съ оглядкой...

— Ты будешь говорить, а я смѣяться на твои слова стану... Какая тебѣ въ томъ радость?..

— Ну да хоть посмѣйтесь.... По крайности я буду знать, что всю душу свою выложилъ, что хоть жалость у васъ есть ко мнѣ: пожалѣла дурака, вышла послушать его... Хоть посмѣйтесь, да этимъ утѣшьте...

— А если выйду, да ты меня хоть пальцемъ тронешь, али, пожалуй, по своей мужицкой привычкѣ, цѣ-

Пушкинъ въ Михайловскомъ. Картина Н. Н. Ге, рис. Далькевичъ, грав. В. Пуцъ.

Сельскій ювелиръ. Ориг. рисунокъ М. Зиновьева, грав. Б. Пуцъ.

ловаться полѣзешь, какъ вы съ дѣвками своими привыкли... Такъ, вѣдь, ужъ я не такая: послѣ и сюда-то глазъ не показывай...

— Не то что, Марья Яковлевна, тронуть или что... А даже какъ прикажете такъ и буду... Да и смѣю ли я даже это подумать противъ васъ?.. Одно мнѣ, ужъ и то за великое, что поговорить-то со мной согласитесь... Эта-то одна какова мнѣ радость...

— Ну, хорошо! Посмотрю!.. согласилась наконецъ Маша, и вся при этомъ вспыхнула, а потомъ поблѣднѣла: вотъ ужо ночью, какъ всѣ у насъ заснутъ и на селѣ ни одного огонька не останется, и народу на улицѣ не будетъ... жди около задняго крыльца... Можетъ, выйду...

У Ивана даже духъ захватило отъ радости.

Свиданіе состоялось. Маша не сошла съ крыльца, осталась на верхней ступенькѣ, а Ивану не позволила ступить даже и на нижній приступокъ. Хоть лѣстница была не большая, но она ихъ раздѣляла во все время ночной бесѣды. Какъ ни обѣщалъ Иванъ, что будетъ только говорить и даже не пошевелится, но первымъ его движеніемъ, какъ только онъ увидѣлъ Машу, было броситься къ ней съ объятіями, но та очень рѣшительно остановила его.

— А вотъ только еще шагъ одинъ шагни ко мнѣ, только меня и видѣлъ: уйду и двери замкну... А послѣ... знаешь, что обѣщала, то и будетъ... говорила она, побѣждая собственное волненіе. Ну, говори, разсказывай что тебѣ надобно....

— Да что мнѣ говорить, что разсказывать?.. Весь я тутъ... вотъ!.. Возьми меня, разрѣжь по кускамъ, а не житье мнѣ на свѣтѣ безъ твоего ласковаго слова, безъ глядѣнья твоего... Смотрѣла бы на меня привѣтливо... говорила бы со мной ласковѣе... вотъ и вся моя радость!...

— Ну такъ что же?.. А послѣ того что же будетъ?..

— А больше ничего! Такъ бы вотъ взялъ тебя, обнялъ, посадилъ противъ себя, да и глядѣлъ бы все—не наглядѣлся... А ты бы...

— Да ты это съ чего же выдумалъ такъ говорить-то со мной?..

— Какъ?

— А вотъ *ты* мнѣ говоришь... Я, вѣдь, чай не дѣвка крестьянская... Могъ бы мнѣ и *вы* говорить... Это у насъ за невѣжество почитается: *тыкаться-то*...

— Ну, Марья Яковлевна, на этомъ вы меня не обезсудьте... Я, вѣдь, не съ чего другаго, не съ грубости... отъ любви вѣдь я... Все, вѣдь, во мнѣ изныло по васъ, все!.. Вѣдь, и вы, чай, не каменная тоже?.. Хоть бы вы мало-мало мнѣ свою ласку оказали?..

— Какую же это ласку?..

— А хоть бы сказали вы мнѣ, что не противенъ я вамъ вовсе?..

— Ну такъ что же хоть бы и сказала?.. что изъ того будетъ?..

— А коли не противенъ, такъ хоть бы дозволили рядкомъ-то съ вами посидѣть, бочекъ о бочекъ... А коли бы кажется обняться, такъ и вся моя жизнь тутъ кончилась...

— Видишь ты... И опять по мужицки судишь... Ко мнѣ вонъ благородные женихи сватались, помѣщики, такъ и тѣ за великое почитали, если ручку позволяла поцѣловать... А тебѣ я этакое снисхожденіе дѣлаю: вышла ночью поговорить, а ты ужъ ничего не видя и... Говорила ли я, что отъ тебя никакой деликатности ждать нельзя... Мужикъ, мужикъ и есть!..

— Ну, мужикъ... Такъ что?.. И ты, барышня-то, вѣдь, знаю какая... Нашего же отродья-то!.. съ досадой сказалъ Иванъ. Не кочевряжься, Маша!.. А по нашему, вотъ какъ, коли я мужикъ... вскричалъ онъ забывшись и прежде, чѣмъ Маша успѣла подняться или двинуться съ мѣста, онъ въ два прыжка вскочилъ къ ней на верхъ лѣстницы, стиснулъ ее въ объятіяхъ и цѣловалъ въ лицо.

— Какъ ты смѣешь?.. Отстань... Не смѣй! Тебѣ говорятъ, не смѣй!.. Закричу, право, закричу!.. лепетала Маша, порываясь изъ рукъ Ивана. Коли не пустишь, никогда больше не приду, знать тебя не стану, Богомъ божусь...

— А отпущу? Придешь ли опять?

— Дуракъ, невѣжа!.. Пусти, говорятъ...

— Придешь ли опять?.. повторялъ Иванъ.

— Коли пообѣщаешься не дѣлать этакъ... приду...

— Вѣрно?

— Что, божиться что ли?..

— Ну, ладно... Не трону больше... Одинъ разокъ только еще поцѣлуй... сама...

Но Маша, почувствовавъ себя свободною, быстро юркнула въ дверь сѣней.

— Свинья!.. Невѣжа!.. Съ дѣвками тебѣ фабричными водиться, а не со мной... проговорила она изъ-за двери, притворяя ее. Вотъ, можетъ бы, полюбила, а теперь опротивѣлъ ты мнѣ... Глазъ не смѣй казать!.. Вотъ что тебѣ будетъ!..

И Маша защелкнула дверь. Она не была вовсе обижена и сердита на Ивана и разыгрывала только комедію. Напротивъ она вся трепетала, горѣла и чувствовала еще горячія объятія и поцѣлуи Ивана; даже смѣлость и дерзость его ей нравились; она была только испугана неожиданностью и немножко досадовала, что Иванъ вздумалъ вдругъ и такъ круто воспользоваться тѣмъ, что она можетъ быть сама бы позволила впослѣдствіи, предварительно заставивши его помучиться и поухаживать. Ей хотѣлось любовной игры по всѣмъ правиламъ искусства, внушеннымъ еще мечтательной поповной, хотѣлось пройти самой и провести милаго человѣка чрезъ всю послѣдовательность любовныхъ томленій и радостей, начиная отъ взглядовъ, мимолетныхъ разговоровъ при всѣхъ, до тайныхъ свиданій наединѣ—эту процедуру она прошла; но была другая въ ея мечтахъ еще болѣе плѣнительная: отъ робкихъ прикосновеній, отъ поцѣлуя руки, до поцѣлуя въ щеку, въ губы, до объятій и т. д., и всего этого процесса дерзкій и необузданный Иванъ лишилъ было ее сразу. Вотъ чего она не могла простить ему и за что дѣйствительно готова была разсердиться на Ивана, еслибъ внутри ея что-то не оправдывало его, противъ даже ея воли. Обидно ей было немножко и то, что Иванъ ровнялъ ее съ собой и что онъ оказался не совсѣмъ такимъ робкимъ поклонникомъ, какъ она думала, но въ этомъ случаѣ она желала оправдать его поведеніе неудержимымъ порывомъ страсти. Маша все-таки рѣшилась наказать его и заставить вести себя такъ, какъ ей хотѣлось. Вслѣдствіе этого она цѣлую недѣлю отворачивалась отъ Ивана, не только не говорила, но и не глядѣла на него, а когда Иванъ подходилъ къ буфету и необходимо нужно было подать ему водки, или отвѣтить на вопросъ, она держала себя такъ гордо и презрительно, что Иванъ начиналъ думать, что окончательно потерялъ ея любовь и проклиналъ себя за свою неосторожную выходку.

— Это, видно, не то, что наши фабричныя, али крестьянскія дѣвки... Да она такъ и смотритъ, такъ и учена, какъ настоящая барышня... А я-то, дуракъ!.. Вотъ своего счастія не умѣлъ сберечь!.. А красавица-то какая!.. И въ самъ-дѣлѣ и руки-то у нея бѣлыя да мягкія: не какъ у нашихъ дѣвокъ... Вправду, что этакую руку-то поцѣловать, какъ господа цѣлуютъ, за великое нужно почитать, а я... ну-ка, вздумалъ вдругъ... Неужто не проститъ, неужто не смилуется?.. Да кажись изведусь я съ тоски по ней: мнѣ теперь всѣ дѣвки наши изъ за нея противны стали: и не глядѣлъ бы!..

VIII.

Самоувѣренный и счастливый побѣдитель легко впрочемъ доступныхъ фабричныхъ прелестницъ былъ побѣжденъ: самъ того не сознавая, Иванъ влюбился въ Машу,

разумѣется, по своему, но пока искренно. Онъ думалъ о ней, тосковалъ, безпокоился: овладѣть Машей во что бы то ни стало, стало для него болѣзненной задачей, для которой онъ готовъ былъ на все, на всякое униженіе, на всякое раболѣпство передъ женщиной, что по крестьянскимъ понятіямъ для мужчины послѣднее дѣло.

— Это все ничего, пустое! думалъ онъ. Пускай теперь поломается: только бы въ руки-то забрать, а послѣ свое возьму, все наверстаю... Покорится!..

— Вотъ бы на этакой-то жениться... мелькала у него въ головѣ и такая мысль. Да гдѣ жениться: не отдадутъ... И думать нечего!.. Ну такъ пускай хоть такъ, по крайности!..

Во все то время, пока Маша сердилась, Иванъ ходилъ какъ потерянный, но каждый день упорно старался ее встрѣтить, попасться ей на глаза, обратить на себя ея вниманіе; заговаривать онъ уже не смѣлъ, но сидя въ сторонкѣ не сводилъ съ нея печальнаго взгляда; ни пѣсенъ, ни смѣха его не было слышно въ трактирѣ, такъ что пріятели надивиться не могли что съ парнемъ дѣлается. Разъ только, напившись съ горя почти до безпамятства, онъ на глазахъ у Маши затѣялъ шумъ и драку, такъ что его вытолкали изъ трактира; Маша при этомъ, боясь какой нибудь выходки отъ него на ея счетъ, выскочила изъ за буфета и скрылась въ жилыя комнаты; но отъ ея глазъ не ускользнуло, что Иванъ, когда его собирались выводить, оборотился въ ея сторону, со стономъ вздохнулъ и ударилъ себя кулакомъ въ грудь. Это заявленіе отчаянія и печали она съ удовольствіемъ приняла на свой счетъ и рѣшилась простить виновнаго. На другой день она съ нетерпѣніемъ посматривала на входную дверь, но ни въ этотъ, ни на слѣдующій день, Иванъ не являлся: ему было совѣстно показаться, да и боялся, что хозяинъ трактира, если узнаетъ о буйствѣ, то и совсѣмъ не пуститъ, или сконфузитъ бранью и попреками; а Маша объясняла его отсутствіе совсѣмъ иначе: она боялась, что онъ вовсе отказался отъ всякой надежды на ея любовь: начнетъ ходить въ другой трактиръ, съ горя запьетъ, а потомъ увлечется какимъ нибудь другимъ предметомъ любви, а то, чего добраго, и совсѣмъ сопьется съ кругу и погубитъ себя. Машѣ ужасно хотѣлось предполагать въ своемъ обожателѣ самую сильную, губительную страсть. Она очень безпокоилась объ Иванѣ тѣмъ болѣе, что не могла никого спросить, ничего узнать о немъ. За то, когда она наконецъ его увидѣла, то чуть не вскрикнула отъ радости, и выраженіемъ своего лица и глазъ сразу выдала себя Ивану и дала ему возможность догадаться, что холодность и равнодушіе ея были не больше, какъ притворство, что она вовсе не сердилась и не переставала любить его. Иванъ, который входилъ было робко и нерѣшительно, мгновенно ободрился и повеселѣлъ, къ нему тотчасъ же воротились его самоувѣренность и смѣлость. Осмотрѣвшись и увидя, что близко около буфета никого не было, онъ, не долго думая, прямо подошелъ къ Машѣ и попросилъ налить водки, а когда та торопливо, сконфуженно и дрожащею рукою стала наливать, проговорилъ ей вполголоса:

— Ежели и сегодня также вы, Марья Яковлевна, со мной, какъ прежъ того,—руки на себя наложу: съ тѣмъ и пришелъ... останный разъ!..

— Ну-ка, пей этотъ стаканъ... а больше не смѣй... проговорила Маша, сама хорошенько не отдавая себѣ отчета въ своихъ словахъ.

— Не стану... А выйдете опять?..

— А ты опять невѣжничать будешь?..

— На семъ мѣстѣ издохнуть, коли буду... только бы мнѣ увидѣть, что не гнѣваетесь... Барышня, родная, осчастливьте!.. Помираю съ тоски!..

— Хорошо, выйду...

— Когда же?.. задыхаясь отъ радости спрашивалъ Иванъ.

— Сегодня... проговорила Маша, едва слышно. Смотри же, помни, а то опять то же будетъ, и ужъ не прощу...

— Провалиться!.. глазамъ лопнуть!..

— Ну, отойди же прочь... Примѣтятъ...

— Да парочку чайку соблаговолите приказать... Тогда и деньги... Все за одно... А ужъ на томъ, что тотъ разъ выпивши пошумѣлъ, простите Христа ради...

Все это проговорилъ Иванъ съ умысломъ очень громко, низко поклонился, тряхнулъ весело кудрями и отошелъ отъ прилавка въ дальнюю комнату.

Свиданія послѣ этаго шли довольно часто и происходили вполнѣ во вкусѣ и по желанію Маши: Иванъ сдерживалъ свои порывы и за это въ нѣсколько сеансовъ дошелъ до того, что ему позволялось не только сидѣть рядомъ, обнявшись, но и цѣловаться сколько душѣ его хотѣлось. Всю желаемую процедуру постепенности Маша провела съ большимъ успѣхомъ, и къ полному своему удовольствію. Всѣ непозволительные, по ея мнѣнію, порывы Ивана, она останавливала напоминаніемъ, что, вѣдь, онъ мужемъ ея быть не можетъ...

— Стало, не любишь?.. спрашивалъ Иванъ въ такихъ случаяхъ.

— Кабы не любила, не выходила бы къ тебѣ... Развѣ дѣвушкѣ это прилично, чтобы къ мущинѣ по ночамъ выходить?.. Ты подумай-ка что я для тебя дѣлаю... Извѣстно, я сама себя помню и соблюдаю, да кто тому повѣритъ?.. А кабы узнали, да застали насъ, такъ какова моя судьба будетъ: кто меня замужъ-то тогда возьметъ?..

— Такъ, стало, любишь, а за-мужъ за другаго пойдешь?..

— Такъ какъ же быть-то?.. За тебя не отдадутъ ни за что... Вотъ разбогатѣй, да въ купцы выпишись, вотъ тогда можетъ отдадутъ...

— Какъ разбогатѣть-то? развѣ обокрасть, али ограбить кого, такъ и то пожалуй скорѣй въ каторгу, чѣмъ подъ вѣнецъ-то попадешь...

— Такъ вотъ то-то и есть!..

— Въ этакомъ разѣ что же, коли любишь меня, такъ люби ужъ совсѣмъ, а замужъ, коли тебѣ требуется, или выдавать будутъ, за другаго иди, за немилаго... И изъ-за мужа гулять можно съ сердечнымъ дружкомъ...

— Ну, нѣтъ, этакъ не придется... Спасибо!.. Тебѣ-то что, ты еще самъ насмѣешься надо мной, а мнѣ каково будетъ отвѣтъ-то передъ мужемъ держать... А коли еще послучается что до свадьбы, да и грѣха-то не успѣешь вѣнцомъ прикрыть... такъ тутъ что будетъ?.. Изъ-за мужа, послѣ свадьбы, извѣстно, чего не бываетъ, такъ то дѣло другое: тамъ только сторожишь, чтобы мужъ какъ не провѣдалъ, такъ все шито да крыто будетъ... А теперь, пока въ дѣвкахъ, этаго передъ мужемъ не спрячешь... Вотъ погоди выйду за-мужъ, вонъ прикащикъ-то плѣшивый опять пристаетъ... любить-то я тебя не перестану... Ванюша, милый!.. вотъ тогда...

— Не отдамъ я тебя, Маша, никому... Не снести мнѣ этаго, что съ тобой другой будетъ...

— Такъ что же ты сдѣлаешь?.. Какъ не отдашь-то?..

— Ужь не знаю какъ... Можетъ, и ножемъ пырну...

— Его убьешь, самъ пропадешь, а меня за другаго все равно выдадутъ...

— Нѣтъ, ты за меня выходи... не за кого больше тебѣ идти, коли любишь меня...

— Да я бы и пошла, по своему, хоть и мужикъ ты: такъ я тебя полюбила... Да попробуй, присылай сватовъ, такъ что будетъ?.. Одинъ срамъ... Папаша-то и сватовъ-то твоихъ по шеямъ прогонитъ... Вотъ только и будетъ: другаго и ждать нечего...

— Эхъ ты бѣдность проклятая!.. вскрикиваетъ Иванъ, хватая себя за голову и становится мраченъ.

Маша послѣ того усиливаетъ свои ласки и увѣренія въ любви: обнимаетъ его, кладетъ ему на плечо свою голову, цѣлуетъ, клянется, что никогда никого такъ не

любила и любить не будетъ, но дѣвичью честь свою сбережетъ до замужества, хотя бы ей пришлось даже изъ-за этаго разойтись съ нимъ, потерять его любовь.

Эти тайныя бесѣды на трактирномъ крыльцѣ были вдругъ, неожиданно, прерваны. Влюбленныхъ накрылъ разъ самъ Константинъ Яковлевичъ: онъ слышалъ изъ-за дверей страстный шопотъ и поцѣлуи, но поторопился отмахнуть двери и не успѣлъ разсмотрѣть, кто былъ собесѣдникъ его сестры, быстро вскочившій при его появленіи и скрывшійся въ темнотѣ ночи. Маша сидѣла закрывши лицо руками, плакала, увѣряла, что ничего *такого* не было, что это проходилъ кто-то мимо, и она вышла на крыльцо *отъ головы*, а все прочее братцу показалось. Такъ отъ нея и не могли добиться ни правды, ни имени ея поклонника; но для устраненія возможной бѣды и отвѣтственности передъ отцемъ, Константинъ Яковлевичъ рѣшилъ, чтобы сестрица ѣхала домой подъ предлогомъ, что соскучилась. Онъ предупредилъ при этомъ сестру, чтобы она призналась ему во всемъ, и если точно ничего такого не было и она не боится никакой бѣды въ будущемъ, такъ, пожалуй, родителямъ можно и не сказывать, а въ противномъ случаѣ нужно подумать что дѣлать. Но Маша даже обидѣлась за неделикатность такого вопроса и съ достоинствомъ отвѣтила брату и невѣсткѣ, что напрасно они такъ полагаютъ, что она не таковская, и сама очень хорошо понимаетъ, что дѣвическую честь соблюдать и оберегать нужно, и что „братцу съ сестрицей не слѣдовало бы ее, дѣвицу, и спрашивать-то объ этакихъ непристойныхъ дѣлахъ... что о которыхъ она, дѣвица, ни знать, ни понимать не должна... А родителямъ если они эту сплетню будутъ сказывать, такъ только напрасно ихъ огорчатъ, обезпокоятъ, а ее опорочатъ“... Но ее все-таки отвезли въ Мамаиху.

(Продолженіе будетъ).

Вдали.

(Изъ Фрейлиграта).

Въ лѣсной я далекой пустынѣ блуждаю
И слышу я чуждый мнѣ шелестъ вѣтвей....
А ты, гдѣ теперь ты блистаешь родная
Гдѣ свѣтишь волшебной красою своей?

* * *

Тебя, какъ царицу, съ восторгомъ встрѣчаютъ,
Всѣ словно спѣшатъ любоваться тобой
И ждутъ, какъ награды, небеснаго счастья—
Твоей лучезарной улыбки одной.

* * *

И я на чужбинѣ жду этой улыбки:
Явись! Пусть твой образъ меня оживитъ,
Заставитъ, по старому, сердце забиться
И, тайною силой, его исцѣлитъ!...

* * *

Я вижу, какъ всѣ въ тишинѣ нерушимой,
Плѣнительной пѣснѣ внимаютъ твоей—
На плечи онѣ, золотыя, скатились,
Роскошныя волны любимыхъ кудрей.

* * *

Я слышу твой голосъ, мнѣ пѣсня знакома!..
Но вотъ, твой чарующій образъ исчезъ...
И вѣтеръ качаетъ вершины деревьевъ,
И ночь опустилась на дѣвственный лѣсъ!

О. Кавелина.

Пророчица.

Повѣсть

Захеръ Мазоха.

(Продолженіе).

II.

Въ Тарговицахъ.

Когда Марьяна исчезла за дверью, Венцеславъ не съ разу рѣшился уйдти. Словно какою-то силою удерживало его здѣсь, онъ не могъ оставить этаго мѣста, гдѣ только что видѣлъ и слышалъ ее. Однако и оставаться долѣе было также нельзя и, чрезъ минуту, онъ очутился на улицѣ. Онъ пошелъ по направленію къ лѣсу. Туманъ опустился теперь ниже, словно припалъ къ землѣ при появленіи солнца и окутывалъ корни деревъ бѣлесоватой пеленой.

Неподалеку раздался звонъ колокольчиковъ. Показалась бричка, въ которой сидѣлъ старый еврей въ длинномъ, засаленномъ, зеленоватомъ кафтанѣ.

— Эй, Мойше! не подвезешь-ли? крикнулъ ему юноша.

— А отчего же не подвезти, дружелюбно отвѣтилъ тотъ, отодвинувшись немного на деревянной скамьѣ брички и давая мѣсто Венцеславу, который сѣлъ рядомъ съ евреемъ: тотъ стегнулъ лошадей и легкій экипажъ потонулъ въ зеленой чащѣ дубровы. Мойше оказался очень словоохотливымъ.

— Нынче что-то рай здѣшній немного смахиваетъ на адъ кромѣшный, заговорилъ онъ шутливымъ тономъ.

— Какъ такъ?

— Да развѣ ты не знаешь, что рай-то Божій помѣщается въ Тарговицѣ, именно тамъ!

— Не пойму, что ты говоришь такое.

— Ну, рай, прекрасный садъ...

— Да знаю, возразилъ Венцеславъ, но чего ты сюда приплелъ Тарговицу?

— А ты откуда? спросилъ еврей съ удивленіемъ.

— Изъ Солыскова.

— И ничего никогда не слыхалъ о Тарговицѣ, о „кораблѣ?“

— Слыхать, слыхалъ, но немного—да и то правду сказать, что мнѣ до нихъ.

— Вотъ что, пробормоталъ еврей, стегнувъ лошадь. А любопытное дѣло. Люди-то они вовсе не дурные—это все зря про нихъ говорятъ, ну да и не такіе же и святые, какъ выставляютъ себя.

— Какъ? развѣ они не христіане?

— А отчего же бы имъ не быть христіанами, отвѣтилъ еврей. У нихъ нѣтъ, правда, ни священниковъ, ни церквей, нѣтъ крещенія, другихъ вашихъ священныхъ обрядовъ. Они не чтутъ и вашихъ святыхъ.

— Какъ же это?.. недоумѣвалъ Венцеславъ.

— Только это все ничего—хорошіе они люди, продолжалъ разсказчикъ,—и всѣ равные между собой: нѣтъ у нихъ ни господъ, ни прислуги. Они богатые и чисто и хорошо одѣваются такъ. Достаткомъ и всѣмъ они куда выше липованъ, да и всѣхъ другихъ. А вотъ, только у нихъ большая вольность между мужчинами и женщинами. Отчего я и говорю, что не такіе они святые, какъ себя почитаютъ.

— Да, вѣдь, чтутъ же они кого-нибудь.

— А, да, да! Только совсѣмъ иначе. У нихъ есть пророчица и куда какая красивая. Всѣ у нихъ женщины красивыя. Надо сказать и то, что трудолюбивы, работницы. Но всегда разодѣты, будто для танцевъ.

— Такъ что же это у нихъ за пророчица такая?

— Она держитъ надъ ними и судъ и расправу за ихъ грѣхи. Только у нихъ ихняя вѣра дозволяетъ гораздо больше, чѣмъ у другихъ.

— Какая это пророчица?

— Голова она всему. Они считаютъ и почитаютъ ее какъ святую на землѣ. По ихнему Богъ въ ней и что она говоритъ —значитъ, Онъ, чрезъ нее изрекаетъ имъ. Потому всѣ подчиняются ей. Ноги ей цѣлуютъ.

— Какъ это? женщина—и глава въ вѣрѣ? Не пойму, продолжалъ удивляться Венцеславъ.

— А потому, видишь ли, они толкуютъ, что чрезъ женщину грѣхъ пришелъ,—и чрезъ женщину же должно придти избавленіе и рай возворотится на землѣ.

— Да кто же имъ открываетъ—которой женщинѣ быть пророчицей?

— Сами выбираютъ послѣ молитвы и какъ Духъ Святой снизойдетъ, отвѣчалъ еврей смѣясь... Впрочемъ, эту теперешнюю никто не выбиралъ, говорятъ, сама себя поставила. И власть какую имѣетъ надъ всѣми, что и разсказать нельзя. Ну, конечно, уже и чудеса творила: больныхъ излечивала тамъ, мертвыхъ воскрешала. Все одной молитвой, либо просто прикосновеніемъ, дуновеніемъ. Точь въ точь какъ у насъ равви или цадикъ.

— Ты говоришь, что она молодая и красивая? спросилъ Венцеславъ, въ которомъ зародились смутныя, изумившія его самаго, догадки...

— И что же не быть ей молодой. Очень красивая и разодѣтая какъ принцесса.

Мальчикъ-болгаринъ. Картина Профессора М. Чистякова, рис. Н. Чистяковъ, грав. Э. Шмидтъ.

— Неужто?

— А что же ей не одѣваться какъ принцессѣ? Ото всѣхъ получаетъ подарки, живетъ какъ какая-нибудь графиня. Не одна Тарговица—вся здѣшняя сторона, здѣсь, и по эту и по ту сторону лѣса—все это подъ ея властью. Она надъ ними командуетъ какъ султанъ, и дрожатъ они передъ ней.

— А какъ имя ея? спросилъ Венцеславъ съ глубокимъ волненіемъ.

— Марьяна.

— Марьяна Осиповичева! воскликнулъ юноша.

— Марьяна Осиповичева.

На слѣдующій день, также рано утромъ, Марьяна нарядилась еще богаче обыкновеннаго и вышла на галлерею. Она, очевидно, ждала кого-то. Взглядъ ея, равнодушно скользя по всему окружающему, чаще всего останавливался на улицѣ, и дальше, на дорогѣ къ лѣсу. Но ожиданія ея, на этотъ разъ, были напрасны. Она съ тайной тревогой выходила на галлерею безпрестанно. Но солнце уже начало склоняться къ западу, а тотъ, кого она ждала, не явился. Она встала съ своего мѣста и ушла въ комнаты. Вечеромъ уже, когда мѣсяцъ засеребрилъ своими лучами и домъ, и дворъ, и окрестности,—Марьяна еще разъ показалась въ окнѣ, въ которомъ *ясно* обрисовалось при свѣтѣ мѣсяца ея умное и спокойное, въ эту минуту, лицо. Она постояла немного, темныя брови ея сурово сдвинулись надъ большими глазами. Медленно затворила она окно, такъ медленно, что даже не было слышно звука, когда створцы рамъ сошлись вмѣстѣ—и скрылась.

Прошло много дней, а Венцеславъ не появлялся въ Тарговицахъ. У него какъ словно камень лежалъ на сердцѣ. До этого времени, онъ, бывало, каждое Воскресенье ходилъ въ костелъ слушать мессу. Это было для него такою же необходимостью, какъ ѣсть, пить и спать. Теперь только онъ понялъ, насколько глубоко и сильно связанъ онъ съ своей религіей. Онъ, можетъ быть, зналъ немногое изъ обрядовъ и догматовъ, но этому немногому научила его мать. И дорого ему было все это, не забывалъ онъ этаго никогда. Когда же ему приходила мысль идти въ Тарговицы—онъ чувствовалъ будто отрывается отъ родины, отъ религіи и уходитъ куда-то, въ чужую, далекую сторону, къ чуждымъ ему людямъ. И не смотря на эти колебанія, все стало казаться ему печальнымъ безъ нея, безъ той, которую онъ сразу такъ полюбилъ, къ которой такъ его тянуло все больше и больше какая-то неодолимая сила.

Такъ прошло нѣсколько дней. Наконецъ какъ-то разъ передъ вечеромъ, измученный душевно и физически своею страстью Венцеславъ, съ внезапною рѣшимостью, пошелъ въ конюшню, лихорадочно быстро осѣдлалъ свою лошадь и чрезъ нѣсколько минутъ гналъ уже ее по дорогѣ въ Тарговицы.

Зеленая чудесная роща, цвѣтущая лѣсная долинка, гдѣ было расположено село Тарговицы—мѣстожительство Марьяны—въ самомъ дѣлѣ было точно рай земной въ этотъ лѣтній, солнечный день. На всемъ, среди роскошной природы, еще лежалъ сверхъ того отпечатокъ довольства, богатства. Дороги прекрасныя, мосты вездѣ прочные, село имѣло такой мирный, и вмѣстѣ словно праздничный видъ, и казалось Венцеславу никогда еще не приходилось встрѣчать ничего подобнаго въ другихъ селахъ. Улица была совсѣмъ пустая, когда топотъ копытъ его коня раздался на ней. Вотъ и домъ Осиповича.

Теперь юноша могъ лучше разглядѣть жилье мѣстнаго богача. Во дворѣ, обнесенномъ высокимъ заборомъ, стояли два дома: большой—фасадомъ выходилъ прямо на улицу, а другой, поменьше—былъ расположенъ въ сторонѣ и весь затонулъ въ вѣтвистыхъ кустахъ бузины, сирени и акацій. Венцеславъ сердцемъ сразу угадалъ, что именно въ этомъ-то домикѣ живетъ Марьяна. Въ домъ вели два входа: одинъ со двора, другой—съ противоположной стороны, полускрытый въ зелени сада и выходившій прямо къ калиткѣ, продѣланной въ высокомъ заборѣ, и открывавшійся на маисовое поле. Чрезъ эту калитку, какъ сообразилъ Венцеславъ, легко можно было пройти въ домъ совершенно незамѣченнымъ.

Позади большаго дома шли надворныя строенія, къ которымъ примыкалъ густой, прекрасный, фруктовый садъ.

Венцеславъ не рѣшался войдти. Два раза объѣхалъ онъ дворъ и—выѣхалъ опять въ поле, проѣхалъ нѣсколько по дорогѣ и опять возвратился. Было уже темно; окна большаго дома были ярко освѣщены и оттуда доносился шумъ голосовъ, порой слышался степенный, тихій смѣхъ. Это придало ему духу. Онъ слѣзъ съ лошади, привязалъ ее къ забору и пошелъ въ домъ. Отворивъ дверь, Венцеславъ остановился на порогѣ. Никто не замѣтилъ его и онъ успѣлъ разглядѣть людей, собравшихся въ просторной, чистой горницѣ.

Марьяны онъ не увидѣлъ. Прямо противъ входа расположились, полукругомъ, женщины и дѣвушки, занятыя, въ эту минуту, шелушеніемъ маисовыхъ колосьевъ, которыя лежали передъ ними большими грудами.

Мужчины стояли кругомъ, покуривая изъ коротенькихъ трубочекъ. Ничего особеннаго Венцеславъ не замѣтилъ. То была обыкновенная „вечерница", имѣвшая только гораздо болѣе пристойный, болѣе „богатый" видъ, чѣмъ у большинства бѣдныхъ крестьянъ этой мѣстности.

— Добрый вечеръ! произнесъ Венцеславъ, снявъ шапку, кланяясь и входя въ комнату.

— Богъ въ помощь гостю дорогому, отвѣтили ему присутствовавшіе.

Взгляды обратились на него, двѣ, три молоденькія дѣвушки усмѣхнулись. Тутъ только увидѣлъ Венцеславъ Марьяну.

У той части стѣны, которую сначала скрывала отъ него полуотворенная дверь, былъ родъ возвышенія съ двумя широкими ступенями у основанія Здѣсь сидѣла красавица, одѣтая очень нарядно. Шелковая, голубая душегрейка окутывала ея станъ и ожерелья изъ монетъ и коралловъ обвивали прелестную бѣлую шею.

Увидѣвъ юношу, она поднялась съ своего мѣста. Важно, степенно пошла она къ нему на встрѣчу и, дружелюбно подавъ ему руку, поцѣловала его. Лицо Венцеслава покрылось яркимъ румянцемъ. Марьяна замѣтила это и улыбнулась.

— Хорошо, что ты пришелъ, сказала она,—поди садися съ другими. Она возвратилась на свое мѣсто.

При видѣ Марьяны, при звукѣ ея голоса Венцеславомъ овладѣло какое-то непонятное смущеніе, робость. Ничего не отвѣтивъ на ея привѣтствіе онъ, молча, отошелъ и смущенно сѣлъ у стѣны.

Гости „пророчицы" перестали скоро обращать вниманіе на молодаго человѣка. Только одинъ изъ присутствующихъ бросилъ на него не очень дружелюбный взглядъ. Это былъ мужчина широкоплечій, сильный и красивый, лѣтъ сорока. Въ его бородатомъ лицѣ, съ остриженными въ скобку по русски волосами, въ глубоко сидѣвшихъ сѣрыхъ глазахъ можно было сразу увидать человѣка пылкаго, строптиваго, фанатика. Барабашъ—такъ звали его—и былъ таковъ въ дѣйствительности.

Къ Венцеславу подошли братья хозяйки и поздоровались съ нимъ. Старшій Филиппъ—стройный молодой человѣкъ средняго роста, черноволосый, черноглазый—ограничился немногими словами; второй же, Егоръ, двадцатилѣтній юноша, маленькій, худощавый, съ блѣднымъ, безбородымъ лицемъ и, очевидно чахоточный, гораздо дружелюбнѣе обошелся съ новоприбывшимъ.

— Спѣть что ли, поплясать для гостя то? спросилъ онъ сестру.

— Спойте, спойте, отвѣтила та.

Егоръ поставилъ цимбалы на столъ, оглянулся вокругъ и поднялъ палочки. Въ горницѣ воцарилось глубокое молчаніе... Среди безмолвія раздались вдругъ странные звуки, передавая одну изъ лучшихъ народныхъ пѣсенъ, такъ называемую „Грицину" мелодичную, за душу хватавшую жалобную, грустную. Присутствовавшіе, хоромъ, подхватывали мелодію. Вслѣдъ за этой первой была пропѣта чудесная удалая казачья пѣсня.

Подперевъ красивую голову рукой, Марьяна неподвижно и, казалось, съ спокойнымъ вниманіемъ, слушала пѣніе своихъ гостей. Но отъ времени до времени глаза ея загорались. Она обмѣнивалась взглядами съ Венцеславомъ, свѣжій голосъ котораго ясно и чисто выдѣлялся изъ общаго хора. Этотъ голосъ лился прямо въ сердце красавицы. Русины вообще любятъ музыку, пѣсни, они въ ней передаютъ все, что нашептываетъ имъ фантазія, всѣ повѣрья свои и въ звукахъ пѣсенъ тѣхъ словно слышатся жалобы тѣхъ родимыхъ богатырей, мертвецовъ, что спятъ въ гигантскихъ могильныхъ курганахъ, что разсѣяны по степямъ, слышатся словно неземные голоса духовъ лѣса и степи „стрибожьихъ внуковъ..."

Въ горницу вошелъ въ сопровожденіи какого-то молодаго человѣка, отецъ Марьяны. То былъ высокій, сильно сложенный человѣкъ, который, не смотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, былъ свѣжъ и бодръ какъ человѣкъ только въ полномъ развцвѣтѣ силъ. Въ густыхъ волосахъ его не было еще ни одного сѣдаго волоса. Нилъ Осиповичъ снявъ соломенную шляпу, тотчасъ же подошелъ къ дочери и почтительно поцѣловалъ у нея руку. Замѣтивъ гостя—онъ дружелюбно поздоровался съ нимъ и завязалъ даже разговоръ.

Хозяинъ дома замѣтно однако не былъ словоохотливъ. Онъ сдержанно выражалъ согласіе или неодобреніе тому, что говорилось и внимательно поглядывалъ на незнакомаго ему молодаго гостя.

Марьяна знакомъ подозвала къ себѣ Венцеслава и сочла нужнымъ нѣсколько объясниться.—Ты словно дивишься, говорила она, что у насъ вечерницы и веселье. Наша вѣра не ваша, злая да темная—католическая—что только и говоритъ все про жертвы да лишенія, да проклинаетъ какъ грѣхъ, все, что веселитъ сердце человѣчье, всякую чистую радость которыя и Христосъ нашъ не отженилъ отъ человѣка. Мы служимъ Господу вѣрой, но не отрицаемся ничего что указано Имъ, что Имъ же сотворено и Имъ сотворенное можетъ ли быть грѣховное?.. У насъ въ обычаѣ, чтобы женщины собирались, дѣвушки и парни. Ежели которые и старые порадоваться и потолковать съ нами придутъ, мы и тѣхъ пріемлемъ въ свое общеніе съ радостью.

Молодой крестьянинъ, который вошелъ вмѣстѣ съ отцемъ „Пророчицы," и звался Прокопъ—продолжалъ еще стоять у двери. Его узкіе блестящіе глаза были прямо устремлены на Марьяну, а желтоватое, безбородое лицо съ маленькимъ носомъ и

толстыми губами выражало суевѣрный какой-то страхъ передъ „святою." Въ этой, смиренно стоявшей у притолки, фигурѣ было много чего-то страннаго, придавленнаго, апатичнаго.

— Прокопъ, что-же, не хочешь что ли и поздороваться со мной? спросила Марьяна.

Прокопъ серьезно, молча смѣрилъ глазами разстояніе, отдѣлявшее его отъ „пророчицы", и затѣмъ, на цыпочкахъ, по стѣнкѣ подошелъ къ широкимъ ступенямъ возвышенія и медленно опустился на колѣни.

— Поближе, поближе, сказала спокойно Марьяна.

Прокопъ, на колѣняхъ, поднялся къ ступенямъ и припалъ къ ногамъ красавицы, которая съ видомъ кротости и милосердія, наклонилась къ нему и поцѣловала его въ лицо, послѣ чего онъ сошелъ съ возвышенія и, начавъ съ Егора, троекратно цѣловался со всѣми присутствовавшими.

Венцеславъ ревнивымъ чутьемъ влюбленнаго, быстро понялъ, что и Барабашъ, и Прокопъ, не даромъ смотрятъ такъ на Марьяну. Онъ видѣлъ, какой мрачной ревнивой страстью полонъ первый а другой—еле осмѣливается поднять глаза на ту небесную красу, которая дозволяетъ себя только обожать... Но дверь снова отворилась и въ горницу вошла очень красивая, хотя и не первой молодости—женщина, стройная, съ кроткимъ, ангелоподобнымъ, прелестнымъ лицомъ, обрамленнымъ густыми бѣлокурыми волосами.

— Что такъ поздно, Софья? спросила сухо Марьяна, лицо которой приняло недовольное выраженіе, словно она имѣла что-то противъ вошедшей.

— Да—дѣло было... мой мужъ... знаешь вѣдь... проговорила Софья, опускаясь предъ нею на колѣни.

— Ты изъ дому?

— Нѣтъ... да...

— Эхъ Софьюшка—худо кончится это, укоризненно произнесла „Пророчица," наклоняясь къ ней и цѣлуя ее въ губы. Пока вошедшая троекратно цѣловалась со всѣми присутствовавшими, Марьяна наклонилась къ Венцеславу.—Вотъ поглядишь на нее, сказала она,—подумаешь, съ неба сошла, а ужь грѣшницы, такой-то грѣшницы у насъ и не найдется, опять объяснила она ему.

— Неужто? спросилъ тотъ съ удивленіемъ, а въ правду сказать, красива она, такъ то красива.

Марьяна быстрымъ взглядомъ окинула Софью, потомъ Венцеслава. И еслибы только умѣлъ простодушный юноша читать въ жестокихъ, голубыхъ глазахъ „Пророчицы," онъ испугался бы не на шутку за Софью. Судьба ея была рѣшена въ эту минуту... Но вотъ кругомъ произошло какое-то движеніе. Венцеславъ съ любопытствомъ наблюдалъ за происходящимъ и увидѣлъ что откуда то Прокопъ досталъ старую скрипицу и смычокъ и сталъ около Егора. Оба взглянули вопросительно на молодую хозяйку.

— Благословишь ли поплясать? спросилъ Филиппъ.

Та дала разрѣшеніе легкимъ, важнымъ наклоненіемъ головы и тотчасъ же образовались двѣ пары: Филиппъ сталъ съ Софьей, а противъ нихъ Барабашъ съ Анной. Ловко избоченившись начали мѣрно и медленно пляску подъ звуки цимбалъ и скрипицы—и затѣмъ темпъ все ускорялся и пляска перешла въ бѣшеный удалой „казачекъ."

Вскорѣ, однако, Марьяна поднялась и съ усталымъ видомъ медленно сошла по ступенямъ возвышенія. Музыка тотчасъ же прекратилась.

— Пора и на покой, произнесла медленно красавица среди общаго молчанія. Пошли вамъ Господь сновъ ясныхъ, ночи доброй!

Всѣ кто былъ въ горницѣ, (за исключеніемъ Венцеслава) опустились на колѣни. „Пророчица" не безъ своеобразной граціи простерла надъ ними свои красивыя руки, какъ бы благословляя и своей тихой, величавой походкой удалилась изъ горницы.

Послѣ ухода ея всѣ присутствовавшіе начали разбирать шапки и цѣлуясь троекратно на прощанье, расходиться.

Венцеславъ задумчиво вышелъ въ калитку, отвязалъ коня и поѣхалъ по лѣсной дорогѣ. Все имъ видѣнное было такъ необыкновенно, такъ странно, что поразило его воображеніе. Оглянувшись на домъ Осиповича, онъ увидѣлъ, что Марьяна сидитъ у окна; лицо ея было ярко озарено луннымъ свѣтомъ. Она тоже увидѣла его и ласково махнула ему вслѣдъ своей бѣлой рукой.

IV.

Немного еще прошло времени, а Венцеславъ не выдержалъ и опять пріѣхалъ въ Тарговицы. Былъ дождливый и холодный сентябрскій день. Молодой гость и неразговорчивый хозяинъ усѣлись на лавкѣ въ горницѣ. Тутъ же находился на этотъ разъ еще одинъ крестьянинъ, какъ оказалось мужъ Софьи—Лавра, невысокій, толстый, съ флегматическимъ, краснымъ и ничего невыражавшимъ лицомъ. Онъ, было, завелъ какой-то разговоръ, но не видя къ нему никакого интереса со стороны собесѣдниковъ, тоже замолчалъ; въ комнатѣ воцарилось прежнее безмолвіе.

Вскорѣ послышался лошадиный топотъ и шумъ колесъ, возвѣстившіе пріѣздъ Марьяны.

Всѣ немедленно и торопливо встали и встрѣтили пророчицу съ глубокими поклонами. Отвѣтивъ легкимъ наклоненіемъ головы, молодая дѣвушка сѣла на скамью. Братья ея тотчасъ очутились около нея, какъ бы въ ожиданіи приказаній. Егоръ внесъ въ горницу покупки, которыя она привезла съ собою изъ городка, а Филиппъ снялъ съ нея высокіе дорожные сапожки.

— Что хорошенькаго скажешь, Лавра? спросила Пророчица мужа Софьи.

Тотъ опустился на колѣни и съ видомъ глубокаго благоговѣнія принялъ лобзаніе отъ священныхъ устъ Пророчицы.

— Даръ принесъ? спросила Марьяна.

Тотъ, все стоя на колѣняхъ, вынулъ какую-то бумагу.—Вотъ все какъ ты повелѣла—сдѣлано; къ господину натаріусу ходилъ въ городъ...

— Читай.

Лавра поднялся съ колѣнъ.

— Прости! грѣшенъ, читать не умѣю.

— Дозволь мнѣ прочесть, не утруждай своихъ свѣтлыхъ очей, произнесъ Венцеславъ, подходя къ Марьянѣ. Онъ взялъ бумагу изъ ея рукъ, явственно и отчетливо, съ чистымъ русскимъ выговоромъ, прочелъ бумагу. Оказалось, что это была дарственная, которою Лавра приносилъ Марьянѣ Осиповичъ „въ даръ двѣ десятины земли, съ плодовитымъ садомъ въ вѣчное владѣніе по своему свободному желанію и съ полнымъ смиреніемъ, во славу Божію". Такъ значилось въ бумагѣ.

— Ну что Софья? спросила она, передавая бумагу отцу, который съ поклономъ, почтительно ее принялъ и вышелъ изъ комнаты.

— Что ужъ! правды не утаишь, отвѣчалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ, всѣ и сосѣди скажутъ, нѣтъ у насъ ладу. Сердце ея, матушка, отвратилось отъ меня и въ домѣ моемъ что волчица дикая она взаперти мечется.

— Говорятъ, ты будто и за жизнь свою опасаешься?

— Вѣрно, матушка, вѣрно! Имѣю опасеніе это... Имѣю!

— Принеси мнѣ на нее по порядку жалобу коли такъ—слышишь? твердымъ и яснымъ голосомъ произнесла Пророчица.— Не бойся, правда на твоей сторонѣ. Да прегрѣшившіе понесутъ кару отъ Господа!

— Не могу я, матушка, потупившись, тихо и грустно отвѣчалъ тотъ.

— Ну такъ выходитъ и по дѣломъ тебѣ, и хорошо, коли ты такой,—что она поступаетъ такъ съ тобой. И хорошо ты дѣлаешь, что отъ всѣхъ прячешься, а то по улицамъ будутъ указывать на тебя.

— Время вѣдь еще не ушло, матушка, робко и тихо возразилъ онъ. Скорый-то судъ—не все судъ правый.

— Какъ знаешь, сухо сказала Марьяна вставая, дѣло твое. Она посмотрѣла на всѣхъ тѣмъ взглядомъ, которымъ „отпускаютъ" собесѣдниковъ люди привыкшіе приказывать. И съ низкими поклонами Лавра на цыпочкахъ, осторожно вышелъ изъ горницы и братья Марьяны также.

Молодые люди остались одни.

Прошло нѣсколько томительныхъ минутъ прежде чѣмъ Венцеславъ рѣшился нарушить молчаніе.

— Не пойму я Марьяна, началъ онъ, наконецъ нерѣшительно, что это у васъ дѣется—какъ же это у васъ наказываютъ жену за то, что она обижаетъ мужа. У васъ, слыхалъ я, нѣтъ церковнаго вѣнчанья.

— Нѣтъ, подумавъ нѣсколько, отвѣтила Марьяна.—Коли парень и дѣвушка согласились, слюбились между собой, для вѣнчанья довольно, чтобы родители ихніе дали согласіе свое. Родственники да дружки собираются въ домъ невѣсты, а старшой въ семьѣ и объявляетъ, что вотъ, молъ, мужъ и жена. Также и разойтиться имъ легко. Ежели которые мужъ и жена согласны на то—тогда оба опять люди совсѣмъ свободные будутъ.

— Не знаю, не вижу я тутъ ничего хорошаго...

— Чего ты понимать можешь? Неправильно ты это слово сказалъ. У насъ много еще рѣже расходятся, чѣмъ у васъ, или у жидовъ.

— Какой же то бракъ безъ священника, не по чести, не по чину, не съ Божьяго благословенія, ничего тутъ хорошаго нѣтъ, съ прежнимъ сомнѣніемъ проговорилъ Венцеславъ, не можетъ такой бракъ быть угоденъ Богу.

— Судишь ты по старому, по своему, кроткимъ голосомъ, какъ бы поучая, отвѣтила Марьяна,—мы легче дѣлаемъ и бракъ и разводъ, а за худыя дѣла у насъ взыскъ строгій.

— Слыхивалъ я... про женщинъ вашихъ недобрая идетъ слава... замѣтилъ Венцеславъ.

— Не хуже, чѣмъ про другихъ, возразила Пророчица, по прежнему спокойно и не показывая, какъ ее сердили эти возраженія. Человѣку дано сердцемъ его веселиться и крушить его женская краса. Господь создалъ насъ и указалъ это. Не людямъ грѣшнымъ идти противъ Его велѣній. И наряды, пляски, и веселье—грѣха нѣтъ тутъ—ежели который человѣкъ трудится, честно и неустанно. Возвеселись послѣ тяжкаго труда своего. И самъ увидишь потомъ, женщины наши проводятъ дни въ трудѣ по завѣту „въ потѣ лица снѣси хлѣбъ свой". Онѣ много усерднѣе всѣхъ прочихъ къ работѣ. Еще гдѣ до солнышка, онѣ ужъ встали, убрались; весь домъ ухетали, все въ порядокъ произвели; а если потомъ онѣ и понарядятся

Лирическая поэзія. Статуя Альберта Нуно. Съ фотогр. грав. Севери.

Медвѣдь, напавшій на стадо. Рисунокъ Шпехта. грав. Клоссъ.

когда либо, легкой какой работой займутся, либо повеселиться возжелают. Какой же тутъ грѣхъ? Тутъ грѣха нѣтъ передъ Господомъ.

— Чудно! Чудно все это! промолвилъ Венцеславъ.

— Погоди! чѣмъ больше узнавать будешь нашу вѣру, тѣмъ больше будешь дивиться, сказала Марьяна.

Въ слѣдующее свое посѣщеніе, Венцеславъ познакомился у Марьяны съ новымъ для него, невиданнымъ имъ типомъ.

Марьяна еще не показывалась: Солысковскій гость сидѣлъ рядомъ съ Егоромъ, наигрывавшимъ на своихъ цимбалахъ; въ сторонѣ Нилъ чистилъ свою трубку, а жена его и Анна усердно вязали что-то. Разговоръ не вязался и царствовавшую въ горницѣ тишину нарушали лишь стройные звуки цимбаловъ. Вдругъ скрипнула дверь, полуотворилась и сперва показался длинный носъ и совершенно лысая голова съ блестящими глазами и серебряной серьгой въ ухѣ.

— Э! Степанъ, Степа! воскликнулъ Егоръ.

Всѣ засмѣялись, оживились. Появленіе Степы будто развязало всѣхъ и даже неразговорчивый Нилъ Осиповичъ замѣтилъ усмѣхаясь: „Иди же, иди братъ Степанъ, чего ты!“

— Иду, иду, возразилъ новоприбывшій, однако, не особенно торопился. Сначала, за странной головой, потянулась длинная, тощая шея, потомъ—безконечный синій кафтанъ, далѣе шагнула сухая и тоже длинная нога, обутая въ старый сапогъ со стоптаннымъ каблукомъ, появилась, затѣмъ и другая такая же нога и, наконецъ, предъ присутствующими предстала тощая, большаго роста, нѣсколько сутуловатая фигура „Степана,“ который, прежде всего, остановился, вынулъ изъ кармана березовую тавлинку и угостилъ себя большою щепотью табаку.

— Ну, чего ты, боишься что ли? спросилъ Нилъ, снявшій, словно съ себя обѣтъ молчанія,—не укушу, подойди же, голубчикъ, поздоровкаемся.

Степанъ приблизился къ хозяину и совершилъ обычное троекратное лобызаніе, а затѣмъ и къ другимъ. Дойдя до Венцеслава, онъ остановился, нѣсколько удивленный встрѣтить незнакомца въ такомъ знакомомъ домѣ. Не зная какъ обойтись съ новымъ лицомъ, Степанъ не нашелъ сдѣлать ничего лучшаго, какъ вынуть снова свою тавлинку и предложить гостю понюхать. Тотъ изъ вѣжливости, взялъ щепотку.

— Вотъ, это ладно! вдругъ заговорилъ Степанъ,—я, бѣдный, только и могу угостить табачкомъ однимъ. Мнѣ, вѣдь, не всегда ровно и поѣсть-то всласть приходится!

— Такъ ты и сегодня пожалуй не ѣлъ? спросила его Анна.

— Да гдѣ же поѣсть то было, отвѣчалъ Степанъ, оглядывая горницу и будто разнюхивая своимъ большимъ носомъ, не найдется ли чего—у меня и дровецъ нѣтъ, огонь развести, да и варить-то нечего. Коровенка пала, а въ огородишкѣ только сорная трава растетъ.

— Самъ ты все побросалъ да запустилъ, замѣтилъ Осиповичъ.

— И въ запущеніи семъ утѣшеніе вижу себѣ, не то шутя, не то убѣждая, отвѣчалъ Степанъ, глаза котораго разгорѣлись, нечто человѣкъ только для того Господомъ созданъ, чтобы съ утра до ночи объ утробѣ пещись своей? Нѣтъ—ты душевный гладъ утоли! Вотъ! Я такъ вотъ и поступаю, творяй во благо. Молюсь я, не работаю, и буду вѣкъ молиться, не стану ни сѣять, ни жать, ни собирать въ житницы, ни деньги копить, о спасеніи души своей только пекусь и забочусь!

Послѣ этой тирады, онъ сѣлъ въ уголъ, закрылъ глаза и началъ, покачиваясь, что-то бормотать себѣ подъ носъ.

— Что это—въ самомъ дѣлѣ благочестивый ли человѣкъ, плутъ-ли? подумалъ Венцеславъ, осторожно искоса поглядывая на странное носатое лицо, ни въ одной чертѣ котораго, однако, не было ничего злаго, дурнаго или фанатическаго. Осиповичъ толкнулъ локтемъ старуху-жену и та, понявъ его намекъ, поднялась, съ обычнымъ вздохомъ, и подошла къ стоявшему у стѣны, по близости отъ Степана, большому ларю. Степанъ слегка пріоткрылъ глаза и сталъ слѣдить за хозяйкой: онъ открылъ ихъ совсѣмъ и потянулся къ ларю, когда Настасья вынула оттуда деревянныя блюдца съ вареной говядиной и хлѣбомъ.

— Да, вы вотъ ѣдите цѣлый день, такъ ведется у васъ, тихо замѣтилъ онъ, когда Настасья поставила на столъ тарелку.

— Это тебѣ.

— Мнѣ! воскликнулъ онъ, поднимая руки къ небу.—Боже, не оставляешь Ты, милостивый, меня грѣшнаго, есть добрые люди. Дѣлами милосердія вѣру свою подкрѣпляютъ!

Степанъ не сразу принялся за трапезу. Онъ говорилъ что боялся сластью „погубить душу свою“ и долго отнѣкивался, понемногу только какъ бы уступая настояніямъ Осиповича и Егора, убѣдившихъ его съѣсть и хлѣбъ и говядину, Но до вина, которое онъ зорко усмотрѣлъ въ ларѣ,—добрался ужъ онъ самъ, говоря Осиповичу, тоже не то шутя, не то серьезно, что ему въ откровеніи нынѣ въ ночи сказано, что отецъ Марьяны поднесетъ стаканчикъ Степѣ.

Аппетитъ Степы разыгрался въ такой степени, что когда вошелъ въ комнату Барабашъ, принесшій съ собой поставецъ съ свѣжимъ сотовымъ медомъ, то онъ уже безъ церемоній, выпросилъ себѣ горшечекъ меду.

Дверь растворилась. Появилась Марьяна. Всѣ стали на колѣни, кромѣ Венцеслава. Обойдя и перецѣловавъ всѣхъ, „Пророчица“ повидимому не обратила никакого вниманія на Солысковскаго гостя, не привѣтствовавшаго ее подобно другимъ.

— Это что за поставецъ? спросила она.

— Мой. Меду несу, продавать на базаръ, отвѣчалъ Барабашъ.

— Зачѣмъ же на базаръ. Ты здѣсь его оставь.

— Будь милостива, прими, клапяясь, покорно отвѣчалъ тотъ, изъ подлобья пристально глядя на нее.

Марьяна сдѣлала знакъ Аннѣ; та взяла поставецъ и вынесла изъ горницы. Венцеславъ между тѣмъ съ ея прихода ничего не замѣчалъ. Онъ не могъ оторвать глазъ отъ Марьяны. Это всеобщее раболѣпное повиновеніе, это поклоненіе придавало какой-то особенный ореолъ красотѣ ея, и какой то оттѣнокъ законности ея приказаніямъ. Въ то же время онъ чувствовалъ все больше и больше ея власть надъ своимъ сердцемъ и чувствовалъ что она смотритъ и не можетъ не смотрѣть на него, какъ на человѣка, стоящаго неизмѣримо ниже ея.

Но онъ, самъ того не замѣчая, служилъ въ эту минуту предметомъ вниманія одного изъ присутствовавшихъ. Барабашъ инстинктивно чуялъ въ немъ соперника и нисколько не скрывалъ нерасположенія своего къ непрошенному гостю; ненавистью, горѣли глаза его при видѣ юноши. Совсѣмъ иначе спокойно, мирно встрѣтилъ онъ другаго соперника своего, того самаго, котораго Венцеславъ видѣлъ тоже на вечерницѣ—Прокопа. Онъ, бѣдняга, какъ и тогда, робко остановился у порога, не смѣя двинуться дальше.

— Чего ты тамъ остановился,—иди сюда, произнесла Марьяна, обращаясь къ нему.

Прокопъ сдѣлалъ нѣсколько боязливыхъ шаговъ впередъ и опустился на колѣни. Марьяна сама приблизилась къ нему и, наклонившись, милостиво удостоила покорнаго раба своего лобзаніемъ.

— Ну, теперь и на уходъ! воскликнулъ Степанъ, схватилъ горшечекъ меду, сдѣлалъ торопливо „метаніе“ передъ Марьяной и исчезъ, за нимъ послѣдовалъ и Барабашъ.

Послѣ минутной нерѣшимости, Венцеславъ тоже поспѣшно всталъ, вышелъ изъ дома и вскочилъ на коня. Онъ уже проѣхалъ довольно далеко, когда имъ внезапно овладѣло какое-то непріятное чувство, чувство непонятнаго безпокойства. Онъ, почти безсознательно, повернулъ лошадь и цѣликомъ по полю, подъѣхалъ ко двору Осиповича и сталъ смотрѣть черезъ заборъ. Сначала ничего не было видно, кромѣ сухихъ, красноватыхъ и желтыхъ листьевъ, которые осенній вѣтеръ крутилъ посреди широкаго, пустаго двора. Затѣмъ, тихо прошла Марьяна а за нею Прокопъ, слѣдовавшій по пятамъ своей повелительницы, какъ послушная собака. Оба пошли въ двери домика Марьяны.

Буря страстной, бѣшеной ревности охватила сердце Венцеслава; ему надо было сейчасъ же видѣть, сейчасъ же знать, удостовѣриться—было ли что! Онъ нагнулся къ забору и сталъ прислушиваться. До него донеслось однообразное, въ полъ-голоса, бормотанье. На душѣ у него отлегло: не было сомнѣнія—они просто молились.

— Чего все боюсь-то я, произнесъ Венцеславъ, говоря самъ съ собой—она у нихъ „святая“—станетъ она! Дуракъ я!

Успокоенный, онъ поѣхалъ въ Солысково.

(Продолженіе будетъ).

Очерки Крыма.*)

П. П. Гнѣдича.

(Продолженіе).

IV.

По выходѣ изъ дворца, вамъ предлагаетъ проводникъ съѣздить въ Чуфутъ-Кале — небольшую крѣпость, находящуюся верстахъ въ двухъ отъ ханскаго палаццо. Если вы принадлежите къ числу тѣхъ туристовъ, которые — подобно путешествующимъ англичанамъ — задаются цѣлью осмотрѣть непремѣнно все, чтобы удостовѣриться—стоитъ-ли это „все“ на своихъ мѣстахъ, и таково-ли оно, какимъ описывается въ путеводителяхъ,—то отчего же и не съѣздить. Если вы художникъ — типы цыганскаго предмѣстья Бахчисарая, грандіозныя скалы жидовской крѣпости *) дадутъ вамъ прелестные мотивы для этюда. Іосафатова долина—эта усыпальница евреевъ-караимовъ, мирно дремлющая возлѣ Чуфутъ-Кале,—можетъ навести васъ на размышленіе о судьбахъ блуждающаго народа, вѣчно гонимаго, вѣчно нелюбимаго, и въ тоже время вѣчно тѣснящаго безъ жалости все то, что не принадлежитъ къ его національности. При взглядѣ на осыпающіяся гробницы, безмолвно бѣлѣющія вокругъ, какъ-то невольно приходятъ на умъ слова поэта:

Народъ, разрозненный грозою,
Скиталецъ по лицу земли!

*) См. „Нива“ № 1.

*) Чуфутъ-Кале и значитъ *жидовская крѣпость*.

Здѣсь, наконецъ, вы подъ землею
Осѣдлость вѣчную нашли..,
Въ Іосафатовой долинѣ
Васъ ждалъ желаемый покой:
И ужъ не выжнвутъ васъ нынѣ
Изъ лона матери родной... *)

Но представьте себѣ, что вы просто скучающій человѣкъ, который ѣздитъ изъ стороны въ сторону ради прогулки, который, какъ большинство нашихъ соотечественниковъ, ничего не понимаетъ въ памятникахъ древности, и даже—о ужасъ—забылъ учебникъ географіи Бѣлохи—наивно предполагаетъ, что караимы—ничто иное какъ тѣ же татары, такъ какъ костюмы ихъ оказываются почти тождественными. Въ такомъ случаѣ я вамъ не посовѣтую посѣщать ни Іосафатовой долины, ни Усненскихъ скитовъ, потому что вамъ нестерпимо надоѣдятъ и высосутъ изъ васъ все, что могутъ, всякихъ сортовъ чичероне въ своихъ необъяснимыхъ шароварахъ, нахально жмущіе вамъ руки, нахально требующіе денегъ, ничего не знающіе толкомъ, несущіе ужасную чепуху объ историческихъ памятникахъ, чичероне отъ которыхъ вы ничѣмъ не отдѣлаетесь, безъ которыхъ вамъ даже пообѣдать нельзя. Они насильно сведутъ васъ въ лавки, въ кофейни, заставятъ выпить чашку густаго какъ деготь кофе, заставятъ купить красныхъ и желтыхъ сафьяныхъ туфель, кнутъ съ козьей ногой вмѣсто ручки, съ бубенчиками и съ хлопушкой на концѣ, массу колецъ и запястьевъ изъ какого-то необъяснимаго металла, увѣрятъ васъ, что вамъ жарко, стащутъ съ васъ поэтому пальто, вырвутъ изъ рукъ книги, плэдъ,—и наконецъ сдерутъ за свои обязательныя услуги самую нелѣпую плату. Въ концѣ концовъ вамъ остается сѣсть въ первый попавшійся фаэтонъ и бѣжать скорѣе прочь, куда глаза глядятъ, только бы освободиться отъ жадныхъ лапъ этихъ жрецовъ Ваала.

Но быть можетъ вы принадлежите къ числу тѣхъ туристовъ, которые задались мыслью вынести какъ можно больше впечатлѣній. Въ такомъ случаѣ, мой совѣтъ, осмотрѣвши всѣ затхлыя окрестности Бахчисарая, не ѣхать въ вокзалъ, а отправиться на почтовую станцію, расположенную за чертой города, на югѣ, и взять оттуда до Севастополя земскихъ перекладныхъ. Теперь, знаменитый въ свое время (1852—1855 г.) почтовый трактъ упразднёнъ, а потому здѣсь, какъ и всюду на Руси, царствуетъ полнѣйшій произволъ; вмѣсто прогоновъ вамъ предложитъ смотритель за извѣстную плату телѣжку съ одной перепряжкой; впрочемъ, съ нимъ можно смѣло поторговаться, такъ какъ крымскій обычай запрашивать присущъ всему таврическому полуострову. Вотъ вы сторговались, лошади заложены, ямщикъ-татаринъ сидитъ на облучкѣ, деньги заплачены впередъ сполна.

Звенитъ колокольчикъ. Безоблачное горячее небо палитъ и жжетъ лицо и руки. Голая степь пологими холмами разливается вокругъ. Низенькія, бѣлыя татарскія лачужки, припертыя другъ къ другу, ютятся кое-гдѣ подъ чахлою тѣнью пирамидальныхъ тополей. Полотно желѣзной дороги ползетъ извиваясь змѣею, къ югу, прерывая свою монотонную линію сквознымъ рѣшетчатымъ віадуктомъ, мостикомъ легко повисшимъ въ воздухѣ. Жалкія рѣченки журчатъ по камнямъ въ оврагахъ; качинскіе и бальбекскіе сады рѣзкимъ контрастомъ остальному выжженному безлюдью, кидаются невольно въ глаза, маня къ себѣ своей темно-зеленою сочной листвой. Здѣсь ростутъ лучшіе фрукты Крыма и выдѣлывается скверненькое винцо, самаго низшаго достоинства.

Дорога вздымается все выше и выше. Вотъ съ вершины холма далеко-далеко на востокъ, блеснулъ какой-то фантастическій миражъ. Свѣтло-сѣрая и, въ тоже время, изсиня-изумрудная полоса моря, а сверху, надъ этой полосой, словно накинуты кистью геніальнаго декоратора, нависли золотисто-фіолетовыя груды горъ. Ихъ вершины теряются въ легкой дымкѣ вечера, выси плаваютъ въ прозрачныхъ, розовыхъ облакахъ, контуры дрожатъ въ искрящемся, тепломъ воздухѣ юга. Это и есть южный берегъ Крыма, тамъ, у этихъ горъ, и пріютилась Байдарская долина...

V.

Но пока другая картина приковываетъ взоръ,—внизу открылась панорама Севастополя, отдѣленная отъ васъ только неширокимъ рукавомъ пролива. Ямщикъ довозитъ до самой воды. Здѣсь стоитъ сѣсть въ лодку, чтобы черезъ десять-пятнадцать минутъ быть въ городѣ. Рыбакъ, владѣлецъ лодки, большой, морской, прочно построенной лодки, поставитъ мачту, если есть хоть маленькій вѣтеръ, который можетъ забрать парусъ и направить судно наискось, къ такъ называемой Екатерининской или Графской пристани. Чудный севастопольскій рейдъ, весь золотой, рдѣющій въ лучахъ заходящаго солнца, окруженный своими бастіонами, во всей красѣ развертывается вокругъ. Мимо мелькаютъ лодки съ грузами, солдатами, пассажирами, торговыя суда недвижно стоятъ на зеркальномъ лонѣ залива. Въ золотисто-синей водѣ тихо плывутъ мимо лодки, мѣрно пошевеливая щупальцами, перламутровые клубки морскихъ медузъ. Громадные морскіе пароходы, отваливши съ всѣмъ корпусомъ назадъ, чернѣютъ у пассажирской пристани и пыхтятъ какъ сказочныя чудища. „Мертвый городъ", играя своимъ бѣлымъ остовомъ на солнцѣ, плыветъ вамъ на встрѣчу.

Вотъ и Екатерининская пристань. Широкая каменная лѣстница поднимается нѣсколькими уступами и вѣнчается портикомъ строго-классическаго стиля. Это нѣчто въ родѣ тріумфальныхъ воротъ самаго стереотипнаго вида, поражающихъ непріятною сухостью линій. Колонны дорическаго ордена и, конечно, съ каннелюрами; неизбѣжные триглифы и метопы дряблo смотрятъ съ высоты антоблемена *); статуи самаго сомнительнаго достоинства безучастно торчатъ по сторонамъ. Бѣлая пыль крутится на площади и осыпаетъ словно мукою прохожихъ, проѣзжихъ, и дома, и портикъ, и лавочку гдѣ торгуютъ фруктами...

„Мертвый городъ"... Да онъ мертвый, мертвый окончательно. Это не летаргическій сонъ,—это полнѣйшее разложеніе. Прежній фениксъ никогда не возродится изъ этаго пепла,—только нѣчто новое, неимѣющее ничего общаго съ прежнимъ, никакихъ традицій, можетъ появиться на этихъ развалинахъ...

Грустно, больно глядѣть на него. Въ четверть вѣка онъ не смогъ оправиться и лежитъ, какъ непогребенный, тлѣющій мертвецъ, какъ яркій слѣдъ великой борьбы. Груды камней, цѣлыя улицы, кварталы говорятъ, что здѣсь была страшная, губительная, долговременная осада, борьба на жизнь и смерть. Дома, словно послѣ пожаровъ, только не закопченные, а чистые, точно сейчасъ выбѣленные, сквозятъ рядами безрамныхъ оконъ, ярко освѣщенные изнутри свѣтомъ бьющимъ сверху,—благо о крышѣ нѣтъ и помина. Мѣстами деревцо принялось внутри дома,—разрослись, расползлись у его подножья кусты, а само оно вытянулось, встрѣтило на пути своемъ балку, пошло рости накось, зеленой макушкой уперлось въ уголъ, черезъ окно выпростало наружу свои стѣсненныя вѣтви и ярко цвѣтетъ молодая его жизнь межь реберъ стараго скелета.

На улицахъ мертво и безлюдно—словно это не приморскій городъ, а какое нибудь губернское захолустье центральной полосы Россіи. Изрѣдка мелькнетъ парный фаэтонъ, морской сюртукъ и бѣлая фуражка. Сухо, мертвенно, ни живыхъ красокъ, ни формъ,—смерть, смерть повсюду... Роскошныя зданія благороднаго собранія, офицерской библіотеки, съ ея сфинксами, мраморными статуями, итальянской террасой, съ барельефами Рамазанова,—все это безобразная груда чего-то, разорванная на куски...

Словно легче дышется на берегу заливовъ... Чудныя, удивительно дѣйствующія на больныхъ купанья, особенно здѣсь практикуются, по совѣту докторовъ въ сентябрѣ; морскія души волшебнымъ образомъ дѣйствуютъ на организацію преимущественно страдающихъ раками,—а такихъ оказались цѣлыя массы послѣ недавней войны 1877—1878 годовъ. Больные здоровѣютъ положительно съ каждымъ днемъ, здоровье, вопреки пословицѣ, приходитъ пудами...

VI.

За небольшую плату можно нанять любую рыбачью лодку на нѣсколько часовъ, если кто любопытствуетъ осмотрѣть окрестности Севастополя, пожалуй съѣздить и въ Балаклаву. На вашъ вопросъ о безопасности морскаго переѣзда на маленькомъ суднѣ, хозяинъ его вамъ отвѣтитъ:

— У насъ лодки крѣпки. Мы не только въ Балаклаву—въ Ялту ходимъ въ тихую погоду: дорога прямая, все берегомъ. Иные до Алушты ходятъ...

Впрочемъ всѣ достопримѣчательности Севастополя расположены въ такомъ недалекомъ разстояніи другъ отъ друга, что морское путешествіе можетъ быть названо положительно безопаснымъ...

Если хотите получить сильное впечатлѣніе, несравненно сильнѣйшее чѣмъ всѣ красоты Георгіевскаго монастыря или Балаклавы, даже сильнѣйшее чѣмъ впечатлѣніе всѣхъ бастіоновъ и Малахова кургана,—направьте свою лодку къ такъ называемому „братскому" кладбищу, пріютившемуся на склонахъ высокаго холма, какъ разъ противъ города, на сѣверной бухтѣ.

Кто не слыхалъ про это „братское" кладбище? Это жатва смерти за тѣ незабвенные триста сорокъ девять дней, которые дали вѣчную память Севастополя, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сгубили его навсегда...

Вы входите въ ворота. Тѣнь, благоуханіе, солнце!.. Нѣтъ того тяжелаго трупнаго запаха, который такъ присущъ всѣмъ кладбищамъ міра,—четверть вѣка слишкомъ долгій срокъ, морской вѣтеръ давно разнесъ всѣ міазмы, и теперь только легкій ароматъ цвѣтовъ, да мощно раскинувшихся деревьевъ царитъ надъ вѣчнымъ жилищемъ.

Много, много здѣсь тысячъ павшихъ... эти тысячи приходится считать даже не десятками... Вокругъ—порядокъ, чистота; всѣ памятники новы и свѣжи, не запылены; и надъ каждымъ надпись: „убитъ въ такомъ-то сраженіи", или „умеръ отъ раны тогда-то"...

Порою встрѣчаются приземистые грузные памятники, скромно притаившіеся подъ густымъ навѣсомъ каштановъ, съ лако-

*) Кн. Вяземскій, Крымскія фотографіи,— „Чуфутъ-Кале".

*) Каннелюры—углубленія въ стволѣ колонны, полуциркульныя, продольныя; метопы и триглифы обычныя барельефныя украшенія тѣла вѣнчающаго колонну антоблемена.

нической надписью: „Братская могила“. Это значитъ—тутъ зарыто до 80—100 нижнихъ чиновъ—„имена же ихъ ты вѣси, Господи!“...

Несложна была процедура ихъ погребенія во время осады. Говорятъ, гробовъ не хватало для мертвыхъ.... Некогда было служить заупокойныя литургіи—простой монахъ въ эпитрахили читалъ надъ ними молитвы, а товарищи покойныхъ пѣли имъ тутъ же вѣчную память...

По серединѣ кладбища высится пирамидальная постройка кладбищенскаго храма, постройка чрезвычайно оригинальная, живо отвѣчающая тому впечатлѣнію, которое старался вызвать строитель. Снаружи—это гробовой склепъ, испещренный по стѣнамъ статистическими данными о количествѣ павшихъ. Внутри, не смотря на такія же черно-мраморныя таблицы,—это храмъ жизни. Церковь прекрасно освѣщена, живопись легкая, воздушная, нѣсколько пестрая, но отвѣчающая идеѣ вѣчной жизни и воскресенія. Надъ дверьми, картина страшнаго суда и текстъ: „грядетъ часъ суда, мертвые въ гробѣхъ услышатъ гласъ сына Божія—и услышавшіе оживутъ“... Напротивъ ея—картина вознесенія и ангелъ возвѣщающій мѵроносицамъ: „воздвиг—нѣсть здѣ!“... Запрестольный образъ—„Христосъ, торжествующій побѣду надъ смертью“—какъ нельзя болѣе гармонируетъ всему остальному...

Къ несчастію этотъ храмъ портится, — дождь пробиваетъ крышу, потоки воды смываютъ живопись. Плохое отопленіе развело сырость. Объ исправленіи не заботятся, и небольшія затраты, которыми нѣсколько лѣтъ назадъ можно было исправить порчу, теперь уже могутъ быть названы болѣе чѣмъ значительными... Впрочемъ говорятъ, что минувшимъ лѣтомъ заѣзжалъ сюда проѣздомъ генералъ-губернаторъ Тотлебенъ, и говорилъ, что въ скоромъ времени начнутся исправленія...

Подъ этимъ храмомъ покоится 943 командира, отъ генерала до оберъ-офицера включительно... Здѣсь покоятся адмиралы: Корниловъ, Истоминъ, Нахимовъ, главнокомандующій князь М. Д. Горчаковъ, знаменитый Хрулевъ...

Всего же на всемъ кладбищѣ... Впрочемъ, мѣсто-ли здѣсь въ бѣглыхъ путевыхъ замѣткахъ, приводить цифры изъ кладбищенскихъ списковъ...

Къ рисункамъ.

Пушкинъ въ Михайловскомъ.

(Картина Н. Н. Ге).

Профессоръ Николай Николаевичъ Ге принадлежитъ безспорно къ числу тѣхъ немногихъ блестящихъ русскихъ художественныхъ талантовъ, которые въ началѣ шестидесятыхъ годовъ положили основаніе такъ называемой русской школѣ живописи. Составивъ себѣ репутацію извѣстной, большой композиціей „Отшествіе Іуды“ (собственность императорской Академіи Художествъ), онъ блестящимъ образомъ поддержалъ ее своими послѣдующими произведеніями: „Допросъ царевича Алексѣя Петромъ I“, (собственность г. Третьякова) и „Екатерина у гроба Елисаветы“ (собственность г. Полетики). Могучая кисть, удивительно пріятная манера письма, покойный колоритъ, и мѣстами легкая небрежность рисунка—составляютъ отличительныя черты его картинъ, умно трактованныхъ, крайне-реальныхъ,—появленіе которыхъ производитъ всегда въ публикѣ много толковъ. Даже мелкія, легкія, словно мимоходомъ набросанныя его вещицы,—и тѣ представляютъ интересъ,—такова, напр., его картина, копія съ которой помѣщается въ этомъ номерѣ „Нивы“: „Пушкинъ въ Михайловскомъ“.

„Нива“ уже имѣла случай говорить подробно о пребываніи тамъ поэта въ изгнаніи (см. № 20, 1878 г.). Не желая повторяться, напомнимъ читателямъ, что Пушкину, которому былъ воспрещенъ выѣздъ изъ Михайловскаго, его родоваго имѣнія, невыносимо скучалъ въ одиночествѣ. Единственной его радостью бывали внезапные наѣзды его товарищей по лицею: Горчакова (теперешняго канцлера), Дельвига, Пущина. Тогда поэтъ оживалъ, дышалъ, хотя нѣсколько часовъ, своей прежнею жизнью, забывалъ всю тяжесть изгнанья. Одинъ изъ такихъ моментовъ и изображенъ Ге. Въ ясный осенній или зимній денекъ, пріѣхалъ Пущинъ. Шуба сброшена на диванъ, наскоро вскрытъ чемоданъ, прочтены письма отъ друзей. Гость, напившись съ мороза горячаго чая, съ наслажденіемъ завалился въ широкія кресла, и еще съ большимъ наслажденіемъ слушаетъ восторженное чтеніе друга. Чудные хореи и ямбы, одни на смѣну другимъ, бѣгутъ и звучатъ небывалой гармоніей. И не только гость, а даже няня поэта Арина Родіоновна, присѣвшая съ своимъ чулкомъ у дверей, и та заслушалась вдохновенныхъ строфъ. Кто знаетъ, быть можетъ и дѣло-то идетъ какъ разъ объ ней: помните стихотвореніе „Зимній вечеръ“, гдѣ поэтъ непосредственно обращается къ своей нянѣ.

Наша ветхая лачужка
И печальна и темна,
Что же ты, моя старушка,
Пріумолкла у окна?
Или бури завываньемъ
Ты, мой другъ, утомлена,
Или дремлешь подъ жужжаньемъ
Своего веретена?

Вся комната пронизана насквозь косыми, негрѣющими лучами солнца, залившими и столъ и диванъ, и край портрета Байрона, висящаго надъ диваномъ, бликами отразившимися на статуэткѣ Бонапарта, стоящей на каминѣ. Синеватые слои табачнаго дыма повисли въ воздухѣ. Всюду поэтическій безпорядокъ, усиленный внезапнымъ наѣздомъ друга. Пущинъ былъ первый, посѣтившій поэта въ изгнаніи. Пушкинъ вспоминаетъ его пріѣздъ въ своей прелестной элегіи „Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ“ съ глубокой благодарностью.

...Поэта домъ опальный,
О, Пущинъ мой, ты первый посѣтилъ,
Ты усладилъ изгнанья день печальный
Ты въ день его лицея превратилъ!...

Картина Ге является у насъ единственной представительницей того „историческаго жанра“, появленіе котораго такъ желательно въ молодой русской школѣ. Къ сожалѣнію, вотъ уже пять лѣтъ какъ написанъ „Пушкинъ“, а послѣдователей нѣтъ. Да и для самаго Ге эта картина оказалась послѣдней: съ тѣхъ поръ на выставкахъ его произведеній (за исключеніемъ портрета Алексѣя Потѣхина) не появлялось,—и онъ, весь предавшись сельскому хозяйству, совершенно, повидимому, игнорируетъ искусство.

Деревенскій ювелиръ.

(Рисунокъ Зиновьева).

Наши кустарные промыслы упорно и разумѣется успѣшно вытѣсняются вездѣ машиннымъ производствомъ и во многихъ уже мѣстностяхъ, гдѣ цѣлыя населенія кормились какимъ нибудь „рукомесломъ“ имъ приходится бросать прежнія занятія и искать новыхъ, имъ непривычныхъ и часто несвойственныхъ.

Подвѣски, серьги, ожерелья и проч. украшенія часто весьма тонкой и оригинальной работы, какъ извѣстно, составляли обычныя, необходимыя принадлежности прежняго богатаго женскаго костюма (который теперь и по деревнямъ замѣняется, особенно подъ столицами, разными мантильями и шляпками) и это вызывало разумѣется обширную и весьма развитую промышленность этими предметами. Городъ Великій Устюгъ напр. на сѣверѣ, искони славился своими рѣзными золотыми и особенно серебряными съ черныю издѣліями, которыми снабжалъ всю Россію.

Вотъ сидитъ въ темной, неудобной мастерской такой мастеръ, быть можетъ тоже Устюжанинъ, съ однимъ помощникомъ—сынишкой и трудится—поправляетъ какія нибудь поломанныя сережки деревенской красавицы или мастеритъ серебряныя скромныя колечки къ деревенской свадьбѣ.

Мальчикъ-болгаринъ.

(Картина проф. Чистякова)

Прекрасная картина профессора Чистякова, бывшая на послѣдней С.-Петербургской академической выставкѣ, изображаетъ мальчика-болгарина, готовящагося спустить стрѣлу съ своего маленькаго лука. Какія-то невеселыя тѣни на смугломъ, серьезномъ лицѣ мальчика. Можетъ быть на свое несчастіе и онъ видѣлъ тотъ кровавый призракъ который такъ ужасно прошелъ недавно, надъ его родиной съ огнемъ и мечемъ. Можетъ быть его дѣтскіе глазки съ ужасомъ останавливались на картинахъ пожара и разрушенія и онъ слышалъ стоны родныхъ своихъ, безжалостно замученныхъ. Горе тому, передъ кѣмъ въ дѣтствѣ проносились такія картины! Оттого быть можетъ въ его черныхъ глазахъ не видно того милаго дѣтскаго свѣта, на лицѣ той беззаботно ясной, беззавѣтной улыбки, которые придаютъ такую прелесть дѣтскимъ лицамъ.

Лирическая поэзія.

(Статуя А. Нуно).

Здѣсь мы прилагаемъ рисунокъ со статуи талантливаго итальянскаго скульптора А. Нуно, бывшей на Парижской художественной выставкѣ.

Статуя отличается изяществомъ и гармоніей линій, положеніе всей фигуры легко и воздушно, поза въ высшей степени граціозна. Нельзя не признать удачнымъ такое символическое изображеніе лирической поэзіи, поэзіи сердца, граціозной и изящной, выражающей часто мельчайшія, неуловимѣйшія движенія души и мечты поэта, и вмѣстѣ съ тѣмъ и возвышенныя его стремленія.

А. Нуно работаетъ много и неутомимо и уже большое количество прекрасныхъ произведеній выпустилъ онъ изъ своей мастерской, утвердивъ за собою репутацію одного изъ талантливѣйшихъ современныхъ скульпторовъ.

(Продолженіе на стр. 85, 86, 87 и 88).

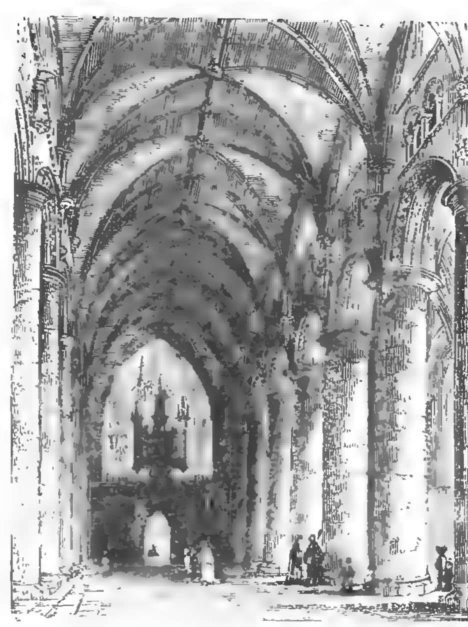
Медвѣдь, напавшій на стадо.

(Рисунокъ Шпехта).

На нашемъ сѣверѣ, медвѣдь часто является подрывателемъ крестьянскаго хозяйства, какъ жучки и суслики на югѣ, хотя конечно только въ отдѣльныхъ случаяхъ, не имѣющихъ характера общественнаго бѣдствія. Въ той мѣстности земля требуетъ большаго удобренія, крестьяне должны держать много рогатаго скота, и уменьшеніе количества послѣдняго весьма тяжко отзывается на хозяйствѣ крестьянина. Извѣстіе „медвѣдь идетъ такимъ-то лѣсомъ“, передаваемое отъ одного къ другому, имѣетъ тамъ совершенно спеціальное, пугающее домохозяевъ, значеніе. И начинаются сѣтованія, разсказы: у того-то задралъ бычка, тамъ коня на выгонѣ испортилъ... Кромѣ того на сѣверѣ большую поддержку населенію представляетъ охота или съ ружьями или съ петлями и *слопами* на рябчиковъ и другую дичь. И тутъ медвѣдь, большой охотникъ до дичи, наноситъ большой вредъ. Повадившись по этимъ петлямъ и слопамъ, медвѣдь, случается, въ данной мѣстности начисто обираетъ всю попавшуюся добычу.

Глочестерскій соборъ. Сѣверная галлерея.

Глочестерскій соборъ. Восточная галлерея.

Наконецъ домохозяева и промышленники выходятъ изъ терпѣнія и ополчаются на мохнатаго хищника, большею частью цѣлой облавой, ибо спеціалистовъ-медвѣжьихъ охотниковъ очень мало и мирное населеніе не особенно склонно дѣлать себѣ изъ этаго кровавую забаву, ибо и шкура медвѣдя по цѣнности своей въ тѣхъ мѣстахъ рѣдко вознаграждаетъ рискъ и опасность. И вотъ ставятъ на тропѣ медвѣдя пудовые, желѣзные капканы, настораживаютъ самострѣлы а всего чаще подстерегаютъ его на лабазахъ, на высокихъ деревьяхъ близъ медвѣжьей тропы и бьютъ его жеребьями изъ широкодульныхъ ружей. На такихъ лабазахъ подстерегаютъ медвѣдя осенью, когда онъ, задравъ корову или лошадь, ходитъ къ ней на *повдь*. На прекрасномъ рисункѣ Шпехта изображена кровавая встрѣча испуганнаго стада съ лохматымъ хищникомъ гдѣ нибудь на далекомъ уединенномъ лѣсномъ выгонѣ. Красивый холмогорскій быкъ отважно бросается на медвѣдя, который уже наскалъ на жертву и впился своими ужасными зубами въ загривокъ. Въ сценѣ много выразительности и движенія.

Соборный храмъ въ Глочестерѣ.

Глочестеръ теперь не болѣе какъ красивый, чистенькій англійскій городъ построенный на лѣвомъ берегу Северна и имѣющій до 20,000 жителей. Главная его достопримѣчательность—это соборный храмъ—одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ средневѣковой архитектуры, какъ-то чудомъ уцѣлѣвшій послѣ цѣлаго ряда вѣковъ и потому совершенно своеобразный по характеру своего стиля.

Вначалѣ на этомъ мѣстѣ существовала монастырская церковь во имя св. Петра, но точное время основанія Глочестерскаго аббатства неизвѣстно и вся его ранняя исторія теряется во мракѣ бурныхъ событій, сопровождавшихъ завоеваніе Англіи Норманами. Впрочемъ донынѣ еще существуетъ здѣсь сводчатая капелла, носящая на себѣ всѣ признаки Норманскаго происхожденія и которая была построена аббатомъ Серло во время царствованія англо-норманской династіи а именно при королѣ Вильгельмѣ I въ 1058 году. Первый основной камень храма св. Петра, нынѣшняго собора, былъ положенъ въ 1089 г. Просуществовавъ почти пять вѣковъ аббатство св. Петра было уничтожено въ 1539 г. Генрихомъ VIII, который разогналъ всѣхъ монаховъ и отдалъ всё монастырское имущество проте-

Глочестерскій соборъ. Общій видъ съ южной стороны.

стантамъ. Въ то же время, сознавая все историческое значеніе древней монастырской церкви, Генрихъ VIII обратилъ ее въ каѳедральную и освятилъ во имя Святой и Нераздѣльной Троицы.

На прилагаемомъ нами рисункѣ, изображащемъ общій видъ Глочестерскаго собора, видна его величественная, четыреугольная башня, имѣющая 223 фута вышины и 40 футовъ въ окружности и построенная въ 1454 году аббатомъ Томасомъ Сильбрюкомъ на мѣстѣ старой, имъ же сломанной. Внутри соборъ представляетъ большое разнообразіе и богатство историческихъ рѣдкостей. Надгробные его памятники также весьма замѣчательны. Такъ, у сѣверной стороны хоръ, между двумя массивными, норманскаго стиля, колоннами находится гробница несчастнаго короля Эдуарда II, павшаго жертвою междоусобій. Изъ новѣйшихъ надгробныхъ сооруженій замѣчательны еще мраморный памятникъ, воздвигнутый въ память Вильгельма Варбуртона, друга Попе и издателя его сочиненій и колоссальная статуя Эдварда Дженнера, знаменитаго изобрѣтателя прививки оспы.

Политическое обозрѣніе.

Столкновеніе Порты съ Итальянскимъ посланникомъ.—Ключи церкви св. Параскевы въ Филиппополѣ.—Австрія и Сербія.—Ирландія.—Смерть Граммона и Ж. Фавра.—Гамбетта и радикалы.—Война въ Южной Америкѣ и обновленный „Гуаскаръ.“

„Столкновеніе съ иностранными державами“ превратилось у Порты въ какую-то хроническую болѣзнь. Недавно еще мы передавали читателямъ о недоразумѣніяхъ, возникавшихъ между турецкимъ правительствомъ съ одной стороны, и Англіей и Франціей съ другой, теперь сообщаютъ о новой стычкѣ между оттоманскимъ правительствомъ и, на этотъ разъ, Итальянскимъ посланникомъ. Дѣло произошло слѣдующимъ образомъ. Въ Константинополь прибылъ итальянскій пароходъ, на которомъ находился братъ Хедива, принцъ Гассанъ-паша. Тотчасъ же на этотъ пароходъ явился министръ юстиціи, въ сопровожденіи стражи, и объявилъ принцу, что ему запрещено выходить на берегъ и что турецкое судно готово принять его къ себѣ на бортъ. Принцъ отказался отъ предложенія и министръ удалился, оставивъ на итальянскомъ пароходѣ офицера съ стражей.

Итальянскій консулъ, узнавъ о происшествіи, прибылъ туда немедленно и истребовалъ, чтобы турецкій офицеръ удалился съ своей стражей, что и было выполнено. Вмѣстѣ съ тѣмъ, принцъ вечеромъ же этого дня, получилъ дозволеніе сойдти на берегъ; на другой день, Итальянскій посланникъ, графъ Корти, обратился къ турецкому министру иностранныхъ дѣлъ съ нотой, въ которой требовалъ, чтобы ему представлено было извиненіе и чтобы министръ полиціи посѣтилъ его. Оба требованія выполнены Портой.

Вражда грековъ и болгаръ въ Румеліи недавно выразилась въ довольно рѣшительной формѣ. Въ Филиппополѣ, въ ночь предъ Рождествомъ (по старому стилю) нѣсколько болгаръ проникли въ греческую церковь св. Параскевы и заставили ризничаго передать имъ ключи, а затѣмъ привели своего священника для освященія церкви по болгарскому обряду. Сбѣжавшіеся греки попытались силой отбить достояніе свое, но это не удалось, такъ какъ численное превосходство оказалось на сторонѣ болгаръ, которымъ помогали, между прочимъ и солдаты болгарскаго ополченія. Начальство прислало отрядъ жандармовъ и милиціонеровъ, церковь была заперта и вокругъ нея поставлено нѣсколько ротъ, для предотвращенія дальнѣйшаго столкновенія. На другой день греки бросились къ консуламъ иностранныхъ державъ (часть грековъ собралась въ остальныхъ пяти церквяхъ города), и конечно, прежде всего, къ англійскому, Митчелю, а отъ него къ Алеко-пашѣ—здѣсь они нашли уже толпу болгаръ. Алеко-паша передалъ ключъ отъ церкви св. Параскевы греческому епископу Неофиту, съ условіемъ, чтобы она была заперта на праздники; слишкомъ шумно выраженная греками радость повела къ рукопашной, въ которой одинъ грекъ ранилъ жандарма. Грекъ арестованъ и Штрекеръ-паша не выпустилъ его, не взирая на требованіе соотечественниковъ его. Вопросъ о принадлежности ц. св. Параскевы будетъ рѣшенъ высшею инстанціею суда. Замѣтимъ, что болгарское населеніе, превосходящее въ 5 или 6 разъ греческое, имѣетъ только одну церковь, тогда какъ у грековъ ихъ 6.

Австро-Венгрія, взирающая на Балканскій полуостровъ какъ на будущее владѣніе свое, старается, какъ уже наши читатели знаютъ, обезпечить тамъ, утвердить господство свое. Еще графъ Андраши заявилъ, что одною изъ главнѣйшихъ цѣлей восточной политики его является *обезпеченіе торговаго преобладанія Австро-Венгріи на Балканскомъ полуостровѣ*, причемъ друзья бывшаго австрійскаго министра и вѣроятно, истолкователи плановъ его, прибавляли, что торговое преобладаніе вскорѣ повлечетъ за собой и политическое и, такимъ образомъ, удастся, не обнажая меча, *замѣнить русское вліяніе австрійскимъ!* Баронъ Геймерле дѣятельно продолжаетъ то, что начато предшественникомъ его, о чемъ, впрочемъ, онъ и заявилъ тотчасъ же по вступленіи въ должность. Пока, мы можемъ еще сказать, что Австрія не особенно много приблизилась къ своей цѣли. Изъ двухъ славянскихъ княжествъ—Черногоріи и Сербіи, на которыя она старается дѣйствовать преимущественно, ей удалось стать болѣе твердою ногою въ Черногоріи, при дворѣ князя Николая. Но, по словамъ нѣмецкихъ же газетъ,—нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что еслибы князю пришлось сдѣлать рѣшительный выборъ—выборъ этотъ оказался бы въ пользу Россіи. Незначительны и тѣ успѣхи, которыхъ Австро-Венгрія достигла въ Сербіи. Мы застаемъ въ настоящую минуту весьма интересный фазисъ въ переговорахъ между Австріей и Сербскимъ княжествомъ. Переговоры эти имѣютъ своимъ предметомъ, съ одной стороны, торговый и таможенный договоръ, а съ другой—концессію на проведеніе желѣзной дороги. Начато все это заблаговременно; за нѣсколько дней до подписанія Берлинскаго трактата, между графомъ Андраши и Ристичемъ состоялось особое соглашеніе, которымъ обѣ стороны обязывались приступить въ наискорѣйшемъ времени къ открытію переговоровъ о торговой и таможенной конвенціи, а также заключили между собою нѣкоторыя условія касательно желѣзнодорожнаго вопроса. Рѣшено было построить въ три года, соединительныя линіи, которыя связали бы желѣзныя дороги обоихъ государствъ въ Бѣлградѣ-Землинѣ, при чемъ Сербія обязывалась провести желѣзную дорогу изъ Бѣлграда въ Нишъ, а Австро-Венгрія—довести свои линіи до Землина. Не смотря, однако, на все это,—прошло уже полтора года, но Австріи не удалось добиться положительныхъ результатовъ, и даже, напротивъ,—она, въ настоящее время, едва ли не далѣе отъ цѣли своей, чѣмъ была полтора года тому назадъ. Дѣло въ томъ, что управленіе австрійской государственной желѣзной дороги (!), выразившее желаніе получить концессію на постройку и эксплоатацію сербскихъ дорогъ,—встрѣтило сильнаго конкурента въ лицѣ русскаго подрядчика, который также предложилъ свои услуги и которому сербское правительство уже обѣщало концессію въ довольно опредѣленныхъ выраженіяхъ, хотя до сихъ поръ еще нѣтъ свѣдѣнія, чтобы и онъ окончательно получилъ ее. Однако, борьба завязалась не на шутку. Австрійское правительство направило всѣ усилія свои на то, чтобы склонить Сербію взять назадъ обѣщанія, данныя русскому подрядчику и заключить конвенцію, вопросъ о которой идетъ уже полтора года. На депеши по этому предмету отъ барона Геймерле, Ристичъ сначала отвѣчалъ упорнымъ отказомъ, изъ чего выводятъ, что сербскій министръ опирается на нѣчто болѣе могучее, чѣмъ одна Сербія, предоставленная себѣ самой. Лишь позднѣе, онъ созналъ справедливость (справедливость насилія, развѣ) австрійскихъ требованій, но—все же не посылалъ уполномоченныхъ въ Вѣну. Баронъ Геймерле, желая положить конецъ этимъ проволочкамъ, заговорилъ уже рѣшительнымъ тономъ, указывая на серьезныя послѣдствія для Сербіи, въ случаѣ упорства ея; Ристичъ обѣщалъ послать въ Вѣну уполномоченнаго, которымъ и назначенъ уже, по слухамъ, Маричъ. Предполагаютъ, однако, что и тутъ обойдется не безъ проволочекъ и оттяжекъ (весьма понятныхъ въ положеніи Сербіи). Австро-Венгерское правительство отдѣлило вопросъ о торгово-таможенномъ договорѣ отъ вопроса о желѣзнодорожной концессіи, желая прежде рѣшить второй, а затѣмъ, смотря по разрѣшенію его,—придти къ соглашенію и по первому. Въ настоящее время отношенія между Австріей и Сербіей весьма натянуты.

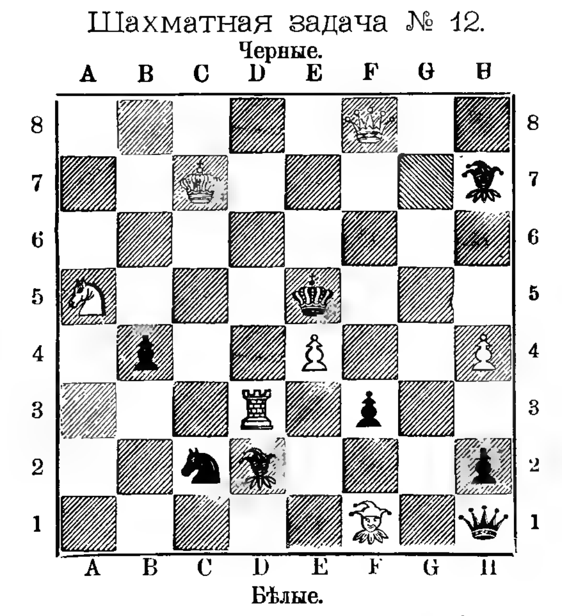
Въ Пештѣ недавно происходили уличные безпорядки, происшедшіе вслѣдствіе демонстраціи, устроенной противъ мѣстныхъ властей и окончившихся вмѣшательствомъ военной силы, которая пустила въ ходъ оружіе. Убито двое жителей. Волненія не возобновлялись и порядокъ съ тѣхъ поръ нарушенъ не былъ.

Англійское правительство начинаетъ, наконецъ, принимать мѣры къ облегченію нужды въ Ирландіи, достигшей огромныхъ размѣровъ. Бездѣятельность власти до сихъ поръ была просто на просто изумительна. Частныя пожертвованія также приносятъ свою лепту, которая, конечно и будетъ имѣть значеніе не болѣе, какъ лепты. Извѣстный вождь ирландцевъ Парнелль, находящійся теперь въ Америкѣ, принятъ тамъ весьма сочувственно, хотя, конечно, наиболѣе впечатлѣнія рѣчи его производятъ не на американцевъ, а на ирландцевъ. Впрочемъ, конгрессъ принялъ отъ него адресъ по поводу ирландскихъ дѣлъ.

Во Франціи умерли герцогъ Граммонъ, бывшій министромъ иностранныхъ дѣлъ въ 1870 г., во время объявленія войны Пруссіи, и Жюль Фавръ, знаменитый адвокатъ и министръ иностранныхъ же дѣлъ въ 1871 г., въ эпоху уже войны съ Германіей, послѣ плѣненія и низложенія Наполеона III. Крайняя радикальная фракція старается добиться того, чтобы Гамбетта промѣнялъ свой, почти неуязвимый постъ президента палаты депутатовъ на постъ перваго министра, на которомъ, какъ они надѣются, Гамбетта потеряетъ популярность свою.

Война въ Южной Америкѣ продолжается съ прежней энергіей съ обѣихъ сторонъ. Чилійцы исправили бывшій Перуанскій „Гуаскаръ,“ который скоро выйдетъ въ море—ихъ флотилія имѣла перевѣсъ надъ флотиліей Перуанской.

Шахматная задача № 12.

Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ въ 3 хода.

Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ, по ошибкѣ, F 8 была изображена безъ фигуры **ферзь**.

Магическій квадратъ.

Задача № 13.

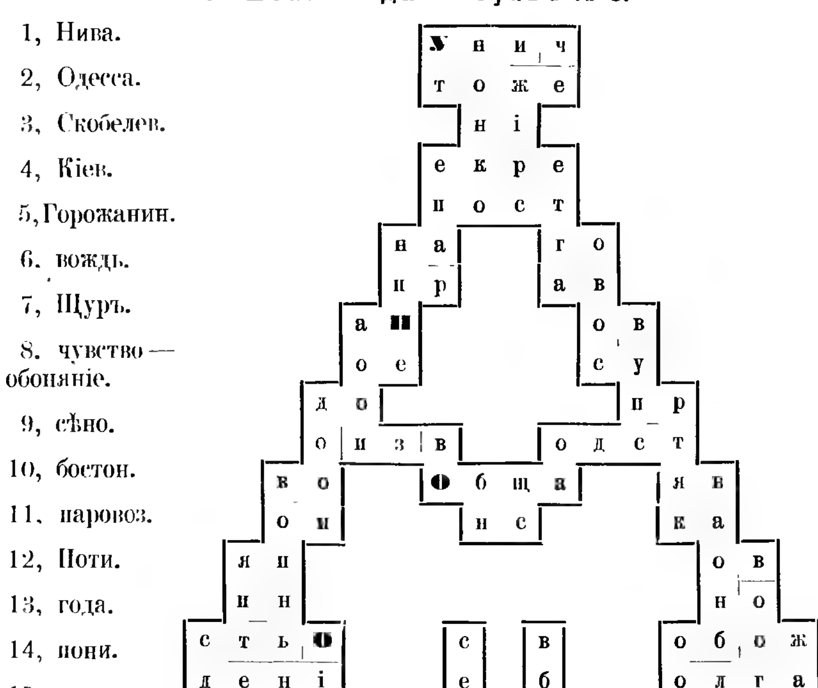
а	а	а	а	а
а	а	а	а	а
з	к	к	к	к
к	н	н	о	о
р	р	с	т	т

Рѣшеніе задачи № 4.

Чарочка моя серебряная кому чарку пити тому здраву быти

Рѣшеніе задачи буквъ № 3.

1, Нива.
2, Одесса.
3, Скобелев.
4, Кіев.
5, Горожанин.
6, вождь.
7, Щуръ.
8, чувство — обоняніе.
9, сѣно.
10, бостон.
11, паровоз.
12, Поти.
13, года.
14, пони.
15, тропа.
16, я.

1, Уничтоженіе крѣпостнаго права. 2, Новое судопроизводство. 3, Общая воинская повинность. 4, Освобожденіе болгаръ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи прислали: С.-Петербургъ, гг. С. Гурей; Арефиновъ; А. Гермоніусъ; Ю. Слишова: Любитель и Неизвѣстный. **Москва,** гг. С. Карасевъ: З. Ус--ва; Щеколдинъ и Строгановъ, А. Дробишъ. **Курскъ,** гг. Н. Дѣдовъ; **Ревель,** г. А. С.; **Касимовъ** г. С. А.; **Кронштадтъ,** г. Н. Даржанъ; г. Юнкеръ Б. В.; **м. Корецъ, г.** Викторъ Р—ъ; **Козловъ** г. Логановскій.

Рѣшеніе шашечной задачи № 2.

Бѣлыя.	Черныя.
Съ № 1 на 5	Съ № 14 на 1
„ „ 15 „ 19	„ „ 23 „ 14
„ „ 17 „ 10	„ „ 14 „ 5
„ „ 22 „ 27	„ „ 31 „ 22
„ „ 29 „ 3	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи прислали: **Спб.** гг. Н. Некрасовъ, В. Козинъ, Гречешниковъ, В. Капустинъ, Н. Пѣховъ, Ю. Журавлевъ, Н. Тимофѣевъ, Н. Москвичъ, О. Журкинъ, С. Самойло, Сен. Верещагинъ и М., Ф. Геннингъ. **Москва:** гг. А. Рязановъ, В. Щеколдинъ, Н. Коробановъ, Богородскій, А. Тюленевъ, А. Бухваловъ, братья Оболдуевы, В. Звѣвакинъ, Малютка, Могиленскій. **Нижній Новгородъ**—А. Гудверинъ. **Серпуховъ**—В. Ильинъ.—**ст Сѣщинская**—Б. Питушкинъ. **Роненбургъ**—Жвакинъ. **Калуга**—Ф. Хомяковъ. **Броницы**—А. Доброклонскій. **Касимовъ**—С. А. Копысь—В. Гинсбургъ. **Кронштадтъ**—Н. Даржанъ, Н. Жицковъ.

Издатель **А. Ф. Марисъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

ГЛАВНОЕ ДЕПО

МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

Юлія Генриха Циммермана.

С.-Петербургъ, по Большой Морской ул., № 42, рекомендуетъ вновь полученные изъ лучшихъ заграничныхъ фабрикъ:

Сирипки по 2 р. 50 к., 5 р., 6 р., 8 р., 12 р., 20 р., 30 р., 50 р. н дор. до 150 р.
Школы по 2 р., 3 р., 4 р.
Старыя скрипки нѣмецк., франц. и итальянскихъ мастеровъ до 600 руб.
Смычки по 50 к., 1 р. 25 к., 2 р., 3 р., 5 р., 8 р., 10 р. и дороже.
Футляры для скрипокъ по 2 р. 50 к., 5 р. 50 к., 7 р., 10 р., и 12 р.
Гитвры по 3 р. 50 к., 5 р., 8 р., 10 р., 15 р., 20 р., 25 р., 50 р. и дор. до 100 р.
Школы для гитаръ по 1 р. 50 к., 2 р. и 3 р.
Корнеты-а-пистонъ фабрики Готро въ Парижѣ и друг. мастеровъ по 18 р., 25 р., 30 р., 40 р., 60 р. и дор. до 140 р.
Школы для корнета по 1 р. 50 к., 4 р., 5 р.
Флейты по 3 р., 5 р., 7 р., 10 р., 12 р., 20 р., 30 р. н дор. до 75 р.
Школы для флейты по 1 р. 50 к. и 3 р.
Кларнеты по 6 р., 8 р., 10., 15., 20 р., 30 р., и дороже. до 60 р.
Школы для кларнетовъ по 4 р.
Музыиальные ящики по 2 р., 4 р., 6 р.. 10 р., 25 р., 35 р, 50 р. н и дороже до 200 р.
Нѣмецкія концертино по 2 р. 75 к., 4 р., 6 р., 8 р. 10 р., 15 р. н дор. до 30 р.
Школа по 75 к., ноты по 40 к. и 1 р.
Англійсиія концертино фабрики Лагеналъ въ Лондонѣ по 30 р., 38 р., 45 р., 55 р., 70 р. и дор. до 160 р.
Школа по 3 р.
Гармонифлюты фабрики Бюссонъ въ Парижѣ по 45 р., 50 р., 65 р., 80 р. и 100 р.
Гармонифлюты съ органомъ фабр. Бюссонъ въ Парижѣ съ 1 валомъ 175 р. и 225 р.
" съ 4 валами 235 р. и 300 р.
Фисгармоніи фабр. Бюссонъ въ Парижѣ по 90 р., 125 е., 175 р. 240 р. 400 р.
Хорошія нѣмецкія гармоніи по 4 р., 4 р. 50 к., 5 р. 50 к, 7 р. 50 к., 10 р., 15 р., 20 р.. 30 р. и дор. до 60 р.
Школы и ноты для оныхъ по 50 к., 75 к., 1 р. и 1 р. 50 к.
И всѣ другія инструменты струны и принадлежности.

Пересылка на счетъ покупателя.

Подробный прейсъ-курантъ высылается безплатно.
№ 525 3—2

МЕДИЦИНСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Спримона.

Годовая цѣна десять, полугодовая шесть рублей, съ доставкою или пересылкою. **Адресъ редакціи: Москва, Тверской бульваръ, домъ Куренкова.** № 515 5—2

Редакторъ издатель **Спримонъ.**

АРТИСТИЧЕСКОЕ СКОРОПЕЧАТНОЕ

Заведеніе Вильяма Кене и Комп.

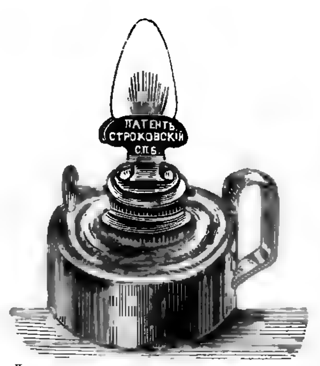
32. Большая Морская **32.**

Нынѣшній сезонъ доставилъ множество новаго **въ пригласительныхъ свадебныхъ билетахъ**, изъ которыхъ преимущественно выдѣляются **„ФЛОРА“** и **НЕЗАБУДНИ.**

Новѣйшіе меню. Menu-Bouquets, которыя были употребляемы въ первый разъ на торжественныхъ пирахъ Испанскаго Двора, на каждомъ изъ этихъ меню прикрѣпленъ серебрянымъ Саламандромъ изящный букетъ искусственныхъ цвѣтовъ, который легко снимается и служитъ украшеніемъ для гостей.

Спеціальность: Пригласительные билеты, визитныя карточки и большой выборъ меню. № 533 1

НОВОСТЬ

Имѣю честь довести до свѣдѣнія гг. иногородныхъ лицъ и всѣхъ Обществъ желѣзныхъ дорогъ, что я изготовляю небывалыя до сихъ поръ въ Россіи изобрѣтенныя мною керосиновыя лампы съ желѣзными горѣлками безъ стекла. Лампы эти безопасны, горятъ чистымъ, ровнымъ, яркимъ пламенемъ, не коптятъ, на воздухѣ не гаснутъ и по своей дешевизнѣ превосходятъ всѣ прочія, донынѣ существующія. Онѣ очень удобны для освѣщенія провинціальныхъ городовъ, сигнальныхъ фонарей, фабрикъ и мастерскихъ и т. п. На эти лампы выдана мнѣ привиллегія въ 1875 и вновь привиллегированы за усовершенствованіе въ 1879 году и, кромѣ того, онѣ удостоились одобренія Главнаго Общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, въ которомъ были произведены опыты, и оказались вполнѣ полезными къ употребленію, при чемъ Обществомъ и поручено мнѣ принять на себя постановку вышеупомянутыхъ лампъ и горѣлокъ.

Для разныхъ бывшихъ масляныхъ фонарей также поставляю на Николаевскую, Харьково-Николаевскую, Грязе-Царицынскую всевозможные фонари для желѣзныхъ дорогъ съ моими горѣлками, какъ для кондукторскихъ, сигнальныхъ и для столбовыхъ буферныхъ фонарей, и при томъ для гг. иногородныхъ и всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, желающихъ имѣть фонари съ керосиномъ моей системы, старые масляные фонари передѣлываю на керосиновые, а также дѣлаются всевозможные домашніе фонари, а также на заказъ сигнальныя трубы для желѣзныхъ дорогъ.

Лампа въ 3 линіи стоитъ 45 к., въ ней сгораетъ керосину въ 15 ч. 1/4 фунта; въ 5 линій—50 к. за штуку, по 75 к. и 1 р.; въ 10 линій горятъ въ родѣ газа. Каждая горѣлка должна быть съ моимъ штемпелемъ, привиллегированная и моя фамилія на желѣзныхъ горѣлкахъ. Поддѣлка со штемпелемъ, такъ и безъ штемпеля, строго преслѣдуется на основаніи ст. 1353 т. XI Св. Зак, Уст. о нак. изд. 1876 года, и кто докажетъ поддѣлку—получаетъ 25 р награды. Горѣлки настоящихъ лампъ изъ чернаго желѣза разныхъ размѣровъ; находящіяся въ продажѣ поддѣльныя лампы, выдающіяся за мои, только съ жестяными горѣлками въ три линіи. Пересылка товара на счетъ покупателя.

Желающіе получить эти лампы могутъ адресоваться: въ С.-Петербургъ, по Гороховой улицѣ, между Семеновскимъ мостомъ и Загороднымъ пр., въ д. № 62, въ ламповый магазинъ А. Строковскаго. № 530 1—1

Вышла и поступила въ продажу новая книга:

„ТВЕРДОСТЬ ХАРАКТЕРА“.

Романъ изъ современной жизни, съ событіями послѣдней войны 1876—1877 гг.

В. Марьина. Цѣна 2 руб., съ пересылкою 2 руб. 25 коп. Книгопродавцамъ обычная уступка.

Складъ изданія въ книжной торговлѣ при редакціи „Собранія Романовъ“, въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ. № 504 3 3

Гимназистъ VII класса, классической гимназіи, даетъ уроки и готовитъ къ экзаменамъ во всѣ учебныя заведенія какъ въ гражданскія, такъ и въ военныя.

Адресоваться письменно, или лично каждую Субботу отъ 7 ч. вечера. Звенигородская улица, д. № 8, кв. № 49. Лит. М. Т. № 532 1—1

TORT-BOYAUX

Guerart 6 cie Paris

(терзатель желудка).

неизмѣнный истребитель, какъ-то: мышей; крысъ, кротовъ, полевыхъ мышей и т. п.

Послѣ долгихъ изслѣдованій привычекъ и образа жизни этихъ животныхъ, намъ удалось составить особенное тѣсто подъ названіемъ Tort-Boyaux (терзатель желудка), имѣющее ту особенность, что оно уничтожаетъ ихъ въ непродолжительное время а на которое они очень падки: этотъ составъ не содержитъ въ себѣ ни мышьяку, ни кучелябы, ни фосфору и не подвергаетъ ни малѣйшей опасности ни людей, ни домашнихъ.

Цѣна за жестянку 50 к., съ пересылкой 75 к. У дрогистовъ **Рульковіусъ и Гольмъ**, С.-Петербургъ, Казанская, уг. Демидова пер. д. 27. № 529 2—1

!!! НОВОСТЬ !!!

Привиллегированная механическая бритва. Полнѣйшая возможность бриться всякому самому безъ всякой боязни обрѣзаться въ какомъ бы положеніи не былъ: больной въ постелѣ, въ лежачемъ положеніи безъ зеркала, въ совершенной темнотѣ, на ходу если въ дорогѣ, безъ всякихъ предосторожностей, правой или лѣвой рукой, несравненно чище удобнѣе и скорѣе чѣмъ нынѣ существующими весьма опасными бритвами.

Цѣна механической бритвы 3 рубля сер.

Единственное депо, механическихъ бритвъ, для всей Россіи „Парижскій Базаръ“ Невскій просп. № 15.

Заказы Гг. иногородныхъ исполняются немедленно, за пересылку благоволятъ прилагать 10%.

Продавцамъ дѣлается обычная скидка.
№ 526 1—1

Только что вышло и поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ

ВЕСЬМА ИЗЯЩНОЕ ИЗДАНІЕ:

ИСТОРИЧЕСКІЕ АНЕКДОТЫ

изъ жизни

РУССКИХЪ ГОСУДАРЕЙ

Императоровъ: Павла I-го, Александра I-го, Николая I-го и Императрицъ: Елисаветы Петровны, Екатерины II и Маріи Ѳеодоровны.

С.-Петербургъ, 1880 г. цѣна 80 к.
№ 528 1—1

МУЗЕЙ искусства и наукъ ЛЕНТА,

въ Пассажѣ, 2-я галлерея.

Механическіе и электрическіе аппараты пополнены самыми новѣйшими изобрѣтеніями нашего времени, изъ коихъ большая часть много способствуетъ для нагляднаго обученія, а также для увеселенія публики. Опыты, какъ равно и объясненіе по этимъ предметамъ будетъ производить ежедневно въ 2, 4, 6 и 8 часовъ извѣстная по этой части дама.

Кромѣ того по желанію публики, въ продолженіе короткаго времени будетъ показываема

КРАСАВИЦА РОЗА,

живая дѣвица.

Балетная танцовщица, самоѣдка, казнь Маріи Стюартъ и импер. кор. дворецъ въ Берлинѣ.

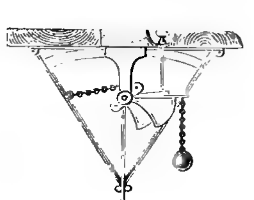
Кромѣ того болѣе 1,000 самыхъ различныхъ и замѣчательнѣйшихъ для обозрѣнія предметовъ искусства и науки. № 534 1 1

ЕДИНСТВЕННЫЙ МЕХАНИЗМЪ

замѣняющій ватерклозетъ

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЙ РЕТИРАДНИКЪ

НЕ ПОРТЯЩІЙСЯ ОТЪ МОРОЗА.

Цѣна ретирадника 12 руб., бумага для ретирадника **2** р. за **1,000.** За укладку для дороги въ ящикъ 1 р. 25 коп. за штуку, вѣсъ съ укупоркою—два пуда.

Заказы принимаютъ **англійскій магазинъ В. ЧИДСОНЪ** у Казанскаго моста. И въ мастерской, по Семеновскому пер., домъ № 3, кв. № 22, въ первомъ этажѣ.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться въ мастерскую на имя **Барулина**, въ С.-Петербургѣ.

Иллюстрированныя описанія мастерская высылаетъ безплатно.
№ 527 1—1

БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙБЕРГЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Переведена: Троицкій проспектъ близь Египетскаго моста собств. домъ № 13.

Билліоды и всѣ къ билліардной игрѣ принадлежности.
№ 497 9 5

АМЕРИКАНСКІЯ КАПЛИ И ЭЛИКСИРЪ

противъ зубной боли.

ИППОЛИТА МАЕВСКАГО.

Главное депо у дрогистовъ

Рульковіусъ и Гольмъ.

Казанская, уголъ Демидова переулка № 27.

а продажа у Штоль и Шмидта, Оскаръ Гертхенъ, Рузанова, Саблукова, Сафронова, Линде, въ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами и у всѣхъ аптекарей. Цѣны каплямъ, безъ запроса напечатаны на каждомъ флаконѣ элексира.
№ 385 5—1

КАРЛЪ ИВАНОВИЧЪ ВАГНЕРЪ,

садовое заведеніе въ Ригѣ,

симъ имѣетъ честь довести до свѣдѣнія любителей, что

КАТАЛОГИ СѢМЕНАМЪ и пр. НА 1880 Г.

изданы и разосланы всѣмъ постояннымъ покупателямъ этой фирмы.

Прочимъ же лицамъ, желающимъ получить таковые посылаются каталоги также безплатно, смотря по заявленію на языкахъ русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ, или же иллюстрированное изданіе съ 240 политипажами, на одномъ русскомъ языкѣ.
№ 503 4—4

Дозволено цензурою СПБ. 25-го января 1880 г. **Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.** Тип. **Веллинга**, Англ. пр. № 10.

XI годъ — годъ XI

№ 5 — ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — 1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6 10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 модн. рис.)
Выданъ 2 Февраля 1880 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этаго № „Нивы" 20 к. съ перес. 25 к.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ" за ФЕВРАЛЬ 1880 г. съ 23 рисунками и отдѣльный листъ съ 23 чертеж. выкроекъ въ натуральн. величину и съ 40 рисунками рукодѣльныхъ работъ.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ НА Б. МОРСКОЙ ВЪ Д. № 9.

Финляндія. Статуя Вейнемейнена (въ паркѣ Монрепо близь Выборга). Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Вейнемейненъ

богъ и герой финской миѳологіи.

У финновъ есть поэтическій памятникъ, не сочиненный однимъ какимъ нибудь поэтомъ, а сложенный въ далекія времена неизвѣстными рапсодіями. Нѣсколько вѣковъ хранился онъ въ народной памяти, въ видѣ отдѣльныхъ пѣсенъ. и только въ нашемъ столѣтіи пѣсни эти, записанныя съ голоса простыхъ поселянъ въ разныхъ частяхъ Финляндіи, были собраны, приведены въ порядокъ. и изъ нихъ составилась цѣлая обширная поэма, извѣстная теперь подъ названіемъ „Калевалы". Тутъ въ живыхъ образахъ представляется борьба зла и добра и торжество свѣта надъ тьмою. Все это обставлено картинами суровой и живописной природы Финляндіи и рядомъ миѳическихъ лицъ, то мрачныхъ, то граціозныхъ.

Главный герой „Калевалы"—баснословный творецъ міра и богъ музыки и поэзіи, Вейнемейненъ. Его дѣянія и приключенія, въ связи съ религіозными понятіями народа, преданіями, чудесными вымыслами и чертами дѣйствительнаго быта, составляютъ содержаніе этой поэмы.

Начинается она тѣмъ, что Вейнемейненъ, пробывъ тридцать лѣтъ и тридцать зимъ во тьмѣ, созидаетъ солнце, луну и звѣзды. Вмѣстѣ съ нимъ является на свѣтъ и братъ его Ильмариненъ, владѣтель огня и искусный кузнецъ. Общими трудами они производятъ землю и воды. Долго Вейнемейненъ носится по бурнымъ водамъ, и наконецъ вѣтромъ заноситъ его въ отдаленный край Похіолы, гдѣ живетъ злая чародѣйка Лоухи. Туда же приходитъ Ильмариненъ и сынъ другой волшебницы, молодой Люмикайненъ. Всѣ они влюбляются въ прекрасную дочь похіольской хозяйки. Но чтобы получить руку красавицы, нужно совершить нѣсколько трудныхъ подвиговъ, и между прочимъ вплавь догнать лебедя на „рѣкѣ смерти". Первый берется за это Люмикайненъ. но страшный потокъ увлекаетъ его въ преисподнюю, а тамъ богъ смерти Туони разрубаетъ его на части. Мать несчастнаго юноши узнаетъ это и летитъ въ Похіолу. „Она рыскаетъ кабаномъ по лѣсамъ. водяной змѣею вьется въ волнахъ. векшею прыгаетъ по соснамъ, соболемъ скачетъ между скалами, спрашиваетъ о миломъ сынѣ у всей природы, и наконецъ солнце открываетъ ей, что онъ погибъ въ „рѣкѣ смерти" Тогда волшебница дѣлаетъ колоссальныя желѣзныя грабли, влачитъ ихъ по водамъ страшнаго потока, вылавливаетъ растерзанные члены Люмикайнена и воскрешаетъ его.

Между тѣмъ похіольская красавица отвергаетъ исканія Вейнемейнена и отдаетъ руку его брату. Лоухи готовится къ свадьбѣ дочери: убиваютъ быка „который головою и хвостомъ касается двухъ оконечностей Финляндіи". цѣлое лѣто и зиму варятъ пиво для гостей. Настаетъ назначенный день, нищіе со всей страны сзываются на свадебный пиръ, и добрый Вейнемейненъ, подавивъ свое горе, является съ арфой и три дня поетъ на свадьбѣ счастливаго брата. По окончаніи пиршества молодая красавица по обычаю оплакиваетъ свою дѣвическую жизнь, послѣ чего Ильмариненъ сажаетъ ее въ сани, и погоняя бойкую лошадь, быстро мчится по скрипучему снѣгу къ своему жилищу. Тутъ снова начинаются пиры, и Вейнемейненъ играетъ на кантелѣ и славитъ гостей въ своихъ пѣсняхъ. Но скоро боговъ постигаетъ горе. Молодая жена Ильмаринена погибаетъ отъ руки злаго раба. Оплакавъ ее, несчастный мужъ вздумалъ выковать себѣ новую жену изъ серебра и золота, но когда захотѣлъ обнять ее, то почувствовалъ, что она страшно холодна. Онъ ѣдетъ въ Похіолу поискать тамъ невѣсту, но вмѣсто того узнаетъ, что у Лоухи хранится чудесный талисманъ „сампо", который можетъ доставить землѣ плодородіе и богатство. Возвратясь домой, онъ сообщаетъ объ этомъ Вейнемейнену, и братья рѣшаются овладѣть сокровищемъ, чтобы осчастливить свою страну. Вмѣстѣ съ Люмикайненомъ плывутъ онѣ на лодкѣ въ Похіолу.

На пути Вейнемейненъ убиваетъ колоссальную щуку, дѣлаетъ изъ костей ея кантелу и натягиваетъ на нее струны изъ волосъ дикаго коня. Выйдя на берегъ, онъ садится на скалѣ, у прибрежья „серебряныхъ водъ" и запѣваетъ руну. Пальцы его бѣгаютъ по струнамъ, и гармоническіе звуки несутся по окрестности. Вся природа слушаетъ божественнаго пѣвца. „Звѣри замерли въ лѣсахъ, птицы замолкли на деревьяхъ, кабанъ выглянулъ изъ болотной трущобы а медвѣдь вышелъ изъ берлоги, поднялся на сосну, и качаясь на суку, прислушивался къ пѣснѣ. Самъ владыка лѣсовъ, мрачный Туоніо, приподнялъ голову при неслыханныхъ звукахъ. Яркое солнце и кроткая луна остановились въ небѣ и освѣщали чудесную кантелу. Большая-Медвѣдица засверкала ярче своими звѣздами, шумныя рѣки и озера перестали ревѣть, рыбы и тюлени приплыли къ берегу. Старый водяной царь, зеленобородый Ато, подплылъ къ берегу на своемъ перламутровомъ челнѣ, а прекрасная царица водъ выронила изъ рукъ золотой гребень, которымъ расчесывала свои длинные волосы, поднялась на поверхность воды, и оперишсь бѣлой грудью на гранитный валунъ, съ восторгомъ слушала пѣвца".

Кончивъ пѣсню. Вейнемейненъ садится опять съ товарищами въ ладью. приплываетъ въ Похіолу и требуетъ у Лоухи половину чудеснаго „сампо", но чародѣйка отказываетъ ему. Тогда онъ наводитъ глубокій сонъ на всѣхъ обитателей дома, похищаетъ талисманъ и отплываетъ съ своей добычею въ море. Но волшебница просыпается и посылаетъ на похитителей бурю, при налетѣ которой божественный пѣвецъ теряетъ свою арфу. Лоухи сама летитъ преслѣдовать бѣглецовъ, настигаетъ ихъ, и во время борьбы похищенный талисманъ тонетъ. Тогда чародѣйка посылаетъ на родину героя смертельныя болѣзни и похищаетъ съ неба луну и солнце. Хотя Вейнемейненъ прогналъ заразы, а Ильмариненъ выковалъ двѣ звѣзды изъ золота и серебра, но земля осталась во мракѣ. Наконецъ боги узнаютъ, что чародѣйка скрыла солнце и мѣсяцъ въ гранитной горѣ Похіолы, и Ильмариненъ начинаетъ въ своей кузницѣ выдѣлывать орудія для взлома скалъ и грозитъ сковать желѣзный ошейникъ для похіольской колдуньи. Тогда испуганная Лоухи освобождаетъ небесныя свѣтила, и богъ поэзіи привѣтствуетъ появленіе ихъ въ небѣ восторженной пѣснію. Борьба добра и зла, свѣта и тьмы прекращается, но этимъ еще не оканчивается финская эпопея.

Боги побѣдили злыхъ духовъ, мракъ разсѣялся и свѣтила небесныя оживили міръ, но Вейнемейненъ не можетъ утѣшиться послѣ потери своей арфы. И вотъ, бродя по горамъ и лѣсамъ, онъ встрѣчаетъ однажды плачущую березу и спрашиваетъ, о чемъ она горюетъ. Береза отвѣчаетъ: я плачу оттого, что люди обрубаютъ мои вѣтви и сдираютъ мою бѣлую кору. Вейнемейненъ утѣшаетъ ее, говоря, что обратитъ ея горе въ радость и жалобы въ веселыя пѣсни, и тотчасъ же дѣлаетъ изъ сучьевъ ея прекрасную кантелу. Идетъ пѣвецъ по лѣсамъ и горамъ и находитъ молодую дѣвушку, которая вздыхаетъ и шепчетъ слова любви. Вейнемейненъ проситъ ее, чтобы она подарила ему шесть волосъ изъ своей косы, и дѣвушка съ радостью даетъ ему свои длинные волосы. Онъ дѣлаетъ изъ нихъ струны для новой арфы и запѣваетъ чудную пѣсню. „При звукахъ ея холмы придвигаются къ долинамъ, горы трепещутъ, скалы вторятъ пѣвцу и густыя сосны склоняются, когда онъ проходитъ подъ ихъ сѣнью".

Въ послѣднемъ эпизодѣ поэмы Вейнемейненъ встрѣчаетъ молодую пастушку, дѣву Маріетту, съ прекраснымъ младенцемъ на рукахъ. Тяжелое предчувствіе поражаетъ финскаго бога, и онъ громко требуетъ смерти малютки. Тогда Младенецъ говоритъ ему: молчи, старый корельскій чародѣй: ты изрекаешь приговоръ самому себѣ! Послѣ того Божественное Дитя становится царемъ лѣсовъ и плодоносныхъ полей, а старый Вейнемейненъ дѣлаетъ себѣ желѣзную лодку и отплываетъ въ далекія страны, оставя въ Финляндіи свою кантелу. Такимъ образомъ поэма заканчивается побѣдой христіанства надъ язычествомъ.

Въ третьемъ номерѣ „Нивы" помѣщено краткое описаніе выборгскаго сада Монрепо. Тамъ замѣчено, что въ одномъ изъ самыхъ живописныхъ мѣстъ этаго прекраснаго парка есть статуя Вейнемейнена. Работа ея далеко не художественная, но самая задача выполнена очень удачно. Финскій пѣвецъ сидитъ на утесѣ; въ одной рукѣ онъ держитъ кантелу, другая опускается на струны; восторженный взглядъ обращенъ къ небу, уста полуоткрыты и изъ нихъ льется вдохновенная руна. Художникъ выразилъ тотъ эпизодъ „Калевалы", гдѣ разсказывается, какъ Вейнемейненъ пѣлъ на берегу водъ, при послѣдней своей поѣздкѣ въ Похіолу.

А. Милюковъ.

Иванъ да Марья.

Повѣсть

А. А. Потѣхина.

(Продолженіе).

Такимъ образомъ Маша разсталась съ трактиромъ и разлучилась съ обожателемъ. Иванъ на слѣдующій же день узналъ объ отъѣздѣ Маши. Онъ былъ сильно огорченъ, но не терялъ надежды видѣться съ нею и возобновить свои отношенія, хотя конечно рѣже и съ большими затрудненіями. Въ первое же воскресенье онъ отправился къ обѣднѣ въ то село, гдѣ былъ прихожаниномъ Яковъ Захарычъ и куда онъ обыкно-

вечно со всѣмъ семействомъ ѣздилъ въ церковь. Иванъ надѣялся встрѣтить тамъ Машу и не ошибся: онъ увидѣлъ ее стоящею впереди всѣхъ, рядомъ съ отцомъ и матерью, около праваго клироса. Иванъ протискался впередъ и сталъ въ сторонѣ не далеко отъ Маши, такъ что она при малѣйшемъ поворотѣ головы и взглядѣ влѣво, должна была увидѣть его. Онъ сталъ наблюдать и ожидать этаго взгляда: сердце его замирало въ ожиданіи того впечатлѣнія, которое обнаружитъ Маша, когда увидитъ его. Но онъ ожидалъ долго и напрасно. Маша, какъ слѣдуетъ степенной барышнѣ, стояла прямо и гордо, ни на кого не смотря и не оборачиваясь, отъ времени до времени спѣшно крестила грудь маленькимъ крестомъ, наклоняя при этомъ голову нѣсколько въ бокъ: она переняла эту моду съ уѣздныхъ барышенъ еще въ то время, когда отецъ возилъ ее въ городъ, для того, чтобы она присматривалась и перенимала манеры съ настоящихъ господскихъ дѣтей. Яковъ Захарычъ былъ человѣкъ религіозный: онъ молился усердно, кресты клалъ размашисто и даже съ нѣкоторымъ шумомъ, при чемъ поднималъ кверху глаза, громко вздыхалъ и часто произносилъ хотя шопотомъ, но такъ что было слышно въ церкви далеко: „Господи, неостави меня!.. Господи, милостивъ буди ми грѣшному!.. Пресвятая дѣва, Богородице!.. Боже, очисти мя, грѣшнаго!..“ Изрѣдка онъ подпѣвалъ дьячкамъ. Но и въ церкви Яковъ Захарычъ держалъ себя съ сознаніемъ своего достоинства и превосходства надъ прочими прихожанами: не только ревниво оберегалъ свое мѣсто у праваго клироса, на которое никто впрочемъ и становиться не дерзалъ, но отъ времени до времени строго оглядывался назадъ и хмурилъ брови, если ему казалось, что народъ сзади очень близко подходилъ къ нему и могъ толкнуть, и тѣмъ потревожить или разстроить благочестивое настроеніе его съ семействомъ. Ко кресту разумѣется онъ подходилъ первый, и сверхъ того имѣлъ обыкновеніе вмѣстѣ со всѣмъ семействомъ подходить и склонять голову подъ евангеліе и при выносѣ св. даровъ. И въ этотъ разъ вся семья его, по обычаю, приблизилась, во время херувимской, къ алтарю, и когда возвращалась назадъ, то Маша случайно взглянула въ сторону, гдѣ стоялъ Иванъ, и глаза ихъ встрѣтились. Иванъ съ радостью замѣтилъ какъ лицо Маши до тѣхъ поръ унылое и грустное, вдругъ оживилось и вспыхнуло, глаза загорѣлись радостью, она даже вздрогнула и на мгновеніе пріостановилась. Иванъ торжествовалъ, и самодовольно и выразительно смотрѣлъ на Машу, желая взглядомъ сказать ей: „смотри, вотъ я какой молодецъ, вездѣ найду тебя... Не ждала ты меня, не чаяла, а я тутъ какъ тутъ!.. Точно изъ земли выросъ передъ тобой!..“

Впродолженіи службы Маша нѣсколько разъ, едва замѣтно, мелькомъ взглянула на Ивана, а при выходѣ изъ церкви онъ дождался ея на паперти, и взглядами старался показать, что надѣется видѣться съ ней и почью. Маша поняла его, но какъ и гдѣ имъ встрѣтиться? И какъ другъ другу подать вѣсть о себѣ, болѣе опредѣленную? Задумавшись, ѣхала она изъ церкви, куда Яковъ Захарычъ даже и въ хорошую лѣтнюю погоду и несмотря на близость разстоянія церкви отъ усадьбы, никогда не ходилъ пѣшкомъ, но всегда ѣздилъ, ибо ходили пѣшкомъ одни только мужики и то бѣдные. Задумавшись и почти безцѣльно шелъ вслѣдъ за уѣхавшею Машею, въ Мамаиху, и Иванъ. Маша остановилась на мысли, что всего удобнѣе дать о себѣ вѣсть Ивану чрезъ брата Виктора: это такой человѣкъ, что изъ-за водки пойдетъ на все и всегда готовъ на всякую послугу въ этомъ родѣ, но только его придется уже поить ежедневно, а то какъ разъ проболтается или будетъ грозить, что разскажетъ... А что же впрочемъ, отчего и не поить его каждый день: когда гривенникъ сунуть, а когда и изъ родительскаго шкафа поднести втихомолку: водка въ домѣ не переводится и ключи почти постоянно у нея въ рукахъ. Притомъ можно придумать какой нибудь предлогъ подходящій и благовидный... Что же бы такое?.. Иванъ со своей стороны раздумывалъ: „похожу вокругъ усадьбы, погляжу; можетъ какъ не встрѣтимся ли, или не надумаю ли чего?..“ Онъ зналъ въ которомъ флигелѣ, изъ числа господскихъ строеній, живетъ управляющій (господскій домъ, во все время своего существованія, оставался необитаемымъ), и прошелъ нѣсколько разъ мимо его, но Маши не видалъ. Иванъ надумалъ зайти въ избу, гдѣ помѣщались рабочіе, будто-бы спросить о какомъ-то знакомомъ мужикѣ, который, онъ зналъ, жилъ одно время работникомъ въ Мамаихѣ.

Въ избѣ всѣ работники были въ сборѣ, по случаю праздника, и въ ожиданіи обѣда сидѣли и лежали, покуривая и занимаясь пустословіемъ. Тутъ же, развалясь на лавкѣ, по обыкновенію, находился и Викторъ. Онъ былъ трезвъ и вслѣдствіе этого сосредоточенъ и мраченъ: въ веселомъ же настроеніи бывалъ большой балясникъ, забавлялъ рабочихъ передразниваніемъ собственныхъ отца и матери, сельскихъ поповъ, волостнаго старшины, да и всѣхъ кто только имѣлъ отношеніе къ рабочимъ и интересовалъ ихъ. По природѣ своей, это былъ примитивный доморощенный актеръ, обладалъ остроуміемъ, наблюдательностью, способностью имитировать и даже нѣкоторымъ даромъ творчества, разумѣется въ грубой формѣ и въ узкихъ предѣлахъ своего міросозерцанія. Работники его за это любили, были довольны его компаніей и охотно угощали водкой, если сами имѣли счастливую возможность выпить; вообще же они, какъ и всѣ крестьяне, смотрѣли на Виктора, какъ на самаго пустаго, безполезнаго человѣка, полу-уродца, горе и несчастіе родителей и семьи.

— Что, Викторъ Якличъ не веселъ?.. али къ сердцу подступило... сосетъ?.. спрашивалъ съ улыбкой, но не безъ сочувствія, одинъ изъ работниковъ, большой рыжій мужикъ, лежавшій на голбцѣ.

— Не весело!.. Съ чего веселиться-то?.. Вамъ, чертямъ, дьяволамъ, хорошо: нажретесь вотъ да и разбредетесь кто куда, а я что буду дѣлать-то?.. Люди, говорятъ, праздникъ сегодня, а у меня вотъ два дня во рту росины не было, да и сегодня, видно, такъ день-то проваляешься...

— Это ты на счетъ выпивки-то?..

— А то еще о чемъ?.. Хороши вотъ и вы, черти, работнички окаянные: всѣхъ переспрашивалъ, хоть бы кто догадался, позвалъ: подемъ, молъ, хозяйскій сынъ, почтеніе тебѣ сдѣлаю: угощу, али бы хоть гривенникъ который взаймы одолжилъ...

— Значитъ, братецъ, никому не подходно: сами въ сухую, видно, отпразднуемъ... А гривенники-то у насъ, у самихъ, на счету... Поди-ка къ родителю-то твоему сунься безо времени... хошь за тѣмъ же гривенникомъ, объ-счетъ своего жалованья... что онъ тѣ скажетъ?..

— На что тебѣ, ракалія?.. Пьянствовать хочешь?.. пьяницы, ракаліи!.. передразнилъ отца Викторъ.

Общій хохотъ удовольствія загрохоталъ по всей избѣ.

— Такъ вотъ то-то и есть, сказалъ тотъ же рыжій работникъ, когда хохотъ кончился, а ты: хозяйскому сыну никто гривенника не одолжитъ!.. Поди-ка попроси самъ себѣ у папеньки-то... На выпивку, молъ, тятенька, пожалуйте, гля-ради праздника...

— Вонъ, ракалія... Чтобы духу твоего не было... А-а, шельмецъ, ракалія!.. снова имитировалъ отца Викторъ.

И опять такой же хохотъ на всю избу.

— А ну, а ну, Виктоша... Викторъ Якличъ... Ну, еще... приставь, братъ!.. Какъ онъ съ земскаго отчетъ получаетъ?..

— Да, больно нужно!.. Наплевалъ бы я вамъ!.. И безъ того мочи нѣтъ, тошнехонько... Такъ и тянетъ!.. Ровно тамъ все перегорѣло, внутрѣ...

Викторъ плюнулъ и сердито повернулся на лавкѣ.

— Легкое ли дѣло, братецъ!.. участливо замѣтилъ молодой парень-работникъ. Она требуется... Какъ вопьешься... вотъ о праздникахъ... недѣлю-то гуляешь, а тутъ

Цыганка. Рисунокъ и гравюра Цаннемакера сына.

оборвешь вдругъ: смерть!.. Ровно ребенокъ тамъ сосетъ да ноетъ у тебя въ брюхѣ-то... Все одно, поди, что у бабы на сносѣ... Право!..

Острякъ самъ первый засмѣялся своей остротѣ, ожидая, что смѣхъ его подхватятъ прочіе, но въ эту минуту въ избу вошелъ Иванъ. Всѣ на него оборотились.

— Здорово живете, господа, сказалъ Иванъ, поклонившись.

— Добро пожаловать... отвѣтилъ работникъ, сидѣвшій ближе другихъ къ дверямъ. Что надобно?..

— Да вотъ... Федора бы изъ Макарихи?.. У васъ, али отошелъ?..

— Нѣту, онъ еще съ весны отошелъ... А вы откуда будете?

— Да мы не дальніе: дудкинскіе...

— Такъ!.. Нѣтъ, Федора нѣтути... Сказывали, на заводъ собирался... А вамъ на что чего?..

— Такъ, по пріятельству... Ахъ, Виктору Яковличу... Изъ-за стола-то васъ и не видать... Не признали, чай?..

— Нѣту, не узналъ... отвѣчалъ тотъ.

— А въ запрошломъ году на ярмаркѣ, въ трактирѣ, гуляли вмѣстѣ...

— А-а, постой... Ты пѣсни играть гораздъ... пѣсельникъ?..

— Есть грѣхъ, водится: одобряютъ люди!..

— Вспомнилъ, вспомнилъ... Еще у васъ, было, тутъ потасовка вышла: у дудинскихъ съ куделинскими... Помню!.. Вотъ, какъ звать тебя, забылъ...

— Иваномъ...

— Да, да... Нѣтъ, братъ, Федора-то, нѣтъ. Разсчитали... Присядь!.. Побесѣдуй!..

— Покорнѣйше благодаримъ...

Иванъ сѣлъ.

— Вѣдь, до Дудкина-то вашего отсюда верстъ пять будетъ?

— Будетъ, что больше...

— А нарокомъ приходилъ къ Федору-то?

— Не то нарокомъ... Гуляемъ мы сегодня... Вотъ въ церкви, въ вашей, у обѣдни былъ, а тутъ думаю: дай, по сосѣдству, зайду за Федянкой... Просто сказать въ трактиръ хотѣлъ позвать для праздника и для кампаніи... потому одному скучно, а знати здѣсь въ сторонѣ мало...

— Я собирался въ трактиръ-то... Подемъ вмѣстѣ...

— Съ нашимъ полнымъ удовольствіемъ... Ужь, не погнушайтесь, и угощеніе наше примите...

— Да какъ хочешь... Этотъ разъ пускай ты, а въ другой разъ, случится, я тебя угощу...

— Самое прекрасное дѣло... Пожалуйте...

У Ивана мелькнула та же мысль, что и у Маши: нельзя ли Виктора сдѣлать посредникомъ.

IX.

Викторъ мигомъ собрался. Они вышли вмѣстѣ съ Иваномъ на дворъ и тотчасъ же почти увидѣли Марью, которая шла къ нимъ на встрѣчу. У обоихъ влюбленныхъ сердце замерло отъ радости, а Викторъ выругался и предложилъ было Ивану идти другой дорогой, ожидая, что сестра пристанетъ съ распросами: куда да зачѣмъ идетъ; но Иванъ почему-то уперся, находя что и этой дорогой идти все равно, еще ближе. Иванъ и Марья, пока сошлись, успѣли оправиться и собраться съ духомъ.

— Это ваша сестрица, кажись, идутъ? успѣлъ сказать Иванъ. Довольно знаемъ ихъ: видали у Константина Яковлича въ трактирѣ... Я, вѣдь, тамъ на фабрикѣ...

Предупредивши такимъ образомъ Виктора, онъ раскланялся съ Машей, когда она подошла.

— Ты куда же это, Викторъ?.. торопливо заговорила Маша, нерѣшительно отвѣчая на поклонъ Ивана и пытливо взглядывая на него и на брата. А я за тобой было шла: въ комнаты тебя позвать...

— Зачѣмъ еще?.. Что надо?.. Али ругаться опять хочетъ за что?..

— Совсѣмъ нѣтъ, а чай пить шла, было, тебя звать, и пирогъ сейчасъ подадутъ... Папаша совсѣмъ даже ничего, а я подумала: сегодня праздникъ, пирогъ будетъ и обѣдъ хорошій, а ты сидишь тамъ съ рабочими... Вотъ и ключи у меня... Хотѣла позвать тебя въ комнаты: можетъ передъ пирогомъ выпить захочешь?..

— Поранѣе бы позвала, а вотъ теперь ужь мы съ пріятелемъ сговорились: въ трактиръ позвалъ...

— Да ужь дозвольте, Марья Яковлевна.. Очень желательно вмѣстѣ кампанію имѣть... Вы насъ конечно что, можетъ, не примѣчали, а мы васъ довольно знаемъ, потому какъ вы у братца вашего, Костентина Яковлича въ побывкѣ были, а мы завсегда тамъ, въ ихнемъ заведеніи, время праздное проводимъ... съ фабрики значитъ... Ужь дозвольте сегодня!.. Сдѣлайте такое одолженіе Викторъ Яковличъ, не обидьте!.. Обѣщали!.. Пожалуйте!..

— Да я съ тобой, съ тобой... успокаивалъ онъ Ивана и потомъ обратился къ сестрѣ. Не пойду я въ комнаты... Чего тамъ не видалъ? Ругани-то что-ли?.. А ты вотъ что лучше: отлила бы малость, хоть косушечку, а то и побольше, да и припрятала мнѣ на завтра... Вотъ спасибо бы сказалъ, добрая будешь сестра, хошь и модница-фуфырка... Такъ, вѣдь, нѣтъ вотъ: не жди отъ тебя этого!..

— Анъ вотъ и сдѣлаю, ошибаешься ты во мнѣ... Я всегда за тебя и передъ папашенькой, когда онъ очень тебя обижаетъ... А только неужели ужь ты такъ до завтра и пропадешь?.. Что папаша-то скажетъ, узнаетъ?..

— А вотъ очень мнѣ нужно... Не все одно?..

— Нѣтъ ужь вы гулять гуляйте, а на темную-то ночь, пожалуйста, возвращайся домой... И вы ужь, обратилась она къ Ивану, пожалуйста, проводите его домой, а то онъ человѣкъ слабый... Что, Витя, надо правду говорить, коли они твои пріятели!.. вѣдь ночевалъ же не одинъ разъ на дорогѣ, въ лѣсу!.. Разъ чуть не задавили: уснулъ поперегъ дороги, а ночь была темная .. совсѣмъ было съ возами наѣхали...

Викторъ глухо захохоталъ.

— Нѣтъ ужь на счетъ этаго будьте безо всякаго сумнѣнія, сказалъ Иванъ: хошь и загуляемъ, самъ провожу, до самаго дома доставлю... Ужь этого я не сдѣлаю, чтобы хмѣльнаго человѣка покинуть.., Не безпокойтесь...

— Да ужь, пожалуста!.. Я всю ночь не буду спать, буду безпокоиться!.. А если ужь очень поздно воротитесь, такъ вы его лучше не во флигель, а прямо въ рабочую проводите... чтобы папаша не узналъ... А чтобы я была покойна, что онъ дома, такъ вы мимо флигеля пойдете, въ которомъ окошкѣ свѣтъ увидите, въ то и стукните потихоньку, я и буду знать, что ужь онъ дома, и спать лягу, не стану и безпокоиться... Слышишь, Витя...

— Да слышу... Ужь больно нѣжности какія, чего никогда не бывало... Съ чего это?.. спросилъ онъ, недовѣрчиво смотря на сестру.

— А съ того, что мнѣ одной только тебя жалко, отвѣчала она, стараясь скрыть невольное смущеніе. Я и всегда такая была. всегда за тебя заступалась, только конечно ты этого ничего не зналъ...

— Да ужь не сумнѣвайтесь Марья Яковлевна: все сдѣлаю по вашему приказанію: и провожу, и въ окошечко постучусь самымъ тихимъ манеромъ, чтобы никого не потревожить... только вотъ насчетъ собакъ... собаки бы рвать не стали?..

— Нѣтъ, съ той стороны отъ дороги, гдѣ окна, собаки не бѣгаютъ, а на дворѣ-то, если и полаютъ, не бѣда: работники услышатъ, выйдутъ, и Витю примутъ...

— Да что вы очень?.. вмѣшался Викторъ: можетъ быть, живой еще ворочусь, самъ приду, на своихъ ногахъ... А вы толкуете точно ужь меня замертво приволокутъ...

— Ну, Витя, ты человѣкъ слабый... за себя поручить-

ся не можешь... Все лучше, если пріятель хорошій за тебя обѣщается... По крайнеи мѣрѣ дома будешь ночевать, а не гдѣ нибудь подъ кустомъ...

— Да какъ же это возможно... Нѣтъ, ужь надѣйтесь на насъ, Марья Яковлевна... Мы не такіе люди!.. Это будетъ вѣрно!.. Пойдемъ же Викторъ Яковличъ... Прощенья просимъ Марья Яковлевна!

Иванъ и Марья оба были покойны, что вполнѣ поняли другъ друга и разошлись, пока довольные и со сладкими надеждами.

— Прекрасныя барышни, сестрица ваша эта, Марья Яковлевна!.. заговорилъ Иванъ, когда остался вдвоемъ съ Викторомъ.

— Какъ на нее придетъ: когда вотъ хороша и ровно какъ добрая... А иной разъ тоже... не подходи: такія меды разводитъ... Бѣда!.. Замужъ ей смерть хочется... Вотъ что!

— Да какъ же барышнѣ этакой не хотѣть за-мужъ: это такъ и быть слѣдуетъ. Такое ихъ положеніе, чтобы замужъ выходить: больше имъ и дѣлать нечего!.. Только кажется бы этакой, напримѣръ, какъ ваша сестрица, и думать не о чемъ: охотниковъ, чай, сколько угодно...

— Да какъ не быть, только, видишь, все не потрафляютъ: роемся очень, выбираемъ!.. Мы стало быть такіе большіе господа, что намъ подавай или помѣщика значительнаго, или купца милліонера... А они вотъ, недогадливые черти, не сватаются... И я вотъ тоже все невѣсты ищу, чтобы сто тысячъ у нея было, да нѣтъ вотъ не попадается, ракалія!.. А поди-ка и крестьянская дѣвка порядочная, такъ и та, пожалуй, не пойдетъ...

— Да вамъ и не подходитъ, чай, на крестьянкѣ жениться... Вамъ благородную нужно искать...

— Почемуй-то такъ это?.. Что мы за прынцы такіе?.. Изъ роду-то мы изъ такого же холуйскаго?.. Что у отца деньги-то есть?.. Такъ мнѣ, братъ, не достанется отъ него ничего... Ну, за сестрами конечно дастъ, а мнѣ... нѣтъ, мнѣ и понюхать его денежекъ не придется: знаетъ что у меня бы не залежались!.. Такъ бы жиганулъ! ого!.. Нѣтъ, если бы я надумалъ, я бы и на простой дѣвкѣ женился, да только что я не женюсь... Наплевать и съ ними, съ бабами!.. весь вѣкъ съ ней вожжаться!.. Очень нужно!.. Да ты не женатъ?..

— Нѣтъ...

— И чудесно!.. И не женись, братъ!.. Да право!.. Ну, ихъ къ лѣшему совсѣмъ, этихъ бабъ!.. То ли наше дѣло, холостое... Гуляй въ свое удовольствіе, сколь влѣзетъ, а тутъ придешь пьяненькой-то домой: жена ругается, дѣти ревутъ... Да думай еще объ нихъ, корми, промышляй... Очень нужно!.. Вотъ встрѣтишься съ пріятелемъ, сошелся по душѣ, тары да бары, одинъ сказалъ хорошо, а другой еще лучше, да чтобы она стояла передъ тобой безпереводно, посудина эта самая, зеленая!.. Вотъ это я люблю, это по моему!..

— Я братъ, самъ, Викторъ Яковличъ, изъ такихъ же самыхъ, что и ты... Смерть люблю погулять въ кампаніи... И вотъ 25 лѣтъ себѣ имѣю слишичкомъ, а еще не женился, гуляю себѣ на свободѣ... въ полное свое удовольствіе... И дѣвки, пожалуй, есть, и хорошія дѣвки, пошли бы, съ радостью, да не желательно вотъ и шабашъ!.. Извѣстно, коли ежели бы которая больно по сердцу, по душѣ пришлась, ну, то другое дѣло, женился бы, хошь бы и бѣдная была вовсе... Деньги нажить можно, человѣка не наживешь... А покамъ что, Викторъ Яковличъ, мы съ тобой люди слободные, никого у насъ за спиной нѣту... намъ гулять можно... Такъ ли?.. Вотъ мы и гульнемъ вволю...

У Ивана было на счастье рубля полтора денегъ и онъ съ удобствомъ могъ осуществить выдумку Маши, которую понялъ съ перваго намека: онъ поилъ Виктора не торопясь, разсчитанно, чтобы держать его на ногахъ до самаго вечера, а къ ночи угостилъ такъ, что изъ села къ Мамаихѣ пришлось почти тащить на себѣ. Онъ успѣлъ въ продолженіи этого дня очень подружиться и расположить къ себѣ Виктора, который впрочемъ очень скоро и сильно привязывался къ тѣмъ людямъ, которые поили его.

— Слушай, Ванюха, говорилъ Викторъ совсѣмъ уже пьяный, но еще владѣвшій языкомъ и ногами: слушай: такъ ты меня сегодня... утѣшилъ... такъ... ублаготворилъ!.. Такой мнѣ сегодня день... грустный, братецъ ты мой, выходилъ... Негдѣ взять... ну, не на что выпить... да и шабашъ!.. Я тебѣ правду скажу... А ты... ровно съ неба слетѣлъ... ровно у Бога умолилъ я тебя... Вотъ, ей Богу!.. Такъ доволенъ, ужь такъ доволенъ, Ванюха!.. Вотъ какъ: больше роднаго брата, родной сестры!.. Да что мнѣ они?.. Особливо братъ-то Кастентинъ? Что онъ для меня?.. Свой трактиръ содержитъ, а пришелъ я къ нему въ гости... значитъ, погоститься... Что же ты думаешь? Живу день: передъ обѣдомъ стакашикъ... махонькій!.. передъ ужиномъ... другой... опять же махонькой!.. Думаю, погоди, что завтра будетъ?.. Пошелъ съ утра къ выставкѣ... Вижу: подходятъ люди, наливаетъ имъ, пьютъ... А я стою, смотрю... Онъ ровно не видитъ... Стоялъ, стоялъ, смотрѣлъ, смотрѣлъ... да что же, я говорю, ты, братъ... гостю-то, родному брату, не подносишь?.. У этакого ты большаго дѣла стоишь... вонъ какія бутыли у тебя... самъ ты всему добру хозяинъ... своя рука владыка... а тебѣ стаканчика другаго, брату родному, жалко?.. Видишь: человѣкъ млѣетъ... глядитъ какъ другіе пьютъ, а ему не попадаетъ... можетъ, я говорю, слюной я изошелъ, на людей-то смотря, а тебѣ это ни въ честь, ни въ совѣсть, что передъ тобой братъ родной стоитъ, да ждетъ... А?.. Вѣдь, мнѣ покупать не приходится у тебя за стойкой-то, потому я... гость и при томъ же братъ родной, кровный... Что-жь ты думаешь, онъ-то?.. Отойди, говорятъ, Викторъ, не хорошо!.. Поди въ комнаты, здѣсь тебѣ не мѣсто... только, говоритъ, меня конфузишь... Поди въ комнаты, дожидайся обѣда, вотъ передъ обѣдомъ и выпьемъ.. А?.. А коли, я говорю, мнѣ теперь желательно, вотъ на людей глядя?.. Коли ты трактирщикъ, стоишь за стойкой, наливай мнѣ сейчасъ косушку... плачу!.. И кабы кажется былъ у меня тогда въ рукахъ двугривенный, такъ бы я ему и залѣпилъ его въ рожу, въ самую... Такъ онъ меня обидѣлъ тогда!..

— Ну, что же, спрашивалъ Иванъ, усовѣстился, поднесъ?..

— Какъ же, поднесъ: ступай, ступай, говоритъ, братъ!.. Уходи въ комнаты!.. Коли ты ко мнѣ въ гости пришелъ, такъ и сиди тамъ, жди угощенья... а здѣсь не безобразничай... потому не хорошо: публика смотритъ, слушаетъ!.. А?..

— Что же ты?..

— Что?.. Какъ я принялся его костить, какъ принялся!.. Вотъ, говорю, пускай публика слушаетъ... Не надо, я говорю, мнѣ и угощенія твоего... Наплевать тебѣ!.. Плюнулъ да и ушелъ домой... Съ тѣхъ поръ и не хожу... Такъ что мнѣ братъ?.. А вотъ ты для меня... ты другъ настоящій... и я для тебя что угодно: вотъ скажи сейчасъ: то и то сдѣлай, Викторка... И безпремѣнно сдѣлаю, потому я для ласки самый чувствительный человѣкъ... Ты это Ванюха, помни!.. Побратаемся!.. вотъ я какъ желателенъ... за всю твою добродѣтель для меня... сегоднишнаго числа... Вотъ что!.. Какъ ты меня... въ моемъ горѣ... утѣшилъ!.. въ самый разъ и... въ самую то есть препорцію!..

Иванъ всѣ эти заявленія, на всякій случай принялъ къ свѣдѣнію.

Доставивши пьянаго Виктора въ людскую, онъ отправился розыскивать окно со свѣчкой, нашелъ и, съ замираніемъ сердца, слегка постучалъ въ него. Свѣча тотчасъ же была погашена, а окно у котораго стоялъ Иванъ отворилось и въ него высунулась голова Маши.

— Милый, милый, слышу!.. шептала Маша. Поди къ

садовому забору... тамъ лазъ есть... Пролѣзай въ садъ... Жди, сейчасъ выйду... Здѣсь сестра спитъ...

И голова Маши спряталась, окно тихо закрылось. Иванъ слышалъ даже какъ осторожно была задвинута задвижка въ оконной рамѣ. Онъ пошелъ по указанному направленію. Въ темнотѣ ночи, онъ пробирался по забору, ощупывая его рукою. Заборъ былъ сдѣланъ изъ вбитыхъ въ землю кольевъ и въ одномъ мѣстѣ дѣйствительно два кола подгнили и вывалились. Иванъ пролѣзъ въ садъ и сталъ ждать. Напаивая Виктора, онъ долженъ былъ пить и самъ, хотя и пилъ осторожно: вино его отуманило, въ головѣ шумѣло, сердце било тревогу, онъ не въ силахъ былъ ни думать обстоятельно, ни владѣть собою. Когда вскорѣ послышались осторожные шаги Маши и бѣлымъ, неяснымъ пятномъ, обрисовалась ея фигура, Иванъ бросился къ ней, ни слова не говоря, и какъ сумасшедшій сдавилъ ее въ своихъ сильныхъ рукахъ... Маша слабо вскрикнула, хотѣла что-то сказать, хотѣла вырваться, но Иванъ почти задушилъ ее въ своихъ объятіяхъ—а крика ея никто не слыхалъ... Затѣмъ у Маши потемнѣло въ глазахъ... Она слишкомъ понадѣялась на свою власть надъ Иваномъ и на его робкую, повидимому, любовь: противъ ея желанія, это свиданіе было для нея роковымъ...

Придя въ себя, Маша проклинала Ивана, называла мужикомъ, насильщикомъ, обманщикомъ, говорила, что она возненавидитъ его за это, а Иванъ цинически и самодовольно посмѣиваясь, лѣниво цѣловалъ ее и увѣрялъ, что теперь-то она и полюбитъ его настоящимъ образомъ, а что до тѣхъ поръ вся ихъ любовь была только одна пустая канитель... Тѣмъ не менѣе влюбленные условились о свиданіи и на будущій праздникъ.

Послѣ этой роковой ночи Маша какъ-то присмирѣла, сдѣлалась разсѣянна, задумчива и печальна, но въ назначенный часъ всегда ждала Ивана на томъ же мѣстѣ, въ саду. Она встрѣтила его слезами, упреками и даже проклятіями, а онъ отвѣчалъ на нихъ невидимой для Маши, въ ночной темнотѣ, самодовольной, нѣсколько даже насмѣшливой улыбкой, но въ то же время объятіями и поцѣлуями, отъ которыхъ она трепетала и забывала на время обо всемъ на свѣтѣ.

— Но что же мнѣ теперь дѣлать?.. Какъ же мнѣ быть?.. Хоть бы ты научилъ меня, посовѣтовалъ бы что нибудь... начинала она снова со слезами, когда приходила въ себя. Ужъ мнѣ теперь одно осталося: выходить за перваго встрѣчнаго да плакаться всю жизнь отъ мужниныхъ попрековъ, да и отъ побоевъ, пожалуй... Ужъ теперь не ищи молодаго да хорошаго, а иди за кого Богъ приведетъ, хоть за того же прикащика стараго, да плѣшиваго...

— Такъ что? и выходи!.. За этакаго-то мнѣ же лучше: больше меня любить будешь... Выходи и впрямь за него: на фабрикѣ жить будешь, и я завсегда около тебя... Кажинный день видаться да гулять будемъ!..

— Да, спасибо!.. Тебѣ-то хорошо, да мнѣ-то каково?.. Какъ приревнуетъ, да бить, да запирать начнетъ...

— Ну, такъ и уйти, вѣдь, можно вовсе...

— Отъ мужа-то?..

Иванъ мрачно задумался.

— А если открыться? спросилъ онъ. Сказать всю правду... что промежъ насъ было?.. что, значитъ, нужно вѣнцомъ прикрыть?..

— Ай, ай, Ваня, что ты!.. Да ни за что на свѣтѣ... Срамота этакая!.. Клясть да бранить будутъ, а пути-то все равно никакого, только хуже: увезутъ меня къ теткѣ въ дальнюю вотчину, спрячутъ тамъ... отъ стыда... Вотъ и все... А отдать за тебя все равно не отдадутъ: скорѣй тамъ за кого ни попало сунутъ, чтобы грѣхъ прикрыть, чѣмъ здѣсь, на глазахъ... Нѣтъ, нѣтъ, не отдастъ, папаша, за мужика... за бѣднаго... да еще за здѣшняго... Нѣтъ, не женихъ ты мнѣ, Ваня, хоть и люблю я тебя!.

— Такъ что же, Марья Яковлевна, это выходитъ: долго ли, коротко ли, а распрощаться намъ съ вами нужно?..

— Ахъ, Ванюша, и подумать-то мнѣ объ этомъ страшно, что разойдемся мы съ тобой, лишусь я своей любви... да и что дѣлать, какъ горю помочь не знаю, не придумаю!..

— Такъ я придумалъ, Маша, коли согласна будешь... А коли любишь, такъ согласишься...

— Что такое Ваня?

— Уходомъ уйди отъ отца да и повѣнчаемся!.. Нынче дѣвки то и дѣло такъ отъ родителевъ уходятъ за-мужъ, кто имъ по мысли, а старики не пускаютъ... Вотъ хочешь ли?..

— Да какъ же это, Ваня, такъ?.. уходомъ?.. Это въ благородномъ сословіи точно бываетъ... отъ сильной любви убѣгаютъ и вѣнчаются... А вѣдь ты... какъ же?.. первое, что ни одинъ попъ не посмѣетъ повѣнчать насъ, безъ папашинаго согласія, а второе: чѣмъ же мы жить-то будемъ если папаша разсердится и приданаго не дастъ?.. Я, вѣдь, ты знаешь, воспитана не такъ... Ничего въ вашей крестьянской жизни и дѣлать не умѣю, да и не могу... Какъ же мы будемъ безъ денегъ-то жить?.. и опять же въ твоей избушкѣ?..

— А я такъ полагаю, что родители твои, хоть сначала и посердятся, и поругаются... да, вѣдь, увидятъ, что повѣнчаны, воротить нельзя—и простятъ, и что тебѣ назначено отдадутъ... Вѣдь, кровь-то, чай, своя, родная: жаль будетъ, что родная дочь въ крестьянской нуждѣ да въ бѣдности пропадаетъ!.. Посмотрятъ, посмотрятъ, да и помогутъ: либо денегъ дадутъ, либо возьмутъ насъ обоихъ къ себѣ въ домъ... Мнѣ дѣло какое дадутъ и жалованье положатъ, либо ужъ какъ нибудь да пристроятъ: не захотятъ, чтобы и зять у нихъ простымъ мужикомъ оставался, чтобы люди надъ ними смѣялись... Право, такъ будетъ, Маша!.. Развѣ не долго помаешься въ моей избенкѣ... Ну, такъ что нибудь захватишь съ собой, хоть изъ платья что ли изъ своего тамъ... или что другое... Будемъ продавать въ нуждѣ-то: потянемся какъ нибудь до времени... Ну и я гулять-то не буду: всѣ денежки буду домой носить... Такъ что же, Маша, соглашайся что ли!.. Уходомъ!...

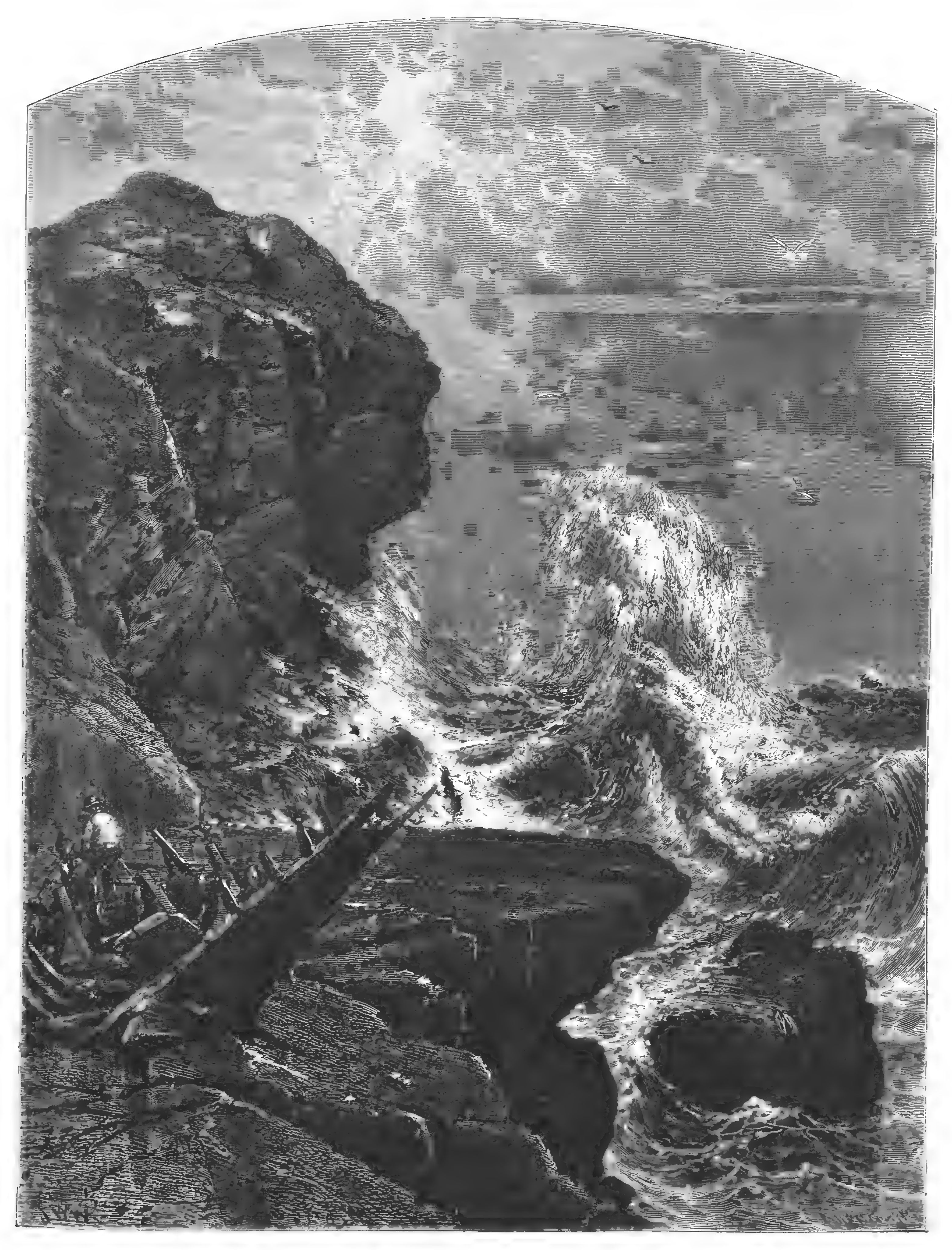
— Ахъ, не знаю, Ваня, не знаю что тебѣ и сказать... Больно страшное что-то ты задумалъ... Никогда я объ этомъ не думывала... Конечно что изъ-за любви и не то еще дѣлаютъ... особенно, если любовь самая страстная, что жить безъ нея невозможно: убиваются даже люди!.. Только я думаю, не обвѣнчаютъ насъ... Уходомъ! Боюсь!

— Нѣтъ, Маша, не бойся: ничего худаго не будетъ... А лучше не выдумаешь... Коли точно ты меня любишь, такъ нечего тебѣ и раздумывать!..

— Нѣтъ, Ваня, какъ не думать... Ты погоди, дай срокъ... Да и самъ-то разузнай хорошенько: можно ли?.. Тогда и поговоримъ опять...

Иванъ ушелъ съ этого свиданія полный самыхъ радужныхъ надеждъ, въ которыхъ, надо правду сказать, любовь къ Машѣ и возможность имѣть ее женою и жить съ нею неразлучно, занимали самое малое мѣсто. Онъ мечталъ болѣе о другомъ: о приданомъ, о возможности получить черезъ тестя хорошее денежное мѣсто, разбогатѣть, попасть въ купцы. Онъ не разлюбилъ Машу, но чувство его потеряло остроту: вполнѣ удовлетворенное, оно сдѣлалось гораздо спокойнѣе и проявлялось только порывами, особенно въ ожиданіи свиданія послѣ разлуки и въ первыя минуты свиданія. Вообще, въ настоящемъ настроеніи, онъ не испытывалъ бы особеннаго горя и страданія, если бы и вовсе потерялъ Машу, но пріобрѣлъ помимо ея какія нибудь матеріальныя блага. На фабрикѣ, оставаясь одинъ, при воспоминаніи о Машѣ, онъ страдалъ больше отъ мысли о своей бѣдности, о своемъ униженномъ положеніи, чѣмъ отъ разлуки съ нею.

(Продолженіе будетъ).

На берегу моря. Рис. Вудвартъ, грав. Иглинъ.

Пророчица.

Повѣсть

Захеръ Мазоха.

(Продолженіе).

VI.

Потянулись сѣрые, дождливые и холодные осенніе дни. Густой туманъ почти все время покрывалъ долину, гдѣ расположилось поселеніе „корабля". Солнце проглядывало на краткое мгновеніе, а затѣмъ снова скрывалось и лѣсъ и поля опять заволакивались сырой, бѣлесоватой пеленой тумана. По сѣрому низкому небу тянулись стаи журавлей, улетавшихъ на югъ къ солнцу и теплу.

Въ Тарговицѣ происходило однажды что-то необычное, странное. Слышались громкіе голоса, ржаніе лошадей, лязгъ стальныхъ косъ, какъ во время галиційскихъ событій 1848 года и, наконецъ, сквозь весь этотъ шумъ и гулъ, раздался набатъ съ колокольни мѣстной церкви.

Изъ села Бребакъ одинъ изъ крестьянъ принесъ дурныя вѣсти. Съ давнихъ уже поръ шли распри между Тарговицкими крестьянами и мѣстными помѣщиками. Въ 1848 году первымъ удалось получить въ собственность свои усадьбы и земельные надѣлы, но лѣса и выгоны остались исключительно за землевладѣльцами и Тарговичане стали пользоваться лѣсомъ и выгонами своевольно, безъ всякаго разрѣшенія. Напрасно власти старались убѣдить ихъ въ незаконности такаго образа дѣйствій, ничто не помогало. Дѣло дошло, наконецъ, до того, что уѣздный начальникъ пригрозилъ Тарговицѣ военной экзекуціей. Команда была уже на пути къ селу.

Какъ только услыхали о томъ поселяне, тотчасъ же рѣшили сопротивляться, не взирая на увѣщанія войта и священника. Вооружившись чѣмъ попало, они ударили въ набатъ, созывая сосѣдей на помощь. Вскорѣ, дѣйствительно, не мало прискакало верхомъ крестьянъ изъ Бребакъ, Клона, Серенницы. Церковная площадь превратилась въ нѣчто въ родѣ лагеря, среди котораго шумѣла толпа крестьянъ. Одни кричали, чтобы идти противъ австрійскихъ солдатъ, другіе отговаривали, наконецъ третьи члены „корабля" говорили, что подождутъ, что скажетъ Пророчица.

Внезапно появилась *она* и за нею Венцеславъ... Ея прекрасное лицо было спокойно, большіе глаза смотрѣли твердо изъподъ бѣлаго широкаго платка, покрывавшаго густую, бѣлокурую косу.

Толпа мгновенно стихла и окружила ее, снявъ шапки. Всѣ спѣшили дотронуться до нея: кто цѣловалъ кончики сафьянныхъ сапожковъ, кто край шубейки, многіе опустились на колѣни. Остановившись среди улицы она спросила—что случилось. Ей разсказали и просили совѣта. Движеніемъ руки она возстановила молчаніе. Сквозь толпу продрался къ ней сѣдовласый войтъ.

— Помоги, матушка, крикнулъ онъ, ты одна можешь помочь! Съ другой стороны подошелъ священникъ. Не безъ оттѣнка почтенія онъ началъ говорить.

— Угомони ихъ, произнесъ онъ тихо. Всѣ точно помѣшались. Это можетъ кончиться большой бѣдой.

Марьяна выпрямилась и гордымъ, повелительнымъ взглядомъ окинула массу головъ.

— Слушайте! громко крикнула она.—довольно шумѣть. Бросьте. Чего вы раззвонились? Идите по домамъ. Войтъ и два старика пусть сейчасъ идутъ встрѣтить окружнаго. Солдатъ сейчасъ принять и угостить. Чиновникъ и офицеръ — мои гости. Съ ними говорить буду я, это дѣло не ваше. Все слажу, Богъ дастъ, какъ лучше. Вотъ вамъ мое обѣщаніе даю нерушимое. Съ Богомъ, расходитесь.

Никто не возражалъ, никто не шелохнулся. Когда она повернулась идти домой, въ толпѣ многіе поклонились ей земно. Пророчица, не безъ своеобразной граціи, поднявъ руки, благословила ихъ и ушла.

Все произошло по ея желанію и совѣту. Колокола перестали звонить, народъ разошелся. Улица опустѣла, въ деревнѣ скоро наступилъ миръ и тишина.

Вскорѣ подъѣхалъ экипажъ, въ которомъ сидѣлъ окружный начальникъ съ секретаремъ и двумя жандармами, сзади галопировали тридцать человѣкъ австрійскихъ гусаръ подъ командой офицера. Солдаты были немедленно расквартированы въ селѣ, а окружнаго и офицера войтъ проводилъ въ домъ Осиповича, такъ какъ онъ отличался своимъ опрятнымъ видомъ.

Гости, Венцеславъ (которому приказала Марьяна остаться) и семейство хозяина усѣлись за столъ, въ большой горницѣ. Кушанья и вина сдѣлали бы честь любому и господскому столу.

Въ самый разгаръ закуски, въ комнату вошла Марьяна, одѣтая въ богатый крестьянскій нарядъ, скорѣе похожая на какую-нибудь богатую барыню, одѣвшуюся на костюмированный балъ, чѣмъ на крестьянку. Окружный и офицеръ, очевидно ослѣпленные ея необычной красотой, поднялись съ своихъ мѣстъ и сѣли не прежде, какъ пророчица заняла свое мѣсто у стола. Марьяна заговорила съ гостями, съ большимъ вниманіемъ слушая то, что говорили они и угощая ихъ. Скоро она успѣла совершенно очаровать и скромнаго окружнаго и молоденькаго австрійскаго офицера.

Начавъ первая говорить о волненіяхъ въ Тарговицѣ, Марьяна очень умно высказалась по этому поводу не какъ пристрастная сторонница крестьянъ, а скорѣе какъ юристъ, разсматривающій вопросъ со всѣхъ сторонъ. Офицеръ, подумавъ, скоро принялъ ея сторону, а окружный начальникъ, старательно избѣгавшій неотразимаго взгляда чудныхъ глазъ говорившей, подъ конецъ, тоже пришелъ къ убѣжденію, что единственнымъ средствомъ къ улаженію столкновенія между мужиками и помѣщиками было это взаимное соглашеніе, которое она предлагала.

— По еслибъ вы сами появились въ барскомъ домѣ—тамъ не устояли бы противъ васъ, Марьяна, вы говорите очень умно и хорошо, сказалъ окружный.

— Благодарю васъ на добромъ словѣ, г. комисаръ, отвѣчала пророчица—да мнѣ какъ же, не приходится выступать за односельцевъ, не приходится быть судьей между ними и бариномъ. Невозможно мнѣ и на барскій дворъ идти. Пусть господинъ самъ пріѣдетъ ко мнѣ. Только польза одна выйдетъ отъ этаго ему. А сраму ему въ томъ никакого не будетъ.

— Конечно пріѣдетъ, тутъ и говорить нечего,—я сейчасъ ѣду къ нему! воскликнулъ офицеръ.

Такъ и вышло. Пріѣхалъ самъ помѣщикъ, пришли войтъ и два старика отъ общества, пришелъ писарь. Усѣлись всѣ за столъ и стала опять говорить Марьяна—степенно, умно и спокойно. Она поставила ясныя и твердыя условія, на которыхъ могли сойтись стороны. Соглашеніе было заключено: каждый изъ тарговицкихъ домохозяевъ обязался въ недѣлю одинъ день работать на помѣщика безплатно, а за то крестьяне могли пользоваться, какъ и прежде было, лѣсомъ и выгонами.

Когда комисія окончила свои занятія, господа собрались было уѣзжать, но Марьяна упросила ихъ остаться весь вечеръ и сейчасъ же приказала собрать молодицъ и парней. Заигралъ опять Егоръ на цимбалахъ, Прокопъ на своей скрипицѣ, къ нимъ прибавились еще пѣвчіе изъ православной церкви. Молодые плясуны и плясуньи подняли дымъ коромысломъ въ просторной горницѣ дома Осиповича. Даже и гости чуть не въ плясъ пустились. Марьяна стояла съ Венцеславомъ въ сторонѣ, спокойная и важная.

— Ловко это ты все уладила, Марьяна! сказалъ юноша—и какъ это ты принимаешь и угощаешь людей другой вѣры, не чуждаешься?

— Знать наша вѣра лучшая. Самъ видишь.

И еще разъ добрый Нилъ Осиповичъ спасъ благочестиваго Степана отъ голодной смерти. Наѣвшись досыта и заканчивая яства сидѣлъ смиренный Степа въ своемъ углу, когда вдругъ двери отворились и въ горницу вошли двѣ крестьянки, которыхъ Венцеславъ (разговаривавшій въ эту минуту съ Марьяной) еще не видѣлъ до сихъ поръ. Одна изъ нихъ, молодая и хорошенькая дѣвушка, скромно остановилась въ дверяхъ, другая же—толстая, большаго роста женщина, пожилая, но живая и проворная,—прямо направилась къ Степану.

— Нашла, нашла таки голубчика! крикнула она громовымъ голосомъ—теперь не уйдешь, не уйдешь!

Присутствовавшіе засмѣялись.

— Чего это ты, Ѳева, чего тебѣ отъ него? спросила Марьяна. Ѳена грузно и съ шумомъ опустилась на колѣни передъ Марьяной.

— Ахъ я недостойная! дай мнѣ золотыя ножки твои облобызать, матушка, твои золотыя ножки!

Марьяна протянула ей ногу и та прильнула губами къ красному сафьянному сапожку.

— Ну, говори же, что у тебя съ нимъ такое?

— Да что, заговорилъ Степанъ, мочи нѣту, пристала ко мнѣ старая баба. Любъ ей, видишь ли!

— Что! Я старая баба? заревѣла Ѳева, вдругъ поднявшись на ноги. Она такъ близко подбѣжала къ Степану, что тотъ попятился и выставилъ впередъ руки, защищая себя. Всего сорокъ лѣтъ какихъ нибудь, только два года всего какъ овдовѣла послѣ Софрона, чего же, не могу пишто еще пожить, чѣмъ еще я дурна для тебя!

Это была еще довольно свѣжая женщина, а нѣсколько широковатое лицо ея, съ красивыми глазами, прямымъ небольшимъ носомъ и полными губами, могло и нравиться. Руки и ноги были замѣчательно малы и красивы.

— Мнѣ не до бабъ, молиться надо.

— Марьяна, матушка, къ тебѣ прибѣгаю, уговори ты его.

— Что же? бери ты ее себѣ въ жены, обратилась къ нему пророчица.

— Слышь, повѣнчаемся! крикнула Ѳева.

Степанъ, вмѣсто отвѣта, взялъ съ полу свой мѣшокъ и, забросивъ его за плечи, собрался уходить, но Ѳева бросилась снова къ нему и ухватилась за полу его кафтана.

— Нѣ-ѣ-ть, не уйдешь! Это что такое у тебя, что это за мѣшокъ?

Степанъ злобно сверкнулъ глазами.

— Что это у тебя въ мѣшкѣ-то? спросила пророчица.

— Шкурки.

— Какія такія шкурки? Марьяна подошла тоже.

— Да, кажись, куньи.

— Дай-ка взглянуть.

Степанъ почесалъ голову и еще разъ со злобой посмотрѣлъ въ сторону Өевы, но дѣлать было нечего, надо было развязывать мѣшокъ. Женщины тотчасъ же запустили туда руки и вытащили шкурки. Въ горницѣ раздались восклицанія. Всѣ любовались мѣхомъ.

— Славная вещь! произнесла Марьяна, — твои что ли?

— Нѣтъ, жида однаго, тамъ. Степанъ отвернулся, чтобы скрыть овладѣвшее имъ смущеніе.

— Врешь, врешь, твои, твои! кликнула Өева, и ты мнѣ что-же не подаришь ихъ? Ну, голубчикъ!

— Отстань ты! сердито пробормоталъ тотъ.

— А продаются шкурки-то? спросила Марьяна.

— Можно.

— Какъ цѣна будетъ?

— Десять гульденовъ за штуку.

— Хочешь по шести?

— Никакъ нельзя. Невозможно. Не мои...

— Не серди ты меня—бери по шести.

— Ужь для тебя—по восьми.

— По шести.

— Дай ему по семи, шепнула Марьянѣ Анна.

Степанъ уступилъ, получилъ деньги, которыя отсчиталъ ему, по приказанію Марьяны, отецъ ея и ушелъ, но не прежде однако, какъ послѣ вынужденнаго Өевой обѣщанія побывать у нея.

Скоро послѣ Степана вошла Софья. Молодой женщинѣ сейчасъ же показали только что сдѣланную покупку и по ея милому лицу скользнуло мимолетное выраженіе зависти. А вотъ что скажу вамъ—у Степана есть чудесныя куньи шкурки. Онъ дешево продастъ ихъ, потому не покупалъ ихъ, а самъ на охотѣ куницъ набилъ.

— Вотъ какъ? произнесла Марьяна, обмѣнявшись взглядомъ съ Өевой.

— Да онѣ и не очень дороги, продолжала ничего не подозрѣвавшая Софья. Жиды покупаютъ ихъ въ городѣ по пяти гульденовъ за штуку.

— Ой-ли?

— Лгать не стану.

— Ахъ мошенникъ онъ этакій! воскликнула Өева, ну постой же, придетъ онъ, я ему задамъ!..

— Ничего ты ему не задашь и не скажешь, спокойно возразила Марьяна,—это уже мое дѣло.

— Какъ угодно тебѣ, матушка, съ покорностью отвѣчала Өева.—Лина, обратилась она къ хорошенькой дѣвушкѣ, все время, съ прихода скромно молчавшей на своемъ мѣстѣ,— Лина, матушка наша обѣщала мнѣ отпустить сѣнца—такъ ты, голубушка, поди возьми въ сѣняхъ, да положи въ таратайку-то нашу. Иди, милая.

— Красивая, славная дѣвушка, замѣтила Марьяна.

— Постой, стой! кликнула снова Өева дѣвушкѣ—что-жь ты ножку-то матушкѣ не поцѣлуешь!

Та было опустилась на колѣни передъ Марьяной, но пророчица сама ласково нагнулась къ дѣвушкѣ и поцѣловала ее въ свѣжія губы.

— Дочка это будетъ твоя, что-ли? спросилъ Венцеславъ Өеву.

— Нѣтъ, такъ, бѣдная дѣвушка, у меня служитъ на дому, по хозяйству помогаетъ.

— Вотъ у васъ бы она считалась простой слугой и ближе скотнаго двора, пожалуй и показаться не смѣла бы, замѣтила Марьяна.

— У васъ это что-жь? Обычай что-ли такой, что работникамъ не приказываютъ, а просятъ, спросилъ юноша.

— У насъ не по вашему—мы думаемъ, что всѣхъ сестрами да братьями создалъ Господь, отвѣчала Марьяна...

Өева была женщина зажиточная. Въ Тарговицѣ у нея было отличное хозяйство, прекрасный домъ, лошади и скотъ, разныя птицы, а въ комодѣ припрятано до двухъ тысячъ гульденовъ. Да кромѣ того, умная была она, бойкая, удачливая и трудолюбивая. Дѣтей у нея не было. Партія, во всѣхъ статьяхъ, хорошая—разсуждалъ Степанъ, шедшій дня два спустя, изъ своего села Бребаковъ, къ женщинѣ, влюбленной въ него.

Вдовушка еще издали заприметила „подвижника“ и хотя, по обыкновенію, была одѣта хорошо, но живо вскочила, чтобы принарядиться еще получше и поспѣшно замѣнила на головѣ бѣлый платокъ пестрымъ шелковымъ, а на полную бѣлую шею надѣла ожерелье изъ коралловъ.

Минуту спустя Степанъ постучался у входа.

— Кто тамъ? кликнула хозяйка сквозь дверь съ лукавымъ смѣхомъ, очень шедшимъ къ красивому лицу ея.

— Я, Өева, я—отвѣчалъ Степанъ.

— А! да это Степа! воскликнула она, будто удивленная, и чмокнувъ его внезапно прямо въ губы.—Ну, ты вѣдь тутъ у себя, чего хочешь того проси.

Она сняла съ него шапку, взяла изъ рукъ палку его, усадила за столъ, кликнула Лину, все это съ своей обычной расторопностью и быстротой.

— Видишь, весело сказала она, подсаживаясь къ нему—знать все таки привело тебя ко мнѣ!

— Привело-то привело, произнесъ Степанъ жалобнымъ голосомъ, да недохватки все у меня.

— Ты не голоденъ ли, воскликнула Өева и бросилась распоряжаться.

Нѣсколько минутъ спустя, передъ Степаномъ появились сыръ, масло, яйца, живо сваренныя Линой и много, много всякой всячины.

— Ну что-жь, не станешь больше называть меня старой бабой? а? спросила Өева въ сласть уплетавшаго Степана.

— Чего ты, чего ты! крикнулъ тотъ, поперхнувшись, — да я татаринъ что-ли какой! Вѣдь я такъ только при Марьянѣ сказалъ—развѣ при ней можно другую женщину похвалить. Ни одна при ней чтобы не была ни молодая, ни красивая. Страсть какая завистливая! Ты, Өевушка, немного будешь толстоватѣе, ну да это ничего, хорошо для работы. Сила, значитъ, есть.

Влюбленная вдова два раза звонко поцѣловала его.

— Ну, теперь бы выпить чего. У-у-хъ жажда какая у меня! произнесъ Степанъ.

Угощенье возобновилось. Послѣ выпитаго пива и меду, благочестивый человѣкъ принялся опять за прерванную на минуту трапезу.

Наконецъ все, что можно было, на этотъ разъ съѣсть и выпить, было съѣдено и выпито. Степанъ вытеръ губы, перекрестился и потомъ вдругъ бухнулся въ ноги къ Өевѣ.

— Полно, чтой-то ты это!.. воскликнула та, въ высшей степени, однако, польщенная такимъ поклоненіемъ.

— Почитаю тебя, почитаю душевно! произнесъ Степанъ, почитаю такъ, что будь воля моя—тебѣ быть надо всѣми, а не Марьянѣ, никому другому, кромѣ тебя!

— Такъ, значитъ, люба я тебѣ?

— Люба, люба и—хоть сейчасъ жениться.

— Ну и слава Богу.

— Да только отпиши на меня домъ-то, да и усадьбу.

— Что-о? И не говори пустаго! воскликнула удивленная и разсерженная вдова.

— Өевушка, ужь послушай, сдѣлай ты такъ. Давно, вѣдь, люблю я тебя, да не могу же я ни за что, ни про что въ грѣхъ войдти. Отпиши на меня—и сей часъ же обвѣнчаемся.

— Степанъ! опять ты лжешь? Какой же грѣхъ въ бракѣ жить?

— Докажи любовь-то твою—отпиши на меня.

— Ахъ ты воръ ты этакій! со злобой крикнула наконецъ вдова, подбѣгая къ „подвижнику“, который въ ту же минуту благоразумно ретировался въ противоположный уголъ.—Ты говоришь люба я тебѣ? лжешь—моя изба а не я люба тебѣ, достатокъ мой! деньги! Вотъ что! Она снова двинулась на него. Пикни ты мнѣ еще про отписаніе, пикни только!

— Я человѣкъ—живу въ Богѣ, отъ грѣха удаляюсь, берегу добродѣтель.

— Плутъ ты, вотъ ты кто! И задамъ же я сейчасъ тебѣ! Өева бросилась къ двери и замкнула ее на крюкъ, но Степанъ быстро распахнулъ окно и былъ таковъ.

Въ тотъ же день, около вечера, Венцеславъ пріѣхалъ къ Марьянѣ. Она сама заранѣе еще разрѣшила ему это. Привязавъ лошадь въ конюшнѣ, онъ направился черезъ дворъ и постучался въ двери ея дома. Противъ ожиданія своего онъ нашелъ ее не одну. Молодая дѣвушка сидѣла въ креслѣ, у кровати, задернутой цвѣтнымъ ситцевымъ пологомъ. Неподалеку стоялъ Барабашъ.

Горница Марьяны имѣла гораздо болѣе комфортабельный и богатый видъ, нежели то обыкновенно встрѣчается въ домахъ галиційскихъ крестьянъ. Коверъ, орѣховая, обитая шерстяной матеріей, мебель, картины на стѣнахъ и цвѣты на окнахъ дѣлали комнату вполнѣ похожею на барскую.

— Ну, Барабашъ, иди теперь, произнесла пророчица, даже не поворачивая головы къ тому, къ кому обращалась съ этими словами.

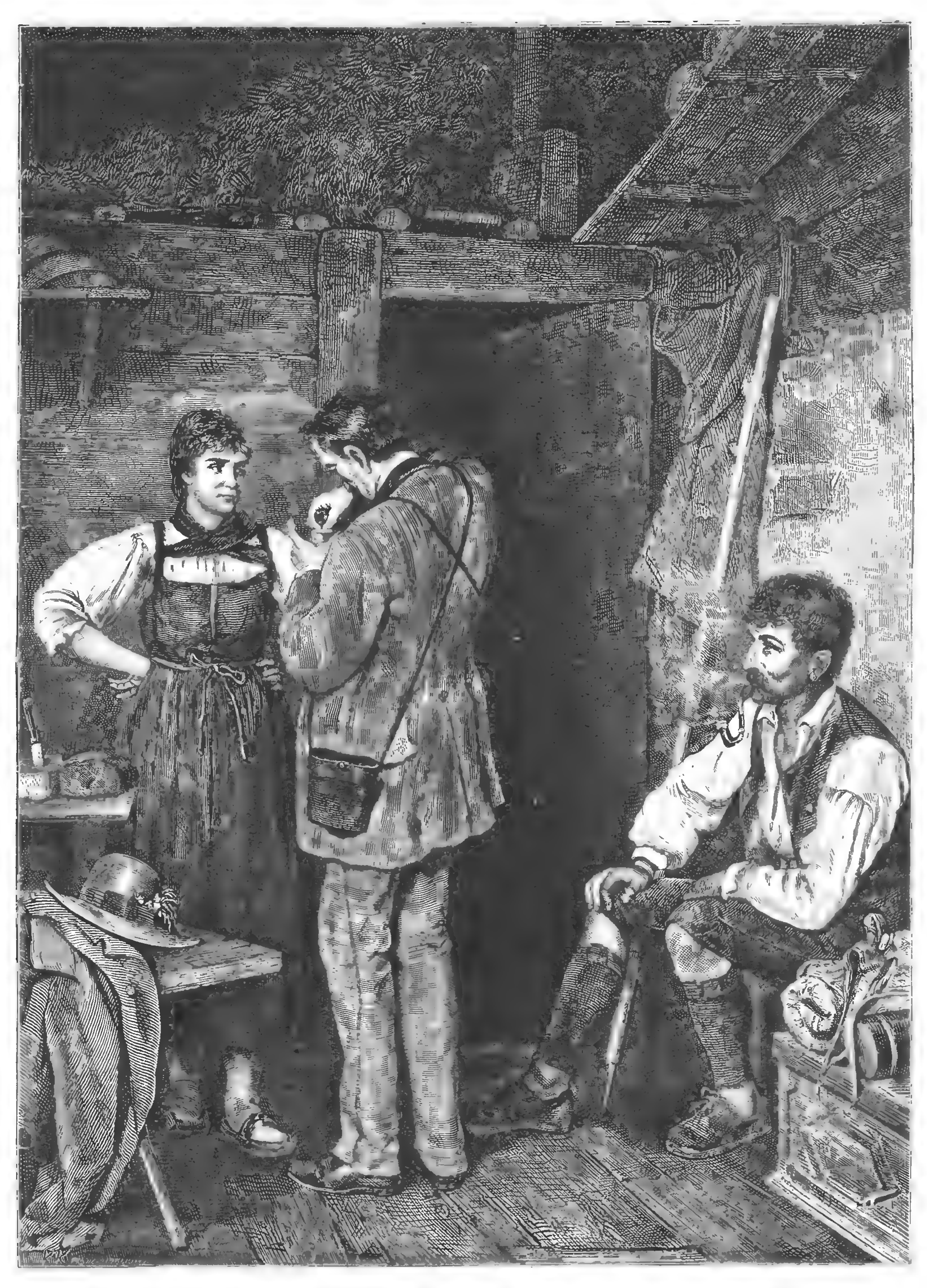
— Почему жь бы это? спросилъ тотъ съ оттѣнкомъ гнѣва въ голосѣ.

— Чего еще спрашиваешь? спокойно возразила пророчица,— говорю, значитъ слушайся и ступай!

Бросивъ на Венцеслава исподлобья взглядъ, полный ненависти, Барабашъ пошелъ къ двери.

— Ты что такое еще выдумалъ: уходишь, не попрощавшись? Ея голубые глаза пристально и твердо смотрѣли на Барабаша съ выраженіемъ спокойнаго сознанія своей силы. Никто не могъ выносить взгляда этихъ глазъ. Барабашъ нервно повернулся и опустился передъ нею на колѣни.

— Слышь, произнесла она,—ты, вотъ ужь сколько времени примѣчаю, спѣсивиться больно сталъ передо мной. Тебѣ говорю—брось, себя побереги. Она поцѣловала его. Барабашъ, съ глубокимъ вздохомъ, всталъ съ колѣнъ и молча вышелъ. Нѣсколько секундъ еще слышались его тяжелые шаги, затѣмъ все

Натуралистъ. Картина Фр. Дефреггера, рис. и грав. Крыжановскій.

Стрѣльцы при Софіи. Смерть боярина Матвѣева. Ориг. рис. М. Зиновьева, грав. М. Рашевскій.

смолкло. Венцеславъ и Марьяна были теперь совершенно одни.

— Чего это онъ? спросилъ молодой человѣкъ.

— Ревнуетъ.

— Къ кому бы это?

— Къ тебѣ, къ кому же другому?

Венцеславъ горько улыбнулся.

— Стало и ты противъ меня сердце имѣешь, продолжала Марьяна. Не видишь; не разумѣешь развѣ, что не такая я какъ другія!

— Ты вишь вонъ угодница, съ грустью отвѣчалъ Венцеславъ, а я грѣшникъ—чего ужь тутъ говорить...

— Не видишь, не разумѣешь ты, что не на равной степени мы съ тобой. Меня избралъ и возвысилъ Господь, небо и землю создавшій, воду собравшій и кому и звѣзды небесныя, и солнце, и луна поклоняются и славятъ.

— По моей вѣрѣ кощунство это. Не избрана и не возвышена ты. Земное это, грѣшное дѣло.

— По твоей вѣрѣ ты знаешь грѣхопаденіе прародителей нашихъ, продолжала Марьяна, знаешь, что человѣкъ во грѣхѣ рожденъ и пребываетъ и нѣту дня такого, въ который бы не нуждался онъ въ Божьемъ милосердіи. Нынѣ, скажу тебѣ, произнесла она громко, твердо и съ какими-то вдохновенно сверкающими глазами—нынѣ Господь воплотился и мнѣ дана сила—и власть...

— Говоришь же ты о Господѣ Богѣ нашемъ?

— Тріединый воплощается лишь въ душѣ человѣка: Богъ-Отецъ—мысль, душа его; Богъ Сынъ—разумъ, а Богъ-Духъ Святый—воля.

— Ежели человѣкъ, по вашему, такъ вознесенъ, то отчего же вы столь снисходите ко грѣхамъ?

— Что говоришь ты такое? укоризненно возразила Марьяна. Живемъ мы по заповѣди: „возлюби ближняго своего, яко самъ себя и не дѣлай другому, чего не желаешь, чтобы дѣлали тебѣ". Вѣра наша учитъ чтобы любить, почитать въ человѣкѣ подобіе Божіе.

— Что же, это хорошее...

— Подойди ты ближе ко мнѣ! взволнованнымъ голосомъ воскликнула Марьяна,—не бойся, гляди на меня ничего дурнаго нѣту у меня на умѣ.

Венцеславъ сталъ около нея.

— Боюсь и душу ты мою такъ же заполонишь, какъ сердце заполонила, произнесъ онъ тихо.

— Ничего, ничего не возьму, не заполоню, сказала она, огненнымъ взглядомъ впиваясь въ его глаза,—самъ все отдашь мнѣ, не требую, не насилую, самъ все отдашь.

— Что мнѣ дѣлать?!.. Вели!

Они долго еще говорили. Страстные взгляды Марьяны жгли Венцеслава.

Вѣришь ты въ воскресеніе мертвыхъ и что Господь будетъ судить живыхъ и мертвыхъ?

— Да.

— Въ день судный всѣ возстанутъ, но—лишь только духомъ и потомъ настанетъ послѣдній судъ.

— И вы вѣрите, что здѣсь на землѣ рѣшаетъ и судитъ пророчица, женщина? спросилъ Венцеславъ.

— Такъ оно есть—потому Господь избралъ женщину, чтобы снова человѣковъ въ рай ввести; одна пророчица можетъ наказывать грѣхъ или отпускать. Ея заповѣдь, ея велѣніе—заповѣдь Божья. Нѣту у насъ ни угодниковъ, ни священниковъ, ни иконъ, ни таинствъ. Пророчица у насъ—воплощеніе воли Господа.

— А кто же тебѣ указалъ, что ты властью на землѣ должна быть? спросилъ Венцеславъ.

(Продолженіе будетъ.)

Къ рисункамъ

Цыганка.

(Рисунокъ Паннемакера).

Цыгане, также какъ и евреи, разсѣяны по всей Европѣ. Нѣтъ страны, въ которой бы они не разбивали своихъ шатровъ, гдѣ бы не слышалась ихъ дикая, лихая пѣсня, напоминающая иныя страны, иное, болѣе жаркое небо.

Прошлое этаго племени весьма таинственно и происхожденіе неизвѣстно. Есть разныя на этотъ счетъ предположенія; въ языкѣ сохранилось много словъ санскритскихъ, индостанскихъ, что указываетъ на индійское происхожденіе. Они питаютъ отвращеніе ко всякой осѣдлости и гражданственности. Прежде всего они показались въ Молдавіи въ 1407 г. при Александрѣ Добромъ, затѣмъ потянулись по Валахіи, Венгріи и далѣе.

Въ „Нивѣ" (1879 г. стр. 770) былъ помѣщенъ разсказъ талантливаго Захеръ-Мазоха „Цыганка", къ которому настоящая гравюра извѣстнаго Паннемакера могла бы служить прекрасной иллюстраціей.

На берегу моря.

(Рисунокъ Будварта).

Угрюмый черный утесъ обвѣваетъ буря. Волны плещутъ, бьютъ въ скалы съ страшнымъ шумомъ—раздаются какъ бы пушечные выстрѣлы. Это грозное величіе, эта мрачная картина настраиваютъ особеннымъ образомъ воображеніе...

Бушуя въ бурной мглѣ,
Играетъ море съ берегами...

Лучъ яркій молній озарялъ
Его всечасно блескомъ алымъ
И вѣтеръ бился и леталъ
Съ его летучимъ покрываломъ.

Бушуетъ море въ бурной мглѣ,
Все небо въ блескахъ безъ лазури...

Смерть боярина Матвѣева.

(Рисунокъ М. Зиновьева).

Личность Артамона Сергѣевича Матвѣева, несомнѣнно одна изъ самыхъ даровитыхъ и свѣтлыхъ русскихъ личностей XVII вѣка, рѣзко выдѣляющаяся своею честностью и гуманностью среди продажныхъ, жестокихъ и себялюбивыхъ вельможъ его времени. Царь Алексѣй Михайловичъ угадалъ въ немъ эти, рѣдкія тогда, качества и пріобрѣлъ въ немъ не только опытнаго администратора, но и вѣрнаго, истинно преданнаго друга. Отличившись еще въ молодыхъ годахъ на полѣ брани, въ борьбѣ съ Запорожцами, Поляками и Крымскими Татарами и не разъ усмиряя внутреннія смуты мѣшавшія мирному развитію родины Матвѣевъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ былъ призванъ къ другой, не менѣе важной и не менѣе полезной, дѣятельности; онъ получилъ въ свое завѣдываніе послѣ Ордынъ-Нащокина дѣла посольства и такимъ образомъ сдѣлался представителемъ русской дипломатіи XVII вѣка — что требовало много ума и опытности по запутанности тогдашнихъ международныхъ отношеній Россіи съ ближайшими, сосѣдними государствами. Немудрено что высокій умъ, необычныя знанія и способности сдѣлали скоро Матвѣева человѣкомъ необходимымъ Царю, его лучшимъ совѣтникомъ и даже воспитателемъ дѣтей его. Въ его отсутствіи вся царская семья скучаетъ и добрый государь пишетъ своему другу самыя ласковыя посланія: „Безъ тебя осиротѣли дѣти мои, пишетъ онъ Матвѣеву, а мнѣ посовѣтовать не съ кѣмъ." Пользуясь такою искреннею любовью Царя, Матвѣевъ умѣлъ пользоваться и любовью народа; всѣмъ извѣстенъ, конечно, разсказъ, что когда у Матвѣева при постройкѣ новаго дома не хватало камня, то выборные отъ народа предложили доброму боярину взять камни съ могилъ ихъ отцевъ и дѣдовъ какъ посильный ихъ даръ своему лучшему благодѣтелю. Матвѣевъ былъ на высотѣ величія и славы, пройдя всѣ высшіе чины и исполняя самыя высокія обязанности. 29 января 1676 года неожиданно скончался царь и власть перешла въ руки враговъ Матвѣева, Милославскихъ и Волынскихъ, управлявшихъ всѣми дѣйствіями новаго Государя слабаго, болѣзненнаго Феодора. Матвѣевъ очутился въ опалѣ и назначенъ былъ воеводой въ отдаленный сибирскій городъ Верхотурье но, вслѣдъ за тѣмъ, пользуясь его отсутствіемъ враги обвинили его въ чернокнижіи, въ общеніи съ злыми духами, въ противузаконномъ обогащеніи и даже въ посягательствѣ на жизнь покойнаго Государя, при завѣдываніи Аптекарской палатой. Царь повѣрилъ обвинителямъ и Матвѣевъ, лишенный имѣній и боярскаго сана, былъ сосланъ на пустынный Пустоозерскій островъ Архангельской губерніи, гдѣ онъ долго томился. Напрасно писалъ онъ слезныя челобитныя Царю и разнымъ вельможамъ; жалобъ его не слушали и старикъ погибъ бы въ изгнаніи, если бы при дворѣ не явились новые люди, сочувствующіе Матвѣеву; стараніями боярина Языкова и новой царицы—Апраксиной, крестницы Матвѣева—опальный бояринъ былъ прощенъ; ему пожаловалъ Царь восемьсотъ дворовъ а до указа приказалъ жить въ городѣ Лухѣ. Но вскорѣ Царь Феодоръ скончался и Наталья Кириловна поспѣшила вызвать Матвѣева, столь нужнаго для нея въ это смутное время, въ Москву. Дѣйствительно, энергичный и опытный бояринъ могъ бы управиться со смутой, но было уже поздно: бунтъ уже былъ подготовленъ и Матвѣеву оставалось лишь положить свою голову за природнаго Государя и спокойствіе отечества. Двѣнадцатаго Мая 1682 года Матвѣевъ въѣхалъ въ Москву, радостно привѣтствуемый народомъ а пятнадцатаго уже вспыхнулъ страшный стрѣлецкій бунтъ и толпа яростныхъ мятежниковъ ворвалась въ Кремль грозя грабежемъ и убійствомъ. Матвѣевъ безстрашно выступилъ къ бунтовщикамъ и говорилъ къ нимъ рѣзко и съ чувствомъ и произвелъ на нихъ сильное и благотворное впечатлѣніе. Стрѣльцы начали было расходиться, но неумѣлыя, безтактныя дѣйствія другихъ бояръ возбудили снова ихъ ярость. Подъученные Милославскими, стрѣльцы бросились на Матвѣева. Царица и князь Черкасскій хотѣли было защитить его собою но убійцы вырвали его у нихъ изъ рукъ и сбро-

сили на площадь противъ Благовѣщенскаго Собора, гдѣ другіе ихъ товарищи зарубили несчастнаго боярина.

Натуралистъ.

(Картина Фр. Дефрегера).

Они только что взобрались по трудной горной тропинкѣ гдѣ нибудь въ окрестностяхъ Интерлакена. Ботанизируя и пополняя свои коллекціи, натуралистъ наконецъ устаетъ и обращается къ своему проводнику, чтобы тотъ ему указалъ нельзя ли гдѣ напиться молока и отдохнуть. Красивая, молодая женщина встрѣчаетъ путниковъ, и начинаются разговоры, коллекціи брошены на стулъ и едва ли натуралистъ слишкомъ теперь спѣшитъ обратиться къ своимъ занятіямъ. Онъ съ интересомъ расспрашиваетъ ее, какъ она живетъ и узнавъ, что она иногда страдаетъ грудью, тотчасъ находитъ въ своей дорожной аптечкѣ такія-то цѣлительныя капли. Молодая женщина смѣется недовѣрчиво, усмѣхается и проводникъ, покачивая головою, ихъ оживленію.

Фридрихъ Шопенъ.

(Къ портрету Винтергальтера).

17-го октября прошлаго года прошло тридцать лѣтъ со смерти знаменитаго піаниста и композитора Фридриха Шопена. Произведенія этаго геніальнаго поэта и мечтателя составляютъ отдѣльный своеобразный міръ. Но до сихъ поръ онѣ были сравнительно мало доступны публикѣ. Въ прошломъ лишь году 17 октября прекратилась монополія единственнаго издателя его сочиненій и, конечно, не замедлятъ появиться теперь дешевыя изданія, доступныя каждому.

Фридрихъ Шопенъ былъ очень слабаго тѣлосложенія а усиленныя занятія музыкой сдѣлали его крайне нервнымъ. Безпокойная парижская жизнь, съ ея многочисленными развлеченіями и поздними собраніями, которую велъ Шопенъ съ 1832 года, вредно повліяла на его организмъ. Уже въ 1837 году онъ сильно началъ страдать грудью. Но уѣхать изъ Парижа онъ не могъ, находясь въ денежномъ затрудненіи и не желая разстаться со своими друзьями, рояленъ и Жоржъ-Сандъ, избранницей его сердца. Тогда послѣдняя рѣшилась свезти на островъ Майорку своего сына Маврикія и уговорила Шопена ѣхать вмѣстѣ. Онъ тѣмъ охотнѣе согласился на это, что кошелекъ его въ это время былъ полонъ отъ продажи Эмилю Плейелю знаменитыхъ „прелюдій."

Во время путешествія Шопенъ чувствовалъ себя довольно хорошо, но пріѣхавъ на мѣсто сильно заболѣлъ. Къ тому же и зима тогда была особенно суровая, домикъ въ которомъ они жили, совершенно ветхъ и докторъ, не понявъ болѣзни, лѣчилъ его неправильно.

Это путешествіе описано Жоржъ-Сандъ въ ея мемуарахъ „Histoire de ma vie."

Во время его болѣзни Жоржъ-Сандъ ухаживала за нимъ съ заботливостью матери. Она первая начала сознавать вредъ кровопусканій, которыя докторъ дѣлалъ еженедѣльно. Въ мартѣ 1839 года она увезла его въ свое имѣніе Ноганъ, гдѣ онъ въ продолженіи лѣта на столько поправился, что оказалось возможнымъ переѣхать на зиму въ Парижъ. Тутъ, близь Орлеанскаго сквэра, они наняли общую квартиру. Вначалѣ Шопенъ однако принималъ визиты въ другой квартирѣ, нанятой для этаго случая. Вскорѣ ему это наскучило, онъ отказался отъ своей оффиціальной квартиры и сталъ принимать у Жоржъ-Сандъ и даже давалъ здѣсь уроки.

Въ началѣ ноября на вечерѣ у г. Лео, которому Шопенъ посвятилъ полонезъ opus 53, онъ познакомился съ Мошелесомъ. 29 ноября, оба были приглашены на придворный концертъ къ Людовику Филиппу. Шопенъ игралъ передъ королевскимъ семействомъ свой ноктюрнъ и нѣсколько этюдовъ. Мошелесъ игралъ нѣкоторыя салонныя пьесы и затѣмъ сонату въ четыре руки съ Шопеномъ. Гутманъ, который присутствовалъ утромъ при репетиціи, разсказываетъ объ удивленіи Мошелеса, когда онъ услышалъ какъ Шопенъ игралъ легато въ адажіо своей пьесы. Такого исполненія, по его словамъ, онъ никогда еще не слыхалъ.

Въ февралѣ 1840 года страданія Шопена опять возобновились. Съ этихъ поръ здоровье его постепенно падаетъ. Не смотря на частое пребываніе въ Ноганѣ у Жоржъ-Сандъ, зима всегда дѣйствовала на него очень дурно. Болѣзнь его опредѣлилась. Онъ такъ страшно кашлялъ и такъ страдалъ одышкой, что при посѣщеніи друзей, его должны были вести подъ руки на лѣстницу. Съ 1840 по 1846 г. онъ написалъ до 65 пьесъ. Все это чудныя, извѣстныя вещи. Но въ нихъ уже отразилась душевная тоска и особенная напряженность чувствъ. Онѣ уже не отличаются чистотою и ясностью, присущею его сочиненіямъ.

Весною 1847 года Жоржъ-Сандъ уѣхала къ себѣ въ имѣніе отпраздновать свадьбу дочери и по обстоятельствамъ Шопенъ не могъ за нею слѣдовать.

Въ отсутствіи Жоржъ-Сандъ, Шопену внезапно сдѣлалось хуже. Но благодаря попеченіямъ друга его Гутмана и доктора Молена силы его внезапно возстановились. Въ это время изъ благодарности къ Гутману, Шопенъ позволилъ снять съ себя портретъ. 2 мая, Винтергальтеръ набросалъ теперь единственный портретъ, рисованный съ живаго Шопена, который мы здѣсь помѣщаемъ. Этотъ послѣдній и портретъ мертваго Шопена хранятся у Гутмана. Второй портретъ Шопена, принадлежащій сестрѣ его Изабеллѣ Барчинской, былъ уничтоженъ въ Краковѣ, въ сентябрѣ 1863 года во время политическихъ волненій.

Физическія страданія повліяли на характеръ Шопена. Онъ сдѣлался чрезвычайно раздражителенъ и относился крайне нелюбезно ко всѣмъ знакомымъ, навѣщавшимъ Жоржъ-Сандъ Между семействомъ ея и больнымъ стали часто происходить споры и недоразумѣнія. Ея старанія примирить обѣ стороны не привели ни къ чему и вызвали охлажденіе.

Въ началѣ 1849 г. Шопенъ вернулся въ Парижъ, гдѣ онъ вскорѣ лишился своего доктора Молена. Съ этихъ поръ болѣзнь его стала сильно развиваться. По совѣту докторовъ ему слѣдовало нанять квартиру на солнечной сторонѣ. Хотя и нашлась подходящая, но она была ему не по средствамъ. Узнавъ объ этомъ, жена русскаго генерала Обрѣзкова, почитательница таланта Шопена, пріѣхала къ владѣльцу дома съ просьбой, взять только половину платы за квартиру, а остальное взялась доплачивать сама. Конечно все это должно было остаться въ тайнѣ.

Къ 15 октября ему сдѣлалось особенно дурно. Угасающимъ голосомъ онъ попросилъ графиню Потоцкую пропѣть ему что нибудь. Подавляя слезы, она начала пѣть и во время пѣнія Шопенъ все повторялъ: „Боже, какъ хорошо!" На слѣдующее утро его пріобщили въ присутствіи княгини Чарторыйской, графини Потоцкой и миссъ Стирлингъ. Пока священнослужитель молился, голова умирающаго, съ закрытыми глазами, покоилась на плечѣ Гутмана. По окончаніи молитвы Шопенъ открылъ глаза и сказалъ—Аминь!

Къ вечеру онъ очнулся еще разъ, спросилъ воды и выпилъ глотокъ. Затѣмъ взялъ руку Гутмана, поцѣловалъ ее, тихо проговорилъ: „Cher ami" и съ этими словами не стало великаго композитора. Горе Гутмана было такъ велико, что его удалили изъ комнаты.

Городъ Призрендъ въ Албаніи.

Послѣднія событія въ Албаніи, ознаменовавшіяся кровавыми схватками между арнаутами и черногорцами, неожиданно обратили вниманіе всего образованнаго міра на этотъ отдаленный, забытый уголокъ европейской Турціи и доказали во-очію какъ трудно выполнить мирнымъ путемъ всѣ условія берлинскаго договора. Оказывается, что Албанцы не имѣютъ ни малѣйшаго желанія подчиниться требованіямъ берлинскаго конгресса относительно уступки Черногорцамъ части ихъ территоріи и что столь извѣстная албанская лига снова становится грозной силой и своимъ упорнымъ и фанатическимъ образомъ дѣйствій готова разрушить всѣ мирныя иллюзіи европейскихъ дипломатовъ. Главнымъ средоточіемъ этой лиги служитъ городъ Призрендъ, лежащій между Дриной и сѣверной покатостью высокаго Чаръ-Дага. Этотъ знаменитый городъ Старой Сербіи служилъ резиденціей династіи Неманичей въ самую блестящую эпоху сербской исторіи; при царѣ Душанѣ онъ считался однимъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ пунктовъ при сбытѣ произведеній Болгаріи, Далмаціи и Сербіи и до сихъ поръ сохранилъ за собою въ народныхъ пѣсняхъ названіе Сербскаго Царьграда. Древній Призрендъ, любимое мѣстопребываніе знаменитаго Душана, находится въ получасовомъ разстояніи отъ новаго города, расположеннаго въ горномъ ущельѣ, изъ котораго вытекаетъ рѣчка Быстрица. Отъ королевскаго замка и отъ древняго храма Св. Михаила, гдѣ происходили народныя собранія, остались лишь груды мусора и камней. Турки, сжегшіе мощи св. Саввы, не пощадили и останковъ нѣкогда могущественнаго Душана и развѣяли по вѣтру прахъ его.

Нынѣшній Призрендъ населенъ преимущественно Албанцами; въ немъ до 30000 мусульманъ, христіанъ же не болѣе десяти тысячъ. Величественные когда-то храмы и обширные монастыри, которыми такъ гордилась Старая Сербія, нынѣ большею частью обращены въ мечети или лежатъ въ развалинахъ. Внѣшность города довольно непригдядная; дома преимущественно маленькіе, сложенные изъ нежженыхъ кирпичей и крытые черепицей, съ окнами обращенными во дворъ. Улицы города узкія, кривыя, пустынныя и только на базарѣ можно познакомиться съ любопытными типами мѣстнаго населенія и особенно съ типами Арнаутовъ или какъ они себя называютъ Скипетаровъ. Совершенно особенное, своеобразное устройство ихъ быта до сихъ поръ изолируетъ ихъ отъ другихъ сосѣднихъ племенъ и служитъ главной причиной ихъ воинственности и высокомѣрнаго отношенія къ турецкой власти. Впрочемъ турецкая власть во многихъ мѣстностяхъ Албаніи совершенно номинальная: албанцы тамъ не имѣютъ ни турецкихъ чиновниковъ, ни платятъ дани, а даютъ ее лишь въ видѣ произвольнаго подарка. Албанецъ, считающій себя свободнымъ отъ какой бы то ни было власти, безпрекословно повинуется лишь волѣ своего *фиса* т. е. рода составляющаго основу албанскаго быта. Бываютъ фисы въ 200 и даже 300 домовъ и потому составляютъ значительную силу, тѣмъ болѣе что каждый Албанецъ находится въ полномъ подчиненіи своего рода и это родовое чувство такъ сильно, что всѣ члены фиса считаются род-

ственниками и бракъ между ними не допускается. Такое первобытное, родовое устройство сдѣлало то, что албанецъ до сихъ поръ воинственъ и независимъ и пользуется сравнительно широкою свободою среди другихъ племенъ Турціи.

Политическое обозрѣніе.

Нужда въ Константинополѣ.—Ненависть къ Англичанамъ.—Столкновеніе съ Французскимъ посланникомъ.—Схватка въ Александреттѣ.—Конвенція о прекращеніи невольничества.—Австрійцы колонизируютъ Боснію и Герцеговину.—Румеліоты и болгары.—Англичане въ Персіи и въ Афганистанѣ.

Положеніе дѣлъ въ Константинополѣ едва ли можно назвать удовлетворительнымъ съ турецкой точки зрѣнія. Вотъ что мы читаемъ въ пространной депешѣ, полученной на дняхъ оттуда одною изъ нашихъ газетъ. Истощеніе средствъ турецкаго казначейства достигло теперь крайняго предѣла. Военные и чиновники не получаютъ ничего. Слѣдующій случай служитъ нагляднымъ примѣромъ того, до какой степени они бѣдствуютъ. Недавно какой-то капитанъ нанялся въ носильщики! Нѣсколько высшихъ офицеровъ, встрѣтивъ его на улицѣ съ ношею на плечахъ, стали упрекать его въ униженіи офицерскаго званія, но онъ отвѣчалъ имъ, что ему нечего ѣсть и что онъ радъ своему новому труду, который, по крайней мѣрѣ, оплачивается. Недостатокъ въ средствахъ испытываютъ не только отдѣльныя лица, но и цѣлыя учрежденія. Такъ, напримѣръ, у городскаго управленія Перы нѣтъ денегъ на покупку каменнаго угля. Приготовленіе газа совершенно прекратилось и на дняхъ константинопольскія улицы были освѣщены самымъ жалкимъ образомъ. Совѣтъ министровъ, собравшійся для обсужденія мѣръ къ улучшенію финансоваго положенія, предположилъ заложить доходы съ таможенъ банкирамъ, во главѣ которыхъ находился бы оттоманскій банкъ, при чемъ другія финансовыя учрежденія Галаты не были бы допущены къ участію въ этой комбинаціи, къ которой Порта желала бы привлечь нѣсколько крупныхъ домовъ въ Парижѣ и Лондонѣ. Переговоры уже начаты, но держатся въ величайшей тайнѣ. Успѣхъ, однако, сомнителенъ. Съ другой стороны настоящій моментъ въ отношеніяхъ Турціи къ державамъ можно смѣло назвать „эрой столкновеній". Хотя вопросъ о Тевфикѣ и Келлерѣ, какъ мы уже сообщили, и законченъ, но онъ оставилъ такіе слѣды, которые и до сихъ поръ еще не заглажены. Султанъ, удовлетворивъ желанія Лейарда и приказавъ министру полиціи Гафизу-Пашѣ (врагу англійскаго посланника) на другой же день наградилъ его звѣздой Меджидіэ 1-й ст.,—демонстрація съ его стороны слишкомъ ясная противъ посланника; въ тоже время прошелъ слухъ, что учреждается именно для Гафиза должность Константинопольскаго губернатора, а въ придворныхъ сферахъ поговариваютъ о намѣреніи оттоманскаго правительства уволить всѣхъ служащихъ въ Турціи чиновниковъ изъ англійскихъ подданныхъ. Осуществленіе этой мѣры, однако, пріостановлено въ виду сдѣланнаго морскимъ министромъ замѣчанія, что большинство механиковъ въ турецкомъ флотѣ и техническихъ рабочихъ въ арсеналахъ—англичане. Султанъ повелѣлъ составить списки наиболѣе необходимыхъ лицъ изъ персонала служащихъ, а всѣхъ остальныхъ распустить. Наконецъ, одна изъ константинопольскихъ газетъ, получающая, какъ увѣряютъ, внушеніе и направленіе изъ дворца, и которая до сихъ поръ постоянно держала руку англичанъ,—теперь наполнена нападками на нихъ, а недавно въ весьма прозрачномъ намекѣ высказала мнѣніе, что Турціи гораздо выгоднѣе союзъ съ Россіей, нежели съ Англіей.

Все это, можетъ быть, не болѣе какъ бравады турокъ, которымъ надоѣла деспотическая дружба ихъ „вѣрныхъ и добрыхъ союзниковъ", но, тѣмъ не менѣе, бравады эти весьма характеристичны, какъ признакъ того, что какъ бы не усилилось положеніе англичанъ въ Турціи, оно никогда уже не будетъ опираться тамъ на народномъ сочувствіи и что, начиная отъ послѣдняго бѣдняка и до самаго падишаха—кромѣ глубокой ненависти ничего иного имъ не найдти въ сердцахъ ихъ невольныхъ и подневольныхъ друзей. Съ Франціей тоже не ладится у Порты. Мы уже говорили о данной французу Мишелю концессіи на устройство набережныхъ и товарныхъ складовъ на берегу Босфора, концессіи, возбудившей противъ себя населеніе. Теперь сообщаютъ, что среди живущихъ въ Стамбулѣ мусульманъ организуется обширное движеніе, имѣющее цѣлью ходатайствовать предъ правительствомъ объ отмѣнѣ этой концессіи. Мусульмане, главнымъ образомъ, противятся ей потому, что при постройкѣ набережной придется уничтожить нѣсколько находящихся на пути мечетей. Просьба эта уже подана султану, но французскій посланникъ настаиваетъ на соблюденіи заключеннаго условія. Но поводы къ натянутымъ отношеніямъ съ французскимъ посланникомъ этимъ не исчерпываются. На дняхъ прибавился еще одинъ.

12-го января въ Александреттѣ (въ Сиріи) произошла схватка между жителями и матросами французскаго военнаго судна „Латушъ-Тревилль". Человѣкъ 20—25 этихъ послѣднихъ вышли на берегъ и, выпивъ немного лишняго, прошлись по городу съ пѣснями и шумомъ, не затронувъ, однако, никого. Толпа же туземцевъ, собравшаяся на ихъ пути, привязалась къ нимъ, затѣяла драку, во время которой одинъ изъ жителей разрубилъ одному матросу голову. Французы бросились на нападавшихъ и погнали ихъ. Человѣкъ, нанесшій ударъ саблей, укрылся въ домѣ испанскаго консула. Не смотря на сопротивленіе его, матросы проникли къ нему и обыскали весь домъ, не найдя, однако, того, за кѣмъ пришли. Выйдя изъ дома, они остановились, чтобы рѣшить что предпринять далѣе. Въ эту минуту подоспѣли французскій вице-консулъ и агентъ „Messageries Maritimes", которымъ и удалось успокоить ихъ. Но, вслѣдъ затѣмъ появился каймакамъ съ 60-ю полицейскими. Онъ тотчасъ же велѣлъ стрѣлять. Трое матросовъ упали тяжело раненые. Увѣдомленный о происшедшемъ, командиръ французскаго судна послалъ своего помощника и трехъ офицеровъ, но толпа туземцевъ, не допустивъ ихъ, принудила возвратиться на бортъ. Французскій посланникъ потребовалъ смѣщенія каймакама, но Порта отклонила требованіе это и назначила слѣдствіе.

12-го января заключена англо-турецкая конвенція о запрещеніи торговли невольниками. Принесетъ ли эта конвенція хотя какую-нибудь пользу?..

Въ городѣ произвело сильное впечатлѣніе то обстоятельство, что вселенскій патріархъ, въ день Св. Крещенія, въ первый разъ поименовалъ въ молитвахъ имена православныхъ государей.

Австрійцы уже совершенно открыто дѣлаютъ приготовленія къ поглощенію Босніи и Герцеговины. Недавно австро-венгерскій министръ финансовъ, сообщилъ въ палатѣ о томъ, что имъ получены нѣсколько проектовъ о *колонизаціи* края провинціи. Что же ждетъ славянъ Босніи и Герцеговины!..

Съ удовольствіемъ привѣтствуемъ политическій тактъ румеліотовъ. Члены провинціальнаго собранія Восточной Румеліи послали своимъ болгарскимъ собратіямъ родъ заявленія, въ которомъ увѣщеваютъ ихъ отказаться отъ мелкихъ интересовъ партій и идти рука объ руку съ княземъ Александромъ. Заявленіе это—мудрый и честный актъ мирныхъ патріотовъ, мы уже, при первомъ же извѣстіи о странномъ событіи, выразили совершенно тождественное мнѣніе, что только одно общее дѣло и можетъ быть понимаемо одинаково во всѣхъ концахъ славянской земли.

Англичане начинаютъ обнаруживать свои поползновенія въ Персіи. Объ этомъ мы подробнѣе поговоримъ въ слѣдующій разъ, а пока скажемъ только что въ Афганистанѣ готовится общее нападеніе на нихъ всѣхъ племенъ.

Разныя извѣстія.

Первый русскій воздухоплаватель былъ академикъ Захаровъ, о которомъ въ „Пет. Вѣд.," отъ 8-го іюля 1804 года, сообщается слѣдующее:

„Прошедшаго іюня мѣсяца, 30-го дня (1804 года), совершено было здѣсь въ С.-Петербургѣ—воздушное путешествіе, назначенное императорскою академіею наукъ для учиненія разныхъ опытовъ и наблюденій въ высшей части атмосферы. Академія предложила принять на себя трудъ сей академику Захарову, который, изъявивъ на то свое согласіе, дѣйствительно исполнилъ опытъ къ совершенному ея удовольствію. Шаръ для сего путешествія сдѣланъ былъ въ С.-Петербургѣ господиномъ профессоромъ Робертсономъ и имѣлъ 27 французскихъ футовъ въ діаметрѣ. Приборъ къ оному и наполненіе водороднымъ газомъ академія произвела своимъ иждивеніемъ. Наполненіе производимо было въ саду перваго кадетскаго корпуса, откуда господинъ академикъ Захаровъ въ сопровожденіи г. Робертсона, въ присутствіи господъ членовъ академіи наукъ и другихъ ученыхъ мужей, отправился на семъ шарѣ, въ 7 часовъ 15 минутъ пополудни и, поднявшись вверхъ слишкомъ на двѣ версты, опустился, не встрѣтивъ никакихъ неудобствъ, того же вечера въ 10 часовъ 43 минутъ, въ 60-ти верстахъ отъ С.-Петербурга, въ деревнѣ Сиворицахъ, принадлежащей тайному совѣтнику Петру Григорьевичу Демидову."

Желѣзная дорога на Везувій, приведена къ окончанію. Она простирается на 900 метровъ до самыхъ краевъ кратера. Полотно дороги съ большимъ стараніемъ уложено на прочномъ грунтѣ, и, приняты предохранительныя мѣры въ случаѣ прохожденія горячей лавы. Поѣзда приводятся въ движеніе посредствомъ двухъ стальныхъ канатовъ и при помощи паровой машины, находящейся у подошвы Везувія. Колеса устроены такъ, что случаи крушенія невозможны: прочный автоматическій тормазъ можетъ почти моментально остановить движеніе въ случаѣ разрыва цѣпи. Значительное затрудненіе представляетъ доставка воды,—съ этою цѣлью устроены два огромныхъ резервуара, одинъ близь станціи, а другой неподалеку отъ обсерваторіи.

(Продолженіе на стр. 105, 106, 107 и 108).

Дамскій ошейникъ. Недавно въ вѣнскихъ газетахъ помѣщенъ былъ разсказъ о кражѣ, произведенной въ одной изъ тамошнихъ гостинницъ въ ущербъ графа Потоцкаго. При этомъ сообщалось, что въ числѣ драгоцѣнныхъ вещей, которыхъ воръ не успѣлъ похитить, находился ошейникъ стоимостью въ 20,000 франковъ. Извѣстіе это породило въ Вѣнѣ не мало толковъ, находили, что графъ Потоцкій уже черезчуръ увлекается своею любовью къ собакамъ, что это расточительность, въ сравненіи съ которою расточительность Клеопатры, поднесшей однажды Антонію бокалъ вина, въ которомъ она растворила весьма дорогую жемчужину,—сущая бережливость. Теперь оказывается, что это не ошейникъ для собакъ, а для дамъ, такъ называемый „collier de chien“, потому что онъ также плотно обвиваетъ шею какъ и собачій ошейникъ, а не спускается на грудь какъ обыкновенное ожерелье.

Президентъ Гэйсъ, по словамъ „Politik“, недавно случайно арестованъ въ Вашингтонскомъ капитоліи.

Шопенъ. Съ портрета Винтергальтера, грав. Э. Шмидтъ.

Онъ сидѣлъ въ ротондѣ на одномъ изъ мѣстъ, назначенномъ для дамъ; одинъ изъ полицейскихъ подойдя къ нему, пригласилъ его удалиться, и такъ какъ г. президентъ не достаточно быстро послѣдовалъ этому приглашенію, то и былъ арестованъ. По дорогѣ въ караульню, одинъ изъ прохожихъ узналъ арестанта и сказалъ о томъ полицейскому. Послѣдній началъ извиняться; но президентъ отвѣчалъ: „Это совершенно въ порядкѣ. Полагаю, вы просто исполнили данныя вамъ приказанія“.

Зима въ Швейцаріи. Изъ Женевы сообщаютъ, что Цюрихское озеро въ эту зиму совершенно покрывалось льдомъ, въ четвертый разъ въ текущемъ столѣтіи и въ 24-й съ 1233 года. По воскресеньямъ оно представляло очень оживленный видъ: тысячи конькобѣжцевъ стекались со всѣхъ концовъ, чтобы воспользоваться такимъ рѣдкостнымъ случаемъ. Половина всего городскаго населенія собиралась на берегахъ озера и на льду, украшенномъ великолѣпными палатками съ импровизированными ресторанами. Озера Нефшательское и Віеннское также

Городъ Призрендъ въ Албаніи. Съ фотогр. грав. Шмидтъ.

замерзли, а р. Арва отъ Карура до сліянія ея съ Роной, ниже Женевы, покрыта толстымъ слоемъ льда.

Находка допотопнаго оленя. Не такъ давно, между гор. Камышинымъ и Банною станціею на Волгѣ, рыбаки села Щербаковки вытащили хорошо сохранившійся черепъ допотопнаго оленя, громадной величины, съ обоими рогами. Черепъ этотъ находится у лѣснаго ревизора Саратовской губерніи.

Новыя изобрѣтенія.

Безмолоточныя ружья: (См. рис.) Въ Англіи эти охотничьи ружья все больше и больше входятъ во всеобщее употребленіе съ тѣхъ поръ, какъ англійскіе охотники самымъ рѣшительнымъ образомъ высказались въ ихъ пользу. Весьма простое ихъ внутреннее устройство очень ясно изображено на нашемъ чертежѣ. Курки находятся внутри ружья и взводятся при вкладываніи патроновъ съ казенной части. Для избѣжанія несчастныхъ случаевъ, оба спуска могутъ быть придержаны болтомъ, когда ружье заряжено. Болтъ этотъ, при поднятіи ружья на плечо, очень удобно сдвинуть и прижать большимъ пальцемъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что эти ружья лучше другихъ приспособлены для охоты, тѣмъ болѣе, что при скрытыхъ куркахъ, предотвращается возможность какъ неожиданныхъ выстрѣловъ, такъ и запутыванія курковъ въ шнурахъ ягдташа, патронницы, свистка и т. п. и порчи при перевозкахъ.

Новое изобрѣтеніе. Ружья.

Составъ для металловъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ рабочіе въ Наталѣ (въ Африкѣ) замѣтили, что нѣкоторыя растенія изъ породы молочайниковъ, будучи срѣзаны желѣзнымъ или стальнымъ инструментомъ, оставляютъ на послѣднемъ смолистую оболочку, которую съ трудомъ удается устранить.

Металлы покрытые этимъ смолистымъ веществомъ вполнѣ предохраняются отъ ржавчины. Эти наблюденія привели къ ряду попытокъ употреблять смолу молочайника для предохраненія металловъ. Желѣзныя пластинки, покрытыя этимъ смолистымъ веществомъ погружались въ воду въ сѣверной Америкѣ. Не смотря на разлагающее дѣйствіе водъ и скорое развитіе въ нихъ всякой растительности—результаты оказались удовлетворительными. При дальнѣйшихъ пробахъ, распускали смолу въ спиртѣ, при чемъ получался составъ вполнѣ предохраняющій корабли и металлы отъ окисленія. Желѣзныя пластинки погрузили въ воды Докса въ Наталѣ, извѣстныя своею ѣдкостью. По прошествіи двухъ лѣтъ вынутая пластинка была совершенно чиста и неразъѣдена. Въ Африкѣ этотъ составъ съ успѣхомъ употреблялся противъ нападеній бѣлыхъ муравьевъ. Смола, составляющая основаніе состава, такого ѣдкаго вкуса, что убиваетъ всякое насѣкомое. Средство это въ Англіи примѣняется различными способами.

Для того, чтобы ткань сдѣлалась плотною и не пористою, Д. Николь въ Лондонѣ, употребляетъ слѣдующее средство: погружаютъ ее въ ванну изъ 6 частей квасцовъ, 2 ч. бораксу, 1 ч. натра и 1 ч. декстрина, разнеденнаго въ мыльной водѣ; обтеревъ хорошенько, вынимаютъ ткань, сушатъ ее и чистятъ щеткою.

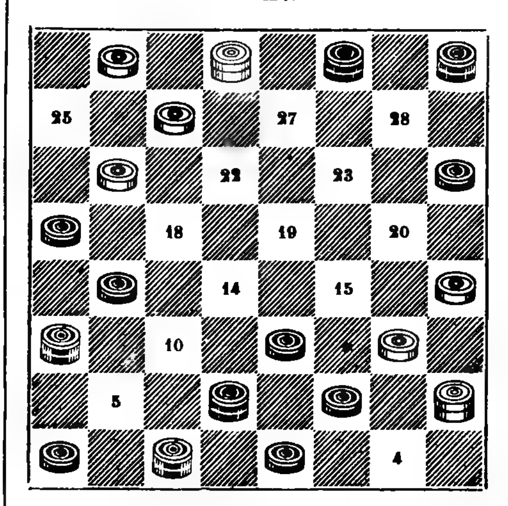
НОВЫЯ КНИГИ.

Наглядныя несообразности. Ф. Павленкова, Спб., 1880 г; Г-нъ Ф. Павленковъ издалъ довольно интересно и недурно исполненное собраніе рисунковъ съ объяснительной брошюрой на четырехъ языкахъ: русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ. Это такъ сказать „картинки-задачи" на первый взглядъ не представляющія никакихъ особенностей, но при ближайшемъ ознакомленіи оказывающіяся несообразными. Разсматриваніе такихъ картинокъ, пріучая дѣтей къ вниманію и вниканію въ данный предметъ, отъучаетъ ихъ отъ поверхностности и торопливости, впослѣдствіи обращающихся въ привычку и такъ вредящихъ всегда при занятіяхъ. Это заставляетъ ребенка думать.

Шашечная задача № 14.

Трехполеннаго.

Бѣлыя.

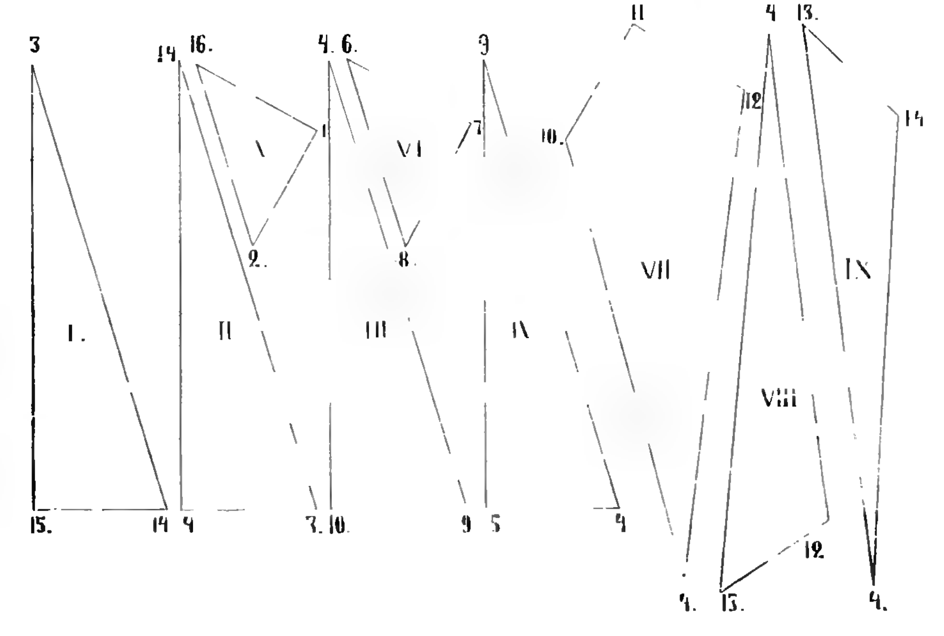

Черныя.

Черныя начинаютъ и запираютъ 2-хъ дамокъ и 3-хъ простыхъ бѣлыхъ.

Задача № 15.

Изъ девяти данныхъ фигуръ, имѣющихъ при каждомъ углѣ по одной буквѣ, сложить нѣкоторую фигуру такъ, чтобы изъ буквъ, стоящихъ у каждаго угла полученной фигуры, составились бы двѣ русскія фамиліи: художника и писателя. Вмѣсто цифръ, стоя-

щихъ при углахъ данныхъ фигуръ, поставить соотвѣтствующія имъ буквы и тогда, при сложеніи этихъ кусковъ въ большой фигурѣ—при углахъ получатся буквы, которыя нужно читать по порядку цифръ. начиная съ 1, чтобы получить, какъ сказано, двѣ фамиліи.

Въ	I фигурѣ	3,15,14	составляютъ названіе животнаго.
„	II „	14,4,3	дѣйствіе электрической машины.
„	III „	10,4,9	Указательное мѣстоимѣніе женскаго рода въ родительномъ надежѣ.
„	IV „	5,4,9	Непріятный протяжный голосъ животнаго.
„	V „	1,2,16	Мѣсяцъ
„	VI „	8,6,7	Взысканіе
„	VII „	12,4,10,11	Игра
„	VIII „	12,4,13	Дикое животное
„	IX „	13,14,4	Число.

Замѣчаніе. Въ одномъ мѣстѣ неправильно і замѣнено буквою **и**: въ большой же фигурѣ на этомъ мѣстѣ должна стоять буква **і**.

ПОПРАВКА. Г. Велиховъ, владѣлецъ картины „Волгарскій мальчикъ“, рисунокъ которой помѣщенъ въ № 4 „Нивы“, проситъ насъ заявить, что картина эта писана художникомъ Платоновымъ, получившимъ на послѣдней академической выставкѣ за эту же картину золотую медаль за экспрессію. Картина рисована по фотографіи на деревѣ Чистяковымъ.

Издатель **А. Ф. Марксъ**. Редакторъ **Ф. Бергъ**.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

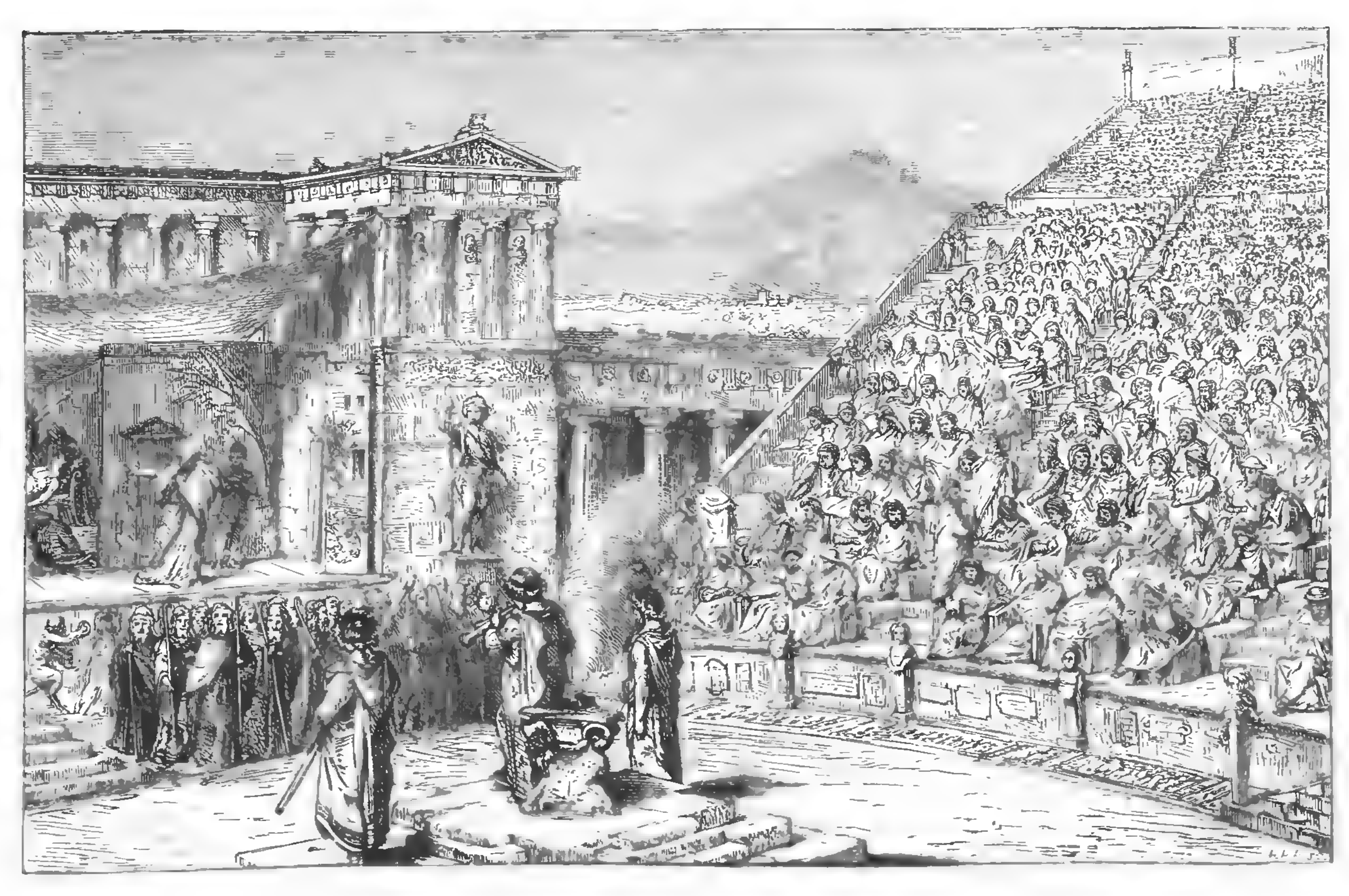
При этомъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ (за исключен. Московскихъ) объявленіе отъ книжнаго маг. А. А. Манухина въ Москвѣ.

Дозволено цензурою СПБ. 1-го февраля 1880 г. **Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.** Тип. Веллинга, Англ. пр. № 10.

XI годъ | № 6 | годъ XI | 1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.)
Выданъ 9 Февраля 1880 г. Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Сцева. Хоръ. Алтарь Діонисв. Мѣста для зрителей.

Театръ Діониса въ древнихъ Аѳинахъ.

Театръ Діониса въ древнихъ Аѳинахъ.

Греческая драма подобно другимъ родамъ поэзіи была первоначально чисто религіознаго происхожденія, возникнувъ изъ празднествъ въ честь Вакха-Діониса. Театръ служилъ какъ бы дополненіемъ храма; такъ большой каменный театръ въ Аѳинахъ возвышался на юго-восточной сторонѣ Акрополя, въ части города, гдѣ стоялъ и храмъ Діониса. Это былъ одинъ изъ громаднѣйшихъ греческихъ театровъ, постройка котораго началась за 500 лѣтъ до Р. X. и окончилась при Ликургѣ. Слѣдовательно театръ Діониса строился около 150 лѣтъ. Отличаясь своими громадными размѣрами, онъ былъ все таки расположенъ по тому же общему плану какъ и другіе древніе греческіе театры, дошедшіе до насъ въ многочисленныхъ развалинахъ.

Древній греческій театръ во всемъ разнился отъ нынѣшняго; размѣры его были обширны по необходимости, такъ какъ въ него собирались на представленія жители цѣлаго города, съ большимъ числомъ туземцевъ, обыкновенно стекавшихся на праздники; всѣ эти зрители размѣщались подъ открытымъ небомъ, любуясь естественной, прекрасной декораціей открывающейся за сценой мѣстности; такъ въ аѳинскомъ театрѣ съ правой стороны сцены были видны поля Аттики, а съ лѣвой часть величественнаго города. Вся эта шумная, разнообразная масса зрителей, доходившая въ аѳинскомъ театрѣ до 40,000 человѣкъ, проводила въ театрѣ нѣсколько дней, предназначенныхъ для праздниковъ въ честь Діониса, при чемъ бѣднѣйшіе изъ зрителей получали отъ правительства въ день по два обола (около 7 к. с.) и готовый столъ. Большая часть театровъ устраивалась, по соображеніямъ экономическимъ, на отлогостяхъ горъ и въ горѣ же высѣкались мѣста для зрителей; театръ состоялъ изъ трехъ частей: амфитеатра, т. е. зрительной залы, орхестры гдѣ пѣлъ и танцовалъ хоръ и сцены—зданія въ нѣсколько этажей, имѣвшаго сообщеніе съ орхестрой и амфитеатромъ посредствомъ многочисленныхъ сходовъ. По срединѣ орхестры обыкновенно находилась такъ называемая *фимела*, т. е. небольшой помостъ съ алтаремъ Діониса — бога сценическихъ представленій. Сцена строилась большею частью изъ дерева и потому устройство ея намъ менѣе всего извѣстно, такъ какъ ея не могло остаться ни въ одной изъ развалинъ древне-греческихъ театровъ. Площадка передъ сценой, на которой происходило дѣйствіе, называлась *Проскеніонъ*. Проскеніонъ этотъ былъ довольно узокъ, что обусловливалось самою сущностью греческой драмы, въ которой дѣйствовало лишь нѣсколько актеровъ, такъ какъ масса народа изображалась орхестрой. При томъ же сраженія и вообще толкотня и суматоха не могли имѣть мѣста на греческой сценѣ, потому что прямо противорѣчили бы спокойному величію и религіозной торжественности древней трагедіи. Самый составъ труппы, а также ходъ дѣйствія были строго опредѣлены и обусловлены; такъ главныхъ, говорящихъ актеровъ выходило на сцену не болѣе трехъ, причемъ всѣ женскія роли исполнялись исключительно юношами; каждое дѣйствующее лицо имѣло условный костюмъ и маску, такъ что легко узнавалось зрителями или при выходѣ на сцену само называло себя по имени; это было необходимо, такъ какъ греки не знали употребленія театральныхъ афишъ и потому легко могли принять одно дѣйствующее лицо за другое; хоромъ предводительствовалъ *корифей*, пѣніе и танцы въ орхестрѣ сопровождались звуками флейты или лиры. Вообще хоръ былъ древнѣйшею и важнѣйшею частью греческой драмы, такъ какъ онъ являлся въ ней выразителемъ воли боговъ или общественнаго мнѣнія, актеръ лишь отвѣчалъ ему и потому носилъ названіе состязателя. Съ лицомъ закрытымъ безобразной маской, обутый въ котурны и надѣвъ на руки длинные наручники, греческій актеръ двигался медленно и представлялъ изъ себя несоразмѣрную, неуклюжую фигуру, но отдаленность сцены при громадности театра, значительно скрадывала всѣ несовершенства гримировки, а маска служила актеру средствомъ усиливать свой голосъ и дѣлать его слышнымъ даже послѣднему ряду зрителей.

Такъ какъ театръ относился къ богослужебной обрядности и составлялъ государственное учрежденіе, то многіе богатые граждане старались возвысить его блескъ и процвѣтаніе, ставя на свой счетъ новыя пьесы и не жалѣли издержекъ на роскошную ихъ постановку и на устройство разныхъ машинъ для превращеній и на содержаніе многочисленнаго хора. Такія лица назывались *хорегами*, и имъ то передавалъ авторъ свое драматическое произведеніе для ознакомленія съ нимъ публики. Поэтъ получившій первую, т. е. высшую награду, выходилъ увѣнчанный плющемъ какъ жрецъ Діониса. Такой чести удостоивались впрочемъ немногіе, такъ какъ кромѣ присяжныхъ судей пьесу оцѣнивала публика и оцѣнивала съ необычайной тонкостью и знаніемъ. Аѳиняне не смотря на то что между ними было много неграмотныхъ, всѣ безъ исключенія были одарены вѣрнымъ эстетическимъ вкусомъ и знали наизусть лучшія трагедіи. Прислушиваясь чутко къ стихамъ пьесы, народъ при малѣйшемъ намекѣ на какое нибудь современное событіе, громко выражалъ свое одобреніе или порицаніе. Извѣстенъ разсказъ, какъ во время представленія „Семи Вождей подъ Ѳивами", трагедіи Эсхила, актеръ привелъ публику въ восторгъ, сказавъ объ Амфіонѣ, миѳическомъ лицѣ: „Не казаться справедливымъ, но быть имъ онъ хочетъ". Зрители тотчасъ же обратились въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Аристидъ, прославившійся своею справедливостью. Такъ проводилъ греческій народъ дни, посвященные Діонису.

Иванъ да Марья

Повѣсть

А. А. Потѣхина.

(Продолженіе).

X.

Въ тотъ вечеръ, когда къ Ивану зашелъ и остался ночевать Владиміръ, Иванъ надѣялся получить окончательное согласіе Марьи па побѣгъ изъ родительскаго дома. Онъ былъ почти увѣренъ, что получитъ это согласіе, потому что вѣрилъ въ любовь Маши къ себѣ и считалъ ея положеніе безвыходнымъ: либо выходи замужъ за немилаго, да еще приготовляйся къ отвѣту передъ нимъ, а можетъ быть и къ побоямъ, и ко всякаго рода притѣсненіямъ, либо переломи свою гордость, свое самозванное барство, и иди за бѣдняка-мужика, да любимаго, рискуя только прогнѣвить и обидѣть родителей. Само собою разумѣется, что Маша, по мнѣнію Ивана, должна предпочесть послѣднее, а онъ съ своей стороны все уже разузналъ и подготовилъ отчасти что было нужно къ тому, чтобы ихъ повѣнчали. Въ этотъ разъ онъ пошелъ въ Мамаиху пораньше обыкновеннаго, чтобы захватить Виктора не спящимъ: ему было нужно переговорить съ нимъ и привлечь на свою сторону. Иванъ разсчитывалъ, что теперь, наканунѣ праздника, рабочіе въ усадьбѣ, подольше засидятся вечеромъ и Викторъ вѣроятно, съ ними балясничаетъ, подстраивая какую-нибудь выпивку на слѣдующій праздничный день. И онъ не ошибся: въ рабочей избѣ еще свѣтился огонь, когда онъ подходилъ къ ней, а заглянувши въ окно онъ увидѣлъ Виктора стоящимъ около стола, за которымъ работники ужинали, медленно пережевывая куски и осклабляясь на разсказы Виктора. По веселому лицу его Иванъ догадался, что управительскій сынокъ былъ выпивши и въ хорошемъ духѣ. Иванъ не хотѣлъ входить въ избу, чтобы не привлечь на себя особеннаго вниманія и не вызвать праздныхъ распросовъ рабочихъ, и слегка постучалъ въ окно. Его тотчасъ же отворилъ сидѣвшій ближе другихъ работникъ и высунулъ голову.

— Кто это?.. Чего надоть?.. спросилъ онъ.

— Не здѣсь ли Викторъ Яковличъ?.. отозвался Иванъ.

— Здѣсь онъ... вотъ!.. А что?..

— Повышлите-ка его сюда...

— Тебя никто спрашиваетъ, чтобы вышелъ... сказалъ работникъ, оборачивая голову въ избу къ Виктору.

— Кто такой? Что надо?.. Пусти-ка... говорилъ Викторъ, съ любопытствомъ подходя къ окну и отстраняя рабочаго. Онъ высунулъ въ окно свою голову вмѣсто его.

— Я это, я,.. поторопился сказать Иванъ. Выйди-ка сюда, Викторъ Яковличъ, на два словечка...

— А—а, дружокъ, милый человѣкъ... вскрикнулъ Викторъ, узнавши Ивана по голосу. Да входи въ избу, сюда...

— Нѣту, недосужно... Я мимоходомъ только тебѣ словечко сказать нужное... Выйди-ка...

— Сейчасъ, сейчасъ...

Викторъ спѣшно выскочилъ изъ избы къ Ивану, не отвѣтивши даже на вопросы рабочихъ: кто такой при-

шелъ и почто зоветъ?.. Иванъ уже не одинъ разъ угощалъ Виктора при встрѣчахъ съ нимъ и потому они были уже вполнѣ друзьями и говорили на *ты*.

— Ахъ ты, милый другъ, брательникъ... говорилъ Викторъ, обнимая Ивана: откуда взялся?..

— А нарокомъ зашелъ къ тебѣ, отвѣчалъ Иванъ, съ умысломъ отходя подальше отъ избы, чтобы оттуда не слыхали ихъ разговора. Съ фабрики я теперь, домой иду, да тутъ... дѣло было... въ деревнѣ, по сосѣдству, такъ дай, думаю, зайду къ дружку... Хошь, добѣжимъ въ село, въ кабакъ али въ трактиръ, проходную хватить, на скоро?.. Одному-то скучно...

— Ахъ ты!.. Вотъ другъ-отъ... Пойдемъ, пойдемъ... Я хошь, теперича и доволенъ: видишь, въ куражѣ... И на сторонѣ случаи были, да и сестрица Марья нынче меня не оставляетъ... каждый день подноситъ... А ужь все отъ друга не отстану... ужь поддержу!.. И не то, что въ этомъ дѣлѣ, что выпить идти вмѣстѣ для кампанства: это-то я сдѣлаю, почитай, для всякаго!.. а и въ другомъ какомъ дѣлѣ, надѣйся на меня, Ванюха, все равно, что на каменную стѣну...

— О-о?..

— Да ужь, вѣрно, братъ, не сумнѣвайся: только бы случай подошелъ, я те покажу... потому я самый признательный человѣкъ!.. Конечно что случая тебѣ не подходило испытать меня, а для друга могу... что угодно...

— А можетъ, и случай-то есть такой... Докажи...

— И докажу... Сказывай: что такое?.. Все сдѣлаю...

— Ну, смотри... Помни что обѣщалъ... Можетъ, нужда у меня до тебя будетъ большая: смотри тогда не выдай друга...

— Ужь, братъ, не выдамъ, не бось... Сказывай сейчасъ, коли что нужно...

— Нѣтъ, вотъ перво выпьемъ, а тутъ, можетъ, подумавши, я и скажу... Только... если ты мнѣ вмѣсто помочи-то, подгадишь?..

— Я... для друга?.. Ну, братъ, не знаешь ты меня каковъ я есть человѣкъ!.. Со мной зломъ точно что ничего не сдѣлаешь, а если по любви, по дружеству... да я душу за человѣка-то положу... Вотъ что!.. Да вотъ теперь сестра Марья стала со мной по хорошему... Чортъ ее знаетъ съ чего... да мнѣ и знать не нужно: все одно!.. А вотъ скажи она мнѣ теперь, чтобы я что для нея сдѣлалъ... Все сдѣлаю!.. Потому... я пьяница, вѣрно это!.. а только я совѣстливый человѣкъ, во мнѣ душа самая благородная!.. Вотъ что, Ваня!.. Ты вѣрь мнѣ!.. Сказывай все смѣло...

Они вошли въ кабакъ, выпили; затѣмъ Иванъ купилъ полштофа и вручилъ Виктору, чтобы онъ взялъ его съ собою домой; эта любезность окончательно растрогала Виктора. Когда вышли изъ кабака, онъ не удержался: тутъ же за дверью отпилъ порядочную долю, а остальное спряталъ за пазуху.

— Больше не стану теперь, Ванюха... потому ты безпремѣнно сказывай мнѣ свою нужду, чтобы мнѣ въ самое понятіе принять, чего тебѣ требуется...

— Вотъ что, Викторъ Яковличъ, заговорилъ Иванъ, отходя отъ кабака и оглядываясь кругомъ: это дѣло такое, что, коли ты меня выдашь, такъ либо я на себя руки наложу... либо тебѣ не сдобровать... Пойми ты это!..

— Да ужь полно... Сказано, вѣдь... говори, знай... надѣйся!..

— Ну, такъ слушай: я тебя ошарашу сразу... Ужь пускай, что будетъ, то будетъ!.. Вѣдь, мы съ твоей сестрицей, съ Марьей Яковлевной, въ любви живемъ..

— Полно?.. спросилъ Викторъ, останавливаясь среди дороги, съ открытымъ отъ удивленія ртомъ.

— Вотъ!.. сказалъ тебѣ всю правду... какъ другу!..

— И въ полномъ... то есть... видѣ?.. переспросилъ Викторъ.

— Да... отвѣчалъ Иванъ.

Викторъ вдругъ неудержимо захохоталъ.

— Съ чего ты? спросилъ Иванъ, нѣсколько встревоженный.

— Съ радости, чудакъ!.. Съ чего больше!.. отвѣчалъ Викторъ, продолжая хохотать. Ай да молодецъ!.. Вотъ ловко!.. Тутъ жениховъ розыскиваютъ: помѣщиковъ, али купцовъ богатыхъ... къ благородному обращенію пріучаютъ... наряды шьютъ!.. Зазываютъ, заманиваютъ... во всѣхъ статьяхъ дочку показываютъ... а она ужь давно... фю-фю!.. Ай да Ванюха, ай молодецъ!.. Это вы, видать, какъ у братца-то старшаго она гостила, снюхались?.. А?..

— Да, да...

— Молодецъ!.. люблю!.. Вотъ вамъ, Яковъ Захарычъ, господинъ баринъ!.. вотъ!.. пожалуйте получить!.. Хвастайте теперь дочькой-барышней!.. Ха, ха, ха!.. Будетъ благодарить женишокъ, которому достанется этакая барышня блюденая... воспитанная... съ обращеніемъ съ благороднымъ!.. Ха, ха, ха!.. Вотъ отчего она и ко мнѣ то ласкова стала... черезъ тебя!.. Ну, что же, какая же вамъ отъ меня-то послуга надобится?.. Свести что ли, да посторожить?.. Могу, изволь!.. Съ нашимъ удовольствіемъ... для друга!.. Дѣло не черезъ меня началось, сталося: съ чего же мнѣ мѣшать-то вамъ?..

— Нѣтъ, Викторъ Яковличъ, не въ томъ...

— Ахъ ужъ и здѣсь дорогу нашли?.. Безъ меня видаетесь?.. А?.. Утѣшь, скажи: было?

— Было...

— Вотъ такъ такъ!.. Ха, ха, ха!.. Подъ самымъ носомъ значитъ... все одно, что съ родительскаго благословенія... Ха, ха, ха!.. Вотъ озлится, вось, узнаетъ... за мужъ выдастъ!.. А они, вижу я, ладятъ ее теперь опять за „благороднаго человѣка“... (голосомъ Викторъ передразнилъ отца). Акцизный тутъ новый... познакомились какъ-то... Ужь пріѣзжалъ на этой недѣлѣ... и дѣло идетъ черезъ знакомую попадью въ городѣ: она передъ тѣмъ была, и на той недѣлѣ опять за ней лошадей хотятъ посылать... А этотъ... женишишко-то... плюгавый, ровно щепа худой, и примазанный... и при усахъ тоже.!. и моды въ себѣ показываетъ: въ перчаткахъ и перстень носитъ!.. Я не входилъ, а въ щелку только посмотрѣлъ на нихъ... Отецъ такъ и стелется передъ нимъ, а мать всѣ банки съ вареньемъ изъ кладовой перетаскала... все его сахарила... И Марья, братъ, твоя тоже хвостомъ виляла... Ужъ я видѣлъ!.. Не знаю что у нея тамъ на сердцѣ, а только видомъ показываетъ: вотъ, молъ, сколь я обходительна... и можете надѣяться!.. Ну, чтожь, ты не огорчайся: извѣстно, ей теперь надо какъ никакъ голову прикрыть... поскорѣе... Тамъ ужъ, дескать, что ни будетъ, а отъ стыда надо уйти: я такъ полагаю: у нея это въ головѣ!..

— А у меня такъ другое въ предметѣ, Викторъ Яковличъ...

— Что? что?.. Да, вотъ нужду-то твою... Говори, сказывай!..

— Да ты не выдашь? Опять тебя спрашиваю...

— Ахъ, отстань... Ужъ говорятъ: надѣйся... все одно, что на себя...

— И поможешь?..

— Что угодно: все сдѣлаю, только бы отъ рукъ не отбилась... потому другъ ты мнѣ другъ, да ужь и парень же, вижу, лихой!.. Люблю я этакихъ, смерть!..

— А я, коли поможешь, на всю жизнь твой слуга буду: живи со мной, ѣшь мое, носи мое, каждый день угощеніе до сыта. Вотъ какъ обѣщаюсь!..

— Да ну, сказывай: не тяни...

— Жениться я хочу на Марьѣ Яковлевнѣ...

— Не отдадутъ, братъ: этого нечего и думать, Ваня... Оставь...

— Да, вѣдь, я какъ? Я безъ сватовъ, въ утайность... Уходомъ...

— Какъ уходомъ?..

— Такъ... Я ужъ съ Марьей Яковлевной переговаривалъ: и она согласна, только боится, что не повѣнча-

Передъ дуэлью. Картина Невилля, грав. Паннемакеръ.

Послѣ дуэли. Картина Невилля, грав. Паннемакеръ.

ютъ... А я знаю, что повѣнчаютъ: вышла бы только она ночью, вынесла что свое... а ужь тамъ, сейчасъ въ церковь... и шабашъ!..

— Да какже ты сдѣлаешь-то? Вѣдь, не повѣнчаютъ, дьяволъ?..

— Ужь сдѣлаю!.. И попа такаго подыскалъ... только ты помоги, въ чемъ попрошу... Али, можетъ, тебѣ въ обиду, что я, простой мужикъ, на твоей сестрицѣ-барышнѣ жениться хочу?.. такъ ты такъ и скажи мнѣ прямо!.. Я такъ и знать буду!..

Голосъ Ивана дрожалъ при послѣднихъ словахъ отъ внутренняго волненія и отъ мысли, что онъ сдѣлалъ промахъ, довѣривши свою тайну Виктору; но отвѣтъ послѣдняго тотчасъ же успокоилъ его.

— Отстань-ка ты, сказалъ онъ. Не то обижаться, а я радехонекъ: первое родитель обозлится, а подѣлать ничего нельзя: пожалуй кричи да ругайся, ужь не развѣнчаешь, и зять-то все таки будетъ мужикъ... а не баринъ и не купецъ!.. Что взяли?.. Да это мнѣ въ первое удовольствіе; потому довольно онъ надо мной надругался... довольно я отъ него всего натерпѣлся: и побоевъ, и ругани, и попрековъ... что всѣ дѣти у него какъ слѣдуетъ, одинъ я не человѣкъ... хуже пса всякаго!.. А опять ты обѣщаешься взять меня къ себѣ жить и кормить, и одѣвать, и угащивать... Такъ это мнѣ развѣ не лестно?.. Вѣдь если за кого другаго выйдетъ Марья, такъ я знаю, тотъ зять и въ домъ-то меня не пуститъ къ себѣ, и за гостя-то не сочтетъ... Да кромѣ этаго я изъ-за пріятства, изъ-за дружбы нашей, все для тебя сдѣлаю... Скажи только что надо...

— А вотъ что: поди, чай, нашъ попъ будетъ бумагъ спрашивать отъ вашего попа, такъ сходи къ нему, ровно бы отецъ послалъ и выправь ихъ поскорѣе... такъ, чтобы передъ самой свадьбой... чтобы схватиться не успѣли... Можно ли?.. Сдѣлаешь ли?..

— Еще какъ сдѣлаю-то!.. Родитель-то и безъ того меня все на посылкахъ держитъ: какъ что, такъ сейчасъ: послать Виктора... онъ все равно бездѣльничаетъ, ракалія!.. Вотъ эта ракалія ему и уважитъ теперь!.. Попу нашему и въ голову не придетъ, что я приду отъ себя, а не отъ отца... А я ему то наговорю, такую спѣшку выдумаю, что онъ сейчасъ всякую бумагу выдастъ... А для отца они уважаютъ, всегда что угодно... потому и получаютъ... ну, и хлѣбъ-соль водятъ: пріятели... Это я, вось, обдѣлаю!.. Еще чего не надобно ли?..

— Ну, а еще постереги и помоги, когда время придетъ... Въ церковь поѣзжай съ нами, за дружку будь на свадьбѣ...

— Это все можно... Ничего не составляетъ для насъ: даже и свидѣтелемъ распишусь, что находился при бракосочетаніи сестры моей, Марьи, съ крестьяниномъ такой-то волости, такой-то деревни, Иваномъ... Какъ отчество-то и по прозвищу?

— Иванъ Степановъ Бахваленокъ...

— Съ Иваномъ Степановымъ Бахваленковымъ... Росписаться безпремѣнно нужно... для крѣпости... чтобы безо всякаго сумнѣнія!.. Это, братъ, росписка первое дѣло: тамъ попъ... вѣнчанье... а вотъ, извольте посмотрѣть, папашенька, и въ книгѣ записано, и при свидѣтеляхъ: все какъ слѣдуетъ, по божески!.. Ужь никоимъ манеромъ не разведешь, не передѣлаешь все равно, что скрѣплено и запечатано... Такъ вотъ у меня какая сестрица-то будетъ: Бахваленкова!.. Что-жь, чудесно!.. А только что вотъ, Ванюха, впередъ сказываю: все я для тебя сдѣлаю. а домой ужъ послѣ вашей свадьбы не пойду, у васъ и останусь, потому надо всю свадьбу справить какъ слѣдуетъ, да и папашенькѣ въ первый пыхъ попасться тоже не складно: бокамъ-то моимъ ужъ очень накладно будетъ... По родительской своей любви, онъ меня жалѣть ужъ не станетъ... И безъ этого-то онъ ко мнѣ жалостливъ и жалуетъ, а ужъ тутъ такъ наградитъ, что и не опомнишься!.. пуще же боюсь: запретъ куда въ чуланъ холодный... Сиди да посвистывай!.. Ничего, братъ, не подѣлаешь...

— Да ужъ само собой вмѣстѣ съ нами поѣдешь... Съ нами такъ и оставайся... Ну, Викторъ Яковличъ, такъ по рукамъ значитъ?.. Согласенъ?..

— Ну вотъ еще... Ужь сказано!.. отвѣчалъ Викторъ, высоко поднимая свою руку, чтобы ударить по протянутой рукѣ Ивана. Давай, поцѣлуемся... Брательники мы теперь будемъ настоящіе!.. А разбойникъ ты, Ваня!.. Что удумалъ!.. Вотъ ракалія-то настоящая: по дѣломъ уже папашенька-то тебя ругать будетъ... А ты тоже его папашенькой зови, Ваня... Ха, ха, ха... Вотъ, молъ, мы какъ! умѣемъ и по благородному, даромъ—мужики!..

— Ну, такъ вотъ что, Викторъ Яковличъ, завтра приходи къ обѣднѣ въ Савинское... Тамъ въ трактирѣ посидимъ и дѣло все узнаемъ, а поколѣ прощай... Мнѣ пора...

Они подходили въ это время къ Мамаихѣ.

— Куда пора-то?.. съ усмѣшкой спросилъ Викторъ. Вѣдь, чай, къ ней же?.. Гдѣ нибудь, поди, поджидать будешь?.. Ну, признайся, Ванюха... чертъ?..

— Ну да что тутъ... Знамо, коли подойдется... выйдетъ... Сегодня намъ безпремѣнно нужно обо всемъ переговорить... Оттягивать теперь дѣла некогда: нужно скорѣе... Скоро, вѣдь и Филиповки начнуться... Боюсь, какъ бы что сегодня не помѣшало ей...

— Такъ ты бы давно мнѣ сказалъ... чудакъ!.. Коли нужно я и вѣсть подамъ ей объ тебѣ, или посторожу, покамъ вы толкуете... Не бось сдѣлаю такъ: никому не въ домекъ и вамъ будетъ спокойнѣе...

— Нѣтъ, ужь не въ первой: она сама сторожка... Ты лучше ложись, да завтра не проспи, али не забудь: въ Савинское приходи...

— Ну, ладно... Какъ хочешь... Ахъ ты, мазура, плутъ... Вотъ прожженный-то!.. Ну, иди, иди... Скажи кто другой, а не самъ, не повѣрилъ бы ни за что... Ну, поцѣлуемся еще, да и иди: ты къ своей разлапушкѣ, а я со своей порѣшу, да и на боковую...

Викторъ показалъ на полштофъ, спрятанный за пазухой.

Иванъ усмѣхнулся и, проводивши Виктора до самыхъ воротъ усадьбы, пошелъ къ обычному мѣсту свиданія.

Осень этого года благопріятствовала влюбленнымъ: хотя листъ съ деревьевъ давно уже облетѣлъ, начались заморозки и земля сверху застыла, но снѣгъ не выпадалъ и путешествіе Ивана съ Марьей въ садъ не оставляло за собою слѣдовъ, которые могли бы возбудить подозрѣніе. Они обыкновенно забирались въ самую чащу, гдѣ была поставлена широкая скамейка, на которой отдыхалъ обыкновенно въ жаркое, послѣобѣденное время, Яковъ Захарычъ, скрываясь отъ докучливыхъ мухъ. Здѣсь, на этой скамейкѣ, и вели они свои тайныя бесѣды. И въ этотъ разъ Марья не заставила себя долго ждать. Какъ только въ домѣ всѣ улеглись и захрапѣли, она, накинувши теплое пальто, прокралась черезъ заднее крыльцо въ садъ и нашла Ивана на обычномъ мѣстѣ.

— А что, Марья Яковлевна, спросилъ Иванъ послѣ первыхъ же радостныхъ привѣтствій, говорятъ, къ вамъ новый женишекъ наклевывается?

— Какъ ты узналъ?.. Кто тебѣ сказалъ?

— Да ужъ кто, никто, а знать намъ на-счетъ этого дѣла, кажись бы, къ самой линіи: извѣстно о комъ гребтится, такъ всю подноготную разузнаешь... А я такъ полагалъ, что ты сама мнѣ про это разскажешь...

— Да, я бы и сказала, только рѣшенаго-то ничего еще нѣтъ: одна переговорка идетъ... Правда, что онъ очень мною очарованъ, и самъ мнѣ сказалъ, что я очаровательная... и черезъ городскую попадью на-счетъ приданаго отъ папаши съ мамашей все отбиралъ... И попадья сказала, что коли дадутъ семь тысячъ, такъ завтра же пріѣдетъ формальное предложеніе дѣлать... Папаша сказалъ, что дастъ и семь тысячъ... потому онъ чиновникъ... благородный... акцизный... Перстни какіе

на немъ, Ваня, цѣпочка у часовъ какая толстая, тяжелая: онъ снималъ, показывалъ, я на рукѣ вѣсила... И жалованья получаетъ больше тысячи... Папаша, Богъ знаетъ, какъ радъ, и мамаша тоже... Будутъ безпремѣнно меня выдавать за него... Вотъ, Ваня, какъ мнѣ быть, что дѣлать?.. Посовѣтуй.

— Да что совѣтовать: коли такой благородный и богатый человѣкъ... съ перстнями вонъ, да съ цѣпями, и вамъ значитъ, по мысли, такъ чего же тутъ?.. и думать нечего: честнымъ пиркомъ, да и за свадебку...

— То-то и есть что мнѣ-то не по мысли: худой точно спица, желтый какой-то, съ рябинами, волосенки рѣдкіе, а на самой макушкѣ и совсѣмъ нѣтъ: сзади да съ боковъ на нее поначесано волосьевъ-то... Противный онъ, Ваня... для меня...

— Ну за то благородная будете госпожа... въ городѣ жить станете!.. Вонъ и папаша вамъ за это лишнихъ двѣ тысячи въ приданое накидываетъ... чего же лучше?.. Конечно, что онъ эти денежки къ рукамъ подберетъ, и посмотрѣть вамъ на нихъ не дастъ: за то барыня будете, чиновница... Ну, а на-счетъ того, что собой не пригляденъ, на это смотрѣть нечего: будетъ супругомъ, да дѣтки пойдутъ, присмотритесь, привыкните...

— Да что ты, Ваня, какъ со мной говоришь?.. Я это время измучилась съ тоски, да съ мыслей, не знаю что и дѣлать съ собой... Отъ тебя, вѣдь, чай, я погибель-то свою приняла: развѣ я желала этого?.. Надо же мнѣ теперь какъ нибудь свой стыдъ прикрыть... ты бы долженъ былъ это помнить и чувствовать... Я у тебя, какъ у милаго человѣка, хоть и злодѣя моего, совѣта прошу, а ты мнѣ въ одну насмѣшку отвѣчаешь... Марьей Яковлевной завешь, *вы* говоришь... Что ужъ теперь тебѣ меня величать, коли ты меня хуже послѣдней сдѣлалъ... Какая я ужъ теперь барышня... какая Марья Яковлевна... особливо для тебя... Потерянная я теперь, пропащая... по твоей милости...

— Одначе же не безъ вашего же согласія, Марья Яковлевна... Не я къ вамъ пришелъ самоволомъ: вы сами ко мнѣ вышли... Не силомъ я васъ взялъ, сами свою любовь показывали...

— Не такой я любви отъ тебя хотѣла... а честной, благородной... деликатной!.. Я тебя любила какъ дѣвица воспитанная... думала и тебя облагородить... къ деликатному обращенію пріучить... Помнишь: съ чѣмъ я къ тебѣ шла, какое обѣщаніе съ тебя брала?.. чтобы и трогать меня не смѣлъ, а въ однихъ бы разговорахъ объ чувствахъ время проводилъ да за великое считалъ ручку поцѣловать, а не то въ губы, или обнять... Помнишь ли?.. Такъ сначала и было, покамъ ты меня слушался... А послѣ... ты какъ со мной поступилъ?.. Какъ мужикъ настоящій, не воспитанный!.. Да самъ же теперь и насмѣшки надо мной дѣлаешь...

— Насмѣшекъ я никакихъ не дѣлаю... а что мужикъ я, такъ мужикъ и есть... Не вязаться бы вамъ, барышнѣ воспитанной, съ мужикомъ... коли это не ваша компанія и довольно для васъ гнусно... А вотъ бы сразу этакого съ перстнями-то, да съ цѣпями искали... ну, и съ плѣшинкой ужъ, коли нѣтъ почище... что дѣлать-то: всѣмъ не выберешь!..

Иванъ ядовито засмѣялся.

— И теперь ты скажешь: не насмѣшки ты надо мной дѣлаешь?.. вскрикнула Маша, обидившись и заплакала. Подлый ты человѣкъ, я вижу, безсовѣстный!.. я тебя полюбила, даромъ что ты мужикъ, а тебѣ только погубить меня хотѣлось... Погубилъ, такъ ужъ теперь ни горя, ни заботы у тебя обо мнѣ нѣтъ... Ни думать, ни посовѣтовать, ни участья принять не хочешь?.. Да, да, низкій ты, подлый!.. Правду папаша говоритъ, что въ черномъ народѣ никакой совѣсти, никакой благодарности нѣтъ... За всю мою любовь, какъ ты мнѣ платишь?..

Маша плакала на взрыдъ.

— Да что вы, Марья Яковлевна, превозноситесь надо мной, да ругаетесь и попрекаете?.. Вѣдь, не я женюсь на другой, а вы за-мужъ хотите выходить... Кабы ваша милость была, да не гнушались вы мной, такъ развѣ бы я не женился на васъ?.. Съ великой бы радостью и за самое счастіе почелъ!.. Я отъ васъ не рекаюсь: вы отъ меня рекаетесь... Потихоньку съ мужикомъ гуляли, не брезговали, а замужъ-то выдти вамъ, видишь ты, все-таки требуется за богатаго, да чиновнаго, хоть и немилаго, и собой карявого... хоть и срамить онъ васъ, и бить, можетъ, станетъ, и попрекать на каждомъ шагу... Такъ за что же вы меня-то ругаете?..

— Такъ что же мнѣ дѣлать-то, что дѣлать?.. Въ дѣвкахъ оставаться только сраму дожидаться, да бѣды, замужъ выдти—другой, а за тебя не отдадутъ ни за что... Я бы рада пошла и за тебя... хоть и въ бѣдность бы пошла, въ нужду, въ горе,—можетъ статься... да попробуй, посватайся... Что папаша-то скажетъ?.. И дороги-то къ воротамъ не найдутъ твои сваты...

— Такъ стало: кабы отдали, такъ пошла бы за меня?..

— Извѣстно, пошла бы... За кого же мнѣ теперь и идти ближе, что не за тебя?.. И люблю я тебя, и тошно мнѣ теперь безъ тебя... и потерянная я... все черезъ тебя же...

— Ну, такъ вотъ что, Маша, ни за кѣмъ тебѣ не быть, окромѣ меня... вскричалъ Иванъ, крѣпко ее обнимая. Что будетъ, то будетъ, а я такъ удумалъ, такъ и сдѣлаю... Свататься къ тебѣ, у родителевъ твоихъ благословенья просить—и затѣвать нечего; а какъ и прежъ того говорилъ: уходи уходомъ, да и повѣнчаемся... Я ужъ и попа такого подыскалъ, и все подстроилъ... Вотъ рѣшайся: можетъ на той недѣлѣ и окрутимся...

— Да что ты, Ваня?.. Въ умѣ ли?..

— А что?.. чѣмъ не въ умѣ? Я, вѣдь, и прежде тебѣ говорилъ, спрашивалъ... Ты подумать обѣщалась и отвѣтъ дать, а у меня вотъ уже, почитай, все и готово...

— Да я думала ты такъ только съ горя, али въ шутку... Воображеніе одно!..

— А вотъ какое воображеніе: что, коли ты теперь мнѣ согласія своего не дашь, откажешься, такъ я на отчаянную пойду: всякому жениху твоему буду, сказывать, что ты жила со мной... Небось зазнамо-то никто не возметъ и за семь тысячъ.., Да и каково-то тебѣ будетъ?.. Вотъ, Маша, знай: назвала ты меня подлецомъ, такъ, пускай, я подлецъ и буду, а ужъ съ моего согласа, окромѣ меня, ни за кого тебѣ не дамъ выдти... Такъ ужъ я заразился, Маша, на этомъ, такъ тому и быть... Мнѣ безъ тебя не житье и тебѣ, видно, тоже... Такъ ужъ намъ видно на роду написано, что ты моя суженая... А ужъ что повѣнчають, о томъ не сумнѣвайся... И еще тебѣ скажу: о нашей любви съ тобой все знаетъ одинъ человѣкъ, братецъ твой Викторъ...

— Какъ онъ узналъ? испуганно спросила Маша, всплеснувъ руками.

— Не бойся, онъ не то, что не выдастъ, никому не сболтаетъ, а еще поможетъ намъ... Черезъ него я тебѣ и вѣсть дамъ, какъ и что... А мнѣ, до останнаго дня пожалуй и повидаться съ тобой не придется за хлопотами... Ну, какъ же, Маша рѣшайся, коли любишь... Говори: согласна ли?..

— Какъ мнѣ не согласиться-то: и любить-то я тебя люблю, да и дѣваться-то мнѣ больше некуда... Давно моя голова рѣшеная... Только боюсь я: какъ отрекутся отъ меня родители, да ничего не дадутъ намъ и на глаза пускать не будутъ?.. извѣдусь я тогда отъ нужды, отъ бѣдности.. а ты разлюбишь меня... Что я тогда буду дѣлать? куда голову приклоню?..

— Полно, Маша... На что такое думать... Надо на Бога полагаться... Ну, въ ногахъ будемъ валяться, прощеніе просить станемъ, не разъ и не два, а безперечь, коли ужъ больно заупрямятся.. Когда нибудь да простятъ... Только ты смотри: вѣсть подамъ, сбираться станешь, все свое приданое забирай: одежу тамъ, шубы, перстеньки—

колечки... ну, и деньги само собой, коли есть какія... На первое-то время пока что, все пригодится.

— Да какже я все это изъ дома-то вынесу?.. Узлы, вѣдь, большіе будутъ?..

— Ну, ужъ это мы съ Викторомъ все удумаемъ и какъ онъ тебѣ скажетъ, такъ и дѣлай... Онъ и поможетъ во всемъ...

— Ой, боюсь я, не на бѣду-ли, не на горе ли свое вѣковѣчное я согласье дала... ужъ только люблю я тебя, жить безъ тебя не могу, да надѣюсь на тебя, что очень ты ловокъ, смѣлъ да уменъ... А съ папашей-то, съ папашей что будетъ... и съ мамашей?.. Ай, и подумать страшно...

— Да и думать объ этомъ не надо... Ужъ коли рѣшилась, согласье дала, такъ только о томъ и думай: какъ бы это самое дѣло половчѣй да по умнѣй сдѣлать... А тамъ Богъ... Эхъ полно-ка Маша, золотая моя, красавица, барышня ты моя... поживемъ!.. еще какъ поживемъ-то!.. Погоди, дай ты мнѣ только до родителей твоихъ добраться: увидишь какъ еще полюбятъ меня... За сына роднаго будутъ почитать... Неученъ я, а тоже какъ подойти къ человѣку знаю: въ одно ушко влѣзу, въ другое вылѣзу и не догадается... Погоди, узнаешь ты каковъ твой Ваня...

— Да знаю, знаю я... Развѣ бы я полюбила, кабы не былъ ты таковъ...

— Ну, такъ и толковать значить, нечего... А надо Богу молиться да на Него надѣяться... Семьи у меня нѣтъ, ближнихъ родныхъ тоже, одинъ какъ перстъ... Есть старуха матушка, да та не то, что съ тебя взыскивать, а замѣстъ слуги служить тебѣ будетъ... Попади-ка въ какую семью большую, гдѣ и свекоръ и свекровь, и братья старшіе, и золовки: вотъ то бѣда!.. а намъ-то вдвоемъ жизнь—ровно въ раю покажется: сыты не наживемся... Вотъ что!.. милая ты моя... барышня... писаная!.. Отдамъ ли я тебя какому барину?.. и не этакому, никому не отдамъ!.. Нѣтъ тебя лучше!.. нѣтъ тебя краше!..

Маша съ упоеніемъ слушала эти рѣчи и вѣрила въ будущее счастье. Ивану казалось, что онъ и дня бы не прожилъ, еслибы Маша вышла за другаго. Они разстались съ твердою рѣшимостью осуществить задуманное, во что бы то ни стало.

XI.

На слѣдующее утро, выбравши время, когда Устиньи не было въ избѣ, Иванъ открылъ свою тайну только что опохмѣлившемуся, послѣ вчерашняго пьянства, дядѣ Владиміру. Тотъ, въ виду предстоящихъ свадебныхъ попоекъ, пришелъ въ неистовый восторгъ отъ замысла племянника и изъявилъ полнѣйшую готовность помогать ему.

— Подемъ къ Павлухѣ... говорилъ онъ. — Первымъ долгомъ къ нему пойдемъ... Онъ для меня все сдѣлаетъ и, не дорого возьметъ... Не попъ — душа!.. Матку не бери: не зачѣмъ шляться... Я одинъ все обдѣлаю... Скажу, что крестникъ ты мнѣ...

— Да я матушкѣ еще и не говорилъ объ этомъ...

— И не говори... Наплевать ей... Что бабъ путать въ въ экое дѣло... Слабы больно онѣ на языкъ-то... До смерти не люблю!.. Развѣ ужь совсѣмъ въ церковь, къ вѣнцу собираться, вотъ тогда: родительница, благослови... А до тѣхъ поръ начто ее и воропить... Пущай сидитъ въ покоѣ: сдѣлаемъ, тогда все видать ей будетъ... Вотъ тебѣ, родительница, невѣстка: просимъ любить да жаловать!..

— Не осердилась бы?.. Пожалуй обидится матушка-то... сказалъ нерѣшительно Иванъ.

— В-о-отъ! чему обижаться-то?.. Вѣдь, не ее замужъ выдаешь... Самъ женишься.., Кабы ее окрутилъ что и не знала бы... ну, то дѣло десятое!.. А то на-ка тебѣ: сказывать имъ до времени!.. Не надо... Ахъ ты Ванюшка, воръ ты этакой... Вотъ потрафилъ ты по мнѣ!.. Ровно я... Экой же былъ смолоду на-счетъ дѣвокъ: безъ переводу онѣ у меня...

-- Ну, такъ вотъ, дядя Владиміръ... перебилъ его Иванъ, стаскивая съ палатей старый свой полушубокъ: вотъ надѣвай мой полушубокъ... А вотъ тебѣ и сапоги...

Онъ досталъ сапоги изъ подъ лавки.

— Дырка есть на сапогѣ на одномъ... Ну, да что дѣлать-то: каковы ужъ есть... Не вѣду только придутся ли тебѣ по ногѣ-то?..

— Мнѣ?.. проворно отвѣчалъ Володя тотчасъ принимаясь надѣвать Ивановы сапоги. Да мнѣ какіе хошь давай сапоги, съ чьей хочешь ноги: мнѣ всякіе придутся... Пра, ей Богу!.. У меня такая, братецъ, нога!.. Да вотъ, на той недѣлѣ, у дьячихи, въ Воскресенскомъ, ночевалъ... Тоже развалились свои-то сапожнишки: подошвы, братецъ, отмякли, а голенищи-то ничего еще здоровые:.. Увидѣлъ я у нея вотъ эти калишки: давай мѣняться... потому мнѣ легче... для ноги... ну, а ей въ пользу: одни голенищи чего стоятъ... Не влѣзутъ, говоритъ, потому у меня нога женская, а у тебя мужчинская... Знамо, говорю, мужчинская: не бабій у меня и ходъ... А какъ прикинулъ, надѣлъ, такъ точно, ровно вылиты... Вотъ и ходилъ въ нихъ... Изъ-за спору одного, потому сапоги-то были здоровые... хоть сейчасъ три рубля дали бы... А ея калишки что?.. Вотъ ужъ одно званіе осталось, и тогда-то имъ вся цѣна одинъ двугривенный... Ну, да наплевать... На здоровье... Насъ не раззоритъ... Вотъ видишь: въ самый разъ... Я тебѣ, вѣрно говорю: какіе хошь дай, придутся...

Владиміръ всталъ съ мѣста, чтобы самому посмотрѣть на себя въ сапогахъ и показать ихъ Ивану.

— Эхъ до смерти люблю съ бураками... сказалъ онъ, любуясь на выставленную впередъ ногу, и подтягивая къ верху стоящія трубой голенища. Бывало, самъ все экіе носилъ: они и для воды гораздо согласнѣе... Ну, давай полушубокъ...

Полушубокъ также оказался въ самую пору, хотя Иванъ былъ гораздо выше и коренастнѣе Володи.

— Вотъ бы теперя шапченку какую, али картузишка: больно, братецъ, мой-отъ истрепался... Да и' нельзя: все вѣдь подъ дождемъ... ну, когда и изопьешь имъ... прямо изъ рѣчки... На охотѣ, парень, всяко бываетъ: не разбираешь моды-то... А чудесный картузъ былъ, здоровенный!.. И привыкъ я къ нему: мало-ли шапокъ дома, нѣтъ подавай эту...

Иванъ отыскалъ и подалъ Володѣ свой старый картузъ, который тотъ тотчасъ же надѣлъ на голову.

— Ну, вотъ и совсѣмъ... Теперь куда угодно... хоть въ Москву поѣзжай... сказалъ онъ.

Въ это время въ избу вошла Устинья. Бѣглымъ взглядомъ окинула она преобразившагося Володю и тотчасъ разумѣется узнала на немъ сыновнюю одежду.

— Куда-йто это обрядились? спросила она кислымъ голосомъ.

— Мы-то?.. отозвался Володя. А мы, Устюха, въ самую Москву... разгонять тоску...

— Мели больше!.. съ нескрываемымъ неудовольствіемъ проговорила Устинья.

— На вотъ... Чего молоть: вѣрно говорю!... Что ты думаешь: не видали что-ли Москвы-то? дороги не найдемъ?.. Я не одинова въ ней бывалъ. . Еще со старымъ, съ бариномъ, съ Хлѣбовскимъ ѣздили... ружья покупали тамъ... собакъ... Собачищу таку привезли разъ... страсть.. Вотъ брюлы каки... до полу... А ушищи, такъ наступалъ на ходу... кобелище страшенный былъ!.. И молодойотъ зоветъ... эсколько разъ приступалъ: поѣдемъ, чу, Володя, въ Москву... Всѣ тебѣ харчи..: всякое продовольствіе... а водки сколько желательно... Во какъ... Да не хочу: нѣту, говорю, покорно благодаримъ, зови кого помоложе... кто не бывалъ, а я ужъ много доволенъ: все было... А вотъ теперь съ Ванюшкой надумали... въ Москву собрались...

Этюдъ. Карт. Шнейдера, грав. Бренд'Амуръ.

— Ну, тебя къ Богу... и вправду... Поѣзжай хоть за Москву: не все мнѣ одно... Языкъ-отъ у тебя, ровно балаболка... съ раздраженіемъ сказала Устинья.

— Ну, ну, старуха, а ты не серчай: всю правду скажу: въ гости собрались...

Иванъ тревожно взглянулъ на Володю. Тотъ сдѣлалъ ему гримасу.

— Знаю я ваши гости: въ кабакъ, чай, собрались, куда тебѣ больше... Одежу-то тамоди не оставь...

— Вишь ты, пожалѣла одежи-то твоей, Ванюха: эки наряды, подумаешь, вздѣлъ... Отъ роду не нашивалъ экихъ!.. Подемъ, Ванюха... Серчаетъ, матка-то... Наплевать коли, не скажемъ инъ ей куда идемъ... Хотѣлъ было молвить, а ужъ теперь не скажу ни съ чѣмъ... Оставайся при чемъ была...

— Мы, матушка, къ обѣднѣ собрались... Ну извѣстно и погуляемъ маленько опослѣ... сказалъ Иванъ, чтобы нѣсколько смягчить неудовольствіе матери.

— Почто сказываешь?.. Не надо... Пущай бы ее, думала... поддразнивалъ Володя, выходя изъ избы вслѣдъ за Иваномъ.

— Вотъ что, дядя Владиміръ, заговорилъ Иванъ уже на улицѣ: надо зайти взять съ собой дядю Егора.

— Почто?

— Звалъ я его сегодня погулять... Коли пойдетъ у насъ дѣло на ладъ, такъ хочу попросить у него. чтобы лошадь далъ: не пѣшкомъ же изъ церкви-то бѣжать... Опять же, думаю, и свадьбу-то лучше у него въ избѣ справить: изба-то у него новая и просторная, а въ свою-то прямо вести ее, съ непривычки, словно какъ и зазорно... Ну, такъ, вѣстимо, нужно угостить, попотчивать...

— Такъ что, зови... Эка, парень, я свою-то избу сдалъ, а то вотъ бы я тебя какъ успокоилъ: живи хоть вовсе... Эхъ, кабы знать-то на прежъ того...

(Продолженіе будетъ).

Пророчица.

Повѣсть

Захеръ Мазоха.

(Продолженіе).

VI.

Два суда.

— Ужели не вѣришь мнѣ? вкрадчиво и грустно спросила Марьяна.

— Вѣрю я, вѣрю, прости мнѣ Господи! воскликнулъ Венцеславъ наконецъ, люблю я тебя и вѣрить во все стану, что ты мнѣ не скажешь. А ежели ты меня совсѣмъ въ свою вѣру забрать хочешь—не трать ты много словъ,—взгляни только на меня, какъ въ тотъ день, въ лѣсу... И былъ же я простакъ — думалъ, что ты любить меня можешь...

— Можешь ли говорить ты о любви мнѣ?

— Прости, съ трудомъ проговорилъ взволнованный Венцеславъ,—грѣхъ, что я съ тобой о томъ говорю, такъ накажи меня. Я великій грѣшникъ, не знаю я ничего, темный человѣкъ. Знаю что ты красавица и издѣваешься надо мной дуракомъ. Вотъ ты мнѣ кто!

Марьяна поднялась съ своего мѣста и, оперпись одной рукой на столъ, остановилась передъ молодымъ человѣкомъ. Въ эту минуту лицо ея имѣло то выраженіе спокойствія и внутренней чистоты, которое всегда производило глубокое впечатлѣніе на него, какъ-то принижало его.

— Грѣшникъ ты, великій ты грѣшникъ, произнесла она своимъ пѣвучимъ голосомъ,—помни же, что я здѣсь не собой поставлена. Земная любовь ослѣпляетъ тебя, отверзи же очи умственныя свои, пойми же, какое твое мѣсто и какое—мое. Гордость обуяла тебя, смирись, смирись, говорю тебѣ, и поклонись Духу, во мнѣ сущему!

— Марьяна, слабо проговорилъ молодой человѣкъ,—скажи, что ненависти ко мнѣ не имѣешь.

— Смирись, говорю.

Онъ упалъ къ ея ногамъ.

— Пропалъ я безъ тебя! страстно воскликнулъ онъ.

— Вѣришь ли, что избрана я? признаешь ли, что безъ меня ты ничто?

— Вѣрю... признаю...

— Поклонись да помолись хорошенько, сказала Марьяна и въ ту минуту, когда Венцеславъ опустился въ земномъ поклонѣ, по лицу красавицы едва замѣтно пробѣжала улыбка торжества.

Въ слѣдующее воскресенье Венцеславъ впервые присутствовалъ въ молельнѣ, на „маломъ“ радѣніи. Въ домѣ „Пророчицы“ была приспособлена для того особая, огромная и довольно чистая комната, безъ образовъ и другихъ принадлежностей храма, въ которую на этотъ разъ набралось до двухсотъ человѣкъ. Среди крестьянскихъ кафтановъ рѣзко бросались въ глаза длинные черные сюртуки двухъ польскихъ евреевъ. Мужчины стояли по правую, а женщины—по лѣвую сторону особо устроеннаго олтаря. Всѣ присутствующіе были одѣты нарядно, по праздничному.

Въ горницѣ, на особомъ высокомъ мѣстѣ стоялъ столъ, на которомъ лежали хлѣбъ и соль.

Когда вошла Марьяна, всѣ пали на колѣни. Благословивъ паству свою, она сѣла на креслѣ, помѣщавшемся на возвышеніи, позади стола. Венцеславъ сталъ, по ея желанію, около нея.

— Если что тебѣ въ диво будетъ, или не поймешь чего, сказала та ему, меня спрашивай.

— Ну такъ скажи теперь же—зачѣмъ тутъ два еврея? спросилъ онъ.

— У насъ такъ—жидъ ли, либо христіанинъ, либо мусульманинъ, всякій можетъ быть въ молельнѣ при маломъ радѣніи, отвѣчала Марьяна, потому человѣкъ можетъ осквернить храмъ Божій только дурными дѣлами, а не присутствіемъ своимъ.

Венцеславъ вспомнилъ, что за странные разсказы слышалъ онъ объ ихъ „великихъ радѣніяхъ“, но не рѣшился спросить Марьяну.

Въ эту минуту къ столу подошелъ пѣвчій, начавшій запѣвку: „Рѣчетъ Господь Богъ Израиля“, причемъ въ каждой заключительной строфѣ пѣвчему вторилъ хоръ. Когда молитва была пропѣта, къ столу подошелъ старецъ, взявъ и ведя за руку другаго старца.

Трогательно было видѣть, какъ старцы эти, съ ихъ почтенными и, вмѣстѣ съ дѣтски-честными лицами, съ своими длинными бѣлыми бородами два раза преклонились другъ передъ другомъ, затѣмъ облобызались и снова поклонились одинъ другому. Затѣмъ къ нимъ подошелъ третій старикъ и была повторена таже церемонія, закончившаяся поцѣлуями. Тотчасъ же всѣ присутствующіе начали цѣловаться между собою, мужчины съ мужчинами, а женщины съ женщинами.

— Что же это? спросилъ Венцеславъ „Пророчицу“. Я уже тебѣ говорила и прежде: въ ближнемъ своемъ надо чтить образъ и подобіе Божіе, ибо человѣкъ отъ Господа на землѣ поставленъ.

Когда служба была окончена, Марьяна поднялась съ своего мѣста и взявъ Венцеслава за руку, подвела его къ одному изъ стариковъ.

— Вотъ вамъ новый братъ, негромко, кроткимъ голосомъ произнесла она,—примите его открытымъ сердцемъ и съ любовію.

Старикъ протянулъ молодому человѣку руку, притянулъ къ себѣ и поцѣловалъ его въ губы, и вслѣдъ затѣмъ стали троекратно цѣловаться съ нимъ всѣ, одинъ за другимъ, сперва мужчины, а затѣмъ и женщины. Перецѣловавшись со всѣми, Венцеславъ вышелъ изъ молельни вмѣстѣ съ Марьяной. Лицо его было грустно.

— Чего это ты? спросила съ участіемъ „Пророчица“, дотрогиваясь до его руки.

— Ты вотъ не хотѣла поцѣловать меня Марьяна...

— Теперь ты въ нашей вѣрѣ, отвѣчала она,—и всѣ цѣловали тебя какъ брата. Я не сестра тебѣ, Венцеславъ, не забывай того.

— Да я и не какъ сестру молю тебя! воскликнулъ онъ,—брось ты все это.

— Ты знаешь этого нельзя.

— Чего-жъ такъ?

— Не можно служить и Богу и сатанѣ, возразила она. Достоинъ ли ты такъ приблизиться ко мнѣ, избраинцѣ Божьей? искренно ли, ото всего ли сердца ты отъ прежней вѣры отрекся? Пріялъ ли ты святое ученіе наше? Нѣтъ, нѣтъ—во грѣхѣ еще пребываешь ты и грѣхъ говоритъ въ тебѣ.

— Грѣшно что-ли любить тебя?

— Помолимся, милый, помолимся и да смилостивится Господь и пошлетъ тебѣ побѣду надъ внушеніями діавола.

— Боже ты мой Боже! проговорилъ молодой человѣкъ, опускаясь въ какой-то нѣгѣ къ ногамъ ея,—жить не могу я безъ тебя!..

— Любишь ты меня? спросила красавица, обвимая его шею красивой бѣлой рукой своей,—только люби меня чистымъ сердцемъ, люби и—поклонись мнѣ, ибо мнѣ подобаетъ поклоненіе...

Пророчица держала судъ. Молитвенный домъ, дворъ и большая горница въ домѣ Осиповича были переполнены народомъ. Много любопытныхъ собралось за заборомъ, на улицѣ. Столъ на которомъ, въ тотъ разъ, лежали хлѣбъ и соль, теперь былъ накрытъ голубой скатерткою, и теперь мѣсто прежнихъ символовъ заняли библія и серебряное распятіе; За столомъ, на высокомъ стулѣ помѣщалась Марьяна, одѣтая въ длинномъ сарафанѣ алаго бархата, обшитомъ куньимъ мѣхомъ, на головѣ повязанъ былъ зеленый шелковый платокъ, а шея и грудь украшены кораллами и червонцами, въ ушахъ блестѣли дорогія серьги, на пальцахъ перстни. Прекрасное лицо ея было спокойно и безстрастно.

Венцеславъ стоялъ въ толпѣ, пожирая глазами торговицкую царицу. Тяжело ему было, сильно стучало въ груди его непослушное сердце.

Среди тишины глубокой Марьяна сдѣлала, наконецъ знакъ своей бѣлой рукой. Къ столу подошелъ тотъ же пѣвчій и запѣлъ стихъ, который присутствующіе хоромъ повторили. По окончаніи пѣнія, Пророчица сдѣлала новый жестъ и всѣ опустились на колѣни

— Я здѣсь поставлена, я избранница Божья, громко произнесла она,—рѣшить и вязать грѣхи ваши, отпускать и наказывать. Кто за собой грѣхъ знаетъ, приди, скажи его и моли Бога о милосердномъ прощеніи, а кто обиду за кѣмъ имѣетъ, выходи и говори свою жалобу.

Толпа поднялась и зажужжала. Вскорѣ впередъ вышла хорошенькая, молоденькая дѣвушка и стала на колѣни.

— Виновата предъ Богомъ и тобой,—много обиды наносила родителямъ.

— Каешься?

— Каюсь.

Марьяна назначила ей епитимію:—два часа простоять на колѣняхъ и громко читать заповѣдь: „чти отца твоего и матерь твою. Затѣмъ облобызала юную грѣшницу и отпустила ее.—Покайтеся, покайтеся всѣ, ибо вы всѣ во грѣхѣ зачаты и грѣхомъ повиты! вдругъ громко воскликнула она.

Теперь изъ толпы выступила молодая женщина и, опустившись на колѣни, излагала горькую жалобу на другую, обидѣвшую ее.

— Чѣмъ же она обидѣла тебя? спросила Пророчица.

— Обозвала она меня жабой, змѣей... бранилась...

— Что скажешь? обратилась Марьяна къ обидчицѣ, которая стояла тутъ же, чрезвычайно сконфуженная.

— Говорила... обзывала, съ досады...

— И въ досадѣ чти въ ближнемъ твоемъ образъ и подобіе Божіе, замѣтила „Пророчица",—проси тутъ же прощенія, поклонись. Смирись духомъ, смирись. Грѣшница со слезами стала на колѣни предъ обиженной, прося прощенія. Обѣ тотчасъ же троекратно поцѣловались и ушли въ толпу.

Быстро слѣдовали одни жалобщики за другими. Марьяна разрѣшала скоро и тутъ же произносила свои безаппелляціонные приговоры.

Насталъ перерывъ—никто не выходилъ изъ толпы.

— Ну, что же?—нѣтъ развѣ больше грѣшниковъ, которые покаяться бы желали, нѣту также, развѣ, такихъ, кто жалобу хотѣлъ бы принесть? спросила Марьяна. Никто не трогался съ мѣста.

— Ну, такъ сама же буду я вины сказывать, и наказывать всѣхъ прегрѣшившихъ при мнѣ, на моихъ глазахъ, произнесла она.—Гдѣ Барабашъ?

Барабашъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, но тотчасъ овладѣлъ собой, вышелъ изъ толпы и опустился на колѣни, съ видимой покорностью отдавая участь свою въ руки Пророчицы.

— Ты смѣлъ ослушаться холодно произнесла Марьяна, — не разъ ты противу моей воли поступалъ. Великъ твой грѣхъ!—Каешься-ли во грѣхѣ своемъ.

— Каюсь, каюсь, каюсь! проговорилъ Барабашъ, ударяя себя трижды въ грудь.

Марьяна простила его, поцѣловавъ въ лобъ, но для спасенія души его, наложила на него эпитимію: онъ долженъ былъ смириться, гордость свою повергнуть въ прахъ. „Ложись лицемъ на этомъ порогѣ и пусть всѣ входящіе и выходящіе черезъ тебя переступаютъ". Барабашъ безропотно выполнилъ приказаніе Пророчицы.

— Гдѣ Степанъ? тутъ онъ что-ли? громко и съ улыбкой спросила Марьяна.

— Здѣсь, матушка здѣсь, золотая, заговорилъ „подвижникъ", продираясь сквозь толпу.

— Ну, ну, ну, хорошо, ты поменьше болтай, а, вотъ, кланяйся, да кайся въ винѣ своей.

— Я-а? Степанъ сдѣлалъ земной поклонъ и поцѣловавъ ножки Пророчицы, поднялъ руки къ небу, какъ бы призывалъ его въ свидѣтели непорочности своей. Я ни въ чемъ неповиненъ, голубица ты моя свят...

— А это что—узналъ, или нѣтъ? Марьяна бросила въ лицо одну изъ куньихъ шкурокъ, купленныхъ у него.—Ты мнѣ продалъ ихъ и взялъ дороже, чѣмъ онѣ теперь ходятъ въ городѣ!

— Неужто я это? Да, вѣдь, откуда, и цѣну-то узнаешь настоящую?

— Ты обманулъ меня.

— Я ужъ человѣкъ старый, память не всегда имѣю, возразилъ Степанъ, да и матушка, сдѣлаю ли я это нарочно? Вѣдь мое только и дѣло, что молюсь да пощусь.

— Матушка, не обижайся, память у меня слаба стала, жалобнымъ голосомъ продолжалъ Степанъ,—совсѣмъ ослабѣла память моя... Коли очень дорого я продалъ тебѣ куницу, такъ...

— Молчи!

— Молчу, молчу, матушка, молчу, торопливо и испуганно отвѣчалъ благочестивый человѣкъ.

— Ты обманулъ, а потому и будешь терпѣть наказаніе, продолжала Марьяна,—ты обманулъ меня, а потому слѣдуетъ двойное наказаніе тебѣ. Прощаю и милую тебя, но, для спасенія души твоей, налагаю на тебя эпитемію: три дни продержишь постъ.

— Да вѣдь я не выдержу, умру, матушка...

— Въ первый день ничего ѣсть не будешь, а во второй и третій кусокъ хлѣба да воды. Да кромѣ того тысячу поклоновъ положи.

Степанъ подползъ къ ногамъ „Пророчицы" и охватилъ ихъ:

— Матушка, вели ты бить меня! началъ онъ просить отчаяннымъ, всхлипывающимъ голосомъ, или сама, своей бѣлой ручкой... бей, бей! только... только... прости... отъ поста только избавь!..

Марьяна спокойно оттолкнула его.

— Отойди, не дотрогивайся до меня, загрязнишь, сказала она.

Но Степанъ продолжалъ горько молить и просить „Пророчицу", заклиная ее „велѣть мучить, пытать его, но не заставлять голодать!"

Марьяна объявила ему, что Господь, устами ея, изрекъ приговоръ Свой и что приговоръ этотъ нужно выполнить. Затѣмъ она велѣла запереть его въ пустой чуланъ, находившійся въ подвальномъ помѣщеніи дома ея. Какъ онъ ни барахтался и ни сопротивлялся, его подхватили и, нѣсколько минутъ спустя, онъ былъ уже подъ замкомъ.

— Ну—есть ли еще кто тутъ, кому покаяться надо или кто на другаго обиду какую имѣетъ? спросила снова „Пророчица".

— Я, матушка, пришелъ къ тебѣ съ обидой моей, произнесъ мужъ Софьи, ведя за собой жену,—вотъ на нее, на жену жалуюсь я, накажи ты ее, во имя Божье.

— Чѣмъ она тебя обидѣла?

— Да яду въ кушанье подсыпала.

— Ну, что жъ ты, Софья, твое это дѣло, или нѣтъ, говори, обратилась Марьяна къ обвиняемой. Голосъ ея хотя и звучалъ, по обыкновенію, мягко, но въ глазахъ сверкнулъ какой-то зловѣщій огонь.

— Есть у меня и свидѣтели съ собою, продолжалъ обвинитель, кивнувъ головой двумъ своимъ работницамъ, чтобы выступили впередъ.

— Моя вина, мое дѣло, какимъ-то апатическимъ голосомъ произнесла Софья, и какъ автоматъ, опустилась на колѣни, равнодушно покоряясь своей участи.

— Хорошо вѣдь знала ты, несчастная, что бываетъ за такія дѣла? начала теперь Марьяна съ какимъ-то холодно величавымъ видомъ. Знаешь ты—женятся въ нашей вѣрѣ по любви, а коли любви нѣтъ—бракъ можетъ быть порушенъ. А разъ ты его не порушила—ты знаешь, у насъ положено строгое наказаніе за грѣхи въ супружествѣ. И не могу я и милости оказать тебѣ!

— Накажи ты ее, просилъ мужъ, кланяясь, силушки моей нѣту.

— Вотъ мой приказъ, произнесла Марьяна, прикоснувшись холодными губами къ блѣдному лбу Софьи и медленно оглянувъ затаившую дыханіе толпу,—берите ее и дѣлайте какъ указано по нашему закону и обычаю...

— Смилостивься! Матушка! Смилостивься! отчаянно крикнула молодая женщина. Рыданіе сперлось въ ея горлѣ, она не могла продолжать, задыхаясь.

Присутствовавшіе тотчасъ же обступили ее и, послѣ обычнаго взаимнаго лобзанія, дѣвушки и женщины вытащили ее. Мужчины послѣдовали за ними. Вся толпа казалась охваченною какимъ-то особымъ чувствомъ: всѣ ринулись въ дверь, едва не затоптавъ лежавшаго на порогѣ Барабаша. Во время этаго общаго движенія, Венцеславъ протолкался къ судейскому креслу Марьяны, онъ хотѣлъ броситься передъ нею на колѣни и умолять ее пощадить обвиненную, но довольно было однаго холоднаго взгляда твердыхъ глазъ красавицы и мольбы о милосердіи и прощеніи застыли у него на языкѣ.

Между тѣмъ изувѣры уже волокли несчастную Софью черезъ дворъ, на улицу. Здѣсь только она высвободилась и встала на ноги, съ распустившимися волосами, громко и отчаянно плачущая...

Сотни голосовъ, нестройно и нескладно, затянули какой-то мрачный стихъ и въ ту же минуту въ несчастную женщину полетѣли снѣжки, куски льда, каменья. Въ ужасѣ она бросилась бѣжать вдоль по деревнѣ. Толпа надвигалась на нее, съ поднятыми, движущимися съ комьями льду, руками.

И вотъ видитъ Венцеславъ эту безобразно-страшную сцену, видитъ бѣдную женщину въ безумномъ отчаяніи бѣгущую отъ свирѣпой толпы, видитъ ее покрытою грязью и кровью, видитъ и хочетъ онъ прикрыть ее собой, хочетъ онъ броситься спа-

На сѣверѣ

(Рисунокъ Форба).

Вездѣ передо мной
спокойныя картины
Тамъ вижу двухъ озеръ
лазурныя равнины
Гдѣ парусъ рыбака
бѣлѣетъ иногда

За ними рядъ холмовъ
и нивы полосаты.
Въ лугахъ бродящія
далекія стада
Овины дымные
и мельницы крылаты...

(Пушкинъ. Уединеніе).

Подъ тропиками.

(Рисунокъ Морана).

И тропическое солнце,
И тропическое небо!
Тамъ каскадовъ перлы блещутъ,
Заплетаются ліаны
И раскинулись широко
Вѣтви мощныхъ исполиновъ;
Тамъ качаются на вѣткахъ
Все большія птицы. Перья
Ихъ блестяще—ярки, длинны
Ихъ изогнутые клювы...

Гейне. Романцеро).

сти ее, но снова одинъ легкій знакъ бѣлой, нѣжной руки останавливаетъ его и онъ съ безмолвною тоскою на сердцѣ подчиняется невольно. Онъ не принадлежитъ уже себѣ.

Ворвавшись въ отчаяніи опять во дворъ, Софья успѣла добѣжать до Марьяны и полумертвая упала къ ногамъ „Пророчицы".

Уже кто-то поднялъ камень, чтобы размозжить голову бѣдной грѣшницы, но Марьяна наконецъ остановила истязаніе.

— Отпускаю, теперь ей грѣхъ ея!.. произнесла она.

Краше чѣмъ прежде показалась Венцеславу Марьяна, обратившая теперь свое прекрасное лицо, свои большіе грозные глаза къ фанатизированной толпѣ.—Покайтесь, покайтесь всѣ, кликнула она имъ,—и не считайте себя лучше той, что здѣсь простерта! Ни единаго праведнаго нѣтъ между вами, ни единаго. Такъ рекъ Господь!

Венцеславъ теперь проводилъ большую часть времени у Марьяны и его чаще можно было найдти у нея, чѣмъ дома. Онъ жилъ, какъ бы въ полсилу въ тѣ минуты, когда не видѣлъ прелестнаго лица ея или не слышалъ ея нѣжнаго голоса. Пророчица и солысковскій парень полюбили другъ друга сразу, въ тотъ часъ, когда встрѣтились у потока въ лѣсу. Но Марьяна не допустила нарушить разстояніе, отдѣлявшее ее отъ молодаго крестьянина, бывшаго отъ нея безъ ума.

Въ воображеніи его она всегда казалась ему какою-то недосягаемою, какъ бы возсѣдавшею на воздушномъ тронѣ, съ сіяніемъ вокругъ прекрасной головы своей. Онъ былъ въ полномъ, слѣпомъ у нея подчиненіи.

Однажды Марьяна полулежала на коврѣ на лавкѣ въ своей свѣтличкѣ, Венцеславъ сидѣлъ у ея ногъ.

— Любъ ты мнѣ, ужь очень любъ, проговорила она, глядя на него съ довольной и счастливой улыбкой, — одного боюсь, почитать ты не будешь меня. А, поди, страха уже никакого у тебя и теперь нѣту ко мнѣ.

— Страху то у меня къ тебѣ, можетъ, больше, чѣмъ ты думаешь.

— Будто? Она громко и весело засмѣялась.

Тѣмъ временемъ въ большомъ домѣ, въ горницѣ, вокругъ большой дымившейся миски, сидѣли Осиповичъ, жена его и дѣти, а неподалеку—Прокопъ настраивалъ свою скрипицу.

Дверь вдругъ съ шумомъ растворилась и въ комнату, съ необычайною поспѣшностью вбѣжалъ Степанъ. Онъ тяжело дышалъ и казался въ сильномъ волненіи или усталымъ.

— Бѣда!.. Бѣда!.. проговорилъ онъ прерывавшимся голосомъ и съ усиліемъ произнося слова,—Я... я изъ... города... и... вотъ что... Всѣ туда... если бы не я... нѣтъ и говорить не... могу!..

— Да ты передохни, а ужъ тамъ и говори—что такое.

— Бѣда!

— Какая!! воскликнули всѣ въ одинъ голосъ.

— А нѣтъ... нѣтъ не могу... усталъ и ѣсть хочу. Бѣжалъ какъ вѣтеръ. Дайте перекусить чего нибудь! Бѣжалъ, вѣдь, чтобы угодить только Марьянѣ.

Ему наскоро наставили разной провизіи, а Нилъ, зная слабость святоши, не забылъ и скляницы водки. Всѣ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидали минуты, когда, накопецъ, Степанъ почувствуетъ себя въ состояніи разсказать въ чемъ дѣло.

—... Въ судъ извѣстіе дали о Софьѣ.. началъ Степанъ, дожевывая и глотая пищу... ей досталось порядкомъ, вѣдь... ну и теперь слѣдствіе начато...

— Такъ, что-жь? Неужто они судить хотятъ Марьяну? воскликнулъ Прокопъ.

Степанъ молча кивнулъ головой. Онъ опять проглатывалъ что-то въ эту минуту.

— Пожалуй и въ тюрьму засадятъ? тревожно спросилъ Егоръ.

Степанъ отвѣтилъ снова кивкомъ головы.

Егоръ побѣжалъ предупредить сестру.

Во дворѣ послышались голоса и вскорѣ въ горницу вошелъ мужъ Софьи. За нимъ слѣдовала поджарая и трепещущая фигурка какого-то жидка.

— Дѣло плохо, произнесъ вошедшій, вотъ этотъ человѣкъ клянется-божится, будто въ городѣ слышно, что Марьяну взять хотятъ... судить...

— Знаемъ ужъ о томъ, отвѣчалъ Осиповичъ, такъ что-жъ— не испугались еще до смерти.

— Да вотъ Степанъ прямо изъ города, вставила Аннушка.

— Степанъ? съ досадой воскликнулъ жидокъ.—мошенникъ онъ! Я прибѣжалъ изъ города — предварить матушку нашу и заработать хоть что нибудь на водку отъ нее, а онъ взялъ да и перебилъ! Мошенникъ онъ этакой!

— А ты, жидъ, объ этомъ не безпокойся сказалъ мужъ Софьи —я самъ видѣлъ и могу доказать, что Степанъ слышалъ все это отъ тебя, когда ты у шинка лошадь свою поилъ.

— Такъ-то такъ, возразилъ Степанъ, да, вѣдь, все-таки это было мое дѣло.

— Молчи ты, и что ты такое все говоришь, крикнулъ еврей.

— Ступайте, ступайте! заговорилъ опять мужъ Софьи, чего тутъ вы!—Я вотъ о чемъ: доказать-то они не докажутъ ничего, потому—кто же противъ Марьяны говорить будетъ? А все же, пожалуй, придется ей съ мѣсяцъ въ тюрьмѣ пробыть.

— Не бывать тому! крикнулъ Барабашъ.

Всѣми овладѣло тревожное чувство.

— Марьянѣ надо бы куда укрыться, проговорилъ Осиповичъ.

— Да пусть сейчасъ же за границу ѣдетъ, вставилъ Степанъ свое мнѣніе.

— И что же такое? Я ее еврейкой одѣну и спрячу въ своихъ саняхъ, сказалъ жидокъ.

— А ежели денегъ надо—послѣднія свои отдамъ, коли спасти Марьяну надо, произнесъ рѣшительнымъ голосомъ мужъ Софьи.

Разговаривавшіе, въ своемъ волненіи, не замѣчали, что пророчица стояла уже на порогѣ и слушала. Лицо ея было исполнено выраженія какой-то особенной кротости, на свѣжихъ губахъ лежала ясная улыбка.

— Не стану я укрываться, не стану я прятаться, произнесла она своимъ твердымъ смѣлымъ голосомъ, выступая впередъ.

— Нечего тебѣ укрываться, вскрикнулъ Барабашъ, взволнованный вбѣгая въ горницу,—заступимся, не выдадимъ!

— Всѣ, всѣ постоимъ, матушка, тогда за тебя! Постоимъ! заговорили сразу крестьяне, вошедшіе вмѣстѣ съ Барабашемъ.

Дворъ и горница быстро наполнились сектантами.

— Пока я живъ, проговорилъ Венцеславъ Марьянѣ,—не тронутъ тебя.

— Благодарствуйте, благодарствуйте! громко и безъ смущенія произнесла Марьяна,—сдѣлаю я какъ велитъ Господь, по Его Святой волѣ и не уклонюсь: понесу крестъ свой, стерплю страданія.

— Ѣду сама сейчасъ въ городъ и пущай тамъ дѣлаютъ по закону—а укрываться не стану, понесу крестъ свой!

— Какъ! Поѣдешь?.. упавшимъ голосомъ спросилъ Барабашъ.

— Да, я такъ хочу, отвѣтила Марьяна,—нечего тутъ разговоры вести пустые, вотъ только переодѣнусь и ѣду.

— Я съ тобой, сказалъ Венцеславъ.

— Никого не надо! всѣ останетесь тутъ, приказала Марьяна.

Медленно и съ тяжелымъ чувствомъ расходились по улицѣ фанатическіе приверженцы пророчицы а она, тѣмъ временемъ, уже выѣхала въ саняхъ въ городъ. Дорогой Марьяна спокойно говорила со своимъ возницей и выспросила у еврея, котораго взяла съ собой,—кто судья, молодой-ли, женатый-ли, не упустила освѣдомиться любитъ-ли онъ женскій полъ. Еврей отвѣчалъ обстоятельно на всѣ эти вопросы. Подъ конецъ и сама Марьяна очевидно, была результатами разговора довольна и спокойно ожидала что будетъ.

Вскорѣ послѣ того, какъ уѣхала она изъ Тарговицъ, Степанъ спѣшно и прямо направился къ Ѳевѣ.

Вдовушка въ эту минуту готовила обѣдъ и заботливо присматривала за горшками.

Подвижникъ ввалился въ кухню и опустился, какъ бы обезсиленный, на полѣнницу дровъ въ углу; нѣсколько минутъ онъ оставался безгласнымъ, стараясь отдышаться.

— Ахъ ты, негодникъ! опять ко мнѣ, опять сюда! крикнула вдовушка, подбѣгая къ нему,—чего тебѣ надо, мошеннику? А? злой ты песъ! На-жъ вотъ, тебѣ!

Вслѣдъ за этими словами раздался звукъ полновѣсной пощечины.

— Еще, прибавь, еще! стою, стою того, родная, стою! Виноватъ-то я какъ передъ тобой, — о-охъ какъ виноватъ, слѣпой что-ли я былъ—понятія настоящаго объ тебѣ не имѣлъ!

— Такъ что-жъ,—теперь настоящее что-ли имѣешь?

— Ужъ теперь-то и говорить нечего.

— И, значитъ, люба я тебѣ?

— Надо, надо это все перемѣнить. Время что ни есть лучшее. Слышь! Марьянѣ конецъ пришелъ: ее потянули въ судъ и теперь запрутъ въ тюрьму.

— За что же?

— А велѣла Софью каменьями побить.

— Да полно, это правда-ли еще? Съ тебя станется и соврешь.

— Вѣрно говорю, будетъ она наказана, какъ и всякая другая, кто попадется въ чемъ. Богъ оставилъ ее, совсѣмъ оставилъ.

— Да ты-то почемъ знаешь это?

— Откровеніе было, матушка, сонъ видѣлъ! Вѣрно говорю, слушай: Марьяну, Осиповича дочь, Господь совсѣмъ оставилъ, а на мѣсто ея избрать тебя, Ѳеву, вдову Софронову! Такъ и сказано. Видѣніе,—гласъ былъ.

— Что!.. что-о ты? Вправду-ли?

— Такъ, такъ. Ужъ я тебѣ говорю!

— Что-жъ, ежели на то воля Божья, произнесла самоувѣренно Ѳева, съ гордостью поднявшая голову,—такъ мнѣ неслѣдъ не слушаться. Со смиреніемъ пріемлю и достойно выполню Его святую волю. Она не особенно долго думала. Тутъ такъ были привычны всѣ эти разговоры—дѣло было все въ удачѣ.

Степанъ опустился на колѣни и совершилъ передъ нею метаніе.

— Да, святая ты теперь наша, да, матушка, это такъ, вѣрно говоришь ты. А паче всего всегда ты накормишь и напоишь жаждущихъ и сирыхъ не оставишь!

— Ну вставай, ладно, вставай, теперь пойдемъ поѣдимъ.

Она взяла дымящійся горшокъ щей и поставила его на столъ.

— Ну, присядь ко мнѣ поближе, вотъ такъ. Липа!

Молодая дѣвушка вошла.

— Марьяну въ тюрьму упрятали, а „Пророчицей“ поставлена теперь я.

Анна покорно совершила метанье.

— Ну хорошо, хорошо, добавила Ѳева, вставай, садись съ нами, давай, поѣдимъ.

Дѣвушка присѣла въ сторонѣ, время отъ времени бросая съ боку, нѣсколько боязливый взглядъ на вдовушку.

— Нельзя же мнѣ въ народъ-то показаться такъ, замѣтила Ѳева, оглядывая незатѣйливый въ эту минуту нарядъ свой.

— Да кто же и говоритъ, что можно, возразилъ Степанъ,—ты одѣнешься какъ тебѣ слѣдуетъ теперь, какъ барыни одѣваются.

— Надо сапоги на серебрянныхъ подковкахъ.

— На золотыхъ, матушка на золотыхъ,—на серебряныхъ-то Марьяна ходила.

— Шелковыя платья тоже ужъ надо!

— И шелковыя, и бархатныя. Нельзя безъ того.

— А ты мнѣ куньихъ шкурокъ принеси.

— Собольихъ, собольихъ, матушка, собольихъ! и будешь ты разодѣта изукрашена аки кринъ сельный! Да, да—въ жемчугахъ и соболяхъ!!

(Продолженіе будетъ).

Къ рисункамъ.

Дуэлисты.

Оба прекрасные рисунка Невиля напоминаютъ одну изъ самыхъ любопытныхъ сторонъ французскихъ нравовъ XVII вѣка. Художникъ изобразилъ въ нихъ по всей вѣроятности, судя по костюмамъ, вѣтреныхъ и тщеславныхъ современниковъ Генриха IV или Людовика XIII, которые по свидѣтельству хроникеровъ того времени, играли какъ своею такъ и чужою жизнью съ удивительнымъ равнодушіемъ. Въ эту эпоху во Франціи дрались повсюду; дрались въ столицѣ, дрались и въ провинціальныхъ городахъ: на площадяхъ, на улицахъ и даже въ стѣнахъ дворца, около комнатъ королевскихъ. И за что все жертвовали своею жизнью эти доблестные, лучшіе граждане?.. По ихъ мнѣнію за оскорбленія, смываемыя одною кровью; а на самомъ дѣлѣ часто за пустяки, за вспышки самолюбія Для примѣра приведемъ одинъ характерный случай того времени: разъ Герцогъ Граммонъ другъ Генриха IV встрѣтился въ улицѣ Сентъ-Оноре съ другимъ придворнымъ Бюсси д'Амбуазомъ. Бюсси обратился къ Граммону съ вопросомъ, который теперь часъ?.. Тонъ вопроса непонравился Граммону и онъ рѣзко отвѣтилъ: „Теперь часъ твоей смерти“. Понятно, что вслѣдъ за этимъ отвѣтомъ обнажились шпаги и оба дворянина яростно бросились другъ на друга; насилу ихъ розняли. Неудивительно что при такомъ общемъ настроеніи число дуэлей ежедневно возростало и въ одно царствованіе Генриха IV до 4000 дворянъ легло на этомъ полѣ чести. Правительство нѣсколько разъ издавало противъ дуэлистовъ строгіе эдикты, грозя имъ тюремнымъ заключеніемъ и даже казнью, но всѣ усилія его оставались тщетными, при покровительствѣ имъ сильныхъ и знатныхъ лицъ и при общественности къ нимъ сочувствіи.. Такъ Брантомъ относится очень снисходительно къ самымъ ужасающимъ фактамъ его времени; по его мнѣнію всѣ эти отчаянные дуэлисты, всѣ эти сорванцы, которые, пользуясь своимъ искусствомъ владѣть шпагою отправляли на тотъ свѣтъ цѣлые десятки неповинныхъ людей не болѣе какъ храбрые доблестные дворяне, рыцари чести благородства. Дѣйствительно самые записные негодяи того времени соблюдали въ общежитіи всѣ формы самой изысканной вѣжливости но подъ этой маской изящнаго лоска и свѣтскости скрывалась часто жестокость и вѣроломство. Самый вызовъ на смерть дѣлался обыкновенно въ самыхъ изящныхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ; такъ Жеври, задѣвшій за живое принца Карла Бурбонскаго получилъ отъ него самый деликатный вызовъ. „Жеври, сказалъ Принцъ, если вы желаете, то я отложу въ сторону свой санъ и доставлю вамъ удовольствіе, прибывъ въ Пре деКлеркъ (обычное мѣсто дуэлей), который доступенъ для всѣхъ. Жеври отвѣчалъ ему съ достодолжной почтительностью:

— Принцъ, если вы желаете сдѣлать мнѣ эту великую честь, то я принимаю ее, и буду въ указанномъ мѣстѣ въ тотъ часъ въ который вы прикажете“. Послѣ такихъ взаимныхъ деликатностей наступалъ обыкновенно второй моментъ драмы въ какомъ нибудь глухомъ, пустынномъ мѣстѣ эти вѣжливые люди рѣзали другъ груга самымъбезжалостнымъ образомъ къ общему ужасу тихихъ и покойныхъ горожанъ, очень естественно не могшихъ понять за что погибаютъ и бьютъ одинъ другаго эти элегантные богатые и кажется бы столь счастливые люди.

Этюдъ.

(Картина Г. Шнейдера).

Она повернула голову. Ея нѣжное милое лицо полно оживленія, полныя губы говорятъ что-то.. Въ позѣ, въ поворотѣ, въ выраженіи глазъ столько движенія и жизни, что невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе.

Извѣстный граверъ и рисовальщикъ Брендамуръ, прекрасными работами котораго теперь полны иллюстрированныя изданія Европы, множество образцовъ искусства котораго видѣли наши читатели на страницахъ „Нивы“—исполнитель этаго изящнаго этюда, нынѣ представляемаго нами въ настоящемъ номерѣ. Картина же Шнейдера, съ которой дѣланъ этотъ рисунокъ, обратила на себя вниманіе на Мюнхенской художественной выставкѣ.

Ягуаръ въ погонѣ за маленькими обезьянами.

Въ густыхъ, дѣвственныхъ лѣсахъ Новаго Свѣта, отважному и опытному охотнику, не рѣдко представляется случай—наблюдать за ягуаромъ во время его хищническихъ нападеній. Ягуаръ—хищный и осторожный звѣрь, обладающій всѣми физическими свойствами пантерныхъ кошекъ—чуткостью слуха, быстротою зрѣнія, ловкостью и смѣлостью движеній. Онъ рѣдко бросается на человѣка, но за то не даетъ спуску ни одному животному; постоянно бродитъ тихими и осторожными шагами и часто сторожитъ свою жертву у берега, преслѣдуя водосвинокъ и выдръ а также всякое другое животное, приходящее сюда для питья. Подмѣтивъ свою добычу, ягуаръ, подобно змѣѣ, извивается по землѣ, подползая къ ней все ближе и ближе. затѣмъ на минуту останавливается, чтобы придумать лучшій планъ нападенія и часто дѣлаетъ даже большіе обходы, чтобы прокрасться незамѣченнымъ съ противуположной стороны. Если ему наконецъ удалось приблизиться къ животному, то онъ однимъ прыжкомъ бросается на свою жертву, прижимаетъ ее къ землѣ, прокусываетъ ей горло и уноситъ еще трепещущую въ лѣсную чащу. Если же ягуаръ видитъ, что нападеніе почему нибудь неудобно, то, подобно кошкѣ, ложится въ кусты и сторожитъ приближенія какого нибудь звѣрька будь то агути, обезьянка и даже дикобразъ или черепаха. При своей всеядности и хищности, ягуаръ является постояннымъ страшнымъ врагомъ всѣхъ маленькихъ животныхъ и появленіе его въ лѣсу всегда сопровождается переполохомъ между всѣми его маленькими обитателями; всякій звѣрекъ, увидя хищника, старается всѣми силами скрыться отъ неожиданной опасности а множество обезьянъ быстрыми, самыми отчаянными прыжками спѣшатъ взобраться на вершины деревъ или повиснуть на вѣтви, качающейся высоко въ воздухѣ ліаны. Эта внезапная суматоха, переходящая съ дерева на дерево, нарушаетъ наконецъ покой и пернатыхъ семействъ; поднимается страшный крикъ вмѣсто тихаго покойнаго щебетанья и звѣрьки и птицы долго не могутъ успокоиться отъ чувства страха и опасности, хотя возмутившій ихъ тишину ягуаръ уже давно исчезъ въ чащѣ.

Опіумъ

Очеркъ

докт. Э. И. Нишинскаго.

„Скажи чѣмъ ты питаешься, я тебѣ скажу каковъ ты“, говоритъ Рекламъ въ своей книгѣ „о гигіенѣ“. Это изрѣченіе пріобрѣло бы еще большее значеніе, если бы въ понятіе о питаніи включались такія вещества, которыя, хотя и не имѣютъ прямаго пищеваго значенія, оказываютъ тѣмъ не менѣе огромное вліяніе какъ на употребленіе пищевыхъ веществъ, такъ и на проявленія дѣятельности мозга.

Нѣкоторыя изъ этихъ веществъ, какъ вино, пиво, алькоголь, табакъ—вошли въ всеобщее употребленіе на всемъ земномъ шарѣ. Иныя же отвѣчаютъ условіямъ исключительныхъ мѣстностей: такъ, напримѣръ, обитатели гористыхъ странъ, принужденные часто взбираться на крутизны и высоты, употребляютъ иногда мышьякъ, придающій энергію ихъ мускуламъ. Религіозныя и другія условія послѣдователей корана, запрещающаго употребленіе вина, не мало, по всему вѣроятію, содѣйствовали распространенію на востокѣ гашиша и въ особенности опіума. Этотъ послѣдній, по своему дѣйствію, аналогиченъ съ алкоголемъ, почему мы считаемъ не безъинтереснымъ познакомить читателя съ ролью опіума въ экономіи человѣческаго организма.

Опіумъ—это сгущенный сокъ, вытекающій изъ надрѣзовъ незрѣлыхъ маковыхъ головокъ.

Люди принимающіе внутрь или курящіе опіумъ въ трубкѣ, пристращаются къ нему, какъ пьяницы къ водкѣ.

Такіе обычные потребители опіума или его препарата—морфія, носятъ названіе опіофаговъ.

Въ Турціи, Китаѣ и другихъ странахъ востока мы встрѣчаемъ многихъ несчастныхъ, предающихся со страстью этому наркотическому средству.

Въ какой бы формѣ ни былъ принятъ опіумъ, ближайшее послѣдствіе временнаго его употребленія—родъ опьяненія; но отъ спиртнаго опьяненія оно отличается болѣе значительной энергіей и остротой ума; и пламенная фантазія переноситъ опіофага изъ жалкой дѣйствительности въ міръ наполненный одними радостными картинами—міръ призрачный, но блаженный. Отрезвленный, возвращенный къ печальной дѣйствительности, опіофагъ страдаетъ тяжестью, болью головы, крайнимъ изнеможеніемъ, что неодолимо влечетъ его снова къ этому яду, потому что только этотъ ядъ, и то въ постоянно увеличиваемыхъ пріемахъ, оживляетъ, воскрешаетъ его и опять возвращаетъ къ прежнему блаженному состоянію.

Послѣдствія этой привычки ужасны: пищевареніе разстраивается; наступаетъ быстрое истощеніе, затрудненная шаткая походка, дрожаніе конечностей, головокруженіе, безсонница, галлюцинаціи зрѣнія и слуха, нервныя боли, искривленіе позвоночнаго столба, тупоуміе, потеря половой способности, и опіофагъ неизбѣжно умираетъ отъ общаго паралича, страданій сердца, отека легкихъ и др. болѣзней. Опіофаги рѣдко достигаютъ старости; извѣстны однакоже исключительные субъекты предававшіеся этой страсти въ теченіи 20—30 лѣтъ.

Куренье и внутреннее употребленіе имѣютъ одинаковыя послѣдствія; при первомъ преобладаетъ повидимому возбужденіе нервной системы и менѣе поражаются пищеварительные органы, съ которыми опіумъ не приходитъ въ непосредственное соприкосновеніе. Отстать отъ этой привычки весьма трудно: если вдругъ ее оставить, то наступаетъ быстрый упадокъ силъ, и смерть. Постепенное же уменьшеніе дозъ, что на востокѣ достигается помощью все бóльшаго и бóльшаго прибавленія воска къ пилюлямъ или табаку къ трубкѣ, возможно только при большихъ мученіяхъ и громадномъ напряженіи воли, сила которой у опіофаговъ, по большей части въ упадкѣ.

Въ высшей степени замѣчательно, что опіофаги переносятъ огромныя количества сильнѣйшаго минеральнаго яда—сулемы (двухлористой ртути), которую они прибавляютъ къ опіуму, если этотъ перестаетъ на нихъ дѣйствовать. Повышая пріемъ, они достигаютъ чудовищныхъ пріемовъ 10 гранъ въ сутки, а по наблюденіямъ доктора Бинлекса до 30 и 60 гранъ! Непонятно, какимъ образомъ такое ѣдкое вещество какъ сулема, переносится слизистой оболочкой желудка и кишокъ. Англичане, въ меркантильныхъ цѣляхъ, систематически отравляя опіумомъ китайцевъ и другихъ жителей востока, не избѣгли и сами, въ нѣкоторой степени, страсти къ этому наркотику. Англія единственная страна въ Европѣ, гдѣ можно встрѣтить добровольныхъ опіофаговъ. Кромѣ того, въ Лондонѣ, среди бѣднаго населенія, весьма распространенъ обычай усыплять безпокойныхъ дѣтей пріемами опійнаго настоя. Назначенная для разслѣдованія послѣдствій этаго обычая, санитарная коммиссія убѣдилась, что дѣти, невольные опіофаги, необыкновенно худѣютъ и не достигнувъ двухлѣтняго возраста неизмѣнно умираютъ.

Обычай упиваться опіумомъ совсѣмъ у насъ неизвѣстенъ; отдѣльные-же случаи хроническаго отравленія морфіемъ въ послѣднее пятнадцатилѣтіе наблюдаются все чаще и чаще. Обширнымъ распространеніемъ этаго средства мы обязаны англійскому врачу Вуду, который въ 1855 г. возъимѣлъ мысль вводить въ организмъ различныя лекарственныя вещества помощью подкожныхъ впрыскиваній. Невыносимыя нервныя боли, доводившія страдавшихъ ими до самоубійства, нерѣдко мгновенно прекращались однимъ впрыскиваніемъ морфія. Не удивительно, что больные настойчиво требуютъ, а врачи довольно охотно прибѣгаютъ къ этому средству. Но такъ какъ дѣйствіе морфія въ большей части случаевъ палліативно-временно, и новый приступъ болѣзни требуетъ новаго и усиленнаго пріема средства, къ которому организмъ скоро привыкаетъ, то при леченіи упорныхъ и продолжительныхъ невральгій нерѣдко развивается морфіогизмъ (страсть къ употребленію морфія), переживающій самую болѣзнь, противъ которой употребляемъ былъ морфій.

За послѣдніе четыре года я лично наблюдалъ нѣсколько случаевъ морфіогизма, а такъ какъ въ ихъ развитіи въ значительной части повинны сами паціенты, то считаю цѣлесообразнымъ помѣстить болѣе рельефные изъ нихъ въ весьма распространенномъ, хотя бы и не медицинскомъ журналѣ. Особа 27 лѣтъ, замужняя, страдала жестокой невральгіей (Ischias—бедренная боль). Въ теченіи полутора года перепробованы были многія средства; постоянно же употребляли морфій то внутрь, то подкожно, то обоими этими путями одновременно. Невральгіи уступали, но снова возвращались. Несчастная страдалица была вся исколота отъ пояса до пятокъ. Пользовавшій ее врачъ сталъ замѣчать явленія хроническаго отравленія морфіемъ и—безъ его вѣдома дѣлаемыя подкожныя впрыскиванія. Оказалось, что больная, втайнѣ отъ врача, мужа и окружающихъ пріобрѣла правацевскій шприцъ, морфій въ растворѣ и порошкахъ добывала въ значительномъ количествѣ и злоупотребляла имъ. Обнаружились хитрости, къ коимъ она прибѣгала, чтобы добыть морфій, или добиться отъ различныхъ врачей, къ которымъ она обращалась—впрыскиваній. У нея образовалось множество гнойныхъ нарывовъ на мѣстахъ уколовъ; мученія ея были невыносимы и она умерла въ полу-идіотическомъ состояніи и крайнемъ истощеніи.

Еще подъ впечатлѣніемъ этаго случая, который я наблюдалъ въ послѣднія лишь недѣли жизни больной, я былъ приглашенъ къ одной молодой дамѣ, которая, съ перваго взгляда, показалась мнѣ пьяной; но это предположеніе до того не вязалось съ обстановкой, изысканными манерами и т. п., что я отбросилъ тотчасъ эту мысль; а безчисленные пузырьки и коробочки изъ подъ морфія указали мнѣ настоящій поводъ ея состоянія. Убѣдившись что имѣю дѣло съ истеричкой, страдающей невральгіями и хроническимъ отравленіемъ морфіемъ, я прибѣгъ къ хитрости и, на неотступныя просьбы дать ей морфій, отвѣчалъ частыми подкожными впрыскиваніями (4 раза въ сутки)—дистиллированной воды, подвергая больную методическому леченію электрическому и молочной діэтѣ. Успѣхъ былъ поразительный. Два мѣсяца спустя и невральгіи и послѣдствія морфіогизма исчезли; долго еще оставалось дрожаніе рукъ и нѣкоторая желтизна лица.

Успѣхъ въ описанномъ случаѣ долженъ быть отнесенъ всецѣло на долю электричества. Усматривая много общаго между явленіями морфіофогизма и алкоголизма (запой), я возъимѣлъ мысль прибѣгнуть къ электрическому леченію алкоголиковъ. По моимъ наблюденіямъ при леченіи хроническаго отравленія алкоголемъ, т. е. запоя, значеніе электричества громадно. Я конечно разумѣю тѣ случаи запоя, гдѣ страдающій имъ самъ желаетъ избавиться отъ него; но, при разстроенной нервной системѣ, привычное влеченіе къ спиртнымъ напиткамъ, сдѣлавшимся искусственной потребностью его организма,—преодолѣваетъ его силу воли. (Считаю не лишнимъ сдѣлать эту оговорку въ виду того, что нѣкій алкоголикъ обратился ко мнѣ съ просьбой наэлектризовать его такъ, чтобы онъ могъ пить безъ дурныхъ послѣдствій).

Злоупотребленіе хлоралъ-гидратомъ, эфиромъ, гашишемъ,—ведутъ, подобно опіуму, морфію, алкоголю къ хроническому отравленію этими средствами. Я зналъ врача, который упивался ежедневно эфиромъ; знаю и нынѣ художника, разстраивающаго себѣ здоровье постоянными пріемами хлоралъ-гидрата, которымъ его пользовали отъ бѣлой горячки (Delirium tremens). Замѣчательно, что нынѣ онъ упивается однимъ лишь хлоралъгидратомъ, признавая его за самое лучшее опьяняющее средство.

Опіофагизмъ на востокѣ, запой у насъ—опасныя силы, съ которыми экономическій, санитарный, нравственный и умственный строй общественной жизни—принуждены сводить счеты. Мы видимъ, что общество въ борьбѣ съ пьянствомъ почти безсильно—жертвы его валятся на улицахъ, садятся на скамью подсудимыхъ, нищенствуютъ, населяютъ больницы и дома умалишенныхъ. Алькоголизмъ передается по наслѣдству потомству, въ формѣ идіотизма, падучей болѣзни, расположенія къ различнымъ формамъ умопомѣшательства. Противъ этаго врага нашъ медицинскій арсеналъ—пустъ. Я думалъ, что будетъ не лишнимъ предложить оружіе, помощью котораго мнѣ удалось отвоевать ужь нѣсколько жертвъ.

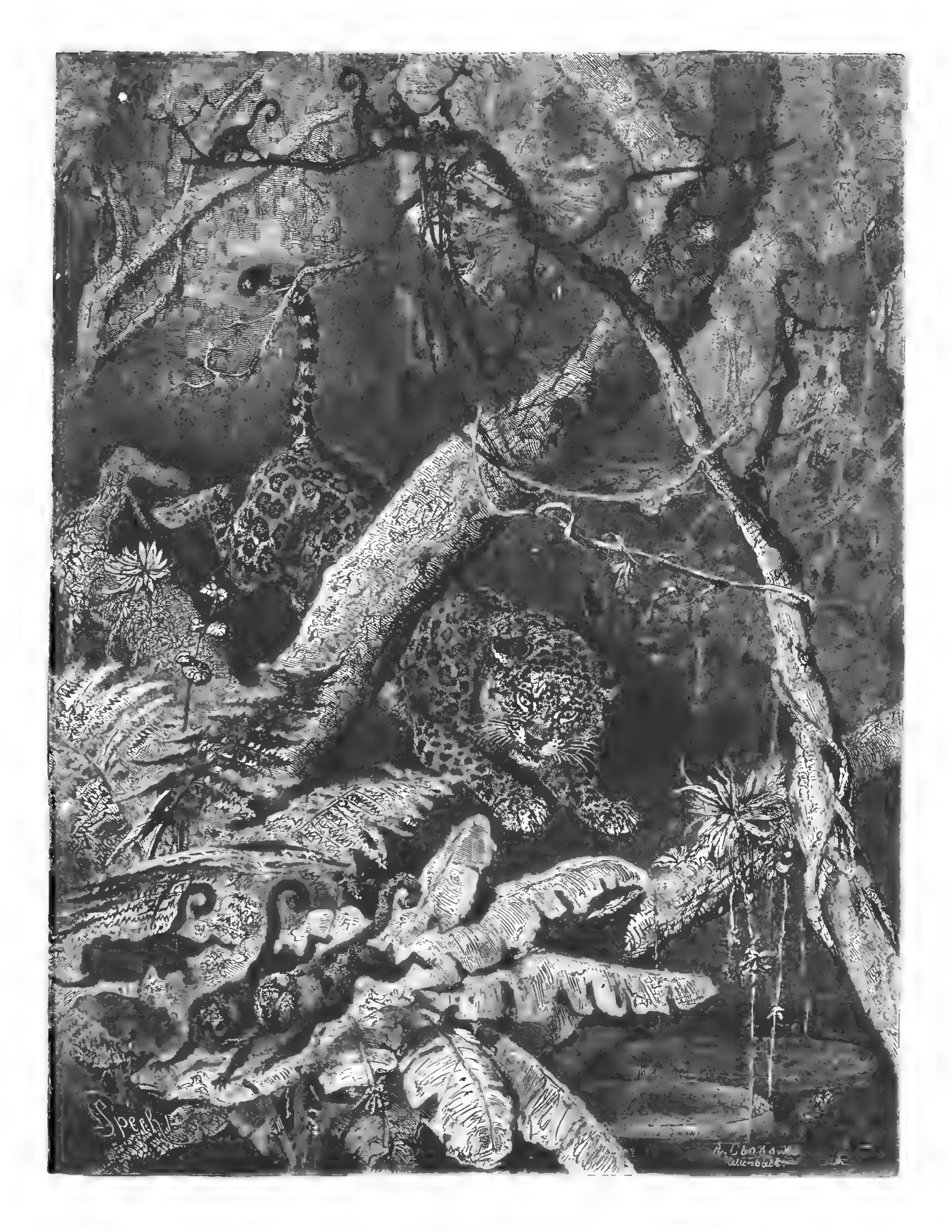
Политическое обозрѣніе.

Вопросъ о Гусиньѣ.—Пріѣздъ князя Болгарскаго въ Петербургъ.—Выборы въ Болгаріи.—Причины общаго неудовольствія въ княжествѣ.—Открытіе англійскаго парламента.—Виллъ о землевладѣніи.—Уступка Герата Персіи.

Вопросъ о Гусиньѣ, которую албанцы не хотѣли сдать Черногоріи, вступилъ въ новый фазисъ. Порта ходатайствовала предъ итальянскимъ правительствомъ о предложеніи Черногоріи и державамъ оставить въ турецкомъ владѣніи ту часть гусинскаго округа, населеніе котораго состоитъ изъ мусульманъ, взамѣнъ чего князь Николай получаетъ слѣдующую, по Берлинскому договору, Турціи, часть Кучи-Краинскаго округа (съ христіанскимъ населеніемъ) и нѣкоторыя прилежащія къ нему земли; Италія согласилась принять на себя посредничество и, какъ увѣряютъ, Черногорія, съ своей стороны, готова на обмѣнъ; къ тому же, за послѣднее время, въ столкновеніяхъ съ албанцами, перевѣсъ былъ на сторонѣ черногорцевъ. Баронъ Гаймерле объявилъ, что не можетъ высказать мнѣнія своего по этому поводу, ранѣе, чѣмъ Турція и Черногорія не заявятъ о положительномъ согласіи своемъ на это предложеніе, а затѣмъ, если державы тоже согласятся, то и Австрія не найдетъ препятствій. Въ Вѣнѣ возбудило нѣкоторое удивленіе то обстоятельство, что Порта обратилась, именно, къ Италіи съ просьбою о посредничествѣ между ею и княземъ Николаемъ.

Князь Александръ уже пріѣхалъ сюда къ намъ, для присутствованія на празднованіи перваго двадцатипятилѣтія царствованія Государя Императора. Тѣмъ временемъ выборы въ новое болгарское національное собраніе уже идутъ. Они начались 25-го января и должны были окончиться 1-го февраля. Въ отношеніи состава собранія нельзя еще сказать ничего положительнаго, такъ какъ по однимъ свѣдѣніямъ либеральная партія будто не будетъ ослаблена, по другимъ же—усиливается партія правительственная. Есть однако, слухъ, что населеніе не

(Продолженіе на стр. 125, 126, 127 и 128).

Ягуаръ на охотѣ за обезьянами. Оригинальный рисунокъ Ф. Шпехта, грав. А. Клосъ.

вполнѣ довольно положеніемъ дѣлъ, отмѣченнымъ безпорядками въ судебныхъ и административныхъ учрежденіяхъ. Оказывается, что большинство должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства принадлежитъ къ числу бессарабскихъ болгаръ, приглашенныхъ Грековымъ и пользующихся ненавистью въ княжествѣ за то, что еще недавно они стыдились своего болгарскаго происхожденія и выдавали себя за грековъ или за румынъ. При этомъ, многіе изъ чиновниковъ этихъ отличаются и отсутствіемъ добросовѣстности и невѣжествомъ.

Разсказываютъ не мало о поступкахъ, которые едвали могутъ быть терпимы.... Относясь съ полнѣйшимъ несочувствіемъ къ той розни въ жизни молодаго княжества, которую было внесла агитація партій, мы, съ другой стороны, признаемся откровенно. не можемъ понять—какимъ образомъ люди, ставшіе во главѣ юнаго государства могутъ обладать столь незначительной долей патріотизма, чтобы терпѣть то, что невозможно допустить....

Проѣздомъ чрезъ Рущукъ, князь Александръ, принятый тамъ съ восторгомъ, произвелъ смотръ войскамъ. На время отсутствія князя, регентомъ назначенъ архіепископъ Климентъ.

Недавно мы сообщили о ходѣ переговоровъ Сербіи и Австріи по вопросу о желѣзныхъ дорогахъ, и привели свѣдѣнія, указывавшія на то, что едва-ли можно предвидѣть скорый успѣхъ для Австріи. Конечно—все можетъ быть, но—до сихъ поръ сербскій уполномоченный Маричъ, поступая сообразно со взглядами правительства своего, не уступаетъ. Онъ требуетъ привлеченія Порты и Болгаріи къ переговорамъ ранѣе заключенія договора, чему, однако, рѣшительно противится баронъ Гаймерле.

Что касается греко-турецкаго вопроса, то сторонница Греціи — Франція, продолжаетъ держаться и нынѣ прежняго воззрѣнія—по слухамъ, министерство Фрейсине намѣрено слѣдовать той самой программѣ, которую выработало министерство Ваддингтона. Франція не будетъ настаивать на присоединеніи Янины къ Греціи, если только греческое королевство получитъ соотвѣтственное территоріальное вознагражденіе въ Ѳессаліи. Увѣряютъ, будто большинство державъ, подписавшихъ Берлинскій трактатъ, присоединилось къ этой программѣ. Одна Англія, какъ кажется, еще не высказалась въ опредѣленномъ смыслѣ. Ожидается, что по этому вопросу въ Лондонѣ соберется конгрессъ посланниковъ великихъ державъ.

Въ Лондонѣ недавно происходило торжественное открытіе парламента. „Стеченіе публики въ этотъ день передъ зданіемъ парламента было, по словамъ очевидцевъ, необычайное. Въ первомъ часу по-полудни потянулись ряды экипажей, въ которыхъ сидѣли члены палаты лордовъ, за ними слѣдовали принцы и принцессы королевскаго дома, эскортируемые гвардіей. Королевская карета, запряженная восемью лошадьми, слѣдовала въ этомъ же кортежѣ. Со времени смерти супруга своего, королева не ѣздитъ болѣе въ парадной золотой каретѣ, точно также, какъ не надѣваетъ и горностаевой мантіи, которая остается разостланною на тронѣ. Палата лордовъ представляла величавое зрѣлище. Принцы и принцессы, окружавшіе королеву, епископы и члены верховнаго суда, первые въ своихъ облаченіяхъ, а вторые въ пунцовыхъ мантіяхъ съ горностаевыми воротниками и въ парикахъ, пэры и, наконецъ, роскошно одѣтыя дамы,—все это придавало залѣ изящный и блестящій видъ. Въ глубинѣ залы стояла, на мѣстѣ, назначенномъ для членовъ нижней палаты, цѣлая толпа депутатовъ и во главѣ ихъ спикеръ. По прочтеніи тронной рѣчи эти депутаты возвратились въ палату общинъ, гдѣ тронная рѣчь была снова прочтена, послѣ чего засѣданіе было закрыто до 4 часовъ, а затѣмъ снова открыто для обычныхъ занятій.

Однимъ изъ наиболѣе важныхъ предметовъ занятій палатъ, несомнѣнно будетъ служить билль, который намѣревается внести Биконсфильдъ, именно билль объ измѣненіи законодательства о землевладѣніи. Премьеръ вноситъ это предложеніе на столько же въ интересахъ партіи и власти своей, насколько—въ видахъ пользы государства. Дѣло въ томъ, что въ настоящую минуту земельный вопросъ выдвинулся въ Англіи на первый планъ. Поднятый, главнымъ образомъ, національной ирландской партіей, онъ нашелъ сильную поддержку въ прогрессивной Франціи англійской либеральной партіи, наиболѣе видными членами которой являются Гладстонъ и Брандтъ, т. е. сильнѣйшія противники нынѣшняго торійскаго министерства. Предлагаемое биллемъ измѣненіе имѣетъ цѣлью облегчить отчужденіе земельной собственности и подготовить, тѣмъ, почву для мелкаго землевладѣнія.

Афганистанъ, повидимому, не будетъ совершенно присоединенъ къ Англіи. При обсужденіи въ палатѣ лордовъ отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь, англійскій премьеръ заявилъ, что Афганистанъ будетъ раздѣленъ на нѣсколько отдѣльныхъ владѣній. Судя по новѣйшимъ депешамъ, *Персія также приглашается къ дѣлежу* (!): англійскому посланнику въ Тегеранѣ поручено увѣдомить персидское правительство, что с.-джемскій кабинетъ освобождаетъ Персію отъ даннаго ею обязательства въ 1857 г., не занимать Гератъ своими войсками. Мы думаемъ, что Гератъ предназначенъ уравновѣсить то благопріятное для насъ впечатлѣніе, которое произведено нашимъ подаркомъ его величеству Шаху—именно Котуромъ.

Задачи магическихъ квадратовъ.

№ 16.

а	а	а	а	б
б	ж	ж	и	п
к	к	к	к	л
н	н	н	о	о
о	о	о	о	с

№ 17.

а	а	а	а	и
и	и	и	к	к
к	к	к	л	л
л	м	н	п	о
о	т	т	у	у

Рѣшеніе задачи ходъ Короля № 11.

				9	8	103	102				
			10	12	104	7	99	101			
			13	11	6	105	100	98			
		20	19	14	106	5	97	92	91		
	21	23	18	15	4	107	96	93	88	90	
	24	22	16	17	108	3	94	95	89	87	
	25	26	27	29	2	109	82	84	85	86	
	32	31	30	28	110	1	83	81	80	79	
	34	33	46	47	48	63	64	65	78	77	
37	36	35	45	49	54	57	62	66	76	75	74
38	41	44	50	53	56	55	58	61	67	70	73
39	40	42	43	51	52	59	60	68	69	71	72

Вѣрныя рѣшенія этой задачи прислали: **Спб.**—гг. О. Воласесъ, Гуссейнъ, Н. Ивановъ, А. и М. Р—іе, Ф—ая. **Москва**—гг. В. С. Шишкина, В. Познековъ, В. Фолкъ, Ф. С. Коробкинъ, В. Уе—ва, В. Зѣвакинъ, Долговъ Пу—въ. **Ст. Николаевка,** г. Ле—скій, **Гадячъ,**—г. Мари-Бе. **Ст. Чиринево,**—г. А. Малявинъ. **Пенза,**—г. Орловъ. **Раненбугъ;**—г. М. Е. Кирѣевъ; **Кронштадтъ,**—Н. Дорожанъ,. А. Сокольниковъ, Юнкеръ В. В; **Котельничи,**—г. Екат. Кошурникова; **Кіевъ,**—г. Ковальскій; **Оренбургъ** г. Марь Федорова; **Новочеркаснъ,**—Н. Горѣлкиной.

Рѣшенія магическихъ квадратовъ.

№ 8.

м	а	я	к
а	р	к	а
я	к	о	р
к	а	р	с

№ 10.

б	а	р	а	к
а	р	е	н	а
р	е	д	и	н
а	н	а	п	а
к	а	н	а	т

№ 9.

п	р	у	т
р	а	г	у
у	г	а	р
т	у	р	а

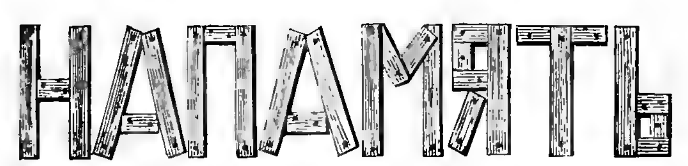
Вѣрныя рѣшенія этихъ задачъ прислали: **С.-Петербургъ,** гг. Паншинъ; М. Гиндусъ; **Москва,** г. Долговъ Пу—въ; **Старая Русса,** г. А. Пожаринъ; **Кременчугъ,** Д. И. Березинскій; **Мокрая Калигорка,** г. М. Пестантинеръ.

Рѣшеніе шашечной задачи № 6.

Бѣлыя.	Черныя.
Съ № 14 на № 18	Съ № 13 на № 22
„ № 8 „ № 26	„ № 29 „ № 22
„ № 16 „ № 20	„ № 24 „ № 15
„ № 6 „ № 10	„ № 5 „ № 14
„ № 25 „ № 18	„ № 17 „ № 13
„ № 18 „ № 9	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи прислали: **Спб.** гг. В. Марковъ, А. Журавлевъ. **Москва.**—гг. Богородскій,, Н. Нѣмовъ, В. Зѣвакинъ, В. Волкъ. **Касимовъ.**—гг. С. А. **Харьковъ,**—г. Н. П. Овсянниковъ, **Барисоглѣбскъ,**—г. А. Шестаковъ. **Кронштадтъ,** гг. Даржанъ, Н. С. Жицковъ. **Копысъ,**—гг. В. Лившицъ, Борисъ Гинсбургъ.

Рѣшеніе задачи № 7.

От издателя „Нивы“.

Слѣдующій № 7. „**Нивы**“ будетъ посвященъ исключительно ожидаемому всей Россіей. историческому дню 19 февраля—дню, въ который Россія будетъ праздновать **двадцатипятилѣтіе царствованія** Государя Императора Александра II. Всѣ рисунки также какъ и большинство статей № 7 „Нивы“ будутъ имѣть отношеніе къ этому знаменательному дню. Кромѣ девяти прекрасно-исполненныхъ гравюръ, собственно въ № (въ томъ числѣ великолѣпные **портреты ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ**) будетъ приложена при № 7, **въ видѣ безплатной преміи**, особымъ приложеніемъ. большая гравюра въ размѣрѣ четырехъ страницъ „Нивы“, исполненная лучшими граверами, составленная исключительно для „Нивы“ **превосходная большая композиція придворнаго Е. И. Величества живописца М. Зичи**, заключающая въ себѣ изображеніе всѣхъ главнѣйшихъ событій жизни Государя Императора въ послѣднее двадцатипятилѣтіе.

Въ виду особеннаго богатства и значенія этаго № мы его печатаемъ въ большемъ. на нѣсколько тысячь. количествѣ экземпляровъ противъ обычнаго. (которые будутъ продаваться по 20 к. съ перес. 25 к.) имѣя въ виду. что многія и не состоящія подписчиками нашего журнала лица, пожелаютъ пріобрѣсти такой № по такой низкой цѣнѣ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Бердичевъ А. Б—ну. Вы напрасно трудитесь переводить такой романъ. Никто не напечатаетъ.

Москва, С. К—ву. Сердце, сердце бѣдное!
Посмотри какъ пташечки и т. д.

Какже сердце будетъ *смотрѣть*? Любопытно.

Смоленскъ, П—ой. Очень грустно и нехорошо.

Спб. В. Ф. Я горемычный
Знать не въ сорочкѣ рожденъ.

Судя по успѣхамъ вашимъ въ стихосложеніи—безъ сорочки.

Смоленскъ, Ф. Пан—у. Стихотвореніе ваше „На смерть Лермонтова“ нѣсколько запоздало, такъ какъ поэтъ умеръ въ 1841 году.

Черниговъ, А. Ок—чу. Увидѣть вашъ красивый глазъ
Есть для меня отрада.

Почему же только *одинъ глазъ*?

Москва, S. G. Какъ вамъ вздумалось переписывать стихи кн. П. А Вяземскаго и выдавать за свои. Вы впрочемъ и переписать не съумѣли. Не „*въ сладкомъ обояньи*“ а *обаяньи*. Если вы этимъ „занимаетесь на досугѣ“ то бросьте.

Москва, Ю. Ко—ой. Ни одна редакція стиховъ обратно не возвращаетъ, ибо ихъ присылаютъ очень много.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала «Нива» покорнѣйше проситъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: Театръ Діониса въ древнихъ Аѳинахъ (съ рис.)—Иванъ да Марья. Повѣсть А. А. Потѣхина. (Продолж.)—Прорѣчица, Повѣсть Захеръ Мазоха. (Продолж.).—На сѣверѣ (рис. и стихотв.)—Подъ тропиками (рис. и стихотв.)—Дуэлисты (съ рис.)—Этюдъ (съ рис.)—Ягуаръ въ погонѣ за маленькими обезьянами (съ рис.)—Опіумъ: Очеркъ докт. Э. И. Нивинскаго.—Политическое обозрѣніе.—Рѣшеніе задачи короля.—Рѣшеніе магическихъ квадратовъ.—Рѣшеніе шашечной задачи.—Рѣшеніе задачи № 7.—Отъ издателя.—Почтовый ящикъ.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ Ф. Бергъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Дозволено цензурою СПБ. 7-го февраля 1880 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. Веллинга, Англ. пр. № 10.

XI годъ — годъ XI

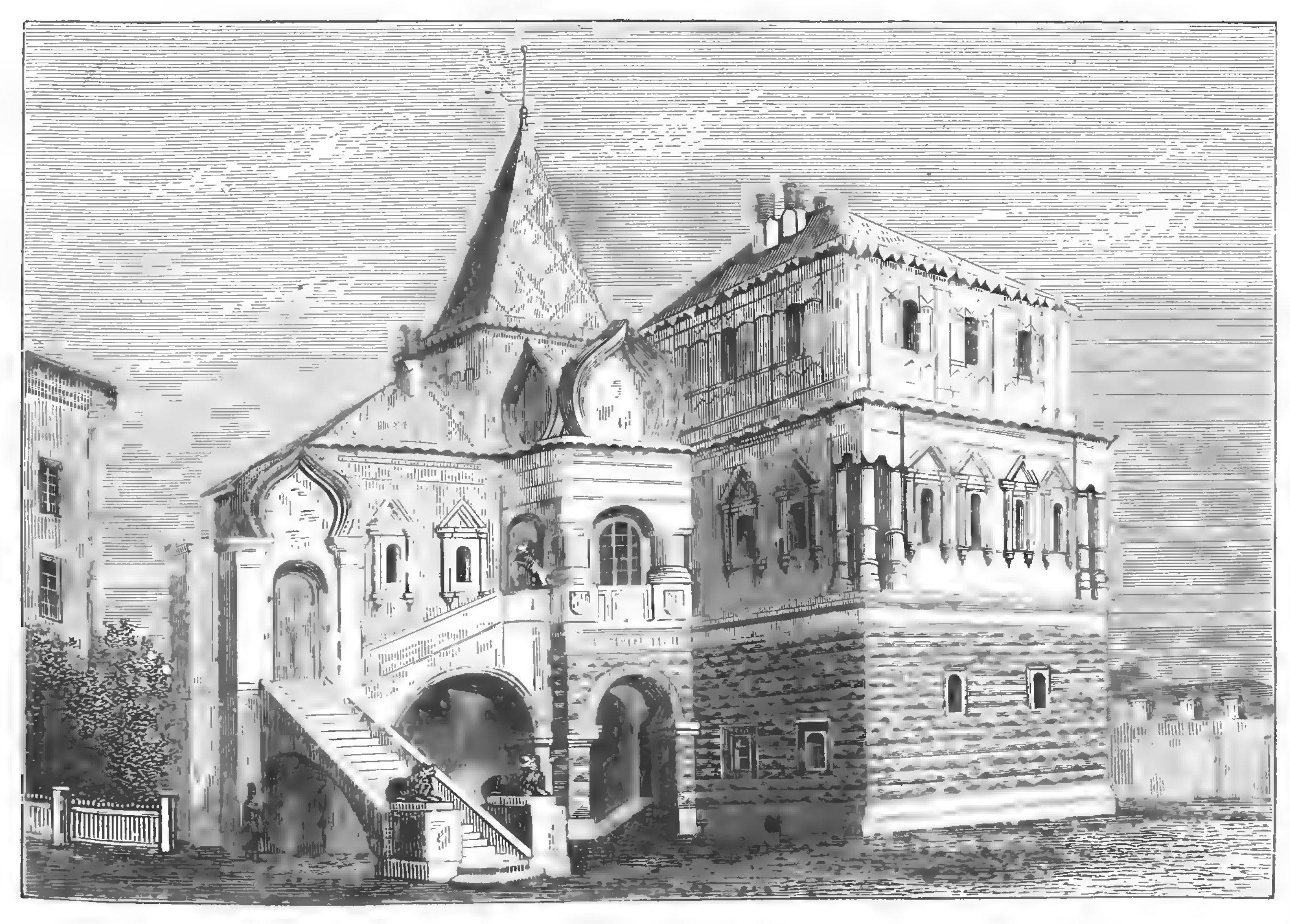
№ 7 — 1880

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6 -10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 модн. рис. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 16 Февраля 1880 г. Цѣна этаго № „Нивы“ 20 к. съ перес. 25 к

При этомъ № прилагается особая безплатная премія: большая композиція художника М. Зичи „Къ 19 февр. 1880 г.“

Палаты Бояръ Романовыхъ въ Москвѣ. Съ фотогр. грав. Э. Шмидтъ.

ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ

Царствованія Императора АЛЕКСАНДРА II.

19 февраля текущаго года исполнилось двадцатипятилѣтіе царствованія Императора Александра II.

Слово „19 февраля" имѣетъ для насъ теперь смыслъ не только годовщины начала славнаго царствованія, но значеніе четверти вѣка пережитыхъ глубокихъ ощущеніи, перемѣнъ, когда на нашихъ глазахъ все принимало преображенный, новый видъ. Это время ускоренной жизненной работы для всей Россіи, двинувшейся впередъ на новую, великую страду по манію царственной руки.

Неизгладимыми чертами будетъ сіять этотъ періодъ въ исторіи народовъ; это будетъ одна изъ лучшихъ и блистательнѣйшихъ ея страницъ. Озирая все прошлое славнаго царствованія постоянно во всемъ видишь этотъ все проникающій, благородный духъ высокой, сердечной, гуманной, царственной заботы и великаго труда, поднятаго на себя Владыкою милліоновъ ко благу этихъ милліоновъ.

Даже незначительныя пятна, какъ бы омрачавшія послѣдніе дни великаго пути, только вьявь показали какъ они, эти пятна, ничтожны и какъ сильна и тверда своимъ единеніемъ и горячей любовью къ Царю своему безпредѣльная Русь. Да осѣнитъ небесною благостію своею Господь нашего возлюбленнаго Монарха, да даруетъ намъ силы и ревность споспѣшествовать его благимъ намѣреніямъ и да хранитъ намъ своего Помазанника на славу и счастіе Россіи.

Въ концѣ августа 1856 года въ Москвѣ съ чрезвычайнымъ блескомъ праздновалось историческое событіе. 26 августа былъ день коронованія и мѵропомазанія Государя Императора Александра Николаевича. Отъ иностранныхъ державъ прибыли наиболѣе блестящіе представители. Празднества слѣдовали за празднествами. Москва ликовала, радуясь пребыванію въ ея стѣнахъ новаго Государя, особенно драгоцѣннаго Москвичамъ тѣмъ, что онъ родился въ Кремлѣ, тамъ же гдѣ и Великій Петръ—мудрый преобразователь Россіи. Радость Москвичей была радость общая, вездѣ этотъ праздникъ русскаго Царя былъ праздникомъ русскаго народа! „Мы положили въ сердцѣ Своемъ, говорится въ Высочайшемъ Манифестѣ, дотолѣ не приступать къ совершенію Коронованія Нашего пока не смолкнетъ громъ брани, потрясавшій предѣлы Государства. Нынѣ благодатный миръ возвращаетъ Россіи прежнее спокойствіе. Да поможетъ Намъ Всемогущій съ возложеніемъ вѣнца царскаго возложить на себя торжественный предъ свѣтомъ обѣтъ—жить единственно для счастія подвластныхъ намъ народовъ."

Эти историческія слова подтверждаются цѣлою жизнію Монарха, эта неустанная, сердечная забота о благѣ народа и отмѣчаетъ весь четверть-вѣковый періодъ этаго, богатаго великими преобразованіями и событіями, царствованія. 19 февраля, 1855 года новый Государь вступилъ на престолъ въ тяжкую для нашего отечества годину. Врагъ былъ въ предѣлахъ отечества и многострадальному Севастополю предстояло довершить подвиги защитниковъ жертвою самозакланія. Тотчасъ по вступленіи на престолъ, Государь Императоръ заявилъ согласіе на продолженіе занятій конференціи въ Вѣнѣ, обсуждавшей мирныя условія, но и этотъ великодушный шагъ не привелъ къ желаемому результату и у насъ послѣдовалъ второй призывъ земскаго ополченія (по указу 31 іюля 1855 г.) Пока собирались призываемыя подкрѣпленія, начались штурмы, кровь полилась опять. Весною какъ извѣстно, однако, послѣ зимняго перемирія, заключенъ 18/30 марта 1856 г. Парижскій миръ, покончившій тяжелую для насъ войну съ половиною христіанской Европы, ратовавшей для поддержки ислама. Съ жертвами не настолько важными и существенными, чтобы ими могли покрыться вооруженія, затраты и потери союзниковъ, мы путемъ Парижскаго трактата пріобрѣли покой и миръ. Съ ними объ руку вступало въ свои права внутреннее развитіе Россіи.

Кончилась пора бѣдствій, вынесенныхъ въ прошломъ, вѣрующею и преданною вождямъ Своимъ, Россіею, но не кончился ростъ ея и преуспѣяніе, — какъ наглядно представляется намъ самимъ, свидѣтелямъ благихъ перемѣнъ, дѣяній и подвиговъ, совершенныхъ въ царствованіе Монарха-Освободителя.

Умиреніе извнѣ, было началомъ развитія великихъ государственныхъ мѣропріятій по внутреннему устройству обширной русской земли.

Не успѣли кончиться торжества коронаціи какъ (15 сентября 1856 г.) послѣдовалъ указъ о приведеніи въ дѣйствіе положенія о крестьянахъ въ Эстляндіи, и спустя годъ съ небольшимъ (20 ноября 1857 г.) обнародованъ первый Высочайшій рескриптъ „объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ". Рескриптъ этотъ былъ однако уже не началомъ развитія вопроса, приведшаго къ освобожденію отъ крѣпостной зависимости 22-хъ милліоновъ душъ. Уже 8-го января 1857 г. былъ учрежденъ, подъ предсѣдательствомъ князя А. Ѳ. Орлова, особый комитетъ для разсмотрѣнія постановленій и предположеній о крѣпостномъ состояніи. Тогда же предоставлено было помѣщикамъ договариваться съ крестьянами объ условіяхъ пользованія ими помѣщичьею землею, и дворянство двухъ столичныхъ и нѣкоторыхъ другихъ губерній заявило желаніе: улучшить крестьянскій бытъ. Послѣ графа Орлова, крестьянскимъ вопросомъ завѣдывалъ получившій графское достоинство Як. Ив. Ростовцевъ, а покончилъ его—Министръ Юстиціи, графъ В. Н. Панинъ. Совокупные четырехлѣтніе труды редакціонныхъ коммиссій по измѣненію отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, привели къ возможности изданія манифеста 19 февраля 1861 года. По буквѣ и смыслу его, освобождены изъ крѣпостной зависимости 22 милліона душъ въ пользованіе которыхъ, на общинномъ правѣ поступило болѣе 100 мильоновъ десятинъ земли. И выкупъ ея уже нынѣ оконченъ. Великая государственная мѣра эта и при развитіи ея и при осуществленіи, не мѣшала и не останавливала другихъ дѣлъ, шедшихъ въ неизмѣнномъ, правильномъ теченіи своемъ.

Война съ союзниками кончилась, но на Кавказѣ изувѣрство продолжало еще вооруженную борьбу. Разграниченіе съ Турціею, слѣдовавшее за очищеніемъ и нашими войсками и турецкими, занятыхъ территорій, отняло послѣднюю надежду на помощь единовѣрцевъ, возбуждавшихъ фанатизмъ горскихъ племенъ, исповѣдующихъ исламъ. Въ 1857 г. горское возстаніе на Западномъ Кавказѣ, прилегающемъ къ восточному берегу Чернаго моря, совсѣмъ затихло, но между Каспійскимъ моремъ и путемъ изъ Россіи въ Закавказье—въ Чечнѣ, борьба русскихъ съ непокорными еще продолжалась, не обѣщая врагамъ нашимъ, впрочемъ, успѣха. Это сознали сами, наконецъ, враждующія племена, и въ концѣ 1857 г. до 1858 г. одно за другимъ, покорились, и были переселены на новыя мѣста. Въ вѣковыхъ лѣсахъ проведены дороги и просѣки, дававшія возможность проникать войскамъ нашимъ въ самыя страшныя трущобы, грозившія вѣрною гибелью храбрымъ, увлекшимся жаромъ преслѣдованія разбитыхъ враговъ. Всѣми выгодами мѣстности превосходно умѣлъ пользоваться глава мюридизма на

Кавказѣ, имамъ Шамиль, въ 1858 году, іюня 4-го и іюля 30-го понесшій три страшныхъ пораженія, уничтожившія все его обаяніе въ умахъ преданныхъ ему до того слѣпо племенъ. Разореніе 40 ауловъ Дидойскихъ экспедиціею барона Вревскаго, въ іюлѣ и августѣ и, съ конца его заявленіе покорности племенами, живущими въ верховьяхъ Терека и Аргуна, были для политики Шамиля ударами опаснѣе самыхъ пораженій. Въ ноябрѣ же истребленіе ауловъ натукайскихъ открывало путь къ Веденю — резиденціи Шамиля. Наступательнымъ движеніемъ туда отряда Евдокимова, начался 1859 годъ. Въ январѣ истреблены аулы Бжедуховъ; съ 17 марта началась знаменитая осада Веденя и 1-го апрѣля этотъ главный притонъ мюридизма взятъ приступомъ. За взятіемъ его послѣдовала покорность разныхъ общинъ горскихъ племенъ въ Чечнѣ и намѣстникъ Кавказскій, преемникъ Муравьева Карскаго, князь А. И. Барятинскій, прибылъ въ Чеченскій отрядъ, самъ повелъ его къ послѣднему убѣжищу Шамиля — почти неприступной горѣ Гунибъ. Къ ней въ іюлѣ 1859 г. направилъ онъ съ трехъ сторонъ отряды: Чеченскій (Евдокимова), Прикаспійскій (барона Врангеля) и Лезгинскій (князя Меликова). Августа 4 возстановлено ханство Аварское, уже умиренное. Всѣ подступы, покатые къ скалѣ Гунибъ-дагъ, Шамиль взорвалъ, а единственныя тропки пересѣкъ поперечными стѣнами, за нихъ посадивъ прикрытіе и вооруживъ укрѣпленія свои хорошею артиллеріею; но, находчивость и отвага русскихъ обманули всѣ расчеты предпріимчиваго вождя. Охотники, вызванные на славный подвигъ, поднялись съ помощью лѣстницъ и штыковъ почти на отвѣсные груды камней, образовавшихъ одна надъ другой родъ террасъ. Сперва партія изъ отряда Евдокимова, поднявшись изъ пропасти, стала на плоскую покатость вершины Гуниба, за нею вступили два другіе отряда и съ трехъ разныхъ сторонъ пошли на приступъ селенія, въ которомъ укрылись послѣдніе борцы за Шамиля и онъ самъ. Въ виду несомнѣннаго истребленія всѣхъ, кн. Барятинскій предложилъ Шамилю — сдаться. Невозможность избѣгнуть участи, послѣ короткаго промедленія, заставила недавнюю грозу Кавказа безусловно покориться. Вотъ наступило утро 25 августа 1859 г. и передъ вождемъ кавказской арміи, явился обезсиленный боецъ и назвалъ себя по имени. Пощады онъ не просилъ и не надѣялся, но первыя слова побѣдителя были увѣреніе въ его безопасности. Шамиль былъ представленъ Его Величеству въ Харьковѣ и это представленіе, по собственному свидѣтельству бывшаго врага русскаго имени, произвело въ душѣ суроваго проповѣдника Шаріата—чувство безграничной преданности Александру II, осыпавшему его благодѣяніями. Можетъ ли иное чувство найти мѣсто въ душѣ каждаго русскаго, не одинъ разъ, но безпрестанно убѣждающагося въ неусыпныхъ заботахъ Его Величества о подданныхъ и благѣ отечества. Узнаетъ нужды его государь, совершая путешествія въ отдаленные предѣлы своей державы. Поѣздкѣ на Югъ, во время которой представленъ былъ Шамиль, предшествовала въ 1858 году, поѣздка на Сѣверъ.

Монархъ нашъ, хранимый на путяхъ своихъ всемощною рукою Провидѣнія, всегда проявлялъ глубокую, теплую вѣру христіанина, по примѣру благочестивыхъ предковъ, посѣщая обители и молясь предъ мощами угодниковъ о благословеніи свыше на дѣла Свои. Лѣтомъ 1858 г. видѣла отдаленная обитель Соловецкая и пустынные острова Ладожскаго озера, смиренномудраго Царственнаго Посѣтителя. Соловки видѣли тогда Александра II созерцавшаго слѣды ядеръ непріятельскихъ, брошенныхъ въ богохранимую обитель Православія. На островахъ Ладоги, оглашаемыхъ священными пѣснями церкви, былъ Государь съ Семействомъ Своимъ. Нужды государственныя могутъ требовать отъ Монарха въ наше время и свиданій съ другими коронованными главами, и съ этою цѣлью предпринятія путешествій заграницу.

Путешествія заграницу Высочайшихъ Особъ въ настоящее царствованіе имѣли мѣсто нерѣдко. Императрица Александра Ѳеодоровна для возстановленія здоровья еще въ 1856 году должна была уѣхать на зиму въ теплыя страны юга. Возстановивъ силы свои пребываніемъ на виллѣ Авигдаръ въ Ниццѣ, во время холодовъ, Ея Величество воротилась 23-го іюля 1857 г. въ Петербургъ, привезя съ собою принцессу—невѣсту В. Князя Михаила Николаевича, по принятіи православія нареченную Великою Княжною Ольгою Ѳедоровной. Бракосочетаніе В. Князя Михаила Николаевича послѣдовало 16-го (28-го) августа, а роснаго вмѣстѣ съ нимъ, Великаго Князя Николая Николаевича бракосочетаніе послѣдовало уже полтора года раньше, 25-го января (6-го февраля) 1856 года, открывъ собою рядъ торжествъ въ годъ священнаго коронованія и умиренія внѣшняго.

Богомольному путешествію въ пустынныя обители сѣвера, предшествовало священное торжество въ столицѣ. 30-го мая—въ день Св. Исаакія, въ 1858 году освященъ торжественно Исаакіевскій соборъ, начатый Екатериной II, продолжаемый заботами Николая I и довершенный вполнѣ послѣ сорокапятилѣтнихъ работъ Александромъ II. Значеніе докончанія этой святыни—напоминающей собою день дарованія Россіи Петра I,—вступившаго первымъ на путь преобразованій, возвеличившихъ Россію,—наводитъ на цѣлый рядъ сопоставленій Петровскихъ мѣропріятій съ правительственными заботами настоящей эпохи. Александру II Провидѣніе назначило подвигъ довершенія многаго недоконченнаго славными предшественниками. За покореніемъ западнаго Кавказа — взятіемъ Гуниба, уже безъ особенно напряженныхъ усилій послѣдовало усмиреніе всей страны между морями Каспійскимъ и Чернымъ. Это довершено въ 60-хъ годахъ текущаго столѣтія и въ исторіи царствованія Монарха-Освободителя должно прибавить рядъ знаменательныхъ страницъ, настолько же проявляющихъ личное геройство нашихъ воиновъ, какъ и разумную предусмотрительность гражданскихъ правителей.

Торжество покоренія Кавказа совпало съ совершеннолѣтіемъ первенца Александра II. 8-го сентября 1859 года Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ принялъ торжественно присягу на вѣрность службы Отцу, Государю и Россіи, для заботъ о благѣ которой приготовляли Его Высочество. Судьбы Вышняго судили иначе, Цесаревичъ былъ вызванъ изъ этаго міра въ то время, когда готовился къ торжеству брака. Испытаніе силы преданности Промыслу—отнятіемъ Сына—для Государя Нашего, было послѣ утраты вѣнценоснаго родителя не первымъ семейнымъ горемъ, поразившимъ любящую душу Царственной Четы. Въ то время когда еще надежды возлагались на прекраснаго Первенца Царскаго, когда проявлялись такія выраженія любви къ Нему подданныхъ—во время объѣзда Цесаревича по Россіи, встрѣчаемаго и провожаемаго благословеніями, — окончила земную жизнь свою Императрица Александра Ѳеодоровна. Проведя послѣднюю зиму заграницею, Государыня чувствовала себя хорошо, но съ приближеніемъ осеннихъ дней заботливостью Царственнаго Сына, тѣмъ не менѣе, предложено было временное удаленіе въ лучшій климатъ. Государыня-Родительница не согласилась на разлуку съ близкими и предчувствіе горя ихъ не обмануло, къ несчастію. Губительный недугъ въ нѣсколько дней сдѣлалъ положеніе Страждущей опаснымъ и 20-го октября 1860 г. жизнь Царственной Подруги Николая I тихо угасла, на глазахъ собравшагося Ея Семейства.

За этою потерею, тягостною для всего Августѣйшаго Дома, со стороны Главы его, сострадающаго горю каждаго изъ Своихъ подданныхъ, послѣдовалъ черезъ четыре мѣсяца историческій актъ, скрѣпившій узами благодѣянія народъ съ Царемъ-Освободителемъ. Не одни освобожденные отъ личной зависимости, но весь народъ проникнутъ былъ единодушнымъ порывомъ бла-

Его Величество Государь Императоръ Александръ Николаевичъ.

Съ фотографіи придворнаго фотографа Левицкаго, рисовалъ для „Нивы“ Е. Бокуръ, гравир. Л. Шапонъ.

Ея Величество Государыня Императрица Марія Александровна.

Съ фотографіи придворнаго фотографа Левицкаго, рисовалъ для „Нивы“ Е. Бокуръ, гравир. Л. Шапонъ.

годарности. Въ самый день объявленія Высочайшаго манифеста 19-го февраля 1861 г., народъ окружалъ Зимній дворецъ и сопровождая Государя всюду, гдѣ ни показывался Онъ, оглашалъ воздухъ пожеланіями долголѣтія Царю-Освободителю.

Въ величіи этаго царственнаго подвига исчезло и потерялось значеніе пріобрѣтенія обширнаго Пріуссурійскаго края, на отдаленномъ востокѣ. Между тѣмъ и это пріобрѣтеніе въ другое время и въ другую эпоху могло бы надолго занять общественное вниманіе.

И Тянь-Дзинскій трактатъ, разрѣшавшій для насъ съ выгодою вопросъ о мѣстности, за которую боролась русская сила за два вѣка назадъ,—дастъ иную будущность, чѣмъ прежде, восточной окраинѣ Сибири.

Но, въ то время какъ за расширеніемъ предѣловъ внѣшнихъ и водвореніемъ внутренняго мира, Монархъ обдумывалъ новыя мѣры къ развитію общаго благосостоянія, преступная дѣятельность немногихъ отверженныхъ самими благомыслящими поляками, возмутила спокойное преуспѣяніе бывшей Польши. Приводить на память грустныя явленія въ Варшавѣ въ 1862 и 1863 годахъ, значило бы растрогивать съ трудомъ залѣченныя раны народа, нагло обманутаго или въ свою очередь приносившаго жертвы долгу. Всеблагое Провидѣніе скоро остановило карающую руку и за долго готовившійся адскій планъ неустройства не привелъ къ гибельнымъ слѣдствіямъ, которыхъ ожидали враги порядка. Буря пронеслась не безъ жертвъ, но въ результатѣ получилось, для большинства и увлекавшихся приманкою новизны, полное разочарованіе въ безкорыстіи и благородствѣ стремленій, навязываемыхъ внѣшними врагами мира. Привислянскій край умиренъ и мудрыми мѣропріятіями тѣснѣе сливается съ Имперіей.

Умиреніе Привислянскаго края достигнуто уже было, хотя и не вполнѣ, когда утверждена окончательно судебная реформа въ Россіи (обнародованная въ указѣ 1-го декабря 1864 г.). Новый судъ, всѣхъ равняющій передъ закономъ, создалъ новыя судебныя мѣста и инстанціи, замѣняющія постепенно старыя учрежденія. Уставы судопроизводствъ гражданскаго и уголовнаго и примѣненный къ послѣднему уставъ о наказаніяхъ, ввели публичную защиту въ разборъ процессовъ, какъ непремѣнную принадлежность судебнаго безпристрастія. Введеніе судовъ новаго устройства успѣло создать новую корпорацію адвокатовъ—„присяжныхъ повѣренныхъ“, а примѣненіе новыхъ началъ въ судопроизводствѣ—развитіе при судебныхъ мѣстахъ нотаріальной части. Тяжесть истязаній тѣлесныхъ допускавшаяся старыми судами, теперь остается уже въ преданіяхъ о пережитыхъ грозахъ. Такъ что потомки наши къ Имени Монарха-Освободителя, при воспоминаніи о началахъ милосердія, положенныхъ имъ въ основу суда въ Россіи, прибавятъ высокое именованіе Друга человѣчества. Они скажутъ что Александръ II желалъ исправлять буде можно и самый закоренѣлый порокъ, приводя его въ трепетъ, не страхомъ мукъ при наказаніи а возбужденіемъ въ виновномъ, физически необезсиленномъ, голоса совѣсти, сопровождающей раскаяніе.

Нашего возлюбленнаго Монарха, послѣ потери родительницы, Промыслъ Божій испыталъ утратою первенца, составлявшаго предметъ общей любви. Но, въ лицѣ втораго Сына, манифестомъ 12 апрѣля 1865 г. призваннаго къ унаслѣдованію престола, создалась новая свѣтлая надежда родины. Государь Цесаревичъ, Наслѣдникъ, Великій Князь Александръ Александровичъ, благословенный въ счастливомъ бракѣ потомствомъ, въ теченіи пятнадцати лѣтъ уже составляетъ гордость русскихъ людей, сочувствуя всему благородному и возвышенному. Сентября 10, 1866 года избранная въ подруги жизни Наслѣднику русскаго престола, принцесса датская Дагмаръ, оставила Копенгагенъ. Въ день праздника Воздвиженія Честнаго Креста принцесса-невѣста прибыла въ Петергофъ, гдѣ все уже было готово къ принятію дорогой гостьи. Какъ только вступила Принцесса на твердую землю. на самой гавани во время минутнаго отдыха въ пышномъ павильонѣ, Высокой, желанной Гостьѣ поднесли хлѣбъ-соль, какъ первое привѣтствіе и радушное пожеланіе блага по обычаю, завѣщанному отъ предковъ и свято хранимому русскими людьми. Этотъ привѣтъ былъ глубоко искрененъ и служилъ залогомъ народной любви Государынѣ Цесаревнѣ.

Въ день празднованія православною церковью „Вѣры Надежды и Любови и матери ихъ Софіи“ (17 сентября 1866 г.), Государыня-Невѣста вступила торжественно въ Столицу, гдѣ Провидѣніе назначило ей служить какъ бы живой представительницею христіанскихъ добродѣтелей. Въ этотъ памятный день, осень какъ бы уступила права свои жаркому лѣту, съ его яркимъ освѣщеніемъ и, даже чуть не зноемъ. Отъ станціи Царскосельской желѣзной дороги, по Загородному проспекту, Литейной и Невскому проспекту растянулись длиннымъ бордюромъ шпалеры войскъ, между которыми потянулась пышная процессія съ вереницею золотыхъ экипажей къ Казанскому собору, гдѣ ждалъ митрополитъ съ духовенствомъ. По совершеніи въ соборѣ краткаго молитвословія Высочайшія особы вышли на паперть и тамъ невѣстѣ поднесли хлѣбъ-соль жители столицы.

Октября 12 совершено присоединеніе принцессы Дагмаръ чрезъ Св. мѵропомазаніе къ православной церкви, съ нареченіемъ Великою княгинею Маріею Ѳеодоровною и октября 28 совершилось бракосочетаніе Ихъ Высочествъ. Не приводя подробностей и пышнаго церемоніала торжества, соотвѣтственнаго величію имперіи и важности заключенія такаго союза Наслѣдникомъ престола, скажемъ что въ этотъ памятный для Россіи день Государь ставилъ чету брачущихся на уготованный для того амвонъ и что въ числѣ гостей царственнаго семейства былъ наслѣдникъ англійскаго престола.

Этотъ и слѣдующій годъ были проявленіемъ видимаго благословенія Божія, осѣняющаго хранительною сѣнью своею нашего Монарха. Въ его священной для подданныхъ особѣ въ наши дни буквально исполнилось реченное чрезъ пророка—„Не прикасайтеся помазаннымъ моимъ!“ Перстъ Божій сохранилъ и въ Петербургѣ, и въ Парижѣ, драгоцѣнную жизнь Государя, отъ посягательствъ преступныхъ.

Въ годъ чудеснаго спасенія жизни государя, въ Парижѣ, (1867 г.) въ Москвѣ открыта была политехническая выставка, на которую явились въ это сердце родственной Россіи, представители почти всѣхъ славянскихъ народностей и изъ этого посѣщенія вынесли иное представленіе и о насъ, и о нашемъ отечествѣ.

Съ 1865 года былъ уже сдѣланъ починъ пріобрѣтеній въ Средней Азіи. Туда привела оружіе наше необходимость самозащиты отъ хищничествъ кочевниковъ, а отнюдь не жажда завоеваній. 1868 годъ былъ выгоденъ для русскаго оружія, значеніе котораго для полудикихъ азіятцевъ выросло съ присоединеніемъ къ имперіи владѣній Самаркандскаго, Каты-курганскаго Менджикентскаго и Ургутскаго бековъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Эмиръ Бухарскій сталъ въ положеніе чуть не вассальное къ Царю Бѣлому—такое положеніе вещей потребовало устройства степей Киргизскихъ, недавно еще составлявшихъ, чуть ли не номинальное владѣніе Россійской имперіи, Высочайшимъ повелѣніемъ 21 октября 1868 года киргизскія степи, до того обслѣдованныя далеко неудовлетворительно, раздѣлены на области Уральскую, Тургайскую, Акмолинскую и Семипалатинскую а съ обособленіемъ каждой изъ этихъ земельныхъ единицъ въ нихъ положено прочное основаніе осѣдлости, посредствомъ новыхъ поселковъ, обильно надѣляемыхъ земельными участками. По Азову уже, а не только по Каспію заходили пароходы и прочный узелъ европейскихъ порядковъ сталъ завязываться, подъ охраною русскаго штыка, тамъ, гдѣ недавно еще имя рус-

ское если и было произнесено, то едва ли много значило для неподвижнаго въ привычкахъ азіятца. Внести свѣтъ цивилизаціи и призвать къ жизни дѣятельной равнины когда-то плодородныя, но цѣлые вѣка уже лежавшія внустѣ, тоже призванъ, какъ видно было, Царь-Освободитель.

Его любвеобильное сердце отозвалось первое на необходимость положить предѣлы губительному дѣйствію разрывныхъ артиллерійскихъ снарядовъ. При новыхъ усовершенствованіяхъ огнестрѣльнаго оружія, разрушительная сила снарядовъ шла параллельно съ увеличеніемъ разстояній, выбрасывая ихъ, а гремучій порохъ каждую рану огнестрѣльную могъ сдѣлать смертельною. Императоръ Александръ II снесся со всѣми правителями Европы и пригласилъ ихъ принять участіе въ мѣрахъ къ облегченію вреда, наносимаго человѣку огнестрѣльнымъ оружіемъ новѣйшаго устройства въ военное время.

Въ Петербургѣ подъ предсѣдательствомъ Военнаго Министра Д. А. Милютина, нынѣ графа, общеевропейская Конференція открыла свои засѣданія 28 октября 1858 и послѣ обмѣна мнѣній достигнуто общее соглашеніе державъ: не употреблять во время войны разрывныхъ пуль и тяжелыхъ снарядовъ. Достиженіе и такого на первый случай результата, должно во всемірной исторіи вознести имя нашего Государя, по почину котораго сдѣлана подобная уступка,—поставить на самое видное мѣсто между немногими именами безкорыстныхъ друзей человѣчества, вмѣстѣ съ именемъ Екатерины II, ослабившей вредъ отъ войны введеніемъ правилъ вооруженнаго нейтралитета. Память же своей великой Прабабки Александръ II почтилъ въ 1869 г. празднованіемъ перваго столѣтія учрежденнаго ею ордена Св. Георгія (26 ноября), за день передъ тѣмъ заложивъ основаніе монументу Ея, украшающему нынѣ столицу.

Въ 1870 г. возвратившись изъ заграничнаго путешествія, Государь торжественно открылъ въ Варшавѣ 21 іюня, памятникъ Фельдмаршалу князю Паскевичу Эриванскому—противъ дворца намѣстника. На пьедесталѣ памятника, на переднемъ барельефѣ представлено участіе покойнаго фельдмаршала въ торжествѣ въѣзда въ Варшаву невѣсты Наслѣдника—нынѣ Императрицы Маріи Александровны.

Въ 1871 году, осенью, по случаю поѣздки на югъ, увидѣли своего Монарха не только берега Волги, но и далекая Астрахань. Оттуда Государь поѣхалъ въ Крымъ черезъ Кавказъ. Къ пріѣзду Его Величества (4 сент.) была устроена въ Астрахани выставка мѣстныхъ произведеній, удостоенная также Монаршаго посѣщенія. Изъ Астрахани, Государь моремъ переѣхалъ въ Петровскъ, а оттуда черезъ Владикавказъ — на Гунибъ. Посѣтивъ эту мѣстность, прославленную русскою отвагою, дѣлающею для другихъ невозможное возможнымъ для русскаго солдата, Государь проѣхалъ въ Тифлисъ и черезъ Закавказье въ Поти и оттуда моремъ въ Ливадію.

Пребываніе тамъ продлилось до глубокой осени. Между тѣмъ по пріѣздѣ въ Петербургъ послѣдовала зима со всѣми удобствами охоты на медвѣдя, любимое Государемъ развлеченіе въ минуты отдохновенія отъ непрестанныхъ трудовъ Его положенія.

Конецъ мая 1872 г. ознаменовался празднованіемъ двухсотлѣтняго юбилея рожденія Петра I. Государь Императоръ въ день 30 мая въ столицѣ положилъ на гробъ великаго предка медаль, выбитую по случаю торжества и, отслушавъ обѣдню въ Исаакіевскомъ соборѣ, со всѣми членами своего семейства, присутствовалъ на молебнѣ у памятника, передъ Сенатомъ. Командуя собранными войсками, Государь отдалъ и подобающую почесть первому Императору, какъ учредителю грозной врагамъ русской арміи.

Въ 1873 году послѣдовала кончина Великой Княгини Елены Павловны; посѣщеніе Императоромъ Германскимъ своего Державнаго Племянника въ его столицѣ и пріѣздъ Персидскаго Шаха.

Начало 1874 года ознаменовано торжествами бракосочетанія Великой Княжны Маріи Александровны (11 января) съ герцогомъ Эдинбургскимъ Альфредомъ, вторымъ сыномъ англійской королевы Викторіи. За торжествами нынѣшняго брака послѣдовалъ пріѣздъ въ Петербургъ Австрійскаго Императора Франца-Іосифа. Проводивъ высокаго гостя-союзника, Его Величество совершилъ весною путешествіе въ Англію. Мая 6-го 1874 г. Лондонъ имѣлъ счастіе видѣть въ стѣнахъ своихъ нашего Монарха и лордъ-мэръ въ Гильдъ-Гиллѣ поднесъ Его Величеству адресъ съ выраженіемъ теплаго чувства англичанъ. Государь отвѣчалъ на адресъ задушевнымъ словомъ и произвелъ общій восторгъ присутствовавшихъ на завтракѣ. Четыре дня, проведенные въ Лондонѣ Его Величествомъ, были рядомъ торжествъ. Изъ Англіи Государь, черезъ Брюссель, проѣхалъ въ Амстердамъ; почтивъ своимъ присутствіемъ юбилейное торжество 25-тилѣтія короля Голландіи, Его Величество, провелъ нѣсколько дней на водахъ въ Эмсѣ и въ Югенгеймѣ три недѣли. Туда же изволила прибыть Государыня Императрица и Ихъ Августѣйшая Дочь съ Супругомъ и Е. В. Германская Императрица Августа.

Семейство Государя вновь соединилось въ столицѣ къ концу іюля. Августа 15-го слѣдовалъ торжественный въѣздъ изъ Царскаго Села въ Петербургъ невѣсты Великаго Князя Владиміра Александровича Великой Княжны Маріи Павловны а на слѣдующій день (августа 16) отпраздновано ихъ бракосочетаніе. Послѣ священнодѣйствія былъ обѣдъ и балъ въ Зимнемъ дворцѣ, а послѣ бала бракосочетавшіеся отвезены въ свой новый дворецъ на Набережной. Конецъ года празднествъ царскаго дома ознаменовался мирнымъ торжествомъ православной Церкви. Уніаты Сѣдлецкой губерніи просили о принятіи ихъ въ лоно православной Церкви. Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ назначить 12 января 1875 г. днемъ торжества возсоединенія отторгнутыхъ отъ восточной Церкви еще въ XVI вѣкѣ. Городъ Бяла избранъ мѣстомъ праздника Св. Единенія и туда наканунѣ прибылъ Преосвященный Іоанникій. Утромъ 12 января архипастырь совершилъ молебствіе въ мѣстномъ храмѣ и вмѣстѣ съ возсоединенными принесъ безкровную жертву, преподавъ еще до служенія съ амвона благословенія народу. Присоединеніе уніатовъ Привислянскихъ состоялось одновременно со введеніемъ всесословной воинской повинности, сглаживающей всякое раздѣленіе между подданными Всероссійскаго Монарха, призывая каждаго молодаго человѣка 21 года взять свой жеребій для участія въ защитѣ Отечества.

Спокойствіе въ 1875 году было нарушено вторженіемъ Коканцевъ въ наши предѣлы, но дерзкая попытка думавшихъ нанести вредъ наказана немедленно пораженіемъ подъ Мохрамомъ.

Затѣмъ вскорѣ началось, возбужденное жестокостями турокъ, возстаніе въ Герцеговинѣ. Борьба, здѣсь начатая немногими бѣдняками, доведенными до отчаянія всякаго рода притѣсненіями отъ мусульманъ, обхватила мало-по-малу все турецкое славянство. Европа не хотѣла быть безпристрастною, защищая притѣснителей и кладя вину за жестокости, совершаемыя турецкими извергами, на христіанъ, немогшихъ болѣе выносить обидъ и поруганій. Сосѣдняя съ мѣстомъ избіенія врагами христовой вѣры христіанъ единоплеменныхъ, маленькая Сербія приняла участіе въ неравной борьбѣ съ притѣснителями. Россія не вступая въ борьбу и не одобряя порыва сербскаго, приняла однако къ сердцу общее славянское дѣло, на защиту котораго стали стекаться борцы со всей Европы. И русскіе люди, вступая въ ряды добровольцевъ, поспѣшили къ гибнущимъ братьямъ, жертвуя жизнью за правое дѣло. Силъ добровольныхъ борцовъ однако оказалось не-

достаточно и послѣ отчаянныхъ усилій, пришлось Сербіи просить у Султана мира. Правительство Александра II тогда всѣмъ своимъ авторитетомъ стало поддерживать справедливую сторону, требуя отъ султана человѣческихъ правъ для его христіанскихъ подданныхъ. Европейскія державы для вида требовали того же, но тотчасъ же и отступали отъ своихъ требованій, когда турки разсыпались въ обѣщаніяхъ, а Россія настаивала на надежности гарантій. Собралась общеевропейская конференція въ Константинополѣ, но не только не привела къ соглашенію въ вопіющемъ дѣлѣ, а даже довела дѣло до предѣла, гдѣ не можетъ быть середины даже. Пришлось заявить миролюбивому Государю нашему свои права по трактатамъ, турками нарушеннымъ, и поддерживать ихъ оружіемъ.

Императоръ Александръ II все еще предлагалъ султану средство кончить возникшія затрудненія добровольнымъ дарованіемъ уступокъ въ пользу христіанскихъ подданныхъ Порты. Но лучшія и благороднѣйшія предложенія объяснялись со стороны враждебниковъ Россіи, превратно и терпѣніе Государя было истощено. Посланъ былъ ультиматумъ и когда срокъ имъ назначенный истекъ—12-го апрѣля 1877 г. объявлена война Турціи.

Мобилизація арміи состоялась уже раньше и въ день изданія Высочайшаго Манифеста, въ Кишиневѣ—войска двинулись заграницу, въ предѣлы Турціи.

Государь съ Наслѣдникомъ еще 10-го апрѣля были въ Жмеринкѣ, а 11-го въ Тираснолѣ, въ то время когда съ воротъ дворца русскаго посольства, въ Константинополѣ сняли Императорскій гербъ.

Двинувъ на Дунай свое воинство, Государь черезъ Москву воротился въ Петербургъ и 28-го апрѣля здѣсь произвелъ смотръ на Марсовомъ полѣ войскамъ, расположеннымъ въ окрестностяхъ Петербурга. Найдя войска въ отличномъ состояніи, государь заявилъ начальникамъ отдѣльныхъ частей свое Монаршее благоволеніе и крики „ура!“ потрясли воздухъ. По окончаніи парада, Монарха на его походномъ конѣ окружилъ народъ и не оставлялъ во всю дорогу до дворца.

У всей этой тысячной толпы, бѣгущей по сторонамъ государя, была одна мысль: жертвовать всѣмъ что дорого по первому слову Самодержца, могучимъ заступленіемъ за единоплеменныхъ съ нами христіанъ предупредившаго выполненіе общихъ задушевныхъ стремленій. Неумолкаемыми „ура!“ толпа выражала свою искреннюю вѣру въ несокрушимость силы, предводимой Монархомъ-Освободителемъ.

Государь уже рѣшилъ, что присутствіе его при арміи необходимо и скоро оставилъ столицу на долгое время. Его Величество прибылъ въ Валахію еще въ то время, когда разлившійся Дунай не давалъ возможности переправиться на турецкій берегъ. Приготовленія къ переправѣ наконецъ кончены; выбранъ пунктъ и молодецкій подвигъ отваги увѣнчался желаемымъ успѣхомъ. Ставъ твердою ногою за Дунаемъ, удальцы овладѣли Никополемъ, почти на глазахъ своего Верховнаго Вождя. Движеніе внутрь Болгаріи, вступленіе въ Тырново, перевалъ черезъ Балканы—слѣдовали такъ быстро одно за другимъ, что недоставало времени представить возможности суровыхъ испытаній. Плевна была грознымъ урокомъ, а отстаиваніе Шипки довело до апогея величіе русскаго героя.

Государь пережилъ среди безтрепетныхъ воиновъ своихъ дни первыхъ побѣдъ и упорную борьбу съ препятствіями, сохранивъ вѣру въ защиту Промысла и увѣренность въ своихъ чудо-богатыряхъ. Плѣненіе Османа-паши и вступленіе въ дорого стоившую Плевну было уже собственно совершеніемъ всего главнаго, а довершеніе разстройства турецкихъ полчищъ оказывалось дѣломъ рѣшеннымъ.

Вотъ почему со взятіемъ Плевны Государь воротился въ столицу, сиротѣвшую безъ Него болѣе полугода. Это время будущій историкъ Царя-Освободителя съумѣетъ освѣтить подобающимъ Ему по праву лучемъ неувядаемой славы. У современника нѣтъ въ распоряженіи такого разстоянія времени, съ котораго округляются и получаютъ общую характерность эпическіе эпизоды великихъ подвиговъ. Подробности событій видны, но пружины приводящіе въ движеніе главныя массы—скрыты. Такъ что попытки возсоздать картину походной жизни русскаго Царя въ Валахіи и Болгаріи съ нашей стороны не могли бы обѣщать успѣха. А даже самыя незначительныя отдѣльныя черты, сохраненныя въ сказаніяхъ очевидцевъ, приковываютъ къ себѣ безъискуственнымъ величіемъ дивнаго образа. Цари русскіе, предводя силами отечества, издавна дѣлили съ ратниками труды и лишенія въ походѣ. Но такъ высоко понимавшихъ свой долгъ какъ Царь-Освободитель, между вѣнценосцами нашими насчитаемъ мы немногихъ, послѣ Петра I. Какъ онъ же, Императоръ Александръ II простоту своей походной жизни довелъ до полнаго забвенія удобствъ. Что можно себѣ представить болѣе скромнаго (послѣ Петровскаго ночлега на голой доскѣ, замѣнявшей банку на косной лодкѣ въ Азовскомъ морѣ)—какъ мѣсто ночлега Его Величества въ Медованѣ. Представьте турецкій оставленный домъ, въ двѣ горенки всего, безъ оконныхъ рамъ и съ глинянымъ поломъ. Казаки пустыя оконныя отверстія замѣнили наскоро газетной бумагой. На полъ разостлали мѣшки изъ подъ зерноваго корма для лошадей; дверь завѣсили Богъ знаетъ откуда добытымъ подобіемъ ковра. Походная кровать, кстати захвачена была съ поѣздомъ изъ Порадима. Отъ Великаго Князя Главнокомандующаго принесли складной столикъ; отъ командира астраханскаго драгунскаго полка взяты два складныхъ стула и—весь этотъ скарбъ въ пустыхъ стѣнахъ образовалъ меблировку спальни и пріемной могучаго Повелителя милліоновъ подданныхъ.

Вотъ гдѣ и на чемъ поучиться смиренію русскому человѣку! Государь нашъ удовольствовался такимъ ночлегомъ, въ осеннюю пору предпринявъ поѣздку для осмотра позицій, взятыхъ его храбрыми войсками. Похваливъ беззавѣтное мужество своихъ гвардейцевъ, Монархъ съ ними вмѣстѣ вознесъ благодареніе Побѣдодавцу за увѣнчаніе успѣхомъ борьбы, почтивъ слезою павшихъ за отечество. И такой ночлегъ, по всей вѣроятности былъ не единственный за время пребыванія Его Величества при арміи. И драгоцѣнное здоровье Государя въ подвигахъ подобныхъ, благодареніе Богу,—осталось также крѣпко.

Дѣля труды съ ратниками, Государь подѣлился и радостнымъ извѣстіемъ о взятіи Карса. На молебствіи объ этой побѣдѣ, отправленномъ подъ Плевною, еще не взятой, Государь при возглашеніи вѣчной памяти героямъ, преклонилъ колѣна и положилъ земной поклонъ.

„Его святая молитва дойдетъ до Бога,“ крестясь говорили солдаты и—Вышній услышалъ: ноября 28-го Османъ, не успѣвъ пробиться, сдался. Начало января 1878 года застало русскихъ солдатъ у Адріанополя, Царя въ Петербургѣ.

Врагъ просилъ пощады и миромъ увѣнчались дивные подвиги самоотверженія и преданности.

Въ сей великій, знаменательный для всѣхъ насъ день, повторяемъ, да вознесется общій молитвенный гласъ русскаго народа:

— Боже! сохрани дни великаго Государя нашего для блага и счастія Россіи!

Рабочій кабинетъ Его Величества Государя Императора въ Зимнемъ Дворцѣ.
Съ фотографіи придворнаго фотографа Левицкаго, грав. Л. Шапонъ.

Иванъ да Марья.

Повѣсть

А. А. Потѣхина.

(Продолженіе).

Дядя Егоръ давно уже вполнѣ готовый сидѣлъ подъ окномъ, въ ожиданіи Ивана и покушался даже было идти къ нему, чтобы напомнить о вчерашнемъ приглашеніи. Завидя Ивана онъ быстро схватилъ шапку, висѣвшую около него на стѣнѣ, и, ни словомъ не предупредивши домашнихъ, выскочилъ за ворота на встрѣчу родственникамъ. Владиміръ приходился ему двоюроднымъ братомъ, но они видались рѣдко и только случайно.

— Ахъ, горе-богатырь, какъ живешь-поживаешь?.. вскричалъ Володя, увидя дядю Егора.

— По-маленьку... Богъ грѣхамъ терпитъ... отвѣчалъ Егоръ: капиталовъ не нажилъ, а ребятишекъ прокармливаю... Вотъ срубы новы поставилъ...

— Слышалъ братъ, слышалъ... Знаю... Все на заводѣ зиму-то?..

— А то какже?.. Привычка, да и союзнѣй дѣло-то: жена дома управляется, а я и хлѣба-то своего не ѣмъ, да и однако что нибудь заработаю... Ну, а ты какъ?..

— Что я... Моя жизнь самая райская: изъ гостей въ гости, изъ кабака въ трактиръ... Не поспѣваю пить-то, а то хоть и не просыпайся вовсе... Да что мнѣ не жить-то: дѣтей у меня нѣтъ, податей незнаю, зайцы слушаются: которому крикну: стой косой, стрѣлить буду... Ну, ужъ не уйдетъ: стоитъ да ждетъ... Знаю, что мой будетъ!.. На однихъ заячьихъ шкуркахъ болѣ полусотни рублей вынашиваю... А куда мнѣ?.. хожу да по кабакамъ дѣлю... Ну, знаютъ и почитаютъ... Да ужъ что про мою жизнь говорить: Дай Богъ всякому, хожу, ровно воинъ Аника, все мнѣ покорно... всѣ почитаютъ, слушаются: и звѣрье и люди...

— А избы-то, сказываютъ, ужъ ты вовсе рѣшился?..

— Какъ рѣшился?.. Кто тебѣ сказывалъ?..

— Продалъ, сказываютъ...

— Ничего не продалъ: Сенофошку жить пустилъ... изъ уваженія... А изба моя: уважать не станетъ, захочу—выгоню... Продалъ!.. Большая мнѣ надобность продавать!.. А ты вотъ что: ты бы кладъ искалъ... Кладъ сказываютъ, подъ Шаронихой въ болотѣ кажется... Вотъ бы досталъ... Это согласнѣй, нечѣмъ на заводъ-то бѣгать... Сразу бы побогатѣлъ!.. А то ты, сказываютъ, новые-то срубы старой избой починялъ...

— Чего починялъ?.. Что не дѣло-то мелешь: до бревешка изба новая, пятьдесятъ рублей за голые стѣны да рублей пятьдесятъ плотникамъ заплатилъ... И теперь еще долженъ...

— Ха... насмѣшливо захохоталъ Володя: заплатилъ, говоритъ, а долженъ...

— Такъ что, заплатилъ и есть: за срубы заплатилъ тридцать, да плотникамъ двадцать, а то ждутъ: вотъ смѣкни-ка сколь долженъ остаюсь...

— Долго, парень, смѣкнуть эки деньги большія!.. А ты вотъ смѣкни-ка сколь у лысаго черта волосъ на хвостѣ осталось?..

Дядя Егоръ минуту подумалъ и расхохотался.—

— Что сосчиталъ?.. съ серьезнымъ видомъ продолжалъ Володя. Ну, сказывай, да вѣрнѣе, мотри, а въ чемъ ошибешься, такъ онъ у тебя изъ бороды понадергаетъ, себѣ на махалку налѣпитъ... а то тебѣ хвостъ насадитъ... Будешь съ хвостомъ ходить...

Дядя Егоръ полу-вопросительно смотрѣлъ на серьезное лицо Володи, желая понять: нѣтъ ли какой обиды для него въ его словахъ и слѣдуетъ ли ему разсердиться и выругаться, или засмѣяться; но тутъ въ разговоръ вмѣшался Иванъ.

— Нѣтъ, дядя Владиміръ, я не надивлюсь еще какъ дядюшка Егоръ поправляется: экая семья, ребятишки малые, на фабрикѣ, самъ знаешь, немного добудешь, а онъ все тянется: и выпьетъ когда, и погуляетъ, а дома безъ хлѣба не сидятъ и, вишь ты, еще новую избу справилъ... Гдѣ тутъ вдругъ всѣхъ денегъ заплатить... Я вонъ и безъ семьи живу, и податей на мнѣ нѣтъ, да вотъ въ какой конурѣ живу: и то совсѣмъ на бокъ съѣхала: подрубить бы, такъ и то сила не беретъ... Нѣтъ еще дядя Егоръ что... въ добрый часъ молвить... онъ поправляется: дай Богъ всякому этакъ-то!

Дядя Егоръ былъ очень доволенъ похвалой Ивана, успокоился и повеселѣлъ.

— Знамо, знамо... твердилъ онъ одобрительно, что дѣлать-то: больше на Бога надѣюсь... Всѣ грѣшники: когда и погуляешь.

Въ Савинское они пришли уже къ концу обѣдни и на паперти встрѣтили Виктора. Егоръ былъ религіозенъ и полѣзъ было впередъ, чтобы „хоть маненечко рыло перекстить“, но прочіе товарищи остановили его, предпочитая достоять обѣдню на паперти и тотчасъ по окончаніи ея, безъ толкотни, идти поскорѣе въ трактиръ.

Въ трактирѣ всѣ четверо усѣлись за особенный столикъ и, выпивши предварительно по маленькой, принялись за чай. Викторъ оказался старый знакомый Володѣ, потому-что въ своихъ охотничьихъ экскурсіяхъ послѣдній заходилъ съ дичью, и къ Якову Захарычу. Между ними сейчасъ же завязался веселый и дружескій разговоръ, который впрочемъ прервалъ Иванъ, напомнивши Владиміру, что имъ время сходить по дѣлу.

— Ну, такъ что, пойдемъ. Ребята-то подождутъ здѣсь, посидятъ, а мы съ тобой живой рукой смахаемъ и воротимся... Только, парень, надо еще пропустить... на посошокъ а то съ сухимъ языкомъ не много наговоришь... Иванъ съ этимъ согласился.

— Вотъ теперь съ кѣмъ хошь стану разговаривать... сказалъ Володя, закусывая баранками водку. Подемъ, Ваня, подемъ, ужъ я тебя за все это твое угощеніе... и почтеніе... ужъ не оставлю, не бось... Обдѣлаю тебѣ все твое дѣло...

Они подошли къ небольшому трехоконному, но двухъэтажному дому отца Павла, священника села Савинскаго. Домъ былъ покрытъ тесомъ, который никогда не былъ крашенъ и должно быть давно уже не мѣнялся потому-что весь проросъ зеленымъ мохомъ. Въ верхній этажъ вела крутая лѣстница приставленная снаружи къ стѣнѣ дома въ видѣ стремянки, прикрытой впрочемъ очень покатою крышкою на столбикахъ. Съ другой стороны къ дому примыкалъ крытый соломою дворъ съ воротами. Все это жилище священника построенное много лѣтъ назадъ изъ крѣпкаго толстаго лѣса, какъ видно хозяйственною рукою, прочно и аккуратно, смотрѣло теперь какъ-то сумрачно и непривѣтливо своими потемнѣвшими стѣнами, и какъ будто говорило, что оно существуетъ только благодаря себѣ, своей собственной прочности и устойчивости и не пользуется никакою заботливостью со стороны настоящаго владѣльца: соломенная крыша на дворѣ совсѣмъ почернѣла, ворота опустились и покривились на петляхъ, такъ что плотно не могли даже и затворяться; входная лѣстница отшатнулась отъ стѣны и покосилась, въ окнахъ нижняго этажа половина стеколъ была замѣнена синей сахарной бумагой, а нѣкоторыя пробоинки просто заткнуты грязной тряпицей. Жилище это перешло къ отцу Павлу отъ прежняго священника, заботливаго хозяина и скопидома. Отецъ Павелъ поселился въ немъ еще молодымъ человѣкомъ съ молодой супругой, полный надежды, вѣры въ жизнь и

всякихъ благихъ и возвышенныхъ намѣреній. Здѣсь онъ надѣялся жить среди семейныхъ радостей съ пользою для своей паствы, которой намѣревался служить добрымъ примѣромъ, поучать, руководить, направлять, помогать ей и словомъ, и дѣломъ. Но судьба судила иначе. Отецъ Павелъ прожилъ съ своею супругою не болѣе двухъ лѣтъ: она умерла, оставивъ ему единственнаго сына. Онъ заскучалъ въ одиночествѣ тѣмъ болѣе, что одиночество это было полнѣйшее: ни сосѣда-помѣщика, ни одного человѣка, равнаго ему по образованію съ кѣмъ бы онъ могъ подѣлиться мыслью, горемъ и радостью; свободнаго времени пропасть; доходъ совершенно его обезпечивавшій; впереди никакой надежды на лучшее. Отецъ Павелъ попробовалъ сосредоточить всего себя на любви къ сыну и жить имъ, но и самъ онъ былъ молодъ, и ребенокъ слишкомъ малъ, чтобы жизнь его могла наполниться имъ однимъ. Пробовалъ онъ покороче сблизиться съ народомъ, со своей паствой, но вездѣ встрѣчалъ или вопіющее невѣжество, или тупую безсмысленную покорность и апатичную готовность исполнить требованіе попа, или недовѣрчивость и подозрительность на счетъ его безкорыстія или наконецъ широкое, навязчивое желаніе угостить батюшку, „въ полное его удовольствіе“. У отца Павла не стало характера для упорной послѣдовательной борьбы.: онъ скоро остановился на мысли, что ничего положительно полезнаго не можетъ сдѣлать для своей паствы и что все добро, которое онъ желалъ бы сдѣлать, можетъ быть только отрицательнаго свойства: не обижать, не нажимать, довольствоваться малымъ, что дадутъ, помогать только тогда, когда попросятъ. Онъ такъ и началъ поступать, но скука не оставляла его, одиночество становилось все тягостнѣе и мучительнѣе — отецъ Павелъ мало по-малу пришелъ къ общему цѣлительному источнику русскаго горя и русской скуки — и началъ пить изъ него... Между тѣмъ сынъ выросталъ и учился сначала въ духовномъ училищѣ кое-какъ, потомъ въ семинаріи совсѣмъ плохо; не кончилъ въ ней курса и поступилъ въ губернскомъ городѣ на гражданскую службу въ какую-то Палату. Здѣсь онъ очень скоро послѣдовалъ примѣру родителя и еще юношей пріобрѣлъ многіе наружные признаки того, что одинъ остроумецъ назвалъ чертами жизни: багрово-красные жилки на носу и воспаленные глаза. Затѣмъ онъ вдругъ женился безъ вѣдома отца на мѣщанкѣ сомнительной репутаціи и старше его чуть не десятью годами и съ тѣхъ поръ всѣ отношенія его къ отцу ограничивались письмами съ жалобами на нужду и требованіями денегъ. Отецъ Павелъ посылалъ ему больше, чѣмъ самъ проживалъ, но нерѣдко вмѣсто благодарности получалъ упреки за недостаточную любовь и заботливость о несчастномъ, нуждающемся сынѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ отецъ Павелъ началъ пить, не переставая быть добрымъ, снисходительнымъ и непритязательнымъ, прихожане какъ будто стали ближе къ нему, и больше стали любить его: пропала осторожность, недовѣрчивость, притворное подобострастіе, которое онъ встрѣчалъ отъ нихъ до тѣхъ поръ. Напротивъ онъ увидѣлъ, что къ нему идутъ съ открытой душой, съ довѣрчивымъ взглядомъ, съ простодушной улыбкой: онъ почувствовалъ, что его любятъ и вѣрятъ ему. Съ тѣхъ поръ онъ перестал чувствовать и тягость одиночества, и ничѣмъ ненаполненный избытокъ времени: явились собутыльники, дружки, задушевные пріятели, знакомцы. А между тѣмъ утѣшительный источникъ дѣлалъ свое дѣло и надъ отцомъ Павломъ: вѣчно отуманенная голова его лишилась способности обстоятельно разсуждать, даже различать что хорошо или худо, онъ началъ поступать по влеченію одного сердца, или изъ побужденій какого-то пьянаго молодечества: случались не разъ и такіе казусы, которые производили переполохъ въ средѣ духовенства: наѣзжалъ благочинный, являлись депутаты-слѣдователи, но отецъ Павелъ какъ-то всегда выходилъ изъ бѣды счастливо: отписывался и оправдывался. Въ этихъ случаяхъ не малую роль играли опросы прихожанъ, которые каждый разъ чуть не единогласно заявляли, что имъ лучшаго попа не нужно, что этакого человѣка хорошаго не было и не будетъ, что онъ не токмо не мздоимецъ, а лучше такъ сказать: безсребренникъ - попъ и простая добрая душа: останную рубашку съ себя отдастъ, коли попросить хорошенько, что они никакого худа отъ него не видали, окромя одного хорошаго, и хоша онъ и испиваетъ въ мѣру, да безъ этого по нашимъ мѣстамъ ни какъ невозможно, и порчи отъ него, али качествъ какихъ черезъ это самое никто не видалъ, не слыхалъ и не знаетъ; а что если что доказываютъ противъ него недобрые люди, такъ это все со злобы и съ зависти. Само собою разумѣется, что за такую рекомендацію отецъ Павелъ впослѣдствіи, по благополучномъ окончаніи дѣяа, долженъ былъ выставлять прихожанамъ приличное угощеніе, въ количествѣ ведра, или болѣе. При этомъ между отцомъ Павломъ и крестьянами установились какіе-то особенныя отношенія: его любили, стояли за него горой и въ тоже время обращались съ нимъ за панибрата, подъ часъ даже свысока и какъ будто покровительственно, не упускали случая подтрунить надъ нимъ, но въ церкви, при совершеніи требъ и вообще въ тѣхъ случаяхъ, когда отецъ Павелъ былъ трезвъ и совершалъ богослуженіе всѣ сохраняли должное уваженіе къ его личности и сану; называя заглазно просто Павломъ или Павлухой, въ глаза величали батюшкой, подходили подъ благословеніе, цѣловали у него руку, но спокойно, безъ приглашенія садились въ его присутствіи даже въ его собственномъ домѣ.

(Продолженіе будетъ).

Пророчица.

Повѣсть

Захеръ Мазоха.

(Продолженіе).

V.

У судьи.

Судья Фальскій мало подходилъ къ типу чиновника. Онъ скорѣе напоминалъ богатаго помѣщика. Да и жизнь велъ такую, какую обыкновенно ведутъ помѣщики. Въ свободные часы дня онъ не засиживался за письменнымъ столомъ, а садился на коня, или же, перебросивъ черезъ плечо ружье, отправлялся на охоту: по вечерамъ же увивался въ гостинныхъ мѣстныхъ за дамами, объяснялся въ любви на чистѣйшемъ парижскомъ нарѣчіи, а если некуда бывало идти,—онъ надѣвалъ любимый халатъ, въ зубы бралъ длинный чубукъ, а въ руки—новѣйшій романъ Додэ или Зола. Это былъ красивый мужчина, невысокаго роста съ открытымъ, свѣжимъ лицомъ, которому нѣчто особенное придавали небольшой, прямой славянскій носъ и твердо очерченный подбородокъ. Прямо и смѣло смотрѣли глубокіе темные глаза его и если черные волосы уже отчасти порѣдѣли на темени, за то улыбавшійся ротъ показывалъ два ряда бѣлыхъ блестящихъ зубовъ. Онъ очень занимался своими руками, которыя были у него замѣчательно красивы.

Марьяна вошла въ канцелярію и смиренно остановилась у порога. Фальскій сидѣлъ за большимъ столомъ, заваленнымъ бумагами, и курилъ сигару, наполнившую всю комнату своимъ ароматомъ: неподалеку отъ судьи занимался секретарь немилосердно кашлявшій, чахоточный и простуженный.

— Кто тамъ такое? громко спросилъ Фальскій. Отвѣта не послѣдовало.

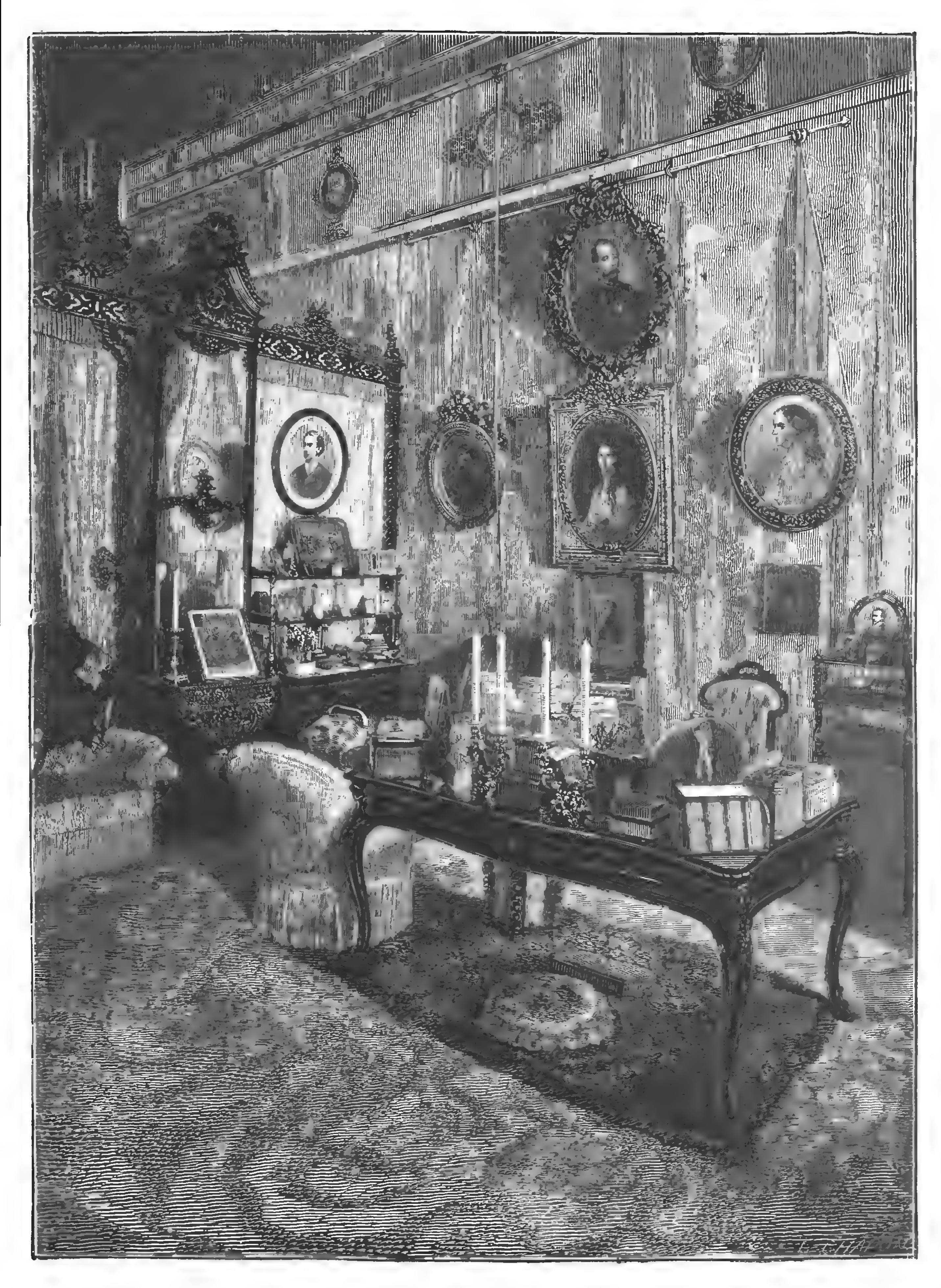
— Да кто же это тамъ, въ чемъ дѣло? переспросилъ онъ.

Марьяна сдѣлала два шага впередъ. Фальскій увидѣлъ ее и, положивъ сигару, всталъ со своего мѣста.

— Есть дѣло у васъ? Вы приглашены развѣ?

Марьяна молча кивнула головой.

— Да, вѣрно, произнесъ Фальскій, бросивъ бѣглый взглядъ на одну изъ бумагъ: вы, вѣроятно, Марьяна Осиповичъ, изъ села Тарговицы, и такъ называемая „Пророчица“ тамошнихъ сектантовъ?

Рабочій кабинетъ Ея Величества Государыни Императрицы въ Зимнемъ Дворцѣ.
Съ фотографіи придворнаго фотографа Левицкаго, грав. Л. Шапонъ.

Зимній Дворецъ въ С.-Петербургѣ. Съ фотогр. грав. Паннемакеръ.

С.-Петербургскій Императорскій эрмитажъ. Рис. Шарлери, грав. Паннемакеръ.

Марьяна снова отвѣчала только наклоненіемъ головы.

— Вы однако ужасная женщина! вы самовольно позволяете себѣ поступать здѣсь и расправляться, какъ расправляются только развѣ у татаръ или турокъ! громко говорилъ Фальскій, вы забыли, что существуютъ законы? Вы и ваши друзья—просто разбойники, ничего и христіанскаго нѣтъ въ васъ. Вы побили каменьями эту... эту... эту... какъ ее зовутъ? позабылъ,—вы ужасно избили ее. Только чудомъ осталась жива она. Кто уполномочилъ васъ, кто далъ право судить ее? Все это можетъ имѣть весьма нехорошія послѣдствія для всѣхъ тутъ участвовавшихъ и для васъ въ особенности.

Марьяна ни однимъ словомъ не нарушила своего молчанія. Она стояла предъ судьей неподвижная, гордая и прекрасная. Голова ея была слегка опущена, длинныя рѣсницы прикрывали глаза. На волосы былъ наброшенъ бѣлый платокъ, окаймленный настоящими кружевами, въ ушахъ и на бѣлыхъ, сложенныхъ въ ту минуту, рукахъ, сіяли драгоцѣнные каменья, кораллы и золотыя монеты украшали шею и ровно и спокойно дышавшую прекрасную грудь.

— Всѣ вы тамъ таковы! продолжалъ горячиться Фальскій, ходя большими шагами по комнатѣ, съ закинутыми за спину руками, не признаете, не уважаете ни закона, ни порядковъ, бунтовщики, гайдамаки! Нѣтъ границъ вашему своеволію! Человѣческая жизнь для васъ ничего не стоитъ.

Марьяна медленно подняла голову. Взгляды ихъ встрѣтились. Судья, въ свою очередь, какъ-то смутился и замолчалъ, не находя словъ далѣе.

— Ты, кажется, и не думаешь, и не хочешь думать, что совершила преступленіе? сказалъ онъ наконецъ почему то перейдя на ты и пристально разсматривая красавицу,—ты, вѣдь, какъ это тамъ, по вашему, по волѣ Бога на землѣ, что ли! такъ, что ли? тебѣ, значитъ, все дозволено? Никакому суду ты не подчинена, такъ? Ну, а предъ закономъ ты, все таки, преступница.

Марьяна по прежнему, не защищалась, не произносила ни слова въ свое оправданіе, и только продожала глядѣть прямо въ глаза судьѣ. Онъ заговорилъ уже нѣсколько болѣе мягкимъ тономъ, раза два совсѣмъ спутался и, въ концѣ концовъ, потерялъ всякій апломбъ и понесся совсѣмъ зря, какъ говорится.

— Что, бишь, я хотѣлъ сказать?.. да! я ужъ не знаю, какъ ты отъ тюрьмы избавишься. Ты такъ же мало заслуживаешь снисхожденія, какъ и всякая другая... предъ судомъ всѣ равны, но, можетъ быть, ты найдешь сказать что нибудь въ оправданіе свое? Такъ говори, не смущайся, мы не враги и не друзья тебѣ, наше дѣло—полное безпристрастіе. Ты скажешь, что и законъ наказываетъ убійство, покушеніе... Это вѣрно, это такъ. Но никто не имѣетъ права предупреждать законъ и власть. Этотъ—какъ его?.. Ну, все равно, онъ обязавъ былъ куда слѣдуетъ на жену жаловаться. Ну конечно тебѣ захотѣлось разыграть роль судьи, видишь ли!

— А обязанъ былъ мужъ жену свою въ тюрьму засадить? были первыя слова Марьяны.—Мы судимъ и наказываемъ по христіанской любви.

Фальскій засмѣялся.

— Если ты велишь побивать каменьями тѣхъ, кого любишь, то я желалъ бы знать, что ты дѣлаешь съ тѣми, кого не любишь!

— Я не ненавижу никого.

— И даже меня?

— И васъ.

Фальскій отослалъ подъ какимъ-то предлогомъ письмоводителя и остался наединѣ съ красавицей.

— Марьяна Осиповичъ, сказалъ онъ,—я вижу, что ошибался на твой счетъ: въ тебѣ нѣтъ злой воли, поступала ты такъ, потому что была убѣждена, что дѣлаешь правильно и хорошо. Хотѣлось бы очень мнѣ тебя спасти! но какъ, какъ? Какимъ способомъ! А, вѣдь, ты не похожа на крестьянку, просто можно подумать, что ты переодѣтая барыня. И право что-то есть такое въ тебѣ. Мнѣ это собственно очень нравится. Да—но, скажу тебѣ, противъ тебя много свидѣтелей.

— Никто противъ меня не скажетъ ни слова, гордо и увѣренно сказала она.

— А Софья?

Она не будетъ жаловаться на меня.

— Откуда у тебя такіе глаза!

Фальскій поднялъ было руку, чтобы взять ее за прелестный подбородокъ, но въ ту же минуту имъ овладѣло какое-то странное смущеніе и можетъ быть въ первый разъ въ жизни.

— Ты—Богъ тебя знаетъ, ты какая-то колдунья! воскликнулъ онъ, тебя надо было бы въ воду бросить, утопить! А? Съ толку сбиваешь порядочнаго человѣка. Право! А?

— Смѣю ли я... Чѣмъ же это я съ толку сбиваю?

— Глазами, глазами своими, красавица ты моя, произнесъ онъ болѣе тихимъ голосомъ. Ты побѣждаешь враговъ своихъ, ты заполонила и судью своего. Да? Вѣрно!

Онъ схватилъ вдругъ ея бѣлую руку и прильнулъ къ ней губами съ юношескимъ пыломъ.

Марьяна опустила глаза...

Сани весело скрипѣли по снѣгу. „Пророчица“ возвращалась домой, гордая какъ римскій тріумфаторъ въ своей колесницѣ. Когда сани выѣзжали уже изъ города, какой-то человѣкъ вдругъ бросился откуда-то со стороны бѣжать за ѣхавшими. Онъ такъ громко закричалъ при этомъ, что еврей остановилъ лошадь. Это былъ Венцеславъ. Съ невыносимой тревогой и горемъ ожидалъ онъ возлюбленную свою и теперь, видя ее весело улыбающеюся, не могъ, отъ волненія, выговорить ни слова. Да и къ чему было говорить? Онъ видѣлъ, что она спасена, да и красавица теперь сама это ему подтверждала своими ласками—онъ сидѣлъ теперь рядомъ съ ней въ саняхъ, они продолжали путь вмѣстѣ. Она была такъ довольна, такъ рада, что ей, очевидно, хотѣлось осчастливить весь міръ, а въ особенности его, его, который такъ сильно любилъ ее.

Въ тотъ же вечеръ Марьяна велѣла привести къ себѣ несчастную Софью. Она ожидала жертву свою сидя на возвышеніи, о которомъ мы говорили уже, въ большой горницѣ и окруженная главными сектантами.

Софья вошла, на этотъ разъ, не съ прежнимъ видомъ смиренной покорности. Ея блѣдное красивое лицо, прорѣзанное двумя рубцами на щекѣ и на лбу, дышало глубокой, безконечной ненавистью.

— Что тебѣ, Марьяна, чего еще отъ меня надо? спросила она рѣзкимъ тономъ.

— А надо, Софья, мнѣ поучить тебя—какой отвѣтъ ты должна держать на судѣ, когда позовутъ, отвѣчала спокойно Марьяна.

— Боишься, небось! Дѣло выходитъ, за тобой есть.

— Я?!—Марьяна встала съ своего мѣста.—Не то Софья, продолжала она мягко и безъ малѣйшаго признака волненія или раздраженія,—тебѣ, Софья, пугаться и трястись надо, когда вспомнишь какая за тобой вина предо мною!

— Я обязана правду сказать на судѣ.

— Софья, Софья,—Богъ предалъ тебя въ руки мои, но я буду какъ матерью тебѣ, а не строгая судья. Полно! слушайся, не прекословь! Да и какъ ты стоишь предо мной, а? и мтанься забыла?! а? кланяйся ты, кланяйся неразумная! грѣшная!

Софья, продолжала неподвижно стоять, опустивъ глаза въ землю и сжавъ зубы.

— Софья! воскликнула Марьяна, вся фигура которой была, въ эту минуту необыкновенно величава,—Софья, въ послѣдній разъ говорю тебѣ и приказываю: поклонись мнѣ и покайся, покайся предъ Господомъ! Софья подняла, наконецъ, глаза на Марьяну и, затѣмъ, вдругъ съ громкимъ плачемъ, опустилась на колѣни, какъ бы подъ давленіемъ какой-то невидимой силы.

— Ко мнѣ, ко мнѣ, ближе, Софья, произнесла кротко и нѣжно пророчица,—покайся, я прощаю тебя.

— Каюсь, каюсь... съ рыданіемъ проговорила насчастная,—смилуйся, каюсь отъ всего сердца...

— Ну и поцѣлуй меня теперь, хотя ты этой милости еще не заслужила.

Софья припала къ ногамъ своего врага.

— Ну, скажи же, Софья,—кто ты теперь? вѣдь ты—меньше, чѣмъ работница моя! а хочешь еще жаловаться на меня, грозишь мнѣ? Слушай да хорошенько, что говорить буду тебѣ, и ежели жизнь твоя дорога тебѣ—не забудь ты ни словечка, потому я желаю, чтобы предъ судьей ты сказала то, что, я по любви моей къ тебѣ, посовѣтую. Какое ежели слово сказала бы противъ меня—это было бы смертнымъ грѣхомъ и Богъ наказалъ бы грѣшника уже безъ милосердія.

— Говори, говори, произнесла какъ бы совсѣмъ обезсилѣвъ, слабымъ голосомъ Софья,—слушаю... сдѣлаю какъ прикажешь...

Нѣсколько дней спустя свидѣтели были приглашены въ судъ. Ни одинъ не показалъ ни слова противъ Марьяны. Усерднѣе всѣхъ выгораживалъ пророчицу Барабашъ. Онъ поклялся, что Марьяна приговорила только, чтобы Софью, въ видѣ наказанія провели по деревнѣ, но никому не позволяла обижать ее. Когда повели ее, то начали бросать грязью въ нее, но, будто бы неожиданно для всѣхъ, въ то же время, неизвѣстно кто—бросилъ камнемъ въ нее и Марьяна заступилась за нее тотчасъ же и избавила ее. Софья показала что ее ушибли однимъ камнемъ, но она не видѣла кто именно бросилъ его.

— Было ли это сдѣлано по приказанію Марьяны? спросилъ Фальскій Софью. Перо, которымъ онъ записывалъ показанія, задрожало въ его рукѣ при этомъ важномъ вопросѣ.

— Нѣтъ, отвѣчала Софья, Марьяна заступилась за меня.

— А этотъ другой рубецъ отчего?

— Мужъ побилъ меня, виновата я была передъ нимъ, отвѣчала она, блѣдная, опустивъ глаза.

Пророчица была присуждена къ незначительному денежному штрафу и съ тріумфомъ, окруженная цѣлою толпою, возвратилась въ Таргowицу.

Передъ крыльцемъ Осиповичевскаго дома, дня черезъ два остановились сани запряженныя тройкой. Пріѣзжій тотчасъ же вышелъ изъ саней и отправился въ домъ. Марьяна была въ большой горницѣ съ Венцеславомъ. Еще нѣсколько раньше, заслышавъ звонъ дорожнаго колокольчика, пророчица подошла къ окну и взглянула на дворъ. Почему-то лицо ея зардѣлось какъ маковъ цвѣтъ и она, быстро, возвратившись къ Венцеславу, поцѣловала его въ лобъ, будто извиняясь въ какой-то, невѣдомой ему, винѣ предъ нимъ.

На порогѣ появился Фальскій.

— Вы и пожаловали господинъ судья? благодаримъ за честь, встрѣтила его Марьяна степеннымъ поклономъ.

— Заѣхалъ къ вамъ по дорогѣ, отвѣчалъ гость,—дѣло есть въ Гребакахъ у меня, такъ вотъ я и думалъ... Судья только теперь замѣтилъ Венцеслава и остановился на полуфразѣ.

— Прошу пожаловать, прошу пожаловать, сказала Марьяна, а здѣсь живутъ родители мои. Она пошла къ выходнымъ дверямъ. Венцеславъ, обратилась она къ молодому человѣку, остановившись на порогѣ,—ты смотри ужъ тутъ, чтобы намъ не помѣшали.

Влюбленный юноша бросилъ на нее взглядъ, полный такого сердечнаго страданія—но она не обратила на это вниманія. Чрезъ минуту красавица шла уже по двору, къ себѣ и Фальскій слѣдовалъ за ней.

— Сердишься ты на меня? спросилъ онъ, взявъ ее за руки.

— За что?

— Да вѣдь пришлось мнѣ-таки осудить тебя.

— Вы были милостивы ко мнѣ и я вамъ благодарна.

— Такъ ты прощаешь меня?

— Полноте, господинъ судья, возразила, съ улыбкой, Марьяна.—вы много сдѣлали мнѣ, надо ли мнѣ говорить-то это вамъ?

— Ну стоитъ ли вспоминать о такихъ пустякахъ.—хорошо, что ужъ это прошло. Но у меня есть одна просьба къ тебѣ, но, вотъ, духу не хватаетъ, какъ бы это тебѣ сказать-то...

— Какая просьба, господинъ судья?

— Видишь ли, хотѣлъ я тебя просить, чтобы ты позволила мнѣ пріѣзжать къ тебѣ отъ времени до времени.

— Очень вы милостивы ко мнѣ, отвѣчала Марьяна,—чего же тутъ просить,—готова служить вамъ всѣмъ, чѣмъ богата.

— Говоришь-то ты красно, а, вотъ, еслибъ я что серьезно попросилъ...

Марьяна не отвѣчала на этотъ разъ ничего, молча перебирая кораллы своего ожерелья. На минуту она отвернулась но въ зеркалѣ видѣла ясно выраженіе лица влюбленнаго судьи. Она довольна была впечатлѣніемъ, произведеннымъ ею на Фальскаго—онъ былъ ей нуженъ.

— Ты прости меня, Марьяна, продолжалъ онъ,—знаю, что обижаю тебя, да... вотъ—полюбилъ тебя; что ты хочешь, полюбилъ какъ дуракъ! ну-ну, накажи меня если считаешь грѣхомъ это.

— Да какъ же я накажу васъ? спросила она съ прежней улыбкой.

— Вѣрь ты мнѣ, что не только полюбилъ, но и уважаю тебя. Узналъ я тебя недавно, а вижу, такихъ женщинъ мало, пожалуй нигдѣ не найдешь, не только въ крестьянствѣ... Говорю тебѣ—полюбилъ и уважаю тебя, Марьяна.

— Полно—правда ли?

— Клянусь тебѣ!

— Коли такъ—докажите, что вѣрите, что я поставлена Господомъ,—поклонитесь мнѣ какъ пророчицѣ.

Фальскій взглянулъ на нее въ смущеніи и удивленіи.

— Не вѣрите что ли?

— Вѣрю въ тебя, вѣрю тебѣ и если хочешь—брошусь къ твоимъ ногамъ.

— Ежели захочу—будете вѣрить, что избранница я Божья!

Онъ хотѣлъ было обнять Марьяну, но она спокойнымъ и гордымъ движеніемъ руки остановила его.

— Ежели любите, такъ не касайтесь меня, какъ обыкновенной женщины, а чтите во мнѣ меня. Она протянула ему свою маленькую ножку и судья припалъ къ сафьянному сапожку не безъ удовольствія.

— Такъ я могу пріѣзжать къ тебѣ, могу... могу и любить тебя?

— Да, но—никогда не надѣйтесь, тутъ не ожидайте земной любви... Ничего не будетъ, докончила она гордо.

Когда Марьяна прощалась съ усаживавшимся въ свои сани Фальскимъ,—Венцеславъ стоялъ тутъ же на крыльцѣ, не ломая шапки, съ руками въ карманахъ. Сани выѣхали изъ воротъ и не слышно стало уже визга твердаго и хрупкаго морознаго снѣга подъ полозьями; пророчица обернулась, хотѣла подойти къ Венцеславу, но онъ предупредилъ ее намѣреніе и первый самъ быстро приблизился къ ней.

— Ужъ такъ и есть, ужъ и этотъ важный баринъ теперь вѣрный слуга тебѣ! съ глубокимъ волненіемъ произнесъ онъ. Небось ничего не пожалѣла для него — и добраго слова и ласки!..

Марьяна взглянула на него съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, но не съ досадой. Она была женщина, и ничто женское ей не было чуждо. Ей пріятно было видѣть проявленіе такой сильной ревности въ любимомъ человѣкѣ.

— Въ вѣрѣ, въ вѣрѣ-то нашей не крѣпокъ ты, вотъ что! мягко проговорила она,—что же ты это? Кого ты ревнуешь, неразумный! Себѣ одному желаешь? хочешь, чтобы красное солнышко одного тебя только и пригрѣвало? Милосердна я ко всѣмъ, кто мнѣ прибѣгаетъ и, какъ солнышко всѣхъ привѣчаю. Такъ Господь указалъ, а ты меня еще учить хочешь! Поди-ка сюда, я, вотъ, поучу тебя!

Пророчица пошла съ нимъ въ свой домъ. Войдя въ свѣтлицу, она прямо сѣла въ кресло, стоявшее у постели, и движеніемъ головы подозвала Венцеслава.

— Ну, ну иди-ка сюда, стань-ка вотъ, на колѣни тутъ и слушай что я буду говорить тебѣ.

Венцеславъ бросился къ ея ногамъ и горько зарыдалъ.

— Марьяна... Марьяна... прерывающимся отъ рыданія голосомъ началъ онъ—сердце во мнѣ горитъ, видѣть я того не могу, смерть моя, ревную какъ!.. онъ спряталъ поблѣднѣвшее лицо свое у нея на колѣняхъ, и она съ ласковою улыбкою начала гладить его по головѣ, разбирая темные кудри точно мать, успокаивающая своего ребенка.

— Вспомни ты, что я говорила тебѣ, начала она,—ежели любовь насъ въ грѣхъ ввела, то любовь къ пророчицѣ искупляетъ, ибо она духовное возрожденіе человѣковъ, и что отъ плоти родилось, то плоть есть, и что отъ духа родилось, то духъ есть. Каждый обязанъ любить меня, и сердце мое пріемлетъ всѣхъ, но—только духовно. Земной любви чувствовать я не могу и не смѣю ни къ кому.

— Да къ чему же говоришь ты мнѣ это? грустно промолвилъ Венцеславъ.

— Для чего? а ты не забывай да помни, что не для меня земная ваша любовь. Меня избралъ Господь.

— Знаю, знаю... слышалъ... но не могу вытерпѣть, только мучусь, горю ровно на кострѣ...

— Грѣшникъ ты, грѣшникъ! сильно еще навожденіе діавола въ тебѣ, изгнать его ты долженъ постомъ и молитвой.

Въ комнату вошла Аннушка съ извѣстіемъ, что съ той стороны Днѣстра пришли два крестьянина просить пророчицу, чтобы разсудила давнишній между ними споръ. Марьяна тотчасъ же ушла въ домъ къ родителямъ. Пока тамъ она занималась, Венцеславъ втихомолку вышелъ, осѣдлалъ лошадь и уѣхалъ, онъ отправлялся однако не въ Солысково, а пріѣхалъ къ Михайлѣ Оброку, лучшему медвѣжьему охотнику во всей этой сторонѣ; у него заночевалъ, а подъ утро взялъ ружье и пошелъ вмѣстѣ съ Оброкомъ въ лѣсъ. Но, все время оба проходили безъ успѣха, видѣли слѣды медвѣжьи, что ровно человѣческіе руки и пальцы оттиснуты были на снѣгу, видѣли и волчьи слѣды, да ничего не нашли. Возвратился Венцеславъ домой недовольный и усталый, бросился на постель свою и проспалъ ночь какъ убитый. Дома онъ остался до вечера слѣдующаго дня, а потомъ сѣлъ опять на коня, пріѣхалъ въ Тарговицу, прямо въ домъ Осиповича, гдѣ, никѣмъ незамѣченный, поставилъ лошадь въ конюшню.

Въ груди его бушевало новое чувство, невѣдомое ему до того времени, странное какое-то. Сатану онъ долженъ былъ изгнать изъ себя, а теперь то „онъ“ самый въ немъ и пробудился. И боялся онъ Марьяны, и любилъ ее безумно, и ненавидѣлъ, и ревновалъ, и что-то жгло его, бѣшено надвигаясь въ груди. Медленными тихими шагами прошелъ онъ, чрезъ дворъ, въ большую горницу. Блѣдный, мрачный вошелъ и остановился почти у самой двери.

Марьяна сидѣла на скамьѣ у стѣны, какая-то молодая дѣвушка обувала ее. Она не сразу увидѣла вошедшаго.

— Чего ты? спросила она, замѣтивши наконецъ его.— метанье-то забылъ что-ли? Венцеславъ сдѣлалъ земной поклонъ и поцѣловалъ маленькую ногу, которую Марьяна улыбаясь протянула ему. Въ ту минуту, когда подымался, онъ почувствовалъ на себѣ взглядъ дѣвушки, прислуживавшей теперь Марьянѣ и мелькомъ замѣтилъ прекрасное блѣдное лицо, обрамленное густыми черными волосами и пару большихъ темныхъ грустныхъ глазъ. Тепло и хорошо вдругъ почему-то стало ему отъ взгляда этихъ чудныхъ нѣжныхъ очей... На сердцѣ повеселѣло, на душѣ сдѣлалось легче и спокойнѣе. А та, которая чудо такое совершила, та стала еще блѣднѣе, но не въ силахъ была она оторвать глазъ своихъ отъ него...

— Нимфодорушка, ласково произнесла Марьяна, застегни башмаки-то. Блѣдная дѣвушка снова покорно принялась за прерванную на минуту работу.

— Что же это вы не поздоровались? спросила ее Марьяна. Нимфодора быстро поднялась. Трепетная и смущенная глядѣла она своими прекрасными глазами на молодаго человѣка.

Онъ слегка поцѣловалъ похолодѣвшія прекрасныя губы и въ тотъ же мигъ, по лицу ея разлился густой пламенный румянецъ. Нѣсколько секундъ молодые люди простояли, держа другъ друга за руки, безмолвные, въ какомъ-то сладкомъ забытьи.

(Продолженіе будетъ).

Къ рисункамъ.

Палаты бояръ Романовыхъ. Зимній Дворецъ и Эрмитажъ. Кабинеты Государя и Государыни. Исаакіевскій соборъ. Его освященіе.

Палаты Романовыхъ. Въ Китай-городѣ близъ Знаменскаго монастыря есть весьма интересное зданіе. На этомъ мѣстѣ стоялъ домъ Никиты Романовича Юрьева, родовой домъ бояръ Юрьевыхъ Романовыхъ. Для насъ, русскихъ, дорого напоминаніе обо всемъ, что касается предковъ нынѣ царствующаго Государя, а потому мы и помѣщаемъ рисунокъ, изображающій возста-

новленныя, каменныя палаты Романовыхъ. О домѣ Романовыхъ всегда говорилось „дворъ Родителей Государевыхъ". Тогда дома, построенные въ Китай-Городѣ, имѣли значеніе жилища для временнаго пребыванія въ столицѣ и притомъ служившаго убѣжищемъ боярину при нашествіяхъ непріятеля. Спасаясь въ такихъ случаяхъ изъ деревень, сюда привозили съ собою болѣе цѣнныя вещи, деньги, запасы. Возстановленъ домъ конечно въ иномъ, болѣе роскошномъ видѣ и замѣчателенъ теперь особенно собранными въ немъ драгоцѣнностями и древностями, множествомъ образовъ въ дорогихъ окладахъ, подобранныхъ весьма тщательно. Всѣ эти предметы наглядно возстановляютъ особенности и характеръ стараго быта.

Императорѣ Николаѣ Павловичѣ, въ 1837 г. во дворцѣ отъ неосторожности произошелъ пожаръ. Собственно дворецъ почти весь сгорѣлъ, но Эрмитажъ былъ спасенъ; были спасены всѣ драгоцѣнности, картины, книги, бумаги и пр. Вскорѣ послѣ несчастья сего была составлена по Высочайшему повелѣнію особая строительная коммисія и черезъ годъ съ небольшимъ дворецъ былъ возстановленъ въ прежнемъ видѣ, но съ большею противъ прежняго роскошью. Комнаты, гдѣ живетъ Императорская Фамилія, выходятъ на Адмиралтейскую площадь и въ этой же части дворца находится

Рабочій кабинетъ Государя Императора. Кабинетъ этотъ отличается строгою простотою. Два большихъ стола, покрытыхъ

Фасадъ и планъ Исаакіевскаго собора, оконченнаго и освященнаго въ настоящее царствованіе.
Рис. Обри, грав. Паннемакеръ.

Зимній дворецъ, мѣсто постояннаго пребыванія Августѣйшей Фамиліи. При Петрѣ Великомъ на мѣстѣ этаго дворца былъ большой домъ генералъ-адмирала графа Ѳ. М. Апраксина. Графъ, умирая, завѣщалъ свой домъ Императору Петру II. Императрица Анна Іоанновна поручила постройку на этомъ мѣстѣ новаго дворца знаменитому архитектору Растрелли. Но постройка шла медленно. Начавшись съ 1754 года, окончено было строеніе дворца лишь при императрицѣ Екатеринѣ II, въ 1764 г. Въ общности дворецъ имѣетъ чрезвычайно величественный видъ и считается однимъ изъ лучшихъ памятниковъ искуства. Со времени Императрицы Екатерины II онъ сталъ мѣстомъ постояннаго пребыванія Императорской Фамиліи. При

книгами и бумагами, нѣсколько любимыхъ картинъ Государя, разныхъ школъ, портреты лицъ Августѣйшей Фамиліи, диванъ, кушетка, два-три маленькихъ столика—вотъ все убранство того историческаго покоя, гдѣ были обдуманы величайшія реформы нынѣшняго царствованія, открывшіе собою Россіи эру новой жизни. У стола, видимаго на первомъ планѣ на нашемъ рисункѣ, обыкновенно дѣлаютъ докладъ министры.

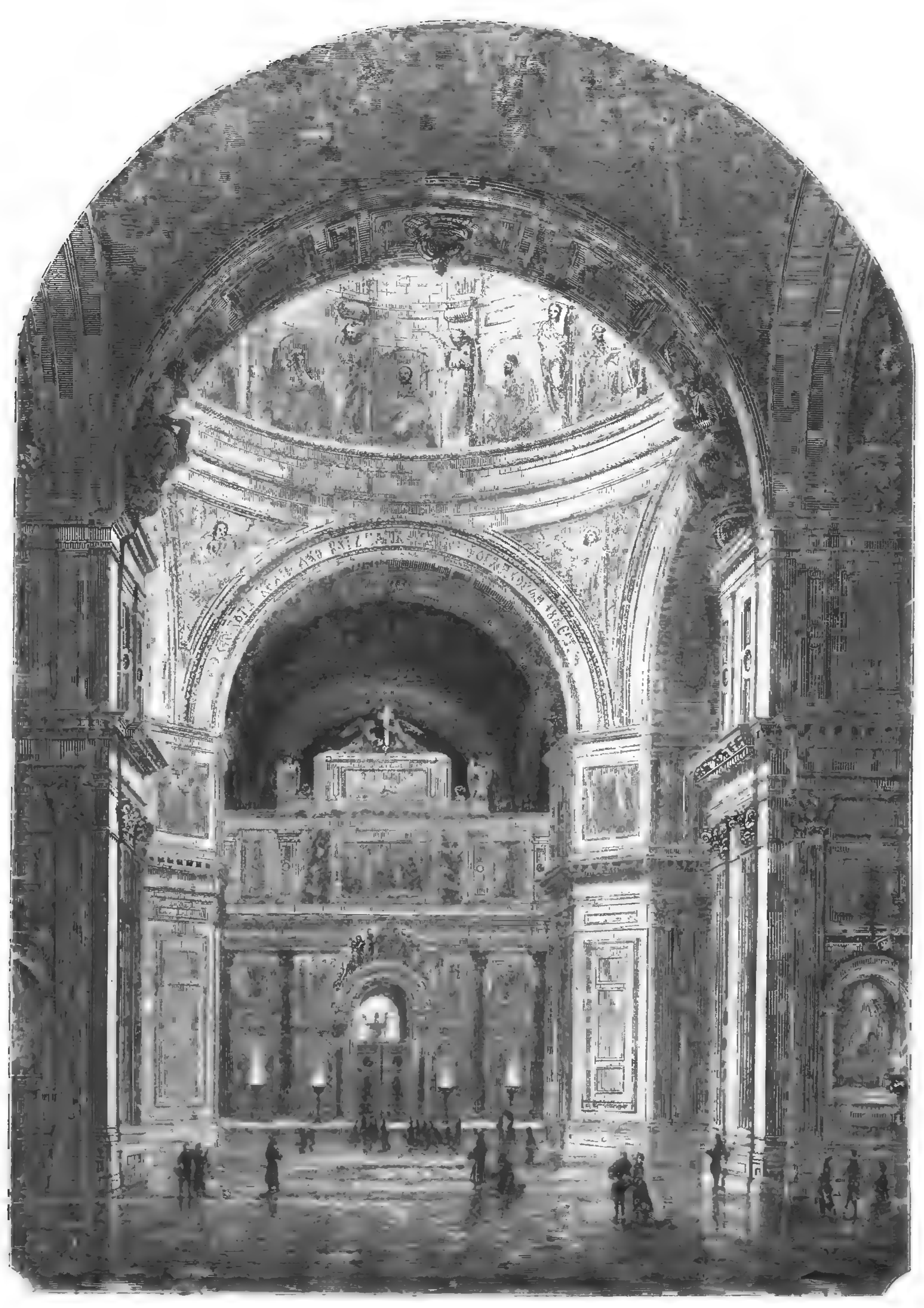
Рабочій кабинетъ Государыни Императрицы, находящійся въ той же части дворца, отличается также сравнительною простотою убранства. Здѣсь Государыня Императрица принимаетъ близкихъ лицъ.

Императорскій Эрмитажъ, по набережной Невы и Большой Мил-

(Продолженіе на стр. 145, 146, 147, 148).

лiонной улицѣ, составляетъ съ Зимнимъ Дворцомъ какъ бы одно цѣлое; основанiе этого зданiя и назначенiе его хранилищемъ драгоцѣнныхъ произведенiй искусства принадлежитъ Императрицѣ Екатеринѣ II. Павильонъ, ближайшiй съ Невы ко дворцу, построенъ въ 1765 г. архитекторомъ де-Ламоттомъ, другая же часть его, по Миллiонной, гораздо позже. Галлерея Рафаэлевженъ всякому. Въ виду этой доступности Эрмитажа его художественныя сокровища могутъ имѣть теперь широкое влiянiе на искусство и развитiе вкуса. Въ виду того особаго значенiя, которое онъ получилъ въ это царствованiе, мы и помѣщаемъ его видъ.

По проэкту архитектора Кленце было воздвигнуто великолѣп-

Внутреннiй видъ Исаакiевскаго собора. Рис. Шарлери, грав. Паннемакеръ.

скихъ ложъ представляетъ вѣрную копiю съ Ватиканскихъ ложъ въ Римѣ. При Императорѣ Николаѣ I Эрмитажъ чрезвычайно обогатился. Это одно изъ драгоцѣннѣйшихъ собранiй искусствъ, которое прежде было весьма трудно-доступно, нынѣ же, благодаря милостивому дозволенiю Его Величества, доступъ въ эту государственную художественную сокровищницу возмо-

ное зданiе музея, видимое на нашемъ рисункѣ. Воздвиглись у подъѣзда карiатиды изъ сердобольскаго гранита и бронзовыя статуи ученыхъ и артистовъ и сдѣланы были массы драгоцѣнныхъ прiобрѣтенiй художественныхъ. Въ настоящее царствованiе прибавилось нѣсколько произведенiй Рубенса, Росселя, фрески Рафаэля и друг. а также много вазъ, статуй и античныхъ произведенiй.

Исаакіевскій соборъ. 30 Мая 1858 года происходило торжественное освященіе Исаакіевскаго Собора. Значеніе храма, его великолѣпіе и долговременное сооруженіе, самый день освященія, соединенный съ драгоцѣннымъ воспоминаніемъ о днѣ рожденія Петра I—все это требовало величія и блеска. И открытіе храма было дѣйствительно блестяще. День былъ прекрасный. Въ 8 часовъ утра колоколъ новаго храма возвѣстилъ о совершающемся водосвятіи. Государь Императоръ съ многочисленной свитой, лица Августѣйшей фамиліи, многочисленное духовенство, высшіе чины его, иностранныя посольства, громадныя толпы народа,—все собралось для молитвы и участвованія въ торжествѣ. Изъ небольшаго скромнаго собора св. Исаакія Далматскаго, построеннаго Петромъ I, величавый этотъ храмъ возросъ въ теченіи многихъ лѣтъ. Начатое еще Екатериною II въ 1768 году, строеніе продолжалось во все время царствованій императоровъ: Александра I и Николая I и закончено лишь въ настоящее царствованіе. Сокровища храма несмѣтны—въ особенности богата внутренняя отдѣлка, доселѣ возбуждающая удивленіе. Наружныя украшенія также грандіозны и великолѣпны. Фундаментъ какъ бы вылитъ изъ гранита, гранитныя же стѣны одѣты мраморными плитами, толщиною каждая въ три четверти аршина. Извѣстнѣйшіе русскіе художники Брюлловъ, Басинъ Пименовъ украсили храмъ своею живописью и скульптурными произведеніями. Всего замѣчательнѣе запрестольный образъ въ главномъ алтарѣ. Онъ составленъ весь изъ разноцвѣтнаго расписаннаго стекла. Это громадная икона Христа Спасителя, во весь ростъ, благословляющаго Св. Дары, икона, которая занимаетъ цѣлое окно слишкомъ въ четыре сажени вышиною. Она писана въ Баваріи на королевской Мюнхенской фабрикѣ. Затѣмъ есть еще замѣчательныя иконы мозаичныя, составленныя въ Императорскомъ мозаичномъ заведеніи.

Двадцатипятилѣтіе царствованія Александра II.

(Композиція М. Зичи).

Подъ этимъ заглавіемъ мы дѣлаемъ особое, великолѣпное безплатное, для нашихъ подписчиковъ, приложеніе въ видѣ преміи. Прекрасная композиція М. Зичи, состоящая изъ семи отдѣльныхъ рисунковъ, изображаетъ различныя важнѣйшія событія изъ жизни Государя Императора. Вверху торжественный моментъ возложенія Императорской Короны, рисованный художникомъ, лично присутствовавшимъ при церемоніи, прямо съ натуры: подъ нимъ Крещеніе Государя-Наслѣдника и принесеніе Государемъ Наслѣдникомъ присяги. Далѣе: справа—поднесеніе поселянами хлѣба-соли Государю Императору, пріѣхавшему на охоту, рисунокъ, изображающій единеніе Царя съ народомъ. Слѣва—посѣщеніе Императоромъ госпиталя въ Болгаріи, причемъ обращеніе раненныхъ къ обожаемому своему Государю, всегда по разсказамъ очевидцевъ, глубоко потрясало и трогало присутствующихъ—рисунокъ, изображающій единеніе Царя съ своими героями-воинами. Внизу символическое изображеніе народной благодарности по поводу величайшаго акта царствованія—освобожденія крестьянъ, причемъ ребенокъ съ книгами, готовящійся идти въ школу—юное, грамотное и свободное поколѣніе крестьянъ. Рядомъ съ этимъ изображеніемъ, символическое же изображеніе освобожденія балканскихъ христіанъ, съ которыхъ сняты цѣпи, снято иго рабства Царемъ-Освободителемъ. Затѣмъ надписи на скрижаляхъ внизу и на свиткѣ, въ серединѣ картины, напоминаютъ важнѣйшія реформы и событія этаго, обильнаго преобразованіями и событіями, царствованія. Помѣщенный въ серединѣ всей композиціи, портретъ Государя Императора сдѣланъ съ одного изъ послѣднихъ и поразительно сходныхъ портретовъ.

Выставка работъ академика М. Зичи.

Въ эстампномъ магазинѣ Беггрова открыта выставка работъ художника Его Величества, академика Зичи. Работы эти недавно прибыли въ Петербургъ на продажу изъ Парижа, гдѣ за послѣднее время жилъ художникъ. Небольшая выставка около 20 крупныхъ и мелкихъ произведеній—крайне любопытна. Она, какъ нельзя болѣе наглядно, даетъ понятіе о всѣхъ достоинствахъ и недостаткахъ автора. Виртуозность техники, удивительно изящный, блестящимъ художественнымъ чутьемъ схваченный рисунокъ, своеобразный, глубоко прочувствованный колоритъ,—эти присущія Зичи черты, повторяемъ, какъ нельзя болѣе замѣтны въ его новыхъ картинахъ.

Самая грандіозная по величинѣ и по сюжету картина—*Аутодафе*, знакомая читателямъ „Нивы" по копіи, помѣщенной въ № 5-мъ нашего журнала за 1878 годъ—глубоко драматична. Несчастныя жертвы испанской инквизиціи прикованныя и привязанныя къ столбамъ эшафота, гибнутъ на кострѣ за вѣру. Средняя, главная, фигура молодой женщины, простирающей руки къ небу, на шеѣ которой красуется надпись *еретики* (Heretici), не смотря на прекрасныя подробности, не вполнѣ удалась художнику но за то остальныя фигуры намѣчены,—только намѣчены,—превосходно, удивительно экспрессивно и жизненно; большой ручной крестъ, повитый траурнымъ флеромъ, мелькающій сквозь прорвавшіеся клубы дыма, и указывающій во имя чего совершается казнь, какъ нельзя болѣе способствуетъ трагизму общаго. По композиціи это едва ли не удачнѣйшая работа.

Двѣ картины—pendant: *Пажи съ виномъ* и *Служанки въ средневѣковыхъ костюмахъ*, назначенныя для украшенія столовыхъ, написаны въ самыхъ спокойныхъ, но удивительно колоритныхъ тонахъ; первое впечатлѣніе при взглядѣ на нихъ—гобеленъ. Оригинальность пріема письма удивительная. Главный свѣтъ падаетъ на стѣну, повыше фигуръ, а сами фигуры находятся въ полутонѣ. Слѣдствія такаго освѣщенія: равномѣрная выписка и передняго и задняго плановъ, а отсюда—плоскость общаго изображенія. Но помимо этой плоскости общая гамма красокъ до того хороша, всѣ тоны до того одинъ другому гармонируютъ, что картины эти вполнѣ подходятъ подъ художественный терминъ „мелодичныхъ".

Двѣ аллегорическія работы—*Между разумомъ и безразсудствомъ* и *Польза и вредъ вина*—виртуозность Зичи въ исполненіи и тутъ выкупаетъ содержаніе. Особенно останавливаетъ вниманіе *Польза и вредъ вина*. Значительныхъ размѣровъ композиція раздѣлена по поламъ. Справа — вы видите *пользу* вина: поэта съ „вдохновляющимъ бокаломъ", рабочихъ послѣ работъ выпивающихъ по чаркѣ, которую имъ подноситъ какая-то красавица; больныхъ, которымъ въ ротъ по каплѣ вливаютъ оживляющую влагу; дружескій союзъ подъ знаменемъ, на которомъ красуется надпись „Concordia", солдаты, которые передъ битвой поднимаютъ стаканы за успѣхъ грядущаго. Слѣва изображенъ *вредъ* вина. Грабежи, убійства, развратъ, пожары, даже чуть ли не революціонныя движенія. Средину картины занимаетъ толстый католическій монахъ, съ наслажденіемъ тянущій бокалъ за бокаломъ изъ вмѣстительной корзинки, стоящей у его ногъ и представляющей цѣлый погребъ въ миніатюрѣ.

Недуренъ маленькій набросокъ перомъ: *Двѣ молитвы одному Богу*. Передъ колоссальнымъ распятіемъ, раздѣляющимъ рисунокъ на двѣ части: съ одной стороны склонилась на колѣни группа рыцарей и на мечахъ клянутся именемъ Бога отмстить врагамъ, молятся за успѣхъ военныхъ предпріятій. Съ другой стороны изображена молитва гражданъ о мирѣ, и направляется къ тому же распятому Христу, который съ невыразимой мукой на лицѣ смотритъ на собирающихся во имя Его проливать кровь.

Лучшей, по вполнѣ законченной экспрессіи, мы считаемъ большую акварель *Пажъ съ ястребомъ*. Фигура бѣгущаго степью по травѣ мальчика съ ястребомъ на перчаткѣ, въ сопровожденіи собакъ—превосходна. Смѣющееся красивое лицо поражаетъ экспрессивностью; трудно выбрать лучшій типъ для средневѣковаго пажа: плутовскіе глаза, здоровыя трясущіяся отъ хохота, свѣжія щеки, слегка краснѣющій отъ преждевременнаго употребленія вина носъ—все скомпоновано такъ, что бо́льшаго и требовать невозможно.

Остальныя работы, менѣе замѣчательныя, все-таки заслуживаютъ полнаго вниманія со стороны любителей. Таковы:—*Молодая дѣвушка въ средневѣковомъ костюмѣ за работой*. *Танецъ съ факелами въ Шотландіи*. *Охота въ Шотландіи* *). *Тамара въ церкви* **).—Картины нельзя сказать чтобъ были оцѣнены дорого. — болѣе 2000 руб. цѣны нѣтъ. *Пажи* и *Служанки* оцѣнены въ 1000 руб. каждая. *Пажъ съ ястребомъ* и *Дѣвушка за работой* по 800 руб.—*Тамара* 500 руб.—мелкія акварельныя работы по 200 руб.

Обращая вниманіе цѣнителей на эту выставку, мы можемъ сообщить, что въ скоромъ времени появятся фотографіи съ нѣкоторыхъ изъ выставленныхъ работъ.

*) Помѣщено въ Нивѣ 1878 года, № 10. **) Тамъ-же, № 29.

Задача буквъ № 18

Паншина

Найти слѣдующіе 23 слова:

1) библейскій городъ 29,30.64, 65,66,102,101,3 6,139.
2) жилище царей 4 33,38 72,100,136,71.
3) достопримѣчательность Петербурга 88,40 42,41,2.119,106,105,54,124 125, – 43,12 47.5, 138,123
4) величайшее животное 108,31 104,35,8.
5) кавалеристъ 11,109.83,90 143.74.
6) часть ружья 131,51,76,97,44,112.
7) столичный городъ Россіи 7,17.18,1,116.46.
8) время передъ пасхою 37.87,84.120,57.
9) древній воинъ 127.15,9,142.50,144.
10) столичный городъ Россіи 86,114,115 49,52,113,48.126,16.95.
11) достопримѣчательность Москвы 25 81,60,73,91,128
12) предметъ упряжи 140,77.103,45.
13) библейская гора 68,133,14,32,27.
14) часть сутокъ 129.121,122.107.
15) мѣсто засѣваемое арбузами 75,36,70,24.20.22,99.
16) постоянная гостья бѣдняка 28,82,39,110,111.
17) денежный знакъ 137.85.62 21,93.89.141.134.26.34.
18) часть сутокъ 118,78,79,67.
19) операція совершаемая при проѣздѣ чрезъ таможню 59,58.63.132,117,94 96.
20) составная часть сельтерской воды 23,55.56.135.
21) названіе рыбы 69,130,10.
22) частица рѣчи 19,80.
23) названіе большой страны въ Африкѣ 53.61.98.92,13.

Потомъ буквы найденныхъ словъ разставить въ нижеслѣдующихъ 16-ти квадратахъ на мѣстахъ цифръ. указанныхъ противъ каждаго искомаго слова.

1	2	3	10	11	12	19	20	21	28	29	30
4	5	6	13	14	15	22	23	24	31	32	33
7	8	9	16	17	18	25	26	27	34	35	36

37	38	39	46	47	48	55	56	57	64	65	66
40	41	42	49	50	51	58	59	60	67	68	69
43	44	45	52	53	54	61	62	63	70	71	72

73	74	75	82	83	84	91	92	93	100	101	102
76	77	78	85	86	87	94	95	96	103	104	105
79	80	81	88	89	90	97	98	99	106	107	108

109	110	111	118	119	120	127	128	129	136	137	138
112	113	114	121	122	123	130	131	132	139	140	141
115	116	117	124	125	126	133	134	135	142	143	144

Затѣмъ, когда квадраты будутъ наполнены буквами. нужно всѣ 16 квадратовъ соединить въ одинъ общій, но такъ. чтобы можно было прочитать пожеланіе *истинно-русскаго человѣка.*

Шашечная задача № 19

Трехполѣннаго.

Бѣлыя.

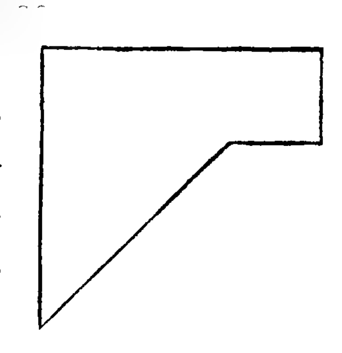
	29		30		31		
				27		28	
	21		22		23		
				19		20	
	13		14				
9		10					
	5		6				
				3		4	

Черныя.

Черныя начинаютъ и запираютъ бѣлую дамку и одну простую.

Геометрическая задача № 20.

Данную фигуру раздѣлить на четыре части такъ, чтобы изъ этихъ четырехъ частей можно было сложить правильный крестъ.

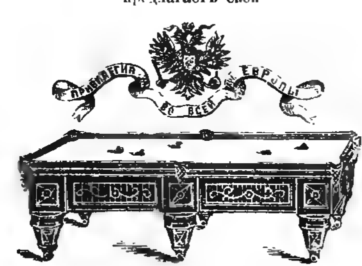
Издатель **А. Ф. Марисъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА

РУДОЛЬФА ГЕРДЕСЪ

въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

предлагаетъ свои

Билліарды съ патентованными передвижными бортами

разныхъ величинъ, разлагаемой конструкціи. крытые, ровно шлифованными аспидными досками, солидной, изящной работы, по рѣшительнымъ цѣнамъ. Иллюстрированные прейсъ-куранты съ описаніемъ высылаются желающимъ чрезъ

РУДОЛЬФА ГЕРДЕСЪ,

№ 543 Вознесенскій просп., № 12. 10—2

Вновь подписавшіеся получаютъ всѣ вышедшія книжки. Вышли №№ 1 и 2.

НОВОСТЬ !!

КАРМАННЫЕ ФОНАРИ

КОТОРЫЕ ПРИ СПУСКѢ ПРУЖИНЫ

ЗАЖИГАЮТСЯ САМИ.

Вставивши въ фонарь восковыя свѣчи, которыя продаются въ любой свѣчной лавкѣ, натянувши нижній ободокъ, отпускать его къ верху и **горящая свѣчиа** выходитъ изъ внутренняго резервуара.

Главное депо для Россіи

А. Юнгъ и Комп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

у Казанскаго моста, по Екатерининскому Каналу, № 12, между Невскимъ проспектомъ и Большой Итальянской улицей.

Высылается во всѣ города Россійской Имперіи. за 5 р. съ дост. и укупоркой.

Продавцамъ соотвѣтственная скидка.

№ 565 3 1

СТИХОТВОРЕНІЯ

Крестьянина С. Грачева, вышли въ свѣтъ въ 1879 г., каждый экземпляръ въ трехъ частяхъ; и продаются единственно у автора. Авторъ, за поднесенный экземпляръ этихъ стихотвореній: Е. И. В. ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ получилъ за это ВСЕМИЛОСТИВѢЙШУЮ МОНАРШУЮ благодарность. А также, получая лѣстные отзывы отъ покупателей—авторъ спѣшитъ ознакомить публику съ этимъ веселымъ и полезнымъ произведеніемъ, и съ удовольствіемъ понижаетъ цѣну на свои труды, а именно: вмѣсто номинальной, одного рубля. цѣна назначается слѣдующая:

Выписывающимъ 1 экземпляръ 75 коп. 5 экземпляра 3 руб.

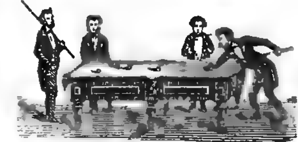
" " 3 " 2 руб. 10 " 5

и съ пересылкою во всѣ мѣста Россійской имперіи. Желающіе выписывать, благоволятъ обращаться по слѣдующему адресу: на ст. **Сосновка**, Тамбовско-Саратовской желѣзной дороги, Степану Тимофѣев. Грачеву. Требованія исполняются немедленно и застрахованными. № 559—1.

БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙБЕРГЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Переведена: Троицкій проспектъ близь Египетскаго моста собств. домъ № 13.

Билліарды и всѣ къ билліардной игрѣ принадлежности.

№ 497 9—7

МЕДИЦИНСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Спримона.

Годовая цѣна десять, полугодовая шесть рублей, съ доставкою или пересылкою. Адресъ редакціи: Москва, Тверской бульваръ. домъ Куренкова. № 515 5—5

Редакторъ издатель Спримонъ.

ЛѢСНАЯ ДАЧА СЪ ЛѢСОПИЛЬНЫМЪ ЗАВОДОМЪ, дѣйствующій водою, и лѣснымъ дворомъ въ Новгородѣ: лѣсу до 3000 десятинъ. на сплавныхъ рѣкахъ. въ Крестецкомъ уѣздѣ. 65 верстъ отъ Новгорода. по Московскому шоссе; цѣна 80 тысячъ р. с., условія и планъ въ Измайл. полку Тарасовъ пер., д. № 8, кв. № 3. № 555 3—1.

„ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ"

въ отдѣльныхъ нумерахъ

для пѣнія съ фортепіано.

ВЫШЕЛЪ ИЗЪ ПЕЧАТИ

и продается

въ Москвѣ: у издателя П. Юргенсона (Неглинный проѣздъ № 10), въ С.-Петербургѣ: у І. Юргенсона (Б. Морская, № 9), въ Варшавѣ у Г. Зенневальда. № 562 1

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЙ ГЕКТОГРАФЪ

или скоро-копировальный аппаратъ Зегимеля, принятый во мног. казен. и частн. учрежденіяхъ. 100 коп. въ 10 мин. Цѣна аппарата съ 2 сткл. чернилъ и составомъ для смыванія чернилъ: для почтоваго формата, 3 р. и 6 р., д. писч. бум. 8 р. для развернутаго почтоваго листа и **музыкальн. нотъ** 10 р., за пересылку каждаго гектографа 1 р. Для разверн. листа писч. бум. 12 р., перес. за 20 фунт. Отдѣльно чернила 25 к. за сткл., масса 1 р. 25 к. за ф., 10 р. за 10 фунт. за перес. по расчету.

Переплеты для моментальнаго переплетенія дома любаго количества листовъ писемъ, иллюстр. журнал. и пр. Ц. 1 р. Съ пересылкою 1 р. 50 к.

УДАЧНѢЙШІЕ ПОДАРКИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ И ДѢТЕЙ.

Фотокопирователь или домашній фотограф. аппаратъ, которымъ даже ребенокъ можетъ копировать только посредств. свѣта въ любомъ количествѣ всяк. фотограф. картъ, рисунковъ и пр. Цѣна (съ прилож. изящныхъ карточекъ, сдѣл. этимъ аппар.) 2 р. 50 к., съ перес. 4 р. Съ прилож. аппар. для копиров. свѣтомъ рисунковъ, безъ вырыванія ихъ изъ книгъ 3 р. 50 к., съ перес. 5 р. **Фотогр. карт.** отдѣльно дюж. 1 р., сотня 5 р. съ перес.

Рисовальный аппаратъ, которымъ даже неумѣющій рисовать можетъ копировать съ соверш. точностью любые рисунки, дамск. рукодѣлія узоры и пр. Ц. съ прилож. способа умноженія посредствомъ сложенія и руководства къ живописи акварелью и пастелью 1 р. 30 к., съ перес. 2 руб.

Камера-обскура для рисов. съ натуры 1 руб. съ перес. 2 р.

Самоучитель чистописанія, съ прилож. школы чистописанія: русск. франц. и нѣмецк. яз. Съ помощью этаго аппар. дѣти выучиваются каллиграфіи безъ затраты бумаги. Ц. 1 р. 20 к. съ перес. 2 р. Складъ: въ центральное бюро объявленій и переводовъ І. Зегимеля, Невскій, № 4, Въ Петербургѣ. № 541 2—2

ДЕШЕВОЕ ДОМАШНЕЕ ОКРАШИВАНІЕ ВО ВСѢ ЦВѢТА

платьевъ. лентъ. платковъ и пр. какъ и всякаго рода матерій посредствомъ совсѣмъ приготовленныхъ съ подробнѣйшими наставленіями красокъ, продающихся

ВЪ АПТЕКАРСКОМЪ МАГАЗИНѢ

Р. КЁЛЕРЪ въ Москвѣ.

Цѣна пачки съ достаточнымъ для окрашиванія большаго дамскаго платья количествомъ краски 50 коп., 1/2 пачки 25 коп. 1/4 пачки 15 коп. Торговцамъ значительная скидка. Краски эти въ особенности въ городахъ, гдѣ нѣтъ красильныхъ заведеній, составляютъ ходкій предметъ торговли. № 550 3—1

„ПРИРОДА и ОХОТА" VIII. годъ

Ежемѣсячный иллюстрированный журналъ съ приложеніями и **преміями.** Въ числѣ премій (четырехъ), будутъ выданы годовымъ подписчикамъ; большая **олеографія** съ картины **В. Г. Перова** „Медвѣжьи Охотники", еще неизвѣстной публикѣ и **портретъ Сергѣя Тимоф. Аксакова.**

Подписная цѣна 12 руб., съ пер. и дост. 13 р. 50 к, на 1/2 года 7 р., съ пер. 8 р. Желающіе получить преміи въ сохранности, цѣнными посылками, доплачиваютъ 50 к., а всего высылаютъ 14 руб.

Адресъ редакціи: Москва. Никитинскій бульваръ, д. Перевощикова. Редакторъ-Издатель **Л. П. Сабанѣевъ.** № 561—1.

НОВЫЙ ТОРГОВЫЙ ДОМЪ.

Въ непродолжительномъ времени откроется на Невскомъ проспектѣ № 49 Торговый Домъ, который будетъ торговать исключительно новѣйшими освѣтительными предметами, домашними и хозяйственными принадлежностями. Учредитель этого заведенія ЭРНСТЪ ВИНТЕРЪ, бывшій управляющій отдѣленія фирмы КУМБЕРГЪ, что на Васильевскомъ Островѣ. № 551—1.

ОГРОМНЫЙ ВЫБОРЪ

столовой и чайной посуды, а также для полнаго хозяйства и приданаго вся кухня

ВЪ МАГАЗИНѢ

AU BON MARCHÉ

Большая Морская, домъ Штанге, № 34. № 564 2—1

Дозволено цензурою СПБ. 15-го февраля 1880 г. **Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.** Тип. Веллинга, Англ. пр. № 10.

XI годъ | № 8 | годъ XI | 1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 23 Февраля 1880 г. Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на 1880 годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургѣ . .	4 р.
Съ доставкою „	5 р.
Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ кн. маг. гг. Шапошникова, Соловьева и Лангъ.	5 р.
Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи	6 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1880 г. номера.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ НА Б. МОРСКОЙ ВЪ Д. № 9.

Катанье на конькахъ съ парусомъ. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Катанье на конькахъ съ парусами.

Суровая зима нынѣшняго года, сковавшая ледянымъ покровомъ европейскія рѣки, ввела въ особенное всеобщее употребленіе такъ хорошо знакомую Петербуржцамъ забаву—катанье на конькахъ. Изящныя парижанки на льду Сены, Итальянцы, Швейцарцы—все это въ праздничные дни высыпаетъ на ледяныя равнины рѣкъ, которыя тогда представляютъ самый оживленный видъ. Тысячи конькобѣжцевъ стекаются со всѣхъ сторонъ. Великолѣпныя палатки-рестораны и красиво разбросанные бараки, импровизированные домики, съ галлерей которыхъ раздаются веселые звуки музыки—принимаютъ къ своимъ печамъ и кострамъ прозябшихъ катальщиковъ: весело вызжа полозьями, несутся легкія кресла съ изящно одѣтыми дамами, раскраснѣвшіяся дѣти съ звонкимъ хохотомъ проворно рѣжутъ ледъ блестящими коньками, при паденіяхъ неумѣлыхъ или неловкихъ слышится веселый смѣхъ. Но вотъ быстро и легко несутся пары, съ особымъ весьма практичнымъ и удобнымъ приспособленіемъ—именно *парусомъ*, съ которымъ катающіеся, направляясь по вѣтру и дѣйствуя съ нѣкоторымъ навыкомъ и ловкостью, могутъ дѣлать чрезвычайно быстрыя и легкія передвиженія. Парусъ натянутъ на легкихъ бамбуковыхъ рамахъ, какъ и изображено здѣсь, на нашемъ рисункѣ.

Стихотвореніе.

Мало свѣту въ нашу зиму
Воздухъ теменъ и тяжелъ;
Не подняться даже дыму:
Опускается на долъ

* * *

И мѣшается съ туманомъ,
И снуютъ со всѣхъ сторонъ,
Караванъ за караваномъ,
Черныхъ галокъ и воронъ.

* * *

Гарь и сырость по болоту...
Да! Работа не легка—
Пересиливать дремоту
Еле виднаго денька...

К. Случевскій.

Иванъ да Марья.

Повѣсть

А. А. Потѣхина.

(Продолженіе).

XII.

Володя и Иванъ поднялись по лѣстницѣ въ верхній этажъ, свободно отворили незапертую дверь въ сѣни и также свободно, никого не встрѣчая, вошли изъ сѣней въ комнату. Эта комната была разгорожена перегородкою на двое: передняя часть служила пріемной, зальцемъ, за перегородкой помѣщалась спальня. Въ пріемной стояло нѣсколько стульевъ, жесткій диванъ и передъ нимъ ничѣмъ не покрытый, старый, изцарапанный, овальный столъ на одной тумбѣ; между окнами помѣщался простой деревенскій некрашеннаго дерева столъ на четырехъ ногахъ, служившій очевидно письменнымъ, такъ какъ на немъ стояла жестяная чернилица и лежали церковныя книги. Стѣны комнаты были совсѣмъ голыя; обои на нихъ мѣстами оборваны. Вообще все было грязно, не прибрано, точно закинутое, необитаемое жилище. Въ переднемъ углу впрочемъ висѣла икона, передъ которой теплилась лампадка.

Володя и Иванъ помолились на нее и остановились оглядываясь: въ зальцѣ никого не было, но за перегородкой кто-то шевелился. Они кашлянули.

— Кто тамъ? послышался голосъ изъ-за перегородки и вслѣдъ за тѣмъ въ дверяхъ показалась высокая фигура отца Павла. Это былъ человѣкъ лѣтъ за сорокъ, съ широкимъ симпатичнымъ, но оплывшимъ лицомъ, съ мягкимъ, ласковымъ, но нѣсколько тупымъ взглядомъ блѣдно-голубыхъ глазъ; русые волосы и борода были сегодня, ради праздника, расчесаны и даже немножко примазаны, но уже успѣли сбиться и спутаться. На немъ былъ затасканный съ лоснящимися рукавами подрясникъ на распашку. Онъ вышелъ морщась отъ только что выпитой водки и пережевывая закуску.

— Батюшка, благословите... проговорилъ Володя подходя къ отцу Павлу съ серьезнымъ дѣловымъ выраженіемъ лица, склоненной головой и руками сложенными ковшичкомъ. Вслѣдъ за нимъ подходилъ и Иванъ.

Отецъ Павелъ не сразу узналъ Володю: такой онъ имѣлъ степенный видъ и такъ мало напоминалъ въ настоящую минуту того беззаботнаго оборваннаго пьянчушку и весельчака-охотника, какимъ всегда видалъ онъ его прежде. Онъ призналъ и вспомнилъ его только тогда, когда Володя принялъ благословеніе и поцѣловавъ руку батюшки, приподнялъ голову и взглянулъ на отца Павла съ улыбкою и со своимъ обычнымъ лукаво-шутовскимъ выраженіемъ.

— А, великій ловецъ .. зайчьихъ душъ!.. сказалъ отецъ Павелъ, не-глядя благословляя Ивана. —Я и не узналъ тебя... Что же ты безъ оружія, безъ жертвъ... и, кажется, даже въ трезвомъ видѣ?.. Не признаю: новость!.. И весь видъ необычный!.. Отецъ Павелъ указалъ рукою на одежду Володи и отступилъ на шагъ назадъ, какъ бы желая подробнѣе обозрѣть его.

— Сейчасъ отъ обѣдни, ваше благословеніе... Не такое время... отвѣчалъ Володя, снова стараясь принять серьезное выраженіе. И опять же вотъ съ племянникомъ къ вашей милости... по дѣлу...

— По дѣлу!.. засмѣялся отецъ Павелъ. И слогъ рѣчи оффиціальный!.. А кто же будетъ этотъ племянникъ?.. Никогда не видалъ его...

— Онъ будетъ мнѣ и племянникъ, и крестникъ... ваше благословеніе!.. Зовутъ его Иваномъ, изъ деревни онъ Карцева... живетъ по фабричной части...

— Такъ!.. Молодецъ парень изъ себя... Вижу... Такъ по дѣлу оба?..

— Точно что дѣло къ вашей чести...

— А что же ты мнѣ, помнишь, дичинки, али зайчика обѣщалъ... Что же не принесъ?.. Вотъ бы на поклонъ передъ дѣломъ-то... Благосклонность бы бо́льшую заслужить могъ... А?.. Какже такъ?.. Знаешь: къ намъ, попамъ, безъ поклона, или безъ угощенія не подступайся... А ты имѣешь дѣло и не принесъ...

— И то, отецъ Павелъ, несъ къ тебѣ двухъ зайцевъ да тетерева... видитъ Богъ.!. только такъ, не по дѣлу этому, а такъ по пріятству твоему... что больно ты попъ-отъ хорошъ!.. А дѣло это невзначай вышло...

— Ну, спасибо... Гдѣ же они... жертвы-то твои гдѣ?.. которыхъ несъ-то ко мнѣ!..

— Въ томъ и оказія, ваше благословеніе: скрали ихъ у меня, отняли...

— Какъ такъ?..

— Такъ... Зашелъ я грѣшнымъ дѣломъ въ кабачокъ: пью, а ихъ снялъ да положилъ на стойку около себя... Вдругъ смотрю, анъ ихъ и нѣтъ... Ну, народу кругомъ много, все народъ пьяный, съ кого спросишь?.. Да объ

этомъ что говорить: вотъ подружи, сдѣлай намъ наше дѣльце... такъ я про тебя... не то, что... всѣхъ зайцевъ передушу...

— Ого!.. больно ужъ много будетъ... Ну-ка, что за дѣло такое? разсказывай... объясни... Постой вотъ только маленько... Я вотъ только... Да вы садись, ребята...

Отецъ Павелъ проворно ушелъ за перегородку и просители услышали стукъ стеклянной посуды и бульканье наливаемой жидкости. Володя, прищуривъ глаза взглянулъ на Ивана и съ улыбкою мотнулъ головой въ сторону перегородки. Черезъ минуту отецъ Павелъ возвратился къ нимъ съ особеннымъ блескомъ въ глазахъ и покряхтывая и откашливаясь присѣлъ на диванъ.

— Ну, объясняй: въ чемъ ваше дѣло... проговорилъ онъ. Володя объяснилъ съ возможными подробностями.

— Ого, парень!.. Ловокъ ты, я вижу: куда затесался!.. проговорилъ отецъ Павелъ. И чѣмъ же ты ее такъ окурилъ?.. Хоть положимъ они изъ вашего же рода, а всетаки стараются держать себя на благородной позиціи... Вѣдь, она въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, барышня... Какъ же ты такъ подъѣхалъ?..

— Такъ, батюшка, отецъ Павелъ... Богъ мнѣ подалъ: такое пристрастіе промежъ насъ вышло... скромно отвѣчалъ Иванъ. Вотъ теперь и желательно въ законный бы бракъ...

— Да какъ бы тебѣ не желательно... Вишь ты!.. Такаго отца капитальнаго дочь, и собой красавица, и приданое, поди, хорошее: не одну, чай, тысячу дадутъ!.. Какъ тебѣ не желать, голому молодцу, экаго счастья...

— Я на счетъ приданаго, отецъ Павелъ, и не полагаю себѣ что получить, потому какъ безъ согласія родителей... можетъ и до себя-то не допустятъ... А желательно только какъ бы любовь нашу совершить... что любовь промежь насъ такая...

— Онъ, нѣтъ!.. Онъ, парень, некорыстный!.. вмѣшался Володя. Ему бы только дѣвку-то достать, а тамъ что Богъ дастъ... Онъ мой крестникъ и весь въ меня уродился... Ты ихъ окрути, отецъ Павелъ, заставь за себя вѣчно Бога молить... Ты человѣкъ добрый, тебя всѣ хвалятъ и благодарятъ... Ужъ и насъ-то не оставь: не обидь...

— Да вы, чудаки, невозможнаго просите... Пускай бы еще онъ или она моего прихода были, а то оба чужаго... Ну, какъ это возможно!.. Да тѣ-то попы живаго меня съѣдятъ... Владыкѣ донесутъ... Отецъ ея тоже вступится, судиться начнетъ... Пожалуй, и мѣста лишатъ... Какъ это можно.!. Нельзя!..

— Отецъ Павелъ! вскрикнулъ Иванъ жалобно. Онъ былъ блѣденъ отъ мысли, что весь его замыселъ, такъ было хорошо ладившійся, не осуществится.

— Да что отецъ Павелъ!.. Не могу, другъ, не могу... Чего нельзя, такъ нельзя!.. Я думалъ вы совѣту только попросить, а то мнѣ и вѣнчать... Невозможно!.. Да ты бы къ своему-то попу толкнулся: ему все удобнѣе...

— Полно-ка, отецъ Павелъ, вмѣшался Володя. Ну что ихный попъ? развѣ онъ куда годится?.. Окромя тебя тутъ нѣтъ поповъ настоящихъ: обойди округу, однаго попа путнаго нѣтъ... Все здоимцы, наровятъ: не то добродѣтель сдѣлать, а какъ бы нажать бѣднаго человѣка... Нѣтъ, ты, отецъ Павелъ, ужь ублаготвори парня... для меня!.. Ну, чего тебѣ стоитъ!.. Надѣлъ вѣнцы да покрутилъ ихъ, попѣлъ, почиталъ, вотъ и шабашъ! готово!.. А для нихъ на всю жизнь... Ужъ, братъ, не развѣнчаютъ!.. Не развѣнчаютъ, вѣдь?..

— Въ томъ-то и дѣло, что развѣнчать нельзя, а съ меня и спросятъ: по какому праву, изъ чужаго прихода и безъ согласія родителей?.. Что я отвѣчать-то буду?..

— Да, ужь ты знаешь что отвѣтить: тебя не учить... возразилъ Володя.

— Вѣдь, не въ первый разъ, отецъ Павелъ... Мы такъ наслышаны, что бывали такіе случаи... нерѣшительно проговорилъ Иванъ.

— Мало ли что бывало, братъ... Тамъ отвѣтъ не такой: оба мужички и жениховъ и невѣстинъ отецъ... Что мужичокъ подѣлаетъ?.. Повѣнчали... ну, значитъ и кончено дѣло!.. Судиться ужь не пойдетъ, да и куда идти не знаетъ... А ты, вѣдь, вонъ что затѣялъ... На управителевой дочери!.. Извольте сдумать! Да Захаровъ-то обозлится: до самаго владыки дойдетъ... Что мнѣ будетъ тогда?.. Подумайте-ка...

— А, можетъ и ничего не будетъ... Отецъ Павелъ, не оставьте!.. Что же, мы, вѣдь, не бѣглые какіе: я всякія бумаги достану, которыя потребуются, и объ себѣ и объ невѣстѣ.. Опять же и братъ невѣстинъ въ свидѣтеляхъ запишется, и въ церкви съ нами будетъ... А на счетъ благодарности, отецъ Павелъ, такъ конечно я человѣкъ бѣдный, много и радъ бы дать, да сила не возьметъ... а коли мало мало по силѣ положите, хоть займу да доставлю... А послѣ, если Богъ дастъ, съ отцомъ дѣло обойдется, проститъ онъ насъ и приметъ, такъ я ничего, кажется не пожалѣю: хошь сотенную, хошь двѣ сотенныя, принесу вашему благословенію!.. Ужь не обману, не сомнѣвайтесь!.. Росписку даже могу на себя дать, только вы не оставьте насъ теперь-то, при нашей бѣдности...

— Да, братъ, отецъ Павелъ, не оставь сироту... Сдѣлай счастливымъ крестничка мово... Смотри парень-то какой!.. Я про тебя ему нахвасталъ, что уже коли добродѣтель человѣку сдѣлать, такъ не ходи ни куда: иди къ попу Павлу... Этакая душа! сказываю: милостивый, себя не пожалѣетъ: человѣку добро сотворитъ!.. И не гля-ради чего: не изъ-за денегъ, а для одного души спасенья... Вотъ я какъ про тебя... Да что говорить: безсребренникъ ты нашъ—одно слово!.. Такъ ужъ ты меня не оконфузь передъ крестникомъ-то... Батюшка, поддержи!.. Чѣмъ мы супротивъ другихъ несчастливы будемъ, что ты для насъ сдѣлать не хочешь?..

— Да опасно, очень опасно... Понимаешь ты это?.. Опасаюсь...

— А самъ ты говорилъ: помнишь, гуляли мы съ тобой, въ кампаніи, въ Ивановскомъ... Самъ говорилъ, что ты въ своей жизни несчастливый, съ того и испиваешь, а что для бѣднаго человѣка, для несчастнаго, все можешь сдѣлать... и желаешь того... и что духъ въ тебѣ къ тому... этакой... ничего не боишься... А тутъ, видишь ты, паренекъ съ дѣвкой слюбилися... жалость смотрѣть-то на нихъ какъ убиваются... Вѣдь, ужь тебѣ надобно всю правду сказать: ты думаешь изъ-за того, что богатаго отца дочь?.. Отстань-ка!.. Просто тебѣ сказать: онъ парень совѣстливый, а дѣло у нихъ дошло!.. Ну, вѣнцемъ прикрыть нужно!.. Вотъ и все!.. Такъ и родителямъ опосля скажутъ.. признаются... Ну ужъ тамъ что будетъ...

— Да я, вѣдь, и безъ того такъ и понималъ, что тутъ не безъ грѣха... потому хоть и видный онъ парень, а все-таки простой, да еще и бѣдный мужикъ... Любитъ любитъ, а все замужъ-то бы не пошла: пождала бы другаго... получше, побогатѣй, или благороднаго какого!..

— Ну, вотъ-то и есть!.. Подушевно тебѣ сказываю!.. Ну, и родителямъ нечего больно-то гордыбачить, да обижаться: чего смотрѣли за дочкой?.. Такъ ли?.. А эти бумаги онъ тебѣ всякія предоставитъ, чтобы тебѣ безъ сумнѣнія... Ты только ему скажи: какія... Не оставь, батюшка, отецъ Павелъ, будь отецъ родной!.. Ванюшка, становись на колѣнки, кланяйся земно... проси...

— Не оставьте, отецъ Павелъ, заставьте за себя... заговорилъ было Иванъ, опускаясь на колѣни.

— Не надо, не надо этаго... остановилъ его отецъ Павелъ... Напрасно... Поднимись... Передъ однимъ Богомъ подобаетъ!.. Поднимись, говорю... Дайте подумать... Вотъ я сейчасъ...

И онъ поднялся было съ мѣста и пошелъ за перегородку, но Владиміръ остановилъ его.

— Батюшка, вотъ что.. Время теперь самое такое...

Замоскворѣчье. Кремль. Иванъ Великій. Воспитательный домъ.

Москва. Общій видъ съ Москворѣцкаго моста. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Гостиный дворъ. Церковь Василія Блаженнаго. Памятникъ Минину и Пожарскому. Спасская башня. Кремлевская стѣна и бульваръ.

Москва. Красная площадь. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

настоящее... Что мы съ тобой въ сухую-то разговариваемъ... у насъ оттого и дѣло-то не спорится... Въ трактиръ бы, да можетъ тебѣ не согласно: людно тамъ, праздникъ, да и у насъ товарищи тамъ... А дозволь: Ванюшка сбѣгаетъ, штофикъ захватитъ... И товарищи у насъ тамъ ждутъ: и ихъ бы сюда, коли дозволенье твое будетъ... Братъ Машинъ-то: его-то невѣсты... Тоже веселый парень, лихой... И дядя еще... Вотъ бы мы всѣ сообща... А, батюшка, дозволишь ли?..

— Да позови, что же? Ничего, позови...

— А настоечки, позволите, али простой?.. Какъ прикажете? Какъ лучше по вкусу? спросилъ Иванъ, быстро поднявшись и собираясь уходить.

— Все одно...

— Знамо, настойки лучше... отозвался дядя Володя: которая, чтобы настоящая, коли есть... Ахъ перцовки настоялъ въ Колышевѣ кабатчикъ, страсть!.. ровно огонь!.. Да закуси какой захвати, смотри...

— Непремѣнно.

— Закуска-то у меня и дома найдется...

— Чтой-то, зачѣмъ вамъ безпокоиться: мы своей принесемъ... возразилъ Иванъ и скрылся.

— У меня и водка-то есть... только мало будетъ про всѣхъ... говорилъ отецъ Павелъ: а съ тобой-то вдвоемъ, пока они ходятъ, по стаканчику пропустимъ... А?..

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше благословеніе, отецъ Павелъ... Много довольны...

— Что же это?.. Отчего не хочешь моей?..

— Какъ не хотѣть... Поднесешь, такъ выпью...Я отъ подносу-то отъ роду не отказывался!.. сказалъ Володя, перемѣняя тонъ.

Отецъ Павелъ засмѣялся.

— А я думалъ, что ты церемонишься: отказываешься...

— Да это точно что... церемонію эту я могу... а чтобы отказываться, коли подносятъ... чтой-то?.. Нечто я дуракъ?.. И положенія у меня этаго сроду не бывало...

— То-то... Ну, такъ на, вотъ, выпей.

Отецъ Павелъ поднесъ ему большой, чуть не пивной стаканъ, изъ котораго самъ пилъ за перегородкой. Володя осклабился, принимая его дрожащею рукою и выпилъ медленно, не переводя духа.

— Ай да батюшка!.. Вотъ такъ стаканчикъ!.. И видно, что добрая душа, безъ обмана на свѣтѣ живешь: въ другомъ мѣстѣ въ руку-то берешь, думаешь: много, а выпьешь—пустое дѣло... одно стекло толстое!.. Нынче и въ трактирахъ извадились толстобокіе-то стаканы да рюмки заводить... Нѣтъ, въ кабакѣ, насчетъ этаго не примѣръ лучше, благороднѣе: мѣрочка! пожалуйте: полштофикъ, косушка, шкаликъ... все въ препорцію, безъ обмана!.. А я опять насчетъ того же дѣла, отецъ Павелъ... Ты у меня крестника-то окрути, родимый... Не погуби парня... Ради Христа, прошу тебя!..

— А вотъ погоди... придутъ... Потолкуемъ, подумаемъ...

— Чего тебѣ думать-то? Взялъ да окрутилъ... Вотъ и все... Положи съ него сколь тебѣ требуется, безъ нажиму, по совѣсти: ну, рублей десять хоть, что ли... али пятнадцать ужъ... ну!.. Пожалѣй парня-то: вѣдь, бѣднота, братъ, голь фабричная... А справится, такъ чтобы еще тамъ, сколь ни на есть: дайся на его совѣсть... Вотъ!.. А отвѣтъ?.. Какой отвѣтъ!.. Наплевать!.. Росписка у тебя отъ тѣхъ поповъ будетъ... Чего еще?.. А тамъ знать ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю... Отъ родителевъ изгону бояться нечего, потому сами не доглядѣли, на срамъ не пойдутъ, а особливо ужъ развѣнчать нельзя... Полно-ко, батька!.. Думать еще!.. Не такая твоя душа, не таково въ тебѣ сердце!.. Сердце у тебя самое доброе, пріимчивое, а душа вольная... радѣльная!.. Это ты для другихъ прочихъ дѣлаешь, а моего племянша крестника обидишь?.. Того статься не можетъ!.. Не такая въ тебѣ совѣсть!.. А ты вотъ что: покамъ ребята-то придутъ и Ванюшка воротится, вынесъ бы сюда коли что у тебя тамоди осталось, за перегородкой-то... Вотъ бы мы съ тобой покамъ вдвоемъ... по душѣ бы...

— Это можно... И то... проговорилъ отецъ Павелъ, вставая.

— Да пра... Что ей тамъ киснуть!.. Все одно: свѣженькой принесутъ...

— Не много, братъ, и осталось, сказалъ отецъ Павелъ, вынося четвертную бутыль и показывая ее на свѣтъ.

Виднѣлось только на днѣ.

— Ну, вотъ и надо ее порѣшить... чтобы не было... а то только глаза мозолитъ... Да и ей-то, чай, родненькой, тошно тутъ на донышкѣ-то полыскаться...

Когда Иванъ съ товарищами пришли въ домъ священника, они застали и его, и Володю, что называется на второмъ уже взводѣ. За то переговоры о дѣлѣ, ради котораго собралась вся эта кампанія, продолжались не долго и увѣнчались полнымъ согласіемъ отца Павла. Онъ обѣщалъ обвѣнчать Ивана съ Марьей всего за 5 рублей, если только Иванъ доставитъ удостовѣреніе отъ своего духовнаго отца и отъ Машинаго о числѣ лѣтъ, о томъ, что они были у исповѣди и св. причастія и что одинъ холостъ, а другая не замужемъ.

— Ужь пропадать, такъ пропадать!.. шумѣлъ о. Павелъ, совсѣмъ пьяный: и я по крайней мѣрѣ то буду знать, что добро сдѣлалъ... А вы помнить мою добродѣтель... не забывать!.. Я что ужъ, я попъ пропащій!.. отчаянный!.. мнѣ все равно погибать!.. Пускай хоть другіе черезъ меня счастье получатъ... добромъ вспомянутъ!.. Я не здоимецъ... мнѣ ничего не надо... а главное, чтобы признательность была...

— То есть вотъ какъ, отецъ Павелъ: замѣстъ отца роднаго почитать буду... говорилъ Иванъ съ увлеченіемъ. Завсегда тебѣ служить буду... во всякой нуждѣ... что тебѣ потребуется... Приходи ровно къ работнику... А Богъ дастъ дѣлами справлюсь... деньги заведутся: сто рублей предоставлю тебѣ... вотъ какъ передъ Богомъ говорю... при всѣхъ свидѣтеляхъ!.. Да довольно сказать: давай бумагу... есть, чай?.. и перо... вона лежитъ!.. сейчасъ росписку тебѣ напишу... что зависитъ мнѣ... сто рублей уплатить безо всякаго... священнику села Савинскаго:.. отцу Павлу... Фамиль сказывай... Мы порядки знаемъ... Въ томъ и руку приложилъ крестьянинъ Бакалдинской волости, Корцовскаго сельскаго общества, Иванъ Бахваленокъ... Вотъ!.. Давай бумаги: сейчасъ напишу!.. Мы, отецъ Павелъ, на счетъ благородства, хоша и мужики... а сами себя понимаемъ... тоже...

— Пиши, пиши, Ваня, а я свидѣтелемъ подмахнусь... за себя и по личной просьбѣ... Тоже, братъ, и мы порядки знаемъ... Не думай!.. похвалялся Викторъ.

— Не надо, братцы, не надо!.. И такъ вѣрю!.. Вѣрю я... всѣмъ вѣрю... и всѣхъ люблю... И съ лобзаніемъ цѣлую!.. А мнѣ ничего не нужно... Я спроста... бѣдненькій я попикъ... несчастненькій... пропащій!.. А я пастырь добрый!.. Я душу свою полагаю за овцы...

Отецъ Павелъ сидѣлъ, опустя голову, со сбившимися на лицо волосами, и грустно покачивалъ ею изъ стороны въ сторону.

— А ты, батька... батюшка... слушай: ты не тужи! утѣшалъ его Владиміръ, тоже нетвердымъ уже языкомъ... Чего тужить?.. наплевать!.. Ты думай: какъ мы на свадьбѣ-то ванюшкиной гулять будемъ... Вотъ такъ ужъ попьемъ... потому наше первое мѣсто... Такъ Ванюха?... А?.. Вотъ ты и думай... объ веселомъ!..

— Да, думайте, отецъ Павелъ, объ веселомъ... Лучше!.. сказалъ Викторъ. Я вотъ сестру выдаю... и нагрѣвка мнѣ будетъ за это... ого, какая!.. коли въ руки папашеньки попадусь... Эхъ зарычитъ: р-р-ракалія!.. Да я и думать не хочу о томъ... Вотъ еще!.. Буду прятаться, покамъ можно... ну, а попадусь... тогда берегись, Викторка!.. Ну такъ что?.. А все таки на свадьбѣ погуляемъ... вволю... Наливай-ка, Ванюха... Что тутъ!..

Иванъ былъ всѣхъ трезвѣе, держалъ себя осторожно и сосредоточенно и не казался веселымъ: какъ первный

человѣкъ онъ весь былъ въ мысли о томъ, осуществится ли его замыселъ, видѣлъ себя близкимъ къ цѣли и боялся какъ бы что не помѣшало ея достиженію.

Дядя Егоръ напротивъ, находился въ самомъ счастливомъ, какомъ-то умиленномъ даже настроеніи духа: угощеніе въ трактирѣ, потомъ пиръ у попа, расположили его къ полнѣйшему сочувствію замысламъ Ивана. Его не успѣли подготовить заблаговременно и онъ долженъ былъ соображать о предстоящеи свадьбѣ изъ разговоровъ, происходившихъ въ домѣ священника; онъ нѣкоторое время не могъ даже понять въ чемъ дѣло и о чемъ идетъ рѣчь. Но когда онъ наконецъ понялъ, что Иванъ женится на дочери управителя, хорошо ему извѣстнаго, что барышня эта идетъ, за удалаго Ванюху, уходомъ и что братъ ея ей помогаетъ, и когда Иванъ обратился къ нему тутъ же съ просьбой не оставить племянника и помочь ему: дать лошадь и позволить сыграть свадьбу у него въ домѣ, полупьяный дядя Егоръ пришелъ въ неописанный восторгъ, хохоталъ, хлопалъ Ивана по плечу, не только на все согласился, но и полѣзъ со всѣми цѣловаться, а попу Павлу поклонился въ ноги. Затѣмъ онъ скоро, какъ говорится, совсѣмъ *огасъ*, потерялъ способность связать два слова и мычалъ, хихикалъ, прищуривалъ на Ивана глаза и съ размаху колотилъ его по плечу, по шеѣ, толкалъ въ спину и въ бока.

Принесенной водки оказалось мало. Ивану пришлось еще разъ сбѣгать за ней. Пирушка кончилась и пріятели разошлись только тогда, когда отецъ Павелъ уснулъ, сидя и положа голову на столъ. Егора Иванъ долженъ былъ вести подъ руку, на что очень обижался Володя, самъ едва державшійся на ногахъ, и всю дорогу ругалъ и дразнилъ Егора, называя пьяницей и слякотью. Прощаясь съ Викторомъ Иванъ шепнулъ ему, чтобы онъ предупредилъ Машу, что сегодня ночью онъ опять придетъ въ садъ и чтобы она выходила вмѣстѣ съ нимъ, перетолковать обо всемъ сообща.

XIII.

Послѣ обѣда, уложивши пьянаго Володю спать, Иванъ подсѣлъ къ матери, которая была особенно угрюма и печальна, недовольная тѣмъ, что сынъ одѣваетъ въ свою одежу и поитъ такихъ безпутныхъ людей, какъ Володя, отъ котораго ему самому никогда не придется ничего. Она упорно молчала во все время обѣда, не смотря на всѣ задирки гостя и сидѣла, отворотясь къ окну, до тѣхъ поръ, пока онъ не угомонился и не захрапѣлъ, ткнувшись на лавку.

— Эко, Господи, горе мое! думала она про Ивана. Ну, пускай бы ужъ гулялъ, моталъ деньги, да хошь людей бы стоющихъ подбиралъ, а то Егорку взялъ, да этаго... Ну, извѣстно они рады: обопьютъ хошь кого... А отъ нихъ что увидишь, чѣмъ отъ нихъ попользуешься?.. Еще умный парень считается... Нѣтъ, вино-то, знать, какого хошь умнаго безъ ума сдѣлаетъ... Э-эхе-хе, день ото дня все хуже да хуже... Такъ вотъ человѣку-то иному, хоть бы мнѣ, взять: нѣту отдышечки, нѣтъ радости... такъ вѣкъ-отъ и промаешься!..

— Матушка, окликнулъ ее Иванъ среди этихъ думъ.

— Чего нужно?.. отозвалась Устинья, не оборачиваясь и, противъ своего обыкновенія, не желая даже скрыть отъ сына своего неудовольствія.

— А ты повернись, да послушай: я тебѣ хорошее скажу...

— И вижу, и слышу я это хорошее давно ужъ... Вонъ храпитъ: и сапоги отдалъ, и полушубокъ!.. Небось, матери не далъ, а вотъ пьянчужку безпутнаго одѣлъ... съ ногъ до головы... Не побрезговала бы и я: еще какъ бы износила и сапоги и полушубокъ, коли самому не нужно, богатъ сталъ очень...

— Первое дѣло, что я ему не вовсе отдалъ, а поносить только...

— Да, снимешь ты съ него, какже, дожидайся!.. Знаю я его довольно... Прощайся теперь и съ полушубкомъ и съ сапогами: утре же въ первомъ кабакѣ оставитъ...

— Ну да хоша бы и такъ... Богъ съ нимъ!.. Не о томъ теперь, матушка, рѣчь... Ты не серчай, а повернись лучше, да благослови сына-то, съ легкимъ, да добрымъ сердцемъ...

Устинья поворотилась лицомъ къ сыну, но взглянула на него недовѣрчиво и вопросительно: она даже какъ будто боялась, что онъ хочетъ поглумиться надъ нею, подражая своему гостю-дядюшкѣ.

— Рѣшилась моя буйная головушка: изыскалъ я себѣ невѣсту... проговорилъ Иванъ. Вотъ радуйся, благословляй!.. На этой недѣлѣ свадьба...

У старухи захватило дыханіе отъ неожиданности, она не обрадовалась, но скорѣе испугалась. Первая мысль, которая блеснула въ ея головѣ была: „изыскалъ! какъ же безъ меня то? на той недѣлѣ свадьба!.. какъ же я то ничего не знала?..

— Да пугаешь ты?.. Али на смѣхъ меня мать-старуху?.. Ванюша?..

— Нѣтъ, матушка, такъ точно... всю правду тебѣ открываю...

— Да какъ же такъ?.. Кто же такая будетъ?..

— А помнишь, я тебѣ про Машу-то говорилъ... Она самая...

— Это богатая-то? переспросила Устинья, оживляясь и съ повеселѣвшимъ лицомъ.

— Та самая...

— Да полно, Ваня!.. Не надсажай ты меня, старуху... моего материнскаго сердца... Грѣхъ тебѣ будетъ, коли ты только къ смѣху...

— Нѣтъ, матушка... какое къ смѣху... истинно тебѣ сказываю!.. Все дѣло теперь на мази, однаго твоего родительскаго благословенія желаю...

— Ай, батюшки!.. Да чтой-то это? Да какъ же ты безъ меня-то, безъ матери родной?.. Да кто же переговорку-то... кого сватовъ-то подсылалъ?.. Ваня, да кто такая?.. Да хоть разскажи ты мнѣ все порядкомъ-то?..

Чувства радости и обиды смѣшивались въ душѣ Устиньи и высказывались цѣлымъ рядомъ вопросовъ, которыми она осыпала сына, не давая ему возможности отвѣтить.

— Другимъ матерямъ-то радость: сынъ женится... да еще на богатой... а мнѣ и радость-то вонъ какая, продолжала она: никуда, видно, не годна, и невѣсту-то сыновню, невѣстку-то назвапную, хоть бы на поглядѣнье, и то не показали... Да хошь скажи, Иванушка, перво: кто такая, изъ какой семьи, какого рода-то?.. Не видала глазами-то, хошь послушала бы... Ужъ тому псу не сказалъ ли, а мать не знаетъ ничего?..

Устинья съ презрѣніемъ указала на спящаго Володю.

— Такъ вотъ, матушка, для того я и разговорку завелъ и сказать тебѣ хочу... холодно и съ неудовольствіемъ отвѣчалъ Иванъ. Ни показать, ни сказать тебѣ, видно, нельзя было, коли не говорилъ... И теперь скажу, только съ уговоромъ, чтобы ты и виду, и духу не давала, что знаешь... Въ томъ, перво, побожись...

— Ай, Господи, да чтой-то?.. Да какія такія ты дѣла затѣялъ, что противъ матери родной экую строгость показываешь?.. Чай, вѣдь, законный бракъ—святое дѣло, на людяхъ дѣлается... Не разбой, чай, не душегубство?..

— Ну, вотъ, матушка, что много рѣчей изводить... Коли не пообѣщаешься что помолчишь не долго время, никому не молвишь—ничего не скажу и я... какъ хочешь!.. Ни чья такая, ничего не скажу... потому проговорись только ты кому, и не видать мнѣ ее, и свадьбѣ не бывать...

— Господи помилуй!.. Да что за напасть!.. Чего не видано и не слыхано!.. Да, вѣдь, чай, не выкрадывать же ты ее будешь, не съ разбоемъ за невѣстой-то пойдешь... Да ну, ну... Вотъ те Христосъ истинный никому не скажу!.. Вонъ, на Бога смотрю!.. Сказывай ужъ, сказывай: чья такая?..

— Управителя Захарова дочка!.. проговорилъ Иванъ вполголоса, но съ нѣкоторымъ бахвальствомъ и пристально смотрѣлъ на мать, ожидая, какое это извѣстіе произведетъ на нее впечатлѣніе. Съ самодовольствомъ и внутреннимъ торжествомъ онъ видѣлъ, что Устинья уставила на него раскрытые, испуганные глаза и даже поблѣднѣла.

— Управителя... Захарова... дочка!.. повторила она за сыномъ, какъ бы не вѣря собственнымъ ушамъ своимъ, и снова возвращаясь къ мысли, что сынъ или насмѣхается надъ нею, или въ самомъ дѣлѣ въ умѣ тронулся.

— Вѣрно, матушка, не сумнѣвайся: она самая, Марья Яковлевна Захарова, Якова Захарыча дочка... повторилъ Иванъ съ самодовольной улыбкой. Вотъ она Маша-то моя, суженая-то!.. Не въ шутку, не на смѣхъ, помнишь, просилъ я тебя поминать на молитвѣ Ивана-то да Марью... Вотъ и судьба моя, матушка!..

— Да разскажи же ты мнѣ, разскажи ужь теперь путемъ все... Какъ же ты это?.. Какъ тебѣ Богъ далъ?.. Вѣдь, я Якова Захарова довольно знаю... да его вся округа знаетъ!.. вѣдь онъ и знался-то съ одними купцами да господами... и самъ себя на господской ногѣ содержитъ!.. Къ нему и подойти-то нашему брату!.. Да какъ же ты это, Ванюшка?.. Ну, разсказывай, батюшка, все по ряду... Сдѣлай такую божескую милость... Ахъ, ты Господи милосливый, святые угодники!.. Чтой-то?.. Да ништо даже на сердцѣ холодно стало... Скажи, батюшка матери-то, дурѣ... утѣшь!..

(До слѣдующаго №).

Пророчица.

Повѣсть
Захеръ Мазоха.
(Продолженіе).

VI.
Встрѣчи.

Впродолженіи нѣсколькихъ дней Венцеславъ опять не показывался въ Тарговицѣ. Марьяна посылала за нимъ брата Егора, но тотъ не нашелъ его дома. Венцеславъ, котораго прежде никогда не видывали у жида-шинкаря, сдѣлался теперь постояннымъ посѣтителемъ шинка; здѣсь онъ проводилъ въ компаніи цѣлые дни, угощалъ, самъ пилъ, пѣлъ шумныя пѣсни и даже игралъ въ карты. Въ одинъ вечеръ, однако, онъ внезапно и порывисто вскочилъ съ мѣста, бросилъ на прилавокъ нѣсколько серебряныхъ гульденовъ. вышелъ изъ шинка и, вскочивъ на лошадь, помчался прямо въ Тарговицу. Приблизившись къ воротамъ Осиповичевскаго дома, онъ не въѣхалъ во дворъ а объѣхалъ кругомъ забора, остановился у задней калитки, которая отъ домика пророчицы вела въ поле. Привязавъ лошадь, онъ перелѣзъ черезъ заборъ и по глубокому снѣгу пробрался къ освѣщенному оконцу Марьяновой свѣтлицы. Ему страстно хотѣлось видѣть, что дѣлалось внутри, но морозъ расписалъ стекло своими замысловатыми узорами и Венцеславъ только напрасно напрягалъ зрѣніе. За то, онъ ясно слышалъ теперь два голоса, однобразно читавшіе какую-то молитву. Снова проснулось ревнивое чувство его. Сосредоточивъ еще болѣе свое вниманіе, онъ разслушалъ полный грудной контральтъ Марьяны, которому тихо и грустно вторилъ другой женскій голосъ. Молодой человѣкъ выбрался изъ своей засады, обошелъ домъ и прямо вошелъ въ открытыя сѣни. Молитва уже была окончена. Марьяна и Нимфодора не ожидали посѣщенія и почти испугались при видѣ Венцеслава.

— Ты это, чтоли? спросила, наконецъ, пророчица.

Стройною и воздушною казалась Нимфодора рядомъ съ великолѣпной красавицей Марьяной. Глаза дѣвушки были опущены и скрыты подъ длинными рѣсницами. Венцеславу прежде всего всего бросился въ глаза ея тонкій, изящный профиль.

— Что жъ, не ждала? спросилъ онъ.

— Какъ же не ждала—Егора посылала.

— Ко мнѣ?

— Къ тебѣ.

— Не хотѣлъ я больше и приходить-то къ тебѣ.

— А все жъ пришелъ.

Марьяна опустилась въ свое кресло. Нимфодора расчесала ей волосы, заплела густую толстую косу и стала, затѣмъ, на колѣни, чтобы поцѣловать ея ноги. Молодая дѣвушка прислуживала пророчицѣ съ какою-то восторженною покорностью, которую возвышало выраженіе глубокаго почитанія, свѣтившееся въ ея прекрасныхъ глазахъ. Онѣ продолжали начатой ими, странный для „пророчицы", разговоръ. Марьяна поднялась и подошла къ зеркалу.

— Правду говорю тебѣ, произнесла Нимфодора своимъ тихимъ, нѣжнымъ голосомъ. — правду—красавица ты изъ красавицъ! Она взглянула на Венцеслава, какъ бы спрашивая его находитъ ли и онъ такою Марьяну.

— А знаешь, Нимфодорушка, морщины ужь у меня показываться стали, сказала Марьяна улыбаясь.

— Гдѣ? полно! ничего такаго не вижу и нѣту.

— Не для всѣхъ я такъ пригожа, какъ для тебя, другіе ужь замѣтятъ морщины-то. Скоро я ужъ совсѣмъ состарюсь и сдѣлаюсь дурной, некрасивой.

— Ты-то? Что ты, что ты, вѣдь ты еще такъ молода—всего на два года старше меня.

— Ну—нѣтъ! тебѣ еще нѣтъ и двадцати, а мнѣ безъ четырехъ годковъ—тридцать.

— Да что, все равно это! Ты всегда останешься красавицей.

— Ты, можетъ, такой секретъ знаешь, чтобы я всегда молода была, средство чтоль? спросила Марьяна.

— Я знаю, сказалъ Венцеславъ,—можетъ пустяки, но у васъ въ народѣ вѣрятъ.

— Скажи, скажи-ка, воскликнула пророчица,—авось мнѣ это послужитъ...

— Кровь человѣчья, отвѣчалъ онъ.

— Человѣчья кровь? Да откуда же взять-то ее? Едва Марьяна успѣла произнести эти слова, какъ Нимфодора, быстрымъ движеніемъ, выхвативъ изъ за пояса Венцеслава ножъ его, вонзила себѣ въ прекрасную нѣжную руку, изъ которой брызнула и потекла теплая алая кровь...

— Господи, что ты это! крикнулъ Венцеславъ.

Нимфодора стояла безмолвная и неподвижная. Она только сильно поблѣднѣла. Губы ея дрожали.

— Зачѣмъ ты, въ своемъ-ли умѣ? воскликнула, въ свою очередь Марьяна, отнимая у ней ножикъ.

— Объ чемъ тутъ говорить? сказала Нимфодора, медленно улыбаясь,—вотъ моя кровь—бери ее, твоя она.

Марьяна нѣжно обняла дѣвушку и покрыла поцѣлуями ея грустное лицо. Венцеславъ удивленно смотрѣлъ на Нимфодору. Она казалась ему какою-то загадочною, точно не отъ міра сего. Подивился онъ и Марьянѣ, когда увидѣлъ, что та, все-таки, омыла себѣ лицо теплою кровью дѣвушки. Затѣмъ, намочивъ платокъ въ холодной водѣ, обвязала рану и снова начала ласкать Нимфодору, какъ подшибенную голубку.

Ясный, свѣтлый мѣсяцъ высоко поднялся надъ чернымъ лѣсомъ. Молодая дѣвушка стала собираться.

— Нельзя жъ тебѣ такъ поздно одной въ Гребаки, сказала Марьяна.

— Надо,—ждутъ меня поди.

— Нимфодора, хочешь провожу, предложилъ юноша.

— Хорошо, спасибо, отвѣчала та просто.

— Нѣтъ, нечего тебѣ идти, вставила Марьяна, ты сегодня потеряла много крови, да и волки ужъ начали бродить въ этихъ мѣстахъ. У меня заночуешь.

Нимфодора послушно наклонила голову.

— Такъ ты останешься? спросилъ Венцеславъ.

— Останусь, проговорила Нимфодора, бросивъ украдкой на молодаго человѣка взглядъ, въ которомъ онъ могъ бы много прочесть, но онъ ничего не видѣлъ, ничего еще не понялъ въ эту минуту...

— Чудная... чудная... думалось Венцеславу, пока онъ ѣхалъ домой по хрупкому морозному снѣгу, волшебно искрившемуся подъ ясными и холодными лучами мѣсяца. Онъ силился понять, что это за молчаливая блѣдная дѣвушка, которую онъ видѣлъ у Марьяны, ломая свою наивную, юную голову, но не давалась ему эта задача, все не понималъ онъ ее.

Прежде онъ очень рѣдко видалъ Нимфодору у Марьяны, а теперь съ этого вечера сталъ встрѣчать ее почти каждый разъ, какъ пріѣзжалъ туда. Дивился онъ тому, что въ обществѣ грустной, безмолвной Нимфодоры, Марьяна всегда становилась чрезвычайно весела и даже какъ-то рѣзва, что выходило болѣе чѣмъ рѣзко у этой серьезной молодой женщины. Въ это же время онъ замѣтилъ, что юная пріятельница Марьяны никогда не смѣялась, сохраняя серьезность и тогда даже, когда смѣялись другіе. Много, много, если по блѣдному личику ея промелькнетъ слабая невеселая улыбка. А чаще она сидѣла какая-то сосредоточенная, углубившаяся въ свои думы, не видя и не слыша ничего, что происходило вокругъ. Венцеславъ рѣдко заговаривалъ съ нею, а когда и случалось, то весь разговоръ ограничивался незначущими замѣчаніями. Она рѣдко и взглядывала на него. А онъ! онъ почти не спускалъ глазъ съ нея, всякій разъ, какъ встрѣчались они. Когда же случалось, что и ея взоръ останавливался на немъ, то взоръ этотъ всегда выражалъ самое нѣжное но спокойное, дружеское участіе. И Венцеславъ чувствовалъ себя такимъ успокоеннымъ, такимъ счастливымъ.

Наргиле. Картина Л. Лелуара, грав. Паннемакеръ.

Видъ тихой дѣвушки не зажигалъ въ сердцѣ его страстныхъ желаній, оно было полно какого-то ощущенія тихаго удовольствія, чего-то радостнаго, невозмутимаго. Марьяна доводила его до изступленія, до сумасшествія почти; а Нимфодора, напротивъ, приносила въ сердце его миръ и спокойное тихое довольство. Какъ только появлялась ея легкая, граціозная фигура,—хорошо и ясно становилось на душѣ Венцеслава и словно чудная, райская музыка какая раздавалась вокругъ...

Венцеславъ полюбилъ ее, но и не думалъ, чтобы чувство его было раздѣляемо. Она вела однообразное существованіе, грустно прозябала какъ цвѣтокъ точно, почти всегда была безмолвна, будто и словъ не нашлось бы, какими она могла бы разсказать что чувствовала, и что думала.

Разъ какъ-то,—единственный разъ—встрѣтились они въ домѣ Осиповича безъ свидѣтелей, наединѣ. Марьяна уѣхала въ городъ а Нимфодора пріѣхала въ это время. Не найдя хозяйки въ горницѣ, она пошла изъ дома и спустилась съ крыльца. Вдругъ, до ея слуха донесся стукъ конскихъ копытъ и визгъ полозьевъ. То ѣхалъ Венцеславъ. Они и встрѣтились тутъ-же, на дворѣ.

— А ты ужъ домой, Нимфодора? спросилъ онъ.

— Надо... проговорила она съ какою-то грустью и какъ бы замѣшательствомъ.

Онъ слѣзъ съ коня и братски поцѣловалъ ее, какъ то дозволялъ и даже предписывалъ имъ обычай „корабля". Она молча и неподвижно приняла эти поцѣлуи.

— Хочешь—подвезу на своихъ санкахъ?

— Нѣтъ, ужъ я лучше пѣшкомъ...

— По такому холоду-то?

— Марьяна чего, пожалуй, и недовольна была бы очень ежели бы ты со мной уѣхалъ.

— Да ты къ чему это?.. Говори лучше прямо, что сама не хочешь... Небось, въ Бребакахъ-то свой любой парень есть...

— Никого любаго нѣту у меня... тихо и кротко произнесла молодая дѣвушка.

— Неужто?!. Вотъ мнѣ радость-то!

— Тебѣ-то чего?

— Да... да оттого... Нѣтъ!— ужъ иди ты лучше одна въ Бребаки, правда твоя, иди!

— Ну—Богъ пошли тебѣ счастья! прошептала дѣвушка.

Венцеславъ обнялъ ее и вдругъ горячо началъ цѣловать. Она не противилась, покорно отдавая поцѣлуямъ свое обычно блѣдное лицо съ полузакрытыми глазами. Потомъ она медленно вышла изъ воротъ и пошла по улицѣ и дальше, по направленію къ Бребакамъ.

Мать и отецъ Нимфодоры уѣхали на ярмарку въ Коломию. Оставшись одна, она тихо усѣлась у большаго очага, гдѣ весело горѣлъ и трещалъ ярко разведенный огонь, и принялась чинить невода. Не слыхала она шаговъ, не видала она стройнаго молодца остановившагося передъ нею. Глубоко задумалась она, всей душой отдалась думкѣ своей... Какъ отъ сна пробудилась она при звукѣ свѣжаго и милаго голоса, ласково привѣтствовавшаго ее. Она подняла глаза и увидѣла дружески улыбавшагося ей Венцеслава. Другая, поди, испугалась бы, крикнула бы отъ неожиданности... А она—ничего, даже не покраснѣла, и лицо ея не выказало ни гнѣва, ни радости... Поцѣловалъ онъ—спокойно дала она ему себя цѣловать, а потомъ снова опустила голову надъ работой.

Оба молчали. Она, по прежнему была безмолвна и неподвижна, только тонкія ноздри ея чуть замѣтно шевелились, да полныя красивыя губы были полураскрыты, какъ будто тяжело дышалось ей...

— Что ты это работаешь? спросилъ, наконецъ онъ.

— Да, вотъ, неводъ.

— На что тебѣ неводъ-то?

— Да скоро рыбу ловить придется.

— И ты такъ стараешься, да маешься, сказалъ онъ, — и къ чему это? Густая коса твоя — вотъ у тебя неводъ, поймаешь имъ кого и что хочешь, глаза твои—ужъ такая удочка, что и никто не устоитъ, а губы...

Нимфодора теперь прямо уставилась въ яркій огонь; руки ея какъ-то безсильно лежали вдоль колѣнъ, губы будто шептали что-то, точно она говорила какую-то ей одной понятную рѣчь безъ словъ... Пламя очага освѣщало краснымъ заревомъ грустное лицо ея.

— Скажи ты мнѣ—ненавидишь, что ли, ты меня? спросилъ Венцеславъ.

— Нѣтъ...

— Не любъ я тебѣ?..

Она остановила на немъ долгій и глубокій взглядъ, какъ бы безмолвно спрашивавшій, въ свою очередь: увѣренъ ли ты, что не любъ мнѣ?.. И снова погрузилась въ прежнее раздумье. Молодая дѣвушка, казалось всматривалась въ свою душу.—„Люблю ли его? Вправду ли люблю его?.. Венцеславъ все еще не слышалъ отвѣта, котораго ждалъ съ горячимъ нетерпѣніемъ. Онъ подошелъ къ ней сзади, обнялъ ее, и наклонивъ голову, прильнулъ къ устамъ ея. Она затрепетала будто въ ужасѣ, но не отклонила испуганнаго лица своего.

На другой день Венцеславъ встрѣтилъ Нимфодору снова у Марьяны. Они обмѣнялись однимъ только взглядомъ, и поняли другъ друга. Онъ угадалъ, что молодая дѣвушка не говорила пророчицѣ о его вчерашнемъ посѣщеніи и тоже промолчалъ объ этомъ.

Нимфодора безмолвно приняла поцѣлуй Марьяны. Она была какая-то тревожная и болѣе задумчивая, чѣмъ обыкновенно. Точно чудилась ей бѣда неминучая... Венцеславъ поглядывалъ поочередно, то на Марьяну, то на Нимфодору. Отъ времени до времени изъ груди его вырывался тяжкій вздохъ. Не веселъ былъ онъ сегодня.

Воздухъ былъ какъ бы насыщенъ электричествомъ, будто передъ бурей. Къ счастью въ горницу вбѣжалъ Антонъ, бросивъ съ сердцемъ свою баранью шапку на полъ, онъ крикнулъ:

— Вы тутъ калякаете, а не знаете, что на дворѣ-то дымъ коромысломъ стоитъ!

— Что такое? весело спросила Марьяна.

— Ладно, ладно, отвѣчалъ Антонъ,—а пока Ѳева-то головой стала!

— Ѳева?

— Ну, Ѳева, вдова Сафронова.

— Да что ты пустые слова-то тратишь, ты путемъ говори, что знаешь? воскликнула Марьяна.

— Степкѣ тому, видишь, откровеніе было во снѣ, что тебя долой, а пророчицей поставить бы Ѳеву!

Марьяна громко захохотала.

— Да, вотъ, и Ѳева-то ужъ у себя и народъ собрала въ домѣ и такъ то ли важно,—ровно царица въ Вѣнѣ.

Марьяна продолжала смѣяться.

— Чего зубы-то скалишь? Не изъ за чего, вѣдь право не изъ за чего! сердито произнесъ Антонъ, поднялъ шапку, нахлобучилъ ее и быстро вышелъ изъ горницы.

Дѣйствительно, часть сектантовъ была въ открытомъ бунтѣ противъ Марьяны и управленія ея, хотя все это было не болѣе какъ недоразумѣніе, созданное Степаномъ. Подвижникъ успѣлъ уже навербовать сторонниковъ для своей пророчицы, когда—вдругъ, неожиданно для него, Марьяна возвратилась изъ суда съ торжествомъ. Онъ перепугался не на шутку и на время исчезъ, скрываясь въ лѣсу у какихъ-то цыганъ. Однако, его аппетитъ, далеко не удовлетворявшійся пищей пріютившихъ его номадовъ, заставилъ его, таки, выдти наружу. Разсудивъ, что теперь, все равно къ Марьянѣ ему не ходить, милости и прощенія ея не заслужить, и законная власть не дозволитъ ей повѣсить его, или извести его какъ нибудь иначе, онъ уже, за одно рѣшилъ открыто продолжать начатое имъ дѣло вербованія сторонниковъ для Ѳевы.

Выпивъ и закусивъ въ шинкѣ, онъ пошелъ изъ деревни въ деревню, всюду повѣдая откровеніе, коего удостоился и указывая на новую избранницу, для которой дѣйствительно ему удалось набрать не мало партизановъ.

Въ слѣдующее воскресенье въ домѣ Ѳевы уже собралось на радѣніе до двадцати сектантовъ и въ числѣ ихъ былъ конечно Степанъ, сюда же пришла Софья. Радѣніе началось безъ новой пророчицы, которая показалась не сразу своей паствѣ и только когда присутствовавшіе запѣли хоромъ уже конечный стихъ,—дверь отворилась и она вошла въ горницу. На головѣ у нея блестѣло нѣчто въ родѣ мишурной короны, съ плечъ спускалась мантія изъ краснаго атласа, на кроличьемъ мѣху, ноги были обуты въ свѣтлоголубые сафьянные сапоги на серебряныхъ подковкахъ и, вдобавокъ, она вся была покрыта поддѣльнымъ жемчугомъ, кораловыми нитками, червонцами и серебряными монетами. Стараясь придать себѣ величественную осанку, Ѳева вытягивала впередъ грудь свою, откидывая голову и говорила чуть не басомъ.

Присутствующіе совершили метанье и она благословила ихъ своими прекрасными бѣлыми полными руками, блестѣвшими перстнями съ поддѣльными каменьями.

— Помилуй, помилуй насъ! громче всѣхъ привѣтствовалъ ее колѣнопреклоненіемъ Степанъ.

— Молися за насъ! воскликнула Софья,—избавь ты насъ отъ ложной пророчицы! Божье имя еще произноситъ она и королевой живетъ, когда во прахѣ должна бы была покаяніе принести за грѣхи свои!

— Слышу я васъ, густымъ женскимъ басомъ отвѣчала Ѳева, —исполняйте же волю Божью. Съ сокрушеніемъ, но и милосердно вижу я грѣхи ваши и оборошо васъ и поведу ко спасенію. Будьте кротки и смиренны духомъ, молитесь, покайтесь! И вижу я—скоро пріидетъ день, въ который буду судить и произнесу осужденіе этой отверженной грѣшницѣ, лже-пророчицѣ Тарговицкой.

Ѳева перецѣловала присутствовавшихъ, которые, облобызавъ сапожки ея, удалились.

Всѣ вышли, остался одинъ Степанъ, продолжавшій стоять на колѣняхъ посреди горницы.

— Премудрая, довольна ли ты рабомъ твоимъ, угодилъ-ли онъ тебѣ? заговорилъ онъ.

— Угодилъ, угодилъ, Степанъ.

— Слава твоя идетъ теперь широко и далеко, что свѣтъ солнечный, пресвѣтлая мати наша, продолжалъ онъ, а ты— буди милостива къ рабу твоему послушному и преданному, алчущему и жаждущему—накорми ты его и напой...

— Велѣла я ужъ приготовить для насъ съ тобой всякаго яства, отвѣчала она, — чтобы достойно отпраздновать сей радостный для меня день, въ который столь счастливо я приступила къ дѣлу Господомъ мнѣ предназначенному... Награжу тебя за заслугу твою и преданность.

— Что же — вѣрно ужъ кушанье готово? спросилъ подвижникъ менѣе торжественнымъ тономъ.

— Не то еще, погоди, а я желаю тебя вознаградить позначнѣе—согласіе мое даю на бракъ съ тобой!

— Не достоинъ, не достоинъ! воскликнулъ онъ, не безъ испуга.

— Знаю, что не достоинъ, потому и выходитъ, что въ великую награду тебѣ.

— Много ужъ милостива ты ко мнѣ, не по заслугѣ моей. Довольно будетъ ежели буду питаться крохами со стола твоего, буду и тогда почитать счастливымъ себя и... звонкая пощечина, данная ему Ѳевой, помѣшала окончить рѣчь.

— А-а ты непутный! и негодный! крикнула она,—молчи, ни слова не смѣй говорить! Не достоинъ ты дотронуться до башмака моего! Развѣ я не какъ невѣста, что въ Писаніи указана, хороша какъ мѣсяцъ ясный, красна какъ Іерусалимъ и страшна какъ гнѣвъ Божій?!

— Да ты слыхала-ли, чтобы пророчица въ замужествѣ была когда? спросилъ робкимъ голосомъ Степанъ.

Ѳева нѣсколько смутилась.

— А и вправду, вѣдь, такъ—вѣрно говоришь... произнесла она.

— Намъ ты примѣръ чистоты душевной и телѣсной должна показывать, продолжалъ онъ, пріободрившись,—да добродѣтель блюсти, а не то, чтобы за мужемъ быть за такой бѣднягой какъ я.

— Правда твоя, правда, съ напыщенной гордостью подтвердила Ѳева, — не достоинъ ты быть въ бракѣ со мной, да и ни одинъ мужчина не достоинъ того. Буду я поступать какъ слѣдуетъ Божьей избранницѣ. Ну, а теперь пойдемъ, закусимъ да выпить милости прошу.

Марьяна мало занималась тѣмъ, что происходило въ домѣ Тарговицкой „антихристки“, Ѳевы; у нея явилась теперь забота другаго рода. Удивлялась она той перемѣнѣ, которую стала въ послѣднее время замѣчать въ себѣ. Нашла на нее странная задумчивость какая-то, грусть и все, все постыло ей, кромѣ одного Венцеслава. Ничто не интересовало ее, кромѣ него... И чѣмъ рѣже появлялся онъ, чѣмъ болѣе ограничивался онъ однимъ выраженіемъ нѣмаго покорнаго почтенія къ пророчицѣ, тѣмъ болѣе усиливалась привязанность ея. Теперь она съ каждымъ днемъ любила его глубже и сильнѣе. Она чувствовала, что ей надо сдѣлать что нибудь, чтобы завладѣть имъ снова совершенно и безраздѣльно, снова раздуть пламя страсти въ немъ. Ея любовь къ нему была уже настолько сильна, что заглушала даже въ ней и разсудокъ, и еще болѣе—гордость ея.

Было солнечное, морозное утро. Венцеславъ пошелъ въ конюшню и самъ чистилъ свою лошадь, которая, въ эту минуту, повернувъ къ нему голову, дружески смотрѣла на него своими умными глазами.

Вдругъ Венцеславъ услыхалъ сильный шумъ, онъ обернулся и остановился удивленный: на порогѣ стояла Марьяна, во всемъ блескѣ своей красоты и охваченная ворвавшимся, слѣдомъ за ней, веселымъ солнечнымъ лучемъ. Молодой человѣкъ продолжалъ смотрѣть на нее съ безмолвнымъ удивленіемъ. Пророчица впервые появлялась у него въ домѣ.

— Богъ на помочь, тебѣ, другъ милый? сказала она своимъ прекраснымъ груднымъ голосомъ, и глядя на него съ необычнымъ въ ней выраженіемъ доброты и какой-то задушевности.

Венцеславъ ничего не отвѣчалъ. Онъ потрепалъ лошадь по шеѣ и положилъ на мѣсто скребницу.

— Покончилъ работу?

— А что понадобилось, чѣмъ прикажешь служить?

— Ужъ ты думаешь, коли пришла, такъ что нибудь надо отъ тебя, возразила она мягко, — нѣтъ, другъ, сердце по тебѣ стосковалось, вотъ я и пришла, приласкать тебя, да помиловать. Хочу тоже твое хозяйство посмотрѣть.

— Не стоило тебѣ и безпокоиться за этимъ, что у бѣднаго мужика найдешь, шутливо отвѣчалъ онъ.

— Да ты, вѣдь, не изъ бѣдныхъ.

— Лошадь, да коровы—не велико богатство.

— Чего ты о лошади толкуешь. У тебя, кромѣ лошади, другое еще богатство: развѣ я не твоя.

— Ты? Венцеславъ грустно улыбнулся.

— Отчего не цѣлуешься ты такъ? продолжала она. Ты огорчаешь меня, больно мнѣ глядѣть-то на тебя. И точно коришь меня чѣмъ. А хотѣлось бы мнѣ, чтобы ты былъ опять такой, какъ въ лѣсу тогда... Хорошо было — и солнышко свѣтило, и птички пѣли, и ты-то... Она потупилась съ лукавой улыбкой.

— Лучше бы было, куда лучше бы, коли-бъ мы никогда и не встрѣчались.

— Венцеславъ! гляди сюда, гляди на меня, за что сердишься? Марьяна взяла его за обѣ руки и прямо глянула въ глаза.— Ты мучишь себя, да и меня, меня-то еще пуще, чѣмъ себя... вѣдь люблю тебя! ахъ люблю-то какъ!..

— Марьяна... Марьяна... что же... что ты... Она не произнесла болѣе ни слова, но крѣпко обняла его. Охватилъ и онъ ее, прижалъ къ груди. Уста ихъ слились въ страстномъ, жгучемъ поцѣлуѣ.

— Мой ты, мой и ничей больше, ненаглядный... страстно шептала она, — И теперь ужъ больше не уйдешь отъ меня... Клятву даю, что не уйдешь больше... Она продолжала покрывать поцѣлуями лицо молодаго человѣка.

Невдалекѣ, внезапно раздался женскій голосъ, звавшій Венцеслава.

— Что это? спросила Марьяна, сдвинувъ брови.

— Дѣвушка одна, тутъ. Готовитъ да за птицей присматриваетъ.

— Небось—пригожа.

Молодой человѣкъ пожалъ плечами.

— Молодая.

— Молодая и красивая! — Болтать, вѣдь, будутъ! лучше бы тебѣ старую взять, а?

— Да, къ чему? молодая работаетъ лучше.

Они вышли изъ конюшни. Марьяна ревниво оглядѣла дѣвушку, которая, не смотря на грубую юбку и простые сапоги, оказалась довольно хорошенькой. Работница вопросительно и удивленно, въ свою очередь, разсматривала большими черными глазами, невиданную до сей поры гостью.

— Чего тебѣ?

— Да жидъ пріѣхалъ, хочетъ картофель покупать.

— Скажи—не продаю.

Дѣвушка ушла.

— Слышь, милый, сказала Марьяна,—ты ее, работницу эту держать больше не станешь.

— Отчего такъ?

— Да оттого... оттого, что, я не хочу того, отвѣчала она.— Покажи-ка мнѣ хозяйство твое.

Они обошли дворъ и домъ и она разсматривала все до мелочей съ большимъ любопытствомъ. Снова Венцеславъ видѣлъ въ ней—не страшную пророчицу, а милую и добрую, любящую и заботливую молодую жену. Никогда еще не казалась она такою нѣжною, привязанною къ нему какъ этотъ разъ.

— А теперь похлопочемъ насчетъ трапезы, сказала Марьяна. Я у тебя обѣдать останусь сегодня. Хочется мнѣ знать, какъ ты сумѣешь угостить меня.

— Немного чего найдется-то... проговорилъ онъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ.

— Постой — сама займусь хозяйствомъ, сказала она,—сама все приготовлю.

— Ты?!

— Чего-жъ нѣтъ, давай только ключи-то.

Марьяна отвернула рукава, подстегнула платье и съ веселымъ смѣхомъ, принялась за дѣло. Собравъ кухонныя принадлежности, муку, масло, яйца и заставивъ Венцеслава кое въ чемъ помочь ей, пророчица быстро развела огонь и заварила кушанье, и скоро, затѣмъ, сняла сама кострюлю съ плиты и принесла ее въ горницу. Сказалась добрая работница, крестьянка.... Обѣдъ прошелъ въ веселыхъ шуткахъ и ласкахъ. Когда стемнѣло, молодой человѣкъ запрегъ лошадь и отвезъ Марьяну домой, въ Тарговицу.

Слѣдующій день Венцеславъ провелъ у Марьяны и возвратился къ себѣ только вечеромъ, съ намѣреніемъ на другое утро опять ѣхать къ милой своей; но—пришелъ жидъ, желавшій, во что бы то ни стало, купить у него лошадь, пришли сосѣди, изъ пожилыхъ и уважавшіеся въ околоткѣ, которыхъ нельзя было выпроводить безъ церемоніи. Такъ и не удалось ему уѣхать рано. Пообѣдавъ, по всѣмъ этимъ причинамъ, дома, онъ запрегъ лошадь и уже садился въ сани, — какъ, вдругъ, вблизи показались санки, въ которыхъ онъ тотчасъ же узналъ Софью. Она ласково кивала ему головой.

— Что бы это такое было? внутренно спросилъ себя Венцеславъ. Сердце его какъ-то болѣзненно екнуло.

Между тѣмъ, Софья, выйдя изъ саней, поцѣловала молодаго человѣка и пошла вмѣстѣ съ нимъ въ горницу.

— Ну, тутъ-то тепло, заговорила она, потирая руку объ руку. Небось, дивишься, что къ тебѣ нежданно, негадано пожаловала, а? Погоди еще, милый, самъ будешь радоваться гостьѣ-то. Да ты, спѣсь-то забудь, присядь рядкомъ со мной.

Венцеславъ послушно опустился рядомъ съ ней на скамью.

— А привезла я тебѣ хорошую прехорошую вѣсточку, произнесла Софья, наклоняя къ нему свою хорошенькую бѣлокурую головку. Да не скажу, пока не будешь поласковѣе со мной.

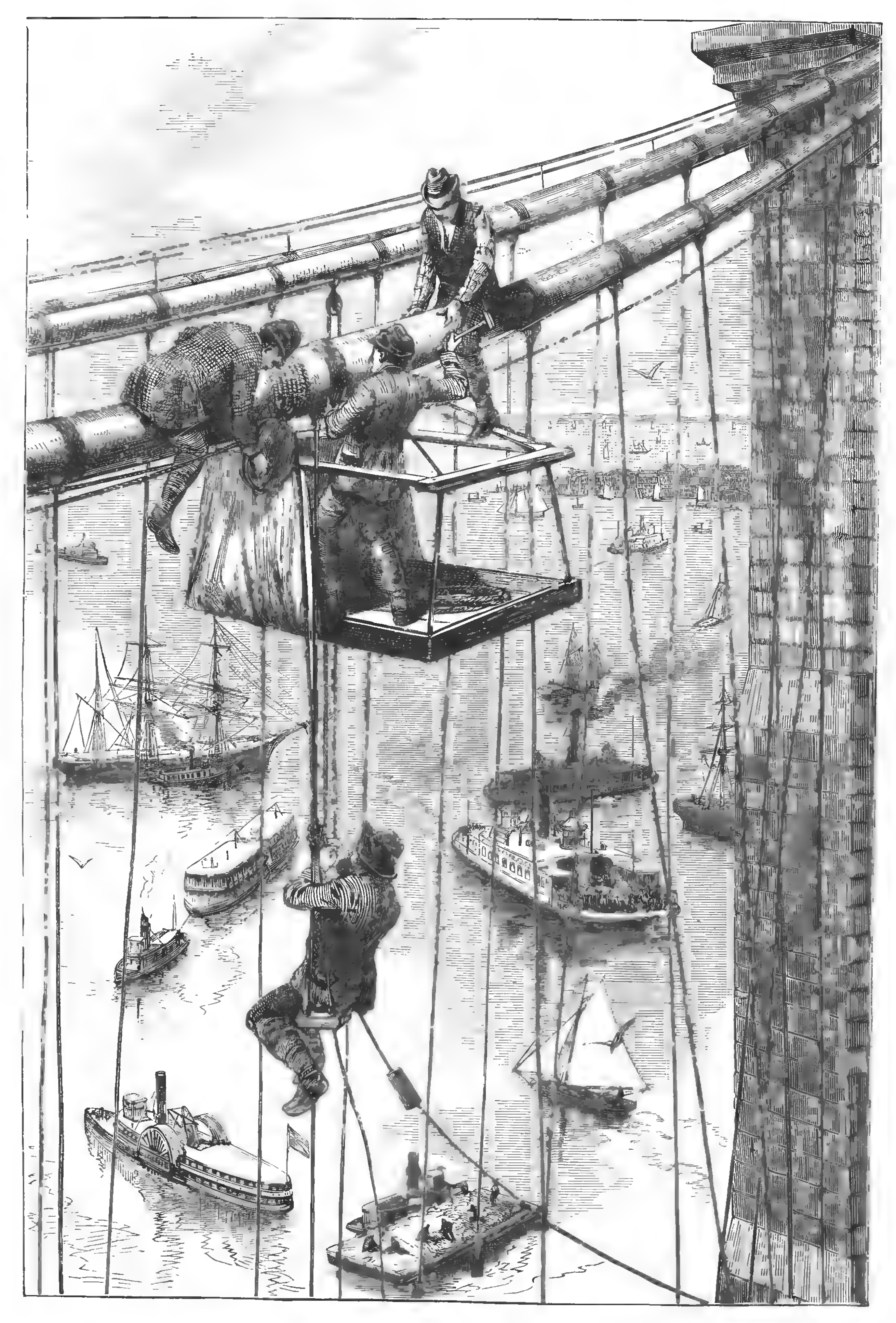
— Коли Марьяна узнаетъ объ этомъ, произнесъ Венцеславъ— велитъ она камнями побить обоихъ насъ.

— Ну, ужъ не боюсь я больше ея. Я отказалась отъ нея и никто не можетъ заставить меня слушаться воли ея-то, коли тронетъ меня, знаю какъ справиться. Да и тебѣ бы лучше было уйдти къ новой пророчицѣ.

— Это къ Ѳевѣ-то? Венцеславъ громко засмѣялся.

— Знаю я и другую. Коли она была бы пророчицей, — ты бы, небось, сейчасъ къ ней.

— Что ты это говоришь?..

Постройка моста черезъ рѣку Воот. Риверъ (отъ Нью-Іорка до Бруклина). Рис. Мауль, грав. Пенъ.

Повреждения на пароходѣ „Арицона“ произведенныя ледяной горой 7 ноября 1879 года.
Съ фотогр. снятой въ заливѣ С. Джонъ (Нью-Фаундлендъ).

— Да говорю о зазнобушкѣ твоей, о той, что ты взаправду любишь.
— О комъ такое?
— О комъ! О Нимфодорушкѣ!
Венцеславъ покраснѣлъ какъ маковъ цвѣтъ.
— Что? - небось знаешь, что ты у меня подъ рукой, а? знаешь, что могу сдѣлать съ тобой что захочу!
— Чего-жъ ты это? Развѣ я сказалъ что такое? Ничего я... Онъ въ смущеніи опустилъ глаза.
— Полно, полно — ужъ лгать-то тебѣ не приходится, знаю вѣдь, что ты любишь Нимфодору и она любитъ тебя. Ступай теперь ко мнѣ, съ ней свидѣться.
— Ты для этого и пріѣхала?
— Да, для этого.
— Грѣшно, вѣдь, это, грустно произнесъ онъ.
— Грѣшно? любовь грѣхи искупаетъ, возразила Софья,—забылъ ты, что-ль, что такъ по вѣрѣ нашей выходитъ. Она засмѣялась.
На другой день вечеромъ Венцеславъ былъ уже у Софьи, которую онъ нашелъ дома одну, безъ мужа, уѣхавшаго куда-то.
— Ну вотъ такъ, и хорошо сдѣлалъ, что пріѣхалъ, сказала она, обрадованная пріѣздомъ его. — Покалякаемъ, покамѣсть, до прихода ея. Она начала свою болтовню, но молодой человѣкъ слушалъ разсѣянно, отъ времени до времени поглядывая на дверь. Вскорѣ вошла Нимфорора. Увидѣвъ Венцеслава, молодая дѣвушка остановилась и потупилась, Софья поцѣловала ее и, со смѣхомъ, вышла изъ горницы.

(До слѣдующ. №.)

Къ рисункамъ.

Наргиле *).

(Картина Л. Делуара).

Сонъ и тишь въ стѣнахъ гарема,
Вечеръ безъ конца,
Но недѣлямъ не увидишь
Новаго лица.

* * *

Тишь, ни звука!.. Словно замеръ
Міръ въ волшебномъ снѣ,—
Лишь звенитъ струя фонтана
Въ мертвой тишинѣ.

* * *

Тишь нѣмая!—Гдѣ рабыня?..
Сыпь кальянъ полнѣй:—
Пусть гашишъ прольетъ забвенье
На сердце скорѣй!..

* * *

Вьется дымъ, тускнѣютъ краски
Въ синихъ облакахъ,
Все колышется, двоится,
Кружится въ глазахъ...

* * *

Запрокинулася навзничь
Сонно голова,
На ногахъ краса гарема
Держится едва...

* * *

Сонъ, забвенье и истому,—
Все даетъ кальянъ,
Застилаетъ сумракъ жизни
Радужный туманъ...

* * *

Тишь... ни звука.. Словно замеръ
Міръ въ волшебномъ снѣ.—
Лишь звенитъ струя фонтана
Въ мертвой тишинѣ.

П. Гнѣдичъ.

*) Персидскій кальянъ.

Виды Москвы.

(На страницахъ 152 и 153).

Москва еще до сихъ поръ сохранила яркіе слѣды своей прежней исторической жизни, еще до сихъ поръ она имѣетъ совершенно своеобразный, чисто національный типъ, и еще много лѣтъ пройдетъ, пока она приметъ характеръ европейскаго города. Да къ ней и не пойдетъ какъ-то это. Разбросанная по склонамъ холмовъ, сверкающая тысячами крестовъ и церковныхъ главъ, ярко-цвѣтная, залитая мѣстами зеленью, мѣстами скученная грудами ползущихъ одна на другую построекъ, особенно хороша бываетъ Москва въ ясный осенній денекъ; освѣженный холоднымъ утренникомъ. Тогда удивительныя панорамы открываются съ иныхъ пунктовъ, напр., съ колокольни Ивана Великаго. Словно игрушечный городъ развертывается передъ глазами и весь до мельчайшихъ подробностей рисуется въ чистомъ осеннемъ воздухѣ. Не даромъ исключительная красота его такъ поразила Наполеона съ Поклонной горы, когда онъ, 2-го сентября 1812 года, увидѣлъ ее въ первый разъ и со словами: la voilà donc enfin cette ville asiatique: la sainte Moscou! остановилъ невольно лошадь, любуясь завоеванной столицей.

„Нива“ много разъ имѣла случай говорить объ историческомъ значеніи Москвы и о ея памятникахъ. Отсылая желающихъ къ обстоятельнымъ статьямъ по этому предмету, помѣщеннымъ въ 1870—1871 годахъ нашего журнала, мы вкратцѣ напомнимъ, какимъ невзгодамъ не подвергалась только эта древняя столица сперва княжества Московскаго, потомъ царства русскаго. Чуть не при самомъ своемъ основаніи она была сожжена со всѣми окрестностями кн. Глѣбомъ Ростиславичемъ Рязанскимъ Въ 1293 г. ее, вновь отстроенную, сжегъ татарскій царевичъ Дюдень, докончивъ такимъ образомъ дѣло Батыя, начатое лѣтъ за шестьдесятъ до этаго. Въ 1368—1372 гг. великій князь литовскій Ольгердъ приступалъ къ Москвѣ, но безуспѣшно, а черезъ десять лѣтъ ее сжегъ Тохтамышъ. Затѣмъ безуспѣшно подходили къ Москвѣ Едигей и Мазовша (въ XV вѣкѣ). Въ эпоху царей московскихъ то и дѣло подъ Москвой появлялись непріятельскія войска, а въ 1571 году крымскіе татары съ Девлетъ-Гиреемъ во главѣ, все въ Москвѣ, кромѣ Кремля, выжгли. Въ періодъ лихолѣтья она была выжжена засѣвшими въ ней поляками, много разъ горѣла сама, вымирала отъ губительныхъ болѣзней, и наконецъ не далѣе какъ шестьдесятъ-восемь лѣтъ назадъ была сожжена въ послѣдній разъ при нашествіи Наполеона.

Народная поговорка „Москва на крови стоитъ“ живо передаетъ ея прошедшее.—И особенно много видѣла крови такъ называемая *Красная площадь*, расположенная предъ Кремлемъ. Замкнутая съ одной стороны кремлевской стѣной съ двумя воротами—Спасскими и Никольскими, съ другой посадомъ гостинаго двора, съ юга—Покровскимъ Соборомъ, и съ сѣвера присутственными мѣстами,—она представляетъ собою обширное пространство въ 10125 □ саженъ, съ колоссальнымъ монументомъ посерединѣ въ память „князя Пожарскаго и гражданина Минина“. О *Красной* площади, (т. е. красивой, хорошей) упоминается уже въ лѣтописяхъ въ XIII вѣкѣ. Съ половины XIV столѣтія она становится главнымъ базарнымъ мѣстомъ въ московскомъ посадѣ. При Иванѣ III вышелъ приказъ снести всѣ площадныя постройки за Неглинную и въ Замоскворѣчье, и впредь ближе 109 саженъ отъ кремлевскихъ стѣнъ не строиться. Къ эпохѣ Ивана IV-го, здѣсь появляется *лобное* мѣсто—каменное, съ деревянною рѣшеткою, запиравшеюся желѣзнымъ засовомъ. На этомъ-то лобномъ мѣстѣ юноша Іоаннъ каялся въ своихъ грѣхахъ предъ народомъ и митрополитомъ, и здѣсь же черезъ нѣсколько лѣтъ свершались жесточайшія казни. Во времена Грознаго площадь украсилась Покровскимъ Соборомъ или „Василіемъ Блаженнымъ“,—одной изъ характернѣйшихъ и удивительнѣйшихъ построекъ міра. Въ этомъ соборѣ выразился полный разцвѣтъ московской архитектуры. Роскошь и оригинальность формъ, удивительное разнообразіе въ частяхъ и еще болѣе удивительный ансамбль общаго,—придаютъ этому памятнику первостепенное значеніе, и адскій замыселъ Наполеона взорвать эту „нелѣпую кучу грибовъ“ надо отнести къ узкости художественнаго вкуса геніальнаго полководца *).

Въ 1665 году Москва встрѣтила на Красной площади Лжедимитрія I, и здѣсь же лежалъ черезъ годъ его обезображенный трупъ, на столѣ, въ маскѣ, съ дудкой и волынкой. Черезъ восемь лѣтъ, испытавши всѣ тягости смутнаго времени, Красная площадь волновалась моремъ головъ и на вопросъ: „Кого царемъ хотите?“ гремѣла: Михаила Ѳеодоровича Романова. Въ 1682 году, во время стрѣлецкаго бунта, старообрядцы здѣсь, съ Никитою Пустосвятомъ во главѣ, кричали „тако вѣруйте!“ и проповѣдывали двуперстное сложеніе креста. И наконецъ здѣсь же при Петрѣ 1 былъ казненъ Цыклеръ и его сообщники.

Теперь Красная площадь, конечно, имѣетъ далеко не прежній видъ. Спасскія ворота пріобрѣли свою готическую башню впослѣдствіи, и во времена царей были совершенно другаго вида. Главы Покровскаго собора были золоченыя, площадь застраивалась много разъ. Кремлевская стѣна окружалась рвомъ, черезъ который были перекинуты мосты—у мостовъ этихъ собиралось все гулящее московское, бранилось, „чинило укоризны скаредныя и смѣхотворныя“, боролось, билось-на кулачкахъ. Здѣсь совершались знаменитыя шествія на осляти въ вербное воскресенье. на лобномъ же совершались благодарственныя молебствія.

Памятникъ Минину и Пожарскому,—стоившій около 150,000 рублей, изображаетъ знаменитаго „говядаря“, указующаго одною

*) Подробное описаніе Покровскаго собора и превосходный рисунокъ внѣшняго его вида помѣщенъ въ № 3 „Нивы“ 1870 года.

рукою князю на московскую дорогу, а другой подающаго ему мечъ: Пожарскій, удрученный болѣзнью, набожно возводитъ глаза къ небу: на лицевой сторонѣ пьедестала барельефъ, изображающій призывъ Минина къ пожертвованіямъ, а на противуположной сторонѣ надпись: „Гражданину Минину и князю Пожарскому благодарная Россія, въ лѣто 1818." Памятникъ этотъ сооруженъ подъ наблюденіемъ знаменитаго Мартоса.

Работы на мосту черезъ р. Восточный Риверъ (въ Нью-Іоркѣ).

Нью-Іоркъ одинъ изъ первостепенныхъ торговыхъ городовъ. Гавань его—незамерзающій заливъ—наполнена судами всевозможныхъ національностей. Пароходы по Восточному Риверу перевозятъ за весьма умѣренную плату пассажировъ изъ Нью-Іорка въ города Бруклинъ, Вильямсбургъ и друг. Всѣ эти города по ту сторону рѣки сами по себѣ уже большіе, являются все же какъ бы предмѣстьями Нью-Іорка. Сообщеніе черезъ р. Риверъ теперь съ 1874 г. постоянное, благодаря громадному мосту между Нью-Іоркомъ и Бруклиномъ. Слава серьезной, широкой разработки въ Америкѣ мостовъ этой системы принадлежитъ инженеру Реблингу—Виртембергцу, умершему лѣтъ пятнадцать назадъ. Онъ первый ввелъ въ употребленіе проволочный канатъ. Большой цѣпной мостъ черезъ Ніагару, въ свое время произведшій сколько шуму, также произведеніе Реблинга. Мостъ, изображенный на нашемъ рисункѣ, выстроенный по его системѣ—величайшій цѣпной мостъ въ мірѣ. Великолѣпное зданіе внизу, влѣво отъ мостовой башни—вокзалъ, станція отправленія пароходовъ. Каждая изъ массивныхъ башенъ на концахъ моста имѣетъ до 280 фут. вышины. Толстые проволочные канаты укрѣплены на разстояніи 800 ф. отъ башенъ, слѣдовательно длина всего протяженія 1600 ф. при вышинѣ надъ уровнемъ рѣки 130 ф. На нашемъ рисункѣ изображены рабочіе при своихъ опасныхъ занятіяхъ, на огромномъ проволочномъ канатѣ, во время недавно производившихся на мосту поправокъ. Видъ на рѣку, безчисленные пароходы, снующіе подъ гигантскимъ мостомъ и на оба многолюдные, шумные города—грандіозенъ и чрезвычайно оживленъ.

Ледяныя горы и пароходство.

Громадныя массы льда, окружающія сѣверный полюсъ, приходятъ лѣтомъ въ движеніе, оттаиваютъ, распадаются на большія части и плывутъ съ необычайною быстротою къ югу, въ Атлантическій океанъ въ видѣ глыбъ или огромныхъ ледяныхъ горъ. Такія же глыбы тянутся вдоль восточнаго берега Гренландіи, когда изъ Дависова пролива сильное теченіе приноситъ съ собою эти колоссальныя ледяныя горы; онѣ выступаютъ высоко надъ поверхностью водъ, на двѣ трети погружаясь въ море. Горы эти идутъ по теченію часто даже противъ вѣтра и потому чрезвычайно опасны для кораблей, плывущихъ именно по вѣтру. Подвигаясь къ югу, эти ледяныя массы распадаются и мельчаютъ, а въ теплыхъ водахъ Гольфштрёма таютъ уже окончательно.

Пока онѣ дойдутъ до Атлантическаго океана, то попадая въ фарватеръ между Европой и Сѣверной Америкой, нерѣдко причиняютъ большія несчастія. Не подлежитъ сомнѣнію, что пропавшіе безъ вѣсти корабли, въ разное время были затерты льдами. Въ 1861 году исчезновеніе парохода „Пасификъ": всѣхъ живо интересовала тогда его несчастная участь, когда узнали о ней изъ записки, выброшенной на берегъ въ бутылкѣ около Гебридскихъ островов. На клочкѣ бумаги, карандашемъ было написано: „На кораблѣ „Пасификъ" изъ Ливерпуля въ Лондонъ. Корабль тонетъ. Всеобщее смятеніе. Насъ окружаютъ ледяныя горы. Знаю, что мнѣ не избѣжать смерти. Но пишу, желая довести до нашихъ друзей извѣстіе о нашей гибели. Нашедшаго прошу опубликовать это. Вильямъ Грагамъ".

2-го Ноября, пароходъ „Аризона" отплылъ изъ Нью-Іорка въ Ливерпуль подъ начальствомъ капитана Томаса Джонсона. Вечеромъ 7 ноября, когда пароходъ находился на 47 градусѣ сѣверной широты и 55 градусѣ западной долготы, недалеко отъ Ньюфаундленда, онъ внезапно столкнулся съ стремительно шедшей ледяной горой. Пароходъ шелъ со скоростью 15 миль въ часъ. Въ моментъ столкновенія, все общество находилось въ залѣ, слушая пѣніе одного изъ пассажировъ. Вдругъ почувствовался сильный ударъ, раздался страшный трескъ, и въ ту же секунду всѣ бывшіе въ залѣ попадали на полъ. Многія дамы лишились чувствъ, большая часть пассажировъ однако сохранили поразительное спокойствіе. Въ курительной комнатѣ играли въ карты. Нѣкоторые господа были сброшены на полъ, нѣкоторые подброшены къ верху, но оправившись всѣ поспѣшили на палубу, узнать въ чемъ дѣло. То, что они увидѣли, было въ состояніи заставить испугаться самыхъ храбрыхъ. По обѣ стороны парохода стояли двѣ ужасныя льдины въ 60, 70 футовъ вышиною, угрожающія неизбѣжной гибелью.

По счастію, корабль еще уцѣлѣлъ на столько, что могъ добраться до порта Ст. Джонъ въ Ньюфаундлендѣ.

Во время столкновенія никого не было на брандвахтѣ, чтобы во время предупредить о приближеніи льдины. Но о страшной силѣ удара свидѣтельствуетъ то, что обшивка на носу разлетѣлась въ дребезги какъ стекло и образовалось зіяющее огромное отверстіе, какъ оно изображено на нашемъ рисункѣ.

Опыты Эдиссона съ электрической лампой.

Очеркъ.

Въ серединѣ декабря минувшаго года извѣстный изобрѣтатель Эдисонъ случайно сдѣлалъ открытіе, которое, повидимому, наконецъ должно разрѣшить задачу освѣщенія частныхъ квартиръ электричествомъ. До настоящей зимы всѣ усилія Эдиссона въ этомъ направленіи оказывались неудачными. Всѣ появлявшіяся изрѣдка извѣстія, говорившія въ его пользу, были преждевременны. Ни одно изъ нихъ не подтвердилось фактами. Они показывали только, чего изобрѣтатель надѣялся достигнуть, а не то чего достигъ въ дѣйствительности; и когда въ послѣднее время мало по малу сдѣлались извѣстными неудачи Эдисона, въ публикѣ начало укрѣпляться сильное сомнѣніе, чтобы онъ и вообще когда нибудь могъ достигнуть чего либо важнаго въ этой области опытовъ.

Около двухъ мѣся-цевъ назадъ Эдисонъ совсѣмъ оставилъ свою платиновую лампу и началъ производить опыты съ углемъ. Тутъ онъ случайно наткнулся на нѣчто, что теперь изумляетъ не только публику, но и его самаго и рабочихъ въ его мастерскихъ.

Мастерскія и лабораторіи въ Менло-паркѣ (см. рис. на стр. 165 „Нивы") главной станціи на Пенсильванской желѣзной дорогѣ, въ разстояніи часа ѣзды отъ Нью-Іорка, построены четыре, пять лѣтъ назадъ. Онѣ спеціально предназначены для приготовленія электрическихъ аппаратовъ, усовершенствованій телефона, фонографа, и др. Лѣтомъ 1878 года тамъ начали производиться опыты съ электрическимъ свѣтомъ. Эдисонъ сначала предполагалъ, что онъ одержалъ уже полную побѣду, когда отыскалъ способъ раздѣленія электрическаго тока. Онъ употребилъ для лампы спираль изъ платиновой проволоки и старался усовершенствовать регуляторъ тока, такъ чтобы спираль могла свѣтиться, не нагрѣваясь сама до точки плавленія. Онъ прилежно работалъ надъ усовершенствованіемъ этаго прибора еще не далѣе какъ мѣсяца три тому назадъ. Въ его спираль вошло около семнадцати футовъ тонкой платиновой проволоки. Первое затрудненіе ему представило стремленіе тока образовать вольтову дугу между прилежащими частями спирали. Всякій разъ, какъ такая дуга образовывалась, проволока его плавилась и исчезала въ пламени искръ. Онъ постоянно старался изолировать спираль какимъ нибудь матеріаломъ, который и самъ могъ бы свѣтиться. Испытывался цинкъ и другіе матеріалы. Употреблялась проволока, сдѣланная изъ иридія и другихъ твердыхъ металловъ и различныхъ минераловъ, но все безуспѣшно. Тогда Эдисону пришла въ голову мысль заключить проволоку въ стеклянный шаръ, изъ котораго вытянуть воздухъ. Недѣли и мѣсяцы прошли на дорого стоющихъ опытахъ по этой идеѣ. Пустое пространство оказалось выгоднымъ, такъ какъ оно экономизировало силу. Равнымъ образомъ въ пустомъ пространствѣ было не такъ велико лучеиспусканіе теплоты и значительная доля энергіи тока сохранялась для поддержанія свѣтоваго нагрѣванія проволоки. Эксперты предвидѣли неудачу раньше самаго Эдисона; а наконецъ и самъ Эдисонъ волею неволею пришелъ къ заключенію, что онъ стоитъ на совершенно ложномъ пути.

Около четырехъ мѣсяцевъ назадъ изобрѣтатель рѣшился испытать пригодность для этаго угля. Онъ рѣшился не бросать опытовъ, пока не достигнетъ успѣха. И самый незначительный случай навелъ его на мысль заняться этими опытами. Разъ онъ возился съ ламповымъ нагаромъ, изъ котораго онъ приготовлялъ облатки для телефона. Случайно потеревъ его между пальцами, онъ замѣтилъ, что его можно разсучить въ нитку. И у него тотчасъ же въ головѣ явилась мысль: „почему я не могу сдѣлать *угольную проволоку для электрической лампы*?" Не долго думая, онъ началъ рядъ опытовъ въ этомъ направленіи. Онъ убѣдился, что легко можетъ сдѣлать угольную проволоку и что изъ послѣдней можно сдѣлать горѣлку для лампы. Послѣ нѣсколькихъ недѣль работы, онъ нашелъ, что угольная проволока неизмѣнно заключенная въ герметически закупоренный стеклянный шаръ (см. фиг. 3), изъ котораго вытянутъ воздухъ, можетъ отлично служить непродолжительное время. Она давала хорошій свѣтъ и была удовлетворительна въ этомъ отношеніи, но была не прочна и вообще очень скоро сгорала. Тогда ему пришла мысль взять простую бумажную нитку, обуглить ее въ ретортѣ и приготовить изъ нея свертки. Были испытаны нитки и снурки всѣхъ родовъ и величинъ. Но и этотъ матеріалъ оказался непригоднымъ. Ткань обугленной нитки была слишкомъ рыхла—матеріалъ былъ лучше ламповаго фитиля, но все таки недостаточно хорошъ. Тогда

Эдисонъ началъ испытывать обыкновенную писчую бумагу. Онъ нарѣзалъ тонкими полосками разнаго сорта бумагу, предварительно обугленную, для чего клалъ полоски между листами бумаги, сжималъ ихъ между чугунными пластинками и подвергалъ сильному жару въ муфельной печи. Полоски онъ вырѣзывалъ въ видѣ подковы. Одна изъ этихъ полосокъ, сдѣланная изъ бристольскаго картона, была заключена въ пустое пространство (если можно такъ выразиться) въ стеклянномъ шарѣ (см. фиг. 3), а электрическій токъ къ ней и отъ нея проходилъ по платиновымъ проволокамъ. Это было мѣсяца три назадъ. Съ устроенной такимъ образомъ лампой начались опыты. Подкова изъ обугленной бумаги (см. фиг. 1 и 2) раскалилась и дала прекрасный мягкій свѣтъ, по силѣ равный свѣту газовой горѣлки. Подкова не сгорала и дѣйствовала очень хорошо во весь первый день опыта. На слѣдующій день опять производились опыты съ той же самой лампой. Она дѣйствовала превосходно, къ нѣкоторому удивленію самаго Эдисона и его помощника. Оба они были сильно заинтересованы. Они поручили своему стекольному мастеру сдѣлать нѣсколько лампъ. Для выкачиванія воздуха изъ шаровъ былъ употребленъ воздушный насосъ, усовершенствованный Крукомъ и Стренгелемъ; особенное вниманіе было обращено на тщательную закупорку отверстій. Опыты съ этими лампами начались около пяти недѣль назадъ. Они всѣ удались хорошо, и чрезъ нѣсколько дней убѣдились, что философъ Менло-парка сдѣлалъ драгоцѣнное изобрѣтеніе. Дѣйствительно, лампа оказалась совершенною.

Теперь возникъ цѣлый рядъ новыхъ вопросовъ и между прочимъ вопросъ о прочности раскаляющагося угля при сильномъ токѣ. На этотъ вопросъ получился удовлетворительный отвѣтъ. Одна лампа была доведена до силы 30 газовыхъ горѣлокъ съ полной безопасностью, и повидимому теперь уже вполнѣ доказана способность бумажнаго картона сопротивляться сильному току. Такъ какъ Эдисонъ не намѣренъ дѣлать свѣтъ для частныхъ жилищъ большей силы, чѣмъ въ одну или двѣ газовыя горѣлки, то и считаетъ эту часть задачи вполнѣ разрѣшенною. Если можно достигнуть того, чтобы горѣлка безопасно давала свѣтъ, равный 30 газовымъ горѣлкамъ, то разумѣется, можно быть увѣреннымъ, что она будетъ давать и свѣтъ одной или двухъ газовыхъ горѣлокъ. Затѣмъ явился другой вопросъ. Десять свѣтовъ можно было поддерживать въ лабораторіи съ затратою одной лошадиной силы, или восемь въ квартирѣ. На практикѣ приходится неожиданно поворачивать и такъ, и сякъ. Но не разорветъ ли, на время, угля неожиданное поворачиваніе электрическаго тока, равнаго одной восьмой лошадиной силы. Одна восьмая лошадиной силы будетъ приводить въ движеніе нѣсколько швейныхъ машинъ. Одному изъ рабочихъ въ мастерской было поручено поворачивать въ ту и другую сторону электрическій токъ одной изъ лампъ. Рабочій сдѣлалъ это 5000 разъ, что равняется тому, еслибы лампа свѣтила въ домѣ въ теченіи 10 или 12 лѣтъ. Лампа отлично выдержала этотъ опытъ. Возникали и другіе различные вопросы и были быстро разрѣшены подобнымъ же образомъ дѣйствительнымъ опытомъ. Легче себѣ представить, чѣмъ описать чувства, господствовавшія въ мастерскихъ въ Менло-паркѣ, когда производились эти опыты и оказывалось, что лампы выдерживали всякую пробу. Каждый, начиная съ самаго Эдисона, былъ сначала пораженъ и потомъ обрадованъ. Они испытали столько неудачъ, что теперь съ трудомъ могли вѣрить своимъ чувствамъ.

Во второй половинѣ декабря 45 лампъ горѣли каждый вечеръ въ Менло-паркѣ и число ихъ увеличивается по мѣрѣ того, какъ успѣваютъ приготовлять лампы. Лампы помѣщены въ двухъ или трехъ домахъ въ деревнѣ, а также они горятъ въ десяткѣ фонарей по дорогѣ, ведущей къ желѣзнодорожной станціи. Другія лампы находятся въ мастерскихъ. Одна изъ послѣднихъ горѣла день и ночь впродолженіи пятнадцати дней и продолжала дѣйствовать столь же хорошо, какъ и въ первый день своего дѣйствія.

Изобрѣтеніе этой новой лампы, однако, не произвело особеннаго дѣйствія въ Нью-Іоркѣ на цѣны денежныхъ бумагъ газовыхъ обществъ. Все еще слишкомъ велико недовѣріе къ успѣхамъ Эдисона. Весьма рѣшительное дѣйствіе произвело новое изобрѣтеніе только на бумаги компаніи электрическаго освѣщенія Эдисона. Компанія имѣетъ три тысячи акцій, по 100 долларовъ каждая. Лѣтомъ прошлаго года эти бумаги упали до цѣны 20 долл. за акцію; въ послѣднее же время цѣна на нихъ поднялась страшно. Такъ, одинъ сенаторъ отъ штата Нью-Іорка купилъ въ половинѣ декабря нѣсколько акцій по 3000 дол. за штуку, а черезъ нѣсколько дней они уже продавались по 3,500 долларовъ за акцію. Большинство же мелкихъ владѣльцевъ ихъ требуетъ за нихъ по 5000 дол. за штуку.

Самъ Эдисонъ не предается чрезмѣрнымъ иллюзіямъ. Онъ не дѣлаетъ никакихъ предсказаній, но говоритъ что будетъ продолжать опыты, пока у него не будетъ горѣть 150 лампъ новаго образца въ квартирахъ и улицахъ Менло-парка. Чрезъ нѣсколько недѣль онъ получитъ возможность формулировать ясное мнѣніе о качествахъ своего изобрѣтенія. Теперь проводятся проволоки въ деревню Равэ, въ четырехъ миляхъ отъ Менло-парка для испытанія дѣйствія лампъ на значительное разстояніе. Пока не будутъ собраны данныя этаго опыта, Эдисонъ не выскажетъ своего окончательнаго мнѣнія по этому вопросу. Однако онъ думаетъ, что новая лампа можетъ дѣйствовать и на значительномъ разстояніи, и дома могутъ быть освѣщаемы ею по той же цѣнѣ, что и теперь газомъ, а можетъ быть даже и дешевле; но въ послѣднемъ онъ еще не совсѣмъ увѣренъ. Лампы имѣютъ четыре дюйма вышины, до крайности просты по устройству и стоятъ только 25 центовъ за штуку.

Политическое обозрѣніе.

Порта, Греція и Черногорія,—Румыны въ Турціи.—Шаткое положеніе Саида-Паши. —Болгарія.—Перепись въ Босніи и Герцеговинѣ.—Натянутыя отношенія между Италіей и Австріей.—Здоровье Итальянской королевы.—Англичане ведутъ желѣзную дорогу въ Персію.—Смерть Кремье.—Принцъ Наполеонъ.—Тронная рѣчь Германскаго императора.

Ужасное событіе—взрывъ—такъ горько отозвавшееся въ русскомъ сердцѣ—занимаетъ теперь всю европейскую печать. Иностранныя газеты, заговорившія объ этомъ, чуть ли не позабыли своихъ собственныхъ горестей въ родѣ Ирландскихъ волненій, соціальныхъ движеній и всевозможныхъ покушеній.

Вопросъ греко-турецкій и турецко-черногорскій „вступили въ новый фазисъ", но выиграли ли отъ этого много, пока, греки и черногорцы—мы еще въ правѣ сомнѣваться. О роли, которую играетъ нынѣшнее французское министерство въ первомъ вопросѣ, мы уже говорили. Англійское же правительство, признавая необходимость европейскаго посредничества для разрѣшенія его, указало на значеніе не однѣхъ политическихъ, но и техническихъ условій проведенія границы между Греціей и Турціей. По мнѣнію С. Джемскаго кабинета, необходимо возложить проведеніе этой черты на особую международную комиссію, обладающую компетентностью для разрѣшенія, въ каждомъ данномъ случаѣ, стратегической стороны вопроса. По слухамъ, всѣ великія державы согласны съ мнѣніемъ Англіи. Что же касается хода дѣла о территоріальномъ вознагражденіи Черногоріи за отказъ отъ Гусинья, то Порта до сихъ поръ еще не приняла окончательнаго рѣшенія. Многіе изъ турецкихъ генераловъ, мнѣнія которыхъ спрашивали по дѣлу этому, высказываются противъ обмѣна, и потому вопросъ мало подвигается впередъ. Итальянскій посланникъ, графъ Корти, получилъ отъ своего правительства инструкціи, предписывающія ему ожидать исхода дѣла и не принимать участія въ переговорахъ. Мнѣніе Россіи не было спрошено Портою и она держится въ сторонѣ. Полагаютъ, что она и будетъ продолжать слѣдовать этому образу дѣйствій, но если Турція и Черногорія придутъ къ соглашенію, то мы не будемъ имѣть ничего противъ. Султанъ весьма желаетъ сдѣлать Черногоріи возможно больше уступокъ: дорожа Гусинскимъ округомъ, онъ, въ виду сочувствія населенія Кучи-Крайнскаго округа въ Черногоріи, не придаетъ особеннаго значенія уступкѣ этой мѣстности. Къ свѣденіямъ о Турціи мы, на этотъ разъ, можемъ присоединить еще одно весьма любопытное. Дѣло въ томъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ Махмудъ-Недимъ-Паша, недавно получилъ докладную записку, которая указываетъ на предстоящее въ скоромъ времени возникновеніе новаго политическаго заговора въ Македоніи и Ѳессаліи. Записка эта исходитъ отъ румынъ и отстаиваетъ права населенія румынской національности, живущаго въ тѣхъ провинціяхъ, будто бы, въ количествѣ 800,000 ч. (?). Составители записки настоятельно совѣтуютъ Махмуду-Недиму и Портѣ содѣйствовать румынской національности и освободить ее отъ чисто-фанатическаго духовенства, давъ разрѣшеніе на основаніе нѣсколькихъ румынскихъ церквей съ причтами и школъ. При этихъ условіяхъ, румыны, какъ обѣщаются въ запискѣ, сдѣлаются самыми вѣрными подданными султана, нейтрализируя, въ то же время, всѣ интриги грековъ въ провинціяхъ. Интересно между прочимъ, то, что тутъ же указывается на *происки австрійцевъ въ Македоніи и Ѳессаліи* о которыхъ мы приводили нѣкоторые слухи еще въ прошломъ году. Румыны обѣщаютъ султану справиться съ этими интригами, которыя они признаютъ болѣе серьезными, чѣмъ греческія...

Въ Константинополѣ поговариваютъ о предстоящемъ паденіи турецкаго перваго министра Саида-Паши, вслѣдствіе столкновенія его съ фаворитомъ султана, Риза-беемъ. Саидъ потребовалъ смѣщенія этого лица, извѣстнаго плутнями своими, но въ этомъ было отказано ему, такъ какъ Риза-Бей пользуется большими милостями у Абдулъ-Гамида. Преемника Саида еще не называютъ навѣрное, но замѣчено уже, что султанъ неоднократно принималъ у себя Саворета и Хейреддина-Пашей, пользующихся—сказать кстати—расположеніемъ англійскаго правительства.

Согласно новѣйшимъ свѣдѣніямъ, либералы составляютъ большинство въ болгарскомъ собраніи. Скажемъ, однако, что оппозиція распущенной палаты болгарской не была направлена противъ внѣшней политики князя, а противъ экономической дѣятельности министерства, или, даже, противъ отдѣльныхъ

(Продолженіе на стр. 165. 166. 167 и 168).

министровъ. Правительственный кризисъ, какъ увѣряютъ, могъ бы быть и совсѣмъ избѣгнутъ; самые наименѣе популярные министры—Начовичъ, Грековъ—вышли изъ министерства.

Въ Босніи и Герцеговинѣ произведена была недавно перепись, изъ которой видно, что общее количество населенія простирается до 1,142,147 ч. (599,026 мужч. и 543,121 женщ.) изъ числа которыхъ 442,500—магометане, 487,022 — православные, 209,022—католики. Съ 1886 г. населенія увеличилось на 10,662 челов. Всѣхъ городовъ въ Босніи и Герцеговинѣ 37, селъ 4894, ярморочныхъ мѣстечекъ 34, и общая цифра домовъ 187,510.

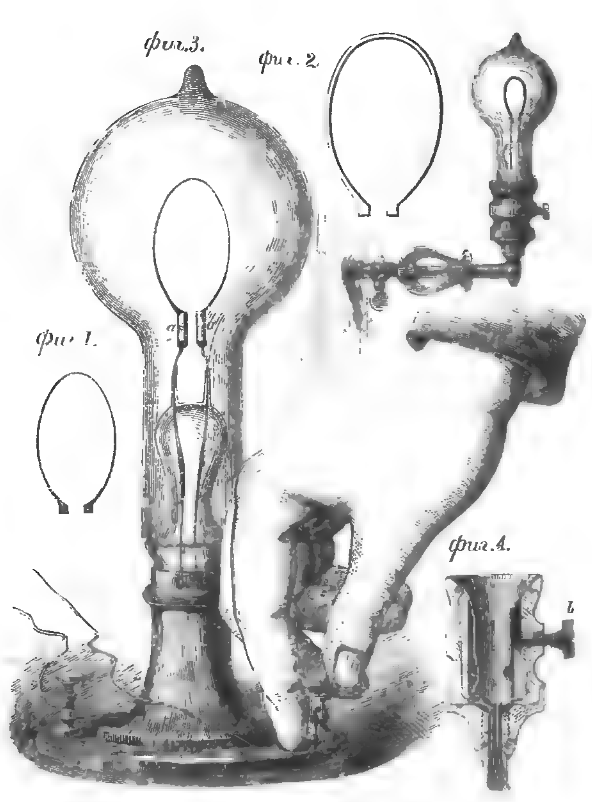
Недавно прошелъ слухъ о нѣкоторой натянутости отношеній между Австріей и Италіей. Поводъ къ тому въ различныхъ мѣрахъ, принятыхъ австрійскимъ правительствомъ въ южномъ Тиролѣ и состоящихъ въ усиленіи гарнизоновъ и приведеніи войскъ на военное положеніе. Хотя Австрійское правительство немѣдленно и увѣдомило въ успокоительномъ духѣ, конечно, Италію объ этихъ распоряженіяхъ, но и эта послѣдняя не осталась бездѣятельною. Веронское инженерное вѣдомство приступаетъ къ постройкѣ крѣпости въ Молочинцѣ. Вооруженная дальнобойными пушками, тамъ она будетъ служить для прикрытія войскъ, направляемыхъ къ австрійской границѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ, будетъ препятствовать высадкѣ непріятельскихъ отрядовъ, которые могутъ быть посланы сюда изъ Ривы. — На дняхъ распространились тревожные слухи о состояніи здоровья итальянской королевы, страдавшей будто бы нервными припадками. Газета „Diritto", не опровергая факта нездоровья королевы, сообщаетъ что ея величество чувствуетъ себя теперь вполнѣ хорошо.

Свѣдѣніе о томъ, что Англія разрѣшила Персіи занять Гератъ, было опровергнуто лордомъ Биконсфильдомъ въ палатѣ лордовъ; но этому опровerженію не вѣрятъ, такъ какъ премьеръ, въ то же время сказалъ, что съ Персіей идутъ дѣйствительно переговоры. Въ дополненіе къ первому слуху передаютъ, что Персія, пріобрѣтая Гератъ, обязана будетъ поддерживать англо-индійскую политику въ Афганистанѣ и *разрѣшить англичанамъ постройку желѣзной дороги отъ Тегерана къ Персидскому проливу!!*.

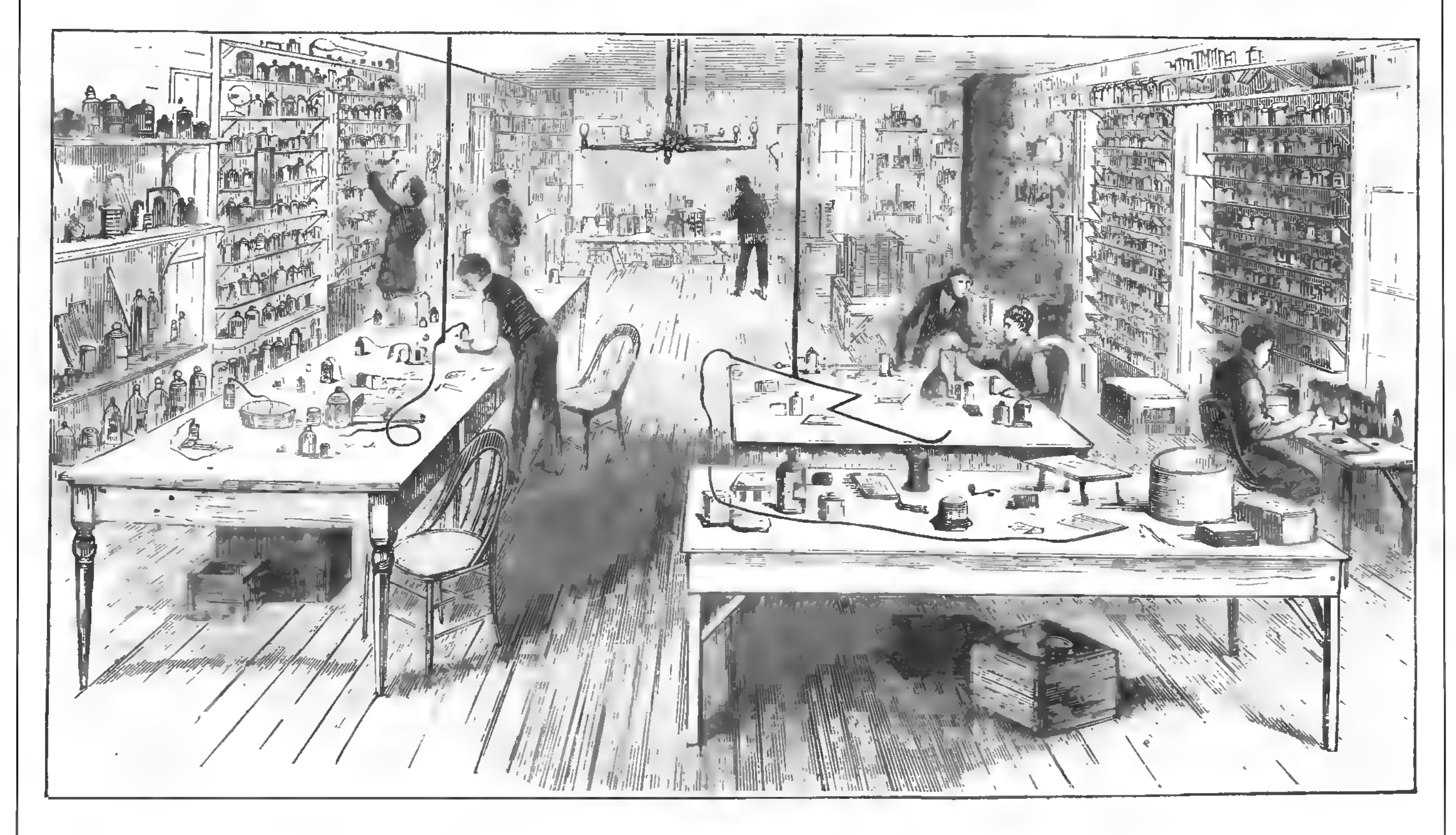
Тогда останется только, просто на просто, присоединить Персію, вмѣстѣ съ Гератомъ, къ индійскому рынку Англіи...

Во Франціи умеръ еще одинъ бывшій политическій дѣятель, Кремье, занимавшій нѣкогда должность министра юстиціи. *Республиканскія газеты начали нападки на принца Жерома-Наполеона, какъ на главу Бонапартистской партіи.* Пока ему рекомендуютъ осторожность. Въ одномъ изъ своихъ органовъ, принцъ отвѣчалъ недавно, что онъ готовъ на все. Франція возобновляетъ свои дипломатическія сношенія съ Мексикой.

Тронная рѣчь, которою была открыта сессія германскаго рейхстага, составлена вполнѣ въ миролюбивомъ духѣ.

Электрическая лампа Эдиссона. Грав. Шмидтъ.

Лабораторія Эдиссона въ Менло-Паркѣ близъ Нью-Іорка. По фот. грав. М. Рашевскій.

Новыя изобрѣтенія.

Изслѣдователь. Приборъ, названный изобрѣтателемъ г. Бересневымъ „Изслѣдователь", предназначается для узнанія скорости вращенія механизмовъ. Этотъ контрольный приборъ имѣетъ множество примѣненій, въ высшей степени полезныхъ и практическихъ. Помѣщенный на пароходъ, онъ опредѣляетъ наивыгоднѣйшую скорость движенія парохода въ разныхъ мѣ-

стахъ рѣки, а если опредѣлить такую скорость. то легко опредѣлить и экономію, которую можно соблюсти въ топливѣ. На мукомольномъ поставѣ онъ показываетъ, какая скорость наиболѣе выгодна для какого зерна. Контроль движенія на желѣзныхъ дорогахъ извѣстно какъ важенъ и такой контроль на паровыхъ машинахъ вообще устранитъ частые несчастные случаи, происходящіе отъ неровнаго хода механизмовъ.

Способъ удалять пятна жира изъ рисунковъ, рукописей и т. п. Покрываютъ поверхность рисунковъ или писемъ, гдѣ есть жировыя пятна, бензиномъ. Послѣ того, какъ пятна намочены бензиномъ. ихъ посыпаютъ порошкомъ болюса. Порошокъ слѣдуетъ крѣпче придавить рукою. Болюсъ пролежавъ 30—60 секундъ. надо стряхивать и самое мѣсто обтирать полотномъ. Если пятна не совсѣмъ сошли, то нужно еще разъ повторить тоже самое. Такимъ образомъ можно безслѣдно уничтожить пятна жира на рисункахъ, рукописяхъ и т. п.

Стенографическая машина изобрѣтена синьоромъ Доріо Мацени. итальянскимъ стенографомъ. Эта машина. какъ говорятъ, переноситъ на бумагу обыкновеннымъ типографскимъ шрифтомъ слова въ моментъ ихъ произнесенія.

Стенографическая машина Михеля, которая была на Парижской выставкѣ, имѣетъ тотъ недостатокъ, что ея записываніе нуждается въ исправленіи или по крайней мѣрѣ требуетъ отъ наборщика знакомства съ этимъ способомъ.

Покушеніе 5-го февраля.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ напечатано слѣдующее правительственное сообщеніе:

„5 го февраля, въ седьмомъ часу пополудни, въ подвальномъ этажѣ Зимняго дворца, подъ помѣщеніемъ главнаго караула, произведенъ взрывъ. На другой день былъ осмотръ помѣщеній, пострадавшихъ отъ взрыва. Осмотрѣны: помѣщеніе для старшаго караула, въ первомъ этажѣ, подъ нимъ, въ подвальномъ этажѣ—жилое помѣщеніе и коридоры, съ кирпичнымъ сводомъ и во второмъ этажѣ, надъ караульнымъ помѣщеніемъ для нижнихъ чиновъ, столовыя комнаты Его Императорскаго Величества. Взрывъ произошелъ въ подвальномъ этажѣ, въ которомъ значительная часть сводовъ и печь въ жиломъ помѣщеніи разрушены, двери всѣ вырваны, деревянная обшивка трубъ оторвана и тамбуръ у входа уничтоженъ; въ первомъ этажѣ, гдѣ помѣщались нижніе чины караула, оказались въ нижнемъ сводѣ потолка, имѣющемъ поверхъ еще вторые, легкіе своды, двѣ пробоины и большая часть пола провалилась; во второмъ же этажѣ, въ столовой комнатѣ, приподнятъ паркетъ на мѣстѣ, соотвѣтствующемъ упомянутой пробоинѣ, и треснула стѣна. Значительное число стеколъ въ зданіи дворца оказалось разбитыми.

Взрывъ произведенъ динамитомъ, количество котораго предполагается до двухъ пудовъ; динамитъ находился передъ взрывомъ въ жиломъ помѣщеніи нижняго этажа.

Изъ бывшихъ въ караульной комнатѣ нижнихъ чиновъ лейбъ-гвардіи финляндскаго полка 10 человѣкъ убито и 44 ранено, въ томъ числѣ 8 тяжело.

Обѣдъ Его Императорскаго Величества, который обыкновенно бываетъ въ 6 часовъ, былъ отложенъ до прибытія его высочества принца Гессенскаго, пріѣздъ котораго изъ за-границы ожидался 5-го февраля. Взрывъ послѣдовалъ около 20 минутъ седьмого, въ то время, когда Государь Императоръ изволилъ встрѣчать принца, только-что прибывшаго съ желѣзной дороги.

Дѣйствія правительства.

УКАЗЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ.

Въ твердомъ рѣшеніи положить предѣлъ безпрерывно повторяющимся въ послѣднее время покушеніямъ дерзкихъ злоумышленниковъ поколебать въ Россіи государственный и общественный порядокъ, Мы признали за благо:

1. Учредить въ С.-Петербургѣ Верховную Коммисію по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія.

2. Верховной распорядительной коммисіи состоять изъ главнаго начальника оной и назначаемыхъ для содѣйствія ему, по непосредственному его усмотрѣнію, членовъ коммисіи.

3) Главнымъ начальникомъ верховной распорядительной коммисіи быть временному харьковскому генералъ-губернатору, Нашему генералъ-адъютанту, члену Государственнаго Совѣта, генералу-отъ-кавалеріи графу Лорисъ-Меликову, съ оставленіемъ членомъ Государственнаго Совѣта и въ званіи Нашего генералъ-адъютанта.

4. Членовъ коммисіи назначать по повелѣніямъ Нашимъ, испрашиваемымъ главнымъ начальникомъ коммисія, которому предоставить, сверхъ того, право призывать въ коммисію всѣхъ лицъ, присутствіе коихъ будетъ признано имъ полезнымъ.

5. Въ видахъ объединенія дѣйствій всѣхъ властей по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, предоставить главному начальнику верховной распорядительной коммисіи, по всѣмъ дѣламъ, относящимся къ такому охраненію:

а) Права главноначальствующаго въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ, съ непосредственнымъ подчиненіемъ ему с.-петербургскаго градоначальника.

б) Прямое вѣдѣніе и направленіе слѣдственныхъ дѣлъ по государственнымъ преступленіямъ въ С.Петербургѣ и с.-петербургскомъ военномъ округѣ—и

в) Верховное направленіе упомянутыхъ въ предъидущемъ пунктѣ дѣлъ по всѣмъ другимъ мѣстностямъ Россійской имперіи.

6. Всѣ требованія главнаго начальника верховной распорядительной коммисіи по дѣламъ объ охраненіи государственнаго порядка и общественнаго спокойствія подлежатъ немедленному исполненію какъ мѣстными начальствами, генералъ-губернаторами, губернаторами и градоначальниками, такъ и со стороны всѣхъ вѣдомствъ, не исключая военнаго.

7. Всѣ вѣдомства обязаны оказывать главному начальнику верховной распорядительной коммисіи полное содѣйствіе.

8. Главному начальнику верховной распорядительной коммисіи предоставить испрашивать у Насъ непосредственно, когда признаетъ сіе нужнымъ, Наши повелѣнія и указанія.

9. Независимо отъ сего предоставить главному начальнику верховной распорядительной коммисіи дѣлать всѣ распоряженія и принимать вообще всѣ мѣры, которыя онъ признаетъ необходимыми для охраненія государственнаго порядка и общественнаго спокойствія какъ въ С.-Петербургѣ, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ Имперіи, причемъ отъ усмотрѣнія его зависитъ опредѣлять мѣры взысканія за неисполненіе или несоблюденіе сихъ распоряженій и мѣръ, а также порядокъ наложенія этихъ взысканій.

10. Распоряженіе главнаго начальника верховной распорядительной коммисіи и принимаемыя имъ мѣры должны подлежать безусловно исполненію и соблюденію всѣми и каждымъ и могутъ быть отмѣнены только имъ самимъ или особымъ Высочайшимъ повелѣніемъ, и

11. Съ учрежденіемъ, въ силу сего Именнаго указа Нашего, верховной распорядительной коммисіи по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, учрежденнаго таковымъ же указомъ отъ 5-го апрѣля 1879 года должность временнаго с.-петербургскаго генералъ-губернатора упразднить.

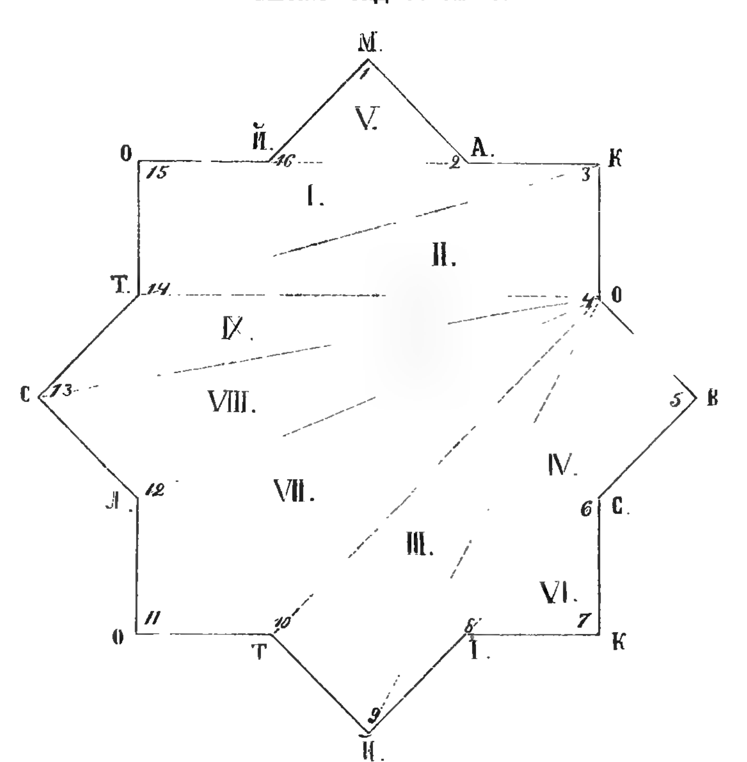
Правительствующій Сенатъ, къ исполненію сего, не оставитъ сдѣлать надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„АЛЕКСАНДРЪ“.

Въ С.-Петербургѣ.
12-го февраля 1880 года.

Рѣшеніе задачи № 15.

МАКОВСКІЙ—ТОЛСТОЙ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: **Спб**,—отъ гг. Зейме, С—аго, Мануилова, Наишина, А. Ж., Сарычева, Мосягина, Коркина, Сечалова, Кошкина, Руска, Петрова, Жеромской, Торвина, Матвѣева, Куницына, Федорова; Митрофанова, Гриоурова, Всеволожскаго; **Москва**. отъ гг. Коробкина, Смирнова. Николаева, Пуныряикова, Миляева, Нильсенъ. Байкова; Смирнова, Балатина; **Медвѣдево**, — Лейцингеръ; **Кронштадтъ**,—Даржапа; **Гатчино**, — Князева; **Минскъ**,—В. Л. Н.; **Медвѣдь**,—Тиханова; **Рига**,—Галушка; **Ярославль**,—Рогалева; **Тула**,—Вознесенскаго; **Болдино**,—Рѣшимова; **Вѣищна**,—Контрымъ; **Рязань**,—Ростиславова; **Одесса**, Волохова; **Можайскъ**—Ершова; **Кострома**—Лаговскаго.

Рѣшеніе шашечной задачи № 14.

Бѣлыя.				Черныя.			
Съ	№ 32	на	№ 23	Съ	№ 30	на	№ 20
„	№ 24	„	№ 15	„	№ 12	„	№ 19
„	№ 11	„	№ 14	„	№ 19	„	№ 10
„	№ 1	„	№ 5	„	№ 10	„	№ 1
„	№ 9	„	№ 5	„	№ 1	14	№ 4
„	№ 13	„	№ 18	„	№ 21	„	№ 14
„	№ 31	„	№ 22	„	№ 26	„	№ 19
„	№ 6	„	№ 15	„	№ 19	„	№ 12
„	№ 2	„	№ 11	„	№ 14	„	№ 7
„	№ 17	„	№ 21	„	№ 29	„	№ 25
„	№ 21	„	№ 26				

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: **Спб.** отъ гг. Журавлева, Маринина, Вышеславцева, Журкина, Нельгренъ, Свищева; **Москва**—Богородскаго, Звѣвакина: **Муромъ**—Голубева; **Кронштадтъ**—Жицкова.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Спб., Одному изъ подписчиковъ. А другіе пишутъ—спрашиваютъ, отчего не начинаютъ напр. повѣсть Крестовскаго. Можно ли начать все сразу? Все будетъ въ свое время: цѣлый годъ впереди.

Коломна, С. О—ху. Не можемъ указать ни на одинъ журналъ, который бы напечаталъ такіе стихи, хотя по вашему мнѣнію они хороши.

Вас. Остр. Бѣл—ому. Лично намъ не о чемъ переговариваться, ибо присланное вами плохо.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Поступила въ продажу:

ЭЛЕМЕНТАРНАЯ АНАТОМІЯ, ФИЗІОЛОГІЯ И ГИГІЕНА.

Руководство для городскихъ уч. сост. М. Герасимовымъ. Съ 28 рис. Ц. 50 к. Доп. Уч. К. М. Н. Пр. въ качествѣ учебнаго руководства для городскихъ уч. и въ библіотеки народныхъ уч. Складъ изданія въ кн. маг. „Новаго Времени“ и у автора: СПБургъ. Луговскій каналъ, д. № 120. 1 № 569

ОГРОМНЫЙ ВЫБОРЪ

столовой и чайной посуды, а также для полнаго хозяйства и приданаго вся кухня

ВЪ МАГАЗИНѢ

AU BON MARCHÉ

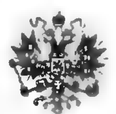
Большая Морская, домъ Штанге, № 34. № 564 2—2

БУХГАЛТЕРІЯ.

По двойной системѣ для самоучащихся соч. **Ѳ. Журова**, 2 части (въ 2 книгахъ 520 стр.) съ 6 листами чертежей и таблицъ, наглядно представляющихъ ходъ дѣла, Ц. 3 руб. Она одобрена Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ слѣдующей формѣ: „Рекомендовать „для употребленія въ реальныхъ училищахъ „вѣдомства Министерства Народн. Просв., „какъ классное пособіе, полезное не только „для учениковъ, но и для начинающихъ преподавателей“, Журналъ М. Н. П. 1876 года кн. 10, стр. 103. (Такого одобренія и такихъ приложеній ни одна бухгалтерія въ Россіи не имѣетъ).

Краткая двойная бухгалтерія для начинающихъ (68 стран.) **Ѳ. Журова**. Ц. 25 коп.

Продаются въ Москвѣ, Петербургѣ и другихъ городахъ. Адресующіеся за которой либо книгой прямо къ автору: „Въ почтовое отдѣленіе **с. Тейново**, Владим. губ. Ѳедору Гавриловичу **Журову**,“ на пересылку не прилагаютъ. № 563 1.

СЛОВОЛИТНЯ О. И. ЛЕМАНА

въ С.-Петербургѣ, Банковскій м., 52-3.

существуетъ съ 1854 года.

Складъ шрифтовъ у Ив. Ив. ФЛОРА въ Москвѣ, Никитская, д. Рихтёра.

Постоянно располагая БОЛЬШИМЪ ЗАПАСОМЪ готовыхъ шрифтовъ, словолитня въ состояніи, въ весьма короткое время, удовлетворить самымъ значительнымъ требованіямъ.

Съ словолитней соединены: граверное, стереотипное и гальванопластическое заведеніе.

АМЕРИКАНСКІЯ КАПЛИ И ЭЛИКСИРЪ

противъ зубной боли.

ИППОЛИТА МАЕВСКАГО.

Главное депо у дрогистовъ

Рульковіусъ и Гольмъ.

Казанская, уголъ Демидова переулка № 27.

а продажа у Штоль и Шмидта, Оскаръ Гертхенъ, Рузанова, Саблукова, Сафронова, Линде, въ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами и у всѣхъ аптекарей. Цѣны каплямъ, безъ запроса напечатаны на каждомъ флаконѣ эликсира.

№ 385 5—5

№ 444 МАГАЗИНЪ ЖЕНСКИХЪ РУКОДѢЛІЙ 1—1

№ 18, уг. Невск. **СОФІИ МЮНСКЪ**, и Б. Морск. Спб.

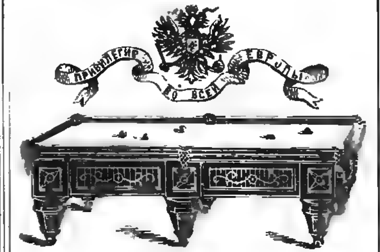
Вновь полученъ изъ **Парижа, Берлина** и **Франкфурта**, б. выборъ **начатыхъ работъ новѣйш. вкуса** и матерьяла для нихъ, разн. канвы, шерстей и шолку. Какъ новость рекоменд. канва конгресъ, канва монте, шерсть помпадуръ и чулочный шелкъ.

БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА

РУДОЛЬФА ГЕРДЕСЪ

въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

предлагаетъ свои

Билліарды съ патентованными передвижными бортами

разныхъ величинъ, разлагаемой конструкціи крытые, ровно шлифованными аспидными досками, солидной, изящной работы, по рѣшительнымъ цѣнамъ. Иллюстрированные прейсъ-куранты съ описаніемъ высылаются желающимъ чрезъ

РУДОЛЬФА ГЕРДЕСЪ,

№ 543 Вознесенскій просп., № 12. 10—3

СИТРОНАТЪ МОСКОВИТЪ КЁЛЕРА.

Превосходный лимонный экстрактъ съ вполнѣ сохраненнымъ ароматомъ лимоновъ, для лимонадовъ, чая, мороженнаго, пунша, устрицъ и всякаго рода кушанья. Стклянка на 100 стакановъ лимонада 90 к. Торговцамъ значительная скидка.

Продажа въ магазинѣ аптекарскихъ товаровъ

Р. КЁЛЕРЪ и Ко. въ МОСКВѢ,

на углу Никольской улицы и Черкасскаго переулка.

№ 549 3—2

НОВОСТЬ !!

КАРМАННЫЕ ФОНАРИ

КОТОРЫЕ ПРИ СПУСКѢ ПРУЖИНЫ

ЗАЖИГАЮТСЯ САМИ.

Вставивши въ фонарь восковыя свѣчи, которыя продаются въ любой свѣчной лавкѣ, нагнувши нижній ободокъ, отпускать его въ верху и **горящая свѣчка** выходитъ изъ внутренняго резервуара.

Главное депо для Россіи

А. Юнгъ и Комп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

у Казанскаго моста, по Екатерининскому Каналу, № 12, между Невскимъ проспектомъ и Большой Итальянской улицей.

Высылается во всѣ города Россійской Имперіи, за 5 р. съ дост. и укупоркой.

Продавцамъ соотвѣтственная скидка.

№ 565 3—2

ЕССЕНТУКСКІЯ ЛЕПЕШКИ И СОЛЬ

ДЛЯ ВНУТРЕННЯГО УПОТРЕБЛЕНІЯ

приготовляемыя на кавказскихъ минеральныхъ водахъ

изъ воды пріобрѣтшаго всероссійскую извѣстность

источника № 17.

Превосходно дѣйствуютъ при изжогѣ, отрыжкѣ, давленіи подъ ложечкою, при тяжеломъ пищевареніи и катарральномъ состояніи желудка и кишекъ. Эта необходимая принадлежность каждаго путешественника и идущаго на сытный обѣдъ или ужинъ—продается

во всѣхъ магазинахъ аптекарскихъ товаровъ и въ аптекахъ.

№ 586 2—1

ПІАНИНО

ФАБРИКИ К. ГЕТЦЕ

уголъ Караванной и Итальянской. 3—35.

Двойныя перекрестныя съ двумя чугунными рамами

СИСТЕМЫ КАПСЪ,

отлично держащія строй и сопротивляющіяся нашему климату; по звуку равны кабинетному роялю.

№ 571 1

Полученныя изъ **Эрфурта** отъ придворнаго поставщика **Императора Германіи**, послѣдняго сбора и лучшаго качества: 12 сор. цвѣточныхъ сѣмянъ 75 к., 20 с. сѣющихся въ грунтъ 75 к., 20 с. бордюрныхъ 75 к., 12 с. вьющихся 60 к., 12 с. декоративн. 60 к., 12 с. иммортелей 50 к., 12 с. душистыхъ 60 к., 20 с. многолѣт. 1 р., 25 с. разныхъ 1 р., 50 с.—12 р., 100 с.—3 р., 12 с. букетн. травъ 50 к., 12 с. душист. травъ 75 к., 4 с. георгинъ: крупноцвѣтн., росписн., лиллипутн. и карликов. 1 р., 100 зеренъ георгинъ новѣйш. сор. 1 р., 6 с. Розъ 1 р., 10 с. лилій 1 р. 50 к. 12 с. луковичн. 1 р. 50 к., 12 с. цвѣтущ. кустарниковъ 1 р. 50 к., 12 с. ягодныхъ 1 р. 50 к., 12 с. комнатныхъ 1 р., 6 с. камелій 1 р. 50 к., 6 с. Драценъ 1 р., 6 с. пальмъ 1 р., 6 с. кактусовъ 1 р. 50 к., 10 с. папоротниковъ горшечн. 1 р. 50 к., 6 с. папоротн. воздушн. 1 р., 6 с. для акваріума 1 р. 50 к. При требованіи на 3 р. и болѣе пересылка безплатная. Полуколлекціи не отпускаются. 500 с. **огородныхъ** сѣмянъ, замѣчат. и рѣдкихъ, имѣющихся въ Россіи единственно только въ этомъ депо. Каталогъ высылается безплатно. Адресъ: **Саратовъ, Приволжское депо сѣмянъ.** № 572 1

Дозволено цензурою СПБ. 22-го февраля 1880 г. **Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.** 10.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 1 Марта 1880 г. Цѣна этаго № „Нивы" 20 к. съ перес. 25 к.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ" за МАРТЪ 1880 г. съ 26 рисунками и отдѣльный листъ съ 24 чертеж. выкроекъ въ натуральн. величину и съ 23 рисунками рукодѣльныхъ работъ.

Графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ.

Въ прошломъ 8 № мы помѣстили Высочайшій указъ, въ виду чрезвычайныхъ обстоятельствъ настоящаго времени, возлагающій на генералъ-адъютанта графа Лорисъ-Меликова важныя полномочія въ качествѣ Начальника вновь образованной Верховной Коммисіи. Ему, въ силу Высочайше предоставленной власти, принадлежитъ верховное направленіе слѣдственныхъ дѣлъ по всѣмъ мѣстностямъ Имперіи. Высоко его призваніе и тяжело отвѣтственное положеніе, трудности котораго признаетъ самъ Начальникъ Верховной Коммисіи въ своемъ обращеніи къ обществу. Но трудности эти будутъ конечно побѣждены тактомъ, энергіей и умомъ графа и неуклонное исполненіе долга поможетъ ему достигнуть цѣлей, поставленныхъ Державною Властью — охраненія государственнаго порядка и спокойствія.

Начальникъ Верховной коммиссіи, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ. Съ фотогр. грав. Е. Шмидтъ.

Бывшій командующій дѣйствующими войсками на Кавказско-Турецкой границѣ, Михаилъ Таріеловичъ Лорисъ-Меликовъ, родился въ 1825 г. Семья его принадлежитъ къ одному изъ знатнѣйшихъ грузинскихъ родовъ. По окончаніи курса въ школѣ Гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ въ 1843 г. онъ выпущенъ былъ корнетомъ въ Лейбъ-Гвардіи Гродненскій Гусарскій полкъ. Въ чинѣ поручика въ 1847 г. назначенъ состоять для порученій при главнокомандующемъ Кавказскимъ корпусомъ генералъ-адъютантѣ графѣ Воронцовѣ, который удержалъ его на Кавказѣ и оцѣнилъ его храбрость и способности. Съ переводомъ его на Кавказъ открылись военныя дѣйствія нашихъ войскъ противъ горцевъ и тутъ выказались вполнѣ военные таланты молодаго офицера. Въ отрядѣ генералъ-лейтенанта Фрейтага онъ отличался въ битвахъ въ Малой Чечнѣ, съ 18 ноября 1847 г. по 18 февраля 1848 онъ безпрестанно участвовалъ въ дѣйствіяхъ противъ гор-

цевъ, постоянно отличаясь полною неустрашимостью и отвагой и былъ награжденъ чиномъ и орденомъ Св. Анны на саблю. Затѣмъ въ отрядѣ князя Аргутинскаго-Долгорукова, при взятіи штурмомъ Гергебиля, онъ вновь отличился и награжденъ чиномъ ротмистра и орденомъ Св. Анны 3 ст. съ бантомъ. Въ 1849 г. въ Дагестанскомъ отрядѣ онъ отличился 1 іюля въ дѣлѣ съ Шамилемъ, при взятіи укрѣпленія Чахъ и 1850 годъ былъ также для него боевымъ годомъ, когда онъ получилъ орденъ Св. Анны 2 ст. Въ слѣдующемъ году на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи началась зимняя экспедиція и рубка просѣкъ, затѣмъ извѣстныя дѣйствія въ большой Чечнѣ, переходъ черезъ р. Аргунъ и 8 января, пораженіе Шамиля и совершенное уничтоженіе отряда Магометъ-Амина. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ онъ участвовалъ съ отличіемъ, но дѣло 15 сент. 1851 г. доставило ему славу и имя его сдѣлалось извѣстнымъ всему Кавказу. Тутъ онъ съ небольшимъ отрядомъ разбилъ и разсѣялъ огромныя скопища горцевъ. Въ 1852 г. въ соединеніи съ отрядомъ Бакланова, участвовалъ въ блистательномъ дѣлѣ въ Тунскомъ лѣсу. Въ 1853 году подъ начальствомъ генералъ-адъютанта кн. Барятинскаго снова отличился 17 февр. при аттакѣ непріятельской позиціи у озера Гордохай, разсѣявъ скопища Шамиля. Въ томъ же году на Кавказско-Турецкой границѣ разбилъ турецкую кавалерію и затѣмъ съ 30 казаками совершенно разсѣялъ отрядъ турецкой кавалеріи. За это блестящее дѣло былъ онъ произведенъ въ полковники. Въ отрядѣ генералъ-лейтенанта Бaгговута 13 апр. 1854 г. произвелъ удачное нападеніе на турокъ при Аргунѣ—золотая сабля и орденъ Св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ были ему наградою, 1855 годъ—подвиги подъ Александрополемъ и Карсомъ и наконецъ дѣло 20 дек. получившее названіе „молодецкаго дѣла полковника Лорисъ-Меликова". Въ 1856 году на тринадцатомъ году службы, онъ былъ уже произведенъ въ генералъ-маіоры. Участвуя болѣе чѣмъ въ 180 дѣлахъ, графъ ни разу не былъ ни раненъ, ни контуженъ. Въ 1863 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, въ 1865 пожалованъ генералъ-адъютантомъ, въ 1875 г. генераломъ отъ кавалеріи. Дѣйствія его въ Русско-турецкую войну на Кавказско-турецкой границѣ всѣмъ извѣстны и въ свое время о нихъ подробно сообщалось и у насъ въ журналѣ. Затѣмъ посланный съ особыми полномочіями на Волгу, во время свирѣпствовавшей тамъ заразы, онъ показалъ въ дѣйствіяхъ своихъ тактъ, благоразуміе, осторожность и твердость—качества высокія, которыя въ особенности выказались, когда Михаилъ Таріеловичъ, уже возведенный въ графское достоинство, дѣйствовалъ въ качествѣ харьковскаго Генералъ-Губернатора въ концѣ прошлаго года.

Въ своемъ послѣднемъ обращеніи къ русскому обществу, появившемся въ Правительств. Вѣстникѣ, графъ обращается къ благоразумію и помощи общества, безъ которыхъ дѣйствія самой обширной власти могутъ быть недостаточно успѣшны. Многіе спрашиваютъ при этомъ: какую же помощь и поддержку и въ какой формѣ можетъ оказать общество? На этотъ, частію наивный, частію быть можетъ злорадный вопросъ, отвѣтить легко. Содѣйствовать можно съ большею твердостью среди своего круга относясь къ печальнымъ явленіямъ настоящаго времени, устранивъ въ дѣйствіяхъ своихъ въ жизни и по службѣ то малодушіе и колебаніе мнѣній, которые намъ столь свойственны, прекративъ хоть на время наше вѣчное безцѣльное брюзжанье и нытье; быть спокойнѣе, сберегая свои семьи отъ дурныхъ вліяній и твердо не допускать въ свою среду лицъ вносящихъ смуту и ложные страхи въ общество и твердо выражая свое стремленіе къ порядку, на что по истинѣ бываетъ часто нужно больше гражданскаго мужества, чѣмъ на брюзжанье и либеральничанье.

На сколько эта твердость и поддержка общества необходимы, указываетъ крайняя наглость дѣйствій преступниковъ. Мы должны съ негодованіемъ занести въ эту замѣтку о новомъ нагломъ покушеніи на только что назначеннаго Начальникомъ Верховной Коммиссіи, графа, еще не успѣвшаго даже проявить себя ничѣмъ въ новой дѣятельности. 20 февр. въ 2 часа пополудни у самаго подъѣзда дома, гдѣ помѣстился графъ, на него напалъ и въ упоръ выстрѣлилъ въ него какой-то грязно одѣтый человѣкъ. Графъ не раненъ хотя шинель и сертукъ его прострѣлены. Преступникъ, оказавшійся минскимъ уроженцемъ, Млодецкимъ, еврейскаго происхожденія, 22 февраля, въ 11 часовъ утра уже подвергнутъ казни черезъ повѣшеніе, по приговору военнаго суда.

Зимняя заря.

Въ морѣ разгорѣвшейся утренней зари
Искры зажигаются, словно огоньки,
Облака лиловыя по небу—смотри—
Что творятъ за образы—быстры и легки!

* * *

Вонъ плывутъ, какъ парусомъ вѣя, корабли,
Башни и развалины вспыхнули огнемъ,
Грозныя чудовища въ синевѣ прошли,
Словно диво—таинство дѣется кругомъ...

* * *

Снѣжная и синяя, даль въ тѣни молчитъ,
Но въ червонномъ золотѣ яркихъ облаковъ,
Пышно—ослѣпительный дискъ уже горитъ,
Разукрасивъ пурпуромъ легкій настъ снѣговъ.

Н. Боевъ.

Иванъ да Марья.

Повѣсть

А. А. Потѣхина.

(Продолженіе).

Когда Иванъ разсказалъ исторію своего сближенія и объяснилъ намѣреніе жениться на Машѣ, тайно отъ ея родителей, на Устинью напалъ сначала какой-то тупой ужасъ и страхъ: она была въ такомъ состояніи точно узнала, что сынъ ея совершилъ, или готовится совершить, какое нибудь ужасное преступленіе и уже нѣтъ возможности предупредить несчастіе, или спасти виновника отъ предстоящей ему кары. Долго она не могла собраться съ силами, что нибудь сказать Ивану, да и опредѣленныхъ мыслей никакихъ не было: и сказать что не знала: Иванъ говорилъ о дѣлѣ рѣшенномъ. Она кончила тѣмъ, чѣмъ кончаютъ въ такихъ случаяхъ всѣ женщины: горько, на взрыдъ заплакала.

— Матушка, да о чемъ ты ревешь-то?.. Чѣмъ бы радоваться, а она реветъ?..

— Да какъ же не ревѣть?.. Какъ же ты, Иванушка?.. Испугалъ ты меня очень...

— Да чего же пугаться-то?.. пугаться-то нечего...

— Какъ нечего, что ты, Ванюша... А ну какъ?...

Устинья остановилась не зная что сказать.

— Что? спросилъ Иванъ.

— А ну какъ изымаютъ?..

— Ужь такъ дѣло сдѣлаемъ, что до вѣнца не изымаютъ... А тамъ пожалуй... ужь не развѣнчаютъ... да и сами покажемся тогда, хорониться не будемъ.,.

— Да, вѣдь, онъ... знаешь ты его, Якова-то Захарова!.. Онъ человѣкъ сильный: онъ тебя со свѣта сживетъ и женатаго-то!.. Туда упечетъ, что и... Онъ, вѣдь, все равно, что баринъ: для него господа все сдѣлаютъ...

— Нѣтъ, матушка, не бойся: ничего не сдѣлаетъ... Нынче не то время!.. Да и опять то помни: какъ ни какъ, а зять буду, его дочь-то за мной будетъ, не чужая...

— Ну такъ онъ васъ обоихъ съ глазъ прогонитъ... и награжденья ей никакаго не дастъ: останешься съ ней съ одной, съ голой...

— Вотъ это дѣло другое: объ этомъ подумать надо, да только не теперь... Теперь не время... А я такъ надѣюсь: Богъ милостивъ, все обдѣлается по хорошему!.. А теперь намъ нужно, матушка, сходить съ тобой къ нашему попу: бумагу выпросить, что жениться мнѣ можно... Будетъ спрашивать: на комъ?.. Надо дальнюю какую сказать, фабричную.. Выдумаю ужь я, а ты только не мѣшай, поддакивай: кланяйся да проси, чтобы, по бѣдности нашей, денегъ не много требовалъ... за вѣдѣнье...

— Да ты мнѣ скажи хошь: неужто такъ въ одномъ платьѣ теперь и убѣжитъ-то... и изъ одежи ничего съ собой не возьметъ?.. Чѣмъ жить-то будете?..

— Нѣтъ, матушка, ужь это все одумано: одежа, ка-

кая есть, тамъ и шубы, и серьги, перстни золотыя — это все заберегъ, что ея... Поди, чай, не на одну сотню этаго однаго будетъ...

— Ну, вотъ это-то хошь хорошо, а сходить къ попу, отчего не сходить... Подемъ хошь сейчасъ... А вѣдь, чай, ты, Иванушка, велишь ей меня-то почитать?.. вѣдь вонъ я какая: старуха сѣрая!.. и одежи-то у меня нѣту пригожей: въ чемъ свадьбу-то справлять?.. Ей супротивно будетъ и глядѣть-то на меня, а не то, что почтеніе какое свекрови...

— Будетъ, будетъ, матушка!.. Ужь насчетъ этаго ты не опасайся: она умная, разсудительная... Ужъ коли на то идетъ: на крестьянскую нужду, да горе, такъ и почитать тебя станетъ... А одежу я тебѣ справлю къ свадьбѣ: безъ этаго нельзя...

— Спасибо, батюшка, родной сынокъ!.. говорила Устинья, вновь повеселѣвши. А мнѣ, кажись, и не посмѣть противъ нея... Барышня, вѣдь она... по всему... а я больно не смѣю... не важивалась съ эдакими-то!..

— Ну, ничего, привыкнешь...

— И какъ ты ее, Ванюша, изъ этакихъ хоромъ, да въ нашу избенку-то приведешь: она исчахнетъ у насъ съ одной тоски?.. И дѣлать-то, вѣдь, ничего не умѣетъ... нашего-то?.. Пра, отъ одной муки изведется... коли долго родители-то не простятъ...

— Ну, матушка, что впередъ загадывать, только себя мутить... Тамъ что будетъ!.. Вотъ къ попу-то лучше сходимъ...

— Да пойдемъ, пойдемъ... Эхъ, молодо, молодо-зелено!.. То-то вотъ не подумавши-то, не посовѣтавши... Плоха, плоха мать, а все, кабы молвилъ пораньше, можетъ что и удумала бы и присовѣтовала!..

Иванъ начиналъ сердиться и стоялъ хмурый съ шапкою въ рукѣ, ожидая мать. Она взглянула на него.

— Да ну, не серчай: вѣдь я такъ только... по сердцу!.. сказала Устинья, торопливо повязывая платокъ на голову. Вотъ эсколько денегъ тебѣ нужно теперь, а станетъ ли, есть ли?..

— Я за два мѣсяца дачку получилъ вдругъ... Да мало пожалуй, будетъ... Завтра, вотъ, на фабрикѣ, либо у купцовъ впередъ выпрошу, либо займу...

— То-то вотъ... А что же мы съ этимъ-то станемъ дѣлать?.. Пожалуй, проснется безъ насъ...

Она указала на спящаго Володю.

— Не замай его: пущай спитъ... Онъ больно хмѣленъ, проспитъ долго... Уйдемъ да запремъ его... Не далеко, вѣдь, до села: оборотимся скоро... А проснется, такъ вотъ поставь на столъ водки, въ штофѣ-то осталось: увидитъ, выпьетъ, да и опять уснетъ...

— Охъ ужь мнѣ этотъ гостекъ!.. бормотала Устинья, исполняя впрочемъ распоряженіе сына.

Село Вознесенское, къ которому была прихожа дер. Карцово, а слѣдовательно и Устинья съ Иваномъ, и куда они шли теперь, находилась отъ деревни по прямой линіи всего въ верстѣ и была вся на виду, но съ Карцовымъ его раздѣляла рѣчка съ низменными болотистыми берегами. Болото было непроходимо въ этомъ мѣстѣ и, для сообщенія съ селомъ, черезъ него были поставлены для пѣшеходовъ лавы, а коннымъ приходилось дѣлать объѣздъ верстъ за пять. Въ селѣ жили только *одни попы* т. е. священникъ съ причтомъ: всего три четыре дома были разбросаны вокругъ небольшой каменной церкви. Съ боковъ и сзади село окружала вѣчно зеленая стѣна хвойнаго лѣса, спускавшагося до самой рѣчки: мѣсто вообще пустынное, неприглядное, точно съ умысломъ загороженное отъ всего живаго. Трудно понять какъ могло возникнуть село въ такой трущобѣ; еще удивительнѣе было то, что весь приходъ находился по ту сторону болотистой рѣки и, въ иное время года, прихожане не могли пробраться въ церковь, а священникъ попасть въ приходъ! Вслѣдствіе этаго прихожане Вознесенскаго ходили большею частію въ чужія сосѣднія церкви и со своимъ священникомъ отношенія у нихъ были чисто оффиціальныя, какія-то обязательныя: къ нему обращались только, такъ сказать, по необходимости и по обязанности. Священникъ съ своей стороны былъ недоволенъ прихожанами, жаловался на ихъ холодность къ религіи, на недостатокъ усердія къ церкви Божіей и на малые доходы, хотя по числу душъ приходъ его былъ сравнительно большой. Между тѣмъ отецъ Николай давно уже священствовалъ въ с. Вознесенскомъ, сжился, свыкся съ нимъ, прижилъ цѣлую кучу дѣтей и началъ уже старѣться, сидя все на одномъ и томъ же мѣстѣ. По натурѣ онъ былъ очень добродушный человѣкъ, но большая семья и постоянное недовольство прихожанами дѣлали его попомъ прижимистымъ, сквалыгой: онъ не пропускалъ ни одного случая, дававшаго ему возможность сорвать съ прихожанина лишнее. Получить отъ отца Николая нужную Ивану бумагу представлялось трудной задачей, и потому особенно онъ желалъ, чтобы мать помогла ему въ этомъ. Устинья, какъ бобылка, женщина болѣе или менѣе свободная, часто ходила въ церковь, бывала у попа и на поденщинѣ, и на помочахъ, и была ему извѣстна. Кромѣ того онъ надѣялся, что мать скорѣе разжалобитъ и выпроситъ, что нужно, за меньшую плату.

Домъ отца Николая былъ довольно большой и содержался въ видимомъ порядкѣ, даже на чистомъ крылечкѣ лежала рогожка для обтиранія ногъ. Устинья и Иванъ не смѣло подошли къ этому крыльцу и остановились, раздумывая идти ли прямо къ попу въ комнаты, или сначала заглянуть въ кухню и переговорить съ работницей, которую Устинья знала; но въ это время ихъ увидѣли въ окно изъ дома; отецъ Николай взглянулъ и сообразилъ, что пришли къ нему просители и самъ выскочилъ на крыльцо.

— Ко мнѣ что ли? спросилъ онъ.

— Нечто, батюшка, къ твоей милости... отвѣчала Устинья.

— Ну, такъ входите... Идите сюда въ кухню... Да ноги, ноги обтирайте: у меня попадья до смерти не любитъ какъ натаскаютъ грязи.

Вслѣдъ за отцомъ Николаемъ Устинья и Иванъ вошли въ кухню, гдѣ въ это послѣобѣденное время никого не было: все многочисленное семейство отца Николая сидѣло въ страшной скукѣ, въ „залѣ“, а семейство его состояло преимущественно изъ взрослыхъ дочерей, которыя къ великому его огорченію никакъ съ рукъ не шли: не выходили замужъ, при всемъ искреннемъ желаніи и собственномъ, и родителей.

Устинья и Иванъ, помолившись въ уголъ, подошли къ благословенію отца Николая.

— Богъ благословитъ, Богъ благословитъ... Ну что, тово напримѣръ, что нужно?.. Устинья, вѣдь, кажется?. спросилъ отецъ Николай, благословляя.

— Устинья, Устинья, батюшка... Вишь ты, родимый, помнитъ!.. Экую былинку!.. отвѣчала радостно Устинья, припадая къ рукѣ священника и цѣлуя ее.

— Я своихъ прихожанъ усердныхъ всѣхъ знаю... всѣхъ тово напримѣръ, помню и уважаю... А вотъ парня-то не признаю и какъ зовутъ не знаю: коли нашъ, такъ рѣдко значитъ, тово напримѣръ, въ церкви бываешь, Богу мало молишься... Кто такой будешь?..

— Сынъ мой, батюшка, Иванъ... На фабрикѣ, вѣдь, кормилецъ, отецъ Николай... Все на фабрикѣ... сызмальства...

— Ну, тово напримѣръ, фабрика фабрикой, а храмъ Божій забывать не надо: по праздникамъ домой приходишь, чай, али водку пьешь, щи-кашу ѣшь, а къ духовной трапезѣ у тебя, тово напримѣръ, нѣтъ желанія... Вотъ и не хорошо, и не одобряю, тово напримѣръ... А ежегодно ли говѣешь, у исповѣди и св. причастія бываешь ли?..

— Этотъ годъ мы были, батюшка, справляли это... У

Качели. Сцена изъ древне-греческой жизни. Съ картины Команса, грав. Голевинскій.

васъ, чай, по записямъ видно... Это мы завсегда наблюдаемъ...

— Ну вотъ это хорошо, тово напримѣръ... и въ храмъ Божій, къ заутрени, къ обѣднѣ старайся... посѣщай... Прилежи какъ сынъ церкви... Ну, такъ что же?.. По какому же вы дѣлу, тово, напримѣръ?..

— А вотъ батюшка, отецъ Николай, женить хочу сынка-то: невѣсту изыскали...

— Ну, что же, это, тово напримѣръ, хорошее дѣло... первое дѣло: союзъ брачный!.. Хорошо быти единому... но могій вмѣстити да вмѣститъ, сказано... А вы, молодые ребята, особливо фабричные, знаю я васъ, тово напримѣръ... на счетъ этаго... на счетъ цѣломудрія и воздержанія, слабы, очень слабы... балуетесь, въ развратъ впадаете... и женскій полъ, и мужескій!.. Меньше нынѣ стало браковъ, гораздо меньше: честныя, тово напримѣръ, дѣвицы ропщутъ, жалуются: нѣтъ жениховъ!.. ищутъ и не находятъ!.. А женихи уклоняются: въ вольности жить желаютъ... Вонъ и у меня пять дѣвокъ, и все въ порѣ полной, а по нынѣшнему времени... развращенному... нѣтъ жениховъ да и кончено.., Ну хорошо, тово напримѣръ... хорошо это ты надумала, старуха!.. Давай, давай, повѣнчаемъ... А кого берешь?.. изъ чьего дома?..

— Изъ дальнихъ, батюшка, не изъ здѣшнихъ: тамъ, за фабрикой... говорила Устинья.

— Въ домъ иду... перебилъ ее Иванъ.

— Это значитъ, тово напримѣръ, на фабрикѣ и ознакомились... Ну, все равно... коли по мысли и дѣвица добрая... и домъ хорошій... Ну, когда же желаете? Надо спѣшить: скоро постъ филипповскій...

— О томъ, батюшка, и просить пришли: какъ я въ домъ поступаю и въ отдальности, такъ отецъ невѣстинъ въ своемъ приходѣ желаетъ вѣнчать... Не оставьте вѣдѣньеце дать, что препятства никакого за мной не состоитъ... для того батюшки...

— Да, вотъ какое дѣло, тово напримѣръ!..

Лицо отца Николая сдѣлалось серьезно.

— Что же ты это, братецъ, изъ своего прихода, тово напримѣръ,.. гдѣ рожденъ и крещенъ, уходить хочешь?..

— Что дѣлать, батюшка... Такъ пришлось: по сиротству моему, по бѣдности...

— Такъ... Ну, такъ, братецъ, тово напримѣръ, приди въ другой разъ... Сегодня не время писать: и праздникъ... и время вечернее: въ это время, тово напримѣръ, и присутствія не полагается...

— Нельзя ли какъ сегодня, батюшка, потому завтра на фабрику нужно идти, тамъ всю недѣлю останусь, а объ недѣлѣ свадьбу думаемъ сыграть?..

— Одинъ ученый, тово напримѣръ, сказалъ: нѣтъ ничего въ мірѣ невозможнаго, но на все свое время и мѣсто... Теперь не время: и возможно, но не время... Придите въ другой разъ...

— Батюшка, отецъ Николай, выдай сегодня... кормилецъ, не оставь... для меня сироты... упрашивала Устинья, кланяясь чуть не въ землю.

— Да, не оставьте, отецъ Николай... сдѣлайте ваше такое одолженіе... повторялъ за ней Иванъ.

— Да, видишь, другъ: нужно по книгамъ справиться, разсмотрѣть, тово напримѣръ... все аккуратно, написать, обдумать, печать приложить, занумеровать, въ книгу занести... Опять же надобно причетниковъ безпокоить... тово напримѣръ, потревожить, а сегодня время праздничное, всякому дорого: того напримѣръ, въ обидѣ будутъ... Видишь ты: всякаго нужно ублаготворить... Понимаешь ты это: даромъ, тово напримѣръ, никто въ праздникъ работать для тебя не будетъ... Обязанности такой нѣтъ, тово напримѣръ...

— Да я, батюшка, отецъ Николай, по силѣ, по мочи моей, постараюсь поблагодарить ваше благословеніе... а также и причту... сколь моихъ силъ хватитъ...

— По бѣдности по нашей, по сиротству!.. подсказала Устинья...

— Тутъ и то въ разсчетъ поступаетъ, тово напримѣръ: свадьба не въ нашемъ приходѣ, а въ чужомъ: уходитъ, значитъ, у насъ отъ рукъ и доходъ, и угощеніе, да и прихожанина теряемъ вовсе... И не только намъ, но и церкви, тово напримѣръ, ущербъ... Все сіе соображая, а равномѣрно и бѣдность, и сиротство ваше, полагаю такъ напримѣръ, что коли сейчасъ нужно, тово, красненькой не пожалѣй: сдѣлаемъ, такъ и быть и въ праздникъ...

— Это, значитъ, десять рублей... почти вскричалъ Иванъ испуганно... Батюшка, отецъ Николай, да у меня и денегъ-то всего на все развѣ съ небольшимъ десять рублей, а мнѣ, вѣдь, свадьбу играть нужно: то да се, мало ли чего нужно въ этакомъ дѣлѣ...

— Тутъ, братецъ, такая посылка полагается: если просишь, стало, того напримѣръ, нужно, необходимо, а если нужно, то не жалѣй...

— Да радъ бы не пожалѣть, отецъ Николай, да коли негдѣ взять...

— А коли негдѣ взять—не проси, тово напримѣръ... Принужденья тутъ нѣтъ...

— Батюшка, кормилецъ, да ты насъ-то пожалѣй, сиротъ!.. сказала Устинья.

— И жалѣю, тово напримѣръ... Жалѣю!.. Для другихъ бы и за это не сдѣлалъ, потому уходитъ... въ другую паству уходитъ, тово напримѣръ... въ другой приходъ!..

— Возьми, хошь ужъ два рублика-то, отецъ родной, не обижай!.. умоляла Устинья.

— Тутъ не обида, тово напримѣръ, а такъ надо говорить, Устинья, одолженіе... Ты баба, тово, напримѣръ, и дѣловъ этихъ не знаешь.... Одолженіе желаю сдѣлать, а не обиду...

— Ну, не два, а хошь трешницу-то, батюшка, пожалуйте, возьмите... Будьте столь великодушны!.. говорилъ Иванъ.

— Нѣтъ, Иванъ... какъ тебя, тово напримѣръ, по батюшкѣ-то?..

— Степановъ...

— Нѣтъ, Иванъ Степановъ, трешница нынѣ, не деньги, а при вашемъ маломъ усердіи къ церкви Божіей, тово напримѣръ, и къ отцу духовному, и по моему обильному семейству, трешница ни къ какому даже счету не подходитъ.... Не забывай, того напримѣръ, причетнической доли: много-ли попу-то останется?..

Послѣ долгой переторжки, поклоновъ, просьбъ и даже слезъ Устиньи, отецъ Николай выдалъ наконецъ Ивану нужный ему документъ за шесть рублей серебромъ.

— И то для старухи твоей только, по усердію ея, тово напримѣръ, къ храму и ко мнѣ, дѣлаю это... сказалъ отецъ Николай, получивши впередъ деньги и выдавая бумагу. А вы, молокососы, нынѣ храма не посѣщаете, лепты отъ васъ нѣтъ и вѣра у васъ самая слабая... На табакъ, да на водку, тово напримѣръ, али въ карты играть, на это у васъ деньги есть, а въ кружку церковную положить, или молебенъ отслужить, родителей помянуть... тутъ, тово напримѣръ, и денегъ нѣтъ... Васъ жалѣть нечего и одолженія дѣлать для васъ не стоитъ, тово напримѣръ..· не стоитъ!..

Но какъ бы то ни было, а и Иванъ, и Устинья возвращались домой вполнѣ довольные: первый оттого, что съ полученіемъ свидѣтельства, считалъ свое дѣло на половину обезпеченнымъ, а Устинья съ своей стороны радовалась, думая, что безъ нея отецъ Николай не выдалъ бы бумаги, слѣдовательно, она оказала сыну большую услугу, которую она, при случаѣ, можетъ ему напомнить. Она и теперь не удержалась и сдѣлала сыну внушеніе.

— Вотъ, Иванушка, сказала она, вотъ и мать старуха, баба старая, никуда не годная, а вотъ Богъ привелъ и мнѣ сынку услужить: впрямь, что безъ меня пожалуй, не далъ бы бумаги-то тебѣ нашъ отецъ Нико-

лай, либо взялъ бы денегъ несообразно... Больно ужъ прижимистъ батюшка-то нашъ духовный!.. Господи прости: согрѣшила грѣшная... а молвишь, нельзя не молвить!.. А вотъ, поди-жъ ты, для меня, для сироты, сдѣлалъ же, дай Богъ ему здоровья... и уступилъ, и сдѣлалъ!..

— Сквалыга-попъ, больше ничего!.. говорилъ Иванъ. Ну-ка, за что шесть рублей содралъ?.. Другой бы попъ, да вонъ тотъ же Павелъ Савинскій, за полштофа бы пять бумагъ этакихъ выдалъ... Вотъ такъ добрая душа!.. вотъ такъ попъ!.. настоящій!.. А этотъ, нашъ, что... ни для тебя, ни для меня, ни для кого онъ по душѣ не сдѣлаетъ, такъ, изъ добра, а все изъ-за однихъ денегъ...

Устинья надулась: она ожидала не такой благодарности отъ сына и шла всю остальную дорогу до дома молча, съ обычнымъ своимъ печальнымъ и недовольнымъ лицомъ...

Дома они застали Володю еще спящимъ. Первымъ движеніемъ Устиньи было броситься къ столу и убрать съ него, отъ жадныхъ глазъ Володи, непочатую еще имъ водку; но и въ этомъ случаѣ мать снова была огорчена сыномъ.

— Не трожь-ка, матушка, водку-то, сказалъ онъ, да закусочки дай какой-нибудь: теперь и я выпью!.. можно!.. Ужь очень присталъ: маялся, маялся день-то, ноженьки утопалъ... Во вкусъ теперь выпить!.. Да вотъ и дядя Володя не откажется: надо разбудить его, будетъ ему дрыхнуть-то...

Устинья молча, съ досадой, стукнула о столъ дномъ штофа, который держала было въ рукахъ и отошла прочь. Знакомый звукъ разбудилъ Володю: онъ быстро поднялся и сѣлъ на лавкѣ, озираясь мутными еще глазами.

Иванъ захохоталъ, поднялъ штофъ и показалъ Володѣ.

— Дядя, это что?.. спросилъ онъ смѣясь.

— А-а... отвѣчалъ Владиміръ какимъ-то радостнымъ ржаніемъ и придвинулся къ столу.

Дядя съ племянникомъ принялись пить, а Устинья, несмотря на всѣ убѣжденія сына, не хотѣла принять ни одного стаканчика, чтобы поздравить его съ начиномъ дѣла и сидѣла въ углу, молча и отворотясь отъ пирующихъ.

XIV.

Готовясь къ послѣднему свиданію, на которомъ Маша должна была дать окончательное согласіе на бѣгство изъ родительскаго дома, для тайнаго вѣнчанья, она все еще сильно колебалась, не смотря на безвыходность своего положенія: ее ужасала мысль, что родители не простятъ ее и что она на всю жизнь останется за-мужемъ за простымъ бѣднымъ мужикомъ, будетъ жить въ грязи, въ нуждѣ, въ бѣдности, въ обществѣ бабъ и мужиковъ, сама какъ простая бѣдная крестьянка, въ сарафанѣ или дешевенькомъ ситцевомъ платьѣ, съ платкомъ на головѣ, въ калишкахъ на босу ногу... Еще какова будетъ свекровь?.. еще какъ будетъ обращаться съ нею Иванъ, особенно въ пьяномъ видѣ?.. думала она. Теперь-то онъ говоритъ и то и другое, обѣщаетъ, похваляется, да, вѣдь, это дѣло извѣстное: всѣ они ласковы и любятъ, и жалѣютъ пока женихами, а сдѣлаются мужьями другое заговорятъ... И работай, и покой его, а онъ гулять будетъ... А какая крестьянская работа?.. Хоть въ поле посылать меня и не станутъ, потому земли не держатъ, а другое-то все?.. Знаю я крестьянскую-то работу: встань съ пѣтухами, натаскай воды, дровъ къ печкѣ, накорми корову, пачкайся цѣлый день въ грязи, въ сору, въ нечистотѣ всякой!.. А гдѣ же мнѣ?.. Я не привыкла, не такъ воспитана... Ругать меня, пожалуй, бить, еще станутъ... Ой, нѣтъ, не станетъ: онъ вонъ какой добрый, ласковый, въ глаза смотритъ, любитъ меня!.. Да, пока въ дѣвкахъ!.. А буду женой, да отъ ихной жизни похудѣю, загорѣю, руки очерствѣютъ, вся я осунусь, подурнѣю... и любить перестанетъ!.. Да и что ему тогда ходить-то за мной, да въ глаза заглядывать? жена буду, всегда при немъ, подъ его командой, подъ его началомъ: мнѣ придется за нимъ бѣгать, да угождать. Надоѣмъ, наскучу... а онъ на фабрикѣ-то всегда найдетъ себѣ и получше, и помоложе меня... Господи, Господи, да что же дѣлать-то мнѣ? Въ дѣвкахъ оставаться, да жениховъ ждать получше, нельзя уже теперь... чувствую я это!.. За этого идти, что сватается? первое противенъ онъ мнѣ больно послѣ Вани, да и узнаетъ все послѣ свадьбы, такъ и еще того хуже будетъ, пожалуй, жизнь-то моя, чѣмъ за Ваней въ крестьянкахъ... Повиниться развѣ во всемъ родителямъ да просить чтобы отдали за Ивана по добру, съ благословенія?.. Ой, нѣтъ, стыдно, страшно, слова не выговорить... да и ни зачто отецъ не согласится: скорѣе убьетъ, кажется!.. Завезетъ куда нибудь, чтобы спрятать отъ людскихъ глазъ, отъ людскаго смѣха, а послѣ все-таки будетъ паровить отдать не за мужика, а за кого получше... Не пойдетъ онъ въ родство съ мужикомъ... да еще со здѣшнимъ и съ бѣднымъ... А люблю я его... Ванюшу!.. Не сжить мнѣ безъ него, кажется... Подумаю о немъ хорошенько, такъ кажется, душу-то бы я ему свою отдала, особенно какъ онъ обнимаетъ, цѣлуетъ, да приговариваетъ... Вотъ когда водкой пахнетъ отъ него, или слово которое скажетъ не благородное... не люблю... И такъ мнѣ тошно сдѣлается, не хорошо, сейчасъ вспомню, что мужикъ онъ простой, необразованный, и на себя досадно сдѣлается, и онъ точно противенъ станетъ... злость противъ него во мнѣ... А то все забуду, и лучше, и милѣе его для меня на свѣтѣ нѣтъ... Да ото всего этого я бы его отучила: и отъ водки, и отъ мужицкихъ рѣчей: онъ умный у меня, понятливый!.. Такъ неужто и въ самомъ дѣлѣ отецъ никогда не проститъ, и ничѣмъ не наградитъ насъ?.. Не можетъ кажется этого быть: вѣдь ужъ дѣло будетъ сдѣлано, не поправишь, развѣнчать нельзя, а я дочь же, вѣдь, ему, родная, старшая, да любимая... Нѣтъ, поломается да и проститъ: въ ногахъ буду валяться, плакать... Подумаетъ, подумаетъ отецъ, да и разсудитъ: лучше же сдѣлать его человѣкомъ чѣмъ оставить дочь пропадать въ крестьянкахъ... И не то, что гдѣ далеко, а тутъ, у себя на глазахъ... Нарочно будемъ ходить къ нимъ каждый день: пускай передо всѣми дочь со двора выгонять будетъ... Нѣтъ, коли жалость не возметъ, такъ людей постыдится, не для меня, такъ для себя проститъ... Да, видно, ужъ такова моя судьба: лучше на это идти, ужъ что будетъ, что Богъ сдѣлаетъ, да по-крайности съ милымъ человѣкомъ не разставаться!.. И пропадать, такъ черезъ него пропадать... А онъ, вонъ какой хорошій, любитъ меня: другой бы на его мѣстѣ, знать бы не захотѣлъ... А Ваня не такой, нѣтъ!.. онъ потомъ еще пуще сталъ добиваться, чтобы я шла за него... Значитъ, любитъ, значитъ ничего ему не надо, кромѣ меня!.. А что изъ того, что мужикъ: вонъ, говорятъ, и папенька былъ лакеемъ, не далеко отъ мужика, а вонъ теперь что сталъ: всѣ за господина, за благороднаго, считаютъ, всѣ уважаютъ, заискиваютъ въ гости къ нему ѣздятъ, а мужики передъ нимъ безъ шапокъ стоятъ... Такъ и мой Ванюша... Дай-ка ему денегъ, одѣнь хорошенько: черезъ мѣсяцъ не узнаешь!.. Лучше еще всякаго барина будетъ!.. Этакой-то молодецъ, этакой красавецъ, да въ хорошенькомъ сертукѣ, въ бѣлой рубашкѣ, съ отложными воротниками, съ манжетами, въ круглой шляпѣ, въ перчаткахъ, при часахъ на золотой цѣпочкѣ... въ рукахъ тросточка!.. А я подъ руку съ нимъ въ модной шляпкѣ, платье со шлейфомъ!.. Пошли бы въ городъ въ церковь, на бульваръ... Либо поѣхали бы кататься: мы сидимъ вдвоемъ, а кучеръ правитъ... Вотъ и мужичекъ былъ, а сидитъ въ господскомъ мѣстѣ, а другой мужикъ, настоящій, кучеромъ—правитъ лошадью... Вотъ что значитъ деньги и образованіе!.. А я непремѣнно образую его, непремѣнно: онъ перейметъ, и манеры, и все... Что же дѣлать: такова видно, судьба

моя, чтобы за мужика идти... противъ судьбы ничего не подѣлаешь: думала барышней сдѣлаться, чиновницей, а судьба-то говоритъ: нѣтъ, за мужикомъ тебѣ быть, съ мужикомъ связала... Недаромъ говорится: суженаго конемъ не объѣдешь... Вотъ оно такъ и сбывается: думала ли я, гадала ли за мужика идти?.. такъ только подурить хотѣла... отъ скуки... для время провожденія... да посмотрѣть: что съ парнемъ будетъ отъ его чувствъ къ барышнѣ... думала потиранить его немножко... ну, и обласкать... образовать его... И самой любопытно было... какъ это любятъ потихоньку... какъ это свиданія и все... Думала: посмѣетъ ли мужикъ!.. это не то, что какой благородный кавалеръ!.. не посмѣетъ и вообразить себѣ что нибудь на счетъ барышни: не своя сестра, не крестьянская дѣвка!.. За счастіе сочтетъ, что допускаю поговорить на единѣ, ручку поцѣловать, ну въ щечку... А вотъ что случилось!.. Мало ли у другихъ бываетъ: и видаются, и цѣлуются... да тѣмъ все и кончится... и разойдутся какъ ни въ чемъ!.. Ну, и пострадаютъ послѣ, помечтаютъ одинъ по другомъ... А нѣтъ судьбы, такъ и несчастья не случится никакого: все и проходитъ благополучно... Послѣ съ удовольствіемъ только вспоминаютъ. А это значитъ, что моя судьба ужъ такая... Отъ судьбы не уйдешь!..

(До слѣдующ. №).

Пророчица.

Повѣсть

Захеръ Мазоха.

(Продолженіе).

Снѣгу навалило видимо-невидимо. Каждый день, съ сѣраго, низко нависшаго неба спускалась масса бѣлыхъ хлопьевъ, скоро одѣвшихъ всѣ окрестности въ бѣлый покровъ; у крестьянскихъ избъ, да и у господскихъ домовъ снѣгъ образовалъ цѣлые холмы и стѣны сугроба. По дорогамъ и улицамъ почти не было видно народу—всякъ радъ былъ оставаться дома насколько возможно побольше и подольше.

Въ одинъ изъ этихъ скучныхъ, пасмурныхъ дней, Нилъ Осиповичъ, Прокопъ и войтъ сидѣли въ большой горницѣ за круглымъ столомъ и играли въ мѣстную игру „турокъ".

Трудно было что-либо разглядѣть въ сумеркахъ и Пастасья, вошедшая въ горницу съ сыновьями, казались какими-то духами, привидѣніями. Скоро вошла сюда же и Марьяна, сначала никѣмъ не замѣченная. Она присѣла рядомъ съ отцомъ у стола и стала слѣдить за игрой. Прямо противъ нея стоялъ Венцеславъ. Тутъ же была и Нимфодора, сидѣвшая въ отдаленіи, на скамейкѣ у стѣны. Никто почти не замѣтилъ и прихода обоихъ молодыхъ людей.

Внезапно появилось освѣщеніе въ горницѣ. Аннушка принесла и поставила на столъ лампу, Марьяна пристально взглянула на Венцеслава, но его темные глаза были обращены не на нее. Онъ быстро посмотрѣлъ вокругъ себя и встрѣтился съ Нимфодорой, которая тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ спокойно опустила, по обыкновенію, глаза внизъ. Но Марьяна уже видѣла все и умная голова ея сообразила и поняла остальное. Она почувствовала какъ что-то острое кольнуло ее въ сердце и кровь горячей волной хлынула въ голову, но не изъ тѣхъ была она, что теряютъ самообладаніе—она вполнѣ сохранила наружное спокойствіе, ни одна черта не дрогнула на лицѣ ея, глаза ея не выдали той ненависти, которая теперь забушевала въ ней къ Венцеславу и Нимфодорѣ. Она казалось по прежнему заинтересованною игрой и только на минуту встала и подошла къ зеркалу, будто поправить волосы, но въ дѣйствительности—для того, чтобы зоркимъ взглядомъ прочесть что либо еще на лицѣ соперницы.

Поздно вечеромъ, отправляясь уже назадъ, къ себѣ домой, Венцеславъ встрѣтилъ на Тарговицкой улицѣ Софью.

— Чего это ты тутъ? спросилъ онъ ее испуганнымъ голосомъ.

— Тебя ждала.

— Господи!—да подумай только—вѣдь въ этакую ночь волки могли бы разорвать!

— Э, полно,—я не боюсь. И она со смѣхомъ прыгнула къ нему въ сани.—А ты вотъ что скажи, продолжала она,—примѣчаетъ она что или нѣтъ, ничего? а?

— Что же такое?

— Да что ты больше не любишь ее.

— Не могу я того сказать, что не люблю ее, проговорилъ Венцеславъ—иногда, такъ, что, кажется, вотъ терпѣть не могу ее, а потомъ... опять...

— Да ты вспомни только, что ты изъ за нее мучаешься, какъ она поступаетъ съ тобой-то, вспомни ты это-то!

— Вотъ, вотъ, такъ... Вишь ты—какъ я это вспомню, что она велѣла побить каменьями тебя, да еще, что этотъ важный господинъ къ ней ходитъ, такъ...

— А то-то, небось зло на сердцѣ подымается?

— Вѣрно-то это вѣрно, да—ничего не подѣлаешь, право: знаешь ли, Софьюшка, изъ за того она мнѣ еще больше люба становится...

— Глупый ты, глупый!

— Да, вотъ, поди...

— А она-то, она-то все пуще и пуще любитъ тебя, какъ почуяла, что ты отъ рукъ-то ея отбиваешься и сердцемъ меньше къ ней! А—и почуяла она таки это, хоть, можетъ, и пока не знаетъ навѣрно-то. Бѣсъ въ этой бабѣ сидитъ! Чуткая!

На другой день Аннушка пришла въ Бребаки, въ гости къ Нимфодорѣ. Обѣ усѣлись на заваленкѣ подъ окнами. Откуда-то вдругъ появился Степанъ. Остановившись около молодыхъ дѣвушекъ, онъ лукаво подмигнулъ Нимфодорѣ.

— Ну что, скоро чай и свадебку сыграемъ, дѣвушка милая? сказалъ онъ.

Нимфодора испуганно взглянула на него, и ничего не отвѣтила.

— Что это онъ говоритъ? спросила Аннушка.

— А не знаю—что такое... едва слышно проговорила та.

— Меня-то, вѣдь позовете, а? Позовите, позовите! посмѣиваясь произнесъ онъ и пошелъ мимо, дальше.

Аннушка вскорѣ ушла домой.

— Правда, это, будто Нимфодора замужъ собирается? за кого же это? обратилась она къ Марьянѣ.

— Кто тебѣ говорилъ? холодно и мрачно спросила пророчица.

— Да вотъ, Степанъ сказывалъ.

На свою бѣду подвижникъ вскорѣ показался на улицѣ. Съ усиліемъ пробираясь по глубокому снѣгу, онъ попробовалъ было, какъ можно скорѣе пройдти мимо воротъ Осиповича. — Марьяна, стоявшая у окна въ мрачномъ раздумьи, тотчасъ увидѣла его и велѣла братьямъ привести немедленно къ ней. Тѣ тотчасъ же бросились въ погоню и потащили его въ домъ.

— Чего ты чего ты! закричалъ тотъ испуганно, стараясь вырваться, но—желѣзныя руки крѣпко держали его и онъ не успѣлъ еще хорошенько опомниться, какъ уже стоялъ въ горницѣ лицомъ къ лицу съ грозной пророчицей.

— То-то Степанъ, совѣсть-то не чиста, боишься видно меня произнесла она,—совѣсть-то не чиста у тебя? А?

— Смилуйся, смилуйся, матушка!.. Онъ повалился ей въ ноги, много, много грѣшенъ я! Каюсь, каюсь! Смилуйся!

— Вставай, говори: откуда знаешь и про какую свадьбу Нимфодоры? И что ты знаешь?

— Ничего не знаю, ничего, какъ есть...

— Такъ ли? вѣдь, вотъ, ты при Аннушкѣ же говорилъ?

— Пошутилъ такъ зря, матушка, вправду пошутилъ только съ дѣвушкой! Онъ продолжалъ стоять на колѣняхъ передъ Марьяной.

— Вставай же и говори, продолжала она,—ты скрыть отъ меня думаешь что-то, насквозь вижу я тебя. Ты ужъ говори-ка лучше, а не то мы сейчасъ же принялись бы за то дѣло—знаешь что ты съ Ѳевой-то подвелъ! Я къ тебѣ съ милостью—лучше говори! Она встала и подойдя къ шкапу, вынула оттуда водку и закуску.

— Побожиться вотъ, матушка, не знаю про что говоришь? продолжалъ Степанъ, слѣдуя ползкомъ на колѣняхъ за Марьяной.

— Ну, ну садись да поѣшь, сказала она, указывая ему на скамью у стола. Степанъ со вздохомъ, медленно всталъ, сѣлъ и началъ пить и ѣсть.

— Сказывай же, что такое болталъ ты про свадьбу Нимфодоры—съ кѣмъ?

— Да такъ, можетъ пустая идетъ толковня одна. Онъ протянулъ опять руку къ водкѣ, но Марьяна ее отставила.

— Какая такая толковня? что же толкуютъ-то?

— Про нее матушка да вотъ про того... парня-то... какъ его бишь,—ну изъ Солыскова еще, онъ какъ это зовутъ-то его, позапамятовалъ я.

— Парней-то не мало въ Солысковѣ.

— Такъ, не мало, такъ... да бишь—Венцеславомъ зовется, вотъ, вотъ матушка, вдругъ припомнилъ Степанъ. Глаза его обратились съ вожделѣніемъ на водку.

— Такъ что же говорятъ-то?

— Болтаютъ, будто... да врутъ, видно ужъ, что врутъ—будто часто видаются они, будто въ намѣреніи то есть жениться...

Марьяна дозволила Степану распоряжатся на столѣ, чѣмъ тотъ немедленно же воспользовался. Она даже ему сама налила стаканчикъ.

— Дай тебѣ Богъ, дай тебѣ всякаго счастья! радостно произ-

„Аллахъ Акбаръ!“ Рис. Бридменъ, грав. Жонаръ.

несъ Степанъ, потянувшись къ водкѣ, но, и на этотъ разъ, его рука была остановлена бѣлой рукой пророчицы.

— Не все ты говоришь, вотъ-что, а знаешь больше чѣмъ люди-то болтаютъ, сказала она.—Говори же! Степанъ со вздохомъ взглянулъ на водку.

— Былъ я, это, на ярмаркѣ въ Калысѣ, началъ онъ, и встрѣтилъ я тамъ этаго самаго Венцеслава. Денегъ у него былн, видно, полны карманы, былъ онъ веселый превеселый, и накупилъ сережекъ, шелковый платокъ головной, разныхъ эдакихъ еще платочковъ, а потомъ, въ Воскресенье-то я и увидалъ....

— Что увидалъ? спросила Марьяна, подавая ему стаканъ съ водкой.

— Увидалъ я, отвѣчалъ онъ, пропустивъ водку однимъ глоткомъ, увидалъ я эти платки на Нимфодорушкѣ. Встрѣтились мы, а она хоть бы въ одномъ глазу, ничуть! скажу я тебѣ— Софья это все Софья, она совсѣмъ перепортила дѣвку..

— Софья!

— Да, да, она самая, Софья эта. Змѣя она подколодная матушка! Она-то тоже не осталась безъ подарочковъ—Венцеславъ ей купилъ сережки да вѣдь золотыя же, матушка!

Марьяна только крѣпко и судорожно стиснула ручку ножа, но никто бы не угадалъ по улыбающемуся лицу ея, что она чувствовала и какимъ бурнымъ гнѣвомъ пылало сердце ея.

Только что ушелъ Степанъ, Марьяна тотчасъ же послала Егора въ Бребаки. Солнце уже заходило, когда онъ пріѣхалъ назадъ съ Нимфодорой. Черные волосы молодой дѣвушки были повязаны голубымъ шелковымъ платкомъ, на шеѣ было ожерелье. Марьяна, не сказавъ ни слова, взяла ее за руку и увела къ себѣ. Она сѣла и Нимфодора наклонилась, чтобы поцѣловать ея руку, Но та отдернула руку.

— Не цѣлуй ты меня, сказала она, и голубые глаза ея загорѣлись какимъ то зловѣщимъ огнемъ, а стань-ка на колѣни, да кайся въ грѣхѣ своемъ. Пророчица пристально взглянула въ глаза дѣвушки. Та опустила свои и, какъ подкошенная, упала къ ногамъ своей грозной судьи.

— Сказывай—отъ кого у тебя платокъ этотъ.

— Отъ Венцеслава.

— А ожерелье?

— Отъ него же.

— Любитъ онъ тебя видно, произнесла она тихимъ, нѣжнымъ голосомъ, не какъ соперница, выспрашивающая у другой, а точно мать, говорящая съ своимъ ребенкомъ.

— Да, чуть слышно отвѣчала Нимфодора, потупляясь.

— А ты?

Нимфодора удивленно и, вмѣстѣ, вопросительно взглянула на пророчицу, какъ бы говоря ей: ты можетъ про то знаешь? А я нѣтъ, не вѣдаю...

— И что же—женится чай, на тебѣ хочетъ?

— Нѣтъ, объ этомъ слова его еще не было.

— Да, вѣдь, часто видаетесь?

Нимфодора молчала, краснѣя.

— У Софьи видаетесь?

Нимфодора безмолвно взглянула на Марьяну, губы ея шевельнулись, но остались беззвучны.

— Да отвѣчай же!

Отвѣта не было.

— Сказывай правду! Марьяна взяла дѣвушку за подбородокъ, повернула лицо ея къ себѣ и уставилась прямо въ глаза ей.

— Да я... я... смилуйся! и она снова припала къ ногамъ Марьяны.

— Думала я, Нимфодора, что любишь ты вправду меня, начала Марьяна послѣ нѣкотораго молчанія. Ежели ты противъ меня зло имѣешь, не любишь, зачѣмъ же обманывала меня? Лучше бы ты зубами лице мое рвала, нежели цѣловала его, какъ Іуда. Счастье мое отняла ты. Любила я его, и какъ любила его.

— Бей ты меня, Марьяна, топчи ты меня, убей меня! не стою я того, чтобы и жить на бѣломъ свѣтѣ!..

— Успокойся, успокойся, тихо и кротко проговорила пророчица, положивъ ей руку на голову.

— Не будь ты такая милостивая со мной, сердце все мое надорвалось. Бей ты меня—хорошо мнѣ, лучше мнѣ будетъ нежели такія твои рѣчи! И снова дѣвушка припала къ ногамъ Марьяны.

— Ну поди, оставь меня теперь, одна побуду, приказала та грустнымъ голосомъ.

Нимфодора поднялась, блѣдная какъ полотно и шатаясь вышла изъ комнаты.

Марьяна долго сидѣла неподвижно, не шелохнувшись. Но— и она была женщина, не смотря на всю силу своего желѣзнаго характера. Тоскливо глянула она вокругъ себя и—и горько зарыдала.

Между тѣмъ, въ горницѣ, у Осиповича, собралось большое и веселое общество; Егоръ и Прокопъ настраивали свои инструменты. Парни перешептывались съ молодицами, а въ углу Осиповичъ, Барабашъ и войтъ играли въ карты.

Нимфодора, выйдя отъ Марьяны упала въ какомъ-то нѣмомъ отчаянін, на ступени крыльца. Она била себя изступленно въ грудь и громко молилась, до тѣхъ поръ пока Марьяна, выйдя на крыльцо, не увидала ее и не подняла. Обѣ пошли въ большую горницу гдѣ всѣ собрались. Марьяна прямо сѣла на свое возвышеніе, благословивъ присутствующихъ, привѣтствовавшихъ ее обычными метаньями.

— Встаньте, произнесла она и веселитесь, веселитесь, хочу видѣть веселыхъ.

Начались пѣсни. Вскорѣ вошли Венцеславъ вмѣстѣ съ Алексѣемъ, мужемъ Софьи.

Нимфодора, безмолвно и неподвижно сидѣвшая въ сторонкѣ на лавкѣ, быстро поднялась и бросившись къ ногамъ Марьяны, крѣпко обняла ихъ, какъ бы ища у нея защиты. Пророчица положила руку на голову дѣвушки и встрѣтила Венцеслава гордымъ и холоднымъ взглядомъ.

— Стойте, стойте! не время теперь пѣть и веселиться! Насталъ день грознаго, Божьяго суда надъ нами! Содомъ и Гоморра у насъ проявились, какъ во время оно, скоро, скоро огнь небесный пожретъ грѣшниковъ! сказалъ мужъ Софьи.

Музыка и пѣнье вдругъ оборвались. Всѣ съ удивленіемъ столпились вокругъ пришедшихъ.

— Что говоришь? что случилось? спросила Марьяна.

— Ложные пророки пришли и влекутъ къ пагубѣ народъ твой. Степка крамолу противъ тебя затѣялъ, а Ѳева, слышь ты, пророчицей назвалась, многіе даже отпали отъ нашего корабля и нѣту дня такаго, чтобы не прибывало этихъ отщепенцевъ, какъ песку на берегу морскомъ.

— Что дѣлать станемъ? спросилъ Осиповичъ подходя.

— Чего спрашиваешь еще?! бѣшено крикнулъ Барабашъ,— чего тутъ еще раздумывать! Въ ножи ихъ да и все!

— Выдумывай еще, возразилъ Венцеславъ—хочешь небось въ ножи всѣхъ, кто другой вѣры держится?

— Не другой они вѣры а отпадшіе, отщепенцы, вотъ кто!

— Правда твоя, Барабашъ, правда, произнесла Марьяна,— грѣшники они и Господь предастъ ихъ въ руки мои. И я учиню судъ надъ ними.

— Полно, да полно-ка ты—неужли опять? въ умѣ ли ты? Марьяна! воскликнулъ Венцеславъ.

— Что это? что такое? спросилъ Барабашъ.

Марьяна поднялась съ мѣста.

— Молчите всѣ! грозно сказала она.

— Не буду, не стану я молчать, твердо отвѣчалъ Венцеславъ и въ глазахъ его сверкнуло что-то въ родѣ ненависти къ пророчицѣ,—забыла ты видно, что есть законъ у насъ и власти? Троньте ихъ только и не уйти ужь вамъ въ другорядь, разбойники вы этакіе!

— Э—что съ нимъ толковать! въ каменья и его самаго-то въ каменья! въ каменья!—загудѣли вокругъ.

— Стой! приказала Марьяна,—Богъ накажетъ васъ за самоуправство, какъ и его, и какъ ту подлую обманщицу—я здѣсь могу одна волю Божью изречь, а кто въ дѣло Божіе войдетъ, тотъ вверженъ будетъ въ геенну огненную.

— Такъ накажи ихъ сама, сказалъ Барабашъ.

— Все будетъ, когда настанетъ время, возразила, успокоивая его, пророчица.

— Поражены вы всѣ слѣпотой грѣховной! крикнулъ Венцеславъ, не видите вы, что ведетъ она васъ всѣхъ къ погибели вашей!

— Богъ устами ея глаголетъ, а ты слушайся да молчи, да соверши метаніе, да прощенія попроси у нея, вотъ что! сказалъ Прокопъ строго.

— У меня еще глаза-то не засыпало—вижу я, отвѣчалъ молодой человѣкъ, понимаю я, что вы истинную вѣру отвергаете и поставили себѣ грѣшную женщину главою! она вамъ бабьи сказки сказываетъ, а вы то за Божье дѣло почитаете...

Съ яростнымъ крикомъ бросился на него Барабашъ и схватилъ за воротъ, но Венцеславъ, сильнымъ ударомъ, разомъ сбилъ его съ ногъ и шагнулъ къ двери. Чрезъ секунду онъ уже былъ на своей лошади и мчался по дорогѣ въ Солысково.

Не передать какая сумятица послѣдовала за этой короткой но рѣшительной сценой. Барабашъ поднялся окровавленный и Аннушка стала обмывать его. Вокругъ всѣ волновались, кричали, размахивая руками. Говоръ и шумъ поднялись въ горницѣ, одна Марьяна оставалась спокойною и невозмутимою.

— Самъ дался мнѣ въ руки, самъ! съ страннымъ чувствомъ думала она.

Послѣ ночи, проведенной въ придорожномъ шинкѣ, Венцеславъ утромъ поѣхалъ въ Бребаки. Мужа Софьи онъ тамъ не нашелъ. Софья была одна дома и весело встрѣтивъ гостя, послала за Нимфодорой. Дѣвушка, однако, не возвращалась еще изъ Тарговицъ. Софьѣ, не смотря на это, удалось, лаской да добрымъ словомъ, удержать Венцеслава у себя до самаго вечера.

Поздно уже было, когда онъ вернулся домой. Лошадь онъ убралъ, вошелъ къ себѣ и высѣкъ огня—и вдругъ, при слабомъ мерцаніи не разгорѣвшейся свѣчки, увидалъ Марьяну. Она была вся въ черномъ, сидѣла въ углу и очевидно, давно уже поджидала его здѣсь.

— Пришла я къ тебѣ, милый, начала она нѣжнымъ, мягкимъ голосомъ,—пришла я, какъ добрый пастырь къ овцѣ заблудшей, знаешь ли ты что сдѣлалъ? Каешься ли?

— Что ты еще въ умъ забрала? спросилъ Венцеславъ, нѣ-

сколько растерявшись было сначала; онъ теперь снова овладѣлъ собой,—точно я дуракъ какой тебѣ дался?! Что говорилъ—то помню и знаю. Не въ гнѣвѣ, не въ досадѣ слова тѣ говорены а по сердцу, но правдѣ, я уже надумался...

Его голосъ звучалъ твердо и какъ-то непривычно для уха пророчицы.

— Еще хуже, еще хуже, коли такъ! строго остановила его она.

— Худо-ль, хорошо-ли, возразилъ онъ, а сказалъ правду какъ есть и отъ всего сердца, не люблю я извороты эти.

— Несчастный ты, несчастный! Бѣдный!

— Жалѣй другихъ, намъ того не надо. Не въ чемъ мнѣ каяться и не буду, да и не передъ тобой.

— Ой будешь, ой покаешься!

— Ну нѣтъ...

— Какой непокорный сталъ ты вдругъ! Чужой мнѣ какой-то сталъ ровно, и не признаешь тебя теперь, все ласково говорила она,—ты думаешь—правда въ тебѣ говоритъ? нѣтъ, Венцеславъ, не то—это нечистый говоритъ въ тебѣ. Знаю я!

Онъ засмѣялся.

— Ежели такъ, то изгони его изъ меня, ты, вѣдь, пророчица! отъ Бога вишь поставлена!

— И сдѣлаю это! и изгоню! она быстро поднялась, черная шуба скользнула съ плечъ къ ногамъ ея, на шеѣ и рукахъ засверкали золотыя мониcты.

— На колѣни!

— Не стану, съ чего это?

Марьяна взглянула на него скорѣе опять таки съ выраженіемъ сожалѣнія, чѣмъ гнѣва.

— Станешь, покоришься ты мнѣ, милый.

— Какъ же ты принудишь меня? не боюсь я тебя.

— Бояться тебѣ меня надо, возразила она нѣжно. Бойся Бога во мнѣ. Страхъ этотъ страхъ спасительный и есть начало премудрости. Она приблизилась къ нему, положила руку на его плечо и остановила на немъ долгій, грустный взглядъ, въ которомъ ясно сказались и вся любовь ея, и вся мука страдающаго сердца.—Можешь-ли говорить, что ты...

— Ты ввергла меня во мракъ грѣха, и никто другой.

— Не я, нѣтъ, а сомнѣнія твои, милый. Не твердъ ты въ вѣрѣ, земное любишь ты чрезъ мѣру. Потому и силенъ въ тебѣ сатана и обуреваютъ сердце твое страсти земныя. Полно оно ревности, зависти, любострастія, гнѣва. Прегрѣшилъ не противъ меня—прегрѣшилъ противъ Бога, не противъ моей воли поступалъ,а противъ Его воли Святой. Братьямъ же и сестрамъ своимъ дурной примѣръ подалъ. Велики грѣхи твои, тяжки и велики они—на небо вопіютъ!..

Она еще ближе придвинулась къ нему. Онъ почувствовалъ ея горячее дыханье.

— Я говорю тебѣ, страстно прошептала она,— любила я тебя, охъ какъ любила, а ты безсовѣстно измѣнилъ мнѣ, бросилъ меня!..

— Я-то, я-то?

Онъ поблѣднѣлъ и дрогнулъ всѣмъ тѣломъ.

— Да—ты.

— Кто-жъ говоритъ это, кто сказалъ это тебѣ? слабо спросилъ онъ вновь, испуганный и смущенный.

— Кланяйся, да покайся въ винѣ своей.

Марьяна отступила на два шага и остановилась, указывая на полъ пальцемъ.

— Въ чемъ каяться-то? переспросилъ онъ, теряясь все больше и больше, не знаю о чемъ говоришь...

— Что-жъ, будто не правда, что для Нимфодоры бросилъ ты меня?

Венцеславъ въ смущеніи отвернулся отъ пророчицы.

— То-то вотъ, небось—слова не можешь вымолвить, дрожишь предо мной, что листъ передъ травой, какъ виновный передъ судьей, да и лицо-то спряталъ отъ меня!

— Коли я ушелъ отъ тебя—вина не моя.. проговорилъ онъ наконецъ.—Каково я то любилъ тебя... А ты-что?.. Чѣмъ платила-то мнѣ?..

— Безумно говоришь, Венцеславъ! Бога хулишь, что мнѣ повелѣлъ милостивой быть ко всѣмъ рабамъ его, не къ одному тебѣ, можетъ ли рабъ на своего господина жаловаться, что онъ и другихъ слугъ милуетъ. Да кто жь ты то? Бѣдный грѣшникъ, ровно что и другіе, какъ же дерзаешь со мной въ борьбу идти?!

— Зачѣмъ же сдѣлала ты такъ, что полюбилъ я тебя?

— Ничего не дѣлала я для того. любила тебя, какъ никого никогда да и нынѣ люблю еще... Голосъ ея дрогнулъ здѣсь, какъ надорванная струна. А ты измѣнилъ мнѣ. Тогда говорила я тебѣ, что не можешь ты во мнѣ простую женщину видѣть, что, по Божьему велѣнію, всѣхъ я люблю, кто въ меня вѣруетъ, а не одного только тебя, что не могу любить тебя земной любовью, не слѣдъ было тебѣ обижаться на меня и стыдно тебѣ было къ другой идти отъ меня.

— Коли прегрѣшилъ я—прегрѣшилъ отъ любви къ тебѣ, отъ ревности моей, возразилъ Венцеславъ.

— Не оправдывайся ужь, полно а признавай вину и грѣхъ свой, покайся и покорись суду моему.

— Страхъ и сомнѣнія въ душѣ моей,—признаю это, отвѣчалъ Венцеславъ,—хочу вѣрить тебѣ! да не могу; часто, вотъ, думаю—взаправду, Богъ говоритъ устами твоими, а потомъ, страхъ, страхъ беретъ—можетъ, что и неправда есть. А пошелъ я, все-таки, противъ тебя, самой, не то чтобы противъ пророчицы. Любилъ я женщину, посмѣялась она надо мной, и я хотѣлъ, чтобы видѣла, что зло имѣю на нее.

— Такъ ненависть противъ меня имѣешь?

— Имѣлъ, имѣлъ большую, Марьяна, а, вотъ, какъ будто-бы опять приходится любить тебя.

— Сознай же, что противъ Бога прегрѣшилъ, когда прегрѣшилъ противъ меня.

— Сознаю.

— Сознай, что бросилъ ты меня?

Венцеславъ неожиданно кинулся къ ногамъ пророчицы, и обнялъ колѣни ея.

Смилуйся! воскликнулъ онъ, голосомъ полнымъ отчаянія и мольбы.

Марьяна поняла, что онъ снова принадлежалъ ей.

— Любишь Нимфодору? спросила она.

Онъ молчалъ.

— Сознайся, что любите другъ друга.

— Сознаю все, что хочешь, проговорилъ онъ,—виноватъ я и принесу покаяніе, суди меня, накажи, накажи меня.

— Будетъ и судъ, и наказаніе, спокойно произнесла она, бросивъ самодовольный взглядъ на молодаго человѣка, лежавшаго теперь въ прахѣ передъ нею и лобызавшаго ноги ея.

— Любилъ я тебя, одну только тебя, снова началъ Венцеславъ,—да сердце-то твое всѣмъ окрыто.

— Въ этомъ обязанность моя.

— А меня-то, за любовь мою безумную, меня-то чѣмъ наградила? Нехорошо ты, жестоко обошлась ты со мной! Наказала меня ты за любовь эту.

— Мало наказала-то я тебя, мало, Венцеславъ, потому не удалось мнѣ научить тебя любви не плотской, чистой. Ну, теперь, лучше это удастся мнѣ. Ты, вѣдь, милости моей просишь теперь. Поѣдемъ.

Какое-то дурное предчувствіе будто кольнуло его въ сердце но величественная красота Марьяны, возстановившая во всей силѣ вліяніе ея на него—взяла свое и онъ послѣдовалъ за ней.

(До слѣдующаго №)

Къ рисункамъ.

Геникей въ древне-греческомъ домѣ.

(Картина Команса).

Аттическія понятія о приличіи семейной жизни были своеобразны и однимъ изъ главнѣйшихъ его условій считалась уединенная замкнутость замужней женщины, въ тѣсномъ кружкѣ ея дѣтей и прислужницъ, за стѣнами никому недоступнаго геникея. Строгій обычай не дозволялъ хозяйкѣ дома показываться въ средѣ гостей мужа и участвовать въ ихъ угощеніи; всякая такая общительность повидимому вредила репутаціи женщины. Извѣстна фраза Перикла: „Мы тѣмъ болѣе уважаемъ женщину, чѣмъ менѣе она извѣстна“.

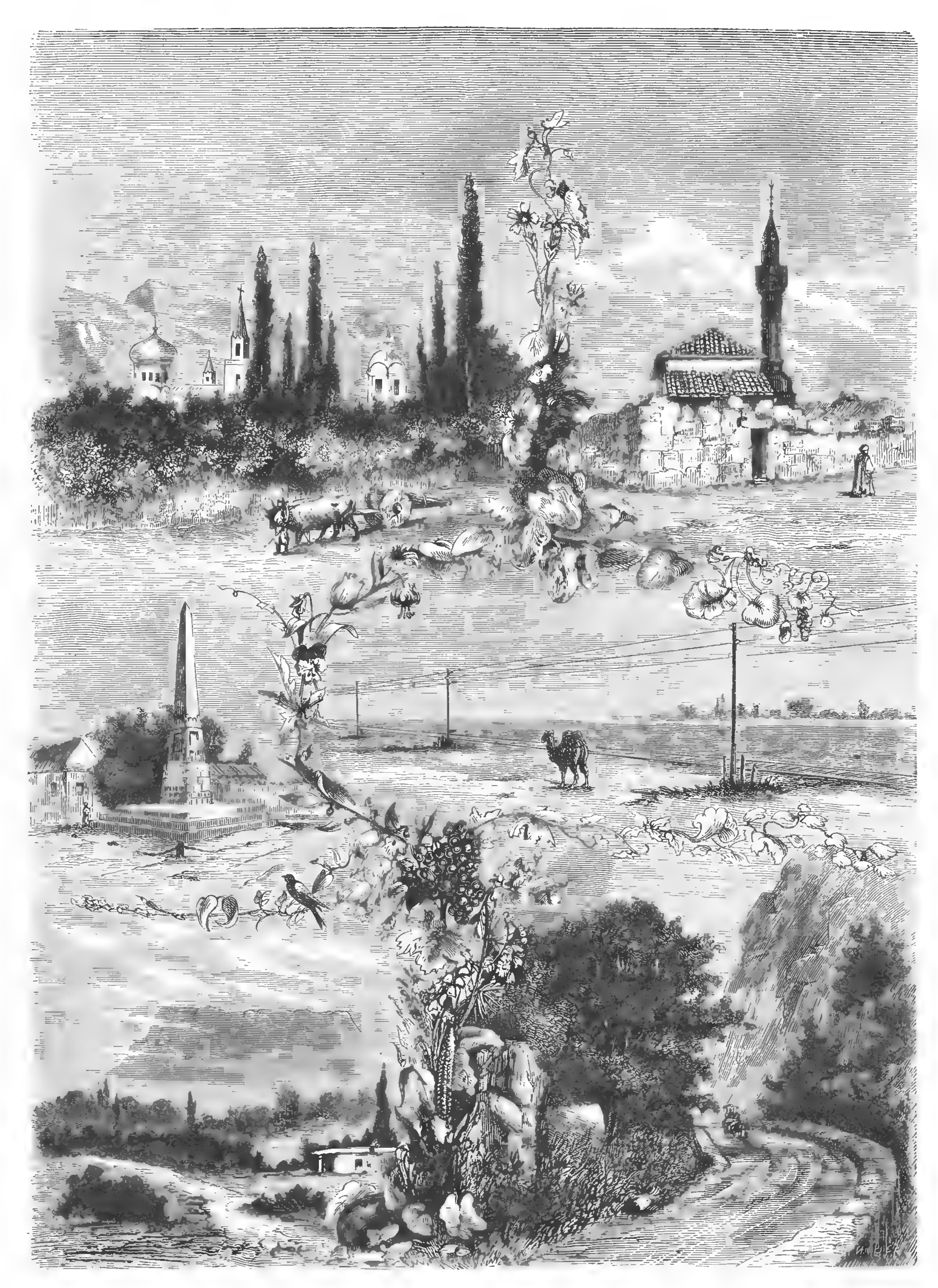
Рѣдко, очень рѣдко выходила гречанка изъ своего укромнаго геникея; всѣ выходы ея изъ дому вызывались какимъ-либо необычайнымъ, экстреннымъ случаемъ: религіозными торжествами и процессіями, представленіями трагедій или похоронами какого-либо близкаго родственника. Остальное время она всецѣло посвящала заботамъ и хлопотамъ о подростающемъ поколѣніи. Здѣсь, среди дѣтей, среди особаго, маленькаго міра, являлась она лицемъ самостоятельнымъ, на которое отечество возлагало трудную обязанность — воспитанія будущихъ гражданъ. Эта роль матери воспитательницы высоко цѣнилась въ Греціи еще во времена Гомера, по словамъ котораго

„Несказанное тамъ водворяется счастье,
„Гдѣ согласно живутъ, сохраняя домашній порядокъ,
„Мужъ и супруга...

Обыкновенно новорожденное дитя тотчасъ же купали и обвивали пеленками; на пятый день его рожденія приносили очистительную жертву богамъ и торжественно обносили его кругомъ домашняго очага посвященнаго Вестѣ; торжество оканчивалось общимъ пиромъ. На седьмой или десятый день новорожденному нарекалось имя въ честь какого либо божества, или въ честь предка отца или родственника. День заканчивался жертвоприношеніемъ въ честь Аполлона, Артемиды, нимфъ, рѣчныхъ божествъ хранителей юношества и пиршествомъ, при чемъ гости дарили новорожденному игрушки, а роженицѣ разрисованныя вазы. При этомъ если новорожденный былъ мальчикъ, то двери дома украшались масличнымъ вѣнкомъ—символомъ гражданскаго мужества; если же дѣвочка—то вѣнкомъ изъ шерсти, символомъ трудолюбія и домовитости. Въ ближайшій праздникъ *апатурій*, новорожденный заносился въ списокъ фратріи, т. е. общества соединеннаго однимъ общимъ

Литературный альбомъ: Русланъ и Черноморъ. Поэма Пушкина. Рис. Кившенко, грав. Шюблеръ.

Виды Крыма. Симферополь и перевалъ черезъ Яйлу. Рис. П. Гнѣдичъ, грав. М. Рашевскій.

культомъ. Затѣмъ начиналось воспитаніе, носящее много общихъ чертъ съ воспитаніемъ дѣтей нашего времени. Между разными игрушками, упоминаемыми греческими писателями, встрѣчаются хлопушки, тележки, домики, лодки, изображенія звѣрей, затѣмъ куклы изъ воску, гипса или обожженой глины и даже солдатики изъ того же матерьяла. Болѣе взрослыя дѣти забавлялись мячемъ, обручемъ, волчкомъ, качались на качеляхъ—последнюю забаву и взялъ темою для своей картины извѣстный художникъ Командсъ.

Аллахъ Акбаръ!

(Картина Бридмана.)

„Фонтаны меланхолически плещутъ вокругъ джаміи (мечети) внутри храма слышится высокій, сильный и чистый теноръ, выводящій протяжныя и тоскливыя ноты, словно тяжкіе стоны изъ глубины страдающей груди, мѣшая ихъ съ мѣрнымъ речитативомъ. Что за своеобразный мотивъ! Онъ чуждъ европейскому уху, но полонъ дикой силы и прелести. Въ немъ и тоска и страстность и мечтательность. Не знаю и самъ почему, только этотъ мотивъ вызвалъ въ моемъ воображеніи широкую картину азіатской пустыни, гдѣ, вѣроятно, и рождались эти изнывающіе звуки...“

Такими прекрасными, одушевленными словами рисуетъ одинъ изъ нашихъ лучшихъ современныхъ писателей, глубокое впечатлѣніе произведенное на него пѣніемъ въ мусульманскомъ храмѣ. Посреди увѣшанной разноцвѣтными лампадами джаміи—родъ эстрады на которую ведетъ лѣсенка; тамъ и сидитъ пѣвецъ, поджавъ ноги, въ бѣлой чалмѣ а передъ нимъ на пюпитрѣ Коранъ. Благочестиво преклоненные „правовѣрные“ важно и истово молятся, обращенные къ „мехрабу“ т. е. нишѣ, соотвѣтствующей нашему алтарю. Въ молитвѣ, сопровождаемой одинокимъ пѣніемъ и состоитъ богослуженіе. Молятся усердно. На всѣхъ лицахъ важная, грустная дума и благоговѣніе. Аллахъ Акбаръ! (Господи спаси) восклицаютъ они, падая ницъ на простертыя впередъ руки.

Полетъ Руслана и Черномора.

(Изъ „Руслана и Людмилы“ А. Пушкина).

Прилагаемый рисунокъ г. Кившенко изображаетъ одну изъ фантастическихъ сценъ прелестной сказки нашего безсмертнаго поэта: полетъ Руслана на бородѣ Черномора. Когда Русланъ явился къ горамъ волшебника, чтобъ высвободить изъ его рукъ несчастную дочь Владиміра, между ними произошелъ поединокъ. Черноморъ налетѣлъ на Руслана сверху, но тотъ съумѣлъ увернуться и

...въ снѣгъ съ розмаха рокового
Колдунъ упалъ—да тамъ и сѣлъ.

Тогда князь соскочилъ съ коня, поймалъ Черномора за бороду, въ которой таилась вся его сила. Но волшебникъ вдругъ понатужился и вмѣстѣ съ своимъ побѣдителемъ полетѣлъ кверху.

Ретивый конь во слѣдъ глядитъ,—
Уже колдунъ подъ облаками,
На бородѣ герой виситъ;
Летятъ надъ мрачными лѣсами,
Летятъ надъ дикими горами,
Летятъ надъ бездною морской;
Отъ напряженья костенѣя,
Русланъ за бороду злодѣя
Упорной держится рукой...

Изумившись русской силѣ, Черноморъ вступаетъ съ княземъ въ переговоры, обѣщается больше ему не вредить, все забыть и спуститься. Но Русланъ отказывается отъ всякихъ условій.

Колдунъ, такимъ образомъ, носитъ героя двое сутокъ и наконецъ взмаливается о пощадѣ. Князь велитъ нести его къ Людмилѣ. Въ одно мгновеніе ока они принеслись къ ужаснымъ горамъ Черномора.

Расправившись съ Карлой, Русланъ прячетъ его въ котомку за сѣдло, и вмѣстѣ съ нимъ и отысканной Людмилой, погруженной въ волшебный сонъ, возвращается въ Кіевъ.

Какъ извѣстно, сказка Пушкина послужила мотивомъ геніальной оперы Глинки, оперы, составляющей гордость русскаго искуства.

Измаилъ Ивановичъ Срезневскій.

Почти въ самый день годовщины основанія С.-Петербургскаго Университета, въ ночь съ 8 на 9 февраля, скончался одинъ изъ старѣйшихъ членовъ его и самый старшій членъ II Отдѣленія Академіи Наукъ Измаилъ Ивановичъ Срезневскій. Не прошло еще и года послѣ блистательнаго юбилея его ученолитературной дѣятельности. Этотъ послѣдній годъ жизни былъ, конечно, наполненъ для него отрадными воспоминаніями о тѣхъ доказательствахъ признанія его заслугъ и радушныхъ привѣтствіяхъ, которыя со всѣхъ сторонъ неслися къ нему въ день 5 апрѣля 1879 года. Это было такъ недавно. Измаилу Ивановичу было въ то время не болѣе 66 лѣтъ отъ роду, и потому можно было ожидать еще много пользы отъ дальнѣйшей его дѣятельности. Но, къ сожалѣнію, уже года за два, за три предъ тѣмъ здоровье начало замѣтно измѣнять ему. Несмотря на то, онъ по мѣрѣ силъ продолжалъ свои занятія, и еще за нѣсколько недѣль предъ окончательнымъ усиленіемъ своего недуга, прошлою осенью, приступилъ къ печатанію вторымъ, болѣе полнымъ изданіемъ своего, столь цѣннаго во многихъ отношеніяхъ, описанія *древнихъ памятниковъ русскаго письма и языка*. Прерванный въ самомъ началѣ своемъ трудъ этотъ, безъ сомнѣнія, не пропадетъ. Но послѣ Срезневскаго остается еще другой, болѣе обширный и важный трудъ, *Словарь древне-русскаго языка*, плодъ многолѣтнихъ занятій и изслѣдованій. Лѣтъ десять тому назадъ покойный принялся было за печатаніе его, но послѣ набора двухъ или трехъ листовъ, еще и не сверстанныхъ, вдругъ остановился, какъ бы не считая его вполнѣ оконченнымъ. Будемъ надѣяться, что и этотъ драгоцѣнный трудъ не погибнетъ для славяно-русской филологіи и исторіи.

Но не въ однѣхъ ученыхъ работахъ заключается наслѣдіе, завѣщанное покойнымъ многочисленной семьѣ своей. Онъ былъ для нея примѣромъ рѣдкаго отца и честнаго гражданина. Всѣмъ посѣщавшимъ Измаила Ивановича извѣстно, какъ онъ умѣлъ дѣлить со своими домашними досуги свои, какое живое и дѣятельное участіе принималъ въ образованіи своихъ дѣтей, какимъ истинно-русскимъ человѣкомъ онъ былъ по своему патріархальному семейному быту. Будучи образцовымъ семьяниномъ и первоклассным ученымъ, онъ въ то же время былъ вѣрнымъ сыномъ земли своей и добрымъ товарищемъ. Какъ членъ ученой коллегіи, онъ по всякому предмету совѣщаній умѣлъ высказать дѣльную и часто оригинальную мысль. По глубинѣ и разнородности познаній, по обширности связей его, голосъ И. И. Срезневскаго былъ важенъ для рѣшенія всякихъ вопросовъ, встрѣчавшихся въ академической и университетской практикѣ. Такимъ образомъ, потеря его, конечно, весьма чувствительна для обоихъ учрежденій, не говоря о другихъ ученыхъ обществахъ въ которыхъ онъ являлся однимъ изъ главныхъ дѣятелей и не легко будетъ замѣнить его при неоспоримой и прискорбной скудости нашихъ ученыхъ силъ. Имя Срезневскаго навсегда останется однимъ изъ самыхъ почтенныхъ и дорогихъ въ лѣтописяхъ не только русской, но и европейской науки, въ лѣтописяхъ нашей Академіи и русскихъ университетовъ.

Я. Гротъ.

Дѣйствіе магнита.

Не такъ давно, американскій физикъ Альфредъ Майеръ, сдѣлалъ интересное открытіе — открытіе неизвѣстнаго доселѣ дѣйствія магнита. Онъ нашелъ, что магнитъ обладаетъ свойствомъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, группировать легкія тѣла въ симетрическія группы. Извѣстно, что желѣзныя опилки подъ, вліяніемъ дѣйствія магнита, располагаются лучеобразно. Опыты Майера интереснѣе. Берутъ нѣсколько иголокъ, какъ показано на рисункѣ. Вырѣзаютъ затѣмъ кружочки изъ пробки, куда втыкаютъ иголки, чтобы онѣ могли держаться на водѣ. Прежде чѣмъ опустить иголки въ воду, нужно намагнетизировать ихъ сѣвернымъ полюсомъ стальнаго магнита, проводя отъ конца иголки до ушка. Потомъ пробочные кружечки съ иголками опустить въ круглую чашку съ водою. Иголки въ водѣ отталкиваютъ другъ друга и располагаются по краямъ чашки. Если затѣмъ держать магнитъ сѣвернымъ концомъ посрединѣ чашки, то иголки располагаются правильными геометрическими фигурами. Три иголки—образуютъ правильный треугольникъ, четыре—квадратъ, пять—квадратъ съ одной иголкой въ центрѣ; шесть—шестиугольникъ и семь—шестиугольникъ съ одной иголкой въ центрѣ—какъ изображено на рисункѣ. Все время пока держатъ магнитъ, иголки не мѣняютъ положенія. При поднятіи магнита къ верху, поплавки понемногу начинаютъ удаляться одинъ отъ другаго, пока наконецъ, при извѣстномъ удаленіи магнита, отталкивающая сила опять не возстановится. Тогда иголки снова отходятъ къ краямъ чашки.

Очерки Крыма*).

По поводу исполняющагося столѣтія присоединенія Крыма.

Изъ путевыхъ замѣтокъ
П. П. Гнѣдича.
(Продолженіе).

VII.

Если путешественникъ, въѣзжающій въ Крымъ со стороны материка, вообразитъ, что едва онъ ступитъ на Таврическій полуостровъ, какъ райскія плодоносныя долины раскинутся передъ нимъ во всей красѣ и силѣ южныхъ красокъ, съ тѣми

*) См. рис. стр. 181.

чудными, розоватыми, легкими тонами, которые такъ щедро розлиты по всѣмъ крымскимъ картинамъ Айвазовскаго,—такой путешественникъ долженъ сильно разочароваться. Въѣздъ въ Крымъ по Лозово-Севастопольской дорогѣ,—это задній ходъ Тавриды, черезъ грязныя сѣни и кухню. Какъ хорошъ полуостровъ съ юга, со стороны моря, такъ онъ непривлекателенъ съ сѣвера. И только ранней весною оба въѣзда могутъ поспорить красотой другъ съ другомъ,—и вотъ почему.

Подвигаясь отъ Курска постепенно къ югу, путешественникъ почти ничего не видитъ, кромѣ безконечныхъ степей, безлюдныхъ, хмурыхъ, непривѣтныхъ, изрѣдка перемежающихся убогимъ городкомъ, сочнымъ оазисомъ малороссійскаго хуторка, или мѣловыми горами Бѣлгорода. Пронесется мимо широко раскинувшійся по холмамъ Харьковъ, съ неуклюжей соборной колокольней и вѣчной тучей пыли, лежащей такимъ густымъ слоемъ на его улицахъ, что по нимъ, положительно можно ѣздить лѣтомъ на санкахъ. А отъ Харькова вплоть до Симферополя—одна сплошная равнина съ рѣдкими курганами, выжженная солнцемъ, съ блѣднымъ, сухимъ небомъ и отсутствіемъ человѣческаго жилья. И чѣмъ дальше къ югу, тѣмъ рѣже и рѣже попадаются живыя существа. Пропадаютъ „вѣтряки" *) что весело махали крыльями, сидя на открытыхъ пригоркахъ, пропадаютъ волы, аисты, чумаки; пропадаютъ тѣ смуглыя характерныя головки, съ золотистымъ загаромъ лица и рукъ, и плечъ, что выглядывали звѣрками на быстро мчавшійся поѣздъ изъ-подъ тѣнистыхъ, пышно разросшихся на насѣкѣ черемухъ и черешенъ. Одна голая степь—никого и ничего..

Порою, когда уже поѣздъ вступитъ въ перекопскія степи, вдругъ вдалекѣ, на горизонтѣ, шутливое марево **) развернетъ передъ вами картину далекаго оазиза,—кущи свѣжей зелени, полосы чистой прозрачной воды,—разольется моремъ невдалекѣ отъ васъ, разольется, и опять отступитъ вдаль, или совсѣмъ исчезнетъ. Только одинокій верблюдъ и пасется въ этой проклятой Богомъ мѣстности и щиплетъ терновникъ да полынь—единственныя дѣтища крымскихъ солончаковъ...

Но есть одно время года, когда хороша бываетъ эта степь, и когда едва-ли что съ ней сравнится по красотѣ,—это ранняя весна. Тогда степь является передъ зрителемъ въ своемъ праздничномъ нарядѣ: она превращается въ одно сплошное, зыбучее море травъ и цвѣтовъ. Гіацинты, тюльпаны, зонтики бѣлой кашки, куколь,—все переплелось между собой, все киваетъ своими разноцвѣтными головками; лепестки дикаго миндаля летятъ по вѣтру; въ травѣ гнѣздятся куропатки и тысячи птицъ носятся въ чистомъ воздухѣ, или сидятъ недвижными рядами по окраинамъ озеръ, затонувшихъ въ зелени...

Но быстра смѣна декорацій. Скоро палящій зной южнаго солнца высушитъ почву, цвѣты поблекнутъ и къ концу іюня опять таже мертвенная степь, оголенная, однообразная красновато-зеленоватаго цвѣта...

VIII.

Чѣмъ-то новымъ дышетъ картина общей панорамы Симферополя, когда въ первый разъ увидишь его изъ окна вагона. Свѣтлые купола православныхъ церквей, тонкія иглы минаретовъ, стройные ряды тополей, гордо несущихъ кверху свои пирамидальныя макушки, и фонъ пейзажа — далекій хребетъ Яйлы, мощно вздымающійся въ воздухъ съ фіолетовой дали грузною массою Чатыръ-Дагъ,—все это такъ ново, необыкновенно для русскаго губернскаго города.

Широкіе, красивые фаэтоны, запряженные сытыми татарскими лошадками, встрѣчаютъ васъ у подъѣзда комфортабельнаго вокзала. И когда вы помѣститесь на мягкихъ пружинныхъ подушкахъ, и кучеръ-татаринъ, въ синемъ съ иголочки кафтанѣ, подпоясанный серебрянымъ наборнымъ поясомъ, помчитъ васъ по чистенькимъ улицамъ Симферополя, вамъ невольно вспомнятся двѣ наши прелестныя сѣверныя столицы: Петербургъ и Москва—съ ихъ способами уличнаго передвиженія; только изъ рода въ родъ сложившаяся безвкусица, и странное понятіе о словѣ „удобство" могло создать московскіе и петербургскіе экипажи. Даже преднамѣренно задавшись цѣлью устроить самый нелѣпѣйшій и безобразнѣйшій экипажъ въ мірѣ, не создашь петербургскихъ дрожекъ и московскихъ полуколясокъ. А посмотрите на другіе города, мало-мальски значительные, выдающіеся: Харьковъ, Севастополь, Варшава, Кіевъ, Одесса, Ялта,—посмотрите какъ удобны, и подъ часъ какъ красивы закладки. Даже Курскъ, съ своими парными (въ дугу съ пристяжкой) запряжками,—и тотъ поспоритъ, ну хоть въ отношеніи цѣлесообразности, съ нашими пальмирами. Первое мѣсто изо всѣхъ названныхъ городовъ занимаетъ Ялта, гдѣ экипажи просто роскошны, но вмѣстѣ съ тѣмъ и дороги, какъ это читатель увидитъ ниже.

Внутри Симферополь далеко не такъ красивъ, какъ издали. Однообразныя бѣлыя зданія, по большей части двухэтажныя, крытыя черепицей, чинно и сонно сидятъ по бокамъ чистенькихъ улицъ. Неважное зданіе собора, губернаторскій домъ самаго стереотипнаго вида, гостиный дворъ, окружный судъ,—все отзывается чѣмъ-то давно виданнымъ, знакомымъ, и не будь этихъ стройныхъ тополей, что отовсюду кажутъ свою мелкую темнозеленую листву, можно подумать, что мы не въ Крыму, а гдѣ нибудь въ самомъ центрѣ поволжскаго бассейна. На соборной площади, впереди плохенькаго сквера, разведеннаго передъ церковью, сиротливо высится сѣренькій, очевидно недавно подправленный, обелискъ, воздвигнутый въ память побѣдъ князя Долгорукова, завладѣвшаго Тавридой въ 1771 году, и получившаго за то названіе „Крымскаго". Противъ губернаторскаго дома зеленѣетъ прелестный городской садъ, пренелѣпо называемый здѣсь бульваромъ. Тѣнистый, красиво распланированный, слегка запущенный, онъ таитъ въ иныхъ укромныхъ уголкахъ много природы и тѣни, столь необходимыхъ въ южномъ климатѣ. Маленькій каменный фонтанъ ютится весь въ зелени подъ горою. Садъ сбѣгаетъ подъ гору внизъ, и наклоняется своими вѣтвями надъ высокимъ каменистымъ ложемъ Салгира. Въ лѣтніе и осенніе мѣсяцы Салгиръ—жалкій ручей, который мѣстами можно не только перепрыгнуть,—перешагнуть. Но за то весной, въ половодье, когда снѣгъ начнетъ таять на Яйлѣ, онъ является шумной, широкой рѣкою, даже тутъ, въ Симферополѣ, недалеко отъ истоковъ. Дорожка сада вьется внизу, у самой воды, и съ нея открывается чрезвычайно характерный, удивительно сильной компановки пейзажъ, такъ и просящійся на холстъ художника.

Лучшей гостинницей здѣсь считается „Петербургская". Лучшими номерами,—тѣ которые потемнѣе, помрачнѣе, побольше, съ двойными ставнями, деревянными шторами,—однимъ словомъ такіе, куда ни за что не проберется солнечный лучъ, отравляющій въ іюлѣ и августѣ человѣческое существованіе. Пошибъ гостинницы, за исключеніемъ развѣ кухни, пожалуй, петербургскій. При номерахъ имѣются даже ванны, куда впрочемъ, пускаютъ за особую небольшую плату.

Оригиналенъ въ Симферополѣ базаръ, размѣщающійся подъ кровлями балагановъ, вокругъ фонтана, въ центрѣ площади. Здѣсь вы встрѣтите всевозможныя національности—и цыганъ, и татаръ, и евреевъ, и армянъ, и грековъ. Грудами пестрѣютъ арбузы, яблоки, груши, дыни, лукъ, чеснокъ, тыквы. Продаютъ воловъ, лошадей, коровъ... Но если хотите увидѣть вполнѣ оригинальное мѣстное захолустье—сходите въ такъ называемую Ак-мечеть.

Ак-мечеть—это татарская часть города, расположенная на его южной окраинѣ. Сто лѣтъ тому назадъ весь Симферополь представлялъ собою такую же груду бѣлыхъ низкихъ домиковъ съ черепичными крышами и темными башнями минаретовъ, тамъ и сямъ выпрыгивающими изъ однообразной груды мелкихъ зданій. Ак-мечетью назывался вообще весь городъ,—да чуть ли не называется такъ и до сихъ поръ. Въ теперешнемъ татарскомъ городкѣ вы не увидите прежней кипучей жизни, той базарной жизни, какая до сихъ поръ кипитъ въ Бахчисараѣ; здѣсь несравненно спокойнѣе. Лавокъ не много, разсыпались онѣ въ значительномъ одна отъ другой разстояніи. Прохожихъ мало. Кривыя, узенькія улицы стиснуты между двумя рядами ослѣпительно бѣлыхъ каменныхъ заборовъ съ калитками, черезъ которыя можно подмѣтить чистенькій дворикъ, съ яблонью по серединѣ, крошечныя окошки и кривую дверь. Отъ прежней резиденціи Калги-султана—(своего рода намѣстника и въ тоже время регента) не осталось ничего кромѣ фонтана, на берегу Салгира, да воспоминанія въ средѣ татарскаго населенія о былыхъ, невозвратныхъ временахъ ихъ могущества...

IX.

Ни одинъ туристъ не заживется въ Симферополѣ. Далекая панорама фіолетовыхъ горъ, этотъ Чатыръ-Дагъ, эта дорога, бѣгущая туда на югъ, усаженная рядами колоссальныхъ тополей, все это невыразимо манитъ къ себѣ, днемъ и ночью безпокоитъ человѣка; грудь требуетъ свѣжаго морскаго воздуха, здѣсь задыхаешься и какъ-то невольно вспоминаешь Гейне:

Auf die Berge will ich steigen,
Wo die frommen Hütten stehen,
Wo die Brust sich frei erschliesset,
Und die freien Lüfte wehen,—

забывая даже, что въ этихъ „frommen Hütten" подаютъ иногда бифштексъ съ насѣкомыми, извѣстными у энтомологовъ подъ именемъ acanthia lectularia *).

Что бы попасть на южный берегъ Крыма, самымъ удобнымъ и скорѣйшимъ путемъ, и притомъ проѣхавшись по одной изъ живописнѣйшихъ дорогъ міра,—стоитъ нанять въ Симферополѣ фаэтонъ до Алушты. Если кто не желаетъ платить за эти сорокъ верстъ двѣнадцать или десять рублей, тотъ можетъ взять себѣ почтовую тележку и доѣхать туда скорѣе чѣмъ въ фаэтонѣ, мѣняя постоянно усталыхъ лошадей на свѣжихъ. Остановокъ и замедленій по этому тракту почти никогда не бываетъ,—онъ не изъ бойкихъ, и выѣхавши рано утромъ вы къ завтраку навѣрно поспѣете въ Алушту.

Едва вы выѣдете за черту города, и ямщикъ, отвязавши ко-

*) Вѣтряныя мельницы.

**) *Марево,—фата моргана, миражъ*; въ просторѣчіи извѣстно чаще подъ именемъ *навожденія*.

*) т. е. клопъ постельный

локольчикъ, быстро погонитъ въ гору татарскихъ лошадокъ,—васъ всего такъ и охватитъ роскошной полуденной природой. Только тутъ вы начинаете ощущать приближеніе какихъ-то новыхъ, неизвѣданныхъ красотъ. Небо, не то низкое сѣверное небо, насыщенное сырыми испареніями, которое нависаетъ надъ самыми крышами петербургскихъ домовъ, закутывая въ своемъ туманѣ иглы и шпицы башенъ и церквей,—а то далекое сухое, ясное, лазурное небо, съ легкимъ фіолетовымъ оттѣнкомъ, которое присуще только югу,—смотритъ чистымъ свѣтлымъ взоромъ сверху, заливая все вокругъ прозрачными, дрожащими, колоритными рефлексами. Бѣгутъ на встрѣчу сказочно громадныя аллеи дорогъ и прохладною тѣнью заливаютъ ровную какъ скатерть, бережно поддерживаемую дорогу. По холмамъ и пригоркамъ разлились широкими зелеными кунами волны фруктовыхъ садовъ, въ перемежку съ чудными дачами, тамъ и сямъ пріютившимися надъ Салгиромъ, что прихотливо извиваясь, прорѣзываетъ теченьемъ своимъ горные отроги. Теплый, ароматный вѣтеръ слабо бьетъ въ лицо. На встрѣчу то и дѣло попадаются верховые татары, сидящіе на лошади какъ на стулѣ, словно сросшіеся съ ней, ползутъ скрипучія тяжело нагруженныя маджары *), проносятся фургоны съ цѣлыми татарскими семьями,—женами закутанными въ бѣлыя, чистыя какъ снѣгъ покрывала, на которыхъ еще ясно замѣтны слѣды складокъ, какъ они лежали въ ларцахъ, и съ ребятишками маленькими, черноглазыми, пестро и богато одѣтыми... Долина постепенно начинаетъ исчезать, голубая вереница горъ надвигается все ближе и ближе. Холмы ростутъ, незамѣтно заползаютъ крутыми отрогами съ обѣихъ сторонъ, обнимаютъ своимъ охватомъ дорогу.

За станціей Таушанъ-Базаръ **) дорога взвивается выше и выше, лѣпится у самаго обрыва, какъ змѣй вьется, снуетъ изъ стороны въ сторону, перебѣгаетъ мѣстами черезъ глубокія, поросшія сухимъ лѣсомъ пропасти, показывается вдругъ гдѣ-то далеко внизу, продирается черезъ чащи случайно брошенныхъ на крутомъ скатѣ рощъ, обѣгаетъ выступы, то теряетъ телеграфную линію перекидывающуюся черезъ неприступные обрывы, то опять принимаетъ ее. Голубая вершина Чатыръ-Дага, оттѣненная молочными, пушистыми какъ хлопья ваты, обрывами облаковъ, такъ свѣтло и прозрачно рисуется въ чистомъ воздухѣ, такъ близко нависаетъ надъ дорогой. Облака, кажется ползутъ всего въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ надъ вами. А дорога все выше, выше...

Взмыленныя лошади вдругъ еще надбавляютъ рыси. На одномъ изъ заворотовъ новая панорама открывается глазамъ, небо развертывается уже не клочкомъ лазури надъ головой, а обширнымъ пространствомъ. Слѣва — вздымается прихотливо-фигурная, золотисто-фіолетово-коричневая горная масса, переливаясь чудною игрою тоновъ на своихъ изломахъ, разсѣлинахъ, трещинахъ, то смѣло выставившихъ на припекъ свое обнаженное тѣло, то спрятавшихъ его подъ сочную чащу лѣсовъ, гдѣ-то тамъ глубоко внизу, въ цѣломъ океанѣ зелени дачъ и садовъ, а вершина несетъ свою главу такъ высоко, что не будь справа этой мощной папки Чатыръ-Дага—красавица *Демерджи* была бы царицею этаго мѣста Яйлы.

Тамъ на югѣ, далеко, синевато туманная, безформенная блѣдная туча ползетъ вамъ въ встрѣчу... Что это туча—въ этомъ едва ли усумнится путешественникъ: что же кромѣ тучъ можетъ быть на небѣ?.. Но какъ-то невольно спрашиваетъ онъ у ямщика.

— Что это,—туча?

— Море! отвѣчаетъ тотъ.

И съ нѣмымъ, невольнымъ любопытствомъ вглядываешься въ свѣтло-сѣрую, голубоватую зеркальную массу, едва очерченную неправильной туманной линіей на горизонтѣ. Переваль черезъ Яйлу сдѣланъ,—Черное море привѣтствуетъ еще издали пришельца.

Морскія волны.

Очеркъ.

Въ безвѣтренные дни, предшествующіе всегда сильнымъ бурямъ, море бываетъ спокойно, зеркально-гладко. Тогда всѣ предметы рѣзко отражаются въ водѣ и горизонтъ видится словно серебрянная или стальная полоса. Но эта спокойная поверхность моря—очень рѣдкое явленіе. Обыкновенно вѣтры, бури, приливы и отливы образуютъ правильно катящіяся волны, которыя часто встрѣчаются и перекрещиваются. Даже въ тихую погоду, море не перестаетъ волноваться отъ дѣйствія пронесшихся вѣтровъ, и эти волненія представляютъ одно изъ величественнѣйшихъ зрѣлищъ природы. Высокія, голубыя массы воды безъ пѣны, тихо катятся одна за другою на разстояніи 75 или 100 футовъ, и безъ шума теряются въ необъятной дали. Волны эти съ поражающей точностью появляются ежегодно подъ Тропикомъ Рака, преимущественно въ Антильскомъ морѣ, во время осеннихъ штилей. Тихо журча, идутъ онѣ на встрѣчу кораблю, медленно колыхаютъ его, онѣ такъ ровны какъ борозды на полѣ, и простираются на сколько видитъ глазъ.

Такія правильныя волны образуются только на моряхъ, гдѣ дуютъ постоянно ровные вѣтры, какъ напр., пассаты. На моряхъ, гдѣ сила, скорость и направленіе вѣтра часто мѣняются, волны не могутъ достигать всѣ одинаковой вышины и образовывать прямыя линіи. Малѣйшее измѣненіе вѣтра вліяетъ на волны, а потому при неправильномъ направленіи вѣтровъ, волны встрѣчаются, сталкиваются и вышина ихъ весьма различна. Съ горы или съ мачты корабля, легче всего видны волны сталкивающіяся подъ различными углами—онѣ то вдругъ образуютъ словно высокую стѣну, то разливаются какъ безбрежная равнина. Иногда море такъ волнуется, что въ этой кипящей массѣ нельзя и прослѣдить направленія вѣтра. Карандашъ привѣшенный въ каютѣ надъ листомъ бумаги, въ одну минуту начертитъ цѣлый лабиринтъ линій, даже при не особенно сильномъ вѣтрѣ.

Вышина волны не одинакова во всѣхъ моряхъ. Она зависитъ отъ глубины басейна, отъ большаго простора для вѣтровъ, и отъ меньшаго содержанія соли въ водѣ, на которую тогда болѣе вліяютъ атмосферическія теченія. Такъ при одинаковой площади водяной поверхности, воды озера образуютъ болѣе высокія волны, чѣмъ воды бухты, которая защищена отъ вѣтровъ островами и песчаными отмелями. Точно также при одинаковомъ содержаніи соли, въ болѣе узкихъ басейнахъ волны меньше и короче. Волны Каспійскаго моря несравненно мельче волнъ Средиземнаго моря, которыя въ свою очередь не достигаютъ вышины волнъ Сѣвернаго Атлантическаго океана, а эти послѣднія уступаютъ волнамъ Антарктическаго моря, занимающаго половину земной поверхности.

По наблюденіямъ адмирала Смита, волны Средиземнаго моря поднимаются до 14 футовъ надъ поверхностью воды. Въ исключительныхъ случаяхъ онъ видѣлъ волны вышиною до 28 футовъ; но средняя вышина волнъ при сильномъ вѣтрѣ доходитъ только до 8—10 футовъ. Въ 1847 г. при переѣздѣ изъ Ливерпуля въ Бостонъ, Скаресби измѣрялъ волны. Самыя высокія поднимались на 25—28 футовъ, средняя же вышина волнъ доходила, почти неизмѣнно, до 17½ футовъ.

На югѣ Атлантическаго океана волны поднимаются выше, чѣмъ на сѣверѣ. Многіе мореплаватели, около мыса Доброй Надежды, встрѣчали волны, доходившія до 45, и 50 футовъ. Капитанъ Вернеръ опредѣляетъ вышину волны около мыса Доброй Надежды въ 42 фута. Эдмонъ Дорвиль утверждаетъ, что встрѣчаются волны доходящія до 100 футовъ, съ вышины которыхъ корабль спускался внизъ, какъ въ пропасть. Замѣчательно, что такія высокія волны поднимаются не во время бури, а именно во время сильнаго и продолжительнаго вѣтра въ одномъ направленіи.

Что касается до ширины основанія волнъ, то ее опредѣляютъ отъ 10 и до 20 разъ болѣе вышины водянаго вала. Среднее же основаніе будетъ въ 15 разъ болѣе самой волны. Такъ напримѣръ волна въ 1 футъ вышины имѣетъ основаніемъ площадь въ 15 футовъ.

Скорость движенія волнъ только кажущаяся. Масса воды приподнятая и вдавленная вѣтромъ, почти не перемѣняетъ мѣста и предметы находящіеся на ней движутся очень медленно. Дѣйствительное движеніе воды совершается отъ постояннаго дѣйствія вѣтра, но въ сущности тоже не особенно быстро. Только пѣна отрывается отъ волнъ, увлекаемая бурею. Отъ постояннаго тренія верхніе водяные слои волнъ нагрѣваются, что было неоднократно замѣчено при сильныхъ буряхъ.

Скорость движенія волнъ съ точностью трудно опредѣлить. Оно зависитъ отъ ширины волнъ и глубины басейна. По вычисленію астронома Айри, волна съ основаніемъ 30 футовъ, въ морѣ въ 300 футовъ глубины до дна моря, движется со скоростію 6,80 фута въ секунду или 24,480 футовъ въ часъ. Руководствуясь шириною волны и извѣстною глубиною моря, можно вычислить скорость движенія, точно также на оборотъ, зная скорость волны можно исчислить глубину самаго басейна. Дѣйствительно, такимъ способомъ высчитана средняя глубина залива Атлантическаго и Тихаго океановъ между Японіей и Калифорніей.

Нѣкоторые физики изслѣдовали дѣйствіе морской волны по перпендикулярному ея направленію. Предположеніе, что дѣйствіе волны прекращается на глубинѣ 25—35 футовъ, опровергается показаніями многихъ мореплавателей, которые видѣли какъ волны разбивались о подводныя скалы, находящіяся подъ водою на разстояніи 125 и даже до 200 футовъ. Послѣ сильныхъ бурь на поверхности воды иногда показывается илъ поднятый съ 400, 600 и 800 футовъ глубины, что также указываетъ на подводное дѣйствіе волны. Веберъ дошелъ до убѣжденія, что всякая волна въ перпендикулярномъ направленіи дѣйствуетъ на глубинѣ въ 350 разъ большей своей собственной вышины.

(Продолженіе на стр. 185, 186, 187 и 188).

*) Двухколесныя телѣги запряженныя волами,—арбы.

**) *Таушанъ-Базаръ*—значитъ Заячій базаръ; здѣсь въ прежнее время водилась масса этихъ грызуновъ.

Сила дѣйствія уменьшается при большей глубинѣ въ геометрической пропорціи. Но на глубинѣ 175 до 350 футовъ волна еще очень сильна и этимъ подводнымъ дѣйствіемъ волнъ объясняется морская зыбь, и внезапное, повидимому безпричинное, появленіе на поверхности громадной волны, нерѣдко грозящей опасностью кораблю.

Отъ постепеннаго повышенія дна къ берегамъ, катящіяся волны, встрѣчая такимъ образомъ препятствіе, вздымаются къ верху и достигаютъ поразительной вышины. Споланцани утверждаетъ, что при сильной бурѣ волны бьютъ наравнѣ съ горою Стромболуцо. На шотландскомъ берегу маякъ Бель-Рокъ, стоящій на скалѣ на высотѣ свыше 100 футовъ надъ поверхностью моря во время бури весь покрывается пѣною волнъ до крыши.

Сила удара такой волны чрезвычайна: ударъ о маякъ Бель-Рокъ по Стефенсону равняется 525 пудамъ давленія на квадратный футъ. На островѣ Скернфорѣ самый сильный ударъ равняется 950 пудамъ на квадратный футъ. Понятно, что при такой силѣ, волны уносятъ громадные куски скалъ. Во всѣхъ портахъ и рейдахъ, устроены плотины—тамъ легче всего наблюдать эту необычайную силу удара волны. Въ Голигэдѣ, Кингстонѣ, Портлендѣ, Шербургѣ, Ливорно, волны нерѣдко поднимали громадные камни иногда вѣсомъ въ нѣсколько сотъ пудовъ и перебрасывали ихъ черезъ плотину, какъ игрушку. Въ Шербургѣ были сдвинуты съ мѣста огромныя орудія. Стефенсонъ утверждаетъ что въ Барагедѣ, на Гебридскихъ островахъ скала вѣсомъ болѣе 2500 пудовъ была оттянута волнами на два аршина. Въ Плимутѣ былъ выброшенъ на дамбу корабль, вѣсившій 12400 пудовъ.

Около Дюнкирхена, во время бури земля дрожитъ на разстояніи 2 верстъ отъ берега. Въ Гасконскомъ заливѣ, гдѣ такъ часто свирѣпствуютъ бури, массивныя береговыя укрѣпленія нерѣдко повреждаются волнами. Еще сильнѣе волны бьютъ на Оркнейскихъ островахъ. На островѣ Соединенія посреди луга лежитъ выброшенная волнами скала, величиною въ 130 куб. саженъ. Волны разрушаютъ берега, уносятъ цѣлые острова и накидываютъ горы песку передъ входами въ бухты.

Измаилъ Ивановичъ Срезневскій. † 9 Февр. 1880 г. Съ фотогр. грав. К. Вейерманъ.

Политическое обозрѣніе.

Письмо Германскаго Императора.—Нападеніе на гг. Ону и Каммерау въ Константинополѣ.—Новое раздѣленіе Оттоманской имперіи.—Независимость Румыніи.—Лордъ Солсбери.—Англичане въ Авганистанѣ.—Авганцы и походъ въ Индію.—Мадридъ.—Италія.

Одинъ изъ важнѣйшихъ фактовъ настоящаго смутнаго времени—письмо маститаго Императора Германіи къ нашему Государю. Оно лучше всего доказываетъ неосновательность нелѣпыхъ корреспонденцій и тревожныхъ слуховъ, распускаемыхъ съ разными цѣлями газетами. Вотъ это письмо.

„Пресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій Императоръ, Наилюбезнѣйшій Государь, Братъ, Племянникъ и Другъ.

Предстоящій возвратъ того дня, въ который Ваше Величество двадцать пять лѣтъ тому назадъ приняли бразды правленія, даетъ мнѣ желанный случай выразить мою радость о томъ, что дружба, связывавшая Нашихъ въ Бозѣ почивающихъ Родителей, сохранилась и въ нашихъ настоящихъ отношеніяхъ.

Въ воспоминаніи о времени, въ которое эта дружба доказана была на дѣлѣ, я почерпаю увѣренность въ томъ, что она сохранится неизмѣнною до конца дней моей жизни. За Ваше же Величество молю Всевышняго, дабы онъ на долгое время хранилъ Васъ подъ покровомъ Своимъ, чудесно спасшимъ Васъ въ семъ году и еще на этихъ дняхъ, для блага Вашего народа и для выполненія той благотворной миссіи, которая возложена на Васъ Провидѣніемъ.

Съ особеннымъ удовольствіемъ пользуюсь я настоящимъ столь радостнымъ для Васъ и Вашего Императорскаго Дома случаемъ, чтобы возобновить Вашему Величеству увѣреніе въ истинномъ высокопочтеніи и неизмѣнной дружбѣ, съ которыми пребываю.

Вашего Императорскаго Величества Доброжелательный Братъ, Дядя и Другъ

„ВИЛЬГЕЛЬМЪ“.

Скрѣпилъ: „Бисмаркъ“.

Дѣйствіе магнита.

На дняхъ въ Константинополѣ, когда совѣтникъ нашего посольства г. Ону, вмѣстѣ съ подполковникомъ Каммерау катались верхомъ, двое неизвѣстныхъ людей выстрѣлили въ нихъ въ упоръ. Подполковникъ Каммерау раненъ, а г. Ону остался невредимъ. Чѣмъ объяснить это покушеніе—религіознымъ ли фанатизмомъ, или ненавистью, проистекающею изъ узкаго патріотическаго чувства.

Мы уже сообщали въ свое время о судебной реформѣ въ Турціи. Теперь державы рѣшили подвергнуть этотъ законъ разсмотрѣнію особой коммисіи изъ посланниковъ и драгомановъ. Порта заявила, что она признаетъ компетентность коммисіи лишь настолько, насколько это разсмотрѣніе будетъ ограничиваться отношеніемъ новыхъ турецкихъ законовъ къ существующимъ международнымъ договорамъ. Дальнѣйшее вмѣшательство Порта находитъ несовмѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ независимой державы.

Въ скоромъ времени ожидаютъ появленія султанскаго ирадэ, которымъ Оттоманская имперія будетъ раздѣлена на 35 округовъ и 145 санджаковъ.

Румынія, наконецъ, признана независимымъ княжествомъ. 20-го февраля румынскій министръ иностранныхъ дѣлъ принималъ дипломатическихъ агентовъ Англіи, Франціи и Германіи и получилъ отъ нихъ одинаково составленныя ноты по этому предмету. Консулъ Бельгіи также заявилъ о готовности своего правительства признать независимость княжества. Въ тотъ же день прежній повѣренный въ дѣлахъ Англіи, Уайтъ вручилъ князю свои вѣрительныя грамоты.

Кому обязана Румынія всего болѣе рѣшеніемъ вопроса этаго—Биконсфильду или Бисмарку—покажетъ время. Пока и тотъ и другой имѣютъ не мало дѣла дома у себя.

Въ средѣ англійскаго правительства снова, какъ кажется,

произошло нѣчто въ родѣ маленькаго раскола и отщепенцемъ опять оказывается (подобно лорду Дерби)—министръ иностранныхъ дѣлъ. Дѣло въ томъ. что лордъ Солсбери, все это время. сказывался нездоровымъ и не принималъ участія въ парламентскихъ преніяхъ. Теперь, по словамъ органовъ либеральной оппозиціи, оказывается, что нездоровье маркиза имѣетъ не патологическій. а политическій характеръ. Полагаютъ. что англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ не въ ладахъ съ большинствомъ сотоварищей своихъ по кабинету. Онъ требуетъ немедленнаго распущенія парламента, тогда какъ прочіе министры не рѣшаются еще окончательно на эту мѣру. Кромѣ того, повидимому, маркизъ Солсбери недоволенъ правительственнымъ проектомъ реформы земельнаго законодательства. (о которомъ мы уже говорили). Согласно другимъ источникамъ, въ англійскомъ министерствѣ существуетъ полное единодушіе по вопросу о распущеніи палаты. въ случаѣ, если ирландскіе депутаты будутъ упорствовать въ своей тактикѣ замедленія всѣхъ вообще парламентскихъ дѣлъ.

Главнокомандующій англійскимъ оккупаціоннымъ корпусомъ въ Авганистанѣ, генералъ Робертсъ, обратился къ вождямъ враждебной англичанамъ народной партіи съ предложеніемъ приступить къ избранію эмира, причемъ Индо-британское правительство заявило о своей готовности признать избраннаго главу Авганистана. Скажемъ здѣсь, кстати, что почти всѣ потомки Достъ-Магомета, находятся въ Кабулѣ. Изъ сыновей его (въ живыхъ осталось 7), явно противъ англичанъ стоитъ Искъ-Магометъ, изъ внуковъ враждебны имъ Абдуррахманъ. Эюбъ-ханъ и Тагиръ-ханъ. Предлагая избраніе эмира, англичане разсчитываютъ на весьма возможное разъединеніе въ средѣ авганцевъ между различными претендентами. Въ то же время, не менѣе искусно они успѣли расположить къ себѣ и сердарей изъ потомковъ Достъ-Магомета. Дѣло въ томъ. что Ширъ-Али не допускалъ ихъ ни до какой должности въ государствѣ, отдавая всѣ важнѣйшія людямъ темнаго происхожденія, которыхъ, въ этомъ случаѣ, собственный интересъ ихъ дѣлалъ бы надежными слугами эмиру. Сердары влачили въ Кабулѣ бездѣятельную и убогую жизнь. Понятно, что англичане, благопріятствуя имъ теперь, не могутъ предполагать въ нихъ враждебнаго чувства.

Однимъ изъ главныхъ дѣятелей среди авганскихъ патріотовъ является Магометъ-Ханъ, начальствовавшій авганскими войсками въ сраженіи 8-го октября прошлаго года. Онъ принадлежитъ къ одному изъ именитыхъ семействъ племени мардуковъ. Во время обороны форта Али-Мусьида артиллерія авганская находилась подъ его командой. Послѣ взятія форта, въ прошломъ году, генераломъ Самуэлемъ Брауномъ, онъ одно время оставался безъ должности, но Якубъ-Ханъ далъ ему чинъ генерала и поручилъ начальство надъ тремя полками. Вслѣдъ за сраженіемъ при Харъ-Азіабѣ и бѣгствомъ сердара Искъ-Магомета. сипаи избрали его своимъ предводителемъ. Онъ пользуется между ними большою популярностью. Калькутская газета „Pioneer“ увѣряетъ, будто въ найденной англичанами въ Кабулѣ перепискѣ между русскими и эмиромъ Ширъ Али (не сообщенной англійскимъ правительствомъ членамъ парламента) изложенъ цѣлый планъ вторженія въ сѣверную часть Индіи, а также находятся доказательства того. что оружіе и боевые запасы, склады которыхъ найдены въ столицѣ Авганистана. предназначались именно для этаго похода. Россія, будто бы, обязывалась помочь Авганистану при вторженіи и въ случаѣ успѣха похода—предоставляла бывшему эмиру всю территорію до Лагора включительно и всю военную добычу...

Увы! не есть ли все это плодъ фантазіи корреспондентовъ „Pioneer'a“?...

Въ Мадридѣ. въ засѣданіи 11-го (23-го) февраля, по предложенію депутата Сантоніо и съ согласія министерства, палата депутатовъ единогласно приняла поздравительный адресъ на имя нашего Государя и Императорской Фамиліи.

Итальянскій король, въ тронной рѣчи въ парламентѣ, обѣщалъ отмѣну налога на помолъ, котораго давно уже ждетъ народъ. Министерство. вѣроятно. скоро войдетъ съ этимъ проектомъ.

Смѣсь.

Соломенное дерево. Въ штатѣ Иллинойсъ изготовляется искуственное дерево изъ соломы, отличающееся особенною крѣпостью и плотностью. По своему внутреннему строенію это искуственное дерево совсѣмъ походитъ на красное и орѣховое. и подобно послѣднимъ, отлично поддается полировкѣ. При распиливаніи его никакъ не отличишь отъ обыкновеннаго дерева. Первоначально солома обработывается тонкими слоями, потомъ соединяются вмѣстѣ столько слоевъ, сколько необходимо для достиженія требуемой крѣпости, наконецъ солома смачивается въ особомъ химическомъ составѣ и подвергается сильному прессованію. Химическій составъ дѣлаетъ сначала солому мягкою, а затѣмъ благодаря его вліянію, соломенное дерево дѣлается непромокаемымъ и почти огнеупорнымъ.

Убытки отъ хищныхъ звѣрей въ Вологодской губ. Въ 1878 году въ Вологодской губерніи, по словамъ „Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, было истреблено хищными звѣрями: лошадей 1,224. жеребятъ 1,851, коровъ 1,929, телятъ 1,964, овецъ 12,329 и свиней 353, всего на сумму 130,362 рубля.

Металлизированное дерево. Изобрѣтеніе это сдѣлано недавно въ Вѣнѣ и послѣ множества произведенныхъ опытовъ дало блестящіе результаты. Дерево насыщается металлическими солями и представляетъ вслѣдствіе этого гладко отполированную поверхность съ металлическимъ блескомъ; оно становится чрезвычайно крѣпко и можетъ какъ нельзя лучше противостоять разрушительному дѣйствію воды, огня, разныхъ кислотъ и проч. вліяній. Открытіе это можетъ получить весьма широкое и полезное примѣненіе при разнаго рода производствахъ.

Мамонтова пещера въ Соединенныхъ Штатахъ. пріобрѣтенная недавно обществомъ капиталистовъ за 200,000 долларовъ, возбуждаетъ восторгъ и удивленіе туристовъ. Новые владѣльцы ея намѣрены по рѣкѣ, протекающей подъ землей въ пещерѣ, пустить нѣсколько лодокъ; въ одной изъ залъ пещеры. находящейся въ 7 англійскихъ миляхъ отъ входа, устроить ресторанъ, изъ котораго съ помощью телеграфа можно будетъ сообщаться съ внѣшнимъ міромъ. Лѣтомъ громадныя залы Mamont-Cave будутъ освѣщаться электрическимъ свѣтомъ.

Волки въ Булонскомъ лѣсу. Доказательствомъ суровости нынѣшней зимы въ Парижѣ служитъ появленіе волковъ въ Булонскомъ лѣсу, близъ Новаго Шале: тамъ видѣли волчицу съ 2-мя волченками.

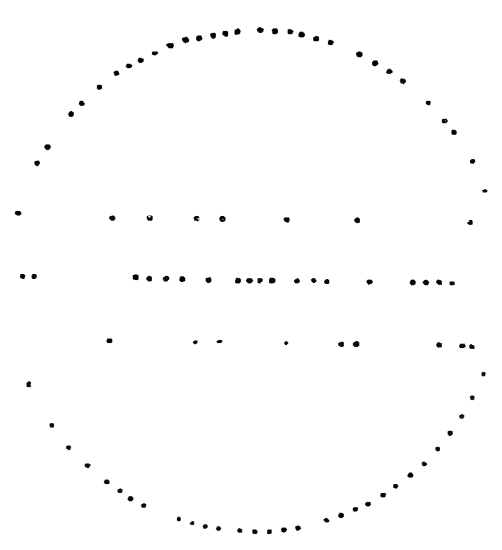
Новыя книги.

Von Heilanstalt des Dr. Brehmer (Görbersdorf) 1880. Glatz Близъ Бреслау, недалеко отъ чешской границы въ округѣ Вальденбургъ, раскинулся Гёрберсдорфъ. Долина его возвышается на 1,900 футовъ надъ уровнемъ моря, она окружена со всѣхъ почти сторонъ горами, достигающими 3,000 футовъ высоты, которыя составляютъ какъ бы естественную преграду отъ вліяній перемѣнныхъ вѣтровъ; чистый, пріятный воздухъ, прелестное мѣстоположеніе, многочисленные источники чудесной, здоровой воды, дѣлаютъ это мѣсто особенно полезнымъ для пребыванія больныхъ, въ особенности грудными болѣзнями и туберкулезныхъ. Въ этой долинѣ выстроено монументальное, въ чисто готическомъ стилѣ, обширное зданіе—заведеніе доктора Бремера, автора извѣстнаго сочиненія „Хроническая легочная чахотка“. Брошюра, названіе которой мы выписали, сообщаетъ весьма любопытныя подробности какъ о способахъ леченія и видахъ такихъ болѣзней, такъ и о самомъ устройствѣ заведенія, снабженнаго всѣми приспособленіями и усовершенствованіями, которыя указываетъ современная медицина.

Черногорія въ 1877—1878 г. Д-ра А. В. Щербака 1880 г. Спб. 2 вып. Несомнѣнно интересныя и живо разсказанныя воспоминанія д-ра Щербака о его пребываніи среди героевъ Черной Горы, къ сожалѣнію снабжены какими-то невозможными рисунками. Воспоминанія подобнаго рода часто грѣшатъ во первыхъ ясно чувствуемымъ, неспокойнымъ отношеніемъ автора къ разнымъ лицамъ, съ которыми приходилось входить въ столкновеніе и—самое обычное—непремѣнно высокомѣрнымъ и полупрезрительнымъ отношеніемъ къ „дикарямъ“ съ точки зрѣнія городской *цивилизаціи*, ея удобствъ и обычаевъ. т. е. отсутствіе художественнаго элемента въ описаніи и потому часто неправильное пониманіе явленій такой замѣчательной, первобытной жизни. Книга г. Щербака въ значительной мѣрѣ чужда этихъ обычныхъ недостатковъ, хотя тоже не безъ замѣчаній, дѣйствующихъ нѣсколько странно. Что это напр. „отличался удалью, *чуждой театральныхъ подмостковъ* (?) которую такъ рѣдко встрѣтишь среди нашей военной интеллигенціи“. Неужели такъ рѣдко!..

Johann Sebastian Bach. C. Bitter 1880. Dresden. Прусскій министръ финансовъ С. Г. Биттеръ, очевидно глубокій знатокъ и любитель музыки. Изящно отпечатанное въ Дрезденѣ, его изслѣдованіе о жизни и произведеніяхъ знаменитаго композитора С. Баха, можетъ быть отнесено къ числу лучшихъ сочиненій въ такомъ родѣ. Изслѣдованіе это выходитъ уже вторымъ изданіемъ и (очень оригинально) оно продается выпусками цѣною въ 1 марку. Всѣхъ выпусковъ 25 и выходятъ они ежемѣсячно. Портретъ Баха и его автографы, приложенные при этомъ изданіи, исполнены весьма тщательно. Первый выпускъ заключаетъ въ себѣ многія новыя данныя о фамиліи Баха, его юности, школьныхъ годахъ, пребываніе въ Мюльгаузенѣ, Веймарѣ и т. п.

Задача точекъ № 21.

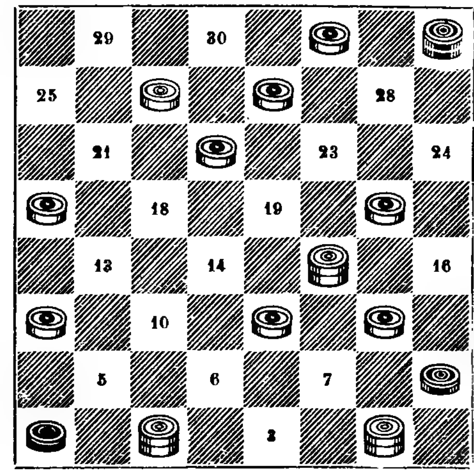

Данныя точки соединить между собою прямыми линіями такимъ образомъ, чтобы составилась фамилія русскаго композитора и названіе одного изъ его произведеній.

Шашечная задача № 23

Трехполѣннаго.

Бѣлыя.

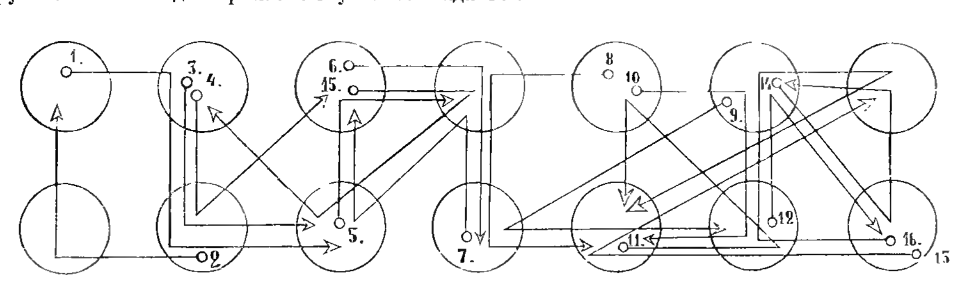

Черныя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ черныхъ.

Задача буквъ № 22.

Въ предложенныхъ большихъ кружкахъ поставить буквы такъ, чтобъ читая отъ маленькаго кружка по линіи до стрѣлки получились заданныя слова:

1) Фамилія одного ученаго
2) Союзъ
3) Названіе очень твердаго дерева
4) Мужское имя
5) Число
6) Отдѣлъ книги
7) Путь и въ то же время зданіе
8) Собственное имя
9) Названіе черепокожнаго
10) Вызовъ въ театрѣ
11) Музыкальный инструментъ.
12) Неизбѣжность.
13) Принадлежность паровой машины
14) Необходимая часть жилыхъ зданій
15) Застольное предложеніе.
16) Англійская монета.

Читая же обѣ строки буквъ, получимъ имя и фамилію одного изъ дѣятелей Берлинскаго конгресса.

Задача № 24.

а
а а а
а в п д д
к к м м о о о
о р р р р
с с т
т

Задача № 25.

а
а а и
п к к к к
к к к к л л о
о о р р у
т т т
т

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Спб. Г. В. Бр—ту.

Нѣтъ не хочу я вѣчно быть невѣждой —
Я жить хочу!

Если вы теперь „невѣжда" то это похвальное желаніе выйти изъ такого состоянія.

Москва, П, Ду—ву.

Но безучастнаго совѣта
Прошу мнѣ другъ не подавай—
А руку помощи подай!

Вы можетъ-быть нуждаетесь. Но тогда лучше въ прозѣ обратиться къ благотворительности, чѣмъ въ такихъ стихахъ.

Москва, Долговъ ПУ — въ. Мозырь, Юл. Лапичу. Присланныя помѣстимъ въ ближайшихъ №№.

Издатель **А. Ф. Марксъ**. Редакторъ **Ф. Бергъ**.

При этомъ № прилагается для гг. иногор. подписч. два объявленія: 1) отъ чайнаго магазина К. Е. Киселева въ Москвѣ, 2) отъ книжнаго магазина А. Земскаго въ Москвѣ (послѣднее за исключеніемъ московскихъ подписчиковъ).

Дозволено цензурою СПБ. 28-го февраля 1880 г. **Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.** 10.

XI годъ | годъ XI

№ 10 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНIЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 8 Марта 1880 г.

Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на 1880 годъ.

ОБЪЯВЛЕНIЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 25 к. за строку нонпарейль (въ 1/4 ширины страницы).

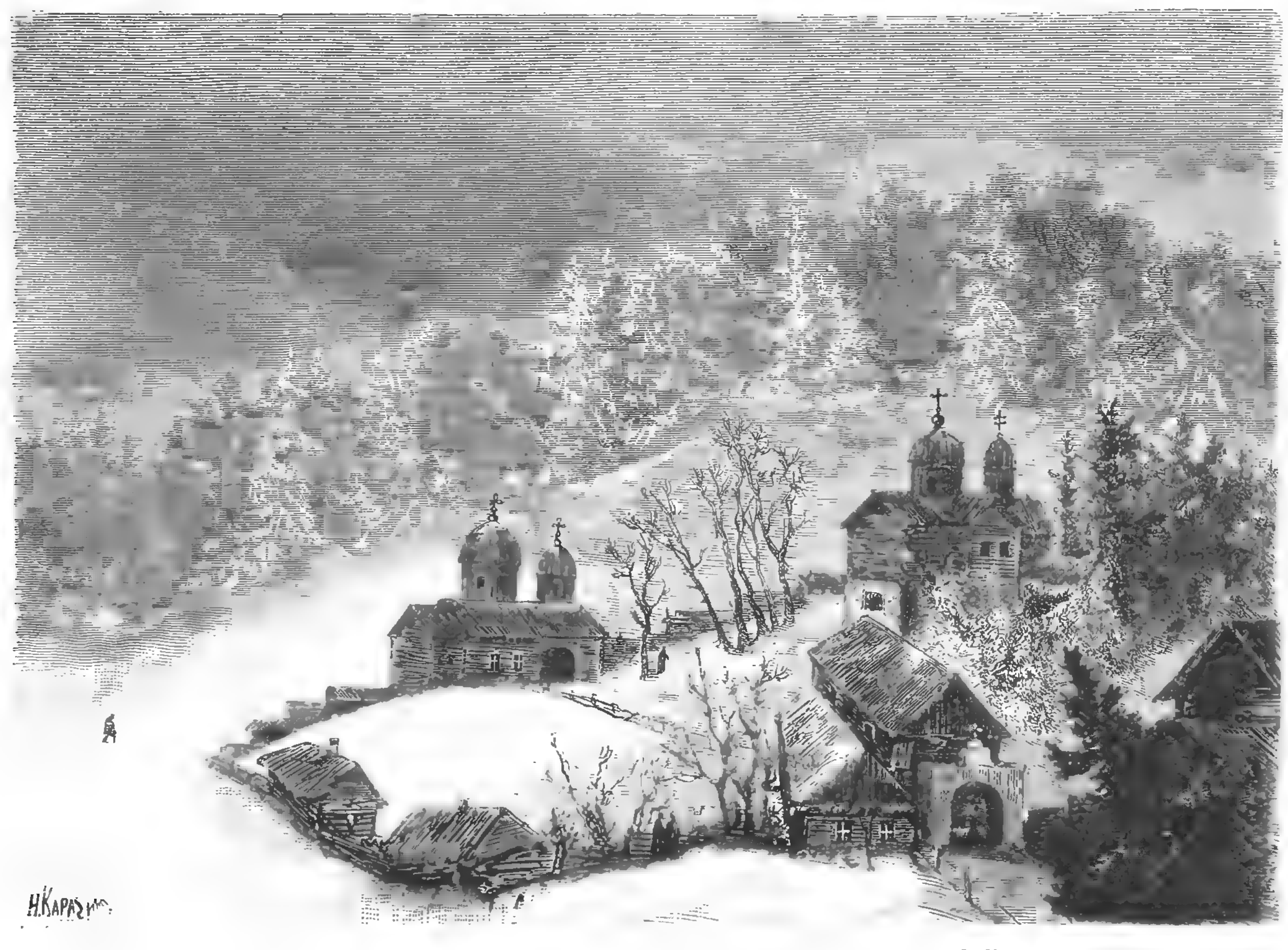
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНIЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургѣ . .	4 р.	Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ кн. маг. гг. Шапошникова, Соловьева и Лангъ.	5 р.
Съ доставкою „	5 р.	Съ пересылкою въ Москву и другiе города Россiи	6 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшiе въ 1880 г. номера.

ПРИЛОЖЕНIЯ. Особыя приложенiя при „Нивѣ“ объявленiй отъ торговыхъ домовъ принимаются для иног. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ по 4 р.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ НА Б. МОРСКОЙ ВЪ Д. № 9.

Забайкальская область. Чикойскiй монастырь близь Урлука. Съ наброска шт.-кап. Гасабова. Рис. Н. Каразинъ, грав. М. Рашевскiй.

Чикойскій монастырь

(Изъ записной книжки).

...Въ октябрѣ 1878 г. я былъ назначенъ военнымъ пріемщикомъ въ воинскомъ присутствіи, въ Троицкосавскій участокъ. Урлукскую и Бичурскую волости; сначала мы поѣхали въ Урлукъ. Дорога изъ Кяхты тянется монотонно и однообразно; по обѣимъ сторонамъ идутъ паралельно голыя горы, кое гдѣ развѣ покрытыя мелкимъ березнякомъ и соснякомъ. Мы переѣзжали рѣку Чи-кой въ то время, когда она стала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, но на перевозѣ еще было свободно. Перевозчики говорили, что Чи-кой замерзаетъ до дна, что было доселѣ извѣстно относительно одной р. Ангары. Селеніе Урлукъ, куда лежалъ нашъ путь, сразу поражаетъ васъ своею обширностью—оно въ 8 верстъ длиною и окружено горами, а по склонамъ горъ идутъ пашни; въ былое время склоны эти были покрыты лѣсами, потомъ выжжены; это здѣсь нерѣдко; постоянно видишь какъ горятъ лѣса, именно по склонамъ горъ, предназначеннымъ подъ пашни. Изъ села Урлука, черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ, мы поѣхали осматривать извѣстный Чикойскій монастырь; онъ расположенъ по другую сторону Чикойскаго хребта и отстоитъ отъ села на 6 верстъ; дорога трудная и идетъ все въ гору и думаешь наконецъ, что конца этимъ горамъ нѣтъ; лошади были сытыя и все-таки приходилось слѣзать, чтобы облегчить ихъ и половину дороги приходилось намъ идти пѣшкомъ; чѣмъ выше поднимаешься, тѣмъ воздухъ дѣлается замѣтно рѣже и рѣже; по бокамъ дороги тянутся березовые лѣса,—добрались и до вершины самаго хребта; какое-то особенное чувство овладѣваетъ на такой высотѣ—видъ во всѣ стороны удивительный. Дорога къ монастырю отсюда самая убійственная; по такимъ крутизнамъ приходится спускаться, что надо было непремѣнно идти пѣшкомъ. Подъѣзжая къ монастырю, дорога становится лучше и открывается чудный видъ; монастырь расположенъ на склонѣ горы; впереди — горы, кругомъ горы а въ глубинѣ прекрасная долина, по которой несетъ свои воды р. Чи-кой. Въ 20 годахъ настоящаго столѣтія въ этой дико-грандіозной уединенной мѣстности поселился пустынникъ Варлаамъ; онъ въ продолженіи 5 лѣтъ скрывался здѣсь и никто не зналъ о его мѣстопребываніи; его келія и по настоящее время существуетъ; близь нея и положено основаніе монастырю. Здѣсь поразительно тихо и уединенно, а зимою это мѣсто совсѣмъ дикое, безлюдное, почти не имѣющее сношенія съ міромъ. Лѣтомъ мѣстность кругомъ монастыря прелестная и веселая; въ глубокой лѣсной долинѣ лѣсъ, густой и разнообразный, вездѣ шумящіе ручьи... Лѣтомъ 24 Іюня со всѣхъ сторонъ стекаются въ монастырь богомольцы на храмовой праздникъ. Здѣсь обитаютъ 10 братій и 5 человѣкъ мірянъ. Монастырь существуетъ главнымъ образомъ на проценты съ капитала 15 тысячъ, пожертвованныхъ иркутскимъ купцомъ Пахолковымъ—тѣло его погребено около монастыря; затѣмъ поддерживаютъ его скудные лѣтніе сборы, неболѣе 1.000 руб.; дефицитъ пополняютъ кое-какъ своими трудами монахи. Монастырь имѣетъ двѣ церкви, одну зимнюю, другую лѣтнюю, обѣ деревянныя; благодаря щедрости купцовъ, особенно кяхтинскихъ, внутри церкви эти благолѣпны...“

П. Гасабовъ.

Иванъ да Марья.

Повѣсть

А. А. Потѣхина.

(Продолженіе).

Такимъ образомъ всѣ тайныя думы Маши приводили ее къ одному рѣшенію, что она находится въ безвыходномъ положеніи и должна выдти за Ивана, что къ этому побуждаютъ ее и страстная къ нему любовь, и однимъ словомъ сама судьба, назначившая Ивана ея суженымъ. Съ этою рѣшимостью она пошла и на свиданіе, на которомъ долженъ былъ присутствовать и Викторъ. Когда они сошлись, Маша сначала высказала всѣ свои страхи и сомнѣнія на-счетъ будущей жизни за-мужемъ за Иваномъ и показывала видъ будто она ни на что еще не рѣшилась, старалась вызвать Ивана, на увѣреніе, на клятвы, на обѣщанія никогда ее не обижать, никогда не измѣнять, не отдавать подъ начало матери и не требовать отъ нея непривычной и непосильной работы.

— Да полно ты, Машенька, да не сумнѣвайся ты во мнѣ.. успокаивалъ ее Иванъ. Кажется бы только мнѣ маненечко, маненечко опериться: какъ бы мы зажили-то!.. на первый сортъ!.. Не то работать, да ни до чего бы тебя не допустилъ, на рукахъ бы и саму-то сталъ носить... Не то за другими бѣгать, а и самъ бы не отошелъ отъ тебя и отъ себя бы на шагъ не отпустилъ!.. Вотъ какъ желаю!.. Только бы вотъ папенька твой простилъ насъ, да мало-мало поддержалъ, не оставилъ.

— Да само собой проститъ... вмѣшался Викторъ, которому этотъ разговоръ начиналъ надоѣдать. Ну извѣстно поругается, покричитъ, постращаетъ, да вѣдь, не что сдѣлаешь... Поневолѣ отступится...

— А понимаешь ли ты, цѣнишь ли, Ваня, что я для тебя дѣлаю, какую жертву тебѣ принесу, если выйду за тебя?.. Вѣдь, ты знаешь, слыхалъ какіе ко мнѣ благородные женихи сватались, и то еще я не шла, выбирала, а тутъ вдругъ выйду за тебя, простаго фабричнаго... Цѣнишь ли ты это?!.. Конечно я теперь погибшая, пропащая, да вѣдь, черезъ кого же я погибла-то?.. все черезъ тебя, черезъ любовь мою къ тебѣ...

— Э, да полно!.. перебилъ ее Викторъ. О чемъ еще заговорила.!. Ну, что ужъ тутъ вспоминать: дѣло сдѣлано... Раньше бы думала, коли ужь тебѣ такъ это не по мысли... Сама, вѣдь, къ нему ходила, не онъ къ тебѣ..

— Такъ развѣ я для этого?.. развѣ я могла это ожидать?.. Ты меня кажется, довольно знаешъ: какая я была.. Смѣлъ ли кто подумать обо мнѣ?.. Я конечно, любя его, была неосторожна, но надѣялась на него... Онъ знаетъ: я никогда даже не могла вообразить, чтобы...

— Да ну, ладно!.. И быкъ реветъ, и корова реветъ, и самъ чортъ не разберетъ... Дѣло это извѣстное... Ну, что пустяки-то перебирать... Вамъ тутъ можетъ быть и не вѣсть какъ сладко эти миндали-то разводитъ, а у меня еще съ давешняго голова трещитъ: сидѣлъ бы я лучше въ трактирѣ, али въ какой кампаніи, не въ примѣръ для меня это лучше... Говорите что ли объ дѣлѣ-то: какъ и что... да и отпускайте меня... Сами-то, пожалуй, оставайтесь, канительничайте тутъ... чортъ съ вами!..

— Да что ты, Витя, какъ же?.. Надо же чтобы онъ понималъ: на что я должна рѣшиться... Вѣдь, я теперь все равно, что всей жизнью должна для него пожертвовать...

— Чувствую я это, Маша... понимаю даже все... сказалъ Иванъ.

— Ну, видишь ты, перебилъ Викторъ, чего же тебѣ еще надо?.. Все чувствуетъ и понимаетъ... Ну, и шабашъ!.. А вотъ о чемъ говори: какъ тебѣ приданое свое собрать, да какъ его изъ дома вынести, на чемъ вести опять и узлы твои, и тебя?.. Пускай, ему лошадь дастъ дядя, да, вѣдь, не поѣдете же вы съ нимъ на возу... Вѣдь у тебя добра-то возъ цѣлый наберется... Ты думалъ ли объ этомъ, Иванъ?..

— Нѣтъ, признаться... Не думалъ, вѣдь, я, что столь узловъ-то будетъ... Такъ полагалъ, что на одной лошади, и самъ и... одежа тамъ, али что...

— Ну, чтой-то, братъ: къ вѣнцу поѣдемъ на возу... что ты!.. Нѣтъ, вѣдь, у нея добра наберется много... ты не думай... Надо, вѣдь, и перину, Маша, взять, и подушки: вѣдь, у него ничего этого нѣтъ...

— Правда, что теперь еще не заведено... подтвердилъ Иванъ, очень довольный заботливостью и предусмотрительностью Виктора: мы по мужицки спимъ, на чемъ придется... хоть на голыхъ доскахъ, все равно... для насъ... а вѣдь, вы, Марья Яковлевна, не привычны... и тѣльце ваше нѣжное... — Извѣстно, шубу постелемъ, мягко будетъ... да все, можетъ, не то...

— Конечно, что я безъ перины, безъ подушки, спать не привыкла... Да ужъ что же дѣлать: коли сама на то иду, судьба моя такая, такъ надо будетъ ко всему привыкать... Я не знаю, какъ же перину изъ комнаты тащить ночью: услышатъ... этого никакъ нельзя... А узловъ дѣйствительно, что много будетъ, если все забирать: я ужь объ этомъ думала... Теперь платьевъ однихъ сколько, пальтовъ, двѣ шубы... ну, одну на себя надѣну... Опять бѣлья... узелъ будетъ большой, не въ подъемъ, шляпокъ однихъ три шляпки... въ картонкахъ тоже: надо осторожнѣе, какъ бы не раздавить... Не знаю ужъ какъ это все заберемъ, особливо на одной лошади... Развѣ ужь бросить все, оставить, идти въ одномъ платьѣ?.. Иду въ бѣдность... по любви... безъ родительскаго благословенія... зачѣмъ мнѣ все это?.. Пускай такъ и уйду... безъ всего... съ однимъ сердцемъ... что не могла перенести любви своей, а впрочемъ мнѣ ничего не нужно... Я готова и такъ... для меня еще лучше... Пускай и родители знаютъ!..

— Нѣтъ, Марья Яковл... Машенька... нѣсколько испуганно и торопливо перебилъ ее Иванъ. Нѣтъ, такъ зачѣмъ же?.. Если бы конечно я богатый человѣкъ былъ: все бы и вамъ могъ самъ предоставить... А то вы довольно знаете: и радъ бы въ рай для васъ, да грѣхи не пускаютъ... Не изъ чего мнѣ это все припасти... А ну, Боже сохрани, родитель вашъ послѣ не проститъ... Что же вы ни при чемъ останетесь?.. Ни на себя, не подъ себя: ничего не будетъ... Для меня конечно, окромѣ вашей любви, ничего мнѣ не нужно... но зачѣмъ же вамъ себя такъ утѣснять?..

— Ахъ, коли я на это рѣшаюсь: мнѣ ничего тоже не нужно, кромѣ тебя... значитъ я по любви, по страсти своей это дѣлаю... для тебя!.. Для тебя я погибла, для тебя и въ бѣдность, въ нужду пойду... Пускай же ужь знаютъ всѣ, и ты знаешь, что...

— Ну, да ты полно эти качества-то свои показывать... перебилъ ее Викторъ: я захочу еще не то представлю... Безъ платьевъ да безъ бѣлья она жить будетъ, коли купитъ ему не на что!.. Тоже сказала!..

— Само собой, ни какъ этого не возможно, Маша, подтвердилъ Иванъ. Нѣтъ, уже ты, Маша, сдѣлай милость: тамъ Богу извѣстно, что будетъ впереди, а безъ одежи какъ же быть... Никакъ нельзя!..

— Да что тутъ пустяки она говоритъ... сказалъ Викторъ: чувствительность одну разводитъ не къ мѣсту... Непремѣнно все забирай...

— Да мнѣ какъ хотите: мнѣ все равно... Велите взять, такъ возьму... только я не понимаю какъ мы все это вынесемъ: вонъ ты, Витя, даже перину, говоришь, и подушки...

— Вотъ то-то и есть, а я придумалъ... да еще такую штуку придумалъ: ахнете, какъ скажу... а Яковъ Захаровъ пальцы себѣ съ досады обкусаетъ: молодецкая будетъ штука, коли удастся только... да у меня удастся, коли водки не пожалѣть!.. Напою всѣхъ, всѣ дрыхнуть будутъ, а я обдѣлаю!..

— Какую такую еще штуку выдумалъ?.. скажи!.. заинтересовалась Марья.

— А такую, что я тебя на собственныхъ родительскихъ лошадяхъ, парой, къ вѣнцу отвезу... Вотъ какую!..

И Иванъ, и Марья, не ожидавшіе ничего подобнаго, сдѣлали невольное движеніе, и въ одинъ голосъ просили объясненія.

— Да чего тутъ: больно просто... Мнѣ это сегодня въ башку пришло, какъ очухался маленько съ давешняго угощенья... Просилъ меня, Ванюха, сюда придти: вотъ мнѣ дѣлать нечего, лежу да думаю, вотъ и выдумалъ... Покупай полведра водки, Иванъ, наканунѣ свадьбы: всѣхъ рабочихъ и работницъ даже, бабъ, всѣхъ перепою къ ночи: такъ захрапятъ, ничего не услышатъ, хоть ихъ-то увези... Ну, а ужь тутъ дѣло короткое: отперъ конюшню и каретникъ, вывелъ лошадей, выкатилъ тарантасъ, а еще не дастъ ли Богъ снѣжку, такъ санки,—и того лучше, заложилъ да задними воротами и выѣхалъ, самъ за кучера, а вы, милости просимъ на барское мѣсто, какъ слѣдъ жениху съ невѣстой!.. Вотъ и поѣхали прямо въ Савинское, къ церкви...

— Точно какъ я думала, мечтала!.. только то жалко: онъ не въ сертукѣ!.. мелькнуло въ головѣ Маши.

— А какъ же послѣ быть съ лошадьми-то? спросилъ предусмотрительный Иванъ.

— И объ этомъ удумано... да еще какая штука-то!.. Сейчасъ скажу... А вотъ сначала, на счетъ приданаго ея. Пускай она все собираетъ, увязываетъ, да узлы подъ кровать хошь что-ли днемъ-то прячетъ... Узлы-то вяжи небольшіе... А ночью, какъ твоя лошадь подъѣдетъ, такъ открыла окно, благо, рамы зимнія еще не вставлены, да и выкидывай: вы ужь тамъ примите!..

— А перину-то какъ же?..

— И перину, и подушки, тѣмъ же манеромъ... только ты перину подкати къ окну-то первую, чтобы какъ открыла окно, такъ и вывалить... Ужь ребята подхватятъ, только бы тебѣ ее перекувырнуть-то... Да, вѣдь, слава Богу, осилишь и ты, поднимешь: не Богъ знаетъ какая субтильная и самъ дѣлѣ барышня...

— Это ты въ самый разъ придумалъ, замѣтилъ Иванъ, осклабляясь: я самъ также смекалъ...

— Да лучше не надо: чудесный фасонъ!.. Мы, значитъ, съ тобой въ одно думаемъ... А вотъ они, пускай, послѣ и знаютъ: каковъ дуракъ у нихъ набитый, Викторка-то: пускай-ка вотъ родитель-то и увидитъ, почувствуетъ это!.. А ты, Маша, такъ послѣ и скажи, что это все я научилъ и выдумалъ... Пускай!.. Одинъ ужь отвѣтъ-то за все!..

— Я одного боюсь, замѣтила Маша: со мной, вѣдь, сестра спитъ, какъ бы она не услышала... особливо какъ окно открою: холодно теперь, озябнетъ—проснется...

— Ну, ужь, сестрица милая, это ужь твое дѣло: стерегись, потише ворочайся, да поживѣй... А чтобы не озябла-то, такъ впередъ прикрой чѣмъ-нибудь, сестренку-то, прикрой съ головой: и не слышно ей будетъ, и тепло...

— Ты не то, что дуракъ, а ты первая на свѣтѣ умница!.. подольстился Иванъ къ Виктору.

— То-то вотъ... И я говорю тоже, а онъ не вѣритъ: безпутный, говоритъ, ракалія, никуда не годный дуракъ... ду-р-р-акъ!.. А вотъ тебѣ и дуракъ!..

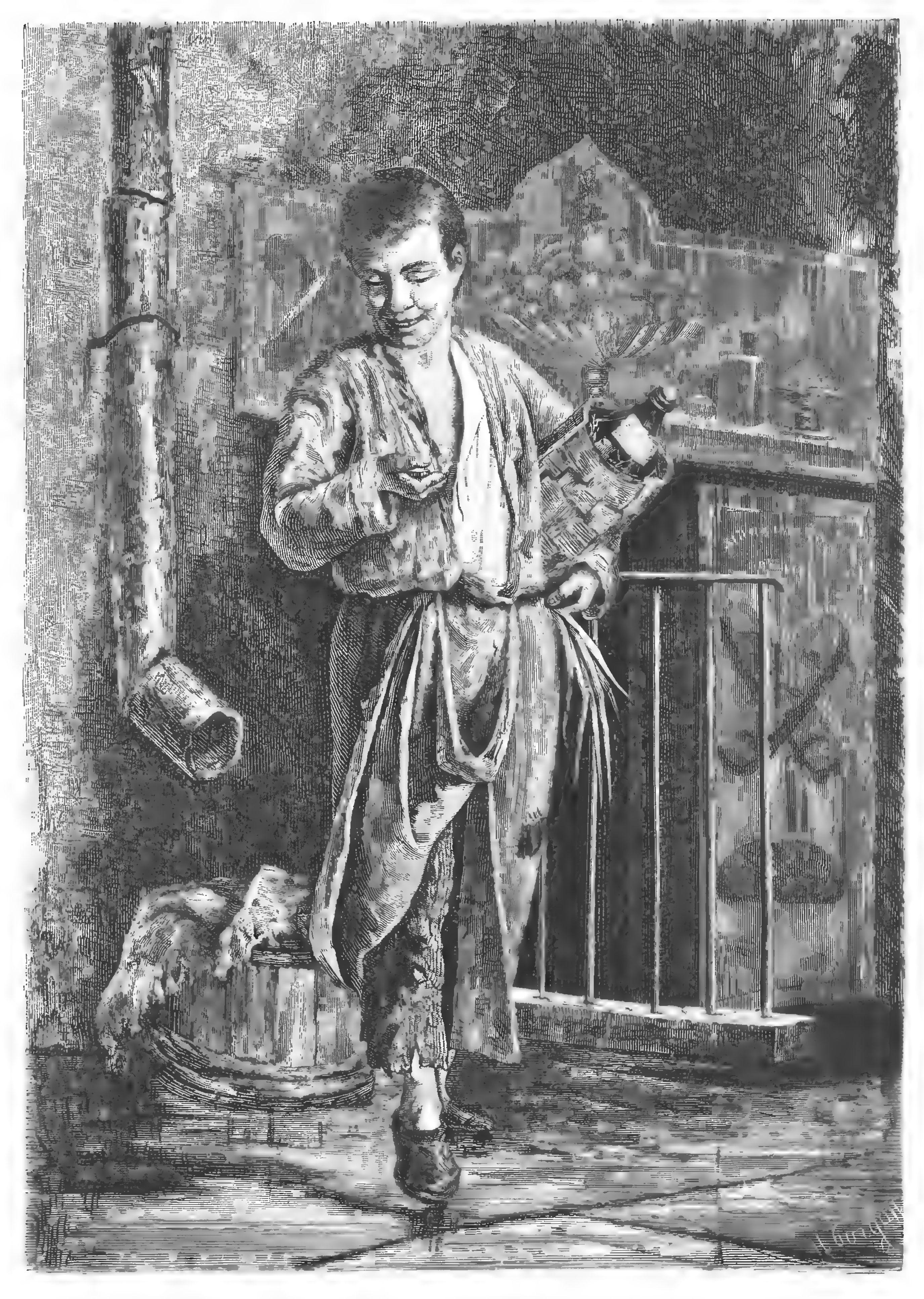
— Ну а какъ же на счетъ лошадей-то? вспомнила Маша.

— Ну, ужь тутъ какъ знаете, а я вотъ какъ надумалъ: смѣхотушка бы была... ей Богу!.. Какъ только обвѣнчались, сейчасъ бы на этихъ самыхъ лошадяхъ, да въ оборотъ, къ родителямъ... Тамъ ужь хватились и Маши, и лошадей, шумятъ, ищутъ, а вы какъ тутъ: честь имѣемъ поздравить папенька, маменька... Примите молодыхъ!.. Не оставьте вашими милостями и родительскимъ благословеніемъ!.. Вотъ бы штука-то была!.. Ужь только я кучеромъ назадъ не поѣду, нѣтъ!.. себѣ дороже!.. сажай кого другаго...

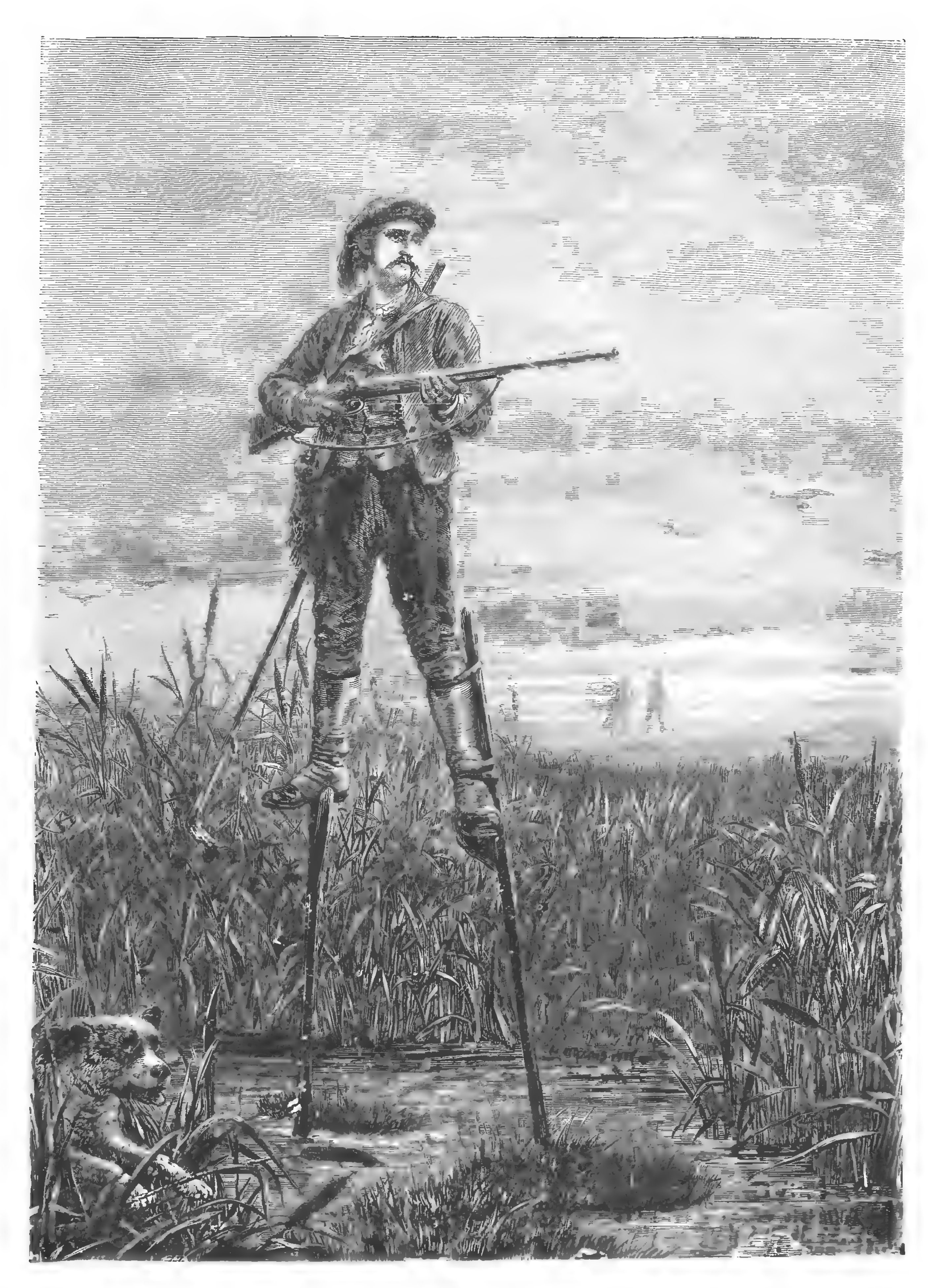
Но этотъ дерзкій проектъ испугалъ на первыхъ порахъ даже Ивана, а Маша пришла отъ него въ ужасъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что этого мнѣ не сдѣлать!.. говорила Маша: да тутъ папаша сгоряча, кажется, убьетъ меня, либо запретъ тотчасъ же, а тебя, Ваня, велитъ связать и къ становому отправить... Онъ вдругъ-то не пойметъ и не повѣритъ, что мы и обвѣнчались-то... Нѣтъ, этого нельзя!..

— Да ужь это правда, что онъ бы до сыта напрыгался: пѣну бы пустилъ изъ себя... злорадно говорилъ Викторъ. А занятно бы!.. Вотъ бы приставленіе-то вышло: что твой театръ!.. Кажется бы, дорого далъ только посмотрѣть!.. да вотъ какъ: на побои бы пошелъ, самъ бы кучеромъ съ вами поѣхалъ, только бы посмотрѣть на него... Ррракаліи, бестіи!.. Убью!.. свяжу!.. на конюшнѣ

Обсчитался. Рисунокъ Н. Богданова, грав. Флюгель.

Охота на „ландахъ“. Рис. Ф. Додъ, грав. Флюгель.

выдеру!.. всю шкуру спущу!.. передразнивалъ онъ отца. Къ становому!.. къ исправнику!.. къ архіерею!.. А ничего не подѣлаешь: руки, братъ, коротки!.. Можно бы со всѣми поѣзжанами ѣхать: не дали бы взять Ивана-то... А главное: дочка-то любимая, хваленая, холеная... вся надежда на нее... это не то, что сынъ безпутный Виктошка!.. Думалъ, дворянкой будетъ, госпожей, помѣщицей... а на вотъ тебѣ: заводскій шельма изъ-подъ носа укралъ и замѣстъ дочки-барыни крестьянскую бабу сдѣлалъ!.. Лихо бы это!..

— Ну нѣтъ, Викторъ Яковличъ, возразилъ Иванъ: тебѣ конечно, что можетъ это и въ потѣху, и въ удовольствіе было, да намъ-то бы съ Машей не въ сласть вышло: ее запретъ, меня къ становому!.. послѣ путайся!.. Нѣтъ, покорнѣйше благодаримъ!.. Эта шутка плоха!.. А вотъ мы какъ лучше: какъ и въ другихъ мѣстахъ бывало, когда невѣста уходомъ уходила: обвѣнчаются, пріѣдутъ домой молодые, какъ слѣдуетъ порядкомъ съ поѣзжанами, съ батюшкой, да и шлютъ дружку, али бо самаго тысяцкаго звать невѣстиныхъ родителей на пиръ пожаловать, свое родительское благословеніе новобрачнымъ привести... Вотъ и мы также сдѣлаемъ: попросимъ дядю Володю съѣздить... Онъ не побоится, поѣдетъ и лошадокъ въ оборотъ доставитъ... Можно и еще кого съ нимъ послать для смѣлости... Они намъ все и разскажутъ что было тамъ, а можетъ, Богъ дастъ, и родители сами пріѣдутъ, хошь и не для пиру, а все бы намъ легче было: тутъ бы сейчасъ мы и покорились, и прощенія попросили... Вотъ какъ сдѣлаемъ: такъ лучше будетъ...

— Такъ лучше, согласилась и Маша, а я для вѣрности еще и записочку къ нимъ напишу... письмо самое чувствительное... Впередъ еще здѣсь заготовлю...

— Ну, вотъ это чудесно!.. И брать ли ужъ намъ лошадей-то здѣшнихъ?.. спросилъ Иванъ. Я, можетъ, подыщу еще лошадку, окромѣ дяди Егора... А что его гнѣвить-то еще пуще изнапрасна... Якова Захарыча?..

— Да конечно... подтвердила Маша...

— Ну, ужь нѣтъ, сестрица милая и зятекъ богоданный... Онъ, вѣдь ужь и теперь зятекъ мнѣ? а, Маша?..

— Отстань, Витя... стыдливо остановила его сестра.

— Ну, ну, да, вѣдь, я не къ тому... А только что ужъ этой штуки я вамъ не уважу, не отступлюсь... Не хочу я, чтобы сестра моя къ вѣнцу кое-какъ на навозной телѣгѣ, али на розвальняхъ, ѣхала... Коли нашъ папенька управитель, ѣздитъ на господскихъ лошадяхъ, въ господскомъ экипажѣ, завсегда на парѣ, а иногда и на тройкѣ, такъ и мы, управителевы дѣтки, должны содержать себя на благородной позиціи... И я не согласенъ, чтобы моя сестра ѣхала кое-какъ, да еще куда?.. къ вѣнцу... Я и ему это въ глаза скажу... Да ужь то не ваше дѣло, а мое! вамъ сказано: какъ выберетесь изъ дома, такъ лошади вамъ будутъ... пара!.. Вонъ тамъ за садомъ буду ждать... Только ты мнѣ, зятекъ милый, на полведра по крайности выдай... а то и на три четвертки: не хуже!.. Я самъ пить не буду много-то, не бойся, не охмѣлѣю: я свое дѣло знаю, послѣ свадьбы свое доберу... вось, на пиру... Еще и то подумайте, чудаки: я васъ на парѣ-то на нашей мигомъ домчу въ Савинское... не то, что трухъ-трухъ, на одной, на мужицкой... А тутъ надо дѣло сгоряча дѣлать, чтобы, если и схватятся, не догнали бы, не помѣшали... Только ты ужь раскошеливайся, Ваня: три рублика припасай...

— Вотъ то-то горе, Викторъ Яковличъ, въ деньгахъ-то у меня слабо: боюсь станетъ ли свадьбу-то справить... Надо вотъ на фабрику сходить: похлопотать, у ребятъ занять у которыхъ... Купцы-то жиды, не дадутъ, пожалуй, впередъ: не выпросишь...

— А ты чего же думаешь, Марья, сказалъ Викторъ: слышишь у жениха-то денегъ нѣтъ... У тебя, чай, есть какія дареныя да копленныя, хоть не много, вотъ и отдай ему... А то вещь какую свою: перстеньки али сережки дай... чего не жалко: онъ либо продастъ, либо заложитъ, чѣмъ занимать-то ему... Послѣ поправитесь— выкупите...

— Нѣтъ, этихъ штукъ я не возьму, сказалъ Иванъ: куда я ихъ понесу? да еще схватятъ, пожалуй, скажутъ: укралъ... И не желаю я... Пускай же лучше Марья Яковлевна забавляется: носитъ ихъ... Денегъ добудемъ какъ никакъ...

— Да у меня есть, Ваня, рублей съ двадцать: возьми ихъ, коли надо... предлагала Маша, очень довольная, что Иванъ не захотѣлъ лишить ее украшеній.

— Ну, вотъ деньги: это дѣло другое... Деньги я возьму, пожалуй... Все равно жить будемъ вмѣстѣ, все будетъ недѣленое... А эти штучки... это памятки... Какъ можно: ихъ трогать нельзя... Пускай утѣшается на нихъ... и красоту свою украшаетъ...

— Какъ же мнѣ передать тебѣ деньги-то, Ваня?.. Въ домъ идти теперь да опять выходить страшно... какъ бы не услышали: и то надивиться не могу какъ до сей поры не попалася...

— Да давай мнѣ, а я ему передамъ... сказалъ Викторъ.

Но ни Маша, ни Иванъ не сочли бы возможнымъ довѣрить деньги Виктору.

— Да я, вѣдь, на заводъ уйду теперь: пробуду тамъ до послѣдняго дня... поспѣшилъ сказать Иванъ.

— И опять ты, Витя, слабъ: пожалуй, какъ потеряешь... замѣтила съ своей стороны Маша.

— Что? не вѣрите мнѣ?.. Да и не вѣрьте, братцы, очень-то: украсть не украду и потерять не потеряю, а вотъ что пропью—это не ручаюсь: пожалуй, не стерпишь долго-то носить деньги при себѣ, когда своихъ нѣтъ, выпить не на что...

— Да вотъ что: я какъ приду теперь домой, такъ въ окно тебѣ и выдамъ ихъ...

— Ну вотъ и чудесно: и пробу сдѣлаешь, какъ приданое-то черезъ окошко таскать будемъ... одобрилъ Викторъ.

Такъ и сдѣлали. Иванъ получилъ въ окно скопленные Машей изъ надаренныхъ въ разное время двадцать рублей и ушелъ домой въ полномъ восторгѣ и оттого, что все шло успѣшно къ желаемому концу и отъ доброты своей будущей жены, безпрекословно отдавшей ему единственныя свои деньги. Онъ не зналъ, что Маша поступилась только половиной денегъ и что у нея осталось еще двадцать рублей, которые она придержала не столько изъ скупости и жадности къ деньгамъ, сколько по какому-то женскому инстинкту скопидомства и бережливости, да и на всякій случай.

XV.

Вѣнчанье назначено было въ пятницу рано утромъ. Въ четвергъ вечеромъ, передъ тѣмъ временемъ, когда деревенскіе жители, собираются ложиться спать, Викторъ, согласно уговору, отправился въ свое село, къ священнику, отцу Андрею, духовнику всего ихъ семейства, и большому пріятелю Якова Захарова. Это былъ человѣкъ солидный и весьма лукавый, держалъ себя степенно, говорилъ обдуманно и умственно, изыскивая выраженія и стараясь уснастить свою рѣчь хорошими и даже иностранными словами; считался онъ человѣкомъ очень умнымъ и на съѣздахъ духовенства, даже въ земскихъ собраніяхъ игралъ нѣкоторую роль тѣмъ болѣе, что аккуратно читалъ газеты, получаемыя Яковомъ Захаровымъ, интересовался и тщательно слѣдилъ за политикой, особенно иностранной, но не чуждался и самыхъ современныхъ вопросовъ внутренней. Вообще былъ, что называется, себѣ на умѣ, положеніемъ своимъ умѣлъ пользоваться съ большою выгодою для себя, но безъ видимой притязательности и недостойнаго попрошайства. Несмотря на свои 45 лѣтъ имѣлъ уже скуфью, мечталъ о камилавкѣ и добивался мѣста благочиннаго, но никакъ

не могъ низвергнуть стараго любимца владыки и консисторіи отца Благолѣпова, занимавшаго въ районѣ его прихода эту завидную должность уже близко 15 лѣтъ сряду. По образу высказываемыхъ мыслей, по внѣшнему виду, по жизни, отецъ Андрей желалъ казаться попомъ современнымъ и даже передовымъ.

Обойти и обмануть такого попа—для Виктора казалось особенно пріятно и лестно такъ, что онъ, вообще легкомысленный и не привыкшій къ размышленію, приготовлялся и обдумывалъ что ему говорить и какъ вести себя съ отцомъ Андреемъ. Было уже 8 часовъ вечера когда Викторъ вошелъ въ кабинетъ отца Андрея. Этотъ священникъ жилъ не такъ какъ большинство сельскихъ поповъ: хорошенькій домикъ его, обитый тесомъ, окрашенный, содержался не только въ большомъ порядкѣ, но и обличалъ въ хозяинѣ нѣкоторыя притензіи къ комфорту и болѣе городскія, чѣмъ деревенскія, привычки и вкусы. Въ домъ велъ подъѣздъ, въ который впрочемъ очень рѣдко ходили, предпочитая дорогу черезъ двери на заднее крыльцо; у подъѣзда былъ звонокъ, но посредствомъ него никто уже и никогда не давалъ знать о своемъ приходѣ да и было бы безполезно, потому-что отъ постояннаго бездѣйствія, всѣ проволочные проводники и шалнеры давно заржавѣли и не двигались. Въ домѣ отца Андрея была и зала, и гостиная съ такъ называемой мягкой мебелью, и кисейными драпировками на окнахъ, была отгорожена конурка въ одно окно, носившая названіе кабинета, гдѣ стоялъ письменный столъ, этажерка съ небольшимъ количествомъ книгъ, кушетка, на которой отецъ Андрей отдыхалъ послѣ обѣда и большое тяжелое кресло, носившее названіе волтеровскаго, на которомъ онъ любилъ заниматься чтеніемъ. На этомъ самомъ креслѣ возсѣдалъ отецъ Андрей и теперь, въ ту минуту, когда въ кабинетъ вошелъ Викторъ.

— А-а, Викторъ Яковлевичъ, воскликнулъ отецъ Андрей, добро пожаловать... Какими судьбами, въ такой поздній часъ?..

Онъ протянулъ Виктору руку, какъ свѣтскій человѣкъ, но тотъ смиренно сложилъ пригоршни и просилъ благословенія. Отецъ Андрей привсталъ, благословилъ истовымъ широкимъ крестомъ и, снова опускаясь въ кресло, повторилъ свой вопросъ.

— Отъ папаши... По экстренному дѣлу... отвѣчалъ Викторъ.

— По дѣлу... и даже по экстренному... сказалъ отецъ Андрей, приподнимая брови. Садись Викторъ Яковлевичъ, милости просимъ... Что такое случилось?..

Онъ съ выраженіемъ большаго вниманія и участія придвинулся къ усѣвшемуся на кушетку Виктору и оглянулся на дверь: затворена ли она.

— Что такое?.. повторилъ онъ съ любопытствомъ.

— Папаша завтра чѣмъ свѣтъ уѣзжаетъ въ городъ... по одному дѣлу... и велѣли просить васъ, чтобы вы потрудились безпремѣнно сегодня, сею же минутою, написать какую-то бумагу, на-счетъ сестры Марьи, на случай, если бы пришлось ей вѣнчаться не въ нашемъ приходѣ... а въ чужомъ... Папаша такъ и приказали сказать вамъ: ты ужь, говоритъ, только скажи такъ отцу Андрею, передай отъ меня, что я очень какъ прошу непремѣнно сегодня написать и печать приложить, все какъ слѣдуетъ... а ужь онъ, говоритъ, самъ знаетъ какая это бумага нужна... Ты еще говоритъ, пожалуй, переврешь, а только такъ скажи и попроси отъ меня: на показъ въ городъ тамошнему священнику... на счетъ, если бы Марью въ городѣ пришлось вѣнчать...

— Значитъ, дѣло на ладъ идетъ?..

— На-счетъ чего-съ?..

— Ну, на-счетъ сватовства все конечно... Вѣрно, маріажъ состоится съ г. помощникомъ акцизнаго?..

— Этого я не могу сказать, отецъ Андрей, потому ничего не знаю: мнѣ не говорили... Да, вѣдь, вамъ извѣстно: со мной на-счетъ этого разговаривать не станутъ... Вотъ послать куда на-спѣхъ это мое дѣло, а чтобы семейныя какія обстоятельства... Меня не допускаютъ... Я не касаюсь этого...

Викторъ скромно и грустно улыбнулся.

— Да, это правда... знаю я и очень скорблю... Очень, очень сожалительно... Но разсудя по совѣсти, нужно сказать правду: инициатива въ этомъ ваша, о не родителей вашихъ... Не желаю осуждать ни васъ, ни кого, но какъ духовный отецъ, кстати замѣчу: старайтесь изринуться бездны, въ которую завлекла васъ молодость, неопытность и легкомысліе, стараитесь, простирайте просительно длани, и родители не отринутъ васъ, не оттолкнутъ, но съ радостію вновь пріимутъ на лоно свое, возвратятъ съ любовію въ нѣдра любвеобильнаго родительскаго сердца... Такъ, Викторъ Яковлевичъ, такъ!.. Отъ васъ самихъ это зависитъ, повѣрьте мнѣ, какъ другу и благожелателю вашему...

— Я ужъ, отецъ Андрей, старался... и ничего, кажется,. такого не дѣлаю, а все одно: все точно чужой въ родительскомъ дому... Конечно слабость имѣю, но что же дѣлать?.. Можно бы это и простить... если ужь болѣзнь такая, несчастіе такое сына постигло...

— Да, конечно не все жезломъ... полезнѣе воздѣйствовать любовію: любы вся побѣждаетъ... Но вы старайтесь превозмочь сколько можете вашу слабость, а я давно уже собирался поговорить и повліять на Якова Захарыча въ вашу пользу... Прискорбно, весьма прискорбно, видѣть это!.. какъ можно: единственный сынъ вы теперь при родителяхъ вашихъ находитесь и какъ бы въ изгонѣ!.. Желаете, чтобы посодѣйствовалъ примиренію вашему?..

— Какъ же не желать батюшка, отецъ Андрей... Я всегда этого желаю... Неужели мнѣ легко и пріятно?..

— Я давно уже, давно собирался, и благодарю сей часъ, что вы пришли и какъ бы напамятовали мнѣ это мое намѣреніе... Употреблю всѣ мѣры, Викторъ Яковлевичъ, всѣ мѣры употреблю и буду радъ, душевно радъ буду, если достигну желаемаго... Но уже и вы, прошу васъ, посодѣйствуите вашимъ поведеніемъ сколько ложете...

— Я постараюсь, отецъ Андреи...

— Да, пожалуйста, прошу васъ... Какъ это можно, какъ это можно!.. Мои духовныя дѣти, столь благочестивое семейство и носитъ въ нѣдрахъ своихъ рознь, такъ сказать, оппозицію!.. Да, надо это устранить, внести миръ, любовь и согласіе!.. Почитаю за свою духовную обязанность и постараюсь...

— Покорно васъ благодарю, батюшка, отецъ Андрей... А какъ же на-счетъ бумажки-то?..

— На-счетъ бумажки?.. Конечно, конечно, надо сдѣлать, если желаетъ Яковъ Захарычъ... Но только мнѣ весьма удивительно: почему не у насъ?.. Развѣ женихъ настаиваетъ, или это сваха, попадья Вышнепокровская, для профита своего супруга?.. Конечно лишнихъ десять —пятнадцать рублеи!..

Отецъ Андрей презрительно улыбнулся.

— Да вотъ я и позабылъ вамъ сказать: папаша точно проговаривалъ и вамъ приказалъ сказать, что точно, чтобы показать попу Вышнепокровскому, но что это только одна проформа, чтобы дѣло покончить, но что они впослѣдствіи все повернутъ и по своему сдѣлаютъ... Еще говорили: скажи говоритъ, батюшкѣ, чтобы не сумнѣвался, все будетъ по нашему желанію, что какъ ворочусь изъ города сейчасъ у него побываю, а мнѣ бы, говоритъ, только дѣло въ городѣ окончить поскорѣе... Для того и бумага эта нужна... Вотъ я вамъ давеча и запамятовалъ сказать...

— А, теперь понимаю, понимаю... Теперь все достаточно ясно: желаетъ успокоить своекорыстіе отца Вышнепокровскаго, чтобы, имѣя документъ, былъ покоенъ, что свадьба будетъ не индѣ, какъ въ его церкви... Но если бы и такъ? что же?.. Съ Богомъ!.. Неужели я позавиствую, или стану препятствовать?.. Конечно Марья

Яковлевна дочь моя духовная почти съ малолѣтства, а женихъ, человѣкъ пріѣзжій въ нашъ городъ, и былъ ли раза два у исповѣди въ церкви отца Вышнепокровскаго— сомнительно... И по всему слѣдовало бы вѣнчаніе въ нашей церкви... Но я ни препятствовать, ни завиствовать не буду!.. нѣтъ, нѣтъ, не буду!.. успокоился бы!.. Съ Богомъ! пускай получитъ!.. Съ радушіемъ и благожеланіемъ уступаю: не обѣднѣю и не возскорблю отъ сего... Такъ и папашѣ, Якову Захарычу, передайте, пускай не безпокоится, для меня все равно... устраивалъ бы только желаемое къ общему удовольствію... и во всѣхъ деталяхъ благоуспѣшно: того желаю... Можетъ быть, причтъ нашъ возропщетъ, но я ни-ни!.. Такъ и передайте!.. А бумажку мы сейчасъ, однимъ моментомъ...

— Эй, крикнулъ онъ пріотворивши дверь и просунувъ голову: пускай Лукерья добѣжитъ и позоветъ дьякона Александра ко мнѣ... Попросите поспѣшилъ бы... Спитъ—разбудите: дѣло нужное и спѣшное...

— Сейчасъ, сейчасъ, все исправимъ и сдѣлаемъ... говорилъ отецъ Андрей, возвращаясь къ письменному столу.—Обождите: пока чернячекъ начерню, а дьяконъ Александръ перепишетъ и будетъ готово. Писать онъ у меня мастеръ, дьяконъ Александръ, то есть почеркъ имѣетъ добропорядочный, но въ изложеніи слабъ и мало сообразителенъ: въ мысляхъ тугъ... Что дѣлать?.. Suum cuique — всякому свое: вотъ и составляй самъ черняки этакихъ пустяковъ... Да того смотри и въ перепискѣ-то перевретъ: сколько изъ-за него съ консисторіей возни по книгамъ только чего не досмотришь!..

Отецъ Андрей началъ бойко строчить...

Черезъ нѣсколько минутъ въ кабинетъ къ нему вбѣжалъ точно сумашедшій, съ испуганнымъ лицомъ, съ растрепанными рыжеватыми волосами, дьяконъ Александръ!

— Что случилось?.. Какая экстра?.. Изъ консисторіи что-ли?.. спрашивалъ дьяконъ подходя сзади къ пишущему отцу Андрею, заглядывая къ нему черезъ плечо на столъ и въ тоже время забирая большими пальцами обѣихъ рукъ космы своихъ волосъ со лба за уши.

— Ничего, ничего... Никакой бѣды... отвѣчалъ отецъ Андрей съ улыбкою, дописывая бумагу. Изъ консисторіи еще это будетъ: еще намъ съ тобой достанется за что нибудь, ежеминутно ожидаю... Но пока ничего, а вотъ, по ходатайству возлюбленнаго нашего и досточтимаго прихожанина, Якова Захаровича, перебѣли-ка поскорѣй эту бумажку, да гдѣ вонъ пробѣлы оставлены и ты оставь: годы вписать нужно... А то дай лучше книги: я самъ справлюсь и выпишу, покойнѣе такъ будетъ и дѣло пойдетъ скорѣе.

— Такъ надо сбѣгать?.. Книги-то у меня... вытягивая шею точно готовясь полетѣть, спросилъ дьяконъ.

— Да, лучше принеси сюда: здѣсь и перепишешь... Покойнѣе дѣло-то будетъ. А по дорогѣ забѣги къ дьячку и пономарю: скажи пришли бы сейчасъ бумагу подписать...

— Да что за бумага такая, отецъ Андрей? На-счетъ чего?.. полюбопытствовалъ дьяконъ, уже готовившійся было совсѣмъ выдти изъ кабинета.

— А вотъ будешь переписывать, такъ узнаешь: къ чему же время тратить, разсказывать тебѣ?.. Поспѣшай лучше и скорѣе возвращайся...

— Да это долго ли: я однимъ махомъ... Ахъ, Викторъ Яковлевичъ, васъ-то я второпяхъ даве даже и не попривѣтствовалъ... Здраствуйте.

Они подали другъ другу руки.

— Такъ Лукерья испугала: обмеръ даже весь... разсказывалъ дьяконъ. Только сталъ было засыпать, глаза заводить, слышу: съ дьяконицей разговариваетъ: бѣжалъ бы, говоритъ, какъ можно бѣжалъ къ батюшкѣ, нужно, чу, спѣхъ большой, дѣло такое: экстра!.. Коли пьянъ, чу, такъ хоть водой окатите, а бѣжалъ бы какъ можно... А я видите въ полной трезвости, взметнулся съ кровати, сердце схватило: такъ и думаю либо отъ отца благочиннаго, либо изъ самой консисторіи пришло неблагопріятное... И воистину, бѣгомъ бѣжалъ, отецъ Андрей, даже не взирая... задохся весь...

— Ну, да ладно, ничего нѣтъ непріятнаго... Поспѣши же опять за книгами, чтобы намъ вотъ и Виктора Яковлевича даромъ не задержать, да и сами спать пойдете поскорѣе...

— Сейчасъ, сейчасъ... Докладываю: однимъ махомъ!.. по всей склонности характера моего: самъ имѣю характеръ скоро-поспѣшительный и исполнительный... Право!.. Вамъ извѣстно, отецъ Андрей!.. И дьяконъ стремительно вылетѣлъ изъ кабинета.

(До слѣдующаго №).

Пророчица.

Повѣсть
Захеръ Мазоха.
(Окончаніе).

VII.
Жертва.

Была уже совсѣмъ ночь, когда пророчица привезла кающагося грѣшника въ Тарговицу. Сани неслышно подъѣхали къ крыльцу. Вокругъ стояла глухая тишина. Гдѣ-то прокричала сова и злобно залаяли собаки. Мѣсяцъ выплылъ изъ-за облаковъ и обдалъ все блѣднымъ свѣтомъ. Марьяна передала лошадей братьямъ и ушла съ Венцеславомъ къ себѣ.

Пророчица подошла къ шкафчику и вынула оттуда длинную и крѣпкую веревку и, сдѣлавъ молодому человѣку знакъ головой, чтобы слѣдовалъ за ней, вошла съ нимъ въ небольшую свѣтелку, помѣщавшуюся недалеко отъ ея комнаты. Въ свѣтелкѣ не было оконъ и другой двери, кромѣ той, чрезъ которую они прошли. На стѣнѣ висѣлъ маленькій фонарь, бросавшій сверху слабый, колеблющійся свѣтъ. Лицо Марьяны было какое-то неподвижное, странное въ эту минуту.

— Что это ты хочешь дѣлать? спросилъ Венцеславъ.

— Чай видишь—связать хочу тебя.

Она быстро скрутила ему руки и ноги и толкнула на колѣни. Онъ безмолвно повиновался всему, ожидая съ любопытствомъ что еще будетъ.

Марьяна отворила двери и въ комнату тихо вошла Нимфодора. Она была блѣдна, глаза ея были опущены. Венцеславъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ. Молодая дѣвушка опустилась тоже предъ пророчицей и облобызала ея ноги. Марьяна замѣтила впечатлѣніе, произведенное на Венцеслава появленіемъ дѣвушки и по лицу ея мелькнула улыбка, полная какой-то ужасной злобы. Она подняла Нимфодору, поцѣловала ее два раза, въ ея блѣдныя губы.

— Ну, вотъ видишь его, сказала она, мотнувъ головой на связаннаго Венцеслава,—теперь онъ принадлежитъ одной, одной мнѣ.

Нимфодора, по прежнему, покорно молчала.

Венцеславу казалось, что сердце стучитъ у него громко въ груди. Ему было и горько, и стыдно. Онъ попробовалъ освободиться, но напрасно, веревки только еще глубже врѣзывались въ тѣло. Безсильно опустивъ голову на грудь, онъ отдался участи своей. Онъ былъ уничтоженъ, сломленъ, покорился Марьянѣ. А пророчица, повидимому, была совершенно равнодушна къ тому, что онъ страдалъ.

— Гдѣ ночуешь нынѣ? спросила она, послѣ нѣкотораго молчанія, Нимфодору.

— У сестры твоей.

Пророчица одобрительно кивнула дѣвушкѣ, поцѣловала ее и та вышла изъ комнаты, не взглянувъ на Венцеслава, не поднявъ своего грустнаго, блѣднаго лица.

Марьяна подошла къ молодому человѣку и поправила веревки на немъ.

— Сегодняшнюю ночь ты проведешь на колѣняхъ и въ молитвѣ, сказала она. Приготовься. Завтра я накажу тебя и увидишь ты во мнѣ строгую судью.

Она смотрѣла на него теперь съ веселой и довольной улыбкой. Венцеславъ поднялъ голову и взглянулъ на нее. Никогда прежде не казалась она ему такой красавицей. Ея волосы разсыпались вокругъ головы и шеи какъ золотыя змѣи, алыя, влажныя губы будто ждали поцѣлуя. Снова охватилъ его огонь страсти...

— Марьяна! воскликнулъ онъ, протягивая къ ней свои связанныя руки,—мучишь ты меня до смерти! Люблю я тебя, желаю тебя! Не могу я принести покаянія, не могу молиться!..

Знатная дама XVI вѣка. Съ картины Фр. Каульбаха, грав. Бренд'Амуръ.

— А желаешь Нимфодору?

— Полно ты и говорить о ней.

— Почему же нѣтъ? вѣдь ты любишь ее.

— Марьяна—люблю только одну тебя, простоналъ онъ.

— Ну это тебѣ только кажется.

— Люблю тебя, прекрати ты мою муку! слабо проговорилъ онъ.

— Ты же не хочешь, чтобы я жалѣла тебя, самъ. вѣдь, ты мнѣ сказалъ у себя, въ Солысковѣ, сегодня еще.

— Слѣпъ, слѣпъ былъ я, глупъ и безразсуденъ.

— А теперь умнѣе сталъ, строго возразила она,—что мнѣ любовь твоя? прегрѣшилъ ты предъ Богомъ и теперь для тебя я только судья. Мнѣ отвѣтъ ты долженъ дать.

— Смилуйся, смилуйся!

— Молчи! Нечего больше о милости-то говорить! и она быстро вышла изъ горенки.

Венцеславъ тяжело опустился на полъ, припавъ лицемъ къ половицамъ.

Когда на другое утро Марьяна вошла въ комнатку,—Венцеславъ лежалъ распростертый на полу и крѣпко спалъ.

Надѣвъ душегрѣйку пророчица вышла на дворъ. Было ясное, морозное утро, бѣлый снѣгъ блестѣлъ розовымъ свѣтомъ въ лучахъ ранней утренней зари. Воздухъ былъ свѣжъ и легокъ. Строенія кругомъ стояли угрюмыя и прочныя—точно бревенчатая крѣпость... Здѣсь ужь никто не ворвется, теперь ея власть полная надъ всѣмъ, кто смѣетъ ей перечить?..

Марьяна бросила довольный взглядъ вокругъ себя и вздохнула полной грудью. На улицѣ вдругъ показался странный кортежъ. Впереди шелъ сѣдовласый крестьянинъ. за нимъ шагомъ ѣхали сани, на которыхъ былъ положенъ большой крестъ, сколоченный изъ свѣжаго сосноваго дерева; у лошадей, везшихъ санки, шла корепастая молодая дѣвушка. Поѣздъ замыкался четырьмя сектантами, шедшими съ молотками, гвоздями и другими принадлежностями. Лицо пророчицы отуманилось, когда она увидѣла приближавшихся. Изъ груди ея вырвался тяжелый вздохъ.

— Куда велишь крестъ-то поставить, матушка? спросилъ старикъ, совершивъ метанье предъ пророчицей.

— Ставить его нигдѣ не надо, отвѣчала она, а вы его подвезите къ дому, съ задней сторонки, да тамъ и оставьте, давай же сюда гвозди и молотокъ, а все прочее берите назадъ съ собой.

— Гвозди-то хороши ли будутъ? спросилъ старичекъ. Марьяна кивнула утвердительно головой, старикъ немедленно отправился со своими назадъ. На улицѣ имъ повстрѣчались значительныя толпы сектантовъ. Марьяна нѣсколько поблѣднѣла, увидѣвъ сборище, направлявшееся къ дому ея, и ушла къ отцу.

Дворъ сталъ почти тотчасъ наполняться разодѣтой по праздничному толпой. Въ рядахъ по минутамъ, пробѣгалъ тревожный шепотъ. Всѣ глаза были обращены на дверь и окна домика пророчицы.

Не смотря на присутствіе многихъ людей, на дворѣ глубокая тишина. Безмолвіе это, однако, было вскорѣ нарушено. Внезапно у воротъ раздались громкіе крики: то привалили, прямо изъ Бребаковъ, приверженцы новой пророчицы. Сама Ѳева была тутъ же, съ ними. Она ѣхала впереди. въ ковровыхъ саняхъ, разодѣтая въ какую-то красную накидку и разукрашенная монетами и кораллами. Степанъ велъ лошадь подъ узды, а позади слѣдовала, тоже верхомъ, Софья, державшая въ рукахъ кнутъ. Молодой мужикъ, громаднаго роста, несъ хоругвь.

Ѳева остановилась предъ самыми воротами.

— Эй вы! крикнула она своимъ громкимъ голосомъ,—сказывайте, куда упрятали Венцеслава? Будто заполонили и держите тутъ, когда закона нѣту, права не имѣете. Выпущайте его, да сей же часъ вотъ. Приказываю вамъ, потому—я пророчица!

— Ты чего тутъ орешь! съ бѣшеной злобой крикнулъ ей въ отвѣтъ Барабашъ,—уходи пока цѣла, нынѣ судъ надъ грѣшникомъ этимъ.

— Су-у-дъ! воскликнула Ѳева, покраснѣвшая отъ досады—осуждены-то будутъ обманщица ваша, лже-пророчица, да и вы вмѣстѣ съ нею, вы, безумцы, васъ она къ гибели ведетъ. Во имя Божье говорю вамъ сіе.

— Молчи ты, не дери горло! закричалъ Барабашъ и подбѣжалъ, было, къ Ѳевѣ; но въ эту же минуту ее обступила плотная стѣна сторонниковъ ея, и одинъ изъ нихъ такъ толкнулъ его въ грудь, что онъ полетѣлъ навзничь на снѣгъ.

Сектанты, наполнявшіе дворъ Осиповича, увидѣли эту сцену и съ громкимъ крикомъ бросились на новоприбывшихъ. Барабашъ ухватился за хоругвь, стараясь вырвать ее изъ рукъ великана, на котораго напало нѣсколько человѣкъ сзади: завязалась ожесточенная рукопашная схватка. Въ воздухѣ уже замелькали каменья. Ѳева была сброшена съ саней, а хоругвь—повержена къ землѣ. Ужь съ той и другой стороны оказались раненые.

Вдругъ появилась Марьяна и остановила схватку.

Голосъ ея совершилъ просто чудо. Какъ только, сквозь шумъ, гамъ, ругательства, стоны и крики, прозвенѣлъ этотъ чистый голосъ—пылъ сражавшихся, какъ бы внезапно, остылъ и обѣ стороны разступились, оставивъ между собою пустое пространство, среди котораго оставалась Марьяна. Привычка къ ней взяла свое.

— Горе вамъ! воскликнула она,—горе вамъ, сѣющимъ вражду въ вертоградѣ Господнемъ! Покайтеся, обратитеся ко свѣту истинному вы, ослѣпшіе, обратитеся пока не поздно и пока Господь, милостью своею небесною, не поразилъ всѣхъ васъ. Во прахъ склонитесь! склонитесь во прахъ! просите прощенія, покайтесь. поклонитесь и я замолю за васъ у Милосерднаго Господа.

— Это ты-то! воскликнула Ѳева, подступая къ Марьянѣ и уперевъ руки въ бока,—ты-то говоришь? Я—пророчица, а не ты! Ступайте всѣ ко мнѣ, дѣтки. Богъ избралъ меня, а она лже-пророчица, не слушайте ея!

— Господь предалъ васъ въ руки мои, воскликнула Марьяна,—скажи кто изъ васъ еще одно кощунственное слово и земля разверзнется и поглотитъ всѣхъ васъ. Всѣхъ поглотитъ, ежели я не смилостивлюсь надъ вами!

Ѳева сдѣлала движеніе впередъ къ Марьянѣ, намѣреваясь наброситься на нее съ своими сильными кулаками, но, поскользнувшись о льдину, упала прямо къ ногамъ своей непріятельницы. Марьяна быстро поставила ей ногу на грудь. Ѳева барахталась, но была не въ силахъ подняться.

— Вотъ вамъ ваша пророчица, обманщица эта, лживая змѣя, съ спокойнымъ величіемъ произнесла дочь Осиповича, вотъ видите, Господь повергъ ее къ ногамъ моимъ. Повинитеся, поклонитеся и вы, не то умрете всѣ.

Въ ту же минуту вся толпа бунтовавшихъ сектантовъ повалилась предъ Марьяной.

— Смилуйся! смилуйся! раздались дрожащіе голоса.

— Прощаю вамъ, сказала,—прощаю всѣмъ. и накажу только тѣхъ, кто болѣе грѣшилъ предъ Господомъ, накажу ихъ изъ любви къ нимъ, дабы избавить ихъ отъ вѣчнаго проклятія и геенны огненной. Берите Ѳеву Софронову, Степана и Софью, свяжите ихъ да ведите въ домъ. Тамъ я буду держать судъ надъ ними и надъ Венцеславомъ.

Десятки рукъ подхватили грѣшниковъ и немедленно перевязали ихъ. Софья повиновалась безпрекословно, Ѳева подняла страшный крикъ. а Степанъ жалобно просилъ о прощеніи.

— А вамъ прочимъ бѣднымъ, заблудшимъ овцамъ моя эпитимія такая: три дня проведите въ молитвѣ и постѣ.

— Спасибо, премудрая мати, спасибо тебѣ, заговорили сразу побѣжденные бунтовщики, обступивъ пророчицу и стараясь облобызать—кто руку, кто платье Марьяны.

Благословивъ толпу, она медленною и важною поступью направилась въ домъ отца своего.

Сектанты повалили всей массой въ молельню, гдѣ Ѳева, Софья и Степанъ, поставленные на колѣни, ожидали свою судьбу. Просторная горница быстро переполнилась народомъ, такъ что многимъ пришлось остаться на дворѣ. Одинъ изъ стариковъ затянулъ стихъ, которому, по обыкновенію, толпа стала вторить. При послѣднихъ словахъ пѣнія, въ комнату вступила Марьяна, мрачная, блѣдная, величавая. Она опустилась на свое возвышеніе и судъ начался.

— Ѳева, тихимъ голосомъ произнесла она,—ты прегрѣшила предъ Господомъ—назвалась, по своему уму, избранницей Его...

— Степанъ сбилъ, Степанъ! жалобно проговорила она,—невиновата я.

— Молчи ты, антихристъ! грозно остановила ее Марьяна,—обманомъ, ложью, бунтомъ противу меня исчерпала все милосердое долготерпѣніе Господне, а ты, Софья, лживая змѣя, ты совиновница во всѣхъ дѣлахъ злыхъ и противныхъ ея. Будете вы обѣ за то наказаны кнутьями жестоко и до тѣхъ поръ, пока не умилостивится Господь.

Марьяна сдѣлала знакъ своей бѣлой рукой и, въ одну минуту, женщины и дѣвушки, набросившись на Ѳеву и Софью, разорвали на нихъ платья и поволокли на дворъ. Тутъ вокругъ нихъ образовался тѣсный кружокъ. Кнуты были живо поданы Барабашемъ и однимъ изъ сыновей Осиповича.

Первый ударъ нанесла Нимфодора, начавшая съ Софьи, за нею сразу посыпались удары другихъ сектантовъ, съ благочестивымъ усердіемъ принявшихся бить обѣихъ женщинъ. Софья съ плачемъ опустилась на колѣни. Ѳева, прыгая во всѣ стороны, кричала на всѣ голоса и старалась увернуться.

— Ну что-жъ, Ѳева, воистину ли ты пророчица, избранная Богомъ? а? Такъ ли?

— Дура я, дура! кричала Ѳева,—смилуйся! Довольно! не выдержу я больше.

Но кнуты съ визгомъ продолжали дѣло свое.

— Смилуйся, Марьяна, смерть моя! слабо проговорила Софья. Она повалилась на землю почти безъ чувствъ. Пророчица велѣла прекратить наказаніе.

Пока женщины повели Ѳеву и Софью въ комнаты, чтобы отогрѣть и переодѣть, Марьяна возвратилась въ молельню и обратилась теперь къ Степану.

— Ты ввелъ въ заблужденіе дѣтей моихъ, сказала она,—лживымъ откровеніемъ, ты солгалъ и обманулъ и поднялся противу меня, а потому заслужилъ то наказаніе, какое за это положено у насъ.

Степанъ отвѣчалъ только глубокимъ вздохомъ, зная заранѣе, что ничѣмъ не умилостивитъ Марьяны. Его тотчасъ же вывели на дворъ и надѣли на шею родъ ярма, который привязали къ стѣнѣ, а на ротъ навязали намордникъ, состоявшій

изъ деревянной клепки. Въ этомъ уборѣ онъ былъ, какъ бы. выставленъ на показъ, на посмѣшище.

Когда Марьяна показалась на крыльцѣ, къ ней подошли Ѳеба и Софья и, смиренно опустившись предъ нею, поцѣловали ноги ея, въ знакъ благодарности за наказаніе. Пророчица обошлась съ ними теперь дружелюбно, съ улыбкой поцѣловала обѣихъ, а затѣмъ приблизилась къ толпѣ.

— Всякъ, кто поможетъ Степану эпитимію его выполнить, получитъ отпущеніе въ грѣхахъ своихъ.

Толпа надвинулась тотчасъ же на несчастнаго и началось новое истязаніе. Одинъ изъ сектантовъ сталъ угощать Степана пинками, Аннушка бросила въ лицо ему грязью, Ѳева сунула ему въ носъ перцу, злой Барабашъ поджегъ кричавшему подвижнику волосы, а Прокопъ подбѣжалъ и обдалъ его цѣлымъ ведромъ холодной воды. Волосы Степана перестали тлѣться, но онъ закричалъ что ему холодно.

— Сжальтесь надъ нимъ, сказала Марьяна, согрѣйте его...

Мучители начали неистово бить его кулаками, розгами, палками, а кто былъ подальше, тѣ бросали снѣжками, не обошлось и безъ каменьевъ.

— Никогда больше... никогда... не буду... стоналъ онъ—смилуйся, Марьяна! Премудрая, дай пожить мнѣ, смилуйся!..

— А, взаправду, было откровеніе тебѣ? спросила Марьяна.

— Никакаго не было, никакаго!..

Когда Степана, наконецъ, отвязали, онъ, въ свою очередь, приползъ къ ногамъ Марьяны и покорно облобызалъ ихъ, заслуживъ этимъ довольную и милостивую улыбку пророчицы.

Сынъ Осиповича, Антонъ, подъѣхалъ въ эту минуту къ крыльцу на лихой тройкѣ. Изъ дому вышло семейство Осиповича и отецъ, мать, сестра и братья Марьяны, поцѣловавъ руки ея, усѣлись въ сани. Егоръ, было, отказался ѣхать, но пророчица приказала и онъ повиновался. Антонъ помѣстился на козлахъ.

— Поѣзжайте къ дядѣ, за Днѣстръ, сказала Марьяна, на лицо которой внезапно легла мрачная тѣнь, — да, смотрите, раньше трехъ дней не возвращайтесь.

— Да ты чего это?.. мрачно спросилъ Антонъ.

— Не твоего ума дѣло. Что сдѣлаю, за то и отвѣтъ дамъ сама, возразила она.—Ну, съ Богомъ.

Сани медленно выѣхали за ворота, а тамъ—коренникъ заломилъ голову, пристяжки изогнулись кольцомъ и помчалась тройка во всю прыть. Марьяна долго смотрѣла ей во слѣдъ, пока она не скрылась. Потомъ съ глубокимъ вздохомъ повернулась и пошла назадъ держать судъ надъ Венцеславомъ.

Когда его, связаннаго по рукамъ и ногамъ, ввели, молельня была биткомъ набита молчаливой, съ затаеннымъ дыханіемъ стоявшей толпой.

Молодой человѣкъ обвелъ глазами горницу и прежде всего увидѣлъ Марьяну, сидѣвшую на своемъ возвышеніи, Марьяну, великолѣпно разодѣтую и блествѣвшую дорогими украшеніями, но блѣдную, грустную.

— Поди сюда, Венцеславъ, начала она спокойнымъ, ровнымъ голосомъ—стань вотъ здѣсь, на колѣни, да сознайся въ грѣхѣ своемъ.

Онъ приблизился какъ могъ и опустился на колѣни.

— Грѣшенъ... проговорилъ онъ слабо, согрѣшилъ предъ тобой, согрѣшилъ и предъ Богомъ.

— Признаешь ли, что дьяволъ силу надъ тобою большую имѣетъ, что часто онъ тебя въ безвѣріе и сомнѣніе приводитъ.

— Признаю.

— Самъ, значитъ сознался и доказалъ ты грѣхъ твой, сказала пророчица болѣе кротко. Спрошу я тебя теперь—достоинъ ли ты еще въ нашей общинѣ оставаться?

— Нѣтъ, не достоинъ.

— Какъ же думаешь ты обрѣсти спасеніе свое.

— Покаяніемъ и эпитиміей.

— Покоришься ли доброй волей эпитимьѣ, какую я наложу на тебя?

— Да, приму и покорюсь доброй волей.

— Хорошо, сказала она, вотъ мой судъ: въ наказаніе за великіе грѣхи твои и во спасеніе души твоей, будешь ты пригвожденъ къ кресту.

По толпѣ пробѣжалъ какой-то ропотъ. Всѣ лица выразили испугъ и удивленіе. Венцеславъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, но остался безмолвенъ. Марьяна тотчасъ же увидѣла неожиданное дѣйствіе, которое произвели на присутствовавшихъ слова ея. Она, которая никогда не пугалась, никогда не терялась, на этотъ разъ сробѣла. Но, никто, конечно, не могъ замѣтить этаго. Лицо ея не выдало внутренней тревоги. Только въ глазахъ мелькнуло что-то злое, безпощадное.

— Ты будешь веревками привязанъ къ кресту, сказала она и три дня провисишь на немъ. Божья воля на то и она будетъ выполнена.

Въ толпѣ снова раздался шопотъ, но на этотъ разъ болѣе одобрительный.

Марьяна медленно улыбнулась.

— Покайтеся, произнесла она,—ибо никто не безъ грѣха.

Присутствовавшие повалились, совершая метанье. Марьяна встала и, отдавъ необходимыя приказанія Барабашу, подошла къ Венцеславу.

— Я не принуждаю тебя, тихо сказала она, положивъ ему руку на плечо,—скажи одно слово—и ты свободенъ. Хочешь ты потерпѣть наказаніе, которое я наложила на тебя, или не хочешь? Она наклонилась къ нему и съ любовью глядѣла ему въ глаза.

— Все претерплю, что ты хочешь, Марьяна, только ты прости меня послѣ того.

— Прощаю я тебя и теперь, отвѣтила она съ кротостью.

Въ эту минуту вошли Барабашъ и люди, несшіе крестъ за нимъ. Они бережно опустили его посреди горницы. Прокопъ подалъ веревки.

— Готовъ ты? спросила Марьяна Венцеслава.

— Готовъ.

Она наклонилась снова къ нему и поцѣловала его; послѣ нея перецѣловали его всѣ прочіе и, затѣмъ, хоромъ запѣли покаянный стихъ. Барабашъ и помощники его взяли Венцеслава, сняли съ него прежнія веревки и крѣпко привязавъ свѣжими бичевками ко кресту, подняли этотъ крестъ и приставили его къ стѣнѣ.

Толпа нѣсколько минутъ еще простояла въ молельнѣ, глазѣя (но съ молитвой) на невиданное зрѣлище, а потомъ вскорѣ всѣ разбрелись.

Остались, по повелѣнію пророчицы, Нимфодора, Софья и Степанъ, а Барабашъ пошелъ запереть ворота и остался сторожить до утра.

По прошествіи часа, Марьяна опять вышла на крыльцо, оглянула кругомъ дворъ и не замѣтивъ ничего подозрительнаго, сама спустила съ цѣпи обоихъ волкодавовъ, кивнула Барабашу и воротилась къ своей жертвѣ. Въ горницѣ опять стали собираться. По ея приказанію присутствующіе опустили крестъ на землю.

— Этого не довольно, странно-звенѣвшимъ, спокойнымъ по видимому, голосомъ, сказала она,—такъ вѣщаетъ мнѣ Господь. Покаяніе твое меня не трогаетъ. Ты долженъ быть пригвожденъ къ этому кресту, только тогда я успокоюсь...

Венцеславъ смертельно поблѣднѣлъ. Всѣ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ и ужасомъ взглянули на пророчицу.

— Такова воля Господа, заключила она торжественно. Господь такъ повелѣлъ, да будетъ Его святая воля. Измѣна его да будетъ наказана!

— Аминь! негромко и смущенно сказали кругомъ.

— Аминь! проговорилъ тихо Венцеславъ измученнымъ голосомъ.

— Наступилъ часъ суда Божьяго! продолжала Марьяна. Нимфодора, ты вобьешь гвозди ему въ руки, а ты, Софья, въ ноги.

Слышался тревожный шопотъ кое-гдѣ, нѣкоторые плакали, но таково было ея вліяніе, что никто не возразилъ. Обѣ женщины, и Нимфодора и Софья стояли блѣдныя, въ ужасѣ, не двигаясь съ мѣста. Барабашъ принесъ и бросилъ на полъ молотокъ и гвозди.

— Нимфодора, приказала Марьяна, начинай!

Лицо несчастнаго Венцеслава покрылось крупными каплями холоднаго пота.

— Не мучь, не мучь ты меня долго, Марьяна! Господа ради покончи ты со мной скорѣе, вынести я этаго не смогу...

Она вдругъ упала на колѣни около него. Глаза ея странно, какъ у помѣшанной сверкали...

— Пострадай, пострадай, милый, за меня, сказала она, когда придетъ часъ, я сама сдѣлаю смертный ударъ... Нимфодора, Софья, что же вы стали! крикнула она вдругъ повелительно, подымаясь съ пола.

Послышались рыданья женщинъ, тихіе крики ужаса. Всѣ столпились кругомъ несчастнаго.

— Что же вы стоите—не можете что-ли, крикнула Марьяна, давай сюда! Да исполнится воля Господа!

И одновременно съ глухими ударами молотка раздались ужасные, душу раздирающіе, человѣческіе стоны...

— Поцѣлуй хоть ты меня, поцѣлуй въ послѣдній разъ Марьяна... Я сейчасъ кончусь. Ударь... въ сердце... скорѣе, стоналъ несчастный.

Марьяна сидѣла всю ночь на скамьѣ, передъ печкой, мрачная, блѣдная, съ измученнымъ лицомъ, охвативъ колѣни руками и уставившись на блѣдное, мертвое, искаженное лицо, лежащаго за перегородкой распятаго мертвеца. Вѣрный Барабашъ караулилъ у воротъ.

Другіе разошлись по домамъ въ глубокомъ смущеніи и испугѣ. Степанъ побѣжалъ, крадучись отъ другихъ, по задамъ, черезъ снѣжное поле, въ свою деревню и Софья также куда-то исчезла. На разсвѣтѣ Барабашъ пришелъ въ горницу спросить Марьяну, не лучше-ли будетъ потихоньку похоронить трупъ, чѣмъ держать его въ избѣ на виду. Она ничего не отвѣтила. Съ утра до вечера сидѣла она неподвижно и безмолвно, какъ помѣшанная, не подавая признака жизни, не принимая пищи и не смыкала глазъ и во всю слѣдующую ночь. Только что солнце позолотило верхушки сосенъ, какъ Барабашъ, зорко смотрѣвшій по сторонамъ у воротъ, приложилъ тревожно ладонь надъ глазами отъ солнца и сталъ смотрѣть вдаль. Потомъ торопливо вошелъ въ избу къ Марьянѣ.

— Тамъ, по дорогѣ, видно, ѣдутъ теперь жандармы, поли-

Пожаръ въ преріяхъ. Оригинальный рис. Шпехта, грав. А. Клосъ.

Главный рынокъ въ Любекѣ. Рис. В. Мансфельдъ, грав. О. Рогъ.

ція, говорилъ онъ ей тихо, задыхающимся шопотомъ, они возьмутъ тебя... Тамъ у меня санки готовы... Уѣзжай, скорѣе уѣзжай!!

Марьяна покачала отрицательно головою. Нимфодора вбѣжала вслѣдъ за Барабашемъ.

— Уѣзжай, уѣзжай матушка скорѣе! воскликнула она, бросаясь передъ Марьяной на колѣни и обнимая ноги ея.

— Я не стану укрываться, отвѣтила она, наконецъ, тихо и измученнымъ голосомъ. Это были ея первыя слова со смерти Венцеслава.

— И себя и насъ ты сгубишь! Что ты! говорилъ Барабашъ въ испугѣ.

— Что дѣлать теперь? спросила, поднимаясь, Нимфодора.

Барабашъ между тѣмъ побѣжалъ къ церкви на улицу и ударилъ набатъ. Привычные сельчане живо вооружились, кто чѣмъ попало и собрались толпою на улицѣ. Барабашъ всѣхъ подбивалъ и уговаривалъ постоять за матушку-пророчицу. Иные вышли за околицу, другіе же заперлись съ женами и дѣтьми во дворѣ Марьяны. Толпа стояла на улицѣ, когда по ней быстро поѣхали парой сани. въ которыхъ сидѣли два жандарма и женщина, укутанная большимъ ковровымъ платкомъ. Поднялись крики, раздалась угрожающая брань, жандармы молча, вставая изъ саней, выхватили револьверы, когда вдругъ Марьяна, въ шубѣ, блѣдная, величаво сошла съ крыльца и прошла среди волнующейся толпы.

Въ это мгновеніе пріѣхавшая женщина торопливо вышла изъ саней. Это была Софья. Она указала на пророчицу.

— Вотъ убійца! громко сказала она.

Барабашъ поднялъ старый, большой пистолетъ, который онъ держалъ въ рукахъ.

— Чего вамъ надо? спросилъ онъ жандармовъ.

— Не выдадимъ тебя, матушка, постоимъ за тебя! раздалось нѣсколько голосовъ.

— Молчите! крикнула Марьяна, я вамъ приказываю! Господь призываетъ меня. Я должна пострадать. Дѣлайте свое дѣло, сказала она жандармамъ, которые начали ее вязать.

— Матушка ты наша, матушка! Раздались голоса.

Толпа съ плачемъ и воплемъ повалила за санями...

Къ рисункамъ.

Обсчитался.

(Рисунокъ Богданова).

Еще въ прошломъ году, по поводу картинъ нашихъ молодыхъ жанристовъ (№№ 25 и 26), намъ пришлось высказать замѣчаніе, отъ котораго мы и теперь не отказываемся. Мы говорили, что нельзя не замѣтить надъ нашими молодыми жанристами какого-то тяготѣнья окружающей ихъ петербургской природы. Блѣдное чухонское небо и бѣдная природа съ тусклыми днями, некрасивый типъ населенія... Нѣкоторые словно боятся нарисовать изъ русской жизни что нибудь красивое — все это будетъ „слащаво“, „невѣрно“ — русская жизнь уныла, груба, тускла и т. п. Мы не говоримъ про блестящія исключенія—но я полагаю не ошибемся, если укажемъ на унылую полосу Рѣшетниковыхъ и tutti quanti въ литературѣ, которые не могли не повліять также на нашихъ молодыхъ жанристовъ. Реализмъ—это стало чуть не просто изображеніе грубыхъ, уродливыхъ сторонъ русской жизни, сторонъ, которыя есть въ жизни всякаго народа. Въ то время, какъ „народники“ наши изображали крестьянскихъ дѣвокъ, не умѣющихъ связать двухъ словъ и извощиковъ, не умѣющихъ считать денегъ (!), жанристы занимались воспроизведеніемъ русскихъ дѣтей-уродовъ и разныхъ идіотовъ...

Въ прошломъ 1879 году у насъ былъ помѣщенъ рисунокъ съ прекрасной картинки г. Н. Богданова „Любитель пѣвчихъ птицъ“ и тогда уже мы отдали справедливость симпатичному таланту автора и настоящій его оригинальный рисунокъ очень живо и вѣрно схватываетъ типъ петербургскаго мастероваго мальчика, котораго послали зачѣмъ нибудь и лавочникъ „обсчитался“ при расплатѣ и мальчишка очень доволенъ, что ему такъ неожиданно перепало...

Охота на ландахъ.

Вся юго-западная часть Франціи, отъ Бордо до Байоны, представляетъ низменную плоскость, раскинувшуюся почти на сто миль въ окружности, къ сѣверу и югу и примыкающую къ прибрежью Атлантическаго океана. Въ старину вся эта мѣстность была одной обширной пустыней, мѣстами песчаной, мѣстами болотистой, прорѣзанной большими и малыми озерами, соединенными между собою цѣлою сѣтью ручейковъ и рѣчекъ. Теперь большая часть ландовъ довольно обработана и довольно населена: обширные сосновые лѣса покрываютъ теперь эту тощую почву; тамъ и сямъ виднѣются насаженные дубы и каштаны, луга для пастбищъ; а въ мѣстахъ болѣе плодородныхъ фруктовые сады, виноградники, домики фермеровъ и зажиточныя деревушки. Западная часть ландовъ, обращенная къ морскому берегу, до сихъ поръ остается въ первобытномъ, дикомъ состояніи; здѣсь около многочисленныхъ озеръ охотникъ находитъ обиліе дичи: дикихъ утокъ и бекасовъ; здѣсь же на этой безпредѣльной равнинѣ можетъ онъ заняться преслѣдованіемъ, во множествѣ водящихся здѣсь, зайцевъ и кроликовъ. Сельское населеніе ландовъ преимущественно живетъ скотоводствомъ. Пастухъ обыкновенно оберегаетъ стада, взобравшись на высокія ходули, съ помощью которыхъ онъ легко можетъ бродить по болотамъ и топямъ и переходить мелкіе ручьи и рѣчки. Кромѣ того, съ высоты ходуль онъ можетъ быстро окидывать взоромъ всю равнину, на которой пасется его стадо. Эти же ходули составляютъ необходимую принадлежность здѣшняго охотника, который собравшись на охоту и вооружась ружьемъ, обыкновенно влѣзаетъ на нихъ и пускается въ путь, подпираясь длиннымъ шестомъ оканчивающимся острымъ желѣзнымъ наконечникомъ. Этимъ же шестомъ охотникъ подбираетъ подстрѣленную дичь и такимъ образомъ избавляетъ себя отъ необходимости водить за собою дрессированную собаку. Это способъ охоты, не лишенный оригинальности, и представленъ на прилагаемой нами картинкѣ.

Дожди, идущіе здѣсь безостановочно впродолженіи 4-хъ мѣсяцевъ, превращаютъ всю равнину въ озеро, глубиною не свыше фута. Такое сильное орошеніе способствуетъ произрастанію картофеля и овса. Ближе къ морю попадаются береговыя озера. Тутъ же, по берегу ихъ расположены деревеньки. Около болотъ жители разводятъ буйволовъ а на возвышенныхъ мѣстахъ лошадей, хотя дурной породы, но чрезвычайно выносливыхъ и овецъ, составляющихъ главный предметъ производства. Дюны, возвышающіяся на 150 футовъ надъ моремъ, еще пустыннѣе. Онѣ состоятъ изъ движущихся песковъ, омываемыхъ моремъ, и благодаря только этому послѣднему обстоятельству тутъ ростутъ соленыя травы, очень любимыя скотомъ и способствующія увеличенію молока. Песокъ, покрывающій дюны такъ мелокъ, что отъ прибоя волнъ онъ поднимается и заносится въ глубь страны. Города и деревни, прежде удаленныя отъ дюнъ, теперь настолько имъ засыпаны, что жители нѣкоторыхъ мѣстностей, должны были выселяться. Жители приморскихъ „ландъ“ гасконцы, католики, очень добродушны и честны. Они раздѣляются на два класса: путешествующихъ и пастуховъ. Оба класса ведутъ довольно печальное существованіе. Первый классъ болѣе бѣдный, не имѣющій достаточно скота, обыкновенно занимается извозомъ. Пастухи, все лѣто, со своими стадами проводятъ въ полѣ и только по воскресеньямъ приходятъ домой. Жилища ихъ часто убоги и зачастую они въ нихъ держатъ зимою скотъ. Одежда пастуховъ чрезвычайно странная. Она состоитъ изъ черныхъ широкихъ кафтановъ изъ овечьей шерсти. Во время дождей они надѣваютъ поверхъ плащъ или изъ овечьей шкуры, пропитанной жиромъ, шерстью внизъ, или плащи, плетеные изъ соломы. Соломенная шляпа, на подобіе китайской, прикрываетъ голову.

Знатная дама XVI столѣтія.

(Къ картинѣ Каульбаха).

Блескъ и пышность, заведенные королями въ XVI в. при своихъ дворахъ, породили особенно роскошные костюмы. Сами короли, больше чѣмъ кто нибудь, покровительствовали модамъ. Францискъ I говорилъ, что дворъ безъ женщинъ—это садъ безъ цвѣтовъ; вслѣдствіе такаго взгляда женщины первенствовали, одѣянія, моды были на первомъ планѣ. Королева Елисавета (англійская) довела богатство женскаго костюма до сказочнаго великолѣнія. На аудіенціи, данной ею французскому посланнику, маршалу фонъ Бирону, она была въ платьѣ, надъ которымъ трудилось *сто человѣкъ* въ продолженіи трехъ недѣль. Самыя нелѣпыя ухищренія были придуманы законодателями и законодательницами модъ, для того, чтобы во всемъ блескѣ красоты выставить на показъ грудь и плечи. Не разъ духовенство возставало противъ прозрачныхъ тканей. Когда Маргарита Наварская изобрѣла вырѣзъ лифа, доходившій чуть не до таліи, а самый вырѣзъ вздумала прикрывать нагрудникомъ изъ самой тонкой и притомъ прорѣзью расшитой матеріи, и когда мода эта распространилась по всей Франціи, папа Инокентій IX издалъ въ 1591 году буллу, которой предписалъ закрывать грудь плечи и руки до кистей непрозрачной матеріей... Насъ навелъ на мысль сообщить читателямъ эти краткія свѣдѣнія о женскихъ модахъ XVI столѣтія рисунокъ съ прекрасной картины Каульбаха, который читатели найдутъ въ этомъ № „Нивы“.

Пожаръ въ американской преріи.

(Рисунокъ Ф. Шпехта).

Вступая изъ шумныхъ, полныхъ жизни и дѣятельности сѣверныхъ американскихъ штатовъ, въ такъ называемую Индіанъ-Территори, гдѣ бѣлый пока еще не считаетъ себя хозяиномъ и гдѣ дѣвственная природа остается еще во всей своей первобытной красотѣ и свѣжести, невольно увлекаешься этими

безграничными, зелеными степями, извѣстными здѣсь подъ именемъ прерій. Эти преріи имѣютъ совершенно своеобразный характеръ и представляютъ собою безконечныя равнины покрытыя густой сочной травой, группами кустовъ и колосальныхъ деревьевъ, прорѣзанныя во многихъ мѣстахъ небольшими возвышенностями и богатыя водяными источниками. При такихъ естественныхъ условіяхъ преріи конечно не могутъ походить на безжизненную, однообразную пустыню; и дѣйствительно, на каждомъ шагу вы здѣсь видите изумительное разнообразіе и богатство животной жизни. Изъ крупныхъ животныхъ тамъ водятся въ изобиліи громадные бизоны, встрѣчаемые только въ преріяхъ и степныя лошади—потомки тѣхъ дикихъ мустенговъ, остатки которыхъ можно еще встрѣтить въ пустыняхъ дальняго Запада. Рядомъ съ полезными или по крайнѣе мѣрѣ безвредными животными, въ преріяхъ въ изобиліи водятся и хищные звѣри: ягуары и степные волки, и во многихъ мѣстахъ пустыни, множество обглоданныхъ костей разныхъ животныхъ свидѣтельствуютъ объ ихъ хищническихъ подвигахъ. На прилагаемомъ нами рисункѣ, художникъ изобразилъ всѣ типы крупныхъ животныхъ, водящихся въ преріяхъ, въ одной живописной, талантливо-исполненной группѣ. Въ данномъ случаѣ всѣ эти разнообразныя, часто враждебныя другъ другу животныя, сблизились очень естественно, спасаясь отъ общаго, страшнаго врага—отъ степнаго пожара. Пламя подобнаго пожара наводитъ на звѣрей пустыни паническій ужасъ; въ такихъ случаяхъ они всѣ, цѣлой массой, бросаются въ одну сторону и несутся часто нѣсколько десятковъ миль, при чемъ всѣ животныя стремятся держаться ближе другъ къ другу, чтобы не отбиться отъ общаго стада и не потерять его изъ виду.

Городъ Любекъ.

Въ ряду германскихъ городовъ, расположенныхъ по берегу Балтійскаго моря, Любекъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Прежде онъ былъ главнымъ городомъ Ганзейскаго союза и пользовался большимъ политическимъ значеніемъ. Прекрасныя по архитектурѣ строенія свидѣтельствуютъ о богатомъ прошломъ этаго города.

На улицахъ Любека идетъ постоянно дѣятельная торговля и портъ его всегда переполненъ кораблями. Желѣзныя дороги соединяютъ Любекъ съ Гамбургомъ, Лауенбургомъ, Швериномъ, Штетиномъ и Килемъ. Съ Швеціей, Норвегіей, Финляндіей и Россіей Любекъ ведетъ торговлю моремъ. Туда онъ доставляетъ произведенія германской промышленности и вывозитъ такъ называемые сѣверные продукты, какъ-то: деготь, сельди, рыбій жиръ, треску, сало, льняное сѣмя, коноплю и др. Виноторговля, бывшая значительною еще въ средніе вѣка, до сихъ поръ ведется въ широкихъ размѣрахъ.

Въ архитектурномъ отношеніи городъ замѣчателенъ. Посреди садовъ стоитъ памятникъ прошлаго—величественныя ворота „Гольстенторъ". Средняя большая арка была окончена въ 1477 году, а двѣ боковыя башни возведены гораздо ранѣе. Постройка вся изъ краснаго кирпича, а орнаменты, дверные и оконные своды, выведены изъ разноцвѣтнаго глазированнаго кирпича. Въ цѣломъ это представляетъ своеобразный и красивый видъ. Далѣе влѣво идетъ дорога къ порту, а по правую сторону расположены сады, идущіе вокругъ всего города.

Всѣ дома въ городѣ построены въ средневѣковомъ вкусѣ съ фронтонами. Главная площадь занята рынкомъ съ знаменитой, старинной ратушей—видѣвшей прежнее величіе и могущество Любека. Ратуша—обширное зданіе, сложенное изъ разноцвѣтныхъ кирпичей и замѣчательно разнообразіемъ архитектурныхъ стилей. Оно строилось впродолженіи всего XIV до XVI столѣтія. Множество пестрыхъ башенокъ, балконовъ и зубцовъ украшаютъ зданіе. Повсюду своеобразные барельефы и статуи.

Большая зала засѣданій, гдѣ и нынѣ собирается Любекскій Сенатъ, такъ называемый боевой залъ, различные порталы и лѣстницы украшены богатыми рисунками и произведеніями скульптуры. Прекрасный погребъ винъ, находящійся въ подвалѣ ратуши, постоянно снабженъ всѣми винами и пользуется вполнѣ заслуженною извѣстностью.

Объ участіи Россіи въ торговыхъ оборотахъ Любекскаго порта можно сказать слѣдующее:

Число судовъ, прибывшихъ *подъ русскимъ флагомъ* въ 1879 г. напр. равнялось 348, вмѣсто 288, посѣтившихъ любекскій портъ въ 1878 году; вышло 333 судна вмѣсто 293.

Рѣка Траве хотя съ 8-го декабря по 4-е января и бываетъ покрыта льдомъ, но тѣмъ не менѣе, при помощи ледорѣза, фарватеръ во все время свободенъ и пароходы безпрепятственно совершаютъ свои обычные рейсы.

Большинство русскихъ судовъ прибываетъ съ грузомъ хлѣба и лѣса: изъ отошедшихъ же судовъ много выходитъ съ балластомъ, что доказываетъ неблагопріятныя условія, которыми обставлено наше парусное судоходство въ Любекѣ относительно полученія обратнаго фрахта.

Обстоятельство это можно приписать конкурренціи мѣстныхъ пароходныхъ обществъ, поддерживающихъ правильное еженедѣльное товаро-пассажирское сношеніе между Любекомъ, Петербургомъ и прибалтійскими нашими портами. Грузо-отправители естественно предпочитаютъ отправлять свои товары на пароходахъ, доставляющихъ ихъ скорѣе парусныхъ судовъ и притомъ съ меньшимъ рискомъ.

Вѣтромѣръ Гриничской обсерваторіи.

Среди прекраснаго Гриничскаго парка, на холмѣ возвышается группа зданій, составляющая извѣстную Гриничскую королевскую обсерваторію. Въ числѣ чрезвычайно богатаго собранія аппаратовъ, служащихъ для наблюденія надъ явленіями метеорологическими, а также и земнаго магнетизма и для опредѣленія положенія и движенія свѣтилъ,—одно изъ видныхъ мѣстъ принадлежитъ, изображенному на нашемъ рисункѣ анемометру—самодѣйствующему аппарату, отмѣчающему перемѣны (даже ежеминутныя) въ направленіи и давленіи вѣтровъ; къ нему же присоединенъ, между прочимъ и дождевой указатель. Анемометръ помѣщается въ отдѣльной башенкѣ (см. рисунокъ) на сѣверной сторонѣ обсерваторіи. Аппаратъ этотъ весьма несложнаго устройства. Онъ начинается съ большаго флюгера, держащагося на верхушкѣ длиннаго стержня, легко вращающагося на своей оси и потому свободно движущагося при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра, или какомъ-либо колыханіи воздуха; стержень проходитъ внутрь башенки къ небольшому столику особой формы (см. рисунокъ) и здѣсь, посредствомъ шестерни, приводитъ въ движеніе карандашъ, вставленный въ металлическую ручку. Подъ карандашемъ, въ свою очередь, движется, въ горизонтальной плоскости, доска, съ утвержденнымъ на ней листомъ бумаги, на которомъ карандашъ и дѣлаетъ отмѣтки, соотвѣтствующія движенію флюгера, передаваемому по стержню шестернѣ. На бумагѣ проведены и тѣ линіи, по которымъ слѣдуютъ отмѣтки карандаша, а также и поперечныя, указывающія пространство, проходимое карандашемъ въ часъ времени; пространство это равняется приблизительно платы тремъ четвертямъ дюйма, уклоненія карандаша отъ готовыхъ линій опредѣляютъ перемѣны въ направленіи вѣтровъ. Самая башенка помѣщается надъ крышей извѣстной „восьмиугольной комнаты", устроенной, при Карлѣ II Стюартѣ, для перваго королевскаго астронома, Джона Флэмстида. Платформа возвышается на сто девяносто футъ надъ уровнемъ моря, а флюгеръ—на двѣсти двадцать пять футъ. Анемометръ сдѣланъ Ньютономъ по плану Фоллета-Озлера, но затѣмъ въ немъ сдѣланы многія измѣненія.

Выставка въ академіи художествъ.

Въ настоящее время въ залахъ академіи художествъ выставка. Число картинъ не Богъ вѣсть какъ велико: всего 156,—количество весьма ограниченное, если предположить, что академическая выставка должна быть полнымъ итогомъ всего, что дало отечественное искусство за годъ: но дѣло выходитъ несовсѣмъ такъ: наши художественные кружки до того разбиты, до того обособлены другъ отъ друга, до того предпочитаютъ свои собственные личные интересы интересамъ общественнымъ, что не стѣсняясь расползаются по разнымъ угламъ Петербурга, пріютившись въ самыхъ невозможныхъ помѣщеніяхъ, преподносятъ публикѣ какіе-то разрозненные кусочки единичныхъ талантовъ, возмущая своей нелѣпой распрей каждаго человѣка, признающаго не личности, а искусство—Теперь въ Петербургѣ открыто четыре выставки (считая выставку Зичи), да еще въ перспективѣ ожидается открытіе пятой. Соединившись вмѣстѣ и выкинувъ весь ненужный баластъ,—а его болѣе половины,—онѣ дали бы блестящее доказательство того, какъ быстро шагаетъ впередъ русская молодая школа...

Видное мѣсто въ академической выставкѣ слѣдуетъ отвести картинѣ *Рѣпина* „Сдача рекрута". Если она и не геніальна, и сюжетъ ея избитъ, и колоритъ не подкупаетъ избалованнаго взгляда наблюдателя, то все-же нельзя не согласиться, что мотивъ трактованъ задушевно, съ любовью и наблюдательностью, хотя нельзя не замѣтить, что теперь, при короткихъ срокахъ службы это выходитъ „гражданская скорбь" заднимъ числомъ. Молодая бабенка, рыдающая на груди рекрута-мужа, и старикъ съ двумя сверкающими на солнцѣ слезинками, и довольно экспрессивная голова служиваго,—все это дышетъ не придуманностью, а вылилось просто, съ такой теплотою. Всѣ детали, если и не вполнѣ закончены (обычная манера Рѣпина), то накинуты мастерски: и лошадь, и собаки, и телѣга и куры. Нигдѣ и намека на эффектъ, словно онъ даже преднамѣренно обойденъ художникомъ, нигдѣ и слѣда изломанности вкуса, всюду здоровый, свѣжій, чутко-художественный глазъ.

Какъ особенно рѣзко выдающуюся вещь отмѣтимъ „Самозванца" *К. Е. Венига*. Написанная очень колоритно, хотя нѣсколько и сухая по линіямъ, она пріятно дѣйствуетъ на зрителя. Нельзя сказать, чтобы художнику безусловно удалось то выраженіе гнѣва, отчаянья и страха, которые охватили са-

мозванца при вѣсти о бунтѣ, но все же его фигура, въ безсильной ярости и отчаяніи остановившаяся передъ окномъ, написана сильно и добросовѣстно. Басмановъ, указывающій ему на народныя толпы бунтующей черни, и Марина Мнишекъ, полураздѣтая, и пугливо и гнѣвно прислушивающаяся къ крикамъ, прекрасно дополняютъ главную фигуру Лжедимитрія. Техника костюмовъ и аксесуаровъ, особенно желтой шелковой рубашки царя и ковра подъ его ногами превосходна.

Далѣе можно отмѣтить небольшую вещицу *г. Урлауба*—„Сцена изъ Донъ-Кихота".—гдѣ толстый Санчо-Панчо, пожалованный на мнимое губернаторство, только что собравшійся положить себѣ въ ротъ кусокъ, замеръ съ открытымъ ртомъ, остановленный докторомъ. Картинка очень симпатична и миловидна, а главное довольно колоритна,—колоритнѣе всѣхъ прежнихъ работъ названнаго художника.

Хороша и картинка *К. А. Трутовскаго* „Базарный день въ уѣздномъ городѣ". Провинціальныя оригинальныя барыни въ немодныхъ платьяхъ, усатые помѣщики, тоже въ нефрантовскихъ сюртукахъ, попы, торговки, дрожки, дома, колокольни — все это чрезвычайно типично, и составляетъ одно изъ удачнѣйшихъ произведеній почтеннаго жанриста. Другая его картина: „Гдѣ была"? значительно слабѣе. За столомъ въ нетерпѣливо разсерженной позѣ сидитъ мужъ, съ грознымъ вопросомъ—„Гдѣ была"? обратившійся къ вошедшей молодой женщинѣ, въ нерѣшительности остановившейся на порогѣ. Свекровь, качающая зыбку, съ гнѣвнымъ укоромъ обрушивается на невѣстку. Фигура свекрови чуть-ли не лучшая въ картинѣ. Героиня недостаточно симпатична, а мужъ ея далеко не экспрессивенъ. Фигуры ребятишекъ совсѣмъ не удались автору.

Ворота „Гольстенторъ" въ Любекѣ. Рис. Мансфельдъ.

Большая композиція *г. Хутори*, придворнаго художника князя Черногорскаго, изображающая плѣнныхъ черногорокъ передъ турецкимъ пашею, очень слаба. Фигуры не колоритны, натянуты, театральны, коротки. Турки манекенны, черногорки статуеобразны. Быть можетъ сокращенная до небольшихъ размѣровъ, картина эта и выиграла бы, но теперь она очень непривлекательна.

Странна картина *г. Бончъ-Томашевскаго*, „Похищеніе Европы". Фарфоровая фигурка нагой красавицы, быкъ съ хвостомъ на отлетѣ, и сладенькія небеса и водица вокругъ—все это ни дать не взять слѣплено съ бомбоньерки кондитерской Rabon. Не уступаетъ ей и произведеніе *г. Добровольскаго*, изображающее „Петра Великаго" послѣ побѣды надъ Шведами на берегахъ „Невы", при чемъ въ каталогѣ значится, что лирическій моментъ заимствованъ изъ романа Мордовцева *„Царь и Гетманъ"(!)*

Изъ пейзажей выдаются работы *г. Орловскаго*, молодаго художника быстро идущаго впередъ. Его малороссійскіе и кавказскіе виды положительно превосходны. Хороши картины *г. Мещерскаго*, за исключеніемъ неудавшагося заката солнца. Художникъ задался очевидно невыполнимой задачей.

И. С. Айвазовскій явился съ эффектной картиной „Черное море передъ грозой", удивительно красивой и симпатичной, несмотря на свою странность. Глава нашихъ пейзажистовъ, *М. К. Клодтъ*, выступилъ на этотъ разъ съ видомъ на Волгѣ, написаннымъ очень манерно съ густой, непрозрачной водой и небывающими облаками. Пейзажи *гг. Верещагина, Судковскаго, Лагоріо* — повтореніе прежнихъ мотивовъ; а вещи *г. Клевера* на сей разъ нельзя назвать очень удачными.

Скульптура блещетъ отсутствіемъ экспонентовъ: работы *гг. Лаверецкаго, фонъ-Бокка и Лансере*—довольно заурядны...

Политическое обозрѣніе.

Еще о нападеніи на гг. Ону и Куммерау, смерть Куммерау.—Захватъ англичанина Сайнджа греческими разбойниками.—Грекъ Попандопуло и заговоръ противъ султана.—Возвращеніе Махмуда-Дамата-паши. — Стычка австрійцевъ съ босняками. Предстоящее распущеніе англійскаго парламента.—Абдуррахманъ-ханъ.

Въ прошлый разъ мы сообщали о происшедшемъ въ Константинополѣ нападеніи дикаго фанатика на совѣтника нашего посольства г. Ону и сопровождавшаго его въ прогулкѣ офицера, подполковника Куммерау. Добавимъ теперь, что случай этотъ кончился чрезвычайно печально. Г. Куммерау скончался отъ полученныхъ имъ ранъ. Султанъ велѣлъ обставить похороны несчастнаго нашего соотечественника съ возможною торжественностью. Злодѣй оказался боснякомъ, мусульманиномъ, объявившимъ, что онъ рѣшился убить перваго христіанина, который ему попадется. Повидимому—что дѣло слѣпаго фанатика. —Одновременно съ этимъ случаемъ, общее вниманіе привлечено къ другому, имѣющему нѣкоторое сходство съ первымъ, хотя тутъ единственное побужденіе — деньги. Дѣло въ томъ, что въ окрестностяхъ Салоникъ проживалъ около двухъ лѣтъ агентъ британскаго посольства полковникъ Сайнджъ. Недавно онъ ѣздилъ въ Константинополь и испросилъ у своего посланника, сэра Лейарда 2 тысячи фунтовъ стерлинговъ для раздачи въ пособіе нуждающимся мусульманамъ. Шайка греческаго разбойника Нико, провѣдавъ о деньгахъ этихъ, рѣшила овладѣть ими и подкарауливъ Сайнджа, захватили его. Разсчетъ разбойника Нико оказался однако неудачнымъ: всѣ деньги были уже розданы. Послѣ того разбойники увели его съ собой и требуютъ теперь 8 тысячъ фунтовъ стерлинговъ выкупа за него (около 80 тысячъ рублей по нынѣшнему курсу). Британское правительство, какъ слышно, предлагаетъ 4 тысячи фунтовъ стерлинговъ. Сайнджъ, письмомъ доставленнымъ къ посланнику, просилъ не предпринимать никакихъ мѣръ противъ шайки, захватившей его, такъ какъ это могло бы весьма опасно отразиться на судьбѣ его. Между тѣмъ турецкое и англійское правительства приняли уже нѣкоторыя мѣры. Первое отправило въ Салоники два батальона пѣхоты, а второе военныя суда „Invincible" и „Coqette" къ порту города.—Эти два случая еще не исчерпываютъ хронику выдающихся происшествій тамъ. Въ Константинополѣ на дняхъ схватили грека Попандопуло (по другимъ—Паногопуло), у котораго въ квартирѣ нашли ручныя гранаты. Онъ заподозрѣнъ въ намѣреніи совершить покушеніе на жизнь султана. До сихъ поръ, однако, въ дѣлѣ этомъ ничего опредѣленнаго не выяснено. Попандопуло, на первомъ допросѣ, сознался и указалъ сообщника. То былъ по словамъ его, молодой грекъ Аристархи-Бей, недавно принявшій исламъ и назначенный адъютантомъ къ султану, весьма довольному прозелитизмомъ. Аристархи-Бей, будто бы и далъ

(Продолженіе на стр. 205, 206, 207 и 208).

Попандонуло гранаты. Бывшій же адъютантъ немедленно же подвергся участи доносчика. Но этотъ послѣдній, вслѣдъ за даннымъ имъ показаніемъ, заявилъ, что сказалъ неправду, подъ вліяніемъ страха. Пока все остановилось еще на этомъ.—Въ Константинопольскихъ дипломатическихъ кружкахъ производитъ большое впечатлѣніе слухъ о возвращеніи Махмуда-Дамата-паши. Извѣстно, что онъ, вслѣдствіе направленной противъ него интриги, имѣвшей, можетъ быть, отчасти также и политическое значеніе, былъ высланъ въ Триполи. Оттуда, во вниманіе къ разстроенному здоровью его онъ переведенъ на островъ Чесму, близъ Смирны. Махмудъ-Даматъ-паша былъ, до сихъ поръ, энергическимъ сторонникомъ союза съ Россіей. Если это такъ, то высылка его, кажется намъ, объясняется весьма просто.

Въ свое время мы выражали сомнѣніе относительно того, чтобы австрійцамъ было обезпечено въ будущемъ мирное, спокойное обладаніе отхваченными ими у Турціи областями. Помнимъ, что говорили это по поводу вспышки въ Невесиньѣ. Теперь сообщаютъ о новой вспышкѣ—въ Новобазарскомъ пашалыкѣ. Въ долинѣ р. Лима произошло недавно столкновеніе между одной ротой австрійской пѣхоты и вооруженнымъ отрядомъ инсургентовъ. Послѣ небольшой перестрѣлки, въ которой австрійцы (какъ утверждали сами) не имѣли никакого урона и окончившійся взятіемъ въ плѣнъ четырехъ инсургентовъ, рота двинулась далѣе, не встрѣтивъ уже непріятеля. Небольшая стычка — фактъ, самъ по себѣ незначительный, но важенъ не фактъ, а смыслъ его, тѣмъ болѣе еще что, въ то же время получено свѣдѣніе о сосредоточеніи нѣсколькихъ другихъ инсургентскихъ отрядовъ въ окрестностяхъ Плевлье и Пренолья. Главное боснійское военное управленіе отправило туда летучіе отряды, которые, однако, не имѣли дѣлъ съ инсургентами, которые уклонились отъ встрѣчъ съ австрійцами.

Вѣтромѣръ Гриничской обсерваторіи. Съ фотогр. грав. Э. Шмидтъ.

Изъ Болгаріи пока не пришло никакихъ выдающихся извѣстій, кромѣ слуха о томъ, что въ уставѣ княжества предполагаются нѣкоторыя измѣненія, въ смыслѣ расширенія прерогативъ князя.

Изъ Бухареста сообщаютъ, что палаты румынскія утвердили проектъ управленія Добруджей.

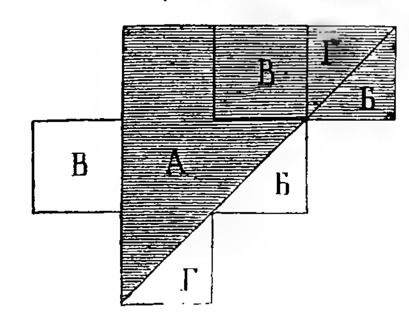
На минуту Брюссель приковалъ къ себѣ, такъ сказать, взоры всѣхъ. Съ быстротой молніи разнесся слухъ о совершенномъ, будто бы, тамъ покушеніи на жизнь бельгійской королевы. Разсказываютъ случай этотъ слѣдующимъ образомъ. Когда королева, прослушавъ въ театрѣ „de la Monnaie“ оперу „Риголетто“, и оставившая театръ, по своему обыкновенію, не задолго до опущенія занавѣса, въѣзжала въ улицу „de l'Ecuyer“, внезапно послышался взрывъ. Публика, начавшая, между тѣмъ расходиться, столпилась на мѣстѣ происшествія. Немногіе, слышавшіе взрывъ, говорили, что онъ былъ громче пистолетнаго выстрѣла. Одинъ изъ такихъ очевидцевъ увѣрялъ, что видѣлъ огонь подъ каретой гофмейстера королевы, ѣхавшаго слѣдомъ за королевскимъ экипажемъ, другіе видѣли огонь надъ каретой, третьи же замѣтили даже дымъ, по словамъ же нѣкоторыхъ—кучеръ слышалъ свистъ пули. До сихъ поръ слѣдствіе, немедленно начатое, не открыло еще ничего опредѣленнаго. Извѣстно только, что непосредственно за проѣздомъ экипажа королевы послышался взрывъ. На другой день вечеромъ, когда король и королева появились въ ложѣ въ циркѣ, гдѣ давался спектакль съ благотворительной цѣлью — ихъ величества были восторженно привѣтствованы публикой. Возвращаясь еще разъ къ случаю съ взрывомъ, скажемъ, что есть предположеніе, что онъ произошелъ не отъ какого либо серьезнаго снаряда, а не болѣе, какъ отъ какой нибудь случайно оброненной сигнальной хлопушки, которыя употребляются на желѣзныхъ дорогахъ. Слѣдовъ петарды не найдено. Есть еще слухъ, что самый взрывъ произошелъ не подъ каретой королевы, а въ кафе-ресторанѣ, неподалеку отъ театра.

Говоря о покушеніи, кстати сообщимъ, что Отеро, покусившійся на жизнь короля Альфонса, приговоренъ къ смертной казни.

Разсматривающійся французской палатой депутатовъ проектъ Ферри о новомъ устройствѣ народнаго просвѣщенія, проектъ направленный, какъ мы уже говорили, противъ іезуитовъ и соединенныхъ съ ними конгрегацій,—повидимому будетъ принятъ, — большинство высказывается за него, принимая одинъ параграфъ за другимъ.

Министерство лорда Биконсфильда рѣшилось, наконецъ, распустить парламентъ, чего не желало до сихъ поръ, опасаясь пораженія своего на выборахъ новаго парламента. Канцлеръ казначейства сэръ Норткотъ заявилъ въ палатѣ общинъ, что распущеніе послѣдуетъ къ празднику Пасхи. Въ началѣ мая долженъ будетъ уже собраться новый парламентъ. Значитъ — начинается избирательная борьба между торіями и вигами. Въ будущемъ парламентѣ, въ которомъ, вѣроятно, торіи явятся нѣсколько ослабленными, а виги мало усиленными, роль ирландскихъ депутатовъ выдвинется сама собою впередъ. Надо надѣяться, что они что нибудь успѣютъ сдѣлать для отечества своего.

Рѣшеніе геометрической задачи № 20.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи прислали: **СПБ.** отъ гг. Саметскаго, Русина, Силь Мосягина. Евдокіи М. Штауфа, Ковригина, Курочкина, Глотова, Хмѣлевскаго, Васильева, Паишина, Морозовой, Е. П.; **Москва**, Маслова, Миляева, Прохорова, Дихтъ, Оболдуевыхъ, Щекольдина, Гилль, Кошко, Матвѣева, Везика, Коробкина, Кожевникова, Хитрова, Пупырникова, Байкова, Крылова, Котова, **с. Медвѣдь.**—Тихонова. **Кронштадтъ,**—Шелашникова, Даржана, Хлопова. **Воронежъ,**—Шилова. **Ниж.-Новгородъ,**—Саларева. **Ярославль**—Салова. **Одесса**—Болохова. **Минскъ,**—Піотрковскаго, **с. Никольское**—Игнатовича, **Петергофъ**—Щербакова, **Варшава,**—Рюмина, Ливчака, **ст. Курскъ,**—Вокъ, **Тверь,**—Ковалевой.

Рѣшеніе задачи буквъ № 18.

1, Іерусалимъ.
2, дворецъ.
3, Исаакіевскій соборъ.
4, слонъ.
5, гусаръ.
6, стволъ.
7, Москва.
8 ностъ.
9, рыцарь.
10, Петербургъ.
11, Кремль.
12 дуга.
13, Синай.
14, день.
15, баштанъ.
16, нужда.
17, ассигнація.
18, день.
19, досмотр.
20, сода.
21, язъ.
22, да.
23, Суданъ.

к	і	й
д	о	м
м	ъ	Ц

ь	Г	о
н	н	ы
Г	о	с

д	а	н
н	с	т
к	і	й

н	і	е
л	а	в
н	н	а

П	о	ж
с	к	а
с	л	а

а	б	у
е	р	т
р	с	к

о	д	ъ
о	д	е
у	с	с

р	у	с
ь	с	я
ш	ъ	р

м	ъ	б
в	у	е
н	а	р

у	с	с
с	п	о
и	н	а

л	а	г
т	ъ	р
о	д	ъ

е	л	а
г	о	с
в	ь	с

у	д	а
ъ	б	е
Т	в	о

д	е	т
е	н	ъ
і	й	р

р	ь	д
з	с	м
н	ц	а

ц	а	р
ъ	д	а
а	р	ь

П	о	ж	е	л	а	н	і	е	Р	у	с
с	к	а	г	о	С	л	а	в	ь	с	я,
с	л	а	в	ь	с	я	н	а	ш	ъ	р
у	с	с	к	і	й	Ц	а	р	ь,	Г	о
с	п	о	д	о	м	ъ	д	а	н	н	ы
й	н	а	м	ъ	Ц	а	р	ь	Г	о	с
у	д	а	р	ь,	д	а	б	у	д	е	т
ъ	б	е	з	с	м	е	р	т	е	н	ъ
т	в	о	й	ц	а	р	с	к	і	й	р
о	д	ъ	д	а	и	м	ъ	б	л	а	г
о	д	е	н	с	т	в	у	е	т	ъ	р
у	с	с	к	і	й	н	а	р	о	д	ъ,

Пожеланіе Русскаго.

Славься, славься нашъ русскій царь,
Господомъ данный намъ Царь-Государь!
Да будетъ безсмертенъ твой царскій родъ,
Да имъ благоденствуетъ русскій народъ,

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: **СПБ.** отъ гг. Мосягина, Энгельгардъ, Бочагова, Дяди-Мити, Коркина, Коткина, Купіасвера, Евдокіи М., Саметскаго Шведера, Салова, Всеволожскаго, Любителя, Монсвѣтаго. **Москва**, Кошко, Матвѣева, Везика, Коробкина, Саарбекова, Смирнове, Кельта, Миляева, Прохорова, Пупырникова, Шишкина, Дихта, Оболдуевѣхъ, Щеколдина, Гилль. **Петергофъ,** Бирюкова и Щербакова, **с. Медвѣдь,** Тиханова. **Кронштадтъ:** Шелашникова, Даржана, Иванова, Хлопова. **Тверь:** Р. У.: **Кострома:** Солодовникова и К°: **Бобруйскъ** А. И. Крицкаго; **Самара:** М. Ц—въ.

2-й заемъ 1866 года. 28-й тиражъ 3-го марта 1880 г.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА.

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
60	50	500	3526	49	500	5883	4	500	8612	34	500
356	11	500	3531	40	500	5900	6	500	8640	18	500
370	13	5000	3622	42	500	5953	5	500	8649	18	500
416	50	500	3687	9	500	6024	35	500	8830	44	500
540	3	500	3755	27	500	6044	45	500	8861	41	1000
617	38	500	3789	41	500	6114	9	500	8884	29	500
672	2	500	3873	11	500	6246	24	500	9005	29	500
734	47	500	3883	17	500	6363	18	500	9164	9	500
843	50	500	3883	46	500	6421	31	500	9218	15	500
833	8	500	3909	48	500	6491	30	500	9233	43	500
1033	8	500	3988	44	500	6635	36	500	9272	39	500
1107	15	500	4154	39	1000	6684	8	1000	9337	26	500
1111	23	500	4177	17	500	6708	39	500	9431	24	500
1119	35	500	4226	14	500	6767	45	500	9490	8	500
1185	35	500	4351	12	500	7011	7	500	9493	49	500
1201	5	500	4538	40	25000	7034	50	500	9501	38	500
1345	26	500	4634	49	500	7178	11	500	9555	33	1000
1371	48	8000	4866	48	500	7420	39	500	9712	42	500
1457	38	500	4903	36	500	7526	44	500	9769	28	1000
1463	8	500	4938	31	500	7569	6	5000	9786	23	500
1864	12	500	4940	36	200000	7589	12	500	9966	29	500
1980	25	500	5006	33	500	7590	37	500	10058	13	8000
2153	31	500	5018	4	500	7646	27	500	10061	9	1000
2185	44	500	5026	24	500	7714	15	500	10096	39	500
2203	39	500	5104	1	500	7815	4	1000	10306	9	1000
2269	26	500	5147	33	500	7938	29	10000	10357	24	500
2283	11	500	5183	41	500	8027	10	500	10459	33	500
2296	30	500	5337	44	500	8115	34	500	10592	3	500
2313	2	75000	5353	46	1000	8131	28	500	10656	27	500
2482	29	500	5368	30	500	8211	15	500	10660	23	500
2527	32	500	5498	44	500	8311	32	500	10672	22	500
2553	29	500	5574	38	500	8329	45	500	10735	40	500
2578	3	500	5643	19	500	8406	46	500	10866	36	500
2640	2	500	5663	25	500	8451	29	500	10893	13	500
2665	32	500	5721	13	500	8472	1	5000	11056	27	5000
2883	27	5000	5791	1	500	8501	5	500	11059	43	1000
2740	14	500	5822	29	500	5536	28	1000	11106	18	500
3488	14	500	5831	14	500	5599	7	500	11124	19	1.000

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
11125	29	500	13600	26	500	15785	37	1000	18198	49	500
11168	47	500	13767	24	500	15793	24	500	18232	15	500
11216	15	500	13920	28	500	15809	41	500	18295	23	8000
11243	27	500	13946	39	500	15963	10	500	18341	29	500
11263	7	500	13953	10	500	16000	38	500	18453	39	500
11304	35	500	14019	23	500	16047	8	500	18510	34	500
11357	33	1000	14166	24	500	16050	15	500	18570	9	500
11377	3	500	14253	44	500	16050	24	500	18591	42	500
11404	30	500	14272	24	500	16071	28	8000	18642	40	500
11500	13	500	14328	39	500	16098	42	500	18848	31	500
11539	36	500	14489	13	500	16115	37	500	18963	27	500
11575	5	10000	14768	32	500	16231	21	500	19073	33	500
11632	22	500	14781	24	500	16299	26	500	19123	22	500
11688	22	500	14934	46	500	16303	15	500	19152	50	10000
11835	30	500	15025	13	500	16307	1	500	19178	1	500
11958	15	1000	15028	14	500	16680	6	500	19193	1	500
12052	9	500	15040	25	500	16761	24	500	19265	2	500
12270	41	500	15046	36	500	16782	37	500	19285	19	500
12357	34	500	15064	22	500	16818	38	500	19399	2	1000
12426	44	500	15076	27	500	16833	9	500	19480	7	500
12411	43	500	15150	14	500	16855	4	500	19502	2	500
12446	47	1000	15162	33	500	16896	28	1000	19544	48	500
12480	43	500	15164	24	500	16906	31	500	19598	19	500
12613	27	500	15174	11	500	16925	10	500	19615	49	500
12635	12	500	15189	48	500	16977	2	500	19707	44	500
12747	1	500	15206	46	500	17033	26	500	19724	44	500
12817	37	500	15216	26	500	17286	2	500	19730	19	500
12833	3	500	15310	22	500	17371	18	1000	19777	4	500
12917	10	500	15373	19	1000	17439	16	500	19780	15	500
13013	1	500	15381	28	500	17558	44	500	15798	44	500
13018	22	500	15414	1	500	17600	48	1000	19801	32	500
13045	32	500	15567	37	500	17777	35	500	19838	42	5000
13058	12	500	15679	30	500	17900	19	500	19835	30	500
13151	24	500	15704	41	5000	17959	26	500	19870	49	500
13204	11	5000	15727	40	500	17982	32	500	19877	37	500
13437	11	500	15748	29	500	17994	2	500	19883	37	500
13531	28	500	15782	14	500	18151	4	500	19942	7	8000

№№ серій, вышедшихъ въ тиражъ погашенія.

341, 595, 706, 852, 876, 1959, 2172, 2586, 2597, 2624, 2790, 3954, 3970, 4135, 4176, 4370, 4456, 5874, 5997, 6499, 6517, 6974, 7210, 7355, 8017, 8033, 8157, 8318, 8702, 8984, 9115, 9951, 10175, 10867, 10922, 10998, 11381, 11901, 11914, 12143, 12572, 13148, 13571 13761, 13872, 14174, 14348, 14609, 15075, 15241 16128, 16376, 16615, 16617, 17746, 17817, 17898, 18236, 18252, 18478, 18793, 19632.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Гус. 8—27. Разумѣется это просто опечатка, хотя не искажающая смысла и стихи эти слишкомъ извѣстны.

Спб. Л. М—зину.

Мнѣ пришлось махнуть,
Ужь на все рукой,
И въ кабакъ катнуть...

Очень жаль. Послѣ такого порыва вамъ придется попасть пожалуй въ мѣста не столь поэтическія.

Петергофъ, Г. К—въ. Вы напрасно будете безпокоиться посылать свои *новенькіе* стихи, если они такіе же, какъ старенькіе.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала «Нива» покорнѣйше проситъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.

Съ разрѣшенія С.-Петербургской Врачебной Управы:

ПУДРА-ВЕЛЮТИНЪ придаетъ кожѣ нѣжный и особенно свѣжій видъ, замѣняетъ всякую рисовую пудру и бѣлила, коробка **60** к.

ПУДРА - ДОНГОЛА розовая, охлаждающая лицо, коробка **30** к.

КРЕМЪ - ОРИЗА 1 руб. **РУМЯНА и БѢЛИЛА**, сухія и жидкія.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ОТЪ ПОДРАЖАНІЙ.

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названіе фирмы, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

Обращать вниманіе при покупкѣ каждаго предмета на точность фирмы:

„С.-П.-БУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

1) **Невскій проспектъ**, д. № 32, Католич. церкви.
2) **Невскій просп.**, у Аничкова моста, № 66.
3) **Вознесенскій просп.**, уголъ Казанской ул., домъ № 18—54, Шредера.

Всѣ прочіе магазины и лавки, имѣющіе вывѣски, сходные съ вывѣскою **С.-Петербургской Химической Лабораторіи, ей не принадлежатъ.**

ЕССЕНТУКСКІЯ ЛЕПЕШКИ И СОЛЬ

ДЛЯ ВНУТРЕННЯГО УПОТРЕБЛЕНІЯ

приготовляемыя на кавказскихъ минеральныхъ водахъ

изъ воды пріобрѣтшаго всероссійскую извѣстность

источника № 17.

Превосходно дѣйствуютъ при изжогѣ, отрыжкѣ, давленіи подъ ложечкою, при тяжеломъ пищевареніи и катарральномъ состояніи желудка и кишекъ. Эта необходимая принадлежность каждаго путешественника и идущаго на сытный обѣдъ или ужинъ—продается

во всѣхъ магазинахъ аптекарскихъ товаровъ и въ аптекахъ.

№ 586 2—2

СИТРОНАТЪ МОСКОВИТЪ КЕЛЕРА.

Превосходный лимонный экстрактъ съ вполнѣ сохраненнымъ ароматомъ лимоновъ, для лимонадовъ, чая, мороженнаго, пунша, устрицъ и всякаго рода кушанья. Стклянка на 100 стакановъ лимонада 90 к. Торговцамъ значительная скидка.

Продажа въ магазинѣ аптекарскихъ товаровъ

Р. КЕЛЕРЪ и К°. въ МОСКВѢ,

на углу Никольской улицы и Черкасскаго переулка.

№ 549 3—3

КУРТКИ ИЗЪ ШВЕДСКОЙ ЛАЙКИ

на теплой красной фланели, удобные къ ношенію подъ формою для предохраненія отъ простуды и холода, по весьма дешевымъ цѣнамъ.

РЕКОМЕНДУЕТЪ:

Складъ иностранныхъ и русскихъ резиновыхъ издѣлій

ЛИМАНА и РИКСА.

У Краснагго моста, по Гороховой ул., д. Корпуса, № 16.

№ 597 1—1

ДУХОВНО-МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

Протоіерея П. И. ТУРЧАНИНОВА

въ партитурахъ съ акомпаниментомъ на фортепіано и въ отдѣльныхъ тетрадяхъ голосовъ. **Двѣ трехголосныя литургіи** Св. Іоанна Златоуста и преждеосвященная (книга I), четырехголосныя и переложенія съ древнихъ напѣвовъ **херувимскихъ и другихъ духовныхъ пѣсенъ** (книга II), **великопостнаго пѣнія** (книга III) и **богородичныхъ догматиковъ** (книга IV). Продаются въ музыкальныхъ магазинахъ и въ С.Петербургѣ, у издателя Александра Николаевича ТУРЧАНИНОВА, Кирочная, № 17, кв. № 8

Цѣна партитуръ книгъ I и IV по одному рублю, книгъ II и III по полтора рубля; голоса I и IV книгъ по рублю, а II и III книгъ по полтора рубля. Выписывающіе отъ А. Н. Турчанинова, за пересылку ничего не платятъ. № 570—1.

ГАЛЬМАНИНЪ.

После многочисленныхъ опытовъ мнѣ удалось составить счастливую смѣсь (Гальманинъ) предотвращающую совершенно прѣніе частей тѣла, въ особенности же прѣніе ножныхъ пальцевъ. Въ короткое время средство это сдѣлалось извѣстнымъ во всемъ краѣ. **Въ составъ его входятъ средства совершенно безвредныя; онъ не задерживаетъ потъ, но поглощаетъ его, образуя мелкіе микроскопическіе кристаллы;** эти-то качества и даютъ ему преимущество надъ средствами до сихъ поръ употребляемыми въ Германіи и Франціи.

Гальманинъ своимъ дѣйствіемъ, осушая части тѣла, прѣніе ихъ дѣлаетъ невозможнымъ; посему лицамъ, принужденнымъ много ходить, средство, мною изобрѣтенное, можетъ оказать величайшую услугу. Довольно натереть Гальманиномъ разъ въ нѣсколько дней прѣющія части, помощью ваты, полотна или кисточки, чтобъ избѣгнуть тѣхъ непріятныхъ послѣдствій, какимъ бываютъ подвержены лица, принужденныя долго ходить въ лѣтніе, жаркіе дни.

Ручаясь вполнѣ за дѣйствительность изобрѣтеннаго мною Гальманина, что подтверждаютъ многочисленные опыты варшавскихъ врачей, **смѣю обратить вниманіе публики, дабы она остерегалась подлоговъ к покупала Гальманинъ только въ коробочкахъ снабженныхъ моею фирмою.**

Склады Гальманина находятся во всѣхъ аптекахъ, а также у дрогистовъ въ значительнѣйшихъ городахъ Европы. Главное депо въ моей аптекѣ въ Варшавѣ. Большая коробочка Гальманина 50 к.; меньшая коробочка 30 к.

В. Карпинскій.

Магистръ фармаціи, владѣлецъ аптеки въ Варшавѣ, ул. Електоральная, № 35 (новый). № 586 12

ВЫШЛА МАРТОВСКАЯ КНИЖКА

„СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ.“

Слѣды на снѣгу, уголовный романъ Доры Россель.—**Паровой домъ** Жюля Верна.—**Намѣренія мистера Стюарта**, Ф. Робинсона (окончаніе).—**Заблужденіе.—Симпсонъ изъ Персіи.**

Кромѣ романа, оконченнаго въ этой книгѣ, въ нынѣшнемъ году оконченъ еще романъ **Сломанный вѣеръ.** Арсена Гуссе.

Къ печати приготовлено: **ГВАРАНИСЪ.** Густава Эмара. **СПРЯТАННОЕ ЗОЛОТО**, Френка Баррета. **ДѢТИ ГЕРЦОГА**, Энтони Троллопа. **ВОЛКАНЪ ВО ЛЬДУ**, Жюля Гро.

Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 12 книгъ **большаго формата** выходящихъ всегда въ началѣ мѣсяца и составляющихъ въ годъ около **пяти тысячъ** страницъ, безъ доставки **десять руб. пятьдесятъ коп.**, съ доставкою въ С.-Петербургѣ—**одиннадцать руб.**, для иногороднихъ подписчиковъ—**двѣнадцать.** Подписка принимается **исключительно** на имя издательницы **Елисаветы Николаевны Ахматовой**, въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ.

Подписка продолжается. Выдаются вышедшія книги съ № 1-го.

При редакціи открыта книжная торговля. **Каталогъ высылается безплатно.** 1—1

№ 21. Вознесенскій проспектъ **№ 21.**

СКЛАДЪ ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ ВСѢХЪ СИСТЕМЪ.

американскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ конструкцій

А. ШТЕЙНЪ, бывш. Г. Френкель.

ПРОДАЖА ОПТОМЪ И ВЪ РОЗНИЦУ.

Ручныя машины, 20 разныхъ констр., отъ **12** до **45** р.
Ножныя » 40 » » » **35** » **350** »

Системы: Зингеръ отъ **40**, Виллеръ и Вильсонъ отъ **35**, Гау отъ **45**, Гроверъ и Беккеръ отъ **40** р.

СПЕЦІАЛЬНОСТЬ МАШИНЪ для выметыванія петель, вязанія плиссе, вышиванія, шитья перчатокъ и для шитья варной дратвой

ЦѢНЫ ФАБРИЧНЫЯ.

БЕЗПЛАТНО высылка подробнаго иллюстрированнаго прейсъ-куранта и пробныхъ работъ, въ видѣ обрѣзокъ спеціальныхъ машинъ. № 341 10—9

„ИСПЫТАНІЯ ЗРѢЛОСТИ“.

Правила испыт., сборникъ темъ и задачъ предлож. на исп. зрѣл. во всѣхъ округахъ. съ 73 по 79 г., и статистика. Состав. **Альбицкій. Цѣна 65 k, съ перес. 75 k.**

„СПРАВОЧНАЯ КНИГА ДЛЯ УЧАЩИХСЯ“.

Высш. учебн. завед. Россіи, мужск. и женскія. Подр. правила поступленія и программы пріемн. испытаній, учебн. устройство заведеній, плата за лекціи, стипендіи, учен. степени и права при оконч. курса и статистика. Сост. **Альбицкій. Цѣна 90 k., съ пер. 1 р.** *Одобрена Ученымъ Комитетомъ М. Н. Пр.* для ученич. библіот. средн. учебн. завед. мужскихъ и женскихъ. Складъ обоихъ изданій у составителя, **въ СПБ., Моховая ул. д. № 31, кв. № 7.** № 591—1.

ПАТЕНТОВАННЫЯ ТОРФЯНЫЯ МАШИНЫ

СЪ АППАРАТОМЪ ДЛЯ РАЗРѢЗЫВАНІЯ КОРНЕЙ.

КИРПИЧЕДѢЛАТЕЛЬНЫЯ МАШИНЫ,

мѣшалки для приготовленія извести и цемента.

Имѣются постоянно въ складѣ.

ЛУДВИГЪ ФЕДОРОВИЧЪ ШЛИКЕЙЗЕНЪ, Инженеръ.

Москва, Мясницкая ул., д. Ермакова, противъ Почтамта.

Дозволено цензурою СПБ. 7-го марта 1880 г. **Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.** № 10.

XI годъ — № 11

годъ XI — 1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 модн. рис.)
Выданъ 15 Марта 1880 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на 1880 годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ“.

Безъ доставки въ Петербургѣ . .	4 р
Съ доставкою »	5 р.
Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ кн. маг. гг. Шапошникова, Соловьева и Лангъ.	5 р.
Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи	6 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1880 г. номера.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

Сольвычегодскія хоромы именитыхъ людей Строгановыхъ въ XVI вѣкѣ. Съ рисунка К. Юрьева, грав. М. Рашевскій.

Хоромы Строгановыхъ въ Сольвычегодскѣ.

(1565—1798).

Сольвычегодскъ нынѣ уѣздный городъ Вологодской губерніи, былъ основанъ въ XV вѣкѣ, замѣчательными въ исторіи нашего сѣвера людьми, Строгановыми, которые, поселившись здѣсь около 1498 года, своею энергическою дѣятельностью быстро возвысили торговое значеніе края, давъ городу перевѣсъ надъ всѣми другими сѣверными городами Россіи.

Именитый родъ Строгановыхъ, родоначальникъ котораго, знатный мурза Золотой орды Спиридонъ, въ концѣ XIV вѣка переселившійся въ Россію и принявшій христіанскую вѣру, оказывалъ много разъ важныя услуги своему новому отечеству, жертвуя жизнью и всѣмъ состояніемъ. Спиридонъ, попавшійся въ плѣнъ къ Татарамъ, за вѣрность царю и стойкость въ вѣрѣ православной, былъ, по словамъ лѣтописца, *застроганъ* до смерти, отчего и родъ его получилъ названіе Строгановыхъ. Новгородскій купецъ Лука Строгановъ выкупилъ своего государя Василія Темнаго, томившагося въ плѣну у Казанцевъ, пожертвовавъ для этой цѣли всѣмъ своимъ состояніемъ; въ царствованіе Грознаго, Максимъ Строгановъ, какъ извѣстно, снарядилъ Ермака для похода въ Сибирь. Іоаннъ Васильевичъ далъ именитому роду право строить селенія, соляныя варницы, торговать 20 лѣтъ безпошлинно солью и рыбой, строить города и заводить крѣпости по рѣкамъ Чусовой и Камѣ, для охраненія восточныхъ окраинъ отъ хищническихъ набѣговъ. Во время же смутъ междуцарствія и борьбы съ самозванцами, Строгановы оставались постоянно вѣрны отечеству и законному государю, увѣщевая мятежниковъ грамотами и помогая защитникамъ родины и деньгами и людьми; полки Вычегожанъ и Строгановскихъ людей стояли вмѣстѣ съ народнымъ ополченіемъ подъ стѣнами Троицкой обители. Не смотря, однако-жъ, на всю громадность жертвъ, понесенныхъ именитымъ родомъ въ это смутное, печальное время нашей отечественной исторіи, богатство Строгановыхъ не оскудѣвало и пока они жили въ Сольвычегодскѣ, городъ оставался однимъ изъ значительнѣйшихъ русскихъ городовъ.

Строгановы построили въ Сольвычегодскѣ солеваренные заводы, проложили чрезъ этотъ городъ дорогу въ Сибирь и сдѣлали его мѣстомъ склада товаровъ. Съ развитіемъ торговли здѣсь учредилась богатая ярмарка, на которой мѣстные жители мѣняли привозные товары на мягкую рухлядь. Мало по малу въ Сольвычегодскѣ возникли разныя мастерства, между которыми особенно славилось финифтяное и серебряное сканное*). Строгановы оставили много замѣчательныхъ памятниковъ своего, болѣе чѣмъ двухсотлѣтняго, пребыванія въ Сольвычегодскѣ. Ихъ иждивеніемъ построенъ здѣшній соборъ и монастырь. Соборъ, прекрасное зданіе, какъ по внѣшнему, такъ и по внутреннему своему виду: всѣ образа его украшены драгоцѣнными каменьями; кромѣ того онъ богатъ цѣнными Евангеліями, золотыми крестами и другими церковными предметами, принесенными ему въ даръ разными членами семейства Строгановыхъ. Возлѣ собора долгое время стоялъ домъ Строгановыхъ; нынѣ нѣтъ и слѣдовъ этой любопытной старинной постройки, изображенной на прилагаемомъ нами рисункѣ.

Рисунокъ Строгановскихъ хоромъ въ Сольвычегодскѣ, современный ихъ разборкѣ въ 1798 году, изображаетъ собственно внѣшній видъ этихъ хоромъ, а потому не можетъ дать вѣрнаго, отчетливаго понятія о всѣхъ архитектурныхъ подробностяхъ и частяхъ этаго любопытнаго зданія. Вѣроятно еще передъ тѣмъ временемъ нѣкоторыя части хоромъ были уже разобраны; такъ напр. мы не видимъ крылецъ, существенной и отличительной черты нашихъ древнихъ жилыхъ построекъ. Повидимому, хоромы были построены изъ брусянаго лѣсу и состояли въ главномъ корпусѣ изъ трехъ просторныхъ комнатъ, поставленныхъ на трехъ подклѣтяхъ, освѣщенныхъ окнами волоковыми и однимъ только краснымъ въ среднемъ подклѣтѣ. Съ лѣваго бока къ хоромамъ примыкали сѣни съ чердакомъ или теремомъ на верху. Черезъ сѣни на уголъ стояла повалуша (родъ башни), съ тремя красными окнами также на подклѣтѣ. Съ праваго боку, также на уголъ, стояла другая повалуша, на подклѣтѣ о четырехъ жильяхъ, изъ которыхъ въ двухъ нижнихъ были прорублены красныя, кружальскія окна, а въ двухъ верхнихъ красныя, обыкновенныя съ волоковыми по сторонамъ. Верхъ повалуши оканчивался открытой площадкой съ шатровою крышею на точеныхъ столбахъ. Рядомъ съ этой повалушей, еще дальше, выдвигаясь на передній планъ, стояла третья повалуша, самая большая и весьма высокая, о четырехъ жильяхъ, изъ которыхъ нижнее составляло подклѣтъ. Верхъ ея былъ покрытъ шатровою кровлею съ широкими слухами или слуховыми окнами, съ маковицею на вершинѣ, и съ какимъ то украшеніемъ, покрытымъ гонтинами въ чешую, которое придавало кровлѣ видъ короны. Позади этой повалуши и далѣе, взади хоромъ, стоятъ, какъ должно полагать, хоромы служебныя или службы. Безъ сомнѣнія, Строгановы хоромы строились въ разное время и обогащались пристройками, смотря по семейнымъ и хозяйскимъ нуждамъ своихъ обитателей. Изъ надписи на рисункѣ видно, что хоромы построены въ 1565 году, а сломаны въ 1798, слѣдовательно существовали 233 года и что длина ихъ со всѣми службами была 34 сажени, а вышина 21 саж. и 1 аршинъ.

*) Здѣсь дѣлаютъ очень затѣйливыя цѣпочки, состоящія изъ множества миніатюрныхъ замочковъ; одна изъ такихъ цѣпочекъ красовалась даже на лондонской всемірной выставкѣ.

Иванъ да Марья.

Повѣсть

А. А. Потѣхина.

(Продолженіе).

XVI.

Разговоръ былъ прерванъ возвратившимся дьякономъ съ охапкой книгъ подъ мышкой. Отецъ Андрей тогчасъ усадилъ его писать, а самъ сталъ рыться въ книгахъ. Викторъ же, въ ожиданіи бумаги, сидѣлъ скромно, изъ подлобья посматривая на нихъ и невольно улыбался своей ловкости, съ которою обманывалъ духовнаго отца.

Бумага дьякономъ была переписана, подписана священникомъ со всѣмъ причтомъ и скрѣплена церковною печатью. Вручая ее, отецъ Андрей, просилъ Виктора передать родителю всякія благопожеланія и намекнулъ опять о непремѣнномъ намѣреніи своемъ примирить его съ отцомъ и о прочемъ.

Викторъ съ торжествомъ возвращался домой.

Иванъ привлекъ себѣ еще сообщника въ толсторожемъ Яшуткѣ, который съ радостью согласился помогать ему лично и дать свою лошадь, въ надеждѣ попьянствовать на свадьбѣ. Лошадь онъ надѣялся взять изъ дома подъ какимъ нибудь предлогомъ, что ему и удалось. Съ нимъ Иванъ доѣхалъ до Мамаихи, чтобы получить отъ Виктора вѣдѣніе, за которымъ онъ долженъ былъ идти въ это время. Оставивши лошадь съ Яковымъ за околицей Иванъ пошелъ по дорогѣ къ селу, тревожно ожидая возвращенія Виктора отъ отца Андрея. Издали еще онъ узналъ его и пошелъ къ нему на встрѣчу.

— Ну что? спросилъ онъ съ замираніемъ сердца.

— Что братъ, Ванюха, плохо дѣло: не дали... съ притворнымъ горемъ отвѣчалъ Викторъ.

— Ахъ, ты, бѣда... Что же теперь дѣлать-то?.. надо бѣжать къ Павлу: можетъ, какъ не уломаю ли безъ бумаги повѣнчать... Да что же онъ, вашъ-то, отчего не выдалъ?.. что сказалъ?..

— А что сказалъ... Завтра, говоритъ, самъ лично доставлю вашему папашѣ... изъ рукъ въ руки передамъ: дѣло не къ спѣху, все равно, что сегодня, что завтра рано... А теперь, ужь, говоритъ, поздно: ночное время... И причетники всѣ спятъ: не будить же ихъ, не булгачить... Что съ нимъ подѣлаешь?.. Я было и то, и другое: нѣтъ, не внимаетъ... Завтра утромъ рано, чѣмъ свѣтъ, или пришлю, или самъ доставлю лично... Вотъ и шабашъ!.. что хочешь!..

— Да вѣдь тутъ какая еще бѣда-то выйдетъ... двойная: коли Павелъ обвѣнчать не захочетъ безъ этаго вѣдѣнья, а вашъ завтра отцу принесетъ бумагу... догадаются, пожалуй!.. А всяко, тебя станутъ допрашивать, пытать: зачѣмъ понадобилось вѣдѣнье, къ Машѣ пристанутъ... Что вы говорить-то будете?.. хоть какую небылицу не выдумаете, а все сумнѣніе, дозоръ будетъ лишній... Эхъ, Виктоха... Понадѣялся я на табя!.. Одно теперь: побѣгу къ Павлу, въ ногахъ буду валяться, просить... Ну, а не уважитъ, прощай Марья Яковлевна... Ты ей однако зайди, молви, чтобы готови-

лась, на всякой случай: можетъ упрошу Павла... Эхъ, бѣда!..

Викторъ не выдержалъ и захохоталъ.

— Давай трешницу... сказалъ онъ.

Иванъ смотрѣлъ на него вопросительно и сердито.

— Давай, говорятъ, трешницу... повторилъ Викторъ: на спрыски, чудакъ!.. Спрыснуть нужно!.. всякаго благополучія пожелать Ивану Степанову съ Марьей Яковлевной... Ужь я ребятамъ-то обѣщалъ: сидятъ, чай, ждутъ меня... Неужто обманывать...

Да ты чего зубы-то скалишь, съ какой радости?.. на тебя надѣялся, ровно на путнаго... а онъ еще зубоскалитъ... Лучше бы мнѣ не вязаться съ тобой...

Викторъ продолжалъ хохотать.

— Да что ты и самъ дѣлѣ, Виктоха... Викторъ Яковличъ?.. Да ты ужь не дуришь ли надо мной: не досталъ ли?.. спрашивалъ Иванъ съ робкой надеждой: такъ не мучай... скажи...

— Давай трешницу, такъ скажу...

— Да ну, Виктоха, вѣдь не рано, а мнѣ пять верстъ бѣжать, да въ оборотъ поспѣть надо...

— А ты думалъ, что ты одинъ уменъ да ловокъ, что Марью-то Яковлевну обошелъ... Нѣтъ, братъ, нашего-то попа обойти помудренѣе, нечѣмъ дѣвку... А я обошелъ, да еще какъ... На вотъ получи, дьяволъ...

Викторъ досталъ изъ кармана и подалъ Ивану сложенную вчетверо бумагу. Иванъ схватилъ ее и бросился обнимать Виктора.

— То-то... Вотъ те и дуракъ Викторка, вотъ те и безпутный!.. Поди-ка сдѣлай другой, умный этакъ-то!.. Ну давай-же три рубля, да бѣги, хлопочи... А я ужь здѣсь все тебѣ обработаю...

— Не напейся, Викторъ...

— Ну, ладно!.. не напейся самъ прежь меня... Мы свое дѣло знаемъ...

— Спасибо, братъ, Витя.!. Вотъ спасибо... Теперь всѣ въ спокоѣ... На вотъ... получи... Иванъ подалъ деньги.

— Вѣдь это бы мнѣ съ тебя слѣдовало по закону: знашь какъ женихъ у невѣстина брата мѣсто выкупаетъ, чтобы значитъ, около невѣсты сѣсть, русу косу вскрыть... А у нашей-то сестрицы по тысячѣ косица, по рублю волосокъ... Наша-то сестрица пряла да ткала, да въ коробочку клала... Ты знашь-ли это? а я тебѣ даромъ уступаю: три-то эти рубля мнѣ не въ прокъ: не на себя изведу, людямъ пропою для вашего же дѣла, а самъ только смотри да облизывайся... Ну, да за тобой будетъ: послѣ сосчитаемся... Я свое, выверстаю.. Ну уходи что ли къ чорту: некогда, вѣдь, и самъ дѣлѣ... Пора... И у меня тамъ ребята-то ждутъ..,

— Слушай-ка, Викторъ... На надо вашихъ лошадей-то пожалуй... я еще досталъ одну: на ней и пріѣхалъ... Не затѣвай ты лучше этаго: какъ бы не попасться... Богъ съ ними... Ровно какъ боязно...

— Ну, ужь это проваливай... Не твое дѣло!.. Сказалъ: парой въ церковь отвезу и отвезу... Ужь коли я пошелъ бунтовать, такъ мнѣ какъ чуднѣй... Чтобы знали да помнили Викторку... чтобы на всю округу смѣхъ да разговоръ пошелъ... чтобы ужь вовсе доволенъ папашенька остались... Ну, проваливай, говорятъ... Объ этомъ не думай: это мое дѣло... Я это не для тебя, а для папашеньки дѣлаю... чтобы ему не обидно было...

— Ну тебя... Какъ хочешь... Поджидайте же уже... сказалъ Иванъ, махнувши рукой, и съ облегченнымъ сердцемъ, быстро пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ его поджидалъ съ лошадью толстомордый Яшутка. Они быстро поскакали въ Карцово, а въ это время Викторъ снаряжалъ одного изъ рабочихъ за водкою.

— А ужь мы ждали, ждали, да и ждать перестали, говорилъ большой рыжебородый мужикъ, слезая съ сонными глазами съ печки... Думали ужь ты только поманилъ... Обманешь...

— Вотъ еще... Когда я васъ обманывалъ, черти...

— Откудова Богъ послалъ экія деньги, Викторъ Якличъ? спросилъ другой работникъ.

— Значитъ, за добродѣтель Богъ посылаетъ, что не оставляю васъ, дураковъ... отвѣчалъ Викторъ.

— А папашенька какъ бы не провѣдалъ: придетъ да застанетъ насъ въ этомъ, задастъ взбучку... замѣтилъ тотъ же рыжій мужикъ, считавшійся старшимъ работникомъ.

— А надо съ осторожностью: вотъ я схожу въ домъ посмотрю... Какъ всѣ улягутся, такъ мы и захороводимъ... На всю ночь, ребята... Принесетъ, по маленьку-то вы и безъ меня пропустете: начинайте, ничего... только ужь вовсе хозяина-то не обидьте: не оставьте безо всего...

— Ну-ка, чтой-то... Ну, какъ это возможно... хозяина обидѣть... Не можетъ того быть... А ужь водка придетъ, Викторъ Якличъ, мы на нее смотрѣть не будемъ и безъ тебя: почнемъ... Дозволь... Время тоже не рано, а мы не ужинали: все тебя ждали...

— Да, да, не ждите меня... Какъ принесетъ, такъ и начинайте...

Викторъ не безъ умысла уходилъ и давалъ позволеніе сдѣлать починъ безъ него: ему надо было по возможности воздержаться, чтобы не охмѣлѣть, а онъ зналъ впередъ, что работники при видѣ водки, въ ожиданіи его, церемониться не будутъ и что воротясь онъ найдетъ ихъ уже вполпьяна, если не вовсе пьяными. Онъ вошелъ во флигель, гдѣ жили родители, черезъ заднее крыльцо. Въ домѣ еще не спали и только что разошлись по своимъ комнатамъ. Сегодня засидѣлись дольше обыкновеннаго. За ужиномъ Аграфена Емельяновна обратила вниманіе на то, что Маша ничего не ѣла и была какъ-то особенно задумчива и молчалива. Это обстоятельство заставило ее взглянуть на дочь попристальнѣе и ей показалось, что дочь даже какъ будто похудѣла, осунулась и поблѣднѣла.

— Ты что же не ѣшь-то и какая сидишь притаманная ровно? И съ лица какъ точно спала? Не болитъ-ли что у тебя? спросила мать.

— Нѣтъ, ничего... А такъ что-то апетиту нѣтъ... отвѣчала Маша, желая казаться спокойною, но невольно вспыхнувъ при неожиданномъ вопросѣ матери.

Въ семьѣ Якова Захарова не было въ обычаѣ нѣжное вниманіе и заботливая наблюдательность другъ за другомъ: каждый былъ занятъ своимъ дѣломъ или бездѣльемъ и жилъ такъ сказать самъ по себѣ. Хотя и Яковъ Захарычъ, и Аграфена Емельяновна любили дочь по своему и считали себя родителями нѣжными и заботливыми, но имъ никогда и въ голову не приходило присматриваться къ лицу дочери, замѣчать ея расположеніе духа, вообще наблюдать за своими дѣтьми: захвораетъ, такъ сама скажетъ, пожалуется, да и съ чего это хворать-то? понадобится что, такъ попроситъ; можно, такъ сдѣлаемъ, да и просить-то, пожалуй, что нечего: всего, слава Богу, довольно... А что жениха ей нужно пріискать и пристроить ее за хорошаго человѣка, такъ это и безъ нея знаютъ, и ей извѣстно, что родители объ этомъ думаютъ и заботятся. Да словомъ: Якову Захарычу, а также и Аграфенѣ Емельяновнѣ, въ голову даже никогда не приходило разспрашивать дѣтей здоровы ли они, отчего скучны, или веселы, что думаютъ о томъ, или другомъ обстоятельствѣ; напримѣръ даже о такомъ дѣлѣ какъ выборъ жениха, съ Машей почти вовсе не разговаривали и не спрашивали ея мнѣнія, и не потому совсѣмъ, чтобы считали возможнымъ выдать ее за-мужъ противъ ея воли, а потому, что предполагалось, ей самой за-мужъ выдти хочется а родители, любя дочь, не отдадутъ за худаго человѣка. По нравамъ, не смотря на все внѣшнее облагороженіе, семья Якова Захарова была вполнѣ мужицкая. Поэтому необычный вопросъ и замѣчаніе матери заставилъ и отца поднять голову отъ тарелки и попристальнѣе взглянуть на дочь, и онъ замѣтилъ тогда, что она и похудѣла, и поблѣднѣла.

„Сикстинская Мадонна“ Рафаэля. Съ фотогр. грав. Ангереръ и Гёш[illegible]

— Тоскуетъ, вѣрно, боится, что и съ этимъ женихомъ не сладимся, что и этотъ уйдетъ отъ рукъ... мелькнуло въ головѣ Якова Захарова. Надо сказать ей: потѣшить дѣвку...

И вотъ послѣ ужина, когда маленькая сестра ушла, онъ остановилъ Марью.

— Что заскучала, сказалъ онъ: али объ женихѣ сомнѣваешься?.. Не сумнѣвайся: этотъ, кажется, не уйдетъ отъ рукъ... Притязателенъ, правда, на-счетъ приданаго.. Ого, какой.. все обстоятельно допрашиваетъ: сколько чего?.. и росписи требуетъ!.. А на счетъ денегъ и говорить нечего: очень и очень прижимистъ!.. Ну, да я его за это не осуждаю, а напротивъ даже: видно, что хозяйственный человѣкъ, не вертопрахъ какой... Притомъ коллежскій ассесоръ и орденъ имѣетъ... Это не шутка: маіорскій чинъ, штабъ-офицеръ!.. Самъ себѣ цѣну знаетъ!.. Женишекъ достойный!.. Настоящая барыня..· Штабъ-офицерша будешь... Да, да!.. А съ расчетцомъ, съ разсчетцомъ!.. И денежки, любитъ... Нажимистъ!.. Маша слушала отца, не поднимая глазъ, и ничего не отвѣчала. Лицо ея обнаруживало душевное смущеніе, замѣченное даже такимъ ненаблюдательнымъ человѣкомъ, каковъ былъ Яковъ Захаровъ.

— Ну, что же ты, что же ты?.. Это ничего!.. Для тебя не пожалѣю: поторговался, а надо будетъ уступить... Тысячу ему прикину... Богъ съ вами!.. Хоть и тяжеленько мнѣ, а этакого жениха опускать нельзя... Эта ракалія, поподья Вышнепокровская, надоумила его, подбила прибавки требовать: магарычъ, вѣрно, хорошій ожидаетъ... Сначала было даже семь запросилъ... но на шести, кажется, сладимся... Я написалъ, что больше не могу, видитъ Богъ, не могу... Они думаютъ что у меня сотни тысячъ... Да, сотни!.. Поди, наживи на моемъ мѣстѣ... при моей совѣсти!.. Не могу больше шести, не могу... Какъ угодно... И то любя дочь... можетъ быть послѣднія... Да, нѣтъ, ты не сумнѣвайся: пойдетъ и на шесть... Ужъ я вижу... Смотри: завтра прикатитъ съ окончательнымъ... Готовься!.. А, коллежская ассесорша... Госпожа чиновница!.. Готовься, говорю!..

— Да намъ готовиться не долго: у меня все бѣлье и навины, все припасено, сшито и ей на руки сдано... говорила съ своей стороны Аграфена Емельянова. Платьевъ у нея довольно: сшить развѣ только еще два шелковыхъ да вѣнчальное...

Но и эта блестящая перспектива не развеселила Машу: она оставалась также скучна и имѣла прежній смущенный видъ. Она думала въ это время о томъ, что разговариваетъ съ родителями, можетъ быть въ послѣдній разъ, что завтра она будетъ мужичка, крестьянка, что ее и видѣть не захотятъ, и на порогъ дома не пустятъ, и дочерью считать перестанутъ: ее душили слезы: она едва ихъ сдерживала, и невольно закрыла глаза рукой.

— Да чего же ты?.. Что ты?.. настаивалъ Яковъ Захаровъ. Боишься что на шести не сойдемся.., Ну, ужъ тогда Богъ съ нимъ... Ну, что же мнѣ дѣлать-то, коли негдѣ взять?.. И другой сестрѣ надо что нибудь оставить... Да нѣтъ, ты не думай: сойдемся... Увидишь, что не выторговать больше: пойдетъ и на это... Видать, что ты очень ему нравишься...

— Да какъ же... Мнѣ и попадья говорила, что насчетъ лица твоего и всего обращенія очень доволенъ остался... подтверждала Аграфена Емельяновна: такъ что говоритъ, во всемъ даже завлекательная дѣвица... во всѣхъ прелестяхъ: такъ и сказала... А я еще ей въ пику отвѣтила: да, я говорю, по красотѣ-то, да и по всему, наша Маша хоть бы и безприданница была, такъ въ женихахъ бы не нуждалася...

— Слышишь?.. Ну вотъ, значитъ, и сладимся...

— Да что же онъ, точно товаръ какой меня покупаетъ: торгуется?.. проговорила Маша, чтобы сказать что нибудь.

— Ну, это особенная часть... Безъ этого нельзя... возразилъ Яковъ Захаровъ.

— Безъ этого, Машенька не какъ нельзя... подтвердила и Аграфена Емельяновна. Значитъ человѣкъ думающій: какъ жить будете—заботится. Это тебѣ не касающее...

— Нѣтъ, если человѣкъ имѣетъ благородныя чувства, сказала Маша и сильно влюбленъ... въ свой предметъ... онъ не станетъ такъ антересоваться приданымъ... для него главное должно быть, чтобы не лишиться какъ своего предмета...

Маша обрадовалась, что разговоръ случайно получилъ такой оборотъ и готова была поддерживать его.

— А у него, значитъ, никакой влюбленности, никакихъ страстныхъ чувствъ нѣтъ, если онъ такъ торгуется въ приданомъ... Для меня это съ его стороны довольно даже обидно...

— Э-э, что ты пустое говоришь, Марья, замѣтилъ отецъ: любовь любовью, а обстоятельный мужчина завсегда о приданомъ долженъ подумать, потому это для жизни требуется: безо всякихъ чувствъ прожить можно, а безъ денегъ не проживешь... Конечно по вашимъ дѣвичьямъ понятіямъ, пока вы подъ родительскимъ попеченіемъ живете, вамъ ничего не нужно, кромѣ сердечныхъ этихъ чувствій да влюбленностей... Ну, а мущина о другомъ думаетъ... да и ты поживешь замужемъ, дѣтки да заботы пойдутъ, такъ тоже другое заговоришь и за приданое-то родителей поминать да благодарить будешь... Нѣтъ, это надо цѣнить въ женихѣ, что благопріобрѣсти за невѣстой желаетъ побольше, а не то, что въ обиду себѣ ставитъ... Обиднаго для тебя ничего тутъ нѣтъ...

— Какая обида это... Чтой-то... согласилась Аграфена Емельяновна. Не то, что въ нашемъ мѣстѣ, а вездѣ женихи о приданомъ спрашиваютъ... и стараются...

— Ужъ если бы обижаться кому, такъ мнѣ продолжалъ Яковъ Захаровъ, потому изъ меня высосать хочетъ лишняго... меня нажимаетъ... А я все-таки одобряю потому, вижу разсудительный человѣкъ, степенный, и съ расчетомъ... Не ракалія какая нибудь, не шабарша пустая... И о себѣ понимаетъ, что не кое-кто, что ему невѣсту нужно съ положительностью... Нѣтъ, ты радоваться должна такому жениху... Вотъ я какъ тебѣ скажу.. Мужъ будетъ хорошій, обстоятельный хозяинъ...

— Можетъ быть, по вашему, и такъ... А по мнѣ, какъ я дѣвица, для моихъ чувствъ гораздо трогательнѣе тотъ человѣкъ, который бы только изъ-за одной страстной любви меня бралъ... а о награжденіи бы такъ понимали, что родители дочь свою родную не обидятъ и что ей положено, то отдадутъ, не затаятъ за собой... Вотъ это значитъ, человѣкъ дѣйствительно влюбленъ въ невѣсту и родителей почитаетъ, надѣется... не полагаетъ, что какъ выдали дочку, такъ и думать о ней позабыли... хоть, дескать съ голоду пропадай: не наша теперь забота, мужнина... Какъ хочешь такъ и живи... Онъ бы долженъ былъ видѣть и понимать, что родители наши не такіе... Вотъ бы я какова желала жениха, чувствительнаго, къ родителямъ моимъ съ полнымъ почтеніемъ, а не то что еще смѣть имъ не вѣрить, торговаться да выжимать...

Яковъ Захаровъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ выслушивалъ послѣднія слова дочери: онъ никакъ не ожидалъ, что она не только такая умная, но признательная къ родителямъ и великодушная. Ему было пріятно слушать ее.

— Это правда твоя, Маша... конечно, что такой человѣкъ чего же бы лучше... Но гдѣ же ты по нонешнему времени такого найдешь... Нѣтъ, нынче первымъ долгомъ всѣ о деньгахъ, и даже однимъ обѣщаніямъ-то не вѣрятъ, а дай передъ свадьбой въ руки либо деньги чистаганомъ, либо документъ... распишись... Вотъ какъ нынче...

— По моему, это даже очень низко...

— Ну, и винить нельзя тоже: время такое, очень много обманываютъ... Не всѣ, вѣдь, родители таковы, какъ мы, иные, правда, что только бы съ рукъ сбыть,

наобѣщаютъ съ три короба, а послѣ ничего не дадутъ, да и дать-то нечего...

— Мало ли такихъ примѣровъ и бывало... согласилась Аграфена Емельяновна, позевывая въ руку.

— Поэтому я и твоего жениха не виню,—продолжалъ Яковъ Захаровъ: онъ меня мало знаетъ, капиталовъ моихъ не считалъ, а тамъ въ городѣ подбиваютъ его: проси, дескать, проси больше - дастъ... Нѣтъ, а я радуюсь, что все-таки человѣкъ заслуженный, высокоблагородный... Лестно и для насъ имѣть такого зятя... При томъ же и жалованье хорошее получаетъ: есть чѣмъ жить, а приданое однако въ запасѣ будетъ... Не промотаетъ, не проживетъ... Главное благородный человѣкъ, дворянинъ... И ты будешь чиновница, благородная.

— А для меня это благородство рѣшительно все равно... Кто нынче на это смотритъ?.. Больше гораздо деньгамъ уважають... Вонъ я жила у братца-то, такъ видала довольно, какъ эти чиновники-то, дворяне, передъ богатыми купцами унижаются... Вонъ становой, бывало, такъ и вьется, такъ и стелется, въ глаза глядитъ, бѣгаетъ, услуживаетъ передъ купцами-то... Да слышно даже самъ губернаторъ изъ губерніи нарочно къ купцамъ-то въ гости съ праздникомъ поздравлять пріѣзжаетъ... Такъ что это значитъ благородство, дворянство?.. Для меня оно наплевать...

— Ну да однако же: это они только передъ деньгами... Кто нынче деньгамъ не кланяется!.. А все-таки благородный человѣкъ или мужикъ, если взять что капиталы у нихъ равные?.. Дворянинъ мужика-то тогда и близко къ себѣ не подпуститъ, а не то, что вниманіе на него обратитъ: ужъ это ты повѣрь мнѣ, хоть тамъ нынче и разсказываютъ, что всѣ стали ровны... Все это пустяки!..

— А какъ же, папашенька, вѣдь, вотъ вы же не дворянинъ, а васъ всѣ, и господа уважаютъ, и вонъ дворянинъ къ вашей дочери сватается?.. неосторожно возразила Маша.

— Ну да я дѣло другое, отвѣчалъ Яковъ Захарычъ, нахмурившись: я по мѣсту, по довѣрителю своему... и опять... по всему... Меня давно всѣ ровно, что за господина почитаютъ: я и поговорить могу, и кампанію поведу съ кѣмъ угодно... Я не мужикъ: я этими ракаліями-то чуть ли не тридцать лѣтъ ужъ командую: цѣлая вотчина ихъ у меня подъ началомъ... Какой же я примѣръ въ этомъ... Я не примѣръ... Да что же ты не довольна что ли этимъ женихомъ, что охуждаешь его?.. Не хочешь идти что ли за него? Послѣдній вопросъ Яковъ Захарычъ предложилъ дочери уже такимъ тономъ, въ которомъ слышалось неудовольствіе. Маша спохватилась.

— Нѣтъ я, его ничего, не хулю... отвѣчала она уклончиво, а только къ тому, что не то онъ изъ-за меня, не то изъ-за денегъ вашихъ жениться хочетъ... Вотъ мнѣ только что: за васъ мнѣ обидно, что не знаетъ онъ каковы мои родители для своихъ дѣтей добры и ничего для нихъ не жалѣютъ... А я что же, я ничего про него худаго не могу сказать... Конечно, если бы онъ со мной на-счетъ приданаго заговорилъ, такъ я сказала бы ему: я на своихъ родителей надѣюсь, безчестной они меня не поставятъ и знаю, что наградятъ меня по своей силѣ, а мнѣ тотъ человѣкъ милѣе, что беретъ меня по мнѣ, въ чемъ я есть, и отдается на родителей: сколько имъ Богъ на душу положитъ, столь и наградятъ..

— Ну, вотъ это ты прекрасно говоришь... Умная ты у меня и признательная... Спасибо!.. За это я и тебя не оставлю... Ну, спать пора... Прощай...

Яковъ Захаровъ всталъ. Маша къ нему бросилась на шею.

— Прощайте, папашенька... говорила она со слезами. Да благословите вы меня, чтобы мнѣ за-мужемъ счастливой быть и не оставьте вы меня своими милостями...

— Да, Богъ тебя благословитъ, Богъ благословитъ... растроганнымъ голосомъ сказалъ Яковъ Захаровъ крестя дочь. Умная ты и признательная... Не бойсь, не оставлю: на шесть не пойдетъ еще полтысячи прибавлю для тебя... за твою любовь и почтеніе... Богъ съ тобой... Ну, иди спать...

Якокъ Захаровъ освободился изъ объятій дочери и пошелъ къ себѣ въ спальню тронутый и умиленный.

— Мамашенька и вы благословите... обратилась Маша къ матери.

— Да не реви полно, чтой-то... Еще и наревешься, и наблагословляешься... говорила обнимая дочь полусонная Аграфена Емельяновна, Ну, Богъ съ тобой, Христосъ съ тобой, будь на тебѣ мое благословеніе... Полно-ка реветь-то, перестань... Поди спать... Время ужъ: заговорились какъ сегодня, засидѣлись... Не бойся, не бойся, ни за что онъ не отпуститъ этого жениха: дастъ и шесть съ половиной, и семь дастъ... Очень онъ ему по мысли... Ужъ будь покойна: выдадимъ, выдадимъ, пристроимъ къ мѣсту твою головушку... Ну, ступаи, матушка, ступай съ Богомъ.

Маша, проводивши мать, пришла въ свою комнату съ успокоеннымъ сердцемъ: ее очень утѣшило то, что все же она получила отъ родителей благословеніе, хотя и обманнымъ почти образомъ.

— Все теперь я не какъ бѣглянка какая уйду, а съ родительскимъ благословеніемъ!.. думала она присматриваясь къ крѣпко спящей уже сестренкѣ. И самъ обѣщалъ не оставить: нельзя ужъ теперь вовсе-то отъ своего обѣщанія отказаться... Посердится, посердится, да и проститъ: видно, что такъ и будетъ... А я ему все это хорошо намеками-то на усъ намотала: послѣ все пойметъ и раскуситъ къ чему я что говорила...

Маша остановилась теперь на мысли, что надо собираться и пошла было запереть двери, когда въ нихъ показался Викторъ.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Стихотворенія.

(Изъ А. Теннисона).

I.

Зорька-ль на небѣ пылаетъ,
Рожь-ли шумитъ золотая—
Сердце трепещетъ невольно,
Чудные дни вспоминая—
Минувшіе дни.

* * *

Красное-ль солнце садится,
Море-ль кипитъ голубое—
Сердце болитъ, вспоминая
Счастье и горе былое—
Минувшіе дни.

* * *

Дни, когда полное счастья,
Жизни, надежды и силы,
Сердце любило, страдало...
Краше родимой могилы —
Минувшіе дни!

О. Кавелина.

II.

Гдѣ ты, нѣжная подруга
Лучшихъ дней весны моей?
Погибающаго друга
Изцѣли отъ всѣхъ скорбей!

* * *

Молви прошлому „воскресни!..“
Схоронить намъ развѣ жаль
Подъ живые звуки пѣсни
Сердца мертвую печаль?

М.

Френологъ.

(Разсказъ).

Мы стояли съ докторомъ на старой деревянной пристани Бланпора и молча смотрѣли на картину морскаго волненія. День былъ пасмурный и холодный. Вѣтеръ расходился по морскому простору, гдѣ поднялъ яростную схватку сѣровато-зеленыхъ и пѣнистыхъ волнъ. Собесѣдникъ мой курилъ сигару. Онъ чрезвычайно любилъ куреніе и мнѣ всегда казалось, что табачный сокъ пропиталъ все его существо и придалъ его лицу ту мертвенную блѣдность, которая такъ бросалась при первомъ видѣ его. Вообще вся фигура доктора Вагнера сразу обращала на себя вниманіе. Изъ подъ широкихъ полей странной формы шляпы тянулось некрасивое худощавое лицо, съ парой черныхъ, будто стеклянныхъ, блестящихъ глазъ, съ длиннымъ носомъ и большимъ ртомъ, а широкія плечи и кривыя ноги были постоянно облечены во все черное. Откуда онъ явился и кто былъ онъ—покрыто было тайной. Онъ самъ отрекомендовался докторомъ и съ тѣхъ поръ, общество, собравшееся на морскія купанья, называло его, какъ онъ желалъ, докторомъ Вагнеромъ. Одно время я думалъ, что онъ — просто авантюристъ, искавшій случая поживиться насчетъ простаковъ и путешествовавшій съ этою цѣлью по Европѣ, но впослѣдствіи оказалось что я ошибся.

Въ ту минуту, съ которой я начинаю свой разсказъ, наше вниманіе, поглощенное грандіозной картиной, разстилавшейся предъ нами, было привлечено небольшимъ пароходикомъ, „Петрель", стоявшимъ у пристани и на палубѣ котораго обнаружилось теперь нѣкоторое движеніе.

— Пароходъ, кажется, опять пойдетъ сегодня вечеромъ, замѣтилъ докторъ,—вы не собираетесь уѣхать сегодня?

Я отвѣтилъ отрицательно. Надо замѣтить, что нѣсколько дней предъ тѣмъ, я, дѣйствительно, говорилъ, что хочу ѣхать, но потомъ раздумалъ, во первыхъ, въ виду погоды, а во вторыхъ—потому что пока мое возвращеніе въ Англію не было необходимо. По всѣмъ этимъ причинамъ, я остался еще на нѣкоторое время постояльцемъ m-me Бертье, содержавшей маленькую гостинницу въ Бланпорѣ, въ улицѣ Мира.

Собственно, „сезонъ" уже окончился и насъ, запоздавшихъ, осталось въ Бланпорѣ очень немного. Все общество, находившееся еще у m-me Бертье, состояло, кромѣ насъ съ докторомъ, только изъ парижскаго негоціанта Фрондикура и молодой, хорошенькой баронессы де Мервилль. Всѣ мы, конечно, хорошо сошлись, а непогода послѣдняго времени сблизила насъ еще больше. Почти цѣлый день мы проводили вмѣстѣ въ столовой и общей гостинной.

— Знаете-ли—будь я на вашемъ мѣстѣ, я бы уѣхалъ отсюда, сегодня же, не смотря ни на какую погоду! съ какою то непонятною рѣзкостью проговорилъ докторъ.

— Я не понимаю. Отчего, отвѣтилъ я, зачѣмъ же мнѣ уѣзжать? Что за дѣло вамъ? и почему это вы говорите со мной такимъ тономъ?

— Для вашего добра. Если я рѣзокъ, то это происходитъ по той причинѣ, что иногда надо быть грубымъ, чтобы заставить понять себя. Конечно, мнѣ лично—все равно: уѣдете ли вы, или останетесь.

— Развѣ вы думаете, что я не сумѣю уберечь самъ себя? Я подозрѣвалъ причину, по которой докторъ настаивалъ на отъѣздѣ моемъ.

— Позвольте, позвольте! Вы молоды, красивы, обладаете и силой, и здоровьемъ; я не сомнѣваюсь ни въ вашемъ мужествѣ, ни въ вашей энергіи, но извините, скажу вамъ прямо,—по временамъ, вы бываете совершенно глупы. Да—совершенно глупы! Словомъ — вы истый англичанинъ. Зачѣмъ вы живете здѣсь, въ Бланпорѣ, уже столько недѣль? Зачѣмъ? Для леченія, для купаній, для удовольствія? Мнѣ это неизвѣстно. Ну—а вамъ? Впрочемъ, вы можете повторить мнѣ, что это не мое дѣло!

— Я остаюсь здѣсь, потому что хочу, необдуманно отвѣчалъ я.

— Настоящій отвѣтъ англичанина. Я могу прибавить, что отвѣтъ этотъ рѣшительно ничего не объяснитъ. Вы сердитесь на меня, и—напрасно. Я много жилъ, много страдалъ, я уже старѣюсь, но, все это не сдѣлало меня холоднымъ эгоистомъ. Мнѣ становится всякій разъ жаль, когда я вижу бѣднаго мотылька, кружащагося около свѣчки и готоваго опалить крылья себѣ. Всякій разъ я стараюсь или отогнать мотылька, или удалить свѣчку.

— И вы думаете, что на этотъ разъ мотылекъ—я?

— Ну—конечно.

— А—свѣчка?

— Э, милый другъ, что тутъ спрашивать? Понятно, что если мотылекъ—мужчина, то свѣчка—женщина.

Онъ намекалъ на баронессу де Мервилль. Я почувствовалъ, что лицо мое вспыхнуло.

— Вы несправедливы, чрезвычайно несправедливы къ этой милой, прелестной женщинѣ! воскликнулъ я съ досадой.

— Увѣрены ли вы, что я несправедливъ? Опять рѣзко спросилъ онъ меня.—Почемъ вы знаете, кто такое де Мервилль и какое ея прошлое!?

Не смотря на все мое желаніе отвѣтить хоть что нибудь доктору по этому поводу, я не нашелъ ничего. Дѣло въ томъ, что я, дѣйствительно, ничего не зналъ о красавицѣ.

— Я кое-что слышалъ о ней, началъ я не совсѣмъ увѣреннымъ голосомъ,—я слышалъ, что жизнь ея была тяжела, что она испытала горе.

— Согласитесь, что это очень неопредѣленно.

— Она—вдова артиллерійскаго полковника.

Докторъ сдѣлалъ жестъ рукою.

— Гм.— артиллерійскихъ полковниковъ такъ много и они, повидимому оставляютъ такъ много вдовъ....

— Она очень хороша собой.

— А—да! это такъ, это совершенно такъ! но въ томъ-то и бѣда. Люди уродливые скорѣе безвредны, чѣмъ красивые люди. Въ доказательство - самъ я, порядочный уродъ, какъ видите.

— Нельзя ли на этомъ прекратить разговоръ нашъ?

— Пожалуй—если вы согласитесь ограничиться только тѣмъ, что полюбуетесь хорошенькой баронессой и бросите. Послушайте—право сбѣгайте къ ней, попрощайтесь и—пусть между вами и ею навсегда ляжетъ море. Послушайтесь моего совѣта.

— Да что вы имѣете противъ баронессы? Развѣ вы знаете что нибудь нехорошее о ней?

— Рѣшительно ничего. Но — какой-то инстинктъ мнѣ говоритъ, что тутъ не совсѣмъ все чисто. Есть что-то въ лицѣ ея...

— Неужели вамъ внушаетъ подозрѣніе это очаровательное личико, съ такими чудесными кудрями?

— Да, и волосы у нея чудесные, а жаль что она не лысая!

— Какъ! вы хотѣли бы, чтобы такая хорошенькая женщина была лысая! Да къ чему же?

— Очень просто—я могъ бы легко видѣть ея характеръ по формѣ головы и уже не обманулся бы, могу васъ увѣрить.

— А—такъ вы профессоръ френологіи?

— Я профессоръ натуральной философіи, но изучалъ многія науки, въ томъ числѣ и френологію. Но однако холодно, моя сигара потухла. Пойдемте—пора обѣдать.

— Послушайте—вѣдь у баронессы много другихъ поклонниковъ, кромѣ меня....

— Ну да, ну да, конечно -вы хотите сказать, что и я тоже влюбленъ въ нее и, вѣроятно, теперь ревнуете ее ко мнѣ? Опять повторю—вы настоящій англичанинъ!

— А г. Фрондикуръ, тоже, вѣдь, ухаживаетъ за ней?

— Вѣроятно ухаживаетъ, г. англичанинъ, вѣроятно. Идемте, идемте. Скажу вамъ еще разъ, что буду беречь васъ, противъ вашей же воли и желанія—если, конечно, вы не уѣдете сегодня на „Петрелѣ".

Я рѣшилъ, что докторъ, или профессоръ Вагнеръ, хотя быть можетъ и шарлатанъ, но—человѣкъ, скорѣе хорошій, чѣмъ дурной и что онъ самъ влюбленъ въ баронессу и потому желаетъ избавиться отъ меня, какъ отъ соперника.

Что касается моего собственнаго чувства къ Генріеттѣ де Мервилль, то его нельзя было назвать любовью въ полномъ смыслѣ этого слова. Однако, я обязанъ сознаться, что она произвела на меня глубокое впечатлѣніе, все болѣе и болѣе усиливавшееся. Да и всѣ и вся любовались ею. Это было прелестное маленькое существо, съ чудесными глазами (о волосахъ сказано уже выше) и микроскопическими ручками и ножками. Граціозная, кокетливая, съ живымъ и острымъ умомъ и умѣвшая владѣть собой, она, иногда, въ лунную ночь, на берегу моря, пропитаннаго серебристымъ свѣтомъ ночнаго свѣтила,—вдругъ мѣняла свой обычный, безпечно-веселый видъ, становилась меланхоличною. Невыразимо прелестна была она въ эти минуты.... Я понималъ, что она становилась грустною подъ вліяніемъ воспоминаній о прошломъ. Въ моемъ мнѣніи давно уже было произнесено строгое сужденіе о полковникѣ де Мервиллѣ.

Какъ она относилась ко мнѣ? Рискуя показаться хвастуномъ, я, однако скажу, что имѣлъ основанія предполагать, что она не была равнодушна ко мнѣ. Она явно отдавала предпочтеніе мнѣ предъ другими, встрѣчала меня всегда самою очаровательною улыбкою. По цѣлымъ часамъ говорила со мной объ Англіи, много расспрашивала о ней, повидимому живо интересуясь моей страной—однажды она сказала, что собирается туда, но боится моря—и, когда мы разставались, я чувствовалъ нѣжное, какое-то особенно нѣжное пожатіе ея ручки.

Конечно, я и не думалъ слушать совѣта доктора, а рѣшился ждать лучшей погоды, когда баронессѣ не будетъ страшно путешествіе по морю и она поѣдетъ въ Англію...

Я ненавидѣлъ Фрондикура. Этотъ пожилой, морщинистый и подрумяненный толстякъ, украсившій себя признаками богатства —широкой золотой цѣпью, массой колецъ на всѣхъ пальцахъ (и, между прочимъ, на указательномъ)—грубо, нахально ухаживалъ за прелестной Генріеттой. Гдѣ бы она ни показалась,—

Литературный альбомъ: „Сорочинская ярмарка“ Гоголя. Ориг. рисун. М. Зиновьева, грав. Шюблеръ.

слышался шумный скрипъ его громадныхъ лакированныхъ сапогъ и сейчасъ же появлялась эта противная, блестѣвшая украшеніями фигура. Огромный ротъ осклаблялся и оттуда сыпались пошлѣйшіе, но самодовольно высказанные, комплименты. Правду сказать, никто изъ обитателей гостинницы Бертье не имѣлъ никакихъ причинъ быть, въ какомъ бы то ни было отношеніи, недовольнымъ Фрондикуромъ. Только мнѣ онъ разстраивалъ нервы своимъ неотвязчивымъ преслѣдованіемъ баронессы. Онъ открыто заявлялъ себя ея обожателемъ и высказывалъ свою глубокую симпатію къ ней; глаза его не покидали ея, какъ бы слѣдя за малѣйшими движеніями хорошенькаго личика. Съ какимъ то благоговѣніемъ слушалъ онъ, когда она говорила и, повидимому, старался не проронить ни одного слова. За обѣдомъ, въ гостинной, на прогулкѣ,—онъ ходилъ за нею какъ тѣнь и всегда устраивалъ такъ, что сидѣлъ или стоялъ ближе къ ней, чѣмъ другіе. Я понималъ низкую цѣль этого волокитства и страшно злился. Одно успокоивало меня: мнѣ казалось, что и баронесса недолюбливаетъ его, что она, подъ личиною вѣжливости, скрываетъ несомнѣнно враждебное чувство къ нему.

— Вы ненавидите Фрондикура, какъ-то разъ сказалъ мнѣ докторъ, это слишкомъ ясно написано у васъ на лицѣ. Правда, онъ вульгаренъ и носитъ чрезвычайно скрыпучіе сапоги, но онъ не глупъ. Могу васъ увѣрить—онъ не глупъ!

Послѣ обѣда я закурилъ сигару и пошелъ, было, прогуляться, но вѣтеръ и дождь прогнали меня съ улицы назадъ, въ гостинницу. Все общество собралось въ общій залъ, гдѣ, когда я входилъ, докторъ Вагнеръ, повидимому, читалъ нѣчто въ родѣ лекціи о наблюденіяхъ надъ физіономіей человѣка.

Баронесса де-Мервилль полулежала на диванѣ, около нея, конечно, примостился Фрондикуръ, невдалекѣ помѣщалась m me Бертье. Я потихоньку прошелъ къ одному изъ пустыхъ креселъ.

— Этимъ наблюденіямъ я не придаю значенія научнаго, продолжалъ ораторъ своимъ громкимъ и увѣреннымъ голосомъ,—потому что они не дали еще положительныхъ, безошибочныхъ результатовъ. Но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что существуетъ соотношеніе между выраженіемъ лица и нравственнымъ міромъ человѣка. Если бы мнѣ было позволено произвесть здѣсь опытъ, я просилъ бы разрѣшенія у прелестной баронессы.

— О нѣтъ, нѣтъ, проговорила съ улыбкой m me де-Мервилль.

Взглянувъ на Фрондикура, который отклонилъ опытъ надъ собой молчаливымъ, но рѣшительнымъ жестомъ, докторъ неожиданно и быстро, подошелъ ко мнѣ и запустилъ свои костлявые, длинные пальцы въ мои волосы. Эти пальцы заѣздили у меня по головѣ, какъ будто по клавишамъ, на которыхъ докторъ разыгрывалъ какую-то ему одному понятную фантазію. Не помню теперь выраженій, но онъ—къ понятному неудовольствію моему—началъ разбирать мой характеръ по косточкамъ. Найдя во мнѣ кое что хорошее, онъ, затѣмъ сказалъ, что я не обладаю ни твердостью ума, ни солидностью характера. (Мысленно я послалъ его къ черту).

„Отдѣлавъ“ меня, докторъ выразилъ желаніе приняться за другихъ. Къ Фрондикуру нечего уже было обращаться послѣ отказа его, а m-me Бертье, не менѣе рѣшительно объявила, что она „боится“ и ни за что не хочетъ.

Вагнеръ снова обратился къ m-me де Мервилль.

— Сколько я вижу по этому возвышенію надъ бровью—баронесса обладаетъ большимъ музыкальнымъ талантомъ, сказалъ онъ.—Очень жаль, что дамы носятъ такія прически, которыя затрудняютъ френологическія наблюденія.

Желая вѣроятно доказать доктору и всѣмъ намъ, что у нея не было фальшивыхъ косъ, Генріэтта развязала небольшую ленточку на головѣ, вынула съ дюжину булавокъ и—въ минуту ея чудные волосы распустились, окруживъ плечи и станъ красавицы роскошной золотой волной. Какъ она была прелестна теперь! Вокругъ раздалось невольно вырвавшееся у всѣхъ восклицаніе чуть ли не восторга.

Но докторъ Вагнеръ достигъ своей цѣли. Въ одну минуту его длинные пальцы исчезли уже въ густой косѣ красавицы. Онъ помѣстилъ баронессу передъ зеркаломъ, такъ чтобы видѣть выраженія лица ея во время эксперимента.

— О! воскликнулъ чрезъ минуту снявъ руки и пристально глядя въ зеркало—какой странный случай! Я встрѣчаю въ первый разъ нѣчто подобное! Знаете ли, баронесса, вы—замѣчательный субъектъ!

Сухощавые пальцы опять погрузились въ бѣлокурые волосы Генріэтты. Наступило молчаніе.

— Счастливы вы, баронесса, произнесъ онъ съ какою-то торжественностью, что положеніе ваше дѣлаетъ васъ недоступною тѣмъ соблазнамъ, которымъ поддаются столь часто бѣдные и голодные!

— Что это значитъ! воскликнула Генріэтта вспыхнувъ отъ гнѣва. Она быстро поднялась и будто впилась въ него блестящими глазами. Волосы ея остались распущенными и баронесса напоминала въ эту минуту граціозную тигрицу въ золотой клѣткѣ.

— Не раздражайтесь противъ научныхъ наблюденій, спокойно продолжалъ докторъ Вагнеръ. Судя по поверхности вашей прелестной головки, у васъ замѣчается преобладаніе нѣкоторыхъ качествъ. Извините меня, если я говорю съ такою откровенностью, но я убѣжденъ, что иногда очень хорошо и полезно бываетъ сказать человѣку истину. Я нашелъ въ васъ сильно развитыми скрытность, жажду къ пріобрѣтенію и—феноменальную способность къ истребленію.

— Это совсѣмъ безсмысленно! ваша френологія—вздоръ! гнѣвно воскликнула баронесса.

— Конечно безсмысленно! подтвердило вѣрное эхо баронессы—Фрондикуръ.—Вы, докторъ, тутъ говорите о наклонностяхъ къ преступленію, которыя можно встрѣтить только въ низшихъ классахъ.

— Несомнѣнно, эти наклонности проявляются больше въ средѣ низшихъ классовъ, возразилъ докторъ, но развѣ не случается иногда ихъ видѣть и въ высшихъ слояхъ общества? И самыя благородныя головы указываютъ на присутствіе дурныхъ качествъ въ зародышѣ, не давшемъ ростка. Я знаю это по опыту.

Общество на этотъ разъ разошлось подъ какимъ-то страннымъ, тяжелымъ впечатлѣніемъ.

— Я надѣюсь, вы довольны, произнесъ, по уходѣ всѣхъ, профессоръ френологіи. глядя на меня сквозь синеватыя волны табачнаго дыма.

— Могу ли я быть довольнымъ вашимъ невѣжливымъ обращеніемъ съ баронессой де-Мервилль! отвѣтилъ я съ досадой.

— Френологія ограждаетъ меня отъ всякихъ упрековъ, на этотъ разъ.

— Я совершенно равнодушенъ къ вашей френологіи и нисколько не вѣрю ей.

— Молодой человѣкъ, который относится равнодушно къ какой бы то ни было наукѣ—стоитъ на дурной дорогѣ и я не желалъ бы быть на его мѣстѣ. Но—вы не думаете о томъ, что говорите. Сегодняшній опытъ—великолѣпенъ, великолѣпенъ! Я рѣдко встрѣчалъ такой яркій, ясный, въ френологическомъ отношеніи, экземпляръ. Могу васъ увѣрить. что баронесса де-Мервилль пойдетъ далеко, если не будетъ остановлена во время. Кстати, обратили вы вниманіе на руки ея?

— Да, конечно, и какія это прелестныя ручки!

— Онѣ малы, но сильны, мускулисты и очень сильны. И когда она разозлена—какъ была давеча—эти ручки сокращаются какъ стальныя пружины, онѣ какъ лапы дикой кошки, тигрицы. Другъ мой, повторяю, уложите вещи ваши и уѣзжайте какъ можно скорѣе. Будьте какъ можно дальше отъ баронессы де-Мервилль, какъ называетъ себя эта авантюристка.

— Я не желаю слышать такихъ обидныхъ выраженій въ отношеніи женщины, съ которой я знакомъ и которую уважаю.

— Да вы, я вижу, готовы драться со мной за нее, это чисто по рыцарски, но и безсмысленно. Ну, хорошо, я не желаю портить нашихъ добрыхъ отношеній и уступаю вамъ. Пусть она будетъ тѣмъ идеаломъ, какимъ вы ее считаете. Только объ одномъ прошу васъ—будьте на сторожѣ. И... да, могу ли я сказать два слова о Фрондикурѣ? Можетъ быть вы такъ же горячо вступитесь и за него?

— Говорите о немъ, что хотите—Фрондикуръ можетъ защищаться самъ.

— Къ счастью—дѣйствительно—этотъ сумѣетъ постоять за себя. То есть я, по крайней мѣрѣ, думаю такъ. Обратили ли вы малѣйшее вниманіе на него во время сеанса? Нѣтъ—правда, вы ничего не видѣли кромѣ красоты Генріэтты де-Мервилль, за то я слѣдилъ и за нимъ въ зеркало и скажу вамъ, что въ немъ есть что-то странное. Онъ не тотъ, за кого выдаетъ себя, я сравнилъ руки баронессы съ когтями тигрицы. Въ Фрондикурѣ тоже есть что-то, напоминающее хищнаго звѣря. Оба—и онъ и она,—по моему мнѣнію принадлежатъ къ одной породѣ. У него глаза совершенно кошачьи—жестокіе, хитрые, зоркіе глаза. И во все время онъ смотрѣлъ на баронессу, какъ будто стерегъ ее, онъ впился въ нее.

— Очень просто—онъ влюбленъ въ нее и, можетъ быть, эту минуту, въ немъ говорила ревность.

— Нѣтъ, я думаю, это было, какъ будто, что-то другое. Или можетъ быть, онъ любитъ ее, какъ кошка любитъ мышь, и если ревнуетъ, то какъ ревновалъ бы тигръ къ тому, кто хочетъ отнять добычу у него. Погодите, мы еще услышимъ о Фрондикурѣ.

Это ужь мнѣ показалось слишкомъ—какъ, пошлой, смѣшной фигурѣ Фрондикура придавать трагически-романическій характеръ. Я пришелъ къ убѣжденію, что нашъ докторъ и профессоръ совсѣмъ помѣшался.

— Вы не вѣрите всему этому? какъ хотите. Увидимъ. До свиданія, я закуриваю новую сигару, а вы—если можете—спите съ открытыми ушами и глазами.

Ночью вѣтеръ стихъ и на утро слѣдующаго дня мы увидѣли, наконецъ, голубое небо. Я пошелъ на берегъ, море однако еще не успокоилось и прибой былъ все еще довольно силенъ и шуменъ. Я бродилъ, безцѣльно, между скалъ, какъ вдругъ, неподалеку отъ меня послышались два голоса—мужской и женскій. То были баронесса де-Мервилль и Фрондикуръ. Они говорили громко, каждое слово отчетливо доносилось до меня. Они не могли видѣть меня, я же видѣлъ ихъ изъ-за скалы. Какая-то сила заставила меня остановиться и приковала къ мѣсту гдѣ я былъ.

— Такъ вы говорите, что мнѣ нѣтъ никакого выбора? спросила баронесса.

— Никакого,—отвѣтилъ Фрондикуръ.

Странно. Онъ совершенно перемѣнилъ тонъ съ Генріэттой. Его голосъ былъ теперь грубъ и рѣзокъ.

— Куда же вы хотите везти меня?

— Сначала прямо въ Парижъ.

Что это такое? Похищеніе? Я не вѣрилъ своимъ ушамъ. Это невозможно, невѣроятно!

— А потомъ?

— Къ чему вы спрашиваете? Конечно—въ полицейскую префектуру, въ Іерусалимской улицѣ, а затѣмъ, въ Консіержери.

— Неужели въ васъ нѣтъ ни капли человѣческаго чувства? произнесла она будто ослабѣвшимъ голосомъ, въ которомъ слышались слезы.

— Нисколько! грубо отвѣтилъ онъ. А развѣ въ васъ оно есть?

Неужели это тотъ самый Фрондикуръ? Я подвинулся еще немного, чтобы видѣть лучше.

— Я вижу, что вы совсѣмъ забыли меня, продолжалъ онъ.

— Я не знаю васъ, я бы желала никогда не видѣть васъ. Вы жестоки со мной!

— А мы—старые знакомые. Вы не могли забыть Пьера Леру, полицейскаго агента. Да, впрочемъ я такъ переодѣтъ, что трудно и узнать меня.

Онъ снялъ шляпу и приподнялъ край парика. Баронесса вздрогнула и отодвинулась отъ него. Дѣйствительно,—онъ былъ совсѣмъ другой человѣкъ, гораздо моложе, нежели можно было предположить.

— Да—я вспоминаю теперь.,. вырвалось у нея—т. е... нѣтъ, нѣтъ! спохватилась молодая женщина—я не знаю, не видала васъ, вы не имѣете никакого права арестовать меня, я—баронесса де-Мервилль.

— О нѣтъ, я не ошибся. Признавайте за мной право или не признавайте, а я арестую васъ. Вы не баронесса де Мервиль, а ваше имя—Жанна-Луиза Карріонъ, вы коротко извѣстны префектурѣ и не разъ были осуждены за воровство.

— Довольно, довольно! Я не хочу слышать, не хочу слышать, я не пойду съ вами, я отдамъ вамъ все, все, что у меня есть, до послѣдняго су. Вы отпустите меня, вы дадите мнѣ бѣжать.

— Невозможно.

— А если я буду сопротивляться?

— О моя милая—я позову на помощь Бланпорскую полицію.

— Хорошо, хорошо—я сдаюсь, я ненавижу скандалъ. О—какъ обидно, все таки, какъ досадно! Сегодня же вечеромъ я уплыла бы въ Англію съ этимъ глуповатымъ англичаниномъ.

Я понялъ, что эти лестныя выраженія относились ко мнѣ.

— Не безпокойтесь и не досадуйте—вы не могли бѣжать. Я слѣдилъ за вами и принялъ всѣ мѣры. Я уже давно былъ увѣренъ, что открылъ васъ.

— Это уже не тотъ ли сумасшедшій френологъ открылъ вамъ меня?

— О нѣтъ, его сеансъ былъ очень интересенъ и совершенно убѣдителенъ, но—онъ тутъ не имѣлъ никакаго значенія. Ну-съ, отправимтесь. Теперь уже вамъ нечего больше дѣлать, вы видите, что вамъ ничто помочь не можетъ.

— Не раздражайте меня, не выводите меня изъ себя. Если я взбѣшена—я способна на многое, на все!

— Знаю, знаю, что мало вещей, на которыя вы неспособны и въ спокойномъ состояніи.

— Берегитесь! произнесла она съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ въ голосѣ.

— Я не боюсь. Вы забываете, что я—Леру. Ну—идемъ, я возьму васъ подъ руку и прямо на станцію желѣзной дороги.

— Я пойду спокойно, если вы не выдадите меня никому въ Бланпорѣ.

Онъ обѣщалъ и они поѣхали.

Я бросился въ гостинницу Бертье, не зная сказать ли кому нибудь о томъ, что я видѣлъ и слышалъ, или не говорить.

„Баронесса де-Мервилль“ (я еще все называлъ ее мысленно, этимъ именемъ) послала со станціи коротенькую записку къ m-me Бертье, которой сообщила, что неожиданное извѣстіе, полученное ею, потребовало присутствія ея въ Парижѣ, куда ее провожаетъ ея другъ, г. Фрондикуръ.

Въ тотъ же вечеръ я разсказалъ все доктору Вагнеру.

— А—такъ Фрондикуръ—шпіонъ. Понятно, теперь, отчего онъ не согласился, чтобы я ощупалъ голову его. Но ее я разгадалъ и френологія открыла въ ней то, что есть въ ней. Чрезвычайно интересный фактъ, въ френологическомъ отношеніи. И замѣчательная женщина! Скрытность, жажда пріобрѣтенія и наклонность къ истребленію, т. е. вы понимаете ли что это значитъ,—наклонность къ истребленію? Просто на просто наклонность къ убійству! Пусть этотъ агентъ бережется! Я не завидую ему. Шутка сказать ѣхать бокъ о бокъ съ этой прелестной женщиной весь путь въ Парижъ! Пусть бережется Леру.

Странно было мнѣ прочесть нѣсколько дней спустя въ полученныхъ изъ Парижа газетахъ о таинственномъ убійствѣ, совершенномъ на одномъ изъ поѣздовъ Французской Сѣверной желѣзной дороги. Въ вагонѣ перваго класса былъ найденъ трупъ мужчины. По осмотрѣ оказалось, что онъ былъ убитъ на повалъ выстрѣломъ въ високъ изъ маленькаго револьвера.

Въ убитомъ былъ узнанъ агентъ парижской сыскной полиціи Леру.

Я никогда больше нигдѣ не встрѣчалъ баронессы Генріэтты Мервилль и ничего не слыхалъ о ней.

Къ рисункамъ.

Сикстинская Мадонна Рафаэля.

Въ маленькой угловой залѣ знаменитой Дрезденской галлереи помѣщается „Сикстинская Мадонна“. Это произведеніе считается „самымъ свободнымъ изліяніемъ чисто-рафаэлевскаго духа“,—другими словами,—*это величайшее произведеніе величайшаго изъ художниковъ*. Рафаэль Санціо изъ Урбино, родился въ 1483 году, въ великую пятницу 28 марта, умеръ тоже въ великую пятницу, 6 апрѣля 1520 года. Умбрійская школа живописи съ ея мягкими, нѣжно-деликатными, строгопрочувствованными формами, дала первый толчекъ техникѣ будущаго генія. Изученіе флорентинской школы, и главное — древнихъ образцовъ Греціи и Рима, сообщили ему разносторонность техники и гармоничную, божественную, классическую красоту. Величавый покой, невозмутимый, строгій—эта основная черта рафаэлевскихъ работъ, несомнѣнно обязана своимъ происхожденіемъ изученію античныхъ произведеній Эллады. Только стоя по формѣ наравнѣ съ антикомъ, онѣ, въ то же время, по глубинѣ своего внутренняго строя, могутъ считаться величайшимъ проявленіемъ духа христіанства.

Мы не можемъ перечислить здѣсь весь рядъ удивительныхъ произведеній Рафаэля: это вывело бы насъ изъ рамокъ короткой замѣтки. Скажемъ только, что они разбросаны по всѣмъ европейскимъ музеямъ, и вездѣ занимаютъ несомнѣнно первое мѣсто. Наибольшее количество его работъ сгруппировано въ Римѣ, въ стѣнахъ котораго и кипѣла по преимуществу дѣятельность Санціо, въ правленіе папъ—сперва Юлія II-го, а потомъ Льва X. Его фрески въ станцахъ (парадныхъ залахъ) Ватикана, роспись ватиканскихъ ложъ (т. е. аркадъ), картоны обоевъ сикстинской капеллы,—громадное количество Мадоннъ, Святыхъ семействъ, миѳологическихъ сюжетовъ,—все это указываетъ на непрерывную лихорадочную дѣятельность недолгой жизни великаго мастера.

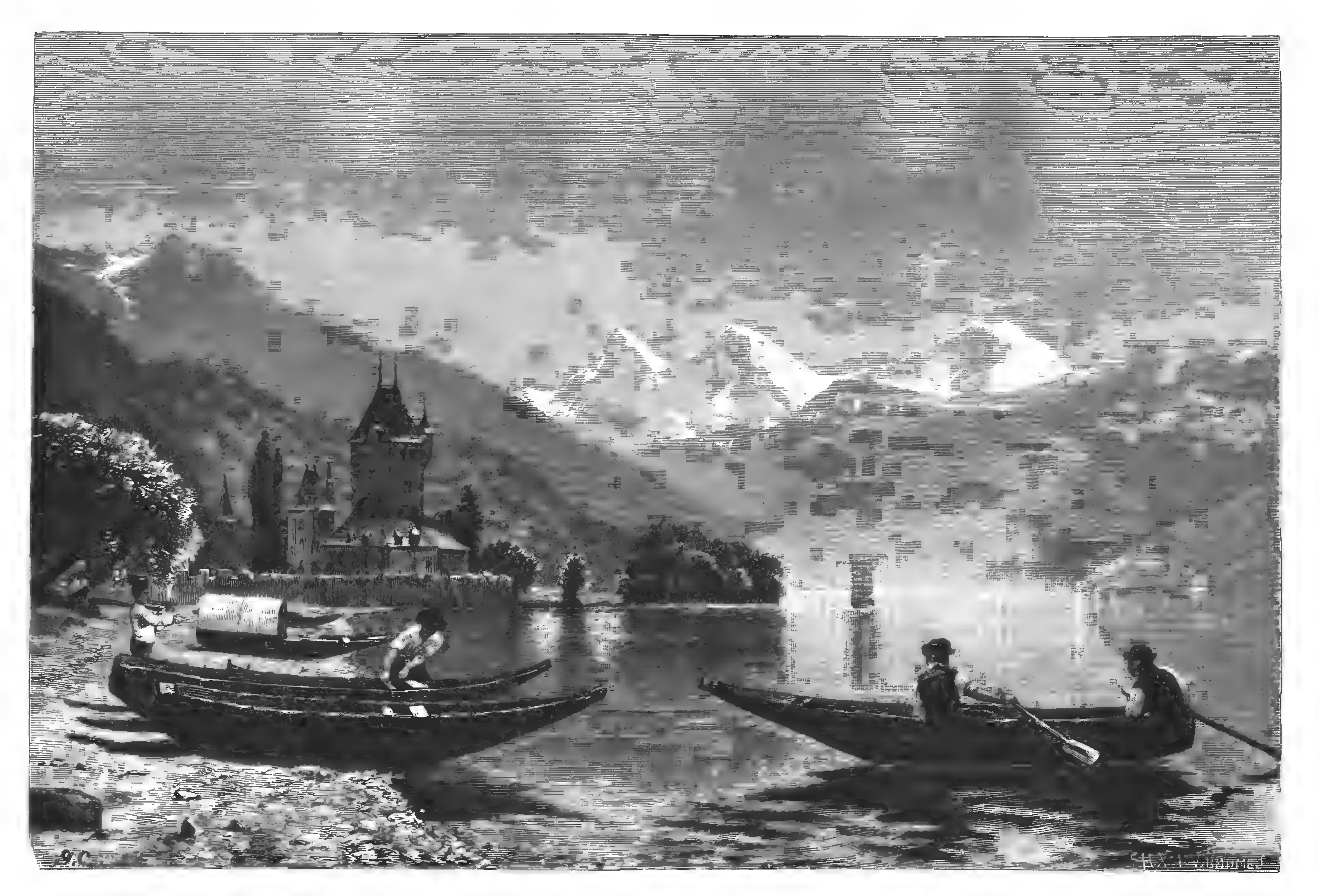
„Здѣсь душа живописца безъ всякихъ хитростей искусства, но съ удивительной простотой и легкостью, передала холсту то чудо, которое во внутренности ея совершалось, говоритъ нашъ поэтъ В. А. Жуковскій въ своей извѣстной статьѣ объ Сикстинской Мадоннѣ. Я не понимаю, какъ могла ограниченная живопись произвести необъятное; передъ глазами полотно, на немъ лица обведенныя чертами, и все стѣснено въ маломъ пространствѣ, и не смотря на то — все необъятно, все неограниченно! И, точно приходитъ на мысль, что эта картина родилась въ минуту чуда: занавѣсъ раздернулся, и тайна неба открылась глазамъ человѣка. Все происходитъ на небѣ: оно кажется пустымъ и какъ будто туманнымъ, но это не пустота и не туманъ, а какой-то тихій, сверхестественный свѣтъ, полный ангелами, которыхъ присутствіе болѣе чувствуешь, чѣмъ замѣчаешь,—можно сказать, что все, и самый воздухъ, обращается въ чистаго ангела въ присутствіи этой небесной, мимоидущей Дѣвы... Въ Богоматери, идущей по небесамъ, непримѣтно никакого движенія: но чѣмъ болѣе смотришь на нее, тѣмъ болѣе кажется, что она приближается. Она не поддерживаетъ Младенца, но руки ея свободно и смиренно служатъ Ему престоломъ: и въ самомъ дѣлѣ, эта Богоматерь есть не иное что, какъ одушевленный Престолъ Божій, чувствующій величіе Сѣдящаго. И въ Его глазахъ есть тотъ-же никуда не устремленный взоръ; но эти глаза блистаютъ какъ молніи, блистаютъ тѣмъ вѣчнымъ блескомъ, котораго ничто ни произвести, ни измѣнить не можетъ. Одна рука Младенца съ могуществомъ Вседержителя оперлась на колѣно, другая какъ будто готова подняться и простереться надъ небомъ и землею. Тѣ, передъ которыми совершается это видѣніе: св. Сикстъ и мученица Варвара,—стоятъ тоже на небесахъ—на землѣ этого не увидишь. Старикъ въ восторгѣ: онъ полонъ обожанія мирнаго и счастливаго, какъ святость; св. Варвара очаровательна своею красотой: великость того явленія, котораго она свидѣтель, дала и ея стану какое-то разительное величіе: но красота лица ея—человѣческая, именно потому, что въ немъ уже есть выраженіе *понятное;* она въ глубокомъ *размышленіи:* она глядитъ на однаго изъ ангеловъ, съ которымъ какъ будто дѣлится таинствомъ мысли“.

Черезъ три года весь образованный міръ будетъ праздновать четырехсотлѣтній юбилей дня рожденія Рафаэля Санціо.

Изъ „Сорочинской ярмарки“ Гоголя.

(Къ рисунку М. Зиновьева).

Въ одной изъ извѣстнѣйшихъ повѣстей Гоголя есть эпизодъ,

Замокъ Обергофенъ на Тунскомъ озерѣ, въ Швейцаріи. Рис. на деревѣ Г. Кристензенъ, грав. Бемъ.

Лѣтнія морскія поѣздки Гренландцевъ. Рис. К. Размузенъ, грав. Г. Маарь.

давшій мотивъ рисунку молодаго художника М. Зиновьева, помѣщенному въ настоящемъ номерѣ.

„Была у стараго Коржа дочка, красавица. Тетка покойнаго дѣда разсказывала, что полныя щечки козачки были свѣжи и ярки какъ макъ самаго тонкаго розоваго цвѣта, когда, умывшись Божьею росою, горитъ онъ, распрямляетъ листики и охорашивается передъ только что поднявшимся солнышкомъ; что брови словно черные шнурочки, какіе покупаютъ теперь для крестовъ и дукатовъ дѣвушки—ровно нагнувшись, какъ будто глядѣлись брови въ ея ясныя очи; волосы ея черные, какъ крылья ворона, и мягкія, какъ молодой ленъ, падали курчавыми кудрями на шитый золотомъ кунтушъ. Бывало, ни свѣтъ, ни заря, подковки красныхъ сапожковъ уже примѣтны на травѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ въ лунныя ночи раздобаривала Пидорка съ своимъ Петрусемъ... (Сороч. Ярм., стр. 44).

И въ тишинѣ лунной украинской ночи, юные герои повѣсти Гоголя у забора и „раздобариваютъ".

Вальдшнепъ.

(Стр. 224).

Вальдшнепъ — такъ извѣстный охотникамъ и гастрономамъ обыкновенно держится въ перелѣскахъ и кустарникахъ, которые тянутся по ручьямъ, болотамъ и окружаютъ поля и пашни. Въ октябрѣ совершаются каждогодно ихъ ночные перелеты въ теплыя страны; днемъ же они располагаются на отдыхъ на лѣсистыхъ возвышенностяхъ, вечеромъ дѣлаютъ маленькіе набѣги на хлѣбныя поля, скотскіе выгоны, ищутъ тамъ себѣ пищи и добычи — червяковъ, мухъ, улитокъ. Ихъ длинный, изогнутый, ложкообразный клювъ особенно удобенъ для захватыванія пищи, для рытія червяковъ въ землѣ. Они искусно вьютъ и устраиваютъ свои гнѣзда въ мелкомъ кустарникѣ или въ высокой травѣ, кладутъ тамъ четыре сѣро-желтыхъ пятнистыхъ маленькихъ яичка и сидятъ на нихъ около трехъ недѣль. Птенцы, пока они еще малы и не могутъ летать, пользуются самыми нѣжными попеченіями матери, которая ихъ защищаетъ и оберегаетъ отъ своихъ враговъ—лисицъ, кошекъ, куницъ, ястребовъ, коршуновъ и другихъ хищниковъ. Иногда въ крайности, не видя другаго средства спасенія, она схватываетъ лапками своего птенца и уноситъ его въ другое, болѣе безопасное, мѣсто. Именно это послѣднее и представлено на нашемъ рисункѣ. Самка-вальдшнепъ высоко несетъ по воздуху своего птенца, торопясь избѣгнуть опасности.

Гренландія и Гренландцы.

(Къ рисунку Размузсна).

Во многихъ отношеніяхъ Гренландія одна изъ интереснѣйшихъ странъ крайняго сѣвера; извѣстна и обитаема лишь ея западная, береговая полоса; остальное пространство этаго громаднѣйшаго въ мірѣ острова, имѣющаго до 30,000 кв. миль въ окружности, загромождено неизмѣримыми ледяными массами и недоступно для изслѣдованія. Какъ далеко простирается эта страна на сѣверъ, остается до сихъ поръ великой географической задачей, которую не удалось разрѣшить ни одному отважному мореплавателю, хотя прошло уже почти тысяча лѣтъ съ того времени, какъ исландецъ Гюнбіорнъ впервые увидалъ за туманами арктическаго моря, высокій, нагорный берегъ Гренландіи. Въ IX вѣкѣ посѣтилъ ее исландскій изгнанникъ Эрихъ Рауда, и по своемъ возвращеніи, описалъ своимъ землякамъ эту страну очень заманчиво; особенно привлекали его богатство рыбы и зеленые луга этого материка, прозваннаго имъ Гренландіею (Зеленой страной)

Вскорѣ по почину Эриха Рауда, въ Гренландіи явились поселенцы, а въ 1121 году было здѣсь уже основано первое гренландское епископство. Вдоль восточнаго берега находилось 119 селеній, раздѣленныхъ на 12 приходовъ, а на западномъ берегу 110 селеній составлявшихъ 4 прихода. Въ XIV столѣтіи эти колоніи посѣтила ужасная гостья—черная смерть, уничтожившая почти все населеніе: жители, оставшіеся въ живыхъ, были окончательно забыты своими соотчичами и до половины XVIII вѣка никто не думалъ о бѣдныхъ Гренландцахъ. Но въ это время объ нихъ вспомнила одна пламенная, великая душа—Гансъ Эгеде, пасторъ въ Вогенѣ, въ сѣверной Норвегіи, и эта мысль ужаснула его: можетъ быть, думалъ онъ, тамъ далеко, вблизи полюса, затертые льдами, живутъ мои земляки, лишенные свѣта религіи и просвѣщенія, забытые, заброшенные всѣмъ остальнымъ міромъ. Съ удивительной энергіей и самоотверженностью началъ трудиться добрый пасторъ для задуманной цѣли—возстановить сношенія съ Гренландіей и посвятить всю свою жизнь нуждамъ ея бѣднаго населенія. Послѣ многихъ препятствій и невзгодъ, Эгеде наконецъ добился желанной цѣли и 3 Іюля 1721 года высадился съ женою и дѣтьми на негостепріимный берегъ Гренландіи.

Ожиданія его, впрочемъ, не оправдались; повсюду его встрѣчала одна ледяная, безплодная пустыня, и лишь развалины церквей и зданій свидѣтельствовали о существовавшихъ когда-то здѣсь колоніяхъ. Въ Гренландіи жили теперь лишь жалкія, дикія племена эскимосовъ, у которыхъ Эгеде напрасно искалъ слѣдовъ древнихъ скандинавскихъ обычаевъ и нравовъ. На восточный берегъ нельзя было проникнуть, онъ былъ окруженъ сплошнымъ ледянымъ поясомъ. Эгеде оставался до смерти вѣренъ своей великой цѣли — просвѣтить Гренландію свѣтомъ христіанства и создать здѣсь новыя колоніи на мѣстѣ исчезнувшихъ. Нынѣшняя Гренландская колонія, основанная Эгеде, состоитъ изъ 18 небольшихъ поселеній. Населеніе простирается до 9800 жителей и состоитъ изъ Датчанъ и Эскимосовъ. Датское правительство посылаетъ сюда ежегодно нѣсколько кораблей, нагруженныхъ огнестрѣльными снарядами, а также разными предметами, въ которыхъ нуждается колонія; предметомъ же вывоза отсюда служатъ: тюленьи шкуры, оленій и тресковый жиръ, а изъ окрестностей Фіорда доставляются прекрасная семга и оленьи языки — это роскошное блюдо сѣверныхъ странъ. Кромѣ того западный берегъ ежегодно посѣщается китоловами разныхъ націй.

Гренландецъ исключительно рыбакъ и охотникъ; строитъ онъ себѣ хижину, состоящую снизу изъ камня или торфа, съ кровлей изъ жердей, китовыхъ костей, покрытую шкурами, мохомъ, землей и вообще всѣмъ, что попадется подъ руку; одеждой служатъ ему шкуры звѣрей. Въ сѣверной части Гренландіи, гдѣ живутъ бродячія племена эскимосовъ, люди еще менѣе заботятся стать выше однихъ животныхъ инстинктовъ и потребностей. Да и какъ жить сѣверному человѣку, котораго природа такъ обдѣлила своими дарами и погрузила во мракъ долгой, непроглядной ночи. Довольно сказать, что въ Упернавѣ, самомъ сѣверномъ селеніи Гренландіи, эта ужасная ночь длится съ 12 Ноября по 30 Января, т. е. цѣлыя 79 дней, чтобы стали понятными условія существованія Гренландца.

Замокъ Обергофенъ на Тунскомъ озерѣ.

(Рис. Кристензена).

Отзывы всѣхъ туристовъ о красотахъ Тунскаго озера, лежащаго въ раіонѣ бернскаго кантона, всегда отличаются особенною восторженностью. Дѣйствительно, это обширное озеро (въ 5 лье длины и одно лье ширины) окружено крутыми, обрывистыми, скалистыми берегами, образующими многочисленныя, затѣйливыя по очертанію пещеры, производитъ на путешественника сильное впечатлѣніе. Прибавьте къ этому синѣющую перспективу горъ, зелень виноградниковъ и бархатистыхъ луговъ и можно себѣ представить всю прелесть этого швейцарскаго ландшафта. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, близь озера, возвышаются величественные замки, принадлежавшіе нѣкогда давно исчезнувшимъ съ лица земли гордымъ магнатамъ Швейцаріи, — нынѣ безмолвные памятники давно-забытой эпохи. Такова судьба и замка Обергофена, красующагося на правомъ берегу Тунскаго озера, среди густой и яркой зелени виноградниковъ. По свидѣтельству хроникъ, замокъ Обергофенъ издавна составлялъ фамильную собственность австрійскаго дома, а въ 1651 г. былъ уступленъ Берну. Нынѣ этотъ любопытный памятникъ средневѣковаго зодчества реставрированъ его настоящимъ владѣльцемъ, г. Пурталисомъ, и составляетъ одну изъ крупныхъ достопримѣчательностей прибрежій Тунскаго озера.

В. В. Верещагинъ.

(Къ портр.).

Въ настоящее время въ Петербургѣ находится замѣчательная выставка, посѣщаемая теперь массою публики и производящая сильное впечатлѣніе. Мы говоримъ о выставкѣ картинъ Верещагина, художника, въ высшей степени оригинальнаго и талантливаго, уже составившаго себѣ большое имя.

Василій Васильевичъ Верещагинъ, довольно богатой дворянской семьи Новгородской губ. Череповскаго уѣзда, родился въ 1842 г. Онъ былъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, кончилъ курсъ блестящимъ образомъ, но вскорѣ вышелъ въ отставку. Занятія рисованіемъ началъ онъ еще въ корпусѣ и ходилъ въ биржевую рисовальную школу и затѣмъ поступилъ въ Академію Художествъ, но здѣсь далѣе первыхъ классовъ не пожелалъ идти и получивъ за эскизъ „Избіеніе жениховъ Пенелопы" 2-ю серебряную медаль, онъ уѣхалъ на Кавказъ. Энергическій и предпріимчивый художникъ вообще совершилъ много интереснѣйшихъ путешествій и послѣ каждаго такого путешествія появлялось множество блестящихъ прекрасныхъ эскизовъ и картинъ, всегда производившихъ сильное впечатлѣніе. Въ 1865 г. онъ посѣтилъ Закавказье; осенью 1867 г. отправился въ Туркестанъ и затѣмъ въ 1869 г. выставилъ въ Петербургѣ въ первый разъ свои произведенія и имѣлъ огромный успѣхъ, хотя въ мнѣніи, что его картины могли „оскорблять русское чувство" есть доля справедливости и сѣтовать на то, что они не пріобрѣтены для какого нибудь общественнаго музея — странно. Почему то изъ войны, кончившейся побѣдоносно и въ которой, какъ всегда, войска наши доблестно исполнили свой долгъ, избраны моменты нашихъ неудачъ. Стоитъ только представить себѣ, наприм., что какой-нибудь французскій художникъ вдохновился бы изображеніемъ всѣхъ несчастныхъ моментовъ грозной для Франціи войны 1870 г. и что это собраніе пріобрѣлъ бы городъ Парижъ въ какой-нибудь общественный музей для увѣковѣченія такихъ моментовъ.

"Что касается самыхъ картинъ, то онѣ, повторяемъ, прекрасны. Мы помнимъ еще, что безъ нѣкотораго волненія, нельзя было видѣть эту удивительно-изображенную кучку ге-

роевъ, слѣва, въ картинѣ (къ сожалѣнію уничтоженной авторомъ) „Окружили и преслѣдуютъ“. Собраніе куплено за 90 тыс. извѣстнымъ Третьяковымъ и подарено имъ Москвѣ. Въ концѣ 1874 г. онъ уѣхалъ въ Индію. Въ его отсутствіе академія присудила ему званіе профессора, отъ котораго художникъ счелъ нужнымъ *отказаться* (!), поступокъ весьма странный также, но это уже дѣло художника. Въ Индіи В. В. пробылъ два года и поѣхалъ въ Парижъ со множествомъ этюдовъ, видовъ, портретовъ, типовъ—теперь всѣ ихъ видѣли на выставкѣ и должно назвать ихъ по справедливости превосходными.

Началась русско-турецкая война и энергическій художникъ ѣдетъ на Дунай. Тамъ онъ ведетъ себя какъ доблестный, отважный человѣкъ, готовый жизнью жертвовать за великую идею этой войны. Онъ участвуетъ въ экспедиціяхъ, получаетъ даже рану (8 іюля на шлюпкѣ Скрыдлова). Братъ его, отчаянный храбрецъ, палъ подъ Плевной 10 августа, другой братъ его раненъ въ этомъ бою. И этотъ русскій молодецъ, этотъ высокодаровитый художникъ изъ этой эпопеи, гдѣ такъ показалъ себя русскій воинъ, въ которой самъ В. В. такъ доблестно участвовалъ, вывезъ картины, въ которыхъ, по его собственному, печатному заявленію, хотѣлъ представить именно „обратную сторону войны“ и только *обратную*. Такова наша судьба! Но почему же? Почему было-бы менѣе „независимо“ почтить доблесть и беззавѣтную вѣрность долгу этихъ безвѣстныхъ героевъ, и почтить такъ, какъ могъ бы это сдѣлать именно художникъ такой силы и такого блестящаго таланта. Во всякомъ случаѣ это одинъ изъ сильнѣйшихъ и талантливѣйшихъ современныхъ художниковъ, передъ которымъ еще значительная будущность.

О свѣтеніи животныхъ.

Очеркъ
О. И. Фесенко.

Въ 1850 г., въ Вѣнѣ, какой-то колбасникъ былъ страшно испуганъ однимъ неожиданнымъ для него самаго явленіемъ: всѣ находившіяся въ его заведеніи колбасы начали свѣтиться. Такое небывалое явленіе побудило вѣнскую полицію конфисковать колбасы и подвергнуть ихъ тщательному осмотру. Не смотря на научное изслѣдованіе „дьявольскихъ колбасъ“, какъ въ то время нѣкоторые ихъ называли, въ нихъ не было найдено ничего вреднаго. Знаменитый физіологъ *Брюкэ*, которому полиція доставила одну изъ подобныхъ колбасъ, также не нашелъ въ ней ничего особеннаго, исключая массы вибріоновъ, капель жира и кристалловъ фосфорно-кислой аммоніакъ-магнезіи. Тѣмъ не менѣе нѣмецкому ученому свѣтеніе колбасъ казалось довольно страннымъ явленіемъ и онъ его приписывалъ медленному процессу разложенія, которому подверглись злополучныя колбасы. Чрезъ нѣсколько дней, когда говоръ о свѣтящихся колбасахъ затихъ, Брукнеръ, слуга почтеннаго профессора, бесѣдуя за кружкой пива съ любителями колбасъ, нечаянно услышалъ фактъ, невѣдомый для самаго физіолога, что въ свѣтеніи колбасъ нѣтъ ничего страннаго, такъ какъ люди, часто обращающіеся съ мясомъ въ темныхъ помѣщеніяхъ отлично знаютъ, что оно можетъ издавать свѣтъ, но объ этомъ мало разсказываютъ, чтобы не нажить себѣ непріятности. На слѣдующій же день вѣрный слуга доставилъ своему господину селезенку и кусокъ мяса, которые свѣтились въ темнотѣ бѣлымъ свѣтомъ. Какъ въ селезенкѣ, такъ и въ кускѣ мяса, Брюкэ не могъ найти ни вибріоновъ, ни магнезіи, исключая лишь весьма большаго количества капель жира.

Въ этой исторіи съ вѣнскими колбасами замѣчательны слова, которыя *Брукнеру* удалось нечаянно услышать: „Люди давно объ этомъ знаютъ, но мало разсказываютъ, чтобы не нажить себѣ непріятности!“ Если въ нашемъ XIX столѣтіи люди боятся говорить о самомъ простомъ и естественномъ явленіи, то читатель легко можетъ представить себѣ, какой ужасъ долженъ былъ охватить современниковъ Бойля, жившаго въ XVII столѣтіи и утверждавшаго, что онъ видѣлъ, какъ одна оконечность, отрѣзанная отъ трупа, привезеннаго за 16 дней предъ тѣмъ, издавала довольно яркій свѣтъ: что эта свѣтящаяся оконечность, будучи перенесена на другой трупъ, сообщила этому послѣднему свою способность издавать свѣтъ; что у одного трупа свѣтились кости, мускулы, кожа. Далѣе онъ утверждалъ, что ему не разъ приходилось наблюдать свѣтеніе мяса не только человѣка, но и различныхъ другихъ животныхъ, какъ напр. теленка, курицы и т. п. Всѣ эти факты, вѣроятно, доставили людямъ не мало безсонныхъ ночей, а для многихъ, несомнѣнно, послужили хорошимъ аргументомъ достовѣрности многихъ суевѣрій.

Эти факты, впрочемъ, были не столь поразительны, какъ многіе иные, о которыхъ упоминаютъ нѣкоторые писатели. *Аристотель*, напр., видѣлъ свѣтеніе роговъ, головы, чешуекъ рыбъ, свѣтеніе глазъ и ушей у различныхъ животныхъ. Плиній упоминаетъ о свѣтеніи языка (?) у одной рыбы, глазъ у кошки, ската, волка. Онъ, наконецъ, подробно разсказываетъ, какъ тотъ однажды, вокругъ головы спящаго Сервія Туллія, когда онъ былъ еще мальчикомъ, видѣлъ сіяніе, что, какъ замѣчаетъ Плиній, было вполнѣ прилично его сану. Замѣчательно, что подобнаго рода наблюденія мы встрѣчаемъ и въ нашемъ XIX столѣтіи. Такъ, въ 1820 г. де-Ленсъ и Горси видѣли блескъ глазъ, во время воспаленія ихъ у одной больной, въ Hôtel-Dieu въ Парижѣ Нѣкоторые ученые источникомъ подобнаго свѣта считали хрусталикъ, другіе—зрачекъ, а нѣкоторые даже роговую оболочку.

Въ 1832 году было наблюдаемо свѣтеніе ушей живой лошади, а около того же времени многіе видѣли свѣтеніе кота, и даже воловъ человѣка. Такъ Ледебуръ въ своемъ „Путешествіи въ Алтайскія горы и Киргизскія степи, въ 1829 году, упоминаетъ объ одномъ петербургскомъ ботаникѣ, Мейерѣ, видѣвшемъ свѣтеніе своихъ собственныхъ волосъ во время ненного ды въ киргизскихъ степяхъ. Какъ ни интересны подобнаго рода наблюденія, тѣмъ не менѣе онѣ требуютъ для своего подтвержденія новыхъ наблюденій, новыхъ изслѣдованій. Мы можемъ указать лишь на немногіе, несомнѣнные факты, гдѣ свѣтеніе было дѣйствительно наблюдаемо. Масса же различныхъ наблюденій надъ свѣтеніемъ тѣхъ или другихъ организмовъ, или ихъ отдѣльныхъ органовъ, кажутся намъ невѣроятными, а подчасъ даже вымышленными. Къ такого рода фактамъ нужно отнести наблюденіе Бекона надъ индійской мухой, обладавшей способностью ярко освѣщать комнату; о свѣтеніи пота разгоряченной лошади: о свѣтеніи тонкихъ пластинокъ мозга (Бартоленъ. напр., увѣряетъ, что наше сердце и мозгъ издаютъ свѣтъ); о свѣтеніи ранъ, что было наблюдаемо Перси и Лораномъ въ 1820 году у одного офицера и многихъ другихъ лицъ; о свѣтеніи лягушекъ, яицъ нѣкоторыхъ ящерицъ, и т. д. Въ особенности долгое время славился такъ называемый настой какихъ-то жуковъ (Liquor lucidus), который обладалъ замѣчательными свойствами: стоило лишь слегка намазать имъ крючекъ удочки, чтобы онъ засвѣтился и на него пошла рыба, а въ комнатѣ онъ такъ ярко свѣтилъ, что лампа была совершенно излишнею...

Мы не будемъ больше останавливаться на подобныхъ фактахъ, въ которые нѣкогда вѣрило человѣчество, но которые, при современныхъ успѣхахъ науки, потеряли всякое значеніе. Перейдемъ къ изученію тѣхъ фактовъ, гдѣ свѣтеніе какъ разлагающихся, такъ и живыхъ организмовъ несомнѣнно было наблюдаемо. Свѣтеніе разлагающихся животныхъ тканей очень часто наблюдалось при гніеніи мяса многихъ рыбъ. Изслѣдованія Беккереля показываютъ, что мясо сельдя, будучи помѣщено въ условіяхъ медленнаго гніенія, всегда обнаруживало замѣтное свѣтеніе. Чтобы усилить свѣтеніе, этотъ ученый предлагаетъ слѣдующее средство: взять 12 граммовъ сельдя и положить его въ водный растворъ сѣрнокислой магнезіи, сдѣланный въ пропорціи 48 граммовъ этой соли на 100 граммовъ обыкновенной воды. По его мнѣнію, достаточно постоять подобной жидкости съ кускомъ мяса въ продолженіи одного лишь дня, чтобы на ея поверхности образовались свѣтящіяся кольца. Въ болѣе же глубокихъ слояхъ жидкости ничего подобнаго не замѣчается. Если же сильно взболтать жидкость, находящуюся въ сосудѣ, вмѣстѣ съ кускомъ мяса, то, чрезъ нѣкоторое время, она вся дѣлается свѣтящеюся и остается въ такомъ состояніи до тѣхъ поръ, пока снова не образуется на ея поверхности масса свѣтящихся колецъ, однако не столь яркихъ, какъ въ началѣ опыта.

Такого же рода явленіе—выдѣленіе свѣта при гніеніи органическихъ тканей—было наблюдаемо очень многими другими учеными, такъ что въ существованіи подобнаго факта нельзя сомнѣваться. Нужно, однако, замѣтить, что свѣтеніе не всегда проявляется при гніеніи животныхъ тканей, напротивъ, оно иногда совершенно не замѣчается, не смотря на сильное разложеніе, которому подвергаются органическія ткани. Это послѣднее обстоятельство, очевидно, указываетъ на зависимость свѣтенія отъ многихъ другихъ условій, какъ напр., отъ температуры, состава воздуха, отъ качества той воды, въ которую погружены куски мяса и т. д. Такъ напримѣръ замѣчено, что при низкихъ температурахъ, точно также какъ и при очень высокихъ, свѣтенія разлагающихся животныхъ тканей никогда не происходитъ. Кромѣ того, почти всѣ наблюдатели утверждаютъ, что для подобнаго свѣтенія необходимо присутствіе кислорода; что въ атмосферѣ углекислоты или азота свѣтеніе замѣтно ослабляется и вскорѣ совершенно прекращается, что жирныя ткани всегда издаютъ болѣе яркій и болѣе продолжительный свѣтъ и т. п.

Нужно однако замѣтить, что при всѣхъ наблюденіяхъ надъ свѣтящимися кусками мяса, замѣтно подвергшимися разложенію, на ихъ внѣшней поверхности всегда замѣчалось большее или меньшее количество капель жира. Это послѣднее обстоятельство имѣетъ весьма важное значеніе при рѣшеніи вопроса о причинѣ свѣтенія разлагающихся остатковъ животныхъ организмовъ.

Жители многихъ приморскихъ странъ хорошо знакомы съ явленіемъ, которое въ теплыя и темныя ночи обнаруживается на морѣ: вся его поверхность на значительномъ разстояніи ка-

жется усѣянной мелкими блестящими точками, которыя на далекомъ горизонтѣ сливаются въ одну безконечную свѣтящуюся полосу. Форстеръ, англійскій натуралистъ, во время своего кругосвѣтнаго плаванія, слѣдующими словами описываетъ свѣтеніе моря, которое онъ наблюдалъ 30-го января 1772 г. у мыса Доброй Надежды: „Все море казалось мнѣ пылающимъ; каждая его волна несла за собой яркій свѣтовой столбъ. Какія-то большія свѣтящіяся тѣла кувыркались въ различныхъ направленіяхъ, иногда молніеобразно проскакивая то въ ту, то въ другую стороны. Какъ мнѣ тогда казалось это были рыбы. Каждый случайный ударъ волны о бортъ корабля производилъ тысячи свѣтящихся искръ, разлетавшихся въ различныя стороны. Каждая капля воды издавала яркій свѣтъ, истекавшій изъ массы мелкихъ животныхъ, плававшихъ въ этой каплѣ воды. Въ минуты, когда море казалось спокойнымъ, вся его поверхность была или непрерывно освѣщена, или на ней постоянно то появлялись, то снова исчезали тысячи искръ“. На это крайне вѣрное наблюденіе надъ причиною свѣтенія моря въ то время не было обращено никакого вниманія, такъ какъ казалось невѣроятнымъ, чтобы живыя тѣла могли издавать свѣтъ. Причину-же свѣтенія моря объяснили поглощеніемъ свѣта морскою водою во время дня и обратнымъ его выдѣленіемъ во время ночи. Вскорѣ, однако, эта теорія должна была уступить мѣсто другой, видѣвшей въ электричествѣ истинную причину проявленія свѣта морскою водою. Предполагалось, что треніе корабля и другихъ различныхъ твердыхъ предметовъ о воду должно было вызывать образованіе противуположныхъ электричествъ, которыя при взаимномъ прикосновеніи неминуемо должны были вызвать ярко свѣтящіяся искры. Въ началѣ XIX столѣтія пытались объяснить свѣтеніе моря выдѣленіемъ изъ дна этого послѣдняго самовозгарающагося газа, который сначала скоплялся на поверхности воды въ видѣ отдѣльныхъ пузырьковъ; эти же послѣдніе лопались и выпускали содержащійся въ нихъ газъ, который, приходя въ соприкосновеніе съ воздухомъ тотчасъ же самовозгарался. Всѣ эти взгляды, лишенные всякихъ несомнѣнныхъ доказательствъ, совершенно исчезли изъ науки; взглядъ же, нѣкогда высказанный *Форстеромъ*, нашелъ для себя полное подтвержденіе въ работахъ дальнѣйшихъ изслѣдователей, занимавшихся этимъ вопросомъ. Въ настоящую минуту не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что причина свѣтенія или фосфоризаціи моря исключительно обусловливается свѣтеніемъ живыхъ организмовъ или разлагающихся частей тѣла. Мы имѣемъ весьма точныя наблюденія надъ свѣтеніемъ нѣкоторыхъ микроскопическихъ организмовъ, нѣкоторыхъ медузъ, мягкотѣлыхъ, раковъ, полиповъ, насѣкомыхъ и даже рыбъ.

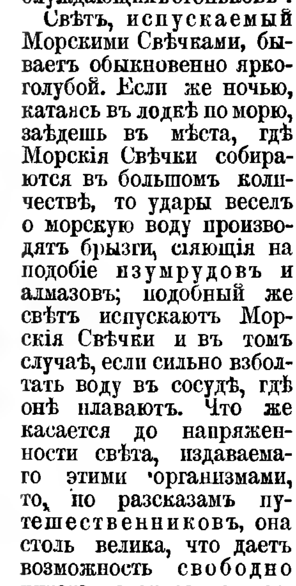
Разсмотримъ вкратцѣ свѣтеніе различныхъ организмовъ, относящихся къ тѣмъ или инымъ типамъ животнаго царства.

Относительно свѣтенія низшими, микроскопическими животными наши свѣдѣнія преимущественно ограничиваются свѣтеніемъ одного организма, извѣстнаго въ наукѣ подъ именемъ Noctiluca (Морская Свѣчка). Этотъ организмъ имѣетъ видъ почки, у основанія которой прикрѣпленъ хвостообразный отростокъ. (Flagellum).

„Если помѣстить“, говоритъ Катрфажъ, нѣсколько морскихъ Свѣчекъ въ какой нибудь прозрачный сосудъ, наполненный морской водой, то легко можно замѣтить, какъ въ ней мало по малу начнутъ появляться свѣтящіяся точки; если на одну изъ такихъ свѣтящихся точекъ посмотрѣть въ лупу, то оказывается, что свѣтящаяся точка есть ничто иное, какъ Морская Свѣчка.

Вальдшнепъ съ своимъ птенцомъ.

Чрезъ нѣкоторое время, организмы эти собираются на поверхности воды образуя собою сплошной свѣтящійся слой, тогда какъ ниже этаго слоя вода не представляетъ ничего подобнаго. Если же быстро взболтать воду въ сосудѣ, то она снова все пронизывается массою блуждающихъ огоньковъ“.

Свѣтъ, испускаемый Морскими Свѣчками, бываетъ обыкновенно ярко-голубой. Если же ночью, катаясь въ лодкѣ по морю, заѣдешь въ мѣста, гдѣ Морскія Свѣчки собираются въ большомъ количествѣ, то удары веселъ о морскую воду производятъ брызги, сіяющія на подобіе изумрудовъ и алмазовъ; подобный же свѣтъ испускаютъ Морскія Свѣчки и въ томъ случаѣ, если сильно взболтать воду въ сосудѣ, гдѣ онѣ плаваютъ. Что же касается до напряженности свѣта, издаваемаго этими организмами, то, по разсказамъ путешественниковъ, она столь велика, что даетъ возможность свободно читать печатное на разстояніи 50 шаговъ отъ мѣста, откуда истекаетъ свѣтъ. Другіе путешественники увѣряютъ, что у тропиковъ свѣтъ этотъ такъ ярокъ, что смотрѣть на него долгое время столь же непріятно, какъ и на ярко свѣтящее солнце. Понятное дѣло, что подобная напряженность свѣта, издаваемаго морскими Свѣчками, сильно преувеличена, тѣмъ не менѣе однако сила свѣта настолько значительна, что взмахи веселъ вверхъ и внизъ, во время очень темныхъ ночей, легко могутъ быть отличены.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Политическое обозрѣніе.

Изъ Турціи.—Греко-турецкій вопросъ.—Помолвка наслѣднаго эрцгерцога австрійскаго съ дочерью Бельгійскаго короля.—Фрейсине и іезуиты.—Вооруженія въ Швейцаріи.—Авганистанъ.—Лессепсъ въ Америкѣ.

Г. Ону, согласно инструкціи князя Горчакова, потребовалъ отъ Порты примѣрнаго наказанія убійцы Куммерау. Саидъ-Паша отдалъ приказаніе произвести строжайшее и быстрое слѣдствіе. Оказывается, что убійца находился въ числѣ придворной прислуги. Странно только то, что желая убить перваго христіанина, котораго встрѣтитъ, онъ избралъ жертвой своей русскаго, хотя на дорогѣ своей онъ видѣлъ христіанъ и другой націи.... Англія взяла окончательно на себя иниціативу разрѣшенія греко-турецкаго пограничнаго вопроса путемъ международнаго посредничества. Сэръ Лейардъ заявилъ, оффиціальной нотой, Портѣ, что державы, подписавшія берлинскій трактатъ, постановили назначить международную коммисію изъ делегатовъ этихъ державъ. Коммисія будетъ рѣшать абсолютнымъ большинствомъ и опредѣленная ею новая греко-турецкая граница будетъ сообщена коллективною нотою великихъ державъ Портѣ и греческому правительству. Несмотря на это однако ходитъ слухъ, будто греческій король имѣетъ намѣреніе посѣтить Петербургъ, а затѣмъ и другіе дворы, въ видахъ достиженія желательныхъ результатовъ по вопросу о границѣ.

Наслѣдный австрійскій принцъ Рудольфъ обручился съ бельгійской принцессой Стефаніей, дочерью Бельгійскаго короля Леопольда. Наслѣдный принцъ — единственный сынъ императора Франца-Іосифа и его супруги Елисаветы — родился 21-го августа 1859 года, а невѣста, средней изъ трехъ дочерей короля Леопольда—еще не минуло 16-ти лѣтъ, такъ какъ она родилась въ маѣ 1864 года. Эрцгерцогъ Рудольфъ познакомился съ своей невѣстой на свадьбѣ старшей дочери бельгійскаго короля съ принцемъ Филиппомъ Саксенъ-Кобургъ-Готскимъ. Обрядъ бракосочетанія будетъ, по слухамъ, сначала совершенъ въ Брюсселѣ, „pro procurationem“, причемъ мѣсто жениха будетъ заступать одинъ изъ братьевъ императора австрійскаго, а затѣмъ невѣста пріѣдетъ въ Вѣну, гдѣ и произойдетъ самая свадьба, ожидающаяся, какъ предполагаютъ, въ іюлѣ. Австрійскія войска, расположенныя въ долинѣ Лима (въ Ново-Базарскомъ санджакѣ), получили значительныя подкрѣпленія. При появленіи близъ Плевле инсургентскаго отряда, начальствующій мѣстными турецкими войсками Сулейманъ-Паша предложилъ австрійцамъ свое содѣйствіе, но оно было отклонено.

Во Франціи общее вниманіе сосредоточено на подробностяхъ парламентской борьбы по проекту Ферри о народномъ образованіи. Мы уже сообщали, что сенатъ отклонилъ § 7-й этого

(Продолженіе на стр. 225. 226. 227 и 228).

проекта, направленный противъ іезуитовъ. Фрейсине выразился, между прочимъ, что іезуиты въ случаѣ какихъ-либо интригъ своихъ или агитаціи противъ республики будутъ высланы изъ Франціи. При другомъ случаѣ, президентъ совѣта министровъ, говоря о внѣшней политикѣ, которой слѣдуетъ нынѣшнее французское правительство, заявилъ о его миролюбіи. Самъ онъ, лично—врагъ войны, и будь миръ нарушенъ, онъ немедленно вышелъ бы въ отставку. Франція, по его словамъ, приготовится только къ отпору непріятельскаго нападенія, но сама нападать не будетъ.

Нѣкоторыя изъ итальянскихъ газетъ опровергаютъ слухи объ усиленіи итальянскихъ пограничныхъ войскъ въ Тиролѣ. Опроверженія въ порядкѣ вещей, но не всегда въ нихъ сказывается послѣднее слово...

За то въ Швейцаріи выдвинулся теперь вопросъ объ усиленіи государственной обороны. Противъ чего намѣрена обороняться маленькая, да и при томъ нейтрализированная, республика—неизвѣстно. Тѣмъ не менѣе офиціальные органы Швейцарскаго правительства открыто заявляютъ о необходимости обратить Цюрихъ, Бернъ и Беллинцону въ первоклассныя крѣпости. Потребность эта объясняется слабою подготовкою швейцарскихъ боевыхъ силъ.

Въ Лондонѣ снова получены неблагопріятныя свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ въ Авганистанѣ. Изъ Аллагабада сообщаютъ, что городъ Шарикаръ снова взятъ и раззоренъ авганцами, что туземные союзники (?) англичанъ, обращаются противъ нихъ и что различныя племена собираются большими массами. Близь Газни стоитъ Магометъ-ханъ, съ сыномъ эмира, во главѣ 11-ти тысячнаго войска. Генералъ Стюартъ выступаетъ противъ него. Ожидаютъ, однако, что Магометъ-ханъ не приметъ сраженія, и уйдетъ въ горы, гдѣ Стюарту будетъ трудно нагнать его. Что касается Абдуррахманъ-паши, то, говорятъ онъ вопреки сообщеннымъ слухамъ, еще не перешелъ Аму-Дарьи и, какъ ловкій человѣкъ, ждетъ удобной минуты и указанія событій. Относительно будущихъ движеній англичанъ передаютъ, что съ наступленіемъ весны, они очистятъ шерпурскій лагерь и расположатся въ баракахъ, на Сіагогнскихъ высотахъ. Интендантскіе и артиллерійскіе склады будутъ снова переведены въ Бала-Гисаръ.

В. В. Верещагинъ. Съ фотогр. грав. К. Вейерманъ.

Лессепсъ находится въ настоящее время въ Америкѣ, куда онъ отправился съ цѣлью ослабить существовавшую тамъ оппозицію противъ проекта его о прорывѣ Панамскаго перешейка. Недавно онъ имѣлъ по этому поводу аудіенцію у президента штатовъ, Гейса. Сѣверо-Американскій конгресъ назначилъ спеціальную комиссію для разсмотрѣнія проекта и комиссія эта постановила предложить конгрессу высказаться самымъ рѣшительнымъ образомъ въ необходимости слѣдовать въ этомъ случаѣ взглядамъ Монроэ (извѣстная узко-патріотическая теорія обособленности Америки). По теоріи этой контроль и завѣдываніе надъ всѣми путями сообщенія чрезъ Панамскій перешеекъ принадлежатъ Соединеннымъ Штатамъ. Комиссія совѣтуетъ предложить президенту, чтобъ онъ принялъ своевременно мѣры къ объявленію недѣйствительными всѣхъ договоровъ, которые могли бы не соотвѣтствовать этимъ принципамъ. Лессепсъ съ своей стороны предлагаетъ сосредоточить управленіе каналомъ въ Нью-Іоркѣ.

Новыя изобрѣтенія и смѣсь.

Селлюлоидъ—новѣйшее открытіе науки, именно химіи. Въ короткое время, вслѣдствіе своихъ прекрасныхъ качествъ, онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Многіе однако приписывали этому химическому продукту разныя вредныя свойства и старались удержать публику отъ употребленія украшеній и предметовъ, приготовленныхъ изъ него. Уже около пятидесяти лѣтъ, нѣмцы, французы, англичане и американцы занимались примѣненіемъ для практическихъ цѣлей клѣтчатки, извлекая ее изъ волоконъ растеній, соломы и разныхъ деревьевъ. Послѣ многолѣтнихъ опытовъ, амереканцу Гіату удалось добыть селлулоидъ, вошедшій теперь въ употребленіе. Отъ прибавленія къ клѣтчаткѣ селитряной или купоросной кислоты образуется пироксилинъ, т. е. взрывчатая хлопчатая бумага, но при дальнѣйшей обработкѣ этаго вещества, производящейся при добавленіи большаго количества камфоры, взрывчатая бумага теряетъ способность производить взрывы. Тогда получается плотный составъ въ родѣ коллодія. Свойства коллодія и селлюлоида одинаковы, съ тою только разницею, что разрывная способность перваго устраняется прибавленіемъ алькоголя или купороснаго эфира, а послѣдняго—прибавленіемъ камфоры. Такимъ образомъ, устранивъ въ селлюлоидѣ свойство производить взрывы, не опасаясь можно употреблять его на изготовленіе гребней и разныхъ украшеній. Профессоръ Рело, на авторитетъ котораго можно полагаться, пишетъ объ селлюлоидѣ слѣдующее: селлюлоидъ можетъ примѣняться для техническихъ цѣлей и пригоденъ для изготовленія искуственной кожи. Далѣе могутъ быть изъ него изготовлены предметы для различныхъ потребностей. Гребни, приготовленные изъ селлюлоида оказываются чрезвычайно прочными, и безусловно лучшими, чѣмъ гутаперчевые. Изъ него съ легкостью изготовляются всѣ подделки слоновой кости, малахита, коралловъ, перламутра и янтаря. На гладкихъ пуговицахъ чрезвычайно удобно выкладываются украшенія изъ серебра, золота или другаго металла. Для этаго пластинку изъ селлюлоида нагрѣваютъ до 125° по Цельсію. При такой температурѣ селлюлоидъ становится мягокъ и тогда легко произвести на немъ наборную работу, при чемъ металлы крѣпко соединяются съ селлюлоидомъ. Американцы нашли еще другое примѣненіе селлюлоида. Они употребляютъ его, какъ суррогатъ полотенъ и приготовляютъ изъ него воротники, манжеты, груди для рубахъ и даже галстухи. Всѣ эти предметы неизносимы и моются посредствомъ щетки и мыла. Что касается воспламененія селлюлоида, то объ этомъ составители его никогда не спорили; они только указываютъ на непомѣрное преувеличеніе этаго свойства. Всѣ предметы ежедневнаго нашего употребленія, при неосторожности, грозятъ намъ опасностію, какъ напр. керосинъ, точно также и селлюлоидъ. Но прекрасныя его качества, эластичность и прочность признаны всѣми. Вещества до сихъ поръ служившіе для имитаціи коралловъ, малахита, слоновой кости и др. вскорѣ будутъ совершенно съ успѣхомъ замѣнены селлюлоидомъ.

Телеграфное сообщеніе во время хода поѣзда. Въ Швеціи всѣхъ занимаетъ изобрѣтеніе инженера Дальстрома, который нашелъ способъ соединить посредствомъ телеграфа станціи желѣзныхъ дорогъ съ поѣздами, находящимися въ движеніи. Въ этомъ мѣсяцѣ, по желѣзной дорогѣ между Вестервикомъ и Гультефредомъ, это изобрѣтеніе было практически примѣнено. Стокгольмская газета „Nya Tagl. Alleh.“ объ этомъ сообщаетъ. Въ пассажирскомъ вагонѣ установленъ телеграфный аппаратъ—показывающій—проводники котораго, обыкновенно опускающіе-

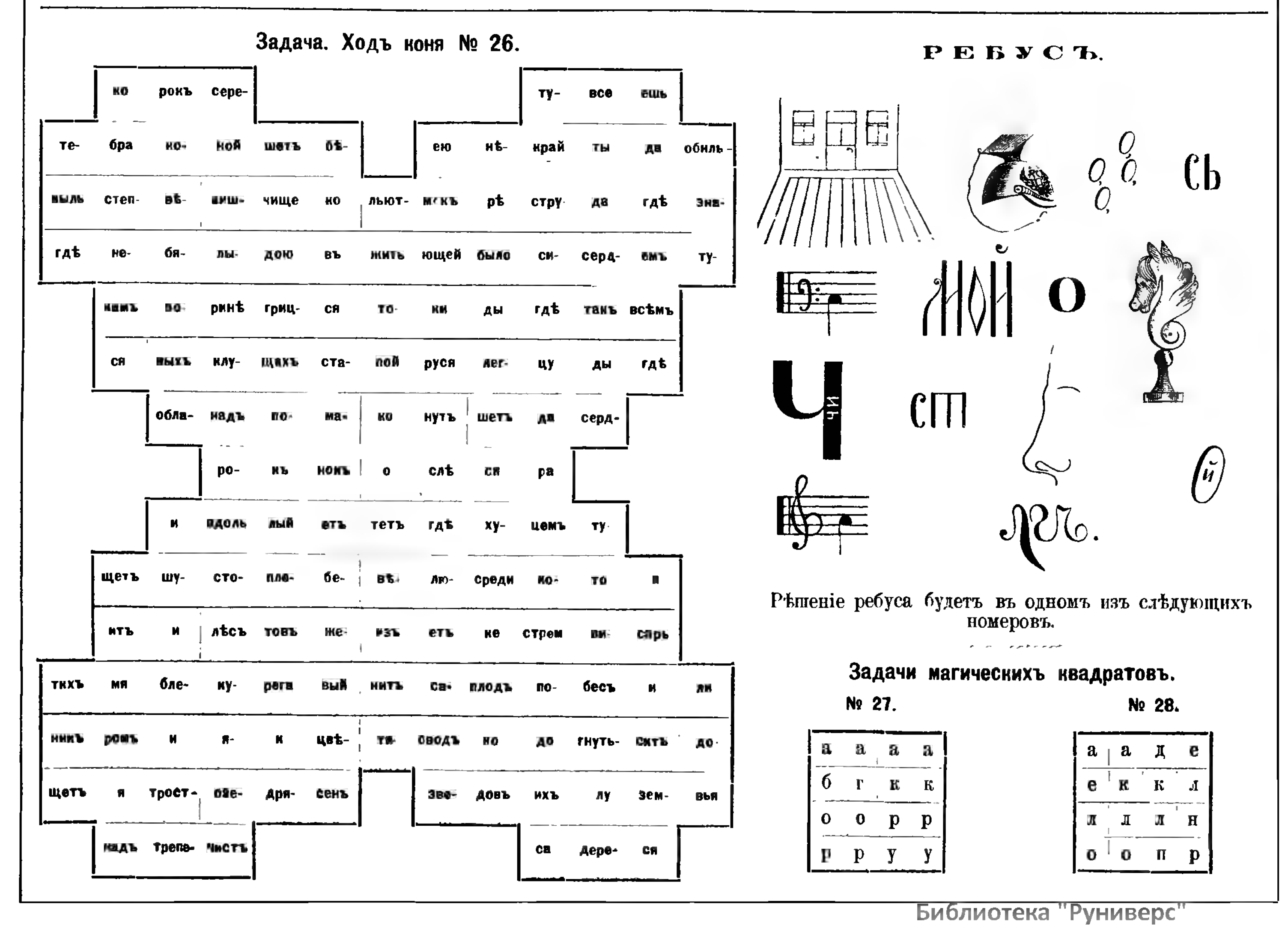
ся въ землю, соединены съ колесами вагона. Отъ аппарата идетъ проволока къ мѣдному довольно большому цилиндру, придѣланному снаружи вагона невдалекѣ отъ крыши. Цилиндръ этотъ приводится въ вращеніе треніемъ о проволоку, укрѣпленную на телеграфныхъ столбикахъ, на довольно значительномъ разстояніи отъ вагона. На телеграфныхъ столбикахъ находятся длинные крючья, удерживающіе проволоку такъ, что цилиндръ свободно проходитъ подъ ними. На крючьяхъ проволока развѣтвляется на два конца, длиною въ нѣсколько футовъ. Одинъ конецъ закрѣпляется на крюкъ, а другой опускается къ низу въ такомъ положеніи, чтобы цилиндръ безостановочно и безпрепятственно приходилъ съ нимъ въ соприкосновеніе.

Для испытанія, въ двухъ вагонахъ помѣстили аппараты; общество раздѣлилось на двѣ половины по вагонамъ, отошедшимъ одновременно отъ двухъ различныхъ станцій на одномъ пути. Началось телеграфное сообщеніе и происходило безъ остановокъ между вагонами и станціями. Скорость ѣзды была нѣсколько разъ измѣнена, вагоны получали приказанія то приблизиться, то удалиться. Наконецъ послѣдовалъ приказъ съѣхаться съ возможной скоростью, и остановиться въ извѣстномъ разстояніи, отъ намѣченнаго телеграфнаго столба. Приказъ былъ выполненъ такъ точно, что оба вагона одновременно очутились на указанномъ пунктѣ. Объ этой удачной пробѣ телеграфировали заразъ въ Стокгольмъ и Вестервикъ, съ обоихъ вагоновъ, въ редакцію „N. T. A.“ Опытъ удался какъ нельзя лучше, сообщеніе продолжалось при самой большой скорости поѣздовъ. На сколько зимою образованіе льда на проволокахъ и степень скорости ѣзды, будутъ затруднять металлическое соприкосновеніе вышеназванной боковой проволоки, можно будетъ судить по дальнѣйшимъ опытамъ.

Заведеніе для искусственной выкармки куръ. Въ Парижѣ существуетъ заведеніе, гдѣ откармливается не менѣе 630 пулярдокъ. Птицъ этихъ, размѣщенныхъ по клѣткамъ, кормитъ, при помощи аппарата, дѣйствующаго давленіемъ и содержащаго мягкій кормъ, всего одна женщина. Она вставляетъ въ клювъ птицы трубку, соединенную съ аппаратомъ, нажимаетъ ногой дощечку, и извѣстное, съ математической точностью опредѣляемое въ центиметрахъ монометромъ, количество пищи входитъ въ желудокъ курицы. Общество покровительства животныхъ въ виду экономіи этой системы одобрило ее. Аппаратъ для кормленія на 6 курицъ стоитъ 175 фр., на 12—250, на 30—500, на 60—800 и на 210—240 фр. Однимъ лицомъ въ продолженіи часа весьма успѣшно можетъ быть накормлено 400 штукъ куръ. Въ этомъ заведеніи находятся также усовершенствованные аппараты для искусственной выводки куръ. Выведенные при помощи теплой воды цыплята отдаются на попеченіе индѣйкамъ.

Медвѣжій балъ. Въ правленіе Станислава Понятовскаго, послѣдняго польскаго короля, князь Радзивилъ давалъ однажды блестящій пиръ, на который было приглашено самое избранное общество. Представители церкви, посланники иностранныхъ дворовъ, знатныя дамы, знаменитые ученые, цвѣтъ польскаго шляхетства—однимъ словомъ все, что только выдавалось по сану, рожденію, уму, красотѣ или богатству при дворѣ любимца русской императрицы, принимало участіе въ праздникѣ. За столомъ хозяинъ завелъ разговоръ объ укрощеніи дикихъ животныхъ и замѣтилъ при этомъ, что у него во дворѣ содержится нѣсколько звѣрей, замѣчательная дрессировка которыхъ затмѣваетъ всѣ полученные до сихъ поръ въ этомъ отношеніи результаты. Любопытство общества было этимъ возбуждено, и многіе выразили желаніе взглянуть на укрощенныхъ животныхъ. Князь съ любезной готовностью согласился тотчасъ же исполнить просьбу гостей и повелъ ихъ въ сосѣднюю залу, гдѣ они къ великому удивленію увидѣли четырехъ молодыхъ богато одѣтыхъ дамъ въ обществѣ четырехъ большихъ медвѣдей, прогуливавшихся по паркету съ благопристойностью джентльменовъ. Изумленіе гостей не имѣло предѣловъ, когда при звукахъ музыки животныя по знаку, данному сторожемъ, приблизились къ красавицамъ и пригласили ихъ на танцы. Во все время кадрили дрессированные медвѣди оставались вѣрны ролямъ, съ точностью исполняя всѣ фигуры танца. По окончаніи, каждый отвелъ свою даму на мѣсто и покинулъ залу при громкихъ выраженіяхъ одобренія приведеннаго въ восторгъ этой сценой общества.

Замѣчательныя похороны происходили недавно въ Нью-Іоркѣ. Нѣкто Уильмарзъ уже 23 года обладалъ нью-фаундлендской собакой, которая, много лѣтъ тому назадъ, спасла его жену отъ утопленія. Старая чета, не имѣвшая дѣтей, сосредоточила на собакѣ всю свою нѣжность. Недавно собака эта умерла отъ старческой слабости, и владѣльцы ея устроили ей пышныя похороны. На катафалкѣ красовался великолѣпный гробъ, обитый бархатомъ и покрытый живыми цвѣтами, на массивной серебряной доскѣ красовалось имя собаки и повѣствованіе о совершенномъ ею подвигѣ. Вслѣдъ за траурною колесницею двигалось множество траурныхъ каретъ. Собака похоронена въ семейномъ склепѣ и надъ ея могилою сооруженъ памятникъ.

Задача. Ходъ коня № 26.

	ко	рокъ	сере-						ту-	все	ешь	
те-	бра	ко-	ной	шетъ	бѣ-		ею	нѣ-	край	ты	да	обниль-
выль	степ-	вѣ-	виш-	чище	ко	льют-	м[illegible]къ	рѣ	стру-	да	гдѣ	зна-
гдѣ	не-	бя-	лы-	дою	въ	жить	ющей	было	си-	серд-	емъ	ту-
	нимъ	по-	ринѣ	триц-	ся	то-	ки	ды	гдѣ	танъ	всѣмъ	
	ся	ныхъ	клу-	щахъ	ста-	пой	руся	лег-	цу	ды	гдѣ	
		обла-	надъ	по-	ма-	ко	нутъ	шетъ	да	серд-		
			ро-	нъ	нонъ	о	слѣ	ся	ра			
		и	вдоль	ный	етъ	тетъ	гдѣ	ху-	цемъ	ту-		
	щетъ	шу-	сто-	пле-	бе-	вѣ-	лю-	среди	ко-	то	и	
	итъ	и	лѣсъ	товъ	же-	изъ	етъ	не	стрем	ви-	спрь	
тихъ	мя	бле-	ку-	рега	вый	нить	са-	плодъ	по-	бесъ	и	ли
никъ	ромъ	и	я-	к	цвѣ-	ти-	сводъ	но	до	гнуть-	ситъ	до-
щетъ	я	трост-	вѣе-	дря-	сенъ		зве-	довъ	ихъ	лу	зем-	вья
	надъ	трепе-	чистъ						са	дере-	ся	

РЕБУСЪ.

Рѣшеніе ребуса будетъ въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ.

Задачи магическихъ квадратовъ.

№ 27.

а	а	а	а
б	г	к	к
о	о	р	р
р	р	у	у

№ 28.

а	а	д	е
е	к	к	л
л	л	л	н
о	о	п	р

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Моршанскъ, Ф. П—ву.

Ахъ, люди добрые внемлите!
Меня съ милою *сведите*
Благодаренъ буду я(!)

Спб. М. Коя—чу. Непомѣщеніе — уже отвѣтъ.

Вольскъ, Бар—ой. Вы говорите «я дѣлаю большой рискъ, посылая вамъ стихи». Какой же рискъ? Они будутъ только уничтожены.

Москва И. Л—ву.

Люблю съ поникшей головою
Гулять тропинкою лѣсной.

Можетъ быть. Но это нисколько не интересно

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

НОВЫЯ КНИГИ:

ЛИНЕВЪ, Д. А. „Въ пересыльной тюрьмѣ“. большой томъ изданный безъ предварительной цензуры. СПБ. 1880 г. Ц. 2 руб.

ЛИНЕВЪ, Д. А. „По тюрмамъ“ Записки заключеннаго, ц. 2 р.

Можно получать въ кн. маг. Новаго Времени, Гартье, Мамонтова, Стасюлевича—въ С.Петербургѣ, въ Москвѣ у бр. Улитиныхъ на театральной площади и Шмидтъ у Никитскихъ воротъ. Гг. иногородные обращаются въ складъ изданій: въ Смоленскъ, въ книжный магазинъ Вас. Фед Лаврова. За пересылку не платятъ. № 605 1.

Поддѣльные бриллiанты, оправленные въ серебрѣ, но игрѣ не уступающіе настоящимъ, серьги, броши, булавки и запонки отъ 1 руб. до 8 руб.

Запонки съ пружиною и другіе отъ 5 к. до 8 руб

Цѣпочки накладного золота и чрезъ огонь золоченныя единственно не чернѣющія, дамскія и мужскія отъ 2½ р. до 12 р.

Альбомы отъ 85 к. до 25 руб.

Трости и зонты дамскіе мужскіе отъ 1 р. до 15 руб.

Галстуки мужскіе отъ 10 к. до 2 р, дамскіе отъ 1 р. до 3 руб

Помочи отъ 75 к. до 5 руб., щетки, гребни, зеркала.

Портмоне, портпапиросы и бумажники отъ 40 к. до 6 р.

Игры: крокетъ садовый отъ 7 до 20 руб., **шахматы** отъ 1 р. до 5 р., шашки, лото отъ 30 к, домино, домино-лото и пр, фотографическій аппаратъ посредствомъ котораго можно снять, безъ знанія фотографіи, съ натуры виды и портреты, цѣна 30 руб. (пересылка за 10 фунтовъ).

Фонари бумажные для иллюминаціи отъ 5 к. до 1 руб. и бенгальскій огонь отъ 10 до 40 к. за пачку.

Бумажные воротники и манжеты отъ 45 к. за дюжину.

Въ магазинѣ „**НЮРНБЕРГЪ**“ въ Старомъ газетномъ пер., наискось церкви Успенія, въ Москвѣ.

№ 603 1.

ЛУЧШІЕ АМЕРИКАНСКІЕ КОЖАНЫЕ МАШИННЫЕ РЕМНИ,

гаечные ключи, топоры, вилы для сѣна и навоза и пр. и пр.

Г. М. ХУТТОНЪ и Ко.

С.-Петербургъ, Мал. Морская, № 14. Москва, Большая Лубянка, д. Мазуриной. Прейсъ-курантъ—безплатно

Только что отпечатана и поступила въ продажу новая книга:

СБОРНИКЪ рѣшеній перваго департамента Правительствующаго Сената по КРЕСТЬЯНСКИМЪ ДѢЛАМЪ,

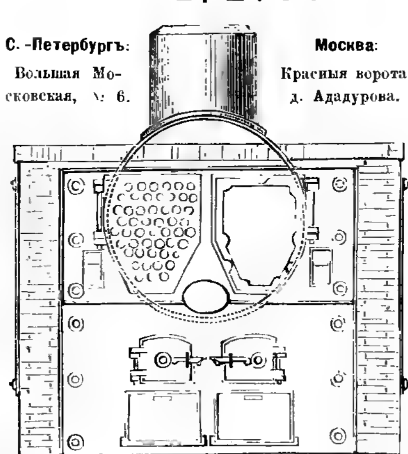
съ приведеніемъ положеній, извлеченныхъ изъ означенныхъ рѣшеній 1862 1879 гг. Составленъ оберъ-секретаремъ 1 го департамента Правительствующаго Сената **И. Г. Даниловымъ** и помощникомъ оберъ-секретаря **А. Е. Виноградовымъ.** С.Петербургъ. 1880 годъ. Цѣна 2 руб. 50 к.; пересылка за 2 фунта Продается въ книжныхъ магазинахъ И. И. Анисимова. Складъ изданія у составителя Ивана Григорьевича Данилова, въ С.-Петербургѣ, на Петербургской сторонѣ, по Гулярной ул., въ собственномъ домѣ. Иногородные, обращающіеся въ складъ, за пересылку не платятъ. Книгопродавцамъ обычная уступка.

№ 607 1—1

С. Г. Конфельдъ,

С.-Петербургъ: Большая Московская, № 6.

Москва: Красныя ворота д. Ададурова.

предлагаетъ, какъ спеціальность поставку машинъ лучшей работы съ ручательствомъ и установкой на мѣстѣ.

1) Патентованные трубчатые паровые котлы системы Паукша и паровики другихъ конструкцій.
2) Паровыя машины разн. конструкцій.
3) Турбины и водяные двигатели.
4) Полное оборудываніе писчебумажныхъ фабрикъ
5) Устройство кирпичныхъ и торфяныхъ заводовъ.
6) Устройство винокуренныхъ заводовъ съ примѣненіемъ универсальнаго солодоваго аппарата для куренія изъ ржи или картофеля.
7) Сахарные заводы съ постановкою новѣйшихъ диффузіонныхъ аппарат
8) Мукомольныя мельницы съ чугунными и фарфоровыми вальцовками.
9) Машины для обработки дерева для столярныхъ и паростныхъ заведен.
10) Локомобили съ патентованными выдвижными трубами, разныя заводскія машины, насосы, пожарныя трубы, устройство газовыхъ заводовъ, автоматическій патентованный котлопитающій аппаратъ: Другъ Кочегара. (Ягнъ) и т. д.

Отзывы г. г. заводчиковъ о произведенныхъ мною поставкахъ разныхъ машинъ и разныя свѣдѣнія всегда къ услугамъ г. г. желающихъ. Смѣты и чертежи изготовляются въ самое непродолжительное время.

ДЛЯ СОХРАНЕНІЯ

мѣховыхъ, зимнихъ, шерстяныхъ вещей и пр. мы предлагаемъ почтеннѣйшей публикѣ

РЕЗИНОВЫЕ МѢШКИ ПРОТИВЪ МОЛИ

всѣхъ величинъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Эти мѣшки закрываются герметически посредствомъ весьма легко открывающейся и закрывающейся скобки, которая препятствуетъ совершенно попасть *моли* въ мѣшокъ какъ и *образоваться* въ немъ.

Главное депо русскихъ и иностранныхъ резиновыхъ издѣлій

ЛИМАНА и РИКСА.

По Гороховой улицы., № 16.

Между Большой Морской и Краснымъ мостомъ.

№ 606 *Прим.* По воскресеньямъ нашъ магазинъ открытъ отъ 10 до 4 час. 5—1

ГЛАВНОЕ ДЕПО

МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

Юлія Генриха Циммермана

С.-Петербургъ, по Большой Морской ул., № 42, рекомендуетъ полученные инструменты отъ извѣстнаго фабриканта Бюссона въ Парижѣ.

ПО ФАБРИЧНЫМЪ ЦѢНАМЪ:

Фисгармоніи	4 окт. изъ дубов. дерева	90 р
„	4 „ „ палисандр. „	105 „
„	5 окт. 1 регистръ изъ дубов дерева	120 „
„	5 окт. 1 рег. палис. дер.	130 „
„	„ „ 3 „ дубов. „	140 „
„	„ „ 3 „ палис. „	150 „
„	„ „ 7 „ палис. „	175 „
„	„ „ 11 „ палис. „	250 „
„	„ „ 18 „ палис. „	400 „
Гармонифлюты	3 окт. 1 регистръ	45 „
„	3½ окт. 1 регистръ	65 „
„	3½ „ 1 регистръ трель и сурдинъ	80 „
„	4 окт. 1 рег. трель и сурд.	100 р
Педали (подставки)		по 10 р
Гармонифлюты больш. формата 4 окт. и 2 педали 1 регистръ, складные		150 „
Гармон флюты съ органомъ 3½ октавы 1 регистръ съ 1 валомъ		175 „
Отдѣльные валы		по 20 „
Гармонифлюты съ органомъ 4 октавы 1 регистръ и сурдинка съ 1 валомъ		225 „
Отдѣльные валы		по 25 „

Валы можно получить съ русскими піесами, операми, танцами и проч.

Всѣ эти инструменты очень хорошаго качества, весьма прочны и имѣютъ благозвучный пріятный тонъ. Они удобны для дома и для училища.

Пересылка на счетъ покупателя. Иногородные заказы исполняются аккуратно и немедленно. 3—

БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА
РУДОЛЬФА ГЕРДЕСЪ
въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

предлагаетъ свои

Билліарды съ патентованными передвижными бортами

разныхъ величинъ, разлагаемой конструкціи крытые, ровно шлифованными аспидными досками, солидной, изящной работы, по рѣшительнымъ цѣнамъ. Иллюстрированные прейсъ куранты съ описаніемъ высылаются желающимъ чрезъ

РУДОЛЬФА ГЕРДЕСЪ,

№ 543 Вознесенскій просп., № 12. 10—

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ:

БАСНИ И. А. КРЫЛОВА.

ИЗДАННЫЯ П. А. ЕГОРОВЫМЪ.

СЪ РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ И. С. ПАНОВА.

№ 608 въ 16 д. листа ц. 50 коп.; въ 8 д. листа ц. 1 рубль. 3—1.

ХОРОШО СОХРАНИВШІЕСЯ
за 1874 и 1877 г.

полные экземпляры журнала „**НИВА**“ желаютъ купить. Просятъ обращаться въ редакцію журнала „Нива“, въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 9.

КРЕЙЦНАХЪ.

ЖЕНСКІЙ ПАНСІОНЪ Г-жи Бушъ (Busch) въ лучшей мѣстности города расположенный. Заведеніе соляныхъ ваннъ. Основательная научная подготовка, внимательный, заботливый уходъ, попеченіе о здоровьи. Число воспитанниковъ ограниченное. Отличныя рекомендаціи.

№ 582 3—2

ЗОЛОТЫЕ ДАМСКІЕ ЧАСЫ

ФАБРИКАЦІИ ПАВЛА БУРЕ.

поставщика Высочайшаго Двора, закрытые анкерные на 15 камняхъ заводящіеся ключемъ: 55, 60, 65, 70 рублей.

Такіе же заводящіеся часы безъ ключа 70, 75, 80, до 100 рублей.

Заводящіеся безъ ключа высшаго достоинства отъ 125 р. до 250 руб.

Ручательство на 2 года.

Оптовая и розничная продажа: въ магазинѣ Павла Буре, поставщика Высочайшаго Двора. Невскій проспектъ № 23, С.-Петербургъ. № 609 1.

Извѣстный по своимъ свойствамъ предотвращающимъ прѣніе частей тѣла, въ особенности же ножныхъ пальцевъ,

ГАЛЬМАНИНЪ

продается въ аптекахъ, а также у дрогистовъ во всѣхъ значительнѣйшихъ городахъ Европы. Главное депо въ аптекѣ изобрѣтателя *магистра фармаціи В. Карпински,* въ гор. Варшавѣ, по Электоральной ул., № 35. Большая коробочка гальманина стоитъ въ Варшавѣ 50 к., меньшая 30 к.

Нужно остерегаться подділокъ.

№ 587 12-1 **В. Карпинскій.**

XI годъ | № 12 — годъ XI | 1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 22 Марта 1880 г. Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на 1880 годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургѣ . . 4 р.

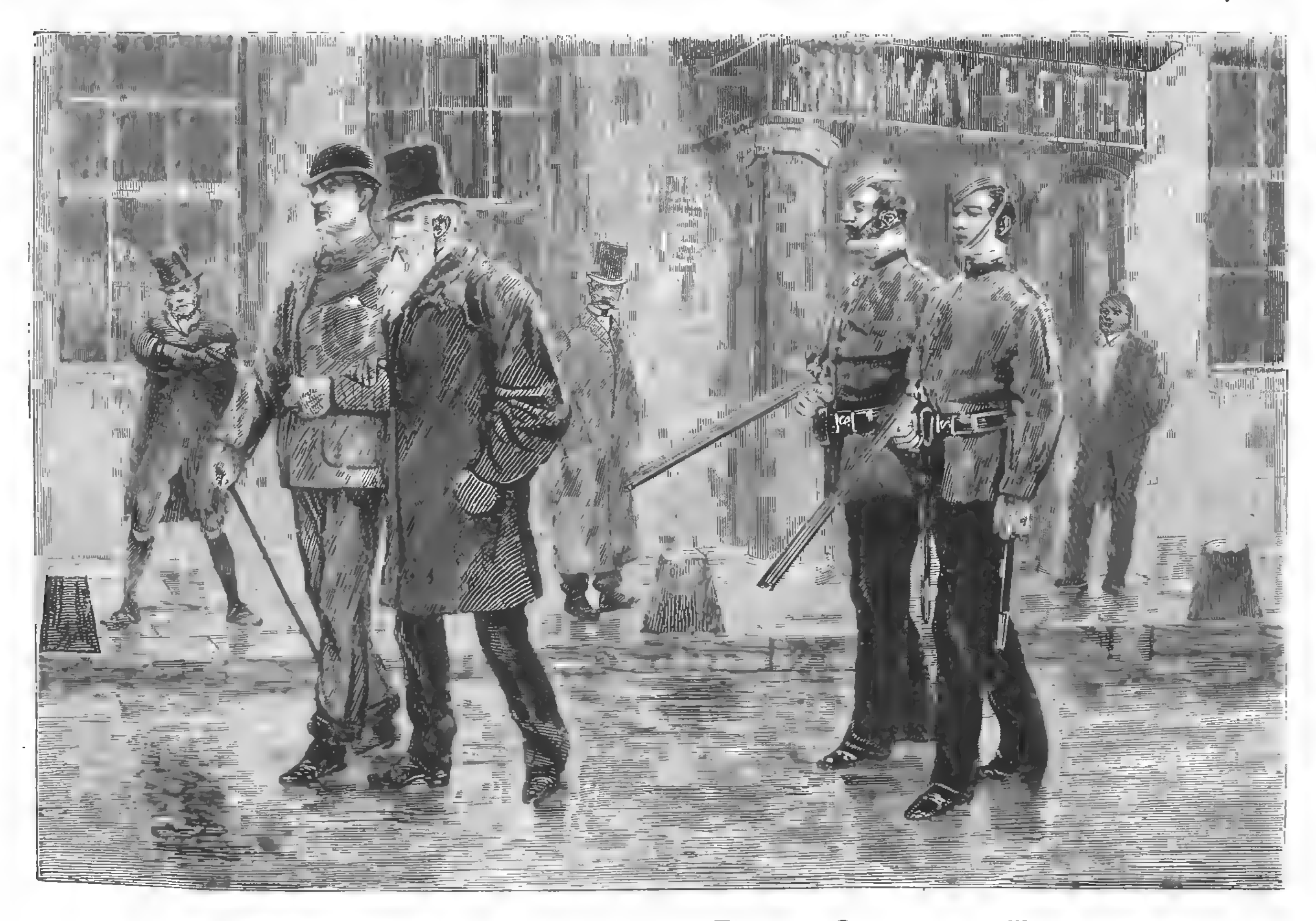
Съ доставкою „ 5 р.

Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ кн. маг. гг. Шапошникова, Соловьева и Лангъ. 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи . . . . . . 6 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1880 г. номера.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ НА Б. МОРСКОЙ ВЪ Д. № 9.

Событія въ Ирландіи. Предосторожности на улицахъ. По рисунку Вудвиля, грав. Э. Шмидтъ.

Событія въ Ирландіи.

На улицахъ города.

Въ то время, какъ англійскія газеты всячески преувеличиваютъ дѣла жалкихъ и дерзкихъ негодяевъ, задумавшихъ у насъ произвести замѣшательства и помѣщаютъ на страницахъ своихъ иллюстрированныхъ изданій такія изображенія сценъ, относящихся къ этому предмету, что за газеты эти совѣстно становится, они, кажется, неохотно припоминаютъ, что ихъ собственныя дѣла далеко не радостны. Не говоря уже о неудачной войнѣ въ Авганистанѣ и рабочемъ вопросѣ, стоило бы имъ почаще вспоминать о мрачныхъ и кровавыхъ событіяхъ въ несчастной Ирландіи, передъ которыми наши „покушенія" ничтожны, ибо не имѣютъ подъ собой никакой почвы—совсѣмъ противоположное въ Ирландіи. Нѣчто ужасное на нашихъ глазахъ творится тамъ. Голодъ охватилъ цѣлую половину страны, положеніе населенія было отчаянное. Умирали съ голоду десятками, огромныя толпы голодныхъ явились къ попечителямъ съ требованіемъ хлѣба. Жалкіе запасы картофеля истощены. Въ Баллинѣ, въ Кенморѣ тысячи живутъ подаяніемъ. Причины такого положенія глубоки и отдаленны. Первые вѣка своего господства въ Ирландіи, англичане ознаменовали безпримѣрнымъ истребленіемъ туземнаго населенія и поголовнымъ ограбленіемъ ирландскихъ землевладѣльцевъ. Введенное и поддерживаемое англичанами здѣсь поземельное законодательство ставитъ фермеровъ въ невозможное положеніе. Англійскій историкъ Фрудъ высказываетъ изумительное сожалѣніе о роковой ошибкѣ своихъ соотечественниковъ, которые не истребили всѣхъ ирландцевъ. (!) Теперь ирландцы желаютъ вернуть себѣ свою почву и свою страну. Но Англія твердо стоитъ на своемъ. И вотъ отряды въ 100—200 чел. идутъ по западной Ирландіи и выбрасываютъ на улицу голодное населеніе селъ и деревень. Страшныя сцены отчаянія и насилія, причемъ идутъ въ ходъ штыки и приклады, сцены кончающіяся кровавыми стычками повторяются безпрестанно. Англійскіе отряды являются въ деревни, предъявляя требованія ренты и вездѣ вызываютъ озлобленіе и безпорядки. Далекая Австралія въ лицѣ выселенцевъ ирландцевъ и постороннихъ сочувствующихъ явилась на помощь. Въ Америкѣ главный руководитель ирландскихъ агитацій Парнелль вызываетъ бурное сочувствіе. Каждый митингъ, каждая рѣчь Парнелля даютъ сборы въ тысячи долларовъ. Пожертвованія эти весьма слабо смягчили ужасное бѣдствіе, къ которому общество и правительство Англіи отнеслось довольно равнодушно. Положеніе ландлордовъ Ирландіи и ихъ повѣренныхъ весьма опасно. Озлобленіе къ „завоевателямъ" дошло до апогея. Народное ожесточеніе и отсутствіе порядка и безопасности въ нѣкоторыхъ округахъ доходитъ до того, что на улицахъ бываютъ случаи открытыхъ нападеній. Такъ, повѣренный маркиза Слиго много разъ подвергался нападеніямъ разныхъ лицъ, намѣревавшихся его лишить жизни. Въ него стрѣляли уже шесть разъ, а недавно, когда онъ шелъ съ сыномъ мимо желѣзнодорожнаго вокзала въ Вестпортѣ, на него напали пять человѣкъ, съ лицами, вымазанными сажей. Въ него сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ, но промахнулись. Сынъ же старика убилъ одного изъ нападавшихъ, и повѣренные и ландлорды принуждены ходить въ свои конторы не иначе, какъ изображено на нашемъ рисункѣ, въ сопровожденіи конвоя.

Иванъ да Марья.

Повѣсть

А. А. Потѣхина.

(Окончаніе).

XVII.

Комната въ которой помѣщалась Маша съ сестрою, была самая крайняя къ задней прихожей, или дѣвичьей, какъ ее называли, слѣдовательно ближайшею и къ черному выходу. Стѣны ея были глухія, безъ сообщенія съ сосѣдними комнатами, два окна выходили на улицу, а единственная дверь вела въ корридоръ, упиравшійся въ переднюю, въ которой ночью спала единственная всегда усталая, всегда, полусонная прислуга семейства Якова Захарыча; разбудить ее во время ночнаго сна можно было, только стащивши съ постели. Спальня родителей помѣщалась черезъ комнату отъ дѣтской. Такимъ образомъ Машѣ было очень удобно пробираться ни кѣмъ не замѣченной на ночныя свиданія съ Иваномъ: не представлялось особенныхъ затрудненій и для того, чтобы совершить окончательный побѣгъ изъ родительскаго дома.

— Что спятъ? спросилъ Викторъ, вполголоса, осторожно затворяя за собою дверь и показывая глазами въ сторону, гдѣ была спальня родителей.

— Улеглись, а еще не спятъ, я думаю... отвѣчала также вполголоса Маша.

— А эта? спросилъ опять Викторъ, подходя къ постели младшей сестры и наклоняясь надъ нею.

— Эта спитъ, спитъ крѣпко...

— Ну, а на волѣ на наше счастье такой снѣгъ валитъ, что любо: на саняхъ можно ѣхать... это къ счастью, говорятъ, Маша, когда къ вѣнцу ѣдешь, а снѣгъ, или дождь идетъ: богато жить будете...

— Сс... ты, тише... остановила Маша.

— Ничего... никто не услышитъ теперь... Акулю-то я къ рабочимъ усла̀лъ: прилаживалась ужъ было спать, да я шепнулъ: поди говорю, скажи ребятамъ, чтобы начинали... пили бы... я сейчасъ приду... и сама выпей стаканчикъ другой... Даромъ, соня, а куда и сонъ дѣвался: живо вскочила, побѣжала... Теперь они у меня тамъ кантуютъ во всю... Ворочусь отъ тебя, всѣ ужь пьяны будутъ: мнѣ только на-чисто отдѣлать остается, чтобы въ лежку... Ну, а ты что же, собираешься ли?.. Пора вѣдь...

— Кое-что мелочь связала давеча еще днемъ... То успѣю... Вонъ шкапъ-отъ и камодъ: все тутъ... Да у васъ-то все ли управлено... Досталъ-ли бумагу-то?

— Да такъ братъ, досталъ, что лучше требовать нельзя: обработалъ нашаго Андрея, на первый сортъ, даромъ онъ самъ пройдой и умникомъ считается.. Ужъ и бумага у Ванюхи... Все готово... Припасайся...

— Ай, батюшки, какъ подумаешь, такъ даже сердце схватитъ, руки, ноги затрясутся... Ну-ка, подумай.. Что я дѣлаю?.. на какое дѣло иду?.. Что этотъ погубитель мой, Ваня, къ чему меня довелъ!.. Изъ за этого жениха: изъ-за чиновника, съ крестомъ, благороднаго, богатаго... за него иди, за простаго мужика, бѣднаго!..

— Ну вотъ еще вздумала... Пора перестать объ этомъ.. Важность велика: чиновникъ съ крестомъ... Дай-ка Ванюхѣ деньги, онъ что сдѣлаетъ?.. Не одинъ крестъ-отъ этакой на себя навѣситъ... Ахъ, да... Вотъ и забылъ... какъ твою свадьбу сыграемъ, такъ ко мнѣ милости просимъ: я тоже въ законный бракъ...

— Ты? спросила Маша съ невольной улыбкой.

— А ты что думаешь: хуже мы что ли людей?.. Не сумѣю что ли округъ налою-то походить?.. Сколь угодно... Да, братъ, сестрица любезная, у меня и невѣста припасена, только я не по тебѣ: я съ мужицкимъ родомъ родниться не хочу... Вотъ очень нужно!.. Стану я унижаться!.. Нѣтъ, я по духовной части, по духовному сословію... для души спасенья... и для всякаго наставленья хорошаго: какъ на свѣтѣ жить, впередъ не грѣшить, а въ старыхъ грѣхахъ каяться...

— Ай, да полно, Витя, мнѣ, право, не до того: не до смѣху, не до шутокъ... Изныло во мнѣ сердце... Подружки-то у меня нѣтъ никакой, пріятельницы сердечной, съ кѣмъ бы посовѣтовать, погоревать, поплакать...

— Ну, вотъ еще... А ты ни канительничай... Собирайся, знай, собирайся... Время... И мнѣ пора ребятъ укладывать: вѣдь, сегодня я одинъ дежурный-то на всю ночь... Дружка, вѣдь, я у васъ, а дружкѣ сама знаешь хлопотъ много... Вотъ я посмотрю какъ вы послѣ-то меня любить, да почитать будете...
за все мое неоставленіе... Ну, оставайся...

— Вотъ не знаю: какое платье-то мнѣ надѣть къ

вѣнцу... Вотъ и не съ кѣмъ посовѣтовать... Получше ли что надѣть, али попроще?.. Опять что на голову: цвѣты ли, али ленточку только, али просто, безо всего?.. Вотъ кого я спрошу: ты мужчина, не знаешь ничего этого...

— Анъ врешь, знаю, все тебѣ разскажу... Обряжайся какъ можно... чтобы все въ лучшемъ видѣ... въ самолучшее платье... И на голову надѣвай всего: и лентовъ, и цвѣтовъ, и шляпку надѣнь... чтобы всѣ видѣли... какая госпожа за Ванюху идетъ... Это ему въ честь, и въ утѣшеніе... Пожалуй, еще увидятъ тебя на своей-то парочкѣ, подумаютъ, что ты съ полнаго родительскаго согласія и съ благословенія...

— Да я съ благословенія и есть... Попросила давеча: благословите, говорю, въ замужество... Они думаютъ я про того: и благословили, и папашенька, и мамашенька...

— Полно?.. почти вскрикнулъ Иванъ и расхохотался бы отъ удовольствія, еслибъ ему не зажала ротъ рукою и не погрозила Маша. Э, да ты, братъ, вся по мнѣ я вижу: ловкая!.. Ну, такъ что же, теперь тебѣ сполагоря... Пречудесная штука... Ну, собирайся же, собирайся... Смотри, слушай уже: какъ постучатъ въ окно, такъ и... Да Катю-то прикрой...

— Помню я это все... А вотъ ты говоришь: въ шляпкѣ... Развѣ въ шляпкахъ вѣнчаются?.. Никогда этого не бываетъ...

— Ну, такъ скинешь... А по крайности, въ церковь войди съ форсомъ... чтобы видѣли...

— Ахъ, какъ я боюсь, Витя... Что со мной дѣлается, кабы ты зналъ..

— Ну да будетъ ужъ тебѣ... Повыть, вѣдь, вамъ надо дѣвкамъ... Ну, что дѣлать-то... Безъ этаго ужъ... Послѣ когда... Ну, я уйду... Запирайся...

Викторъ пошелъ ухмыляясь про себя и бормоча: ахъ ты, плутъ-дѣвка, и благословеніе получила... Молодецъ!.. Э, да она баба-то будетъ ловкая... Ванька держи ухо востро!..

Оставшись одна Маша тотчасъ же принялась собирать и увязывать всѣ узлы, бѣлье и платье; но по мѣрѣ того, какъ она увлекалась этимъ дѣломъ ею начинало овладѣвать какое-то особенное, непонятное ей самой волненіе, какой-то страхъ и стыдъ. Сначала она совершенно спокойно и даже какъ будто весело выдвинула ящики своего комода открыла шкапъ и аккуратно, не торопясь, даже со счетомъ начала вынимать оттуда свое бѣлье, наготовленное заботами матери, платья, разбирала, разсматривала, укладывала все въ порядкѣ, старательно увязывала въ скатерти; потомъ точно вдругъ чего испугалась, стала торопиться, совать кое-какъ, руки ея дрожали, ноги подгибались, глаза застилались слезами, сердце тоскливо замирало. Часто она принуждена была оставлять свою работу и присаживаться, чтобы отдохнуть, успокоится и собраться съ силами. Никакихъ опредѣленныхъ мыслей не было у нея въ головѣ, но безпрестанно представлялся одинъ и тотъ же вопросъ, который Маша беззвучно повторяла губами: Господи, что это я дѣлаю?.. Развѣ не гублю я себя?.. Развѣ не сама по доброй волѣ въ бѣду иду, бѣды себѣ ищу?.. Но она не въ силахъ была дать себѣ какой нибудь отвѣтъ и на эти вопросы.

И Маша снова порывисто принялась собирать и увязывать свои вещи. Не смотря на эти тревожныя думы, не смотря на возбужденіе, въ которомъ находилась Маша, слухъ ея былъ въ самомъ напряженномъ состояніи: она слышала ровное дыханіе спящей сестры, слышала малѣйшій шорохъ въ домѣ: вотъ пробѣжала мышь по коридору, вотъ въ самой дальней комнатѣ прошипѣли, собираясь бить, но не пробили недавно испортившіеся часы, въ спальнѣ родителей который-то изъ нихъ, кажется отецъ, тяжело вздохнулъ вздохомъ соннаго человѣка и со скрипомъ кровати грузно повернулся должно быть на другой бокъ... А это что?.. Она слышитъ скрипъ отворяемой и затворяемой двери изъ сѣней въ прихожую, затѣмъ осторожные неровные шаги, шарканье рукой о стѣну и затѣмъ точно паденіе какого-то тяжелаго, но мягкаго тѣла... Маша поняла, что это возвратилась съ попойки пьяная Акулина и качаясь и держась за стѣнку дошла до своего ложа и сунулась на него, въ чемъ была... тотчасъ же вѣроятно и уснула непробуднымъ сномъ: вонъ слышно ея сиповатое хриплое дыханье, пьяное мычанье и храпъ...

— Надо, надо торопиться, да скорѣе тушить огонь... Пожалуй услышатъ этотъ храпъ отецъ, или мать, встанутъ, пойдутъ мимо ея комнаты, увидятъ у нея свѣтъ, захотятъ войти... А не будетъ огня, дверь заперта, не войдутъ: подумаютъ сплю... будить не станутъ...

Маша кое-какъ, комкая и не жалѣя своихъ любимыхъ нарядовъ, завязала послѣдніе узлы и погасила свѣчу. Въ совершенномъ безсиліи она прилегла на свою постель.

Машѣ вдругъ стало жаль, мучительно жаль своихъ родителей, роднаго дома, своей дѣвической жизни, даже этой маленькой сестры, которая спала дѣтскимъ сномъ тутъ, недалеко отъ нея и о которой она прежде никогда не думала. Ей неудержимо, страстно захотѣлось разцѣловать сестру: тихо, какъ тѣнь, подкралась она къ Кати, наклонилась къ ней, и прижалась губами къ ея щекѣ; слезы закапали изъ ея глазъ на эту щеку. Дѣвочка не проснулась, но пошевелилась и повернула головой. Маша быстро отодвинулась отъ нея, чувствовала, что слезы душатъ ее, что она сейчасъ разрыдается, и бросилась на свою постель, лицомъ въ подушку, чтобы заглушить рыданія. Она долго лежала такимъ образомъ давши волю своимъ слезамъ. Слезы обливали ее, и мало по малу она воротилась къ мысли о настоящемъ: вспомнила, что надо сложить всѣ узлы поближе къ окну, чтобы удобнѣе было ихъ передавать, что надо перетащить туда же подушки и перину: не на полушубкѣ же ей спать въ самомъ дѣлѣ!.. вспомнила и то, что она до сихъ поръ не одѣта, какъ слѣдуетъ къ вѣнцу. Тамъ что будетъ, а не хочу я вѣнчаться въ ношеномъ старомъ платьѣ: хоть не много, а всетаки будутъ чужіе люди, которые никогда ее прежде не видали... И священникъ, и дьячки, и дяди Ивана, и его мать, да и всѣ крестьяне, которые сбѣгутся непремѣнно смотрѣть на молодыхъ, когда они пріѣдутъ изъ церкви: пусть же они видятъ, что это не кое-кто, что это барышня настоящая... пускай всѣ увидятъ и сразу поймутъ и оцѣнятъ какое счастье Ивану и что хоть онъ и мужикъ, а я не хочу быть крестьянкой... Такъ и поведу себя: пускай и Иванъ это видитъ... Надо причесаться, одѣться и прибраться хорошенько... и держать себя буду гордо, важно: Пускай и онъ знаетъ!..

Маша боялась зажечь свѣчу, чтобы не разбудить свѣтомъ сестру, и стала чесаться и одѣваться въ потьмахъ; но когда одѣлась со всѣмъ, явилось непремѣнное желаніе посмотрѣть на себя въ зеркало. Она обставила кровать Кати стульями и накинула на ихъ спинки большой толстый платокъ, чтобы сестрѣ было не душно но темно; потомъ зажгла свѣчу и подошла къ зеркалу. Оказалось все въ порядкѣ, даже проборъ на головѣ, сдѣланный такъ сказать на обумъ и на-ощупь, вышелъ совсѣмъ прямой и правильный... Маша любовалась собой.

— Да, не по мужику бы я... Барыней я родилась, а не мужичькой... думала она. Ну сама виновата... Не кого винить: конечно, если бы тогда, на его мѣстѣ, былъ благородный, воспитанный человѣкъ, можетъ быть, ничего бы не случилось... А все-таки я и сама... Ну, лучше объ этомъ не думать... Пропала, такъ пропала!.. Если только онъ не будетъ любить, уважать и цѣнить меня... тогда... ужь я и не знаю, что тогда сдѣлаю... А никогда я ему не прощу до чего онъ довелъ меня... чѣмъ я черезъ него стану...

Маша приколола на голову цвѣты, достала изъ узел-

Поименованіе слоевъ почвы.

1) Гранитный гнейсъ.
2) Гнейсъ.
3) Сланцеватый известнякъ.
4) Шиферъ содерж. хлоритъ и серицитъ.
5) Слюдистый гнейсъ.
6) Бленда каменная.
7) a, Кварцоватый слюдистый сланецъ.
7) b, Слюдистый сланецъ.
8) Слюдистый сланецъ и гнейсъ.
9) Дымчатый доломитъ.

Масштабъ.
Мѣра длины—1: 100,000
Мѣра высоты—1: 20,000.

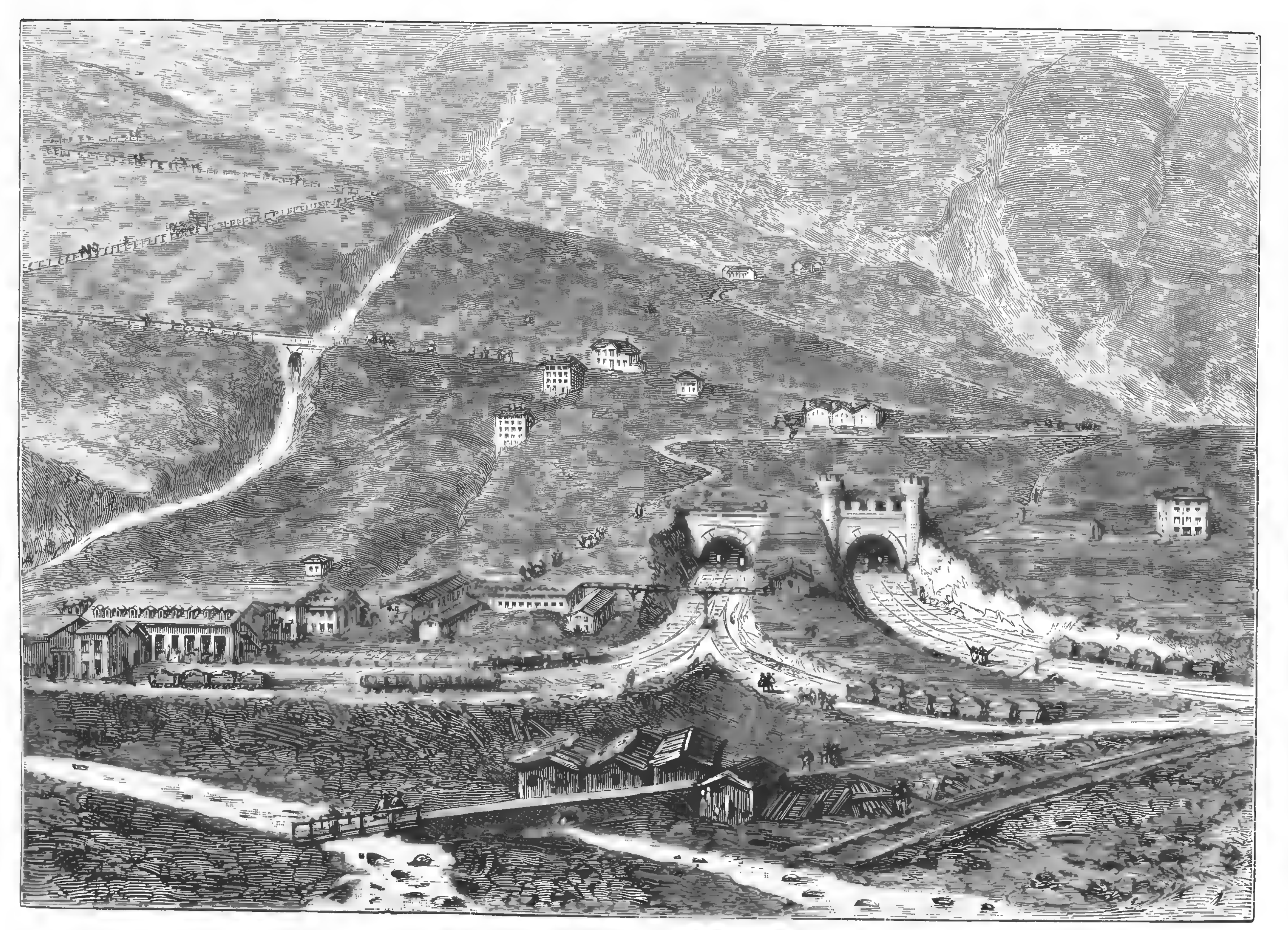
Метръ.
Килом.

1 Янв. 1872 · 1 Янв. 1873 · 1 Янв. 1874 · 1 Янв. 1875 · 1 Янв. 1876 · 1 Янв. 1877 · 1 Янв. 1878 · 1 Янв. 1878 · 1 Янв. 1880 · 1 Янв. 1880 · 1 Янв. 1879 · 1 Янв. 1878 · 1 Янв. 1877 · 1 Янв. 1876 · 1 Янв. 1875 · 1 Янв. 1874 · 13 Сен. 1872

Разрѣзъ горы С. Готарда и туннеля, для показанія слоевъ почвы Рис. Фарскій, грав. Э. Шмидтъ.

С. Готардскій туннель. Сверлильныя машины. По фотографіи Педретти въ Айролѣ, грав. М. Рашевскій.

С. Готардскій туннель. Видъ со стороны станціи Айрола (Италія). Главный порталъ и галлерея прямого направленія. По фотогр. Педретти въ Айролѣ, грав. М. Рашевскій.

ка спрятанныя еще прежде самыя лучшія свои серьги и вдѣла ихъ въ уши. Вспомнила и о кольцахъ.

— Вѣдь пожалуй купитъ мѣдныя и серебряныя... Вотъ я не сказала ему, забыла... Не хочу я мѣднымъ обручаться: вотъ возьму это для себя, оно хоть не гладкое, не вѣнчальное, да все-таки не мѣдное... Пускай вмѣсто вѣнчальнаго будетъ... А простымъ, дешевенькимъ, я не хочу... Такъ и скажу...

Въ узелкѣ съ мелкими вещами она увидѣла письмецо, которое заблаговременно приготовила, чтобы отослать къ родителямъ тотчасъ послѣ вѣнчанья и спрятала его за лифъ платья, а кошелекъ съ деньгами положила въ карманъ.

— Нѣтъ, да я лучше и узелокъ этотъ возьму съ собой, пришло ей въ голову: онъ не великъ, а потеряютъ какъ жалко будетъ... Да еще, кто ихъ знаетъ, кто вещи-то повезетъ, пожалуй распродадутъ половину... Не хорошо въ церковь, вѣнчаться, и узелокъ въ рукахъ... Ну да отдамъ Ивану, какъ пріѣдемъ пускай спрячетъ гдѣ знаетъ, чтобы цѣло было...

Катя повернулась на постели, Маша быстро задула свѣчку и замерла на мѣстѣ, прислушиваясь. Дѣвочка что-то пробормотала во снѣ, но опять затихла.

Наконецъ вдругъ мимо окна мелькнула какая-то тѣнь, за ней другая: Маша вздрогнула. Черезъ нѣсколько секундъ въ оконную раму слегка постучали и напрягая зрѣніе, Маша разсмотрѣла темную фигуру человѣка: она быстро поднялась съ мѣста и оглянувшись на кровать Кати, прислушавшись, осторожно прикрыла ее другимъ одѣяломъ и отворила оконницу. Холодный воздухъ широкой струей ворвался въ комнату и освѣжительно обдалъ ее: она вздохнула всей грудью и вдругъ почувствовала въ себѣ силу, рѣшительность и бодрость.

— Ты? спросила она наклоняясь за окно.

— Я... отвѣчалъ голосъ Ивана. Передавай скорѣе... Лошадь здѣсь... Вонъ стоитъ.

Маша быстро начала подавать въ окно узелъ за узломъ, которыя у нея принимали сильныя и проворныя руки.

— Всё... сказала она, подавая послѣдній узелъ.

— А перину, подушки? спросилъ Иванъ.

— Развѣ нужно?.. нерѣшительно переспросила Маша.

— А какъ же... говорено, вѣдь...

— Ровно совѣстно?

— Какъ знаешь: у меня, вѣдь, нѣтъ...

— Ну, принимай... отвѣтила Маша, подавая за окно конецъ тяжелой перины, которая также мгновенно была подхвачена и унесена. Вслѣдъ за периной ушли и подушки.

— Все ли теперь? спросилъ Иванъ.

— Все... Маленькій узелокъ съ собой возьму.

— Ну съ Богомъ... сказалъ Иванъ и махнулъ рукой. Потомъ опять обратился къ Машѣ.

— Вылѣзай и сама въ окно: скорѣе будетъ... и ближе... А вылѣзешь, окно-то отсюда притворимъ послѣ... Викторъ уже ждетъ съ лошадьми...

Маша нѣсколько поколебалась, но думать было некогда: она накинула на голову платокъ, салопъ выкинула впередъ себя, а потомъ перекрестилась, заплакала, но поднялась на подоконницу и спустила за окно ноги. Иванъ тотчасъ же подхватилъ ее, и опустилъ съ рукъ на землю.

— Ну вотъ и готово... сказалъ онъ осторожно затворивъ оконницы. Теперь пойдемъ... Викторъ ждетъ за садомъ.

— А гдѣ же вещи-то? спросила Маша.

— Въ саняхъ ужь, и уѣхали... Видишь вонъ катаютъ по дорогѣ, видишь, аль нѣтъ?.. У меня дядя Володя съ Егоркой и Яшуткой живо управились: молодцами...

Маша быстрыми шагами пошла впередъ, безсознательно оглядываясь, точно желала поскорѣе оставить за собою родительскій домъ и боялась погони, или того, что сама не выдержитъ и воротится назадъ; она всхлипывала и безпрестанно крестилась.

— Маша, да что же ты ревешь?.. спрашивалъ Иванъ. Теперь все благополучно, слава Богу... Такъ вышло, чудесно...

Но Маша не отвѣчала и бѣжала впередъ.

— Да что ты ровно по-неволѣ?.. Хоть поцѣлуй... поздоровайся... Вѣдь, не видались... Маша... Слышишь...

Иванъ обнялъ ее и хотѣлъ было остановить, но она сердито, продолжая плакать, вырвалась изъ его рукъ, какъ будто даже съ сердцемъ.

— Да что ты? Богъ съ тобой.,. Не рада что-ли?.. Али боишься?.. Такъ ужь теперь нечего бояться: ушла, никто не слыхалъ... Поцѣлуй же, говорятъ... Слышишь?...

— Ахъ отстань ты, Христа ради. Измучилась я...

— Да чѣмъ?.. Кажись, все какъ по писанному вышло... Радоваться бы надо...

— Чему?.. На что я иду?.. На какую жизнь?.. Можетъ, подъ родительское проклятіе... Ахъ, ужь не говори лучше... Дай хоть изъ усадьбы-то убѣжать, чтобы все изъ глазъ ушло, ровно сквозь землю провалилась... на другой свѣтъ...

— Вотъ тебѣ разъ... Это даже довольно обидно... Конечно родители... Да, вѣдь, что же такое: не вѣкъ бы стала съ родителями жить... И какое же родительское проклятіе, коли даже, Викторъ сказывалъ, благословеніе получила... Мы даже довольно очень смѣялись и тебя расхваливали за этотъ самый твой подстрой...

— Да, подстроила, обманула, обманомъ благословенье взяла... Развѣ оно подѣйствуетъ?.. хуже Богъ накажетъ... Ахъ, пропащая, совсѣмъ пропащая, безпутная, обманщица, бѣглянка, воровка, противъ родителей своихъ непризнательная.,. А все изъ-за тебя, изъ-за тебя... Не говори, прошу, лучше не трогай меня... Дай срокъ... отдохну, забудусь... Все равно ужь, пропадать, такъ пропадать: не умѣла въ добрѣ, да въ холѣ жить, поживу и въ чемъ Богъ приведетъ... Тошно мнѣ теперь... И сама я себѣ противна, и ты, все черезъ тебя... Не говори ты теперь ничего... опять прошу я тебя... Не до того мнѣ...

— Однако какъ же не говорить?.. Что же это такое будетъ теперь промежь насъ... Я не того надѣялся... чтобы этакое огорченіе... Я думалъ въ радости!.. какъ отъ всего моего сердца, отъ всей любви моей...

— Ахъ, отстань ты, какая твоя любовь... Я дура: я твоей любви повѣрила тогда, а ты вотъ до чего меня довелъ...

— Да до чего довелъ... Что такое значитъ... это?.. Я кажется, довольно благородно... Не что другое, подъ святой вѣнецъ зову... чтобы законнымъ бракомъ... не въ обманъ какой-нибудь... Вотъ сейчасъ въ село пріѣдемъ, а утромъ и повѣнчаемся... И будемъ мужъ и жена законные... все какъ слѣдуетъ, въ порядкѣ... и передъ людьми не стыдно...

— Тебѣ чего стыдиться... а мнѣ-то каково?.. Ты былъ фабричный и останешься, а я-то чѣмъ сдѣлаюсь... Что сзади у меня осталося и что впереди-то ты мнѣ сулишь... Баба-крестьянка, либо фабричная, вотъ только и всего...

— А, вотъ въ какомъ предметѣ разговоръ... Ну, это бы надо пораньше думать, а теперь передумывать, Марья Яковлевна, ровно какъ и...

— Да я и не передумываю: иду вотъ и подъ вѣнецъ съ тобой стану, женой твоей буду, крестьянкой... Сама себя къ тому довела, коли не ты... А только тошно мнѣ, измучилась я своими мыслями, и просила я не приставай ты теперь ко мнѣ ни съ какими разговорами... Дай срокъ, обойдусь... Сдѣлается: перемѣнить нельзя будетъ... тогда ужь и говори что хочешь...

— Такъ-съ... Понимаю я теперь эти самыя всѣ ваши чувства противъ меня...

Иванъ нахмурился, разсердился, сдѣлался мраченъ. Но въ это время они подходили къ лошадямъ.

— А, князь и княгиня, вотъ они... вскричалъ имъ

Викторъ съ козелъ саней, на которыхъ сидѣлъ за кучера. Милости просимъ садиться въ большое мѣсто... Пожалуйте... Все ли благополучно?..

— Все... окромѣ Марьи Яковлевны... злобно отвѣтилъ Иванъ.

Маша молча начала влѣзать въ сани.

— А ты подъ ручку бы подсадилъ... вскрикнулъ Викторъ на Ивана, указывая на сестру. Ахъ, кавалеръ... никакого то въ тебѣ нѣтъ благороднаго обращенія...

— Откуда его взять мужику?.. Мужикъ, мужикъ и есть!.. также злобно отвѣтилъ Иванъ, садясь вслѣдъ за Машей.

— Да въ чемъ же она-то неблагополучна, Маша-то?.. Что вы оба какіе: ровно не солоно хлебали?..

— Нѣтъ, я ужь больно солоно хлебалъ, только хлебово-то хозяйка не скусное заварила... съ язвительной усмѣшкой возразилъ Иванъ.

— Да вы нечто повздорили, видать?.. сказалъ Викторъ беззаботно. Ну, ничего, обойдетесь послѣ... Усѣлись, что-ли?.. Трогаю.. Эхъ вы соколики!.. Уважьте!..

Молчаливые и угрюмые ѣхали женихъ съ невѣстой, сидя рядомъ въ саняхъ и не смотря другъ на друга, между тѣмъ какъ бойкая пара кормныхъ управительскихъ лошадокъ весело бѣжала по первопутку, поощряемая гиканьемъ и криками Виктора. Послѣдній былъ очень увлеченъ и доволенъ своимъ кучерскимъ дѣломъ, и на время даже забылъ о сѣдокахъ. До Савинскаго было добрыхъ 10 верстъ: они и не замѣтили какъ проѣхали это разстояніе.

— А вонъ и Савинское, сказалъ онъ, оборачиваясь: какъ доставилъ-то!.. живой рукой!.. Вотъ вамъ какъ, вось, въ кучера наймовайте меня!.. Заслужу вашей милости!..

Викторъ, имитируя настоящаго кучера, даже приподнялъ шапку; но никто не только не отвѣтилъ, даже не улыбнулся на его шутку.

— Да что вы и самъ дѣлѣ?.. Что вамъ, заяцъ что ли дорогу перебѣжалъ, что вы этакіе-то?.. Зналъ бы и не повезъ!.. Али сами себя тѣшите: милые, молъ, бранятся, только тѣшатся?.. что, уже слаще, занятнѣй цѣловаться будетъ?.. Да ну васъ къ Богу, и самъ дѣлѣ!.. Къ попу что ли прямо править?..

— Да, стало быть... какъ уговорено... отвѣчалъ Иванъ какъ-то лѣниво.

— Вонъ у него, кажись, огонекъ... Поджидаетъ стало быть... Эка попъ—душа!.. вскричалъ Викторъ, подбирая возжи и поправляясь на козлахъ.

Онъ молодцомъ подкатилъ и осадилъ лошадей подъ самымъ крыльцомъ поповскаго дома, въ которомъ дѣйствительно мерцалъ огонекъ.

— Эхъ, никто не видитъ, какъ женихъ-то съ невѣстой подкатили!.. Похвалили бы кучера, кабы днемъ!.. говорилъ Викторъ.

— Что же?.. Пойдемъ... нерѣшительно обратился Иванъ къ неподвижно сидѣвшей Машѣ.

— Сходи сначала одинъ... Переговори... Можетъ не время еще... Да мнѣ и стыдно: не взойти, кажется... Лучше бы прямо въ церковь, а до тѣхъ поръ гдѣ бы нибудь въ потемкахъ, одной, не на людяхъ посидѣть: хошь бы въ сторожку пустили... церковную... или на паперти бы посидѣть покамъ... Не пойду я туда въ домъ къ попу... ни за что не пойду теперь...

Въ словахъ Маши слышалась рѣшимость и слезы. Иванъ не возражалъ, но только пожалъ плечами, сердито махнулъ рукою и пошелъ къ попу. Маша осталась въ саняхъ. Викторъ, какъ настоящій кучеръ, ходилъ около лошадей, поправлялъ сбрую, осматривалъ не ослабли ли ремни.

— Ты что же это, Марья, комедіи-то эти разводишь?.. сказалъ онъ вдругъ, подходя къ сестрѣ... Съ чего парня мучишь даромъ? Сама ему на шею повѣсилась, а теперь, видишь ты, ломаешься, барышню никакую изъ себя приставляешь... Ужь польстилаеь на мужика, такъ нечего тутъ бариться-то: мужичкой и будь... Гляди ему въ глаза, да по его дѣлай, а не по своему...

— Сама я знаю все, упрямо и капризно возразила Маша: что сдѣлано—не передѣлаешь, а какова есть, такой и останусь... Никакихъ я комедій не представляю...

— А я бы на его мѣстѣ, взялъ бы да наплевалъ тебѣ... Не бось, не то бы тогда заговорила: ухватилась бы за него обѣими руками... Да погоди, онъ тебѣ еще выучку задастъ въ свое время, коли этакъ будешь...

— Да что ты думаешь: жалко мнѣ его что-ли больно?.. Да откажись онъ теперь отъ меня, сею минутою, можетъ, я бы рада была: пѣшкомъ бы побѣжала домой, въ ноги бы отцу бросилась, во всемъ призналась... пускай дѣлаетъ со мной что хочетъ... Кажется, много бы легче мнѣ было, нечѣмъ теперь...

— Такъ кто тебя знаетъ?.. Какая тебя нелегкая тянула... Думала бы да и дѣлала раньше, а не теперь...

— То-то раньше бы надо... поздно вздумала...

— Парня-то ты только даромъ вяжешь, я вижу... Знать бы раньше,—дохнулъ бы Ванюхѣ... Не сталъ бы онъ на себя и хомутъ этотъ надѣвать, коли этакая твоя любовь...

— А ты думаешь: изъ-за любви моей что ли, онъ женится, али изъ-за того, что своей любви ко мнѣ снести не можетъ...

— А изъ-за чего же?..

— Да невѣста я на его голодные, мужицкіе зубы, богатая... хоть и притомъ-то останусь, что теперь взяла... А можетъ быть еще папашенька и проститъ, и денегъ дастъ... Вотъ изъ-за чего, только... Ну, и дѣвка я красивая, получше бабъ-то деревенскихъ... Одно къ другому... А ты думалъ: любовь тутъ, какъ у благородныхъ людей бываетъ... Да, какъ же!..

Маша раздражительно засмѣялась.

— Поздно я только, дура, раскусила-то его... Не воротишь... Прямо дуры мы дѣвки, вѣримъ кого полюбимъ: вотъ такая же дура и я...

— Чортъ васъ разберетъ, дьяволовъ... проговорилъ Викторъ, отходя отъ сестры на встрѣчу къ Ивану, быстро сходившему съ лѣстницы.

— Что будетъ? спросилъ его Викторъ.

— Батюшка велѣлъ церковь отперетъ, коли не хочешь въ домъ войти... А можетъ, говоритъ, пріодѣться, поправиться хочетъ, такъ вошла бы, говоритъ: я и не выиду...

— Одѣта я совсѣмъ, нечего мнѣ поправляться... отвѣтила Марья.

— Ну, такъ поѣзжай, Викторъ Яковличъ, къ церкви, да подождите тамъ, а я побѣгу за дьякомъ: батюшка велѣлъ.

— А когда же вѣнчанье-то?.. спросилъ Викторъ.

— А вотъ какъ поѣзжане пріѣдутъ всѣ, да маненечко свѣтать станетъ, такъ и онъ въ церковь придетъ... На утрѣ рано и обвѣнчаетъ...

— Хошь бы водки тѣ привезли, догадалися: дядя-то Володя съ Егоромъ... А то помрешь здѣсь съ тоски, ждамши... Поди и въ трактиръ-то теперь еще не пустятъ, не достучишься... Э-эхъ!.. ворчалъ Викторъ, присаживаясь на облучекъ. Ну, милыя, трогай шажкомъ... Не стоило васъ и гонять-то: ѣхать бы шагомъ, легонько, въ прохладку... Служба то наша не въ честь...

Подъѣхали къ церкви. Маша вышла изъ саней, взошла на паперть, прислонилась къ стѣнѣ и заплакала. Викторъ поставилъ въ сторонку лошадей и вошелъ туда же.

— Вона, и реветъ... сказалъ онъ подходя къ сестрѣ: ровно по неволѣ выдаютъ... Вотъ съ бабами-то канителиться, бѣда сущая!.. Неужто они не догадаются: водки-то не привезутъ? а сами, поди, пьяные пріѣдутъ... Что это, смерть будетъ съ этой свадебкой... Пойду къ отцу Павлу: выпрошу, хошь маленькую, нѣтъ ли?.. И

ночь-то не спалъ, да и теперь-то... жди... Нѣтъ, братцы, этакъ изведешься съ вами... вовсе...

Викторъ ушелъ. Маша осталась одна: ей было страшно, и она хотѣла было остановить брата, но посовѣстилась признаться. Но къ счастію скоро пришелъ Иванъ съ дьячкомъ, отперли церковь, зажгли огарокъ свѣчки передъ образомъ. Маша встала въ уголокъ, начала молиться съ горькими слезами. Иванъ посматривалъ на нее не столько съ сочувствіемъ, сколько съ досадой и раздраженіемъ, не подходилъ и не заговаривалъ. Женихъ съ невѣстой были скорѣе похожи на враговъ или по крайней мѣрѣ на людей, совсѣмъ другъ другу постороннихъ.

Между тѣмъ пришелъ пономарь и помощникъ церковнаго старосты, онъ же и церковный сторожъ, никогда не сторожившій церкви, но получавшій за эту должность жалованье. Всѣ они входя крестились, кланялись на образа, искоса посматривая на Машу, продолжавшую молиться и уходили зачѣмъ-то въ алтарь, откуда опять тотчасъ же возвращались. Староста церковный отперъ малый свѣчной ящикъ, вынулъ пучекъ свѣчекъ и сталъ ихъ разставлять передъ мѣстными иконами, продолжая съ любопытствомъ поглядывать на Машу. Дьячокъ и пономарь, поеживаясь и зѣвая, шептались на клиросѣ. Иванъ то и дѣло выбѣгалъ на паперть, присматривался къ небу и прислушивался не ѣдутъ ли его поѣзжане. Онъ былъ въ нервномъ, возбужденномъ состояніи, продолжалъ чувствовать не только досаду, но какую-то даже злобу противъ Маши и въ то же время никогда такъ не боялся, что какое нибудь неожиданное препятствіе помѣшаетъ вѣнчанью, никогда такъ не желалъ, чтобы оно состоялось, хотя бы на зло Машѣ.

Наконецъ пріѣхали и поѣзжане: пьяные Володя, Егоръ и Яшутка. Съ шумомъ и разговорами подъѣхали они къ церкви, но вошли въ нее, стараясь сохранить степенность и показать себя трезвыми. Начинало свѣтать. Иванъ отрядилъ дьячка сказать батюшкѣ, что все готово... Не пора ли?..

Явились въ церковь какія-то двѣ старухи, постояли, пошептались между собою и мимоидущимъ пономаремъ и затѣмъ исчезли одна за другою; но черезъ нѣсколько минутъ храмъ началъ наполняться зрителями, преимущественно женщинами. Пришелъ наконецъ и батюшка въ сопровожденіи Виктора, видимо повеселѣвшаго. Въ церкви началось движеніе.

Маша подозвала Ивана, отдала ему кольцо, которымъ желала обручаться, кусокъ шелковой матеріи для подножья, и отдала ему на сохраненіе узелокъ объявивши, что въ немъ всѣ ея драгоцѣнности. Иванъ тоже повеселѣлъ, осмотрѣлся, подумалъ кому передать довѣренныя ему сокровища и выбралъ жену дяди Егора, которая пріѣхала въ качествѣ посаженой матери.

Священникъ облачился, отворилъ царскія врата. Въ это время Маша сняла съ себя салопъ, въ которомъ до сихъ поръ стояла. Жена Егора съ нѣкоторымъ подобострастіемъ поправляла на ней платье и охорашивала ее.

Начали обрядъ. Машу подвели къ аналою, гдѣ уже стоялъ Иванъ, въ синей поддевкѣ, разчесанный, съ насаленными волосами. Всѣ смотрѣли на невѣсту. Она подошла, не опуская глазъ, смѣло и рѣшительно. Всѣмъ понравилась ея наружность, особенно нарядъ, но на всѣхъ произвелъ неблагопріятное впечатлѣніе ея смѣлость и гордый, самоувѣренный видъ.

— Ого, дѣвоньки, шептались бабы, не за мужикомъ бы ей быть... Не по мужику дѣвка...

— Ужь коли теперь этакъ фуфырится и ни страху, ни ужасти передъ этакимъ дѣломъ нѣтъ, такъ видно соколъ... надѣется на себя... говорили другія.

Бракосочетаніе было совершено, хотя поспѣшно, такъ какъ отецъ Павелъ не любилъ вообще затягивать службу, но достаточно благочинно и безъ всякихъ препятствій. Маша стала женой фабричнаго рабочаго, Марьей Бохваленковой. Когда ее поздравили и заставили поцѣловаться съ мужемъ, она вдругъ къ удивленію всей публики, горько заплакала. Иванъ опять нахмурился и злобно взглянулъ на жену.

Молодые всю дорогу, до самаго дома, ѣхали молча и не смотря другъ на друга. Обоимъ было не по себѣ и ни одинъ не находилъ, чѣмъ бы начать разговоръ съ другимъ, какъ будто въ прошедшемъ между ними никогда ничего не было, какъ будто они всегда были чужды другъ другу и вдругъ почувствовали себя неразрывно и на всю жизнь связанными. Каждый изъ нихъ хотѣлъ думать только о себѣ и задавалъ себѣ вопросъ: какъ же это случилось и что его ожидаетъ въ будущемъ?.. и каждый изъ нихъ, въ тоже время сознавалъ и чувствовалъ, что самостоятельно и отдѣльно одинъ отъ другаго они уже не существуютъ.

Охмѣлѣвшій отъ поповскаго угощенія Викторъ нѣсколько разъ оглядывался на нихъ съ неопредѣленной улыбкой, наконецъ оборотился совсѣмъ:

— Да полно ужь вамъ церемоніи-то разводить: цѣлуйтесь что ли... Никто не увидитъ, а я никому не скажу... А увидятъ, такъ вамъ теперь наплевать: законные, никто не разведетъ... Вы теперь, ровно цвѣтикъ въ полѣ, знашь: Иванъ да Марья.

Молодые невольно взглянули другъ на друга и улыбнулись, но улыбка эта, къ сожалѣнію, не напоминала собою того пышнаго разцвѣта, который даетъ цвѣтокъ, выросшій на хорошей почвѣ и согрѣтый горячимъ солнышкомъ; напротивъ улыбка эта была какая-то вялая, грустная и скорѣе напоминала цвѣтокъ, корень котораго точитъ какой-то червь, и который разцвѣлъ преждевременно и болѣзненно...

Разсказъ нашъ оконченъ. Яковъ Захарычъ простилъ молодыхъ. А о томъ какъ это вышло и какъ зажили Иванъ да Марья послѣ свадьбы—объ этомъ мы разскажемъ въ другой разъ.

Умершій женихъ.

Разсказъ.

Двое молодыхъ людей ѣхали вмѣстѣ изъ Марселя въ Парижъ Они были земляки но совершенно незнакомы другъ съ другомъ и только случай, этотъ великій виновникъ столькихъ драмъ и комедій, посадилъ ихъ рядомъ въ одинъ вагонъ.

Втеченіи перваго получаса, они перебрасывались обычными вагонными замѣчаніями о разныхъ предметахъ. Бесѣду такого рода можно бы было назвать „прелюдіей". На первой станціи они вышли оба вмѣстѣ, спросили себѣ завтракъ и вино и обмѣнивались замѣчаніями о наружности какого нибудь пассажира. Такимъ образомъ знакомились они все ближе и ближе. Еще до половины пути молодые люди высказали другъ другу многое, что у нихъ было на душѣ.

— Я ѣду въ Парижъ, говорилъ откровенно Поль де-Реньи своему новому пріятелю, тамъ мнѣ приходится получить довольно крупный кушъ—я женюсь на дочери школьнаго товарища моего отца.

— А я, также откровенно сообщилъ въ свою очередь Эдуардъ Бернье, путешествую просто чтобы провѣтриться, перемѣнить мѣсто. Въ Марсели я ничего не имѣю и самъ по себѣ тамъ ничто. Въ Парижѣ мнѣ, думаю, будетъ не хуже, я ѣду туда, какъ настоящій философъ: мой парусъ раздуваетъ вѣтерокъ надежды.

Мой тесть in spe, произнесъ Поль, должно быть человѣкъ съ большимъ вліяніемъ, и можетъ быть вамъ можно будетъ какъ нибудь помочь.

— Благодарю васъ, вы очень добры. Но развѣ вы намѣрены привести въ исполненіе эту мысль о бракѣ.

— Да, надѣюсь.

— То есть какъ: надѣетесь?

— Конечно надѣюсь.

— Я право не понимаю.

— Слушайте же: мой отецъ сказалъ мнѣ: Клемансъ Біонвиль 18 лѣтъ, она добра, достойна быть любимою, прелестна и скромна. Я и ея отецъ—мы друзья съ самаго дѣтства, и вотъ ужъ двадцать лѣтъ у насъ искреннѣйшее желаніе соединить наши фами-

Мимоходомъ. Картина А. Пальера, грав. Жонаръ.

ліи. У меня есть сынъ, какого я всегда себѣ желалъ, а у него дочь. И такъ единственно отъ тебя, мой юноша, зависитъ, осуществятся или нѣтъ наши надежды.

— И вы согласились?

— Понятно. Но вы развѣ находите въ этомъ что нибудь нехорошее?

— Пожалуй, нехорошаго здѣсь ничего нѣтъ. Но все-таки, если бы пришлось въ одинъ прекрасный день подумать о томъ, что мнѣ должно разстаться со своей свободой, я хотѣлъ бы знать, для кого я это дѣлаю?

— Это было бы такъ, будь я чѣмъ нибудь связанъ. Тогда я напрямикъ отказался бы отъ этой свадьбы. Но сердце мое совершенно свободно. Къ тому же я спрашиваю васъ: какой женихъ зналъ когда либо до свадьбы свою невѣсту и какая невѣста знала жениха? Какъ ведутся дѣла подобнаго рода? Положимъ, молодой человѣкъ знакомится съ семействомъ, гдѣ въ невѣстахъ нѣтъ недостатка. Папенька обыкновенно наводитъ необходимыя справки о средствахъ, характерѣ молодаго человѣка и т. п., когда окажется, что намѣченный избранникъ не имѣетъ значительныхъ нравственныхъ пороковъ, умѣетъ танцовать, недурно одѣвается, сносно воспитанъ, то ему всегда разрѣшаютъ свататься. Развѣ это не такъ?

— Приблизительно, да!

— Что же дѣлаетъ молодой человѣкъ? онъ идетъ побриться, надѣваетъ безупречной бѣлизны рубашку и галстучекъ нѣжнѣйшаго цвѣта; словомъ, имѣетъ мысль, что достиженіе цѣли уже гораздо возможнѣе. И вотъ онъ начинаетъ разыгрывать роль милаго и любезнаго кавалера, пойдутъ вздохи и стихи на неисчерпаемую тему „вѣчной любви". Когти скрываются подъ видомъ художественно обточенныхъ ноготковъ. Онъ даже начинаетъ притворяться добродѣтельнымъ и скромнымъ—вообще такимъ какимъ и не думаетъ быть.

Эдуардъ одобрительно улыбался.

— Теперь невѣста, продолжалъ Поль, маменька ея усердно молитъ ее обратить серьезное вниманіе на способъ выраженій; предупреждаетъ ее, что ее ждетъ, если она обнаружитъ свой настоящій характеръ, свои убѣжденія. Ея лице ни подъ какимъ видомъ не должно выражать ея настоящія чувства: пусть она улыбается, какъ милое, невинное дитя. Съ перваго же разу она является суженому изящно одѣтою и мило причесанною, всегда въ модныхъ ботинкахъ, которыя восхитительно обрисовываютъ ножку, но за то малы для нея покрайней мѣрѣ на цѣлый номеръ. Вы смѣетесь?

— Да! съ какою точностью вы рисуете картину!

— Что-жъ, вы не будете же утверждать, что нареченные знаютъ другъ друга лучше, чѣмъ я M-lle Біонвиль, которую еще ни разу не видалъ?

Эдуардъ долженъ былъ согласиться. Такъ они болтали, смѣясь. Дорога показалась молодымъ людямъ короткой и пріятной.

— Въ какой гостиницѣ вы думаете остановиться? спросилъ его Поль, когда поѣздъ подъѣзжалъ къ Парижу.

— Я и самъ еще не знаю, отвѣчалъ тотъ, хотѣлъ было сѣсть въ первый омнибусъ получше и ѣхать на удачу.

— Удача—это я! весело смѣясь, сказалъ Поль, ѣдемте со мной въ отель Ришелье, на улицѣ Фавартъ. Вы должны быть непремѣнно на моей свадьбѣ.

— Хорошо, пожалуй!

Если бы кто спросилъ читателя: на мѣстѣ котораго изъ молодыхъ людей, онъ охотнѣе желалъ бы быть? тотъ навѣрное отвѣтилъ бы: „Поля". И вдругъ этаго молодаго человѣка, кому жизнь такъ улыбалась, сразила смерть! Не смотря на всякаго рода медицинскую и дружескую помощь, онъ скончался в первую же ночь послѣ своего пріѣзда въ Парижъ отъ разрыва сердца...

Огорченный Эдуардъ добросовѣстно исполнилъ послѣдній долгъ относительно друга. Приготовивъ все къ погребенію, онъ захватилъ на слѣдующее утро письма и бумаги Поля, и отправился къ г. Біонвилю съ намѣреніемъ вручить ему письма и сообщить о печальномъ происшествіи.

Семейство г-на Біонвилля жило въ maison Lafitte, куда и направился Бернье съ поѣздомъ желѣзной дороги. Тамъ его всѣ ожидали еще съ утра. Глава семейства сказалъ слугамъ, что онъ сегодня ожидаетъ въ гости молодаго человѣка и приказалъ имъ сторожить его приходъ. Поэтому лишь только Эдуардъ подошелъ къ калиткѣ, какъ караульные бросились въ домъ съ радостными криками: „идетъ, идетъ"...

Г. Біонвилль поспѣшно бросился на встрѣчу Эдуарду, нѣсколько разъ обнялъ его, поцѣловалъ; потомъ, не давъ ему опомниться отъ удивленія и выговорить ни слова, потащилъ за собой и представилъ своей женѣ, какъ будущаго зятя а дочери—какъ жениха.

Дача, которую они занимали, была уютная и красивая дачка. дѣвушка была прелестна, отецъ семейства человѣкъ милый и сердечный: хозяйка съ ея бѣлыми, какъ снѣгъ волосами, трехъэтажнымъ подбородкомъ и привѣтливыми милыми глазами вовсе не имѣла видъ такаго чудовища, которое могло бы заключить съ дочерью наступательный союзъ противъ спокойствія будущаго зятя. Словомъ, это была семья, среди которой чувствуешь себя искренно легко и весело.

Эдуардъ былъ не въ состояніи бороться съ искушеніемъ, примирился по возможности съ новымъ положеніемъ, въ которое его поставили обстоятельства совершенно противъ его воли, и удовлетворительно выдержалъ свою роль. Онъ отдалъ письма и бумаги Поля и прежде чѣмъ успѣлъ сказать о немъ нѣсколько словъ, всѣхъ позвали уже обѣдать.

Онъ сѣлъ за столъ рядомъ съ Клемансъ, которая говорила очень мало, больше: „да" и „нѣтъ", но за то постоянно краснѣла, что, какъ извѣстно, въ любовныхъ дѣлахъ считается за родъ нѣмаго разговора. Ей не было еще 18 лѣтъ, и она имѣла ангельское, свѣженькое личико. Прекрасный чистый лобъ былъ обрамленъ каштановыми кудрями. Держала она себя просто и вообще походила на изображеніе дѣвушки, которое въ общихъ чертахъ набросалъ Поль во время путешествія. Эдуардъ тоже былъ недуренъ собою: блестящіе глаза, звучный голосъ, красивые усы, милое обращеніе, все это вмѣстѣ взятое представляло жениха къ которому какъ нельзя болѣе подходила Клемансъ. Онъ былъ въ мѣру любезенъ съ дѣвушкой, внимателенъ и всегда почтителенъ съ отцомъ и матерью, порой серьезенъ, порой веселъ, смотря по тому чего требовалъ ходъ разговора и менѣе чѣмъ въ часъ времени онъ пріобрѣлъ расположеніе всего семейства.

Когда обѣдъ былъ конченъ и всѣ напились кофе, бесѣда приняла видъ какихъ то торговъ: о приданомъ, о свадебныхъ расходахъ, о подаркахъ невѣстѣ, словомъ обо всемъ, что относилось къ свадьбѣ, было обстоятельно переговорено.

Подъ вечеръ все общество предприняло прогулку по саду, который напоминалъ скорѣе паркъ. Молодые люди поспѣшили въ паркъ—казалось они хотѣли перескочить дѣйствительность и скорѣе очутиться въ ожидаемомъ будущемъ.

Въ тоже самое время г-нъ Біонвилль, опираясь на руку своей супруги, тихо плелся за ними шагами старости, не переставая жаловаться на ревматизмъ.

Тѣнистыя аллеи парка посылали гуляющимъ живительную прохладу: птицы пѣли, цвѣты распространяли чудный ароматъ. Это былъ часъ страсти, когда руки и глаза дѣйствуютъ заодно, голосъ дрожитъ, и на устахъ замираютъ слова.

Въ такой-то обстановкѣ одно нѣмое движеніе губъ въ сто разъ краснорѣчивѣе словъ. Другая кокетливая дѣвушка готова была бы всѣми силами продлить пріятныя минуты, но Клемансъ еще не была посвящена въ тайны этаго искусства. Это было неиспорченное дитя природы, олицетвореніе прямоты и откровенности. Такъ какъ молодые люди должны были въ скоромъ времени обвѣнчаться, то было весьма кстати имъ покороче узнать и изучить другъ друга.

— Что ты все еще сохраняешь мой портретъ? прервала наконецъ молчаніе молодая дѣвушка.

— Ахъ, Боже мой, подумалъ Эдуардъ, какъ объ этомъ Поль мнѣ не сказалъ ни слова!

— Конечно, онъ навѣки запечатлѣнъ въ моемъ сердцѣ, съ улыбкой обратился онъ къ Клемансъ, и никогда вашъ милый образъ ни на минуту не исчезалъ изъ моей души.

— Какъ ты его находишь, мой портретъ? онъ тебѣ нравится?

— Безъ сомнѣнія, хорошъ, но оригиналъ несравненно прелестнѣе копіи, несравненно...

— Повѣрь, я вовсе не напрашивалась на комплименты, я только хотѣла услышать твое безпристрастное мнѣніе. Знаешь ли что?..

— Что такое?

— Я ужасно боялась за твой пріѣздъ.

— Почему такъ?

— Твоя карточка была подложна!..

— У нея есть портретъ Поля, подумалъ Эдуардъ, вотъ попался-то!

— Ты нисколько не похожъ на свой портретъ, ничуть.

— И не мудрено, мелькнуло въ умѣ Эдуарда.

— Во первыхъ у тебя волосы черные, лобъ гораздо больше и подбородокъ меньше...

— Человѣкъ мѣняется, слегка вздрогнувъ проговорилъ Эдуардъ, возрастъ измѣняетъ наружность.

— На карточкѣ ты, право, выглядишь сорокалѣтнимъ.

— Я только что оправился тогда отъ тяжелой болѣзни. Она меня ужасно изнурила!

— Ну, тѣмъ лучше. Можно мнѣ быть съ тобой откровенной?

— Конечно. Что такое?

— Я все это время была въ большомъ страхѣ: я рѣшилась покончить со всѣмъ этимъ, прекратить это сватовство, въ которое мои родители вложили всю свою душу. Я думала обратиться къ твоей чести, къ твоимъ благороднымъ чувствамъ...

— Для какой же цѣли?

— Чтобы ты прекратилъ съ нами всякія отношенія.

— Но зачѣмъ же?

— Теперь нѣтъ—я ужь не хочу, теперь я только прошу тебя передать своему фотографу, что онъ плутъ.

— Хорошо, передамъ.

Клемансъ сорвала цвѣтокъ ромашки, и молча начала обрывать лепестокъ за лепесткомъ. У каждой дѣвушки бываютъ такія минуты, когда она чувствуетъ потребность обрывать подобно Клемансъ цвѣты, будь то въ саду или въ пышной гостинной.

— Бѣдный Поль, подумалъ Эдуардъ, быть можетъ, къ лучшему, что ты умеръ! Ты передъ этимъ хотѣла мнѣ что-то сказать, обратился онъ вслухъ къ молодой дѣвушкѣ.

— Я ужь, право, забыла что.

— Кажется, что-то очень непріятное для меня?

— Да, дѣйствительно, непріятное, пролепетала хорошенькая плутовка.

— Такъ говори же!

— Ну, я хотѣла сказать... я хотѣла сказать, что прежде была бы очень рада, еслибы ты не пріѣхалъ.

— Прежде! а теперь?

— Теперь я благодарю Бога, заговорила вся вспыхнувъ Клемансъ, что Онъ не исполнилъ моего желанія. Съ этими словами, чтобы скрыть свое замѣшательство, она бросилась къ матери, крѣпко обняла и поцѣловала ее.

Эдуардъ началъ уже ощущать угрызенія совѣсти. Его сердце, исполненное надеждъ взаимной любви, обливалось кровью. Чувства чести и страсти жестоко боролись въ его сердцѣ. Въ теченіи ночи въ немъ зародилось наконецъ отважное рѣшеніе. Онъ видѣлъ, что не имѣетъ права оставлять долѣе въ недоразумѣніи это доброе семейство. Честь, наконецъ, взяла верхъ надъ искушеніемъ, созданнымъ ему самою судьбою. Когда на слѣдующее утро г. Біонвилль предложилъ ему прокатиться верхомъ, онъ объявилъ, что уѣзжаетъ въ Парижъ.

— Это зачѣмъ? спросилъ удивленный отецъ.

— У меня въ городѣ есть неотложныя дѣла. Мое присутствіе тамъ необходимо.

— Что вы говорите? что вамъ дѣлать въ городѣ, гдѣ вы не знаете ни души?

— Тѣмъ не менѣе, я долженъ сейчасъ же туда ѣхать.

— А, вы вѣроятно хотите взять денегъ у своего банкира?

— Нѣтъ, увѣряю васъ, не для того.

— Вы неблагоразумны, милый молодой человѣкъ; мой портфель къ вашимъ услугамъ.

— Я вполнѣ увѣренъ, однако... въ это время они подошли къ калиткѣ сада.

— Итакъ вы окончательно рѣшили?

— Да—я ѣду!

— Вы не повидаетесь передъ отъѣздомъ съ дамами?

— Мнѣ кажется, это будетъ не совсѣмъ ловко... такое раннее время.

— Но что же, въ самомъ дѣлѣ, съ вами, мой милый!

— Слушайте же, началъ Эдуардъ: пріемъ, оказанный мнѣ въ вашемъ домѣ, покорилъ меня совершенно...

— Ну и что же изъ этого, мой милый юноша?

— Мой долгъ разъяснить вамъ одно обстоятельство, которое васъ чрезвычайно удивитъ и можетъ быть возмутитъ...

— Въ чемъ же дѣло, дитя мое?

— Вчера, вскорѣ по пріѣздѣ въ Парижъ, со мной случилось необыкновенное происшествіе.

— Надѣюсь, не несчастье какое нибудь?

— Происшествіе очень печальное, прискорбное...

— Вы меня пугаете!

— Вчера я умеръ!

— Какъ, что такое?

— Сегодня передъ обѣдомъ я долженъ быть погребенъ, и вамъ нельзя требовать, чтобы я не присутствовалъ при этомъ.

— Да, что вы въ самомъ дѣлѣ, съ ума сошли!? ничего не понимая бормоталъ г. Біонвилль.

— И какъ пріѣзжій, продолжалъ Эдуардъ, я могу потерять свое доброе имя, если буду неточенъ.

Съ этими, наполовину шутливыми, наполовину печальными словами, онъ удалился, оставивъ старика въ полномъ недоумѣніи.

Шутка показалась Біонвилю чрезвычайно неумѣстной и жестокой; однако, въ концѣ концовъ, онъ растолковалъ ее съ юмористической стороны и поспѣшилъ сообщить своей супругѣ и дочери „остроумную выходку" будущаго зятя. При этомъ онъ такъ хохоталъ, что его внушительныхъ размѣровъ брюшко сильно колыхалось и слезы бѣжали по шарообразнымъ щекамъ. Но Клемансъ была непріятно поражена. Для нея была бы пріятнѣе въ этотъ день выходка болѣе серьезная, чѣмъ такое остроуміе. Между тѣмъ наступалъ уже вечеръ, пробило шесть, семь, восемь часовъ, а Эдуардъ не возвращался. Вся семья сильно безпокоилась и когда опасенія достигли высшей степени, то въ Парижъ, въ отель Ришелье, былъ отправленъ нарочный. Онъ вскорѣ принесъ слѣдующую депешу: „Поль Риньи вчера скончался, вскорѣ по прибытіи въ Парижъ. Сегодня въ одиннадцать часовъ пополудни будетъ совершенъ обрядъ погребенія."

Три мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ. Ни живой, ни мертвый— женихъ не возвращался. Клемансъ грустила и таяла на глазахъ родителей. Мысль о женихѣ, исчезнувшемъ такъ таинственно, преслѣдовала ее и день и ночь. Вся семья жила теперь въ Гаврѣ. Врачъ предписалъ Клемансъ морскія купанья. Морскія купанья для излѣченія сердечнаго недуга! Медицина ни передъ чѣмъ не отступаетъ!

Въ одинъ прекрасный вечеръ, когда все семейство гуляло по морскому берегу, Клемансъ съ громкимъ крикомъ упала въ объятія отца. Она увидѣла Эдуарда или его призракъ?! Къ счастію ревматизмъ у старика къ этому времени нѣсколько уменьшился и онъ былъ въ состояніи слѣдить за молодымъ человѣкомъ до самой гостинницы, куда они вошли одновременно. Г. Біонвиль отозвалъ смущеннаго Эдуарда на пару словъ.

— Сколько я вижу, милостивый государь, вы довольно благополучно вынесли ваше погребеніе.

На лицѣ Эдуарда ясно выражалась готовность провалиться сквозь землю; однако онъ собрался съ духомъ и пролепеталъ въ отвѣтъ что-то непонятное.

— И не смотря на столь отдаленное путешествіе—на тотъ свѣтъ—видъ у васъ весьма здоровый. Поздравляю!

Молодой человѣкъ немного собрался съ силами.

— Г. Біонвиль, вы вправѣ все говорить, потому что относительно васъ я поступилъ дурно и низко; но все же дайте мнѣ возможность разъяснить вамъ...

— Въ самомъ дѣлѣ мнѣ очень интересно послушать, какъ во всемъ этомъ вы будете оправдываться. Въ ваше отсутствіе я узналъ, что Поль Риньи дѣйствительно умеръ, что вы ѣхали съ нимъ вмѣстѣ изъ Марселя въ Парижъ, что вы знали его намѣреніе и присвоили себѣ его бумаги и имя.

— Всѣ эти свѣдѣнія совершенно вѣрны. Однако вы только не отгадали, что я пріѣхалъ къ вамъ съ простымъ намѣреніемъ сообщить о смерти г. Риньи, но вы и ваша семья не дали мнѣ выговорить слова...

— Этаго, мнѣ кажется, еще недостаточно..

— Я согласенъ съ вами. Да, этаго слишкомъ мало, чтобъ извинить выходку, которую я позволилъ себѣ относительно васъ; но я такъ долго одиноко скитался по бѣлому свѣту, что съ любовью и лаской принятый вашимъ семействомъ, я не могъ устоять противъ искушенія отвѣдать отъ трапезы счастья, хотя бы на минуту...

— Кто вы, милостивый государь?

— Я сынъ капитана Бертье. Я студентъ-юристъ, но къ несчастью, четыре года тому назадъ умеръ мой отецъ, не оставивъ мнѣ никакого состоянія. Я сдѣлался адвокатомъ, но адвокатомъ безъ практики. Я долго и упорно боролся, но потерялъ наконецъ все мужество. Въ слабой надеждѣ найти лучшее поприще, я поѣхалъ въ Парижъ. На пути я познакомился съ Полемъ Риньи—остальное вы знаете,..

— Ваше будущее, кажется, можетъ сложиться не очень худо!

— И да, и нѣтъ!

— Въ какомъ же смыслѣ?

— Утомленный тщетнымъ ожиданіемъ я обратился къ одному старому знакомому моего отца. Онъ живетъ здѣсь, въ Гаврѣ; при его содѣйствіи я получилъ должность суперкарга на купеческомъ суднѣ, которое отправляется на Антильскіе острова.

— Когда вы уѣзжаете?

— Завтра же.

— Фу, ты Боже мой! завтра?

— Да, это рѣшено уже.

— И у васъ нѣтъ никого, съ кѣмъ бы вамъ тяжело было разстаться?

Эдуардъ покраснѣлъ.

— Это уже моя тайна!

— Я прошу васъ довѣрить ее мнѣ.

— Я долженъ отказать вамъ въ вашей просьбѣ. Довольно съ васъ знать, что я глубоко до боли раскаиваюсь въ своемъ легкомысленномъ поступкѣ, и у меня запечатлѣно здѣсь—онъ указалъ рукой на сердце,—воспоминаніе, которое скоро приведетъ мою жизнь къ концу.

— Полноте, полноте. Вѣдь мы знаемъ, какъ вы удачно умѣете умирать...

— На этотъ разъ смерть моя будетъ дѣйствительная.

— Но я еще имѣю право слова въ этомъ дѣлѣ; я и Клемансъ.

— Что вы говорите? Какое же отношеніе ко мнѣ...

— Я скажу. Вы человѣкъ, котораго любитъ моя дочь!

— Умоляю васъ: говорите скорѣй!

— Но подъ условіемъ, что вы останетесь въ живыхъ.

— Хорошо, хорошо, я буду жить, я хочу жить!

— Это тоже рѣшено?

— Окончательно, если только...

— Если только я отдамъ вамъ свою дочь, не такъ ли?

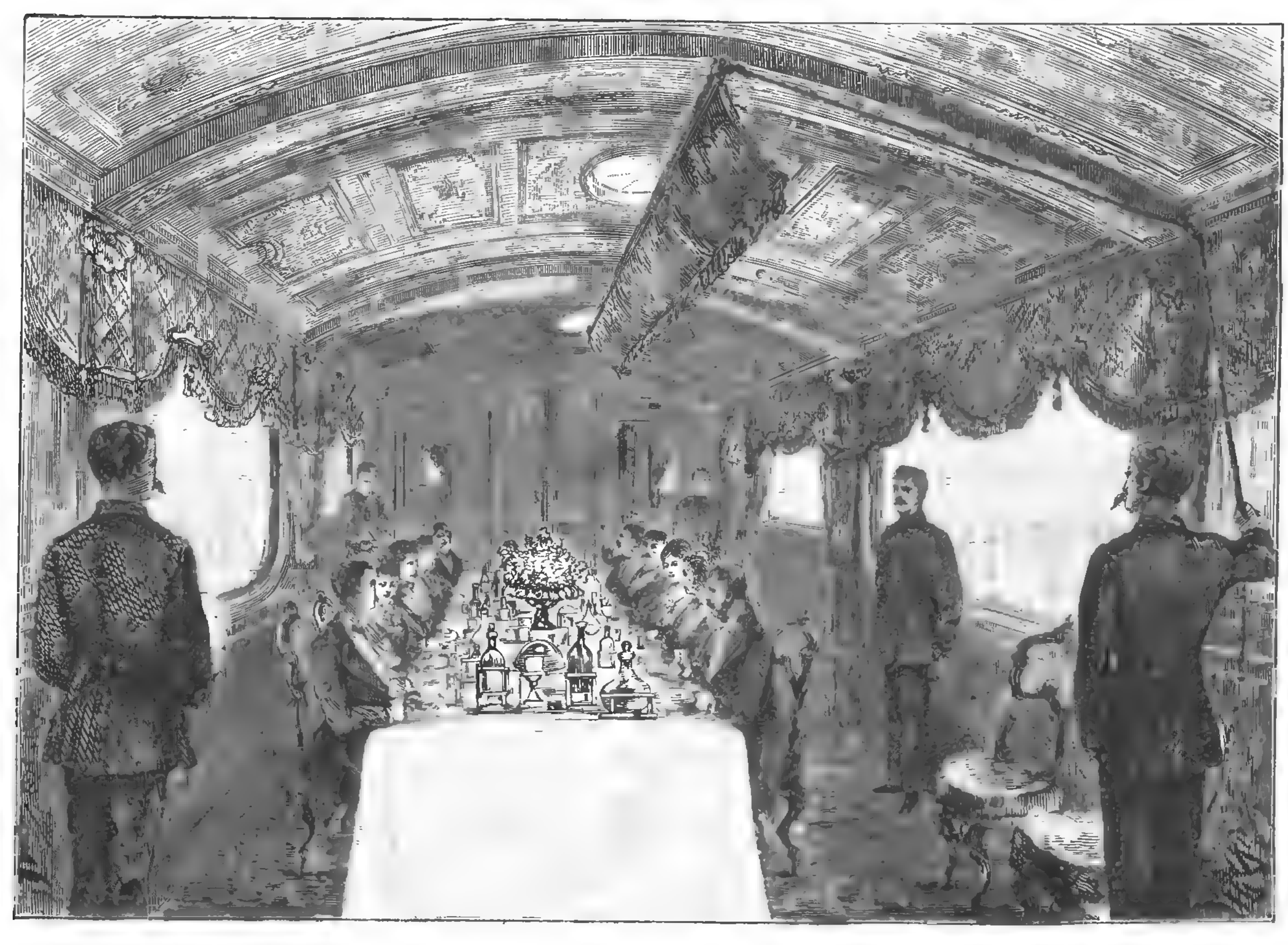
Густая краска, покрывшая лицо Эдуарда, перешла вдругъ въ смертельную блѣдность. Неожиданное счастье его поразило.

— Вы выкинули со мной въ „Maison Lafitte" славную штуку, теперь я мщу за нее: вы не смѣете ѣхать на Антильскіе острова!

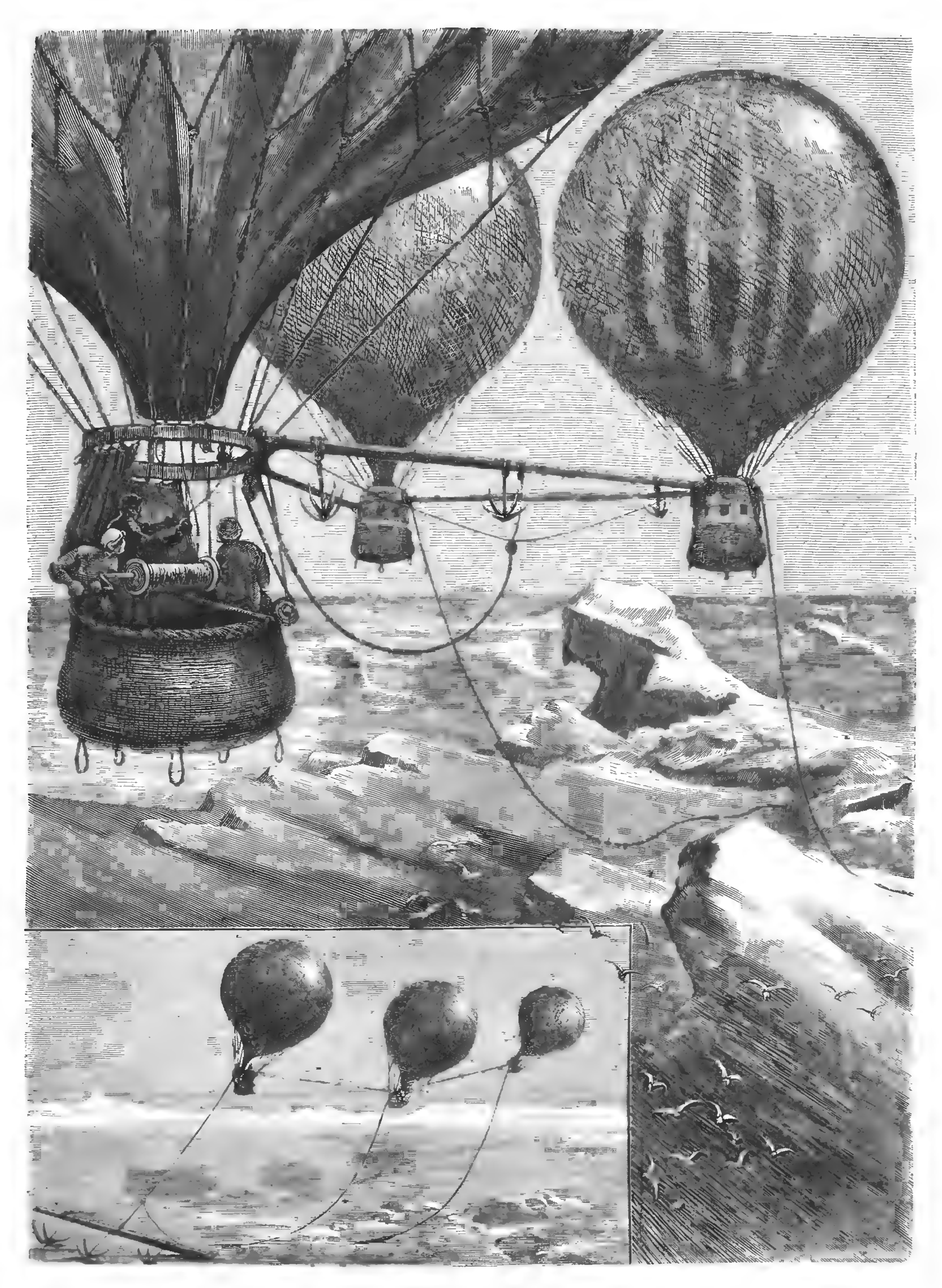
И Эдуардъ въ избыткѣ чувствъ упалъ въ распростертыя объятія добраго старика.

Клемансъ де-Біонвиль, къ славѣ своихъ докторовъ, возвратилась вполнѣ исцѣленной морскими купаньями, и сдѣлалась вскорѣ женою Эдуарда Бертье.

Поѣздъ Государыни Императрицы. Вагонъ-салонъ. По фотогр. грав. М. Рашевскій.

Поѣздъ Государыни Императрицы. Вагонъ-столовая. По фотогр. грав. М. Рашевскій.

Проэктъ Экспедиціи къ Сѣверному полюсу. Вновь устраиваемый воздушный снарядъ. Снарядъ въ моментъ поднятія. Снарядъ на якорѣ. Съ рисунка Муррея, грав. Флюгель.

Ст. Готардскій тоннель.

Очеркъ.

(См. рисунки на стр. 232 и 233).

Недавно блестящимъ образомъ разрѣшена одна изъ гигантскихъ техническихъ задачъ: прорытіе тоннеля въ С.-Готардѣ—фактъ совершившійся. С.-Готардская желѣзная дорога не можетъ стоять на счету обыкновенныхъ предпріятій. Двѣ могущественныя европейскія державы заключили договоръ съ нейтральною, имъ сопредѣльною страною, для приведенія въ исполненіе одного изъ поразительнѣйшихъ международныхъ предпріятій. Германія соединена тоннелемъ съ Италіею черезъ Швейцарію.

Весь цивилизованный міръ былъ заинтересованъ работами въ тоннелѣ. Телеграммы извѣщали объ успѣхѣ работъ. Но событіе это, понятно, болѣе всѣхъ занимало гражданъ въ Гешененѣ и Айролѣ. Утромъ 27 февраля, по вычисленію инженеровъ, между обѣими половинами тоннеля оставалась стѣнка въ 15,8 метровъ. Въ этотъ день прорыто было 6½ метровъ. Такимъ образомъ къ прорытію оставалось сажени 4. Но инженеры ошиблись нѣсколько въ разсчетѣ. 28 числа, въ 6 ч. 45 м. вечера, со стороны Айролы буравъ пробилъ послѣднюю стѣнку, набросавъ въ штольню со стороны Гешенена груду камней. Работники бросились въ сторону, опасаясь взрыва, но увидя въ камняхъ буравъ, радостными криками встрѣтили товарищей. Целестинъ Негаравилья,—работникъ, направлявшій буравъ, выдвинулъ его назадъ, привѣтствовалъ своихъ сѣверныхъ товарищей и затѣмъ телеграфъ сообщилъ вѣсть всему міру. Черезъ пробитое отверстіе былъ переданъ отдѣленію въ Гешененѣ портретъ инженера Фавра, которому принадлежитъ почннъ этаго дѣла, и который не дожилъ до счастливой минуты окончанія предпріятія.

Утромъ 29 числа должно было произойти окончательное пробитіе штольни въ тоннелѣ. При радостныхъ крикахъ мѣстнаго населенія, работниковъ и пушечныхъ выстрѣлахъ, въ 7 ч. утра, поѣзда двинулись отъ обоихъ входовъ тоннеля. Машины начали работу съ обѣихъ сторонъ; надо было взорвать стѣну, раздѣляющую сѣверную сторону отъ южной. Жара въ штольняхъ доходила до 32° по Цельзію.

Въ 11 ч. 15 м. раздалось 8 выстрѣловъ. Когда дымъ разсѣялся, на мѣстѣ толстой стѣны образовалось отверстіе около аршина въ поперечникѣ. Глубоко взволнованные. всѣ пожимали другъ другу руки и обнимались. Рѣчи были встрѣчены восторженными криками, отдававшимися въ черныхъ скалахъ.

Въ техническомъ отношеніи достигнуты блестящіе результаты. Измѣренія и вычисленія для опредѣленія оси тоннеля произведены замѣчательно точно. Обѣ штольни, веденныя съ различныхъ концовъ, встрѣтились именно въ назначенномъ мѣстѣ. Общая длина главной штольни 14,920 метровъ (около 14 верстъ ровно 13 493/500 версты) время производства работъ 7 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ. Среднее вычисленіе дневной работы 5,5 метровъ (2 саж.). Расходъ динамита до 29,914½ пудовъ, общее число пробуравленныхъ отверстій около 320,000, общая ихъ длина 371¼ верстъ, количество израсходованныхъ буравовъ 1,650,000, число вагоновъ, занятыхъ подъ работы 1,450,000. Эти вычисленія относятся къ работамъ при проведеніи штолень. На окончательную отдѣлку тоннеля потребуется еще около 14 мѣсяцевъ.

Первый поѣздъ, прошедшій подъ тоннелемъ, перевезъ техниковъ 29 февраля изъ Гешенена въ Айролу. Поѣздъ былъ встрѣченъ колокольнымъ звономъ и восторженными криками народа. Перваго марта была раздача медалей участникамъ сооруженій. Тоннель былъ разукрашенъ цвѣтами и флагами и оригинально убранъ инструментами и атрибутами производства работъ. 2-го марта, участники въ празднествѣ на двухъ поѣздахъ были приглашены изъ Гешенена въ Айролу. Императору Германіи и королю Италіи были посланы телеграммы, въ отвѣтъ на которыя отъ обоихъ государей были тоже получены депеши.

Компанія Фавра обязалась кончить постройку черезъ восемь лѣтъ и положила залогу 8.000.000 франковъ, причемъ въ случаѣ, если она не успѣетъ въ означенный срокъ, то должна первые шесть мѣсяцевъ уплачивать желѣзнодорожному обществу ежедневно 5000 франковъ, по прошествіи же 6-ти мѣсяцевъ ежедневно 10,000 франковъ. Въ случаѣ же окончанія работъ раньше срока, компанія получаетъ отъ желѣзно-дорожнаго общества за каждый лишній день по 5000 франковъ. За каждый кубическій метръ пространства, выломаннаго въ нѣдрахъ горы, компанія получала по 2800 франковъ. Работы производились подъ наблюденіемъ коммисіи желѣзнодорожнаго общества. Работали посредствомъ сверлильныхъ машинъ, съ пресованнымъ воздухомъ, какія употреблялись уже при постройкѣ извѣстнаго Монтъ-Сенискаго тоннеля. Длина всего тоннеля отъ Айролы до Гешенена около 14 верстъ, 3 сажени вышины и 4 сажени ширины для прокладки двойныхъ рельсовъ; на разстояніи каждыхъ 50 саженъ въ тоннелѣ устроены по обѣимъ сторонамъ углубленія (камеры). Кромѣ того на восточной сторонѣ 3 большія камеры (будки для сторожей).

С. Готардскія горы состоятъ изъ вѣерообразныхъ слоевъ разныхъ породъ скалъ, какъ видно на нашемъ рисункѣ.

Сперва опасались, чтобы масса воды не прорвалась изъ пещеръ и трещинъ, находящихся обыкновенно въ этихъ наслоенныхъ мѣстахъ, но къ счастью эти опасенія не подтвердились и вода была легко устранена, такъ что работамъ не было помѣхи. Наибольшія затрудненія встрѣтились между профилями 2766—2856, гдѣ находится слой известковаго несчавика, найденнаго въ разсыпчатомъ состояніи, который при сообщеніи съ воздухомъ и водою разбухалъ такъ, что крѣпкія перекладины и бревна ломались и для подпоры потребовались уже болѣе метра толщины тесаныя, гранитныя балки у стѣнъ, для нижняго и верхняго сводовъ. Остальныя части тоннеля были пробиты сверлилами, частью же оторваны посредствомъ динамита.

Тоннель будетъ весь выложенъ камнемъ и надъ сводами и за стѣнами будетъ покрытъ довольно толстымъ слоемъ цемента, чтобы не могла проходить сырость. Работамъ особенно препятствовала высокая температура, доходившая до 43°, работники, совершенно нагіе, мѣнялись по три раза въ сутки, (т. е. черезъ каждыя восемь часовъ), послѣ чего купались для освѣженія въ особо для этой цѣли устроенныхъ ваннахъ. По выходѣ каждой перемѣны слѣдовалъ обыкновенно взрывъ, такъ что слѣдующая партія должна была сперва устранить оторванныя груды камня и затѣмъ только могла приступать къ работѣ.

Но трудности и опасности работъ были очень велики. Не проходило дня, чтобы не случилось какого нибудь, съ кѣмъ либо изъ рабочихъ несчастья, рѣдкій день не хоронили двухъ или трехъ человѣкъ; иные подвергались смерти по собственной неосторожности, а главное вслѣдствіе почти преступной экономіи компаніи. Предохранительныхъ мѣръ, какъ-то подпоръ и т. п. при первоначальныхъ работахъ употреблялось весьма мало.

Для ѣзды въ тоннелѣ, употреблялся локомотивъ, дѣйствующій также посредствомъ сжатаго воздуха; для меньшихъ тяжестей употреблялись въ дѣло и лошади. Воздухъ же, сгущаемый для ѣзды и дѣйствія сверлильныхъ машинъ, служилъ также рабочимъ для дыханія и замѣнялъ испорченный воздухъ штолень. Кромѣ того, была проложена запасная труба для тока воздуха. На работѣ находилось постоянно около 400 человѣкъ; каждому требовалось для дыханія и для горѣнія лампочки 300 кубич. метровъ воздуха, что составляло на всѣхъ 120,000 кубич. метровъ.

Что касается сверленія, (см. рисунокъ) то оно производилось слѣдующимъ образомъ: сверлильная машина приставлялась къ скалѣ, вправлялось сверло (буравъ) открывался клапанъ и напоромъ воздуха начиналось сверленіе (болѣе или менѣе быстрое, смотря по твердости камня) отверстія въ 1½ аршина, въ которое льется во все время работы посредствомъ напора воздуха вода, чтобы размолотый камень высыпался и устранялась бы пыль, обыкновенно происходящая при сверленіи и чтобы охлаждать разгорячающееся сверло. Затѣмъ брали согрѣтый динамитъ въ патронахъ въ количествѣ 48 грамъ, (около 4 лот.) который и вкладывали въ просверленное отверстіе и задвигали деревянной клепкой съ фитилемъ большой длины, чтобы могли рабочіе отойти на безопасное разстояніе. Затѣмъ воспламеняли снарядъ за снарядомъ (отъ 6—10). И случалось, что рабочіе не примѣтивъ еще невзорванный снарядъ, продолжали сверлить и отъ прикосновенія происходилъ взрывъ. Рисунокъ на 233 стр. изображаетъ главный входъ въ тоннель со стороны Айролы и боковой входъ, пробитый для веденія прямаго направленія тоннеля.

Александръ Андреевичъ Ивановъ.

Очеркъ.

Личность Александра Андреевича Иванова, творца „Явленія Мессіи народу", произведенія, составляющаго красу и гордость русской школы, до сихъ поръ оставалась по нѣкоторымъ причинамъ недостаточно оцѣненной, неясной, загадочной. Главная причина такого малаго знакомства нашего общества съ своимъ художникомъ заключалась въ бѣдности біографическихъ данныхъ и въ недоступности его обширной и любопытной переписки, хранившейся у его младшаго брата, архитектора Сергѣя Андреевича. Нынѣ, по смерти послѣдняго, эта переписка, заключающая въ себѣ до 243 писемъ и обнимающая собою

34 года, издана въ свѣтъ М. П. Боткинымъ и появилась отдѣльной книгой, подъ заглавіемъ „Александръ Андреевичъ Ивановъ. Его жизнь и переписка“ съ приложеніемъ нѣсколькихъ портретовъ покойнаго художника и его этюдовъ. Пользуясь этимъ драгоцѣннымъ матеріаломъ, теперь можно составить себѣ ясное и отчетливое понятіе о высокой личности нашего художника, о его цѣляхъ и стремленіяхъ. Александръ Андреевичъ Ивановъ родился въ Петербургѣ въ 1806 году въ академіи художествъ, гдѣ отецъ его былъ преподавателемъ. Въ ученики академіи А. А. поступилъ 12-ти лѣтъ отъ роду и вскорѣ обратилъ на себя вниманіе прекрасными этюдами съ натуры, а 18 лѣтъ уже конкурировалъ на 2-ю золотую медаль картиною „Пріамъ проситъ тѣло Гектора“. Несмотря на постоянные успѣхи, самолюбіе юноши часто страдало отъ неправдиваго подозрѣнія академическаго начальства, что ему въ работѣ всегда помогаетъ отецъ. „Не самъ“ повторяло начальство и это жестокое „не самъ“ отравляло всю сладость получаемыхъ наградъ и отличій. Наконецъ пришла пора писать на первую золотую медаль; написанная по этому поводу картина Иванова „Іосифъ въ темницѣ, толкующій сны хлѣбодару и виночерпію“, была выставлена въ 1827 году и вызвала общія похвалы своими несомнѣнными достоинствами. Съ полученіемъ золотой медали художникъ могъ наконецъ освободиться изъ подъ академической опеки. Вообще alma mater — академія оставила по себѣ въ Ивановѣ лишь самыя горькія воспоминанія. Онъ сознавалъ постоянно, что даваемое тогда образованіе было слишкомъ ничтожно и что этотъ, по его выраженію, „хаосъ безтолковыхъ методъ наукъ“ мало могъ принести пользы въ развитіи художника. „С.-Пб. Академія Художествъ, писалъ онъ впослѣдствіи, со всѣмъ своимъ причтомъ, ужасаетъ меня при одномъ воспоминаніи“. Но разставшись съ академіей юный художникъ волей не-волей долженъ былъ подчинить себя опекѣ Общества покровительства художниковъ, чтобы имѣть возможность побывать въ Италіи. Общество соглашалось послать Иванова на свой счетъ за границу, но передъ отъѣздомъ онъ долженъ былъ еще написать картину на заданную тему „Белерофонтъ, отправляющійся въ походъ противъ Химеры“. Эта картина была окончена въ 1829 году, а въ 1830 году Ивановъ уже покинулъ родной городъ, снабженный обширной инструкціей Общества, гдѣ ему указывалось, что осмотрѣть и на что обратить особенное вниманіе. Но А. А. не смотря на свою молодость уже успѣлъ выработать самостоятельный взглядъ на искусство и совершенно не былъ расположенъ слѣдовать понятіямъ и воззрѣніямъ членовъ общества. Такъ, пріѣхавъ въ Римъ, онъ довольно недовѣрчиво начинаетъ относиться къ рекомендованнымъ ему авторитетамъ и даже знаменитую Венеру, работы Кановы прямо называетъ сухой и манерной; одинъ Торвальдсенъ произвелъ на него сильное впечатлѣніе и въ одномъ изъ писемъ онъ его признаетъ „единственнымъ геніемъ, украшающимъ дни наши, скудные оными“. Римъ съ его памятниками искусствъ и живописными окрестностями съ самаго начала очаровалъ Иванова; нравились ему сначала и шумныя, веселыя собранія русскихъ художниковъ, но ни прелести природы, ни римскія развлеченія не могли усыпить свойственной ему энергіи и отвлечь отъ разъ заданной себѣ цѣли. Тотчасъ по пріѣздѣ, онъ отыскалъ себѣ мастерскую и принялся за работу эскизовъ, выхлопотавъ въ то же время дозволеніе писать съ плафона въ Сикстинской капеллѣ. Первыми его эскизами въ Римѣ были: „Самсонъ въ объятіяхъ Далилы“, „Давидъ, играющій передъ Сауломъ“ и „Братья Іосифа находятъ кубокъ въ мѣшкѣ Веніамина“. Но всѣ эти сюжеты не удовлетворяли Иванова и по его мнѣнію не годились для большой картины. Наконецъ его осѣнила новая мысль, избрать сюжетомъ одно изъ событій евангельскихъ, а именно тотъ моментъ, когда Іоаннъ Креститель, увидавъ идущаго къ нему Христа, говоритъ народу: „Се агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра!... Обдумывая эту тему, художникъ прежде чѣмъ воплотить ее въ картинѣ, хотѣлъ испытать свои силы на другомъ евангельскомъ сюжетѣ не столь трудномъ и сложномъ и началъ писать картину: „Явленіе Христа Магдалинѣ по Воскресеніи“. Въ концѣ 1835 года и послѣдняя картина была окончена и еще въ Римѣ произвела глубокое впечатлѣніе, какъ произведеніе дышащее правдой и красотой глубокаго чувства, особенно въ фигурѣ Магдалины. Въ Петербургѣ, общество поощренія поднесло ее въ даръ Государю и назначило художнику пенсію еще на два года; академія же художествъ признала его академикомъ.

Послѣдняя честь была не по душѣ скромному, безкорыстному Иванову. „Какъ жаль, что меня сдѣлали академикомъ“, пишетъ онъ отцу. „Вы полагаете, говоритъ онъ далѣе въ этомъ же письмѣ, что жалованье въ 6—8 тысячъ по смерть, получить красивый уголъ въ академіи — есть уже высокое блаженство для художника, а я думаю, что это есть совершенное его несчастіе. Художникъ долженъ быть совершенно свободенъ, никогда ничему не подчиненъ; независимость его должна быть безпредѣльна. Вѣчно въ наблюденіяхъ натуры, вѣчно въ нѣдрахъ тихой умственной жизни, онъ долженъ набирать и извлекать новое изъ всего собраннаго, изъ всего видѣннаго. Русскій художникъ непремѣнно долженъ быть въ гостяхъ, путешествіяхъ по Россіи и почти *никогда не быть въ Петербургѣ, какъ городѣ, не имѣющемъ ничего характеристичнаго*“.... Еще далѣе Ивановъ говоритъ, что „купеческіе расчеты никогда не подвинутъ впередъ художника“.

Таковъ былъ взглядъ Иванова на призваніе художника и этому взгляду онъ остался вѣренъ до конца жизни, никогда не соглашаясь принести свободу своихъ убѣжденій въ жертву наживѣ и почестямъ. Постоянно отказываясь отъ выгодныхъ заказовъ, за которыми гонялись на перебой другіе, Ивановъ думалъ лишь о начатомъ громадномъ трудѣ, о своей картинѣ „Явленіе Христа народу“. На выполненіе этой картины рѣшилъ онъ употребить всѣ свои умственныя и душевныя силы и создать нѣчто исключительное, образцовое. Каждая черта въ этомъ произведеніи стоила ему большаго труда и глубокой обдуманности. Довольно сказать, что для задуманной картины было сдѣлано художникомъ 24 эскиза, а изъ отдѣльныхъ этюдовъ его, исполненныхъ до этаго произведенія, можно составить цѣлую картинную галлерею. По словамъ Гоголя, Ивановъ проводилъ по нѣскольку мѣсяцевъ въ нездоровыхъ понтійскихъ болотахъ и другихъ пустынныхъ мѣстностяхъ Италіи, перенося въ свои этюды всѣ дикія захолустья, штудируя всякій камешекъ и всякій листокъ. Необходимые для картины еврейскіе типы, онъ изучалъ на ярмаркахъ и въ синагогахъ, а для созданія болѣе вѣрнаго исторически лика Христа, пересмотрѣлъ всѣ старѣйшія живописныя и мозаичныя изображенія. Кромѣ того, Ивановъ много разъ порывался въ Палестину, но Общество поощренія художниковъ всегда отказывало ему въ средствахъ, приводя ему въ утѣшеніе, что Рафаэль никогда не былъ въ Палестинѣ, а въ то же время творилъ великія произведенія. Часто нуждаясь въ самомъ необходимомъ, лишая себя всякаго комфорта, Ивановъ ни на шагъ не отступалъ отъ разъ задуманной цѣли и продолжалъ писать картину чрезвычайно медленно, но собственнымъ его словамъ оставлялъ все дурное въ этюдахъ, внося въ картину одно лучшее. Ища постоянно опоры для своихъ изображеній въ исторіи, жизни, дѣйствительности, онъ не заботился объ томъ, что его покровители роптали на медленость его труда и мужественно ради послѣдняго переносилъ нищету и затворничество. „Еслибы картина моя, писалъ онъ къ Гоголю, осталась навсегда неоконченною, то это все столько же было бы для меня горько, какъ еслибы какая нибудь деспотическая сила заставила меня ее окончить противъ моихъ правилъ и убѣжденій“. Дѣйствительно годъ проходилъ за годомъ, а Ивановъ все еще считалъ картину далеко не конченной; матеріальная помощь изсякала и геніальный римскій затворникъ могъ бы быть совершенно забытъ въ отечествѣ, если бы его друзья не напоминали объ немъ русскому обществу. Объ немъ писали постоянно знакомые ему московскіе профессора Погодинъ, Шевыревъ, Чижовъ, но особенно сильно помогалъ ему Гоголь, какъ своимъ могучимъ перомъ, такъ и личными рекомендаціями въ высшихъ сферахъ общества. Кромѣ того, какъ самъ Государь такъ и другіе члены царской фамиліи не оставляли безъ вниманія самоотверженнаго художника и оказывали ему постоянно матеріальную поддержку. Въ 1857 году посѣтила мастерскую Иванова вдовствующая Императрица Александра Ѳеодоровна и чрезвычайно оставшись довольна картиной, обласкала художника и дала ему средства посѣтить Германію и Францію для поправленія разстроеннаго зрѣнія.

Кромѣ леченія глазъ, Ивановъ еще имѣлъ другую цѣль путешествія; онъ хотѣлъ ознакомиться съ лучшими художественными сокровищами Германіи и Франціи и кромѣ того узнать новѣйшее направленіе въ искусствѣ. Нужно сознаться, что направленіе это не пришлось по сердцу нашему художнику, такъ какъ всюду онъ встрѣчалъ обиліе жанра т. е. такихъ картинъ, которыя онъ обыкновенно называлъ „лавочными“. Но между тѣмъ, и его собственный взглядъ на искусство былъ далеко не прежній и этотъ переворотъ въ его художественныхъ воззрѣніяхъ совершился еще въ концѣ 40-хъ годовъ, какъ это видно изъ его писемъ; даже столь дорогая для него картина, стоившая ему столько заботъ и лишеній, потеряла для него прежнее значеніе. „Картина, писалъ онъ, не есть послѣдняя станція, за которую надобно драться. Я за нее стоялъ крѣпко въ свое время и выдерживалъ всѣ бури; работалъ посреди нихъ и сдѣлалъ все, что требовала школа. Но школа — только основаніе нашему дѣлу живописному — языкъ, на которомъ мы выражаемся. Нужно теперь учинить другую станцію нашего искусства—его могущество приспособить къ требованію времени настоящаго положенія Россіи.“ Съ такими то высокими стремленіями и надеждами Ивановъ встрѣтилъ 1858 годъ, предназначенный имъ для возвращенія на родину. Грустя и пугаясь Петербурга, онъ сѣлъ въ Штетинѣ на пароходъ и въ началѣ мая, послѣ 28 лѣтняго отсутствія, снова высадился на родимые берега Невы. Въ то же время была привезена въ Петербургъ и столь долго ожидаемая его картина и выставлена на судъ публики въ Академіи Художествъ. Къ сожалѣнію этотъ судъ не могъ не быть пристрастнымъ; тогдашнее общество, избалованное эффектами Брюллова и послѣдователей его школы, цѣнило болѣе всего яркое разцвѣчиваніе красками, какую то скорѣй иллюминацію нежели живопись и картина Иванова ей показалась сухой и скучной; всѣ великія достоинства картины: богатство типовъ, жизненность и выразительность фигуръ, реальная правда всѣхъ подробностей ус-

кользнули отъ вниманія публики; она замѣтила лишь недостатки: отсутствіе блестящаго колорита и неоконченность въ нѣкоторыхъ частяхъ картины. Между тѣмъ Ивановъ явился на родину бодрымъ и веселымъ, не ожидая, что произведеніе, надъ которымъ онъ трудился цѣлыя 12 лѣтъ (1836—1848) г. и на которое возлагалъ столько надеждъ, было встрѣчено враждой, недоброжелательствомъ и невѣжествомъ. Лишь только въ небольшомъ кружкѣ своихъ друзей и истинныхъ цѣнителей искуства, онъ находилъ радость и нѣкоторое утѣшеніе въ своихъ неудачахъ. Въ этомъ-то кружкѣ онъ обнаруживалъ свои надежды и свои разочарованія, здѣсь же онъ излагалъ то направленіе какое хотѣлось бы ему видѣть въ отечественномъ искуствѣ. „Идея новаго искусства, восторженно говорилъ онъ, сообразно съ современными понятіями и потребностями, до сихъ поръ еще не вполнѣ прояснилась во мнѣ. Я долженъ еще долго и неусыпно трудиться надъ развитіемъ своихъ понятій—раньше того, я не начну производить новыя картины.“ По его словамъ, чтобы выполнить задачу искусства настоящаго времени необходимо было соединить рафаэлевскую технику съ идеями новѣйшей цивилизаціи. Но всѣмъ этимъ высокимъ стремленіямъ и сладкимъ надеждамъ не суждено было осуществиться; подломленный неудачами и равнодушіемъ къ нему русскаго общества Ивановъ прожилъ въ Петербургѣ лишь шесть недѣль. 3 Іюля 1858 года Иванова не стало. Вскорѣ послѣ смерти художника картина „Явленіе Христа народу“ была пріобрѣтена Государемъ за 15000 руб. и впослѣдствіи подарена Московскому Публичному Музею.

Помимо своихъ картинъ, столь нынѣ цѣнныхъ каждому русскому сердцу, Ивановъ оставилъ еще другой замѣчательный памятникъ своего таланта и трудолюбія: это рядъ композицій (числомъ 246), въ которыхъ художникъ старался изобразить жизнь и дѣянія Спасителя. Эти композиціи выполнявшіяся художникомъ съ 1849 по 1858 годъ и отмѣченные свойственнымъ ему талантомъ и оригинальностью, издаются нынѣ въ свѣтъ германскимъ археологическимъ институтомъ въ Римѣ, по завѣщанію покойнаго брата художника Сергѣя Андреевича Иванова. Этого изданія вышло уже нѣсколько выпусковъ и несомнѣнно, что когда оно будетъ окончено, то наша публика получитъ еще болѣе высокое понятіе о своемъ геніальномъ художникѣ, столь рано погибшемъ для русскаго искусства.

Къ рисункамъ.

Мимоходомъ.

(Картина Палльера).

Сцена, представленная на картинѣ Палльера, живьемъ схвачена изъ обыденной жизни Италіи. Каждому художнику, посѣщавшему Италію, знакомы эти босоногія, сѣрыя фигуры кармелитовъ и капуциновъ и русская публика имѣла много разъ случай любоваться ими въ талантливыхъ произведеніяхъ Якоби, Зичи и особенно Риццони. У послѣдняго есть очень удачная картинка, изображающая монастырскую кухню, въ которой отшельники толкутся около повара, пробуютъ кушанья и заранѣе предвкушаютъ всю гастрономическую прелесть предстоящей трапезы. Сюжетъ Палльера имѣетъ тѣсную связь съ произведеніемъ Риццони—имъ обнаруживается самый способъ собиранія разныхъ припасовъ для монастырской кухни. На картинѣ Палльера вы видите однаго изъ монашествующихъ братьевъ, посланнаго къ доброхотнымъ дателямъ для собиранія живности, овощей и т. п. Сборъ, какъ кажется, удаченъ; не только полонъ до верху мѣшокъ, закинутый за спину монаха, но еще набиты всякой всячиной двѣ корзины, подвѣшенныя по бокамъ осла, постояннаго спутника монашествующихъ въ подобнаго рода экспедиціяхъ. Такимъ образомъ миссія почтеннаго брата окончена и онъ наконецъ можетъ отправиться къ своимъ, но онъ видимо не торопится и не прочь поболтать, такъ себѣ мимоходомъ, то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ своихъ свѣтскихъ знакомыхъ. На этотъ разъ, тоже мимоходомъ, онъ заводитъ разговоръ съ миловидной дѣвочкой и снисходительно взявъ ее за подбородокъ, любуется ея замѣшательствомъ.

Обѣ фигуры вполнѣ удались художнику.

Жанъ Леонъ Палльеръ родился въ Бразиліи, въ Ріо-Жанейро; онъ французъ по происхожденію и теперь живетъ постоянно въ Парижѣ, гдѣ публика обратила на него вниманіе, со времени появленія на выставкѣ его картины „Исповѣдальня“, дѣйствительно прекраснаго произведенія, съ сюжетомъ взятымъ изъ того же быта, столь излюбленнаго художникомъ.

Вагоны поѣзда Государыни Императрицы.

На нашемъ рисункѣ изображены два отдѣльныхъ вагона поѣзда Государыни Императрицы, въ которомъ, Ея Величество нынѣ слѣдовала изъ Франціи. Шесть вагоновъ этаго поѣзда служили для путешествій Императрицы Евгеніи и принадлежали Ліонско-Парижскому желѣзнодорожному обществу, у котораго и пріобрѣтены за 300000 франк.; 4 вагона сдѣланы въ Варшавѣ у Лильпопъ, Рау и Левенштейнъ и остальные 4, три года назадъ, въ Брюсселѣ у Эверарда. Поѣздъ этотъ доходитъ лишь до Вержболова, гдѣ и сохраняется, ибо по ширинѣ колей не можетъ идти по нашимъ дорогамъ. Изъ упомянутыхъ вагоновъ французскіе императорскіе сослужили свою первую службу въ 1873 году, когда въ началѣ марта Ея Императорское Величество слѣдовала въ Сорренто, куда въ половинѣ этого мѣсяца прибылъ профессоръ Боткинъ, по указаніямъ котораго сдѣланы многія приспособленія и поправки, касающіяся вентиляціи, отопленія и т. п. Вообще пріобрѣтенные вагоны оказались холодны и не вполнѣ удобны, такъ что были совершенно передѣланы и теперь представляютъ образецъ изящества и техническаго устройства. Поѣздъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько великолѣпныхъ салоновъ, спальню (обитую голубымъ, съ гамакомъ, замѣняющимъ кровать) будуаръ, ванны, кухни, ледникъ и т. п. Въ одномъ изъ вагоновъ, снабженныхъ передвижными осями, находится полная слесарная мастерская, на случай могущихъ понадобиться поправокъ. Поѣздъ этотъ вездѣ и за границею возбуждалъ общее вниманіе какъ совершенствомъ своего техническаго устройства и всѣхъ современныхъ санитарныхъ приспособленій, такъ и роскошью и изяществомъ внутренней отдѣлки.

Проектъ воздушной экспедиціи къ сѣверному полюсу.

Постоянный неуспѣхъ морскихъ экспедицій къ сѣверному полюсу, вызвалъ попытки нѣкоторыхъ ученыхъ пріискать другой, болѣе вѣрный способъ для изслѣдованія этой, до сихъ поръ никому недоступной, части земнаго шара. Въ Англіи уже составилось нѣсколько проектовъ для приведенія въ исполненіе этой грандіозной мысли. Такъ нѣкто Генрихъ Коксвелль въ публичной лекціи, читанной имъ въ Лондонѣ, представилъ любопытныя соображенія, доказывающія возможность воздушнымъ шарамъ принять дѣятельное участіе въ арктическихъ экспедиціяхъ и проложить себѣ путь до тѣхъ предѣловъ, до которыхъ до сихъ поръ не достигали ни пароходы, ни сани эскимосовъ. По его мнѣнію, для приведенія въ исполненіе такого воздушнаго путешествія прежде всего нужно позаботиться о достаточномъ запасѣ газа. Для этой цѣли необходимо снабдить пароходъ какъ газомъ въ сжатомъ видѣ, такъ и тѣмъ матерьяломъ, изъ котораго вырабатывается водородъ. Что же касается до устройства шаровъ, то онъ даетъ имъ слѣдующее расположеніе: три шара наполненные газомъ, прикрѣпляются къ легкимъ перекладинамъ, составляющимъ треугольникъ. Эти перекладины, по словамъ изобрѣтателя, значительно облегчаютъ управленіе шарами посредствомъ снастей, освобождая людей отъ необходимости влѣзать для этой цѣли на высоту. Кромѣ того при подобномъ соединеніи трехъ шаровъ, можно, отнявъ одну изъ перекладинъ, поставить всѣ шары въ одну линію и управлять ими тогда съ такою же почти легкостью какъ и съ однимъ шаромъ. Закрѣпляются шары якорями посредствомъ той же третьей перекладины; въ такомъ случаѣ якоря опущенные вмѣстѣ съ перекладиной зацѣпляются за массы льда и останавливаютъ дальнѣйшій полетъ шаровъ. Въ корзинахъ подъ шарами могутъ помѣщаться для тепла маленькія печи, нагрѣваемыя лампами и изолированныя отъ прикосновенія съ газомъ; въ этихъ же корзинахъ, въ закрытыхъ или открытыхъ помѣщеніяхъ должна сохраняться провизія на 50 дней, сани и пр.

Предлагали сдѣлать пробное воздушное путешествіе въ шарахъ подобнаго устройства, изъ Кристальнаго Дворца въ Эдинбургъ, но Коксвелль находитъ, что подобная проба не можетъ имѣть никакого серьезнаго значенія отъ разницы условій воздушнаго полета въ Англіи и надъ льдами сѣвернаго полюса. По его словамъ, при обиліи въ Англіи городовъ, селъ, желѣзныхъ дорогъ и телеграфныхъ проволокъ, все его устройство будетъ болѣе помѣхой, чѣмъ пособіемъ для успѣшнаго полета шара, не давая ему свободно подниматься и принуждая его летѣть низко, въ ущербъ экономіи газа. Впрочемъ кромѣ предварительныхъ опытовъ и разнаго рода улучшеній, проектъ Коксвелля требуетъ еще огромныхъ затратъ и потому осуществленіе его будетъ зависѣть отъ большаго или меньшаго сочувствія къ нему англійскихъ капиталистовъ.

Телефонъ въ Лондонѣ.

Съ поразительною скоростью телефоны стали вводиться въ Европѣ. Прошло сравнительно такъ немного времени съ тѣхъ поръ какъ впервые былъ изобрѣтенъ телефонъ, который теперь съ успѣхомъ замѣняетъ почтовое и телеграфное сообщеніе. Нѣсколько лишь мѣсяцевъ тому назадъ, въ Лондонѣ дѣлали опыты примѣненія телефона. Въ настоящее время, телефоны установлены уже въ лондонскомъ Сити и во всѣхъ предмѣстьяхъ. Число участниковъ увеличивается съ каждымъ днемъ, а уменьшившійся за послѣдніе мѣсяцы сборъ по телеграфу, наглядно свидѣтельствуетъ о степени распространенія телефоновъ.

Въ Лондонѣ принята таже система установки телефоновъ, какая практикуется въ большихъ городахъ Америки—Чикаго,

(Продолженіе на стр. 245, 246, 247 и 248).

ст. Луи и Цинцинати, гдѣ насчитывается отъ 2000 до 6000 участниковъ. Устройство телефона извѣстно уже всѣмъ. Дѣло идетъ о приспособленіи его для передачи разговоровъ. Для этаго въ Лондонѣ, въ Ломбардстритѣ находится центральная станція, такъ называемый соединительный телефонъ, куда проведены проволоки изъ различныхъ домовъ Лондона, предмѣстій и окрестностей. Самая отдаленная станція отстоитъ отъ центральной на 15 миль. Устройство находящагося въ послѣдней аппарата представлено на рисункѣ. Вслѣдствіе его несложности, къ нему проведено 24 проволоки, хотя можетъ быть введено любое количество проволокъ изъ какой угодно части Лондона или Англіи. Такъ напр. № 2 обозначаетъ проволоку г. А. живущаго въ Хрустальномъ дворцѣ. № 3—проволоку торговаго дома В.—въ Сити. Хочетъ А, говорить съ В, онъ прижимаетъ пуговку телефона въ своемъ кабинетѣ, чѣмъ приводитъ въ движеніе электрическій колокольчикъ, помѣщенный надъ коробкой С. Одновременно съ этимъ на аппаратѣ открывается его номеръ, въ этомъ случаѣ № 2. Служащій на станціи увѣдомляетъ о полученіи сигнала и А телефонируетъ, что хочетъ говорить В. Служащій по списку справляется о В, въ этомъ случаѣ № 3, и соединяетъ проволоки А и В металлической шпилькой. Теперь А. въ хрустальномъ дворцѣ и В въ Сити могутъ разговаривать, не будучи услышаны служащимъ на станціи. По окончаніи разговора А, опять даетъ знать въ электрическій звонокъ и тогда проволоки снова разъединяются.

На приложенномъ рисункѣ изображены вертикальныя и горизонтальныя металлическія полосы. Онѣ представляютъ проведенныя проволоки; въ одно и тоже время, нѣсколько паръ проволокъ могутъ сообщаться не мѣшая разговору.

Телефоны въ Лондонѣ состоятъ изъ обыкновеннаго передаточнаго аппарата в. и воспринимателя (фиг. 1). Внутри видимаго на рисункѣ круглаго ящика, отверстіе котораго придерживается помощью ушка, вставлена слюда (фиг. 2), въ центрѣ которой укрѣплена горизонтальная платиновая полоска р. За полоской, внутри ящика, вставленъ горизонтальный цилиндръ z, изъ калька и фосфорнокислаго натра. Цилиндръ этотъ поворачивается помощью наружной ручки с. (фиг. 1). Каучуковая пробка к. (фиг. 2) помѣщенная надъ кальковымъ цилиндромъ, прижимаетъ до извѣстной степени къ цилиндру платиновую полоску р. Проволоки такъ приспособлены, что электрическій токъ входитъ въ цилиндръ, чрезъ платиновую полоску на мѣстѣ тренія. Если повернуть рукоятку с. наружу и съ нею цилиндръ, то между послѣднимъ и платиновой полоской начнется треніе, вслѣдствіе котораго эластическая слюдяная пластинка центромъ своимъ втягивается внутрь. Втягиваніе это тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе тренія между кальковымъ цилиндромъ и платиною и наоборотъ. Электрическій токъ, возбужденный на станціи посылающей, и проходящій черезъ платиновую полоску, уменьшаетъ треніе между платиной и калькомъ, а также силу тяги; пластинка слюды снова принимаетъ первоначальное положеніе. Если электрическіе токи слѣдуютъ непосредственно одинъ за другимъ, то пластинка слюды, соотвѣтственнымъ образомъ напрягается и отпускается. Поразительно то, что кальковый цилиндръ и пластинка слюды, передаютъ самыя нѣжныя вибраціи электрическаго тока, произведенныя голосомъ человѣка на станціи отправленія и затѣмъ слюда воспроизводитъ сама звуки, проговоренные въ передаточный аппаратъ.

Такое же устройство можетъ быть примѣнено для соединенія Лондона съ другими городами. Если напримѣръ А въ Оксфордѣ желаетъ говорить съ В въ Лондонѣ то черезъ центральную станцію онъ вызываетъ В. Служащій запрашиваетъ центральную станцію въ Лондонѣ, а эта послѣдняя увѣдомляетъ В. Затѣмъ проволоку В соединяютъ съ центральной Оксфордской станціей и разговоръ можетъ начаться. Процессъ соединенія проволокъ занимаетъ нѣсколько минутъ.

А. А. Ивановъ. По фотогр. грав. Э. Шмидтъ.

Фиг. 1. Фиг 2.

Телефонъ въ Лондонѣ. Устройство аппарата.

Политическое обозрѣніе.

Рѣчь Государя Императора.—Турецкіе финансы.—Мусульманскіе инсургенты въ Румеліи.

При бывшемъ 18 марта, по случаю дня рожденія Императора Германскаго торжественномъ обѣдѣ въ Зимнемъ Дворцѣ Государю Императору благоугодно было, превозглашая тостъ на французскомъ языкѣ, произнести слѣдующее: „Его Величество Императоръ Король Вильгельмъ, коего день рожденія Мы счастливы праздновать сегодня, далъ Мнѣ новое доказательство своей прежней постоянной дружбы, написавъ Мнѣ, по случаю совершившагося двадцатипятилѣтія со дня восшествія Моего на престолъ, два письма: одно офиціальное, которое я поспѣшилъ приказать публиковать, другое частное. Глубоко меня тронувшія чувства и пожеланія, въ нихъ выраженныя, питаю и Я, и вполнѣ разсчитываю на сохраненіе и утвержденіе болѣе чѣмъ вѣковыхъ дружественныхъ сношеній между Нашими двумя народами, для ихъ обоюднаго благоденствія. Пью за здоровье Его Величества Императора и Короля, Моего лучшаго друга. Да сохранитъ его Господь и даруетъ Намъ утѣшеніе праздновать этотъ день еще многіе годы.“ Императоръ Вильгельмъ также праздновалъ день своего рожденія. Маститый монархъ чувствовалъ себя свѣжимъ, бодрымъ и не утомился пріемомъ поздравленій отъ чиновъ двора, принцессъ, съѣхавшихся въ Берлинъ къ этому дню иностранныхъ принцевъ, а также и дипломатическаго корпуса. — Въ настоящую минуту указываютъ на признакъ поворота въ отношеніяхъ между Германскимъ правительствомъ и римской куріей. Признакъ этотъ видятъ въ письмѣ, написанномъ папой Львомъ XIII къ отрѣшенному прусскимъ правительствомъ кельнскому архіепископу Мельхеру по поводу объяснительной записки, составленной архіепископомъ къ папской энцикликѣ о соціализмѣ. Въ письмѣ этомъ Левъ XIII заявляетъ, что успѣхи соціалистическаго ученія онъ видитъ въ ослабленіи религіозности, обусловленномъ, въ свою очередь, стремленіемъ подорвать вліяніе католическаго духовенства на дѣло народнаго образованія. Блестящій прогрессъ естественныхъ наукъ не въ состояніи удержать ни отдѣльныя личности, ни цѣлые народы на стезѣ добродѣтели. Въ настоящее время, напротивъ, замѣчается все большій и большій упадокъ нравственности, единственнымъ охранителемъ которой папа считаетъ только католическое духовенство. Поэтому желательно и необходимо, чтобы католической церкви возвращено было повсюду принадлежавшее ей вліяніе на умственное и нравственное развитіе подростающаго поколѣнія. Въ особенности желательно, чтобы церкви возвращена была ея свобода въ Германіи. По мнѣнію Льва XIII, между духовной и *свѣтской властью можетъ установиться въ Германіи полное соглашеніе* если только съ обѣихъ сторонъ будетъ на то добрая воля. Съ своей стороны папа соглашается на то, чтобы прусскому правительству были сообщаемы епископами списки кандидатовъ въ приходскіе священники. Въ прусскихъ правительственныхъ кружкахъ письмо это считается важнымъ шагомъ къ примиренію. *Министры имѣли уже частныя совѣщанія, на которыхъ обсуждался вопросъ о соотвѣтственномъ измѣненіи законовъ, наиболѣе враждебныхъ Ватикану.*

Въ турецкихъ финансахъ замѣтно нѣкоторое улучшеніе. По крайней мѣрѣ, изъ отчета, приложеннаго къ государственному бюджету на 1880 и 1881 г., видно, что погашеніе бумажныхъ денегъ быстро подвигается впередъ. Изъ общей суммы 1,600,000,000 піастровъ изъято денегъ этихъ уже на 1,020,000,000, 580,000,000 предполагается платить въ теченіе нынѣшняго года. Государственные доходы исчислены, въ 1880—81 году, въ 16, а расходы—въ 22 милліона турецкихъ фунтовъ, такъ что министерству финансовъ приходится озаботиться покрытіемъ дефицитовъ 6 милліоновъ фунтовъ. Изъ Румеліи получены тревожныя вѣсти. Въ пограничномъ, Кирджалинскомъ округѣ появился довольно значительный отрядъ мусульманъ-инсургентовъ, съ которыми болгарская милиція имѣла уже нѣсколько вооруженныхъ столкновеній. Волненіе еще, однако, не подавлено. Недавно князь Вогоридесъ видѣлся на границѣ съ Реуфъ-пашей (Адріанопольскимъ генералъ-губернаторомъ), съ цѣлію условиться относительно мѣръ къ прекращенію движенія. Результатомъ свиданія было присоединеніе къ Восточной Румеліи территоріи, входящей, на основаніи Берлинскаго трактата, въ составъ этой провинціи, но до сихъ поръ еще формально не присоединенной.

За неимѣніемъ мѣста рѣшенія задачъ и новыя задачи помѣстимъ въ слѣд. №.

Издатель **А. Ф. Марксъ** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

КАВКАЗСКІЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ.

ЛЕЧЕБНЫЙ СЕЗОНЪ 1880 ГОДА

начинается въ ПЯТИГОРСКѢ—1 Мая: въ ЕССЕНТУКАХЪ—11 Мая; въ ЖЕЛѢЗНОВОДСКѢ 12 Мая; въ КИСЛОВОДСКѢ—10 Іюня.—Леченіе продолжается въ ПЯТИГОРСКѢ—до 1-го Октября, въ ЕССЕНТУКАХЪ, ЖЕЛѢЗНОВОДСКѢ и КИСЛОВОДСКѢ—до 15 Сентября.

Въ ПЯТИГОРСКѢ находятся многочисленные сѣрные ключи, разнообразные по своему содержанію и дѣйствію, температурою отъ 24° до 37° Реомюра.—Въ ЖЕЛѢЗНОВОДСКѢ, 14 верстъ отъ Пятигорска, желѣзистые холодные и горячіе, температурою отъ 13° до 41° Реомюра.- Въ ЕССЕНТУКАХЪ, 15 верстъ отъ Пятигорска, источники: соляно-щелочный (№ 17), іодисто-щелочный (№ 6), желѣзисто-щелочный (№ 18), щелочно-соляной (№ 4) и сѣрно-щелочные: температура источниковъ отъ 7° 11° Реомюра.—Въ 20 верстахъ отъ Ессентуковъ, въ КИСЛОВОДСКѢ, извѣстный Нарзанъ, имѣющій 11° Реомюра и содержащій громадное количество углекислаго газа.

Кавказскія Минеральныя воды дѣйствуютъ съ большимъ успѣхомъ при излеченіи послѣдствій раненія и добытыхъ при боевой жизни простуды, ослабленія организма, а также составляютъ прекрасное укрѣпляющее средство послѣ тифа и другихъ тяжкихъ болѣзней.

Проѣздъ на воды весьма удобный: желѣзными дорогами до Ростова на Дону, а оттуда по Ростовско Владикавказской желѣзной дорогѣ всего 20 часовъ ѣзды до станціи „Минеральныя воды", откуда по шоссе, (20 верстъ) до Пятигорска.

Между станціею „Минеральныя воды" и Пятигорскомъ, а также между Пятигорскомъ и соединенными съ нимъ посредствомъ шоссе прочими группами водъ (Ессентуки Желѣзноводскъ и Кисловодскъ) ходятъ срочные дилижансы и другіе почтовые экипажи.
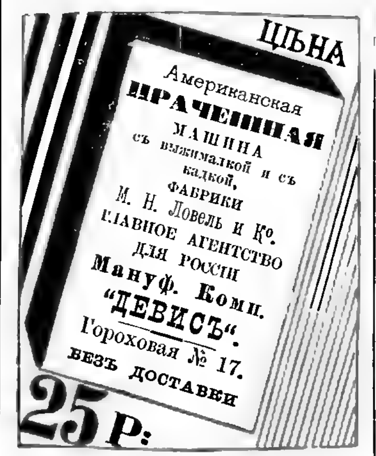
На всѣхъ группахъ играетъ музыка. Имѣются: гостинницы, рестораны, аптеки, телеграфныя станціи, почтовыя отдѣленія, почтовыя станціи и читальни; а въ Пятигорскѣ снабженная лучшими повременными изданіями и новыми книгами библіотека

Разлитыя въ бутылки **Ессентукскія воды, Нарзанъ и Горькая соль** для внутренняго употребленія и **лепешки** приготовляемыя изъ воды источника № 17 въ Ессентукахъ, а также **соль** для ваннъ можно имѣть во всѣхъ магазинахъ аптекарскихъ матерьяловъ и во всѣхъ аптекахъ.

За справками и необходимыми свѣдѣніями слѣдуетъ обращаться: Пятигорскъ, въ Контрагенство Кавказскихъ Минеральныхъ водъ.

Обращающіеся письменно прилагаютъ на отвѣтъ марку; спрашивающіе по телеграфу платятъ за отвѣтъ

Контрагентство Кавказскихъ Минеральныхъ водъ.—

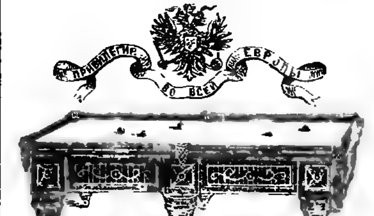

КНИГИ прод. пок. и прин. на коммиссію, Казань. кн. маг. Алексан. Ильича Овчинникова Объ эт. торговлѣ уже 9-й годъ (съ 1871 г.) публик., почти постоянно, въ Казан. газет. и мн. др изд. № 589—11.

БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА
РУДОЛЬФА ГЕРДЕСЪ
въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

предлагаетъ свои

Билліарды съ патентованными передвижными бортами

разныхъ величинъ, разлагаемой конструкціи, крытые, ровно шлифованными аспидными досками, солидной, изящной работы, по рѣшительнымъ цѣнамъ. Иллюстрированные прейсъ-куранты съ описаніемъ высылаются желающимъ чрезъ

РУДОЛЬФА ГЕРДЕСЪ,

№ 543 Вознесенскій просп., № 12 10-8

ОТЪ МОЛИ. — САМОЕ ВѢРНОЕ СРЕДСТВО — ОТЪ МОЛИ.

МѢШКИ ОТЪ МОЛИ
СЪ УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫМЪ ЗАПОРОМЪ.

Мѣшокъ на одну шубу	4 р. 50 к.	съ пер.	5 р.
Мѣшокъ на двѣ шубы	5 „ 50 „	„	6 „
Мѣшокъ на три шубы	6 „ 50 „	„	7 „
Мѣшокъ на три муфты	2 „ 50 „	„	3 „

№ 628 **Л. Ціолковскаго и Комп., Невскій пр., № 54.** 1—1

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ:

БАСНИ И. А. КРЫЛОВА,
ИЗДАННЫЯ П. А. ЕГОРОВЫМЪ,

СЪ РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ И. С. ПАНОВА.

№ 608 въ 16 д. листа ц. 50 коп.; въ 8 д. листа ц. 1 рубль. 3—2.

НОВОСТЬ!! **АВТОМАТИЧЕСКІЕ** НОВОСТЬ!!

КАРАНДАШЪ И ПЕРО,
которое можно употреблять безъ чернильницы и очень удобно носить въ боковомъ карманѣ, благодаря остроумному механизму оно никогда не портится.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. ВЪ ГЛАВНОМЪ ДЕПО РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ РЕЗИНОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ

ЛИМАНА и РИКСА.
Гороховая, д. 16, между Больш. Морск. и Краснымъ мост.

МЫЛО AU LAIT DE LYS ЛОЗЕ.

Признанное всѣмъ свѣтомъ единственнымъ и лучшимъ мыломъ для смягченія и очищенія кожи; всѣ прежніе недостатки и несовершенства тщательно устранены; чистотою, тонкостью и пріятностью запаха мыло это превосходитъ всѣ извѣстныя въ мірѣ.

Кусокъ безъ запаха -50 к., съ запахомъ турецкой розы—кусокъ 1 р. 25 к.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ, ВЪ БЕРЛИНѢ,

парфюмеръ, поставщикъ прусскаго королевскаго двора, изобрѣтатель

Воды „Eau de lys de lose".

На этикетахъ каждаго куска обратить вниманіе на красное факсимиле:

„ЛОЗЕ".

Главное депо въ Спб. химической лабораторіи, въ важнѣйшихъ магазинахъ благовонныхъ товаровъ и у главныхъ парфюмеровъ Россіи.

№ 118 1—1.

ТУМАННЫЯ КАРТИНЫ.

Для Полковъ, Земствъ, Гимназій и проч. учебныхъ учрежденій. Изъ военныхъ событій, Русской и Священной исторіи къ народнымъ чтеніямъ и прочимъ для **волшебныхъ фонарей отъ 25 к.** За подробностями прошу обращаться въ фотографію Ермолина: Петербургская сторона по Больш. проспекту, домъ № 58. № 613 1—1.

ЛЕЧЕБНЫЙ СЕЗОНЪ 1880 года продолжается съ 26-го **мая по** 20-е **августа.**

СТАРОРУССКІЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ.

Находятся въ Старой Руссѣ, Новгор. губ., около двухъ градусовъ южнѣе Петербурга, въ ровной и довольно сухой мѣстности, воздухъ весьма здоровый и чистый, средняя температура дня во время сезона приблизительно отъ 14 до 16°. Помѣщенія и дачи отдаются со всею обстановкою, кромѣ бѣлья, отъ 50 до 350 р. за лѣто; жизнь дешевая—представляетъ слѣдовательно всѣ благопріятныя условія для лечебнаго и дачнаго мѣстопребыванія. Для развлеченія публики въ заведеніи мин. ер. водъ имѣются: библіотека, газеты, три раза въ недѣлю театръ, два раза въ недѣлю танцовальные вечера, ежедневно оркестръ музыки, тиръ, кегли и гимнастика для дѣтей. Въ вокзалѣ водъ находится ресторанъ и номера для пріѣзжихъ. Прямое сообщеніе по Николаевской и Новгородско-Старорусской желѣзнымъ дорогамъ. Желѣзисто-минеральная грязь и воды старорусскія тождественны съ францисбадскою грязью и съ крейцнахскими водами и какъ самыя сильныя бромо-іодо-солянощелочныя въ Россіи, употребляются съ испытанною пользою во всѣхъ видахъ золотухи, англійской болѣзни, ревматизмѣ, подагрѣ, въ различныхъ параличахъ, воспаленіи суставовъ и подкостной плевы, костоѣдѣ, въ хронич. женскихъ болѣзняхъ, нервной слабости, накожныхъ сыпяхъ, хронич. язвахъ, въ катарральныхъ процессахъ, геморроѣ и вторичныя явленія сифилиса. Кромѣ ваннъ, солянощелочныхъ и грязевыхъ устроены хвойныя и паровыя, равно леченіе **настоящимъ** кумысомъ и всѣми заграничными минеральными водами. Плата за ванны: солещелочной 50 к., солено-хвойной 60 к., прѣсно-хвойной 60 к., минер. грязи 80 к., паровая ванна 50 к. души 25 к., холодное купанье въ озерѣ въ минер. водѣ за сезонъ 3 р.; дѣти до 4 лѣтъ, купающіяся въ дѣтскихъ переносныхъ ваннахъ, платятъ половину. Каждое купающееся лицо съ 14-лѣтняго возраста платитъ, за питье воды изъ старорусск. источниковъ, на содержаніе оркестра, за право читать газеты и на покрытіе расходовъ, дѣлаемыхъ собственно для пріѣзжающихъ, за одиночный билетъ въ сезонъ 4 р., за семейный 10 руб.

Болѣе подробныя свѣдѣнія относительно болѣзни и дачъ въ Руссѣ можно получать по вторникамъ и субботамъ, отъ 11 до 12 ч. до 10-го а рѣля Владимірская, № 16, кв. № 6.

№ 621 1—1 Директоръ и докторъ старорусскихъ минеральныхъ водъ **А. РОХЕЛЬ**

При этомъ № прилагаются 2 объявленія: 1) отъ Эмиль Гильбихъ въ Спб., для всѣхъ гг. городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ 2) отъ Лильпопъ Рау и Левенштейнъ въ Варшавѣ для гг. иногородныхъ подписчиковъ за исключеніемъ 19 и 25 пункта (Сибири).

Дозволено цензурою СПБ. 21-го марта 1880 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. ... № 10.

XI годъ | № 13

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

годъ XI | 1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6–10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 модн. рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 29 Марта 1880 г. Цѣна этаго № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

А. Н. Есипова.

Имя г-жи Есиповой въ Европѣ получило теперь большую извѣстность. Эта піанистка наслѣдовала талантъ и любовь къ музыкѣ отъ отца. Есипова родилась въ 1851 году; съ самаго ранняго возраста у нея уже проявилась страсть къ музыкѣ. Присутствуя однажды на концертѣ съ родными, маленькая Есипова, прослушавъ пьесу, пробралась на эстраду и стала наизусть играть слышанное. Первые уроки музыки она брала у Велепольскаго, во французскомъ пансіонѣ, куда была отдана родными. Но вскорѣ необыкновенныя ея способности заставили родныхъ болѣе серьезно ею заняться. Она была помѣщена въ консерваторію, въ приготовительный классъ. Тутъ подъ руководствомъ г. фонъ Арка, она начала свое музыкальное образованіе. Спустя полгода она сдѣлала такіе успѣхи, что перешла уже въ высшій разрядъ. Музыка была для нея величайшимъ наслажденіемъ и любимѣйшимъ занятіемъ въ жизни. Она чувствовала себя совершенно счастливою, въ то время, когда предавалась любимому искуству. Профессоръ Лешетицкій однажды проходя мимо классовъ былъ пораженъ, услышавъ въ одномъ изъ нихъ игру. Онъ вошелъ туда и увидѣлъ Есипову, окруженную толпою слушательницъ. Она сидѣла передъ роялемъ и разыгрывала рапсодію Листа и другія подобныя ей по трудности пьесы. Конечно, профессоръ прекратилъ игру и постарался внушить, что только пройдя строгую школу музыки можно достичь до передачи произведеній великихъ композиторовъ; хотя, юная ученица и отличалась необычайной музыкальной памятью. Играя въ консерваторіи въ септетѣ Гуммеля, въ то время 17 лѣтняя дѣвушка, артистка удивила всѣхъ выйдя на эстраду безъ нотъ, и дѣйствительно съиграла свою партію наизусть безъ ошибки. Отличительная черта характера Есиповой — отсутствіе зависти. Она болѣе радовалась всегда

А. Н. Есипова.

успѣхамъ своихъ подругъ, чѣмъ своимъ собственнымъ.

Въ консерваторіи юная артистка такъ успѣвала, что вскорѣ обратила на себя общее вниманіе. Великая княгиня Елена Павловна присутствовала на первомъ экзаменѣ Есиповой, спустя годъ послѣ ея поступленія въ высшій разрядъ и была поражена ея исполненіемъ. Когда въ 1869 г. профессоръ ея уѣзжалъ въ Ишль, великая княгиня настояла, чтобы сюда же пріѣхала и ученица, которая такимъ образомъ и во время каникулъ не переставала пользоваться уроками. Необыкновенные успѣхи ея подали мысль предложить ей играть публично въ концертѣ. Въ этомъ же году, въ сентябрѣ, она въ первый разъ играла публично въ Зальцбургѣ. То былъ концертъ E—molle Шопена. Трудную эту пьесу исполнила она такъ блистательно, что привела въ восторгъ публику.

Послѣ такой счастливой пробы, Есипова играла уже въ ноябрѣ въ Петербургѣ концертъ G-dur Бетховена. Успѣхъ былъ также блестящъ, какъ и въ Зальцбургѣ.

Вскорѣ Есипова блестяще выдержала трудный экзаменъ консерваторіи, за который ей была присуждена золотая медаль. Черезъ годъ, выдержавъ еще экзаменъ изъ теоріи преподаванія, контрапункта и пр. она получила дипломъ на присужденную медаль и въ этомъ году дебютировала въ Москвѣ.

За годъ до выхода изъ консерваторіи, умеръ отецъ Есиповой. Матери ея осталась весьма небольшая пенсія. Но Есипова безъ боязни могла встрѣтить будущее.

Въ декабрѣ 1871 года, она предприняла путешествіе по Германіи. Тутъ только Есипова могла убѣдиться, какъ трудно бываетъ артисту, если ему не предшествуетъ слава громкаго имени. Прійдя на репетицію къ капельмейстеру, она была принята хотя вѣжливо но холодно а присутствующіе встрѣтили ее недоброжелательно. И въ самомъ дѣлѣ, кто она такая, эта русская, выдающая себя за піанистку, имени которой никто не знаетъ? Но уже въ моментъ игры положеніе дѣла измѣнилось. Всѣ столпились вокругъ и осыпали ее любезностями и предупредительностью. Изъ Брауншвейга она получила приглашенія въ Ганноверъ и Магдебургъ, затѣмъ въ Лейпцигъ, Берлинъ и т. д. и имя ея сдѣлалось извѣстнымъ въ Германіи. Увѣнчанная лаврами, вернулась Есипова въ Петербургъ, въ 1873 г. и дала концертъ въ театрѣ, съ участіемъ оркестра. Затѣмъ вмѣстѣ съ Ауэромъ два раза играла въ Гельсингфорсѣ и снова уѣхала въ Вѣну. Въ ноябрѣ этаго года присутствовала на юбилеѣ Листа въ Пештѣ.

Есипова находится теперь на вершинѣ артистической извѣстности. Имя ея извѣстно не только въ Европѣ, но и въ Америкѣ и повсюду она считается замѣчательной піанисткой.

Тѣсная связь между ученицей и учителемъ повела къ сердечнымъ отношеніямъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Есипова стала счастливой супругой своего бывшаго профессора г. Лешетицкаго, которому много была обязана своимъ музыкальнымъ образованіемъ и успѣхами.

На далекомъ востокѣ.

Очерки **А. Максимова**.

(Разсказы участника охоты на тигра).

I.
Засада на деревьяхъ. *)

Мирно сидѣли мы въ небольшомъ, уютномъ кабинетикѣ Ивана Трофимовича Сухова, казначея однаго изъ линейныхъ сибирскихъ батальоновъ, пили чай и вели чинную бесѣду о только что полученныхъ съ послѣдней почтой новостяхъ. Каждый высказывалъ свои мнѣнія и предположенія по поводу разныхъ событій, совершившихся въ Европѣ съ небольшимъ четыре мѣсяца назадъ, но сдѣлавшихся извѣстными намъ лишь со вчерашняго дня, съ полученіемъ „послѣднихъ" газетъ и журналовъ. Высказывали свои мысли и предположенія такъ убѣжденно, пускались въ такія тонкости, столько было въ насъ сознанія своего достоинства, что казалось, собрались на конгрессъ нѣсколько маленькихъ Бисмарковъ, рѣшившихся покончить со всѣми „проклятыми вопросами" прежде, чѣмъ покончена будетъ пузатый, красной мѣди, шипящій самоваръ. Мы дѣлили Европу, дѣлали государственные перевороты, назначали министровъ. Мы совершенно упускали какъ-то изъ виду, что сидимъ у добрѣйшаго Ивана Трофимовича, что мы толкуемъ о фактахъ, совершившихся четыре мѣсяца тому назадъ, о людяхъ, давно можетъ сошедшихъ съ политической и даже, пожалуй, съ жизненной арены. Мы забывали, что отъ „просвѣщенной Европы" находимся ровно за 10,000 верстъ, на самой отдаленной окраинѣ обширнаго, полутаинственнаго, азіатскаго материка. Но время шло весело, незамѣтно; особенно ораторствовалъ нашъ добродушный Иванъ Трофимовичъ, до смерти не взлюбившій англичанъ за ихъ коварства и интриги.

И вдругъ среди оживленнѣйшей политической бесѣды дверь распахнулась и въ комнату влетѣлъ, въ какомъ-то лихорадочномъ волненіи, высокій, бравый мужчина, смотритель мѣстнаго госпиталя.

— Господа, тигръ задавилъ у меня сейчасъ двухъ лучшихъ коней! прокричалъ онъ возбужденно...

— Фу, какъ вы меня испугали, Петръ Петровичъ, медленно проговорилъ Иванъ Трофимовичъ, отирая со лба выступившій сразу холодный потъ.

— Чего же вы испугались? спросилъ въ недоумѣніи смотритель.

— Да какъ же было не испугаться, Петръ Петровичъ, проворчалъ Суховъ такъ же укоризненно. Мы тутъ такъ мирно за самоваромъ, а вы вдругъ: „тигръ, тигръ"!!

— Успокойтесь, милѣйшій Иванъ Трофимовичъ, проговорилъ смотритель весело,—тигръ далеко: онъ задавилъ госпитальныхъ лошадей въ двухъ верстахъ отъ города... Я предлагаю, господа, обратился онъ къ намъ, устроить ему, разбойнику, сегодня ночью хорошую засаду: онъ, какъ всегда, навѣрняка придетъ ѣсть задавленныхъ лошадей... Кто со мной, господа?..

— Да ужь отправимтесь лучше всей компаніей, проговорилъ бѣлобрысый чиновникъ, оправляясь и принимая воинственную осанку.

— Идетъ! согласился тучный письмоводитель съ рѣшимостью во взорѣ.

— Ну, а вы какъ? обратился ко мнѣ смотритель.

— Я не прочь посмотрѣть на тигра, замѣтилъ я, стараясь казаться спокойнымъ.

— Ну и отлично, весело проговорилъ Петръ Петровичъ, компанія составилась а теперь за бока и нашего милѣйшаго Ивана Трофимовича.

— Избави меня Богъ съ вашими тиграми воевать, чего еще вы не выдумаете! возразилъ испуганно Суховъ и отмахнулся даже рукой.

— Да вы не бойтесь, Иванъ Трофимовичъ, вмѣшался письмоводитель, мы заберемся на деревья, да оттуда и начнемъ хлестать по тигру пулями...

— А какъ тигръ да на дерево?..

— Полноте, Иванъ Трофимовичъ, тигры на дерево не лазаютъ, сталъ успокоивать Сухова смотритель. Отъ компаніи отказываться грѣшно; захватимъ съ собой водочки и закусочки и увидите — такъ проведемъ ночь, что во второй разъ сами напроситесь...

— Да вы на тигра развѣ ходили когда, что такъ все расписываете? спросилъ вдругъ Суховъ.

— Нѣтъ...

— Ну вотъ то-то! я—нѣтъ, вы—нѣтъ, и остальные нѣтъ... Да какъ же съ такою ратью на тигра-то идти: того и смотри, что въ зубы еще ему попадешь.

— Другъ за друга постоимъ, не бойтесь, проговорилъ тучный письмоводитель убѣдительно. Идемте и шабашъ: видите—всѣ идутъ...

— Пойдемте! Полноте! стали и мы упрашивать Сухова.

Долго упирался нашъ Иванъ Трофимовичъ и наконецъ началъ сдаваться.

— Иду ужь, что съ вами дѣлать, но только съ уговоромъ.

— Съ какимъ?..

— Я возьму съ собой своего Сеньку деньщика.

*) Помѣщенный въ этомъ № мастерской рисунокъ Шпехта на стр. 260 возстановляетъ въ воображеніи читателя вполнѣ типъ и выраженіе красивѣйшаго изъ тигровъ азіатскаго или такъ называемаго бенгальскаго.

— Ну вотъ, выдумали... Зачѣмъ?..

— Я ему ружье дамъ, и онъ будетъ меня, въ случаѣ чего, защищать... Я чувствую, господа, сознался откровенно Суховъ, что какъ увижу тигра, такъ чортъ его знаетъ... я не знаю что со мной будетъ... Тутъ-то вотъ Сенька стрѣлять и начнетъ, а безъ него я положительно не пойду, рѣшительно заключилъ Иванъ Трофимовичъ.

— Да ладно, берите вашего Сеньку, согласился смотритель, только пускай ужь онъ захватитъ и корзину съ провизiей... И такъ, господа, рѣшено: идемте мстить разбойнику. Мѣсто сбора у Ивана Трофимовича... Теперь четыре часа, къ семи надо быть на мѣстѣ, тутъ соберемся, во всеоружiи, въ шесть...

* * *

Согласно сдѣланной смотрителемъ диспозицiи, къ шести часамъ мы были уже у Ивана Трофимовича, вооруженные съ ногъ до головы; каждый изъ насъ захватилъ съ собой по ружью и револьверу, а письмоводитель, кромѣ того, прихватилъ даже топоръ, „на всякiй случай“, какъ онъ выразился, когда мы начали его допытывать: зачѣмъ онъ потащилъ съ собой такую штуку.

Иванъ Трофимовичъ былъ уже готовъ. Сенька нарядилъ его такъ, что любо-дорого было смотрѣть: на ногахъ длинные, охотничьи сапоги, въ которыхъ Суховъ не разъ хаживалъ на болото за утками; теплый, обшитый зеленой тесьмой, пиджакъ былъ подвязанъ широкимъ, кожанымъ кушакомъ, изъ-за котораго грозно торчала рукоять большаго, старомоднаго револьвера; черезъ правое плечо висѣла бронзовая пороховница, черезъ лѣвое—мѣшокъ съ пулями и пыжами; на головѣ форменная, старая, засаленная фуражка.

— А ружье ваше, Иванъ Трофимовичъ? спросилъ Сухова смотритель.

— Ружье у Сеньки—онъ и понесетъ, а я возьму вотъ на всякiй случай зонтикъ: неравенъ часъ—дождикъ пойдетъ.

И Суховъ, при общемъ хохотѣ, вытащилъ изъ-за платянаго шкафа старый, до нельзя запыленный, зонтикъ.

— Сенька! крикнулъ рѣшительно Суховъ.

Здоровенный, рыжiй Сенька немедля ввалился въ комнату и вытянулся у притолки, держа у ногъ двуствольное, старое ружье.

— Чево изволите, ваше благородiе?

— Ружье заряжено?..

— Никакъ нѣтъ, ваше благородiе.

— Какъ же ты, братецъ, такъ? засуетился Иванъ Трофимовичъ, вѣдь на тигра идемъ!

— Слушаю, ваше благородiе.

— Успѣете зарядить, Иванъ Трофимовичъ, проговорилъ тучный письмоводитель, сгоравшiй отъ нетерпѣнiя сразиться съ тигромъ.

— Нѣтъ, ужь позвольте, Яковъ Савичъ, я заряжу дома... Сенька, заряжай ружье, крикнулъ Суховъ воинственнымъ тономъ.

Наконецъ ружье было заряжено и мы двинулись въ путь; намъ приходилось проходить почти половину города и мы обратили на себя всеобщее вниманiе. Всѣ, повидимому, крайне удивлялись, куда собралась такая разношерстная рать и какой подвигъ задумала она совершить? Мы шли гордо, съ сознанiемъ собственнаго достоинства; намъ казалось, что всѣмъ извѣстно, что мы идемъ на тигра, и мы невольно придавали своей осанкѣ воинственный, рѣшительный видъ. Даже добродушный, скромный Иванъ Трофимовичъ шагалъ какъ-то особенно размашисто, бодро и норовилъ все при этомъ идти съ нами непремѣнно въ ногу, точно въ этомъ заключался секретъ успѣха предпрiятiя.

— Иванъ Трофимовичъ, куда это вы снарядились? остановилъ вдругъ Сухова его знакомый, поразившiйся, повидимому, его отважнымъ видомъ.

— На тигра, лаконически важно проговорилъ Иванъ Трофимовичъ и гордо прошелъ мимо.

— Съ зонтикомъ-то!? крикнулъ ему вслѣдъ знакомый.

— Зонтикъ само собой, а тигръ само собой, обидчиво проворчалъ Иванъ Трофимовичъ.

Вотъ мы на рубежѣ города; солнце только что скрылось за окружающими холмами, слегка позлащая ихъ круглыя, мохнатыя вершины. Слѣдуя указанiямъ смотрителя, мы вступили въ довольно густую заросль и пошли гуськомъ по извилистой, кочковатой тропинкѣ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ намъ приходилось перелѣзать черезъ повалившiяся деревья, продираться сквозь чащу сплетшагося виноградника и кустарника. Дорога была въ высшей степени утомительная, въ особенности для тучнаго письмоводителя: онъ кряхтѣлъ, сопѣлъ и дышалъ такъ тяжело, точно несъ на себѣ куля два муки; особенно трудно было ему перелѣзать черезъ поваленныя деревья; каждый разъ онъ долженъ былъ прибѣгать къ помощи Сеньки, который предупредительно подсаживалъ его и переваливалъ черезъ колоды и стволы. Передъ нѣкоторыми серьезными преградами Яковъ Савичъ приходилъ въ положительное отчаянiе; нѣсколько разъ порывался даже вернутся домой, но всегда отказывался отъ этаго рѣшенiя, какъ только отдѣлялся нѣсколько отъ общей группы: онъ, повидимому, теперь уже боялся остаться въ лѣсу одинъ и напрягалъ всѣ свои усилiя, чтобы только не отстать и сохранить за собой мѣсто именно въ центрѣ партiи. Викторъ Алексѣевичъ (бѣлобрысый чиновникъ) шелъ съ смотрителемъ впереди и, казалось, рвался узрѣть поскорѣй злодѣя. Я, Иванъ Трофимовичъ и Сенька замыкали шествiе. Иванъ Трофимовичъ шелъ осторожно, молча, внимательно оглядывая каждый кустикъ, каждый стволъ поваленнаго дерева; онъ, повидимому, все ожидалъ, что вотъ-вотъ выскочитъ изъ-за дерева лѣсное чудовище и схватитъ его за тощiй, жилистый затылокъ... Прошло съ четверть часа: мы вошли подъ густой сводъ сплетшагося виноградника; кругомъ царствовали таинственный полумракъ и не менѣе таинственная тишина... Вдругъ раздался въ чащѣ сильный трескъ: кто-то грузно ломилъ подлѣсокъ и зашевелилъ наконецъ листвой почти рядомъ съ Иванъ Трофимовичемъ. Я невольно вздрогнулъ, схватилъ съ плеча ружье и сталъ внимательно всматриваться въ зашевелившуюся листву. Иванъ Трофимовичъ отшатнулся отъ опаснаго мѣста, точно ужаленный, и со всѣхъ ногъ растянулся на кочковатой тропинкѣ.

— Тигръ!!! Сенька, Стрѣляй!!. кричалъ онъ дикимъ, нечеловѣческимъ голосомъ.

— Это, не извольте безпокоиться, ваше благородiе,— это корова, проговорилъ Сенька хладнокровно, вишь морду выставила, штобъ ей пусто—только вотъ ваше благородiе напужала, окаянная...

— Чортъ бы ее дралъ, проворчалъ съ сердцемъ Иванъ Трофимовичъ, подымаясь на ноги и обчищая свой охотничiй костюмъ, такъ напугала она меня!

Въ это время подбѣжали къ намъ остальные охотники.

— Что, что такое? посыпались встревоженные вопросы.

— Да, вишь, ихъ благородiе корову не разглядѣли— ну и спужались малость, объяснилъ Сенька, обтирая рукавомъ выпачканныя брюки своего барина и поправляя на немъ сбившiеся при паденiи охотничьи доспѣхи.

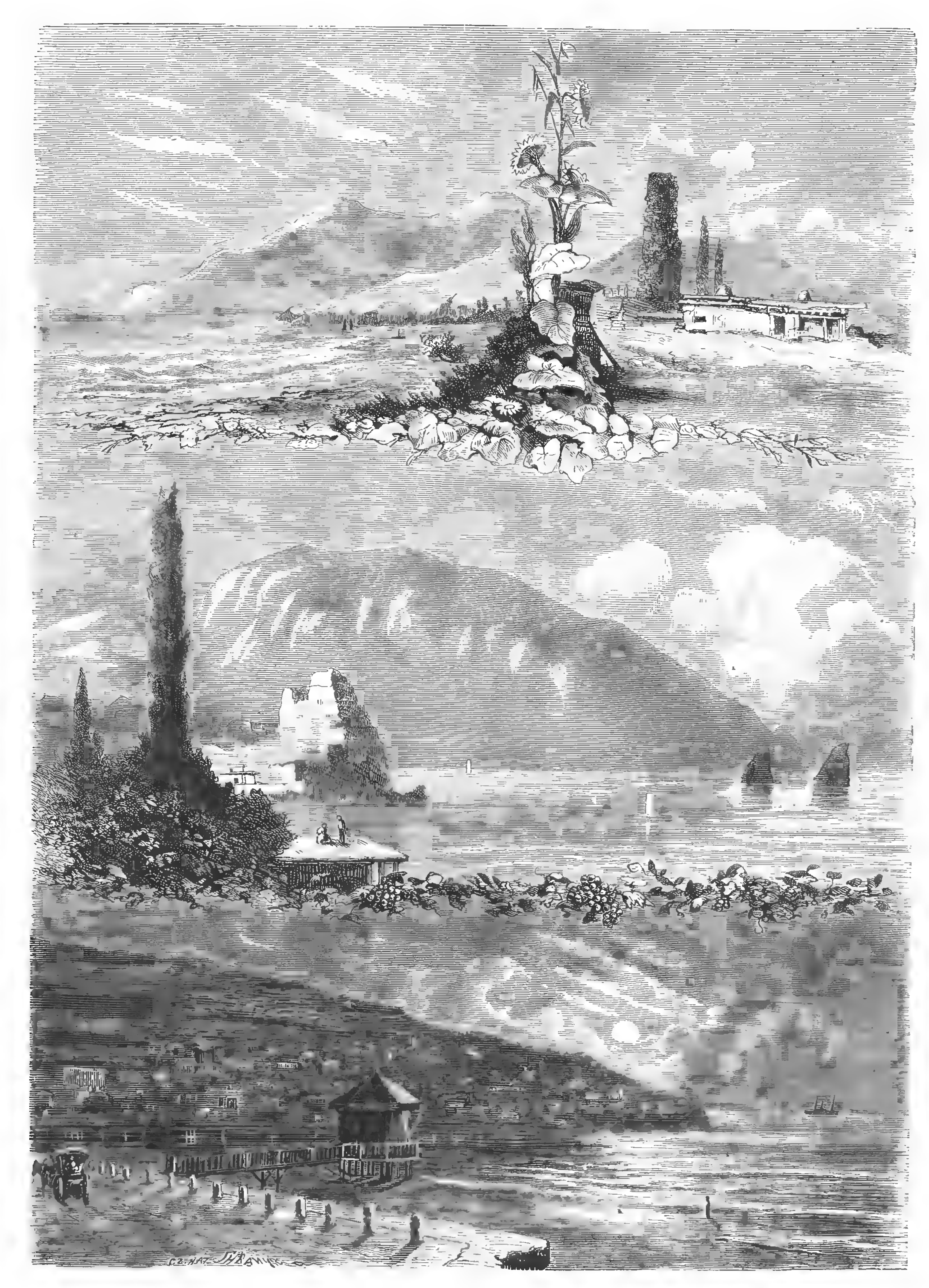
— Эээ... эхъ, укоризненно проговорилъ смотритель, развѣ можно такъ кричать: да вы тигра такимъ крикомъ испугаете...

— Поневолѣ закричишь, когда такая морда вдругъ высунется, сконфуженно проворчалъ Иванъ Трофимовичъ и въ сердцахъ бросилъ въ корову камнемъ.

Та фыркнула и бросилась въ чащу...

Мы двинулись въ дальнѣйшiй путь; чаща постепенно начала рѣдѣть и мы вышли наконецъ на небольшую лужайку, заросшую высокой, сочной травой.

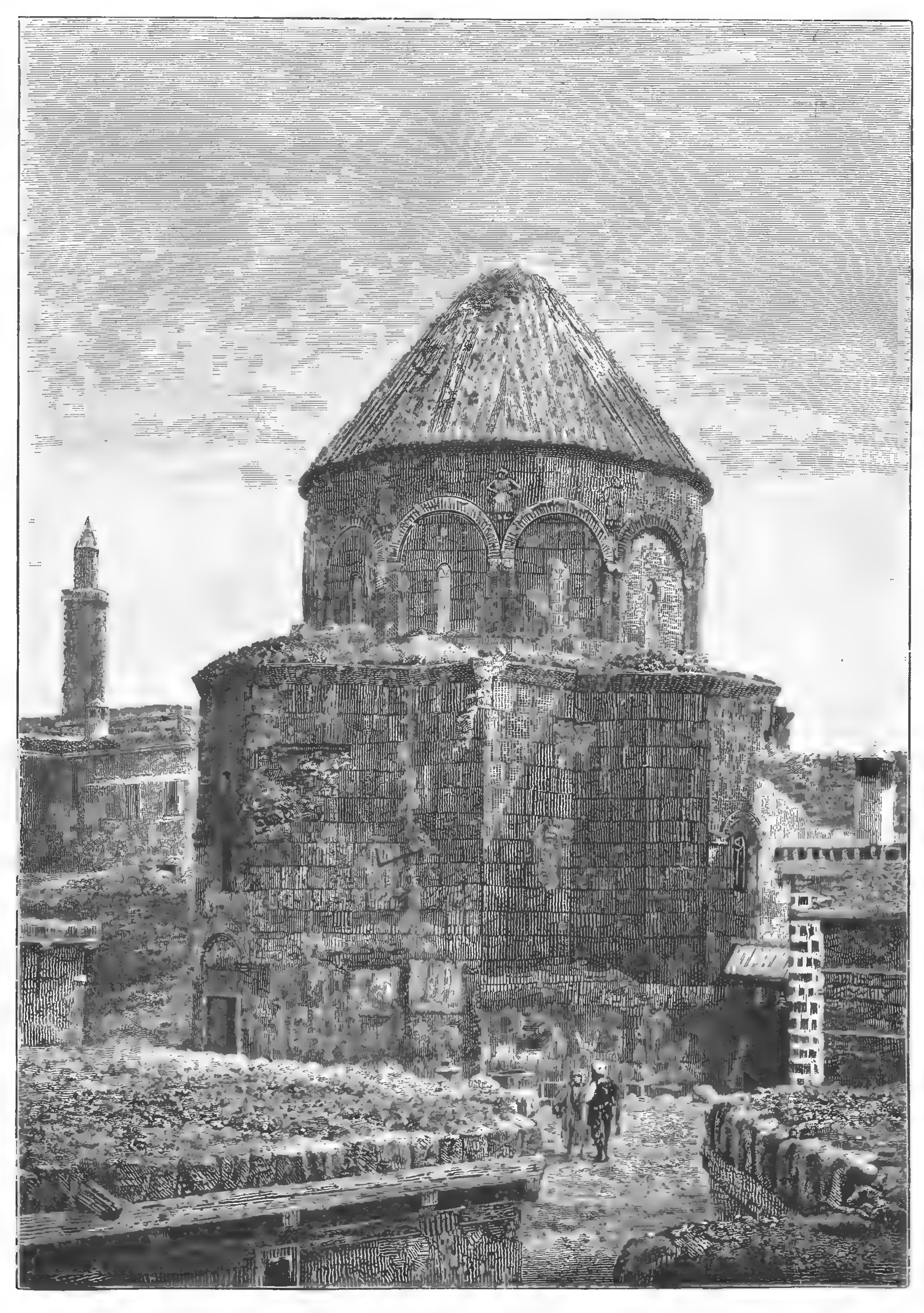
— Здѣсь, проговорилъ смотритель какъ-то тише обыкновеннаго и указалъ рукой на сильно помятую и залитую кровью траву; судя по всему, на этомъ мѣстѣ лежала какая-то окровавленная масса.

Виды Крыма. Ориг. рис. П. Гнѣдича. грав. М. Рашевскій.

Алуштинсій заливъ. Аю-дагъ со стороны Юрзуфа. Алушта.

Ялтинсій заливъ.

Древнѣйшій христіанскій храмъ въ Карсѣ (построенный въ X вѣкѣ). Съ фотогр. г. Брандта, грав. М. Рашевскій.

— Гдѣ же лошади? спросилъ я.

— Одна задавлена на этомъ мѣстѣ, но перетащена потомъ тигромъ вонъ за тѣ деревья, а другая—лежитъ въ двадцати шагахъ отсюда. Не хотите-ли взглянуть, господа, какъ ловко онъ ихъ зарѣзалъ?..

Плотной кучкой двинулись мы за смотрителемъ, и черезъ минуту увидѣли красиваго, сѣраго жеребца, лежавшаго въ травѣ; судя по высоко поднятой головѣ, по выкинутымъ переднимъ и отброшеннымъ заднимъ ногамъ, жеребецъ былъ зарѣзанъ на полномъ карьерѣ; на крестцѣ и лѣвой передней лопаткѣ виднѣлись глубокіе слѣды тигровыхъ когтей; по обѣ стороны шеи зіяли по двѣ треугольныя раны—слѣды страшныхъ клыковъ. Не трудно было себѣ представить, какъ хищникъ вскочилъ на крестецъ жеребца на полномъ карьерѣ, изогнулся и одной могучей хваткой своихъ грозныхъ клыковъ моментально остановилъ быстрый бѣгъ обезумѣвшаго отъ страха жеребца. Покончивъ съ одной жертвой, тигръ бросился на спутанную кобылу—однимъ ударомъ размозжилъ ей позвоночный хребетъ и втащилъ въ укромное мѣсто, за груду поваленныхъ деревьевъ и отъѣлъ значительную уже часть. Жеребецъ былъ еще нетронутъ, и можно было ожидать, зная привычки хищника, что онъ придетъ, въ первую же ночь, на зарѣзанную добычу. Этой привычкой тигра часто и пользуются мѣстные охотники.

Болѣе обыкновенный способъ охоты на хищника, практикуемый мѣстными инородцами, заключается въ томъ, что около зарѣзанной коровы или лошади настораживаютъ нѣсколько ружей, приводы отъ которыхъ скрещиваются у приманки. Стоитъ только тигру дотронуться до этихъ приводовъ, какъ курки у настороженныхъ ружей разомъ спускаются, и хищникъ падаетъ тутъ же, у приманки, смертельно пораженный нѣсколькими пулями. Рѣдко, рѣдко, когда онъ, сильно израненный, успѣваетъ забраться въ глухую, таинственную чащу, гдѣ и испускаетъ духъ, вдали отъ человѣческихъ взоровъ. Выманить раненаго звѣря изъ тайги, безъ опасности для жизни, нѣтъ возможности, и охотники обыкновенно терпѣливо ждутъ, когда онъ издохнетъ самъ и затѣмъ уже пользуются шкурой хищника, его желчью и костями. Шкура цѣнится обыкновенно отъ тридцати до пятидесяти рублей; желчь и кости продаются чуть не на вѣсъ серебра; то и другое цѣнится китайцами очень дорого и служитъ, какъ увѣряютъ, радикальнымъ средствомъ противъ многихъ наружныхъ и внутреннихъ болѣзней. Приготовляемое изъ желчи и костей лекарство такъ дорого, что имъ могутъ пользоваться только люди очень богатые.

Кромѣ настороженныхъ ружей, мѣстные инородцы и китайцы употребляютъ стрихнинъ, которымъ отравляютъ зарѣзанную корову или лошадь. Способъ этотъ, впрочемъ, практикуется очень рѣдко, потому что шкура отравленнаго звѣря теряетъ всѣ свои достоинства: обыкновенно шерсть такъ сильно лѣзетъ, что шкура становится почти никуда не годною.

Но у наиболѣе рьяныхъ, пылкихъ, импровизированныхъ охотниковъ является всегда желаніе увидѣть тигра собственными глазами, убить его собственноручно, чтобы потомъ можно было бы похвастаться своею удалью. Въ сущности же для практикуемаго импровизированными охотниками способа охоты на тигра особенной удали не надо, а только терпѣніе просидѣть нѣсколько часовъ на деревѣ и выждать появленіе хищника. Къ такимъ импровизированнымъ охотникамъ принадлежали и мы; никто изъ насъ никогда и не видѣлъ еще тигра на свободѣ и каждому непремѣнно хотѣлось его увидѣть и хоть разикъ хлопнуть по немъ изъ ружья.

Мы прибыли на мѣсто уже съ наступленіемъ сумерекъ; надо было торопиться устроиться на деревьяхъ болѣе или менѣе удобно, надо было разобрать стратегическія позиціи. Вокругъ зарѣзанныхъ лошадей, въ двадцати, тридцати шагахъ отъ нихъ, стояло нѣсколько дубовыхъ, орѣховыхъ и пробковыхъ деревьевъ, правда не особенно высокихъ и вѣтвистыхъ, но достаточно удобныхъ для помѣщенія одного или двухъ человѣкъ.

— Господа, провозгласилъ смотритель, прежде всего закусимъ... Сенька, закуску и водку! крикнулъ онъ деньщику, безпечно развалившемуся на мягкой травѣ. Сенька быстро вскочилъ на ноги и подбѣжалъ къ намъ съ корзиной. Немедленно вытащены были колбасы, жареное мясо, сыръ, хлѣбъ, водка, и мы приступили. Иванъ Трофимовичъ ѣлъ очень мало и, съ наступленіемъ сумерекъ, началъ, повидимому особенно сильно безпокоиться; онъ старался держаться около своего Сеньки, важно расхаживавшаго съ двуствольнымъ ружьемъ. Улучивъ удобную минуту, Иванъ Трофимовичъ приблизился къ Сенькѣ вплотную и шепнулъ ему съ легкою тревогою въ голосѣ.

— Ты отъ меня не отходи, Сенька... Вмѣстѣ и на деревѣ сидѣть будемъ.

— Слушаю, ваше благородіе, проговорилъ тотъ безучастно.

Но вотъ мы и закусили. Смотритель сдѣлалъ легкую рекогносцировку мѣстности и началъ распредѣлять позиціи будущаго поля битвы.

— Вы, Иванъ Трофимовичъ, полѣзете съ Сенькой вонъ на то пробковое дерево, вправо отъ жеребца, вы Викторъ Алексѣевичъ и вы Яковъ Савичъ займете мѣста на томъ дубѣ, съ лѣвой стороны, а мы съ вами, обратился онъ ко мнѣ, „усядемся на этомъ орѣхѣ“. И онъ указалъ на дерево, раскинувшееся всего въ пятнадцати шагахъ отъ зарѣзаннаго коня. Согласно диспозиціи смотрителя, мы начали устраиваться на указанныхъ деревьяхъ, при чемъ подсадка охотниковъ производилась все же при помощи здороваго Сеньки, широкая спина котораго служила для всѣхъ прочными подмостками—съ нее уже добирались до первыхъ вѣтвей. Было уже совсѣмъ темно, когда мы устроились на своихъ позиціяхъ; на все окружающее легли темныя тѣни, и откуда-то повѣяло пронизывающею сыростью. Съ минуты на минуту можно было ожидать появленія тигра, а потому всѣ хранили гробовое молчаніе и, повидимому, терпѣливо сносили неудобства своихъ воздушныхъ позицій.

Я выбралъ толстую, широкую, раскидистую вѣтвь и устроился, какъ мнѣ казалось съ первыхъ минутъ, вполнѣ удобно; я могъ не только сидѣть верхомъ, но принимать даже полулежачее положеніе. Черезъ вѣтвь выше устроился смотритель: онъ усѣлся верхомъ и уперся спиной въ стволъ дерева. Какъ устроились остальные —не было видно; на лужайкѣ сдѣлалось такъ темно, что я едва различалъ трупъ зарѣзаннаго жеребца. Кругомъ царствовала подавляющая, непріятная тишина, изрѣдка нарушаемая быстрымъ, едва слышнымъ полетомъ летучей мыши, все норовившей, повидимому, усѣсться на бѣлую фуражку бѣлобрысаго чиновника. Я съ большимъ вниманіемъ всматривался въ окружающую чащу, стараясь уловить малѣйшій, подозрительный шорохъ; минуты проходили за минутами какъ-то однообразно-скучно, монотонно; съ каждой наступающей минутой положеніе мое на суку дѣлалось все невыносимѣе и невыносимѣе. Не прошло еще, кажется, и получаса, а уже я началъ чувствовать во всемъ тѣлѣ непріятную, нестерпимую ломоту; ноги затекли до такой степени, что я не могъ пошевелить ими... Наконецъ стало положительно не въ моготу: я съ трудомъ всталъ на вѣтвь и началъ разминаться...

— Что, тяжело? послышался сверху шепотъ смотрителя.

— И не говорите, хоть домой ступай! сообщилъ я отчаяннымъ сдержаннымъ шепотомъ.

— Я тоже ногъ не чувствую—совсѣмъ затекли, прошепталъ смотритель, а Господь знаетъ, сколько еще придется отсидѣть въ такомъ птичьемъ положеніи... Что это „онъ“ замѣшкался, право?.. добавилъ онъ съ досадой.

— Петръ Петровичъ, а Петръ Петровичъ, пронесся вдругъ едва слышный шепотъ съ дуба, на который усѣлись тучный письмоводитель и бѣлобрысый чиновникъ.

— Что вамъ? сердито прошепталъ смотритель.

— Да что,—хорошо бы закусить немного, да водочкой подкрѣпиться, а то чортъ его знаетъ когда еще онъ придетъ, пронесся опять шепотъ съ дуба.

— Водка съ закуской у Сеньки, подитe и возьмите, если пришла такая охота, проворчалъ злобно смотритель и влѣзъ на стволъ съ цѣлью размять свои затекшія ноги.

— Сенька, а Сенька, послышался въ ночной тиши сдержанный голосъ письмоводителя.

— Чево изволите, ваше благородіе? прогремѣлъ на лужайкѣ солдатскій отвѣтъ.

— Подай сюда водку и закуску...

— Слушаю, ваше благородіе!..

— Да не шумите же! разсердился смотритель и даже плюнулъ съ досады.

— Вы, ваше благородіе, подержите ружье, послышался нѣсколько сдержанный Сенькинъ голосъ, а я ихъ благородію, господину письмоводителю, закуску передамъ..

— Куда ты, Сенька?.. Побойся Бога!.. Вѣдь тигръ разорветъ! раздался тревожный голосъ Ивана Трофимовича.

— Не извольте ваше благородіе, безпокоиться, „она" ничего...

— А я-то какъ одинъ на деревѣ останусь, проговорилъ жалобно Иванъ Трофимовичъ, не ровенъ часъ...

— Не сумлѣвайтесь ваше благородіе, она на дерево не полѣзетъ, послышался успокоивающій голосъ Сеньки, и вслѣдъ за этимъ долетѣлъ до моего духа легкій шорохъ сползающаго съ дерева человѣка; вотъ промелькнула по лужайкѣ темная масса и приблизилась къ дубу.

— Извольте, ваше благородіе...

— Спасибо, братецъ, ступай съ Богомъ...

Сенька вернулся къ дереву.

— Ну, что, Сенька, видалъ тигра? послышался голосъ Ивана Трофимовича.

— Какой, ваше благородіе! Развѣ „она" на такой шумъ пойдетъ...

— Господа, проговорилъ сердито смотритель, дѣйствительно если мы будемъ такъ, то придется просидѣть напрасно до утра. Прошу васъ прекратить свои разговоры... А кому не въ моготу сидѣть молча, такъ извольте идти домой...

Всѣ смолкли, притаились, и опять наступила тяжелая, таинственная тишина; стало еще темнѣе, такъ темно, что я уже едва могъ разсмотрѣть распростертую у нашихъ ногъ лошадь: она выдѣлялась на темной плоскости лужайки въ видѣ чернаго, безформеннаго пятна... Просидѣли, кажется, еще съ полчаса, и я началъ чувствовать во всемъ тѣлѣ такую ломоту и утомленіе, что серьезно сталъ досадовать на тигра, заставляющаго насъ выносить такую пытку. Время тянулось невыносимо долго: каждая минута растягивалась казалось на полчаса, а впереди предстояло еще много такихъ минутъ. Какъ было опредѣлить время, когда тигръ заблагоразсудитъ придти на свою кровавую трапезу; обыкновенно, онъ является около полуночи, а нерѣдко—только къ разсвѣту. Перспектива просидѣть цѣлую ночь на деревѣ становилась съ каждой минутой все невыносимѣе и невыносимѣе: я усталъ до такой степени, что принужденъ былъ, чтобы не свалиться въ дремотѣ съ дерева, привязать себя къ стволу кушакомъ. Положеніе другихъ было, повидимому, не лучше: каждую минуту, то съ пробковаго дерева, то съ дуба, доносились до насъ тяжелые вздохи и шорохъ перемѣщающихся. Смотритель, повидимому, сталъ выходить изъ терпѣнія; при каждомъ болѣе или менѣе сильномъ вздохѣ или шорохѣ онъ начиналъ ворчать и ерзать; наконецъ не выдержалъ и вдругъ прохрипѣлъ какимъ-то зловѣщимъ шепотомъ:

— Господа, да перестаньте вы такъ вздыхать, какъ кузнечные мѣха... Посидите смирно хоть часъ...

Наступила опять мертвая, подавляющая тишина; понемногу, на лужайкѣ становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе: черезъ нѣсколько минутъ выглянулъ изъ за окружающей чащи мѣсяцъ и бросилъ на пышный коверъ зелени нѣсколько мягкихъ, ровныхъ лучей. Казалось, вся лужайка освѣтилась разомъ чудными, едва мерцающими бенгальскими огнями; отъ окружающихъ деревьевъ легли причудливыя тѣни. Луна ободрила насъ: какъ будто стало вдругъ легче на душѣ и веселѣе; минуты казались не такъ длинными, неудобное положеніе наше не такъ тягостнымъ и непріятнымъ. Впрочемъ это обновленное состояніе продолжалось не долго: какъ только мы пригляделись къ новой картинѣ, какъ только достаточно освоились съ новыми впечатлѣніями, какъ опять начали чувствовать всю невыносимость, всю тягость нашего „птичьяго", по выраженію смотрителя, положенія...

Луна подымалась между тѣмъ все выше и выше; ея свѣтлый рогъ стоялъ уже почти надъ лужайкой, а кругомъ все еще царствовала подавляющая, непріятная, таинственная тишина. Я уже началъ было окончательно терять терпѣніе, какъ вдругъ пронесся по лѣсной чащѣ долгій, протяжный ревъ, пронесся и... замеръ гдѣ-то близко, почти у самыхъ ногъ. Я встрепенулся и пытливо началъ всматриваться въ окружающіе предметы; по всѣму тѣлу пробѣжала невольная, лихорадочная дрожь: меня охватило какое-то невѣдомое, безотчетное чувство: не то нетерпѣніе поскорѣй увидѣть лѣснаго хищника, не то необъяснимый страхъ близкой опасности... Мнѣ вдругъ показалось, что я сижу не слишкомъ высоко, что тигръ однимъ прыжкомъ легко можетъ сбить меня съ моей позиціи... Я хотѣлъ уже осторожно подняться выше къ притаившемуся смотрителю, какъ подъ самыми ногами раздалось вдругъ, короткое, кошачье, но сильное мурлыканье, и изъ чащи выдвинулась на лужайку темная, огромная масса. Однимъ могучимъ прыжкомъ перелетѣла она пространство, отдѣлявшее ее отъ жеребца, и жадно прильнула къ свѣжей добычѣ... Я съ необъяснимымъ чувствомъ приложилъ къ плечу двухстволку и сталъ наводить...

— Батюшки, тигръ!!!.. раздался вдругъ въ ночной тиши отчаянный, дикій возгласъ Ивана Трофимовича. Стрѣляй, Сенька, стрѣляй!!!..

Рука у меня дрогнула отъ этого нечеловѣческаго крика, и пуля затерялись въ противоположной чащѣ. Раздалось еще нѣсколько выстрѣловъ и глухо зарокотало въ лѣсной глуши. Тигръ оторвался отъ жеребца и однимъ гигантскимъ прыжкомъ скрылся въ чащѣ; вслѣдъ ему загремѣла учащенная стрѣльба, точно по лѣсу разсыпалась разомъ густая, стрѣлковая цѣпь... Стрѣляли изъ ружей, стрѣляли изъ револьверовъ, стрѣляли безъ счету, безъ прицѣла; всѣхъ охватила какая-то паника; всѣ спѣшили заряжать и стрѣлять, не отдавая даже себѣ отчета: „въ кого"?.. Всѣми, кажется руководила одна мысль—напугать грознаго хищника, чтобы онъ не вздумалъ вернуться, не вздумалъ бы вступить съ нами въ смертный бой...

Больше всѣхъ суетился Иванъ Трофимовичъ; онъ кричалъ, какъ сумасшедшій и все подстрекалъ Сеньку стрѣлять; онъ выходилъ изъ себя, что Сенька копается при заряженіи ружья, а самъ между тѣмъ подавалъ ему вмѣсто пороху пыжи, вмѣсто пуль сыпалъ опять порохъ, вмѣсто пистоновъ совалъ въ руку свой револьверъ и заставлялъ опять стрѣлять... Сенька стрѣлялъ, пока хватило мочи: мы энергично помогали ему, и нужно удивляться, какъ еще не подстрѣлили при такой бѣшеной пальбѣ одинъ другаго. Сколько-бы времени продолжалась такая нелѣпая стрѣльба—трудно опредѣлить, еслибы не одно случайное обстоятельство, давшее дѣлу совершенно иной оборотъ. Иванъ Трофимовичъ, подстрекая своего Сеньку, заерзалъ на пробкѣ до того, что

вдругъ описалъ въ воздухѣ кривую линію и пластомъ растянулся на мягкой лужайкѣ.

— Батюшки, спасите! спасите! взревѣлъ онъ благимъ матомъ, бѣгая по лужайкѣ, какъ ошалѣлый, и силясь подняться то на одно, то на другое дерево. Вѣрный Сенька не медля оставилъ свою позицію и подбѣжалъ къ растерявшемуся барину; за нимъ слетѣли кубаремъ, почему то, тучный письмоводитель и бѣлобрысый чиновникъ; я съ смотрителемъ послѣдовали заразительному примѣру и однимъ прыжкомъ очутились на мягкой лужайкѣ.

— Теперь, господа, остается одно: идти домой, проговорилъ быстро смотритель.

— Бѣжать а не идти! жалобно простоналъ Иванъ Трофимовичъ, а то какъ разъ попадемся...

— Конечно бѣжать, пробормоталъ съ дрожью въ голосѣ тучный письмоводитель, дико озираясь.

— Я предполагаю, господа, что тигръ притаился здѣсь же, въ чащѣ, проговорилъ бѣлобрысый чиновникъ испуганнымъ шепотомъ, точно опасаясь, чтобы хищникъ не подслушалъ его предположенія... Мы двинулись по едва замѣтной тропинкѣ; Сенька открывалъ шествіе; за нимъ слѣдовалъ Иванъ Трофимовичъ, затѣмъ бѣлобрысый чиновникъ, тучный письмоводитель и наконецъ смотритель. Я, почему то, остался послѣднимъ: случай-ли или преднамѣренно—не могу объяснить. Первое время я слѣдовалъ за хвостомъ довольно спокойно, но какъ только мы вступили въ мрачную тайгу, меня охватилъ безотчетный ужасъ; мнѣ вдругъ показалось, что бѣлобрысый чиновникъ правъ и что тигръ навѣрное притаился гдѣ нибудь въ чащѣ и высматриваетъ себѣ жертву. Зная его привычку хватать послѣдняго, я съ каждымъ шагомъ оглядывался и все ждалъ страшнаго нападенія... Наконецъ такая пытка стала мнѣ не подъ силу; въ одномъ мѣстѣ тропинка нѣсколько расширилась: я воспользовался этимъ, быстро промелькнулъ мимо всей вереницы охотниковъ и очутился впереди всѣхъ... Не успѣлъ я сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ передо мной уже очутился смотритель, продѣлавшій такой-же маневръ и вѣроятно подъ тѣмъ-же невыносимо-тягостнымъ впечатлѣніемъ. Тучный письмоводитель хотѣлъ было послѣдовать за смотрителемъ, но его не пропустилъ бѣлобрысый чиновникъ, съ тою же цѣлью начавшій маневрировать такъ, что занималъ всю ширину тропинки.

— Викторъ Алексѣевичъ, пропустите же Бога ради! началъ его умолять смотритель самымъ жалобнымъ тономъ.

— Куда?.. огрызнулся бѣлобрысый чиновникъ, продолжая идти посрединѣ тропинки.

— Да впередъ, голубчикъ, позади страшно идти— того и смотри, что тигръ меня за шиворотъ возьметъ...

— Такъ что-же вы хотите, чтобы онъ меня взялъ? сердито, даже съ оттѣнкомъ нѣкоторой злобы, проговорилъ Викторъ Алексѣевичъ. Нѣтъ, спасибо, ужъ я лучше впередъ забѣгу... И бѣлобрысый чиновникъ шаркнулъ впередъ...

— Что это вы все такъ бѣгаете, завопилъ вдругъ Иванъ Трофимовичъ, точно кто собирался его рѣзать. Меня назади что-ли хотите оставить?.. Для того и на охоту, вѣроятно, меня взяли, чтобы жертвой сдѣлать... Это не благородно, господа!.. Сенька, нечего тебѣ больше впереди идти—безъ тебя дорогу укажутъ!..

Сенька молча посторонился и пропустилъ Ивана Трофимовича впередъ.

— Семенъ, голубчикъ, пусти и меня, началъ упрашивать заискивающимъ голосомъ письмоводитель, „двугривенный на водку дамъ, только пусти...“

— Проходите, ваше благородіе, не надо мнѣ вашего двугривеннаго, проговорилъ Сенька и, какъ мнѣ показалось, проговорилъ довольно презрительно...

Мы пришли въ городъ въ три часа утра, измученные, съ намозоленными ногами, въ самомъ отвратительномъ настроеніи духа. При безпорядочномъ нашемъ отступленіи, мы понесли довольно серьезныя потери, тучный письмоводитель покинулъ на полѣ битвы свое ружье; Иванъ Трофимовичъ потерялъ, во время бѣгства, свой любимый зонтикъ и револьверъ, доставшійся ему въ наслѣдство отъ товарища по службѣ; бѣлобрысый чиновникъ оставилъ на какомъ-то суку свою бѣлую шапку. Одежда наша потерпѣла серьезныя поврежденія, точно рвала ее въ теченіи нѣсколькихъ часовъ по крайней мѣрѣ дюжина собакъ.

Импровизированная охота наша въ тотъ же день стала извѣстна всему населенію маленькаго города: темой для разговоровъ сдѣлалось наше позорное отступленіе. Особенно доставалось добродушному Ивану Трофимовичу; его останавливали чуть-ли не на каждомъ перекресткѣ и все просили досконально объяснить, гдѣ и какъ потерялъ онъ свой зонтикъ и револьверъ.

— Ужь и не спрашивайте, разсказывалъ онъ добродушно, голову потерялъ, а ужь зонтикъ и не мудрено было потерять.... Я вѣдь предупреждалъ всѣхъ, что какъ увижу тигра, такъ не знаю, что со мной будетъ.... Оно такъ и случилось: только что это онъ прыгнулъ къ жеребцу — у меня и руки опустились.... Я кричу Сенькѣ: „стрѣляй“! а онъ мѣшкаетъ, точно нарочно.... Наконецъ выстрѣлилъ, да такъ хватилъ, что я глаза даже зажмурилъ: пороховымъ дымомъ всего такъ и обдало.... Я кричу опять: „стрѣляй“! а онъ мнѣ: „пожалуйте пороху“! (я, знаете, ружье ему отдалъ, а припасы-то къ ружью при себѣ оставилъ). Сенька мнѣ и говоритъ: „пожалуйте пороху“! а я ему зонтикъ сую—растерялся до того, что зонтикъ отъ пороха отличить не могу... Засуетился я, да сгоряча съ дерева-то и треснулся.... Едва, едва тигру въ зубы не попался!

— А что, пойдете еще когда нибудь на тигра? обыкновенно спрашивали его наиболѣе любопытные сограждане.

— Да я.... да Боже упаси!... Да золотыми горами не заманятъ: страху однаго на всю жизнь набрался....

Очерки Крыма*).

По поводу исполняющагося столѣтія присоединенія Крыма.

Изъ путевыхъ замѣтокъ

П. П. Гнѣдича.

(Окончаніе).

X.

Во всю прыть несутся лошади по нагорному скату внизъ. Горы отходятъ назадъ, постройки чаще и чаще мелькаютъ передъ глазами. приближеніе морскаго берега чувствуется все больше и больше, пока наконецъ на одномъ изъ поворотовъ не откроется внезапно панорама цѣлой груды воздушныхъ легкихъ татарскихъ лачугъ, насыпанныхъ, какъ муравейникъ, по обѣ стороны дороги, по склонамъ Чатыръ-Дага. Дорога обращается въ аллею пирамидальныхъ тополей, знаменитую своей красотой аллею, и наконецъ выбѣгаетъ на самый берегъ, гдѣ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ насыпи шоссе—крутятся, воютъ и ревутъ изумрудно-синія волны... Направо, налѣво, съ обѣихъ сторонъ, свѣсились надъ водой лиловые утесы, самыхъ невѣроятныхъ, невозможныхъ тоновъ, а сзади сплошною стѣною поднялась Яйла, словно подпирая своею вершиною небо...

— Куда ѣхать? спрашиваетъ ямщикъ...

— Въ лучшую гостинницу!

— Въ жидовскую значитъ?..

„Жидовская“ гостинница помѣстилась какъ разъ на берегу моря, какая-то жалкая карточная фантазія въ два этажа съ обычной татарской верандой и убогимъ садикомъ—ни дать ни взять дачная постройка въ первомъ Парголовѣ, излюбленномъ обиталищѣ петербургскихъ чиновниковъ средней руки. На зво-

*) См. №№ „Нивы“ 1880 г.—1, 4 и 9.

Обѣтъ. Съ картины М. Шмидта, грав. Паар.

нокъ колокольчика, изъ крохотной мелочной лавчонки, помѣщающейся какъ разъ у входа въ садикъ, вылѣзаетъ длинная фигура, сразу обличающая свое великое происхожденіе отъ избраннаго народа Божія, съ картузомъ сбивающимся на затылокъ и въ томъ необъяснимо-сальномъ сюртукѣ до пятъ, который присущъ современному еврею гдѣ бы онъ ни находился — въ Крыму-ли, въ Канадѣ, или на Чукотскомъ носу.

— Номера есть? Въ какую цѣну?

— Ви прежде пашматрите, а потомъ гаворите...

Комната оказывается крохотная, полутемная, почти безъ мебели, съ какимъ-то отдаленнымъ намекомъ на шторы. Изъ за сквозныхъ стѣнъ долетаютъ возгласы дерущихся ребятишекъ, жесткая какъ булыжникъ кушетка припираетъ плохо запирающуюся въ сосѣднюю комнату дверь, „Это штоитъ два рубля“, грустно потряхивая головой сообщаетъ хозяинъ, распространяя вокругъ себя неизбѣжный чесночный запахъ,—и тотчасъ же требуетъ документа: „Нынче на этотъ счетъ строго!“

Вотъ вы на берегу моря. Соленая пѣна обдаетъ васъ мелкимъ дождемъ брызгъ. Морской вѣтерокъ вѣетъ съ юга, чудныя глубокія небеса залили свѣтло-голубыми рефлексами и землю, и камни, и скалы. Словно былые сны передъ вами оживаютъ, и воочію, со всею реальностью, встаетъ то, что прежде казалось сказкой Шехеразады. Въ плоть и кровь облекаются тѣ намеки на южную природу, какія мы видимъ на картинахъ нашихъ художниковъ. И еще послѣднихъ упрекаютъ, что они утрируютъ, злоупотребляютъ тонами!.. Да вѣдь въ натурѣ-то краски въ десять тысячъ разъ сильнѣе и могучѣе, и никакой художникъ, никакими средствами не передастъ и сотой доли того блеска, мощи и силы, какими сверкаетъ эта полуденная природа. Эти смѣлые обломы скалъ, взлетающіе кверху, обрывающіеся, виснущіе надъ водой, эти миріады разноцвѣтныхъ камней, разсыпанныхъ по берегамъ, гулко грохочущихъ подъ напоромъ зеленаго вала, дробящагося пѣной при встрѣчѣ съ ними; эти взмыленныя отъ борьбы съ вѣтромъ и скалами волны, ревущія, плачущія, порою тихо-тихо цѣлующія землю; эти лиловые, лиловые даже и вблизи утесы, рядами обступившіе заливъ,—все это, взятое вмѣстѣ, даетъ такую картину, предъ которой меркнетъ все—и безсильно вываливается кисть изъ рукъ даже величайшаго художника міра...

Благословенный чудный уголокъ,—что ни шагъ—картина! Что за тополи, за яблони! Это чуть-ли не самый здоровый по климату уголокъ изъ всего южнаго побережья,—по крайней мѣрѣ таково мнѣніе С. П. Боткина,.. Вотъ гдѣ лечиться, гдѣ устроивать купанья, гостинницы, виноградное и кумысное леченье...

Но гдѣ же купальни?.. „Здѣсь дно каменистое, разсказываетъ подвернувшійся татарченокъ, — неудобно купаться“, и показываетъ вамъ какіе то будочки на курьихъ ножкахъ для раздѣванья.—А купаться какъ же? такъ и идти по острымъ камнямъ до воды?—„Такъ и идти, господинъ“...

А чтобы здѣсь можно было сдѣлать, еслибы явился въ этой мѣстности предпріимчивый арендаторъ,—построй онъ хорошую гостинницу, организуй правильную продажу *шашла* *)—и повалили бы гурьбой сюда всякихъ родовъ болящіе, и если бы, быть можетъ, имъ пребываніе обошлось дороже теперешняго, такъ пользы-то они принесли бы себѣ во сто разъ больше...

А теперь? Вонь на все прибрежье чеснокомъ отъ жидовской гостинницы —и только... Цивилизація не только не внесла никакихъ удобствъ въ этотъ райскій уголъ—она, пока, отравила его,—и Алушты какъ врачебнаго пункта еще не существуетъ. Алушта вся въ будущемъ...

XI.

Въ одномъ дошедшемъ до насъ сочиненіи VI вѣка **) говорится, что Императоръ Юстиньянъ, возстановляя по Крымскому побережью стѣны Херсонеса (Севастополя) и другихъ городовъ, возвелъ, между прочимъ двѣ крѣпости: Горзувитовъ (Юрзуфъ) и Алустонъ. Этотъ Алустонъ, несомнѣнно, и есть нынѣшняя Алушта, тѣмъ болѣе, что даже развалины крѣпости сохранились до сихъ поръ и одна изъ ея башенъ видна на моемъ рисункѣ, помѣщенномъ въ этомъ № „Нивы“. Всѣхъ башенъ было три. Воздымаясь на крутомъ горномъ подъемѣ за рѣчкой Улу-Узень, такая крѣпость представляла сильную защиту городу, вѣроятно значительно населенному, имѣвшему, по мнѣнію одного изслѣдователя даже своего епископа, а въ эпоху владычества генуэзцевъ—консула — что уже прямо указываетъ на значеніе мѣстечка. Теперь отъ византійскихъ и генуэзскихъ построекъ почти ничего не осталось: жители растащили камни для своихъ домовъ, — характеръ деревушки сдѣлался чисто татарскій, и только небольшая православная церковь, quasi-готической архитектуры, во имя Ѳеодора Стратилата нѣсколько скрашиваетъ общую груду однообразныхъ построекъ.

Всмотритесь въ мѣстныхъ жителей. Въ нихъ нѣтъ, повидимому и слѣда монгольскаго типа. Золотистыя продолговатыя лица, узкіе, миндалинами, черные глаза, тонкій, строго моделированный носъ, плутоватое выраженіе въ общемъ — все это гораздо скорѣе можетъ напомнить вамъ грека, чѣмъ татарина. Да оно и понятно: татары-пришельцы *ассимилировались*, слились съ туземными греками и генуэзцами, и поглотивъ ихъ языкъ и религію, утеряли, въ то же время, свой типъ, и дали совсѣмъ новую породу „крымскихъ татаръ“, дѣлящихся на много частныхъ племенъ, отличающихся на столько другъ отъ друга, что даже нарѣчія у нихъ разныя, и поморскій татаринъ не понимаетъ татарина степнаго...

Первые богатые туристы, посѣщавшіе Крымъ еще до открытія движенія по южнымъ желѣзнымъ дорогамъ, развили въ татарахъ попрошайничество и привычку, какъ говорится, драть по семи шкуръ съ каждаго смертнаго, заѣхавшаго въ ихъ край. Оттого-то здѣсь все такъ и дорого и скверно, оттого до сихъ поръ по всему Крыму страшныя цѣны на все, даже на крымскіе фрукты и только въ видѣ исключенія можно указать на такіе года, какъ прошлый 1879-й, когда, вслѣдствіе необычайнаго урожая, возъ яблоковъ стоилъ полтора рубля. Цѣны, которыя стоятъ на южномъ побережьи на виноградъ, далеко нельзя назвать низкими: 15—20 копѣекъ за фунтъ, это не дешево, особливо если взять въ разсчетъ то количество, которое поглощается ежедневно больными и здоровыми. Норма для больныхъ— восемь фунтовъ въ день, но иные эту норму доводятъ до двадцати фунтовъ и болѣе. Въ средѣ больныхъ существуютъ легенды о субъектахъ, съѣдавшихъ по пуду винограда въ день. Леченіе виноградомъ полезно при болѣзняхъ печени, нервныхъ разстройствахъ, сердцебіеніяхъ, ипохондріи и геморроидальныхъ страданіяхъ. Ѣдятъ виноградъ обыкновенно на ходу, за прогулкой, для чего каждый больной носитъ съ собой особенный плетеный сакъ мѣстнаго производства. Если вы пріѣдете въ Крымъ осенью, то всѣхъ больныхъ увидите въ цвѣтущемъ состояніи, хвастающихся чуднымъ климатомъ юга, возстановившимъ ихъ силы. Другая ихъ половина, уже давно, въ началѣ лѣта, перемерла, не вынесши перемѣны сѣвернаго климата на южный...

XII.

Только болѣзнь можетъ задержать васъ долго въ Алуштѣ, иначе чесночный запахъ и всевозможные проводники доведутъ васъ до сумасшествія. Они васъ непремѣнно стащутъ на вершину Чатыр-Дага, на что надо убить цѣлый день и ночь. Запасшись провизіей, которой наполняется *сиква*, мѣшокъ перебрасывающійся черезъ чепракъ, приходится лѣзть на ужасную крутизну, уцѣпившись, обязательно, за гриву лошади. Результатъ этаго головоломнаго восхожденія можетъ быть двоякій: или вы увидите передъ собой колоссальную карту всего Таврическаго полуострова, съ безконечнымъ моремъ на югѣ, Перекопскими степями на сѣверѣ, Севастополемъ на западѣ и Сивашемъ на востокѣ,—все это озаренное алѣющей, дрожащей волной утренняго молодаго свѣта,—или, что очень печально, увидите себя окутаннымъ со всѣхъ сторонъ туманомъ заночевавшаго на вершинѣ облака, которое не преминетъ наградить васъ лихорадкой,—и кромѣ его бѣлесоватыхъ, молочныхъ клубовъ, ужъ, конечно, вы ничего не различите, развѣ кое гдѣ туманъ разорвется, и покажетъ частичку интересной панорамы... Коли кто любитъ мотивы каменныхъ грудъ, тому еще болѣе понравится поѣздка на Демерджи,—сосѣдку съ Чатыр-Дагомъ, въ полномъ смыслѣ слова красавицу-гору. Еще татары таскаютъ туристовъ въ какой-то Мутулъ,—должно быть остатки греческаго селенія, ровно ничѣмъ не замѣчательныя... Впрочемъ тамъ растутъ красивые папоротники, на созерцаніе которыхъ отчего же и не убить одинъ день, если кому совершенно нечего дѣлать...

Декоративность Алушты скоро пріѣдается; неудобства жизни тянутъ избалованнаго горожанина въ Ялту. По великолѣпному шоссе, смѣло ринувшемуся въ ущелье, между Чатыръ-Дагомъ и Аю-Дагомъ, перелетающему черезъ бездонные овраги, лѣпящемуся возлѣ отвѣсныхъ стѣнъ, на много саженъ вздымающихся вверхъ, —понесетъ васъ карьеромъ почтовая телѣжка то кверху, то книзу, не разбирая ни уклоновъ, ни поворотовъ, съ великимъ русскимъ паролемъ и лозунгомъ „авось кривая вывезетъ“, и кривая, разумѣется, вывозитъ.

— Несчастій у васъ тутъ не случается?

Ямщикъ повертывается.—Какихъ такихъ несчастій?

— Внизъ не кувыркаетесь?

— Чего намъ! Мы съ опаской...

— Ну, а если на поворотѣ колесо соскочитъ?

— На поворотѣ?.. На поворотѣ—тогда точно—вылетишь.

— Вѣдь и костей внизу не подберешь?

— Не подберешь... Это вѣрно... Только колеса у насъ крѣпкія...

Вдругъ лошади моментально останавливаются, хомуты соскальзываютъ имъ на голову, ямщикъ съ размаху чуть не садится на нихъ верхомъ, сѣдокъ—на ямщика...

— Ишь, черти, разъѣхались! злобно протягиваетъ возница, огибая цѣлый караванъ возовъ и повозокъ, тянущійся на встрѣчу, котораго не замѣтили за крутымъ поворотомъ дороги.

— А коли бы наѣхали?

— Не наѣдемъ—лошади привычныя!

Что можетъ возмутить во время переѣзда до Ялты—это перспектива на гору Аю-Дагъ. Вообразите себѣ громадную пузатую каменную глыбу, брошенную на половину въ море, а на поло-

*) Лечебный сортъ винограда.

**) De aedificiis domini Justiniani.

вину оставшуюся на землѣ. Вздымаясь мохнатой шерстью лѣсовъ, со всѣхъ сторонъ обнявшихъ ея бока на 2,000 футовъ, она дѣйствительно напоминаетъ собою какое-то сказочное животное, не то медвѣдя, не то отдыхающаго верблюда *). Со стороны дороги, о которой теперь идетъ рѣчь, видна спина этаго чудовища, круглой шапкой постоянно рисующаяся передъ вами. Извивы дороги поминутно заставляютъ ее то пропадать, то вновь появляться. Думаешь, что она уже осталась позади, потому что постепенно отодвигалась вамъ за спину, сосѣднія скалы заслонили ее повидимому окончательно,—и вдругъ на одномъ поворотѣ она показывается какъ разъ впереди, на самой дорогѣ. И такъ на протяженіи цѣлыхъ двадцати верстъ! Нервные люди совершенно не могутъ выносить ея вида...

Но Аю-Дагъ поразительно хорошъ со стороны Юрзуфа, особенно при закатѣ солнца, въ тепломъ туманѣ вечерняго золотаго воздуха. Не даромъ воспѣвали его Пушкинъ, Мицкевичъ и кн. Вяземскій... Помѣщенный въ „Нивѣ“ видъ на эту гору снятъ именно съ Гурзуфскаго залива.

XIII.

Представьте себѣ красиво-упругой линіею вдавшійся въ материкъ заливъ, окруженный амфитеатромъ желтовато-лиловыхъ горъ, заливъ, блещущій всѣми цвѣтами юга—и золотомъ, и бирюзой, и карминомъ и изумрудомъ. У самаго берега жемчужная пѣна клокочетъ, мечется среди камней, водометомъ взлетая высоко кверху, забрасывая брызгами самую набережную, дугой обѣгающую бухту. Горы маленькими обрывистыми возвышеніями начинаются отъ самаго моря и вздымаясь все выше, образуютъ на сѣверѣ сплошную, непроницаемую для вѣтровъ стѣну, словно загородившую отъ всего остальнаго міра этотъ прелестный уголокъ. По мягко округляющимся откосамъ горъ черными пятнами пестрѣетъ сѣтка лѣсовъ и садовъ; бѣлыя стѣны и крыши дачъ выглядываютъ то тутъ, то тамъ изъ за пронизей зелени, то плоскокровныя, то съ четырехскатной крышей, то увѣнчанныя бельведеромъ, то старающіеся подойти къ типу итальянской виллы. Внизу у самаго моря скучилось нѣсколько сотенъ домовъ. Иныя роскошныя постройки напоминаютъ вамъ палаццо южныхъ городовъ; по берегу идетъ бульваръ съ кофейнями; пароходная пристань, вся увѣнчанная флагами, вдалась въ заливъ; рядъ купаленъ растянулся у воды; вправо, надъ городомъ царитъ башенка православной церкви, еще выше виднѣется кладбище, выше—опять горы, такъ близко-близко подступившія къ вамъ, словно виснущія надъ городомъ, а на югѣ необъятное море съ дымкомъ далекой яхты и тихо качающимися на якорѣ торговыми судами... Это—Ялта.

Главная улица—это набережная. Здѣсь постоянная ѣзда, толкотня—блескъ всевозможныхъ мужскихъ и женскихъ костюмовъ. И не думайте въ простомъ лѣтнемъ платьѣ — въ сѣренькомъ пиджакѣ безъ галстуха, или въ батистовой блузѣ, пройтись здѣсь послѣ обѣда: вы вѣдь на „морскихъ купаньяхъ“. Въ Павловскѣ или Петергофѣ длинная кофта, или пальто скроетъ небрежность лѣтняго костюма,—здѣсь климатъ не допускаетъ никакихъ кофтъ и пальто, — отсюда изысканность сюртучковъ, галстуховъ, кителей и платьевъ. Фойе итальянской оперы, еслибы существовалъ у насъ лѣтній сезонъ—должно было бы представить ту картину, которую представляетъ набережная Ялты. Генеральскіе погоны, необычайные трэны, золотыя пенс-не, монокли, хлысты съ серебряными ручками, безукоризненной чистоты перчатки—и всюду французскій жаргонъ съ чистѣйшимъ прононсомъ и нижегородской конструкціей. По шоссе мелькаютъ кавалькады, носятся эффектные фаэтоны, плетеные соломенные кабріолеты, скачутъ на горячихъ взмыленныхъ лошадкахъ затянутые въ струнку проводники-татары. Между нихъ сонно движутся маджары, до верху нагруженныя фруктами или дровами. На базарѣ, что помѣщается возлѣ полицейскаго правленія, толкотня, давка, пестрота невообразимая. Виноградъ наваленъ горами, на прилавкахъ, подъ ними -во всевозможныхъ ящикахъ, кадушкахъ и корзинкахъ. Петербургскія платья работы Изомбаръ и Андріе и тутъ же—волы, ослы, татарскіе шаровары, фески и чалмы. Тутъ и греки, и жиды, и армяне, и грузины, и цыгане—и тутъ же на столбахъ приклеенное объявленіе, что въ залѣ клуба вновь прибывшая изъ Одессы французская труппа, подъ управленіемъ г. Форкатти, дастъ нѣсколько представленій—конечно Оффенбаховскаго репертуара...

Лучшая мѣстная гостинница—„Россія“. Это грандіозное зданіе, которому смѣло позавидуетъ любая столица,—трехъ-этажная, съ роскошнымъ вестибюлемъ, съ прекрасной лѣстницей, помѣщающейся въ центрѣ зданія, и потому освѣщеннаго съ крыши, съ великолѣпной залой, украшенной лѣпнымъ потолкомъ, копіями съ Айвазовскаго, съ концертнымъ роялемъ, и балкономъ, откуда открывается одинъ изъ прелестнѣйшихъ въ мірѣ видовъ на Ялтинскій заливъ. Номеровъ въ этой гостинницѣ—сто два. Наиболѣе дорогой изъ нихъ, состоящій изъ двухъ комнатъ и помѣщающійся въ бэль-этажѣ, стоитъ пятнадцать рублей въ сутки, наиболѣе дешевые — полтора рубля.

*) Аю-Дагъ—значитъ Медвѣдь-гора. Моряки въ старину звали его Camillo—верблюдъ.

Гостинница эта была основана въ 1873 году „Товариществомъ для содѣйствія къ распространенію удобствъ жизни въ Ялтѣ“, —главными учредителями котораго: Боткинъ, Карель, Воронцовъ, Врангель, Чихачевъ, Струве и Губонинъ.—Къ 1875 году постройка ея была окончена, но дѣла пошли очень неважно. Война съ Турціей, и предполагавшіяся высадки непріятеля на южный берегъ, напугали больныхъ и туристовъ, черноморскія купальни запустѣли, и дѣла товарищества окончательно упали. Устроители получили 25 коп. съ рубля, отель былъ проданъ съ акціона. Въ рукахъ теперешняго содержателя „Россія“ совсѣмъ не то, что четыре года назадъ—далеко нѣтъ того идеальнаго порядка, каковъ былъ прежде, хотя дѣла его должны быть болѣе чѣмъ хороши: гостинница торгуетъ круглый годъ, а не только лѣтомъ, какъ остальные отели. Но все-же „Россія“ по удобствамъ выше двухъ другихъ отелей: „Эдинбургскій“ и „Ялты“,—хотя въ послѣднемъ столъ лучше и дешевле.

Жизнь въ Ялтѣ, въ сущности, чрезвычайно дорога. Дешевые номера всѣ переполнены, и достать ихъ нѣтъ никакой возможности: приходится платить за плохенькую комнату два съ полтиной— и пять рублей въ сутки. Свѣчи, постельное бѣлье,— все это дорого и плохо. Разъѣзды по окрестностямъ обходятся еще того дороже. Вслѣдствіе предписанія Харламова, чиновника назначеннаго въ Ялту, помимо мѣстнаго губернатора и исправника, для усиленія надзора за массой прибывающихъ въ городъ туристовъ,—вслѣдствіе его предписанія татары не даютъ лошадей безъ проводника, — слѣдовательно приходится платить *за двѣ* лошади, что обходится 5, а то и 10 рублей въ день.

Изъ Ялты обыкновенно ѣздятъ въ Ливадію, Алупку, Аутку, Ай-Василь, Дерекой и пр. Лицамъ, хорошо знакомымъ съ постройками Оріанды, Ливадіи и красотами сада Алупки по фотографіямъ и рисункамъ—едва-ли представится особенный интересъ въ осмотрѣ этихъ дворцовъ, особенно петербургскимъ жителямъ, видѣвшимъ великолѣпіе Зимняго дворца, и красоту Петергофскаго. Несравненно интереснѣе прогулка къ водопаду, расположенному верстахъ въ девяти отъ города, и носящаго поэтическое названіе *летучей воды*—по татарски Учанъ-Су. Если вы никогда не видали горныхъ водопадовъ,—то Учанъ-Су вамъ понравится оригинальностью паденія съ отвѣсной скалы саженъ въ 40, особенно если вы пріѣдете на другой день послѣ сильнаго дождя, когда съ шумомъ и громомъ летитъ внизъ струя не то воды не то золотаго песку, и внизу дробится о камни. По дорогѣ изъ глубокой долины Учанъ-Су, вамъ покажутъ совершенно неинтересныя развалины какого-то укрѣпленія.

Купанья въ Ялтѣ плохи: дно каменистое, волны часто не позволяютъ купаться, такъ какъ сильные, рѣзкіе югозападные вѣтры господствуютъ здѣсь постоянно. Наивысшая температура моря у Ялты 23о R. наиболѣе низкая—въ январѣ 9о. Но несомнѣнно, что въ истекшую зиму 1879—1880 годовъ, температура его была значительно ниже: югъ не запомнитъ такой суровой зимы...

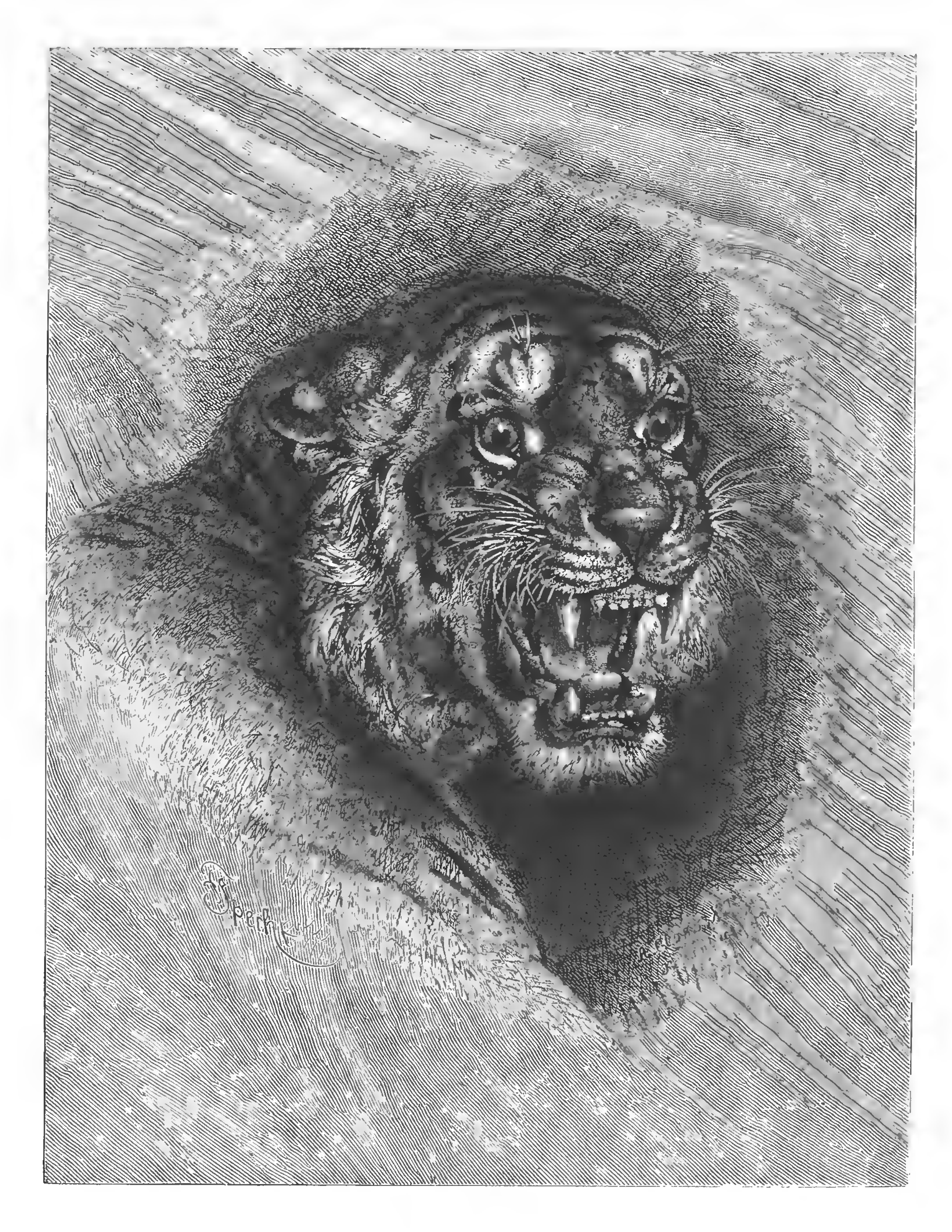
XIV.

Во всякомъ случаѣ Ялту можно считать самымъ лучшимъ и удобнымъ пунктомъ для больныхъ и туристовъ на протяженіи всего южнаго берега. Однообразіе и скука жизни заѣдятъ и тутъ избалованнаго петербуржца, осужденнаго на долговременное пребываніе здѣсь. Это отсутствіе дождей, вѣчно голубое небо, вѣчно зеленое море, горы, вѣчно висящія надъ вами, отъ которыхъ некуда бѣжать. Безоблачные восходы и закаты, золотисто-фіолетовыя теплыя ночи—все это скоро пріѣдается своимъ сладостно-приторнымъ колоритомъ, присущимъ всему югу... Но если вы захотите перемѣнить свое мѣстожительство, то, повторяю, удобствъ Ялты вы нигдѣ не найдете...

Лучшее мѣсто крымскихъ купаній—Ѳеодосія. Попасть туда изъ Ялты очень легко: стоитъ сѣсть на первый пароходъ,—въ нѣсколько часовъ онъ перенесетъ васъ на сто верстъ къ сѣверо-востоку. Суда русскаго общества пароходства и торговли—великаны, съ прекрасно отдѣланными каютами и очень недорогимъ проѣздомъ. Покупая билетъ, вы, въ тоже время, покупаете право пользоваться завтраками, обѣдами и чаями общества. Кормятъ сносно, для примѣра — вотъ меню завтрака: водки, анчоусы, честеръ; осетрина, ростбифъ, фрукты и конфекты; крымскаго вина—бѣлаго и краснаго—сколько угодно; точно также и кушанья: обносятъ по сколько угодно разъ каждаго.

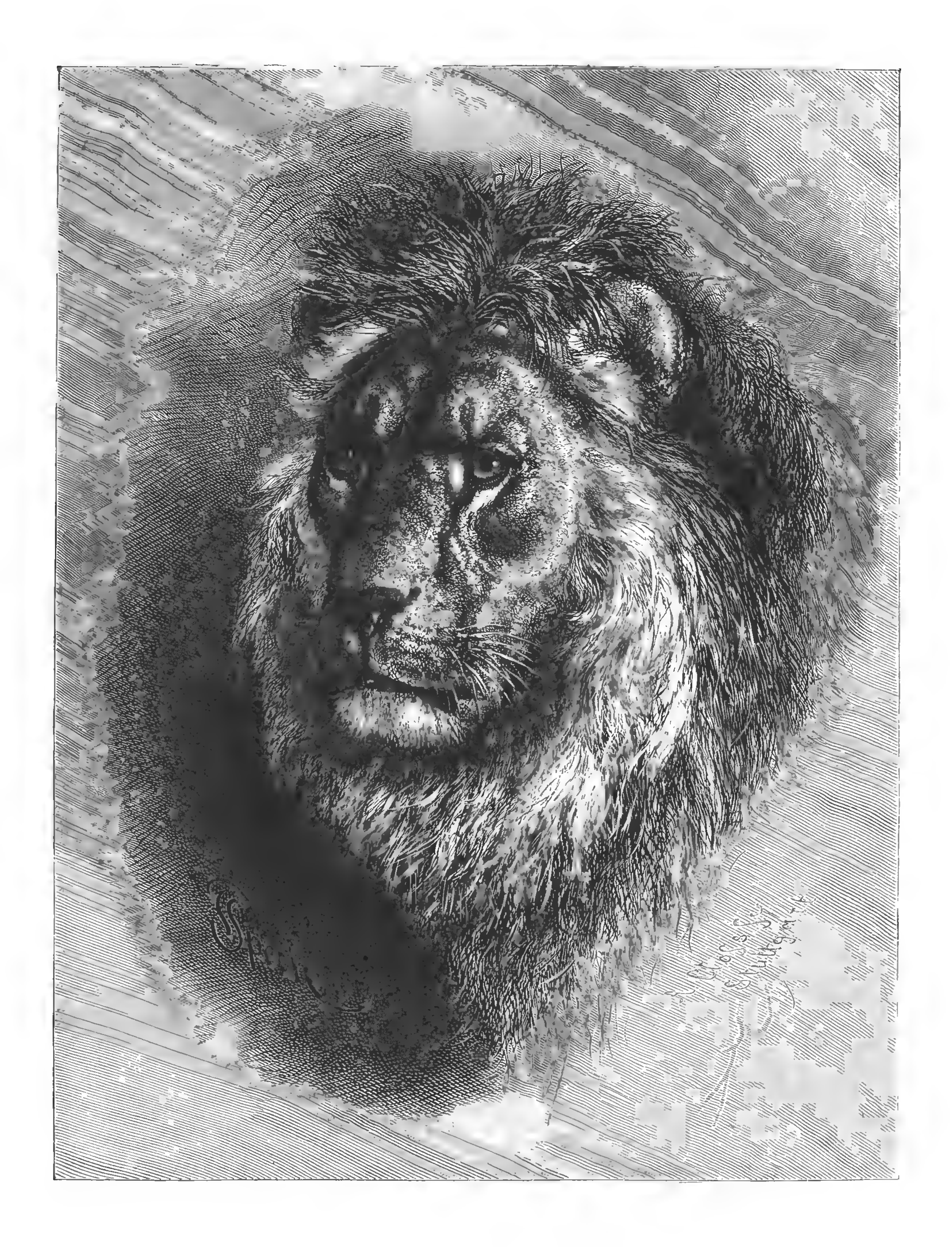
Ѳеодосія расположилась амфитеатромъ, на самомъ берегу, среди голыхъ безлѣсныхъ отроговъ Яйлы. Превосходный портъ издавна сдѣлалъ эту мѣстность оживленнымъ торговымъ пунктомъ: знаменитая древняя Каффа и есть теперешняя Ѳеодосія. Здѣсь когда-то генуэзцы возвели грозныя стѣны, окружили ихъ рвами, воздвигли церкви, дворцы; фонтаны украсили городъ; гавань переполнялась судами всѣхъ странъ,—и Каффа сдѣлалась центромъ проявленія всѣхъ крымскихъ колоній. Въ пятнадцатомъ столѣтіи турки завоевали Каффу: старыя зданія остались нетронутыми, но среди нихъ поднялись новыя сооруженія, споря со старыми красотой: явились роскошныя мечети, минареты, восточныя бани, Каффа получила имя Кучукъ-Стамбула *), населеніе ея возрасло до ста тысячъ—и попрежнему

*) Кучукъ-Стамбулъ—малый Константинополь.

Тигръ. Ориг. рис. Ф. Шпехта, грав. Клоссъ.

Къ разсказу Максимова „Засада на деревьяхъ“. (Охота на тигра стр. 250)

Левъ. Оригин. рис. Ф. Шпехта, грав. А. Клоссъ.

портъ во многу сотенъ судовъ колыхалъ на своихъ тихихъ водахъ.

Въ прошломъ столѣтіи намъ достался Кучукъ-Стамбулъ во всемъ его великолѣпномъ смѣшеніи генуэзскаго и турецкаго стилей...

Въ настоящее время—Ѳеодосія плохенькій городокъ съ девятью тысячами жителей: отъ дворцовъ, бань и мечетей остались одни развалины...

Ѳеодосія оживаетъ лѣтомъ, когда является сюда масса больныхъ. Чистый песчаный грунтъ дна, защищенный отъ вѣтровъ заливъ,—все это такъ благопріятствуетъ купаньямъ:—жаль только, что въ купальняхъ господствуетъ сквозной вѣтеръ и онѣ помѣщаются какъ разъ у стока нечистотъ...

Для того, чтобы достать *шишла*—лечебный сортъ винограда, приходится часто обѣгать всѣ закоулки города; чтобы лечиться кумысомъ, надо заказывать его за нѣсколько верстъ отъ города въ какихъ-то деревушкахъ...

Таковы удобства предоставляемыя больнымъ.

XV.

Итакъ, возвращаюсь къ разрѣшенію того вопроса, который былъ мной поставленъ въ первой главѣ моихъ замѣтокъ: „какъ же мы воспользовались благодатнымъ уголкомъ южнаго берега, что дали больнымъ для ихъ излеченія? чѣмъ теперешній Крымъ отличается отъ Крыма генуэзскаго и татарскаго?..

Во первыхъ мы провели чудесныя дороги на материкѣ: перевалъ черезъ Яйлу—теперь прогулка.

Во вторыхъ—мы дали отличное морское сообщеніе—пароходство.

Въ третьихъ... устроили въ Ялтѣ хорошую гостинницу.

Ялта, Ѳеодосія, Алушта—каррикатуры на морскія купанья и на мѣста леченья виноградомъ и кумысомъ.

Древніе памятники безжалостно истреблялись и истребляются: основаніемъ этому истребленію былъ приказъ князя Потемкина, который, послѣ завоеванія Судака, велѣлъ сейчасъ же построить казармы,—и чтобы не устраивать новыхъ каменоломень—взять матеріалъ изъ генуэзскихъ и греческихъ зданій, разрушивъ ихъ до основанія.

Войны 1854 и 1877 годовъ—обезлюдили татарское населеніе, въ страхѣ оставившее свои пепелища. Воинская повинность тоже, какъ извѣстно, много содѣйствовала ихъ выселенію.

Превосходная порода крымскихъ лошадей—перевелась послѣ севастопольской кампаніи, и теперь, какъ говорятъ, существуетъ только въ табунѣ Крымтаева,—владѣльца селенія Мамудъ-Султанъ, въ 14-ти верстахъ отъ Симферополя, по Алуштской дорогѣ.

Масса земли обработывается небрежно. Предпринимателей не является совсѣмъ—являются одни эксплуататоры.

Разрушенное не обновляется, не возстановляется, все населеніе крайне апатично относится къ благоустройству края.

Крымъ—какъ страна леченья, торговли,—весь въ будущемъ. Его, несомнѣнно, ожидаетъ самое свѣтлое, самое отрадное будущее. Блестящіе торговые пункты:—Севастополь и Ѳеодосія будутъ тоже, что теперь Кронштадтъ. Ялта, Алушта—будутъ русскимъ Трувилемъ; цѣлесообразное разведеніе винограда дастъ возможность больнымъ регулярно лечиться и излечиваться. Виллы и пансіоны для больныхъ будутъ выстроены тамъ, гдѣ доктора признаютъ это полезнымъ,—какъ напр. на замѣчательномъ плато близь Ялты, на 3000 фут. высоты надъ уровнемъ моря; плато это окружено хвойнымъ лѣсомъ и дубнякомъ и отличается удивительнымъ горнымъ воздухомъ, столь полезнымъ для *климатическаго леченія*. Памятники не будутъ разрушаться, а напротивъ того, все что поддается реставраціи будетъ реставрировано. Наконецъ, цѣны надутъ и дороговизна перестанетъ быть чудовищной.

Повторяю,—Крымъ—страна будущаго.

Древнѣйшій православный храмъ во вновь завоеванномъ краѣ.

Изъ путевыхъ замѣтокъ

А. Ф. Брандта.

Административный центръ вновь присоединенной къ Россіи области, Карсъ, если не считать царящихъ надъ городомъ грозныхъ укрѣпленій, весьма бѣденъ монументальными постройками. Лишь нѣсколько минаретовъ, на которые любознательный путешественникъ взбирается чуть не съ опасностію жизни (по винтовой лѣстницѣ съ сильно вытоптанными каменными ступеньками) поражаютъ какъ своими размѣрами такъ и почтенною стариною. За то мечети, къ которымъ принадлежатъ эти минареты, вовсе не отличаются своей архитектурой отъ обыкновенныхъ домовъ: тѣ же кубическіе ящики съ плоскими крышами. Единственное исключеніе составляетъ мечеть, нынѣ преобразованная въ православный соборъ. (см. рис. на стр. 253). Впрочемъ и самый неопытный глазъ сразу замѣчаетъ, что зданіе это архитектуры христіанской, а двѣнадцать каменныхъ человѣческихъ фигуръ, поставленныхъ на башнѣ, подъ кровлею, ясно указываютъ, что это была церковь во имя Двѣнадцати Апостоловъ *).

Карскій храмъ, по преданію, построенъ въ X вѣкѣ, вѣроятно армянами, подъ руководствомъ греческихъ зодчихъ. Мусульмане пять столѣтій тому назадъ обратили и этотъ христіанскій храмъ въ мечеть. Уже неоднократно наши доблестныя войска брали Карсъ, и лишь теперь, послѣ окончательнаго присоединенія города и области, онъ въ нашей территоріи. Христіанскому храму дано его первоначальное назначеніе. Совершилось это, впрочемъ, не путемъ насилія. Когда непосредственно послѣ молодецкаго штурма городской цитадели одинъ изъ сопровождавшихъ армію священниковъ предложилъ отслужить молебствіе въ бывшей церкви, то получилъ рѣшительный отказъ: власти не желали оскорбить религіознаго чувства горожанъ. Нѣсколько спустя, когда возбужденіе перваго занятія края успѣло успокоиться, губернаторъ области сдѣлалъ попытку пріобрѣсти мечеть путемъ мирнымъ. Онъ созвалъ старшинъ города и изложилъ имъ—на турецкомъ языкѣ, которымъ владѣетъ съ рѣдкимъ совершенствомъ,—что хотя у самихъ мусульманъ и въ обычаѣ насильственно водружать полумѣсяцы на христіанскихъ храмахъ, онъ въ данномъ случаѣ не прибѣгнетъ къ насилію, ибо это противно духу христіанства. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ старшинъ, принять въ соображеніе, что за выселеніемъ многочисленныхъ городскихъ обывателей въ Турцію, въ мечетяхъ теперь избытокъ, а русскіе еще не имѣютъ ни одной церкви и уступить мечеть добровольно, особенно въ виду того, что онъ и прежде былъ христіанскимъ храмомъ. Такія слова облеченнаго властью „паши-эфенди“ произвели впечатлѣніе и дѣйствительно, во время посѣщенія Карса Великимъ Княземъ Намѣстникомъ, депутація отъ города формально предложила передать мечеть русскому населенію. Такимъ образомъ 6 января, т. е. на Крещеніе 1879 года, при колокольномъ звонѣ и пушечныхъ выстрѣлахъ съ цитадели, происходило торжественное освященіе храма.

Основная форма Карскаго собора—крестообразная. Весьма широкая, массивная и сравнительно низкая башня, какъ въ большинствѣ армянскихъ церквей и монастырей Закавказья, господствуетъ надъ остальными частями зданія. Кровля и стѣны башни, двѣнадцатигранной, сравнительно приземисты. Въ общемъ цѣломъ любопытный этотъ памятникъ древности не имѣетъ той легкости, которою въ иныхъ церковныхъ стиляхъ какъ бы воплощается стремленіе вверхъ, къ небу. Въ противоположность этому описываемый нами соборъ какъ бы служитъ образомъ незыблемой твердости, несокрушимости. Храмъ Двѣнадцати Апостоловъ не колоссаленъ, но расположенный на холмѣ неподалеку отъ р. Карсчая, онъ угрюмо и величаво воздымается надъ массами домовъ. Сложенъ онъ изъ темносѣраго ноздреватаго лавообразнаго камня. Это главный строительный матеріалъ какъ въ Карсѣ, такъ и во всей нагорной Арменіи, гдѣ когда-то мощно работала вулканическая сила, выдвинувшая изъ нѣдръ земли такіе каменные колоссы, какъ Араратъ и Алагезъ, и залившая потоками лавы всю окружающую мѣстность. Внутри зданія господствуетъ тотъ таинственный полумракъ, который такъ обыченъ въ православныхъ храмахъ византійскаго стиля. Внѣшняя тяжеловатость вовсе не отражается на внутренности собора, гдѣ замѣчательна напротивъ полная гармонія размѣровъ. Величественный куполъ, изъ оконъ котораго падаетъ свѣтъ, составляетъ естественное средоточіе для глаза. Скрадывается кресгообразный планъ собора, тѣмъ болѣе, что выступающіе во внутрь углы креста имѣютъ весьма красивыя усѣченія. Стоя въ центрѣ храма, онъ представляется восьмиугольнымъ. Сочетаніе этой восьмиугольной фигуры съ двѣнадцатью гранями башни и секторами купола и двѣнадцатью же окнами башни,—сообразно числу апостоловъ, представляло зодчему нелегкую задачу. Задача эта рѣшена весьма удачно. Извнутри стѣны церкви сплошь изъ той же сѣрой лавы, какъ и снаружи. При туркахъ была плохая полуобвалившаяся штукатурка; но теперь она вся сбита, отчего зданіе, очень выиграло. Отказываясь отъ золоченнаго купола и пестрыхъ расписныхъ стѣнъ, которые очень плохо гармонировали бы съ ансамблемъ старинной постройки, стараются возстановить ее въ первоначальной классической простотѣ. Сообразно съ этимъ и слишкомъ пестрый временный иконостасъ замѣняютъ новымъ. Единственною придачею будетъ золоченный шаръ съ крестомъ на вершинѣ башни.

Уже приступлено къ очисткѣ и расширенію тѣсной соборной площади. Одинъ изъ сосѣднихъ домовъ совершенно прислонился къ боковому фасаду собора и въ стѣну церкви впущены концы балокъ. Домъ этотъ, составляющій частную собственность, изображенъ на нашемъ рисункѣ съ правой стороны. Турецкія власти такимъ образомъ допустили частное лицо къ такому безцеремонному обращенію съ мечетью? Дѣло въ томъ, что по турецкимъ законамъ всякій домъ, разъ онъ окопченъ, т. е. подведенъ подъ крышу, *считается неприкосновеннымъ, даже если онъ построенъ незаконно*, безъ разрѣшенія и на чу-

*) Какъ извѣстно нынѣшняя Карская область составляла нѣкогда часть древней Арменіи, одной изъ первыхъ странъ, гдѣ христіанство пустило глубокіе корни.

жой землѣ. Въ послѣднемъ случаѣ съ самоуправнаго домостроителя взыскивается лишь арендная плата за пользованіе чужою землею. Вслѣдствіе такихъ понятій о правѣ собственности, говорятъ, въ самомъ Константинополѣ нерѣдко тайкомъ, иногда за одну ночь, возникаютъ постройки, загораживающія чужіе дворы и проѣзды. Владѣльцамъ земли самимъ предоставляется слѣдить за непрошенными арендаторами; но разъ они проглядѣли и допустили до постановки крыши, протесты остаются напрасными. Надо полагать, что и пристроенный къ карскому собору частный домъ возникъ не иначе, какъ съ помощью подобнаго же захвата церковной или городской земли. Сначала онъ состоялъ изъ двухъ только этажей; затѣмъ вдругъ возникъ и третій. Но такъ какъ этимъ новымъ этажемъ заслонялись окна мечети, турецкія власти велѣли его снять. Это было незадолго до войны. Во время осады города нашими войсками смѣтливый домовладѣлецъ успѣлъ воспользоваться общею неурядицею и недостаткомъ присмотра въ городѣ и вновь соорудилъ свой третій этажъ. Въ настоящее время, домъ купленъ и срытъ уже до основанія. Случай этотъ съ домомъ на столько характеристиченъ для мѣстныхъ нравовъ и обычаевъ, что я счелъ интереснымъ упомянуть объ немъ.

Къ рисункамъ

Обѣтъ.

(Картина Шмидта).

Обѣщать легко—исполнить трудно, говоритъ старая пословица. Молодые родители-католики на прекрасной картинѣ М. Шмидта подтверждаютъ справедливость пословицы. Подъ вліяніемъ тяжелыхъ, затруднительныхъ обстоятельствъ, они возымѣли мысль посвятить свою малютку Пресвятой Дѣвѣ. Нужда прошла, до исполненія обѣщанія остается еще довольно времени, а потому всѣ спокойны. Но когда ребенокъ выростетъ и разовьется въ прекрасную дѣвушку, а можетъ быть и сердечко ея уже будетъ занято, тогда наступитъ пора помѣстить ее въ какой нибудь монастырь. Слезамъ и вздохамъ не будетъ конца и сами родители будутъ обращаться за совѣтомъ, какъ устроить такъ, чтобы умилостивить Пресвятую Дѣву. Быть можетъ передъ нами начало драмы, но начало ея пока еще весело. Картина Шмидта привлекала общее вниманіе на послѣдней художественной выставкѣ въ Мюнхенѣ.

Левъ.

(Рисунокъ Шпехта).

Въ „Нивѣ“ неоднократно былъ изображаемъ великолѣпный царь звѣрей и сообщались о немъ разныя свѣдѣнія и подробности (напр. № 49—1879 г. и №№ 2 и 42—1875 г.). Изображаютъ обыкновенно чаще льва варварійскаго или африканскаго, какъ красивѣйшаго, котораго выразительная, могучая голова до самыхъ плечь покрыта густой длинной гривой—его изобразилъ и Шпехтъ на рисункѣ въ настоящемъ №. Римляне любили смотрѣть на борьбу людей со львами. Ихъ выпускали на христіанъ. Также травили собаками. Сулла напр., бывши преторомъ, затравилъ въ одно представленіе 300 львовъ, присланныхъ ему Бохомъ Мавританскимъ. Но ихъ и приручали съ успѣхомъ. Клеопатра являлась народу на львѣ; Антоній являлся въ Римъ на колесницѣ везомой двумя львами. Въ Турціи, Персіи, Кабулѣ многіе властители держали ихъ, какъ домашнихъ животныхъ.

Женскіе старинные наряды въ губерніяхъ Курской, Орловской и Костромской.

Наши древніе народные наряды и головные уборы все болѣе и болѣе вытѣсняются изъ среды русскаго сельскаго населенія вліяніемъ новыхъ воззрѣній на моду и приличіе. Во многихъ, даже отдаленныхъ уголкахъ нашего отечества одежда щеголихъ-женщинъ совершенно измѣнилась и утратила свой народный характеръ: уже здѣсь появились платья, стали носить на шеѣ большіе платки, которые народъ называетъ шалями и русскій вкусъ подъ этой чужеземной оболочкой проявляется лишь въ ширинѣ одежды и ея пестротѣ. Отъ старины осталась лишь наклонность къ бѣлиламъ и румянамъ. При такомъ, повсемѣстномъ, большемъ или меньшемъ отступничествѣ нашего сельскаго населенія отъ своего стариннаго наряда. многія его необходимыя принадлежности теперь сдѣлались уже археологическою рѣдкостью и хранятся большею частью лишь въ сундукахъ, какъ память давно минувшаго времени. Такъ въ Курской губерніи лишь пожилыя женщины носятъ еще зимою — шубки въ родѣ сарафановъ, украшенныхъ металлическими пуговицами и позументомъ, а лѣтомъ — сверхъ сарафановъ, парчевыя, красныя кумачныя и штофныя душегрѣйки. Въ старину сарафанъ кромѣ того, подпоясывался кушакомъ и лучшими почитались кушаки персидскіе, затканные золотомъ, съ висящими впереди концами.

Шубейки носились всегда довольно длинные, а въ парадныхъ случаяхъ, богатые надѣвали кромѣ того, такъ называемую шубу „длинный рукавъ“ то есть шубу съ однимъ рукавомъ, висѣвшимъ до полу. Курскія старухи въ старину носили еще трости. Въ Орловской губерніи, кромѣ длинныхъ одеждъ, упомянутыхъ нами выше и общихъ всей древней Руси, носили еще въ старину, при охабнѣ, безъ рукавовъ шитую рубашку. Въ Костромской губерніи, болѣе оригинальныя особенности въ костюмѣ сохранились у галичанъ, хотя въ общемъ и ихъ парядъ носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды позднѣйшихъ нововведеній. Устойчивѣе оказываются во всѣхъ мѣстностяхъ головные уборы нашихъ крестьянокъ; впрочемъ, эти уборы у всѣхъ народовъ, меньше остальныхъ частей костюма подвергаются измѣненію времени и моды и дольше сохраняютъ всю первоначальную характерность. Такъ и наши женскіе головные уборы, несмотря на все свое разнообразіе, представляютъ собою много общихъ, сходственныхъ чертъ и являются, какъ бы по счастью уцѣлѣвшимъ въ неприкосновенности остаткомъ глубокой древности. Въ Курской губерніи до сихъ поръ главнымъ, женскимъ головнымъ уборомъ служитъ кокошникъ, отдѣлываемый у богатыхъ золотымъ или серебрянымъ гасомъ и потому называемый *золотоглавомъ*. Этотъ древній кокошникъ похожъ на киверъ, у котораго верхушка раздѣлена на двѣ части; въ старину какъ онъ, такъ и принадлежащій ему *назатыльникъ*, богато украшались жемчугомъ и даже драгоцѣнными каменьями. Кромѣ этого головнаго убора, курскія женщины, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, носятъ кички различныхъ формъ съ надѣтыми на нихъ сороками (т. е. шапочками). При кичкахъ и кокошникахъ теперь употребляется назатыльникъ съ шитьемъ. Поверхъ кичекъ, кокошника и повойника, до сихъ поръ, по старинѣ, молодыя женщины надѣваютъ кисейныя покрывала или большіе, пестрые платки, которые подвязываютъ подъ подбородкомъ и распускаютъ во всю длину назадъ. Въ Орловской губерніи въ старину носили рѣшетчатые, иногда низанные жемчугомъ кокошники; на лбу же висѣла жемчужная поднизь, которая даже закрывала глаза, сверхъ кокошника женщина обыкновенно накидывала кисейное покрывало. Въ Костромской губерніи роскошью головныхъ уборовъ до нынѣ отличаются жительницы Солигаличскаго и Чухломскаго уѣздовъ. Особенно изященъ старинный головной нарядъ галичанокъ, имѣющій видъ короны и затѣйливо убранный бусами и кружевами.

Стенографическая машина Мишеля.

Слѣпыхъ и глухонѣмыхъ часто помѣщаютъ въ одномъ заведеніи. Такія совмѣстныя помѣщенія были въ Брюсселѣ, Стокгольмѣ, Варшавѣ и пр. Цѣль обученія этихъ несчастныхъ одна: дать имъ возможность зарабатывать себѣ пропитаніе, такъ какъ большая часть изъ нихъ выходитъ изъ очень бѣдныхъ семействъ. Число ремеслъ, которымъ ихъ обучаютъ очень ограничено, притомъ имъ трудно конкурировать съ здоровыми рабочими. Большое благодѣяніе для глухонѣмыхъ и слѣпыхъ—указаніе новаго поприща, на которомъ они могли бы такъ же хорошо работать, какъ и люди одаренные всѣми чувствами.

На послѣдней Парижской выставкѣ, въ итальянскомъ отдѣленіи, находилась стенографическая машина, названная машиною Мишеля, по имени профессора-изобрѣтателя.

Машина эта имѣетъ форму маленькаго фортепьяно, съ двумя клавіатурами, каждая въ 12 клавишей. На выставкѣ одна изъ дѣвушекъ, находящаяся у машины, начала скоро читать поданный ей журналъ. Другая въ это время стала перебирать обѣими руками клавиши, точно играя на фортепіано. Въ тоже время узкая полоска бумаги стала показываться изъ средней части ящика. На этой полоскѣ были проколоты различныя отверстія и знаки, которые замѣняютъ буквы и слоги обыкновеннаго письма. Когда читающая перестала читать, — играющая вынула бумажную ленту и прочла по ней безъ запинки прослушанный ею параграфъ журнала. По ея словамъ читать и играть на машинѣ она выучилась въ три мѣсяца. Опытъ происходилъ на французскомъ языкѣ, но дѣвушка говорила, что она можетъ писать съ такимъ же успѣхомъ на нѣсколькихъ языкахъ. Стенографъ Мишеля можетъ быть прекраснымъ подспорьемъ для глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, которые могутъ составить стенографическое общество. Трудъ будетъ раздѣленъ. Слѣпые, съ свойственнымъ имъ вниманіемъ, прислушиваясь къ словамъ говорящаго, будутъ воспроизводить рѣчь его на машинѣ Мишеля; глухонѣмые будутъ читать ленты и переписывать ихъ. Такимъ образомъ будетъ получаться къ концу какого-либо засѣданія или урока, точное воспроизведеніе рѣчи профессора или оратора. Слѣпой и глухонѣмой въ этомъ случаѣ будутъ дополнять другъ друга. Нѣтъ сомнѣнія, что они такъ же хорошо выполнятъ роль стенографа, какъ два видящихъ и слышащихъ лица, быть можетъ даже лучше. Чувство недостающее, въ извѣстной степени природа замѣняетъ остальными, увеличивая ихъ силу.

Политическое обозрѣніе.

Новыя свѣдѣнія о дѣлѣ Куммерау.—Распоряженія Порты.—Албанская лига и Черногорія.—Возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ.—Болгарія.—Вѣсти изъ Франціи, Англіи, Испаніи.—Война въ южной Америкѣ.

Дѣло объ убіеніи подполковника Куммерау еще не окончено и, какъ кажется, можетъ пріобрѣсти серьезное значеніе. Въ военно-судной комиссіи засѣдаютъ три европейца—всѣ трое нерасположенные къ Россіи и русскимъ: Гобартъ-Паша, бывшій начальникъ румелійской милиціи Виталисъ и Музаферъ-паша, или полякъ Чайковскій. Странныя вещи происходятъ въ засѣданіи этой комиссіи и не менѣе странныя раскрываются. Такъ, въ этотъ единственный разъ, когда нашъ повѣренный въ дѣлахъ г. Ону, присутствовалъ тамъ, подсудимый Вели-Магометъ (турки передѣлали это имя въ "Дели-Магометъ: „дели„ значитъ безумецъ), не взирая на то, разразился самыми грубыми ругательствами, высказывая сожалѣніе о томъ, что ему не удалось убить г. Ону. Съ другой стороны—оказывается, что Вели-Магометъ, вмѣстѣ съ двумя сподвижниками своими (всѣхъ ихъ было трое) запаслись оружіемъ въ султанскомъ дворцѣ и что имѣлось въ виду убить нашего повѣреннаго въ дѣлахъ. (!) Недавно мы указывали на нѣкоторое, можетъ быть только кажущееся, улучшеніе въ турецкихъ финансахъ, теперь же, на этотъ разъ намъ приходится добавить, что Порта приняла въ финансовой сферѣ, одну изъ такихъ мѣръ, которыя едва ли способствуютъ поднятію экономическаго благосостоянія страны. Оттоманское правительство издало распоряженіе, въ силу котораго пониженъ вдвое курсъ низкопробной серебряной монеты, главнымъ образомъ находящейся въ обращеніи въ населеніи азіатскихъ владѣній султана. По соглашенію съ галатскими банкирами, оно постановило изъять монету эту изъ обращенія, съ уплатой за нее изъ казначейства половины капитальной стоимости размѣнною монетою другаго образца. Низкопробной серебряной монеты обращается въ Сиріи, Месопотаміи, Курдистанѣ и Айдинскомъ вилайэтѣ на сумму до четырехъ милліоновъ турецкихъ фунтовъ, взамѣнъ которыхъ правительство выплачиваетъ теперь два милліона новой мѣдной монетой. Не трудно предугадать какъ все это можетъ отозваться на полуразоренномъ сельскомъ населеніи Малой Азіи! Въ авторитетныхъ парижскихъ кружкахъ, черпающихъ свѣдѣнія свои въ правительственныхъ сферахъ, уже раздается голосъ о томъ, что державамъ, подписавшимъ Берлинскій трактатъ, необходимо было бы поспѣшить назначеніемъ международной комиссіи для завѣдыванія финансами Турціи... Англичанинъ Сайнджъ уже освобожденъ, за него уплачено триста тысячъ франковъ. Черногорскій вопросъ нисколько не подвинулся впередъ. Пользуемся случаемъ, чтобы указать читателямъ насколько албанская лига приготовилась къ отпору черногорцамъ. Къ 1 марта воинамъ лиги роздано было тридцать двѣ тысячи скорострѣльныхъ ружей усовершенствованныхъ системъ; въ спорныхъ округахъ —Плавскомъ и Гусинскомъ—стоитъ хорошо вооруженный и снабженный всѣмъ необходимымъ десяти тысячный отрядъ, который въ состояніи всегда легко отразить нападеніе черногорцевъ, располагающихъ на границѣ, близъ Великой рѣки, всего 3-мя тысячами войска, въ Гусиньѣ находятся значительные склады боевыхъ патроновъ въ количествѣ достаточномъ для продолжительной кампаніи, кромѣ того, вокругъ Гусинья возведены, въ январѣ и февралѣ того года, довольно сильныя полевыя укрѣпленія и возведены, повидимому, людьми, знающими свое дѣло; албанскія войска, еще заблаговременно обезпечены провіантомъ, причемъ въ самой Гусиньѣ сложено болѣе 100 тысячъ окъ муки и большое количество сухарей; лига установила особую натуральную повинность, благодаря которой ей удалось организовать весьма сносный обозъ; затѣмъ, албанскими военными силами начальствуютъ опытные офицеры. Та рука, которая готовила ловушку эту черногорцамъ, хорошо знала, что дѣлала. Достаточно, полагаемъ, видно, что присоединеніе этихъ „обѣщанныхъ“ Черногоріи округовъ—не осуществимо даже еслибы черногорцамъ удалось сломить лигу и номинально причислить Плаву и Гусинью къ черногорскому княжеству—къ чему же привело бы это? Отвѣтъ ясенъ самъ собою.

Въ Босніи и Герцеговинѣ волненія не утихаютъ, инсургентскіе отряды мелькаютъ тамъ и сямъ, только изрѣдка натыкаясь на австрійцевъ. Дѣла тамъ конечно вовсе не такъ благопріятны, какъ увѣряютъ австрійцы, если имъ пришлось объявить два округа на военномъ положеніи.

22-го марта княземъ Вогоридесомъ открыта чрезвычайная сессія восточно-румелійскаго областнаго собранія. Сессія эта созвана на три недѣли, въ продолженіи которыхъ восточнорумелійское собраніе разсмотритъ два весьма важныхъ проекта. Первый изъ нихъ относится къ постройкѣ желѣзной дороги отъ Филиппополя чрезъ Казанлыкъ и Сливно, къ Бургасу, соединительною вѣтвью на Ямболи, причемъ для проложенія участка дороги этой отъ Ямболи до Бургаса потребуется 17 милліоновъ франковъ. Вторымъ же проектомъ предлагается выдать сельскому населенію въ ссуду 5 милліоновъ франковъ, для облегченія обработки земель, лежащихъ въ пустѣ со времени русско-турецкой войны.

Князь Александръ болгарскій уже возвратился въ свою столицу. Что касается тѣхъ измѣненій въ уставѣ, о которыхъ ходили слухи и о чемъ мы сообщили въ свое время, — пока неизвѣстно въ подробности, до сихъ поръ извѣстно только, что предполагается учрежденіе второй, верхней палаты депутатовъ Болгаріи, или сената; вмѣстѣ съ тѣмъ, большинство въ палатахъ не будетъ имѣть непосредственнаго вліянія на избраніе и назначеніе министровъ. Военный министръ генералъ Паренсовъ оставляетъ свою должность и ѣдетъ въ Россію.

Изъ Парижа сообщаютъ, что военный министръ предписалъ офицерамъ, состоящимъ профессорами въ іезуитскихъ школахъ, тотчас же отказаться отъ преподаванія тамъ. Префектамъ департаментовъ послано уже предписаніе о высылкѣ изъ Франціи іезуитовъ иностранныхъ подданныхъ; декреты о религіозныхъ конгрегаціяхъ будутъ обнародованы послѣ Пасхи. Увѣряютъ, что значительная часть французскаго духовенства весьма довольна мѣрами, принимаемыми противъ іезуитовъ.

Въ Англіи—въ полномъ разгарѣ избирательная борьба. По свѣдѣніямъ изъ Авганистана, Авганскій Туркестанъ — въ рукахъ Абдуррахманъ-Хана, которому сдаются города и пристаютъ значительные отряды. Поставленный генераломъ Робертсомъ губернаторомъ этой провинціи Голамъ-Гайдеръ, вынужденъ былъ бѣжать, такъ какъ всѣ войска его тоже перешли на сторону Абдуррахманъ-Хана. — Императрица Евгенія отправилась въ Южную Африку, чтобы посѣтить мѣстность, гдѣ палъ сынъ ея, принцъ Наполеонъ. Королева Викторія—въ настоящую минуту находится на континентѣ; недавно она была въ Баденъ-Баденѣ.

Король Альфонсъ, повидимому, склоненъ помиловать Отеро; по крайней мѣрѣ его величество, какъ слышно, повелѣлъ сообщить ему докладъ объ Отеро въ страстную пятницу, когда, въ силу установившагося обычая, испанскіе короли милуютъ приговоренныхъ.

Война въ Южной Америкѣ разгорается съ новой силой.

Смѣсь.

Запасъ каменнаго угля въ Америкѣ. — Въ 1820 году, когда въ Америкѣ началась разработка каменнаго угля, на копяхъ антрацита, какъ полагаетъ Шиферъ, едва ли добывалось 365 тоннъ, нынѣ же ежегодно по 20 милліоновъ тоннъ. По словамъ того же писателя, изъ этого количества лишь третья часть поступаетъ на рынокъ, а другія двѣ трети теряются во время разработки. По его свѣдѣніямъ maximum добываемаго угля составляетъ 50 милліоновъ тоннъ въ годъ, и если добыча угля, какъ было до сихъ поръ, будетъ возрастать, то онъ достигнетъ своего предѣла около 1900 года. По вычисленіямъ Шифера, при такихъ обстоятельствахъ антрацитовыя копи истощились бы чрезъ 186 лѣтъ, т. е. въ 2065 году, и Америка тогда должна обратиться къ разработкѣ залежей смолистаго угля, имѣющихъ громадное протяженіе 200,000 англійскихъ квадратныхъ миль и, слѣдовательно, занимающихъ пространство въ четыре раза большее пространства, занимаемаго залежами антрацита. Шиферъ думаетъ, что если добыча угля въ Великобританіи, равняющаяся 136 милліонамъ тоннъ ежегодно, будетъ по прежнему возрастать, то ея залежи каменнаго угля истощатся почти въ то же время, какъ въ Америкѣ истощатся залежи антрацита.

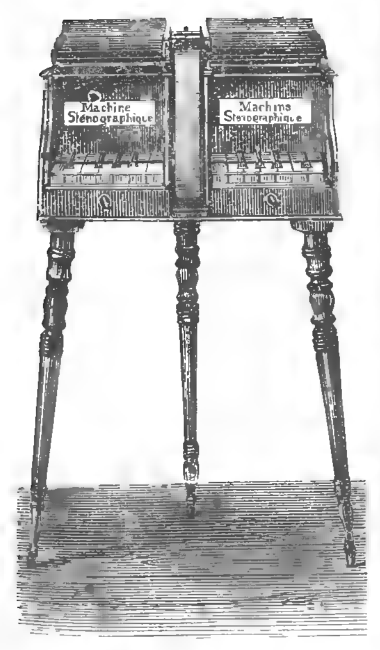
Обелискъ изъ сыра. 8-го декабря прошлаго года въ Нью-Іоркѣ была открыта международная молочная выставка. Въ числѣ другихъ интересныхъ предметовъ возбудилъ всеобщее удивленіе большой обелискъ, въ сорокъ футовъ вышины, приготовленный весь изъ сыра. Основаніе сдѣлано изъ 10 сыровъ, каждый въ полтонну вѣсомъ; на нихъ лежатъ 120 кусковъ чайдерскаго сыра, каждый въ шестьдесятъ фунтовъ вѣсомъ; на этихъ послѣднихъ положены 750 штукъ круглыхъ эдамерскихъ сыровъ, каждый въ шесть фунтовъ вѣсомъ; надъ ними находятся 400 кусковъ молодаго американскаго сыра, каждый въ восемь фунтовъ, и поверхъ всего этаго лежитъ колоссальный эдамерскій сыръ въ 120 фунтовъ. Этотъ обелискъ выставленъ одною фирмою и содержитъ въ себѣ 25,000 фунтовъ сыра.

Въ Америкѣ иногда бываютъ такіе случаи, которымъ съ трудомъ вѣрится. Такъ, напримѣръ, продажа церкви съ молотка, приходъ которой задолжалъ. Такимъ образомъ иногда съ большимъ трудомъ удается предохранить церковь отъ обращенія въ какое нибудь публичное заведеніе. Въ ноябрѣ прошлаго года продана съ молотка церковь Св. Антонія въ Греннoантѣ, около Нью-Іорка. Церковь вмѣстѣ съ домомъ священника и приходской школой была продана за 15,000 долларовъ, но земля и постройки ея стоили 165,000 долларовъ. Священникъ самъ распоряжался постройкою, но неудачно, задолжалъ 150,000 дол.

(Продолженіе на стр. 265, 266, 267 и 268).

J. GAGNIET DEL. P. PANNEMAKER — DOMS. SC.

Русскіе типы. Женщины Курской, Орловской и Костромской губ. въ праздничныхъ одеждахъ. Рис. Ганье, грав. Паннемакеръ Домсъ.

Стенографическая машина Мишеля. Съ фотогр. грав. Шмидтъ.

Объясненіе по поводу задачи точекъ.

Такъ какъ прислано весьма мало рѣшеній задачи точекъ, помѣщенной въ № 9, то въ виду трудности задачи, сообщаемъ, что ее легче рѣшить перевернувъ фигуру верхомъ внизъ.

Рѣшеніе задачи буквъ № 22.

О Т Т О   Ф О Н   Б И С М А Р К

1, Отис 2, ибо 3, тис 4, тит 5, сто 6, том 7, мост 8, Фома
9, омар 10, фора 11, арфа 12, рок 13, кран 14, окно 15, тост 16, крона

Вѣрныя рѣшенія этой задачи прислали: **СПБ.** отъ гг. Эммануэль, фонъ-Дрейеръ, Жака, Сабаева, Уколова, Александрова, Петрова, Сулейкина, Волковой, Четверикова, Микко, Смирнова, Панченко, Жаннинъ-Перро, Паншина, Васильева, П—ва, Заводскихъ, Зеймы, Вороны, Шведера, Алепіуса, Барашка, Копылова, Маслова, Грикурова, Яковлева, Маркова. **Москва,** отъ гг.: Аверьяновой, Немолодышева, Адамовича, Безика, Погорѣлова, Еремина, Смирнова, Матвѣева, Звѣвакина, Пупырникова, Серебрякова, Каппенбергъ, Ялопа. **Кронштадтъ:**—Шелашникова, Даржань, Швана, **Гатчино,**—Манина, **с Медвѣдь,**—Тихонова; **Done Конинъ,**—Шумилина.

Рѣшенія магическихъ квадратовъ №№ 16 и 17.

н	о	ж	и	к
о	с	о	к	а
ж	о	л	о	б
и	к	о	н	а
к	а	б	а	н

к	у	л	и	к
у	л	и	к	а
л	и	м	о	н
и	к	о	т	а
к	а	н	а	т

Вѣрныя рѣшенія этихъ задачъ присланы: **Спб.** отъ гг. Пороховщикова. Мурашева. Паншина. Каси. Руси, Руднева. Бакастова. Вокабрецъ: **Кронштадтъ** Шелашникова.

Рѣшеніе шашечной задачи № 19.

Черныя.	Бѣлыя.
Съ № 1 на 28	Съ № 32 на 23
„ „ 16 „ 20	„ „ 23 „ 16
„ „ 18 „ 21	„ „ 25 „ 18
„ „ 7 „ 3	„ „ 16 „ 14
„ „ 2 „ 5	„ „ 26 „ 12
„ „ 8 „ 13	„ „ 17 „ 1
„ „ 3 „ 10	„ „ 14 „ 5
„ „ 24 „ 2	

Вѣрныя рѣшеніе этой задачей прислано: **СПБ.** отъ гг. Маринина, Журкина, Clément, Журавлева. Тихонова. **Москва,** — Звѣвакина, Ступина, **с. Липицы,** — Медвѣдникова, **Нижн. Новгородъ,**—Попова **Кронштадтъ,**—Даржана.

Ариѳмогрифъ. Задача № 29.

1.3.1.2.1.—Индійскій ученый, авторъ самаго древняго словаря.
1.4.4.—Рѣка Байкальскаго озера.
5.1.3.6.—Провинція въ Тибетѣ, богатая рудниками.
3.1.5.1.5.6.—Морская кошка: обезьяна.
3.1.4.—Рѣка въ Сибири.
2.1.3.1.—Индійское миѳологическое существо.
4.2.6.—Современный гомеопатъ: глубокое мѣсто въ рѣкѣ.
1.3.1.5.6.—Островъ Берингова моря.
1.5.2.6.—Земельная мѣра.
5.1.2.1.—Рѣка, берега которой изобилуютъ мамонтовыми костями, линейная мѣра.
3.1.4.5.6.—Сооруженіе, предостерегающее объ опасности.
3.1.5.1.—Шерстяная ткань.
2.1.5.6.—Животное.
4.3.1.—Рѣка, берущая начало въ Становомъ хребтѣ.
1.2.1.5.6.—Спиртный напитокъ.
1.2.1.—Губа Сѣвернаго океана.
5.1.3.1.—Рѣка.
3.1.5.6.—Растеніе.
3 1.2.5.6—Мужское имя.
2.1.5.1.—Гробница.
4.2.3.1.2.5.1.—Торгъ.
1.2.1.3.6.—Англійскій филологъ, археологъ и математикъ XVIII вѣка.
5.1.3.1.2.1.—Городъ на островѣ Критѣ.
3.1.2.5.1.—Монета.
3.1.5.1.2.6.—Мужское имя.
2.1.5.5.1.—Городъ на Евфратѣ.
1.2.5.1.—Архитектурная особенность.
3.1.2.1.—Притокъ Кубани.

Издатель **А. Ф. Марксъ**. Редакторъ **Ф. Бергъ**.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

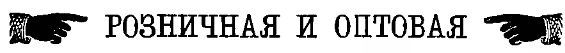
Ф. ВИНТЕРА.

По Невскому, на углу Литейной № 78, въ С.-Петербургѣ.

ВО ВРЕМЯ НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКИ

подъ Главнымъ Домомъ, въ Новомъ Пассажѣ № 6, 7 и 8.

Сущ. съ РОЗНИЧНАЯ И ОПТОВАЯ 1867 года.

ПРОДАЖА

При моемъ огромномъ выборѣ часовъ, состоящемъ изъ болѣе 15,000 штукъ и увеличивающемся мѣсячными выписками, я вполнѣ увѣренъ удовлетворить каждому заказу и вкусу. По случаю моего огромнаго оборота, я имѣю съ фабрикантами очень выгодныя условія, которыя даютъ мнѣ возможность продавать по самымъ дешевымъ нижеслѣдующимъ цѣнамъ.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ.

I. СЕРЕБРЯНЫЕ МУЖСКІЕ ЧАСЫ.

1. Откр. цил. на 4 кам 9 и 10 р.
2. " " " 8 " 10, 12, 13 и 14 р.
3. " анк. " 15 " 15, 20, 25 р.
4. " " " 15 " зав. безъ ключ. 20. 25. 30. 35 р.
5. глух. цил. " 8 " 12, 14, 16 р.
6. " анк. " 15 , 14, 16, 18 р.
7. " " " 15 " лучшій сортъ 20, 25, 30 р.
8. " " " 15 " съ шт. Ф. Винтеръ 35, 40, 45 р.
9. " " " 15 " съ фир Ф. Винтеръ 50, 60, 75 р.
10. " " " 15 " съ эмалью 16, 18, 20, 25 р.
11. " " " 15 " съ живоп. эмала 30, 35 р.
12. " " " 15 " завод. безъ ключа 20, 25. 30 р
13. " " " 15 " такіе-же выс. сор. 35, 40 45, 50 и 60 р.
14. " " " 25 " док. съ бол. сек. 50. 60. 70 р.

II. СЕРЕБРЯНЫЕ ДАМСКІЕ ЧАСЫ.

15. Откр. цил. на 4 кам. 10, 12, 14 р.
16. " " " 8 " 12, 14, 16 р.
17. Глухіе " " 8 " 14, 15, 18, 20 до 25 р.
18. " " " 8 " съ эмалью 18, 20, 22 р.

III. ЗОЛОТЫЕ МУЖСКІЕ ЧАСЫ.

19. Откр. анк. на 15 ком. 35, 45, 50, 55, 60 р.
20. " " " 15 " съ шт. Ф. Винтеръ 65, 75, 100, 125 р.
21. Глух. " " 15 " 45, 50, 55, 60 р. и дороже.
22. " " " 15 " съ шт. Ф. Винтеръ 65, 75, 85, 100 руб.
23. " " " 15 " съ фир. Ф. Винтеръ 125, 150, 175, 200 до 275 р.
24. " " " 15 " зав. безъ кл. 60, 75, 85, 100 р.
25. " " " 15 " съ шт. Ф. Винтеръ 115, 130, 150 руб.
26. " " " 15 " съ фир. Ф. Винтеръ 175, 200, 250, 300 и 350 р.
27. " " " 25 я 28 кам. докт. съ бол. стр. 125, 150, 200 и 250 р.
28. Такіе-же заводъ безъ ксюча 175, 200, 250 до 350 р.
29. Глухіе анкер. съ четверн. репетиторомъ зав. безъ ключа 250, 300, 350 р.
30. Такіе-же съ мин. репетит. 400, 500 650 и 800 р.
31. Глукіе хронометры 175, 225. 300 р. Хронографы 325, 350, 400 р.

IV. ЗОЛОТЫЕ ДАМСКІЕ ЧАСЫ.

32. Откр. на 8 кам. 22, 25, 30 р.
33. Глух. " 8 " 30, 35, 38 р.
34. " " 10 " лучшій сортъ 40, 45, 50, 55, 60 р
35. " " 10 " съ фирм. Ф. Винтеръ 55, 60, 65 р.
36. " " 8 " заводъ безъ ключа 45, 55, 65 р.
37. Глух. на 10 кам. тож. съ фир. Ф. Винтеръ 65, 75, 85 р.
38. " анк. " 15 " 40, 50, 60, 75 р.
39. " " 15 " съ фир. Ф. Винтеръ. 65, 75, 85, 100 и 125 р.
40. " " 15 " кам. зав. безъ ключ. 50, 65, 75, 85 р.
41. " " 15 " тоже съ фир. Ф Винтеръ 85, 100, 110, 125 и 150 р.
42. " цил. " 8 " съ эмалью 35, 40, 45, 50 р.
43. " " 10 " съ эмалью съ фир. Ф. Винтеръ 60, 70. 80 р.
44. " " 8 " съ эмалью и брилліант. 50, 60, 70 р.
45. " " 8 " тоже съ фир. Ф. Винтеръ роск. отдѣлки 100, 125, 150, 175 и 200 р.
46. " заводъ безъ ключа, велич. около двугривеннаго самой изящной работы съ фирмою Ф. Винтеръ 125 и 150 р.
47. " анк. на 15 кам. съ эмалью и брил. 85, 125, 150 р.

V. ЧАСЫ БѢЛАГО МЕТАЛЛА.

48. Открытые съ обѣихъ стор., съ зерк. стекл. 10, 12 р.
49. " зав. безъ ключа, походные 8, 9, 11, 12 р.
50. " " " " анк. походные 14, 15 р.
51. " таже глухіе 16 и 18 р.

VI. ЧАСЫ СЕРЕБРЯНЫЕ НАКЛАДНАГО ЗОЛОТА.

52. Глухіе анкерные на 15 камняхъ 32, 35, 38 р.

VII. ЧАСЫ ДОРОЖНЫЕ СТОЛОВЫЕ.

53. Будильники съ часами суточные 5, 6, 7, 8, 9, 10 р.
54. " " " недѣльные 8 р.
55. " " " съ карман. ход. 13, 15, 18 р.
56. Часы тамбурные съ карма. ход. съ боемъ 25, 30 р.
57. Каретные съ будильникомъ 30, 35 р.
58. " для дамскаго туалета 35, 40 р.
59. " съ анк. ходомъ и репетиціей 60, 75, 85, 100, 110 р.
60. " съ четвертой репет. 100, 125, 150; 175 р.

VIII. ЧАСЫ СТОЛОВЫЕ.

61. Недѣльные въ деревянныхъ корпусахъ 12, 16, 20 р.
62. Мраморн. съ боемъ двухнедѣльн. зав. 25, 30, 35, 40 р.
63. Такіе-же высшій сортъ 45, 50, 60 и 65 р.
64. Мраморные съ различн. фигурами 35, 40, 50, 65, 75, до 125 р.
65. Такіе-же съ канделябрами 90, 100, 125, 150 р.
66. Вызолоченные, подъ колпакомъ съ боемъ, глядя по величинѣ и отдѣлкѣ отъ 25 до 300 р. Мраморные съ Календаремъ и Барометромъ 200 р.

IX. ЧАСЫ СТѢННЫЕ ФРАНЦУЗСКІЕ ДВУХНЕДѢЛЬНЫЕ.

67. Круглые безъ боя 10, 12, 15 р.
68. " съ боемъ 15, 16, 18, 20, 25 р.
69. Овальные въ различныхъ корпусахъ отъ 25 до 75 р.
70. Кругл. съ боемъ и карман. ходомъ отъ 20 до 40 р.
71. Регуляторы безъ боя отъ 12 до 25 р.
72. Такіе-же съ боемъ отъ 25 до 75 р.

X. СТѢННЫЕ ШВАРЦВАЛЬДСКІЕ СЪ ГИРЯМИ.

73. Различные суточные отъ 2 до 9 р.
74. " недѣльные отъ 10 до 15 р.
75. " съ кукушкою отъ 10 до 30 р.

XI. БАШЕННЫЕ ЧАСЫ.

76. Безъ боя нед. 150, 200, до 600 р. см. по величинѣ и числу циферблатовъ.
77. Съ боемъ недѣльные 350 до 1,000
78. " " " и четвертями 600 до 2000 р.
79. " курантами отъ 1,500—10,000 р.

XII. ЗОЛОТЫЯ ЦѢПОЧКИ И КЛЮЧИ.

80. Золотыя шейныя разн. фасон. отъ 20 р.
81. " " " съ кисточками отъ 27, 30, 32, 35 р. и дороже.
82. " короткія " съ кисточк. отъ 23 до 60 р
83. " " плоскаго фасона отъ 30 до 125 р.
84. " дамскіе ключи отъ 1 до 5 р.
85. " мужскіе ключи отъ 1 р. 50 к. до 10 р.
86. " крючки для дамъ отъ 5 до 7 р.
87. " цѣпочки для крестовъ и медальоновъ отъ 8 до 50 р.
88. " подвѣски для ключей отъ 2 до 6 р.

XIII. МУЗЫКАЛЬНЫЕ ЯЩИКИ.

89. На 2 піесы въ разныхъ оправахъ отъ 5— 6 р.
90. " 3 " " " " " 8— — р.
91. " 4 " " " " " 10— — р.
92. " 4 " " $5^1/_2$ дюйм. дл. вала 25— — р.
93. " 4 " " $7^1/_2$ " " " " 28 — — р.
94. " 6 " " $7^1/_2$ " " " " 32— — р.
95. " 8 " " 11 " " " " 40— 55 р.
96. " 8 " " 14 " " манд. " 50 65 р.
97. " 8 " " — " " съ цитрой и арфой . . . " 55— 70 р.
98. " 8 " фортеп. . . . . " 50— 70 р.
99. " 8 " " съ цитрой и арф. " 75— — р.
100. " 6 " съ колокольчиками. . . " 45— 55 р.
101. " 8 " " . . . " 55 — 65 р.
102. " 6 " " на виду . " 65— 80 р.
103. " 8 " " " " 70— 85 р.
104. " 8 " съ барабан. и колокольч. " 70—125 р.
105. " 12 " съ бар. кол. и кастаньет. " 110 150 р.
106. " 12 " мандолины . . . . . " 85—150 р.
107. Высшіе сорта съ музыкой подъ названіемъ органо-пиколо и проч. можно имѣть съ различной, до самой вокальной, отдѣлкой . . . " 100—300 р.

Серебряныя цѣпочки шейныя и короткія разныхъ фасоновъ, отъ 3 до 15 р. смотря по вѣсу.

Громадный выборъ цѣпочекъ, ключиковъ, медальоновъ и различныхъ брелокъ нечернѣющей композиціи и стали, также и шнурковъ, Золоченіе глухихъ часовъ гальванически отъ 2-хъ до 3-хъ р., черезъ огонь отъ 4-хъ до 6-ти руб.

На часы съ моей фирмой обращено самое тщательное вниманіе и они отличаются отъ прочихъ работъ чрезвычайно вѣрнымъ, прочнымъ ходомъ и солиднымъ красивымъ корпусомъ. Башенные часы въ числѣ 170 штукъ поставлены мною въ разныхъ мѣстахъ въ Россіи, что доказываетъ ихъ доброкачественность.

Часы купленные изъ моего магазина вывѣряются подъ моимъ личнымъ надзоромъ и я ручаюсь за вѣрность и прочность ихъ на 2 года, исключая полома.

При моемъ магазинѣ находится спеціальная часовая мастерская, въ которой исправляются, также подъ моимъ личнымъ надзоромъ, всякаго рода часы и музыкальные ящики и выполняются заказы новыхъ механизмовъ.

Посылку карманныхъ часовъ и золотыхъ цѣпочекъ я беру на свой счетъ, за стѣнные же и столовые часы прошу прилагать по так ѣ.—Для Гг. иногородныхъ, не имѣющихъ знакомыхъ въ здѣшней столицѣ, я принимаю на себя коммисію по покупкѣ предметовъ, неимѣющихся въ моемъ магазинѣ, взимая за коммисію 3% со стоимости. Если бы случилось, что купленные въ моемъ магазинѣ часы не понравились, то я перемѣняю ихъ на другіе, если они мнѣ будутъ возвращены неоцарапанными и съ пломбою не позже 10 дней по полученію на мѣстѣ.

Для Гг. часовыхъ мастеровъ, имѣю честь предложить всѣ существующіе часовые фурнитуры, инструменты и машины, лучшихъ фабрикъ по умѣреннымъ цѣнамъ.

Въ главномъ магазинѣ всегда имѣются различныя новости. напримѣръ искуственныя поющія птицы. играющія обезьяны и картины съ часами. музыкой и движущимися фигурами. часы съ трубочками, играющими каждый часъ и проч.

Ф. Винтеръ.

ПРОСПЕКТЫ, ПОДОБНЫЕ НАСТОЯЩЕМУ, РАЗСЫЛАЮТСЯ ОТДѢЛЬНЫМИ СЕРІЯМИ.

№25, НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ, №25.

Депо косметическихъ лабораторій съ лучшихъ заграничныхъ фабрикъ.

Спеціальные товары:

О-де-Колонъ Рига double превосходный отъ . . . — р. 2 » к.
О-де-Лиде-Лозе удивительное умываніе всѣмъ извѣстное для смягченія и бѣлизны кожи . . . 2 р 50 к. 1 » 50 »
Одалискъ 2 руб, **Греческая** вода, глицериновое молоко . — » 75 »
Пудра Келутинъ, Пудра Херберъ **Рафаэль** дневная и для вечера, бѣлая и розовая для блондиновъ и желтая для брюнетовъ . . . . . 1 » — »
Мыло Мамонтовое, Рафаель, Тридасъ . . . . . — » 65 к
Мыло отъ загара, угрей и золотухи. . . . . . — » 40 »
Березовый бальзамъ уничтожающій загаръ, веснушки, лишаи, красноту лица . . 1 » 50 »
Румяны и театральные гримировки . . . . . — » 30 »
Depilatoris для удаленія волосъ на лицѣ и другихъ частяхъ тѣла вѣрный и безвредный.
Китайская вода изъ яичныхъ желтковъ для рощенія и укрѣпленія волосъ и для очищенія отъ перхоти. . . 1 » 50 »
Макассарское масло 75 коп. и Ренейное масло желтое. . — » 30 »
О-де-Капиль (одинъ флаконъ) посѣдѣвшіе волосы принимаютъ свой натуральный цвѣтъ, безвредный, очень пріятный и чистоплотный при употребленіи . . . . . 2 » — »
Орѣховый экстрактъ. . . . . . — »
Орѣховая помада, орѣховое масло для окрашиванія сѣдыхъ волосъ мгновенно въ темный цвѣтъ. . . . 1 » 50 »
Глицеринъ (смерть крысамъ) безвредный, самое вѣрное средство, имѣетъ вліяніе на грызущихъ животныхъ . . — » 50 »
Порошокъ и **жидкость** отъ моли, клоповъ, **тараканов**ъ, **жидкость** и **бумага** отъ моли . — » 30 »
Жидкость отъ мозолей, Шмидта — » 35 »
Французская **свѣтильня** для лампадъ . . . 15 к. 20 к. — » 25 »
Глянцъ-крахмалъ и синька 15 к. — » 25 »
Порошокъ для чистки золота, серебра, мѣди, зеркалъ и мебели. . . . . . — » 10 »
Ножей и вилокъ . . . . . — » 75 »
Вакса сухая и французская непромокаемая мазь и лакъ для сапогъ, бронзовый лакъ для дамской обуви. . . . — » 65 »
Большой выборъ **головныхъ щетокъ**, платяныхъ, сапожныхъ, ногтяныхъ, зубныхъ **щетокъ, гребни** и **гребенки, ножницы, мыльницы, бритвы** и **бритвенный ремень, мазь, зеркала, губки, мочалки, краска** для **яицъ** . . — » 10 »
Золото и серебро для окрашиванія яицъ, большой выборъ пасхальныхъ яицъ.
Бенгальскій огонь, волшебныя звѣзды . . . . . — » 15 »
Цементъ для склеиванія фарфора и хрусталя . . . — » 25 »
Для подарковъ красивые ящики.
Пудреницы, флаконы **куритель**ницы, **пульверизаторы.**

Главное депо фабрикъ **Лозе въ Бэрлинѣ, Попъ въ Вѣнѣ, Пульса въ Варшавѣ, Пронара въ Москвѣ** и **С.-Петербургской** Химической Лабораторіи.

Иногородные заказы исполняются въ скоромъ времени и принимаютъ порученія на всѣ прочіе химическіе и косметическіе товары.

№25, НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ №25.

№ 538 1—1

ВЪ НЕПРОДОЛЖИТЕЛЬНОМЪ ВРЕМЕНИ
БУДЕТЪ РОЗЫГРАНА

V-я ЛОТТЕРЕЯ ВЪ ПОЛЬЗУ ШКОЛЪ
С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ЖЕНСКАГО ПАТРІОТИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Въ число 600 выигрышей войдутъ вещи, пожертвованныя Особами Императорской Фамиліи, а остальные состоятъ изъ серебряныхъ и золотыхъ вещей, изъ которыхъ одинъ главный выигрышъ цѣною въ 8,000 руб., три по 1,000 рублей.

Билетовъ 50,000, цѣна билета 1 рубль.

Билеты можно получать въ Канцеляріи Совѣта С.-Петербургскаго Женскаго Патріотическаго Общества по Казанской улицѣ, въ зданіи Олекунскаго Совѣта

Иногородныхъ просятъ обращаться въ С.-Петербургъ по сему адресу.

О днѣ розыгрыша лоттереи будетъ объявлено въ семъ же журналѣ. № 641 2—1

ЛУЧШІЕ АМЕРИКАНСКІЕ КОЖАНЫЕ МАШИННЫЕ РЕМНИ,

гаечные ключи, топоры, вилы для сѣна и навоза и пр. и пр.

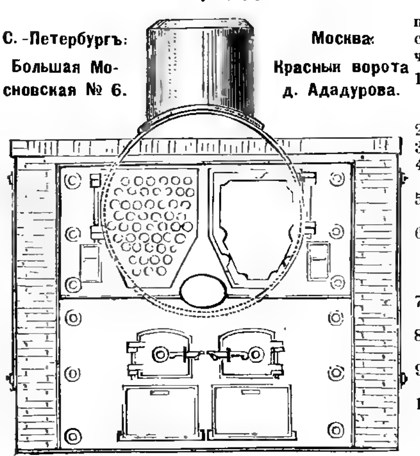
Г. М. ХУТТОНЪ и Ко.

С.-Петербургъ, Мал. Морская, № 14. Москва, Большая Лубянка, д. Мазуриной. Прейсъ-курантъ—безплатно

С. Г. Конфельдъ,

С.-Петербургъ: Большая Московская № 6.

Москва: Красныя ворота д. Ададурова.

предлагаетъ какъ спеціальность поставку машинъ лучшей работы съ ручательствомъ и установкой на мѣстѣ.

1) **Патентованные** трубчатые паровые котлы системы Паукша и наровики другихъ конструкцій.
2) **Паровыя машины** разн. конструкц.
3) **Турбины** и водяные двигатели.
4) **Полное оборудываніе** писчебумажныхъ фабрикъ.
5) **Устройство** кирпичныхъ и торфяныхъ заводовъ.
6) **Устройство** винокуренныхъ заводовъ съ примѣненіемъ универсальнаго солодоваго аппарата для куренія изъ ржи или картофеля.
7) **Сахарные** заводы съ постановкою новѣйшихъ диффузіонныхъ аппарат.
8) **Мукомольныя** мельницы съ чугунными и фарфоровыми вальцовками.
9) **Машины** для обработки дерева для столярныхъ и паровыхъ заведен.
10) **Локомобили** съ патентованными выдвижными трубами, разныя заводскія машины, насосы, пожарныя трубы, устройство газовыхъ заводовъ, **автоматическій патентованный котлопитающій аппаратъ**: Другъ Кочегара. (Ягнъ) и т. д.

Отзывы г. г. заводчиковъ о произведенныхъ мною поставкахъ разныхъ машинъ и разныя свѣдѣнія всегда къ услугамъ г. г. желающихъ. Смѣты и чертежи изготовляются въ самое непродолжительное время.

ДЛЯ ПРОВИНЦІИ!

Съ пересылкою.

Пальто резинковое штатское.	по 15 руб.
Гевелокъ также.	„ 17 „
Тальма дамская	„ 13 „
Пальто для гг. военныхъ съ пуговицами и петлицами.	„ 21 „

Цѣны эти съ укладкою и пересылкою по почтѣ.

Мы имѣемъ **эти** пальто изъ **самой лучшей матеріи** и ручаемся **вполнѣ** за доброе качество и прочность пальто, купленныхъ у насъ. Пальто не подходящіе мы беремъ обратно.

Мѣра. При заказѣ просимъ обозначить: **длину пальто** и **ширину груди.**

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ГЛАВНОЕ ДЕПО РЕЗИНОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ

ЛИМАНА и РИКСА

Въ С.-Петербургѣ, по Гороховой улицѣ, домъ № 16.

Прим. Пальто, изготовленныя изъ манѣо хорошей матеріи стоютъ 30% дешевле. № 619 10—2

КОРОЛЕВСКОЕ ЗАВЕДЕНІЕ КУПАНІЙ ВЪ ТЕЙНАХѢ.

(Собственникъ: Карлъ Гофманъ въ Штутгартѣ).

Совершенно заново отдѣланы помѣщенія съ обширными залами; 200 отдѣльныхъ комнатъ съ 300 кроватями. Прекрасная гористая и лѣсная страна съ мѣстами для прогулокъ, ключевой водой; уже столѣтіе пользующіяся извѣстностію минеральныя воды; чистый, бальзамическій воздухъ. Опытный докторъ. Ванны холодныхъ и минеральныхъ водъ и проч. Сыворотка, свѣжее и парное молоко и т. п. Купанья всевозможныхъ родовъ. Столъ, погребъ и прислуга безукоризненны, цѣны дешевы. Оркестръ, биліарды, кегли, тиръ, рояли, библіотека, газеты и журналы. Удобства для охоты и рыбной и ловли. Экипажи и верховыя лошади Почтовая телеграфная станція въ самомъ зданіи.

открытіе 1-го мая.

Способъ сообщенія: по желѣзной дорогѣ изъ Штутгарта до ст. Тейнахъ $2^1/_2$ часа; по желѣзной дорогѣ изъ Пфорцгейма въ Тейнахъ 1 часъ; 2 часа ѣзды въ экипажѣ изъ Кольмбахъ въ Тейнахъ, 1 часъ изъ Кальва и $2^1/_2$ часа изъ Вильдбада.

Подробности росписанія съ обозначеніемъ цѣнъ высылаются безплатно управленіемъ заведенія. № 634 1—1

НОВАЯ КНИГА:
СОБАКА.

Описаніе породъ, выборъ и воспитаніе, всевозможная дрессировка; **комнатная**: поноска, служеніе, танцы, хожденіе за булками и пр., обученіе грамотѣ, ариѳметикѣ. **Охотничья дрессировка**: лягавыхъ, гончихъ, борзыхъ, крысоловокъ и овчарокъ; болѣзни и леченіе.

Составлено для охотниковъ и любителей комнатныхъ собакъ. М.

Цѣна 75 коп.

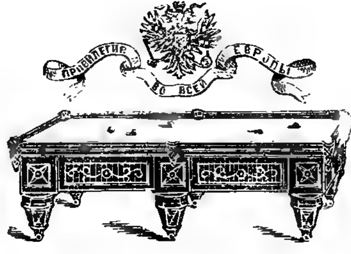
С.-Петербургскій оптовый складъ
Смазочныхъ издѣлій В. П. Ганнеманнъ.
Въ С.-Петербургѣ.

Контора и складъ: по Вознесенскому пр. № 15 45, предлагаетъ по фабричнымъ цѣнамъ: Машинныя масла; сало для паровыхъ цилиндровъ; линкій жиръ для приводныхъ ремней, графитовая мазь для зубчатыхъ колесъ: экипажная, копытная и кожевенная мазь. Мазь для охотничьихъ сапоговъ, пая рижская вакса и лакъ и проч.

Прейсъ-куранты высылаются безплатно.

Продается весьма прибыльное изобрѣтеніе адресъ: **D-r Linck & Schwarz, Schw. Hall, Deutschland.** 2—1

БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА
РУДОЛЬФА ГЕРДЕСЪ
въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,
предлагаетъ свои

Билліарды съ патентованными передвижными бортами

разныхъ величинъ, разлагаемой конструкціи крытые, ровно шлифованными аспидными досками, солидной, изящной работы, по рѣшительнымъ цѣнамъ. Иллюстрированные прейсъкуранты съ описаніемъ высылаются желающимъ чрезъ

РУДОЛЬФА ГЕРДЕСЪ,

№ 543 Вознесенскій просп., № 12. 10—3

СБОРНИКЪ „ПРИРОДЫ".

Рекомендованъ М. Н. Просв. для библіот. учебн. завед. и наградѣ ученикамъ).

Распродается въ редакціи Ж. „Природа и Охота", (Москва, Никитскій бульваръ, д. Перевощикова) съ уступкою болѣе 50%. Экземпляръ съ 120 хромо-и литографическими приложеніями за **25 руб.** вмѣсто **53 р.** безъ приложеній за **12 руб.** вмѣсто **34 руб.** За пересылку по почтѣ прилагается, сообразно разстоянію, за **п. дъ пять** фут. Можно доставлять черезъ транспортную контору. съ уплатою денегъ за пересылку получателемъ. Оглавленіе высылается безплатно.

№ 642 1—3.

XI годъ
№ 14

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

годъ XI
1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 5 Апрѣля 1880 г. Цѣна этаго № „Нивы“ 20 к. съ перес. 25 к.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за АПРѢЛЬ 1880 г. съ 24 рисунками и отдѣльный листъ съ 21 чертеж. выкроекъ въ натуральн. величину и съ 28 рисунками рукодѣльныхъ работъ.

Птичій островъ на Фладезее въ Ютландіи (Данія). Рис. Карстенсенъ. грав. Петровъ.

Птичій островъ на Фладезее въ Ютландіи (Данія).

Утрата Даніею большей части своей территоріи зависѣла главнымъ образомъ отъ ея особеннаго характера. Владѣнія Даніи никогда не были между собою въ тѣсной связи, а напротивъ того разъединены и мелки по объему. Ни Ютландія, этотъ узкій полуостровъ покрытый лѣсами, а частью безплодной болотистой почвой, ни разсѣянные острова Балтійскаго моря, ни норвежское побережье, изломанное многочисленными фіордами не могли образовать дружнаго оплота и соединить свои силы противъ побѣдоноснаго врага. Ютландія собственно вообще довольно пустынна.

Мы помѣщаемъ рисунокъ, изображающій видъ одного укромнаго уединеннаго уголка сѣверной Ютландіи, а именно такъ называемый Птичій островъ (Fugleholmen) среди высохшаго нынѣ озера Фладе. Мѣстность эта лежитъ лишь въ 4½ миляхъ отъ маленькаго, но чрезвычайно промышленнаго городка Тистеда (Thisted) и носитъ на себѣ вообще отпечатокъ природы сѣверной Ютландіи, гдѣ песчаныя дюны перемежаются холмистыми пастбищами, покрытыми сочною травою и изрытыми многочисленными озерами и ручьями самыми шумными и быстрыми. Островъ Фуглегольменъ и озеро Фладе имѣютъ одну очень замѣчательную особенность; здѣсь водится необычайное множество чаекъ и другихъ птицъ, которыя поднявшись съ земли, по словамъ очевидцевъ, чуть не застилаютъ солнца. Почва острова, а также и дно высохшаго озера покрыты яйцами и вылупившимися изъ нихъ птенцами, до такой степени, что трудно шагнуть, не раздавивъ яйца или не наступивъ на неоперившуюся птичку.

Каждая порода птицъ высиживаетъ свои яйца отдѣльно и только взрослые ихъ представители соединяются въ общемъ полетѣ, направляя путь къ крайнему сѣверному побережью, которое вообще отличается невообразимымъ богатствомъ пернатаго населенія.

Вдали, на рисункѣ нашемъ видна темная полоса Нѣмецкаго моря, по которому бѣгутъ большіе морскіе пароходы.

На далекомъ востокѣ.

Очерки **А. Максимова.**

(Разсказы охотника на тигровъ).

II.

Удочка.

Безсрочно-отпускной рядовой Перегоновъ считался лучшимъ охотникомъ во всей Приморской области; нѣтъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ мѣста, которое онъ не исходилъ бы вдоль и поперегъ, которое не было бы извѣстно ему, какъ свои пять пальцевъ. Никто не зналъ лучше его, гдѣ любятъ отдыхать косули, олени и кабарги, въ какихъ трущобахъ таятся кабаны и медвѣди, гдѣ можно навѣрняка наткнуться на многочисленные выводки фазановъ. Въ самую глухую тайгу Перегоновъ входилъ, какъ къ себѣ въ домъ, и выходилъ изъ нея, послѣ недѣльнаго иногда шатанія, такъ-же легко; не было случая, чтобы онъ когда нибудь заблудился и пошелъ бы не той тропинкой, не смотря на то, что подобныхъ тропинокъ, извилистыхъ, пересѣкающихся, проложенныхъ дикимъ звѣремъ по всѣмъ направленіямъ—необъятное число. У него были свои примѣты, по которымъ онъ всегда находилъ то укромное, непосѣщаемое человѣкомъ, мѣсто, гдѣ таился тотъ или другой звѣрь. Въ извѣстныхъ пунктахъ были построены Перегоновымъ небольшіе шалаши, въ которыхъ обыкновенно онъ проводилъ ночь, если только она застигала его вблизи ночевокъ; въ противномъ случаѣ, онъ располагался на открытомъ воздухѣ, разводилъ костеръ и спалъ до разсвѣта, какъ убитый, нисколько не опасаясь, что тигръ, барсъ или рысь могутъ вздумать полакомиться его жесткимъ и довольно уже старымъ мясомъ.

Перегоновъ былъ охотникъ не только по профессіи, но и по призванію; три четверти своей жизни онъ провелъ въ лѣсу и былъ счастливъ только въ немъ: онъ навѣдывался домой изрѣдка, приносилъ болѣе или менѣе цѣнную добычу и уходилъ черезъ нѣсколько часовъ опять, въ свою любимую тайгу; даже зимой, въ самую сильную стужу, его не видали дома по нѣскольку дней...

Перегоновъ составилъ себѣ охотой небольшое состояніе, и семья его жила въ полномъ довольствѣ; спеціальность его состояла въ добываніи, такъ называемыхъ „пантовъ"—молодыхъ оленьихъ и зубровыхъ роговъ, цѣнящихся китайцами очень дорого, отъ полутораста до трехъ сотъ серебряныхъ рублей пара. Китайцы приготовляютъ изъ пантовъ особое оживляющее и крѣпительное питье для слабыхъ и разстроенныхъ нервами людей.

Перегоновъ былъ непримиримый врагъ тигровъ и не упускалъ случая бить ихъ при каждой встрѣчѣ; прежде онъ мстилъ за задавленныхъ хищникомъ охотничьихъ собакъ, а затѣмъ, когда самъ попалъ разъ тигру въ зубы, мстилъ уже за себя. Перегоновъ десятки разъ былъ въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ и избѣгалъ опасности только благодаря своему удивительному хладнокровію и находчивости. Про него ходили какіе-то легендарные разсказы; онъ былъ настолько популяренъ, что разсказы эти повторялись чуть ли не на другой окраинѣ обширной Сибири. Давно уже я искалъ случая познакомиться съ Перегоновымъ, но все какъ-то неудавалось; два раза я даже ѣздилъ нарочно къ нему на заимку (онъ жилъ верстахъ въ тридцати отъ Владивостока), но оба раза онъ былъ на охотѣ и мнѣ такъ и не пришлось увидѣть его. Я потерялъ уже всякую надежду встрѣтиться когда нибудь съ легендарнымъ охотникомъ Уссурійскаго края, какъ вдругъ неожиданный случай столкнулъ меня съ нимъ, почти наканунѣ моего отъѣзда изъ Владивостока. Дѣло было такъ: служебныя обязанности заставили меня ѣхать въ село Никольское раннею весною, когда пароходы еще не ходили; поневолѣ пришлось мнѣ совершить семидесятиверстную поѣздку верхомъ; поѣздку довольно уто..ительную для меня, моряка, почти непробовавшаго садиться на лошадь. Я выѣхалъ изъ Владивостока рано утромъ, въ сопровожденіи проводника, такъ какъ дорога была мнѣ совсѣмъ незнакома; она шла большею частью лѣсистыми холмами; намъ приходилось то подыматься, то спускаться по узкой, усѣянной мелкими, острыми камнями, тропѣ, нерѣдко заваленной обгорѣлыми стволами повалившихся деревъ; изрѣдка тропа выходила на берегъ моря, и наши лошади вязли въ глубокомъ, мелкомъ пескѣ и путались въ выброшенной приливомъ длинной, морской травѣ. Дорога была очень утомительная; на десятой верстѣ я уже былъ разбитъ до такой степени, что едва сидѣлъ на лошади; мнѣ необходимъ былъ отдыхъ, и я рѣшился сдѣлать первый привалъ на пятнадцатой верстѣ, на рѣкѣ Лянчи-хе *), въ построенномъ матросами и давно заброшенномъ зимовьѣ.

Къ Лянчи-хе мы подъѣхали около полудня; на самомъ берегу стоялъ плохенькій срубъ, заложенный на мху, безъ крыши, съ маленькимъ, криво прорубленнымъ окномъ, заклееннымъ дырявымъ пузыремъ и низенькою, почернѣвшею отъ дыма, дверью. Я слѣзъ съ лошади и передалъ поводъ проводнику; только что я дотронулся до заржавѣлаго гвоздя, вбитаго въ дверь вмѣсто ручки, и немного пріотворилъ ее, какъ тотчасъ же раздался въ зимовьѣ сильный, хриплый лай и ко мнѣ бросилась большая, мохнатая собака, рѣшившаяся, повидимому, не впускать чужаго. Я испугался внушительнаго вида собаки и быстро приперъ дверь. Лай продолжался, и, слышно было, какъ собака бросалась къ выходу и сердито потягивала носомъ воздухъ черезъ узкую щель,

*) Слово „хе" по-китайски означаетъ слово „вода" и часто прикладывается къ собственному имени рѣкъ.

оставшуюся между косякомъ и кромкой двери. Я стоялъ въ нерѣшительности, не зная, что дѣлать: входить-ли, несмотря на разсвирѣпѣвшаго пса, или же продолжать свой тяжелый путь?..

— Цыцъ, Шарикъ, полно! раздался вдругъ въ зимовьѣ густой, заспанный голосъ. Собака смолкла.

— Кой дьяволъ тамъ шатается? Входи, коли надо, нечего таиться; собака не укуситъ коли ты съ добромъ идешь, послышалось опять въ зимовкѣ.

Я отперъ дверь, пригнулся и вошелъ въ низенькую, полутемную, почернѣвшую отъ копоти конуру; съ перваго момента я не могъ ничего разобрать, но постепенно глаза привыкали къ полумраку, и я разглядѣлъ вдоль стѣны неширокія, грязныя нары, на которыхъ лежала какая-то длинная, сухая фигура. Изъ подъ наръ злобно посматривалъ на меня Шарикъ, каждый моментъ готовый, повидимому, вцѣпиться въ меня.

— Здравствуй, проговорилъ я осмотрѣвшись, можно здѣсь отдохнуть немного?

— Зимовье не мое, проворчала фигура, хочешь коптиться—коптись вмѣстѣ: мѣста хватитъ... А ты наперво скажи, куды путь держишь и что за человѣкъ?.. Подъ одной крышей отдыхать будемъ, такъ все же знать надо...

Я назвалъ себя. Кто-то приподнялся и пристально осмотрѣлъ меня.

— Ээ... эхъ, ваше благородіе, а я принялъ васъ за нашего брата, не въ обиду будь вашему благородію, потому и среди нашего брата хорошихъ людей найдется... А куды путь держите, ваше благородіе?..

— Въ село Никольское.

— Далеконько—нечего сказать... Что-жъ, дѣло какое есть, иль просто на охоту?.. Вишь, ружье-то какое славное!.. проговорилъ бородатый незнакомецъ и взялъ въ руки, приставленную мною къ стѣнѣ, магазинную винтовку Винчестеръ.

— Ишь ты, заморская штука, бормоталъ онъ про себя, разсматривая мое ружье, скорострѣлка магазинная — видали, видали, да нашему брату она не годна: много пуль въ запасѣ, ну и бросаешь ими зря, горячишься и пуделяешь, а какъ одна въ дулѣ, то выпустишь ее во время, да безъ промаха, потому она дорога!

— А много заплатили за скорострѣлочку? обратился ко мнѣ незнакомецъ послѣ тщательнаго осмотра моей винтовки.

— Сто рублей.

— Гм... сто рублей?.. Деньги большія... А много звѣрья убили ею?..

— Да пока, ни одного.

— Гм... сто рублей и ни одного... А моя винтовка пятнадцать стоитъ, да я ею безъ малаго на полторы тысячи въ годъ заработываю, проговорилъ незнакомецъ, указывая головой на солдатскую семилинейную винтовку съ легкими сошками.

— Да ты кто же такой? спросилъ я, сильно заинтересованный.

— Я-то?.. Безсрочно-отпускной, ваше благородіе, рядовой Архипъ Перегоновъ, отвѣтилъ тотъ, продолжая разсматривать мое ружье.

„Такъ вотъ онъ каковъ этотъ Перегоновъ, мелькнуло у меня въ головѣ, этотъ чуть ли не легендарный охотникъ Уссурійскаго края“.

Я пристально всмотрѣлся въ сухую, высокую фигуру Архипа, думая найти въ ней что-нибудь замѣчательное, особенное, оригинальное, но ничего необыкновеннаго не нашелъ: передо мной стоялъ старый, хорошо выправленный русскій служака, съ самой обыкновенной солдатской физіономіей, обросшій давно небритой, жесткой бородой. Глядя на это простое лицо, на эту жилистую, длинную и повидимому неповоротливую фигуру, трудно было предположить, что этотъ, неказистый на видъ, человѣкъ выходилъ на тигра одинъ на одинъ и всегда оказывался побѣдителемъ. Только одинъ разъ тигръ успѣлъ, въ предсмертной агоніи, слегка смять подъ собой Перегонова... За то почти пятнадцать хищниковъ поплатились жизнью за свою отвагу вступить съ Перегоновымъ въ бой; Архипъ билъ обыкновенно звѣря съ одного выстрѣла, билъ большею частью напоказъ.

Я смотрѣлъ на Перегонова съ какимъ-то чуть ли не благоговѣніемъ и ждалъ только случая заговорить съ нимъ объ его охотничьихъ подвигахъ.

— А что, спросилъ я его, когда онъ поставилъ мое ружье къ стѣнѣ, много убилъ ты тигровъ на своемъ вѣку?

— Богъ ихъ знаетъ—не считалъ, отвѣтилъ онъ просто, штукъ, я полагаю, пятнадцать будетъ, а можетъ мало-мало и болѣ...

Въ это время вошелъ въ зимовье мой проводникъ.

— Эге, и третій гость къ намъ, проговорилъ весело Перегоновъ, что это за съѣздъ сегодня такой на Лянчи-хе? Только что передъ вами трое проѣхали: купцы-ли, чиновники-ли—Богъ ихъ знаетъ, но народъ веселый—водкой меня подчивали...

— А ты давно въ зимовкѣ? спросилъ я.

— Да вотъ почевалъ здѣсь, да думаю скоро и выходить!..

— Куда?

— Да все на охоту... Куды мнѣ больше ходить?.. Тутъ, ваше благородіе, бродятъ, вишь, олени, такъ вотъ жду, когда солнышко немного склонится.

— А долго думаешь ходить?

— Да какъ Господь приведетъ, а все таки думаю на ночь сюды придти.

— Возьми меня съ собой, Перегоновъ, проговорилъ я, у меня время есть, проводника съ лошадьми здѣсь оставимъ.

— Отчего не взять, ваше благородіе, да только опасно: тутъ же и тигра поблизости ходитъ — какъ бы вы не нарвались на нее... Вонъ лонись-лонской *) манзу тутъ удавила бестія...

— Ничего, возразилъ я съ разгорѣвшимся сразу охотничьимъ пыломъ, и тигра пулями встрѣтимъ...

Перегоновъ посмотрѣлъ на меня какъ-то особенно, точно добрая нянька смотритъ на разшалившагося мальчишку, и слегка усмѣхнулся.

— Пойдемте, ваше благородіе, проговорилъ онъ послѣ короткаго раздумья какъ-то снисходительно, попытаемъ счастья—можетъ на тигру и не наткнемся?..

Къ тремъ часамъ мы снарядились и вышли изъ зимовки; Шарикъ бѣжалъ на ременномъ поводкѣ, привязанномъ къ поясу Перегонова. Меня волновали разнообразныя чувства: я и хотѣлъ встрѣчи съ тигромъ и въ то же время боялся этой встрѣчи, не довѣряя своимъ нервамъ и хладнокровію. Не успѣли мы войти въ небольшой дубовый лѣсъ, раскинувшійся на вершинѣ шарообразнаго холма, какъ я началъ уже чувствовать легкое волненіе и безпокойство: я едва поспѣвалъ за быстро шагавшимъ Перегоновымъ, опасаясь отстать отъ него. Онъ шелъ молча, не обращая на меня никакаго вниманія, и только зорко оглядывалъ разстилавшуюся у ногъ долину рѣки Лянчи-хе. Въ теченіи двухъ часовъ только разъ обратился ко мнѣ съ короткимъ замѣчаніемъ: „вотъ, ваше благородіе, она прошла!“ И небрежно указалъ мнѣ на большіе, круглые, тигровые слѣды, ясно отпечатлѣвшіеся на глинистой, сырой почвѣ тропинки. Я взглянулъ на эти слѣды съ какимъ то волненіемъ; съ этаго момента мнѣ стало вдругъ какъ-то жутко и непріятно; близкое сосѣдство хищника безпокоило меня и я не могъ пройти десяти шаговъ, чтобы не оглянуться, чтобы не прислушаться къ таинственному шелесту едва распустившейся листвы. Перегоновъ продолжалъ идти съ тѣмъ же безпечнымъ, спокойнымъ видомъ, со-

*) „Лонисъ-лонской“—сибирское выраженіе, означаетъ „въ прошлый разъ“.

Янъ Гуссъ передъ костромъ. Съ картины профессора Ф. К. Лессинга, грав Фруменъ.

вершенно, повидимому, не думая о тигровыхъ слѣдахъ. Прошло еще съ полчаса; мы уже взобрались на другую вершину, какъ вдругъ Перегоновъ остановился и, прикрывъ глаза ладонью, въ видѣ зонта, сталъ во что-то всматриваться...

— Вотъ олени, проговорилъ онъ послѣ быстраго осмотра окрестностей, указывая рукой на отдаленную, едва замѣтную поляну, намъ надо обойдти, да зайдти съ подвѣтру, а то услышутъ...

Какъ я ни всматривался, никакихъ оленей не видѣлъ: ихъ могъ разглядѣть только привычный, зоркій глазъ такаго бывалаго охотника... Мы начали спускаться съ холма и осторожно обходить то мѣсто, на которомъ замѣтилъ Перегоновъ пасущихся оленей: съ тропинки пришлось намъ сойдти, и мы пробирались черезъ довольно густую чащу сплетшихся кустарниковъ и винограда. Перегоновъ шелъ увѣренно, точно по торной дорогѣ: ловко обходилъ онъ наименѣе проницаемую заросль и безъ шума, какъ тѣнь, протискивалъ свою высокую, неуклюжую фигуру въ едва пролазныя щели. Я слѣдовалъ за нимъ съ большимъ трудомъ, несмотря на мою, сравнительно, небольшую фигуру; вѣтви и прутья цѣплялись за мое платье и ружье, хлестали по лицу, царапали руки; я постоянно запутывался въ виноградникѣ, покрывавшемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ землю частою, цѣпкою сѣтью. Сколько времени шли мы тайгою—не могу опредѣлить, но я уже чувствовалъ крайнее утомленіе, когда Перегоновъ остановился и чутко сталъ прислушиваться.

— Близко, ваше благородіе, проговорилъ онъ шопотомъ, сейчасъ выйдемъ къ полянѣ, гдѣ олени... Идите тише, не шелестите... И Перегоновъ осторожно пошелъ дальше, время отъ времени останавливаясь и прислушиваясь... Еще нѣсколько шаговъ, и мы остановились окончательно. Перегоновъ осторожно раздвинулъ только что распустившуюся листву и молча указалъ мнѣ на обширную поляну, по которой было разбросано нѣсколько десятковъ толстыхъ, широковѣтвистыхъ дубовъ. Шагахъ во ста отъ насъ безпечно паслись четыре рослыхъ, красивыхъ оленя—граціозныя животныя не подозрѣвали грозящей опасности и спокойно щипали едва пробивающуюся, молодую травку...

— Я буду бить лѣваго, прошепталъ мнѣ едва слышно Перегоновъ и осторожно выдвинулъ ружье, а вы стрѣляйте въ того, что ходитъ особнякомъ...

Выстрѣлы загремѣли и раскатились эхомъ по всей окружающей чащѣ; одинъ изъ оленей, лѣвый, упалъ на колѣни, постоялъ въ такомъ положеніи нѣсколько секундъ и медленно, безъ стона, безъ звука, склонился на траву, какъ подкошенный: мѣткая пуля сразила его на повалъ. По своему оленю я далъ, одинъ за другимъ, пять выстрѣловъ, и только послѣдняя пуля настигла его уже на бѣгу: онъ споткнулся, упалъ на колѣни, но черезъ нѣсколько секундъ поднялся опять и сталъ уходить за далеко опередившими его товарищами. Повидимому, олень былъ раненъ, но раненъ легко; я сдѣлалъ вслѣдъ еще нѣсколько выстрѣловъ, но безъ успѣха... Быстро отвязалъ Перегоновъ отъ поводка своего Шарика и пустилъ его за медленно уходившимъ, замѣтно хромавшимъ, звѣремъ... Шарикъ рванулся и вихремъ понесся по мягкой полянкѣ: мы побѣжали вслѣдъ за нимъ, стараясь не упустить изъ вида уходящаго звѣря... Шарикъ настигалъ уже раненнаго оленя, какъ вдругъ изъ чащи, шагахъ въ полутораста отъ насъ, выскочилъ огромный тигръ и тремя прыжками настигъ оторопѣвшую и бросившуюся въ сторону собаку... Раздался жалобный, протяжный вой, и все смолкло...

Безотчетно приложилъ я къ плечу ружье и сдѣлалъ по тигру два послѣднихъ выстрѣла; хищникъ оторвался отъ собаки, яростно зарычалъ и, взмахнувъ своимъ длиннымъ хвостомъ, бросился на насъ: не было сомнѣнія, что одна изъ пуль ранила его и привела въ дикое, всесокрушающее остервенѣніе. Мы находились въ сильной опасности; наши ружья не были заряжены и зарядить ихъ не было возможности. Я растерялся до такой степени, что не могъ вложить въ магазинъ винтовки ни одного патрона; я точно одеревенѣлъ...

— На дерево, живо! крикнулъ мнѣ Перегоновъ, спѣша зарядить свое ружье, но было уже поздно. Тигръ приближался къ намъ гигантскими, страшными прыжками...

Безсознательно бросился я къ ближайшему дубу и судорожно ухватился за первую вѣтвь, бросивъ ружье у самаго дерева: я хотѣлъ подняться и не могъ: мои силы были парализованы; въ глазахъ у меня помутилось, по тѣлу пробѣжалъ лихорадочный ознобъ... Мнѣ казалось, что черезъ секунду я буду въ лапахъ грознаго хищника, и страхъ, непреодолимый, охватившій все мое существо, отнималъ у меня способность движенія; секунды казались мнѣ долгими, томительными годами... Собравшись наконецъ съ силами, сбросивъ съ себя усиліемъ воли охватившее меня оцѣпенѣніе, я приподнялся на ослабѣвшихъ рукахъ и взобрался на дубъ въ тотъ моментъ, когда тигръ находился отъ меня всего въ двадцати шагахъ, въ разстояніи двухъ прыжковъ... Я былъ въ такомъ изнеможеніи, что едва держался на деревѣ; меня била сильная лихорадка... Озлобленный неудачей, хищникъ яростно ударилъ лапой по дубу и бросился на Перегонова; послѣдній былъ уже у дерева, когда тигръ почти настигъ его. Я съ ужасомъ увидѣлъ, что Перегонову не успѣть влѣзть на дерево, что смерть его неминуема... Еще секунда и мнѣ казалось, онъ окончитъ свою жизнь въ всеразрушающихъ зубахъ и лапахъ хищника; мнѣ сдѣлалось невыносимо страшно; я ждалъ катастрофы съ острою, щемящею болью въ сердцѣ... Вотъ тигръ сдѣлалъ послѣдній, гигантскій прыжокъ; первый моментъ мнѣ показалось, что Перегоновъ смятъ; но, всмотрѣвшись хорошенько, я увидѣлъ его невредимымъ, крѣпко прильнувшимъ къ толстому суку... Хищникъ промахнулся и, не расчитавъ силы своего прыжка, попалъ грудью между двумя дубами, развѣтвлявшимися, въ видѣ вилы, отъ одного корня. Нѣсколько секундъ онъ оставался плотно заклиненнымъ; съ яростнымъ ревомъ бился тигръ въ этихъ случайныхъ тискахъ, обдирая съ деревьевъ кору своими могучими лапами. Перегоновъ воспользовался этими секундами и быстро поднялся по дубу выше. Наконецъ тигръ высвободился и съ ужасающимъ рычаніемъ бросился на дубъ, точно думая вырвать его съ корнемъ, чтобы только добраться до ненавистнаго врага. За первой безумной атакой послѣдовала вторая, третья: наконецъ, видя свое безсиліе сломить столѣтнее дерево, хищникъ отошелъ отъ дуба, легъ на траву и началъ зализывать свою рану; безумный гнѣвъ смѣнился разомъ какимъ-то ужасающимъ спокойствіемъ... Не было сомнѣнія, что тигръ рѣшился терпѣливо ждать, когда обстоятельства заставятъ насъ слѣзть съ деревьевъ и вступить съ нимъ въ послѣдній, смертный бой; онъ, повидимому, рѣшился отмстить намъ во что бы то ни стало, хотя бы пришлось долго ждать этой минуты. Наше положеніе было почти безъисходное, вдали отъ человѣческаго жилья, мы не могли надѣяться на постороннюю помощь, между тѣмъ ружья остались во власти тигра. Мы были безоружны; намъ оставалось или спуститься внизъ и вступить съ хищникомъ въ рукопашный бой, или же умереть съ голоду на нашихъ воздушныхъ позиціяхъ.

— Ваше благородіе, крикнулъ мнѣ вдругъ Перегоновъ, ружье при васъ?

— Нѣтъ, отвѣтилъ я, обронилъ какъ лѣзъ на дубъ.

— И я обронилъ, да только далече, сажени двѣ будетъ—а ваше близко?

— Близко, у самаго почти корня.

— Достать можете?

— Нѣтъ.

— А надо бы—безъ ружья мы пропали, ваше благо-

родіе; я ее знаю, она ни за что теперь не уйдетъ, сильно обозлилась...

— Постойте, ваше благородіе, проговорилъ Перегоновъ послѣ короткаго размышленія, я придумалъ: мы ружья сейчасъ выудимъ... Дѣлайте удочку!..

Перегоновъ снялъ съ себя парусинную рубаху началъ разрѣзывать ее ножомъ на длинныя полосы; затѣмъ онъ сломилъ тонкую вѣтвь и привязалъ къ ней свою импровизированную лесу, на другой конецъ которой прикрѣпилъ деревянный крючекъ. Я послѣдовалъ его примѣру и сдѣлалъ такую удочку изъ носоваго платка.

— Господи, благослови! проговорилъ Перегоновъ, окончивъ свою работу, и забросилъ свою удочку, стараясь ухватить крючкомъ за ружейный погонъ.

Тигръ слѣдилъ за нашими дѣйствіями не спуская глазъ; онъ инстинктивно догадался о хитромъ замыслѣ своихъ враговъ, однимъ гигантскимъ скачкомъ приблизился къ заброшенной удочкѣ и съ яростнымъ рычаніемъ оборвалъ ее...

— Стойте, ваше благородіе, она хитра, бестія—ее не проведешь такъ, крикнулъ мнѣ Перегоновъ; я ее приманю къ себѣ, а вы тѣмъ временемъ ружье свое и доставайте... Съ Богомъ!

Перегоновъ спустился на нижнюю вѣтвь и сдѣлалъ видъ, что хочетъ сойти съ дуба; тигръ бросился къ нему съ глухимъ рычаніемъ и началъ лапами обдирать съ дуба кору, силясь добраться до своего врага. Перегоновъ досталъ изъ мѣшечка пули, хладнокровно перегнулся надъ хищникомъ и со всего розмаху пустилъ ему въ лобъ кускомъ свинца; вслѣдъ за первой пулей полетѣла такъ-же мѣтко вторая, третья и т. д. Тигръ дошелъ до высшей степени ярости; онъ оглашалъ воздухъ дикими, страшными рычаніями, какъ безумный бросался на дубъ, точно желая вырвать его съ корнемъ, грызъ его зубами, рвалъ лапами и билъ о бока своимъ длиннымъ, гибкимъ хвостомъ. Нѣсколько разъ онъ подскакивалъ и былъ такъ близко отъ Перегонова, что я невольно содрогался за участь отважнаго охотника; но послѣдній, казалось, забавлялся безсильною яростью хищника и по прежнему систематично, хладнокровно продолжалъ мѣтко пускать пулю за пулей въ его широкій, крѣпкій лобъ.

Я воспользовался этой оригинальной борьбой человѣка съ тигромъ, осторожно забросилъ вновь удочку и благополучно приподнялъ на дубъ свою винтовку. Я вздохнулъ съ облегченіемъ и ухватился за ружье съ какою-то лихорадочностью: я чувствовалъ, что у меня въ рукахъ находится единственный якорь спасенія и боялся лишиться его вторично.

Перегоновъ тотчасъ-же замѣтилъ мою удачу и немедленно ретировался на свою позицію.

— Ну, полно, поигралъ и довольно, проговорилъ онъ весело, обращаясь къ своему неугомонному бойцу, все еще бросавшемуся въ слѣпой ярости на дерево, ступай, поиграй теперь съ ихъ благородіемъ: у него игрушки получше будутъ...

Я быстро зарядилъ ружье, съ какимъ-то безотчетнымъ волненіемъ прицѣлился въ огромную массу хищника и спустилъ курокъ... Гулко пронесся выстрѣлъ по дубовой рощѣ и тотчасъ-же замеръ въ болѣзненномъ, яростномъ рычаніи раненаго звѣря... Въ нѣсколько прыжковъ онъ очутился возлѣ меня; я невольно содрогнулся отъ ужаснаго вида разсвирѣпѣвшаго животнаго: изъ праваго бока его струилась черная кровь и орошала молодую, весеннюю траву... Я приложился опять и въ пяти шагахъ сдѣлалъ по тигру, одинъ за другимъ, четыре выстрѣла... Хищникъ глухо застоналъ, конвульсивно подпрыгнулъ и грузно упалъ на обагренную кровью траву.. Предсмертная агонія его произвела на меня подавляющее впечатлѣніе: съ какою-то безсильною яростью рылъ онъ лапами землю и страшно щелкалъ своими крѣпкими зубами; изо рта его клубилась кровавая пѣна: съ сильнымъ хрипѣніемъ опрокинулся онъ наконецъ на спину, два раза повернулся, судорожно пошевелилъ своими ослабѣвшими лапами и... вытянулся... Мы сошли съ дубовъ: тигръ былъ уже мертвъ...

Двѣ сцены изъ народнаго быта.

И. Ѳ. Горбунова.

I.

Громомъ убило.

— Что тутъ за случай у васъ?

— Бѣда!.. теперь и не раздѣлаешься!.. Теперича... Лексѣевна, всѣ помремъ!

— Я ни въ чемъ не причиненъ: мы только идемъ, а онъ лежитъ...

— Гдѣ?

— У самаго у оврага. Растопырилъ глаза да и лежитъ. Вотъ грѣхи-то! Вотъ грѣхи-то наши тяжкія.

— Я такъ полагалъ, что онъ грѣется на солнышкѣ; думаю: пущай грѣется...

— Вотъ погоди—становой пріѣдетъ.

— Чтожъ становой?.. Становой ничего.

— Становой-то ничего?!

— Всѣ помремъ.

— Батюшки!.. Господи!

— Бабы, смирно! Такой теперича случай, можетъ вся деревня отвѣчать будетъ, а вы визжите...

— Иванъ Микитичъ! можетъ грѣшная душа въ рай попасть? Ежели она оченно грѣшная.

— Поди у попа спроси...

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи...

— Поди, проспись прежде...

— Мужички почтенные! Становой ежели пріѣдетъ—мы ничего не знаемъ. Петрухино, это дѣло—онъ и отвѣчать долженъ.

— А теперича какъ же ему разрѣшеніе?

— Кому?

— А Петрухѣ-то?

— Связать его теперича.

— За что?

— Какъ міръ... мнѣ все одно. По мнѣ хоть бѣги...

— Я до него не касался; громомъ его убило.

— Громомъ?

— Громомъ, батюшка, громомъ!..

— Молоньей! Разъ и готово!

— Вотъ ежели громомъ, въ такомъ случаѣ ничего, а я полагалъ—драка промежду васъ была.

— Какая, братецъ, драка! Промежду насъ окромя что бывало онъ мнѣ стаканчикъ поднесетъ, а то я ему...

— А мы, вишь ты, ловили рыбу. Онъ и подошелъ къ намъ. Посидѣлъ, посидѣлъ. Словно бы, говоритъ, мнѣ скучно. Третій день сердце чешется—такъ хожу, да и пошелъ отъ насъ. Сидимъ мы подъ ивой—вѣтерочекъ задулъ, такъ махонькой... вѣтерочекъ да вѣтерочекъ. Смотримъ по небу и ползетъ туча... отъ самаго огъ Бирканова. Такъ и забираетъ, такъ и забираетъ... Страсть! Подошли къ рѣкѣ-то... Какъ завылъ этотъ вѣтеръ, какъ засвистѣли ивы, словно бы ночь темная стала. Сотворили мы молитву, да и сидимъ. И сейчасъ—разъ! громъ, да опосля того—молонья. И пошла, братецъ, и пошла... Индо сердце захолодѣло.

— И такой дождикъ полилъ... Свѣту Божьяго не видать. Съ полчаса или побольше мы сидѣли... тише, тише...

солнышко показалось и заметалась наша рыба, не успѣваемъ червей надѣвать... Головли такъ и сигаютъ... Во какіе... Два ведра полныхъ наловили. Сажать некуда было. Идемъ мимо оврагу-то, а онъ на самомъ бугрѣ и лежитъ, руки такъ-то раскинулъ и лежитъ. Смотри-ко... опосля дождя себя разогрѣваетъ. Подошли, а онъ ни чуть. Ну, мы сейчасъ бѣжать.

— Нашелъ себѣ мѣсто, батюшка, жизнь-то наша!

— А что его потрошить будутъ?

— Само собой: не по закону померъ—потрошить.

— А я однова замерзалъ.

— Пьяный?

— Было маленько, только не то чтобы оченно. Спервоначалу все спать хотѣлось и такъ мнѣ тепло стало. И вижу во снѣ словно бы я въ трактирѣ въ какомъ и народъ все чай пьетъ и пѣсни поетъ. А ужь меня въ тѣ поры снѣгомъ оттирали.

— Становой! Становой!

— Петруша! Голубчикъ, не погуби! Все на себя прими.

— Ваше благородіе! Петруньки это дѣло, мы ни въ чемъ непричинны...

II.

Обидно.

Разсказъ купца.

Вотъ она жизнь-то моя какая! Капиталу много, а тоски еще больше! (поетъ).

Спрятался мѣсяцъ за тучки,
Больше не хочетъ гулять.

Кабы въ этомъ разѣ цыгано́въ не было—помирать бы пришлось. Фараоны, въ линію! Конокрады по мѣстамъ.

Спрятался мѣсяцъ за тучи,
Больше не хочетъ гулять.

За любовь претерпѣлъ! Такъ нашего брата, дурака, и надо! Отдай деньги, да и пошелъ прочь! Поцѣлуи пребой, да ступай домой. То есть такъ обидно, кажется... Ежели теперича перелить въ бутылки что̀ я за это время винища выпилъ—можно погребокъ открыть!.. Фараоны! Веселую!

Ай береза, ты моя береза!

Иду я довольно равнодушно по улицѣ, никого не трогаю, смотрю: изъ окна высунулась барышня... Словно она меня кипяткомъ ошпарила. Тутъ, думаю, вся моя погибель!.. Всѣ свои глупости бросилъ, только по три раза на день въ цырульню завиваться ходилъ, на ликъ красоту наводилъ. Собаку ихнюю пріучилъ, чтобы не лаяла, а съ кухаркой дружбу завелъ, чтобы записки носила. Путался, путался—надоѣло: сваху подослалъ. Приняли меня отличнѣйшимъ манеромъ. Дяденька ихній сталъ со мной въ трынку играть, а маменька съ дочкой на фортопьянахъ меня учить, а опосля того маменька приказали домъ въ голубую окрасить, очень я, говоритъ, нѣжный цвѣтъ люблю. Что этой слякоти сродственниковъ повылѣзало—все на мой счетъ. Жри! купецъ заплатитъ!.. Порѣшили—опосля ярмонки сватьба. Проводили меня въ Нижній честь-честью. Маменька два раза плакать принималась, спиртъ для воодушевленія нюхала. Такая въ Нижнемъ-то меня тоска взяла; подойду къ буфету-то, посмотрю какъ бутылки стоятъ, да и прочь: боялся справиться на прежнее положеніе. Насилу дотерпѣлъ до конца ярмонки. Пріѣхалъ въ Москву, завился и сейчасъ къ невѣстѣ. Не дождались меня—за повѣреннаго выдали! Какъ чумовой я бросился въ Грузины, да двѣ недѣли безъ про́сыпу такъ и орудовалъ. Два протокола составили! Въ тюрьмѣ сидѣлъ за безобразіе! Въ сѣромъ пальтѣ ходилъ! Одно только теперича и осталось: фараоны, въ линію! Конокрады, по мѣстамъ...

Спрятался мѣсяцъ за тучки,
Больше не хочетъ гулять...

О свѣтеніи животныхъ.

Очеркъ

О. И. Фесенко.

(Окончаніе).

У медузъ *) (Mesonema Coelum) свѣтеніе наблюдается лишь только въ такъ называемыхъ „*Краевыхъ тѣльцахъ*", играющихъ роль органовъ чувствъ. „Очень часто, говоритъ Панчера, эти медузы, будучи принесены въ комнату, нѣкоторое время не даютъ никакаго замѣтнаго свѣта, но стоитъ лишь слабо подогрѣть ту воду, въ которой онѣ плаваютъ, какъ вокругъ ихъ диска тотчасъ же появится гирлянда свѣтящихся точекъ.

Кромѣ свѣтенія наружныхъ частей тѣла, у нѣкоторыхъ медузъ наблюдалось иногда свѣтеніе радіальныхъ каналовъ, а также яичниковъ, какъ напримѣръ, у Oceania pileata. Свѣтеніе медузъ происходитъ не всегда съ одинаковою напряженностью, что зависитъ отъ различныхъ условій. которыя ихъ окружаютъ. Такъ, напримѣръ, возмущеніе воды, даже самое слабое, замѣтно усиливаетъ яркость свѣтенія, точно также какъ и различные удары и толчки, которые медузы получаютъ случайно или по волѣ наблюдателя. Вынутыя изъ воды онѣ хотя и продолжаютъ нѣкоторое время издавать свѣтъ, но затѣмъ быстро потухаютъ и потухаютъ навсегда,—никакія уже усилія наблюдателя не въ силахъ вызвать, погасшее со смертью медузы, свѣтеніе ея тѣла. Присутствіе кислорода, растворен наго въ водѣ болѣе обыкновеннаго, значительно усиливаетъ свѣтеніе, тогда какъ присутствіе углекислаго газа, напротивъ, уменьшаетъ и, даже болѣе, чрезъ нѣкоторое время совершенно уничтожаетъ свѣтеніе.

Въ Средиземномъ морѣ, на глубинѣ 40 и 100 футовъ, водится одна колонія полиповъ, извѣстная подъ именемъ *Морскаго пера* (Pennatula phosphorea). Отдѣльные индивидуумы этой колоніи располагаются на гибкомъ полипнякѣ, въ видѣ прямаго стержня, отъ котораго по бокамъ, въ одной плоскости, направо и налѣво идутъ различной длины вѣтьви. На этихъ вѣтвяхъ, а также и на стержнѣ, по крайней мѣрѣ въ верхней его части, сидятъ отдѣльные полипы, снабженные 8 щупальцами, окружающими отверстія рта. Нижняя часть полипняка не имѣетъ ни боковыхъ отростковъ, ни отдѣльно сидящихъ полиповъ; она постоянно остается погруженною въ почву морскаго дна.

Какъ это видно изъ рисунка, подобный полипнякъ весьма походитъ на гусиное перо, вотъ почему ему и было дано названіе Морскаго пера.

Не смотря на то, что анатоміей этихъ полиповъ занималось весьма много различныхъ ученыхъ, однако отъ ихъ вниманія ускользали особые органы, способные издавать свѣтъ; здѣсь мы впервые встрѣчаемъ въ животномъ царствѣ обособленные органы, задача которыхъ исключительно состоитъ въ проявленіи свѣта.

Если тѣми или другими способами, напримѣръ, ударами, электричествомъ, дѣйствіемъ прѣсной воды и т. п. раздражать колонію этихъ полиповъ, то наблюдатель всегда будетъ получать цѣлые ряды свѣтящихся искръ, въ появленіи которыхъ, какъ кажется на первый взглядъ, нѣтъ никакой правильности. Однако, изслѣдованія показываютъ, что появленіе подобныхъ искръ совершается съ извѣстною правильностью. Раздражая посредствомъ удара или слабаго электрическаго тока одну изъ оконечностей полипняка, лишенную вѣтвей и сидящихъ на нихъ полиповъ. Панчери замѣтилъ, что появленіе искръ, другими словами постепенное проявленіе свѣта другъ около друга сидящими полипами, идетъ въ направленіи восходящемъ. Напротивъ, раздражая полипнякъ на другой, противоположной вершинѣ, онъ получалъ распространеніе цвѣтенія, а слѣдовательно и распространеніе раздраженія въ обратномъ направленіи — нисходящемъ. При раздраженіи по срединѣ стержня онъ получалъ два расходящихся свѣтовыхъ потока: восходящій и нисходящій. При раздраженіи двухъ противоположныхъ оконечностей полипняка образуются 2 взаимно сталкивающихся свѣтовыхъ потока, такъ какъ одинъ изъ нихъ идетъ снизу вверхъ, а другой сверху внизъ. Въ моментъ столкновенія двухъ противуположныхъ свѣтовыхъ потоковъ, они или совершенно исчезаютъ, или продолжаютъ свой путь далѣе. При раздраженіи одной какой нибудь стороны бородки пера, получается свѣтовой потокъ, направляющійся отъ оси къ оконечности бородки пера.

Разсмотрѣнный случай свѣтенія Морскихъ Перьевъ крайне

*) См. „Нива" № 11.

Блуждающій огонекъ. (Стр. 279). Картина Шпангенберга, грав. Кнезебергъ.

интересенъ и заставляетъ допустить существованіе у этихъ животныхъ спеціальной нервной системы—что, однако, еще неизвѣстно, такъ какъ въ противномъ случаѣ трудно было бы представить себѣ возможность постепеннаго распространенія раздраженія отъ одного полипа къ другому. Еще большею неизвѣстностью покрыты цѣль и значеніе описанныхъ мною свѣтящихся органовъ: эти колоніальные полипы вѣчно живутъ на глубинѣ моря, вѣчно сидятъ на одномъ и томъ же мѣстѣ—къ чему имъ способность издавать свѣтъ? Шварть, задумываясь надъ свѣтеніемъ медузъ и пытаясь уяснить себѣ цѣль подобнаго страннаго явленія въ жизни этихъ животныхъ, остановился наконецъ на слѣдующемъ, очень оригинальномъ объясненіи: медузы, по его мнѣнію, должны освѣщать глубины моря и этимъ приносить значительную пользу обитателямъ морской воды! Насколько подобное объясненіе вѣроятно и насколько оно приложимо къ изучаемому нами свѣтенію морскихъ перьевъ, въ данную минуту трудно сказать, такъ какъ лишь въ послѣднее время ученые начали обращать серьезное вниманіе на отношенія одного организма къ другимъ, на опредѣленіе степени зависимости существованія одного организма отъ другаго и на тому подобные вопросы, которые одни лишь способны уяснить причину и цѣль того или другаго явленія въ жизни каждаго организма. Въ настоящее же время наука не можетъ сказать, почему и для чего тѣ или другіе организмы обладаютъ способностью издавать свѣтъ? Приносятъ ли они этимъ пользу только лишь себѣ или также и другимъ? Отчего не всѣ организмы обладаютъ этою способностью? и т. д.

Замѣчательно дѣйствіе свѣта на животно-растеніе Beroë (Ребровикъ stenophorae): непосредственный солнечный свѣтъ, точно также какъ и свѣтъ шандорина или газа, мгновенно уничтожаютъ способность этаго животнаго проявлять свѣтъ въ продолженіи болѣе или менѣе значительнаго промежутка времени. Если помѣстить въ темной комнатѣ подобные экземпляры, подвергшіеся вліянію свѣта, то они совершенно не свѣтятъ, не смотря на дѣйствіе всѣхъ возбудителей, нѣкогда легко вызывавшихъ въ нихъ свѣтеніе, и только по истеченіи нѣкотораго времени, свѣтеніе снова появляется. Дѣйствіе луннаго свѣта хотя ослабляетъ свѣтеніе „Beroë“, но не уничтожаетъ способности его свѣтить въ темнотѣ.

Каковъ же цвѣтъ того свѣта, который издаютъ Beroë? Замѣчательно, что нѣкоторые наблюдатели утверждаютъ, что онъ изумрудно-зеленый, другіе же—что онъ ярко-голубой. Такое разногласіе зависитъ отъ того, защищенъ ли глазъ наблюдателя отъ дѣйствія посторонняго свѣта или нѣтъ; въ первомъ случаѣ кажется, что Beroë издаютъ ярко-голубой свѣтъ а во второмъ —зелено-изумрудный.

Спектральный анализъ свѣта, издаваемаго Beroë, показываетъ, что онъ совершенно схожъ съ однороднымъ, монохроматическимъ свѣтомъ, т, е. состоящимъ изъ одного изъ тѣхъ цвѣтныхъ лучей, которые входятъ въ составъ спектра обыкновеннаго солнечнаго свѣта.

Между моллюсками особенно хорошо изслѣдовано свѣтеніе.

Pholas dactylus (Пальцеобразный Камнеточецъ) представляетъ собою двухстворчатаго моллюска, съ особеннымъ впередъ выдающимся сифономъ, очень схожимъ съ пальцемъ, свободно торчащимъ изъ раковины).

Этотъ сифонъ раздѣляется на 2 половины, на 2 трубки, изъ которыхъ одна проводитъ питательный матеріалъ извнѣ внутрь тѣла животнаго; другая же, напротивъ, выводитъ наружу негодныя для питанія вещества. Пальцеобразный сифонъ представляетъ собою ничто иное, какъ сильно вытянутые передніе края епанчи, или мантіи, лежащей подъ створками раковины и облекающей собою все тѣло животнаго; эти края плотно срослись между собою и образовали такимъ образомъ пальцеобразную трубку, болѣе или менѣе значительной длины. Кромѣ того, обѣ половины мантіи, соотвѣтствующія створкамъ раковины, срослись также остальными поверхностями своихъ краевъ, исключая одного мѣста, чрезъ которое просовывается наружу особый органъ—нога, служащая для движенія животнаго. При помощи этаго органа животное часто зарывается въ песокъ или грязь, выставляя наружу лишь одинъ сифонъ, чрезъ который вмѣстѣ съ пищею, проходитъ вода, содержащая въ себѣ, въ растворенномъ видѣ, кислородъ, служащій для дыханія животнаго. Эти моллюски протачиваютъ иногда камни и залѣзаютъ въ образовавшіяся такимъ образомъ отверстія, почему ихъ и принято называть *Пальцеобразными камнеточцами*.

Если вынуть это животное изъ воды въ темной комнатѣ, то истекающая изъ него жидкость издаетъ замѣтный свѣтъ: если же раскрыть обѣ половинки раковины, то обнажившаяся наружная поверхность епанчи кажется усѣянною массою свѣтящихся точекъ. Панчери, занимаясь изученіемъ свѣтенія у этаго животнаго, предполагалъ, что свѣтеніе, въ данномъ случаѣ, подобно тому какъ и у многихъ другихъ животныхъ организмовъ, должно непремѣнно обусловливаться или эпителіальными клѣтками, покрывающими наружную поверхность епанчи или особыми свѣтящимися органами. Дѣйствительно, его предположеніе вполнѣ оправдалось—онъ открылъ у этаго животнаго нѣсколько различныхъ по формѣ и величинѣ, свѣтящихся органовъ, а именно, разрѣзая вдоль епанчу и сифонъ, онъ замѣтилъ свѣтящіеся органы.

Болѣе полныя свѣдѣнія мы имѣемъ о свѣтеніи многихъ насѣкомыхъ и главнымъ образомъ о свѣтеніи всѣмъ извѣстнаго *Иванова червяка*—Lampyris noctiluca. Этотъ организмъ принадлежитъ къ жукамъ, названіе же „червяка“ ему дано потому, что самка, подобно тому какъ и личинки, совершенно лишены крыльевъ и на первый взглядъ, по внѣшнему виду, напоминаютъ червей. Свѣтеніе у этаго организма наблюдается преимущественно въ теплыя лѣтнія ночи, а иногда и зимою, что, впрочемъ, бываетъ очень рѣдко. При тщательномъ наблюденіи оказывается, что этотъ жучекъ издаетъ свѣтъ не исключительно во время ночи, но и днемъ, что, понятное дѣло, замѣтить не такъ легко. Главнымъ же образомъ онъ свѣтитъ ночью, днемъ же зарывается подъ камни и листья, спокойно выжидая ночи. Едва лишь настаетъ ночь, какъ появляется цѣлая масса искръ, движущихся въ воздухѣ въ различныхъ направленіяхъ—это самцы, ищущіе самокъ, которыя спокойно движутся въ травѣ, заявляя о своемъ присутствіи болѣе яркимъ свѣтеніемъ тѣла. Способностью издавать свѣтъ обладаютъ не только самцы и самки, но и личинки, а также, какъ увѣряютъ нѣкоторые наблюдатели, и яйца этихъ животныхъ, что, однако, многіе оспариваютъ.

У Иванова червяка замѣчается свѣтеніе лишь извѣстныхъ частей тѣла,—такъ, у самцовъ обыкновенно наблюдается свѣтеніе предпослѣдняго брюшнаго сегмента, тогда какъ у самокъ, главнымъ образомъ, трехъ послѣднихъ члениковъ брюшка. Какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ свѣтеніе никогда не было наблюдаемо на спинной сторонѣ тѣла, но всегда на брюшной.

Постоянное проявленіе свѣта въ однихъ и тѣхъ же пунктахъ тѣла побудило ученыхъ предположить существованіе особыхъ свѣтящихся органовъ у этихъ животныхъ. Такое предположеніе вполнѣ оправдалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ и окончательно пало господствовавшее долгое время убѣжденіе, что многія животныя, обладающія способностью издавать свѣтъ, а въ томъ числѣ, конечно, и Ивановъ червякъ, во время дня скопляютъ внутри себя свѣтъ, который онѣ потомъ и выдѣляютъ во время ночи. Это мнѣніе долго господствовало въ наукѣ, не смотря на то, что свѣтящіяся животныя, оставаясь долгое время въ абсолютной темнотѣ, никогда не теряли способности издавать свѣтъ.

По изслѣдованіямъ Келликера, свѣтящіеся органы состоятъ изъ многочисленныхъ многоугольныхъ клѣточекъ, заключенныхъ въ тонкостѣнчатыя вмѣстилища; нѣкоторыя изъ этихъ клѣточекъ прозрачны, другія же заключаютъ мелкозернистую массу; по вмѣстилищу проходитъ сѣть дыхательныхъ трубочекъ—трахей. Прозрачныя клѣтки составляютъ собою тѣ пункты, изъ которыхъ истекаетъ свѣтъ, обусловливаемый нервами, по всюду разсѣянными въ этихъ органахъ. Такимъ образомъ на свѣтеніе Келликеръ смотритъ какъ на результатъ дѣйствія нервовъ. Эти послѣдніе, по его мнѣнію, развивая электричество и производятъ явленіе свѣтенія. Такіе органы, способные издавать свѣтъ, какъ у самца, такъ и у самки, расположены между внутренней стороной брюшнаго хитиноваго покрова и внутренними мускулами брюшныхъ члениковъ. Снаружи они кажутся бѣловатыми крапинами, или пятнами замѣтной величины.

Совсѣмъ иными представляются свѣтящіеся органы у личинокъ Иванова червяка: внутри тѣла каждой личинки, по продольной оси на-право и на-лѣво находится по одному маленькому мѣшечку, изъ которыхъ истекаетъ свѣтъ — такова внѣшняя форма свѣтящихся органовъ. Каждый изъ нихъ состоитъ изъ оболочки, въ которой заключается жидкость; свѣтъ, по изслѣдованію нашего академика Овсяникова, исходитъ изъ оболочки, а не изъ жидкости. Въ то время когда личинка, ползая, вытягивается значительно впередъ, названные выше мѣшечки выдвигаются впередъ, дѣлаются замѣтными и въ это время легко можно видѣть, что изъ этихъ органовъ исходитъ свѣтъ. Напротивъ, когда личинка съеживается, когда она не находится въ поступательномъ движеніи, мѣшечки входятъ внутрь тѣла личинки, скрываясь вполнѣ между различными внутренними ея органами и кажется, что личинка лишена способности издавать свѣтъ. Но стоитъ личинкѣ вытянуться, какъ снова мѣшечки появятся наружу и снова изъ этихъ органовъ будетъ исходить свѣтъ, хотя правда, не столь яркій, какъ у взрослыхъ животныхъ. Изслѣдованія надъ свѣтящимися органами личинокъ Иванова червяка привели ученыхъ къ заключенію, что явленіе свѣтенія у этихъ животныхъ, подобно тому, какъ и многихъ другихъ, обусловливается медленнымъ окисленіемъ того вещества, той матеріи, изъ которой состоятъ свѣтящіеся органы какъ личинокъ, такъ и взрослыхъ животныхъ. Вотъ что говоритъ *Овсяниковъ* относительно изслѣдованныхъ имъ свѣтящихся органовъ у личинокъ Иванова червяка:

„При изслѣдованіяхъ, произведенныхъ надъ Ивановымъ червякомъ, обыкновенно брали животное, достигшее полнаго развитія; я же дѣлалъ опыты исключительно надъ личинками, потому что въ Казани мнѣ рѣдко приходилось встрѣчать вполнѣ развитыхъ животныхъ. Однако, и у этихъ послѣднихъ не разъ я видѣлъ, какъ свѣтъ исчезалъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и это, полагаю, даетъ мнѣ возможность перенести на самаго Иванова червяка результаты наблюденій надъ его

личинкой. Если мы положимъ Иванова червячка или его личинку, въ какой нибудь газъ, или въ какую нибудь жидкость и онъ перестанетъ свѣтиться, то мы можемъ изъ этаго вывести ошибочное заключеніе, будто газъ или жидкость уничтожаютъ свѣтеніе. Для избѣжанія ошибокъ подобнаго рода, я дѣлалъ опыты не надъ цѣлымъ животнымъ, но только надъ его мѣшечками, вынимая ихъ изъ тѣла тоненькими иголками. При этомъ представлялось чрезвычайно интересное явленіе, а именно, что мѣшечки, вынутые изъ живаго организма, долгое время еще свѣтились довольно ярко. Свѣтеніе ихъ зависѣло въ особенности отъ влажности. Мѣшечки эти чрезвычайно малы, на воздухѣ скоро высыхаютъ и затѣмъ утрачиваютъ свѣтъ. Будучи же нѣсколько смочены водою, они свѣтятся 2, 3 и даже 4 часа. Опыты, конечно, я производилъ въ совершенно темной комнатѣ. Мѣшечекъ, положенный на предметное стекло, я разщипывалъ иголками на мелкіе кусочки, покрывалъ стеклышкомъ и изслѣдовалъ подъ микроскопомъ въ темной комнатѣ. Каждый кусочекъ издавалъ столько свѣта, что ясно былъ видѣнъ отдѣльно.

„Нѣсколько мѣшечковъ, продолжаетъ далѣе тотъ же авторъ, я положилъ въ масло, нѣсколько въ воду; свѣтеніе не прекращалось. Растворы крѣпкихъ щелочей, а также крѣпкія кислоты дѣйствовали на свѣтящіеся органы разрушительно; отъ нихъ свѣтеніе прекращалось мгновенно. Замѣчательно, что глицеринъ вещество довольно невинное (въ отношеніи дѣйствія на животныя ткани) прекращалъ свѣтеніе. Если онъ былъ скоро удаляемъ промываніемъ водою, то свѣтеніе снова возобновлялось.

„Затѣмъ, говоритъ г. Овсянниковъ, мною былъ предпринятъ рядъ опытовъ надъ вліяніемъ газовъ на свѣтеніе разсматриваемыхъ мѣшечковъ. Чтобы показать до какой степени надо быть осторожнымъ при подобнаго рода опытахъ и обращать вниманіе на всѣ мелочи, я приведу здѣсь результаты моихъ первыхъ опытовъ. Мѣшечки свѣтились и въ углекислотѣ также ярко, какъ въ кислородѣ; въ водородѣ они то свѣтились, то нѣтъ и т. п. Разсматривая внимательнѣе методы, употребляемые при опытахъ, я замѣтилъ во первыхъ, что газы не совершенно химически чисты и во вторыхъ, что въ аппараты, въ которыхъ находились газы и куда клались мѣшечки, легко проникалъ атмосферный воздухъ.“

Ученые, занимавшіеся этимъ вопросомъ, приписывали иногда свѣтеніе нѣкоторыхъ рыбъ образованію особаго масла (Huile speciale), образующагося вслѣдствіе разложенія тканей, которое и служило причиною какъ свѣтенія рыбъ, такъ и той воды, въ которой жили эти организмы. Что это за особенное масло?—на это еще не дано наукой никакаго отвѣта.

Такимъ образомъ, явленіе свѣтенія животныхъ организмовъ вполнѣ доказано—его отрицать нельзя. Какъ мы уже видѣли выше, современная наука знакома со свѣтеніемъ многихъ организмовъ, являющихся представителями различныхъ типовъ животнаго царства.

„Способность свѣтить, говоритъ Мильнъ-Эдвардсъ, гораздо болѣе распространена въ животномъ царствѣ, чѣмъ это обыкновенно думаютъ, чѣмъ это кажется на первый взглядъ. Если эта способность слабо развита у наземныхъ существъ, къ числу которыхъ относятся насѣкомыя, то у водныхъ, морскихъ существъ; главнымъ образомъ у организмовъ, обладающихъ прозрачными тканями, оно развито въ сильной степени“. „Я думаю, замѣчаетъ далѣе тотъ же физіологъ, что подобнаго рода явленіе—свѣтеніе—можетъ совершаться и въ глубинѣ организма многихъ другихъ животныхъ, гдѣ оно, вслѣдствіе непрозрачности тѣла, совершенно незамѣтно. Насколько подобное предположеніе вѣрно—дѣло будущихъ изслѣдованій.

Стихотвореніе.

Блуждающій огонекъ.

(Изъ М. Калбека. Къ картинѣ Винтергальтера).

Идетъ онъ поздно. Поле спитъ, туманы поднялись
И ночи сумрачный покровъ надъ озеромъ повисъ.

Клокочетъ кровь и сердце такъ забилося въ груди,
Какъ будто радостной звѣздой что свѣтитъ впереди!

Глядится въ воду мрачный лѣсъ, чуть шепчутъ камыши,
Творится словно тайна здѣсь, въ лѣсу, въ ночной тиши.

Идетъ онъ дальше и рукой тростникъ раздвинулъ онъ—
Что передъ нимъ? Видѣнье то, волшебный, свѣтлый сонъ?

Онъ видитъ будто передъ нимъ туманною звѣздой
Видѣнье свѣтлое летитъ, зоветъ его съ собой!..

Рванулся онъ... Впередъ, за ней!.. Мрачнѣе, глуше лѣсъ,
Онъ глубже тонетъ... Все темнѣй, туманнѣй сводъ небесъ...

Она жъ съ такой тоской глядитъ, манитъ ея рука,
И голосъ сладостенъ и тихъ, какъ шелестъ вѣтерка!..

И онъ за ней, за ней спѣшитъ! И тонетъ, тонетъ онъ...
Она уносится, свѣтясь.. Вдругъ слышенъ плескъ и стонъ...

И снова тихо. Мраченъ лѣсъ, чуть шепчутъ камыши—
Творится словно тайна здѣсь, въ лѣсу, въ ночной тиши...

Н. Б—въ.

Къ рисункамъ.

Смерть Яна Гусса изъ Гусинца.

(Картина Лессинга).

Величавый образъ одного изъ сильнѣйшихъ борцовъ за свободу совѣсти чеха Яна Гусса изъ Гусинца принадлежитъ къ рѣдкимъ явленіямъ, всемірной исторіи. Смутно и мрачно было церковное состояніе Чехіи къ концу XIV вѣка передъ началомъ проповѣди Гусса. Сознавая великое вліяніе религіи и церкви на народную нравственность Гуссъ обличалъ и прямо касался самыхъ коренныхъ вопросовъ. Нападая на католическое духовенство за небрежное исполненіе обязанностей и дурную жизнь, возстановляя во всей чистотѣ истинное значеніе церкви, Гуссъ постепенно пріобрѣлъ въ глазахъ всей Чехіи то великое значеніе, которое подняло потомъ всю страну на борьбу за казнь великаго проповѣдника. Чѣмъ болѣе возвышалось значеніе его и сила проповѣди, тѣмъ враждебнѣе становилось къ нему католическое духовенство, которое боролось кромѣ догматической стороны за свое матеріальное существованіе. Наконецъ Гуссъ напалъ на самаго папу и все духовенство встало противъ него, говоря, что „дьяволъ вселился въ тѣло сего еретика“. Шла бурная и ожесточенная борьба и осенью 1410 г. папа Іоаннъ XXIII потребовалъ Гусса въ Римъ къ отвѣту. Въ Прагѣ было провозглашено со всѣхъ кафедръ отлученіе Гусса отъ церкви. Ученія Виклера и Гусса тревожили умы и общество съ восторгомъ привѣтствовало вѣсть о созваніи собора въ Констанцѣ, гдѣ долженъ былъ быть произнесенъ верховный приговоръ надъ ученіями Гусса и его сторонниковъ. Гуссъ отправился въ Костанцъ, видя въ соборѣ новое средство болѣе всесторонняго обсужденія и распространенія своего ученія. Въ письмѣ къ королю Сигизмунду онъ проситъ только „чтобы ему публично дозволено было изложить свои взгляды и убѣжденія“. Переѣздъ Гусса изъ Праги въ Констанцъ былъ рядомъ торжествъ —во всѣхъ городахъ къ нему толпы выходили на встрѣчу, съ восторгомъ слушая его. Но какъ извѣстно судъ окончился осужденіемъ его ученія и казнью Гусса черезъ сожженіе на кострѣ.

Спустя пятьсотъ лѣтъ нельзя безъ мучительнаго чувства читать подробный разсказъ о событіи, произведшемъ въ свое время ужасное впечатлѣніе и тяжело повторять его. Мы отмѣтимъ только касающееся сцены казни, изображенной на картинѣ извѣстнаго Лессинга, главы Дюсельдорфской школы, картинѣ, помѣщенной въ настоящемъ №.

Послѣ мрачнаго обряда разстриженія, Гусса повели на казнь среди огромной толпы народа, съ глубокимъ сочувствіемъ относившейся къ страдальцу. Гуссъ просилъ молиться за него, невиннаго. Народъ волновался. „Онъ молится какъ истинный праведникъ! За что эта казнь!“ Шествіе двигалось тихо и часто останавливалось—народъ запружалъ узкія улицы. Взойдя на холмъ, Гуссъ преклонилъ колѣна съ пламенной молитвой—моментъ изображенный на картинѣ. Онъ громко, среди торжественной тишины произнесъ нѣсколько молитвенныхъ псалмовъ и съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ воскликнулъ: „Господи въ руцѣ Твои предаю духъ мой!“ Потомъ въ послѣдній разъ обращаясь къ народу убѣдительно просилъ не считать его еретикомъ и не вѣрить его обвинителямъ. На первомъ планѣ картины, на бѣломъ конѣ, видѣнъ имперскій маршалъ Папенгеймъ съ маршальскимъ жезломъ въ рукѣ, посланный великодушнымъ королемъ Сигизмундомъ уговорить Гусса, для спасенія жизни, отречься отъ своихъ заблужденій. „Отъ какихъ заблужденій? воскликнулъ вдохновенный страдалецъ, зачѣмъ возмущаете вы миръ души моей. Я радостно иду на смерть! Я говорилъ всегда согласно съ истиной евангельской!“ Ближе, у края картины, также на конѣ, видѣнъ одинъ патеръ, „въ зеленомъ плащѣ съ краснымъ подбоемъ“ который противится публичной исповѣди Гусса, говоря, что еретика нельзя допускать къ исповѣди. Курфюрстъ Баварскій, представитель короля и Папенгеймъ отъѣхали назадъ, пожавъ плечами. За Гуссомъ виденъ воинъ, надѣвающій на него бумажный колпакъ вышиною въ локоть,

Въ Лапландіи. Внутренность лапландской юрты въ праздничный день. Съ картины Цеттерштрема, грав. Шанонъ.

Трефовый тузъ. Съ картины Янсона, грав. Флюгель.

на которомъ нарисованы были три діавола страшнаго вида, съ надписью: „се ересіархъ". „Господь мой несъ, меня ради, терновый вѣнецъ, и я съ радостію надѣваю эту шапку поруганія! —Пусть же горитъ она вмѣстѣ съ діаволами, которымъ ты служилъ, сказалъ воинъ. Палачъ снялъ съ него платье и скрутивъ руки привязалъ мокрыми веревками къ столбу среди вязанки дровъ. Одна старушка благоговѣйно подложила послѣднюю вязанку и Гуссъ, пораженный этимъ, воскликнулъ: святая простота!

Костеръ пылалъ а Гуссъ запѣлъ громко: „Христе, Сыне Бога живаго! Помилуй мя!" Огонь, задуваемый вѣтромъ, заглушалъ голосъ. Палачи повалили обугленный трупъ со столбомъ и разрубили его сѣкирами, чтобы скорѣе сгорѣлъ. Вѣрные Чехи сгребли священную для нихъ землю, напоенную кровью мученика и съ благоговѣніемъ отвезли въ Прагу въ Вифлеемскую церковь.

Такъ погибъ на 42 году отъ рожденія великій проповѣдникъ чешскаго народа въ XV вѣкѣ.

Авторъ этой картины Карлъ Фридрихъ Лессингъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ германскихъ историческихъ живописцевъ родился въ Бреславлѣ въ 1808 году; извѣстныя его картины: „Горный Ландшафтъ" (1834 г. въ Берлинскомъ музеѣ) „Процессія монаховъ" (1838 гал. франкфуртс.). „Король Генрихъ V и папа" (первый опытъ его большой исторической картины, которую онъ окончилъ лишь въ 1858 г. для короля Фридриха Вильгельма IV) „Гуссъ передъ костромъ въ Констанцѣ" (1848 г. въ Дюссельдорфской Галлереѣ) и многія другія. Въ 1858 г. Лессингъ переѣхалъ изъ Дюссельдорфа въ Карлсруэ, куда былъ вызванъ великимъ герцогомъ въ качествѣ директора національной галлереи и профессора мѣстной школы живописи и ваянія.

„Внутренность лапландской юрты."

(Картина М. Цеттерштремъ).

Помѣщаемая нами въ настоящемъ номерѣ картина „Внутренность лапландской юрты" принадлежитъ кисти весьма извѣстной шведской художницы М. Цеттерштремъ, посвятившей себя почти исключительно этнографическому жанру и послѣдовавшей въ этомъ отношеніи примѣру шведскаго жанриста-этнографа Хекерта, заслужившаго весьма почетную извѣстность между любителями и артистами еще въ началѣ пятидесятыхъ годовъ. Подобно своему предшественнику, Г-жа Цеттерштремъ также обратила на себя вниманіе художниковъ-этнографовъ и картина, снимокъ съ которой мы здѣсь предлагаемъ, куплена французскимъ правительствомъ и находится въ настоящее время въ художественномъ музеѣ, въ Луврѣ, вмѣстѣ съ другими картинами этнографическаго жанра.

Картина представляетъ семью лапландцевъ, собравшихся въ своей юртѣ за ужиномъ. Тутъ и старый дѣдъ, глава дома, бодрый, крѣпкій старикъ и не менѣе типичная бабка, несмотря на свои лѣта невыпускающая изъ рукъ хозяйства, и ихъ дѣти и зять и подростки—внучата, поднявшіе войну изъ за ложки, торопясь приняться за похлебку и малютка новорожденный, улыбающійся окружающимъ.

Весело трещитъ огонь посреди юрты, подъ котелкомъ съ незатѣйливымъ но сытнымъ ужиномъ, весело заливается мальчуганъ, отнявшій ложку у своей маленькой сестренки, радостно смѣются отецъ и мать, забавляя малютку, по веселѣе, радостнѣе и довольнѣе всѣхъ улыбается большакъ дѣдъ, любуясь на свою семью, довольную и здоровую.

Обращая на себя вниманіе по своей типичности и вѣрности, картина Г-жи Цеттерштремъ знакомитъ насъ весьма наглядно съ внутренней семейной жизнью и обстановкой лапландцевъ, и своими достоинствами въ техническомъ и художественномъ отношеніи заставляетъ ожидать отъ ея автора весьма многаго.

Трефовый тузъ.

(Картина профессора К. Э. Янсона).

Картина, рисунокъ которой здѣсь помѣщенъ, была на нашей прошлогодней академической выставкѣ. Со смертью художника Янсона Финляндія лишилась одного изъ талантливѣйшихъ представителей отечественнаго искусства.

Карлъ Янсонъ родился 7 іюня 1846 года на островѣ Аландѣ и съ самыхъ юныхъ лѣтъ обратилъ на себя серьезное вниманіе цѣнителей искусства и живописи. Послѣ конфирмаціи въ 1860 году онъ былъ взятъ на воспитаніе художникомъ Экманомъ въ „Або"и" затѣмъ, покровительствуемый Финляндскимъ обществомъ любителей изящнаго искусства въ 1862 году былъ посланъ къ шведскому жанристу Блокланду. Зачисленный затѣмъ въ стипендіаты общества. Янсонъ отправленъ за границу въ Дюссельдорфъ, гдѣ подъ руководствомъ извѣстнаго жанриста, женевца Вотье, усовершенствовался въ жанрѣ, написалъ въ 1871 году первую свою большую картину „Трефовый тузъ". Благодаря успѣху этой картины, Янсонъ, по возвращеніи своемъ въ отечество, могъ снова предпринять заграничное путешествіе и написавъ въ Дюссельдорфѣ другую извѣстную картину „Сватовство на Аландѣ" былъ вынужденъ, въ виду разстройства здоровья, переселиться на югъ: это однако не принесло желаемой пользы и молодой художникъ, возвратившись въ отечество, скончался въ кругу своихъ родныхъ 1 іюня 1874 года.

Помѣщаемая нами въ настоящемъ номерѣ картина покойнаго Янсона „Трефовый тузъ" представляетъ внутренность каюты небольшой шведской шкуны. На морѣ полнѣйшій штиль, на палубѣ печетъ солнце—и вотъ весь экипажъ судна вмѣстѣ съ вѣрнымъ сторожемъ—собакой—собрался въ каютѣ. Замѣнивъ отсутствующіе столы и стулья сундуками, двое изъ нихъ засѣли за карты, другіе-же двое: мальчуганъ-юнга и рулевой внимательно слѣдятъ за игрою.

Простота изображенія, правдивость, живая игра физіономій и теплота розлитая во всѣхъ фигурахъ, лицахъ, въ соединеніи съ мягкостью колорита и какъ бы добродушнымъ юморомъ всего ансамбля картины, дѣлаютъ ее замѣчательною работою, вполнѣ достойною ученика Вотье.

Выставленная на всемірной выставкѣ въ Вѣнѣ въ 1874 году и въ томъ же году въ С.-Петербургѣ, она принесла Янсону въ Вѣнѣ золотую медаль, а въ Петербургѣ степень академика. Въ настоящее время вмѣстѣ съ двумя другими большими картинами художника и цѣлымъ рядомъ небольшихъ эскизовъ и этюдовъ, картина эта находится въ залахъ Общества Финляндскихъ художниковъ въ Гельсингфорсѣ.

Борьба газоваго и электрическаго освѣщенія.

(Новые фонари на Невскомъ Просп. въ Спб.).

Въ послѣднее время газовое и электрическое освѣщеніе ведутъ серьезную борьбу, благодаря которой въ газовомъ освѣщеніи сдѣланы значительныя усовершенствованія. Фонари поставленные на Невскомъ проспектѣ у Полицейскаго моста наглядно свидѣтельствуютъ объ улучшеніи газовыхъ аппаратовъ.

Фигура 1 представляетъ общій видъ фонаря. Газовая трубка, проходящая въ срединѣ фонаря, снабжена обыкновеннымъ регуляторомъ, въ утолщенной части ея. На верхней стѣнкѣ фонаря находится большой рефлекторъ, отражающій свѣтъ книзу и такимъ образомъ усиливающій освѣтительную силу пламени. Выше рефлектора помѣщена крышка съ отверстіями, черезъ которыя выходятъ сгорающіе газы. Горѣлка въ фонарѣ окружена стеклянной вазой въ формѣ тюльпана. Фигура вторая представляетъ въ разрѣзѣ устройство горѣлки. Она состоитъ изъ шести обыкновенныхъ горѣлокъ *aa*, расположенныхъ кругообразно. Газъ, пройдя черезъ кранъ *c*, поднимается по трубкѣ *в* и черезъ отверстія *p p* направляется въ отдѣльныя горѣлки, двойныя и прочныя стеклянныя вазы, которыя обозначены буквами *e* и *f*. Между этими послѣдними и между внутренней вазой *c* и трубками, находящимися по обѣ стороны трубки *в*, проходитъ воздухъ по каналамъ *x x*, затѣмъ x'x' къ пламени, чѣмъ увеличивается сила послѣдняго и достигается болѣе полное сгораніе газа. Одна горѣлка расходуетъ въ часъ 233 куб. ф. газа; за шесть горѣлокъ вмѣстѣ идетъ такимъ образомъ до 1400 куб. ф. газа. Теплота, образующаяся отъ сгоранія такого количества газа оттаиваетъ зимою намерзающій около фонаря ледъ, тяга воздуха въ каналахъ между стеклянными коронками охлаждаетъ ихъ и предохраняетъ отъ лопанья.

A изображаетъ обыкновенную горѣлку для освѣщенія послѣ полуночи. Она зажигается сама, послѣ соотвѣтственнаго поворачиванія крана *c*, посредствомъ котораго тушатся остальныя горѣлки.

Меньшая горѣлка a^2, расходующая очень незначительное количество газа, или постоянно горитъ, или зажигается за нѣсколько времени ранѣе зажиганія фонарей. Такъ что для зажиганія шести горѣлокъ нѣтъ надобности открывать фонарь, а нужно только повернуть кранъ *c* и тогда всѣ шесть горѣлокъ, отстоящія недалеко отъ a^2 зажигаются одновременно. Такимъ образомъ большое количество фонарей могутъ быть зажжены очень быстро.

Сравнивая новое освѣщеніе газомъ и электрическое, приходится отдать предпочтеніе газу. Свѣтъ болѣе пріятный и ровный, что же касается стоимости освѣщенія, то газъ обходится на половину дешевле.

Такимъ образомъ электричеству не удается пока вытѣснить газъ. Скоро ли это произойдетъ и произойдетъ ли? Въ настоящее время остается только признать выгодныя стороны этой борьбы, ведущей къ постоянымъ улучшеніямъ освѣщенія.

Н. С. Васильева.

Москва не такъ еще давно отличалась превосходною русскою труппою—имена Щепкина, Шумскаго, Садовскаго и др. каждому бывшему въ то время въ нашей первопрестольной столицѣ, конечно напоминаютъ его былыя высокія художественныя наслажденія.

Въ числѣ наиболѣе блестящихъ представителей тогдашней московской труппы были С. В. и Е. Н. Васильевы, родители нынѣ выступившей на петербургской сценѣ молодой талантливой артистки Надежды Сергѣевны Васильевой, портретъ которой мы помѣщаемъ въ этомъ №. Н. С. родилась въ Москвѣ въ 1852 г. Еще маленькой дѣвочкой, начавъ посѣщать театръ, который полюбила всѣмъ сердцемъ, артисткѣ суждено было

судьбою присутствовать на печальномъ, прощальномъ бенефисѣ ея знаменитаго отца, Сергѣя Васильевича, который ослѣпнувъ, долженъ былъ оставить сцену 34 лѣтъ отъ роду въ полномъ развитіи таланта. Это были какъ бы похороны любимаго живаго артиста. Въ публикѣ плакали и товарищи-артисты со слезами выводили слѣпца подъ руки на безпрестанные вызовы. С. В. скончался въ 1862 году.

По блестящемъ окончаніи курса въ одномъ изъ лучшихъ московскихъ пансіоновъ, Надежда Сергѣевна начала подготовку къ сценѣ подъ руководствомъ матери, женщины умной и образованной, которая весьма осторожно и постепенно вводила Н. С. въ новый для нея міръ и предостерегала отъ исполненія ролей не по силамъ и не по лѣтамъ, допуская ее только на сцены частныхъ и провинціальнаго тверскаго театра. Осенью 1870 г. юная артистка дебютировала впервые на московской сценѣ въ бенефисъ покойнаго Живокини въ водевилѣ „Бѣдовая дѣвушка“ и была принята на императорскую сцену. Первою, болѣе серьезною ролью ея была роль Вѣрочки въ комедіи Тургенева „Мѣсяцъ въ деревнѣ“, въ которой симпатичный талантъ артистки и привлекательная наружность сдѣлали ей совершенно серьезный успѣхъ. Затѣмъ ей начинаютъ поручать уже серьезныя роли, преимущественно „съ драматическимъ оттѣнкомъ“: Нади въ „Ошибкахъ молодости“, Софьи въ „Горѣ отъ ума“, Снѣгурочки въ извѣстной пьесѣ Островскаго того же имени и роли, такъ наз. „travesti“: Мольера въ пьесѣ „Мольеръ-дитя“, Бенуатона въ „Семьѣ Бенуатонъ“, Ореста въ „Выгодномъ предпріятіи“ и Тото въ пьесѣ „Сорвиголова“ и молодая артистка пользовалась неизмѣннымъ успѣхомъ. Лѣтомъ 1871 г. Н. С. играла въ Харьковѣ съ своимъ, не менѣе отца ея извѣстнымъ, дядей, покойнымъ П. В. Васильевымъ, который принесъ ей не мало пользы совѣтами и указаніями. Въ 1874 г. выйдя замужъ въ 1877 году Н. С. лишилась матери, потеря которой потрясающимъ образомъ подѣйствовала на дочь. Она не могла забыть, что играетъ на той сценѣ, которая ей напоминала тяжелую потерю.

Н. С. рѣшилась перейти на службу въ Петербургъ. Здѣсь приняли ее съ уменьшеннымъ содержаніемъ и лишили почему то бенефиса, которымъ она уже 7 лѣтъ пользовалась въ Москвѣ. Въ послѣднее время симпатичный талантъ артистки достаточно сильно выказался въ „Безприданницѣ“, „Въ духѣ времени“, въ „Женитьбѣ Бѣлугина“, „Завоеванномъ счастьѣ“, т. е. въ нѣкоторыхъ роляхъ, въ которыхъ до того имѣла здѣсь успѣхъ М. Г. Савина, (портретъ которой у насъ былъ уже помѣщенъ ранѣе въ 1878 г. № 31).

Какъ живетъ Александръ Дюма.

Очеркъ.

Домъ, занимаемый въ Парижѣ славнымъ авторомъ „Dame aux camelias“, находится въ улицѣ Вильеръ, выстроенъ въ густомъ прекрасномъ саду и окруженъ рѣшеткой, въ узоръ которой входитъ монограма хозяина дома. По стѣнамъ вездѣ вьется плющъ, что придаетъ дому особенно уютный видъ. Вообще даже въ мелочахъ, замѣчается тонкій и изысканный вкусъ этаго писателя.

Кабинетъ Дюма находится въ нижнемъ этажѣ и очень великъ. Стѣны обиты сафьяномъ и окна выходятъ на сѣверъ и востокъ. Очень низкіе шкафы съ богатой рѣзьбой вокругъ стѣнъ, наполнены рѣдкими книгами—собраніе, которому можетъ позавидовать любой библіофилъ. Совершенно отдѣльное мѣсто занято томами произведеній отца Дюма и его собственными. Письменный столъ замѣчателенъ своею величиною и устройствомъ. Въ столѣ кругомъ идутъ узкіе вертикальные ящики, куда наложены пачки различной величины англійской бумаги. Дюма вообще не пишетъ на обыкновенной писчей бумагѣ. Полъ въ комнатѣ краснаго дерева, покрытъ весь богатымъ персидскимъ ковромъ.

Вокругъ кресла, на которомъ обыкновенно работаетъ Дюма, на полу разбросаны различные лексиконы и энциклопедіи, которыя онъ называетъ своими адъютантами. Надъ шкафами, по стѣнамъ развѣшаны картины старыхъ и новѣйшихъ художниковъ. Тутъ есть Верне, Делакруа, Діацъ, Фортуни и Маршаль. Всякій разъ, какъ появляется новая книга Дюма, онъ покупаетъ себѣ новую картину, говоря, что это *награда за трудъ*.

Вправо виситъ портретъ его отца, рисованный Маршалемъ. Напротивъ—портретъ Дюма-сына, рисованный Дюбюзомъ. Въ простѣнкѣ стоитъ его же бюстъ, работы Карпо и прекрасная копія группы Лаокоона. Всѣ уголки заняты дорогими подарками, вещами, соединенными съ какими нибудь воспоминаніями его жизни или путешествій.

Жена Дюма—русская, урожденная Нарышкина, каждое утро имѣетъ обыкновеніе наполнять цвѣтами вазу на письменномъ столѣ мужа. Кромѣ этой вазы, на столѣ отведено мѣсто только портрету дѣтей и жены, да нѣсколькимъ громаднымъ чернильницамъ и массѣ перьевъ и карандашей.

За исключеніемъ мѣсяца, который Дюма проводитъ гдѣ нибудь на водахъ, все лѣто онъ живетъ въ деревнѣ Пюи, на бретонскомъ берегу въ 20 минутахъ ѣзды отъ Діеппа.

Въ 1858 году деревенька эта насчитывала около 12 лачужекъ, обитатели которыхъ были все рыболовы. Уединенное это мѣсто чрезвычайно понравилось Дюма, который купилъ тутъ старый домъ и съ нимъ тридцать метровъ земли. Такимъ образомъ Дюма обезпечилъ себя отъ всякаго докучливаго сосѣдства. Но конечно довольно было поселиться тутъ Дюма, какъ мѣсто сдѣлалось моднымъ, и вскорѣ къ Дюма стали обращаться съ просьбами продать часть земли. Многимъ было отказано. Но когда съ такою же просьбою стали обращаться къ нему его друзья—Монтины, директоръ театра „Гимназіи“, знаменитая пѣвица Карвалло и лордъ Сэлисбюри, то отказывать уже стало неудобно и приходилось уступать части земли. Съ тѣхъ поръ названныя лица поселились по сосѣдству.

Болѣе всего заботится о процвѣтаніи Пюи, черкесъ Василій, пріѣхавшій во Францію съ отцемъ Дюма. Онъ тутъ выстроилъ прекрасную гостинницу на берегу и мечтаетъ превратить Пюи въ нѣчто подобное Трувилю. Хотя всѣ эти затѣи не особенно по сердцу Дюма, но изъ уваженія къ памяти отца, онъ не прекословитъ старому слугѣ. Мѣстные рыболовы не могли свыкнуться съ именемъ Василій, стали называть его Базили и наконецъ окрестили его Пасификъ—это послѣднее имя за нимъ и осталось.

Пюи особенно дорогъ Дюма, потому что тутъ погребенъ отецъ его, котораго онъ безгранично любилъ. Поэтому если онъ говоритъ: „я желалъ бы умереть лѣтомъ“ это значитъ — именно въ Пюи.

На самомъ берегу построенъ павильонъ, который предназначенъ для мастерской художниковъ, общество которыхъ Дюма предпочитаетъ всякому другому. Тутъ работалъ Карпо надъ своимъ послѣднимъ произведеніемъ „Жена рыбака“ извѣстнымъ подъ именемъ „Фея въ деревянныхъ башмакахъ“. Тутъ занимался Валлонъ и Маршаль.

Не смотря на шуточное названіе „станціи“ данной Дюма Пюи—это прекрасное мѣстечко. Домъ Дюма отдѣланъ здѣсь съ большимъ вкусомъ. Самъ хозяинъ—человѣкъ высокаго роста, широкоплечій, съ голубыми, ясными глазами и свѣтлыми волосами.

Онъ незаконнорожденный—и сынъ швеи. Жизнь его вообще представляетъ много чертъ романическихъ. Его мать умерла вскорѣ послѣ его рожденія, а въ мемуарахъ его безалабернаго отца объ этомъ находятъ слѣдующую замѣтку: „Въ день рожденія герцога Монморанси, у меня родился герцогъ Шартръ“. Молодой Дюма первоначально воспитывался въ пансіонѣ Корбо, бывшаго сотрудникомъ по писанію романовъ его отца и основателемъ знаменитой коллегіи Шапталь въ Парижѣ. Незаконное рожденіе очень тяготило мальчика, который выростая дѣлался все мрачнѣе и задумчивѣе.

Ежегодно, на праздники Дюма пріѣзжалъ къ отцу, но было рѣшено, чтобы онъ отца называлъ „Monsieur“.

Однажды отецъ засталъ мальчика прячащимъ что то въ карманъ. Что ты прячешь, спросилъ романистъ? Ничего — было отвѣтомъ. Не лги, мой милый, и покажи что это у тебя. Тогда изъ кармана былъ вытащенъ томикъ „Эмиля“ Жирардена, въ судьбѣ котораго было такъ много общаго съ судьбою мальчика.

— Если ты хочешь читать такую книгу, то вмѣсто того, чтобы прятаться, скажи мнѣ откровенно, какого ты объ ней мнѣнія.

— Хорошо, отвѣчалъ мальчикъ, я вполнѣ сочувствую Эмилю и думаю, что онъ превосходно сдѣлалъ, завоевавши себѣ имя, которое у него безъ его вины такъ жестоко отняли; я хочу сдѣлать тоже.

Слезы навернулись на глазахъ отца, онъ обнялъ сына и сказалъ: „Носи мое имя, не упрекай меня, да благословитъ тебя Богъ!“

Восемнадцатилѣтнимъ юношей Дюма былъ введенъ въ общество отцомъ, который рекомендовалъ его въ салонѣ г-жи Бальдоръ словами: „мое самое милое и лучшее произведеніе“. При первомъ вступленіи въ свѣтъ Дюма — сынъ восхищалъ всѣхъ своимъ умомъ, манерами и находчивостью. Затѣмъ онъ былъ опредѣленъ отцомъ въ коллегію.

Однимъ изъ первыхъ сочиненій Дюма-сына было: „Ошибки молодости“ и затѣмъ „Приключенія трехъ дамъ и одного попугая“, въ которыхъ хотя и много недостатковъ, свойственныхъ начинающему писателю, но тѣмъ не менѣе они уже указывали на выходящее изъ ряду дарованіе.

Во всѣхъ сочиненіяхъ Дюма сына, заключается частичка пережитаго имъ самимъ, чему и приписываютъ успѣхъ ихъ. „Affaire Clemenceau“ „Diane de Lys“ „La dame aux perles“ „le fils naturel“ „La vie à vingt ans“.—все это отрывки изъ его собственной біографіи. Въ Dame aux camelias, Арманъ—это самъ Дюма-сынъ.

Какъ было уже сказано, отца и сына связывала самая тѣсная дружба, что однако не мѣшало сыну замѣчать странности отца. Дюма-сынъ прекрасный товарищъ. Маршаль и Фавръ

его давнишніе друзья. Съ первымъ онъ ежедневно игралъ на бильярдѣ и ежедневно проигрывалъ ему партію. Когда разнесся слухъ, что Маршаль лишилъ себя жизни вслѣдствіе денежныхъ затрудненій, Дюма со слезами проговорилъ: „Бѣдный Маршаль, не бѣдность же тебя убила, ты вѣдь хорошо зналъ, какое было для меня счастіе проигрывать тебѣ ежедневно партію на бильярдѣ“. Не проходитъ ни одного дня со смерти Маршаля, въ который бы Дюма не остановился передъ его картиной и не помянулъ бы его.

У Дюма странная манера работать. Когда онъ обдумываетъ какое нибудь произведеніе, онъ не выноситъ ничьего присутствія. Но какъ только онъ уяснилъ себѣ ходъ и дѣйствіе, тогда не только дверь его открыта для всѣхъ, но онъ почти лихорадочно ищетъ общества.

Дюма никогда не набрасываетъ плана своего сочиненія; но обдумавши все окончательно, онъ сразу пишетъ на бѣло, для чего неизмѣнно употребляетъ голубую веленевую бумагу. Въ настоящее время онъ пишетъ романъ, заглавіе котораго пока еще тайна; но онъ увѣряетъ своихъ друзей, что это будетъ его лучшая работа.

Политическое обозрѣніе.

Безпорядки въ Канеѣ.—Тронная рѣчь Князя Болгарскаго. — Братіано о своей поѣздкѣ.—Новые пункты, избираемые іезуитами для мѣстопребыванія.—Побѣда виговъ надъ торіями.

Принятая недавно Турціей финансовая мѣра, о которой мы недавно говорили и которая состоитъ въ пониженіи цѣны серебряной размѣнной монеты, — начала уже приносить плоды свои, доказавъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и свою непригодность. Съ острова Крита сообщаютъ, что въ Канеѣ произошли смуты именно изъ за этаго распоряженія. Волненія продолжались нѣсколько дней. Толпа захватила нѣкоторыя изъ хлѣбопекарень. Магазины были всѣ заперты. Генералъ - губернаторъ дѣйствовалъ, все время, съ большимъ тактомъ и сдерживалъ народъ, но, тѣмъ не менѣе, безпорядки прекратились только тогда, когда Фотіадесъ-паша получилъ телеграфное предписаніе Порты о принятіи въ правительственныя казначейства металлическихъ денегъ по номинальной стоимости ихъ.

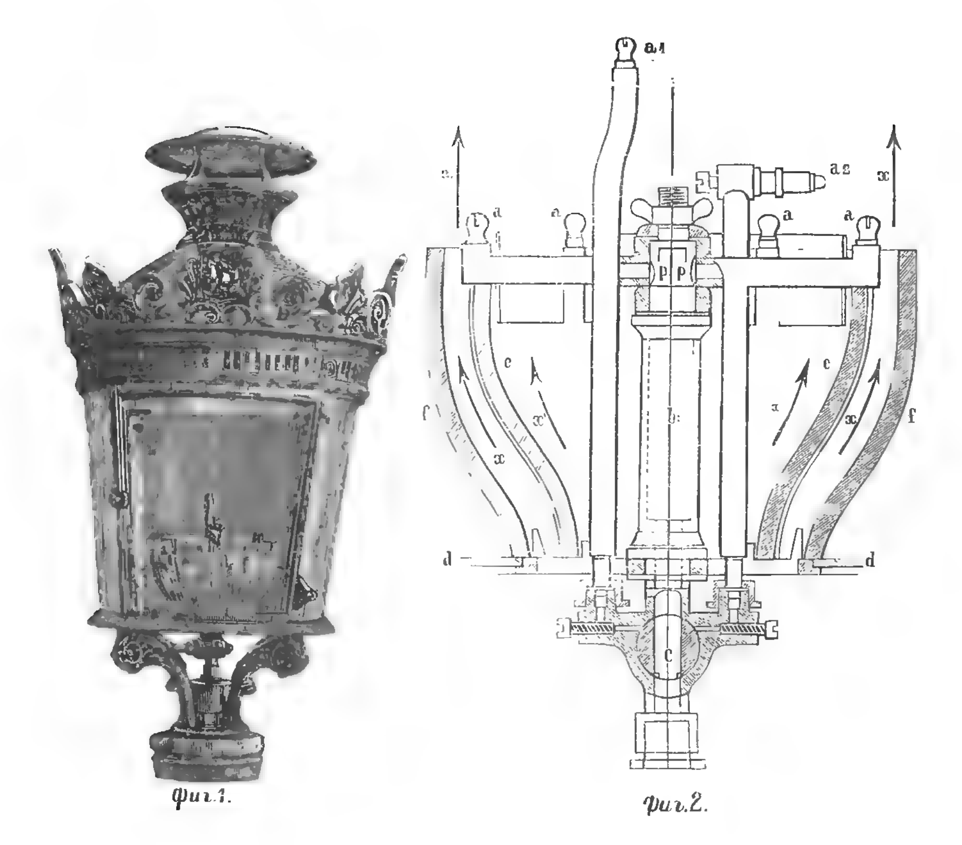
Говорятъ, что подобные безпорядки происходили и въ другихъ мѣстностяхъ имперіи. — Къ числу заговоровъ въ Константинополѣ прибавился еще одинъ. Недавно взятъ генералъ Фуадъ-паша по подозрѣнію въ намѣреніи посягнуть на жизнь султана. Дѣло это, подобно дѣлу Аристархи-бея (о немъ мы уже сообщали) является какимъ-то загадочнымъ. Слѣдствіе до сихъ поръ не установило еще никакихъ фактовъ виновности Фуада-паши. Есть даже слухъ о томъ, что все это—не болѣе какъ интрига нѣкоторыхъ придворныхъ, завидующихъ быстрой карьерѣ, сдѣланной имъ въ прошлую войну. Въ числѣ враговъ его называютъ, между прочимъ, и Османа-пашу. Нынѣшнее министерство снова колеблется и будущаго премьера видятъ уже въ лицѣ теперешняго министра финансовъ, пріобрѣвшаго расположеніе султана.

Въ торговыхъ отношеніяхъ Сербіи съ Германіей замѣчается явленіе, не совсѣмъ благопріятное для этой послѣдней. До сихъ поръ всѣ англійскіе товары доставлялись Гамбургскими конторами транзитомъ чрезъ Германію и сербскіе купцы не входили въ непосредственныя сношенія съ англійскими, пользуясь услугами нѣмцевъ; нынѣ же, по заключеніи торговаго трактата между Сербіей и Англіей, положеніе дѣла совершенно перемѣнилось. Большая часть сербскихъ негоціантовъ выписываетъ уже товары изъ Англіи, откуда они идутъ путемъ чрезъ Фіуме.

Князь Болгарскій лично открылъ собраніе тронною рѣчью, на болгарскомъ языкѣ, въ которой онъ вспоминаетъ въ теплыхъ выраженіяхъ, о поѣздкѣ своей въ Россію, о радушномъ пріемѣ, оказанномъ ему Его Величествомъ Государемъ Императоромъ и съ удовольствіемъ заявляетъ, съ какимъ особеннымъ интересомъ относится Государь къ Болгаріи и преуспѣянію ея. Указавъ на хорошія внѣшнія отношенія Болгаріи, князь, далѣе заявилъ о необходимости такаго законодательства, которое доставило бы Болгаріи прочную организацію и почву для дальнѣйшаго развитія. Собранію будутъ сообщены 15 проектовъ. Тронная рѣчь принята весьма сочувственно.

Австрія, при ея широко развивающейся дѣятельности на Балканскомъ полуостровѣ, надо погладить своего естественнаго союзника... Но, намъ кажется, что „союзнику“ этому не мѣшало бы быть поосторожнѣе и подальновиднѣе....

Во французскомъ „Moniteur officiel“ отъ 30 марта напечатаны два декрета президента республики, которымъ предшествуетъ докладъ министровъ внутреннихъ дѣлъ и исповѣданій и юстиціи. Докладъ этотъ исчисляетъ различные законы, регулирующіе положеніе религіозныхъ ассоціацій и приходитъ къ заключенію, что необходимо, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ—какъ распустить конгрегацію іезуитовъ, такъ и обязать всѣ прочія не разрѣшенныя конгрегаціи сообщить правительству статуты и регламенты свои. Декреты утверждаютъ заключенія доклада. Папа, какъ слышно, не выступаетъ въ защиту іезуитовъ, ограничиваясь только платоническимъ выраженіемъ сожалѣнія своего. Теперь уже можно отчасти указать нѣсколько пунктовъ, гдѣ сосредоточатся іезуиты по выходѣ изъ Франціи. Такъ они пріобрѣли за 125 тысячъ франковъ великолѣпный замокъ герцога д'Оссуна, близъ Мадрида; затѣмъ, изъ Монако сообщаютъ, что туда прибылъ одинъ парижскій архитекторъ, которому поручена постройка двухъ большихъ зданій для іезуитскихъ коллегій; зданія эти, воздвигаемыя на земляхъ, недавно пріобрѣтенныхъ, предполагается окончить ко 2 ноября для помѣщенія въ нихъ 2 тысячъ воспитанниковъ, немедленно по возобновленіи классовъ, послѣ вакацій; далѣе—іезуиты пріобрѣли себѣ также уголокъ и близъ Праги.

Новые газовые фонари на Невскомъ проспектѣ въ Спб. Съ фотогр. грав. Шмидтъ.

Избирательная борьба въ Англіи клонится къ побѣдѣ виговъ. До сихъ поръ, изъ 482 членовъ новаго парламента — выбрано 271 вигъ и 141 тори. Въ итогѣ у виговъ—59 новыхъ парламентскихъ мѣстъ. При такихъ обстоятельствахъ, найдено было необходимымъ отправить къ королевѣ Викторіи, гостящей нынѣ въ Германіи,—экстреннаго курьера. Министерство Биконсфильда еще не рѣшило—подать ли ему въ отставку теперь же, или дождаться открытія парламента. Что можемъ мы гадать относительно будущей политики Англіи, съ вигами во главѣ? Не пускаясь, пока ни въ какія предположенія, скажемъ, что корифеи партіи этой, въ своихъ рѣчахъ къ избирателямъ, намѣтили главныя черты политики своей. Гартингтонъ сказалъ, между прочимъ, что Англія не будетъ поддерживать преобладанія Турціи на Балканскомъ полуостровѣ, который слѣдуетъ, по мнѣнію его, предоставить племенамъ, населяющимъ его, а Гладстонъ весьма рѣзко выразилъ несочувствіе свое къ Австро-Венгріи. Оба же, какъ и вообще вся партія, противъ войнъ и захватовъ.

(Продолженіе на стр. 285, 286, 287 и 288).

Вотъ что пока, намъ извѣстно. Не выйдутъ ли они, или выйдутъ изъ этихъ рамокъ, объясняя ихъ силою обстоятельствъ—будущее укажетъ вѣроятно скоро. Но въ Австріи очень недовольны...

Что касается состава кабинета, то одни думаютъ, что первымъ министромъ будетъ Гартингтонъ и министрами: иностранныхъ дѣлъ — лордъ Дерби, финансовъ же—Гладстонъ, другіе утверждаютъ, что Гладстонъ не войдетъ въ составъ кабинета, а третьи предполагаютъ, что онъ будетъ главою кабинета.

Смѣсь.

Несдержанное пари. Одинъ парижанинъ принадлежащій къ высшему кругу, держалъ пари съ графомъ В..., что тотъ не будетъ охотиться въ продолженіи цѣлаго года. Пари равнялось 25,000 фр., его скрѣпили у нотаріуса при свидѣтеляхъ.

Вначалѣ минувшаго года графъ В. умеръ. Г. Н. думая, что онъ развязанъ отъ своего пари, не заботился о соблюденіи и началъ охотиться. Наслѣдники графа В., пересматривая бумаги умершаго, нашли условія пари и рѣшаются предъявить искъ къ г. Н.,—они надѣются получить съ него 25,000 фр., которые онъ проигралъ, нарушивъ пари. Г. Н. не оспариваетъ, что охотился, но отказывается отъ платежа. Надняхъ рѣшеніе этого дѣла предоставлено обоими противниками на рѣшеніе редакціи „Figaro“, которая въ свою очередь намѣрена рѣшить этотъ спорный вопросъ большинствомъ голосовъ своихъ читателей

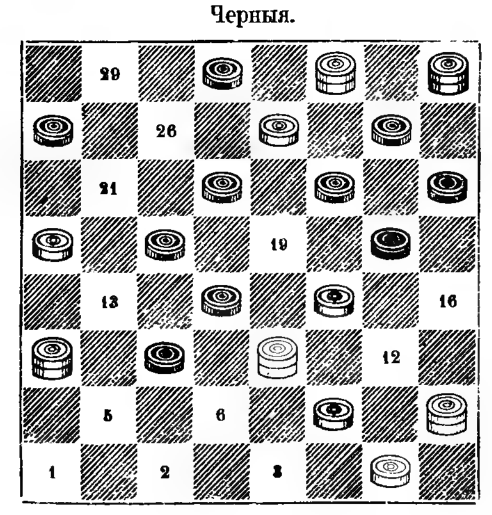
Н. С. Васильева. Съ фотогр. грав. К. Венерманъ.

Дерево - громоотводъ. — По наблюденіямъ Колладона, изъ различныхъ породъ деревьевъ, растущихъ около Женевскаго озера, тополь всего меньше страдаетъ отъ ударовъ молніи и представляетъ, повидимому, хорошій проводникъ электричества. Почти также относится къ молніи и вязъ; дубъ же, пораженный молніей, теряетъ верхушку; молодыя березы послѣ удара поправляются, старыя же засыхаютъ. Практическій выводъ изъ этихъ наблюденій тотъ, что полезно обсаживать дома тополями, такъ какъ они могутъ замѣнить громоотводы.

Предохраненіе водосточныхъ трубъ отъ замерзанія. Профессоръ Мейдингеръ, въ Баденѣ, не совѣтуетъ вливать въ замерзшія водосточныя трубы горячую воду, такъ какъ этимъ способомъ ледъ отходитъ съ большимъ трудомъ и медленно—онъ предлагаетъ опускать въ эти трубы поваренную соль, или вливать соляной растворъ (1 часть соли въ 3-хъ частяхъ воды), отчего самая толстая ледяная кора вскорѣ совершенно распадается.

Шашечная задача № 30

Черныя.

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ, выигрываютъ и запираютъ одну черную.

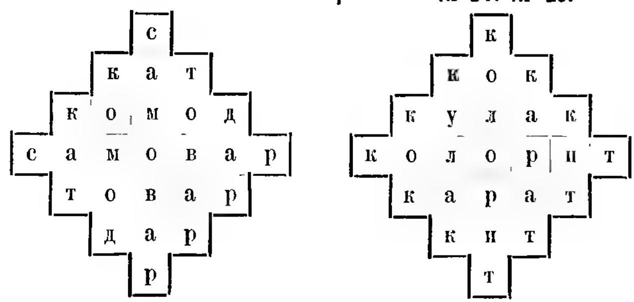
Алгебраическая задача № 31.

Главнокомандующаго по окончаніи войны спросили: сколько въ его распоряженіи было всего войска, сколько было убито во время войны и сколько выбыло изъ строя раненыхъ и больныхъ.

Онъ отвѣчалъ: „Если бы у меня было на 20,000 меньше войска, тогда сумма убитыхъ, раненныхъ и больныхъ равнялась бы половинѣ всей арміи, а если бы у меня было войска на 40,000 больше, тогда число раненыхъ и больныхъ составляло бы четверть всей арміи. Число же оставшихся въ строю равняется утроенной разности между числомъ раненыхъ и больныхъ и числомъ убитыхъ“.

Узнать: сколько было всего войска, сколько убито, сколько выбыло раненыхъ и больныхъ и сколько осталось въ строю.

Рѣшенія магическихъ крестовъ № 24. № 25.

Вѣрныя рѣшенія этихъ задачъ присланы: **Спб.** отъ гг. Эммануэля, Микко Русси **Москва** -Серебрякова, Канненберга, Смирнова; **Н.-Новгородъ** -Соболева.

Рѣшеніе шашечной задачи № 23.

Бѣлыя.	Черныя.
Съ № 9 на № 5	Съ № 1 на № 10
„ № 11 „ № 6	„ № 10 „ № 3
„ № 2 „ № 6	„ № 3 „ № 10
„ № 17 „ № 13	„ № 10 „ № 17
„ № 15 „ № 2	„ № 8 „ № 24
„ № 26 „ № 21	„ № 17 „ № 19
„ № 27 „ № 23	„ № 19 „ № 28

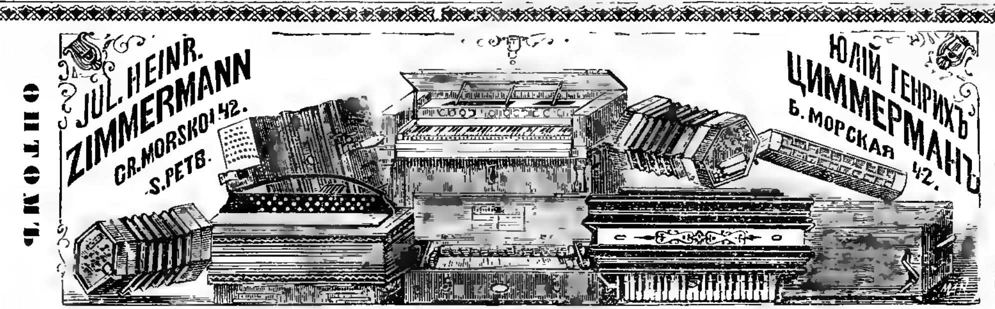
Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы **Спб.**, отъ гг.: Муравьева, Петрова, Эмануэль, Маркова, Геннигъ, Маринина, Журкина: **Москва**, отъ гг.: Гусева-Ступина, Звѣвакина, Самсонова, Тростенскаго, Стрѣлкова: **Кронштадтъ** — Даржана: с. **Липицы** —Медвѣдникова: **Тверь** — Баракичъ, **Муромъ** — Голуебва: **Зубцовъ** —Семыкина; **Орелъ** —Семенова.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

С.-Петербургъ, Н. Н. Пыжевскому.—**Сороки**, И. Васильеву. **Кронштадтъ,** Н. Даржану.—**Мозырь**, Ю. Лапичу.—Присланныя вами задачи будутъ **помѣщены** въ ближайшихъ №№.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

Юлія Генриха Циммермана.

С.-Петербургъ, по Большой Морской улицѣ, № 42.

рекомендуетъ вновь полученные инструменты изъ самыхъ извѣстнѣйшихъ заграничн. фабрикъ:

Скрипки по $2^1/_2$ р., 5 р., 6 р., 8 р., 12 р., 20 р., 30 р., 50 р. 60 р. и дор. до 150 р.
Смычки по 50 k., $1^1/_4$ р, 2 р., 3 р., 5 р., 8 р. и дор. до 20 р.,
Футляры по $2^1/_2$ р, $5^1/_2$ р., 6 р., 7 р, 10 р и дор. до 20 р
Старыя итальянскія и нѣмецк. скрипки до 600 р.
Скрипки малаго формата для дѣтей отъ $2^1/_2$ р до 30 р
Школы для скрипки (самоучитель) по 2 р, 3 р., 4 р. и 5 р.
Альты по 9 р., 15 р.; 25 р, 50 р. и дор
Віолончели по 20 р., 30 р., 40 р., 60 р., 100 р и дор. до 600 р.
Школы для віолончели по 4 р.
Контрабасы по 45 р., 65 р., 120 р. и дор.
Гитары по $3^1/_2$ р., $5^1/_2$ р, 8 р., 10 р. 20 р., 30 р. и дор. до 125 р.
Школы для гитаръ (самоучитель) по $1^1/_2$ р., 2 р., 3 р.
Цитры по 14 р., 16 р., 25 р., 35 р., 50 р. и дор. до 125 р.
Школы по 2 р. и $3^1/_2$ р., ноты по 40 k., 60 k., 90 k.
Мандолины по 10 р., 20 р., 30 р., 40 р. и дор.
Школы по 5 р.
Лучшія итальянскія струны для этихъ инструментовъ.
Каммертоны по 40 k., 50 k., $1^1/_2$ р., 2 р, 6 р.
Сурдинки, каннфоль и друг. принадлежности.
Метрономы по 8 р. и 12 р.
Желѣзные складные пюпитры по 5 р.
Желѣзные складные пюпитры съ подсвѣчниками по 6 р. и 8 р.

Нѣмецкія гармоніи по 4 р., $4^1/_2$ р., $5^1/_2$ р., $7^1/_2$ р., 10 р., 15 р., 20 р., 24 р., 30 р., 40 р. и дор.
Школы и ноты для гармоніи по 50 k., 60 к., 75 к. и $1^1/_2$ р.
Корнеты а пистонъ по 18 р., 25 р, 30 р., 40 р., 60 и дор.
Школы (самоучитель) по $1^1/_2$ р., 4 р., 5 р.,
Альтгорны, сигнальные рожки, тромбоны,
Флейты по 3 р., 5 р., 7 р., 10 р, 12 р., 20 р., 30 р., 40 р. 60 р. и дор.
Школы (самоучитель) по $1^1/_2$ и 3 р., ноты по 40 к., $1^1/_2$ р. и 3 р.
Кларнеты по 6 р., 8 р., 10 р., 15 р., 20 р., 30 р., 40 р. и. дор. до 60 р
Школы для кларнета по 4 р.
Пиколо, чаканы, флажолеты.
Англійскія концертино по 30 р., 36 р., 45 р., 55 р., 70 р, 100 р. и дор до 160 р.
Школы 3 р., ноты по 50 к., 75 к., 1 р., $1^1/_2$ р.,
Нѣмецк. концертино по 3 р., 4 р., 5 р., 8 р., 10 р., 12 р., 15 р. и дор. до 30 р.
Школы (самоучитель) по 75 к., ноты по 40 к., и 1 р.
Музыкальные ящики по 2 р., 4 р., 6 р., 10 р., 25 р., 30 р., 40 р. 55 р., 75 р., 90 р. и дор. до 200 р.
Фисгармоніи, гармонифлюты, гармонифлюты съ органомъ, барабаны, литавры, тарелки, треугольники, бубны, ложки, бунчуки, кастаньеты, бандоніоны, металлафоны, губныя гармоніи, шарманки; органчики для канареекъ и проч..
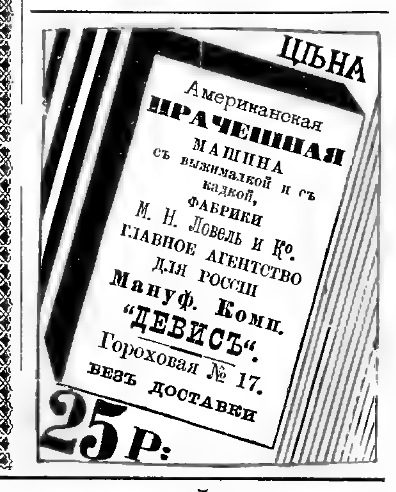
Иногородные заказы исполняются аккуратно и немедленно.
Wa. № 599 За пересылку прошу прилагать приблизительно. 3—3

Сыпь (лица) и язвы золотушн. и **сифилитич.** равно и **солитеръ** лечатся въ Лечебницѣ по Владимірской № 15.
№ 660 2—1

СБОРНИКЪ „ПРИРОДЫ".

(Рекомендованъ М. Н. Просв. для библіот. учебн. завод. и награды ученикамъ).

Распродается въ редакціи Ж. „Природа и Охота", (Москва, Никитскій бульваръ, д. Перевощикова) съ уступкою болѣе 50%. Экземпляръ съ 120 хромо-и литографическими приложеніями за **25 руб.** вмѣсто **53 р.** безъ приложеній за **12 руб.** вмѣсто **34 руб.** За пересылку по почтѣ прилагается, сообразно разстоянію, за **пудъ пять** фут Можно доставлять черезъ транспортную контору, съ уплатою денегъ за пересылку получателемъ. Оглавленіе высылается безплатно.
Пч. № 642 3—2.

№ 21. Вознесенскій проспектъ № 21.

СКЛАДЪ ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ ВСѢХЪ СИСТЕМЪ.

американскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ конструкцій

А. ШТЕЙНЪ, бывш. Г. Френкель.

ПРОДАЖА ОПТОМЪ И ВЪ РОЗНИЦУ.

Ручныя машины, 20 разныхъ констр., отъ **12** до **45 р.**
Ножныя » 40 » » » **35** » **350** »
Системы: Зингеръ отъ **40**, Виллеръ и Вильсонъ отъ **35**, Гау отъ **45**, Гроверъ и Беккеръ отъ **40** р.

СПЕЦІАЛЬНОСТЬ МАШИНЪ для выметыванія петель, вязанія плиссе, вышиванія, шитья перчатокъ и для шитья варной дратвой.

ЦѢНЫ ФАБРИЧНЫЯ.

БЕЗПЛАТНО высылка подробнаго иллюстрированнаго прейсъ-куранта и пробныхъ работъ, въ видѣ обрѣзокъ спеціальныхъ машинъ. № 341 10—10

ЖЕНСКІЙ ПАНСІОНЪ СТОМАНЪ (STOHMANN).

ГОМБУРГЪ БЛИЗЪ ФРАНКФУРТА НА МАЙНѢ.

Д. 583 Пріемъ новыхъ воспитанницъ во всякое время. 3—3

ВАЖНО ДЛЯ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

Франкфуртскія молотилки системы Вейла.

Должны быть вездѣ, гдѣ молотятъ. Это **самыя** лучшія, прочныя извѣстныя, дешевыя **машины** этаго рода. Всякій работникъ можетъ ихъ поставить, каждый поденьщикъ можетъ (ими пользоваться) **съ ними справиться**, каждый кузнецъ можетъ ихъ починить.

Машины эти, съ чистильщикомъ или безъ него, доставляются на каждую желѣзнодорожную станцію. **Самой** малой величины молотилка стоитъ только 76 рублей. По письменному требованію иллюстрированный каталогъ у **МОРИЦА ВЕЙЛА** младшаго.

Машинная фабрика въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ (въ Германіи).

Корреспенденція по русски.

Ptr. № 652 13—1

ДЛЯ СОХРАНЕНІЯ

мѣховыхъ, зимнихъ, шерстяныхъ вещей и пр. мы предлагаемъ почтеннѣйшей публикѣ

РЕЗИНОВЫЕ МѢШКИ ПРОТИВЪ МОЛИ

всѣхъ величинъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Эти мѣшки закрываются герметически посредствомъ весьма легко открывающейся и закрывающейся скобки, которая препятствуетъ совершенно попасть *моли* въ мѣшокъ какъ и *образоваться* въ немъ.

Главное депо русскихъ и иностранныхъ резиновыхъ издѣлій

ЛИМАНА и РИКСА.

Mt. № 606 По Гороховой улицы., № 16.
Между Большой Морской и Краснымъ мостомъ.
Прим. По воскресеньямъ нашъ магазинъ открытъ отъ 10 до 4 час. 5—2

ПРЕЖДЕ ЧѢМЪ ПОКУПАЕТЕ ШВЕЙНУЮ МАШИНУ осмотрите **тщательно** настоящую американскую машину Виллера и Вильсона, которые получили на всѣхъ выставкахъ высшую награду. На Парижской выставкѣ въ 1878 г. комп. Виллера и Вильсона — единственная между фабрикантами швейныхъ машинъ, которая получила **НАИВЫСШУЮ НАГРАДУ**—большую золотую медаль и дипломъ. Ручныя и ножныя или ручныя и ножныя вмѣстѣ съ прямой или кривой иголкой.

Kl. № 601 **Г. М. ХУТТОНЪ и К°.** 4—1

Главные Агенты. С.-Петербургъ, Невскій пр., № 40 и Малая Морская № 14.—Москва, Большая Лубянка д. Мазуриной.—Одесса, Полицейская ул., д. Нитче.—Нижегородская ярмарка, въ зданіи Каменнаго театра.

УМЕНЬШЕННЫЯ ЦѢНЫ. ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ БЕЗПЛАТНО.

ПРОДАЮТСЯ КНИГИ:

1 **Жизнь Іисуса Христа по евангеліямъ и народнымъ преданіямъ** (съ литографическимъ изображеніемъ лика Спасителя) Заслужен. ордин. профессора К. И. Скворцова. Ц. 2 руб.

2) **Философія отцовъ и учителей церкви** (періодъ древнихъ апологетовъ христіанства). Его же. Ц. 2 руб.

3) **Объ авторѣ сочиненій, извѣстныхъ съ именемъ св. Діонисія Ареопагита.** Его же Ц. 80 к.

4) **Блаженный Августинъ,** какъ психологъ. Его же. Ц. 1 р. 50 коп.

Адресъ: Въ Кіевъ, въ редакцію «Трудовъ Кіевской дух. Академіи».

№ 653 3—1.

МОДЫ

Отъ фирмъ Виро, Ребу, Мантель, Феликсъ, Луи, Михневицъ, Тювекъ, Паризе, Сюзаннъ и т. д. Прибыли новѣйшие образцы модъ, которые въ настоящее время носятъ въ Парижѣ.

Д. № 12551 **Bertha Nürnberg, Breite Str. 6. Berlin C.** № 657 1—1

въ «MAGASIN ETRANGER»
Иностранномъ магазинѣ, Б. Морск. д. № 30.

!!! ПАРИЖСКІЯ !!!

ИГРУШКИ!

ВЪ ГРОМАДНОМЪ ВЫБОРѢ

Самое **прелестное**, самое **изящное** и самое **роскошное**, что только въ **первѣйшихъ** фабрикахъ и мастерскихъ Парижа выдѣлывается, между которыми много такихъ, которые только по нѣсколько экземпляровъ всего выпущены. Между прочими автоматы самаго сложнаго механизма, такъ напримѣръ:

УДИВИТЕЛЬНАЯ

Райская птичка, выскакивающая изъ черепаховой табакерки и пропѣвши нѣжнымъ голосомъ соловья чудную пѣсню, быстро скрывается. Цѣна 150 р. Иногороднымъ съ пер. 154 р., собачки механическія, медвѣди бѣгающіе и ворчащіе, ходящіе слоны, верблюды, козы, барашки, прелестный павлинъ, гордо распускающій хвостъ и много другихъ удивительныхъ автоматовъ, подражающихъ природѣ. Цѣна отъ 25-ти до 50-ти рублей. Наяда, плавающая какъ человѣкъ, ногами и руками, цѣна 12 р. Иног. съ пер. 15 р., утки, лебеди плавающіе ножками какъ живые прямо или кругомъ. Цѣна 5 р. Иног. съ пер. 6 р. Музыкальныя куклы съ движеніемъ, экипажи, лошадки, поѣзды желѣзной дороги и проч. Куклы превосходной работы необыкновенной красоты, также ходящія, говорящія, плачущія, неодѣтыя, одѣтыя и съ гардеробомъ очень роскошной отдѣлки. Послѣднимъ цѣна отъ 10 р. и дороже. Куклы «Bebé incassable» съ подвижными членами очень красивыя и большой прочности. Цѣна 10, 12, 15 р. и дороже.

!!! ЛОШАДКИ !!!

американскія выш. около аршина, художественной работы, отличающіяся не только необыкновенной красотой формъ, но еще удивительной прочностью.

!!! ВЕЛОСИПЕДЫ !!!

комнатные и для сада, превосходной и прочной работы, двухъ- и трехъ-колесные. Цѣна 12 р. 15 р., 18 р., 24 р. и дороже. Велосипеды такого устройства, что можно употребить ихъ двухъ и трехъ-колесными. Цѣна 35 р. и не больше 50 р., для взрослыхъ 75 р. и 100 руб.

ВЕЛОСИПЕДЫ

для взрослыхъ **американскіе** скоробѣжки ц. 75 р., 100 р. и 150 р.

ВЕЛОСИПЕДЫ

англійскіе бѣговые на которыхъ совершаются гонки на призы, прелестной работы и удивительной легкости. Ц. 350 р. **по заказу.**

ОБЩЕСТВЕННЫЯ ИГРЫ

въ большой разнообразности, между которыми находятся такія, которыя развиваютъ ловкость, мгновенное соображеніе и расторопность, также приготовляющимъ къ различнымъ наукамъ и дающія поводъ къ обученію въ разговорахъ: кукольныя театры. Ц. 3 р., 5 р., 8 р., 12 р., 15 р., Иног. 1 р., 2 р., 3 р. дороже. Игра географическая. Ц. 3 р., иног. 3 р. 50 k. Игра арифметическая, лото зоологическое 3 р. Иног. 3 р. 50 k., очень интересная игра ботаническая, цѣна 3 р. Иног. 3 р. 50 k., лото иностран. языковъ: слова французскія, нѣмецкія и англійскія. Игра астрономическая. Ц. 4 руб. Игры служащія только для развлеченія. Шахматы. Ц. отъ 1 р. 50 k., 3 р., 5 р. и дороже; домино, лото и лото-домино, игра крѣпость. Ц. 1 р. и 3 р., гобангъ, покъ. Ц. 3 р., 5 р. и 7 р. Иног. 4 р., 6 р., и 8 р. Игра «Nain Jaune». Ц. 1 р. 50 к. до 8 р., разныя цѣны, игра скачка отъ 1 р. 50 к. до 15 р. Игра гусекъ отъ 50 к. до 6 р. и много другихъ также пріятныхъ какъ интересныхъ общественныхъ игръ. Ц. съ перес. отъ 2 р. до 6 р.

!!! ГИМНАСТИКА !!!

Принадл. гимнастики 4 штуки трапецъ кольца, лѣстница и рѣики Ц. 10 р. Иног. 13 р. о 8 штук. вдвое дороже.

!!! ИГРА КРОКЕТЪ !!!

Самая интересная игра для сада Ц. 6 р., 8 р. 10, 16 до 25 руб. Иног. по желѣзной дор. 3 р. дороже, а по почтѣ за 20 ф. бол. 1 пудъ.

!!!ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ!!!

ПОДАРКОВЪ

къ праздникамъ для взрослыхъ и для дѣтей.

ЯЙЦА СЪ ИГРУШКАМИ

въ необыкновенной большой **разнообразности** всякихъ цѣнъ отъ 50 коп. до 50 руб. Яички хрустальныя отдѣланныя бронзой съ таб. несессерами, **флакончиками** и разными сюрпризами. Ц. 3 р. и дороже. Яички хрустальныя съ **бриліантовою** гранью очень красиваго эффекта. Ц 25 k. до 1 р. 50 к. Перламутровыя. Особенно рекомендуются очень изящныя **яйца** съ **куклами**, а также съ куклами съ приданымъ, со стадомъ, съ солдатиками и проч. очень **роскошной отдѣлки.**

Составленіе прейсъ-курантовъ, по **громадной** разнообразности предметовъ управленіе магазина не нашло возможнымъ. Заказы иногороднихъ исполняются крайне добросовѣстно и немедленно. Адресовать

Въ „MAGASIN ÉTRANGER“, иностранный магазинъ **К. Бартольда** по Большой Морской, домъ № 30, въ С.-Петербургѣ.

ВЫШЛА АПРѢЛЬСКАЯ КНИЖКА

„СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ.“

Терновый замокъ, Луи Ульбаха.—**Слѣды на снѣгу**, Доры Россель. (окончаніе).—**Паровой домъ**, Жюля Верна.—**Маркиза де-Ферлонъ**, Анри Ривьера.

Кромѣ романа, оконченнаго въ этой книгѣ, въ нынѣшнемъ году окончены еще два: **Сломанный вѣеръ**, Арсена Гуссе; **Намѣренія мистера Стюарта**, Ф. Робинсона.

Къ печати приготовлено: **ГВАРАНИСЪ**, Густава Эмара. **СПРЯТАННОЕ ЗОЛОТО**, Френка Баррета. **ДѢТИ ГЕРЦОГА**, Энтони Троллопа. **ВОЛКАНЪ ВО ЛЬДУ**, Жюля Гро. **ПРЕСТУПЛЕНІЕ МАРСІАЛЯ**, Луи Ульбаха.

Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 12 книгъ **большаго формата** выходящихъ всегда въ началѣ мѣсяца и составляющихъ въ годъ около **пяти тысячъ** страницъ, безъ доставки **десять руб.**, съ доставкою въ С.-Петербургѣ—**одиннадцать руб.**, для иногороднихъ подписчиковъ—**двѣнадцать.** Подписка принимается **исключительно** на имя издательницы **Елисаветы Николаевны Ахматовой**, въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ.

Подписка продолжается. Выдаются вышедшія книги съ № 1-го.

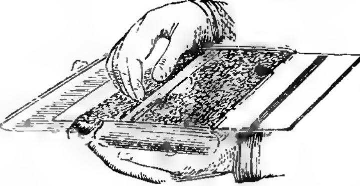
При редакціи открыта книжная торговля. **Каталогъ высылается безплатно.** № 664 1—1

НОВО!! НОВО!! НОВО!!

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ

МАШИНКИ ДЛЯ ИЗГОТОВЛЕНІЯ ПАПИРОСЪ.

Патентованныя повсемѣстно.

Поддѣлка строго преслѣдуется.

Въ видѣ образцоваго, въ **высшей степени изящной** отдѣлки портъ-папиросъ (Porte papyros) ручнаго, **удобнаго карманнаго формата**, съ маленькимъ аппаратомъ внутри, который посредствомъ простаго выдергиванія ленточки, на которую предварительно накладывается бумага и табакъ, очень быстро изготовляетъ папиросы БЕЗУКОРИЗНЕННАГО вида, съ трудомъ отличаемыя отъ готово-купленныхъ и притомъ толстыя или тонкія, смотря по желанію. Аппаратъ дѣйствуетъ всегда съ одинаковой быстротою и **не разсыпаетъ табаку.**

Указатель употребленія, на русскомъ языкѣ обыкновенно прилагается.

Просятъ обратить вниманіе на адресъ и не смѣшивать этаго аппарата съ другими, поступающими въ продажу машинками для изготовленія папиросъ, такъ какъ послѣднія, **по большей части негодны къ употребленію.**

Фабричн. цѣны усовершенствованныхъ папиросныхъ машинокъ для Россіи **перваго качества** съ доставкою во всѣ мѣста государства. № 2 гладкія 4 руб.
№ 1 въ изящной кожаной отдѣлкѣ 5 руб.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ

К. СМѢТАНИНА

С.-Петербургъ, Большая Морсная, № 21, квар. 28.

Kl № 658. Продавцамъ соразмѣрная уступка. 1—1

ДЛЯ ПРОВИНЦІИ!

Съ пересылкою.

Пальто резинковое штатское	по 15 руб.
Гевелокъ также	„ 17 „
Тальма дамская	„ 13 „
Пальто для гг. военныхъ съ пуговицами и петлицами	„ 21 „

цѣны эти съ укладкою и пересылкою по почтѣ

Мы имѣемъ эти пальто изъ **самой лучшей матеріи** и ручаемся **вполнѣ** за доброе качество и прочность пальто, купленныхъ у насъ. Пальто не подходящіе мы беремъ обратно.

Мѣра. При заказѣ просимъ обозначить: **длину пальто** и **ширину груди.**

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ГЛАВНОЕ ДЕПО РЕЗИНОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ

ЛИМАНА и РИКСА

Въ С.-Петербургѣ, по Гороховой улицѣ, домъ № 16.

Прим. Пальто, изготовленныя изъ менѣе хорошей матеріи стоютъ 30% дешевле. Mt. № 619 10—3

ВЪ НЕПРОДОЛЖИТЕЛЬНОМЪ ВРЕМЕНИ
БУДЕТЪ РОЗЫГРАНА

V-я ЛОТТЕРЕЯ ВЪ ПОЛЬЗУ ШКОЛЪ

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ЖЕНСКАГО ПАТРІОТИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Въ число 600 выигрышей войдутъ вещи, пожертвованныя Особами Императорской Фамиліи, а остальныя состоятъ изъ серебряныхъ и золотыхъ вещей, изъ которыхъ одинъ главный выигрышъ цѣною въ 8,000 руб., три по 1,000 рублей.

Билетовъ 50.000, цѣна билета 1 рубль.

Билеты можно получать въ Канцеляріи Совѣта С.-Петербургскаго Женскаго Патріотическаго Общества по Казанской улицѣ, въ зданіи Опекунскаго Совѣта.
Иногороднихъ просятъ обращаться въ С.-Петербургъ по сему адресу.
О днѣ розыгрыша лоттереи будетъ объявлено въ семъ же журналѣ. № 641 2—2

КРЕЙЦНАХЪ.

ЖЕНСКІЙ ПАНСІОНЪ Г-жи Бушъ (Busch) въ лучшей мѣстности города расположенный. Заведеніе соляныхъ ваннъ. Основательная научная подготовка, внимательный, заботливый уходъ, попеченіе о здоровьи. Число воспитанниковъ ограниченное. Отличныя рекомендаціи. № 582 3—2

Продается книга.

„ХРИСТІАНСКОЕ БРАТОЛЮБІЕ“

Гр. Лаврентьева,

одобренная св. Синодомъ для распространенія въ библіотекахъ народныхъ школъ, въ С.-Петербургѣ у Тузова: (Больш. Садовая, домъ № 16) **Мартынова** и **Мамонтова.** (Невскій проспектъ, домъ № 46), въ Москвѣ: у Фарафонтова и Мамонтова. Ц. 30 коп. № 651 1—1.

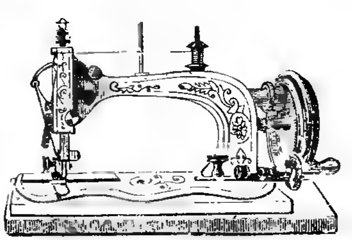
Kl. 656 ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ 1—1

МАГАЗИНА ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ

ГЕНРИХА ГЕЦА

№ 80. НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ № 80.

между Литейной и Надеждинской. СПБургъ.

Семейныя швейныя машины американской системы ЗИНГЕРА.

Ножная машина	45 р.
Съ запирающимся ящикомъ	50 „
Съ нарядньмъ столомъ и ящикомъ	60 „
Ручной приводъ ко всякой машинѣ	5 „
Машина Гау американская для домашняго употребленія	50 „
Съ запирающимся ящикомъ	55 „
Машина Гау для сапожниковъ	60 „
Сапожная машина съ колонною здѣшней фабрики	85 „
Машина для портныхъ	75 „
Машина для военныхъ мастерскихъ	85 „
Машина системы Зингеръ Медіумъ	60 „
Машина Виллера и Вильсона	40 „
Съ запирающимся ящикомъ	45 „
Машина **Гробера и Бакера № 19**	45 „
„ „ „ **Геркулесъ**	55 „

РУЧНЫЯ МАШИНЫ

Системы Зингера-Палатина	30 „
„ „ **на орѣховомъ** деревянномъ пьедесталѣ	35 „
Также въ шкатулкѣ	40 „
Машина Гамильтона	30 „
„ **Брунонія**	28 „
„ **Саксонія**	25 „
„ **Линкольнъ**	22 „
„ **Экспрессъ**	12 „
Машинка для плиссэ	15 р.—22 „

Всѣ машины продаются съ гарантіею на нѣсколько лѣтъ.

Большой выборъ швейныхъ машинъ и принадлежностей.

Обученіе и упаковка безплатно.

Иголки, челноки, ремни, масло и т. д.

Складъ и мастерская швейныхъ машинъ, по Гороховой ул. д. № 42 С. Петербургъ.

Продажа оптомъ и въ розницу.

ВЪ 5 УРОКОВЪ

выучиваютъ кроить, система по простотѣ доступная всякому. Садовая, близъ красныхъ воротъ, домъ Петрова, Мастерская Elisabeth въ Москвѣ. № 649 1—1.

АВТОФОТОГРАФЪ,

при посредствѣ котораго каждый можетъ отпечатать свои карты и портреты. Ц. 3 и 4 р. Мал. Морская. № 5 фотогр. Гринбергъ. № 646 1.

МУЗЕЙ ЛЕНТА

ПАССАЖЪ,
2-я галлерея.

НОВѢЙШ. ИЗОБР.

ЭЛЕКТРИЧ. ЛАМПА **ЭДИССОНА.**

Каждый день отъ 10 ч. утра до 10 час. веч.

Wa. № 648 1—1.

XI годъ — № 15 — годъ XI — 1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 модн. рис. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 12 Апрѣля 1880 г. Цѣна этаго № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

Выставка въ СПБ. Академіи Художествъ.

Весенняя Выставка 1880 г Спб. Академіи Художествъ. На остр. Наргенѣ. Картина Акад. Ю. Клевера. рис. Н. Каразинъ, грав. Д. Шмидтъ.

На островѣ Наргенѣ

(Картина академика Ю. Клевера).

На настоящей академической выставкѣ есть очень хорошая картина нашего извѣстнаго пейзажиста академика Ю. Клевера, изображающая видъ на остр. Наргенѣ (карт. собств. В. К. Алексѣя Александровича). Ранняя весна, ледъ только что ломается, вдали, на западѣ, узкая полоса зари и чрезвычайно теплый легкій вечерній свѣтъ на бревенчатыхъ стѣнахъ и на снѣгу крышъ деревеньки. Все вмѣстѣ производитъ такое пустынное, тихое, симпатичное впечатлѣніе. Здѣсь помѣщенъ рисунокъ съ этой картины. Другая его картина „Дѣвственный лѣсъ" (собственность Третьякова) также изображаетъ видъ на о. Наргенѣ.

Въ іюлѣ прошлаго 1879 года художникъ въ сопутствіи нашего знаменитаго артиста В. В. Самойлова, услышавъ объ этомъ какомъ-то полутаинственномъ оригинальномъ островѣ, и его первобытномъ лѣсѣ, рѣшили его посѣтить. Изъ Ревеля уже видны на горизонтѣ въ морской дали очертанія этаго, почти никѣмъ непосѣщаемаго островка, хотя извѣстнаго всѣмъ морякамъ, ѣдущимъ мимо его и изрѣдка туда посылающимъ лодки. Въ Ревелѣ мѣстный магнатъ баронъ Жираръ предоставилъ имъ свой собственный маленькій пароходикъ и наши путники еще въ сопровожденіи извѣстнаго медика Ландцерта, запасшись провизіей и разными припасами, вышли въ открытое море.

Островокъ Наргенъ въ 25 верстахъ отъ Ревеля имѣетъ всего верстъ десять въ длину и верстъ шесть въ ширину. Пароходикъ присталъ къ весьма каменистому и песчаному берегу; но этотъ песокъ и камень идетъ только шаговъ на 200 узкой береговой полосой, за которой уже тянется густой, непроходимый первобытный лѣсъ. Здѣсь въ 1854 году были англичане и рубили себѣ мачты. На островѣ три деревеньки съ населеніемъ въ 300 всего душъ шведовъ протестантовъ, русскихъ подданныхъ, которые какъ и самый островокъ, находятся въ вѣдѣніи Министерства Государственныхъ Имуществъ и не подлежатъ общей воинской повинности. Въ лѣсу, внутри непроходимомъ, по окраинамъ имъ отведены участки. Лошадей (въ которыхъ здѣсь нѣтъ и особой надобности), всего три счетомъ во всѣхъ деревняхъ, но есть рогатый скотъ и довольно много овецъ. Говорятъ шведы здѣсь кто и по-русски, хотя дурно, а кто и по англійски уже лучше, по нѣмецки и всѣ занимаются лоцманствомъ, бывали въ дальнихъ плаваніяхъ, многіе въ кругосвѣтныхъ; есть такіе что работали даже въ Калифорніи на золотыхъ пріискахъ. Единственное между ними офиціальное лицо—ихъ голова, который разъ въ годъ ѣздитъ въ Ревель, внося въ Думу слѣдуемые съ населенія платежи за право рыбной ловли и подати. Въ той деревенькѣ, гдѣ пристали путники, есть деревянная церковь и изъ Ревеля пріѣзжаетъ разъ въ мѣсяцъ пасторъ, (въ квартирѣ котораго и остановились) для совершенія необходимыхъ требъ и къ вечеру же ѣдетъ обратно; въ его же отсутствіе голова читаетъ въ церковкѣ и толкуетъ Писаніе. Населеніе довольно красивое и рослое, отважное, прирожденные моряки, многіе имѣютъ медали за спасеніе погибающихъ; между ними воровство совсѣмъ неизвѣстно; они сдержанны и серьезны. Браки заключаютъ между собою и считается предосудительнымъ брать жену не изъ туземокъ, не съ мѣстныхъ острововъ. Все необходимое производится на самомъ островѣ, здѣсь практикуются всевозможныя ремесла.

На островѣ Наргенѣ есть русскій маякъ, прекрасно устроенный, вышиною около 150 футовъ. Каждую ночь зажигаются 12 лампъ съ яркими рефлекторами въ огромномъ вращающемся фонарѣ. Наши путники были тронуты видомъ и разсказомъ единственнаго русскаго лица на островѣ, 70-лѣтняго старика-вдовца смотрителя маяка. Онъ одинъ управляетъ и держитъ маякъ въ большомъ порядкѣ. Лѣтъ 20 назадъ единственная дочь его вышла замужъ и съ тѣхъ поръ онъ совершенно одинокъ—на этомъ мѣстѣ живетъ уже 6 лѣтъ, до этого былъ на другомъ маякѣ. Онъ былъ такъ обрадованъ и взволнованъ посѣщеніемъ маленькаго общества, и побѣжалъ надѣвать мундиръ и со слезами выражалъ радость видѣть русскихъ и непремѣнно упрашивалъ напиться у него чаю, говоря, что въ его печальномъ существованіи, среди несообщающагося съ нимъ и недовѣрчиваго населенія, для него особенно дорогъ русскій гость.

Лѣтомъ и осенью здѣсь ловятъ сѣтями камбалу и женщины везутъ ее въ городъ на продажу—вылавливаютъ въ сутки на каждаго штукъ по 40—50; у каждаго свой ящикъ въ морѣ для храненія рыбы. Кромѣ того ловятся килька, лосось и друг. Зимой бьютъ тюленей, которыхъ здѣсь водится довольно много и почти у каждаго есть на этотъ предметъ длинное широкодульное ружье. Мы уже говорили, что если кто заходитъ на островъ, то развѣ на самое короткое время. Наѣзжаютъ изъ города въ видѣ прогулки пить чай, наѣзжаютъ лодки съ пароходовъ и кораблей за рыбой и другими припасами. Лѣтъ 20 назадъ, по разсказамъ крестьянъ, былъ здѣсь фотографъ, имени котораго никто не знаетъ, жилъ нѣсколько дней и снималъ виды и съ тѣхъ поръ никто не былъ.

Въ пребываніе маленькаго общества на островѣ В. В. Самойловъ все время рисовалъ,стрѣлялъ (онъ отличный стрѣлокъ) ѣздилъ на рыбную ловлю и постоянно поражалъ энергіей и живостью, отличающими, какъ извѣстно, нашего знаменитаго артиста.

Академикъ Ю. Ю. Клеверъ, уроженецъ г. Дерпта, уже 18-лѣтнимъ юношей получилъ одну за другою малую и большую академическія серебряныя медали за этюды и рисунки. Впервые выступилъ онъ съ большимъ произведеніемъ передъ публикой въ 1872 г. Это его „Зимній закатъ надъ кладбищемъ". Затѣмъ цѣлымъ рядомъ произведеній онъ изъ году въ годъ все развиваетъ свой талантъ и пользуется все большимъ успѣхомъ.

Призракъ.

Разсказъ

Вс. Вл. Крестовскаго.

(Посвящается Дмитрію Антоновичу Скалону).

Мнѣ недавно были присланы двѣ небольшія тетрадки, при письмѣ отъ одного изъ моихъ старыхъ знакомыхъ, гдѣ мнѣ предоставлялось право воспользоваться обѣими рукописями по своему усмотрѣнію. Первая изъ этихъ тетрадокъ, въ небольшую четверку сѣроватой почтовой бумаги, на какой писывали наши отцы въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, представляетъ собою слежавшуюся отъ времени рукопись; почеркъ красивый, четкій, стариннаго пошиба; чернила порыжѣли и мѣстами значительно выцвѣли; въ концѣ рукописи подпись автора и особая, его же руки, помѣтка слѣдующаго содержанія:

„Сельцо Огневка 14-го мая 1841 года. Сей случай дѣйствительно произошелъ со мною. Сдержитъ ли мертвецъ свое обѣщаніе? Если да, то наслѣдники мои въ этой запискѣ найдутъ объясненіе будущаго случая, долженствующаго имѣть связь съ моею смертью. Ротмистръ въ отставкѣ Иванъ Пращевъ."

Вторая же тетрадка, такого же размѣра, но на половину тоньше, по внѣшнему виду рукописи и почерку носитъ уже позднѣйшій характеръ и помѣчена 1861 годомъ.

Мой знакомый, приславшій мнѣ обѣ рукописи, объясняетъ въ своемъ письмѣ, что вторая изъ нихъ написана его братомъ, по смерти котораго въ прошломъ году досталась ему по наслѣдству, вмѣстѣ съ прочими бумагами и фамильными документами. Покойникъ, не считая себя писателемъ, при отличавшей его скромности, не отваживался при жизни печатать свое произведеніе. Воспользовавшись предоставленнымъ мнѣ правомъ, я представляю обѣ рукописи благосклонному вниманію читателя.

Первая тетрадка.

Польскую кампанію 1831 года я дѣлалъ молодымъ человѣкомъ, въ чинѣ поручика Новоархангельскаго уланскаго полка. Помню, въ первыхъ числахъ мая мѣсяца призываетъ меня къ себѣ полковой командиръ, только что возвратившійся изъ главной квартиры, и объявляетъ, что начальникъ штаба дѣйствующей арміи, графъ Толь, временно нуждаясь въ усиленіи состава своихъ ординарцевъ, просилъ его прислать ему расторопнаго и толковаго офицера, а потому-де мой выборъ падаетъ на васъ: извольте немедленно же отправляться.

Признаюсь, эта новость пришлась мнѣ не совсѣмъ-то по вкусу, такъ что рожа моя невольно вытянулась.

— Вы какъ будто не довольны столь лестнымъ для

васъ назначеніемъ? поморщась спросилъ меня командиръ.

— Откровенно говоря, полковникъ, я предпочелъ бы оставаться въ полку.

— Это почему-съ?

— Да... по разнымъ причинамъ...

— Напримѣръ-съ?

— Да вотъ, напримѣръ, отъ своихъ отбиваться не хотѣлось бы... мнѣ въ эскадронѣ хорошо... А во вторыхъ, сами знаете, штабъ арміи это вѣдь не свой братъ—попадешь тамъ промежь этихъ петербургскихъ фазановъ, они и между собой-то все на политикѣ, а ужь съ нашимъ братомъ-армейцемъ... сами понимаете. Мундиръ тоже надо вѣдь съ иголочки, а у меня единственный только и остался на хребтѣ, да и тотъ чуть не въ лохмотьяхъ.

— Все это вздоръ-съ, перебилъ меня полковникъ:—графъ Толь, смѣю васъ увѣрить, не такой человѣкъ, чтобы смотрѣть съ иголочки ли вы, или не съ иголочки: подавай не блескъ, а дѣло. А что касается фазановъ, то вы тамъ будете не одни: графъ приказалъ командировать къ нему по одному офицеру отъ каждаго полка нашей дивизіи. Не дурите и поѣзжайте... Вы должны гордиться столь лестнымъ назначеніемъ.,. Тамъ, батюшка, можетъ быть, вся ваша дальнѣйшая фортуна кроется.

Оставалось только поклониться и сказать: „слушаю-съ, господинъ полковникъ“.

Черезъ часъ моя заводная лошадь уже была подъ вьюкомъ и я со своимъ казеннымъ деньщикомъ Чупровымъ, благословясь, отправился въ главную квартиру. Представленіе графу Толю и все прочее обошлось на первый разъ благополучно. Остальные три ординарца, командированные вмѣстѣ со мною изъ нашей дивизіи, оказались моими знакомыми, такъ что мы „бѣдные арміоты“, очутясь въ средѣ блестящихъ фазановъ, не почувствовали себя одинокими, словно бы какіе нибудь отверженцы, и съ первой же минуты устроились на совмѣстное общее житье. Это и графу понравилось,—покрайней мѣрѣ, говоритъ—всѣ вмѣстѣ, ежели что понадобится, не надо посылать порознь разыскивать,“ да и въ хозяйственномъ отношеніи было удобнѣе: пошлютъ ли куда одного или двухъ,—все же таки кой-какой офицерскій скарбишка твой не безъ призора остается.

Такъ прошло сутокъ двое, какъ вдругъ въ главной квартирѣ было объявлено движеніе. Куда, зачѣмъ, съ какою цѣлью мы двигаемся,—намъ ординарцамъ, какъ людямъ маленькимъ, конечно, не было извѣстно: особымъ приказаніемъ коменданта главной квартиры просто предписывалось выступать завтра въ такомъ-то часу утра, и кончено. Сборы наши не долги, и времени для нихъ потребно едва ли болѣе чѣмъ писарю на переписку комендантскаго распоряженія. Впослѣдствіи, когда событія уже разыгрались вполнѣ, стало намъ изъ собственнаго участія въ оныхъ извѣстно, что это было движеніе къ Нуру, предпринятое наконецъ нашимъ фельдмаршаломъ, графомъ Дибичемъ-Забалканскимъ на выручку гвардейскаго корпуса, противъ коего двинулся польскій главнокомандующій Скржинецкій, съумѣвшій предъ симъ ловко обмануть Дибича, продержавъ его нѣсколько дней не только въ заблужденіи, но даже въ полномъ невѣденіи на счетъ своихъ истинныхъ намѣреній. Главная квартира выступила изъ Сѣдльце къ мѣстечку Соколову и, сколько помнится, это было 8-го мая. Признаюсь, мнѣ было очень досадно идти со штабомъ почти что на смирномъ, т. е. вполнѣ безопасномъ положеніи, въ то время какъ я зналъ, что въ этомъ же самомъ движеніи еще со вчерашняго дня участвуетъ наша бригада, назначенная въ авангардъ генерала Угрюмова: товарищи, дастъ Богъ, будутъ драться, а ты сиди себѣ тутъ да кушай съ фельдмаршальской кухни жирные обѣды! Очень пріятно!..

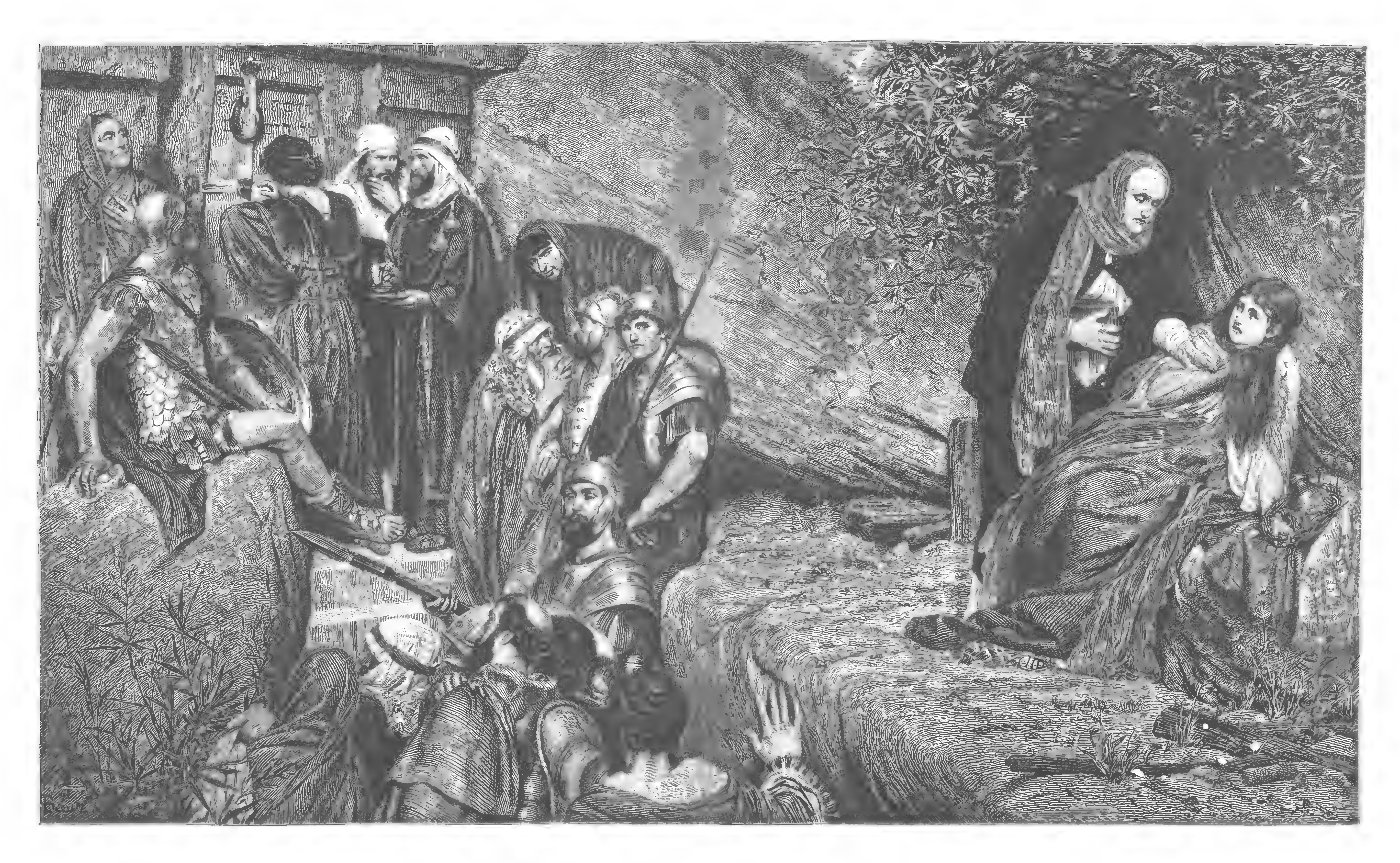
Дибичъ все время былъ не въ духѣ, видимо досадуя на самого себя за то, что дался въ обманъ Скржинецкому, и опасаясь за гвардію, остающуюся пока подъ грозою удара всей польской арміи. Графъ Толь казался тоже очень озабоченнымъ и—мнится мнѣ,—въ свой чередъ нѣсколько дулся на Дибича, коего упрямство, медлительность и нерѣшительность въ сію кампанію не мало и неоднократно причиняли истинно сердечную досаду нашему пылкому начальнику штаба. При таковомъ настроеніи духа обѣихъ главноначальствующихъ особъ, ординарецъ держи ухо востро и превращайся какъ бы въ абсолютное ничто, ибо иначе, того и гляди, разнесутъ тебя въ пухъ и прахъ, какъ пить дадутъ! И это понятно, потому что надо же и начальству иногда срывать на комъ нибудь свой гнѣвъ, если не возможно сорвать его другъ на другѣ.

Для соединенія съ гвардіей надо было переправиться черезъ Бугъ, но Дибичъ былъ въ нерѣшительности, гдѣ именно ему переправляться, и для сего графъ Толь вмѣстѣ съ нами поѣхалъ на рекогносцировку. Здѣсь мы убѣдились, что Нуръ уже сильно занятъ непріятелемъ, расположившимся на командующемъ нами берегу. Это обстоятельство, въ связности съ нѣкоторыми другими стратегическими соображеніями, вынудило графа Толя избрать пунктомъ переправы мѣстечко Грану, куда и двинулся нашъ авангардъ для наводки моста. Штабъ главнокомандующаго прибылъ въ Грану 9-го числа послѣ полудня, и тутъ, для ускоренія переправы, было тотчасъ же приступлено къ сооруженію втораго моста.

Сей послѣдній переходъ памятенъ мнѣ по одному весьма для меня прискорбному обстоятельству: мой деньщикъ Чупровъ, находившійся при моемъ вьюкѣ, объѣвшись какой-то сырой зелени, вдругъ заболѣлъ холерою, которая въ то самое время съ избыткомъ начинала свирѣпствовать въ рядахъ нашей арміи, и болѣзнь его была столь скоротечна, что несчастный, подобранный на пути въ лазаретный фургонъ, умеръ въ корчахъ еще до истеченіи времени нашего перехода. Не говоря уже о томъ, сколь было мнѣ жаль потерять этого истинно преданнаго мнѣ человѣка, положеніе мое безъ него нашлося крайне критическимъ: кто будетъ убирать лошадей? кто будетъ находиться при моемъ вьюкѣ? кто, наконецъ, самому мнѣ будетъ прислуживать, хотя на счетъ личныхъ услугъ я вообще и не особенно требователенъ? Пришлось просить деньщиковъ моихъ товарищей-ординарцевъ доглядѣть, пока что, лошадей и вьюки.—Спасибо, добрые люди не отказали, но все-таки надлежало мнѣ, какъ можно скорѣе, озаботиться о достачѣ себѣ новаго человѣка. А какъ его тутъ достать!.. Горе, да и только!..

Мѣстечко Грана само по себѣ ничтожно, но оно расположено въ прекрасной мѣстности, на возвышенностяхъ праваго берега Буга, и до такой степени изобилуетъ роскошными фруктовыми садами, что издали кажется совершенно потонувшимъ въ ихъ зелени.

Особенно энергически началась переправа въ сумерки, какъ только успѣли изготовить второй мостъ, и здѣсь самая кипучая дѣятельность не утихала вплоть до разсвѣта. Хороша была общая картина переправы часовъ въ десять вечера, когда оба берега Буга, и вблизи и въ дали, на сколько лишь хваталъ глазъ, озарились безчисленными огнями бивуачныхъ костровъ и когда на безоблачное небо взошла яркая полная луна, облившая своими лучами группу нашего штаба на высокомъ холмѣ, и все движеніе этихъ живыхъ рѣкъ, какими казались густыя длинныя колонны нашей арміи По одному мосту тянулись батареи, парки и обозы, по другому быстро слѣдовала пѣхота, сверкая подъ луной щетиною безчисленныхъ штыковъ, въ третьемъ мѣстѣ, ниже моста, переходила въ глубокій бродъ конница, шумно разсыпая по водѣ во всѣ стороны миріады алмазныхъ брызговъ. Фельдмаршалъ стоя на холмѣ съ графомъ Толемъ, то и дѣло разсылалъ то туда, то сюда генераловъ, адъютан-

Страстная недѣля. Запечатлѣніе Гроба Господня. Съ карт. проф. Баура, грав. О. Ротъ.

товъ и ординарцевъ своей свиты направлять къ переправѣ различныя части войскъ и торопить движеніе арміи. Контрастъ этого тихаго теплаго вечера съ этимъ глухимъ гомономъ и какъ бы льющимся движеніемъ русскихъ силъ, производилъ особенное впечатлѣніе на душу и воображеніе каждаго чувствительнаго къ красотамъ природы и жизни человѣка. Невольно чувствовалось въ душѣ, что скоро, очень скоро, быть можетъ не далѣе какъ на разсвѣтѣ завтрашняго дня предстоитъ нѣчто кровавое, рѣшительное, роковое, а тутъ—эта нѣжащая тишина теплаго воздуха и благоуханіе садовъ, эта поэтически мечтательная луна, озаряющая мирныя бѣлыя хатки среди цвѣтниковъ и огородовъ, эти недоумѣвающія физіономіи селянъ, непричастныхъ никакимъ революціямъ, личики ребятишекъ и женщины, любопытно толпящіяся въ дверяхъ каждой хатки и не чающія, что быть можетъ завтра ихъ сады и мирныя хатки станутъ достояніемъ всепожирающаго пожара, возжженнаго боевыми гранатами... Поневолѣ иными минутами сжималось и заныло сердце.

Я стоялъ на фельдмаршальскомъ холмѣ, позади графа Толя, когда Дибичъ случайно обратилъ вниманіе на особую группу лицъ, остановившихся у подножія холма. Три улана—передній съ саблею наголо, двое боковыхъ съ пиками на перевѣсъ черезъ сѣдло, пробирались съ того берега на встрѣчу массѣ проходящихъ войскъ, конвоируя трехъ какихъ-то арестантовъ. У самаго подножія холма на нѣсколько времени имъ пришлось пріостановиться, такъ какъ напоръ густой пѣхотной массы, валившей на встрѣчу, запрудилъ всю дорогу. Яркій лунный свѣтъ давалъ возможность различить, что подъ конвоемъ уланъ находятся трое арестантовъ — мужчина и двѣ женщины, изъ нихъ одна, по видимому, держала на рукахъ укутаннаго во что-то ребенка.

— Что это за люди и куда ихъ ведутъ? Узнайте! приказалъ графъ Дибичъ, глянувъ черезъ плечо назадъ, на свою свиту.

Графъ Толь въ свою очередь обернулся къ намъ и такъ какъ я первый попался ему на глаза, то по этому онъ и поручилъ мнѣ исполнить приказаніе главнокомандующаго.

Мигомъ спустился я съ холма и—къ пріятному моему удивленію—узналъ въ конвоирахъ нашихъ Новоархангельцевъ, да еще въ добавокъ людей не только нашего эскадрона, но даже моего взвода и, конечно, обрадовался, какъ радуется всякій офицеръ случайной встрѣчѣ съ своими.

— Здорово, Кубаревъ! обратился я къ ефрейтору:— кого это и куда вы ведете?

— Съ иванпостовъ, ваше благородіе. Шампіоновъ препровождаемъ. Наши захватили ихъ, какъ они, значитъ, тишкомъ черезъ цѣпь пробирались; маіоръ и изволили отправить ихъ въ полевое комендантство. Надо быть, цыганы, ваше благородіе.

Я взглянулъ на группу арестантовъ. Впереди былъ пожилой цыганъ, безъ шапки, со всклокоченными волосами и бородою, одѣтый въ холщевую сорочку и такіе же порты, босой, оборванный и совсѣмъ дикій на видъ, со злыми и въ то же время испуганно блуждающими, горячими глазами. Рядомъ съ нимъ ёжилась и горбилась неопредѣленныхъ лѣтъ женщина, косматая и некрасивая, вся въ лохмотьяхъ; она-то и держала на рукахъ соннаго ребенка, закутаннаго въ дырявый кусокъ шерстяной плахты; позади же этой пары стояла молодая дѣвушка-босоножка, лѣтъ около двадцати, тоже въ какихъ-то лохмотьяхъ, но съ яркими цвѣтами барвинка въ спутанныхъ волосахъ, съ которыхъ сбился на затылокъ пестрый ситцевый платокъ; ожерелье изъ червонныхъ каралекъ сбѣгало съ ея стройно выточенной шеи на растегнутую пышную грудь и усиливало впечатлѣніе оригинальной красоты, какою была исполнена вся ея фигурка и въ особенности рѣзкія черты типичнаго цыганскаго лица съ большими миндалевидными глазами. Физіономіи первыхъ двухъ арестантовъ глядѣли изъподлобья съ какою-то тупою угрюмостью, открытое же лицо дѣвушки было спокойно и въ ея взорѣ мнѣ не удалось подмѣтить ничего, кромѣ нѣкотораго любопытства, возбужденнаго незнакомою и столь необычайною обстановкой, среди которой очутилась теперь эта дѣвушка, повидимому, нежданно и негаданно.

Я поднялся на холмъ и доложилъ графу Толю объ узнанномъ мною отъ ефрейтора.

— Они, пожалуй, долго будутъ плутать, отыскивая комендантскую квартиру, замѣтилъ графъ и приказалъ мнѣ проводить конвоировъ куда слѣдуетъ да, кстати уже, обождать тамъ пока снимутъ съ арестантовъ допросъ и доложить ему о результатахъ онаго.

Я привелъ порученную мнѣ команду во дворъ, занятый полевымъ комендантствомъ, но тутъ пришлось обождать съ добрый часъ времени, такъ какъ самъ комендантъ со своими помощниками распоряжался порядкомъ движенія войскъ и обозовъ къ переправѣ, а офицеръ, на котораго спеціально была возложена обязанность опроса плѣнныхъ, занятъ былъ въ эту минуту въ хатѣ снятіемъ показанія съ какихъ-то двухъ непріятельскихъ перебѣжчиковъ. Я остался на дворѣ и, закуривъ свою походную трубку, усѣлся на завалинкѣ. Посрединѣ двора пылалъ костеръ, разложенный жандармами, около котораго расположились на землѣ наши цыгане. Конвоиры, привязавъ лошадей къ тыну, присосѣдились тутъ же у огонька и запалили люльки, такъ какъ съ передачею арестантовъ жандармамъ, ихъ конвоирскія обязанности уже окончились. Въ числѣ этихъ трехъ уланъ находился одинъ хохликъ Наумъ Середа — тихій, богобоязненный солдатикъ. Одно время онъ, въ качествѣ рейткнехта, ходилъ за моею лошадью.—Вотъ, думаю, кстати! Какъ разъ на руку! Вѣдь этотъ Середа отлично можетъ замѣнить мнѣ пока на время моего покойнаго Чупрова! Семъ-ка, и въ самомъ дѣлѣ, выпрошу у Толя разрѣшенія оставить его пока при себѣ за вѣстоваго!"—Только пока я такъ себѣ раздумываю—глядь,—около цыганъ уже образовалась цѣлая кучка разныхъ деньщиковъ, жандармовъ, и мои уланы тутъ же. Всматриваюсь и вслушиваюсь, что тамъ происходитъ—а кружокъ всей этой публики, очевидно, чѣмъ-то весьма заинтересованъ. Вдругъ всѣ они дружно расхохотались, когда Середа, какъ ошпаренный, вскочилъ съ земли на ноги.

— Отто, бисова дочка, нагадала! воскликнулъ онъ, видимо озадаченный:—якъ бы знаты мавъ, то й руки не дававъ бы!

— Середа! окликнулъ я его: поди-ка, братъ, сюда!

Солдатъ приблизился ко мнѣ быстрою побѣжкой и сталъ какъ вкопанный, руки по швамъ.

— Что́ это тамъ у васъ? спрашиваю его: гаданье, что-ли?

— Такъ точно, ваше благородье! Дивчина гадае.

— И что́ же она тебѣ нагадала?

— Та що́ воно!.. мабудь, бреше, лядащо... Каже, що ни якаго щастьця у ме́не не бачить; що мене вбьютъ четырна́сьтаго Маю, бо кревъ, каже, бачу.

— А ты и повѣрилъ, дурень?

— Та я що жъ, ваше благородье... я нэ могу знать, а тильке дивчина каже, що вбьютъ.

— Ну, а до тѣхъ поръ пока не убьютъ, не желаешь ли остаться при мнѣ за вѣстоваго?

— Радъ старатьця, ваше благородье.

— Ладно: въ такомъ случаѣ, скажи Кубареву, что вы всѣ отправитесь отсюда вмѣстѣ со мною. Коли мнѣ разрѣшатъ тебя взять, такъ ты останешься, а не разрѣшатъ—поѣдешь въ эскадронъ вмѣстѣ съ ними. А теперь можешь идти, отдохни пока.

— Слушаю, ваше благородье!

И форменно повернувшись на лѣво кругомъ, солдатикъ отошелъ къ костру, гдѣ молодая цыганка, сидя съ поджатыми подъ себя ногами и нагнувшись поближе къ

свѣту, гадала что-то на рукѣ какому-то здоровенному дѣтинѣ. Вскорѣ изъ любопытства и меня потянуло туда же.

Будто невзначай, подхожу я къ костру—люди въ ту же секунду спѣшно вскочили на ноги и вытянулись въ струнку.

— Хорошо гадаетъ? спросилъ я.

— Занятно, ваше благородіе. Все причитаетъ что-то, да таково-то складно.

— Но по какóвски же вы съ нею разговариваете. Или такъ, что вы по своему, а она по своему?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе. Она, шельма, и по нашему трошку маракуетъ, а чего не договоритъ, то по польски доскажетъ. Очинно все понятно выходитъ.

Цыганка, продолжая сидѣть на землѣ, смотрѣла въ упоръ на меня своими наглыми, красивыми глазами.

— Прошен' ренчке! сказала она наконецъ, протянувъ мнѣ свою ладонь:—дай ми ренке! дай ля Бога!.. Повружамъ папу на щепсье. Вшистко по правдзѣ повядамъ!

Я поддался искушенію и присѣвъ на корточки, протянулъ ей руку. Солдаты тотчасъ же, съ отличающимъ ихъ въ подобныхъ случаяхъ тактомъ, молча и потихоньку разбрелись въ разныя стороны, такъ что у костра остались я да гадальщица. Старый цыганъ сидѣлъ нѣсколько поодаль въ сторонѣ, обнявъ руками свои скорченныя колѣни, и угрюмо, тупымъ и пристальнымъ взоромъ, не мигая, смотрѣлъ на яркое пламя, а его подруга, казалось, вся сосредоточилась въ укачиваніи проснувшагося ребенка. Дѣвушка внимательно и низко нагнулась къ моей рукѣ, повернувъ ее къ пламени такимъ образомъ, что вся ладонь освѣтилась достаточно ярко. Съ минуту времени молча вглядывалась она въ расположеніе ладонныхъ морщинъ и линій, а потомъ вдругъ затараторила заученнымъ речетативомъ, суля мнѣ богатство и почести, и славу, вмѣстѣ съ женской любовью, и приплетая сюда зачѣмъ-то вдругъ „аньеловъ паньскихъ“ и „вшистцихъ свѣнтыхъ“ вмѣстѣ съ „панной Маріей на Іорданю“. Вижу, вретъ мнѣ моя гадалка свою всегдашнюю, хорошо заученную пѣсню и ничего интереснаго, кажись, не скажетъ.

— Все это вздоръ! перебилъ я ее, отнявъ свою руку (Я говорилъ съ нею по польски):—скажи мнѣ что нибудь путное; а если не можешь, то лучше ужь вовсе ничего не говори, чѣмъ болтать пустяки какъ сорока.

Дѣвушка серьезно и отчасти вопросительно вскинулась на меня глазами.

— Ты тому молодому улану предсказала день смерти?

— Предсказала, подтвердила мнѣ цыганка, продолжая смотрѣть на меня все тѣмъ же серьезнымъ взглядомъ, въ которомъ, какъ показалось мнѣ теперь, просвѣчивалъ нѣкоторый оттѣнокъ грусти и даже состраданія.

— И ты это правду сказала?

— А развѣ день смерти можно предсказывать ва смѣхъ! пожала она плечами.

— Стало быть, и мнѣ ты можешь предсказать его?

— Каждому человѣку можно... У каждаго на рукѣ написанъ день его смерти, только не всякая цыганка прочесть его умѣетъ.

— Въ такомъ случаѣ читай.

И я опять протянулъ ей руку.

Но дѣвушка не рѣшалась взять ее.

— Зачѣмъ тебѣ? спросила она, серьезно сдвинувъ свои черныя брови.

— Хочу знать, когда именно умру я.

— Хм... Ты отъ этого не станешь счастливѣе.

— Но тогда зачѣмъ же ты сказала улану?

— Э, ему все равно не долго, а ты, можетъ быть, будешь еще счастливъ.

— Все равно говори!.. Я хочу знать... Я заплачу тебѣ.

И моя ладонь въ рукахъ дѣвушки опять оборотилась къ пламени. Цыганка, какъ бы провѣряя свое прежнее изслѣдованіе моей руки, опять осмотрѣла ее всю очень внимательно и на этотъ разъ видимо прочла на ней нѣчто, но молчала, и только снова вскинулась на меня грустными глазами.

— Ну чтó же? Ну!? нетерпѣливо понукалъ я ее:—чего молчишь ты? Говори смѣло,—я не боюсь. Когда?

— Четырнадцатаго мая, произнесла она тихо и медленно.

Мнѣ кажется, что я поблѣднѣлъ при этомъ и рука моя въ ея рукѣ нервно дрогнула. Холодные мурашки слегка побѣжали по моимъ лопаткамъ.

— Что же ты тамъ видишь? спросилъ я:—убьютъ меня, что ли?

— Вижу кровь, еще тише, но твердо и увѣренно отвѣтила цыганка.

Я бросилъ ей на колѣни червонецъ и отошелъ прочь, къ завалинкѣ, на свое прежнее мѣсто.

Вскорѣ послѣ этаго цыганъ потребовали къ допросу, который впрочемъ не раскрылъ намъ ничего интереснаго. Оказалось, что двѣ кочевыя семьи двое сутокъ назадъ остановились таборомъ у околицы Граны, чтó и подтвердилось изъ разслѣдованія на мѣстѣ, произведеннаго нарочно посланнымъ для этаго жандармомъ; одна изъ этихъ семей—отецъ и мать съ груднымъ ребенкомъ и взрослою дочерью—съ разсвѣтомъ вчерашняго дня, еще до появленія у Граны нашего авангарда, ушла за Бугъ на побирушки Христа-ради по окрестнымъ деревнямъ, и на возвратномъ пути къ своему табору была захвачена въ цѣпи однимъ изъ нашихъ ведетовъ. Я доложилъ обо всемъ этомъ начальнику штаба, который и приказалъ немедленно освободить арестантовъ, а конвоирамъ отправляться къ своей части. Пользуясь случаемъ, доложилъ я также графу и о своемъ критическомъ положеніи вслѣдствіе скоропостижной смерти моего деньщика и просилъ о разрѣшеніи оставить мнѣ хотя на первое время моего бывшаго рейткнехта. Графъ охотно согласился на эту просьбу, приказавъ лишь извѣстить полковаго командира, что рядовой 2-го эскадрона Наумъ Середа, по распоряженію начальника штаба дѣйствующей арміи, остается до времени при главной квартирѣ въ качествѣ вѣстоваго. Это извѣщеніе было тутъ же написано мною на клочкѣ бумаги и вручено ефрейтору Кубареву для передачи по назначенію.

— Ну, любезный другъ, шутливо обратился я къ Середѣ:—ты остаешься при мнѣ, а такъ какъ цыганка предсказала и мою смерть тоже на четырнадцатое мая, то это выходитъ очень кстати: по крайней мѣрѣ, насъ убьютъ вмѣстѣ.

— Радъ стараться, вашо благородье! выпалилъ Середа заученною фразою.

Печальное предсказаніе молодой цыганки послужило моимъ сожителямъ-ординарцамъ не только темою для веселой болтовни на весь остатокъ этого вечера, но и законнымъ предлогомъ къ тому, чтобы распить за ужиномъ у штабнаго маркитанта двѣ-три лишнихъ бутылки „Аи“ такъ какъ мнѣ уже не долго оставалось пользоваться благами сей бренной жизни, въ числѣ коихъ золотистое шипучее „Аи“ занимало, конечно, не послѣднее мѣсто.

10-го мая графъ Дибичъ выступилъ изъ Граны на Цѣхановецъ къ Нуру, гдѣ въ этотъ день лично управлялъ атакою авангарда противъ польскаго генерала Лубенскаго, который былъ окруженъ нашими войсками, но такъ какъ сраженіе разыгралось уже вечеромъ при лунномъ свѣтѣ, то разбитому и частью разсѣянному непріятелю удалось подъ покровомъ ночи уйдти черезъ болота и чащу лѣса, гдѣ наша кавалерія не могла его преслѣдовать.

Все утро 11-го мая прошло у насъ въ бездѣйствіи и напряженномъ ожиданіи, такъ какъ фельдмаршалъ, не имѣя извѣстій ни о гвардіи, ни о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ непріятеля, опять впалъ въ нерѣшительность

относительно дальнѣйшаго направленія своихъ движеніи. Но въ полдень получилъ наконецъ Дибичъ столь желанное извѣстіе отъ Великаго Князя Михаила Павловича о томъ, что непріятель отступаетъ, а гвардейскій корпусъ 12-го числа начинаетъ преслѣдованіе онаго въ направленіи къ Менжину. Это тотчасъ же вновь оживило главнокомандующаго, который, избавясь отъ опасеній за гвардію, возымѣлъ вдругъ намѣреніе истощить всевозможныя усилія, чтобы предупредить непріятеля гдѣ либо на пути его отступленія, или, по крайней мѣрѣ, настигнуть онаго. Съ этою цѣлью тотчасъ же было предпринято дальнѣйшее движеніе къ Высоко-Мазавецку, дабы стать на одной высотѣ съ гвардіею въ Менжинѣ, и такъ какъ движеніе наше началось только послѣ полудня, то мы въ сей день и успѣли сдѣлать лишь небольшой переходъ до селенія Клукова и уже на слѣдующій день (12-го) подошли къ Высоко-Мазовецку. Здѣсь фельдмаршалъ отдалъ распоряженіе о дальнѣйшемъ движеніи двумя колоннами на Шумово, откуда, послѣ нѣсколько-часоваго привала, обѣ колонны продолжали двигаться— правая, при коей находился самъ Дибичъ, на Пыски, а лѣвая на Луботинъ.

День 13-го мая былъ жарокъ до нестерпимой духоты. Колонны все время шли въ густыхъ облакахъ пыли, сквозь которую въ двухъ-трехъ шагахъ уже ничего не возможно было видѣть. Но люди шагали бодро, въ хорошемъ настроеніи духа, ибо каждый изъ нихъ почти инстинктивно чувствовалъ, что вотъ-вотъ, чуть не сейчасъ предстоитъ большая, серьезная битва. Выступивъ раннимъ утромъ, правая колонна (1-й корпусъ и 3-я гренадерская дивизія) прибыла въ Пыски едва лишь къ ночи. Въ этотъ день наша пѣхота сдѣлала слишкомъ пятьдесятъ верстъ, идучи предъ симъ пять сутокъ безъ дневокъ форсированными маршами, а на завтрашній день предстояло намъ сдѣлать еще верстъ двадцать, по меньшей мѣрѣ. Позднимъ вечеромъ прибылъ, наконецъ, въ Пыски и штабъ нашего фельдмаршала. Это мѣстечко мы нашли совершенно разрушеннымъ; уцѣлѣли какими-то судьбами только костелъ да два домика, въ коихъ и расположился графъ Дибичъ съ начальникомъ штаба. Мы, мелюзга, ночевали, конечно, подъ открытымъ небомъ. Но тутъ уже было не до сна. Всѣ признаки указывали на непосредственную близость непріятеля. Еще на походѣ, вечеромъ намъ ясно былъ слышенъ невдалекѣ ружейный огонь, доносившійся изъ авангарда генерала Берга *), который вытѣснялъ въ это самое время арріергардъ поляковъ изъ ближайшихъ селеній Гостеры и Надборы. Во всей нашей арміи чувствовалось общее возбужденіе. Надѣялись, что завтрашнее утро уже навѣрное будетъ роковымъ, рѣшительнымъ, а потому живая дѣятельность, обыкновенно присущая всякому кануну большой битвы, въ особенности обнаруживалась въ штабѣ нашего главнокомандующаго. Къ нему во дворъ, то и дѣло, пріѣзжали верхами изъ разныхъ мѣстъ начальники отдѣльныхъ частей и всевозможные адъютанты, ординарцы и вѣстовые, съ записками и рапортами, а изъ нашей свиты чуть не поминутно то тотъ, то другой направлялись во всѣ стороны съ особыми приказаніями и порученіями. Разговаривать много было некогда; обрывисто перекидывались между собою и со встрѣчными пріѣзжими лишь отдѣльными словами, да короткими мимолетными фразами. Немногіе часы, остававшіеся до разсвѣта, фельдмаршалъ и его начальникъ штаба употребили на отдачу необходимыхъ диспозицій для наступающаго утра, и почти до самой утренней зари въ покояхъ графа Дибича свѣтился огонь, а двигавшіяся въ окнахъ тѣни показывали, что онъ совѣщается со своими помощниками, выслушиваетъ донесенія и отдаетъ приказанія.

Во всѣ эти часы мною невольно овладѣвало порою какое-то смутное чувство. Проклятое предсказаніе цыганки, сколь ни старался я о немъ не думать, насильственно, помимо моего хотѣнія, врывалось въ область моихъ мыслей и на нѣкоторыя мгновенія всецѣло овладѣвало ими, отзываясь въ то же время и въ груди слегка тревожнымъ, заныващимъ ощущеніемъ душевной тоскливости. Конечно, разсудокъ увѣрялъ меня, что все это чистѣйшій вздоръ, которому даже смѣшно поддаваться, такъ какъ ощущенія эти близко граничатъ съ постыднымъ чувствомъ малодушія и трусости. И я усиленно старался отвлечь свои мысли въ какую нибудь другую сторону, цѣпляясь ими за первый попавшійся предметъ, за любую подвернувшуюся тему для заботы, размышленія или разговора, заговаривалъ о совсѣмъ постороннихъ вещахъ съ товарищами, выискивалъ себѣ какое-нибудь дѣло, занятіе; пересмотрѣлъ ни съ того ни съ сего свой походный скарбикъ, перечелъ письма отъ родныхъ, пересчиталъ свои деньги, высчиталъ, основываясь не теоріи вѣроятностей, сколько времени еще остается мнѣ до возможнаго производства въ штабсъ-ротмистры по вакансіи; осмотрѣлъ свои вьюки, сѣдельный уборъ, подковы лошадей... но увы! роковыя слова „14-е мая"—т. е. значитъ *завтра*—какъ библейское *„мани, факелъ, фаресъ"*, огненными буквами прожигали мой мозгъ. Мое внутреннее состояніе, мнится мнѣ, близко походило на состояніе человѣка приговореннаго къ смертной казни, у котораго тѣмъ не менѣе порою мелькаетъ въ душѣ смутная надежда, что авось-либо все это какъ нибудь и не случится, что въ самую послѣднюю минуту вдругъ примчится на мѣсто казни благодѣтельный вѣстникъ, который принесетъ ему помилованіе... Я искренно проклиналъ и цыганку, и себя, и свое малодушіе, и всѣ суевѣрія на свѣтѣ, и ту минуту, когда мнѣ вздумалось протянуть руку для гаданья. А если ничего этого не случится, какимъ глупцомъ, какимъ презрѣннымъ трусомъ окажусь я предъ самимъ собою!.. Но полно! Такъ ли? Предъ однимъ ли собою?.. Развѣ товарищи не замѣчаютъ что со мною дѣлается?.. Нѣтъ, они видятъ, они прекрасно понимаютъ все, все что творится въ моей душѣ, и они пожалѣютъ обо мнѣ, считая мое настроеніе предчувствіемъ близкой смерти, а завтра, когда я выйду цѣлъ и невредимъ изъ этаго боя, они же будутъ первыми, которые посмѣются надо мною и назовутъ мое теперешнее состояніе не предчувствіемъ, а трусостью. И я старался пріободриться, казаться спокойнымъ, равнодушнымъ, беззаботнымъ, и самолюбіе мое работало въ этомъ направленіи настолько успѣшно, что мнѣ большею частью довольно хорошо удавалось по внѣшности маскировать свои истинныя чувства предъ товарищами.

Часу во второмъ ночи пошелъ я къ коновязямъ поглядѣть, что́ подѣлываютъ мои лошади—выѣдены ли торбы, достаточно ли подброшено имъ сѣна. Замѣтивъ мое приближеніе, Наумъ Середа поднялся съ вязанки сѣна на которой сидѣлъ и опустилъ за обшлагъ шинели коротенькую люльку-носогрѣйку, которыя вообще у нашихъ солдатъ дѣлаются съ мѣдными крышками, чтобы безопасно прятать трубку съ огнемъ за рукавъ при приближеніи начальства.

— Чего ты не спишь, Середа?

— Э, я вже выспавсь, вашо благородье... Ко́ни доглядаю... Нічо́го, дай Боже на здоровье, стоять-соби. А вы вже всталы?

— Я еще и не ложился.

— Чого се такъ?.. Вы бы прилягли трошки на соломци, а то, бачь, якъ бы не зморытися завтра. Давайте, я простягну вамъ шинэлю.

Такое участіе со стороны Наума показалось мнѣ отчасти подозрительнымъ: ужь не проникаетъ ли онъ чутьемъ во вся сокровенныя моего духа въ его теперешнемъ состояніи? и вотъ, при лунномъ свѣтѣ, ударявшемъ прямо въ лицо солдата, я взглянулъ на него, въ надеждѣ

*) Ѳедоръ Ѳедоровичъ, впослѣдствіи графъ, фельдмаршалъ и намѣстникъ Царства Польскаго. *В. К.*

Страстная недѣля. Терновый вѣнецъ. Горельефъ карарскаго мрамора Карла Кауфа, рис. и грав. А. Нейманъ.

убѣдиться въ своемъ подозрѣніи или прочесть на немъ чувства тождественныя съ моими.

— Ныначь ты зажурывсь, Науме? какъ бы въ шутку спросилъ я его по малороссійски.

— Я? возразилъ онъ въ нѣкоторомъ недоумѣніи:—ни, ваше благородье... Кони у порадци, усé справлено, самъ, кажу вамъ, выспавсь, съ чего жь бы мени журытися, чи сумовàты?

— А цыганка?

— Ой, некъ ей, бисовой дочци! махнулъ Середа рукою:—Видъ доли не втечи! Що буде, то буде, а буде що Богъ дасть!.. Я и у думци не маю того!

И дѣйствительно, лицо Середы отражало на себѣ полнѣйшее, невозмутимѣйшее внутреннее спокойствіе.

Отчего же во мнѣ нѣтъ этаго чувства? Вѣдь намъ обоимъ предсказано одно и тоже; вѣдь въ первую минуту и его очевидно взволновало предсказаніе, а между тѣмъ онъ спокоенъ, я же томлюсь?.. А казалось бы, и по умственному развитію, и по силѣ сознанія нравственнаго долга я долженъ стоять выше простосердечнаго Наума. Отчего же это выходитъ совсѣмъ наоборотъ?..

Признаюсь, въ эту минуту мнѣ стало совѣстно предъ Наумомъ и въ тоже время досадно на самаго себя,—зачѣмъ существуетъ такой невыгодный для меня контрастъ между моимъ внутреннимъ суевѣрнымъ настроеніемъ и христіански покорнымъ спокойствіемъ этого простаго, безхитростнаго солдатика.

„Все нервы!“ рѣшилъ я про себя: „все оттого, что эти дни я находился въ чрезмѣрномъ физическомъ напряженіи... большіе переходы, недостатокъ сна... Середа правъ: мнѣ и въ самомъ дѣлѣ надо хоть немного выспаться, чтобы окончательно не измориться завтра“.

И я, закутавшись съ головою въ свою шинель, растянулся на двухъ подостланныхъ мнѣ снопахъ соломы. Къ счастію, удалось заснуть довольно скоро.

Я спалъ не болѣе двухъ часовъ, но и этотъ кратковременный сонъ освѣжилъ мои физическія силы и чрезъ то, конечно, благодѣтельно подѣйствовалъ на нервы, которыя у меня поуспокоились и окрѣпли. Умывшись холодною водою изъ криницы и наскоро выпивъ стаканъ горячаго чая, я почувствовалъ себя окончательно бодрымъ и готовымъ на новые труды. Румяное солнышко уже поднялось надъ горизонтомъ и холодокъ яснаго утра освѣжительно обвѣвалъ мои щеки. Вчерашнія ночныя сомнѣнія и томленія съ меня какъ рукой сняло, такъ что я даже былъ радъ предстоявшей битвѣ.—„Що буде, то буде, а буде що Богъ дасть“ вспомнились мнѣ слова Наума Середы и я не могъ не сознаться, что въ данномъ положеніи это была самая лучшая философія.

Такъ началось для меня утро 14-го мая.

(До слѣдующ. №).

Стихотворенія.

I.

Пришли и апрѣльскія синія ночи!..
Въ недвижныя воды затопленныхъ мѣстъ
Глядится луна и серебристыя очи
Далекихъ, безчисленныхъ звѣздъ!

Вотъ сѣрый куликъ надъ зеркальной водою,
Поверхность ея разсѣкая крыломъ,
Шумливо пронесся опушкой лѣсною...
И снова ни звука кругомъ!

Но грудь, освѣженная воздухомъ ёмкимъ,
Становится чуткой къ дыханью весны—
И слушаетъ сердцемъ, какъ шагомъ негромкимъ
Идетъ она средь тишины!

II.

Гдѣ оно пережитое горе,
Лишь повѣяло новой весной?
Ужь въ окно моей комнаты свѣтлой
Проскользнулъ солнца лучъ золотой!

Беззавѣтно хочу я отдаться:
И движенію яркаго дня,
И затишью ласкающей ночи—
И легко на душѣ у меня!

Словно бурныя, темныя грозы
Не коверкали жизни моей,
Словно въ людяхъ, меня окружавшихъ,
Не враговъ я встрѣчалъ, а друзей!

III.

Среди природы обновленной
Я самъ, какъ будто, обновленъ—
Мозгъ освѣжился утомленный,
Бодрѣе нервы, крѣпче сонъ;
Сомнѣнья въ сердцѣ нѣтъ былова,
Не страшенъ жизни торный путь,
Завѣтный трудъ спорится снова
И такъ свободно дышетъ грудь—
Что лучшей доли не желаешь,
Что счастья бóльшаго не ждешь,
Охотно нéдругу прощаешь
И легче жизни крестъ несешь!

IV.

Гряди, чарующая прелесть
Весеннихъ дней, ночей весеннихъ—
Пусть сумракъ дней моихъ осеннихъ
Разгонитъ листьевъ свѣжихъ шелестъ!

Я знаю: солнце золотое,
Потокомъ грѣющаго свѣта,
Лучи любви, лучи привѣта
Заронитъ въ сердце мнѣ больное!

И боль смертельнаго томленья
Я заглушу въ груди скорбящей,
Встрѣчая пѣснію бодрящей
Весны грядущей приближенье!

В. Мюръ

Предъ лицемъ смерти.

Разсказъ Р. Вернера.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ, будучи еще очень молодымъ человѣкомъ, предпринялъ я путешествіе въ Остъ-Индію, на одномъ гамбургскомъ кораблѣ. Послѣ шестинедѣльнаго плаванія въ самое дурное время съ дождями и постоянными бурями, мы поровнялись наконецъ съ островомъ св. Павла и Амстердамомъ, гдѣ обыкновенно корабли, направляющіеся въ Зундъ, поворачиваютъ къ сѣверу, откуда имъ легче достигнуть цѣли, благодаря юго-восточнымъ пассатамъ.

Погода понемногу поправлялась, хотя туманы все еще продолжались. Въ узкихъ фарватерахъ, какъ напр. въ англійскомъ каналѣ, туманы считаются злѣйшими врагами моряковъ. Однако въ мѣстности, въ которой мы находились, они уже не были такъ опасны. Тутъ на встрѣчу не попадается ни одно судно, такъ какъ корабли, возвращающіеся въ Европу, держатъ путь гораздо сѣвернѣе.

Во всякомъ случаѣ мы рады были наступленію тумановъ и прекращенію бурь, хотя немного можно было успокоиться и отдохнуть.

Горизонтъ то совершенно открывался, то туманъ становился такъ густъ, что съ палубы нельзя было видѣть стакселя.

Въ одно время послѣ обѣда, когда туманъ нѣсколько порѣдѣлъ, мы замѣтили въ отдаленіи какой то предметъ, который оказался лодкой. Предполагая, что это потерпѣвшіе крушеніе, нашъ капитанъ велѣлъ повернуть къ нимъ и вскорѣ мы ихъ настигли. Оказалось однако, что это лодки американскихъ китолововъ. Утромъ они уѣхали съ корабля на ловлю, поймали громадную рыбу, чуть не опрокинувшую ихъ въ воду. Между тѣмъ, за наступившимъ туманомъ, потеряли изъ виду свой корабль и вотъ болѣе часу не могутъ его найти.

Капитанъ нашъ предложилъ имъ пріютъ у себя, чтобы подождать до утра. Но гарпунщикъ отклонилъ предложеніе капитана. Ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ принять провизіи, предлагаемой капитаномъ. Черезъ полчаса лодка, къ великому нашему огорченію, готовилась уже къ отплытію. Понятно, что проплававъ около 4-хъ мѣсяцевъ въ обществѣ только своего экипажа, не встрѣчая никого посторонняго, мы несказанно

обрадовались случайнымъ собесѣдникамъ и каждый изъ насъ имѣлъ многое сообщить и спросить. Даже, обыкновенно молчаливый, боцманъ разговорился и повеселѣлъ. Въ прежніе годы онъ также былъ гарпунщикомъ на американскомъ кораблѣ а потому болѣе, чѣмъ кто либо изъ насъ, радъ былъ поговорить о любимомъ своемъ дѣлѣ.

Въ лодкѣ было 6 человѣкъ. Пятеро изъ нихъ взошли къ намъ на корабль, шестой оставался при лодкѣ. Простившись дружески съ новыми товарищами, мы вышли ихъ проводить. Когда лодка стала отчаливать, шестой изъ товарищей поднялъ голову и мы всѣ были поражены его наружностью. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ 25–26, цвѣтущее здоровьемъ лицо котораго было обрамлено сѣдыми бакенбардами и волосами.

Вглядѣвшись пристально въ нашъ экипажъ, онъ вдругъ закричалъ:—стопъ, стопъ! я долженъ взойти на корабль!" Лодка снова причалила и незнакомецъ поспѣшно взобрался по лѣстницѣ и подошелъ къ боцману.

— Вы Петръ Ганзенъ? спросилъ онъ его дрожащимъ голосомъ.

— Да, а вы кто будете?

— Неужели вы не помните Роберта Томсона, который вамъ обязанъ жизнью?

— О, мой милый Бобъ, неужели это ты! вскричалъ боцманъ, и на лицѣ его выразилась живѣйшая радость. Теперь я узнаю тебя. Какъ я счастливъ, что встрѣтился съ тобою. Вѣдь десять лѣтъ прошло! И не судьба ли это, что мы встрѣчаемся на томъ почти самомъ мѣстѣ, гдѣ случилось то несчастіе. Но отъ чего это, скажи, ты такъ посѣдѣлъ, куда дѣвались твои темныя кудри?

— Это все въ тотъ же памятный день, отвѣчалъ Бобъ. Я былъ еще тогда слишкомъ молодъ, чтобы побороть страхъ. Когда насъ принялъ голландскій корабль, я началъ сѣдѣть, а потомъ невдолгѣ и совсѣмъ побѣлѣлъ.

Разговоръ, къ которому мы прислушивались съ любопытствомъ, былъ прерванъ выстрѣломъ изъ пушки.

— Иди Бобъ, закричалъ рулевой съ лодки, это нашъ корабль даетъ сигналъ. Чтобы поспѣть къ нему до ночи нужно торопиться.

Разговаривающіе пожали другъ другу руки и Бобъ сошелъ въ лодку. Старикъ боцманъ отвернулся, чтобы утереть скатившуюся слезу. Еще разъ пожелали мы отъѣзжающимъ счастливаго пути и вскорѣ лодка скрылась у насъ изъ глазъ.

Насъ всѣхъ чрезвычайно заинтересовала эта встрѣча и всѣ мы просили боцмана разсказать намъ, гдѣ онъ узналъ Боба. Но старикъ упорно отмалчивался и на всѣ наши разспросы отвѣчалъ только: „мнѣ случалось бывать съ нимъ вмѣстѣ".

Но я зналъ, что старикъ не хочетъ говорить при всѣхъ по врожденной скромности и не терялъ надежды вывѣдать у него подробности—я пользовался его расположеніемъ.

Надежды мои оправдались. Нѣсколько дней спустя, когда все къ ночи успокоилось на кораблѣ, я засталъ боцмана прохаживающимся по палубѣ на дежурствѣ. Я подошелъ къ нему, и пользуясь его, повидимому, хорошимъ расположеніемъ, завелъ разговоръ о предметѣ меня занимавшемъ.

— Знаешь ли, такъ началъ боцманъ, что это самое худшее, что мнѣ пришлось испытать въ жизни. А что это дѣйствительно скверная исторія, ты слышалъ это отъ Боба Томсона, который отъ страха посѣдѣлъ. Объ этомъ вообще я не люблю говорить, но для тебя сдѣлаю исключеніе.

Тому десять лѣтъ я впервые ѣхалъ по южному океану. Я служилъ гарпунщикомъ на суднѣ, вышедшемъ изъ Бостона на ловлю китовъ. Корабль нашъ былъ хотя и старъ, но еще очень крѣпокъ. Экипажъ состоялъ изъ сорока человѣкъ при пяти лодкахъ. Оружія и провіанта было много.

Мы плыли къ югу, и въ этотъ разъ намъ посчастливилось. Около Азорскихъ острововъ мы поймали трехъ китовъ, около мыса Доброй Надежды шесть, и вообще ловъ былъ такъ обиленъ, что черезъ полгода, капитанъ подумывалъ возвращаться обратно. Погода все время стояла чудесная. На пути къ о. св. Павла, мы увидѣли цѣлое стадо китовъ. Началась охота и скоро намъ удалось поймать двухъ громадныхъ животныхъ. Третій китъ, замѣчательный по величинѣ, обратилъ на себя особенное наше вниманіе. Первый багоръ былъ брошенъ изъ моей лодки; чудовище съ такою стремительностью нырнуло въ воду, что мы едва успѣли обрѣзать веревки, чтобы не потонуть. Вскорѣ китъ появился снова на водѣ и изъ другой лодки было закинуто еще два багра. Въ этотъ разъ китъ не нырнулъ, но повернувшись, поплылъ прямо на лодку. Видя опасность, гребцы поналегли на весла, но было уже поздно. Отъ страшнаго удара чудовищнаго хвоста, лодка разлетѣлась въ дребезги а несчастные, бывшіе въ ней, пошли ко дну.

Конечно мы прекратили охоту, но разсвирѣпѣвшее животное еще не успокоилось. Появившись нѣсколько разъ на поверхности воды, оно вдругъ со всего размаху ударилось о корабль. Послѣдовало страшное сотрясеніе и корабль обдало волною. Затѣмъ китъ уже болѣе не появлялся. Мы принялись убирать свою добычу. Но не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ я началъ замѣчать, что корабль начинаетъ накрениваться. Не желая поднимать напрасной тревоги, я сбѣжалъ внизъ, посмотрѣть все ли въ порядкѣ. Къ ужасу своему я замѣтилъ въ трюмѣ воду, которая быстро прибывала. Ударъ, полученный кораблемъ былъ такъ силенъ, что бокъ оказался пробитъ. Гибель была неминуема. Я поспѣшилъ заявить объ этомъ капитану. Начали выкачивать воду, но черезъ четверть часа корабль сталъ уже такъ сильно качаться, что оставалось только позаботиться уйти поскорѣе въ лодки. Въ попыхахъ забрали то, чего не нужно и не взяли необходимаго. „У насъ нѣтъ воды!" раздалось съ одной лодки, „и у насъ также" проговорили на другой и третьей. У меня въ лодкѣ былъ боченокъ дождевой воды, принесенный для умыванья. На палубѣ тонувшаго корабля я увидѣлъ боченокъ воды, приготовленный для дневной раздачи. Съ однимъ матросомъ я постарался втащить его въ лодку.

Вскорѣ затѣмъ, корабль сильно закачался, издалъ словно какой то стонъ, выпуская воздухъ изъ люковъ и затонулъ.

Положеніе наше было самое отчаянное. Отъ ближайшаго материка мы отстояли на 300 миль. Провизіи и воды у насъ было въ очень ограниченномъ количествѣ, а всѣхъ насъ было 32 человѣка. Мы размѣстились по 8 человѣкъ въ лодкѣ. Капитанъ повелъ одну, рулевой двѣ другія, а я четвертую. Было рѣшено связать лодки вмѣстѣ и грести попеременно въ четверомъ. Къ счастію оказалось, что былъ захваченъ компасъ и карта. Между моими товарищами по лодкѣ находился Томсонъ, привезенный къ намъ на корабль дальнимъ родственникомъ. Это былъ премилый пятнадцатилѣтній мальчикъ, котораго очень мы всѣ полюбили.

Первыя сутки погода была хороша, и дулъ попутный вѣтеръ. Это придало намъ бодрости и мы надѣялись скоро достигнуть материка. Но на другой день перемѣнилось; поднялся сильный вѣтеръ съ дождемъ, а къ вечеру мы должны были развязать лодки, иначе имъ грозила опасность разбиться другъ о друга.

Къ утру отъ усиленной работы мы выбились совершенно изъ силъ. Къ довершенію несчастія не могли нигдѣ примѣтить остальныхъ лодокъ. Теперь приходилось оріентироваться по звѣздамъ, такъ какъ компасъ находился въ другой лодкѣ. Для подкрѣпленія силъ, я выдалъ товарищамъ по глотку рому, который случайно былъ захваченъ съ корабля. Утромъ пошелъ сильный дождь, который промочилъ насъ до костей. Мы воспользовались этимъ и стали высасывать воду съ платья, чтобы подольше сохранить оставшійся боченокъ воды. Два дня проведенные въ борьбѣ съ вѣтромъ, безъ сна, и при самой скудной пищѣ, совсѣмъ насъ истощили. Болѣе всѣхъ мнѣ жалко было бѣднаго маленькаго Томсона. Онъ не жаловался, но я видѣлъ, какъ онъ измученъ голодомъ и усталостью.

На слѣдующій день, я роздалъ послѣднюю воду и остатокъ пищи. Затѣмъ пригласилъ всѣхъ помолиться и просить помощи у Бога.

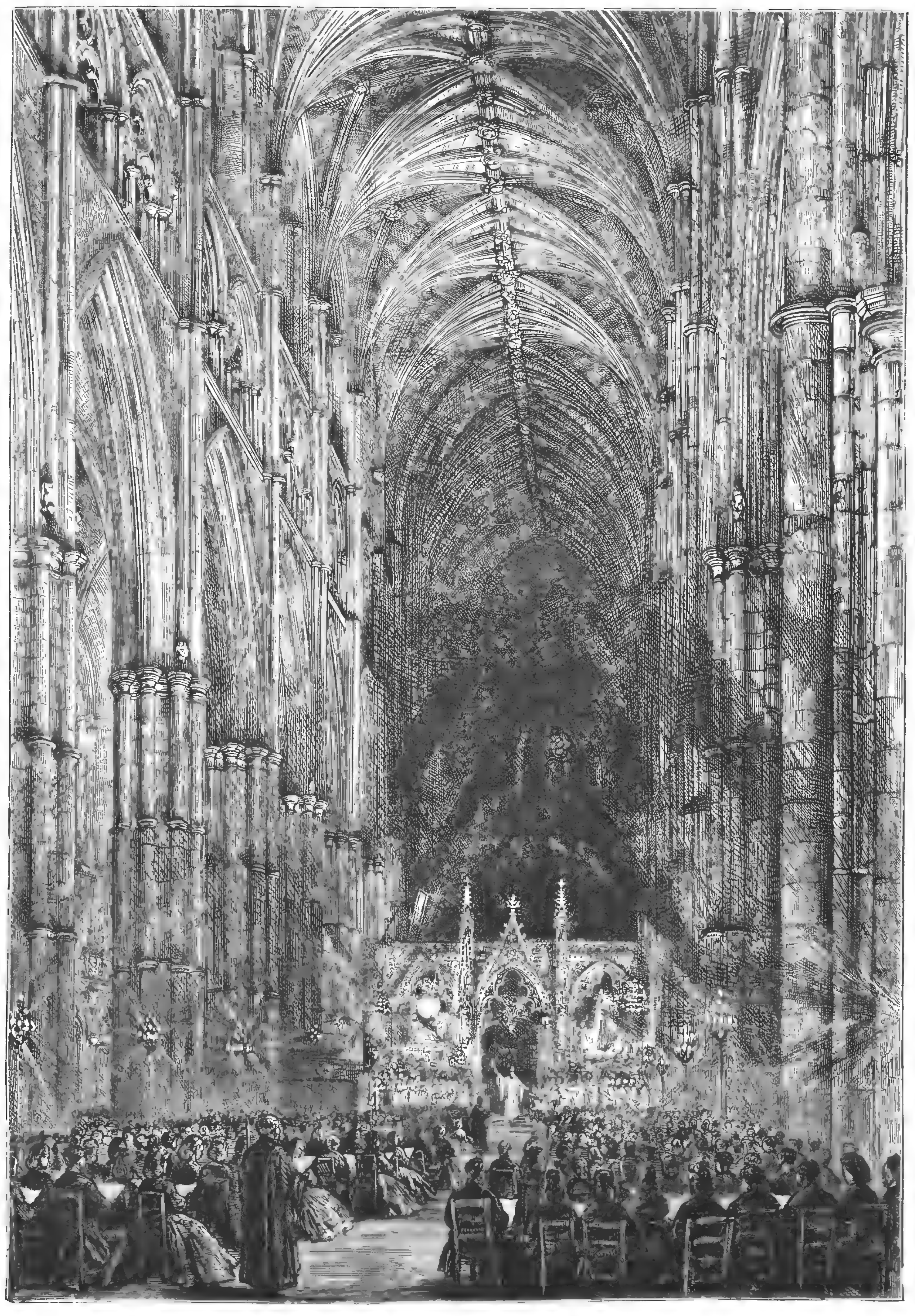
Мы снова начали грести, но это оказалось невозможнымъ. Солнце такъ жгло и насъ мучила такая жажда. Я посовѣтовалъ немного уснуть, чсобы укрѣпиться для дальнѣйшей работы. Съ трудомъ мнѣ удалось удержать матросовъ отъ питья морской воды, къ вечеру одинъ изъ людей все таки напился соленой воды и спустя полчаса пришелъ въ изступленіе. Онъ подскочилъ ко мнѣ и началъ меня душить. Насилу товарищи его оттащили. Затѣмъ онъ перескочилъ за бортъ и исчезъ въ темныхъ волнахъ.

Это произвело на насъ чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе. До сихъ поръ я себя чувствовалъ довольно хорошо, но теперь и я упалъ духомъ. Всѣ спали или казались спящими. Лодка довольно слабо качалась. Движенія одного изъ нашихъ товарищей показались мнѣ подозрительными и я сталъ за нимъ наблюдать. Онъ имѣлъ видъ помѣшаннаго и внимательно всматривался въ спящаго своего сосѣда. Потомъ вынулъ ножъ и занесъ руку, но какъ я ни былъ слабъ, все же вскочилъ и ударилъ его по рукѣ. Ножъ выпалъ, а несчастный повалился на дно лодки, не произнеся ни слова и безсмысленно глядя впередъ. На шумъ проснулись остальные, которымъ однако, я ничего не говорилъ. На другой день опять подулъ вѣтеръ и сталъ накрапывать дождь, которымъ мы хотя немного освѣжились. Чтобы обмануть сколько нибудь голодъ мы вырѣзали ремешки изъ обуви и жевали ихъ. Посовѣтовавшись съ рулевымъ, которому я довѣрялъ болѣе другихъ товарищей, я рѣшился отнять у всѣхъ ножи, которые мы и побросали въ воду, сохранивъ только свои. Спустя нѣкоторое время я замѣтилъ, что нѣкоторые начали перешептываться. Затѣмъ они объявили мнѣ свое требованіе кинуть жребій. Я рѣшительно возсталъ противъ этаго, уговаривая ихъ подождать еще сутки, можетъ быть подоспѣетъ помощь. Счастье, что у нихъ не было ножей. Ночью отъ тревоги я снова не могъ ни на минуту уснуть; силы мои замѣтно уменьшались. Рулевой также очень ослабѣлъ. Одинъ Томсонъ спалъ всю ночь не просыпаясь.

Опять ко мнѣ приступили съ требованіемъ кинуть жребій. Нельзя было сопротивляться дольше, во избѣжаніе насилія. Жребій былъ кинутъ, онъ палъ на Боба Томсона. Никогда въ жизни я не забуду его взгляда. Подумавъ съ минуту онъ произнесъ: „я готовъ". Видя какъ онъ блѣденъ, но все же старается казаться спокойнымъ передъ ожидавшей его смертью, я еще разъ попытался уговорить безумцевъ. Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ я, подождемъ еще немного. И хотя они настаивали, но я при

Страстная недѣля. Положенiе во гробъ. Картина профессора В. П. Верещагина для храма Спасителя въ Москвѣ
Съ фотогр. Лаптева, на деревѣ грав. Регульскiй.

Страстная недѣля на Западѣ. Въ Страстной четвергъ въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ. Рис. Бреверъ, грав. Джемсъ.

помощи рулеваго и на этотъ разъ успокоилъ ихъ. Бѣдный мальчикъ почти лишился чувствъ. Въ полдень выпалъ небольшой дождь. Мнѣ показалось, что я вижу вдали парусъ. Но я могъ ошибиться, никто кромѣ меня ничего не видѣлъ. Когда отъ меня снова потребовали мальчика, я увидѣлъ по искажавшимся все болѣе лицамъ, что сопротивленіе будетъ безполезно. Чтобы не видѣть несчастнаго ребенка я отвернулся. Опять передъ моими глазами мелькнулъ словно парусъ. „Остановитесь, закричалъ я, парусъ!“ Глаза всѣхъ устремились въ сторону, куда я показывалъ, но опять никто ничего не видѣлъ.

— Еще только часъ времени прошу я у васъ, сказалъ я имъ, и тогда, если корабля не будетъ, я отдамъ вамъ мальчика, а до тѣхъ поръ никто не смѣй до него и касаться. Я вытащилъ ножъ изъ за пояса, рулевой также; остальнымъ поневолѣ пришлось уступить еще разъ. Прошелъ послѣдній часъ, глаза мои устали отъ страшнаго напряженія, но ожидаемый корабль не появлялся.

— Время настало! раздался глухой голосъ одного матроса, дайте намъ ножъ.

Съ тоскою я взглянулъ въ послѣдній разъ на горизонтъ. Парусъ опять бѣлѣлъ. Нѣтъ, это не обманъ зрѣнія. Отъ радости я не могъ произнести ни слова, а только показывалъ рукою.

— Корабль, корабль! раздались голоса. Богъ услышалъ нашу молитву!

Дрожащими руками привязали мы платокъ на весло и подняли кверху, въ видѣ сигнала. Еще четверть часа мучительнаго ожиданія. Корабль уже поровнялся съ нами, уже миновалъ насъ, погружая насъ опять въ неописанный страхъ.

Наконецъ насъ замѣтили и корабль остановился. Отъ сильнаго напряженія и безпокойства я вдругъ лишился чувствъ.

Я очнулся уже въ каютѣ голландскаго корабля, окруженный попеченіями доктора. Два нашихъ матроса умерли. Изъ Батавіи я уѣхалъ въ Гамбургъ и съ тѣхъ поръ до сегодняшняго дня ничего не слыхалъ о Томсонѣ. Пути Господа неисповѣдимы! закончилъ старикъ свой потрясающій разсказъ.

— А прочія лодки, спросилъ я.

— О нихъ я никогда болѣе не слыхалъ. Помоги, Господи, Бобу отъискать сегодня свой корабль, чтобы не повторилась съ нимъ старая, ужасная исторія.

Къ рисункамъ

Запечатлѣніе Гроба Господня.

(Картина Баура).

Неприязнь Израиля ко Христу завершилась запечатлѣніемъ гроба Господня. Это было сдѣлано въ предположеніи воспрепятствовать исполненію предсказанія о Воскресеніи Христа. „Они пошли и стерегли гробъ со стражей и запечатлѣли камень“, такъ говорится въ евангеліи Матѳея (27, 66). Это изображено дюссельдорфскимъ профессоромъ Бауромъ, въ превосходной, полной жизни и движенія картинѣ. Вверху виднѣется фасадъ склепа, изсѣченнаго въ скалѣ, съ надписью: „Іосифъ Аримаѳейскій“. По Евангелію, склепъ этотъ былъ прикрытъ дверью и придвинутымъ къ ней камнемъ. Что именно таково вообще было устройство этихъ склеповъ, свидѣтельствуютъ уцѣлѣвшія и по нынѣ гробницы въ окрестностяхъ Іерусалима. Дверь запечатлѣвалась въ присутствіи первосвященника. На головѣ первосвященника тюрбанъ (misnepheth), а на плечахъ виссонъ. Холоднымъ и испытующимъ взоромъ смотритъ онъ въ сторону на Марію Магдалину и „другую Марію“, которыя, исполненныя скорби, присутствуютъ при этомъ событіи.

Фигура фарисея, стоящаго около первосвященника, съ одной изъ такихъ глиняныхъ лампъ въ рукахъ, какія и по нынѣ въ употребленіи, весьма выразительна. Въ его одѣяніи видны характеристическія кисти (sisit)—знаки принадлежности къ народу Божію, носимые тогда фарисеями съ особаго рода гордостью всегда на виду. Десять заповѣдей съ ремнями тутъ же на лицо. Головной уборъ такой же, какъ и у первосвященника и придерживается шнурами.

Толпа любопытныхъ придвинулась къ самому мѣсту, охраняемому римскими стражниками, одинъ изъ коихъ преграждаетъ входъ копьемъ. Толпа, вся поглощенная актомъ запечатлѣнія гроба, не замѣчаетъ, какъ сѣдой фарисей нашептывая что-то, опускаетъ въ руку римскаго стражника, повидимому довольно равнодушнаго къ происходящему, золотую монету. Сдѣлано ли это съ цѣлью, чтобы стражникъ лучше смотрѣлъ въ почи, или это подкупъ за ложное показаніе?

Роскошныя широкія одежды іудеевъ составляютъ эффектный контрастъ съ тяжелыми и узкими одѣяніями суровыхъ римскихъ легіонеровъ.

Христосъ въ терновомъ вѣнцѣ.

(Горельефъ карарскаго мрамора, Карла Кауэра).

Въ Крейцнахѣ живетъ цѣлая семья ваятелей: Эмиль Кауэръ —отецъ и два сына Карлъ и Робертъ—всѣ прекрасные скульпторы. Изъ ихъ общей мастерской вышло не мало высокаго художественнаго достоинства вещей. Одна изъ лучшихъ работъ старшаго—Карла—„Христосъ въ терновомъ вѣнцѣ“, рисунокъ которой есть въ этомъ №.

Модель начата въ Римѣ и затѣмъ была исполнена изъ мрамора и привезена Кауэромъ на родину, гдѣ и куплена великимъ герцогомъ Мекленбургъ-Шверинскимъ для Шверинскаго собора.

Первые уроки ваянія Карлъ Кауэръ бралъ у отца, затѣмъ былъ посланъ въ Берлинъ, гдѣ нѣкоторое время работалъ у А. Вольфа. Въ 1848 году онъ уѣхалъ въ Римъ по порученію герцогини Веймарской. Потомъ побывалъ въ Англіи и предался идеальному направленію. Изъ важнѣйшихъ его работъ замѣчательны: „Тезей“, „Раненый Ахилесъ“, (1854 г.) „Побѣдитель на олимпійскихъ играхъ“ (1857). Первыя двѣ работы находятся въ Амстердамѣ, послѣдняя пріобрѣтена Императоромъ Вильгельмомъ. Въ Римѣ онъ исполнилъ еще двѣ большія группы: „Гекторъ и Андромаха“ и „Ахилесъ и Минерва“. Кромѣ того Карлу Кауэру принадлежатъ много бюстовъ и фигуръ, между прочимъ бюстъ покойнаго Короля Фридриха Вильгельма IV и статуя во весь ростъ изъ мрамора нынѣ царствующаго Австрійскаго императора. Для Мангейма онъ сдѣлалъ статую Шиллера, за которую ему была присуждена премія.

Карлъ Кауэръ получилъ три золотыя медали: отъ короля Фридриха Вильгельма IV и Императора Вильгельма и на Кельнской выставкѣ, отъ великаго герцога Веймарскаго.

Положеніе во гробъ.

(Картина В. П. Верещагина).

Въ № 3 прошлаго 1879 года мы уже имѣли случай говорить о профессорѣ Василіѣ Петровичѣ Верещагинѣ (по поводу его жанра „Посѣщеніе узниковъ въ Римѣ“) однофамильцѣ извѣстнаго Вас. Васильевича. Ему поручено было между прочимъ выполненіе стѣнной живописи въ храмѣ Спасителя, гдѣ работы его заняли уже видное мѣсто по строгости стиля и талантливости выполненія. Съ одного изъ этихъ произведеній, предназначенныхъ для громаднаго Московскаго Храма—„Положеніе во гробъ“ мы здѣсь помѣщаемъ рисунокъ.

В. П. (пермскій уроженецъ) въ 1860 г. удостоенъ 2 золотой медали за картину „Олимпійскія игры“ и въ слѣдующемъ же году возведенъ въ званіе классная художника. Въ то же время онъ получилъ и 1 золотую медаль за програмную картину „Великая княгиня Софья Витовтовна на свадьбѣ Василія Темнаго“. Затѣмъ, пропустивъ рядъ талантливыхъ произведеній, о которыхъ мы уже въ свое время говорили, напомнимъ его замѣчательныя, обратившія на себя вниманіе на выставкѣ 1873 г. картины, сюжетъ которыхъ взятъ былъ изъ нашихъ миѳическихъ сказаній: „Илья Муромецъ у кн. Владиміра“ и „Бой Добрыни съ Змѣемъ Горынычемъ“. Они писаны для дворца Е. И. В. Владиміра Александровича на огромномъ холстѣ особаго приготовленія, на подобіе обоевъ гобеленовой фабрики.

Страстной четвергъ въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ.

Въ послѣдніе годы великопостное служеніе въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ, этомъ древнемъ великомъ храмѣ великаго города Лондона, отличается особенною торжественностью, необычною при постоянно слишкомъ блѣдной и однообразной обстановкѣ англиканской церковной службы. Особенно привлекаетъ массу избранной, интелигентной публики великолѣпный, духовный концертъ, исполняемый въ Аббатствѣ, всегда вечеромъ, въ страстной четвергъ, лучшими хорами Лондона въ воспоминаніе Страстей Господнихъ.

Въ Римско-Католической церкви подобные хоры, воспѣвающіе страданія Спасителя, ведутся съ глубокой древности и даже сопровождались иногда лицедѣйствіемъ для нагляднаго изображенія евангельскаго разсказа. Извѣстно какъ величественно совершается великопостное служеніе въ Римѣ, въ соборѣ св. Петра, привлекающее несмѣтныя толпы народа и дѣйствительно производящее глубокое впечатлѣніе. Одно изъ лучшихъ музыкальныхъ переложеній удивительнаго евангельскаго текста (по Евангел. Матѳея), о страстяхъ Господнихъ принадлежитъ знаменитому Себастіану Баху. Этотъ возвышенный, полный глубокаго скорбнаго чувства хоралъ былъ исполненъ въ первый разъ, въ 1729 году, въ Лейпцигѣ и затѣмъ остался забытымъ болѣе чѣмъ на столѣтіе. Въ Англіи, публика ознакомилась съ этой музыкой очень недавно а именно въ апрѣлѣ 1854 г. на концертѣ данномъ членами „музыкальнаго общества Баха“; затѣмъ этотъ хоралъ выполнялся постоянно въ разныхъ духовныхъ концертахъ, но нигдѣ онъ не производитъ такого глубокаго впечатлѣнія, какъ въ стѣнахъ Вестминстерскаго Аббатства. Дѣйствительно, этотъ древній храмъ съ его готическими, рѣзными украшеніями и множествомъ причудливыхъ колоннъ и узорчатыхъ сводовъ, самъ по себѣ чрезвычайно эффектенъ и сильно дѣйствуетъ на воображеніе. Ряды величественныхъ гробницъ знаменитыхъ людей Англіи, тянутся у стѣнъ и придаютъ собору еще болѣе суровый, средневѣковый характеръ, усиливая общее впечатлѣніе. Въ этомъ какомъ-то таинствен-

номъ и суровомъ полумракѣ храма, торжественное служеніе, сопровождаемое чуднымъ, хватающимъ за душу пѣніемъ, возбуждаетъ въ молящихся глубокое религіозное чувство.

Древній Супрасльскій соборъ.

Супрасль, нынѣ скромное мѣстечко Гродненской губерніи, владѣетъ однимъ изъ замѣчательныхъ памятниковъ старины— а именно древнимъ, православнымъ монастыремъ, существующимъ здѣсь уже болѣе трехъ съ половиною столѣтій.

Супрасльскій Благовѣщенскій монастырь былъ основанъ Княземъ Александромъ Ходкевичемъ, новогрудскимъ воеводою и великимъ Маршаломъ Великаго княжества Литовскаго въ 1498 г. и сначала находился въ его вотчинномъ имѣніи Гроднѣ, гдѣ монахи вызванные съ Аѳонской горы жили въ его собственномъ замкѣ. Но жизнь при шумномъ и блестящемъ дворѣ литовскаго вельможи не могла нравиться инокамъ, привыкшимъ къ уединенію и молитвѣ и они просили князя, дать имъ болѣе отдаленное убѣжище, въ Баудовскомъ лѣсу, внизъ по рѣкѣ Супрасли. По преданію иноки пустили деревянный крестъ по теченію рѣки, полагая избрать для монастыря то мѣсто, гдѣ онъ остановится. Такимъ образомъ началось сооруженіе Супрасльскаго монастыря. Въ 1503 году воздвигнута была небольшая деревянная церковь во имя св. Іоанна Богослова а въ 1505 году приступлено къ сооруженію большаго каменнаго храма во имя Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, причемъ всѣ издержки по постройкѣ принялъ на себя князь Ходкевичъ и надзоръ за работами порученъ былъ архимандриту Пафнутію Сегеню. Пользуясь постояннымъ покровительствомъ и щедротами князей Ходкевичей, Супрасльскій православный монастырь могъ устроиться на самыхъ широкихъ началахъ; онъ владѣлъ обширными имѣніями а храмъ его славился роскошью своего внутренняго убранства и красотою постройки. Съ захватомъ уніатами, многихъ существовавшихъ въ Литвѣ православныхъ храмовъ и монастырей и Супрасльская обитель попала въ руки уніатовъ. Съ 1656 года ея настоятелями являются уже высшіе сановники уніатскаго духовенства, упорно преслѣдовавшіе какъ свои личныя цѣли такъ и цѣли управлявшей ими римской куріи. Здѣсь же въ 1743 году была напечатана и Супрасльская библія. Базиліане, располагавшіе большими средствами, завели при монастырѣ обширную библіотеку и снабжали ее постоянно рѣдкими книгами богословскаго или историческаго содержанія. Когда по послѣднему раздѣлу Польши, бѣлостокская область была отдана Пруссіи, то послѣдняя, отобравъ отъ Супрасльскаго монастыря имѣнія, положила ему въ замѣнъ ихъ, постоянное, опредѣленное содержаніе. Въ 1807 г. монастырь очутился въ чертѣ русскихъ владѣній а по возвращеніи уніатовъ въ православіе, бывшій настоятель Супрасльскаго монастыря переименованъ въ архимандриты и самый монастырь съ 1-го мая 1842 года причисленъ ко второму разряду. Монастырская типографія была еще закрыта при Прусскомъ правительствѣ: богатая библіотека большею частью поступила въ литовскую духовную консисторію, существовавшее здѣсь съ 1836 года духовное училище въ 1853 году переведено въ Гродно, а обширныя монастырскія строенія частью отдаются монастыремъ въ наемъ, подъ суконную фабрику.

Только одинъ, древній величественный монастырскій соборъ свидѣтельствуетъ о прежнемъ богатствѣ и значеніи Супрасльской обители. Благовѣщенскій соборъ однопрестольный, пяти главый, имѣетъ фигуру креста, занимаетъ до 15 квадратныхъ саженъ пространства съ придѣломъ теплой церкви и съ особо стоящею при воротахъ каменною, трехъ-ярусною колокольней. Церковь снаружи украшена фронтонами и карнизами; сверху покрыта желѣзомъ, выкрашеннымъ зеленою краскою, а кресты позолочены. Каменный сводъ, поддерживаемый колоннами расписанъ изображеніемъ святыхъ; нижняя часть стѣнъ обита досками украшенными карнизами, фигурами херувимовъ и разною рѣзьбою; въ передней части храма стѣны выкрашены подъ мраморъ.

Стальныя перья.

Очеркъ.

Лейпцигскій профессоръ Вутке, говоритъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій: „мы, люди нынѣшняго времени, знакомы съ письмомъ, какъ съ готовымъ и уже усовершенствованнымъ искуствомъ; его начало восходитъ однако къ тому періоду времени, о которомъ мы имѣемъ очень мало свѣдѣній“. Прежде всего изображали предметы внѣшніе и ихъ проявленія, что давало понятія о нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ, это уже составляло письмо полными фразами. Затѣмъ слѣдовало письмо отдѣльными словами и наконецъ — самое трудное — писаніе слогами и буквами. Для писанія нуженъ извѣстный матерьялъ и соотвѣтствующій снарядъ. Первыя письмена высѣкались на твердыхъ скалахъ и камняхъ. Пока дошли до бумаги и пера, письмо должно было перейти черезъ многоразличныя измѣненія. Самые первые зачатки изображенія, письма Вутке выводитъ изъ религіозныхъ идей; татуированіе объясняется, какъ видимый признакъ принадлежности къ извѣстному племени. Желаніе удержать что нибудь въ памяти, заставляло прибѣгать къ разнымъ знакамъ, зарубкамъ и нарѣзамъ на деревянныхъ палкахъ или пластинкахъ; съ этой цѣлью индійцы носили кожаные пояса, а перуанцы гвипосъ—веревки, на которыхъ вязались узлы. У Ацтековъ въ Мексикѣ испанцы нашли іероглифы, которые въ Калифорніи у мѣстныхъ первобытныхъ жителей замѣняли письмо; въ 600 г. послѣ Р. Х. Китайцы прежде всѣхъ стали писать настоящимъ образомъ. Какъ извѣстно, у нихъ для каждаго слова существуетъ особый знакъ; хотя этотъ способъ чрезвычайно затрудняетъ изученіе чтенія, но имѣетъ то преимущество, что одинаково пригоденъ для всѣхъ діалектовъ, образовавшихся впослѣдствіи съ развитіемъ государства; такимъ образомъ всякая китайская книга повсюду въ странѣ понимается одинаково, не смотря на разницу произношеній въ отдѣльныхъ провинціяхъ. Передвижныя буквы для печатанія были изобрѣтены китайскимъ кузнецомъ Тингомъ за 400 лѣтъ до изобрѣтенія Гутенберга.

Классическіе народы древняго времени, Греки и Римляне, для письма употребляли металлическую иглу, которою писали на воскѣ. Они также умѣли переводить подписи именъ на какой нибудь предметъ помощью патрона или жестяннаго листика, откуда были вырѣзаны буквы. Такіе патроны у грековъ назывались *типограммами*, а у Римлянъ laminae intersiles. По сообщенію Квинтильяна, Римляне употребляли эти патроны для наученія дѣтей чтенію и письму. Въ средніе вѣка искусство писать называлось ars clericalis и зачастую названіе „писатель“ было синонимомъ духовнаго званія.

Съ 636 года послѣ Р. Х., когда впервые упоминается о письмѣ и до нашего времени исключительно употреблялись гусиныя перья, которыхъ болѣе чѣмъ тысячелѣтнее служеніе дѣлу воспѣто даже нѣкоторыми поэтами. Гусиное перо наконецъ было замѣнено стальнымъ. Съ достовѣрностью трудно опредѣлить самое начало производства стальныхъ перьевъ. Въ Бирмингамѣ—коренномъ мѣстѣ этой отрасли, многія разслѣдованія не привели ни къ чему. Многіе утверждаютъ, что уже во второй половинѣ прошлаго столѣтія существовали стальныя перья. Патентъ, выданный Джемсу Перри 24-го апрѣля 1830 года, принадлежитъ къ старѣйшимъ англійскимъ патентамъ по этому производству. Въ одно время съ Перри, бѣдный учитель чистописанія Бюргеръ въ Кенигсбергѣ въ 1808 г. объявилъ, что онъ приготовляетъ „кончики перьевъ“ изъ металла, но Бюргеру не посчастливилось въ этомъ дѣлѣ и онъ умеръ въ крайней нищетѣ.

Большія услуги по усовершенствованію и распространенію стальныхъ перьевъ оказалъ Іосифъ Гиллотъ въ Бирмингамѣ. Онъ былъ точильщикомъ на фабрикѣ, поставлявшей мелкій товаръ въ Бирмингамъ, на фабрикѣ этой изготовлялись и стальныя перья, но только руками, вслѣдствіе чего онѣ обходились очень дорого, а потому и расходились мало. Гиллотъ устранилъ это неудобство. Въ началѣ ему приходилось бороться со многими затрудненіями и предразсудками. Банкиры и купцы недопускали употребленія стальныхъ перьевъ въ своихъ конторахъ, а многіе помнятъ еще то недавнее время, въ которое стальное перо такъ строго преслѣдовалось во всѣхъ школахъ. Отрицаніе нововведенія доходило до того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Англіи оно вызывало судебныя преслѣдованія. Даже и теперь въ нѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстахъ Германіи считается не совмѣстнымъ съ бюрократическимъ достоинствомъ употребленіе стальнаго пера. Всѣ эти препятствія не помѣшали Гиллоту твердо стремиться къ предвзятой цѣли; дѣло его вскорѣ такъ подвинулось, что онъ ввелъ паръ на своей фабрикѣ, что способствовало къ удешевленію и улучшенію производства стальныхъ перьевъ. Конечно нападки эти не могли долго продолжаться. Спросъ на перья сталъ постепенно возрастать, такъ что вскорѣ, не смотря на то, что на фабрикѣ Гиллота работало кромѣ мужчинъ болѣе 600 женщинъ, онъ не могъ удовлетворить общимъ требованіямъ. Тутъ то стали возникать другія фабрики.

Для изготовленія пера требуется отъ двухъ до трехъ недѣль; раньше чѣмъ оно выйдетъ изъ фабрики, оно проходитъ черезъ двѣнадцать и болѣе рабочихъ рукъ. Въ англійскомъ отдѣлѣ парижской выставки 1878 года было много рисунковъ, представляющихъ процессъ изготовленія пера изъ длинной стальной ленты. Прежде всего стальныя ленты нарѣзываются, потомъ концы острятся и разсѣкаются, перо загибается полукругомъ, полируется, закаливается и тогда уже упаковывается. Для всего этаго существуютъ особыя машины. На той же выставкѣ извѣстный фабрикантъ Пэрри выставилъ образцы перьевъ, изъ которыхъ первое было сдѣлано въ 1826 г. По этимъ образцамъ наглядно можно было прослѣдить всѣ степени усовершенствованія этаго производства.

Число изготовляемыхъ перьевъ въ Бирмингамѣ громадно, оно простирается до 40 милліоновъ штукъ въ недѣлю. Три четверти этаго количества потребляется дѣловою перепиской, остальное количество служитъ для частной переписки и въ концѣ концовъ остатокъ падаетъ на долю литературы.

Политическое обозрѣніе.

Уступчивость Порты.—Новое министерство въ Болгаріи.—Румынія.—Отставка князя Висмарка.—Отставка вице-короля индійскаго.—Абдуррахманъ-ханъ.

Побѣда виговъ въ Англіи какъ будто уже даетъ чувствовать себя, мало по-малу.

Турецкое правительство, напримѣръ, начинаетъ высказывать замѣчательную уступчивость въ переговорахъ объ исправленіи какъ турецко-черногорской, такъ и турецко-греческой границы. Султанъ, по слухамъ, разрѣшилъ турецкому государственному совѣту принять безъ всякихъ измѣненій черногорскій контръ-проектъ. Порта, въ то же время, не намѣрена дѣлать никакихъ дальнѣйшихъ возраженій противъ назначенія международной коммиссіи для улаженія греко-турецкаго вопроса и ждетъ уже уполномоченныхъ въ Константинополь. Въ столицѣ, между прочимъ, ходятъ слухи, будто Махмуду-Недиму, Савфету и Хейреддину-пашамъ поручено будетъ составить, сообща, новое министерство.

Вѣсти, сообщавшіяся нами въ свое время о предполагавшихся преобразованіяхъ въ болгарскомъ уставѣ до сихъ поръ не оправдались. И произошло, даже нѣчто совершенно противоположное тому. Согласно слухамъ, которые мы считали своею обязанностью хроникера, занести въ нашу бесѣду,—по новымъ порядкамъ, министерство въ Болгарскомъ княжествѣ будетъ образовываться внѣ парламентскихъ вліяній. Между тѣмъ,—новое министерство составлено, именно, подъ вліяніемъ нынѣшняго большинства въ палатѣ болгарской. Въ кабинетѣ этомъ Занковъ занимаетъ постъ министра-президента и министра иностранныхъ дѣлъ, а Каравеловъ—министра финансовъ. Изъ Софіи сообщаютъ, что будто бы есть предположеніе перенести столицу княжества въ Рущукъ, на томъ основаніи, что городъ этотъ, прилегающій къ судоходному Дунаю, имѣетъ, въ качествѣ резиденціи, значительныя преимущества предъ Софіей, расположенной вдали отъ всѣхъ усовершенствованныхъ путей.

Румынская палата заинтересовалась, наконецъ, знать оффиціально,—какіе результаты принесла поѣздка Братіано. Сдѣланъ былъ запросъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ, въ отвѣтѣ своемъ, категорически заявилъ, что Румынія имѣетъ въ виду поддерживать добрыя сношенія со всѣми, вообще, державами и не намѣрена служить чьимъ бы то ни было орудіемъ. Такое заявленіе, повидимому, сдѣлано съ цѣлью опровергнуть слухи о состоявшемся уже, какъ фактъ, присоединеніи Румынскаго княжества къ австро-венгерскому союзу. Многими замѣчено, что толки объ этомъ присоединеніи замолкли въ одно время съ извѣстіемъ о побѣдѣ виговъ въ Англіи. — Австро-венгерское правительство тоже принялось упорно отрицать слухи о присоединеніи Румыніи къ австрійскому соглашенію, но—въ княжествѣ пресса почти открыто уже заявила, что Братіано, въ бытность свою въ Берлинѣ и Вѣнѣ, заключилъ формальный союзъ съ Австріей и Германіей. Оппозиціонные органы не довольны этимъ союзомъ, утверждая, что Румыніи слѣдовало бы избѣгать союзовъ съ великими державами. Съ другой стороны, Братіано, въ своей газетѣ „Романулъ", заявилъ, что Румынія не могла быть изолированной и что соглашеніе съ панславизмомъ поставило бы ее въ враждебное отношеніе ко всей Европѣ, за исключеніемъ Россіи, „союзъ съ которой врядъ ли можетъ служить достаточнымъ вознагражденіемъ, при такихъ обстоятельствахъ"(!)

Императоръ Вильгельмъ, недавно слегка простудился и нѣсколько дней не выѣзжалъ, но, затѣмъ здоровье его величества, вскорѣ, исправилось, что онъ могъ снова приступить къ занятіямъ. На дняхъ едва не произошло событіе, которое могло имѣть весьма серьезныя послѣдствія для Германіи, да, безъ сомнѣнія, отразилось бы во всей Европѣ. — Князь Бисмаркъ подалъ въ отставку. Видимою причиною послужило происшедшее въ союзномъ сонѣтѣ столкновеніе канцлера съ уполномоченными нѣсколькихъ мелкихъ государствъ въ незначительномъ вопросѣ объ установленіи платы почтовыхъ квитанцій. Стоялъ за этотъ залогъ, канцлеръ а оппоненты его противъ налога и такъ какъ они одержали верхъ, то онъ подалъ въ отставку. Желаніе Бисмарка выдти въ отставку, какъ увѣряютъ, было совершенною неожиданностью для всѣхъ, даже для многихъ министровъ и, конечно, тотчасъ же подало поводъ къ различнымъ толкамъ. Одни говорили, будто князь не желаетъ оставаться у дѣлъ, потому что расходится съ императоромъ Вильгельмомъ во взглядахъ на иностранную политику по отношенію къ нѣкоторымъ вопросамъ... Другіе находятъ причины иного рода и, между прочимъ, находятъ такое объясненіе: въ германскомъ союзномъ совѣтѣ мелкія государства располагаютъ, въ общей сложности, 30-ю голосами, тогда какъ большія и среднія государства, взятыя вмѣстѣ и обладающія въ 8 разъ большимъ населеніемъ, имѣютъ всего 28 голосомъ. Въ вопросѣ о почтовыхъ квитанціяхъ мелкія государства подали голоса заодно и одержали верхъ надъ Пруссіей, Баваріей и Саксоніей. Отсюда, очевидно, что на сцену выступилъ не самый вопросъ о обложеніи квитанцій штемпельнымъ сборомъ, но фактъ возможности побѣды коалиціи мелкихъ государствъ. Вопросъ этотъ и обратилъ на себя особое вниманіе князя Бисмарка, который теперь намѣренъ добиться такого измѣненія въ внутреннемъ устройствѣ и отношеніяхъ совѣта, чтобы на будущее время болѣе не происходило подобныхъ случайностей. Императоръ, на просьбѣ Канцлера, написалъ: „никогда!"

Королева-императрица Викторія возвела вице-короля индійскаго Литтона въ графское достоинство, съ титуломъ „графа Литтона". Вице-король, въ виду побѣды виговъ, подалъ въ отставку и на мѣсто его, говорятъ, будетъ назначенъ британскій посланникъ при нашемъ дворѣ, лордъ Дофференъ.

Въ Авганистанѣ, въ настоящее время, остается лицомъ къ лицу съ англичанами одинъ только серьезный претендентъ—Абдуррахманъ-ханъ, (другаго значительнаго предводителя, Магометъ-Хана уже нѣтъ въ живыхъ), авторитетъ котораго возрастаетъ со дня на день, вмѣстѣ съ ежедневнымъ усиленіемъ арміи его. Находившіеся въ Гератѣ кабульскіе полки присоединились уже къ Абдуррахману, сторону котораго также приняли и когистанскіе горцы. До сраженія съ англичанами у него не доходило, такъ какъ вообще онъ держится весьма осторожнаго образа дѣйствій и, даже, ходятъ слухи,—ведетъ переговоры съ англо-индійскимъ правительствомъ. Ожидаютъ, что министерство виговъ не будетъ настаивать на раздробленіи Авганистана.

Смѣсь.

Еще о телефонѣ. Извѣстно, что въ 1870 году англійское правительство выкупило всѣ телеграфныя линіи, принадлежавшія до того времени частнымъ компаніямъ, и сосредоточило управленіе телеграфами въ министерствѣ почтъ. Публика не жаловалась на эту перемѣну, такъ какъ телеграфная служба велась несравненно лучше, а правительство въ свою очередь не имѣло повода быть недовольнымъ, загребая въ свои кассы массу денегъ. Изобрѣтеніе телефона произвело въ телеграфномъ дѣлѣ общій переворотъ. Образовались частныя общества, устроившія между нѣкоторыми городами телефонныя проволоки и открыли по нимъ переговоры. Почтовое управленіе увидѣло въ этомъ нарушеніе своей монополіи и обратилось въ судъ съ требованіемъ воспретить частнымъ компаніямъ пользоваться телефономъ. Въ оправданіе законности своего иска управленіе почтъ сослалось на то, что телефонъ почти то же, что телеграфъ, что выкупъ телеграфныхъ проволокъ стоитъ правительству нѣсколько милліоновъ и что поэтому несправедливо возстановлять прежніе порядки въ измѣненной только формѣ. Компаніи съ своей стороны, представили суду, что телефонъ совершенно новое изобрѣтеніе, не существовавшее при выкупѣ правительствомъ телеграфныхъ сѣтей и что поэтому употребленіе и эксплуатація телефона не могутъ быть воспрещены частнымъ лицамъ. Существующія нынѣ частныя акціонерныя общества, въ числѣ двухъ, располагаютъ двумя телефонами, системы Белля и системы Эдиссона. Общество, эксплуатирующее телефонъ Белля имѣетъ, болѣе шансовъ выиграть процессъ, такъ какъ аппаратъ Белля обходится безъ электричества, тогда какъ аппаратъ Эддиссона дѣйствуетъ лишь при помощи электрическаго тока и, слѣдовательно, болѣе подходитъ подъ телеграфный типъ.

Полагаютъ, что правительство не домогается уничтоженія телефонныхъ сношеній и требуетъ только подтвержденія своихъ монопольныхъ правъ, на основаніи которыхъ оно имѣло бы возможность потребовать, чтобы общества пріобрѣли покупкою концессіи на эксплуатацію телефона. Въ первомъ же засѣданіи суда, генеральный прокуроръ, представляющій собою ходатая отъ правительства, потребовалъ отъ компаніи безпрекословной передачи ихъ предпріятія казнѣ.

Лондонскія газеты сильно возстали противъ притязанія почтоваго управленія. Газеты замѣчали, что оно совершенно заблуждается относительно своего назначенія. Правительству отдали телеграфъ не для приращенія его доходовъ, а въ исключительныхъ интересахъ публики, даже сѣть телеграфовъ была проведена во всѣхъ мѣстностяхъ, не пользовавшихся этимъ быстрымъ способомъ сношеній и чтобы удобства его были бы вообще доступнѣе частнымъ лицамъ всѣхъ званій и состояній. При такихъ условіяхъ правительство не вправѣ ссылаться на свои монопольныя права и лишать публику выгодъ и удобствъ великаго ученаго изобрѣтенія. Заставить же компаніи выкупить ихъ предпріятія, посредствомъ пріобрѣтенія концессій, значило бы вынудить ихъ наложить на публику лишній налогъ, такъ какъ плата за телефонныя сношенія должна будетъ увеличиться.

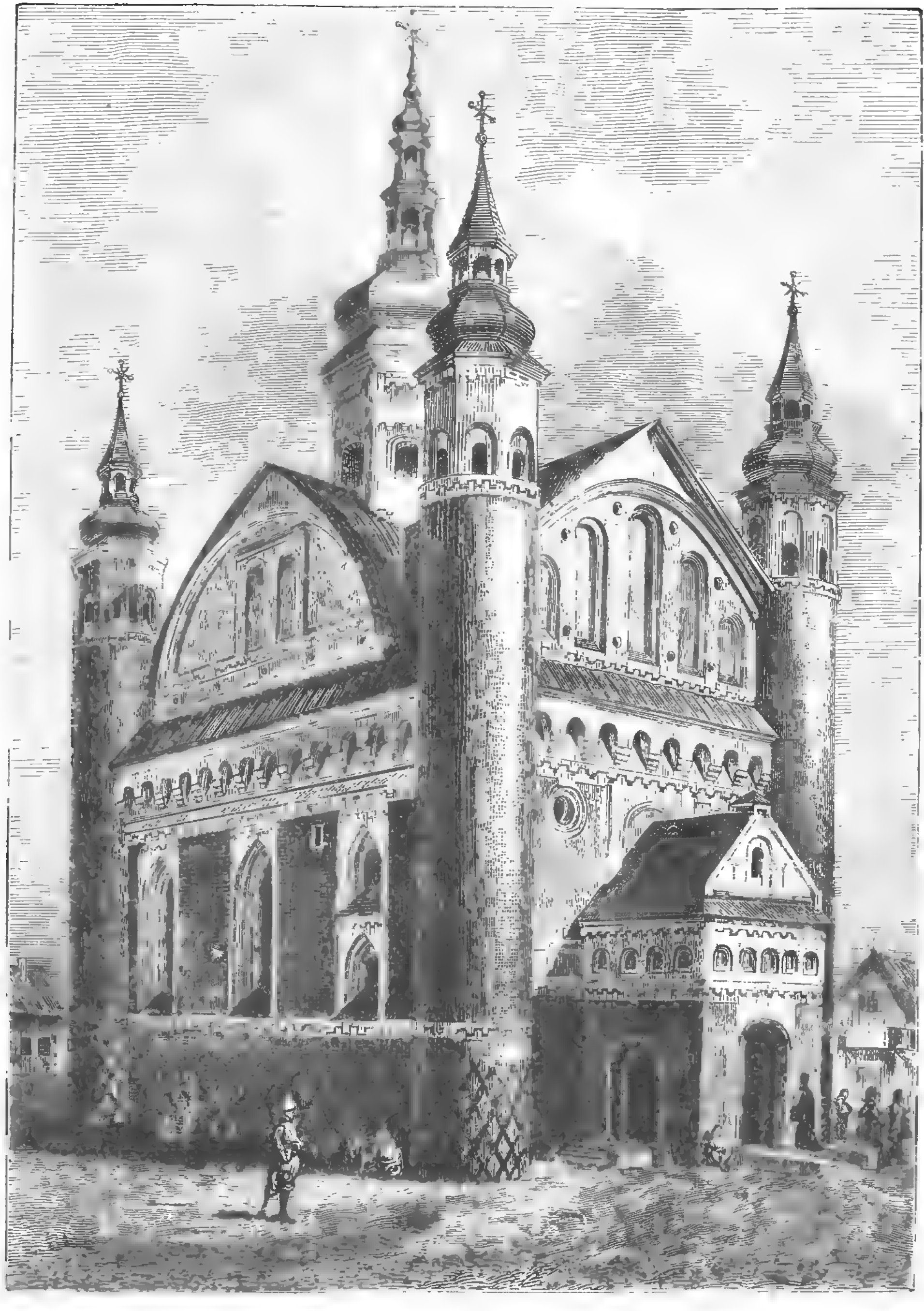
Утверждаютъ, будто вопросъ этотъ поступитъ на разрѣшеніе парламента.

Усовершенствованія въ фотографіи. Съ давнихъ поръ фотографы занимаются усовершенствованіемъ такъ называемыхъ „сухихъ плоскостей". Цѣль ихъ та, чтобы эти плоскости могли не

(Продолженіе на стр. 305, 306, 307 и 308).

только давать изображенія безъ обременительнаго неизбѣжнаго балласта стклянокъ, воронокъ, куфеттовъ и т. п., что всегда нужно имѣть при себѣ, но что наиболѣе важно и желательно въ настоящее время — уменьшилося бы время самаго процесса снимания напр. до одной секунды. Въ Франкфуртѣ фирма Хааке и Альберъ съ полнымъ рвеніемъ принялась за это, и ея попытки увѣнчались успѣхомъ: было произведено нѣсколько опытовъ, результаты которыхъ не оставляютъ желать ничего лучшаго: двѣ секунды и уже готовъ отличный, очень тонко обработанный негативъ, не только ничѣмъ не уступающій негативу изъ коллодіума, но даже лучше. Безъ сомнѣнія, этотъ способъ будетъ повсюду примѣненъ и вскорѣ достигнетъ громаднаго успѣха, по удобству и легкости его производства.

Замѣчательные горячіе источники въ Новой Зеландіи. Въ округѣ Рэторуа въ Новой Зеландіи находится нѣсколько горячихъ источниковъ, изъ которыхъ одинъ существенно отличается отъ всѣхъ. до сихъ поръ извѣстныхъ горячихъ источниковъ; этотъ источникъ называется Тапуи-Те-Коуту; глубина его равняется 80 футамъ, а вода при западномъ и южномъ вѣтрѣ имѣетъ температуру около 32° —36° Цельзія; при сѣверномъ же и восточномъ вѣтрѣ глубина увеличивается на четыре фута, а температура воды достигаетъ 82° Цельзія. Турн-Коре водопадъ имѣющій температуру отъ 35° до 50° Цельзія; воду его маорисы считаютъ цѣлебнымъ средствомъ противъ всякаго рода накожныхъ болѣзней. Купрау, съ температурою отъ 58° до 69° Цельзія, столь мягокъ, что въ его водѣ можно мыть бѣлье безъ мыла. Коротеотео, источникъ кипящей воды (101° Ц.), извѣстенъ подъ названіемъ „масляной ванны". Каувапга, сѣрный источникъ, называется „успокоителемъ болей". Вода „большаго источника", Ти-ку-ти, занимающаго пространство въ три четверти версты, сильно кипитъ и постоянно испускаетъ большія облака пара; вода этого источника, будто бы, съ изумительною быстротою излечиваетъ ревматизмы и накожныя болѣзни.

Супрасльскій Благовѣщенскій Соборъ. (Гродн. губ.) постр. 1503—1516 г.
Съ старин. рисунка грав. М. Рашевскій.

Рѣшеніе задачи Ходъ Коня, № 26-й.

	25	22	17						119	6	3	
21	18	27	24	29	110		118	115	4	1	120	7
26	23	20	31	16	157	14	113	12	117	122	5	2
19	32	105	28	109	30	111	116	135	114	133	8	121
	103	108	151	156	15	36	13	112	11	136	123	
	106	33	104	35	150	155	148	137	134	9	132	
		102	107	152	147	138	37	10	131	124		
			34	101	144	149	154	129	40			
		100	91	60	153	146	139	38	125	130		
	90	61	94	145	92	143	128	41	80	39	126	
	95	74	99	142	59	140	83	78	127	54	81	
73	62	89	96	93	98	87	42	57	82	79	50	53
64	67	70	75	88	141	58	77	84	51	46	55	48
69	72	63	66	97	76		86	43	56	49	52	45
	65	68	71						85	44	47	

Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышетъ,
Гдѣ рѣки льются чище серебра,
Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ,
Въ вишневыхъ рощахъ тонутъ хутора,
Среди садовъ деревья гнутся долу,
И до земли виситъ ихъ плодъ тяжелый.
И чистъ, и тихъ, и ясенъ сводъ небесъ.
Шумя тростникъ надъ озеромъ трепещетъ,
Косарь поетъ, коса звенитъ и блещетъ.
Вдоль берега стоитъ кудрявый лѣсъ,
И къ облакамъ, клубяся надъ водою,
Бѣжитъ дымокъ синѣющей струею?
Туда, гдѣ сердцу было такъ легко,
Туда, туда всѣмъ сердцемъ я стремлюся,
Гдѣ изъ цвѣтовъ вѣнокъ плететъ Маруся,
О старинѣ поетъ слѣпой Грицко!..

А. Толстой.

Вѣрныя рѣшеніе этой задачи прислано: **СПБ** отъ гг.: Смирнова, Волновскаго, Елизарова, Грикурова, Карлова, Толстаго, К. П., П. И. Ш., Чистовича, Сегалова, Жаннинъ-Перро, Кожевникова, Шведера, М. Ф., Зейме, Савельева: **Моск а,** отъ гг.: Пупырникова, Смирнова, Звѣвакина, Краузе, Монаховой; **Воронежъ** - Москалева, Шилова, **Курскъ**—П. К., Грудана, **Петергофъ**—Удинцова, Калупина, Лимаренко, Бирюкова. **Тверь**—Коченова, Ковалевой, **с Медвѣдево**—Лейцингеръ, **Раненбургъ**—Кирѣева, **Пенза** —Орлова, **Борисовка**—Черноземской, **Люблинъ**—Розенталь, **Ром. Борисогл.** —Островской, **Углечь**—Тихонравова, **Маріуполь** Камбурова, **Кронштадтъ**- Сокольникова, Герасимова, Даржана, **Тула**—Никольской, **Кострома**—Солодовникова, **Новочеркасскъ**—Горѣлкиной, **Житоміръ**—Г—а, **Елизаветградъ** — Баумгартенъ, **Кишиневъ**—Красильщика, **Вологда**—Извощикова, **Нѣжинъ** — Молоткова, **Кременчугъ**—Сокола.

Задача слоговъ № 32.

Щеколдина.

Изъ нижеслѣдующихъ 53-хъ слоговъ составить 17 словъ, расположить ихъ въ клѣткахъ фигуры такъ, чтобы, читая по вопросительнымъ знакамъ сверху внизъ, составились фамиліи двухъ замѣчательныхъ русскихъ генераловъ, а читая по крестамъ снизу вверхъ, фамилія извѣстнаго русскаго историка и фамилія русскаго поэта.

а, а, ас, бо, ва, ва, во, вѣ, дуб, е, е, е, ек, ень, ер, п, й, из, ка, ка, кан, лер, ли, ло, ма, ман, мо, мол, ни, о, ов, од, па, пі, плі, прин, ро, ры, ры, са, сав, сал, сар, ста, там, ти, уг, ум, усъ, цес, хор, ша, ян.

1. Городъ въ Финляндіи.
2. Названіе ткани.
3. Названіе простаго физическаго тѣла, входящаго въ составъ всѣхъ органическихъ тѣлъ.
4. Титулъ женщины, принадлежащей къ владѣтельному роду.
5. Извѣстный ассирійскій царь.
6. Послѣдователи раскола въ русской церкви.
7. Теорія поэзіи.
8. Названіе животнаго.
9. Древній городъ въ Арменіи.
10. Названіе древнѣйшаго божества римлянъ.
11. Названіе двухъ различныхъ деревьевъ.
12. Историческое село Московской губерніи.
13. Математическій терминъ.
14. Названіе членовъ одного извѣстнаго рыцарскаго ордена.
15. Извѣстный русскій генералъ.
16. Мужское имя.
17. Рѣка въ Россіи.

Рѣшеніе ребуса въ № 11.

Полки вернулись домой, окончивъ (исполнивъ) честно свой долгъ.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО

МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

Юлія Генриха Циммермана

С.-Петербургъ, по Большой Морской ул., № 42, рекомендуетъ полученные инструменты отъ извѣстнаго фабриканта Бюссона въ Парижѣ.

ПО ФАБРИЧНЫМЪ ЦѢНАМЪ:

Фисгармоніи	4 окт. изъ дубов. дерева	90 р.
„	4 „ „ палисандр. „	105 „
„	5 окт. 1 регистръ изъ дубов. дерева	120 „
„	5 окт. 1 рег. палис. дер.	130 „
„	„ „ 3 „ дубов. „	140 „
„	„ „ 3 „ палис. „	150 „
„	„ „ 7 „ палис. „	175 „
„	„ „ 11 „ палис. „	250 „
„	„ „ 18 „ палис. „	400 „
Гармонифлюты	3 окт. 1 регистръ	45 „
„	3½ окт. 1 регистръ	65 „
„	3½ „ 1 регистръ трель и сурдинъ	80 „
„	4 окт. 1 рег. трель и сурд.	100 р.

Педали (подставки) по 10 р.

Гармонифлюты больш. формата 4 окт. и 2 педали 1 регистръ, складные 150 „

Гармонифлюты съ органомъ 3½ октавы 1 регистръ съ 1 валомъ 175 „

Отдѣльные валы по 20 „

Гармонифлюты съ органомъ 4 октавы 1 регистръ и сурдинка съ 1 валомъ 225 „

Отдѣльные валы по 25 „

Валы можно получить съ русскими піесами, операми, танцами и проч.

Всѣ эти инструменты очень хорошаго качества, весьма прочны и имѣютъ благозвучный пріятный тонъ. Они удобны для дома и для училища.

Пересылка на счетъ покупателя. Иногородные заказы исполняются аккуратно и немедленно. 3–3

СКЛАДЪ ЧЕШСКАГО ХРУСТАЛЯ

Графа ГАРРАХА завода „НОВЫЙ СВѢТЪ" въ Чехіи.

С.-Петербургъ, Большая Морская, д. № 36.

получилъ огромное множество чарокъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Ставьки-Ваньки, съ болѣе ста интересными гравированными поговорками, и высылаетъ ихъ немедленно (не менѣе одной дюжины) по слѣдующимъ цѣнамъ по всей Россійской имперіи.

Съ упаковкой и пересылкой за дюжину:

Прозрачныхъ, хрустальныхъ, съ гравированными поговорками (размѣръ болш. вод. рюмк.)	8 руб.
Прозрачныхъ, хрустальныхъ съ гравированными поговорками (размѣръ малой рюмки водки).	7 руб
Прозр. хруст. съ грав. погов. для ликеру . .	6½ р.
Радужныхъ, хрустальныхъ (размѣръ малой рюмки) съ гравированными поговорками . .	10 руб.
Радужныхъ, хрустальныхъ (размѣръ большой рюмки) съ гравированными поговорками . .	11 руб.
Радуж. хруст. съ грав. погов. для ликеру . .	9 руб.

С-Петербургъ, Больш. Морская, д. № 36.

Wa. № 548 3–3

6 руб. въ годъ съ пересылкою.

6 Р. Самая **дешевая** **6 Р.** изъ столичныхъ газетъ

РУССКІЙ КУРЬЕРЪ,

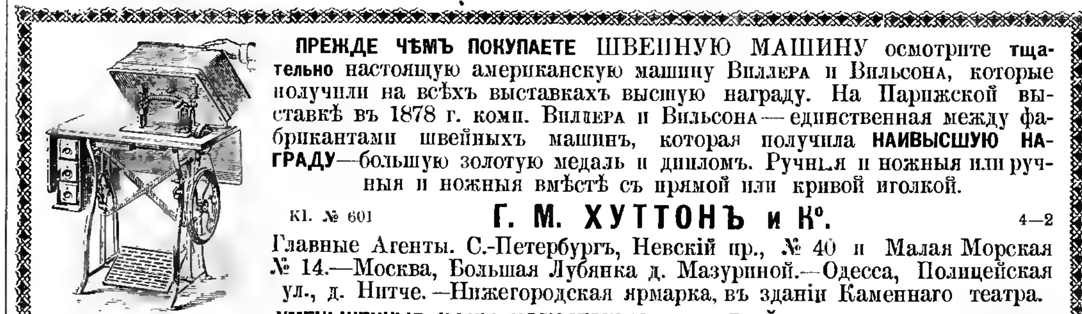
ЕЖЕДНЕВНАЯ БЕЗЦЕНЗУРНАЯ, общественная и политическая, **(БОЛЬШАГО ФОРМАТА).**

Подписка въ Москвѣ: Петровка, д. Рожнова, **въ конторѣ редакціи,** и Москворѣцкій мостъ, д. Ланина, въ **конторѣ изданія.**

ШЕСТЬ руб. въ годъ съ **пересылкою.**

6 руб. въ годъ съ пересылкою.

№ 671 5–1

ПРЕЖДЕ ЧѢМЪ ПОКУПАЕТЕ ШВЕЙНУЮ МАШИНУ осмотрите **тщательно** настоящую американскую машину Виллера и Вильсона, которые получили на всѣхъ выставкахъ высшую награду. На Парижской выставкѣ въ 1878 г. комп. Виллера и Вильсона — единственная между фабрикантами швейныхъ машинъ, которая получила **НАИВЫСШУЮ НАГРАДУ** — большую золотую медаль и дипломъ. Ручныя и ножныя или ручныя и ножныя вмѣстѣ съ прямой или кривой иголкой.

Kl. № 601 **Г. М. ХУТТОНЪ и К°.** 4–2

Главные Агенты. С.-Петербургъ, Невскій пр., № 40 и Малая Морская № 14.—Москва, Большая Лубянка д. Мазуриной.—Одесса, Полицейская ул., д. Нитче.—Нижегородская ярмарка, въ зданіи Каменнаго театра.

УМЕНЬШЕННЫЯ ЦѢНЫ. ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ БЕЗПЛАТНО.

„РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ"

ФАБРИКИ **Н. П. ЛАНИНА,**

Москва, Москворѣцкій мостъ, собс. домъ.

NB. Избѣгать поддѣлокъ

№ 670 5–1

НОВЫЯ УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ ВЪ ЛАБОРАТОРІИ Р. КЁЛЕРЪ

КРАСКИ ДЛЯ ЯИЦЪ.

(Красная, розовая и фіолетовая),

въ тонкихъ сухихъ плиточкахъ, легко въ кипяткѣ растворяющихся, по 15 коп. за штуку на 25—50 яицъ; (съ пересылкою по почтѣ по 20 коп.).

Преимущественныя достоинства этихъ красильныхъ плиточекъ слѣдующія

1. Совершенная безвредность.
2. Они не содержатъ фуксина и прочихъ анилиновыхъ красокъ.
3. При употребленіи этихъ красокъ вполнѣ избѣгается неапетитная окраска бѣлка сквозь скорлупу и
4. Избѣгается проливаніе по неосторожности жидкихъ красокъ, слѣдовательно и пятна на платьяхъ, мебели и пр.
5. Ровная окраска яицъ безъ пятенъ и оттѣнковъ.
6. Живость красокъ.
7. Возможность многолѣтняго сохраненія этихъ красильныхъ плиточекъ.
8. Весьма дешевая и удобная пересылка ихъ по почтѣ въ письменныхъ конвертахъ.
9. Дешевизна.
10. Какъ слѣдуетъ изъ вышесказаннаго, устраненіе всѣхъ неудобствъ, при столь занимательномъ для многихъ процессѣ окрашиванія пасхальныхъ яицъ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО: въ Москвѣ въ магазинѣ аптекарскихъ товаровъ **Р. КЁЛЕРЪ и К°**; у дрогистовъ. **Э. Керстанъ** на углу Тверской и Брюсовскаго пер. **Гетлингъ и К°** на Петровкѣ; у **А. В. Андрѣева** на Тверской; **Егорова** въ Охотномъ ряду и въ другихъ колоніальныхъ магазинахъ.

Ц. К. М. № 662 2–1

ДЛЯ ПРОВИНЦІИ!

Съ пересылкою.

Пальто резиновое штатское.	по 15 руб.
Гевелокъ также.	„ 17 „
Тальма дамская	„ 13 „
Пальто для гг. военныхъ съ пуговицами и петлицами.	„ 21 „

Цѣны эти съ укладкою и пересылкою по почтѣ.

Мы имѣемъ эти пальто изъ **самой лучшей матеріи** и ручаемся **вполнѣ** за доброе качество и прочность пальто, купленныхъ у насъ. Пальто не подходящіе мы беремъ обратно.

Мѣра. При заказѣ просимъ обозначить: **длину пальто** и **ширину груди.**

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ГЛАВНОЕ ДЕПО РЕЗИНОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ

ЛИМАНА и РИКСА

Въ С.-Петербургѣ, по Гороховой улицѣ, домъ № 16.

Прим. Пальто, изготовленныя изъ менѣе хорошей матеріи стоютъ 30% дешевле.

Mt. № 619 10–4

Въ редакціи, въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ, продаются остальные экземпляры прежнихъ годовъ „Собранія Романовъ".

1871 г. 12 книгъ, **одиннадцать большихъ романовъ** и **тридцать-девять повѣстей.** Цѣна 7 р., съ перес. 9 р.

1872 г. 12 кн., **тринадцать** большихъ романовъ и **тридцать-четыре** повѣсти. Цѣна 7 р., съ перес. 9 р.

1873 г. 12 кн., **девять** большихъ романовъ и **двадцать-шесть** повѣстей. Цѣна 7 р., съ перес. 9 р.

1874 г. 12 кн., **двѣнадцать** большихъ романовъ и **двадцать-шесть** повѣстей. Цѣна 7 р., съ перес. 9 р.

1875 г. 12 кн. **четырнадцать** большихъ романовъ и **двадцать-девять** повѣстей. Цѣна 7 р., съ перес. 9 р.

1876 г. 12 кн., **одиннадцать** большихъ романовъ и **двадцать-шесть** повѣстей. Цѣна 7 р., съ перес. 9 р.

1877 г. 12 кн., **десять** большихъ романовъ и **двадцать-четыре** повѣсти. Цѣна 8 р., съ перес. 10 р.

1878 г. 12 кн., **четырнадцать** большихъ романовъ и **восемнадцать** повѣстей. Цѣна 10 р., съ перес. 12 р.

1879 г. 12 кн., **тринадцать** большихъ романовъ и **двадцать-четыре** повѣсти. Цѣна 10 р. 50 к., съ перес. **12** р.

Каждый годъ „Собранія Романовъ" имѣетъ одинаковое, опредѣленное количество печатныхъ листовъ. Разница въ числѣ романовъ и повѣстей происходитъ отъ ихъ величины.

Желающимъ высылается безплатно каталогъ съ подробнымъ обозначеніемъ романовъ и повѣстей помѣщенныхъ въ каждомъ году.

SAVON CLYCÉRINE
PREPARE PAR
BROCARD & CIE A MOSCOU
ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО
ФАБРИКИ
БРОКАРЪ и К° въ МОСКВѢ

МОЖНО ПОЛУЧАТЬ

въ Москвѣ въ собственныхъ магазинахъ: Никольская ул., домъ Востряжогло. Ильинка, д. Троицкаго подворья. Петровка, домъ Петровскихъ линій.

Въ С.-Петербургѣ: у Рузанова, Савельева, Сафронова, Аверьянова, Урлаубъ и Рейнбергъ. Литейная, на углу Бассейной улицы, и у прочихъ главныхъ торговцевъ.

№ 610. 16–5.

ЛИТЛЬ ВАНЦЕРЪ

Настоящая американская швейная машина, ручная и ножная, извѣстна какъ лучшая для семейнаго употребленія. Кромѣ того, машины для портныхъ, сапожниковъ, модистокъ, бѣлошвейныхъ и другихъ мастерскихъ.

Машины для плойки плиссе.

ЦѢНЫ САМЫЯ УМѢРЕННЫЯ.

Главный складъ въ С.-Петербургѣ у **Б. Г. теръ-Браке.** Невскій проспектъ № 11, на углу Малой Морской.

№ 616 12–2.

XI годъ — годъ XI
№ 16 — 1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 модн. рис.)
Выданъ 19 Апрѣля 1880 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этаго № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

Пасха. Православная церковь въ Пасхальную ночь въ с. Урлукѣ (Забайкальская область).

Православная церковь въ Урлукѣ

(Изъ путевыхъ замѣтокъ по Забайкальской области.)

„...Если спросить въ Урлукѣ у крестьянъ, отчего горятъ лѣса, они отвѣчаютъ, что поджигаютъ бродяги, а между тѣмъ сами неосторожно выжигая мѣста подъ пашни, производятъ лѣсные пожары. Селеніе Урлукъ до того разрослось, что крестьянамъ недостаточно земли; нужда заставляетъ ихъ пахать на такихъ высокихъ мѣстахъ, что удивляешься, какъ можно управляться тамъ съ сохой и съ лошадью. Почва здѣсь черноземная и въ Забайкальской области такого качества почва не часто встрѣчается. Село Урлукъ расположено въ видѣ буквы S: избы бревенчатыя. Есть лавки евреевъ и здѣсь, и цѣлыхъ три винныхъ склада. Жители въ большинствѣ православные, но довольно и старообрядцевъ, которыхъ въ Сибири называютъ почему-то „семейскими". Домъ старообрядца или „семейскаго" сразу отличается отъ дома рядоваго крестьянина. Домъ и снаружи чистый, красивый, удобенъ внутри; въ матеріальномъ отношеніи положеніе старообрядцевъ несравненно лучше, чѣмъ православныхъ. У одного старообрядца, гдѣ мы остановились, постоянно за обѣдомъ и чаемъ подавали серебрянныя ложки, молочники и проч.

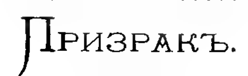
Весьма оживленную картину представляетъ село Урлукъ во время воинскаго призыва; видишь вездѣ удалую, красивую молодежь, разодѣты всѣ щегольски, съ красными платками въ рукахъ и проч.

Вотъ идетъ толпа, *съ гитарами и скрипками* (гармонія совсѣмъ не въ модѣ въ Сибири) и поютъ самыя веселыя пѣсни; или вотъ мчится лихая тройка изъ конца въ конецъ улицы, унося съ собою удалыхъ молодцевъ. Каждый вызванный въ призывъ, гуляетъ съ своими пріятелями и родными, какъ и попавшій уже въ солдаты.

Гулянье это начинается мѣсяца за два до призыва, а иногда и раньше; продолжается далеко и послѣ призыва до 10 января, пока всѣ не соберутся на мѣста служенія. Сибирскій крестьянинъ довольно гордъ, честенъ, самостоятеленъ и трудолюбивъ. Настаетъ роковое 22 октября, народъ кишмя кишитъ у зданія присутствія; я замѣчалъ, что многіе плакали, а нѣкоторые сильно острятъ надъ слабыми товарищами. Вызываютъ для вынутія жребія такого-то, выходитъ дѣтина, крестится и говоритъ: Дай Господи! вотъ покормлю-то своего жеребца, чтобы онъ стрѣлой домой полетѣлъ!" вдругъ беретъ малый нумеръ и скоро сразу принимаетъ видъ серьезный; вызываютъ другаго, выходитъ парень и рыдаетъ... Выходитъ третій, не беря еще нумера изъявляетъ свое желаніе, что онъ хочетъ итти въ солдаты и что желаетъ служить царю своему и проч. Кончается присутствіе—легко сказать это! надо имѣть веревочные нервы и быть твердымъ какъ камень, чтобы хладнокровно смотрѣть на картину, которая представляется вамъ по окончаніи присутствія на улицѣ; плачь, вой оглашаютъ воздухъ: молодые люди, обнявшись другъ съ другомъ, идутъ по улицѣ, плачутъ,—это значитъ они оплакиваютъ своего товарища, который взялъ маленькій нумеръ. Тѣ, которые миновали жребій, гуляютъ съ радости, кромѣ того гуляютъ провожая своихъ товарищей, которыхъ не миновалъ жребій; гулянье это продолжается съ мѣсяцъ и болѣе послѣ вынутія жребія.

Пасху мы провели, также въ прошломъ году въ этой отдаленной мѣстности въ грустномъ воспоминаніи о родинѣ. Рисунокъ, который я прилагаю, изображаетъ православную церковь въ селеніи Урлукѣ, въ пасхальную ночь..."

П. Гасабовъ.

Призракъ.

Разсказъ

Вс. Вл. Крестовскаго.

(Посвящается Дмитрію Антоновичу Скалону).

(Продолженіе).

II.

Войска авангарда, едва лишь начало свѣтать, уже двинулись къ Остроленкѣ, полныя надежды настигнуть непріятеля еще по сю сторону Буга. Поляки съ самаго начала своего возстанія постоянно хвастались, какъ въ варшавскихъ, такъ и въ заграничныхъ газетахъ, своимъ превосходствомъ надъ россійскою арміею, не мало издѣваясь надъ оною при всякомъ случаѣ. Эти издѣвательства и безшабашное хвастовство нерѣдко доходили по адресу и потому вполнѣ будетъ понятно, если я скажу, что россійская армія, въ особенности въ лицѣ ея офицеровъ, читавшихъ иногда эти журналы, горѣла желаніемъ доказать, что она все таже, какъ и въ 12-мъ, и въ 13-мъ, и въ 29-мъ годахъ. Да и съ чего, наконецъ, было бы ей вдругъ переродиться?!

Было десять часовъ утра. Передовыя войска польскаго арріергарда вплоть до самаго города оказывали намъ довольно слабое сопротивленіе. Графъ Толь (въ свитѣ коего имѣлъ честь находиться и я) съ занятаго имъ пункта весьма удобно наблюдалъ, какъ русскія войска приближались къ Остроленкѣ.

Около одиннадцати часовъ утра, прискакалъ, въ сопровожденіи трехъ-четырехъ человѣкъ, генералъ-адъютантъ Бистромъ.

— Enfin vous voilá comte, воскликнулъ онъ, протягивая съ коня руку:—я только что получилъ приказаніе фельдмаршала овладѣть городомъ и мостами и утвердиться на томъ берегу, и вотъ прискакалъ сюда убѣдиться напередъ въ какомъ положеніи дѣло, такъ какъ отсюда, кажется, лучше всего можно видѣть все, что надо.

— Городъ уже нашъ, отвѣчалъ графъ:—остается исполнить остальное. Поручикъ Пращевъ! обернулся онъ ко мнѣ: — поѣзжайте сейчасъ же въ городъ, отыщите тамъ генерала Набокова и передайте ему...

— Нѣтъ, возразилъ Бистромъ: это я сдѣлаю и самъ, хотя мнѣ и очень жаль перебить столь лестное порученіе у молодаго человѣка.

— Онъ не останется безъ порученія, улыбнулся графъ и, обращаясь ко мнѣ, прибавилъ:—вы сейчасъ же возьмете пять человѣкъ гусаръ за вѣстовыхъ, и отправитесь къ мѣсту; тамъ присоединитесь къ войскамъ, которыя перебѣгутъ на ту сторону и, оставаясь съ ними до конца сраженія, будете присылать мнѣ чрезъ вашихъ гусаръ извѣщеніе съ мѣста о всѣхъ важнѣйшихъ перепетіяхъ боя. Я преимущественно буду находиться здѣсь, при орудіяхъ. Поняли?

— Понялъ, ваше сіятельство.

— Ну, желаю успѣха. До свиданья.

Я далъ шпоры и поскакалъ къ гусарамъ. Порученіе было такое, что хоть бы и любому офицеру генеральнаго штаба въ пору. Я не могъ не сознавать, на сколько графъ былъ милостивъ ко мнѣ и на сколько онъ вѣрилъ мнѣ, возлагая столь важную задачу на меня, простаго, строеваго армейскаго офицера. Надо было во что бы то ни стало оправдать столь лестное довѣріе. И хотя пробыть все время боя безсмѣнно въ передовой линіи — дѣло само по себѣ далеко не шуточное—тѣмъ не менѣе могу сказать, я скорѣе былъ радъ этому обстоятельству: все же лучше чѣмъ стоять пассивно подъ огнемъ на этомъ берегу, съ возможной перспективою быть убитымъ или изувѣченнымъ безцѣльно и безполезно.

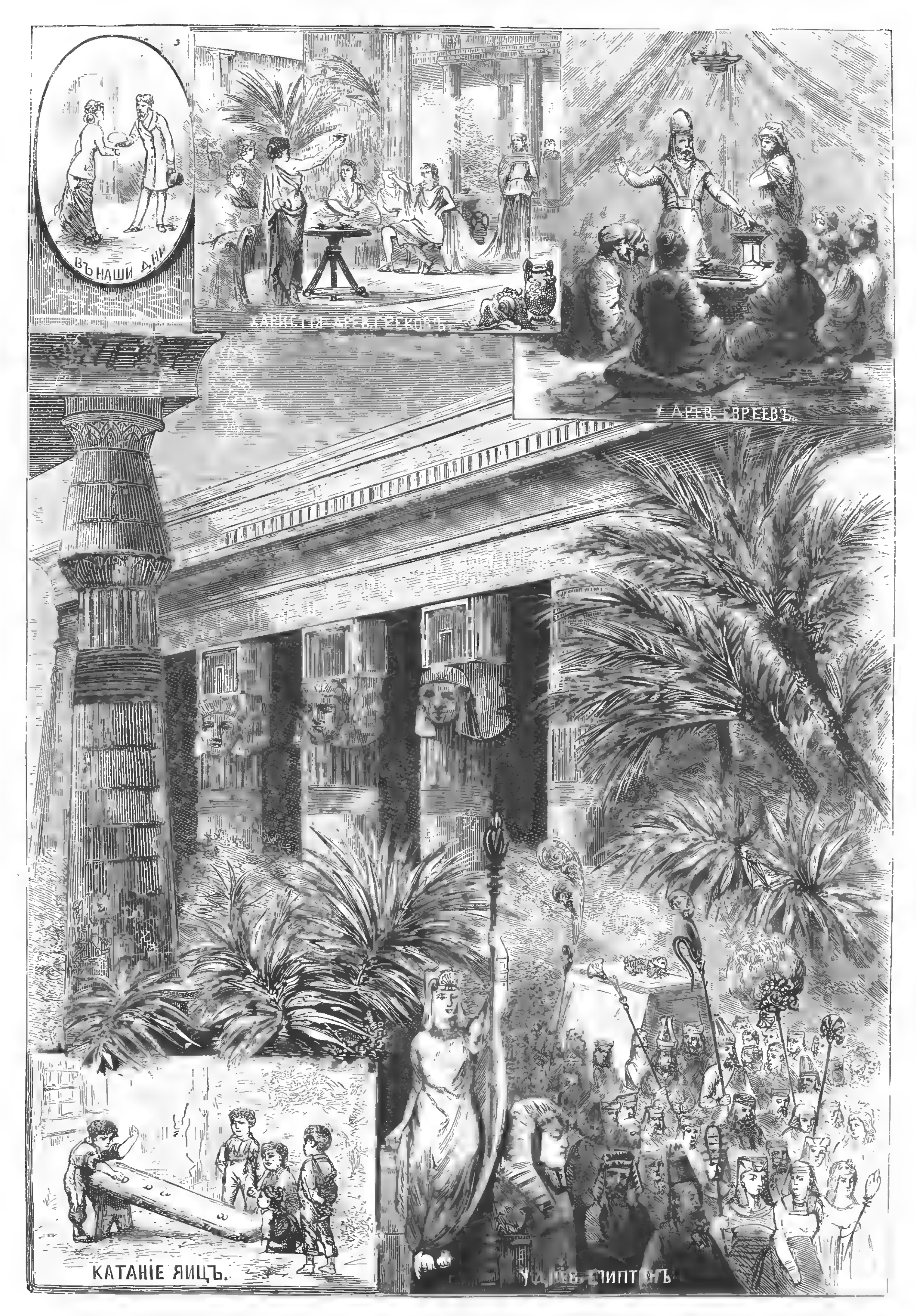
Я ѣхалъ съ гусарами по самому берегу рѣки, пробираясь къ мосту кратчайшимъ путемъ, мимо разныхъ заборовъ и домиковъ, среди которыхъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ уже вздымалось къ небу курево пожара. Только гляжу — на встрѣчу намъ идетъ какая то дѣвчина съ коромысломъ на плечѣ—несетъ два ведра, полныя водою —и вдругъ слышу за собою знакомый голосъ:

— Ваше благородье! Гусари хочуть наповатыся... Позвольтэ?

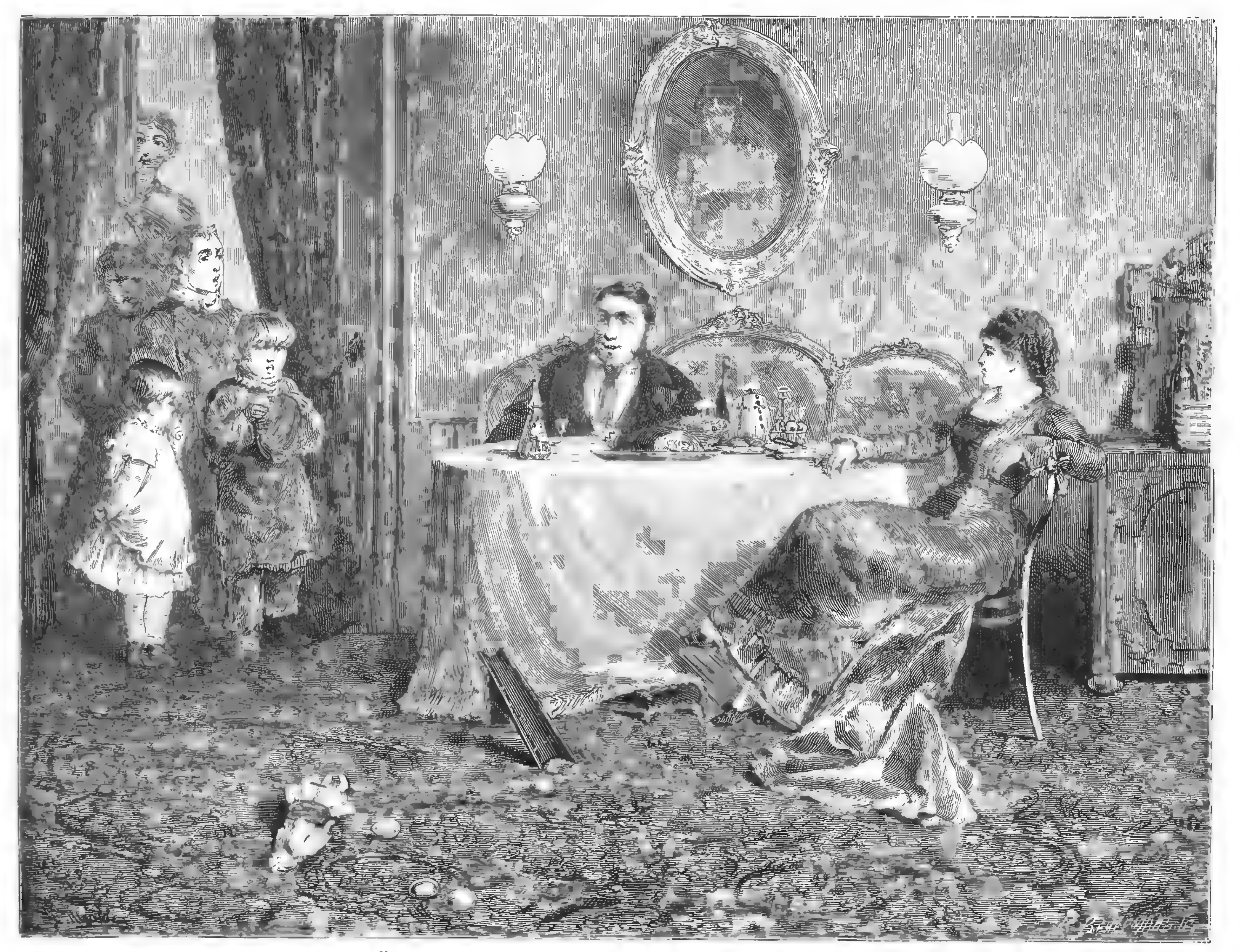
Оборачиваюсь—мой Наумъ Середа.

— Ты здѣсь какими судьбами?

— Та я онъ при вашому благородію...
— Да кто тебѣ это позволилъ?
— Виноватъ, ваше благородье! Простыть мене, я соби думавъ, що якъ я на вистяхъ, то мени при васъ треба быти.
— А вьюкъ ты на кого оставилъ?
— Э, вьюкъ я щей зранку у штаби сдавъ Гузику. Ничего, винъ чаловикъ вирный.
— Убирайся отсюда сію же минуту! Чтобъ духу твоего здѣсь не было! Въ штабъ, каналья! И тамъ меня дожидайся.
Наумъ Середа, чуть не плача, скорчилъ жалобную рожу.
— Вашо благородіе! взмолился онъ:—Змилуйтесь хочь для Бога! До якого-жь я биса теперички у штабъ пойиду! И дэ его шукаты тамъ?!.. Позалейтэ вже при васъ!.. А то—хто же васъ доглядаты будэ?!.
„Отъ судьбы видно не уйдешь!“ подумалось мнѣ, и я разрѣшилъ ему остаться, удивляясь только тому, что какими это судьбами не замѣтилъ его раньше, еще на походѣ? Впрочемъ оно и немудрено: въ нашей свитѣ тянулось столько разнаго народа—гдѣ тамъ замѣтишь этого дурня въ хвостѣ конвоя, среди толпы всякихъ вѣстовыхъ и рейткнехтовъ! Да мнѣ и въ голову о немъ не приходило.
— Позвольте, ваше благородіе, испить маленько! подкрѣпилъ между тѣмъ прозьбу Середы одинъ изъ гусаровъ: по жарѣ-то больно ужь мы притомились а тамъ Богъ, его вѣсть, когда-то еще придется!.. Гоньбы, чай, не мало будетъ.
Дѣйствительно, было очень жарко, и самаго меня уже давно томила сильная жажда.
— Гей! Дивчино! Чѐкай трошки! остановилъ Середа поровнявшуюся съ нами дѣвушку и, соскочивъ на землю, бросилъ поводья своего коня одному изъ гусаръ, снялъ съ коромысла ведро и поднялъ его ко мнѣ чуть не вровень съ моими губами. Въ то же время кто то изъ нашихъ спутниковъ распорядился подобнымъ же образомъ и съ другимъ ведромъ. Съ безпокойнымъ пугливымъ любопытствомъ поглядывая на насъ, дѣвушка стояла какъ то тупо-покорно, пока мы продѣлывали эту процедуру съ ведрами. Я напился, что называется всласть, хотя наревская вода и не могла называться особенно вкусною. Середа, растопыривъ ноги, жадно приникъ послѣ меня къ ведру губами, и только что началъ онъ пить, какъ вдругъ въ воздухѣ, совсѣмъ-таки близко къ намъ, послышалось зловѣщее шипѣнье и въ тотъ же мигъ какая то шальная граната шлепнула на землю не далѣе какъ въ двухъ трехъ шагахъ предъ Середою. Лошадь моя инстинктивно шарахнулась нѣсколько въ сторону и затѣмъ уперлась на мѣстѣ, вся дрожа и пугливо косясь на нежданную гостью. Я почувствовалъ, какъ вдругъ упало и захолонуло во мнѣ сердце а между тѣмъ глаза мои такъ и впились въ небольшой черный шаръ, быстро, съ легкимъ шипѣньемъ вертѣвшійся по землѣ, испуская изъ своего горлушка струйку бѣлаго дыма.
„14-е мая!“ мелькнуло въ моемъ мозгу.—„Погибъ!“ И едва лишь успѣлъ я это подумать, какъ вмѣстѣ съ блескомъ огня раздался оглушительный трескъ разрыва. Какой-то черепокъ зыкнулъ мимо моего уха, въ лицо ударились комья земли, а съ боку раздался чей-то короткій крикъ—показалось будто голосъ женщины. Кони наши затропотили и стали биться. Чувствуя, что слава Богу, кажись, не раненъ, я огляделся вокругъ—и первое, что бросилось мнѣ въ глаза—это мой Середа, какъ и за мгновенье предъ симъ, съ растопыренными ногами, но уже въ недоумѣвающей позѣ надъ разбитымъ, упавшимъ на землю ведромъ, въ добавокъ весь облитый водою.
— От-то штука! Добре ведерко было! пробормоталъ онъ, качая головою.
— Тебя не ранило? спросилъ я.
— Ни, нэ ранило; тильке ведро пораныло... Якъ вдарыло у краи, тоныначь мени по зубамъ хто давъ!
— И никого не задѣло? обернулся я къ людямъ.
— Слава Богу благополучно, ваше благородіе! въ одинъ голосъ отозвались оправившіеся гусары.—Только вотъ лошадь покалѣчило.
И въ самомъ дѣлѣ, несчастный конь, растопырясь на всѣ четыре ноги, стоялъ, какъ опалѣлый, съ низко понуренной головою. Осколкомъ снесло ему всю нижнюю часть морды. Кровь струею лилась на землю. Хозяинъ этого коня живо снялъ съ него уборъ и вьюкъ и, при помощи товарищей взвалилъ ихъ себѣ на плечи.
— Прикажете, ваше благородіе, назадъ идти, въ полкъ? спросилъ онъ.
— Ну, конечно; куда-жь еще!
— Слушаю, ваше благородіе.
И гусаръ, сгибаясь подъ тяжолою ношею, побрелъ себѣ обратно.
Несчастный конь, безпомощно покидаемый на произволь судьбы, повернулъ голову и тоскливымъ взглядомъ проводилъ своего хозяина. Служили вмѣстѣ, — умирать пришлось порознь...
— Гей, дивчино! Куда побигла, дурна́! кричитъ между тѣмъ Середа во слѣдъ убѣгавшей дѣвушкѣ:— вертайсь бо сюды! Подбери ведѐрки!
Но той съ перепугу было уже не до ведерокъ.
Середа только рукой махнулъ—„От-то, бачь, дурна̀!“ —и живо вскочилъ на свою суетившуюся лошадь.
Мы крупною рысью двинулись далѣе и черезъ минуту были уже у моста. Здѣсь, около строенія и за бугорками залегло нѣсколько нашихъ застрѣльщиковъ а въ самомъ устьѣ улицы, ведущей къ мосту, стояло орудіе, которое отвѣчало двумъ польскимъ пушкамъ, поставленнымъ на шоссе какъ разъ противъ самаго моста, такъ что огонь ихъ анфилировалъ не только мостъ, но и ведущую къ нему улицу. Повсюду валялись трупы наши и непріятельскіе. Здѣсь-то вотъ полчаса назадъ и произошла та рукопашная схватка, о которой упомянуто выше. Случайно кинувъ взглядъ на воду, я невольно отвернулся: тамъ на мелкомъ днѣ около нашего берега валялась цѣлая куча мертвецовъ, кровь которыхъ слегка окрасила въ этомъ мѣстѣ даже самую воду... Отвратительное зрѣлище!
Между тѣмъ нѣсколько польскихъ солдатъ съ того конца все еще продолжали разбирать досчатую настилку, не смотря на пули нашихъ застрѣльщиковъ, которыя впрочемъ не оставались безъ отвѣта со стороны непріятельскихъ стрѣлковъ, разсыпанныхъ по противному берегу.
— Какъ же однако переведемъ мы тутъ лошадей, безъ настилки? подумалось мнѣ; но внимательно осмотрѣвшись вокругъ, я замѣтилъ невдалекѣ другой мостъ, стлавшійся по самой поверхности воды и, къ счастію, еще не тронутый непріятелемъ.—Вотъ онъ, спаситель нашъ! Этотъ выручитъ! И я поскакалъ въ городъ, чтобы отыскать генерала Бистрома или Набокова и доложить имъ объ этомъ обстоятельствѣ.—Пара ядеръ съ ревомъ пронеслась надъ нами, пока мы гнали лошадей вверхъ по пылающей съ двухъ сторонъ улицѣ. Дымъ ѣлъ глаза, безчисленныя искры сыпались повсюду, обжигая лицо и руки; бушующее пламя трещало и шипѣло, съ шумомъ и трескомъ рушились обгорѣлыя балки и стропила, и гдѣ-то въ сторонѣ раздавались громкіе вопли, плачь и рыданіе какихъ-то обывателей. Тутъ сливались голоса и мужчинъ, и дѣтей, и женщинъ, и эти-то послѣдніе звуки были ужаснѣе всѣхъ остальныхъ. Сердце отъ нихъ надрывалось, а помочь было нечѣмъ...
Очень скоро наши гренадерскіе баталіоны очутились въ весьма критическомъ положеніи: непріятель двинулъ противъ нихъ еще нетронутую бригаду Венгерскаго. Это бы, еще ничего; но вотъ бѣда: желая подкрѣпить гренадеръ, генералъ Бистромъ приказалъ дивизіону лейбъ-улановъ перейдти на ту сторону. Лейбъ-уланы молодецки и нѣсколько разъ подъ рядъ

Пасха. Празднованіе въ пасхальные дни у различныхъ народовъ. Рис. Мейеръ, грав. Рашевскій.

Христославцы. Ориг. рисунокъ В. Шпака, грав. К. Вейерманъ.

отаковали противника, но глубоко песчаная мѣстность мѣшала стремительности и быстротѣ ихъ налета, такъ что эти отборные эскадроны не принесли никакой существенной пользы дѣлу, сами между тѣмъ не мало потерпѣли отъ непріятельскаго огня и потому пришлось вернуть ихъ обратно, за рѣку. Вотъ въ это-то время отъ стремительнаго движенія ихъ лошадей и порвался пловучій мостъ, служившій до сего главнымъ путемъ сообщенія, ибо свайный мостъ еще не былъ окончательно починенъ. Но кромѣ того, и сему послѣднему угрожала немалая опасность, такъ какъ городской пожаръ, приблизясь къ набережной около моста, готовъ былъ охватить и его настилку. Пришлось посылать нарочныя команды съ манерками, чтобы тушить затлѣвшіяся доски. И вотъ, въ это-то время, когда сообщеніе между обоими берегами было окончательно прервано, все болѣе и болѣе приближалась къ намъ сильная, почти комплектная бригада Венгерскаго, а польскія батареи открыли по насъ жесточайшій огонь картечью съ ближней дистанціи. Наши люди присѣли на корточкахъ за насыпью—и картечь большею частію визжала надъ головами. Отступленія для насъ уже не существовало—развѣ только въ рѣку. Офицеры, отъ полковыхъ до взводныхъ командировъ, живо сознавали всю опасность минуты, но молчали. Они знали своего солдата и потому, полагаясь на его мужество, предоставили дѣйствовать ему. Впрочемъ, опасность эта была не менѣе сознаваема и солдатомъ. Извѣстно, что Мартынова весь полкъ любилъ какъ очень хорошаго, добраго человѣка и какъ справедливаго и храбраго командира. Но когда этотъ самый Мартыновъ обратился къ людямъ съ воодушевляющими словами: „Ребята! Непріятель приближается,—встрѣтимъ его! Ура“!—то ребята ни тпру, ни ну, и даже ни единымъ звукомъ не обнаружили отзывчивости его призыву. Все молчало, какъ бы замерло на мѣстѣ. Лица были кислыя, злыя, хмурыя, но тѣмъ не менѣе ни одинъ человѣкъ не сошелъ съ своего мѣста и ни одинъ не только трусоватый, а и случайный выстрѣлъ не раздался изъ фронта. „Помирать надо“ вымолвилъ кто-то въ полголоса, и въ этихъ словахъ сказалось общее единодушное убѣжденіе.

Между тѣмъ поляки подошли уже вплотную къ самой насыпи, такъ что насъ и ихъ раздѣляло только полотно дороги. Они и мы безъ выстрѣла смотрѣли другъ на друга, какъ бы наблюдая одинъ другаго и въ такомъ странномъ, нерѣшительномъ положеніи прошло болѣе минуты, показавшейся мнѣ безконечно долгою. — „Что жь это такое? Что изъ этаго курьеза выйдетъ?“ мысленно задавалъ я себѣ вопросы, съ недоумѣніемъ оглядываясь во всѣ стороны. — Что-жь не кричатъ ура? Зачѣмъ офицеры не выскачутъ впередъ, не покажутъ примѣръ собою? И я вопросительно поглядывалъ то на Мартынова, то на ближайшихъ къ намъ офицеровъ; но всѣ они стояли молча, съ потупленными головами, съ опущенными долу глазами, и шпагами. Было ли это сознанія безсилія своего авторитета надъ людьми, или вѣра въ то, что солдатъ не отдастъ себя врагу дешевою цѣною, или же наконецъ убѣжденіе, что „помирать надо“, такъ какъ ничего больше не подѣлаешь — не знаю; но знаю только то, что минута этой мертвой нерѣшительности лично для меня была ужасно томительна. То было ощущеніе игрока, поставившаго на карту уже не послѣднюю копѣйку, а свою собственную честь, свое доброе имя.

Поляки проснулись первыми отъ этого взаимнаго оцѣпенѣнія. Они зашевелились, но не подвинулись однако же впередъ ни пяди. Изъ ихъ среды кой-откуда раздались только ругательства, плевки, насмѣшки и презрительные крики: „Пречь, москале! Пречь шмаркате! И вмѣстѣ съ этимъ въ нашихъ гренадеръ полетѣли комья за ними щебенка и камни. Одинъ изъ этихъ камней попалъ въ лицо старому сѣдому гренадеру.

— Братцы... И мы стерпимъ эдакой стыдъ?! вскричалъ онъ глубоко оскорбленнымъ голосомъ, сверкнувъ взбѣшенными глазами.—Ахъ они, растакъ же ихъ душу!.. За мной!! И старикъ первый вскочилъ на насыпь. Этотъ человѣкъ мгновенно сталъ теперь душой всего боя, головой и волею всей наличной русской силы. Просто, не могу понять, не могу дать себѣ отчета, какъ именно это произошло, но только знаю, что менѣе чѣмъ въ секунду весь гренадерскій строй уже былъ на насыпи, а еще черезъ секунду противникъ, мгновенно объятый паникою, далъ тылъ и, какъ школьникъ, пустился удирать во всѣ лопатки. Гренадеры—за нимъ. Настигли въ ту же минуту и тутъ уже пошла, что называется, генеральная лупка. Не было пощады никому, кто лишь подвернулся подъ штыкъ или подъ прикладъ Суворовца. Коля и мозжа поляковъ, наткнулись гренадеры на ихъ батарею и мимоходомъ захватили два орудія; остальныя пушки въ совершенномъ разстройствѣ еле-еле успѣли ускакать съ поля сраженія. Такъ была отбита вторая атака—и наши возвратились въ свою позицію, за насыпь.

Поляки тотчасъ же повели третью атаку, употребивъ для сего совершенно свѣжую бригаду (4,000 чел.) Лангермана; но нашимъ эта атака уже не показалась страшною: во первыхъ, только что окончившаяся „лупка“ придала людямъ еще болѣе духу и увѣренности въ своей стойкости, а во вторыхъ къ намъ прибыло и подкрѣпленіе—генералъ Бергъ съ 3-мъ и 4-мъ карабинерными полками. Атака Лангермана была отбита, при чемъ нашей побѣдѣ весьма и весьма много способствовалъ съ лѣваго берега Нарева огонь батарей графа Толя, успѣвшаго къ сему времени сосредоточить, вмѣсто первоначальныхъ двухъ, уже 32 орудія. Эти батареи уже не только оберегали отъ всякихъ покушеній противника, нашъ лѣвый флангъ за шоссейною насыпью, но ея огню неизбѣжно должны были подвергаться поляки каждый разъ какъ при наступленіи на насыпь, такъ и при отступленіи отъ оной, неся при этомъ громадныя потери.

Вслѣдъ за отбитою атакой Лангермана, начался цѣлый рядъ атакъ, веденныхъ хотя и безостановочно, но безъ всякой связи. Плѣнные польскіе офицеры разсказывали намъ потомъ, что ихъ главнокомандующій, Скржинецкій, занятый единственно лишь мыслью отбросить русскихъ за Наревъ и снова овладѣть городомъ,— послѣ неудачи Лангермана совсѣмъ потерялъ голову. Онъ какъ въ угарѣ поскакалъ вдоль фронта своихъ войскъ, крича изо всѣхъ силъ: „Малаховскій напршедъ! Рыбинскій напршедъ! Внииходи напршедъ“! — И дѣйствительно, мы изъ за насыпи видѣли какого-то начальника, скакавшаго по фронту во весь духъ, сильно размахивавшаго руками и кричавшаго что-то—но что?—этого, конечно, въ шумѣ сраженія и при томъ на разстояніи семисотъ саженъ разслышать было нельзя, равно какъ незнали мы и того, что это самъ Скржинецкій.

И такъ, начался цѣлый рядъ атакъ, при чемъ поляки воодушевляли себя пѣніемъ: „Еще Польска не сгинела“. Чуть лишь какая либо часть ихъ войскъ успѣвала оправиться отъ ошеломленія своей неудачи и привести свои ряды въ нѣкоторый порядокъ, ее тотчасъ же бросали на шоссейную насыпь, а результатъ былъ все одинъ и тотъ же. Поляки въ то же время непрерывно стрѣляли ядрами и гранатами по городу и мостамъ, съ цѣлью помѣшать подходу нашихъ подкрѣпленій.

Я не попалъ на лѣвую сторону вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ, хотя и могъ бы, такъ какъ прекратившійся бой окончилъ собою и порученіе на меня возложенное. Но я замѣшкался у шоссе, во первыхъ потому, что ни одинъ изъ моихъ гусаровъ ни даже самъ Наумъ Середа ко мнѣ еще не возвратились, а во вторыхъ голоденъ я былъ, какъ десять собакъ вмѣстѣ. Съ ранняго утра, кромѣ стакана чаю безъ хлѣба, у меня во рту не было ни крошки. Ну, и какъ же было не воспользоваться при этомъ любезнымъ приглашеніемъ Мартынова, возлѣ ко-

тораго я почти безотлучно находился во все время боя и къ которому теперь денщики притащили изъ за рѣки отъ полковаго маркитанта цѣлую большую карзину съ разными бутылками и закусками. Мартыновъ, хотя и раненый, впрочемъ неопасно, сохранялъ какъ во время битвы, такъ и послѣ нея всю бодрость душевную и крѣпость тѣлесную. Онъ пригласилъ къ водкѣ и закускѣ всѣхъ своихъ офицеровъ и меня вмѣстѣ съ ними, и только неожиданное появленіе фельдмаршала, да послѣдній эпизодъ боя съ батареею Бема помѣшали намъ приступить къ закускѣ непосредственно по ея появленіи позади фронта Суворовцевъ. Тѣмъ паче не резонъ былъ отказываться отъ нея теперь, когда все дѣло уже дѣйствительно окончилось и когда за отъѣздомъ фельдмаршала можно было и закусить вдоволь, и въ оживленномъ разговорѣ наговориться и наслушаться о только что пережитыхъ впечатлѣніяхъ и эпизодахъ боя. Извѣстно, что послѣ побѣдоноснаго сраженія, люди оставшіеся цѣлыми, становятся особенно оживлены и общительны. Ихъ душу наполняетъ двояко радостное чувство: и побѣду Богъ даровалъ, и тебя самого сохранилъ невредимо!

Только подкрѣпивъ себя кускомъ холодной курицы да добрымъ стаканомъ вина, я почувствовалъ всю мѣру моей физической и моральной усталости. И не мудрено: двѣнадцать часовъ сряду такого нервнаго напряженія—это не шутка сказать! Всего меня вдругъ какъ-то размаяло и стало клонить ко сну. Я рѣшилъ уже недожидаться возвращенія ни Середы, ни гусаровъ,—тѣмъ болѣе, что одинъ изъ послѣднихъ успѣлъ этимъ временемъ уже прибыть ко мнѣ, — и простившись съ Мартыновымъ и его офицерами, поѣхалъ на ту сторону. Но у мостовъ вышла задержка: въ это время по нимъ переправлялись навстрѣчу мнѣ батальоны 2-й гренадерской дивизіи, такъ что на лѣвый берегъ я перешелъ уже около половины десятаго часа вечера.—Сужу такъ потому, что луна успѣла уже выплыть на достаточную высоту. Полнымъ свѣтомъ озаряла она тихія воды рѣки, бѣло-песчаный берегъ и догоравшій городъ. Чтобы избѣжать пути сквозь смрадное пожарище я направился моею утреннею дорогою,—по берегу Нарева Вотъ, кажись, и то самое мѣсто, гдѣ давеча шлепнулась граната, которую я счелъ было роковою для себя и Наума. Вотъ и трупъ лошади. Только чтó-жь это?.. Та была разсѣдлана, а эта лежитъ подъ полнымъ кавалерійскимъ вьюкомъ. Стало быть, на этомъ самомъ мѣстѣ, уже послѣ насъ, и еще кому нибудь угодило. Завѣтное, видно, мѣстечко!..

Вдругъ гдѣ-то совсѣмъ близко около меня раздался слабый стонъ человѣка. Я пріостановилъ лошадь и прислушался.

— Ой, мáтинко мòя!.. Ой-ой-ой.. ой питынки хóчу, слабо бормоталъ чей-то измученный, надтреснутый голосъ.

Жуткое предчувствіе хватило меня за сердце. Я соскочилъ съ лошади и бросивъ поводья гусару, пошелъ по берегу—узнать гдѣ и кто это стонетъ. Смотрю—въ нѣсколькихъ шагахъ отъ конскаго трупа лежитъ распростертый на пескѣ человѣкъ, лицомъ кверху, и тоскливо мечется какъ въ горячкѣ.

Вглядываюсь пристальнѣе—Боже мои! да это Наумъ Середа.

Около него большая лужа крови, и правая рука у самаго плеча почти совсѣмъ снесена прочь—такъ только еле держится еще на какихъ-то волоконцахъ, и разжабленная кисть торчала изъ плеча среди кроваваго мяса.

Я бросился къ рѣкѣ и зачерпнулъ въ свою шапку воды, брызгнулъ ее на лицо Наума. Онъ очнулся. Тогда бережно приподнявъ его голову, я далъ ему напиться.

Долго и жадно, медленными глотками тянулъ Середа воду, и только напившись, повелъ на меня глазами и узналъ меня.

— А, се вы, вашо благородье... Спасыбо вамъ... спасыбо...

— Я сейчасъ же приведу къ тебѣ носильщиковъ... въ лазаретъ перенести тебя... Эй, гусаръ! засуетился я надъ Наумомъ:—скачи скорѣй, отыщи гдѣ нибудь носильщиковъ и веди ихъ сюда... Живо!

— Ни, не трэба, простоналъ Середа:—бо не попіютъ... я и такъ... не треба, вашо благородье... А просьбу я до вашои милости маю. У лàдоньци, коло хреста на шіи у мéне три червонци зашиты... перешлить ихъ до матри моей... Спросыть у вахмистра... винъ знае куды... мы зъ еднòго села... Соймыть зъ мене тую ладонку.

Исполняя просьбу Наума, я бережно разстегнулъ его мундиръ, вытянулъ изъ-подъ сорочки тесемку съ шейнымъ крестомъ и сталъ срѣзывать перочиннымъ ножичкомъ мѣшечекъ съ червонцами. Гусаръ между тѣмъ поскакалъ за носильщиками.

— Когда это тебя ранило? спросилъ я замѣтно пріободрившагося Наума.

— Э, я вже вертàвсь до вашого благородья... И усе вже было тихо, а тутъ якъ загуркотàло зновъ... граната якійсь-то прилетивъ та, якъ вдарытъ мене черепкомъ... и мене, и коня вбивъ зъ разу...

— Ну, ничего; дастъ Богъ вылечишься, принялся было я утѣшать его, и не съ такими ранами да выживаютъ.

— Э, ни... дэ вже!.. Тай чого тамъ!.. Отъ, матци моей перешлыть... прошу...

Я поспѣшилъ увѣрить его, что не только это будетъ исполнено завтра же, но что я и отъ себя приложу для его матери, по силѣ моей возможности, нѣсколько золотыхъ, въ благодарность за его при мнѣ службу и уходъ за мною.

— Ой, спасыби вамъ! съ глубокимъ чувствомъ проговорилъ Середа: Тильке... вашо благородье!.. Щось бы такое могъ я для васъ зрòбыть?.. Чимъ бы мени отдарòвать вамъ за усю вашу ласку до мéне?

При этихъ словахъ я невольно про себя улыбнулся. Чтò за необычная мысль! Умирающій человѣкъ, и вдругъ заботится о чемъ же? о благодарности!—Ну, и чѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ—думаю себѣ,—можешь ты, мой бѣдныи Середа, отблагодарить кого бы то ни было, коли тебѣ и жить-то на свѣтѣ едва ли какой-нибудь часъ остается!“

А онъ между тѣмъ повторяетъ все то же.

— Вашо благородье... Скажить сами, що бы вамъ зробыть?

Въ эту минуту—и самъ не знаю какъ и почему—вдругъ пришла мнѣ въ голову одна мысль—мысль, вполнѣ сумасбродная, которая показалась мнѣ въ одно и тоже время и очень смѣшною и очень серьезною.

— Ну, ладно! говорю ему.—Вотъ что: цыганка намъ обоимъ предсказала смерть на 14-е мая. Если ты умрешь раньше меня и если я переживу нынѣшній денъ, то въ день моеи смерти, когда бы онъ не случился, приди извѣстить меня... Я буду знать, что въ тотъ день когда я тебя увижу, я умру. Согласенъ?

— Слушаю, вашо благородье... Радъ стараться... О-ой! со стономъ схватился онъ вдругъ за грудь лѣвою рукою:—Наповыйте мене еще трошки... Зновъ горыть у сердци...

Я опять принесъ ему воды въ своей шапкѣ и опять онъ жадно прилипъ къ ея тульѣ губами.

— Ну, тепэрь добре... Перехрестыть мене.

Я трижды перекрестилъ Наума и тихо сотворилъ надъ нимъ молитву объ отпущеніи ему всѣхъ грѣховъ его вольныхъ и невольныхъ.

Въ это время вернулся гусаръ съ печальнымъ извѣстіемъ, что нигдѣ не могъ отыскать носильщиковъ и что встрѣчные солдаты, къ которымъ онъ обращался за помощью, его не послушались.

Нечего дѣлать,—оставивъ его при Наумѣ, пришлось самому отправиться на поиски. Но когда минутъ двадцать спустя, я возвратился, приведя съ собою четырехъ пѣхотинцевъ съ носилками—было уже поздно.

— Только что отошелъ, ваше благородіе, встрѣтилъ меня мой гусаръ:—и пяти минутъ, чай, нѣтъ какъ скончался.

Я взглянулъ на лицо Наума—и дѣйствительно, это было совсѣмъ уже мертвое лицо, съ обострившимися чертами, съ печатью смерти на полураскрытыхъ устахъ, только что испустившихъ послѣдній вздохъ жизни. Широко раскрытые стеклянные глаза его серьезно и спокойно смотрѣли прямо на мѣсяцъ, въ безграничную глубину неба, какъ бы провожая вслѣдъ умчавшуюся туда душу. Мнѣ кажется, что онъ умеръ такъ скоро отъ чрезмѣрной потери крови.

Перекрестясь за упокой его души, я отпустилъ носильщиковъ и поѣхалъ съ гусаромъ къ нашему штабу, который, освѣтясь уже множествомъ костровъ, раскинулся по широкой равнинѣ передъ городомъ.

Нечего прибавлять, что при первой возможности я свято исполнилъ предсмертную просьбу Наума, переславъ его матери нѣсколько червонцевъ.

Съ того дня прошло вотъ уже десять лѣтъ, но предсказаніе цыганки, столь вѣрно сбывшееся надъ Наумомъ, надо мной однако не сбывается. Я бодръ, здоровъ и веселъ, вышелъ въ отставку, живу себѣ мирнымъ помѣщикомъ въ моей Огневкѣ, женился по любви, имѣю дочурку и, могу сказать, доволенъ и счастливъ вполнѣ, всесовершенно; только каждое 14-е мая невольно вспоминается мнѣ цыганка, и ея роковыя слова *„вижу кровь“* наводятъ иногда на мысль о насильственной смерти. Въ этотъ день я всегда служу панихиду о рабѣ Божіемъ Наумѣ, во брани убіенномъ. А можетъ быть, цыганка просто соврала (и это даже самое вѣрное изъ всѣхъ предположеній) и смерть Наума Середы есть не болѣе какъ простая случайность....“

На этомъ мѣстѣ кончается рукопись покойнаго ротмистра Пращева, и далѣе, внизу послѣдней страницы, слѣдуетъ приписка, упомянутая мною въ предисловіи: „Сей случай дѣйствительно произошелъ со мною. Сдержитъ ли мертвецъ свое обѣщаніе? Если да, то наслѣдники мои въ этой запискѣ найдутъ объясненіе будущаго случая, долженствующаго имѣть связь съ моею смертью“.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Послушникъ.

Разсказъ

Н. Успенскаго.

— Свободный номеръ есть? поднимаясь по лѣстницѣ въ монастырскую гостинницу, спрашивалъ купецъ въ енотовой шубѣ.

— Есть, пожалуйте! отвѣчалъ пожилой послушникъ, снимая съ гвоздя увѣсистый, заржавленый ключъ такой величины, какъ будто онъ приготовлялся отпереть не комнату, а крѣпость.

— Намъ вотъ вмѣстѣ съ Наумомъ Иванычемъ, продолжалъ купецъ, указывая на своего спутника съ одутловатымъ лицомъ и блуждающими оловянными глазами. Мы съ нимъ земляки.

— Слушаю. По обѣщанію пожаловали?

— Нѣтъ, по усердію...

— Доброе дѣло, доброе.

— Наумъ Иванычъ маленько нездоровъ: съ нимъ дѣлается въ родѣ, какъ бы сказать, помраченія или забытица... Лекаря совѣтовали ему поступить въ умственную больницу, онъ и хотѣлъ было туда отправиться; но на дняхъ привидѣлся ему сонъ, чтобы онъ безотмѣнно съѣздилъ въ вашу пустынь.

— Понимаю... Вамъ надо побывать въ скиту, у отца Пафнутія...

— Для этого самаго мы и пріѣхали. А онъ принимаетъ?

— Какъ же! Нездоровъ только... Недавно были у него двѣ помѣщицы изъ-подъ Орла, да Епифанская благочинниха съ дочерью—относительно жениховъ; да не плошь васъ, тоже два купца. Одинъ-то изъ нихъ страдаетъ запоемъ...

— Не хуже меня грѣшнаго, едва слышно промолвилъ Наумъ Иванычъ, съ усмѣшкой взглянувъ на своего земляка.

Купцы вошли въ жарко натопленную горницу съ изразцовой лежанкой и двумя деревянными кроватями, надъ которыми висѣли виды пустыни и портреты схимниковъ. Путники распросили монаха о церковныхъ службахъ въ монастырѣ и въ ожиданіи вечерни заказали себѣ самоваръ.

— Позвольте, господа купцы, побезпокоить васъ на счетъ пачпортовъ, таинственно наклоняясь къ нимъ произнесъ монахъ, становя самоваръ на столъ: сами, чай, изволите знать, какія нонче строгости.

— Какъ не знать! Ну, ты, отче, ежели такое дѣло, сначала испей съ нами чайку; а мы тѣмъ временемъ приготовимъ тебѣ пачпорты. Они у насъ въ сак-вояжѣ.

— Слушаю. Я повременю... Сохрани васъ Мати Пресвятая Богородица.

Монахъ скромно присѣлъ на табуретъ, близъ стола. Взглянувъ на своего больнаго земляка, купецъ замѣтилъ, что ему „не по себѣ“ и предложилъ ему прилечь, что тотъ и исполнилъ охотно, говоря шопотомъ: „О, Господи! почто наказуешь меня? Боже! буди милостивъ мнѣ грѣшному!“

— Должно быть, очень нездоровы? съ участіемъ спросилъ монахъ.

— Временемъ бываетъ: весь изобьется, сердечный, страсть глядѣть на него... то есть, на себя не похожъ. Но на людей не мечется... Этимъ онъ хорошъ.

— Вѣрно отъ простуды?

— Нѣтъ такъ... все слабость наша...

Купецъ началъ рыться въ сак-вояжѣ.

— Святой Димитрій Ростовскій говоритъ, началъ монахъ: аще кто заболитъ, долженъ прочитать „Отче нашъ“ 25 разъ, и получитъ исцѣленіе... Значитъ, за каждую язву Христа по пяти разъ...

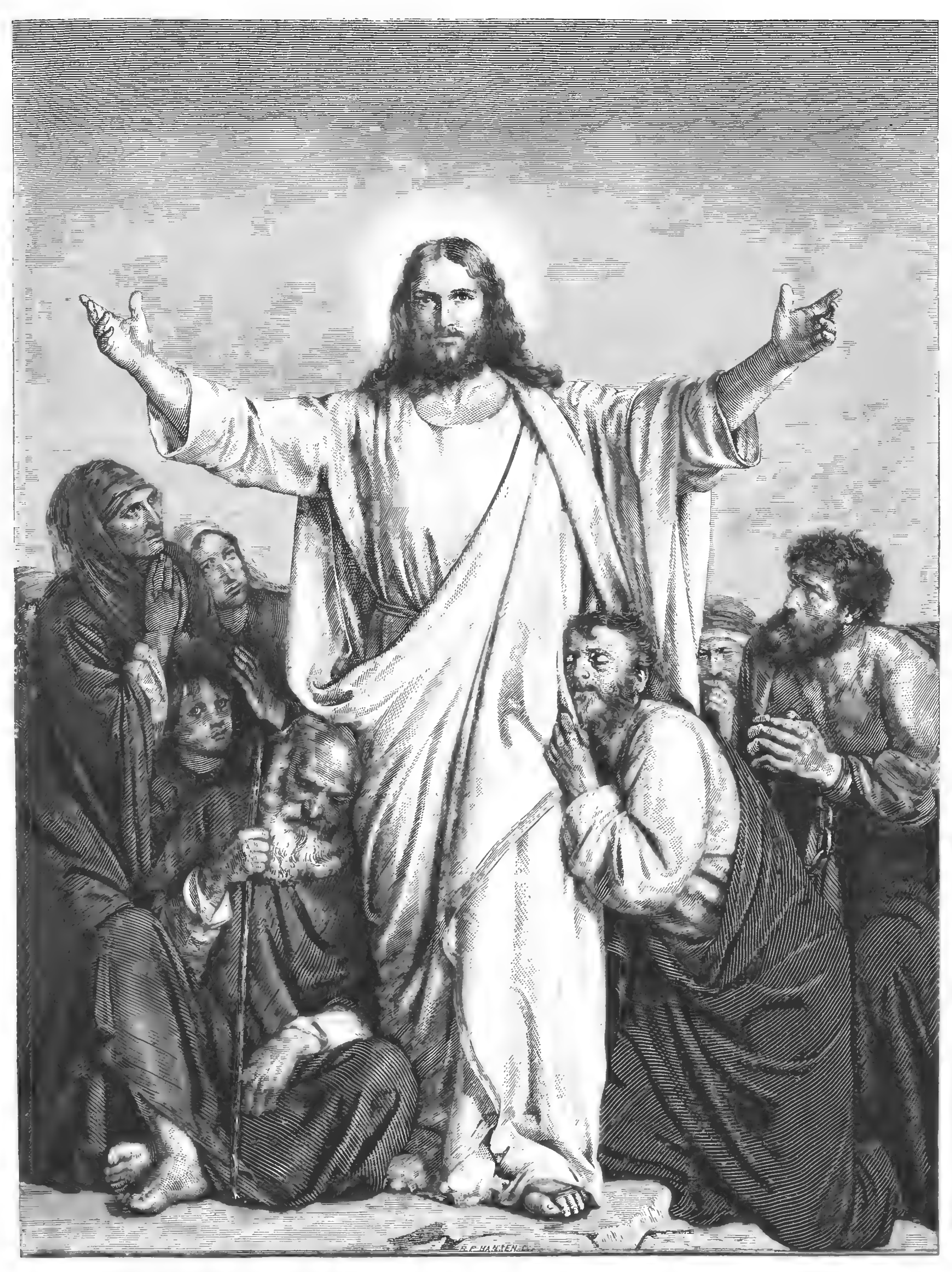
— Ну, вотъ тебѣ, отче, наши пачпорта. Не думай, что мы какіе нибудь побродяги...

— Боже меня сохрани! воскликнулъ монахъ, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ. Я спросилъ ваши документы для порядка, потому съ насъ самихъ строго взыскиваютъ. Я вамъ доложу про себя: недавно ѣздили мы съ отцомъ Вассіаномъ, здѣшнимъ іеромонахомъ, въ Задонскъ. Что-жъ вы думаете? Въ какую гостинницу ни пріѣдемъ, не успѣемъ войти въ номеръ, является корридорный съ книгой въ рукахъ и требуетъ записать имя, званіе и откуда прибыли, и по какой надобности—все до чиста! А пачпорта само собой... Ужь на что постоялые дворы, гдѣ споконъ вѣку ни о какихъ пачпортахъ не было и помину, и тамъ въ настоящее время завелись такія строгости—Боже защити и помилуй! Когда я былъ помоложе, господинъ купецъ, скажу вамъ по душѣ, я сильно сокрушался, что попалъ сюда, въ пустынь... меня тянуло все въ міръ... да!.. Конечно, врагъ искушалъ! А теперь, зная по опыту, что съ каждымъ годомъ все труднѣе и труднѣе становится жить на свѣтѣ, благодарю денно и нощно Царицу Небесную, что Она меня сподобила укрыться въ богоспасаемой обители...

— Твое имя то какъ, отче?

— Въ мірѣ былъ Петръ, а въ монашествѣ—Амвросій.

— Ты, стало быть, отецъ Амвросій, какъ попалъ сюда?

Христосъ Утѣшитель. „Пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи и Азъ упокою вы“.
Картина Карла Блока, грав. Гансенъ.

— Черезъ пачпортъ тоже, господинъ купецъ...

— Какъ черезъ пачпортъ?

— Вы слыхали?.. Есть такая ставленая грамота, господинъ купецъ... Она выдается духовнымъ лицамъ. Для нихъ она такой же документъ, какъ для васъ, напримѣръ, пачпортъ или, будемъ говорить, для чиновника формулярный списокъ, или даже выше...

— Знаю! что мнѣ разсказываешь...

— Такъ вотъ черезъ эту самую грамоту я постригся въ монахи. Поистинѣ можно сказать: неисповѣдимы пути Промысла. Вотъ ужъ подлинно: на горахъ станутъ воды! Дивны дѣла Твоя, Господи!

— Однако любопытно знать, какимъ это манеромъ ставленая грамота заставила тебя покинуть міръ?

— Вотъ извольте послушать. А что, не безпокою я своимъ разговоромъ вашего землячка-то?

— Нѣтъ. Онъ ужъ заснулъ... Онъ любитъ это, когда вокругъ него балакаютъ.

— Родился я, видите ли, въ селѣ Огольцахъ, Черниговской губерніи, гдѣ мой отецъ былъ причетникомъ. Восьми лѣтъ меня записали въ духовное училище. На тринадцатомъ году лишился я родителя и началъ терпѣть страшную бѣдность, такъ какъ кромѣ себя содержалъ мать, брата и четырехъ сестеръ однимъ пономарскимъ доходомъ. Достигнувъ риторическаго класса, вынужденъ былъ, вслѣдствіе крайней бѣдности, оставить науку. Немедленно по полученіи увольненія изъ семинаріи, я подалъ прошеніе владыкѣ о посвященіи меня въ санъ пономаря. Прошло болѣе полугода, а резолюціи не было. Между тѣмъ дошелъ до того, что не въ состояніи былъ купить даже лаптей. Въ то время, изволите ли видѣть, бѣдные семинаристы ходили въ лаптяхъ. Являюсь къ владыкѣ.

— Ты гдѣ былъ?

— Въ селѣ Огольцахъ... ожидалъ резолюціи Вашего Преосвященства.

— Должно быть ходилъ по трактирамъ?

— Никакъ нѣтъ. Даже куска хлѣба не имѣлъ.

— Ну, ступай, готовься къ посвященію.

Думаю: наконецъ-то Господь услышалъ мою молитву. На слѣдующій день меня посвятили въ пономари и выдали ставленую грамоту, въ которой между прочимъ было прописано, что „долженъ вести себя такъ, какъ апостолъ Павелъ научалъ Тита“. Такъ-съ... Наступило время отправляться къ мѣсту моего служенія. Но денегъ у меня не было ни копѣйки. Прихожу къ одному знакомому сапожнику, не далеко отъ архіерейскаго двора и слезно умоляю:

— Никитичъ, помоги, братъ! Посвятили меня въ пономари, а дойти до дому не съ чѣмъ. Какія были деньжонки, всѣ истратилъ на консисторскихъ чиновниковъ... Дай хоть три цѣлковыхъ.

Взглянулъ сапожникъ на меня искоса, понюхалъ табаку и говоритъ:

— Оставь что нибудь подъ залогъ.

— Что-жъ я тебѣ оставлю? У меня кромѣ худенькаго тулупчика ничего нѣтъ...

— Ну, а въ кредитъ я не дамъ, потому ты человѣкъ бѣдный... Что съ тебя возьмешь?

— Вотъ что, Никитичъ... Если угодно, я отдамъ тебѣ подъ залогъ мою жизнь... Жизнь свою отдамъ, говорю.

Вынимаю это ставленую грамоту и подаю сапожнику. Долго разсматривалъ онъ ее, опять понюхалъ табаку, шепнулъ что-то своей женѣ, наконецъ объявляетъ:

— Подъ эту грамоту можно дать... Здѣсь дорога печать... Вотъ что. Печать тутъ сурьезное дѣло.

— Помилуй! безъ ней я пропалъ на вѣки...

— Это вѣрно... Вотъ тебѣ три цалковыхъ... Посылай за водкой.

— За этимъ не постою.

Выпили мы полуштофъ вина, честь честью распростились и я отправился въ свое село.

Наступилъ нашъ престольный праздникъ Срѣтенье—2-го февраля. Пріѣхалъ домой и отправился я къ священнику—заявить, что я вотъ молъ теперь пономарь и имѣю право носить стихарь. Священникъ, человѣкъ молодой, повѣрилъ моимъ словамъ и велѣлъ явиться къ службѣ. Въ заутреню, на Срѣтенье, дали мнѣ новый, парчевой стихарь, такъ что всѣ прихожане обратили на меня свои взоры. Волосы у меня были намазаны деревяннымъ масломъ пополамъ съ коровьимъ: кудри вились до плечъ. Въ довершеніе моего торжества, въ началѣ обѣдни священникъ благословилъ меня прочитать апостолъ. Не могу вамъ изъяснить, господинъ купецъ, какъ я былъ счастливъ тогда. То есть вотъ какъ!

— Что-жъ, хорошо ты прочиталъ? спросилъ купецъ, самодовольно откидываясь на спинку стула и складывая свои руки на животѣ.

— Голосокъ у меня былъ небольшой, но вѣдь вы знаете: сила Божія въ немощахъ совершается... Особливо послѣднія слова Апостола такъ я вывелъ хорошо: „меньшая отъ большая благословляется“, у самаго даже въ ушахъ зазвенѣло...

— Это хорошо! Это ладно. Ну, разсказывай!

— Послѣ Херувимской сдѣлалось со мной въ родѣ, какъ бы сказать, содроганія. Почувствовалъ такой сильный ознобъ, что принужденъ былъ выйти изъ церкви. Я полагаю, это произошло отъ того, что я ѣхалъ домой въ худомъ одѣяніи. Вплоть до весны я и пролежалъ въ постели.

Оправился отъ болѣзни и вздумалъ я жениться. Нашъ дьяконъ обѣщался высватать мнѣ богатую невѣсту въ селѣ Чистомъ. Восьмаго мая мы съ нимъ отправились туда пѣшкомъ. Въ Чистомъ былъ Престольный праздникъ и поминный день. Весь причтъ села Чистаго находился въ такъ называемой „блинной“, которая помѣщалась подъ колокольней и походила на обширную галлерею. Когда мы вошли въ нее, тамъ шелъ обѣдъ. Во главѣ сидѣли два священника; они пригласили насъ сѣсть за столъ „помянуть усопшихъ“. По случаю большаго *приноса*, вся блинная была завалена пирогами, курами, ветчиной, блинами, поросятами и т. п. О водкѣ и говорить нечего. Ее ужъ не пили, а сливали въ кувшины, которые держали работники, стоявшие позади духовныхъ и ихъ женъ. Узнали о цѣли нашего путешествія и одинъ изъ причетниковъ побѣжалъ домой, чтобы приготовиться насъ встрѣтить надлежащимъ образомъ. Но, къ сожалѣнію, мой спутникъ забылъ, что мы пришли свататься, а не поминать усопшихъ. Въ блинной онъ такъ напоминался, что между прочимъ послѣ обѣда очутился близъ церковной караулки лежащимъ и притомъ безъ шапки. По этому случаю я былъ вынужденъ одинъ отправиться въ домъ невѣсты. Не успѣлъ я приблизиться къ гумнамъ, какъ мой будущій тесть вышелъ ко мнѣ навстрѣчу со штофомъ въ рукахъ и зазвалъ меня предварительно въ сарай, гдѣ мы и выпили по стакану. Наконецъ, вступаемъ въ домъ. Тамъ все уже прибрано. На столѣ бѣлая скатерть, графинъ водки, нарѣзанный пшеничный пирогъ и образъ великомученицы Варвары. Мою невѣсту, изволите видѣть, звали Варварой. Смотрю: выводятъ невѣсту—дѣвица лѣтъ 25, вельми мужественная, широкоплечая, высокаго роста но—съ горбомъ... Я такъ и ахнулъ... Намѣревался было отказаться, но думаю, погожу—пускай объявятъ приданое... Оказалось слѣдующее: 300 рублей деньгами, четыре матеревыхъ платья, двѣ красныя штофныя шубы, пѣгая лошадь съ лубяными санями, пара утокъ да возъ муки. Такое вдругъ, подумайте, приданое! Ошеломило это меня сразу... Вспомнилъ свое бѣдственное положеніе и по скорости изъявилъ свое согласіе... Ударили по рукамъ. Началась суета, явился священникъ, насъ оброзовали...

На другой день будущій тесть мой даетъ мнѣ въ задатокъ тридцать рублей и на парѣ лошадей отвезъ меня домой. Я ни мало не поскорбѣлъ о случившемся, на-

противъ разсуждалъ про себя такъ: „теперь дѣло въ шляпѣ... Богъ дастъ и заживу себѣ не хуже людей"... только съ ума нейдетъ, господинъ купецъ, у меня эта ставленая грамота. Нашъ приходскій священникъ не разъ уже подтверждалъ мнѣ, чтобы представилъ я оную благочинному на разсмотрѣніе.

Справилъ себѣ приличное одѣяніе къ предстоящей свадьбѣ, и отправился я въ городъ выручать ставленую грамоту. Первымъ дѣломъ являюсь къ сапожнику:

— Здравствуй, Никитичъ! какъ поживаешь?

— Покудова Богъ грѣхамъ терпитъ... Давно ли прибылъ?

— Сегодня.

— Долгонько что-то тебя не было видно.

— Боленъ былъ... а тутъ еще вздумалъ жениться.

— Хорошее дѣло... Что-жь поладили?

— Третьяго дня совсѣмъ порѣшили...

— Много берешь приданаго?

Я сказалъ.

— Чудесно! Стало быть съ тебя надо выпить могарычь...

Я послалъ за водкой и говорю:

— У меня, Никитичъ, съ ума нейдетъ эта грамота. Все объ ней думаю... Все думаю.

— Про какую ты грамоту говоришь?

— Да что тебѣ-то заложилъ... за три рубля.

— Никакой грамоты я у тебя не бралъ.

У меня затряслись руки и ноги.

— Что-жь ты, Никитичъ, шутишь со мной или говоришь вправду?

— Ты кажется довольно меня хорошо знаешь: шутить я не охотникъ.

— Побойся Бога! Развяжи мою душу... За что ты хочешь меня погубить?

— Ну, вотъ что: я вижу, у твоего тестя шея толста... Доставай пятьдесятъ рублей—и концы въ воду...

— Эге, братъ! Ты вотъ какъ... Я на тебя управу найду... вѣдь ты не безсудный!

Такъ какъ сапожникъ былъ мѣщанинъ, то я и отправился въ городскую думу, гдѣ и заявилъ о случившемся. Мнѣ посовѣтовали подать прошеніе. Городской голова спросилъ меня:

— Какъ это ты рѣшился заложить такую вещь?

— Что дѣлать, говорю: крайность.

— Ты гдѣ квартируешь?

— На постояломъ дворѣ у Кошкина.

— Ступай! Мы снесемся съ консисторіей.

Думаю себѣ: вотъ исторія-то—бѣжалъ отъ волка, попалъ на медвѣдя.

— Господинъ голова! сдѣлайте милость, не доносите консисторіи.

— Васъ обоихъ съ сапожникомъ еще проучить надо...

— Помилосердствуйте...

— Намъ такія дѣла скрывать не приходится. Ступай съ Богомъ...

Въ тотъ же день, вечеромъ, на постоялый дворъ, гдѣ я квартировалъ, прибѣгаетъ келейникъ и спрашиваетъ:

— Здѣсь остановился пономарь села Огольцовъ?

— Здѣсь.

— Иди ко Владыкѣ.

Помертвѣлъ я отъ этихъ словъ. Однако положившись во всемъ на власть Божію, отправился на архіерейскій дворъ. Келейникъ доложилъ. Выходитъ Владыко.

— Ты пономарь Остроумовъ?

— Такъ точно, Ваше Преосвященство.

— Ты знаешь, что написано въ ставленой грамотѣ, которую тебѣ выдали?

— Какъ не знать... Въ ней сказано, что „долженъ я вести себя такъ, какъ апостолъ Павелъ научалъ Тита"...

— А ты что сдѣлалъ?

Я молчу.

— Какъ ты дерзнулъ заложить такую грамоту.

— Виновенъ, Ваше Преосвященство... Бѣдность заставила...

— Тебя лишить слѣдуетъ сана и послать въ родъ жизни...

— Воззрите милостивымъ окомъ... Бѣдственное было положеніе, Ваше Преосвященство.

— Ступай... Благочинному будетъ указъ...

Не прошло и недѣли, какъ нашъ благочинный получаетъ указъ о препровожденіи меня въ Залѣсскую обитель подъ началъ на восемь мѣсяцевъ и о взысканіи съ меня трехъ рублей за ставленую грамоту.

Узнавъ обо всемъ этомъ происшествіи, будущій тесть присылаетъ мнѣ письмо, въ коемъ увѣдомляетъ, что не согласенъ выдать за меня дочь и что я долженъ возвратить взятыя у него деньги. Я отвѣчалъ, уже изъ обители, что я отъ своего условія не отказываюсь и потому деньги возвращать не намѣренъ. Тѣмъ пока дѣло и окончилось.

Время послушанія въ обители скоро протекло. Кололъ я тамъ дрова, пололъ гряды, приносилъ братіи вино и самъ пилъ. Настоятель былъ самый задушевный человѣкъ. Восемь мѣсяцевъ провелъ, какъ у праздника. Продовольствіе хорошее: хлѣбъ всегда мягкій, квасъ запарный, красный; рыба изъ своихъ заливныхъ болотъ: карпія, окунь, опять щука, головель; пиво ячменное, крѣпкое, сразу ошеломляющее... Бывало, полдня лежишь отъ него, ровно трупъ недвижимъ, не чувствуешь ни рукъ, ни ногъ. Думаю: жилъ бы еще въ экомъ раю, да пришло время отправляться.

Передъ самымъ моимъ выходомъ изъ обители, какъ настоятель выдалъ уже мнѣ свидѣтельство о моемъ добропорядочномъ поведеніи, а братія собрала мнѣ на дорогу денегъ, получаю я отъ своей сестры увѣдомленіе, что въ нашемъ селѣ случился пожаръ: вся поповка слетѣла до тла и отъ нашего дома остались одни ворота. Сверхъ всего этого, мой будущій тесть съ нетерпѣніемъ ожидаетъ моего возвращенія въ Огольцы, дабы начать со мною тяжбу. Прочитавъ сіе письмо, я поспѣшаю къ настоятелю испросить у него совѣта.

— Вотъ что, братъ Петръ, сказалъ онъ мнѣ: оставайся-ко съ нами... Развѣ не видишь ты, что Промыслу не угодно, чтобы ты служилъ въ Огольцахъ пономаремъ. Подумай хорошенько: что ожидаетъ тебя впереди? Имущества у тебя теперь нѣтъ никакого, честь твоя затеряна, а твой нареченный тесть еще болѣе повредитъ тебѣ... Неужели еще не внятенъ тебѣ гласъ, призывающій тебя на путь спасенія?

Я поклонился ему въ ноги.

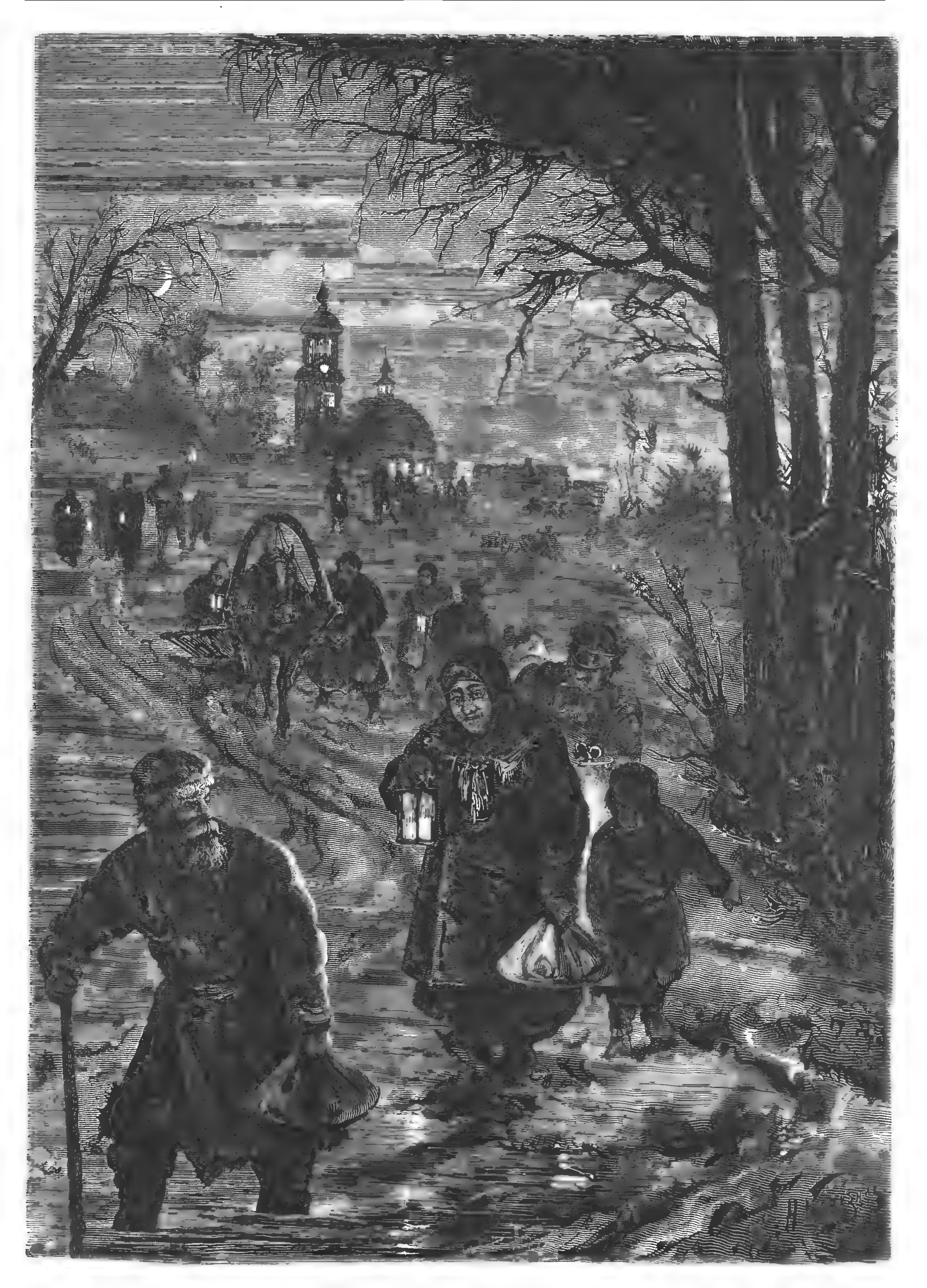
— Видно, говорю, Его святая воля! Удаляюсь отъ міра!..

Тутъ раздался благовѣстъ церковнаго колокола. Купецъ разбудилъ своего земляка и отправился съ нимъ къ вечерни.

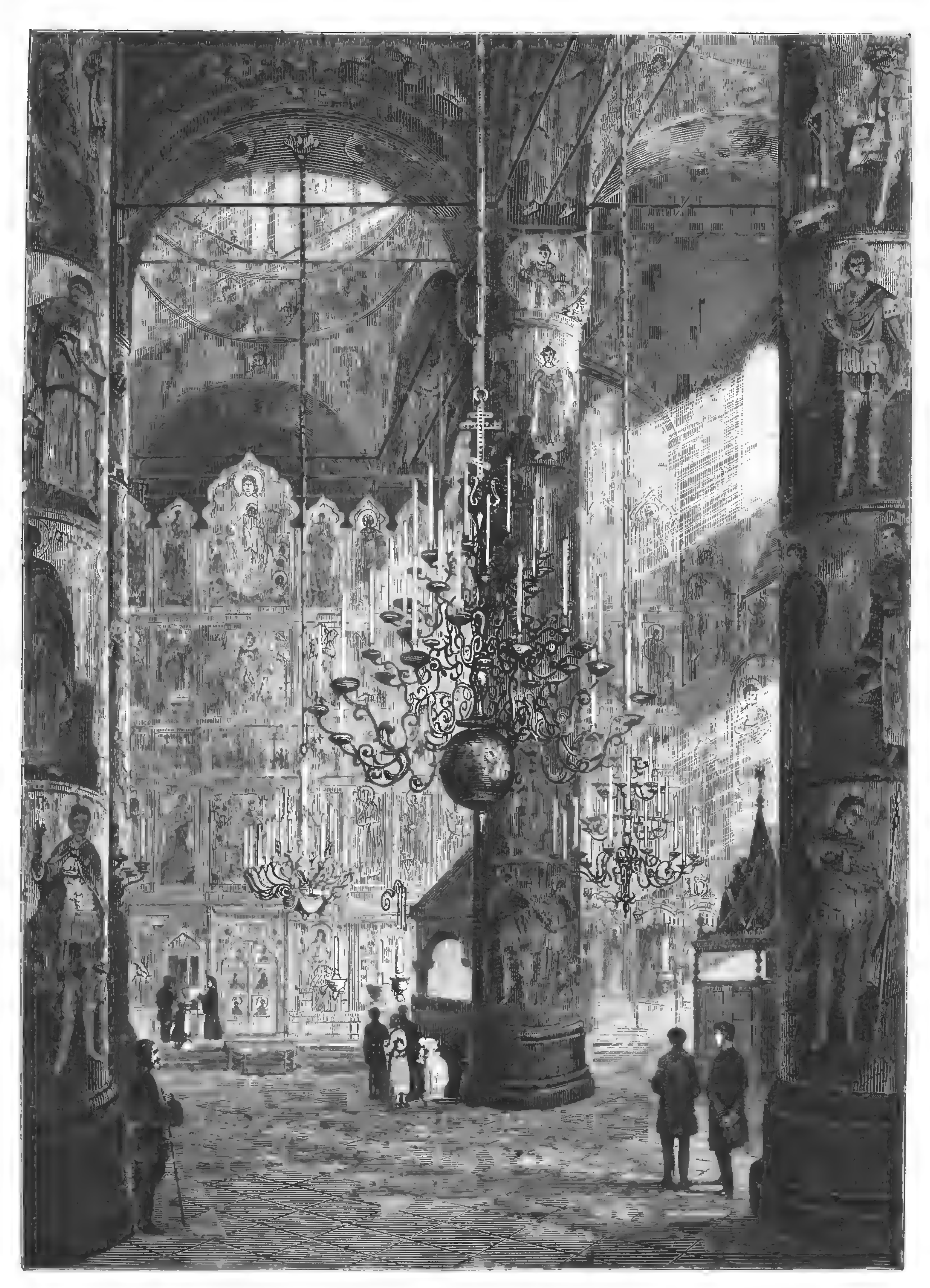
Празднованіе Пасхи у различныхъ народовъ.

(Къ рисунку на стр. 312).

Празднованіе великихъ, свѣтлыхъ дней Пасхи—особенно радостно и торжественно у всѣхъ христіанскихъ народовъ; это въ дѣйствительно „праздникомъ праздникъ и торжество изъ торжествъ" по своему высокому религіозному значенію для каждаго христіанина. Народъ ждетъ свѣтлаго праздничка съ нетерпѣніемъ и встрѣчаетъ его съ шумною радостью; этой радости какъ бы сочувствуетъ сама природа, появляясь въ это время, въ своемъ свѣжемъ весеннемъ уборѣ и какъ бы отож-

Пасха. Послѣ заутрени. Ориг. рис. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

Внутренній видъ Успенскаго собора въ Москвѣ. Съ рисунка С. Иванова, грав. М. Рашевскій.

дествляя свое обновленіе съ нравственнымъ обновленіемъ и искупленіемъ всего человѣчества.

Въ тѣ самые дни года, когда мы теперь празднуемъ Св. Пасху, происходили торжества у всѣхъ языческихъ народовъ древности, посвящаемые возрождающейся силѣ природы. Такъ у древнихъ Германцевъ въ весеннее время существовали празднества въ честь Остары, богини весны, по имени которой апрѣль назывался Ostermonat. Народъ приносилъ ей въ жертву первые майскіе цвѣты. Отъ имени Остары заимствовано и нынѣшнее нѣмецкое названіе Пасхи Osterfest или просто Ostern. Въ древней Греціи съ особенной торжественностью праздновались весною такъ называемыя *харистіи*—праздники, въ которые собирались родственники, дарили другъ друга, а также приносили куренія усопшимъ. Въ Персіи, въ старину, весною праздновали начало Новаго года, и этотъ праздникъ обновленія природы проводили съ особеннымъ торжествомъ. О праздникѣ возвѣщалось народу выстрѣлами: астрологи въ великолѣпныхъ одеждахъ спѣшили во дворецъ царя или правителя города. Повсюду раздавался громъ литавровъ, звуки роговъ и трубъ и пѣніе веселыхъ пѣсенъ. Въ Испагани, столицѣ государства, этотъ праздникъ длился цѣлыхъ восемь дней и весь городъ въ это время представлялъ собою одну пеструю, шумную ярмарку. Этотъ праздникъ персы называли между прочимъ, праздникомъ новыхъ одеждъ, такъ какъ каждый бѣднякъ одѣвался въ этотъ день въ новую одежду, а богатые перемѣняли ее по нѣскольку разъ ежедневно. Во время этихъ шумныхъ, веселыхъ празднествъ язычниковъ въ честь весны, евреи выполняли обрядъ таинственный, полный глубокаго религіознаго значенія: они праздновали свою *Пасху*. Въ ветхозавѣтной церкви слово Пасха обозначала обходъ (отъ еврейскаго слова Пасехъ), въ воспоминаніе того, что ангелъ смерти поразилъ въ одну ночь всѣхъ первенцовъ египетскихъ, пощадивъ лишь дома племени Израиля, отмѣченные кровью агнца. Это истребленіе первенцовъ Египта и заставило фараона Рамзеса отпустить Евреевъ въ обѣтованную землю. Выступая изъ Египта, каждый израильтянинъ долженъ былъ заколоть однолѣтняго, безо всякихъ пороковъ, агнца и испечь его цѣлаго на огнѣ. Гдѣ же семейство было такъ малочисленно, что не могло съѣсть всего агнца, то тамъ повелѣвалось пригласить сосѣда, чтобы ничего не осталось отъ трапезы. Евреямъ сверхъ того было приказано одѣться по дорожному, взять въ руки посохи и быть готовыми къ далекому пути. Всѣ эти обрядности до сихъ поръ сохраняются Евреями при праздновании Пасхи; при ихъ пасхальной трапезѣ хлѣбъ безъ закваски обозначаетъ торопливость выхода изъ Египта, непозволившую его заквасить; дикій же латукъ и другія горькія травы ѣдятъ въ воспоминаніе горечи и страданій египетскаго рабства. Въ новозавѣтной церкви Пасха—самъ Іисусъ Христосъ и вѣруя въ Его Воскресеніе, христіанинъ, оставивъ таинственную и мрачную обрядность Евреевъ, придалъ Пасхѣ значеніе празднества торжественнаго и радостнаго. Конечно прошло много времени пока празднованіе Пасхи получило вполнѣ христіанскій характеръ. Древніе христіане часто придерживались въ этомъ случаѣ разныхъ іудейскихъ обрядностей; въ средніе же вѣка народъ не переставалъ смѣшивать понятія христіанскія съ понятіями языческими. Такъ на сѣверѣ Германіи еще въ XVI вѣкѣ держался обычай, въ первый день Пасхи, во всѣхъ деревняхъ, селахъ и городахъ, на горахъ и холмахъ, зажигать огни, при чемъ парни и дѣвушки танцовали вокругъ пламени, кидали въ огонь платки и подбрасывали въ воздухъ шапки. На улицахъ и площадяхъ средневѣковаго города, въ дни Пасхи обыкновенно игрались мистеріи, представлявшія въ лицахъ страданія, смерть и воскресеніе Спасителя; кромѣ того духовенство само придавало веселый характеръ празднику, раздавая народу веселыя исторіи и возбуждая въ немъ такъ называвшійся пасхальный смѣхъ (risus paschalis). Въ XIII столѣтіи въ Парижѣ, церковнослужители, студенты и вообще молодые люди, ходили по городу длинными процессіями, съ яркими значками, при звукахъ трубъ и барабанномъ боѣ и собирали отъ горожанъ крашенныя, пасхальныя яйца. Эти разноцвѣтныя, пасхальныя яйца играютъ вообще очень видную роль въ праздновании пасхи и начало обычая дарить ими другъ друга теряется въ отдаленной древности. Иные ученые утверждаютъ даже, что мы обязаны происхожденіемъ пасхальныхъ яицъ никому другому какъ финикіянамъ, у которыхъ яйцо служило символомъ творенія всего міра. Впрочемъ на всемъ востокѣ яйцо являлось представленіемъ всего сущаго и играло не малую роль въ восточной обрядности. Такъ въ Персіи, въ старину, въ день Новаго года дарили обыкновенно другъ другу позолоченыя яйца, иногда весьма высокой цѣнности. По свидѣтельству Плинія Римляне употребляли крашеныя яйца при разныхъ игрищахъ, при богослужебныхъ обрядахъ и очищеніи грѣховъ. По словамъ Плутарха яйцо представляетъ собою творца всей природы, вседѣйствующаго и все въ себѣ заключающаго и должно приноситься въ честь Бахуса, какъ символъ возрожденія. Египтяне представляли яйцо подъ видомъ вселенной и въ его образѣ поклонялись благодѣтельному божеству Кнефу. По христіанскому преданію яйцо, какъ символъ Воскресенія Спасителя, вошло въ обычай со временъ апостольскихъ: такъ, если вѣрить легендѣ, то еще Марія Магдалина, явясь въ Римъ къ императору Тиверію, поднесла ему красное яйцо прежде нежели начать свою проповѣдь. Этому примѣру Маріи Магдалины начали подражать другіе христіане и красное, пасхальное яичко вошло между ними въ общее употребленіе, что доказывается раскопками въ древнихъ катакомбахъ, гдѣ часто находятъ въ гробницахъ яйца сдѣланныя изъ мрамора. Обычай дарить въ дни Св. Пасхи другъ другу украшенія, цвѣтныя яйца, сохранился до сихъ поръ во всемъ христіанскомъ мірѣ. Помимо этаго обычая каждый народъ празднуетъ великій день болѣе или менѣе своеобразно, сопровождая его разными увеселеніями и обрядами Такъ въ Италіи и особенно въ Римѣ Пасха встрѣчается при трескѣ выстрѣловъ и ракетъ; особенное впечатлѣніе производитъ на массы въ это время торжественность и роскошь папскаго служенія, заканчивающагося великолѣпной иллюминаціей собора Св. Петра. Въ Швеціи и Норвегіи канунъ Пасхи проходитъ въ разнаго рода увеселеніяхъ; куда бы вы ни пошли въ этотъ день, вы со всѣхъ сторонъ слышите выстрѣлы. Кромѣ того народъ зажигаетъ костры на холмахъ и пригоркахъ, чтобы отогнать злыхъ духовъ, по его понятію, въ этотъ день особенно дѣятельныхъ и опасныхъ. Вечеромъ же на столѣ каждаго шведа вы увидите молочную, рисовую кашу и вареныя яйца. Въ Греціи самую видную роль во время Пасхи играетъ пасхальный агнецъ, такъ что ежегодно въ однѣхъ Аѳинахъ убиваютъ на Пасху отъ 12 до 15,000, а во всей Греціи болѣе 200,000 ягнятъ и овецъ. Послѣ заутрени повсюду раздаются радостные крики, ружейные выстрѣлы и трескъ ракетъ, и такой народный разгулъ продолжается всѣ первые три дня свѣтлой недѣли. Въ Испаніи во время Пасхи происходятъ въ городахъ пышныя, церковныя процессіи, извѣстныя подъ именемъ Pasos, въ которыхъ представляются въ лицахъ Спаситель и участники Его страданій, смерти и воскресенія.

Въ старину, въ центрѣ древней допетровской Руси, Москвѣ, празднованіе Пасхи совершалось съ особою торжественностью. Наканунѣ великаго дня Цари русскіе посѣщали узниковъ и призрѣваемыхъ въ богадѣльняхъ и одѣляли ихъ щедрою милостыней, потомъ заходили они въ царскую усыпальницу—въ Архангельскій соборъ, чтобъ поклониться гробамъ своихъ предковъ. Полунощницу цари обыкновенно слушали въ своихъ хоромахъ, но лишь только раздавался призывный, полунощный, торжественный благовѣстъ, они спѣшили въ Успенскій соборъ, гдѣ совершалась утреня со всевозможнымъ благолѣпіемъ. Послѣ возглашенія „Христосъ Воскресе!“ Цари прикладывались къ мѣстнымъ иконамъ, христосовались съ духовенствомъ; ближнихъ же бояръ своихъ они жаловали къ рукѣ и одѣляли ихъ пасхальными яйцами: гусиными, утиными, куриными и точеными деревянными, расписанными по золоту яркими красками въ узоръ или цвѣтными травами, приготовленіемъ которыхъ обыкновенно тогда занимались пекари, иконописцы, травщики Оружейной палаты и монахи Троицко-Сергіевой Лавры. По окончаніи заутрени, Цари ходили прикладываться къ мощамъ и христосоваться съ своими предками, кланяясь до земли ихъ гробницамъ. По совершеніи всѣхъ молебствій Цари принимали у себя Патріарха и поздравителей разныхъ чиновъ, въ сопровожденіи которыхъ отправлялись въ золотую палату для привѣтствованія царицы. Въ этотъ же день тюрьмы, больницы и богадѣльни одѣляли несчастныхъ одеждой, деньгами и пищей. Въ пятницу же Святой недѣли царь и царица отправлялись въ Новодѣвичій монастырь, около котораго, въ этотъ день, послѣ крестнаго хода, бывало многолюдное гулянье, въ присутствіи царской семьи, для которой на обширномъ полѣ разбивали блестящіе, парчевые шатры. Въ простонародіи никто не ложился спать въ ночь предшествующую великому дню, послѣ обычнаго розговѣнья кто пѣлъ *великоденные* пѣсни, кто игралъ въ *битки*, обѣдали очень рано и ложились отдыхать.

Въ Екатерининское время, особенно блестящимъ было гулянье на Святой недѣлѣ въ Москвѣ подъ Новинскимъ, куда пріѣзжало тогдашнее барство въ громадныхъ колымагахъ, наполненныхъ всѣми чадами и домочадцами; въ числѣ послѣднихъ часто фигурировали разныя домашнія арапки, карлы, дуры и даже собаченки, во всей Москвѣ тогда, судя по запискамъ современниковъ, шло веселье на распашку; отъ охотниковъ звонить въ колокола не было отбою; всюду катали яйца, играли въ битки, пощелкивали орѣхи; дѣвушки прыгали на доскахъ; вездѣ слышался скрипъ качелей, звуки балалайки, разевеселыя пѣсни и чмоканье пасхальныхъ поцѣлуевъ. Скорлупа орѣховая и яичная, въ полномъ смыслѣ слова застилала всѣ мощеныя и немощеныя улицы. Нынѣ пасхальный праздникъ проходитъ въ нашихъ столицахъ безъ особенно шумнаго разгула, только сельское населеніе еще выполняетъ разныя обрядности и посвящаетъ имъ всю Свѣтлую Недѣлю. Такъ въ первый день наблюдаютъ восходъ и *играніе* солнца. Появленіе солнца на чистомъ небѣ и играніе его предвѣщаетъ хорошее лѣто, обильный урожай и счастливыя свадьбы. Въ понедѣльникъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, крестьяне ходятъ на кладбище, христосоваться съ умершими родственниками и проводятъ тамъ цѣлый день до вечера. Утро вторника называется „Купалищемъ“ такъ какъ существуетъ обычай въ этотъ день обливать холодною водою тѣхъ, которые проспали заутреню на св. Пасху. Пятница называется у крестьянъ прошеный день; тогда тесть и

теща сзывають зятнихъ родныхъ отвѣдать молодаго пива. Съ субботы начинается вожденіе хороводовъ и по этому она носитъ названіе „хороводницы". У другихъ намъ родственныхъ славянскихъ племенъ, Пасха считается равнымъ образомъ однимъ изъ самыхъ радостныхъ и торжественныхъ праздниковъ. Въ Черногоріи, въ каждомъ домѣ, въ Страстную Пятницу убиваютъ борова и въ субботу пекутъ его цѣликомъ. Такимъ образомъ испеченный боровъ называютъ *печиво* и составляетъ необходимую принадлежность пасхальной трапезы. Въ Польшѣ, столъ богачей, во время Пасхи, открытъ для каждаго; всякому приходящему хозяинъ подноситъ частицу крашенаго яйца и затѣмъ предлагаетъ отвѣдать *свячнаю* т. е. освященныхъ яствъ, которыми занято нѣсколько столовъ. Въ Польшѣ и Литвѣ въ первый день Пасхи вся семья проводитъ дома и никого не принимаетъ. Даже если сосѣдъ попроситъ у сосѣда огня, то навѣрное получитъ отказъ, ибо такая просьба считается дурнымъ предзнаменованіемъ. Въ Галиціи, въ Пасхальную недѣлю ходятъ мальчики по домамъ, съ разными причитываньями и обливаютъ дѣвушекъ холодной водой. Хозяева дарятъ имъ деньги и одѣляютъ свяченымъ. Этотъ же обычай соблюдается и въ Бѣлоруссіи, гдѣ онъ называется *волочебникомъ* (Voloczbnem). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Малороссіи особенно въ ходу пасхальныя вирши, которыя поютъ дѣти и парни въ первые три дня Свѣтлой недѣли. Нѣкоторые изъ этихъ виршей довольно старинные какъ напримѣръ вирши пѣтые въ 1781 году во время Пасхи Князю Потемкину и сочиненные его любимцемъ войсковымъ судьею запорожскихъ казаковъ Головатовымъ. Чтобы дать понятіе о поэтическомъ творчествѣ почтеннаго судьи довольно привести первыя строфы этихъ стиховъ.

Христосъ Воскресе
Радъ міръ увесь!
Дождалыся Божіей ласки,
Теперь уже всякъ,
Наився вемакъ
Свяченой пасхи.....

Впрочемъ поэтическое творчество здѣсь остается на второмъ планѣ: а на первый выступаетъ то глубокое неподдѣльное религіозное чувство и одушевленіе съ которымъ поются эти, часто безсмысленныя вирши, прерываемыя чаще всего величественнымъ, глубоко проникающимъ въ душу возгласомъ „Христосъ Воскресе"! **Н.**

Къ рисункамъ.

Христосъ-Утѣшитель.

(Картина Карла Блока).

Какъ шведская такъ и датская живопись вообще очень мало знакомы въ нашемъ отечествѣ; объ нихъ у насъ самыя смутныя понятія и едвали кому приходитъ въ голову, что скандинавскія художественныя школы обладаютъ произведеніями, достойными полнаго вниманія. Можно напримѣръ указать на разнообразныя и высоко талантливыя работы датскаго художника Карла Блока, совершенно у насъ неизвѣстнаго.

Карлъ Блокъ родился въ Копенгагенѣ 23 мая 1834 года и какъ принадлежащій къ семьѣ зажиточныхъ негоціантовъ, предназначался сначала къ поступленію въ морское училище. Но любовь къ живописи заставила Блока отказаться отъ предназначенной карьеры и въ 1849 году, мы уже видимъ его въ Стокгольмѣ, ученикомъ тамошней академіи художествъ. Вскорѣ его работа стала выставляться на судъ публики; такъ въ 1854 году общее вниманіе обратила его картина „Воскресный вечеръ", сюжетъ которой былъ взятъ изъ датской сельской жизни. За этой удачной картиной появились другія, не менѣе удачныя, а именно въ 1857 году „Рыбаки на западномъ берегу Ютландіи"; въ 1858 г. „Семейство рыбаковъ ожидаетъ возвращающихся съ лова", въ 1859 г. юмористическая картинка „Угощеніе". Въ томъ же году академія дала Блоку средства отправиться въ Римъ и тамъ докончить свое художественное образованіе. Въ началѣ своего пребыванія въ Италіи художникъ предавался итальянскимъ сюжетамъ, такъ въ 1861 году онъ прислалъ на родину очень недурную картинку „Рыбаки въ Сорренто", но вскорѣ онъ приступилъ къ выполненію картинъ на сюжеты, отличающіеся преимущественно трагическимъ характеромъ. Въ этотъ періодъ появились: „Самсонъ среди Филистимлянъ" (въ 1863 г.), затѣмъ „Освобожденный Прометей" картина очень эффектная, изображающая моментъ освобожденія Прометея Геркулесомъ и наконецъ „Христіанъ II, заключенный въ Сюндерборгскомъ замкѣ".

Послѣднимъ же высшимъ проявленіемъ его художественнаго творчества, слѣдуетъ признать нѣсколько его картинъ строго религіознаго содержанія и въ особенности „Дочь Іаира" и „Христосъ Утѣшитель", недавно появившаяся въ Стокгольмѣ на выставкѣ, снимокъ съ которой мы прилагаемъ при настоящемъ нумерѣ. Эта, въ высшей степени удачно скомпонованная картина, представляетъ Спасителя, какъ Его изображаетъ евангелистъ Матѳей, Призывающимъ всѣхъ страдающихъ и обремененныхъ подъ Свой божественный покровъ. „Пріидите ко мнѣ вси труждающіеся и обремененніи и Азъ упокою вы". (Матѳей 11, 28). Фигура Спасителя прекрасна, движеніе величественно и могуче. Не менѣе удались художнику и разнообразные типы окружающихъ страдальцевъ, полныхъ живой, непоколебимой вѣры и твердаго упованія въ Его безконечную любовь и безпредѣльное милосердіе.

Послѣ Пасхальной заутрени.

(Рисунокъ Н. Каразина).

Кто родился и живалъ въ деревнѣ, тому рисунокъ этотъ напомнитъ такія свѣтлыя, чудныя минуты. И это торжественное пѣніе въ маленькой, ярко озаренной множествомъ свѣчекъ, деревенской церковкѣ и праздничныя лица, и одежды крестьянъ и вдали въ широко раскрытыя церковныя двери уже мерцающая блѣдная, холодная полоса зари на востокѣ и несущійся въ храмъ широкою волною свѣжій, утренній воздухъ, такъ отрадно вливающійся въ грудь въ жаркой атмосферѣ, пропитанной запахомъ ладона и воску. А возвращеніе съ освященными пасхами и куличами домой, гдѣ ждетъ пиръ—розговѣнье.... Но возвращеніе по подмерзшимъ лужамъ представляетъ тутъ самый рискованный эпизодъ: не всякая тонкая, весенняя льдинка выдержитъ тяжелый крестьянскій, подбитый гвоздями, сапогъ и бултыхнетъ въ воду выше щиколки, торопящійся домой хозяинъ, стараясь только не забрызгать освященные куличи и пасхи.

Христославцы.

(Рисунокъ Шпака).

А пасхальное утро принесетъ свое. Мальчики-христославцы, маленькіе семинаристы, примажутъ волосы масломъ, надѣнутъ чистые кафтанчики и пойдутъ пѣть по домамъ „Христосъ Воскресе" и вездѣ имъ что нибудь да и перепадетъ. Вотъ и тутъ къ губернскому чиновнику, мирно розговляющемуся утромъ среди семьи своей, явились христославцы и очень удивляютъ, повидимому, маленькую дочку хозяина, которая побросала своихъ куколъ и съ любопытствомъ разсматриваетъ христославцевъ. Отецъ и мать, смѣясь, любуются на свою дѣвочку.

Московскій Успенскій Соборъ.

Одинъ изъ древнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ русскихъ храмовъ—Успенскій соборъ въ Москвѣ—современенъ учрежденію въ Москвѣ митрополичьяго престола (заложенъ 1326). При св. Петрѣ митрополитѣ „всея Руссіи", въ Москвѣ, тогда „еще малой и немноголюдной" соборною церковью была небольшая церковь Іоанна Предтечи. Святитель Петръ совѣтовалъ соорудить церковь Успенія и Іоаннъ Калита приступилъ къ постройкѣ храма и самъ св. Петръ „искусный въ иконописи" написалъ икону Успенія Божіей Матери, положилъ своими руками первый камень въ основу новаго храма и назначилъ себѣ могилу въ придѣлѣ гробничной церкви. При вел. князѣ Симеонѣ внутреннія стѣны собора были расписаны греческими зографами. Тохтамышъ опустошившій Москву, лишилъ первопрестольную церковь ея сокровищъ. Въ храмѣ заперлись жители московскіе, но татары, разбивъ врата храма, рубили затворившихся, грабили и жгли все. „И нѣсть видѣти въ ней, по слову лѣтописца, ни пѣнія, ни звоненія, ни людей ходяща".

При Іоаннѣ III возобновлять стали храмъ и уже начали сводить „верхніе комары", когда своды и *полати* (хоры) отъ землетрясенія обрушились, но несчастія съ людьми не было. Великій князь, желая имѣть искусныхъ строильныхъ мастеровъ, черезъ русскаго посла Толбузина вызвалъ изъ Венеціи Болонца Фіоравенти, котораго „хитрости его ради зваху Аристотелемъ". Приступая къ строенію, зодчій представилъ князю *образецъ* (модель) *чертежъ* (планъ) и *перечень* (смѣту) и великій князь ихъ утвердилъ. Этотъ единственный тогда по огромности новый храмъ въ Москвѣ освященъ былъ въ 1478 г. „Бысть же церковь, говоритъ съ восторгомъ лѣтописецъ, чудна вельми величествомъ и высотою и свѣтлостію — такова же прежь не бывала въ Руси"! Собору суждено было быть свидѣтелемъ многихъ событій; онъ горѣлъ не разъ, и дѣлилъ съ Москвой великія бѣдствія. Золота, серебра, драгоцѣнныхъ утварей—приношенія благочестивыхъ царей и жителей московскихъ—много заключаетъ нашъ древній храмъ. Въ 1812 г. все драгоцѣннѣйшее было вывезено временно въ Вологду, но все же непріятель успѣлъ похитить до 400 пуд. серебра и до 20 п. золота. Стѣнное письмо возобновлялось неоднократно—при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, при императрицѣ Елисаветѣ, Екатеринѣ II и въ концѣ царствованія покойнаго государя Николая Павловича начато было возстановленіе древней иконописи въ алтарномъ иконостасѣ, доконченное въ настоящее царствованіе на средства нѣсколькихъ частныхъ лицъ.

Здѣсь помѣщаемъ мы внутренній видъ этого московскаго первопрестольнаго храма, гдѣ происходитъ вѣнчаніе и пома-

заніе нашихъ Самодержцевъ, гдѣ поставляются наши іерархи и гдѣ находится усыпальница нашихъ Святителей.

Omne vivum ex ovo!

(Статуэтка Буассо).

„Христосъ Воскресе!“ „Воистину Воскресе“ и переходитъ изъ рукъ въ руки или красное яичко или ярко золоченое или великолѣпная корзинка, футляръ все въ видѣ же яйца—съ конфектами, съ подарками и т. п. Что знаменуетъ этотъ повсемѣстный христіанскій обычай? Въ свѣтлый праздникъ Воскресенія Христова не напоминаетъ ли этотъ подарокъ, какъ зарождается все живущее, пробуждается къ жизни, выходитъ на радостный свѣтъ Божій.

Авторъ прелестной статуэтки, здѣсь изображенной, Эмиль Буассо, современный французскій скульпторъ, ученикъ Дюмона и Бонассье. Работы его стали появляться передъ публикой въ шестидесятыхъ годахъ. Въ 1867 г. на парижской всемірной выставкѣ было выставлено нѣсколько бюстовъ его работы и мраморная статуя „Юность“. На выставкѣ 1878 года была его большая статуя „Геній зла“.

Комнатные аквариумы и террариумы.

Германскому профессору Дорну пришла счастливая мысль устроить въ Неаполитанскомъ заливѣ громадный акваріумъ *). Предпріятіе это въ настоящее время приведено въ исполненіе и находится подъ покровительствомъ германскаго правительства. Акваріумъ этотъ вполнѣ можетъ удовлетворить ученаго, желающаго наблюдать за жизнью подводныхъ обитателей. Въ Берлинѣ и Гамбургѣ также устроены большіе акваріумы, достойные вниманія и разсмотрѣнія. Странно, что комнатные акваріумы, введенные впервые уже двадцать лѣтъ тому, такъ мало распространены. Между тѣмъ устройство ихъ не представляетъ почти никакихъ трудностей.

Изъ стеклянныхъ сосудовъ предпочтительно слѣдуетъ употреблять не круглыя банки, а четырехугольные ящики. Конечно, если мѣсто и средства позволяютъ, то чѣмъ ящикъ больше, тѣмъ лучше. На дно такаго ящика кладутъ 1 или 1½ дюйма земли, затѣмъ насыпаютъ на дюймъ промытаго песку. Изъ растеній болѣе пригодныхъ для акваріумовъ можно указать прежде всего на Vallisneria spiralis, которая растетъ преимущественно въ водахъ южной Европы. Прямолинейные, свѣтлозеленые листья ея достигаютъ болѣе дюйма длины и въ водѣ изгибаются чрезвычайно граціозно. На нихъ появляется два рода цвѣтовъ изъ однихъ выходятъ сѣмена—эти сидятъ на длинныхъ стебелькахъ и поднимаются въ видѣ спиралей на поверхность воды; другіе напротивъ, на короткихъ стебляхъ и лежатъ на самомъ днѣ. Въ опредѣленное время послѣдніе отдѣляются отъ стеблей, поднимаются на поверхность воды къ первымъ цвѣткамъ и оплодотворяютъ ихъ. Теченіе соковъ въ листьяхъ Vallisneria, видно простымъ глазомъ. Когда они освѣщены солнцемъ, то выдѣляютъ непрерывную струю кислорода, который поднимается на поверхность воды въ видѣ маленькихъ пузырьковъ. Разростается Vallisneria обыкновенно очень скоро; отъ одного отростка черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, появляется множество новыхъ ростковъ, которые можно отрѣзывать, если мало мѣста въ акваріумѣ для другихъ растеній.

Затѣмъ можно указать на одно тропическое, южно-американское растеніе (Trianaea bogotensis), которое не требуетъ посадки въ грунтъ, а набрасывается прямо въ воду. Листья его круглые на короткихъ стебелькахъ. Корни его очень тонко развѣтвленные, спускаются ко дну и имѣютъ свойство покрываться слоемъ извести, какъ бы мало ни было ея содержаніе въ водѣ.

Изъ другихъ растеній, особенно красивыхъ, остается упомянуть объ одномъ (Ouvrirandra fenestralis), рѣшетчатомъ растеніи съ острова Мадагаскара. Листья его длиною въ ½ фута и 1 футъ плаваютъ въ видѣ розетокъ на поверхности воды; узловатые же корни требуютъ глубокой посадки въ грунтъ.

Однихъ растеній однако не достаточно для акваріума. Дно его укладываютъ обыкновенно разными раковинами и затѣмъ если мѣста довольно, то посрединѣ ставятъ гротъ изъ сталактитовъ, который только на половину долженъ находиться подъ водою. Верхъ грота украшаютъ папоротниками и мелкой травой. Воду берутъ ключевую или колодезную, которую слѣдуетъ наливать по стѣнкамъ очень осторожно, чтобы не размыть дна. Затѣмъ, смотря по мѣсту, пускаютъ двѣ, три золотыя рыбки, нѣсколько маленькихъ карповъ, и наконецъ нѣсколько слизней. Въ началѣ вода бываетъ мутна, но дня черезъ два отстаивается и дѣлается чистою. Перемѣнять воду слѣдуетъ очень рѣдко, обыкновенно отливаютъ ея не много и доливаютъ свѣжей.

Кажется страннымъ, что морская вода, не смотря на громадное количество живущихъ въ ней животныхъ и растеній, не засоряется. Это объясняется закономъ равновѣсія, строго соблюдающимся также въ подводномъ царствѣ. Рыбы вдыхаютъ кислородъ и выдыхаютъ угольную кислоту; онѣ пожираютъ маленькихъ слизней и выдѣляютъ вещества способствующія полному развитію растительности. Растенія вдыхаютъ угольную кислоту, потребляютъ углеродъ, нужный для образованія волоконъ и ткани, и освобождаютъ кислородъ, необходимый для отправленій животнаго міра. Слизни наконецъ питаются разложившимися растеніями и такимъ образомъ устраняютъ ихъ накопленіе. Положительно не слѣдуетъ кормить ничѣмъ маленькихъ обитателей акваріума. Если на стѣнкахъ акваріума станутъ показываться зеленые грибки, то ихъ устраняютъ губкой, насаженной на палочку.

Устройство терраріумовъ почти такое же, что и акваріумовъ. На дно кладутъ глинистой земли въ три фута толщиною. Затѣмъ изъ сталактитовъ устраиваютъ маленькія ущелья и гроты, куда пускаютъ ящерицъ, саламандръ и маленькихъ черепахъ. Нѣсколько видовъ папоротниковъ, кормовыхъ травъ и даже маленькая пальма, могутъ быть помѣщены въ терраріумъ.

Политическое обозрѣніе.

Турецко-черногорская конвенція.—Румеліоты и иноземные правители.—Недоразумѣнія между Болгаріей и Румыніей.—Слухи о прекращеніи австрійскаго занятія въ Босніи и Герцеговинѣ.—Нынѣшнее положеніе Австріи.—Англія.—Авганистанъ.—Казнь Отеро.—Южная Америка.

Порта рѣшилась, наконецъ, прекратить такъ долго тянувшійся вопросъ объ исправленіи турецко-черногорской границы и 12-го апрѣля конвенція по этому предмету подписана турецкимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и великимъ визиремъ Савасомъ-Пашею, съ одной стороны и черногорскимъ уполномоченнымъ, Вукотичемъ—съ другой; подписана она была въ итальянскомъ посольствѣ, въ присутствіи графа Корти (итальянскаго посла при Портѣ), участвовавшаго въ переговорахъ. Новая пограничная черта оставляетъ Плаву и Гусиню за Турціей, взамѣнъ чего къ Черногоріи переходитъ Кучи-краинскій округъ. Начиная отъ рѣки Зеты, граница идетъ вдоль гребня Гатійскихъ горъ къ заливу Кастрати (Скутарійскаго озера). На пространствѣ между Скутарійскимъ озеромъ и Адріатическимъ моремъ черногорское правительство согласилось принять, взамѣнъ границы, предложенной русскимъ уполномоченнымъ международной коммисіи ту черту, за которую высказалось большинство коммисіи. Турецкое правительство обязалось передать Черногоріи уступленную территорію не позже какъ въ 10 дней. Великія державы, чрезъ посредство посланниковъ своихъ, уже одобрили конвенцію. Филиппопольское провинціальное собраніе, большинствомъ 31 голоса противъ 8, выразило строгое порицаніе министру финансовъ Шмидту. Говорятъ, впрочемъ, что истинная причина порицанія этого объясняется желаніемъ избавиться отъ иностранцевъ и имѣть правителями лицъ, принадлежащихъ къ славянскому племени. Ожидаютъ, поэтому, что въ скоромъ времени, будетъ заявлено подобное же порицаніе и генералу Штреккеру, котораго болгары желаютъ замѣнить славянскимъ ренегатомъ Мехмедомъ-Пашей.

Пока Румелія, эта „малая Болгарія“ устраиваетъ понемногу свои домашнія дѣла, Великая Болгарія пикируется съ недругомъ балканскихъ славянъ—Румыніей. Дѣло въ томъ, что съ нѣкоторыхъ поръ въ восточныхъ округахъ Болгарскаго княжества появились значительныя разбойничьи шайки, производящія не мало опустошеній. Это обстоятельство и повело къ довольно серьезнымъ недоразумѣніямъ между обоими княжествами, такъ какъ болгарское правительство утверждаетъ, что шайки эти образуются въ румынской Добруджѣ и тамъ же укрываются отъ преслѣдованія отрядовъ Болгарскаго ополченія. Румынское правительство, съ своей стороны, утверждаетъ, будто разбои въ Болгарскомъ княжествѣ являются прямымъ послѣдствіемъ бѣдственнаго положенія тамъ мусульманскаго населенія, которое лишилось, во время минувшей войны, всего достоянія своего.

Побѣда виговъ нашла радостный откликъ во многихъ углахъ Балканскаго полуострова, христіанское населеніе котораго возлагаетъ большія надежды на Гладстона и партію его. Греки подняли голову во Ѳракіи и Македоніи, а изъ Бѣлграда главѣ виговъ отправленъ привѣтственный адресъ, покрытый подписями многихъ членовъ скупштины и разныхъ другихъ именитыхъ лицъ. Не рано ли, не рано ли все это!..

Но вотъ странный (въ хорошемъ только смыслѣ слова этаго) и неожиданный слухъ: въ венгерскихъ правительственныхъ кружкахъ возникли, какъ сообщаютъ, толки относительно того, что *всѣ великія державы, за исключеніемъ Германіи, будутъ настаивать на прекращеніи австрійскаго занятія въ*

(Продолженіе на стр. 325, 326, 327, 328, 329, 330, 1

*) Изображеніе этаго акваріума и зоологической станціи, гдѣ занимаются и русскіе ученые и подробное описаніе были помѣщены въ «Нивѣ» 1878 г. № 22.

Пасха. Omne vivum ex ovo. **(Зарождающаяся жизнь).** Статуэтка Э. Буассо, грав. Дювивье.

Босніи и Герцеговинѣ. Неужели это возможно?! Боимся вѣрить! По крайней мѣрѣ, тамъ въ Венгріи громко сѣтуютъ на то, что матеріальныя жертвы, принесенныя Габсбургской монархіей ради занятія этого, пропадутъ даромъ, и среди австрійцевъ раздаются голоса, требующіе сближенія Австро-Венгріи съ Германіей, причемъ сближеніе это побудило бы послѣднюю къ совмѣстному активному вмѣшательству на Балканскомъ полуостровѣ! Мы, впрочемъ, сомнѣваемся пока, чтобы Германія подала солидный поводъ къ такимъ надеждамъ. Это не болѣе, какъ pia desideria австрійцевъ.—О нынѣшнемъ же положеніи Австріи мы заимствуемъ слѣдующее изъ весьма компетентныхъ источниковъ. Восточная политика графа Андраши принадлежитъ къ прошлому, что можно, въ особенности ожидать теперь съ удаленіемъ Биконсфильда и торіевъ. Австріи приходится значительно измѣнить вообще свою политику на Востокѣ, провести новую линію въ отношеніяхъ своихъ въ Англіи и Россіи. Никогда еще, со времени подписанія Санъ-Стефанскаго трактата, положеніе Австріи, какъ полагаютъ люди компетентные, не было болѣе серьезно и не требовало въ такой мѣрѣ геніальности въ государственномъ человѣкѣ, стоящемъ во главѣ правленія. Сдѣлка съ Англіей не можетъ быть теперь достигнута на почвѣ преимущественно австрійскихъ интересовъ, тѣмъ менѣе она возможна съ Россіей. Соперничество же съ обѣими этими державами немыслимо. Къ этому надо добавить, что и внутри габсбургской монархіи проявляется въ сферѣ внѣшнихъ отношеній—два теченія: въ то время какъ австрійское парламентское большинство стоитъ болѣе за сближеніе съ Россіей (?),—венгерцы смотрятъ недружелюбно на нее. Андраши опирался на Англію и Германію,—Геймерле можетъ найдти опору только уже въ одной Германіи...

Робертсу удалось собрать нѣсколькихъ вождей высказавшихся въ пользу Мусса-Хана, малолѣтняго сына Якубъ Хана. Согласно, однако, свѣдѣніямъ изъ Кабула, такое заявленіе немногихъ предводителей отнюдь не подвигаетъ дѣла Мусса Хана, а скорѣе предводители эти потеряли все свое вліяніе среди афганцевъ, все болѣе и болѣе группирующихся около Абдурахманъ-Хана, имѣющаго многихъ сторонниковъ въ самомъ Кабулѣ. Если англичане—мы уже говорили объ этомъ—отказались отъ намѣренія раздробить Авганское царство, то все же насколько могутъ, они стараются уменьшить территорію его. Такъ они отдѣлили Кандагаръ, поставивъ, или признавъ во главѣ его Шира-Али, потомка властвовавшаго тамъ нѣкогда Паинды-Хана.

Подарки, поднесенные Государю Императору въ день 19 февраля 1880 года.

Въ настоящее время въ Императорскомъ Эрмитажѣ выставлены подарки, поднесенные Его Величеству, въ день 25-лѣтняго юбилея. Не говоря объ изяществѣ и богатствѣ подарковъ, поражающемъ зрителя, невольно радуетъ еще та глубокая и осмысленная любовь, которая руководила подносителями при выборѣ своихъ приношеній и выражается въ надписяхъ и адресахъ.

Работы изъ золота: замѣчателенъ подарокъ гвардейскаго корпуса,—это *триптихонъ*, на которомъ въ срединѣ изображенъ Александръ Невскій, а по бокамъ св. Зосимъ и Архиппъ. Затѣмъ меньшій триптихонъ отъ Павлоградскаго гусарскаго полка, съ изображеніемъ св. Георгія на конѣ и по бокамъ Александра Невскаго и Маріи Магдалины. Оба эти подарка, равно какъ и переплетъ адреса Полтавцевъ и корзина для цвѣтовъ—Кавалергардовъ, сдѣланы Овчинниковымъ и поражаютъ тонкостью работы и эмальировкой. Прекрасной и дорогой отдѣлки переплетъ адреса петербургскаго купечества, работы Хлѣбникова и переплетъ адреса биржеваго купечества, работы Сазикова. Дорогая эмальировка и брилліантовыя украшенія покрываютъ приношеніе нашего купечества. Знаменитое *блюдо* поднесенное Губонинымъ, съ извѣстной всѣмъ надписью, было на послѣдней выставкѣ въ Парижѣ, но послѣ того, было еще богаче отдѣлано. Роскошенъ также серебряный ящикъ, поднесенный Думой, работы Сазикова. Содержимое ящика,—24 акварели талантливыхъ художниковъ Генца, Шарлеманя, Премацци и Вилье, представляющія различныя событія изъ жизни Государя,—разложены при входѣ въ Эрмитажъ.

Между многочисленными адресами, особенное вниманіе привлекаютъ адресы Лифляндскаго Дворянства, города Риги и Либавы. Адресъ англійской колоніи, не смотря на простоту, очень тонкой работы. Адресъ евреевъ также прекрасной работы.

Альбомъ „Мои самыя дорогія воспоминанія,“ поднесенный генераломъ Юрьевичемъ, возбуждаетъ наибольшій интересъ. На листкахъ этихъ представленъ Государь беззаботнымъ ребенкомъ, затѣмъ юношей, тутъ же находятся собственноручные Его рисунки, ученическіе очерки съ замѣчаніями учителя и подписью ученика: „Александръ Романовъ“.

Фотографъ Шульцъ изъ Дерпта, прислалъ собраніе видовъ Дерпта, Петербурга и Ревеля. Въ прекрасномъ поставцѣ находятся группы и фотографіи одного изъ здѣшнихъ институтовъ. Афонскіе монахи прислали Альбомъ фотографій своего знаменитаго монастыря.

Общество любителей древней письменности, въ день юбилея, поднесло большую и изящную книгу; Эрмитажъ издалъ сочиненіе—исторію Эрмитажа съ прекрасными фотографіями. Въ особенности развитъ отдѣлъ о пріобрѣтеніяхъ въ послѣднее царствованіе, въ художественно-историческомъ обзорѣ барона Бриннинга и обзорѣ чекана медалей г. Иверзена. Прекрасны рисунки, представляющіе Арсеналъ Царскаго Села.

Петергофская Шлифовальная фабрика изготовила рогъ изобилія, изъ большаго дымчатаго топаза. Министерство финансовъ поднесло альбомъ акварелей и рисунковъ разныхъ промышленныхъ заведеній и фабрикъ. Министерство путей сообщенія—громадный альбомъ съ рисунками и планами. Альбомъ оригинально украшенъ серебряными рельсами и разными эмблемами и знаками Министерства, начиная отъ форменной пуговицы и кончая академическимъ знакомъ.

Тутъ также находится масса разныхъ ручныхъ работъ. Множество болгарскихъ работъ, дающихъ понятіе о мѣстной этнографіи.

Князь болгарскій поднесъ великолѣпный альбомъ съ акварелями, между которыми находится 40 болгарскихъ пейзажей.

Разныя извѣстія.

Рукопись Апостола Петра.

Въ одной еврейской газетѣ, издающейся въ Іерусалимѣ, появилось интересное сообщеніе. Оно было перепечатано евангелическими органами въ Италіи, а 20-го марта появилось въ Лозанской газетѣ. Сомнѣваемся въ вѣрности извѣстія.

13-го іюля 1879 года въ Іерусалимѣ умеръ на 109 году бѣднякъ Коре, извѣстный всему городу. Уже болѣе 50 лѣтъ онъ пересталъ говорить, жилъ совершеннымъ отшельникомъ и слылъ въ народѣ за святаго. Такъ какъ никто не зналъ, были ли у него друзья или родственники, то мѣстныя власти взяли на сохраненіе все его имущество.

Когда пришли въ пещеру, на Гефсиманскомъ холмѣ, въ которой онъ жилъ, нашли ее убранною тигровыми кожами. Вмѣсто постели также были разостланы шкуры. Подъ шкурами нашли лѣстницу ведущую въ пещеру, гдѣ стоялъ сундукъ, обитый желѣзомъ. Въ сундукѣ этомъ нашли на 200,000 франковъ французскія, турецкія, греческія старыя и новыя монеты. Предполагаютъ, что это собрано подаяніями. Подъ монетами находился пакетъ, завернутый въ старую газету, тоже съ разными деньгами. Затѣмъ испорченную временемъ и сыростью шаль, первоначальная стоимость которой опредѣлена въ 2,000 франковъ. Изъ бумагъ, лежавшихъ около шали, узнали о происхожденіи бѣднаго Коре. Онъ былъ изъ зажиточной, еврейской, купеческой семьи, живущей нынѣ въ Стокгольмѣ. Подъ этими бумагами лежала громадная рукопись на папирусѣ, завернутая въ кусокъ зеленой матеріи, распавшейся при прикосновеніи. Въ рукописи находится слѣдующее предисловіе, написанное красивыми буквами на древне іудейскомъ языкѣ:

„Петръ, рыболовъ Іисуса, Сына Божія, исполнитель Его Завѣта, говоритъ къ народамъ сего міра, по повелѣнію и во Имя Господа“.

Рукопись очень ясно подписана:

„Я Петръ, рыболовъ, во Имя Іисуса, на 50 году моей жизни, окончилъ писать слова любви, въ третью Пасху послѣ смерти моего Учителя и Господа Іисуса Христа, Сына Маріи, въ домѣ Бельери, близь храма Господня“.

Папирусъ рукописи, не смотря на давность еще очень гибокъ и чернила черны. Это дало поводъ предполагать, что Коре самъ писалъ ее. Но ученые Іерусалима, послѣ многихъ изслѣдованій, во время которыхъ они не могли разобрать нѣкоторыхъ древнихъ выраженій, пришли къ заключенію, что такимъ чистымъ древне еврейскимъ языкомъ, съ такою легкостью и съ такимъ знаніемъ извѣстныхъ оборотовъ рѣчи, не могъ писать никто изъ позднѣйшихъ людей. Притомъ папирусъ не изготовляется болѣе и это указываетъ на древность рукописи.

Чтобы окончательно разъяснить этотъ вопросъ телеграфировали Библейскому Обществу въ Лондонѣ, которое тотчасъ прислало цѣлую коммисію. Послѣ долгихъ разслѣдованій, коммисія высказала мнѣніе о неподложности рукописи, и признала ее писаніемъ Апостола.

Библейское общество утверждаетъ, что Петръ умѣлъ писать, о чемъ говорится въ одномъ мѣстѣ евангелія Марка.

Коммисія въ Іерусалимѣ и библейское общество въ Лондонѣ постоянно обмѣниваются теперь письмами и депешами. Лондонское общество предлагало семейству К. въ Стокгольмѣ, къ которому переходитъ состояніе Коре, 20,000 фунтовъ стерлинговъ за рукопись, но семейство К. не хочетъ продать рукописи. Однако общество выговорило право снять фотографію съ рукописи и перевести ее.

Игра „пятнадцать“.

Игра эта получила въ послѣднее время огромное распространеніе въ Америкѣ большее чѣмъ въ свое время знаменитое Парижское „Кри-кри“.

На первый взглядъ дѣло чрезвычайно просто: въ коробкѣ уложено пятнадцать совершенно квадратныхъ камушковъ съ номерами на нихъ Мѣстъ же въ коробкѣ шестнадцать. Вложивъ эти камушки въ безпорядкѣ, не по послѣдовательности номеровъ, въ коробку требуется, передвигая квадратики съ мѣста на мѣсто, но отнюдь не вынимая и не накладывая ихъ сверху, поставить ихъ въ той послѣдовательности, какая изображена на нашемъ чертежѣ.

Интересъ этой игрѣ можно придать еще, играя съ кѣмъ нибудь другимъ. У каждаго изъ двоихъ играющихъ особая коробка съ камушками или марками. Выигрываетъ тотъ, кто, передвигая, скорѣе приведетъ квадратики въ порядокъ. Квадратики и помѣщеніе для нихъ можетъ сдѣлать каждый самъ, хоть изъ картона и разставивъ по начерченнымъ на бумагѣ квадратамъ, заняться этой, повидимому простой, но на дѣлѣ затруднительной перестановкой.

1	2	3	4
5	6	7	8
9	10	11	12
13	14	15	

Задача буквъ № 36.

Н. Даржана.

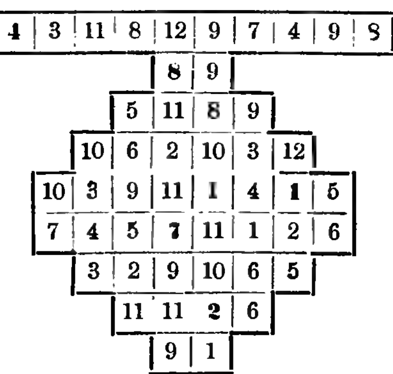
Изъ слѣдующихъ буквъ:

а, а, а, б, в, в, в, г, д, е, е, з, і, и, к, к, л, л, л, м, н, н, о, о, о, о, о, о, р, р, р, с, с, с, с, с, т, т, т, у, у, х, ц, ъ, ъ, ѣ, ѣ, я, й, й,

составить 12 словъ:

1) Озеро въ Швейцаріи.
2) Часть ружья.
3) Мужское имя (уменьшительное).
4) Домашнее животное.
5) Женское имя.
6) Время года.
7) Число.
8) Рѣка въ Европѣ.
9) Названіе одного изъ проспектовъ въ Петербургѣ.
10) Возвышенная мѣстность.
11) Названіе краски.
12) Принадлежность повозки.

и затѣмъ буквы найденныхъ словъ разставить въ нижеслѣдующей фигурѣ на мѣстахъ цифръ, соотвѣтствующихъ словамъ въ вышеуказанномъ порядкѣ, но такъ, чтобы получалась фамилія знаменитаго русскаго писателя и названіе четырехъ изъ его произведеній.

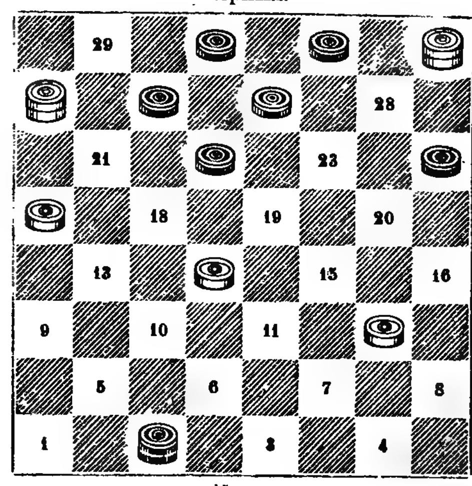
4 | 3 | 11 | 8 | 12 | 9 | 7 | 4 | 9 | 8
8 | 9
5 | 11 | 8 | 9
10 | 6 | 2 | 10 | 3 | 12
10 | 3 | 9 | 11 | 1 | 4 | 1 | 5
7 | 4 | 5 | 7 | 11 | 1 | 2 | 6
3 | 2 | 9 | 10 | 6 | 5
11 | 11 | 2 | 6
9 | 1

Цифры, напечатанныя жирнымъ шрифтомъ, означаютъ начало фамиліи и названія каждаго произведенія.

Шашечная задача № 37.

Г. Ю.

Черныя.

Бѣлыя.

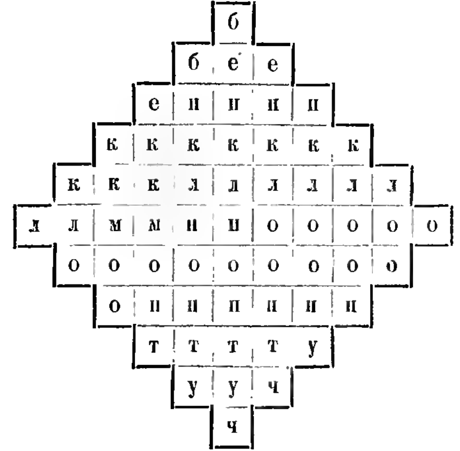
Черныя начинаютъ и заиграютъ двухъ бѣлыхъ дамокъ и трехъ простыхъ шашокъ.

Задачи магическихъ квадратовъ. №№ 33 и 34.

а	а	а	б	г
д	д	е	е	к
к	о	о	о	о
о	р	р	р	р
р	р	с	т	т

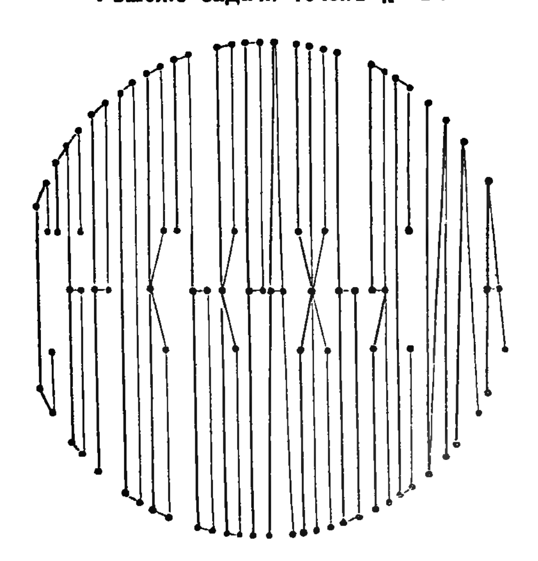
а	а	в	в	с
и	и	й	к	к
к	л	л	н	н
о	о	р	р	у
у	х	х	ы	ы

Магическій крестъ, задача № 35.

б
б | е | е
е | и | и | и | и
к | к | к | к | к | к | к
к | к | к | л | л | л | л | л | л
л | л | м | м | н | н | о | о | о | о | о
о | о | о | о | о | о | о | о | о
о | п | п | п | п | п | п
т | т | т | т | у
у | у | ч
ч

Рѣшеніе задачи точекъ № 21.

„Сѣровъ, „Вражья сила“.

Замѣчаніе. Чтобы легче было прочесть, стоитъ только поставить этотъ листъ въ горизонтальное положеніе и направить одинъ глазъ къ нижнему его краю.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи прислали: Спб., отъ г. П. Грибурова, Кронштадтъ — г. К. Хлопова и ст. Кузнецкъ — г. П. Митрокольскаго.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала «Нива» покорнѣйше проситъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

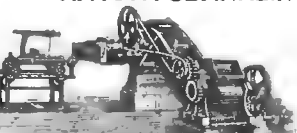
Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

Объявленія въ „Нивѣ“.

Такъ какъ „**Нива**“ самое распространенное изданіе въ Россіи, то и **объявленія** помѣщаемыя въ ней, равно какъ и приложенные прейсъ-куранты и т. п. получаютъ самое обширное распространеніе. Цѣна за объявленія весьма скромная, именно 25 к. за строку въ 4-ю долю страницы. При высокомъ качествѣ бумаги „Нивы“ и чистотѣ печати, даже самыя мелкія объявленія обращаютъ на себя вниманіе, тѣмъ болѣе что журналъ не уничтожается, какъ ежедневныя газеты, а сохраняется и объявленія читаются въ теченіи года. Въ сравненіи съ заграничными иллюстрированными изданіями, печатающимися въ такомъ же количествѣ экземпляровъ какъ „Нива“, цѣна за объявленія на половину дешевле. Цѣна остается въ послѣдніе три года безъ измѣненія, не смотря на постоянное и значительное увеличеніе количества подписчиковъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПАТЕНТОВАННЫЯ ТОРФЯНЫЯ МАШИНЫ

СЪ АППАРАТОМЪ ДЛЯ РАЗРѢЗЫВАНІЯ КОРНЕЙ.

КИРПИЧЕДѢЛАТЕЛЬНЫЯ МАШИНЫ,
мѣшалки для приготовленія извести и цемента.
Имѣются постоянно въ складѣ.

ЛУДВИГЪ ФЕДОРОВИЧЪ ШЛИКЕЙЗЕНЪ, Инженеръ.
Ц. К. М. № 593 **Москва,** Мясницкая ул., д. Ермакова, противъ Почтамта. 3—2

„РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ“

ФАБРИКИ **Н. П. ЛАНИНА,**

Москва, Москворѣцкій мостъ, собс. домъ.

NB. Избѣгать подделокъ.

№ 670 5—2

ЛИТЛЬ ВАНЦЕРЪ.

Настоящая американская швейная машина, ручная и ножная, извѣстна какъ лучшая для семейнаго употребленія. Кромѣ того, машины для портныхъ, сапожниковъ, модистокъ, бѣлошвейныхъ и дргихъ мастерскихъ.

Машины для плойки плиссе.

ЦѢНЫ САМЫЯ УМѢРЕННЫЯ.

Главный складъ въ С.-Петербургѣ у **Б. Г. теръ-Браке.** Невскій проспектъ № 11, на г лу Малой Морской. № 616 12—3.

ДВѢ ДАЧИ

отдаются на лѣто въ наемъ, каждая отдѣльно, или вмѣстѣ, въ Финляндіи, по озеру Каукярви, около часа пути отъ станціи **Перкярви** по Финляндс. жел. дорогѣ.

Отлично расположены, хорошій воздухъ, озеро отъ дачи въ 2-хъ минутахъ только ходьбы,—имѣются лодка для прогулки по озеру и ванна для купанья.

Обѣ дачи хорошо меблированы,—находятся фортепіано, рояль, посуда и проч.; кромѣ того билліардъ, вновь устроенная баня, хорошій садъ, теплица, паркъ близъ озера и б льшой лѣсъ отъ дачи въ 12—15 минутъ пути.

Большая дача имѣетъ 6 комнатъ, переднюю, кухню, кладовую, комнату для прислугъ, два балкона, ледникъ,—за **400 руб.**

Маленькая дача имѣетъ 3 комнаты, буфетную комнату, переднюю, комнату для прислугъ, кухню и два балкона—за **200 руб.**

Лошадей отъ станціи и до станціи всегда можно имѣть съ мызы. Подробно узнать на Невскомъ просп., д. № 13, кв. 17. № 695

ПОДПИСКА НА ПОЛУГОДІЕ.

За распродажею подписчикамъ первыхъ нумеровъ **„Вѣстника Садоводства“ 1880 г.,** подписка на это изданіе принимается только **на второе полугодіе** 1880 г. съ уплатою **3 р.** съ перес. и доставкою. № 700

НАСТОЯЩІЯ ЯГОДНЫЯ И ФРУКТОВЫЯ

ВОДЫ

Н. П. Ланина.

можно получать прямо съ завода **въ Москвѣ,** Москворѣцкій мостъ, собственный домъ.

„Избѣгать подделокъ“. № 681 10—1

Поддѣльные бриліанты, оправленные въ серебрѣ, по игрѣ не уступающіе настоящимъ, серьги, броши, булавки и запонки отъ 1 руб. до 8 руб.

Запонки съ пружиною и другіе отъ 5 к. до 8 р.

Цѣпочки накладнаго золота и чрезъ огонь волоченныя единственно не чернѣющія, дамскія и мужскія отъ 2½ р. до 12 р.

Альбомы отъ 85 к., до 25 р.

Трости и зонты дамскіе и мужскіе отъ 1 р. до 15 руб.

Галстуки мужскіе отъ 10 к. до 2 р., дамскіе отъ 1 р. до 3 р.

Помочи отъ 75 к. до 5 р., щетки, гребни, зеркала.

Портмоне, портпапиросы и бумажники отъ 40 к. до 6 р.

Игры: крокетъ садовый отъ 7 до 20 руб., **шахматы, домино, лото** и пр.

Фонари бумажные для иллюминаціи отъ 5 к. до 1 р. и бенгальскій огонь отъ 10 до 40 к. за пачку.

Бумажные воротники и манжеты отъ 45 к. за дюжину.

Въ магазинѣ **„НЮРНБЕРГЪ“** въ Старомъ газетномъ пер., наискось церкви Успѣнія, въ Москвѣ. Заказы по почтѣ исполняются скоро и акуратно. П. М. № 705

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.

Съ разрѣшенія С.-Петербургской Врачебной Управы:

ЖИДКОСТЬ ОТЪ МОЛИ.

Для сбереженія на лѣтнее время шубъ, платьевъ, ковровъ, мебели и проч., признана по 20-ти лѣтнему опыту однимъ изъ лучшихъ существующихъ средствъ для истребленія моли.

Употребляется тоже для очищенія воздуха въ комнатахъ

Цѣна флакона 30 коп.

ЖИДКОСТЬ ДЛЯ УНИЧТОЖЕНІЯ

зловонія и міазмъ въ разныхъ сосудахъ, въ помойныхъ ямахъ и проч.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ОТЪ ПОДРАЖАНІЙ.

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмы, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

Требовать при покупкѣ каждаго предмета точность фирмы:

„С.-П.-БУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

1) **Невскій проспектъ,** д. № 32, Католич. церкви.
2) **Невскій просп.,** у Аничкова моста, № 66.
3) **Вознесенскій просп.,** уголъ Казанской ул., домъ № 18—54, Шредера.

Кромѣ означенныхъ магазиновъ всѣ прочіе, имѣющіе вывѣски, сходные съ вывѣскою **С.-Петербургской Химической Лабораторіи,** ей не принадлежатъ.

Вышелъ въ свѣтъ и поступилъ въ продажу

АЛЬБОМЪ

УЗОРОВЪ ДЛЯ ВЫШИВОКЪ.

Альбомъ этотъ отпечатанъ на 24-хъ листахъ, вмѣщающихъ около 300 различныхъ узоровъ, въ стилѣ: великорусскомъ, малороссійскомъ, венгерскомъ, турецкомъ и т. п. Узоры приспособлены для вышивокъ по канвѣ, для бѣлья, для филейныхъ работъ, славянская и русская азбука, цифры и т. д. Узоры составлены по клѣткамъ и такимъ образомъ, что изъ имѣющихся въ альбомѣ образцовъ, каждый можетъ самъ составить болѣе 1000 различныхъ узоровъ.—По изяществу, богатству содержанія и необычайной дешевизнѣ изданіе это превосходитъ всѣ подобнаго рода альбомы, дороговизна которыхъ дѣлаетъ ихъ недоступными для большинства. Цѣна альбома въ бумажной обложкѣ 2 р.; въ англійскомъ, съ золотымъ тисненіемъ, переплетѣ (портфелѣ) — 2 руб. 75 к. безъ пересылки.

На пересылку альбома по почтѣ слѣдуетъ *добавлять за 2 фунта по разстоянію.*

Требованія адресовать исключительно: въ **Редакцію журнала «ВАЗА» въ С.-Петерб.** № 701

СТОЛЫПИНСКІЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ.

Сѣрно-соляныеисто чники (въ 16 унцій 139 гр. безводныхъ солей, въ томъ числѣ сравнительно много брома); **железистые источнини** (въ 16 унц 0,5579 гр. двууглекислой закиси желѣза); **минеральная грязь** (тождественная, по анализу проф. Шмидта, съ Гапсальскими морскими грязями). **На стоящій степной кумысъ.—Лечебный сезонъ** съ 25 мая по 1 августа. **Главныя болѣзни:** ревматизмъ, золотуха, сифилисъ, накожныя болѣзни, бо лѣзни костей и суставовъ, увеличеніе печени и селезенки, геморой, иевральгіи, параличи, хроническія женскія болѣзни, малокровіе и зависящі отъ него страданія. Заведеніе находится въ Самарской губ. въ 50 верстахъ отъ с. Балакова (на рѣкѣ Волгѣ). **Цѣны** умѣренныя. Меблирован ныя **квартиры**, съ прислугою и самоваромъ, отъ 25 до 75 руб. за все лѣто. **Обѣдъ** изъ 3-хъ блюдъ 18 руб. въ мѣсяцъ. Весь остальной **расход** больнаго: за посѣщеніе вокзала и танцовальныхъ вечеровъ, за музыку, газеты, библіотеку, за питье минеральной воды, леченіе ежедневным ваниами и пользованіе постоянными медицинскими совѣтами—составляетъ всего 40 руб. въ мѣсяцъ; для семействъ, имѣющихъ нѣсколько больныхъ, значительная уступка. Желающіе подробнѣе познакомиться съ химическимъ составомъ водъ, съ обстановкою заведенія и условіями жизни на водахъ могутъ найдти желаемыя свѣдѣнія въ брошюрѣ д-ра Ивенсена „Краткое описаніе Столыпинскихъ минеральныхъ водъ и грязей съ приложеніемъ плана заведенія и двухъ литографическихъ гравюръ"; продается въ Саратовѣ, въ книжн. магаз. Горшъ и Бартъ (40 коп. съ пересылкою).
№ 676 1—1

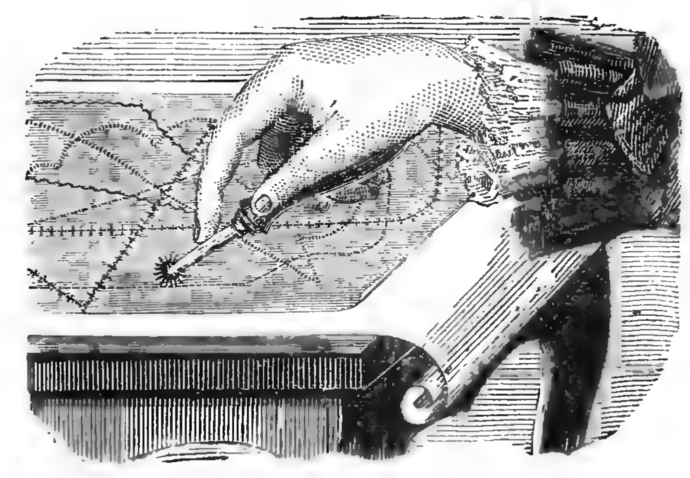
Только что отпечатаны и поступили въ продажу новыя книги:

Ѳ. М. РѢШЕТНИКОВА:

1) **Свой хлѣбъ.** Романъ. Спб. 1880 г. Ц. 2 руб.
2) **Глумовы.** Романъ. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.
3) **Подлиповцы.** Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 коп.

Продается въ книжномъ магазинѣ И. Л. Тузова, въ С.-Петербургѣ, Б. Садовая ул., д. Коровина, № 16. (Въ Москвѣ, складъ у А. Д. Ступина, Никольская ул., домъ Заиконоспасскаго монастыря). Кl. № 687 1—1

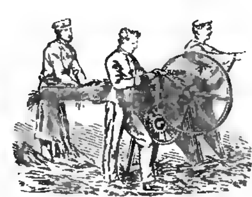
РѢЗЦЫ ДЛЯ СНЯТІЯ ВЫКРОЕКЪ.

Рѣзцы подобнаго образца необходимы при снятіи выкроекъ; цѣна безъ футляра 75 к., съ перес. 1 р. 25 к.; съ футляромъ 1 р. съ перес. 1 р. 50 к., можно получить въ Конторѣ Редакціи „Нивы", въ СПБургѣ, Б. Морская, № 9.

НОВѢЙШЕЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ.

ФРАНКФУРТСКІЯ МОЛОТИЛКИ СИСТЕМЫ **ВЕЙЛА.**

Доставляются на каждую желѣзно-дорожную станцію въ слѣдующемъ выборѣ: 1) съ проводомъ производящимися двумя людьми; 2) съ одной, въ 3) съ двумя, въ 4) съ четырьмя лошадиными силами.

По желанію съ аппаратомъ, производящимъ одновременно очистку верна.

Подвижныя на своихъ собственныхъ колесахъ, онѣ могутъ дѣйствовать вездѣ, гдѣ ихъ ни поставить. По письменному требованію иллюстрированный каталогъ находящійся у **Морица Вейла.**

Машинная фабрика въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ (въ Германія).

Корреспонденція по-русски.

Ptr. № 690 11—1

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.

„НИВА"

1878 года. и **1879** года.

Каждый томъ заключаетъ въ себѣ 30—40 повѣстей и разсказовъ, большіе романы—историческіе и изъ современной жизни—отъ 700—2000 рисунковъ, гравюръ и чертежей и приложеніе „Парижскія моды" съ выкройками. Помѣщенные въ каждомъ томѣ повѣсти, романы и разсказы въ отдѣльной продажѣ стоили бы болѣе 20 рублей, не считая еще массы статей и очерковъ по всѣмъ отраслямъ наукъ, искуствъ и современной жизни и проч. Каждый покупатель тома „Нивы" имѣетъ право на полученіе всѣхъ приложенныхъ къ нему безплатныхъ премій. Приложенія къ „Нивѣ" 1878 года „**Бояринъ Борисъ Годуновъ и кудесники, предсказывающіе ему царствованіе**" и „**Царь Борисъ Годуновъ и его дѣти**", двѣ, прекрасно отпечатанныя красками, картины А. Кившенко. Премія „Нивы" 1879 года—двѣ большія, великолѣпныя, печатанныя красками въ 20 тонахъ, картины съ акварелей профессора К. Е. Маковскаго: „**Мининъ въ Нижнемъ, призывающій народъ къ пожертвованіямъ**" и „**Воскресный вечеръ въ Малороссійской деревнѣ**".

ЦѢНА КАЖДОМУ ТОМУ Т. Е. ГОДОВОМУ ИЗДАНІЮ СЪ ПРЕМІЯМИ.

Брошюрованному:	Въ простомъ перепл.	Въ каленкор. перепл.
Безъ перес. 4 р. — к.	Безъ перес. 4 р. 75 к.	Безъ перес. 5 р. 50 к.
Съ перес. 5 „ 50 „	Съ перес. 6 „ 25 „	Съ перес. 7 „ — „

Пріобрѣтающіе оба тома разомъ получаютъ 25% уступки, (но только съ книги, а не съ переплета или пересылки).

Изданія А. Ф. Маркса въ Спб.

Большая Морская, д. № 9.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ, романъ въ 2-хъ част. *Н. Каразина съ 20 рисунками автора*, печатанъ на лучшей альбомной бумагѣ. Романъ этот знакомитъ читателя съ туркестанскимъ краемъ и переведенъ иа нѣм. и англ. языки, что красиорѣчиво говоритъ въ его пользу. Ц. 2 р. съ перес 2 р. 30 к. Для подписч. „Нивы" 1 р. 80 к., съ перес. 2 р.

ВЪ КАМЫШАХЪ, повѣсть **Н. Каразина**, съ 39 рисунками автора. большо томъ in 8—всего 304 стр. Цѣна **2 р.**, съ перес. **2 р. 30 к.** Подписчики „Нивы" за перес. ие платятъ.

Повѣсть эта яркими красками рисуетъ жизнь Туркестанскаго края; достоинства е достаточно доказываются уже тѣмъ, что повѣсть эта переведена на нѣмецкій, француз скій и англійскій языки. Нынѣ вышедшее второе изданіе заключаетъ въ себѣ 36 рисун ковъ; оно гораздо богаче и лучше чѣмъ, уже распроданное, первое изданіе этой повѣсти

БОГЪ ВЪ ПОМОЩЬ!... Романъ *Э. Вернера.* Перев. съ нѣм. 1 р. с перес. 1 р. 30 к., для подписч. „НИВЫ" 1880 г. 75 к. съ перес 1 руб.

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ КЪ ПАСХѢ.

Изданіе А. Ф. Маркса въ С.П.Бургѣ. Б. Морская, д. № 9.

МИЛЬТОНЪ

ПОТЕРЯННЫЙ и ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ.

Съ картинами **ГУСТАВА ДОРЭ.**

Переводъ **А. Шульговской**
ИЗДАНІЕ IN FOLIO.
Съ подстрочнымъ Англійск. текстомъ.

ЦѢНА:
въ прост. коленкор. перепл. 25 р.
съ перес. въ ящикѣ . 30 р.
въ красивомъ полшагр. п. съ зол. обр. въ футлярѣ . 30 р.
съ перес. въ ящикѣ . . 35 р.

Изданіе *классическихъ авторовъ* въ роскошномъ видѣ есть дань уваженія къ ихъ безсмертнымъ именамъ. Такая роскошно изданная книга, служа украшеніемъ салона, постоянно возобновляетъ въ памяти прекрасныя, не утратившія своей прелести въ теченіи вѣковъ, страницы.

Предпринимая это изданіе, Издатель не жалѣлъ ни труда ни времени, чтобы придать знаменитому творенію *Мильтона,* соединенному съ превосходными рисунками Густава Дорэ, то изящество и роскошь, какую имѣютъ подобныя изданія за границей.

Цѣна этого изданія, по сравненію съ подобными роскошными, заграничными изданіями, очень дешева.

Для **подарковъ** это изданіе, по своему *красивому* и очень *богатому переплету,* исполненному по рис. *И. Панова,* будетъ весьма *удобно.*

ИЗДАНІЕ ЮРГЕНСОНЪ.

2-Й КОНЦЕРТЪ ШОПЕНА

ВНОВЬ ОРКЕСТРОВАННЫЙ

К. КЛИНДВОРТОМЪ.

Цѣна партитурѣ . . . 6 р.
„ голосамъ . . . . 6 „
„ для одного фортеп. 1 „ 30 к.
для 2 фортепіано (печатается)
и продается въ музыкальной торговлѣ

П. ЮРГЕНСОНА.

Москва: Неглинный проѣздъ, № 10. П. м. № 704

ЦѢНЫ УМѢРЕННЫЯ.

№ 7. Владимірская № 7.

Депо С.-Петербургскихъ химическихъ лабораторій и заграничныхъ фабрикъ.

ДЛЯ ПАСХИ.

Самыя разнообразныя и новѣйшія яйца изъ бронзы, перламутра, дерева и т. д. съ письменными принадлежностями, красками для дѣтей, несессерами, духами, видами Петербурга, Москвы и другихъ городовъ, змѣйками, съ музыкой, съ свѣтящими цвѣтами, сервизами, куклами и пр. **отъ 10 к.**

Безвредныя краски для яицъ разныхъ цвѣтовъ, съ наставленіемъ, 10 к. за флаконъ.

Яйца изъ глицериноваго мыла отъ 5 коп.

Новость: яица изъ папье-маше не бьющіяся отъ 35 к.

Яйца французскія шоколадъ-драже за фунтъ 1 р. 20 к.

Убранныя цвѣтами корзинки, шкатулки и коробки съ мыломъ, духами, помадой и т. д. отъ 50 коп. до 40 р.

Вазы флаконы, хрустальныя шкатулки для золотыхъ вещей, пудренницы отъ 25 к. и всѣ прочія туалетныя принадлежности

Новость: духи китайскіе, Лиліана отъ 50 коп. чрезвычайно пріятный запахъ.

Новость: духи Майскій ландышъ флаконъ 1 р. 10 к., отъ 40 к., О-де-Колонъ флаконъ отъ 25 к. до 3 р., туалетный уксусъ флаконъ 30 к. и всѣ прочіе косметическіе товары здѣшнихъ и иностранныхъ фабрикъ

Шафрань, Ваниль, Кардамонъ.

Заказы гг. иногороднихъ исполняются немедленно.

№ 7. Владимірская № 7.

Kl. № 698

ЦѢНЫ УМѢРЕННЫЯ.

ЦѢНЫ УМѢРЕННЫЯ. ЦѢНЫ УМѢРЕННЫЯ.

ПРОДАЮТСЯ КНИГИ:

1 **Жизнь Іисуса Христа по евангеліямъ и народнымъ преданіямъ** (съ хиглографическимъ изображеніемъ лика Спасителя) Заслужен. ордин. профессора К. И. Скворцова. Ц. 2 руб.

2) **Философія отцевъ и учителей церкви** (періодъ древнихъ апологетовъ христіанства). Его же. Ц. 2 руб.

3) **Объ авторѣ сочиненій, извѣстныхъ съ именемъ св. Діонисія Ареопагита.** Его же Ц. 80 к.

4) **Блаженный Августинъ, какъ психологъ.** Его же. Ц. 1 р. 50 коп.

Адресъ: Въ Кіевъ, въ редакцію «Трудовъ Кіевской дух. Академіи».

№ 653 3—3.

НОВОСТЬ.

НЕПРОМОКАЕМЫЕ СУКОННЫЕ ПАЛЬТО-ПЛАЩИ.

Отнынѣ изобрѣтенъ новый способъ, химическій, выдѣлывать всякое сукно непромокаемымъ, не лишая его обыкновеннаго свойства пропускать испарину.

БЕЗЪ ПРИМѢСИ РЕЗИНЫ.

Какъ приличная верхняя весенняя и лѣтняя накидка для ношенія въ городѣ суконные непромокаемые пальто-плащи весьма рекомендуемы для гг. охотниковъ, архитекторовъ, инженеровъ, докторовъ и пр. и пр.

Пальто-плащи, цѣною въ 22 руб. безъ капюшона, съ капюшономъ на 2 р. дороже. Гг. иногородные благоволятъ приложить за перес. за 15 ф. по почт. тарифу.

Охотничьи блузы, также непромокаемыя, по 8 р., перес. за 5 фунтовъ.

„ЦЕНТРАЛЬНОЕ ДЕПО ОРУЖІЯ"

въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 26.

№ 679

АМЕРИКАНСКІЯ КАПЛИ И ЭЛИКСИРЪ

ПРОТИВЪ ЗУБНОЙ БОЛИ.

Ипполита Маевскаго.

Главное депо у дрогистовъ **Рульковіусъ и Гольмъ.**

Казанская, уголъ Демидова переулка, № 27

а продажа у Штоль и Шмидта, Оскаръ Гертхенъ, Рузанова, Саблукова, Сафронова. Линде, въ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами и у всѣхъ аптекарей. Цѣны каплямъ, безъ запроса, напечатаны на каждомъ флаконѣ эликсира. Покупающіе оптомъ получаютъ соотвѣтствующую скидку.

Kl № 684 5—I

№ 21. Вознесенскій проспектъ № 21.

СКЛАДЪ ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ ВСѢХЪ СИСТЕМЪ.

американскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ конструкцій

А. ШТЕЙНЪ, бывш. Г. Френкель.

ПРОДАЖА ОПТОМЪ И ВЪ РОЗНИЦУ.

Ручныя машины, 20 разныхъ констр., отъ **12** до **45** р
Ножныя » 40 » » » **35** » **350** »

Системы: Зингеръ отъ **40**, Виллеръ и Вильсонъ отъ **35**, Гау отъ **45**, Гроверъ и Беккеръ отъ **40** р.

СПЕЦІАЛЬНОСТЬ МАШИНЪ для выметыванія петель, вязанія плиссе, вышиванія шитья перчатокъ и для шитья варной дратвой.

ЦѢНЫ ФАБРИЧНЫЯ.

БЕЗПЛАТНО высылка подробнаго иллюстрированнаго прейсъ-куранта и пробныхъ работъ, въ видѣ обрѣзокъ спеціальныхъ машинъ. Kl. № 689 10—1

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1880 ГОДУ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕБНАГО ЖУРНАЛА

„ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА"

Содержаніе 3-хъ вышедшихъ номеровъ: „Царская Невѣста" ист. пов. въ 3-хъ част Политковской; „Преданія и воспоминанія" В. В. Селиванова; „Мармонъ", разсказъ де-Варньи; „Сто пятьдесятъ лѣтъ въ исторіи Англіи", разсказъ Ч. Диккенса; Мигуэль Сервантесъ де-Сааведра и проф. Селина; Очеркъ исторіи Ревеля; Аттика во время Солона, Дункера; Библіографическій указатель.

Цѣна годовому изданію 6 руб. 50 к. съ перес. 8 руб. Подписка продолжаетъ приниматься въ редакціи журнала и въ книжномъ магазинѣ Я. Исакова гост. дворъ. Гг. иногородные благоволятъ адресовать въ Спб. въ Редакцію журнала **„Историческая Библіотека"**, (Больш. Садовая, д. № 121, кв. № 12).

Новые подписчики получаютъ всѣ вышедшіе номера.

№ 674 1.

Съ апрѣля текущаго 1880 г. будетъ ежемѣсячно издаваться **новый журналъ**.

ФОТОГРАФЪ

органъ V Отдѣла Императорскаго Русскаго Техническаго Общества.

Журналъ будетъ заключать въ себѣ слѣдующіе **отдѣлы:** Свѣдѣнія о дѣятельности V Отдѣла и его коммисіи.—Обозрѣніе новостей по свѣтописи и ея примѣненіямъ.—Описаніе наиболѣе замѣчательныхъ способовъ и научныя статьи —Библіографія и критика.—Корреспонденція.—Мелкія свѣдѣнія.—Объявленія.

Годовая **цѣна** (съ января) съ пересылкою и доставкою **5** руб.
Въ текущемъ году съ апрѣля по конецъ декабря . . **4** „

Спеціальный редакторъ журнала **А. В. Фрибесъ.** Отвѣтственный редакторъ Фотографа, какъ и Записокъ Техническаго Общества Секретарь Общества **Ѳ. Н. Львовъ.**

(Фотографъ составляетъ отдѣлъ Записокъ Общества).

Подписка принимается въ Канцеляріи Императорскаго Русскаго Техническаго Общества, Пантелеймонская ул., № 2. Иногородные посылаютъ письма по тому же адресу.

№ 677 3—1

Извѣстный по своимъ свойствамъ предотвращающимъ прѣніе частей тѣла, въ особенности же ножныхъ пальцевъ,

ГАЛЬМАНИНЪ

продается въ аптекахъ, а также у дрогистовъ во всѣхъ значительнѣйшихъ городахъ Европы. Главное депо въ аптекѣ изобрѣтателя *магистра фармаціи В. Карпинскаго* въ гор. Варшавѣ, по Электоральной ул., № 35. Большая коробочка гальманина стоитъ въ Варшавѣ 50 к., меньшая 30 к.

Нужно остерегаться поддѣлокъ.

№ 587 12—3 **В. Карпинскій.**

Въ книжномъ магазинѣ Карла Риккера въ С.Петербургѣ, Невскій пр. д. № 14

ПРОДАЮТСЯ

Исторія всеобщей литературы

Составлена при участіи русскихъ ученыхъ и литераторовъ подъ ред. В. Ѳ. Коршъ Цѣна 1-му выпуску 1 руб. На полное изданіе принимается подписка до 1-го Іюля этаго года за 12 руб.

Воспитаніе какъ предметъ науки.

Сочиненіе **А. Бэна.** Профессоръ логики въ Эбердинскомъ университетѣ. Переводъ Ф Резенера 2 р. 50 коп. съ перес. 3 руб.

О самовоспитаніи умственномъ, физическомъ и нравственномъ. Совѣты юношамъ, вступающимъ въ жизнь и желающимъ серьозно подготовиться къ научной и общественной дѣятельности. Соч. **Джона Стюарта Блекии.** Перев. съ 11-го англ. изд Паульсона. 75 к., съ перес. 1 р.

Рихтеръ Э. Ф. учебникъ гармоніи. Практическое руководство къ ея изученію 2-е изд. Перев. съ 11-го нѣм. изд. А. Фаминцына 1 р. 50 коп., съ перес. 1 р. 75 к

Ганике. картины изъ жизни насѣкомыхъ Съ 174 рисунк. 2 р. 50 к. съ перес. 3 р въ переплетѣ 3 р. 50 к.

Велишскаго, бытъ грековъ и римлянъ. Одобрено ученымъ комитетомъ Мин. Нар. Пр. Цѣна 6 р., съ перес. 6 р. 50 к., въ англійскомъ перепл. 7 р., съ перес. 7 р 75 к

№ 680

ПАКУ-КИДАНГЪ

Китайская краска для волосъ.

Вновь изобрѣтенная, превосходная, безвредная, краска, окрашиваетъ моментально волоса въ черный или каштановый цвѣтъ и придаетъ имъ особый пріятный видъ.

Цѣна 2 руб. 25 коп.

Паку-Кидангъ можно получать въ Гостин дворѣ у Рузанова, № 40 и у Оскара Гертхена. По Казанской, прот. Столярн. пер. д. № 37. № 678

ВНОВЬ ОТКРЫТЫЙ

СКЛАДЪ ОБОЕВЪ

О. ЗЕЕГРЕНЪ.

№ 88, Невскій, № 88,

рекомендуетъ большой складъ здѣшнихъ и заграничныхъ обоевъ, по фабричной цѣнѣ.

Также богатый выборъ дешевыхъ обоевъ для дачъ, картонъ, розетки Papier masché, багетъ.

Пріемъ заказовъ на устройство воздушныхъ и электрическихъ звонковъ. Kl. № 685

Въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы продается **новая книга:**

„ПРОКАЗНИКИ"

соч. **Добродушнаго юмориста.**

Юмористическіе разсказы изъ купеческаго и чиновнич. быта. 300 стр. М. 1880 г. Ц. 1 р. съ пересылкою 1 р. 20 к. Выписывающіе книгу изъ типографіи Мартынова и Ко. (Москва, Тверская ул. д. Хомяковыхъ) за пересылку не платятъ. № 692 3—1

---

6 Р. Самая дешевая **6 Р.**
изъ столичныхъ газетъ

РУССКІЙ КУРЬЕРЪ,

ЕЖЕДНЕВНАЯ БЕЗЦЕНЗУРНАЯ, общественная и политическая,

(БОЛЬШАГО ФОРМАТА).

Подписка въ Москвѣ: Петровка, д. Рожнова, въ **конторѣ** редакціи, и Москворѣцкій мостъ, д. Ланина, въ **конторѣ изданія.**

ШЕСТЬ руб. въ годъ съ **пересылкою.**

6 руб. въ годъ съ пересылкою. 6 руб. въ годъ съ пересылкою.

№ 671 5—2

При этомъ № прилагается для гг. иногородн. подписчиковъ (за исключ. московскихъ) прейсъ-курантъ отъ чайнаго маг. П. М. Башкина въ Москвѣ.

Дозволено цензурою СПБ. 16 апрѣля 1880 г. **Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.** [illegible] № 10.

XI годъ — годъ XI

№ 17 — ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — 1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 модн. рис. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 26 Апрѣля 1880 г. Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Генрихъ Венявскій.

Вечеромъ 19 марта сего года въ Москвѣ скончался послѣ долгой и мучительной болѣзни извѣстный артистъ-скрипачъ Генрихъ Венявскій. Страданія его были такъ невыносимы, что смерть явилась какъ бы облегченіемъ. Петербургская и Московская консерваторіи должны были придти на помощь блестящему артисту, котораго матеріальныя обстоятельства во время послѣдней болѣзни пришли въ крайнее разстройство. Въ его пользу устроивались музыкальные вечера въ обѣихъ столицахъ.

Венявскій ученикъ знаменитаго Вьетана безспорно былъ въ ряду первыхъ скрипачей Европы. Тѣ художественныя наслажденія, которыя онъ доставлялъ своей изящной, глубоко поэтической игрой, еще свѣжи въ памяти всѣхъ. Онъ родился въ Люблинѣ въ 1835 г. и съ дѣтства обнаружилъ рѣдкія музыкальныя способности. Съ дѣтства же начались и его концертныя странствованія, дѣлавшіяся имъ въ товариществѣ съ братомъ,

Генрихъ Венявскій. Съ фотогр. грав. Вейерманъ.

извѣстнымъ піанистомъ Іосифомъ Венявскимъ. Во всей Европѣ имя его пользовалось самой обширной извѣстностью. Въ составъ профессоровъ С.-Петербургской Консерваторіи онъ былъ приглашенъ въ 1862 г. и въ Петербургѣ же былъ солистомъ въ оперѣ, а въ 1865 г. получилъ званіе солиста Двора Е. И. Величества. Отчасти разстроенное здоровье, отчасти разныя другія обстоятельства заставили его покинуть консерваторію и уѣхать за границу. Тамъ вскорѣ мы видимъ его профессоромъ консерваторіи Брюссельской. Былъ онъ также и въ Константинополѣ и послѣ этой поѣздки имѣлъ величайшее несчастіе быть пораженнымъ глухотою и на время долженъ былъ оставить музыку. Съ этаго начались, понятно, его денежныя затрудненія. За два года до смерти онъ былъ принужденъ отказаться отъ профессорства въ Брюсселѣ.

Въ Москвѣ отпѣвали артиста во французской церкви, которая была обтянута чернымъ сукномъ и уставлена мас-

сою цвѣтовъ и растеній. Нашъ славный артистъ Н. Г. Рубинштейнъ, заботившійся о покойномъ во время его болѣзни, достойно почтилъ память усопшаго собрата по искуству: подъ его мастерскимъ управленіемъ исполненъ былъ оперными хорами и пѣвцами чудный „Реквіемъ“ Моцарта. Затѣмъ тѣло покойнаго перевезено было на желѣзную дорогу.

Въ Варшавѣ похороны его были совершены съ небывалою торжественностью. Въ костелѣ св. Креста во время служенія пѣли всѣ артисты и артистки мѣстной оперной труппы. Игралъ „Реквіемъ“ извѣстный композиторъ Гросманъ. Толпы народа наполняли Краковское Предмѣстье. Передъ гробомъ несли шесть огромныхъ лавровыхъ вѣнковъ отъ разныхъ музыкальныхъ обществъ и почитателей таланта покойнаго. На бархатныхъ подушкахъ несли ордена артиста и его дорогой инструментъ. На Театральной площади шествіе встрѣтили новыя толпы и оркестръ, который шелъ до самаго кладбища. Въ погребальномъ шествіи участвовала вся интеллигентная Варшава—ученые, артисты, литераторы, члены музыкальныхъ обществъ, ученики консерваторіи и массы народа.

Композиціи Г. Венявскаго для его инструмента—„Легенда“, столь всѣмъ памятныя, фантазіи на русскія пѣсни, мазурки и друг. пользуются не меньшею извѣстностью, чѣмъ и его блестящее артистическое исполненіе.

Стихотворенія.

I.

Въявь-ли это? предо мною
Ты стоишь потупя вѣжды—
И лепечешь мнѣ о счастьи
Робкимъ голосомъ надежды?

И размолвка, и разлука—
Неужели все забыто,
Что съ такою страшной болью
Нами было пережито?

Неужели примиренье
Снова близко и возможно?
Надъ святымъ погибшимъ чувствомъ
Не глумишься-ль ты безбожно?

II.

Какъ знойный свѣтъ безоблачнаго дня
Смѣняется холодной темью ночи—
Такъ и твои загадочныя очи:
То сердце жгутъ мнѣ силой страстной мочи,
То равнодушно смотрятъ на меня!

В. Мироновъ.

Призракъ.

Разсказъ

Вс. Вл. Крестовскаго.

(Посвящается Дмитрію Антоновичу Скалону).

(Окончаніе).

III.

Вторая тетрадка.

Какъ однако все это странно случилось!.. Поневолѣ озадачишься и вспомнишь вѣчно живыя и вѣчно истинныя слова Шекспира: „Есть многое въ природѣ, другъ Гораціо, что̀ и не снилось нашимъ мудрецамъ“.

Недѣлю назадъ мы схоронили нашего почтеннаго дядюшку Ивана Аѳанасіевича Працова, и сегодня, разбирая въ его рабочей конторкѣ разныя бумаги, я нашелъ небольшую сѣренькую тетрадку, написанную покойнымъ, внимательно прочелъ ее, и то, что̀ я узналъ изъ нея, побудило меня, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, сегодня же приняться за перо и изложить событія, которыми сопровождалась смерть дядюшки.

Еще не далѣе какъ десять дней назадъ мы всѣ были такъ веселы, такъ счастливы, что даже самая мысль о возможности чьей-либо смерти въ нашей семьѣ никому изъ насъ не приходила въ голову.

Это было 13-го мая. За двое сутокъ предъ тѣмъ я только что пріѣхалъ изъ полка погостить къ дядюшкѣ, не безъ труда исхлопотавъ себѣ для этаго 28-ми дневный отпускъ, такъ какъ обѣщался моей кузинѣ Сашѣ непремѣнно быть шаферомъ на ея свадьбѣ. И вотъ, вмѣсто „Исаія ликуяй“, пришлося пѣть „вѣчную память“.

13-го мая къ намъ въ Огневку пріѣхалъ Сашинъ женихъ и нѣсколько гостей изъ ближайшихъ сосѣдей. Были барышни, были дамы; мы катались въ лодкѣ, гуляли по саду и въ рощѣ, бѣгали въ горѣлки, играли на фортепіано, пѣли, болтали, задавали разныя шарады—словомъ сказать, всѣ были довольны и счастливы, какъ только можно быть счастливымъ въ старой хорошей семьѣ, весною, въ деревнѣ, среди благодатной южной природы, въ кружкѣ добрыхъ, хорошихъ знакомыхъ и родныхъ, да еще чуть не наканунѣ веселой свадьбы, имѣющей сочетать два молодыя существа, безъ ума влюбленныя другъ въ друга. Вечеромъ кое-кто изъ мужчинъ засѣли за зеленый столъ, и пулька затянулась довольно долго. Въ двѣнадцать часовъ подали ужинъ, который окончился около часу. Проводивъ гостей, кромѣ Сашина жениха, оставшагося ночевать въ моей комнатѣ, такъ какъ ему далеко было бы возвращаться въ городъ—мы всею нашею семьею, пока еще до сна, вышли подышать воздухомъ на террассу, выходившую въ садъ, прямо къ лужайкѣ, гдѣ въ изобиліи были разбиты красивые цвѣтники... Ночь была дивная, тихая, ясная: луна свѣтила полнымъ блескомъ и соловьи перекликались гдѣ-то въ прибрежныхъ кустахъ, а цвѣты просто до одури напояли воздухъ своимъ весеннимъ благоуханіемъ. Было такъ хорошо, что не наслаждаться этою ночью, этимъ теплымъ воздухомъ было бы грѣшно, да и спать еще никому не хотѣлось.

Иванъ Аѳанасьевичъ сидѣлъ тутъ же, вмѣстѣ съ нами, и мирно покуривалъ свою трубку Жукова. (Онъ, по старинѣ, всю жизнь оставался неизмѣнно вѣренъ Василію Жукову). Черный Тамерланъ—любимый сетеръ дядюшки—покойно лежалъ у его ногъ, въ то время какъ самъ дядюшка отдавалъ конторщику какія-то приказанія на завтрашній день.

Вдругъ Тамерланъ приподнялъ голову, насторожилъ уши и, чутко понюхивая воздухъ, съ тревожнымъ лаемъ кинулся вдоль по лужайкѣ.

— Что̀ это съ нимъ? Кто тамъ? проговорилъ дядя, вглядываясь въ даль, и затѣмъ вдругъ разомъ поднялся съ мѣста, еще разъ прищурясь поглядѣлъ куда-то впередъ, мимо цвѣтниковъ, и быстро спустясь съ террассы, пошелъ вслѣдъ за Тамерланомъ, который, продолжая лаять, остановился на противоположномъ концѣ лужайки и то кидался впередъ, то отскакивалъ въ сторону, какъ это обыкновенно дѣлаютъ собаки, не желая пропустить ни на шагъ дальше незнакомаго человѣка. Но никакаго человѣка, очевидно, тамъ не было.

Я тоже сбѣжалъ было внизъ и хотѣлъ идти вслѣдъ за дядею, но онъ, отстранивъ меня рукою, приказалъ мнѣ остаться на террассѣ.

Я, конечно, повиновался. Всѣ мы слѣдили глазами за Иваномъ Аѳанасьевичемъ и видѣли какъ прошелъ онъ со своимъ чубукомъ чрезъ лужайку, какъ приблизился

къ тому мѣсту, около котораго вертѣлся Тамерланъ, какъ цыкнулъ на собаку, тотчасъ же умолкшую и ласково завилявшую хвостомъ, и какъ затѣмъ остановился и сталъ какъ будто съ кѣмъ-то разговаривать, но съ кѣмъ? мы рѣшительно не могли понять, такъ какъ въ томъ мѣстѣ кромѣ дяди и Тамерлана, положительно никого не видали.

Черезъ минуту Иванъ Аѳанасьевичъ вернулся замѣтно поблѣднѣвшій, смущенный, даже очень разстроенный чѣмъ-то. Видя это, никто изъ насъ не рѣшился спросить его, чтó съ нимъ и кого онъ видѣлъ, съ кѣмъ разговаривалъ въ концѣ лужайки?—Мы только молча, недоумѣвающими глазами переглянулись между собою, но каждый невольно какъ-то почувствовалъ въ душѣ, что въ эту минуту произошло нѣчто особенное, важное, серьезное, и у каждаго изъ насъ тревожно ёкнуло сердце.

Дядя между тѣмъ, приказавъ прикащику удалиться, тяжело опустился въ кресло и подперъ рукою свою голову. Минутъ около трехъ оставался онъ такимъ образомъ погруженный въ глубокую, сосредоточенную задумчивость, которой никто изъ насъ, не выключая даже и самой тетушки, не осмѣлился потревожить. Но вотъ поднявъ голову и ни къ кому собственно не обращаясь, онъ спросилъ вдругъ спокойнымъ и твердымъ голосомъ:

— А чтò, сегодня которое число? Четырнадцатое?

— Тринадцатое, отвѣтилъ я.

— Нѣтъ, голубчикъ... Да ты какъ считаешь? Тринадцатое кончилось,—вѣдь теперь уже скоро два часа ночи, пожалуй?

— Да; такъ, стало быть, четырнадцатое, подтвердила Саша.

Дядя на это промолвилъ только какое-то „хм“ и снова задумался, но уже не такъ тяжело, какъ за минуту предъ симъ; видно было, что ясное спокойствіе и самообладаніе вполнѣ возвратились къ нему; нѣсколько прищурясь смотрѣлъ онъ куда-то въ неопредѣленное пространство и тихо, но совершенно машинально барабанилъ ногтями по ручкѣ кресла.

— Н-да, четырнадцатое мая, проговорилъ онъ наконецъ какъ-то сквозь зубы и затѣмъ, поднявшись съ мѣста, обратился ко всѣмъ намъ не только спокойно, но даже стараясь улыбаться.

— Вотъ что, друзья мои, началъ онъ: пожалуйста, не сочтите меня за съумасшедшаго и не вздумайте пугаться того, что я вамъ скажу. Но предупредить васъ во всякомъ случаѣ считаю необходимымъ.

Такой приступъ не обѣщалъ ничего добраго и потому мы всѣ съ едва сдерживаемымъ безпокойствомъ обступили Ивана Аѳанасьевича.

— Сегодня, продолжалъ онъ,—то есть, въ теченіи сутокъ 14-го числа, я долженъ умереть.

У всѣхъ невольно вырвалось восклицаніе ужаса и недоумѣнія.

— Да, друзья мои, это такъ, это неизбѣжно. И потому надо приготовиться къ смерти.

— Иванъ Аѳанасьичъ! Да что ты? Да чтó съ тобой?! взвопила испуганная тетушка:—бѣлены объѣлся, что-ли! Попритчилось тебѣ чтó! Не томи Бога ради! Чтó за глупыя шутки!

— Милая моя, возразилъ дядя:—неужели я говорю недостаточно серьезно, чтобы слова мои могли быть приняты за шутку? Я тебѣ повторяю еще разъ, и кажется вполнѣ ясно, что сегодня я неизбѣжно долженъ умереть и потому желаю приготовиться къ смерти. А васъ всѣхъ объ одномъ прошу: Бога ради, видомъ скорби вашей не отравляйте немногіе остающіеся мнѣ часы жизни, будьте какъ можно спокойнѣе и разсудительнѣе. Успѣете еще и потомъ наплакаться!

— Дядя! воскликнулъ я:—легко сказать „спокойнѣе и разсудительнѣе“! Но вѣдь вы говорите такія вещи, которыя...

— Которыя заставляютъ васъ опасаться, все ли у меня въ порядкѣ въ этомъ ящикѣ? перебилъ Иванъ Аѳанасьевичъ, постучавъ себя по лбу.

— Да, дядя, именно! Вы договорили мою мысль.

— Скажи пожалуйста, какой прыткій!.. съ легкой ироніей покачалъ онъ головою:—все былъ человѣкъ въ здравомъ разсудкѣ, анъ тутъ глядишь, взялъ да и помѣшался вдругъ! Ха-ха!.. Нѣтъ, голубчикъ, стало быть, есть у меня достаточная причина.

— Но какая же? Какая? приступили мы всѣ къ нему хоромъ.

— Да очень простая: Середу я видѣлъ.

— Часъ отъ часу не легче! Какая еще тамъ Середа у васъ? Нынче, слава тѣ Господи, суббота!

— Да не о субботѣ дѣло, а о Середѣ, о Наумѣ Середѣ, понимаете-ли? Наумъ Середа — уланъ, солдатикъ, мой однополчанинъ.

— Ну, такъ что же?

— Ну, вотъ, его-то я и видѣлъ, говорилъ съ нимъ...

— Да гдѣ? когда говорили? Когда вы его видѣли?

— А вотъ сейчасъ,—тамъ, на лужайкѣ.

— Полноте, дядя! Вамъ просто почудилось! Вѣдь мы же всѣ здѣсь оставались и всѣ смотрѣли какъ вы пошли, но кромѣ васъ самихъ съ Тамерланомъ ровно никого и ничего не видѣли.

— Ну, еще бы вамъ-то видѣть! усмѣхнулся Иванъ Аѳанасьевичъ.—Вотъ, Тамерланъ, тотъ видѣлъ; тотъ первый и вниманіе мое обратилъ на Середу, а вамъ-то гдѣ-же!..

— Господи Боже мой!.. Да гдѣ же этотъ Середа? спросила тетушка:—коли онъ былъ здѣсь, то куда же дѣвался онъ?

— Середа-то? Эге! мотнулъ головою дядя:—Середа, матушка моя, ужь тридцать лѣтъ какъ на томъ свѣтѣ.

— На томъ свѣтѣ? Такъ какъ же ты могъ съ нимъ разговаривать?! Опомнись!

— А такъ, что онъ, значитъ, сдержалъ свое слово. Обѣщаніе такое онъ далъ мнѣ умирая, чтобы въ день моей смерти придти и извѣстить меня,—ну, и извѣстилъ.

— Дядя, и чтó же вы съ нимъ разговаривали? И какъ именно вы его видѣли? спросилъ я.

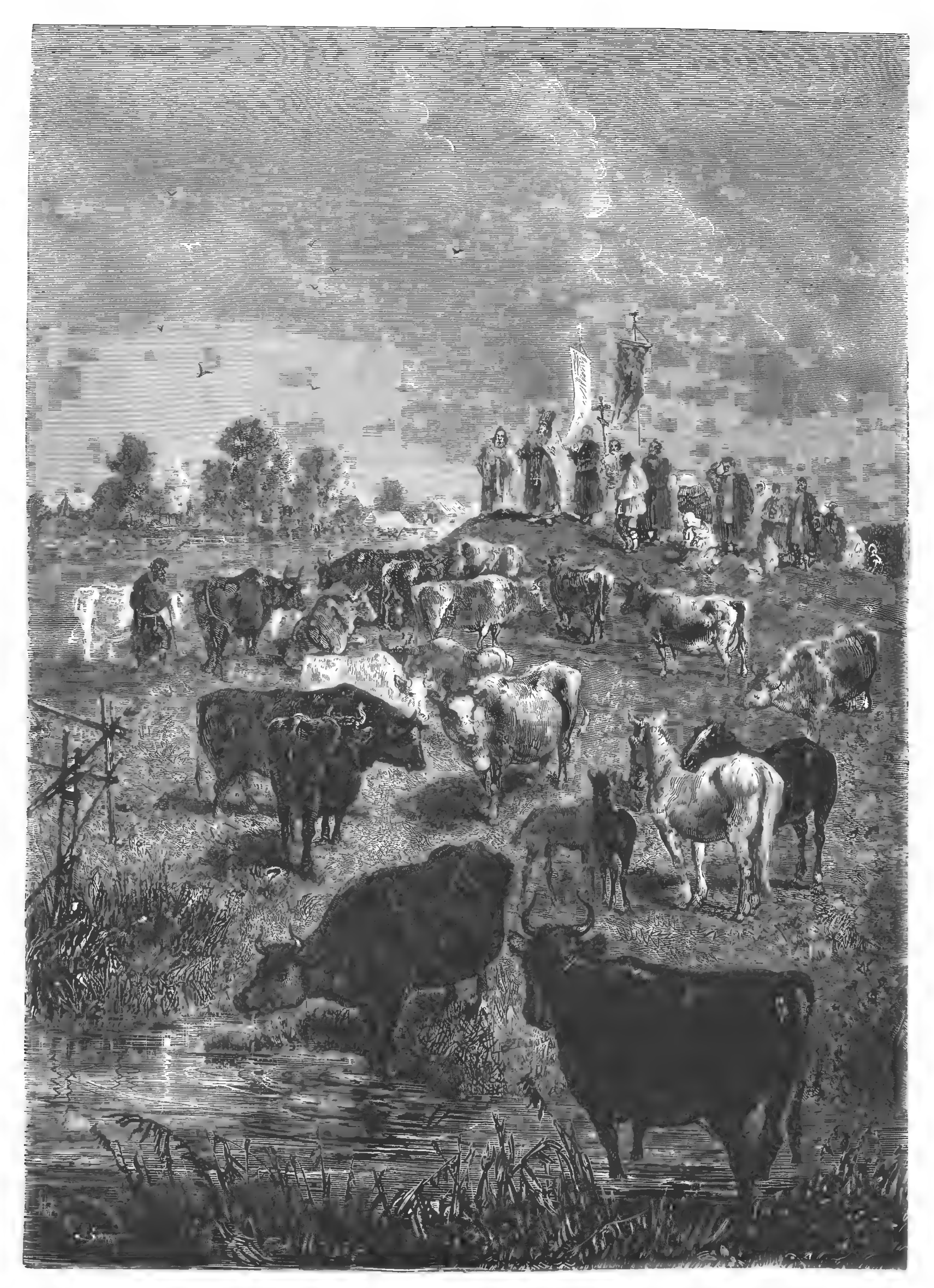
— А очень просто, дружокъ. Какъ Тамерлашка залаялъ да бросился на лужайку, я и смотрю—чего онъ? И вдругъ вижу—идетъ по лужайкѣ къ дому солдатъ. „Чтó за солдатъ такой, думаю—откуда? Зачѣмъ, въ такую-то пору?“ И тутъ какъ-то невольно—ужь и самъ не знаю—почему, только вдругъ Середа мнѣ вспомнился. „*Онъ*!“ думаю. Ну и пошелъ прямо на него,—смотрю—дѣйствительно, идетъ на встрѣчу мнѣ уланъ въ новоархангельской формѣ,—одѣтъ въ лейбикъ, по домашнему, на головѣ фуражка. Остановился, не доходя меня шести шаговъ, какъ слѣдъ по формѣ, ловко эдакъ повернулся во фронтъ, даже шпорами прищелкнулъ и сдернулъ съ головы фуражку, а голову въ полоборота на право и, чтó называется, ѣстъ меня глазами. Воззрился этта я ему въ рожу, а самъ подхожу еще ближе,—ну и тутъ уже кончено! Ни малѣйшаго сомнѣнія не осталось. *Онъ*—онъ, самый настоящій! Цыкнулъ я тутъ на Тамерлашку да и говорю: „Здорово, братъ, Середа!“—А онъ мнѣ своимъ хохлацкимъ говоромъ: „Здравія желаю, вашо благородье!“—„Чтó, говорю, *сегодня*, что-ли?“—„Такъ тошно, вашо благородье!„—Ну, говорю, спасибо, братъ, что не забылъ, сдержалъ свое слово“.—„Радъ старатця, вашо благородье!“ И затѣмъ повернулся на лѣво кругомъ, сдѣлалъ шага два въ сторону и исчезъ.

— Дядя! Ну, ей Богу же вамъ все это почудилось! принялся я за увѣренія:—Тамерланъ съ дуру чего-то залаялъ; вамъ поэтому сначала что-то показалось, а такъ какъ въ такую необычайную пору никакой посторонній посѣтитель, сами вы знаете, въ саду не можетъ появиться, то отсюда, естественно, въ васъ возникаетъ нѣсколько фантастическое представленіе о какомъ нибудь призракѣ, а изъ этаго представленія еще естественнѣе

Весенняя выставка въ Имп. Акад. Худ. „Самозванецъ“.

Картина професс. П. Б. Венига, Съ фотогр. Лаптева, грав. М. Рашевскiй.

Молебствіе на Юрьевъ день въ деревнѣ. Ориг. рисун. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

рождается воспоминаніе о Середѣ, а разъ оно явилось, то, при извѣстномъ настроеніи мыслей и духа, уже нѣтъ ничего мудренаго, если этотъ Середа вамъ и воочію почудился.

— Н-да, что́ и говорить! „почудился!“ передразнилъ меня дядя:—мудрецъ ты у меня, какъ я погляжу. Все разсказалъ, какъ размазалъ и одно изъ другаго, какъ по математической формулѣ, вывелъ и доказалъ, словно дважды два—четыре. Только вотъ что я скажу тебѣ на это, милый мой племянничекъ: послѣ моей смерти, когда вы будете разбирать мои бумаги, то въ моей конторкѣ ты найдешь небольшую, сѣроватенькую такую тетрадку, и когда ты ее какъ-нибудь на досугѣ прочтешь, то узнаешь: что́ такое Середа и его значеніе въ моей жизни, и тогда ты поймешь, что онъ мнѣ вовсе не почудился, а дѣйствительно воочію явился, потому что онъ, какъ честный солдатъ, только сдержалъ свое слово. А теперь, ребята, обратился Иванъ Аѳанасьевичъ ко всѣмъ присутствующимъ: такъ какъ я желаю пріять кончину живота моего мирну и непостыдну, какъ доброму христіанину надлежитъ, то усердно прошу васъ не раздражать меня по пустому и не перечить мнѣ, а исполнять все то, что́ я васъ буду просить, памятуя лишь что вы тѣмъ самымъ исполняете предсмертныя просьбы человѣка вамъ близкаго и очень васъ любящаго. Поэтому первая моя просьба—такъ какъ времени мнѣ остается очень немного—пошлите сейчасъ же за священникомъ. Я желаю исповѣдываться и причаститься.

Тетушка и Саша съ рыданіями бросились къ дядѣ.

— Ну, вотъ! Ну, вотъ! Покорнѣйше васъ благодарю! промолвилъ онъ, разводя руками: ты имъ говоришь дѣло, а онѣ выть!.. Да перестаньте! Вѣдь не покойникъ еще!.. Э-эхъ! Кабы знать, что это у васъ такъ выйдетъ, такъ ужъ лучше смолчать бы было, да тишкомъ-молчкомъ сходить къ отцу Елисею и потайно исполнить все что надо... Ну, голубчики мои! Ну, умоляю васъ! Ну, не мучьте меня! Успокойтесь!

Что́ мы ни дѣлали, какіе резоны и доводы ни представляли, какъ ни уговаривали—ничего не подѣйствовало. Дядя твердо и настойчиво остался при своемъ и въ этой убѣжденности своей невольно казался мнѣ и справедливѣе, и благоразумнѣе всѣхъ насъ, пристававшихъ къ нему съ грошевыми доводами обыденной логики.

— Ну, этакъ не трудно дойти наконецъ и до ссоры, возразилъ намъ въ концѣ концовъ Иванъ Аѳанасьевичъ: а ссориться теперь я ни въ какомъ случаѣ и ни съ кѣмъ не желаю. Спрашиваю васъ только объ одномъ: хотите вы исполнить мою волю—ну, мой капризъ, положимъ—или не хотите?

Нечего дѣлать, пришлось уступить ему и послать за священникомъ.

Въ началѣ пятаго часа утра явился поднятый съ постели отецъ Елисей съ дароносицею. Дядя встрѣтилъ его на крыльцѣ дома, съ благоговѣніемъ повергся ницъ передъ св. Дарами и прошелъ со священникомъ въ кабинетъ, замкнувъ за собою двери. Болѣе часа оставались они наединѣ и когда наконецъ вышли къ намъ, то мнѣ не трудно было замѣтить на лицѣ отца Елисея слѣды растроганности и волненія, тогда какъ на лицѣ дяди свѣтлѣла внутренняя высшая радость и спокойствіе вѣрующаго человѣка, отрѣшившагося отъ всѣхъ земныхъ дрязгъ, грѣховъ и суетности.

— Поздравьте Ивана Аѳанасьевича, обратился ко всѣмъ намъ священникъ:—онъ сподобился причаститься святыхъ Таинъ Христовыхъ.

Тетушка и Саша, закусывая дрожащія губы, чтобы не разразиться слезами, подошли къ дядѣ первыя; онъ обнялъ ихъ, поцѣловалъ и перекрестилъ каждую; затѣмъ подошли и мы съ Сашинымъ женихомъ, и намъ горячо пожалъ онъ руки и поцѣловался.

— Ну, друзья мои! вслѣдъ за симъ обратился къ намъ дядя:—дѣла мои въ отличномъ порядкѣ, оба имѣньица оставляю вамъ чистенькими, благоустроенными и безъ единой копѣйки долгу. Пращевку отдаю я въ приданое Сашуркѣ, а Огневка, обратился онъ къ тетушкѣ:—остается тебѣ по смерть, а за тѣмъ — Сашуркѣ. Впрочемъ, воля моя уже давно изложена въ духовной, которую вы найдете въ моей дорожной шкатулкѣ, въ потайномъ ящикѣ — вы знаете, какъ онъ вскрывается.—Духовная чистенькая, безспорная (да и спорить-то некому), вотъ, батюшка знаетъ ее: на ней его подпись, и оба свидѣтеля еще живы. А тебѣ Митя, прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ:—какъ старшему представителю въ мужескомъ колѣнѣ рода Пращевыхъ, завѣщаю я наши родовые документы (тамъ поименовано какіе) и вообще важнѣйшія фамильныя бумаги, письма тамъ разныя и между прочимъ мои записки, а кромѣ того мое боевое оружіе —саблю и пару кухенрейтеровскихъ пистолетовъ; ну и... нѣкоторый кушикъ денегъ... Тамъ уже самъ узнаешь какой... Надѣюсь, не останешься недоволенъ... Однимъ словомъ, по силѣ разумѣнія моего и по справедливости, никто изъ родныхъ и даже изъ прислуги домашней въ духовной не позабытъ и не обойденъ мною. Такъ и знайте. Отцу Елисею тоже будетъ прирѣзанъ клочекъ землицы (тамъ поименовано гдѣ и какъ) и оставлена приличная сумма на церковь, за упокой души. Да, вотъ еще! спохватясь, вспомнилъ дядя: — пожалуйста, не позабудьте! Всѣхъ васъ прошу объ этомъ. Коли будете когда служить панихиду, или подавать за меня заупокойную частицу, то всегда вмѣстѣ съ моимъ именемъ прописывайте и имя раба Божія Наума, на брани убіеннаго. Это я самъ постоянно дѣлалъ за него тридцать лѣтъ сряду, и васъ всѣхъ усерднѣйше прошу о томъ же. Ну, вотъ и все, кажись... Да, конечно, все. А теперь пора и отдохнуть—вѣдь мы еще не спали. Прощайте, до свиданія.

И пожавъ руку отца Елисея и Сашина жениха, дядя удалился къ себѣ въ спальню.

Нечего и говорить, что никто изъ насъ въ эту ночь и глазъ не сомкнулъ. Да и до сна ли было!.. За эти нѣсколько часовъ мы всѣ измучились нравственно,—мы такъ любили его, и каково же намъ было видѣть и переживать все это!.. Никто изъ насъ и ума не могъ приложить, чтобы дать какое нибудь подходящее здравологическое объясненіе дядину поступку. И въ самомъ дѣлѣ, что же это такое? Моментальное помѣшательство? Галлюцинація, которая оставила по себѣ столь сильное и гнетущее впечатлѣніе, что онъ и въ теченіи нѣсколькихъ часовъ не можетъ отъ него освободиться? Но съ чего бы быть галлюцинаціи, если Иванъ Аѳанасьевичъ постоянно ведетъ самый регулярный и умѣренный родъ жизни, если всѣ предшествовавшія событія и обстоятельства могли вліять на состояніе его духа лишь самымъ свѣтлымъ и радостнымъ, самымъ успокоительнымъ образомъ? Наконецъ, что́ это за Наумъ Середа, о которомъ онъ никогда и никому не упоминалъ во всю свою жизнь?—Правда, и тетушка, и отецъ Елисей сказываютъ теперь, что въ поминальной книжкѣ у дяди записано имя какого-то Наума и что разъ въ годъ онъ дѣйствительно служилъ панихиду по рабѣ Божіемъ Наумѣ на брани убіенномъ и, кажись, сколько имъ помнится, это всегда приходилось именно на 14-е мая; но что́ это за Наумъ такой и какое именно событіе въ жизни дяди связано съ этимъ именемъ—о томъ никому неизвѣстно, да по правдѣ сказать, никто никогда, ниже сама тетушка, и не любопытствовалъ узнать о семъ что-либо отъ самого Ивана Аѳанасьевича. Полагали только, что это, вѣроятно, кто нибудь изъ друзей и боевыхъ товарищей а можетъ и изъ начальниковъ дяди. Но вообще этимъ вопросомъ, при молчаніи самого дядюшки, никто до сего дня существенно не интересовался.

Надо еще прибавить, что рѣшительно никто изъ насъ не вѣрилъ въ возможность дядиной смерти именно сегодня. Да и съ какой стати умирать вдругъ человѣку

совершенно здоровому, вполнѣ бодрому и сильному, ведущему,—повторяю еще разъ—самый умѣренный образъ жизни? Ну, если бы еще страдалъ онъ какимъ нибудь застарѣлымъ недугомъ, органическимъ порокомъ тамъ, что-ли,—а то вѣдь нѣтъ, рѣшительно нѣтъ и не бывало ничего подобнаго!

Прикинувъ въ умѣ и такъ, и эдакъ всѣ возможныя и даже не возможныя предположенія, порѣшили мы наконецъ на одномъ, что надо непремѣнно, подъ какимъ-либо благовиднымъ предлогомъ, уговорить дядю поѣхать съ нами въ нашъ губернскій городъ, а то и въ Москву или въ Петербургъ, и тамъ какимъ нибудь родомъ подвернуть его изслѣдованію и консультаціи разныхъ спеціальныхъ врачей-знаменитостей.

Бѣдный дядя!.. Какъ мы жалѣли о немъ и какъ не понимали его!..

Часу въ одиннадцатомъ утра, на цыпочкахъ, едва касаясь пола, чтобы не скрыпнуть половицей, вышла къ намъ изъ спальни тетушка, и по ея измятому, разстроенному, пожелтѣвшему лицу сразу было замѣтно, что и она тоже за всѣ эти часы не сомкнула глазъ.

— Ну, что? какъ? кинулись мы къ ней тоже на цыпочкахъ, съ разспросами сдержаннымъ шепотомъ.

Тетушка только плечами пожала скорбно и недоумѣло.

— Спитъ себѣ, прошептала она:—спитъ... и такъ тихо, такъ спокойно, какъ младенецъ, словно бы ангельскимъ сномъ... и улыбка даже на лицѣ такая свѣтлая.

— И скоро заснулъ? спросила Саша.

— Представьте, да!.. Пришелъ это въ спальню, раздѣлся, прочелъ какъ всегда молитвы на сонъ грядущій и, перекрестясь, повернулся, по обыкновенію, на лѣвый бочекъ и заснулъ... ну, то-есть, минуты почти не прошло какъ уже спалъ, голубчикъ... И вотъ, до сихъ поръ, благодаренье Богу—спитъ непробудно. А я хоть бы однимъ глазкомъ вздремнула... Напугалъ уже онъ меня очень.

— Такъ, стало быть, спитъ?—Ну, и слава Богу! порѣшили мы про себя:—это хорошо! Это прекрасно! Авось либо сномъ и пройдетъ у него все это состояніе... Вѣдь все это не болѣе какъ нервы!..

— Ахъ, дай-то, дай-то, Господи! скорбно вздохнула тетушка.—Не знаю ужъ и сама, только щемитъ у меня на сердцѣ, все безпокойно, все тошно такъ, словно бы предчувствую, что быть горю!..

— Полноте, тетушка! И вы туда же!

— Да, мой другъ, туда же... Я бодрилась, я опровергала и убѣждала,—самъ ты видѣлъ—пока хватало силъ, но... этотъ Середа и меня, наконецъ, въ смущеніе приводитъ.

— Ну, вотъ!.. Перестаньте, пожалуйста! Середа!.. А вы лучше сообразите-ка вотъ что: пройдетъ нынѣшній день, дастъ Богъ, вполнѣ благополучно, и тогда дядя самъ увидитъ, что все это не болѣе какъ вздорная фантазія, разубѣдится въ ней на самомъ фактѣ и тогда всю эту дурь съ него какъ рукой сниметъ.

— А если не пройдетъ? усомнилась тетка.

— Ну, тогда надо лечить. Повеземъ его въ Москву, въ Питеръ,—тамъ доктора, тамъ всѣ средства, наука, приспособленія...

— Эхъ, дружокъ! Не понимаешь ты меня!.. Я вовсе не про то...

— Такъ про что же?

— Да если... если онъ все-таки умретъ сегодня?

— Тетушка! милая! чуть не всплеснулъ я руками:—Васъ ли это я слышу?!. Да гдѣ же ваша сообразительность, вашъ здравый разсудокъ, въ которомъ до сихъ поръ, слава Богу, у васъ, кажись, не было недостатка?!. Что это вы говорите?!. Неужели же и вы,—вы, такая благоразумная женщина, — и вдругъ вѣрите въ Середу, въ разныя тамъ привидѣнія, въ духовъ и прорицанія?

— Да ужъ если самъ Иванъ Аѳанасьичъ, оказывается, что вѣритъ, развела руками тетушка;—такъ почему же мнѣ...

— Ну, это прекрасно, перебилъ я—что авторитетъ Ивана Аѳанасьевича столь силенъ надъ вами, но все же... Середа!.. Подумайте только, вѣрить въ дѣйствительное явленіе какого-то умершаго когда-то Середы—на что это похоже?!.

— Да почему же и не вѣрить? вдругъ съ необычайнымъ азартомъ вскинулась на меня тетушка, словно насѣдка на защиту своихъ цыплятъ:—что же ты, въ самомъ дѣлѣ—отвѣчай мнѣ по совѣсти—развѣ ты можешь поручиться, что ничего подобнаго нѣтъ и не можетъ быть въ природѣ?.. Развѣ ты Богъ, что можешь вѣдать все сокровенное?.. Тебѣ открыты всѣ таинства? Да?.. И наконецъ развѣ свидѣтельство не только множества умныхъ и честныхъ людей, но даже самаго священнаго писанія, по твоему, вздоръ, химера? Предразсудокъ?.. Вѣрно, всѣ предшествовавшія поколѣнія человѣчества были глупѣе васъ, цыплятъ, едва вчера лишь изъ скорлупы-то! Вѣдь, молъ, невѣжды, всѣ заблуждались?.. Я сама, батюшка мой, тоже было думала, что вздоръ, пустое, но какъ погляжу теперь на Ивана Аѳанасьевича, то поневолѣ какъ-то сомнѣніе беретъ: Богъ его знаетъ, что это такое, только предчувствіе есть у меня какое-то нехорошее, и съ нимъ. какъ ни стараюсь, не могу однако сладить.

Признаюсь, не ожидалъ я отъ тетушки подобной прыти и, сознавая, что никакого болѣе существеннаго возраженія, кромѣ уже извѣстныхъ грошевыхъ доводовъ, представить ей не могу, счелъ за лучшее смириться и замолкнуть.

Между тѣмъ тетушка пригорюнилась и вдругъ всплакнула.

— Но при всемъ при этомъ и еще объ одномъ сокрушаюсь я, слезливымъ голосомъ промолвила она черезъ минуту, вытирая платкомъ глаза:—это то, что твою свадьбу, Сашенька, придется теперь отложить, по крайней мѣрѣ, на годъ, пока не кончится трауръ.

Я только рукой махнулъ.—„Ну, думаю, поѣхало!.. Мало одной глупости, давай и другую на подмогу!“

— Ты чего рукой махаешь? Ты чего? накинулась на меня тетка:—дура я тебѣ досталась, что ли?.. Или ужъ такъ танцовать приспичило, что и на дядиныхъ похоронахъ въ плясъ готовъ пуститься? Хорошъ родной, нечего сказать! хорошъ, голубчикъ!

— Тетушка! полноте, Бога ради!.. Я смирился, я молчу. Чего же вы?!

— Знаемъ мы ваше смиреніе!.. Только вѣтеръ одинъ въ головѣ, а фундаментальности никакой!.. Смирился!.. Развѣ я не правду говорю? Развѣ это статочное дѣло, чтобы сряду послѣ похоронъ отца да вдругъ свадьбу играть? Да ты подумай только, что всѣ добрые-то люди скажутъ? Какъ насъ тогда трактовать-то всѣ станутъ? Гдѣ стыдъ-то въ глазахъ у насъ будетъ?..

Сашинъ женихъ, пока длилась вся эта тетушкина рацея, стоялъ у окна, глядя на дворъ, и, какъ показалось мнѣ, сосредоточенно обдумывалъ въ это время нѣчто рѣшительное.

— Maman! круто, наконецъ, подступилъ онъ къ тетушкѣ:—я все молчалъ, но теперь прошу выслушать и мое мнѣніе въ этомъ вопросѣ. Умретъ ли сегодня Иванъ Аѳанасьевичъ, не умретъ-ли — этаго мы пока еще не знаемъ; но въ виду возможности его смерти, не повѣнчаться ли намъ съ Сашей теперь, то-есть сегодня, сейчасъ же, пока Иванъ Аѳанасьевичъ еще живъ и можетъ самъ окончательно благословить насъ и порадоваться, предъ смертью, что дочь его уже устроена? Какъ вы думаете? Для свадьбы не нужно никакой помпы, никакихъ пировъ и баловъ, а просто повѣнчаемся себѣ при четырехъ свидѣтеляхъ, экспромтомъ, и баста! А то, сами согласитесь, цѣлый годъ траура, цѣлый годъ тер-

пѣть, ожидать... да мало ли что за годъ-то можетъ случиться! Вѣдь это ужасно!.. Подумайте!

— Что же, я не прочь, согласилась тетушка:—вотъ, погодите, Иванъ Аѳанасьичъ проснется, тогда переговоримъ съ нимъ, и если онъ будетъ согласенъ, то я, съ своей стороны, что же?.. Я тоже согласна. Почему же нѣтъ? Очень рада даже...

Признаюсь, мнѣ стоило нѣкотораго труда, что бы не расхохотаться и притомъ довольно злобнымъ смѣхомъ. Но за то въ душѣ я хохоталъ вдосталь, во всю свою волю и только старался глядѣть въ сторону, чтобы не подмѣтили невольно-лукавое и смѣшливое выраженіе моей физіономіи.

— „Ха, ха, ха! думалось мнѣ:—однако, дядюшка, какъ поглядишь, не промахъ! Да и тетушка тоже!.. Экой фортель придумали, чтобы дочку-то поскорѣе сбыть замужъ! Вѣрно, думаютъ себѣ, что пока тамъ длятся всѣ эти сборы да разборы, да разныя церемоніи, время то все уходитъ, а мы-де лучше безъ всякихъ церемоній дочку поскорѣе вокругъ налоя—и баста! Эдакъ-то дѣло повѣрнѣй и покрѣпче будетъ!.. И для такой-то махинаціи придумана вся эта глупая исторія съ Середою!.. А птенецъ, какъ барашекъ, самъ дается въ руки. Вотъ такъ комедія!..“

Не знаю и самъ, какимъ образомъ заползла въ мою голову эта подлая мысль. Теперь я стыжусь ея и раскаиваюсь въ ней,—но, казня самого себя за самую возможность ея возникновенія въ моей душѣ, нарочно, и именно съ цѣлію казнить себя, обнаруживаю теперь эту гнусность, предавая ее гласности въ моемъ разсказѣ. Нечего скрываться! Пускай тотъ, кто современемъ прочтетъ эту тетрадку, узнаетъ также и то, сколь мелочно и безпричинно дурно думалъ о людяхъ ея авторъ,—о людяхъ притомъ же ему близкихъ и, кромѣ любви и благодѣяній, ничего не оказавшихъ ему въ жизни.

И не далѣе какъ спустя какой-нибудь часъ времени, пришлось мнѣ горько укорить себя въ душѣ за эту мысль и раскаяться.

Дядя проснулся столь же бодрымъ и свѣжимъ, какъ и обыкновенно. Никакой перемѣны не было замѣтно ни въ его лицѣ, ни въ настроеніи его духа. Такъ же весело, какъ и вчера, какъ и третьяго дня, поздоровался онъ съ женою, съ дочерью, съ нами; также аппетитно выпилъ свою уемистую „фамильную“ чашку чая со сливками и съ домашнимъ сдобнымъ папушникомъ; также какъ и всегда, куря трубку Жукова, принялъ и обстоятельно выслушалъ конторщика и прикащика, передавъ имъ нѣкоторыя распоряженія на нынѣшній день. О вчерашнемъ не было и помину, словно бы ничего такого, выходящаго вонъ изъ ряда, у насъ и не случилось. Я и Саша, да и ея женихъ, глядя на Ивана Аѳанасьевича, совсѣмъ уже пришли было къ успокоительной увѣренности, что все вчерашнее—не болѣе какъ нервы, что все это „прошло сномъ“, и что, стало быть, думать и безпокоиться о такихъ пустякахъ больше рѣшительно не зачѣмъ; а потому мнѣ, да кажись и Сашѣ, сдѣлалось очень непріятно, когда тетушка вдругъ ни съ того, ни съ сего, навела разговоръ на смерть и на женихово предложеніе, выложивъ его сполна передъ дядей. Иванъ Аѳанасьевичъ далъ женѣ высказаться до конца, выслушалъ ее молча и лишь усиленно потягивалъ во время ея рѣчи свою трубку, а подъ конецъ нахмурился, и весьма-таки серьезно нахмурился.

— Все это, матушка моя, вовсе неподходящее дѣло изволишь ты мнѣ проповѣдывать! порѣшилъ онъ послѣ нѣкотораго размышленія:—вѣнчаться сегодня эдакъ, зря, съ бухты съ барахты — это значило бы только разводить лишніе толки и сплетни: кому такая внезапность не покажется странною и даже подозрительною? И тѣмъ болѣе, если я вдругъ не умру! Ну, подумай... За что мы положимъ тѣнь разныхъ недостойныхъ сомнѣній и догадокъ на себя, да и на Сашу!.. Нѣтъ, на это я вовсе не согласенъ. А что молодымъ людямъ томиться въ ожиданіяхъ цѣлый годъ дѣло тоже не подходящее и весьма трудное,—съ этимъ я совершенно согласенъ и признаюсь, вовсе не желалъ бы быть причиною такого для нихъ неудовольствія. А потому вотъ что: если я точно умру, то выждите шесть недѣль и тогда повѣнчайтесь себѣ съ Богомъ тихо и скромно, безъ всякихъ зововъ, безъ всякихъ торжествъ и фестиваловъ, и повѣрьте, никто васъ не осудитъ за это; а кто осудитъ, тотъ будетъ дуракъ, и стало быть на него не стоитъ обращать вниманія. Вотъ вамъ и сказъ мой!

О, сколь живо и больно почувствовалъ я въ эту минуту всю неправоту, всю мерзость моихъ сомнѣній и подозрѣній относительно предполагаемыхъ мною цѣлей и намѣреній дяди. Я невольно созналъ себя въ положеніи именно того недостойнаго человѣка, про котораго дядя только-что выразился, что если онъ осудитъ, то будетъ дуракъ, не стоющій вниманія, и я почувствовалъ не малую долю презрѣнія къ самому себѣ, и оцѣнилъ благородство простой и честной души моего дяди, и раскаялся — глубоко и искренно раскаялся въ своемъ сердцѣ.

О смерти у насъ не было болѣе никакихъ разговоровъ и весь этотъ день прошелъ какъ и всегда, заведеннымъ обычаемъ, тихо и смирно. Только предъ обѣдомъ часа на два удалился дядя въ свой кабинетъ и приводилъ тамъ къ порядокъ какіе-то счеты и бумаги. Впрочемъ, это не рѣдко случалось съ нимъ и прежде. Однимъ словомъ, мы совсѣмъ успокоились, даже почти позабыли о вчерашнемъ. Обѣдъ прошелъ какъ и всегда: Иванъ Аѳанасьевичъ остался очень доволенъ своими любимыми блюдами, которыя какъ будто нарочно въ этотъ день заказала для него тетушка, выкурилъ на террассѣ послѣобѣденную трубку, по обыкновенію, пробѣгая глазами послѣдніе изъ полученныхъ нумеровъ „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Инвалида“, и отправился къ себѣ въ кабинетъ соснуть при опущенныхъ сторахъ, а за вечернимъ чаемъ даже совсѣмъ развеселился и сталъ шутить. Видя такое его настроеніе, тетушка тоже пріободрилась и вдругъ, совсѣмъ не кстати, ввернула неподходящее слово.

— Ну, вотъ, Иванъ Аѳанасьичъ, сказала она:—и ты, наконецъ, слава Богу, развеселился! А вѣдь какъ напугалъ-то вчера! И какими глупостями!.. Тоже, умирать вдругъ выдумалъ!..

— Чего ты, матушка? шутя огрызнулся на нее дядя: —погоди еще корить-то! Вотъ какъ пробьетъ послѣдній ударъ полночи, тогда и говори; тогда и самъ я, можетъ, поклонюсь тебѣ въ поясъ и скажу: „права, матушка, права! Такъ, дескать, мнѣ и надо, потому дуракъ былъ!“ А пока полуночи нѣтъ, жди еще!

Этотъ разговоръ на всѣхъ, за исключеніемъ самого дяди, навелъ легкое облачко грусти и сомнѣній, а тетушка даже нѣсколько надулась, пробормотавъ себѣ подъ носъ:

— Ну, вотъ, опять заговорилъ вздоръ!

Впрочемъ, дядя, смѣясь, протянулъ ей руку примиренія—и все тотчасъ же позабылось.

Такъ дотянулось у насъ дѣло до поздняго вечера. Всѣ мы въ ожиданіи ужина, по вчерашнему, собрались на садовой террассѣ, и дядя вмѣстѣ съ нами. Ночь была также дивно хороша, какъ и вчера, благоуханная, залитая луннымъ свѣтомъ. Мнѣ показалось, что чѣмъ дальше и дальше идетъ время, тѣмъ все больше и самъ дядя приходитъ ко внутреннему убѣжденію, что все вчерашнее не болѣе какъ пустяки, нервы, воображеніе. Хотя и прежде все время онъ былъ спокоенъ, но то было спокойствіе совсѣмъ не того рода, какъ спокойствіе обыденное. Вчера до исповѣди и причащенія онъ былъ спокоенъ какъ человѣкъ, какъ мужчина, которому разсудокъ и самолюбіе подсказываютъ, что иное поведеніе было бы недостойно его, что *надо*

Весенняя выставка въ Имп. Акад. Худ. Группа изъ „Сна въ лѣтнюю ночь“. (Шекспира).
Группа г-жи З. Кюгельгенъ, рис. самъ авторъ на деревѣ, грав. Б. Пуцъ.

быть спокойнымъ, чтобы и самъ да и близкіе тебѣ люди не окончательно пали духомъ; послѣ же причащенія въ немъ проявилось высоко-торжественное спокойствіе христіанина, сознательно приготовившагося ко встрѣчѣ неминуемой смерти; затѣмъ сонъ освѣжилъ его физическія силы—и, послѣ этого обстоятельства, къ чувству высоко-торжественнаго спокойствія стало въ теченіи дня незамѣтно, но все болѣе и болѣе подбавляться обыкновенное, нормальное спокойствіе человѣка, поглощеннаго естественнымъ обиходомъ обыденной жизни. Чѣмъ менѣе оставалось времени до конца дня, тѣмъ все болѣе вступало въ свои права спокойствіе этаго послѣдняго рода и наконецъ, въ началѣ двѣнадцатаго часа ночи,—какъ показалось мнѣ—дядю окончательно перестала тревожить мысль о предстоящемъ смертномъ часѣ. Обыденное спокойствіе возобладало надъ нимъ вполнѣ, всецѣло и онъ, сидя съ трубкою на террассѣ, какъ и всегда принялся выслушивать докладъ прикащика и отдавать распоряженія на завтра. Хозяйственные толки объ овсахъ да объ озимыхъ всходахъ, да о клеверѣ, по обыкновенію, заняли съ добрый часъ времени, и вотъ, когда дядя говорилъ, что для Пращевской луговины не мѣшало бы прианять даже и вольныхъ косарей, изъ солдатиковъ ближайше-расположенной роты, чтобы пользуясь вёдромъ, успѣть скосить загодя великолѣпно уродившееся сѣно, — вдругъ раздались какіе-то женскіе вопли...

— Чтó это такое? нахмурясь спросилъ дядя.

— А это, надо быть, поваръ съ пьяну опять жену свою бьетъ, ревнуетъ-съ! ухмыляясь отвѣчалъ прикащикъ.

— Развѣ опять загулялъ?

— Загулялъ-съ, со вчерашняго вечера. Сегодня, почитай, съ утра уже зеньки водкой залимши. Ну, а какъ пьянъ—сами изволите знать—сейчасъ у него энто ревность.

— Фу, ты, чортъ возьми! съ неудовольствіемъ фыркнулъ дядя:—эдакъ наконецъ всякое терпѣніе лопнетъ!.. Недѣли еще нѣтъ, какъ кончился послѣдній загулъ, а теперь опять!.. Тутъ завтра, гляди, гости понаѣдутъ, а мы рискуемъ безъ обѣда остаться!.. Вотъ что, братецъ, обратился онъ къ прикащику:—распорядись-ка ты сейчасъ же запереть его въ пустой амбаръ, пускай проспится, а на утро слѣдить за нимъ, чтобы ни капли водки—ни-ни, ни подъ какимъ видомъ! Понимаешь?

Въ эту самую минуту женскіе вопли раздались совсѣмъ уже близко отъ насъ, въ саду—и на террассу взбѣжала ошалѣлая, растрепанная повариха.

— Батюшка, баринъ! бухнулась она въ ноги дядѣ:—спасите!.. Защитите!.. Убьетъ!.. Убьетъ меня разбойникъ!

Но прежде чѣмъ дядя успѣлъ сказать что-либо, гнавшійся за нею по пятамъ поваръ въ два прыжка уже былъ на террассѣ и дерзко, не смущаясь присутствіемъ господъ, схватилъ жену за волосы.

— Прочь, мерзавецъ! кинулся между имъ и женщиной дядя.

И Боже мой!.. Въ это самое мгновенье съ размаху сверкнулъ въ воздухѣ большой кухонный ножъ и, прежде чѣмъ успѣлъ кто-либо броситься на помощь, раздался глухой звукъ удара;—куда именно и въ кого—я не успѣлъ даже замѣтить; все это произошло такъ мгновенно и такъ неожиданно; но я услышалъ и увидѣлъ только, какъ дядя съ короткимъ крикомъ вдругъ отшатнулся назадъ и схватился зà бокъ руками.

Прикащикъ, я и Сашинъ женихъ кинулись на повара, схватили его за локти и вырвали отъ него окровавленный ножъ. Этотъ человѣкъ впрочемъ и не сопротивлялся: онъ былъ сильно пьянъ, и вся его напряженная нервная возбужденность, послѣ удара ножемъ, вдругъ какъ-то сама собою упала, угасла—и въ нашихъ рукахъ очутился просто обезсиленный хмѣлемъ человѣкъ, какъ говорится, невяжущій лыка.

Вопли тетушки и Саши привлекли сюда изъ людской и дѣвичьей нѣсколько людей дворовой прислуги, которой мы и передали съ рукъ на руки повара, а сами кинулись на помощь къ дядѣ. Слегка покачиваясь корпусомъ, съ помутившимися глазами стоялъ онъ, прислоненный къ косяку дверей и не стоналъ а только слабо покряхтывалъ какъ-то. Рука его, судорожно дрожа, сжимала рану, а на бѣломъ жилетѣ и палевыхъ пикейныхъ панталонахъ уже образовались большія кровавыя пятна. Кое-какъ перевели мы его въ гостиную, положили на диванъ, разстегнули, но увы!.. о помощи нечего и было думать,—рана въ животъ была безусловно смертельна.

Это случилось въ три четверти двѣнадцатаго часа, а съ послѣднимъ ударомъ полночи на старыхъ англійскихъ часахъ, стоявшихъ въ залѣ, мой бѣдный дядя испустилъ послѣдній вздохъ свой.

Такимъ образомъ, 14-го мая 1861 года, т. е. ровно черезъ тридцать лѣтъ сбылось предсказаніе цыганки и Наумъ Середа сдержалъ свое слово.

Любовь вѣнценосца.

Историческій разсказъ.

Густавъ Адольфъ, король Швеціи, окончившій жизнь въ сраженіи подъ Люценомъ въ 1632 году, былъ не только отважный воинъ, но и мудрый и разсудительный правитель. Онъ говорилъ, что лицу, призванному стать вождемъ своего народа, необходимо знаніе людей и что знаніе это лишь пріобрѣтается личнымъ ознакомленіемъ со всѣми классами народа. Часто Густавъ Адольфъ, переодѣтый, появлялся неузнанный въ толпѣ и узнавалъ мнѣнія, привычки и потребности народа. О жизни Густава Адольфа дошло до насъ много интересныхъ эпизодовъ. Его дружба къ Остіернѣ и любовь къ Ингердѣ Зальштромъ свидѣтельствуютъ о его великодушіи и самообладаніи.

Какъ-то разъ на охотѣ, король отсталъ отъ сопровождавшихъ его и заѣхалъ въ мѣстность ему совершенно незнакомую. Невдалекѣ отъ лѣса онъ увидѣлъ деревеньку. Приблизившись къ ней, король увидѣлъ двухъ людей, изъ которыхъ одинъ прилежно рылся въ землѣ, другой, между тѣмъ, уговаривалъ перваго перестать работать.

Заинтересованный король стоялъ за заборомъ и началъ прислушиваться.

— Полно ты, сосѣдъ Астингъ, раздался голосъ работающаго. Я довольно силенъ, сдѣлаю свою и твою работу. Ты вѣдь боленъ, ну и пойди отдохни. Когда я окончу копать, позову тебя и ты тогда тутъ станешь сѣять. Это не утомительно—это не какъ копанье. Работать для добраго дружка не тяжело.

— Вотъ славный парень, подумалъ король. Такой дружокъ просто сокровище. Я управляю такимъ великимъ народомъ, стою на вершинѣ могущества и право приходится позавидовать этому крестьянину!

Король подошелъ къ парню, продолжавшему работать.

— Ты очень, должно быть, любишь своего сосѣда.

— О да, господинъ охотникъ! отвѣтилъ тотъ весело, не подозрѣвая съ кѣмъ говоритъ.

— И ты бы охотно все ему отдалъ, если бы онъ нуждался?

— Все? повторилъ крестьянинъ. Добрый господинъ, это слишкомъ много будетъ. Не хочу лгать. Три четверти, что имѣю, отдалъ бы пожалуй. Ну а если бы была ужь такая крайность, очень можетъ быть, что отдалъ бы и остальную четверть. У меня нѣтъ ни жены, ни дѣтей, родители давно умерли, а есть вотъ двѣ здоровыя руки, я бы себя прокормилъ—ничего,

— Ты славный малый, сказалъ король, какъ твое имя?

— Остіерна, отвѣчалъ тотъ.

— Вотъ тебѣ на память и въ награду, сказалъ король, подавая ему кошелекъ.

— Въ награду? удивился крестьянинъ. Я не могу взять. За что же награждать то меня. Помочь другу въ нуждѣ—это вѣдь долгъ каждаго. Мы деревенскіе люди судимъ не такъ какъ горожане, но думаю, что не хуже ихъ.

Король отъѣхалъ а Остіерна опять принялся за работу и, разговаривая съ Астингомъ, все дивился, что господа живущіе въ городахъ вовсе не понимаютъ дружбы.

Спустя нѣсколько дней къ Торберну пріѣхалъ какой-то господинъ съ приказаніемъ ему явиться въ Стокгольмъ во дворецъ. Остіерна сталъ говорить, что по всей вѣроятности это какая нибудь ошибка; ему незачѣмъ ѣхать туда, онъ не сумѣетъ тамъ даже повернуться.

— Если ты Торбернъ Остіерна, сказалъ пріѣхавшій при-

дворный господинъ и если у тебя есть другъ по имени Астингъ, который былъ нездоровъ недѣлю тому назадъ и за котораго ты работалъ на огородѣ, и если съ тобой говорилъ тогда незнакомый охотникъ, то конечно приказъ касается тебя.

— Мнѣ впрочемъ нечего бояться господь въ королевскомъ замкѣ. Позвольте только мнѣ переодѣться и поѣдемъ, сказалъ Остіерна.

Между тѣмъ, прекрасный экипажъ возбудилъ общее вниманіе въ деревнѣ. Собралась толпа любопытныхъ передъ домомъ Остіерны. Сюда же пришелъ и Астингъ, который, узнавъ въ чемъ дѣло, сказалъ своему другу.

— Ты одинъ не уѣдешь отсюда, я знаю почему тебя увозятъ. Въ городѣ узнали, что мы убили дикую свинью, что рылась на моемъ огородѣ. Но такъ какъ первый выстрѣлъ былъ сдѣланъ мною, то мы оба должны отвѣчать. Я ѣду съ тобою.

— Но мы заплатили штрафъ, отвѣтилъ Остіерна. Нѣтъ, должно быть что нибудь другое.

— Во всякомъ случаѣ я не разстанусь съ тобою. И если тебя засадятъ въ тюрьму и я пойду туда же. Я убилъ съ тобою вмѣстѣ. Повѣрь все это изъ-за убитой свиньи. Иначе зачѣмъ тому господину было говорить съ тобою и спрашивать еще твое имя. Я пойду одѣться и сейчасъ буду здѣсь.

Пріѣхавшій за Остіерной сказалъ, что ему велѣно привезти только одного. Но Астингъ стоялъ на своемъ, повторяя, что они друзья съ дѣтства и онъ его не отпуститъ одного.

Дорогой разговоръ все шелъ о вызовѣ Остіерны. Астингъ успѣлъ увѣрить своего друга, что причиною этаго вызова убитая дикая свинья. Командированный за ними придворный откинулся въ уголъ кареты и притворился спящимъ.

Въ Стокгольмѣ, обоихъ друзей повели во дворецъ. Вскорѣ пришелъ за ними камеръ-лакей, чтобы вести Остіерну къ королю. Друзья, увидѣвъ его богатую одежду, приняли его за короля и стали было на колѣни. Но тотъ смѣясь объяснилъ имъ ихъ ошибку и сказалъ: мнѣ приказано ввести къ королю Остіерну, пойдемъ молодой человѣкъ, не бойся, нашъ король очень добръ.

Густавъ Адольфъ принялъ Остіерну въ своемъ кабинетѣ. Тутъ Торбернъ и узналъ въ королѣ разговаривавшаго съ нимъ охотника. Но онъ не былъ этимъ испуганъ. Королю раньше была разсказана исторія двухъ друзей. Смѣясь, онъ спросилъ Остіерну:

— Въ чемъ ты провинился съ Астингомъ, что боишься наказанія?

— Прошу помилованія для себя и для своего сосѣда, проговорилъ тотъ преклоняя колѣни. Мы болѣе не нарушимъ законы охоты. Притомъ мы убили кабана не съ цѣлью присвоить его, а потому, что онъ все рылся на нашемъ брюквенномъ полѣ.

— Хорошо, отвѣтилъ король. Васъ за то оштрафовали и вы уже теперь правы. А гдѣ твой другъ Астингъ.

— Онъ въ передней и ждетъ, что со мной будетъ.

— Слушай внимательно Торбернъ Остіерна, что я скажу тебѣ. Королямъ бываетъ нуженъ человѣкъ, который безъ страха говорилъ бы имъ въ глаза одну только правду. Я оцѣнилъ тебя и завидую твоему другу Астингу. Хочешь ли быть также и моимъ другомъ. Я возьму тебя ко двору и велю заняться твоимъ образованіемъ. Одного только я желалъ бы, чтобы не испортилось твое сердце, и чтобы ты всегда говорилъ мнѣ правду. Можешь ли ты мнѣ обѣщать это?

Слова короля глубоко тронули крестьянина. Онъ подумалъ.

— Повиновеніе моему королю моя обязанность. Я не охотно бросаю свой деревенскій домикъ и ту жизнь; къ ней я такъ уже привыкъ. Но ваше величество можете на меня положиться. Если я не окажусь достойнымъ, во всякомъ случаѣ у меня есть своя хижинка въ деревнѣ и я опять сдѣлаюсь крестьяниномъ. Если же мнѣ суждено быть около моего короля, то я прошу не разлучать меня съ Астингомъ.

— Я объ немъ позабочусь, сказалъ король. Теперь иди, но никому не разсказывай о нашемъ разговорѣ.

Остіерна пошелъ къ ожидавшему его Астингу. Затѣмъ оба они пообѣдали и отправлены обратно въ деревню. Согласно данному обѣщанію, Остіерна никому не говорилъ о разговорѣ съ королемъ.

Спустя недѣлю, Остіерна отправился въ Стокгольмъ. Ни для кого болѣе не было тайной, что простой крестьянинъ попалъ въ милость къ королю. Всѣ удивлялись этому и судили на разные лады. При дворѣ Остіерна сталъ учиться разнымъ наукамъ подъ руководствомъ ученыхъ людей. Въ свободное время король призывалъ его и бесѣдовалъ съ нимъ.

Неожиданная милость и довѣріе короля не испортили добраго Остіерну. Онъ не забывалъ кто онъ и остался вѣрнымъ другомъ Астинга. „Если ты увидишь во мнѣ перемѣну, говорилъ Остіерна своему другу, ты мнѣ скажи объ этомъ прямо; и я опять стану попрежнему“. Дѣйствительно, поведеніе любимца было безупречно. Даже царедворцы простили ему его странное возвышеніе и искренно его уважали.

Остіерна прибылъ ко двору въ 1617 году; въ 1619 г. онъ былъ пожалованъ королевскимъ камермейстеромъ, кавалеромъ и произведенъ въ чинъ капитана гвардіи. Въ этомъ году канцлеръ графъ Аксель-Лилье далъ большой костюмированный балъ, на которомъ присутствовалъ король со свитой. Одна маска обращала на себя всеобщее вниманіе своимъ стройномъ ростомъ и благородствомъ манеръ. Когда она сняла маску, всѣ были поражены необычайной красотой ея.

Король Густавъ Адольфъ также былъ очарованъ красотой молодой дѣвушки. Онъ просилъ Остіерну узнать кто ея родители. Оказалось, что это дочь барона Зальстрома, живущаго уединенно въ своемъ имѣніи. Родные воспитывали дѣвушку вдали отъ шумнаго большаго свѣта, желая предохранить ее отъ соблазновъ и тревогъ свѣтской жизни. Двадцатипятилѣтній король, могущественный повелитель, храбрый воинъ на полѣ брани, разсудительный человѣкъ, былъ побѣжденъ очаровательными глазками дѣвушки.

Черезъ нѣсколько дней послѣ бала король сказалъ Остіернѣ:

— Любовь къ этой дѣвушкѣ не даетъ мнѣ сна и покоя. Такая красота должна обладать и добродѣтелями. Поѣзжай къ ея роднымъ и скажи, что я желаю просить у нихъ руки ихъ дочери. Я довѣряю тебѣ такое дѣло какъ другу. Но мнѣ не хотѣлось бы получить ея согласія только потому, что я король. Лучше мнѣ лишиться счастья, чѣмъ пользоваться имъ, благодаря не ея личному выбору, а только моему положенію.

Остіерна болѣе, чѣмъ кто другой, былъ способенъ исполнить порученіе короля. Но дѣвушка и на него произвела глубокое впечатлѣніе, а рѣчь короля еще усилила его. Королевскій посолъ былъ дружелюбно встрѣченъ барономъ Зальстромомъ. При извѣстіи же о желаніи короля родители дѣвушки пришли въ величайшій восторгъ.

Совсѣмъ иначе встрѣтила вѣсть эту прекрасная Ингерда. Она, повидимому, была опечалена, встревожена и затруднялась отвѣтомъ. Не того ожидалъ Остіерна.

— Что же я долженъ передать Его Величеству, спросилъ онъ. Подумайте, вѣдь только любовь и высокое къ вамъ уваженіе короля, побуждаютъ его просить вашей руки.

Чудесные, ясные глаза дѣвушки при этихъ словахъ наполнились слезами, но отвѣчать она не могла.

— Неожиданность счастливой вѣсти сильно поразила ее. Она еще дитя, воспитана въ деревнѣ, нужно дать ей время собраться съ мыслями, сказалъ баронъ. Пойди къ себѣ, моя милая, время есть для размышленія. Тутъ нѣтъ принужденія, пусть будетъ какъ твое сердце скажетъ.

Баронесса не могла сказать ничего окончательнаго довѣренному другу короля. Она приписывала замѣшательство своей дочери незнанію свѣта. Но въ своемъ замѣшательствѣ еще прекраснѣе показалась дѣвушка Остіернѣ.

Съ нетерпѣніемъ поджидалъ король возвращенія своего любимца, который съ точностью передалъ о результатахъ поѣздки, не умолчавъ о смущеніи и холодности Ингэрды.

Лицо короля омрачилось. Одна королевская корона не можетъ конечно возбудить любви, сказалъ онъ. Что если я ей не нравлюсь, или у меня есть счастливый соперникъ!

Остіерна старался успокоить короля. Еще разъ ему было поручено переговорить съ дѣвушкой. Не отъ родныхъ, но отъ нея лично хотѣлъ король слышать объясненія.

Остіерна исполнилъ приказаніе. Еще разъ говорилъ онъ съ родителями и съ дѣвушкой, но отвѣтъ былъ неудовлетворителенъ. На всѣ представленія о блескѣ такаго союза отвѣчала она просьбой дать ей время на размышленіе. Но съ этаго времени она стала плакать и грустить. Остіерна съ своей стороны тоже съ боязнью сталъ анализировать свои ощущенія, которыя съ ужасомъ онъ видѣлъ, были измѣной оказываемому ему довѣрію.

Между тѣмъ Густавъ Адольфъ обдумывалъ приготовленія къ предполагаемому браку. Съ трудомъ удавалось Остіернѣ умѣрять пылкость влюбленнаго монарха. Король сталъ подозрѣвать и бояться дурнаго исхода этаго дѣла.

— Остіерна, она не любитъ меня, я въ этомъ не ошибаюсь, хотя пока не зналъ еще, что такое любовь. Я чувствую, она любитъ другаго. Но кто этотъ другой, кто осмѣливается соперничать со мной? Ты долженъ разузнать это, вскричалъ король въ гнѣвѣ, и клянусь Господомъ, онъ поплатится за свою дерзость!

— Если бы подозрѣнія вашего величества были основательны, отвѣчалъ Остіерна, то было бы несправедливо мстить невиновному. Вы требовали отъ меня говорить вамъ всегда правду. То не была королевская рѣчь, то была рѣчь недостойная высокаго благородства Густава Адольфа.

Передъ строгимъ прямымъ взглядомъ Остіерны король опустилъ свои блестѣвшіе глаза.

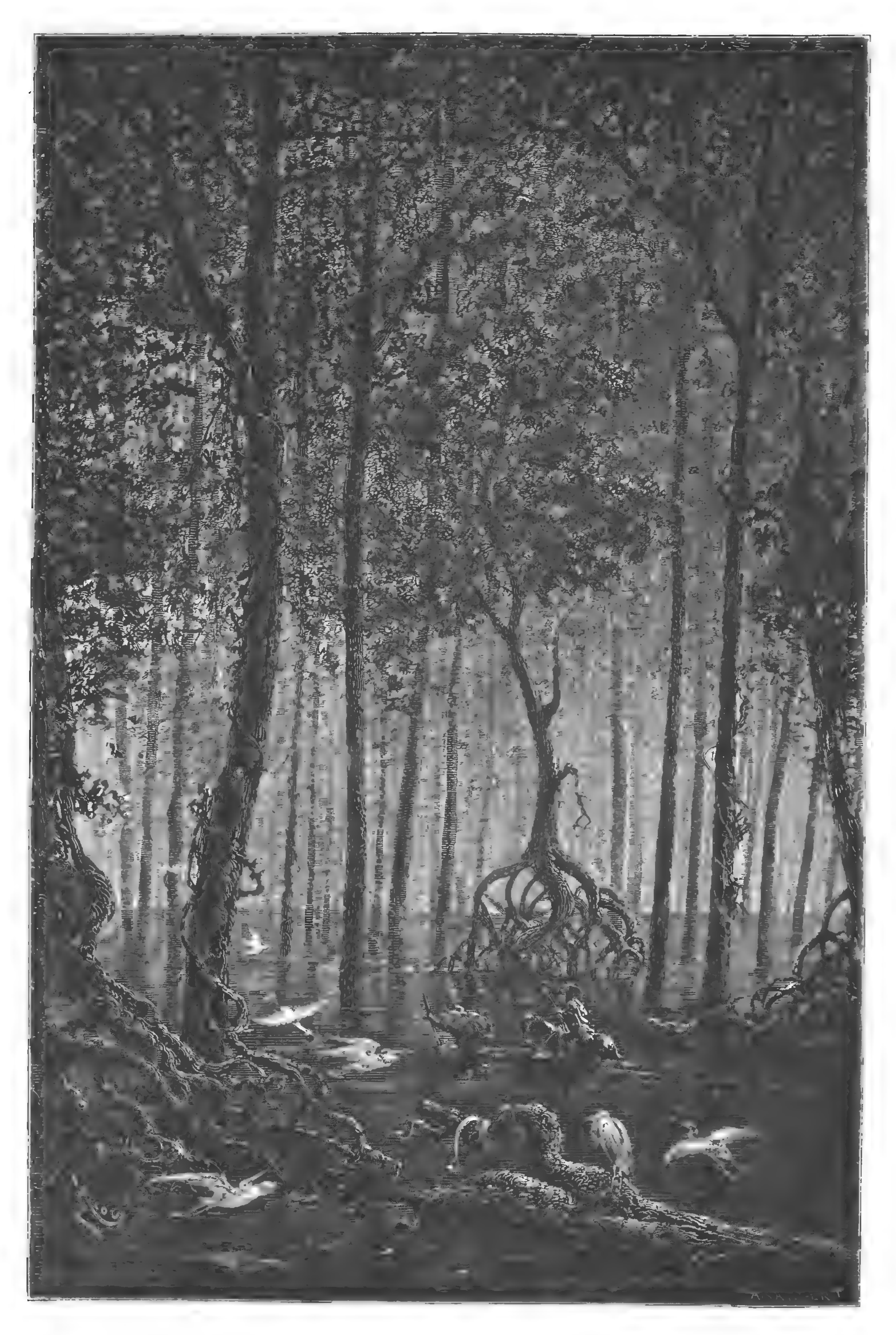
— Ты правъ, Остіерна, сказалъ король немного помолчавъ. Страсть заставила меня забыться и я унизилъ себя мыслью о несправедливости и насиліи. Почему другому не быть счастливымъ какъ я? продолжалъ онъ печально. То что я испытываю —невыносимо. Я подозрѣваю всѣхъ, даже тебя, Остіерна?

— Ваше Величество предполагаете меня способнымъ...

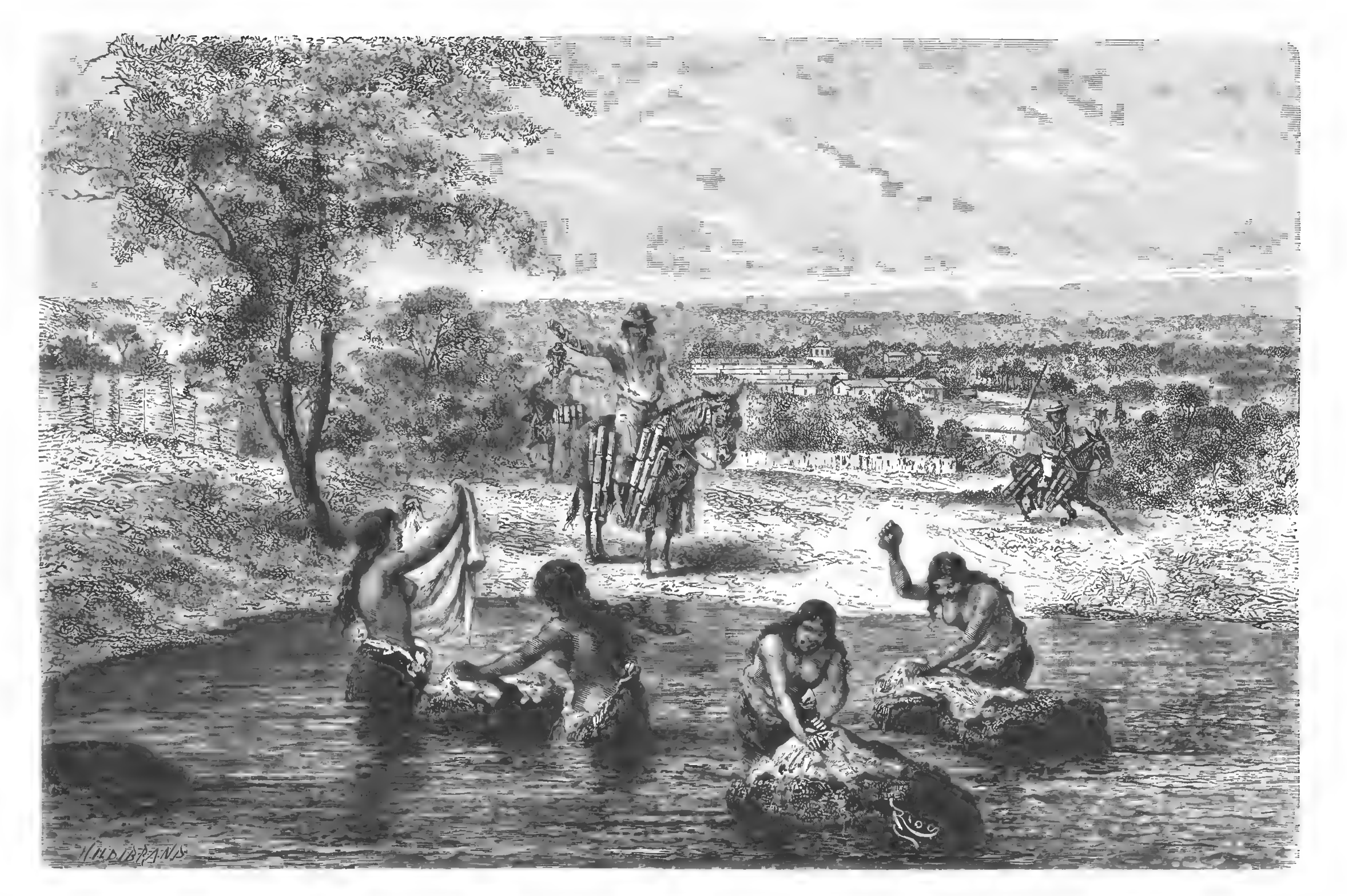
— Не перебивай меня, вскричалъ король. У меня нѣтъ основанія недовѣрять тебѣ. Твоей преданности я быть можетъ буду обязанъ счастіемъ моей жизни. Но эта любовь, она мучитъ и убиваетъ меня, я самъ себя не понимаю. Оставь меня одного.

Удалившись къ себѣ, любимецъ короля сталъ обдумывать свое положеніе.

— Мой король и благодѣтель меня подозрѣваетъ и подозрѣ-

Южная Америка. Колумбія. Затопленный лѣсъ близь рѣки Каука. Рис. Ріу, грав. Саржантъ.

Южная Америка. Колумбія. Прачки и водовозы въ Карѳагенѣ. Рис. Ріу, грав. Гильдебрандтъ.

ніе это—справедливо. Король чувствуетъ соперника, но кто же онъ? Человѣкъ, котораго онъ возвысилъ, облагодѣтельствовалъ, и которому онъ безгранично довѣряетъ. И этаго благороднѣйшаго изъ властителей я готовъ принести въ жертву своей любви. Какъ я ни старался скрывать отъ себя свои чувства, но я люблю ее страстно, молюсь ей и—измѣняю королю! Но нѣтъ, любовь эта моя тайна. Ни однимъ словомъ, ни однимъ взглядомъ я не выкажу дѣвушкѣ, что моя страсть къ ней сдѣлала меня чуть не измѣнникомъ.

Въ тотъ же день онъ уѣхалъ въ замокъ Лэфсте, гдѣ онъ былъ уже принятъ какъ другъ. Нѣсколько недѣль онъ не видѣлъ Ингэрды, и засталъ ее совершенно больною а родителей въ безпокойствѣ и заботахъ.

— Что я вижу, проговорилъ удивленный Остіерна. Ваше цвѣтущее, веселое личико сдѣлалось такимъ серьезнымъ, а губки ваши разучились смѣяться. Что скажетъ мой повелитель, увидѣвъ васъ такою печальною, васъ, которую онъ боготворитъ и согласіе которой сдѣлаетъ его счастливымъ.

— Думаете ли вы, что перемѣна которую вы во мнѣ находите, можетъ возбудить состраданіе короля? спросила Ингэрда.

— Вы меня не поняли, сказалъ Остіерна. Можетъ ли кто нибудь, кому выпало счастіе находиться около васъ, быть равнодушнымъ при видѣ вашихъ страданій. Тѣмъ болѣе будетъ безпокоиться король, который въ васъ видитъ свое будущее.

— Скажите королю, вспыхнувъ заговорила дѣвушка, что я высоко цѣню его предложеніе, что я его люблю и уважаю какъ своего монарха, но сердце мое не бьется для него сильнѣе. Вы знаете теперь все, скажите вашему повелителю, что—что я... люблю другаго.

— Вы любите другаго? проговорилъ пораженный Остіерна.

— Пощадите меня, не спрашивайте болѣе. Это моя тайна, съ которой я и умру.

Не въ силахъ будучи побороть себя, Остіерна схватилъ дѣвушку за руку. Вы умрете! вскричалъ онъ въ волненіи. Какой злой духъ внушилъ вамъ эти слова! Нѣтъ Ингерда, вы будете жить и будете счастливы.

Дѣвушка недовѣрчиво улыбнулась.

— Нѣтъ, прошептала она, я чувствую что умру, и я думаю —такъ будетъ лучше.

Она закрыла лицо руками и заплакала.

— Остіерна, продолжала она, не пріѣзжайте болѣе къ намъ. Вернитесь только тогда къ моимъ старикамъ, когда меня уже не станетъ и утѣшайте ихъ. Мои дни сочтены, скажите это королю. Я его никогда не любила, сердце мое принадлежитъ другому, и будетъ ему принадлежать до моей послѣдней минуты. Прощайте Остіерна, будьте счастливы.

Съ этими словами Ингерда вышла изъ комнаты. Остіернъ въ задумчивости простоялъ нѣсколько минутъ, затѣмъ съ грустью уѣхалъ обратно въ Стокгольмъ.

Въ тотъ же день онъ пришелъ къ королю. Ваше величество, сказалъ онъ, прошу уволить меня. Я не достоинъ находиться болѣе вблизи васъ.—ваше великодушіе изъ простаго мужика сдѣлало меня офицеромъ и дворяниномъ, вы удостоили меня своимъ довѣріемъ, которому завидовали знатнѣйшіе люди. За всѣ эти отличія я дурно отблагодарилъ. Ваше величество я люблю Ингерду Зальстромъ, я тотъ соперникъ, котораго вы опасались. По этому лишите меня лицезрѣнія вашего. Я этой милости болѣе не заслуживаю.

— Торбернъ Остіерна, и ты неблагодаренъ? воскликнулъ удивленный король.

— Всѣ упреки, которые вы мнѣ можете сдѣлать, я терпѣливо выслушаю. Какъ охотно я умеръ бы отъ вашей руки! проговорилъ Остіерна.

— О недостойный! Ты не заслуживаешь, чтобы рука твоего властелина коснулась тебя. Я былъ игрушкой твоего вѣроломства, но клянусь пролитой кровью Спасителя, преступленіе не останется ненаказаннымъ.

— Позвольте мнѣ сказать послѣднее слово мое, отвѣчалъ съ достоинствомъ Остіерна. Вы можете приказать убить меня, или заключить въ темницу. Я не буду роптать, потому что моя жизнь и все, что я имѣю принадлежитъ вашему величеству. Но въ оправданіе я долженъ сказать, что не сдѣлался измѣнникомъ. Ингерда Зальстромъ не слыхала отъ меня ни одного слова любви..

— Ты еще насмѣхаешься? вскричалъ въ бѣшенствѣ король.

— Я не узнаю моего царственнаго владыку, спокойно сказалъ Остіерна.

Король схватилъ колокольчикъ и велѣлъ явиться стражѣ.

— Возьмите шпагу у капитана Остіерны и строго за нимъ смотрите, сказалъ онъ вошедшему офицеру. Снимите съ него это платье и надѣньте на него его прежнее платье. Пусть онъ вернется въ ту грязь, откуда я его вытащилъ; онъ не долженъ умирать, но пусть живетъ въ нуждѣ. Тогда онъ пойметъ, что значитъ злоупотребить довѣріемъ короля. О негодный!

Король былъ внѣ себя, въ такомъ возбужденіи никто его никогда не видѣлъ. Вѣсть объ арестѣ его любимца разнеслась съ быстротою молніи. Никто не зналъ причины такой внезапной немилости. Тайна должна была быть очень важной; спустя только нѣсколько дней король вышелъ изъ своихъ покоевъ въ паркъ. Подъ гнетомъ горя онъ никого не допускалъ къ себѣ.

Задумавшись онъ подошелъ къ лугу, граничащему съ паркомъ. Въ ту же минуту къ ногамъ его бросился какой то крестьянинъ и проговорилъ: я Астингъ и умоляю ваше величество отпустить къ намъ въ деревню Остіерну, невинно засаженнаго въ темницу. Если же вы не хотите сдѣлать это, то прошу васъ, велите посадить и меня вмѣстѣ съ нимъ. Крестьяниномъ онъ былъ моимъ другомъ и не переставалъ имъ быть, когда сдѣлался офицеромъ и знатнымъ бариномъ.

— Дружба? усмѣхнулся горько король. Забава глупцовъ до тѣхъ поръ, пока они не снимутъ дурацкой шапки. Уйди Астингъ, я не вѣрю тебѣ.

— Во имя Бога, вскричалъ Астингъ, я требую правосудія для друга моего. Королей зовутъ представителями Божескихъ и человѣческихъ законовъ,—я здѣсь, чтобы объ этомъ напомнить. Вашей милости я обязанъ прекрасной усадьбой и достаткомъ, возьмите все назадъ, но выпустите Остіерну или позвольте мнѣ быть съ нимъ вмѣстѣ.

— Прочь, прочь! вскричалъ король, отстраняя его рукою. Быть можетъ и твоя мечта о дружбѣ обманетъ тебя. Оставь меня.

— Справедливости, я прошу, справедливости, говорилъ Астингъ.

Король возвратился во дворецъ. Только что онъ успѣлъ войти къ себѣ въ комнату, у подъѣзда остановилась карета. Король взглянулъ въ окно и отшатнулся, точно пораженный молніей. Онъ не вѣрилъ глазамъ своимъ. Въ одной изъ выходившихъ изъ кареты, онъ узналъ Ингэрду Зальстромъ. Спустя нѣсколько минутъ онъ услыхалъ ея голосъ и отказъ королевскаго камердинера доложить объ ней.

Король былъ точно въ лихорадкѣ. Онъ рванулъ дверь и очутился передъ Ингэрдой и ея матерью.

— Прошу извиненія ваше величество, начала баронесса. Я не могла отказать дочери въ просьбѣ свезти ее къ Вамъ. Она больна и надѣется, что Ваше милосердіе и справедливость возвратятъ ей душевное спокойствіе.

— Ингерда, проговорилъ король въ волненіи. Что привело васъ ко мнѣ?

— Увѣренность въ высокомъ благородствѣ и справедливости вашего величества. Остіерна невинно пострадалъ, сказала дѣвушка.

— Какъ можете вы такъ необдуманно и такъ рѣзко рѣшать, отвѣтилъ мрачно король. Чего вы хотите?

— Возвратить вамъ спокойствіе, высказать вамъ правду, продолжала безбоязненно дѣвушка. Вы не можете быть несправедливымъ. Еще не видя Остіерны, я начала питать къ нему глубокое уваженіе, слыша отовсюду похвалы его честности, великодушію и добродѣтелямъ. Онъ появился въ замкѣ моихъ родныхъ, передалъ мнѣ ваше милостивое предложеніе и выставлялъ на видъ высокую честь такого союза, въ выраженіяхъ полныхъ жару и убѣдительности, какъ подобаетъ вѣрному слугѣ.

— И тутъ же признался вамъ въ любви! воскликнулъ король?

— Нѣтъ, ваше величество! Остіерна не говорилъ ничего, что бы не касалось Васъ. Даже и безъ блеска короны, властитель Швеціи таковъ, что можетъ очаровать любое женское сердце. Но какъ могла я отдать свое, которое не было уже свободно.

— Я знаю, сказалъ король въ гнѣвѣ. Можно ли быть болѣе оскорбленнымъ. Повѣренный моихъ чувствъ—мой же соперникъ. Какъ онъ осмѣлился любить васъ? Въ этомъ онъ мнѣ самъ признался.

— Человѣкъ, который на столько владѣетъ собою, что не проговорилъ ни слова о своей любви, долженъ обладать высокой честностью, сказала Ингэрда, поднимая блестящіе глаза на короля. О любви Остіерны я впервые слышу отъ васъ.

Король провелъ рукою по лбу, точно желая отогнать мрачный образъ.

— Ингэрда, проговорилъ онъ тихимъ, дрожащимъ голосомъ. Я хотѣлъ возвести васъ на тронъ Швеціи, былъ почти увѣренъ въ своемъ счастіи, вдругъ такой страшный ударъ...

— Не во власти короля заставить полюбить себя. Посмотрите какая я худая и блѣдная—вотъ разгадка, почему я пришла къ вамъ. Не откажите въ просьбѣ умирающей, которой нечего ждать больше на землѣ. Будьте справедливы къ Остіернѣ, но не говорите, что я просила за него. Въ утомленіи Ингэрда опустилась на стулъ.

— Вернемся домой, дорогое дитя мое, сказала мать. Сколько мученій...

Большими шагами началъ король ходить по комнатѣ. Онъ вдругъ остановился передъ дѣвушкой и сказалъ глубоко взволнованный.

— Ингэрда, вы растрогали меня. На все воля Бога и все можетъ еще хорошо окончиться. И отворяя дверь, онъ сказалъ: Привести сюда тотчасъ же Остіерну.

Въ комнатѣ царила тяжелая тишина. Недолго ждали Остіерну: въ грубой крестьянской одеждѣ явился онъ въ сопровожденіи офицера. По знаку короля, послѣдній удалился.

При видѣ Ингерды и ея матери, бывшій любимецъ остановился на минуту. Затѣмъ молча поклонился и спокойно оборотился къ королю, сознавая свою правоту.

— Остіэрна, сказалъ король, ты невиноватъ и одежда, которую ты носишь свидѣтельствуетъ о моей несправедливости. Сними ее скорѣе, она служить мнѣ тяжелымъ упрекомъ. Не знаю, что сдѣлать, чтобы загладить все это? Во мнѣ ты снова находишь милостиваго повелителя и вѣрнаго друга. А вы Ингерда, если Богъ даруетъ вамъ здоровье, не откажите въ рукѣ вашей Остіернѣ, за котораго проситъ король.

Обнимая мать Ингэрда со слезами проговорила: мое будущее—это могила.

Вскорѣ однако о болѣзни и ожиданіи смерти небыло и рѣчи. На щекахъ Ингэрды зацвѣли снова розы и къ ней вернулось здоровье и обычная веселость. Въ непродолжительномъ времени состоялось ея бракосочетаніе съ Остіерной, а годъ спустя—бракосочетаніе Густава Адольфа съ Маріей Элеонорой Бранденбургской. Ингерда пользовалась такимъ же расположеніемъ королевы какимъ ея мужъ у короля. Отъ государственныхъ заботъ король искалъ отдохновенія въ домѣ Остіерны, про котораго говорилъ: между придворными я король, а у Остіерны я наслаждаюсь счастіемъ частнаго человѣка.

6-го ноября 1632 года Густавъ Адольфъ умеръ смертію героя на поляхъ Люцена. Остіерна палъ въ той же битвѣ. Онъ погребенъ вдали отъ родины въ церкви деревни Меуха.

Къ рисункамъ.

Выставка въ Академіи Художествъ. „Самозванецъ“.

(Карт. К. Б. Венига).

Была ночь съ 16 на 17 мая 1606 года. Лжедмитрій покоился на своемъ ложѣ въ Кремлевскихъ палатахъ, утомленный пирами и потѣхами, между тѣмъ, какъ Москва глухо волновалась, возмущенная наглостью пришлыхъ поляковъ и иноземцевъ, презрѣніемъ царя къ старымъ обычаямъ и святой вѣрѣ, оскверненіемъ храмовъ Божіихъ. И собрались черныя тучи надъ таинственнымъ (доселѣ представляется спорною личность его) и счастливымъ Самозванцемъ. Ровно въ 4 часа тихаго майскаго утра раздался первый условленный ударъ колокола съ Ильинки и скоро загудѣли всѣ сорокъ сороковъ Московскихъ набатнымъ звономъ. Народъ, вооруженный чѣмъ попало, высыпалъ на площадь, гдѣ уже на коняхъ, въ полномъ вооруженіи, собрались бояре. Князь Василій Шуйскій, держа высоко въ правой рукѣ крестъ, съ обнаженнымъ мечемъ вступилъ, окруженный своими, въ Кремль и подъѣхавъ къ Успенскому Собору сошелъ съ коня. Онъ приложился къ образу Владимірской Божіей Матери и громко сказалъ: „Во имя Божіе, идемъ на еретика“! Толпа кинулась къ палатамъ...

Набатъ и крики разбудили Дмитрія. Онъ послалъ молодаго Басманова, своего любимца, развѣдать, что случилось. Тотъ вышелъ—палаты окружены народомъ и его встрѣчаютъ криками и бранью. Внѣ себя отъ ужаса и отчаянія, онъ бросается къ царю, ведетъ его къ окну и въ сѣромъ свѣтѣ едва брезжущаго утра, указываетъ ему на бушующую, грозную толпу... Марина, появляясь, спрашиваетъ въ испугѣ, что случилось...

Этотъ драматическій, рѣшительный моментъ избранъ нашимъ талантливымъ художникомъ, профессоромъ Венигомъ, для своей картины, которая значительно выдалась своими высокими достоинствами на послѣдней выставкѣ Академіи. Поваленъ стулъ, сдвинутъ складками коверъ, безпорядокъ ясенъ сразу при взглядѣ на сцену. Картина писана блестяще, тщательно и поражаетъ до обмана вѣрнымъ исполненіемъ всѣхъ подробностей. Шелкъ, бархатъ, коверъ и проч. написаны удивительно. Бѣшенство на энергическомъ лицѣ Самозванца, ужасъ на лицѣ его любимца, красавца Басманова, изображены съ значительною силою и правдою. Быть можетъ нѣсколько театрально движеніе Дмитрія, или лицо молодаго боярина имѣетъ такъ сказать „современное“ выраженіе т. е. это какъ-бы переодѣтый въ боярское платье современный молодой человѣкъ, но все это, если и есть, выкупается массою другихъ достоинствъ, указываетъ на крупное дарованіе художника. Еще въ началѣ пятидесятыхъ годовъ К. Б. Венигъ получилъ большую золотую медаль за програмную картину „Эсфирь передъ Артаксерксомъ“ и отправился за границу. Тамъ написалъ онъ двѣ большія картины „Снятіе со креста“ и „Ослѣпленіе Содомитянъ“. За первую онъ былъ удостоенъ званія академика а за вторую профессора— и тогда же былъ назначенъ классным преподавателемъ Академіи а затѣмъ и профессоромъ. Весь этотъ періодъ времени, кромѣ своихъ оффиціальныхъ занятій г. Венигъ исполнялъ работы для Храма Спасителя и громадную картину для Исаакіевскаго Собора „Іоаннъ Богословъ“. Всѣ эти работы при своихъ достоинствахъ не заставляли однако говорить о художникѣ, кромѣ одного изображенія въ храмѣ Спасителя. То былъ первый признакъ окончательной выработки таланта. И наконецъ своей послѣдней картиной, рисунокъ которой мы прилагаемъ въ настоящемъ №, г. Венигъ выступаетъ въ полномъ развитіи своего художественнаго дарованія.

Выгонъ скота въ Юрьевъ день.

(Рисунокъ Н. Каразина).

Во всей Россіи Юрьевъ день, какъ весенній такъ и осенній, считается однимъ изъ важнѣйшихъ народныхъ праздниковъ; повсюду въ этотъ день совершается молебствіе и народъ молится св. Георгію, хранителю стадъ и покровителю земледѣлія. Послѣ весенняго Юрьева дня (23-го апрѣля) крестьяне обыкновенно выгоняютъ стада въ поле, принимаются сѣять рожь, ячмень, овесъ и вообще это время считается начальнымъ, а осенній Юрій (26 Ноября) конечнымъ днемъ всѣмъ полевымъ работамъ. Значеніе Св. Георгія какъ покровителя пастуховъ и земледѣльцевъ сохранилось у многихъ народовъ; Греки, Итальянцы, Французы, Нѣмцы и Англичане равнымъ образомъ чтутъ Св. Георгія и повсюду объ немъ ходятъ однѣ и тѣ же легенды, по которымъ Св. Великомученикъ Георгій, родомъ Каппадокіецъ, современникъ Діоклетіана, постоянно оказывалъ свое особенное покровительство пастухамъ и земледѣльцамъ и велъ открытую борьбу противъ дикихъ звѣрей и страшныхъ чудовищъ. Самое греческое имя святаго—*Γεώργιος* или *Георгесъ* обозначаетъ земледѣльца-селянина; у скандинавскихъ народовъ оно обратилось въ Jörgen; у нѣмцевъ въ Jürgen; у малороссіянъ—Юрко.

По русскому древнему сказанію „Егорій храбрый“, будучи сыномъ Премудрой Софіи, является постояннымъ поборникомъ вѣры истинной и защитникомъ св. Руси отъ козней бусурмановъ и всякой нечисти. Его изображеніе чеканилось на древнихъ московскихъ деньгахъ а потомъ вошло въ гербъ московскаго государства въ которомъ онъ, какъ и вездѣ, изображенъ на конѣ, поражающимъ чернаго змія.

Какъ весенній, такъ и осенній Юрьевъ день, считался въ древней Руси срокомъ перехода крестьянъ отъ однаго землевладѣльца къ другому, пока Борисъ Годуновъ не закрѣпостилъ ихъ къ землѣ и такимъ образомъ лишилъ возможности пользоваться правомъ Юрьева дня. Народное горькое чувство, при этомъ нарушеніи его исконнаго права, выразилось въ извѣстной поговоркѣ, до сихъ поръ живущей въ устахъ простолюдина: „Вотъ тебѣ, бабушка и Юрьевъ день!“

Нынѣ день св. Георгія удержалъ за собою значеніе лишь пастушескаго и земледѣльческаго праздника; во всей Россіи въ этотъ день крестьяне служатъ молебны на поляхъ и окропляя скотъ св. водою, выгоняютъ его вербою, освященною въ Вербное Воскресенье на *юрьеву первую росу*. Въ Курскѣ на Юрьевъ день, бываетъ ярмарка, на которой продаютъ глиняныя и деревянныя изображенія коровъ и другихъ животныхъ. Въ Бѣлоруссіи, послѣ выгона скота на юрьеву росу, пастухи получаютъ по десятку яицъ и по кувшину молока и пируютъ въ полѣ, приготовляя себѣ яичницу. Въ Малороссіи 23 апрѣля бываютъ крестные ходы на жито; отпѣвъ молебенъ съ водосвятіемъ священникъ окропляетъ поля св. водою. Въ заключеніе праздника, молодежь катается по житу, чтобы быть сильнѣе и здоровѣе, такъ какъ по народному вѣрованію юрьева роса даетъ и силу, и здоровье.

Выставка въ Академіи Художествъ. „Сонъ въ лѣтнюю ночь“.

(Группа г-жи З. Кюгельгенъ).

Одна изъ наиболѣе блестящихъ, фантастическихъ созданій Шекспира „Сонъ въ лѣтнюю ночь“. Это уже второй періодъ дѣятельности великаго поэта (въ 1594—1596 г.) пьеса отличается подробностями, исполненными удивительной поэзіи и неистощимаго остроумія. Это сопоставленіе міра грубаго и реальнаго съ міромъ сказочнымъ, полнымъ чудныхъ грезъ и сладкихъ видѣній, дало возможность поэту создать цѣлый рядъ веселыхъ и прелестныхъ сценъ. Титанія, царица фей, ласкаетъ ослиную голову нѣкоего Основы, однаго изъ доморощенныхъ актеровъ, по ремеслу ткача, обращеннаго въ осла Обероном, царемъ Эльфовъ. Дѣло въ томъ, что Титанія и Оберонъ немного повздорили, и царь Эльфовъ, чтобы дать маленькій урокъ гордой и капризной феѣ, посредствомъ приворотной травы возжегъ въ ней любовь къ нелѣпому, косматому животному—къ ослу—оборотню. Подъ вліяніемъ чаръ, Титанія безъ ума отъ своего любимца и обращается къ нему съ нѣжною рѣчью:

„Сюда, вотъ на травку прилягъ! поласкать
Дай нѣжныя щечки; позволь мнѣ убрать
Головку прекрасную розами; я
Хочу цѣловать я мохнатыя ушки...

Оселъ-оборотень очень спокойно принимаетъ всѣ эти ласки царицы фей, также какъ и услуги подвластныхъ ей крошекъ —сильфидъ. Его ожидаетъ самая сладкая будущность, сама Титанія говоритъ ему:

„Я фей отдамъ тебѣ въ услуги
И будутъ легкія подруги
Тебѣ носить изъ безднъ морскихъ
Сокровищъ много дорогихъ.
Баюкать пѣснею отрадной
Твой сонъ на мягкой и прохладной
Постели изъ цвѣтовъ живыхъ!

Но недолго продолжалось это очаровательное блаженство. Оберонъ пробуждаетъ Титанію отъ волшебнаго сна и она съ ужасомъ видитъ, чѣмъ увлеклась. Все приходитъ въ прежній порядокъ: Титанія остается подругой Оберона, по прежнему милой, воздушной, прихотливой царицей фей; Основа же опять принимаетъ образъ глупаго и хвастливаго ткача.

„О какъ бываетъ это, говоритъ одинъ изъ коментаторовъ Шекспира, великій поэтъ какъ бы напоминаетъ намъ: не часто ли прекрасныя феи, подъ опьяненіемъ приворота травы—страсти—ласкаютъ ослиную голову“...

Молодая артистка Залли Кюгельгенъ принадлежитъ къ семьѣ художниковъ, давно уже живущей въ Россіи. Въ концѣ прошлаго столѣтія пріѣхали изъ Германіи Гергардъ и Карлъ Кюгельгены, которые и получили званіе придворныхъ живописцевъ. Карлъ Кюгельгенъ — дѣдъ молодой артистки. Отецъ ея былъ талантливый пейзажистъ, и былъ отправленъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ на три года въ Римъ и затѣмъ получилъ отъ СПБ. Акад. Худ. званіе академика. Залли К. родилась въ 1860 году въ г. Дерптѣ, и въ самомъ нѣжномъ возрастѣ проявила талантъ, рисуя и лѣпя разныя вещицы изъ воска. Первые уроки брала она у г-жи Шварцъ-Гагенъ въ Дерптѣ—но видя что въ маленькомъ городкѣ не можетъ имѣть настоящаго руководства, пріѣхала 18-ти лѣтъ въ Петербургъ, гдѣ, въ школѣ рисованія общества поощренія художниковъ (Б. Морская) успѣшно идетъ впередъ. Она беретъ уроки у профессора И. Н. Крамскаго. Мы имѣли случай видѣть нѣкоторые портреты ея работы, прекрасно исполненные—ея симпатичный талантъ много обѣщаетъ. Артистка уже получила за первый портретъ, писанный масляннымн красками, серебряную медаль.

Южная Америка. Колумбія.

(Водовозы и прачки Карѳагена. Затопленный лѣсъ).

Помѣщаемые въ настоящемъ № рисунки „Водовозы и прачки“ Карѳагена—города въ Колумбіи, въ Южной Америкѣ, на рѣкѣ Каука—и „Затопленный лѣсъ“ принадлежатъ извѣстному блестящему французскому рисовальщику Ріу. Этотъ послѣдній дѣлалъ ихъ съ набросковъ г. Андре, посланнаго года два назадъ французскимъ правительствомъ съ ученою цѣлью изслѣдованія полуденныхъ странъ Новаго Свѣта.

Рисунки эти знакомятъ насъ съ особенностями въ высшей степени оригинальной мѣстности, съ роскошною ея природою, знакомятъ съ обитателями новаго Карѳагена.

На десятки и сотни верстъ тянутся гигантскіе лѣса Каука, согрѣваемые южнымъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, *тропическимъ* солнцемъ, листва густо и могуче покрываетъ верхушки гигантовъ; внизу же всѣ корни и стволы на нѣсколько футовъ покрыты сплошною массою воды темной, мутной, пропитанной испареніями и наполненной животными организмами. Почва до того насыщена водою, что уже болѣе не принимаетъ ее а черная жидкая масса стоитъ постоянно, не испаряясь даже подъ лучами солнца, которые при всей своей силѣ и жгучести не могутъ проникнуть сквозь своды густой листвы этихъ лѣсовъ, съ такимъ излишествомъ орошаемыхъ снизу. На поднявшихся кой-гдѣ высокихъ корняхъ тридцати и сорока футовыхъ въ вышину деревьевъ, устроили себѣ удобныя мѣстопребыванія громадныя змѣи и другіе представители животнаго царства, преимущественно земноводные. Тутъ-же, какъ бы чуя богатую добычу, на подмытыхъ и поваленныхъ водою стволахъ, сидятъ и кругомъ носятся большія птицы, заранѣе увѣренныя, что трудно найти гдѣ нибудь болѣе изобильный кормъ. Глубокая, величавая тишь царитъ въ этой прохладной тѣни и только крики бѣлыхъ лѣсныхъ хищниковъ да плескъ упавшаго съ дерева плода, да шумъ проѣзжающихъ по этой ужасной грязи рѣдкихъ, привычныхъ путниковъ, нарушаютъ торжественную тишину водянаго лѣса...

Другой нашъ рисунокъ представляетъ оживленную и характерную сцену изъ ближайшихъ окрестностей Колумбійскаго города Карѳагена,—этого прелестнѣйшаго уголка Новаго Свѣта. Умѣренный, теплый климатъ, подъ благотворнымъ вліяніемъ могучаго воздуха океана—климатъ, въ которомъ средняя температура и зимой и лѣтомъ стоитъ на 20 градусахъ (наибольшее 29 и наименьшее 18 градусовъ тепла) богатая природа, избытокъ влаги и солнца, дѣлаютъ эту мѣстность одной изъ очаровательнѣйшихъ на земномъ шарѣ. Нѣтъ тутъ ни болѣзней, ни эпидемій, нѣтъ надобности въ непосильномъ трудѣ подъ тропическими палящими лучами солнца, сила которыхъ умѣряется постоянно легкимъ морскимъ вѣтеркомъ и близостью океана; почва плодородна и при самыхъ незначительныхъ трудахъ богато отдаряетъ затраченныя силы. Легкая, пріятная жизнь вліяетъ и на нравственную сторону жителей, которые имѣютъ довольный и веселый видъ. Рѣдко, по собраннымъ г. Андре свѣдѣніямъ, приходится судебнымъ властямъ города имѣть столкновеніе съ обвиняемыми въ чемъ либо серьезномъ, а если и бываютъ случаи кражъ или убійствъ, то, въ большинствѣ случаевъ, обвиняемые непремѣнно пришельцы а не мѣстные обыватели.

Рисунокъ представляетъ берегъ рѣки Віей близь Карѳагена. На плоскихъ гладкихъ камняхъ, какъ-бы отшлифованныхъ волнами быстрой рѣки, расположилась группа туземокъ-прачекъ—стоя по поясъ въ водѣ онѣ моютъ бѣлье. Яркое солнце заливаетъ берегъ и своими жаркими лучами согрѣваетъ работницъ. Весело брызгаются онѣ, охлаждаясь въ быстрыхъ струяхъ рѣки и весело раздается пѣсня молодой карѳагенянки, въ тактъ ударяющей по своему бѣлью круглымъ камнемъ.

Но вотъ на берегу показалась цѣлая компанія молодыхъ водовозовъ. На бойкихъ быстрыхъ лошадкахъ, обвѣшанные бамбуковыми, въ срединѣ пустыми, тростниковыми тростями, пріѣхали они на берегъ за водою для города и избираютъ нарочно это мѣстечко, чтобы поболтать съ молодыми работницами. Съ гикомъ и шумомъ подъѣхали они къ самой рѣкѣ и повскакивали со своихъ камней молодыя карѳагенянки, замолкла пѣсня но ее смѣнилъ веселый смѣхъ.

Страна, которую посѣтилъ и описалъ этотъ французскій путешественникъ, Колумбія, южно-американская федеративная республика. Президентъ избирается на два года. Господствующій языкъ испанскій. Въ этой части страны, близь Карѳагена, населеніе очень смѣшанное. Тутъ уже не одни *шапетоны* (европейскіе испанцы) и креолы. Негры проникли въ самое сердце страны и рѣзко наложили слѣдъ своего типа и среди имущихъ и среди бѣдныхъ классовъ народонаселенія. Первые поселенцы страны почти изчезли въ среднихъ Кордильерахъ—они остались только въ неисходныхъ лѣсахъ Хоко.

Киви безкрылый.

Только въ Новой Зеландіи водится безхвостый и безкрылый киви изъ породы бѣгуновъ. Самка киви, на сѣверныхъ островахъ достигаетъ свыше аршина вышины; самецъ ростетъ гораздо меньше. Перья птицы сѣро-коричневыя; на верхней сторонѣ во всю длину пера идетъ желто-коричневая полоска. Болѣе всего птица эта встрѣчается въ болотистыхъ мѣстахъ верхняго Вангани; ранѣе она водилась около Гокіанга, сѣвернѣе Даклэндскихъ островов. Остеологія и анатомическое строеніе киви чрезвычайно своеобразны. Образъ жизни птица эта ведетъ совершенно особенный. Днемъ онѣ лежатъ въ ямахъ, свернувшись клубкомъ. Потревоженный днемъ, киви старается но возможности, какъ можно скорѣе снова улечься. Онъ не переноситъ дневнаго свѣта, за то ночью очень подвиженъ. Группами отъ шести до двѣнадцати особей расхаживаютъ киви, издавая рѣзкій крикъ и отыскивая червяковъ, они засовываютъ свой длинный носъ глубоко въ землю. Найденнаго червяка, онъ осторожно вытаскиваетъ изъ земли, стараясь не разорвать его и глотаетъ цѣликомъ. Пойманный киви боится свѣта. Наблюдать надъ ними возможно только ночью. Давали имъ въ пищу свѣтящихся кольчатыхъ червяковъ. Червяки эти покрыты свѣтящеюся слизью, которая прилѣпляется къ клюву птицы. При свѣтѣ слизи этихъ червяковъ, надъ птицами и производили наблюденія. Постоянно трогаетъ онъ клювомъ все что можетъ достать, и при этомъ обнюхиваетъ предметы. Можно утверждать, что осязаніе и обоняніе—самыя развитыя чувства у киви. Въ прежнее время, когда киви водились въ изобиліи, въ одну ночь охотникъ могъ выловить ихъ до ста штукъ. Киви бѣгаетъ весьма быстро, причемъ вытягиваетъ шею впередъ. Кожа его такъ толста, что изъ нея приготовляется хорошая прочная обувь. Большія яйца, до 3 вершковъ длины и около двухъ ширины, бѣловатаго цвѣта, съ шероховатой поверхностью, высиживаются исключительно самцомъ.

Политическое обозрѣніе.

Медленность въ дѣлѣ Вели-Магомеда.—Убіеніе Меккскаго шерифа.—Румелія.—Новыя затрудненія для Черногоріи.—Болгарія.—Франція.—Англія.—Бирманское посольство отправляющееся въ Европу.

Дѣло объ убіеніи Куммерау Вели-Магомедомъ, до сихъ поръ еще не окончено. Нашъ повѣренный при Портѣ, г. Ону обратился къ Савасу-Пашѣ съ нотой, въ которой обвиняетъ Порту въ медленности слѣдствія надъ Вели-Магомедомъ и сообщниками его, не смотря на всю важность и неотложность дѣла, прошло уже болѣе мѣсяца, а слѣдствіе не двигается впередъ и неизвѣстно, къ чему приведетъ. Г. Ону напоминаетъ при этомъ о дѣлѣ убійцы Гассана въ 1876 году, обращая вниманіе Порты на отвѣтственность, падающую на нее.

Гораздо энергичнѣе поступило Турецкое правительство съ другимъ убійцей, именно съ убійцей Меккскаго великаго шерифа. Утромъ 14-го марта шерифъ шейкъ Гуссейнъ совершалъ свое вступленіе въ Джедду подъ эскортомъ арабскихъ бедуинскихъ войскъ и въ сопровожденіи мусульманскаго духовенства, гимны котораго смѣшивались съ артиллерійскими салютами, раздававшимися въ честь шерифа. Замѣтимъ здѣсь кстати, что Меккскій шерифъ, въ качествѣ духовнаго главы суннитовъ, пользуется великимъ обаяньемъ въ мусульманскомъ мірѣ, который ставитъ его почти наравнѣ съ турецкимъ султаномъ. Встрѣча была торжественна. Многочисленная толпа сопровождала его до самаго дома, но Гуссейнъ не переступилъ порога

(Продолженіе на стр. 349, 350, 351 и 352).

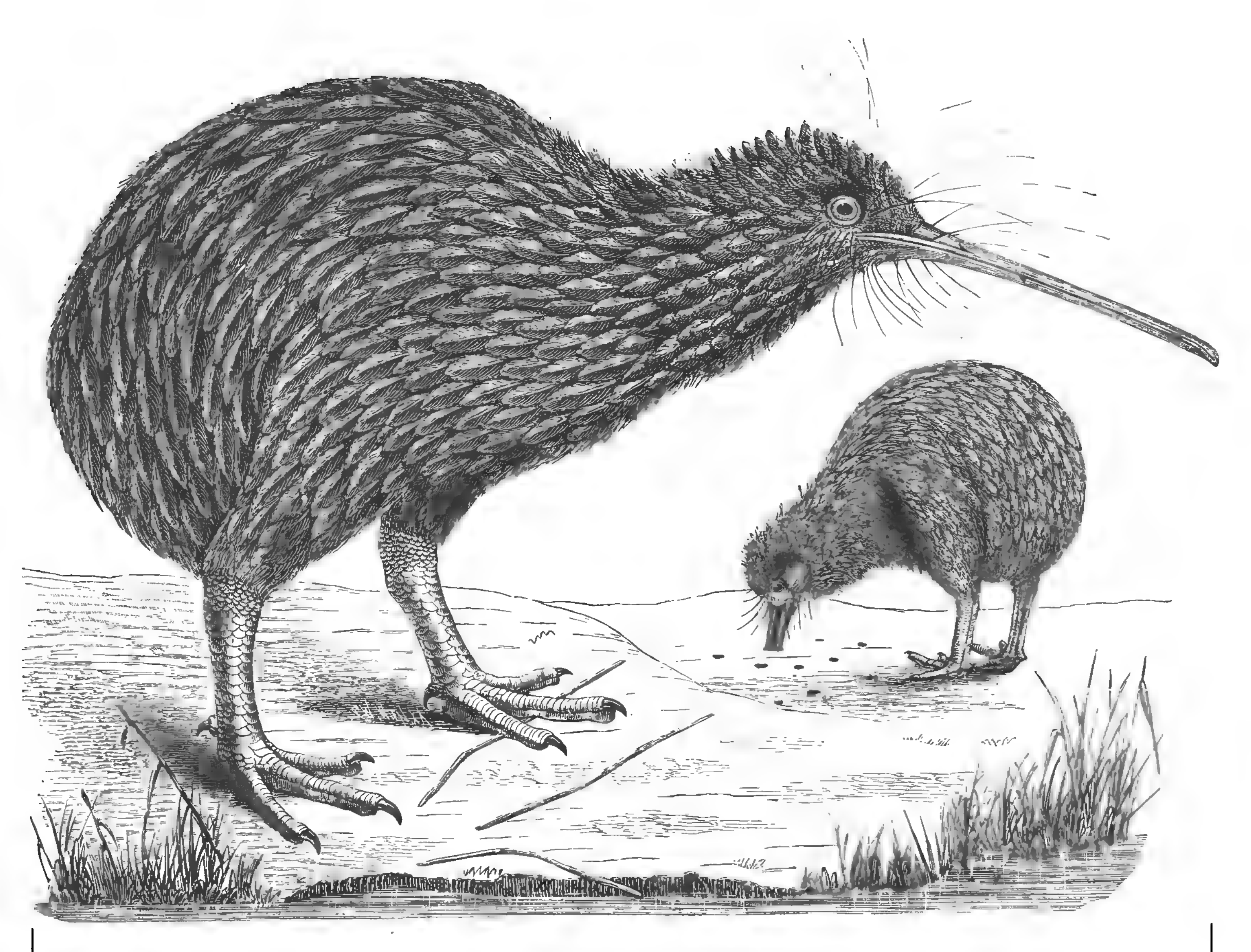
и даже не успѣлъ сойти съ лошади, какъ вдругъ персидскій дервишъ, принадлежавшій къ полку шіитовъ, бросился на него съ ятаганомъ въ рукѣ и, послѣ борьбы, продолжавшейся нѣсколько мгновеній, вонзилъ оружіе въ животъ ему. Великій шерифъ упалъ, обливаясь кровью, его перенесли въ домъ, привели въ чувство и, по настоянію его, послали за французскимъ консуломъ, врачебныя свѣдѣнія котораго составили ему громкую извѣстность въ Джеддѣ. Разъяренная толпа едва не разорвала преступника тутъ же на мѣстѣ и онъ, только благодаря заптіямъ, былъ доставленъ живымъ до городской тюрьмы Джедды. Шерифъ скончался на другой день отъ потери крови. Вѣсть о смерти его произвела въ городѣ крайнее раздраженіе противъ всѣхъ шіитовъ, которымъ народъ грозилъ, въ продолженіи нѣсколькихъ дней, истребленіемъ. Не обошлось безъ угрозъ и противъ христіанъ. Положеніе казалось столь опаснымъ, что агенты различныхъ державъ телеграфировали въ Константинополь о присылкѣ двухъ или трехъ военныхъ кораблей. Что касается убійцы, то, согласно нѣкоторыхъ источниковъ, онъ—не персіянинъ, а боснякъ(?) нафанатизированный нѣкіимъ Абдулъ-Мушталибомъ, добивавшимся должности великаго шерифа. Какъ бы то ни было, но виновникъ смерти Гуссейнъ.

Порта обратилась къ державамъ съ нотою, требующей созванія европейской комиссіи по дѣламъ Восточной Румеліи, для разсмотрѣнія проектовъ реформъ, выработанныхъ Портою, согласно одной изъ статей Берлинскаго трактата, для европейскихъ провинцій Турціи.

Интересно знать, въ чемъ заключаются реформы тѣ, что онѣ совершенствуютъ, что дополняютъ и въ какое новое положеніе ставятъ Румелію?..

Недавно мы сообщили о ратификаціи турецко-черногорской пограничной конвенціи. Все вышло хорошо и гладко—на бумагѣ, дѣйствительность же, повидимому, готовитъ иное. Впрочемъ, едвали нельзя было не предвидѣть того. Порта, при обсужденіи конвенціи, открыто заявила, что не принимаетъ на себя отвѣтственности за сопротивленіе, которое могутъ встрѣтить черногорцы со стороны населенія уступаемой имъ территоріи на берегахъ Скутарійскаго озера. Благодаря правительствамъ итальянскому и нашему, Турція обязалась принять мѣры къ своевременному предупрежденію черногорскихъ военныхъ властей объ очищеніи турецкими войсками той территоріи. Между тѣмъ, какъ видно изъ новѣйшихъ депешъ, условіе это не было выполнено въ точности. Черногорцы увѣряютъ даже, будто турецкія войска передали свои позиціи арнаутскимъ отрядамъ (пополняющимся не только албанцами-католиками, но и „перебѣжчиками“ изъ турецкой регулярной арміи), придвинутымъ комитетомъ албанской лиги. По слухамъ, нѣкоторые изъ турецкихъ офицеровъ, распоряжавшихся на тѣхъ позиціяхъ, приняли начальство надъ арнаутами. О силахъ, приготовленныхъ албанской лигой, мы уже говорили читателямъ нашимъ. Сомнительно, чтобы князь Николай, располагающій въ Подгорицѣ и окрестностяхъ ея 5-ю или 6-ю тысячами солдатъ, могъ совладать съ арнаутами, стянутыми на границахъ Черногоріи и Сербіи. Не трудно видѣть теперь насколько полезны были для лиги проволочки турецкаго правительства, затянувшаго переговоры о конвенціи на цѣлые годы. Слишкомъ наивно было бы не видѣть разсчета въ проволочкахъ этихъ. Образъ дѣйствій и разсчетъ Порты, защищающей себя въ вопросѣ этомъ можетъ еще быть понятъ и оправдываемъ до извѣстной степени, за то, хотя и понятенъ, но не можетъ быть оправдываемъ разсчетъ тѣхъ, кто поставилъ Черногорію на новый путь крови и бѣдствій!..

Князь Александръ въ своей тронной рѣчи къ болгарской скупштинѣ (вкратцѣ она уже извѣстна нашимъ читателямъ), сообщилъ о слѣдующихъ проектахъ законовъ, которые будутъ внесены на разсмотрѣніе скупштины: исполненія организаціи властей, опредѣленія отвѣтственности лицъ, состоящихъ на правительственной службѣ, реорганизаціи полицейскаго вѣ-

Киви. (Безкрылая птица въ Новой Зеландіи). Рис. Кашекъ, грав. Винь.

домства, судовъ первой инстанціи и кассаціонной палаты, учрежденіе учительскихъ семинарій и народныхъ школъ, о государственномъ бюджетѣ, о введеніи однообразной системы мѣры и вѣса, о національной болгарской монетѣ, объ учрежденіи національнаго банка и проч. Князь заявилъ о необходимости выработать эти важныя законодательныя мѣры въ возможно непродолжительномъ времени. Слѣдя съ неподдѣльнымъ и теплымъ участіемъ за всѣмъ, что касается славянскихъ княжествъ, мы не можемъ привѣтствовать съ искреннею радостью успѣховъ въ развитіи внутренней жизни ихъ.

Новыя книги.

Всеобщая исторія литературы, *по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, Подъ ред. Ѳ. Корша, Спб. 1880, вып. I.* Предпріятіе это предполагается выполнить соединенными силами нѣкоторыхъ русскихъ ученыхъ и писателей. Настоящій выпускъ составляетъ четвертую часть перваго тома этаго обширнаго изданія г. Риккера; имена профессоровъ В П. Васильева, И. П. Минаева, Залемана, Медестова, Кирпичникова и друг. ручаются за солидность работъ. Изданіе несомнѣнно будетъ имѣть успѣхъ.

Стихотворенія К. Случевскаго, Спб. 1880. Напечатать теперь книжку своихъ стиховъ надо безспорно храбрость. Что касается талантливаго автора этаго изящно отпечатаннаго томика, то наши читатели знакомы съ его произведеніями. Въ „Нивѣ“ было помѣщено нѣсколько прелестныхъ его пьесокъ—„Ночью у рѣки“, „Въ лабораторіи“. „Мало свѣту въ нашу зиму“ и друг. Свѣжесть, искренность и капризная оригинальность образа и стиха вполнѣ и далеко выдѣляютъ г. Случевскаго изъ ряда вновь нарождающихся поэтовъ.

Солнышко. *Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ. Сост. А. Радонежскій. Одобрено Ученымъ Комитетомъ М. Н. П. Спб. 1880.* Какъ трудно составлять такія книжки хорошо, какъ много пониманія, опытности, вкуса и любви къ дѣлу это требуетъ, доказываетъ эта масса безтолковыхъ сборниковъ, часто единственная цѣль которыхъ—спекуляція, благо перепечатки ничего не стоютъ. Книгу г. Радонежскаго, какъ относительно цѣлесообразности и вкуса выбора пьесъ и тона разсказовъ такъ и по изяществу изданія, можно назвать образцовою. Но да не посѣтуетъ почтенный составитель, если мы позволимъ себѣ замѣтить, что въ книгѣ есть нѣкоторые недосмотры напр. въ стихахъ Пушкина сорока скачетъ *надъ* калиткою; въ стих. „Чижикъ“ нѣтъ соотвѣтствующей риѳмы—у Пушкина! Это вѣдь книга для чтенія въ школахъ.

Почтовая справочная книжка, *сост. П. Помидоровъ.* Спб. 1880. Хотя необходимыя свѣдѣнія по этому предмету и публикуются своевременно, но прочитываются случайно, забываются и встрѣчаются часто недоразумѣнія только вслѣдствіе незнанія почтовыхъ правилъ. Эта весьма добросовѣстно и толково составленная справочная книжка конечно принесетъ пользу всѣмъ, кому приходится много имѣть дѣла съ почтой.

Разныя извѣстія.

Пасхальное яйцо.—Какъ извѣстно, происхожденіе многихъ нашихъ обычаевъ относится къ временамъ язычества. Къ числу такихъ, между прочимъ, принадлежитъ и обычай поднесенія пасхальнаго яйца.

Изслѣдователь старины Ломпридэ разсказываетъ, что въ день рожденія римскаго императора Марка Аврелія, статуя, котораго и нынѣ украшаетъ еще площадь капитолія въ Римѣ, курица, принадлежащая матери этаго императора, снесла яйцо, на скорлупѣ котораго были красныя пятна. Удивленная владѣлица обратилась за совѣтомъ къ одному знаменитому авгуру. который сказалъ, что эти пурпуровыя пятна означаютъ, что новорожденный будетъ носить императорскую мантію.

Это пророчество исполнилось, и съ тѣхъ поръ у римлянъ вошло въ обычай подносить другъ другу окрашенныя красной краской яйца при поздравленіяхъ. Къ этому обычаю, какъ и всегда, начала мало по малу прививаться религіозная идея.

Впрочемъ, яйцо всегда почиталось древними, какъ символъ вселенной. Желтокъ, расположенный въ центрѣ яйца, представлялъ собою солнце въ пространствѣ. На праздникахъ Бахуса римляне поклонялись яйцу, положенному на алтарь.

По поводу однаго газетнаго извѣстія. Въ прошломъ № мы помѣстили весьма интересное сообщеніе о рукописи апостола Петра, тогда же впрочемъ выражая сомнѣніе въ его вѣрности и указывая источники, откуда его заимствовали. Къ сожалѣнію газеты часто не останавливаются передъ средствами, чтобы только придать интересъ своимъ извѣстіямъ. Теперь тѣ же газеты, изъ которыхъ мы заимствовали означенное извѣстіе, объявляютъ, что они были введены въ заблужденіе чьей-то мистификаціей.

О колоссальномъ паромѣ. Новый проэктъ устройства переѣзда изъ Англіи на континентъ съ устраненіемъ морской болѣзни, въ Лондонѣ, уже близокъ къ выполненію. Въ общихъ чертахъ и въ финансовомъ отношеніи принятъ планъ однаго предпріимчиваго инженера, ученика извѣстнаго Циммермана, занимающагося на машинной въ Ярроу. На паромѣ колоссальной величины предполагается перевозить черезъ проливъ цѣлые желѣзнодорожные поѣзда отъ Бихъ-Гайда (у Кастбурна), откуда Дьеппъ въ 90 или 100 клм.; этотъ же самый поѣздъ отъ морскаго берега будетъ направляемъ прямо въ Парижъ. Такимъ образомъ путь отъ Лондона до Парижа сокращается до 160 клм. Пристань для парома, въ виду приливовъ и отливовъ, посредствомъ особаго механизма будетъ подниматься и опускаться, такъ что паромъ и полотно рельсъ не будутъ въ зависимости отъ высоты водъ.

Рѣшеніе алгебраической задачи № 31.

Обозначивъ общее число войска чрезъ x
число убитыхъ чрезъ . . . . y
число раненыхъ и больныхъ чрезъ . . . . . z
то оставшихся въ строю будутъ . . . x—(y+z)
и мы получимъ слѣдующія уравненія:

$$\text{I. } \frac{x-20000}{2} = y + z$$

$$\text{II. } x + 40000 = 4z$$

$$\text{III. } x - (y + z) = 3(z - y)$$

Рѣшивъ эти уравненія найдемъ;

x = 160,000 общее число войска,
y = 20,000 убито, и
z = 50,000 раненыхъ и больныхъ,
x — (y + z) = 90,000 оставшихся въ строю.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: **Спб.**, отъ гг.: Юргенсъ, Золотилова, Цетрова, Козлова, Потапенко, Беръ, Богуславскаго, Васютинскаго, Аксенова, Ненастнаго, Губанова, Зубова, Везобразова, Денисова, Груздева, Чекушкина, Журавлева, Спарро; **Москва:** Барсукова, Эфросъ, Погожева, Попова, Зѣвакина, Румянцева, Лебедева, Пупырникова, Корешкова, Борисова. Галактіонова, Кожевникова, Гилль, Правина; **Кронштадтъ**—Сокольникова, Тимофѣевскаго, **Тверь**— Е. Ф—ской, **Минскъ**—Иванова, **Подбродзе**—Пестреченко, **Орелъ**—Черенкова, **Брянскъ**—Матвѣева, **Нижн. Новгородъ**—Обухова, **Вильно**—Газенвинкель, Стрѣлкова.

Рѣшенія магическихъ квадратовъ.

Задача № 27.

р	у	к	а
у	г	о	р
к	о	р	а
а	р	а	б

Задача № 28.

п	о	л	к
о	р	е	л
л	е	н	а
к	л	а	д

Вѣрныя рѣшенія этихъ задачъ присланы: **Спб** отъ гг. Завадскихъ, Мансвѣтова, Аламбаева, Мар., Копылова, Смирнова, Елизарова, Жаннинъ-Перро, Кожевникова, Краузе; **Москва**—Суси, Серебрякова, Канненбергъ, Вышегорскаго, Кирилова; **Мозырь**—Занцевича, **Гродно** — Чудовской, **Кострома** — Солодовникова. **Тула** — Никольской, **Кронштадтъ**—Сокольникова, **Воронежъ** Москалева, **Угличъ** Тихонравова, **Борисовка**—Черноземской, **Рыбинскъ**—Киселева, **Коренево**—Захарова, **Петергофъ**—Вирюкова, **Калишъ**—Комаровскаго, **Угличъ**—Лучинскаго, **Елецъ**—Кожухова, **Казань**—Маркова, **Заславль**, Гохблитъ.

Рѣшеніе ариѳмогрифа (задача № 29).

1, Амара	11, маякъ	21, ярмарка
2, Аяя	12, мака	22, Арамъ.
3, Камъ	13, ракъ	23, Камара
4, макакъ	14, Яма	24, марка
5, Мая	15, аракъ.	25, Макаръ.
6, Рама	16, Ара.	26, Ракка.
7, яръ.	17, Кама	27, арка.
8, Амакъ	18, макъ.	28, Мара.
9, акръ.	19, Маркъ	
10, Кара	20, рака	

Армякъ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы. **Спб**, отъ гг.: Юргенсъ, Моосъ, Феклина, Ник...еманъ, Пороховщикова, Авеніуса, Н. И. Зотова, Ивашенцова, Сабаева, Крекшина, Адамова, Уколова, Витлокъ, Коркина, Бера, Петрова, Поль-ни-Коля, Паншина, Попова. Григорьева, С. и С. Завадскихъ, Кондратьева, Руси, Уварова, Попова-Зубова, Молчановскаго, Рюмкина, Эммануэля; **Москва**, отъ гг.: Егорова, Трубецкаго, Везика, Лодыгина, Пупырникова, Жильцово, Хитрово, Васильева, Серебрякова, Канненберга, Полякова, Нильсена, Еремина, Бурова, Варсукова, Гилль, Матвѣева, Краузе; **Кронштадтъ**—Краюшкина, Иванова, Попова, Сокольникова; **Серпуховъ**—Иконникова; **Псковъ**—Володимірова; **Ковель**—Рудницкой, Смольяниновой: **Свенцяны**—Пестреченко; **Гатчино**—Панова; **Козловъ**—Верещагина; **Н.-Новгородъ**—Гусихъ, Горячева, Зарубина; **с. Печани**—Аржеухова; **Раненбургъ**—Кирѣева; **Тула**—Генеропитомцева; **Моршанскъ**—Чурко; **Рязань**—Ростиславова; **с. Сергіевское**—Постниковой; **Елецъ**—Бякина; **Пенза**—Еремѣева, Попова; **Кирсановъ** Войнова; **Одесса**—Волохова; **Екатеринославль**—Южакова; **Тверь**—Ляпунова; **Царское село**—Иванова; **Царицынъ**—С. Ч.; **Саратовъ**—Гремяцкаго.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.

Съ разрѣшенія С.-Петербургской Врачебной Управы:

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО
- **Розовое** въ оловянной оберткѣ по 25 к.
- **Бѣлое** высш. кач. для дамъ и дѣтей „ 35 „
- **Прозрачное**, по разнымъ цѣнамъ, отъ 10 „
- „ Букетъ Императрисъ по 50 „

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ОТЪ ПОДРАЖАНІЙ.

къ которымъ **прибѣгаютъ** нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмы, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

Обращать вниманіе при покупкѣ каждаго предмета на точность фирмы:

„С.-П.-БУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

1) **Невскій проспектъ, д.** № 32, Католич. церкви.
2) **Невскій просп.**, у Аничкова моста, № 66.
3) **Вознесенскій просп.**, уголъ Казанской ул., домъ № 18—54, Шредера.

Всѣ прочіе, магазины и лавки, имѣющіе вывѣски, сходные съ вывѣскою **С.-Петербургской Химической Лабораторіи, ей не принадлежатъ.**

ГАЛЬМАНИНЪ.

После многочисленныхъ опытовъ мнѣ удалось составить счастливую смѣсь (Гальманинъ) предотвращающую совершенно прѣніе частей тѣла, въ особенности же прѣніе ножныхъ пальцевъ. Въ короткое время средство это сдѣлалось извѣстнымъ во всемъ краѣ. **Въ составъ его входитъ средства совершенно безвредныя; онъ не задерживаетъ потъ, но поглощаетъ его, образуя мелкіе микроскопическіе кристаллы;** эти-то качества и даютъ ему преимущество надъ средствами до сихъ поръ употребляемыми въ Германіи и Франціи.

Гальманинъ своимъ дѣйствіемъ, осушая части тѣла, прѣніе ихъ дѣлаетъ невозможнымъ; посему лицамъ, принужденнымъ много ходить, средство, мною изобрѣтенное, можетъ оказать величайшую услугу. Довольно натереть Гальманиномъ разъ въ нѣсколько дней прѣющія части, помощью ваты, полотна или кисточки, чтобъ избѣгнуть тѣхъ непріятныхъ послѣдствій, какимъ бываютъ подвержены лица, принужденныя долго ходить въ лѣтніе, жаркіе дни.

Ручаясь вполнѣ за дѣйствительность изобрѣтеннаго мною Гальманина, что подтверждаютъ многочисленные опыты варшавскихъ врачей, **смѣю обратить вниманіе публики, дабы она остерегалась подлоговъ и покупала Гальманинъ только въ коробочкахъ снабженныхъ моею фирмою.**

Склады Гальманина находятся во всѣхъ аптекахъ, а также у дрогистовъ въ значительнѣйшихъ городахъ Европы. Главное депо въ моей аптекѣ въ Варшавѣ. Большая коробочка Гальманина 50 к.; меньшая коробочка 30 к.

В. Карпинскій.

Магистръ фармаціи, владѣлецъ аптеки въ Варшавѣ, ул. Електоральная, № 35 (новый). № 586 12

Съ апрѣля текущаго 1880 г. будетъ ежемѣсячно издаваться **новый журналъ.**

ФОТОГРАФЪ

органъ V Отдѣла Императорскаго Русскаго Техническаго Общества.

Журналъ будетъ заключать въ себѣ слѣдующіе **отдѣлы:** Свѣдѣнія о дѣятельности Отдѣла и его коммисіи.—Обозрѣніе новостей по свѣтописи и ея примѣненіямъ.—Описаніе наиболѣе замѣчательныхъ способовъ и научныя статьи.—Библіографія и критика.—Корреспонденція.—Мелкія свѣдѣнія.—Объявленія.

Годовая **цѣна** (съ января) съ пересылкою и доставкою **5** руб.
Въ текущемъ году съ апрѣля по конецъ декабря . . **4** „

Спеціальный редакторъ журнала **А. В. Фрибесъ.** Отвѣтственный редакторъ **Фотографа,** какъ и Записокъ Техническаго Общества Секретарь Общества **Ѳ. Н. Львовъ.**
(Фотографъ составляетъ отдѣлъ Записокъ Общества).

Подписка принимается въ Канцеляріи Императорскаго Русскаго Техническаго Общества, Пантелеймонская ул., № 2. Иногородные посылаютъ письма по тому же адресу. № 677 3—2

НАСТОЯЩІЯ ЯГОДНЫЯ И ФРУКТОВЫЯ

ВОДЫ

Н. П. Ланина.

можно получать прямо съ завода **въ Москвѣ,** Москворѣцкій мостъ, собственный домъ.

„Избѣгать поддѣлокъ“. № 681 10—2

КОЛЬБЕРГЪ,

МОРСКОЕ КУПАНЬЕ И СОЛЯНЫЯ ВАННЫ.

(Станц. желѣзн. дор., въ 1879 г. 4472 посѣтителя;)

Единственная мѣстность въ мірѣ, гдѣ одновременно можно пользоваться купаньемъ въ морѣ и соляными ваннами.

Въ воздухѣ много озона. Сильный прибой волнъ. Соляной источникъ, содержащій по проф. Вёлеру 5% соли, принадлежитъ къ сильнѣйшимъ солямъ для ваннъ. Устройство для ваннъ превосходное. Лѣса и прелестный паркъ **у самаго моря** окружаютъ дома для пріѣзжихъ. Квартиры отдаются за умѣренную цѣну. Хорошія гостинницы, большія удобства, разнообразныя удовольствія, отличный театръ. О величинѣ и стоимости квартиръ можно справиться въ нашей Конторѣ. Программы охотно высылаются безплатно. Первый курсъ леченія продолжается до конца іюля, а второй до конца сентября.

Ptr. № 710 3—1 **Управленіе водами.**

EDITION JURGENSON

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОЙ ТОРГОВЛѢ

П. ЮРГЕНСОНА

Москва, Неглинный проѣздъ, № 10.

Вышли изъ печати слѣдующія

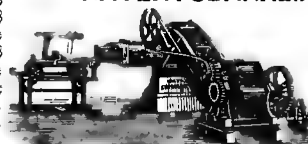
МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ:

	Р.	К.
Chopin. Fp. Op. 21. Second Concerto avec un nouvel accompag. d'Orchestre par Karl Klindworth. 1. Partition d'Orchestre	6	—
„ 2. Parties d'Orchestre	6	—
Enslin C. F. El Turia. Valse pour Cithare	—	40
Kirchner Th. Op. 14 № 1 Marsch	—	30
„ 4. Nocturne	—	30
„ 7. Studie	—	20
„ Op. 16 Heft 1 Kleine Lust- und Trauerspiele. Нов. изд.	—	50
„ „ „ 2 „ „	—	60
„ „ „ 3 „ „	—	50
„ Op. 17 Heft 2 Neue Davidsbündlertänze. Нов. изд.	—	65
„ 3 „ „	—	50
Liszt, Fr. Polonaise de l'opéra Eugène Onéguine	1	25
„ „ Tarantella de Dargomijski	1	25
Малашкинъ, Л. Экспромптъ для фортепіано	—	30
„ Первая Баллада. Проклятіе.	—	40
„ Тебѣ мой даръ смиренный Элегія (съ віолончелью).	—	40
Messer, N. Deux airs transcrits de l'opéra Eugène Onéguine pour Violon avec Piano № 1. Andante élégiaque. № 2. Arioso	—	à70
Rubinstein, A Op. 82 № 2 Lesghinka, pour Violon avec Piano par E. Sauret	1	—
Купецъ Калашниковъ. Либретто	—	50
Schumann, R. Op. 21. Acht Novelletten revidirt und mit Fingersatz versehen von Karl Klindworth compl.	2	25
Heft 1. 2. 3. 4. à 60	2	40
Tschaikowsky. Op. 3 Trois morceaux. № 1 Rêverie. № 2 Polka de Salon. № 3. Mazurka de Salon. à 40 cop.		
Op. 31. Marche slave. Partition	—	3
Ouverture „Romeo et Juliette“ à 2/ms	1	10
Евгеній Онѣгинъ въ 2 руки Iewgeny Onegin 2 ms	3	–
Евгеній Онѣгинъ либретто	—	50
Thomsen. G. Ballata de Lucrezia Borgia	—	40
„ Trot de cavallerie. Кавалерійская рысь Pour Cornet	—	40
Der Schwalben-Abschied v. Kücken à piston	—	40
Сонъ Пауфлера avec	—	40
Der Iäger fon Kücken Piano	—	90
Romance	—	40
Volkmann, R. Ou. 24 Esquisses hongroises à 4 ms. ouv. Edit. Liv. 1. 2. à 1 r. 25	2	50
Voss, Ch. 51, № 2. Le Carneval de Venise	—	60
Виллуанъ, А. И. Школа для фортепіано 3-е изданіе	4	—
Wieniawski, N. Op. 6 Souvenir de Moscou. 2. Airs russes pour le violon avec accomp. d'Orchestre ou de piano. Violon avec Piano	—	80
Op. 23. Trois feuillets d'Album pour le violon avec accomp. le piano № 1. Gigue	—	75

П. М. № 708

ПАТЕНТОВАННЫЯ ТОРФЯНЫЯ МАШИНЫ

СЪ АППАРАТОМЪ ДЛЯ РАЗРѢЗЫВАНІЯ КОРНЕЙ.

КИРПИЧЕДѢЛАТЕЛЬНЫЯ МАШИНЫ,
мѣшалки для приготовленія извести и цемента.

Имѣются постоянно въ складѣ.

ЛУДВИГЪ ФЕДОРОВИЧЪ ШЛИКЕЙЗЕНЪ, Инженеръ.

Ц. К. М. № 593 **Москва,** Мясницкая ул., д. Ермакова, противъ Почтамта. 3—3

ВАЖНО ДЛЯ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

франкфуртскія молотилки системы Вейла.

Должны быть вездѣ, гдѣ молотятъ. Это самыя лучшія, прочныя извѣстныя, дешевыя машины этаго рода. Всякій работникъ можетъ ихъ поставить, каждый поденьщикъ можетъ (ими пользоваться) **съ ними справиться,** каждый кузнецъ можетъ ихъ починить.

Машины эти, съ чистильщикомъ или безъ него, доставляются на каждую желѣзнодорожную станцію. Самой малой величины молотилка стоитъ только 76 рублей. По письменному требованію иллюстрированный каталогъ у **МОРИЦА ВЕЙЛА** младшаго.

Машинная фабрика въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ (въ Германіи).

Корреспенденція по русски.

Ptr. № 652 ·13—3

Въ фотографіи **Шапиро** (СПБ., Невскій 30) и во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ поступилъ въ продажу **2-й выпускъ** предпринятой фотографомъ **Шапиро**

„ПОРТРЕТНОЙ ГАЛЛЕРЕИ“

РУССКИХЪ ЛИТЕРАТОРОВЪ, УЧЕНЫХЪ И АРТИСТОВЪ

съ біографіями на русскомъ и французскомъ языкахъ, факсимиле и орнаментами въ древне-русскомъ стилѣ.

Изданіе фотографа Константина **Шапиро** (СПБ. Невскій пр., д. 30). Во второмъ выпускѣ этого роскошнаго изданія помѣщены снятые съ натуры въ размѣрѣ половины натуральной величины, фотографическіе портреты: **Д. В Григоровича, А. Н. Островскаго, А. Ѳ. Писемскаго, Я. П. Полонскаго и Л. Н. Толстого** (автора „Войны и мира“). Цѣна второму выпуску въ изящной обложкѣ 5 р., въ роскошной папкѣ 6 р., пересылка за 10 фунтовъ. Въ **первомъ** выпускѣ **„Портретной Галлереи“,** изданной фотографомъ **Шапиро,** помѣщены портреты: **И. А. Гончарова, Ѳ. М. Достоевскаго, Н. А. Некрасова, М. Е Салтыкова и И. С. Тургенева.** Цѣна тоже, какъ и второму выпуску.

Адресъ: **фотографія Шапиро, С.-Петербургъ, Невскій просп., д. № 30, у Казанскаго моста.** 706—1.

Вышла въ свѣтъ

ПОЧТОВАЯ СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА,

составленная экспедиторомъ С.-Петербургскаго Почтамта Полидоровымъ и содержащая въ себѣ подробныя для публики свѣдѣнія по отправленію и полученію корреспонденціи съ приложеніемъ таблицъ и примѣрныхъ формъ заявленій на разные случаи.

Продается въ экспедиціяхъ С.-Петербургскаго Почтамта въ городскихъ почтовыхъ отдѣленіяхъ и отдѣлахъ Цѣна книжки 75 коп.

Примѣчаніе. Въ случаѣ какихъ либо измѣненій въ почтовыхъ правилахъ, будутъ издаваться періодически особыя прибавленія по формату книжки, о чемъ и будетъ каждый разъ своевременно доводиться до свѣдѣнія публики. № 707—1

Дозволено цензурою СПБ. 25 апрѣля 1880 г. **Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.** Тип. [illegible] № 10.

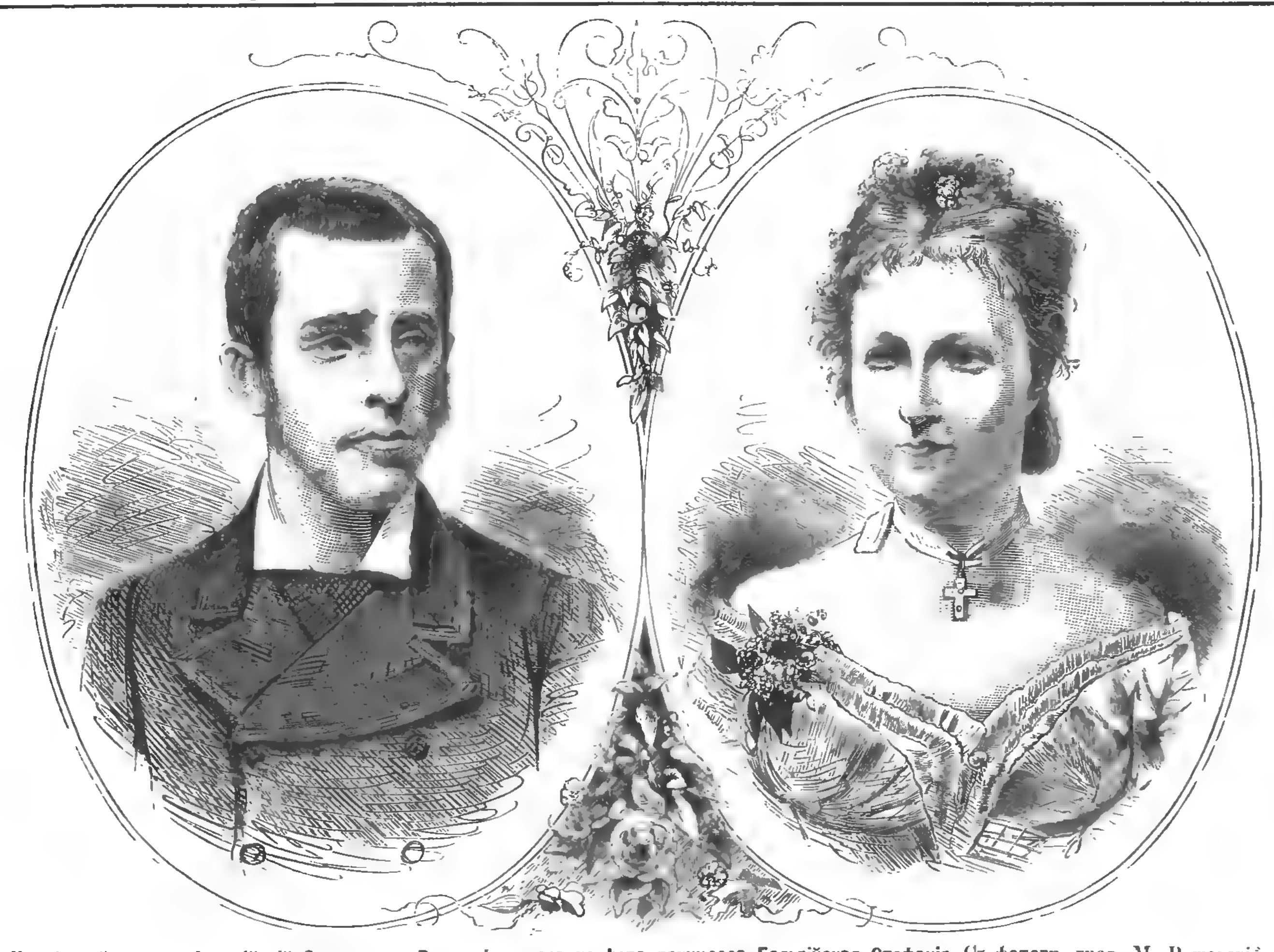

XI годъ — № 18 — годъ XI — 1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 3 Мая 1880 г. Цѣна этаго № „Нивы“ 20 к. съ перес. 25 к.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за МАЙ 1880 г. съ 30 рисунками и отдѣльный листъ съ 25 чертеж. выкроекъ въ натуральн. величину и съ 33 рисунками рукодѣльныхъ работъ.

Наслѣдный принцъ Австрійскій Эрцгерцогъ Рудольфъ и его невѣста принцесса Бельгійская Стефанія. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Наслѣдный эрцъ-герцогъ Австрійскій Рудольфъ и невѣста его, принцесса Стефанія Бельгійская.

Въ политическомъ отдѣлѣ нашего журнала мы передавали уже, въ свое время о знаменательномъ событіи для Австрійскаго Императорскаго дома—помолвкѣ наслѣднаго эрцъ-герцога австрійскаго Рудольфа съ дочерью короля бельгійцевъ, принцессой Стефаніей. Теперь сообщаемъ нѣкоторыя подробности о будущей молодой четѣ.

Эрцъ-герцогъ Рудольфъ, родившійся въ 1858 г.,—въ настоящее время 22-хъ лѣтній симпатичный юноша, щедро одаренный блестящими качествами души и ума; богатыя, разностороннія способности его не остались, какъ говорится, втунѣ, серьезное образованіе, полученное принцемъ, дало имъ напротивъ, широкое развитіе, эрцъ-герцогъ Рудольфъ обладаетъ основательными познаніями по многимъ отраслямъ науки. Если къ этому прибавить еще его природную доброту и привѣтливость, то легко понять обаяніе, окружающее личность молодаго наслѣдника австрійскаго престола, доставившее ему чрезвычайную популярность въ народѣ. Въ дѣлѣ брачныхъ союзовъ, заключаемыхъ между царствующими домами, первую и главную роль, какъ всегда бывало, играютъ политическій расчетъ и высшія государственныя соображенія, рѣдко дающіе мѣсто чувству и свободному выбору. Хотя политическіе браки уже и утратили въ наше время прежнее значеніе свое, однако это происходитъ и теперь. Но эрцъ-герцогу Рудольфу посчастливилось—не нарушая, вѣроятно, видовъ австрійскаго правительства—сдѣлать, вмѣстѣ съ тѣмъ и выборъ себѣ по сердцу. По крайней мѣрѣ, онъ самъ заявилъ это. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, принцъ былъ въ Брюсселѣ. Вдругъ, 22-го февраля императоръ Францъ-Іосифъ получаетъ отъ него краткую депешу: „Дорогой папа, сегодня я обѣдалъ во дворцѣ. Принцесса мнѣ очень нравится. Твой Рудольфъ". Прошло немного дней послѣ этой лаконической депеши и—въ прекрасной оранжереѣ королевскаго замка Лекенѣ, онъ услышалъ изъ устъ самой принцессы слово согласія, скрѣпленное, немедленно же, разрѣшеніемъ царственныхъ родителей.

Принцесса Стефанія-Шарлотта, герцогиня Саксонская, родилась 21 мая 1864 года, въ томъ же самомъ Лекенскомъ замкѣ. Она—третья дочь бельгійскаго короля Леопольда II и супруги его королевы Маріи (дочери эрцъ-герцога Іосифа). Бельгійское королевское семейство извѣстно, между прочимъ, своею особою наклонностью, особымъ, такъ сказать, пристрастіемъ къ искусствамъ и наукѣ. Отсюда не трудно заключить, что и принцесса Стефанія получила весьма серьезное образованіе и также и въ этомъ отношеніи будетъ достойной подругой своего будущаго супруга. До самой помолвки своей она вела жизнь юной особы, еще не знающей свѣта и воспитаніе ея было настолько строго, что театръ она увидѣла впервые только сидя въ ложѣ около своего жениха.

Вскорѣ послѣ помолвки, австрійская императрица, на возвратномъ пути (изъ Ирландіи) въ Вѣну, остановилась въ Брюсселѣ, чтобы посѣтить невѣсту своего сына. Здѣсь мы даемъ портреты эрцъ-герцога и принцессы.

Королевичъ Владиславъ.

Историческая повѣсть

(1618 г.)

В. Политковскаго.

Повѣсть страшна и достопамятна.
Максимъ Грекъ.

I.

Теплая, безпредѣльно прекрасная іюльская ночь. На западѣ еще рдѣетъ потухавшая заря, а на востокѣ ужъ зарождается другая. Переломленный мѣсяцъ ярко вырѣзывается изъ темно синей глубины неба, усѣяннаго звѣздами, словно маякъ среди дремлющаго океана. Въ тиши да свѣжей ночной прохладѣ земля отдыхаетъ отъ истомы жаркаго лѣтняго дня.

Темной массой стоитъ боръ, погруженный въ мракъ и беззвучіе, на холмистыхъ берегахъ рѣки; на гладкой спокойной поверхности ея едва замѣтно движеніе вѣчно бѣгущей куда-то волны. Между лѣсными прогалинами бѣлѣются полосы спѣлой ржи, выдѣляясь среди густой растительности. Однообразная тишина нарушилась сплескомъ на рѣкѣ и скоро изъ за кустовъ ивняка выплыла огненная точка. Она постепенно увеличивалась и заставила лежавшаго на берегу человѣка попристальнѣй вглядѣться въ даль. Поднявшись на локоть, онъ пробормоталъ.

— Что бы такое?.. Не русалки ли... балуютъ...

Потомъ онъ засмѣялся; чудно ему стало, что онъ было принялъ за нечисть простую лодку съ горѣвшимъ на ней смолистымъ сухимъ корневищемъ. А вонъ и рыбаки на ней стоятъ съ острогами въ рукахъ.

— Не прикончить ли намъ... Кажись на уху наловили, донеслось изъ лодки.

— Можно и прикончить... вали къ плёсу...

Рыбаки причалили къ берегу какъ разъ у того холмика, на которомъ лежалъ человѣкъ. Они привязали лодку къ вѣтвямъ нависшей ветлы: вытащили котелокъ да плетушку съ трепетавшей рыбою и принялись раскладывать на берегу костеръ. Вычистивъ рыбу, подвѣсили котелокъ и заварили уху съ приправой луковицы да горсти соли. Лежа въ высокой травѣ, незнакомецъ могъ свободно разглядѣть рыбаковъ, не бывъ ими замѣченъ. Пламя костра освѣщало фигуры рыбаковъ и бросало багроную полосу на зеркало воды. Одинъ изъ рыбаковъ былъ сѣдой, но бодрый и подвижной старикъ а другой, парень лѣтъ 25 съ небольшой русой бородкой и загорѣлымъ добрымъ лицомъ.

— Поспѣетъ... послѣ долгаго молчанья, сказалъ младшій рыбакъ кивнунъ головой на закипавшій котелъ, уха!.. первый что ни есть бояринъ такой не ѣдалъ... самодовольно молвилъ старикъ, зачерпнувъ ухи ложкой. Собравъ какіе-то предметы, лежавшіе возлѣ него, незнакомецъ всталъ и шагнулъ къ костру.

— Попотчуйте-ка и меня, громко сказалъ онъ.

Рыбаки съ испугомъ вскочили на ноги; подброшенная передъ тѣмъ въ огонь охапка хворосту, увеличивъ огонь, дала возможность разсмотрѣть стоявшаго передъ ними малаго лѣтъ 20, еще безбородаго, очень высокаго роста, плечистаго, но съ самымъ добродушнымъ выраженіемъ въ большихъ карихъ глазахъ. Онъ былъ одѣтъ въ короткій кафтанъ, крашенинные порты, засунутые въ рыжіе, сырой кожи сапоги; на курчаво-золотистыхъ волосахъ сдвинута на одно ухо поярковая шляпа, а за краснымъ кушакомъ засунутъ топоръ да скобель; въ рукахъ у него была пила, а за спиной холщевый мѣшокъ.

— Здорово робята! Хлѣбъ да соль! привѣтствовалъ онъ.

— Э... да это плотникъ! здорово дѣтина! а мы было струхнули: думали, лиходѣй... много ихъ нонѣ по лѣсамъ таскаются, сказалъ старикъ присаживаясь къ котлу. Просимъ милости: чѣмъ Богъ послалъ!.. пригласилъ онъ.

— Спасибо дѣдъ!.. отъ угощенья не откажусь... Присталъ и проголодался зѣло...

Ужинъ былъ готовъ: старикъ снялъ котелъ, досталъ изъ берестянаго бурака ложки, краюху хлѣба и въ тряпицѣ завязанную соль. Плотникъ прибавилъ къ тому еще объемистый мосолъ холодной говядины и пшеничный коровай съ лукомъ. Помолясь Богу новые знакомцы принялись убирать ужинъ. Уха была на славу и скоро отъ нея остались одни косточки.

— Ты откелева будешь? убирая опустѣвшую посуду спросилъ старикъ у присѣвшаго возлѣ огня парня.

— Я-то!.. Да изъ Нижняго, а зовутъ меня Нестеръ Анисимовъ; слыхалъ небойсь про Нижній-то Новгородъ?

— Коли не слыхалъ!.. Я и самъ-отъ тамъ бывалъ!.. А сродники-то есть у тебя?

— Весь тутъ!.. ни отца ни матери... сирота! вздохнувъ, отвѣчалъ Нестеръ.

— Сирота—Божій человѣкъ!.. степенно замѣтилъ старикъ. Къ намъ-то ты какъ попалъ?

— Долга сказка-то... а коли не спится тебѣ, такъ повѣдаю..,

— Повѣдай-ко, а мы послухаемъ!.. сказалъ старикъ, но въ эту минуту раздался храпъ заснувшаго молодаго рыбака. Дѣдъ засмѣялся.

— Дѣтина-то и слухать не хочетъ... Ну пущай себѣ спитъ, а у меня сну нѣту, все равно такъ проваляюсь. Ну-кась начинай сказку-то про Ноугородъ...

Нестеръ подложилъ обѣ руки подъ голову, потянулся и устремивъ глаза въ мерцающіе надъ ихъ головами лучистыя звѣзды, началъ разсказъ:

— Давненько было, а въ памяти ровно въ ларцѣ схоронилось... Живо помнится мнѣ, какъ жили мы на родной сторонушкѣ. Семья наша была не велика: отецъ, да мать, да я... Братьевъ да сестеръ у меня не водилось и былъ я значитъ одно дѣтище, единая у родителевъ утѣха и надежа. Извѣстно жалѣли они меня и хорошо мнѣ жилося. Отецъ-то мой былъ плотникъ заправскій, наученый у муроля *) заѣзжаго, Свейскаго **), строилъ онъ избы и всякія хоромины и бояре его строить наймали и завсегда отца моего Анисима Иванова то туда, то сюда зовутъ, только поспѣвай работать. Такъ-то жили мы ни шатко, ни валко а алтыны у насъ водились и хлѣбца Богъ давалъ... Ни думано, ни гадано — бѣда на насъ свалилась: матушка занедужилась, похворала недѣль пятокъ и въ сыру землю легла!.. Затужили мы шибко, особливо отецъ, инда отъ ѣды отбился, ночей не спалъ и работу бросилъ. А въ тѣ поры городъ нашъ зашевелился, загудѣлъ народъ, по улицамъ кучки сбирались и объ чемъ-то жарко толковали: прислушался я къ тѣмъ рѣчамъ и услыхалъ, что собираютъ ополченіе къ Москвѣ на выручку; былъ у насъ купецъ торговый, мясомъ торговалъ и прозывался онъ Кузьма Захаровъ Мининъ-Сухорукъ; вышелъ онъ на площадь, сталъ на соборной паперти и повѣдалъ народу: Москву-де поляки въ полонъ взяли, патріарха Гермогена въ затокъ посадили и голодомъ морятъ, безчинство, поруганіе святыни-де творятъ. Красно говорилъ нашъ Кузьма Захаровъ; животовъ-де не пожалѣемъ, женъ и робятъ покидаемъ, имущество все какое у кого есть соберемъ, ратниковъ наймемъ съ разныхъ городовъ, а вождемъ выберемъ князя Димитрія Михайлыча Пожарскаго"... Повѣдалъ я отцу, такъ-молъ и такъ, ополченье сбираютъ, а онъ словно ожилъ: что намъ говоритъ тутъ маяться, пойдемъ воевать противъ поганыхъ разорителей - лиходѣевъ... Продали мы все, купили пару коней добрыхъ, пищали, мечи да мушкеты; одежу справили, да про запасъ два рубля въ нояса зашили и съ Богомъ, пошли къ Москвѣ... Какъ пришли мы да почали лиходѣевъ бить, да голодомъ морить, да изъ бѣлокаменной гнать... Натѣшились мы тутъ вдосталь... Полегло тутъ тѣхъ папежанъ ***) словно мухъ да таракановъ, многое множество. Однова послали насъ на дѣло — развѣдать про силу вражью; ѣдемъ мы себѣ да раздабарываемъ, а шайка поганая литовская за кустами сидѣла, завидѣвши насъ пу палить изъ мушкетовъ... Отецъ ѣхалъ съ ихъ стороны... за разъ семь свинчатокъ въ него засѣло... Только и успѣлъ промолвить: „дитятко, смерть моя"... Схватилъ я его въ охапку да оборотивъ коня поскакалъ отъ вороговъ словно птица... Поплакалъ я надъ мертвымъ-то, вырылъ мечомъ яму въ землѣ и зарылъ его подъ бѣлой березкой, во чистомъ во полѣ... Остался я одинъ какъ перстъ, ни за мной, ни передо мной, ни роду, ни племени; пока шла война, билъ врага сколько силъ хватало, больно золъ былъ на нихъ за своего родителя... а какъ очистили отъ вороговъ Московскую землю, я пищаль свою продалъ да пилу съ топоромъ купилъ и плотничать сталъ: работы то довольно было, селъ да поселковъ погорѣло счету пѣтъ, вездѣ стройка, нашего брата па расхватъ тащили, да и теперь еще куда ни пойди, вездѣ обгорѣлыя головни, новыми срубами замѣщаютъ...

*) Архитекторъ. **) Шведскій. ***) Католики.

— Знамо дѣло... разоренье было всемѣстное... замѣтилъ старый рыбакъ.—Къ намъ-то ты какъ забрелъ?

— Да вотъ въ селѣ Тушинѣ строилъ я избенокъ съ пятокъ, наслышался что въ вашей сторонѣ обитель на Сторожахъ *), дай думаю на богомолье за упокой родителевъ схожу... Ну и сходилъ, помолился... а теперь работишки промышляю.

Собесѣдники замолчали. Старикъ ворочался и что-то обдумывалъ, а Нестеръ все глядѣлъ на звѣзды.

— Ноченька-то какая благодатная... эка теплынь да тишь... только рѣчка журчитъ... а какъ она прозывается? спросилъ Нестеръ.

— Бѣляна-рѣка, а течетъ она въ Истру-рѣку, а Истра-то въ Москву-рѣку, а Москва-то, баютъ, въ Оку-рѣку, а Ока...

— А Ока—въ Волгу матушку, а Волга-то въ синее море... знаемъ мы это... въ Ноугородѣ вѣдь и Волга и Ока ровно двѣ сестрицы-красавицы рядышкомъ пробѣгаютъ, подхватилъ Нестеръ, ну а на Бѣлянѣ-то поселки есть?..

— Мало ли поселковъ... да вотъ близехонько село стоитъ, Славковымъ прозывается, отвѣчалъ рыбакъ.

— А какого оно боярина?

— Княжеское... Егупова-Черкасскаго князя...

— Ты-то ихній же?.. Какъ тебя дѣдушка величать?

— Величать меня Еремеичемъ Степаномъ, а живу я въ поселкѣ Лапинѣ съ версту отъ Славкова; того же князя поселокъ-то, да родомъ-то я не здѣшній, а тушинецъ... какъ воровскіе-то цари тамъ хозяйничали, мужики почесть всѣ разбѣжались, кто куда: а я вотъ къ князю пришелъ и съ семьишкой, съ сынкомъ да съ дѣвкой... Князь-отъ мнѣ землицы далъ, избенку я выстроилъ и живу тутъ, поживаю...

Дальнѣйшее объясненіе стараго рыбака Нестеръ слышалъ сквозь сонъ, который сталъ клонить его... вотъ что-то блеснуло... звѣзда по небу сбѣжала... вотъ затрещалъ въ огнѣ сухой можжевельникъ... сова гдѣ-то гукнула... Нестеръ заснулъ.

II.

Солнце стояло высоко, когда онъ проснулся и привставъ, оглядѣлся кругомъ. Рыбаковъ уже не было, а только пепелъ погасшаго костра напомнилъ плотнику вчерашнюю встрѣчу.

— Экъ я заспался, сказалъ Нестеръ, протирая глаза.

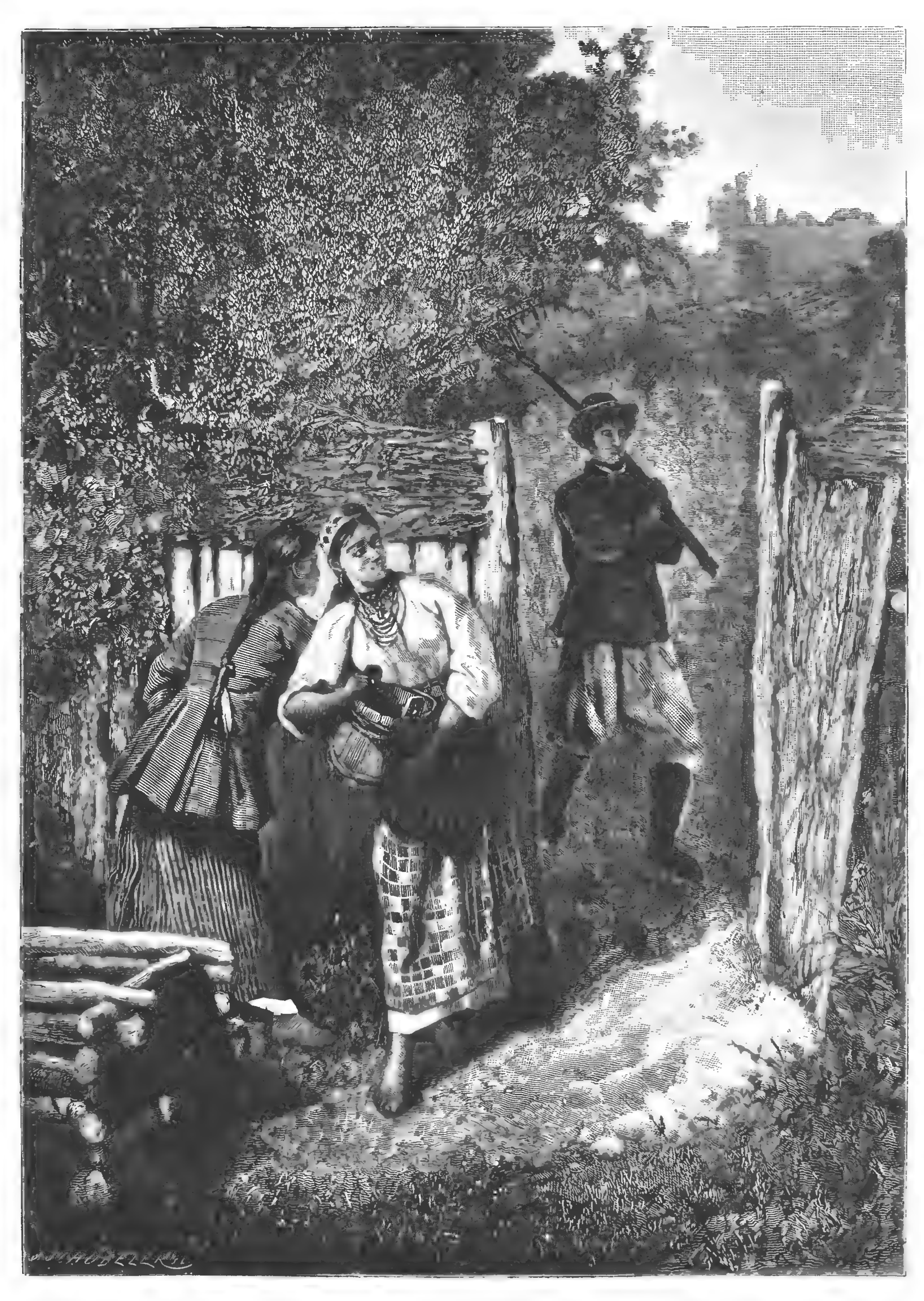
Утренняя прохлада уже миновала, лучи солнца сильно припекали и день обѣщалъ быть жаркимъ. Нестеру захотѣлось выкупаться. Онъ сошелъ съ берега, раздѣлся и прыгнулъ въ бочагъ, держа въ одной рукѣ надъ головой палку съ своимъ бѣльемъ и поклажей. Легкая, пріятная дрожь охватила молодаго человѣка, когда онъ нѣсколькими взмахами правой руки переплылъ рѣку и вышелъ на другой берегъ, поросшій ситникомъ да осокой.

— Знатно выкупался! теперь поѣмъ да и въ путь...

Нестеръ одѣлся, досталъ остатки своей провизіи и принялся ихъ убирать, запивая водой изъ родника, выбивавшагося изъ-подъ нависшей надъ водою березы. У самаго берега плеснулась рыба, Нестеръ бросилъ ей крошку хлѣба, она быстро схватила и нырнула; черезъ секунду изъ воды высунулось уже нѣсколько головокъ съ круглыми красными глазками, онъ сталъ кидать имъ хлѣбъ, который онѣ на перебой подхватывали... но вотъ мелкая рыбка мгновенно разсыпалась въ разные стороны, па поверхность всплыла большая, жадная щука, съ любопытствомъ устремившая свои бѣлые зрачки на молодаго парня, словно размышляя: это что за новый человѣкъ?.. Нестеру стало досадно.

— Ну, что буркалы-то вытаращила?.. Эко здѣсь пропасть рыбинъ... и онъ кинулъ въ щуку камнемъ.

*) Сторожевскій монастырь пр. Саввы, близъ Звенигорода.

Весенняя выставка въ Спб. Имп. Акад. Худ. „Въ засадѣ". Картина К. А. Трутовскаго. съ фотогр. Лаптева. грав. Н. Шюблеръ.

Весенняя выставка въ Спб. Имп. Акад. Худ. „Испугъ". Картина К. А. Трутовскаго. съ фотогр. Лаптева, грав. И. Шюблеръ

Звонкій, женскій смѣхъ раздался невдалекѣ. Нестеръ оглянулся: на лѣво отъ него по берегу росли группами частый березникъ да ольха, а направо стояло изрѣдко нѣсколько крупныхъ березъ, изъ-за которыхъ виднѣлось ржаное поле, а далѣе начинался рядъ избушекъ, какъ онъ догадался, деревни Лапиной. Между крупныхъ березъ небольшая полянка сбѣгала отлого къ рѣкѣ, образуя песчаную отмель. Стоя по колѣна въ водѣ, красивый вороной конь жадно втягивалъ въ себя воду; за конецъ накинутаго на шею недоуздка держала его молодая дѣвка, одѣтая въ синій сарафанъ съ красной каймою, высоко подоткнутый, такъ что видна была ея бѣлая рубаха и босыя ноги. Подпершись одной рукой въ бокъ, она закинувъ голову смотрѣла на верхушку березы, гдѣ качалась на вѣткѣ желто-бурая векша. Дѣвушка смѣялась и не замѣчала сидѣвшаго подъ березой плотника: она была еще очень молода и красива. Круглое, румяное лицо, черные глаза съ поволокой и длинная густая коса, ничѣмъ не покрытая, вотъ что прежде всего разглядѣлъ Несторъ, потомъ обратилъ вниманіе и на полныя плечи красотки и на высокій ея ростъ. Хотя въ то отдаленное время не рѣдкость были красивыя женщины *), но почему-то эта дѣвушка особенно озадачила Нестера. Черты ея лица показались ему знакомыми, но онъ не могъ припомнить гдѣ онъ видалъ ее... да и возможно ли чтобы онъ ее встрѣтилъ прежде? вѣдь онъ никогда не бывалъ здѣсь и не знакомъ ни съ кѣмъ изъ окрестныхъ жителей. А между тѣмъ какая-то таинственная сила влекла его къ этой дѣвушкѣ, такъ же какъ стремится наше сердце на встрѣчу къ давно невиданному и потерянному другу. Молодой плотникъ перебиралъ въ умѣ всѣхъ женщинъ, съ которыми имѣлъ столкновенія въ прошедшемъ... и вдругъ яркое воспоминаніе осѣнило его... Такъ иногда въ почти оконченной картинѣ не достаетъ смысла и жизни, краски кажутся тусклыми и мертвыми... недостаетъ нѣсколькихъ искусныхъ штриховъ и вотъ, двѣ три черты—и мгновенно все въ картинѣ измѣняется: въ ней являются жизнь, мысль и красота; такъ и въ умѣ человѣка забытыя страницы его прошлаго кажутся туманными и далекими до тѣхъ поръ, пока онъ не вспомнитъ какой-нибудь незначительный случай и вдругъ со сказочной быстротой возникаютъ въ яркихъ, блещущихъ краскахъ цѣлые эпизоды и сцены, со всѣми былыми тревогами и радостями.

Въ умѣ Нестера, словно изъ глубины темныхъ волнъ, всплылъ ясный обликъ дѣвочки поразительно похожей на стоявшую возлѣ воронаго коня красотку.

Онъ видитъ себя 17 лѣтнимъ мальчишкой, беззаботно рыскающимъ по полямъ и лѣсамъ, на статномъ буланомъ жеребцѣ: одѣтъ онъ въ короткій суконный кафтанъ, а на кожанномъ кушакѣ прицѣплена польская сабля въ свѣтлыхъ ножнахъ, за спиной добрый карабинъ, у поляка же отнятый въ бою: впереди его ѣдетъ высокій, бородатый ратникъ съ большущимъ самопаломъ за спиной и съ пикой на длинномъ древкѣ—это его отецъ, Анисимъ Ивановъ. Ѣдутъ они по приказу славнаго князя Пожарскаго съ граматой къ боярину Годунову: ѣдутъ лѣсомъ дремучимъ и зорко озираются—не попасть бы въ засаду... вдругъ отецъ осаживаетъ своего сиваго коня, машетъ сыну рукой и прислушивается.

— Ты чего тятя, шепчетъ сынъ.

— Почуялось мнѣ, словно въ кустахъ кто-то охаетъ... вонъ слышишь? Подь-ка погляди, отвѣчаетъ отецъ и изъ предосторожности снявъ съ плеча самопалъ, повернулъ его взводныя колеса и направилъ ударный винтъ съ фитилемъ для выстрѣла, а Нестеръ, съ саблею въ рукѣ спѣшился и затаивъ дыханіе, полѣзъ въ кусты... Тамъ сидѣла дѣвочка лѣтъ 10 въ крестьянской одеждѣ... увидѣвъ изумленнаго Нестера, она бросилась бѣжать, но онъ скоро догналъ ее и не смотря на крикъ и сопротивленіе принесъ ее на рукахъ къ отцу.

— Откелева ты дѣвушка-красная? успокоивая ее и сажая передъ собой на коня, спросилъ Анисимъ Ивановъ.

Дѣвочка была хорошенькая и бойкая: она тотчасъ же освоилась съ добрыми людьми, которые говорили ласково и гладили ея растрепанную головку; она объяснила, что имя ей Ѳенька, родомъ-де она изъ Тушина села, что на село пришли казаки и выжгли все, что отъ поляковъ осталось, живъ ли ея отецъ да братъ не знаетъ, ибо въ суматохѣ убѣжала безъ оглядки и вотъ цѣлый день по лѣсу бродитъ...

Заблудившаяся дѣвочка осталась у Анисима, такъ какъ отца ея они въ Тушинѣ не нашли. Скоро она такъ сдружилась съ Нестеромъ, что ни на шагъ не отходила отъ своей новой няньки.

Мѣсяца три жила у нихъ Ѳенька, пока не отыскался ея отецъ, которому они и отдали свою плѣнницу. Съ тѣхъ поръ Нестеръ ничего о ней и не слыхалъ, но ея миловидный обликъ жилъ въ его памяти... и вотъ внезапно явился онъ во очію, черезъ 6 лѣтъ разлуки: хотя много измѣнившаяся, все таже это Ѳенька...

Мысли эти: какъ молнія, мелькнули въ его головѣ... Потомъ явилось сомнѣніе: не можетъ быть... это не Ѳенька... а коли она—какъ выросла да какова стала.

„Экъ время-то бѣжитъ—ровно ручей въ половодье!"... подумалъ Нестеръ и тряхнувъ головой, онъ вышелъ изъ за березы. Увидавъ незнакомаго парня, дѣвушка вскрикнула и выпустила изъ рукъ конецъ повода... Лошадь испуганная ея крикомъ, выскочила изъ воды и помчалась къ деревнѣ.

— Ѳеня?.. Никакъ это ты? подходя къ дѣвкѣ сказалъ Нестеръ.

Дѣвушка остановилась и съ недоумѣніемъ смотрѣла на плотника, все еще не оставляя своего намѣренія послѣдовать за лошадью.

— Аль не узнала?.. продолжалъ спрашивать молодой человѣкъ. Забыла Нестера, что изъ Тушинскаго лѣса тебя на торокахъ приволокъ къ дядѣ Анисиму?..

Густой румянецъ разлился по лицу Ѳени, она привѣтливо улыбнулась:

— Вотъ не думала-то не гадала что съ тобой свижусь... и во снѣ то ты мнѣ не чудился... Подитка!.. сколько годовъ прошло, почесть сколько дёнъ въ недѣлѣ... И какой же ты большой сталъ, да прямой, словно сосна! Впрямь пословица-то молвитъ: гора-де съ горой лишь не сходится"...

— А мы вотъ съ тобой сошлись невзначай!.. засмѣялся плотникъ.

— Гдѣ-жь ты проживалъ?.. Неужель здѣсь?..

— Вездѣ шлялся... а ты какъ сюда попала?

— Я вонъ тамъ, въ Лапинѣ поселкѣ, живу съ отцомъ да съ братомъ: они тогда изъ Тушина сюда выселились...

— Что это всѣ сюда изъ Тушина пришли!.. подумалъ Нестеръ, а вслухъ спросилъ:—„Встрѣтилъ я вечоръ рыбаковъ, одинъ еще старикъ такой, Еремѣичемъ прозывается... Не сусѣдъ ли онъ вамъ?..

Ѳеня залилась звонкимъ смѣхомъ.

— Сусѣдъ!.. Какой сусѣдъ!.. Это отецъ мой Еремѣичь-то... Да гдѣ-жь ты его видѣлъ вечоръ?..

— Отецъ!.. Ой-ли?.. и то дѣло... Теперь я припомнилъ, что твоего отца звали Еремѣичемъ... А видѣлъ я его вечоръ вонъ на томъ берегу и съ нимъ вмѣстѣ уху хлебалъ...

— То-то онъ мнѣ сказывалъ: встрѣли мы-де плотника... И какъ же это—ни онъ тебя, ни ты его не спознали?..

— Поди ты!.. годовъ-то много ушло!..

*) Всѣ бывавшіе у насъ въ XVI. XVII. XVII и XVIII столѣтіяхъ иноземные писатели, какъ напримѣръ: Пертей. Берберини. Флетчеръ, Адамъ Олеарій, Корбъ, Колинзъ. Лизекъ и др. утверждаютъ, что русскія женщины были вообще красивы, а какъ высшаго класса боярынь они не могли видѣть. то вѣроятно судили о женщинахъ-крестьянкахъ.

Они заговорились такъ, что совсѣмъ забыли про неуловимое время; а оно шло себѣ, солнце поднялось на полдень, стало жарко... Они и не замѣтили какъ къ нимъ подошелъ здоровый парень въ синей крашенинной рубахѣ, такихъ же портахъ: ноги его были обуты въ лапти, а на головѣ торчала шляпа съ краснымъ обрывкомъ ленты. Лицо у парня было рябое, глаза зеленые, а желтые волосы щетинились ровно шерсть у кота во время драки.

Онъ глянулъ на Нестера съ злобой и ревностью, потомъ повернулся къ нему спиной и накинулся на Ѳеньку:

— Ну дѣвка!.. Ни стыда, ни совѣсти!.. Это въ невѣстахъ-то ты съ полюбовникомъ ужъ шушукаешь въ кустахъ... что же будетъ, какъ за мужъ-то выйдешь. Иди домой паскудная!.. Не хочу, чтобъ моя жена со всякимъ встрѣчнымъ языкъ чесала...

— Эй ты дѣтина!.. Не больно-то глотку дери... я ей не полюбовникъ и ты-бъ языкъ-то свой зря не чесалъ, не лаялся бы, коли не хочешь, чтобъ я те ребра посчиталъ, вступился Нестеръ.

Парень съ ненавистью глядѣлъ на плотника.

— Не съ тобой рѣчь ведутъ, гольтепа проходимная, а ты дѣвка... слышь: иди домой, а не то...

— Меня-то... Руки коротки... Отстань Яшка, я еще тебѣ не жена и тронуть меня ты не смѣешь, разсердилась Ѳенька.

— Анъ смѣю!... заскрипѣлъ зубами Яшка и схвативъ валявшійся подъ березою сукъ, замахнулся; но дѣвушка увернулась и побѣжала; Яшка бросился за ней...

Нестеръ толкнулъ его въ спину, такъ что онъ кувыркомъ покатился къ рѣкѣ и ткнулся головой въ осоку... Ѳенька захохотала и крикнула плотнику:

— Прощай!.. приходи ужотко въ гости!.. и скрылась за полосой высокой ржи.

Яшка вскочилъ и осыпая своего противника ругательствами, сталъ засучать рукавъ рубахи.

Нестеръ молча откинулъ въ сторону свой узелъ и инструменты и тоже сталъ въ оборонительную позу. Противники съ виду были равной силы; Яшка надѣялся на свои кулаки, а Нестеръ выучился у московскихъ борцевъ одной уловкѣ, которую хотѣлъ попробовать на Яшкѣ. Только что тотъ подскочилъ къ нему съ своими кулаками, Нестеръ увернулся и схвативъ врага за шиворотъ, однимъ взмахомъ сбросилъ его въ воду...

Сперва Яшка погрузился на дно довольно глубокаго бочага, потомъ всплылъ и ухватившись за вѣтку нависшей березы вылѣзъ на берегъ... Онъ выплюнулъ изо рта воду и протеревъ глаза, оглянулся... Нестеръ шелъ далеко по травѣ между полосами ржи.

— Погоди лиходѣй!.. Я тебѣ припомню эту штуку!.. крикнулъ Яшка, но Нестеръ шелъ себѣ не оглядываясь.

III.

Село Славково было основано около 1472 г. при Великомъ Князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ III. Въ великомъ, вольномъ Новгородѣ была въ то время слобода Славкова, которую выжегъ и разорилъ одинъ изъ посадниковъ, и нѣкоторые изъ ея жителей пошли съ жалобой къ Великому князю въ Москву, гдѣ и поселились. Послѣ покоренія Новгорода въ 1478 году Іоаннъ III пожаловалъ одному изъ потерпѣвшихъ жителей слободы Славковой дворянство и деревню подъ Звенигородомъ. Новый владѣлецъ выстроилъ въ своей вотчинѣ церковь и назвалъ село въ память родной слободы селомъ Славковымъ. Впослѣдствіи оно перешло во владѣніе князей Егуповыхъ-Черкасскихъ *) и въ описываемую эпоху было въ цвѣтущемъ состояніи, съ принадлежащими къ нему нѣсколькими деревнями и поселками, между которыми была и деревня Лапина. Довольно широкая рѣчка Бѣляна (нынѣ обмелѣвшая, какъ и большая часть нашихъ рѣчекъ и даже рѣкъ) раздѣляла село на двѣ слободы: на лѣвомъ ея берегу стояла деревянная церковь съ избами причетниковъ, а далѣе на крутомъ обрывѣ находились княжескія хоромы со всякими жилыми и нежилыми службами. Смутныя времена заставили Егупова, какъ и большую часть бояръ, окопаться рвомъ и огородиться частоколомъ, такъ что усадьба князя вмѣстѣ съ церковью составляла особую отъ сельскихъ слободъ крѣпостцу, или какъ тогда называли „острожекъ". Густые, большею частью березовые боры окружали село Славково такъ, что для пашни надо было вырывать да выжигать цѣлыя десятины; вокругъ княжеской усадьбы росли огромные вѣковые вязы, превышавшіе вышиной и размѣрами всю другую растительность: эти вязы стояли тутъ съ незапамятныхъ временъ, какъ исполинскіе сторожа, пощаженные пилой и топоромъ, даже въ то время, когда русская земля считала вообще деревья и лѣса помѣхою и всячески старалась извести ихъ, мало соображая, какъ черезъ нѣсколько вѣковъ она же, эта земля, будетъ дорожить самымъ ничтожнымъ, жидкимъ березничкомъ.

Князь Егуповъ-Черкасскій былъ современникомъ Іоанна Грознаго; происхожденіемъ какъ и Борисъ Годуновъ, изъ татаръ, Егуповъ завидовалъ Годунову въ его возвышеніи, а Годуновъ ненавидѣлъ Егупова за его гордость; вслѣдствіе такихъ враждебныхъ отношеній къ временщику, который нѣсколько десятковъ лѣтъ умѣлъ сжиться спачала съ жестокимъ Іоанномъ, а послѣ смерти правилъ и всѣмъ государствомъ, вмѣсто слабаго Ѳеодора Іоанновича. Егуповъ не имѣлъ успѣха при Московскомъ дворѣ; когда же Годуновъ сталъ царемъ, Егуповъ вовсе удалился изъ Москвы; потомъ пошли смуты и безначаліе: Егуповъ былъ уже старъ и вмѣшиваться въ опасную игру не хотѣлъ; къ тому же у него было семейное горе: изъ всѣхъ его дѣтей у него остался только одинъ ребенокъ и вотъ это-то сокровище, его 14-ти лѣтній Ванюша, былъ для него дороже всѣхъ земныхъ благъ, онъ берегъ его какъ зѣницу ока и никуда не выѣзжалъ изъ своей вотчины, чтобы не разстаться съ сыномъ. Когда-то пылкій, веселый и добродушный, князь съ лѣтами сталъ мраченъ и нелюдимъ; его характеръ также измѣнился какъ и наружность: никто конечно не узналъ бы въ этомъ сѣдомъ, морщинистомъ старикѣ черты прежней красоты, которую отчасти напоминала его племянница, дочь родной сестры давно умершей и горячо любимой Егуповымъ. Еленушка была 17 лѣтъ, высокаго роста, стройная, съ кудрявой черной головкой и большими черными глазами; она пользовалась неограниченной властью въ домѣ старика дяди и относительно большей свободой чѣмъ другія дѣвушки княжескаго да боярскаго рода. Это возбуждало много пересудовъ между сосѣдями; старыя боярыни сплетничали и приписывали княжнѣ такіе поступки, о которыхъ она и понятія не имѣла: бояре также весьма недружелюбно относились къ князю, который никому не отказывалъ въ гостепріимствѣ, но ни къ кому и самъ не ѣздилъ. Только молодые сосѣди, боярскіе сынки, охотно заглядывали въ княжескіе хоромы, куда ихъ привлекала прекрасная Аленушка, тѣмъ болѣе завидная невѣста, что про богатства Егупова-Черкасскаго шла преувеличенная молва. Но такъ какъ въ эту эпоху боярскіе сынки вообще были невѣжливы, грубы и съ боярышнями вовсе не умѣли говорить, то и Еленушкѣ не могли нравиться; князь же зорко подмѣчалъ за ея поклонниками и при малѣйшей вольности отказывалъ отъ дома, по этому и кругъ знакомства Егупова постепенно рѣдѣлъ а наконецъ сношенія его съ сосѣдями и совсѣмъ прекратились. Его въ округѣ не любили, считая гордымъ и суровымъ; а его крѣпостные мужики просто ненавидѣли, не потому чтобъ онъ дѣйствительно

*) Послѣдній изъ нихъ князь Левъ Ивановичъ Егуповъ-Черкасскій умеръ въ 1747 году: имѣнье его, какъ выморочное, поступило въ казну и въ 1795 году куплено съ аукціона профессоромъ медицины О. Г. Политковскимъ.

былъ жестокъ, а потому что онъ не терпѣлъ ни воровства, ни пьянства а эти пороки были отличительной чертой славковскаго населенія. Славковцы были отпѣтые и извѣстные въ округѣ мошенники, такъ что про нихъ и слава-то шла худая: поругаются ли мужики сосѣднихъ деревень, непремѣнно другъ друга обзовутъ: „Эхъ ты воръ-славковецъ!"... а если съ славковцемъ побранятся, то всегда попрекнутъ: „Мало васъ де царевичъ Абдулъ передушилъ!.. всѣхъ бы васъ въ Страдниковомъ болотѣ перетопить"...

Было преданіе, что около 1496 г., когда Іоаннъ III отдалъ Звенигородъ съ окрестными селами и поселками на „кормъ" татарскому царевичу Абдулъ-Летифу, то славковцы отказались платить ему дань, буйствовали и сборщиковъ побили, за что и были примѣрно наказаны. Абдулъ-Летифъ собралъ ихъ въ лѣсистомъ оврагѣ, называемомъ Страдниковымъ и тамъ учинилъ надъ ослушниками жестокую расправу.

Между тѣмъ жители другихъ деревень, принадлежавшихъ князю Егупову, были смирные и трудолюбивые мужики; они не только не жаловались на своего владѣльца, а напротивъ очень его любили, да и самъ онъ выбралъ всю свою дворню изъ лапинцовъ и другихъ, исключивъ совершенно славковцевъ изъ черты княжеской усадьбы; не смотря на то, что село и хоромы раздѣлялись нѣсколькими саженями другъ отъ друга, всякія между ними сношенія были строго воспрещены.

Яшка былъ изъ Славкова, сынъ зажиточнаго мужика Карпа Иванова, слывшаго за великаго хитреца и краснобая, но про него также говаривали: „не клади-де ему палецъ въ ротъ". Яшка былъ не въ отца: онъ не умѣлъ хитрить и медоточиво говорить, а напротивъ со всѣми „лаялся" и не скрываясь „воровалъ", а подъ словомъ „воровство" тогда подразумѣвались всякіе пороки.

Когда Яшка вылѣзъ изъ воды, онъ почувствовалъ себя въ непріятномъ положеніи насильно выкупанной собаки; но прежде чѣмъ на немъ высохло его платье, въ душонкѣ Яшки закипѣла цѣлая буря вражды къ Нестеру и къ Ѳенькѣ и ко всей ея роднѣ!.. Не смотря на то, что онъ непремѣнно хотѣлъ завладѣть красивой дѣвкой, онъ съ особеннымъ наслажденіемъ мечталъ, какъ онъ будетъ ее бить и покоритъ на правахъ законнаго мужа.

Деревня Лапина находилась въ полуверстѣ отъ Славкова, среди лѣса и возлѣ большаго пруда, разчищеннаго изъ болота. Деревенька состояла всего-то изъ 10-ти избъ, вновь выстроенныхъ на пепелищѣ выжженномъ какой-то бродячей шайкой во время самозванщины. На краю поселка стояла высокая, свѣтлая изба лапинскаго старосты Степана Еремѣева; въ переднемъ углу подъ образами сидѣлъ Нестеръ, а по обѣ стороны самъ староста да сынъ его Денисъ; они усердно угощали нежданнаго гостя, нѣсколько лѣтъ тому назадъ возвратившаго имъ Ѳеньку, о которой онѣ горевали какъ о пропавшей, либо поляками въ полонъ уведенной.

Передъ собесѣдниками остались уже пустыя чашки да сковороды, только жбанъ браги еще не совсѣмъ опустѣлъ.

— Ужель ты доподлинно, дядя Еремѣичъ, свою дѣвку за рыжаго Яшку сосваталъ? спросилъ Нестеръ.

Степанъ вздохнулъ.

— Не моя, другъ, воля, княжая! печально отвѣчалъ старикъ.

— Да что же князю-то?.. За что дѣвку-то губить? замѣтилъ плотникъ.

— Эхъ, друже! Не вѣдаешь ты какъ у насъ крестьянское дѣло рѣшается: подастъ прикащикъ двѣ граматки—въ одной парни, а въ другой дѣвки, вотъ и заставятъ писца: пиши-де подрядъ имя парня да имя дѣвки, которая по череду попадетъ возлѣ парня—та ему и невѣста!.. объяснилъ Еремѣичъ.

— А свадьба когда?.. спросилъ Нестеръ.

— Прикащикъ велѣлъ готовиться, чтобы послѣ Успеньева дня вѣнчать... а теперь некoли: жниво поспѣетъ.

— Ты бы попросилъ, самому князю челомъ бы ударилъ... научалъ Нестеръ. — Вѣдь лучше-бъ Ѳенѣ то въ медвѣжью берлогу попасть, чѣмъ къ этому лѣшему въ лапы.

Степанъ колебался.

— Не шустеръ я... вотъ кабы ты, друже, ты на языкъ-то остеръ... Да знаешь что: на княжомъ дворѣ стройка, небойсь, и плотники надобны, ты-бъ понавѣдался...

— Понавѣдаться можно, согласился Нестеръ, а самъ размышлялъ, какъ бы это такую пригожую дѣвку изъ бѣды выручить:—угожу князю, думалъ онъ, и челомъ ударю: отдай, молъ, за меня Ѳеню...

Нестеръ собралъ свои инструменты и въ сопровожденіи Дениса пошелъ къ княжой усадьбѣ.

Дорогой Денисъ повѣдалъ Нестеру, что въ княжихъ хоромахъ дворовая дѣвка Парашка больно ему приглянулась.

— Поклонись ей отъ меня... да скажи не связывалась бы съ холопями... не то Дениска де за косы выдеретъ...

Нестеръ засмѣялся.

— Эхъ вы!.. еще не вѣнчаны, а ужь руки чешутся: Яшка палкой стращаетъ, а ты за косы!..

— Бабъ не учить—не будутъ любить, убѣжденно объяснилъ Денисъ.

(До слѣдующаго №)

Какъ я пребывалъ въ туманѣ.

Разсказъ

Уильки Коллинза.

Событіе это случилось однимъ лѣтомъ, когда, по выраженію вашего, не совсѣмъ еще древняго поэта, „природа облечена была въ веселыя одежды, а ея ликъ украшался самыми восхитительными, полными чаръ, улыбками". И въ это-то чудное лѣто лютый червь проточилъ мнѣ въ сердце скважину; съ той незабвенной поры потерялъ я вѣру въ человѣчество и позналъ впервые, что женщина... Но я, кажется, забѣгаю впередъ.

Безъ сомнѣнія, самый тонъ, складъ моей рѣчи вселяетъ уже отчасти понятіе, о томъ, что я не лишенъ благородныхъ чувствъ и стремленій. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы это было иначе, могъ ли бы я потерять голову? Вы согласитесь также, что человѣку, обладающему, подобно мнѣ, возвышенной душой, каторжный трудъ веденія счетовъ въ мѣховой лавкѣ не могъ казаться иначе, какъ отвратительнымъ, и потому то, съ приближеніемъ гулевыхъ дней въ іюнѣ (самый ужасный мѣсяцъ по мѣховои торговлѣ) восторгъ мой былъ выше всякаго описанія. При наступленіи этой вожделѣнной поры, я, разумѣется, какъ школьникъ, бросился въ деревню, чтобы предаться естественнымъ побужденіямъ — войти въ общеніе съ нашей матерью-природой.

Но, при этомъ, однакожъ, были у меня въ виду и другія общенія или сообщенія, въ которыхъ мать-природа безмолвно и вмѣстѣ краснорѣчиво принимаетъ участіе. Я любилъ.. да, со всѣмъ пыломъ первой страсти, любилъ миссъ Нутльбюри Миссъ Нутльбюри жила въ сосѣдствѣ Дартфорда (не далеко отъ пороховаго завода); поэтому и я, положивъ провести свободное время въ тѣхъ же краяхъ, присосѣдился поблизости, нанявъ квартиру въ маленькой придорожной гостинницѣ.

Съ семействомъ Нутльбюри я былъ хорошо знакомъ или, лучше сказать, былъ на дружеской ногѣ. Мистеръ Нутльбюри, землемѣръ, считался давнишнимъ другомъ моего отца, и въ домъ его я имѣлъ свободный доступъ. Думаю, что я имѣлъ также свободный доступъ и къ сердцу Мери, — такъ называлась миссъ Нутльбюри, — но если ошибся... Ахъ, извините! Я все забѣгаю впередъ. Вы, конечно, знаете или, быть можетъ, вамъ неизвѣстно, что имя мое—Оливеръ Кромвель Шребсолъ. Такъ названъ я въ честь великаго защитника британскихъ

Весенняя выставка въ Спб. Имп. Акад. Худ. „Хохлушка“. Картина Х. П. Платонова, съ фотогр. Лаптева, грав. Б. Пуцъ.

правъ, въ честь человѣка, который или безъ котораго... Но я опять-таки забѣжалъ впередъ, сказать лучше, хватилъ впередъ.

Первые дни моего пребыванія близъ Фордлея (названіе деревни, гдѣ жили Нутльбюри) были для меня верхомъ блаженства. Я часто видался съ Мери, гулялъ съ Мери, гребъ сѣно съ Мери, наблюдалъ луну въ обществѣ Мери; тщетно пытался заинтересовать Мери таинственными пятнами, облекающими поверхность этаго свѣтила; но за то болѣе успѣшно, послѣдовательно и исподволь возбудилъ въ прекрасной дѣвушкѣ интересъ къ предметамъ, не такъ отдаленнымъ, короче—къ самому себѣ, и воображалъ, что сдѣлалъ въ этомъ значительные шаги.

Зайдя, однажды, къ Нутльбюри въ обѣденный часъ,—безъ всякихъ, впрочемъ, дурныхъ побужденій пообѣдать (столъ въ трактирѣ былъ у меня по контракту),—я засталъ семейство въ разговорѣ, предметъ котораго причинилъ мнѣ впослѣдствіи столько тревогъ и душевныхъ потрясеній. Когда я входилъ въ столовую, Мистеръ Нутльбюри спросилъ: а когда же онъ будетъ здѣсь? Онъ?!!

Послѣ первыхъ привѣтствій, я, затаивъ дыханье, сталъ прислушиваться, но ждалъ не долго. Этотъ „онъ" былъ кузенъ Мери, обѣщавшій пріѣхать въ Фордлей, чтобы провесть у нихъ нѣсколько дней, и пріѣзда котораго все семейство ожидало съ очевидной радостью. Это предвѣщало мнѣ что-то недоброе; я предчувствовалъ, что наставалъ часъ испытанія; я быстро сообразилъ, что благопріятныхъ случаевъ къ разговору наединѣ съ кумиромъ души моей будетъ представляться гораздо меньше, чѣмъ было до сихъ поръ, и что при этомъ должно случиться какое-нибудь несчастіе. Предчувствія не обманули меня.

Это животное—„онъ"—пріѣхалъ въ тотъ же день, послѣ обѣда. Я думаю, что выражусь не слишкомъ сильно, если скажу, что мы, т. е. онъ и я, возненавидѣли другъ друга съ перваго же раза, какъ только обмѣнялись взглядами. Двуличная эта каналья былъ низкаго роста и такой плюгавый на видъ, что всякая женщина съ возвышенными чувствами погнушалась бы взглянуть на него. А вѣдь какіе, бестія, тоны задавалъ! Занимая какое то ничтожное мѣсто при таможнѣ, онъ, на этомъ основаніи, показывалъ видъ, какъ будто былъ членъ правительства, и когда говорилъ о націи, то при этомъ непремѣнно вставлялъ словечко „мы". Увы! Гдѣ же мнѣ было тягаться съ нимъ на этомъ полѣ? О чемъ я могъ увѣренно толковать, кромѣ торговли мѣхами, и способахъ сберегать ихъ отъ моли? И такъ, не зная что говорить, я дулся, хмурилъ брови и большей частью молчалъ, что заставило меня этого мерзавца,—котораго отвратительное имя было Хуффель,—возненавидѣть еще больше. Однакожъ, все-таки, я не терялъ случая, въ продолженіе этого же перваго вечера, ввернуть ему словцо—другое въ пику; но выходило какъ то, что этотъ Куффель или Хуффель всегда бралъ верхъ. А что было хуже всего — моя Мери каждый разъ держала его сторону. Да и какое она имѣла право такъ разодѣться для него? Для меня этого она никогда не дѣлала.

— Нѣтъ,—думалъ я,—этому надо положить конецъ. Какъ? Уступить ему поле? Чтожъ тогда онъ обо мнѣ скажетъ? Еще на смѣхъ подыметъ! И, я рѣшился на другой же день, раздавить его или погибнуть въ своей попыткѣ. Случай для того не замедлилъ представиться и даже скорѣе, чѣмъ предполагалъ я. Это было за вечернимъ чаемъ.

— Да,—между прочимъ говорилъ важно Хуффель, — мы уже весьма серьезно подумываемъ объ отставкѣ сэра Корнеліуса: онъ скоро всю родню переведетъ къ себѣ на службу.

— Кого-жъ это вы разумѣете подъ словомъ: „мы"—спросилъ я колко.

— Я разумѣю правительство, холодно отозвался тотъ.

— Но вы—не правительство, продолжалъ я. Кажется, таможнѣ, даже въ лицѣ высшихъ ея представителей, до правительства очень мало дѣла. Да и высшія лица въ таможнѣ — скорѣе, слуги правительства, чѣмъ его совѣтники, тогда-какъ низшія...

— Ну, сэръ, что же низшія?

— А вотъ что, сэръ: чѣмъ меньше они пытаются смѣшивать себя съ высшими, употребляя въ разговорѣ о нихъ „мы", тѣмъ будетъ лучше для тѣхъ и другихъ.

Говоря это, я чувствовалъ, что меня всего охватило жаромъ.

— Вы, сэръ, толкуете о томъ, чего не смыслите, — проговорилъ таможенный, съ надменной усмѣшкой. Всѣ мы — на одномъ и томъ же судпѣ. Скажите на милость, неужели вы никогда не употребляете слова „мы", говоря о лавкѣ вашего хозяина?

— О лавкѣ хозяина?!

— Ахъ, извините... Развѣ вы ужъ больше не писарь въ мѣховой лавкѣ?

— Послушайте, сэръ—вскричалъ я, теряя, наконецъ, всякое самообладаніе—я не изъ такихъ, чтобъ выносить наглости всякаго дозорнаго въ таможнѣ...

— Дозорнаго въ таможнѣ?!! медленно повторилъ Хуффель, приподнимаясь со стула.

— Ну, да, дозорнаго!

Но тутъ, въ семьѣ, сидѣвшей до тѣхъ поръ безмолвно и неподвижно, началась страшная сумятица; поднялся крикъ и визгъ, и всѣ, — не исключая и Мери, — всѣ набросились на меня, доказывая и утверждая, что ссору затѣялъ я и затѣялъ съ умысломъ,—что, между нами сказать, была сущая правда. Эта довольно оживленная сцена кончилась тѣмъ, что достойный родитель, совсѣмъ не въ деликатныхъ выраженіяхъ, попросилъ меня убираться вонъ.

— Да, послѣ этого, мнѣ тутъ больше и дѣлать нечего, — съ достоинствомъ проговорилъ я, взявшись за шляпу. Но если мистеръ Хуффель вообразилъ, что ссора тѣмъ и покончилась, то онъ немножко ошибется. Что же касается до васъ, вѣроломъ... Но прежде, чѣмъ успѣлъ я договорить слово, какъ почувствовалъ, что родительская длань схватила меня за воротъ, и затѣмъ, я быстро очутился въ корридорѣ, слыша, какъ вслѣдъ за мной торопливо запирали дверь. Не оставаясь долѣе въ этомъ позорномъ положеніи, взбѣшенный, вылетѣлъ я на улицу и, чрезъ полчаса, сидѣлъ уже въ магазинѣ, за своимъ бюро, и писалъ Дьюскапу записку.

Дьюскапъ былъ одинъ изъ лучшихъ моихъ друзей. Онъ, какъ и я же, занимался по мѣховой части и былъ честный, прямой, славный малый; твердъ, какъ латунь и особенно щекотливъ, когда дѣло касалось чести. Этому то другу, въ яркихъ краскахъ, изобразилъ я случай, прося его совѣта, и прибавилъ, въ заключеніе (но, право, такъ только,—собственно ради полноты эффекта), что удержался отъ вызова мерзавца на дуэль единственно лишь по неимѣнію пистолетовъ.

Весь слѣдующій день провелъ я одинъ, раздумывая о томъ, каковъ будетъ отвѣтъ Дьюскапа. День выпалъ дождливый и мнѣ довольно было времени негодовать на свое позорное изгнаніе изъ веселаго жилища Нутльбюри и предаваться горчайшей мысли,—что соперникъ мой находился въ несравненно болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ я — одинокій, изгнанный, стоящій приплюснувъ носъ къ оконному стеклу и созерцающій, какъ съ крыши лила въ кадку дождевая вода.

Нѣтъ надобности говорить, что легъ я рано и почти всю ночь не могъ заснуть. Къ утру, однакожъ, сонъ одолѣлъ, и, наконецъ, я забылся въ тревожныхъ, тяжелыхъ грезахъ. Разбудилъ меня страшный стукъ въ дверь и голосъ, казавшійся мнѣ знакомымъ.

— Эй, Шребсоль! Оливеръ! Отопри! Да вставай же, что за соня такой!

— Да, это былъ голосъ Дьюскапа. Я вскочилъ съ кровати, отперъ дверь и снова прыгнулъ въ постель.

Войдя, пріятель мой поставилъ у двери маленькій ковровый мѣшокъ и, удерживая подъ мышкой продолговатый, чернаго дерева ящикъ, подошелъ къ кровати.

— Какого чорта ты дѣлаешь, лежа до такой поздней поры?—пробасилъ Дьюскапъ, уставясь на меня и протягивая руку.

— Да всю ночь заснуть не могъ, и лишь на зарѣ только... А ты самъ то какъ это явился? Признаюсь, ни какъ не ожидалъ.

— Да вышло свободное время. Притомъ же, тутъ и расписывать нечего, когда требуется объясниться на чистоту. Ну, такъ какъ же намъ повести это дѣло?

— Не спрашивай! —проговорилъ я со стономъ. Ахъ, еслибы ты только зналъ... Ты не знаешь, какъ пламенно любилъ я ее!

— Погоди: она еще будетъ твоей. Все это берусь я за тебя устроить, проговорилъ съ совершенной увѣренностью Дьюскапъ.

— Что-же ты намѣренъ дѣлать? не безъ замѣшательства спросилъ я.

— Что дѣлать? Вотъ вопросъ! Конечно, тутъ только одинъ выходъ. И онъ потрясъ своимъ ящикомъ, издавшимъ довольно странный звукъ; точно въ немъ заключались металлическія пилюли.

— Что-жъ такое въ этомъ ящикѣ?—спросилъ я снова.

— Что? Конечно, пистолеты. И право, для меня было бы почти удовольствіемъ, еслибы которымъ нибудь изъ нихъ тебя подшибли порядкомъ.

— Сэръ!.. горячо вскричалъ я, приподнявшись на постели.

— Да не ты ли вопилъ, что тебѣ не на чемъ драться? Ну, вотъ тебѣ и оружіе. Эти пистолеты одолжилъ мнѣ знакомый оружейникъ.

— Чортъ бы тебя взялъ, — подумалъ я: поторопился ужъ очень; слишкомъ проворенъ.— Такъ ты думаешь, прибавилъ я вслухъ,—что другаго выхода тутъ и быть не можетъ?

— Есть: извиненіе,—сказалъ Дьюскапъ, вынувъ изъ ящика одинъ изъ пистолетовъ и пощелкивая замкомъ, съ дуломъ, уставленнымъ прямо мнѣ въ лобъ. Измѣнить дѣло можетъ только полное извиненіе одной изъ сторонъ. Что же?. пиши извиненіе.

— А если другая сторона откажется принять его?

— Ну, тогда мы угостимъ таможеннаго пулькой, — отрѣзалъ Дьюскапъ, прицѣливаясь въ портретъ маркиза Гранби, висѣвшій надъ каминомъ.

— А если таможенный влѣпитъ въ меня?.. вдругъ подумалось мнѣ, однакожъ я не высказалъ этой мысли.

— Такъ гдѣ же его обрѣсти?—спросилъ Дьюскапъ, надѣвая шляпу. Въ такихъ случаяхъ не нужно терять минуты.

— Да подожди же, пока я одѣнусь,—разсѣянно проговорилъ я. Вѣдь можешь сходить и послѣ завтрака.

— Ни до куска не дотронусь. Да, ты упоминалъ, вѣдь, что онъ остановился у Нутльбюри. Такъ, помнится? Я тотчасъ схожу и живо вернусь къ завтраку.

Съ этими словами онъ вышелъ, а я сталъ одѣваться, и, для возбужденія аппетита передъ завтракомъ, предался грустнымъ размышленіямъ,—что, быть можетъ, завтракъ этотъ будетъ для меня послѣднимъ... Кажется, даже, я отчасти пожалѣлъ, что передалъ дѣло въ руки такого энергичнаго пріятеля.

Довольно таки прождавъ Дьюскана, я принялся, наконецъ, за закуску одинъ. Ужъ передъ концемъ завтрака голова его мелькнула мимо окна и онъ торопливо вошелъ въ комнату.

— Ну, вотъ,—проговорилъ ревностный другъ, садясь за столъ и сильно напирая на закуску,—мы теперь у самой развязки.

— То-есть, чтожъ ты хочешь этимъ сказать? — спросилъ я.

— А то хочу сказать, что противная сторона уклоняется отъ всякихъ извиненій и, стало быть, противная сторона должна лечь на мѣстѣ.

— Но я.. послушай, но такое дѣло мнѣ было бы не совсѣмъ пріятно.

— Непріятно! такое дѣло?.. Позвольте спросить, мистеръ Шребсолъ, что вы подъ этимъ разумѣете?

— Думаю, что... Да неужли, въ самомъ дѣлѣ, изъ этого нѣтъ другаго исхода. Неужли нельзя...

— Постой, погоди, погоди,—проговорилъ пріятель, съ суровымъ видомъ, переставъ вдругъ ѣсть: — все дѣло ты передалъ въ мои руки; слѣдовательно, я обязанъ,—да, говорю,—обязанъ, довести его до конца. Какъ ни прискорбно мнѣ быть въ немъ замѣшаннымъ (а мнѣ казалось, въ душѣ, онъ ликовалъ); но, разъ въ него впутавшись, я долженъ его и покончить. Такъ садись же и пиши формальный вызовъ, а я принимаю на себя передать его, куда слѣдуетъ.

Дьюсканъ имѣлъ всегда на меня чертовски-сильное вліяніе. Слова его были полны неотразимой логики и силы. Такъ и теперь, въ дальнѣйшихъ руководящихъ совѣтахъ, по отношенію къ предстоящему дѣлу, о томъ, напримѣръ, что надлежало тутъ говорить или что дѣлать и проч., онъ обнаружилъ такія громадныя свѣдѣнія, что я не могъ утерпѣть, чтобы не спросить его, не разыгралъ ли онъ когда нибудь и самъ моей роли въ такомъ же дѣлѣ.

— Нѣтъ еще, не приходилось — отвѣчалъ Дьюсканъ: но полагаю, что у меня больше призванія для второстепенныхъ ролей. Право, я всегда чувствовалъ, что былъ въ своей стихіи, когда входилъ посредникомъ въ дѣлахъ чести.

— Думаю, ты былъ бы въ восторгѣ, еслибы самъ сталъ на моемъ мѣстѣ,—проговорилъ я почти со злобой. Мнѣ было нестерпимо тошно отъ его слишкомъ неумѣстной живости.

— О, это—рѣшительно все равно—въ этомъ дѣлѣ я принимаю такой горячій интересъ, что какъ бы совершенно отожествляюсь съ тобой, мой милый, и чувствую, тутъ я будто самъ главный дѣятель.

— И у тебя, стало быть, тоже больно щемитъ подъ ложечкой, — подумалъ я, но изъ скромности не передалъ своей мысли.

— Кстати,—замѣтилъ Дьюсканъ, кладя въ карманъ мой вызовъ и собираясь идти, — я и забылъ сказать, что на мѣсто явятся еще двое, а можетъ быть и трое изъ общихъ нашихъ пріятелей.

— Двое пріятелей? — повторилъ я съ досадой. Это что еще за новости?

— Да, придутъ Криисъ и Фовлеръ, а можетъ быть и Кирпо, если только успѣетъ отдѣлаться. Вчера вечеромъ мы долго толковали о твоемъ дѣлѣ и всѣ имъ страшно заинтересованы. Да, Оливеръ, я предчувствовалъ, что роковая встрѣча неизбѣжна, какъ не меньше предчувствую, что въ ней, въ концѣ концовъ, запахнетъ кровью.

Какъ же я клялъ себя, что довѣрился такому, не въ мѣру рьяному блюстителю законовъ чести. Когда онъ, гордо задравъ голову, выходилъ отъ меня съ злополучнымъ вызовомъ въ карманѣ, казалось, человѣкъ этотъ положительно жаждалъ крови. Ну, а тѣ, другіе, придутъ для того только, чтобы посмотрѣть, какъ одинъ другаго уложитъ на мѣстѣ. Да, одно лишь это и толкаетъ ихъ идти. Я былъ увѣренъ, что, еслибы, по какому-нибудь особенно счастливому случаю, дѣло обошлось безъ крови,—эти благопріятели—вернулись бы домой съ досадой на неудавшійся спектакль.

(До слѣд. №).

Стихотвореніе.

* * *

Изумруднымъ нарядомъ сверкая,
Вся въ сіяньи, вся въ блескѣ лучей,
Прилетѣла весна золотая
Съ оживляющей пѣсней своей.

Все-то словно она освѣжила,
Льется въ грудь ея воздухъ живой,
И въ душѣ будитъ новыя силы
Пѣсня ясной весны молодой:

„Съ обновленьемъ могучимъ природы
Дни желаннаго счастья придутъ,
А ненастные дни и невзгоды
Навсегда, какъ туманъ, пропадутъ.

Все, что жить полной жизнью мѣшало,
И веселье, и счастье темня,
Разойдется, какъ тьмы покрывало
Предъ лучемъ восходящаго дня!“

Е. Л.

Первые сборы картофеля въ Европѣ и въ Россіи.

(Къ картинѣ А. Шварца, на стр. 364).

Въ яркомъ свѣтѣ выступаетъ историческій образъ Великаго Курфюрста Фридриха Вильгельма на мрачномъ фонѣ эпохи тридцатилѣтней войны. Съ мечемъ въ рукѣ завоевываетъ себѣ онъ наименованіе „Великаго“, признанное за нимъ современниками и потомствомъ и кончаетъ свою дѣятельную жизнь съ гордымъ сознаніемъ, что онъ „хорошо боролся“!—Дѣйствительно, борьба была неустанная, отчаянная, а часто и неуспѣшная.

На двадцатомъ году жизни, въ самомъ разгарѣ ужасной войны, продолжавшейся уже болѣе двухъ десятилѣтій съ неномѣрнымъ ожесточеніемъ, Фридрихъ Вильгельмъ вступилъ на престолъ и боролся еще восемь длинныхъ лѣтъ, пока наконецъ колокола Оснабрюка не возвѣстили праздникъ горячо желаннаго мира. Но тутъ молодому курфюрсту пришлось возстановлять внутренній порядокъ и поднять духъ народа, упавшій подъ тяжестью продолжительныхъ бѣдствій.

Изо всѣхъ провинцій болѣе всего пострадало маркграфство бранденбургское. Толпы бездомцевъ, нищихъ и воровъ бродили по опустѣлымъ улицамъ, или же забирались въ уцѣлѣвшія и необитаемыя жилища. Цѣлыя деревни подверглись разрушенію, а обитатели ихъ или бѣжали отъ преслѣдованій, или погибли.

Столица тоже не была пощажена войною—Берлинъ и Кельнъ представляли картину полнѣйшаго разоренія. Когда курфюрсту понадобилось исправить небольшой замокъ на берегу Шпрее хоть настолько, чтобы можно было укрыться въ немъ отъ непогоды, то строительные матерьялы пришлось выписать изъ Гамбурга, такъ какъ въ Берлинѣ ихъ нельзя было достать. Все пришлось приводить въ порядокъ. Курфюрстъ не отчаявался и смѣло приступилъ къ работѣ.

Пока прорывали каналы, осушивали болота, началась торговля и промышленность, онъ велѣлъ составить точные списки, съ обозначеніемъ сколько полей было засѣяно, сколько оставалось впустѣ, какія именно земли и почему въ деревняхъ не были обработаны, а также приказалъ расширять и поощрять овцеводство и садоводство.

На томъ мѣстѣ гдѣ теперь находится берлинскій Люстгартенъ, простиралось болото, осѣнявшееся уродливыми ивами и жиденькими ольхами. Курфюрстъ хотѣлъ доказать, чего можно достигнуть неустаннымъ трудомъ и энергіей. Было приступлено къ работамъ и вскорѣ на мѣстѣ болота раскинулся роскошный садъ въ голландскомъ вкусѣ, съ фонтанами и мраморной статуей основателя. Широкая лѣстница вела изъ этаго царства цвѣтовъ въ нижній садъ, со множествомъ прекрасныхъ статуй, раздѣленный фруктовыми деревьями на двѣ половины, а овощенный огородъ былъ перерѣзанъ звѣздообразно восемью колодцами.

Здѣсь Курфюрстъ отдыхалъ отъ тяжелыхъ заботъ по государственному управленію, тутъ онъ сѣялъ и сажалъ какъ самый простой, прилежный работникъ и принималъ съ признательностью подносимыя въ подарокъ сѣмена или растенія отъ своихъ друзей или дипломатическихъ агентовъ.

Вскорѣ примѣру его послѣдовали многіе, и стали дѣятельно заниматься полевымъ хозяйствомъ и садоводствомъ. Въ особенности маршалъ Дёрфлингеръ, вѣрный его боевой товарищъ въ походахъ противъ поляковъ, французовъ и шведовъ, удачно разводилъ иностранныя виноградныя лозы и американскіе кустарники. Всякому желающему заняться хозяйствомъ, Фридрихъ съ удовольствіемъ помогалъ и совѣтомъ и деньгами.

Прекрасной помощницей ему въ дѣлѣ хозяйства была его первая жена Луиза Генріэтта. Какъ истинная голландка, всюду она присматривала сама, на кухнѣ и въ погребѣ, въ кладовой и коровникѣ. Приходо-расходныя книги вела она всегда собственноручно.

Маршалъ Дерфлингеръ. Великій Курфюрстъ и его супруга. М. Гауфъ.

Первый сборъ картофеля въ Берлинѣ въ 1649 г. Съ картины А. Шварца, грав. О. Ротъ.

Основаніе ордена Іезуитовъ въ Римѣ, въ 1540 г. Картина Линденшмидта, грав. Кнезингъ.

Высокіе супруги дѣлали тысячи опытовъ въ своемъ саду, по прививкѣ и акклиматизаціи различныхъ иностранныхъ растеній—радость ихъ была велика всегда, какъ только ихъ труды увѣнчивались успѣхомъ. Особенное вниманіе они обратили на картофель, неизвѣстный дотолѣ еще въ Германіи и получившій потомъ такое громадное, повсемѣстное распространеніе какъ на западѣ такъ и у насъ въ Россіи.

Францъ Дракс первый вывезъ картофель изъ Виргиніи; впервые подавался картофель въ 1580 году за столомъ королевы Елисаветы. Но прошло много еще десятковъ лѣтъ, пока онъ былъ принятъ народомъ и вошелъ въ общее употребленіе.

Слава распространенія неказистаго на видъ овоща принадлежитъ всецѣло Фридриху Вильгельму, понявшему его важное значеніе для народнаго хозяйства.

На нашемъ рисункѣ съ картины Шварца, представленъ Фридрихъ Вильгельмъ съ Луизой Генріэттой, въ сопровожденіи маршала Дерфлингера, принимающій отъ садовника, Михаила Гауфа первыя картофелины, выросшія на родной почвѣ великаго курфирста.

Странно себѣ представить, что этотъ, такой теперь народный, обыкновенный, общеупотребительный у насъ продуктъ, началъ вводиться въ Россіи насильственно и съ большими трудностями всего лишь лѣтъ сто тому назадъ съ небольшимъ, при императрицѣ Екатеринѣ II.

Починъ введенія въ употребленіе „овоща—земляныя яблоки, названные въ Англіи потетесъ а въ иныхъ краяхъ земляная груша и тартуфель“ принадлежитъ барону Черкасову, президенту государственной медицинской коллегіи. Хотя „люди партикулярные“ говорится въ его предложеніи „въ достаточномъ количествѣ“ разводили его въ Петербургѣ уже въ первой половинѣ XVIII в. но въ остальныхъ мѣстностяхъ отнеслись съ предубѣжденіемъ къ этой „иноземщинѣ“ и ей противились даже въ 40-хъ годахъ текущаго столѣтія.

Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, случился голодъ въ Финляндіи. Дѣло началось изысканіемъ средствъ помочь голодавшимъ „безъ большаго иждивенія“ и Черкасовъ рапортовалъ сенату, что „предотвращеніе бѣдствія способъ въ тѣхъ земляныхъ яблокахъ, кои въ Англіи называются потетесъ“. По повелѣнію Императрицы разослано сенатомъ во всѣ мѣста Имперіи наставленіе о разведеніи картофеля а указомъ 8 февраля 1765 г. разведеніе сіе поручено попеченію губернаторовъ. Въ томъ же году медицинская коллегія распорядилась отправкою во всѣ губерніи земляныхъ яблоковъ „на расплодъ“ по 20—40 пудъ. Губернаторы разослать должны были по уѣздамъ съ нарочными, съ инструкціями „оныя яблоки въ дорогѣ беречь и смотрѣніе имѣть, дабы иозябнуть и повредиться не могли“ а также, чтобы эти нарочные въ пути „обывателямъ обидъ не чинили и ко взяткамъ бы не касались, подъ опасеніемъ воинскаго суда и жестокаго штрафа.“

Народъ однако принялъ „чортово яблоко“ съ неудовольствіемъ. Дѣло совсѣмъ не принималось. Сельскія власти, обязанныя наблюдать за успѣхомъ дѣла, по обыкновенію отписывались: „оныхъ де яблоковъ нонѣ въ появѣ не было“ или „по Божескому изволенію ни единаго того яблока урожаю не оказалось“. Иные доносили что „яблоко то мірянамъ не показалося“, иные что „не только приплоду, но и что посажено въ землѣ, не оказалося“. Еще хуже дѣло пошло далѣе и лѣтъ через 40 новый овощь чуть ли не былъ совсѣмъ забытъ. Въ 1806 уже году начались вновь строгія предписанія администраціи по сему предмету „внушить благоразумнымъ совѣтомъ умножить посѣвъ картофелю“. Неуспѣшный ходъ этаго дѣла обратилъ на себя вниманіе Козодавлева, тогдашняго министра Внутр. дѣлъ. Ему отвѣчали „что крестьяне, питая отвращеніе къ сему плоду и ко всякому новому заведенію, считаютъ оное нововведеніе притѣсненіемъ и безъ принужденія сіе заведеніе состояться не можетъ“. Посланы были иноземные колонисты, для пріученія къ этому дѣлу крестьянъ по повелѣнію Императора Александра I, которые колонисты, однако предъявили такія высокія требованія за обученіе посѣву картофеля, что посылка ихъ была остановлена. Нѣкто Селезневъ, командированный для устройства этаго дѣла въ Архангельскую губернію, успѣлъ развести лишь до 34 четв. картофеля и эта операція обошлась казнѣ около 9000. Дѣло не принималось. По разнымъ губерніямъ было оказываемо прямое противодѣйствіе оскверненію земли Божьей „Чортовымъ яблокомъ“. Даже уже въ 1841 г. по всеподданнѣйшему докладу объ ослушаніи, оказанномъ казенными крестьянами по посѣву картофеля, послѣдовало Высочайшее повелѣніе виновныхъ въ ослушаніи отдавать въ рекруты, неспособныхъ же изъ нихъ отправить временно на работы въ Бобруйскъ „распространивъ сіе на всѣ мѣста, гдѣ могло бы возникнуть подобное ослушаніе“. И мѣры эти приходилось примѣнять неоднократно. Но однако уже съ 30-хъ годовъ посѣвы стали производиться по разнымъ губерніямъ крестьянами по своей охотѣ. Такъ трудно вводилось въ нашемъ отечествѣ употребленіе этаго, теперь столь обычнаго и общепризнаннаго и ставшаго необходимымъ продукта.

„Битва боговъ“

(По поводу Пергамскихъ раскопокъ. Къ рисунку на стр. 369).

„...Глубокое впечатлѣніе произвели на меня, во время моего недавняго проѣзда черезъ Берлинъ, мраморные горельефы лучшей эпохи аттическаго ваянія (III столѣтія до Р. Х.)—открытые въ Пергамѣ (не въ древней Троѣ)—а въ столицѣ небольшаго мало-азійскаго царства, сперва покореннаго, какъ и весь греческій міръ, Римомъ—а потомъ разореннаго наплывомъ варваровъ“. Такъ начинаетъ И. С. Тургеневъ свое письмо о Пергамскихъ раскопкахъ въ „В. Евр.“

Въ настоящее время нѣсколько залъ Берлинскаго музея заняты огромными обломками фронтона или фриза громаднаго алтаря въ Пергамѣ, считавшагося у древнихъ однимъ изъ чудесъ свѣта. Кромѣ того тутъ находится множество отдѣльныхъ частей: руки, ноги, головы, торсы и части украшеній. Все это теперь тщательно приводится въ порядокъ и складывается подъ наблюденіемъ цѣлой коммисіи профессоровъ.

Десять лѣтъ тому назадъ часть этаго фриза была открыта Гуманомъ и доставлена въ Берлинскій музей. Тогда прусское правительство позаботилось о дальнѣйшихъ открытіяхъ и разслѣдованіяхъ, которыя привели къ блестящимъ результатамъ. Въ дѣлѣ этомъ наиболѣе горячее участіе принимаетъ Германскій наслѣдный принцъ.

Профессоръ Александръ Конце, подъ руководствомъ котораго производились раскопки, 29 Января въ прусской академіи наукъ докладывалъ слѣдующее объ результатахъ работъ:

Нагорная крѣпость Пергамъ расположена на высотѣ 700 футовъ надъ поверхностью моря. Во время процвѣтанія города тутъ были великолѣпныя постройки, которыхъ открыты теперь болѣе или менѣе значительные остатки и обломки. Изъ нихъ важнѣйшіе—отрытые на самомъ высшемъ пунктѣ города—прекрасный храмъ Августа и Рома и ниже — школа временъ Римскаго владычества. Ранѣе этихъ построекъ, на самомъ высокомъ мѣстѣ горы, подъ открытымъ небомъ, былъ воздвигнутъ мраморный алтарь, бывшій повидимому центральнымъ пунктомъ всѣхъ построекъ и имѣвшій 40 ф. въ вышину. Большая часть художественныхъ отдѣльныхъ украшеній найдена тутъ же, такъ что можно составить довольно вѣрное понятіе о цѣлой постройкѣ. На низкомъ цоколѣ, какъ главный корпусъ постройки, возвышался фундаментъ, стѣны котораго занимаютъ 11326 ф. квадр. Подъ карнизомъ, заканчивавшимъ этотъ фундаментъ, кругомъ тянулся колоссальный фризъ, прерывавшійся только около лѣстницы, ведущей на платформу. На этой платформѣ низкая галлерея іоническихъ колоннъ, въ 7 фут. вышины, галлерея богато украшенная изящными статуями, окружала свободное пространство, на которомъ былъ расположенъ собственно алтарь. Тутъ также долженъ былъ помѣщаться неизвѣстно какъ и въ какомъ порядкѣ, второй рядъ горельефовъ въ 3 фута вышины. Объяснены еще не всѣ сцены, изображенные горельефомъ. Часть изъ нихъ представляетъ сказанія о Телефосѣ—мифическомъ праотцѣ Пергама. Изъ полусбитыхъ надписей явствуетъ, что вся постройка произведена при Евменеѣ II (197—159 до Р. Х.) царѣ, при которомъ Пергамъ достигъ наибольшаго блеска и процвѣтанія. Храмъ былъ воздвигнутъ въ память освобожденія отъ притѣсненія Галловъ и упроченія эллинской культуры на мало-азійской почвѣ.

Но какое значеніе этихъ раскопокъ и насколько важно это пріобрѣтеніе для Берлинскаго музея?

„Честь открытія этихъ великолѣпныхъ останковъ, говоритъ И. С. Тургеневъ, принадлежитъ германскому консулу въ Смирнѣ Гуману, а заслуга, скорѣе—*счастіе пріобрѣтенія ихъ*, выпало на долю Германскаго правительства. Все дѣло было ведено очень ловко и тайно; во время были высланы инженеры и ученые профессора, во время купленъ участокъ земли близь деревушки Пергама, подъ которой скрывались всѣ эти сокровища; самый фирманъ Султана на владѣніе открытыми мраморами, а не одними снимками съ нихъ (какъ то сдѣлало греческое правительство), былъ очень удачно и тоже во время полученъ, и въ концѣ концовъ Пруссія—за какія нибудь ничтожныя 130,000 марокъ—закрѣпила за собою цѣлое завоеваніе, которое принесетъ ей славу“.

Горельефы эти—оригинальныя произведенія самаго высокаго періода процвѣтанія греческой пластики. Здѣсь только наглядно знакомишься съ изумительнымъ развитіемъ художества древности, и получаешь представленіе о геніальной смѣлости замысла и совершенствѣ техники въ то время. Эти горельефы также, если не болѣе, важны какъ Парѳенонскія изваянія, находящіяся въ британскомъ музеѣ, и берлинскій музей этимъ пріобрѣтеніемъ становится въ первомъ ряду музеевъ по части скульптуры.

Блестящее время высшаго развитія греческаго ваянія раздѣляется на три періода. Два первыхъ періода, непосредственно слѣдуютъ одинъ за другимъ, начиная отъ Перикла и кончая смертью Александра. Это времена Фидія, Мирона, Поли-

клета, Праксителя, Скопаса и др. Средоточіемъ искусства были Пелопонесъ и Афины. Послѣ смерти Александра, вслѣдствіе постоянныхъ и продолжительныхъ войнъ, искусство пришло въ упадокъ и, спустя только столѣтіе снова стало процвѣтать на Родосѣ и въ Пергамѣ, сдѣлавшимися средоточіемъ поэзіи, науки и по преимуществу искусства ваянія.

По словамъ Плинія, въ Родосѣ была создана знаменитая группа Лаокоона и Фарнезскій быкъ. Въ Пергамѣ же изваяно нѣсколько группъ, представляющихъ битвы Атталовъ съ Галлами,—подаренныя властителемъ Атталовъ Афинамъ—„Битва боговъ съ гигантами" и др. Отсюда же вышла извѣстная всему міру статуя „Умирающій гладіаторъ".

„Битва боговъ съ титанами, сынами Геи" (Земли) представляетъ, по сказаніямъ, послѣднюю попытку гигантовъ свергнуть владычество боговъ Олимпа. Гиганты были побѣждены но только послѣ отчаянной битвы, въ которой приняли участіе почти всѣ боги Олимпа. Побѣда несомнѣнная, окончательная,—продолжаетъ нашъ авторъ,—на сторонѣ боговъ, на сторонѣ Свѣта, Красоты и Разума; но темныя, дикія земныя силы еще сопротивляются—и бой не оконченъ. По срединѣ всего фронтона Зевсъ (Юпитеръ) поражаетъ громоноснымъ оружіемъ, въ видѣ опрокинутаго скипгра, гиганта, который падаетъ стремглавъ, спиною къ зрителю, въ бездну; съ другой стороны—вздымается еще гигантъ, съ яростью на лицѣ—очевидно, главный борецъ—и, напрягая свои послѣднія силы, являетъ такіе контуры мускуловъ и торса, отъ которыхъ Микель-Анджело пришелъ бы въ восторгъ... Поразительна фигура Геи, матери гигантовъ: вызванная гибелью своихъ сыновъ, она до половины корпуса, до пояса, поднимается изъ почвы... Нижняя часть лица ея отбита (головы Зевса и Паллады—увы!—также исчезли) но какой величавой и безконечной скорбью вѣетъ отъ ея чела, глазъ, бровей, ото всей ея колоссальной головы—это надо видѣть!.. на это даже намекнуть нельзя. Всѣ эти—то лучезарныя, то грозныя, живыя, мертвыя, торжествующія, гибнущія фигуры, эти извивы чешуйчатыхъ змѣиныхъ колецъ, эти распростертыя крылья, эти орлы, эти кони, оружія, щиты, эти летучія одежды, эти пальмы и эти тѣла, красивѣйшія человѣческія тѣла во всѣхъ положеніяхъ, смѣлыхъ до невѣроятности, стройныхъ до музыки,—всѣ эти разнообразнѣйшія выраженія лицъ, беззавѣтныя движенія членовъ, это торжество злобы и отчаянія, и веселость божественная и божественная жестокость—все это небо и вся эта земля—да это міръ, цѣлый міръ, передъ откровеніемъ котораго невольный холодъ восторга и благоговѣнія пробѣгаетъ по жиламъ. И вотъ еще что: при видѣ всѣхъ этихъ неудержимо свободныхъ чудесъ, куда дѣваются всѣ принятыя нами понятія о греческой скульптурѣ, объ ея строгости, будто бы невозмутимости, объ ея сдержанности въ границахъ своего спеціальнаго искусства, всѣ эти понятія, которыя, какъ несомнѣнная истина, были передаваемы намъ нашими теоретиками, эстетиками, всей нашей школой и наукой?.."

Боги, представленные на фризѣ, поражаютъ зрителя своимъ реализмомъ. Эти типы сильно напоминаютъ работы Микель-Анджело и Шлютера, такъ близко они подходятъ подъ требованія новѣйшаго искусства. Эти изваянія совершенно уничтожаютъ ту бездну, которая до сихъ поръ раздѣляла древнее искусство отъ новаго.

Обломокъ этаго фриза, представленный на нашемъ рисункѣ—*первый* огромный обломокъ, присланный консуломъ Гуманомъ въ даръ Берлинскому музею. Онъ принадлежитъ къ нижней части фриза. Это по всей видимости упавшій на колѣни, поверженный юный титанъ, защищающійся еще правой поднятой рукой. Все отчаяніе битвы еще чуется въ этихъ грозно сдвинутыхъ бровяхъ и развѣвающихся, поднявшихся волосахъ великолѣпной головы бойца—полной выраженія чрезвычайной силы и одушевленія.

Къ рисункамъ.

Двѣ картины К. А. Трутовскаго.

Въ засадѣ. Испугъ.

Въ настоящемъ № мы помѣщаемъ снимокъ съ двухъ, весьма удавшихся, картинъ Константина Александровича. Двѣ дѣвушки притаясь за заборомъ, сдерживая смѣхъ, готовятся обдать водой, степенно идущаго, молоденькаго паробка, который ничего не подозрѣвая, важно выступаетъ съ граблями на плечѣ. На другой—маленькая змѣйка перегородила дорогу дѣвушкѣ, которая въ испугѣ отступаетъ, таща за собою маленькаго братишку... Обѣ сцены очень выразительны и живы.

Малороссія—спеціальность К. А. который самъ родился въ Харьковской губерніи и съ нимъ какъ бы постоянно и неизмѣнно соприсутствуетъ образъ этаго чуднаго края, его голубаго неба, солнца; его природы, черноглазыхъ дѣвушекъ, паробковъ, его сѣдовласыхъ кобзарей... этаго края, по слову поэта

Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ,
Въ вишневыхъ рощахъ тонутъ хутора,
Шумя тростникъ надъ озеромъ трепещетъ,
Косарь поетъ, коса звенитъ и блещетъ...
Въ степи широкой сердцу такъ легко!
Туда, туда всѣмъ сердцемъ я стремлюся,
Гдѣ изъ цвѣтовъ плететъ вѣнокъ Маруся,
Про старину поетъ сѣдой Грицько.

Въ скоромъ времени мы намѣрены дать портретъ нашего талантливаго жанриста, при которомъ и сообщимъ нѣкоторыя данныя о К. А.

Хохлушка.

(Картина Платонова).

Въ № 4-мъ „Нивы" настоящаго года былъ нами помѣщенъ рисунокъ съ прекрасной картины г. Платонова „Болгарскій мальчикъ" (картина, собственность г. Велихова), за которую художникъ получилъ на прошлогодней академической выставкѣ золотую медаль за экспрессію. На весенней выставкѣ настоящаго года г. Платоновъ выставилъ картину, названную имъ „Хохлушка". Милое, веселое, полное оживленія, загорѣлое молодое лицо съ улыбкой, не лишенной лукавства и наивнаго кокетства, производитъ такое ясное и симпатичное впечатлѣніе. Въ лицѣ этомъ много выраженія и техника весьма выработанная.

Основаніе ордена Іезуитовъ Лойолой.

(Картина Линденшмидта).

Іезуиты (общество Іисуса) духовный орденъ, основанный въ Римѣ Игнатіемъ Лойолою въ 1540 году съ цѣлью защиты и распространенія римско-католической религіи, получилъ такое распространеніе и могущество, какого не имѣлъ никакой другой орденъ. Іезуиты вездѣ дѣйствовали весьма энергически и старались захватить въ свои руки воспитаніе юношества. Именно въ настоящее время республиканское правительство во Франціи начало съ ними ожесточенную войну, причисливъ ихъ орденъ къ недозволеннымъ конгрегаціямъ и рѣшивъ выслать ихъ изъ страны. Еще прежде, обнаруженіе нѣкоторыхъ злоупотребленій со стороны отдѣльныхъ членовъ вынудило уничтоженіе ордена какъ политическаго общества; послѣ революціи 1830 г. при Людовикѣ Филиппѣ дѣйствовалъ орденъ открыто, а съ возстановленіемъ Имперіи получилъ значительное вліяніе. Въ Германіи съ нимъ борьба началась послѣ 1848 года. У насъ въ Россіи іезуиты тоже имѣли большое вліяніе и силу—указомъ 25-го марта 1820 года однако доступъ въ наше отечество былъ имъ возбраненъ.

Игнатій Лойола, основатель и первый глава ордена Іезуитовъ, до этаго сражался какъ отважный воинъ при оборонѣ Пампелуны противъ французовъ, затѣмъ промѣнялъ мечъ на четки. Онъ сталъ вести самую суровую и подвижническую жизнь, отрекшись отъ всѣхъ радостей и соблазновъ земной жизни. Съ фанатическимъ одушевленіемъ проповѣдывалъ онъ воздержаніе и благочестивую жизнь и такъ ревностно занялся этою проповѣдью, что по странной прихоти судьбы, попалъ на замѣчаніе инквизиціоннаго трибунала, который нашелъ необходимымъ временно обуздать его и наложить суровое наказаніе за эту „ревность не по разуму". Въ Парижѣ, гдѣ онъ изучалъ теологію, составленъ имъ былъ обширный планъ новаго могущественнаго католическаго ордена и онъ провелъ этотъ планъ съ помощью своихъ единомышленниковъ, Сальмерона, Бовадиллы, Родригеца и Пьера Лефевра. Въ Римѣ рѣшено было совершить торжественное открытіе ордена, на которое уже получено было одобреніе и благословеніе папы Павла III. Актъ открытія ордена Лойолою взятъ темою для большой картины извѣстнымъ историческимъ живописцемъ, профессоромъ Линденшмидтомъ, съ которой здѣсь и помѣщается нами рисунокъ. Эта картина появилась на международной художественной выставкѣ прошлаго года въ Мюнхенѣ.

Встрѣча Норденшильда

въ Стокгольмѣ и торжество въ Гельсингфорсѣ.

24-го апрѣля новаго стиля, Стокгольмъ торжественно привѣтствовалъ Норденшильда, возвратившагося послѣ столь продолжительнаго и знаменательнаго плаванія. Въ этотъ день, уже съ самаго ранняго утра всѣ стоявшія въ гавани суда, а въ городѣ большая часть домовъ украсились флагами, улицы же кишили толпами народа, которыя съ каждымъ часомъ увеличивались любопытными, прибывавшими изъ окрестностей столицы. Гостинницы, рестораны, даже простыя кафе были

переполнены еще заблаговременно. Желающихъ встрѣтить знаменитаго профессора оказалось такъ много, что едва хватало мѣста. Платили, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, дорогую цѣну не только за квартиру, но за мѣстечко въ какомъ нибудь окнѣ, или на балконѣ; мѣста же на трибунѣ, устроенной для зрителей, стоили, понятно, дороже всего остальнаго. Около двухъ часовъ дня на встрѣчу къ „Вегѣ" отплылъ пароходъ „Нордштернъ", нанятый литераторами; за „Нордштерномъ" послѣдовала разцвѣченная флагами флотилія изъ пароходовъ, наполненныхъ публикой. Часа чрезъ три, „Нордштернъ" встрѣтилъ „Вегу". „На палубѣ этого не особенно изящнаго, но за то солиднаго парохода,—разсказываетъ одинъ изъ очевидцевъ встрѣчи—рядомъ съ капитаномъ Паландеромъ, стоялъ высокій, крѣпко сложенный мужчина среднихъ лѣтъ, съ парой черныхъ выразительныхъ глазъ, спокойно глядѣвшихъ изъ-за pince-nez; его бѣлокурые волосы слегка подернуты уже просѣдью, борода придаетъ его лицу видъ энергіи и силы. Это—профессоръ Норденшильдъ (правильнѣе—Норденскьёльдъ). Послѣ обмѣна привѣтствій „Нордштернъ" становится сзади „Веги" и сопутствуетъ ей. На пути, съ каждой минутой встрѣчаются новые пароходы, выѣхавшіе, чтобы привѣтствовать знаменитаго путешественника; къ 7-ми часамъ „Вегу" окружаютъ уже 95 большихъ пароходовъ, 50 средней величины и около 30 маленькихъ пароходовъ. Въ тоже время на берегахъ, между которыми спокойно плыветъ пароходъ Норденшильда, почти безостановочно разсыпается огненный дождь блестящихъ фейерверковъ въ честь его и оттуда несется тысячегласное ура привѣтствующаго народа. Вотъ наконецъ показался и залитый огнями блестящей иллюминаціей Стокгольмъ. „Вега" подходитъ ближе и ближе, и вдругъ загремѣлъ со стѣнъ крѣпости салютъ 15 пушечныхъ выстрѣловъ. То привѣтствовалъ Норденшильда король Оскаръ. Восторженное, потрясающее ура раздается съ улицъ, площадей, оконъ, крышъ. Въ 10 часовъ вечера „Вега" бросаетъ якорь передъ замкомъ, вокругъ котораго мгновенно зашипѣли вверхъ къ небу тысячи ракетъ. Массивное зданіе все украшено флагами. По ступенямъ ярко освѣщенной почетной лѣстницы и у почетнаго входа разставлены люди съ знаменами въ рукахъ, на 8 огненныхъ пирамидахъ можно прочесть имена Норденшильда, Паландера и лицъ, содѣйствовавшихъ экспедиціи. Выше горитъ изъ газовыхъ языковъ слово „Вега" съ блестящею, разноцвѣтною звѣздою надъ нимъ. Путешественники вступаютъ на землю подъ звуки національнаго гимна. На платформѣ ихъ принялъ оберштатгальтеръ баронъ Угла, который прочелъ поднесенный имъ городомъ Стокгольмомъ адресъ.

Въ эту же самую минуту на противоположномъ берегу былъ зажженъ фейерверкъ, изображавшій Минерву, увѣнчивающую бюстъ Норденшильда и имя Паландера и въ то же время загорѣлся другой, въ которомъ огненныя буквы быстро начертали на фонѣ темнаго неба имена короля Оскара, Сибирякова, Норденшильда, Диксона, „Веги" и Паландера. Двѣ тысячи ракетъ завершили огненное привѣтствіе. Затѣмъ, послѣ получасовой аудіенціи у короля, наградившаго участниковъ экспедиціи орденами и званіемъ бароновъ—„баронъ" Норденшильдъ, съ своими товарищами, отправился въ придворныхъ экипажахъ къ себѣ, среди громкихъ кликовъ толпы. Но еще и послѣ того не скоро опустѣли улицы столицы, привѣтствовавшей знаменитаго своего соотечественника.

Торжество прибытія профессора Норденшильда въ Стокгольмъ нашло себѣ отголосокъ и въ Гельсингфорсѣ, пожелавшемъ также отпраздновать это событіе. Въ день возвращенія знаменитаго путешественника большое общество собралось въ залѣ „дома студентовъ", убранной соотвѣтственно случаю. Въ глубинѣ залы красовалась декорація, изображавшая Ледовитый океанъ, съ покачивающеюся на его холодныхъ волнахъ „Вегою"; передній планъ былъ оживленъ присутствіемъ бѣлыхъ медвѣдей и нѣкоторыхъ другихъ животныхъ арктическихъ странъ. Кромѣ того была устроена эстрада, на которой красовался, весь въ цвѣтахъ, бюстъ Норденшильда; вокругъ зала шли гербы Швеціи и Финляндіи, щиты, гирлянды, знамена, флаги, все это искусно развѣшанное, уставленное и сгруппированное. Праздникъ открылся звуками оркестра (Финскаго гвардейскаго батальона) послѣ чего, одинъ изъ мѣстныхъ ораторовъ произнесъ съ трибуны похвальную рѣчь въ честь того, кто столь смѣло и безбоязненно проложилъ новый путь сквозь ледяныя массы. Вслѣдъ за рѣчью раздалось пѣніе хора студентовъ. Далѣе слѣдовало чтеніе стиховъ, приличествующихъ торжеству, ихъ смѣнило снова пѣніе, уступившее мѣсто новымъ рѣчамъ, чередовавшимся съ безчисленными тостами и кликами „ура" въ честь участниковъ экспедиціи. Въ Стокгольмъ, была отправлена привѣтственная депеша. Праздникъ вышелъ, вообще, чрезвычайно оживленный.

Политическое обозрѣніе.

Албанцы.—Гладстонъ и Балканскіе славяне.—Ирландцы.—Афганистанъ.—Переговоры о Кульджѣ.

Албанцы причиняютъ не мало тревогъ въ настоящую минуту. Оказывая упорное сопротивленіе Черногоріи, они въ то же время, задираютъ и Сербовъ. Недавно шайка ихъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ вторгнулась въ предѣлы этого княжества. Послѣ нѣсколькихъ схватокъ съ сербскими войсками, они были прогнаны обратно на турецкую территорію, причемъ турецкія войска, оказавъ содѣйствія сербамъ, не допустили набѣгу принять особенно значительныхъ размѣровъ.—Помогая хотя сколько нибудь сербамъ, турки, какъ кажется, поступаютъ нѣсколько иначе съ черногорцами, по крайней мѣрѣ изъ Цетиньи положительно подтверждаютъ, что они передали всѣ укрѣпленныя мѣстности арнаутамъ. Черногорія же, удерживаясь отъ наступленія, обратилась съ заявленіемъ противъ Порты, не выполнившей своей конвенціи; вмѣстѣ съ тѣмъ, кн. Николай проситъ державы, подписавшія Берлинскій трактатъ, принять мѣры къ улаженію вопроса, въ нынѣшнемъ положеніи его, въ виду того, что конвенція является невыполнимою. Посланники державъ въ Константинополѣ сообщили уже Портѣ общую ноту, въ которой требуютъ, чтобы она заняла своими войсками мѣстности, находящіяся въ рукахъ албанцевъ, а затѣмъ передала бы ихъ Черногоріи. — По слухамъ, турецкое правительство ожидаетъ, что министерство виговъ откажется отъ англо-турецкой конвенціи, ссылаясь на невыполненіе конвенціи этой Портою. Такая развязка была бы особенно пріятна султану, который надѣется, что ему будетъ возвращенъ, въ такомъ случаѣ, островъ Кипръ, но, съ другой стороны, населеніе острова, говорятъ, не желаетъ возвращенія турецкихъ порядковъ и намѣревается просить (?) королеву Викторію объ окончательномъ присоединеніи острова къ англійскимъ владеніямъ (!), или же объ уступкѣ его Греціи.

Позволяемъ себѣ усомниться въ искренности просьбы кипрянъ о присоединеніи къ Англіи. Какъ еще это сильно отдаетъ Биконсфильдовскимъ пріемомъ...

Можно ли надѣяться, что, дѣйствительно, мы уже не увидимъ подобныхъ пріемовъ со стороны Англіи, послѣ перемѣны министерства, или надо ожидать, что сущность останется та же, а только манера, способъ будутъ другіе. Недавно мы вскользь передали слухи о главныхъ чертахъ будущей политики новаго кабинета. Теперь возможно сказать объ этомъ предметѣ нѣсколько подробнѣе. Лица, близко стоящія къ Гладстону, говорятъ, что онъ замышляетъ образованіе на Балканскомъ полуостровѣ союза мѣстныхъ племенныхъ государствъ, съ исключеніемъ Австріи, что же касается самого Гладстона, то онъ формулировалъ будущую внѣшнюю политику свою слѣдующимъ образомъ: 1) Могущество Англіи слѣдуетъ возвысить экономіей внутри, а расходы во внѣшнихъ дѣлахъ должны ограничиваться только великими и достойными Англіи цѣлями (какими? интересно будетъ знать, а лучше—не мѣшало бы постараться какъ нибудь, орьентироваться), 2) блага мира должны быть оберегаемы для всѣхъ, но, въ особенности, для христіанскихъ народовъ; 3) необходимо всячески сохранить согласіе европейскихъ державъ; 4) Англія должна избѣгать всякихъ соглашеній, могущихъ повести къ замѣшательствамъ. Нѣкоторымъ коментаріемъ къ этимъ словамъ Гладстона можетъ служить то обстоятельство, что онъ, въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ, нападалъ на Биконсфильда за то, что тотъ политикой своей посѣялъ вражду къ Англіи въ славянскихъ племенахъ Балканскаго полуострова, стремящихся къ свободѣ и независимости.

Намъ сдается, что, пожалуй—одною изъ „великихъ цѣлей", намѣченныхъ Гладстоновскою политикою „будущаго", явится пріобрѣтеніе дружественныхъ чувствъ славянскихъ племенъ къ Англіи и мы вполнѣ убѣждены, что, при этомъ, новый премьеръ будетъ дѣйствовать не какъ мыслитель, не какъ философъ, преслѣдующій возстановленіе принциповъ „свободы и независимости", а какъ практическій министръ Англіи, хлопочащій объ интересахъ своего отечества. Повторяемъ намъ надо орьентироваться...

Гладстону и его министерству предстоитъ много дѣла съ Ирландіей. Сыны Эрина были доведены, какъ мы знаемъ, до крайняго раздраженія Биконсфильдовскимъ кабинетомъ. На дняхъ, близь Слиго (въ Ирландіи), на чугунно-плавильномъ и желѣзодѣлательномъ заводѣ открытъ большой складъ ружей со штыками и боевыхъ патроновъ. Въ настоящую минуту, вѣроятно, недовольство ирландцевъ нѣсколько поутихло въ виду надеждъ, которыя они возлагаютъ на виговъ. Они ожидаютъ себѣ не только одинаковыхъ политическихъ правъ съ англичанами и шотландцами, но и разсчитываютъ имѣть свой собственный областный сеймъ для обсужденія мѣстныхъ, собственно ирландскихъ интересовъ.—Не одни они, впрочемъ, ожидаютъ благъ различныхъ. Большія англійскія колоніи—Канада, Австралія и др. также выражаютъ желаніе посылать своихъ депутатовъ въ парламентъ.

Выборы уже окончены и теперь уже можно видѣть численное отношеніе, установившееся въ парламентѣ между тремя главными партіями: вигами, торіями и ирландскими патріотами-автономистами (гомрулерами); при общемъ количествѣ 651 избранныхъ, первыхъ выбрано 353, вторыхъ—236 и третьихъ—62. Изъ этого можно видѣть, что виги, вмѣстѣ съ ирланд-

(Продолженіе на стр. 369, 370, 371 и 372).

цами, составляютъ значительное большинство надъ торіями; такого большинства не имѣло ни одно правительство (за исключеніемъ Гладстоновскаго въ 1868 году) со времени всеобщихъ выборовъ 1832 года.

Въ Авганистанѣ, генералъ Стюартъ занялъ Газни, направляясь въ Когистанъ, высказавшійся тоже за Абдурахманъ-хана. До сихъ поръ взаимное отношеніе между нимъ и англичанами еще не опредѣлилось. Впрочемъ, по слухамъ, онъ, будто бы, писалъ въ англійскій лагерь о намѣреніи своемъ подчиниться Англіи, или сойдтись съ нею на какомъ нибудь соглашеніи. Едва ли, однако, это такъ, потому что умный Абдурахманъ рисковалъ бы, по всей вѣроятности, ослабить такимъ шагомъ, популярность свою среди авганцевъ. Вооруженное столкновеніе англичанъ съ нимъ, не можетъ принести большой пользы первымъ. Если онъ будетъ побѣжденъ — они устранятъ единственнаго, въ настоящее время, вождя, способнаго возстановить порядокъ въ Авганистанѣ, если же онъ не приметъ сраженія, а предпочтетъ партизанскій способъ войны, то возгорится народная война, которая можетъ затянуться на неопредѣленное время и чрезвычайно затруднить англо-индійскому правительству умиротвореніе края. Таковъ преобладающій взглядъ.

Во французской палатѣ депутатовъ недавно произошло столкновеніе между либералами и консерваторами. Депутатъ (бонапартистскій) Годель высказалъ брату Жюля Греви, (президента французской республики) Альберу Греви, генералъ-губернатору Алжира, порицаніе за его способъ управленія краемъ. Поднялась страшная буря, и Годель исключенъ на нѣкоторое время изъ палаты депутатовъ.

Китайскій посланникъ, маркизъ Ценгъ, которому поручено вести прерванные переговоры о Кульджѣ, скоро будетъ въ Петербургѣ.

Пергамскія раскопки (стр. 366). Обломокъ фриза, найденнаго близь города Пергама (Малая Азія). Съ натуры рис. Гензелеръ.

Разныя извѣстія.

Императрица Евгенія въ странѣ зулусовъ. Уже есть нѣкоторыя подробности о поѣздкѣ императрицы Евгеніи въ страну зулусовъ, гдѣ нашелъ себѣ такую преждевременную смерть ея единственный, любимый сынъ. Печальный путь этотъ она совершила на яхтѣ „Германія“. Изъ преданныхъ ей людей сопровождаетъ ее только маркизъ Базино, сынъ извѣстнаго главы партіи роялистовъ герцога Базино. Генералъ Вудъ, по приказанію королевы англійской, проводилъ императрицу до ущелья Итотози, гдѣ, какъ извѣстно, разыгралась роковая драма. Леди Вудъ тоже сопровождаетъ своего мужа, состоя при ея императрицѣ въ качествѣ компаньонки. Сопутствуютъ кромѣ того, нѣсколько дамъ, мужья которыхъ также погибли въ зулусскую войну. Поѣдутъ туда также двое личныхъ слугъ покойнаго принца. „Германія“ снимется съ якоря и пойдетъ по направленію къ югу Африки, не останавливаясь даже у о. св. Елены. Въ Капштадтской гавани пароходъ простоитъ три дня, послѣ чего, будетъ продолжать путь къ порту Наталь. Послѣ нѣсколькихъ дней отдыха, въ которые императрица успѣла бы оправиться отъ дороги, она думаетъ проникнуть въ страну Итотози; послѣдняя часть путешествія займетъ дней 14, такъ что императрица вступитъ въ тотъ же день, а можетъ быть, даже и часъ, на ту землю, гдѣ былъ убитъ ея сынъ (1 іюня). Два дня она пробудетъ тамъ, а затѣмъ возвратится въ Англію. На обратномъ пути она заѣдетъ на о св. Елены.

Гостинница-монстръ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Берлинъ былъ заинтересованъ извѣстіемъ объ устройствѣ среди многолюдной улицы Фридриха обширнаго парка. Террасы, залы, галлереи, оркестры, блестящія иллюминаціи привлекали многочисленную публику.

Между тѣмъ воздвигали огромное зданіе вокзала городской желѣзной дороги. Наступила зима; паркъ опустѣлъ, а вскорѣ затѣмъ и вовсе исчезъ! На его мѣстѣ стало возвышаться громадное сооруженіе, выходящее на три улицы. Зданіе это вмѣщаетъ величайшую въ мірѣ гостинницу „Центральный отель“.

Площадь, занимаемая отелемъ, равняется 9,000 метрамъ. Въ немъ три фасада съ 352 окнами. Балконы кованаго желѣза, золоченые; двери съ колоннами изъ мрамора, украшенными мозаикой фабрики Сальвіоти въ Венеціи. Три главные подъѣзда съ гигантскими каріатидами изъ полированнаго гранита. Прекрасная лѣстница, или по желанію, подъемная машина, ведутъ васъ въ какой угодно этажъ; если предпочитаете освѣжиться, входите во внутренній дворъ, среди котораго бьютъ изящные фонтаны.

Смерть отъ метеора. Недавно былъ случай смерти, происшедшій отъ паденія метеора въ Канзасѣ, слѣдующимъ образомъ: нѣкто Мейзенталеръ пошелъ за коровой въ поле. Погода была довольно холодна и небо совершенно чисто. Возвратившись домой, онъ пошелъ въ амбаръ, и у входа былъ моментально разбитъ аэролитомъ, который сначала ударился въ дерево, а потомъ поразилъ несчастнаго. Сила паденія метеора была такъ велика что онъ ушелъ въ землю на глубину 2 или 3 футовъ. Величина этого метеора приблизительно съ человѣческую голову. При взглядѣ на камень, кажется, что онъ только что сейчасъ вынутъ изъ клокочущаго горна и застылъ при паденіи.

Собачье бѣшенство. Нѣкто Фюльтонъ, довольно извѣстный за границей врачъ животныхъ, утверждаетъ, что водобоязнь—болѣзнь мозга, а бѣшенство у собаки—обыкновенное воспаленіе мозговыхъ оболочекъ. Фюльтонъ далѣе утверждаетъ, что при водобоязни не имѣется ровно никакихъ указаній на отравленіе крови; воображеніе, говоритъ онъ, въ значительной степени участвуетъ въ развитіи болѣзни. Отдѣльные случаи этой болѣзни какъ нельзя болѣе способствуютъ распространенію паническаго страха въ обществѣ и, принимая это во вниманіе, онъ считаетъ весьма вреднымъ печатное оглашеніе объ этого рода болѣзни.

Волки и вороны въ Венгріи. По словамъ „Pester Lloyd“, съ страшными холодами этой зимы, въ Венгріи появились откуда-то, въ огромномъ числѣ, незванные и почти неизвѣстные тамъ гости—волки. Полицейскій коммисаръ Неу-Пешта, лежащаго въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ венгерской столицей, доноситъ, что волки размножаются въ ужасающихъ размѣрахъ и нападаютъ на жителей. Главный притонъ этихъ голодныхъ звѣрей, въ принадлежащихъ графу Каролію мелкихъ лѣсахъ около Гіалера Тюмпеля. Община Цоксмегіерь объявила, что она, за неимѣніемъ оружія, не въ состояніи защищаться отъ этихъ хищниковъ. Другой бичъ, одолѣвающій въ послѣднее время Венгрію—это вороны, которые, размножаясь въ удивительной прогрессіи, истребляютъ всѣ сложенные около домовъ деревенскихъ жителей запасы для продовольствія скота и свиней, такъ что содержаніе послѣднихъ скоро станетъ рѣшительно невозможнымъ, если не будутъ приняты чрезвычайныя мѣры противъ этихъ пернатыхъ хищниковъ.

Замазка для мрамора и алебастра. Смѣшать въ густую массу въ стаканѣ натровой воды: 12 частей портландскаго цемента, 6 ч. гашеной извести и 6 ч. мелкаго песку. Черезъ 24 часа замазка твердѣетъ, потомъ даже трудно найти мѣсто, по которому предметъ склеенъ. Склеенное мѣсто будетъ крѣпко какъ самый матеріалъ, такъ что невозможно легко отдѣлить отломанную часть.

Задача буквъ № 38.

Паншина

Найти слѣдующія 24 слова:

1) Часть мѣсяца. . . . . 1,2,1,2,3,2.
2) Пословица о тестѣ. . . . . 1,4,2.1,2,—5,1,5,1,2,1,—3,5,2,2,5
3) Сильное животное. . . . . 5,7,1,0.
4) Русскій композиторъ и его опера . . . 2, 6, 1, 1, 9, 4 — 1,1,1,1,6—4,5—2.5,1,4.
5) Уѣздный городъ Ломжинской губ. . . 7.1,8,2,1,2,9,0.
6) Два порта на Черномъ морѣ . . . . . 3,2,7,2,4,5—8,3.3,2.
7) Старшій въ родѣ . . . . 3,2 3,0.
8) Игра въ карты. . . . . 2,3,5,4,2—3,4,2,4,4.
9) Названіе цифры. . . . . 3.1,2,2.
10) Пословица объ ученьѣ . . . . . . 4,10,9,6—4,5,6,6—6,11,10,6.—1,6,6,5 8.
11) Животное покрытое иглами . . . . . 8,6,0.
12) Извѣстный актеръ и одна изъ лучшихъ ролей его . . . . 6,7,1,5.7,10,6,6,6 —6,5,5.2,6,8 —9,8,2,9,3,7.
13) Гаремный стражъ . . . . 8.6,4.2,6,0.
14) Два обитателя Якутской области . . . 5,12.3.5,8—7,3,5,5,3,8,8.
15) Наружные покровы птенцовъ . . . . 11,3,8,0.
16) Пословица о старомъ и молодомъ возрастѣ . . . . 8, 7, 9, 4, 6, 9 — 9,8,9,8.9,8,9.7 — 3,7,11,10,5,10, 10—9,10,9,9,10,9,9,
17) Наружные покровы многихъ рыбъ . . 11,11,7,4,8.
18) Русскій писатель и его безсмертное твореніе. . . . . 12,12,12,12,12.10 — 9,12,11,11,8,7,9 — 7,4,9,11.
19) Лицо присматривающее за дѣтьми . . 7,7,7,11.
20) Два историческія лица, спасшія одинъ—царя, другой—отечество. . . . . 10,6,11,11.7,11,8,12 — 10,11,10.12,10,9.
21) Украшеніе лица мужчины (един. число) 9,11,0
22) Близкіе родные. . . . . 9,8,10,9—11,12.12,12,12.
23) Часть головы птицы . . . . 12,12.3,8,0.
24) Названіе дерева. . . . . 11,11,6,0.

Затѣмъ буквы найденныхъ словъ разставить въ помѣщаемой радомъ фигурѣ такимъ образомъ: буквы, обозначенныя (справа противъ каждаго искомаго слова) цифрою 1, поставить въ первомъ ряду квадратовъ; буквы, обозначенныя 2,—во второмъ ряду квадратовъ и т. д.; ихъ требуется разставить такъ, чтобы получилось одно изъ болѣе извѣстныхъ стихотвореній Лермонтова.

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12

РЕБУСЪ.

ОПЕЧАТКА. Въ № 16 „Нивы" въ описаніи выставки подарковъ подносенныхъ Государю Императору ошибочно напечатана фамилія одного изъ акварелистовъ— вмѣсто Генцъ надо читать Бенуа. Работали два брата Бенуа. Въ томъ же № въ объявленіи „объ игрѣ пятнадцать" на стр. 326 пропущено сообщеніе что **торговцамъ дѣлается соотвѣтственная скидка.**

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала «Нива» покорнѣйше проситъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

Издатель А. Ф. Марксъ Редакторъ Ф. Бергъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

6 Р. Самая **дешевая** **6 Р.** изъ столичныхъ газетъ

РУССКІЙ КУРЬЕРЪ,

ЕЖЕДНЕВНАЯ БЕЗЦЕНЗУРНАЯ, общественная и политическая, **(БОЛЬШАГО ФОРМАТА).**

Подписка въ Москвѣ: Петровка, д. Рожнова, **въ конторѣ редакціи,** и Москворѣцкій мостъ, д. Лапина, въ **конторѣ изданія.**

ШЕСТЬ руб. въ годъ съ **пересылкою.**

6 руб. въ годъ съ пересылкою. 6 руб. въ годъ съ пересылкою.

№ 671 5—4

АНГЛІЙСКІЯ РЕЗИНОВЫЯ

ПАЛЬТО

9 рублей

на всякій ростъ.

Перес. 1 р., въ Сибирь 2 р.

Въ Центральномъ депо

Резиновыхъ Издѣлій

Л. ЦІОЛКОВСКАГО и Комп.

№ 54. Невскій проспектъ № 54.

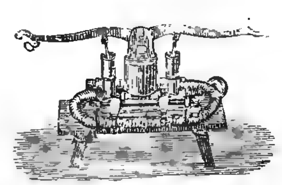
Между Бол. и Мал. Садовой.

Кl. № 721 5—1

РУССКАЯ ПОЖАРНАЯ ТРУБА

Товарищества БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ,

самая дешевая, прочная и простая, когда либо существовавшая и поэтому особенно рекомендуемъ ее частнымъ пожарнымъ обществамъ, помѣщикамъ, желѣзнодорожнымъ обществамъ, земствамъ, фабрикантамъ и пр. Она изготовлена до того просто, что каждый можетъ ее, въ случаѣ надобности, разобрать, осмотрѣть клапаны и снова ихъ собрать, требуя для этого лишь нѣсколько минутъ. Всѣ части до того прочны, что выдерживаютъ давленіе въ 12 атмосферъ.

Насосъ этотъ выбрасываетъ неимовѣрно сильную непрерывную струю воды на разстояніи 14 саженей въ количествѣ 600 ведеръ въ часъ и требуетъ всего отъ 2—4 человѣкъ прислуги. Цѣна трубы 115 р. с. съ 4 арш. всасыв. и выбрасывающ. рукавами, брандспойтомъ и ключами.

РУССКІЙ ОГНЕТУШИТЕЛЬ

Товарищества Буркгардтъ и Урлаубъ,

для тушенія пожаровъ въ зачаткахъ и для поливки цвѣтовъ и растеній. Въ особенности рекомендуемъ для дачъ, жилыхъ комнатъ, амбаровъ, и роходовъ, вагоновъ и т. п. Русскій огнетушитель бросаетъ ровную, непрерывную струю воды на разстояніи около 6-ти саженей, причемъ тушитъ керосинъ, смолу и т. п., не требуя для своего дѣйствія много воды. Онъ изященъ, простъ, прочень и легокъ. Цѣна 20 р. с.

РУЧНОЙ ГОРИЗОНТАЛЬНЫЙ НАСОСЪ ЧЕЛЕНСЪ

для тушенія пожаровъ, орошенія полей и огородовъ, выкачиванія воды изъ ямъ, погребовъ и подваловъ, для наполненія высоко лежащихъ баковъ и т. п. Онъ отличается простотою, прочностью, легкимъ вѣсомъ, дешевизною и полезнымъ дѣйствіемъ. Насосъ № 5 выбрасываетъ 1000 ведеръ въ часъ на разстояніи 14 саженъ, съ сильнымъ напоромъ и требуетъ для своего дѣйствія всего 4 человѣка. Цѣна 160 р. с. включая всѣ рукава, брандспойтъ и ключи.

БРИДЖСПОРДСКІЙ ПОДВОДНЫЙ НАСОСЪ

для подъема воды изъ глубокихъ колодцевъ. Отличается простотою и прочностью и большимъ полезнымъ дѣйствіемъ; не требуетъ никакихъ набивокъ и смазыванія и разъ установленъ, никакого присмотра; не замерзаетъ зимою и легокъ на ходу.

НОВЫЙ НАСОСЪ ФАУЛЕРА

служитъ для выкачиванія навозной жижи, густыхъ веществъ, нечистотъ, воды и подымаетъ около 480 ведеръ въ часъ. Онъ удобенъ для переноски, легокъ, разбирается на части, проченъ и дешевъ; приводится въ дѣйствіе безъ особыхъ предварительныхъ приготовленій, и не требуетъ для своего дѣйствія укрѣпленія или установки, а просто опускается въ предназначенное для выкачки мѣсто. Цѣна 28 р. с., съ трубами для подъема на вышину 3 арш. 6 верш.

Всѣ вышеупомянутые насосы можно получить изъ нашихъ складовъ:

Въ Петербургѣ, Васильевск. Островъ, 1-я линія, № 14.

„ **Москвѣ,** Мясницкая, д. Сытова.

Кромѣ того имѣются постоянно въ складѣ:

всякаго рода насосы ручные и паровые для разныхъ цѣлей, земледѣльческія орудія и машины, паровыя машины, локомобили знаменитаго завода „Горнсби и сыновья" и пр.

№ 713 2—1

АМЕРИКАНСКІЯ КАПЛИ И ЭЛИКСИРЪ

ПРОТИВЪ ЗУБНОЙ БОЛИ.

Ипполита Маевскаго.

Главное депо у дрогистовъ **Рульковіусъ и Гольмъ.**

Казанская, уголъ Демидова переулка, № 27

а продажа у Штоль и Шмидта, Оскаръ Гертхенъ, Рузанова, Саблукова, Сафронова, Линде, въ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами и у всѣхъ аптекарей. Цѣны каплямъ, безъ запроса, напечатаны на каждомъ флаконѣ эликсира. Покупающіе оптомъ получаютъ соотвѣтствующую скидку.

Кl. № 684 5—3

ТРОИЦКАЯ ЯРМАРКА.

Между г. Царицыномъ и Колоніею Сарептою, Саратов. губ., въ 1880 г. начнется: за недѣлю до 8-го іюня.

Тамъ же, вновь утвержденная Губернскимъ Земскимъ Собраніемъ

СЕРГІЕВСКАЯ ЯРМАРКА.

будетъ открыта за 8 дней до дня Покрова Пресв. Богородицы.

Обширныя пастбища, свѣжіе водопои; гостинница и №№ для пріѣзжающихъ. При р. Волгѣ удобныя пристани для лѣсной торговли и для нефтяныхъ заводовъ. № 717

СКЛАДЪ

кожаныхъ глянцевыхъ приводныхъ ремней

фабрики **А. Е. БѢЛЯЕВА** въ **МОСКВѢ,**

у **А. ГАРМСЕНЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,** В. О. 5 линія, д. № 36.

Имѣются на складѣ всѣ обыкновенные размѣры одиночныхъ, двойныхъ и тройныхъ ремней высшаго качества по умѣреннымъ цѣнамъ. Заказы, на особые размѣры, исполняются въ самый короткій срокъ, также и для иногородныхъ. Прейсъ-куранты высылаются по требованію. № 720 4—1

Въ книжномъ магазинѣ Я. А. ИСАКОВА

Гостинный дворъ, № 24.

Поступило въ продажу вновь отпечатанное 4 изд. А. С. Пушкина

ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ.

Цѣна 1 руб. съ перес. за 1 фунтъ. № 71[illegible]

Получены въ большомъ выборѣ

ВѢНКИ

ВЪ МАГАЗИНѢ МЕТАЛЛИЧЕСК. ИЗДѢЛІЙ

Д. ЦВЕРНЕРЪ,

Невск. пр., д. 46, возлѣ Пассажа. Цѣна за совсѣмъ металлическіе отъ 2 р. до 8 р. съ фарф. цвѣтами отъ 7 р. до 12 р.

Гирлянды

въ $2^{1}/_{2}$ ар. длины отъ 8 р. до 12 р. за штуку.

Плющевые вѣтки

для комнатныхъ украшеній

Для памятниковъ. Изъ окрашен. жел.

№ 722 2—1

ДЛЯ ПРОВИНЦІИ!

Съ пересылкою.

Пальто резиновое штатское	по 15 руб.
Гевелокъ также	„ 17 „
Тальма дамская	„ 13 „
Пальто для гг. военныхъ съ пуговицами и петлицами	„ 21 „

Цѣны эти съ укладкою и пересылкою по почтѣ

Мы имѣемъ эти пальто изъ **самой лучшей матеріи** и ручаемся **вполнѣ** за доброе качество и прочность пальто, купленныхъ у насъ. Пальто не подходящія мы беремъ обратно.

Мѣра. При заказѣ просимъ обозначить: **длину пальто и ширину груди.**

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ГЛАВНОЕ ДЕПО РЕЗИНОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ

ЛИМАНА и РИКСА

Въ С.-Петербургѣ, по Гороховой улицѣ, домъ № 16.

Прим. Пальто, изготовленныя изъ менѣе хорошей матеріи стоютъ 30% дешевле. Mt. № 619 10—7

„РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ"

ФАБРИКИ Н. П. ЛАНИНА,

Москва, Москворѣцкій мостъ, собс. домъ.

NB. Избѣгать поддѣлокъ.

№ 670 5—4

МАГАЗИНЪ И. Э. МИЛЬКЪ

Болш. Морская, д. № 39, на углу Вознесенскаго пр.

Отдѣленіе для хозяйственныхъ принадлежностей предлагаетъ къ наступающему лѣтнему сезону большой выборъ практичныхъ вещей по умѣреннымъ, но рѣшительнымъ цѣнамъ, какъ-то:

Умывальники, ванны, полуванны, купальные аппараты (новой системы) ведра, кувшины, лаханки цинковыя, биде, переносныя ватерклозеты, кровати складные и матрацы, кровати съ проволочнымъ плетеніемъ (чрезвычайно удобныя для дачъ), офицерскія и дорожныя кровати, дѣтскія коляски, садовая мебель складная желѣзная и деревянная, садовые и пожарные насосы, садовыя ножницы и ножи, самодѣйствующій аппаратъ для стирки бѣлья выжималки для бѣлья, угольные утюги, водоочистительныя машинки англійскія высшій сортъ, котлетныя машинки, машинки для колотья сахара, мороженницы, маслянки, спиртовые кофейники, чайники, сливочницы, сахарницы изъ Британскаго металла столовые, кухонные и перочинные ножи, точилки для ножей, топоры американскіе, сухарницы, подносы, новый аппаратъ для приготовленія жаркого, паровые поваренные котлы изъ бессемеровой стали, хозяйственные вѣсы, дачные фонари, пробочники ножницы и пр. и пр.

Желѣзная луженая и эмалиров. кухонная посуда. № 702. 7—3

ЛИТЛЬ ВАНЦЕРЪ

Настоящая американская швейная машина, ручная и ножная, извѣстна какъ лучшая для семейнаго употребленія. Кромѣ того, машины для портныхъ, сапожниковъ, модистокъ, бѣлошвейныхъ и другихъ мастерскихъ.

Машины для плойки плиссе.

ЦѢНЫ САМЫЯ УМѢРЕННЫЯ

Главный складъ въ С.-Петербургѣ у **Б. Г. тер-Браке.** Невскій проспектъ № 11, на углу Малой Морской. № 616 12—5.

Дозволено цензурою СПБ. 2 мая 1880 г. **Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.** Тип. Вольнига, Англ. пр. № 10.

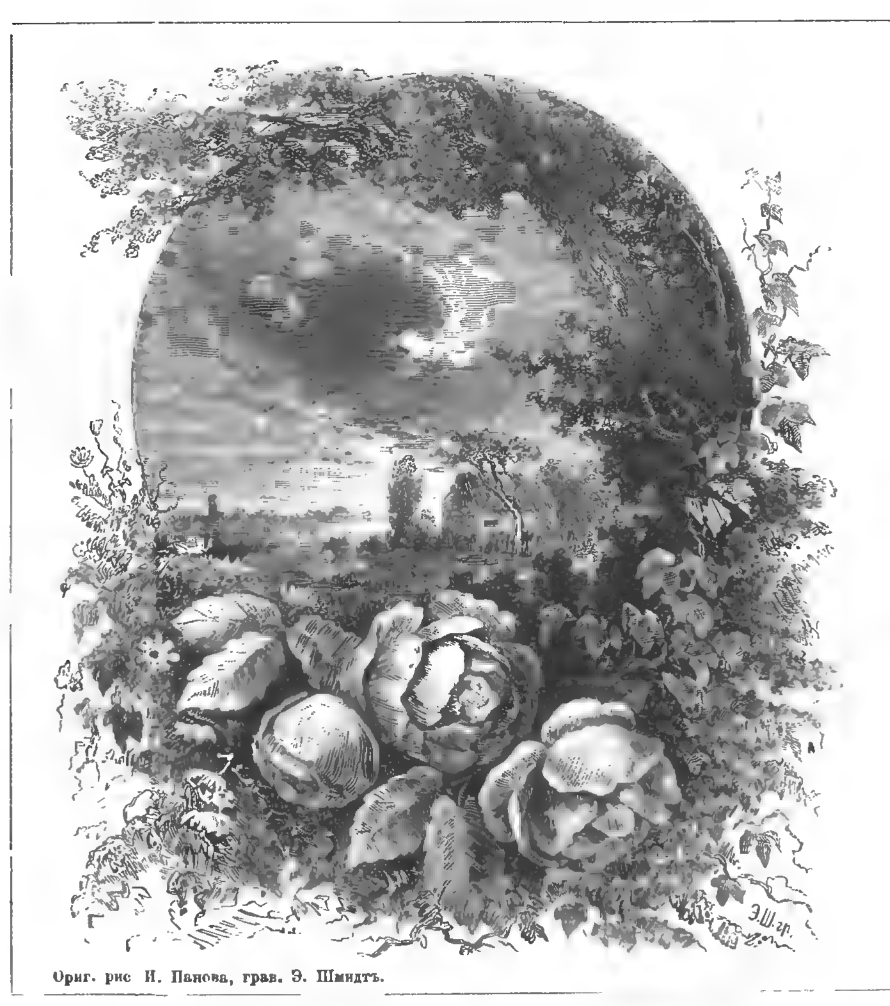
XI годъ
№ 19

годъ XI
1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 модн. рис. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 10 Мая 1880 г.

Цѣна этаго № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

Ориг. рис. И. Панова, грав. Э. Шмидтъ.

Весна.

(Посвящается Н. Трескину).

Уходи, зима сѣдая!
Ужь красавицы Весны
Колесница золотая
Мчится съ горней вышины!

* * *

Старой спорить ли, щедушной,
Съ ней—царицею цвѣтовъ
Съ цѣлой арміей воздушной
Благовонныхъ вѣтерковъ!

* * *

А что шума, что гудѣнья,
Теплыхъ ливней и лучей,
И чиликанья, и пѣнья!...
Уходи себѣ скорѣй!

* * *

У нея не лукъ, не стрѣлы,
Улыбнулась лишь—и ты,
Подобравъ свой саванъ бѣлый,
Поползла въ оврагъ, въ кусты!..

* * *

Да найдутъ и по оврагамъ!
Вонъ—ужь пчелъ рои шумятъ,
И летитъ побѣднымъ флагомъ
Пестрыхъ бабочекъ отрядъ!

А. Майковъ.

Королевичъ Владиславъ

Историческая повѣсть
(1618 г).
В. Политковскаго.
(Продолженіе).

IV.

Князь Егуповъ-Черкасскій, одѣтый въ бархатный вишневаго цвѣта охабень съ длинными откидными рукавами, стоялъ на крыльцѣ своего дома и смотрѣлъ какъ проваживали по двору его любимыхъ жеребцовъ, когда къ нему подошелъ его прикащикъ и сказалъ:

— Вотъ плотникъ, княже, хвалится, что ремесло свое зѣло знаетъ... Ты бы приказалъ его взять, работы много, а дѣло не подвигается, все народъ неумѣлый.

— Добро... молвилъ князь. Начинай работать, я посмотрю гораздъ ли ты, тогда и въ цѣнѣ условимся.

Нестеръ тотчасъ принялся за работу: къ терему пристройку съ башенкой и свѣтелкой; тутъ больше распоряжалась княжна и ловкость молодаго плотника очень ей понравилась; недѣли черезъ двѣ свѣтелка вышла словно игрушка, съ вычурной рѣзной кругомъ крышки отдѣлкой, съ узорчатымъ конькомъ и съ косящатымъ оконцемъ, изъ котораго вся окрестность была видна какъ на ладонкѣ. Елена была въ восторгѣ и всѣ дни проводила въ новой свѣтелкѣ; а Нестеръ радовался что угодилъ такой красавицѣ, какихъ и въ сказкахъ не баютъ и въ грамотахъ не пишутъ.

Ужь на что Ѳенька хороша, а до княжны ей какъ отъ земли до неба!.. Нестеръ, отдавая должную дань красотѣ княжны, разумѣется глядѣлъ на нее какъ на существо высшее, что-то среднее между женщиной и волшебной королевной, какъ мы теперь глядимъ на прекрасную статую или картину великаго художника. Назначенная сначала постройка давно кончилась, а плотникъ все еще жилъ у князя Егупова, изобрѣтая разныя подѣлки: то столъ дубовый съ узорчатыми краями, то лавку у воротъ, то сундукъ или укладку какую... И что за диво!.. бывало Нестеръ не любилъ жить долго на одномъ мѣстѣ, его какъ перелетную птицу такъ и тянуло вдаль; а теперь онъ безъ печали и вспомнить не могъ, что когда нибудь да надо будетъ кончить работу и уйдти изъ деревни Лапиной, гдѣ была та приманка, которая удерживала непосѣда.

По вечерамъ, когда добрые люди ужь спали, и одинъ полуночникъ, неслышно кружась въ воздухѣ, осматривалъ окрестности съ птичьяго полета, онъ могъ видѣть какъ двѣ тѣни прокрадывались съ разныхъ сторонъ, одна отъ княжеской усадьбы, а другая отъ деревни Лапиной; встрѣтясь на опушкѣ рощи въ можжевеловыхъ кустахъ, счастливая парочка шепталась до разсвѣта, и какъ скоро розовая полоска окрашивала восточную сторону неба и звѣзды блѣднѣли, то снова къ Лапиной отправлялась одна тѣнь, теперь уже ясно обрисовавшая статную фигуру старостиной дочки Ѳеньки, а къ Славкову посвистывая, да заломивъ шляпу на ухо, шагалъ княжой плотникъ Нестеръ.

Яшка отказался отъ невѣсты и заливалъ свое горе виномъ, занимаясь при томъ двумя одинаково дурными дѣлами: оттачиваньемъ топора, которымъ собирался угостить Нестера на узенькой дорожкѣ, да куреньемъ табаку, что также считалось грѣхомъ достойнымъ висѣлицы; хоть тогда куренье „проклятаго снадобья“ еще не было запрещено, но черезъ 8 лѣтъ, а именно въ 1634 году, царскимъ указомъ за употребленіе табаку была назначена смертная казнь, замѣненная впослѣдствіи отрѣзываньемъ носа. Никто не догадывался о причинѣ, заставившей упрямаго Яшку отказаться такъ добровольно отъ невѣсты, которая и сама не мало дивилась, да и староста Еремѣичъ съ сыномъ не могли придумать, что бы это значило; а между тѣмъ на это былъ тайный, но очень важный поводъ.

Однажды ночью, когда Нестеръ возвращался со свиданія съ Ѳенькою, онъ наткнулся на мертвое тѣло; ужасъ обнялъ плотника: много онъ видалъ труповъ послѣ брани, убитыхъ въ честномъ бою; но тутъ дѣло было иное: убитый старикъ, очевидно ограбленный, лежалъ поперегъ дороги съ своей пустой сумкою... Пока Нестеръ стоялъ надъ трупомъ, онъ услыхалъ шаги и спрятавшись за кусты увидалъ Яшку, который оттащивъ несчастнаго старика въ сторонку, принялся выкапывать яму, куда и запихалъ свою жертву, заложивъ сверху дерномъ и валежникомъ.

Только что онъ кончилъ злодѣйское дѣло, какъ тяжелая рука налегла ему на плечо: „попался разбойникъ —Славковецъ!“.. крикнулъ Нестеръ.

Яшка потерялъ всю свою дерзкую самонадѣянность, онъ задрожалъ, какъ испуганная баба и повалился плотнику въ ноги: откажись отъ Ѳеньки и чортъ съ тобой... пущай на томъ свѣтѣ тебя въ смоляномъ озерѣ потопятъ.. предложилъ Нестеръ.

Яшка долженъ былъ выбрать: или отрекайся отъ невѣсты или висѣлица! . Разумѣется онъ выбралъ первое, сообразивъ, что современемъ Нестеръ попадется въ его руки и его можно будетъ заставить молчать другимъ способомъ.

Тогда повсюду бродили шайки воровъ, какъ послѣ грозы по небу блуждаютъ разорванныя сѣрыя клочья тучъ; въ народѣ, по словамъ современниковъ, долго еще послѣ изгнанія поляковъ изъ Москвы, продолжалось лиходѣйство, измѣна, шатость и крестопреступленія, по этому весьма легко было найти для худаго дѣла сообщниковъ. Яшка скрылся изъ Славкова и ходили слухи, что его видали между воровскими людьми, гулявшими по лѣсамъ да большимъ дорогамъ.

Разъ, вскорѣ послѣ исчезновенія Яшки, Нестеръ по приказанію князя Егупова шелъ въ Москву для покупки строительныхъ матерьяловъ, которыхъ нельзя было добыть иначе какъ на торгу въ Китай-городѣ: то были скобы дверныя, оконные слюдяные листы, замѣнявшіе стекло, мѣдные гвозди для обивки скамей, желтый да красный юфтяной товаръ (выдѣланныя кожи) и разные другіе предметы. Нестеръ вышелъ не рано, и когда онъ подошелъ къ оврагамъ возлѣ села Тушина да сталъ взбираться на крутую гору съ рѣки, то наступили сумерки ранѣе обыкновеннаго по случаю нависшихъ дождевыхъ облаковъ. Нестеръ поторапливался—въ Тушинѣ у него были знакомые, кому онъ избы строилъ и онъ располагалъ тамъ ночевать.

Было душно, вѣтеръ стихъ, птицы, чуя приближеніе грозы, притаились въ густыхъ деревьяхъ, только зеленовато-огненныя точки мелькали на травѣ и въ кустахъ: это были свѣтляки, которые выползаютъ и особенно ярко блестятъ передъ дождемъ.

Не смотря на то, что Нестеръ привыкъ бродить по лѣсамъ да оврагамъ, ему почему-то стало жутко: словно защемило у него на сердцѣ и чтобы разсѣять грустное настроеніе онъ затянулъ пѣсню;

Шелъ молодчикъ удалой
По дорожкѣ столбовой,
Во кафтанѣ золотомъ
Въ алой шапкѣ на бекрень...
Встрѣли дѣвки удальца...

Складъ пѣсни заставилъ его вспомнить про красну-дѣвку Ѳеньку.

— Эхъ! думалъ молодецъ. Кабы скорѣй осень... посватался бы, а послѣ свадьбы выстроилъ бы въ Лапинѣ избу нову-дубову, да зажилъ бы съ Ѳенькой...

На этомъ мысли его оборвались: рѣзкій свистъ раздался невдалекѣ. Нестеръ остановился. Кругомъ была чаща, на днѣ глубокаго оврага вилась узкая тропа, такъ что двумъ встрѣчникамъ трудно было разойтись.

На встрѣчу къ Нестеру быстро шли трое. .

— Лиходѣй... подумалъ Нестеръ и ухвативъ попавшійся подъ руку молодой дубъ, понатужившись, вырвалъ его съ корнемъ.—Только подойди! крикнулъ онъ, взмахнувъ своимъ оружіемъ.

— Догадался лѣшій!.. отвѣчалъ одинъ изъ разбойниковъ, въ которомъ плотникъ узналъ Яшку, съ топоромъ въ рукѣ, а двое его товарищей были вооружены дубинами. Начался неровный бой: Нестеръ прижался спиной къ отвѣсной стѣнѣ оврага и не подпускалъ къ себѣ разсвирѣпѣвшаго соперника, отмахивалъ его топоръ... Наконецъ ему надоѣло отражать удары, злость его разбирала, а Яшка такъ и лѣзъ. Рука у Нестера расходилась безъ удержу: со всего маху ударилъ онъ Яшку... Тотъ только охнулъ и повалился съ разбитымъ черепомъ. Нестеръ нагнулся, онъ хотѣлъ заглянуть въ лицо умиравшаго врага, но этимъ движеніемъ воспользовался одинъ изъ товарищей Яшки.. Шапка спасла ему жизнь, но ударъ дубиной былъ такъ силенъ, что у Нестера загудѣло въ ушахъ, передъ глазами закружились разноцвѣтныя искры, красноватый туманъ застлалъ его мозгъ... Онъ упалъ безъ памяти.

— Готовъ!.. ловко я его уходилъ... засмѣялся убійца.

— Жалко Яшку... безъ него дѣло наше станетъ... сказалъ другой.—Слѣзу, погляжу, можетъ еще живъ. И онъ полѣзъ въ оврагъ, куда скатился Яшка. — Окочурился... повѣстилъ онъ черезъ минуту. — Давай зароемъ его... а энтаго оберемъ...

Они стащили Яшку въ чащу и зарыли, а Нестера раздѣли и оставили посреди дорожки.

Дегтярникъ Сидоръ рыжій ѣхалъ къ Москвѣ съ боченкомъ дегтю... Передъ утромъ его одолѣла дремота... лошадка шла себѣ шажкомъ, а Сидоръ покачивался и видѣлъ славный сонъ: будто онъ дома на печкѣ, а жена его печетъ блины и ему подаетъ съ пылу, съ жару... блины такія румяные, жирные. Вдругъ сивка сталъ и захрапѣвъ попятился.

Сидоръ очнулся:—Съ нами крестная сила! и онъ перекрестился.—Что бы такое?.. Въ неясномъ мерцаніи зари, Сидоръ разглядѣлъ поперегъ дороги что-то похожее на человѣка; онъ слѣзъ съ телѣги, подошелъ и убѣдился, что передъ нимъ ограбленный, до-нага раздѣтый трупъ... Поднявъ голову убитаго, Сидоръ прислушался:—Никакъ дышетъ.

Доставъ воды изъ кубышки, которую везъ съ собой дегтярникъ умылъ лицо и намочилъ окровавленную голову ограбленнаго... Господи!.. вѣдь это плотникъ Нестеръ, что у насъ избу по веснѣ строилъ... Сердечный... кто это его уходилъ... пожалѣлъ Сидоръ и уложивъ Нестера позади боченка съ дегтемъ, онъ привезъ его въ ближайшее село, гдѣ и сдалъ на руки своей старухи жены.

V.

Грозныя, народныя бури, такъ жестоко разразившіяся надъ московской землею въ началѣ XVII вѣка, въ конецъ разорили ее, замучили, сожгли и не оставили камня на камнѣ. Вражія силы побивали и плѣнили русскій народъ такъ часто, что казалось не встать никогда Московскому государству... И не встало бы оно, если-бъ не обладало силою Феникса возрождаться изъ своего пепла...

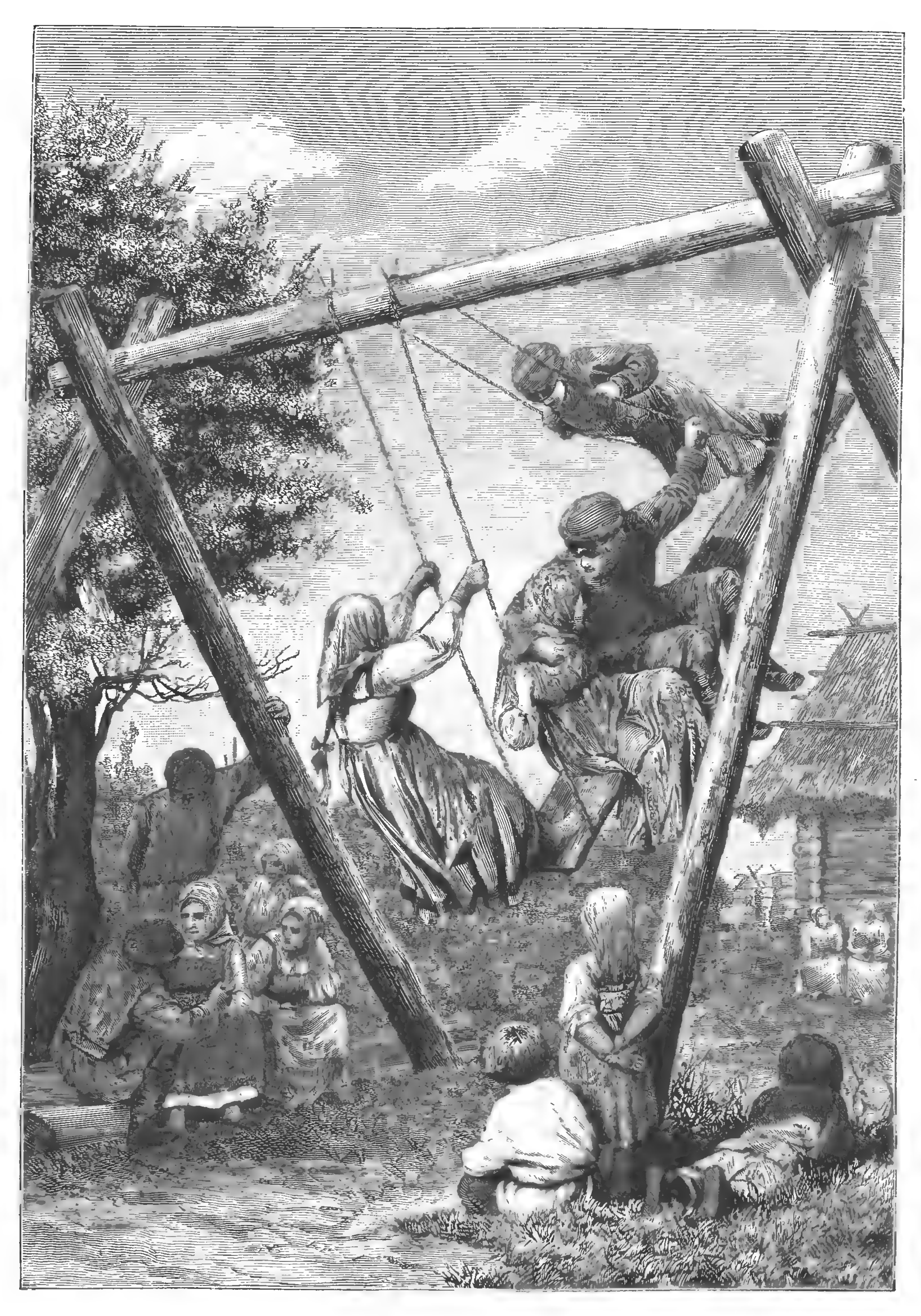
Безчисленнымъ врагамъ Россіи всегда казалось, что стоитъ только захватить и разорить славный ея городъ—сердце Руси—Москву златоглавую... и падетъ и прахомъ разсыплется земля русская... А выходило совсѣмъ не то. Только что сберутся враждебные народы, раздѣливъ Московское государство, вычеркнуть его ненавистное для нихъ имя изъ карты Европы... какъ эта несбыточная мечта разлетится словно дымъ... и Русь опять подниметъ побѣдную голову на страхъ и злобу ненавистниковъ. Стоитъ только побѣдителямъ переступить завѣтную черту Кремля, какъ счастье и успѣхи ихъ исчезаютъ... словно судьба положила тутъ предѣлъ и предрекла:—дальше ты не пойдешь...

Самозванщина кончилась. На московскомъ престолѣ сидѣлъ настоящій царь, избранный народомъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ. Но Москва не долго отдыхала: съ запада, со стороны коварной Литвы, снова собиралась гроза. Польша не могла такъ легко отступиться отъ своего намѣренія изъ православной Литвы сдѣлать гнѣздо іезуитовъ: если не помогли подставные, самозванные цари къ утвержденію на Руси польскаго ига, едва ли не худшаго татарскаго, то, снявъ маску, король Сигизмундъ III началъ дѣйствовать открытой силой, пославъ своего сына Владислава завоевывать московскую корону. Послѣ неудачныхъ переговоровъ о мирѣ, тянувшихся съ 1613 по 1616 годъ, Сигизмундъ отказался возвратить предательски захваченныхъ въ плѣнъ: митрополита Филарета Никитича Романова, князя Василья Васильевича Голицына, боярина Михаила Борисовича Шеина и другихъ. Война была объявлена и въ іюлѣ 1618 года русское войско около 1,500 человѣкъ подъ начальствомъ князя Михаила Тинбаева и Никиты Лихарева перешла границу тогдашней Литвы. Это было началомъ войны за русскую корону между двумя молодыми царями почти однаго возраста, которымъ обоимъ присягнула Москва. Эти два рыцаря, бросивъ другъ другу вызовъ, рѣшились разобрать свои права силою оружія, предоставивъ свое дѣло—суду Божію. Только что московское войско, перешагнувъ за рубежъ Литвы, выжгло пригороды и селенья вокругъ Витебска, Суража и Велижа, польскіе паны съ своимъ войскомъ вступили въ предѣлы Руси и осадили Стародубъ. Воеводы Скуратовъ и Дмитріевъ съ 5,000 ратниковъ остановили движеніе ляховъ, которые не имѣли достаточно войска, чтобы вступить въ открытый бой; только къ концу ноября они получили подкрѣпленіе и оттѣснили Дмитріева со Скуратовымъ къ Болхову. Близъ этаго города произошла битва; Дмитріевъ былъ убитъ, а Скуратовъ отступилъ, пославъ въ Москву требованіе немедленной помощи. Князь Иванъ Андреевичъ Хованскій съ новой ратью присоединился къ Скуратову и заставилъ враговъ перемѣнить направленіе. Разоривъ Карачевъ и Кромы, поляки повернули къ Курску; Хованскій слѣдовалъ за ними по пятамъ. Дойдя до Оскола, поляки окружили его и ворвавшись ночью въ городъ, разграбили его и сожгли, послѣ чего отступили къ Бѣлгороду. Между тѣмъ самый лютый ненавистникъ нашъ, бывшій московскій намѣстникъ гетманъ Александръ Гонсѣвскій готовился идти внутрь Руси, по знакомой ему и самой удобной дорогѣ, черезъ Твердилицы; это намѣреніе привело въ смущеніе московское правительство, пославшее немедленно князя Никиту Барятинскаго съ наказомъ соединиться съ воеводами Исаакомъ Погожимъ и Бутурлинымъ, стоявшими подъ Смоленскомъ; но было уже поздно: Гонсѣвскій, быстрый и нетерпѣливый опередилъ Барятинскаго, который едва еще дошелъ до Дорогобужа, какъ гетманъ обойдя укрѣпленія Смоленска, сталъ между этимъ городомъ и Барятинскимъ, отрѣзавъ ему путь сообщенія съ Бутурлинымъ и Погожевымъ; вслѣдствіе чего Бутурлинъ извѣстилъ Москву, что въ войскѣ его наступилъ голодъ: пищи ни людямъ, ни конямъ нѣтъ и подвозъ припасовъ прекратился, такъ что ратники принуждены ѣсть конину, а литовцы и съ переду и съ тылу учиняютъ набѣги да наѣзды" До начала новаго года военныхъ дѣйствій однако не производили и вообще 1616 годъ не отличался ни одной большой битвой: были одни передвиженія и боевыя схватки.

Польскій король Сигизмундъ III былъ человѣкъ очень мнительнаго характера: ему постоянно мерещилось, что всѣ окружающіе его таятъ замыслы о завладѣніи его трономъ и короною. Эта манія преждевременно его со-

Ницца. На берегу моря. Зданіе клуба (Cercle de la Mediterranée) во время гонки. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Ницца. Общій видъ города со стороны общественнаго сада. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Деревенскія качели. Ориг. рис. А. Кившенко, грав. Б. Пуцъ.

старила и сдѣлала желчнымъ и раздражительнымъ. Сынъ его Владиславъ, которому въ 1616 году *) исполнилось двадцать одинъ годъ, составлялъ съ нимъ крайнюю противоположность: храбрый, красивый рыцарь, добродушный и безпечный, онъ весьма неохотно принялъ участіе въ войнѣ, не находя пріятной для себя перспективой жить въ грубой Московіи, гдѣ его легко могла постигнуть участь Ѳедора Годунова, Дмитрія и Василья Шуйскаго; ему бы хотѣлось пировать да волочиться за кокетливыми панночками въ Варшавѣ, но онъ не смѣлъ противиться приказаніямъ отца, которому именно нерасположеніе Владислава къ Московіи, внушало подозрѣніе, что сынъ замышляетъ овладѣть варшавскимъ трономъ: вслѣдствіе такихъ опасеній, Сигизмундъ начиналъ разныя интриги для удаленія Владислава изъ Польши и по его проискамъ въ 1610 году Москва или лучше сказать подкупленная горсть москвичей избрала царемъ польскаго королевича, но тогда еще 14-лѣтній юноша Владиславъ наотрѣзъ отказался идти на вѣрную гибель туда, гдѣ царей или убивали, какъ Ѳедора Годунова и Дмитрія, или свергали какъ Шуйскаго. Не желая упустить изъ рукъ добычу, которой такъ долго добивалась Польша и Литва, Сигизмундъ заявилъ желаніе самолично царствовать въ Московіи. Однако Москва скоро опомнилась; патріархъ Гермогенъ громилъ враговъ проклятіемъ и воспламенялъ своими воззваніями народъ и ратныхъ людей; явился Ляпуновъ: князь Пожарскій и гражданинъ Мининъ осадили поляковъ въ Кремлѣ, довели голодомъ до сдачи и выгнали врага изъ предѣловъ Москвы. Наконецъ возшествіе на московскій престолъ Михаила Ѳеодоровича (11-го іюля 1613 года) разрушило всѣ планы Сигизмунда... Неужели же онъ броситъ борьбу?.. а Владиславъ ростетъ и вотъ онъ ужъ вступилъ въ совершеннолѣтіе... Чего добраго польская рада и сеймъ найдутъ, что молодой, цвѣтущій здоровьемъ Владиславъ, съ его безпечнымъ нравомъ, болѣе годенъ для варшавскаго трона, чѣмъ престарѣлый, брюзгливый Сигизмундъ... Нѣтъ!.. во что бы то ни стало надо возобновить старыя притязанія и дать Владиславу престолъ и корону въ отдаленной, суровой Московіи!.. Король съ новой энергіей приступилъ къ сыну и испробовалъ просьбы, угрозы и увѣщанія, чтобы склонить его къ согласію. Послѣ долгихъ раздоровъ и отказовъ Владиславъ уступилъ. Собрали въ Варшавѣ сеймъ, гдѣ и постановили: „послать королевича добывать московскій вѣнецъ“, причемъ восьми совѣтникамъ, выбраннымъ изъ среды магнатовъ, строго наказано руководить дѣйствіями юнаго королевича и не допускать его ни къ какимъ уступкамъ при заключеніи условій съ Москвою. Первый пунктъ будущаго условія долженъ былъ состоять изъ слѣдующаго: между Польшей и Москвою договоръ вѣчнаго соединенія подъ зависимостью Сигизмунда и Владислава; а второй: уничтожить торговыя пошлины между обѣими государствами, съ тѣмъ чтобы торговля была свободная; наконецъ третій: отдать Польшѣ Смоленскъ, Черниговъ, Новгородъ-Сѣверскій, Невель, Рыльскъ, Курскъ, Путивль, Велижъ, Себежъ, Почепъ, Брянскъ и Стародубъ. Четвертый пунктъ составлялъ отрѣченье Москвы отъ притязаній на Эстонію и Ливонію. Больше всѣхъ хлопоталъ на сеймѣ давнишній русскій врагъ Левъ Сапѣга, который еще помнилъ свое пораженіе подъ стѣнами Троицкой лавры и клялся отмстить инокамъ за ихъ знаменитый „чеснокъ“, такъ насолившій полякамъ **). Сапѣга торопилъ началомъ похода и упрашивалъ Сеймъ назначить сборъ съ народа особой подати для военныхъ издержекъ. По его же ходатайству, главнокомандующимъ всѣхъ военныхъ силъ въ походѣ на Москву былъ назначенъ Станиславъ Жолкѣвскій, другъ Сапѣги и дѣйствительно человѣкъ очень дѣятельный и опытный въ переговорахъ съ москвичами, даже пользовавшійся расположеніемъ большей части бояръ; но Владиславъ питалъ непримиримую вражду къ Жолкѣвскому и объявилъ, что откажется отъ похода въ Московію, если его врагъ будетъ назначенъ его спутникомъ. Тогда назначили Карла Ходкевича, которому была памятна битва съ Пожарскимъ и очень хотѣлось отмстить за свое пораженіе.

*) Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ былъ почти ему ровестникъ, только нѣсколькими мѣсяцами моложе.

**) Во время самозванца, Сапѣга и Гонсѣвскій осаждали монастырь Троице-Сергіевской лавры. Иноки мужественно и успѣшно отбивались и между другими средствами обороны, употребляли небольшое орудіе, названное ими „чеснокъ“, которое они сами ковали изъ желѣза: это былъ треножникъ вершка въ полтора съ четырьмя остріями; его разбрасывали во время вылазокъ по полямъ и сыпали со стѣнъ. Вонзаясь въ ноги ратниковъ и особенно конницы, „чеснокъ“ надѣлалъ полякамъ много вреда.

Узнавъ о томъ, что между Москвой и Польшей снова началась война, донскіе казаки поднялись, имѣя въ виду поживу отъ смутъ между сосѣдями; эта вольница въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ только тѣмъ и промышляла, что „ловила рыбу въ мутной водѣ“; для нея было все равно кому служить Москвѣ или Польшѣ, или воевать противъ татаръ· война—была профессіей казаковъ, а миръ не подходилъ къ ихъ хищническимъ наклонностямъ. Какъ вороны чуютъ мертвечину, а волки стаями слѣдуютъ за полками, въ ожиданіи пира на бранномъ полѣ послѣ боя, такъ и казаки налетали на несчастную Русь, когда предстояли грабежи и разоренія. Собравъ раду, казаки выбрали изъ своей среды атамана Бориса Юмина съ есауломъ Афанасьемъ Гавриловымъ и послали ихъ въ Варшаву съ предложеніемъ своихъ услугъ. 26-го ноября того же года они получили отъ Владислава грамоту и предложеніе начать военныя дѣйствія противъ Москвы.

Пока въ Варшавѣ шли эти приготовленія, Москва тоже собирала полки и ратныхъ людей. Въ началѣ 1617 года князь Юрій Яншевичъ Сулешовъ (татарскій царевичъ служившій Москвѣ) и князь Семенъ Прозоровскій вышли изъ Москвы для подкрѣпленія Барятинскому. Въ мартѣ отъ нихъ пришла радостная вѣсть: князь Юрій писалъ, что стрѣлецкіе головы Таракановъ да Баяшевъ сразились съ ляхами и учинили имъ такое пораженіе, что полковникъ Вишль со многими ратными людьми взяты въ полонъ вмѣстѣ съ большимъ количествомъ знаменъ, литавръ, трубъ, боевыхъ и съѣстныхъ запасовъ. За эту побѣду въ Москвѣ служили благодарственныя молебствія, а въ Варшавѣ торопились отправкою Владислава съ сильнымъ войскомъ.

При торжественныхъ проводахъ польскій примасъ произнесъ рѣчь, въ которой между прочимъ сказалъ, что „Богъ надѣляетъ непобѣдимою славою и успѣхомъ тѣхъ королей и воиновъ, кои вносятъ въ побѣжденныя страны св. католическую вѣру“. Обращаясь собственно къ будущему царю Московіи Владиславу, онъ продолжалъ: „Рукой вашего высочества руководитъ Всевышній и повелѣваетъ вамъ привести московъ къ алтарю католичества, извлечь ихъ изъ мрака къ свѣту, сдѣлавъ ихъ послѣдователями истинной, а не искаженной вѣры. За таковое намѣреніе вы получите славу вашихъ предковъ Ягеллы и Мстислава, а потому мы уповаемъ, что вы будете дѣйствовать не опрометчиво, а съ осторожностью и благоразуміемъ, соглашаясь съ волей вашего родителя, будете стремиться къ соединенію обѣихъ государствъ въ одно цѣлое и возвратите вашему отечеству принадлежащія ему земли; достигнувъ же московскаго престола, будете защищать вашу родину и способствовать къ ея процвѣтанію. Мы же будемъ возносить усердныя моленія о дарованіи вамъ побѣдъ и славы“... и пр.

Владиславъ отвѣчалъ, что онъ исполнитъ все о чемъ упоминалъ примасъ: „для славы Божіей и св. католической вѣры, для расширенія своего отечества и завоеванія сѣвернаго государства!“..

VI.

Владиславъ отправилъ къ сборному пункту своего

войска около 11 тысячъ человѣкъ. Съ Владиславомъ поѣхали его совѣтники-комиссары: Яковъ Собѣскій (сынъ Люблинскаго воеводы, отецъ знаменитаго Яна Собѣскаго) Станиславъ Журавлинскій, Константинъ Плихта, Канцлеръ Литовскій Левъ Сапѣга, Бальтасаръ Стравинскій, Петръ Апалинскій, Андрей Менцинскій и епископъ Луцкій Андрей Липскій. Изъ Луцка Владиславъ поѣхалъ во Владиміръ-Волынскій, гдѣ послѣ молебствія въ Русско-Уніатской церкви велѣлъ освятить знамя съ Московскимъ Гербомъ, что по словамъ польскихъ лѣтописцевъ привело въ восторгъ русскихъ. Только что Владиславъ собрался идти далѣе, какъ получилъ извѣстіе о нападеніи турокъ на польскія границы, почему съ частью войска онъ вернулся въ Варшаву. Жолкѣвскій отправился отражать нападеніе турокъ а Владиславъ съ мая до августа пробылъ въ Варшавѣ. Половина войска Владислава на юго-востокѣ оставалась безъ движенія а на сѣверо-западѣ производила нападенія на русскія земли, хоть иногда и не совсѣмъ удачно. Гонсѣвскій и Чаплинскій оттѣснили воеводъ Бутурлина да Погожева отъ Смоленска къ Бѣлому. Чаплинскій зашелъ впередъ, чтобы захватить Дорогобужъ, но встрѣтился съ Сулешовымъ и потерпѣлъ пораженіе: потерявъ 240 человѣкъ солдатъ и часть артиллеріи, Чаплинскій отступилъ.

Однако этимъ и кончились наши успѣхи: даровитый и опытный Сулешовъ былъ отозванъ въ Москву; укрѣпивъ Вязьму, Можайскъ и Дорогобужъ, онъ оставилъ въ нихъ гарнизоны и запасы на случай осады поляками. На мѣсто Сулешова, на защиту Дорогобужа былъ отправленъ Стольникъ Петръ Пронскій—человѣкъ малоопытный и трусливый, съ помощникомъ Иваномъ Колтовскимъ; но пока они шли, поляки осадили Дорогобужъ, выжгли и разорили окрестности Ржева, Старицы, Устюжны, Торжка, Кашина, Верхне-Бѣжецка, Углича и Бѣлозерска.

Для Москвы наступили тяжелыя времена: польское войско было лучше организовано чѣмъ русское; между польскими военачальниками было много людей ученыхъ, дѣятельныхъ и опытныхъ. Ихъ пѣхота была для того времени образцовая, королевская артиллерія превосходна: а конница особенно отличалась драгунами-наѣздниками, которые могли соперничать съ лучшими тогдашними кавалеристами. Русскія рати никакъ не могли сравняться въ порядкѣ и дисциплинѣ со своими врагами: стрѣльцы да ратники плохо знали строевую службу, а воеводы, бояре и дворянскія дѣти не имѣли никакихъ свѣденій о стратегіи и составленіи плана сраженія. Они безъ толку и порядку кидались на непріятеля, а при первой неудачѣ отступали, не умѣя собрать разстроенные и разорванные полки. Поляки давно имѣли случай изучить слабыя стороны русскихъ ратниковъ: они старались ихъ спутать и когда приводили ихъ въ замѣшательство, то пускали въ ходъ свою превосходную конницу.

Все лѣто 1617 года прошло въ незначительныхъ битвахъ и только въ августѣ началась правильная кампанія. Королевичъ вступилъ въ Смоленскъ гдѣ и остался, а Ходкевичъ осадилъ Дорогобужъ; тамошній воевода Ададуровъ, подкупленный (по мнѣнію современниковъ) поляками, сдалъ городъ и перешелъ подъ знамена Владислава.

Приближалась осень и надо было позаботиться объ удобной зимовкѣ: къ счастью поляковъ, Вяземскіе воеводы князья Пронскій и Бѣлосельскій, бросивъ городъ постыдно бѣжали въ Москву, а бывшіе въ Вязьмѣ казаки перешли на службу къ королевичу; престарѣлый боецъ князь Никита Гагаринъ попытался было защищать укрѣпленія, но ратные люди его не слушались и бѣжали во слѣдъ своихъ воеводъ; Гагаринъ горько плакалъ, но ни слезы, ни увѣщанія не остановили общей паники; наконецъ видя себя всѣми оставленнымъ, Гагаринъ тогда только рѣшился покинуть родной городъ, когда въ его ворота вступили польскіе авангарды. Ободренный неожиданной сдачей Дорогобужа и Вязьмы, Ходкевичъ хотѣлъ немедленно двинуться къ Москвѣ, но ея всегдашніе вѣрные союзники—морозы, снѣгъ и вьюги—остановили враговъ; въ войскѣ начались безпорядки, солдаты страдали отъ холода, припасовъ негдѣ было достать, потому что страна далеко кругомъ была ими опустошена, а жители бѣжали въ лѣса и имъ однимъ извѣстные тайники. Наемное войско, давно не получая жалованья, отказалось служить до его полученія: по неволѣ пришлось зимовать въ Вязьмѣ. Владиславъ ужасно скучалъ: его любимой потѣхой была бесѣда Мальтійскаго кавалера Новодворскаго съ задержаннымъ въ плѣну русскимъ бояриномъ Михайломъ Борисовичемъ Шеинымъ, которые изъ бывшихъ заклятыхъ враговъ сдѣлались друзьями, хотя не понимали другъ друга. Владиславъ отъ души хохоталъ, когда новые друзья, бесѣдуя за кружкой добраго вина, старались объяснить одинъ другому, какъ Новодворскій осаждалъ Смоленскъ, а Шеинъ его защищалъ.

Отъ нечего дѣлать Владиславъ съ своими комиссарами сочиняли прокламаціи и воззванія къ Москвичамъ, приглашая ихъ выдать своего государя и примкнуть къ сторонникамъ королевича; съ этими грамотами послали измѣнника Ададурова и Смоленскаго дворянина Зубова, но въ Москвѣ ихъ ожидалъ очень неласковый пріемъ: ихъ схватили и вмѣстѣ съ князьями Пронскимъ, да Бѣлосельскимъ, наказавъ плетьми, отправили въ Сибирь. Чаплинскій, не смотря на холодъ и слякоть, продолжалъ грабить сосѣдніе съ Вязьмой города; взявъ Козельскъ и Мещовскъ, онъ въ октябрѣ осадилъ Калугу, но Калужане сидѣли крѣпко и отбились отъ Чаплинцевъ, которые остановились въ селѣ Товарковѣ и въ свою очередь были осаждены княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Пожарскимъ. Послѣ жаркихъ битвъ, Пожарскій съ своими 5000 ратниками, выгналъ Чаплинцевъ изъ Товаркова и захватилъ всѣ ихъ запасы съ боевымъ обозомъ. Другіе воеводы дѣйствовали не менѣе удачно: князь Дмитрій Петровичъ Пожарскій-Лопата (двоюродный братъ Д. М. Пожарскаго) защищалъ Тверь отъ польскихъ пановъ Соколовскаго и Конычевскаго, тщетно пытавшихся овладѣть этимъ городомъ. Самъ Владиславъ потерпѣлъ неудачу при наступленіи на Можайскъ, отъ котораго съ большими потерями долженъ былъ возвратиться въ Вязьму, гдѣ и дождался конца 1617 года. Въ Варшавѣ были очень недовольны такимъ медленнымъ ходомъ военныхъ дѣйствій: надѣялись покончить покореніе Московіи въ 1616 году, а вотъ и 1617 годъ на исходѣ, но Московія не только не покоряется, а повидимому готовится еще къ самой упорной борьбѣ!.. Рѣшились послать въ Москву секретаря Яна Гридича для переговоровъ о мирѣ, котораго особенно желалъ Владиславъ, нетерпѣливо переносившій лишенія и неудобства походной жизни въ суровомъ и нелюдимомъ краѣ.

Гридичъ предложилъ перемиріе отъ 20 января до 20 апрѣля и обмѣнъ плѣнныхъ; но русскіе отвѣчали, что тогда только согласятся на переговоры о мирѣ, 1) когда польскіе и литовскіе полки уйдутъ обратно за рубежъ русской земли; 2) пришлютъ уполномоченнымъ охранныя грамоты; 3) продлятъ срокъ перемирія; 4) отпустятъ въ Москву задержанныхъ въ плѣну митрополита Филарета Никитича Романова и князя Василія Васильевича Голицына. Послѣ такого отвѣта поляки перестали говорить о мирѣ и стали выжидать удобнаго для дальнѣйшаго похода лѣтняго времени. Такъ простояли они почти въ бездѣйствіи до конца апрѣля 1618 года. Москва потеряла терпѣніе и послала къ полякамъ дворянина Кондырева съ предложеніемъ начать переговоры о мирѣ, но было уже поздно. Изъ Варшавы къ комиссарамъ-совѣтникамъ Владислава былъ присланъ строгій приказъ покорить Москву непремѣнно въ 1618 году,

грозя въ противномъ случаѣ прекратить высылку денегъ. Наконецъ пришло извѣстіе, что малороссійскій Гетманъ *) Сагайдачный идетъ съ 20 тысячами казаковъ на помощь Владиславу. Ходкевичъ хотѣлъ идти къ Калугѣ, чтобы встрѣтить Сагайдачнаго, но Сапѣга и Журавлинскій требовали немедленнаго движенія на Москву; послѣ оживленныхъ споровъ мнѣніе Сапѣги пересилило, но при этомъ явилось препятствіе: въ Можайскѣ стояло русское войско подъ начальствомъ Бориса Михайловича Лыкова, городъ былъ хорошо укрѣпленъ и мужественнѣе другихъ городовъ отражалъ всѣ нападенія враговъ. Въ польской артиллеріи не было осадныхъ орудій и приступомъ взять его было невозможно, тѣмъ болѣе, что въ Борисовомъ-Городищѣ стоялъ князь Дмитрій Мамстрюковичъ Черкасскій, Пожарскій и Мурза Курмашъ Урусовъ; 29 іюня поляки ходили на приступъ къ Можайску, но были съ урономъ отбиты; Черкасскій успѣлъ пробраться въ городъ и усилилъ его военныя силы. Сапѣга бѣсился; по его приказанію собрали всѣ бывшія при войскѣ пушки и начали жестокую бомбардировку: 27 іюля Черкасскій былъ раненъ. Между стрѣльцами началось волненіе: Богданъ Тургеневъ, Тухочевскій и Жердинскій поднимали стрѣльцовъ къ явному возмущенію. Въ этотъ критическій для осажденныхъ моментъ, пришелъ изъ Москвы указъ Черкасскому и Лыкову, бросить Борисовъ и, вручивъ начальство въ Можайскѣ Волынскому, спѣшить къ Москвѣ.

Въ началѣ августа въ бурную, темную полуночь, польскіе форпосты были поражены неожиданнымъ зрѣлищемъ: Борисово-Городище пылало яркимъ пламенемъ. Всю ночь горѣло городище и поляки не могли объяснить себѣ, что означалъ этотъ пожаръ. Когда разсвѣло, то они убѣдились, что русское войско оставило свою позицію... враги наши поспѣшили занять пепелище, но отъ этаго дѣло ихъ не улучшилось. Въ польскомъ войскѣ голодъ, ропотъ и мятежники окончательно отказывались продолжать войну. Владиславъ былъ въ отчаяніи, вся его надежда была на то, что посланный къ отцу Сапѣга, привезетъ денегъ и припасовъ, но Сапѣга возвратился ни съ чѣмъ... Это печальное извѣстіе произвело цѣлую бурю, дисциплина исчезла; деморализованное, потерявшее разсудокъ войско стало дезертировать цѣлыми шайками; казаки уходили со своими знаменами. Съ большимъ трудомъ удалось удержать 5 или 6 тысячъ человѣкъ, да и то ихъ положеніе было таково, что еслибъ русскіе о томъ знали, то казаковъ въ это время легко было бы разбить и выгнать за рубежи Московскаго государства. Испуганные, обезкураженные коммиссары готовы были уступить намѣренію Владислава бѣжать изъ Россіи не дожидаясь нападенія на разстроенное и истощенное недостаткомъ пищи польское войско.

Но страданія Россіи еще не кончились: Сагайдачный съ своими буйными товарищами приближался къ Москвѣ, оставляя за собой широкую дорогу опустошенныхъ селъ, разграбленныхъ городовъ; казаки несравненно еще жаднѣе до наживы, чѣмъ поляки, жгли, убивали и грабили безъ пощады, не имѣя даже въ оправданіе патріотической и религіозной цѣли: они-то и были истиннымъ бичемъ Руси, всегда готовые помогать ея врагамъ... Москва содрогнулась: она знала по многимъ опытамъ этихъ казаковъ... Еще съ одними ляхами кое-какъ бы управились, но съ казаками тягаться было не подъ силу.

Попытались было послать князя Пожарскаго остановить Сагайдачнаго, но изнуренный необычайной дѣятельностью и трудами, нашъ славный вождь-освободитель занемогъ подъ Серпуховымъ и его мѣсто занялъ князь Григорій Волконскій. Ему поручено было не допускать Сагайдачнаго переправиться черезъ Оку, но казаки, которые были въ его полку, измѣнивъ русскимъ, ушли къ Сагайдачному...

Осада Москвы была неизбѣжна... Все ближе подступали враги... все крѣпче отягивалось кольцо польскихъ и казацкихъ войскъ и не предвидѣлось возможности разорвать и сокрушить это желѣзное кольцо. 9 сентября 1618 года, въ Москвѣ собрался соборъ и царь Михаилъ Θеодоровичъ обратился къ нему съ такимъ словомъ: „Съ Божіею помощью хочу я постоять за православную вѣру, противъ врага нашего и противъ его латинской вѣры. Доколѣ отъ Господа станетъ намъ силы будемъ въ Москвѣ въ осадѣ сидѣть и отъ враговъ отбиваться... И вы бы митрополиты, бояре и всякихъ чиновъ люди за нашу православную вѣру постояли и со мною въ осадѣ сидѣли-бъ; а на королевичеву сторону и ни на какую прелесть латинскую не поддавались бы“...

Всѣ московскіе люди отъ митрополита до простаго жильца, отъ мала до велика, поклялись крѣпко стоять за государя, за православную вѣру и за Москву.

Москва сѣла въ осадѣ.

(До слѣдующ. №).

*) Петръ Канашевичъ Сагайдачный.

Какъ я пребывалъ въ туманѣ

Разсказъ

Уильки Коллинза.

(Окончаніе).

Нить моихъ размышленій неожиданно была порвана появленіемъ за окномъ какихъ-то трехъ личностей. И что же оказалось? Это были именно тѣ самые джентльмены, вкусъ которыхъ ко всякимъ возбужденіямъ я передъ тѣмъ лишь подвергалъ безпощадной критикѣ. Да, это были Крипсъ, Фовлеръ и Киршо, безстыдно скалившіе зубы и выдѣлывавшіе мнѣ изъ-за окна вовсе неумѣстныя жестикуляціи. Одинъ изъ нихъ, — Крипсъ, помнится, —принялъ, какъ казалось ему, очень эффектную позу дуэлиста, съ лѣвой рукой назади, а съ правой, поднятой такъ, какъ будто онъ хотѣлъ выпалить изъ пистолета.

Вскорѣ съ шумомъ и смѣхомъ вошли они въ комнату. Тутъ послѣдовалъ рядъ глупѣйшихъ выходокъ и вполнѣ неумѣстныхъ шутокъ, тогда какъ мнѣ вовсе было не до смѣха. Каждый изъ нихъ началъ по своему истолковывать мою наружность; спрашивали, не забылъ ли я о духовной; наконецъ глупо требовали, чтобы я, на случай рокового исхода, надѣлилъ каждаго чѣмъ нибудь, на память о безвременно погибшемъ другѣ. Но когда, при дальнѣйшихъ распросахъ, я при нужденъ былъ признаться, что Дьюскапъ въ это время, находился уже при исполненіи миссіи, и скоро вернется съ отвѣтомъ, пріятели, раскрывъ въ изумленіи рты и выпучивъ глаза, долго смотрѣли на меня, не говоря ни слова и лишь искоса мѣняясь взглядами. Наконецъ, который-то изъ нихъ,—дуракъ-Киршо, помнится,—съ чуть сдержаннымъ смѣхомъ проговорилъ: Да, это—штука! Но, послушай, скажи подружески,—это очень любопытно знать,—какъ ты себя теперь чувствуешь?

Плохое было мнѣ облегченіе, когда и Дьюскапъ наконецъ, вернулся. Онъ принесъ неуспокоительную вѣсть, что вызовъ принятъ и что дуэль имѣетъ быть въ восемь часовъ слѣдующаго утра.

Между тѣмъ, гости чувствовали себя въ самомъ отличномъ расположеніи духа. Да и было отчего: на утро ихъ ожидало рѣдкое, необыкновенное развлеченіе. Конечно, предвкушеніе предстоящаго удовольствія разшевелило ихъ аппетитъ и придало особенный смакъ и вечерней закускѣ: жадно ѣли они и пили и безсовѣстно-весело провели весь вечеръ.

Дьюскапъ при этомъ, однакожъ, не забывалъ своего дѣла. Смазавъ курки пистолетовъ, этотъ заботливый другъ ободрительно увѣрялъ, что они теперь—въ самомъ отличномъ состояніи и такъ легко прошибутъ лобъ, что и не услышишь. Такое филантропическое замѣчаніе было сдѣлано при разставаньи, когда всѣ прочіе прощались со мной до „пріятнаго свиданія“ на завтра, и, хохоча, пожелали мнѣ „покойной ночи“.

Большую часть этой ночи провелъ я за прощальными письмами къ роднымъ и въ составленіи ядовитаго письма къ миссъ Мери Нутльбюри, которымъ надѣялся пролить отраву на всю ея жизнь; потомъ упалъ на жесткую постель и на нѣсколько часовъ нашелъ желанное забвеніе.

Пришли на мѣсто мы первые. Это было необходимо—Крипсъ, Фовлеръ и Киршо заблаговременно должны были за-

Весенняя выставка въ Имп. Акад. Худ. „Малороссіянка у колодца". Картина М. В. Брянскаго, съ фотогр. грав. К. Вейерманъ.

сѣсть гдѣ нибудь въ скрытомъ мѣстѣ, откуда могли бы видѣть все, не бывъ замѣченными: но когда это было устроено и потомъ наступилъ роковой часъ, мы еще такъ долго ждали, что во мнѣ зародилась слабая надежда или предчувствіе, хотѣлъ я сказать, что противникъ мой, на послѣдяхъ, былъ охваченъ внезапнымъ страхомъ и улизнулъ изъ деревни, оставивъ меня героемъ безъ пролитія капли крови.

И когда я уже мечталъ было о такомъ честномъ и вмѣстѣ безвредномъ выходѣ изъ своего опаснаго положенія, до насъ достигъ звукъ голосовъ и смѣха. Да, смѣха! Черезъ минуту, соперникъ мой, все смѣясь еще и разговаривая съ кѣмъ-то, шедшимъ сзади него, перепрыгнулъ черезъ изгородь поля, на которомъ мы дожидались его. Смѣясь самымъ наглымъ образомъ, онъ, во всеуслышаніе, задалъ своему секунданту (помощнику деревенскаго аптекаря) вопросъ: мастеръ ли тотъ штопать раны.

Но въ эту самую минуту произошелъ никакъ неожиданный случай, причинившій небольшую задержку дѣлу. Злополучный Крипсъ, вѣроятно съ цѣлью—понадежнѣй укрыться, а быть можетъ и по чувству самосохраненія, ухитрился взлѣзть на дерево—оттуда на мѣсто дѣйствія открывался прекрасный видъ; но, не взявъ нужной предосторожности, умостился на плохомъ суку, и сукъ подломился, невыдержавъ его тяжести. Это случилось, какъ разъ, въ ту самую минуту, когда секунданты вступали въ предварительныя соглашенія, и въ эту-то ужасную минуту несчастный Крипсъ рухнулся съ дерева, вмѣстѣ съ сѣдалищемъ, и растянулся на землѣ, къ полному изумленію моего противника и его секунданта. Тутъ пошла сумятица. Противная сторона, открывъ, что за нашими дѣйствіями наблюдало лице изъ скрытнаго мѣста, пришла къ естественному заключенію, что тамъ могли быть и другіе. Было рѣшено осмотрѣть все мѣсто, поросшее мелкимъ орѣшникомъ. Это кончилось тѣмъ, что и другіе два охотника до сильныхъ возбужденій, переконфуженные, принуждены были смиренно выйти изъ своихъ сокровенныхъ убѣжищъ. Соперникъ мой и слышать не хотѣлъ, чтобы дуэль происходила въ присутствіи столькихъ свидѣтелей, и, къ полному моему удовольствію, препиранія окончились изгнаніемъ всѣхъ излишнихъ съ поля битвы. Зрѣлище, которое представляли несчастные, ретируясь одинъ за другимъ, въ индійскую шеренгу, было самое унизительное; подобнаго никогда не приводилось мнѣ видѣть.

Устранивъ эту помѣху, оставалось устроить главное дѣло, которое тоже не мало заняло время въ переговорахъ. Были несогласія въ мнѣніяхъ о каждой частности, въ связи съ убійственной операціей: шелъ споръ о числѣ шаговъ, которые имѣли раздѣлять соперниковъ, о надлежащемъ способѣ заряженія пистолетовъ, о лучшемъ способѣ сигнала къ выстрѣлу; словомъ, о всякой мелочи. Но что при этомъ было всего отвратительнѣй, такъ это черезчуръ уже излишняя развязность моего соперника, который, казалось, все дѣло считалъ капитальной уткой и зубоскалилъ по поводу всего, что говорилось или дѣлалось. Неужели, подумалъ я — человѣкъ этотъ заговорилъ свою жизнь, когда, рискуя потерять ее, ведетъ себя съ такой нахальной безпечностью?

Наконецъ, всѣ эти нескончаемыя соглашенія были установлены. Мистеръ Хуффель и я стали на разстояніи двѣнадцати шаговъ, презрительно смотря другъ на друга. Бестія скалилъ зубы даже и теперь, и когда въ послѣдній разъ предложили ему покончить дѣло извиненіемъ, онъ отвѣчалъ безстыднымъ смѣхомъ.

Было положено, что одинъ изъ секундантовъ (секундантъ Хуффеля) долженъ громко и раздѣльно проговорить: „разъ, два три.“ При послѣднемъ словѣ, мы должны были, если могли, выстрѣлить въ тотъ же моментъ. У меня такъ сильно стѣснилось сердце, словно оно сжалось въ половину своей обыкновенной величины, а въ ногахъ при этомъ ощущалъ я какую-то, необъяснимо-странную легкость: казалось будто вдругъ я выросъ и сталъ безмѣрно высокъ. Ощущеніе это походило на то, какое испытываютъ выздоравливающіе послѣ горячки.

— Разъ! громко произнесъ аптекарь; затѣмъ послѣдовала короткая пауза.

— Два!

— Стой! раздался въ слѣдующій моментъ, голосъ моего соперника. Мнѣ нужно сказать нѣсколько словъ.

Съ этими словами, мистеръ Хуффель бросилъ на землю пистолетъ и сошелъ съ мѣста.

— Что же вы хотите сказать сэръ? строго спросилъ неумолимый Дьюскапъ. Время, кажется, не совсѣмъ удобное для разговоровъ.

— Я перемѣнилъ намѣреніе, отозвался мистеръ Хуффель. Дуэли признаю я грѣховнымъ дѣломъ и скорѣе согласенъ просить извиненія.

Какъ ни былъ изумленъ я подобнымъ объявленіемъ, однакожъ не могъ не замѣтить, что аптекарь къ этому случаю отнесся безъ малѣйшаго удивленія.

— Такъ вы согласны просить извиненія? спросилъ Дьюскапъ. Соглашаетесь отказаться отъ всякихъ видовъ на извѣстную лэди и высказать прискорбное сожалѣніе въ тѣхъ наглыхъ выраженіяхъ, которые вы позволили себѣ употребить относительно моего друга?

— Да, согласенъ.

— Но, помните, все это вы должны выразить на письмѣ.

— Какъ хотите.

Дьюскапъ обратился ко мнѣ съ нерѣшительнымъ видомъ.

— Это, однакожъ, самое необыкновенное дѣло. Вы согласны на такого рода удовлетвореніе?

— Что-жъ тутъ больше дѣлать? Полагаю, что мы должны удовлетвориться такимъ извиненіемъ, отвѣчалъ я медленно и довольно небрежно.

Къ этому времени сердце мое расширилось до прежняго нормальнаго размѣра.

— Нѣтъ ли у кого нибудь при себѣ карманной чернильницы и бумаги? спросилъ мой секундантъ, не совсѣмъ миролюбиво.

Все это нашлось въ карманѣ у аптекаря, и требуемое извиненіе, подъ диктовку Дьюскапа, было написано моимъ кающимся врагомъ; оно было въ самомъ унизительномъ тонѣ. Когда Хуффель подписался подъ этимъ документомъ, занявшимъ цѣлую страницу памятной книжки аптекаря, страничка была вырвана и передана моему другу. Въ это время на деревенской колокольнѣ пробило девять часовъ.

Мистеръ Хуффель встрепенулся, какъ будто время двинулось скорѣй, чѣмъ онъ ожидалъ.

— Полагаю, что всего этаго достаточно, сказалъ онъ. А если такъ, то кажется ничто насъ не удерживаетъ оставаться здѣсь долѣе. И такъ, добраго утра джентльмены.

— Прощайте, сэръ,—отозвался рѣзко Дьюскапъ. Да позвольте прибавить, что вы имѣете основаніе считать себя чертовски счастливымъ.

— Повѣрьте, сэръ, я иначе никакъ себя и не считаю,—отвѣчалъ мерзавецъ съ прежнимъ зубоскальствомъ и, насмѣшливо раскланявшись, поспѣшилъ убраться, вмѣстѣ съ товарищемъ. Но едва лишь перелѣзли они изгородь, какъ снова залились громкимъ смѣхомъ.

Изумленные, долго смотрѣли мы другъ на друга, совершенно недоумѣвая и теряясь въ заключеніяхъ. Для насъ было ничѣмъ не объяснимое дѣло, чтобы человѣкъ, зашедшій такъ далеко и, съ пистолетомъ на второмъ взводѣ, протянувшій время до самаго сигнала къ выстрѣлу,—разбился вдругъ такимъ плачевнымъ образомъ. Наконецъ мы принуждены были признать это ни чѣмъ инымъ, какъ небывалымъ еще образцомъ самой позорной трусости. Другимъ пунктомъ нашего, впрочемъ, довольно уже скораго и легкаго соглашенія, было то, что сторона наша вышла изъ дѣла съ такой честью и славой, какая рѣдко пожинается сынами текущаго, практичнаго и антиромантичнаго времени.

И вотъ, побѣдитель и ликующіе его друзья соединились теперь вокругъ стола въ гостинницѣ „Драконъ“, чтобъ ознаменовать свое торжество хорошимъ завтракомъ, для котораго были истощены всѣ наличныя средства трактирнаго заведенія. Преданные друзья, гордясь своимъ товарищемъ, согласились этотъ случай или даже можно сказать событіе, отпраздновать подобающимъ образомъ, и торжественно пригласили меня на пиршественный завтракъ, устроенный на общій ихъ счетъ: я былъ почетный ихъ гость. Дьюскапъ занялъ мѣсто предсѣдателя стола: меня помѣстили возлѣ него направо. Поставленные передъ нами яства оказались самаго тонкаго свойства; когда же имъ отдали должную справедливость, оцѣнивъ по достоинству, и когда предсѣдатель велѣлъ подать бутылку шампанскаго, ликованье наше приняло широкіе размѣры. Впрочемъ, моя собственно, веселость не имѣла никакихъ бурливыхъ проявленій; я ощущалъ, напротивъ, замкнутую, затаенную радость, которой даже и шампанское не могло ни укротить, ни увеличить. Развѣ соперникъ мой не сдѣлалъ формальнаго отреченія и развѣ не могу я въ этотъ же самый день явиться, въ ореолѣ славы, къ Мери Нутльбюри,—явиться человѣкомъ, рисковавшимъ за нее жизнію? Да, нетерпѣливо ждалъ я, когда уберутся эти веселые сорванцы, рѣшившись, вслѣдъ за тѣмъ же, отправиться къ Мери. Тутъ нить моихъ размышленій была прервана голосомъ Дьюскапа. Но говорилъ это уже не старинный мой пріятель: это говорилъ оффиціальный предсѣдатель стола.

— Джентльмэны!—началъ съ особеннымъ одушевленіемъ мистеръ Дьюскапъ. Настоящему спичу я нахожу нужнымъ предпослать заявленіе, что всѣ мы явились по случаю и обстоятельствамъ особеннаго,—можно сказать даже—исключительнаго свойства; я могъ бы почти прибавить—по обстоятельствамъ имѣющимъ свойства аномаліи. Начать съ того, что настоящее общество собралось въ этомъ увеселительномъ заведеніи въ десять часовъ утра. Это—уже первая аномалія. Для чего собралось оно? Я отвѣчаю: для того, чтобы ознаменовать достодолжнымъ торжествомъ одинъ рѣдкій актъ, который я отношу къ разряду подвиговъ, имѣющихъ связь скорѣе съ временемъ давно минувшимъ, чѣмъ съ тѣмъ, въ которое неумолимая судьба бросила наше поколѣніе. Это—вторая аномалія. Да, оба эти случая—аномаліи; но, за то, сколько въ нихъ высокаго, и какъ слѣдуетъ желать, чтобы настоящее представляло намъ почаще подобныя аномаліи! Въ наше время,—продолжалъ мистеръ Дьюскапъ, —законы и обычаи осуждаютъ дуэли: но, относительно этаго, онъ, предсѣдатель, всегда сознавалъ и чувствовалъ что въ жизненной карьерѣ каждаго могутъ являться обстоя-

тельства, которыя невольно заставляютъ его аппелировать къ оружію; для человѣка же съ щекотливымъ чувствомъ чести— дѣлаютъ такую аппеляцію даже неизбѣжной. Сознавая всю великую важность практики дуэли, онъ, предсѣдатель, опасается, чтобъ отъ нея совсѣмъ не отвыкли, и потому находитъ желательнымъ, чтобъ она, по временамъ, возобновлялась, какъ это было... короче сказать—какъ это было въ настоящемъ случаѣ.

Въ этотъ моментъ—и довольно странно — въ отдаленіи послышалось слабое „ура“, которое, вѣроятно, прокричали деревенскіе мальчишки; но потомъ снова все смолкло. И такъ мистеръ Дьюскапъ принужденъ былъ снова приняться за спичь.

— Джентльмены!—продолжалъ мистеръ Дьюскапъ—Я полагаюсь на ваше снисхожденіе, что говорю не съ той свободой, какъ бы желалъ. Начать съ того, что я растроганъ до глубины души, а однаго этаго довольно уже, чтобы лишить меня той небольшой суммы краснорѣчія, которой я могъ бы владѣть въ другое время. Я чистосердечно долженъ сознаться, что не привыкъ къ публичнымъ спичамъ въ десять часовъ утра и что дневной свѣтъ приводитъ меня въ смущеніе. Отчего же это? Не въ бѣлый ли день даются свадебные завтраки, и не произносятъ ли въ такихъ случаяхъ спичей? Почему же и намъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ, не смотрѣть на эти самыя блюда, какъ на свадебный завтракъ? Вы, кажется, джентльмэны, изумлены такой неожиданной постановкой вопроса. Но я васъ спрашиваю: не былъ ли этотъ случай—случай нынѣшняго утра— первымъ актомъ драмы, которая можетъ, какъ мы надѣемся, заключиться свадьбой нашего благороднаго и доблестнаго друга.

И опять казалось страннымъ: лишь только предсѣдатель произнесъ эти послѣднія слова, какъ слышные прежде крики „ура“ возобновились съ большей силой. Не меньше такъ же странно, что въ то же самое время, на деревенской колокольнѣ поднялся громкій и веселый трезвонъ. Конечно, къ намъ это не могло имѣть ни малѣйшаго отношенія, однакожъ все-таки было странно. Но при этомъ вниманіе аудиторіи мистера Дьюскапа начало развлекаться, и взгляды присутствующихъ попеременно стали обращаться къ окну. Да и самъ достойный предсѣдатель становился, повидимому, менѣе сосредоточеннымъ въ своей мысли, и нить его краснорѣчія, казалось, готова была оборваться снова.

— Джентльмены! — еще разъ началъ онъ, рѣшившись какъ истый ораторъ, какимъ былъ на самомъ дѣлѣ, воспользоваться тѣмъ же самымъ случаемъ, который развлекъ всеобщее вниманіе: я замѣтилъ уже, что эти праздничныя яства, въ нѣкоторомъ родѣ представляютъ, говоря фигурально, свадебный завтракъ, и въ то самое время, когда я это говорилъ, вдругъ колокола начинаютъ радостный трезвонъ. Джентльмены! Во всемъ этомъ есть что то почти сверхъестественное. Это—счастливое предзнаменованіе, и такимъ я признаю его.

Въ это время колокола подняли оглушительный трезвонъ, а крики сдѣлались еще громче.

— И такимъ я признаю его! — повторилъ мистеръ Дьюскапъ. Джентльмены! Я не удивлюсь, если это будетъ овація въ честь нашего благороднаго друга. Мирные поселяне вѣроятно услыхали уже о его благородномъ, геройскомъ подвигѣ и приближаются сюда, чтобы принести ему свое смиренное поздравленіе.

Въ самомъ дѣлѣ, деревенскій людъ толпой валилъ къ трактиру. Всѣ мы видимо становились непокойны; но когда, наконецъ, съ колокольнымъ звономъ и громкими криками „ура“ смѣшался стукъ приближавшагося экипажа, я дольше не могъ выдержать и бросился къ окну; за мной тоже сдѣлали и другіе, не исключая и предсѣдателя.

Въ это самое время, мимо оконъ быстро мчался экипажъ. На ближайшей лошади сидѣлъ почталіонъ, у плеча котораго былъ приколотъ свадебный бантъ. Экипажъ былъ открытый; въ немъ сидѣли двѣ особы, мужчина и женщина; первый былъ—джентльменъ, который, не больше часа назадъ, смиренно вымаливалъ у меня извиненіе; вторая была—Мери Нутльбюри, а теперь, если вѣрить свидѣтельству собственныхъ глазъ — Мери Хуффель.

Увидавъ меня въ окнѣ, оба они громко разсмѣялись и послали мнѣ по воздушному поцѣлую.

Тутъ овладѣло мной совершенное безуміе. Отчаянно растолкавъ пріятелей, старавшихся меня удержать, я ринулся на улицу и съ неистовымъ крикомъ пустился во всю мочь за удалявшимся экипажемъ. Но съ какой цѣлью? Коляска уже уѣхала; дѣло уже было сдѣлано. Я снова воротился въ трактиръ, при громкомъ смѣхѣ грубой и невѣжественной черни. Все это помнится мнѣ словно во снѣ.

Больше я ничего не помню и не знаю; я пилъ и не знаю, что послѣ со мною было и какъ попалъ я домой.

Съ того чернаго дня, долго считалъ я себя безнадежно и безвозвратно погибшимъ, и долго блуждалъ еще въ томъ густомъ туманѣ, которымъ женщина застлала мнѣ глаза,—до тѣхъ поръ блуждалъ, пока не разсѣяла его другая женщина, съ которой снова проглянуло мнѣ солнце и увидѣлъ я свѣтъ.

Къ рисункамъ.

Ницца.

Скоро отъ насъ толпы туристовъ потянутся въ Ниццу.

Исключительное положеніе Ниццы сдѣлало ее извѣстной всему міру. Сюда ежегодно пріѣзжаютъ не только изъ всѣхъ частей Европы но и Америка поставляетъ большой контингентъ туристовъ.

Этотъ городъ, въ которомъ такъ любятъ селиться русскіе, что поэтъ назвалъ его „уѣздный русскій городъ Ницца“, уже по одному этому имѣетъ для насъ особенный интересъ. Вспомните и чудные стихи покойнаго Тютчева:

О, этотъ югъ, о, эта Ницца!
О, какъ ихъ блескъ меня тревожитъ,
Мысль, какъ подстрѣленная птица,
Подняться хочетъ и не можетъ.
Нѣтъ ни свободы, ни розмаху,
Висятъ надломленныя крылья,
И вся дрожитъ, прижавшись къ праху,
Въ сознаньи тяжкаго безсилья...

Ницца расположена на берегу моря, при широкой и прекрасной бухтѣ. Рѣчка Пальонъ раздѣляетъ городъ на двѣ, совершенно отдѣльныя части; новый и старый городъ. Рѣчка эта не велика и къ лѣту постоянно почти высыхаетъ. Лишь во время таанія снѣговъ или послѣ сильнаго дождя на горахъ, она вдругъ наполняется водою, которая съ чрезвычайной быстротою, шумно стремится въ море.

Старый городъ расположенъ на лѣвомъ берегу Пальона. Въ этой части находится „Promenade du Cours“, гдѣ во время карнавала происходитъ перестрѣлка на confetti. Экипажи, украшенные флагами и зеленью, двигаются медленно по проспекту. Они останавливаются у башни Малахова, Висконти и на нѣсколько минутъ завязывается отчаянная битва. Сражающіеся опускаютъ на лица забрала,—родъ плетенокъ изъ тонкой желѣзной проволоки, продающихся ради этаго случая. Перекрестный огонь маленькихъ букетовъ, confetti, faginoti, ciceri, жженаго миндаля, — все это летитъ по воздуху, встрѣчается, смѣшивается, точно сильный градъ трещитъ, ударяясь о доспѣхи рыцарей. Слышатся эпиграммы, сарказмы. Своеобразные эти снаряды, летящіе сверху, снизу, по всѣмъ направленіямъ, полными горстями, полными мѣшками, разсыпаются въ воздухѣ, точно стрѣлы древнихъ. Въ этой же части города находится холмъ, называемый *замкомъ* и составляющій главную достопримѣчательность Ниццы. Отъ этаго замка—прежняго вала на границѣ Италіи, не осталось почти и слѣдовъ. Это мѣсто покрыто теперь тѣнистыми аллеями, зелеными лугами, пальмами, миртами, дубами, кактусами, алоэ, вѣтвистыми соснами и розовымъ лавромъ. Остатки старыхъ стѣнъ, утонувшіе въ зелени, напоминаютъ только, что это прелестное мѣсто, въ продолженіи вѣковъ было театромъ кровавыхъ и доблестныхъ битвъ. Сюда проходятъ черезъ улицу Эбертэ, начинающуюся у площади Гарибальди. Съ вершины холма, въ 210 футовъ вышиною, видъ восхитительный. Внизу видна вся Ницца, кругомъ ея тянутся сады и виноградники, далѣе простираются холмы и затѣмъ тройной амфитеатръ горъ.

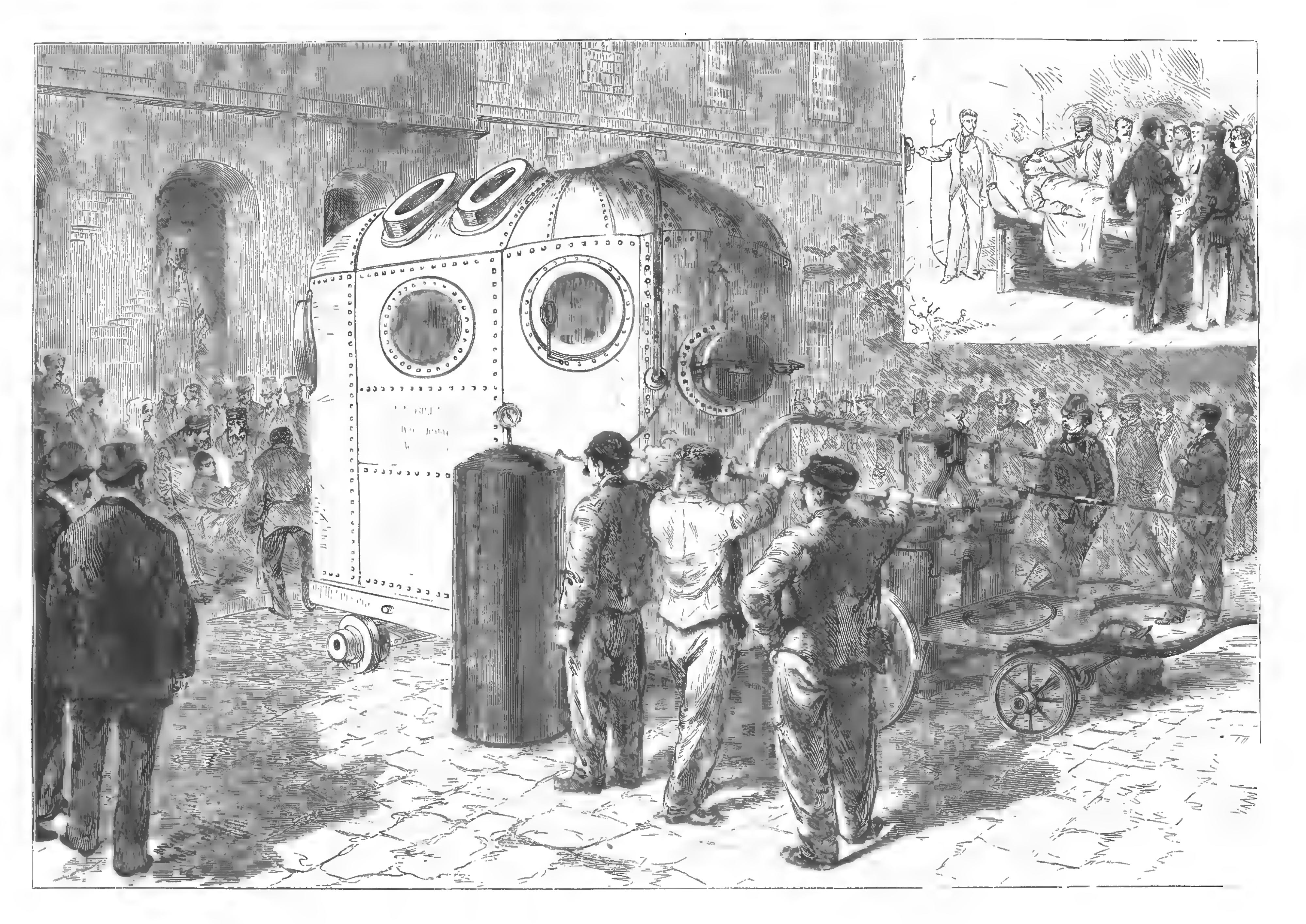
Новый городъ раскинулся на правомъ берегу Пальона. Эта часть очень красива; тутъ и городской садъ и гулянье, извѣстное „Promenade des Anglais“. Садъ существуетъ около тридцати лѣтъ; въ немъ есть прекрасныя пальмы и рѣдкія породы деревьевъ. Тутъ ежедневно собирается все общество во время музыки. На южной сторонѣ этой части города начинается „Promenade des Anglais“, набережная, идущая вдоль моря почти на двѣ версты въ длину и шириною въ 80 футовъ. Названіе свое она получила вслѣдствіе того, что Англійская колонія Ниццы, желая дать работу бѣднымъ въ зимнее время, распорядилась устроивать эту набережную именно по зимамъ 1822, 1823 и 1824 годовъ.

Утромъ на эту набережную стекаются толпы больныхъ, и гуляютъ до полудня—времени обѣда. Въ эту пору всѣ торговыя и присутственныя мѣста въ Ниццѣ закрыты. Только къ двумъ часамъ снова появляется публика, но уже въ экипажахъ, слушать военную музыку.

Частныя и публичныя зданія выстроенныя на набережной— прекрасной архитектуры. Изъ нихъ болѣе выдающееся „Клубъ Средиземнаго моря“.

Кромѣ двухъ частей, составляющихъ собственно городъ, есть еще предмѣстье, къ которому примыкаетъ гавань. Дорога, ведущая къ гавани—самое живописное мѣсто въ Ниццѣ. На востокъ отъ гавани, на морскомъ берегу рядъ домовъ и виллъ составляютъ кварталъ, названный Лазаретнымъ, ибо когда-то давно здѣсь дѣйствительно былъ лазаретъ. Тутъ же устроены купальни. Далѣе по берегу идетъ бульваръ, названный бульваромъ, Императрицы Русской, оканчивающійся у подножія крутыхъ скалъ Монборонъ, на которыхъ выстроены виллы.

Въ этомъ мѣстѣ въ скалахъ много пещеръ, изъ которыхъ одна на высотѣ 250 футовъ чрезвычайно обширна. Прежде она,

Новые опыты съ пневматическимъ колоколомъ при хирургическихъ операціяхъ. Съ рис. Клавера, грав. М. Рашевскій.

На рѣкѣ Волховѣ. Противъ теченія. Ориг. рис. Зиновьева, грав. Э. Шмидтъ.

по всей вѣроятности, служила убѣжищемъ для дикихъ звѣрей, а впослѣдствіи жилищемъ для людей. Въ ней найдено много ископаемыхъ и остатковъ мѣднаго періода.

Климатъ Ниццы очень теплый. Тройной рядъ горъ защищаетъ городъ отъ вѣтровъ сѣвера. На востокѣ и сѣверо-востокѣ городъ защищенъ скалами, лежащими по ту сторону гавани. На западѣ цѣпь эстерельскихъ горъ предохраняетъ городъ отъ мистралей. Съ южной стороны Ницца окружена прекраснѣйшимъ моремъ и всецѣло открыта для солнечныхъ лучей.

Ницца построена Марсельцами въ память побѣды надъ Лигурійцами, затѣмъ было куплено Римлянами, устроившими тамъ морской арсеналъ. Столица графства въ XII вѣкѣ, она подчинилась Савойскому дому съ 1388 до 1538 г. Карлъ XV занялъ ее и въ 1530 году подписалъ тутъ перемиріе съ Францискомъ I. Она была осаждена турками въ 1543 г., взята Катиною въ 1691, Гервикомъ въ 1706 г. и французами въ 1792 г. Тогда она сдѣлалась главнымъ городомъ департамента Морскихъ Альпъ; въ 1814 году перешла къ Сардиніи. Въ 1859 г. Наполеонъ III потребовалъ отъ Виктора-Эмануила уступки Савойи и Ниццы. По договору, заключенному между двумя монархами, народъ самъ далъ согласіе на эту перемѣну правительства. Съ этихъ поръ Ницца снова сдѣлалась главнымъ городомъ департамента Морскихъ Альпъ, а съ іюля 1864 г.— мѣстопребываніемъ епископа.

Деревенскія качели.

(Рисунокъ А. Кившенко).

Кому съ дѣтства не памятно духъ-захватывающее ощущеніе быстраго размаха на этой зыбкой, легкой доскѣ. Кто не помнитъ этихъ—толпящихся кругомъ качелей—празднично разряженныхъ парней и дѣвушекъ, ихъ пѣсни и смѣхъ и говоръ, и вся эта праздничная веселая гулянка. Около каждой деревни, около каждой усадьбы чего чего нѣтъ, а ужь непремѣнно высятся качели, безъ которыхъ не обходится у насъ ни одно народное веселье, ни одинъ свѣтлый праздникъ.

Между прочимъ одинъ изъ ученыхъ и внимательныхъ описателей и изслѣдователей нашей жизни, французскій путешественникъ по Россіи въ 40-хъ годахъ, принялъ эти качели за висѣлицы (!) и въ своемъ сочиненіи сообщилъ, что нравы у насъ такъ суровы, что передъ каждой деревней стоятъ онѣ на готовѣ, на случай надобности. Такія же *вѣрныя* и добросовѣстныя свѣдѣнія о Россіи впрочемъ и теперь нерѣдко сообщаются...

Въ прилагаемомъ рисункѣ г. Кившенко много жизни и движенія. Качальщики энергично наддаютъ и размахиваютъ доску и маленькія ребятки любуются на нихъ, стоя кругомъ.

Малороссіянка у колодца.

(Картина М. В. Брянскаго).

Очень естественно, что художники—уроженцы Украйны—такъ пристрастны къ своей чудной, живописной родинѣ и постоянно сюжетомъ своихъ картинъ избираютъ все къ ней относящееся. Мы уже говорили объ этомъ въ прошломъ № по поводу картинъ К. А. Трутовскаго и невольно приходитъ та же мысль и по поводу другаго талантливаго художника М. В. Брянскаго, выставившаго теперь свою картину „Малороссіянка у колодца“.

Михаилъ Васильевичъ Брянскій изъ родовыхъ дворянъ, уроженецъ г. Кіева, тамъ же въ гимназіи получилъ свое первоначальное образованіе (род. въ 1832 г.) Съ юридическаго факультета перейдя въ университетѣ на медицинскій, при изученіи анатоміи, занялся рисованіемъ, а года черезъ четыре и всецѣло посвятилъ себя этому искусству. Писать масляными красками началъ онъ даже безъ помощи учителя. Болѣзнь заставила его удалиться въ Полтавскую губернію, гдѣ и прожилъ онъ около 5 лѣтъ. Первая картина его „Жница“ была выставлена въ Имп. Акад. Худ. въ 1863 году и за нее онъ получилъ 2-ю серебряную медаль. Въ 1865 году онъ уже самъ привезъ въ Петербургъ свою вторую картину „Дѣвушка“ и получилъ 1-ю серебряную медаль, съ правами художника 3-й степени. Въ 1866 году за картину „Головка дѣвочки“ получилъ права художника 2-й степени. Въ 1868 г. выставилъ картину „Обручальное кольцо“, купленную Академіей, за которую получилъ званіе класснаго художника 1-й степени и золотую медаль за экспрессію. Въ 1869 году была на выставкѣ его картина „Тяжелая минута“ (Мать отправляющая ребенка въ воспитательный домъ), въ 1874 г. „Двѣ швеи“, Затѣмъ были еще его портреты Е. И. В. Вел. Кн. Маріи Александровны, княгини Куракиной, г-жи Философовой и др. Съ послѣдней его картины здѣсь помѣщается рисунокъ.

Опыты съ пневматическимъ колоколомъ.

(Сжатый воздухъ, примѣняемый при хирургическихъ операціяхъ).

Въ іюлѣ прошлаго года Поль Беръ дѣлалъ въ Парижской Академіи наукъ интересное сообщеніе о новомъ способѣ анестезированія (сообщенія нечувствительности къ боли) къ которому онъ пришелъ случайно, занимаясь изслѣдованіями газовъ. Какъ извѣстно, за эти изслѣдованія онъ уже нѣсколько лѣтъ тому былъ удостоенъ Парижской Академіей главной преміи.

Вотъ въ чемъ состоитъ этотъ способъ: чтобы сдѣлать нечувствительнымъ больнаго во время операціи, зубные врачи прибѣгаютъ обыкновенно къ закиси азота, заставляя больнаго вдыхать этотъ газъ черезъ трубку, придѣланную къ маскѣ, охватывающей носъ и ротъ. Въ короткое время больной приходитъ въ безчувственное состояніе; маску тотчасъ снимаютъ и выдергиваютъ зубъ. Но этотъ способъ обезчувствленія опасенъ, такъ какъ чистая закись азота нерѣдко вслѣдъ за анестезіей производитъ задушеніе. Чтобы предупредить задушеніе, пришли къ мысли прибавлять кислородъ къ закиси азота; но смѣсь эта хотя не производитъ задушенія, но и не вполнѣ лишаетъ чувствительности. Г. Беру пришла счастливая мысль подвергнуть шаръ, содержащій вышеупомянутую смѣсь газовъ, давленію нѣсколькихъ атмосферъ, причемъ атомы (частицы) закиси азота должны сблизиться отъ сжатія и принять объемъ, въ какомъ онѣ были до смѣси съ кислородомъ, что предупреждаетъ задушеніе и возвращаетъ газу его анестетическія свойства. Опытъ вполнѣ оправдалъ эти предположенія. Многочисленныя наблюденія надъ животными, сдѣланныя въ физіологической лабораторіи въ Сорбоннѣ увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Затѣмъ извѣстнѣйшій хирургъ докторъ Пеанъ и другіе примѣняли этотъ способъ анестезированія, при операціяхъ надъ людьми, прибѣгая для этаго къ пневматическимъ колоколамъ, употребляемымъ въ заведеніяхъ для леченія сжатымъ воздухомъ. Изображеніе опыта этаго новаго примѣненія и есть на нашемъ рисункѣ.

На рѣкѣ Волховѣ. Противъ теченія.

(Рисунокъ Н. Зиновьева).

Между тѣмъ какъ на нашихъ главныхъ водяныхъ путяхъ баржевой пароходъ принялъ на себя все грузовое отправленіе и прежніе первобытные способы передвиженія стали уже преданіемъ—на малыхъ путяхъ практикуются всевозможные допотопные способы, какъ тяга людьми, лошадьми и т. п. Примѣненіе одного изъ такихъ способовъ, употреблявшихся конечно еще на древней Руси, видѣлъ г. Зиновьевъ на р. Волховѣ и изобразилъ его на прилагаемомъ рисункѣ. Рабочіе съ усиліемъ налегаютъ на рукоять вала, на который намотанъ длинный канатъ, укрѣпленный впереди у берега и двигаютъ плотъ и баржу противъ теченія.

Гладстонъ.

Англія, въ послѣднія пять лѣтъ, играла столь выдающуюся роль въ международныхъ дѣлахъ, что внутренній, т. е. парламентскій, вполнѣ законный переворотъ въ странѣ этой, ставящій руководителемъ политики въ ней то или другое лицо, является вопросомъ, имѣющимъ важное значеніе не для одного Соединеннаго королевства, но вопросомъ, касающимся Европейскихъ государствъ, или, еще вѣрнѣе, всего міра, такъ какъ едва-ли найдется уголокъ на земномъ шарѣ, котораго не достигла всеобъемлющая сѣть „англійскихъ интересовъ“, изобрѣтенныхъ лордомъ Биконсфильдомъ. Мы, между прочимъ, также близко познакомились съ „интересами“ этими и вотъ почему мы не можемъ оставаться вполнѣ безучастными къ побѣдѣ въ Англіи виговъ, побѣдѣ, благодаря которой открытый врагъ нашего отечества уступилъ мѣсто Гладстону.— Уильямъ Эвертъ Гладстонъ, назначенный уже королевой Викторіей на постъ премьера (и вмѣстѣ перваго лорда казначейства) сынъ богатаго Ливерпульскаго купца, родился 2 декабря 1809 г. Политическую карьеру свою Гладстонъ началъ очень рано. блистательно окончивъ курсъ въ Оксфордскомъ университетѣ, онъ уже 23 лѣтъ отъ роду былъ избранъ въ члены палаты общинъ отъ Ньюуэрка и почти тотчасъ же, благодаря талантамъ своимъ, замѣченный Робертомъ Пилемъ, получилъ высшее назначеніе. Такъ, уже въ 1835 году мы видимъ Гладстона въ должности товарища статсъ-секретаря (то есть министра), давшей ему возможность выказать, въ полномъ блескѣ, ораторскія способности свои, основательное классическое образованіе и глубокія политико-экономическія познанія. Вначалѣ, по своимъ политическимъ воззрѣніямъ, онъ принадлежалъ къ партіи торіевъ. Въ 1852 году онъ уже занималъ постъ канцлера казначейства въ кабинетѣ Эбердина, который оставилъ въ 1855 г., вслѣдствіе столкновенія изъ за билля о войскахъ, внесеннаго въ парламентъ радикаломъ Ребокомъ. Сойдя съ политической арены, Гладстонъ отдался литературѣ, и именно къ этому времени относится извѣстное сочиненіе его о Гомерѣ. Въ 1865 г. онъ снова явился въ парламентъ, въ качествѣ либеральнаго члена за южный Ланкашайръ. Съ этой поры онъ становится безспорнымъ и признаннымъ вождемъ партіи виговъ и въ этотъ же самый періодъ парламентской дѣятельности опредѣляется и устанавливается вполнѣ его соперничество съ Дизраэли (нынѣшнимъ лордомъ Биконсфильдомъ). Въ февралѣ 1868 г. во главѣ правительства сталъ Дизраэли, но уже въ ноябрѣ того же года Гладстонъ ниспровергъ его, такъ какъ вигамъ удалось побѣдить торіевъ въ одномъ изъ вопросовъ о

господствующей церкви и 9 Декабря глава либераловъ составилъ, подъ своимъ предсѣдательствомъ, министерство изъ лордовъ Грэнвилля, Кларендона и Гартингтона и мистера Брайта и нѣкоторыхъ другихъ выдающихся членовъ партіи. 6 лѣтъ своего правленія (1868—1874 г.) Гладстонъ, главнымъ образомъ, посвятилъ дѣламъ внутреннимъ, выказавъ себя геніальнымъ финансистомъ. Въ дѣлахъ иностранной политики онъ преслѣдовалъ принципъ невмѣшательства, котораго, между прочимъ, придерживался, но только формально, въ 1870 году, во время франко-германской войны. Говоримъ „формально", потому что внѣшній нейтралитетъ едва прикрывалъ симпатію къ французамъ. Въ эту бѣдственную для близкихъ сосѣдей и союзниковъ Англіи (въ царствованіе Наполеона III) эпоху, англійскія фабрики дѣятельно снабжали ихъ боевыми снарядами. Происходило это до такой степени ясно, что прусскій посланникъ Бернсторфъ обратился съ нотой. Въ 1874 году снова взяли верхъ торіи, господствовавшіе до настоящаго времени подъ главенствомъ Дизраэли.

Этотъ „Биконсфильдовскій" періодъ слишкомъ хорошо извѣстенъ намъ, русскимъ, чтобы возвращаться къ нему. Скажемъ только, что Гладстону, защитнику угнетенныхъ балканскихъ славянъ, онъ доставилъ новую славу и новую силу въ общественномъ мнѣніи Англіи, призвавшемъ снова его къ дѣламъ. Въ ту минуту, когда мы пишемъ, онъ не имѣлъ времени приступить къ осуществленію своей програмы, насколько она относится къ внѣшней политикѣ, но до нѣкоторой степени, главныя основы политики этой уже стали извѣстны: Гладстонъ стоитъ за свободное и нестѣсняемое развитіе славянскихъ государствъ на Балканскомъ полуостровѣ; онъ не желаетъ неизбѣжнаго, повсюду, вмѣшательства Англіи и можно надѣяться, что остальное человѣчество отдохнетъ, наконецъ, отъ вездѣсущихъ, до сихъ поръ „англійскихъ интересовъ".

Померкшая звѣздочка.

Разсказъ.

Я занимаю мѣсто органистки въ маленькой церкви св. Марты въ Сильвермерѣ, небольшомъ уединенномъ городкѣ, лежащемъ въ десяти миляхъ на сѣверъ отъ Лондона. Положеніе неблестящее, но я довольна. Тридцать фунтовъ ежегодно и квартира совершенно меня удовлетворяютъ. Есть у меня и нѣсколько ученицъ. Въ приходѣ всѣ меня любятъ и уважаютъ. Притомъ же я получила аттестатъ за успѣхи въ музыкѣ, а на каминѣ красуются двѣ бронзовыя медали и лавровый вѣнокъ.

Кажется можно бы быть счастливой и довольной. Нѣтъ, грустное въ моемъ положеніи именно то, что мнѣ некого порадовать своими трофеями, развѣ своихъ маленькихъ ученицъ и мою дѣвочку-служанку.

Судьба забросила меня далеко отъ родины и я совершенно одна. Но и въ этой жизни я все же нахожу свою долю радостей. Я люблю свою церковь и ея древнія гробницы. Я съ участіемъ выслушиваю длинный прозаическій разсказъ стараго кистера о семействѣ де-Ласи, старая хоругвь которыхъ до сихъ поръ хранится въ церкви. Люблю я этихъ краснощекихъ дѣтей, которыя собираются по пятницамъ въ церковь и заучиваютъ псалмы и пѣсни, чтобы пропѣть ихъ во время воскреснаго богослуженія. Но болѣе всего люблю я свой старый органъ, не смотря на то, что одна его труба играетъ всегда тономъ выше и я уже стараюсь ее избѣгать. Педаль столѣтняго ветерана совсѣмъ истерлась и болѣе не отвѣчаетъ, а одинъ изъ мѣховъ такъ странно звучитъ, точно органъ страдаетъ удушьемъ, и это всегда заставляетъ дѣтей смѣяться и теряется эффектъ самыхъ блестящихъ пассажей. Все это однако, не отвлекаетъ меня отъ моего любимаго занятія и я люблю свой органъ.

Лѣтомъ Сильвермеръ очень пріятное мѣсто и въ эту пору я не скучаю и чувствую себя почти счастливой. Притомъ же у меня бываетъ столько развлеченій: продолжительныя прогулки въ лѣсу и по берегу рѣки, ухаживаніе за моимъ садикомъ, цвѣтами котораго я украшаю свою комнату и наконецъ занятія музыкой. Зимою другое дѣло; хотя дни проходятъ довольно сносно за чтеніемъ книгъ въ уютномъ и тепломъ уголкѣ возлѣ камина, но вечера, эти длинные темные вечера навѣваютъ на меня страшную тоску и свѣтлое пламя камина теряетъ всю свою прелесть когда сидишь такая одинокая.

Въ день новаго года мнѣ бываетъ особенно грустно. Тутъ-то именно и приходятъ воспоминанія стольких ясныхъ, веселыхъ дней, проведенныхъ въ кругу родныхъ, друзей и знакомыхъ. Ко всѣмъ въ городкѣ пріѣзжаютъ лондонскіе друзья и всѣ вокругъ меня веселятся, только я постоянно одна.

Кажется и мнѣ самой страннымъ, какъ я ни съ кѣмъ не подружилась въ городѣ. Ректоръ всегда добръ и ласковъ, но его жена говоритъ со мною какъ-то свысока, а прочая наша маленькая аристократія—семейства адвокатовъ, судей и чиновниковъ слѣдуютъ ея примѣру. Съ семействами мелкихъ купцовъ я не схожусь уже по своей винѣ и выходитъ, что у меня тутъ нѣтъ ни знакомыхъ, ни друзей.

Я знаю, во мнѣ нѣтъ ничего привлекательнаго, я не умѣю нравиться. Я не хороша собою и не общительна, и конечно немудрено, что не найдется никого, кто бы полюбилъ меня.

Но не всегда же такъ. Это было уже давно. Въ Англіи я жила четвертый годъ и второй годъ какъ въ Сильвермерѣ. Въ то время я была еще молода и не такъ некрасива, но блѣдная и такая же молчаливая какъ теперь. И органъ тоже не такъ страшно еще шипѣлъ.

Въ первый разъ я увидала его въ церкви. Какъ хорошо я это помню! Это было въ концѣ лѣта, дни стояли чудесные, тихіе, свѣтлые. Сейчасъ должна была начаться вечерня и я уже брала первые аккорды, какъ кто-то изъ дѣтей шепнулъ мнѣ: „Посмотрите, какой-то новый господинъ у насъ въ церкви.

Незнакомецъ у насъ въ церкви—событіе немаловажное, привлекающее на себя болѣе вниманія, чѣмъ какая бы то ни было проповѣдь.

Я, конечно, должна была остановить дѣвочку, строго ей замѣтила, чтобы она не разговаривала въ церкви и продолжала гимнъ.

— Но, миссъ, онъ точно французъ или турокъ.

Это уже были шалость и непослушаніе, которыхъ я допустить не могла; я задернула занавѣсъ и постаралась сдѣлать сердитое лицо.

— Сарра Вильсонъ, сказала я маленькой ослушницѣ, садись на мѣсто и слѣди за службой. Ты не должна обращать вниманіе на присутствующихъ.

Сарра Вильсонъ послушалась, но я должна сознаться, что и я провинилась въ томъ, за что сердилась на дѣвочку, такъ какъ только что началась проповѣдь, я не могла устоять противъ искушенія и заглянула за занавѣсъ.

Онъ сидѣлъ у алтаря и я ясно видѣла его блѣдное лицо и большіе темные глаза. Дѣти сочли его французомъ или туркомъ, вѣроятно судя по его длиннымъ усамъ. Очень умное лицо и мнѣ почему то пришло на мысль, что онъ должно быть большой любитель музыки.

Я съ особеннымъ тщаніемъ выбрала пьесу для конца богослуженія и стала играть ее съ такимъ воодушевленіемъ, что вовсе забыла о незнакомцѣ. Когда же я нечаянно взглянула внизъ, то увидѣла его со вниманіемъ смотрящаго на органъ. Собравъ ноты, я оглянулась снова, но его уже не было въ церкви.

Всѣ послѣдующіе дни до воскресенья, я положительно только объ немъ и думала и такъ свыклась съ мыслью, что онъ снова придетъ, что вовсе не удивилась, когда въ воскресенье увидѣла его въ церкви—онъ пришелъ раньше всѣхъ.

На этотъ разъ онъ не удовольствовался только музыкой, но дождался когда я сошла внизъ, подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Позвольте поблагодарить васъ за наслажденіе. Такаго исполненія уже давно я не слыхалъ.

Я покраснѣла, поклонилась и ушла, но слова его долго еще раздавались у меня въ ушахъ; я сама на себя сердилась, что объ немъ столько думаю, но его взглядъ и мягкій голосъ удивительно на меня подѣйствовали. Такъ прошло нѣсколько воскресеній, всякій разъ онъ со мною заговаривалъ; все это время я жила только этими еженедѣльными встрѣчами и только объ нихъ и думала.

Въ одно утро мы съ нимъ встрѣтились на берегу рѣки и стали разговаривать. Оказалось, это былъ писатель. Онъ много путешествовалъ и разсказывалъ о странахъ, въ которыхъ ему приходилось бывать. Я его слушала какъ въ счастливомъ снѣ. Мнѣ еще не случалось слышать такой умной, мастерской рѣчи. Онъ хотѣлъ дать мнѣ прочесть книгу, имъ написанную, обѣщалъ ее принести на другой день, на то же мѣсто, гдѣ мы встрѣтились. Мнѣ не хотѣлось этаго, но онъ меня уговорилъ и я согласилась.

Не стану распространяться о нашихъ прогулкахъ, о его упоительныхъ для меня рѣчахъ. Книги его были однако слишкомъ серьезны для меня, и я просиживала вечера надъ ними, стараясь ихъ понять и усвоить и думая какъ бы пріобрѣсть его дружбу. Да, только дружбу. О любви между нами не было и рѣчи. А между тѣмъ я его любила. Можетъ быть это было и глупо, и по дѣтски. Но ничего не было удивительнаго въ томъ, что я полюбила перваго, кто выказалъ мнѣ участіе. Я была такъ молода и одинока.

Наступила зима съ дождями и снѣгами, и прогулки прекратились; то были скучные дни для меня, такъ какъ свиданія наши сдѣлались очень рѣдки. Затѣмъ настало Рождество, онъ сказалъ мнѣ, что долженъ уѣхать къ своимъ друзьямъ въ Лондонъ и простился со мною по обыкновенію съ вѣжливою холодностію. Отойдя немного, онъ однако опять вернулся, сказалъ что пріѣдетъ къ новому году, и тутъ онъ въ первый разъ поцѣловалъ мою руку! Это былъ первый знакъ его расположенія. Хотя и прежде я замѣчала, что онъ ко мнѣ не совсѣмъ равнодушенъ, но проблески эти были такъ рѣдки и скоропреходящи, что нельзя было основываться на нихъ. Но этотъ поцѣлуй, этотъ горячій поцѣлуй руки! Я торопилась домой и тамъ цѣловала—цѣловала то мѣсто, къ которому прикоснулись его милыя губы.

Теперь я не припомню сколько прошло дней между рождествомъ и послѣднимъ днемъ того стараго года. Я ходила какъ

во снѣ. Все казалось мнѣ измѣнившимся. Люди пріятнѣе, дни свѣтлѣе, даже мой собственной голосъ показался мнѣ лучше.

Наконецъ вотъ уже 31 декабря. Завтра я его увижу! Отъ этой мысли сердце мое стало усиленно биться. Мнѣ такъ хотѣлось привѣтствовать этотъ день, предвѣщавшій мнѣ золотую будущность, что я рѣшила не спать, чтобы услышать бой полночи.

Ночь была очень холодна. Домикъ мой стоялъ въ самомъ концѣ города. Я опустила сторы, поправила огонь въ комнатѣ и усѣлась читать. Но напрасно, мысли мои были далеко и я никакъ не могла сосредоточиться на чтеніи. Непонятное безпокойство овладѣло мною; чѣмъ ближе время подвигалось къ полночи, тѣмъ я становилась тревожнѣе. Вдругъ я почувствовала что онъ близко и задрожала. Я не слыхала никакого шума, ничто не предвѣщало мнѣ его прихода, однакоже я знала, что онъ тутъ, подъ окномъ. Непонятно, что за таинственное предчувствіе руководило мною. Я подошла къ окну, отдернула занавѣсъ и дѣйствительно не ошиблась,—онъ былъ тамъ и тихо звалъ меня по имени.

Я открыла окно и наклонилась къ нему.

— Я сказалъ, что буду къ новому году, проговорилъ онъ безпокойнымъ и упавшимъ голосомъ. Сейчасъ наступитъ новый годъ. Я пріѣхалъ издалека, чтобы повидаться съ тобою, и проститься.

Я хотѣла говорить но голосъ мнѣ не повиновался.

— Я получилъ извѣстіе, продолжалъ онъ, о болѣзни моего брата на Мадейрѣ; объ этомъ братѣ я говорилъ тебѣ. Мнѣ нужно ѣхать, но съ первымъ пароходомъ ты получишь отъ меня извѣстіе. Мнѣ нужно было переговорить съ тобою до отъѣзда; я не могъ уѣхать и не сказать тебѣ, что я сердечно тебя люблю. Слышишь-ли? Бьетъ полночь!

Торжественно и ясно раздавались звуки колокола церкви св. Марты, среди тихой ночи.

— Алиса, раньше чѣмъ кончится годъ, скажи мнѣ, любишь ли ты также меня.

— Люблю,—было тихимъ отвѣтомъ.

— Я скоро вернусь, Алиса, обѣщаешь ли ты быть моею невѣстой?

— Обѣщаю.

Онъ ухватился за близстоящее деревцо и поднялся къ окошку, у котораго я стояла.

— Къ утру я долженъ быть въ Лондонѣ, карета ждетъ меня на улицѣ, поцѣлуй меня на прощанье, радость моя.

Я склонилась низко и поцѣловала его въ первый и послѣдній разъ. Онъ весело пожелалъ мнѣ счастливаго года, соскользнулъ на землю и изчезъ во мракѣ...

Не знаю сколько времени я простояла у открытаго окна, но когда я оглядѣлась въ комнатѣ, огонь въ каминѣ уже совершенно потухъ.

Мнѣ остается очень мало прибавить къ этому разсказу. Обѣщанное письмо не пришло. Дни проходили за днями и уносили съ собою надежду увидѣть его когда нибудь. Такъ наступилъ канунъ новаго года. Я сидѣла одна въ своей одинокой комнаткѣ, я была слишкомъ несчастна, чтобы плакать. Мнѣ подали письмо; почеркъ мнѣ былъ незнакомъ. Что-то говорило мнѣ, что оно касается того, кого я люблю. Я со страхомъ вскрыла печать и прочла: „М. Г. мнѣ поручено извѣстить Васъ о кончинѣ г. Б., умершаго по дорогѣ въ Мадейру, дорогою на пароходѣ“.

И такъ канунъ новаго года былъ самымъ счастливымъ и остался самымъ несчастнымъ днемъ моей жизни. И звѣздочка моя померкла.

Политическое обозрѣніе.

Вели-Магометъ.—Гошенъ замѣняетъ Лейарда въ Константинополѣ.—Албанцы, Боснія и Герцеговина.—Болгарія.—Князь Бисмаркъ.

Возмутительное дѣло убіенія подполковника Куммерау, повидимому, получитъ, наконецъ, естественный исходъ свой: Вели-Магометъ не признанъ коммисіей докторовъ сумасшедшимъ (не безъ вліянія, можетъ быть, тутъ оказалось новое назначеніе „доктора“ Гладстона) и военный судъ единогласно приговорилъ его къ смертной казни.—Изъ другихъ событій въ Константинополѣ, или, вѣрнѣе, въ Турціи, самымъ выдающимся является, конечно, отозваніе сэра Лейарда отъ поста англійскаго посланника при Портѣ. На мѣсто его назначенъ новый англійскій распорядитель турецкими дѣлами, извѣстный финансистъ Гошенъ. Предполагаютъ, что кромѣ спеціальнаго назначенія своего, новый уполномоченный будетъ принимать нѣкоторое (!) участіе и въ финансовомъ вѣдомствѣ турецкой имперіи, но, кромѣ того, какъ передаютъ, онъ снабженъ довольно широкими инструкціями, относительно другихъ внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ Порты. Такъ, ему, будто-бы, предоставлено поддерживать увеличеніе территорій Черногорскаго княжества, уступку Эпира и Ѳессаліи Греціи, преобразованіе Македоніи въ автономную провинцію, на подобіе Восточной Румеліи и оказать возможное содѣйствіе къ прекращенію притѣсненій христіанскаго населенія Арменіи. По слухамъ, С.-Джемскій кабинетъ имѣетъ основанія надѣяться на то, что со стороны Германіи и Австріи не будетъ препятствій къ такой дѣятельности Гошена въ Турціи. Все это, однако, пока только слухи, хотя и указываютъ, что Гладстонъ намѣренъ относиться къ Турціи не менѣе деспотически, чѣмъ предшественникъ его, лордъ Биконсфильдъ. Не легко, однако, будетъ Гошену справиться съ вопросомъ увеличенія территоріи Черногорскаго княжества, если будетъ стремиться, во чтобы то ни стало, произвести увеличеніе это на счетъ албанцевъ. Эти послѣдніе окончательно и рѣшительно объявили себя противъ дальнѣйшаго отторженія малѣйшаго клочка земли ихъ. Недавно происходило собраніе вождей и именитыхъ людей арнаутскаго племени. На этомъ собраніи, главную роль играли родовой князь албанцевъ Бибъ-Додъ-Пренкъ и глава албанскихъ мусульманъ, Хода-бей, посѣдѣвшій въ бояхъ воинъ и одно изъ вліятельнѣйшихъ лицъ въ Албаніи—арнауты объявили, что если султанъ предастъ ихъ черногорцамъ, то они, въ свою очередь, отступаютъ отъ султана и будутъ защищать страну свою противъ всѣхъ и всего. Мусульмане и католики высказали полное единодушіе; купцы тутъ же заявили о своей готовности помочь общему дѣлу родины значительными денежными суммами, и, въ заключеніе, турецкое знамя было сорвано и замѣнено народнымъ албанскимъ, изображающимъ льва на красномъ полѣ. Собраніе тутъ же избрало двухъ главнокомандующихъ войсками лиги — отъ мусульманъ Хода-бея, а отъ христіанъ—князя Пренка. Турецкій губернаторъ Скутари сдалъ городъ войскамъ лиги и туда же вскорѣ прибылъ Пренкъ во главѣ отряда въ 2 тысячи человѣкъ. Князь Николай выставилъ на границѣ обсерваціонный корпусъ въ 18 батальоновъ. Кровопролитіе, вѣроятно, скоро начнется,.. Къ чему повторять, при этомъ, вполнѣ естественное, но уже избитое обращеніе къ благодѣтельному Берлинскому трактату?... Немного сдѣлано этимъ трактатомъ и для благосостоянія номинально-турецкихъ провинцій Босніи и Герцеговины. Оказывается, что прежній порядокъ внутреннихъ тяжелыхъ отношеній между мусульманскими бегами и христіанами-райями нисколько не измѣнился къ лучшему; а напротивъ укрѣпился и процвѣтаетъ вполнѣ. Австрійское правительство не сдѣлало ни шагу ни къ обезпеченію быта безземельныхъ райевъ, ни, даже, къ защитѣ ихъ отъ притѣсненій и поборовъ ихъ исконныхъ угнетателей землевладѣльцевъ-беговъ. Оно не приступало къ реформѣ въ системѣ поземельнаго владѣнія. По словамъ самихъ австрійскихъ же газетъ,—въ этихъ провинціяхъ все осталось по прежнему. Беги, опираясь на правильно организованное австрійское управленіе, съ большимъ успѣхомъ добываютъ недоимки съ своихъ крестьянъ, т. е. райи. На дняхъ, депутація этихъ беговъ имѣла аудіенцію у императора Франца-Іосифа, которому заявила о вѣрноподданническихъ чувствахъ элемента угнетателей и притѣснителей въ Босніи и Герцеговинѣ.

Въ Болгаріи, либеральное министерство Занкова оказывается непрочнымъ, по причинѣ разногласія между членами его. Занковъ никогда не былъ редикаломъ обладая дѣйствительно недюжинными способностями и тактомъ правителя, онъ всегда, въ дѣйствіяхъ своихъ, руководствовался цѣлесообразностью и теперь ставитъ общее дѣло выше борьбы партій, относясь съ уваженіемъ и къ консерваторамъ. Совершенную противоположность ему составляютъ товарищи его: министръ финансовъ Каравеловъ и министръ внутреннихъ дѣлъ Гузелевъ; оба они—исключительно люди партіи, интересы которой для нихъ важнѣе интересовъ государства. Они руководствуются, какъ по отношенію къ дѣламъ внутреннимъ, такъ и къ дѣламъ внѣшней политики только узкими цѣлями партіи. Отсюда и являются поводы къ безчисленнымъ ссорамъ и спорамъ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще ничего не сдѣлано въ пользу мусульманскихъ эмигрантовъ, терпящихъ не мало въ теперешнемъ положеніи своемъ.

Въ Англіи, въ настоящее время, происходятъ повѣрочные выборы. На должность вице-короля индійскаго, вмѣсто графа Литтона, назначенъ маркизъ Рипонъ, который, на дняхъ, уже выѣзжаетъ въ Индію.

Мы уже говорили о борьбѣ, происходящей теперь въ германскомъ парламентѣ между имперскимъ канцлеромъ съ одной стороны, и вароднымъ представительствомъ германскимъ, съ другой. Католическая партія центра—противъ него, точно также противъ него и націоналъ-либералы. Ему уже съ трудомъ удается проводить предлагаемыя имъ мѣры. Иногда и не удается. Замѣчательный, лучше сказать, одинъ изъ величайшихъ государственныхъ людей нашего столѣтія, создавшій грандіозное зданіе германской имперіи тратитъ теперь силы часто на мелкую борьбу. Даже и эта желѣзная натура не можетъ выдержать. Онъ самъ высказалъ то въ рѣчи, произнесенной недавно въ рейхстагѣ. „Только воля императора, сказалъ князь, удерживаетъ еще меня на мѣстѣ моемъ. Когда я вижу, съ какими препятствіями мнѣ приходится бороться за единство имперіи, я ощущаю желаніе спокойствія. Если могущество центра признаютъ непреоборимымъ, то пусть изберутъ министерство, которое соотвѣтствовало бы желаніямъ центра и консерваторовъ. Я усталъ, усталъ до смерти, видя, что мои стремленія постоянно разбиваются о препятствія, такъ какъ либера-

(Продолженіе на стр. 389, 390, 391 и 392).

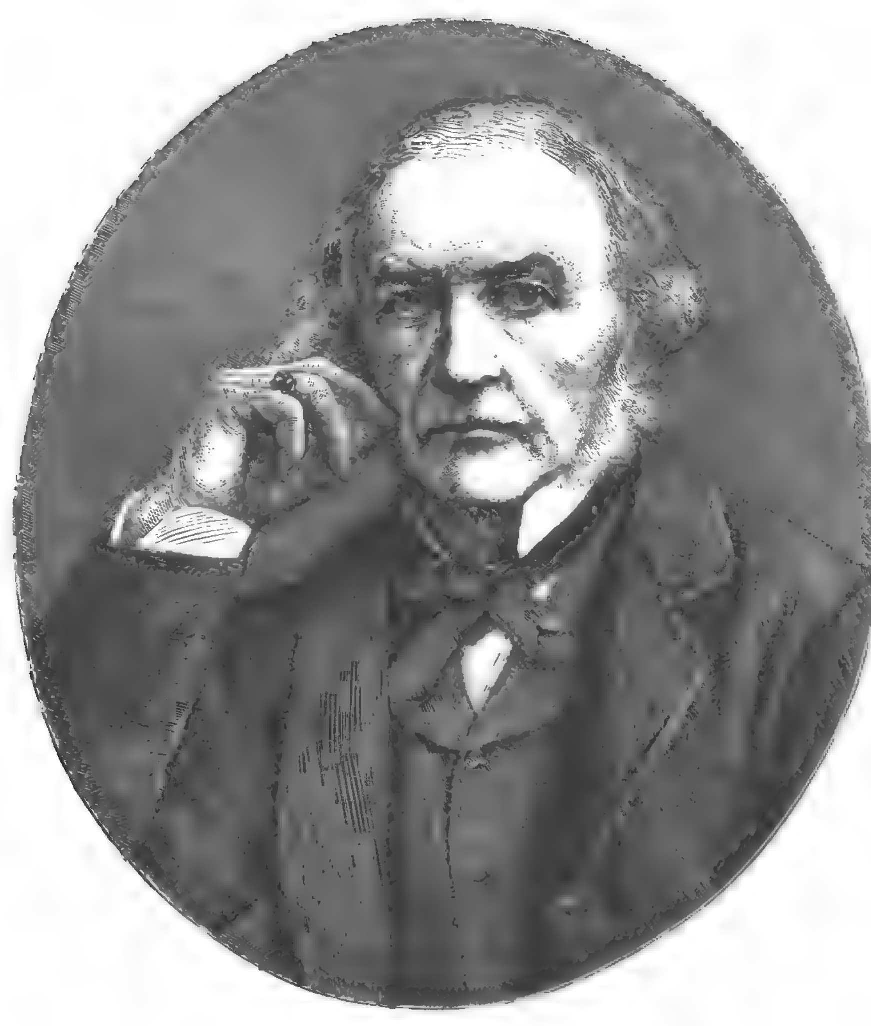
лы не хотятъ уступить въ мелкихъ вещахъ, когда дѣло идетъ о существованіи имперіи. Не требуйте моего содѣйствія тамъ, гдѣ каждый считаетъ себя въ правѣ колебать основы имперіи.“ Бисмарка безъ власти—мы еще кое-какъ можемъ себѣ вообразить, но едва ли можно предполагать, чтобъ Германской имперіи было удобно остаться теперь безъ Бисмарка...

Разныя извѣстія.

Между картинами, выставленными въ нынѣшнемъ году въ парижскомъ „Salon“, находятся нѣсколько произведеній нашихъ соотечественниковъ: „Жертвы исторіи“ Свѣдомскаго, картина сенсаціонная; „Похороны ребенка въ Финляндіи“ Эдельфельда. О выставленной у насъ въ прошломъ году картинѣ „Битва при Грюнвальденѣ“ Яна Матейко, одинъ изъ лучшихъ парижскихъ художественныхъ критиковъ, г. Альбертъ Вольфъ, отозвался очень строго, —онъ ее сравнилъ съ ковромъ, поврежденнымъ молью. Не обошлось и безъ довольно крупной непріятности: австрійскій художникъ, г. Коссакъ, недовольный отведеннымъ мѣстомъ для его картины, вырѣзалъ изъ рамки свое произведеніе, оставивъ только одно дерево.

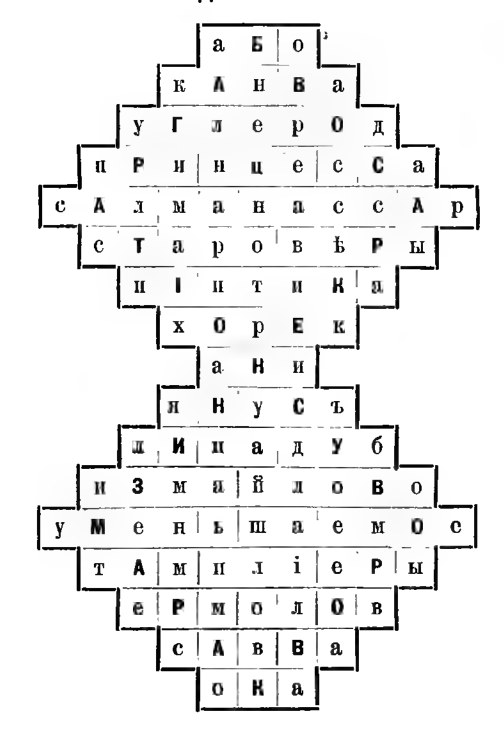
Помолвка дочери Александра Дюма. Александръ Дюма даетъ въ приданое своей дочери 350,000 фр. и оставляетъ ей по завѣщанію такую же сумму послѣ своей смерти. Состояніе Дюма опредѣляютъ въ два милліона франковъ, не считая его картинъ и другихъ художественныхъ богатствъ. Женихъ Колеты Дюма, г. Липманнъ, сынъ богатаго банкира, компаньона фирмы Аллегри, а самъ занимаетъ мѣсто директора оружейной фабрики въ Сентъ-Этіенѣ. Для того, кто знаетъ Дюма, не покажется удивительнымъ фактъ довольно странный, что извѣстный писатель не далъ своимъ дѣтямъ никакого религіознаго воспитанія, для того, чтобы предоставить имъ свободный выборъ, когда они будутъ въ состояніи узнать и понять различныя религіи. Самъ Дюма причисляетъ себя къ католикамъ, жена его, рожденная Нарышкина, православная, но обѣ дочери не избрали до сихъ поръ къ какой церкви онѣ хотятъ принадлежать. Женихъ же дѣвицы Дюма—Липманнъ еврейскаго исповѣданія.

Призъ за открытіе сѣверо-восточнаго прохода, опредѣленный 268 лѣтъ тому назадъ. Въ 1611 году нидерландскіе генеральные штаты постановили, что мореплаватель, которому удастся открыть сѣверо-восточный проходъ, получитъ въ вознагражденіе 25,000 флориновъ (приблизительно 75,000 руб.). Такъ какъ названное постановленіе не было отмѣнено, то рождается вопросъ: не имѣетъ ли профессоръ Норденшильдъ права потребовать отъ нидерландской казны приза, ассигнованнаго генеральными штатами 268 лѣтъ тому назадъ.

Гладстонъ. Глава новаго англійскаго министерства.
Съ фотогр. грав. Шмидтъ

Рѣшеніе задачи слоговъ № 32.

Б а г р а т о н, С у в о р о в.

К а р а м з и н, Н е к р а с о в ъ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы. **Спб**, отъ гг.: Гребе, О. С., Свищовой, Меллеръ-Закомельской, Зейме, Хорохова, Щяпятникова. Маруси, Есиповича, Карпова, Морозова, Мошкова, Яшкина, Орлова, Куницына, Васютинскаго, Емельянова, Рейхель, Андрушевской, Данкманъ, Берь, Д. Б...го, Паншинъ, Григоровича, Львова, Каро, Волкова, Журавлева, Жаннинъ-Перро, Завадскихъ, Н. М., Петрова, С. Я. У., Коробочки, Нинишъ, Уфимцевой, Копылова, Агамбаева, Лели, Вильсонъ, Пашутина, Охтянки, Кетчеръ, Домонтовичъ, Назарова, Андреева, Чураева; **Москва**—Головнина, А. Х—ва, Татаркина, Минофьева, Тахда, Голубицкаго, Окоева, Адамовича, Коржавиныхъ, Щ—ва, Дробишъ, Игнатьева, Симонова, Травиной, Полозова, Жданова, Зѣвакина, Гилль, Шугурова, Пересадько, Кожевникова, Руси, Кремеръ, Рисова, Матвѣева, Корешкова, Аверьяновой. Безикъ, Пунирникова, Дулинъ-Форкати, Лодыгина, Щеглова, Смирнова, Коробкина; **Петергофъ**—Лимаренко; **Царское село**—Ивановa, Базилевской; **Кронштадтъ**—Григорьева, Ковалева, Чахлина, Даржана, Сокольникова; **Кострома**—Шевелева, Овсова; **Ефремовъ**—Попе; **Раненбургъ**—Адольфа; **Роман.-Борисоглѣб**—Островской; **Верея**—Соловьева, Митюшина; **Рязань**—Шумовыхъ; **ст. Цвѣтково**—Олѣпушкиной; **Борисглѣбскъ**—Лѣстова, Ширяева; **село Гагарино**—Серновскаго; **Ростовъ на Дону**—Петрова; **Маріуполь**—Камбурова; **Ставрополь**—Ермакова; **Херсонъ**—Малофѣева, Діакова; **Самара**—Ц-кова; **Бобруйскъ**—Крицкова; **Софія**—Прокофьева; **Старый Осколъ**—Свиндерской, Богданова, **м. Носовка**—Короткевича; **с. Ира**—Куличенко; **Новочеркаскъ**—Кирсанова; **Землянка**—Радченко; **Юрьевъ**—Ялопа; **Кіевъ**—Кобеца, Сима, Алексѣева, Карпека, Балабина, Демьяновскаго; **Черниговъ**—Успенскаго, **Полтава**—окальсаго, **Евдаково**—Базилевскаго, **Тула**—Петрикѣевой; **Калуга**—Жданова, **Н. Новгородъ**—Ананьина, Е. Г., Соболева; **Смоленскъ**—Шемякина, **Вологда**—Ростиславова, Савинова, **Харьковъ**—Губскаго, Четверикова, Бремера, Голоякина, **Курскъ**—Зайцева, **Холмъ**—Савлука, **Тверь** Ляпунова, **Дрисса**—Навроцкаго; **Сувалки**—Кудрявцева, **Одесса**—Нечая, Волохова, Роговскаго, **Тамбовъ**—Мошкова, **Коломна**—Кельшъ, **Серпуховъ**—Иконникова, **Ростовъ Яр.**—Хранилова, **Гомель**—В Крас., **Псковъ**—Чмутова, Лисенкова, **Вильна**—Олавскаго, Гавенвинкель, Стефановича, **Ржевъ**—Мыльникова-Глушкова, **Свенцяны**—Пестреченко,

Издатель **А. Ф. Марксъ**. Редакторъ **Ф. Бергъ**.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

НОВАЯ КНИГА въ книжныхъ магазинахъ Петербурга: у Исакова, Вольфа, для иногородныхъ; въ Одессѣ у Дейбнера:

РУССКІЙ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Слова, реченія и разговоры на русскомъ, италіянскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Съ приложеніемъ **Таблицы для перевода русскихъ денегъ на иностран. и обратно.** Составилъ и издалъ **А. Д. Замыцкій.** Карманный форматъ, 412 стр. въ 16° въ переплетѣ. **Цѣна 1 р. 50 к, съ пересыл 1 р. 70 k.**

СПЕЦІАЛИСТЪ ОПТИЧЕСКИХЪ ОЧКОВЫХЪ СТЕКОЛЪ.

ОПТИКЪ И МЕХАНИКЪ

И. Я. УРЛАУБЪ,

ТОРГУЮЩІЙ ПОДЪ ФИРМОЮ

Г. ШТРАУСЪ.

№ 44. Невскій проспектъ, противъ Гостинаго двора. **№ 44.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Симъ доводитъ до свѣдѣнія почтеннѣйшей публики, что прейсъ-курантъ его магазина, спеціально на оптическіе и частью механическіе, математическіе и хирургическіе предметы и инструменты, по востребованію высылается **безплатно** какъ гг. городскимъ, такъ и иногороднымъ покупателямъ во всѣ города Россійской Имперіи.

№ 733 3—1

ОТЪ ЗАГАРА

МОЛОКО РИСОВЫХЪ ЦВѢТОВЪ.

Рисовое молоко принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ средствамъ, которыя имѣютъ благотворное дѣйствіе на кожу, оно уничтожаетъ загаръ, предохраняетъ отъ веснушекъ и способствуетъ ихъ уничтоженію, придаетъ кожѣ особенную бѣлизну и нѣжность.

Цѣна за флаконъ **1 р.** съ перес. **1 р. 75 к.**

МАГАЗИНЪ А. РУЗАНОВА,

Гостинный дворъ № 40, С.-Петербургъ.

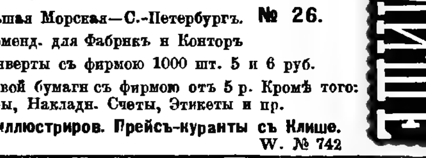
№ 741 2—1

КОММЕРЧЕСКАЯ СКОРОПЕЧАТНЯ

ЛИТОГРАФІЯ, ГРАВЕРНАЯ, ГАЛЬВАНОПЛАСТИКА

О. Б. МАЙ.

№ 26. Большая Морская—С.-Петербургъ. **№ 26.**

Рекоменд. для Фабрикъ и Конторъ

англійскія конверты съ фирмою 1000 шт. 5 и 6 руб.

500 листовъ почтовой бумаги съ фирмою отъ 5 р. Кромѣ того: Циркуляры, Накладн. Счеты, Этикеты и пр.

Спеціальность: **иллюстриров. Прейсъ-куранты съ Клище.**

W. № 742

ДЛЯ ПРОВИНЦІИ!

Съ пересылкою.

Пальто резинковое штатское.	по 15 руб.
Гевелокъ также.	„ 17 „
Тальма дамская	„ 13 „
Пальто для гг. военныхъ съ пуговицами и петлицами.	„ 21 „

цѣны эти съ укладкою и пересылкою по почтѣ.

Мы имѣемъ эти пальто изъ **самой лучшей матеріи** и ручаемся **вполнѣ** за доброе качество и прочность пальто, купленныхъ у насъ. Пальто не подходящіе мы беремъ обратно.

Мѣра. При заказѣ просимъ обозначить: **длину пальто и ширину груди.**

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ГЛАВНОЕ ДЕПО РЕЗИНОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ

ЛИМАНА и РИКСА

Въ С.-Петербургѣ, по Гороховой улицѣ, домъ № 16.

Прим. Пальто, изготовленныя изъ менѣе хорошей матеріи стоютъ 30% дешевле. Mt. № 619 10—8

ВЫШЛА МАЙСКАЯ КНИЖКА

„СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ."

Терновый замокъ, Луи Ульбаха (окончаніе). — **Паровой домъ**, Жюля Верна.—**Трагическое наслѣдство**, Констана Геру.—**Безутѣшная**, Бенжамена Барбе (съ предисловіемъ Александра Дюма, сына).—**Угрызенія доктора**, разсказъ Жоржа Вотье.

Кромѣ романа, оконченнаго въ этой книгѣ, въ нынѣшнемъ году окончены еще три: **Сломанный вѣеръ**, Арсена Гуссе; **Намѣренія мистера Стюарта**, Ф. Робинсона: **Слѣды на снѣгу**, Доры Россель.

Къ печати приготовлено: **ГВАРАНИСЪ**, Густава Эмара. **СПРЯТАННОЕ ЗОЛОТО**, Френка Баррета. **ДѢТИ ГЕРЦОГА**, Энтони Троллопа. **ВОЛКАНЪ ВО ЛЬДУ**, Жюля Гро. **ПРЕСТУПЛЕНІЕ МАРСЬЯЛЯ**. Луи Ульбаха.

Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 12 книгъ **большаго формата** выходящихъ всегда въ началѣ мѣсяца и составляющихъ въ годъ около **пяти тысячъ** страницъ, безъ доставки **десять руб. пятьдесятъ коп.**, съ доставкою въ С.-Петербургѣ—**одиннадцать руб.**, для иногородныхъ подписчиковъ—**двѣнадцать.** Подписка принимается **исключительно** на имя издательницы **Елисаветы Николаевны Ахматовой**, въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ.

Подписка продолжается. Выдаются всѣ вышедшія книги съ № 1-го.

При редакціи открыта книжная торговля. **Каталогъ высылается безплатно.** № 732 1—1

ВЫШЛИ ДВѢ НОВЫЯ КНИГИ.

1 **„Не клевещите на молодежь".** Соч. кн. Мещерскаго. Ц. 20 коп.

2 **О современной Россіи по рукописи иностранца.** Томъ 1 **Старое и новое** Ц. 1 р. Томъ 2 и 3-й выйдутъ въ маѣ и іюлѣ. Изд. кн. В. Мещерскаго.

Принимается подписка на дешевое и общедоступное изданіе весьма красиваго „Сборника военныхъ разсказовъ", три большаго формата тома сто рисунковъ и картинъ. Цѣна 4 р. Первый томъ вышелъ; у издателя С.-Петербургъ, Сергіевская № 51.

Тамъ же принимаются заявленія о желаніи получать всѣ новыя брошюры и сочиненія кн. В Мещерскаго. немедленно по выходѣ ихъ въ свѣтъ, съ веденіемъ адресовъ въ книгу, и съ пересылкою на счетъ издателя. Разчетъ производится 3 раза въ годъ, по присылкѣ счетовъ. **Всѣ заявленія и желающіе заявить о вышеизложенномъ по адресу пользуются на всякую новую книгу изд. кн. В. Мещерскаго уступкою 25% противъ продажной цѣны. Кн. В. Мещерскій.** № 715 2—2

НАСТОЯЩІЯ ЯГОДНЫЯ И ФРУКТОВЫЯ

ВОДЫ

и „РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ"

ФАБРИКИ Н. П. ЛАНИНА,

Москва, Москворѣцкій мостъ, собс. домъ.

NB. Избѣгать поддѣлокъ.

№ 670 5—1

ГАЛЬМАНИНЪ.

Послѣ многочисленныхъ опытовъ мнѣ удалось составить счастливую смѣсь (Гальманинъ) предотвращающую совершенно прѣніе частей тѣла, въ особенности же прѣніе ножныхъ пальцевъ. Въ короткое время средство это сдѣлалось извѣстнымъ во всемъ краѣ. **Въ составъ его входятъ средства совершенно безвредныя; онъ не задерживаетъ потъ, но поглощаетъ его, образуя мелкіе микроскопическіе кристаллы;** эти-то качества и даютъ ему преимущество надъ средствами до сихъ поръ употребляемыми въ Германіи и Франціи.

Гальманинъ своимъ дѣйствіемъ, осушая части тѣла, прѣніе ихъ дѣлаетъ невозможнымъ; посему лицамъ, принужденнымъ много ходить, средство, мною изобрѣтенное, можетъ оказать величайшую услугу. Довольно натереть Гальманиномъ разъ въ нѣсколько дней прѣющія части, помощью ваты, полотна или кисточки, чтобъ избѣгнуть тѣхъ непріятныхъ послѣдствій, какимъ бываютъ подвержены лица, принужденныя долго ходить въ лѣтніе, жаркіе дни.

☞ **Ручаясь вполнѣ за дѣйствительность изобрѣтеннаго мною Гальманина**, что подтверждаютъ многочисленные опыты варшавскихъ врачей, **смѣю обратить вниманіе публики, дабы она остерегалась подлоговъ и покупала Гальманинъ только въ коробочкахъ снабженныхъ моею фирмою.** ☜

Склады Гальманина находятся во всѣхъ аптекахъ, а также у дрогистовъ въ значительнѣйшихъ городахъ Европы. Главное депо въ моей аптекѣ въ Варшавѣ. Большая коробочка Гальманина 50 к.; меньшая коробочка 30 к.

В. Карпинскій.

Магистръ фармаціи, владѣлецъ аптеки въ Варшавѣ, ул. Електоральная, № 35 (новый). № 586 12

ИГРА ВЪ ПЯТНАДЦАТЬ

Новѣйшая американская головоломка, очень занимательная для каждаго. Въ иностранныхъ газетахъ пишутъ о ней слѣдующее:

Новая **„игрушка"**, которой **„New York Herald"** посвятилъ 4-го марта полтора огромнѣйшихъ, тѣснонечатанныхъ столбца и которая приводитъ весь городъ Нью-Іоркъ въ лихорадочное напряженіе уже въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль. Матеріалъ игрушки стоитъ немного и состоитъ изъ четыреугольнаго ящичка, въ которомъ находятся пятнадцать нумерованныхъ деревянныхъ кубиковъ. Шестнадцатое поле пустое и потому возможно передвигать кубики. Задача заключается въ томъ, чтобы играющій старался передвиганіемъ безпорядочно перемѣшанные кубики размѣстить опять правильно, не вынимая кубики. Сначала дѣло кажется легкимъ, но рѣшеніе задачи требуетъ все таки много соображенія и терпѣнія. Описаніе газеты „Herald" о волненіи, которое произвела игра „Въ пятнадцать" весьма интересно. Этотъ листокъ получаетъ ежедневно сотни писемъ о ней и повсюду и всѣ играютъ въ пятнадцать".

Продается въ складѣ резиновыхъ товаровъ россійско-американскаго резиноваго магазина

КОНСТАНТИНА МАЛЬМЪ

№ 36. Большая Морская, возлѣ магазина Штанге, домъ № 36.

☞ Предостерегаютъ публику отъ плохихъ подражаній, поступившихъ въ продажу со стороны. ☜

Игрушка самаго лучшаго качества высылается во всѣ мѣстности Россійской Имперіи по 1 руб. за экземпляръ съ доставкою. Гг. торговцамъ дѣлается соотвѣтственная скидка.

К № 740.

МАГАЗИНЪ И. Э. МИЛЬКЪ

Больш. Морская, д. № 39, на углу Вознесенскаго пр.

Отдѣленіе для хозяйственныхъ принадлежностей предлагаетъ къ наступающему лѣтнему сезону большой выборъ практичныхъ вещей по умѣреннымъ, но рѣшительнымъ цѣнамъ, какъ-то:

Умывальники, ванны, полуванны, купальные аппараты (новой системы) ведра, кувшины, лаханки цинковыя, биде, переносные ватерклозеты, кровати складные и матрацы, кровати съ проволочнымъ плетеніемъ (чрезвычайно удобныя для дачъ), офицерскія и дорожныя кровати, дѣтскія коляски, садовая мебель складная, желѣзная и деревянная, садовые и пожарные насосы, садовыя ножницы и ножи, самодѣйствующій аппаратъ для стирки бѣлья, выжималки для бѣлья, угольные утюги, водоочистительныя машинки англійскія высшій сортъ, котлетныя машинки, машинки для колотья сахара, мороженницы, маслянки, спиртовые кофейники, чайники, сливочницы, сахарницы изъ Британскаго металла, столовые, кухонные и перочинные ножи, точилки для ножей, топоры американскіе, сухарницы, подносы, новый аппаратъ для приготовленія жаркого, паровые поваренные котлы изъ бессемеровой стали, хозяйственные вѣсы, дачные фонари, пробочники, ножницы и пр. и пр.

Желѣзная луженая и эмальиров. кухонная посуда. № 702. 7—4.

ЛИТЛЬ ВАНЦЕРЪ.

Настоящая американская швейная машина, ручная и ножная, извѣстна какъ лучшая для семейнаго употребленія. Кромѣ того, машины для портныхъ, сапожниковъ, модистокъ, бѣлошвейныхъ и дргихъ мастерскихъ.

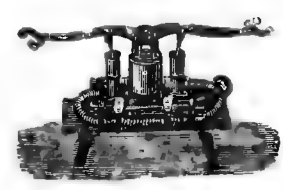
Машины для плойки плиссе.

ЦѢНЫ САМЫЯ УМѢРЕННЫЯ.

Главный складъ въ С.-Петербургѣ у Б. Г. теръ-Браке. Невскій проспектъ № 11, на углу Малой Морской. № 616 12- 6.

РУССКАЯ ПОЖАРНАЯ ТРУБА

Товарищества БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ,

самая дешевая, прочная и простая, когда либо существовавшая и поэтому особенно рекомендуемъ ее частнымъ пожарнымъ обществамъ, помѣщикамъ, желѣзнодорожнымъ обществамъ, земствамъ, фабрикантамъ и пр. Она изготовлена до того просто, что каждый можетъ ее, въ случаѣ надобности, разобрать, осмотрѣть клапаны и снова ихъ собрать, требуя для этого лишь нѣсколько минутъ. Всѣ части до того прочны, что выдерживаютъ давленіе въ 12 атмосферъ.

Насосъ этотъ выбрасываетъ неимовѣрно сильную непрерывную струю воды на разстояніи 14 саженей въ количествѣ 600 ведеръ въ часъ и требуетъ всего отъ 2—4 человѣкъ прислуги. Цѣна трубы 115 р. с. съ 4 арш. всасыв. и выбрасывающ. рукавами, брандспойтомъ и ключами.

РУССКІЙ ОГНЕТУШИТЕЛЬ

Товарищества Буркгардтъ и Урлаубъ,

для тушенія пожаровъ въ зачаткахъ и для поливки цвѣтовъ и растеній. Въ особенности рекомендуемъ для дачъ, жилыхъ комнатъ, амбаровъ, пароходовъ, вагоновъ и т. п. Русскій огнетушитель бросаетъ ровную, непрерывную струю воды на разстояніи около 6-ти саженей, причемъ тушитъ керосинъ, смолу и т. п., не требуя для своего дѣйствія много воды. Онъ изященъ, простъ, проченъ и легокъ. Цѣна 20 р. с.

РУЧНОЙ ГОРИЗОНТАЛЬНЫЙ НАСОСЪ ЧЕЛЕНСЪ

для тушенія пожаровъ, орошенія полей и огородовъ, выкачиванія воды изъ ямъ, погребовъ и подваловъ, для наполненія высоколежащихъ баковъ и т. п. Онъ отличается простотою, прочностью, легкимъ вѣсомъ, дешевизною и полезнымъ дѣйствіемъ. Насосъ № 5 выбрасываетъ 1000 ведеръ въ часъ на разстояніи 14 саженъ, съ сильнымъ напоромъ и требуетъ для своего дѣйствія всего 4 человѣка. Цѣна 160 р. с. включая всѣ рукава, брандспойтъ и ключи.

БРИДЖСГОРДСКІЙ ПОДВОДНЫЙ НАСОСЪ

для подъема воды изъ глубокихъ колодцевъ. Отличается простотою и прочностью и большимъ полезнымъ дѣйствіемъ; не требуетъ никакихъ набивокъ и смазыванія и разъ установленъ, никакаго присмотра; не замерзаетъ зимою и легокъ на ходу.

НОВЫЙ НАСОСЪ ФАУЛЕРА

служитъ для выкачиванія навозной жижи, густыхъ веществъ, нечистотъ, воды и подымаетъ около 480 ведеръ въ часъ. Онъ удобенъ для переноски, легокъ, разбирается на части, проченъ и дешевъ; приводится въ дѣйствіе безъ особыхъ предварительныхъ приготовленій, и не требуетъ для своего дѣйствія укрѣпленія или установки, а просто опускается въ предназначенное для выкачки мѣсто. Цѣна 28 р. с., съ трубами для подъема на вышину 3 арш. 6 верш.

Всѣ вышеупомянутые насосы можно получить изъ нашихъ складовъ:

Въ Петербургѣ, Васильевск. Островъ, 1-я линія, № 14.
„ **Москвѣ,** Мясницкая, д. Сытова.

Кромѣ того имѣются постоянно въ складѣ:
всякаго рода насосы ручные и паровые для разныхъ цѣлей, земледѣльческія орудія и машины, паровыя машины, локомобили знаменитаго завода „Горнсби и сыновья" и пр. № 713 2—2

АМЕРИКАНСКІЯ КАПЛИ И ЭЛЕКСИРЪ

ПРОТИВЪ ЗУБНОЙ БОЛИ.

Ипполита Маевскаго.

Главное депо у дрогистовъ **Рульковіусъ и Гольмъ.**

Казанская, уголъ Демидова переулка, № 27

а продажа у Штоль и Шмидта, Оскаръ Гертхенъ, Рузанова, Саблукова, Сафронова, Линде, въ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами и у всѣхъ аптекарей. Цѣны каплямъ, безъ запроса, напечатаны на каждомъ флаконѣ эликсира. Покупающіе оптомъ получаютъ соотвѣтствующую скидку. Kl. № 684 5—4

Только что вышелъ изъ печати и продается во всѣхъ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ.

УЧЕБНИКЪ ПѢНІЯ,

одобренный совѣтомъ профессоровъ С.-Петербургской Консерваторіи **Императорскаго** Русскаго музыкальнаго общества.

Составилъ **Н. К. Бронниковъ.** Цѣна 2 руб. 50 k. Руководство приспособленное к самообученію, съ распредѣленіемъ ежедневныхъ занятій по урокамъ и съ приложеніемъ вокализовъ со словами. Иногородные благоволятъ обращаться съ требованіями къ составителю. Моховая № 15, собств. домъ. Mt. № 735

Ручательство за свѣжесть и

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ
НАТУРАЛЬНЫХЪ
МИНЕРАЛЬНЫХЪ ВОДЪ

въ аптекарскомъ магазинѣ

ГЕТЛИНГЪ и Комп.

ВЪ МОСКВѢ,

Петровка, д. Матвѣева.

№ 734 **Отправка во всѣ города Россіи.** 2—1

доброкачественность водъ.

ВЪ МАГАЗИНѢ ЧАСОВЪ

ПАВЛА БУРЕ

поставщика Высочайшаго Двора Невскій просп. № 23 въ С.-Петербургѣ.

ЗОЛОТЫЕ МУЖСКІЕ ЧАСЫ

собственной фабрики:

Анкерные на 15 камняхъ закрытые въ 75, 80, 85 р. с. (смотря по вѣсу золота въ корпусѣ).
Такіе же 1-го сорта въ 90, 95, 100 рублей.
Такіе же высшаго достоинства отъ 125 до 175 рублей.
Анкерные на 15 камняхъ закрытые, заводящіеся безъ ключа отъ 135 до 175 рублей
Такіе же высшаго достоинства отъ 200 до 400 руб.

Ручательство на 2 года.

Къ часамъ заводящимся ключемъ прилагается золотой ключъ.

Пересылка на счетъ магазина. № 730

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ КАРЛА РИККЕРА

въ С.-Петербургѣ, Невскій просп. № 14.

Пр ся сочиненія Директора Императорскаго С.-Петербургскаго Ботаническаго Сада

Д-ра Э. РЕГЕЛЬ.

Содержаніе и воспитаніе растеній въ комнатахъ. 2 тома. 1878—1879 г.—6 рублей, въ перепл. 7 руб.
Однолѣтнія и двухлѣтнія цвѣтущія растенія. Изд. 2-е. 1874 г.—1 руб.
Земляника, ея содержаніе въ нашемъ климатѣ и описаніе годныхъ для нашего климата сортовъ. Изд. 3-е 1874 г.—40 коп.
Малина, ея разведеніе и содержаніе. 1866 г.—15 коп.
Смородина, ея разведеніе и содержаніе. Изд, 2-е, 1870 г.—30 коп.
Путеводитель по Императорскому С.-Петербургскому Ботаническому Саду. 1873 годъ—50 коп.
Популярное наставленіе къ русскому плодоводству. 1875 годъ—50 коп.
Общія правила разбивки садовъ въ климатѣ Средней Россіи. 50 коп.
Русская Дендрологія. Выпускъ 1—5. 3 р. 20 k. № 730

М. МОРГЕНШТЕРНЪ.

Большая Морская, д. Лауферта № 27.

ДЕПО АМЕРИКАНСКИХЪ ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ

всѣхъ системъ, какъ-то: Зингера отъ 50 до 60 р., Гау 50—60 р., Гровера и Бекера 65 85 р., Вилера и Вильсона 45—75 р., и друг. для семействъ и мастерскихъ.

Спеціальныя машины для портныхъ, сапожниковъ, сѣдельник., каретник. и пр. отъ 60—250 р.

Вязальныя машины новѣйшихъ и лучшихъ конструкцій.

Большой выборъ ручныхъ машинъ всѣхъ системъ: Зингера отъ 38 до 45 р., Гау, 30 р. Гровера и Бекера 45—65 р., Гамильтонъ 35—43 руб., Линкольнъ 28 р., Вашингтонъ 32 р., Литле, Ванцеръ 25 руб., Ренанія 35 р., Экспресъ 15 р.

Письменная гарантія отъ 2 до 6 лѣтъ. Обученіе въ помѣщеніи или на дому безплатно; починка машинъ всѣхъ системъ; большой выборъ швейныхъ принадлежностей какъ-то: иголокъ, катушекъ, нитокъ, шелку и пр. по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Для гг. иногородныхъ покупателей принимаю ручательство за хорошую доставку машинъ; за упоковку ничего не считается. Машины для складыванія плиссе большой форматъ 20 руб. № 581 1

ВАЖНО ДЛЯ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

Франкфуртскія молотилки системы Вейла.

Должны быть вездѣ, гдѣ молотятъ. Это самыя лучшія, прочныя извѣстныя, дешевыя машины этаго рода. Всякій работникъ можетъ ихъ поставить, каждый поденьщикъ можетъ (ими пользоваться) съ ними справиться, каждый кузнецъ можетъ ихъ починить.

Машины эти, съ чистильщикомъ или безъ него, доставляются на каждую желѣзнодорожную станцію. Самой малой величины молотилка стоитъ только 76 рублей. По письменному требованію иллюстрированный каталогъ у **МОРИЦА ВЕЙЛА** младшаго.

Машинная фабрика въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ (въ Германіи).

Корреспонденція по русски.

Ptr. № 652 18—4

При этомъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ прейсъ-курантъ отъ чайнаго магазина Ольги Корещенко въ Москвѣ.

Дозволено цензурою СПБ. 8 мая 1880 г. Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. Балашева, Адмир. пр. № 10.

XI годъ | № 20 | годъ XI | 1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 17 Мая 1880 г.

Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Могила храбрыхъ. Памятникъ павшимъ въ дѣлѣ при Сендзіовицѣ (Петроковск. губ.) 14 августа 1863 г. Съ наброска рис. Н. Каразинъ, грав. Флюгель.

Могила храбрыхъ.

Очеркъ

Н. Б—ва.

Ихъ моютъ дожди, осыпаетъ ихъ пыль
И вѣтеръ колышетъ надъ ними ковыль...

А. Пушкинъ.

I.

25-го сентября 1874 года въ ясный день, близь маленькой деревеньки Сендзіовицъ (Петроковск. губ.) замѣчалось необычайное движеніе. Двигались гремя баттареи; блестя оружіемъ, ѣхали глуховскіе драгуны, развѣвались красные плюмажи и зеленѣли мундиры общества Пабіаницкихъ стрѣлковъ, которые шли съ музыкой и распущеннымъ знаменемъ. Мѣстные крестьяне и крестьянки толпились на выгонѣ близь кладбища, къ которому и направлялось все шествіе.

Тамъ, у подножія монумента, вышиною сажени въ три, уже стояли депутаты отъ частей войскъ Варшавскаго округа—товарищи ихъ принимали участіе въ славномъ дѣлѣ, которое увѣковѣчивалъ памятникъ. Затѣмъ показалась небольшая кучка всадниковъ—то былъ начальникъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, по прибытіи котораго торжественно отслужена была панихида по убіеннымъ героямъ и затѣмъ при звукахъ „Коль славенъ" загремѣли салютаціонные выстрѣлы артиллеріи и стрѣлковаго общества и войска прошли мимо освящаемаго памятника павшимъ товарищамъ-героямъ, церемоніальнымъ маршемъ.

Но кому же оказаны были эти почести? Кто эти герои?

На большой мраморной доскѣ изображены имена всѣхъ чиновъ отряда, бывшаго подъ командою четырехъ офицеровъ лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка (шт.-ротм. Граббе, кн. Урусова, поручика Витмейера и корнета Ермолова) и старшины Маноцкова. Прекрасный барельефъ изображаетъ моментъ аттаки косиньеровъ—дѣла, въ которомъ сложили наши герои свои удалыя головы.

II.

Въ началѣ этаго 1874 года привелось мнѣ однажды провести вечеръ, изъ тѣхъ, которые не забываются. Я именно былъ у одного изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ участниковъ славнаго боя, когда раздался звонокъ и оказались прибывшими къ своему бывшему начальнику—съ которымъ вмѣстѣ пережили опи такія ужасныя и памятныя минуты—трое раненыхъ молодцовъ-линейцевъ. Они были въ Петербургѣ проѣздомъ, направляясь на родину. Надо было видѣть выраженіе, озарявшее эти славныя, мужественныя, загорѣлыя лица, глубокую сердечную радость встрѣчи, слезы, навернувшіяся у этихъ сдержанныхъ, загрубѣлыхъ, искалѣченныхъ людей. Одинъ изъ нихъ сохранилъ саблю, принадлежавшую хозяину квартиры гдѣ мы находились, другой его прострѣленное кепи... Помнится, съ молодцами случилось несчастіе: пропалъ на желѣзной дорогѣ мѣшокъ, гдѣ были ихъ скромныя сбереженія. Нечего говорить, что бывшій начальникъ пріютивъ ихъ у себя, на другой же день исхлопоталъ представленіе своихъ героевъ-товарищей высокимъ лицамъ и линейцы глубоко растроганные тѣмъ, какъ были приняты, были съ большимъ избыткомъ вознаграждены въ ихъ потерѣ. Тутъ то впервые, въ перекрестномъ разговорѣ припоминаній и распросовъ, ознакомился я съ дѣломъ Сендзіовицъ. Такія дѣла у насъ легкомысленно и скоро предаютъ забвенію, а говорить о нихъ должно, дабы хранила Русь память тѣхъ, кто доблестно и упорно бился за ея дѣло, свято вѣрный своему долгу и обязанностямъ.

III.

Возстаніе 1863 г. было тогда въ самомъ разгарѣ. Война давно уже приняла партизанскій характеръ и отряды наши разъѣзжали по всей странѣ, разыскивая и преслѣдуя мятежныя шайки.

Въ 8 ч. утра отъ деревни Острова подвигался отрядъ всадниковъ человѣкъ въ 40. День былъ ясный, лошади бодро выступали насторожививъ уши, слышался топотъ копытъ, лязгъ оружія, и легкая пыль вилась по дорогѣ. То была команда охотниковъ, посланная флигель-адъютантомъ полковникомъ Клодтомъ для розысканія и преслѣдованія партіи Бентковскаго. Красиво и свободно сидя въ сѣдлѣ, опустивъ повода, молодой начальникъ отряда штабъ-ротмистръ Граббе разговаривалъ съ ѣхавшимъ съ нимъ рядомъ, вторымъ въ отрядѣ по старшинству, поручикомъ того же Гродненскаго гусарскаго полка Витмейеромъ *).

Граббе не было еще и 25 лѣтъ. Съ 18 лѣтъ онъ служилъ на Кавказѣ въ кавалеріи и въ пѣхотѣ, лазилъ съ охотниками на Гунибъ, командовалъ нѣсколько мѣсяцевъ пластунами и считался счастливцемъ, котораго пуля не беретъ и котораго всѣ любили. Открытый, прямой, хладнокровно храбрый—при этомъ симпатичный и красивый, онъ казалось соединялъ въ себѣ все, чего можетъ желать человѣкъ и конечно не думалъ, какая судьба ожидала его такъ скоро. Что касается его товарища, то, такъ какъ о живущемъ лицѣ вообще говорить трудно, можно сказать только, что генералъ-маіоръ Витмейеръ считается однимъ изъ талантливѣйшихъ и достойнѣйшихъ нашихъ офицеровъ.

Вся эта кучка блестящихъ, молодыхъ офицеровъ и молодцовъ казаковъ, свободно и спокойно шла охотою на трудное и опасное дѣло, что они конечно знали, и что не замедлило оказаться.

По дорогѣ Граббе и Витмейеръ поочередно распрашивали встрѣчныхъ крестьянъ о бандѣ. Думали что она коней въ 1000.

— Человѣкъ 60—100 будетъ, отвѣчаютъ.

Отрядъ сдѣлалъ 100 верстъ въ 20 часовъ.

— Пожалуй наткнемся на банду? заговорилъ Граббе.

— Намъ надо ѣхать и извѣстить отрядъ.

— Но могутъ быть раненые—оставить ихъ нельзя.

— Въ европейской войнѣ можно оставить эти кавказскіе предразсудки.

— Какая же это европейская—и здѣсь раненые могутъ быть изрублены.

Подъѣхали къ деревнѣ.

— Давно проходили повстанцы? Здѣсь останавливались?

— Съ полчаса, отвѣчаютъ, только забрали овесъ. Значитъ кормятъ невдалекѣ.

— Рысью, маршъ!

Черезъ четверть часа въ деревнѣ Комостки произошло недоразумѣніе. Граббе въѣхалъ на помѣщичій дворъ для распросовъ о бандѣ. Витмейеръ же, замѣтивъ на горѣ конный пикетъ, послалъ извѣстить Граббе, а самъ, желая напасть врасплохъ, поскакалъ только съ пятью линейцами въ карьеръ на пикетъ. Завизжали пули. Въ селеніи съ горы Витмейеръ увидѣлъ еще человѣкъ 100 повстанцевъ кормившихъ коней, и бросился „въ шашки". Банда не выдержала неожиданности и побѣжала передъ *пятью линейцами* *).

Подскакалъ Граббе. „Я посылалъ къ тебѣ!"—Я никого не видѣлъ!—„Значитъ Ермоловъ не догналъ. Здѣсь вся банда Тачановскаго!"

Ужасное извѣстіе. Что было дѣлать?

Въ полуверстѣ къ югу отъ Комостокъ темнѣлъ лѣсъ. Поляки, пользуясь минутной нерѣшительностью отряда, готовились аттаковать его. Раздавались частые выстрѣлы... Были уже ранены...

Наступила рѣшительная минута.

IV.

— Ваше высокоблагородіе! обратились линейцы къ Граббе, прикажите не уходить. Мы своихъ раненыхъ не оставимъ. Умремъ а не оставимъ.

— Стройся! крикнулъ Граббе.

Между тѣмъ инсургенты получили подкрѣпленіе и пошли въ аттаку. Съ пронзительнымъ гикомъ казаки бросились впередъ и отбили ее. Отбили и двѣ слѣдующія. Но мало по малу отрядъ начали окружать, сперва на флангахъ а затѣмъ отъ лѣса. Прорваться было невозможно; дѣйствовать въ конномъ строю маленькому отряду противъ 1000 чел. было нельзя. Спѣшились наши охотники и приготовились къ смерти. Граббе былъ спокоенъ, какъ всегда, говорилъ медленно и внятно, совѣтовалъ не горячиться и не терять зарядовъ и самъ изрѣдка стрѣлялъ. „Тутъ была эта хладнокровная, чисто русская храбрость, говоритъ очевидецъ. Почти всѣ были заняты дѣломъ и суровыя физіономіи не выражали ничего, кромѣ желанія скорѣе зарядить винтовку или выбрать цѣль. Только на нѣкоторыхъ, самыхъ молодыхъ лицахъ, выказывалось смущеніе, испугъ, но не на долго. Мало по малу и они сосредоточенно занялись дѣломъ". Сендзіовицъ лежитъ въ котловинѣ. Бой шелъ въ концѣ селенія у амбаровъ. Держались, отстрѣливаясь, болѣе часу. Поляки не разъ бросались въ аттаку—гробовое молчаніе и выстрѣлы—и они кидаются назадъ. Но пули все же дѣлали свое дѣло; число раненыхъ и убитыхъ увеличивалось.

Ближайшій нашъ отрядъ былъ въ 30 верстахъ, противникъ въ 40 разъ сильнѣе. И падали бойцы. 17 лѣтній Ермоловъ контуженъ въ голову, 60 лѣтній старикъ Маноцковъ раненъ въ ногу, урядникъ Кобызевъ раненый отстрѣливался. Послѣ двухъ легкихъ ранъ въ руку и ногу, лицо Граббе не потеряло спокойствія.

Уже болѣе часа дрались около хлѣбныхъ амбаровъ. Вдругъ одно изъ сосѣднихъ строеній, подожженное поляками, задымилось, затѣмъ другое, съ противоположной стороны, и наконецъ, и то ничтожное прикрытіе, за которымъ были наши герои, скоро очутившіеся среди дыма и пламени — жара была невыносимая и гибель неизбѣжная. Отъ горящихъ сараевъ отошло уже всего 25 человѣкъ и изъ нихъ иные были ранены. На открытомъ мѣстѣ, подъ страшнымъ огнемъ, окруженные массою кавалеріи, наши дрались какъ львы и не сдавали ни шагу.

Горсть охотниковъ нашихъ передвинулась шаговъ на 200 на кладбище и чтобы менѣе терпѣть отъ сыпавшихся кругомъ пуль, раздвинулась и шла медленно, шагъ за шагомъ. Два польскіе

*) Одинъ изъ немногихъ, оставшихся въ живыхъ изъ отряда, потомъ профессоръ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, въ послѣднюю войну начальникъ штаба Балтійской береговой обороны, нынѣ генералъ-маіоръ.

*) „Р. Инв." Д. п. Сендз. № 208—1863 года.

эскадрона бросились на нихъ въ карьеръ. Бойцы наши опять сомкнулись, залегли въ канаву — но шагахъ въ 15 эскадроны повернули назадъ и выстрѣлы грянули имъ въ догонку. Кладбище было занято нашими, которые засѣли за ветхимъ заборомъ, и сохраняя грозный видъ готовности къ отпору, не отвѣчая на выстрѣлы, молча смотрѣли какъ ихъ разстрѣливали. Другаго слова и подобрать нельзя.

Граббе и Витмейеръ сидѣли, прислонясь къ забору. Пули пробивали доски надъ ихъ головами, люди умирали въ страшныхъ мученіяхъ, безъ капли воды, среди самаго знойнаго дня, мучимые жаждой. И ни одного крика, ни стона! Одинъ линеецъ, смертельно раненый, видя, что у Витмейера нѣтъ патроновъ, вынулъ свои, передалъ начальнику—и умеръ! Граббе привсталъ и вдругъ пуля сразила его, впившись въ желудокъ. Ноги отнялись. Онъ слабымъ голосомъ подозвалъ Витмейера, сдалъ ему команду, просилъ написать отцу, отдалъ записку съ своими мелкими долгами и главное просилъ новаго начальника позаботиться о раненыхъ.

— Ну, теперь прощай, я умираю!.. закончилъ онъ.

Прошло еще полчаса; невыносимая жажда мучила всѣхъ. Граббе лежалъ на рукахъ Витмейера, страдая невыразимо, но молчалъ. Въ отдаленіи показался отрядъ пѣхоты, человѣкъ въ 400. Съ нашей стороны способныхъ для боя осталось человѣкъ 7. Мы не будемъ слѣдить, минута за минутой, за этимъ удивительнымъ боемъ. Вскорѣ между непріятельскими рядами раздалась команда не стрѣлять. Тѣмъ не менѣе, кавалерія бросилась къ кладбищу, пѣхота пододвинулась къ самой оградѣ, и тутъ, не выдержавъ, казаки дали нѣсколько несчастныхъ выстрѣловъ и масса коссіонеровъ очутилась на кладбищѣ. Нѣсколько выстрѣловъ, рядъ проклятій, стоны и густой лѣсъ косъ, потрясаемыхъ въ воздухѣ: вотъ во что обратилось кладбище. На оставшихся въ живыхъ подняли косы, но какой то молодой полякъ бросился между сражавшимися, отстраняя своихъ и самъ получилъ четыре удара. Затѣмъ онъ и еще двое другихъ бросились въ самую середину кровавой сѣчи и остановили рѣзню.

Израненные, на половину искалѣченные, взяты были наши герои. Такъ кончилось это памятное дѣло, о которомъ сами поляки впослѣдствіи говорили, что только спартанцы могли такъ драться. „Если бы каждый изъ враговъ нашихъ, говорилъ одинъ изъ участвовавшихъ линейцевъ, бросилъ на насъ только по горсткѣ земли, то они надъ нами насыпали-бы могилу“.

Раненые перенесены были на мызу. Несчастный Граббе умеръ не вдругъ, а только послѣ пятидневныхъ, нестерпимыхъ мученій. Довольно сказать, что обращаясь къ Витмейеру, онъ— такой человѣкъ—какъ милости, просилъ себя застрѣлить.

— Ты ли это говоришь!

— Нѣтъ застрѣли меня, я ужасно страдаю.

У него лобъ былъ изрубленъ, правая щека разсѣчена, одна рука изсѣчена саблей, кисть лѣвой руки отрублена вовсе...

Теперь все это уже исторія и справедливость требуетъ здѣсь заявить, что по показанію нашихъ раненыхъ плѣнниковъ, поляки обращались съ ними съ уваженіемъ и предупредительностью, которые нашихъ, — ждавшихъ, конечно, что ихъ разстрѣляютъ или повѣсятъ — очень удивило. Пребываніе же въ плѣну нашихъ раненыхъ и обстоятельства, при которыхъ они вернулись на родину, не относятся къ нашему разсказу. И на Сендзіовичскомъ кладбищѣ высится теперь только этотъ простой памятникъ, которому каждый русскій поклонится съ понятными чувствами—почтивъ памятное мѣсто, гдѣ проливали кровь наши мужественные, дорогіе бойцы.

Королевичъ Владиславъ.

Историческая повѣсть

(1618 г.)

В. Политковскаго.

(Продолженіе).

VI.

Стоялъ осенній вечеръ, такой теплый и ясный, въ воздухѣ пахло скорѣе лѣтомъ, чѣмъ осенью. Разорванныя въ клочья лиловыя облака лѣниво ползли надъ лѣсомъ, который еще сохранилъ листву: эта пора особенно цѣнится охотниками. Невозмутимая лѣсная тишь нарушилась звуками охотничьяго рога, за тѣмъ раздался хрустъ валежника и на поляну выѣхалъ всадникъ на прекрасномъ ворономъ конѣ; хвостъ и грива коня были бѣлые, что при богато убранномъ чепракѣ, сѣдлѣ и уздѣчкѣ съ золотой насѣчкой, придавали этому коню какой-то фантастическій видъ. Всадникъ, очевидно не русскій, также отличался красотой и богатствомъ одежды: на немъ былъ алый бархатный камзолъ, на мѣху, обшитый золотымъ галуномъ, высокіе сапоги съ серебряными шпорами и шапочка съ четыреугольнымъ немного спущеннымъ на одинъ бокъ дномъ, а на другомъ боку алмазной пряжкой было прикрѣплено бѣлое страусовое перо. Кривая турецкая сабля, карабинъ и пара пистолетовъ въ чушкахъ у сѣдла, да кинжалъ за поясомъ составляли вооруженіе этаго охотника, а черезъ плечо висѣлъ на вышитой жемчугомъ перевязи блестящій мѣдный рогъ, въ который онъ по временамъ трубилъ сборъ. Красивое молодое лицо, съ небольшими закрученными усиками, разрумянилось отъ быстрой ѣзды, глаза съ нетерпѣніемъ и легкимъ безпокойствомъ озирались кругомъ; по всему было замѣтно, что онъ заблудился въ совершенно незнакомой ему сторонѣ. Вдали послышался отвѣтный сигналъ рога и черезъ нѣсколько минутъ, съ другой стороны лѣса выѣхалъ еще всадникъ на сѣрой лошади, въ такомъ же костюмѣ какъ и первый, но камзолъ былъ зеленый съ серебряными шнурами на груди.

Поравнявшись, всадники заговорили по польски.

— Гдѣ же наша свита, Станиславъ?.. мы вѣрно заблудились въ этомъ безконечномъ лѣсу: я напрасно проскакалъ больше часа за лосемъ, который скрылся отъ меня вонъ въ томъ болотѣ; да и ты кажется не счастливѣе меня?..

— Твоя правда, Владиславъ, мы брошены на произволъ судьбы и всякихъ случайностей въ незнакомой и враждебной сторонѣ... но я этимъ не очень-то огорченъ... напротивъ я доволенъ... ты знаешь мою страсть къ романическимъ приключеніямъ, отвѣчалъ послѣ прибывшій охотникъ, съ самымъ веселымъ и беззаботнымъ лицомъ, еще безусый юноша лѣтъ девятнадцати.

— Это отлично и дѣйствительно очень романично... засмѣялся первый охотникъ —Но куда же ѣхать?..

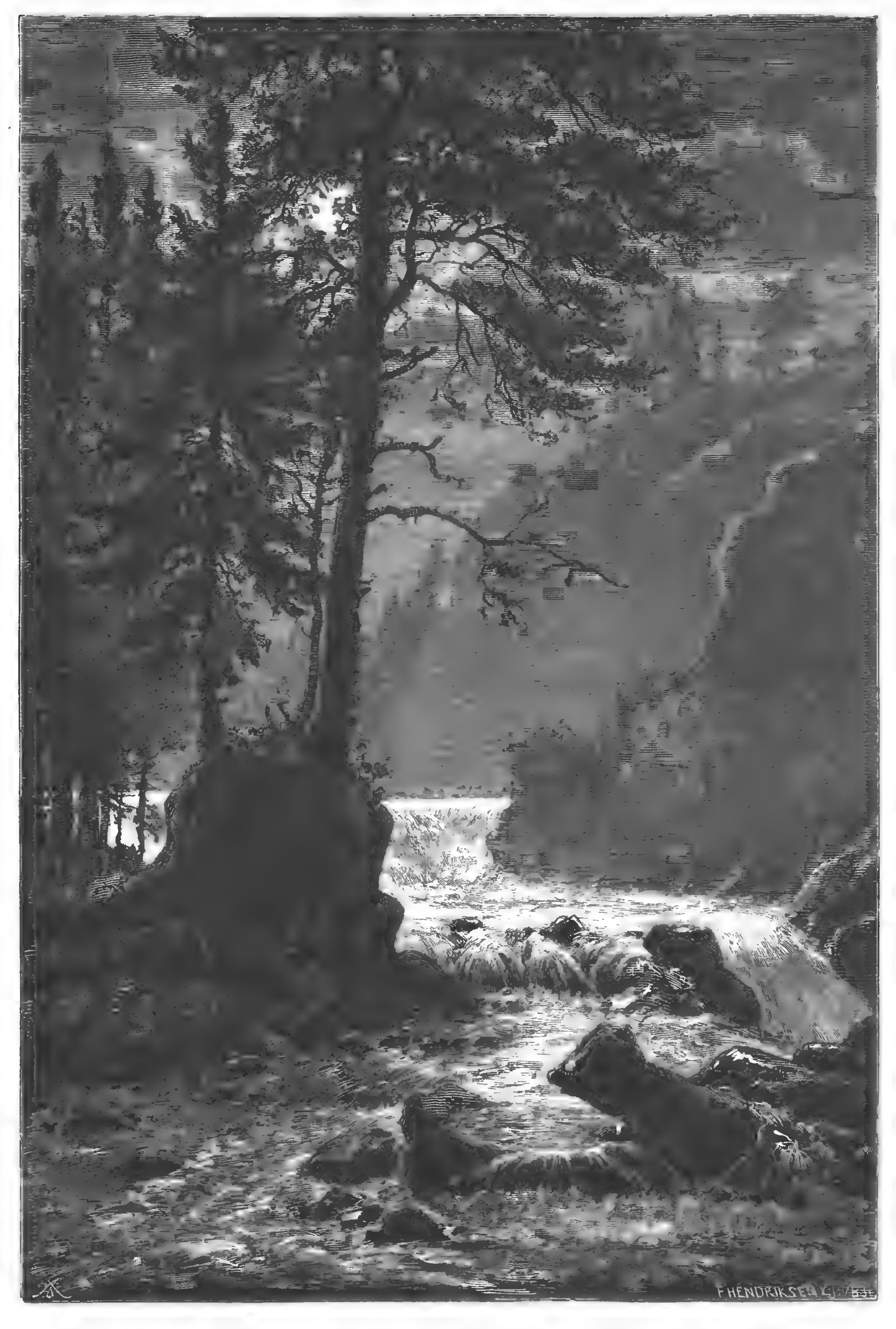
— За чѣмъ ѣхать? Мы привяжемъ лошадей, трава еще густа и зелена—онѣ устали и охотно пощиплютъ ее; а сами мы разложимъ костеръ и поужинаемъ по походному...

— Опасно разводить костеръ: можетъ быть тутъ Русскіе въ засадѣ...

— Э!.. что намъ русскіе!.. Мы хорошо вооружены, а кони у насъ быстрѣе птицы... Полно!.. брось осторожность, о которой такъ много толкуетъ мой почтенный „pater“, королевскій комиссаръ Андрей Менцинскій... Если мы на нѣсколько часовъ вырвались изъ подъ несносной опеки брюзгливыхъ комиссаровъ, то надо же подурачиться, чтобы совсѣмъ не одурѣть въ этой суровой и непривѣтливой Московіи...

Станиславъ Менцинскій первый спрыгнулъ съ лошади и подержалъ за узду горячаго жеребца Владислава, пока тотъ спѣшивался. Привязавъ лошадей къ дубамъ, у подошвы которыхъ росла сочная густая трава, молодые охотники набрали сухаго валежнику и зажгли его, потомъ они достали изъ сумки, перекинутой черезъ сѣдло Станислава, холодную жаренную курицу, сыръ, хлѣбъ и кожаную флягу съ виномъ и принялись закусывать.

Владиславъ еще былъ такъ молодъ, что въ душѣ его вражда къ Россіи совсѣмъ не была сильна, онъ воевалъ съ ней не по своей охотѣ, ему даже было бы очень пріятно осыпать милостями свое будущее царство, если-бъ оно встрѣчало его болѣе радушно. Характеръ его былъ довольно мягкій, онъ легко поддавался впечатлѣніямъ сострадательности и любви, по этому-то Сигизмундъ и боялся оставить его на свой произволъ, окруживъ его самыми несговорчивыми и закаленными во враждѣ къ Россіи совѣтниками, которымъ было приказано не допускать Владислава дѣлать по своему. Королевичъ иг-

Водопадъ при лунномъ освѣщеніи. Рис. Агартъ гр в. Гендриксенъ.

Выставка въ Спб. Импер. Мозаичномъ Заведенiи. „Св. Анастасiя“.

Съ картины Нефа, исполненной для СПБ. Исаакiевскаго собора мозаик. Бурухинымъ

ралъ въ дѣлахъ и распоряженіяхъ самую подчиненную роль, никто не спрашивалъ его совѣтовъ, никто не слушалъ а напротивъ очень часто довольно рѣзко дѣлали ему замѣчанія. Владиславъ вспыхивалъ, пытался возстановить свой авторитетъ Королевича и Царя, но комиссары только плечами пожимали и язвительно улыбаясь думали:—кричи молъ себѣ... а всетаки ты больше ничего какъ автоматъ, которымъ мы, заведя пружину, можемъ руководить, какъ того потребуютъ интересы Польши и католицизма!..—Наконецъ Владиславъ махнулъ рукой и довольно апатично повторялъ диктуемыя ему рѣчи, когда надобно было ихъ говорить при случаѣ; когда же представлялась возможность стряхнуть съ себя бремя военныхъ и дипломатическихъ дѣлъ, онъ жадно кидался на малѣйшее развлеченье, и особенно любилъ охоту. Одинъ изъ его пажей, Станиславъ Менцинскій, сынъ комиссара, пользовался особеннымъ расположеніемъ королевича—они были друзья съ дѣтства и веселый пажъ никогда не унывающій, насмѣшливый и смѣлый, былъ повѣреннымъ всѣхъ печалей и радостей Владислава.

Молодые люди, покончивъ съ курицей и осушивъ флягу, завернулись въ теплые суконные плащи, а какъ къ вечеру стало свѣжѣе, они ближе придвинулись къ костру, продолжая начатую за ужиномъ бесѣду.

— Я слышалъ, что Сапѣга и Журавлинскій получили отъ Жолкѣвскаго извѣстіе: гетманъ готовится къ соединенію съ нами... сказалъ Менцинскій.

— Слыхалъ и я... но не слишкомъ-то радуюсь этому, возразилъ Владиславъ, подкидывая хворосту въ костеръ.

— Я понимаю почему!.. усмѣхнулся Станиславъ.— Объясни мнѣ наконецъ причину твоей антипатіи къ Жолкѣвскому?..

— Мнѣ непріятно вспоминать объ этой исторіи!.. отвѣчалъ королевичъ.

— Я очень любопытенъ... Но ты въ этомъ случаѣ такъ скрытничаешь, что я теряюсь въ догадкахъ, а Жолкѣвскій не таковъ, чтобы отъ него чего нибудь добиться... Но я готовъ поклясться, что тутъ замѣшана любовь, пытливо глядя на своего друга, сказалъ Станиславъ.

— Не ошибаешься... и Владиславъ вздохнулъ.

— Я имѣю честь называть тебя другомъ, а между тѣмъ не знаю твоего сердца... но сердце не должно имѣть тайнъ отъ дружбы... Развѣ ты сомнѣваешься въ моей преданности... Это очень обидно...

— Ну, не сердись... Я разскажу тебѣ одинъ очень странный случай, о которомъ ты ничего не знаешь, потому что тогда ты ѣздилъ съ отцомъ въ Краковъ, а я часто посѣщалъ домъ Жолкѣвскаго и вообще былъ съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, считая его за честнаго, благороднаго человѣка... Къ сожалѣнію, я скоро убѣдился въ противномъ. Однажды я былъ въ его загородномъ замкѣ: гуляя по саду, я шелъ одинъ мимо башни, выходившей въ самую глухую и запущенную часть сада, какъ вдругъ услыхалъ пріятный женскій голосъ, который пѣлъ на незнакомомъ мнѣ нарѣчіи какой-то грустный, заунывный напѣвъ. Я хотѣлъ проникнуть въ башню, но дверь въ нее была заперта на замокъ; пока я осматривалъ мѣстность, ища кого нибудь, чтобы узнать интересовавшія меня подробности, сверху изъ рѣшетчатаго окна башни упала записка, написанная по польски довольно четко; вотъ содержаніе этой записки, которой я никогда не забуду: „Я русская и 4 года тому назадъ меня привезъ изъ моего отечества панъ Жолкѣвскій... Онъ держитъ меня какъ плѣнницу; Бога ради выпустите меня!.. Я тотчасъ отправился къ пану Жолкѣвскому и потребовалъ у него объясненія; сначала онъ смутился, но скоро оправился и объяснилъ мнѣ, будто бы въ башнѣ жила его родственница, страдающая умопомѣшательствомъ, почему ей и воображается что она русская: но вы по почерку и складу записки можете убѣдиться въ нелѣпости такихъ рѣчей: русскіе вообще невѣжественны, а женщины у нихъ мало отличаются отъ дикарокъ и не только не могутъ говорить или писать на чужомъ нарѣчіи, а и на своемъ то не имѣютъ понятія о грамотѣ...“ Такъ говорилъ панъ Жолкѣвскій и я повѣрилъ ему, такъ какъ и прежде слыхалъ, что русскія женщины живутъ въ заперти и такъ же грубы какъ у всѣхъ азіатскихъ народовъ. Однако мнѣ стало ужасно жалко этой безумной и я настаивалъ, чтобы Жолкѣвскій попробовалъ ее вылѣчить. „Это невозможно, отвѣчалъ онъ и чтобы меня убѣдить, велѣлъ привести безумную, но когда въ кабинетъ его вошла дѣвушка съ совершенно идіотическимъ лицомъ, я почувствовалъ сомнѣніе; однако я притворился, что вдался въ обманъ, обѣщаясь себѣ разслѣдовать эту тайну. Черезъ нѣсколько дней въ дворцовомъ паркѣ ко мнѣ подошла нищая старуха и въ то время когда я давалъ ей монету, она сунула мнѣ въ руку записку, написанную тѣмъ же почеркомъ: „Ваше высочество... простите что я васъ безпокою... теперь я узнала кто вы... Жолкѣвскій страшно на меня разгнѣвался и грозитъ запереть въ подвалъ... Онъ показалъ вамъ дурочку Марту, которую всѣ въ округѣ знаютъ... Если вы меня не выручите... я погибла!“.. Ты можешь себѣ вообразить, Станиславъ, какъ я вспылилъ... я тогда еще не умѣлъ владѣть собой и не имѣлъ такаго терпѣнья какъ теперь... Я тотчасъ призвалъ пана Жолкѣвскаго и въ рѣзкихъ выраженіяхъ сталъ его упрекать. Онъ побагровѣлъ и чело его нахмурилось. „Ваше высочество! сказалъ онъ, если бы вы не были сыномъ моего короля, я бы за нарушеніе моихъ правъ вызвалъ бы васъ на поединокъ... но вы королевичъ!.. я не смѣю и думать о такомъ поступкѣ...“ Но отвѣчать на ваши упреки я не считаю себя обязаннымъ... Если угодно, донесите на меня вашему родителю: ему я долженъ дать отчетъ въ своихъ поступкахъ!.. Послѣ этаго отвѣта, онъ ушелъ, оставивъ меня въ сильномъ негодованіи. Я рѣшился во что бы то ни стало освободить несчастную плѣнницу; я позвалъ егеря Болеслава: ты знаешь его, онъ всегда готовъ лѣзть на всякую опасность... я поручилъ ему пробраться въ замокъ Жолкѣвскаго и похитить плѣнницу... Черезъ нѣсколько дней Болеславъ увѣдомилъ меня, что плѣнница находится въ лѣсномъ охотничьемъ павильонѣ. Я тотчасъ велѣлъ осѣдлать лошадь и помчался съ Болеславомъ, будто бы на охоту... Я не могу передать тебѣ впечатлѣніе, произведенное на меня очаровательной дѣвушкой, которую я нашелъ въ павильонѣ: она была одѣта въ мужской охотничій нарядъ, который прелестно облекалъ всю ея граціозную фигуру, но особенно поразило меня ея лицо совсѣмъ не европейскаго типа; она была нѣсколько блѣдна, большіе черные глаза ея горѣли какимъ-то чудеснымъ блескомъ, а черныя необыкновенно густыя и длинныя косы небрежно спускались по плечамъ. Съ страстнымъ порывомъ дѣвушка благодарила меня за спасеніе, она говорила по польски съ особеннымъ акцентомъ и разсказала мнѣ, что въ 1610 г., когда наши войска были въ Москвѣ, шайка наемныхъ негодяевъ разграбила домъ ея отца, князя... не помню фамилію... Отца ея тогда не было, мать хотѣла защищаться, но ее убили, а дѣвочку схватили и отнесли къ пану Жолкѣвскому; еще у ней былъ маленькій братъ, но она не знала, оставили-ли его въ живыхъ. Панъ Жолкѣвскій отправилъ ее въ Варшаву и тутъ держалъ ее довольно хорошо, даже приставилъ къ ней учительницу и нѣсколько разъ увѣщевали принять католицизмъ. Въ послѣднее время Елена... такъ звали эту дѣвушку... Елена стала тосковать по родинѣ, она умоляла пана Жолкѣвскаго отпустить ее въ Московію, но онъ сердился и приказалъ запереть упрямицу въ башню. Не знаю, что была у него за цѣль... но полагаю что не хорошая!.. Я не скрою отъ тебя Станиславъ, я полюбилъ Елену до безумія... Но держать ее въ павильонѣ было опасно; тутъ ее могли увидать по-

стороннія лица, да и Жолкѣвскій узналъ бы ея убѣжище, а главное моя репутація была бы припутана къ темной и скверной исторіи, а отецъ былъ весьма строгъ въ этомъ отношеніи. . Я былъ въ ужасномъ затрудненіи и не зналъ на что рѣшиться... Болеславъ предложилъ мнѣ увезти Елену въ деревню къ его матери и сестрѣ; Елена согласилась и тамъ прожила около мѣсяца; я ее видѣлъ нѣсколько разъ и все болѣе да болѣе къ ней привязывался... но она была еще такъ молода... она искренно меня полюбила... какъ брата... другаго чувства она даже и не понимала, а я свято хранилъ ея дѣвственную прелесть. Елена продолжала тосковать по родинѣ и я всегда находилъ ея чудесныя глаза заплаканными. „Москва... родимая Москва... когда то я увижу твои золотыя маковки"... вздыхала все прекрасная плѣнница и я не въ силахъ былъ замѣнить ни чѣмъ ей родину и дѣтскія воспоминанія... Однако я все надѣялся, что со временемъ она успокоится и оцѣнитъ мою любовь... Но я былъ жестоко разочарованъ въ своихъ радужныхъ мечтаніяхъ... Одинъ разъ пріѣзжаю я къ Болеславу и застаю весь домъ въ страшномъ смятеніи: Елена исчезла... Мать и сестра Болеслава видѣли, что она пошла гулять въ рощу, гдѣ ее встрѣтили какіе-то незнакомые, таинственные люди... Напрасно ее искали въ рощѣ и въ окрестносяхъ... Напрасно распрашивали сосѣдей... Никто ничего не зналъ!.. Я былъ въ отчаяніи; подозрѣвая Жолкѣвскаго, я не смѣлъ ни жаловаться на него, ни вызвать его на поединокъ. Еслибъ я былъ простой панъ или дворянинъ, я былъ бы свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, но сынъ короля, будущій король Польши и царь Московіи не можетъ поддаваться влеченію сердца!.. О!.. какъ несчастны тѣ, кто родится у трона!.. Они не имѣютъ свободы дѣйствій и во всемъ обязаны подчиняться политическимъ разсчетамъ; даже въ брачномъ союзѣ ими руководятъ дипломатическія соображенія... Вотъ я люблю прекрасную, чистую и умную дѣвушку, но не могу назвать ее своей, если не хочу предложить ей безчестье... я долженъ взять и уважать какъ законную супругу, совсѣмъ не любимую, антипатичную женщину, если того потребуетъ благо моего отечества!.. Говорятъ, что въ Московіи совсѣмъ другой обычай и ея цари имѣютъ право выбрать жену по душѣ, не взирая на ея происхожденіе... Это очень хорошій обычай и мой противникъ—царь Михаилъ гораздо счастливѣе меня, вѣроятно онъ женится по любви"...

Костеръ догоралъ и слабымъ вспыхивающимъ блескомъ причудливо освѣщалъ лѣсную чащу, мирно пасущихся коней и лежавшихъ возлѣ огня юношей. Станиславъ глядѣлъ на сумрачное лицо королевича и ему показалось, что что-то блеснуло на его румяной щекѣ, быть можетъ капля росы... Она тихо скользнула и упала въ мягкій мохъ, на которомъ онъ лежалъ. Станиславъ отвернулся: веселый, юный пажъ тоже почувствовалъ, что его рѣсницы влажны...

Передъ разсвѣтомъ глухой ударъ, заставившій содрогнуться землю, разбудилъ Владислава и его пажа. Они съ удивленіемъ поглядѣли другъ на друга.

— Что это?.. спросилъ пажъ.

— Мнѣ думается, это орудійный выстрѣлъ... Не стычка ли это нашихъ съ русскими! сказалъ Владиславъ.

— Похоже на то. Сядемъ на коней и ѣдемъ туда!.. сказавъ это Станиславъ поспѣшно осѣдлалъ лошадей.

Товарищи поѣхали по лѣсной тропѣ, чуть видной между высокими и густыми дубами да березами; наконецъ лѣсъ сталъ рѣдѣть и они выѣхали на опушку: передъ ними открылся видъ на далекое пространство.

— Да!.. тамъ дѣйствительно баталія!.. крикнулъ Владиславъ и пустилъ своего жеребца вскачь. Станиславъ послѣдовалъ за нимъ:

— Приготовь оружіе... Мы попадемъ въ тылъ врагамъ и мы обратимъ ихъ въ бѣгство!.. храбрился юный пажъ.

VIII.

На княжескій дворъ села Славкова прискакалъ гонецъ и потребовалъ немедленнаго свиданія съ княземъ.

— Чего тебѣ?.. спросилъ Егуповъ, когда къ нему ввели запыхавшагося гонца.

— Бѣда княже!.. Ляхи по Можайкѣ идутъ... Ужъ къ Звенигороду подступаютъ... Наши Сторожевскіе старцы въ великое смущеніе пришли... а игуменъ отче Мисаилъ послалъ къ твоей милости. Коли можно, чтобы шелъ къ намъ на помогу, а коли не можно—такъ укрѣпился бы въ усадьбѣ; дорога то на ваше село, не мудрено что и къ вамъ припожалуютъ.

— Скажи отцу игумену: радъ бы душевно къ вамъ на Сторожи, да старъ я и помоги отъ меня не будетъ, а только одна помѣха, потому дѣвка и дѣтинка у меня... отвѣчалъ Егуповъ.

— На то твоя княжая воля, а свое дѣло я сдѣлалъ и тебѣ повѣстилъ, чтобы ты оборону готовилъ... и гонецъ отправился далѣе извѣщать сосѣднихъ бояръ, помѣщиковъ и крестьянъ.

Егуповъ велѣлъ позвать сына и племянницу.

— Дѣтки!.. сказалъ старикъ. Проклятые ляхи на пути къ Звенигороду... Надо оборону готовить: ты Ваня прикажи самопалы чистить, топоры, ножи точить, пушку выкатить къ воротамъ... а ты Алена, пошли Парашку въ Лапино, чтобы старосту да Дениса привела... Эхъ жалко, пропалъ нашъ плотникъ Нестеръ... малый ловкій и полезенъ бы намъ былъ!

При словѣ: „ляхи" Елена поблѣднѣла, ей припомнилась страшная сцена изъ ея дѣтства: битва на московскихъ улицахъ, зарево пожара, колокольный набатъ, страшныя лица убійцъ и прекрасная молодая женщина съ искаженнымъ лицомъ и окровавленной грудью, въ которой торчалъ ножъ...

„Опять... опять они... бѣжать?.. куда?.. на Москвѣ еще хуже будетъ... да и вѣрно ли, что они пойдутъ на наше село а не другой дорогой?"... думала Елена.

Ваня ничего не помнилъ изъ страшной эпохи, когда ему было не болѣе 6 лѣтъ: ему не разсказывали отъ чего умерла его мать и Ляхи ему вовсе не казались страшны: онъ былъ нѣжный на видъ, бѣлокурый, голубоглазый мальчикъ, но только наружностью напоминалъ свою мать, и былъ храбръ и рѣшителенъ какъ отецъ.

— Ты не боишься, Ваня? спросила его Елена.

— Егуповы-Черкасскіе никогда не были трусы!.. отвѣчалъ мальчикъ и поспѣшилъ исполнять приказанія отца.

Съ этаго мгновенія не только въ селѣ Славковѣ, но и во всѣхъ окрестныхъ селеніяхъ закипѣла лихорадочная дѣятельность: жители спѣшили убраться, помѣщики уѣзжали въ дальнія вотчины, а крестьяне скрывались въ лѣсахъ, оврагахъ и болотахъ. Князь Егуповъ вызвалъ лапинскихъ мужиковъ съ семьями и составилъ изъ нихъ родъ гарнизона, а на славковцевъ онъ не только не надѣялся, но еще опасался измѣны. Усадьбу окопали рвомъ, ворота заложены кирпичами; исключая небольшой желѣзной калитки, входа на княжой дворъ не было. На колокольнѣ у церкви постоянно стояли сторожа и осматривали окрестности; но не столько глядѣли они на дорогу изъ Звенигорода, по которой могли приблизиться ляхи, сколько наблюдали странное движеніе, происходившее на улицахъ села Славкова, гдѣ мужики, повидимому нисколько не опасаясь поляковъ, собирались кучками, о чемъ-то загадочно толкуя съ незнакомыми, весьма подозрительными людьми.

Въ Звенигородъ вошелъ Владиславъ съ своимъ войскомъ, которое разсыпалось по окрестностямъ и заняло Савинъ-Сторожевскій монастырь. Это было 10-го сентября 1618 г. Небольшія шайки поляковъ и казаковъ разсыпались по всѣмъ окрестностямъ для разъисканія провіанта и фуража. Летучій отрядъ волонтеровъ подъ командою пана Чаплинскаго занялъ село Славково; мужики встрѣтили гостей съ хлѣбомъ-солью.

Чаплинскій расспросилъ кто живетъ въ усадьбѣ и почему-де къ нему не вышли бояре также радушно, какъ крестьяне. Узнавъ о предполагаемомъ богатствѣ князя Егупова, онъ послалъ парламентеровъ съ требованіемъ денегъ и провіанта; вмѣсто отвѣта Егуповъ приказалъ выстрѣлить изъ пушки...

Это было сигналомъ... Раздраженный Чаплинскій приказалъ взять гнѣздо несговорчивыхъ приступомъ. Это было наканунѣ того утра когда Владиславъ и его пажъ проведя ночь въ лѣсу въ 2 или 3-хъ верстахъ отъ Славкова, были разбужены орудійнымъ выстрѣломъ. Напротивъ усадьбы поляки устроили земляную насыпь съ помощью Славковцевъ, которые весьма усердно подвозили камень и деревья, сваленные ими въ княжеской рощѣ. Къ вечеру импровизованное укрѣпленіе было готово; не смотря на старанья осажденныхъ попасть изъ своей заржавленной, потѣшной пушки въ насыпь, это имъ не удалось и они перестали понапрасну терять дорогое „зеліе“.

Ночь наступила и усадьба погрузилась въ темноту; князь запретилъ зажигать огонь, чтобы не служить цѣлью врагамъ: только въ одной комнатѣ, съ тщательно завѣшенными окнами собралась небольшая группа преданныхъ князю людей: тутъ былъ Лапинскій староста, его сынъ и дочь, и Парашка—невѣста Дениса.

— Завтра объ эту пору многихъ изъ насъ не будетъ въ живыхъ, сказалъ Князь. Если меня убьютъ... для Бога, прошу васъ, други мои, не выдайте моего дѣтинку и дѣвку-княжну. Умирать вѣдь всякъ долженъ не нынѣ, такъ завтра, животы наши въ рукахъ Господа!.. Лучше предстать на судъ Божій съ чистой совѣстью, чѣмъ жить на свѣтѣ, какъ вонъ тѣ воры-измѣнники, что словно Каины проклятые, помогаютъ врагу рода православнаго, измышляютъ погибель своихъ братьевъ, продаютъ дьяволу свои окаянныя души...

Староста Еремѣичъ, старикъ княжій прикащикъ Титъ Максимовъ, Денисъ и всѣ мужчины дворовые да крестьянка поклонясь князю въ ноги, обѣщали не жалѣючи животовъ постоять за него.

Отпустивъ дворовыхъ и лапинцевъ, князь взялъ за руку сына и любовно глядя ему въ глаза сказалъ:— Ваня, родной... не знаю, доживу ли я до другаго вечера... Пора открыть тебѣ правду... мать твоя померла не мирной кончиной, а лютой смертью отъ ляховъ: я былъ на Московскихъ стѣнахъ со всѣми нашими боярами для защиты и обороны, а мать твоя съ тобой да Аленой, которую любила какъ дочь, остались въ домѣ нашемъ на Арбатѣ... Когда я пришелъ на минуту навѣдаться живы ли вы... такъ нашелъ домъ пограбленнымъ, мать твою зарѣзанной; Алену увели въ полонъ, а ты какъ спалъ въ дѣтской, такъ тебя соннаго схватила мамка Акулька и утащила въ подклѣть, да и спрятала въ перинахъ... Ты остался мнѣ единой утѣхой... долго спустя я узналъ, что Алена жива и нанялъ казаковъ ее увезти изъ подъ Варшавы... Теперь ты знаешь, что покориться ляхамъ, убійцамъ твоей матери, намъ не можно... Постоимъ за себя, побьемъ ихъ... а коли что не ладно будетъ, вотъ ключъ... въ подклѣти, гдѣ вина да меды въ бочкахъ стоятъ, отъ входа на право дверь завалена всякимъ хламомъ... схоронитесь тамъ,—въ былое время казну туда прятали и выходъ идетъ на рѣчку подъ землею.

Князь замолчалъ; Елена плакала, а Ваня съ сухими, пылавшими глазками сидѣлъ неподвижно: въ его дѣтской душѣ совершался переворотъ, изъ ребенка онъ выросталъ въ мужчину... Черезъ нѣсколько минутъ ломка совершилась и ребячество на всегда было вытѣснено изъ его груди... Рука бы не дрогнула... всѣхъ бы ихъ искрошилъ вотъ этимъ мечемъ!.. И Ваня судорожно сжималъ рукоять тяжелаго отцовскаго меча.

Пока князь Егуповъ передавалъ своимъ дѣтямъ послѣднее завѣщаніе, со стороны села раздавались хриплыя пѣсни и гульба шла во всю ночь.

Ясно и безмятежно встала заря; легкій туманъ еще стлался по рѣчкѣ.

Первый лучь солнца блеснулъ на церковномъ крестѣ: бывало его встрѣчалъ звукъ призывнаго къ молитвѣ благовѣста; но теперь некому было совершать молебствіе: попъ и причетники, при первой вѣсти о ляхахъ, бросили паству и храмъ; собравъ церковную утварь и иконы, они зарыли ихъ въ землѣ, а сами съ домочадцами, ушли къ сроникамъ въ такіе приходы, гдѣ нельзя было ожидать непріятельскихъ войскъ.

Предводитель волонтеровъ королевской конницы, полковникъ Чаплинскій, былъ высокій, краснорожій панъ съ небольшими злобными глазами и длинными усами, безъ бороды.

Наканунѣ онъ порядочно выпилъ; хмѣль еще бродилъ въ его головѣ; выйдя на улицу, онъ увидалъ, что его волонтеры ужъ успѣли опохмѣлиться и варили въ котлѣ куръ да поросятъ, поднесенныхъ имъ покорными и льстивыми славковцами.

— Вы не очень-то мѣшкайте: намъ здѣсь не зимовать, къ ночи надо вернуться въ этотъ городъ... ну не помню какъ его зовутъ... на рѣку Московію, гдѣ стоитъ наше войско. Съ пустыми руками возвратиться стыдно, возмемъ этотъ замокъ, тамъ золота много... да и панночка, говорятъ, хороша и прислужницы у ней тоже красивыя... Чаплинскій осклабился, а его свита загоготала отъ удовольствія.

Чаплинскій, не смотря на званіе полковника, былъ не воинъ, а настоящій бандитъ; кровожадность и алчность къ грабежу, составляли его отличительныя качества. Отрядъ которымъ онъ командовалъ, носившій названіе королевскихъ волонтеровъ, былъ ни что иное какъ сбродъ наемныхъ убійцъ, разбойниковъ, подонковъ казачества и Литвы, которыми даже такіе неразборчивые паны, какъ Сапѣга да Ходкевичъ, гнушались а Владиславъ и болѣе образованные изъ его приближенныхъ, называли „стаей голодныхъ волковъ“.

Началась стрѣльба изъ за насыпи, на которую отвѣчали изъ частокола усадьбы; исправивъ ночью направленіе пушки, Еремѣичъ и Титъ Максимовъ, закативъ въ ея жерло желѣзныхъ гвоздей да сѣры, зажгли фитиль... огонекъ быстро бѣжалъ по проведенной веревкѣ. Вдругъ раздался сильный выстрѣлъ и чаплинцевъ обдало осколками желѣза.

— Ахъ дьяволы!.. оцарапали мнѣ лобъ... Валяй на приступъ!.. крикнулъ Чаплинскій... но въ эту минуту послышался конскій топотъ, волонтеры оглянулись и увидали быстро скакавшихъ всадниковъ, которыхъ они еще издали признали за поляковъ. Вотъ одинъ изъ нихъ машетъ шляпой съ перомъ и что-то кричитъ.

— Его Высочество!.. промолвилъ изумленный Чаплинскій.

Владиславъ передалъ одному изъ волонтеровъ свою лошадь и подошелъ къ Чаплинскому.

— Что у васъ тутъ? спросилъ онъ.

Чаплинскій разсказалъ что въ этомъ замкѣ сидятъ-де непризнающіе королевскаго имени, что бунтовщики первые начали нападеніе, въ доказательство чего показалъ осколки желѣза и царапину на лбу, при чемъ прибавилъ, что по словамъ княжихъ холопей, въ замкѣ большой запасъ оружія, провіанту и золота; онъ промолчалъ о прекрасной панночкѣ и красивыхъ прислужницахъ, опасаясь, чтобы королевичъ и его сумасбродный пажъ не вздумали разыграть роли рыцарей, защитниковъ дамъ.

— Вы бы испробовали склонить ихъ къ покорности, сказалъ Владиславъ, которому было не по душѣ нападеніе голодныхъ волковъ, на эту усадьбу, такъ живописно окутанную зеленью столѣтнихъ вязовъ да густаго орѣшника, съ сверкавшимъ подъ лучами восходящаго солнца церковнымъ крестомъ. Онъ пошелъ съ Станиславомъ вокругъ усадьбы и выбравъ холмистое возвышеніе,

Раннею весною. (Сцена изъ средневѣковой жизни) К. Ницкаго, грав. Н. Кнезингъ.

вынулъ изъ кармана подзорную трубу первобытной конструкціи, которая очень бы насмѣшила нашихъ современныхъ воиновъ а два вѣка съ половиной тому назадъ составляла рѣдкость и удивленіе для русскихъ но уже довольно распространена была въ Европѣ *).

Владиславъ навелъ трубу и осмотрѣлъ усадьбу, къ которой его тянуло какое то неопредѣленное любопытство; отъ церкви онъ перевелъ инструментъ на возвышенную башенку, выстроенную Нестеромъ, гдѣ была свѣтелка съ косящатымъ оконцемъ. Вдругъ случилось что-то странное.. руки королевича задрожали, труба, упала, и онъ почти съ ужасомъ схватился за голову...

— Что со мной... Не въ бреду ли я?.. пробормоталъ онъ. Станиславъ подбѣжалъ къ нему, чтобы его спросить не раненъ ли онъ, но Владиславъ указывая ему на трубу, сказалъ измѣнившимся голосомъ: возьми и смотри на башеньку, что ты увидишь въ окнѣ?..

Пажъ навелъ трубу:—я вижу прекрасную дѣвушку, блѣдную, съ большими черными глазами и съ длинными косами... Ахъ!.. какая красавица! воскликнулъ онъ.

— Это она... Елена!.. молвилъ королевичъ и выхватилъ трубу изъ рукъ Станислава.—Да... нѣтъ сомнѣнія... такая красота не имѣетъ подобной... и взявъ пажа за руку, королевичъ увлекъ его такъ близко къ частоколу, что Чаплинскій издали крикнулъ.

— Берегитесь!.. Московскія собаки попадаютъ мѣтко. Какъ бы въ подтвержденіе этихъ словъ къ ногамъ молодыхъ людей упалъ камень. Станиславъ поднялъ его и подавая сказалъ: „это она бросила.“ Камень былъ обернутъ въ лоскутъ полотна и на немъ было четко написано углемъ нѣсколько польскихъ словъ.

„Владиславъ... Я васъ вижу... Елена“.

Королевичъ быстро повернулся и пошелъ къ Чаплинскому:

— Пошлите опять переговорщиковъ! приказалъ онъ.

Чаплинскій пожалъ плечами, но не смѣлъ ослушаться. Вышелъ впередъ одинъ изъ волонтеровъ и громко крикнулъ:

— Его высочество королевичъ Владиславъ Жигимонтовичъ, царь Московскій, желаетъ вести переговоры съ вашимъ княземъ!..

— Князь Егуповъ-Черкасскій крестъ цѣловалъ царю Михаилу Ѳеодоровичу и инаго царя не знаетъ... послышался отвѣтъ.

Чаплинскій язвительно засмѣялся, а Владиславъ вспыхнулъ, но удержалъ свой гнѣвъ и опять приказалъ предложить князю свободу и всякія милости, но опять получилъ гордый отказъ. День прошелъ въ неудачныхъ попыткахъ уговорить осажденныхъ къ покорности Владиславъ приходилъ въ отчаяніе. Чаплинскій настаивалъ на томъ, что необходимо покончить съ этими дерзкими бунтовщиками и ѣхать къ войску.

IX.

Стемнѣло и звѣзды загорались на небѣ; мѣсяцъ еще не вставалъ и Владиславъ поспѣшилъ воспользоваться темнотой.

— Я пойду туда!.. сказалъ онъ своему пажу. Ты станешь на сторожѣ и если что замѣтишь, свисни вотъ въ этотъ свистокъ...

Станиславъ, не разговаривая, взялъ серебряный маленькій рожокъ, который производилъ очень рѣзкій звукъ, подобный свисту. Королевичъ засунулъ пистолеты за поясъ, накинулъ на плечо карабинъ и смѣло пошелъ къ усадьбѣ, съ той стороны, гдѣ по его заключенію не было сторожей, которые всѣ скучились напротивъ насыпи Чаплинскаго. Только что онъ подкрался къ стѣнамъ, какъ оттуда тихо вышла какая-то тѣнь; по длинной одеждѣ онъ узналъ, что это женщина и подошелъ къ ней. Раздался легкій возгласъ:

— Кто тутъ?..

— Елена! это вы!.. спросилъ Владиславъ.

Вмѣсто отвѣта двѣ нѣжныя ручки обвились вокругъ шеи королевича:

— Я знала что ты придешь! шептала Елена.

Владиславъ забылъ весь міръ и Московское царство: ему былъ двадцать одинъ годъ и онъ держалъ въ объятіяхъ страстно любимую дѣвушку, которую не думалъ уже никогда болѣе встрѣтить.

— Зачѣмъ ты убѣжала?.. спрашивалъ онъ между двумя поцѣлуями.

— Я тосковала по родинѣ... а тутъ явились люди съ грамотой отъ дяди... для меня онъ все равно что отецъ: онъ приказывалъ вернуться къ нему... Могла ли я ослушаться... отвѣчала Елена.

— Но теперь мы не разстанемся: бѣги со мной, просилъ королевичъ. Я сяду на Московскій престолъ и посажу тебя рядомъ съ собой: цари московскіе могутъ выбирать супругу изъ всѣхъ сословій, а ты княжна...

Но Елена прервала его страстныя рѣчи:

— Не обольщайся напрасными упованіями: Москва тебя не признаетъ, она любитъ своего царя, она за него умретъ... увѣряла она королевича.

— Пускай!.. мнѣ не нужно Москвы... я увезу тебя въ Варшаву...

— Но тамъ я не могу быть твоею супругою...

Владиславъ упалъ на колѣни.

— Елена!.. ужели ты меня не на столько любишь, чтобы отдать мнѣ свою судьбу безъ уговора... Вѣдь столько лѣтъ, я неизмѣнно храню любовь къ тебѣ въ моемъ сердцѣ... Клянусь, что не измѣню тебѣ: если не могу сдѣлать тебя супругою—то и другую не посажу на тронъ... всю жизнь свою я посвящу тебѣ...

— Я не могу покинуть отца и брата...

— Но вѣдь онъ не родной отецъ... у него еще сынъ останется... Бѣги... бѣги со мной, пока еще не поздно, и онъ увлекалъ ее съ собою.

Раздался рѣзкій свистъ. Елена высвободилась изъ его рукъ.

— Наши идутъ за водой... Уходи... я прощусь съ отцомъ и братомъ и надѣну мужскую одѣжу... Если не успѣю нынѣ, то завтра въ ночь приду...

Она быстро исчезла. Владиславъ спрятался въ кусты и мимо его прошло нѣсколько вооруженныхъ людей, которые по ночамъ ходили къ рѣкѣ за запасомъ воды.

Утромъ Владиславъ сказалъ Чаплинскому:

— Я не желаю, чтобъ вы возобновили нападеніе на эту усадьбу... я имѣю на то свои соображенія, о которыхъ не нахожу нужнымъ объясняться съ вами...

— Извините, ваше высочество, но я не могу согласиться съ вами.. довольно дерзко возразилъ Чаплинскій. Занятіе этой мѣстности важнѣе чѣмъ вы полагаете: половина нашего войска можетъ пройти этой дорогой, по моимъ распросамъ здѣсь прямѣй и ближе, да и вообще полезно подойдти къ Москвѣ съ двухъ сторонъ разомъ..

— Я вамъ приказываю немедленно отвести свой отрядъ къ центру арміи, къ моей королевской стоянкѣ, гдѣ будетъ обсужденъ вопросъ о наступательныхъ дѣйствіяхъ не вами, а мной и комиссарами, выходя изъ себя, нетерпѣливо сказалъ Владиславъ.

Чаплинскій пожалъ плечами и невозмутимо спокойнымъ тономъ отвѣчалъ:

— Я исполняю приказанія моего короля Сигизмунда III и больше никому не дамъ отчета въ моихъ дѣйствіяхъ: я какъ предводитель иррегулярнаго войска, не состою въ зависимости комиссаровъ...

— Я передамъ комиссарамъ ваши слова и поступки.. Черезъ нѣсколько часовъ я приведу мой отрядъ и заставлю васъ удалиться отсюда!.. гнѣвно крикнулъ королевичъ и приказавъ подать своего коня, вмѣстѣ съ Станиславомъ поскакалъ по направленію къ Звенигороду... Только что онъ скрылся за опушкой лѣса, какъ Чаплинскій скомандовалъ на приступъ... Съ громкими кри-

*) Подзорныя трубы изобрѣтены въ 1597 году Галилеемъ.

ками бросились волонтеры на усадьбу князя Егупова-Черкасскаго; не смотря на мужественную защиту, солдаты лѣзли къ воротамъ, ломали частоколъ и рубили всѣхъ попадавшихся имъ подъ руку... изъ первыхъ былъ убитъ лапинскій староста Степанъ Еремѣевъ; нѣсколько дворовыхъ были ранены, остальные по приказанію князя вышли изъ задней калитки, оставивъ усадьбу на расхищеніе грабителей. Захвативъ нѣсколько цѣнныхъ вещей и иконъ, князь Егуповъ съ своимъ семействомъ скрылся въ подклѣтъ: отваливъ хламъ, онъ отперъ небольшую дубовую дверь и очутился въ узкомъ, темномъ проходѣ, гдѣ надо было идти ощупью... Князь шелъ впереди, за нимъ Елена съ Ваней, потомъ Денисъ, Ѳенька и другія сѣнныя дѣвки, которыя несли узлы съ княжескимъ добромъ.

Черезъ полчаса они достигли выхода, прямо къ рѣкѣ, гдѣ въ обрывѣ берега, за густымъ орѣшникомъ было отверстіе, полузасыпанное пескомъ. Расчистивъ эту яму, князь вышелъ и оглянулся: всѣ были тутъ... Онъ вздохнулъ и сказалъ:

— Слава Богу!.. теперь пойдемте къ Москвѣ... авось доберемся раньше этихъ проклятыхъ ляховъ...

Вдругъ раздался возгласъ Дениса:—Парашка!.. гдѣ Парашка?.. но Парашки не было.

— Видно она осталась въ подклѣтяхъ, сказала Фенька.

Не говоря ни слова, Денисъ бросился назадъ въ яму и исчезъ въ темномъ ея углубленіи.

— Пойдемте скорѣй къ Лапину... какъ бы не увидали ляхи нашъ тайникъ... Лапинскіе мужики довезутъ насъ въ Москву, я заранѣе отправилъ къ нимъ коней и повозки... и говоря это князь пошелъ къ тому мѣсту рѣки, гдѣ былъ привязанъ челнокъ. Елена шла за нимъ; она была печальна и слезы тихо скатывались по ея щекамъ; она видѣла какъ Владиславъ ускакалъ до начала приступа.

— Онъ меня бросилъ на волю убійцъ... Эта ужасная мысль поразила ее и теперь она дѣйствовала машинально; ей было все равно, убьютъ ее или нѣтъ—жизнь потеряла для нея всю свою цѣну.

Денисъ возвратился въ подвалъ, но тамъ уже хозяйничали волонтеры, разбивая бочки съ виномъ и медомъ. Денисъ спрятался за пустой бочкой и дождался, когда пьяная ватага, нацѣдивъ жбаны, ушла. Двое однако такъ усердно пробовали питія, что тутъ же повалились. Денисъ раздѣлъ одного изъ нихъ, безъ всякаго со стороны мертвецки пьянаго, сопротивленія; надѣвъ на себя одежду волонтера, онъ смѣло вышелъ на княжой дворъ, чтобы потомъ пробраться въ хоромы, откуда доносились звуки пѣсенъ и ругательства. На дворѣ стояли возы съ награбленнымъ княжескимъ добромъ волонтеры помощью мужиковъ вытаскивали сундуки, узлы и впрягали лошадей, спѣша увезти добычу.

Вдругъ раздались крики и на крыльцѣ появился самъ Чаплинскій, таща дѣвушку, которая, отбиваясь отъ него, кусала его и царапала...

— Возьмите эту бѣшеную собаку!.. крикнулъ Чаплинскій; поднявъ дѣвушку онъ размахнулся и перекинулъ ее черезъ балясины высокаго крыльца. Съ грубымъ хохотомъ подскочили было волонтеры, желая подхватить ее на лету, но несчастная со всего размаху тяжело грянулась на землю и попавъ головой на край кованнаго мѣдью сундука, успѣла только дико вскрикнуть.. Волонтеры отступили—передъ ними лежалъ безжизненный трупъ съ ужасной раной на черепѣ, изъ котораго лила ручьемъ кровь, пополамъ съ мозгомъ... Это была Параша. Денисъ какъ безумный рванулся къ Чаплинскому и замахнулся на него кистенемъ...

— Бейте его... это переодѣтый шпіонъ, крикнулъ Чаплинскій. Десять рукъ схватили Дениса и начали бить...

Когда Денисъ пришелъ въ себя послѣ долгаго обморока, его поразилъ удушливый смрадъ; онъ приподнялся и чувствуя сильную боль во всемъ тѣлѣ, безсмысленно озирался кругомъ. Яркій свѣтъ пламени озарялъ дворъ... Княжія хоромы пылали и съ трескомъ валились; Славковцы, проводивъ ляховъ, докончили начатое ими: они обобрали все, что осталось послѣ волонтеровъ и зажгли усадьбу.

Не обращая вниманія на нестерпимый жаръ и опасность быть задавленнымъ обгорѣлыми бревнами, Денисъ отыскалъ несчастную Парашу и схвативъ ея трупъ, сѣлъ посреди двора; долго голосилъ онъ, какъ мать надъ мертвымъ ребенкомъ, потомъ перешелъ къ проклятіямъ, обѣщаясь передъ Богомъ отмстить за погибель своей невѣсты.

Наконецъ онъ выбрался изъ горѣвшихъ кругомъ строеній на церковный дворъ и вырывъ яму, засыпалъ трупъ несчастной дѣвушки. Помолясь на опустошенную церковь, Денисъ пошелъ безъ цѣли впередъ.

У него было только одно сознательное желаніе отыскать убійцу Параши, но онъ даже не зналъ его имяни; только звѣрскія черты лица Чаплинскаго врѣзались въ памяти Дениса.

Еще княжая усадьба пылала, какъ по дорогѣ изъ Звенигорода примчался отрядъ королевскихъ драгунъ, впереди которыхъ скакалъ Владиславъ съ своимъ пажемъ... Ужасная картина разрушенія и грабежа не требовала объясненій...

Владиславъ приказалъ привести къ себѣ мужиковъ, которые такъ усердно помогали волонтерамъ.

— Гдѣ вашъ князь?.. спросилъ онъ.

Десятокъ негодяевъ, (остальные послѣ поджога и грабежа попрятались) униженно кланяясь до земли, доложили, что вѣрно-де погорѣли всѣ, либо задохлись, подъ горѣлыми бревнами... ни князя-де, ни сына его, ни княжны они не нашли, какъ ни старались, по приказанію полковника, представить ихъ къ его милости...

— Измѣнники!.. предатели!.. крикнулъ королевичъ, потомъ обращаясь къ своимъ драгунамъ, онъ приказалъ; —разстрѣлять этихъ разбойниковъ!

Напрасно ошеломленные Славковцы просили милости и выставляли свою преданность королевичу.

— Не стоитъ зряды тратить: ихъ перевѣшать бы какъ собакъ... замѣтилъ Станиславъ; королевичъ махнулъ рукой въ знакъ согласія и ушелъ въ разграбленный храмъ, гдѣ все еще свидѣтельствовало о неистовствѣ голодныхъ волковъ.

Владиславъ обвелъ глазами эти стѣны, гдѣ недавно возносились молитвы... гдѣ молилась она.

— Неужели она убита?.. да нѣтъ, эти негодяи похвастались бы ея смертью... Можетъ быть она ушла. Эта надежда нѣсколько ободрила печальнаго Владислава,— онъ вышелъ къ своимъ драгунамъ, которые сидѣли на коняхъ, въ ожиданіи отъѣзда.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Мозаика и мозаисты.

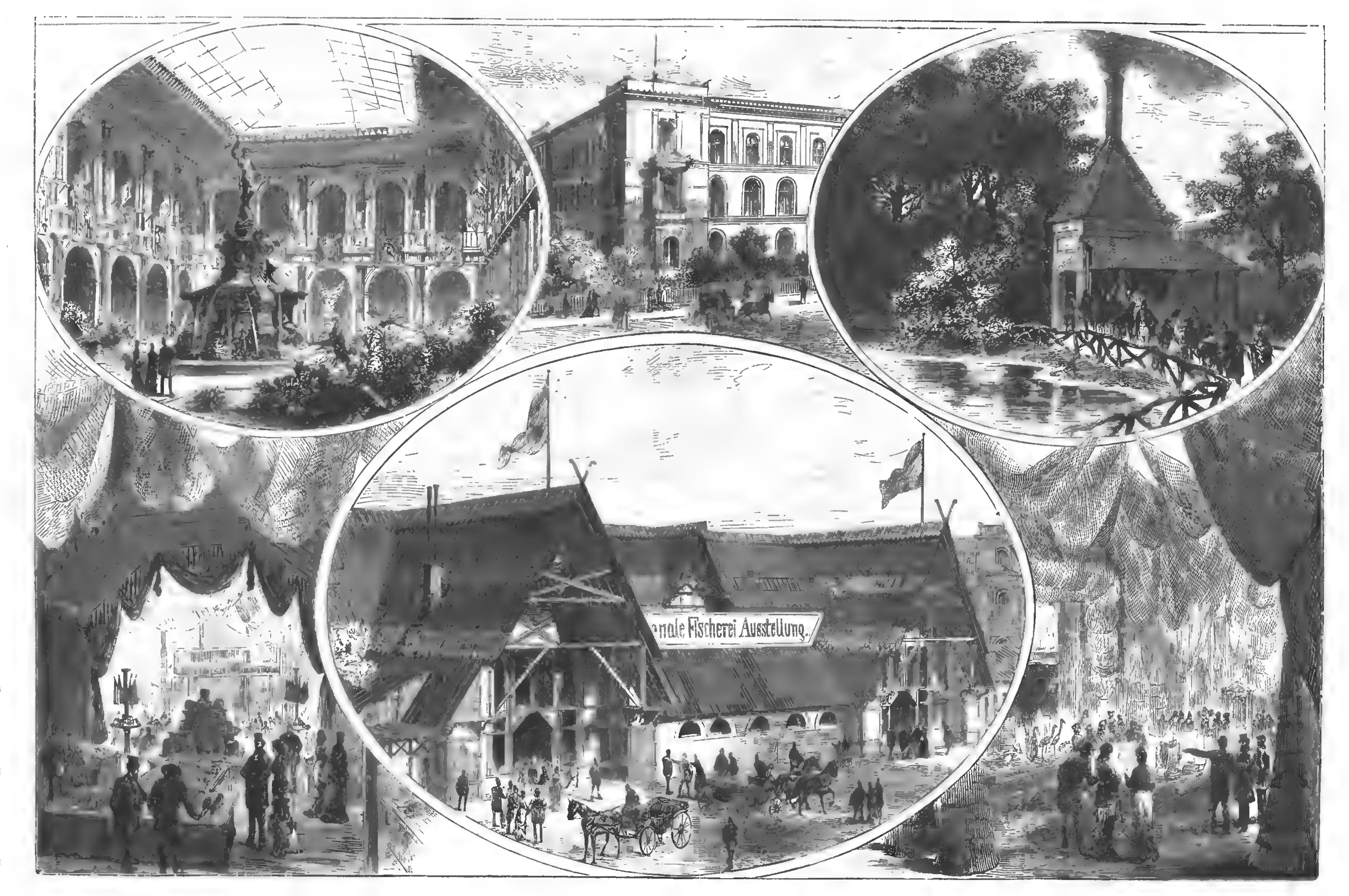
По поводу выставки въ Спб. Имп. Мозаичномъ Заведеніи.
(Къ рисунку на стр. 397).

Мы любуемся нынѣ, въ мозаичной студіи, работами нашихъ художниковъ-мозаистовъ, которые съ рѣдкимъ трудолюбіемъ и умѣньемъ увѣковѣчиваютъ произведенія живописцевъ, давая имъ безсмертіе—оставляютъ себѣ лишь сознаніе, что выполнили добросовѣстно свою огромную и тяжелую задачу.

Къ числу такихъ безукоризненно-прекрасныхъ и несомнѣнно талантливыхъ произведеній русскихъ тружениковъ-мозаистовъ, принадлежитъ и прилагаемая нами въ рисункѣ мозаичная копія съ образа работы профессора Неффа. Эта копія удивительно вѣрно воспроизводитъ всю прелесть оригинала, съ особенно присущими всѣмъ произведеніямъ Неффа богатствомъ колорита и нѣжностью тоновъ.

Видъ на Кремль съ рѣки Москвы. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Международная рыболовная выставка. Съ рисунка грав. М. Рашевскій.

У насъ въ Россіи мозаика—искусство новое, молодое, исторія же его зачатія кроется въ глубокой древности. Еще въ библіи упоминается, что въ Сузѣ, въ замкѣ Агасфера, полъ былъ вымощенъ въ узоръ порфиромъ и бѣлымъ мраморомъ, а въ Туринскомъ музеѣ находится древній египетскій саркофагъ, украшенный очень искусной мозаикой. Римляне, по словамъ Плинія, заимствовали мозаику изъ Греціи, а при императорѣ Клавдіи искусство это уже получило значительное развитіе. Въ Помпеѣ найдена одна замѣчательная, громадная мозаика, изображающая, по мнѣнію археологовъ, битву при Арбеллахъ. Первобытная римская мозаика состояла преимущественно изъ четыреугольныхъ кусковъ мрамора различныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ; впослѣдствіи начали прибѣгать къ другимъ матеріаламъ, къ стеклу, разноцвѣтной глинѣ (opus figlinum) и даже къ драгоцѣннымъ камнямъ. Особенно роскошна была мозаика въ Византіи, гдѣ часто она состояла изъ обильнаго соединенія золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней. Стѣны и своды храмовъ и дворцовъ, построенныхъ Константиномъ и Юстиніаномъ, сплошь покрывались такой богатой мозаикой, въ которой фигура обыкновенно изображалась на золотомъ фонѣ, составленномъ изъ стеклянныхъ кубиковъ, обернутыхъ листовымъ золотомъ. При упадкѣ византійскаго искусства мозаику замѣнила мало по малу фресковая живопись и только эпоха Возрожденія словно воскресила въ Италіи это, почти совсѣмъ позабытое искусство. Папа Климентъ VIII призвалъ въ Римъ лучшихъ мастеровъ мозаичнаго дѣла и поручилъ имъ воспроизвести мозаикой образцовыя произведенія итальянской живописи; такъ создалась знаменитая мозаика храма св. Петра. Греческіе мозаисты украшали своими мозаиками русскія церкви еще въ XI вѣкѣ. Образцы этихъ греческихъ мозаическихъ работъ, открытые въ 1839 году академикомъ Солнцевымъ въ Кіевскомъ - Софійскомъ соборѣ конечно имѣютъ громадное археологическое значеніе, но какъ художественныя произведенія — принадлежатъ къ младенческому періоду искусства. Сами русскіе не переняли этаго искусства *муссіи* у Византійцевъ и объ немъ ничего не слышно въ нашемъ отечествѣ вплоть до XVIII вѣка. Въ это время самымъ ревностнымъ его поборникомъ является Ломоносовъ, устроившій маленькую мозаичную мастерскую и оставившій потомству плодъ своихъ мозаичныхъ трудовъ—картину „Битва при Полтавѣ".

Работы талантливыхъ диллетантовъ Веклера и Сиверса хотя и ознакомили русскую публику съ мозаичнымъ дѣломъ, но не пріобрѣли особенной популярности и только, благодаря иниціативѣ императора Николая Павловича, рѣшившаго всѣ образа Исаакіевскаго собора сдѣлать мозаичными, мозаика стала въ Россіи на твердой почвѣ. Первая русская мозаичная мастерская была основана въ Римѣ въ 1846 году, такъ какъ въ Италіи были тогда лучшіе мозаисты. Въ Италіи мозаика начала развиваться и идти впередъ исполинскими шагами; каменная мозаика, заключавшая въ своемъ распоряженіи какихъ либо 100 или 200 колеровъ, не могла уже удовлетворять художественнымъ потребно тямъ; ее замѣнила стеклянная масса окрашиваемая химически и заключающая въ себѣ не одну тысячу тоновъ. Эти стеклянныя массы могутъ быть смѣшиваемы и тоны варьируемы до безконечности, какъ и въ масляныхъ краскахъ. Всякій такой тонъ представляетъ собою полоску или лучше сказать столбикъ, то тонкій какъ тончайшая нитка, то равный толщиною 1/2 вершку въ діаметрѣ. Вотъ какъ описываетъ одинъ изъ знатоковъ мозаическаго дѣла производство мозаическихъ копій въ нашей мозаической мастерской, существующей какъ извѣстно въ Петербургѣ съ 1851 года и помѣщающейся съ 1864 года въ особомъ зданіи, на 3-й линіи Васильевскаго острова. Приступая къ мозаической работѣ, прежде всего дѣлаютъ деревянный ящикъ (безъ крышки), равный своею вмѣстимостью оригиналу, предназначенному для копіи; затѣмъ приготовленный ящикъ опрокидываютъ на дно и наполняютъ въ уровень съ краями гипсомъ; когда послѣдній затвердѣетъ, то ящикъ ставится въ вертикальное положеніе па мольбертъ или просто на полъ. На поверхности гипса рисуется или переводится посредствомъ кальки контуръ оригинала и затѣмъ уже художникъ приступаетъ къ выполненію мозаики. Подобравъ тоны, онъ беретъ соотвѣтственныя имъ палочки мозаичной массы и продолбивъ гипсъ, помѣщаетъ ихъ одна подлѣ другой, причемъ стѣнки ихъ спаиваются особо для того приготовленной смазкой. Само собой разумѣется, что продалбливаніе гипса, точеніе палочекъ и ихъ прилаживаніе занимаетъ у художника цѣлые часы упорнаго и усидчиваго труда, страшно утомительнаго для зрѣнія, такъ какъ концы нѣкоторыхъ палочекъ, особенно при отдѣлкѣ деталей, имѣютъ величину не болѣе булавочной головки. Когда подобные кусочки мозаической массы окончательно вытѣснятъ гипсъ и займутъ все пространство ящика, то картина готова. Тогда она перемѣщается въ болѣе прочный ящикъ, свинченный желѣзными связями, шлифуется при помощи особаго механизма и затирается воскомъ теплаго тона, окончательно уничтожающимъ всѣ замѣтныя для глаза скважины и линіи между мозаичными кусочками. Кромѣ того воскъ придаетъ блескъ всей поверхности картины и служитъ тѣмъ же, чѣмъ служитъ лакъ для картины писанной масляными красками.

При выполненіи большой картины работа большею частью ведется сообща, нѣсколькими художниками; такъ въ копированіи „Тайной Вечери" (Живаго) трудилось въ продолженіи 6 лѣтъ восемь художниковъ; слѣдовательно одному пришлось бы трудиться надъ ней непрерывно цѣлыя сорокъ лѣтъ. Вникнувъ во всѣ подробности этой дѣйствительно египетской работы, нельзя не признать, что такой труженикъ мозаистъ упорнымъ и долгимъ трудомъ увѣковѣчивающій геніальное художественное произведеніе и дающій возможность любоваться имъ отдаленнѣйшему потомству, заслуживаютъ уваженія и удивленія. Мозаичному заведенію могли бы дѣлать заказы и другія церкви и частныя лица, чтобы дать долговѣчность имѣющейся иконѣ, которую уже не возьметъ ни сырость, ни время и желательно чтобы развилось употребленіе такихъ иконъ. Образъ св. Анастасіи, вышиною аршина въ 3, работалъ художникъ Бурухинъ около 3-хъ лѣтъ.

Водопадъ ночью.

(Съ картины Гауфа).

Въ безмолвіи темной ночи, въ неподвижномъ лунномъ свѣтѣ, когда, кажется, все такъ успокоивается и словно отдыхаетъ отъ жизни и тревоги горячаго, свѣтлаго дня—подъ покровами тумановъ и подъ влагой прохладной росы—этотъ безпокойный шумъ, это клокотаніе бурливыхъ пѣнистыхъ волнъ, производитъ особенное глубокое впечатлѣніе. Неустанному, безостановочному движенію и стремленію, шумной ночной жизни мечущагося водопада, несущагося по обглоданнымъ, блестящимъ при лунѣ, камнямъ—картина ночи придаетъ совершенно особый характеръ.

Весною.

Въ саду средневѣковаго замка.

(Картина К. Ницкаго),

Какой невозмутимой тишиной, какимъ тихимъ семейнымъ счастіемъ, кажется, исполнена сцена, представленная на нашемъ рисункѣ; молодая мать вывела своего маленькаго сына въ садъ, подышать первымъ весеннимъ воздухомъ, сорвать первые весенніе цвѣтки. Кругомъ еще не распустились деревья; готическій, мрачный замокъ виднѣется въ отдаленіи. Суровыя очертанія замка, и костюмъ изображенныхъ лицъ переносятъ зрителя въ отдаленную эпоху среднихъ вѣковъ, гдѣ семьи и поколѣнія укрывали свои радости и печали за могучими стѣнами, защищавшими жизнь владѣльцевъ ихъ въ то грубое, кровавое время. Но въ уединеніи этихъ замковъ, среди суровыхъ нравовъ, все же вырабатывалось будущее великихъ европейскихъ народовъ, ихъ цивилизація. Здѣсь, въ пѣснѣ трубадура процвѣтала и зарождалась поэзія и музыка, въ блескѣ турнировъ и въ галантностяхъ рыцарей вырабатывались формы общественной жизни, въ роскоши замковъ развивался вкусъ и потребности комфорта и искусства.

Рыцари бились на турнирахъ въ честь дамъ сердца, миннезингеры воспѣвали красоту своихъ дамъ. И—какъ говоритъ Гейне—

Мірянинъ—гордый рыцарь—
На высокомъ иноходцѣ
Гордо ѣздилъ, распѣвая
Пѣснь любви въ честь дамы сердца.

Нѣтъ любви безъ дамы сердца
И нельзя себѣ представить
Миннезингера безъ дамы—
Какъ безъ масла бутерброда!

Между тѣмъ, внѣ турнировъ, торжественныхъ выѣздовъ и чрезвычайныхъ сборищъ, эти дамы вели очень уединенную жизнь—пока зубрилъ свой мечъ въ бояхъ ея суровый супругъ, поджидала она его грустно, гуляя въ своемъ саду за высокими стѣнами и башнями.

Видъ на Кремль.

(Рисунокъ Велева).

Такъ какъ виды Москвы помѣщались много разъ въ нашемъ журналѣ, то при нихъ приводились и статьи съ историческими и иными подробностями.

Видъ Кремля, представленный на настоящемъ рисункѣ, открывается съ Москвы-рѣки. Кремлю воздается первая почесть и мѣсто въ нашей первопрестольной столицѣ, Кремлю, усыпальницѣ нашихъ святителей и царей. Видѣлъ много событій златоглавый Кремль. И иностранцы, наѣзжая въ Москву, прежде всего со вниманіемъ и любопытствомъ осматриваютъ его всегда, и русскіе дальніе люди приходятъ помолиться угодникамъ и поклониться гробницамъ своихъ вѣнценосцевъ. Еще въ 1300 г. при московскомъ князѣ Даніилѣ Александровичѣ, когда Москва приготовлялась быть столицею, Кремль отдѣленъ былъ отъ площадей деревяннымъ палисадомъ, который вскорѣ потомъ сгорѣлъ; Іоаннъ Калита обнесъ Кремль дубовою стѣною и уже только Дмитрій Донской—каменною.

Тутъ начинается Китай-городъ, т. е. средній городъ (Китай-городъ есть въ Кіевѣ, Владимірѣ, Костромѣ и Подольскомъ воеводствѣ, родинѣ великой княгини Елены Глинской, которая и была на Москвѣ строительницею Китай-города). Площадь же въ самомъ Кремлѣ, между Грановитою Палатою, Иваномъ Великимъ, Успенскимъ и Архангельскимъ соборами, называлась „Красною" т. е. красивою, по своей красотѣ и значенію. Въ началѣ XVI в. для защиты Китай-города отъ нашествія враговъ, р. Неглинная была запружена и наполнила водою всѣ каналы на восточной сторонѣ Кремля и Китая, отчего издали они представлялись островами. Въ Ляхо-польское нашествіе Китай-городъ былъ сожженъ. Каждому, бывавшему въ нашей первопрестольной столицѣ памятенъ конечно чудный видъ этотъ съ Москвы-рѣки на Кремль съ золотымъ гребнемъ дворца и золотыми маковками кремлевскихъ храмовъ.

Рыболовная выставка въ Берлинѣ.

(Къ рисунку на стр. 405).

Въ улицѣ Инвалидовъ, на мѣстѣ бывшаго императорскаго желѣзнолитейнаго завода, выстроены два громадныхъ, въ стилѣ возрожденія зданія, изъ которыхъ западное предназначено впослѣдствіи для горной академіи, и восточное для сельскохозяйственнаго музея. При содѣйствіи Кронъ-Принца, стало возможнымъ устроить въ послѣднемъ зданіи рыбную выставку. Но такъ какъ отведеннаго мѣста не было достаточно, то пришлось и остальныя, незанятыя части завода приспособить для выставки. Въ цѣломъ зданіе прекрасное. Оно имѣетъ видъ норвежской рыбачьей хижины; на главномъ выступѣ устроено гнѣздо аиста, а стѣны и крыши пестро разукрашены. Все зданіе занимаетъ площадь около 2000 кв. саженъ. Нѣсколько залъ и галлерей наполнены предметами выставки. Южная часть отведена для Россіи и Японіи, западная — для Китая и западной Азіи, а восточная часть зданія занята по преимуществу Германіей. Тутъ находится великолѣпный Саксонскій жемчугъ, превосходные и рѣдкіе экземпляры янтаря (даже зеленаго и коричневаго) фирмы Стантіенъ и Бекера. Тутъ же развѣшаны прекрасные рисунки, представляющіе въ частностяхъ работы фабрики названной фирмы и способъ обработки янтаря.

Замѣчателенъ по устройству дворикъ со стеклянной крышей внутри строенія. Посреди сдѣланъ фонтанъ со статуей Нептуна. По сторонамъ разставлены экзотическія растенія, а съ перилъ верхней галлереи свѣшивается свѣтло-голубой коверъ, придержанный золотыми фестонами и гербами различныхъ государствъ.

Напротивъ главнаго входа, лѣстница изъ чернаго мрамора ведетъ въ первый этажъ, гдѣ въ одной изъ залъ выставлены преміи и медали отъ разныхъ государей. Въ одномъ изъ боковыхъ зданій, именно западномъ, устроенъ красивый гротъ, по бокамъ котораго расположены акваріумы. Акваріумы эти наполнены множествомъ разныхъ рыбъ, замѣчательныхъ по величинѣ, и дающихъ понятіе о совершенствѣ доставки. Между прочимъ тутъ находятся громадныя волжскія стерляди и донскія бѣлорыбицы.

Въ сѣверной пристройкѣ помѣщено заведеніе для вывода рыбъ. Также выставленъ цѣлый рядъ естественныхъ враговъ рыбъ, млекопитающія животныя и птицы. Прекрасно сдѣланный моржъ—этотъ неутомимый истребитель рыбъ, охотящійся въ особенности за форелями, даже въ сытомъ состояніи. Изъ птицъ помѣщены цапля, коршунъ, утки и нырокъ. Изъ насѣкомыхъ водяной жукъ, который зачастую проѣдаетъ отверстія въ бокахъ живыхъ рыбъ и уничтожаетъ въ большомъ количествѣ икру. Тутъ же цѣлая коллекція сѣтей, неводовъ и разные приборы для рыбной ловли, а также знамена, значки старинныхъ рыбныхъ цеховъ, карты, модели заведеній для вывода и копченія рыбъ, рисунки хижинъ рыбаковъ, лодокъ, сосудовъ для перевозки, чучела рыбъ, консервы и въ заключеніе громадные столы со льдомъ, подъ которымъ разложена рыба, всѣхъ странъ Европы.

Около сѣверной пристройки находится садикъ съ двумя прудами, въ которыхъ плаваютъ торгаускіе исполинскіе карпы, откормленные до такой степени, что они имѣютъ видъ жирныхъ поросятъ. Карпы эти имѣютъ по 20 лѣтъ отъ роду и въ пудъ вѣсомъ. Карповая коптильня снабжаетъ, въ настоящее время, Берлинъ свѣже-копченою рыбою.

Общество рыболовства насчитываетъ теперь въ Германіи 1000 человѣкъ членовъ; отъ правительства оно ежегодно получаетъ 20000 марокъ субсидіи. Для такой же цѣли въ Америкѣ отпускается 100000 долларовъ. Цѣль общества возможно большее разведеніе рыбъ, по преимуществу иностранныхъ. Въ прошломъ году, общество выпустило въ германскія рѣки 2½ милліона маленькихъ семгъ.

Россія, кромѣ громаднаго своего улова, ежегодно потребляетъ до милліона пудовъ привозной рыбы. Болѣе всего привозится сельдей. По статистическимъ даннымъ, вывѣшеннымъ въ русскомъ отдѣлѣ выставки, ежегодный оборотъ рыбнаго промысла въ Россіи равняется 30 милліонамъ рублей. Одно Каспійское море доставляетъ на 20 милліоновъ рублей рыбы.

Главный предметъ вывоза составляетъ рыбій жиръ, добываемый у насъ не только изъ осетровъ и стерлядей, но также изъ дельфиновъ, миногъ и даже сельдей. Многочисленныя сорта этой совершенно прозрачной жидкости, рыбьяго жира, начиная съ свѣтложелтоватаго цвѣта и кончая темно-краснымъ выставлены Саркисовымъ изъ Ѳеодосіи, Лопатинымъ изъ Чернаго Яра, Хлѣбниковымъ изъ Астрахани и Ипатовымъ изъ Царицына. Между прочимъ Яковлевъ прислалъ прекрасное чучело моржа изъ Астрахани. Ежегодный оборотъ отъ рыбьяго жира и моржевыхъ кожъ достигаетъ 350,000. Цифры эти относятся только до Европейской Россіи, не принимая въ расчетъ Сибири.

Въ рыбномъ заведеніи въ Никольскѣ Новгородской губерніи, разводится ежегодно 4 милліона штукъ семги. Выставленные въ банкахъ зародыши Coregonus baerii, даетъ наглядное понятіе о всей трудности оплодотворенія и ухода за сѣменемъ. По истеченіи года, зародышъ достигаетъ длины одной пяди,— послѣ пятнадцати лѣтъ насилу выростаетъ до ¾ аршина, въ то время когда нормальная величина рыбы составляетъ немного болѣе аршина.

Чрезвычайную важность имѣетъ въ научномъ отношеніи, прекрасное собраніе рыбъ и раковъ Аральско-Каспійскаго бассейна, доставленное на выставку изъ лѣснаго института профессоромъ Гриммомъ. Въ банкахъ со спиртомъ находится отъ 60 до 80 отборныхъ экземпляровъ, составляющихъ прекрасное поясненіе къ картѣ того же проф. Гримма. Карта эта графически изображаетъ размноженіе важнѣйшихъ сортовъ рыбъ, въ водахъ европейской и азіатской Россіи.

Робертъ Шуманъ.

(Къ рис. на стр. 408 и 409).

2 мая по новому стилю, въ Боннѣ, происходило открытіе памятника Шуману. Съ утра по улицамъ города началось необыкновенное оживленіе. Къ этому торжеству прибыло изъ другихъ городовъ много артистовъ и любителей музыки, желавшихъ почтить память знаменитаго композитора.

Памятникъ поставленъ на кладбищѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ погребенъ Шуманъ. Часамъ къ 11-ти утра, около памятника собрался комитетъ по устройству праздника, городскія власти, хоръ и оркестръ, друзья и родственники композитора. Между прочими тутъ находились Гиллеръ, Брамсъ, Гриммъ изъ Мюнстера, Дитрихъ изъ Ольденбурга, Штокгаузенъ изъ Франкфурта и другіе. Праздникъ начался хоровымъ пѣніемъ, съ акомпаниментомъ оркестра, подъ управленіемъ Брамса. Затѣмъ одинъ изъ членовъ Комитета Т. Сов. Шафгаузенъ произнесъ рѣчь, послѣ заключительныхъ словъ которой упала завѣса памятника. Во время самаго открытія оркестръ игралъ ораторію маэстро „Рай и Пери", аранжированную для этаго праздника Брамсомъ. Послѣ того многіе изъ присутствующихъ убрали ступени пьедестала лавровыми вѣнками.

Памятникъ—работы профессора Дондорфа. На широкомъ квадратномъ фундаментѣ возвышается плита изъ бѣлаго каррарскаго мрамора, скругленная на верхнемъ концѣ. Сверху въ медальонѣ изображеніе головы Шумана, которую поддерживаетъ возносящійся лебедь. Подъ медальономъ надпись: „Робертъ Шуманъ". Внизу плиты сидитъ вдохновенная муза маэстро и смотритъ на него; въ рукѣ у нея лавровый вѣнокъ. Лицо музы напоминаетъ черты лица Клары Викъ. По обѣимъ сторонамъ памятника, на отдѣльныхъ подставкахъ сидятъ: поющая Психея и играющій Амуръ. Шафгаузенъ отъ имени комитета передалъ памятникъ городу Бонну. Затѣмъ въ честь Шумана нѣсколько дней сряду давались концерты и въ заключеніе общество любителей пѣнія Конкордія вмѣстѣ съ академическимъ обществомъ сыграло серенаду Шумана.

Робертъ Шуманъ одинъ изъ значительнѣйшихъ музыкальныхъ талантовъ настоящаго столѣтія. Его произведенія всѣмъ извѣстны, а печальная судьба вызываетъ глубокое сожалѣніе. Шуманъ былъ сынъ зажиточнаго книгопродавца, онъ родился 8 іюля 1810 г. въ Цвикау, и съ ранняго дѣтства отличался блестящими способностями. Музыкой же онъ сталъ заниматься послѣ того, какъ услышалъ Мошелеса въ концертѣ, въ Карлсбадѣ въ 1819 г. Мальчикъ съ такимъ рвеніемъ занялся музыкальнымъ искусствомъ, что одиннадцати лѣтъ уже пробовалъ писать для хора и оркестра, и рѣшился посвятить себя совершенно музыкѣ. Однако, въ 1826 году, умеръ его отецъ и планъ этотъ былъ па время оставленъ, такъ какъ мать и опекунъ желали, чтобы онъ занимался и другими науками. Зимою 1828 года онъ поступилъ въ Лейпцигскій Университетъ, а затѣмъ въ 1829 г. перешелъ въ Гейдельбергъ. Университетскія занятія мало его интересовали и большую часть времени онъ все-таки посвящалъ музыкѣ. Наконецъ ему удалось побѣдить сопротивленіе родныхъ и онъ уже безпрепятственно предался любимымъ занятіямъ. Осенью 1830 г. Шуманъ вернулся обратно въ Лейпцигъ, гдѣ занимался подъ руководствомъ піаниста Вика. Онъ упражнялся въ игрѣ до того неумѣренно много, что у него отнялся палецъ на правой рукѣ и онъ долженъ былъ отказаться отъ развитія своихъ способностей, какъ виртуоза, сталъ изучать теорію музыки подъ руководствомъ Дорна и наконецъ выступилъ какъ композиторъ и музыкальный критикъ и теоретикъ. Въ 1834 году онъ учредилъ „Новое періо-

дическое музыкальное изданіе“, которымъ завѣдывалъ до 1838 г. Въ 1839 г. переѣхалъ въ Вѣну, предполагая найти тамъ болѣе широкое примѣненіе своихъ способностей и дѣятельности, но обманутый въ ожиданіяхъ, вернулся опять въ Лейпцигъ. Въ 1840 г. онъ женился на Кларѣ Викъ, дочери своего профессора, извѣстной въ свое время піанисткѣ. Съ этихъ поръ онъ началъ писать нетолько для фортепіано, но и для другихъ инструментовъ. Тутъ-то создана имъ бо́льшая часть его всемірно-извѣстныхъ „пѣсенъ“. Въ 1843 г. ему предложена была профессура во вновь открытой Лейпцигской консерваторіи, для которой вскорѣ онъ и написалъ хоровую пьесу „Пери“. *Въ 1844 году Шуманъ со своей женой пріѣхалъ въ Россію, гдѣ встрѣтилъ восторженный пріемъ.* По возвращеніи своемъ изъ Россіи, о которой у него остались самыя свѣтлыя воспоминанія, онъ переселился съ женою въ Дрезденъ, гдѣ принялъ на себя завѣдываніе въ 1845 г. общественными хоровыми собраніями. Въ это же время въ Лейпцигѣ была поставлена его опера „Женевьева“ (Genoveva), но не имѣла ожидаемаго успѣха, такъ что Шуманъ отказался отъ оперныхъ композицій. Осенью 1850 г. онъ получилъ мѣсто директора въ Дюссельдорфѣ, но вскорѣ у него стали развиваться головныя боли и онъ принужденъ былъ въ 1853 г. отказаться отъ мѣста. Артистическое путешествіе и успѣхи его жены на время умѣрили его страданія, которыя затѣмъ начались съ такою силою, что 7 февраля 1854 года онъ бросился въ Рейнъ. Хотя онъ и былъ вытащенъ живымъ и невредимымъ изъ рѣки, но съ этихъ поръ помѣшался. Помѣщенный въ заведеніи умалишенныхъ близъ Бонна, онъ умеръ 29 іюля 1856 г.

Шуманъ и Мендельсонъ считаются главными представителями молодой германской романтической музыкальной школы. Шуманъ сумѣлъ придать еще глубокій жизненный смыслъ музыкальнымъ звукамъ. Многіе изъ его позднѣйшихъ произведеній проникнуты уже тою гнетущею тоскою и душевною болью, которыя такъ безвременно помрачили высокій умъ и талантъ. Въ числѣ 148 его композицій есть поразительныя по красотѣ, которыя считаются лучшими произведеніями послѣклассической эпохи. Его глубокія критическія замѣчанія имѣютъ большое значеніе еще и донынѣ.

Политическое обозрѣніе.

Турція.—„Албанское княжество“.—Гладстонъ и Австрія.—Парламентскій вечеръ у князя Бисмарка.—Америка.

Посланники великихъ державъ при Константинопольскомъ дворѣ обратились съ повторительною коллективною нотою къ Портѣ по поводу турецко-черногорскаго пограничнаго вопроса. На этотъ разъ отъ Оттоманскаго правительства требуютъ безотлагательнаго категорическаго объясненія, на счетъ того — займетъ-ли она или нѣтъ своими войсками територію, которую обязана передать Черногорскому князю. Тонъ этой второй ноты сильно отличается отъ первой, сообщенной, какъ извѣстно читателямъ нашимъ, по иниціативѣ Лейарда и составленной въ мягкихъ выраженіяхъ. Ниже мы увидимъ, что англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Грэнвиллъ, взялъ на себя починъ соглашенія между державами, подписавщими Берлинскій трактатъ относительно дальнѣйшаго образа дѣйствій на Балканскомъ полуостровѣ, и, какъ видно, принимается энергически за дѣло это. Если прибавимъ къ тому еще, что нынѣшній премьеръ, Гладстонъ, и товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, сэръ Чарльзъ Дилькъ, весьма расположены къ Греціи, то будетъ понятно, насколько въ настоящую минуту встревожено турецкое правительство. Оно искренно желаетъ теперь войдти снова въ непосредственвыя сношенія съ Греціей, которая, однако, съ своей стороны, предпочитаетъ уладить вопросъ этотъ путемъ международнаго соглашенія. — Арменія испытываетъ страшное бѣдствіе—голодъ, принимающій все большіе и большіе размѣры. Онъ уже охватилъ огромное пространство, начиная отъ Эрзерума до Багдада съ одной стороны и отъ русскихъ и турецкихъ пограничныхъ областей до береговъ Чернаго моря и Персидскаго залива—съ другой. Замѣчательно характеристичнымъ является то обстоятельство, что такія же горькія жалобы о голодѣ получаются и изъ тѣхъ мѣстностей, откуда населеніе ожидало наиболѣе помощи.— Хотя Албанцы и показываютъ сильное стремленіе къ самостоятельности, но однако не намѣрены совершенно отложиться отъ Турціи. Вождь миридитовъ, Пренкъ-Бибъ-Дода, какъ мы сообщали, занялъ Скутари; официальная газета въ этомъ городѣ издается не на турецкомъ языкѣ, а на албанскомъ; турецкіе чиновники, не высказавшіе сочувствія къ движенію, удалились изъ области. По слухамъ, лига имѣетъ въ виду образовать изъ *Албаніи автономное княжество* (населеніе равняется, приблизительно 2-мъ милліонамъ) *подъ верховною властью султана.* Называютъ уже и кандидата въ князья: это—Али-Паша, который, въ случаѣ провозглашенія его княземъ, будетъ имѣть резиденцію свою въ Гусиньи. Замѣчательна предупредительность, съ которою албанскіе лигеры относятся къ Австріи: одинъ изъ начальниковъ албанскихъ войскъ, Петри-бей, командующій силами, сосредоточенными между Новымъ-Базаромъ и Призреномъ, далъ строжайшее предписаніе не переступать границъ округа, занятаго австрійскими войсками.

Австрія нѣсколько успокоилась послѣ впечатлѣнія, произведеннаго замѣной торіевъ вигами и Биконсфильда Гладстономъ, впечатлѣнія, тѣмъ болѣе сильнаго, что Гладстонъ прямо и не обинуясь, выразилъ (весьма рѣзко) порицаніе свое австрійской политикѣ. На дняхъ происходило объясненіе по этому именно поводу между австрійскимъ посланникомъ, графомъ Кароли и новымъ премьеромъ. Графъ, руководясь полученными инструкціями, далъ необходимыя увѣренія Гладстону, который и отвѣтилъ (письменно), между прочимъ, слѣдующее: относительно враждебнаго отношенія моего къ внѣшней австрійской политикѣ не стану скрывать серьезныя опасенія о томъ, что Австрія имѣетъ въ виду играть на Балканскомъ полуостровѣ роль противную интересамъ освобожденныхъ народностей и препятствовать законнымъ ожиданіямъ нынѣшнихъ подданныхъ султана. Теперь вы увѣряете, что австрійское *правительство не имѣетъ ни малѣйшаго желанія расширить или* же распространить *права, пріобрѣтенныя по Берлинскому трактату* и находите даже всякое подобное расширеніе

(Продолженіе на стр. 409, 410, 411 и 412).

Робертъ Шуманъ, композиторъ. Рис. Цейне.

вреднымъ для Габсбургской монархіи. Если бы это мнѣ было извѣстно прежде, то я, конечно, не сталъ бы употреблять выраженій, которыя вы, совершенно вѣрно признаете оскорбительными; заключавшееся же въ нихъ порицаніе я согласенъ нынѣ совершенно изгладить изъ моихъ мыслей.“

Выше мы говорили, что Грэнвилль взялъ на себя починъ соглашенія державъ относительно Балканскаго полуострова. Въ этихъ видахъ англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ обратился недавно съ циркулярной нотой. Въ ней онъ обращаетъ вниманіе великихъ державъ на то, что до сихъ поръ нѣкоторыя постановленія Берлинскаго трактата остаются еще невыполненными и указываетъ на вопросы, рѣшенія которыхъ англійское правительство считаетъ безотлагательно-необходимымъ. Нота вмѣстѣ съ тѣмъ заявляетъ о намѣреніи правительства Англіи оставаться на почвѣ Берлинскаго трактата.

Недавно у имперскаго канцлера, князя Бисмарка происходилъ обычный парламентскій вечеръ, отличавшійся на этотъ разъ особеннымъ многолюдствомъ. Большая зала съ трудомъ вмѣщала толпившихся въ ней гостей, въ числѣ которыхъ, кромѣ членовъ рейхстага и союзнаго совѣта, было много и другихъ высокопоставленныхъ лицъ. Князь Бисмаркъ былъ особенно привѣтливъ съ Виндгорстомъ, а также съ президентомъ рейхстага, графомъ Арнимомъ-Бейценбургомъ. Гамбургскаго депутата, сенатора Ферсмана, онъ встрѣтилъ довольно холодно, но и сенаторъ велъ себя довольно сдержанно. Князь былъ въ отличномъ настроеніи духа и за ужиномъ разсказывалъ не мало анекдотовъ Между прочимъ, по поводу того обстоятельства, что сынъ Бисмарка, графъ Вильгельмъ, подалъ, въ качествѣ депутата въ рейхстагѣ, голосъ противъ предложенія отца о городѣ Гамбургѣ,— канцлеръ объяснилъ, что съ самыхъ малыхъ лѣтъ онъ воспитывалъ въ своихъ сыновьяхъ независимый характеръ, не смотря на всѣ возраженія жены, онъ разрѣшалъ имъ, съ 6-ти лѣтняго возраста, свободно и безъ спросу уходить изъ дому и не отдавая отчета въ томъ, что они дѣлали. Желая показать, что онъ нисколько не сердится за оппозицію, князь Бисмаркъ уклонялся отъ всякаго разговора, имѣвшаго политическій оттѣнокъ.

Борьба въ Американскихъ Штатахъ по президентскимъ выборамъ оказывается весьма нерѣшительною, на предварительныхъ собраніяхъ и въ мѣстныхъ конвентахъ, подготовляющихъ работу приближающагося національнаго конвента. Въ то время какъ журналистика, стоящая за *Гранта*, утверждаетъ, что шансы его сильно ростутъ, въ особенности въ южныхъ штатахъ, съ другой стороны сообщается, что агитація противъ кандидатуры Гранта принимаетъ все большіе размѣры. Въ Нью-Іоркскомъ „Шерманъ-клубѣ“ сенаторъ Гендерсонъ изъ Миссури заявилъ недавно, что избраніе Гранта привело, будто бы, къ уничтоженію республиканской партіи и что надо оставить мысль—возвышать солдата до президентства, такъ какъ это соединено съ опасностью для штатовъ и не согласуется съ традиціями 32-хъ-лѣтняго гражданскаго управленія Джефферсона, Адамса, Модисона и Монроэ. Республиканскій центральный избирательный клубъ, который уже окончательно организованъ, высказывается теперь противъ всякаго избранія въ третій разъ одного и того же лица. Генералъ Грантъ продолжаетъ свое путешествіе по южнымъ штатамъ чрезъ Виксбургъ въ Мемфисъ и оттуда въ Арканзасъ, гдѣ ему оказана весьма сочувственная встрѣча. Однако, не смотря на выражаемую ему почти повсюду симпатію и со стороны республиканцевъ, и даже, со стороны нѣкоторой части демократической партіи, — едва ли, какъ слышно, южные штаты доставятъ ему недостающее для большинства число голосовъ на собраніи въ Чикаго. Въ народѣ, вообще, также онъ не насчитываетъ достаточнаго количества приверженцевъ, такъ что кандидатура его довольно слаба.

Вновь открытый въ Боннѣ, памятникъ Роберту Шуману. Исполн. проф. Доидерфомъ. Грав. Кнезебергъ.

Разныя извѣстія.

Вьетанъ, знаменитый виртуозъ на скрипкѣ, въ настоящее время проживаетъ въ Бабъ-Ацунъ (въ Алжирѣ). Недавно совершено покушеніе на его жизнь: какой-то арабъ нанесъ ему камнемъ ударъ по головѣ; Вьетану, однако, удалось схватить злоумышленника за руки и этимъ ослабить силу удара; нанесенная ему рана не опасна. Причина нападенія еще неизвѣстна—ее приписываютъ фанатизму.

Новое изобрѣтеніе. Открытіе, сдѣланное Томасомъ Гильхристомъ, должно быть отнесено къ такимъ, которыя не останутся безъ вліянія на многія условія жизни. Оно состоитъ въ способѣ очищенія желѣза отъ фосфора. Какъ извѣстно для производства стали можетъ быть употреблена только такая желѣзная руда, въ которой не содержится фосфора, а такъ какъ Франція, Англія, Германія весьма бѣдны подобными рудами, то онѣ принуждены платить значительную дань Испаніи и Швеціи, изобилующимъ такими рудами. Вотъ настоящая причина дороговизны стали, столь необходимой для сооруженія кораблей, для рельсовъ и другихъ работъ.

Томасу Гильхристу удалось дешевыми способами очистить вполнѣ желѣзо отъ фосфора. Такимъ образомъ *изъ всякой желѣзной руды можетъ быть выдѣлана сталь.*

Излишне было-бы говорить о громадномъ примѣненіи желѣза; довольно вспомнить желѣзнодорожные рельсы, броню и обшивку кораблей, чтобы каждому понятна стала огромная выгода замѣщенія желѣза — сталью. Изобрѣтатели за уступку привилегіи на Германію получаютъ по одной маркѣ за каждую тонну выдѣланнаго по ихъ способу желѣза. Одинъ американскій заводъ заплатилъ имъ за однѣ лишь опыты по этому изобрѣтенію 250,000 марокъ; за привилегію же платятъ имъ 2.000,000 марокъ. Въ газетахъ у насъ уже появились извѣстія о скупкѣ старыхъ рельсовъ за границу, конечно въ виду такого важнаго изобрѣтенія.

Новое употребленіе телефона. Судебный приставъ въ с. Луи сдѣлалъ недавно вызовъ въ судъ тяжущихся сторонъ посредствомъ телефона. Судьи признали подобный способъ вызова вполнѣ законнымъ. Вскорѣ можно будетъ приговорить къ смерти и казнить человѣка, не заставляя его покидать своего дома. Для этаго достаточно бы было провести между судомъ и домомъ обвиняемаго двѣ проволоки, одну для передачи судебныхъ преній и приговора, другую для исполненія казни посредствомъ сильной электрической искры.

РЕБУСЪ.

Рѣшеніе шашечной задачи № 23.

Черныя.	Бѣлыя.
Съ № 22 на № 18	Съ № 14 на № 21
„ № 31 „ № 28	„ № 32 „ № 19 и 29
„ № 2 „ № 15	„ № 12 „ № 19
„ № 27 „ № 22	„ № 19 „ № 26

Вѣрныя рѣшенія этой задачи прислано: **Спб.** отъ гг. Пороховщикова, М—скаго, Журкина, Грикурова, И—ва, Эммануэля, Елисѣева, Кулева, Журавлева, Клементъ, **Москва**—Ковырева, Соловьева, Звѣрева, Гаврилова; **Харьковъ**—Овсянникова, **Муромъ**—Голубева, **Орелъ**—Семенова, **Тверь**—Олимпова, **Копысь**—Гинзбурга, **с. Липицы**—Медвѣдникова, **Сапожокъ**—Бѣлякова.

Рѣшеніе задачи буквъ № 36.

О	с	т	р	о	в	с	к	і	й
				Н	е				
			в	с	е	к			
		о	т	у	м	а	с		
	л	я	н	и	ц	а	Г	р	
	о	з	а	Т	р	у	д	о	
		в	о	й	х	л	ѣ		
			б	ъ	Л	ѣ			
				с	ъ				

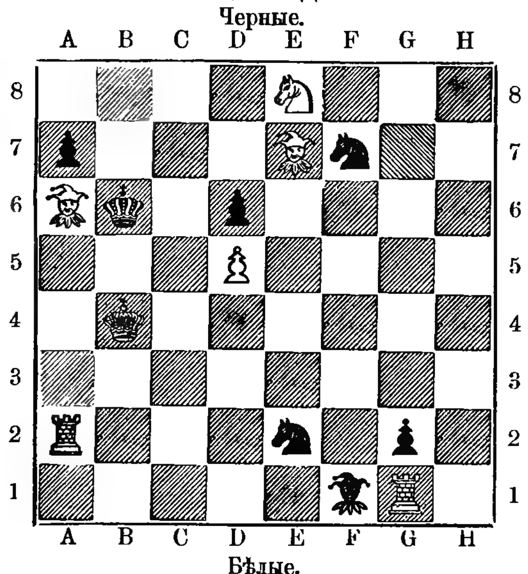
1) Цугъ.
2) Дуло.
3) Вася.
4) Коза.
5) Вѣра.
6) Лѣто.
7) Сто.
8) Рейн.
9) Невскій.
10) Холм.
11) Бистръ
12) Ос.

Островскій. Не все коту масляница.
Гроза. Трудовой хлѣбъ. Лѣсъ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: **Москва** отъ гг. Корешкова, Пупырникова, Рисова, Куницына, Зѣвакина; **Спб.**—Высоцкой; **Орелъ**—Новицкой, **Ревель**—Быкова.

Шахматная задача № 39.

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ въ 2 хода.

Рѣшеніе магическихъ квадратовъ. №№ 33 и 34.

г	о	р	о	д
о	с	е	т	р
р	е	б	р	а
о	т	р	о	к
д	р	а	к	а

е	в	н	у	х
в	р	а	к	и
н	а	к	о	л
у	к	о	р	ы
х	и	л	ы	й

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала «Нива» проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

Издатель **А. Ф. Марисъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

Дозволено цензурою СПБ. 8 мая 1880 г. **Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.** Тип. Вейнинга, ... № 10.

XI годъ № 21 | годъ XI 1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 модн. рис. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 24 Мая 1880 г. Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Н. И. Пироговъ.

Въ настоящемъ году исполняется пятидесятилѣтній юбилей замѣчательной дѣятельности нашего знаменитаго ученаго. Слава Россіи, одинъ изъ лучшихъ дѣятелей современной эпохи, хирургъ и педагогъ, Н. И. Пироговъ имѣетъ самую обширную извѣстность какая можетъ выпасть на долю человѣка его спеціальности. Сочиненія его „Полный курсъ анатоміи человѣческаго тѣла“, „Анатомическія изображенія наружнаго вида и положенія органовъ, заключающихся въ трехъ главныхъ полостяхъ человѣческаго тѣла“, были написаны въ 1843 году и обратили уже тогда на себя общее вниманіе и вновь были изданы въ 1850 году. Какъ педагогъ онъ выступилъ въ 1852 г. со своею извѣстною статьею „Вопросы жизни“ и кромѣ того съ рядомъ статей педагогическихъ, которыя были собраны въ одну книгу, уже имѣвшую нѣсколько изданій. На нѣмецкомъ языкѣ Н. И. Пироговъ издалъ огромный капитальный трудъ по военной хирургіи, возбудившій удивленіе и общее признаніе европейскихъ ученыхъ.

Н. И. Пироговъ. По поводу его 50-тилѣтняго юбилея.
Съ фотогр. грав. К. Вейерманъ.

Н. И. родился въ 1810 году. Окончивъ курсъ въ Дерптскомъ университетѣ въ 1830 году, онъ получилъ степень доктора медицины. Въ слѣдующемъ же году посланный заграницу, для усовершенствованія въ своей спеціальности, въ 1832 г. по возвращеніи въ Петербургъ, назначенъ былъ ординарнымъ профессоромъ дерптскаго университета. Въ 1839 г. онъ предпринялъ ученое путешествіе въ Парижъ на средства университета а въ 1841 г. уже былъ переведенъ профессоромъ въ Петербургскую Медико-Хирургическую Академію. Здѣсь занялъ онъ кафедры госпитальной хирургіи и патологической анатоміи и въ тоже время былъ назначенъ главнымъ врачемъ хирургическаго отдѣленія при 2 военномъ сухопутномъ госпиталѣ. Въ то же время онъ былъ назначенъ вице-директоромъ петербургскаго инструментальнаго заведенія и членомъ комитета учрежденнаго при медицинскомъ департаментѣ для пересмотра и улучшенія хирургиче-

скихъ инструментовъ. Въ 1847 г. Н. И. получилъ званіе академика и по Высочайшему повелѣнію командированъ съ важными порученіями по медицинской части на Кавказъ. За блестящее исполненіе возложенныхъ порученій Н. И. получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и орденъ св. Анны 2-й степени. Во время крымской компаніи онъ былъ назначенъ главнымъ докторомъ войскъ, расположенныхъ въ Крыму, а по окончаніи ея въ чинѣ тайнаго совѣтника сдѣланъ попечителемъ одесскаго учебнаго округа. Въ непродолжительное свое тамъ пребываніе а также и въ Кіевскомъ учебномъ округѣ, въ томъ же званіи, Н. И. пріобрѣлъ полное уваженіе всѣхъ, за тѣ обдуманныя и раціональныя мѣры, которыя онъ принималъ для устройства и поднятія ввѣреннаго ему дѣла. Въ 1861 г. Н. И сдѣланъ членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія и снова командированъ за границу для руководствованія въ занятіяхъ молодыхъ медиковъ. отправляемыхъ туда на казенный счетъ съ научными цѣлями. Хирургическія знанія и множество блестящихъ операцій сдѣлали имя Пирогова извѣстнымъ цѣлому свѣту,—его приглашали на консультаціи въ самыхъ трудныхъ случаяхъ и совѣты его принимались съ уваженіемъ разными знаменитостями европейской науки. Онъ былъ при одрѣ болѣзни покойнаго Цесаревича Николая Александровича, и у постели Гарибальди, раненаго при Аспромонте, ѣздилъ на театръ войны Франко-Германской, вывезя оттуда много замѣчательнѣйшихъ наблюденій и въ послѣднюю великую войну Русско-Турецкую, престарѣлый ученый былъ среди нашихъ войскъ. Слава его, какъ врача, огромна и мнѣнія его въ оперативной хирургіи служатъ авторитетомъ. Такую плодотворную, дѣятельную и полную глубокаго значенія жизнь не часто дается прожить человѣку на землѣ—именно такую жизнь какую дано было прожить нашему знаменитому ученому.

Королевичъ Владиславъ

Историческая повѣсть

(1618 г).

В. Политковскаго.

(Окончаніе).

X.

Не далеко отъ села Тушина, кустами возлѣ дороги, пробирался какой-то человѣкъ, высокаго роста, съ блѣднымъ и болѣзненнымъ лицомъ; небольшая борода и длинные волосы были всклокочены, голова ничѣмъ не покрыта, ноги босыя, а холщевая рубаха и порты были изношены и грязны, едва прикрывая лохмотьями исхудалые члены несчастнаго, блуждающіе глаза котораго ясно говорили, что онъ безумный.

Онъ шелъ неровными, то быстрыми, то медленными шагами, бормоча что-то и вздрагивая отъ холода. Это было 20-го сентября и погода въ послѣдніе дни внезапно перемѣнилась: стало пасмурно и холодный сѣверный вѣтеръ нагонялъ мелкій дождь, до костей пронизывающій.

По дорогѣ все ближе, да ближе слышался топотъ и шумъ. Безумный остановился и обернувшись сталъ смотрѣть вдаль. Проѣхало нѣсколько отрядовъ конницы; ему захотѣлось поглядѣть поближе и онъ вышелъ на дорогу.

— Посторонись! крикнули ему; но онъ не двигался съ мѣста; блестящая кавалькада скакала прямо на него; впереди ѣхалъ королевичъ Владиславъ, и его лошадь испуганно шарахнулась. Скакавшіе за нимъ драгуны хотѣли ударами отогнать страннаго человѣка, но Владиславъ остановилъ ихъ.

— Это идіотъ!.. несчастный и полу-раздѣтъ въ такой холодъ!.. Эй, любезный!.. Кто ты и откуда?..

Безумный засмѣялся.

— Князь!.. Князь Егуновъ... возьми меня съ собой!.. сказалъ онъ.

Владиславъ поблѣднѣлъ: онъ слышалъ фамилію Егунова-Черкасскаго и зналъ, что такъ звали дядю Елены.

— Ты знаешь князя... Княжну Елену?.. спросилъ онъ.

Безумный потеръ рукой лобъ.

— Княжна Алена! повторилъ онъ. Изъ Славкова...

— Да!.. да!.. такъ зовутъ село... ты былъ тамъ когда сгорѣлъ замокъ князя?.. расправшивалъ королевичъ, но безумный потерялъ нить своихъ воспоминаній; онъ только повторялъ одно: „Князь!.. возьми меня съ собой“... На дальнѣйшіе распросы онъ отвѣчалъ, что имя ему „Топоръ“ и показывалъ на большой шрамъ на головѣ. Владиславъ велѣлъ взять его и одѣть.

Съ 20-го сентября 1618 года королевичъ Владиславъ сталъ съ своимъ войскомъ въ селѣ Тушинѣ, которому приходилось въ послѣднее время играть такую важную роль въ исторіи Москвы.

Едва вздохнувъ послѣ самозванщины со всѣми ея ужасами, Москва готовилась къ новымъ бѣдствіямъ. Съ утра до поздняго вечера раздавался благовѣстъ колоколовъ, происходили молебствія да крестные ходы; отъ зари до зари тянулись по улицамъ подводы и шли сотнями люди, помѣщики и крестьяне подмосковныхъ селеній, со своими семьями и пожитками, ища защиты въ стѣнахъ бѣлокаменной, златоглавой Москвы. Гонцы и вѣстовщики скакали по всѣмъ направленіямъ; войска собирались къ своимъ мѣстамъ; на стѣнахъ и рвахъ шла спѣшная, дѣятельная работа; улицы, ворота укрѣпляли и загораживали, предвидя „приступленіе“ вражьихъ силъ. При всемъ этомъ движеніе не слышно было ни криковъ, ни громкихъ рѣчей или смѣха; лица у всѣхъ были мрачны и озабочены; разговаривали тихо, вздыхая и крестясь на храмы.

Вѣсти приходили дурныя и минутное затишье предвѣщало грозу, которая неминуемо должна была разразиться надъ несчастной столицей; уже полукругомъ охватили ее польскія войска, а съ другой стороны надвигались казачьи таборы, не менѣе враждебные и ужасные.

Гетманъ Сагайдачный подошелъ изъ Бронницъ къ Донскому Монастырю: гонцы привезли ужасное извѣстіе о томъ, что казаки соединились съ поляками, а московскіе воеводы, объятые ужасомъ, не могли остановить движеніе казаковъ, но поспѣшно отступили въ кремлевскія стѣны. Ко всѣмъ этимъ бѣдамъ прибавился еще ужасъ отъ сверхъестественнаго небеснаго знаменья, которое москвичи, разумѣется, истолковали предвѣстіемъ погибели рода православнаго. Ночью поднялись въ Москвѣ плачъ, рыданія, смятеніе и страхъ великій: надъ самымъ Кремлемъ явилась на небѣ необыкновенно яркая звѣзда, переливавшаяся радужными цвѣтами съ предлиннымъ хвостомъ, изъ котораго какъ чудилось испуганнымъ жителямъ, сыпались огненныя искры... Старожилы не помнили такой большой кометы, а духовенство объясняло ея явленіе такъ: „Господь Богъ осерчалъ-де на Москву за превеликія ея прегрѣшенія и вотъ по милости своей посылаетъ намъ знаменье о скорой погибели, дабы грѣшники могли покаяться и попещись о спасеніи своихъ душъ!.. Молитесь же, поститесь и кайтесь!..

— Быть Москвѣ взятой ляхами!.. пропали наши головушки!.. голосили старики да старухи и приводили всѣхъ въ уныніе и трепетъ.

Всѣ высшіе сановники и самъ государь Михаилъ Ѳедоровичъ раздѣляли общее тревожное настроеніе и хоть дѣлали приготовленія къ оборонѣ Москвы, но почти не сомнѣвались въ неизбѣжномъ ея взятіи непріятелемъ, который окружалъ ее несмѣтными силами. И день и ночь москвичи видѣли въ ея окрестностяхъ то дымъ, то зарево пожаровъ. Казаки да польскіе волонтеры безъ устали палили покинутыя жителями селенія, а комиссары отъ имени королевича требовали сдачи Москвы, посылая туда грамоты, которыя московскіе бояре рвали да дегтемъ мазали и въ такомъ видѣ возвращали посланнымъ. Это выводило комиссаровъ изъ терпѣнія, особен-

но же бѣсились Сапѣга, Гонсѣвскій, Ходкѣвичь и Новодворскій. Одинъ Владиславъ довольно хладнокровно относился къ приготовленіямъ „приступленія московскаго“. Въ послѣднее время онъ замѣтно упалъ духомъ и сталъ молчаливѣе и блѣднѣе обыкновеннаго, что отчасти произошло вслѣдствіе неизвѣстности объ участи Елены, а частью и отъ наступившихъ холодовъ, которые очень давали себя чувствовать непривычнымъ къ нашему климату полякамъ да казакамъ. Комиссары настоятельно требовали, чтобы королевичь назначилъ день „приступленія“, но по необъяснимой для нихъ причинѣ, онъ колебался и думая безмолвно о мрачной цѣли похода, говорилъ: разорю ли я свою столицу?.. сяду ли я на престолъ надъ ея пепломъ и развалинами“, а самъ между тѣмъ думалъ: „Быть можетъ Елена тамъ и въ общемъ смятенiи побоища неизбѣжно погибнетъ отъ руки какого нибудь убійцы!“...

Безумный, взятый въ Тушинѣ, вездѣ сопутствовалъ Владиславу; онъ радовался, глядя на коней и на блестящую одежду всадниковъ. Однажды подъ вечеръ Владиславъ съ небольшой свитой объѣзжалъ вокругъ укрѣпленій и довольно близко приблизился къ валу незамѣченный сторожевыми; вдругъ онъ замѣтилъ быстро бѣгущаго къ нимъ человѣка: онъ остановился и на всякій случай вынулъ изъ-за пояса пистолетъ. Приближавшійся казался молодымъ парнемъ, онъ махалъ зеленой вѣткой можжевельника.

Безумный захохоталъ и радостно воскликнулъ:

— Княжна Алена!..

Сопровождавшіе королевича засмѣялись.

— Похоже на то!.. сказалъ Станиславъ.

Но королевичь быстро поскакалъ на встрѣчу къ парню. Вотъ онъ нагнулся, подхватилъ его и посадивъ передъ собою на сѣдло, поворотилъ коня.

Изъ-за вала высунулись головы сторожевыхъ: поднялась суматоха и нѣсколько всадниковъ выскочили изъ-за укрѣпленія.

— Спасайтесь... Ихъ вдвое больше насъ! крикнулъ Станиславъ.

— Стой, развѣдчики окаянные!.. раздалось со стороны скакавшихъ московскихъ стрѣльцовъ.

Нѣсколько пуль просвистало надъ головами поляковъ. Владиславъ, прижимая къ груди Елену, обернулся и, приподнявшись на стременахъ, выстрѣлилъ изъ пистолета. Эта минутная остановка стоила ему очень дорого... Одинъ изъ стрѣльцовъ опередивъ товарищей выпалилъ изъ тяжелой пищали. Лошадь королевича взвилась на дыбы и понеслась съ неудержимой быстротою.

Наконецъ погоня прекратилась: вотъ ужь польскіе аванпосты, горятъ костры и солдаты спокойно варятъ въ котлахъ набранную ими въ продолженіи дня провизію. Проѣзжая мимо костра, Владиславъ замѣтилъ, что по бѣлой лоснящейся шерсти его жеребца струится кровь:

— Бѣдный конь, ты раненъ!.. сказалъ онъ и провелъ рукой по его шеѣ...

— Дорогая Елена, мы спасены!.. теперь ты моя навѣки, продолжалъ онъ заглядывая въ лицо своей любезной... но нѣтъ отвѣта, лицо ея неподвижно, глаза закрыты, лобъ холодный.

Владиславъ въ ужасѣ вскрикнулъ и остановился.

Свита окружила его и сняла съ сѣдла мертвую дѣвушку!.. Но онъ еще не вѣрилъ, онъ припалъ къ ея трупу, искалъ признаковъ жизни... Пуля стрѣльца попала прямо подъ лѣвую грудь и смерть была мгновенна... Это ея кровь обагрила шею коня.

Блѣдная, но прекрасная лежала Елена на землѣ; пламя костра освѣщало ея уста, на которыхъ застыла блаженная улыбка... Окруженный своими, безмолвно и безъ жалобъ стоялъ королевичь, мысленно прощаясь съ мечтами пылкой юности.

Густая, черная коса Елены, спрятанная въ шапкѣ, распустилась и лежала на ея груди. Владиславъ наклонился и кинжаломъ отрѣзалъ это дѣвичье украшеніе, которое теперь было бы добычей могилы...

— Станиславъ!.. поручаю тебѣ похоронить Елену!.. сказалъ королевичь и обращаясь къ Москвѣ воскликнулъ:

— Завтра я войду въ Кремль и сяду на царскій престолъ... либо обращу въ пепелъ и развалины негостепріимную столицу...

Въ тотъ же вечеръ на совѣтѣ комиссаровъ было рѣшено идти на „приступленіе московское“ въ ночь съ 30-го сентября на 1-е октября.

Одинъ отважный шишъ (шпіонъ) проникъ въ польскій станъ и возвратясь въ Москву, донесъ государю.

— Ляхи чинятъ-де боевые припасы: рати сбираютъ и на самый Покровъ хотятъ учинить приступленіе къ Москвѣ отъ Арбатскихъ, да отъ Тверскихъ воротъ сразу...

Вслѣдствіе этаго донесенія, къ Тверскимъ и Арбатскимъ воротамъ были отправлены самыя надежныя рати. Медлить было нечего и закипѣли приготовленія къ защитѣ; тихо и осторожно, еще къ 29-му числу, всѣ средства къ оборонѣ были приняты. Кромѣ укрѣпленій у воротъ, почти у каждаго боярскаго дома были приготовлены камни, бревна, даже телѣги и всякая громоздкая утварь для баррикадъ. Москвичи собрались оспаривать у враговъ каждый шагъ и биться на смерть.

Домъ князя Егупова-Черкасскаго находился на Арбатѣ и выступая на улицу, составлялъ отличный пунктъ для барикады, чѣмъ князь и хотѣлъ воспользоваться; какъ самъ онъ, такъ и его Ваня оживленно и съ энергіей отдавали приказанія челядинцамъ и выкатывали къ улицѣ съ широкаго двора все, что могло служить къ оборонѣ и остановкѣ врага. Не разъ лицо князя омрачалось при воспоминанiи о необъяснимомъ исчезновенiи его Алены; не разъ ужасная мысль какъ острый ножъ проникала въ его сердце!.. „Не перебѣжала-ль она ко врагу?.. Вѣдь живучи межь нихъ она совсѣмъ ополячилась... Чего добраго зазноба у ней тамъ была; не даромъ она все тосковала да плакала, какъ пришли эти окаянные?“...

У самыхъ Арбатскихъ воротъ стояли съ отрядомъ: Антоновъ, Иванъ Урусовъ и Данила Леонтьевъ; отъ Арбатскихъ до Никитскихъ въ нѣсколькихъ пунктахъ размѣщены 460 ратниковъ подъ начальствомъ окольничьяго Никиты Васильевича Годунова, который стоялъ возлѣ самаго дома князя Егупова-Черкасскаго и принялъ Ваню подъ свое покровительство.

Тверскими, Петровскими, Срѣтенскими воротами и Трубой командовалъ князь Григорій Волконскій, да князь Мезецкій Данила; у нихъ было 570 человѣкъ войска, да человѣкъ съ 30 конныхъ людей; кромѣ того у Тверскихъ воротъ стояли для защиты Василій Монастыревъ, Семенъ Дуниловъ и Дьякъ Головинъ.

Ночь на 30-е сентября и весь день прошелъ благополучно. Москвичи помолились у вечерни и легли спать, собираясь еще до свѣту идти къ утрени по случаю великаго праздника Покрова Пресвятыя Богородицы, чтобы по обычаю участвовать во время литургіи на Крестномъ ходу изъ Покровскаго Собора, что на Красной площади къ Кремлевскимъ Соборамъ... Но не суждено было москвичамъ спокойно встрѣтить и проводить этотъ праздникъ!

Съ вечера погода была ненастная, а ночью такъ стемнѣло, что въ двухъ шагахъ не было ни зги видно.

Поляки тихо и украдкою двинулись къ приступленію, въ надеждѣ, что можно захватить врасплохъ сонную Москву; особенно радовала ихъ темнота, подъ прикрытіемъ которой они подвигались незамѣтно для сторожевыхъ отрядовъ. Раздѣливъ войско на два корпуса, непріятель повелъ аттаку на Арбатскія и на Тверскія ворота.

Словно по молитвѣ Святой Заступницы, которой праздновали начинавшійся день 1-го октября, въ самую пол-

Жертва океана. Картина О. Кирберга, грав. Бренд'Амуръ.

ночь небо прояснилось и полная луна облила своимъ волшебнымъ свѣтомъ панораму Москвы и ея окрестностей. Осажденные, увидавъ врага подъ самыми стѣнами, подняли тревогу и черезъ нѣсколько минутъ какъ электрическая искра пробѣжала по рядамъ; всѣ схватились за оружіе и приготовились встрѣтить нападеніе. Поляки смутились неожиданной перемѣной и увидѣли что намѣреніе ихъ захватить осажденныхъ врасплохъ не удалось, но медлить было поздно и они съ криками бросились на пригороды, которые были слабо защищены, а потому поляки ихъ взяли почти безпрепятственно. Ободренные враги съ неудержимой силой надвинулись къ стѣнамъ, не смотря на сильную пальбу осажденныхъ. Подтащивъ лѣстницы, поляки стали по нимъ взбираться, но лѣстницы оказались коротки. Ходкевичъ бѣсился и осыпалъ проклятіями недосмотръ своихъ инженеровъ, а москвичи, видя неудачу и смятеніе нападавшихъ, принялись осыпать ихъ пулями, которыя очень мѣтко попадали въ близкомъ разстояніи; при этомъ были пущены въ ходъ бревна, камни, растопленная смола и даже кипятокъ; опрокинутыя лѣстницы падали, увлекая цѣплявшихся за нихъ поляковъ, которые въ свою очередь падая, давили стоявшихъ внизу, а подходившіе сзади, не зная причины суматохи, давили другъ друга... Вмѣсто побѣдныхъ криковъ, стали раздаваться жалобы и стоны раненыхъ; послѣ тщетной попытки привести наступленіе въ порядокъ, Ходкевичъ далъ приказъ къ отступленію. Это происходило со стороны Тверскихъ воротъ, а одновременно съ тѣмъ начался приступъ и къ Арбатскимъ пригородамъ, куда шелъ Новодворскій съ лучшей частью войска. Мальтійскій кавалеръ, нѣкогда взявшій Смоленскъ, повелъ приступъ ловко и тактично; онъ былъ мастеръ своего дѣла.

Не болѣе какъ черезъ полчаса первую цѣпь защищавшую пригородъ прорвали и Новодворскій приведя свое войско въ порядокъ, не спѣша пошелъ къ Арбатскимъ воротамъ; пока солдаты перестрѣливались съ осажденными, самъ Новодворскій съ инженерами устраивалъ мину, съ цѣлью взорвать стѣны.

XI.

Недалеко отъ него стоялъ человѣкъ одѣтый въ одежду волонтера, съ тяжелымъ самопаломъ въ рукахъ, но онъ не принималъ никакого участія въ сраженіи: онъ все оглядывался кругомъ, то бралъ въ руку винтъ которымъ заводилось колесо его неуклюжаго оружія, то опять опускалъ руку, словно не зная куда направить выстрѣлъ. Это былъ безумный „Топоръ", который видя приготовленія къ сраженію, все приставалъ, чтобы ему дали оружіе; Новодворскій шутя велѣлъ дать ему ржавый, почти негодный самопалъ и „Топоръ" такъ обрадовался, что смѣялся и цѣловалъ его какъ игрушку. Когда началась стрѣльба, крики и рукопашный бой при занятіи пригорода, безумный сначала было оробѣлъ, но не отставая шелъ въ рядахъ, что-то соображая и стараясь собрать свои растроенныя мысли... всякій выстрѣлъ отдавался въ его несчастной головѣ, проникая все далѣе подъ толстую оболочку окружавшую его мозгъ... болѣзненное ощущеніе мало по малу уменьшалось... проблески разума пробѣгали и опять погружали несчастнаго въ мрачное безуміе... но вотъ подлѣ него взорвало немного пороху, просыпаннаго строителями мины, не причинивъ никому вреда. Оглушивъ на нѣсколько мгновеній безумнаго, это сотрясеніе произвело на него дѣйствіе трубы Архангела, пробуждающей мертвыхъ къ воскресенію... такъ и этотъ жалкій, потерявшій человѣческій разумъ, внезапно проснулся отъ мертваго сна... Какъ слѣпой, прозрѣвъ, былъ бы ослѣпленъ солнечнымъ сіяніемъ, такъ и сумесшедшій, получивъ сознаніе, былъ пораженъ и изумленъ... „Что это?., гдѣ я?.. съ кѣмъ сраженіе?.. Вѣдь это ляхи... я съ ляхами, въ одеждѣ ляха... Что со мной было... ужели я измѣнникъ, либо плѣнный?.." вотъ первыя мысли озарившія тму его мозга своимъ яркимъ пламенемъ.

Потомъ онъ осмотрѣлся и понялъ, что поляки затѣваютъ подкопъ подъ Москву... вотъ уже кавалеръ Новодворскій хочетъ запалить фитиль, проведенный въ яму съ порохомъ.

Въ эту критическую для осажденныхъ минуту, раздается глухой ударъ ржаваго самопала... и рука Новодворскаго прострѣленная на вылетъ безсильно опускается; озадаченные ратники, подхвативъ своего командира, относятъ его въ задніе ряды; въ первыя минуты смущенія, никто не замѣтилъ что выстрѣлъ былъ произведенъ безумнымъ, который бросился впередъ съ криками:

— Руби!.. бей... окаянныхъ, поганыхъ!.. и съ необыкновенной силой, взмахами тяжелаго приклада сталъ прокладать себѣ путь къ воротамъ.

Десятокъ сабель поднялись надъ несчастнымъ; еще минута и онъ былъ бы искрошенъ въ куски, но вотъ раздался крикъ: „Вылазка!"...

Ворота отворились и осажденные хлынули всесокрушающимъ потокомъ...

Впереди всѣхъ шелъ окольничій Никита Васильевичъ Годуновъ, а возлѣ него князь Егуповъ-Черкасскій съ своимъ Ваней, который размахивая мечемъ такъ и лѣзъ на враговъ. Вдругъ онъ натолкнулся на высокаго ляха, съ огромнымъ самопаломъ и ужь собрался раскроить ему башку, когда этотъ ляхъ схвативъ его въ охапку, радостно крикнулъ:

— Князь Ванюша!

Удивленный Ваня взглянулъ ему въ лицо:

— Нестеръ! воскликнулъ онъ и обнялъ бывшаго безумнаго.

Но времени не было для разспросовъ; насталъ жаркій рукопашный бой, пальба смолкла и враги схватились въ единоборство, поражая другъ друга мечемъ, ножемъ, топоромъ, или просто душа и кусая одинъ другаго... Нестеръ шелъ возлѣ Вани и расчищалъ вокругъ него мѣсто богатырскими ударами самопала... Поляки не выдержали: они быстро отступили и засѣли въ пригородахъ, гдѣ до утра отстрѣливались отъ вышедшихъ изъ города москвичей. Наконецъ изнуренные, обезкураженные, разстрѣлявшіе всѣ заряды, поляки по всѣмъ линіямъ предприняли отступленіе. „Московское приступленіе" окончилось для враговъ нашихъ полнѣйшей неудачей; москвичи вздохнули свободнѣй, какъ-то любовно посматривали на блѣднѣвшую къ утру комету, словно считали ее своей союзницей и благодарили за предзнаменованіе о пораженіи ляховъ.

На другой день послѣ неудавшагося приступа, Нестеръ шагалъ по московскимъ улицамъ по направленію къ Арбату, чтобы отыскать домъ князя Егупова-Черкасскаго, что было не совсѣмъ легко, потому что улицы были еще загромождены, во многихъ мѣстахъ перегорожены рѣшетками да канавами и повсюду стояли толпы стрѣльцовъ, изъ опасенія, чтобы не возвратились враги. Нестеръ только что отстоялъ обѣдню въ Кремлевскомъ соборѣ, гдѣ Государь и бояре присутствовали при благодарственномъ молебствіи за избавленіе Москвы.

Нестеръ совсѣмъ опамятовался; безуміе его было слѣдствіемъ слабости и болѣзни; но когда онъ окрѣпъ и попалъ въ сраженіе, прежнія физическія силы и умственныя способности къ нему возвратились. Одно его смущало: смутность и сбивчивость воспоминаній о промежуткѣ времени отъ встрѣчи съ Яшкой въ оврагѣ и до той минуты, когда онъ выстрѣлилъ въ Новодворскаго... „Что съ нимъ было и гдѣ онъ былъ?.." вотъ что ему хотѣлось бы узнать.

На поворотѣ въ переулокъ онъ встрѣтился съ мужикомъ, который не только не посторонился, а еще сталъ передъ нимъ съ видомъ недоумѣнія. Нестеръ толкнулъ его и хотѣлъ пройдти, но мужикъ схватилъ его за полу охабня и спросилъ:—Ты Нестеръ будешь, ай нѣту?..

Нестеръ съ изумленіемъ поглядѣлъ на мужика:—Нестеръ-то я точно что Нестеръ; а вотъ тебя-то не признаю!.. отвѣчалъ онъ.

— Эхъ дѣтина!.. память-то у тебя отшибло... ай Сидора рыжаго Тушинскаго дегтярника не помнишь?.. Еще избу-то строилъ мнѣ той осенью...

— И то дѣло!.. дядя Сидоръ... чтой-то ты бѣлъ нонѣ, а допрежде въ дегтю вымазанъ бывалъ такъ и ликъ-то твой не спознаешь... смѣялся Нестеръ.

— Я нонѣ деготь бросилъ... ну его... я хочу лабазъ завести... хлѣбомъ торговать... объяснилъ Сидоръ рыжій.

— Ой ли?.. видно кладъ нашелъ? распрашивалъ Нестеръ.

— Кладъ-то хоть не кладъ... а не токмо алтынъ.., рубли завелъ... таинственно говорилъ бывшій дегтярникъ. Я тебѣ повѣдаю... ты дѣтина добрый, не воръ...

— Постой... перебилъ его рѣчь Нестеръ, сперва повѣдай-ка мнѣ не видалъ-ли ты меня по осени?..

— Какъ не видать!.. да у кого-жь ты валялся еле живъ, какъ я тебя изъ оврага-то съ разбитой башкой на своемъ Сивкѣ вытащилъ?.. Вѣдь я все со своей старухой объ тебѣ радѣли... Эхъ сердечный... шибко ты хворалъ, не чаяли мы что живъ останешься, анъ сталъ на ноги, только башка твоя словно пустой горшокъ, ни смыслу въ ней, ни разума не было?.. Какъ есть безумный... Разъ я уѣхалъ съ дегтемъ, а старуха по воду пошла, а ты и убѣжалъ и пропалъ... Въ ту пору ляхи къ намъ пришли, съ самимъ королевичемъ, избы всѣ заняли, а насъ выгнали.

При этомъ разсказѣ, Нестеръ какъ будто сквозь сонъ вспомнилъ, что онъ видалъ ляховъ и съ ними жилъ. Онъ объяснилъ себѣ это тѣмъ, что его взяли въ полонъ и у него отлегло отъ сердца. Не измѣнникъ я... успокаивалъ онъ себя—а безумный плѣнникъ!.. Потомъ онъ напомнилъ Сидору о кладѣ.

— Да истинно кладъ Господь мнѣ послалъ... началъ разсказывать Сидоръ рыжій:

Вскорѣ послѣ Успенья ѣздилъ я въ Москву съ дегтемъ... распродамши весь, ѣду я домой... осталось-то всего съ Лагунку... вотъ ѣду это я и вижу посередь улицы народъ стоитъ и все-то бояре... я это хотѣлъ лошадь оборотить да назадъ ѣхать, какъ увидалъ меня одинъ бояринъ и кричитъ: эй дегтярникъ.., Продай дегтю... а я думавши, что на посмѣхъ они баютъ: изволь, говорю бояринъ, съ лагунку себѣ было оставилъ, да для твоей милости не пожалѣю... Окружили они мою телѣженку... все-то бояре въ бархатныхъ охабняхъ съ соболями, да золотомъ изъузорены... а одинъ держитъ грамоту и къ той грамотѣ на аломъ шнурѣ печать восковая... Вотъ, баютъ мы его высочество королевича Владислава прелестную грамоту дегтемъ вымазамши, назадъ ему пошлемъ съ отвѣтомъ: не надо де намъ царя латинскаго... И вымазали же они эту грамоту... усдобили зѣло!.. Послѣ того давай баютъ шапку!.. Я шапку подставилъ, а они мнѣ пригоршнями алтынъ полную шапку насыпали... и тотъ броситъ, и другой, и третій... боялся, что шапка-то лопнетъ... Я имъ въ ноги, а они все надъ грамотой хохочутъ... животики со смѣху поджимаютъ... Вижу про меня и забыли... я давай Богъ ноги... ѣду да оглядываюсь, не гонятся ли за мной... не помню, какъ домой доѣхалъ и въ ту же ночь шапку съ алтынами въ землю зарылъ... И хорошо что зарылъ... Ляхи отняли-бъ, а теперь она лежитъ себѣ въ береженіи, а какъ Господь поможетъ, ляховъ выгонятъ совсѣмъ... то-то я заживу.

— Тогда найми меня хоромы тебѣ состроить дубовы... засмѣялся Нестеръ и простясь съ счастливымъ дегтярникомъ, пошелъ далѣе.

Вотъ и домъ князя Егупова—сильнѣе забилось сердце Нестера... Жива ли Ѳенька?.. вечоръ въ сумятицѣ не посмѣлъ про нее спросить у молодаго князя Ванюши...

Только что онъ вошелъ въ ворота, какъ навстрѣчу ему бѣжитъ румяная, шустрая Ѳенька...

Черезъ два мѣсяца, передъ заговѣньемъ, они повѣнчались, князь поручилъ Нестеру обстроить за-ново свою раззоренную, спаленную усадьбу и далъ плотнику землицы, гдѣ онъ поставилъ себѣ избенку и зажилъ съ своей Ѳенькой припѣваючи, да поминаючи тестя покойнаго Степана Еремѣича... а Дениса не знали они какъ и поминать-то: о здоровіи, или за упокой... Ни объ немъ, ни объ княжнѣ Аленѣ вѣсти не было... Припоминалъ Нестеръ смутно, что видѣлъ ее мертвую и какой-то ляхъ вельможный косу ея ножемъ отрѣзалъ... но никому не повѣдалъ молодой плотникъ то, что онъ считалъ бредомъ безумнаго...

XII.

Отказавшись отъ надежды взять Москву приступомъ, поляки, обвиняя въ неудачѣ Ходкевича, предложили переговоры о мирѣ, которые и начались на рѣчкѣ Прѣснѣ, 20-го октября. Эти переговоры были такъ шумны и гнѣвны—уполномоченные перекидывались ругательствами забывая о дѣлѣ, сидя на коняхъ и окруженные вооруженными отрядами. Переговоры возобновлялись 23 и 25 октября, но не привели къ соглашенію. Москвичи нарочно медлили, выжидая морозовъ, которые сдѣлали бы поляковъ болѣе сговорчивыми. Дѣйствительно, Владиславъ, нетерпѣливо переносившій лишенія, которые не привели къ желаемому результату, уѣхалъ изъ Тушина по направленію къ Переяславлю, по этому четвертый съѣздъ уполномоченныхъ былъ за Срѣтенскими воротами 27 октября.

Послѣ того, когда и тутъ не произошло соглашенія, поляки подошли къ Троице-Сергіевской лаврѣ и потребовали свободнаго входа въ монастырскія стѣны, но иноки, испытавшіе крѣпость своихъ стѣнъ, отвѣчали выстрѣлами изъ пушекъ и пищалей. Въ иное время поляки не преминули бы осадить монастырь, но теперь имъ было не до битвы; войско истощенное голодомъ и холодомъ торопилось найти удобную стоянку и расположилось въ селѣ Рогачевѣ (Дмитровскаго уѣзда) откуда дѣлало набѣги на довольно далекое разстояніе, грабило и отнимало скотъ для своего продовольствія. Между тѣмъ подъ Бѣлозерскомъ часть разсыпавшагося по Новогородскимъ землямъ войска была настигнута воеводой княземъ Григорьемъ Тюфякинымъ и потерпѣло пораженіе. Сагайдачный, послѣ неудачныхъ битвъ подъ Серпуховымъ и Калугою, удалился въ свою сторону.

Поляки желали мира, а русскіе не могли отъ него отказываться, потому что у поляковъ былъ дорогой для московскаго государя плѣнникъ Филаретъ Никитичъ Романовъ, освобожденіе котораго надо было купить хотя-бъ и дорогой цѣною. 19 ноября Шереметевъ прибылъ въ Троице-Сергіевскую Лавру и узнавъ, что отрядъ поляковъ стоитъ въ селѣ Сватковѣ, (въ 10 верстахъ) послалъ къ Сапѣгѣ, Гонсѣвскому и выздоровѣвшему Новодворскому приглашеніе снова собраться для условій о мирѣ. Посланный Соловаго-Протасьевъ привезъ отъ пановъ согласіе возобновить переговоры въ деревнѣ Деулинѣ, (5 верстъ отъ лавры).

27 ноября былъ съѣздъ, на которомъ Шереметеву и другимъ боярамъ пришлось выслушивать отъ Льва Сапѣги и Гонсѣвскаго дерзкія и непристойныя рѣчи. Поляки грозили, что по веснѣ снова приведутъ еще сильнѣйшее войско; увѣряли, что въ Кіевѣ живетъ сынъ Тушинскаго самозванца и Марины Мнишекъ, Царевичъ Иванъ Дмитріевичъ, котораго они приведутъ на Московское царство...

Послѣ всѣхъ трудностей 1 декабря 1618 года въ деревнѣ Деулинѣ былъ заключенъ миръ на 14 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ на слѣдующихъ условіяхъ: Москва уступаетъ города: Смоленскъ, Бѣлую, Дорогобужъ, Черниговъ, Рославль, Почепъ, Трубчевскъ и др.; а королевичъ Владиславъ от-

ступаясь отъ русскаго престола, признаетъ законность государя Михаила Ѳедоровича и выводитъ свое войско изъ земли русской; кромѣ того съ обѣихъ сторонъ долженъ произойти размѣнъ плѣнныхъ, при чемъ поляки обязываются возвратить Филарета Никитича Романова.

Однако при исполненіи этихъ условій, вельможные паны, особенно же Гонсѣвскій и Сапѣга, начали по своему обыкновенію отступаться отъ обѣщаній и придираться. Послѣ новыхъ споровъ, да перекоровъ, только 1 іюня 1619 года окончился размѣнъ плѣнныхъ на рѣчкѣ Поляновкѣ, близь Вязьмы и Филаретъ Никитичъ возвратился въ Москву.

Пока шли переговоры еще въ октябрѣ 1618 года, ляхи, голодные какъ волки, рыскали по окрестностямъ Москвы, но уже не такъ безнаказанно какъ прежде: теперь ихъ нетрудно было побить въ небольшихъ шайкахъ и не только стрѣльцы да ратные люди, но и обыватели, возвращавшіеся на свои раззоренныя гнѣзда изъ болотъ да дремучихъ боровъ, вступали съ своими раззорителями въ схватки, гдѣ иногда выходили побѣдителями.

Рѣчка Вохна, притокъ рѣки Клязьмы, бурливо разлила свои сѣрыя струйки, то всплескивая, то журча монотонно и грустно, между поросшими густымъ да частымъ ельникомъ, крутыми берегами словно предчувствуя скорую неволю, подъ ледяной корой зимы. Темныя, нависшія облака, несутся по волѣ вѣтра, кажется вотъ, вотъ зацѣпятъ они и окутаютъ сырой мглою вершины елей, тревожно качавшихся и гудѣвшихъ тѣмъ унылымъ звукомъ, который такъ болѣзненно отдается въ душѣ человѣка, брошеннаго въ чащу хвойнаго лѣса осенней порою: но присутствіе человѣка не было замѣтно, а только большой бурый ястребъ зорко осматривалъ окрестности кружась надъ берегомъ, гдѣ была едва замѣтная тропа, сбѣгавшая къ рѣкѣ и доказывавшая, что тутъ былъ бродъ.

Надоѣло ли пернатому хищнику производить свои наблюденія или замѣтилъ онъ, что нибудь для себя опасное, вдругъ взмахнулъ онъ отяжелѣвшими отъ мелкаго дождя крыльями и полетѣлъ черезъ Вохну на другой берегъ, гдѣ и опустился въ густыя вѣтви огромной ели.

Подъ тѣмъ мѣстомъ гдѣ кружился ястребъ, скрытые въ чащѣ сидѣли да лежали десятка три людей, одѣтыхъ въ самые разнообразные костюмы: и въ мужицкой сермягѣ, и въ кафтанѣ ратника, и въ иноческой ряскѣ. Это былъ отрядъ охотниковъ, собравшихся не на ловчую потѣху, а на облаву хищниковъ другаго рода—на ляховъ да казаковъ, рыскавшихъ повсюду, гдѣ можно было добыть припасовъ, въ которыхъ они терпѣли большой недостатокъ.

Иноки Троице-Сергіевской лавры особенно отличались въ ту эпоху въ борьбѣ съ врагами: много совершили они замѣчательныхъ подвиговъ, частью занесенныхъ въ лѣтописи, но большею частью потерянныхъ для потомства.

Когда нужна была оборона монастыря, они храбро сражались на ея стѣнахъ, а теперь когда враги, не отваживаясь на осаду неприступной обители, грабили принадлежавшія къ ней селенія, иноки собирали толпы крестьянъ и служилыхъ людей и гонялись за разбойниками.

— Насилу отвязался... летаетъ надъ нами, словно падаль чуетъ... пробормоталъ одинъ инокъ, слѣдя глазами за отлетавшимъ ястребомъ.

Возлѣ него лежалъ, подперши голову руками, человѣкъ еще молодой, но носившій на челѣ борозды мучительнаго горя; онъ былъ блѣденъ и мрачно глядѣли его очи, уставленныя безъ цѣли въ подгнившій пѣнь сваленнаго бурей дерева; при словахъ товарища, онъ слегка вздрогнулъ, какъ будто съ просонья и разсѣянно вскинулъ на говорившаго глаза.—Падаль... проговорилъ онъ.—Скоро взаправду тутъ будетъ падаль.. и онъ горько усмѣхнулся.

— Пустое все... полдня сидимъ... окоченѣли всѣ, а ихъ ни слуху, ни духу... Сбрехалъ Микитка, сказалъ первый инокъ.

— Не гоже, братъ, такъ молвить... остановилъ его плотный, сѣдой монахъ, по видимому начальникъ отряда.—Терпѣнье великая добродѣтель... ну и потерпимъ... Господь многомилостивъ... авось направитъ на путь нашъ гонителей рода православнаго, да воздадимъ имъ по заслугамъ ихъ...

— Красно ты глаголешь отче: терпѣть!.. въ брюхѣ-то у насъ пусто, да и руки застыли... ворчали другіе ратники и монахи.

— А вотъ дастъ Богъ руки погрѣемъ... какъ побьемъ латинцевъ поганыхъ, такъ и трапеза вкуснѣе покажется; а коли насъ одолѣютъ — умирать и голодному все ровно что сытому, утѣшалъ ихъ сѣдой инокъ.

Но въ эту минуту зашуршали кусты и къ нимъ подбѣжалъ запыхавшійся служка.

— Ѣдутъ!.. ужь не далече... съ полсотни будетъ ляховъ... и прямо къ броду валятъ... повѣстилъ онъ.

Иноки весело вскочили; куда дѣвалось ихъ неудовольствіе и неподвижность: они хватались за оружіе и расправляли уставшіе отъ бездѣйствія члены.

Оживился и мрачный блѣдный человѣкъ, увѣрявшій, что скоро будетъ битва. Онъ откинулъ со лба длинные нечесанные волосы, оправилъ ремень, опоясавшій его грубую крашенную ряску и тщательно обтеръ свое оружіе, состоявшее изъ острой польской сабли и добраго карабина.

— Денисъ!.. кликнулъ его толстый монахъ. Я стану по правой сторонѣ тропы, а ты по лѣвой, какъ только они станутъ спускаться съ кручи, разомъ кинемся на нихъ... Мужайся братъ... Съ нами Богъ!..

Денисъ и его товарищи, снявъ шапки, перекрестились и сотворивъ краткую молитву, раздѣлились на двѣ кучки, спрятавшись по обѣ стороны тропы.

Топотъ по полузастывшей землѣ быстро приближался, показались всадники, а за ними шли пѣшіе поляки, ведя лошадей, тяжело нагруженныхъ награбленнымъ добромъ. Только что всадники подъѣхали къ броду, а вьючныя лошади стали спускаться, какъ загремѣли выстрѣлы и выскочившіе изъ засады иноки кинулись на враговъ, которые смутились отъ неожиданнаго нападенія и не успѣли приготовить оружіе.

Денисъ спрыгнулъ съ кручи и подбѣжалъ къ всаднику уже въѣхавшему въ рѣчку, съ намѣреніемъ переправы, на противоположный берегъ: это былъ Чаплинскій, въ которомъ Денисъ узналъ убійцу своей невѣсты Параши.

Изъ смиреннаго монаха, напрасно искавшаго забвеніе въ монастырской келіи, Денисъ превратился въ свирѣпаго тигра: лицо его исказилось, глаза горѣли злобой, на стиснутыхъ зубахъ показалась пѣна.

Онъ схватилъ Чаплинскаго за ногу и стащилъ его съ коня, который, перебѣжавъ черезъ бродъ, скрылся въ лѣсной чащѣ... Напрасно Чаплинскій отбивался отъ нападавшаго; съ нечеловѣческой яростью и силой Денисъ терзалъ своего врага, нанося ужасныя удары саблей, душилъ его за горло, и тогда только, когда его жертва превратилась въ безобразную массу мяса, поднявъ мертваго Чаплинскаго, Денисъ швырнулъ его въ рѣчку и словно любовался на кровавый слѣдъ, оставленный трупомъ въ мутныхъ струяхъ Вохны.

* * *

Борьба кончилась: многострадальная Москва отдохнула; раззоренная, поруганная земля, Русская принявъ въ свои нѣдра и мертваго раззорителя и убитаго русскаго воина, покрыла ихъ зеленымъ покровомъ, зацвѣла и обновилась... не оставивъ ни слѣда, ни памятника павшихъ въ борьбѣ за освобожденіе отъ ига иноземнаго...

Памятникъ А. С. Пушкину, въ Москвѣ. (Открытіе произойдетъ сего 26 Мая). Работа скульптора академика А. М. Опекушина.
Съ фотогр. грав. Б. Пущ.

Гашишъ.

(Разсказъ моего знакомаго).

П. П. Гнѣдича.

Мигъ одинъ—и нѣтъ волшебной сказки
И душа опять полна возможнымъ..
А. Фетъ.

I.

Дядю моего, Александра Николаевича Тогаева, существованія котораго я до тѣхъ поръ и не подозрѣвалъ, въ первый разъ пришлось мнѣ увидѣть въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Жилъ я тогда у своей тетки, двоюродной сестры Александра Николаевича, въ Петербургѣ. Пріѣхалъ онъ къ намъ, какъ теперь помню, утромъ, размоталъ въ прихожей большую узорную шаль, служившую ему вмѣсто шарфа, и всунувъ ее въ бобровую шапку, вошелъ къ намъ въ залу. Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати четырехъ, высокій, статный, красивый, съ волнистыми свѣтлокаштановыми волосами, заброшенными за уши, и небольшой русою бородкой, обрамлявшей его нѣсколько худощавое лицо. Я, десятилѣтній мальчикъ, занимался въ это время раскраской каррикатуръ какихъ-то, покрывая густымъ слоемъ гуммигута лошадь; при входѣ незнакомаго мущины, я съ удивленіемъ приподнялся съ мѣста и нѣсколько важно спросилъ: „что вамъ угодно?„ — Онъ, вмѣсто отвѣта, заглянулъ въ мое рисованье и покачавъ головою промолвилъ: „Палевыхъ лошадей, молодой человѣкъ, не бываетъ!"...

Въ это время вошла тетя. Александръ Николаевичъ прямо подошелъ къ ней, назвалъ себя по фамиліи, и поцѣловалъ ея руку. Она радостно вскрикнула, чмокнула его въ лобъ, посмотрѣла въ глаза, еще разъ чмокнула и съ мокрыми отъ радости глазами сказала мнѣ:

— Vous savez, Paul,—c,est mon cousin, et votre oncle!

Мы протянули другъ другу руки, и даже поцѣловались, при чемъ часть краски, оказавшейся на моей щекѣ, оставила желтенькое пятнышко на носу дяди.

— А мнѣ эти люди и не доложили, говорила тетя, усадивъ его на диванъ. Какъ я рада васъ видѣть, ваша бѣдная maman. ma pauvre tante—умерла. Ахъ какъ это грустно—и батистовый платочекъ поднялся къ тетинымъ глазкамъ. Скажите, что вашъ университетъ,—вы кажется,—(тутъ она нѣсколько понизила голосъ)—кажется вышли оттуда?..

Онъ улыбнулся.

— Вышелъ, сказалъ онъ: безпорядки кой какіе произошли.

— Mon Dieu! ужаснулась тетя.

— Пріѣхалъ въ Петербургъ—здѣсь продолжать учиться.

— Да, да! я слышала про ваши удивительныя способности! Вы вѣроятно на восточный факультетъ...

Онъ качнулъ утвердительно головой.

— Да, я слышала, слышала... Вы чай, или кофе пьете?..

Пока она звонила и отдавала приказанія прислугѣ, я исподлобья осматривалъ дядю, побалтывая кисточкой въ мутной водѣ стакана. Меня прежде всего поразила разница лѣтъ между нимъ и тетей. Ей было тогда лѣтъ сорокъ, даже слишкомъ, она уже пятый годъ вдовѣла, а онъ казался еще юношей. На немъ былъ синеватый сюртучекъ и сѣрые брюки; галстухъ былъ повязанъ небрежно, но сапоги отлично вычищены, это я тотчасъ замѣтилъ. Во всей его фигурѣ было много милаго, симпатичнаго. Когда онъ говорилъ, ротъ его невольно слагался въ улыбку, а самые кончики бороды слегка дергались. Голосъ у него былъ тоже подъ стать фигурѣ—мягкій, слегка звенящій на верхнихъ ноткахъ. Онъ сидѣлъ, поглаживая одной рукой мѣхъ на своей шапкѣ, и изрѣдка взглядывалъ на меня. „Какой онъ молодой,—думалось мнѣ, и на дядю то онъ нисколько не похожъ,—какой онъ дядя!"...

Онъ не торопясь разсказывалъ, какъ по случаю безпорядковъ онъ былъ поставленъ въ неловкое положеніе, и какъ ректоръ по знакомству предложилъ ему самому удалиться. Онъ тонко намекнулъ, что здѣсь въ Петербургѣ у него, кромѣ тети, нѣтъ знакомыхъ домовъ.

— Я имѣлъ удовольствіе видѣть васъ только разъ, еще въ дѣтствѣ,—сказалъ онъ,—я былъ тогда гимназистомъ втораго класса,—вы были проѣздомъ въ Москвѣ, у моей матушки...

— Помню, все помню,—говорила тетушка, опять собираясь прослезиться при воспоминаніи о покойницѣ.

— Хотя наше знакомство и было кратковременно, продолжалъ дядя, но.,. позвольте надѣяться, что двери вашего дома не будутъ для меня затворены...

— Что онъ говоритъ! въ ужасѣ воскликнула тетя, и даже руками всплеснула.

— Вы были такъ дружны съ покойной матушкой и...

Дядя не договорилъ, замѣтивъ, что платокъ опять приближился къ глазкамъ. Черезъ минуту тетушка держала его за обѣ руки и торжественно говорила:

— Мой домъ—вашъ домъ, когда вамъ угодно, въ какое угодно время, всегда будемъ рады васъ видѣть.

Я увѣренъ, что слова тетушки были искренни. Мы жили чрезвычайно уединенно, знакомыхъ у насъ было не много, и свѣжій человѣкъ, да еще такой какъ дядя, былъ для насъ находкой. Такимъ образомъ неизбѣжныя прелюдіи знакомства были сыграны. Разговоръ перешелъ на менѣе оффиціальную тему и наконецъ коснулся меня.

Вѣдь вы такъ прелестно рисуете,—внезапно вспомнила тетушка, займитесь пожалуйста съ нимъ, у него талантъ, и положительный талантъ.

Дядя пытливо глянулъ на меня.

— А ну-ка покажите, что вы тамъ мажете,—сказалъ онъ.

Я конфузливо поднесъ ему только что нѣсколько минутъ тому назадъ сочиненную композицію, съ которой, какъ съ крыши во время ливня, стекала вода.

— Зачѣмъ-же дерево красное? спросилъ онъ.

— Это закатъ,—объяснилъ я. Дядя засмѣялся.

Къ обѣду мы уже были друзьями и сошлись на *ты*, а послѣ обѣда я, въ порывѣ восторга, залѣзъ къ нему на колѣна и, не смотря ни на какія увѣщанія, не хотѣлъ покинуть своего поста.

II.

Весь вечеръ дядя читалъ на память стихи, до которыхъ моя тетя была страшная охотница. Она еще въ пансіонѣ списывала по мелкому транспаранту „Демона", сшивъ тетрадку въ осьмушку почтоваго листа, и писала при этомъ „Демона" въ перемежку, то черезъ *ѣ*, то черезъ *е*. Дядя зналъ на память чуть не всего Некрасова, съ жаромъ читалъ „*На Волгѣ*" и „*Парадный подъѣздъ*", бывшія въ то время самыми свѣжими новинками, читалъ кой-какіе либеральные стишонки, (это было тогда нѣчто неизбѣжное) печатавшіеся въ заграничныхъ органахъ русской прессы,—и привелъ ими добрую тетушку въ такой неистовый восторгъ, что долженъ былъ ихъ записать тутъ же „на бумажку".

Когда онъ поздно вечеромъ уѣхалъ отъ насъ, оставивъ послѣ себя синеватый туманъ прозрачнаго дыма, мы съ тетей рѣшили, что это прелестнѣйшій человѣкъ въ мірѣ.

Бывать онъ у насъ началъ почти ежедневно. Меня просто нельзя было оторвать отъ него: я то и дѣло торчалъ у него на колѣняхъ, виснулъ на шеѣ. Да и не мудрено: онъ такъ хорошо рисовалъ жидовъ, черкесовъ, статскихъ совѣтниковъ, турокъ, небывалыхъ птицъ и рыбъ, что только хохотать все время надо было. Въ сумеркахъ онъ обыкновенно повѣствовалъ мнѣ исторію какую нибудь, сказку... Порою привозилъ онъ картону, папки, красокъ, клеилъ огромную крѣпость, надѣлывалъ цѣлый легіонъ персидскаго войска, съ кизылъ-бáшами въ красныхъ шароварахъ и дебель-бáшами въ бѣлыхъ. Все это вырѣзалось, клеилось, дралось, погибало,— и въ концѣ концовъ отправлялось въ печку.—Немудрено, что я въ немъ души не чаялъ.—Да и не только мнѣ съ тетей, онъ и всѣмъ нашимъ немногимъ знакомымъ пришелся по нраву.

Особенно сошелся онъ съ однимъ изъ нихъ: съ Пелеевымъ, бывшимъ сослуживцемъ моего отца, восторженнымъ не смотря на его года, писавшимъ прелестные стихи, носившимъ сѣдую красивую бороду и длинные, по плечамъ лежавшіе волосы. Дядя встрѣтилъ его съ легкимъ благоговѣніемъ; онъ былъ знакомъ съ его стихами и прозой. Они вмѣстѣ читали, гуляли, разговаривали, спорили,—и Пелеевъ говаривалъ, что въ этихъ спорахъ оживаетъ передъ нимъ былое время московскаго университета.

Однажды за чаемъ, дядя вдругъ заговорилъ по персидски.

— Да вы развѣ восточные языки знаете? удивился Пелеевъ.

Дядя разсказалъ, какъ онъ жилъ въ Москвѣ съ персіяниномъ-товарищемъ на квартирѣ, и какъ послѣдняго выселили за какое-то любовное похожденіе, чуть-ли не водворили на его далекой отчизнѣ.

— Если вы уже хорошо знаете языки, сказалъ Пелеевъ,—то мой совѣтъ—поступать не въ университетъ...

— А куда-же?

— Есть въ Петербургѣ одно учрежденіе... Если вы туда экзаменъ выдержите,—ваша будущность упрочена: года черезъ три вы будете за границею при посольствѣ. Кромѣ того, я доставилъ бы вамъ хорошую протекцію черезъ знаменитаго Александра Касимовича..

Дядя такъ и замеръ отъ восторга.

— Александръ Касимовичъ! вы съ нимъ знакомы?

— Даже болѣе того: чуть не пріятели... Хотите я васъ ему представлю?

— Сдѣлайте одолженіе. Когда же?

— Да хоть завтра. Натягивайте фракъ, и ѣдемъ.

На этомъ и порѣшили. Впрочемъ визитъ надо было на нѣкоторое время отложить, такъ какъ фракъ надо было еще сшить. Дядя принялся распрашивать Пелеева объ этомъ учрежденіи. Оказалось, что онъ чуть ли не всѣхъ оріенталистовъ нашихъ знаетъ, и со всѣми обѣщалъ познакомить дядю.

— Только, чуръ, прибавилъ онъ,—занимайтесь серьезно, я васъ такъ и рекомендую.

— На этотъ счетъ будьте спокойны: лицомъ въ грязь не ударимъ: я кромѣ того что въ гимназіи древніе языки проходилъ, по турецки и арабски маракую.

Такимъ образомъ путь, по которому намѣревался идти дядя, былъ намѣченъ.

III.

Пелеевъ сразу ввелъ дядю въ тотъ кружокъ, о которомъ онъ мечталъ еще въ Москвѣ. Приняли его въ этомъ кружкѣ весьма снисходительно; самъ Александръ Касимовичъ, не смотря на то, что былъ весь погруженъ въ свое сочиненіе „Бабъ и бабиды", отнесся къ нему внимательно, и даже подарилъ ему свою грамматику, хотя и сорокъ шестагo года, но все еще хорошую. Дядя привелъ его въ восторгъ, переведя à livre ouvert шиллеровскій „Кубокъ" на какой-то восточный языкъ... Дядя увѣрялъ, что Александръ Касимовичъ подарилъ ему за это горшокъ съ какимъ-то необычайнымъ луковичнымъ растеніемъ, которое онъ и привезъ въ подарокъ тетѣ. Но несомнѣнно луковица была куплена въ оранжереѣ, и Александръ Касимовичъ былъ нисколько въ ней неповиненъ.

Дядя почти жилъ у насъ, заѣзжая домой только для того, чтобы переодѣться, или заняться какой нибудь спѣшной работой. Нерѣдко онъ ночевалъ у насъ, особенно когда намъ приходилось слишкомъ поздно возвращаться изъ театра, или какой нибудь partie de plaisir, и ему предстояла перспектива слушать воркотню сонныхъ дворниковъ, горничныхъ и квартирной хозяйки. Тогда ему стлали простыни на триповый диванъ, въ кабинетѣ покойнаго мужа тети, и онъ мгновенно засыпалъ, обладая въ совершенствѣ этимъ счастливымъ даромъ. На утро онъ поднимался всегда раньше всѣхъ, когда по выраженію нашей судомойки, еще черти на кулачкахъ не дрались. Усѣвшись у открытаго окна, онъ перебрасывался фразами съ проходившими мимо дѣтьми ислама, во все горло вопившими „халатъ-халатъ!" и втихомолку предлагавшими проходящимъ „стары вещи продавать". Они ласково кивали головой дядѣ, оскаливали не только зубы, но даже десны, и помахивая рукой освѣдомлялись о его здоровьѣ. Иные приводили нарочно къ намъ татаръ изъ другаго конца города, чтобы показать „бачку", который все по ихнему разумѣетъ. Въ разговорѣ съ ними онъ практиковался въ ихъ языкѣ,—они даже пользу ему нерѣдко оказывали. Помню, однажды раннимъ утромъ, зазвалъ онъ стараго, толстаго татарина съ жирными, слезящимися глазками, къ намъ въ залу, усадилъ на диванъ, и потребовалъ объясненія какого-то мѣста въ коранѣ. Долго тыкали они пальцами въ массивную книгу, писанную съ-заду-на-передъ, переплетенную въ необычайную кожу, и снабженную четырьмя рисунками апостоловъ, настолько странными, что дядя увѣрялъ, что они изображены схематически. Впрочемъ спорщики, очевидно, другъ друга не поняли, докричались до того, что всѣхъ перебудили, поссорились повидимому совершенно, но разошлись миролюбиво и потомокъ грозной орды, продающій теперь жилетки, очень дружелюбно пожалъ руку будущему консулу. А будущій консулъ долго посмѣивался себѣ въ бороду, бормоча татарскія слова, и записывая ихъ калямомъ въ тетрадку, для чего надо было скорчиваться крючкомъ, такъ какъ тетрадка должна была непремѣнно лежать не на столѣ, а на колѣнѣ.

Вскорѣ наши комнаты приняли весьма своеобразный видъ: на всѣхъ столахъ появились арабскія, персидскія, турецкія газеты съ удивительными виньетками и, вѣроятно, не менѣе удивительными фельетонами и передовыми статьями. На этажеркѣ лежалъ коранъ и роскошное изданіе арабскихъ басенъ, свитки писанные золотомъ, карминомъ, лазурью. Знакомые съ изумленіемъ вглядывались въ крючки и завитушки этихъ грамотъ, и просили дядю „прочесть" что нибудь. Дядя важно разгибалъ фоліантъ и начиналъ читать знаменитую басню объ львѣ и быкахъ: „Асадунъ маратъ хараджа аляу саурейни"... Даже я заразился его примѣромъ и сталъ твердить персидскій алфавитъ: „элифъ, бе, пе, те, се, джимъ, чимъ, хе"...

IV.

Мирно такъ, тихо мы жили. Меня дядя къ гимназіи подготовлялъ. Его репутація все укрѣплялась. Пелеевъ одобрительно покачивалъ головой и ласково на него посматривалъ. Казалось, житейскія бури нашего мирнаго затишья во вѣки вѣковъ не коснутся, бываютъ такія полосы жизни, когда словно по рельсамъ катишься по намѣченному пути,—тревоги, волненія утихаютъ, моря, океаны гдѣ-то въ сторонѣ, а тутъ, и впереди и сзади,—тишь, гладь, благодать Божья.

И быть можетъ эта тишь и гладь долго бы продолжалась въ нашемъ уголкѣ, коли бы населеніе его ограничивалось мною, да тетей. Но тутъ кромѣ того былъ дядя,—а въ его года затишье не любятъ.

Однажды передъ Рождествомъ пріѣхала изъ провинціи отъ своей дальней родственницы, гостившая у насъ съ годъ дочь Пелеева, стройная, высокенькая блондинка, съ черными глубокими глазками, и свѣтлою густою косой до колѣнъ. Звали ее Марьей Алексѣевной, или попросту Маней, и числилась она моею невѣстой, хотя и была лѣтъ на восемь старше меня. Съ невѣстой этой я, конечно не церемонился, возился на пропалую и смотрѣлъ на нее какъ на старшую сестру.

Первая встрѣча ея съ дядей вышла немножко эксцентрична. Она бросилась меня догонять, я влетѣлъ въ кабинетъ и кинулся за спину дяди, сидѣвшаго на диванѣ. Она, не удержавшись съ разбѣга, очутилась у него на колѣняхъ. Она переконфузилась, покраснѣла, потомъ засмѣялась, и приглаживая волосы сказала: „какой ты,—развѣ такъ можно!" Дядя тоже растерялся, тоже улыбнулся и всталъ съ дивана.

— Это мой дядя,—отрекомендовалъ я его,—какихъ онъ мнѣ солдатъ надѣлалъ,—у однихъ красныя, у другихъ — бѣлыя...

— Если не ошибаюсь, вы дочка Алексѣя Михайловича,—перебилъ меня дядя.—Вы очень на папашу похожи.

— Говорятъ, я больше похожа на мать, возразила она, оправляясь отъ смущенія.—И потомъ погодя прибавила:—мнѣ вчера папаша много говорилъ о васъ...

— Дурнаго, или хорошаго?

— Хорошаго, — наивно отвѣтила она, прямо глядя ему въ глаза.

— А вотъ мнѣ вашъ папаша ни разу не говорилъ, что у него дочь такая...

— Дурная? подхватила Маня.

Дядя улыбнулся, и не менѣе наивно, чѣмъ она, отвѣтилъ:— нѣтъ, хорошая.

Она опять слегка покраснѣла.

— Папаша говорилъ мнѣ, что вы много занимаетесь, а онъ любитъ тѣхъ, кто много работаетъ.

Вошла тетя, на этомъ разговоръ и прекратился. Во весь вечеръ они не сказали болѣе другъ другу ни слова. Только я замѣтилъ, что дядя очень внимательно наблюдаетъ изъ своего угла за Маней. На лицѣ его появилось какое-то новое, незнакомое мнѣ выраженіе. Когда я пытался влѣзть къ нему на колѣни, онъ досадливо отодвинулъ меня отъ себя рукой и замѣтилъ: „не надо—не хорошо". Маня тоже порой взглядывала на него, и тоже была сдержаннѣе обыкновеннаго. Когда она собралась уходить (за ней отецъ пришелъ) и надѣла уже шляпку,—она спросила у дяди подавая ему руку:

— А вы хорошо говорите по персидски?

— Да, отвѣтилъ онъ.

— Я вѣдь тоже говорю, но плохо... Чего вы удивляетесь? Спросите у меня что нибудь.

Онъ предложилъ ей какой-то вопросъ; она отвѣтила довольно бойко. Дядя ее немножко поправилъ.

— Вы меня поучите, сказала она,—я хочу свободно говорить...

Онъ обѣщался, и потомъ, когда они ушли, все волосы ерошилъ, да ходилъ по комнатѣ.

V.

Маня стала бывать у насъ гораздо чаще, чѣмъ прежде. Персидскую фразеологію одолѣла она очень скоро и переговаривалась съ дядей безъ труда. Скоро они до того свыклись межъ собой, что видѣть дядю безъ Мани и Маню безъ дяди было всѣмъ какъ-то не ловко. То онъ у нихъ, то она у насъ. Онъ при ней и занимается, и работаетъ. Она вышиваетъ что-то шерстями; нужно ей цвѣта подобрать, она подзоветъ его—проситъ опредѣлить—который цвѣтъ первый, который второй. Онъ низко-низко наклонится къ узору, такъ что чуть своей щекой ея щеки не касается и долго перебираетъ листки. Нужно ей что нибудь закупить въ Гостиномъ дворѣ,—опять кто же, кромѣ дяди, ее проводитъ и поможетъ купить. Если Маня не пріѣдетъ почему нибудь,—задержитъ ее что нибудь, или просто не поздоровится,—дядя какъ потерянный ходитъ, то на часы посматриваетъ, то въ окно. Сядетъ рисовать—головки выходятъ на Маню похожи. Со мной не занимается: говоритъ—голова болитъ. Помечется, помечется изъ угла въ уголъ, схватитъ шляпу и убѣжитъ бродить по улицамъ. А если онъ не зайдетъ въ обычный часъ къ намъ, она надуется, сидитъ насупясь, и кромѣ „да" да „нѣтъ" ничего отъ нея не дождешься. Наконецъ разъ случился фактъ, еще болѣе выяснившій ихъ отношенія.

Мнѣ подарилъ одинъ дальній родственникъ чрезвычайно рѣдкую и дорогую въ то время игрушку: паровозъ, нагрѣвавшійся спиртомъ, и бѣгавшій по комнатамъ. Игрушка эта приводила меня своею прелестью въ благоговѣйный трепетъ: я хранилъ ее, какъ зеницу ока, и даже, ложась спать, ставилъ ее возлѣ себя на ночной столикъ. Но игрушка эта была крайне невыгодна и, по выраженію тетушки, просила если не ѣсть, то пить. Дѣйствительно на нее истреблялось такое количество спирта, что наконецъ мнѣ вышелъ формальный приказъ: „запускать машину только при гостяхъ".—Я пользовался каждымъ посѣщеніемъ Мани, увѣрялъ, что она „гости", и „запускалъ машину". Всѣ садились у круглаго стола и восхищались быстро-бѣгающимъ паровозцемъ, оставляющимъ за собою мокрую дорожку изъ капель охладившагося пара. Разумѣется восхищался одинъ я, потому что постоянные зрители этой забавы,—Маня и дядя,—хотя говорили по-персидски, но я чутьемъ догадывался, что едва-ли исключительной темой ихъ разговора была моя игрушка.

Разъ всѣ были какъ-то особенно оживлены. Локомотивъ нагрѣлся, набравъ пара и медленно поползъ вокругъ. Тура два онъ совершалъ благополучно къ вящему моему удовольствію, и вступилъ уже въ третій кругъ, какъ вдругъ случилось что-то ужасное... Вѣроятно столъ стоялъ неровно, центръ окружности измѣнился, мой паровозъ подъѣхалъ слишкомъ близко къ краю, свѣсился однимъ колесомъ, и прежде чѣмъ мы успѣли вскрикнуть, опрокинулся на Маню. Синій огонь вспыхнувшаго спирта

Серны. Рис. Ф. Шпехтъ, грав. Клосъ.

Борьба дикихъ козловъ. Рис. Ф. Шпехтъ, грав. Клосъ.

змѣился, охватилъ ея платье, огоньками закапало на землю... Она вскочила, испуганно глянула на себя, хотѣла бѣжать, закричала. Къ счастію дядя не потерялся, и сорвавъ съ сосѣдняго стола ковровую скатерть, плотно закуталъ вспыхнувшее платье.

Я стоялъ съ открытымъ ртомъ, пораженный этой сценой. Маня въ обморокѣ лежала на полу, а въ двухъ шагахъ отъ нея, въ догорающей лужѣ валялся опрокинутый паровозъ; поршни быстро работали и свободныя колеса съ страшной быстротой вертѣлись въ воздухѣ, бѣлый паръ съ шипѣніемъ тонкой струйкой выбивался внаружу... Я нагнулся, обжегъ себѣ паромъ руки,—и тутъ только понялъ, что чуть не случилось сейчасъ ужасной, трагической сцены.

Тети не было дома. Дядя, испуганный, поблѣднѣвшій, звалъ на помощь прислугу.—„Доктора, кричалъ онъ,—за докторомъ скорѣй!“ Потомъ наклонился, поднялъ ее, перенесъ на диванъ, положилъ ей подъ голову подушку, началъ разстегивать ей корсетъ, потомъ опомнился, велѣлъ это сдѣлать горничной, а самъ, сыскавъ шляпу, бросился вонъ. Я, перепуганный всѣмъ случившимся, тоже одѣлся и побѣжалъ вслѣдъ за нимъ по лѣстницѣ.

VI.

— Дядя, теперь куда ты? робко спрашивалъ я, поймавъ уже на улицѣ его за руку, и стараясь заглянуть ему въ лицо.

— Къ доктору, доктору—куда же,—торопливо отвѣтилъ онъ. —Ѣдемъ, ѣдемъ.

Мы сѣли на перваго попавшагося извощика, получившаго на вопросъ—куда ѣхать—отвѣтъ дяди: „прямо и во весь духъ!“ и помчались. У одного подъѣзда дядя почти на ходу выскочилъ съ дрожекъ, и пробѣжавъ нѣсколько ступенекъ кверху, рванулъ мѣдный колольчикъ, въ видѣ раковины, отчаянно заголосившій за дверью. Почти тотчасъ послышался стукъ шаговъ, и приплюснутая мордочка съ бородавкой на подбородкѣ, высунулась намъ на встѣчу.

— Не принимаютъ! прогнусила она на вопросъ дяди, а онъ, оттѣснивъ ее въ сторону, какъ былъ въ пальто и шапкѣ, не обращая вниманія на трехъ заливавшихся мосекъ, ринулся черезъ залу и столовую на доносившійся издали голосъ. Я едва поспѣвалъ за нимъ, хлюпая грязными калошами по паркету. Мы разлѣтелись прямо въ докторскій кабинетъ, и трудно описать тотъ гамъ и хаосъ, который былъ внесенъ нашимъ появленіемъ. Всѣ кричали, вопили, грозили полиціей, и кончилось тѣмъ, что дядя, чуть не подъ угровой сейчасъ ѣхать къ самымъ высокопоставленнымъ особамъ, если докторъ хоть минуту еще промедлитъ, насильно вытащилъ его изъ квартиры, посадилъ въ пролетку, крѣпко обнялъ его рукой, а мнѣ крикнулъ: „ты дорогу знаешь,—иди домой! и помчался опять сломя голову.

Когда я пришелъ домой, тетя вмѣстѣ съ докторомъ хлопотали около Мани, которая къ счастію обжоговъ не получила и была только перепугана. Докторъ посовѣтывалъ ей принять успокоительныхъ капель, вытеръ себѣ носъ платкомъ, отъ котораго пахло не то горькимъ миндалемъ, не то какой-то плѣсенью, и выпивъ стаканъ кофе, уѣхалъ. Маня почти цѣлый день провела у насъ, почти не вставая съ дивана, чувствуя слабость. Только къ вечеру она бодрѣе стала.

Дядя съѣздилъ за ея отцомъ,—но тотъ оказался въ Кронштадтѣ. Дядя собрался ѣхать туда за нимъ, да сама Маня его уговорила этого не дѣлать. Вообще дядя былъ напуганъ гораздо больше всѣхъ насъ, даже больше самой Мани. Въ той порывистости, съ какой онъ привезъ доктора, ѣздилъ за лекарствомъ, сквозила не только заботливость о своемъ ближнемъ...

Вечеромъ я вошелъ въ комнату гдѣ была Маня... Александръ Николаевичъ сидѣлъ возлѣ нея. Двѣ свѣчи подъ зеленымъ желѣзнымъ абажуромъ въ мѣдной оправѣ горѣли въ другомъ углу, ярко освѣщая столъ, и оставляя въ полутьмѣ остальную комнату. Въ моментъ моего входа мнѣ послышался поцѣлуй. Я остановился, прислушался: они молчатъ, она, блѣдная, сидитъ откинувшись на спинку дивана, а онъ въ креслахъ тутъже. Я постоялъ, постоялъ у портьеры, и также тихо вышелъ, какъ и вошелъ: у насъ были рыхлые, мягкіе ковры...

И вдругъ всѣ послѣ этого случая, словно сговорившись, перестали Маню звать моею невѣстой. Пелеевъ сталъ еще добродушнѣе поглядывать на дядю, оставлялъ его по цѣлымъ вечерамъ съ дочерью, отпускалъ ихъ вмѣстѣ гулять. Она стала совсѣмъ своей въ нашемъ семействѣ. Безъ нея какъ-то непривѣтно было въ комнатахъ, скучно,—точно озаряла ихъ какимъ нибудь особеннымъ свѣтомъ эта милая русая головка. Она такъ близко сошлась съ дядей, что фамильярность, незамѣтно для нихъ самихъ, часто даже проскальзывала при постороннихъ. Раза два мнѣ удалось подмѣтить „ты“. Это „ты“ произвело на меня сильное впечатлѣніе: я рѣшилъ, что они женихъ съ невѣстой. А тутъ еще матушка назвала какъ-то разъ Маню въ шутку консульшей. Это меня совсѣмъ укрѣпило въ мнѣніи, что дядя, по окончаніи курса, женится на ней.

(Окончаніе въ слѣд. №.)

Стихотворенія.

I.

Изъ Пѣсни Пѣсней.

Пойдемъ, пойдемъ, моя краса,
Въ лѣса, въ поля и горы—
Такъ ярко блещутъ небеса,
Такъ все чаруетъ взоры!

Плетень обвитъ живой волной
Златаго винограда,—
Туда, туда уйдемъ съ тобой,
Моей души отрада!

Тамъ все цвѣтетъ,—блестятъ, горятъ
На солнцѣ мандрагоры,
Тамъ льется дивный ароматъ,
Тамъ все чаруетъ взоры...

Смотри—свѣтлѣютъ небеса,
Востокъ горитъ зарею,—
Уйдемъ туда, моя краса,
Туда уйдемъ съ тобою!

Г—ъ.

II.

Изъ Шамиссо.

Въ молодости свѣтлой
Духъ мой былъ могучъ—
Радовалъ мнѣ сердце
Солнца яркій лучъ.

Жизни бурной волны,
Рай любви, цвѣты,
Сердца молодаго
Чудныя мечты!...

Минуло все это
Словно краткій сонъ,—
И зимой суровой
Весь я убѣленъ...

Съ каждымъ днемъ дряхлѣе
Становлюся я,—
Дымомъ улетѣла
Молодость моя!

П. Быковъ.

Къ рисункамъ.

Жертва океана.

(Картина Кирберга).

О сколько моряковъ, отважныхъ капитановъ
Съ надеждой радостной пускались въ дальній путь
И исчезали тамъ, въ глуби сѣдыхъ тумановъ..
Судьба ужасная, печальная! Тонуть
Среди безмолвія ночей сырыхъ, беззвѣздныхъ
И быть погребену волной въ угрюмыхъ безднахъ...

Такъ начинаетъ Викторъ Гюго свое прекрасное стихотвореніе „Стоны океана“. На картинѣ Кирберга изображена уже вторая половина драмы, самая горькая и тяжелая. Товарищи отыскали матроса и безжизненный трупъ привезенъ подъ родной кровъ, къ тому укромному очагу, у котораго хозяинъ такъ часто бывало присаживался, съ отрадой и успокоеніемъ въ суровомъ сердцѣ. И теперь измѣнила ему сила и ловкость и та грозная волна, которая такъ покорно носила его на своемъ гигантскомъ хребтѣ, захлестнула, потопила отважнаго пловца; и онъ теперь дома, лежитъ тихій и спокойный. Но не радостный привѣтъ встрѣчаетъ его а плачъ и рыданія безутѣшной семьи по своемъ безвременно погибшемъ дорогомъ другѣ и кормильцѣ...

Прекрасная, полная выраженія, картина Кирберга, на послѣдней Берлинской выставкѣ удостоена золотой медали.

Памятникъ Пушкину.

Академика А. М. Опекушина.

26 дня сего мѣсяца предполагается въ Москвѣ трехдневное празднество. Изъ Петербурга и другихъ городовъ прибудутъ на торжество депутаціи ученыхъ и учебныхъ учрежденій. Богослуженіе будетъ совершено въ Страстномъ монастырѣ митрополитомъ Макаріемъ. Вся образованная Россія будетъ торжествовать открытіе памятника величайшему нашему поэту, А. С. Пуш-

кину. Москва—въ стѣнахъ которой и поставленъ памятникъ на Тверскомъ бульварѣ—устраиваетъ въ честь Пушкина, художественно-музыкальные вечера, обѣды. Общество любителей россійской словесности издаетъ новые матерьялы, для народа отдѣльныя брошюры подъ редакціею И. С. Тургенева; лучшіе артисты Москвы по всѣмъ отраслямъ искуства,—Н. Г. Рубинштейнъ, Самаринъ, Трутовскій взялись за устройство концертовъ, живыхъ картинъ и пр.—Въ одной скульпторной мастерской изготовляются различныхъ величинъ бюсты и копіи съ памятника. Россія хочетъ какъ можно торжественнѣе почтить память незабвеннаго поэта.

Въ нашемъ журналѣ не разъ говорилось о Пушкинѣ *), и мы не будемъ повторять тысячу разъ провозглашенныя истины о его геніальности, заслугахъ и пр. Мы хотимъ теперь только сказать нѣсколько словъ о самомъ памятникѣ, статую для котораго лѣпилъ скульпторъ Опекушинъ,—копію съ нея читатели найдутъ въ этомъ номерѣ.—Вопросъ о памятникѣ поднялся у насъ весьма давно, подписка на него шла довольно медленно. Проэкты, представленные нашими скульпторами на конкурсъ весною 1873 года, никого не удовлетворили. Это были, въ большинствѣ случаевъ, неудачныя измышленія въ самомъ ложно классическомъ стилѣ. Тутъ былъ Пушкинъ, драпированный шинелью на подобіе римской тоги, Пушкинъ сладко прижимающій къ груди лавровый вѣнокъ, Пушкинъ бесѣдующій съ музой. Тутъ были геніи лирики и драмы, были фигуры Евгенія Онѣгина, Алеко, Татьяны... Это былъ какой-то хаосъ съ отсутствіемъ идеи.

Послѣ втораго конкурса, предпочтеніе было отдано проэкту скульптора академика А. М. Опекушина. Его композиція лучше прочихъ, и отличается самой реальной трактовкой сюжета. Прошло время, когда на памятникахъ иначе не изображали поэтовъ, какъ въ хламидахъ, въ сандаліяхъ, и съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ;—современная скульптура сознала, что только посредственность цѣпляется за классическіе аттрибуты изъ боязни не совладать съ предметомъ и желая прикрыть бѣдность замысла. Г. Опекушинъ изобразилъ поэта въ обычномъ платьѣ 20—30 годовъ нашего столѣтія, слегка сгладивъ уродливости тогдашней моды. Одна рука поэта заложена за бортъ жилета, другая, съ мягкой шляпой—за спину. На лицѣ тихая скорбь и та грустная задумчивость, которая такъ часто сквозитъ въ его лирическихъ произведеніяхъ.

Что касается самого торжества открытія, то въ одномъ изъ ближайшихъ №№ мы посвятимъ этому обстоятельный очеркъ.

8 мая окончательно собрана и утверждена на пьедесталѣ статуя памятника А. С. Пушкина. Изваяніе вмѣстѣ съ пьедесталомъ въ вышину имѣетъ до тринадцати аршинъ. Бронзовая статуя вѣситъ до трехъ сотъ пудовъ. Декоративная часть отдѣлки архитектора Богомолова, производство же садовыхъ работъ, какъ уже извѣстно, приняла на себя Дума и завѣдывалъ ими Ф. И. Дюморъ. Для сборки и постановки статуи нарочно прибылъ изъ Петербурга академикъ А. М. Опекушинъ.

Ко дню празднованія открытія памятника Пушкину, ожидается прибытіе многихъ почетныхъ гостей и представителей различныхъ учрежденій и обществъ, каковы, напримѣръ, извѣстный нѣмецкій поэтъ Фридрихъ фонъ-Боденштедтъ, сдѣлавшій превосходный нѣмецкій переводъ весьма многихъ произведеній Пушкина, извѣстный французскій писатель Рамбо, спеціально занимающійся изученіемъ русской литературы, Альфредъ Теннисонъ, Губернатисъ и т. п.

*) Укажемъ напр. 1877 г., № 18,—большая статья Н. Н. Страхова о Пушкинѣ, съ портретомъ поэта. „Нива" 1878 г., № 20. Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ, съ видомъ Михайловскаго. „Нива", настоящаго года № 4,—карт. Ге: Пущинъ въ гостяхъ у Пушкина и т. д.

Серны и дикія козы.

(Рисунки Шпехта).

Типы животныхъ, представленные Шпехтомъ—эти изящныя, украшенныя легкими рогами головки—схвачены съ обычною наблюдательностью, отличающею художника. Граціозная серна, представлена въ тотъ моментъ, когда она нѣжно ласкаетъ своего дѣтеныша; и этотъ моментъ очень удачно выбранъ Шпехтомъ для характеристики представленнаго имъ животнаго; серна дѣйствительно — чувствительная, нѣжная мать и вообще очень симпатична какъ по своимъ свойствамъ, такъ и по своей наружности. Ея небольшая головка, съ большими умными глазами и красивыми рогами нравится съ перваго же взгляда и внушаетъ въ одно и тоже время и симпатію и состраданіе, къ красивому, граціозному и вмѣстѣ съ тѣмъ беззащитному животному. Пугливая, вѣчно беззащитная серна невольно подкупаетъ въ свою пользу нѣжною привязанностью къ своимъ дѣтенышамъ и какою-то страстною любовью къ дикой, неограниченной свободѣ. Свобода—по ея понятію—это бѣшено носиться по лѣсу или по крутизнамъ горъ и даже въ огромномъ, загороженномъ паркѣ ей все кажется тѣсно и душно. Эта горячность и необузданность ничѣмъ неудержимаго бѣга бываетъ даже ей часто гибельна; случается, что серна, объятая ужасомъ, бросается очертя голову на какую нибудь головоломную кручу, откуда остается ей лишь одинъ только выходъ—въ бездонную пропасть. Впрочемъ, при своей слабости и беззащитности, серна имѣетъ въ своемъ быстромъ, неудержимомъ бѣгѣ единственное средство спасенія отъ преслѣдованія разныхъ хищныхъ животныхъ, а также отъ человѣка, для котораго гоняться за нею по лѣсамъ и горамъ, всегда составляло одно изъ величайшихъ удовольствій.

Являясь постоянно жертвой, сама по себѣ серна самое безобидное и безвредное существо и если приноситъ маленькій вредъ, то только сельскому хозяйству, такъ какъ питается исключительно растительной пищей: травами, листьями и сучьями кустарниковъ и молодыхъ деревьевъ, почками, желудями, хлѣбными растеніями, а также уничтожаетъ не мало гороху, капусты и молодой коры. Привлекаемая этими лакомствами, серна преимущественно любитъ небольшіе лѣски, перемежающіеся полями и возвышенностями. Плохо вынося большой холодъ, серны въ зимнее время собираются въ большія стада и спускаются съ горъ на равнины. Кромѣ того снѣжные заносы, покрывая горныя тропинки, часто бываютъ гибельны для серны; ошибаясь въ пути, она вязнетъ въ глубокомъ снѣгу или сваливается въ бездонныя пропасти. Всѣ эти многочисленныя опасности дѣлаютъ серну чрезвычайно чуткой, недовѣрчивой и осторожной; день она проводитъ гдѣ нибудь въ непроходимой чащѣ а вечеромъ выходитъ искать пищи, быстро пробѣгая прогалины лѣса и повсюду чуя за собою погоню и совершая гигантскіе прыжки, чтобы скорѣе добраться до болѣе укромнаго и безопаснаго мѣста.

Дикія козы (Capra), европейскіе представители столь многочисленнаго семейства антилопъ, водятся въ горахъ Кавказа, на Карпатахъ, на Альпахъ и въ Пиринеяхъ. Это сильное животное съ коренастымъ туловищемъ, крѣпкими ногами и огромными рогами, поражаетъ своей выносливостью и смѣлостью движеній. Дикія козы живутъ на вершинахъ высочайшихъ горъ и умѣютъ найти кормъ тамъ, куда не можетъ достигнуть ни одно млекопитающееся. Играя носится она съ утеса на утесъ, беззаботно бросается внизъ съ изумительной высоты. Ночью все стадо спускается съ высотъ искать пищу въ горныхъ лѣсахъ: объѣдаютъ почки ивъ, березъ, ольхи, альпійскихъ розъ; щиплютъ полынь, осоку, лишаи и съ восходомъ солнца вновь поднимаются на утесы. Съ января начинаются драки между самцами-козлами, которые отважно схватываются своими длинными и сильными рогами. Одинъ изъ такихъ отчаянныхъ поединковъ и представленъ на рисункѣ Шпехта.

Саардамъ и домикъ Петра Великаго.

Саардамъ или Заандамъ, небольшой, чистенькій городокъ лежитъ на западной сторонѣ обширнаго Зюйдерзейскаго озера неподалеку отъ Амстердама и имѣетъ теперь до 12000 жителей. Это промышленное и трудолюбивое населеніе живетъ большею частью въ красивыхъ домикахъ, изъ которыхъ каждый окруженъ каналомъ и потому сообщается съ улицею лишь посредствомъ узкаго мостика. При домикѣ, почти всегда разводится миніатюрный садикъ, большею частью хорошо распланированный и украшенный цвѣтами, такъ какъ голландцы вообще страстные цвѣтоводы. Повсюду въ окрестностяхъ города шумитъ множество вѣтряныхъ мельницъ, красиво размахивающихъ своими длинными крыльями. Эти мельницы приносятъ ихъ владѣльцамъ значительный доходъ и потому неудивительно, что онѣ постоянно упоминаются и въ духовномъ завѣщаніи и въ брачномъ контрактѣ каждаго зажиточнаго Саардамца.

Въ концѣ XVII вѣка въ Саардамѣ процвѣтало обширное кораблестроеніе и на многочисленныхъ здѣшнихъ верфяхъ кипѣла самая живая дѣятельность. Эта то извѣстность Саардама, какъ значительнаго кораблестроительнаго пункта и привлекла сюда нашего Великаго Петра, который провелъ здѣсь цѣлую недѣлю, работая на верфи Линста Рогге. Эта недѣля пребыванія здѣсь Царя до сихъ поръ памятна въ Саардамѣ и объ ознаменовавшихъ ее событіяхъ до сихъ поръ ходитъ здѣсь множество разсказовъ и преданій. Петръ прибылъ въ Саардамъ на небольшой лодкѣ 8 августа 1697 года и тотчасъ же узнанный однимъ изъ голландскихъ плотниковъ, бывшихъ въ Россіи, Герритомъ Кистомъ—разговорился съ нимъ и у него же нанялъ себѣ помѣщеніе. Работая цѣлый день, въ потѣ лица, на верфи, Петръ лишь вечеромъ или приходилъ въ свой скромный домикъ или посѣщалъ семейства саардамскихъ плотниковъ, не обнаруживая никогда и нигдѣ своего высокаго сана и выдавая себя постоянно за простаго рабочаго Петра Михайлова. Вскорѣ впрочемъ строгое инкогнито не могло быть болѣе соблюдаемо; многіе узнали, что въ Саардамѣ, на верфи, работаетъ самъ царь московскій; городскія власти начали расточать знаки уваженія и заботливости, а народная толпа не давала Петру прохода и постоянно слѣдовала за нимъ. Эта докучливость городскихъ зѣвакъ наконецъ надоѣла царю и онъ 15 августа уже выѣхалъ на своемъ буерѣ изъ Саардама въ Амстердамъ, чтобы заняться тамъ кораблестроеніемъ на верфяхъ Остъ-индской компаніи.

Знаменитый домикъ, въ которомъ жилъ въ Саардамѣ царь, существуетъ до сихъ поръ, въ западной, наиболѣе уединенной

части города, на Кримпѣ. Это маленькое деревянное строеніе, подъ черепичною кровлею, въ два окна, раздѣленное на двѣ небольшія комнатки и снабженное изразцовою печью для приготовленія пищи, глухою каморкою для кровати и чуланчикомъ, пристроеннымъ при входѣ. Въ 1823 году домикъ былъ пріобрѣтенъ Великою Княгинею Анной Павловной, бывшей впослѣдствіи королевой Нидерландской, обновленъ и обнесенъ каменной галлереей. Въ 1814 году осматривалъ домикъ Императоръ Александръ I и въ память своего посѣщенія оставилъ на стѣнѣ дощечку съ надписью: Petro Magno. Alexander. Нынѣ царствующій Государь Императоръ посѣтилъ Саардамъ въ 1839 году. Число частныхъ туристовъ, посѣщающихъ ежегодно Саардамъ ради знаменитаго Петровскаго домика, бываетъ весьма значительно и множество неизвѣстныхъ именъ покрываютъ стѣны домика, краснорѣчиво свидѣтельствуя о слабости людей—всюду выставить на показъ свое, никому ненужное, имя.

При Петрѣ I, домикъ состоялъ изъ одной комнаты съ небольшой кладовкой, къ которой примыкала маленькая клѣтушка. Послѣ отъѣзда Петра, домикъ этотъ переходилъ изъ рукъ въ руки, и наконецъ былъ совершенно забытъ. Но въ одинъ памятный день 1782 году, домикъ этотъ посѣтилъ великій князь, пріѣхавшій изъ Россіи, затѣмъ, позже—Императоръ Павелъ I съ императрицей Екатериной, въ сопровожденіи Іосифа II и шведскаго короля.

Князь Орловъ, при посѣщеніи домика оставилъ на память золотую медаль съ изображеніемъ императрицы Екатерины II. Неизвѣстно куда дѣвалась медаль и тѣ чаши, изъ которыхъ высокіе посѣтители пили въ честь Петра. Яковъ де-Ври, владѣлецъ дома, написалъ цѣлую брошюру объ этихъ предметахъ.

Въ 1785 г. трактирщикъ Верюнэ купилъ этотъ домикъ и заплатилъ за него 178 флорин.,*) сверхъ того 40 флорин. за медаль и чаши. Тутъ же была навѣшена кружка для сбора платы.

Въ 1800 году домикъ до того обветшалъ, что Верюнэ получилъ разрѣшеніе сломать его на дрова. Къ счастію одинъ изъ его товарищей Будлингъ, надѣясь на хорошіе барыши, перекупилъ домикъ за 200 флориновъ, причемъ ему въ придачу отдали обѣ чаши и медаль. Новый владѣлецъ исправилъ немного домъ, не искажая впрочемъ его въ историческомъ отношеніи. Начали дѣлать маленькіе слѣпки, представляющіе домикъ,—это служило приманкой для посѣтителей.

Лобберъ, наслѣдникъ Будлинга, поручилъ одному сосѣду надзоръ за домомъ, съ условіемъ дѣлить пополамъ выручку. Однако надзоръ былъ плохой. Наслѣдный принцъ, впослѣдствіи король Вильгельмъ II, видя въ какомъ жалкомъ состояніи находилось мѣсто пребыванія великаго царя, пріобрѣлъ домикъ, велѣлъ сдѣлать двойную крышу и огородить, такъ что домикъ былъ предохраненъ отъ непогоды.

Въ настоящее время домъ еще цѣлъ; *цѣлы также четырехугольный столъ и деревянный стулъ съ треугольнымъ сидѣньемъ.*

Въ домѣ два окна. Полъ отъ времени покосился. Надъ деревяннымъ колпакомъ очага надписи, восхваляющія Петра и упоминающія о посѣщеніи Императора Александра I.

Немного далѣе два портрета, Государя и Государыни и кромѣ того картина, представляющая Петра I съ топоромъ въ рукѣ, разговаривающаго съ Лефортомъ.

Политическое обозрѣніе.

Международная комиссія надъ Турціей.—Прокламація албанцевъ.—Румынское королевство.—Висмаркъ и Ватиканъ.—Италія.—Франція.

Для Турціи, съ появленіемъ Гладстона во главѣ правительства Англіи, наступитъ, можетъ быть, и эра обновленія если возможно только. По крайней мѣрѣ, въ европейской прессѣ ходятъ слухи о томъ, что державы (по иниціативѣ все того же Гладстона) назначатъ въ Константинополь особую международную комиссію, которая будетъ уполномочена содѣйствовать быстрому осуществленію реформъ турецкихъ, уладить всѣ пограничныя недоразумѣнія, а главное наблюдать за управленіемъ и за финансовою частью Оттоманской имперіи.

При этомъ высказывается немало мнѣній о томъ, что при устраненіи давнишнихъ злоупотребленій, при разумномъ распоряженіи финансами, Турція обильно одаренная природными богатствами,—увидитъ лучшіе дни. Съ учрежденіемъ комиссіи, Порта тотчасъ же можетъ выйти изъ безденежья своего, такъ какъ банкиры не откажутъ нигдѣ въ ссудѣ ей необходимыхъ средствъ.

Албанская лига разослала изъ Скутари прокламацію „ко всѣмъ албанцамъ", подписанную Хода-Беемъ и Али-пашей. Въ прокламаціи этой окончательно и опредѣлительно выражены требованія и стремленія лиги. Вотъ онѣ: 1) внутренняя автономія для всѣхъ албанскихъ округовъ; 2) утвержденіе Портою князя, избраннаго націею и въ семействѣ котораго престолъ долженъ быть наслѣдственъ; 3) опредѣленіе суммы ежегодной подати, платимой Султану; 4) опредѣленіе числа вспомогательныхъ войскъ, которыя слѣдуетъ доставить султану, въ случаѣ войны между Турціей и иностранными державами; 5) очищеніе оттоманскими войсками всѣхъ крѣпостей, въ которыхъ они еще содержатъ гарнизоны; сношенія между Портою и Албаніей при посредствѣ особаго албанскаго уполномоченнаго въ Константинополѣ и 6) смѣщеніе всѣхъ оттоманскихъ чиновниковъ не албанскаго происхожденія и замѣщеніе ихъ служащими, назначенными княземъ. Албанцы начинаютъ даже обзаводиться чѣмъ-то въ родѣ правильно устроеннаго правительства: такъ лига назначила одного итальянскаго банкира, проживающаго въ Скутари, своимъ министромъ финансовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она дѣятельно продолжаетъ свои стратегическія мѣры и приступила къ разрушенію мостовъ на Дринѣ, съ цѣлью воспрепятствовать переходу турецкихъ войскъ на сѣверъ Албаніи.

Но какъ же выйдетъ Черногорія изъ западни, которая устроена ей? Кто выведетъ ее оттуда? Кто и какъ поможетъ ей? Говорили будто въ числѣ предположеній, возникшихъ въ переговорахъ, происходящихъ теперь между державами, мелькнула (не заявленная формально) мысль о порученіи одной или нѣсколькимъ державамъ усмиренія Албаніи. Но положительно извѣстно, что Австрія не допуститъ этого.

Правительство Румыніи сильно хлопочетъ о возведеніи княжества Румынскаго на степень королевства и князь Карлъ, по слухамъ, предпринимаетъ вскорѣ путешествіе ко дворамъ великихъ державъ, съ цѣлью добиться признанія его королемъ.

Князь Бисмаркъ примиряется съ Ватиканомъ. Недавно внесенъ въ прусскій сеймъ проектъ закона объ измѣненіи извѣстныхъ майскихъ законовъ, направленныхъ противъ католическаго духовенства. Новый законъ дѣлаетъ значительныя уступки Ватикану. Между прочимъ, королю предоставляется право назначить снова въ прежнюю епархію епископа, уволеннаго отъ должности по приговору суда. Однако канцлеръ намѣревается примѣнять на дѣлѣ уступки, даруемыя нынѣ закономъ этимъ, только въ такомъ случаѣ, если католическіе епископы станутъ сообщать на одобреніе правительства списки лицъ, предназначенныхъ къ рукоположенію въ приходскіе священники. Католическая партія центра въ сеймѣ прусскомъ недовольна тѣмъ, что законъ предоставляетъ правительству право примѣнять по своему усмотрѣнію майскія постановленія, которыя, по мнѣнію партіи, останутся дамокловымъ мечемъ надъ прусскими католиками. Прогрессисты и часть національ-либераловъ тоже относятся недоброжелательно къ проекту закона; но тѣмъ не менѣе, ожидается, что онъ будетъ принятъ, такъ какъ сеймъ дорожитъ княземъ Бисмаркомъ, а отклоненіе внесеннаго имъ предложенія могло бы повести къ удаленію его, такъ какъ оказалось бы равносильно выраженію недовѣрія къ нему.

Въ Италіи наступилъ министерскій кризисъ, для устраненія котораго либеральный кабинетъ Кайроли прибѣгнулъ къ распущенію палаты. Мы пользуемся этимъ случаемъ, чтобы ближе ознакомить читателей съ неизвѣстнымъ имъ еще положеніемъ и отношеніемъ главныхъ парламентскихъ партій въ Италіи, въ настоящее время. Ихъ нынѣ три: консервативное меньшинство, отличающееся выдержкой и тактомъ, стоитъ за монархическую форму и хотя не дружитъ съ клерикалами, но, въ тоже время, и не враждебно папѣ. Консервативная партія прежде всего считаетъ необходимымъ для Италіи сильное и прочное правительство. Она требуетъ усиленія флота, увеличенія числа крѣпостей и, понятно, въ виду такихъ цѣлей, одобряетъ налоги въ родѣ налога на помолъ, очень непопулярнаго въ Италіи. Затѣмъ идетъ министерская партія, или умѣренная фракція либеральной. Министерская партія также держится монархическаго принципа, но считаетъ существующіе налоги слишкомъ обременительными для народа и требуетъ отмѣны налога на помолъ и сокращенія военнаго бюджета. Наконецъ, третья партія—республиканцы, требующіе широкой областной автономіи. Партія эта слабѣе предшествующихъ.

Положеніе нынѣшняго французскаго кабинета несовсѣмъ прочно. Это недавно можно было видѣть изъ преній по поводу проекта закона о правѣ собраній. Разногласіе между кабинетомъ и противниками его — крайнею лѣвою стороною, болѣе всего обнаружилось въ вопросѣ о правѣ распущенія собраній. Въ то время, какъ правительство настаиваетъ на предоставленіи права распускать собранія правительственному агенту, радикальная партія требуетъ, чтобы право это было признано за однимъ предсѣдателемъ собранія. Дѣло дошло до того, что кабинетъ былъ бы свергнутъ, если бы его не выручилъ президентъ палаты депутатовъ, который отклонилъ голосованіе по вопросу. Теперь надѣятся, что состоится соглашеніе, заключающееся въ томъ, что право надзора за собраніями, вмѣсто полицейскихъ комисаровъ будетъ принадлежать мэрамъ.

*) 1 флоринъ равняется 60 к.

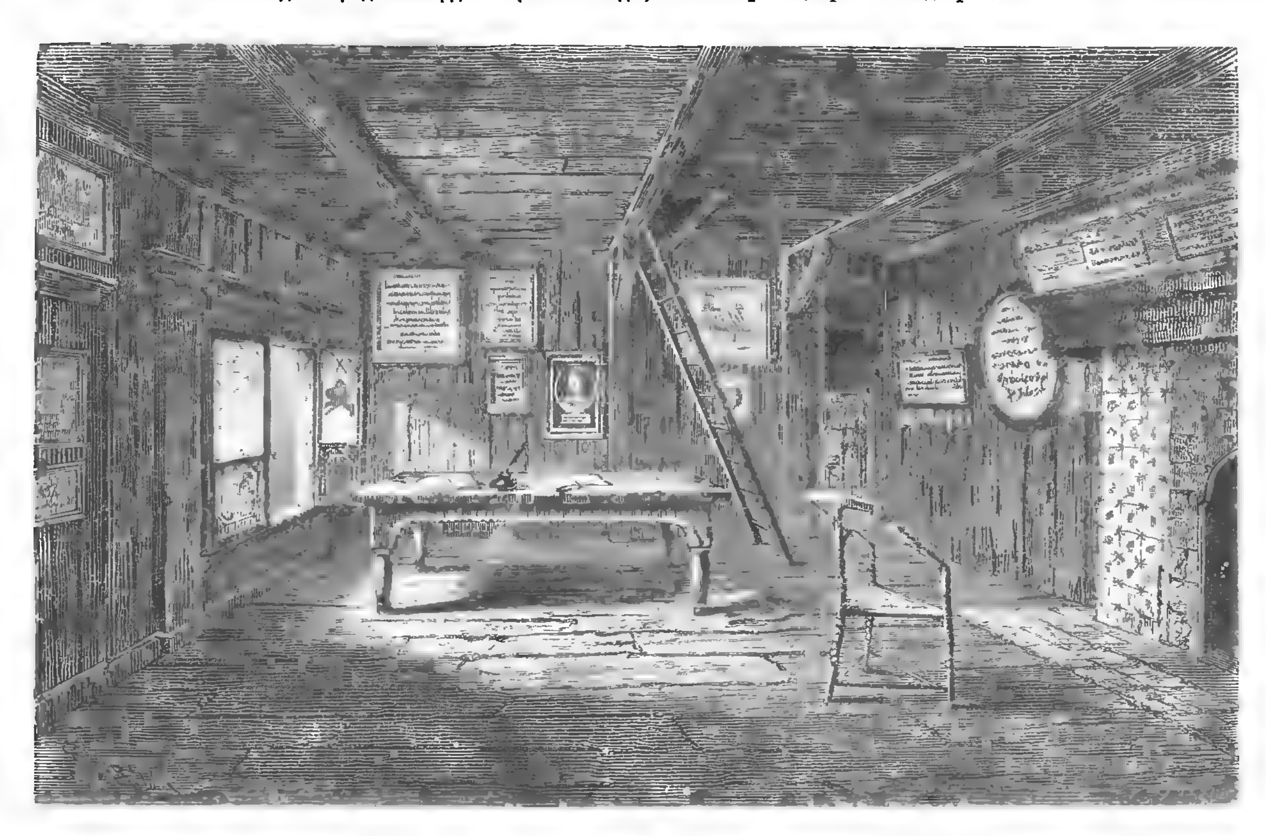
(Продолженіе на стр. 429, 430, 431 и 432).

Смѣсь.

Процессъ. Англійскія газеты заняты были недавно оригинальнымъ процессомъ, вызваннымъ несчастнымъ случаемъ на желѣзной дорогѣ. Одинъ извѣстный врачъ, вслѣдствіе крушенія поѣзда, поставленный въ невозможность продолжать свою профессію, предъявилъ искъ къ Обществу югозападной желѣзной дороги, требуя вознагражденія за понесенные имъ убытки. Онъ опредѣлилъ свой годовой доходъ въ 6,000 фун. ст., которыя отнынѣ для него потеряны. Судъ, разсматривавшій его претензію, назначилъ доктору Филиппсу единовременное вознагражденіе въ 7,000 фунт. ст. Истецъ остался недоволенъ. Въ дальнѣйшей инстанціи жалоба его была удовлетворена; въ его пользу присуждено было 16,000 фунт. ст., или около 400,000 франк. На этотъ разъ недовольной стороной является Общество Югозападной желѣзной дороги, приводящее, въ своей апелляціи, слѣдующіе доводы. Когда одушевленный товаръ столь громадной цѣнности ввѣряется его попеченіямъ, то нѣтъ никакой пропорціональности между незначительной пользою, получаемой желѣзно-дорожнымъ Обществомъ и могущей послѣдовать потерей. Врачъ, юристъ платятъ за свой билетъ не больше самаго скромнаго по общественному положенію пассажира. Если высокопоставленное лицо прибудетъ цѣлымъ и невредимымъ къ мѣсту назначенія, Общество получаетъ только то, что ему слѣдуетъ; если съ нимъ случится несчастіе въ дорогѣ, принуждаютъ платить сумму, пропорціональную убыткамъ потерпѣвшаго лица. Развѣ желѣзно-дорожное Общество, въ своемъ качествѣ возчика, не имѣетъ права оберегать себя отъ риска этого рода? За товары особенной цѣнности взимается плата выше обыкновеннаго тарифа; люди, занимающіеся выгодной профессіей, не подлежатъ этому правилу. Еслибъ было иначе, то Общество, принимая ихъ пассажирами, должно бы продавать имъ билеты по особому тарифу; тогда оно и отвѣчало бы за несчастный случай. Такова аргументація желѣзно-

Видъ городка Саардамъ (въ Голландіи). Рис. Барклай, грав. Гильдебрандтъ.

Домикъ, гдѣ жилъ Петръ Великій въ Саардамѣ. Рис. Барклай, грав. Бертрандъ.

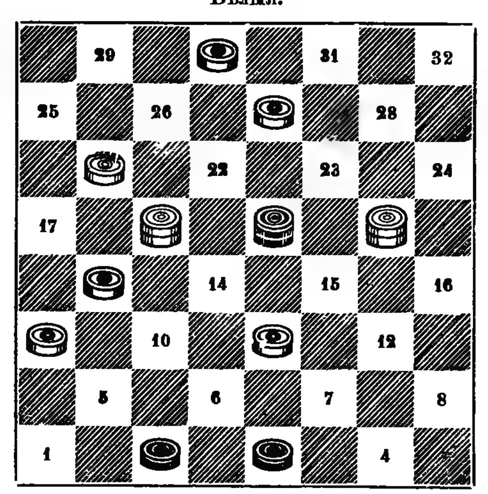
дорожнаго Общества. Она не казалась убѣдительною аппелляціонной палатѣ, и послѣдняя отвергла ее. Судьи нашли, что если принять эту теорію, то она послужитъ къ многочисленнымъ примѣненіямъ. Они усматривали возможность прогулки въ фіакрѣ какого-нибудь важнаго лица, принужденнаго спорить съ возницей о степени своей знаменитости. Общество юго-западной желѣзной дороги не считаетъ свое дѣло окончательно проиграннымъ.

Песочный дождь. Въ ночь съ 30-го на 31-е марта и въ ночь на 10-е апрѣля нынѣшняго года въ Сициліи произошло необыкновенное событіе: надъ страною неожиданно разразился песочный дождь. Сначала думали, что песокъ этотъ наносится съ вулкана; но предположеніе это оказалось вполнѣ неосновательнымъ; песокъ сыпался прямо съ неба. Песочные дожди пока не признаны учеными и считаются явленіемъ, противорѣчащимъ законамъ физики. Песокъ, покрывшій Сицилію, оказался содержащимъ въ себѣ большое количество желѣза и притомъ въ такомъ видѣ, въ какомъ оно не встрѣчается на землѣ. Профессоръ Сильвестри, давая отчетъ объ этомъ необыкновенномъ явленіи, ставитъ его въ зависимость отъ грозоваго движенія въ атмосферѣ; по поводу-же присутствія желѣза въ пескѣ, Сильвестри замѣчаетъ, что явленіе это, уже разъ видѣнное въ 1859 году близь Индійскаго океана и подтвержденное Норденшильдомъ, имѣетъ чрезвычайно важное значеніе для изученія геологіи земнаго шара; то состояніе, въ которомъ встрѣчается желѣзо при песочномъ дождѣ, значительно отличается отъ того, въ которомъ находятъ желѣзо на поверхности земли. Мы знаемъ также, что объ этихъ песочныхъ или желѣзныхъ дождяхъ упоминалось еще въ эпоху древней исторіи: о нихъ говоритъ Плиній и другіе авторы, которые описывали кровавые, кирпичные и проч. дожди. Дожди эти по всему вѣроятію были ни что иное, какъ паденіе желѣзистаго песка, раствореннаго въ капляхъ дождя. О нихъ же упоминается и въ средніе вѣка. Въ прошедшемъ столѣтіи было также замѣчено не мало каменныхъ, кремневыхъ и земляныхъ дождей, которые всегда заключали въ себѣ большое количество желѣза. Одинъ изъ значительныхъ дождей этого рода былъ замѣченъ въ Нормандіи въ 1803 году. Но до настоящаго времени ученые не установили еще на это явленіе опредѣленнаго взгляда.

Шашечная задача № 40.

Митропольскаго.

Бѣлыя.

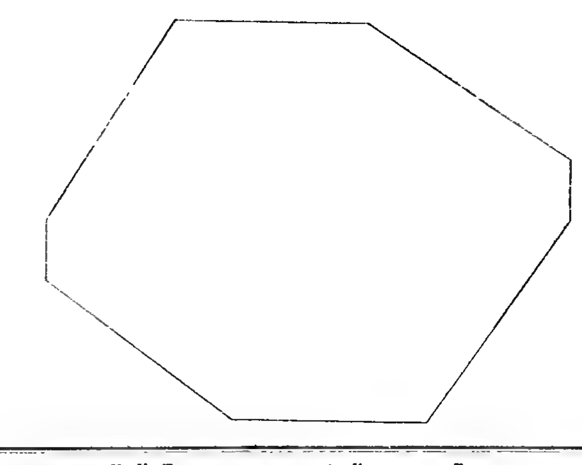

Черныя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ черныхъ.

Геометрическая задача № 41.

Данную фигуру раздѣлить на нѣсколько частей и изъ нихъ составить квадратъ.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

ВЪ „MAGASIN ETRANGER“
Иностран. магаз. Б. Морская, д. № 30.

ДЛЯ ХОЗЯЕКЪ

ВНОВЬ ПОЛУЧЕНО:
АМЕРИКАНСКАЯ МЕХАНИЧЕСКАЯ
!! ЧУДО ПРАЧКА !!

Это несложная, прочная, устройства самаго простаго, машинка для стирки бѣлья—кладъ въ каждомъ хозяйствѣ, она лучше всякихъ, до нынѣ изобрѣтенныхъ, даже самыхъ цѣнныхъ прачешныхъ машинъ; она, дѣйствуя давленіемъ а не треніемъ, предохраняетъ бѣлье отъ порчи. Дѣлаетъ большую экономію времени и труда и что требовало сильныхъ рукъ и пятидневныхъ трудовъ, можно легко сдѣлать въ одинъ день; ее легко придѣлать во всякую большую или малую лоханку, даже въ корыто. Самый неопытный, хотя дитя, можетъ ею дѣйствовать и ни одна домашняя вещь не вознаградитъ такъ щедро покупателя не принесетъ такую громадную пользу и такой лихвенный процентъ, какъ предлагаемая испытанная, неоцѣнимая, американская прачешная машина. Ц. 16 р., иногородн. перес. денегъ слѣдуетъ выслать за 80 фунтовъ, ящикъ и упаковка 1 р. 50 к.

!!! УТЮГИ !!!

Американскаго новаго очень удобнаго устройства, содержащіе особ. составъ сохраняющій очень долго жаръ. Комплектъ изъ 3 штукъ съ ручкой и подставкой цѣна 10 р. иногор. съ перес. 14 р.

!!! МАШИНКИ !!!

рубитъ мясо въ нѣсколько минутъ въ самыя мелкія волокна. Цѣна 7 р. 50 к. и дороже.

АМЕРИКАНСКІЕ КАРМАННЫЕ ВѢСЫ

съ цифрами безъ гирь, которыми можно мгновенно провѣрить всякій вѣсъ до 12 и 25 фунтовъ. Цѣна 2 р. и 2 р. 50 к., иногородн. съ пересылк. 2 р. 50 к. и 3 р

!!! МАШИНКИ !!!

сбивать яйца или сливки въ нѣсколько минутъ. Ц. 1 р. 50 к, иногор. съ перес. 2 р.

!!! НОВОСТЬ !!!

Кухонный инструментъ или удивительная ручка-ухватъ, молотокъ, ножъ для консервовъ, рычагъ для гвоздя и рукоятка Цѣна 75 к. иногор. съ перес. 1 р. 25 к.

!!! КАРМАННЫЯ КУХНИ !!!

Футлярчикъ съ таганчикомъ и спиртовой лампочкой особен. устройства; ц. 2 р., иногор. съ пересылкой 2 р. 50 коп.

!!! НОВОСТЬ ИЗЪ АМЕРИКИ !!!

Ковшики изъ кокосоваго орѣха съ ручкою. Ц, 75 к., иногоор. съ пересылк. 1 р. 25 к.

МЕХАНИЧЕСКІЕ !!! ПРОБОЧНИКИ !!!

которыми можно вытащить безъ малѣйшаго труда самыя тугія пробки. Ц. 1 р. 50 к.; 2 р. 50 к. и 3 р., иног съ пер. 2, 3 и 3 р. 50 к.

НОЖИ ДЛЯ САРДИНОКЪ

которыми всякія жестянки разрѣзываются какъ бумага, ц. 75 к. и 1 р, иногор. съ перес 1 р. 25 и 1 р. 50 к.

ВСЕОБЩІЙ ИНСТРУМЕНТЪ

содержащій болѣе 12-ти разныхъ домашнихъ инструментовъ, к. т: молотокъ, отвертка, клещи, ключъ для винтовъ и пр. Цѣна—3 р., иногор. съ перес. 4 р.

!!! ВѢЧНЫЯ ТОЧИЛА !!!

на которыхъ можно точить ножи столовые, всякіе инструменты, ножницы, топоры и пр. Цѣна 40 к. Иногороднымъ съ перес. 1 р.

ПАРИЖСКІЯ МЫШЕЛОВКИ,

которыми можно выловить мышей до последней. Цѣна 25 коп. штука, для иногородн. съ перес. за 2 штуки 1 р. Новыя крысоловки для ловли мелкихъ хищныхъ жив.; ц. 1 р. 50 к., сильныя 2 р., иногор. съ перес. 2 р. и 2 р. 50 к.

!!! НОВОСТЬ ДНЯ !!!
ИГРА въ 15-ть

Удивительная головоломка, самый занимательнѣйшій пасіансъ. Ц. 25 коп. иногор. съ перес. 50 к.

Требованія гг. иногородныхъ съ приложенными деньгами исполняются немедленно. Адресовать: въ „MAGASIN ÈTRANGER“ иностранный магазинъ К. Бартольда по Большой Морской, д. № 30, въ СПБургѣ.

АВГУСТЪ НАУМАНЪ и Комп.

20. С.-Петербургъ, Гороховая улица 20.

(въ зданіи Воспитательнаго дома).

ОГНЕУПОРНЫЙ, АСФАЛЬТОВЫЙ, КРОВЕЛЬНЫЙ

ТОЛЬ,

со всѣми къ нему принадлежностями.

Принимаютъ на себя покрытіе и окраску крышъ.

ШВЕДСКІЙ КАРТОНЪ,

для обивки деревянныхъ стѣнъ, потолковъ и проч.

Прейсъ-курантъ и всѣ свѣдѣнія выдаются и высылаются безплатно.

Mat. № 688 4—2

МАГАЗИНЪ И. Э. МИЛЬКЪ

Больш. Морская, д. № 39, на углу Вознесенскаго пр.

Отдѣленіе для хозяйственныхъ принадлежностей предлагаетъ къ наступающему лѣтнему сезону большой выборъ практичныхъ вещей по умѣреннымъ, но рѣшительнымъ цѣнамъ, какъ-то:

Умывальники, ванны, полуванны, купальные аппараты (новой системы) ведра, кувшины, лаханки цинковыя, биде, переносные ватерклозеты, кровати складные и матрацы, кровати съ проволочнымъ плетеніемъ (чрезвычайно удобныя для дачъ), офицерскія и дорожныя кровати, дѣтскія коляски, садовая мебель складная, желѣзная и деревянная, садовые и пожарные насосы, садовыя ножницы и ножи, самодѣйствующій аппаратъ для стирки бѣлья, выжималки для бѣлья, угольные утюги, водоочистительныя машинки англійскія высшій сортъ, котлетныя машинки, машинки для колотья сахара, мороженницы, маслянки, спиртовые кофейники, чайники, сливочницы, сахарницы изъ Британскаго металла, столовые, кухонные и перочинные ножи, точилки для ножей, топоры американскіе, сухарницы, подносы, новый аппаратъ для приготовленія жаркого, паровые поваренные котлы изъ бессемеровой стали, хозяйственные вѣсы, дачные фонари, пробочники, ножницы и пр. и пр.

Желѣзная луженая и эмальиров. кухонная посуда. № 702. 7—6.

ДЛЯ ПРОВИНЦІИ!

Съ пересылкою.

Пальто резинковое штатское.	по 15 руб.
Гевелокъ также.	„ 17 „
Тальма дамская	„ 13 „
Пальто для гг. военныхъ съ пуговицами и петлицами.	„ 21 „

цѣны эти съ укладкою и пересылкою по почтѣ.

Мы имѣемъ эти пальто изъ **самой лучшей матеріи** и ручаемся **вполнѣ** за доброе качество и прочность пальто, купленныхъ у насъ. Пальто не подходящіе мы беремъ обратно.

Мѣра. При заказѣ просимъ обозначить: **длину пальто** и **ширину груди.**

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ГЛАВНОЕ ДЕПО РЕЗИНОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ

ЛИМАНА и РИКСА

Въ С.-Петербургѣ, по Гороховой улицѣ, домъ № 16.

Прим. Пальто, изготовленныя изъ менѣе хорошей матеріи стоютъ 30% дешевле. Mt. № 619 10—10

СПЕЦІАЛИСТЪ ОПТИЧЕСКИХЪ ОЧКОВЫХЪ СТЕКОЛЪ:

ОПТИКЪ И МЕХАНИКЪ

И. Я. УРЛАУБЪ,

ТОРГУЮЩІЙ ПОДЪ ФИРМОЮ

Г. ШТРАУСЪ.

№ 44. Невскій проспектъ, противъ Гостинаго двора. **№ 44.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Симъ доводитъ до свѣдѣнія почтеннѣйшей публики, что прейсъ-курантъ его магазина, спеціально на оптическіе и частью механическіе, математическіе и хирургическіе предметы и инструменты, по востребованію высылается **безплатно** какъ гг. городскимъ, такъ и иногороднымъ покупателямъ во всѣ города Россійской Имперіи.

№ 733 3—3

ГАРМОНИИ

хорошей работы и отличнаго тона:

О 8 клав.	съ 1	регистромъ	. .	4 50
„ 10 „	„ 1	„		5 50
„ 10 „	„ 1	„	больш. форм. .	7 —
„ 10 „	„ 2	„	съ трелью .	10 —
„ 10 „	„ 2	„	лучшаго качества	12 —
„ 10 „	„ 3	„	. . .	12 —
„ 10 „	„ 3	„	лучшаго качества	15 —
„ 10 „	„ 4	„	съ трелью .	20 —

Въ 2 ряда.

О 17 клав.	съ 2	рег.		15 —
„ 19 „	„ 2	„		17 —
„ 19 „	„ 3	„	съ трелью ,	20 —
„ 19 „	„ 3	„	лучшаго качества	30 —
„ 19 „	„ 4	„	. .	35 р. и 50 р.

Съ однимъ колокольчикомъ 75 к. дороже.
Самоучитель для гармоніи Соколова 1 руб.
4 тетради нотъ съ танцами, операми, романсами и пр. по 75 к.
за перес. для гармоній до 7 р. за 14 фунт.
„ „ „ „ отъ 10 р. за 20 фунт.
За ящикъ и упаковку 50 к.

Главное депо музыкальныхъ инструментовъ

Юлія Генриха Циммермана

С.-Петербургъ, по Большой Морской, № 42.

МЕХАНИЧЕСКАЯ БРИТВА!

Привиллегированная механическая бритва полнѣйшая возможность бриться каждому самому безъ всякой боязни обрѣзаться, въ какомъ бы положеніи ни былъ: больной въ постели, въ лежачемъ положеніи, безъ зеркала, въ совершенной темнотѣ, на ходу или въ дорогѣ, правою или лѣвою рукою, гораздо чище, удобнѣе и несравненно скорѣе, чѣмъ нынѣ существующими весьма опасными бритвами; никакихъ предосторожностей!

Цѣна механической бритвы 3 рубля сер.

Единственное депо механическихъ бритвъ для всей Россіи: Парижскій базаръ (Bazar Parisien) Невскій проспектъ, между полицейскимъ мостомъ и Большою Морскою, домъ Елисѣева № 15, въ С.-Петербургѣ. Заказы гг. иногородныхъ исполняются немедленно; на пересылку благоволятъ высылать 10% Продавцамъ дѣлается обычная скидка. 759

ВЪ КАМЫШАХЪ, повѣсть **Н. Каразина,** съ 39 рисунками автора. большой томъ in 8—всего 304 стр. Цѣна **2 р.,** съ перес. **2 р. 30 к.** Подписчики „Нивы“ за перес. не платятъ.

Повѣсть эта яркими красками рисуетъ жизнь Туркестанскаго края; достоинства ея достаточно доказываются уже тѣмъ, что повѣсть эта переведена на нѣмецкій, французскій и англійскій языки. Нынѣ вышедшее второе изданіе заключаетъ въ себѣ 36 рисунковъ; оно гораздо богаче и лучше чѣмъ, уже распроданное, первое изданіе этой повѣсти.

ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ

цѣны съ пересылкою.

Пальто резиновое	14 р.
Плащъ съ крыльями . .	16 „
Тальма дамская	12 „
Пальто офицерское . . .	17 „

Пальто эти 1-го сорта съ ручательствомъ за ихъ нелипкость. При заказѣ обозначить длину пальто и объемъ въ груди.

Оставшіяся изъ нашего отдѣленія при магаз. **„Фениксъ“.**

АНГЛІЙСКІЯ РЕЗИНОВЫЯ ПАЛЬТО

несмотря на повышеніе цѣнъ предлагаемъ съ пересылкою по

10 руб.

Центральное депо резиновыхъ издѣлій

Л. ЦІОЛКОВСКАГО и Ко.

Невскій пр., № 51. С.-Петербургъ.
Kl № 758 5—1

РОЗЫГРЫШЪ V ЛОТЕРЕИ

въ пользу школъ Патріотическаго Общества состоится въ Манежѣ Михайловскаго Дворца, въ воскресенье 1 Іюня 1880 года, въ 12 часовъ дня.

Выдача выигрышей будетъ производиться въ Михайловскомъ Дворцѣ послѣ розыгрыша со вторника первые три дня отъ 12-ти до 3-хъ часовъ и въ теченіи 6-ти мѣсяцевъ по средамъ отъ 11-ти до 12-ти часовъ.

№ 761

При этомъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ объявленіе отъ книжнаго магазина С. И. Леухина въ Москвѣ.

XI годъ — № 22 — годъ XI — 1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 31 Мая 1880 г. Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Леопольдъ I, король Бельгіи и памятникъ ему въ Брюсселѣ.

Мудрый монархъ, Леопольдъ I, младшій сынъ герцога Франца Саксенъ-Кобургскаго; онъ родился 16 декабря 1790 года. Обручившись съ британской принцессой Шарлотой Августой, Леопольдъ былъ натурализированъ въ Англіи, получилъ 50,000 фунтовъ стерлинговъ годоваго содержанія, титулъ герцога и пера Британіи и званіе члена тайнаго совѣта. Смерть Шарлоты Августы разрушила всѣ виды англичанъ, соединенные съ этимъ бракомъ. И Леопольдъ посвятилъ себя научнымъ занятіямъ и проводилъ время частью въ Лондонѣ, частью въ путешествіяхъ. Въ 1831 году, бельгійскій національный конгресъ избралъ его своимъ королемъ. Когда депутаты конгресса пришли къ Леопольду объявить постановленіе о выборѣ его въ короли, онъ выразилъ имъ свое сомнѣніе: „вы слишкомъ демократичны, говорилъ онъ, но думаю, что при добромъ желаніи и обоюдныхъ уступкахъ можно придти ко всякому соглашенію.“

Леопольдъ оправдалъ возложенныя на него надежды. Онъ дѣйствительно достигъ того, что королевская власть сдѣлалась уважаема и чтима въ этой демократической странѣ. Благодаря своему уму и честности, даже въ смутное время 1848 года Леопольдъ I былъ однимъ изъ любимыхъ и почитаемыхъ монарховъ. Онъ съ гордостію говорилъ, что между имъ и народомъ неразрывная связь и что связь эта основана на взаимной любви и уваженіи.

Въ августѣ 1832 года, Леопольдъ вступилъ во второй бракъ съ дочерью Лудовика Филиппа, короля французовъ. Отъ этого брака родились: нынѣ царствующій король Леопольдъ II, графъ Фландрскій, принцъ Филиппъ и принцесса Шарлота—супруга несчастнаго мексиканскаго короля Максимиліана.

Процарствовавъ 34 года, Леопольдъ умеръ 10 декабря 1865 г. Онъ оставилъ Бельгію въ состояніи довольства, спокойствія и благосостоянія.

Весь народъ глубоко и искренно сожалѣлъ о его смерти. Открыта была общая подписка на сооруженіе памятника; законодательный корпусъ

Король Бельгійскій, Леопольдъ I. † 10 дек. 1865 г. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

ассигновалъ для этой цѣли два милліона франковъ; было предположено около Лаэкена—любимой резиденціи Леопольда I, устроить общественный садъ и тутъ поставить этотъ памятникъ.

Памятникъ стоитъ на кругломъ возвышеніи посреди площадки въ 35 саженъ въ поперечникѣ; площадку эту приподняли на двѣ сажени, чтобы выше поставить памятникъ и дать возможность зрителю, ставшему у пьедестала, сразу обнять взоромъ городъ и окрестности.

Основную форму памятника составляетъ девятиугольникъ въ воспоминаніе девяти бельгійскихъ провинцій. Посреди статуя Леопольда изъ бѣлаго мрамора. По бокамъ открытая галлерея съ террасой на верху, куда ведетъ лѣстница устроенная за галлереей. Надъ капителями колоннъ наружной галлереи, поставлены аллегорическія изваянныя изображенія девяти бельгійскихъ провинцій; надъ каждой изъ нихъ богатой рѣзьбы навѣсъ, подъ навѣсами львы, держащіе гербы провинцій. На вершинѣ памятника статуя, изображающая генія Бельгіи. Въ одной рукѣ у него вѣнокъ, въ другой высоко поднятое знамя Бельгіи.

Божья воля.

Разсказъ моего знакомаго.

Очеркъ Н. Б—ва.

Это былъ годъ особенно для меня удачный. Чтобы подышать чистымъ воздухомъ мнѣ не надо было ходить ни въ заколдованномъ кругу сырой Павловской „музыки“, ни толочься по Лѣтнему саду или петербургскимъ „семейнымъ“ садамъ, среди гогочущей толпы какихъ-то долгополыхъ жуликовъ, завладѣвшихъ теперь этими помѣщеніями. Я попалъ дѣйствительно на „вольный воздухъ“. То были сосновые лѣса, которыхъ благоуханный воздухъ такъ освѣжительно вливается въ грудь. Я затѣвалъ тогда одно изъ „практическихъ дѣлецъ“, до которыхъ такіе охотники непрактическіе люди. Никто такъ не влѣзетъ въ сложную комбинацію съ нулемъ въ итогѣ, никто не будетъ такъ дѣловито щелкать на счетахъ, морщить лобъ и улыбаться во весь ротъ при неожиданной и нечаянной удачѣ, какъ непрактическій человѣкъ. Конечно, когда нибудь онъ станетъ и практическимъ, но тогда вся иллюзія пропадетъ и онъ увидитъ, что собственно „дѣло“ вовсе не весело, а тяжело, непріятно, исполнено всѣхъ тѣхъ тревогъ и опасностей, какими полны всѣ дѣла на нашей грустной землѣ.

Я тогда ставилъ на откосѣ очень красивой и лѣсистой горы, на ручьяхъ, какую-то мельницу, съ такимъ сложнымъ и усовершенствованнымъ механизмомъ, что она впослѣдствіи не могла совсѣмъ дѣйствовать. Но пока этотъ блестящій результатъ былъ далекъ—я былъ очень оживленъ, ѣздилъ въ разные лѣсные поселки, нанималъ, торговался по цѣлымъ часамъ и уѣзжалъ съ торжествомъ, заплативъ ровно вдвое противъ того, что слѣдовало.

Мы разсчитывались съ мельникомъ „механикомъ“. Это былъ сѣдобородый хитрый старикъ, который не отговаривалъ отъ постройки мельницы, зная что перестраивать придется ему же.

Дверь избы скрипнула и на порогѣ остановился небольшой черный мужикъ, съ короткой бородой и какимъ то трогательно-покорнымъ и испуганнымъ выраженіемъ морщинистаго лица. Онъ сложилъ руки на черномъ истертомъ кафтанѣ и поклонился.

— Ты что?

— Да вотъ рабочихъ вы нанимаете, такъ не возьмете ли, я бы поработалъ. Сказывали, копалей вамъ надо.

— А ты копалъ?

— Мы старогородцы, копали исконные... это ужь наша работа.

— Ты значитъ не здѣшній,—какъ же ты сюда попалъ?

— Я высланный, значитъ, сюда.

Я невольно вопросительно посмотрѣлъ на старика механика. Тотъ понялъ мой взглядъ и наклонясь, замѣтилъ вполголоса, чтобы я не сомнѣвался, что Лукьянычъ человѣкъ хорошій и рабочій исправный. Взять можно. Мы сговорились и Лукьянычъ пошелъ на работу.

Вставалъ я тогда очень рано. Я любилъ эти неподвижныя лѣтнія утра, залитыя солнцемъ. Тѣни вѣковыхъ сосенъ тянутся прозрачно на чистомъ пескѣ, усѣянномъ сухими иглами бороваго мѣста или по зеленой травѣ болотистыхъ лужаекъ. Эта неподвижная безшумность сосновыхъ лѣсовъ, это спокойствіе, отсутствіе тревожнаго трепета листвы чернолѣсья, этотъ смолистый, чудный воздухъ, словно фиміамъ церкви и полная пустынность, всегда меня какъ-то успокоивали и умиляли и мнѣ всегда казалось, что и на всѣхъ жителей далекой сосновой Руси оно производитъ то же впечатлѣніе и кладетъ на нихъ особую печать степенности и нѣкоторой задумчивости. Каждое утро я спускался съ обрыва внизъ, лѣсомъ и послѣ купанья въ чистой, холодной водѣ быстрой рѣчки, шелъ лѣсомъ, стараясь знакомиться съ окрестностями и попадать на новыя дороги и тропинки. Сетеръ мой съ громкимъ, радостнымъ лаемъ, махая пушистымъ хвостомъ, пускался искать по кустамъ и далеко опережалъ меня.

И на этотъ разъ я попалъ опять на незнакомое мнѣ мѣсто и залюбовался. Надъ крутымъ берегомъ рѣки, въ осиновой густой рощицѣ, подъ двумя вѣковыми раскидистыми, самой странной формы, соснами приткнулась избушка; пониже, на обрывѣ, развалины стараго, брошеннаго смолокуреннаго заводика. Вѣчно трепещущія листья осинокъ мелькали на солнышкѣ,—дверь избушки растворена, никого не видно, полная утренняя тишина. И тѣмъ рѣзче раздался звонкій лай моей собаки и дѣтскій крикъ. Я поспѣшилъ по тропинкѣ и увидѣлъ моего пса, который кажется самъ испугался и съ любопытствомъ, картинно остановившись, оглядывалъ двухъ, прижавшихся къ огромному пню, прехорошенькихъ дѣтей—мальчика и дѣвочку.

Мальчикъ лѣтъ восьми, въ бѣлой рубашонкѣ, стоялъ въ граціозной защитительной позѣ, немножко впереди дѣвочки съ блестящими черными глазками и, увидѣвъ меня, показалъ свои бѣлые зубы и ямочки на румяныхъ щечкахъ.

— Ты испугался? спросилъ я,—ничего, онъ не тронетъ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ храбро, это она закричала, Нютка.

— А это сестра твоя? спросилъ я, указывая на прелестную маленькую дѣвочку съ кузовкомъ грибовъ на рукѣ, повязанную платочкомъ, въ черныхъ глазахъ которой еще стояли слезы и выраженіе испуга.

— Сестра, отвѣтилъ мальчикъ, а ты Заборинскій баринъ будешь, а тятя къ тебѣ пошелъ работать, продолжалъ онъ словоохотливо, идя рядомъ со мною.

— А кто твой тятя.

— А тятя мой, Лукьянычъ. Онъ вчера копалъ, а нынче рано, рано ушелъ, а мамка не ночевала дома, а мы пошли по грибы и гнѣздышко видѣли... Большое...

— И вовсе не большое, серьезно поправила его дѣвочка, идя нѣсколько позади.

— Баринъ, просительнымъ и нѣжнымъ голоскомъ началъ мальчикъ, дай мнѣ двѣ копѣечки, пожалуйста дай.

У меня какъ-то защемило на сердцѣ. Дѣвочка дергала его сзади за рубашку и шептала: „Ванька, Ванька!“

— Зачѣмъ ты просишь? Это не хорошо просить.

— Намъ денежковъ нужно, грустно протянулъ онъ, тятя бѣдный, у него денежковъ нѣтъ. У тебя много копѣечковъ, тебѣ ничего...

— Зачѣмъ же тебѣ копѣечки? куда ты ихъ дѣнешь?

— Тятѣ отдамъ, кивнувъ головкой, важно отвѣтилъ онъ, мамкѣ не дамъ, мамка унесетъ, она меня вчера побила, а тятькѣ отдамъ, тятька мнѣ калачикъ купитъ и Нюткѣ купитъ. Пожалуйста дай.

— Не проси, Ваня, это не хорошо, я поговорю съ твоимъ тятей и онъ вамъ все купитъ. Ну прощай. Смотри же, не проси.

Дѣти присѣли на завалинку избушки, задумчиво глядя мнѣ вслѣдъ. На строющейся мельницѣ засталъ я одного Лукьяныча. Другіе рабочіе еще не приходили. Онъ стоялъ по поясъ въ канавѣ, въ синей рубахѣ и какъ кротъ копался тамъ, выламывая глыбы сырой глины и взметывая ихъ на валъ. Его лицо было оживлено, но также покорно и испуганно.

— Я видѣлъ сейчасъ твоихъ дѣтей, Лукьянычъ, началъ я, присаживаясь на бревно, около него.

Онъ ничего не отвѣтилъ, только ниже наклонилъ свою черно-сѣдую голову и глубже засадилъ заступъ въ глину. Я хотѣлъ ему попенять, что его Ваня попрошайничаетъ, но побоялся, чтобы ребенку не досталось и сказалъ только:

— Славныя у тебя дѣтки.

— Дѣти... что-жь... извѣстно... ребятки, отозвался онъ.

— Ты говорилъ, что ты высланный Старогородскій— какъ это ты попалъ, за что?

— Божья воля! Такъ... бунтовались мы, значитъ... ну и выслали, сказалъ онъ самымъ добродушнымъ, спокойнымъ тономъ, взглянувъ на меня своими грустными глазами.

— Какъ это? съ недоумѣніемъ глядя на него, переспросилъ я, не могши себѣ представить какъ это Лукьянычъ бунтовался.

— А такъ міромъ мы бунтовались... Такъ ужъ видно воля Божья... Надѣлы тутъ отводили... Баринъ и говоритъ, чтобы надѣлы намъ. Ну, а мы говоримъ, чтобы по закону, чтобы намъ эту землю надѣлили... Міромъ, значитъ, мы такъ что молъ несогласны... Исправникъ пріѣзжалъ и жандары... И солдатъ еще одинъ такой былъ старый, унтеръ, у меня въ избѣ кормился два дня. Все спитъ бывало.

— Чтожь баринъ не добрый былъ, обидѣть хотѣлъ...

— Кабы такъ, началъ онъ оживляясь, какое! Такой то добрый былъ, такой-то добрый — бывало помогаетъ намъ, когда зерна, либо что... Смиренный!.. И онъ самъ не мало на это дѣло печаловался... И жандаръ полковникъ былъ тоже—не то что кричать, а такъ ходитъ это между насъ, ходитъ и говоритъ: что вы, говоритъ, ребята, бросьте—это дѣло вы напрасно затѣяли. Вамъ достанется, толку не выйдетъ... Лучше, говоритъ, по Божьему.

— Ну а вы что?

— Ну мы какъ міромъ согласились, кланяемся значитъ ему: извини, говоримъ, ваше высокоблагородіе, Христа ради, а мы этого не можемъ, намъ чтобы какъ землю передѣлить...

Я все меньше понималъ.

— Значитъ баринъ на своемъ стоялъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! Онъ даже насъ такъ просилъ. Толковалъ, толковалъ съ нами, даже заплакалъ. Боже мой, говоритъ, ребята, развѣ я что нибудь... Я даже, Господь видитъ... Возьмите, говоритъ, у меня, все, пусть, говоритъ, Господь видитъ мою обиду. Ну, а мы говоримъ, какъ же все? Мы не на разбой пришли, а чтобы передѣлу сдѣлали на землю—мы это желаемъ.

— Да какую передѣлу?

— Чтобы передѣлу на всю землю... По указу... Онъ, указъ, ребята барину говорятъ, гдѣ? Въ соборѣ подъ престолью онъ долженъ лежать... Али опять въ Сенатѣ...

— Чортъ знаетъ что такое! Ну а потомъ что было?

— Ну потомъ это выходитъ, полковникъ и говоритъ: ну, говоритъ, братцы, дѣлать вижу нечего, вы все пустое болтаете, я долженъ записать, кто не желаетъ надѣлу. Выходи по одиночкѣ. Тутъ однако поопасились, говорятъ: мы что же? Чего намъ выходить? мы только чтобы по указу. Вижу міръ на утекъ идетъ, я взялъда и вышелъ. Меня жендары и записали, сюда и выслали...

— Ты одинъ и вышелъ? Чѣмъ же дѣло покончилось?

— Да вѣдь какже—мы согласились—я вижу міръ на попятный—и вышелъ. А потомъ ничего. Баринъ надѣлу прикинулъ да прогоны имъ отдалъ, ну тутъ чего же еще—еще бы не согласиться. Всѣ еще его какъ потомъ благодарили. Простая душа, что говорить, былъ.

— Такъ какъ же ты одинъ пострадалъ. Что же ты не просилъ, шутка ли—отъ родины послали съ семьей, поди хозяйство раззорили.

— Что же мнѣ просить, здѣсь земля еще лучше и работы больше не въ примѣръ. А тамъ какое у меня хозяйство—я бѣдный былъ, нечего и работать то было. Да и здѣсь худо, такая мнѣ доля видно, прибавилъ онъ вздохнувъ и принимаясь за работу.

— Это твоя избушка тамъ?

— Гдѣ моя, баринъ! Это купца одного здѣсь старенькаго. Онъ тамъ въ городѣ во флигелькѣ живетъ. Я у него на огородѣ работалъ, а онъ, дай Богъ ему здоровья, живи, говоритъ, у меня въ избушкѣ на берегу, старикъ, что тамъ! избушка все равно пустуетъ, а тебѣ все уголъ и дровецъ, говоритъ, когда бери, здѣсь говоритъ мѣсто вольготное, лѣсное, этаго добра вволю. Ничего—есть вездѣ добрые люди, вездѣ Господь Батюшка до конца не оставитъ.

— Жена, поди, тоже что работаетъ?..

— Жена... да... работаетъ, неохотно отвѣтилъ онъ.

Я заинтересовался этимъ „высланнымъ“ и въ разсказѣ о его странномъ поступкѣ, мнѣ чуялось что-то недоговоренное. Это впрочемъ скоро не замедлило объясниться. Въ этомъ маленькомъ несложномъ міркѣ, гдѣ все открыто, гдѣ всѣ другъ друга знаютъ, душевныя драмы не могутъ быть долго скрытыми, какъ въ шумныхъ городахъ, гдѣ человѣкъ такъ одинокъ и гдѣ никому до него нѣтъ дѣла.

Однажды вечеромъ я увидѣлъ въ окно дѣтей Лукьяныча, которые спускались босикомъ по обрыву съ кузовками въ рукахъ. Осторожно пройдя мимо спавшей на припекѣ знакомой имъ моей собаки, которая лѣниво открывъ одинъ глазъ и поднявъ одно ухо, поглядѣла на нихъ, они поднялись на крыльцо и молча остановились въ дверяхъ избы, съ любопытствомъ разглядывая вещи.

— Что ты пришелъ, Ваня? спросилъ я.

— Ягоды продаемъ, улыбаясь заявилъ мальчикъ, дашь денежковъ за ягоды?

Не успѣли они, зажавъ въ кулачонки деньги, спуститься съ крыльца, какъ ко мнѣ вошелъ старикъ-механикъ. Онъ широко перекрестился на образа, разгладилъ большую сѣдую бороду, поклонился и сѣлъ.

— Хорошенькія дѣти у Лукьяныча, сказалъ я.

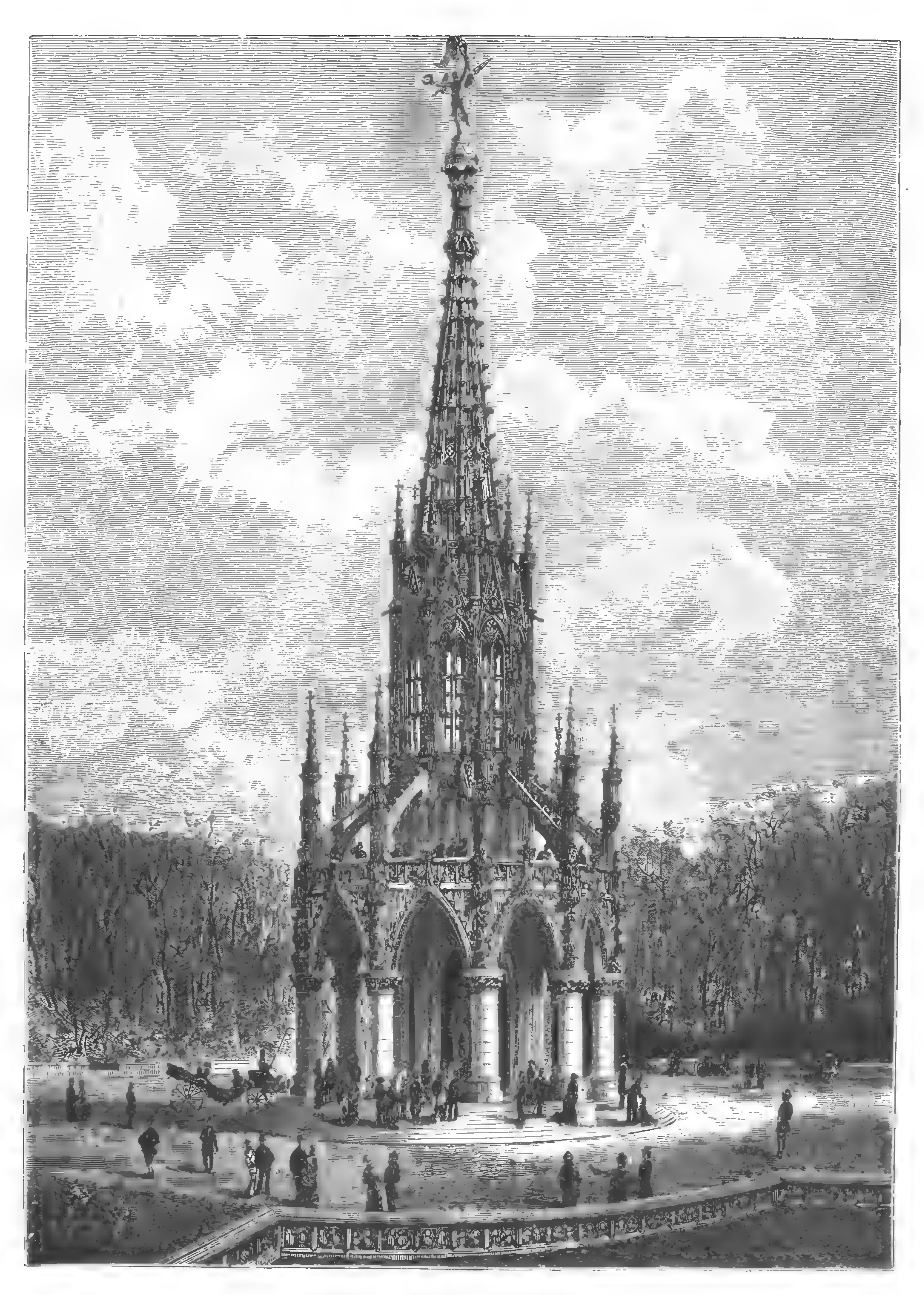
— Плохое его дѣло, бѣднаго. Жисть его самая негодная.

— Скажи пожалуйста, что это за исторія. Его какъ выслали?

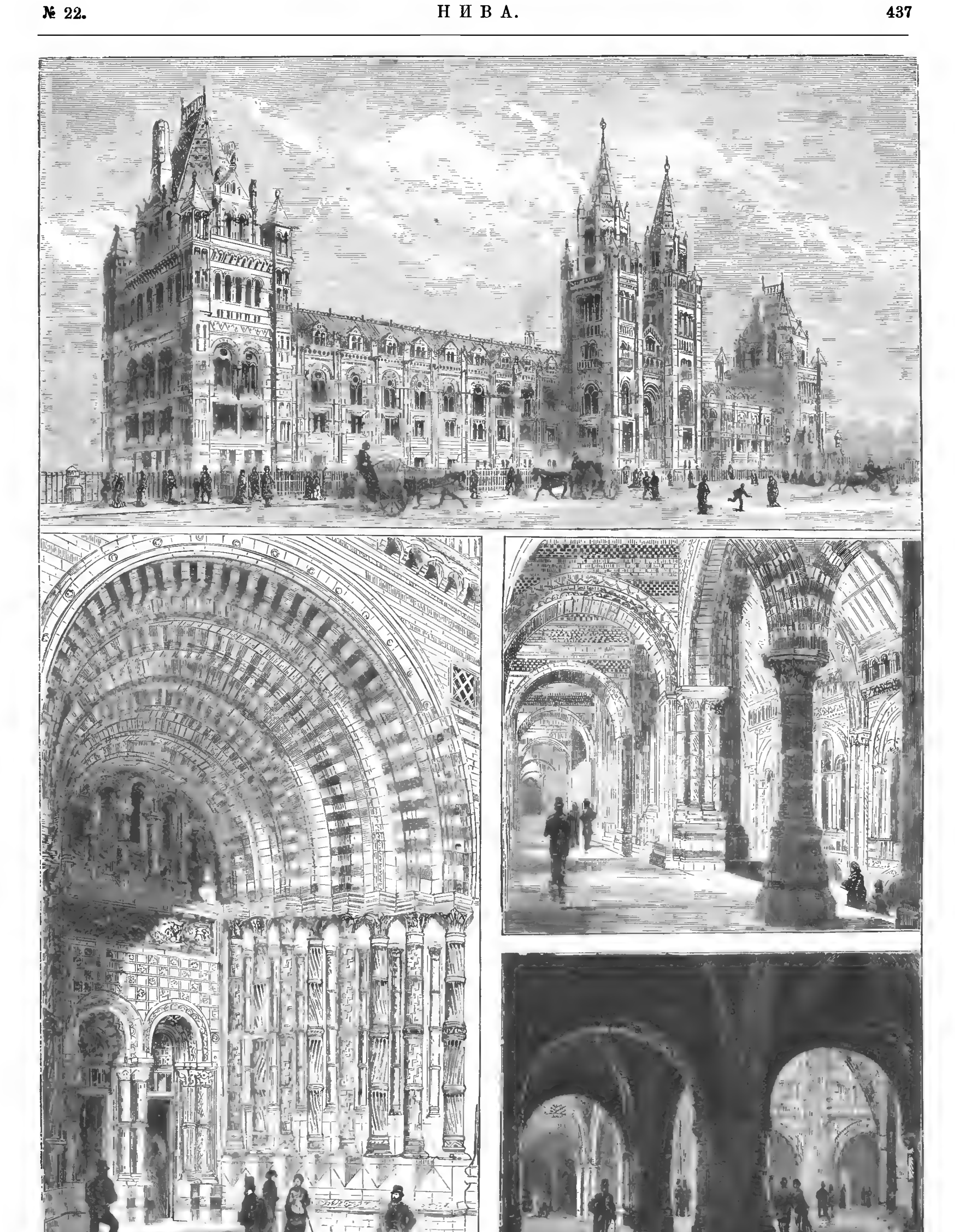
— Сказывалъ онъ мнѣ. Не понять, мудрено что-то. Я такъ смекаю, что не самъ ли онъ напросился, чтобы выслали, затѣмъ и выставился. А то развѣ онъ такой— вы видите, мужикъ онъ самый смиренный. А напросился, чтобы выслали, видно дома жить было не сладко, думалъ на новомъ мѣстѣ не легче ли будетъ.

— А что такое у него за горе?

— Жена у него... гулящая, зѣвая и крестя ротъ сказалъ механикъ, солдатка была... молодая... форсистая баба... Онъ съ ней что муки примаетъ... никому не весело этакъ-то. Какъ ее бѣсову дочь удержишь... Тоже стыдится—все же жена. А бить не бьетъ, этого у него нѣтъ, любитъ. Опять же, прямо сказать, смиренный мужикъ...

Памятникъ королю Бельгійскому Леопольду I (въ Брюсселѣ). Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Главный входъ. Общій видъ съ южной стороны. Видъ библіотечной галлереи. Входъ въ библіотечную галлерею.

Зоологическій музей въ Кенсингтонѣ (Лондонъ). Съ рисунка Гр., грав. М. Рашевскій.

— Что же она здѣсь—лучше живетъ?

— Какое! Все тоже! съ лѣсникомъ удѣльнымъ вонъ связалась. Почесть дома не живетъ, дѣтей ни покормитъ толкомъ, ни что... Ни у печи, ни у иконы, какъ говорится. Пустая баба! Въ городъ ходитъ и деньги домой не носитъ, прахъ ее знаетъ, гдѣ ихъ дѣваетъ, на гулянки видно, да на закуски. Однако, баринъ, коли хотите валъ и камни присмотрѣть, надо бы съѣздить, не отдали бы его кому. И то въ Кузнецовѣ никакъ просили. У меня и телѣжка здѣсь.

На горѣ, въ лѣсу была приворочена въ тѣнь пестрорасписанная узорами телѣжка старика, запряженная бойкою небольшою лошадкой. Мы усѣлись на мохнатомъ коврикѣ, брошенномъ на сѣно и пошла телѣжка подпрыгивать по корнямъ лѣсной, узкой извилистой дороги.

Не отъѣхали мы и трехъ верстъ, какъ въ сторонѣ показалась высокая изба съ рѣзными полотенцами, коньками и пестрыми ставнями. На скамьѣ у завалины въ ситцевой рубахѣ и высокихъ сапогахъ сидѣлъ молодой парень—молодцоватый, съ небольшой бородой, русыми кудрями, серьгой въ ухѣ и веселыми бойкими глазами. Онъ тихонько наигрывалъ что-то на новенькой, сверкающей на солнцѣ фольгой, гармоникѣ и задорно улыбался, поглядывая съ боку, сидящей около него, молодой женщинѣ. Она была очень красива. Я узналъ черные глаза маленькаго Вани, но съ такимъ глубокимъ и страннымъ выраженіемъ, что я потомъ долго не могъ ихъ забыть. Румяное, свѣжее лицо, съ полными, прелестными губами и широкими бровями глядѣло какъ-то вызывающе, но не весело. Толстая, черная коса, ужь конечно не навязная, спускалась на круглое плечо, оттѣняясь на красномъ кумачѣ сарафана. Она внимательно и серьезно посмотрѣла намъ вслѣдъ, а собесѣдникъ ея привсталъ и поклонился.

— Вотъ, видѣли—празднуетъ, обратился ко мнѣ механикъ. Это она у лѣсника все—и продувная шельма этотъ лѣсникъ, ловкая бестія, деньги имѣетъ—у нихъ вѣдь дѣла... большія по ихъ состоянію бываютъ...

Мы оглядѣли валъ и жернова, я его, помню, постукивалъ и цѣнилъ, хотя все равно, стукай я его и черти жернова всю ночь, не могъ бы по совѣсти сказать тогда хорошъ ли валъ и низовые ли камни и хороши ли нарѣзки или все это никуда не годится. Назадъ я пошелъ пѣшкомъ, но заплутался въ лѣсу, хотя тутъ было не далеко и проходилъ до ночи. Тѣни становились все длиннѣе, легкіе клубы тумана стали по низамъ лощинокъ и надъ кочкарникомъ болотцевъ, лѣсъ быстро потемнѣлъ и спустилась лѣсная ночь, ночь трудно пропускающая лунные лучи сквозь темныя, угрюмыя вѣтви, ночь встрѣчающая человѣка страхами своихъ тѣней, странными очертаніями кустовъ. И такъ все недвижно, торжественно тихо. Я сталъ спускаться внизъ по первой попавшейся тропинкѣ и услышалъ какой-то странный среди соснoваго лѣса, меланхолическій тревожный шелестъ. Въ шелестѣ этомъ было что-то знакомое.

Я спустился ниже и наткнулся на густую группу деревьевъ и узналъ въ ихъ шелестѣ и очертаніяхъ сосновую рощицу около избушки Лукьяныча. Между деревьями было темно и сыро. Но вотъ мелькнулъ огонекъ. Я подошелъ къ окну избушки и заглянулъ въ него.

Длинная тонкая лучина, вставленная въ стѣну, треща, горѣла яркимъ пламенемъ, дымила и роняла искры, распадающіеся угольками на черный полъ. На широкой лавкѣ, на брошенномъ полушубкѣ, въ безсознательно граціозныхъ положеніяхъ раскинулись мальчикъ и дѣвочка, склонивъ другъ къ другу кудрявыя головки и крѣпко спали. Въ ногахъ у нихъ, тихо помахивая кончикомъ хвоста, дремалъ черный котъ.

А у другой стѣны, за столомъ, передъ нетронутой чашкой съ какой-то похлебкой, сидѣлъ Лукьянычъ, подперевъ руками голову и глядя горящими глазами неподвижно въ одну точку. Я его съ трудомъ узналъ. Волосы его, всегда приглаженные, были всклочены, борода, при этомъ неровномъ освѣщеніи, казалась чернѣе и лохматѣе. Но на лицѣ его было такое измученное и страдальческое выраженіе, такое печальное и тихое выраженіе, что сердце у меня болѣзненно сжалось и я отшатнулся отъ окна. На противоположной бревенчатой, закоптѣлой стѣнѣ качалась огромная тѣнь его головы, принимая чудовищныя, фантастическія очертанія...

Гашишъ.

Разсказъ

П. П. Гнѣдича.

(Окончаніе).

VII.

Но почему же по окончаніи курса, а не теперь? Тутъ было много причинъ. Во первыхъ, дядя не хотѣлъ жениться, сидя на школьной скамьѣ, а во вторыхъ и самъ Пелеевъ очевидно отдалялъ день свадьбы, можетъ быть испытывая прочность чувствъ, а можетъ быть желая, чтобы его зять имѣлъ вполнѣ опредѣленное положеніе. Маня была дѣвушка болѣе чѣмъ небогатая, а у дяди ничего не было. Онъ жилъ стипендіей, да кой-какія субсидіи получалъ отъ старшей сестры;—его отецъ отъ прежняго состоянія ничего не оставилъ.

Странный и дикій былъ человѣкъ его отецъ, Николай Максимовичъ Тагаевъ. Онъ принадлежалъ къ тому, теперь уже окончательно вымершему, типу помѣщиковъ, которые въ молодости служили въ гвардіи, вращались въ отборнѣйшихъ кружкахъ столичнаго beau mond'а, нося титулъ завиднаго жениха, затѣмъ женились на какой нибудь танцовщицѣ, а не то и на горничной, получали за какую нибудь скандалезную исторію приказаніе — выѣхать въ двадцать четыре часа изъ столицы, отправлялись на покой въ свои помѣстья, и тамъ, жирѣли и тучнѣли годъ-отъ-году. Что могъ вынести маленькій Саша изъ домашней обстановки, глядя, какъ отецъ съ достойными сосѣдями устраивалъ облавы на домашнихъ утокъ и индюшекъ, пустивъ ихъ предварительно на двѣ недѣли въ паркъ, чтобъ они „одичали“, или охотился на ручнаго медвѣдя, съѣвшаго въ его кабинетѣ банку особенной помады, и потому впавшаго въ немилость господина? У него долженъ былъ выработаться, по видимому, суровый, грубый характеръ,—а на дѣлѣ вышло совсѣмъ не такъ.

Въ Сашѣ развивалась скромная, любящая натура. Богъ вѣсть, кѣмъ были заронены въ его душу эти сѣмена какихъ-то иныхъ, смутныхъ для него самаго идеаловъ,—едва-ли его матерью, существомъ придавленнымъ, забитымъ. Сѣмена эти ждали только тепла и свѣта,—къ счастію явился и свѣтъ и тепло. Онъ попалъ подъ хорошія вліянія.

Дѣла у Саши пошли хорошо,—блестящая память завоевала ему первое мѣсто въ классахъ, хотя прилежаніемъ онъ никогда не отличался, усидчиваго труда не терпѣлъ, и все схватывалъ какимъ-то „наитіемъ“, какъ выражался гимназическій священникъ. Не смотря на „отличное“ поведеніе, онъ отъ товарищей, впрочемъ въ шалостяхъ не отставалъ, и даже разъ собственноручно пустилъ изъ окна гимназической спальни ракету, подождавъ того времени, когда директоръ, возвращаясь поздно изъ гостей, подходилъ къ своему подъѣзду. Когда огненная змѣйка съ легкимъ свистомъ взвилась кверху и лопнула, разсыпавшись звѣздами на темномъ небѣ, старикъ до того изумился этимъ явленіемъ, что долго недвижно стоялъ на одномъ мѣстѣ, разсуждая—„чтобы это такое могло быть“ На другой день онъ даже „слѣдствія“ не производилъ, и когда въ слѣдующій четвергъ пошелъ на обычный jour fixe къ пріятелю своему Ивану Антоновичу, то къ общему удивленію, болѣе одного стакана вина за ужиномъ не пилъ, отговариваясь тѣмъ, что “въ голову ударяетъ“.

VIII.

А пока Саша учился и переходилъ изъ класса въ классъ, отецъ его безумными празднествами и банкетами въ прахъ раззорялъ огромное имѣнье, закладывая жемчугъ, фамильные брилліанты, души. Онъ ждалъ, что вотъ-вотъ объявятъ волю и онъ не сегодня завтра останется совсѣмъ нищимъ. Эта мысль въ связи съ безпросыпными запоями, довела его до сумасшествія. Сперва онъ неистовствовалъ, чуть не изрубилъ шашкой жену, билъ посуду и стекла, а кончилъ тѣмъ, что началъ еже-

дневно рыться въ плевальницахъ, отыскивая какіе-то алмазы, и прося со слезами, чтобы ему ихъ отдали. Наконецъ уже передъ самымъ выходомъ Саши изъ гимназіи, онъ однажды утромъ увидѣлъ на колышкахъ забора, тянувшагося передъ окнами, такую массу воронъ, что принялъ это за дурное предзнаменованіе, пришелъ въ себя, причастился съ благоговѣніемъ, и къ вечеру умеръ.

Не очень веселы были воспоминанія дяди о дѣтствѣ и юности. Ихъ деревенскій домъ, вздымавшійся своей малиновой кровлей надъ купами зелени, весеннiе розливы многоводной рѣки, синей лентой бѣгущей передъ окнами, отецъ, то буйствующій, то кротко-слезливый, роющійся въ плевальницахъ, лѣса, степи, убогія деревеньки, заунывный мотивъ пѣсни, что раздается надъ ними, — все это поблекло для него, осталось гдѣ-то позади, потускло, какъ небрежно хранимая картина, въ старой, обветшалой рамѣ, гдѣ съ трудомъ можно распознать на потемнѣвшемъ фонѣ только лицо да руку, желтовато-грязными пятнами выступавшія изъ подъ потрескавшагося лака. Онъ не хотѣлъ этого возврата того, давно-прошлаго времени его дѣтства, — онъ не могъ жить въ той обстановкѣ, ему нужно было воздуха, — и возвратъ къ этимъ ноющимъ пѣснямъ, становымъ, исправникамъ, казался ему невозможнымъ, невыносимымъ.

Въ столицахъ въ это время кипѣло оживленіе. Кто не помнитъ начала шестидесятыхъ годовъ, это „благодатное время надеждъ"? Билась „безкровщина" съ „кирсановщиной". Но дядя глянулъ на эту борьбу какъ на старое, съ дѣтства знакомое явленіе. „Боже, какіе пустяки!" смѣясь говорилъ онъ Пелееву.—„На дняхъ торжественно студенты-медики драли и жгли портреты Тургенева,—за то, что онъ нейдетъ въ уровень съ вѣкомъ!"

— Еще нѣсколько мѣсяцевъ, только нѣсколько мѣсяцевъ,— говорилъ онъ порою,— и я буду свободенъ,—я уѣду отсюда.

— Куда? спрашивала тетя.

— Прочь отсюда, — здѣсь мнѣ тяжело. Куда нибудь подальше., какъ можно подальше.

А Маня?

Онъ обходилъ этотъ вопросъ молчаніемъ. Однажды тетя спросила у Мани:

— Ты знаешь, Саша уѣзжаетъ изъ Россіи.

Она спокойно подняла глаза. — Знаю.

— И... тебѣ не тяжело будетъ разстаться?

— Конечно тяжело... но что-жь дѣлать.

— Можно не разставаться...

— Нельзя... вѣдь папаша здѣсь служитъ.

— Ахъ, ты про отца! догадалась тетя,—и больше этого разговора не возобновляла.

IX.

Хотя формальнаго предложенія дядя не дѣлалъ, но тѣмъ не менѣе всѣ готовились къ свадьбѣ,—ѣздили, закупали, шили. До экзаменовъ оставалось нѣсколько недѣль. Дядя почти не занимался,—готовиться ему было нечего,—онъ все время ѣздилъ, хлопоталъ о своемъ назначеніи. — Куда то они уѣдутъ? постоянно спрашивала тетя.

Наконецъ однажды, вечеромъ, когда мы всѣ сидѣли за чаемъ, въ комнату влетѣлъ дядя съ сіяющимъ, радостнымъ лицомъ.

— Узналъ куда? сразу спросили всѣ.

— Добился,—запыхавшись отвѣтилъ онъ,—и остановился...

— Куда-же, куда?...

— Въ Ріо-де-Жанейро.

Всѣ, словно пораженные громомъ, молчали.

— Въ Южную Америку? выговорилъ наконецъ Пелеевъ.

— Да... Дядя поднялся къ Манѣ, и не обращая вниманія на вопросительно-недоумѣвающій взоръ отца, остановившійся на ней, спросилъ.—Не побоишься, что далеко?...

Она колебалась, словно что соображая. Минуту спустя, она была въ его объятіяхъ.

Мы долго не могли освоиться съ новой мыслью, что они будутъ такъ далеко. Мысль о подобномъ перемѣщеніи совершенно не вяжется съ нашей славянской натурой. Для англичанина, привыкшаго чуть-ли не путемъ естественнаго подбора къ громаднымъ разстояніямъ—быть сегодня здѣсь, а черезъ мѣсяцъ антиподомъ, — почти тоже, что съѣсть кусокъ ростбифа:—говорятъ, находятся чудаки, ежегодно переѣзжающіе на дачу изъ Лондона въ нашу Финляндію;—но намъ, русскимъ, совершить путешествіе въ Америку кажется чѣмъ-то долженствующимъ произвести переломъ въ жизни.

Но,—Боже мой!—къ какому перелому нельзя привыкнуть! То, что съ перваго взгляда казалось невозможнымъ, начало мало-по-малу принимать реальную оболочку. Съ „невозможной" мыслью начали осваиваться, находить се менѣе ужасной, утѣшали себя тѣмъ, что не на вѣки же они уѣзжаютъ, пройдетъ лѣтъ пять—они вернутся, дядя даже слово далъ, что непремѣнно вернутся.

X.

И вотъ они женихъ и невѣста. Впереди — обезпеченная, самостоятельная жизнь, молодость, здоровье, любовь.—Знаешь, я не стою того, что дастъ мнѣ судьба, не разъ говорилъ ей дядя. — Судьба всегда нелогична и непослѣдовательна... То есть логика-то у ней и есть, да только какая-то своя, особенная, для насъ непонятная... Вотъ я за ея логику-то и боюсь.

Въ гостинной у насъ стали появляться новыя, небывалыя книги: нѣмецкіе, французскіе и англійскіе фоліанты путешествій по Бразиліи. Только и говорили, только и читали что о Бразиліи. Стали покупать вещи, приспособленныя для морскаго переѣзда, пересматривали гравюры, эстампы.

Разъ сидѣли мы всѣ за огромной книгой описанія Америки, наполненный превосходными гравюрами. Маня приходила въ восторгъ отъ колоссальныхъ деревьевъ, безконечныхъ пампасовъ, отъ городовъ и селеній, имѣющихъ какой-то свой, живописный, не европейскій пошибъ, безъ чудовищнаго шаблона симметріи и округленности.—Ахъ,—воскликнула она,—неужели же раньше осени мы этого не увидимъ.

— Тамъ тогда будетъ весна,—замѣтилъ дядя:—да и много-ли осталось: какіе нибудь четыре мѣсяца.

Пелеевъ, ходившій изъ угла въ уголъ по комнатѣ, вдругъ остановился.

— А ты знаешь, обратился онъ къ дочери, что можно не выходя изъ комнаты увидѣть Америку?

— На гравюрѣ?

— Нѣтъ, не на гравюрѣ.

— А какъ-же?

— Да и не только Америку, а все что угодно... Вы знаете,— обратился онъ къ дядѣ,—что такое *гашишъ*.

— Знаю... даже болѣе того,—у меня есть его нѣсколько унцій.

— Вы пробовали его принимать?

— Нѣтъ, все собираюсь.

— Говорятъ поразительное дѣйствіе...

— Да, мой товарищъ, персіянинъ, съ которымъ я жилъ, иногда принималъ его.

— Да что это такое? спросила Маня.

— Наркотическое средство... вродѣ, какъ бы вамъ сказать,— вродѣ опіума,—возбуждаетъ галлюцинаціи... Ну, и маленькое нервное разстройство... Въ самомъ дѣлѣ, надо будетъ какъ нибудь попробовать... Не хотите-ли за компанію?

— Я не чувствую ни малѣйшаго желанія разстраивать нервы, да и вамъ не совѣтую.

— А вы, Александръ Николаевичъ, — не боитесь? спросилъ Пелеевъ.

— Чего?

— Что на васъ онъ дурно повліяетъ?

— Я знаю дозу пріема.

— Отчего же вы непремѣнно Америку увидите, — недоумѣвала Маня.

— Оттого что постоянно думаю о ней... Въ самомъ дѣлѣ, какъ нибудь сеансъ надо устроить.

Черезъ нѣсколько дней дядя принесъ къ намъ баночку съ гашишемъ.

XI.

„Сеансъ", какъ теперь помню, назначенъ былъ у насъ вечеромъ въ субботу, и всѣхъ интересовалъ чрезвычайно. „*Гашишъ*"—повторяли всѣ новое слово. „Гашишъ"! что-то будетъ. Я увѣрялъ тетю, что дядя какъ приметъ, такъ сейчасъ съ нимъ сдѣлаются корчи и онъ начнетъ плясать. Тетя говорила, что я вздоръ болтаю, но сама сеансу не сочувствовала.

— Что за гашишъ такой! говорила она.—Весь вѣкъ безъ гашиша прожили, а тутъ вдругъ понадобился. Я и не слыхивала, чтобы кто его принималъ! Одни пустяки.

Но тѣмъ не менѣе къ сеансу все приготовили, убавили въ лампахъ огня,—точно спиритизмомъ собрались заниматься,— поставили на столъ графинъ воды (этого непремѣнно требовалъ дядя), велѣли никого не принимать, и всѣ стали смотрѣть, что будетъ.

И вотъ, дядя приготовилъ гашишъ, поднесъ его къ губамъ: „пожелайте мнѣ счастливой дороги", проговорилъ онъ. На него тетя посмотрѣла, какъ на какого нибудь выходца изъ гроба, и даже перекрестилась. Дядя опустился въ кресло. Вокругъ такъ было тихо, что слышался малѣйшій шорохъ. Только часы слабо тикали на стѣнѣ, да глухіе шаги слышались наверху надъ нами.

— Какъ ты блѣденъ, испуганнымъ шепотомъ сказала тетя.

Онъ засмѣялся.— Полноте, сказалъ онъ, вамъ это кажется, я рѣшительно ничего не чувствую.

Такъ прошло съ полчаса. Наше вниманіе стало остывать, мы далеко уже не съ прежнимъ любопытствомъ слѣдили за каждымъ движеніемъ дяди. Даже скучно стало. Дядѣ тоже надоѣло это напряженное ожиданіе; онъ приготовилъ усиленную дозу, и принялъ. На этотъ разъ дѣйствіе обнаружилось.

Онъ сильно покраснѣлъ, на лбу и вискахъ выступилъ потъ, глаза загорѣлись какимъ-то особеннымъ блескомъ, въ выраженіи лица появилась какая-то тоскливость, недовольство. Онъ вздрагивалъ, отводилъ всторону прилипавшія неровнымъ клокомъ ко лбу пряди волосъ, и гладкими шагами прохаживался по комнатѣ.

— Посмотри, какія у меня холодныя и влажныя руки, — сказалъ онъ Пелееву. Тотъ пощупалъ, и отыскалъ пульсовую жилу.—Эге, проговорилъ онъ,—за сто перевалило.

— Пульсъ? повторилъ машинально дядя.—Какъ это у Шекспира?

...Мой пульсъ, какъ твой, играетъ въ стройномъ тактѣ,—
Его мелодія здорова, какъ въ твоемъ...

— А Америки еще не видишь? спросилъ я.

— Какая Америка, — у меня въ головѣ точно цѣлая армія бьетъ зорю на барабанахъ. Если дѣло этимъ ограничится—стоило принимать эту гадость...

Онъ пошатнулся, и удержавшись за ручку дивана, бухнулся на него.

Маня налила ему стаканъ воды, положила туда лимона, сахара и поднесла ему. Онъ съ жадностью выпилъ, взялъ ее за руку, засмѣялся, притянулъ къ себѣ и поцѣловалъ въ щеку; она вспыхнула и отскочила.

— Опять этотъ безобразный шумъ,—проговорилъ онъ,—точно выстрѣлы, крики, вопли, взрывы... хоть бы кончилось все это скорѣй...

Боль выражалась на его лицѣ, онъ недвижно смотрѣлъ въ одну точку, спокойно сидя на мѣстѣ. Онъ закрылъ глаза, точно спать ему захотѣлось.

— Вотъ, вотъ! сказалъ онъ черезъ нѣсколько минутъ... Началось... Ай, ихъ сколько...

— Кого?—спросила тетя.

— Ихъ... Кружатся, вьются, прыгаютъ, свѣтятся... Ахъ какъ хорошо, хорошо мнѣ...

Онъ замолчалъ.—Мы всѣ сидѣли, затаивъ дыханье.—Какъ хорошо,— повторялъ онъ,—какъ хорошо!..

XII.

На слѣдующій день дядя поднялся съ страшною головною болью и полною неспособностью заниматься чѣмъ бы то ни было. Блѣдный, съ воспаленными глазами, онъ какъ тѣнь шатался изъ комнаты въ комнату, вскорѣ опять завалился спать, и только черезъ день почувствовалъ себя бодрымъ и здоровымъ.

— Видѣлъ Америку? спрашивали всѣ у него.

Онъ улыбался, и говорилъ, что видѣлъ.

— Разскажи...

Онъ пожималъ плечами.—Я не могу. Этого разсказать нельзя,—это надо видѣть... Я помню, что все началось шумомъ, грохотомъ, гуломъ. Сперва мнѣ казалось, что катятся кареты, тысячи каретъ, по какой нибудь мостовой. Потомъ точно водопады стали ревѣть кругомъ, точно весь міръ кричалъ... Тутъ былъ цѣлый хаосъ звуковъ... Потомъ все это смолкало, постепенно слабѣя... Передъ мной разостлалась какая-то дымчатая, туманная пелена, сѣрая, но прозрачная. И вдругъ на ней появилось яркое свѣтовое пятно, точно отъ луча, пропущеннаго черезъ призму; зашевелилось, приняло форму какого-то живаго существа, стало кривляться, метаться изъ стороны въ сторону, ринулось куда-то въ бокъ, исчезло.. На мѣстѣ его выросло что-то новое, закопошилось,—и потомъ цѣлый рядъ, цѣлая вереница маленькихъ, блестящихъ, безконтурныхъ фигуръ завертѣлось вокругъ... Откроешь глаза—ничего нѣтъ; закроешь и опять онѣ,—только цвѣтъ ихъ мѣняется...

— Потомъ мнѣ показалось, что я далеко гдѣ-то отъ земли, смотрю на нее со стороны, а земля такая маленькая, темная—комочекъ чего-то. Она крутится, вертится, и все на одномъ мѣстѣ, къ чему-то привязанная, къ какому-то стеблю, на которомъ она сидитъ, а къ ней тянется изъ пространства какой-то словно листъ, огромный, безформенный, охватываетъ ее со всѣхъ сторонъ, сжимаетъ...

— Потомъ я не знаю, какъ сидѣлъ,—открывши-ли глаза, или закрывши—только комнаты я не видѣлъ... Я видѣлъ города, моря, горы я *былъ* тамъ. Я видѣлъ вѣчные льды, дѣвственные лѣса. Я видѣлъ пустыню, настоящую африканскую пустыню. Я шелъ по ней, мнѣ она не представлялась, я ее чувствовалъ всѣмъ своимъ тѣломъ, я чувствовалъ теплоту горячей ночи,—я слышалъ, какъ рычалъ левъ, я видѣлъ какъ игралъ свѣтъ луны на его шерсти... Я видѣлъ караваны, пирамиды... Я видѣлъ дворцы, цитадели, минареты... Все это смѣнялось въ порядкѣ одно другимъ... Едва всмотрюсь въ одно,—выплываетъ другое... То народъ, то какія то колесницы, празднества, то—зубчатыя стѣны, храмы... И это безъ конца, безъ конца...

— Потомъ я видѣлъ Ньютона... Да, не смѣйтесь—Ньютона, живаго Ньютона,—онъ пришелъ вотъ сюда, сѣлъ за этотъ столъ, и говорилъ со мной... Потомъ былъ Наполеонъ, Сократъ.. Потомъ женщины... Эти видѣнія... такихъ женщинъ нѣтъ:—это не рафаэлевскія, не грезовскія головки,—это нѣчто несравненно болѣе граціозное, божественное... я не могу вамъ выразить,—этого передать нельзя.

— Я разговаривалъ съ ними... Одинъ духъ мнѣ сказалъ, что если я еще сдѣлаю нѣсколько пріемовъ, я увижу несравненно болѣе чудныя вещи... И я вѣрю въ это....

XIII.

Прошло двѣ недѣли; дядя словно въ воду канулъ: не показывался ни у насъ, ни у Пелеева. Манѣ прислалъ онъ лаконическую записку: „держу экзамены, какъ освобожусь—тотчасъ приду“. Но дни шли, онъ не приходилъ.—Тутъ что-то другое, говорила Маня.

Я пріѣхалъ къ нему съ Пелеевымъ; и оба мы въ испугѣ остановились, когда намъ на встрѣчу поднялся дядя. Онъ былъ блѣденъ, исхудалъ, глаза ввалились, подъ ними были темные круги,—не тотъ взглядъ, не та улыбка.—Что съ вами? воскликнулъ Пелеевъ.

— Не здоровится, отвѣтилъ онъ, силясь улыбнуться.

— Отчего, что съ вами было?..

— Я... я нѣсколько разъ принималъ гашишъ и въ усиленныхъ дозахъ...

— Надо доктора...

— Да я ужъ ѣздилъ... Онъ какъ-то сомнительно тряхнулъ головой.—Поскорѣй бы отправиться къ экзаменамъ, да скорѣй прочь отсюда, я чувствую, что морской воздухъ оживитъ меня... А то совсѣмъ развинтился, въ голову ничего нейдетъ... Время кажется длиннымъ, безконечнымъ, ползетъ черепахой,—все точно спитъ кругомъ, точно тиной подернулось... отвратительное чувство!—ну да авось денька черезъ три оправлюсь.

И точно—къ экзаменамъ онъ сталъ какъ-то бодрѣе, живѣе, глаза засвѣтились по прежнему.

Наступили экзамены. Онъ хотѣлъ зайти послѣ перваго къ намъ и не зашелъ. Прошло нѣсколько дней,—его нѣтъ. Съѣздили къ нему,—дома тоже нѣтъ...

Наконецъ однажды онъ пришелъ. Всѣ глаза уставились на него; онъ вошелъ, остановился среди залы и долгимъ-долгимъ, безконечно-любовнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на Маню.

— Саша, что ты! кинулась она къ нему.

Онъ задрожалъ, лицо его конвульсивно передернуло, онъ оттолкнулъ ея руку.

— Я, прерывающимся голосомъ началъ онъ,—я экзамена не выдержалъ... не могъ выдержать...

— Отчего... что же?

— У меня... нѣтъ памяти... я забылъ все!..

Онъ зашатался, закрылъ руками лицо и зарыдалъ какъ ребенокъ...

XIV.

Все разлетѣлось, какъ дымъ. Воздушные замки, которые, казалось, начали воплощаться, разсыпались, какъ разсыпаются карточные домики отъ порыва дохнувшаго на нихъ вѣтра.

Страшнымъ ударомъ отозвалось въ нашемъ кружкѣ это несчастіе. Вся масса лингвистическихъ знаній смѣшалась, перепуталась въ его мозгу, сплотилась въ одну безобразную, безсмысленную смѣсь чего-то... Что будетъ впереди? Возвратится ли къ нему память, временное-ли это затмѣніе,—на это доктора не давали отвѣта.

Главное,—все случилось такъ внезапно, негаданно. Въ нѣсколько дней, въ какія нибудь двѣ недѣли, все,—и прошедшее, и будущее, и настоящее сводится на нуль, жизнь изсякаетъ, обрывается. И что еще хуже: этотъ человѣкъ, лишенный жизни, остается среди людей ни на что не нужнымъ ходячимъ мертвецомъ, бременемъ и для себя и для другихъ. „Случай“ уносилъ съ собой его счастіе, его жизнь, захвативъ по дорогѣ часть другой, молодой жизни. Вотъ она,—логика судьбы, противъ которой возставалъ дядя...

О свадьбѣ замолкли.—Разъ Маня, подойдя къ нему, тихо провела рукою по его волосамъ и спросила: „когда же вѣнчанье милый“, — онъ посмотрѣлъ на нее, скривилъ ротъ въ улыбку, и схвативъ шляпу, выбѣжалъ изъ комнаты.—Тебѣ ненуженъ мужъ идіотъ и ребенокъ,—отвѣтилъ онъ ей въ другой разъ.

Онъ сидѣлъ по цѣлымъ днямъ въ углу—блѣдный, желтый, глядя въ полъ, вяло, сонно шевелясь, какъ запоздалая муха въ глубокую осень. Лѣниво потягивалъ онъ дымъ изъ своего мундштука, а всѣ свои книги и манускрипты забросилъ. Маня плакала дни и ночи. Пелеевъ ходилъ мрачный; тетя охала; я притихъ, забился въ свои грамматики... Вокругъ давила всѣхъ тяжкая, свинцовая атмосфера.

Прошелъ мѣсяцъ, другой. Дядя объявилъ, что онъ уѣзжаетъ къ сестрѣ въ Москву и дѣйствительно—вскорѣ уѣхалъ. Тамъ онъ поступилъ писцомъ въ какую-то палату на двадцать пять рублей жалованья, но и эту службу принужденъ былъ оставить... Маня была неутѣшна.

XV.

Мелькнули годы моего пребыванія въ гимназіи, мелькнули университетскіе годы,—и я отправился за границу.

Новыя впечатлѣнія затемнили прежнія—дѣтскія и юношескія; въ числѣ ихъ и образъ дяди сталъ блѣднѣть, блѣднѣть, отходить на задній планъ, стушевываться.

Тетя, пока была жива, изрѣдка писала мнѣ о немъ. Я зналъ, что онъ далеко не пользуется здоровьемъ, гашишъ-ли, другое ли что подломило его,—онъ существовалъ кой-какими уроками, бѣдствовалъ, писалъ къ намъ рѣдко, словно стыдился своего положенія.

Въ концѣ прошлаго года я возвратился въ Петербургъ. Дальняя родственница, поселившаяся послѣ смерти тетушки въ нашемъ домѣ, передала мнѣ цѣлую кипу писемъ, пришедшихъ на

Южная Славянка. Картина Гауслейтнера, грав. Гальбергеръ.

ся имя. Между прочимъ одно было отъ дяди. За него я принялся прежде всего. Оно было слѣдующаго содержанія:

4-го ноября 187* г.

„Милая и дорогая сестра!

„Давно я не писалъ къ вамъ, давно собирался, но жизнь моя сложилась такъ плохо, такъ неутѣшительно, что право не знаешь, что и сказать о себѣ. Все болѣзни да недостатки—грустная тема для письма. И теперь пишу къ вамъ не потому, чтобы жизнь моя измѣнилась къ лучшему, а потому что мнѣ предчувствуется, что это письмо будетъ прощальнымъ. Весною я чувствовалъ себя лучше, имѣлъ два порядочныхъ урока, такъ что можно было хоть немножко вздохнуть свободнѣе и жить кое-какъ; но пришла осень—и я опять расхворался, и мое здоровье такъ плохо, что ужъ что-то не разсчитываю и поправиться; опять появились страшные спазмы сердца и сильнѣйшее нервное разстройство. Обращался я надняхъ къ специалисту этихъ болѣзней, Ч***, онъ сказалъ, что берется вылечить меня совершенно электромагнетизмомъ, но спросилъ, имѣю ли я деньги, чтобы заплатить за курсъ леченія. Разумѣется, я долженъ былъ ему дать отрицательный отвѣтъ, такъ какъ даже уроковъ моихъ не стало, и средства къ жизни сдѣлались черезъ чуръ ограниченны.

„Вотъ вамъ и финалъ... Не на такой я разсчитывалъ. Зачѣмъ я существовалъ? Къ чему такой конецъ? Должно быть я исполнилъ какой нибудь неисповѣдимый законъ природы, изобразивъ извѣстный процентъ чего-то...

„Самымъ свѣтлымъ воспоминаніемъ до сихъ поръ стоитъ передо мною образъ Мани. Она мой ангелъ-хранитель,—воспоминанія о ней и растравляютъ мою рану, и поддерживаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ мою бодрость.

„Прощайте, не поминайте лихомъ. Желаю вамъ всего лучшаго въ жизни. Павлушѣ (т. е. мнѣ) кланяюсь, цѣлую его,—хотѣлось бы взглянуть на него: ужь большой онъ, я думаю. Простите, что такъ плохо написалъ: зрѣніе ослабло. Если вздумаете написать—чѣмъ много меня порадуете—мой адресъ: Москва, Смоленскій бульваръ, ets.

„Искренно любящій васъ братъ

А. Тогаевъ“.

Письмо было послано почти за годъ до моего пріѣзда. Живъ ли онъ? Досталъ ли гдѣ нибудь несчастную сотню рублей на леченье?..

Я навелъ справки: онъ умеръ. Умеръ въ городской больницѣ.

Вы можетъ быть спросите: а что Маня? Она счастлива, отвѣчу я вамъ. Прошлой зимой я встрѣтилъ ее въ Маріинскомъ театрѣ, на чьемъ-то бенефисѣ. Она была съ мужемъ, высокимъ, тощимъ, далеко еще не старымъ господиномъ, съ умнымъ, плутоватымъ лицомъ и бѣгающими глазками. Она такъ весело, съ такой милой улыбкой болтала съ нимъ въ антрактахъ, что казалось надъ ея, все еще хорошенькой, головкой никогда никакихъ бурь не проносилось. И не знаю, вспомнился ли ей въ тотъ вечеръ, какъ и мнѣ, убогій крестъ на далекомъ московскомъ кладбищѣ, весь зарытый снѣговыми буграми, что намела вокругъ него зимняя вьюга...

И впрочемъ я видѣлъ ее недолго... Да и не для того же мы ходимъ въ театръ, чтобы думать о смерти...

Стихотворенія.

Къ морю.

Прости! Безбрежныхъ водъ свободное теченье—
Какъ полюбился мнѣ призывный ропотъ твой;
Знакомы мнѣ твои порывы и стремленье
И дорогъ твой просторъ душѣ моей больной;
Полна тяжелыхъ думъ и мукъ безъ раздѣленья
Спѣшила я къ тебѣ, на берегъ гордый твой;
Подъ плескъ знакомый мнѣ, подъ бурный гулъ волненья
Стихала сердца боль. Измучена тоской,
Когда въ душѣ моей слагалися проклятья
Всему, что губитъ жизнь и радости людей—
Манило ты меня въ холодныя объятья,
Сулило вѣчный сонъ—забвенье всѣхъ скорбей;
Твой прихотливый міръ забыть я не съумѣю.
Міръ, полный дивныхъ чаръ, таящихся въ тебѣ,
Ты властью чудною, могучею владѣя,
Неотразимо такъ влечешь меня къ себѣ.
Прости! Богъ вѣсть когда тебя увижу снова,
Но, полюбивъ тебя, возможно-ль позабыть!
Ты замѣняло мнѣ друзей живое слово,
Могу ли я тебя не помнить, не любить!

М. Богаевская.

Могила.

Не въ пыли городской, подъ угрюмой плитой,
Я хотѣлъ бы найти свой покой:
Тамъ, средь пышныхъ могилъ, до меня-бъ доходилъ
Вѣчный ропотъ тревоги людской,
И о томъ, какъ я жилъ, какъ страдалъ и любилъ
Мрачныхъ думъ напѣвалъ бы мнѣ рой.

Тамъ гдѣ лучь ясныхъ дней кудри желтыхъ полей
Золотитъ полуденной порой.
Голубая рѣка слышитъ пѣснь тростника
Надъ сонливой своею волной,
И гигантъ—старый лѣсъ, смотритъ въ лоно небесъ,—
Вотъ хотѣлъ бы гдѣ спать подъ землей!

Мой могильный курганъ снѣговой ураганъ
Пеленой пусть своей обовьетъ,
Вмѣсто тяжкой плиты, полевые цвѣты
Мнѣ весна золотая пошлетъ,
Гдѣ въ шумящихъ вѣтвяхъ, на цвѣтущихъ кустахъ
Разливается пташка поетъ!

В. Кожевниковъ.

По поводу послѣднихъ событій на Китайской границѣ.

Очеркъ А. Максимова.

Въ послѣднее время, иностранныя газеты разнесли тревожную вѣсть о вторженіи въ Южно-Уссурійскій край сильной, хорошо организованной и вооруженной, китайской арміи. Извѣстіе это оказалось до нельзя преувеличеннымъ, и вторгнувшаяся китайская армія превратилась, послѣ здраваго разслѣдованія, въ ничтожное скопище китайской сволочи, явившейся въ нашихъ предѣлахъ съ надеждой на легкую и скорую наживу. Для многихъ читателей Уссурійскій край положительно terra incognita, а потому считаемъ не лишнимъ дать небольшой его очеркъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ постараемся выяснить причины, вызывающія ежегодные переходы китайскихъ бродягъ въ наши восточныя окраины.

* * *

Уссурійскій край, отошедшій къ намъ по Айгунскому трактату, 16 мая 1858 г., заключаетъ въ себѣ обширную полосу земли между 42° и 48° сѣверной широты, окаймленную съ запада рѣкою Уссури*) и съ востока—Японскимъ моремъ; южная часть этой обширной области, расположенная за озеромъ Ханка и непосредственно примыкающая къ многолюдной Манчжуріи и къ немнѣе многолюдной Кореѣ, извѣстна подъ названіемъ Южно-Уссурійскаго края. Послѣдній считается лучшимъ, богатѣйшимъ нашимъ пріобрѣтеніемъ не только на далекомъ востокѣ, но даже во всей Сибири, какъ вслѣдствіе необыкновеннаго богатства растительнаго, животнаго и минеральнаго царствъ, такъ и вслѣдствіе своего чрезвычайно важнаго политическаго и торговаго положенія.

*) Лѣвый берегъ Уссури принадлежитъ китайцамъ.

Въ Уссурійскомъ краѣ мы видимъ единственную окраину нашего обширнаго отечества, прилежащую къ незамкнутому морю, имѣющую болѣе или менѣе трудно прерываемыя связи съ океаномъ. Крайній востокъ представляетъ для насъ прочный базисъ, опираясь на который, мы можемъ смѣло направить свои силы на міровую борьбу съ врагами, грозящими захватить въ свои руки всемірную гегемонію; только отсюда мы можемъ поддерживать необходимое намъ вліяніе на сосѣднія могущественныя государства крайняго востока—Китай и Японію, можемъ дѣйствительно грозить англійскимъ колоніямъ и англійской торговлѣ, находящимся въ сферѣ дѣйствія нашего дальняго прибрежья...

Не смотря на положеніе Уссурійскаго края подъ одною широтою съ сѣверной Испаніей, южной Франціей и Россіей, онъ, благодаря многимъ неблагопріятнымъ физическимъ условіямъ, не обладаетъ благорастворенным климатомъ, свойственнымъ вышеупомянутымъ теплымъ странамъ. Тѣмъ не менѣе, растительный и животный міръ края поражаетъ не только богатствомъ, но и въ высшей степени оригинальною смѣсью формъ, свойственныхъ какъ далекому сѣверу, такъ и далекому югу. Рядомъ съ кедромъ и пихтой ростетъ грецкій орѣхъ, пробковое дерево и пальмовидный диморфантъ; роскошный виноградъ обвиваетъ мохнатые ели, столѣтніе дубы и липы, гигантскіе ильмы, березу, кленъ, тополь сосну и тисъ. Въ этихъ, нерѣдко непроходимыхъ, дебряхъ охотникъ натыкается на медвѣдя, соболя, сибирскую бѣлку и наконецъ на барса, бенгальскаго тигра и гималайскую куницу; рядомъ съ лосемъ, оленемъ и зу-

бромъ таятся въ непролазной заросли—антилопа, кабарга и кабанъ. Среди птицъ встрѣчается еще болѣе представителей южныхъ и даже тропическихъ странъ; на ряду со скромными представителями пернатаго царства далекаго сѣвера — здѣсь живутъ: австралійскій куликъ, кохинхинская иволга, бенгальскій зимородокъ, японскій ибисъ и журавль и наконецъ мандаринская или китайская утка...

Уссурійскій край, богато надѣленный природой, представляетъ для бездомнаго, бездѣльнаго населенія сосѣдней Манчжуріи обширное поприще для всевозможныхъ, болѣе или менѣе выгодныхъ промысловъ. Суша и море сулятъ этимъ бродягамъ если не скорое и легкое обогащеніе, то хорошій кусокъ хлѣба на цѣлый предстоящій годъ. Земля привлекаетъ въ наши предѣлы эти подонки сосѣдней Манчжуріи, сокрытымъ въ ней золотомъ и дорогимъ, цѣлебнымъ корнемъ жингъ-зенгъ, а море—неистощимыми богатствами трепанговъ и морской капусты. Ежегодно, съ первыми теплыми днями, китайскіе промышленники переходятъ въ наши предѣлы нерѣдко большими скопищами, до тысячи человѣкъ; большею частью вооруженные, они занимаются при случаѣ грабежемъ и держатъ въ страхѣ все мирное населеніе края.

Ловля морской капусты и трепанговъ, промывка золота и исканіе дорогаго корня жингъ-зенга производилась и производится безъ всякаго стѣсненія со стороны нашей администраціи, производится безконтрольно и безпошлинно совершенно чуждыми намъ лицами, распоряжающимися въ нашихъ предѣлахъ съ бóльшимъ нахальствомъ, съ бóльшимъ своеволіемъ и необузданностью, чѣмъ у себя дома. Тысячи всевозможныхъ негодяевъ и бродягъ то прибываютъ Богъ вѣсть откуда, то опять убываютъ, никого не признавая, не давая никому никакого отчета, не считая нашъ край за землю, имъ не принадлежащую. Хотя въ 1869 году и сдѣлано было распоряженіе, чтобы всѣ прибывающіе китайцы брали отъ мѣстнаго начальства билеты на право проживанія въ нашихъ предѣлахъ, но невозможность услѣдить за тысячами бездѣльныхъ пришельцевъ дѣлаетъ эту административную мѣру положительно безполезною. Такимъ образомъ китайскіе бродяги пользуются въ нашихъ предѣлахъ какою-то непонятною свободою, вредно отзывающеюся на благосостояніи всего края, гибельно дѣйствующею на его экономическое развитіе. Мѣстное хозяйство приходитъ въ упадокъ вслѣдствіе этой странной безконтрольности дѣйствій чуждаго намъ и нашему краю элемента; мало того, эта безконтрольность и свобода развиваетъ въ китайскихъ выходцахъ дикое убѣжденіе, что они господа Уссурійскаго края, а не русскіе, что они стоятъ несравненно выше всего русскаго населенія, обязаннаго подчиняться мѣстнымъ властямъ, обязаннаго слушаться разныхъ чиновниковъ, къ которымъ китайцы не чувствуютъ должнаго уваженія и страха, которыхъ они не признаютъ за свое начальство и за лицъ, власть надъ ними имущихъ... Промыселъ морской капусты и трепанговъ принимаетъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе обширные размѣры: прежде прибывали для ловли одиночные китайцы, промышлявшіе собственно для себя; теперь же высылаются богатыми хунчунскими и нингутскими*) купцами цѣлыя партіи ловцовъ, достигающія нерѣдко до двухъ тысячъ и болѣе человѣкъ. Особые довѣрители купцовъ отправляются на промыселъ вмѣстѣ съ партіями; на ихъ обязанности лежитъ не только присмотръ за правильнымъ ловомъ, но и прокормленіе всѣхъ нанятыхъ работниковъ.

Ловцы морской капусты приносятъ краю громадный вредъ; кромѣ того, что бродяги эти бываютъ нерѣдко причиною серьезныхъ безпорядковъ, они эксплоатируютъ богатства края при помощи необыкновенно хищныхъ пріемовъ. Въ вѣтряные дни, когда промыселъ морской капусты невозможенъ, вся масса промышленниковъ обращается къ другому, не менѣе выгодному, промыслу—грибному, результатомъ котораго является нещадное истребленіе прекрасныхъ дубовыхъ лѣсовъ. Послѣдній промыселъ состоитъ въ собираніи и сушеніи грибовъ, растущихъ на дубовыхъ стволахъ, подверженныхъ гніенію. Китайцы ежегодно рубятъ въ краѣ десятки тысячъ дубовъ, на которыхъ на слѣдующее лѣто, когда уже начинается гніеніе, являются слизистые, безформенные, чернаго цвѣта наросты (мурръ). Послѣдніе срѣзаются, сушатся и везутся на китайскіе рынки; они служатъ предметомъ весьма выгодной торговли, принимающей съ каждымъ годомъ все бóльшіе и бóльшіе размѣры...

Въ заключеніе настоящаго очерка считаемъ нелишнимъ указать, что Уссурійскій край не можетъ опасаться со стороны Манчжуріи никакихъ серьезныхъ вторженій. Не смотря на очень воинственныя приготовленія Китайской имперіи, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что она положительно не имѣетъ средствъ и возможности двинуть въ наши владѣнія крайняго востока сколько нибудь порядочную и хорошо вооруженную армію. Имѣющееся на лицо, незначительное число вооруженной и обученной по европейски арміи Небесной Имперіи гораздо нужнѣе около Пекина, которому мы можемъ, въ случаѣ войны, угрожать во всякое время нашимъ десантомъ и флотомъ, а также на западѣ Имперіи, гдѣ, каждую минуту, возможно энергичное возстаніе всего мусульманскаго населенія. О серьезныхъ, наступательныхъ дѣйствіяхъ со стороны Китая въ настоящую минуту нельзя и думать, потому что китайская армія не обладаетъ еще необходимыми средствами для веденія правильной наступательной войны, страдаетъ полнымъ отсутствіемъ хорошихъ, современныхъ перевозочныхъ средствъ. Наступательная война со стороны Манчжуріи можетъ ограничиться только хищническими набѣгами недисциплинированныхъ, кое какъ вооруженныхъ, скопищъ, вся цѣль которыхъ будетъ не воевать, а грабить и жечь болѣе или менѣе беззащитныя русскія поселенія. Скопища эти совершенно безопасны для нашей регулярной арміи: противъ нихъ съ полнымъ успѣхомъ можетъ бороться наша пограничная казачья линія и вооруженные крестьяне.

Въ послѣднее время не разъ высказывались серьезныя опасенія относительно участи нашего аванпоста на берегахъ Восточнаго Океана, въ случаѣ войны съ Китаемъ. Опасенія эти не имѣютъ никакихъ основаній. Нанести вредъ нашему порту на крайнемъ востокѣ, овладѣть имъ возможно только при широкомъ содѣйствіи сильнаго броненоснаго флота, который дѣйствовалъ-бы въ строгой связи съ сухопутными непріятельскими силами.

Спрашивается: откуда возьметъ Небесная имперія необходимый для аттаки Владивостока флотъ?...

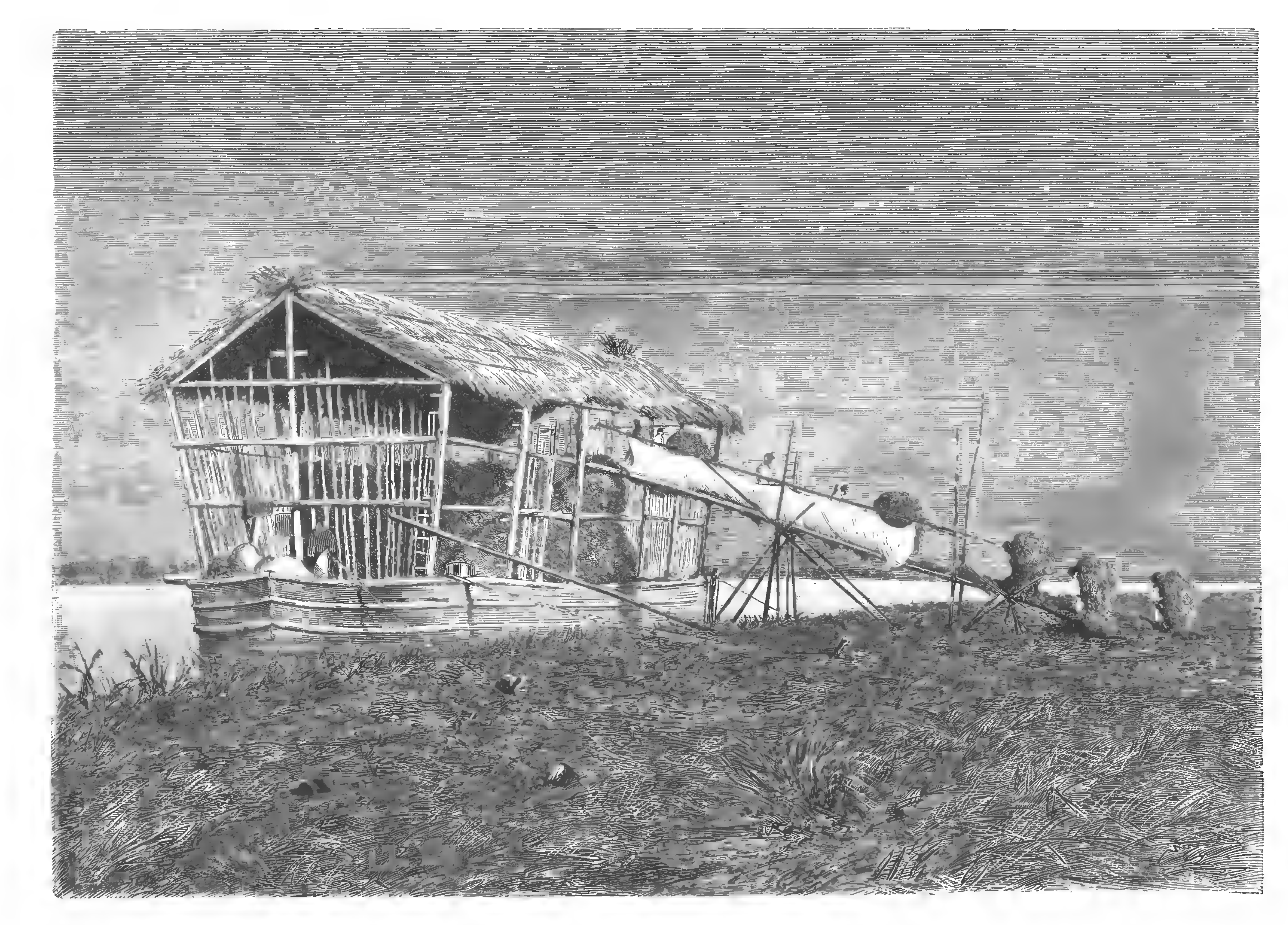
Въ случаѣ войны съ Китаемъ, даже при настоящемъ составѣ нашей тихо-океанской эскадры, послѣдняя можетъ господствовать на всемъ обширномъ пространствѣ водъ, омывающихъ Китайскую имперію и наши восточныя окраины. Слѣдовательно, китайскій флотъ не можетъ рѣшиться на наступательныя дѣйствія противъ Владивостока, слишкомъ отдаленнаго отъ его базиса, не можетъ рискнуть выйти въ море, гдѣ каждую минуту предстоитъ встрѣча съ сильной, непріятельской эскадрой. Нѣтъ сомнѣнія, что ничтожный китайскій флотъ ограничится фиктивной защитой своихъ прибрежій и будетъ играть, въ случаѣ войны съ Россіей, очень печальную, пассивную роль. При такихъ условіяхъ, нашъ портъ Владивостокъ, въ случаѣ войны съ Китаемъ, вполнѣ обезпеченъ съ моря, и, слѣдовательно, всѣ свои силы можетъ направить исключительно къ защитѣ порта со стороны суши. Теперь спрашивается, какая китайская армія въ силахъ овладѣть Владивостокомъ, имѣющимъ непрерывающуюся связь со своимъ флотомъ и съ омывающимъ его Японскимъ моремъ, которымъ портъ можетъ снабжаться необходимыми боевыми, жизненными припасами и войскомъ? Единственное, что можетъ сдѣлать сильная, хорошо вооруженная и обученная китайская армія, это отрѣзать портъ отъ рѣкъ Уссури и Амура и временно занять небольшое пространство Южно-Уссурійскаго края, лежащее между озеромъ Ханка и рѣкою Суйфунчи. Весь успѣхъ этой оккупаціонной арміи можетъ ограничиться только сожженіемъ нѣсколькихъ поселеній, успѣхъ вполнѣ возможный со стороны китайскихъ недисциплинированныхъ полчищъ, видящихъ въ каждой войнѣ удобный предлогъ для грабежей, убійства беззащитныхъ жителей и поджоговъ. Нѣтъ сомнѣнія, что подобное временное занятіе непріятельскою арміею края нанесетъ его колонизаціи и экономическому росту довольно серьезный ударъ, но ударъ вполнѣ поправимый при неистощимомъ богатствѣ Южно-Уссурійскаго края. Впрочемъ, если мы своевременно сосредоточимъ на крайнемъ востокѣ достаточное число войскъ, то въ данномъ случаѣ и грозная, хорошо вооруженная китайская армія не посмѣетъ рискнуть на какія либо наступательныя дѣйствія противъ нашихъ владѣній крайняго востока.

Къ рисункамъ.

Кенсингтонскій зоологическій музей.

Только что отстроенное зданіе Кенсингтонскаго зоологическаго музея составляетъ по размѣрамъ своимъ и формѣ, видное явленіе въ современной архитектурѣ. Особый интересъ и значеніе музею придаетъ то обстоятельство, что онъ—единственное, до сихъ поръ общественное зданіе въ столицѣ Англіи, возведенное въ романскомъ стилѣ (или готическомъ, кругло-арочномъ). Въ Лондонѣ мы имѣемъ возможность сопоставить сравнительныя достоинства трехъ стилей готической архитектуры, въ ихъ примѣненіи къ современнымъ постройкамъ. Такъ, въ зданіи парламента мы любуемся изяществомъ перпендикулярнаго стиля, украшеннаго, оживленнаго богатствомъ деталей; затѣмъ, далѣе, зданіе Суда является образчикомъ болѣе строгаго и чистаго стиля готики XIII-го столѣтія и, наконецъ,—зоологическій музей, возобновляетъ предъ лицомъ зрителя кругло-арочный готическій стиль XII-го столѣтія. Замѣчательно еще то, что зоологическій музей весь построенъ изъ одной „terra-cotta“, безъ всякой примѣси камня, за исключеніемъ, впрочемъ, нѣсколькихъ небольшихъ внутреннихъ ко-

*) Хунъ-Чунъ и Нингута—пограничные манчжурскіе города.

Погрузка сѣна на рѣкѣ. Ориг. рисун. И. Зиновьева, грав. М. Рашевскій.

Погорѣльцы. Ориг. рис. И. Земцова, грав. Флюгель.

лоннъ. Обращаясь къ различнымъ частямъ зданія, мы прежде всего останавливаемъ вниманіе на оригинальной красотѣ главнаго подъѣзда; онъ ведетъ прямо въ массивныя, величавыя, по своему виду, огромныя сѣни, которыя, въ свою очередь, непосредственно примыкаютъ къ „большой залѣ“ (Index-Museum), окруженной галлереями, поддерживаемыми невысокими сводчатыми арками, различные другіе корридоры и галлереи ниже сходятся къ „большому залу“, подъ прямымъ угломъ, образуя собою длинное крыло сѣвернаго фасада зданія. Галлереи эти изобилуютъ необыкновенно роскошной орнаментировкой.

Южная Славянка.

(Картина Гауслейтнера)

Еще у всѣхъ на памяти геройская борьба, которую вели отважные обитатели Герцеговины и воины Черной Горы. Съ тѣхъ поръ не много прошло времени, но уже произошли такія важныя историческія событія и такія политическія усложненія, которыя или уже дали другой ходъ и направленіе этой борьбѣ или въ сильной степени своимъ великимъ значеніемъ и размѣрами затмили повѣсть объ усиліяхъ этихъ героическихъ борцовъ за родину.

Но осталось неизмѣннымъ то чувство, которое одушевляло этихъ борцовъ — всѣхъ и даже женщинъ и дѣтей. Женщины принимали дѣятельное, энергическое участіе въ дѣлахъ своихъ отцовъ, мужей и братьевъ. Часто съ ружьемъ и пистолетомъ въ рукѣ чутко присматривалась и прислушивалась она — эта дочь горъ, на своемъ сторожевомъ посту или бросалась вслѣдъ за мужчинами на врага, мстя за своихъ.

И на нашей картинѣ изображенная славянка, грозно сдвинувъ брови и оттачивая оружіе, приглядывается къ чему то, что видитъ глазъ ея—глазъ горной орлицы—въ туманной дали...

Погрузка сѣна на рѣкѣ.

(Рисунокъ Зиновьева).

На нашемъ сѣверѣ для обработки земли скотоводство представляетъ огромную важность а потому и особенно цѣнятся пожни и сѣнокосы. На озерахъ нашихъ бываютъ часто такъ называемые „озерскіе“ заливные луга а на островахъ—уединенныя пожни, весьма дорого цѣнимыя и принадлежащія часто крестьянамъ, живущимъ въ десяткахъ верстъ отъ нихъ. Семьи переселяются на все время сѣнокоса на такія дальнія пожни и разбивается станъ косарей. Косятъ и взвѣваютъ траву, сушатъ душистое сѣно и затѣмъ погружаютъ огромныя копны на барки и лодки, которыя потомъ и поднимаются вверхъ по рѣкѣ. Это и изобразилъ г. Зиновьевъ на своемъ рисункѣ.

Погорѣльцы.

(Рисунокъ Земцова).

Ужасно думать, что такія раздирающія душу сцены повторяются у насъ въ огромныхъ размѣрахъ ежегодно. Много разъ всѣми говорилось объ ужасномъ бѣдствіи, подъѣдающемъ народное благосостояніе — пожарахъ — много разъ (между прочимъ и въ нашемъ журналѣ) приводились поражающія цифры убытковъ, которые несетъ ежегодно отъ пожаровъ наше отечество и повторять здѣсь этого мы не будемъ—слишкомъ всѣмъ извѣстно. Полнаго предупрежденія случаевъ пожара при большею частью деревянныхъ постройкахъ, нельзя достигнуть—молнія, поджоги не во власти человѣческой осторожности—но весьма возможно внимательнѣе слѣдить за печами, трубами и т. п. Пока еще въ очень немногихъ городахъ учреждены отвѣтственныя артели трубочистовъ. Не такъ давно появилось извѣстіе объ очень практическомъ, изобрѣтенномъ однимъ артиллерійскимъ нашимъ офицеромъ (г. Имшенецкимъ) пожарномъ насосѣ, очень простомъ, дешевомъ и оригинальномъ. Опыты съ этимъ насосомъ были удачны. Печать наша уже обращала вниманіе земствъ на этотъ насосъ, и вѣроятно многіе пожелаютъ имъ воспользоваться.

Едва показалась весна, какъ начало замѣтно увеличиваться и число пожаровъ; по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, всѣхъ пожаровъ въ прошломъ апрѣлѣ мѣсяцѣ напр. было 1914, а причиненный ими убытокъ равняется 2,675,754 р. Если же принять во вниманіе, что въ 114 пожарныхъ случаяхъ убытокъ вовсе не показанъ, то, по среднему разсчету, стоимость истребленнаго пожарами имущества будетъ свыше четырехъ милліоновъ рублей. Самая большая сумма пожарныхъ убытковъ падаетъ на Тверскую губернію, именно 462,401 р. Затѣмъ свыше ста тысячъ рублей (отъ 131,000 до 107,000 р.) потеряли губерніи: Виленская, Гродненская, Московская, С.-Петербургская и Черниговская. Свыше 50 тысячъ (отъ 99 до 54 тысячъ р.) потерпѣли убытокъ девять губерній. Въ десяти губеріяхъ убытокъ отъ пожаровъ простирался свыше 25 тысячъ р. (отъ 46,000 до 25,800 р.).

Причины пожаровъ, въ большинствѣ случаевъ (897), оказываются неизвѣстны. Неосторожному обращенію съ огнемъ приписывается 792 случая, поджогамъ 224 и молніи — одинъ случай.

Электрическая желѣзная дорога.

Результаты, достигнутые въ настоящее время электричествомъ дѣйствительно поразительны. Всѣмъ извѣстно какую важную роль заняло теперь электричество, въ примѣненіи его къ способамъ освѣщенія. Повидимому оно будетъ также имѣть громадное значеніе при устройствѣ желѣзныхъ дорогъ.

На послѣдней промышленной выставкѣ въ Берлинѣ общее вниманіе обращала на себя электрическая желѣзная дорога, устроенная на юго-восточной сторонѣ зданія выставки.

Описаніе этой дороги и рисунокъ были уже помѣщены въ „Нивѣ“ прошлаго 1879 года № 36.

Эта маленькая электрическая желѣзная дорога и блестящіе результаты, достигнутые въ Америкѣ такъ называемой дорогой на колоннахъ, подали мысль фирмѣ Сименсъ и Гальске устроить въ Берлинѣ, на желѣзныхъ столбахъ, такую электрическую дорогу. Слѣдуя примѣру американцевъ, приспособившихъ дорогу на столбахъ даже для очень тяжелыхъ локомотивовъ и полныхъ поѣздовъ, причемъ, сравнительно, бываетъ очень мало несчастныхъ случаевъ, можно надѣяться, что предпріятіе Сименса увѣнчается успѣхомъ. Въ засѣданіи электротехническаго общества, докторъ Вернеръ Сименсъ далъ нѣкоторыя разъясненія касательно этаго интереснаго предпріятія. Кованые желѣзные столбы будутъ уставлены у тротуаровъ, на разстояніи 3-хъ саженъ другъ отъ друга, вышиною около двухъ саженъ, такъ что самые высоконагруженные экипажи, могутъ свободно двигаться подъ желѣзными балками, на которыхъ будутъ уложены рельсы. Балки эти положены будутъ на деревянныхъ лежняхъ, укрѣпленныхъ на столбахъ. На продольныхъ желѣзныхъ переходахъ, соединяющихъ лежни, будутъ уложены низкіе рельсы. Для предотвращенія боковыхъ уклоненій, измѣненій объема желѣза отъ вліянія воздуха и пр. будутъ устроены соотвѣтственныя приспособленія. Пространства между колесами будутъ въ $1^1/_2$ аршина. Вагоны весьма небольшіе, всего на 10 сидѣній и 4 мѣста для стоящихъ. Динамо-электрическая машина, помѣщенная подъ каждымъ вагономъ, сообщаетъ движеніе колесамъ вагона. Электричество приводится въ дѣйствіе паровой машиной, въ 60 лошадиныхъ силъ, помѣщенной на землѣ, вблизи дороги. Полюсы проволоки динамо-электрической машины передаютъ движущій токъ по продольнымъ переводамъ и рельсамъ. Остановка поѣзда происходитъ отъ перерыва тока. Во избѣжаніе схода вагона съ лежней, будетъ устроена крѣпкая желѣзная придержка, обхватывающая верхнюю часть лежня. Поѣздъ будетъ двигаться со скоростью 28 верстъ въ часъ. Расходъ на устройство версты дороги составитъ приблизительно около 75,000 рублей. Но не смотря на такую затрату, по сообщенію Сименса, принимая во вниманіе незначительную стоимость содержанія электрическаго приспособленія, расходъ скоро покроется, если въ часъ будетъ проходить 12 вагоновъ, считая по 5 пассажировъ въ каждомъ.

Сименсъ надѣется устроить такъ изящно эту дорогу, что нисколько не обезобразитъ ею улицъ. Самые поѣзда будутъ двигаться почти безъ шума, и мѣстами остановокъ могутъ служить мѣста встрѣчи съ городской конножелѣзной дорогой и дилижансами.

Прусскій министръ общественныхъ работъ уже разрѣшилъ фирмѣ Сименсъ и Гальске устроить электрическую желѣзную дорогу на одной изъ улицъ Берлина, которую они признаютъ наиболѣе удобной для этой цѣли.

Смѣсь.

Веселящій газъ. (Закись азота). Англійскій химикъ Пристлей, которому наука обязана многими важными изслѣдованіями, открылъ въ 1776 году газъ—закись азота.

Въ 1809 году химикъ Гумфридъ Дэви занялся болѣе точнымъ изслѣдованіемъ этого газа и назвалъ его „веселящимъ“ газомъ.

Въ прежнее время газъ этотъ получался при дѣйствіи холодной разведенной селитряной кислоты на цинкъ, желѣзные или цинковые опилки. Нынѣ этотъ способъ совершенно оставленъ, такъ какъ азотнокислый аммiакъ представляетъ гораздо болѣе удобный для этаго матеріалъ, изъ котораго закись азота добывается скоро и легко.

Для этой цѣли азотнокислый амміакъ подвергается медленному плавленію, которое совершается вполнѣ спокойно, пока температура не достигнетъ 176° Ц.; при этой температурѣ соль съ шумомъ и трескомъ разлагается на воду и на закись азота. Эта послѣдняя, какъ газообразная, улетучивается и можетъ быть собрана посредствомъ приспособленныхъ къ тому аппа-

ратовъ. Она безъ цвѣта и запаха; при температурѣ 0% и подъ давленіемъ 30 атмосферъ газъ этотъ сгущается въ безцвѣтную подвижную жидкость. По химическимъ свойствамъ онъ близокъ къ атмосферному воздуху а еще болѣе къ кислороду: сѣра, уголь, фосфоръ, раскаленное желѣзо—горятъ въ немъ также ярко какъ и въ кислородѣ; даже едва тлѣющая древесная щепка, погруженная въ него, воспламеняется и горитъ съ необыкновеннымъ блескомъ.—Газъ этотъ содѣйствуетъ горѣнію болѣе нежели атмосферный воздухъ, что зависитъ отъ большаго въ немъ процента (50%) кислорода, между тѣмъ какъ въ атмосферномъ воздухѣ его только 20%.

Теперь обратимся къ тѣмъ свойствамъ закиси азота, которыя обусловили данное ему названіе „веселящаго" газа.

Вышеупомянутый химикъ Гумфридъ Дэви занимался изслѣдованіемъ: какія вліянія оказываютъ различные газы на процессъ дыханія? Опыты его съ закисью азота, произведенные надъ самимъ собою и другими лицами, дали изумительные результаты. Надо замѣтить, опыты эти между прочимъ сопряжены были съ опасностію для жизни подвергавшихся имъ добровольно людей.

Результаты опытовъ своихъ Дэви опубликовалъ въ 1800 году въ брошюрѣ подъ заглавіемъ: „*Химическія и философическія изслѣдованія, касающіяся вліянія закиси азота на процессъ дыханія*".

Если посредствомъ сильнаго выдыханія извлечь воздухъ изъ легкихъ и затѣмъ вдыхать постепенно закись азота, то на языкѣ и нёбѣ начинаетъ ощущаться особенный сладкій вкусъ; въ легкихъ же распространяется необыкновенное ощущеніе довольства. Послѣ 30 приблизительно секундъ вдыханія ощущается особенное возбужденіе всѣхъ психическихъ отправленій организма являются самыя странныя, оживленныя мысли; веселыя представленія мелькаютъ въ мозгу, чрезвычайная говорливость, необычайная, безумная веселость овладѣваетъ лицомъ, подвергнутымъ опыту. Продолжая вдыханіе этого газа въ теченіи 2—3 минутъ, возбужденіе доходитъ до состоянія опьяненія, отличающагося отъ спиртнаго свойствомъ лишь крайней веселости. Вотъ почему газъ—закись азота—получилъ вышеприведенное названіе „веселящаго" газа.

Послѣдствія этихъ опытовъ не представляютъ никакой опасности, если вдыханіе не продолжается болѣе 2—3 минутъ. За предѣломъ 3 минутъ начинаютъ раздаваться звонъ и шумъ въ ушахъ, наступаетъ мгновенная потеря сознанія и затѣмъ—смерть. Для производства опыта собираютъ закись азота въ газометръ или просто въ свиной пузырь, къ которому придѣланъ мундштучекъ, устроенный такъ, чтобы воздухъ не могъ проникать въ пузырь. У нѣкоторыхъ вдыханіе закиси азота вызываетъ сильные приступы кашля.

Замѣчательное дѣйствіе закиси азота состоитъ въ анестетическомъ (омертвляющемъ) свойствѣ—тѣло подъ вліяніемъ этаго газа теряетъ болевыя ощущенія—самыя болѣзненныя операціи переносятся оперируемымъ незамѣтно.

Зубной врачъ Вельсъ въ Бостонѣ былъ первый, который анестизировалъ себя закисью азота во время дерганія зуба. Только въ 1867 году способъ этотъ нашелъ послѣдователей среди практическихъ зубныхъ врачей. Очищенный посредствомъ желѣзнаго купороса, натра и известковаго молока, газъ этотъ смѣшивается въ пропорціи 4 частей на 1 ч. кислорода и приноситъ значительную пользу при непродолжительныхъ и несопряженныхъ съ значительной потерей крови, операціяхъ.

Имѣя въ виду вышеописанныя свойства закиси азота, легкость его добыванія и незначительную стоимость—можно предполагать, что въ недалекомъ будущемъ онъ можетъ найти себѣ обширное примѣненіе.

Индійскій судъ. Изъ города Соленаго озера (въ Утахѣ) одинъ туристъ пишетъ въ газету „Швабскій Меркурій": „Считаю своею обязанностью сдѣлать извѣстнымъ чрезъ главную газету Виртемберга слѣдующее грустное происшествіе, а именно: смерть одного штутгартца, по имени Карла Шварца, убитаго индійцами въ Колорадскихъ горахъ. Случилось это въ іюнѣ прошлаго года, когда я однажды вечеромъ, на пути изъ Денвера въ богатый золотомъ, лежащій высоко въ горахъ, Ледвимсъ, встрѣтилъ въ покинутой мельницѣ двухъ молодыхъ людей, нашедшихъ себѣ тамъ ночлегъ. Я былъ радъ имѣть пристанище, такъ какъ въ тѣхъ горахъ и лѣсахъ очень рѣдко можно отыскать домъ, но моя радость сдѣлалась еще большею, когда я услышалъ, что оба путешественника говорятъ по нѣмецки, и изъ разговора съ ними узналъ, что цѣль ихъ путешествія таже, что и у меня. На слѣдующее утро, позавтракавъ, мы отправились вмѣстѣ въ дальнѣйшій путь по великолѣпнымъ лѣсамъ и были всѣ въ наилучшемъ настроеніи. Такимъ образомъ мы достигли небольшаго озера, окруженнаго деревьями; тутъ же по близости, ѣли траву двѣ лошади, изъ мелкой породы ирангосовъ. „Прелестныя лошади!" сказалъ я. —„На такихъ лошадяхъ завтра вечеромъ мы могли бы уже быть въ Ледвимсѣ", отвѣчалъ одинъ изъ моихъ спутниковъ, природный американецъ.—„Лошади не мѣченныя: ихъ отлично можно продать", сказалъ другой, природный штутгартецъ, молодой человѣкъ 25 лѣтъ, рослый, съ маленькой бородой; звали его Карломъ Шварцемъ. Какъ ни легкимъ казалось мнѣ это дѣло, но все таки оно мнѣ не совсѣмъ-то нравилось. Тяжелое предчувствіе явилось у меня, и потому я не совѣтовалъ такъ дѣлать. Ничего не помогло; ремнемъ, которымъ лошади были привязаны другъ къ другу, были прикрѣплены дорожныя одѣяла. Я убѣждалъ Шварца остаться со мной, такъ какъ мы черезъ нѣсколько дней все-таки достигли бы своей цѣли. Онъ посмѣялся надо мной и послѣдовалъ примѣру американца, который уже сидѣлъ на своей лошади. „Good bye, мы увидимся въ странѣ золота!" были послѣднія слова, и затѣмъ они ускакали. Преспокойно пошелъ я дальше съ своею собакой, чернымъ бульдогомъ. Величественныя скалы и отвѣсные склоны были по обѣ стороны пустынной дороги, не раздавалось ни одного звука, какъ вдругъ позади меня безмолвіе нарушили дикіе голоса и лошадиный топотъ. Моя собака навострила уши, я обернулся и къ своему ужасу увидѣлъ пятерыхъ индійцевъ въ охотничьемъ вооруженіи. Они закричали мнѣ „stop", у меня волосы стали дыбомъ, я сталъ какъ вкопанный и привѣтствовалъ ихъ дружественно. „Давно ли мимо тебя пробѣжали двѣ лошади?" спросилъ одинъ изъ краснокожихъ, указывая на оставленные въ мягкой почвѣ слѣды отъ копытъ. „Часа три", отвѣчалъ я. Обмѣнявшись нѣсколькими словами на своемъ языкѣ, они помчались дальше съ быстротою вѣтра. Имѣя дурныя предчувствія объ участи двухъ пріятелей, я продолжалъ свой путь и только въ четыре часа послѣ полудня сдѣлалъ отдыхъ у небольшаго ручейка; я взялъ съ собой разныхъ съѣстныхъ припасовъ, но и не притронулся къ нимъ: меня такъ и тянуло впередъ, чтобы до наступленія ночи добраться до какого нибудь пристанища. Едва я прошелъ еще двѣ англійскихъ мили, какъ дорога поворотила въ густой лѣсъ, и тамъ мнѣ представилась страшная картина. Я остановился совершенно ошеломленный! Справа отъ дороги висѣлъ на деревѣ американецъ, платье и оружіе были сняты съ него; на землѣ лежалъ Шварцъ, весь изрубленный и въ крови; на немъ не было ни сапоговъ, ни дорожной сумки, ни оружія; на лѣво отъ него, подъ деревомъ, прикрытый цвѣтами и листьями, лежалъ убитый индіецъ. Очевидно, Шварцъ убилъ индійца выстрѣломъ съ лошади, почему и долженъ былъ умереть отъ неописанныхъ жестокостей. Солнце золотило эту безмолвную, грустную картину, нѣсколько коршуновъ кружились въ воздухѣ, я нарвалъ цвѣтовъ и положилъ ихъ на убитаго земляка, затѣмъ я оставилъ поспѣшно эти мѣста. Такова месть краснокожихъ сыновъ Америки.

Волканъ въ водѣ. Волканъ появился изъ озера Илопанго, въ республикѣ Санъ-Сальвадоръ. На территоріи республики, въ первой половинѣ января нынѣшняго года слышны были подземные удары; сильныхъ ударовъ было всего три; но они были слабѣе ударовъ 1876 года, и ни одинъ домъ не пострадалъ. Это землетрясеніе имѣло своимъ центромъ окрестность озера Илопанго, посрединѣ котораго вдругъ появились три волканическихъ жерла, соединенные одинъ съ другимъ. Этотъ новый кратеръ, который издали казался маленькимъ островкомъ, возвышался однакожъ надъ поверхностію воды метровъ на двадцать. Къ нему пытались приблизиться, но вода отъ прикосновенія къ горячей скалѣ, находилась въ состояніи кипѣнія и отдѣляла облака пара; густой столбъ дыму поднимался изъ кратеровъ; зрѣлище было грандіозное въ высшей степени. Явленію поднятія волкана предшествовала чрезвычайная прибыль воды въ озерѣ Илопанго, вѣроятно вслѣдствіе обильныхъ зимнихъ дождей. На основаніи стариннаго опыта, испанцы утверждаютъ, что когда уровень озера высокъ, нужно ожидать землетрясеній. Поэтому въ Санъ-Сальвадорѣ съиздавна въ обычаѣ дѣлать водосливы для облегченія стока воды. Это практиковалось безпрерывно въ теченіи цѣлаго столѣтія, и вулканическіе явленія не обнаруживались въ теченіи этого періода времени. Настоящій случай, какъ будто оправдываетъ это преданіе. Вода въ озерѣ солоноватая, очень горькая и почти клейкая. Озеро длиною не менѣе 24 верстъ, шириною 16; глубина его не измѣрена. Оно лежитъ въ 12 верстахъ отъ Санъ-Сальвадора. Температура воды 38 град. у береговъ; вокругъ волкановъ, какъ сказано выше, вода въ состояніи кипѣнія. Всѣ рыбы и другіе водные обитатели сварились и тѣла ихъ плаваютъ по поверхности. Волканическая гора продолжаетъ подыматься, а уровень озера постепенно понижается.

Флоридская морская корова. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ Нью-Іорскій акваріумъ обогатился однимъ изъ величайшихъ морскихъ чудовищъ. Это чудовище находится въ бассейнѣ, въ которомъ раньше жилъ гиппопотамъ. Репортеръ одной Нью-Іоркской газеты разсказываетъ, что когда онъ взглянулъ на воду, то находившіяся въ ней массы травы и тростника двигались и исчезали таинственнымъ образомъ; оказалось, что какое-то живое существо увлекало внизъ плавающую траву и пожирало ее на днѣ. Вскорѣ послѣ этого поверхность воды зарябилась и на минуту показалась большая круглая, похожая на коровью, морда, и этимъ осмотръ чудовища и окончился бы, если бы зритель не былъ заинтересованъ и не попросилъ спустить всю воду. Такимъ образомъ мало-по малу изъ воды вы-

ступила безобразная масса, покрытая морщинистой темносѣрой кожей, усѣянной рѣдкими бѣлыми щетинами. Когда изъ бассейна была выпущена вся вода, обитатель его оказался огромнымъ, похожимъ на морскую собаку существомъ, задняя конечности котораго замѣнялъ одинъ широкій мясистый плавень, съ двумя концами, соотвѣтствующими переднимъ конечностямъ. Его относительно маленькая голова лежала на днѣ и имѣла странное сморщенное лицо съ глубокими складками. Это былъ Манати, Ламанція, Флоридская морская бабка или морская корова. Это животное обитаетъ въ одномъ только Атлантическомъ океанѣ; самый большой его видъ (Manatus latirostris) водится въ Соединенныхъ штатахъ у береговъ Флориды; другой находится у устьевъ южно-американскихъ рѣкъ. Кювье отнесъ Манати къ китамъ; Агассизъ же, наоборотъ, признаетъ его эмбріоническимъ типомъ толстокожихъ, слоновъ, рѣчныхъ лошадей и т. д. По этой причинѣ морскія коровы въ новѣйшее время отнесены къ особому разряду между толстокожими и китами и названы сиреноидами, къ которымъ причисляется также и rhytina stelleri, морская корова. Экземпляръ Манати, находящійся въ нью-іоркскомъ акваріумѣ, поймавъ у береговъ Флориды. Охотники, загнавъ животное въ узкую рѣчку, успѣли загородить ему выходъ изъ нея; затѣмъ они поймали его въ сѣти, сдѣланныя изъ крѣпкихъ веревокъ и счастливо доставили въ его теперешнее мѣстопребываніе, гдѣ оно, повидимому, чувствуетъ себя столь-же хорошо, какъ и въ атлантическомъ океанѣ.

Государыня Императрица Марія Александровна опочила въ Бозѣ сего 22-го мая въ восьмомъ часу утра, спокойно, безъ агоніи.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Богу Вседержителю, въ неисповѣдимыхъ путяхъ Его святаго промысла, угодно было ниспослать Намъ тяжкое испытаніе, поразившее Насъ и весь Домъ Нашъ безпредѣльною скорбію: въ 22-й день сего мая Любезнѣйшая Супруга Наша Императрица Марія Александровна скончалась послѣ продолжительной болѣзни, давно уже возбуждавшей тревожныя опасенія. Всѣ принятыя, по указаніямъ опытныхъ врачей, къ возстановленію Ея здоровья мѣры, все усердіе и нѣжныя попеченія окружающихъ, внушенныя горячею къ Ней любовію и живѣйшею преданностію, оказались, къ глубокой горести Нашей, безсильными противъ недуга, пресѣкшаго драгоцѣнную жизнь Ея, которую Она съ самоотверженіемъ, до самой кончины, неуклонно посвящала высокимъ обязанностямъ Своего земнаго призванія и подвигамъ христіанскаго милосердія. — Неустанная материнская заботливость въ Бозѣ почившей Императрицы о благѣ многочисленныхъ юныхъ питомицъ, въ непосредственномъ Ея вѣденіи состоявшихъ воспитательныхъ учрежденій; Ея сердобольное участіе къ жертвамъ минувшей войны и ихъ семействамъ, не ограниченное предѣлами отечества, но простиравшееся и на отдаленныхъ единовѣрцевъ,—Мы твердо уповаемъ,—навсегда запечатлѣются въ благодарной памяти Ею облагодѣтельствованныхъ и достойно оцѣнятся Всеблагимъ Праведнымъ Судіею въ другомъ лучшемъ мірѣ.

Въ семъ убѣжденіи, находя единственное для Себя утѣшеніе и благоговѣйно преклоняясь предъ опредѣленіемъ Всевышняго, призываемъ любезныхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ вознести, вмѣстѣ съ Нами, сердечныя, искреннія молитвы къ Отцу Небесному объ успокоеніи чистой души Усопшей въ горнихъ обителяхъ вѣчнаго блаженства.

Данъ въ С.-Петербургѣ, въ 22-й день мая, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ восьмидесятое, Царствованія же Нашего въ двадцать шестое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„АЛЕКСАНДРЪ“.

Политическое обозрѣніе.

Во Франціи.—Демонстраціи.—Въ Англійскомъ парламентѣ.—Турція.—Военныя силы Китайской Имперіи.

Положеніе дѣлъ во Франціи не обѣщаетъ для страны ничего хорошаго. Изгнаніе республиканскимъ правительствомъ іезуитовъ и монашескихъ орденовъ, срокъ которому исходитъ 17 іюля, конечно произведетъ сильное волненіе; демонстраціи парижскихъ соціалистовъ, стачки рабочихъ и поджоги фабрикъ въ департаментахъ, указываютъ на неспокойное состояніе общества и шаткость власти республики. Въ воскресенье напримѣръ 12 мая, толпа человѣкъ въ 600 пошла по площади Бастиліи на кладбище Пэръ-Лашеза и украшала вѣнками тѣ стѣны, у которыхъ были разстрѣляны комунары. Тринадцать человѣкъ при этомъ были полиціей арестованы. Правительство было особенно взволновано и озабочено участіемъ иностранныхъ соціалистовъ въ этой агитаціи, тѣхъ соціалистовъ, одного изъ представителей которыхъ, Гартмана, то же республиканское правительство такъ заботливо охраняло и снабжало деньгами для его путешествій. Уже республиканцы находятъ нужнымъ выслать изъ Парижа не только арестованныхъ иностранцевъ, но и всѣхъ тѣхъ, которые подписали печатные протесты противъ воскресныхъ арестовъ а также тѣхъ изъ нихъ, которые извѣстны полиціи какъ наиболѣе безпокойные. Какъ видно, необходимость вызываетъ вездѣ обычныя мѣры. И это противорѣчіе крайнихъ убѣжденій самаго правительства съ крайними мѣрами, которые оно принимаетъ—безпрестанно ставитъ его въ смѣшное и странное положеніе. Въ данномъ случаѣ муниципальный совѣтъ, высказалъ осужденіе префекту полиціи за аресты, за то что онъ возобновилъ „отвратительные пріемы имперіи“. Невесело должно быть префекту. Въ стачкахъ рабочихъ въ Лиллѣ, Рубе и въ особенности въ Эмсѣ также участвовали какіе-то вовсе не рабочіе, все же эти таинственные „иностранцы“. Министръ Вн. дѣлъ явился на мѣсто стачекъ и устроилъ какое то временное, вынужденное соглашеніе между заводчиками и рабочими. Въ іюнѣ, когда всѣ неразрѣшенные республикой духовные ордена должны будутъ ликвидировать свои дѣла, ожидаютъ съ волненіемъ большихъ безпорядковъ и даже открытаго сопротивленія. Вожаки клерикаловъ, епископы и члены монархической правой въ палатѣ депутатовъ, считаютъ безпорядки по этому поводу неизбѣжными. Не успѣли прекратиться забастовки рабочихъ въ Сѣверномъ департаментѣ и въ Реймсѣ, какъ начались стачки въ другихъ промышленныхъ центрахъ Франціи. Въ Ліонѣ забастовали каменьщики, маляры и корсетницы, въ Бордо—кочегары на газовыхъ заводахъ, примѣру которыхъ послѣдуютъ, вѣроятно, плотники, а въ Лиллѣ—значительное число рабочихъ на тамошнихъ бумагопрядильныхъ фабрикахъ.

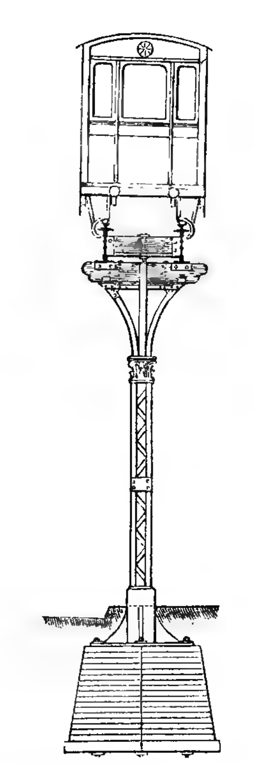
8 мая, въ день открытія первой сессіи новаго англійскаго парламента, въ стѣнахъ его собралась огромная масса публики. Это десятый парламентъ въ правленіе королевы Викторіи. Прежняя правительственная партія очутилась на скамьяхъ оппози-

(Продолженіе на стр. 449, 450, 451 и 452).

ціи а ирландцы, не желая присоединяться ни къ какой изъ англійскихъ партій, размѣстились по обѣ стороны палаты. Сдержанная тронная рѣчь вообще произвела благопріятное впечатлѣніе. Предположеніе соединить для поддержки берлинскаго трактата всѣ державы, уже готовится осуществиться. Отвѣты державъ по этому поводу по заявленію Гренвиля, довольно ободрительнаго свойства. Рѣчи Гладстона и Гренвиля произвели большое впечатлѣніе. Будетъ ли Гладстонъ дѣйствовать за одно съ Россіей или не будетъ въ турецкомъ вопросѣ, это теперь становится безразличнымъ. „Только не дружба съ Россіею"! (!!) воскликнулъ бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ Англіи, Салисбюри, послѣ рѣчи своего преемника графа Гренвиля.

Повидимому все болѣе приходятъ къ мысли замѣненія существующаго порядка дѣлъ въ Турціи чѣмъ либо болѣе прочнымъ, въ родѣ напр. участія европейскихъ державъ въ управленіи дѣлами Балканскаго полуострова. Въ первый разъ съ 1855 г. турецкое правительство видитъ себя лишеннымъ всякой поддержки со стороны Европы. Замѣнить Англію некому, республиканская Франція не можетъ принять въ этомъ участія, Австрія, въ своихъ интересахъ, также. Но султанъ и при желаніи не можетъ выполнить требованій державъ—у него нѣтъ ни средствъ, ни нравственнаго вліянія. Пусть бы лишь теперь никакія новыя интриги не разстроили согласія державъ. Съ выходомъ въ отставку Биконсфильда быть можетъ согласіе это теперь не будетъ нарушаемо.

Подъ предсѣдательствомъ Султана въ Константинополѣ происходило 1 мая чрезвычайное засѣданіе министровъ, въ которомъ обсуждался особаго рода финансовый вопросъ, по уплатѣ процентовъ кредиторамъ государства на принадлежащіе имъ фонды. Сумму собрать оказалось невозможнымъ и рѣшено объявить офиціально, что Порта не можетъ исполнить обязательства, даннаго въ декабрѣ 1879 года. Волненіе въ Албаніи, въ Черногоріи, которая ждетъ пересмотра берлинскаго трактата, ибо Албанцы не уступаютъ ни клочка своей земли а воинамъ Черной горы странно завоевывать уже принадлежащія имъ по конвенціи округа. Шайки албанцевъ грабятъ и жгутъ села въ Сербіи, въ Восточной Румеліи, и Порта безсильна прекратить эти безпорядки.

Столбъ электр. жел. дороги.

Проэктъ электрической желѣзной дороги въ Берлинѣ

По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Китая, передвиженія войскъ совершаются по различнымъ направленіямъ и вообще китайское правительство занято почти исключительно военными приготовленіями. Въ Тіензинъ и Ніушвангъ отправляютъ снаряды массами. Для тамошнихъ арсеналовъ получены недавно изъ Европы машины для изготовленія орудій. На пороховомъ заводѣ въ Лунгъ-во число рабочихъ удвоено. Выписано около тридцати германскихъ и французскихъ военныхъ, которые отправились уже въ сѣверную армію въ качествѣ инструкторовъ. Всѣ эти мѣры оказываютъ самое неблагопріятное вліяніе на торговлю.

Въ виду такихъ приготовленій на китайской границѣ, сообщаемъ какими силами Небесная имперія можетъ располагать въ случаѣ войны:

Населеніе Небесной имперіи состоитъ изъ 400 милліоновъ жителей; но эта цифра, очевидно, преувеличена; вслѣдствіе возстаній и голода, опустошавшихъ нѣкоторыя изъ провинцій имперіи, она не должна превышать 350 милліоновъ. Что же касается войскъ, то нельзя довѣрять свѣдѣніямъ, сообщеннымъ на этотъ счетъ мѣстными властями. Такимъ образомъ, по офиціальнымъ документамъ, число солдатъ въ 1873 году было не менѣе 1,263,000 человѣкъ. Это послѣднее исчисленіе, очевидно, преувеличено. Въ самомъ дѣлѣ, извѣстно, что китайскіе офицеры имѣютъ обыкновеніе распускать людей изъ своихъ отрядовъ, требуя жалованья полностію на всѣхъ людей, и пополняютъ ряды только тогда, когда ожидаютъ смотра. Тогда они наполняютъ пустые ряды недисциплинированными и лишенными всякаго военнаго образованія куліями, которыхъ снаряжаютъ на скорую руку и затѣмъ тотчасъ же распускаютъ, по окончаніи смотра.

Такъ было сдѣлано во время отправки на Формозу экспедиціоннаго корпуса, предназначавшагося для наблюденія за Японіей. На транспортныя суда, подъ разными предлогами, были привлечены, въ значительномъ числѣ, разныя личности; узнавъ объ обманѣ, жертвою котораго они сдѣлались, и чтобы избавиться отъ опасности которой они подвергались, эти люди попрыгали за бортъ и потонули въ рѣкѣ Шангаѣ. Допуская даже, что цифра людей, числящихся въ рядахъ войскъ, достигаетъ полумилліона, во всякомъ случаѣ число дѣйствующихъ войскъ ниже этой цифры больше, чѣмъ на половину. Прибавимъ, что армія разсѣяна на огромномъ пространствѣ и что Китай не имѣетъ транспортныхъ средствъ для пользованія войскъ. Кромѣ того, ежегодныя наводненія, оставляющія для сообщеній лишь узкія тропинки, создали бы почти непреодолимыя препятствія для арміи, будетъ ли она держаться оборонительныхъ или наступательныхъ дѣйствій.

Разныя извѣстія.

Открытіе памятника лорду Байрону. 12-го (24-го) мая въ „Hamilton Garden", въ лондонскомъ Гайдъ-паркѣ, открытъ памятникъ лорду Байрону. Церемонія эта, совершенная лордомъ Гоутономъ въ присутствіи небольшаго числа поклонниковъ великаго поэта, не сопровождалась никакими особенными празднествами, бронзовая статуя стоитъ пока па деревянномъ цоколѣ, такъ какъ обѣщанный греческимъ правительствомъ мраморный цоколь еще не полученъ.

Изъ лондонской жизни. Въ лондонскомъ королевскомъ судѣ разбирался на прошлой недѣлѣ процессъ объ оскорбленіи чести. Лабушеръ, издатель газеты „Truth" разоблачилъ лондонскіе игорные дома и лондонскихъ шулеровъ и назвалъ при этомъ грека Ламбри вожакомъ банды. Изъ процесса мы узнаемъ, что картежная игра свирѣпствуетъ въ этихъ кружкахъ и что дамы проводятъ цѣлыя ночи за карточнымъ столомъ въ обществѣ очень сомнительныхъ лицъ. Проиграть въ одну ночь нѣсколько тысячъ фунтовъ, поставить 1,000 фунтовъ на карту—вещь самая обыкновенная. Присяжные признали Ламбри виновнымъ въ шулерствѣ и оправдали Лабушера.

Гибель журавлей. Во время полета птицъ особенно много погибло на Волгѣ, въ Саратовской губерніи, журавлей отъ недостатка корма; несчастныя птицы прилетѣли въ знакомыя имъ мѣста въ обычное время, но нашли, вмѣсто полей и луговъ, покрытыхъ обыкновенно въ это время молодою травою, нескончаемыя снѣговыя равнины; обезсиленные отъ недостатка корма и долгаго перелета, журавли массами садились по берегамъ рѣкъ на небольшіе клочки талой земли, гдѣ крестьяне сотнями ихъ брали руками, но все таки множество этихъ птицъ погибло безъ всякой пользы, такъ какъ до сихъ поръ попадается множество гніющихъ остововъ; одно время Камышинъ былъ положительно наводненъ журавлями, которыхъ крестьяне отдавали чуть не даромъ.

Странный туристъ. Въ Парижъ прибылъ недавно шведъ, который, пренебрегая желѣзными дорогами, предпринялъ путешествіе по Европѣ въ тележкѣ, запряженной тремя сильными ирландскими собаками. Онъ проѣхалъ изъ Стокгольма въ Берлинъ, послѣдовательно посѣтивъ затѣмъ Парижъ, Вѣну, Швейцарію, Италію и Англію, разъѣзжая на своихъ собакахъ. Изъ Лондона онъ вернулся въ Стокгольмъ; на это путешествіе онъ употребилъ шесть мѣсяцевъ.

Рѣшеніе задачи буквъ № 38.

1, Недѣля—2, Тесть любитъ честь—3, лев—4, Глинка—Жизнь за Царя—5, Пултуск—6, Одесса, Поти—7, Дѣд—8, Вистъ—винтъ—9, Нуль—10, Вѣкъ живи—вѣкъ учись—11, еж.—12, Самойловъ, „Старый баринъ"—13, евнухъ—14, Якутъ, Тунгусъ—15, пух—16, Старое старится, молодое растетъ.—17, чешуя—18, Гоголь, Мертвыя души.—19, няня—20, Сусанинъ, Мининъ.—21, ус—22, дядя, тетка—21, клюв—24, вяз.

Въ минуту жизни трудную
Тѣснится ль въ сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ
И дышетъ непонятная,
Святая прелесть въ нихъ.
Съ души какъ бремя скатится.
Сомнѣнье далеко—
И вѣрится, и плачется.
И такъ легко, легко!..

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы. **Спб**, отъ гг. Феклина, Грасмана, Высоцкой, Копылова, Мошкова, Павловой, Экономовой, Коробочки, Ситникова, Жеребцова, Крашенинниковой, Дяди-Мити; **Москва**—Маята, Зѣвакина, Трутовскихъ, Лермонтова, Котова, Корешкова, Матвѣева, Балакина, Баикова, Гречаниновыхъ, Назарова, Еремина, Дяди-Васи, Писарева, Шумовскаго, Воборси; **Кронштадтъ**—Шелашникова, Даржана, Дада; **Выборгъ**—Каразина; **Просяныя поляны**—Павлиновича; **Оренбургъ**—Дубровскаго; **с. Ильинское**—Яковлева; **Саратовъ**—Потеряхина; **ст. Подбродзе**—Нестреченко; **Серпуховъ**—Иконникова, **ст. Колодище**—Айшноръ; **Мозырь**—Ланича; **Вильна**—Олавскаго; **Орелъ**—Домочатскаго, Новицкой; **Ковно**—Левицкой **Романово-Борисогл.**—Островской; **Маріуполь**—Камбурова; **Самара**—Бартельсъ; **Преславль**—Пелехова; **Верея**—Соловьева; **Елецъ**—Адамова; **Михайлово**—Порембской; **Ярославль**—Милинскаго.

Рѣшеніе ребуса въ № 18 „Нивы".

Кто не бережетъ копѣйки самъ рубля не стоитъ.

Вѣрныя рѣшенія этаго ребуса присланы: **Спб.**—отъ гг. Балакина, Гродзинскаго; **Москва**—Полозова, Краузе; **ст. Черкизово**—Регункова; **ст. Завидова**—Шитова.

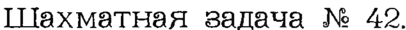
Рѣшеніе шашечной задачи № 30.

Бѣлыя.	Черныя.
Съ № 11 на № 2	Съ № 20 на № 11
„ № 27 „ № 20	„ № 24 „ № 15
„ № 32 „ № 26	„ № 30 „ № 21
„ № 31 „ № 6	
„ № 8 „ № 1	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: **Спб.** отъ гг, Журкина, Журавлева **Тверь**—Куликова, Баракича; **Орелъ**—Семенова.

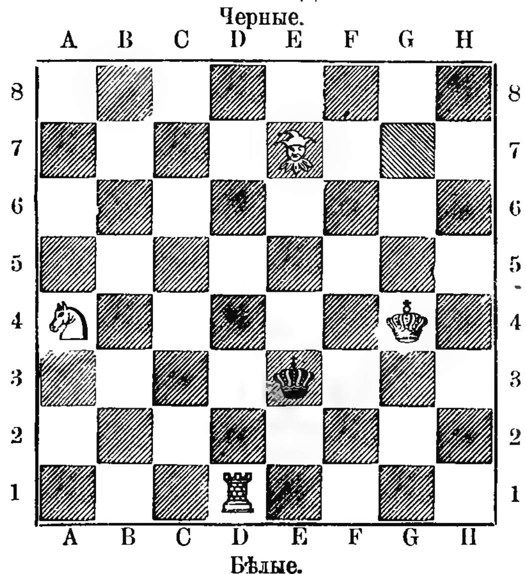
РЕБУСЪ.

Шахматная задача № 42.

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ въ 4 хода.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала «Нива» проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ однаго города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

Заявленіе.

Контора журнала „Нива покорнѣйше проситъ тѣхъ немногихъ изъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, которые внесли деньги только за **первое полугодіе**, поторопиться возобновленіемъ подписки на **второе полугодіе**.—Въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ прекращена съ № 27, при чемъ гг. подписчики потеряютъ право на полученіе премій, слѣдуемыхъ гг. годовымъ подписчикамъ.

Въ слѣдующемъ 23 № „Нивы" начнется печатаніемъ романъ Н. Морскаго „Купленное счастіе".

ОПЕЧАТКА. Въ № 21 въ статьѣ о Саардамѣ на стр. 428 во 2 столбцѣ вмѣсто стулъ съ „четыреугольнымъ" сидѣньемъ слѣдуетъ „треугольнымъ".

Издатель **А. Ф. Марксъ** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ

цѣны съ пересылкою.

Пальто резиновое . . . . 14 р.
Плащъ съ крыльями . . 16 „
Тальма дамская . . . . . 12 „
Пальто офицерское . . . 17 „

Пальто эти 1-го сорта съ ручательствомъ за ихъ непинкость. При заказѣ обозначить длину пальто и объемъ въ груди.

Оставшіяся изъ нашего отдѣленія при магаз. „Фениксъ“.

англійскія резиновыя пальто

несмотря на повышеніе цѣнъ предлагаемъ съ пересылкою по

10 руб.

Центральное депо резиновыхъ издѣлій

Л. ЦІОЛКОВСКАГО и Ко.

Невскій пр., № 54. С.-Петербургъ. Кl № 758 5—2

№ 21. Вознесенскій проспектъ № 21.

СКЛАДЪ ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ ВСѢХЪ СИСТЕМЪ.

американскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ конструкцій

А. ШТЕЙНЪ, бывш. Г. Френкель.

ПРОДАЖА ОПТОМЪ И ВЪ РОЗНИЦУ.

Ручныя машины, 20 разныхъ констр., отъ **12** до **45 р.**
Ножныя » 40 » » » **35** » **350** »

Системы: Зингеръ отъ **40**, Виллеръ и Вильсонъ отъ **35**, Гау отъ **45**, Гроверъ и Беккеръ отъ **40** р.

СПЕЦІАЛЬНОСТЬ МАШИНЪ для выметыванія петель, вязанія плиссе, вышиванія, шитья перчатокъ и для шитья варной дратвой.

ЦѢНЫ ФАБРИЧНЫЯ.

БЕЗПЛАТНО высылка подробнаго иллюстрированнаго прейсъ-куранта и пробныхъ работъ, въ видѣ обрѣзокъ спеціальныхъ машинъ. Кl. № 689 10—4

САМОЕ ВѢРНОЕ СРЕДСТВО.

МѢШКИ ОТЪ МОЛИ

съ усовершенствованнымъ запоромъ.

Мѣшокъ на одну шубу 4 р. 50 к. съ перес. 5 „
Мѣшокъ на двѣ шубы. 5 „ 50 „ съ перес. 6 „
Мѣшокъ на три шубы. 6 „ 50 „ съ перес. 7 „
Мѣшокъ на три муфты 2 „ 50 „ съ перес. 3 „

Л. ЦІОЛКОВСКІЙ и К°.

Невскій просп. № 54, С.-Петербургъ Кl. № 757 5—2

ОТЪ МОЛИ. ОТЪ МОЛИ.

КНИГИ прод. пок. и прин. на коммиссію. Казань, кн. маг. Алексан. Ильича Овчинникова Объ эт. торговлѣ уже 9-й годъ (съ 1871 г.) публик., почти постоянно, въ Казан. газет. и мн. др изд. № 589—11

АНГЛІИСКІЯ РЕЗИНОВЫЯ

ПАЛЬТО

9 рублей

на всякій ростъ.

Перес. 1 р., въ Сибирь 2 р.

Въ Центральномъ депо

Резиновыхъ Издѣлій

Л. ЦІОЛКОВСКАГО и Комп.

Денежныя посылки и корреспонденцію просимъ покорнѣйше адресовать только

№ 54. Невскій проспектъ № 54.

Между Бол. и Мал. Садовой.

Кl. № 721 5—5

Поступила въ продажу новая книга:

«ГЕОМЕТРІЯ ДЛЯ ГОРОДСКИХЪ УЧИЛИЩЪ»

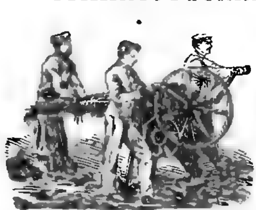
составилъ **Владиміръ Ковалевъ.**

Цѣна 50 коп.

Продается въ кн. маг. въ С.-Петербургѣ: Гартье, Вернадскаго и Мартынова; въ Москвѣ: насл. бр. Салаевыхъ; въ Казани: А. А. Дубровина. Выписыв. отъ автора изъ г. Козьмодемьянска, за перес. не платятъ. Книгопродавцамъ 25% уступки. № 766 2—1

НОВѢЙШЕЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ.

ФРАНКФУРТСКІЯ МОЛОТИЛКИ СИСТЕМЫ **ВЕЙЛА.**

Доставляются на каждую желѣзно-дорожную станцію въ слѣдующемъ выборѣ: 1) производимыя двумя людьми; 2) съ одной, въ 3) съ двумя, въ 4) съ четырьмя лошадиными силами.

По желанію съ аппаратомъ, производящимъ одновременно очистку зерна.

Подвижныя на своихъ собственныхъ колесахъ, онѣ могутъ дѣйствовать вездѣ, гдѣ ихъ ни поставить. По письменному требованію иллюстрированный каталогъ находящійся у **Морица Вейла.**

Машинная фабрика въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ (въ Германіи).

Ptr. № 690 11—4

Корреспонденція по-русски.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.

Съ разрѣшенія С.-Петербургской Врачебной Управы.

ХИННАЯ ВОДА И ПОМАДА для уничтоженія перхоти на головѣ, за банку 30 к., флак. 60 к.

ТОНИЧЕСКАЯ ВОДА лучшее средство для укрѣпленія волосъ, употребленіе и пріятно и освѣжительно. Флак. 60 к.

ФИЛОДОРЪ флак. 50 k.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

въ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

Обращать вниманіе при покупкѣ каждаго предмета на точность фирмы:

„С.-П.-БУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

1) **Невскій проспектъ, д. № 32,** Католич. церкви.
2) **Невскій просп.,** у Аничкова моста, № 66.
3) **Вознесенскій просп.,** уголъ Казанской ул., домъ № 18—54, Шредера.

Всѣ прочіе, магазины и лавки, имѣющіе вывѣски, сходные съ вывѣскою **С. Петербургской Химической Лабораторіи,** ей не принадлежатъ.

Въ редакціи, въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ, продаются остальные экземпляры прежнихъ годовъ „Собранія Романовъ“.

1871 г. 12 книгъ, **одиннадцать** большихъ романовъ и **тридцать-девять повѣстей.** Цѣна 7 р., съ перес. 9 р.

1872 г. 12 кн., **тринадцать** большихъ романовъ и **тридцать-четыре** повѣсти. Цѣна 7 р., съ перес. 9 р.

1873 г. 12 кн., **девять** большихъ романовъ и **двадцать-шесть** повѣстей. Цѣна 7 р., съ перес. 9 р.

1874 г. 12 кн., **двѣнадцать** большихъ романовъ и **двадцать-шесть** повѣстей. Цѣна 7 р., съ перес. 9 р.

1875 г. 12 кн. **четырнадцать** большихъ романовъ и **двадцать-девять** повѣстей. Цѣна 7 р., съ перес. 9 р.

1876 г. 12 кн., **одиннадцать** большихъ романовъ и **двадцать-шесть** повѣстей. Цѣна 7 р., съ перес. 9 р.

1877 г. 12 кн., **десять** большихъ романовъ и **двадцать-четыре** повѣсти. Цѣна 8 р., съ перес. 10 р.

1878 г. 12 кн., **четырнадцать** большихъ романовъ и **восемнадцать** повѣстей. Цѣна 10 р., съ перес. 12 р.

1879 г. 12 кн., **тринадцать** большихъ романовъ и **двадцать-четыре** повѣсти. Цѣна 10 р. 50 к., съ перес. 12 р.

Каждый годъ „Собранія Романовъ“ имѣетъ одинаковое, опредѣленное количество печатныхъ листовъ. Разница въ числѣ романовъ и повѣстей происходитъ отъ ихъ величины.

Желающимъ высылается безплатно каталогъ съ подробнымъ обозначеніемъ романовъ и повѣстей помѣщенныхъ въ каждомъ году.

МАГАЗИНЪ И. Э. МІЛЬКЪ

Больш. Морская, д. № 39, на углу Вознесенскаго пр.

Отдѣленіе для хозяйственныхъ принадлежностей предлагаетъ къ наступающему лѣтнему сезону большой выборъ практичныхъ вещей по умѣреннымъ, но рѣшительнымъ цѣнамъ, какъ-то:

Умывальники, ванны, полуванны, купальные аппараты (новой системы) ведра, кувшины, лаханки цинковыя, биде, переносные ватерклозеты, кровати складные и матрацы, кровати съ проволочнымъ плетеніемъ (чрезвычайно удобныя для дачъ), офицерскія и дорожныя кровати, дѣтскія коляски, садовая мебель складная, желѣзная и деревянная, садовые и пожарные насосы, садовыя ножницы и ножи, самодѣйствующій аппаратъ для стирки бѣлья, выжималки для бѣлья, угольные утюги, водоочистительныя машинки англійскія высшій сортъ, котлетныя машинки, машинки для колотья сахара, мороженницы, маслянки, спиртовые кофейники, чайники, сливочницы, сахарницы изъ Британскаго металла, столовые, кухонные и перочинные ножи, точилки для ножей, топоры американскіе, сухарницы, подносы, новый аппаратъ для приготовленія жаркого, паровые поваренные котлы изъ бессемеровой стали, хозяйственные вѣсы, дачные фонари, пробочники, ножницы и пр. и пр.

Желѣзная луженая и эмальиров. кухонная посуда. №702. 7—7.

ТОВАРИЩЕСТВО ПЕЧЕНКИНА И К°

Конторы въ Казани, Саратовѣ и Екатеринбургѣ.

(Фирма существуетъ съ 1870 г.)

Продажа выигрышныхъ билетовъ 1-го и 2-го займовъ съ разсрочкою по 10 р. въ мѣсяцъ. Первый взносъ не менѣе 25 р. за разсрочку 50 к. въ мѣсяцъ. Страховка 60 к. съ маркой и пересылкой.

Исполняетъ всѣ прочія банкирскія операціи.

№ 764 **Адресъ Почтамту извѣстенъ.** 4—1

КОЛЬБЕРГЪ,

МОРСКОЕ КУПАНЬЕ И СОЛЯНЫЯ ВАННЫ.

(Станц. желѣзн. дор., въ 1879 г. 4472 посѣтителя;)

единственная мѣстность въ мірѣ, гдѣ одновременно можно пользоваться купаньемъ въ морѣ и соляными ваннами.

Въ воздухѣ много озона. Сильный прибой волнъ. Соляной источникъ, содержащій по проф. Вёлеру 5% соли, принадлежитъ къ сильнѣйшимъ солямъ для ваннъ. Устройство для ваннъ превосходное. Лѣса и прелестный паркъ у **самаго моря** окружаютъ дома для пріѣзжихъ. Квартиры отдаются за умѣренную цѣну. Хорошія гостинницы, большія удобства, разнообразныя удовольствія, отличный театръ. О величинѣ и стоимости квартиръ можно справиться въ нашей Конторѣ. Программы охотно высылаются безплатно. Первый курсъ леченія продолжается до конца іюля, а второй до конца сентября.

Ptr. № 710 3— **Управленіе водами.**

ГАРМОНІИ

хорошей работы и отличнаго тона:

0 8 клав. съ 1 регистромъ	4 50
„ 10 „ „ 1 „	5 50
„ 10 „ „ 1 „ больш. форм.	7 —
„ 10 „ „ 2 „ съ трелью	10 —
„ 10 „ „ 2 „ лучшаго качества	12 —
„ 10 „ „ 3 „	12 —
10 „ „ 3 „ лучшаго качества	15 —
„ 10 „ „ 4 „ съ трелью	20 —

Въ 2 ряда.

0 17 клав. съ 2 рег.	15 —
„ 19 „ „ 2 „	17 —
„ 19 „ „ 3 „ съ трелью	20 —
„ 19 „ „ 3 „ лучшаго качества	30 —
„ 19 „ „ 4 „	35 р. и 50 р.

Съ однимъ колокольчикомъ 75 к. дороже
Самоучитель для гармоніи Соколова 1 руб.
4 тетради нотъ съ танцами, операми, романсами и пр. по 75 к.
за перес. для гармоній до 7 р. за 14 фунт.
„ „ „ „ отъ 10 р. за 20 фунт.
За ящикъ и упаковку 50 к.

Главное депо музыкальныхъ инструментовъ

Юлія Генриха Циммермана

С.-Петербургъ, по Большой Морской, № 42.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.
НОВЫЙ ИНСТРУМЕНТЪ

Карманные солнечные **часы, угломѣръ и компасъ** въ „Регуляторѣ часовъ". Привилегированный. Цѣны съ перес.: 3 р. большій 4 р., посеребр. 5 р., позолоч. 6 р. Адресъ: въ г. Вытегру, Олон. губ., Іосифу Андреевичу Милевскому. № 765

Прейсъ-курантъ и всѣ свѣдѣнія выдаются и высылаются безплатно.

ДЛЯ КОНТОРЪ, КАНЦЕЛЯРІЙ, АДВОКАТОВЪ, ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЕВЪ И ДѢЛОВЫХЪ ЛЮДЕЙ полезныя справочныя книги: 1) **Законы о гражданскихъ договорахъ** и обязательствахъ, **общедоступно** изложенные и объясненные. Изд. 3. Ц. 1 р. 25 к 2) книжка для **волостныхъ старшинъ** и сельскихъ старостъ; изд. 3, зн. ч. доп. Ц. 30 к. 3) книжка о **волостномъ судѣ**; изд. 3. Ц. 15 к. 4) книжка о **мировомъ судѣ**; изд. 2. Ц 15 к. 5) книжка о **земскихъ учрежденіяхъ**. За пересылку отъ 1 до 5 кн 20 к. Одобрительные отзывы въ журналѣ „Гражд. Право", „Петерб. Вѣдомост.", „Народной Школѣ" и др.

Обращаться къ издателю Влад. Игн. Фармоковскому, Симбирскъ, соб. д. № 756 2—2

№ 10. Адмиралтейская площадь № 10 уголъ Вознесенскаго просп.
9 р. с. АНГЛІЙСКІЯ РЕЗИНОВЫЯ ПАЛЬТО **9 р. с.** (непромокаемыя) **9 р. с.**
(за пересылку 1 р. со штуки.
РЕЗИНОВЫЯ ПАЛЬТО ВСЕННАГО И ШТАТСКАГО ПОКРОЯ.
РЕЗИНОВЫЯ КАПИШОНЫ И ФУРАЖКИ ВСѢХЪ ФАСОНОВЪ
для гг. военныхъ, штатскихъ и гимназистовъ.
Для предохраненія мѣховыхъ и другихъ вещей ОТЪ МОЛИ и ПОРЧИ, рекомендуется какъ самое вѣрное средство

МѢШКИ ОТЪ МОЛИ

(служащіе для 10-ти лѣтняго употребленія) ЦѢНЫ:

Мѣшокъ для мелочей 2 р. 50 к.	Мѣшокъ на 3 шубы . . . . 6 р. 50 к.
„ на 1 шубу 4 „ 50 „	„ „ 4 шубы . . . . 7 „ 50 „
„ „ 2 шубы 5 „ 50 „	Самаго большаго размѣра 12 „ — „

(за пересылку 50 коп. со штуки).

МЕТАЛЛИЧЕСКІЯ АНГЛІЙСКІЯ ГОЛОВНЫЯ только настоящія **ЩЕТКИ.**

Употребленіе которыхъ способствуетъ росту волосъ, устраняетъ головную боль, и очищаетъ голову отъ перхоти. ЦѢНЫ соразмѣрно величинѣ: въ 2 р., 2 р. 50 к., 2 р. 75 к. и 3 р. (за пересылку 50 к. со штуки).
МЕТАЛЛИЧЕСКІЯ ЩЕТКИ ДЛЯ ЧИСТКИ ЛОШАДЕЙ безъ употребленія скребницы, отличнаго свойства, штука 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

!НОВОСТЬ! голландскія иськовыя вязанныя **КУПАЛЬНЫЯ ТУФЛИ.** **!НОВОСТЬ!**
пара 1 р. 25 к., съ пересыл. 1 р. 65 к.

РЕЗИНОВЫЕ КУПАЛЬНЫЕ ЧЕПЧИКИ ДЛЯ ДАМЪ.

ГОТОВАЯ КОЖАНАЯ ОБУВЬ паровой механической фабрики.

ЦѢНЫ:	ЦѢНЫ:
Мужск. гамаши на 1 подошвѣ 5 р. 50 к.	Дам ботин (высок.) на пугов 7 р. — к.
„ „ „ 2 подошв. 5 „ 75 „	Дѣвичьи шагрень на резинк. 3 „ 75 „
Дамскія ботинки на резинк. 4 „ 50 „	Дѣтскіе на резинкахъ . . 2 „ 75 „
„ „ прюнель . 3 „ — „	„ на пуговиц. (высок.) 3 „ 25 „

Шведскія кожаныя куртки на красной фланели.
БРЮКИ, ЖИЛЕТЫ и ДАМСКІЕ КОРСАЖИ.

№ 10. АДМИРАЛТЕЙСКАЯ ПЛОЩАДЬ № 10.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ДЕПО РЕЗИНОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ
Л. ЦІОЛКОВСКІЙ и Кº.

Для гг. **иногородныхъ**. При пересылкѣ денегъ по почтѣ, мелкія можно присоединять почтовыми марками. Кl. № 747 4—3.

ЛИТЛЬ ВАНЦЕРЪ.

Настоящая американская швейная машина, ручная и ножная, извѣстна какъ лучшая для семейнаго употребленія. Кромѣ того, машины для портныхъ, сапожниковъ, модистокъ, бѣлошвейныхъ и другихъ мастерскихъ.

Машины для плойки плиссе.

ЦѢНЫ САМЫЯ УМѢРЕННЫЯ.

Главный складъ въ С.-Петербургѣ у **Б. Г. торъ-Браке.** Невскій проспектъ № 11, на углу Малой Морской. № 616 12—9.

Симъ честь имѣемъ увѣдомить почтеннѣйшую публику о
весьма значительномъ пониженіи нами цѣнъ

НАТУРАЛЬНЫМЪ МИНЕРАЛЬНЫМЪ ВОДАМЪ

(напр. Эмскія больш. бут. 45, ½ б. 35 к. вмѣсто 65 и 45 коп., Силевская 45 к. вм. 55 к., Карлсбадскія 50 вм. 60 к., Гуніади Яношъ 45 вм. 60 к., Виши 55 вм. 65 к., и т. д.) и покорнѣйше просимъ ее обратить вниманіе на сію по нашему, **немаловажную ей услугу.**

Новыя наши цѣны слѣдующія: Адельгейдская 60, Аполлинарисъ 35, Вилинская 65, ½ б. 40, Валсъ 60, Ватвиллеръ 60, Вейльбахская 50, ½ б. 40, Вильдунг. 50, Виши разн. источн. 55, ½ б. 45, Гисгюбль 45, Гомбургская ½ б. 40, Гуніади-Яношъ 45, ½ б. 35, Зайдшицкая горькая ½ б. 35, Пильнавская 45, ½ б. 30, Фридрихсгальская 65, ½ б. 45, Карлсбадскія разн. источн. 50, Киссингенскія Рагочи 55, Кранкенгейльскія 60, Крейцнахская 55, ½ б. 35, Липшпринге 45, Маріенбадскія 45, Нарзанъ 50, Пирмонтскія 55, ½ б. 45, Сельтерскія 35, ½ б. 30, Силевская 45, Соденскія 50, ½ кувш. 40, Спа ½ б. 45, Фахингенская ½ кувш. 40. Швальбахскія 50, ½ б. 40, Шлангенбадская 65, Эгерскія 45, Эмскія разн. источн. 45, ½ б. 35, Эссентукскія разн. ном. 45 коп.

Вмѣстѣ со свѣжими водами мы получили всѣ **соли, мыла и пастилки** для ваннъ и для питья, **резиновыя пробки, мензуръ-стаканы** для водъ, **краны** для ввертыванія въ пробки бутылокъ для питья безъ откупориванія и маленькіе **термометры** для измѣренія температуры водъ въ стаканахъ.

Р. КЁЛЕРЪ и Кº въ МОСКВѢ, на Никольской.

Ц. К. № 755 3—2

НАСТОЯЩІЯ ЯГОДНЫЯ И ФРУКТОВЫЯ
ВОДЫ
и „РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ"
ФАБРИКИ Н. П. ЛАНИНА.

Москва, Москворѣцкій мостъ, собс. домъ.

NB. Избѣгать поддѣлокъ.

№ 670 5—4

При этомъ № прилагается для гг. иногородн. подписч. (за исключен. Московскихъ) прейсъ-курантъ отъ чайнаго магазина К. Е. Киселева въ Москвѣ

Дозволено цензурою СПБ. 30 мая 1880 г. Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. В. Безобразова и К°, В. О., 8 л., № 10.

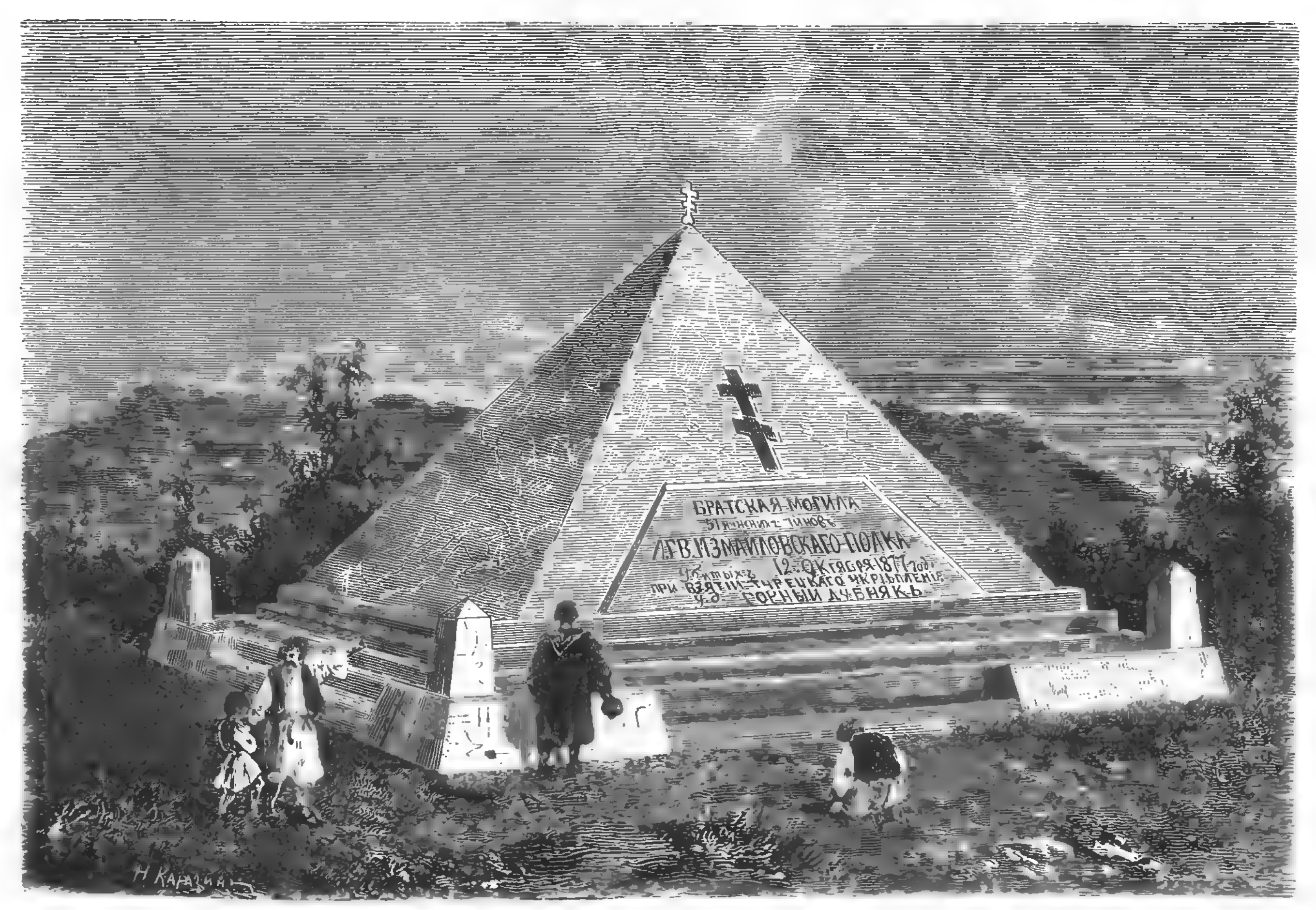

XI годъ | № 23 — годъ XI | 1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 модн. рис. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 7 Іюня 1880 г. Цѣна этаго № „Нивы“ 20 к. съ перес. 25 к.

При этомъ № прилагаются ПАРИЖСКІЯ МОДЫ за ІЮНЬ 1880 г. съ 29 рисунками и отдѣльный листъ съ 22 чертеж. выкроекъ въ натуральн. величину и съ 41 рисунками рукодѣльныхъ работъ.

Памятникъ и могила чиновъ Л.-гв. Измайл. полка, павшихъ 12 окт. 1877 г. близъ Горнаго Дубняка. Съ фотогр. рис. Н. Каразинъ, грав. М. Рашевскій.

Памятникъ Измайловцамъ, павшимъ подъ Горнымъ Дубнякомъ 12 окт. 1877 г.

День 12 октября 1877 года запечатлѣнъ въ исторіи Россіи, какъ огненное крещеніе русской гвардіи на поляхъ Горнаго Дубняка, въ окрестностяхъ Плевны.

Извѣстно. какъ въ этотъ день лейбъ-гренадеры ворвались въ малый редутъ и какъ цѣлый день они. совмѣстно съ Московцами, Павловцами, Финляндцами, Стрѣлками и Саперами, бились со врагомъ.

Измайловцы были введены въ дѣло, какъ послѣдній ресурсъ, имѣвшійся въ рукахъ генерала Гурко.

„Я ожидалъ ночи, пишетъ въ своемъ донесеніи о дѣлѣ Горнаго Дубняка 12 октября, генералъ Гурко. Наступило грозное, гробовое молчаніе. Съ наступленіемъ сумерекъ нѣкоторыя части войскъ подошли еще на болѣе близкое разстояніе отъ редута. Два батальона лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка съ своимъ командиромъ, свиты его величества генералъ-маіоромъ Эллисомъ 2 во главѣ, проползли на колѣняхъ еще шаговъ 150, бросились впередъ и войска почти со всѣхъ сторонъ ворвались въ редутъ. Огромное пламя вспыхнувшаго внутри редута пожара, озарило мѣстность и возвѣстило о паденіи редута. Хивзи-паша положилъ оружіе..." Потеря Измайловцевъ—1 офицеръ (шт. кап. Кушелевъ 1) и 51 чел. рядовыхъ.

Нашъ рисунокъ изображаетъ памятникъ, поставленный надъ тѣлами 51 нижнихъ чиновъ Измайловскаго полка, и ихъ офицера, запечатлѣвшихъ своею смертью преданность своему долгу.

Памятникъ поставленъ на полѣ между Большимъ и Малымъ редутами. Это—пирамида изъ мѣстнаго камня, установленная на фундаментѣ. Надъ пирамидой высится золоченый крестъ. Къ пирамидѣ ведутъ три ступеньки. На ней прикрѣплена мраморная доска съ надписью „Братская могила 51 нижнихъ чиновъ лейбъ-гвард. Измайловскаго полка, убитыхъ 12 октября 1877 года, при взятіи укрѣпленія близь деревни Горный Дубнякъ". Памятникъ виденъ издалека.

Купленное счастье.

Романъ Н. Морскаго.

Котораго же васъ отца воспроситъ сынъ хлѣба, егда камень подастъ ему; или рыбы, егда въ рыбы мѣсто змію подастъ ему. *Отъ Луки XI, 11.*

I.

Первыя встрѣчи.

— Катишь, попьявь воетничекъ... Такъ, мейси...

Это говорила толстая, невысокаго роста дама, съ широкимъ и плоскимъ лицомъ, съ узенькими глазками, съ сплющеннымъ на подобіе маленькой пуговки носикомъ и довольно толстыми губами. Охорашиваясь передъ большимъ зеркаломъ одной изъ аванъ-залъ пансіона благородныхъ дѣвицъ госпожи Перфиловой, косноязычная дама одернула платье цвѣта бордо и стараясь быть величественною, что не совсѣмъ гармонировало съ ея низенькою и толстою фигурою, катящеюся на подобіе шара, —пошла по направленію къ главному залу, пригласивъ слѣдовать за собою, сопровождавшую ее молодую женщину:

— Идемъ, Катишь.

Та, которую она такъ называла, была высока ростомъ и смотрѣла царицей. Одѣтая въ свѣтлосѣрое платье съ малиновой розой на груди и въ темныхъ, глянцовитыхъ, съ синеватымъ отливомъ волосахъ, Катишь, изяществомъ линій своего матово-благороднаго лица, большими черными глазами, точно нарисованными бровями, смѣлымъ подъемомъ шеи, выраженіемъ чего-то холоднаго и мраморнаго во всемъ своемъ крупномъ и прелестномъ бюстѣ, внушала къ себѣ невольное уваженіе. Было странно представить себѣ эту женщину просящею о чемъ либо, было невозможно допустить мысли, чтобы ею кто либо управлялъ, кто либо держалъ ее въ повиновеніи и страхѣ. Казалось, эта гордая и холодная Катишь, взглядомъ своимъ не выражающая ни порицанія, ни одобренія, вообще нѣсколько загадочная и странная, не любящая многословія, не могла обращаться къ кому либо съ интимною теплотою, не волновалась какимъ нибудь мелкимъ желаніемъ, не любила никого и ничего. По общему виду, по этой величественной красотѣ справедливѣе было думать, что Катишь равнодушна рѣшительно ко всему и ко всѣмъ; по ея молчаливости слѣдовало признать справедливость отзывовъ о ней, какъ объ особѣ, о которой съ положительностью трудно было сказать, умна она или нѣтъ? Она мало высказывалась; что совершалось въ ея душѣ, о томъ никто не зналъ и ея прелестное лицо никому не выдавало ничего.

Двери распахнулись передъ входящими дамами и масса свѣта ударила имъ въ глаза. Большой рекреаціонный залъ пансіона госпожи Перфиловой сіялъ множествомъ огней; всѣ пять люстръ, украшающихъ его, были зажжены; навощенный полъ отсвѣчивалъ зеркаломъ; соломенные стульчики стройно стояли по стѣнамъ, на окнахъ были спущены простенькія, бѣлыя шторы; вдали виднѣлся рояль. Это былъ день новаго года. Г-жа Перфилова, вдова извѣстнаго въ свое время составителя трехъ, очень распространенныхъ, какъ учебныя руководства, исторій, „малой или краткой," „средней или распространенной", и „высшей или обширной", обыкновенно задавала вечера ввѣреннымъ ея попеченію дѣвицамъ. Приглашалось много постороннихъ и почетныхъ гостей. Госпожа Перфилова въ синемъ шелковомъ платьѣ, въ наколкѣ изъ черныхъ кружевъ, маленькая и востроносенькая, съ педагогически пронпцательными глазками, раздѣленными другъ отъ друга посредствомъ слишкомъ широкаго для миніатюрнаго лица, переносья, окруженная толпою гостей, завидѣвъ входящихъ дамъ, шла имъ на встрѣчу:

— Ахъ, Клеопатра Петровна, кого я вижу!.. Вотъ рада!.. Давно-ли вернулись?

Она сжимала руки толстой дамы въ платьѣ цвѣта бордо, какъ-то озабоченно-серьезно заглядывая ей въ глаза...

— Вы были за границей?.. собрались?..

— Быя, быя, дьюжекъ,—чмокнула толстая дама Перфилову,—все видая: Константинопель видая, суйтана видая, оѣховъ гьецкихъ вамъ пьивезла.

— Merci, Клеопатра Петровна, merci...

Перфилова улыбалась той, которую она называла Клеопатрой Петровной, слушая ея болтовню о сдѣланной ею поѣздкѣ за границу и все еще не успѣвая поздороваться съ Катишь, которой она успѣла однако бросить привѣтливую улыбку.:. Клеопатра Петровна разсказывала своимъ коснымъ языкомъ... Она давно сбиралась въ чужіе краи.. Всѣ ѣздятъ, а она не была... Наконецъ собралась и сдѣлала это чрезвычайно просто: позвала управляющаго, развернула атласъ и приказала: читай, какіе за гьяницей гоеда?.. Управляющій ткнулся въ карту: вотъ, говоритъ, Константинополь есть... Довойно: Константинопель такъ Константинопель, въ Константинопель и поѣду... И не бывъ ни гдѣ, съѣздила въ Константинополь и вернулась, проживя тамъ недѣлю: быя, быя за гьяницей!.. Перфилова слушала ее съ видомъ чрезвычайнаго интереса и когда она кончила, могла протянуть наконецъ руку Катишь.

— Здравствуй, Катишь .. Здорова?.. Давно не видала тебя...

Катишь холодно поздоровалась съ Перфиловой, ни единымъ движеніемъ не обнаруживая какой либо радости или удовольствіе видѣть послѣ продолжительной разлуки ту, которая въ теченіи пяти лѣтъ окружала ее въ своемъ заведеніи материнскими заботами.

— Mersi, maman, я здорова.

По привычкѣ она называла Перфилову принятымъ всѣми воспитующимися въ пансіонѣ именемъ „maman", не соединяя съ этимъ какого либо особаго внутренняго расположенія... Держа въ своихъ рукахъ мраморную руку Катишь, Перфилова родительски озабоченно освѣдомлялась:

— Давно не видала тебя... Вскорѣ послѣ своей свадьбы ты уѣхала... Какъ поживаешь?

Катишь не особенно удовлетворила любопытство maman, отвѣтивъ:

— Живу.

Ея глаза смотрѣли спокойно на Перфилову; лицо мраморнаго бюста не говорило ничего.

— Счастлива?

Свѣтлоголубые глазки Перфиловой впились въ Катишь, любопытствуя проникнуть въ глубь ея души... Катишь отвѣтила односложно:

— Да.

Клеопатра Петровна лорнировала залъ. Усѣвшійся за рояль таперъ прелюдировалъ польской, подъ звуки котораго должны были появиться передъ собравшимися гостями ввѣренныя попеченіямъ ma-me Перфиловой воспитанницы... Гости столпились въ одномъ мѣстѣ, какъ это обыкновенно бываетъ, когда приглашенные должны быть не только гостями но и зрителями. Слѣдовало ожидать, что госпожа Перфилова въ этотъ вечеръ развернетъ передъ собравшимися разнообразные таланты ввѣренныхъ ея попеченію благородныхъ дѣвицъ, заставитъ ихъ протанцовать, спѣть, сыграть въ двѣ, въ четыре и въ восемь рукъ... Кто-то дотронулся до плеча Клеопатры Петровны.

— Экъ, какой клюквой разодѣлась...

Съ пылающимъ во взорахъ негодованіемъ почтенная дама обернулась на дерзкаго, допустившаго въ отношеніи ее подобную интимность... Позади стоялъ ея старинный знакомый, дѣйствительный статскій совѣтникъ Батраковъ, щуря на нее глаза и смотря съ улыбочкой... Она хотѣла на него осердиться, но мгновенно остыла отъ закипѣвшаго въ ея груди гнѣва и скрывая мелькнувшую было на ея лицѣ при видѣ знакомаго человѣка улыбку, съ напускнымъ гнѣвомъ послала Батракову, произнося на *э*.

— Невѣжа!

Съ покровительственнымъ видомъ онъ похлопалъ ее по рукѣ.

— Зачѣмъ сердиться?.. Скажи лучше, чего это ты такой клюквой-то разодѣлась?

Она совершенно помирилась съ этой грубой фамильярностью и уже совершенно не обижаясь на Батракова, а болѣе обличая въ немъ мужское непониманіе въ дамскомъ туалетѣ, добродушно опровергла его слова.

— Кьюквой!.. это не кьюква, это бойдо... Назвать не умѣешь...

Онъ въ монокль оглядывалъ оставленную госпожею Перфиловой Катишь, съ обычнымъ безстрастіемъ осматривающую залъ... Кто это? Онъ зналъ „клюкву" лѣтъ пять, когда еще его посылали на ревизію въ Тульскую губернію, гдѣ у Клеопатры Петровны Гавриловой было хорошенькое имѣньице... Онъ зналъ, что она замужемъ, на что мужъ, проживъ съ нею годъ или два, бросилъ ее и слонялся по всей Россіи, получая отъ жены ежемѣсячное содержаніе, за которое обязался оставить ее въ покоѣ. Дѣтей кажется у ней не было... Откуда же эта красавица? — Указывая по направленію Катишь пальцемъ, Батраковъ освѣдомился у Клеопатры Петровны.

— Это какая такая?

Клеопатра Петровна дала новый отпоръ на грубую форму вопроса.

— Спьясить не умѣешь... Воспитанница моя, Катишь.

— Что это у васъ за названіе,—забрюзжалъ Батраковъ,—Катишь какая-то... называли бы Катериной...

Тогда Клеопатра Петровна похвалилась разнообразіемъ изобрѣтаемыхъ у нихъ прозвищь. Катериной!.. нашелъ!.. У нихъ три Катерины было: предводительская, вице-губарнаторская и ея... Всѣ дружны, всѣ знакомы... Для отличія они и прозвали одну—Катошь, другую Каташь, и третью—Катишь... И смотря побѣдоносно на Батракова, похвалилась.

— Да: Катошь, Каташь и Катишь.

Эти петербургскіе важные чиновники думаютъ, что они одни умны!.. Клеопатра Петровна горделиво вздернула носикъ, смотря на пожимающаго плечами Батракова...

— Ну, познакомь меня, съ свой воспитанницей.

Тогда Клеопатра Петровна назвала Катишь, стоявшую поодаль.

— Катишь,—важно обратилась она къ ней, указывая на Батракова,—мой дьюгъ, генеай Батьяковъ, желаетъ съ тобой познакомиться.

И назвала Батракову Катишь.

— Катерина Александровна Кожухова.

Катерина Александровна едва замѣтно наклонила голову. Ея мраморный обликъ повидимому произвелъ нѣкоторое впечатлѣніе на нелюбящаго церемониться Батракова, взявшаго привычку почти всѣмъ молодымъ женщинамъ говорить „ты", постоянно розыгрывающаго изъ себя какого-то общаго всѣмъ руководителя и наставника... Въ отношеніи стоящей передъ нимъ Катишь онъ оставилъ усвоенные имъ обычаи.

— Очень пріятно познакомиться,—низко поклонился онъ,—я хорошъ съ вашей воспитательницей и надѣюсь заслужить расположеніе и съ вашей стороны.

Катерина Александровна еще разъ чуть-чуть наклонила голову, сохраняя прежнее молчаніе.

— Вы замужемъ?

Она подняла на Батракова свои дивные глаза, горящіе какимъ-то туманнымъ огнемъ и дала обычный, односложный отвѣтъ:

— Да.

Обыкновенно смѣлый, думающій о себѣ незаслуженно много, считавшій себя за выходящаго изъ ряда другихъ, Батраковъ почувствовалъ нѣкоторую неловкость бесѣдовать съ Катериной Александровной о томъ, о чемъ онъ бесѣдовалъ обыкновенно съ другими женщинами ея возраста. Катерина Александровна какъ то не подходила къ обычной болтовнѣ; казалось ему, съ ней мыслимо было говорить только о чемъ нибудь дѣльномъ, серьезномъ, даже возвышенномъ. Хотя на лицѣ нельзя было прочесть ни сочувствія, ни одобренія тому, что говорили ей другіе, но въ тоже время каждая линія ея благородной физіономіи дышала такой недоступностью, словно протестомъ противъ всякой пошлости. Если Батраковъ не отличался такимъ умомъ, какимъ онъ надѣлялъ самъ себя, тѣмъ не менѣе это былъ все таки, хотя и однообразный, съ значительной примѣсью чудачества, но тѣмъ не менѣе не глупый и довольно начитанный человѣкъ. Гордый тѣмъ, что изъ ничтожества достигъ довольно высокаго служебнаго положенія, Батраковъ облекъ себя въ мантію какого-то неприступнаго авторитета, поставилъ себя выше того, чѣмъ являлся на самомъ дѣлѣ. Всегда нѣсколько раздраженный, онъ былъ въ сущности добръ и великодушенъ, готовъ сдѣлать услугу, оказать содѣйствіе. Старый и одинокій человѣкъ, онъ привязывался къ кому либо всей душою, но отталкивалъ отъ себя многихъ своей напускною рѣзкостью, самохвальствомъ и чудачествомъ... Все это смолкло въ немъ теперь, когда онъ стоялъ передъ Катериной Александровной... Если бы онъ могъ разсказать ей, какъ въ бытность свою въ университетѣ его отличали профессора, какъ по уму и развитію онъ стоялъ выше всѣхъ своихъ товарищей, какъ успѣшно дѣлалъ свою служебную карьеру,—о, тогда бы онъ не затруднился бесѣдой... Что-то говорило ему, что она пожалуй прислушается только къ первымъ словамъ и станетъ невнимательна къ тому, что онъ будетъ ей продолжать разсказывать. Вдругъ его озарила мысль... Этотъ день у него обѣдало нѣсколько дамъ, съ которыми онъ не стѣсняясь, говорилъ по своему. Въ числѣ ихъ находилась пріѣхавшая изъ Тульской губерніи, подобно Клеопатрѣ Петровнѣ живущая почти постоянно въ дерев-

Общій видъ города Хіоса. Рис. Веберъ, грав. Гильдебрандтъ.

Доски Евангелія поднесеннаго Патріархомъ Кеворкомъ IV Государю Императору 19 февраля 1880 г. по поводу 25-лѣтняго юбилея.

Работа фабрики Сазикова. Съ фотогр. грав. Флюгель.

пѣ, Юлія Егоровна Кожухова, которую Батраковъ зналъ давно и называлъ Жюли... Этой Жюли было лѣтъ подъ пятьдесятъ, наружностью она обладала весьма некрасивою и постоянно вела вражду съ своимъ племянникомъ, сыномъ роднаго брата, тоже Кожуховымъ, которому по ея смерти должно было перейти все ея состояніе. Жюли пріѣхала передъ самымъ обѣдомъ и своимъ появленіемъ несказанно удивила Батракова. Послѣ первыхъ привѣтствій, познакомивъ ее съ собравшимися и усадивъ, Батраковъ освѣдомился о причинѣ, побудившей ее пріѣхать въ Петербургъ.

— Сюда зачѣмъ прикатила? Дѣла?

Она отвѣтила:

— Дѣла, Порфирій Павловичъ, дѣла... Хлопочу о постройкѣ монастыря въ нашемъ уѣздѣ... Такъ о разрѣшеніи...

— Хочешь въ монастырь, мой другъ?

Жюли даже привскочила на своемъ мѣстѣ.

— Сохрани меня Богъ; я знаю, что это за жизнь... Споры да ссоры...

Тогда Батраковъ понялъ истинную причину, заставляющую Жюли хлопотать объ основаніи монастыря и невинно спросилъ ее о племянникѣ, котораго никогда не видалъ:

— А какъ ты съ Кожуховымъ?

Жюли махнула рукою, какъ бы желая показать этимъ жестомъ, что стоитъ ли говорить и спрашивать о такомъ человѣкѣ.

— Не вижусь... Аферистъ! Въ немъ нѣтъ ни капли дворянской крови.

— Служитъ?

— Нѣтъ... Онъ постоянно занимается какими-то глупостями, химіей кажется.

Тогда онъ шутливо топнулъ на нее ногой:

— Что ты, что ты, мать моя!.. опомнись! какая же химія—глупость? Какъ ты говоришь?

Жюли сконфузилась и покраснѣла, какъ какая нибудь пансіонерка.

— Ахъ, Порфирій Павловичъ, я право не знаю... Племянникъ мой дѣйствительно занятъ вздорными вещами.

Батраковъ рѣшилъ:

— Не служитъ... и на время прекратилъ разговоръ.

За обѣдомъ онъ снова вернулся отъ нечего дѣлать къ расспросамъ Жюли объ ея племянникѣ, совершенно неожиданно спросивъ:

— Женатъ?

Она не поняла о комъ онъ спрашиваетъ.

— Кто?

— Кожуховъ-то твой...

И вотъ теперь, стоя передъ Катериной Александровной и не зная, что бы съ нею говорить, Батраковъ припомнилъ весь этотъ разговоръ съ Жюли и ея отвѣтъ на предложенный имъ вопросъ относительно того женатъ или нѣтъ Кожуховъ:

— Женатъ... онъ женился на воспитанницѣ моей сосѣдки по имѣнію—Гавриловой. Я ее не знаю. Племянничекъ разсчитывалъ взять за женой что нибудь, но эта Гаврилова, говорятъ, страшно скупа и онъ ошибся.

Оглядывая въ монокль залъ и увидѣвъ привезенную имъ съ собой Жюли, разговаривающую съ Перфиловой, Батраковъ сообразилъ, что Катерина Александровна никто иная, какъ жена племянника Жюли, о которомъ было столько разговоровъ въ этотъ день. Онъ не понималъ, какъ могъ не догадаться объ этомъ тотчасъ, какъ только Клеопатра Петровна назвала ему полнымъ именемъ Катерину Александровну. Сообразивъ все это, онъ обратился къ своей молчаливой собесѣдницѣ.

— Здѣсь тетка вашего мужа, Кожухова.. Я познакомлю васъ съ ней.

И крикнулъ Жюли. Шумя трэномъ своего коричневаго муароваго платья, на ходу одергивая наброшенную на плечи черную кружевную мантилью, высокая и некрасивая Жюли подбѣжала къ Батракову, въ которомъ она заискивала, думая при его помощи скорѣе кончить свое дѣло.

— Что вамъ угодно, Порфирій Петровичъ?

Не отвѣчая на вопросъ, Порфирій Павловичъ взялъ ее за плечо и повернулъ къ Катишь. Стоя передъ прелестною молодою женщиною, Жюли, не помышляя, чтобы это была жена ея племянника, будучи увѣрена, что Батраковъ хочетъ познакомить ее съ какой нибудь графиней или вообще важной дамой, состроила почтительную физіономію, приготовясь услышать громкое имя. Иначе и быть не могло: развѣ сталъ бы Батраковъ ее, старуху, представлять молодой, неважной особѣ... Вѣрно знатная.

— Позвольте вамъ представить, Катерина Александровна,—услышала Жюли,—Юлію Егоровну Кожухову... тетку вашего мужа.

Краска негодованія залила некрасивое лицо Жюли... Я не дѣвчонка... Онъ долженъ былъ подвести ее ко мнѣ, а не меня кричать черезъ весь залъ... Щуря глаза, Жюли процѣдила сквозь зубы:

— Очень пріятно...

Катерина Александровна не сказала даже и этихъ словъ, ограничась обычнымъ, чуть замѣтнымъ наклоненіемъ головы... Въ это время таперъ заигралъ польскій, двери отворились и изъ нихъ потянулось шествіе воспитанницъ госпожи Перфиловой, одѣтыхъ въ синія платья, бѣлые фартучки и пелерины.

Подъ звуки плавнаго польскаго, воспитанницы Перфиловой протянулись вдоль зала длинною лентой, составленною изъ паръ, при чемъ меньшія ростомъ шли впереди, весело поглядывая по сторонамъ, взрослыя сзади, сохраняя возможную скромность и потупляя глаза, когда равнялись съ начальницей и болѣе почетными изъ гостей. Дойдя до конца зала, эта синяя съ бѣлой каймою линія разбилась на два крыла, изъ которыхъ одно взяло вправо, другое влѣво и вьющейся вереницей оба обошли подъ тактъ музыки весь залъ. Проходя мимо Катерины Александровны, болѣе взрослыя пансіонерки, равно и нѣкоторыя изъ маленькихъ, боясь нарушить чинность танца, привѣтствовали ее улыбками и глазами. Многія отваживались шептать, сохраняя сосредоточенный видъ и не поворачивая къ ней головы, различныя привѣтствія, называя ее дѣвической фамиліей:

— Здраствуй, Савельева!

— Bonsoir, Катишь!

Ее видимо здѣсь любили и были рады видѣть, что казалось повліяло и на нее, смягчило холодность линій ея прелестнаго лица, вызвало въ немъ нѣкоторую теплоту и движеніе. Она дружески кивала головой въ отвѣтъ на многочисленныя привѣтствія.

Вдругъ танцующія сгруппировались въ одной части зала, звуки польскаго смѣнились какой-то звенящей мелодіей и двѣ красивѣйшія изъ пансіонерокъ, сестры Завалишины, обѣ розовыя, съ бѣлокурыми волосами, одна похожая на другую, въ желтыхъ платьяхъ, въ желтыхъ цвѣтахъ, причесанныя à la Chinoise, сѣменя маленькими ножками и звеня бубенчиками, появились въ залѣ. Громкое одобреніе встрѣтило сестеръ:

— Браво!.. C'est charmant!..

Одинъ Батраковъ протестовалъ громогласно:

— Да что мы въ балетѣ что-ли?.. Будь у меня дочь, ни за что бы не отдалъ сюда...

Клеопатра Петровна была иного мнѣнія на этотъ счетъ и сочла необходимымъ возразить Батракову:

— Мойчи!.. Знаешь ты тойкъ... А я Катишь именно затѣмъ и отдавая, чтобы танцамъ обучить, да она тупа на это. Музыкѣ выучиясь, а танцы не даисъ.

— И прекрасно.

Клеопатра Петровна послала гнѣвный взглядъ Батракову, мѣшавшему своими возраженіями предаться ей созерцанію ея любимѣйшаго изъ искусствъ.

— Не мѣшай... Мойчи...

И почтенная дама утонула въ созерцанiи пляски, исполняемой сестрами Завалишиными, которыя, какъ какiя нибудь красивыя куколки, какъ-то напоминающiя движимые пружиной механизмы, вертѣлись, звякая серебристыми колокольчиками, отбивали ножкой о ножку, потомъ, взявшись за талiи, кружились на одномъ мѣстѣ, запрыгали вверхъ и въ заключенiе стали, образуя группу: одна наклонилась такъ, что голова ея прикасалась къ головѣ другой—одна подняла и вытянула правую ножку, другая лѣвую.

— Браво!.. C'est charmant!..

Гости заговорили разомъ, выражая одобренiе госпожѣ Перфиловой. Въ группѣ пансiонерокъ послышались возгласы:

— Завалишина-сударь, опусти ногу!..

— Завалишина - сударыня, безъ ноги останешься... Опусти: не удивишь!..

Перфилова остановила этотъ порывъ строгимъ возгласомъ:

— Pas si haut, mesdames, pas si haut!

И разрѣшила Завалишинымъ опустить ножки.

— Cessez, mes enfants. Merci.

Тогда дѣвочки побѣжали къ группѣ подругъ, которымъ было разрѣшено оставить свои мѣста и разсѣяться по залу:

— Vous êtes libres, mes enfants... Повидайтесь съ вашими родными, гуляйте, танцуйте и дѣлайте все, что вамъ угодно.

Пансiонерки поблагодарили хоромъ:

— Merci, maman! и группы разсѣялись по залу, здороваясь съ родными, торопливо перебрасываясь словами съ знакомыми, получая отъ нихъ и засовывая въ свои неизмѣримыя карманы сласти и различные гостинцы.

Черезъ толпу гостей и пансiонерокъ пробирались двѣ дамы, только что прiѣхавшiя, волоча неизмѣримыя шлейфы своихъ юбокъ, кивая на право и на лѣво... Впереди шла пожилая, высокая дама, съ длиннымъ внушительной величины носомъ, одѣтая съ нѣсколько полинявшею роскошью; сзади ея—не отнимая отъ своихъ косоватыхъ глазокъ золотаго лорнета, слѣдовала молодая дѣвушка, довольно миловидная, причесанная и одѣтая по послѣдней модѣ. Дамы наткнулись на Батракова:

— Ah, cher Порфирiй Павловичъ!

Онъ сжималъ ихъ руки... Надолго-ли?.. Вѣроятно опять прiѣхали въ Петербургъ для Додо? и обращаясь къ молодой дѣвушкѣ, сдѣлалъ ей выговоръ:

— Раззоряешь мать... Выходила бы скорѣе, развязала бы руки-то матери... Которую ужь зиму сюда...

И пособолѣзновалъ матери, возящей Додо на зиму въ Петербургъ, разоряющейся на ея выѣзды, въ надеждѣ выгодной для дочери партiи:

— Однаго титула мало—графиня... надобно приложенiе... А впрочемъ, давай вамъ Богъ... Конечно: графиня Брумъ—это все таки кое-что значитъ.

Онѣ обѣ, графиня и ея дочь, стояли передъ нимъ смущенныя его откровенностью, боясь чтобы кто не услышалъ его словъ, съ любезными улыбками, стараясь поскорѣе отдѣлаться отъ непрошеннаго руководителя...

— Такая я быя гоячая на эти танцы,—похвалялась, стоя въ дверяхъ гостинной Клеопатра Петровна, опахиваясь огромнымъ вѣеромъ въ японскомъ вкусѣ,—такая гоячая... За эти танцы и супьюгъ мой тепеяшнiй меня взялъ.

Она лгала. Не могла Клеопатра Петровна, въ молодости толстая, шарообразная дѣвица, съ лицомъ на подобiе красной луны, съ косным языкомъ прельстить какой бы то ни было непритязательный вкусъ... Прельстили господина Гаврилова двѣсти тысячъ предназначенныхъ родителями въ приданое за ихъ дочкой. Перфилова, стоящая передъ Клеопатрой Петровной, интересовалась:

— А гдѣ вашъ мужъ, Клеопатра Петровна?

— Отдѣяясь, отдѣяясь дьюжокъ,—махнула Клеопатра Петровна рукой;—язъѣхаись, язъѣхаись... сьява Богу... Пьячу я ему содейжанiе въ годъ тьи тысячи шестьсотъ и не видимся дьюгъ съ дьюгомъ... Спокойнѣе...

— Милая Клеопатра Петровна, давно я васъ хотѣла спросить,—заговорила Перфилова, — вѣдь Катишь не родственница вамъ?

— Нѣтъ, дьюжокъ, нѣтъ... Подкидышъ?

— Подкидышъ!.. Вы воспитали ее?

— Да, дьюжокъ, да... Въ ту ночь подкинули, какъ я съ супьюгомъ язъѣхаясь... Думая—его шутки... Да потомъ говоии, что вонъ изъ ея имѣнiя мужикъ пьивезъ.

Клеопатра Петровна кивнула при этомъ на Жюли, разговаривающую съ Батраковымъ:

— Я съ ней не знаюсь... Цейкви укъяшаетъ, монастыи стъоитъ, да съ ёдными ссоится... Имѣнiе ее по сосѣдству съ моимъ. Супьюгъ мой бывай у нее.

Началось новое удовольствiе—музыкальное. Дѣвицы Мюллеръ и Бервуа, таланты пансiона, зачграли какой-то маршъ. Всѣ слушали.

При первыхъ раздавшихся аккордахъ входныя двери изъ передней отворились и на порогѣ появился новый гость, невысокiй, черноволосый мущина, не смотря на молодые годы, съ очень солидной полнотой и замѣтно образующимся брюшкомъ, быстрыми черными глазами, безъ усовъ и бороды. Новоприбывшiй, одѣтый въ приличную и необыкновенно аккуратно сдѣланную фрачную пару, остановился на нѣкоторое время въ дверяхъ, обѣжалъ быстрыми глазами залъ и усмотрѣвъ кого слѣдуетъ, быстрыми и неслышными шагами направился къ группѣ пожилыхъ дамъ, размѣстившихся у дверей гостинной.

Его усмотрѣла Катерина Александровна. Казалось, холодный блескъ ея прелестныхъ глазъ утратилъ часть своей силы, щеки какъ бы слегка поблѣднѣли, и губы невольно прошептали чуть слышно:

— Мой мужъ!

(До слѣд. №).

Эмиграцiя въ Америку.

Очеркъ **Н. Б—ва**

Не смотря на горькiй опытъ многихъ, не смотря на безмѣрныя трудности вступленiя въ новую жизнь—эмиграцiя въ Америку не уменьшается. Стѣсненные крайнимъ недостаткомъ земли и невозможностью жизни въ Европѣ, тысячами ѣдутъ люди изъ всевозможныхъ портовъ на „эмигрантскихъ“ пароходахъ. Движенiе это все усиливается.

Въ продолженiи прошедшаго апрѣля мѣсяца въ одной нью-iоркской гавани высадилось 49,413 пассажировъ, въ числѣ которыхъ 46, 821 переселенецъ, между тѣмъ какъ въ томъ же мѣсяцѣ въ 1879 году было 14, 394 пассажира, изъ которыхъ 11.601 переселенцевъ. Въ теченiе года, считая по 30-е апрѣля 1880 г. въ этой гавани высадилось всего 236,701 человѣкъ, въ числѣ коихъ 198.876 переселенецъ, а въ тотъ же перiодъ времени 1878 — 1879 года было высажено 128,892 пассажира, изъ коихъ 77,905 переселенцевъ.

Европейская эмиграцiя въ особенности изъ Ирландiи и Германiи принимаетъ въ нынѣшнемъ году размѣры переселенiя народовъ. Самыя большiя эмиграцiи происходили въ 1854 г.—319,000 человѣкъ, затѣмъ въ 1872—294,000 челов. и въ 1873—266.000 чел. Со времени финансоваго кризиса, посѣтившаго съ 1873 г. поочередно всѣ государства мiра, эмиграцiя уменьшилась, но какъ только кризисъ кончился въ Америкѣ и послѣдовали лучшiе урожаи и оживленiе дѣлъ, эмиграцiя стала опять усиливаться и достигла въ 1879 г. снова цифры 150,000 чел. Урожайные годы, наступившiе для Америки и позволившiе ей снабдить жизненными припасами европейскiя государства, пострадавшiя отъ дурнаго урожая и въ то время оживленiе промышленности Америки могутъ довести эмиграцiю въ нынѣшнемъ году до цифры отъ 300,000 до 400,000. Въ Германiи работникъ и мелкiй ремесленникъ и вообще всѣ пролетарiи имѣютъ мало

надежды обезпечить себѣ и семейству прочную осѣдлость и спокойную будущность. Тутъ то и является спекуляція, которая съ цѣлью наживы, не смотря на переполненіе Америки дешевыми китайскими рабочими и проч. въ своихъ цѣляхъ, продолжаетъ рисовать радужныя картины въ своихъ воззваніяхъ къ эмигрантамъ.

„Не говоря уже объ обширныхъ пространствахъ хлѣбородной земли, находящихся въ распоряженіи переселенцевъ, говорятъ они—на рабочемъ рынкѣ Америки представляется такой спросъ, какого нѣтъ ни въ одной изъ другихъ странъ. Спросъ на земледѣльцевъ, ремесленниковъ, фабричныхъ рабочихъ, слугъ и т. д. такъ великъ во всѣхъ Штатахъ, что не покрывается контингентомъ эмиграціи. Заработная плата несравненно выше европейской, между тѣмъ какъ всѣ жизненные припасы дешевые(!) Служанка получаетъ въ мѣсяцъ на всемъ содержаніи еще отъ 8 до 10 долларовъ жалованья. Чернорабочему платится 1 долларъ въ день кромѣ пищи; механику, смотря по отрасли труда и знанію, платятъ отъ 1½ до 4 долларовъ въ день. Америка, съ своими непочатыми естественными богатствами, по преимуществу страна прибыльнаго труда для всѣхъ классовъ. Богатая и плодоносная почва, рыбныя ловли въ рѣкахъ и озерахъ, лѣса изобилующіе дичью, рудники: золота, серебра, свинца, мѣди и каменнаго угля, обширныя пространства, пути сообщенія, развивающія промышленность и вполнѣ установившаяся торговля Америки, все это вмѣстѣ доставляетъ широкое поле трудолюбію для прибыльной работы.“

Эти громкія зазыванія, характеръ которыхъ очевиденъ и которыя появляются въ газетахъ и афишахъ, производятъ однако свое дѣйствіе, такъ какъ въ Германіи, Ирландіи и Италіи, бѣдность, голодъ и нужда усиливаются и тысячи ѣдутъ за море, въ убѣжденіи, что въ Америкѣ каждый приходящій находитъ землю и трудъ и свободную арену для развитія самой разнообразной дѣятельности и эти надежды поддерживаются тѣмъ, что нѣкоторые и дѣйствительно устроиваются.

Тамъ,—за дальнимъ, синимъ океаномъ, лежитъ чудесный Новый Свѣтъ, гдѣ каждаго европейскаго безпріютнаго бѣдняка ждутъ милліоны! Стоитъ только ему переплыть море и ступить на гостепріимный берегъ и — забыты всѣ невзгоды и всякія заботы: золото само посыплется въ карманы его обносившагося платья! Такъ думаютъ тысячи, десятки тысячъ обитателей Европы, которымъ или дѣйствительно очень не повезло на родинѣ, или же которымъ надо бо́льшаго, чѣмъ они имѣютъ. Конечно, этимъ не исчерпываются всѣ поводы эмиграціи въ Новый Свѣтъ, (потому что эмиграція является часто актомъ отчаянія) но это—двѣ главныя общія причины, составляющія, такъ сказать, фонъ, основаніе и другихъ побужденій, болѣе частнаго, случайнаго характера. Ирландцы, напримѣръ, переселяющіеся преимущественно, въ Соединенные Штаты, мѣняютъ отечество на Америку вслѣдствіе нетолько экономическихъ порядковъ своей страны, но и по политическимъ причинамъ, породившимъ „феніанизмъ“, наши менониты уходили въ Бразилію отъ воинской повинности, отъ которой бѣжитъ въ Америку не мало народа и изъ Германіи, и т. д.

Мы не будемъ говорить о тѣхъ разочарованіяхъ, съ которыми приходится знакомиться переселенцамъ—объ этомъ было уже писано не разъ и весьма подробно. Скажемъ здѣсь только, что,—не всѣхъ постигла неудача. Само собой понимается, что для насъ ближе всего интересы и судьба нашихъ соотечественниковъ, забрасываемыхъ волею рока въ тѣ далекіе края. Въ то время, какъ эмигранты всѣхъ другихъ странъ сплачиваются на чужой землѣ въ дружную семью, готовую помочь „своему“, русскіе переселенцы—интеллигентныхъ классовъ—и туда переносятъ ту внутреннюю рознь, столь печально характеризующую нашу русскую жизнь. Всѣмъ извѣстны безобразныя, ненормальныя отношенія, существующія между русскими въ Америкѣ и дѣлающія ихъ едва ли не посмѣшищемъ всѣхъ Но о нихъ и хотимъ мы сказать два слова нашимъ читателямъ. Съ нѣкотораго времени въ нашей повременной печати появилось немало записокъ русскихъ людей, тоже пробовавшихъ искать счастія въ странѣ „молочныхъ рѣкъ и медовыхъ береговъ“ и не нашедшихъ его, а за то подѣлившихся съ публикой своимъ горькимъ опытомъ. Изъ записокъ одного такого искателя, сумѣвшаго весьма живо и интересно передать все извѣданное имъ во время своего пребыванія въ Америкѣ, мы, сколько помнится, впервые узнали о совершенно своеобразномъ родѣ русскихъ, только не интеллигентныхъ, эмигрантовъ. Вообразите, читатель, что эмигранты эти ни болѣе, ни менѣе, какъ бѣглые каторжники и, крестьяне, ссыльные, бѣжавшіе изъ Сибири. Они-то и нашли удачу. Съ неимовѣрными усиліями пробравшись по Сибирскимъ дебрямъ, мимо охотящихся на нихъ якутовъ и избѣгнувъ всякія другія преграды, они явились въ Америку и, „не мудрствуя лукаво“ взялись за родное дѣло—земледѣліе. Устроили, подобно американскимъ піонерамъ, фермы на окраинахъ степей, свободныхъ индійскихъ племенъ. Въ своихъ отношеніяхъ съ этими послѣдними они обнаружили замѣчательный тактъ. Отнюдь не подражая возмутительному образу дѣйствій свободныхъ гражданъ свободной республики съ индійцами, бѣглые русскіе переселенцы сладились, даже сдружились съ несчастливцами, съ которыми поступаютъ честно, человѣчно, но и, вмѣстѣ съ тѣмъ, —твердо. Краснокожіе знаютъ, что русскіе ихъ не обидятъ, не дадутъ въ обиду тоже себя. У автора разсказанъ, между прочимъ такого рода случай: одна изъ далеко выдвинутыхъ въ степь русскихъ фермъ имѣла постоянныя сношенія съ сосѣднимъ индійскимъ племенемъ. Дружба была большая. Но какъ-то разъ дикимъ сынамъ пустыни пришла фантазія пограбить. Взяли и, въ отсутствіе мужскаго населенія фермы, пограбили тамъ что было можно. Хозяинъ фермы—человѣкъ уже пожилой, бывалый (старый бѣглый каторжникъ или что-то въ родѣ того), энергичный и умный, затаилъ на время гнѣвъ, не подалъ вида неудовольствія. Какъ ни хитры наивные дѣти природы, но поддались на его уловку и, понемногу, перестали быть на сторожѣ и даже возобновили прежнія отношенія съ русскими. Этого только и ждалъ хозяинъ. Однажды узнавъ, что индійцы отправились куда-то на охоту, хозяинъ фермы собралъ своихъ, нагрянулъ на селеніе краснокожихъ обидчиковъ, захватилъ ихъ женъ и дѣтей и, возвратившись домой, приготовился къ оборонѣ. Индійцы, понявъ съ кѣмъ имѣютъ дѣло, возвратили награбленное съ лихвой и, проникнувшись еще большимъ уваженіемъ къ сосѣдямъ, никогда уже не трогали ихъ.

Выше мы упомянули о томъ, съ какимъ трудомъ добирались до Америки наши „бѣглые переселенцы“. Немногимъ лучше тотъ страдный путь, который ежегодно приходится совершать европейскимъ эмигрантамъ въ Новый Свѣтъ, подъ „благодѣтельной“ эгидой различныхъ „эмиграціонныхъ компаній“, являющихся, въ дѣйствительности, мошенническими учрежденіями, безжалостно эксплоатирующими бѣдняковъ-переселенцевъ.

Яркими красками изображаетъ одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ положеніе переселенцевъ попавшихъ въ когти этихъ компаній.

Начинается, конечно, съ зазываній. Вотъ напримѣръ, въ Марселѣ, чуть не на каждомъ шагу, рѣзко бросаются въ глаза ярко-красныя, желтыя и пестрыя, грандіозныя по объему, объявленія, въ которыхъ громадными буквами, различныя компаніи приглашаютъ ѣхать въ Новый Свѣтъ въ сѣверную и южную Америку, въ Австралію. Въ нихъ обѣщается скорое обогащеніе, хорошая заработная плата, даровая земля и т. д. Предъ этими объявленіями стоитъ, обыкновенно по праздникамъ, толпа перебивающагося кое-какъ трудомъ люда, люда по большей части измученнаго работой, доставляющей ему ничтожное вознагражденіе. Понятны тѣ надежды, что шевелятся у него на душѣ при чтеніи заманчивыхъ объявленій. Почва подготовлена. А тутъ въ толпѣ появляется прилично одѣтый джентльменъ, съ еврейскимъ типомъ лица и ухватками „комми“, который сначала громко и усерднѣе всѣхъ читаетъ объявленіе, затѣмъ предостерегаетъ отъ мошенничествъ въ конторахъ эмиграціи, предупреждаетъ, что въ объявленіяхъ нарочно не назначены цѣны за проѣздъ, чтобы обдувать эмигрантовъ; въ заключеніе расхваливаетъ какую либо изъ конторъ, называя ее единственно честной и, наконецъ, раздастъ своимъ слушателямъ печатные адресы этой конторы, „случайно очутившіяся у него въ карманѣ“. Черезъ четверть часа этотъ джентльменъ проповѣдуетъ то же самое другой кучкѣ. Это агенты эмиграціонныхъ компаній.

Есть, впрочемъ, объявленія, около которыхъ проповѣдь этихъ господъ видоизмѣняется. Рядомъ съ афишами компаній развѣшаны заявленія Бразильскаго, Аргентинскаго, Урагвайскаго правительствъ. Первое предлагаетъ мѣсто на пароходѣ отъ Марселя до Ріо-Жанейро, съ пропитаніемъ, за 70 франковъ холостому и за 30 франковъ—семейному, Аргентинская республика зазываетъ ѣхать въ Буэносъ-Айресъ даромъ, обѣщая работу всѣмъ и каждому, Урагвай—тоже предлагаетъ даровой проѣздъ. Тутъ агенты эмиграціонныхъ компаній стращаютъ темный колеблющійся людъ желтыми лихорадками, краснокожими, хищными звѣрями, пустынями. Вотъ, эмигранты—въ конторѣ одной изъ благодѣтельныхъ компаній. Нашъ соотечественникъ послѣдовалъ туда съ другими переселенцами. Ихъ встрѣчаетъ сладкая, заискивающая улыбка еврейскаго лица другого агента.

Онъ одобряетъ прибывшихъ. По его мнѣнію, они дѣлаютъ умно, покидая дряхлѣющую Европу, ихъ ожидаетъ счастье за океаномъ. Затѣмъ онъ спросилъ кто куда ѣдетъ. Оказалось, что всѣ стремились въ Соединенные Штаты.

— Я выдамъ вамъ билеты прямо отъ Марселя. Вамъ не о чемъ будетъ безпокоиться; васъ посадятъ здѣсь на желѣзную дорогу до Гавра, чрезъ Парижъ, въ Гаврѣ вы сядете на превосходный пароходъ и, съ Богомъ,—прямо въ Нью-Іоркъ. Сегодня у насъ 2-е число — 16-го утромъ вы будете уже въ Нью-Іоркѣ. До Нью-Іорка, отъ Гавра съ желѣзной дорогой и прокормленіемъ, всего стоитъ 203 франка, прибавляетъ онъ, радостно глядя на эмигрантовъ.

Человѣкъ пять молча, съ грустными лицами, повернули къ дверямъ.

— Постойте, куда вы? остановилъ ихъ агентъ. Погодите, сядьте тутъ. Я съ вами потолкую послѣ.

Трое остальныхъ вынули деньги, отвѣтили на вопросъ о профессіи, лѣтахъ и семействѣ, взяли синенькія квитанціи, расписались, кто какъ умѣлъ въ книгѣ о точномъ выполненіи эмиграціонныхъ условій, получивъ приказаніе явиться на другой день съ багажемъ на станцію желѣзной дороги, гдѣ будутъ выданы настоящіе билеты.

Передъ купаньемъ. Картина Вѣле. грав. Пааръ.

Цѣна 203 франка, которую агентъ только что взялъ съ тѣхъ, кто могъ ее внести,—отнюдь не является чѣмъ либо постояннымъ, солиднымъ, соотвѣтствующимъ расходамъ, затрачиваемымъ благотворительными учрежденіями этими на перевозку эмигрантовъ. Она и понижается. Словомъ, съ бѣдняка — берется все, лишь бы онъ далъ обобрать себя и доставилъ, своей лептой, доходъ компаніи. Такъ — съ другихъ, которые хотѣли уйдти, агентъ „на свой рискъ" взялъ за переѣздъ по 175 франковъ, съ третьихъ—по 145 франковъ, по 140 и, наконецъ, по 85 франковъ. За то иные, понаивнѣе и, вѣроятно, съ болѣе тугимъ кошелькомъ заплатили уже не 203, а по 250 франковъ.

Иного рода пріемъ ожидаетъ эмигранта въ вербовочной конторѣ какого нибудь Южно-Американскаго правительства.

Одному переселенцу захотѣлось попытать Южную Америку, продолжаетъ разсказчикъ, и онъ пригласилъ меня. Зашли къ аргентинскому консулу. Намъ велѣли ждать. Ждемъ часъ, два—собралось насъ человѣкъ 20; наконецъ провели въ пустую комнату и велѣли выстроиться вдоль стѣны. Выходитъ старичекъ и, не раскланиваясь ни съ кѣмъ, брюзгливо начинаетъ распрашивать:

— Куда хотите?

— Въ Буэносъ-Айресъ.

— Подождите тамъ, говоритъ онъ указывая на другую стѣну.

— Куда хочешь?

— Въ Буэносъ-Айресъ.

— Не годишься, ты не здоровъ на видъ.

— Но...

— Ступай вонъ.

Забраковавъ изъ 20 человѣкъ девятерыхъ, старичекъ усѣлся на окно. Ему подали чернильницу и листъ бумаги и онъ сталъ пальцемъ подзывать къ себѣ по одному.

— Какой профессіи?

— Фермеръ, земледѣлецъ.

— Покажи руки. Отчего нѣтъ мозолей? Лѣнтяй, вѣроятно. Такихъ не надо. Убирайся.

— Какой профессіи?

— Механикъ.

— Нѣтъ, не надо. Можешь ѣхать на свой счетъ и т. д.

Послѣ такой переборки осталось только шесть человѣкъ. Перекликнувъ по фамиліямъ, онъ предложилъ внести по 30-ти франковъ.

— За что же? въ объявленіи сказано, что перевезутъ даромъ.

— А развѣ не даромъ? Развѣ за 30 франковъ можно купить билетъ на пароходѣ и кормить васъ 20 дней? Эти 30 франковъ расходы по комисіи.

Согласившіеся заплатить эти 30 франковъ получили приказаніе завтра же явиться на пароходъ, прямо шедшій изъ Марселя въ Буэносъ-Айресъ.

Въ бразильскомъ консульствѣ, куда отправился нашъ соотечественникъ и одинъ италіянецъ, забракованные Аргентинской республикой, италіянцевъ не принимали за лѣность, а русскихъ оттого, что приходилось безпокоить нашего посланника —изъ-за одного же переселенца не стоило. Пришлось воспользоваться услугами эмиграціонной компаніи. Всюду одно и тоже: тѣже еврейскія лица, та же система надувательства и запрашиванья, самаго безсовѣстнаго мошенничества. Наконецъ—начался скорбный путь.

Разсаженные въ вагоны 3-го класса, эмигранты прибыли, на другой день вечеромъ, на станцію Южной дороги Парижа. По своимъ билетамъ, они должны были найдти комиссара эмиграціи, обязаннаго доставить ихъ, съ багажемъ, даромъ до станціи Св. Лазаря, дороги, ведущей изъ Парижа въ Гавръ. Но и тутъ не безъ мошенничества. Поѣздъ въ Гавръ шелъ въ 11 часовъ вечера. Комисаръ нарочно не являлся, заставивъ прибывшихъ прождать $1^1/_2$ часа и опоздать на поѣздъ. Оказалось, что онъ въ стачкѣ съ сосѣдними гостинницами, портье которыхъ тутъ же ждали и приглашали наперерывъ другъ передъ другомъ эмигрантовъ провести ночь у нихъ до утренняго поѣзда. Эмигранты однако не потерялись. Съ отчаянія они отправились къ начальнику станціи Св. Лазаря и онъ далъ имъ особый поѣздъ. Утромъ въ 8 часовъ они уже были въ Гаврѣ. Здѣсь опять оказалось, что комисаръ эмиграціи въ стачкѣ съ мѣстными гостинницами и, бѣднякамъ-переселенцамъ пришлось подчиниться и въ продолженіи двухъ съ половиною дней тратить свои гроши въ гаврскихъ отеляхъ, дравшихъ съ нихъ въ три дорога. Это—обычный лѣтній доходъ гаврскихъ отелей, доставляемый имъ услужливыми агентами компаній.

На третій день, какой-то оборванный еврейчикъ созвалъ эмигрантовъ къ комисару, въ контору пароходства Wood & C., предостерегая, что пароходъ отправляется въ 9 часовъ утра и что опоздавшіе потеряютъ право ѣхать и получать деньги обратно. По командѣ еврейчика, одинъ за другимъ входятъ переселенцы къ комисару—за конторкой сидитъ цивилизованный еврей. Подаю ему билетъ, говоритъ разсказчикъ.

— Дайте 20 франковъ?

— Зачѣмъ?

— 12 франковъ за 12 бутылокъ вина и 8 за матрацъ, подушку, одѣяло и посуду.

— Я самъ куплю.

— Этаго нельзя—у насъ правило. Давайте скорѣе 20 франковъ.

— Не дамъ.

Еврей звѣремъ взглянулъ на смѣлаго эмигранта и выдалъ билеты на пароходъ.

Подвергшись всевозможнымъ поборамъ открыто-нахальнымъ или замаскированнымъ, бѣдняки, наконецъ, попадаютъ въ Гаврѣ на пароходъ и кое-какъ помѣщаются въ свою каюту. Какова она – мы сейчасъ увидимъ.

„Сошли внизъ, читаемъ дальше. Каюта безъ оконъ, въ длину всей стѣны въ три яруса расположены нары. Оказалось очень тѣсно, а безъ матраца просто невозможно лежать—такъ неровны и грязны были доски наръ. Коридоръ былъ посыпанъ опилками, которые приставали къ нашимъ подошвамъ и сыпались чрезъ дыры наръ, сверху, на лежавшихъ внизу. Всего эмигрантамъ было предоставлено двѣ такихъ каюты, каждая, приблизительно, шириною въ 3 сажени, длиною въ 11 саженъ и вышиной въ 4 аршина. На этомъ пространствѣ помѣщалось 200 человѣкъ, а вентиляцію составлялъ только люкъ, чрезъ который спускалась къ намъ подставная лѣстница. Эмигранты ничего не ѣли съ 5-ти часовъ утра. Но на пароходѣ имъ въ этотъ день обѣда не дали, такъ какъ по росписанію, онъ приходился въ 1 часъ дня, они же прибыли (и вовсе не по своей винѣ) позже часа! Въ 5 часовъ вечера имъ подали „чай и сухари". Само собою понимается, что вмѣсто китайскаго напитка имъ дали какую-то бурду, а вмѣсто сухарей—куски въ 1 фунтъ черстваго хлѣба втораго сорта. Обѣдъ же, который имъ „сервировали" на другой день, бѣдняки оставили нетронутымъ; то было что-то въ родѣ супа, въ простомъ ведрѣ, и по куску вареной говядины, совершенно разложившейся и издававшей невыносимый, смрадный запахъ..."

Пароходъ шелъ дальше. Къ вечеру сильное волненіе. Въ каютѣ, безъ вентиляціи, гдѣ на узкомъ и низкомъ мѣстѣ находилось болѣе 200 человѣкъ, заболѣло морскою болѣзнію болѣе 150 изъ нихъ. Все это лилось ручьями по нарамъ, чрезъ нары сверху внизъ, въ корридоръ. Оханья, вздохи, кашель, крики слились въ одинъ общій гулъ. Запахъ сдѣлался нестерпимъ. Нѣсколько эмигрантовъ, какъ безумные, бросились на палубу, предпочитая терпѣть тамъ ледяную стужу, окатываніе волнами, брызги которыхъ летѣли черезъ бортъ. По приказанію капитана, ихъ силою стащили внизъ и, къ довершенію ужаса, заперли люкъ, т. е. единственный вентиляторъ. Однако коекакъ имъ удалось выбиться на палубу и, пользуясь темнотою ночи, купить себѣ у матросовъ позволенія спать за толстыми кучами канатовъ.

Въ Ливерпулѣ переселенцы „отдохнули" въ „гостинницѣ для эмигрантовъ", состоявшей изъ спальни, низенькой, безъ оконъ, темной и грязной, и изъ столовой, еле освѣщавшейся маленькими окнами, помѣщавшимися у самаго потолка. Чрезъ нѣсколько дней опять пароходъ, опять тѣ же каюты и тѣ же невзгоды...

Что касается до выступленія на американскій берегъ, гдѣ пріѣзжихъ встрѣчаютъ всевозможные виды самой наглой, эксплуатаціи и обмана, до этихъ мошенническихъ конторъ, рекомендующихъ мѣста, то это уже одно можетъ составить предметъ обширнаго и любопытнаго очерка, что не входитъ въ нашу настоящую задачу. Часто, очень часто, люди получаютъ положеніе далеко низшее того, которымъ пользовались на родинѣ, если еще не дойдутъ до полной безвыходной нищеты, которая въ этой упорно-дѣловой, лихорадочно-торопящейся жизни, еще отчаяннѣе и ужаснѣе бываетъ чѣмъ въ Европѣ. Также любопытно прослѣдить судьбу и тѣхъ, кто тамъ устроивается и какъ нибудь мы позволимъ себѣ заняться этимъ, въ виду вновь усиливающейся эмиграціи изъ Европы.

Роковой ударъ.

Разсказъ.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ одинъ талантливый шведскій художникъ, молодой человѣкъ, лѣтъ тридцати, возбудилъ не мало толковъ въ вѣчномъ Римѣ. Его картины обращали на себя всеобщее вниманіе и въ обществѣ, и въ печати, и покупались любителями искусства за хорошія цѣны. Картины этаго художника появлялись черезъ каждые шесть, семь мѣсяцевъ, такъ какъ онъ никакъ не умѣлъ приняться за работу прежде чѣмъ не размѣняетъ свой послѣдній червонецъ. Но какъ только у него не оставалось ни одного скудо въ карманѣ, онъ тотчасъ запирался въ своей мастерской на двѣ, на три недѣли, не принималъ никого, даже друзей, даже для короткихъ дѣловыхъ разговоровъ. Въ дни его „затворничества" художественный кругъ Рима всегда ждалъ, чѣмъ-то теперь подаритъ публику артистъ и каково будетъ новое проявленіе его

прекраснаго таланта. Припоминали его слова и планы за послѣдніе дни передъ затворничествомъ, чтобы хоть догадаться. Но, по обыкновенію, ни одна изъ догадокъ не оправдывалась, когда наступалъ ожидаемый день, и художникъ, снявъ съ мольберта свой новый шедевръ, выставлялъ его на судъ любителей. Всякій разъ взорамъ публики открывалось нѣчто неожиданное, совершенно оригинальное. Картина, безъ всякихъ предварительныхъ рекламъ, — въ нихъ не нуждался художникъ — выставлялась въ окнѣ магазина художественныхъ произведеній — и дѣлу конецъ! Передъ окномъ - тѣснилось избранное общество, созерцая новый перлъ искусства. Это вниманіе и удивленіе были наградой художнику за его работу. Самъ же онъ сидѣлъ въ это время дома, совершенно спокойно. Рѣдко приходилось ему ждать болѣе двухъ, трехъ дней, картина исчезала съ окна а веселаго художника, какъ бы вновь воскресшаго къ жизни, можно было встрѣтить затѣмъ рѣшительно вездѣ: на гуляньяхъ, въ остеріяхъ, въ ресторанахъ, въ салонахъ высшаго общества Рима. Выйдя изъ своего добровольнаго заточенія, онъ вносилъ въ жизнь какое-то истинное удальство и веселье. Онъ молодъ, карманы полны золота, слава его гремитъ—и онъ былъ счастливъ, счастливъ въ истинномъ значеніи этаго слова, а когда художникъ счастливъ, онъ кажется всегда въ десять разъ счастливѣе, чѣмъ обыкновенные смертные въ томъ же положеніи. Спустя недѣлю послѣ продажи картины, Р.—это инициалъ фамиліи художника—каждый разъ давалъ большой, шумный праздникъ. Все мало мальски извѣстное въ области искусства приглашалось на торжество, продолжавшееся всегда не менѣе трехъ дней. Друзья и товарищи Р., озабочиваясь иногда его будущимъ, уговаривали его подумать какъ обезпечить себя на черный день.

— Теперь тебѣ легко это сдѣлать, говорили они, откладывай понемногу отъ каждой продажи, можетъ вѣдь придти день, когда ты испишешься, кончишь карьеру.

Но дружескіе совѣты были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

— Откладывать? Какая низость! Это дѣло торгашей! Пожалуй, я согласенъ, не худо копить, коли слава не болѣе, какъ недоразумѣніе, которое всегда рано или поздно обнаружится; но пока я могу держать въ рукѣ кисть, пока есть у меня глаза различать краски—никто не укоритъ меня въ скопидомствѣ.

— А если ты вдругъ сломаешь, напримѣръ, руку, что будешь дѣлать тогда?

— Ну тогда буду держать кисть въ зубахъ.

— Хорошо. А вдругъ тебя въ одинъ прекрасный день покинетъ твой талантъ, тогда что?

— Ха, ха, ха! Тогда стану писать художественныя критики и все таки обезпечу себя. Многіе артисты такъ дѣлали и, повѣрь, жили не хуже насъ грѣшныхъ...

Снова уединялся нашъ художникъ. Ужъ прошло четыре недѣли его затворничества, а картины все нѣтъ какъ нѣтъ. Наконецъ картина появилась. „Какъ это хорошо!“ заговорили всѣ.

Это была сцена въ лѣсу; на заднемъ планѣ густая масса деревьевъ; сквозь вѣтви развѣсистаго дуба падаютъ лучи заходящаго солнца, и слабо освѣщаютъ поразительную группу трехъ людей—путешественника съ дочерью и бандита; путешественникъ сраженъ ударомъ ножа и распростертъ на землѣ въ предсмертной агоніи; дочь его, ожидая такой же участи, готова броситься на трупъ отца и умереть вмѣстѣ съ нимъ; но разбойникъ, пораженный красотой молодой дѣвушки, падаетъ передъ ней на колѣни, и съ выраженіемъ глубокой страсти и мольбы протягиваетъ къ ней руки съ окровавленнымъ кинжаломъ, какъ бы моля ее отомстить ему за смерть отца и убить его самаго, но она не замѣчаетъ этого—взглядъ ея, полный невыразимой муки, покоится на умирающемъ. Утромъ картина выставлена, а въ полдень художнику доложили, что какая-то молодая дама желаетъ переговорить съ нимъ по поводу его новой картины. Р. быстро вскочилъ съ дивана и приготовился принять незнакомку.

Дверь растворилась и она вошла, прекрасная какъ ангелъ, до того прекрасная, что Р., сердце котораго еще ни одна женщина не съумѣла тронуть, невольно сказалъ: „Боже мой, можетъ ли быть женщина лучше!“ и былъ такъ ослѣпленъ и озадаченъ ея красотой, что забылъ даже отвѣтить на ея поклонъ. Черные, блестящіе какъ смоль, волосы мягкой волной, чудными кудрями ниспадали внизъ по бѣлоснѣжнымъ плечамъ и дивно оттѣняли ея прелестное личико. Ея глаза, чудные, спокойно-торжественные глаза, искрились какъ два огромныхъ брилліанта. Женщина была тоже взволнована пламенными взорами и восхищеніемъ художника. Она много объ немъ слышала, но видѣла его впервые. Онъ не былъ красавцемъ, но оригинальный, загадочный характеръ, глубокіе огневые глаза и привлекательныя манеры могли нравиться каждой женщинѣ.

— Я видѣла вашу картину, сказала смущенно красавица, она поразила меня и наполнила душу мою самыми тяжелыми воспоминаніями. Отчего взяли вы именно этотъ сюжетъ для вашего произведенія?

— Картина эта—просто плодъ моей фантазіи.

— Не можетъ быть! Знаете ли это было, это ужасное дѣло было!

— Можетъ быть. Конечно, могла и случиться такая исторія. Дѣйствительность—безграничное море, фантазія художника только закидываетъ въ это море свои сѣти. Поэтъ, наблюдая жизнь и ея явленія, создаетъ изъ видѣннаго и испытаннаго новые, небывшіе факты, характеры, мѣстности—также и художникъ. Разсказами же о разбойникахъ развлекали меня еще съ дѣтства. А разъ пришлось мнѣ быть свидѣтелемъ, какъ самый отъявленный извергъ внезапно озарился лучемъ высокаго порыва,—вовсе не трудно было мнѣ создать эту группу.

— Ваша фантазія—волшебница! Знаете ли что ужасная сцена, которую вы теперь увѣковѣчили, была дѣйствительно нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Абруццахъ; тамъ именно погибъ мой отецъ.

— Какое странное совпаденіе!

— Мѣстность даже была совершенно такая же, какъ на вашей картинѣ, съ такимъ же именно выраженіемъ лица лежалъ мой бѣдный отецъ, когда негодяй, злодѣй протянулъ мнѣ окровавленный ножъ и все это—плодъ фантазіи? Вы замѣчательный художникъ.

— Удивительная игра случая!

Послѣднія слова Р. сказалъ тихо, такъ что незнакомка не могла ихъ разслышать.

— Я хочу купить вашу картину; цѣна безразлична, назначайте сами.

— Теперь, подумалъ художникъ, я не могу дѣйствовать какъ всегда. Я не могу продать вамъ этой картины, произнесъ онъ вслухъ.

— О, требуйте сколько угодно, 50, 80, 100 тысячъ лиръ, я заплачу болѣе другихъ, я отдамъ вамъ все свое состояніе, но я должна пріобрѣсти эту картину.

— Я все же остаюсь при своемъ. Но, если хотите непремѣнно, мы заключимъ съ вами условіе; если вы его выполните—картина будетъ ваша. Вы должны будете мнѣ оказать одну услугу. Согласны вы на это?

— Если только это что нибудь возможное—согласна!

— Разумѣется возможное. Ваша красота—чисто классическая. Позволите-ли мнѣ написать васъ въ видѣ Лукреціи?

— Съ удовольствіемъ!

— Значитъ, торгъ заключенъ: я пишу васъ въ своей картинѣ въ видѣ Лукреціи, а эта картина ваша.

— И только этимъ путемъ я могу пріобрѣсти ее?

— Только этимъ.

— Хорошо. Завтра я буду къ вашимъ услугамъ въ качествѣ модели.

— Браво, браво! Не спрашиваю вашего имени, позвольте называть васъ Лукреціей. И такъ, прошу васъ, будьте столь любезны, явиться завтра въ мою мастерскую, часовъ въ 11 утра и такъ являться въ теченіи 8 дней. Вы ничего не имѣете противъ этаго, Лукреція?

— Ничего.

— Если желаете, можете приказать перенести къ себѣ мою картину сейчасъ же.

Въ тотъ же день произведеніе высокодаровитаго художника исчезло съ окна магазина, а самъ авторъ сдѣлался невидимъ къ крайнему недоумѣнію знакомыхъ. Напрасно они искали его всюду, напрасно спѣшили навѣстить его, справиться о его здоровьи.

— Эччеленца здоровъ, отвѣчалъ неизмѣнно слуга - итальянецъ, только видѣть его нельзя, онъ такъ занятъ, не велѣлъ никого принимать!

Прошло и 8 дней, а Р. все еще не появлялся на свѣтъ Божій. Для художественнаго міра это была необъяснимая загадка. „Должно быть, тутъ есть что нибудь особенное“, думали всѣ. Спустя 10 дней однако выставлена была уже новая картина: „Лукреція“ и это было лучшее изъ всего, что только творила кисть художника, самое замѣчательное по своей оригинальности. Съ общаго совѣта рѣшено было въ этотъ же вечеръ отправиться in corpore къ Р. и дать ему торжественную серенаду.

— Кто могъ усадить его за эту работу? говорили художники одинъ другому.

— Кто? Его талантъ!

— Нѣтъ, эта картина не созданіе фантазіи, это просто портретъ Лючіи Б.

Черезъ два дня исчезла съ выставки и Лукреція. Ее купилъ какой-то англичанинъ за 6,000 фунтовъ стерлинговъ.

Каково же было удивленіе знакомыхъ Р., когда на другой день увидѣли его подъ руку съ Лючіей Б.

— А, такъ вотъ кто эта Лукреція! говорили встрѣчные.

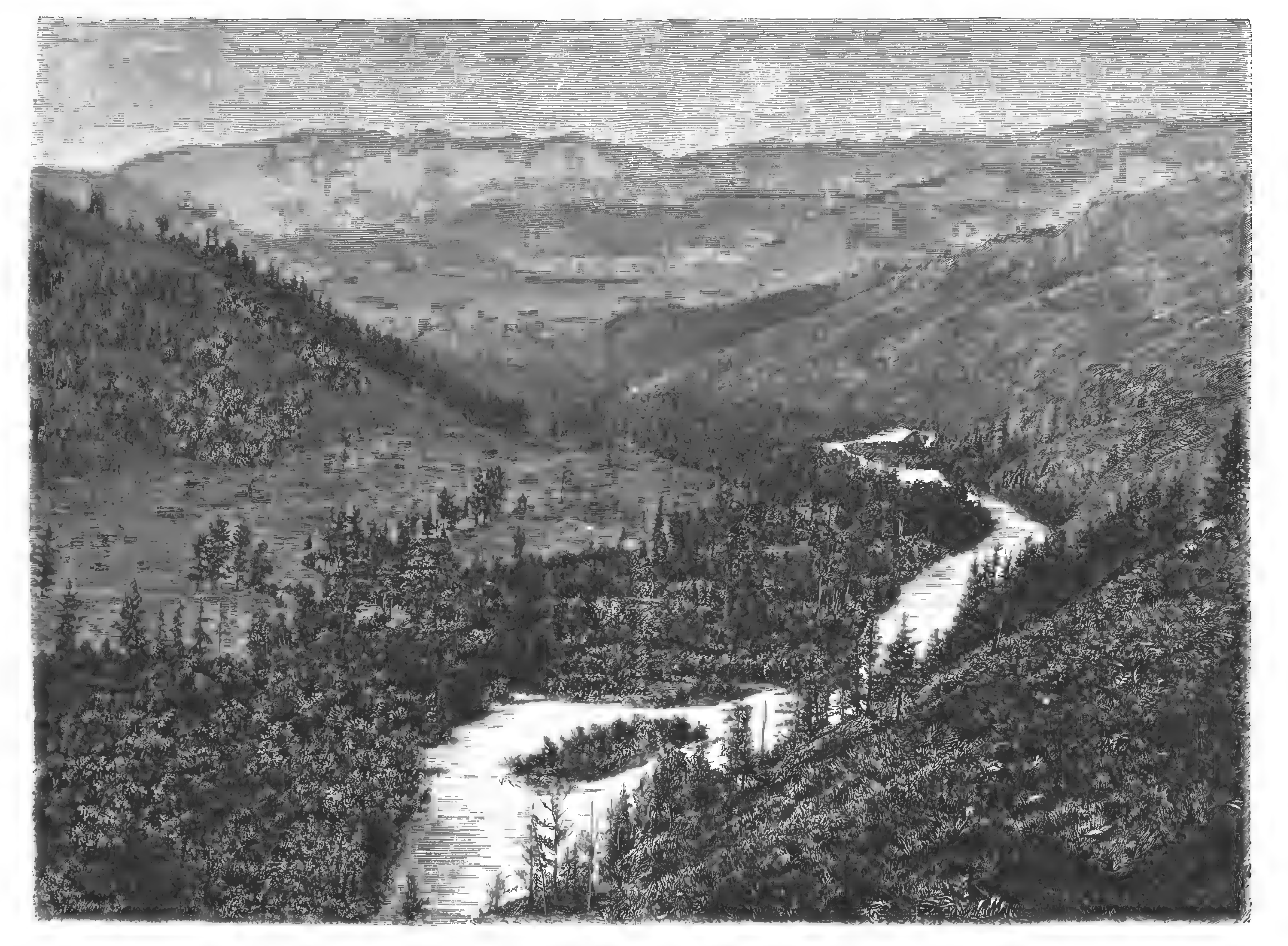
Въ Римѣ въ свое время много говорили объ Р. и его „Лукреціи“. Находили, что и въ любви онъ обнаружилъ столько же вкуса, какъ и въ искусствѣ.

— Лукреція эта хороша, болѣе чѣмъ хороша, говорилъ одинъ художникъ, товарищъ Р., очень его любившій, но красота ея и заставляетъ меня опасаться за судьбу Р. Не случилось бы несчастья. Онъ такой несдержанный человѣкъ!

Началась однако кое-гдѣ зависть и ревность: женщины завидовали Лукреціи, мужчины—молодому художнику. Не только земляки Р., не только художники очаровывались Лукреціей, но

Семипалатинская область. Рѣка Чиндагутуй. Съ фотогр. г-жи Полторацкой, грав. М. Рашевскій.

Семипалатинская область. Долина верхней Бухтармы. Съ фотогр. г-жи Полторацкой, грав. Флюгель

и люди высшаго римскаго общества. Но Р. былъ счастливъ безконечно: Лукреція полюбила его всѣмъ сердцемъ. Онъ былъ ея идоломъ и она гордилась имъ.

Самымъ горячимъ поклонникомъ Лючіи былъ одинъ молодой италіянецъ, Гримальди, потомокъ древней патриціанской фамиліи. Онъ зналъ уже давно невѣсту художника и нѣсколько разъ пытался съ ней сблизиться, но гордая красавица холоднымъ, презрительнымъ взоромъ обыкновенно разбивала всѣ его попытки. Неудачи только разжигали горячую кровь. Когда же онъ узналъ, что Лючія сдѣлалась невѣстою художника Р., въ немъ закипѣла рѣшительно неудержимая страсть. Онъ сталъ походить на сумасшедшаго. „Нѣтъ, чортъ возьми, бормоталъ онъ, горячась, развѣ на томъ свѣтѣ будетъ ихъ свадебный пиръ! Пусть меня повѣсятъ, если я допущу, чтобы эта женщина увлеклась другимъ и чтобъ она еще сдѣлалась его женою. Нѣтъ, никогда этого не будетъ, пока я живъ!

Въ одинъ чудный лѣтній вечеръ сидѣлъ Р. въ кафе, который служилъ въ 60-тыхъ годахъ мѣстомъ сборищъ художниковъ. Было поздно, и Р. хотѣлъ было уже уходить, когда къ нему подошелъ молодой италіянецъ и попросилъ его удѣлить ему четверть часа для дѣловаго разговора. Р. остался и велѣлъ подать себѣ еще бутылку вина.

— Вы художникъ Р? спросилъ незнакомецъ, когда они сѣли.

— Да. это мое имя.

— А я Гримальди.

— Вы художникъ?

— Нѣтъ, я офицеръ папской гвардіи.

— Что же вамъ угодно?

— Вы знаете, милостивый государь, Лючію Б.?

— Странный вопросъ, какже не знать, когда она моя невѣста.

— Ваша невѣста? Ха, ха, ха, ваша невѣста! Вы просто достойны сожалѣнія, легковѣрный человѣкъ! Лючія ваша невѣста, ха, ха, ха!

Р. глядѣлъ въ недоумѣніи на италіянца, желая отгадать, не съ сумасшедшимъ ли онъ сидитъ. Онъ хотѣлъ было уже кликнуть слугъ, но италіянецъ его остановилъ:

— Остерегитесь, какъ бы не нашелся человѣкъ, который убивъ вашу Лукрецію, не добрался бы и до васъ. Вамъ не приходило въ голову, что есть люди, которые имѣютъ больше правъ на вашу невѣсту, какъ вы ее называете, чѣмъ вы сами. Знаете ли вы, что значитъ мщеніе? Держали ли вы хоть разъ въ рукѣ стальной клинокъ, видѣли ли вы пистолетъ, направленный въ вашъ лобъ? А, вы блѣднѣете! Теперь я вижу, что вы трусъ, я такъ и думалъ. Видно васъ, сѣверныхъ художниковъ, только пинками можно взбѣсить и принудить дать удовлетвореніе...

Италіянецъ еще не кончилъ, какъ въ его голову ударилась бутылка съ такою силою, что онъ мгновенно упалъ со стула. Ни вздоха, ни звука... Хозяинъ ресторана, прислуга—поспѣшно вбѣжали въ комнату. Схватили Р., который впрочемъ не пытался сопротивляться; послали за полиціей. Р покорился судьбѣ. Его противникъ былъ убитъ наповалъ. Р. отказался на судѣ отъ показаній. Слуга ресторана тоже не могъ ничего разъяснить.

Художника приговорили къ тюремному заключенію на 9 лѣтъ. Прошли мучительныя, ужасныя 9 лѣтъ, его выпустили, но выпустили уже не замѣчательнаго художника, а обыкновеннаго, опустившагося человѣка, безъ куска хлѣба, безъ одежды. Первою его мыслью и вопросомъ было:

— Какъ живетъ Лукреція?

— Она счастлива! былъ отвѣтъ.

— Счастлива! злобно засмѣялся Р.,—вотъ женскія клятвы!

— Она замужемъ за графомъ Н., и говорятъ они живутъ хорошо.

— Пусть же будетъ счастлива. Девять лѣтъ много времени! Это былъ бы необычайно нелѣпый поступокъ со стороны женщины, быть вѣрною въ теченіи столькихъ лѣтъ, хотя бы изъ-за нея и страдалъ человѣкъ. Почему Лукреціи и не быть счастливою?

И Р. съ тѣхъ поръ окончательно погрязъ; все прожилъ онъ, что у него оставалось. Спасти его не было никакой возможности. Не разъ соотечественники одѣвали его, давали ему денегъ и старались вывести его на старый путь; но дѣло кончалось тѣмъ, что деньги уходили, платье продавалось. Вдругъ Р. исчезъ изъ Рима. Цѣлый годъ объ немъ не было ни слуху, ни духу. Наконецъ пришло извѣстіе изъ Стокгольма, что Р. голодный, ободранный, съ окровавленными ногами прибылъ туда изъ Рима. На родинѣ Р. продолжалъ вести совершенно такой же образъ жизни, что и въ Римѣ. Въ іюнѣ 1878 года онъ скончался въ какомъ-то притонѣ.

Такъ погибъ высокоталантливый художникъ, слава котораго могла бы гремѣть. Газеты вспоминали недавно о немъ и многіе сожалѣли о его ужасной судьбѣ.

Къ рисункамъ.

Евангеліе поднесенное патріархомъ Кеворкомъ IV Государю Императору 19-го февраля.

(Работа Сазикова).

Имѣвшіе случай посѣтить въ Императорскомъ Эрмитажѣ выставку предметовъ, поднесенныхъ Государю Императору въ знаменательный день 19-го февраля, не могли не любоваться изяществомъ и богатствомъ этихъ подарковъ. Извѣстныя работы Сазикова и Хлѣбникова останавливали на себѣ всеобщее вниманіе. Изображеніе одной изъ такихъ работъ помѣщается нами въ этомъ №. Великолѣпная работа фабрики Сазикова—серебряныя вызолоченныя доски древняго армянскаго пергаментнаго Евангелія,—даръ патріарха-католикоса Кеворка IV. Замѣчательная рукопись эта—XII столѣтія. На верхней серебряной доскѣ рельефныя изображенія апостоловъ Ѳаддѣя и Варфоломея, проповѣдывавшихъ въ Арменіи по Вознесеніи Христа Спасителя. Внизу—такое же изображеніе св. Григорія Просвѣтителя, при коемъ церковь армянская окончательно утвердилась и устроилась при царѣ Тиридатѣ; съ правой же стороны отъ него изображеніе св. Месропа, искоренителя язычества въ V вѣкѣ, созидателя армянскихъ письменъ, который и перевелъ на свой языкъ Св Евангеліе. Въ срединѣ доски, на бѣломъ платѣ, эмалью исполненный Ликъ Спасителя съ Нерукотвореннаго образа. На задней доскѣ Евангелія исполненъ рельефомъ видъ Эчміадзинской обители, основанной св. Григоріемъ, послѣ него уже ставшей постояннымъ мѣстопребываніемъ патріарховъ-католикосовъ.

Патріархъ-католикосъ Кеворкъ IV принялъ патріаршій престолъ въ 1866 году; онъ особенно заботится о народномъ просвѣщеніи, устройствѣ школъ и его стараніями основана духовная армянская академія. Онъ же озабочивался изданіемъ различныхъ рукописей обительской библіотеки. Эчміадзинъ вошелъ въ составъ Россійской Имперіи послѣ Персидской войны 1828 года.

Островъ и городъ Хіосъ.

(Рисунокъ Вебера).

Одинъ изъ значительнѣйшихъ островов Егейскаго моря—островъ Хіосъ, былъ извѣстенъ уже въ глубокой древности, какъ родина Гомера и одна изъ самыхъ цвѣтущихъ іонійскихъ колоній. Въ 498 году островъ подпалъ подъ власть Персовъ и хіоситы поневолѣ должны были принять участіе въ битвѣ при Саламинѣ. Въ послѣдствіи, въ союзѣ съ Спартанцами, они часто бились во время Пелопонезской войны противъ Аѳинянъ. Не задолго до нашей эры, городъ Хіосъ, тогда союзникъ Рима, былъ опустошенъ Митридатомъ, который увелъ въ рабство многихъ жителей. Въ десятомъ вѣкѣ Хіосъ вошелъ въ составъ Византійской имперіи; въ 1124 году подпалъ подъ власть Венеціи, а въ 1346 былъ захваченъ Генуэзцами, владѣвшими имъ 220 лѣтъ. Въ 1563 году подъ стѣнами Хіоса явился Ваали-паша съ сильнымъ флотомъ и невоинственнымъ островитянамъ ничего не оставалось дѣлать какъ покориться турецкому владычеству. Но даже кроткіе и терпѣливые Хіоситы рѣшились съ оружіемъ въ рукахъ добывать себѣ прежнюю независимость. Въ 1822 году турки нахлынули на несчастный островъ и вырѣзали много жителей и пожгли селенія.

На островѣ есть ломки прекраснаго бѣлаго мрамора и на всемъ востокѣ славится хіосское лакомство—мастика—добываемая изъ небольшаго мѣстнаго деревца (Pistacia lentiscus) посредствомъ надрѣзовъ дѣлаемыхъ на его стволѣ два раза въ годъ: въ іюлѣ и въ августѣ. Здѣсь же добывается терпентинъ и въ изобиліи ростутъ апельсины, лимоны, миндаль, оливки и другіе плоды благословеннаго юга. Жителей на островѣ до 70,000, изъ которыхъ болѣе половины составляютъ населеніе главнаго города острова—Хіоса. Городъ сохраняетъ всѣ особенности восточныхъ городовъ. Самый многолюдный, конечно, греческій кварталъ; евреи въ особой части города, состоящей изъ грязныхъ, узкихъ переулковъ, а мусульмане живутъ преимущественно въ цитадели.

Жизнь города сосредоточивается болѣе всего въ оживленной гавани, гдѣ во множествѣ снуютъ пароходы и стоятъ торговыя суда всѣхъ націй; на базарѣ же можно ознакомиться съ разнообразными типами мѣстныхъ жителей и полюбоваться здѣшними граціозными, красивыми женщинами, въ ихъ живописныхъ и яркихъ нарядахъ.

Передъ купаньемъ.

(Картина Веле).

Жара просто томитъ. Неподвиженъ сухой воздухъ, неподвижны и листья деревъ и особенно пріятно представляется утомленному воображенію то тѣнистое мѣсто у дуплистой ивы надъ зеркальной водой, въ которой наслажденіе купаться въ такой душный день. Жужжатъ кругомъ золотыя мухи, непод-

вижно раскинулись подъ ивой широкіе лопухи и—какъ говоритъ поэтъ—

Что за чудные извивы
У корней, вокругъ дупла!
А подъ ивой, какъ красивы
Золотые переливы
Струй дрожащаго стекла...

И красавица теперь въ предвкушеніи удовольствія—купанья, пробуетъ холодна-ли вода.

Семипалатинская область.

(Къ рисункамъ на стр. 464 и 465).

Семипалатинская область лежащая между 55°—45° с. ш., и между 93° 105° д., принадлежитъ до настоящаго времени къ числу наименѣе извѣстныхъ мѣстностей нашего отечества. Въ свое время интересовались Кавказомъ, Туркестаномъ, Кокамомъ,—нынѣшнею Ферганскою областью,—интересовались нерѣдко до приторности,—а Семипалатинская область оставалась въ полномъ смыслѣ слова какой-то terra incognita, ее знали только по названію, да по краткимъ календарнымъ свѣденіямъ. Теперь пріобрѣтя для „Нивы" рядъ видовъ Семипалатинской области, снятыхъ Л. К. Полторацкой,—(супругой бывшаго губернатора области) мы полагаемъ, что будетъ не безъинтересенъ краткій очеркъ этого края, имѣющаго полное право на вниманіе туристовъ, какъ по своему политическому положенію, такъ и по красотѣ первобытной, могучей природы.

Область граничитъ на сѣверѣ Тобольскою, Томскою губ., на западѣ — Акмолинскою, на югѣ—Сыръ-Дарьинскою и Семирѣческою областями, всею-же восточною окраиной упирается въ китайскія владѣнія. Простираясь на 385,000 □ в., она вмѣщаетъ болѣе полумилліона жителей, изъ которыхъ только 60000 съ небольшимъ живутъ осѣдло, вся остальная масса кочевники-киргизы, дѣлящіеся на 65 волостей, и живущіе въ 105000 кибитокъ-юртъ.

Въ половинѣ прошлаго столѣтія, сибирское казачье (бывшее линейное) войско, было водворено на южной границѣ Западной Сибири для охраны ея отъ набѣговъ дикихъ кочевниковъ. Помѣрѣ того какъ расширялись владѣнія имперіи, границы отодвигались далѣе къ югу, жители степей принимались въ русское подданство, а вмѣстѣ съ границами передвигались и войска, оставляя позади пограничную линію форпостовъ, редутовъ, станицъ и крѣпостей. Теперь этихъ станицъ и поселковъ около 80.—Казаки, впрочемъ, оказались плохими колонизаторами и земледѣліе, какъ на границѣ, такъ и въ степи, далеко не составляетъ господствующаго промысла, за немногими исключеніями: только *Бійская* линія и благоденствуетъ на берегахъ Иртыша, гдѣ земледѣліе, огородничество и пчеловодство въ буквальномъ смыслѣ процвѣтаютъ.

Торговлю область ведетъ значительную. Вся степь снабжается мануфактурными издѣліями и предметами, потребными въ киргизскомъ быту; кромѣ того въ Россію идетъ масса кожъ, сала, шерсти и волоса. До Дунганскаго возстанія здѣсь велась значительная заграничная торговля, но раззореніе Кульджи и Черучака, въ 60 годахъ, совершенно уничтожило ее. Впрочемъ за послѣднее время опять начинаетъ пробуждаться движеніе обмѣна.

Въ политическомъ отношеніи Семипалатинская область имѣетъ особое значеніе: почти всѣ сношенія съ пограничными китайскими властями ведутся исключительно черезъ нее; она охраняетъ границы отъ вторженія разныхъ барантачей, почему въ ней сосредоточена большая часть дѣйствующихъ войскъ Западной Сибири.

Растительность Семипалатинской области разнообразна,—къ сѣверу отъ 49 град. параллели—растутъ березовыя рощи, сосновые боры; въ горахъ же (особенно Алтая)—много лиственныхъ и кедровыхъ лѣсовъ; въ долинахъ встрѣчаются тополь, вязъ, черемуха, рябина, боярышникъ и проч.,—особую картинность придаютъ этимъ долинамъ кустарники дикаго персика, волчьяго лыка, жимолости, акаціи и шиповника; ягодъ громадное количество породъ урожая.

Главный промыселъ—здѣсь скотоводство. По отчету за 1870 годъ въ области считалось три милліона разнаго скота, въ томъ числѣ: лошадей 546 т., рогатаго скота 146 т., овецъ 2 милліона 14 т.,—и 62 т. верблюдовъ. Изъ дикихъ животныхъ водятся: маралы (олени), сайгаки, куланы, лани, архары, серны, кабаны, медвѣди, волки, лисицы, барсуки, сурки; рѣчныя выдры, соболя, горностаи, бѣлки и пр.

Озеро Зайсанъ и рѣка Иртышъ изобилуютъ разными породами рыбъ: осетрами, стерлядями, нельмой, тайменями и пр. Средняя добыча рыбъ на войсковыхъ рыбалкахъ, составляющихъ доходную статью сибирскаго казачьяго войска, доходитъ до 3500 пудовъ въ годъ. — Неумѣнье приготовлять икру, балыки и рыбу въ прокъ, заставляетъ населеніе довольствоваться сбытомъ рыбы только въ средѣ мѣстнаго населенія: всѣ рыбные продукты крайне низкаго качества.

Первые два рисунка изъ нашей коллекціи, прилагаемые къ настоящей статьѣ, изображаютъ рѣку Чиндагатуй и долину Бухтармы. Рѣка Бухтарма—правый притокъ Иртыша; образуется она изъ трехъ источниковъ: лѣвый течетъ съ Ю.-З. беретъ начало на китайской границѣ со снѣжнаго хребта, два остальные съ С. З., начинаясь на Аргутскомъ хребтѣ; одинъ изъ этихъ притоковъ носитъ названіе Чиндагатуя. Во второй части своего теченія, Бухтарма течетъ по продольной долинѣ шириною въ $1^1/_2$—5 верстъ, между параллельными грядами алтайской горной системы. Долина эта имѣетъ величественный горный характеръ и отличается богатѣйшею растительностью. Горные скаты одѣты великолѣпными лѣсами, въ которыхъ преобладаетъ лиственница; мѣстами лѣса спускаются къ подошвѣ, представляющей сплошной лугъ съ самой богатѣйшей и разнообразной флорой. Климатъ ея несравненно теплѣе, чѣмъ можно бы ожидать отъ ея географическаго положенія, такъ что хлѣбныя поля доходятъ до высоты 3,800 ф. при устьѣ Урала.

Новыя пріобрѣтенія Зоологическаго Сада въ Спб.

(Къ рисункамъ на стр. 469).

Мирное, семейное населеніе нашей столицы, которое по обстоятельствамъ не уѣзжаетъ никуда на лѣто изъ Петербурга, ставится теперь въ весьма затруднительное положеніе тѣмъ, что всѣ городскіе да и загородные сады и парки наши обратились въ какіе-то кабаки. Великій царь, заботившійся напр. о насажденіи Лѣтняго Сада конечно съ гнѣвомъ увидѣлъ бы эти толпы гогочущихъ жуликовъ—отребья столицы—наполняющихъ аллеи его прекраснаго парка, и подивился бы тѣмъ глубокимъ соображеніямъ, по которымъ понадобилось устроить и въ Лѣтнемъ Саду притонъ скандаловъ, пьянства (какъ будто мало кабаковъ по городу) и распущенности, какимъ не было примѣра.

Выгодно отличается отъ этихъ гуляній какъ мы уже разъ говорили (Нива 1879 г. № 28) Зоологическій садъ, который, бросивъ научныя цѣли иностранныхъ Зоологическихъ садовъ, также обратился въ увеселительное мѣсто. Тамъ дѣлать скандалы вѣроятно не такъ удобно и привольно и поэтому ходить туда еще можно, дѣла же сада повидимому идутъ блистательно. Это надо отнести и къ постоянной заботѣ содержателя сада г. Роста, освѣжать составъ представленій и коллекцій звѣрей.

Въ нынѣшнемъ году садъ сдѣлалъ нѣсколько новыхъ, весьма хорошихъ и дорогихъ, пріобрѣтеній, изъ коихъ мы упомянемъ о носорогѣ, бегемотѣ, (гиппопотамѣ) бородавчатой свиньѣ и тапирѣ, изображенія которыхъ помѣщаемъ въ настоящемъ №. Всѣ здѣсь упомянутые нами звѣри находятся въ одномъ, особомъ, вновь выстроенномъ баракѣ.

Весьма интересное пріобрѣтеніе представляетъ чудовищно-уродливая, такъ называемая *Бородавчатая свинья* (Phacochoerus). Особенно безобразна голова; глаза малы и прорѣзаны косо, морда несоразмѣрно толста, покрыта наростами и вооружена огромными клыками. Она водится во внутренней Африкѣ и на мысѣ Доброй Надежды. Объ образѣ жизни и нравахъ ихъ извѣстно мало. Они ходятъ обыкновенно въ лѣсистыхъ мѣстахъ и по кустарникамъ кучками въ 10—15 головъ, питаясь кореньями. Ихъ считаютъ вообще свирѣпыми. При бѣгствѣ самки уносятъ своего поросенка въ пасти, что имѣетъ странный видъ. Въ 1775 году въ первый разъ привезенъ былъ въ Европу живой экземпляръ Бородавочника для Гагскаго Зоологическаго сада. Всѣ были увѣрены, что это самое добродушное животное, пока разсердившись однажды, Бородавочникъ не бросился на сторожа и не нанесъ ему смертельную рану. Здѣсь онъ пока довольно добродушенъ и не показываетъ признаковъ свирѣпости. Ѣстъ же все, что и наша домашняя свинья. Мясо его туземцы не употребляютъ въ пищу.

Тапиръ—также весьма удачный экземпляръ. Это небольшое, слонообразное животное, какъ бы переходъ отъ слоновъ къ носорогамъ и свиньямъ. Сильныя ноги, стоячія, короткія и широкія уши, маленькіе косые глаза. Верхняя губа удлиннена въ видѣ хобота. Тапиръ водится въ Южной Америкѣ и Индіи и старается забиться въ дремучія чащи лѣсовъ, спасаясь отъ человѣка. Онъ лѣнивъ и медленъ въ движеніяхъ, крикъ его—рѣзкій и громкій свистъ. Онъ добродушенъ и дѣлается ручнымъ и здѣсь очень привыкъ къ людямъ, какъ домашнее животное. Питается травою и овощами. Мясо его ѣдятъ и изъ толстой кожи его выдѣлываютъ хлысты и поводья. Его враги—тигръ и ягуаръ.

Огромный однорогій *Носорогъ* привлекаетъ общее вниманіе. Это сильное и массивное животное. Разсерженный, онъ можетъ быть очень опасенъ, хотя здѣсь вполнѣ спокоенъ, привыкъ къ людямъ и освоился съ своимъ положеніемъ. Это тяжелое туловище съ короткой шеей и толстой головой — имѣетъ видъ какой-то безобразной массы, движущейся на нескладныхъ толстыхъ, цилиндрическихъ тумбахъ; кожа его — родъ роговаго панцыря, изрытаго глубокими бороздами и складками. Въ Африкѣ на него охотятся усердно. Мясо ѣдятъ а кожа и рогъ идутъ на подѣлки. Любитъ болота, илистыя и сырыя мѣста. У насъ была (въ Нивѣ 1879 года № 2) подробная статья о носорогѣ.

Рядомъ съ нимъ играютъ и полощатся въ небольшомъ бас-

сейнѣ два молодыхъ *бегемота* *). Имъ всего по два года отъ роду. Это одно изъ самыхъ неуклюжихъ млекопитающихся. Четыре копыта на каждой ногѣ, широкая, тупая морда, голая, твердая кожа. Огромные клыки у старыхъ самцовъ достигаютъ до $2^1/_2$ фут. длины. Они похожи на колоссальныхъ откормленныхъ свиней и водятся во внутренней Африкѣ. Въ Египтѣ и Нубіи истреблены теперь окончательно. Питаются кукурузой, маисомъ, водяными растеніями, вынося ихъ въ пасти на поверхность воды и пережевывая ихъ съ тупымъ наслажденіемъ. Пуля не беретъ твердую кожу и ихъ бьютъ въ Суданѣ копьемъ или гарпуномъ. Мясо ихъ и сало очень цѣнятся. Неволю они выносятъ очень хорошо. Въ 1860 году въ Амстердамскомъ Зоологическомъ саду родился бегемотъ-дѣтенышъ, но жилъ всего два дня.

Такія заботы объ улучшеніи дѣла приносятъ честь содержателю сада и служатъ залогомъ постояннаго успѣха.

Политическое обозрѣніе.

Кончина Государыни Императрицы.—Дополнительная конференція.—Въ Германіи.—Еще по поводу демонстраціи въ Парижѣ.—Рѣчь Гартингтона.—Наши отношенія съ Китаемъ.—Приготовленія въ Кульджѣ.

Кончина Государыни Императрицы, произведшая понятное впечатлѣніе въ сердцахъ русскихъ людей, вызвала живѣйшія изъявленія соболѣзнованія и внѣ Россіи. Иностранныя державы съ замѣчательнымъ единодушіемъ поспѣшили выразить нашему Государю и Его Августѣйшей Семьѣ свое соболѣзнованіе по поводу настоящаго горестнаго событія. Истолкователями этихъ чувствъ явились принцы крови, и отдѣльныя депутаціи, изъ которыхъ нѣкоторыя успѣли прибыть едва наканунѣ послѣдней печальной церемоніи. Наслѣдный принцъ германскій, эрцгерцогъ австрійскій Вильгельмъ, принцъ Александръ Гессенъ-Дармштадтскій, родной братъ почившей Государыни, герцогъ Эдинбургскій, принцъ Арнульфъ Баварскій, герцогъ Макленбургъ-Шверинскій. Королева Викторія поручила выразить соболѣзнованіе двумъ высшимъ сановникамъ королевства. Президентъ французской республики поручилъ французскому представителю при русскомъ дворѣ генералу Шанзи, находящемуся въ отпуску, отправиться въ Петербургъ, въ качествѣ чрезвычайнаго посланника. Депутація итальянскаго короля Гумберта, депутація короля шведскаго, бельгійскаго короля. Греческій король прислалъ гофмейстера Сахиниса, а король Нидерландовъ поручилъ выразить лично Государю свое соболѣзнованіе своему берлинскому посланнику. Отъ герцога Саксенъ-Веймарскаго и Саксенъ-Альтенбургскаго прибыли къ намъ также депутаты.

Дополнительная конференція для пересмотра нѣкоторыхъ статей берлинскаго трактата, о которой мы упоминали въ прошломъ обозрѣніи — теперь уже совершившійся фактъ. Германское правительство уже разослало державамъ приглашенія прислать своихъ уполномоченныхъ. Собраніе конференціи назначено опять въ Берлинѣ на 16 іюня. Знающіе положеніе дѣлъ люди между тѣмъ вовсе не надѣются, чтобы послѣдовало какое нибудь дружное соглашеніе державъ на рѣшительную мѣру. Интересы державъ такъ различны, что договоръ, подписанный представителями, неизбѣжно получитъ столько передѣлокъ и измѣненій, что потеряетъ всякую практическую силу. А рѣшительный шагъ только и можетъ быть сдѣланъ посредствомъ согласія державъ слѣдовать какой-нибудь одной программѣ дѣйствій. Положеніе же дѣлъ вовсе не спокойно и продолжающіяся волненія въ Албаніи могутъ сдѣлать его критическимъ.

Германія, повидимому, не принимаетъ участія во внѣшней политикѣ и играетъ роль какъ бы посторонняго наблюдателя. Она не упускаетъ однако ничего изъ виду и слѣдитъ за всѣмъ внимательно. Послы ея сообщаютъ самыя частыя и подробныя донесенія. Германія придерживается теперь правила „все видѣть, слышать и молчать" — о ея заявленіяхъ по внѣшней политикѣ ничего давно не слышно. Пренія въ палатѣ, внутреннія дѣла какъ бы поглотили вниманіе правительства. Между тѣмъ испытанное, подъ руководствомъ старыхъ, привычныхъ вождей, многочисленное войско, за которымъ неутомимо и строго наблюдаетъ опытное и зоркое око маститаго Императора, придаетъ такую грозную силу этому молчанію и невмѣшательству, которое стоитъ всякихъ нотъ, заявленій и предложеній державамъ.

Въ прошломъ обозрѣніи мы говорили о демонстраціяхъ въ Парижѣ. 16 (28) мая были очень оживленныя по этому поводу пренія, весьма характеристичныя для современнаго положенія вещей во Франціи. Депутатъ Клемансо представилъ запросъ по поводу мѣръ, предупредившихъ демонстрацію 11 мая. Отчего такая же манифестація была 22 марта и арестовъ не было, и правительство не равно относится къ манифестантамъ? Къ этому Поль Кассаньякъ присоединилъ характерное заявленіе, говоря, честно ли это, что манифестаціи бонапартистовъ преслѣдовались полиціей и участвующіе были судимы и сосланы въ ссылку или на каторгу, а когда дѣло касается коммунаровъ, угрожающихъ вполнѣ общественному порядку, тогда дѣло доходитъ лишь до арестовъ.

„Объявляю прямо, отвѣтилъ на это министръ внутреннихъ дѣлъ Констанъ, если манифестація *покажется* министерству преступною, я ее запрещу и принимаю отвѣтственность на себя, ибо отвѣчаю за спокойствіе и порядокъ". „Всѣ вы господа, отвѣтилъ Клемансо, стоите за свободу, пока находитесь въ оппозиціи и впадаете въ произволъ, какъ только власть въ вашихъ рукахъ!" Изъ 35 департаментовъ въ министерство были созваны префекты, которые и получили словесныя инструкціи какъ примѣнять декреты 29 марта по поводу изгнанія изъ страны „недозволенныхъ духовныхъ конгрегацій". Ожидали, что эти конгрегаціи обратятся съ просьбами о разрѣшеніи продолжать свои дѣйствія, но пока ни одна изъ нихъ этого не сдѣлала.

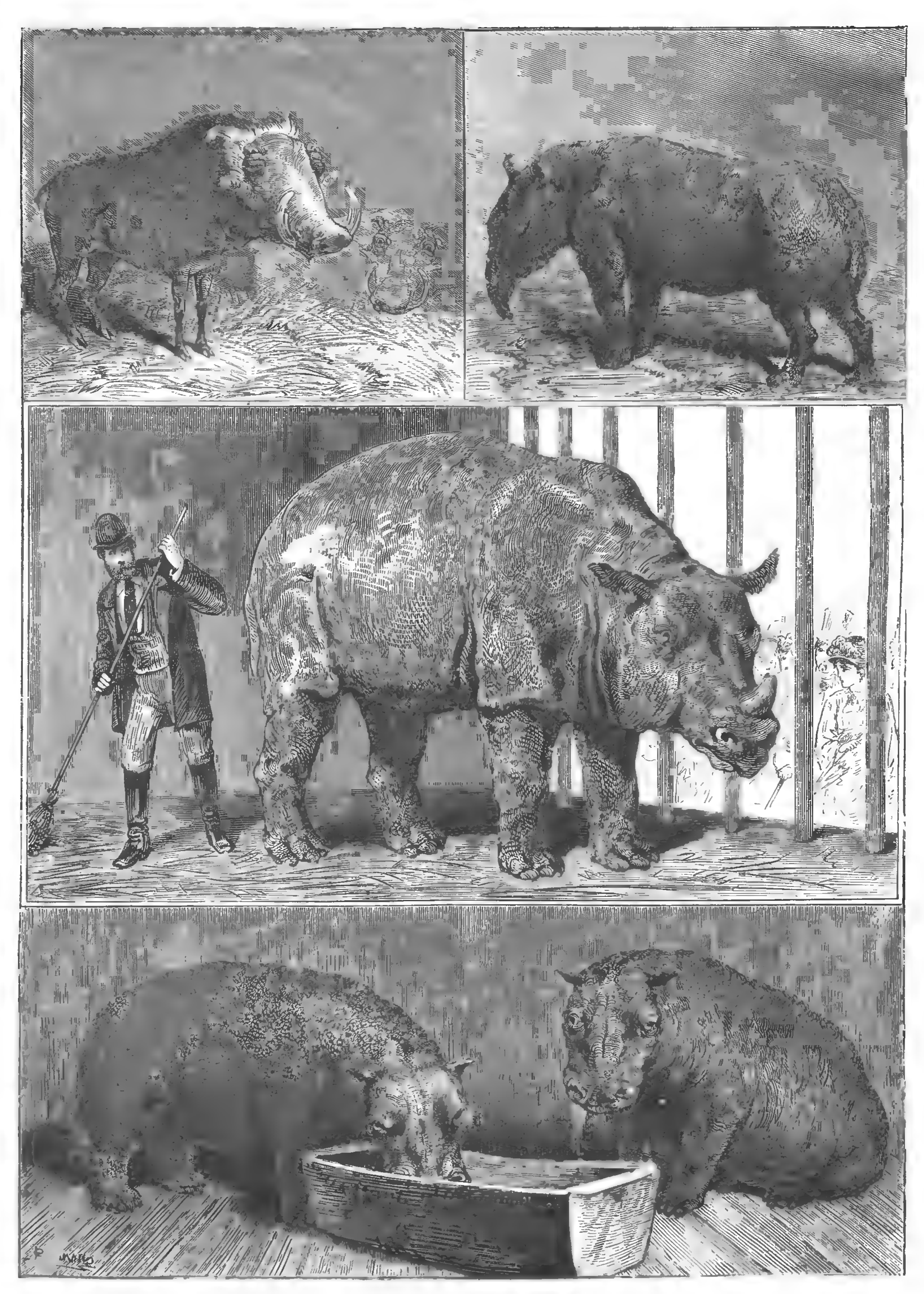
26-го мая въ палатѣ общинъ, маркизъ Гартингтонъ заявилъ, что обнародовать въ полномъ видѣ данныя лорду Рипону, посланному въ Индію, инструкціи невозможно. Гартингтонъ говоритъ, что правительство преслѣдуетъ двѣ цѣли: вопервыхъ, оно желаетъ окончить нынѣшнія военныя дѣйствія. Пока войска остаются въ Афганистанѣ, запасы и сообщенія должны быть обезпечены, но первая задача, чтобъ въ возможно скоромъ времени ограничить районъ операцій и избѣгать столкновеній съ племенами внѣ занятыхъ позицій. Другая цѣль въ томъ, чтобъ оставить въ Авганистанѣ надежду на установленіе прочнаго правительства, когда выступитъ оттуда главный корпусъ войскъ. „Будемъ надѣяться—прибавилъ министръ—что это совершится осенью. Объ этомъ ведутся теперь переговоры".

Наши отношенія къ Китаю принимаютъ все болѣе и болѣе тревожный характеръ. Маркизъ Тценгъ не ѣдетъ и теряется даже надежда на посѣщеніе имъ Петербурга. Между тѣмъ изъ Туркестана вѣютъ извѣстія, что китайское войско, многочисленное и хорошо вооруженное, собирается по близости къ нашимъ границамъ. Многіе ждутъ со дня на день, что китайцы, безъ всякихъ дипломатическихъ нотъ и ультиматумовъ, прямо нападутъ на Кульджу и война начнется. Всѣ наши попытки умѣрить пылъ китайской воинственности не привели ни къ какимъ результатамъ. Нашъ повѣренный въ дѣлахъ въ Пекинѣ, поддерживаемый представителями Германіи и Франціи, тщетно искалъ удобныхъ основаній для нашего соглашенія съ Китаемъ и, повидимому, пришелъ въ концѣ концевъ къ убѣжденію, что теперь всякая уступка была бы принята Китаемъ лишь какъ знакъ нашего безсилія и послужила бы новымъ поводомъ къ войнѣ. Представитель Россіи еще разъ завѣряетъ, что китайская вражда къ намъ есть плодъ происковъ національной партіи, предводительствуемой дядей молодого императора, Конгомъ. Эту вражду никто изъ европейцевъ не раздувалъ и не поддерживалъ. Напротивъ, представители Европы хорошо знаютъ, что китайцы выбираютъ Россію лишь какъ починъ и пробу освобожденія отъ европейскаго вліянія. Война Китая съ Россіей неминуемо повлечетъ за собой убытки для всѣхъ державъ, имѣющихъ съ Китаемъ торговыя сношенія. Болѣе всѣхъ пострадаетъ, конечно, Англія. А такъ какъ ея торговля основана на судоходствѣ, то остается открытымъ крайне интересный вопросъ — не изобрѣтетъ ли она какихъ нибудь мѣръ, могущихъ помѣшать нашему давленію на Китай со стороны моря, т. е. нападенію для насъ самому удобному, дешевому и плодотворному?

Въ настоящее время по дорогѣ изъ Кульджи въ Шихо спокойно; о грабежахъ въ этой мѣстности, производившихся прежде дунганами, никто не заявляетъ. Конечно, на болѣе или менѣе спокойное состояніе пограничной намъ полосы имѣла должное вліяніе посылка русскаго отряда противъ барантачей и разбойниковъ-дунганъ, грабившихъ между Цитертинскимъ пикетомъ и китайскимъ селеніемъ Джинхо и гнѣздившихся, по слухамъ, въ такъ называемыхъ Красныхъ горахъ. Во время такихъ поисковъ изъ шаекъ грабителей захвачены дунгане; они содержатся въ Кульджѣ, и о нихъ, по приказанію завѣдывающаго войсками Кульджинскаго района, генералъ-маіора Левашева, производится дознаніе. Изъ сообщеній шихосскаго цзянь-цзюня оказывается, что и этотъ сановникъ заботится о возстановленіи спокойствія въ пограничной полосѣ. Такъ цзянь-цзюнь, въ сообщеніи своемъ отъ 26-го числа 12-й луны V года правленія Гуанъ-сюй (полученномъ въ гор. Вѣрномъ 9-го февраля) вновь извѣстилъ областную администрацію о посылкѣ отряда дайцинскихъ войскъ для преслѣдованія шайки грабителей на подвѣдомственной Китаю мѣстности по дорогѣ въ Шихо. Въ виду такого извѣщенія, областная администрація приняла мѣры, чтобы китайскія войска, подъ предлогомъ преслѣдованія грабительскихъ шаекъ дунганъ, не прошли бы на территорію Кульджинскаго края.

(Продолженіе на стр. 469, 470, 471 и 472).

*) Подробн. статья въ Нивѣ 1878 г. № 28.

Бородавчатая свинья. Носорогъ. Тапиръ.
Бегемоты.

Новыя пріобрѣтенія Спб. Зоологическаго сада. Рис. В. Шнакъ, грав. Рашевскій.

Разныя извѣстія.

Сборъ розъ. Урожай на розы въ знаменитой Казанлыкской долинѣ необыкновенно обиленъ въ нынѣшнемъ году, между тѣмъ какъ въ прошломъ году онъ былъ посредственный. Сборъ цвѣтовъ, служащихъ для выдѣлки розоваго масла, высоко цѣнимаго европейскими фабрикантами благовонныхъ товаровъ, служитъ поводомъ для устройства увеселительныхъ поѣздокъ и экскурсій къ подножію Балканскихъ горъ, гдѣ въ это время встрѣчается много туристовъ англійскихъ, русскихъ и другихъ національностей. Зрѣлище, представляемое этимъ обширнымъ розовымъ лѣсомъ въ теченіи десятидневнаго періода—дѣйствительно единственное. Воздухъ напитанъ ароматомъ розъ на нѣсколько верстъ вокругъ лѣса.

Рожденіе слона. Недавно въ Филадельфіи произошелъ небывалый еще, насколько извѣстно, случай въ естественной исторіи—рожденіе слона въ состояніи плѣна. Это событіе произошло въ конюшнѣ цирка. Слоны стали испускать чудовищныя рыканія; они поднимали хоботы кверху, становились на заднія лапы, или же дѣлали прыжки, какъ будто вдругъ опьянѣли отъ радости. Мать вскорѣ пришла въ такое же радостное возбужденіе; рванувшись, она оборвала цѣпь, удерживавшую ее, взяла своего ребенка хоботомъ и прогуливалась съ нимъ по залѣ. Отъ ея прыжка была разбита деревянная рѣшетка около печки, потомъ сама печка повалена и разрушена.

О развитіи рѣчи у попугаевъ. Докторъ Вильксъ недавно, дѣлая опыты, убѣдился, что ручной попугай при заучиваніи отдѣльныхъ словъ и фразъ совершенно подобенъ ребенку, изучающему иностранный языкъ. Попугай, точно такъ какъ и ребенокъ, произнося фразы, всегда связываетъ съ ними опредѣленныя понятія о предметѣ. Другое сходство, подмѣченное докторомъ Вильксомъ между начинающимъ говорить ребенкомъ и попугаемъ—это особенность самому придумывать нѣкоторыя слова, пользуясь для этого звукоподражаніемъ: такъ, желая назвать воду, попугай доктора Вилькса обозначалъ ее звукомъ, напоминающимъ шумъ наливаемой воды.

Адская машинка въ письмѣ. Изъ Нью-Іорка сообщаютъ, что тамошній испанскій генеральный консулъ г. Уріатъ получилъ въ началѣ мая, по почтѣ въ пакетѣ адскую машинку, которая произвела взрывъ, какъ только пакетъ былъ распечатанъ. Никто не былъ раненъ. Адская машинка отправлена изъ Филадельфіи.

Задача ходъ короля и коня № 43.

(первую половину ходовъ дѣлаетъ король, а вторую конь).

лыб-	у-	га	лу-	чья-	стрѣ-	ми	ле-	ве-	ю	же	у-	горъ
ко-	во-	е	ютъ	ми	ру-	ны-	пе-	га	снѣ-	ло-	дань-	ныхъ
й	лен-	ны-	ско-	на	снут-	вой	сбѣ-	по-	й	ла	рест-	со-
н	яс-	топ-	по-	ста-	до-	ли	жа-	н	матъ	ои-	съ	за
но-	ю	во-	изъ	ч-	ві-	да	ле-	ужъ	пче-	лу-	ы	ми-
	нель-	при-	н	й	титъ	ли-	нутъ	шу-	ми	нѣ-	ча-	
		ро-	е-	ны	но-	мол-	вѣлъ	ютъ	веш-	ни-		
			да	без-	й	сех-	ни-	мы	ле-			
				сиво-	пу-	въ	зе-	го-				
					зь	сонъ	то					
					буд-	хемъ	встрѣ					
					ны-	ча-	канъ					
			е	си-	етъ	я	рач-	щутъ	ще			
			да	ут-	нѣ-	са	бле-	не-	са			
		го-	ро	лѣ-				през.	бе-	е-		

Магическ. квадр. № 44.

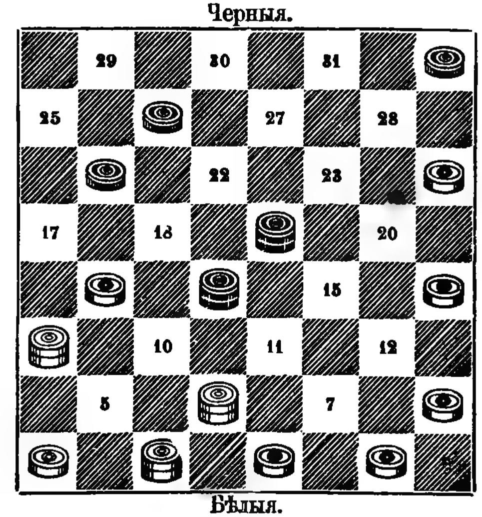
а	а	а	а	е
е	з	з	и	и
к	к	к	м	м
н	о	о	п	р
р	р	р	я	я

Магическ. квадр. № 45.

а	а	д	и	и
и	н	к	к	к
л	л	л	л	о
о	п	п	р	т
т	у	у	у	у

Шашечная задача № 46

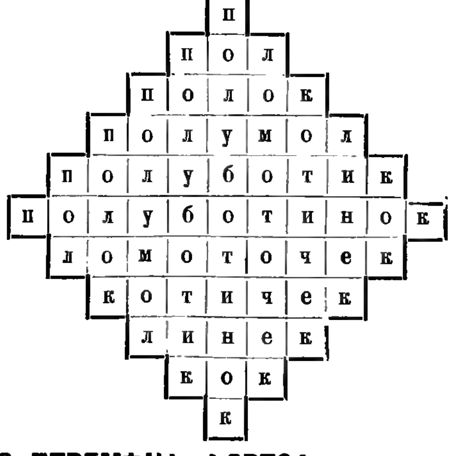
Черныя.

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ всѣхъ черныхъ.

Рѣшеніе магическаго креста № 35.

Заявленіе.

Контора журнала „Нива покорнѣйше проситъ тѣхъ немногихъ изъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, которые внесли деньги только за **первое полугодіе**, поторопиться возобновленіемъ подписки на **второе полугодіе**.—Въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ прекращена съ № 27, при чемъ гг. подписчики потеряютъ право на полученіе премій, слѣдуемыхъ гг. годовымъ подписчикамъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала «Нива» проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ Ф. Бергъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ТОВАРИЩЕСТВО ПЕЧЕНКИНА И К°

Конторы въ Казани, Саратовѣ и Екатеринбургѣ.
(Фирма существуетъ съ 1870 г.)

Продажа выигрышныхъ билетовъ 1-го и 2-го займовъ съ разсрочкою по 10 р. въ мѣсяцъ. Первый взносъ не менѣе 25 р. за разсрочку 50 к. въ мѣсяцъ. Страховка 60 к. съ маркой и пересылкой.
Исполняетъ всѣ прочія банкирскія операціи.

№ 764 **Адресъ Почтамту извѣстенъ.** 4—2

ВАЖНО ДЛЯ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

Франкфуртскія молотилки системы Вейла.

Должны быть вездѣ, гдѣ молотятъ. Это самыя лучшія, прочныя извѣстныя, дешевыя машины этаго рода. Всякій работникъ можетъ ихъ поставить, каждый поденьщикъ можетъ (ими пользоваться) **съ ними справиться**, каждый кузнецъ можетъ ихъ починить.

Машины эти, съ чистильщикомъ или безъ него, доставляются на каждую желѣзнодорожную станцію. Самой малой величины молотилка стоитъ только 76 рублей. По письменному требованію иллюстрированный каталогъ у **МОРИЦА ВЕЙЛА** младшаго.

Машинная фабрика въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ (въ Германіи).

Корреспонденція по русски.

Ptr. № 652 13—6

КЛЕЙ I-й с.

въ плиткахъ, предлагаетъ по очень дешевой цѣнѣ съ доставкою въ Варшаву фабрика **Th. Pyrkosch Ratibor** preuss. Schlesien D. 14048 № 772 8—1

Поступила въ продажу новая книга:

«ГЕОМЕТРІЯ ДЛЯ ГОРОДСКИХЪ УЧИЛИЩЪ»

составилъ **Владиміръ Ковалевъ.**

Цѣна 50 коп.

Продается въ кн. маг. въ С.-Петербургѣ: Гартье, Вернадскаго и Мартынова; въ Москвѣ: насл. бр. Салаевыхъ; въ Казани: А. А. Дубровина. Выписыв. отъ автора взъ г. Козьмодемьянска, за перес. не платятъ. Книгопродавцамъ 25% уступки. № 766 2—2

САМОЕ ВѢРНОЕ СРЕДСТВО.

МѢШКИ ОТЪ МОЛИ

съ усовершенствованнымъ запоромъ.

Мѣшокъ на одну шубу 4 р. 50 к. съ перес. 5 „
Мѣшокъ на двѣ шубы. 5 „ 50 „ съ перес. 6 „
Мѣшокъ на три шубы. 6 „ 50 „ съ перес. 7 „
Мѣшокъ на три муфты 2 „ 50 „ съ перес. 3 „

Л. ЦІОЛКОВСКІЙ и К°.
Невскій просп. № 54, С.-Петербургъ. Kl. № 757 5—3

ОТЪ МОЛИ

Желѣзистыя воды 1-го разряда. **КУПАНЬЯ С. МОРИЦЪ.** Лучшія климатическія условія

Въ Оберъ-Энгодинѣ. Швейцарія. 1769 м. надъ поверхностью моря.

Сезонъ съ 15 Іюня по 15 Сентября.

Отели: Кургаузъ, Викторія и Ди-Лакъ.

D. 14274. № 751 8—3.

КНИГИ

прод. пок. и прин. на коммиссію. Казань, кн. маг. Алексан. Ильича Овчинникова Объ эт. торговлѣ уже 9-й годъ (съ 1871 г.) публик., почти постоянно, въ Казан. газет. и мн. др. изд. № 589—11

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.

Съ разрѣшенія С.-Петербургской Врачебной Управы.

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО
- **Розовое** въ оловянной оберткѣ по 25 к.
- **Бѣлое** высш. кач. для дамъ и дѣтей „ 35 „
- **Прозрачное**, по разнымъ цѣнамъ, отъ 10 „
- „ Букетъ Императрисъ по 50 „

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

Обращать вниманіе при покупкѣ каждаго предмета на точность фирмы:

„С.-П.-БУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

1) **Невскій проспектъ, д. № 32,** Католич. церкви.
2) **Невскій просп.,** у Аничкова моста, № 66.
3) **Вознесенскій просп.,** уголъ Казанской ул., домъ № 18—54, Шредера.

Всѣ прочіе, магазины и лавки, имѣющіе вывѣски, сходные съ вывѣскою **С.-Петербургской Химической Лабораторіи,** ей не принадлежатъ.

ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ

ЦѢНЫ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ.

Пальто резиновое . . . . 14 р.
Плащъ съ крыльями . . 16 „
Тальма дамская . . . . . 12 „
Пальто офицерское . . . 17 „

Пальто эти 1-го сорта съ ручательствомъ за ихъ нелипкость. При заказѣ обозначить длину пальто и объемъ въ груди.

Оставшіяся изъ нашего отдѣленія при магаз. **„Фениксъ“.**

АНГЛІЙСКІЯ РЕЗИНОВЫЯ ПАЛЬТО

несмотря на повышеніе цѣнъ предлагаемъ съ пересылкою по

10 руб.

Центральное депо резиновыхъ издѣлій

Л. ЦІОЛКОВСКАГО и Ко.

Невскій пр., № 54. С.-Петербургъ.
Kl № 758 5—3

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы только что отпечатаны и поступили въ продажу НОВЫЯ КНИГИ:

Важная новость для сельскихъ хозяевъ и необходимая книга для желающихъ улучшить свое хозяйство и получать отъ него высокій доходъ.

САМОУЧИТЕЛЬ
ПОЛНАГО РУССКАГО
СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

Необходимое руководство для любителей сельскаго труда и для всѣхъ желающихъ изучить агрономію въ полномъ ея составѣ и, какъ **указатель средствъ,** для всѣхъ желающихъ улучшить свое хозяйство и получать отъ него постоянно высшій доходъ. Въ четырехъ частяхъ.

Часть первая: **хлѣбопашество, лѣсоводство, огородничество разведеніе и содержаніе плодовыхъ деревъ** и пр. Часть вторая: **скотоводство вообще: коневедство, птицеводство, пчеловодство, разведеніе рыбъ** и пр. Часть третья: сельскіе промыслы **сыровареніе, винодѣліе, рыболовство, мелочное хозяйство, издѣліе кирпичей, звѣроловство, птицеловство, полученіе крахмала, поташное производство** и пр. Часть четвертая: **постройка и расположеніе сельско-хозяйственныхъ зданій, Высочайше утвержденныя правила строительнаго устава для сельскихъ обывателей, сельско-хозяйственное счетоводство, лѣчебникъ, скотолѣчебникъ, сельско-полицейскіе законы** и проч.

Большой томъ, около 130 рисунковъ, болѣе 600 страницъ мелкой убористой печати. Составилъ агрономъ М. РУСАКОВЪ. М. 1880 г. **Цѣна 3 р.,** въ хорошемъ каленк. съ золот. тиснен. перепл. **4 р.** съ пересылкою.

Просимъ прочесть нѣсколько словъ по поводу этаго изданія:

Богатая природа обширнаго пространства Россіи даетъ намъ возможность и средства пользоваться щедрыми ея дарами. Разумно взявшись за сельское хозяйство, каждый изъ агрономовъ встрѣтитъ болѣе выгодъ, чѣмъ въ какой либо другой промышленности; это можно заключить изъ того, что разнообразная почва, разнообразный климатъ нашей Россіи даетъ намъ разнообразные продукты растительнаго царства. Но для того, чтобы пользоваться дарами природы, нужно прежде изучить ее какъ можно ближе, т. е. изучить сельское хозяйство какъ науку, которая послужитъ путеводителемъ и свѣтильникомъ въ дѣлѣ агрономіи

Предлагаемый нами **Самоучитель Сельскаго хозяйства** отличается противъ всѣхъ до сихъ поръ изданныхъ хозяйственныхъ книгъ тѣмъ, что изложенъ общепонятнымъ языкомъ и можетъ быть доступнымъ для каждаго, какъ **Самоучитель,** а также служитъ справочною кабинетною книгой для всѣхъ тѣхъ, кто желаетъ въ своемъ хозяйствѣ ввести улучшенія или измѣнить что либо къ лучшему.

Цѣна книги назначена самая доступная для каждаго.

Въ первый разъ появившійся въ свѣтѣ доступный по дешевизнѣ и общепонятному изложенію лѣчебникъ всѣхъ болѣзней половыхъ органовъ для всѣхъ лицъ, въ особенности же не имѣющихъ возможности прибѣгнуть къ совѣту доктора подъ названіемъ:

„ОПЫТНЫЙ ВРАЧЪ СЕКРЕТНЫХЪ БОЛѢЗНЕЙ“
настольная книга для молодыхъ людей.

Общепонятное практическое руководство къ излѣченію *венерической болѣзни, онанизма, безплодія мужчинъ и женщинъ, безсилія* и проч. болѣзней *половыхъ органовъ*. Составилъ *Новиковъ*, въ 3 част. М. 1880 г. Ц. 1 р., въ коленкоров. съ золот. тисн. переплетѣ 2 руб. съ пересылкою.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться съ своими требованіями въ Москву, Смоленскій рынокъ, близь церкви Николая на щепахъ, домъ Птицина, **Григорію Терентьевичу Брилліантову.**

Могутъ быть выписываемы всѣ, кѣмъ бы то не было публикованныя книги, посылаю съ первою отходящею почтою. № 770 1

МОЖНО ПОЛУЧАТЬ

въ Москвѣ въ собственныхъ магазинахъ: Никольская ул., домъ Бостанжогло. Ильинка, д. Троицкаго подворья. Петровка, домъ Петровскихъ линій.

Въ С.-Петербургѣ:
у Рузанова, Савельева, Сафронова, Аверьянова, Урлаубъ и Рейнбергъ. Литейная, на углу Бассейной улицы, и у прочихъ главныхъ торговцевъ. № 610. 16—9.

ВАЖНЫЯ НОВОСТИ!!

УЛУЧШЕННЫЕ АВТОМАТЫ ДЛЯ ИЗГОТОВЛЕНІЯ ПАПИРОСЪ
МАРТЫНА БРИ и К°.

состоящіе изъ ящика для табаку съ автоматическимъ **самодѣйствующимъ** снарядомъ для приготовленія папиросъ въ крышкѣ.

Изготовленіе папиросъ производится скоро и можно по желанію изготовить въ томъ же аппаратѣ и маленькія и большія.

Вполнѣ хорошо изготовленныя папиросы **выскакиваютъ изъ закрытаго ящика.**
Цѣны по нижеозначенной **единственной кладовой фабрики съ доставкою** для всей Россіи: № 1 изъ никкеля **3 р.** № 2 Мелко гравированные **4 р.** № 3 весьма изящные изъ тончайшей кожи **4 р. 50 к. Гг. торговцамъ большая уступка.**

ДАЛѢЕ

THE RUSS PUZZLE или ИГРА ВЪ ПЯТНАДЦАТЬ.

Новѣйшая прославившаяся американская игра, о которой почти всѣ здѣшнія и иностранныя газеты писали въ послѣднее время статьи.

Отсылка игры вмѣстѣ съ брошюрой, содержащей рѣшеніе задачи игры и исторію съ ней въ Америкѣ, Цѣна 1 р. за экземпляръ *съ доставкой во всѣ мѣста Россійской Имперіи.* **Гг. торговцамъ большая уступка.**

ГЛАВНОЕ ДЕПО ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ
Е. СМѢТАНИНОЙ
С.-Петербургъ, Большая Морская, № 21, кв. 28.
ИЩУТЪ АГЕНТОВЪ. Kl № 769.

XI годъ | № 24

годъ XI | 1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 14 Іюня 1880 г.

Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Авторъ русскаго народнаго гимна „Боже Царя Храни“.

Можно навѣрное сказать, что не найдется на Руси ии однаго человѣка, который бы не зналъ величественныхъ звуковъ нашего народнаго гимна. При каждомъ торжествѣ патріотическомъ, при каждомъ подходящемъ случаѣ (особенно при послѣднихъ событіяхъ, вызывающихъ усиленное выраженіе истинныхъ чувствъ народа), вотъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ раздается любимый торжественный гимнъ, но многіе ли поминаютъ талантливаго творца его, въ теченіи 14 лѣтъ отличаемаго вниманіемъ покойнаго Императора Николая Павловича, композитора, скрипача-виртуоза Алексѣя Федоровича Львова.

Самое происхожденіе народнаго гимна, теперь уже по напечатаннымъ матеріаламъ, разсказывается такъ: Покойный императоръ, изъяснивъ мысль народнаго гимна Львову, (тогда уже флиг.-адъютантъ и Свиты Его величества ген.-маіоръ), пожелалъ, чтобы композиторъ занялся этимъ дѣломъ Въ сентябрѣ 1833 г. гр. Бенкендорфъ доложилъ государю, что А. Ф. Львовъ написалъ уже народный гимнъ, который разученъ оркестромъ и пѣвчими. Собраны были въ пѣвческой капеллѣ оркестръ и всѣ пѣвчіе. Государь съ Императрицею и В. К. Михаиломъ Павловичемъ пріѣхали и выслушавъ „Боже Царя Храни“, Государь сказалъ: „Еще“. Въ другой и третій и наконецъ въ четвертый разъ прослушавъ музыку, Государь подошелъ къ А. Ф. Львову, обнялъ его и крѣпко поцѣловавъ, сказалъ:

— Спасибо, лучше нельзя. Ты совершенно понялъ меня.

Отецъ композитора и его семья находились въ залѣ и можно себѣ представить ихъ чувства. Но до 6 декабря прошло три мѣсяца а о музыкѣ этой не было слышно ни слова *). Многіе писали музыку на этотъ текстъ (Жуковскаго), слышно было, что у Императрицы въ гостинной поютъ и играютъ эти сочиненія, что Государь слышитъ ихъ, но не высказываетъ своего мнѣнія. Вдругъ 6 декабря 1833 г. онъ приказываетъ въ Москвѣ, въ Большомъ Театрѣ, послѣ спектакля исполнить гимнъ. Музы-

А. Ф. Львовъ. Композиторъ, авторъ русскаго народнаго гимна.
Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

*) Р. Ст. кн. 11 т. 3.

ка сдѣлала поражающее на всѣхъ впечатлѣніе, театръ былъ полонъ и три раза, при восторженныхъ крикахъ, гимнъ повторялся. Вездѣ заговорили объ этой молитвѣ русскаго народа. 25 декабря (день празднованія изгнанія французовъ изъ Россіи) „Боже Царя Храни" играли во всѣхъ залахъ Зимняго Дворца, гдѣ были собраны войска. Отецъ композитора рыдалъ въ углу. Самъ А. Ф. не пріѣхалъ, взволнованный эффектомъ произведенія и получилъ отъ гр. Бенкендорфа записочку гдѣ, говорилось, что онъ поздравляетъ автора съ огромнымъ впечатлѣніемъ, что Государь очень тронутъ и поручилъ передать автору, чтобы онъ самъ явился къ принцу Оранскому, восхищенному его музыкой и привезъ бы ему свой гимнъ самъ. Въ 1834 году А. Ф. Львовъ былъ приглашенъ разъ на вечеръ къ Императрицѣ, которая приняла его въ своей уборной, небольшой, изящно отдѣланной комнатѣ. Онъ нашелъ здѣсь Императрицу, великихъ княженъ и князей, гр. Віельгорскаго и Толстаго. Едва комнату освѣтили закрытыми лампами, какъ Императрица, услышавъ, что идетъ Государь по его маленькой лѣстницѣ къ ней, предложила всѣмъ пѣть „Боже Царя Храни" не громко и первая сама запѣла. Государь, услышавъ пѣніе, пріостановился и затѣмъ, весь въ слезахъ, вошелъ и сталъ обнимать Императрицу и дѣтей. Можно себѣ представить, что происходило тогда въ душѣ Львова.

А. Ф. Львовъ потомъ уже участвовалъ въ домашнихъ концертныхъ вечерахъ при дворѣ, въ которыхъ участвовали великіе князья и княжны и самыя приближенныя лица, понимавшія музыку и самъ Государь, тонко цѣнившій и любившій это искусство. И однажды, когда Государь проигралъ свою партію то А. Ф. Львовъ, обратившись къ кн. Голицыну замѣтилъ какая это чудная сила выраженія и вѣрность слуха.

— Льстецъ! замѣтилъ, улыбаясь, Государь.

— Я бы не смѣлъ этого говорить В. В. если бы этаго дѣйствительно не было, отвѣтилъ тотъ.

Алексѣй Федоровичъ Львовъ, скрипачъ-виртуозъ и композиторъ родился въ Ревелѣ въ 1798 году. Отецъ его былъ директоромъ придворной пѣвческой капеллы. Изъ Института Путей Сообщенія юноша былъ выпущенъ въ офицеры въ 1816 году. Отправленный въ знаменитыя военныя поселенія, онъ около 8 лѣтъ былъ занятъ разными работами и постройками. Это было вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, чтобы перваго офицера, кончившаго курсъ съ отличіемъ и записаннаго на золотой доскѣ, послать именно туда. Въ бытность свою въ помѣстьѣ Бенкендорфа Фалкѣ (близь Ревеля) Государь, увидѣвъ висячій мостъ, что А. Ф. Львовъ тамъ построилъ, мостъ удивлявшій своею легкостью и стройностью, замѣтилъ: „Это Львовъ свой смычокъ перекинулъ съ берега на берегъ!"—Тогда уже Львовъ былъ извѣстенъ какъ знающій свое дѣло инженеръ и прекрасный скрипачъ; какъ солистъ и квартетистъ, былъ онъ извѣстенъ и у насъ и за границею.

Въ 1826 г. онъ поступилъ адъютантомъ къ гр. Бенкендорфу, потомъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ и произведенъ въ генералъ-маіоры, свиты Его Величества, болѣе 20 лѣтъ управляя дѣлами Императорской Главной квартиры. Во все это время онъ пользовался особымъ расположеніемъ Императора, которому 14 лѣтъ всегда сопутствовалъ въ его поѣздкахъ и въ день свадьбы Львова въ 1838 г. (6 ноября) въ Аничковомъ дворцѣ, будучи посаженнымъ его отцомъ, Государь, шутя, спросилъ у его матери: „не сѣтуете ли вы на меня, что я такъ часто беру у васъ Алексѣя?" Въ 1853 году Львовъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники со званіемъ гофмейстера, въ 1855 г. назначенъ сенаторомъ. Директоромъ пѣвческой капеллы былъ съ 1837 по 1861 годъ; въ послѣдніе годы занимался разборомъ и приведеніемъ въ порядокъ всѣхъ церковныхъ напѣвовъ. Къ концу жизни сталъ глохнуть, а въ 1868 году оглохъ совершенно и умеръ въ 1871 году.

Учителями Львова въ композиціи были Миллеръ, Фуксъ, Спонтини. Онъ учредилъ „Музыкальное Общество" и понынѣ существующее и дающее концерты въ залѣ Пѣвческой капеллы и былъ вообще однимъ изъ видныхъ членовъ тогдашняго аристократическаго кружка музыкантовъ - меценатовъ, въ то время пропагандировавшихъ въ высшемъ обществѣ вкусъ къ камерной музыкѣ. Все имъ написанное отзывается большимъ вкусомъ и симпатичнымъ дарованіемъ, хотя не первоклассньмъ. Самое высокое, получившее всеобщую извѣстность его произведеніе—это народный гимнъ, первую строфу котораго въ 1848 г. Высочайше было повелѣно внести въ гербъ Львовыхъ. Затѣмъ онъ особенно занимался духовно-музыкальными композиціями, которыхъ считается у него до 50; кромѣ того цѣлые томы простаго церковнаго пѣнія и „Stabat Mater" для хора съ оркестромъ; оперы: „Біанка", „Ундина" и „Эмма"—первая изъ коихъ была исполняема итальянцами на Большомъ Театрѣ.

Личный характеръ покойнаго композитора отличался достоинствомъ и благородствомъ и заслуживалъ ему уваженіе и расположеніе всѣхъ его знавшихъ. Мачиха его Е. Н. Львова въ своихъ интересныхъ запискахъ („Р. Ст." кн. 11 т. 3) приводитъ трогательные эпизоды изъ жизни своего пасынка, дѣлающіе большую честь прямотѣ его характера и его доброму сердцу.

Купленное счастье.

Романъ Н. Морскаго.

(Продолженіе).

II.

Аптекарь.

Маршъ былъ трескучъ, а потому направлявшійся къ группѣ почетныхъ гостей Кожухонъ не счелъ за полезное сколько нибудь умѣрить силу своего шага, зная, что стукомъ сапогъ трудно заглушить звуки воинственнаго фанфара, исполняемаго дѣвицами Мюллеръ и Бервуа. Тѣмъ не менѣе на него замахали руками, вслѣдствіе чего онъ, какъ бы спохватившись въ сдѣланномъ имъ промахѣ, мгновенно приподнялся на носки и взялъ въ сторону, обозначая этимъ, что откладываетъ честь засвидѣтельствовать свое почтеніе m-me Перфиловой до окончанія увертюры. M-me Перфилова старалась смягчить остановившее его маханье и подзывала его теперь улыбками и манoвеніями головы. Тогда онъ приблизился къ ней легко и неслышно.

— Такъ поздно! упрекнула она его, подавая ему свою ручку.

Онъ почтительно цѣловалъ протянутую руку, желая засвидѣтельствовать свое почтеніе женщинѣ, воспитавшей его жену. Боясь нарушить музыкальное исполненіе даже шопотомъ произносимыхъ словъ, онъ сдѣлалъ рукою жестъ, долженствовавшій означать, что былъ занятъ по горло и почтительно поклонившись остальнымъ гостямъ, группировавшимся около m-me Перфиловой, при чемъ его большіе глаза успѣли съ непостижимою быстротой обѣжать каждаго изъ нихъ и произвести имъ мысленную оцѣнку, скромно сталъ позади главы пансіона и весь превратился въ слухъ и сосредоточенное вниманіе. Въ это время звуки торжественнаго марша стихли и легкими модуляціями дѣвицы Мюллеръ и Бервуа перешли въ какую-то молитву, плавными аккордами возносящуюся къ небесамъ.

— Délicieux! закатила глаза m-me Перфилова, обращаясь къ Кожухову.

Онъ согласился съ нею, выражая свое согласіе задумчивымъ наклоненіемъ головы и сантиментально-умильнымъ выраженіемъ лица, не прибавляя къ этому ни слова и съ прежнимъ вниманіемъ дослушалъ увертюру до благополучнаго конца... Ахъ, какъ это хорошо!

Смолкнувшій было въ продолженіи игры говоръ, возникъ одновременно съ ея прекращеніемъ. Гости хвалили исполнительницъ, обращая свои похвалы впрочемъ не столько къ нимъ, сколько къ самой m-me Перфиловой, скромно отъ нихъ конфузящейся... Дѣти такъ плохо играютъ: право ей совѣстно принимать похвалы, совершенно незаслуженныя. Конечно употреблены были старанія, но онѣ мало успѣли.

— Ma tante, выросъ передъ Жюли Кожуховъ, почтительно нагибаясь къ ея рукѣ.

Жюли говорила въ это время съ Батраковымъ и думала ограничиться возможно холоднымъ привѣтствіемъ съ нелюбимымъ племянникомъ, но Батраковъ, глядя въ упоръ на Кожухова, почтительно смотрящаго на него, какъ бы чего-то отъ него ожидавшаго, указалъ по направленію его пальцемъ и вставляя въ глазъ монокль, освѣдомился у Жюли своимъ обычнымъ способомъ:

— Это какой такой?

При этомъ вопросѣ Кожуховъ нагнулся ниже и поклонился. Жюли съ явнымъ пренебреженіемъ назвала его:

— Мой племянникъ; сынъ покойнаго брата Анатолія.

Тогда Батраковъ кивнулъ Кожухову и освѣдомился лаконически:

— Гдѣ получили образованіе?

Кожуховъ назвалъ университетъ.

— Служите?

Кожуховъ отвѣтилъ отрицательно. Тогда Порфирій Павловичъ поразилъ его совершенно неожиданнымъ выводомъ:

— Значитъ не вѣрите въ Бога.

И не дождавшись отвѣта на столь интимный вопросъ разсказалъ... Въ Москвѣ... Вава Лещинская... Совершенный цвѣтокъ, только что распустившаяся роза... дѣвушка знатная: мать—рожденная графиня Дезоръ, дядя—Ахлебининъ... Имѣла громадные успѣхи въ свѣтѣ... и вдругъ:—пріѣзжаетъ ко мнѣ, грустная, задумчивая... Ахъ, Порфирій Павловичъ, я схожу съ ума!.. Спрашиваю: какъ такъ?—Ахъ, Порфирій Павловичъ, міръ потерялъ для меня свою прелесть... Сіяетъ солнце—и не радуетъ меня; цвѣты распускаются—ахъ, зачѣмъ они цвѣтутъ!.. Глажу ее по головкѣ: что съ тобой, мой другъ? Залилась слезами... Я говорю ей: Создатель далъ намъ эту землю, чтобы мы трудились на ней и вкушали отъ своихъ трудовъ—миръ и покой!.. Порфирій Павловичъ, да я же въ книгѣ прочла, что все это неправда... И резюмировалъ почтительно выслушавшему Кожухову разсказъ:

— Ложная идея.

— Я съ вами вполнѣ согласенъ, ваше превосходительство, я человѣкъ вѣрующій.

— Отчего-жъ вы не служите?

Порфирій Павловичъ строго смотрѣлъ на Кожухова, понравившагося ему своею почтительностью. Кожуховъ, нисколько не смущаясь такого рода допросомъ, какъ бы считая его вполнѣ законнымъ, изложилъ требуемое съ полнѣйшей откровенностью и надлежащею ясностью.

— Сворачивать съ пути, на который сталъ, ваше превосходительство, трудно,—началъ онъ.—Россія служащая была и будетъ полезна, но для всякаго образованнаго государства нужно развитіе и такъ сказать эксплуатація и иныхъ родовъ дѣятельности, которые не мнѣ называть вашему превосходительству.

И съ улыбкой наклонилъ голову передъ Порфиріемъ Павловичемъ. Тотъ, ни сколько не стѣсняясь его присутствіемъ, обратился къ Жюли.

— Онъ говоритъ дѣльно.

И поощрилъ его

— Продолжайте.

— Вѣкъ ознаменовался,—возобновилъ Кожуховъ свой докладъ,—чрезвычайнымъ ростомъ естественныхъ наукъ.. Ихъ философская сторона, ихъ работа, клонящаяся къ развитію собственно знанія для знанія, науки для науки осталась чуждою толпѣ...

— Ну, да,—согласился Батраковъ и ткнулъ на Жюли пальцемъ:—вотъ она называетъ химію глупостью...

Жюли таращила глаза, ровно ничего не понимая въ словахъ племянника, будучи твердо убѣждена, что онъ несетъ чепуху. Кожуховъ снисходительно улыбнулся.

— Но толпа, ваше превосходительство, знала только такія поразительныя примѣненія естествознанія, какъ паровыя машины, желѣзная дорога, телеграфъ...

— Такъ.

— Эти примѣненія, ваше превосходительство, — вызвали необычайное оживленіе въ торговлѣ, въ передвиженіяхъ капитала и отразились на биржевой игрѣ... Богатства создавались съ необычайной быстротой и...

— И?

— И что-то подобное страсти картежника, что-то лихорадочное и стремительное, ваше превосходительство, что-то такое въ чемъ есть счастіе и жизнь, охватила большинство...

— Вы говорите дѣльно,—надумалъ Порфирій Павловичъ подать Кожухову кончики пальцевъ, которые тотъ пожалъ почтительно, — но вы не правы... практика не все... Развѣ Гумбольдтъ подымающійся на шарѣ, чтобы въ высшихъ слояхъ атмосферы опредѣлить составъ воздуха, не вызываетъ къ себѣ почтенія? Развѣ Либихъ...

Кожуховъ осмѣлился его прервать.

— Большинство, ваше превосходительство, не знаетъ объ этомъ... Большинство цѣнитъ науку по стольку, по скольку она что нибудь даетъ для жизни... Наука ради одного теоретическаго знанія недоступна пониманію толпы..

— Но вы, образованный человѣкъ, должны вести толпу, а не она васъ...

Кожуховъ поклонился съ любезной улыбкой.

— Мы предоставляемъ это болѣе сильнымъ умамъ, и сами увлекаемся въ движеніи большинствомъ...

— Гм... дѣти большинства... Вы кажется химикъ?

— Да.

— И занимаетесь?

— Я работаю надъ искусственнымъ приготовленіемъ хинина...

И вновь о своей спеціальности распространился... Въ техникѣ это чрезвычайно важно... За открытіе хинина одно лондонское ученое общество назначило громадную премію... Батраковъ ядовито подчеркнулъ такую техническую попытку Кожухова.

— Аптекарь.

Вечеръ подходилъ къ концу. Оставленный Батраковымъ, Кожуховъ вертѣлся повсюду. Нѣсколько разъ онъ подъѣзжалъ было съ различными любезностями къ тетушкѣ, но встрѣчалъ холодный пріемъ. Къ женѣ онъ не собрался подойти довольно долго. Издали онъ указалъ на нее теткѣ.

— Моя жена здѣсь, ma tante... Позволите ее представить вамъ?

Жюли съ ядовитостью отклонила отъ себя подобную честь.

— Имѣла удовольствіе быть представленной, отецъ мой.

Онъ сдѣлалъ большіе глаза.

— Какъ, ma tante, вы—представленной? полноте шутить!...

— Да, вонъ этотъ чудодѣй,—Жюли кивнула на Батракова,—подвелъ меня къ вашей супругѣ и представилъ.

Она смотрѣла съ какимъ-то недоброжелательствомъ на Катерину Александровну, оставшуюся одинокою и по прежнему сидящую съ холоднымъ и безучастнымъ видомъ ко всему происходящему около нея.

— Изъ графинь вѣрно взяли?

— Ахъ, ma tante, какъ шутите зло... Моя жена — безъ роду, безъ племени... Она—воспитанница госпожи Гавриловой.

И Кожуховъ кивнулъ на сладостно задремавшую въ креслѣ Клеопатру Петровну... Тише прежняго и старательно разглядывая кружева своей мантильи, Жюли полюбопытствовала.

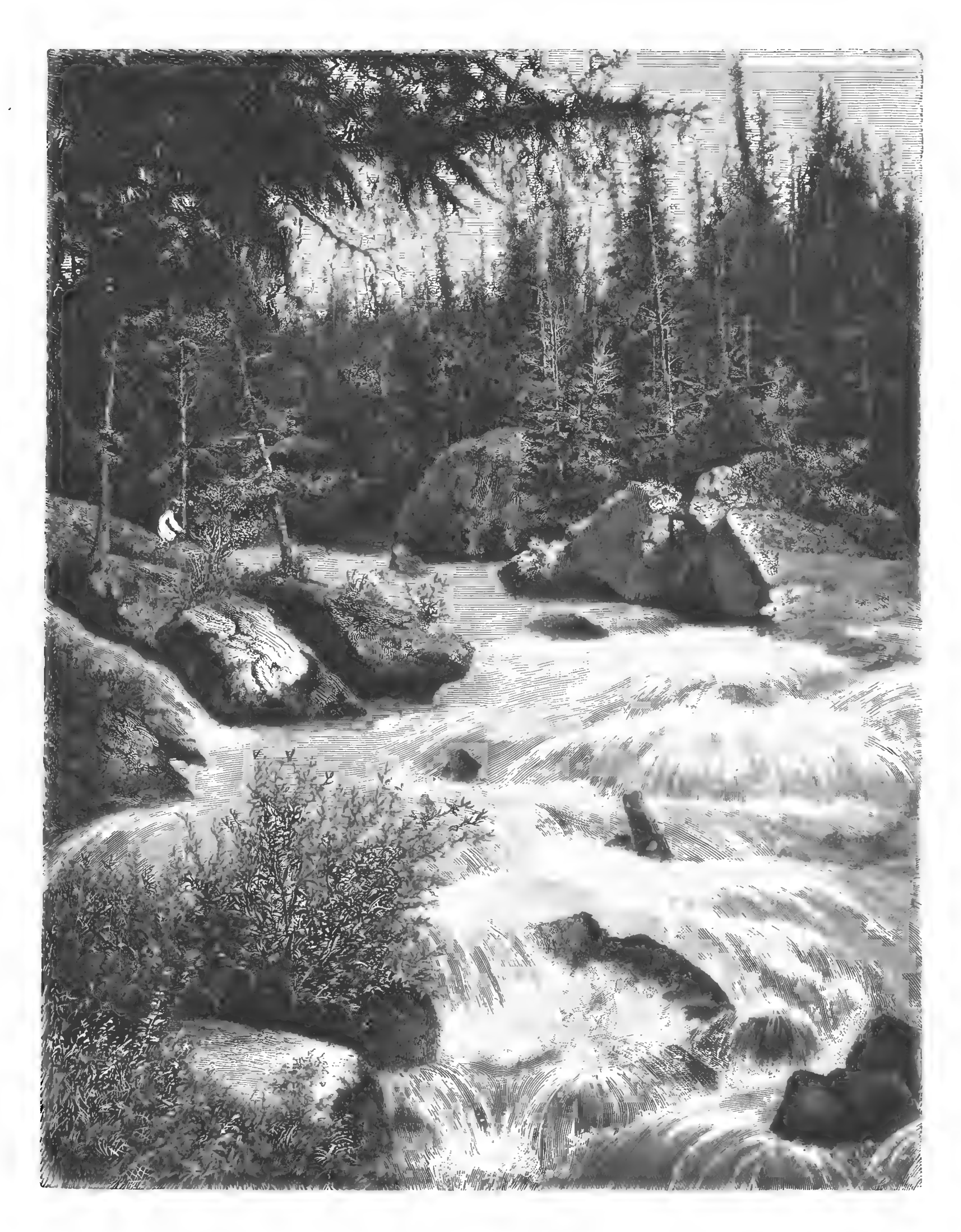
— У ней много этихъ воспитанницъ кажется было?.. не одна?

При этомъ вопросѣ, казалось бы совершенно невинномъ, Кожуховъ пристально всмотрѣлся въ тетку. Чувствуя его взглядъ на себѣ, Жюли подняла глаза отъ старательно разглядываемаго ею кружева, посмотрѣла подозрительно на племянника и сощурившись, стала смотрѣть вдаль, какъ бы стараясь что-то разглядѣть. Все это не укрылось отъ проницательнаго племянника и продолжая пристально смотрѣть на тетушку, онъ далъ ей точный отвѣтъ:

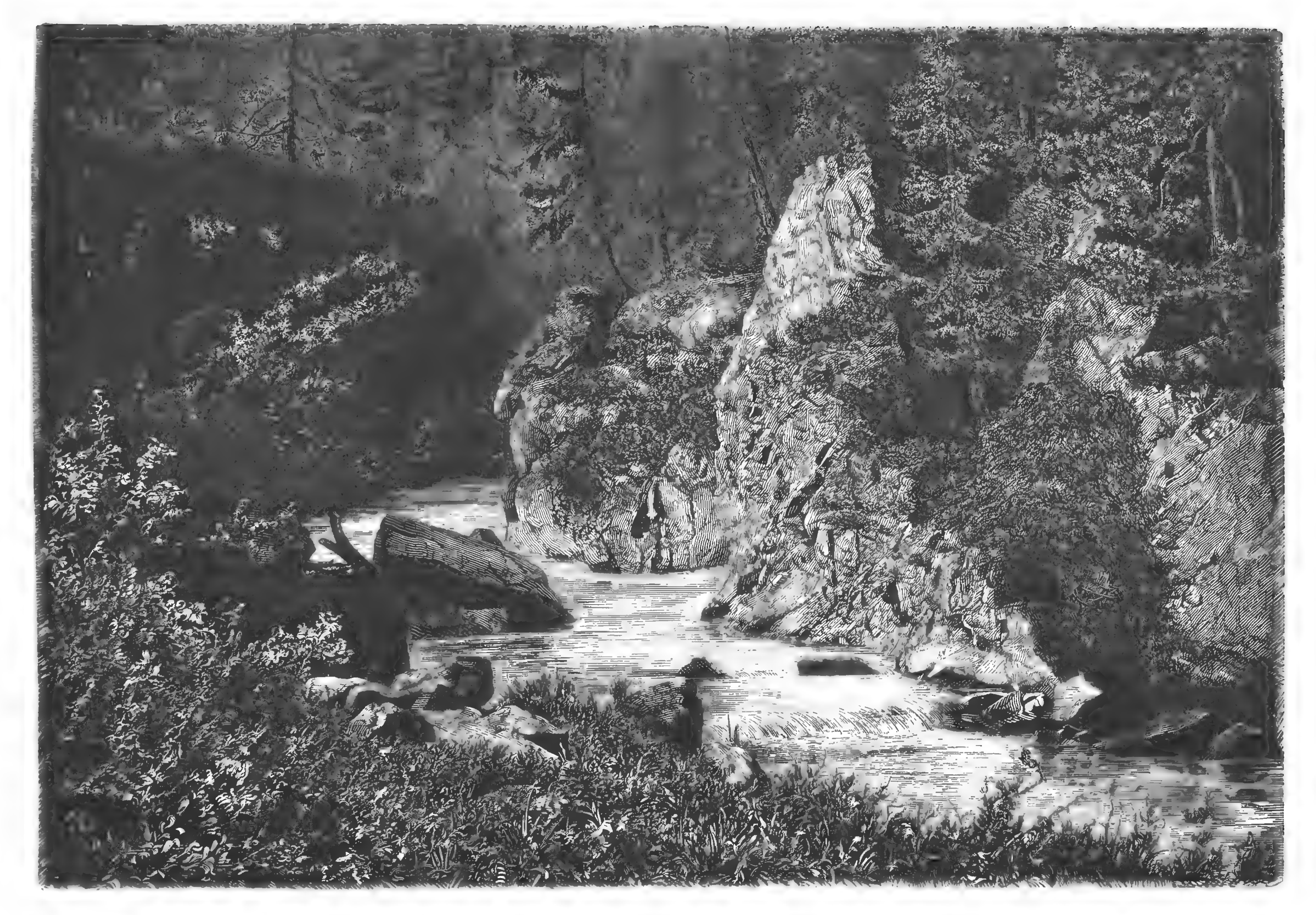
— Не одна, ma tante, не одна. У нея были три воспитанницы... не одна.

Разговоръ прервался. Въ это время къ Жюли подошелъ Батраковъ.

— Ѣдемъ, завезу... Пора.

Семипалатинская область. Водопадъ на рѣкѣ Катуни. Съ фотогр. г-жи Полторацкой, грав. М. Рашевскій.

Семипалатинская область. Верховья рѣки Катуни. Съ фотогр. г-жи Полторацкой, грав. Флютель.

Жюли заторопилась.

— Ну, господинъ аптекарь, — протянулъ Батраковъ Кожухову кончики, пальцевъ,—надѣюсь наше знакомство этимъ не кончится: когда нибудь ко мнѣ, обѣдать съ женой.

Кожуховъ почтительно наклонился.

Взявъ Жюли подъ руку, Батраковъ направился съ нею къ выходу. На дорогѣ дремала Клеопатра Петровна, проходя мимо которой Батраковъ слегка ударилъ ее перчаткой по плечу. Она широко и удивленно открыла глаза.

— Прощай, клюква.

— Озойникъ,—опомнилась она, — сказая бойдо... не кьюква...

И понявъ, что онъ уѣзжаетъ, спохватилась.

— Поя и мнѣ съ Катишь.. Катишь, а Катишь! гдѣ ты!

Но остановилась, ибо въ это время началась заключительная часть празднества, состоящая въ томъ, что воспитанницы пансіона госпожи Перфиловой, одѣтыя въ пестрые и разнообразные костюмы живущихъ въ Россіи племенъ, появились въ залѣ. Тутъ были красные и голубые сарафаны, малороссійскія вышитыя рубашки, татарскіе бешметы, мордовскіе и чувашскіе костюмы... Изъ составившейся пестрой группы выходили различныя національности и рекомендовались публикѣ въ болѣе или менѣе звучныхъ четверостишіяхъ, сочиненныхъ учителемъ русской словесности Протоклитовымъ. Одна дѣвица, костюмированная крымской татаркой, произнесла читая нѣсколько нараспѣвъ и съ чувствомъ не отвѣчающимъ содержанію, четверостишія

Кипарисы, олеандры
Сводомъ тамъ сплелись густымъ—
Родилась я близь Массандры,
Мнѣ отчизна—южный Крымъ...

III.
У бездомныхъ.

Вечеръ въ пансіонѣ госпожи Перфиловой окончился ровно въ двѣнадцать, но не смотря на такой поздній часъ, Кожуховъ, усадивъ жену и Клеопатру Петровну въ наемную карету, отклонилъ предложеніе подвезти его вмѣстѣ съ Катишь до дому (Клеопатра Петровна остановилась въ меблированныхъ комнатахъ), сказавъ, что ему еще надо завернуть на одинъ званый вечеръ. Карета отъѣхала и Кожуховъ, посмотрѣвъ ей вслѣдъ, кликнулъ извозчичьи санки, и, поторговавшись довольно основательно, велѣлъ везти себя въ одинъ изъ малоизвѣстныхъ переулковъ, расположенныхъ между Знаменской и Таврическимъ садомъ. Плотно закутавшись въ шубу, онъ все время продолжительнаго пути, ему предстоящаго, рѣшилъ отдаться своимъ сокровеннымъ думамъ.

Незадолго передъ этимъ наклевалось одно дѣльце, сулившее ему въ будущемъ порядочный кушъ. Составленіе хинина искуственнымъ путемъ отошло на задній планъ, да и кой чортъ, когда еще этотъ хининъ откроешь!.. Подъ руками было нѣчто другое, только слѣдовало половчѣе его оборудовать. Именно въ лабораторію того профессора, подъ руководствомъ котораго Кожуховъ добывалъ хининъ, Грязовскимъ земствомъ было прислано нѣсколько образчиковъ почвы съ просьбою произвести ихъ анализъ. За каждый изъ такихъ анализовъ предлагалось по 300 рублей, а всѣхъ ихъ слѣдовало сдѣлать пять или шесть, слѣдовательно за всю работу предстояло получить отъ 1,500 до 1,800. Такую работу надлежало произвести въ возможно скоромъ времени. Лично отъ себя профессоръ отклонилъ предложеніе земства, а такъ какъ дѣло случилось передъ самымъ Рождествомъ, многіе изъ студентовъ и постороннихъ лицъ прекратили свои занятія и лабораторія оставалась пуста, то профессоръ могъ предложить изслѣдованіе почвъ только Кожухову, не смотря на праздничное время продолжавшему свои занятія надъ хининомъ. Долго не думая, Кожуховъ принялъ сдѣланное ему предложеніе. Изъ всѣхъ шести анализовъ онъ могъ разсчитывать произвести самъ не болѣе одного или двухъ; для остальныхъ четырехъ или пяти ему слѣдовало отыскать помощниковъ, что было не легко. Теперь онъ ѣхалъ именно по этому дѣлу въ одни меблированныя комнаты, въ которыхъ самъ проживалъ до женитьбы и въ которыхъ помѣщался въ настоящее время одинъ знакомый ему технологъ Корольковъ, поддерживавшій свое существованіе даваніемъ уроковъ за баснословно дешевыя цѣны, перепискою бумагъ и грошевыми переводами. Какими-то непостижимыми силами этотъ Корольковъ, тратясь ежедневно на самый скучный и занимающій много времени трудъ изъ-за питанія, успѣвалъ извѣстное число часовъ посвящать на спеціальныя занятія химіей, въ которой не былъ невѣждою. Кожуховъ отлично понималъ, что купить трудъ Королькова за безцѣнокъ и рѣшился обратиться къ нему. Какъ-то ему разсказывали, что одинъ извѣстный профессоръ, взявшись произвести изслѣдованіе различныхъ образчиковъ водъ, набралъ себѣ помощниковъ, которымъ платилъ по три и по пяти рублей за каждый отдѣльный анализъ, за который самъ получалъ чуть-ли не по сту. Кожуховъ льстилъ себя надеждою, не будучи „извѣстнымъ профессоромъ“, устроить свое дѣльце еще выгоднѣе, зная что Корольковъ и, такъ какъ его одного было мало, еще какой-нибудь бѣднякъ, останутся довольны, получивъ за каждый анализъ по десяти рублей. Въ такомъ случаѣ самъ Кожуховъ имѣлъ бы чистой прибыли на каждомъ анализѣ 290 рублей.

Руководствуясь такими соображеніями, Кожуховъ еще утромъ побывалъ у Королькова. По наружности Корольковъ оказался очень блѣднымъ и вялымъ молодымъ человѣкомъ, съ необыкновенно кроткими голубыми глазами, смотрящими какъ-то робко. Изъ предложенныхъ и удачно разрѣшенныхъ вопросовъ, практическій и острый умъ Кожухова понялъ, что Корольковъ подходитъ именно къ тому, чего онъ искалъ. Кожуховъ разсказалъ подробно, что ему надобно и видѣлъ, что молодой человѣкъ не прочь отъ предлагаемой ему работы, и также, что вознагражденіе, какое ему ни дай, онъ приметъ съ полнѣйшей готовностью. Но одного помощника Кожухову было недостаточно. Условившись обо всемъ, онъ спросилъ Королькова:

— Нѣтъ-ли у васъ батенька, товарищей какихъ?.. Вдвоемъ намъ вѣдь не справиться...

Корольковъ подумалъ и какъ-то нерѣшительно произнесъ:

— Есть одинъ...

— Знающій человѣкъ?

— О да—даже очень...

— Вотъ и прекрасно, давайте сюда вашего знающаго человѣка.

Но Корольковъ, замявшись и даже покраснѣвъ, далъ довольно странный отвѣтъ:

— Его трудно отыскать...

— Ведетъ разсѣянную жизнь? полюбопытствовалъ Кожуховъ.

— Нѣтъ; но видите-ли: онъ лежалъ долго въ больницѣ, а когда вышелъ...

— Ну-съ?

— Ему негдѣ было жить... Теперь онъ досталъ кой-какія занятія... но еще недавно. Плата впереди. Вотъ онъ и живетъ безъ квартиры.

— Гдѣ же его отыскать?

Корольковъ развелъ руками.

— Его только и можно найдти ночью...

— Ночью? но гдѣ же?

— Въ ночлежномъ пріютѣ... Вѣдь надо же ему гдѣ нибудь ночевать; одолжаться онъ не хочетъ...—какъ бы извинился за товарища Корольковъ, смотря на Кожухова своими кроткими, голубыми глазами.

Но этотъ Кожуховъ оказался рѣшительно очарователенъ. Все это было въ порядкѣ вещей. Бѣдность между учащеюся молодежью такое обыкновенное явленіе... тутъ нечего стыдиться. И вдругъ предложилъ:

— Моя работа поможетъ вашему товарищу... Я могу дать ему впередъ.

И задалъ вопросъ.

— Но во что бы то ни стало его надо найдти?

И задумался, опустивъ свои бѣгающіе глазки...

— Надо, надо помогать ближнимъ,—воскликнулъ и съ смѣлостью и рѣшительностью, готоваго на все человѣка, предложилъ Королькову: знаете что? Сведите меня въ ночлежный пріютъ... Время не терпитъ: онъ, вашъ товарищъ, въ нуждѣ, да и работа спѣшная... Сведите меня сегодня...

И вотъ теперь, сказавъ женѣ, что ему надо побывать еще на одномъ званомъ вечерѣ, Кожуховъ ѣхалъ къ Королькову, съ которымъ намѣревался отправиться на поиски злополучнаго химика, даже не имѣющаго угла... Королькова Кожуховъ засталъ ожидающимъ его и, такъ какъ было уже довольно поздно, торопливо переодѣвшись, снявъ свой бальный костюмъ, замѣнивъ его какимъ-то старымъ драповымъ пальтишкомъ, оба химика вышли изъ дома и взявъ извозчика, отправились въ путь.

Около двухъ часовъ ночи спутники вылѣзли изъ извозчичьихъ саней на Измайловскомъ проспектѣ и пошли по направленію къ Обводному каналу, гдѣ помѣщался одинъ изъ многочисленныхъ въ Петербургѣ ночлежныхъ пріютовъ. Снѣгъ таялъ, образуя огромныя лужи, блиставшія при свѣтѣ фонарей. Повернувъ по Обводному на лѣво, спутники скоро подошли къ помѣщенію ночлежниковъ. Двѣ дощечки, положенныя черезъ лужи вели въ калитку, надъ которой висѣлъ тусклый фонарь. Кожуховъ и Корольковъ вошли черезъ эту калитку во дворъ двухъэтажнаго каменнаго дома и направились къ ближайшему крыльцу. Каменная, сырая, съ мокрыми по стѣнамъ пятнами, лѣстница, окрашенная желтой краской и освѣщенная керосиновой лампой, вела на верхъ. На право небольшая дверь приводила въ „простонародное" отдѣленіе пріюта, откуда, не смотря на поздній часъ, слышались голоса. Минуя эту дверь, спутники поднялись во второй этажъ, гдѣ опять таки направо виднѣлась другая дверь, надъ которой черными печатными литерами была сдѣлана надпись: „отдѣльныя кровати и докторъ".

— Здѣсь? спросилъ Кожуховъ.

Корольковъ молча кивнулъ головой и отворилъ тяжелую дверь на блокѣ. Сразу вошедшихъ обдало какой-то духотой... Огромная, окрашенная какъ и лѣстница желтой краской, комната была уставлена четырьмя параллельными рядами кроватей, крытыхъ малиновыми байковыми одѣялами, съ парусинными подушками на изголовьяхъ. Небольшая лампочка освѣщала покой; около входа, отгороженнаго деревянной рѣшеткой, у столика сидѣли городовой и прислужникъ, собирающій съ входящихъ по гривеннику. Большинство постелей было занято, хотя ночлежники, не смотря на поздній часъ, еще не спали... Многіе курили, разговаривая другъ съ другомъ, другіе слушали разговоры; двое или трое угрюмо завернувшись въ одѣяла, лежали съ закрытыми глазами, хотя и не спали. Бѣлая собаченка, пришедшая съ кѣмъ то изъ ночлежниковъ, свернулась калачикомъ у ногъ своего господина, оберегая его отъ проходящихъ сдержаннымъ лаемъ... Надо всѣмъ этимъ царилъ жаръ, спертый воздухъ и полусвѣтъ.

Кожухову и Королькову указали на свободныя койки. Тщательный обходъ и осмотръ ночлежниковъ не открылъ между ними Королькову его товарища.

— Онъ можетъ еще прійдти, сказалъ Корольковъ своему спутнику, и въ ожиданіи этаго прихода они закурили папиросы и легли на стоящія рядомъ койки, прислушиваясь и приглядываясь къ окружающимъ.

Городовой и прислужникъ у входа дремали, изрѣдка перебрасываясь другъ съ другомъ словами... Въ одномъ углу перебранивались какіе-то старики... Младшій прислужникъ, то и дѣло подзываемый то однимъ, то другимъ изъ ночлежниковъ, разносилъ отъ койки къ койкѣ, плохо прикрываемую полою пиджака, бутылку и небольшой стаканчикъ... Что-то лилось изъ горлышка, звякали мѣдныя деньги и чаще и чаще раздавались пьяные голоса. Вдругъ, входная дверь съ шумомъ отворилась и на порогѣ появилось новое, очень интересное лицо.

Оно появилось съ необычайнымъ шумомъ и шикомъ. Шляпа, фасона художниковъ, заломленная на бекрень, завитые колечками усы, пенснэ на широкой черной ленточкѣ,—вообще костюмъ съ нѣкоторой претензіей на щегольство, мало идущее къ мѣсту... Вошедшій былъ высокъ ростомъ, даже красивъ, еслибы не нѣсколько пошловатый оттѣнокъ физіономіи, напоминающей нѣчто парикмахерское и вывѣсочное. Смотрѣлъ онъ на всѣхъ съ какимъ-то презрѣніемъ и, войдя, небрежно кивнулъ головой прислужникамъ и городовому, бросилъ на столъ деньги и обвелъ величественнымъ взглядомъ комнату. Его повидимому здѣсь уважали: прислужники, не церемонящіеся съ другими ночлежниками, повскочили съ своихъ мѣстъ и привѣтствовали вошедшаго съ тѣмъ почтеніемъ, съ какимъ привѣтствуютъ половые въ трактирахъ щедрыхъ посѣтителей... Младшій прислужникъ бѣжалъ впереди новоприбывшаго, чтобы указать ему ложе. А онъ съ презрѣніемъ смотрѣлъ вокругъ на различныхъ ночлежниковъ. Какой-то старикашка въ гороховомъ пальто, съ темной физіономіей и блестящими изъ-подъ густыхъ бровей глазами, приподнялся при появленіи высокаго господина и какъ-то боязливо и нерѣшительно взглянулъ на него. Высокій господинъ кивнулъ ему:

— Я недурно провелъ день,—сказалъ онъ ему и подойдя къ койкѣ, на которой прислужникъ отгибалъ одѣяло и взбивалъ подушки, легъ и протянулъ ноги, чтобы съ него стащили сапоги, что и было немедленно исполнено...

Койка, на которой онъ помѣстился, стояла отдѣленная однимъ ночлежникомъ отъ той, на которой лежалъ старикъ въ гороховомъ пальто... Полураздѣваясь, новоприбывшій продолжалъ со старикомъ громогласную бесѣду, показавшуюся Кожухову довольно интересною. Высокій господинъ спрашивалъ старика:

— Нуждаешься?

— Такіе дни, такіе дни! отвѣчалъ стонущимъ голосомъ старикъ,—и провожу вдали отъ семейства... Ноги болятъ... Пріѣхалъ за получкой—и не получилъ... Дѣло извѣстное.

Старикъ имѣлъ во всемъ своемъ видѣ нѣчто жалкое и просительное, что-то въ родѣ того, когда собака сидитъ и смотритъ въ глаза господину, который ѣстъ. Голосъ у него былъ мягкій; говоря, онъ постоянно протягивалъ правую руку къ тому съ кѣмъ говорилъ, образуя при этомъ изъ ладони и согнутыхъ пальцевъ нѣчто въ родѣ чашечки. Высокій господинъ сообщилъ ему:

— Дама одна нуждается въ урокахъ гимнастики.

— Активной не могу-съ...

— Нѣтъ, какую ей активную... Дама полная, рыхлая... Понимаешь: сидѣла, сидѣла и насидѣла она, мой другъ, себѣ болѣзнь...

— Такъ-съ.

— Такъ вотъ и сходилъ бы ты къ ней... А?... понимаешь?

— Понимаю.

— Поговорилъ бы, да поговорилъ бы подольше, по основательнѣе. Разумѣешь?

— Разумѣю-съ... Вознагражденіе-то достаточное-ли?

— А не знаю... Скуповата дама сія. Впрочемъ—приглядись хорошенько и суди... Хорошенько приглядись...

— Какъ не поглядѣть, погляжу-съ...

Все время разговора собесѣдники перебрасывались какими-то загадочными взглядами, какъ бы въ этой простой бесѣдѣ не договаривая чего-то, какъ бы за тѣмъ, что было произнесено, скрывалось что-то другое. Старичекъ полюбопытствовалъ:

— А вы что же?

— Я-то,—гордо посмотрѣлъ высокій господинъ на старика,—я другимъ дѣломъ теперь занятъ.

И оба замолчали. Временно по камерѣ пробѣжало нѣкоторое затишье, какъ бы легкое забытье успокоило всѣхъ. Снизу, изъ простонароднаго отдѣленія доносились голоса, слышались ругательства... На нѣкоторыхъ койкахъ раздавался храпъ; на другихъ ворочались съ боку на бокъ, почесываясь; слышались позѣвыванья; разметавшись въ тревожномъ снѣ, нѣкоторые бормотали какія-то несвязныя слова и ругательства... Старикъ въ гороховомъ пальто кажется заснулъ или притворился спящимъ; черноволосый господинъ лежалъ вверхъ лицомъ съ открытыми глазами. Кожуховъ и Корольковъ не спали.

— А его все нѣтъ,—сказалъ Кожуховъ, намекая на товарища Королькова, котораго они искали, но который все не являлся, хотя время близилось къ тремъ часамъ, —а, ну, какъ не придетъ?

— Право ужь не знаю...

— Подождемъ до пяти часовъ, а тамъ, если не придетъ—уйдемъ.

Все стихло. Старикъ въ гороховомъ пальто, до сихъ поръ лежавшій косною и неподвижною массой, заворочался на своемъ мѣстѣ и, приподнявшись и оглядѣвшись по сторонамъ, шопотомъ спросилъ высокаго господина, попрежнему лежащаго съ открытыми глазами:

— А къ кому идти-то?

Тотъ, не оборачивая головы, далъ отвѣтъ:

— Будетъ сообщено современемъ... Гимнастику-то не забылъ?

— Помню-съ... Всѣ пріемы отлично помню... Окачиваніе, Таліони, пилку дровъ, рубку...

— Молодецъ... Только посматривай получше...

— Посмотрю-съ. Будьте благонадежны.

Въ это время входная дверь на блокѣ снова завизжала и въ образовавшееся отверстіе не столько вошелъ, сколько влетѣлъ новый посѣтитель, чуть было не запнувшійся о порогъ и не растянувшійся на полу, еслибы его не удержала съ чрезвычайной находчивостью стойкая рука городоваго. Вошедшій, какъ-то по женски палъ въ объятія городоваго и насилу отдохнувъ отъ неожиданности испуга, поблагодарилъ своего спасителя на французскомъ діалектѣ:

— Merci.

И, потирая руку объ руку, щурясь и вглядываясь на лежащихъ, вошелъ за рѣшетку.

IV.
Составитель букетовъ.

Дойдя до середины комнаты, новоприбывшій молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати двухъ, средняго роста, блондинъ, одѣтый въ рваное пальтишко, остановился и обращаясь ко всѣмъ присутствующимъ, какъ бы въ опьяненіи, или въ какомъ-то непонятномъ и странномъ изступленіи, совершенно неожиданно отрекомендовался:

— Честь имѣю представиться, милостивые государи, плодъ любви, высокаго и святаго чувства, зажегшагося въ двухъ благородныхъ сердцахъ, одного именитаго дворянина и одной именитой дворянки,—Дмитрій Бариновъ.

И поклонился присутствующимъ. Высокій господинъ приподнялся съ своего ложа, съ чрезвычайнымъ любопытствомъ осмотрѣлъ съ головы до ногъ столь оригинально отрекомендовавшагося молодаго человѣка и одинъ отозвался на его слова:

— Да на кой же чортъ, любезный Дмитрій Бариновъ, знать намъ кто вы такой?..

Тогда молодой человѣкъ, котораго Кожуховъ принялъ за нѣсколько тронувшагося въ умѣ или подвыпившаго, отвѣтилъ высокому господину довольно загадочно:

— Васъ били когда нибудь, сударь?

— Нѣтъ, сударь, никогда.

— Нѣтъ,—оживился молодой человѣкъ, приближаясь къ высокому господину,—вы не знаете слѣдовательно всей боли, всего ужаса того, когда бьютъ. Вотъ я вамъ и разскажу объ этомъ.

И не дожидаясь согласія, присѣлъ на край койки, занятой высокимъ господиномъ.

— Да убирайтесь вы къ чорту съ вашимъ разсказомъ. Я спать хочу, а не слушать васъ.

— Спать вы не хотите,—проницательно всмотрѣлся въ высокаго господина Бариновъ,—и другіе многіе не хотятъ... Вотъ я и разскажу вамъ...

Такая странная навязчивость даже разсмѣшила высокаго господина.

— Да чортъ васъ возьми,—развелъ онъ руками, да говорите, коли ужь такая охота пришла... А я буду спать: вы, знаете, какъ баба старая, разсказывайте сказки...

И закрылъ глаза, что нисколько не смутило молодаго человѣка, рѣшившагося во что бы то ни стало разсказать свою исторію. Онъ спокойно усѣлся на краю кровати и произнесъ:

— Ну, да, ну сказки буду разсказывать, что-жъ?.. И другіе послушаютъ, кто не спитъ.

Дѣйствительно его слушали. Кожуховъ и Корольковъ подняли головы съ изголовья и въ полусидячемъ положеніи ожидали интереснаго разсказа. Многіе изъ ночлежниковъ, не могшихъ уснуть отъ жара и духоты, отъ различныхъ насѣкомыхъ, приподнялись съ мѣстъ и присѣли. Любовь къ разсказу, къ сказкѣ, къ повѣствованію, эта такъ сказать народная черта, прогнала сонъ и не смотря на поздній часъ, слушатели нашлись. Послышались голоса:

— Да кто такой?.. Русскій что ли?

Обычная скромность ночлежниковъ, правило практикуемое ими—„я дескать вотъ такой и такой-то, а кто ты, если самъ не объявляешь, мнѣ нѣтъ до этаго никакого дѣла,—исчезли. Откровенный молодой человѣкъ поразилъ отвѣтомъ на предложенные ему вопросы:

— Кто я?.. Называюсь Дмитріемъ Бариновымъ, и на самомъ дѣлѣ никакаго отчества не имѣю и въ настоящее время ни къ какому сословію не принадлежу.

— Да это интересно!.. Да кто же такой? Разсказывай,—послышались голоса.

Тогда разсказчикъ, какъ бы зачванился и началъ цѣдить:

— Родился я въ 1852 году, Тульской губерніи, въ селѣ, имени коего не помню.

— Ну?

— Родителей не видывалъ до 1860 г., когда впервые узрѣлъ и мать, и отца. Сначала жилъ въ какомъ-то семействѣ, гдѣ со мною обращались хорошо, а съ семи лѣтъ въ пансіонѣ, гдѣ тоже меня содержали не дурно. Такъ, милостивые государи, шло дѣло до 1860 года.

И продолжалъ съ нѣкоторой нервной ажитаціей разсказъ...—Въ одно изъ воскресеній 1860 года меня умыли, причесали, одѣли въ черную бархатную курточку и сказали, что отправятъ къ мамашѣ, которая только что вріѣхала изъ имѣнья и остановилась гдѣ-то въ нумерахъ. Впервые на памяти моей я долженъ былъ сказать: „здравствуйте, мамаша“ и сердце мое, господа, забилось ускоренно. И вотъ вхожу я, господа, въ номеръ...

И смолкъ, завлекая слушателей.

— И стоитъ, господа, передо мною мамаша...

— Да, говорите-же, чортъ васъ возьми,—даже привскочилъ высокій господинъ съ мѣста и широко открылъ остававшіеся до сихъ поръ закрытыми глаза,—чего вы тянете?

Старинный обычай. Картина Д. Кноля, грав. Робертсъ.

— Дама, величественная во всѣхъ отношеніяхъ, въ шелковомъ платьѣ, изъ себя гордая такая. Я было къ ней, знаете, со своимъ „здравствуите, мамаша", а она въ отвѣтъ, не поздоровавшись даже, ткнула меня на диванъ, да строго такъ: сиди и молчи! Я обробѣлъ—сижу на диванѣ, ручки сложилъ на животикѣ и не свожу съ нея глазъ. Она вправо—и я вправо за ней глазами, она влѣво—и глаза мои влѣво. Она это, господа, примѣтила, обернулась въ мою сторону, плюнула и хлопнувъ дверью, ушла куда-то и я остался одинъ. И вотъ, господа, проходитъ часъ...

— Ахъ, чортъ, ну, два, ну три проходитъ часа, ну что-жъ?—вскричалъ высокій господинъ въ нетерпѣніи,— вернулась и выпорола васъ? Да?

— Нѣтъ не выпорола,—торжественно остановилъ порывъ высокаго господина разсказчикъ,—а вбѣжала озабоченная такая, упала передо мной на колѣни и понимаете-ли, господа, начала меня цѣловать... Видъ добрый такой, слезы льются рѣкой; но что меня поразило: шепчетъ мнѣ, а голосъ такои спокойный, глаза холодные: тише, будь уменъ. Я сижу недвижимъ, не понимаю, что съ ней творится... А она снова: да обними ты меня! Я обнялъ. Вижу слезы у ней сильнѣе и сильнѣе, и холодные глаза, что къ самому лицу моему припали, по прежнему зло смотрятъ на меня, и губы шепчутъ: да поцѣлуй ты меня хоть разъ, уродъ ты этакой!.. Я и поцѣловалъ. И вотъ, господа, въ то самое время, какъ она слезами обливается, обнимаетъ и цѣлуетъ меня, слышу чей-то мужской голосъ говоритъ: ахъ, Юлія, для чего эти трогательныя сцены?.. А она мнѣ: плачь,—я конечно плачу, что же дѣлать, и она съ глухими рыданіями такими ткнулась и упала въ кресло.

— Притворялася... Ишь! послышались голоса. Кожуховъ съ чрезвычайно напряженнымъ любопытствомъ слѣдилъ за разсказомъ... Господинъ, относящійся къ разсказчику съ пренебреженіемъ, закрылъ глаза и притворялся, кажется, спящимъ. Разсказчикъ распространился:

— На голосъ я поднялъ опущенныя вѣки и увидѣлъ въ дверяхъ номера высокаго господина, безъ бороды и усовъ, съ черными волосами... „Что дѣлать, Юлія, если надо разстаться?.. чтобы доказать тебѣ мою любовь, вѣрь—я не забуду даже его..." И кивнулъ на меня головой, потомъ подошелъ ко мнѣ, щелкнулъ меня пальцемъ по носу, и затѣмъ взялъ ее, мамашу мою, за талію и увелъ въ другую комнату.

Господинъ, около котораго сидѣлъ странный разсказчикъ, захрапѣлъ. Это не остановило впрочемъ молодаго человѣка.

— Долгое время спустя вернулась мамаша. Вошла холодная и спокойная такая, въ рукахъ пачку ассигнацій держитъ. Евпраксія—крикнула,—раздѣнь его! Входитъ горничная, раздѣваетъ меня и вмѣсто снятаго пялитъ на меня сапожищи какіе-то, рубашенку ситцевую и штаны нанковые... Мамаша ходитъ по комнатѣ, деньги считаетъ... Евпраксія переодѣла меня, стоитъ у дверей и я около нее зачѣмъ-то сталъ. Мамаша посмотрѣла на насъ, видитъ—готовы: сведи его къ сапожному мастеру Чижову, Евпраксія... Я Чижову говорила... и махнула намъ рукой... Прощайте, прощайте, мамаша!..

Высокій господинъ разметался во снѣ и пихнулъ ногою разсказщика... Тотъ всталъ и пересѣлъ на другую кровать.

— Девятилѣтнее дитя, — вздохнулъ онъ, — холодъ, грязь, побои, голодъ... Но одно утѣшеніе. Отъ прежней жизни, отъ бархатной курточки и панталончиковъ, осталась у меня небольшая лошадка, которую я захватилъ съ собою въ новое свое мѣстожительство... Шлютъ меня мастеровые за водкой, бѣгу и лошадка знаете, въ рукахъ у меня: скачи, жеребчикъ, скачи! Бьютъ меня, плачу гдѣ нибудь въ уголкѣ, выну лошадку, цѣлую и орошаю слезами. Милый, милый жеребчикъ, плачь!..

— Ахъ! послышались голоса,—извѣстно: ребенокъ... А мать-то, мать-то?.. Разказчикъ былъ взволнованъ и увлеченный воспоминаніемъ, не отвѣтилъ на вопросъ.

— Отъ слезъ, отъ частыхъ поцѣлуевъ, господа, — у мой лошадки обмялся одинъ бочекъ... Нездоровъ жеребчикъ!.. И вотъ однажды, когда былъ я въ мастерской одинъ, вижу я кострюлю съ деревяннымъ масломъ.. Дай, думаю, помажу жеребчику больной бокъ... И ну мазать, и ну растирать масло... Занятъ я дѣломъ своимъ и не замѣчаю, что въ мастерскую вошелъ хозяинъ, подкрался ко мнѣ и смотритъ изъ за моего плеча, что я такое дѣлаю... Да, вдругъ, какъ хвать меня за вихоръ одною рукою, а другою—трахъ у меня изъ рукъ лошадку... Масло изводишь, скверный мальчишка!.. Я на лошадку въ ужасѣ гляжу... Меня, говорю, меня! глазами его умоляю... А онъ: и тебя говоритъ и ее!.. и вижу: заднія ноги жеребчика моего на полу, тѣло сморщилось... И полетѣли на полъ куски бумаги...

— Ахъ! а мать-то, мать-то!.. Неужели такъ все и оставила? любопытствовали слушатели.

— Мамаша въ деревнѣ жила, а гдѣ именно, я и не зналъ по малолѣтству... Такъ и промаялся я у сапожнаго мастера до 1868 года, когда по приказанію мамаши, отослали меня въ Ревель къ одному купцу... Мнѣ ужь пятнадцать лѣтъ тогда было... Долго я прожилъ у этаго купца, жалованье онъ мнѣ положилъ и вошелъ я въ возрастъ... Вотъ восемнадцати лѣтъ и вздумалъ купецъ отправить меня на своемъ кораблѣ. Корабль потерпѣлъ крушеніе, а меня одного изъ всего экипажа спасли... Откуда? — Отвѣчаю изъ Ревеля. Шлютъ меня въ Ревель. Являюсь къ купцу, у котораго жилъ, тотъ говоритъ: надо паспортъ справить, я и паспортъ-то утратилъ. Поѣзжай въ Тулу, выправь и возвращайся. Дали на дорогу денегъ. Ѣду.

И продолжалъ... Вотъ тутъ-то я мамашу и видѣлъ въ послѣдній разъ. Отъ сапожнаго мастера узналъ, что она въ Тулѣ и являюсь къ ней... Вхожу въ гостинную, сидитъ мамаша на диванѣ, разными богомолками окружена, бесѣдуетъ, знаете ли, о священномъ... Холодно и важно такъ меня встрѣтила: что вамъ угодно?.. А я, знаете, по просту, отъ благороднаго-то обращенія отвыкъ, прямо ей отвѣчаю: здравствуйте, мамаша... и ручку хочу поцѣловать... Она руку отстранила и спрашиваетъ: почему меня такъ называете?.. Я ужасно смѣшался,— да такъ прямо и бухъ: потому, что я вамъ сынъ. Это, говоритъ, не господинъ ли вамъ Гавриловъ сказалъ?.. да при этомъ скромно такъ усмѣхнулась и обращается къ богомолкамъ: этотъ, говоритъ, господинъ Гавриловъ всѣхъ своихъ дѣтокъ скоро мнѣ навяжетъ... Вонъ, говоритъ, какая-то воспитанница у его жены живетъ, такъ тоже моя, слышь, дочь... Женщину обидѣть не трудно. Сходите, обращается ко мнѣ съ улыбкой, къ господину Гаврилову, онъ на Большой улицѣ живетъ, въ домѣ купца Артамонова, попытайте у него, сударь, не его-ли вы сынокъ. А у меня дѣтей не бывало и сама я не замужняя... И поклонилась мнѣ... Я сталъ передъ нею, да думаю: да вѣдь ты-же меня осьмилѣтнимъ ребенкомъ цѣловала?.. Вѣдь ты же плакала, обнявъ меня?.. Постоялъ, поклонился и вышелъ... Иду куда глаза глядятъ... Вдругъ усматриваю, что я на Большой улицѣ; читаю надпись на домахъ, прошелъ два, три дома: ба, домъ купца Артамонова! И зашелъ: отпираетъ дверь лакей. Доложите, говорю, господину Гаврилову, что по важному дѣлу... Пожалуйте... Квартира отличная: ковры, мебель, зеркала... Ввели меня въ уборную... Передъ зеркаломъ брился господинъ въ синемъ атласномъ халатѣ и туфляхъ, съ длинными вьющимися черными волосами... Обертывается: ахъ, да вѣдь это тотъ самый, котораго я не видѣлъ съ осьми лѣтъ... Вѣдь это отецъ мой!..

— Ну?.. Отецъ-то что же?..

— Спрашиваетъ: чѣмъ могу быть вамъ полезенъ?.. Отвѣчаю: я сынъ вашъ... А онъ такъ легкомысленно мнѣ на это: да? легко можетъ статься; чѣмъ же я могу

быть вамъ полезенъ? Объясняю ему свое положеніе, что не имѣю паспорта и совершенно безъ денегъ.—Къ сожалѣнію ничего не могу для васъ сдѣлать, — говоритъ онъ, выслушавъ меня,—что-же вы хотите, чтобы я призналъ васъ за своего сына? Сколько вамъ лѣтъ? отвѣчаю.—Ну, вотъ видите: въ ваши годы у меня были дѣти. Какъ-же вы, молодой человѣкъ, разсуждаете такъ легкомысленно? Вѣдь такимъ образомъ я рискую въ одинъ прекрасный день очутиться отцемъ пятидесяти дѣтей... Шутникъ вы, право...

— Ну и отецъ-же!.. кто ужъ лучше.

Разсказчикъ всталъ...

— Не отецъ это, господа, а срыватель цвѣтовъ и составитель букетовъ... Занятіе пріятное и легкое...

И вдругъ протягивая фуражку, пошелъ по слушателямъ, кланяясь.

— На ночлегъ, господа, безпаспортному бродягѣ и нищему...

Высокій господинъ приподнялся съ своего ложа и крикнулъ:

— Да, замолчите-ли вы, сорока... Просто спать не даетъ...

Тогда молодой человѣкъ обернулся къ нему и поклонился.

— На ночлегъ сыну благородной дамы и благороднаго срывателя цвѣтовъ и составителя букетовъ, господина Гаврилова.

Оба стояли другъ передъ другомъ въ молчаніи.. Вдругъ со стороны раздался голосъ Кожухова.

— Отца то вы называете, а мать-то что-же бережете?

Молодой человѣкъ быстро обернулся съ какимъ-то азартомъ въ сторону Кожухова.

— Мать-съ?.. А можетъ, если я ее назову, такъ это позоръ ей составитъ?.. Нѣтъ-съ, имени ея на позорище не отдамъ.

И пошелъ продолжать свой сборъ.

— На ночлегъ...

И собравъ нѣсколько мѣдяковъ, отдалъ за ночлегъ, отыскалъ свободную койку и улегшись на ней, вскорѣ захрапѣлъ...

(До слѣдующаго №).

Горькое горе.

Творецъ русскаго жанра.

(Біографическій эскизъ).

П. П. Гнѣдича.

I.

Въ пасмурный осенній денекъ 1852 года, передъ сумерками, шли по Невскому два господина. Одинъ изъ нихъ, повыше ростомъ, былъ въ шляпѣ, другой, пониже, въ форменной фуражкѣ. Оба высоко подняли воротники своихъ пальто отъ моросившаго дождя, цѣлый день сѣкшаго сверху мокрой пылью, и сосредоточенно шагали по направленію Песковъ. Разговоры у нихъ что-то не клеились, лица были такія же пасмурныя, какъ и погода: да и не мудрено,—тема ихъ разговора была не весела.

— Да, Павелъ кажется, погибъ безвозвратно, говорилъ одинъ изъ нихъ, тотъ, что повыше.—Въ лѣчебницѣ этой я у него еще не былъ—но, кто его видѣлъ, говорятъ, положеніе его крайне печально. О выздоровленіи нечего и думать. Доктора говорятъ, до новаго года не протянетъ.

— Чѣмъ же онъ собственно боленъ?

Высокій пожалъ плечами.

— Богъ его знаетъ—водянка что-ли. Но вѣдь онъ совершенно бодръ и гораздо болѣе страдаетъ припадками сумасшествія чѣмъ водянкой. Онъ сидитъ въ отдѣлѣ „безпокойныхъ“...

— Но видѣть-то его можно?

— А вотъ попытаемся, можетъ и увидимъ... Да, двѣ такія смерти въ одинъ годъ: въ февралѣ Гоголь, и теперь—Павелъ: это ударъ, значительный ударъ для нашего искусства. И какъ они оба похоже кончаютъ...

— Да... и оба въ полномъ цвѣтѣ силъ, какъ говорится.

Спутники помолчали.

— Вообще между ними много общаго,—заговорилъ снова высокій.—Замѣть до чего обще направленіе ихъ таланта: сравни работы Павла съ „Женитьбой“, „Ревизоромъ“: мотивы въ нихъ одинаковы, у обоихъ такъ и бьетъ въ каждой чертѣ самый здоровый юморъ. Обладай Павелъ такой техникой кисти, какой Гоголь обладалъ техникой пера—они сравнялись бы другъ съ другомъ.

— Ну, Павлу до Гоголя далеко.

— Ты думаешь? Возьми вотъ что: у насъ до Гоголя были и Пушкинъ, и Лермонтовъ, и Грибоѣдовъ, и фонъ-Визинъ... А до Павла кто былъ?

— Брюлловъ, Бруни, Марковъ...

— Я тебѣ про Кукольника не говорилъ, что же ты мнѣ говоришь про Маркова и Брюллова.

Низенькій даже пріостановился отъ изумленія.

— По твоему Брюлловъ—Кукольникъ? По твоему Павелъ выше Брюллова?..

Его спутникъ недовольно встряхнулъ головой.

— Ты меня не хочешь понять. Я не говорю про степень техники, про степень подготовки, я говорю про самую сущность художника. И Бруни, и Брюлловъ—родились не русскими, не русскими и остались. Павелъ былъ русскій до мозга костей, онъ былъ первый, который остался вѣренъ своей національности, первый, взявшійся за русскій сюжетъ... До него итальянками да турчанками пробавлялись. Пора эту рухлядь закинуть, за жизнь приняться. Литература починъ сдѣлала: народные писатели у насъ есть, очередь за живописью... На Діанахъ и Аполлонахъ далеко не уѣдешь... Намъ нуженъ народный жанръ въ картинахъ, тотъ бытъ, который воспроизводитъ Григоровичъ, Тургеневъ, а въ послѣднее время и Островскій... Вѣдь у насъ школы нѣтъ своей, пойми,—русской школы нѣтъ, своего рода... Павелъ намъ этотъ родъ принесъ, оттого имя его въ русскомъ искусствѣ не умретъ, тогда какъ всѣ эти Моллеры...

Онъ нахлобучилъ шляпу и не договорилъ.

— Ты ему слишкомъ много значенія придаешь,—ты думаешь—Павелъ основатель новой школы?

— Думаю: той школы, которая пойдетъ своимъ собственнымъ путемъ, и не будетъ сколкомъ съ западныхъ школъ. Вотъ поживемъ—увидимъ... Можетъ быть я ошибаюсь,—только едва-ли: слишкомъ общество было поражено его „Сватовствомъ“, восторгъ былъ слишкомъ неподдѣленъ, онъ не былъ искусственно подогрѣтъ, и сказать что общее настроеніе было настроеніе напускное, минутное,—этого и враги Павла не скажутъ. А изъ этого знаешь что вытекаетъ: если не художникъ-спеціалистъ, а скорѣй диллетантъ, ex-офицеръ, не обладающій ни техникой, ни колоритомъ—съумѣлъ такъ всѣхъ затронуть своими произведеніями,—значитъ достоинства ихъ были слишкомъ велики—и что бы могъ съ ними сдѣлать истинный мастеръ своего дѣла!..

— Можетъ быть и твоя правда... А Павелъ почему покинулъ полкъ и въ отставку вышелъ, у него я объ этомъ не спрашивалъ никогда?

— А ты его исторіи не знаешь? Погоди, на обратномъ пути я разскажу тебѣ, а теперь, благо пришли, давай разыскивать больницу.

И они стали распрашивать о ней у будочника.

II.

Лечебница Лейсдорфа, доктора „душевно-страждущихъ“, помѣщалась во дворѣ однаго изъ небольшихъ каменныхъ домовъ, пріютившихся въ какомъ-то закоулкѣ Песковъ, — части Петербурга, еще и до сихъ поръ отзывающейся пригородомъ, а въ то время представлявшей груду деревяннаго хлама — прекраснѣйшаго матеріала для всевозможныхъ пожаровъ. Путники подходили къ лечебницѣ съ предубѣжденіемъ, имѣя отъ товарищей весьма нелестныя свѣдѣнія о ея порядкахъ. Первое что ихъ поразило, когда они вступили на мокрый, утрамбованный пескомъ дворъ — это погребальныя дроги, стоявшія у подъѣзда, запряженныя парою невозможныхъ клячъ въ порыжѣвшихъ отъ дождя и солнца попонахъ. Пріятели переглянулись, не сказали ни слова другъ другу, а только шагу прибавили и поскорѣй перешли черезъ дворъ.—Умеръ кто? спросилъ одинъ изъ нихъ у возницы.

Тотъ посмотрѣлъ на него вопросительно и сказалъ:—„Померъ“.

— Кто? спросили оба разомъ.

— А кто его знаетъ... Мы объ этомъ неизвѣстны; извѣстно, болящій какой...

— Въ больницу-то это входъ?

— Не...

— Гдѣ же...

— А вона солдатъ идетъ, онъ скажетъ.

Замокъ Шенбруннъ, лѣтнее мѣстопребываніе Австрійскаго Императора. Рис. Рейхъ, грав. Пейнс.

Рыбачья хата. Оригин. рис. М. Зиновьева, грав. Э. Шмидтъ.

Изъ подъѣзда вынырнула форменная солдатская фигура съ гладкостриженнымъ затылкомъ, щетинистыми усами, и глуповато-милымъ выраженіемъ лица. Онъ хотѣлъ быстро шмыгнуть мимо нихъ куда-то вбокъ, но вдругъ остановился и все лицо его расползлось въ добродушную улыбку, радіусами разъѣхавшуюся по вискамъ и щекамъ.

— Ваше высокобродіе,—радостно завопилъ онъ,—вы къ намъ?

— Къ вамъ. Что Павелъ?

— Ничего-съ, слава Богу.

— Ну, слава Богу, а то ужь мы думали,—высокій кивнулъ по направленію дрогъ,—не за нимъ ли...

— Нѣтъ-съ здоровьемъ они ничего... А только въ азартъ опять входить стали,—тапери́чи они опять связаны...

— Узнаетъ знакомыхъ?

— Узнаютъ... Со мной такъ это ласково сегодня говорили... По ночамъ только сна у нихъ нѣтъ: все это имъ чудится... И опять про Юлію поютъ...

— Можно къ нему?

— Можно-съ... Они очень рады будутъ. Извольте обождать здѣсь съ минуту, я только за свѣчкой схожу, у насъ темно...

Онъ опять нырнулъ въ тотъ подъѣздъ, откуда вышелъ, и застучавъ подошвами по ступенямъ, куда-то скрылся. Пріятели вошли подъ покривившійся желѣзный зонтъ входной двери, такъ какъ дождикъ сталъ накрапывать сильнѣе; и еще темнѣе, сѣрѣе, печальнѣе казалось все вокругъ отъ тяжелыхъ, нависнувшихъ низко облаковъ.

— Незамѣнимый человѣкъ,—сказалъ высокій, смотря вслѣдъ солдату.—Знаешь-ли ты, что этотъ Коршуновъ—быть можетъ единственный человѣкъ вполнѣ понявшій Павла,—онъ чуть не молится на него... Спутникъ его во всей его художественной карьерѣ...

— Онъ вѣдь тоже изъ полка?..

— Да, прежній деньщикъ.

— Скажи пожалуйста, какого ты мнѣнія о его сумасшествіи? Ты слышалъ, что сказалъ Коршуновъ. Онъ все твердитъ про Юлію.

— Нѣтъ, я этому не вѣрю—не такой человѣкъ Павелъ, чтобы потерять изъ-за этаго разсудокъ... Не забудь, что онъ вообще боленъ—его весь организмъ сломанъ... Твердитъ онъ про Юлію, потому что и въ жизни всегда твердилъ про нее... Но эта старая пѣсня...

— Пожалуйте за мной,—запыхавшись говорилъ Коршуновъ, приглашая пріятелей перейти накось дворикъ, показывая имъ на маленькую дверь, ведущую куда-то въ подвалъ. Тѣ съ нѣкоторымъ удивленіемъ послѣдовали за нимъ.

Дверь отворилась и обнаружила внизу что-то темное, мрачное, сырое.

— Очень здѣсь не хорошо, ваше благородіе, дрогнувшимъ голосомъ замѣтилъ солдатъ, спустившись внизъ и шаркая спичкой объ стѣну, чтобы зажечь сальный огарокъ.—Надо бы ихъ перевести отсюда куда... что это за палата,—солдатскіе карцеры лучше...

Спичка долго не зажигалась: слишкомъ ужь сыра была стѣна. Изъ-за стѣны откуда-то доносился монотонный голосъ, медленно выводившій:

Брожу-ли я,
Пишу-ли я —
Все Юлія, да Юлія!
Веселья чашу братскую
Съ друзьями разопью-ли я,
И громко пѣсню хватскую
Съ гитарой пропою-ли я —
Все Юлія, все Юлія...

Наконецъ свѣчу зажгли, и черезъ низкую дверь посѣтители вступили въ низкую камеру, съ голыми стѣнами и поломъ, съ тусклымъ маленькимъ рѣшетчатымъ окномъ, еще болѣе дополняющимъ общее сходство съ казематомъ. Густыя, черныя тѣни легли отъ вошедшихъ, протянулись по полу, перешли на стѣну, перегнулись на потолокъ, шевелясь и прыгая отъ неровно пылавшаго огарка, давая рѣзкій контрастъ съ выштукатуренными стѣнами. Пѣсня при входѣ ихъ смолкла, а только въ темномъ углу зашевелилось что-то такое странное, неопредѣленное, какая-то масса...

— Ваше благородіе,—обратился туда Коршуновъ,—къ вамъ пришли, извольте посмотрѣть.

— А! отозвалось въ углу.—Масса зашевелилась сильнѣе, вытянулась и стала медленно приближаться...

— Кто пришелъ? раздался глухой голосъ,—и чьи-то воспаленные глаза блеснули возлѣ самыхъ посѣтителей.

Тѣ невольно сдѣлали шагъ назадъ.—Передъ ними стояло что-то особенное, что-то „не отъ міра сего". На тонкомъ, изсохшемъ туловищѣ, и на еще болѣе тонкой, худой шеѣ, сидѣла круглая, гладко стриженная головка, съ втянутыми болѣзнію щеками, съ выступившими изъ орбитъ, налитыми кровью глазами, смотрѣвшими въ упоръ на гостей, дико и недовѣрчиво. Безобразный, неопрятный больничный балахонъ, неловкими складками, словно на манекенѣ, драпировался на немъ, доходя почти до самаго пола. Онъ былъ босикомъ, прямо стоя голыми подошвами на холодномъ полу. За то руки его были обуты. Оттянутыя назадъ помочами, онѣ были заключены въ холщевые мѣшки, и такъ крѣпко стянуты двойнымъ рядомъ ремней, что допускали сгибъ только въ локтевомъ сочлененіи,—плечевое же было совершенно ими парализовано, и до лица рукою онъ достать не могъ, какъ бы ни нагибалъ голову, и ни поднималъ руки. Концы ихъ шевелились, точно два хобота росли у него по бокамъ... Онъ стоялъ, подозрительно поводя глазами, съ натянувшимися на лбу и шеѣ жилами, нервно перебирая пальцами ногъ.

То была знаменитость—гордость русскаго искусства: Павелъ Андреевичъ Ѳедотовъ..

III.

Онъ стоялъ противъ посѣтителей, не узнавая ихъ. Тѣ съ глубокимъ участіемъ смотрѣли на него.

— Вамъ что же надо? надорваннымъ голосомъ спросилъ онъ.

— Вы извольте посмотрѣть, ваше высокоблагородіе,—говорилъ Коршуновъ, освѣщая огаркомъ хорошенько лица гостей. Неужьто не узнаете?

— А-а! обрадовался Ѳедотовъ:—вотъ кто! а я... а я и не узналъ... милости просимъ, очень радъ.

Онъ повелъ глазами вокругъ, хотѣлъ сказать „садитесь", да сообразилъ, что не на что.

— Очень радъ... Не забыли, навѣстили... Вотъ я какой, смотрите... и руки протянуть не могу, поздороваться.

Пріятели пожали его руки, прощупывая сквозь мѣшки тонкіе пальцы. Больной улыбался.

— Какъ ты чувствуешь себя? Говорятъ, спишь плохо?

— Совсѣмъ не сплю. Меня все одолѣваетъ такое безобразіе, такая чертовщина... У меня тамъ на стѣнѣ нацарапано углемъ—посмотрите на мой апокалипсисъ... Не даютъ мнѣ *они* спать, лѣзутъ на меня... Теперь вотъ мнѣ хорошо, свободно... совсѣмъ легко съ вами, а по ночамъ...

— Помѣщенье скверное у тебя...

— Да... не очень чтобы... Да что обо мнѣ! У васъ что, тамъ?

— У насъ все по старому. Яблоковъ хочешь?

— А!.. есть у васъ?

— Вотъ для тебя по дорогѣ купили.

— Спасибо, спасибо... Только какже?..

Онъ вопросительно смотрѣлъ на протянутый ему мѣшокъ, не имѣя возможности взять его руками.

— Возьми, Коршуновъ,—сказалъ онъ... А крупныя яблоки, покажи?

Высокій вынулъ одно изъ мѣшка.

— О, какія! должно быть вкусныя. Ну, ты держи въ рукѣ крѣпче, я откушу... Вотъ такъ... Какъ младенца груднаго кормятъ... А хороши, хороши, очень хороши...

Посѣтители смотрѣли на него, на это живое воплощеніе мертвеца, привидѣніемъ стоявшее передъ нимъ и не вѣрили глазамъ: это-ли Ѳедотовъ, тотъ остроумный, энергическій, талантливый Павелъ Андреевичъ, на котораго возлагалось столько надеждъ и упованій...

* * *

Странная была его судьба. Жизнь его толкала въ одну сторону, онъ шелъ въ другую: судьба давала ему обезпеченное положеніе, почетъ,—онъ избралъ бѣдность и независимость.

Сынъ небогатыхъ родителей, жившихъ на одной изъ московскихъ окраинъ, онъ родился лѣтомъ 1815 года, въ небольшомъ отцовскомъ домикѣ, въ приходѣ Харитонія, въ Огородникахъ. Отецъ его служилъ при „матушкѣ-царицѣ" въ арміи, затѣмъ вышелъ въ отставку, изъ воина сдѣлался титулярнымъ совѣтникомъ, обзавелся домикомъ и ребятишками, перебивался изъ кулька въ рогожку и о какомъ нибудь воспитаніи дѣтей не заботился. Нравы той улицы, гдѣ они жили, были самые патріархальные, какіе еще и до сихъ поръ не вывелись изъ пригородовъ московскихъ, а въ ту пору, въ періодъ непосредственно послѣдовавшій за пожаромъ, „способствовавшимъ много украшенію",—патріархальность эта была настолько сильна, что вся улица жила точно одною семьей, гдѣ нельзя было сохранить никакихъ тайнъ, гдѣ все тотчасъ выходило наружу. Зима для ребятъ, замкнутыхъ въ душныхъ комнатахъ, и только часъ-другой возившихся на дворѣ съ салазками и снѣжками, проходила скучно. Но за то лѣтомъ было раздолье! Дѣти Ѳедотова избрали своей лѣтней резиденціей сѣновалъ на чердакѣ, куда сходились съ другими ребятками, и возились цѣлые дни на пропалую. Съ этаго сѣновала открывался превосходный видъ на окрестные дворы, огороды. Маленькій Паша часто забирался одинъ на самую верхушку этой обсерваторіи, и оттуда, предавался созерцанію окружающей природы. Всевозможныя кухарки, дядьки, ключницы, няньки,—какъ въ панорамѣ двигались передъ нимъ, неизгладимо укладываясь въ его памяти, какъ модели будущихъ произведеній. Ниже, подъ крышей на сѣновалѣ, ждали его неизмѣнные друзья, готовые всегда дѣлить съ нимъ горе, забавы и пряники, готовые всегда подраться, оттаскать другъ друга за волосы, поцарапать щеки. Вокругъ него вращался простой, незатѣйливый московскій бытъ, немножко неуклюжій, но самобытный, оригинальный. Являлись длиннобородые купцы, въ скрипучихъ сапогахъ, въ долгополыхъ кафтанахъ, съ волосами подстриженными въ

скобку; являлись приказные въ форменныхъ фрачкахъ, клѣтчатыхъ штанахъ, непомѣрныхъ воротничкахъ и въ цѣпочкахъ съ брелоками; являлись свахи, съ пронырливо-добродушнымъ лицомъ, въ стеганыхъ шугаяхъ и необычайныхъ юбкахъ, по которымъ были расписаны самые удивительные узоры. Появлялись порою типы изъ отставныхъ, служившие „во флотѣ, пѣхотѣ, кавалеріи и артиллеріи, уволенные въ отставку отчасти по несправедливости начальства, отчасти по слабости здоровья“, личности, непремѣнно съ разодраннымъ локтемъ и подбитымъ багровымъ носомъ. Наконецъ общую галлерею типовъ дополняли: мѣстный батюшка и отецъ дьяконъ, охотники до „хорошихъ людей“, съ которыми можно было бы побесѣдовать, перекинуть въ картишки, позакусить,—однимъ словомъ провести время пріятно. Бывали батюшки и изъ сосѣднихъ приходовъ,—сторона была, все таки, людная: жители родились, крестились, женились, плодились, болѣли, выздоравливали, умирали,—а Павлуша все примѣчалъ, да примѣчалъ...

Одиннадцати лѣтъ его отдали въ кадетскій корпусъ. Способности у мальчика оказались блестящія: усвоивалъ онъ все легко, въ головѣ у него все укладывалось прочно, память была какая-то необычайная. Онъ запоминалъ каждую прочитанную страницу совершенно особеннымъ манеромъ. Забудетъ онъ на экзаменѣ какую нибудь мелочь, подробность. Закроетъ глаза,—и вдругъ вся страница всплыветъ передъ нимъ со всѣми деталями—и онъ все вспомнитъ. Всю исторію онъ иллюстрировалъ, географію тоже. При изученіи военныхъ наукъ, онъ набрасывалъ всевозможныя сцены штурмовъ, осадъ, переправъ, обходовъ. На поляхъ учебныхъ тетрадей появилась масса схожихъ портретовъ учителей, товарищей, надзирателей, нерѣдко въ чрезвычайно каррикатурномъ видѣ, съ соотвѣтствующими подписями. Къ артиллерійскимъ чертежамъ товарищей онъ придѣлывалъ соотвѣтствующіе пейзажи,—однимъ словомъ уже и тогда заявлялъ свои художественныя наклонности. Въ преподавателѣ рисованія впрочемъ онъ поддержки не нашелъ,—и при выпускѣ получивши превосходныя отмѣтки по всѣмъ предметамъ, окончивши первымъ по корпусу, оказался по рисованію лѣнивымъ—такъ, по крайней мѣрѣ, значилось въ аттестатѣ. Преподаватель не замѣтилъ его способностей.

(Окончаніе въ слѣд. №.)

Къ рисункамъ.

Семипалатинская область.

(Къ рис. на стр. 476 и 477).

Продолжаемъ печатаніе коллекціи видовъ Семипалатинской области. Два прелестные пейзажа, помѣщенные въ этомъ № во всей первобытной красѣ развертываютъ передъ нами панораму сибирской природы.

Входя въ административномъ отношеніи въ составъ Западной Сибири, Семипалатинская область по свойствамъ мѣстности, по климату и населенію принадлежитъ къ степнымъ средне-азіатскимъ областямъ. Поверхность ея имѣетъ два совершенно различные характера: большая часть ея—западная—степныя равнины; восточная—гористая мѣстность. Весь сѣверо-восточный уголъ ея наполненъ отрогами Алтая; главная ось этаго хребта—Катунскія Альпы и высшая ихъ точка—вѣчноснѣговая Бѣлуха. Южнѣе р. Бухтармы, тянется хребетъ большой Алтай, образующій къ востоку отъ озера Марка-Куль горный узелъ—Конкойвашъ, отъ котораго идутъ два звена Нарымскаго и Курчумскаго хребтовъ. Послѣдніе хребты даже въ наивысшихъ точкахъ не достигаютъ снѣговой линіи: вершины ихъ не превышаютъ 9000 ф. высоты, и отличаются альпійской растительностью, такъ что на иныхъ горахъ лѣтомъ пасутся киргизскіе табуны. Въ юговосточномъ углу области проходитъ Тарбагатайскій хребетъ, касаясь немногими точками снѣговой линіи, и давая короткую цѣпь Манракъ.—Степныхъ равнинъ, собственно три: одна,—долина озера Зайсана,—между Алтаемъ и Тарбагатаемъ; вторая, самая обширная, вмѣщающая бассейнъ Иртыша; третья—на южной сторонѣ Чингисъ-тау склоняется къ озеру Балкашу. Характеръ этихъ равнинъ не одинаковъ, почва разнообразна: мѣстами идетъ сплошной черноземъ, мѣстами, особенно на югъ, идутъ сыпучіе пески; мѣстами попадается глина, мергель, гнисъ или солончаки. Послѣдними особенно дорожатъ киргизы: такъ называемые мокрые солончаки представляютъ отличный кормъ для скота, и не замерзая зимой, не высыхаютъ лѣтомъ. Общій видъ степей мѣняется также и по времени года: то они являются бѣлесоватыми, желтосѣрыми, то зеленѣютъ роскошною растительностью. Лѣсовъ здѣсь конечно нѣтъ,—и открытая равнина предоставлена въ полное владѣніе солнца и вѣтра: отсюда сухой континентальный климатъ, и свойственная всей средней Азіи сухость воздуха: лѣтомъ жары въ степной полосѣ доходятъ до 40 град. а зимой ртуть опускается на такое же количество градусовъ ниже 0. Средняя годовая температура 1,2 град.

Рѣки, орошающія область, принадлежатъ почти исключительно къ системѣ Иртыша съ оз. Зайсаномъ. Иртышъ протекаетъ здѣсь на протяженіи 1200 верстъ. На всемъ протяженіи до Зайсана, и даже верстъ на 50 выше послѣдняго, Иртышъ судоходенъ.

Катунь одна изъ двухъ составныхъ вѣтвей р. Оби, беретъ начало нѣсколькими источниками изъ ледниковъ Бѣлухи. Изъ нихъ лѣвый вытекаетъ изъ-подъ Катунскаго ледника, двумя верстами ниже впадаетъ въ него средній, берущій начало въ снѣгахъ высокой нагорной долины праваго берега. Образуя первоначально небольшое озеро, истокъ этотъ затѣмъ низвергается съ высоты болѣе 100 саженъ грандіознымъ водопадомъ; верстахъ въ 15 ниже лѣвый истокъ Катуни соединяется съ правымъ—бѣшенымъ каскадомъ, пробивающимся сквозь узкую каменистую щель. Засимъ рѣка болѣе спокойно разливается по долинѣ до 160 саж. ширины, покрытой великолѣпными пастбищами и окаймленной дремучими кедровыми и лиственничными лѣсами.

Обогнувъ катунскіе столбы съ юга, Катунь поворачиваетъ сначала на С, потомъ на В, а отъ устья р. Аргута на ССЗ, и по выходѣ изъ Алтайскихъ предгорій, по соединеніи съ р. Біей, образуетъ р. Обь.

Длина теченія Катуни 680 верстъ, ширина отъ 4 до 150 саж. обыкновенная глубина отъ 3 до 14 футовъ. Теченіе рѣки чрезвычайно быстро, дно каменисто и порожисто. Въ верховьяхъ вода имѣетъ мутный и бѣловатый цвѣтъ рѣкъ, выходящихъ изъ ледниковъ.

Верховья Катуни представляютъ обѣтованную землю алтайскихъ звѣровщиковъ, которые здѣсь подъ самыми ледниками, забираясь даже въ полосу снѣговъ, промышляютъ медвѣдей, соболей и особенно мараловъ, рога которыхъ (панты), весною, представляя пористую и хрящеватую массу, пропитанную кровью, цѣнятся китайцами какъ энергическое возбудительное средство. Цѣна ихъ достигаетъ отъ 80 до 150 р. за пару.

Въ слѣдующемъ № мы помѣстимъ своеобразные, интересные виды горныхъ массъ и проходовъ Семипалатинской области.

Старинный обычай.

(Картина Кноля).

Въ Англіи съ издавна существуетъ обычай между рабочими, матросами, фабричными и пр. татуированья на тѣлѣ какого нибудь извѣстнаго знака, который такимъ образомъ иногда служитъ какъ бы признакомъ принадлежности лица къ извѣстному обществу или корпораціи. Операція эта, какъ извѣстно, довольно болѣзненная. Этотъ старинный обычай и избралъ англійскій художникъ г. Кноль сюжетомъ для своей прекрасной картины. Старый матросъ накалываетъ на рукѣ своего юнаго, вновь вступившаго на службу товарища, очертанія якоря. Выраженіе сдержаннаго чувства боли на лицѣ юноши, добродушная улыбка на лицѣ стараго, опытнаго матроса, который предвидитъ уже, или предсказываетъ, что это еще не самое тяжелое, что придется испытать въ новой жизни и въ новой дѣятельности неопытному юнгѣ—выражены превосходно. Загоритъ и потемнѣетъ, свѣжее пока, лицо юноши подъ лучами знойнаго солнца и на морскомъ вѣтрѣ и неузнаваемъ будетъ онъ очень скоро, закаляясь въ трудахъ и буряхъ своего новаго дѣла, которому онъ отдается теперь съ такою охотою и увлеченіемъ.

Замокъ Шенбруннъ.

(Рис. Рейха).

Роскошная Вѣна славится своими живописными окрестностями и по словамъ г-жи Сталь трудно найти гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ близь столицы, столько красотъ дикой и въ то же время великолѣпной природы. Такими красотами особенно изобилуетъ Шенбруннъ—лѣтняя резиденція австрійскаго Императора, отстоящая всего на часъ ѣзды отъ Вѣны. Эта мѣстность была въ старину покрыта густымъ, вѣковымъ лѣсомъ. Король Максимиліанъ II первый построилъ здѣсь въ 1571 году маленькій, охотничій домикъ а король Матвѣй страстно любившій охоту, увеличилъ эту постройку и далъ всей мѣстности названіе Шенбруннъ. Преданіе говоритъ что король, совершенно неожиданно, во время охоты, открылъ здѣсь источникъ прекрасной, вкусной воды и что будто бы первымъ его восклицаніемъ при этомъ открытіи было: Ei, das ist ein Schönbrunn! Съ этихъ поръ вся мѣстность стала называться Шенбрунномъ. Шенбруннъ особенно любила Императрица Марія Терезія, которая построила здѣсь въ 1744 году роскошный, увеселительный замокъ для своей лѣтней резиденціи. Это прекрасное великолѣпное зданіе до сихъ поръ очаровываетъ своими грандіозными размѣрами и особенно эффектно выдѣляется среди яркой и роскошной зелени раскинутаго кругомъ его парка. Паркъ этотъ, полное подражаніе столь знаменитымъ въ XVIII вѣкѣ садамъ Версаля и Марли до сихъ поръ не утратилъ своего классическаго характера. Здѣсь, какъ въ Версалѣ и Марли, тѣ же искусно выстриженныя разными фигурами деревья; живописныя площадки, украшенныя фонтанами и мраморными группами: ниши обвиты зеленью и на

каждомъ шагу изображенія, предметъ которыхъ взятъ изъ древней, античной миѳологіи. Противъ замка расположена живописная группа Нептуна съ фонтаномъ а къ возвышенности построена такъ называемая Глоріетта—сквозная галлерея, съ платформы которой открывается восхитительный видъ на окрестности. Въ западной части парка находится замѣчательный звѣринецъ и обширный ботаническій садъ; а въ восточной бьетъ тотъ знаменитый источникъ Шенбруннъ, который далъ имя всей мѣстности. Теперь его украшаетъ статуя нимфы Эгеріи и вода льется изъ урны въ мраморный бассейнъ. Неподалеку отсюда красуются искуственныя римскія развалины, въ видѣ величественной тріумфальной арки и тутъ же возвышается обелискъ, воздвигнутый въ 1777 году. Въ текущее столѣтіе Шенбруннъ пріобрѣлъ значительную историческую извѣстность; здѣсь въ 1809 году пребывалъ побѣдитель Австріи, Наполеонъ I, ожидая капитуляціи столицы. Кромѣ того въ этомъ замкѣ въ 1805 году былъ ратификованъ пресбургскій договоръ а въ 1809 году заключенъ миръ вѣнскій.

Рыбачья хата.

(Рисунокъ Зиновьева).

Кому не случалось, проѣзжая близь пустыннаго поворота какой нибудь изъ нашихъ русскихъ рѣкъ, видѣть эту притуливщуюся подъ обрывомъ высокаго берега хатку. около которой развѣшаны мокрыя сѣти, сушащіяся на солнышкѣ; вечеромъ тутъ пылаетъ небольшой костеръ, въ которомъ варятъ ловцы уху на ужинъ, послѣ своихъ мирныхъ трудовъ. Какъ-то особенно уютно и тепло выглядитъ и эта тихая избушка и костеръ и эти копошащіеся около него рыбаки, въ тѣни густыхъ прибрежныхъ кустовъ, надъ свѣтлою тихою заводью, въ которую смотрится синее яркое, ночное небо, съ искрящимися на немъ миріадами звѣздъ...

Королевская цапля.

(Balaeniceps Rex).

На болотистомъ прибрежьѣ Бѣлаго Нила и его притокахъ, часто встрѣчаются цѣлыя стада *исполинской птицы*, на видъ своеобразной и странной, съ массивнымъ тѣломъ, толстой шеей, большою головою и огромнымъ клювомъ, напоминающимъ по формѣ башмакъ самой грубой работы. Эта птица, принадлежащая къ многочисленному семейству цапель, извѣстна въ наукѣ подъ именемъ цапли королевской (Balaeniceps Rex).

Собираясь въ большія стада, королевскія цапли бродятъ около рѣкъ и питаются исключительно рыбой, которую онѣ хватаютъ своимъ клювомъ съ замѣчательною ловкостью. Впрочемъ, нѣкоторые естествоиспытатели говорятъ, что королевскія цапли ловятъ даже водяныхъ змѣй и не брезгаютъ падалью. Пугливыя и осторожныя, онѣ избѣгаютъ близости человѣческаго жилья и испуганныя выстрѣломъ или шумомъ, быстро поднимаются на воздухъ, долго кружатся и потомъ спускаются на вершины деревъ, гдѣ и поджидаютъ, когда снова водворится полнѣйшее безлюдье и невозмутимая тишина. Успокоившись и убѣдившись, что опасность миновалась, королевская цапля снова приближается къ водѣ, выражая удовольствіе громкимъ щелканьемъ клюва, напоминающимъ трескотню аиста.

Размноженіе королевскихъ цапель происходитъ въ африканскіе дождливые мѣсяцы, а именно въ іюлѣ и августѣ; тогда самка выбираетъ себѣ для гнѣзда небольшое возвышеніе, лежащее близь воды или окруженное водою и выкопавъ въ землѣ ямку, кладетъ въ него яица сравнительно небольшія, овальной формы, бѣлыя или съ легкимъ, голубоватымъ налетомъ. Были случаи, что птенцы, вынутые изъ гнѣзда, выкармливались, безъ помощи матери, одной рыбой и легко приручались, но это, конечно, случаи единичные; даже взрослыя королевскія цапли, доставленные въ 1860 г. въ Лондонъ, при всемъ внимательномъ за ними уходѣ, жили очень недолго. Только на свободѣ, при естественныхъ условіяхъ, королевскія цапли достигаютъ дѣйствительно значительнаго роста (2 почти арш.) и своеобразной красоты формъ; основной цвѣтъ ихъ перьевъ — пепельно сѣрый; маховыя и рулевыя перья черно-сѣрыя; глаза свѣтло-желтые, клювъ роговаго цвѣта, а ноги черныя и вообще эта гигантская фигура не лишена живописности, когда она медленно шагаетъ среди роскошной зелени нильскаго прибрежья или чуть виднѣется, погруженная на половину въ голубоватыя волны рѣки.

Политическое обозрѣніе.

Берлинская конференція.—Дуэли и положеніе дѣлъ во Франціи.—Турція.—Возстаніе арабовъ.—Наши дѣла въ Китаѣ.

Конференція собралась, наконецъ, 4 іюня въ Берлинѣ. Хотя она будетъ какъ бы дополнительною къ первой конференціи, тѣмъ не менѣе, вѣроятно не предвидя отъ нее результатовъ и не желая, быть можетъ, участвовать въ безплодныхъ препирательствахъ, знаменитый канцлеръ Германіи не пожелалъ принять на себя честь предсѣдательства. Германскій посолъ въ Парижѣ и временный помощникъ канцлера, займетъ на сей разъ его мѣсто. Съ нашей стороны, кромѣ представителя нашего въ Берлинѣ, участвуютъ еще техники генералъ Анучинъ и полковникъ Бобриковъ, такъ какъ конференція рѣшила ограничить свою офиціальную дѣятельность разсматриваніемъ вопроса о новой греческой границѣ. Такимъ образомъ Турція и Греція, какъ державы заинтересованныя, получатъ только совѣщательный голосъ. Предсѣдательствующій своимъ мнѣніемъ даетъ перевѣсъ въ случаѣ равенства голосовъ, и значеніе Германіи, оказывается на сей разъ, могло бы быть и выше, чѣмъ на первомъ конгрессѣ, если бы пришли къ какимъ нибудь важнымъ результатамъ. Дѣло касается 24 статьи берлинскаго трактата — особой коммисіи поручено уже составить по этому предмету записку; пока состоится рѣшеніе, греки собираютъ войска на случай надобности поддержки этаго рѣшенія. Однако нельзя ожидать согласнаго дѣйствія державъ по этому поводу. Что касается короля Эллиновъ, то онъ не возлагаетъ никакихъ надеждъ на конференцію. Греціи напримѣръ не дано полномочія занять присужденныя ей области войсками. Сведеніе берлинской конференціи на ничто доказываетъ особенно ярко, что между державами вовсе не установилось то единодушіе и согласіе на совмѣстныя дѣйствія, о которыхъ говоритъ министръ иностранныхъ дѣлъ въ Англіи лордъ Гренвилль.

Безпрестанныя дуэли, происходящія во Франціи, указываютъ на тревожное, напряженное настроеніе, которое неизбѣжно при республиканскихъ, особенно такъ наскоро составленныхъ, какъ настоящее французское, правительствахъ. Республика, вызывая часто къ власти изъ ничтожества людей, не можетъ, дать имъ устойчивости и они всегда подвержены ненависти и злобѣ бывшихъ товарищей ихъ сѣрой жизни, которые ихъ не могутъ забыть въ прежнемъ положеніи, мучась честолюбіемъ и завистью и стремясь вызывать волненія, выдвинуться самимъ, не говоря уже о томъ, что въ силу разныхъ соображеній выдвигаются и ничтожные люди. Все это поддерживаетъ худшее, что можетъ быть въ странѣ — состояніе вѣчно лихорадочной тревоги, волненія и броженія. Вотъ уже шестая дуэль въ Парижѣ; на испанской границѣ дрался престарѣлый 60-лѣтній бургомистръ Риберака съ депутатомъ этого округа и не кончился еще шумъ по поводу дуэли Рошфора; совѣтъ министровъ теперь находитъ своевременнымъ и нужнымъ обсуждать вопросъ объ общей амнистіи, какъ будто и тѣ амнистированные, которые уже находятся въ Парижѣ еще мало надѣлали безпокойствъ и демонстрацій. Идея общей амнистіи принадлежитъ Гамбеттѣ, республиканскіе министры, также склонны къ этой идеѣ и противится пока лишь Жюль Ферри. Констанъ (министръ внутренныхъ дѣлъ) горячо отстаиваетъ необходимость внести законопроектъ амнистіи и тѣмъ ознаменовать національное празднество (установленіе республики) 14 іюля. И это въ такую минуту, когда всѣ встревожены: въ какой формѣ окажутъ сопротивленіе своему изгнанію изъ страны духовныя конгрегаціи и когда въ Парижѣ собираются соціалистическія конгрессы за конгрессами и французскіе соціалисты предлагаютъ составить союзъ другимъ соціалистическимъ шайкамъ, которыя высылаютъ своихъ „делегатовъ“.

„Это удивительно, говоритъ Pays, Франція Хлодовика, Людовика XIV и Наполеона I управляется бывшимъ завсегдатаемъ Кафе Прокопа — Гамбеттою. Такія ничтожества, какъ Шальмель Лакуръ назначаются послами, Жираръ министромъ и Вордоне генераломъ и вотъ мы присутствуемъ при позорномъ зрѣлищѣ Франціи въ рукахъ обезьянъ, пьяницъ и соціальныхъ разбойниковъ, Франціи, потерявшей всякое политическое и международное значеніе“.

Мы говорили въ прошломъ обозрѣніи о крайнемъ положеніи дѣлъ и возстаніи арабовъ—въ Турціи. Каждый разъ, какъ турецкія дѣла идутъ дурно, въ Константинополѣ возникаетъ слухъ о скоромъ сверженіи султана и замѣнѣ его однимъ изъ ближайшихъ родственниковъ. Должно быть въ Константинополѣ опять предполагаютъ противопоставить Мурада Абдулъ-Гамиду. Бывшій султанъ Мурадъ находится теперь неизвѣстно гдѣ — его нѣтъ ни въ Долма-Бахчѣ, ни въ Чараганскомъ дворцѣ и куда онъ исчезъ—неизвѣстно.

Возстаніе арабовъ противъ власти султана объясняется опять таки вездѣсущимъ и неизбѣжнымъ вліяніемъ и подстрекательствомъ Англіи. Всякій разъ когда отношенія между Портой и Англіей становились натянуты, среди арабовъ—турецкихъ подданныхъ—начинались смуты. Англія кромѣ того тщательно не допускала турокъ окончательно утвердиться на арабскомъ побережьи—и эту страну повидимому хочетъ Британія сдѣлать впослѣдствіи своимъ достояніемъ. Такъ въ 1872 г. англійское правительство энергически протестовало противъ вступленія войскъ Митхада-Паши въ землю Вагабитовъ и занятія острова Барейна; Маскатскому имаму Англія уже покровительствуетъ

(Продолженіе на стр. 489, 490, 491 и 492).

открыто. Настоящее возстаніе, поднятое поселенцами береговъ Шатъ-Эль Араба, въ Константинополѣ прямо приписываютъ Англіи. Вообще въ арабахъ успѣло укорениться убѣжденіе, что англичане помогутъ имъ добиться полной независимости и сверхъ того овладѣть Сиріею. Арабскіе агитаторы, какъ хорошо извѣстно въ Константинополѣ, все воспитанники Бомбейскихъ и вообще индійскихъ англійскихъ школъ!

Наши дѣла съ Китаемъ далеко еще не улажены. Ценгъ, котораго въ Парижѣ титулуютъ „маркизомъ" китайскій императорскій посолъ—все еще не прибылъ и свою поѣздку къ намъ постоянно откладываетъ. Небесная Имперія между тѣмъ старательно вооружается.

винціи Тшили, который пригласилъ европейскихъ инструкторовъ обучать свою милицію и заботился объ вооруженіи войска ружьями, заряжающимися съ казенной части, хотя и разнокалиберными; но надо сказать, что вообще свѣдѣнія европейцевъ о Китаѣ грѣшатъ сбивчивостью, невѣрностью и предвзятымъ пренебрежительнымъ отношеніемъ, такъ что вполнѣ довѣрять имъ трудно. Въ 1876 г. въ присутствіи капитана германскаго флота графа Монтса, произведено было ученье одной китайской ротѣ и полубаттареѣ, которые были обучены по германскому уставу, съ командой на нѣмецкомъ языкѣ и китайцы, говорятъ, маневрировали очень хорошо.

Нельзя отрицать, что китайцы серьезно вооружаются. Громадныя партіи оружія получаются изъ Америки, въ особенности изъ Санъ-Франциско; кромѣ того въ самомъ Китаѣ существуютъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ хорошо устроенные европейцами арсеналы, въ которыхъ безостановочно фабрикуются ремингтоновскія ружья и металлическіе патроны; затѣмъ, въ Шанхаѣ и другихъ городахъ, вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ люди призываются къ знаменамъ массами. Весьма возможно, что свѣдѣнія эти преувеличены; считаютъ сбыточнымъ и союзъ японцевъ съ китайцами противъ насъ, не смотря на взаимное нерасположеніе этихъ народовъ другъ къ другу.

Королевская цапля. Ориг. рис. Митцеля, грав. Гартманъ.

Форты Тану на Пейхо, построенные для обороны Пекина, стали приводиться въ лучшее состояніе. До 1879 года Круппомъ отправлено въ Китай не менѣе 150 орудій крѣпостныхъ (кромѣ 275 полевыхъ орудій) для вооруженія этихъ фортовъ. Одно изъ существеннѣйшихъ различій между собственно китайскою арміею (патши) и народною милиціею или провинціальною арміей (ли-шингъ) въ томъ что начальники послѣдней подчинены гражданскимъ властямъ, состоя при нихъ въ родѣ начальниковъ отдѣльной военной части управленія. Размѣръ жалованья офицеровъ немного превышаетъ жалованье солдатъ и говорятъ будто нужна лишь ловкость и сила физическая для полученія званія офицера; говорятъ также, что лишь немногіе губернаторы такъ энергичны, какъ губернаторъ про-

По свѣдѣніямъ изъ Кульджи и Нарынскаго укрѣпленія, китайскія власти не пропускаютъ каравановъ русскихъ подданныхъ въ китайскіе предѣлы для торговли. Торговцы вслѣдствіе этаго терпятъ огромные убытки.

Смѣсь.

Носъ изъ селлюлоида. Недавно было у насъ сообщено о новомъ изобрѣтеніи—селлюлоидѣ, веществѣ, изъ котораго стали дѣлать разныя мелкія вещи. Но до сихъ поръ не практиковалось изготовленіе искуственныхъ носовъ изъ селлюлоида.

Одинъ торговецъ лишился носа. Не прибѣгая долго къ медицинской помощи, онъ потерялъ и часть нёба. По счастію больной попалъ къ доктору Грюнвальду въ Берлинѣ, который возъимѣлъ мысль недостающіе органы замѣнить сдѣланными изъ селлюлоида. Въ мастерской скульптора Зимеринга былъ сдѣланъ изъ глины, по всѣмъ правиламъ искусства, носъ для лица больного. Затѣмъ по этой модели была сдѣлана пустая гипсовая форма и отлитъ въ двухъ пластинкахъ носъ изъ селлюлоида. Недостающая часть нёба была сдѣлана изъ каучука. Металлической пластинкой ее соединили съ носомъ. А чтобы совершенно замаскировать мѣсто соединенія носа съ живымъ тѣломъ были придѣланы очки съ простыми стеклами.

На 13-мъ общемъ собраніи общества германскихъ врачей въ Бремснѣ, докторъ Грюнвальдъ показывалъ своего паціента многимъ компетентымъ лицамъ. Прежде всего паціента,—безъ новаго носа и нёба — заставили читать. Чтеніе выходило совершенно непонятнымъ, и спрошенный объ имени и мѣстѣ жительства, онъ не могъ сказать этого ясно. Ѣсть и пить онъ могъ только при особыхъ условіяхъ, и вовсе не могъ свистать, пѣть и курить. При болѣе продолжительномъ разговорѣ, паціентъ долженъ былъ часто переводить духъ, такъ какъ воздухъ, попадая черезъ нёбо, мѣшалъ ему говорить.

Объяснивъ состояніе больнаго, докторъ Грюнвальдъ обратился къ нему со словами: „Ну пойди, нарядись".

Спустя нѣсколько минутъ въ собраніе явился совершенно преобразившійся человѣкъ. Онъ прочелъ, разъ читанное уже, яснымъ, внятнымъ голосомъ, и растроганный сочувствіемъ общества, выразилъ свою благодарность доктору за оказанное ему благодѣяніе и за возвращеніе его въ среду общества. Затѣмъ онъ просвисталъ что-то и въ заключеніе закурилъ сигару. Такимъ образомъ, по словамъ самого же паціента, онъ получилъ вновь возможность обращаться между людьми. Но благодѣяніе доктора окончилось дурно. Имѣя возможность снимать и надѣвать носъ, больной по мѣрѣ надобности и дѣлалъ это, съ мошенническими цѣлями и съ полнымъ успѣхомъ. Никто не могъ заподозрить человѣка, имѣющаго носъ и говорящаго внятно, что это одно и тоже лицо съ безносымъ. Онъ былъ, наконецъ, заключенъ въ тюрьму.

Растительный пергаментъ. Недавно наша отечественная промышленность обогатилась однимъ производствомъ, на которое считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе читателей. Въ концѣ прошедшаго года г. Поливановъ открылъ въ Москвѣ фабрику растительнаго пергамента, добываемаго изъ обыкновенной, изъ тряпки дѣлаемой, бумаги посредствомъ обработки сѣрной кислотой. Этотъ пергаментъ въ большинствѣ случаевъ успѣшно замѣнитъ животный пергаментъ, приготовляемый, какъ извѣстно, изъ кожи и, по дороговизнѣ, мало распространенный. Пергаментъ получался доселѣ у насъ изъ за границы и обходился по 40 к. квадратный аршинъ; нынѣ, благодаря г. Поливанову, квадратный аршинъ весьма хорошаго фабриката по цѣнѣ отъ 2³/₄ к. до 10 к. смотря по толщинѣ его. Свѣдущіе люди даютъ вполнѣ одобрительные отзывы о растительномъ пергаментѣ Поливанова. Видѣть его можно въ Москвѣ по Моросейкѣ въ домѣ Человѣколюбиваго Общества.

По поводу военнаго значенія воздухоплаванія, журналъ „Воздухоплаватель" между прочимъ, доказываетъ несбыточность надежды бросать изъ воздушныхъ шаровъ въ непріятельскій лагерь снаряды.

Одна пуля, брошенная изъ лодки спокойно плавающаго аэростата, уже подыметъ его на нѣсколько саженъ. Но если выгрузить цѣлую гранату или даже бомбу, шаръ тотчасъ же стрѣлою помчится вверхъ, далеко перейдетъ горизонтъ равновѣсія и затѣмъ, остановившись на секунду, съ тою же быстротою начнетъ падать внизъ, сильно стукнется объ землю, снова приметъ быстрое восходящее движеніе и т. д. Такимъ образомъ, если воздухоплаватель, бросившій бомбу, другую, третью, не умретъ на высотѣ отъ холода и невозможности дыханія, то онъ ушибется при паденіи, или будетъ взятъ въ плѣнъ, если непріятель успѣетъ схватить веревки.

18 августа 1868 года Дюрро, Баррэ и Гастонъ Тиссандье летѣли надъ Калэ. Они проголодавшись, взялись ѣсть курицу. Тиссандье, бросилъ за бортъ кости отъ курицы. Шаръ тотчасъ же поднялся на нѣсколько десятковъ метровъ, что было видно по барометру.

Фарфоровые жернова. Съ годъ тому назадъ нѣкто Бухгольцъ, мельникъ изъ Шарлоттенбурга въ Помераніи, возъимѣлъ мысль замѣнить жернова, трудно-выдѣлываемые изъ песчаника, фарфоровыми. Послѣ нѣсколькихъ опытовъ, произведенныхъ на королевскомъ фарфоровомъ заводѣ въ Берлинѣ, фарфоровые жернова оказались весьма практичными. Въ обширныхъ мельницахъ Антона близь Деммина новые жернова съ полнымъ успѣхомъ пущены были въ дѣло; при чемъ не только механизмъ мельницъ отъ того выигралъ, но и мука оказалась лучшаго достоинства.

Изобрѣтеніе это не можетъ остаться безъ значительнаго вліянія на удешевленіе муки, такъ какъ фарфоровые жернова обходятся много дешевле обыкновенныхъ, не такъ быстро стираются и могутъ быть сдѣланы на любомъ фарфоровомъ заводѣ.

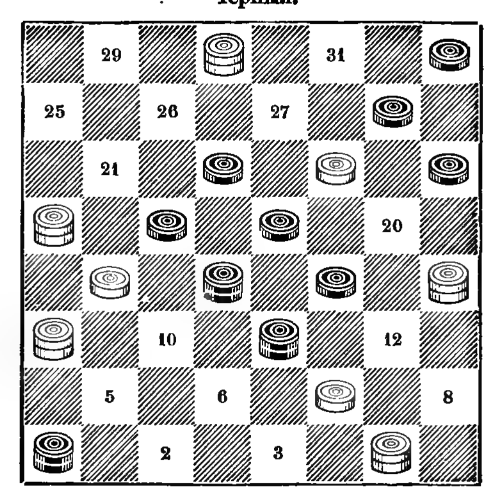
Помпея. Недавно въ Помпеѣ вырытъ былъ почти цѣлый домъ, прекрасно сохранившійся. Въ немъ—два атріума и весьма обширный перистиль, въ срединѣ котораго устроенъ фонтанъ. При немъ находится также купальня, которая поможетъ разъяснить нѣкоторые сомнительные пункты касательно устройства римскихъ купаленъ. Картины внутри зданія выполнены, повидимому, съ большимъ вкусомъ и хорошо сохранились. Особенно интересны картины, помѣщающіяся въ первомъ этажѣ; онѣ изображаютъ большею частію морскихъ животныхъ.

Эмиграція въ Америку. Въ дополненіе къ нашей статьѣ объ эмиграціи (помѣщенной въ № 23 „Нивы") прибавимъ, что эта эмиграція усиливается въ послѣднее время и въ Финляндіи. Особенно много переселяется крестьянъ и рабочихъ изъ Вазаской и Улеаборгской губерній. Такъ, напримѣръ, на пароходѣ „Рунэбергъ", 23-го мая (по нов. ст.), отправилось 100 человѣкъ въ Сѣверную Америку. Пароходы „Руставъ Ваза" и „Сундеваль" увозятъ каждую недѣлю по 20 человѣкъ.

Въ Берлинѣ, 5-го (17-го) іюня, общее жюри выставки рыболовства постановило: предложить составленіе благодарственнаго адреса и выдачу золотой медали русскому правительству. Зототую медаль съ почетнымъ дипломомъ получили министерство государственныхъ имуществъ и профессоръ Гримъ въ Петербургѣ.

Шашечная задача № 47.

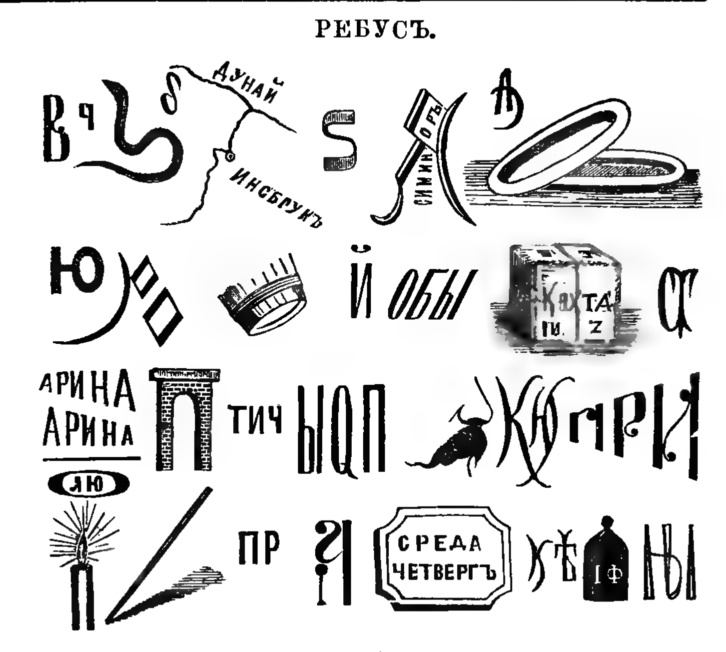
Черныя.

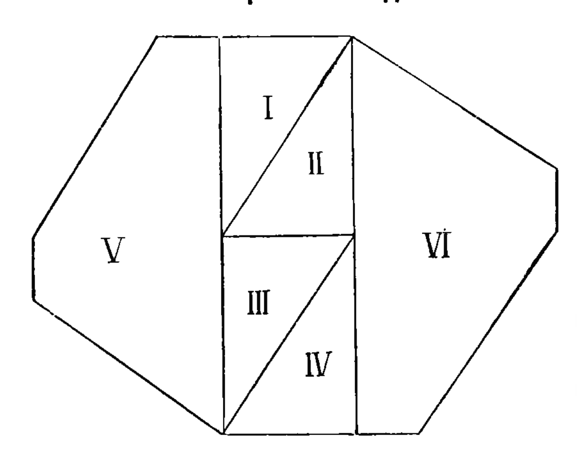
Бѣлыя.

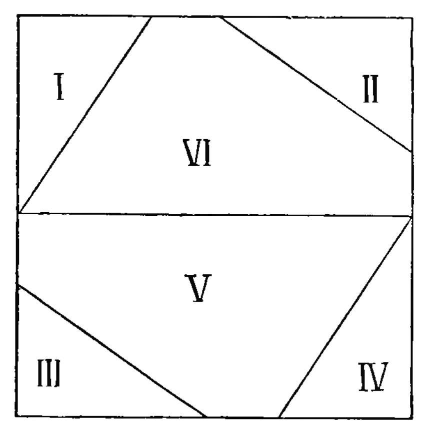
Бѣлыя начинаютъ и запираютъ 3 дамки и 3 простыхъ черныхъ шашекъ.

РЕБУСЪ.

Рѣшеніе геометрической задачи № 41.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: **Спб.** отъ г. Чекушкина, Ук—л—ва, Васильева-Крымскаго, **Москва**—Коробкина, Морозова, Льва, Минофьева, Матвѣева, Нѣмова; **Гдовъ**—Николаева; **ст. Подбродзе**—Пестреченко.

Рѣшеніе шашечной задачи № 37.

Бѣлыя.	Черныя.
Съ № 22 на № 18	Съ № 14 на № 21
„ № 31 „ № 28	„ № 32 „ № 29
„ № 2 „ № 15	„ № 12 „ № 19
„ № 27 „ № 22	„ № 19 „ № 26

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: **Москва** отъ гг, Вайкова; **Казань**—Маркова; **Орелъ**—Могилевича.

Рѣшеніе ребуса помѣщеннаго въ № 20 „Нивы“.

„На море тихое ложится мракъ ночной и небо синее усѣялось звѣздами.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

С.-Петербургъ: Я; Москва: гг. Щ—а; И. Туману, Г. Воборси. **Веневъ:** г. Вологову: Присланные вами задачи будутъ помѣщены въ ближайшихъ №№.

Москва. И. Сел—ву. На открытіе памятника Пушкину, мы получили множество стих. и всѣ неудовлетворительныя, какъ ваше.

Кіевъ. Ф. Зем—кому.

Глядишь ты молча на сей трупъ
Его *вѣнчаетъ* тяжкій *трудъ*.

Вы, кажется, думаете что это стихи и риемы.

N. B. Въ нѣсколькихъ экземплярахъ № 23 на стр. 457 въ подписи подъ рисункомъ есть ошибка. Слѣдуетъ читать: „Доски Евангелія, поднесеннаго“ и т. д.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ тѣхъ немногихъ изъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, которые внесли деньги только за **первое полугодіе**, поторопиться возобновленіемъ подписки на **второе полугодіе.**—Въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ прекращена съ № 27, при чемъ гг. подписчики потеряютъ право на полученіе премій, слѣдуемыхъ гг. годовымъ подписчикамъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала «Нива» проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

Дозволено цензурою СПБ. 12 іюня 1880 г. **Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.** Тип. ... № 10.

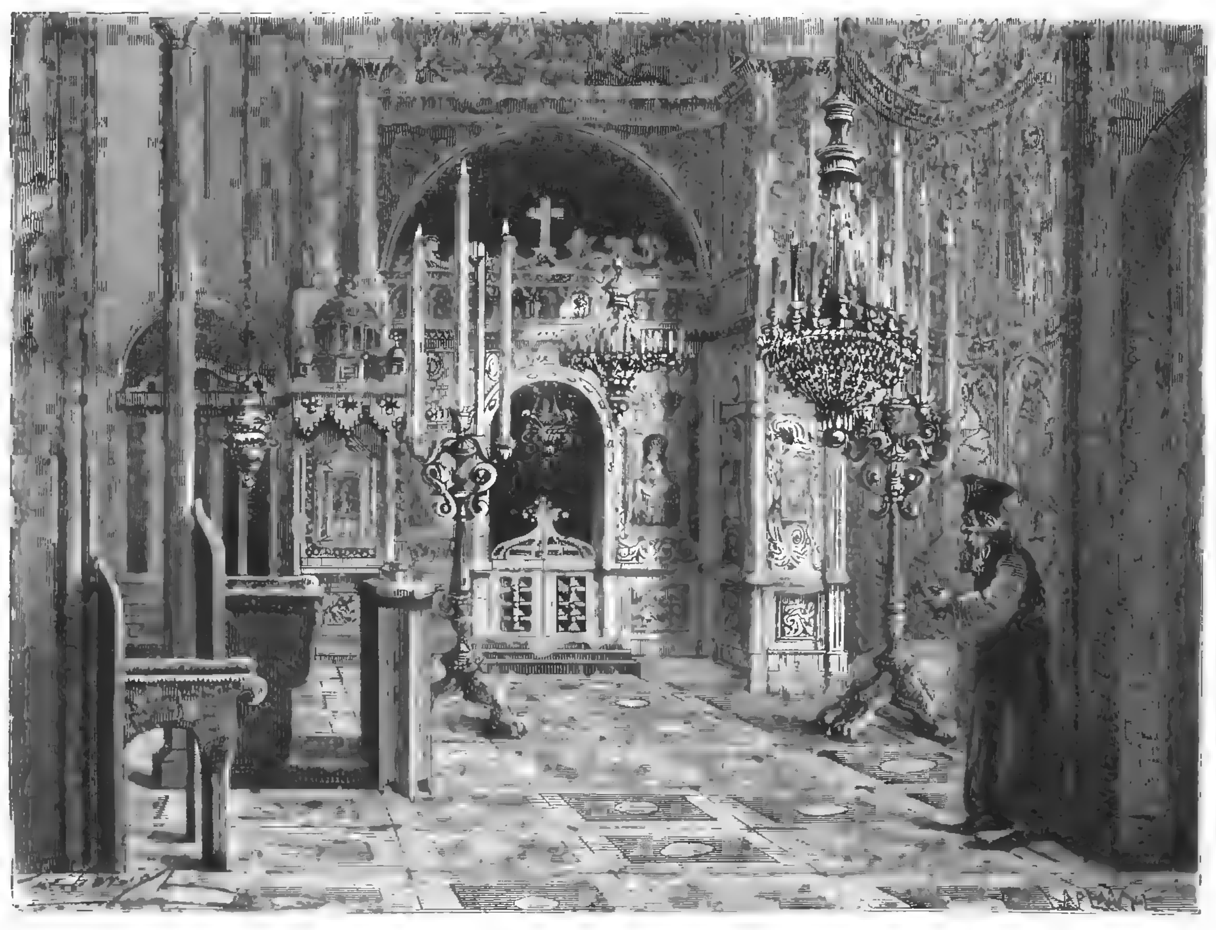
НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XI годъ — № 25 — годъ XI — 1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 модн. рис. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 21 Іюня 1880 г. Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Островъ Хіосъ. Внутренній видъ храма въ монастырѣ Неамони. Рис. Клерже, грав. Лаплантъ.

На островѣ Хіосѣ

Монастырь Неамони.—Собираніе мастики.

(Къ рис. на стр. 493, 496 и 497).

Въ № 23 „Нивы", помѣщая общій видъ города Хіоса, мы сообщали уже нѣкоторыя историческія данныя о самомъ островѣ и упоминали о его производствахъ.

Чтобы начать объѣздъ острова изъ города, выѣзжаютъ по направленію къ югу черезъ холмъ Дурлоти, затѣмъ берутъ вправо къ востоку. Здѣсь проходятъ предмѣстье Керато. По дорогѣ часто встрѣчаются монахи изъ горнаго греческаго монастыря Неамони, которые вмѣстѣ съ наемными рабочими и работницами, занимаются земледѣльческими трудами и привѣтливо кланяются путникамъ. Вздымается на пути причудливая, огромная остроконечная скала и высокій крутой мостъ ведетъ прямо къ монастырю. Горная дорога по краю окаймлена соснами и дубками. Изъ кустовъ часто вспархиваетъ дичь и кролики быстро уходятъ отъ васъ, шумя въ травѣ; издали доносится шумъ падающихъ ручьевъ. Но вотъ изъ-за небольшой часовни открывается монастырь высоко надъ головою вашею, на скалахъ. Вы вступаете изъ подъ широкихъ сводовъ сѣверныхъ вратъ на монастырскій дворъ. Посреди его расположена небольшая церковь, довольно красивой и оригинальной архитектуры. Колонны бѣлаго прекраснаго мѣстнаго мрамора съ цоколями изъ красноватой яшмы; съ ея мозаичными изображеніями, образами и фресками, украшающими ея своды, она производитъ мирное, пріятное впечатлѣніе. Иконостасъ очень хорошей и искусной работы—внутренность этой церкви изображена здѣсь, на нашемъ первомъ рисункѣ (стр. 493). Затѣмъ въ стѣнахъ монастыря есть еще каменныя зданія, старинныя, въ развалинахъ, изъ которыхъ особенно интересны развалины круглой башни — бывшей тюрьмы. Среди брошенныхъ зданій есть нѣсколько возобновленныхъ, и въ нихъ то расположено до двадцати келлій, въ которыхъ помѣщаются игуменъ и братія. Ежегодный доходъ монастыря простирается на наши деньги тысячъ до десяти рублей. Монастырь владѣетъ землями не только на Хіосѣ, Вавили, Дафнонѣ, Халкѣ, но и на островѣ Паросѣ. Земля вообще обработывается довольно небрежно и близь монастыря этимъ занимаются сами монахи. У каждаго изъ братіи по два послушника или даже по два работника изъ мірскихъ, которые и живутъ въ самой оградѣ. Въ монастырѣ (общій видъ котораго мы помѣщаемъ на стр. 496) человѣкъ двадцать пять собственно братіи, не считая послушниковъ и рабочихъ. Есть въ монастырѣ школа, въ которую окрестные поселяне посылаютъ дѣтей довольно охотно.

Монастырь воздвигнутъ въ 1040 году иждивеніемъ императрицы Зои и въ настоящее время пользуется среди населенія большимъ почитаніемъ и получаетъ богатые вклады. Въ архивѣ хранятся любопытные древніе акты и записи на владѣніе и фирманы султановъ, дарующіе разныя привилегіи и льготы монастырю. Женщинамъ не дозволяется вступать за ограду обители.

Кромѣ извѣстнаго еще древнимъ Хіосскаго вина и другихъ производствъ, на островѣ занимаются добываніемъ лакомства, извѣстнаго на всемъ востокѣ — *мастики*. Это ни что иное (мы уже упоминали объ этомъ въ № 23) какъ очень пріятная на вкусъ, сладкая жидкость, добываемая изъ небольшаго мѣстнаго деревца Мастичника (Pistacia lentiscus). Дѣлаются два раза въ годъ, въ іюлѣ и августѣ, на стволѣ дерева надрѣзы, изъ которыхъ выступаетъ сладкій, клейкій сокъ. Деревцо это ростетъ на каменистой и ровной почвѣ и кромѣ Хіоса въ другихъ странахъ, даже подъ тѣми же самыми широтами, не попадается—почему—это пока не объяснено научнымъ образомъ. Сокъ этотъ собираютъ въ чашки и затѣмъ въ большіе кувшины, какъ это и изображено на нашемъ рисункѣ, (на стр. 497.)

Каждый футъ земли, покрытой кустарникомъ мастичника, обложенъ податью. Это очень вредно для самаго производства, ибо въ случаѣ неудачнаго сбора, крестьянинъ долженъ нести убытокъ. По возвышеннымъ цѣнамъ мастика дурно идетъ въ торговлѣ, а если случатся нѣсколько лѣтъ къ ряду дурные сборы, то владѣльцы просто вырываютъ и уничтожаютъ на своей землѣ кусты мастичника, предпочитая лучше лишиться совсѣмъ своей собственности, чѣмъ платить ни за что налогъ нѣсколько лѣтъ къ ряду и трудиться понапрасну.

Купленное счастье.

Романъ Н. Морскаго.

(Продолженіе).

V.

Новыя пѣсни.

За нѣсколько минутъ до того, какъ Катерина Александровна уѣхала отъ г-жи Перфиловой, блестящее собраніе этой послѣдней покинулъ—весь вечеръ остававшійся въ сторонѣ—бѣлокурый молодой человѣкъ, одѣтый безукоризненно и державшійся весьма прилично. Трудно было рѣшить въ виду безучастія, оказываемаго имъ ко всему происходящему около, зачѣмъ онъ пріѣхалъ на этотъ вечеръ, пріѣхалъ одинъ, раскланялся съ хозяйкой, обмѣнялся съ нею нѣсколькими словами, поздоровался еще съ двумя, тремя дамами, и затѣмъ отодвинулся на задній планъ, не сходя съ котораго и даже не дѣлая попытки сойдти, оставался на вечерѣ часа два, никѣмъ не замѣчаемый и совершенно лишній. Да, совершенно лишній! онъ это отлично чувствовалъ и сознавалъ, тяготясь тѣмъ нравственнымъ раздвоеніемъ между желаніемъ сдѣлаться участникомъ всего происходящаго около него и волею, которой недоставало на то, чтобы преодолѣть свою застѣнчивость!.. Точно кто парализовалъ эту волю!.. Право, онъ хочетъ, всѣми силами своей молодой души стремится войдти въ общеніе съ этими разговаривающими и танцующими около него людьми, хочетъ стать въ извѣстныя отношенія къ нимъ, полюбить ихъ, открыться имъ, но... но какъ трудно это сдѣлать, чего будетъ стоить первый шагъ къ подобному сближенію! Этотъ шагъ слѣдуетъ сдѣлать ему самому: вѣдь никто первый не подойдетъ къ нему, сторонящемуся отъ всѣхъ...

А между тѣмъ пріѣзжали все новыя лица, съ большинствомъ которыхъ онъ былъ знакомъ, кланялся, разговаривалъ, но ни съ кѣмъ не былъ онъ близокъ... Вдругъ легкая краска вспыхнула на его щекахъ: прямо противъ него, разговаривая съ какой-то маленькой пансіонеркой, стояла во всемъ блескѣ своей чудной красоты Катерина Александровна, стояла, не обращая на него ни малѣйшаго вниманія. Онъ зналъ ее по мужу, съ которымъ былъ въ одно время въ университетѣ и котораго посѣщалъ изрѣдка. Помимо впечатлѣнія произведеннаго на Столповскаго, (такъ звали молодаго человѣка) красотою Кожуховой, было нѣчто другое, влекущее его къ ней... Со всѣми холодная, обходящаяся какъ бы даже съ нѣкоторымъ небреженіемъ, Катерина Александровна повидимому съ перваго разу поняла застѣнчивость и неумѣлость молодаго человѣка сойтись съ кѣмъ либо и такое свое пониманіе его свойствъ дала ему замѣтить легкимъ и деликатнымъ вниманіемъ съ своей стороны, обращеннымъ къ нему предпочтительно передъ другими. То было вниманіе сестры, друга, но для робкаго молодаго человѣка оно значило не мало... Въ его однотонной жизни повѣяло съ этихъ поръ чѣмъ то новымъ и неизвѣданнымъ и чѣмъ чаще Столповскій встрѣчалъ молодую женщину, тѣмъ сильнѣе трепетало въ его груди желаніе новой жизни, новыхъ ощущеній, не тѣхъ, которыми до сихъ поръ полна была его жизнь...

Да, это что-то иное, неизвѣданное и новое—и съ этой мыслью, Столповскій однажды, возвращаясь изъ театра взбѣжалъ на лѣстницу втораго этажа аристократической наружности дома, принадлежащаго его матери. Въ квартиру Столповскихъ вела отдѣльная лѣстница, простенькая, но какъ-то особенно изящно убранная... Газовыя, подъ матовыми шарами, лампы распространяли мягкій полусвѣтъ... Свѣтло-сѣрый

коверъ, обитые темной матеріей диваны и стулья, разставленные по площадкамъ, картины въ круглыхъ рамахъ, вьющіеся около зеркалъ плющи и дикій виноградъ, обширная библіотека, въ которую велъ входъ прямо съ площадки лѣстницы,—все это носило на себѣ строгій и элегическій характеръ, наводило на какую-то задумчивость и сосредоточенность... Какъ онъ привыкъ ко всему этому, какъ сроднился съ каждою вещью, стоящею на одномъ и томъ-же мѣстѣ по нѣскольку лѣтъ, какъ знаетъ все!.. Думая, что мать спитъ, онъ прошелъ въ библіотеку почти на ципочкахъ и осторожно отворилъ дверь въ салонъ... Голубая лампа разливала какой-то лунный свѣтъ по большой комнатѣ, окна и двери которой были завѣшены спускающимися широкими складками гранатовыхъ бархатныхъ драпри. Надъ диваномъ висѣла копія „Пастыря добраго", у оконъ были придвинуты два мольберта. Неизмѣнный плющъ обвивалъ зеркала и рамы картинъ... Въ глубинѣ комнаты за піанино, наигрывая меланхолическій вальсъ, сидѣла госпожа Столповская, дама лѣтъ сорока пяти, вдова одного важнаго сановника, худая и блѣдная, съ свѣтло-голубыми глазами, бѣлокурыми волосами, одѣтая въ стальнаго цвѣта шелковое платье, съ черной кружевной косынкой на головѣ. Ея глаза были устремлены куда-то въ неопредѣленное пространство и всей своей увядшей фигурою, цвѣтомъ платья, меланхолическимъ вальсомъ, который она играла, госпожа Столповская какъ нельзя болѣе подходила къ характеру остальной обстановки—съ этимъ плющемъ, „Пастыремъ добрымъ", съ развернутымъ передъ диваномъ на столѣ томикомъ мечтательнаго Шиллера.

Столповскій отворилъ дверь осторожно и погруженная въ свои мечты, мать не слышала его прихода. Нѣкоторое время онъ оставался недвижимъ, незамѣчаемый ею, ощущая въ себѣ что-то болѣзненное и непонятное, какую-то странную двойственность душевнаго настроенія, навѣяннаго на него голубоватой комнатой, видомъ этой женщины, играющей меланхолическій вальсъ.. Смутный и полусознанный протестъ возникалъ въ немъ... Да, когда-то все это было мило ему... Кажется мило и теперь?.. но... вальсъ замеръ и мать увидѣла его.

— Вернулся?

Онъ подошелъ къ ней и поцѣловалъ ее въ лобъ.

— А ты не спишь?.. Скоро часъ.

Она извинялась, какъ бы боясь сдѣлать ему что либо непріятное:

— Я не хотѣла спать.

Ему стало ее жаль... Была одна цѣлый вечеръ... скучала... и онъ хотѣлъ утѣшить ее.

— Скучала?.. Ты была одна?

Да, она была одна, а ей всегда хочется быть съ нимъ неразлучной... и что ему ѣздить одному?.. неужели мало занятій дома, тѣхъ благородныхъ занятій, къ которымъ она старалась его пріучить... Цѣлая библіотека—читай сколько хочешь, затѣмъ—музыка и живопись... Она желала быть съ нимъ неразлучной: пусть бы, погруженный въ занятія, онъ сидѣлъ и ночи, и дни, въ тихомъ, уединенномъ отъ шума улицъ, кабинетѣ... она бы входила къ нему неслышно, издали всматривалась бы въ его задумчивое лицо, высокій лобъ, и склоненные надъ исписанною мелкими, мелкими строками бумагою, глаза... Игрою мечтаній, броженій утомленнаго мозга съ мерцаніемъ мысли, со вспышками и легкими искрами фантазіи.... она оживляла бы его умъ—элегическимъ вальсомъ, задумчивой пѣснью... Вотъ какой идеалъ рисовала она!.. И съ грустной улыбкой, въ которой онъ прочелъ себѣ упрекъ, отвѣтила на его вопросъ жалобно.

— Кто-же будетъ у меня? я была одна.

И интересовалась знать—весело-ли было ему? О, она такъ желала, что-бы ему было весело!.. Онъ отвѣтилъ.

— Такъ себѣ...

Тогда она хотѣла слышать, кто былъ изъ знакомыхъ... Онъ назвалъ ей нѣсколько фамилій, намѣреваясь почему-то скрыть, что въ театрѣ была Кожухова... Какъ-то давно, когда онъ впервые увидѣлъ Катерину Александровну—онъ отозвался о ней съ похвалой—и съ тѣхъ поръ, казалось ему, мать его чувствовала какую-то странную непріязнь къ женщинѣ, которой никогда не видала, о которой имѣла чрезвычайно смутное понятіе... Припоминая кого бы назвать еще, онъ задумался...

— Да, была еще какая-то Гаврилова... приличная особа...

— И болѣе никого?

— Никого... кажется никого.

Въ ея голубыхъ глазахъ, еще за минуту смотрѣвшихъ на него съ молитвенной кротостью, зажегся холодный блескъ... что-то подозрительное мелькнуло въ нихъ.

— А эта, что училась у Перфиловой... Кожухова—была? Его поймали и онъ невольно покраснѣлъ.

— Ты дѣлаешь мнѣ допросъ?—насильственно улыбнулся онъ, стараясь смотрѣть ей прямо въ глаза.

Что-то оборвалось внутри ея... Чувствуя невольную слабость, боязнь съ каждымъ его словомъ услышать что-то страшное съ его стороны, что-то такое—что должно перевернуть и опрокинуть лелѣянный ею идеалъ ихъ совмѣстной жизни, она опустила глаза и спросила, теребя худощаными, длинными пальцами платокъ.

— Ты заходилъ въ ложу?

Предлагаемые ею вопросы были столь обыкновенны, что казалось онъ могъ отвѣчать на нихъ свободно, вполнѣ удовлетворяя естественное съ ея стороны любопытство. Но въ этихъ простыхъ вопросахъ онъ читалъ какую-то другую мысль; они являлись ему только легкою и прозрачною завѣсою той душевной борьбы, которая вызывала ихъ наружу... Ахъ, онъ отвѣчалъ на нихъ не разъ и отвѣчалъ въ былое время легко и свободно... А теперь? Почему; почему вопросы эти для него тяжелы? Отчего онъ видитъ въ нихъ какую-то странную, затаенную цѣль?.. Отчего эти вопросы похожи на допросъ?.. Почему... Съ порывомъ бойца, на котораго нападаютъ, съ какой-то странною и непонятною для него самого рѣшительностью обороны отъ чего-то, онъ разомъ поразилъ ее:

— Да, къ Кожуховой...

А!.. она рѣшительно слабѣла съ каждымъ его словомъ... Что-то жалкое и отверженное, казалось, возникало въ ней... Сѣвъ на стулъ, она хотѣла тронуть его жалостью своего положенія... Одна! брошена! отвергнута!.. и высказала вслухъ:

— Надо привыкать быть одной, надо... я уѣду въ самую дальнюю изъ своихъ деревень... Буду жить тамъ съ цвѣтами и животными... Буду давать пріютъ бѣднымъ, обиженнымъ людьми женщинамъ... Ахъ! люди такъ несправедливы!..

Ему стало жаль ее... онъ подошелъ къ ней и погладилъ ее, какъ гладятъ дѣтей по волосамъ:

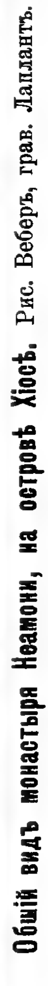
— Но вѣдь еще ничего не сдѣлалось... Вѣдь я съ тобой...

Еще ничего не сдѣлалось! значитъ, что нибудь можетъ произойдти! На ея глазахъ показались слезы.

— Семья распадается, мой другъ,—научила она его, въ глубинѣ души желая, что-бы онъ опровергъ то, что она говоритъ:—дочери выходятъ замужъ... сыновья женятся...

Пусть онъ поклянется ей, что всегда, всю жизнь останется съ нею вдвоемъ... что-жъ онъ не говоритъ? съ ужасомъ воскликнула она внутренно,—что-жъ онъ молчитъ? Неужели я права?.. Неужели онъ... И смиривъ свой душевный вопль, она старалась убѣдить его въ томъ, въ чемъ онъ былъ убѣжденъ и безъ нея:

— Помнишь, другъ мой, у Гюго... „Старое дерево даетъ жить молодымъ побѣгамъ"...

Общій видъ монастыря Неамони, на островѣ Хіосѣ. Рис. Веберъ, грав. Лаплантъ.

Собираніе мастики на островѣ Хіосѣ. Рис. Баяръ, грав. Лаплантъ.

Онъ видѣлъ насквозь всю ея душевную борьбу и былъ моментъ, когда хотѣлъ упасть передъ нею на колѣни: милая мать! что тебя смущаетъ? я съ тобой, я твой!.. Тонкія нити опутывали его... Отовсюду звучала ему какая-то жалость къ той, которая его до такой степени любила... Милая мать!.. но пойми... пойми, что есть иныя краски въ жизни, иныя слова, иные звуки, которыхъ недостаетъ мнѣ... Наступитъ весна и щемящей тоскою, тяжкимъ гнетомъ отзовется вся эта элегія, вся наша жизнь... Какой-то образъ, милый, трепещущій звуками, нѣжно шепчущій никогда доселѣ не произносимыя слова, съ которыми вся туманная и однообразная картина проясняется, являетъ новыя перспективы, расширяетъ горизонтъ,—пронесся въ его воображеніи... Отвори окно, впусти въ душную комнату свѣжій воздухъ!.. Слышишь: запѣваетъ соловей новыя, весеннія и радостныя пѣсни!.. Живи, но дай жить и другимъ....

И взявъ со стола свѣчу, чтобы идти въ свою комнату, онъ нѣжно простился съ ней:

— Ты права,—отвѣтилъ онъ на ея вопросы, — но я не вижу почему тебѣ разлучаться со мной... Спи спокойно...

И оставилъ ее одну, уничтоженную и сломленную его словами... О, никогда!.. о, нѣтъ! она разстанется съ нимъ!. Она не разлучитъ его ни съ кѣмъ другимъ.

VII.

Оживленная статуя.

Вечеромъ крещенскаго Сочельника Катерина Александровна Кожухова сидѣла за работой въ своей комнатѣ, прилежно рисуя на фарфоровомъ блюдечкѣ какой-то весьма замысловатый пейзажъ. Далекая отъ корыстолюбивыхъ замысловъ своего супруга, Катерина Александровна постоянно старалась насколько возможно что либо заработывать своимъ собственнымъ трудомъ. Замужемъ она была не болѣе года и въ этотъ промежутокъ времени не взяла отъ мужа почти ни копѣйки. Хотя Клеопатра Петровна, — женщина вообще добрая, любившая Катишь,—была скупа и въ приданое за своей воспитанницей, какъ ожидалъ Кожуховъ, — втайнѣ полагавшій, что Катерина Александровна пожалуй даже дочь г-жи Гавриловой,—не дала никакого капитала, тѣмъ не менѣе она разщедрилась нѣсколькими цѣнными вещицами, которыя Катерина Александровна немедленно продала, пріѣхавъ съ мужемъ въ Петербургъ,и выручивъ за продажу около тысячи. Какъ, впрочемъ ни благоразумно расходовались эти деньги, Катерина Александровна немедленно озаботилась отысканіемъ новыхъ источниковъ дохода. Она рисовала, давала уроки музыки.

Ея замужество не являлось результатомъ какого нибудь влеченія къ тому, съ кѣмъ она связывала себя на цѣлую жизнь. До свадьбы съ Кожуховымъ Катерина Александровна встрѣчала своего будущаго жениха, пріѣзжавшаго въ Тулу для продажи небольшой деревни, доставшейся ему по смерти матери, въ нѣсколькихъ знакомыхъ домахъ. Ничѣмъ Кожуховъ не привлекъ вниманія и предпочтенія своей будущей супруги, относившейся къ нему съ тѣмъ холоднымъ равнодушіемъ, съ какимъ она относилась ко многимъ молодымъ людямъ, встрѣчаемымъ ею въ обществѣ и ради ея красоты посѣщающимъ домъ Клеопатры Петровны... Она прошла полнѣйшимъ невниманіемъ и то обстоятельство, что отъ самыхъ обыденныхъ отношеній двухъ часто встрѣчающихся знакомыхъ, Кожуховъ перешелъ къ открытому ухаживанію за нею. И какъ она удивленно и широко раскрыла свои прелестные глаза, когда однажды, оставшись съ нимъ вдвоемъ въ гостинной, услышала его, какъ бы упавшій голосъ, какъ-то непонятно, незнакомо зазвучавшій для ея уха:

— Послушайте,—почти шепталъ онъ,—сейчасъ могутъ войдти и нарушить нашъ tête à tête... А когда еще я увижу васъ наединѣ?.. Мнѣ много, много надо сказать вамъ...

Его глаза блестѣли... Вообще, такимъ взволнованнымъ она его никогда не видала...

— Говорите, съ какимъ-то страннымъ любопытствомъ, нежданно возникшимъ въ ней, сказала она, оставаясь по прежнему спокойной.

Онъ вдругъ схватилъ ея руку и подвинулся къ ней... Она отстранилась.

— Неужели вы не замѣчаете?

Нѣтъ, до сихъ поръ она не замѣчала ничего! Но теперь, глядя на его блестящіе глаза, усматривая во всемъ его существѣ какое-то странное волненіе, принимая въ соображеніе нѣкоторую таинственность ихъ разговора, въ ней шевельнулось предположеніе, что онъ ее любитъ. Она видѣла себя внезапно поставленной лицомъ къ лицу съ возбужденной помимо ея воли въ немъ, страстью. И вырвавъ свою руку, она поспѣшила остановить готовившееся сорваться съ его языка признаніе, холодно сказавъ:

— Я не люблю васъ.

Вдали слышались тяжеловѣсные шаги Клеопатры Петровны, направляющіеся въ гостинную. Онъ спѣшилъ окончить то, что считалъ необходимымъ сообщить ей:

— Простите за навязчивость. Вы любите другаго?

Она отрицательно покачала головой:

— Я не люблю никого.

Тогда онъ какъ бы оживился, какъ бы поймалъ утрачиваемую было имъ надежду.

— Послѣдній вопросъ... скажите: я не противенъ вамъ?.. нѣтъ?

Она задумчиво-серьезно посмотрѣла на него, какъ бы впервые рѣшая, противенъ онъ ей или нѣтъ? Клеопатра Петровна входила въ гостинную. Катерина Александровна дала отвѣтъ:

— Кажется... Вы не противны мнѣ...

Вскорѣ она забыла даже думать объ этомъ разговорѣ, какъ вдругъ однажды Клеопатра Петровна напомнила ей о немъ, заговоривъ о Кожуховѣ... Это хорошая дворянская фамилія... У Катишь нѣтъ имени... Къ тому же Кожуховъ съ состояніемъ, хотя и небольшимъ: отецъ тратилъ, мать сберегала кой-какія крохи. Послѣ нея и осталось... Слушая эту болтовню, Катерина Александровна какъ-то безсознательно повторила вслухъ за своей воспитательницей:

— Хорошая фамилія... съ состояніемъ...

И задумалась... Кто же она сама?

Долгое время Катерина Александровна считала Клеопатру Петровну за родственницу, но къ этому времени ей стало отлично извѣстно, что она была только воспитанницей г-жи Гавриловой, ребенкомъ принятымъ въ домъ изъ сожалѣнія, изъ милости. Вся ея продолжительная жизнь, то въ Тулѣ, то въ деревнѣ развернулась въ этотъ моментъ передъ ней... Клеопатра Петровна не была зла; но она такъ была мелочна, такъ ничтожна, что любить ее было бы по меньшей мѣрѣ странно. Клеопатра Петровна воображала, что люди созданы для нея, что она фокусъ, центръ, къ которому должны направляться лучи человѣческаго сочувствія. Катерина Александровна была съ ней добра и кротко относилась къ ея различнымъ мелкимъ прихотямъ и капризамъ, но любви къ ней не чувствовала никакой. Она выучилась только молчать въ ея присутствіи, подавлять всякое внутреннее движеніе, всякій протестъ, выучилась быть холодной и равнодушной... Въ домѣ Клеопатры Петровны—Катерина Александровна была постоянно выставляема на показъ... Все это бы еще ничего, но какое страшное униженіе, сколько оскорбленія, когда изъ молодой и прелестной дѣвушки, которую въ пансіонѣ госпожи Перфиловой выучили кое чему, изъ ея красоты, изъ ея талантовъ дѣлаютъ нѣчто такое, что очевиднымъ образомъ выставляется изъ-за похвалы тѣмъ, кто взростилъ

эту красоту, образовалъ таланты и укрѣпилъ ихъ надлежащимъ образомъ... Все это дано *нами* ей!.. Она этимъ обязана *намъ*. Отсюда въ Катеринѣ Александровнѣ рано развилось и окрѣпло какое-то странное отвращеніе къ обнаруженію передъ другими своихъ дарованій, симпатій и убѣжденій.

Клеопатра Петровна продолжала распространяться о достоинствахъ Кожухова, въ простотѣ своей души полагая, что Кожуховъ желаетъ жениться на Катишь не вслѣдствіе, оказавшихся ошибочными, разсчетовъ на приданое, которое ей дадутъ, а вслѣдствіе дѣйствительнаго къ ней влеченія. Катишь поразила мысль, подъ вліяніемъ которой она внезапно прервала повѣствованія своей воспитательницы и тихо спросила ее:

— Вамъ вѣрно хочется сбыть меня... за этаго Кожухова...

И не давъ Клеопатрѣ Петровнѣ отвѣтить на заданный вопросъ, съ какой-то подозрительной раздражительностью, движимая мыслью, что она въ тягость облагодѣтельствовавшей ее воспитательницѣ, что ее поэтому хотятъ сбыть съ рукъ, съ какимъ-то нервическимъ смѣхомъ рѣшила, отдавая себя на волю воспитавшей ее:

— Извольте... Я выйду, если вамъ угодно и за него...

И вышла дѣйствительно, придя въ домъ своего мужа чужою, какой-то посторонней гостьей, вскорѣ по совершеніи брака отлично понявъ, что Кожуховъ женился на ней не по любви, а вслѣдствіе ошибочнаго, неудавшагося разсчета на приданое, котораго скупая Клеопатра Петровна ей не дала. На первыхъ же порахъ своей супружеской жизни Катеринѣ Александровнѣ показалось, что мужъ ея какъ-то особенно и чрезвычайно любитъ деньги, что какого нибудь легкаго взгляда на нихъ у него нѣтъ и слѣда... Нѣчто коммерческое, нѣчто до чрезвычайности осторожное, почти граничащее съ жадностью, въ обращеніи съ каждой копѣйкой, бросилось ей въ глаза. Съ нимъ придется считаться,—подумала она, это не обыкновенный смертный... Катерина Александровна была далека отъ мысли придавать въ интимныхъ и близкихъ отношеніяхъ какую либо особую цѣнность деньгамъ. Отъ человѣка, котораго любила, Катерина Александровна всегда бы взяла и считаться съ нимъ не стала... Это казалось бы ей мѣщанствомъ... Она знала, что теперь въ отношенія порядочныхъ людей незамѣтно вкралась мѣщанская черточка, своимъ происхожденіемъ обязанная тѣмъ неудачнымъ семейнымъ комбинаціямъ, въ которыхъ люди мѣщанскаго склада мысли пришли въ столкновеніе съ людьми высокихъ убѣжденій, чистыхъ взглядовъ на жизнь и на человѣческія отношенія... Это исключительное явленіе стало распространяться и овладѣло многими... Катерина Александровна не признавала „денежной зависимости"; признаніе такое казалось ей признаніемъ того значенія денегъ, той именно точки зрѣнія на нихъ, которая ставила деньги выше всего, поклонялась имъ и кадила передъ ними.

Но это—въ теоріи. На практикѣ, въ своихъ супружескихъ отношеніяхъ она считала каждую копѣйку, которую должала мужу. Катерина Александровна обладала нѣкоторыми талантами и нашла возможность извлечь изъ нихъ для себя небольшой источникъ доходовъ, который конечно не окупалъ всего того, что выходило на нее, но избавлялъ ее отъ необходимости просить денегъ у мужа. Она рисовала на фарфорѣ и имѣла постоянный заказъ на одной фабрикѣ; кромѣ того она хорошо играла и основательно знала музыку—хотя въ исполненіи вообще была холодна—что дало ей возможность давать уроки. Все это если не совершенно прекращало, то по крайней мѣрѣ замедляло на нѣкоторое время трату основнаго капитала, вырученнаго отъ продажи цѣнныхъ вещицъ, подаренныхъ Клеопатрой Петровной, а также дѣлало ее независимѣе отъ мужа.

Сидя за работой у себя въ комнатѣ, Катерина Александровна слышала, какъ вернулся откуда-то мужъ и вернулся не одинъ. Чей-то знакомый голосъ разговаривалъ съ нимъ, проходя черезъ пріемную. Мужъ чему-то смѣялся и потомъ вѣроятно пошли въ кабинетъ и голоса стали не такъ слышны. Она продолжала работать, какъ вдругъ вторичный звонокъ привлекъ ея вниманіе. Катерина Александровна слышала, какъ побѣжала отпирать горничная, какъ затѣмъ она прошла черезъ залъ, чтобы вѣроятно доложить мужу о прибывшемъ и какъ вслѣдъ за этимъ Кожуховъ торопливыми шагами выбѣжалъ въ переднюю на встрѣчу гостю. Что-то застучало, вѣроятно снимаемыя калоши. И новый мужской голосъ, ей незнакомый, ровный и пріятный, произнесъ входя въ залъ:

— Да вы семейный что-ли, батюшка? Почему-то я считалъ васъ за холостаго.

— Женатъ, Гаврило Прокофьичъ, женатъ,—отвѣтилъ Кожуховъ.

Что-то звенящее, вьющееся и заискивающее послышалось ей въ тонѣ, которымъ говорилъ ея мужъ съ пріѣхавшимъ.—Вѣрно почетный гость,—не безъ ироніи подумала она и вздохнула... Гости прошли въ кабинетъ. До нея долетѣлъ вопросъ:

— Этакъ вы пожалуй отецъ семейства?

Но отрицательнаго отвѣта она не слыхала, потому что гость и хозяинъ вошли въ кабинетъ. Продолжая свою работу, она задумалась.

Жизнь ея у Клеопатры Петровны окончилась, но съ переѣздомъ въ Петербургъ, съ замужествомъ, прежнее отвращеніе къ откровенному обнаруженію своихъ чувствъ не исчезло въ ней... Мѣсто Клеопатры Петровны занялъ мужъ... О, она не была ему обязана ничѣмъ, но ей казалось, что женившись на ней, Кожуховъ ошибся, что онъ разсчитывалъ на приданое, которымъ по его мнѣнію должна была „наградить" ее Клеопатра Петровна и какъ такаго приданаго не оказалось, онъ кажется сталъ считать женитьбу на ней чѣмъ то въ родѣ оказаннаго съ его стороны ей благодѣянія... Она, по его мнѣнію, была обязана ему!.. Онъ не сказалъ, правда, объ этомъ ни слова, но въ каждомъ его самомъ ничтожномъ обращеніи къ ней, въ его взглядахъ и жестахъ,—она читала и видѣла это... О, конечно, какъ ни старалась она быть отъ него вполнѣ независимой, ей все таки перепадало кое что изъ тѣхъ двухъ тысячъ, которыя онъ получалъ отъ различныхъ частныхъ работъ своихъ и изъ процентовъ небольшаго капитала, вырученнаго имъ отъ продажи имѣнія, доставшагося ему по смерти матери... Ея женскій трудъ приносилъ немного... Главное все таки было отъ него.

Она прилежно дорисовывала какое-то деревцо... Горящая подъ голубымъ абажуромъ лампа, ярко освѣщая поверхность стола и ея руку, вооруженную кистью, кидала на лицо ея голубоватую тѣнь... Короткіе волоски спустились на ея мраморно-бѣлый лобъ и черные, задумчивые глаза, полузакрываясь и затѣмъ снова открываясь во всемъ своемъ яркомъ и тепломъ блескѣ, были устремлены на работу... Губы полуоткрылись, изрѣдка беззвучно шепча какія-то слова... Кто-то отворилъ въ ея комнату дверь.

— Можно?

Не подымая головы, по голосу, она узнала мужа и отвѣтила вопросомъ:

— Что вамъ?

Ея глаза приняли холодное выраженіе, равнодушно спокойное лицо поднялось отъ работы и она посмотрѣла на него. На цыпочкахъ онъ приблизился къ столу и какъ бы боясь, чтобы его не услышали, наклонился и прошепталъ:

— Тамъ у меня гости. Одинъ—извѣстный тебѣ—Столповскій, ты съ нимъ знакома... Другой... Пантелѣевъ: слыхала? Этотъ богачъ, еще химическій заводъ у него. Помнишь?

Да, она помнила кто такой Пантелѣевъ, хотя никогда его не видала. Глаза ея смотрѣли прямо въ глаза мужа и ей показалось, что въ этихъ послѣднихъ она прочла многое такое, чего онъ не досказалъ словами...

— Вы хотите, чтобы я вышла къ нимъ, помогла она ему.

— Да.

Она отодвинула работу и встала передъ нимъ; она была одѣта въ простое черное кашемировое платье, безъ всякихъ украшеній, мягкими складками ниспадающее отъ ея таліи внизъ. Спокойная и величавая, она спросила его совѣта:

— Въ этомъ нарядѣ?

Онъ хочетъ меня показывать, мелькнуло въ ея умѣ. Онъ улыбнулся, оглядѣвъ ее быстрымъ взглядомъ.

— Ты у меня такая красавица, хороша во всѣхъ нарядахъ... Ты не изъ тѣхъ, которыя нуждаются въ туалетахъ.

Она осталась равнодушна къ такой похвалѣ, пріятной для многихъ другихъ женщинъ... Онъ хочетъ сказать еще о чемъ-то, но стѣсняется... Она смотрѣла спокойно въ его глаза, ожидая.

— Познакомься: это порядочные люди и знаешь, — онъ невольно опустилъ передъ нею глаза,—знаешь: не чуждайся ихъ слишкомъ. Будь съ ними любезнѣе, поговори...

Они рѣшительно ему нужны... не отвѣчая на его слова, разсматривала она кончики своихъ пальцевъ, нѣсколько запачканные красками и чувствуя, что ей затруднительно будетъ говорить съ новыми гостями, предложила:

— Я могу что нибудь играть имъ?..

И слегка покраснѣла, какъ бы стыдясь, что сдѣлала уступку, что не отстояла права своего не быть вещью, которую показываютъ... Обычнаго въ женщинѣ желанія обнаруживать свои достоинства, выставлять въ болѣе выгодномъ свѣтѣ свою красоту у нея не было... До сихъ поръ она не встрѣчала ни одного человѣка, которому бы желала нравиться... На ея вопросъ мужъ отвѣтилъ:

— Да... только знаешь, не очень серьезное...

Онъ сказалъ кажется все и сдѣлалъ движеніе удалиться... Отворяя дверь въ пріемную, онъ громко спросилъ:

— Ты выйдешь сейчасъ?

Она чуть-чуть наклонила голову и осталась неподвижною, стоя около покинутаго стола.. Когда-же, когда эта вѣчная выставка окончится?.. Неужели ни строгость нравовъ, ни отчужденіе ото всѣхъ не остановятъ никогда его... Неужели женщина перестаетъ быть забавой для глазъ, забавой для ума и сердца, только тогда, когда дѣлается старухой?.. Краска сбѣжала съ ея прелестнаго лица и блѣдная и равнодушная, съ глубокимъ и неяснымъ выраженіемъ чудныхъ глазъ, она отворила дверь изъ своей комнаты и спокойно, пройдя черезъ залъ, неслышно по толстому ковру вошла въ кабинетъ...

Разговоръ какъ-то оборвался на полусловѣ при ея неслышномъ появленіи. Гости поднялись съ своихъ мѣстъ и Кожуховъ представилъ ее имъ:

— Моя жена... Гаврило Прокофьичъ Пантелѣевъ... Вы, Столповскій знакомы уже?..

Полуопустивъ свои рѣсницы, она не дала себѣ труда разглядѣть гостей, изъ которыхъ знала только одного Столповскаго... Она молча поклонилась имъ и подала руку...

— Я думаю время пить чай? обратилась она къ мужу.

Кожуховъ отвѣтилъ утвердительно и какъ она, услышавъ его слова, сдѣлала было попытку оставить кабинетъ, удержалъ ее.

— Посиди съ нами...

— Я распоряжусь, — пошла она, не останавливаясь на его приглашеніе, въ залъ, гдѣ на кругломъ столѣ дѣвушка приготовляла чайный приборъ...

(До слѣдующ. №).

Горькое горе.

Біографическій эскизъ.

П. П. Гнѣдича.

(Окончаніе).

IV.

И вотъ Ѳедотовъ—прапорщикъ Финляндскаго полка. Онъ вѣчно веселъ, шутливъ: остроты, часто очень злыя, градомъ сыплятся съ его языка. Безденежье не позволяетъ ему тянуться за своими товарищами и сорить по вѣтру деньгами, но онъ и не гонится за ними. Въ свободное время онъ пишетъ стихи, переводитъ съ нѣмецкаго, посвящаетъ каждый день хоть нѣсколько часовъ музыкѣ, набрасываетъ каррикатуры. И уже не довольствуется одной схемой рисунка,—ему хочется правильно, законно создать рисунокъ. Онъ садится передъ окномъ и точно копируетъ то, что видитъ—и пейзажъ, и проѣзжихъ, и прохожихъ. Попробовалъ набрасывать портреты знакомыхъ—сходство получалось поразительное.—Да вы бы къ намъ въ академію поступили, говорили художники, изъ васъ можетъ кое что развиться.—Служба, сами знаете,—возражалъ онъ.—Да вѣдь у насъ работаютъ вечеромъ, при ламповомъ освѣщеніи: рельефнѣе при вечернемъ свѣтѣ, несравненно сильнѣе, чѣмъ днемъ... Поступайте—служба не помѣшаетъ. Ѳедотовъ задумался.

Съ чиномъ капитана и пенсіей въ 28 р. 60 к. въ мѣсяцъ, назначенной по милости императора, пенсіею, на которую онъ, не смотря на ея ничтожность, не имѣлъ права—вышелъ будущій художникъ въ отставку. Нанялъ онъ у какой-то хозяйки конурку въ одной изъ линій Васильевскаго острова, заперся тамъ съ своимъ неизмѣннымъ деньщикомъ Коршуновымъ, и такъ таки весь и ушелъ въ искусство. Съ ранняго утра засаживался онъ за свои эскизы и этюды, кутаясь отъ холода въ тулупчикъ, надѣтый поверхъ халата, и только въ жарко-натопленныхъ классахъ академіи „оттаивалъ" отъ домашней работы. А работать много ему приходилось: рука была непривычна къ правильному рисунку, изломалась на постоянной каррикатурѣ, представляющей самый рѣзкій контрастъ съ тѣми бельведерскими торсами, которые ему подносила академія. Брюлловъ прямо заподозрилъ въ немъ существованіе какого бы то ни было таланта. Изъ дому приходили самыя невеселыя письма, намекавшія на присылку денегъ: семейныя дѣла были ужь очень плохи; нечего дѣлать—приходилось помогать и семейству, отсылая ему часть своей пенсіи, а самому брать обѣдъ изъ кухмистерской въ пятнадцать копѣекъ, и дѣлиться имъ съ Коршуновымъ.

Но не унывалъ художникъ. Вѣчно веселый, вѣчно довольный, и за бельведерскимъ торсомъ, и за пятнадцати-копѣечнымъ обѣдомъ, и за гитарой, всюду онъ былъ прежнимъ Ѳедотовымъ. Онъ зналъ впереди одну цѣль: стать художникомъ, и всѣми силами души стремился къ этой цѣли. Началъ онъ изучать подъ руководствомъ Зауервейда батальную живопись, компоновать эскизы, силясь убѣдить себя, что онъ какъ человѣкъ военный, долженъ заняться исключительно боевыми сценами,—только путнаго изъ всего этаго выходило очень мало. Его какъ-то невольно тянуло къ простой, обыденной, повседневной жизни. То, что каждый день вертѣлось предъ его глазами, ему казалось несравненно занимательнѣе. Зайдутъ къ нему товарищи, знакомые, или онъ къ нимъ—возьметъ карандашъ и листъ бумаги, и начнетъ чертить что въ голову придетъ. Изобразитъ стараго холостяка въ парикѣ: ласкаетъ онъ мальчика, сына разфранченной кухарки, что возлѣ стоитъ,—а внизу подпись сдѣлаетъ: „*Старый холостякъ*:—Ты, душенька, при чужихъ никогда меня не называй папашей, а говори: дядя". А то нарисуетъ двухъ играющихъ въ огромную игру. „Пошли за свѣчкой—ты въ выигрышѣ", говоритъ одинъ. „Пошли ты,—отвѣчаетъ другой: я тысячи двѣ тебѣ скину". Порою просто эскизъ набросаетъ „Чиновника Михайлова, танцующаго по случаю полученія ордена", общество такъ и покатывается со смѣху, глядя на талантливые наброски.

Увидѣлъ ихъ Крыловъ, Иванъ Андреевичъ.—Опытный глазъ старика, прямо славянской лѣниво-мощной натуры, сразу поймалъ истинную жилку художника.—И этотъ гусь—лошадокъ, да солдатиковъ рисуетъ! пропѣлъ онъ, качая своей колоссально грузной копной растрепанныхъ волосъ, да его бы за это... Вы ему скажите, чтобы онъ все это по боку, не его дѣло... Вѣдь вотъ тутъ,—Крыловъ ткнулъ пальцемъ въ рисунки,—живой комизмъ, сатира такъ и бьетъ: это его работа и есть, а то онъ лошадокъ...

Старикъ до того расходился, что написалъ даже письмо ху-

Оса. Съ картины Джона Девиса, грав. Жонаръ.

дожнику, гдѣ убѣдительно просилъ солдатиковъ забросить. Тотъ такъ и сдѣлалъ.

V.

На академической выставкѣ 1849 года явились картины Ѳедотова: „Новый кавалеръ“, „Разборчивая невѣста“ и „Сватовство маіора“. Публика въ нѣмомъ изумленіи останавливалась передъ невиданными мотивами; мало по малу изумленіе смѣнялось улыбкой и затѣмъ смѣхомъ. Это не были уже карикатуры,—это были настоящія картины, серьезно писанныя, настолько серьезно, что подъ „Сватовствомъ маіора“ значилась подпись: „удостоенъ званія академика“. Съ перваго же дня открытія выставки, вѣсть о „Сватовствѣ“ быстро разнеслась по городу, а черезъ нѣсколько дней имя Ѳедотова гремѣло по Петербургу. Вся аристократія, считавшая себя меценатствующею въ дѣлѣ искусства, военный людъ, считавшій себя затронутымъ въ лицѣ маіора, купечество, чуть не впервые увидѣвшее себя въ своемъ домашнемъ быту какъ въ зеркалѣ, подъ талантливой кистью наблюдателя, промѣнявшаго на нихъ амуровъ; мелкое чиновничество, жаждавшее узрѣть себя въ „Новомъ кавалерѣ“,—все это волной хлынуло въ широкія двери академіи,—и въ восторгѣ повторяло имя Ѳедотова.

А самъ Ѳедотовъ, довольный, счастливый, собиралъ вокругъ своихъ картинъ хружокъ знакомыхъ, и на распѣвъ, какъ раешникъ, объяснялъ имъ содержаніе изображеннаго. Всѣмъ особенно нравилось „Сватовство“ и особенно удачно было объясненіе къ нему автора. На картинѣ была представлена богатая купеческая гостиная; въ двери вбѣжала сваха съ докладомъ: женихъ пожаловалъ; въ комнатѣ переполохъ: невѣстѣ хотѣлось было прочь, но мать ее не пускаетъ, отецъ наскоро застегивается, а въ открытыя двери видѣнъ бравый маіоръ, охорашивающійся передъ входомъ.

— А вотъ извольте посмотрѣть,—пѣлъ Ѳедотовъ:—вотъ самъ хозяинъ-купецъ, денегъ полонъ ларецъ, есть что пить и что ѣсть,—ужъ чего бы еще! анъ взманила, вишь честь: не хочу, зятька съ бородою: и своя борода мнѣ лихая бѣда!.. Мнѣ, по крайности, дай хоть маіора, безъ того никому не отдамъ свою дочь!.. А женихъ—тутъ какъ тутъ, и по чину—точь въ точь... Вотъ въ парадѣ весь домъ, все съ иголочки въ немъ, только хозяйка купца—не нашла, знать, по головкѣ чепца: по старинному—въ сизомъ платочкѣ; остальной же нарядъ у француженки взятъ лишь вечѐръ для самой и для дочки. Дочка въ жизнь первый разъ, ни простуды не боясь, ни мущинъ не страшась, плечи выставила на показъ: шейка чиста, да безъ креста. А справа, отставная деревенская пряха, Панкратьевна сваха, безсовѣстная привираха, въ парчевомъ шугаѣ, толстая складомъ, пришла съ докладомъ: женихъ, молъ, изволилъ пожаловать!. И вотъ извольте посмотрѣть, какъ наша невѣста, не найдетъ, съ дуру, мѣста: „Мужчина чужой! Ой, срамъ то какой! Никогда съ ними я не бывала; коль и придутъ, бывало:—мать тотчасъ на ушко: тебѣ, дѣвушкѣ, здѣсь не пристало! Вѣкъ въ свѣтличкѣ своей я высокой прожила—проспала одинокой, кружева лишь плела къ полотенцамъ, и въ домѣ меня чтутъ младенцемъ! Гость замолвитъ, чай, рѣчь... Ай, ай, ай! стыдъ какой!.. А тутъ нечѣмъ скрыть плечъ: шарфъ сквозистый такой—все насквозь, на виду! Нѣтъ, въ свѣтлицу уйду! И вотъ, извольте посмотрѣть, какъ наша пташка сбирается улетать,—а умная мать за платье ее хвать!.. И вотъ извольте посмотрѣть, какъ въ другой горницѣ грозитъ ястребъ горлицѣ. Какъ маіоръ толстый, бравый, карманъ дырявый, крутитъ свой усъ: „я, дескать, до денежекъ доберусь!“...

И громкимъ хохотомъ слушателей покрывалось это веселое чтеніе.

Завиднѣйшее изъ всѣхъ земныхъ благъ—слава, была достигнута Ѳедотовымъ; досталась она ему не даромъ: волосы стали рѣдѣть и падать, на лбу появились морщины, глаза смотрѣли утомленно—а ему было всего только тридцать три года. Пятнадцати-копѣечные обѣды и нетопленная квартира начали сказываться и на его крѣпкой натурѣ... Но если плоть была немощна, то духъ оставался бодръ. Вокругъ сыпались хвалы, самъ Брюлловъ призналъ теперь за нимъ недюжинное дарованіе.

Изъ Москвы пришло письмо, въ которомъ извѣщали Ѳедотова, что отецъ вышелъ въ отставку, сестра его овдовѣла и осталась безъ средствъ съ кучей дѣтей, а московскій ихъ домикъ хотятъ за долги продать съ аукціона. Ѳедотовъ отправился на родину, захвативъ съ собой и свои картины.

Здѣсь фуроръ онъ имѣлъ необычайный: Москва еще живѣе Петербурга поняла свой родной талантъ, почувствовала что искусство заговорило съ ней на родномъ языкѣ. Всѣ домашнія дѣла онъ уладилъ,—и быть можетъ первый разъ въ жизни, вздохнулъ легко и свободно...

Теперь, на свободѣ, двѣ мечты постоянно возникали въ его головѣ: одна—поѣхать въ Лондонъ и на мѣстѣ изучить свой идеалъ—живописца жанровыхъ сценъ Уилькa, съ которымъ онъ былъ знакомъ только по эстампамъ, и другая мечта—которую онъ неотступно гналъ, мечта о женитьбѣ. Онъ страстно любилъ дѣтей, „преклонялся“, какъ говорилось тогда, передъ женщиной, но въ тоже время утверждалъ, что ему *не должно* ничего любить кромѣ искусства. Ему представлялось много выгодныхъ партій, партій, что называется, со связями, онъ иногда даже колебался—такъ заманчивы бывали они иногда,—но наконецъ, встряхнулся и рѣшилъ:

— Я предчувствую, что кончится моя одинокая жизнь, кончится и моя карьера. Женитьба повлечетъ за собою массу заботъ и развлеченій, не совмѣстныхъ съ искусствомъ. На любовь и къ женщинѣ и къ искусству—на такія двѣ задачи меня не хватитъ. Коли ужь прямо идти—такъ ужь такъ одинокимъ зѣвакой и оставаться!

VI.

„Возвращеніе институтки въ родительскій домъ“—новая тема, которая родилась въ головѣ художника. Изъ полнаго довольства аристократическаго института пріѣхала дѣвушка къ забытому родительскому очагу, о которомъ она давно бредила и грезила,—и остановилась, пораженная бѣдностью и убогой обстановкой семьи. Съ жаромъ схватился за превосходную тему Ѳедотовъ, не обращая вниманія ни на головныя боли, отъ постоянныхъ приливовъ крови, ни на слабость зрѣнія отъ ночныхъ работъ.—Много времени прошло, много воды утекло,—говорилъ онъ,—пока не поздно, пока есть фашины и камни, тутъ-то и задержать его теченіе...

Весной 1852 года онъ былъ сильно задумчивъ и грустенъ, нересталъ смѣяться, изрѣдка напоминая только собою прежняго Ѳедотова. Въ началѣ лѣта, получивъ значительную сумму денегъ за копію „Маіора“ и получивъ Высочайшее пособіе для пересылки роднымъ,—онъ тотчасъ же истратилъ эти деньги на покупку всевозможной дряни для невѣсты и объявилъ друзьямъ, что женится. Цѣлые дни шатался онъ по городу и островамъ, напѣвая обычное: „Хожу-ли я, брожу-ли я“... Надѣлавъ массу заказовъ и накупивъ подарковъ — онъ остался безъ гроша. Тутъ только догадались въ чемъ дѣло...

* * *

Онъ съѣлъ яблоко и попросилъ другое.

— А куда сѣмечки? а? Я на окно, на подоконникъ.

Онъ подошелъ къ высокому окну и сталъ симметрично сѣмечки раскладывать губами.

— Въ самомъ дѣлѣ, Павелъ, надо тебя перевести отсюда,—говорилъ высокій,—здѣсь ужасная гадость,—темно, сыро. Ты работаешь иногда?

— Работаю, работаю... у меня подъ тюфякомъ рисунки лежатъ, я ихъ туда прячу... Я вѣдь съ Вернадскимъ альбомъ хочу издавать... Ты слышалъ?..

— Я буду хлопотать, чтобы тебя перевели...

— Хорошо, хорошо... а то здѣсь намъ темно съ Коршуновымъ... Темно, братецъ?

— Темно, ваше благородіе.

— А стоитъ-ли, впрочемъ... Вѣдь мнѣ ужъ скоро... фашины и камни ужъ не дѣйствуютъ да и не зачѣмъ... А впрочемъ: можетъ еще и поправлюсь, институтку свою напишу... Напишу вѣдь?.. Что у васъ обо мнѣ говорятъ?

— Все тоже... восхищаются.

Ѳедотовъ скривилъ ротъ въ улыбку, уголъ рта поднялся высоко направо, и далъ на щекѣ глубокую складку; глаза стали словно меньше, добрѣе.

— Маіора вспоминаютъ?

— Маіора.

— Да,—я только и сдѣлалъ, что „Маіора“... Вся жизнь для одного „Маіора“,—всѣ силы для одного кусочка холста, такого кусочка, изъ котораго и фуфайки себѣ не выкроишь...

— За то лучше этаго кусочка нѣтъ у насъ жанра...

Ѳедотовъ нахмурился и сталъ смотрѣть въ уголъ.

— Всю жизнь,—бормоталъ онъ,—безъ куска хлѣба, для этаго кусочка... А потомъ... ни фашинъ, ни камней, а ремни на рукахъ,—вотъ тебѣ и фашины...

Онъ сердито зажевалъ губами, и вдругъ строго сказалъ:

— Яблока мнѣ, яблока еще...

— Зачѣмъ, Павелъ, ты усы сбрилъ—я только теперь замѣтилъ?

— *Они* сбрили, а не я... Не знаю зачѣмъ... И голову остригли... Стриженому легче...

Хожу-ли я,
Брожу-ли я,—
Все Юлія, да Юлія!..

Вдругъ запѣлъ онъ, и засмѣялся... Да Юлія, все Юлія... Дайте мнѣ яблока...

* * *

— А вѣдь онъ правду сказалъ,—говорилъ высокій на обратномъ пути своему товарищу,—вся жизнь для маленькаго кусочка замазаннаго холста, всѣ дни и ночи, всѣ лишенія для этаго кусочка! Знаешь, точно дѣйствительно фатализмъ какой распоряжается иными личностями. Изъ офицера онъ дѣлается силой своей воли художникомъ, пишетъ послѣ долгаго, упорнаго труда три маленькія картинки, говоритъ новое слово ими и умираетъ, еле-еле доживъ до зрѣлаго возраста... Такая судьба до того поражаетъ своею фатальной странностью, что остается только одно—съ благоговѣніемъ остановиться передъ такимъ человѣкомъ...

— Надо будетъ похлопотать о его переводѣ...

— Да надо бы... Но жить ему не долго: еще нѣсколько мѣсяцевъ... Вспомни меня—какая толпа будетъ на его похоронахъ...

И онъ не ошибся. 18-го ноября того же года большая толпа собралась на Смоленское кладбище. Лица у всѣхъ были торжественно серьезны; одинъ человѣкъ только рыдалъ надъ творцомъ русскаго жанра,—это былъ денщикъ Коршуновъ.

Стихи, прочтенные на Пушкинскомъ обѣдѣ въ Москвѣ, 6 іюня.

Русь сбирали и скрѣпляли
И ковали броню ей
Всѣхъ чиновъ и званій люди
Подъ рукой ея царей;

* * *

Люди Божьи, проникая
Въ глушь и дикія мѣста,
Въ духъ народный насаждали
Образъ чистаго Христа.

* * *

Что-жъ взойдетъ на общей нивѣ?..
Русь ужь многое дала,
Въ царство выросши подъ сѣнью
Византійскаго орла...

* * *

Что взойдетъ? Виссонъ и злато—
Только мелкихъ душъ кумиръ—
Лишь созданья духа вѣчны,
Вѣченъ въ нихъ живущій миръ;

* * *

Не пройдутъ во вѣкъ побѣды
Въ свѣтломъ царствѣ красоты,
Звуки пѣсенъ, полныхъ правды
И сердечной чистоты...

* * *

Пушкинъ! ты въ своихъ созданьяхъ
Первый намъ самимъ открылъ
Что таится въ духѣ русскомъ
Глубины и свѣжихъ силъ!

* * *

Во всемірномъ пантеонѣ
Уже твой воздвигся ликъ;
Ужь тебя честитъ и славитъ
Всякъ народъ и всякъ языкъ,—

* * *

Но, юнѣйшіе въ народахъ,
Мы, узнавшіе себя
Въ первый разъ въ твоихъ твореньяхъ,
Мы привѣтствуемъ тебя,—

* * *

Нашу гордость—какъ предтечу
Тѣхъ чудесъ, что можетъ быть
Намъ въ разцвѣтѣ нашемъ полномъ
Суждено еще явить...

А. Майковъ.

Открытіе памятника А. С. Пушкину въ Москвѣ.

„Конечно, придетъ время, когда потомство воздвигнетъ Пушкину вѣковѣчный памятникъ“.

В. Бѣлинскій.

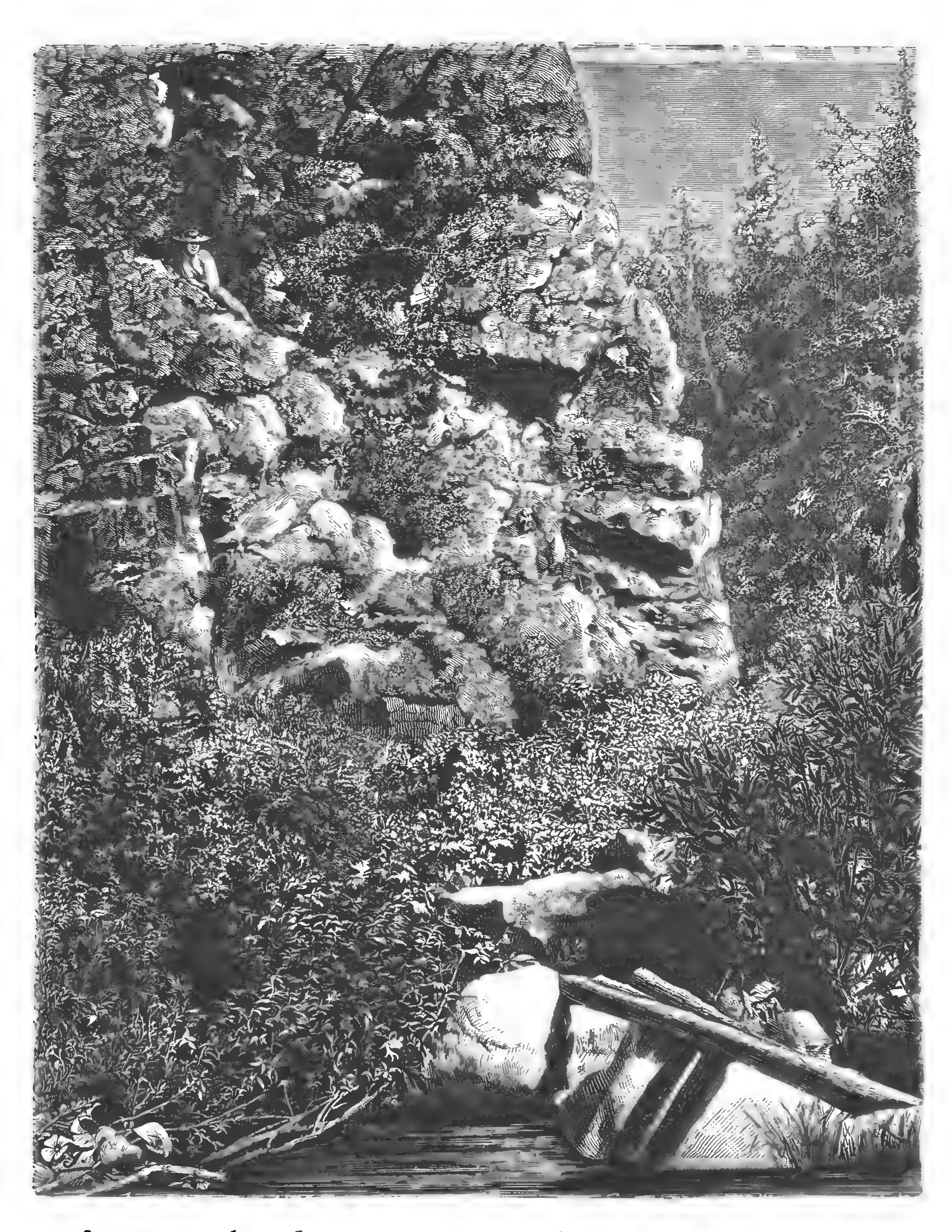
Слова выставленныя эпиграфомъ къ настоящей статьѣ оказались пророческими: памятникъ поставленъ и кромѣ того открытіе его сопровождалось такимъ блескомъ и торжествомъ, какихъ поистинѣ трудно было ожидать, ибо они представляются не вполнѣ яснымъ явленіемъ въ настоящіе смутные дни. Величайшій поэтъ русскій, который еще такъ недавно подвергался такимъ рѣзкимъ осужденіямъ, какъ человѣкъ съ полнымъ отсутствіемъ гражданскаго чувства и т. п., вдругъ въ этой же самой, осуждавшей его, средѣ, въ Петербургѣ, находитъ столько людей, рвущихся его чествовать. Но и при самомъ празднествѣ, на обѣдахъ, вновь выказалась та рознь и вражда, которыя къ прискорбію столь у насъ обычны. Какъ бы то ни было, мы только изложимъ самый актъ праздника, безъ преувеличенія можно сказать, у насъ безпримѣрнаго.

Нашему журналу нечего было дожидаться случая открытія памятника, чтобы говорить о великомъ поэтѣ, къ личности и произведеніямъ котораго онъ такъ часто обращался. Въ обстоятельныхъ статьяхъ разъяснялось и высокое значеніе произведеній поэта и сообщались факты изъ его жизни, и помѣщались портреты и рисунки, имѣющіе къ нему какое нибудь отношеніе и еще недавно въ № 21 помѣстили мы большой рисунокъ со статуи академика Опекушина, теперь красующейся въ Москвѣ на Тверскомъ бульварѣ.

Давно уже появлялись въ газетахъ извѣстія о разныхъ проектахъ и предположеніяхъ, какимъ образомъ праздновать открытіе памятника Пушкину и какъ почтить достойно этотъ день, но размѣры, какіе все это приняло, повторяемъ, для всѣхъ не были ожиданны. Въ Москву съѣхались представители разныхъ обществъ, ученыхъ и учебныхъ заведеній, дѣятели прессы нашей и литературы: газеты и журналы прислали своихъ представителей, пріѣхали иностранные писатели и представители—все приняло настоящій характеръ національнаго торжества.

А. С. былъ петербуржецъ и въ Москвѣ не жилъ постоянно, хотя въ древней столицѣ нашей произошли важнѣйшія событія его жизни. Онъ родился въ Москвѣ (на Нѣмецкой улицѣ, въ домѣ графини Головкиной, 26-го мая 1799 года, въ день Вознесенія), и частію въ ней, частію въ подмосковномъ имѣніи Пушкиныхъ, сельцѣ Захарьинѣ, провелъ свои дѣтскіе годы. Будучи еще маленькимъ ребенкомъ онъ гулялъ съ своей няней въ Юсуповомъ саду (что при нынѣшнемъ работномъ домѣ) и встрѣтился здѣсь съ императоромъ Павломъ; няня не успѣла, при приближеніи императора, снять съ ребенка шапочку и получила за это строгій выговоръ отъ Павла, который самъ подошелъ къ Пушкину и снялъ съ него шапочку собственноручно. Съ 1811 и до 1820 года Пушкинъ кажется совсѣмъ не былъ въ Москвѣ, да и въ этотъ послѣдній годъ онъ посѣтилъ ее только мимоѣздомъ, отправляясь въ южную Россію, и затѣмъ опять не показывался въ Москвѣ вплоть до самаго 1826 года, такъ какъ удаленный лѣтомъ 1824 года изъ южной Россіи въ имѣніе Пушкиныхъ—село Михайловское (Псковской губерніи), онъ проѣхалъ туда не чрезъ Москву, а на Черниговъ и Витебскъ. 8-го сентября 1826 года Пушкинъ пріѣхалъ изъ Михайловскаго въ Москву, прямо въ Кремлевскій дворецъ, и немедленно представленъ императору Николаю, находившемуся тогда въ древней столицѣ вмѣстѣ со всѣмъ дворомъ по случаю коронаціи. Императоръ, и самъ восхищавшійся поэтическими произведеніями Пушкина, обошелся съ нимъ въ высшей степени милостиво. Зима 1826—1827 годовъ была самымъ счастливымъ временемъ въ жизни Пушкина и вмѣстѣ съ тѣмъ временемъ его наибольшей славы. Онъ началъ ревностно посѣщать многочисленные въ ту зиму балы и вечера и участвовать во всѣхъ сходкахъ своихъ друзей.

Пушкинъ пробылъ въ Москвѣ до лѣта 1827 года. Въ мартѣ 1829 года, отправляясь на Кавказъ, онъ останавливался въ Москвѣ на нѣсколько дней; то же онъ сдѣлалъ въ началѣ ноября, проѣзжая съ Кавказа чрезъ село Болдино (Нижегородской губерніи), имѣніе Пушкиныхъ, въ Петербургъ. Во время этихъ остановокъ онъ жилъ у своего хорошаго знакомаго Павла Воиновича Нащокина. Въ апрѣлѣ 1830 года Пушкинъ пріѣхалъ въ Москву свататься къ любимой имъ уже нѣсколько лѣтъ Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой, дочери Николая Аѳанасьевича и Наталіи Ивановны Гончаровыхъ (жили въ своемъ домѣ на Никитской). 21-го апрѣля, въ самое Свѣтлое Воскресенье было сдѣлано имъ предложеніе, 6-го мая состоялась помолвка. Въ іюлѣ Пушкинъ отправился для устройства своихъ дѣлъ въ Петербургъ, а оттуда чрезъ Москву въ Болдино, гдѣ пробылъ, по причинѣ свирѣпствовавшей тогда въ Россіи холеры, съ начала сентября до декабря. Возвратившись въ Москву, онъ сталъ готовиться къ свадьбѣ и нанялъ себѣ квартиру въ домѣ Хитровой на Арбатѣ. Брачный обрядъ былъ совершенъ 18-го февраля 1831 года въ церкви Малаго Вознесенія, что на Никитской. Въ 1832 году онъ пробылъ въ Москвѣ все-

Семипалатинская область. Горные проходы по дорогѣ изъ Усть-Каменогорска въ Усть-Бухтарму.
Съ фотогр. г-жи Полторацкой, грав. М. Рашевскій.

Семипалатинская область. Скалы Коке-Даба. Съ фотогр. г-жи Полторацкой, грав. М. Рашевскій.

го около двухъ недѣль въ концѣ сентября и въ началѣ октября, а въ 1833, отправляясь въ Оренбургъ собирать матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта, онъ навѣстилъ Москву на нѣсколько дней въ концѣ августа и, возвращаясь изъ Оренбурга, опять побывалъ въ ней въ началѣ ноября. Въ 1834 и 1835 гг. онъ былъ въ Москвѣ нѣсколько разъ, но все только проѣздомъ. Въ концѣ февраля 1836 года онъ былъ командированъ правительствомъ для занятій въ московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ (Пушкинъ собиралъ въ то время матеріалы для исторіи Петра Великаго), но въ Москвѣ пробылъ очень недолго. 2-го мая онъ явился опять въ Москву для новыхъ занятій въ архивѣ и пробылъ здѣсь до двадцатыхъ чиселъ этого мѣсяца. Это было послѣднее посѣщеніе Москвы Пушкинымъ. Впервые въ печати произведенія Пушкина появились въ Москвѣ же въ 1814 году въ журналѣ „Вѣстникъ Европы", издававшемся тогда Измайловымъ.

Въ Москву собралось ко дню открытія 6 іюня, какъ мы сказали, множество желающихъ участвовать въ праздникѣ.

5-го іюня, въ четвергъ, въ 2 часа пополудни, въ залѣ Московской городской думы состоялось торжественное засѣданіе Высочайше утвержденнаго комитета по сооруженію памятника Пушкину. Съ одной стороны богато украшенной залы, на громадномъ пьедесталѣ, возвышался весь окруженный тропическими растеніями и вѣнками, бюстъ Пушкина. Подъ самымъ пьедесталомъ былъ расположенъ покрытый краснымъ сукномъ столъ, за которымъ предсѣдательское мѣсто занялъ Его Высочество принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій; рядомъ съ принцемъ помѣстились: московскій генералъ-губернаторъ, статсъ-секретарь Корниловъ и статсъ-секретарь Гротъ. Засѣданіе было посвящено, главнымъ образомъ, пріему депутацій, прибывшихъ изъ разныхъ мѣстъ, отъ различныхъ обществъ и учрежденій, для того, чтобы поздравить Москву съ открытіемъ памятника и принять участіе въ самомъ торжествѣ этаго открытія. Сюда же явились, для представленія комитету, депутаты отъ московскихъ обществъ и учрежденій.

Когда пріемъ депутатовъ былъ оконченъ, академикъ Я. К. Гротъ прочелъ поздравительныя телеграммы и сказалъ рѣчь, представивъ краткую исторію дѣла. Мысль о памятникѣ великому поэту въ первый разъ была пущена въ ходъ изъ среды бывшихъ воспитанниковъ Царскосельскаго лицея, по поводу приготовленій, въ 1860 году, къ празднованію 50-лѣтняго юбилея его, причемъ мѣсто будущему монументу предназначено было въ Царскомъ Селѣ, въ саду, нѣкогда принадлежавшемъ лицею, что было и наиболѣе умѣстно. Сборъ пожертвованій по подпискѣ, съ Высочайшаго разрѣшенія тогда же открытый по представленію директора лицея Н. И. Миллера, въ немногіе годы доставилъ 13,359 рублей. По всеподданнѣйшему докладу принца Ольденбургскаго, Государь Императоръ, 20-го марта 1871 года повелѣлъ поставить памятникъ въ Москвѣ, мѣстѣ рожденія поэта, „гдѣ монументъ получитъ вполнѣ національное значеніе". Затѣмъ, комитетъ рѣшилъ, съ согласія общей думы, поставить памятникъ въ концѣ Тверскаго бульвара, на что послѣдовало Высочайшее утвержденіе. Далѣе, комитету предстояло составить проектъ памятника. Комитетъ въ 1872 году открылъ восьмимѣсячный конкурсъ, предлагая всѣмъ русскимъ ваятелямъ представить скульптурныя модели обѣихъ частей памятника: пьедестала и статуи поэта, причемъ за наиболѣе удовлетворительные проекты назначено было шесть премій. Въ мартѣ 1873 года явилось пятнадцать моделей, которыя были выставлены на общественный судъ. Предпочтеніе оказано проекту Опекушина.

6-го іюня, въ пятницу утромъ все небо было въ тучахъ; погода довольно холодная, при сильномъ вѣтрѣ. Ровно въ десять часовъ утра, въ главной церкви Страстнаго монастыря началась заупокойная литургія, совершенная соборнѣ митрополитомъ Макаріемъ. Въ церковь были допущены только депутаты и высокопоставленныя лица. Въ храмѣ собрались дѣятели русской литературы, генералитетъ и дамы высшаго общества. Въ одиннадцать часовъ прибылъ его высочество принцъ Ольденбургскій. По окончаніи обѣдни отслужена была панихида.

Въ часъ пополудни, послѣ панихиды въ церкви Страстнаго монастыря, митрополитъ Макарій сказалъ краткое, простое, прочувствованное слово; потомъ, всѣ бывшіе въ монастырѣ отправились, съ обнаженными головами, многіе съ вѣнками въ рукахъ, на площадь передъ памятникомъ. Площадь была кругомъ обтянута канатомъ и входъ на нее допускался только по билетамъ. Влѣво отъ памятника построенъ помостъ, обтянутый краснымъ сукномъ, и на немъ поставлены кресла для принца Ольденбургскаго, членовъ комитета, генералъ-губернатора и почетныхъ лицъ; справа отъ памятника, въ глубинѣ площади, устроена эстрада для музыкантовъ. Кругомъ памятника расположились депутаціи, каждая подъ своимъ знаменемъ, далѣе стояла публика и были устроены мѣста для дамъ.

Когда процессія вышла изъ монастыря, раздались звуки музыки; солнце показалось изъ за тучъ. Когда всѣ заняли свои мѣста, музыка заиграла народный гимнъ. Потомъ принцъ Ольденбургскій поднялся съ мѣста, встали и всѣ окружавшіе его, и началась церемонія передачи памятника городу. Членъ комитета статсъ-секретарь Корниловъ обратился къ представителямъ городскаго управленія съ краткою рѣчью.

По произнесеніи рѣчи, статсъ секретарь Корниловъ вынулъ изъ футляра переплетенную въ зеленый бархатъ книгу съ золотою надписью: „Актъ передачи памятника Пушкина въ вѣдѣніе московскаго городского управленія." Принявъ изъ рукъ статсъ-секретаря Корнилова футляръ съ означеннымъ актомъ, московскій городской голова произнесъ также рѣчь.

Предъ многочисленною толпою упала закрывавшая памятникъ пелена; публика была всюду, откуда только могъ видѣть глазъ—на окружающихъ улицахъ, въ окнахъ, на крышахъ домовъ. Колоссальная фигура поэта, во всей ея красѣ и во всемъ величіи, предстала. Громкое „ура"! перекатившееся кругомъ площади, возвѣстило, что открытіе памятника совершилось. Отнынѣ онъ достояніе Москвы. Депутаціи окружили памятникъ и возложили на него перевитые лентами вѣнки. Тогда сняты были окружавшіе мѣстность канаты, публика прорвалась къ памятнику и все смѣшалось.

Съ площади противъ Тверского бульвара и Страстнаго монастыря Пушкинскій праздникъ перешелъ въ актовую залу университета, которому принадлежало право первому принять въ своихъ стѣнахъ, послѣ открытія памятника, всѣхъ собравшихся на торжество представителей русской земли. Украшенная тропическими растеніями, громадная актовая зала была наполнена генералитетомъ, депутатами и публикой. Когда принцъ Ольденбургскій занялъ приготовленное ему противъ каѳедры мѣсто, засѣданіе открылось чтеніемъ о Пушкинѣ ректора университета, профессора Тихонравова. Въ заключеніе, ректоръ университета прочелъ только-что полученную поздравительную телеграмму изъ Праги, оканчивающуюся слѣдующими словами: „Слава памяти великаго Пушкина, слава великому народу, прославляющему сыновъ своихъ!".

Въ субботу 7-го іюня, пушкинскія празднества продолжались. Обѣдъ данъ думою. Первый тостъ за Государя Императора провозглашенъ былъ управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія Сабуровымъ и встрѣченъ восторженно; рѣчи говорили: Аксаковъ, Катковъ и другіе. Аксаковъ говорилъ на тему о народности и русской геніальности, Катковъ—о примиреніи партій, видя единодушіе вокругъ памятника нашему незабвенному поэту: „мракъ разсѣявается, пусть будетъ свѣтъ надъ русской землею", говорилъ онъ. Этому примирительному настроенію оратора сочувственно апплодировали. Вечеръ литературно-музыкальный, на которомъ читали: Достоевскій, Писемскій, Островскій, Тургеневъ, Григоровичъ, Майковъ, Полонскій, Плещеевъ, Анненковъ. Пѣли: Мельниковъ, Каменская и Климентова. Въ засѣданіи общества прочитаны телеграммы отъ Виктора Гюго и Ауербаха, а затѣмъ литературный подписной обѣдъ, на которомъ было сказано нѣсколько рѣчей.

На литературный обѣдъ, собралось около 300 челов. Говорили: Юрьевъ, Гротъ, Тургеневъ, Анненковъ, Гиляровъ, Гаевскій, французскій делегатъ Леже, Полонскій, Майковъ, Островскій, Баспстовъ и Бурдинъ. Апплодисменты вызвалъ тостъ за политическое и литературное объединеніе русскихъ съ французами.

Всѣ наши писатели, великіе люди, ученые подвержены испоконъ-вѣку одной участи: послѣ смерти ихъ все то, что напоминаетъ о нихъ, о ихъ жизни, привычкахъ, все то, что было имъ дорого — пропадаетъ безслѣдно, въ буквальномъ смыслѣ слова. Письма ихъ, автографы, портреты, принадлежавшіе имъ, дорогіе по воспоминаніямъ предметы—все по разнымъ рукамъ теряется, мѣняется, совершенно пропадаетъ, а между тѣмъ, какъ часто весьма и весьма важны могутъ быть для характеристики человѣка и его дѣятельности тѣ или другія, повидимому, мелкія данныя! Въ западной Европѣ, гдѣ значеніе этихъ данныхъ понимается больше, есть и домикъ Шекспира, въ которомъ тщательно бережется даже малѣйшая принадлежность комнатной обстановки, и помѣщеніе Шиллера, и знаменитый маленькій замокъ, гдѣ жилъ отшельникомъ Вольтеръ. Первая серьезная попытка у насъ собрать все то, что можетъ напоминать великаго поэта, сдѣлана устроителями Пушкинской выставки, открывшейся въ двухъ небольшихъ комнатахъ московскаго Благороднаго Собранія. Въ этомъ небольшомъ и очень скромно убранномъ помѣщеніи, съ великими трудами собраны отъ частныхъ лицъ и наслѣдниковъ поэта автографы его, потреты, виды села Михайловскаго, Захарьева, портреты семейства и предковъ Александра Сергѣевича, а также нѣкоторые, правда, очень немногочисленные, предметы, принадлежавшіе ему.

Въ Петербургѣ—въ залѣ Купеческаго Собранія, былъ литературный обѣдъ, которымъ почтили Пушкина. Говорились рѣчи и предлагались обычные тосты и читались стихотворенія, не представляющія никакого особеннаго интереса. Общество для пособія литераторамъ рѣшило въ засѣданіи 27 апрѣля основать *Пушкинскій* неприкосновенный капиталъ, на проценты котораго выдавать пособія преимущественно на изданіе замѣчательныхъ сочиненій, авторы коихъ не имѣютъ средствъ издавать ихъ.

Среди множества фактовъ и указаній, касающихся поэта были между прочимъ въ газетахъ толки и по поводу мѣста послѣдней дуэли Пушкина. Въ 1862 году художникъ А. Волковъ, собираясь писать картину „Дуэль Пушкина" просилъ Данзаса указать то мѣсто, на которомъ былъ смертельно ра-

ненъ поэтъ. Данзасъ указалъ мѣсто поединка художнику, который и написалъ этюдъ съ натуры. Этюдъ этотъ у г. Третьякова а самая картина, какъ извѣстно уже, находится въ Тюмени у содержателя мѣстной типографіи г. Высоцкаго, который пріобрѣлъ ее у вдовы Волкова. Мѣсто дуэли, по заявленію г. Исакова, на лѣвой сторонѣ комендантской дачи. Отъ огородовъ гдѣ кончается заборъ, нужно отмѣрить 75 саженъ, далѣе, по Коломягской дорогѣ, до второй отъ забора канавы—всего до этого пункта отъ Черной рѣчки—223 сажени. Потомъ, свернувъ съ дороги вправо по второй канавѣ, на которой стоятъ три березы, отмѣривъ отъ дороги ровно 38 саженъ, что придется какъ разъ до третьей березы, около которой вправо, есть лощина въ 25 шаговъ ширины. Въ слѣдующемъ № мы надѣемся представить болѣе точное указаніе.

Рисунокъ съ картины Волкова, сдѣланный г. Коверзневымъ, былъ у насъ помѣщенъ въ „Нивѣ" 1873 года № 33.

Изъ рѣчей, сказанныхъ на праздникѣ, приведемъ наиболѣе замѣчательныя рѣчи: гг. Достоевскаго, Аксакова и Каткова.

1) рѣчь Ѳ. М. Достоевскаго 8 іюня, въ извлеченіи:

„Черезъ цѣлое столѣтіе послѣ Петровской эпохи явился поэтъ, который геніальными своими произведеніями освѣтилъ дорогу русскому народу. Періоды поэтической дѣятельности Пушкина, не имѣютъ твердыхъ опредѣленныхъ границъ. Онъ всегда почерпалъ свои идеалы въ родной землѣ и напрасно говорятъ о подражаніи его Андре Шенье, Байрону и др., Пушкинъ всегда обладалъ глубиною самосознанія и глубиною познанія своего народа и его духовныхъ качествъ, а потому и могъ пророчествовать о будущихъ его судьбахъ. Вся суть русскаго сердца и русской души вылилась въ типахъ, созданныхъ Пушкинымъ. Капитальные типы эти—Алеко („Цыгане"), Евгеній Онѣгинъ—въ существѣ тотъ же Алеко и Татьяна. Алеко—типъ историческаго міроваго страдальца, не умѣющаго и не могущаго примкнуть ни къ какому строю общественной жизни, потому что ему нуженъ строй идеальный; Алеко бѣжитъ къ цыганамъ, туда, гдѣ нѣтъ законовъ. Эти міровые мученики въ то же время необходимо являются и скитальцами. Типъ этотъ безпрерывно сохраняется въ исторіи нашего народа; эти скитальцы и теперь продолжаютъ свое скитальничество, и если теперь, въ погонѣ за идеаломъ, не пойдутъ къ цыганамъ, то ударятся въ соціализмъ, потому что русскому скитальцу для успокоенія нужно всемірное счастіе,—меньшимъ онъ не помирится. Эти лица оттѣняютъ общій слой нашей интеллигенціи, представители которой служатъ казнѣ, служатъ на желѣзныхъ дорогахъ, читаютъ даже иногда лекціи, но у нихъ никогда не явится стремленія бѣжать къ цыганамъ... Но всѣмъ намъ великій поэтъ указываетъ спасительную дорогу смиреннаго общенія съ народомъ. Алеко былъ искреннимъ, хотя и фантастичнымъ страдальцемъ. Онъ былъ единицею массы, воспитанной въ закрытыхъ стѣнахъ русскихъ институтовъ и раздѣленной на XIV классовъ; онъ тоже, вѣроятно, обладалъ крѣпостными, и онъ убѣжалъ, убѣжалъ туда, гдѣ его встрѣчаетъ, по выраженію одного поэта, „дикая" женщина... Но Алеко не могъ ассимилироваться и съ этой первобытной средой. Онъ не годился не только для всемірной гармоніи, но даже для цыганъ; они его прогоняютъ, онъ отвѣчаетъ убійствомъ, и—вотъ мораль нашего поэта, рѣшающая нашъ русскій вѣковой проклятый вопросъ:—смирись, гордый человѣкъ!

Евгеній Онѣгинъ—тотъ же типъ, съ его отличительными чертами. Онъ является изъ Петербурга и непремѣнно изъ Петербурга; онъ также не можетъ никуда примкнуть, также сознаетъ невозможность какой бы то ни было работы на родной почвѣ. Почему? Можетъ быть, также изъ хандры по міровому идеалу.

Слѣдующій типъ, положительный, — типъ Татьяны. Такого образца художественной красоты мы не встрѣчаемъ ни у одного изъ нашихъ крупныхъ талантовъ; развѣ только онъ повторился въ образѣ Лизы „Дворянскаго гнѣзда"... (Здѣсь ораторъ былъ прерванъ шумными рукоплесканіями въ честь присутствовавшаго И. С. Тургенева). Онѣгинъ, встрѣтивъ Татьяну, эту чистую, непорочную дѣвушку, не съумѣлъ распознать ея внутренней красоты и призналъ ее нравственнымъ эмбріономъ, а такимъ эмбріономъ былъ онъ самъ. Я удивляюсь почему Пушкинъ не сдѣлалъ Татьяну даже героиней поэмы и не далъ поэмѣ имени этой дѣвушки!.. Тлетворное вліяніе свѣтской жизни не тронуло Татьяну. Она отвѣчаетъ Онѣгину, пришедшему къ ней съ любовью: „Я другому отдана и буду вѣкъ ему вѣрна"... Можетъ быть, скажутъ, что у Татьяны не хватило смѣлости порвать связывавшія ее путы и отдаться личному счастью? Нѣтъ русская женщина смѣла и не одинъ разъ доказала это. Нѣтъ! Татьяна, какъ русская женщина, сознаетъ, что она не можетъ построить свое счастье на несчастіи другого. Да и какое русское сердце не откажется отъ своего личнаго счастья, если для него необходимо замучить хоть одно человѣческое существо? какой русскій согласится быть архитекторомъ подобнаго зданія? Мнѣ скажутъ, что Татьяна, поступая такимъ образомъ, разбиваетъ сердце Онѣгина. Но развѣ Татьяна не разглядѣла, что Онѣгинъ любитъ не ее, а свою фантазію, что онъ — листъ, несомый вихремъ! И будь она свободна, она уже не пошла бы за него, предвидя разочарованіе, предвидя несчастіе...

Есть у поэта и еще русскій типъ,—типъ монаха-лѣтописца. Сколько бы можно сказать о немъ!.. Стало быть есть въ русскомъ народѣ духъ, есть жизненная сила, есть вѣра, а коли есть вѣра, есть и надежда.. И ни одинъ русскій писатель не уяснилъ намъ такъ сущности русской натуры, какъ Пушкинъ. Правда, есть одно-два исключенія, но и эти исключенія въ большинствѣ случаевъ являясь господами, старались поднять народъ до себя... но всѣмъ, что въ нихъ есть хорошаго, они обязаны Пушкину. Не было бы Пушкина и не было бы послѣдующихъ талантовъ, не было бы вѣры въ русскую самостоятельность. Онъ первый далъ намъ прозрѣть наше значеніе въ семьѣ европейскихъ народовъ. Онъ самъ былъ отзывчивъ и уяснилъ, что всемірная отзывчивость есть отличительная черта нашего народа; явленіе такого поэта не есть ли явленіе пророческое? Онъ раскрылъ намъ русское сердце, онъ показалъ намъ, что оно неудержимо стремится къ всемірности и всечеловѣчности. Производнвшее столько волненій раздѣленіе русскаго общества на славянофиловъ и западниковъ есть только одно великое недоразумѣніе. Россія любитъ человѣка. Она постоянно служила Европѣ можетъ быть больше, чѣмъ себѣ самой. Остается еще задача—указать исходъ европейской тоскѣ, не мечемъ, не экономическими правилами, не наукою,—а любовью русскаго сердца. Пусть наша земля—нищая, но ее изъ конца въ конецъ „Христосъ исходилъ, благословляя"... И если бы Пушкинъ былъ живъ, мы стояли бы ближе къ рѣшенію нашей задачи, онъ уяснилъ бы суть русскаго народа въ Европѣ и помирилъ бы насъ съ нею...

2) Рѣчи И. С. Аксакова и М. Н. Каткова, говорившихъ 6-го іюня по полномочію городскаго общества. И. С. Аксаковъ сказалъ:

„Мм. гг. „Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой", сказалъ Пушкинъ, незадолго до смерти, въ справедливомъ сознаніи свершеннаго имъ подвига. И со всей Руси великой, ото всѣхъ концовъ ея, съ верховныхъ высотъ власти и со всѣхъ общественныхъ ступеней, стеклись сюда вы, послы и представители всенароднаго мнѣнія, чтобы, предъ лицомъ всего міра, всею Россіей поклониться великому, воистину русскому поэту. Не мѣсто и не время пускаться здѣсь въ разсужденія о правахъ Пушкина на такое высокое наименованіе. Да и нѣтъ въ томъ надобности. Настоящимъ торжествомъ, принявшимъ такіе неожиданные, небывалые размѣры, превысившіе всѣ первоначальныя программы, воочію, всевластно объявилось дѣйствительное, доселѣ можетъ быть многимъ сокрытое значеніе Пушкина для русской земли. Длиненъ, мучителенъ русскому народу былъ переходъ отъ эпическаго творчества къ высшимъ формамъ искусства. Долга была ночь отрицанія, лжи, умственнаго и духовнаго рабства... Будто днемъ озарило Россію поэзіей Пушкина, и оправдалась наша народность, по крайней мѣрѣ хоть въ сферѣ искусства. На немъ печать высшихъ даровъ нашего народнаго духа. Настоящее торжество—это побѣдное торжество, впервые, въ лицѣ Пушкина, расторгшаго свой плѣнъ и воспарившаго смѣлымъ свободнымъ полетомъ народнаго поэтическаго генія. Настоящее торжество—это радостный благовѣстъ нашего мужающаго, наконецъ, самосознанія.

„Пушкинъ—это народность и просвѣщеніе, Пушкинъ—это залогъ чаемаго примиренія прошлаго съ настоящимъ, это звено, органически связующее, хотя бы еще только въ области поэзіи, два періода нашей исторіи.

Не случайно поэтому, а глубокій историческій смыслъ сказался въ томъ, что именно въ Москвѣ, въ древней исторической столицѣ русскаго народа, признаваемомъ и теперь средоточіемъ его духа, воздвиглась „мѣдная хвала" первому истинно русскому, истинно великому народному поэту.

„Не мало памятниковъ красуется у насъ въ Россіи прославленнымъ героямъ государственнаго и военнаго поприща прошлаго и нынѣшняго вѣковъ, но повторяю я вмѣстѣ съ поэтомъ Языковымъ:

Но слава времени, когда
И мирный гражданинъ, подвижникъ незабвенный
На полѣ книжнаго труда
Вѣнчанный славою, и гордый воевода,
Герой счастливый на войнѣ,
Стоятъ торжественно, передъ лицомъ народа,
Уже на равной вышинѣ!

„Отъ имени Москвы, по уполномочію ея представителей, подымаю бокалъ—не въ память отъ насъ отошедшаго, но во славу неумирающаго, вѣчно живущаго межь насъ поэта!"

М. Н. Катковъ сказалъ слѣдующее, тоже при шумныхъ изъявленіяхъ сочувствія:

„Почти наканунѣ нынѣшняго торжества открылось въ Петербургѣ общество, которое поставило себѣ задачей изыскивать способы какъ бы предотвратить злую необходимость войны и водворить миръ на землѣ. Отдадимъ справедливость по крайней мѣрѣ добрымъ намѣреніямъ. Пожелаемъ чтобы по крайней мѣрѣ подолѣе длилось то состояніе перемирія, въ которомъ державы находятся отъ войны до войны.

„Это случайное совпаденіе да послужитъ добрымъ знаменіемъ на праздникѣ мира, который оживилъ нашу Москву и привлекъ въ нее столько гостей.

„Если на полѣ битвы и смертельные враги, стоя въ одномъ ряду противъ общаго непріятеля, чувствуютъ за одно, мыслятъ согласно и дѣйствуютъ дружно, то неужели не должно имѣть такую же силу дѣло мирнаго торжества, неужели общій непріятель можетъ лучше единить и дружить людей, чѣмъ предметъ ихъ общей любви, ихъ общаго чествованія?

„На праздникѣ Пушкина, передъ его памятникомъ, собрались лица разныхъ мнѣній, быть можетъ, несогласныхъ, быть можетъ непріязненныхъ. Вѣрно, однако, то, что всѣ собрались добровольно и, стало быть, съ искреннимъ желаніемъ почтить дорогую всѣмъ память.

„Я говорю подъ сѣнію памятника Пушкина, и потому надѣюсь, что мое искреннее слово будетъ принято дружелюбно всѣми безъ исключенія. Кто бы мы ни были и откуда бы мы ни пришли, и какъ бы мы ни разнились во всемъ прочемъ, но въ этотъ день, на этомъ торжествѣ, мы всѣ, надѣюсь, единомышленники и союзники. Кто знаетъ, быть можетъ это минутное сближеніе послужитъ залогомъ болѣе прочнаго сближенія въ будущемъ и поведетъ къ замиренію, по крайней мѣрѣ къ смягченію вражды между враждующими.

„Буду еще смѣлѣе. На русской почвѣ, люди столь же искренно желающіе добра, какъ искренно мы всѣ сошлись на праздникѣ Пушкина, могутъ сталкиваться и враждовать между собою въ общемъ дѣлѣ только по недоразумѣнію. Къ сожалѣнію, недоразумѣнія составляютъ силу очень серьезную, которая не легко уступаетъ. Сила эта питается всѣми человѣческими слабостями. И есть одна слабость, которая всѣхъ болѣе плодитъ недоразумѣнія и отравляетъ отношенія людей:

„Всякій любитъ хорошее, и всякому пріятно чувствовать хорошее въ себѣ. Это очень естественно, но тутъ кроется опасность. Мы невольно пріучаемся хорошее любить въ себѣ, а дурное ненавидѣть въ другихъ. Благодатный миръ водворился бы на землѣ, еслибы люди пріучились, напротивъ, хорошее любить болѣе въ другихъ, а дурное ненавидѣть въ себѣ.

„Не будемъ предаваться мечтамъ и утопіямъ, будемъ только надѣяться, что сила свѣта возьметъ свое, что сила недоразумѣній, раздѣляющихъ людей, будетъ ослабѣвать, и что все шире и шире будетъ становиться область, въ которой люди разныхъ мнѣній могутъ сходиться мирно и дружно.

„На пиршествѣ, которое Москва даетъ своимъ гостямъ, собравшимся чествовать Пушкина, слѣдуетъ дать слово самому виновнику торжества. Пусть самъ Пушкинъ провозгласитъ свой тостъ:

Поднимемъ стаканы, содвинемъ ихъ разомъ!
Да здравствуютъ музы, да здравствуетъ разумъ.
Ты, солнце святое, гори!
Какъ эта лампада блѣднѣетъ
Предъ яснымъ восходомъ зари,
Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума—
Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!"

Изъ стихотвореній, прочитанныхъ въ Москвѣ на празднествахъ Пушкина, лучшими, кромѣ Майковскихъ, были стихи Я. П. Полонскаго, который говоритъ между прочимъ:

„Пушкинъ, это возбужденье
Русской музы—воплощенье
Нашихъ думъ и нашихъ чувствъ,
Это незапечатлѣнный,
Вдохновенный ключъ—священный
Въ свѣтлой области искусствъ.
Это старой няни сказка,
Это молодость и ласка,
Огонекъ въ степной глуши;
Это слезы умиленья,
Это спутники стремленья
Вѣчно страждущей души.
Свой повсюду, какъ избранникъ,
Свой, какъ братъ и какъ изгнанникъ,
Пушкинъ чуткою душой
Слышитъ друга отзывъ дальный,
Пѣсню Грузіи печальной,
Бредъ цыганки кочевой...
Пушкинъ это эхо славы,
Отъ Кавказа до Варшавы,
Отъ Невы до всѣхъ морей,
Это сѣятель пустынный,
Другъ свободы, неповинный
Въ лжи и злобѣ пошлыхъ дней.
Это геній, все любившій,
Все въ самомъ себѣ вмѣстившій
Сѣверъ, западъ и востокъ;
Это тотъ ничтожный міра,
Что когда бряцала лира,
Жегъ сердца намъ, какъ пророкъ...

Н.

Къ рисункамъ.

Семипалатинская область*).

(Къ рисункамъ на стр. 504 и 505).

Продолжая помѣщеніе видовъ Семипалатинской области съ фотографіи г-жи Полторацкой, на сей разъ мы даемъ два горныхъ вида.

Горы въ Семипалатинской области несравненно удобнѣе для жительства, чѣмъ равнины. Влажный климатъ, роскошная флора, водохранилища, наконецъ золотоносныя жилы, богатѣйшія серебросвинцовыя руды, магнитное желѣзо, графитъ, соль, каменный уголь, разные цвѣтные камни, — все это, понятно, привлекаетъ населеніе. Къ сожалѣнію, недостатокъ предпріимчивости и знанія губятъ и здѣсь горный промыселъ: на 17 золотыхъ пріискахъ (на всю-то область!) въ годъ добывается до 10 пудовъ золота.

Горные проходы области могутъ поспорить своей самобытной красой съ многими европейскими мѣстностями, которыя славятся своей живописностью. Особенно хороша почтовая дорога между Бухтармой и Усть-Каменогорскомъ. Здѣсь Иртышъ, принявъ въ себя Бухтарму, сильнѣйшій притокъ всей верхней системы, врывается въ узкое ущелье, пробѣгая между вертикальными скалами, и, только не доходя 5 верстъ до Усть-Каменогорска, снова выходитъ на плоскость. Колесное сообщеніе по этому ущелью немыслимо, и потому почтовая дорога проложена въ нѣсколькихъ верстахъ отъ праваго берега Иртыша.

Первыя 26 верстъ дорога идетъ вдоль быстрой горной рѣчки Ульбы, сначала въ широкой зеленѣющей долинѣ, между отлогими возвышенностями; но съ 20-й версты, перейдя на лѣвый берегъ рѣчки, переправа черезъ которую совершается на утломъ паромѣ, дорога вступаетъ въ горную мѣстность, представляя непрерывный рядъ живописнѣйшихъ видовъ.

Горы, то возвышаясь голыми скалами, то округленныя и до верху покрытыя богатѣйшею альпійскою растительностью: луга, усѣянные піонами, дикимъ левкоемъ, аконитами; красивыя группы кустовъ угрюмою зеленью пихтъ, наконецъ весной цѣлая масса соловьевъ — все это представляетъ разительнѣйшій контрастъ съ голою обожженною степью, по которой ѣдетъ путникъ отъ Омска къ Семипалатинску.

Отъ поселка Ульбинскаго дорога входитъ въ красивое ущелье Проходное и постепенно подымаясь, взбирается на высокій увалъ, откуда открывается обширный видъ на сѣверный Алтай и Заиртышскія горы. Въ 12 верстахъ отъ поселка Сѣвернаго дорога подымается на высокую *Сѣделку*—высшій перевалъ всей дороги, круто спускаясь затѣмъ въ дикое ущелье *Пихтовку*.

Отъ поселка Александровскаго характеръ мѣстности измѣняется: угрюмыя сланцевыя скалы уступаютъ мѣсто холмамъ, и далѣе мягкими очертаніями показываются гранитныя обнаженія въ видѣ небольшихъ, отдѣльно стоящихъ утесовъ; наконецъ верстахъ въ 10 отъ Усть-Бухтарминской станицы, расположенной на правомъ берегу Бухтармы, верстахъ въ двухъ выше впаденія ея въ Иртышъ, дорога выходитъ на совершенно ровную долину, отлого спускающуюся къ Иртышу.

Долина Ульбы, ущелья Проходное и Пихтовка представляютъ наиболѣе живописные виды всей дороги, но вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе трудный путь. Весною ручьи, загроможденные навалившимися съ горъ камнями, деревьями и всякимъ мусоромъ, выходятъ изъ береговъ и, разливаясь по всему дну ущелій, вымываютъ песокъ и мелкую гальку полотна дороги, обнажая скалу и крупные каменья. Дорога безпрестанно переходитъ съ одного берега на другой, по бродамъ, далеко не безопаснымъ въ половодье, а Пихтовка сверхъ того заливается лавинами („оплывинами", по мѣстному выраженію). Обязанность поддерживать эту дорогу лежитъ на сибирскомъ казачьемъ войскѣ, которому въ воздаяніе за это и за первоначальное ея проложеніе еще въ 1799 году предоставлено исключительное право рыбной ловли на Иртышѣ и озерѣ Зайсанѣ. Это право доставляло прежде войску до 15,000 рублей годоваго дохода, но въ послѣднее время доходъ уменьшился до 5,000 рублей, считая въ томъ числѣ и стоимость соли, безплатно отпускаемой войску изъ Каряковскаго озера. Такъ какъ исправленіе дорогъ производилось не средствами всего войска, но какъ натуральная повинность расположенныхъ вдоль дороги пяти поселковъ, то состояніе дороги было крайне неудовлетворительно

*) См. № 23 и 24.

Оса.

(Рисунокъ Д. Девиса).

Талантливый англійскій художникъ съ чрезвычайною выразительностью изобразилъ ужасъ, который внушаетъ бѣдной

(Продолженіе на стр. 509, 510, 511 и 512).

дѣвочкѣ это жужжащее чудовище. Въ душный, жаркій день въ затишьи уединеннаго уголка, въ который забралась мыть головку испуганная малютка—оса жужжитъ такъ пронзительно и ядовито, точно пугаетъ и поддразниваетъ дѣвочку.

Маркизъ Ценгъ, китайскій посолъ въ Парижѣ и Лондонѣ.

Еще не опредѣлилась участь несчастливаго китайскаго сановника, бывшаго у насъ для переговоровъ о Кульджѣ (его, какъ извѣстно, за подписанный имъ договоръ, заключили въ тюрьму и приговорили къ смертной казни) какъ уже назначенъ къ намъ новый посланникъ, Ценгъ, бывшій до этого посломъ и полномочнымъ министромъ китайской имперіи въ Парижѣ и Лондонѣ. Пока онъ еще впрочемъ не получилъ опредѣленныхъ инструкцій отъ своего правительства и все откладываетъ свою поѣздку въ Петербургъ. Обладатель громаднаго состоянія, онъ задавалъ великолѣпные праздники и обѣды въ Парижѣ и пріобрѣлъ тамъ, какъ говорятъ, общія симпатіи.

Маркизъ Ценгъ-И-Іонгъ имѣетъ извѣстность въ своемъ отечествѣ какъ писатель, подъ именемъ Ки-Канга. Онъ родился еще въ царствованіе императора Тао-Куанга въ 1838 году въ Тянъ-Шанѣ. Въ девятый годъ царствованія Тонгъ-Че онъ окончилъ чрезвычайно трудные экзамены, доставившіе ему одну изъ первыхъ степеней и былъ назначенъ на важную должность въ министерствѣ финансовъ. Онъ старшій сынъ воспитателя и опекуна Императора—Ченгъ-Янъ-Цанга, который былъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта и намѣстникомъ въ обоихъ Кіангахъ, извѣстный тѣмъ, что подавилъ возстаніе Тайпинговъ и отнялъ у бунтовщиковъ обратно городъ Нанкинъ. Онъ награжденъ былъ тогда наслѣдственнымъ маркиза званіемъ и названъ И-Іонгъ (отважный, непобѣдимый). Послѣ его смерти появилось императорское повелѣніе о постройкѣ въ честь его храмовъ по провинціямъ, чтобы увѣковѣчить память о его великихъ заслугахъ.

Ценгъ, какъ сообщаютъ иностранныя газеты, намѣренъ устроиться на зиму въ Петербургѣ. Это можно заключить по приготовленіямъ, дѣлаемымъ по случаю его пріѣзда. Помѣщеніе посольства заново отдѣлывается и украшается; изъ-за границы и изъ Китая получена новая мебель и дорогія матеріи для украшенія отеля посла; даже консервы китайцы,—большіе охотники до лакомыхъ вещей домашняго произведенія,—выписали себѣ изъ Китая. Они предназначались для стола полномочнаго посла, но получились испорченными. За одни только вещи маркиза Ценга китайцы заплатили 2,400 рублей пошлины.

Ценгъ-Ки-Кангъ, какъ старшій сынъ усмирителя Тайпинговъ, наслѣдовалъ званіе маркиза отъ отца, по которомъ онъ носилъ трауръ въ теченіи трехъ лѣтъ. Затѣмъ онъ получилъ званіе почетнаго предсѣдателя одного изъ министерствъ и украшенъ павлиньимъ перомъ. Онъ прибылъ въ Европу 1 января 1879 года и въ этомъ же году получилъ высокое званіе предсѣдателя „Совѣта Церемоній“.

На нашемъ рисункѣ изображена и его семья—жена и старшій сынъ его, которые также прибудутъ съ нимъ въ Петербургъ.

Маркизъ Ценгъ, китайскій посланникъ и его семейство. Съ фотогр. грав. Флюгель.

Политическое обозрѣніе.

Еще о конференціи въ Берлинѣ.—Во французской Палатѣ.—Въ Палатѣ Депутатовъ Прусскаго Сейма.—Наши отношенія съ Китаемъ.—Торжество въ Брюсселѣ.—О Босніи и Герцеговинѣ.

Въ то время когда появится настоящее обозрѣніе, рѣшенія Берлинской конференціи, конечно, уже состоятся и будутъ обнародованы. Пока доходятъ въ газеты лишь извѣстія о *внѣшней* сторонѣ засѣданій, о внутреннемъ же ихъ содержаніи извѣстія чрезвычайно скудны, ибо въ первомъ же засѣданіи члены, изъявивъ сожалѣніе, что на предъидущей конференціи тайна переговоровъ не соблюдалась, на сей разъ согласились поступать иначе. И тайна теперь, повидимому, дѣйствительно охраняется. Извѣстно и распространяется газетами только одно, что соглашеніе полное несомнѣнно по всѣмъ поднятымъ вопросамъ. Между тѣмъ этому согласію державъ противорѣчитъ уже одно обстоятельство: именно въ Англійской Палатѣ Общинъ 6-го іюля были уже возбуждены пренія по поводу Берлинскаго трактата. Вопросъ шелъ объ исполненіи Россіей и Турціей того трактата, который былъ актомъ чрезвычайнаго самопожертвованія со стороны Россіи, того, который она такъ точно исполняла. Во Французской Палатѣ Депутатовъ также поднятъ былъ вопросъ о Россіи по поводу ея настоящихъ отношеній съ теперешнимъ французскимъ правительствомъ, и все это по поводу несчастнаго дѣла Гартмана, въ которомъ такою безсильною показала себя власть Франціи, что скорѣе возбуждала чувство жалости къ себѣ чѣмъ негодованія. Какъ еще выпутается она изъ болѣе жгучаго и болѣе

близкаго ей вопроса объ изгнаніи изъ страны (срокъ котораго наступаетъ) разныхъ религіозныхъ обществъ или такъ названныхъ „недозволенныхъ религіозныхъ ассоціацій“. Оказывается, что этимъ ассоціаціямъ и выселиться куда нибудь будетъ затруднительно, потому что напримѣръ Испанское правительство, вѣроятно не желая нарушать добрыхъ отношеній съ властью сосѣдней страны, объявило, что недозволитъ безъ особыхъ разрѣшеній селиться въ своихъ предѣлахъ религіознымъ обществамъ, изгнаннымъ изъ Франціи.

Палату Депутатовъ Прусскаго сейма также занимаетъ роковой вопросъ объ отношеніи церкви къ государственной власти. 6-го іюня состоялось чтеніе церковнаго законопроекта, который большинствомъ не былъ принятъ. Католики готовы согласиться на всѣ поправки, касающіяся ихъ духовенства—ибо правительство заявляетъ, что оно имѣетъ въ виду только установленіе согласія по этому вопросу—но католики опасаются, что правительство, выговоривъ себѣ свободу дѣйствій, относительно отдѣльныхъ представителей католическаго духовенства, наложитъ руку уже совсѣмъ диктаторски и начнетъ преслѣдовать ихъ вообще. По всѣмъ вѣроятіямъ однако вопросъ этотъ будетъ скоро разрѣшенъ въ благопріятномъ смыслѣ.

Повторяющіяся отсрочки пріѣзда въ Петербургъ китайскаго уполномоченнаго маркиза Ценга, котораго портретъ мы помѣщаемъ въ настоящемъ №, заставляютъ сомнѣваться, дѣйствительно ли пекинское правительство думаетъ вступить въ серьезные, честные переговоры, или же оно старается только, пользуясь нашимъ довѣріемъ и добродушіемъ, оттянуть время, чтобы вполнѣ подготовиться къ борьбѣ съ Россіей, къ борьбѣ, которой такъ жаждетъ, сильная еще, старо-китайская партія.

Второе положеніе представляется болѣе вѣроятнымъ. Пекинское правительство, дало уже такъ много доказательствъ своего двуличія, что нельзя относиться къ его дѣйствіямъ и словамъ съ достаточнымъ довѣріемъ. Хотя и получаются, время отъ времени, изъ Шанхая успокоительныя телеграммы, что возможность войны уменьшается, но вѣрить вполнѣ этому очень трудно, тѣмъ болѣе, что телеграфъ извѣстилъ на дняхъ о прибытіи въ Лондонъ и Парижъ китайскихъ агентовъ для приглашенія на китайскую службу иностранныхъ офицеровъ.

Въ виду этихъ фактовъ нужна большая осторожность и осмотрительность съ нашей стороны и полагаютъ, что намъ не мѣшаетъ приготовиться къ „возможнымъ случайностямъ“.

Бельгія недавно торжествовала пятидесятилѣтіе своей независимости. Торжество это связано съ открытіемъ въ Брюсселѣ національной и промышленной выставки. Въ амфитеатрѣ передъ площадью выставки, гдѣ происходило торжество, размѣстилось болѣе 50,000 зрителей. Въ два часа прибыли въ четырехъ открытыхъ парадныхъ экипажахъ король, королева и графъ Фландрскій съ супругою. Вслѣдъ затѣмъ произнесъ рѣчь министръ внутреннихъ дѣлъ, послѣ котораго говорили графъ де-Меродъ и брюссельскій бургомистръ. Король слушалъ рѣчи стоя и отвѣчалъ на нихъ нѣсколькими словами. На привѣтственную рѣчь министра внутреннихъ дѣлъ король отвѣчалъ, что онъ поздравляетъ комитетъ, ревностнымъ усиліямъ котораго страна обязана этимъ великимъ національнымъ предпріятіемъ, которое сохранитъ въ исторіи Бельгіи подобающее ему мѣсто. На рѣчь брюссельскаго бургомистра, упомянувшаго объ усиліяхъ короля открыть новые пути для торговли, король отвѣчалъ, что промышленность не можетъ процвѣтать, если не открываются новые рынки для сбыта ея произведеній; торговля есть лучшее подспорье промышленности. Поощряя ея развитіе, поощряется въ то же время и развитіе національной промышленности. Вслѣдъ за этимъ раздались звуки торжественнаго марша. Очень удалось своеобразное прохожденіе церемоніальнымъ маршемъ предъ королевскою четою ремесленныхъ цеховъ.

Изъ меморандума, представленнаго босно-герцеговинцами г. Гладстону, въ газетахъ приводятся эпизоды, рисующіе въ такомъ страшномъ видѣ положеніе этихъ несчастныхъ двухъ народовъ, что рѣшительно не вѣрится въ возможность совершенія подобныхъ неистовствъ представителями европейской цивилизаціи. Австрійскіе солдаты, напримѣръ, напавъ на домъ Адама Филовича, разграбили до тла все его имущество и разнесли строеніе. Послѣ побѣды усташей (изъ прежнихъ бандъ) надъ турецкими повстанцами при Гласинцѣ, взятъ былъ лагерь мятежниковъ, гдѣ нашли много домашнихъ вещей, принадлежащихъ поселянамъ-сербамъ окрестныхъ селъ. Вещи эти были отняты у нихъ турками-повстанцами. Австрійцы же тотчасъ обвинили сербовъ въ участіи въ возстаніи и кинулись по селамъ. Гдѣ кого находили, тамъ того и убивали, а женщинъ безчестили. Записка перечисляетъ много разстрѣлянныхъ, причемъ заканчиваетъ эпизодъ выраженіемъ: австрійскіе солдаты — это крещеные черкесы! Такимъ образомъ, доходившіе до европейской печати слухи отрывочными извѣстіями подтверждаются теперь уже оффиціально. Что-то скажетъ на это биконсфильдовская Европа? И насколько есть преувеличенія въ этихъ показаніяхъ?

Смѣсь.

Къ вопросу объ электрическомъ освѣщеніи. Въ Портсмутѣ былъ сдѣланъ опытъ электрическаго освѣщенія съ аппаратомъ Бюрстена. Сухопутный докъ, въ которомъ строится „Inflexible“, былъ освѣщенъ 17-ю лампами, силою свѣта въ 2,000 свѣчей каждая. Требовалось выяснить, достаточно ли можетъ быть освѣщенъ докъ для продолженія работъ ночью. Опытъ оказался удачнымъ, и болѣе всего возбудило удивленіе то, что достигается устойчивость свѣта безъ мерцанья.

Торговля шампанскимъ. Вывозъ шампанскаго изъ Франціи за границу въ послѣднее время принялъ необычайные размѣры. По отчету реймской торговой палаты, количество шампанскаго, находившагося въ погребахъ къ 1-му апрѣля текущаго года, составляло 68,540,668 бутылокъ. Съ 1-го апрѣля 1879 года по 1-е апрѣля 1880 г. отправлено 19.191,154 бут., изъ которыхъ 16 мил. вывезено за границу, т. е. на 1,750,617 бутылокъ больше, чѣмъ съ 1878 по 1879 годъ.

Въ португальскихъ колоніяхъ совершенно уничтожено рабство за исключеніемъ еще Кубы, такъ что по всему вѣроятію вскорѣ рабство отойдетъ въ область минувшаго. Недавно австрійскій лейтенантъ Люксъ издалъ книгу „Отъ Лоанды до Кинбунду“, въ которой онъ описываетъ свое путешествіе по внутренней Африкѣ и состояніе рабства въ португальскихъ колоніяхъ Анголы. Между прочимъ Люксъ говоритъ, что неграмъ было не особенно тяжело въ рабствѣ. Они были сыты, одѣты и даже имѣли деньги. Послѣ уничтоженія рабства, многіе изъ нихъ остались у прежнихъ своихъ владѣльцевъ.

Телефонное сообщеніе въ Берлинѣ. Германское почтовое вѣдомство предполагаетъ установить въ Берлинѣ телефонное сообщеніе для частныхъ лицъ, торговыхъ и промышленныхъ заведеній и т. п. Лица и заведенія, желающія пользоваться такимъ сообщеніемъ, платятъ отъ 25 до 30 р. въ годъ за версту телефонной проволоки, причемъ казна принимаетъ на свой счетъ какъ установку самаго сообщенія, такъ и доставку аппаратовъ. Контракты съ почтовымъ вѣдомствомъ заключаются на 4 или на 2 года, смотря по длинѣ проволоки.

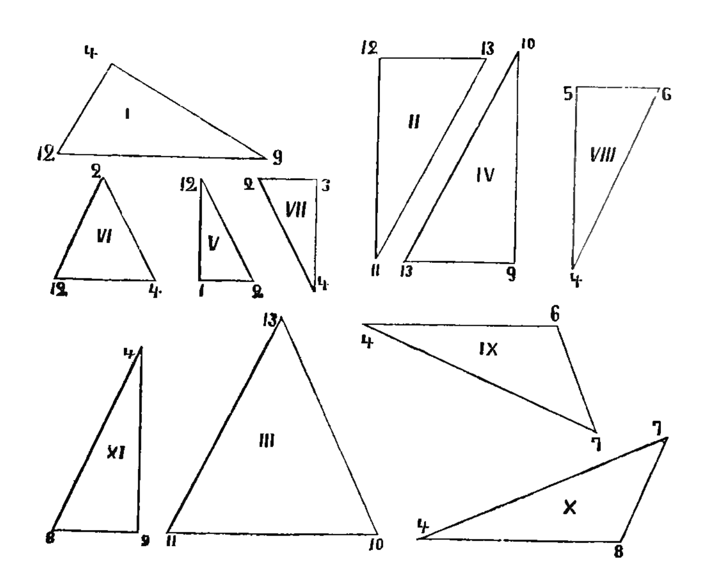
Голуби. Французскіе журналы обращаютъ вниманіе на изданную отставнымъ подполковникомъ французской службы, Пюи де-Подіо, книгу о полетѣ голубей. Въ числѣ различныхъ свѣдѣній, представляющихъ интересъ для любителей голубиной почты, авторъ, между прочимъ, приводитъ примѣры быстроты полета голубя. Голубь, пущенный изъ Санъ-Себастіана 7 августа 1862 г., въ 5 час. утра, прибылъ, спустя 6 часовъ, въ Льежъ (Люттихъ), совершивъ, такимъ образомъ, въ это время перелетъ около 1.000 верстъ. По наблюденіямъ автора, голубь, во время полета, держится обыкновенно на высотѣ отъ 250 до 300 футовъ отъ земли и потому затрудняется перелетомъ черезъ горы; затрудненіями для него служатъ также туманъ, снѣгъ, градъ, противный вѣтеръ, особенно сухой. Выносливость почтоваго голубя можетъ быть увеличена раціональной дрессировкой. Говоря о дрессировкѣ и устройствѣ военныхъ голубятенъ, авторъ указываетъ на необходимость помѣщенія ихъ по близости отъ учебныхъ полигоновъ, для того, чтобы голуби, постепенно привыкнувъ къ шуму выстрѣловъ, не обнаруживали пугливости во время войны.

Языческое кладбище. Профессоръ варшавскаго университета Павинскій разрылъ недавно, около деревни Славенцины, въ Ленчицкомъ уѣздѣ, Калишской губерніи, языческое кладбище, состоящее изъ нѣсколькихъ десятковъ могилъ. При этомъ найдено довольно много красивыхъ урнъ, десять хорошо сохранившихся скелетовъ съ характеристическими черепами. Въ рукахъ этихъ скелетовъ лежали небольшие каменные ножи. Чтобы добраться до всего этого, нужно было приподнять нѣсколько каменныхъ слоевъ. По мнѣнію профессора, это кладбище относится къ концу X или къ началу XI вѣка.

Въ Лоссонцѣ (Венгріи) одна телеграфистка пострадала сильно отъ удара молніи. Во время страшной грозы, дѣвушка работала у аппарата, когда молнія ударила въ проводникъ и задѣла ее. Черное явственное пятно на лѣвой ногѣ указываетъ мѣсто, въ которомъ электрическій токъ покинулъ тѣло. Несчастная упала безъ памяти на полъ, но мало по малу она оправилась настолько, что ее могли привести въ Пештъ.

Панорама заказанная Мейсонье американцами. По словамъ „Figaro“, одно американское общество заключило съ художникомъ Мейсонье условіе, въ силу котораго послѣдній обязуется написать въ теченіи двухъ съ половиной лѣтъ за неслыханный гонораръ въ 3 милліона франковъ двѣ большихъ картины: „Парижъ во время всемірной выставки“. Общество это хочетъ объѣздить съ этими панорамами всю Америку.

Задача буквъ № 48.

Изъ этихъ 11-ти данныхъ фигуръ, имѣющихъ при каждомъ углѣ по одной буквѣ, сложить извѣстную геометрическую фигуру такъ, чтобъ изъ буквъ, стоящихъ у каждаго угла полученной фигуры, составились бы фамиліи двухъ русскихъ писательницъ.

Вмѣсто цыфръ, стоящихъ при углахъ данныхъ фигуръ, поставить соотвѣтствующія буквы и тогда, при сложеніи этихъ трехъугольниковъ, въ большой фигурѣ при углахъ получается буквы, которыя нужно читать по порядку цыфръ, начиная съ 1-го, чтобъ получить, какъ сказано, двѣ фамиліи.

Въ	I	фигурѣ	9,12,4.	Большое пространство.
„	II	„	11,12,13.	Способъ празднованія.
„	III	„	11,10,13.	Движущая сила.
„	IV	„	9,10,13.	Геометрическое тѣло.
„	V	„	1,12,2.	Библейское мужское имя.
„	VI	„	2,12,4.	Спокойствіе.
„	VII	„	4,3,2.	Городъ Италіи.
„	VIII	„	5,6,4.	Часть свѣта на французск. языкѣ.
„	IX	„	4,6,7.	Канава.
„	X	„	7,8,4.	Имя однаго полководца древности.
„	XI	„	9,8,4.	Геометрическое тѣло.

Заявленіе.

Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ тѣхъ немногихъ изъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, которые внесли деньги только за **первое полугодіе**, поторопиться возобновленіемъ подписки на **второе полугодіе**.—Въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ прекращена съ № 27, при чемъ гг. подписчики потеряютъ право на полученіе премій, слѣдуемыхъ гг. годовымъ подписчикамъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала «Нива» проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ Ф. Бергъ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 28 Іюня 1880 г.

Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Настоящее мѣсто дуэли Пушкина. Съ натуры рис. Рейнгардтъ, грав. М. Рашевскій.

Гдѣ настоящее мѣсто дуэли Пушкина

Между разными подробностями, сообщавшимися въ послѣдніе дни о нашемъ знаменитомъ поэтѣ, было много толковъ о мѣстѣ, на которомъ состоялась его дуэль. Нашъ извѣстный книгопродавецъ г. Исаковъ сообщилъ объ этомъ интересныя данныя и даже приложилъ къ нимъ планъ, на основаніи показанія секунданта Пушкина—Данзаса. Но бывши зимой, когда все подъ снѣгомъ, въ такомъ взволнованномъ состояніи, въ совершенно незнакомомъ, уединенномъ мѣстѣ, секундантъ черезъ столько лѣтъ могъ и забыть, гдѣ именно онъ стоялъ тогда. Кромѣ того дуэль очевидно не могла состояться на открытой полянѣ, близь самой дороги, посреди глубокаго снѣга. Большая часть старожиловъ указываютъ въ лѣвую сторону отъ дороги. Особеннаго вниманія и довѣрія заслуживаетъ указаніе арендатора дачи на Черной Рѣчкѣ № 5, Вас. Дмитр. Мякишева, дачи, которую издавна арендовала его семья. До этаго его никому не пришлось спрашивать. Между тѣмъ художникъ В. Я. Рейнгардтъ, желая набросить видъ мѣста, указаннаго г. Исаковымъ, совершенно нечаянно узналъ—по нашему мнѣнію, наиболѣе вѣрныя—подробности отъ г. Мякишева. Но сдѣлаемъ лучше выдержку изъ его собственнаго о томъ письма. Если уже возникло предположеніе обозначить мѣсто дуэли, то надо, чтобы оно было указано точно.

„Съ № газеты въ рукахъ, въ которомъ г. Исаковъ помѣстилъ планъ указываемой мѣстности, я отправился на Черную Рѣчку. Это было въ Духовъ день и принимая во вниманіе праздникъ, я думалъ на этомъ мѣстѣ встрѣтить публику, которая бы подобно мнѣ полюбопытствовала взглянуть на это мѣсто. Но все было тихо, никого не было. Желая провѣрить, дѣйствительно ли это та мѣстность, именно—Коломягская дорога и огороды Мякишева,—я рѣшился зайдти въ ближайшій домъ, надѣясь получить какія нибудь указанія. На встрѣчу мнѣ вышелъ хозяинъ дома, какъ я послѣ узналъ—Василій Дмитріевичъ Мякишевъ, арендаторъ огородовъ Комендантской дачи. Онъ то и указалъ мнѣ дѣйствительное мѣсто, на которомъ былъ смертельно раненъ А. С. Пушкинъ. Сначала я было усомнился, такъ какъ указаніе совершенно не совпадало съ указаніемъ г. Исакова; но по дальнѣйшимъ разспросамъ вполнѣ убѣдился въ истинности его словъ. Съ двадцатыхъ еще годовъ, сперва отецъ М. а нынѣ его сыновья, братья М. арендуютъ земли Комендантской дачи. Отецъ настоящаго арендатора, Димитрій Мякишевъ, былъ современникъ дуэли Пушкина и жилъ всего въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ роковаго мѣста. Сынъ разсказываетъ со словъ отца слѣдующее: было дѣло это въ январѣ мѣсяцѣ. Прибѣжалъ къ старику Мякишеву въ попыхахъ дворникъ Комендантской дачи Матвѣй Ѳомичъ, и сказалъ что за комендантскимъ гумномъ какіе-то господа стрѣлялись. Старикъ выбѣжалъ на улицу и увидѣлъ, что какого-то господина вели двое подъ руки, посадили въ карету и повезли въ городъ. Сейчасъ же онъ по слѣдамъ—такъ какъ по снѣгу были слѣды — пошелъ на то мѣсто, гдѣ стрѣлялись за комендантскимъ гумномъ, на дорожкѣ, которая шла черезъ огородъ, возлѣ березы, отъ которой нынѣ остался только пень. Отецъ Мякишева много разъ указывалъ дѣтямъ это мѣсто и потому они забыть его не могли, такъ какъ здѣсь же, около этой именно дорожки, испоконъ были ихъ огороды, на которыхъ они работаютъ всякое лѣто. Кромѣ того Вас. Дмитр. Мякишевъ добавляетъ, что такъ какъ дорожка къ мѣсту поединка шла кружно, около сарая и гумна, и вести по ней же назадъ раненаго было бы слишкомъ для него мучительно и долго, то господа повели его прямо, какъ видно было по слѣдамъ и крови, цѣликомъ, къ дорогѣ, куда подъѣхала карета, изгородь же, которая здѣсь была—чтобы пройти, разобрали. Сравнивая расположеніе мѣста, указаннаго Мякишевымъ, съ мѣстомъ указаннымъ г. Исаковымъ, нельзя не видѣть, что первое находится слишкомъ близко къ Коломягской дорогѣ и поэтому едва ли могло быть избрано для поединка, тогда какъ мѣсто, указанное Мякишевымъ, совершенно было въ сторонѣ и закрыто отъ дороги гумномъ и сараемъ, и при этомъ имѣло то преимущество, что на самой комендантской дачѣ никто зимою, кромѣ дворника, не жилъ. Справедливость словъ В. Д. Мякишева подтверждается еще и показаніями Максима Ѳомина, который, во время дуэли, былъ у дворника комендантской дачи, крестьянина, Матвѣя Ѳомина, нынѣ уже умершаго и разсказываетъ, что видѣлъ, какъ господа выходили изъ указанной мѣстности и вели подъ руки раненнаго, посадили въ карету и увезли. Максима Ѳомина отыскалъ Д. И. Лобановъ, сообщившій въ Петерб. газетѣ, что мѣсто указанное г. Исаковымъ—не то. Кромѣ того нельзя не придти къ такимъ соображеніямъ: дуэль Пушкина случилась въ 1837 г. зимою; едва ли секундантъ его К. К. Данзасъ (вскорѣ высланный) могъ имѣть случай и надобность посѣтить ту мѣстность и когда уже въ 1858 г. указывалъ мѣсто г. Исакову, то могъ легко ошибиться; точно также могъ запамятовать мѣсто и самъ г. Исаковъ, отыскивая его уже нынѣ, въ 1880 году, т. е. черезъ 22 года.

На прилагаемомъ при семъ рисункѣ мѣсто представлено со стороны огорода, полѣвой сторонѣ—старый сарай комендантской дачи, ветхій въ такой степени, что не возбуждаетъ сомнѣній что онъ существовалъ и въ 1837 году; далѣе видна Комедантская дача; а на первомъ планѣ пень, свалившейся три года тому назадъ березы, пень, у котораго пріютился маленькій ракитовый кустикъ, единственный знакъ, указывающій мѣсто роковой встрѣчи.—Кто думаетъ, что предположенія мои, основанныя на указаніяхъ Василія Дмитріевича Мякишева, его брата и крестьянина Максима Ѳомина, ошибочны, тотъ легко можетъ и самъ провѣрить и обсудить все это. Отецъ Мякишевыхъ, современникъ Пушкина, живя на этомъ именно мѣстѣ не могь не знать о дуэли и если бы дуэль эта произошла и на указанномъ даже г. Исаковымъ мѣстѣ, все-таки онъ зналъ бы объ этомъ, тѣмъ болѣе, что оба мѣста находятся близко отъ дома, гдѣ жили Мякишевы, и оба на арендуемой ими же землѣ. Конечно, это странная случайность, что никому изъ отъискивавшихъ мѣсто, не пришло въ голову спросить, искони здѣсь живущихъ, арендаторовъ именно этой земли. Возвращаясь домой и проходя мимо мѣстности, указанной Исаковымъ, мы увидѣли тамъ нѣсколькихъ человѣкъ съ №№ газетъ въ рукахъ, размѣряющихъ разстояніе между березками и заборомъ. Въ числѣ ихъ находился Д. И Лобановъ, который въ 113 номерѣ „Петербургской газеты“ между прочимъ, мимоходомъ упомянулъ и о сообщенныхъ мною ему свѣденіяхъ.“

Купленное счастье.

Романъ Н. Морскаго.

(Продолженіе).

VII.

Катерина Александровна сдѣлала распоряженіе и когда подали самоваръ, занялась приготовленіемъ чая. Прерванный въ кабинетѣ разговоръ возобновился, но она не слушала его... Говорили преимущественно ея мужъ и Пантелѣевъ, мягкій и ровный голосъ котораго разстилался какимъ-то легкимъ и успокоивающимъ душу налетомъ... Она разлила чай и пригласила мужчинъ, еще разъ неслышно появившись въ дверяхъ кабинета, не обращаясь собственно ни къ кому и въ тоже время ко всѣмъ.

— Чай подать къ вамъ или вы придете сюда?

Опять разговоръ оборвался на полусловѣ и на ея вопросъ Кожуховъ отвѣтилъ за всѣхъ съ какой-то особой поспѣшностью:

— Мы выйдемъ, мой другъ, мы выйдемъ...

И предложилъ:

— Не угодно-ли, господа; прошу.

Гости поднялись и вышли въ залъ. Мѣшая задумчиво ложечкой въ чашкѣ, она сидѣла за самоваромъ, не замѣчая, что одна изъ струй пара льнула къ ея щекѣ и вилась, какъ легкій газъ около ея черныхъ волосъ, какъ нельзя болѣе идущій къ ея величественному виду, къ ея импонирующей мраморной красотѣ. Какъ-то всѣ чувствовали, что съ нею не легко начать разговоръ: и Столповскій, и Пантелѣевъ, замолчавшій въ ея присутствіи, поняли, что странно обратиться къ ней съ какимъ либо пустымъ и обыденнымъ вопросомъ, къ ней, гордой и прелестной, хотя видимо совершенно незанятой собою и производимымъ ею на другихъ эффектомъ. Разговоръ поддерживался однимъ Кожуховымъ, котораго присутствіе жены нисколько не стѣсняло и который выборомъ сюжета не особенно затруднялся...

Все не подымая глазъ и не обращая вниманія ни на кого изъ окружающихъ, она полуслушала какой-то „прикладной“ разговоръ мужа, переполненный техническими словами, цифрами и самыми разнообразными тер-

минами... Половины этого разговора она не поняла, но все казалось ей, что мужъ какъ-то практичнѣе, но гораздо мельче плаваетъ, что какого нибудь широкаго принципа нѣтъ къ основѣ его мыслей... Столповскій молчалъ; Пантелѣевъ изрѣдка опровергалъ Кожухова... Она вслушалась въ эти опроверженія и хотя опять таки ровно ничего въ нихъ не поняла, но поразила ее какая-то особая неторопливость, что-то обдуманное въ возраженіяхъ и какая-то необыкновенно быстрая и безошибочная сообразительность въ вычисленіи... неожиданно мужъ обратился къ ней:

— Ты-бы съиграла намъ что нибудь, мой другъ?

Тогда она встала съ своего мѣста и пошла къ піанино... Никто не нашелъ умѣстнымъ оказать ей обычной формы учтивости, открыть піанино и зажечь свѣчи, что она неторопливо сдѣлала сама... Усѣвшись, она съ минуту подумала, оправила рукава и заиграла безъ нотъ... Разговоры стихли и комната огласилась стройными аккордами, напоминающими звуки церковнаго органа...

Кожуховъ поморщился... Какая холодная, хотя и чистая, необыкновенно отчетливая игра... Это тотъ художникъ-ваятель, который остается равнодушенъ къ прелестямъ стоящей передъ нимъ натурщицы, который, безъ малѣйшаго волненія чувства высѣкаетъ изъ мрамора, лѣпитъ изъ глины эти дышащія огнемъ и трепещущія страстью формы; это тотъ сатирикъ-каратель, взобравшійся на пьедесталъ и съ своей высоты, до которой не достигаютъ слабости и пороки общества, среди котораго онъ живетъ, бичующій все и всѣхъ рѣзкимъ стихомъ... Прямо передъ нею было зеркало. Разсѣянно она бросила, играя, на него взглядомъ.

— Что-жъ ты, мой другъ?

На полуаккордѣ она неожиданно бросила играть, какъ бы пораженная или испуганная чѣмъ-то... Мужъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ смотрѣлъ на нее...

— Я забыла пьесу; память измѣнила мнѣ...

Она не смотрѣла въ зеркало и достала, нѣсколько нагибаясь впередъ, ноты...

— Я сыграю другое, не такое...

Не такое... Нѣсколько, какъ прежде чистыхъ и строгихъ аккордовъ огласили залъ, и затѣмъ, какая-то серебристая гамма съ шумомъ, съ щебетаньемъ птицъ, съ бубенчиками и смѣхомъ запѣла тамъ, гдѣ до сихъ поръ раздавались лишь строгіе, церковные звуки... Кожуховъ не слыхалъ такихъ пьесъ отъ своей жены... Она умѣетъ *такъ* играть!.. Какимъ-то аккордомъ невысказаннаго чувства Катерина Александровна окончила пьесу и необыкновенно для нея оживленно повернулась къ Столповскому:

— M-r Столповскій, съиграемъ что нибудь въ четыре руки...

Онъ всталъ на ея зовъ, замѣтивъ въ ней это странное оживленіе, котораго до сихъ поръ никогда не замѣчалъ... Что съ нею?.. Ея глаза блистали какимъ-то огнемъ, теплымъ и согрѣвающимъ, а не своимъ обычнымъ холоднымъ блескомъ... Мраморное лицо, оживленное румянцемъ, являло нервную игру... Улыбка какого-то счастія окрасила лицо, сдѣлала его привѣтливымъ и милымъ:

— Съ вами страшно играть: я передъ вами ученикъ...

— Мы съиграемъ легкое...

Онъ предложилъ ей нѣсколько пьесъ.

— Нѣтъ,—отвергла она ихъ,—лучше какой нибудь вальсъ.

Столповскій, отъ котораго не укрылось перемѣна въ ней, шепнулъ ей тихо:

— Вы просто неузнаваемы...

Она первая начала пьесу:

— Именно?

— Васъ, какъ-то не такъ боишься, какъ обыкновенно...

Онъ далъ аккомпанировать ей въ басу; страстнымъ пѣніемъ звучали ея ноты... Неужели? Столповскій поблѣднѣлъ, бросилъ на нее взглядъ... Не слушая его, она смотрѣла въ зеркало на рисующагося вдали красиваго высокаго, черноволосаго мужчину, не сводящаго съ нея своихъ строго задумчивыхъ, темныхъ глазъ... Высокій лобъ и бронзоваго оттѣнка лицо выдѣлялись въ полусвѣтѣ отдаленной перспективы... Нѣсколько выдающіяся скулы, черные усы и борода довершали обликъ... А!..

Игра прервалась... она улыбнулась Столповскому:

— Вы ошиблись... Надо начать съизнова... Вы потеряли тактъ...

Нѣтъ—онъ чувствуетъ себя дурно... не можетъ играть... Она посмотрѣла на его блѣдное, съ явными признаками душевнаго страданія, лицо... и впервые въ жизни пожалѣла его, быть можетъ смутно понявъ причину его страданій... Неужели же нужно кончить?

— Хорошо, я съиграю одна.

Съ непостижимымъ эгоизмомъ она забывала его страданія... Какая-то радость, желаніе быть прелестной, желаніе нравиться, помнить только о своемъ счастіи, объ этомъ пріятномъ и томительно-сладостномъ волненіи, овладѣли ею... При общемъ молчаніи мужъ отозвался на ея слова:

— Съиграй, мой другъ, съиграй... Ты сегодня играешь прелестно...

Этаго было довольно и прежняя, безжизненная и холодная музыка монастыремъ и склепомъ одѣла залъ... Блѣдныя краски разлились по ея лицу, глаза блеснули холоднымъ блескомъ и нервное оживленіе исчезло, замѣнившись холодомъ и неподвижностью мраморныхъ линій...

Когда она окончила и встала изъ за піанино, Пантелѣевъ, стоя у косяка двери, ведущей въ кабинетъ Кожухова, смотрѣлъ на нее своими задумчивыми глазами. Она холодно и спокойно выдержала этотъ взглядъ. И вдругъ ей показалось, что, какъ-бы отвѣчая на ничѣмъ ею не проявленный вопросъ, вопросъ о томъ, понялъ-ли онъ изъ всего того, что произошло сейчасъ передъ нимъ что либо, онъ отвѣтилъ ей взглядомъ...

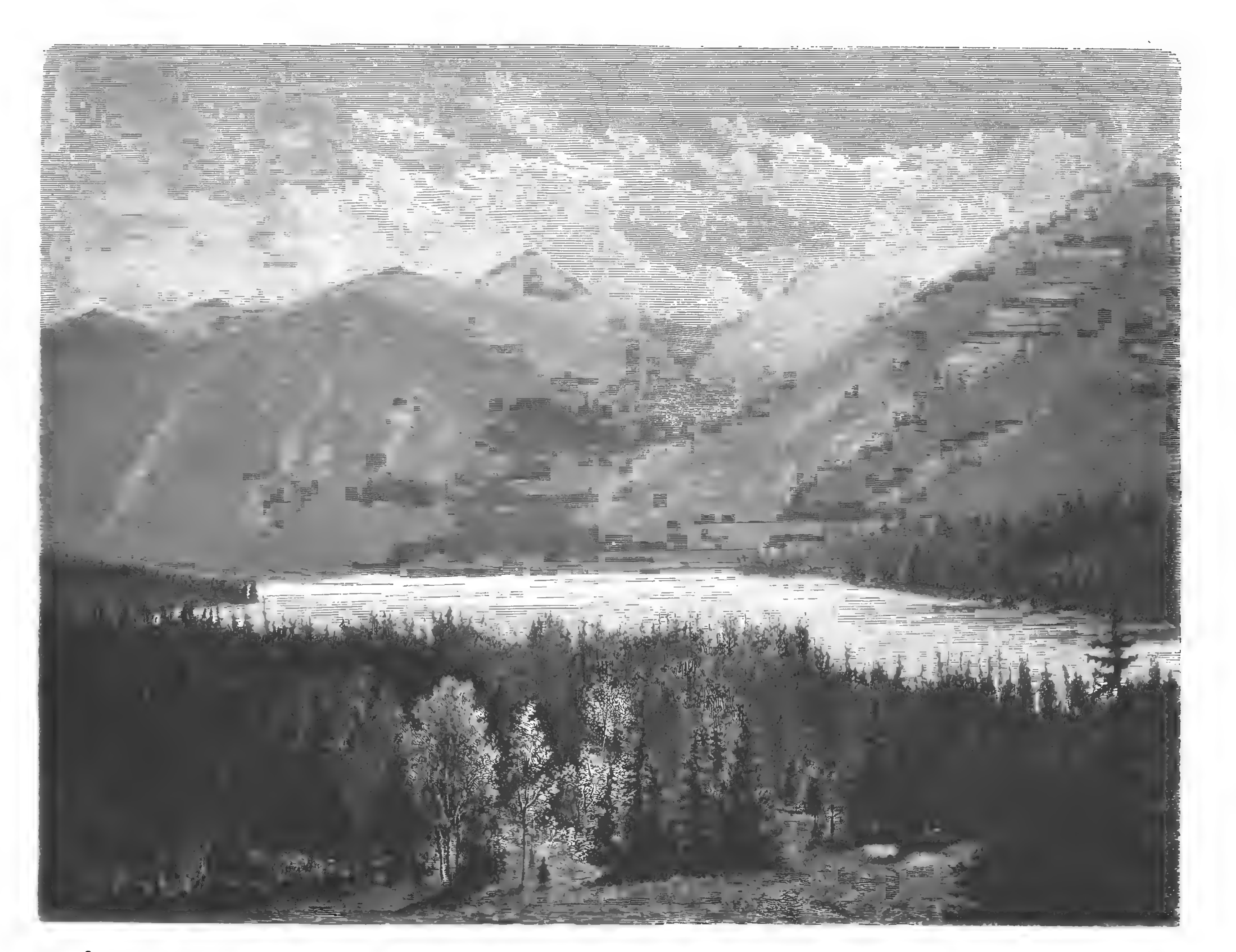
Понялъ-ли онъ?! Поняла-ли она сама? И оставшись одна въ своей комнатѣ, она вдругъ упала на колѣни, въ какой-то безсловесной, но страстной молитвѣ передъ образомъ. Матерь Божія! неужели такъ?.. Кто онъ?. Вѣдь разъ, первый разъ... Спаси и защити!.. Грѣхъ какой!

И не могла болѣе молиться, прислушиваясь къ радостному біенію сердца, чувствуя неизвѣданное ею досихъ поръ волненіе...

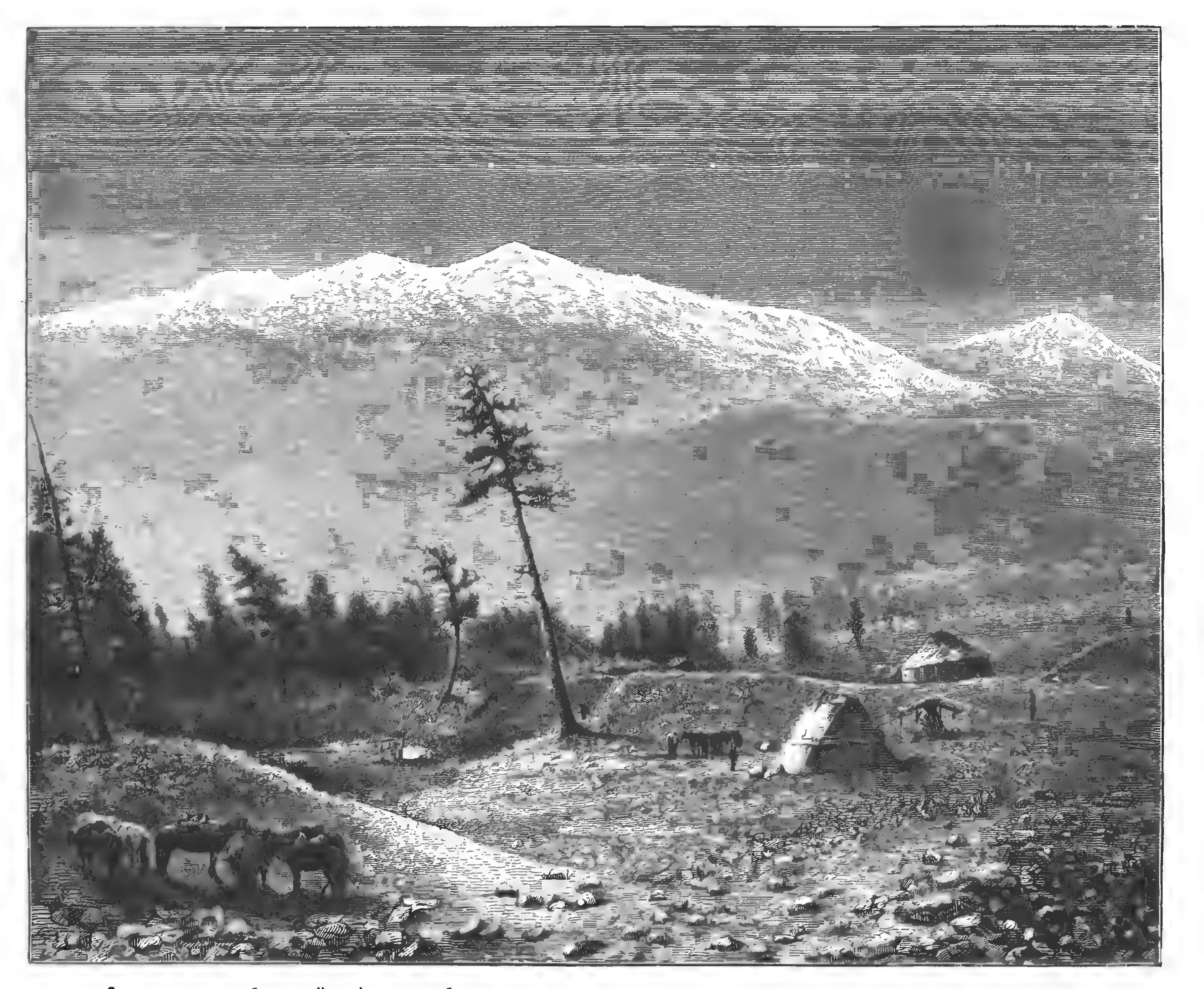
VIII.

Желѣзный человѣкъ.

Пантелѣевъ поѣхалъ отъ Кожуховыхъ въ своей, очень хорошей каретѣ... Съ нѣкоторыхъ поръ онъ сталъ замѣчать въ себѣ слабыя попытки и поползновенія къ изнѣженности, которыхъ до сихъ поръ за собою не зналъ... Въ самомъ дѣлѣ, какъ его держали въ домѣ родительскомъ, гдѣ царила невообразимая скупость, гдѣ, скопляя милліоны, ѣли чортъ знаетъ что такое, гдѣ лишали себя всего до такой степени, что вмѣсто чая пили липовый цвѣтъ, вмѣсто сахара употребляли патоку или лакрицу, гдѣ были даже экономны на соль? Откуда только у Гаврюши бралась сила, проистекалъ ростъ и совершалось вообще тѣлесное развитіе?.. Голодный, съ простыми здоровенными кулачищами, Гаврюша, съ блестящими черными глазами, какъ какое нибудь дикое животное бросался въ школѣ на товарищей, вырывалъ у нихъ чуть не изо рта приносимые ими съ собою куски и съ жадностью, не внимая протестамъ и жалобамъ, поѣдалъ ихъ, своими крѣпкими бѣлыми зубами. Начинался классъ и онъ, первый буянъ и забіяка, съ поразительною быстротою, съ какой-то необычайною легкостью понималъ и усвоивалъ то, что объясняли учителя, понималъ скорѣе всѣхъ, не задумываясь и всегда вѣрно рѣшая предлагаемые ему вопросы и задачи... Классъ оканчивался, мальчиковъ раз-

Семипалатинская область. Рахмановское озеро на правомъ берегу рѣки Бухтармы. Съ фотогр. г-жи Полторацкой, грав. М. Рашевскій.

Семипалатинская область. Казачій пикетъ близь русско-китайской границы. Съ фотогр. г-жи Полторацкой, грав. М. Рашевскій.

возили по домамъ, а онъ, не смотря на зимній холодъ и какую бы то ни было непогоду, бѣжалъ домой въ одномъ вицмундирчикѣ, изъ котораго выросъ и локти котораго были постоянно потерты... Дома его ожидала голодовка, среди которой онъ находился въ постоянномъ движеніи, требующемъ большихъ затратъ тѣла, а слѣдовательно и бóльшаго вознагражденія... Будучи еще мальчикомъ, онъ мелъ дворъ, таскалъ воду, помогая матери (кухарка не держалась) а какъ началъ подростать, сталъ принимать участіе въ нагрузкѣ мукою отцовскихъ баржъ, поражая силою всѣхъ рабочихъ. Зимою, какой бы ни былъ на дворѣ морозъ, онъ съ родителемъ своимъ, при свѣтѣ мерцающихъ и искрящихся разноцвѣтными огоньками звѣздъ, совершалъ троекратное окачиваніе у колодца: сначала, совершенно раздѣтый, стоя босыми ногами на хрустящемъ снѣгу, Гаврюша выкачивалъ воду и обливалъ ею отца, по окончаніи чего отецъ немедленно удалялся въ кухню (комнаты въ домѣ почти не отапливались, но въ кухнѣ было постоянно жарко) и Гаврюша долженъ былъ еще три раза выкачать бадью изъ колодца и три раза облить себя водою... Затѣмъ онъ хлебалъ липовый цвѣтъ съ патокой или съ самымъ миніатюрнымъ кусочкомъ лакрицы, послѣ чего растягивался на лавкѣ и немедленно крѣпко засыпалъ... Никто не будилъ его утромъ, но въ часъ, когда время наступало вставать, онъ самъ открывалъ глаза и наскоро одѣвшись, бѣжалъ въ школу.

Такъ неприхотливо возросталъ онъ, какъ вдругъ появилась въ губернскомъ городѣ, гдѣ они жили, холера, не особенно впрочемъ сильная и ограничившаяся всего на всего десятью случаями заболѣванія и смерти... Гаврюша конечно совершенно не думалъ о ней, но вернувшись изъ гимназіи (ему было 18 лѣтъ и онъ находился въ послѣднемъ классѣ) засталъ родителей своихъ со всѣми признаками эпидеміи. Гаврюша предложилъ было послать или самому сбѣгать за докторомъ, но изъ скаредности старики отвергли его предложеніе и въ страшныхъ мученіяхъ къ вечеру того-же дня оба скончались... Немедленно набѣжала толпа различныхъ сосѣдей и сосѣдокъ, которымъ доступъ въ домъ Пантелѣевыхъ при жизни стариковъ былъ затруднителенъ и которые, рискуя собственной безопасностью, прибѣжали, какъ только услышали о смерти Гаврюшиныхъ родителей... Гаврюша, молча стоялъ передъ покойниками, безъ слезъ, съ какой-то серьезной думой на своемъ молодомъ и полномъ энергіи лицѣ; кумушки окружили его, причитая:

— Ахъ ты, сирота круглая... Единъ, какъ перстъ... Безъ родителевъ...

Какая-то старушка лѣзла къ нему... Любопытные соболѣзнователи, съ аханьями и оханьями заглядывали въ другія комнаты, нѣкоторые даже успѣли проникнуть въ нихъ. Онъ сурово и медленно повернулся ко всѣмъ своей головой, превышая всѣхъ—и голосомъ, отъ котораго дрогнули всѣ старушонки, крикнулъ на толпу, призывая ее оставаться въ предѣлахъ комнаты, гдѣ лежали покойники:

— Куда вы!.. чего тамъ не видали!

Всѣ застыли по своимъ мѣстамъ, а онъ, серьезно и неторопливо, пошелъ по комнатамъ, заперъ всѣ сундуки и конторки, заперъ двери тѣхъ покоевъ, которые нашелъ ненужными для предстоящихъ похоронъ и вернувшись въ кухню, гдѣ Богъ привелъ его родителямъ окончить свои дни, сѣлъ за столъ, приказавъ работнику достать изъ печи, что тамъ имѣется. Къ соблазну собравшихся соболѣзновать ему приживалокъ, Гаврюша началъ хлебать преспокойно деревянною ложкою изъ горшка щи... Старушонка, въ виду такого безсердечія, всхлипнула по покойничкамъ:

— И пожалѣть-то васъ некому!..

— А коли очень жалѣешь,—отозвался Гаврюша, жуя черный хлѣбъ,—чѣмъ хныкать-то зря—возьми да прибери покойныхъ.

И вотъ онъ одинъ, видитъ прежнюю простую и незатѣйливую жизнь, съ тою только разницей, что вмѣсто липоваго цвѣта съ патокой, пьетъ чай съ сахаромъ, да вмѣсто пустыхъ щей—ѣстъ щи съ говядиной и кашу... Погодите... Къ дѣлу приставилъ хорошаго человѣка, за которымъ все-таки зорко присматриваетъ и самъ не бросая въ тоже самое время ученья... Окончивъ экзамены, Гаврюша не пошелъ въ университетъ, прекратилъ многія изъ отцовскихъ дѣлъ, надежно пристроилъ капиталъ, сдалъ хозяйство на руки вѣрнаго человѣка и уѣхалъ за границу...

Онъ прожилъ тамъ нѣсколько лѣтъ простымъ рабочимъ, занимаясь на различныхъ фабрикахъ и заводахъ, живя жизнью простолюдина и проходя всѣ ступени трудящагося человѣка, отъ простаго рабочаго до мастера. Сила и дѣятельность его были изумительны... Цѣлый день проводя въ страшномъ физическомъ трудѣ, онъ находилъ возможность, возвращаясь домой, заниматься чтеніемъ, избирая книги по физикѣ и химіи... Живя въ одномъ фабричномъ нѣмецкомъ городѣ, онъ услышалъ, что въ Англіи какой-то фабрикантъ нашелъ новый и удешевленный способъ изготовленія сѣрной кислоты, секретъ котораго изобрѣтатель не выдавалъ никому... Тогда онъ бросилъ Германію, уѣхалъ въ Англію и нанявшись на фабрику, изготовляющую сѣрную кислоту новымъ способомъ, узналъ секретъ... Что варили, мѣшали, что охлаждали и перегоняли—рабочіе не знали, а онъ, благодаря своимъ познаніямъ въ химіи, все это анализировалъ, узналъ и овладѣлъ тайной.

Это, собственно, было воровство чужой мысли, но Гаврила не задумался относительно такого образа дѣйствій. И вотъ онъ въ Россіи, строитъ около Петербурга химическій заводъ, строитъ его въ огромныхъ размѣрахъ, затрачивая на это громадныя суммы... Заводъ готовъ, на немъ открывается дѣятельность и матеріалъ идетъ съ него по дешевой цѣнѣ, не уступая своею доброкачественностью заграничной. Въ блузѣ и въ фартукѣ, съ пожелтѣвшими отъ кислотъ руками, Гаврила, въ отдѣльной лабораторіи, возится съ своей химіей, внимательно слѣдя за измѣненіями цвѣта различныхъ растворовъ въ нагрѣваемыхъ на газовыхъ горѣлкахъ ретортахъ, не разставаясь съ книгами и экспериментами цѣлые дни, разнообразя ихъ только обходомъ завода, наблюденіемъ за рабочими и просмотромъ счетныхъ книгъ... Цѣлые дни онъ проводилъ въ молчаніи и никогда желаніе какого нибудь разнообразія не посѣщало его. Разъ только, въ теченіи шестилѣтняго непрерывнаго труда—онъ, выйдя вечеромъ пройтись по дорогѣ, соединяющей Екатерингофскую заставу съ близъ-лежащими деревушками, вдыхая въ себя привычный для него запахъ различныхъ пропитывающихъ воздухъ острыхъ веществъ, запахъ смѣшанный съ застоявшеюся въ канавахъ водою, проходя мимо какого-то увеселительнаго сада, вдругъ повернулъ въ ворота его и вошелъ... Денегъ съ собою онъ не бралъ, а потому, когда впускающій въ садъ спросилъ у него плату, онъ повелительно махнулъ рукою, какъ бы желая жестомъ этимъ показать съ кѣмъ имѣютъ дѣло и не говоря ни слова, вошелъ въ садъ. Его фабрика находилась по близости и прислужникъ, призналъ его, пропустилъ безъ дальнѣйшихъ протестовъ. Крохотный садикъ былъ скудно освѣщенъ фонарями, украшенъ гнилымъ бассейномъ, уставленъ какими-то увѣчными амурами съ отшибленными носами и убранъ окрашенными зеленой и голубой краской рѣшетками. Взвизгивалъ оркестръ. Въ саду пили пиво, кричали. Онъ прошелся раза два и вдругъ устремилъ свой взглядъ на одну скамейку, на которой хохотала какая-то не особенно роскошная дама, осаждаемая двумя молодыми ухаживателями. Женщина была очень молода, одѣта въ яркое платье съ неизмѣримымъ шлейфомъ, нѣсколько загрязненнымъ, въ шляпѣ съ множествомъ перьевъ и цвѣтовъ. Наружность пріятная, но всѣ

признаки печальной жизни... Онъ долго смотрѣлъ на нее и вдругъ, задумчиво и спокойно, направился къ ней, безцеремонно отодвинулъ отъ нея сильною рукою кавалеровъ и коротко и ясно далъ понять имъ, что они должны удалиться, куда имъ угодно.

— Эта женщина нравится мнѣ, говорилъ онъ себѣ. Можно сдѣлать изъ нея человѣка...

И затѣмъ—заводъ, физика и химія, счетныя книги.. Богатства росли и росли. И вдругъ на этаго страннаго человѣка, симпатичнаго только своимъ трудомъ, но далеко не совершеннаго своимъ душевнымъ складомъ, торгующаго у рабочаго каждую копѣйку, готоваго всегда обчесть и равнодушнаго къ слезамъ, устроившаго дѣло такъ, что получающій съ него за работу деньги, отдавалъ ихъ ему же, пропивая эти деньги въ основанномъ имъ заведеніи,—вдругъ на этаго, въ нѣкоторомъ родѣ аскета, упала какая-то такая полоса желанія внести въ свою суровую жизнь разнообразіе и окраску. И вотъ онъ увеличилъ свои занятія, началъ строить домъ, рядомъ съ фабрикой, соединивъ его съ нею галлереею, — огромный, мрачный домъ, съ окнами въ нишахъ и высокими со сводами покоями. Это его развлекло. Онъ меблировалъ домъ, завелъ карету и другіе экипажи и сталъ выѣзжать не иначе, какъ въ каретѣ, какъ-то вдругъ найдя это удобнымъ и чрезвычайно пріятнымъ. Вотъ съ этихъ-то поръ онъ и сталъ замѣчать въ себѣ нѣкоторое поползновеніе къ изнѣженности и часто, среди самаго сухаго труда, вдругъ переставалъ заниматься, откладывалъ книгу въ сторону и задумывался.

И вотъ въ тотъ вечеръ, когда онъ посѣтилъ Кожухова, съ которымъ познакомился незадолго у какого-то химика, онъ сѣлъ въ карету и впервые въ жизни разсмѣялся... То, о чемъ онъ помышлялъ, что являлось ему въ смутныхъ и расплывающихся очертаніяхъ, въ неясныхъ желаніяхъ чего-то новаго, чего-то такаго, что должно было радикально измѣнить его одинокую жизнь, —стало для него ясно... Какой-то порывъ дикой радости охватилъ его... Сидя въ темной каретѣ, прижавшись къ подушкамъ, съ огненными отъ падающаго изъ каретныхъ фонарей свѣта глазами, онъ смѣялся своимъ бронзовымъ лицомъ... Какъ на человѣка первобытныхъ и нѣсколько дикихъ стремленій, любовь напала на него вдругъ, внезапно охватила всего его. Онъ чувствовалъ, что будь онъ съ нею наединѣ, онъ, какъ какое-нибудь животное, повалился бы къ ея ногамъ, безъ словъ, всю свою радость выражая напримѣръ смѣхомъ, какимъ-нибудь дикимъ звукомъ, сжимая ея руки въ своихъ... Въ ея глазахъ, въ ея оживленіи—онъ видѣлъ отвѣтъ, въ силу котораго, прощаясь съ нею, онъ не сдержался присутствіемъ другихъ и взглядомъ сказалъ ей что понялъ ее, что все ясно ему... И ея чувство, столь внезапное и быть можетъ преходящее, казалось ему, естественнымъ и отнюдь не страннымъ... О, во что бы то ни стало, она будетъ его!.. Прочь съ дороги: онъ не привыкъ къ препятствіямъ... Берегись!..

И карета, стуча, въѣхала подъ арку каменныхъ воротъ, съ шумомъ заплопнувшихся за нею...

IX.

Сашка.

Значительно стемнѣло, когда къ воротамъ двухъ этажнаго деревяннаго дома расположеннаго на одной изъ окраинъ Петербурга, окрашеннаго кирпичною краскою и обнесеннаго палисадникомъ, подошелъ господинъ, кутающійся въ довольно легкое гороховое пальто и подойдя, поднялся на цыпочки, вѣроятно желая разобрать надпись, что было не совсѣмъ легко: надпись сдѣлана была неясно, да къ тому же фонарь, освѣщающій ближайшее пространство, оказался въ отдаленіи, приходясь ровно на серединѣ дома, гдѣ находился подъѣздъ. Сдѣлавъ тщетную попытку прочитать надпись, господинъ въ гороховомъ пальто, ничего не узнавъ, направился къ подъѣзду дома, который былъ освѣщенъ фонаремъ и зажженою лампадою, висящею передъ образомъ, повѣшеннымъ надъ входною въ домъ дверью. Господинъ посмотрѣлъ на домъ, въ многочисленныхъ окнахъ котораго виднѣлось скудное освѣщеніе; только въ двухъ окнахъ втораго этажа горѣла яркая лампа, освѣщая темныя очертанія цвѣтовъ украшающихъ комнату. Остальныя окна были безъ шторъ, безъ цвѣтовъ и придавали дому какой-то непривѣтливый, угрюмый видъ. Съ робостью, господинъ въ гороховомъ пальто дошелъ по площадкѣ къ подъѣзду и несмѣло позвонилъ.

На его робкій звонокъ, молодой солдатъ въ красной вязаной фуфайкѣ, изъ подъ которой выглядывала розовая ситцевая рубаха, въ форменныхъ брюкахъ съ краснымъ кантомъ, заправленныхъ въ сапоги, отперъ дверь.

- Кого вамъ?

Господинъ въ гороховомъ пальто робко, вытягивая впередъ правую руку, сложенную чашечкой, освѣдомился:

— Александрова желалъ бы повидать?

— Никакъ ушедши... Войдите.

И пропустивъ господина, солдатъ тщательно заперъ дверь и ввелъ прибывшаго въ огромную, но совершенно пустую, за исключеніемъ вѣшалки, переднюю. На право и на лѣво открылись ряды комнатъ, изъ которыхъ многія были совершенно неосвѣщены, другія освѣщались какою нибудь миніатюрной лампочкой... Нѣкоторыя изъ этихъ комнатъ были пусты, другія вмѣщали немногочисленную мебель, какой-нибудь стулъ или столъ, токарный или переплетный станокъ... Сторожъ повелъ прибывшаго по анфиладѣ пустыхъ, нагоняющихъ невообразимую тоску комнатъ, гдѣ изрѣдка встрѣчалось живое существо, то мальчикъ, то взрослый мущина, на общемъ фонѣ печальной картины, выдѣляющейся какимъ-то гармонирующимъ со всѣмъ унылымъ, блѣднымъ пятномъ... И эти мальчики, и эти мущины одѣты были въ однообразный костюмъ, состоящій изъ темно-сѣрой блузы, подпоясанной ремнемъ и изъ темныхъ панталонъ, заправленныхъ въ сапоги. Нѣкоторые изъ нихъ казались малорослы, другіе напротивъ тонки и высоки; лица у всѣхъ блѣдныя, глаза съ темными вокругъ кругами, въ большинствѣ случаевъ тусклые и съ яснымъ выраженіемъ идіотизма или какой-то однообразной, господствующей въ головѣ мысли. Иногда эти понурые люди сидѣли занятые чѣмъ-то: кто лѣниво работалъ на токарномъ станкѣ, кто точалъ сапоги, обучаясь этому у мастера, кто же просто ходилъ изъ угла въ уголъ, съ очевидною скукой и тоской, смотря въ окна на темную, плохо освѣщенную улицу, съ рѣдко разставленными фонарями. На встрѣчу идущему служителю и новоприбывшему—съ хохолкомъ волосъ надъ лбомъ, въ короткомъ форменномъ пальто, молодцовато шелъ военный, видимо какое нибудь начальствующее лицо этаго страннаго заведенія.

— Кого надо, Анкудимовъ?

— Александрова спрашиваютъ, вытянулся служитель.

— Тамъ,—и военный, бросивъ взглядъ на униженно раскланивающагося съ нимъ господина въ гороховомъ пальто, указалъ пальцемъ на сосѣднюю комнату, принялъ величавую осанку и прошелъ мимо. Тогда Анкудиновъ отворилъ дверь и пригласилъ слѣдовавшаго по пятамъ его господина:

— Пожалуйте, тутъ.

То была спальня, уставленная рядами коекъ и освѣщенная маленькой лампочкой. Господинъ въ гороховомъ пальто, какъ ни скудно было освѣщеніе, усмотрѣлъ вдали высокаго и худощаваго молодаго человѣка лѣтъ 18, одѣтаго въ сѣрый арестантскій халатъ. При входѣ новаго лица, молодой человѣкъ, сидѣвшій на койкѣ, проворно что-то спряталъ и затѣмъ повернулъ свое болѣзненно-худощавое лице, съ выдающимися скулами, изъ-за которыхъ блестѣли очень неглупые сѣрые глаза и, види-

мо не узнавая вошедшаго, смотрѣлъ, недоумѣвая, кто бы это такой... Анкудиновъ удалился и молодой человѣкъ услышалъ.

— Да, что, или не призналъ, Сашка?

— Вона,—развелъ молодой человѣкъ руками, какъ бы желая этимъ однимъ словомъ сказать—„а я думалъ кто другой“—и пояснилъ:—дядей называлъ, знаю.

И не счелъ за нужное скрывать, спрятанныхъ при входѣ гостя, картъ... Дяденька приблизился и подмигнулъ на колоду:

— Занимаешься?

— Гадаю,—отвѣтилъ молодой человѣкъ, не дѣлая попытокъ болѣе любезно отнестись къ пришедшему и даже не здороваясь съ нимъ. Онъ сидѣлъ теперь, тасуя колоду засаленныхъ картъ. Дяденька стоялъ около него въ молчаніи, изрѣдка прерываемомъ какимъ-либо вопросомъ.

— О чемъ гадаешь-то? надумалъ спросить дяденька. Сашка, встряхнувъ остриженными въ кружокъ волосами, удовлетворилъ его любопытство бойкимъ и шутливымъ тономъ:

— А о томъ, дяденька, гадаю, когда придется мнѣ проѣхаться въ каретѣ четверней, жандармъ впереди и жандармъ позади... Славно!..

— Соскучился небось?

— Да-съ... соскучились и мы-съ.

И опять оба смолкли... Спальня была проходная и изъ кухни и въ кухню безпрестанно пробѣгали черезъ нее мальчики и взрослые въ сѣрыхъ блузахъ. Дяденька, точно не находя о чемъ бесѣдовать съ Сашкой, освѣдомлялся по временамъ:

— Это кто такой?

Сашка раскладывалъ карты, гадая на бубноваго короля и мимоходомъ взглядывая на проходящаго, пояснялъ:

— Стрѣльнулъ... только по малолѣтству отъ Сибири ушелъ... Высидѣлъ въ тюрьмѣ и сюда на исправленіе.

И опять начиналъ раскладывать карты, не обращая ни малѣйшаго вниманія на стоящаго около него дяденьку.

— Слѣдовательно вы здѣсь на исправленіи.

Сашка оскалилъ бѣлые зубы:

— Самъ видишь...

И снова замолчали... Дяденька посмотрѣлъ на обнаженныя и непривѣтныя стѣны комнаты, какъ бы соображая, можно ли тутъ дѣйствительно исправиться, быть можетъ задавъ этотъ вопросъ въ болѣе единичномъ примѣненіи, прилагая таковой къ себѣ и вѣроятно придя къ выводу отрицательному, крякнулъ, осмотрѣлся по сторонамъ и, подсѣвъ къ Сашкѣ, дружелюбно похлопалъ его по плечу... Сашка съ удивленіемъ оглянулся на дяденьку:

— Ты чего же это?

Онъ пытливо смотрѣлъ дяденькѣ въ глаза... Тогда лѣвый глазъ дяденьки съузился и лукаво подмигнулъ племяннику:

— Дѣльце имѣется...

Сашка не отвѣтилъ ни слова, но видно было по слегка сдержанному дыханію, по чуть замѣтно раздувающимся ноздрямъ и полуоткрывшимся губамъ, что онъ слушаетъ дяденьку и заинтересованъ тѣмъ, что тотъ готовится ему сообщить. Понизивъ голосъ почти до шопота, дяденька дѣйствительно сообщилъ.

— Лакей требуется въ одинъ домъ, въ меблированныя комнаты.

Сашка скривилъ ротъ въ усмѣшку и принялся было снова за гаданье, желая тѣмъ дать понять, что этотъ предметъ его совершенно не интересуетъ.

— Нашли о чемъ... Нѣшто я въ лакеи могу?..

— А почему нѣтъ? оживился дяденька, и даже на мгновеніе заговорилъ громче—почему нѣтъ; пашпортъ можно всегда справить... А что до рекомендаціи—рекомендацію самыхъ знатнѣющихъ людей найдемъ... Вотъ и сейчасъ за какой-нибудь рублишка я тебѣ рекомендацію однаго ревельскаго купца найду.

— Ну?..

— Право найду... Будетъ въ этой самой рекомендаціи написано, что вотъ такой-то состоялъ у такого-то ревельскаго купца тѣмъ-то, младшимъ бухгалтеромъ что ли и въ службѣ былъ усерденъ, честенъ и исправенъ.

— Гдѣ же вы такую рекомендацію-то найдете?

— У молодчика однаго найду... Онъ видишь безъ пашпорта остался, такъ ему купецъ-то и далъ эту самую рекомендацію... Онъ съ нею съ одной и мается до сихъ поръ.

— Ну... А вѣдь тамъ-же названъ вашъ этотъ молодчикъ какъ-нибудь...

— Названъ... Что-же въ этомъ...

— А то же, что и въ пашпортѣ слѣдоваетъ это самое имя назвать.

— И будетъ названо.

— Такъ-съ.

И на мгновеніе оба смолкли, смотря другъ другу въ глаза... Сашка пожелалъ дальнѣйшихъ поясненій.

— Ну, поступаю я въ лакеи... Дальше то что-же? Разсказывайте.

И въ нѣкоторомъ возбужденномъ волненіи смѣшалъ карты, стасовалъ ихъ и началъ сдавать себѣ и дяденьки въ „носки“. Тотъ машинально принялъ карты и началъ игру.

— Лакей двери отпираетъ, въ передней стоитъ...

— Такъ-съ... Принялъ: ходите.

— Буду я въ эти самыя меблированныя комнаты заходить... Гимнастикой съ одной барыней заниматься... Экъ ты навалилъ!

— А вотъ мы вамъ по усамъ,—сдѣлалъ ходъ нѣсколько оживившійся племянникъ... Ну.

— Виду не подавай, что знаешь... А какъ не ровенъ часъ, приду я въ неурочное время когда,—засмѣялся дяденька, сдѣлавшись невнимателенъ къ игрѣ, да знакъ какой подамъ, да можетъ и еще кого съ собой приведу, такъ ты...

Онъ не договорилъ. Сашка съ оживившимся до густаго румянца, покрывшаго его блѣдныя щеки лицомъ, съ блестящими глазами, бросилъ играть и собравъ въ своей рукѣ полколоды, изъявилъ согласіе на предложеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ договорилъ то, чего тотъ не окончилъ.

— Отопру, конечно отопру... Вы проиграли.

И началъ дуть дяденьку по носу... Когда же это дутье окончилось, дяденька почесывая сдѣлавшійся пунцовымъ носъ, полюбопытствовалъ:

— Васъ выпускаютъ что-ли отсюда?

— Чай это не тюрьма.. Здѣсь исправляются...

— Такъ... Однихъ?

— Маленькихъ съ провожатымъ, большихъ однихъ...

И улыбнувшись, прибавилъ:

— Довѣріемъ пользуемся.

— Такъ вотъ,—пояснилъ дяденька, вставая и собираясь разстаться съ племянникомъ,—такъ вотъ ты,—нонѣ у насъ пятница—въ Воскресенье этакъ и приходи къ вечернѣ къ Николѣ Морскому. Я тебѣ тамъ и пашпортъ, и рекомендацію, и платье приличное передамъ... А въ понедѣльникъ—наниматься ступай... Дорого-то не запрашивай...

И, уходя, улыбнулся Сашкѣ:

— Съ понедѣльника, значитъ и имя у тебя другое почнется... Ужь не Сашкой прозываться будешь...

— А какъ же?

— Дмитріемъ Бариновымъ... До пріятнаго свиданія господинъ Бариновъ!..

И съ низкимъ поклономъ оставилъ племянника, задумчиво возобновившаго прерванное было гаданье на бубноваго короля...

(До слѣдующаго №).

Любимый авторъ. Картина Э. Грютцнера, грав. Кнезингъ.

Зонтикъ.

Разсказъ **Уильки Коллинза.**

Вовсе не въ видахъ любезной услужливости ускорялъ я шаги, чтобы догнать даму, которая медленно шла впереди меня такъ называемымъ Большимъ-полемъ, смежнымъ съ красивенькой деревенькой Квитонъ; нисколько не заботился я о привлекательности лица ея и стана; но при ней находился предметъ, полный обаятельныхъ чаръ и имѣвшій для меня непреодолимую притягательную силу: она несла зонтикъ. Дабы вы, читатель, добросовѣстно оцѣнили все могущество этихъ чаръ, я долженъ пояснить, что въ это время вдругъ разошелся мелкій дождь, и что я былъ не только безъ зонтика, но даже безъ верхняго пальто, которое по разсѣянности забылъ въ вагонѣ. Не нужно объяснять, что ощущеніе падающаго на васъ дождя, который едва видѣнъ, гораздо непріятнѣе, чѣмъ проливной дождь среди бѣлаго дня. Смотрѣть на быстро идущій дождь, скорѣе весело, и это, въ извѣстной мѣрѣ, противодѣйствуетъ досадѣ—быть вымоченнымъ до костей: но сознавать присутствіе мокроты только по одному ощущенію, — весьма непріятное, кислое и безотрадно-унылое состояніе.

И вотъ явилась надежда на зонтикъ (гингановый зонтикъ). Конечно, при такихъ обстоятельствахъ, я могъ добиваться участія въ немъ, безъ подозрѣнія въ грубости и наглости. Я продолжалъ усиленно шлепать по нескончаемому полю и настигалъ уже женскую фигуру, которую теперь могъ видѣть довольно ясно. Да, это была женщина, и въ платьѣ свѣтлаго цвѣта; но что для меня было важнѣе всего, она несла, какъ я сказалъ уже, большой зонтикъ—гингановый зонтикъ. Больше я не могъ ничего узнать, кромѣ того, развѣ, что предметъ моихъ преслѣдованій обладалъ гораздо меньшей долей любопытства, чѣмъ обыкновенно приписываютъ прекрасному полу. Спѣша догнать даму, я безъ разбору шлепалъ по небольшимъ лужамъ и производимый этимъ шумъ былъ довольно значителенъ. Обыкновенно, люди, которымъ случится проходить въ сумерки полемъ или лѣсомъ, большею частью, интересуются знать, кто нагоняетъ ихъ, или идетъ по ихъ пятамъ; однакожъ, этаго нельзя было сказать о дамѣ, шедшей впереди меня: вооруженная зонтикомъ противъ дождя, она, казалось, ко всему прочему, была безучастна.

Я уже, какъ сказалъ, настигалъ даму, но даже и тогда, какъ нагналъ ее, и когда голова моя укрылась подъ ея зонтикомъ (я, кажется, замѣтилъ уже, что это былъ гингановый зонтикъ), —она не сдѣлала движенія ни взглянуть на меня, ни уклониться въ сторону. Смотря прямо передъ собой, она по прежнему продолжала свой путь; но, что замѣчательно, въ то время какъ я, шагая, шлепалъ по грязи на каждомъ шагу, она, казалось, шла словно по паркету. Нѣсколько вѣжливыхъ словъ, мною сказанныхъ, какъ будто не дошли до ея слуха. Быть можетъ она была туга на ухо. Въ этомъ предположеніи я тихо коснулся до ручки зонтика, имѣя намѣреніе со всею вѣжливостью нести его, такъ чтобы предоставить ей большую долю выгодъ. Дама не сдѣлала сопротивленія, но вдругъ отняла руку отъ зонтика и, что было необыкновенно странно, прежде чѣмъ я успѣлъ схватить его, она уже исчезла. Да, близь меня не было никого, и я остался полнымъ, единственнымъ владѣльцемъ гингановаго зонтика. Дама эта, какъ я упомянулъ, была одѣта въ свѣтлое платье, слѣдовательно, какъ бы быстро ни отбѣжала она, я ее долженъ былъ увидѣть въ какомъ-нибудь направленіи; но ее не было нигдѣ.

Я чувствовалъ себя довольно комфортабельно въ гостинницѣ „Веселые мореходы", прихлебывая изъ стакана горячій грогъ, праздно посматривая на *мой*, теперь сушившійся передъ огнемъ, зонтикъ. Гостинница была близко къ станціи, и я ни чуть не жалѣлъ, что пройдетъ еще, по крайней мѣрѣ, полчаса, прежде чѣмъ прибудетъ поѣздъ, съ которымъ я долженъ вернуться въ городъ. Буквально ничего не дѣлая, я готовъ былъ развлечься чѣмъ бы то ни было, и потому ни чуть не досадовалъ, когда чрезъ отворенную дверь, до меня доходилъ разговоръ трактирщика съ посѣтителями у прилавка.

— Ну, такъ что-же что високосный? слышался сиплый голосъ.

— А то, что сегодня—29-е февраля, отозвался другой, визгливый голосъ, очевидно принадлежащій старухѣ.—Любопытно бы знать, являлась ли она нынче вечеромъ въ полѣ.

— Все это вздоръ, бабьи сказки, говорилъ трактирщикъ.

— Для васъ, мужчинъ, все вздоръ, продолжала старуха: вы ничему не хотите вѣрить, кромѣ того, что можете съѣсть да выпить, да положить въ карманъ; но я говорю, что въ сумерки, 29-го февраля, она навѣрное должна была быть тамъ.

— Навѣрное—нѣтъ, послышался сиплый голосъ.—Сколько десятковъ разъ проходилъ я чрезъ Большое-поле и никогда ничего тамъ не видалъ.

— Ничего и не увидишь, согласился трактирщикъ.

— А проходили-ли вы когда нибудь Большимъ-полемъ въ эти самые сумерки, т. е. 29-го февраля,—снова послышался визгливый голосъ. Были-ли вы тамъ нынче вечеромъ? Совершенно ли вы увѣрены, что были тамъ въ сумерки этого же дня назадъ тому четыре года?

— Я не хочу говорить того, что было бы неправда—отозвался сиплый голосъ уже въ минорномъ тонѣ.

— Вотъ это—самая разумная вещь, какую вы сказали въ цѣлый вечеръ—продолжала старуха. Люди получше насъ съ вами видали призраки, да и прежде бывали призраки, не говоря уже о бѣдняжкѣ, миссъ Кронбриджъ.

Въ то время, какъ я прислушивался къ этому разговору, съ глазами устремленными на зонтикъ, состояніе моего духа было далеко невозвышенно. Меня вдругъ поразила мысль, что эта *она*, о комъ говорила старуха, могла быть не кто другая, какъ та таинственная женщина, отъ которой такъ странно перешелъ ко мнѣ гингановый предметъ, стоявшій теперь распущеннымъ предъ моими глазами, испаряя передъ огнемъ влагу. Я зналъ поэтому, что зубоскальство сердитаго джентльмена и трактирщика было вовсе неосновательно; однакожь я не дерзнулъ поддержать открыто правую сторону. Моею обязанностью было—подтвердить слова старухи своимъ личнымъ свидѣтельствомъ, чтобъ избавить ее отъ насмѣшекъ; но я былъ на столько низокъ, нѣтъ—былъ слишкомъ низокъ, что смолчалъ и допустилъ пострадать святую истину. Даже теперь, чѣмъ больше я думаю о томъ, какое я выказалъ тогда малодушіе, тѣмъ больше умаляется мое самоуваженіе. Еслибъ я былъ въ какой-нибудь первобытной деревушкѣ, гдѣ фактъ существованія духовъ и разныхъ призрачныхъ явленій считался за обыкновенное дѣло, тогда, безъ сомнѣнія, я смѣло выступилъ бы съ своимъ повѣствованіемъ, чтобы ошеломить холоднымъ презрѣніемъ какого нибудь несчастнаго скептика. Но здѣсь я былъ въ деревнѣ, слишкомъ близкой отъ Лондона, чтобъ допустить въ ней первобытное легковѣріе, кромѣ развѣ очень немногихъ старыхъ ея обитателей. И такъ изъ боязни подвергнуться осмѣянію трактирщика и какого-то его посѣтителя, я не дерзнулъ произнести слова въ защиту истины. Мнѣ казалось тогда, что и зонтикъ сознавалъ мое малодушіе и смотрѣлъ на меня съ безмолвнымъ презрѣніемъ.

Между тѣмъ, какъ мой нравственный уровень упалъ такъ низко, любопытство было возбуждено до высшей степени. И таково-то было совершенное мое развращеніе, что тѣ же самыя обстоятельства, которыя заглушили во мнѣ болѣе благородныя душевныя качества, допустили чувствамъ низкимъ распуститься во всей ихъ силѣ. Я тихо пробрался изъ гостинной къ стойкѣ трактирщика и спросилъ бисквитъ, въ которомъ вовсе не имѣлъ надобности.

— Извините, сказалъ я затѣмъ, съ довольно натурально разыграннымъ равнодушіемъ,—если я коснусь предмета вашего разговора. Я подслушалъ—конечно безъ намѣренія,—что говорилось что-то такое о какой-то особѣ, разгуливающей по какому-то полю и какимъ-то вообще страннымъ образомъ.

— Да, былъ такой толкъ,—отвѣчалъ какой-то джентльменъ въ рваномъ пальто.

— Вы совершенно правы, добавилъ трактирщикъ,—но за дальнѣйшими подробностями я совѣтую вамъ обратиться вотъ къ этой почтенной лэди. Вы знаете, что нѣкотораго рода знанія развиваются и такъ сказать созрѣваютъ, несравненно удобнѣе въ головахъ престарѣлыхъ лэди,—подмигнулъ онъ мнѣ съ усмѣшкой.

Съ краской стыда и смущенія сознаюсь въ томъ унизительномъ фактѣ, что и я тоже лукаво подмигнулъ ему въ отвѣтъ.

— О, заговорила старая дама,—я съ большой охотой разскажу джентльмену эту исторію. Я ни чуть не забочусь, пусть меня поднимутъ на смѣхъ.

Я не стану дословно повторять ея разсказа, такъ какъ онъ нѣсколько изобилуетъ неумѣстными частностями, не относящимися къ главному предмету. Достаточно сказать, что, по увѣренію превосходной лэди, много лѣтъ тому назадъ, нѣкая миссъ Катерина Кронбриджъ, вышла, вечеромъ 29-го февраля, встрѣтиться съ своимъ тайнымъ обожателемъ, и видѣли, какъ она переходила Большое-поле. Съ того времени объ ней ничего не слыхали. Нѣкоторые полагали, что бѣдняжка была убита какимъ нибудь бездѣльникомъ; другіе—что она совершила самоубійство. Было только извѣстно, что всякій, кому случится быть въ этомъ мѣстѣ въ сумерки 29-го февраля, можетъ или долженъ увидѣть ее переходящею поле.

Обмѣнявшись лукавымъ взглядомъ съ трактирщикомъ (что за презрѣнное животное былъ я!), я спросилъ: не въ привычкахъ-ли призрака носить зонтикъ?

— Ужь разумѣется,—отозвался съ глупымъ смѣхомъ трактирщикъ,—если онъ выходитъ гулять въ такой дождливый вечеръ, какъ нынѣшній.

Джентльменъ въ рваномъ пальто откликнулся тоже смѣхомъ, похожимъ на хрюканье. А я, злополучный, позволилъ себѣ еще одобрять нелѣпые сарказмы противъ беззащитной лэди, самъ твердо вѣря каждому слову ея разсказа! Я даже раздѣлялъ этотъ смѣхъ и допустилъ ихъ всѣхъ, со старухой включительно, думать, что считаю себя острякомъ и балагуромъ. Старуха сухо замѣтила, что ничего не слыхала о зонтикѣ и

вышла съ гнѣвомъ, который не только былъ справедливъ, но и достоинъ похвалы. Что до меня, я воротился въ общую комнату, съ видомъ побѣдителя, доблестно уничтожившаго достойнаго противника.

Но представьте совершенное мое изумленіе, когда я замѣтилъ, что зонтикъ, въ продолженіе моего разговора у прилавка, перемѣнилъ свое мѣстонахожденіе. Онъ былъ поставленъ выпуклой стороной къ камину, а ручкой въ противоположномъ направленіи, теперь же ручка была обращена къ камину, а выпуклая поверхность—къ двери. Въ комнату никто не входилъ, и передвиженіе это, просто, было изумительно.

Схвативъ зонтикъ и рѣшительно сунувъ его подъ мышку, я молча прошагалъ къ дверямъ, мимо сидѣвшаго за прилавкомъ трактирщика, который, казалось, былъ нѣсколько удивленъ моимъ неожиданнымъ уходомъ. Еслибъ передо мной предстала тѣнь отца Гамлета, я скорѣе, прошелъ бы сквозь нее, чѣмъ рѣшился бы словомъ, взглядомъ или жестомъ компрометировать себя въ глазахъ трактирщика, или его знакомца.

Зонтикъ этотъ, долженъ я замѣтить, относился къ разряду не совсѣмъ обыкновенныхъ. Его ручка, слоновой кости, была очень массивна и притомъ украшена причудливой и кропотливой рѣзьбой, намекавшей на восточное ея происхожденіе. Изящно вырѣзанныя на ручкѣ зонтика начальныя буквы К. К. подверждали мою увѣренность, что онъ былъ собственностью несчастной Катерины Кронбриджъ. Поэтому не удивительно, что когда, прямо съ поѣзда, завернулъ я къ одному изъ пріятелей, тотъ съ особеннымъ любопытствомъ принялся разсматривать мое новое пріобрѣтеніе.

— Гм! Чудная вещь! проговорилъ онъ.

— Да, не дурна,—равнодушно отвѣчалъ я, поставивъ зонтикъ въ уголъ, у двери, и повѣсивъ на него, по старой привычкѣ, шляпу. Перетерявъ въ ранней молодости, по безпечности своей, не мало зонтиковъ, я усвоилъ себѣ способъ, для предупрежденія подобныхъ случаевъ, употреблять свой зонтикъ вмѣсто вѣшалки. Такимъ образомъ я уже не могъ забыть своей шляпы, а взявши шляпу, не могъ, вмѣстѣ, не взять и зонтика.

— Однакожъ,—продолжалъ Жакъ,—я не думаю, чтобы ты купилъ эту вещь. Подобныя покупки не въ духѣ моего стараго друга, Іорика Захарія Іорка.

— Ужь конечно не купилъ. Зонтикъ этотъ привезли изъ Индіи, отвѣчалъ я, смутно надѣясь, что при небольшомъ остаткѣ совѣсти, которая еще была во мнѣ, я не сказалъ совершенной лжи.

Извѣстіе, которое сообщилъ я пріятелю, было изъ ряда особенно интересныхъ, и Жакъ выразилъ свое удовольствіе тѣмъ, что заказалъ двѣ порціи устрицъ и двѣ бутылки пива. Когда ужинъ нашъ, съ прибавкой стакана грогу, былъ оконченъ, я всталъ, чтобы идти домой.

— Ба! Что это значитъ?—вскричалъ Жакъ, провожавшій меня до передней:—когда же ты успѣлъ переставить зонтикъ? Я готовъ поклясться, что ты поставилъ его въ углу, за дверью, а теперь, смотри: шляпа на полу, близь камина, а зонтикъ—концемъ внутри шляпы.

Случай въ трактирѣ уже достаточно приготовилъ меня къ причудамъ моего зонтика, чтобы я не попалъ въ просакъ.

— Помилуй, что-ты! Да онъ такъ и стоитъ, какъ я поставилъ,—отвѣчалъ я вѣтрено и съ безстыдствомъ. Ты, кажется, крѣпонекъ слишкомъ сдѣлалъ грогъ; такъ у тебя, немножко...

Но Жакъ, какъ и я же, былъ совершенно трезвъ. А что касается грога, то онъ былъ оскорбительно слабъ.

До сихъ поръ я былъ такъ озабоченъ своимъ лицедѣйствомъ передъ другими, что не имѣлъ еще времени почувствовать сверхъестественный ужасъ, внушаемый мнѣ зонтикомъ. Въ руки мои перешелъ предметъ отъ какого-то таинственнаго существа, вдругъ исчезнувшаго подобно духу, женщина соотвѣтствовала въ точности описанію призрака, блуждавшаго въ ближайшемъ къ Лондону сосѣдствѣ. Это обстоятельство подѣйствовало на меня еще сильнѣе, когда, пріидя домой, я остался одинъ. Зонтикъ, стоявшій возлѣ моего стула, казался мнѣ чѣмъ то въ родѣ непріятнаго знакомаго, отъ котораго не знаешь какъ отдѣлаться. Что жь мнѣ было съ нимъ дѣлать? Я вовсе не имѣлъ расположенія просидѣть такъ всю ночь, а еще менѣе расположенъ былъ захватить его съ собою въ спальню. Долго въ раздумьѣ и съ непріятнымъ ощущеніемъ смотрѣлъ я на этотъ злополучный даръ,—мой гингановый зонтикъ,—смотрѣлъ до тѣхъ поръ, пока мнѣ не представилось, что и онъ тоже пристально смотритъ на меня.

Наконецъ я вспомнилъ о комнатѣ надъ моей спальней,—въ родѣ кладовой, отведенной для помѣщенія разнаго хлама. Туда-то хотѣлъ я отнести свой зонтикъ, а потомъ ужъ отправиться въ спальню. Какъ воръ, крался я мимо комнаты, гдѣ спала прислуга, и чуть слышно отворилъ дверь кладовой; мнѣ почти казалось, что я вламываюсь въ мой собственный домъ.

Хламъ, такъ незамѣтный днемъ, кажется ночью и притомъ одному, очень страннымъ при тускломъ освѣщеніи одинокой свѣчи. Обыкновенная домашняя утварь, предметы, разбросанные какъ ни попало и смѣшанные вмѣстѣ, совершенно несогласно съ первоначальными въ нихъ потребностями, представляютъ странный и непріятный видъ и бросаютъ по угламъ какіе-то зловѣщія тѣни. Раскинувшаяся всюду по нимъ паутина —явленіе тоже, какое-то тревожащее, и уединенный посѣтитель инстинктивно сжимается отъ ощущенія, похожаго на соприкосновеніе съ почти неосязаемой жизнью, состоящею изъ какихъ-то летучихъ волоконъ, сѣрыхъ тѣней и затхлой сырости.

Я осторожно приставилъ зонтикъ къ корзинѣ, роскошно разубранной паутиной и спустился внизъ, въ свою спальню. По дорогѣ слышалъ я говорившихъ втихомолку служанокъ, которыхъ безъ сомнѣнія встревожилъ необычный шумъ шаговъ.

Сонъ мой былъ неспокоенъ. Зонтикъ преслѣдовалъ меня и во снѣ. Онъ представился мнѣ въ видѣ огромной, многорукой летучей мыши, гингановая его ткань имѣла видъ крыльевъ, а изъ каждаго угла видны были маленькіе когти. Потомъ мышь приняла образъ женскаго скелета, также многорукаго, подобно ужасному индійскому божеству; руки однакожъ, не были опущены, но торчали около туловища, словно спицы горизонтальнаго колеса. Какимъ-то страннымъ движеніемъ, многорукій скелетъ перемѣнилъ свое мѣсто и раскрылъ челюсти,—какъ-бы въ какой то непристойной веселости.

На слѣдующее утро я совсѣмъ не былъ доволенъ, когда служанка, вмѣстѣ съ кофе, внесла и зонтикъ.

— Вотъ вашъ зонтикъ, сэръ,—проговорила она. Должно быть вчера вы забыли его въ кладовой.

— Да, сухо отвѣчалъ я, но чувствовалъ, что отвѣтъ мой не удовлетворилъ служанку. Хоть она и говорила, что я *забылъ* зонтикъ въ кладовой, но очень хорошо должна была знать, что я нарочно отнесъ его туда.

— Да, я приставилъ его къ корзинѣ...

— Нѣтъ, сэръ, онъ былъ на другой сторонѣ, у большаго ящика,—отвѣчала дѣвушка.

— Ну, да, разумѣется,—проворчалъ я, не зная что сказать.

Согласитесь, что зонтикъ, это наслѣдіе призрака, который *хочетъ*, чтобъ его видѣли во снѣ и притомъ — въ самомъ непривлекательномъ видѣ, и который, безъ помощи человѣческихъ рукъ, переносится изъ одного угла комнаты въ другой, —не совсѣмъ пріятная собственность. Много дѣлалъ я попытокъ и усилій отдѣлаться отъ моего гингановаго сокровища, но всѣ онѣ были напрасны. Я оставлялъ его то у того пріятеля, то у другаго, и часто въ замѣнъ, уносилъ шелковые зонтики, но его неизмѣнно доставляли ко мнѣ назадъ. Не разъ заходилъ я въ какую нибудь бѣднѣйшую лавчонку отдаленнаго квартала, гдѣ, очевидно, принимали краденыя вещи; тамъ я, дѣлая ничтожную покупку, оставлялъ зонтикъ у прилавка и выходилъ поспѣшно вонъ; но порывы честности проявлялись вдругъ въ вертепѣ мошенничества и преступленія: какой нибудь оборванный мальчишка или дѣвчонка бѣжали въ догонку за мной съ моимъ зонтикомъ. Посѣщалъ я и продавцевъ зонтиковъ, съ предложеніемъ—купить или обмѣнить мой зонтикъ; но сколько я ни заходилъ, никогда хозяевъ не бывало дома и никогда не оставлялось ими полномочій на обмѣнъ или покупку.

Это меня просто озадачило. Наконецъ мнѣ пришла мысль, какъ сбыть съ рукъ этотъ зонтикъ: я принесъ его къ ближайшему ростовщику и предложилъ въ залогъ за самую ничтожную сумму, чтобъ только не получить отказа. До того времени, я ни разу не посѣщалъ подобныхъ учрежденій и, подходя къ двери, чувствовалъ маленькую дрожь; но я почувствовалъ еще сильнѣйшую дрожь, когда одинъ изъ моихъ знакомыхъ, точно выросшій изъ мостовой, неожиданно спросилъ, куда я иду. Когда я отъ него отдѣлался, онъ пріостановился и смотрѣлъ мнѣ вслѣдъ, такъ что я не могъ прошмыгнуть въ лавку, но медлилъ у сосѣднихъ оконъ, разсматривая совершенно безъинтересные предметы. Не могу утвердительно сказать, какъ долго я находился въ созерцаніи поросячьихъ ножекъ и банокъ съ ваксой. Наконецъ, предполагая, что никто меня не замѣчаетъ, я поспѣшно вошелъ въ храмъ ссуды.

— Что прикажете, сэръ? сказалъ молодой человѣкъ, съ болѣе покровительственнымъ видомъ, чѣмъ обыкновенно принимаютъ на себя торговцы въ отношеніи къ покупателямъ, —чѣмъ можемъ вамъ служить?

— Я пришелъ, чтобы...— началъ было я, какъ вдругъ замѣтилъ, что зонтика подъ мышкой у меня уже не было. Я бросился изъ лавки, оставивъ фразу не конченной, и снова носъ къ носу встрѣтился съ своимъ знакомымъ. Хотя господинъ этотъ сдѣлалъ какое-то простое и обыкновенное замѣчаніе, однакожъ я могъ видѣть, что онъ зналъ откуда я вышелъ, случайно же обратясь къ лавкѣ, я замѣтилъ, что молодой человѣкъ, высунувшись изъ двери, слѣдилъ за мной съ очевиднымъ подозрѣніемъ. Положеніе было препепріятное: передо мной стоялъ богатый и очень уважаемый человѣкъ, старинный другъ семейства, оглядывавшій меня съ очевиднымъ недовѣріемъ, сзади глазѣлъ человѣкъ совершенно посторонній, выводившій заключеніе, что я былъ воришка.

Воротясь домой, я нашелъ, что мой зонтикъ преспокойно стоялъ на стойкѣ, въ корридорѣ. Положительно не могу увѣрять, взялъ-ли я его съ собою, или забылъ дома; но что-то говорило мнѣ, что всякія попытки отдавать его подъ закладъ будутъ безполезны.

Прошелъ годъ. Приближался конецъ другаго февраля, и меня озарила счастливая идея: почему-бы, въ годовщину того дня, который обогатилъ меня зонтикомъ, не вернуться мнѣ въ Боль-

Критическая оцѣнка. Картина Ф. Крауса, грав. Кнезебергъ.

Спящая красавица. Картина Чауча, грав. Бренд'Амуръ.

шое поле и не возвратить вещь законному ея владѣльцу? Хотя зонтикъ попалъ въ мои руки 29 февраля, — въ день, который приходится только однажды въ четыре года, но вѣдь и 1-е Марта я могъ тоже считать за годовщину. Казалось небыло причинъ предполагать, чтобы духъ, все постигающій духъ сталъ держаться хронологическаго порядка, установленнаго для примѣненія календаря къ цѣлямъ простыхъ смертныхъ.

Я отправился изъ Лондона по желѣзной дорогѣ и вечеромъ 1-го марта былъ уже на Большомъ полѣ. На небѣ не видно было ни облачка, и такъ ярко свѣтила луна, что вся мѣстность казалась какъ при дневномъ свѣтѣ. Однакожъ, не взирая на это, я прохаживался подъ прикрытіемъ распущеннаго своего зонтика. Въ полѣ не было никого, кромѣ кучки ребятишекъ, пользовавшихся луннымъ свѣтомъ, чтобъ продолжать свои игры. Въ нихъ фигура моя возбудила неудержимый, громкій смѣхъ. Зонтикъ, поднятый въ полдень, подъ палящимъ солнцемъ, соотвѣтствуетъ цѣли и носящій его не обращаетъ на себя особаго вниманія; но человѣкъ, гуляющій, съ распущеннымъ зонтомъ, при лунномъ свѣтѣ, подъ безоблачнымъ небомъ—естественно, видѣть этого нельзя безъ смѣха. Громкія гиканья мальчишекъ выносилъ я съ твердостью человѣка, ясно сознававшаго, что поступокъ его—не въ порядкѣ вещей и что онъ заслуживаетъ быть посмѣшищемъ. Даже когда крики мальчишекъ начали подкрѣпляться швырками грязи и камней, я отступалъ безъ малѣйшаго чувства злобы и гнѣва на своихъ гонителей. Если-бы я былъ на ихъ мѣстѣ, я сдѣлалъ бы тоже.

Проходили мѣсяцы за мѣсяцами. Неупустительно каждую ночь мнѣ грезились скелеты и летучія мыши; но сновидѣнія эти потеряли уже свой ужасъ. Думаю, что еслибъ я провелъ цѣлую ночь безъ визита знакомаго призрака, то чувствовалъ бы какую-то неполноту. Что-же касается до зонтика, я такъ часто клалъ его въ одномъ углу и находилъ въ другомъ, что на передвиженія эти смотрѣлъ уже какъ на дѣло обыкновенное; и еслибъ мнѣ случилось найти зонтикъ на томъ-же мѣстѣ, гдѣ я его поставилъ, то конечно я почувствовалъ бы себя какъ человѣкъ, у котораго, ни съ того, ни съ сего, вдругъ стали часы.

Однажды вечеромъ, пробѣгая столбцы газеты, я наткнулся на таинственное объявленіе. Но прежде я долженъ замѣтить, что, наканунѣ того дня, зонтикъ воротился ко мнѣ очень замѣчательнымъ образомъ. Я оставилъ его въ лавкѣ, чтобы заново покрыть шелкомъ, вмѣсто гингана. Онъ явился домой,— какъ мнѣ кажется, по собственному соизволенію, приведя съ собой человѣка, который ожидалъ въ корридорѣ, чтобъ получить разсчетъ за сказанную перемѣну, и не хотѣлъ уйдти, не получивъ денегъ. Я предложилъ было ему, вмѣсто платы, самый зонтикъ, но услышалъ довольно странный отвѣтъ.

— Провалиться-бы ему,—проговорилъ онъ, у меня и безъ него много зонтиковъ, *отъ которыхъ я не знаю какъ отдѣлаться*; мнѣ нужны деньги. По словамъ, означеннымъ курсивомъ, не могло-ли казаться, что и эта личность тоже встрѣчалась съ призраками? Впрочемъ я говорю на угадъ только. — И такъ, объявленіе гласило:

„На 29 февраля, К. К. посѣтитъ І. З. І., съ требованіемъ заклада“.

Къ кому другому могло относиться это объявленіе, какъ не къ Іорку Захарію Іорку! Но весь ужасъ, охватившій меня четыре года назадъ, достигъ своего кризиса, когда, взглянувъ на число газеты, я увидѣлъ, что этотъ самый день и былъ роковымъ днемъ 29-го февраля. Безсознательно и не помня самъ себя, я выбѣжалъ въ переднюю, схватилъ со стойки зонтикъ и положилъ его предъ собой на столъ. Крѣпко сжавъ на груди руки, я сидѣлъ и смотрѣлъ, все смотрѣлъ на ужасный зонтикъ. Я не имѣлъ силы отвести отъ него глазъ; меня словно приковало къ нему взглядомъ, въ который ушелъ я всѣмъ своимъ существомъ: для меня изчезли всѣ другіе предметы.

Не знаю, долго-ли я сидѣлъ въ такомъ положеніи; но спустя нѣкоторое время, началъ чувствовать, что я былъ не одинъ, хоть и не видѣлъ посѣтителя. Самый видъ моей комнаты имѣлъ какую-то странную несообразность. Зеркало висѣло надъ каминомъ, и разнообразные предметы и мебель были на своихъ мѣстахъ; но коверъ казался сдѣланнымъ изъ мокрой травы, а стѣны были прозрачны и представляли видъ ровнаго поля, при послѣднемъ свѣтѣ сумерекъ. Я словно даже слышалъ звукъ падающаго дождя и ощущалъ дождевыя капли. Какъ-бы на перекоръ всѣмъ законамъ возможнаго, я былъ, въ одно и то-же время, въ двухъ мѣстахъ: въ своей комнатѣ, въ Лондонѣ, и на Большомъ полѣ. На моей рукѣ лежала тяжесть; на моей щекѣ чувствовалось холодное дыханіе и близко подлѣ приникшее, призрачно-блѣдное лицо, какъ будто говорившее что-то съ усиліемъ, но говорившее беззвучно.

Но когда видѣніе разсѣялось и тяжесть спала съ моей руки, когда коверъ освободился отъ мокрой травы, а стѣны потеряли свою прозрачность,—зонтика на столѣ не было: онъ исчезъ.

Не знаю, какъ современные мудрецы объяснили бы эти изумительные случаи научно. Я могу лишь увѣрить, что передалъ ихъ съ возможной точностью. Если-же я нѣсколько преувеличилъ какую-нибудь ничтожную частность, или если рѣшительный скептикъ возымѣетъ притязаніе на сомнѣніе относительно безвредности крѣпкаго пива или грога,—который я самъ находилъ (повторю собственныя слова) оскорбительно - слабымъ, —или относительно разстроенной памяти, или относительно расположенія отъ неваренія желудка (болѣзни, унаслѣдованной отъ отца), вздремнуть послѣ обѣда, — то и за всѣмъ тѣмъ остается еще объяснить обыкновенными законами одно необыкновенное обстоятельство, именно: что въ продолженіи цѣлаго интервала, отъ однаго високоснаго года до другаго, я никакъ не могъ отдѣлаться отъ зонтика *гингановаго* и что того-же 29 февраля лишился необъяснимо и непостижимо зонтика *шелковаго*, и лишился въ тотъ самый день, когда онъ явился домой, покрытый заново, и привелъ съ собой страннаго человѣка.

Зося.

Съ польскаго.

Очеркъ І. Крашевскаго.

Зося была очень мила, не одной наружной красотой,—она и теперь еще недурна, но она была такъ свѣжа душою и добра, такъ искренно любила отца и мать, молитва въ сумрачномъ величественномъ храмѣ дѣйствовала на нее такъ отрадно и успокоительно, а въ маленькомъ кружкѣ своемъ она относилась ко всѣмъ съ равною любовью и лаской.

Пришло однако время, нужно было отдать Зосю въ пансіонъ. Родителямъ ея, жившимъ далеко отъ мѣста ея ученія, нельзя было слѣдить за ея занятіями и нравственнымъ развитіемъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, она вернулась домой *съ дипломомъ*, но такъ измѣнилась, что самые близкіе люди съ трудомъ узнали ее.

Перемѣна эта прежде всего замѣчалась въ ея наружности. Мать ея, любившая нѣжно свою единственную дочь, заплакала увидя вихры стриженныхъ волосъ, вмѣсто прежней великолѣпной, длинной и толстой косы—предмета зависти многихъ дѣвушекъ.

— Бѣдное мое дитя — отчего ты не писала объ этомъ: ты была больна тифомъ? спросила она дочь съ соболѣзнованіемъ.

Зося улыбнулась на этотъ вопросъ матери, которая въ простотѣ сердца не могла иначе объяснить исчезновеніе косы. Въ пансіонѣ, гдѣ воспитывалась Зося — „стрижки“ были въ модѣ. Дѣвочки слѣдовали примѣру своей начальницы, которая курила, вообще была „эмансипированная“женщина и кромѣ того—плѣшивая.

— Намъ все приходится выслушивать замѣчанія отъ мужчинъ насчетъ нашихъ длинныхъ косъ и короткихъ умовъ, сказала какъ-то разъ начальница,—и глупо носить такія волосы.

Это замѣчаніе совершенно преобразило дѣвочекъ; онѣ поспѣшили обстричь себѣ волосы.

Итакъ Зося обстригла себѣ косы изъ принципа. Но она была въ полномъ восторгѣ, когда одинъ студентъ, посѣщавшій пансіонъ, сказалъ ей глубокомысленно, что она стала удивительно похожа на одного извѣстнаго естествоиспытателя!.. Этотъ естествоиспытатель скорѣе походилъ на обезьяну, чѣмъ на человѣка, но бѣдная дѣвушка не знала этого.

Походить на извѣстнаго естествоиспытателя! Что за торжество для дочери XIX вѣка, страстно преданной естественнымъ наукамъ! Она такъ любила естествоиспытателей, она заранѣе предвкушала наслажденія будущихъ занятій анатоміей!

Вскорѣ родители съ ужасомъ замѣтили что такое бродило въ этой стриженной головкѣ. Обороты рѣчи ихъ дочери, уснащенные техническими выраженіями и выдержками изъ физіологіи, съ полнымъ пренебреженіемъ къ тому о чемъ можно и нельзя говорить—приводили ихъ въ ужасъ и недоумѣніе. Они никакъ не могли понять зачѣмъ дочь ихъ избѣгала простыхъ, обыкновенныхъ выраженій и прибѣгала къ такимъ трескучимъ и иностраннымъ словамъ. Вмѣсто слова „Богъ“ она говорила „природа“, вмѣсто „духъ“—„разумъ“, а слово „сердце“ замѣняла всегда словомъ „нервы“, и бѣдная думала, что все это очень умно. При всякомъ случаѣ она закидывала фразами изъ естественныхъ наукъ. Печалилась старушка мать и не понимала новаго языка своего ребенка и все горестно поглядывала на дочь, а отецъ все болѣе убѣждался, что за этими напыщенными фразами скрывается незнаніе даже простыхъ грамматическихъ правилъ.

— Зося, ты любишь чтеніе, сказалъ ей какъ-то отецъ, вотъ тебѣ прекрасная книга. Зося неохотно взглянула на книгу. Это была повѣсть одного извѣстнаго писателя.

— Ахъ, художество! Я этимъ не занимаюсь!

— Тогда не хочешь-ли Мицкевича?

— Стихи?.. протянула Зося, я презираю стихи.

— О тогда, значить, ты любишь серьезное чтеніе? И прекрасно: вотъ эстетика, вотъ историческія замѣтки Шайнохи, а вотъ и его исторія литературы...

Зося не нашлась какъ отдѣлаться отъ отца, взяла книги и ушла

въ свою комнату. Отецъ повеселѣлъ. Въ одной тетрадкѣ дочери, гдѣ ею была вписана „физіологія мышленія“ онъ нашелъ много грамматическихъ ошибокъ. Теперь, думалъ онъ, эти всѣ пробѣлы пополнятся сами собою при чтеніи. Однако надеждамъ его не суждено было осуществиться. На слѣдующій день, онъ засталъ дочь уснувшею на диванѣ, а Шайноха и другія книги, валялись на полу. Очевидно, Зосѣ нужно какое-то другое чтеніе. И Зося наша съ этихъ поръ стала замѣчать, что родные ея часто шептались, а изъ нѣсколькихъ случайно долетѣвшихъ до нея словъ она узнала, что рѣчь шла о ней. Какіе отсталые, съ какими предразсудками люди! говорила она про себя, съ презрѣніемъ. Да, родители ея были люди съ предразсудками. Мать часто плакала по ночамъ, горячо молилась и просила Бога объ „изцѣленіи“ дочери. Бѣдная, огорченная мать видимо страдала, таяла какъ свѣчка—такъ сильно на нее дѣйствовали равнодушіе и холодность ея единственнаго, любимаго дитяти. Отецъ не выказывалъ своей горести, но можно было замѣтить, что онъ ожидалъ совершенно другаго отъ дочери.

Смѣшные люди! Дипломъ дочери и ея замѣчательное сходство съ извѣстнымъ естествоиспытателемъ—будто это мало!

— Зося, сказалъ ей однажды отецъ, входя къ ней въ комнату, гдѣ она сочиняла письмо къ подругѣ, описывая ей несообразности и необразованность родителей—я пришелъ просить тебя заняться немножко хозяйствомъ, мать твоя слабѣетъ съ каждымъ днемъ и ты такъ любишь природу, для тебя будетъ удовольствіемъ заниматься садомъ и оранжереей. Если бы тебѣ понадобились какія нибудь руководства на первый случай, у меня найдется сколько угодно...

— Хорошо, отецъ.

На этомъ разговоръ прекратился. Нѣсколько дней Зося пробовала хозяйничать въ оранжереѣ, кладовыхъ и въ саду, но затѣмъ все это ей ужасно надоѣло; цвѣты завяли, садъ забытъ и брошенъ. Пришлось снова приниматься за хозяйство больной матери. А дочка опять засѣла за свои книги или разсылала письма въ разныя части свѣта, въ которыхъ жаловалась „друзьямъ по убѣжденію“ на скуку деревенской жизни и неразвитость и необразованность родныхъ.

Такъ прошелъ почти годъ. Всѣ усилія стариковъ вызвать нравственную перемѣну въ Зосѣ не привели ни къ чему. Передъ Пасхой имъ суждено было испытать еще одно большое горе: на просьбу матери идти вмѣстѣ въ церковь, Зося отвѣчала, что ни во что не вѣритъ, а потому не чувствуетъ ни надобности, ни потребности идти къ обѣднѣ. У стариковъ и руки опустились. Послѣ праздниковъ, опираясь на свои права какъ совершеннолѣтней и на полученный ею дипломъ, Зося рѣшила ѣхать въ городъ, искать себѣ подходящаго занятія.

Въ Варшавѣ, куда она поѣхала, есть университетъ, но нѣтъ женскихъ курсовъ. Есть разныя учрежденія, но туда не принимаютъ женщинъ. Есть наконецъ женскія гимназіи, но чтобы сдѣлаться учительницей, недостаточно диплома—нужно еще держать экзаменъ.

Экзамена Зося не могла выдержать. Ее спрашивали не по новѣйшимъ теоріямъ и не о послѣднихъ результатахъ науки, а о простыхъ, всѣмъ извѣстныхъ вещахъ. Незнаніе грамматики и неумѣніе отличать виды растеній одни отъ другихъ—рѣшили ея участь какъ учительницы.

— Вы не имѣете самыхъ элементарныхъ познаній по естественной исторіи, сказалъ ей профессоръ университета, кто вамъ далъ дипломъ? Зося, молча и презрительно на него посмотрѣла и отвернулась.

Съ этого дня она совершенно убѣдилась въ неразвитости и узкости понятій варшавскихъ профессоровъ и рѣшила, несмотря на уговоры родныхъ—которые наконецъ изъ любви къ ней дали свое согласіе на все, чего она хотѣла—избрать какое нибудь ремесло. Такимъ образомъ, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ Зося перебывала портнихой, башмачницей, переплетчицей, перчаточницей и даже столярихой. Но всѣ эти занятія нравились ей не на долго. Ее болѣе всего возмущала — по ея словамъ — отвратительная система обученія, и она перестала заниматься и ремеслами.

Всѣ эти пробы стоили однако ея бѣднымъ старикамъ не мало-таки денегъ. Что высылали они ей—того стало не хватать на плату за обученіе и на жизнь въ большомъ городѣ. Старикъ наконецъ, узнавъ объ ея еще желаніи ѣхать за границу въ университетъ, пришелъ въ отчаяніе и отказался ей далѣе помогать. Нужно было покориться обстоятельствамъ. Итакъ она осталась въ Варшавѣ, но о возвращеніи домой не хотѣла и слышать.

Предстоялъ вопросъ, что же дѣлать однако? Вскорѣ вопросъ былъ разрѣшенъ. Зося стала появляться въ первыхъ рядахъ, на каждомъ публичномъ чтеніи. Голосъ чтеца дѣйствовалъ на нее всегда какъ-то успокоительно. Она стала также ежедневной посѣтительницей всевозможныхъ библіотекъ. Тутъ она входила смѣло, мужскимъ шагомъ, съ поднятой головой—и непремѣнными пенснэ на носикѣ — и спрашивала получены ли такія-то сочиненія Бюхнера, Фохта, Гельмгольца, Дюбуа, Раймонда и все перелистываетъ ихъ, но покупаетъ рѣдко.

Собственно дѣятельность ея сосредоточилась на одномъ: она выполняла миссію—распространяла „великія идеи вѣка“. Поле дѣйствія ея—кондитерскія и кофейни; тамъ она прочитываетъ газеты и съ несвойственнымъ женщинамъ панибратствомъ обращается со студентами, между которыми находитъ усердныхъ поклонниковъ, пьетъ пиво и хохочетъ весьма громко. Ей нерѣдко выпадаетъ честь озаботиться о лавровомъ вѣнкѣ или эмблемѣ для празднованія какихъ нибудь особенныхъ событій. Цѣлый кружокъ, повидимому незанятыхъ ничѣмъ, и не очень опрятныхъ „мыслителей“ вертится около этого неутомимаго борца въ юбкѣ, „за идеи вѣка.“

Вотъ она какая стала, бѣдная Зося! Въ другой обстановкѣ быть можетъ изъ нея и вышло бы что нибудь. У насъ же, осмѣянная глупой толпой, не умѣющей цѣнить ея возвышенныхъ идей, она считаетъ себя жертвой ужаснаго устройства общества. И это ей служитъ нѣкоторымъ удовлетвореніемъ въ ея положеніи.

Къ рисункамъ.

Семипалатинская область. *)

(Къ рисунк. на стр. 516 и 517).

Рахмановское озеро лежитъ въ Бійскомъ округѣ, Томской губерніи и образуется рѣчкой Рахмановкой, лѣвымъ притокомъ Берели, впадающей въ нее ниже соединенія Черной и Бѣлой Берели. Озеро имѣетъ 3 версты длины и 1 ширины, лежитъ на днѣ глубокой пропасти. Скаты окружающихъ его горъ покрыты дремучимъ хвойнымъ лѣсомъ, гдѣ преобладаютъ кедръ и лиственница. На вершинахъ горъ снѣгъ лежитъ бóльшую часть года.

Непосредственно по выходѣ изъ озера рѣчки Рахмановки съ правой стороны въ нее впадаютъ теплые ключи (по калмыцки *арассанъ*), извѣстные также подъ именемъ Рахмановскихъ. Ключи эти, числомъ три, выходятъ саженяхъ въ 40 отъ Рахмановки изъ-подъ осыпей и валуновъ, образуя при самомъ выходѣ небольшіе бассейны съ температурой воды отъ +25 до 34½° R. (въ главномъ ключѣ +34½ R, въ нижнемъ бассейнѣ до 29¼, а въ верхнемъ, болѣе мелкомъ, до 25¼°). Къ западу отъ нихъ, на холмѣ, видны слѣды разрушенной деревянной калмыцкой кумирни. Кумирня эта существовала еще въ то время, когда ключи, въ концѣ прошлаго вѣка, были открыты крестьяниномъ-охотникомъ Рахмановымъ. Внутри кумирни стѣны ея обиты шелковою тканью, уже истлѣвшею; въ ней много бурхановъ (идоловъ), мѣдныхъ чашъ и курильницъ; кровля ея была плоская. На каменныхъ обломкахъ замѣтны довольно грубыя, вѣроятно джунгарскія, надписи. Вода рахмановскихъ ключей содержитъ въ фунтѣ 7 куб. дюймовъ углекислоты и самые слабые слѣды углекислаго натра, а потому эти ключи принадлежатъ къ индеферентнымъ, т. е. содержащимъ весьма малое количество минеральныхъ частей. Въ настоящее время кумирни нѣтъ и слѣдовъ, но за то построены двѣ деревянныя избушки: одна, куда пріѣзжаютъ на зиму охотники за звѣрями (звѣровщики), а другая выстроена нѣсколькими лицами, пріѣзжавшими туда лечиться изъ Усть-Каменогорска.

Другой нашъ рисунокъ изображаетъ пикетъ на китайской границѣ. Здѣсь опять васъ поражаетъ дикая красота мѣстности, купами разбросанная по равнинѣ зелень, и этотъ далекій снѣговой хребетъ, мягкими линіями рисующійся на мягкой синевѣ неба.

*) См. №№ 23, 24 и 25.

Любимый авторъ.

(Картина Э. Грютцнера).

Въ старинной, тщательно собранной библіотекѣ богатаго католическаго монастыря, не однѣ духовныя книги. Образованные монахи знакомы и съ лучшими авторами свѣтскими. И вотъ трое, наиболѣе близкіе между собою изъ братій, сняли съ полки томикъ, очевидно сатирическаго содержанія и добродушно и искренно смѣются, припоминая слабости и пороки того міра, отъ котораго они уже отреклись, міра, который кипитъ за высокими стѣнами монастыря и изображенъ съ такимъ яркимъ юморомъ и безпощадною правдою ихъ любимымъ авторомъ.

Критическая оцѣнка.

(Картина Ф. Крауса).

Три молодыя, прелестныя женщины разсматриваютъ мраморную копію съ извѣстной группы „Сатиръ и Нимфа“ и дѣлаютъ каждая свое заключеніе по поводу этаго художественнаго произведенія. Разнообразныя выраженія лицъ, сообразныя характеру, возрасту и художественному пониманію трехъ молодыхъ красавицъ, переданы художникомъ съ замѣчательною тонкостью въ его картинѣ.

Спящая красавица.

(Картина Чауча).

Одно изъ распространеннѣйшихъ народныхъ сказаній—ска-

заніе о красавицѣ-царевнѣ, погруженной въ вѣковой сонъ злой волшебницей и пробужденной къ жизни царевичемъ. Это сказаніе у каждаго народа передается нѣсколько иначе, но повсюду, по мнѣнію ученыхъ изслѣдователей, выражаетъ одну идею, общую всѣмъ народамъ—зимній сонъ природы и ея весеннее пробужденіе; природа представляется здѣсь заснувшею красавицей, которую ежегодно пробуждаетъ юный, свѣтлый ея женихъ—солнце, не смотря на злую волшебницу—суровую, всемертвящую зиму. Еще въ Эддѣ, этомъ памятникѣ несомнѣнно глубокой древности, богъ Одинъ погружаетъ въ сонъ вѣщую Брунегильду, уколовъ ее терніемъ. Замѣчательно, что въ сказаніяхъ послѣдующаго времени, повсюду сохранился этотъ способъ погруженія въ сонъ посредствомъ укола.

Въ одной изъ русскихъ сказокъ красавица засыпаетъ отъ волшебной золотой стрѣлки; пробуждается когда эта стрѣлка выпадаетъ изъ ея косы, а въ подобной же итальянской народной сказкѣ царевна Талія засыпаетъ отъ занозы и просыпается когда ея собственный ребенокъ высасываетъ эту занозу и т. д. Въ нѣмецкой сказкѣ, извѣстной подъ названіемъ Dornröschen разсказъ ведется нѣсколько иначе; общая тема здѣсь та же, но обработана она чрезвычайно образно и поэтично. Эта сказка пользуется по праву всемірною извѣстностью и многіе художники и поэты черпали въ ней матерьялъ для своего вдохновенія; нашъ поэтъ Жуковскій прелестно передалъ ее въ своей „Спящей царевнѣ“.

Въ нѣмецкой сказкѣ передается, что при рожденіи одной королевны было приглашено двѣнадцать волшебницъ. Когда посадили ихъ за столъ и подали каждой по золотой тарелкѣ, появилась тринадцатая волшебница и не получивъ золотой тарелки, которыхъ было всего дюжина, разобидѣлась и предсказала новорожденной, что пятнадцати лѣтъ отъ роду она умретъ, уколовшись веретеномъ. Это предсказаніе повергло въ отчаяніе и царя и царицу; къ счастію одна добрая волшебница успокоила ихъ, обѣщая что царевна, если уколется, не умретъ а только заснетъ. Прошло пятнадцать лѣтъ, веретено было изгнано изъ государства особымъ указомъ и казалось все обстояло благополучно. Однажды царевна, бѣгая по комнатамъ замка, нечаянно забрела въ старинную, забытую башню. Въ этой башнѣ сидѣла старуха и спокойно работала запретнымъ веретеномъ. Царевна увлеклась любопытствомъ, взяла посмотрѣть этотъ незнакомый ей предметъ, тотчасъ укололась и въ ту же минуту заснула глубокимъ сномъ. Этотъ моментъ появленія царевны въ башнѣ и представленъ на картинѣ Чауча.

Соборный храмъ въ Іоркѣ.

Іоркскій соборъ св. Петра одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ готическихъ построекъ Англіи отмѣченный несомнѣнными признаками самой глубокой древности. Постройку его относятъ къ отдаленной эпохѣ владычества Саксовъ, когда саксонскій король Эдвинъ воздвигъ здѣсь въ 627 году христіанскій храмъ на мѣстѣ, гдѣ стояло капище, посвященное Тору. Часто повторявшіеся тогда набѣги Норманновъ, опустошая всю страну, неразъ приводили этотъ храмъ въ состояніе почти полнѣйшаго разрушенія. Такъ онъ былъ совершенно возобновленъ и отчасти перестроенъ послѣ погрома, произведеннаго Норманнами въ 1069 году, когда была обращена въ пустыню вся мѣстность отъ Іорка вплоть до Дургама. Въ 1171 началась постройка собора по совершенно новому плану и окончилась съ разными перерывами не ранѣе 1410 года. Главныя части зданія были выведены еще при энергическомъ архіепископѣ Вальтерѣ Греѣ. (1215—1255), которому, какъ полагаютъ, принадлежитъ честь постройки сѣвернаго и южнаго придѣловъ и грандіозной, центральной башни, хотя впрочемъ очень трудно точно опредѣлить когда возникли тѣ или другія части громаднаго зданія, очевидно построенныя въ разное время, разными строителями и по весьма неоднообразному плану. Послѣдняя постройка или лучше сказать реставрировка внутренней части собора производилась послѣ 1829 года, когда, какой-то сумасшедшій, нѣкто Іонафанъ Мартинъ поджегъ его извнутри и пожаръ уничтожилъ большую часть внутреннихъ, лѣпныхъ украшеній, которыя и были возстановлены со всей археологической точностью и съ сохраненіемъ прежней легкости и красоты деталей. Къ счастію, огромныя цвѣтныя окна, изъ которыхъ одно имѣетъ 54 фута вышины и 30 ширины, остались неповрежденными пожаромъ и до сихъ поръ могутъ служить прекрасными образцами искуства XIV столѣтія. Кромѣ того большую художественную цѣнность имѣетъ главная дверь южнаго входа, украшенная замѣчательной лѣпной работой и колоссальными фигурами двѣнадцати апостоловъ. Внутри собора оригинальный образчикъ средневѣковой мрачной и странной фантазіи представляетъ живопись альфреско, покрывающая стѣны въ нѣкоторыхъ частяхъ собора и изображающая различныя мученія грѣшниковъ въ аду и чистилищѣ а также фигуры разныхъ чудовищъ и уродливыхъ, басносложныхъ животныхъ. Длина Іоркскаго собора 524 фута; двѣ громадныя стрѣльчатыя башни, въ 196 фут. вышины каждая, украшаютъ главный входъ; большая же, центральная башня возвышается на 213 фут. Кромѣ главныхъ древностей — трона саксонскихъ королей и изящнаго рога изъ слоновой кости—произведенія XI вѣка, любитель старины можетъ найдти здѣсь много предметовъ достойныхъ разсмотрѣнія и особенно большое количество замѣчательныхъ древнихъ рукописей и актовъ, сохраняемыхъ въ обширной соборной библіотекѣ.

Политическое обозрѣніе.

Новая пограничная линія между Греціей и Турціей.—Роль Россіи въ греко-турецкомъ вопросѣ.—Соединеніе Румеліи и Болгаріи.—Албанское княжество.—Миланъ въ Вѣнѣ.—Франція.—Бельгія.—Авганистанъ.

Согласно новѣйшимъ свѣденіямъ, конференція по греко-турецкому вопросу окончательно установила границу въ Эпирѣ и Ѳессаліи. Граница эта начинается въ Эпирѣ, у Мецова раздѣляетъ на двѣ части Загорскую область и, достигая у Парапланы берега Каламы, оканчивается въ устьѣ Каламы; въ Ѳессаліи же она проходитъ, черезъ мысовую оконечность Камуніонскихъ горъ, къ Димитріону, отсюда направляется къ вершинѣ Олимскихъ горъ, Эльзѣ а оттуда спускается къ Эгейскому морю. Изъ 32 тысячъ жителей, населяющихъ Загорскую область, 11 тысячъ переходятъ къ Греціи. Что касается самого хода переговоровъ и положенія, которое различныя державы занимаютъ на конференціи по отношенію къ вопросу, уже извѣстно, что наиболѣе усердными сторонниками Эллинскаго королевства являются Англія и, въ особенности, Франція, которая, какъ увѣряютъ, обѣщала даже Греціи прислать въ случаѣ нужды, вспомогательный корпусъ. Остальныя державы, почти безъ изъятія, болѣе или менѣе искренно, примкнули къ англо-французскому проекту, наиболѣе благопріятному для грековъ.

Говорятъ, что первымъ дѣломъ князя Бисмарка, при открытіи конференціи, было привлечь Австро-Венгрію къ согласію на предложеніе Франціи, въ чемъ онъ и успѣлъ. Впрочемъ Австрія, не смотря на это, поддерживаетъ цѣлость оттоманской имперіи. Здѣсь замѣтимъ кстати, что въ заграничной прессѣ мы находимъ нѣсколько странный взглядъ на роль Россіи при обсужденіи греко-турецкаго вопроса. Согласно взгляду этому выходитъ, будто-бы Россія теперь отодвинута, въ дѣлѣ рѣшенія судебъ Балканскихъ народностей, на второй планъ, будто бы замѣна Гладстоновскимъ министерствомъ, министерства Биконсфильда а также энергическое участіе Франціи на конференціи, сильно ослабили огромное вліяніе, которымъ Россія до сихъ поръ пользовалась на Балканскомъ полуостровѣ, будто ей приходится идти какъ бы на буксирѣ за другими державами. На это можно отвѣтить, что подобное мнѣніе обличаетъ только полное непониманіе истиннаго значенія нашего государства для балканскихъ народовъ. Россія имѣетъ свою исконную, историческую роль на полуостровѣ, гдѣ единственно ею одною и созданы свободныя государства, о которыхъ теперь такъ заботится остальная Европа, не мало мѣшавшая нашему отечеству, когда оно освобождало и устраивало тѣ государства.

Возможно ли, поэтому, сравнивать временное (и чисто мимолетное) значеніе Франціи и Англіи для балканскихъ народовъ съ тѣмъ плодотворнымъ значеніемъ, которое принадлежитъ Россіи по отношенію къ нимъ. Въ настоящую минуту, когда, повидимому, греки и славяне сдѣлались фаворитами державъ, можетъ быть, дѣйствительно, кое-что и позабыто, пока, кое-что и заслонено шумною благотворительностію Парижскаго и С.-Джемскаго кабинетовъ, но—кто же сомнѣвается въ томъ въ минуту опасности, въ минуту грозы и грекъ, и славянинъ обратятъ свой взглядъ съ надеждой опять и вновь на одну Россію, никогда не оставлявшую ихъ и ихъ поднявшую!

Изъ Румеліи получено весьма важное извѣстіе. Алеко-Паша уѣхалъ въ Константинополь и, говорятъ, едва ли возвратится къ посту своему, въ виду агитаціи въ пользу соединенія этой провинціи съ Болгарскимъ княжествомъ — отъѣздъ этотъ можетъ считаться какъ бы прологомъ къ этому новому, хотя и давно уже подготовлявшемуся событію. Вотъ что пишутъ о движеніи: 29-го мая съѣхались въ Сливно наиболѣе выдающіеся вожди національной партіи изъ Болгаріи и Восточной Румеліи. На съѣздѣ обсуждался вопросъ объ умѣстности немедленнаго провозглашенія возсоединенія Восточной Румеліи и Болгаріи. Крайніе патріоты совѣтовали тотчасъ же поднести Алеко-Пашѣ (онъ еще не уѣзжалъ тогда) благодарственный адресъ, съ предложеніемъ немедленно выѣхать изъ Филиппополя и очистить мѣсто князю Александру. Умѣренная же партія предложила обратиться къ великимъ державамъ съ просьбою разрѣшить восточно-румелійскому населенію соединиться съ своими братьями Болгарскаго княжества. Изъ Румеліи сообщаютъ, что великоболгарское движеніе достигло теперь уже такихъ размѣровъ, при которыхъ развязка не замедлитъ послѣдовать. Замѣчательно, что болгарская скупщина, въ секретномъ засѣданіи 11-го іюня, ассигновала восточно-румелійскому управленію заимообразно 40 тысячъ имперіаловъ „на общеполезное дѣло“. Порта относится къ агитаціи этой довольно равнодушно, не видя особой перемѣны для себя въ томъ,

(Продолженіе на стр. 529, 530, 531 и 532)

что автономная провинція сдѣлается частію вассальнаго княжества.

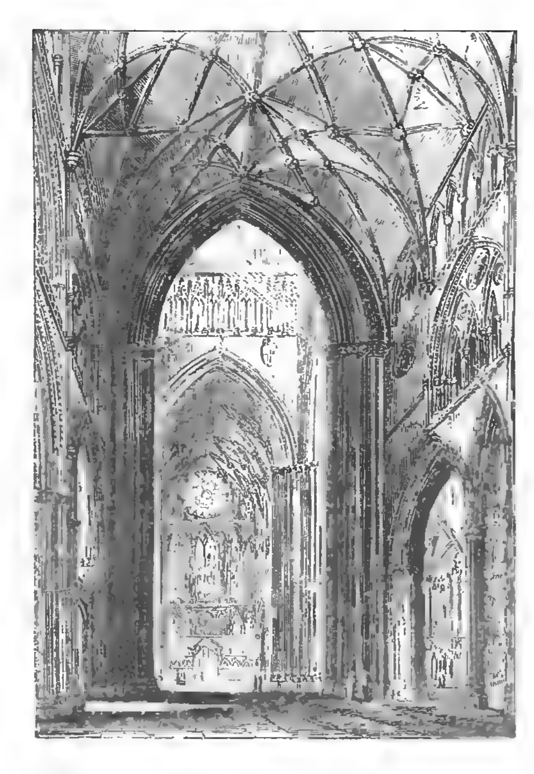
На Балканскомъ полуостровѣ начинаетъ, впрочемъ, обрисоваться силуэтъ еще однаго вассальнаго княжества—княжества Албанскаго. Національное стремленіе, разожженное самою Портою въ этомъ народцѣ, державшемся всегда независимо, едва ли можетъ быть уже сдержано „въ берегахъ". Утверждаютъ, что державы не будутъ противиться такому рѣшенію Албанскаго вопроса.

Князь Миланъ прибылъ въ Вѣну. Онъ остановился въ замкѣ (Hochburg), гдѣ былъ тотчасъ же привѣтствованъ императоромъ Францомъ-Іосифомъ.

Амнистія французскихъ коммунаровъ, какъ извѣстно читателямъ нашимъ, уже почти совершившійся фактъ. Но фактъ этотъ едвали не поведетъ къ перемѣнѣ министерства. Положеніе кабинета Фрейсине поколеблено. Въ случаѣ выхода его въ отставку, Гамбетта не намѣренъ занимать мѣсто министра президента и предпочитаетъ предоставить его Бриссону, нынѣ предсѣдателю бюджетной комисіи. По поводу амнистіи, Гамбетта произнесъ въ палатѣ рѣчь возбудившую сильное движеніе и повидимому проэктъ будетъ принятъ, хотя до сихъ поръ у него много противниковъ.

Соборъ въ г. Іоркѣ. Главный корпусъ.

Соборъ въ г. Іоркѣ. Боковая галлерея.

Изъ Брюсселя сообщаютъ, что бельгійское правительство внесетъ въ чрезвычайную сессію палатъ проектъ закона объ амнистіи дезертирамъ арміи, число которыхъ простирается отъ 15 до 20 тысячъ скрывающихся, по большей части, въ сѣверной Франціи. Странная армія, странная дисциплина!

Абдуррахманъ-ханъ располагаетъ въ настоящее время арміей въ 15 тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ 4 тысячи всадниковъ. Онъ пригласилъ для переговоровъ въ Шапуръ, къ югу отъ Кабула, Музу, сына Якуба-хана, и состоящаго при немъ, Магометъ-Джана.

Маркизъ Ценгъ не пріѣдетъ въ Петербургъ и война съ Китаемъ повидимому неизбѣжна.

Соборъ въ г. Іоркѣ, въ Англіи.

Смѣсь.

О посѣщеніи публикою естественно-историческихъ музеевъ Академіи наукъ. Намъ доставлены по этому предмету слѣдующія свѣдѣнія ученымъ хранителемъ зоологическаго музея докторомъ А. Ѳ. Брандтомъ.

Съ тѣхъ поръ какъ въ началѣ 60-хъ годовъ академическіе музеи сдѣлались доступными для всѣхъ и каждаго безплатно, безъ входныхъ билетовъ не только лѣтомъ, но и зимою, (по понедѣльникамъ съ 11 до 3 час.), число посѣтителей ихъ стало возростать годъ отъ году весьма быстро. Въ 1876 г. оно достигло пока своего максимума, а именно почтенной цифры 80.212 человѣкъ. Вслѣдъ за тѣмъ посѣщеніе музеевъ стало значительно понижаться, такъ что въ 1877 году насчитано лишь 61.314, а въ 1878 г. даже всего только 47.094 посѣтителей. Однако, оказалось, что убыль эта была не болѣе какъ временная, находившаяся въ очевидной связи съ восточною войною, сильно отвлекавшей вниманіе публики отъ музеевъ, галлерей академіи и пр., ибо въ истекшемъ 1879 г. количество посѣтителей показываетъ уже опять приращеніе, равняясь 62.738. При этомъ надо замѣтить, что приращеніе было бы несомнѣнно еще гораздо значительнѣе, если бы не былъ закрытъ для публики музей анатомическій, по случаю преобразованія его въ антропологическое отдѣленіе музея по антропологіи и этнографіи, и еслибы, по причинѣ лѣтнихъ перестановокъ въ музеѣ зоологическомъ, вмѣсто обычныхъ 52 годовыхъ впусковъ ихъ не было всего лишь 44. На каждый изъ нихъ приходилось среднимъ числомъ по 1426 посѣтителей. Наибольшія отклоненія отъ этой средней цифры выпали на слѣдующіе дни:

3 декабря. . . .	360	посѣтителей.
17 „	230	„
19 февраля . . .	6710	„
6 августа . . .	7857	„

Приведенныя минимальныя цифры приходились на будни съ дурною, холодною и пасмурною погодою, максимальныя же на большіе праздники.

Въ наиболѣе выдающемся изъ академическихъ музеевъ — музеѣ зоологическомъ—въ прошломъ году произошли нѣкоторыя существенныя перемѣны. Въ самомъ началѣ года умеръ весьма дѣятельный ученый, хранитель музея орнитологъ *В. Ѳ. Руссовъ*, только-что успѣвшій вернуться изъ продолжительной богатой результатами экспедиціи въ Туркестанское генералъ-губернаторство; а лѣтомъ не стало и самого директора-основателя музея академика *Ѳ. Ѳ. Брандта*. Впрочемъ, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ покойный, чувствуя упадокъ своихъ силъ, исподоволь передалъ фактическое завѣдываніе музеемъ младшему сотоварищу по академіи *А. А. Штрауху*, нынѣ оффиціально утвержденному въ должности директора.

Въ истекшемъ году главная забота новаго директора была направлена на преобразованіе и расширеніе скелетнаго отдѣла музея. Отдѣлъ этотъ расширенъ присоединеніемъ къ нему бывшей квартиры; въ него переведены изъ собственно зоологическаго отдѣленія и палеонтологическіе предметы, въ томъ числѣ первостатейныя достопримѣчательности музея: скелетъ мамонта, двѣ покрытыя еще кожею головы первобытныхъ носороговъ, черепъ Эласмотерія и пр. По окончательномъ устройствѣ скелетнаго отдѣленія предполагается открыть его и для публики. Въ собственно зоологическомъ отдѣленіи сдѣлано многое для опредѣленія и окончательной постановки рыбъ, а также предприняты многія перестановки для того, чтобы выгадать мѣсто для набитыхъ вновь крупныхъ четвероногихъ животныхъ. Тѣснота музейскаго помѣщенія при этомъ дала себя почувствовать съ новою силою. Теперь ставить громоздкихъ предметовъ, кажется, уже положительно некуда. Было бы весьма желательно, чтобы Высочайше одобреный, но случаю 150-лѣтняго юбилея академіи, проектъ новаго флигеля, для расширенія музеевъ, осуществился бы по поводу другаго юбилея, а именно предстоящаго осенью 1881 г. перваго пятидесятилѣтія зоологическаго музея.

Какъ видѣть по телеграфу. Уже умѣютъ производить движеніе, теплоту и свѣтъ посредствомъ электричества; за послѣднее время научились даже говорить, писать и рисовать по телеграфу, но теперь открытъ способъ видѣть по телеграфу, другими словами—найдено настоящее магическое зеркало. Д-ръ Мексъ, въ Пенсильваніи, въ Соединенныхъ Штатахъ, изобрѣлъ инструментъ, который онъ назвалъ діафитомъ, и посредствомъ котораго можно видѣть съ помощью зеркала, находящагося на одномъ концѣ электрической проволоки, предметы, отражаемые зеркаломъ на другомъ концѣ. Зеркала эти составлены изъ веществъ, весьма чувствительныхъ къ свѣту и теплотѣ; кромѣ того, каждое изъ нихъ состоитъ изъ нѣсколькихъ пластинокъ, соединенныхъ между собою особыми проволоками. Воспринимающее зеркало ставится въ камеру и ему передается съ помощію линзы отраженіе желаемаго предмета. Различныя градаціи свѣта и формы, падая на пластинки зеркала, производятъ колебанія въ электрическихъ токахъ, проходящихъ черезъ соединяющія проволоки, и эти колебанія производятъ перемѣны въ пластинкахъ, составляющихъ отражающее зеркало, которое и воспроизводитъ образъ предмета. Въ городѣ Редингѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ, сдѣлано было недавно публичное испытаніе этаго интереснаго изобрѣтенія. Публика собралась въ верхнемъ этажѣ зданія, аппаратъ же отнесли въ подвальный, и различные предметы, отражаемые въ нижнемъ зеркалѣ, какъ-то: яблоко, перочинный ножикъ, долларъ, часы, печатная афиша и т. п, немедленно являлись въ верхнемъ зеркалѣ передъ глазами публики, привѣтствовавшей появленіе каждаго предмета громкими рукоплесканіями. Когда, наконецъ, въ зеркалѣ показалась головка живаго котенка, зрители пришли въ неописанный восторгъ. Надѣются съ помощію этаго замѣчательнаго изобрѣтенія получить современемъ возможность снимать фотографіи на отдаленныхъ разстояніяхъ.

Желудокъ страуса. Въ Римѣ, въ звѣринцѣ на Монте-Пинчіо издохъ австралійскій страусъ, вслѣдствіе несчастнаго случая: просунувъ голову въ рѣшетку своей темницы, онъ не могъ ее вытащить и задохся. Трупъ страуса былъ отправленъ въ римскій музей, и по его вскрытіи, въ желудкѣ найдены были слѣдующіе предметы: 4 большихъ камня, 11 средней величины и нѣсколько маленькихъ камней; семь булавокъ, половина брошки, хорошо сохранившійся конвертъ съ печатью министерства, 2 крючка, 13 мѣдныхъ монетъ, 1 серебряная медаль Льва XIII, 1 франкъ съ изображеніемъ Наполеона III, половина носоваго платка и 2 маленькихъ ключа.

Рѣшеніе задачи ходъ короля и коня № 43.

37	36	35	34	26	105	24	87	114	85	16	15	14
38	94	33	106	27	25	23	104	18	17	113	84	13
39	31	32	95	28	22	88	19	86	115	82	12	112
93	40	30	29	107	98	21	20	103	110	11	10	83
41	42	96	91	124	121	108	89	116	81	7	111	9
	92	43	122	97	90	99	102	109	6	79	8	
		44	125	100	123	120	117	80	4	5		
			45	119	126	101	2	3	78			
				46	75	118	77	1				
					47	48	74					
					73	76	49					
					68	50	72					
			69	56	51	58	67	60	65			
			55	52	57	71	59	61	63			
		54	53	70				66	62	64		

Гонимы вешними лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
Сбѣжали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года;
Синѣя, блещутъ небеса;
Еще прозрачные, лѣса
Какъ будто пухомъ зеленѣютъ.
Пчела за данью полевой
Летитъ изъ кельи восковой
Долины сохнутъ и пестрѣютъ;
Стада шумятъ и соловей
Ужъ пѣлъ въ безмолвіи ночей.—

А. С. Пушкинъ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: **Спб.** отъ гг. Осипова, Венерта, Эммануэля, Карапухина; **Москва**—Барсукова, Груши, Погожева, Бѣлянкина, Минофьева; Коновалова, **Казань**—Порѣцкаго, **Нижн.-Новгородъ**—Попова, **Серпуховъ**—Июнникова; **Вильно**—Карпенко; **Варшава**—Солонейчика, **Рыбинскъ**—Киселева, **Иваново-Вознес.**—Соколова, **Петергофъ**—Вирюкова, Гвоздевой, **Вологда**—Извощикова, **Подбродзе**—Пестреченко. **Саратовъ**—Б. В., **Елисаветградъ**—Ваумтартенъ, **Одесса**—Скачкова.

Рѣшеніе шахматной задачи № 39.

Бѣлыя.	Черныя.
1) E 7—F 6	1) Куда угодно.
2) Даетъ матъ.	

Рѣшеніе ребуса помѣщеннаго въ № 22 „Нивы".

Книга есть лучшая часть жизни сочинителя.

Рѣшеніе шашечной задачи № 40.

Бѣлыя.	Черныя.
Съ № 30 на № 26	Съ № 19 на № 29
„ № 9 „ № 5	„ № 2 „ № 9
„ № 18 „ № 14	„ № 9 „ № 25
„ № 11 „ № 6	„ № 3 „ № 19
„ № 27 „ № 22	„ № 19 „ № 26
„ № 20 „ № 30	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: **Спб.** отъ гг. Кузьмина, Малинина, Маркова, Свирина; **Москва**—Веденѣева, Панина, Пировскаго, Расторгуева, О—ва, **Ломжа**—Печенкина; **Орелъ**—Соломахина, Семенова, ст. **Медвѣдь**—Лейцингеръ, **Мышкинъ**—Журкинъ, **Н. Новгородъ**—Вовинъ, с. **Липицы**—Медвѣдникова, **Копысь**—Лифшица, Гинзбурга, **Самара**—Лузгина, **Брянскъ**—Успенскаго, **Курскъ**—Завадскаго ст. **Разсказова**—Попова, **Казань**—Маркова, **Таганрогъ**—Тіанова, **Воткинскъ**—Каткова.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Ржевъ, П. М. Исполняемъ ваше желаніе поименовать статьи, помѣщенныя въ прежніе годы въ „Нивѣ" о Пушкинѣ. Нашъ журналъ часто обращался къ личности и произведеніямъ великаго поэта: „Дуэль Пушкина", карт. Волкова, съ большою статьей (1873 г. № 33); Большой портретъ поэта, проектъ памятника Опекушина и большая статья Н. Н. Страхова (1877 г. № 18); Село Михайловское, видъ. Больш. статья П. Гнѣдича (1878 г. № 20), Картина Ге „Пушкинъ и Пущинъ" (1880 года № 4 со статьею). Статуя Пушкина, Опекушина (1880 г. № 21). Объ открытіи памятника Пушкину (1880 № 25). Кромѣ того въ литературномъ альбомѣ нашемъ много рисунковъ изъ произведеній Пушкина, которые было бы здѣсь долго поименовывать. Всѣ они сопровождались статьями.

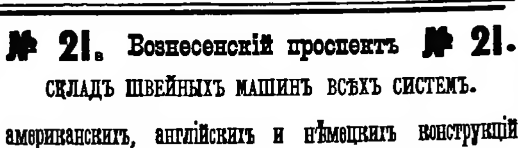
Заявленіе.

Контора журнала „Нива" покорнѣйше проситъ тѣхъ немногихъ изъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, которые внесли деньги только за **первое полугодіе**, поторопиться возобновленіемъ подписки на **второе полугодіе**.—Въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ прекращена съ № 27, при чемъ гг. подписчики потеряютъ право на полученіе премій, слѣдуемыхъ гг. годовымъ подписчикамъ.

Издатель **А. Ф. Марксъ**. Редакторъ **Ф. Бергъ**.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

При этомъ № прилагается для гг. иногородн. подписч. (за исключен. Московскихъ) прейсъ-курантъ отъ чайнаго магаз. А. А. Кротова въ Москвѣ

